

Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Крымский научный центр

ИСТОРИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР

В ПЯТИ ТОМАХ

ТОМ III

**Крымское ханство
(XV – XVIII вв.)**

Казань
2021

УДК 94(477.75)
ББК 63.3(2Рос.Крм)
И 90

Авторский коллектив выражает искреннюю признательность
и благодарность Президенту Республики Татарстан
Минниханову Рустаму Нургалиевичу
за возможность осуществления проекта

*Рекомендовано к печати Ученым советом
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ протокол № 14 от 14 декабря 2021 г.*

Шеф-редактор: Хакимов Р. С.

Ответственный редактор тома: Зайцев И. В.

Ответственные секретари тома: Сейдаметов Э. Х., Сейдалиев Э. И., Шейхумеров А. А.

Редакционная коллегия тома:

Хакимов Р. С., д-р ист. наук, научный руководитель Института истории им. Ш. Марджани АН РТ;
Салихов Р. Р., д-р ист. наук, директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ;
Миргалеев И. М., канд. ист. наук, руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М. А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ;
Трепавлов В. В., д-р ист. наук, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений, гл. науч. сотр. Института российской истории РАН;
Зайцев И. В., д-р ист. наук, проф. РАН, заместитель генерального директора Государственного музея искусства народов Востока;
Сень Д. В., д-р ист. наук, проф. Института истории и международных отношений ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»;
Непомнящий А. А., д-р ист. наук, проф. кафедры истории древнего мира и средних веков Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского; ведущий научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ;
Керимов И. А., д-р филол. наук, проф., директор Научно-исследовательского центра крымскотатарского языка и литературы при ГБОУ ВО РК Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова; в. н. с. Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ;
Абдульвапов Н. Р., канд. филол. наук, ст. преп. кафедры крымскотатарской литературы и журналистики ГБОУ ВО РК Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова;
Сейдалиев Э. И., канд. ист. наук, заведующий кафедрой истории ГБОУ ВО РК Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова; ст. науч. сотр. Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ;
Сейдаметов Э. Х., канд. ист. наук, доц. кафедры истории ГБОУ ВО РК Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова; руководитель Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Рецензенты:

Аликберов А. К., д-р ист. наук, директор Института Востоковедения РАН;

Аксанов А. В., канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М. А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.

И 90 История крымских татар. В 5 томах. Т. III. Крымское ханство XV–XVIII вв. / Отв. ред. И. В. Зайцев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. – 1024 с., 64 с. ил.

УДК 94(477.75)
ББК 63.3(2Рос.Крм)

ISBN 978-5-94981-367-6
ISBN 978-5-94981-368-3 (т. III)

ISBN 978-5-94981-367-6
ISBN 978-5-94981-368-3 (т. III)

© Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Крымский научный центр, 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одним из ключевых исторических этапов развития крымских татар по праву может считаться период Крымского ханства. За все время существования современной академической науки, вероятно, ни одна монография по истории крымских татар не может считаться полным и завершенным исследованием. Это касается любого периода крымскотатарской истории. Данное издание призвано заполнить некоторые пробелы истории.

Крым и Причерноморье заселяли тюркские племена со времен скифов и гуннов. Татары появились на этих землях в 1123 г. вслед за битвой на Калке. С их появлением весь степной и предгорный Крым стал частью Улуса Джучи. На побережье возникли фактически независимые генуэзские фактории, с которыми татары поддерживали торговые отношения.

После разрушения Тимуром Сарая и других городов Поволжья в 1395 г. столица Золотой Орды переместилась в город Крым (современный Старый Крым), а титул государства звучал так: «Улуг Урда ве Дешт-и-Кыпчак» (Большая Орда и Дешт-и-Кыпчак). В русскоязычной литературе принято называть его «Крымское ханство».

Как одно из крупнейших государств-наследников Золотой Орды, Крымское ханство являлось частью большого этнокультурного пространства, расположенного на обширном участке Евразии. Ханы из крымской династии Гераев являлись потомками Джучидов, и поэтому их представители правили в Казанском и Астраханском ханствах. Захватив столицу Золотой Орды город Сарай, крымский хан Менгли Герай I стал прямым наследником ханов Золотой Орды, или Великой (Большой) Орды, что позволило и всем последующим крымским ханам называть себя правителями Великой Орды.

В 1478 г. государство попало в вассальную зависимость от Османской империи. После русско-турецкой войны 1768–1774 гг. по условиям Кючук-Кайнарджийского мира Крым стал независимым государством. Россия и Османская импе-

рия обязались не вмешиваться во внутренние дела ханства и вывести оттуда свои войска, при этом признавалась духовная власть султана как главы мусульман (халифа) над крымскими татарами.

В 1783 г. Российская империя завоевала Крымское ханство, преобразовав крымскую часть занятых территорий в Таврическую губернию. 8 апреля 1783 г. Екатерина II издала манифест, по которому Крым, Тамань и Кубань становились российскими владениями, а в 1784 г. она объявила себя «Царицей Херсониса Таврического».

Принадлежность Крыма Российской империи была окончательно признана Османской империей в 1791 г. по Ясскому мирному договору. Вместе с падением Крымского ханства татарский фактор исчезает из международной политики.

Крымские татары, настроенные против российского правления и испытывавшие давление российской администрации, начали массово покидать Крым.

Население Крымского ханства, как и Золотой Орды, было неоднородным как в социальном, так и в этнокультурном и конфессиональном планах: были среди них как кочевники, так и жители городов; мусульмане, христиане и иудеи (караимы и раббаниты); население говорило на крымскотатарском, армянском, греческом и других языках. Именно этот период можно назвать ключевым для этногенеза крымских татар, формирования их многокомпонентной культуры.

Авторский коллектив 3 тома «Истории крымских татар» ставил себе целью представить объективную историю крымских татар на основе анализа широкого спектра источников и литературы. Все авторы данного издания являются известными специалистами.

Р. С. Хакимов,

*д-р ист. наук, научный руководитель
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ;
вице-президент Академии наук
Республики Татарстан*

ВВЕДЕНИЕ

В истории крымских татар эпоха Крымского ханства занимает особое место. Именно в это время проходило складывание крымскотатарского народа, были заложены и получили развитие основы национальной культуры, языка, литературы, архитектуры, музыки, изобразительного и декоративно-прикладного искусства. В массовом сознании крымских татар эта эпоха стала своего рода золотым веком собственной истории, а образ ханского прошлого наряду с родным языком, религиозной принадлежностью и памятью об ужасах депортации стал одним из источников национального самосознания.

Несмотря на то, что из всех осколков Золотой Орды Крымское ханство просуществовало дольше других, в исторической науке разных стран оно оказалось незаслуженно обделенным вниманием. Полноценная и объективная история Крымского ханства не написана ни на одном из тех языков, которые когда-то звучали на полуострове, как и тех, которые сейчас являются официальными языками Республики Крым. Для российских дореволюционных историков Крым на протяжении столетий был лишь очевидным соперником России, союзником и вассалом Османской империи. Советская историография в отношении к ханству прошла путь от весьма относительной объективности в рамках марксистской парадигмы в 1920–1930-е годы до резкого неприятия и обвинений в паразитарности (после трагедии 1944 г.). Представители турецкой исторической науки в основном рассматривали историю ханства как часть османской истории и арену противостояния двух империй – Османской и Российской, а значит места для собственной крымской истории в ней почти не оставалось. Постсоветская историческая наука, которая и в

России, и на Украине унаследовала многие до-советские и советские стереотипы, иногда обогащая их новыми заблуждениями, до сих пор так и не смогла выработать единого подхода к средневековому прошлому крымских татар. Эта пестрота мнений и по сей день усугубляется не только разными методологическими подходами, но более всего политической ангажированностью, помноженной на незнание источников и языков или нежелание их использовать. Таким образом, в историографии истории Крымского ханства столь заметны многочисленные противоречия, голословные и заведомо ложные утверждения, не подкрепленные источниками выводы и стереотипные утверждения. Схожая картина (проявившаяся там, возможно, даже более остро) наблюдается и в историографии Золотой Орды – государства, которому ханство обязано своим существованием, за наследство которого оно долго и временами весьма успешно боролось. Но если в изучении истории Золотой Орды в последнее время произошел заметный и очень положительный перелом, то о Крымском ханстве сказать так было бы пока преждевременно.

Этот том отражает современное видение истории Крымского ханства историками разных стран (прежде всего России и Украины). Как нельзя нагляднее видны в текстах очевидные успехи, достигнутые учеными в последнее время, так и столь же очевидные лакуны и белые пятна, которые предстоит заполнить в будущем. Редакторы тома не стремились привести к единообразию авторские тексты и подходы. По возможности унифицировано лишь написание личных имен.

Больше ста лет тому назад выдающийся

отечественный востоковед Н. И. Веселовский писал: «История Крымского ханства тесно связана с историей России. Неоцененные услуги оказало оно России в первые времена своего существования, помогая нам бороться с нашими врагами – Золотою Ордою и Польшей. Но с другой стороны, Крымское ханство, изменившее в скором времени свое отношение к России, обошлось нам недешево, унеся у нас много

человеческих жертв и поглотив много материальных средств. Россия унаследовала Крымское ханство, на ней и лежит обязанность представить полную и беспристрастную историю этого ханства: к тому же средств у нас имеется для такой истории более, чем где-либо».

Руководствуясь этой мыслью, мы надеемся, что с появлением нашей книги эта обязанность хотя бы отчасти будет выполнена.

Зайцев И. В.,

*д-р ист. наук, проф. РАН,
заместитель генерального директора
Государственного музея
искусства народов Востока*

ГЛАВА 1. ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КРЫМСКОГО ХАНСТВА

1.1. Письменные арабграфические источники

И. В. Зайцев

Письменные источники по истории Крымского ханства, написанные в арабской графике, могут быть условно разделены на османские и собственно крымские. Кроме того, и те, и другие можно разделить на документальные (крымские ханские ярлыки-пожалования, а также внешне-политические послания, которые также зачастую носят это же название; османские *дефтеры* различных видов – политической и финансовой канцелярий; записи копий решений шариатских судов – *сиджил*, оригиналы судебных решений, купчие и проч.) и нарративные (к которым по большей части относится историография).

Ханские ярлыки

Количество крымских ханских ярлыков-пожалований весьма велико¹ и охватывает весь период существования ханства. Эти источники – ценнейший материал для изучения социально-экономической жизни Крымского государства, топонимики, ономастики и проч. Ярлыки XV–XVI вв. с точки зрения дипломатики изучены более подробно, благодаря фундаментальному труду лучшего знатока джучидской деловой письменности М. А. Усманова. Именно ему принадлежит скрупулезное исследование происхождения джучидского ярлыка, а также эволюции ханских пожалований. Как показал М. А. Усманов, в 1540-х годах, судя по сохранившимся образцам, в Крыму появляется новая разновидность суюргального ярлыка. Писцы ханского дивана стремятся к максимальной лаконичности текста пожалования, еще свободного от тяжеловесных арабизмов ярлыков второй половины XVI–XVII вв. Отличительной чертой этого нового суюргального пожа-

лования становится замена диспозиций-запрета тарханных жалований на диспозицию-утверждение суюргальных, где определяются территории и границы владений [Усманов, 1979, с. 245]. Иными словами, вместо освобождения от повинностей и налогов держателям ярлыков жалуют землю. В эпоху Сахиб Герая был узаконен и обычай взимания платы за оформление пожалования.

Несмотря на достигнутые успехи в изучении актового материала XV–XVI вв., его источниковедческий потенциал далеко не исчерпан. Совершенно очевидна потребность новых исследований и изданий. Так, например, до нас дошло 10 ярлыков Сахиб Герая времени его правления в Крыму (не считая казанского, выданного 1 января 1523 г. Шейх-Ахмаду). Из них ровно половина – копии (иногда даже копии с копии), вторая половина – подлинники. Однако ни один из этих текстов полноценно не издан (факсимиле, текст, перевод, комментарии). Это относится и к ярлыкам других крымских ханов XVI в.

Необходимо отметить, что до сих пор возможно обнаружение даже ранних ярлыков, подобно недавно найденному в фондах БИКАМЗ фрагменту ярлыка Сахиб Герая [Зайцев, Алиев, 2020]. Это в настоящее время единственный оригинальный образец делопроизводства эпохи Крымского ханства, сохранившийся в собрании Бахчисарайского музея-заповедника. Известно, что в довоенной коллекции музея имелись десятки оригинальных документов. Все они погибли 27 октября 1941 г. во время бомбардировки нацистской авиацией Керчи, куда их эвакуировали. В наши дни часть этого комплекса ханских ярлыков доступна лишь в виде изображений на стеклянных негативах, находящихся в фондах музея-заповедника. В списке утраченных книг

¹ Осторожно можно назвать цифру в пределах двух сотен (имея в виду тексты, сохранившиеся в оригинальной графике, пусть и в поздних копиях).

и рукописей Бахчисарайского музея за 1946 г. значатся «книги, в которых переплетены ярлыки крымских ханов и другие рукописные уникальные документы времен ханов, касающиеся культуры, быта и имущественных взаимоотношений населения» [Культурные ценности, 2015, с. 152].

Ярлыки XVII–XVIII вв. изучены гораздо менее. Эволюция формуляра крымских пожалований этого времени не изучена. Значительная их часть (хранящаяся прежде всего в архивах Крыма, Санкт-Петербурга, Москвы и др.) не опубликована [Зайцев, 2007а, с. 174–182].

Крымские ханские ярлыки-послания в сопредельные страны также изучены неравномерно. Часть, охватывающая XVI–XVII вв. и сохранявшаяся в Москве в Архиве МИД, была опубликована Х. Фаизхановым и В. В. Вельяминовым-Зерновым в оригинальной графике в 1864 г. (Материалы для истории Крымского ханства, 1864). Это собрание относительно недавно издано Р. Р. Абдужемилевым заново в латинской транслитерации [Документы, 2017]. К этому архиву тесно примыкает собрание ярлыков 1648–1668 гг., изданное А. З. Соисалом [Soisał, 1939]. Публикаций оригинальных образцов переписки крымских ханов за XVII в. немало, но документы XVIII в., в огромном количестве хранящиеся в архивах России, почти не тронуты исследователями.

Внешнеполитическая документация османского двора, имеющая отношение к Крыму и сохранившаяся в турецких архивах, изучена более полно, благодаря публикациям документов архива дворца Топкапы: это прежде всего переписка крымских беев, султанов и ханов с османским двором, фетх-наме о взятии Кафы [Kurat, 1940; Desaiue 1972, с. 560–583; Le Khanat, 1978; Ostapchuk, 1987].

Большим подспорьем для историков Крымского ханства является сборник 112 османских архивных документов из различных собраний, охватывающий период с 1567 по начало 1790-х годов, изданный в Стамбуле в 2013 г. [Osmanlı, 2013]. Часть использованных в этом томе документов принадлежит к разряду «Реестров важных дел» («Умур-и мюхимме дефтерлери»), более известных под сокращенным наименованием «Мюхимме дефтерлери». В этих реестрах регистрировались тексты султанских посланий

иноземным и вассальным правителям и указов, изданных Имперским советом (*Диван-и хумаюн*) от имени султана [подробнее об источниковедческой ценности см. Документы, 2008]. Для истории Крыма первостепенное значение имеет переписка Порты с крымскими ханами и своими наместниками в Азове и Кафе. Основная часть «Мюхимме дефтерлери» отложилась в Османском архиве при Премьер-министре Турецкой Республики. Сотрудниками Османского архива опубликованы тома 3, 5, 6, 7, 12, 82, 83, 85 «Мюхимме дефтерлери». В 2002 г. было опубликовано самое раннее дошедшее до нас «Мюхимме дефтери» за 951–952/1544–1545 гг., которое отложилось в Музее дворца Топкапы [Торкарı, 2002].

В 2013 г. в Стамбуле издан целиком один из томов «Августейших посланий», относящихся к Крыму: 91 документ за период с 1143 по 1190 г. х., т. е. 1730–1777 гг., среди которых в основном послания (*хатт-и хумаюн*) и указы (*хюкюм*) османских падишахов крымским ханам, несколько ответных писем и другие документы по самым разным вопросам внешней и внутренней политики империи и ханства [Kırım, 2013].

Османские казначейские документы

После завоевания османами Южного берега Крыма там была введена тимарная система. Однако уже в XVI в. тимары были упразднены. Вот как об этом писал османский чиновник Али Чауш в середине XVII в. «*Эялет Кафа*. В этом *эялете зеаметов* и *тимаров* не имеется. Но имеются отряды султанских войск. Деревни и пашни (*эялета*) являются *хассами* султана. Они управляются казноу» [Трактат Али Чауша, 1963, с. 95]. Для контроля над сбором доходов в османском государственно-бюрократическом аппарате широко практиковалось составление дефтеров (реестровых книг) различных видов. Среди них особое место занимают дефтеры, содержащие сведения по переписи населения (*tahrir defterleri*), называемые также султанскими дефтерами (*defter-i Khakani*), иногда же – тапу-дефтерами (*tapu defteri*). В результате переписи населения, земель и доходов составлялись дефтеры двух видов: пространный (*defter-i mufassal*) и краткий (*defter-i icmal*, или *defter-i mücmel*), иногда называвшийся тимар-дефтером (*timar defteri*).

Для истории Крыма первостепенный интерес представляют дефтеры санджака, а потом ливы Кефе, самые ранние из которых относятся к концу XV – началу XVI в. Они сохранились в Османском Архиве Канцелярии Премьер-министра (Başbakanlık Osmanlı Arşivi). Это *tahrir defterleri* (дефтеры-переписи); *muhasebe defterleri* – бухгалтерские (счетные) дефтеры; *mukataa-iltizam defterleri* (дефтеры по земельному налогообложению); *gümrük defterleri* (таможенные дефтеры); *mevacib defterleri* (дефтеры, связанные с жалованием и обязанностями янычар). Первооткрывателями этих важнейших документов являются Ж. Вайнштейн и А. Фишер [Fisher, 1978; Veinstein, 1980, с. 227–249; Veinstein, 1986, с. 221–237]. В 1970-е гг. они выявили в фондах Архива высших органов государственной власти Турции дефтеры, содержащие развернутые материалы османских переписей как всего лива (так называемые *tanu tahrir defterleri*), так и более скромные – *джизье* и *авариз* дефтеры (книги учета налога с немусульманского населения и ведомости по сбору чрезвычайных налогов).

Один из самых ценных источников по истории Южного берега – тахрир-дефтер № 370. Большинство историков считают датой его создания 1520 г. Этот дефтер помимо информации по ливе Кефе содержит сведения по санджакам Кырккилисе, Чирмен, Силистре, Визе и Нигболу. Дефтер имеет традиционную структуру. В начале идет свод законов-постановлений, состоящий из множества разделов: пристань Кефе, пристань Тамань, таможня Азова, Керчь и т. д. Затем следует информация демографического характера. Это состав и численность городского населения Кефе и остальных крупных городов санджака, а затем – сельского населения. Здесь указаны название деревни с указанием окружного центра, в который она ходит, количество домов (очагов), список глав семей с указанием профессии, общая сумма налога данной деревни, подробный перечень всех видов налогов и обложений. В заключении в дефтере сказано о крепостных сооружениях ливы, о составе гарнизонов и его вооружении. Тахрир-дефтеры № 370 – первый турецкий источник, который позволяет рассмотреть состояние санджака Кефе после его завоевания османами. Итоговые данные переписи

1520 г. были включены в обобщающую перепись османских провинций в Европе (*эялет-и Румели*), составленную в 1530 г. [370 Numaralı, 2001; 370 Numaralı, 2002]. Второй дефтер датирован 30 октября 1542 г. (№ 214). Но начало описания в нем относится к 1538–1539 гг. и, скорее всего, дата, обозначенная на документе, это – время окончания его составления. Этот дефтер является пространным (*defter-i mufassal*). Данные дефтеров за XV–XVI вв. подробно проанализированы в работе Ю. Озтюрка [Öztürk, 2000], издан Таможенный Регистр Кафы 1487–1490 гг. [Inalcik, 1996].

В большинстве своем дефтеры более позднего времени не введены в научный оборот. На русском языке опубликован небольшой по объему *джизье дефтера* 1651/52 гг. в части, касающейся греческого населения. Одним из наиболее ценных и информативных документов является налоговая перепись неисламского населения османских владений в Крыму за 1044/1634–1635 гг. [Ефимов, 2013, с. 25–35; Ефимов, 2013а, с. 134–143].

Кадискерские книги

Кадискерские (или казы-аскерские) книги были переданы в Императорскую Публичную библиотеку (ныне РНБ) в Санкт-Петербурге в 1905 г. из Симферопольского губернского архива «по распоряжению министра внутренних дел благодаря просвещенному содействию министра просвещения В. Г. Глазова», – 121 том (с 1608 по 1786 г.). Эти книги представляют собой реестры (*сиджил*), в которые «вносились большей частью в извлечениях, а иногда и полностью все юридические и административные дела, подлежащие ведению казы-аскеров (верховных судей) при диване (судилище) бывших крымских ханов... протоколы судебных разбирательств по гражданским и уголовным делам, охранительные описи имуществ умерших, духовные завещания, отдельные акты, межевые акты, правительственные распоряжения по финансовой части и общественному благоустройству, сметы по сооружению общественных построек и т.п.» [Отчет, 1912, с. 38] (см. также [Лашков, 1887а, с. 3–4; Гордлевский, 1968, с. 260; Бартольд, 1973, с. 356; Васильева, Лебедев, 1984, с. 145–146]². Пер-

² См. также [Туран, 2004].

воначально при обнаружении этих книг в Симферопольском губернском архиве В. Д. Смирновым всего было 124 переплетенные в кожу тетради. В заметке об этом событии говорилось: «В книгах интересны “охранительные ханские записи” или подробные описи ханского имущества в момент их смерти, начиная с табунов коней и кончая стаканом недопитого молока» [Живая старина, 1907, с. 40]. Сто томов из 124-х относятся к бахчисарайскому кадылыку, остальные двадцать четыре записи дел из Гёзлевского, Карасубазарского и Чонгарского округов.

У нас есть сведения и о других записях копий решений шариатских судов в Крыму. В Ялтинском музее хранилась кадиаскерская тетрадь (найдена в с. Ускют) за 1166–1167/1752–1754 гг. [Гордлевский, 1968, с. 260]. Согласно инвентарной книге рукописей и старопечатных изданий, хранившихся в Бахчисарайском музее в 1920-е годы, там в то время имелось два сакка: казиаскерский сакк Сейида Ахмед-эфенди за 1193/94 г. х., т. е. времени хана Шахин Герая, и казиаскерский сакк с 1022 по 1047 гг. (от Джанибек Герая до Мехмед Герая) [Инвентарная книга, № 507, 508].

Записи, собранные в книги реестров судебных решений, по сути, являются копиями тех документов, которые выдавались на руки заявителю и ответчику или только заявителю. В Крыму, в отличие от Османской Турции, для всех типов документов, которые выдавал шариатский суд, бытовало единое разговорное выражение «сурет», что в данном случае означало «выписка» или «копия».

В последнее время над описанием кадийских дефтеров из собрания РНБ работали турецкие исследователи Ахмет Джихан и Фехми Йылмаз (см. подробнее: [Cihan, Yilmaz, 2004, с. 129–176]). В 2017 г. О. Рустемов издал транслитерированные и переведенные на русский язык тексты 353 записей судов шариата Крымского ханства начала XVII – середины XVIII веков, несомненно, имеющих большую филологическую и историческую ценность. Книга включает в себя словарь арабоязычных терминов и содержит подробные комментарии и толкования. В конце приведены таблицы с перечнем населённых пунктов, названий должностей, званий и этнических групп, встречающихся в текстах кадиаскерских тетрадей. Как считает

О. Рустемов, несмотря на то, что имена кадиаскеров действительно часто фигурируют в документах, все же представляется несколько спорным утверждение о том, что памятники, о которых идет речь, именно кадиаскерские дефтеры, а не просто реестры судебных решений шариатского суда, в которых содержатся в том числе и решения, принятые кадиаскером или в его присутствии.

Копии с худжетов составлялись по единственному образцу-формуляру и состояли из молитвы (дуа), которая располагалась в самом верху в центре строки, преамбулы, основного текста, даты и имен свидетелей. Молитвенные выражения повторялись и в преамбуле, следующей сразу после непосредственно молитвы. Преамбула включала в себя такие важные элементы, как имя судьи, имя его отца, кадылык или каза (судебный округ), где был выдан документ и ставилась печать. Молитвенные выражения подбирались соответственно теме или причине выдачи рассмотрения иска и выдачи худжета. После преамбулы следовало краткое содержание иска или спора с сообщением имен истца и ответчика, суть претензий первого и признание или отказ второго. В случае отказа выступали свидетели, имена которых также сообщались. В заключение речь шла о возобновленных или доказанных, или же вновь приобретенных правах истца на имущество, долю наследства, собственную свободу и т. п. С другой стороны, худжет мог подтверждать выплату долга, в том числе и по брачному контракту, развод, свадебный контракт, права наследования (принадлежность к родословной), передачу имущества в эманет (ответственное хранение с правом использования или без такового), аренду, передачу чужого имущества (от посредника хозяину), заключение или отмену торговой сделки и прочие события гражданского или хозяйственно-административного характера. В данном случае кадий выступал в роли нотариуса, а выданный им худжет можно рассматривать как нотариальное свидетельство. Кроме худжетов были также и другие типы документов, выдаваемые кадиями (и'лам и маруз).

Источниковедческую ценность сиджилов трудно переоценить. Это важнейший источник по истории права, экономики, повседневной жизни, обще-

ственных и семейных отношений, культуры и проч. Данные книг (четырёх томов по карасубазарскому кадылыку) стали материалом для подробных исследований по социально-экономической и повседневной жизни Карасубазара [Özdem, 2010; Kavak, 2014].

Историография. Османские сочинения.

Первую ревизию османских исторических текстов о Крымском ханстве провел в мировой науке В. Д. Смирнов [Смирнов, 1887]. Конечно, многие сочинения не были ему известны, и их привлечение к написанию истории Крыма – дело будущего. Обзор всего османского историографического наследия, касающегося ханства, в нашу задачу не входит. Османских сочинений, посвященных только Крыму, относительно немного. Это прежде всего «Теварих-и Дешт-и Кипчак» османского автора Абдуллы б. Ризвана (известного под *тахаллусом* Абди) – сочинение, составленное в эпоху Мурада IV (1623–1640) и преподнесенное, очевидно, *каймаку* Мусе-паше около 1638 г. Сочинение дошло до наших дней в двух рукописях – парижской (BNF Supplément Turc 874) и стамбульской (Топкапы, Багдад кёшк В 289) [Zajackowski, 1966; Зайончковский, 1969, с. 10–28]. Следует сказать, что в парижском списке имеется отсутствующая в стамбульском поздняя приписка копииста – хронологический перечень крымских ханов до Каплан Герая (1713 г.). Название сочинения условное, оно дано издателем. Жанр этого сочинения – «летописи, истории» – один из самых распространенных в исламской историографии вообще. Эти «летописи», по определению Н. С. Сейтягьяева, «являются многоплановыми произведениями сложной композиции, своеобразными историко-литературными эпопеями, которые излагают исторические события в государстве в тесной связи с историей правящей династии и охватывают несколько столетий» [Сейтягьяев, 2005, с. 10].

Сочинение состоит из нескольких частей (вступление, описание Дешт-и-Кипчака, генеалогия Чингизидов, краткая история Крыма от Хаджи Герая, заключение). Оно издано А. Зайончковским по рукописи Топкапы (Багдад Кёшк, В 289) и подробно проанализировано им же. В. Хензель составил индекс к опубликован-

ному тексту [Henzel, 1968, с. 67–84]. Ряд данных «Теварих-и Дешт-и Кипчак» находит подтверждение в местных, крымских источниках, сведениях, использованных и Мехмедом Нешри. Еще одним источником «Теварих-и Дешт-и Кипчак» была кафинская канцелярия и, возможно, некоторые документы семейного архива автора: ведь отец историка – Ризван-паша был наместником Кафы. Поэтому совершенно очевидно, что часть сочинения, касающаяся переписки претендента на ханский престол Мухаммед Герая с Ризван-пашой, основана на подлинных документах [Zajackowski, 1966, с. 43–44; Зайончковский, 1969, с. 19].

Наконец, стоит упомянуть и о крымских легендах, которые автор сочинения, безусловно, мог слышать от современников. Прежде всего это касается легенды о мускусном караване, которая объясняла название крымской мечети – «Мускусная».

Большое количество османских исторических текстов содержат сюжеты, связанные с Крымом. Ограничимся одним примером: османскими хрониками о событиях 1475 г.

Эти события отразились в сочинениях Турсун-бея (Тарих-и Эбу-ль-фетх), Уруджа (Теварих-и Ал-и Осман), Хадида (Теварих-и Ал-и Осман), Ибн Кемалея, Ашик-паша-заде и Нешри и ряда других, в том числе поздних авторов. Обычно при изложении хода османского завоевания Южного берега прежде всего привлекают тексты Ашик-паша-заде и Нешри, которые очень близки. Однако между ними все же есть разница. У Ашик-паша-заде завоевание Мангупа не выделено в тексте рассказа о взятии Кафы, а у Нешри представляет собой самостоятельный хикаят под тем же, 880 г. х., но завершающийся тарихом о взятии Кафы. В «Тарих-и Нешри» в рассказе о Мангупе по сравнению с «Летописями Дома Османа» действительно немного нового: оба автора пишут о том, что Гедик Ахмед, выдвинувшись к Мангупу, окружил город и приготовил пушки. Поначалу текфур/текур хотел сдать Мангуп, однако в крепости оказался некто, не согласный с этим решением, который уговорил народ начать сопротивление, затворив ворота. Гедик Ахмед пошел на хитрость, сделав вид, что отошел от крепости, оставив небольшие силы для осады.

Между тем была устроена засада. Крепость была переполнена людьми. Осажденные устроили вылазку, но газии, сидевшие в засаде, ударили со стороны, и твердыня пала. Текюра, его казну, а также захваченную добычу вывезли в Стамбул. После падения Мангупа дочерей и жен защитников османы обратили в рабынь, в крепости прочли хутбу, церкви обратили в мечети. В город был назначен кади. Дела неверных пришел конец. “Область неверия стала областью ислама”, – подводит итог Нешри. Однако сравнение двух летописных текстов позволяет, кажется, увидеть довольно тонкие различия, например, о переписи населения Мангупа и Кафы сразу после завоевания упоминает только Нешри. Видимо, часть текста Ашик-паша-заде осталась ему непонятной. Эти разночтения (даже разницей в написании названия крепости и имени ее владельца) говорят о том, что Нешри текст переработал, местами искажил, а может быть, сознательно воспользовался другим источником. Все это вновь возвращает нас к вопросу о сложении османского летописания и его источниках. Далеко не все османские хроники так скупы в изложении истории завоевания Южного берега. В текстах той группы источников, которая связана с анонимными “Летописями Дома Османа” и восходит вместе с ними, хрониками Ашик-паша-заде, Уруджа и Нешри к одному общему источнику (тексту Якши Факиха), это изложение действительно довольно кратко. Различия в полноте объясняются тем, что этот общий источник был доведен только до 1389 или 1402 г., а в описании последующих событий анонимные “Теварих” и Урудж пользовались разными источниками: таквидами (календарями) разной степенью полноты. Обычно “Теварих” дает более краткие версии событий (т. е. использует сокращенные и более поздние таквиды), а Урудж более полные [Inalcik, 1962, с. 155, 159].

В рассказе Уруджа о крымских событиях, которые, кстати, датированы неверным 879 г. х., привлекает внимание любопытное упоминание не только о Кафе, но и “ее крепостях и областях”, которые были захвачены Ахмедом-пашой, а также то, что после этого османам покорились “крымское войско и армия Дешта” [Die Frühosmanischen Jahrbücher des Urudsch, 1925, с. 129].

Иная традиция представлена текстом “Та-

рих-и Эбу-ль-фетх” (“История победоносного”) Турсун-бея. Уроженец Бурсы Турсун-бей б. Хамза-бей (ок. 1426–1491) служил империи на разных очень высоких должностях (вроде *диван кятиби* – секретаря государственного совета, анатолийского дефтердара) и был современником завоеваний Мехмеда II, начиная с 1452 г. (он, в частности, очень подробно описывает строительство в этом году крепости Румели-хисары). Чиновник-историк был очень близок османскому государственному деятелю Махмуду-паше в бытность последнего великим визирем, а потом капуданом-пашой. Турсун-бею довелось сопровождать своего патрона почти во всех военных предприятиях. Однако в крымской кампании он лично, видимо, не участвовал. “История” Турсун-бея сохранилась как минимум в шести рукописях (из них пять стамбульских – в Топкапы, библиотеке Айя-Софья и университета; одна венская) и трижды была издана [Tursun, 1912; Tursun, 1977; Tursun Beg, 1978]. В прозе и стихах Турсун описывает добычу османов: “франкские, румские, русские и могульские возлюбленные, всякие богатства и деньги”, “франкские юноши и румские девушки, золото и серебро... монгольские девушки, чей лик прекрасен” [Tursun, 1912, с. 160]. Наконец, есть и еще одна версия крымских событий 1475 г. Она изложена в стихотворных “Летописях Дома Османа” некоего Хадиди [Hadîdî, 1991]. О нем самом известно крайне мало: дату рождения мы не знаем; умер он, возможно, в 940, но, во всяком случае, до 968 г. х. (1533–1534 или 1560–1561). Историк-поэт, он избрал себе такой махлас (хадид – по-арабски «железо» и «острый», например нож), так как его отец был кузнецом-оружейником. В этом источнике говорится и о захвате Инкермана и описывается осада Мангупа [Hadîdî, 1991, с. 295–300]. Хадиди пишет, что после того как в Кафе было поднято “знамя ислама”, прочтена хутба на имя Мехмеда, а самая большая церковь города превращена в мечеть, были переписаны жители и имущество, которое досталось газиям. После этого паша “развернул парус и ранним утром подступил к Инкерману”. Инкерман был взят сразу, стремительным ударом и залит кровью, после чего произошла перепись захваченных земель:

Oradan göçdi pâşâ açdı yelken
 İrer İngermen'e bir subh erken
 Hemân feth itdi anı gördüğü dem
 Pür itdi yaragile yarar âdem
 Nevâhî-yi tuna deryâ kenârı
 Ki tâ İngermen'e varınca varı
 Mutî' oldı cemî'isi musahhar
 Yazup tîmâr eri oldı mekarrer

[Hadîdî, 1991, с. 297–298].

Любопытно, что Хадиди помещает Инкерман “в дунайских округах” (Nevâhî-yi tuna!), тогда как в действительности он находится на месте впадения р. Черной (Чоргуна, или Казыклы-Озен) в Севастопольскую бухту.

По данным Ибн Кемалю, для похода были в достаточном количестве заготовлены пушки, ружья (тюфек), стрелы и зенбюреки/зенбереки, т. е. легкие пушки, которые перевозили обычно на верблюдах, фальконеты по европейской терминологии. Именно они потом и использовались для осады Мангупа [İbn Kemal, 1991, с. 385, 387]. После нескольких осад Ахмед-паша оставил осаждать Мангуп *загарджи* (собственно «псарь»: так называлась одна из категорий янычарского корпуса) Якуб-бея, а сам вернулся в Стамбул [İbn Kemal, 1991, с. 387]. Далее Ибн Кемаль пишет, что после назначения Якуб-бея первым диздаром (комендантом) Мангупа, согласно высочайшему фирману, в Стамбул было выслано 100 семей жителей крепости [İbn Kemal, 1991, с. 388]. Якуб принимал участие в набеге 1469 г. Действительно, именно он, видимо, упомянут в письме Менгли Герая Мехмеду Фатиху 24 октября 1469 г. о кафинском грабеже [Kurat, 1940, с. 84–85; Le Khanat, 1978, с. 41–44]. Это был старый морской волк: еще в 1461 г. он принимал участие в кампании против Трапезунда, а потом занимал должность санджак-бея Гелиболу и командующего османским флотом. Сопоставляя разные версии осады и взятия Мангупа, можно предположить, что история с притворным отступлением Ахмед-паши и последующей вылазкой “засадного полка”, вполне вероятно, является отражением или неверно понятой версией действительного отъезда великого визиря с театра боевых действий в Стамбул, после чего осадой руководил уже капудан Якуб-бей.

Этот пример показывает, что полноценное

использование османских историографических источников в сочетании с другими данными (западноевропейскими, русскими и др.) сулит необычайно много для воссоздания объективной картины истории османского присутствия на северных берегах Черного моря и истории Крымского ханства.

Крымские сочинения

В отличие от историографической литературы других постзолотоордынских государств, таких как Казанское, Астраханское, Касимовское и Сибирское ханства, крымская историографическая традиция существовала непрерывно с XV почти до начала XX в.

Сложение крымской историографии – длительный и сложный процесс, испытавший на себе влияние двух традиций: золотоордынской и османской, а через их посредство – классической арабской исторической науки. В настоящее время у исследователей не вызывает сомнений факт существования «системной историографии в Дашт-и Кипчаке, основывающейся на сведениях из оригинальных источников». Ее особенностью была оригинальная система передачи знаний и сохранение чингизидского принципа. «Это является важнейшим аспектом исследований характера исторических источников, созданных в наследственных ханствах Золотой Орды и содержащих оригинальные исторические сведения, в том числе и об историческом сознании в Дашт-и Кипчаке» [Кавагучи, Нагаминэ, 2010, с. 50].

Как заметил некогда З. Абрахамович, «крымская литература, которая первоначально основывалась на традициях Золотой Орды и вместе с быстрым концом политической самостоятельности Крымского ханства (1475 г.) оказалась под сильным влиянием Стамбула, не считая народного творчества, идущего собственными путями, была типичной придворной литературой. Историки этой литературы, которая вплоть до XVIII в. выражалась только в поэзии, считали ее творцами только собственно крымских ханов, начиная с Менгли-Гирея I и до Мехмеда-Гирея IV...» [Senai, 1971, с. 84].

К настоящему времени существует периодизация крымской историографии, которую предложил Н. С. Сейтягьяев: «В развитии крым-

ско-татарской исторической прозы ханской эпохи выделяются основные этапы: постзолотоордынский (XV – середина XVI в.), классический (вторая половина XVI – XVII в.) и переходный (конец XVII – XVIII в.) периоды» [Сейтягьяев, 2005, с. 8].

Развивая эту периодизацию, историк приходит к следующим выводам: «В XV–XVIII вв. в национальной исторической прозе произошли изменения, которые можно охарактеризовать как переход от классической литературы средневекового типа к литературе нового времени... Зарождение и начальный этап развития крымскотатарской исторической прозы проходили в XIII–XV вв. в контексте золотоордынской словесности... Историография Джучиевого Улуса выросла из разных форм устной исторической традиции его кочевых народов: героического эпоса, устной генеалогии (шежере) и устных исторических рассказов... В развитии золотоордынской историографии необходимо выделять доисламский (1222–1256) и исламский (1256–1502) периоды... После создания в XV в. Крымского ханства национальная историческая проза выделилась из общетюркской историографии Улуса Джучи в самостоятельную ветвь исторической прозы мусульманского Востока... В развитии историографии Крымского ханства необходимо выделять постзолотоордынский (вторая половина XV – середина XVI в.), классический (вторая половина XVI – конец XVII в.) и переходный (конец XVII – XVIII в.) периоды.

...На развитие национальной исторической прозы в XV–XVIII вв. повлияли памятники историографии мусульманского Востока X–XVI вв. и золотоордынские эпические теварихи, которые входили в состав исторической литературы Крымского ханства... В первой половине XVI–XVIII вв. крымскотатарская литература (и ее неотъемлемая часть – историческая проза) подверглась влиянию османской словесности. В национальной историографии классического периода выделяется переход от золотоордынского тюрки к османскому литературному языку.

...В классический период наблюдается ослабление стиля произведений; они приближаются по своему характеру к классическим произведениям историографии мусульманско-

го Востока... Начиная с классического периода наблюдается расширение жанрового состава крымскотатарской исторической прозы; на рубеже XVII–XVIII вв. придворную историографию составляли произведения, которые принадлежали к жанрам „вакаи’-наме“ (пришли на смену „шах-наме“ классического периода), „сефарет-наме“, „сергюзешт-наме“ и „теварих“... В переходный период крымскотатарская историческая проза (как и в целом придворная литература) переживает период подъема, что проявляется в общем количестве сочинений, дальнейшем расширении жанрового состава исторической прозы, распаде средневекового литературного канона и освобождении личности в литературе.

На рубеже XVII–XVIII вв. заметна тенденция упрощения языка сочинений и усиления их национального характера; начинается отделение языка прозы от поэтического языка и обретение им самостоятельности в формах художественного познания мира... Процессы, которые происходили в национальной исторической прозе классического периода и набрали силу в переходный период, удостоверяют, что в XVIII в. крымскотатарская литература находилась накануне создания полноценной художественной прозы. Национальная историческая проза XV–XVIII вв. подготовила почву для зарождения в национальной литературе исторической повести и исторического романа.

...После российского завоевания крымскотатарская историческая проза, лишенная родной почвы, какое-то время развивается на территории Османской империи, где утрачивает самобытность и приобретает турецкоцентричный характер» [Сейтягьяев, 2005, с. 17–18].

Далеко не во всем можно согласиться с автором. Необходимо заметить, что отечественная литература не знает специальных исследований, посвященных жанровой системе османских, а также крымских исторических текстов. Только Е. И. Маштакова выделяла хроники среди жанров турецкой средневековой прозы, указывая на то, что традиция летописания была заимствована турками у персов и арабов, а также подверглась византийскому влиянию. «Специфика этих средневековых сочинений состояла в их синкретичности... У талантливого хрониста и прозаика

сочинение становилось увлекательным чтением. Как правило, оно выходило далеко за пределы обозначенного предмета повествования – известного отрезка истории. Дифференциация еще не произошла: исторические сочинения создавались не только в целях познавательных, они в какой-то мере удовлетворяли и литературные запросы читателей» [Маштакова, 1984, с. 29–30].

Одной из характерных особенностей, предшествовавших созданию местных повествовательных текстов и местной оригинальной историографической традиции, был «двуединный процесс усвоения памятников письменной культуры, научно-литературной традиции мусульманского Востока на языке оригинала и через перевод (письменный и устный) на местные языки» [Шихсаидов, 2001, с. 40].

Другим источником сложения местной историографии была эпиграфическая традиция, сложившаяся на Крымском полуострове. Сходный процесс мы наблюдаем в Дагестане. «Можно полагать, что лапидарные тексты (особенно жанр эпитафий), – пишет А. Р. Шихсаидов, – и исторические записи, хронографы или же исторические сочинения формировались в Дагестане параллельно, так как в обоих случаях ведущими факторами их развития выступали довольно широкое распространение арабского языка, знакомство с главными образцами литературных памятников, известных на Ближнем Востоке и в Средней Азии, появление местной читательской среды» [Шихсаидов, 2001, с. 40]. Правда, в Крыму не сложилось оригинального жанра исторического рассказа – надписи-хроники, который имел место в Дагестане.

Остановимся на некоторых крымских исторических текстах.

«История хана Сахиб-Гирея» Бадр ад-Дина Мухаммеда б. Мухаммед Кайсуни-заде Нидаи-эфенди – самое раннее дошедшее до нас сочинение исторического характера, созданное в Крымском ханстве и посвященное эпохе правления сына Менгли Герая хана Сахиб Герая I на крымском престоле (сентябрь 1532 – конец 1551). Автор труда, по происхождению турок, из семьи медиков, судя по *нисбе*, происходил из Анкары, хотя его точное происхождение остается неизвестным. Он служил у хана Сахиб Герая в каче-

стве личного врача с 1532 г. после поступления на службу при отъезде хана из Стамбула в Бахчисарай вплоть до убийства хана в 1551 г. Степень его близости к Сахиб Гераю была очень велика: Бадр ад-Дин Мухаммед даже распорядился церемонией похорон 50-летнего хана и его 13-летнего сына Гази Герая в фамильном гирейском склепе (*тюрге*) в Салачике подле Бахчисарая. Отношения хана и его придворного врача, астролога и историографа сам Нидаи сравнивал с отношениями Хусейна Байкары и Алишера Навои. Сахиб Герай будто бы говорил ему: «Я привязан к тебе даже более того, как был привязан Алишер Навои к султану Хусейну Байкаре» [Tarih, 1973, с. 119].

В литературе Нидаи-эфенди более известен под именем Реммала-ходжи, т. е. «гадатель по кучкам песку». Наши сведения о его дальнейшей судьбе скудны: можно только с уверенностью утверждать, что после отъезда из Крыма Реммал поступил на службу к *шехзаде* (наследнику) падишаха Сулеймана – будущему Селиму II, который был *вали* (наместником) Коньи. По этой причине Реммал сблизился с суфиями *тариката мевлеви*. После того как Селим вступил на престол (1566), Реммал был назначен главным придворным врачом (*хекимбаши*). Скончался медик в Стамбуле. Автор, вероятно, был близок к кругам крымских и османских суфийских шейхов, дервишей и мусульманских проповедников-*хаджи* еще до того, как, будучи в Конье, сблизился с представителями суфийского *тариката мевлеви*. Так, его рассказ о кабардинском и астраханском походах хана прерывается эпизодом о прибытии в воинский стан крымцев и пророчестве некоего «почтенного шейха» Абу Бакра-эфенди Кефеви (Кум-Бекир-кальфы), предрекшего Сахиб Гераю победу в двух походах: на Кабарду и Астрахань. Последний, по словам историка, «чистый душой, как Иисус», «был в послушничестве у нескольких шейхов, видел многих великих людей, бесчисленное число раз припадал лицом к порогу (османского) султана, провел в чужих странах в пещерах Иерусалимских гор много сорокадневных молитвенных бдений, несколько дней провел в служении Богу в Медине, многократно был на поклонении у священной Каабы... Ему там было указание свыше, чтобы он пошел и в окрестностях Кафы направлял народ на путь ис-

тины. Прибыв туда, он вскоре прославился среди народа: много людей затем обратились к Богу и стали людьми его принципов» [Tarih, 1973, с. 83]. Эти рассказы о шейхе находят подтверждение в других источниках. Действительно, Таки ад-Дин Абу Бакр ал-Кефеве (ум. в 1562 г. в Кафе) – суфий кадирийского тариката, родом из Кафы. Длительное время прожил в Стамбуле, также посещал Сирию, Египет, Персию, Аравию и др. Снискал славу богобоязненного праведника; восхвалялся современниками. Его ученик Махмуд ал-Кефеве приводит в *Ката'иб 'А'ллям ал-Ахйар* ряд диковинных историй, связанных с биографией шейха. Так, например, одна из них связана с его чудесным возвращением в Кафу после девятилетнего отсутствия. Родственники шейха решили, что он умер на чужбине. Отец Абу Бакра Хайреддин-эфенди хотел найти двух свидетелей смерти своего сына и жениться на его «вдове». Были сделаны необходимые приготовления к браку. За день до свадьбы шейх явился своей супруге во сне и сообщил, что он жив и она не должна выходить замуж. Во время свадьбы в море появилось судно, приближающееся несмотря на встречный ветер к порту Кефе. Шейх прибыл на свадьбу, которая таким образом расстроилась, и честь семьи была спасена. В рассказах об Абу Бакре упоминается о том, что «татарский хакан» (т. е., видимо, Сахиб Герай) и султаны весьма дорожили общением с шейхом и ценили его советы и предсказания. Шейх превратил разрушенную церковь за горой на восточной стороне города Кефе в мечеть, устроил там свою обитель (*дергах*) и построил вокруг нее худжры для своих учеников. Дергах стал известен как завийе Абди-челеби. Шейх скончался в 1562 г. и был погребен рядом с дергахом. После кончины шейха его наместником стал сын – пир Мухаммед-эфенди.

«Историю» Реммал написал после убийства Сахиб Герая в 1551 г. по просьбе дочери хана Нур-Султан. Сам автор описывал это так: «Однажды ко мне пришел один человек и сказал мне: „Старшая дочь *турсафа бигеч*³ Нур-Султан хани велела вам кланяться и просит вас, чтобы вы описали жизнь покойного хана – ее отца, для того чтобы имя отца ее не было предано забвению, а напротив, оставалось бы у всех в па-

мяти до последнего дня мира и сопровождалось бы молитвами. Что же до меня касается, то я буду стараться доставать ему (Реммалу. – И. З.) в этом мире все, что он желает, и ни в чем не откажу ему. Я дам ему лошадей, невольников, серебра, золота – вдоволь всего, что его может только утешить, и, пока я буду жива, я буду считать своей обязанностью заботиться о том; пусть он мне будет вместо отца. Что вы на это скажете и какой дадите ответ?“ – прибавил посланный. „Не к этому ли относился виденный мною сон?“ – подумал я и, помолившись за покойного хана, ответил: „Дай Бог ей жить многие лета. Это похвально и делает честь ее разуму, что она добром вспоминает своего отца. Теперь ступай, передай этой умной, образованной, обладающей совершенствами ханше наш поклон и скажи, что, если угодно Богу, мы приступаем к исполнению ее приказания, если только Господь облегчит нам это своею помощью“. Пословица говорит: „Благочестивая дочь лучше беспутного сына, а образованная и умная дочь лучше благочестивого сына“. Хотя у покойного хана и не осталось сыновей, но такая ученая и образованная дочь сделалась причиной того, что имя ее отца не было на земле предано забвению, а будет, сопровождаемое теплыми молитвами, вспоминаться до последнего дня существования этого мира» [Tarih, 1973, с. 147–148].

Труд был закончен в конце реджеба 960 г. х. (13 июня – 12 июля 1553 г.). Умер Реммал в 975/1567–68 или 976/1568–69 г., как уже было сказано, в Стамбуле. Сочинение известно в шести списках. Сводный текст двух старейших рукописей (с приложением французского перевода XVIII в.) был опубликован О. Гёкбилгином только в 1973 г. [Tarih, 1973]. Однако четыре списка ИВР РАН к этому изданию не привлекались. Издание было осуществлено по так называемому конъектурному методу, когда за основу были взяты две старейшие рукописи и на их основании составлен сводный текст, а позднейшие рукописи не учитывались.

Это замечание позволяет увидеть две (а возможно, и три) редакции труда Реммала: местную, крымскую и «османизированную». Вопрос о времени их возникновения и общем соотношении открыт. Предварительно можно сделать

³ То есть «чистейшая госпожа».

вывод о том, что местная, крымская, редакция, скорее всего, была первоначальной, а затем подверглась османизации, причем, возможно, самим автором в период его пребывания в Конье, а потом в Стамбуле. Несмотря на то что османизированная редакция представлена старейшим (парижским) списком, она, вероятно, является плодом переработки (прежде всего сокращения) «татарской» редакции. Основанием для этого вывода является отсутствие в османской редакции целых оборотов и выражений, например *мерсийе* на смерть Сахиб Герая, и общий объем двух версий текста. Редакции, скорее всего, распределяются по спискам следующим образом: парижский список и рукопись ИВР РАН под шифром В 767 представляют османизированную версию; рукописи ИВР РАН под шифрами В 765 и список Отдела рукописей восточного факультета СПбГУ (MS. 0 488), видимо, тождественны (оба имеют лауну в начале и сохранили текст только с описания прибытия Сахиб Герая во дворец Улаклы; заканчиваются обе рукописи также идентично; кроме того, оба списка одинаково озаглавлены) и, скорее всего, имеют общий протограф (если один список не является копией другого). Эти последние представляют «татарскую» редакцию. Список ИВР РАН под шифром В 766, предположительно, является полной версией этой редакции. Принадлежность отрывка, представленного рукописью ИВР РАН под шифром С 1171, предстоит еще выяснить.

Как справедливо заметил В. Остапчук, хроника Реммала «широко основывается на собственных данных (автора. – И. З.) как очевидца; то, что не основано на его свидетельствах как очевидца, можно предположительно отнести к сведениям других участников событий. В сравнении с большинством других хроник, посвященных Крымскому ханству, будь то османских или татарских, „Тарих“ является выдающимся трудом, так как его автор предпочитал давать относительно четкое описание событий и снабжать конкретными деталями, нежели загромождать свой труд демонстрацией напыщенного стиля и риторики. „Тарих“ является сокровищницей информации не только о крымской политике, институтах, военном деле, но также о быте населения ханства и даже его соседей (особенно народов

северокавказского региона), а также о географических условиях» [Остапчук, 2001, с. 395].

Действительно, после небольшого предисловия автор начинает рассказ о событиях от первого лица, описывая свою первую встречу с будущим крымским ханом на аудиенции у падишаха [Tarih, 1973, с. 19–20].

Несмотря на жанр источника, его информативность и достоверность весьма высоки. Многие сведения Реммала как очевидца находят подтверждение другими независимыми источниками, иногда даже данными археологии. Приведем пример. Описывая убийство и последующие похороны Сахиб Герая и его сына Гази Герая, Реммал говорит: «Так мы подвигались вперед, наконец настал день, когда мы прибыли в сад Олаклы. Мать хана, его жены, сестры и дочери расставили по дороге людей, чтобы дать им знать о приближении тела. Как только они завидели похоронное шествие, они стали рвать волосы, царапать лица, надели свои платья наизнанку и пришли на встречу с плачем и рыданиями, целуя гробы и проливая слезы, так что у тех, кто слышал вопли их, из глаз текли не только слезы, но кровь. Поднялся такой вопль, что языком и передать нельзя. Повозки на время остановились, и женщины так горько плакали, что со многими из них делалось дурно и они падали в обморок. Затем были произнесены слова: «Мы все принадлежим Богу и к нему возвращаемся», и повозки двинулись дальше, а все эти красавицы остались за повозками, плача и рыдая. Мы поехали и приехали в Саладжик, тут друзья покойного хана, мужчины и женщины, подняли такие рыдания и плач, что слезы, текшие из глаз, образовали моря и реки. Наконец, отворив склеп Хаджи Гирая, в нем похоронили хана и его сына. За их чистые души прочли Коран, а гробницы их покрыли больше чем 30-ю покрывами из разных дорогих материй, которые потом все были разделены между улемами, а бедным было роздано 500 флоринов. Затем, помолившись за них и поручив их милосердию Божию, народ разошелся. Хану было тогда 50 лет, а Гази Гирай Султану 13 лет» [Tarih, 1973, с. 144–145]. Это сообщение подтверждается археологическими данными [Гаврилюк, Ибрагимов, 2010].

Однако текст памятника дает возможность

увидеть и другие источники Реммала. Прежде всего, это так называемые *хикайаты* (рассказы или истории) о битвах и походах. При описании привала во время черкесского похода 1539 г. Реммал пишет: «Çünkü aḥşam oldu. Yer yer ateşler yaqđılar. Gazilerinî kimi hikāyete ve kimi telavete ve kimi 'ibadete meşgul oldılar» («Вот и наступил вечер. Повсюду зажгли огни. Газиы – кто занят рассказом историй, кто распеванием Корана, кто молитвой») [Tarih, 1973, с. 39–40]. Эти истории или рассказы могли быть и стихотворными и прозаическими. Вероятно, они мало отличались от османских «газа-наме». Многие из них потом также становились частью хроник.

Вероятно, Реммал использовал так называемые *фетх-наме* и *зафер-наме*. Крымские документы такого рода конца XV – XVI в. в подлинниках мне не известны⁴, но Реммал упоминает об их существовании. Например, во время возвращения Сахиб Герая из астраханского похода в Бахчисарай был послан гонец, который, найдя всех султанов во дворце, ударил челом и предъявил «благословенный ярлык» (yarlıg-ı şerif): придворные (дословно «весь дворцовый народ» – cümle saray halkı), увидя *фетх-наме* об одержанной победе, терли им глаза [Tarih, 1973, с. 104].

Традиция написания *фетх-наме* была заимствована крымскими татарами у османов. Ценность этих источников состоит не в том, что они описывают те или иные события, а в том, как они это делают. Например, в османских *фетх-наме* стоит, скорее всего, видеть не точное описание событий, а, как совершенно справедливо заметил некогда Дж. Л. Льюис, «образ, в котором Империя хотела выглядеть в глазах своих друзей и своих врагов». «Первичной функцией *фетх-наме* была пропаганда» [Lewis, 1962, с. 196, 193]. Таким образом, ценность этих источников состоит прежде всего в реконструкции идеологии. Эти весьма оригинальные исторические источники, будучи краткими по объему и эпическими по стилю изложения, интересны также как материал для сравнения с описаниями соответствующих событий в османских хрониках, частью которых они иногда становились.

Известно несколько османских *фетх-наме*, так или иначе относящихся к Крыму. Они вошли

в собранный османским канцеляристом конца XVI в. Феридун-беем двухтомный труд *Меджмуа-и мюншеат ас-салатин* («Собрание султанских писаний»). Во-первых, это *фетх-наме* о взятии Кафы. Во-вторых, несколько текстов, посланных в разное время крымским ханам с сообщениями о победах османской армии. Это *фетх-наме* Менгли Гераю о Чалдыранском сражении (23 августа 1514 г.) [Феридун, 1857, с. 387–389], а также о сдаче крепости Кемах и победе над зюлькадырским Ала ад-Даулой при Турнадаге (май-июнь 1515 г.) [Феридун, 1857, с. 410–411]. В последнем *фетх-наме* по сравнению с версией того же *фетх-наме*, отправленного наследнику Селима Сулейману, падишах подчеркивал неприступность крепости [Lewis, 1962, с. 195].

Еще одна группа источников, используемых Реммалом, – официальная переписка Сахиб Герая с османским двором, а также документы канцелярии хана. Приведем пример. Описывая в самом начале своей «Истории» приезд хана в Бахчисарай, Реммал замечает: «В это самое время от падишаха приехал чауш, поцеловал руку хана, вручил ему высочайшее повеление и ждал ответа. Ему указали место и посадили. Повеление было прочтено, в нем заключалось следующее: „Брат мой, великий хан, да будет Вам известно, что молдаване, неверные и беспокойные, начинают выказывать измену и, возмечтав о себе, подобно проклятому сатане, притеснять некоторых мусульман. Я вознамерился пойти и, очистив молдавскую землю от нечистого неверия, наказать их. По этому случаю приходите и вы с татарским войском, мы будем очень почтены вашим сотовариществом, потому что очень желаем вас видеть. Конечно, вы не преминете прийти“. Хан очень был обрадован этим повелением, сейчас же приказал написать ответный ярлык, а чауша наградил почетной одеждой. Ответ был такой: „Во 2-м месяце жатвенного времени мы с войском, переправясь через Днепр, направимся к Аккерману, потом оттуда я с вами уговорюсь. Если же пойти в пору жатвы, то войска будут терпеть лишения“» [Tarih, 1973, с. 25–26].

Поход, направленный на покорение мятежного молдавского воеводы Петру Рареша, лично возглавлял султан Сулейман. Весной 1538 г. Сулейман был занят приготовлениями к походу

⁴ В XVII в. они, безусловно, существовали.

против Петру Рареша – воеводы «Кара-Богдана», как османы называли Молдавию. Поход начался торжественным выездом султана из Стамбула 8 июля 1538 г. По сообщению Лютфи-паши (везир Сулеймана Кануни), в конце июля 1538 г. из Адрианополя (Эдирне), куда Сулейман прибыл 18 июля, к Сахиб Гераю был направлен султанский фирман, в котором крымскому хану предписывалось следующее: «И ты также приходи готовым к войне против Кара-Богдании». Встреча османского и 8-тысячного крымского войска произошла в начале сентября на равнине около г. Яссы. После победоносной кампании осыпанный милостями Сахиб Герая в октябре 1538 г. был отпущен в Крым. Сравнение текста *фирмана* в изложении Лютфи-паши и текста «Истории» показывает, что Реммал пользовался этим документом. Однажды автор «Истории», видимо, дословно цитирует султанский *фирман*: «Вы просили назначить ханом в Казань султана Девлет Герая, и мы, из уважения к Вам, назначили его и послали ханом в указанную область» [Tarih, 1973, с. 122].

Сходным образом можно предположить, что и ханские послания и ярлыки также были доступны автору «Истории хана Сахиб-Гирея»: он неоднократно упоминает о них. Использовал Реммал и другие дипломатические документы. Так, он, видимо, дословно, цитирует послание казанских беков: «Ваш брат, хан Сафа-Гирей умер, однако остался его сын, он еще в колыбели. Мы взяли его на руки, но неверные, узнав о кончине хана, послали на нас бесчисленное войско. Милостью Божией и Вашим счастьем мы разбили неверных и обратили их в бегство. Но говорят, что они идут снова» [Tarih, 1973, с. 119].

Трудно переоценить значение хроники Реммала и для истории военного дела Крымского ханства, ведь примерно две трети хроники посвящено описаниям походов хана: «подготовке, организации, движению на данный театр военных действий и обратно, самому бою и другим действиям, относящимся к данным кампаниям, таким как церемонии и торжества» [Остапчук, 2001, с. 395].

«История хана Сахиб-Гирея» описывает девять походов крымских войск за пределы полуострова.

1. 1538 г., Молдавия, упомянутый поход против Петру Рареша.

2. 1539 г., Черкесия, ответная крымская экспедиция на атаки черкесов против мусульман около Темрюка.

3. Зима 1539/40 гг., Литва и, возможно, Московия, поход, возглавлявшийся сыном Сахиб Герая Эмин Гераем под надзором его *аталыка* Ибрахим-паши.

4. 1541 г., знаменитый московский поход, совершенный по совету и при участии Семена Бельского [Зайцев, 2004, с. 142–145].

5. Около 1542 г., поход против племени Джаней за невыполнение обязательств их вождя Кансавука (османского вассала, согласно хронике) по ежегодной доставке ясыря.

6. Около 1544 г., поход против кабардинцев по просьбе кабардинского князя Эльбозады для расправы над восставшими против него.

7. 1546 г., Астрахань, поход против хана Ямгурчи за захват крымского торгового каравана.

8. 1546 г., так называемая «ногайская резня» (*ногай кыргыны*).

9. 1551 г., Черкесия, поход спровоцирован османами для того, чтобы выманить хана с территории полуострова и посадить нового хана – Девлет Герая.

Важной особенностью хроники является относительный характер датировки событий: Реммал почти не дает точных дат, и датировку описываемых им событий можно производить, только сравнивая его данные с другими источниками, прежде всего османскими и русскими. Например, крымско-ногайское столкновение он датирует так: «Прошел год, с тех пор как мудрый, совершенный и справедливый падишах и герой-мститель вернулся из Астрахани» [Tarih, 1973, с. 106]. Только дважды можно встретить у него точные датировки. Первый раз это 946/1539–40 г. [Tarih, 1973, с. 46]. Вторично Реммал дает точную дату (956/1549–50 г.) таким образом: «На третий год после ногайской резни, то есть в девятьсот пятьдесят шестом году Пророка...» [Tarih, 1973, с. 119].

Жанр «Истории хана Сахиб-Гирея» – панегирик правившему хану. Это история его правления. Как заметил некогда В. Д. Смирнов, «вся эта история есть сплошной панегирик Сахиб Гераю и состоит из описания целого ряда походов, по-нашему разбойничьих набегов, беспрестанно совершавших-

ся этим ханом на своих соседей, преимущественно же на слабых черкесов» [Смирнов, 1913, с. 145]. В другом труде В. Д. Смирнов отмечал: «...все сочинение Реммал-ходжи, несмотря на его несколько высокопарный восточный слог и отсутствие хронологических дат, содержит в себе немало любопытных данных для фактической и бытовой истории Крымского ханства, вполне согласных с другими историческими памятниками» [Смирнов, 2005, с. 318]. Так же оценивал хронику и выдающийся польский ориенталист З. Абрахамович [Senai, 1971, с. 78]. Этой жанровой особенностью текста Реммала, видимо, объясняется тот глубокий интерес к татарской идентичности и исключительно татарским традициям (в том числе и политическим). Тон панегирика, правда, не помешал Реммалу мастерски скрыть критические замечания между строк своего произведения.

С источниковедческой точки зрения текст хроники оказал некоторое влияние на последующие труды. Так, например, Мухаммед Риза неоднократно упоминает о самом Реммале [Риза, 1832, с. 92, 93, 97], но, как пишет В. Д. Смирнов, «написанная им история... по-видимому, была неизвестна автору „Семи планет“, потому что он ничего не говорит о ней, упоминая лишь вообще, что „мевляна, сидя в заключении, написал разные сочинения“» [Риза, 1832, с. 93; Смирнов, 2005, с. 34]. Однако этот вывод В. Д. Смирнова, по-видимому, не верен.

Прямые дословные и весьма обширные заимствования из Реммала мы находим в труде Абд ал-Гаффара Кырыми «Умдет ат-теварих», а также «Розовом кусте ханов» Халим-Гирея, который упоминает Кайсуни-заде среди своих источников.

Автором «Тарих-и Ислам Гирай хан» («История хана Ислам-Гирея III») был крымчанин, чиновник ханской канцелярии, а потом *кади* в одном из крымских городов, ханский историограф Хаджи Мухаммед, известный под поэтическим псевдонимом Сенаи и носивший *нисбу* Кырымлы. Сочинение сохранилось в рукописи из собрания Британского музея под шифром Add. 7870. Автор закончил труд, написанный по просьбе ханского везира Сефер Гази-аги, 13 шабана 1061 / 1 августа 1651 г. (начат

он был, вероятно, после 1648 г.). Текст, сохранившийся в копии, переписанной неким Мустафой б. Омером по прозвищу Кара Языджи (окончил переписку 1 сентября 1681 г. в Крыму в селении Хан-эли на реке Альме – в 10 км к северу от Бахчисарая), написан на староосманском языке [Senai, 1971]. Копия труда была изготовлена для султана Ахмед Герая – сына хана Мехмед Герая IV.

Хроника с точки зрения источниковедения и ценности содержащихся в ней данных была очень подробно блестяще проанализирована ее переводчиком и публикатором З. Абрахамовичем.

Источниками сочинения Хаджи Мухаммеда Сенаи стали, во-первых, официальные (канцелярские) материалы, в частности ханские фирманы, дневники татарских военных походов на соседей: двух походов Ислам Герая III – 1648 г. (11 мая – 4 июля) и 1649 г. (26 мая – конец сентября) и похода осени 1648 г. (28 августа 1648 г. – конец января 1649 г.) калги Крым Герай-султана на Польшу с осадой Львова. Во-вторых, это архивные материалы (в частности, вероятно, татарско-польская дипломатическая переписка, хранившаяся в ханском архиве). Кроме того, автор знал и включал в свой текст устные истории (песни о походах и битвах), строительные хронограммы (*тарихи*) и пр.

Вершиной крымской средневековой исторической прозы как по объему изложенного материала, так и по числу использованных автором источников по праву может считаться труд Сейида Мухаммеда Ризы «Семь планет в известиях о татарских царях» (1737 г.). Автор, по всей видимости, происходил из крымского рода улемов Аффифи. Умер Риза в Стамбуле в 1169/1755–56 г. Название всего труда происходит от взгляда автора на историю ханства как историю правления семи ханов (Менгли Герая I, Сахиб Герая, Девлет Герая I, Гази Герая II, Бахадыр Герая, Селим Герая и Менгли Герая II). Сведения из хроники Сейида Мухаммеда Ризы «Семь планет в известиях о царях татарских» стали базовыми для других историографических трудов, ее переписывали, а списки хроники представлены в различных библиотеках и музеях мира. Широкою известностью она получила и благодаря казанскому изданию Мирзы Казембека [Риза, 1832]. Общие сведения о «Семи планетах» с указанием известных спи-

сков и источников неоднократно приводились в научной литературе [Зайцев, 2011, с. 97–121; Абдужемилев, 2020а, с. 316–344]. Сочинение в латинской транскрипции издано в Казани в 2019 г. [Риза, 2019].

Крайне тяжеловесный, цветистый язык сочинения Сейид Мухаммеда Ризы породил трудности в восприятии текста, что вызвало к жизни своего рода краткую редакцию его труда, имеющую продолжение. Ее составил во второй половине XVIII в. Хурреми-челеби Акай-эфенди. Время составления этого текста – не ранее 1161 г. х. (почти полностью укладывается в 1748 г.). Акай-эфенди был сыном некоего *мюдерриса* Каракаша Мехмеда-эфенди из крымской деревни Хуррем, по которой и получил свое прозвище. Сам Акай-эфенди был *мюдеррисом* в деревне Ойрат близ Гёзлеве.

«Суть историй» («Умдет ат-теварих») – принадлежит перу Абд ал-Гаффара Кырыми (полное имя автора – ал-Хадж Абд ал-Гаффар б. ал-Хадж Хасан б. ал-Хадж Махмуд б. ал-Хадж Абд ал-Ваххаб ал-Кырымы). Он происходил из крымского рода Ширин, был известен как поэт, служил секретарем дивана при хане Каплан Герае I (1712–1714 гг. – первое царствование). Рукопись хранится в Сулеймание (библиотека Эсада-эфенди (Es'ad Efendi). No. 2331). По охвату событий сочинение представляет собой всеобщую историю от сотворения мира до современных автору событий (поначалу даются сведения о пророках до Мухаммада, затем излагается история древнего Ирана, деяния праведных халифов, история династий Омейядов, Аббасидов, Сельджукидов и др., в том числе и Османов, вплоть до султана Махмуда I, 1730–1754). Части этой всемирной истории, относящиеся к Золотой Орде и Крымскому ханству, были не вполне удовлетворительно опубликованы в 1924–1925 гг. В 2014 и 2018 г. в Казани увидели свет транскрипция и очень неуклюжий и неточный перевод текста Кырыми на русский язык [Кырыми, 2014; Кырыми, 2018].

Среди своих источников Абд ал-Гаффар упоминает арабов – ат-Табари, ал-Масуди, Абу-л-Фиду, аш-Шихну, персов – Фирдоуси, ал-Байдави, Ша-раф ад-Дина Йезди, Мирхонда, турок – Нешри, Лютфи-пашу, уже известных нам Мустафу Али и Хезарфенна. Большое место в этом произведении уделено Чингизидам и особенно истории Крыма.

Говорится о происхождении крымских ханов, далее – об истории полуострова от принятия османского господства в 1475 г. до 1125/1739 г., т. е. от правления Менгли Герая до ханствования Селямет Герая.

В основу некоторых сведений в сочинении «Суть историй» легли данные «Тарих-и Дост-султан» Утемиш-хаджи б. мауланы Мухаммеда Дости. Кроме того, близко цитирует Кырыми и текст Реммала.

Наш автор был современником и очевидцем многих описываемых им событий, о чем он сам и сообщает. Так, он принимал участие в Прутской кампании (1711 г.) – это первый эпизод, который он описывает как очевидец. Вероятно, сразу же после этого Абд ал-Гаффар принимал участие и в карательной экспедиции против черкесских племен на Кубани (вместе с ал-Хадж Джан-Тимур-беком из рода Ширин и ханом Девлет Гераем II). После этого эпизода автор снова упоминает о себе как о *кади* во владениях Ширинов при описании случившегося в 1724 г. свержения Саадет Герая III.

В 1735 г. Абд ал-Гаффар совершил *хадж*, в это время он уже служил секретарем (*диван кятиби*) при Каплан Герае I (1730–1736 – третье царствование). Ту же должность он занимал и при преемнике этого хана – Фетх Герае II (1736–1737). Зимой 1149/1736–37 г. историк участвовал в посольстве Фетх Герая в Стамбул с дарами (он присутствовал на аудиенции, данной Махмудом I, встречался с высшими османскими сановниками), а в 1150/1737 г. хан отправил Абд ал-Гаффара в ставку османских войск близ крепости Каргал (там он получил распоряжение участвовать в делегации для встречи нового крымского хана, Менгли Герая II, в Монастире возле Бабадага в Добрудже в сентябре 1739 г.).

Еще одно крайне важное и редкое сочинение, содержащее краткий обзор истории ханства от его возникновения до XVIII в. издано В. Д. Смирновым в оригинале в 1881 г. Особое внимание в этом тексте уделено взаимоотношениям крымских ханов с Турцией, а Турции – с Россией, Францией и другими странами по крымскому вопросу в XVII–XVIII вв. В текст включено большое количество копий договоров и других официальных бумаг относительно Крыма, что

позволило В. Д. Смирнову назвать его «Сборником».

Известно два списка сочинения. Основной список хранится в Париже (Supplément Turc 1157). Он выполнен рукой некоего перса в Стамбуле и не свободен от ошибок и неточностей. Санкт-петербургский, выполненный, вероятно, рукой Х. Фейзханова, является копией парижского, причем количество ошибок в нем намного больше, чем в парижском списке. Сочинение было издано В. Д. Смирновым по Санкт-петербургской рукописи (Азиатский музей, 590а), причем текст исправлен и восполнен по парижскому списку [Сборник РИО, 1881].

Сочинение это состоит из 124 статей, среди которых есть и исторические повествования, и бытописания, и анекдоты, и целые международные трактаты с дополнительными к ним документами, ноты европейских дипломатов Порте, донесения ее агентов и послов, статистические таблицы и пр. Все они, за немногими исключениями, относятся ко времени первой екатерининской войны с османами. Сочинение начинается с истории праведных халифов, краткого перечня мусульманских династий, затем автор переходит к истории Крыма, описывает ряд государственных учреждений, хозяйство и быт ханства, а также населяющих его ногаев.

Часть статей была переведена целиком или использована В. Д. Смирновым в своих изысканиях. Так, ученый перевел и использовал статью текста источника под названием «Вопрос о Крыме во время Рагыб-Ассейд-Мохаммед-паши в 1775 году» для исследования прусской политики в Стамбуле во второй половине XVIII в. Раздел сочинения о *липках* – польско-литовских татарах в тексте анонима также был им переведен на русский и опубликован [Сборник РИО, 1881, с. XXXV–XXXVI].

Автор труда – османский чиновник, современник некоторых из описываемых событий. Так, он рассказывает как очевидец о церемонии назначения нового *садразам* Хамзы-паши в 1768 г. Автор служил *мюлязимом* в департаменте счетоводства, был командирован в Хотин, в 1182 г. х. получил назначение в Исакчу для производства ремонта крепости. В мухарреме 1183 г. х. (май 1769 г.), во время первой осады Хотина

русскими, он, будучи *кетхудой* в бухгалтерии Хадым-Ибрахим-паши, был назначен *дефтердаром* и послан в Хотин для составления отчета о состоянии крепости. Несомненно, автор этого анонимного сочинения имел доступ к османским архивам. В. Д. Смирнов на основании анализа скупой информации об авторе в его тексте сделал вывод, что «это был, видимо, человек толковый и деловой, так как на него возлагались экстренные поручения, в особенности в такой щекотливой в Турции административной должности, как финансовая» [Сборник РИО, 1881, с. VI–VIII]. В. Д. Смирнов склонялся к тому, что автором сочинения был *дефтердар* Шериф-эфенди, хотя и не исключал, что им мог быть и некий Кесби-эфенди (ведь на него как на автора некой «историйки» ссылается в своем труде Джевдет-паша). Так или иначе вопрос об авторстве «Сборника» нуждается в дальнейшем изучении.

«Розовый куст ханов» («Гюльбун-и ханан») султана Халим Герая [Halim-Geray, 1870; Halim-Geray, 1909]. Халим Герай родился в 1186 г. х. (год начался 4 апреля 1772 г.) в Крыму, а умер в 1239 г. х. (начался 7 сентября 1823 г.) в Чаталдже, Румелия. Похоронен был там же в Чаталдже на кладбище мечети Ферхада-паши. Султан был внуком Арслан Герай хана (1748–1755, 1767) и сыном Шахбаз Герая (1723–1793), правителя Кубани. Точную дату его приезда в Османскую империю мы не знаем, однако в возрасте 17 лет он сопровождал отца после его смещения в Визе (1789 г.), где Гераи имели наследственные владения.

Потеря Крыма, пишет Б. Келлнер-Хайнкеле, означала, что султан не имел более возможности принимать участие в традиционных татарских набегах на Россию и был вынужден вести тихую жизнь поэта, наслаждаясь османским покровительством [Kellner-Heinkele, 2001, с. 71–72]. Это, впрочем, не совсем верно. Известно, что Халим Герай участвовал на стороне османов в Русско-турецкой войне 1806–1812 гг., командуя татарским отрядом. Последнее, однако, не помешало ему благодаря своим поэтическим талантам стать довольно известным представителем османской интеллектуальной элиты. «По своему происхождению и образованию Халим Герай даже в космополитической стамбульской среде начала XIX в. должен был быть фигурой интригующей

и даже вызывающей раздражение. Хорошо известного в свое время, сейчас его не упоминают среди крупных поэтов» [Kellner–Heinkele, 2001, с. 74]. Как бы то ни было, Халим Герай вошел в историю османской литературы и как автор небольшого дивана стихов, который был напечатан в Стамбуле в 1841 г.

Свое сочинение Халим Герай завершил в 1226 г. х. (год начался 26 января 1811 г.), но напечатано в первый раз оно было только в 1870 г. Первое издание показывает, насколько автор гордился своим умением выражаться изящным османским слогом. Текст второго издания, подготовленный Арифзаде А. Хильми Кырыми в 1327/1909 г., по сравнению с первым сильно искажен: он более краткий и вместе с тем лишен очарования первоначального варианта. Издание 1909 г. подверглось не только упрощению с точки зрения языка (он был значительно изменен, для того чтобы быть понятным читателю – в особенности крымскому – начала XX в.), но и сокращениям, поэтому авторским его считать нельзя.

Текст «Розового куста ханов» сохранился также в нескольких рукописях (ялтинской, судьба которой мне не известна, и двух парижских). Соотношение этих списков с печатным текстом еще предстоит выяснить.

Во введении Халим Герай перечисляет восемь крымскотатарских историков, сочинениями которых он пользовался, а также упоминает и «другие». Среди первых это уже известные нам «Семь планет» Сейида Мухаммеда Ризы; сокращение последнего труда Хурреми-челеби; не названная по имени «История хана Сахиб-Гирея» Кайсуни-заде; сочинение Абд ал-Гаффара Кырыми.

Образцом для написания своего труда автор называет сочинение Ахмеда Таиба Османзаде «Хадикату-л-вюзера». Его же как образец использовал и Абд ал-Гаффар Кырыми; собственно, этот образец заключается в перечислении хронологического порядка правлений ханов. Так и Халим Герай представляет историю ханства в виде царствований ханов от Хаджи Герая (ок. 1426–1466) до Бахт Герая, хана Кубани (1789–1792), т. е. обнимает период в 366 лет.

В традиционном стиле османской истори-

ко-биографической прозы Халим Герай описывает родственные отношения ханов, период их взросления и воспитания (часто среди черкесских племен, бесленей), службу в различных должностях (наследника-калги), набеги на «неверных», государственные деяния, отношения с соседями (особенно с Османской и Российской империями), а в заключение еще время кончины и место погребения. Как правило, он дает также информацию об отношениях ханов с учеными-современниками, поэтами, дервишами, часто указывает на вакфы ханов, благотворительность, рассказывает об их строительной деятельности. Халим Герай не имел под рукой письменных источников за последние пятьдесят лет существования ханства, и его работа в значительной степени опиралась на коллективную семейную память, предания, возможно, сочинения и бумаги некоторых родственников, также оказавшихся в Румелии. У данного автора практически отсутствуют критические высказывания по отношению к ханам: он в значительной степени идеализировал прошлое своей страны (что, конечно, объяснялось его положением изгнанника). Кстати сказать, поэтические наклонности Халим Герая сказались и в тексте истории: он часто дает образцы поэтического стиля ханов – от Менгли Герая до последних ханов.

Алан Фишер, характеризуя сочинение Халим Герая (правда, только в его изводе-редакции 1909 г.), отмечает, что это наиболее известное из татарских хроник сочинение, в котором автор обращается к крымской истории независимо от событий истории османской, причем его сочинение преисполнено горечи по отношению и к русским, и к османскому правительству, а также к тем его татарским братьям, которые во второй половине XVIII в. весьма способствовали «сепаратизму» и независимости ханства [Fisher, 1977, с. 58–59].

Своеобразие крымской средневековой историографии состоит в использовании оригинальных золотоордынских по происхождению историографических жанров, таких как *дестаны* и *шеджере*, истоки которых лежат в устной традиции монгольских и тюркских племен; вместе с тем в крымской историографической традиции выделяются классические исламские жанры

исторических текстов, которые оказались принесенными на крымскую почву под влиянием османской исторической науки (*газа-наме, тарих/теварих, вакаи-наме*). В XVI–XVIII вв. в Крыму сложился специфический жанр историографии – записи генеалогий и последовательности правлений ханов. Характерной чертой крымских исторических текстов является их авторская принадлежность: подавляющее их большинство было написано либо представителями династии Гераев, либо духовными лицами (*улема*).

Зародившись в конце XV в. на золотоордынской основе и развиваясь под влиянием османской исторической традиции, крымская историография дожила до XIX в., идя параллельно «постепенному превращению кочевого госу-

дарства золотоордынского типа в сложившуюся позднесредневековую мусульманскую монархию» [Некрасов, 1999, с. 55]. Упадку традиции способствовала прежде всего потеря крымскими татарами собственной государственности вследствие присоединения Крымского полуострова к Российской империи. На крымской почве оригинальные исторические труды больше не создаются: неслучайно последнее компилятивное сочинение по истории династии Гераев («Розовый куст ханов») было написано уже в Османской империи. Текстов местных историй, касающихся отдельных местностей или деревень, которые были распространены в XIX в. в Поволжье, Крым совершенно не знал.

1.2. Кириллические источники

А. В. Виноградов, М. В. Мусеев

Дипломатическая документация Крымского ханства по связям с Русским государством в основном сосредоточена в фонде 123 Российского государственного архива древних актов (далее – РГАДА) «Сношения России с Крымом» в составе т. н. крымских посольских книг. Крымские посольские книги имеют четкую структуру. Документация в них вносилась в хронологическом порядке. Крымская дипломатическая документация является важнейшей частью крымских посольских книг.

В настоящей момент в составе 123 фонда РГАДА находятся 82 единицы хранения крымских посольских книг [Рогожин, 2003, с. 349–351]. Описание крымских посольских книг первоначально было произведено Н. Н. Бантыш-Каменским [Реестр, 1893], в дальнейшем описание крымских посольских книг проводилось Н. М. Рогожиным [Рогожин, 1994, Приложения, табл. 2; Рогожин, 1999, с. 150–165].

С 70-х гг. XV по конец 90-х гг. XVI в. в РГАДА сохранилась 21 единица хранения. Из них в XIX веке опубликованы (в неполном объеме) крымские посольские книги № 1–5 [Сборник РИО, 1884; Сборник РИО, 1895]. В последние годы опубликованы (в полном объеме) крымские

посольские книги № 13–14 [ПКМГК, 1567–1572; ПКМГК, 1571–1577]. В XIX веке Ф. Ф. Лашковым была выполнена публикация отдельных документов из состава крымских посольских книг № 17 и № 20 [Лашков, 1891, с. 43–80; Лашков, 1892, с. 70–94].

Фактические хронологические рамки сохранившихся за XVI век крымских посольских книг в описях Н. Н. Бантыш-Каменского и Н. М. Рогожина отражены только частично и в ряде случаев значительно шире (например, см.: [Виноградов, Малов, 2016, с. 31–32]).

Как известно, невосполнимые потери в русской посольской документации по связям с Крымом конца 30-х – начала 60-х гг. конца 70-х – середины 80-х гг. и конца 90-х гг. XVI в. означают и фактическую потерю огромных «пластов» дипломатической документации Крымского ханства этих периодов.

Безвозвратными являются потери за периоды с 1540 по 1544, с 1549 по 1562 и с 1596 по 1601 гг. Периоды с 1578 по 1584 и с 1601 по 1622 гг. частично может быть восполнены сохранившимися «столбцами»¹.

¹ За 1604–1619 гг. сохранился 51 столбец [Лисейцев, 2006, с. 243].

В начале XX в. два «столбца», относящиеся к периоду Смуты, были опубликованы: дело № 2 за 1604 г. и дело № 1 за 1613 г. [Акты, 1918, с. 150–247, Сергеев, 1913, с. 20–56].

С 1623 по 1695 гг. сохранилась 61 единица хранения. Опись и разбор пропусков в хронологическом порядке выполнены Н. М. Рогожиным [Рогожин, 2003, с. 243–253]. Ни одна из крымских посольских книг за XVII в. не опубликована в полном объеме.

При источниковедческом анализе посольских книг серьезное значение имеет определение времени создания этого типа документации. Еще Н. М. Бережков полагал, что появлялись они по времени близко к описываемым событиям [Бережков, 1894а. С. 35]. Позднее эту точку зрения поддержали С. М. Каштанов и Н. М. Рогожин, впрочем, не так давно это было оспорено Л. В. Мошковой. Исследовательница провела кодикологический анализ ряда посольских книг и изучение их филиграней. Так, к примеру, первая крымская посольская книга была составлена в начале XVI в. при великом князе Василии III, так же как и вторая. Более точное время их написания можно относить к 1510–1514 гг. [Мошкова, 2017, с. 237, 244–246], крымская посольская книга № 13 (1567–1572), можно полагать, составлялась в два приема и хронологически эту работу мы можем поместить в следующий промежуток: 1-я часть – конец 60-х – начало 70-х гг. XVI в., 2-я часть – около середины 1580-х гг. [ПКМГК 1567–1572, с. 30–33]. 14-я посольская книга, очевидно, была составлена в промежуток между 1578–1586 гг. [Малов, 2016, с. 21–27]. Также не стоит забывать, что эти документы за время их хранения подвергались разрушению, реставрации и, соответственно, были возможны нарушения некогда единых кодексов как в сторону раздробления, так и, наоборот, увеличения.

Утрата посольской документации по связям с Крымом весьма значительны. Многочисленные описи Посольского приказа XVII столетия, к сожалению, дают только приблизительную картину масштабов утрат крымских документов.

Дипломатическая документация Гераев по связям с Польско-Литовским государством с конца XV века по 80-е годы XVI века в основном сосредоточена в фонде 389 РГАДА «Литовская метри-

ка» (далее ЛМ). Дипломатические документы Крыма в этом своде документов канцелярии Великого княжества представлены переводными кириллическими текстами. Вопрос о структуризации всей дипломатической документации Гераев с последней четверти XV в, содержащейся в настоящее время в 389 фонде РГАДА «ЛМ», рассмотрен Д. Колодзейчиком [Kolodziejczyk, 2011, р. 256–259]. В книгах ЛМ крымские посольские дела теряют компактность уже на рубеже XV–XVI столетий. Так, в шестой книге записей присутствуют только один документ. При этом в «книги записей» ЛМ попадает в основном переписка крымских ханов и польских королей – великих князей литовских. В меньшей степени представлены инструкции дипломатическим представителям Великого княжества в Крыму, прежде всего «посольские речи». Описание приема крымских посольств в Кракове и Вильно практически отсутствует. Эта тенденция сохраняется и в нескольких отдельных «посольских книгах» ЛМ, содержащих только дипломатические документы – 591, 592, 593 и 594. На протяжении XVI века кириллические тексты в относительно компактном виде представлены только в седьмой книге записей ЛМ (до 1529 года) [ЛМ, 2011]. С 40-х гг. значительный «пласт» посланий крымских ханов польским королям и великим князьям литовским содержится в пятисот девяносто первой «посольской книге» ЛМ [Книга посольская, 1845]. В конца 50-х – начала 60-х гг. дипломатическая переписка ханов и польско-литовских монархов окончательно теряет компактность и представляет собой отдельные «вкрапления» в различные «книги записей» и даже «книги судебных дел» ЛМ. При этом в них попадают в основном послания польско-литовских монархов в Крым. В дальнейшем, после 1569 года, материалы посольских сношений Речи Посполитой с Крымом представляют собой «вкрапления» в целом компактный и хронологически последовательный материал 592, 593 и 594 «посольских книг» ЛМ. Такие же «вкрапления» содержатся в т. н. «Волинских книгах» ЛМ. В целом количество переведенных кириллических текстов дипломатических посланий крымских ханов в различных книгах ЛМ в 60–90-х гг. минимально.

Сведения по истории Крымского ханства также содержатся в турецких посольских книгах.

Особенно ценными эти данные представляются за период 1521–1523 гг., так как именно в этом источнике содержится информация об отступлении крымских татар после убийства в Астрахани хана Мухаммед Герая, о ногайском вторжении и деятельности крымской знати для преодоления этого кризиса [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 257об.–258]. Кроме этого, как источник по русско-крымским отношениям могут рассматриваться описи государственных архивов XVI–XVII вв. Первая опись в науке получила название описи Царского архива, хотя само такое определение и вызывает сомнение, и была создана в 1570-е гг. (подробнее: [Ясинский, 1889, с. 2–3, 6, 11–14; Лихачев, 1894, прим. 1, с. 60–61, 66–67; Шмидт, 1957, с. 260–278; Шмидт, 1958, с. 364–407; Шмидт, 1960, с. 56–65; ГАР, 1978, с. 14, 15, 25, 31–33]). Следующую опись, составленную в 1594–1598 гг., исследователи более надежно связали с Посольским приказом [Опись, 1975, с. 346–347]. За XVII столетие нам известно несколько описей. Первая опись была создана в 1614 г., вторая опись появилась после московского пожара 1626 г., и работа по ее составлению велась с 22.12.1626 г. по 28. 02. 1627 г. [ОЦААПП, с. 10; Опись 1626, с. 7–8]. Сама история архива Посольского приказа в XVII в. изучена В. И. Гальцовым, который выделил основные вехи описания документов этого учреждения. Генеральное описание посольских документов проводилось трижды: в 1614–1615 гг., 1626–1627 гг. и 1632–1634 гг., после описывались только отдельные документы. В 1670 г. был поднят вопрос о новом валовом описании документов, что и было осуществлено в 1673 г. [Опись, 1673, с. 5–7]. Первую попытку источниковедческого анализа содержания описей для изучения русско-крымских отношений предпринял М. Н. Бережков. Он сконцентрировал свое внимание на Описи «Царского» архива, выделив в ней крымские ящики, типы документации, отложившиеся в них, и дав им определение [Бережков, 1893, с. 93–97]. Значение привлечения Описей 1614, 1626 и 1673 годов для исследования взаимоотношения Московского государства и Крымского ханства заключается в том, что с их помощью мы можем выявить те изменения в корпусе документов, которые происходили начиная с XVII века. Такая работа позво-

ляет нам не только выявить лакуны, но и реконструировать корпус посольских документов, что в общих чертах показал Н. М. Рогожин [Рогожин, 1994, с. 62–63].

Отдельную группу, содержащую информацию по Крымскому ханству и русско-крымским отношениям составляют русские летописи. Сами летописи представляют собой довольно сложный нарративный источник. С XVI в. будет существовать только одна общерусская летописная традиция, связанная с великокняжеской канцелярией. В первые десятилетия XVI в. активизируется митрополичье летописание. В это время летописание представляет собой коллективный труд, объединявший усилия не только книжников, но и привлекавший массу источников, включая и документы государственного управления. В летописании XVI века необходимо выделить Никоновскую и Воскресенскую летописи, которые представляют собой полностью оформившуюся единую русскую летописную традицию. «Степенная книга царского родословия» и Лицевой свод Ивана Грозного отражали глубокие изменения в способах изложения исторического материала. После Лицевого свода летописная традиция угасает, по традиционному мнению, 1568 г. стал годом прекращения официального летописания.

Наряду с официальными летописями бытовали и памятники частного происхождения, а также местные летописи. Для изучения русско-крымских отношений особый интерес из частных летописцев имеет Безднинский летописец, составленный в конце XVI столетия [Корецкий, 1986, с. 73–106]. Однако все-таки наиболее богаты информацией по русско-крымским отношениям официальные летописи, что и не удивительно, так как при их составлении использовались и посольские документы. Для этих памятников характерна максимально возможная фиксация действий, происходивших в каждый год. Особое внимание уделялось визитам иностранных послов, вражеским вторжениям. При описании нападения обязательно (если это было известно) фиксировалось, кто именно напал (имена предводителей), обстоятельства нападения и его итог. Для примера приведем статью 7036 г. о нападении Ислам Герая: «Сентября 5, прииде Ислам царевич Крымский, Юсюп царевич Епанчин сын, да два царевича Ахмата Хромого дети, и мурзы

многие безвестно к берегу ко Оке-реке, похвалялся, хотя реку перелесть; и князь велики сам против его вышел да стал в Коломенском. А в ту пору воеводы были на берегу не со многими людьми: князь Василей Семенович Одоевский и князь Иван Иванович Щетина, да князь Федор Васильевич Лопата, да князь Иван Федорович Овчина, да против Ислама стали об реку; да поспел в ту пору к берегу князь Федор Михалович Мстиславский; да стали с Ысламом битися об реку накрепко и за реку Ислама не пустили. И Ислам пошел часа того прочь, и великого князя дети боярские перелезши за реку да татар многих побили и изымаша Исламова любовника Янлыча-мырзу, великого человека, и Ислам царевич пошел борзо из земли» [ПСРЛ, 2000, с. 46]. При описании визита посольств обязательно фиксировались имена послов, иногда их титулы и кратко передавалась суть миссии. В целом сам формуляр таких записей был лапидарным, но при общем исследовании русско-крымских отношений эти сведения иногда бывают уникальными. Так, из-за утраты посольской документации за 1539–1543 гг. сам ход отношений мы можем восстановить только по летописным данным. Приведем эти сведения списком.

27 сентября 1539 г. из Крыма вернулся посланник Иван Борисович Федцов вместе с ханским гонцом Якуб-мирзой [ПСРЛ, 2000, с. 130]).

21 ноября 1539 г. в Крым отправлен гонец Гавриил Янов [ПСРЛ, 2000, с. 131].

18 марта 1540 г. возвращение из Крыма гонца Гавриила Янова вместе с ханским гонцом Азир-фергадом [ПСРЛ, 2000, с. 131].

7 мая 1540 г. Отпуск ханского гонца Якуб-мирзы вместе с служилым татаринном Емгурчеем Кожуховым «с товарищи» [ПСРЛ, 2000, с. 132].

18 июля 1540 г. возвращение Емгурчег Кожухова с ханским «человеком, толмачом» [ПСРЛ, 2000, с. 132].

2 сентября 1540 г. Отправление в Крым посла князя Александра Васильевича Кашина-Оболенского вместе с отпущенным Сулешем-мурзой Яшлавским [ПСРЛ, 2000, с. 133].

12 сентября 1540 г. прибытие в Москву посла Тоголды-мурзы Яшлавского [ПСРЛ, 2000, с. 133].

12 ноября 1540 г. отправление в Крым гонца служилого татарина Девлет-Хозя Усейнова вместе «с царевым человеком толмачем» [ПСРЛ, 2000, с. 134].

1 марта 1541 г. прибытие из Крыма гонцов во главе с Ази Ферганой вместе с отпущенным гонцом Девлет-Хозя Усейновым [ПСРЛ, 2000, с. 136].

8 мая 1541 г. отпуск гонца Азии Ферганы вместе с отправленным посланником Останей Андреевым [ПСРЛ, 2000, с. 136].

Июль 1542 г. возвращение из Крыма посла князя Александра Васильевича Кашина-Оболенского вместе с крымским гонцом Томачем [ПСРЛ, 2000, с. 143].

1 сентября 1542 г. отправление в Крым гонца Федора Вокшерина с грамотою вместе с отпущенным крымским гонцом Томачем [ПСРЛ, 2000, с. 143].

16 марта 1543 г. возвращение Федора Вокшерина вместе с крымским посольством Ак-Сеита [ПСРЛ, 2000, с. 145].

После 16 марта 1543 г. отправление посланника Федора Ильина сына Челищева вместе с отпущенным Ак-Сеитом [ПСРЛ, 2000, с. 145].

Еще один перерыв в посольских книгах за 1553–1557 гг. также восстанавливается по официальным летописям. Приведем краткий список.

1553 г. прибытие ханского гонца Акинчег вместе с русским служилым татаринном Кадышем [ПСРЛ, 2000, с. 231].

24 июня 1553 г. отпуск Акинчег вместе с русским служилым татаринном Сенко Тутаевым [ПСРЛ, 2000, с. 232].

29 июня 1553 г. отпуск в Крым посла Магмеджара-мурзы вместе с посольством Федора Дмитриевича Загряжского [ПСРЛ, 2000, с. 232].

Сентябрь 1553 г. прибытие гонца Талышмана аталыка вместе с русским служилым татаринном Сенко Тутаевым [ПСРЛ, 2000, с. 234].

13 октябрь 1553 г. прибытие посла Шагмансыр-улана [ПСРЛ, 2000, с. 237].

21 апрель 1554 г. прибытие гонца Бидал-мурзы вместе с русским служилым татаринном Б. Тоишевым [ПСРЛ, 2000, с. 239–240].

Май 1554 г. отпуск гонца Талышмана аталыка и Бидал-мурзы вместе с русским служилым татаринном Б. Тоишевым [ПСРЛ, 2000, с. 240].

Май 1555 г. прибытие гонца Джан-Мухаммеда (Ян Магметя) [ПСРЛ, 2000, с. 256].

Октябрь 1555 г. прибытие гонца от бека Сулеша Яшлавского Кучелека вместе с отпущенным служилым татаринном Бейберей [ПСРЛ, 2000, с. 261].

Декабрь 1555 г. прибытие крымского гонца Караджана вместе с русским служилым татаринном Юшко Мошковым [ПСРЛ, 2000, с. 276].

Январь 1557 г. отпуск гонца Караджана вместе с русским служилым татаринном Сююндюком Тулусуповым [ПСРЛ, 2000, с. 278].

Октябрь 1557 г. прибытие гонца Акинчея [ПСРЛ, 2000, с. 286].

Декабрь 1557 г. прибытие гонца Тутая Черкашенина вместе с русским служилым татаринном Сююндюком Тулусуповым [ПСРЛ, 2000, с. 287].

Впрочем, подробных сведений о содержании этих контактов летописные данные не имеют, передавая их в общей форме, например, следующим образом: «а писал в грамоте что хочет с царем быти в дружбе» или «а писал царь в грамоте, что хочет быти с великим князем царь в сердечней дружбе и до своей смерти», или «а писал царь в грамотах о братстве и о крепкой дружбе» [ПСРЛ, 2000, с. 136, 143, 145]. Другой вариант передачи содержания посольских грамот это сообщения об отправке послов: «А писал Саип-Гире царь в грамоте посылает к великому князю своего большого посла Тогалдый мырзу Аппакова» или «а писал князь великий к царю, что его болший посол дошел до великого князя поздорову» [ПСРЛ, 2000, с. 132, 134]. Более содержательны описания посольств 1550-х гг. Так, например, в летописной статье о посольстве 21 апреля 1554 г. дана краткая характеристика ханского послания: «Писал ко царю и великому князю, что ему царь и великий князь поминков прислал мало, и он потому на Федора кручинится, а пришлет ему царь и великий князь поминков того болши, и они крепче помирится» [ПСРЛ, 2000, с. 240]. Содержание ответной грамоты было передано следующим образом: «А писал ко царю, что дружбы у царя не выкупает, а похочет с ним царь миритися по любви, и царь и великий князь с ним миру хочет по прежним обычаем и похочет царь с царем и великим князем миру, и он бы царя и великого князя посла Федора Загряжского к царю и великому князю отпустил и с ним вместе послал своего посла, а царь и великий князь его посла Мансур-улана с товарищи отпустит и с Шаг-Мансур-уланом пошлет к нему своего посла Ивана Федцова, а не похочет миру, и он бы по-

сла Федора Загряжского одного отпустил, а царь и великий князь его посла отпустит Мансур-улана и разменят послы в Путивле» [ПСРЛ, 2000, с. 240–241]. Такие же развернутые аннотации дипломатических посланий мы встречаем и в статьях о посольствах октября 1555 г., декабря 1555 г., января 1557 г., декабря 1557 г. [ПСРЛ, 2000, с. 261, 277, 278, 287–288]. Изменение способа описания посольств в пользу расширения передаваемого содержания грамот, очевидно, отражал изменения в работе летописцев. Ясно, что в их руки попадали документы из дипломатического ведомства, однако это были не сами грамоты или посольские книги. Скорее всего в работе использовались документы, подобные «Выписке из посольских книг», известной нам по сношениям с Польско-Литовским государством, содержавшие краткие сведения о составах посольств и аннотации посланий (подробнее: [Моисеев, 2010, с. 396–398]).

Еще одним небезынтесным нарративным источником, который может быть использован при изучении внешней политики Крымского ханства, является «История о делах великого князя московского», написанная князем А. М. Курбским в литовской эмиграции. Само это произведение, написанное в конце 1560-х–1570-х гг. [Ерусалимский, 2004, с. 591–618; Ерусалимский, 2015, с. 244–245], имело характер не только яростного обличения царя Ивана IV, но и воспоминаний князя о его боевой деятельности (обстоятельную характеристику этого произведения см.: [Ерусалимский, 2015, с. 245–287]). Князь Андрей уделяет восточным сюжетам довольно большое внимание. Он подробно описывает поход на Казань и ее осаду, особое внимание уделяет тактике ведения войны не только казанцами, но и крымскими татарами. Сообщает о тульском походе Девлет Герая [Курбский, 2015, с. 30, 32], о походах под Крым русских отрядов в 1550-е гг. [Курбский, 2015, с. 78–84]. Описывая эти походы, князь Андрей анализирует деятельность царя и его окружения, принимаемые решения, организацию. Указывает на тактические приемы крымских татар. Отталкиваясь от этих текстов, можно очертить ту стратегию борьбы с Крымским ханством, которая по идее Курбского была наибо-

лее эффективной. Очевидно, что он это писал не просто как некое воспоминание (это сомнительно, так как сам Андрей Михайлович не участвовал в выработке крымской политики Ивана IV и в самих этих походах тоже), а скорее как эксперт-

ное мнение, ориентированное в первую очередь на правящие круги Речи Посполитой. В любом случае сведения Курбского о русско-крымском военном противостоянии обладают определенной информационной ценностью.

1.3. Мусульманские религиозные источники

М. М. Якубович

Как известно, именно становление и развитие Крымского ханства служило главным историческим фоном для развития исламской религиозной культуры в регионе северного Причерноморья. В этой связи мусульманские религиозные источники (начиная от религиозных трудов крымских и других авторов и заканчивая «дипломами» на преподавание, *иджаза*) освещают не только вопросы чисто религиозного значения, но и социальные, экономические, политические и другие. Поскольку в исламской традиции «религиозные науки» (*улум ад-дин*) охватывали широкий спектр текстологических дисциплин, в определенных контекстах там преломлялись также исторические события. И хотя, в отличие от иных источников, тут мы имеем дело с довольно разрозненным материалом, современные подходы к изучению рукописного материала дают возможность пролить свет на много вопросов, связанных с историей Крымского ханства.

В силу того, что абсолютное большинство религиозных источников Крымского ханства оказалось за пределами Крыма, многие тексты становятся доступными только сегодня, благодаря активной оцифровке, каталогизации и другим проектам, направленным на изучение классического (VIII–XIII/XIV вв.) и особенно постклассического исламского наследия (XIV–XVIII). Современные подходы к изучению того, что называется «постклассической исламской интеллектуальной историей», позволяют вычленить в источниках указанного периода как религиозную или даже философскую составляющую, так и социальную. Их интерпретация, связанная с контекстуализацией религиозного наследия Крымского ханства в различных смысловых полях того времени, позволяет дать оценку различным социальным, куль-

турным, идеологическим и даже политическим явлениям. Различные школы религиозной мысли (не говоря уже о документах практического значения) отражали социально-политические процессы, и хотя вычленить определенные особенности «крымского ислама» из всего корпуса постклассической мусульманской мысли довольно сложно, раскрыть определенные содержательные особенности все же представляется возможным, разделив соответствующие источники на несколько категорий.

Первой и, несомненно, главнейшей группой мусульманских религиозных источников по истории Крымского ханства являются *религиозные труды выходцев из Крыма* (не только полуострова, но и близлежащих регионов северного Причерноморья, включая современные Буджак, Едисан, Добруджу и др.), творивших в период XV–XVIII веков. В первую очередь, это сочинения в области коранистики и хадисоведения (толкования – *тафсир*, комментарии – *шарх*, глоссы – *хашийя*), богословия (дискурсивной теологии – *каляма*, доктринальной мысли – *'ильм аль-акаид*), правоведения (основ – *усул*, производных – *фуру*), этики (*ахляк*), диалектики (*адаб аль-бахс*), а также различных «вспомогательных» филологических наук (от грамматики и морфологии, *нахв* и *сарф* до метрики, *'аруд*). Особую важность составляют и суфийские религиозно-философские сочинения, в которых часто встречаются автобиографические детали. В случае с Крымом это, в первую очередь, представители хальветийского, накшбандийского и кадарийского тарикатов, которые оставили после себя значительное рукописное наследие. Помимо этого, рукописи содержат элементы мемуаристики (особенно суфийские, где вмещены описания снов, которым предшествует указание

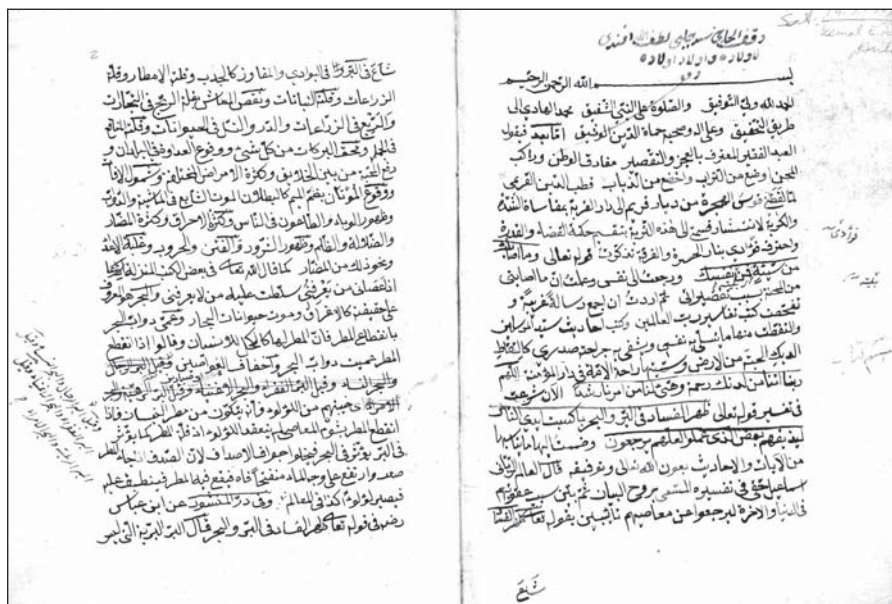
даты, места, обстоятельств, отсылка к реальным фактам), посвящения различным фигурам (как политическим, так и религиозным деятелям), часто колофоны с указаниями имени, даты и места переписки, примечания, печати, указания собственности (*тамликат*) и другие элементы, которые позволяют делать выводы не только о вопросах интеллектуальной, но и социально-политической истории. Писались эти тексты преимущественно на арабском языке, однако некоторые работы написаны и на османском.

Прежде чем перейти к общему рассмотрению источников, следует отметить, что в результате сложной исторической судьбы крымскотатарского народа почти все эти достижения сохранились лишь за пределами Крыма, оказавшись в библиотеках и музеях разных стран мира. Прежде всего – Турции (учитывая и тот факт, что многие из этих работ были написаны в Стамбуле и других городах Анатолии), на которую приходится большинство сохранившихся до наших дней материалов. Речь идет прежде всего об известной библиотеке Сулеймание (Süleymaniye Kütüphanesi) в Стамбуле, которая справедливо считается одной из крупнейших библиотек (в том числе и рукописных материалов) исламской письменной культуры разных времен. Не исключением являются и труды выходцев из Крымского улуса и Крымского ханства. Так, в частности, в коллекции Фейзулла-Эфенди этой библиотеки хранятся произведения Ахмада аль-Кырыми (ум. 1474), которые имеют непосредственное отношение к правовой теории (*ильм усул аль-фикх*), каляма и суфизму и принадлежат к лучшим образцам постклассического исламского рационализма, а потому составляют ценный материал для исследования истории ислама в Крымском ханстве [Аль-Кырыми, Ахмад (б); Аль-Кырыми].

Еще одна библиотека, в которой сохранено немало источников по истории ис-

лама в Крымском ханстве, – Национальная библиотека в Анкаре (Milli Kütüphane – Ankara). Здесь сохранились рукописи Мухаммада аль-Кафауви (в частности, богословские трактаты) [Аль-Кафауви, Мухаммад (ж)], суфийские труды Абу ль-Файда аль-Кафауви (XVII в.) [Аль-Кафауви, Абу ль-Файд], более десятка рукописей Селима Диване Кырымлы (ум. 1757) [Divane, 2004, с. 5–7] и, что весьма важно, единственный известный экземпляр труда *Raxату ль-Умма фи Дар аль-Му’мина* («Отдых общины в защищенном доме») автора XVIII века Кутб ад-Дина аль-Кырыми, в котором отражена реакция на аннексию Крыма Российской империей, осмысленная в эсхатологическом духе [Аль-Кырыми, Кутб ад-Дин]. За исключением работ Селима Диване Кырымлы, эти рукописи до сих пор не были опубликованы. Еще одна работа (скорее всего уникальный экземпляр) Абу ль-Файда аль-Кафауви сохранилась в Национальной библиотеке «Турецкой республики Северного Кипра» [Манзума аль-Кафауви фи ль-’Акаид]. Эти работы, принадлежащие преимущественно к этико-практической сфере исламской религиозности, также важны с точки зрения отслеживания эволюции религиозного развития в Крымском ханстве.

Сохранившиеся источники не ограничиваются центральными библиотеками Турции. Ценные для

«Raxату ль-Умма» Кутб ад-Дина аль-Кырыми

исследования рукописи, связанные с крымской рецепцией работ муттакалима аль-Иджи (1300–1355) [Аль-Кафауви, Мухаммад (в)], а также с хальватийским тарикатом суфизма (труд Джамаль аль-Аксараи [Джамаль аль-Аксараи]), сохранились в Народной библиотеке Манисы (Manisa İl Halk Kütüphanesi). Здесь же, в Манисе, можно найти и уникальный труд 'Абд Аллаха аль-Кафауви (XVII в.) *Рисале фи Фунун ас-Ситта* («Послание о шести науках») [Аль-Кафауви, Абдалла], который сохранился в единственном экземпляре и показывает чрезвычайно широкую осведомленность автора и в традиционных и религиозных, и в рациональных науках своего времени.

Некоторые из региональных турецких библиотек сохраняют уникальные рукописи, которые не имеют копий в других местах. В частности, важна в этом плане Народная библиотека им. Хасана Паши в Чоруме (Hasan Paşa Halk Kütüphanesi), где сохранено четыре суфийских труда 'Абд аль-Баки Хиджаби [Хиджаби 'Абд аль-Баки (а); Хиджаби 'Абд аль-Баки (б); Хиджаби 'Абд аль-Баки (в); Vaba, 2013], а также еще одно суфийское сочинение некоего Хуссам ад-Дина аль-Кырыми (начало XVII в.). Вероятно, сюда они попали из соседнего города Амася, где 'Абд аль-Баки Хиджаби, выходец из Бахчисарая, провел последние годы жизни и был похоронен. То же можно сказать и о Народной библиотеке Кастамону (Kastamonu İl Halk Kütüphanesi), где можно найти переписанную еще при жизни автора рукопись труда *Мавахиб ар-Рахман фи Байан Маратиб аль-Акван* («Дары Всемилостивого в понимании степеней бытия») Ибрагима аль-Кырыми (ум. 1593), одного из самых известных суфийских шейхов своего времени [Аль-Кырыми, Ибрагим (а)]. Именно в его трудах, помимо изложения доктрины хальватийского тариката, вмещено значительное число воспоминаний о годах, проведенных в Крыму, в том числе и о конфликте 1584 года между Ислам Гераем и Саадет Гераем. Также следует вспомнить и о библиотеке Диярбакыра (Народная библиотека Диярбакыр, Diyarbakir İl Halk Kutuphanesi), где в довольно хорошем состоянии сохранились уникальные труды Ахмада аль-Кырыми и Ахмада аль-Кафауви [Аль-Кафауви, Ахмад (б); Аль-Кафауви, Ахмад (г); Аль-Кырыми, Ахмад (е)]. Десятки крымских рукописей сохранились и в других

библиотеках Турции. Сохранность рукописей в целом позволяет основательную проработку и даже перевод фрагментов соответствующих работ; впрочем, некоторые данные, приведенные в сопроводительных документах к рукописям, требуют уточнения и доработки.

Указанный перечень, впрочем, не претендует на исключительность, поскольку еще немало рукописей хранится в частных коллекциях, музеях или локальных библиотеках, каталоги которых недоступны или до сих пор должным образом не составлены (что типично для рукописей «постклассического» периода). Кроме того, в силу слабой изученности биографий многих авторов, часто сталкиваемся с неправильной атрибуцией, искажением в написании имен, особенно в случае с авторами, чьи сочинения оказались в библиотеках арабских стран (варианты «Аль-Карамии», «Аль-Курайми» для «Аль-Кырыми», «Аль-Афкирмани» вместо «Аль-Аккирмани», путаница между Мухаммадом аль-Кафауви и Мухаммадом аль-Аккирмани и др.).

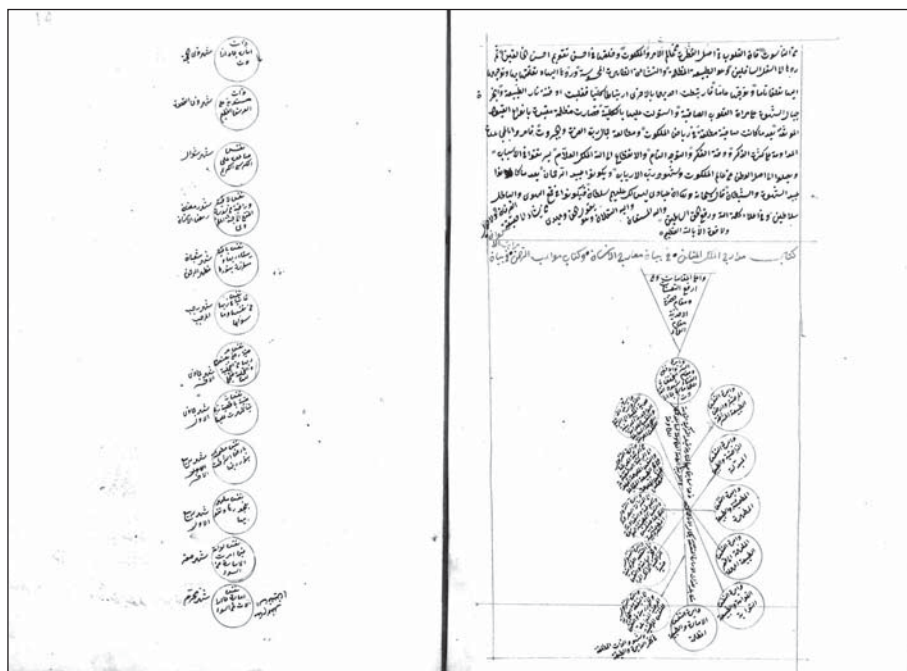
Еще одно собрание арабских и османоязычных рукописей, где можно найти и немало работ крымских авторов, сохранено в Отделе редкой книги и специальных коллекций библиотеки Принстонского университета (Принстон, Нью-Джерси, США), а именно в коллекции Роберта Гаррета (Robert Garrett Collection). Здесь доступны рукописи и золотоордынского, и ханского периода, в частности, *Шарх Манар аль-Анвар* («Комментарий к маяку светочей») Шараф ад-Дина аль-Кырыми (ум. 1454) [Аль-Кырыми, Шараф бин Камаль] и несколько работ Ахмада аль-Кырыми, среди них и *Хашийя 'аля Тальвих фи Усуль аль-Фихх* (гlossa на «Скрижали» в основах права) [Аль-Кырыми, Ахмад (г)] и *Аль-Му'авваль фи хауаши аш-Шарх аль-Мутавваль* (Истолкование глосс на «Большой комментарий») [Аль-Кырыми, Ахмад (а)]. Важно и то, что в коллекции Роберта Гаррета сохранены теологические труды Мухаммада аль-Аккирмани (ум. 1761), автора десятков работ в различных областях исламских наук, известного мыслителя, правоведа, судьи в Измире, Египте, Мекке. Сохранился его труд *Шарх аль-Димйатийя* («Комментарий к поэме “ад-Димйатийя”») [Аль-Аккирмани, Мухаммад (ж)], а также, среди прочего, этико-философская *Рисале фи Ираде Джузийе* («Послание

о частичной воле», на османском языке) [Аль-Аккирмани, Мухаммад (д)]. Кроме этого, здесь есть и несколько других теологических работ Мухаммада аль-Аккирмани, одна из которых была переписана и в Крыму («Драгоценные ожерелья из объяснений доктрин») [Аль-Аккирмани, Мухаммад (в)]. Сохранено в этой библиотеке и несколько важных текстов не менее известного богослова из Кафы Мухаммада аль-Кафауви (ум. 1574), а именно самостоятельные произведения онтологической тематики *Исбат аль-ваджиб* («Доказательство необходимого бытия») [Аль-Кафауви, Мухаммад (б)], *Шарх Калимат лагзийя* (комментарий на труд аль-Биркауви) [Аль-Кафауви, Мухаммад (з)], *Хашийя 'аля исбат аль-ваджиб* (на труд ад-Даввани) [Аль-Кафауви, Мухаммад (г)] и работа по диалектике *Рисале фи адаб аль-бахс* («Послание об этике исследования») [Аль-Кафауви, Мухаммад (а)]. В этой коллекции среди прочего сохранился уникальный текст *Рисале фи кайфийяту аль-Вахи* Ахмада аль-Кафауви («Послание о способе нисхождения откровения») [Аль-Кафауви, Ахмад (в)]. Сохранился здесь и труд юридической тематики (посвященный ханафитскому праву) известного историка, автора «Умдет ат-таварих» 'Абд аль-Гаффара аль-Къырыми (XVIII век) *Муришид аль-ан'ам иля шираат аль-ислам* («Наставление творений к шариату ислама») [Жирими, Абдулгаффар]. После библиотек Турции библиотека Принстонского университета составляет едва ли не самую главную ценность для изучения трудов крымских авторов, поскольку содержит хорошо сохранившиеся труды сразу нескольких выходцев из Крымского улуса и Крымского ханства. Часть рукописей за последние годы была оцифрована.

Чуть меньшее количество интересных в контексте исследования трудов сохранилось в других библиотеках. Так, в частности, в отделе рукописей

библиотеки Университета короля Сауда (Эр-Рияд, Саудовская Аравия) хранятся два неопубликованных произведения Мухаммада аль-Аккирмани («герменевтический» *Шарх Рисале аль-'Ассам* [Аль-Аккирмани, Мухаммад (е)], а также ценный труд по каляму *'Икд аль-Ла'али фи Байан 'ильма-ху Та'аля би-Гайри мутанахи*, «Жемчужное ожерелье в разъяснении того, что знание Всевышнего неограниченно» [Аль-Аккирмани, Мухаммад (в)]; еще одна копия доступна в Библиотеке Мечети Пророка в Медине [Аль-Аккирмани, Мухаммад (г)].

Еще одна саудовская библиотека, где хранится несколько рукописей трудов крымских авторов, – библиотека им. короля Абдаллы в университете Умм аль-Кура (Мекка, Саудовская Аравия). Среди прочего здесь сохранилась ценная рукопись Мухаммада аль-Кафауви (гlossa на толкование *'Ака'ид* ан-Насафи) [Аль-Кафауви, Мухаммад (е)]. В целом саудовские библиотеки содержат только работы поздних авторов османского периода (особенно Абу ль-Бака 'аль-Кафауви, Мухаммада аль-Кафауви и Мухаммада аль-Аккирмани), хотя, учитывая все больший интерес к рукописям и их оцифровке, не исключено, что в недалеком будущем в отдельных библиотеках найдутся и более древние труды.

«Мавахиб ар-Рахман» Ибрахима аль-Кырыми

Шарх «Ад-Дамьяттийя» аль-Аккирмани

Еще одна библиотека Ближнего Востока, где можно найти труды крымских авторов, расположена в Сирии (Национальная библиотека им. Хафиза Асада). Здесь сохранилось толкование 'Абу ль-Бака' аль-Кафауви на *касыду Бурда* (поэма о плаще Пророка Мухаммада аль-Бусири) [Аль-Кафауви, Абу ль-Бака'], а также одна из правоведческих работ Ахмада аль-Кырыми [Аль-Кырыми, Ахмад (д)].

Ценным биографическим источником для изучения биографий некоторых крымских авторов является труд Махмуда аль-Кафауви *Ката'иб 'Аллям аль-Ахйар* («Легионы лучших ученых»), полное издание которого стало доступно благодаря усилиям турецких исследователей в 2017 году [Аль-Кафауви, 2017]. Среди прочего, тут доступны жизнеописания нескольких крымских ученых, а также, что особенно ценно, приведена *иджаза* известного правоведа Хафиз ад-Дина ибн аль-Баззази (пом. 1424) некоему Сирадж ад-Дину аль-Хаджи Тархани, фактически первый известный документ подобного рода, написанный в Крыму (в 1404 году).

Довольно ценные рукописные источники сохраняются и в европейских библиотеках. В библиотеке Гази-Хосров Бека (Сараево, Босния и Герцеговина) сохранилась рукопись *Шарх Манар аль-Анвар* Шараф ад-Дина аль-Къырыми, переписанная еще при жизни автора [Аль-Кырыми, Шараф бин Камаль (а)]. Довольно неплохо в европейских библиотеках представлены труды Мухаммада аль-Аккирмани – в библиотеке Братиславского университета сохранился труд о частичной воле (*Афъаль 'ибадат уа ирадат джузуййя*) [Аль-Аккирмани, Мухаммад (а)]. Очень ценный и уникальный источник сохраняется и в библиотеке Базельского университета, а именно труд Ахмада аль-Кырыми *Насиха аль-хатмина уа фатихату ль-хатимина* («Наставление для заблудших и ключ для знающих»), переписанный в 1530 году в Стамбуле [Аль-Кырыми, Ахмад (в)]. Эта работа, содержащая развернутую философскую апологию учения Мухи д-Дина ибн 'Араби и Садр ад-Дина аль-Кунави, сохранена в отличном состоянии и позволяет осуществить углубленное исследование; что особо ценно в этой работе, впервые описанной Гудрун Шуберт, это попытка совместить матуридитскую версию авиценновского каляма (идею градации бытия) с идеей всеединства (*вахдату ль-вуджуд*), относимой к Ибн Араби и аль-Кунави [Schubert, 1994; см. также Якубович, 2016а, с. 92–119]. Еще две работы суфийской тематики авторства Ибрагима аль-Кырыми сохранились в Ватиканской Апостольской библиотеке (*Рисала фи ль-Хакк*, «Послание об истине», *Рисала фи куфр маджази*, «Послание про неверие в переносном смысле») [Аль-Кырыми, Ибрагим (б)].

Ценные источники сохранились и в библиотеках Германии. Среди прочего, в Государственной библиотеке (Берлин, Staatsbibliothek zu Berlin) хранится автограф суфийского сочинения Абу Бакра бин Расуля аль-Кырыми, написанного в Кафе в 1612 году [Аль-Кафауви, Абу Бакр]. Еще в одной библиотеке, а именно в отделе рукописей Лейпцигского университета, можно найти рукопись одного из сочинений 'Абдаллы бин Усмана аль-Кырыми, известного как «Татар-заде» (1736–1796), известного османского реформатора, советника султана Селима III (1789–1807) [Татар-Заде]. Две рукописи этого же автора (глоссы на толкование аль-Байдави к Корану) в сопровождении «примечаний» (*хавамии*) известного египетского

ученого Ахмада ад-Дардира (1715–1786) доступны в библиотеке Имама аль-Хакима в Неджефе (Ирак) [Хашийя аля аят].

Религиозные источники по истории Крымского ханства сохранились и во Львове (Украина), а именно в библиотеке Львовского музея истории религий, куда они были переданы в 1977 году из фондов медресе Зынджирлы. Часть (а именно мусхафы Корана) была передана в Крым в 2008 году. Из сохранившихся работ тут можно найти труд арабоязычного произведения с длинным названием *Маджалис аль-Абрар уа Масалик аль-Ахйар уа Махаик аль-бида уа маками аль-Ашрар* («Собрание праведных, пути лучших, разрушение нововведений в религию и сопротивление нечестивым») османского автора Ахмада ар-Руми аль-Ханафи (ум. 1632) [Ар-Руми]. Он написан представителем так называемого кади-заделизма (по имени проповедника Мехмета Кадизаде), направлен против отклонений от Сунны и в пользу возрождения первоначального ислама. В общем насчитываются десятки списков этой работы в библиотеках всего мира; существует даже печатное критическое издание первой части труда (50 глав), осуществленное в 2007 году в Исламском университете (Медина, Саудовская Аравия). Рукопись, которая находится во Львове, в общем совпадает с другими, а переписана она была, о чем свидетельствует надпись на последней странице, неким 'Абд аль-Гаффаром бин Багадиршахом в 1216 (1801) году. В целом эта рукопись, непосредственно связанная с Крымом, показывает, что кадизаделитское движение, распространившееся в Османской империи в первой половине XVII в., было популярным и в Крыму. Также во Львове хранится арабоязычная рукопись анонимного автора, начало и концовка которой, скорее всего, утрачены. Она принадлежит к жанру филологических трудов (инв. ном. 6493). Как удалось установить после довольно длительного исследования и сравнения, это глосса неизвестного автора на комментарий (шарх) к труду *Ираб Диббаджату ль-Мисбах* Йакуб абин 'Али аль-Бурусави (ум. 1524). Кроме чисто филологических вопросов (грамматика и морфология арабского языка), *хашийя* также содержит дискуссию на темы логики, теологии и даже философии. Датируется рукопись 1080 (1669) годом, будучи переписанной Муста-

фой бен Бахи; а сам текст анонимного толкования на работу аль-Бурусави был написан не позже 1643 [Аль-Бурусави]: именно этим временем датируется рукописная копия аналогичной работы, которая сохранилась в Отделе рукописей Публичной библиотеки короля Абд аль-Азиза в Эр-Рияде (Саудовская Аравия; шифр рукописи – 298).

Перечень упомянутого рукописного наследия далек от всеобъемлющего (не включались работы меньшей значимости) и, учитывая разбросанность работ исламских авторов из Северного Причерноморья по мировым библиотекам, требует специального исследования или даже отдельного каталога. Заметим, что большая часть перечисленных рукописей до сих пор не была предметом научного изучения.

Еще одну группу источников составляют уже опубликованные работы выходцев из Крымского ханства. Таких насчитывается до десяти.

Прежде всего следует упомянуть две магистерские работы, где содержится критический текст труда *Шарх Манар аль-Анвар Шараф ад-Дина аль-Къырыми* [Аз-За'би, 2010; Аль-Маш'ари,

«Маджалис аль-Абрар» ар-Руми
(из библиотеки Зынджирлы)

2010]. И хотя формальной публикации осуществлено не было, текст, где указаны и различия между рукописями, оказался удобным дополнением к уже упомянутым рукописным вариантам.

Больше всего изданий (среди работ крымских авторов) выдержал труд *Куллийят* Абу ль-Бака аль-Кафауви, который представляет собой своеобразную энциклопедию религиозных и рациональных наук постклассического ислама. Среди всех опубликованных изданий ценным можно считать вторую публикацию критического труда сирийских ученых 'Аднана Дарвиша и Мухаммада аль-Масри, которые опирались преимущественно на рукопись, переписанную с оригинала [Аль-Кафауви, 1998]. Однако, несмотря на разногласия с неучтенными рукописями (например, уже упомянутым манускриптом из библиотеки Университета им. короля Сауда), ценность представляют и соответствующие рукописные списки. Также доступен в печатном виде еще один труд Абу ль-Бака аль-Кафауви, османоязычный *Тухфат и-Шахан*, изданный в Стамбуле и посвященный вопросам ханафитской религиозной практики [Аль-Кафауви, 1842].

Среди произведений более поздних авторов, а именно мыслителей XVIII века, опубликован и труд Мухаммада аль-Кафауви, а именно его хашийя на толкование Лари к труду Хидая аль-Хикма аль-Абхари, известного «учебника» по философии в постклассический период [Аль-Кафауви, 1867]. Этот труд, где автор раскрывает сложные, по его мнению, места указанного толкования, делает общую оценку его философских взглядов. Также издавались и работы Мухаммада аль-Аккормани, а именно «Сорок хадисов аль-Биргиви» [Аль-Арбаин, 1905] и *Рисале Ираде и-Джусуие* [Tatlı, 2006]. Эти две работы раскрывают этико-философские взгляды их автора, в частности, проблему свободы воли и ответственности.

Гораздо лучше сложилась ситуация с публикациями наследия суфийских авторов этого времени, в частности, написанных на османском языке. Опубликованы две работы («Послание» и «Толкование айата истаува») Хамида «Би-Нува» Кырыми [Хамид-и Би-нува, 1871], которые соответствуют и сохранившимся рукописям. Изданы и переводы (на современный турецкий) работ Селима Диване Кырымлы [Divane, 2004, Divane, 2014]. Также вышел

перевод на современный турецкий и фототипическое издание труда 'Абд аль-Баки Хиджаби *Зубдету ль-Ислам*, изданного на основе рукописи из библиотеки им. Хасана Паши в Чоруме [Baba, 2013].

Вторую группу источников, «типологически» примыкающую к первой, составляют сборники фетв – богословско-правовых заключений, изданных крымскими кадиями, муфтиями и др. Эти источники особенно ценны тем, что среди различных «вопросов», обращенных к религиозным авторитетам того времени, многие имели непосредственное отношение к социальным и экономическим практикам того времени. Известен как минимум один хорошо сохранившийся сборник фетв, а именно аккерманского кадия Али Эфенди Аккермани (ум. 1621) [Аль-Аккормани]. Один из рукописных вариантов этого труда (печатного издания пока нет) сохранился в коллекции рукописей Университета Коч (Стамбул, Турция). Текст содержит почти 300 листов фетв, посвященных различным вопросам (омовение, молитва, закят, хадж, садака, наследство, брак и др.). Как свидетельствует исследование Фирата Яши, этот сборник фетв принадлежал к одним из наиболее популярных на всей территории Османской империи, отличаясь значительным консерватизмом.

Еще один текст, по тематике близкий к сборнику фетв, – это трактат другого автора из Аккермана, Ахмада аль-Аккормани (ум. 1775). Прослужив на должности кадия в родных местах, соседней Румелии, а затем Измире, Ахмед аль-Аккормани написал обширный комментарий к труду Ибрахима аль-Халабби *Мултакату ль-Абхар*, одного из главнейших трудов в области исламского права Османской империи. Интересно, что сам автор мотивом написания труда считает свой судейский опыт, то есть потребность прояснить отдельные законодательские моменты. Единственная известная рукопись сочинения хранится в Анкаре, в библиотеке им. Аднана Отюкена [Аль-Аккормани, Ахмад]. Других сочинений этого автора пока не обнаружено.

Третью группу источников составляют судовые решения (сиджили), в первую очередь так называемые кадиятские дефтеры. Это, в частности, решения Бахчисарайского суда второй половины XVII века, на примере которых можно рассматривать развитие исламского права в его практической плоскости, а также специфику правоприменения

в Крымском ханстве. Практически все известные на сегодня списки бахчисарайских сиджилей находятся в Санкт-Петербурге, а именно в Отделе рукописей РНБ (фонд 917). Во многом именно благодаря этим решениям на сегодня можно составить впечатление как о социальной, экономической и политической истории Крыма, так и повседневной религиозной жизни. Довольно большая часть документов из этого фонда на сегодняшний день исследована

Четвертую группу источников составляют биографические труды, а именно материалы османских сочинений. Если мамлюкская историография (Ибн Хаджар аль-Аскаляни, Джалаля ад-Дин ас-Суйути, Ибн Тагри Берди, Ибн Кади Шузба, Таки ад-Дин аль-Магризи и др.)

содержит преимущественно сведения о крымских ученых золотоордынского периода, то в отдельных документах османских времен встречаются уже и сохранившиеся цитаты из религиозных источниках, имеющих непосредственное отношение к Крымскому ханству. В первую очередь, это сохранившиеся цитаты в трудах Ахмада Ташкопри-Заде (ум. 1552), написавшего объемную арабоязычную работу *Аш-Шака'ик ан-Ну'манийя фи 'Уляма ад-Давля аль-'Усманийя* [Ташкубри-Заде, 1975]. Кроме того, существует дополнение к этому труду, которое (уже на османском языке) написал Невизаде Атаи (1583–1635) [Атаи, Невизаде, 1851]. Наконец, довольно много текста, посвященного улему Муслих ад-Дину аль-Кафави (ум. после 1560), посвятил его учитель, автор исторического сочинения *Дурр аль-Хаббаб фи Тарих 'Айан Халыб* Ибн аль-Ханбали (ум. 1563) [Ибн аль-Ханбали, 1972]. Среди прочего, тут приведены отрывки из сочинений крымского автора и вложена иджаза, которую Ибн аль-Ханбали выписал своему ученику. Наконец, к биографическим источникам религиозного типа можно отнести и *силсилы*, то есть цепочки передачи знания отдельных тарикатов. Среди прочего, выходы из Крыма фигурируют даже в иджазах

«Хадидж аль-Ахайяр» Файд Аллаха аль-Кафауви

мусульман Индонезии (тарикат накшбандийя-халидия) [Van Bruinessen, 1998]. Это, в свою очередь, позволяет оценить «академическую мобильность» тех времен, а также трансграничный потенциал суфизма в Крымском ханстве.

Завершая обзор источников, следует отметить следующее. Абсолютное большинство работ религиозно-философского содержания, созданных выходцами из Крымского ханства в период XIV–XVIII веков, хранится в рукописном виде и разбросано по более чем двум десяткам библиотек разных стран мира. Облегчает реализацию задач исследования наличие отдельных печатных изданий, которые, впрочем, уже также стали библиографической редкостью, потому что были опубликованы еще во времена Османской империи (работы Мухаммада аль-Кафауви, Мухаммада Аккирмани, Хамида «Би-Нува» Кырымлы и др.). Дальнейший поиск, каталогизация и оцифровка могут раскрыть новые страницы в этом направлении. Однако даже доступные источники помогают не только раскрыть новые подробности исторической духовной культуры Крымского ханства, но также во многом оценить социальные и политические процессы, на фоне которых они создавались.

1.4. Записки путешественников

Н. И. Храпунов

Особой группой источников по истории Крымского ханства являются сочинения иностранных путешественников. Эти люди, оказавшиеся на Востоке Европы в силу разных жизненных обстоятельств, впоследствии осмыслили собственный опыт в записках, изданных после возвращения на родину. Их свидетельства имеют особое значение из-за ограниченного объема актовых и иных документов, происходящих непосредственно из Крыма. Сегодня известно несколько десятков путевых записок (травелогов) XV – третьей четверти XVIII вв. [см.: Маркевич, 1894/1902; Хрестоматия, 2004, с. 55–171; Малыгин, 2018; Пилипчук, 2016а; он же, 2017]. Комплекс известных травелогов постоянно пополняется благодаря введению в научный оборот новых источников.

Путешественники оставались внешними по отношению к Крыму наблюдателями. Записки описывают образ жизни, нравы и обычаи, которые казались странными, экзотическими, противоположными тем, которые существовали на Западе. Жители Крыма представлялись Другими, то есть полной противоположностью автора и читателя, обладателями антагонистичного мировоззрения и ценностей. Образы Других позволяли лучше осознать свою культуру и ответить на волнующие вопросы бытия. Путешественники упорядочивали и описывали незнакомую реальность (феномены местной жизни, быта, общественных отношений, нравственных установок, права и пр.) через категории собственной культуры. Потому, например, крымский хан был «императором» или «князем», при всем глубинном различии данных понятий в западной и золотоордынской традиции. Специфика источников заставила историографию выработать особую исследовательскую методику [см.: Cambridge Companion, 2002, р. 261–273; Толочко, 2012, с. 50–76; Белов, 2018, с. 517–531].

В культуре Запада записки путешественников играли особую роль. В XVI в. в Италии, Германии и Англии были опубликованы сборники травелогов, которые сделали путешествие чем-то большим, чем узкоспециализированный отчет для ограниченного круга лиц [Rubiés, 2007, pt. II, р. 173–175]. Ведение путевых записок и их после-

дующая публикация стали восприниматься как то, чего следовало ожидать от моряков и торговцев, дипломатов и исследователей, а также тех, кто оказался в дальних странах по прихоти судьбы или ради собственного удовольствия. Жанр постепенно эволюционировал – в нем нашлось место творчеству людей разных профессий, интеллектуальных способностей, уровня образования и интересов, использовавших различные литературные приемы и формы [Cambridge Companion, 2002, р. 21–31]. Путешествие было осмыслено как важнейший способ формирования личности, а рассказ о нем – как источник сведений об экзотических краях. О правилах ведения путевых записок писали многочисленные наставления для тех, кто решил отправиться в дальние страны [Rubiés, 2007, pt. III, р. 167–171]. Знаменитый философ Френсис Бэкон сформулировал идею путешествия как паломничества в поисках знания [Бэкон, 1962, с. 70–71].

Литературное качество травелогов зачастую сложно назвать высоким, зато они развлекали читателя, одновременно рассказывая ему о незнакомом мире, чем и объяснялась их популярность [Eisner, 1993, р. 19–20, 68]. Созданные путешественниками описания и образы оказывали непосредственное воздействие на деятельность их современников и потомков – политиков, предпринимателей, ученых. На информативность травелогов влияли жизненный опыт автора, его интеллектуальный уровень, интересы и поставленные перед собой задачи. Путешественники редко говорили на языке местных жителей, которые, в свою очередь, не знали европейских языков, что пагубно сказывалось на взаимопонимании.

Авторы понимали, что потенциальным читателям интересны яркие, будоражащие воображение факты и наблюдения, рассказ о приключениях и разнообразной экзотике. Они выпячивали необычные черты чужого, уделяя меньше внимания или даже игнорируя те аспекты, которые казались близкими европейской «норме». При подготовке травелогов воспоминания и дорожные записи дополняли разнообразными рисунками и картами.

Важная особенность жанра литературы путешествий – сильная зависимость от традиции [Толочко, 2012, с. 66–68]. Нормальным считался пересказ отрывков из трудов предшественников, зачастую без ссылок на них. Нередко путешественники искали в чужих краях подтверждения мнению, которое сложилось у них заранее. Травелогичерез повторение одних и тех же фактов, оценок и интерпретаций утверждали в сознании читателей определенные представления о дальних странах.

В эпоху зарождения современной науки и ограниченных возможностей прессы именно путешественники создавали образ Крыма в коллективном воображении Запада. Эти образы влияли на размышления читателей путевых записок – интеллектуалов, предпринимателей, государственных деятелей, которые использовали их при разработке различных, нередко не реализуемых на практике, экономических и военных проектов.

В итоге записки путешественников демонстрируют прихотливую мозаику из результатов осмысления личного эмпирического опыта, заимствований из чужих трудов и выводов, сделанных под влиянием сложившихся в европейской культуре стереотипов восприятия Других. Практически все путешественники смотрели на жителей Крыма с позиций превосходства собственной культуры и религии.

Позиция «наблюдателя извне» позволяла увидеть то, что скрыто от «внутренних» документов ханства, но и делала травелоги зависимыми от изначально заданного угла зрения, личного опыта и социального положения автора. Путевые записки всегда субъективны, но невозможно определить степень этой субъективности. Травелог рассказывает не только о наблюдаемых автором феноменах, но и о самом путешественнике, особенностях его ментальности, стереотипах мышления, культурном багаже. Неверен традиционный «наивно-позитивистский» подход, когда из этих источников некритично выбираются отдельные фрагменты, например, этнографические описания, рассуждения о военном деле, государственном устройстве и пр., приравнивая факт источника к факту действительности [Куприянов, 2004, с. 22–24].

Тем не менее травелоги сообщают массу разнообразной информации. Прежде всего путеше-

ственников интересовало военное дело крымских татар, принципы организации походов и тактика в бою, индивидуальное вооружение и причины неприхотливости воинов и их коней. Они собирали сведения о государственном устройстве и социальной структуре ханства, его налоговой системе и доходах, торговле и городах. Путешественники описали особенности архитектуры, диеты, одежды, занятий населения, религию и суеверия, брачно-семейные отношения и другие грани повседневной жизни и быта.

В рамках небольшого раздела невозможно охарактеризовать абсолютно все записки западных и русских путешественников о Крымском ханстве. На нескольких примерах будут продемонстрированы жанровое и содержательное разнообразие травелогов, зависимость текстов от личности автора и обстоятельств его жизни, своеобразие способов получения, осмысления и презентации информации путешественниками. В биографиях отдельных путешественников и обстоятельствах появления их трудов до сих пор сохраняется много неясного. Требуют дополнительного изучения вопросы взаимовлияния и взаимосвязи разных текстов.

Особое значение имеют записки, авторы которых находились в Крыму продолжительное время.¹ Среди них были дипломаты – представитель Великого княжества Литовского, скрывшийся под псевдонимом Михалон Литвин (1543), и Мартин Броневский из Польши (1578). Истинной целью Михалона Литвина было осуждение упадка нравов и пороков государственного устройства в собственной стране. Он несколько идеализировал Крымское ханство, нередко используя его как пример для соотечественников. Отсюда регулярные ссылки на то, что татары живут по ветхозаветным нормам [Литвин, 1994, с. 62–106]. Мартин Броневский рассуждал более традиционно. Крымских татар он считал вечным противником поляков, их полной противоположностью, причем наблюдательность позволила ему собрать много разнообразной информации, касающейся не только военного дела, но и мирной жизни ханства [Броневский, 1867, с. 333–366].

¹ В отечественной историографии имена путешественников нередко пишут по-разному. Здесь они приведены в соответствии с современными правилами транскрипции иностранных имен и фамилий [Гиляревский, Старостин, 1985].

Примером личного опыта другого рода являются записки Джона Смита, английского наемника, сражавшегося с войском Гази Герая II в Трансильвании, попавшего в плен и проведшего несколько месяцев в рабстве в Восточном Приазовье (1603). Через несколько десятков лет он опубликовал мемуары, рассказавшие о его необыкновенной, полной приключений жизни, где подчеркивал свою стойкость к ударам судьбы, ум и бесстрашие. Там, где речь шла о личном опыте Смита, можно найти ряд интересных бытовых реалий, но для описания лично не знакомых ему обстоятельств путешественник широко использовал труды предшественников, в том числе «перенося» на земли ханства реалии Ближнего Востока и Поволжья [Smith, 1986, p. 182–203].

В 1624 г. в Каффу (Кефе) прибыла католическая миссия, среди участников которой были монахи-итальянцы Джованни да Лукка и Эмидио Портелли д'Асколи. Впоследствии они отправились на Кавказ [Ciampi, 1839, p. 62–71]. После возвращения домой монахи создали мемуары, предназначавшиеся, очевидно, для собратьев-доминиканцев. Они имеют много общего между собой и рассказывают главным образом о светских аспектах жизни ханства [Описание, 1879, с. 474–488; Описание, 1902, с. 96–134].

Особая группа травелогов описывает крымскую торговлю, в которой важную роль играла независимая от хана Каффа. Француз Жан Шарден, купец и ювелир, рассказал о посещении Каффы на пути в Персию (1672). Много внимания он уделил товарам, поступающим оттуда на средиземноморские рынки, а также ограничениям на торговлю, которые ввели османы [Шарден, 1902, с. 9–19]. Через сто лет немецкий купец Николай-Эрнест Клееман издал описание поездки по торговым делам из Вены через Крым в Константинополь (1769). Это пример путевого дневника, автор которого концентрируется на собственных приключениях и переживаниях, а аналитические сведения о Крымском ханстве вынесены в заключение [Kleeman, 1773]. Эту книгу, переведенную на французский и русский языки, широко цитировали следующие поколения путешественников.

Особая группа травелогов написана авторами, которые никогда не были в Крыму и собирали сведения в странах, сталкивавшихся с татарами во

время войн и набегов. Среди самых известных – труд француза Гийома Левассера де Боплана, воевавшего с казаками в составе польской армии в Поднепровье и, в качестве инженера, строившего там крепости (1630–1647). Этот травелог построен по аналитическому принципу и весьма информативен, хотя особое внимание, разумеется, уделено татарским набегам [Боплан, 2004, с. 205–255]. Австрийский дипломат Сигизмунд фон Герберштейн, дважды побывавший в Москве (1516–1517 и 1525–1526), собирал сведения о Крыме в книгах и общаясь с русскими информантами. Крымские татары интересовали его как грозные соперники России, причем путешественник рассматривал весь татарский мир от Крыма до Сибири как некое единство [Герберштейн, 2008, с. 389–455]. Эти труды оказали важнейшее влияние на формирование представлений о Востоке Европы в западной общественной мысли.

Менее известен современникам был труд английского консула в Смирне (Измире) Поля Райкота (1667–1678), изложившего в трактате о государственном устройстве Османской империи сведения о крымских и ногайских татарах. Путешественника особенно занимал вопрос о политических взаимоотношениях Крыма с османами, которые он определил как «*подданство или по крайней мере конфедерацию*». Очевидно, он во многом полагался на данные, полученные у турецких информаторов [Rusault, 1670, p. 57–60].

Голландец Николас Витсен, купец, картограф, государственный деятель, побывавший в России (1664–1665) и впоследствии переписывавшийся с Петром I, собирал материалы о восточном и южном пограничье царства, ставшие основой для его книги (1692/1705). Сочинение Витсена – пример того, как деятели начала Нового времени использовали труды предшественников, нередко не указывая их имена. Так, его подробный рассказ о Крыме основан на записках Джованни да Лукка, Гийома де Боплана, Джильса Флетчера, Сигизмунда фон Герберштейна и других авторов, в том числе неизвестного по имени немца, бывшего в татарском плену. Заслуживает внимания краткий словарь языка крымских татар [Витсен, 2010, с. 705 слл.].

В XVIII в. контакты между Крымом и Западом стали более тесными, а травелогои – разно-

бразными по жанру и содержанию. Британский подданный Обри де ля Мотре много лет провел в путешествиях. Считается, что в Крым (1711) он прибыл, выполняя конфиденциальное поручение шведского короля Карла XII, который после поражения под Полтавой укрылся в Бендерах, на территории Османской империи. Сочинение де ля Мотре – пример благожелательного, хотя и несколько ироничного, отношения к крымским татарам [Motraye, 1723, p. 22–39]. Существует несколько прижизненных изданий на английском и французском языках, в которые автор вносил исправления, иногда существенные. Примером может быть разная информация о происхождении инженера, разработавшего план османской крепости Ени-Кале на Керченском полуострове [Храпунов, 2017, с. 414, прим. 2]. Показательно, что Вольтер использовал этот травелог, когда писал знаменитую «Историю Карла XII, короля Швеции».

Итальянец Франческо Альгаротти собирал сведения о Крымском ханстве, когда приехал в Петербург (1739), где общался с русскими придворными и армейскими офицерами. Его травелог написан в характерном для эпохи Просвещения псевдоэпистолярном жанре, то есть в виде писем, никогда не отправленных, но представлявших собой рубрики сочинения, призванные придать ему большую достоверность. Рассказ о Крыме поставлен в контекст русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Итальянец представил полуостров как пограничье между «цивилизацией» и «варварством», ключевым пунктом в противостоянии между христианской Европой и исламской Османской империей. Альгаротти считал победу над Крымом и последующее изгнание турок из Европы исторической миссией России [Альгаротти, 2006, с. 94–123]. Его сочинение выдержало более 50 изданий на разных языках.

В XVIII в. Крым попал в зону политических и торговых интересов Франции, которая договорилась о назначении в ханство своих консулов. Среди них были авторы популярных книг Шарль де Пейссонель (1753–1757) и барон Франсуа де Тотт (1767–1769). Труды де Пейссонеля отличает аналитическая направленность. В одном из трактатов он подробно описал торговлю в Причерноморье, в том числе и крымскую – как продуктами собственного производства, так и посредниче-

скую. Отдельно рассмотрены государственное устройство, социальная структура, правосудие, финансы, военное дело и другие аспекты жизни Крымского ханства [Peyssonnel, 1787a; он же, 1787b]. Де Тотт же рассказал прежде всего о своих приключениях, потому его книга очень похожа на авантюрный роман. Реалистические детали скрыты за многочисленными преувеличениями и вымыслами [Tott, 1785, p. 40–204]. Легкий стиль мемуаров отличается от делового тона докладных записок, которые де Тотт отправлял во Францию [Tott, 2014]. Кажется, мемуары должны были не только развлечь публику, но и скрыть ряд обстоятельств миссии француза. Де Пейссонель даже опубликовал брошюру, в которой подверг сочинение своего коллеги уничижительной критике [Peyssonnel, 1785]. Барон был вынужден оправдываться и к очередному изданию своих записок приложил документ, составленный его секретарем-переводчиком Пьером Руффеном, с ответом на критику [Ruffin, 1785].

Хотя записки британского авантюриста Уильяма Итона изданы после присоединения Крыма к России, автор воспользовался материалами, которые собрал во время путешествий по Крыму по торговым делам в 1770-х гг. Англичанин пытался «переводить» структуру ханства на понятный читателям язык, используя слово «нация» для всего мусульманского (полноправного) населения, а сословия определяя через французское «état» или английское «state». Первым после хана сословием были беи четырех семей, аналогией которым казались европейские принцы или пэры. Второе сословие, мурзы, Итон считал аналогом английских сквайров (джентри) – нетитульного дворянства. Третьим сословием были все свободные земле(вла)дельцы мусульманского исповедания. Итон положительно оценил поглощение Крыма Российской империей, благодаря которому «татарские орды» перестали быть угрозой для Восточной и Центральной Европы, и считал необходимым заключение англо-русского союза в ущерб Османской империи, поскольку это способствовало бы развитию международной торговли [Eton, 1798, p. 304–334].

В русской культуре травелог традиционно играл меньшую роль, чем в культуре Запада, а потому записок путешественников по Крыму

известно не много. Любопытен мемуар священника Иакова, участника посольства 1634–1635 гг., где особое внимание уделено православному населению и христианским памятникам [Иаков, 1848].

Андрей Лызлов участвовал в нескольких войнах России с Османской империей и Крымским ханством последней четверти XVII в. Вероятно, личный опыт пригодился при составлении пространной справки о крымских татарах и их конфликтах с Москвой, вошедшей в состав написанной им «Скифской истории». Лызлов использовал также польские хроники и разнообразные документы из русских архивов [Лызлов, 1990, с. 115–156]. Другой военный, немец на русской службе Кристоф-Герман фон Манштейн, участник русско-турецкой войны 1735–1739 гг., в мемуарах подробно рассказал о ее перипетиях. Ему принадлежит также описание захваченного русской армией Бахчисарая [Манштейн, 1998, с. 44–46, 61–114, 133–134, 280–283].

Василий Зуев посетил Крым незадолго до присоединения к России по заданию Академии наук (1782). Особенности его труда – внимание к правлению и реформам последнего хана Шагин Герая, направленным на «европеизацию» государства. Зуев подробно описал физическую географию Крымского полуострова. Его сочинение заложило традицию приписывать Крыму огромный экономический потенциал, который якобы не использовался в ханское время из-за «лености» и «отсталости» татар [Зуев, 1790]. Впослед-

ствии подобные суждения стали «общим местом» и сыграли негативную роль при создании российских проектов развития региона.

Записки Зуева послужили материалом для одного из «вымышленных травелогов». Этот жанр возник уже в эпоху Просвещения и представлял рассказ о несовершенном путешествии. Например, капеллан английской колонии в Петербурге Уильям Тук опубликовал рассказ о поездке из российской столицы на юг (1785), в котором привел подробные известия о Крыме, якобы предоставленные неким соотечественником, «капитаном П.». В реальности он переработал сочинение Зуева [Тооке, 1786, р. 643–648, 846–851].

Таким образом, описания Крымского ханства и крымских татар, составленные европейскими путешественниками, написаны в разных жанрах и демонстрируют разнообразие информации, а также способов ее сбора, осмысления и изложения. Описывая крымских татар как Других, на них могли переносить собственные фобии и стереотипы, заблуждения и проблемы. Однако использование современных методик, разработанных историками, филологами и психологами, позволяет эффективно использовать информационный потенциал данной группы источников для исторических и этнографических реконструкций. Записки путешественников показывают, как в культуре европейского Запада возникали и развивались представления о далекой тогда восточной стране.

1.5. Арабографичные документальные источники по истории Крымского ханства

И. А. Мустакимов

До наших дней дошло много арабографичных документов, связанных с историей Крымского ханства. Подавляющее их большинство составлено на тюркских языках. Дошедшие до нас арабографичные документальные источники представлены:

- указами и жалованными актами (ярлыками) правителей Крымского ханства;
- документами мусульманского суда и права: судебными постановлениями, публично-правовы-

ми и частно-правовыми актами, записанными в крымские судебные реестры; решениями (фетвами) османских муфтиев по вопросам мусульманского права, связанным с крымскими реалиями;

– документами дипломатической переписки между Крымом и Османской империей¹, Россией, Польско-Литовским государством, Швецией,

¹ До впадения Крымского ханства в зависимость от Османской империи (1475 г.).

Трансильванией, Пруссией, а также договорными (шертными) грамотами крымских ханов московским и польско-литовским государям;

– (после впадения Крымского ханства в зависимость от Османской империи) письмами крымских правителей и представителей знати османским султанам и чиновникам Высокой Порты, посланиями султанов крымским ханам и султанскими указами османским чиновникам и отдельным представителям крымской знати;

– документами частного происхождения.

Крымское ханство унаследовало золотоордынские канцелярские традиции. Указы издавались верховными правителями – ханами, жалованные акты могли также издаваться принцами и принцессами крови (султанами). После установления вассальной зависимости ханства от Османской империи (1475 г.) постепенно начинает усиливаться влияние османского делопроизводства [Усманов, 1979, с. 108–111, 134–135].

Дошедшие до нашего времени крымские ярлыки представлены в основном пожалованиями. Они отложились в различных древлехранилищах [Усманов, 1979, с. 20–28; Григорьев, 2006, с. 135], часть из них опубликована².

В Крымском ханстве функционировал шариатский суд. Решения суда вносились в так называемые кадиаскерские книги (*сакки*). В этих книгах также регистрировались ханские указы и частнопроводные акты. До наших дней дошла часть реестров XVII–XVIII вв. Они хранятся в Отделе рукописей Российской национальной (ранее – Императорской Публичной) библиотеки, куда они были переданы в 1905 г. из Симферопольского губернского архива по распоряжению Министерства внутренних дел [Васильева, 2005, с. 220]. В документальном фонде Института восточных рукописей РАН под шифром Т500 хранится сборник 19 разрозненных крымских кадиаскерских книг за период 1049–1195 гг. х., выделенных из фонда ориенталиста В. Д. Смирнова. Изучение и публикация реестров крымского шариатского суда началась еще в дореволюционный период [Биярсланов, 1889; Биярсланов, 1890; Биярсланов, 1890а; Лашков, 1897а]. После долгого перерыва с

² Упоминание отечественных публикаций см.: [Усманов, 1979]. См. также: [Зайцев, 2007а].

1990-х гг. к этим источникам вновь пробудился интерес исследователей³.

Крымское ханство проводило довольно активную внешнюю политику, поддерживая контакты не только со своими ближайшими соседями, но и странами Центральной, Северной и Западной Европы⁴.

Больше всего крымской дипломатической документации связано с крымско-русскими и крымско-польскими сношениями. Документы по этой теме, хранившиеся в Московском главном архиве МИД России, были собраны татарским ученым и просветителем Х. Фаизхановым и изданы В. В. Вельяминовым-Зерновым [Материалы, 1864]. Ныне основная часть из них, относящаяся к крымско-русским отношениям, хранится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в Москве, основная часть, связанная с крымско-польскими отношениями – в Главном архиве древних актов (*Archiwum Głównie Akt Dawnych, AGAD*) в Варшаве. Договорные грамоты крымских ханов, выданные правителям Польши и Литвы, исследованы и изданы Д. Коллодзейчиком [Kołodziejczyk, 2012a].

Документы крымско-османских сношений имеют следующую особенность. До 1475 г. крымские ханы являлись независимыми правителями, что демонстрировали, в частности, в своих посланиях османским падишахам. Об этом свидетельствует дошедшее до нас послание хана (Менгли Герая I), датированное 25 октября 1469 г. [Kurat, 1940, s. 81–86; Le khanat, 1978, p. 129–131; Усманов, 1979, с. 108]. Это единственный дошедший до нас памятник дипломатической переписки между Крымом и Стамбулом до 1475 г. После впадения ханства в зависимость от Порты крымско-османская переписка теряет характер международной⁵, ханство все более ин-

³ Общие сведения о крымских судебных реестрах и историографию изучения см.: [Turan, 2003; Aktaş, 2016]. Новейшую публикацию документов см.: [Рустемов, 2017а].

⁴ Краткую историографию публикаций см.: [Иванич, 2006, с. 169, примеч. 1]. О документах по истории Крымского ханства в польских древлехранилищах см.: [Abrahamowicz, 1954]. О документах по истории крымско-шведских и по истории крымско-пруссских отношений см.: [Zetterstéen, 1945; Tatar Materials, 2016, p. 133–136].

⁵ Несмотря на то, что формально султанские гра-

тегрируется в общеимперскую структуру. Ханские грамоты султанам по форме и по содержанию становятся «рапортами-отчетами вассала сюзерену» [Усманов, 1979, с. 108]. Адресатами ханов становятся не только султаны, но и везиры, санджакбеи, шейх-уль-исламы и другие османские чиновники. Равным образом Порты, порой минуя хана, обращается напрямую к главам влиятельных крымских родов⁶. Султанские указы, касающиеся вопросов, общих для османских и татарских владений в Крыму и адресованные османским наместникам и чиновникам Кафинского санджака/эялета, признаются шариатским судом ханства одним из источников права и регистрируются в крымских кадийских книгах наряду с ханскими указами [Turan, 2003, s. 8].

Самые ранние послания султанов, связанные с Крымом, вошли в письмовник «Мюншеат ас-салатин» («Переписка султанов») Феридун Ахмед-бея. Этот источник представляет собой сборник посланий в основном османских государей начиная с Османа I до восшествия на престол султана Мурада III, а также адресованных османским правителям писем. Труд был закончен в 1574 г. и в том же году поднесен султану Мураду III. В последующем работа Феридун Ахмед-бей продолжали именоваться «посланиями» и оформляться в соответствии с формуляром посланий независимым правителям, фактически они являлись распоряжениями сюзерена вассалу. Аналогичным образом оформлялись султанские послания и некоторым другим зависимым («вассальным») правителям, например, шерифам Мекки. Одним из формальных признаков неравенства адресата послания являлось то, что послания крымским ханам и мекканским шерифам запечатывались серебряной пломбой (*козак* или *козалак*), тогда как послания независимым правителям – золотой. Единственным в своем роде является султанский указ хану о содействии кафинскому уполномоченному дворцового интендантства (*хасса хардж эмини*) в приобретении последним сливочного масла у подданных хана для нужд султанского двора, копия которого сохранилась в одном из реестров [ВОА, КК. d. 63, s. 433]. Уникальность этого документа, датированного 16 джумада I 960 г. х. (30 апреля 1553 г. н. э.), заключается в том, что все известные нам документы, исходившие из Порты в адрес хана и до, и после этого документа, представляли собой султанские послания. К сожалению, не удалось установить, не был ли этот указ отменен или переоформлен как султанское послание хану.

⁶ См., например, указ султана предводителю клана Ширин от 1587 г. [Документы, 2008, с. 226–232].

да была дополнена документами более позднего времени [Özcan, 2000, s. 20–22; Kastritsis, 2013, p. 92].

«Мюншеат ас-салатин» дважды издавалась в Турции [Mestûa, 1264; Mestûa, 1265; Mestûa, 1274; Mestûa, 1275]. Достоверность многих документов, представленных в труде Феридун-бея, особенно раннего периода, ввиду многочисленных искажений в текстах и отсутствия обнаруженных оригиналов, считается дискуссионной [Babinger, 1992, s. 118–120; Kastritsis, 2013, p. 92]. Вместе с тем, например, сравнение содержания и особенностей оформления вошедших в сборник перевода грамоты Ивана IV Селиму II и ответного послания османского падишаха Ивану IV от 1570 г. позволяет высказать обоснованное предположение о близости представленных текстов к оригинальным [Мустакимов, Мустафина, 2018].

Основной массив арабиграфических документов по истории Крымского ханства отложился в Османском архиве в Стамбуле. Они в разном количестве распределены по многим реестрам (*дефтер*) и коллекциям. Первое место по количеству и информативной ценности имеют копии (иногда – проекты) султанских указов и посланий, записанные в серию реестров, известных как «Реестры важных дел» (*Мюхимме дефтерле-ри*). В них регистрировались тексты султанских посланий иноземным и вассальным правителям и указов, изданных от имени султана высшим органом управления Османской империи классического периода – Имперским Диваном (*Диван-и Хумаюн*). Реестры помимо прочего содержат копии высочайших посланий ханам, польским королям, а также указов санджакбеям, кадиям, интендантам (*эминам*) и прочим османским чиновникам. В этих документах затрагиваются вопросы взаимодействия Крымского ханства и Блистательной Порты в военной, внешнеполитической и экономической сфере [Лемерсье-Кельеже, 2009а, с. 44–46].

Самые ранние дошедшие до наших дней «Реестры важных дел» относятся к 951–952/1544–45 гг. [Торкар, 2002] и 959/1552 г. [TSM, Koğuşlar 888]. Первый реестр хранится в архиве Музея дворца «Топкапы», второй – в библиотеке Музея дворца «Топкапы». В Османском архиве

отложилась основная часть «Мюхимме дефтерлери» – 266 томов за 961–1323/1553–1905 гг., с лакунами за некоторые годы⁷. В частности, недостает записей за 1556–1558, 1561–1564, 1566 и некоторые другие годы. Ряд документов из серии «Мюхимме дефтерлери» опубликованы в различных сборниках [Osmanlı, 1992; Belgelerle, 2004; Osmanlı, 2005; Osmanlı, 2013; Документы, 2008; Восточная, 2009]. Очевидно, в конце XVII – начале XVIII в. из серии «Мюхимме дефтерлери» выделилась подсерия «Кырым мюхиммеси» («Реестры важных дел, относящиеся к Крыму»). Один из реестров этой подсерии сохранился в Османском архиве [Başbakanlık, 2000, s. 43–44].

Некоторые реестры в Османском архиве, причисленные к «Мюхимме дефтерлери» (№№ 1 (961–962/1553–1554 гг.), 2 (963–964/1555–1556 гг.), 4 (967–968/1559–1560 гг.), 15 (979/1571 г.), 25 (981–982/1573–1574 гг.), представляют собой «Буюрулду дефтерлери» («Реестры буюрулду»), т. е. распоряжений великого везира, почти исключительно посвященных пожалованиям и административным назначениям⁸. В «Буюрулду дефтерлери» содержатся сведения о пожалованиях родственников и приближенных крымских ханов и о том, за кого из османских подданных и должностных лиц ходатайствовал хан. Описания причин ходатайств (хорошая служба, доблесть, проявленная в сражениях и т. п.) позволяют составить более полное представление о событиях, происходивших в Северном Причерноморье [Мустакимов, 2008, с. 29].

«Реестры важных дел» и «Реестры буюрулду», содержащие копии султанских указов и распоряжений великих везиров, связанные в том числе с Крымским ханством, отложились

⁷ Турецкими архивистами опубликованы тома 3, 5, 6, 7, 12, 82, 83, 85 «Мюхимме дефтерлери»: [3 Numaralı, 1993; 3 Numaralı, 1993a; 5 Numaralı, 1994; 5 Numaralı, 1994a; 6 Numaralı, 1995; 6 Numaralı, 1995a; 6 Numaralı, 1995b; 12 Numaralı, 1996; 12 Numaralı, 1996a; 12 Numaralı, 1996b; 7 Numaralı, 1997; 7 Numaralı, 1997a; 7 Numaralı, 1998; 7 Numaralı, 1998a; 7 Numaralı, 1999; 7 Numaralı, 1999a; 82 Numaralı, 2000; 83 Numaralı, 2001; 85 Numaralı, 2001; 85 Numaralı, 2002].

⁸ Об источниковедческих особенностях «Мюхимме дефтерлери» и «Буюрулду дефтерлери» см.: [Heyd, 1960, p. 3–31; Мустакимов, 2008, с. 27–32].

также в коллекции «Дополнения к «Реестрам важных дел» (Мюхимме Зейли Дефтерлери)⁹.

Сведения «Мюхимме дефтерлери» и «Буюрулду дефтерлери» дополняются данными реестров, содержащих указы, подготовленные в финансовом ведомстве Порты.

Среди таковых – «Реестр указов Имперского Дивана по финансовым вопросам описи Камиля Кепеджи» (*Kamil Kεpecı Divan-ı Hümayun Ahkam Defteri*) № 63 [BOA, KK. d. 63] и «Реестр, поступивший из финансового ведомства» (*Maliyeden Müdevver Defter*) № 233 [BOA, MAD. d. 233]. Второй реестр по сути является продолжением первого. Два этих реестра содержат копии указов и тезкире (проектов указов) по финансовой части за 960/1553 г. Среди них – 11 документов, связанных с Крымским ханством. Они адресованы санджакбеям, кадиям, назирам и эминам Кафы, Аккермана и Джанкермана (Очакова). Копии указов и тезкире касаются вопросов территориального разграничения Крымского ханства и Порты, выплаты жалования ханским слугам из доходов Кафы, выплаты жалования янычарам, приданным Девлет Гераю, выделения средств крымскому хану и кафинскому санджакбею для финансирования похода на закавказские владения Сефевидов, освобождения от таможенных пошлин судна с товарами хана и др.

В другом реестре описи Камиля Кепеджи записана копия султанского указа от 26 мухаррама 985 г. х. / 15 апреля 1577 г. н. э. уполномоченному дворцового интендантства в Кафе об установлении порядка выплаты средств из доходов Кафы на содержание благотворительного учреждения (*имарет*), основанного ханом Менгли Гераем I. Указ составлен в ответ на обращение хана Девлет Герая I [BOA, KK. d. 87, s. 77].

С конца XVII в. переписка султанов и великих везиров с иностранными и вассальными правителями начинает фиксироваться в «Реестрах августейших посланий» (*наме-и хумаюн дефтерлери*) – копий посланий османских государей и великих везиров иностранным правителям, а также переводов грамот иностранных правителей османским падишахам и великим везирам [Desaive, 1972]. Тексты посланий падишахов крымским ханам, содержащиеся в одном из таких реестров, опубликованы [Kıgıt, 2013].

⁹ Об этой коллекции см.: [Başbakanlık, 2000, s. 18–19].

Некоторое значение для изучения истории крымско-османских отношений третьей четверти XVI в. имеют расходные книги султанских дворцов, частью опубликованные О. Л. Барканом. В них содержатся сведения о времени пребывания и расходах на содержание ханских гонцов, прибывавших к султанскому двору [Barkan, 1979, s. 107, 138, 146].

Ценные сведения по истории Крымского ханства содержат документы османско-польской переписки и договорных грамот османских правителей польско-литовским государям, отложившиеся в польских и иных древлехранилищах, опубликованные и проанализированные в фундаментальной работе Д. Колодзейчика [Kołodziejczyk, 2000].

Некоторое количество документов, связанных с крымско-османскими отношениями, сосредоточено в фондах Канцелярии Имперского Совета (раздел «Крымская канцелярия») (документы за 1751–1791 гг.) [Başbakanlık, 2000, s. 285] и Канцелярии канцлера (реис-уль-кютаба) (документы за 1771–1790 гг.) [Başbakanlık, 2000, s. 288].

Письма крымских чиновников и представителей знати, переписывавшихся с пограничными российскими властями, отложились в некоторых региональных архивах Российской Федерации.

Сохранились и некоторые сведения о крымско-османских контактах в области мусульманского правоприменения. В библиотеке «Сулеймания» хранится копия фетвы¹⁰ шейх-уль-ислама Абу-с-Сууда эфенди (жил в 1490–1574 гг.), адресованной Девлет Гераю I. Хан спрашивал вердикта главного законоведа Османской империи по вопросу о необходимости уплаты закята¹¹ с доходов, поступающих в ханскую казну [SYEK, Esad Ef. 3835, vrk. 138b–139a]. Фетва не датирована, ее список содержится в рукописи письмовника, содержащего образцы финансовых и административных документов, писем и фетв. Манускрипт ориентировочно датируется первой половиной XVIII в.¹²

¹⁰ Фетва – решение по какому-либо общественному, политическому или правовому вопросу, выносимое на основании шариата.

¹¹ Закят – обязательный годовой налог в пользу нуждающихся, предписанный шариатом.

¹² Датировка произведена на основании самой поздней даты в образце документа: [1]117/1705–1706 гг. [SYEK, Esad Ef. 3835, vrk. 137b].

Другой рукописный сборник, отложившийся в «Сулеймании», содержит списки писем, которыми обменивались крымский хан Гази Герая II и шейх-уль-ислам Ходжа Саадеддин, наставник султана Мурада III и автор хроники «Тадж ат-таварих», образцы переписки других османских вельмож с ханами, а также списки султанских рескриптов (*хатт-и хумаюн*) ханам Ислям Гераю и Джанибек Гераю [SYEK, Nuruosmaniye 4292]¹³. Самым интересным документом этого сборника, однако, следует считать список письма крымского хана Менгли Герая I неназванному казанскому хану [SYEK, Nuruosmaniye 4292, vrk. 15–18]. З. В. Тоган адресатом письма называет хана Мухаммед-Амина и датирует документ 1513 годом [Togan, 1981, s. 362]. Первую публикацию этого источника осуществила Бедрие Сабит [Sabit, 1934, s. 25–27]. Документ, по справедливому замечанию З. В. Тогана, заслуживает подробного исследования и критического издания [Togan, 1981, s. 494, not 206].

Сведения о крымско-османских отношениях содержатся также в Архиве ведомства шейх-уль-ислама при Стамбульском муфтияте. В реестре назначений (*Ruznamçe*), составленном в канцелярии кадиаскера Румелии за 952–959/1545–1552 гг. имеется запись о включении 5 сафара 956 г. х. / 5 марта 1549 г. н. э. некоего Закарии по ходатайству хана [Сахиб Герая] в число стажёров-кандидатов (*mülazim*) на замещение должности мударриса или кадия [İMMA, Rumeli Kazaskerliği Ruznamçeleri, № 178, s. 18].

Отдельного упоминания заслуживают документы частного происхождения (прежде всего прошения и челобитные). К настоящему времени их известно меньше, чем документов официальных. Некоторые из них введены в научный оборот [Le khanat, 1978, p. 129–131¹⁴; Мустафина, 2006¹⁵].

¹³ Несколько посланий Гази Герая II приводятся и в «Семи планетах» Ризы [Риза, 1832, с. 119–126].

¹⁴ Публикация прошения двух слуг «султана Саадед-Гирея» на имя османского падишаха предположительно 1538 г.

¹⁵ Документ, связанный с судьбой крымской полонянки Канти, дочери Ир-Мухаммеда (Кентейки Ирмухамметовой), написан на русском языке, но содержит собственноручную подпись крымской татарки, выполненную арабской графикой.

1.6. Татарские родословные (шеджере)

И. В. Зайцев

Бейские родословные представляют собой ценнейший источник по истории Крымского ханства. Сохранившиеся до нашего времени родословные крымскотатарских родов относятся к началу XIX в., однако совершенно очевидно, что велись они в каждом из кланов задолго до этого.

Вскоре после вхождения полуострова в состав Российской империи встал вопрос о признании за крымскими бейскими родами прав российского дворянства. В 1807 г. таврический губернатор Мертваго сделал запрос губернскому предводителю дворянства Нотаре о том, «какие роды мурз должны считаться бейскими», на что был получен ответ: Ширинские, Мансурские, Сиджеутские и Аргинские составляют первые четыре рода беев, второй же разряд составляют Кипчакские и Яшлавские. Мурзинские фамилии из капыхалков и уланов: 1) Ак-Мамбет-Оглинские, 2) Сеит Оглан Карасубашинские, 3) Абдулла-Оглан Абланские, а из капыхалков: Апоракские, Даирские, Кайкубатские, Тайганские, Битакские, Булганские и Мерхатские; наконец, и черкесских капыхалков: Салгирские, Аратунские и Альминские. «Когда состоялось Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета о разборе магометанских и греческих дворянских родов, то Ширинские, Мансурские, Сиджеутские, Аргинские, Кипчакские, Яшлавские и прочие из поименованных родов представили в Таврическое Дворянское Депутатское Собрание документы, которыми они доказывали свое происхождение. Это были: во 1-х, ханские ярлыки и султанские фирманы, выданные предкам беев, во 2-х, свидетельство дворян-мурз о родовитом происхождении их и, в 3-х, родословные бейских фамилий» [Лашков, 1889, с. 96–97].

Ширинские. Родословная Ширинских сохранилась в деле 1862 г. «О дворянстве мурз Ширинских» в архиве Таврического дворянского собрания (Государственный архив Республики Крым, ф. 49 «Таврическое губернское дворянское депутатское собрание») и была подписана

неким племянником последнего хана Шахин Герая [Лашков, 1889, с. 97–98; Выписки]. Согласно Ф. Ф. Лашкову, текст ее таков: «Род беев Ширинских есть первый из всех семи бейских поколений татарских. Ширинские, происходя от древних завоевателей Крыма, всегда составляли в оном первейшую в народном собрании степень. Предки Ширинских пришли в Крым от реки Волги с подвластными им народами, коими всегда обладали и кои служили под их знаменами. Старший в роде Ширинских имеет титул бея, второй по нем имеет титул калга, третий имеет титул нурадин, а прочие все Ширины хотя и именуется мурзами, но будучи, по знатности породы, уважаемы, имеют преимущество пред прочими другого происхождения мурзами. Титул же калга и нурадин имели только ханские и Ширинские роды. Предок Ширинских был известный Дангы-бей; прежде еще покорения Крыма татарами, он владел за рекою Волгою много-численным народом... Дангы-бей командовал войском, а сын его Руктемир-бей всегда находился при хане Тохтамыше. Руктемир-бей, за оказанные хану верные и усердные услуги, от коих зависело сохранение его жизни и благосостояния, возведен в первые над всеми подвластными хану бегами и народами, и дано ему первое место во время присутствия в диване и право сидеть рядом с ханом с правой стороны его. Сверх того хан уполномочил Руктемир-бея во всем его ханском правлении участником, пожаловал его в том грамотою с тем, что без воли и согласия Ширинского бея никакие важные государственные дела не начинались бы и не оканчивались. Почему Ширинский бей считался хану товарищем, для чего и пожалован от хана вензелем, каковой сам хан имел, и печатью, называемою по татарски Бадемы Мугыр (т. е. миндалевидная печать, – И. З.), каковой печати более никто из беев не имеет. И когда Руктемир бей по заслугам своим достиг до важнейшей степени, то хан Тохтамыш наконец выдал за него родную сестру свою Джанике Слухани, от кото-

рой Руктемир бей имел сына Тегене-бея. После чего Тохтамыш хан умер, а на место его поступил ханом Кадыр Берды, по смерти кое-го власть Ширинских беев до того возвысилась, что с того времени последующие ханы избираемы были Ширинскими баями, и первый по Кадыр Берды хане избран таковым Улу-Махмет Герай хан Тегене-беем Ширинским. Сын его Маман бей при Хаджи Герай хане, имея знамена и подвластные ему народы, пришел от реки Волги в Крым, оный завоевал, а когда Хаджи Герай хан на 16-м году своего царствования умер, то по смерти сего хана произошло между наследниками его междоусобие, вследствие которого старший сын его Менгли Герай хан принужден был удалиться под защиту генуэзцев в крепость Мангуп, откуда пленным отвезен в Константинополь. Между тем первый завоеватель Крыма Маман бей Ширинский умер, а на место его поступил родной сын его Эменек-бей, который при всем старании, не могши прекратить продолжавшегося в Крыму междоусобия, принужден был отправиться сам в Константинополь к Султану Фатти Мегмету, у которого и просил возвращения Менгли Герая хана с условием, что Крым и народ, в оном обитающий, должен состоять под властью турецкой Порты. На каковое предложение Султан охотно согласился, поставив с своей стороны требование, чтобы впредь крымские ханы были определяемы с утверждения Турецкой Порты. Почему как Менгли Герай хан, так равно и Эминек бей приняли на верность подданства Султану присягу. Первый из них утвержден крымским ханом, а последний пожалован от Султана важными подарками: бунчуком и прочими драгоценностями и знаменами. Оба они морем прибыли в Феодосию, а потом в Старый Крым в 1478 году. С того времени первый в роде бей Ширинский, при поступлении на сию степень, пользовался дарованным от Султана правом трех-бунчужного паши и командовал крымским народом, и до покорения Крыма под Всероссийскую державу бей Ширинские были знаменитейшие и сильнейшие из всех, так что по требованию их Турецкая Порта сменяла и определяла в Крыму ханов.

Владение беев Ширинских заключало осо-

бенный удел, начинавшийся от Перекопа и простиравшийся к стороне Азова» [Лашков, 1889, с. 98–100]. Безусловно, составители родословной имели под рукой готовую письменную зафиксированную историю бейского рода, которая велась издревле. Историчность предка Ширинских князей – Дангы-бея – не вызывает сомнений. В русских летописях под 1432 г. «Тегиня», т. е. Дангы назван «князем великим Ордынским».

Возможно, сведения родословных кланов беев-карачу включались и в крымские историографические сочинения «классических» форм – хроники. Так, данные Абд ал-Гаффар Кырыми, который сам происходил из Ширинов, о собственном роде, рассыпанные по его тексту, позволяют досконально реконструировать родственные связи фамилии, начиная с Руктемира, на много поколений вперед [Inalcik, 1979–1980]. Глава его сочинения о Ширинском клане [Kırmı, 1343, с. 193–198; Кырыми, 2014, fol. 318a и далее] имеет много общего с делом «О дворянстве мурз Ширинских», что свидетельствует о возможном общем источнике этих текстов, каковым могла быть родословная клана, ведшаяся его представителями.

Яшлавские. В 1929 г. несколько немецких ученых (Ната и Ханс Финдайзены, а также проф. Зауэр) совершили поездку по Крыму с этнографическими целями. Ната Финдайзен, которая опубликовала по итогам экспедиции статью, упоминает некую хронику, на полях которой имелась пометка о том, что первое появление татар в Крыму датируется 1223 г. Далее Н. Финдайзен, видимо, на основании приписки (или самой хроники?), называет предком крымских татар бея по имени Абак-бей Кудалак, который пришел в Крым с Волги и привел на полуостров подвластный ему народ. Он завоевал город Кыр/Кир на месте современного Чуфут-Кале, т. е. Кыр-Йер, а сам поселился в Йашдаге, приобретая все большую власть [Findeisen, 1935, с. 162]. Очевидно, что у Н. Финдайзен была рукопись, повествующая о ранней истории Яшлавских беев Кыр-Ора, и с большой долей вероятности можно сказать, что это было за сочинение. Скорее всего, это была родословная Яшлавских беев,

которая хранилась в архиве Таврического дворянского собрания (Государственный архив Республики Крым, ф. 49 «Таврическое губернское дворянское депутатское собрание») и которую цитировали еще А. Завадовский, Ф. Хартахай и Ф. Лашков: Абак-бей Кудалак пришел с Волги вместе с подвластными ему народами, «в Крыму он завоевал еврейский город Кырк, неприступный по своему положению, со всеми его землями и поселился в Яшдаге, т. е. на полянах в молодом лесе между городом Кырком и рекою Альмой, отчего и прозвался Яшлав. Потомки и народ распространились в разных местах, им приобретенных» [Лашков, 1887а, с. 59; Лашков, 1889, с. 105; Лашков, 1895а, с. 73]. Ф. Хартахай переводил текст несколько иначе: «Они, т. е. беи, произошли от древнейших завоевателей Крыма и составляли в нем первейшую степень. Предок фамилии Яшлав, Абак бей Кудалак, в прошедшие века пришел с Волги и привел с собою подвластные ему народы, которыми всегда обладал и которые служили под его знаменами. В Крыму он завоевал еврейский город Кырк (ныне Чуфут-Кале), неприступный по своему естественному положению, со всеми его землями, и поселился в яшлове (молодой лес, поляна), между городом Кырком и рекою Альмою, отчего и прозвался Яшлав. Потомки его и народ распространились в разных местах, им приобретенных» [Хартахай, 1866, с. 220]. У А. Завадовского название места, где поселился Абак-бей, приводится в форме «Ядтаг»: он также использовал русские переводы истории рода – официальный документ 1842 г. о признании в дворянстве рода беев Яшлавских, утвержденных в дворянском достоинстве указом Сената от 30 октября 1820 г. [Завадовский, 1884, с. 264]. «Приведенные свидетельства, – писал Ф. Лашков, – не подлежащие сомнению, ибо они основаны на ханских ярлыках, довольно ясно рисуют тот путь, коим произошло основание Крымского юрта» [Лашков, 1887а, с. 59]. Действительно, эти данные находят подтверждение в существующих ханских ярлыках Яшлавским беям на Кыркор. Старейший из них датирован 1637 г. и выдан ханом Бахадыр Гераем. В нем беи названы «древними

владельцами города Керки, ныне именуемого Жидовским городом». Как отмечал В. Д. Смирнов, «таких вещей просто не вписали бы самые завзятые восточные риторы, писцы ханской канцелярии, в жалованно-подтвердительные грамоты» [Смирнов, 2005, с. 126–127]. Последовательность беев Яшлавских см.: [Лашков, 1895а, с. 74–75].

Мансуры. Род представлял собой потомков бей Мансура – одного из сыновей Эдиге, водворившихся в Крыму в 80-х годах XV в. Главным их представителем (старшим в роду) был отец ханши (сначала казанской – вдовы ханов братьев Халили и Ибрахима, а потом и крымской – жены Менгли Герая) Нур-Султан, беклербек Большой Орды Тимур (Темир). В архиве Таврического дворянского собрания хранилась и представленная к разбору российскими властями родословная Мансурских беев, в которой назван праправнук Эдиге «Давий-бий» [Лашков, 1895а, с. 75]. Ф. Лашков предполагал, что фигурирующий в крымских грамотах Дивеевский род назван так по его имени [Лашков, 1890, с. 41]. Это был документ, подписанный 12 представителями клана. «Род Мансурских происходит из семи бейских фамилий Мансурских беев от предка своего Эдиге-бея; потомки Эдиге-бея во время ханского правления имели власть на правление народами, в котором (правлении. – И. 3.) принимали участие 4 рода беев: 1-й Ширин, 2-й Мансур, 3-й Барын, 4-й Сиджеут, называемые *дорт-карачи*, без согласия сих 4-х беев хан сам собою ничего к управлению народов относящегося не мог предпринимать» [Лашков, 1889, с. 101]. Как справедливо отмечает А. В. Виноградов, в московских посольских документах они именовались «князьями Мангитскими», а с 90-х годов XVI в. – «князьями Дивеевыми», так как единственную ветвь этого рода представляли потомки знаменитого при Девлет Герае I внука Тимура Дивея-мурзы б. Хасана. Последний попал в битве при Молодях в 1572 г. в русский плен, где и умер в конце 70-х годов XVI в. [Трепавлов, 2001, с. 361; Виноградов, 2007, с. 125–126].

Сиджеуты. По словам Ф. Ф. Лашкова, родословной этого клана не было найдено, одна-

ко при деле об их дворянстве сохранилось свидетельство тринадцати знатнейших беев этого рода о том, что два представителя рода, доказывавшие свое дворянство, действительно принадлежали к Сиджеутским князьям, причем делалась ссылка на принадлежность к роду их отца и деда [Лашков, 1889, с. 102; Лашков, 1895а, с. 72].

Барыны. Как предполагал Ф. Ф. Лашков, в силу того что этот род ко времени утверждения русского владычества в Крыму пришел в упадок, то и родословной его не сохранилось [Лашков, 1889, с. 104]. Также не дошла до нас и родословная запись беев Кипчакских.

Как справедливо отмечает Н. С. Сейтягьяев, «историографический характер письменно зафиксированных крымскотатарских родословий подтверждается их использованием в качестве источников по средневековой истории полуострова, как, например, в случае с „Родословием беев Яшлавских“. Есть указания на происхождение династийной историографии Гераев из семейно-фамильной генеалогии» [Сейтягьяев, 2005, с. 7]. Сравнение с Волго-Уральским регионом,

где генеалогии первоначально сохранялись в устной форме, но к XVIII в., если не раньше, начали развиваться в качестве письменного жанра [Франк, 2008, с. 33], показывает, что уже в XVII в. в Крымском ханстве существовали родословные, безусловно зафиксированные письменно. Вполне возможно, что некоторые письменные родословия беев становились источниками для хроник. Иштвану Вашари удалось на материале русских родословных князей Юсуповых доказать, что генеалогические росписи в качестве источника использовались автором «Сборника летописей» Кадыр Али-беком, который писал свой труд в Касимове [Vásáry, 1995, с. 739]. Крымские историографические тексты показывают, что их авторы также использовали генеалогические записи, касающиеся как генеалогии Гераев («История Ислам-Гирея III» Мехмеда Сенаи [Senai, 1971, с. 133, 58]), так и родословных отдельных бейских фамилий (таких как Ширины, в сочинении Абд ал-Гаффара Кырыми [Kıymî, 1343, с. 193 и далее; Кырыми, 2014, fol. 318а и далее]).

1.7. Европейские картографические источники

И. К. Фоменко

Цель данного раздела – проследить на материале графических источников (карт XV–XVII вв., вышедших из ведущих картографических мастерских Европы) отражение знаний европейцев о Крымском ханстве. Постараемся выяснить, как аккумулировалась информация о Крымском юрте, осколке Золотой Орды, мощном государстве Северного Причерноморья, просуществовавшем без малого 350 лет (с 1441 по 1783 гг.), за которым в Европе закрепилось название «Малая Тартария» («*Tartaria Minor*»). Посмотрим, как европейские мастера-картографы маркировали границы этого государства, протянувшегося от эстуария Дуная до Зихии, что в современном Краснодарском крае; какими миниатюрами и легендами они снабжали «*Tartaria Minor*». Сразу отметим, что за редчайшим исключением отражение

политической ситуации в Северном Причерноморье на картах отстает от реальности, как правило, на 30–50 лет, а то и больше.

XV век

Тартарский король. Одной из знаковых для раскрытия нашей темы является морская карта, изготовленная каталанским мастером Хайме (Жауме) Бертраном в 1482 г. По ней мы можем проследить становление Крымского юрта как независимого государства и выход его из-под власти Золотой Орды. На карте, восточнее Крыма, присутствует довольно крупное изображение правителя со скипетром и державой, именуемого «*La Gran chan Amperator de Tartaria*». На левом берегу Днепра, восседает на подушках правитель Крыма, вооруженный кривым мечом и круглым

щитом с изображением стилизованной тамги, рядом подпись «Царь Тартарии». «Rey de tartaria» взирает на Запад [Ronsière, 1925], на правителя Руси, который, в свою очередь, смотрит на своего восточного оппонента.

Обратим внимание на то, что все важнейшие объекты на карте имеют билингвистические подписи, как на латыни, так и на турецком. Этот факт свидетельствует, что портолан использовался также и османами (трофей?) – лоцманами или географами. Над Каф-фой все еще реет знамя с крестом св. Георгия, хотя уже за 7 лет до создания карты османы захватили полуостров. Но самое удивительное, что мы, возможно впервые, видим на этой карте топоним «Крым»! Надпись маркирует полуостров красными чернилами, чтобы акцентировать внимание зрителя. В письменных источниках восточного происхождения топоним «Крым» встречается уже в XIII в. До появления этой карты, да нередко и после, западные картографы отмечали полуостров и часть Северного Причерноморья названием «Газария», которое происходило от этнотопонимов «Gatzar» (Хазария) [Фоменко, 2011], Таврика и пр.

На карте генуэзского картографа Альбино де Канепа всё Северное Причерноморье маркировано знамёнами республики святого Георгия – Генуи, хотя карта датирована 1489 г. Этот графический приём изображения узнаваемого флага на картах в XV–XVI вв. демонстрировал читателю, кому принадлежит данная территория. Крымский полуостров обозначен как «Gazaria», но севернее миниатюрист поместил два огромных ханских шатра, что косвенно свидетельствует о политических переменах в регионе, причем не в пользу европейцев.

XVI век

В этот период Крымское ханство на графических полях европейских карт обзавелось границами, геральдической стеммой, иконографией правителя, бытовыми деталями и пр. атрибутами «картографической государственности».

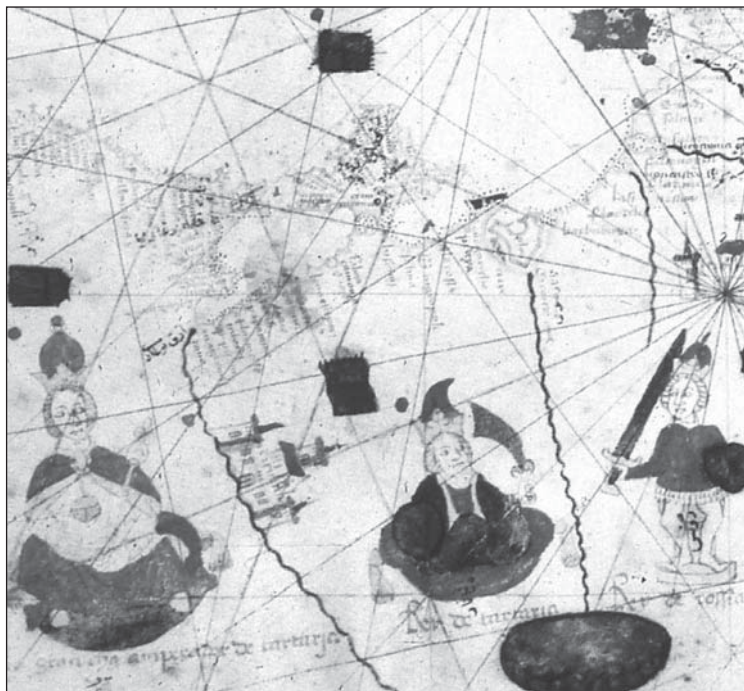

Рис. 1. Фрагмент морской карты-портолана 1482 г. Хайме Бертрана.

Император Великий Тартарин. На портолане 1529 г. мастера из Анконы Конте ди Оттомане Фредуччи в художественной форме показано становление государственности Крымского юрта. Собирательный образ тартарского правителя (художник воплотил его в образе Тамерлана) помещён в Северном Причерноморье близ Крыма в междуречье Днепра и Дона над регионом «Кумания». На миниатюре правитель Тартарии восседает на низком троне, он вооружён восточным щитом и кривым мечом. Взгляд его устремлён в сторону Запада, на «Царя России». За спиной владыки помещён топоним «Tartaria», а под ногами текст на латыни, состоящий из 8 регистров, который полностью приводится ниже. Отметим, что протографы подобного текста встречаются на генуэзских портоланах второй половины XV в.

«Этот император именуется “Великий Тартарус” («Magnus Tartarus»), и в своём государстве он обладает великим могуществом. По его повелению могут собраться двести тысяч всадников и бесчисленное множество пеших воинов. Что же касается образа жизни тартар, то он сильно отличается от жизни в городе. Они имеют уgro-

Рис. 2. Портолан 1489 г. генуэзского мастера Альбино де Канепа.

жающий внешний вид и отталкивающий образ: широкие лица и маленькие глаза. Их жилища и города, в которых они живут со своими семьями, состоят из повозок, которые они перемещают с помощью лошадей и быков. Земля их представляет собой низменную долину. Из среды их народа вышло много деятельных и могущественных

правителей, и особенно один, который присоединил к своей империи владения Византии в Малой Азии, обе Армении, Месопотамию, землю Халдеев, Сирию, Мидию, Персию и даже часть Индии; в ходе завоеваний он предал огню многие города, а звали его «великий Тамерлан»»

Легенда близ правителя России является самой пространной, это первая из известных легенд о «Rossia» на портоланах. По всей видимости, здесь можно усмотреть влияние знаменитой планисферы 1459 г. Фра Мауро. «Этот коронованный Король России очень велик и могуществен. Его царство состоит из трёх провинций: первая именуется «Россия», вторая «Чёрная Россия», а у третьей название – «Белая Россия». В этой стране проживают очень искусные ремесленники и превосходные торговцы. В России имеется огромное количество богатства, особенно всеразличнейших мехов, которые они продают в Персию, перевозя их через Каспийское море и Каспийские горы. Также жители России поставляют меха во Фландрию и другие страны, переправляя их по Германскому морю».

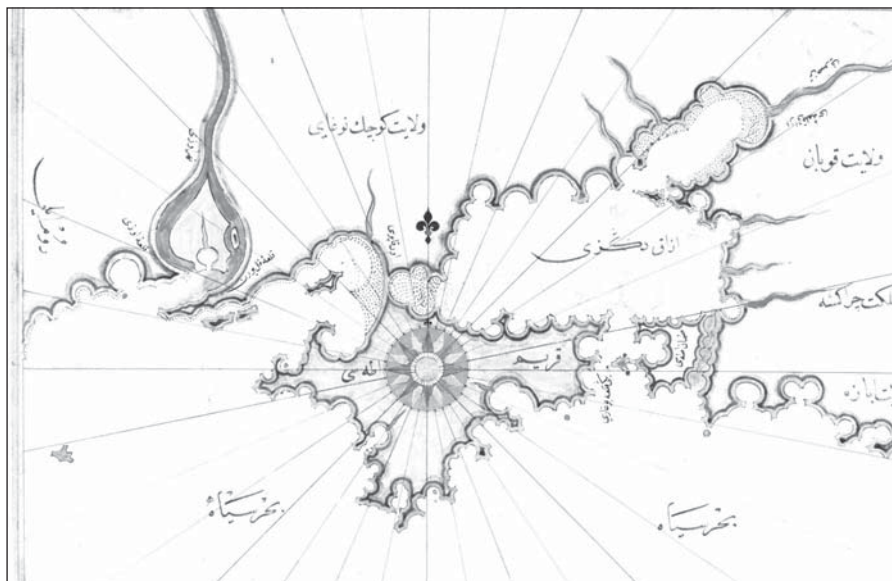

Рис. 2-а. Карта Крыма и части Северного Причерноморья из морского атласа Бахрие. Пири Реис, около 1520 г. Примечательно, что на этом османском портолане компасная роза помещена в центр Крымского полуострова, который выполняет для неё роль драгоценной оправы.

Царь Tartaro. Следующий блок морских карт снова демонстрирует европейскому читателю агрессивный образ «чужого», вооружённого и очень опасного «Tartaro», снабженного огромным кривым мечом. Причем здесь мы видим уже не собирательный образ восточного татарского императора, а иконографию крымского хана.

Устрашающего вида миниатюра Tartaro присутствует на навигационной карте из морского атласа 1512 г. Весконтте де Маджоло и на его же портолане 1541 г., а также на морской карте другого представителя знаменитого генуэзского кла-

на картографов третьей четверти XVI в. – Джакомо Маджоло [Фоменко, 2011]. Все фигуры «Тартаро» взирают на Крым, раскинувшийся у их ног, все восседают на низких тронах и все вооружены огромными кривыми мечами. Однако парадные ханские одежды у них разные.

Вассалитет. Европейские картографы, несомненно, обладали информацией о вассальных отношениях Крымского ханства к дому Османа. Посмотрим, какие же художественные приёмы использовали картографы, чтобы продемонстрировать в своих работах данный концепт.

На морской карте венецианского картографа Джорджо Сидери Каллапода (карту он создал в Кандии на Крите) близ Перекопа мы видим флаг, где на красном поле изображён золотой полумесяц. Полотнище подобного дизайна он водрузил и над столицей османов Стамбулом.

На навигационной карте, изготовленной на Пиренеях португальцем Диогу Хомемом, над Крымом развевается огромный алый стяг, на котором художник поместил сразу 4 золотых полумесяца.

Картограф Фернан Дурадо на портолане 1570 г. демонстрирует дизайн османского герба, который подобен европейскому. Гербовое поле разделено на 4 части: левое верхнее и правое нижнее окрашены в синий цвет, а правое верхнее и левое нижнее – в красный. В каждом вписан золотой полумесяц. На этом роскошном портолане присутствуют только два подобных герба: над Крымом и в Анатолии.

На портолане 1563 г. Джакомо Маджоло в Северном Причерноморье, где практически над всеми городами реют флаги с османской символикой, находится огромный ханский шатёр, расшитый золотыми узорами. Перед ним на высоком европейском троне восседают «Тартарский Король» в чалме и с пышными усами. Художник не снабдил «Re de Tartaria» никакой арматой, и выглядит он, как ни странно, совершенно не агрессивно. Взгляд «Короля» устремлён на Восток. А над роскошным шатром, маркирующим ханскую ставку, развевается стяг с изображением золото-

Рис. 3. Фрагмент морской карты Конте ди Оттомане Фредуччи 1529 г.

го полумесяца на красном фоне (на всех остальных флагах поле жёлтое, а полумесяц красный). Таким образом, миниатюрист продемонстрировал нам особый статус Тартарского Короля; а в эпоху средневековья, как известно, символ играл огромную роль.

Тамга. На карте, посвящённой Польше и Вен-

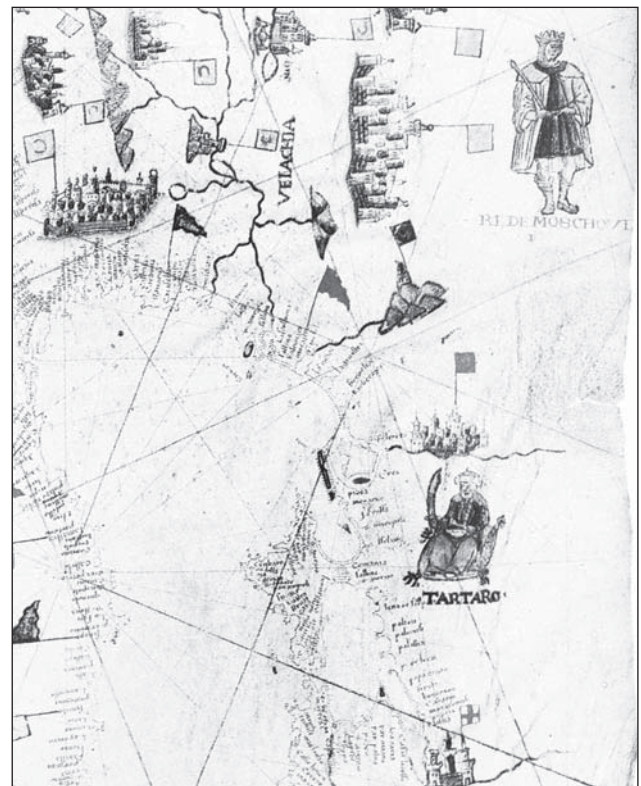

Рис. 4. Фрагмент портолана Джакомо де Маджоло (третья четверть XVI в.).

Рис. 5. Портлан португальского картографа Диогу Хомема 1563 г.

грии, из латиноязычного варианта знаменитой «Википедии Средних веков» – «Космографии» Себастьяна Мюнстера появляется «герб» Крымского ханства – тамга. Дизайн её своеобразен. Это производная от тамги хана Узбека (версия 1312 г.). Черная тамга вписана в красное гербовое поле и помещена над Азовским морем. Над этим «гербом» вырезано название региона, которое будет кочевать по европейским картам несколько столетий – «Малая Тартария» («Tartaria minor»). Сам же Крымский полуостров «принадлежит» перекопским тартарам («Tartaria Prescopiens»). Крымская топонимика на карте лапидарна: на перешейке уже отмечено укрепление «Prescop»; «Coslo» (Евпатория); «Kerkel» и «Moncop» (Мангуп).

Тартары Перекопские. На карте «Современная Сарматия в Европе...» германского картографа Мартина Вальдземюллера (ум. в 1518 г.), которая предназначалась для Страсбургского издания «Географии» Клавдия Птолемея 1513 г., появляется одно из первых упоминаний того, что земли в Северном Причерноморье принадлежат Крымскому ханству – «Тартария перекопских (татар)». Этот этноним надолго закрепился в европейской картографии. А на самом полуострове внимательный европейский читатель мог увидеть, что

Крым в начале XVI в. обозначен как «Таврика Херсонесская, а в настоящее время Малая Тартария».

Карта «Московии» 1525 г. была составлена по материалам русского посланника в Ватикане Дмитрия Герасимова и являлась приложением к сочинению гуманиста Паоло Джовио «Книга о московитском посольстве».

Регион между Днепром и перешейком маркирован надписью «Перекопские Тартары». На самом же полуострове мы видим традиционное название Крыма – «Тавр(ика) Херсонес(ская)». На этой знаковой табуле картографом Баттиста Аньезе была добавлена миниатюра населённого пункта у излучины левого

рукава Днепра, который на карте 1513 г. Мартина Вальдземюллера отмечен пуансоном как город «ereza» (возможно, Березань).

Быт. Регион Малой Тартарии на карте «Московии» (протограф 1542 г.; наша гравюра 1570 г. Франца Хогенбергера), составленной по материалам предоставленным беглым боярином Иваном Ляцким в 30-е годы XVI в. мастеру из Данцига Антонию Виду, простирается от реки Яик до Днепра.

«Перекопская» Орда находится на своем традиционном месте в Крыму, а принадлежащие ей стада пасутся севернее, доходя до истоков «Сосны-реки». Близ вооруженных фигур перекопских татар (на протографе) помещен авторский текст: «Тартары эти сильно враждуют с христианами». Возможно, появлению этой ремарки поспособствовал поход крымских татар на Москву 1541 г. или чуть более ранний набег на Волынь. Европейский «Счастливый Читатель» (так в авторском обращении) мог лицезреть быт крымцев: ханскую ставку с шатрами и табун лошадей.

На «отчётной» карте Московии Яна и Лукаса Дутекумов, изготовленной до 1572 г., в области «Crimea» присутствует более пространная легенда: «Крымцы суть Магометане, и они соверша-

ют набеги на Московитов, с которыми постоянно ведут боевые действия».

А на карте Дженкинсона-Ортелия 1570 г. (протограф 1562 г.) читатель может видеть, как конный лучник под грифом «Crimea» с воинственным видом скачет в сторону крепости «Азов». Вооружение всадника составляет композитный лук и круглый щит, закинутый за спину.

Границы и столицы. К концу XVI в. на европейских картах Крымское ханство наконец-то обзаводится столицей. На карте Герарда Меркатора 1595 г. этот регион обозначен – «Таврика Херсонесская, как её именовали в старину, а ныне Таврика Перекопская и Газария». В названии карты явно прослеживаются полонизмы, что косвенно свидетельствует о том, какие источники легли в основу ее составления. Границы «Крыма, или Перекопской Тартарии» («Crimea seu Tartaria Przesopensis») на карте отмечены пунктиром и для большей наглядности тонированы жёлтым цветом. На западе Крымский юрт ограничен левым рукавом эстуария Днепра; на севере – рекой Сейм; на востоке границей ханству служит «Северный Донец, или Малый Танаис»; на юго-востоке граница проходит по правому берегу Дона.

Весь полуостров, которому автор карты оставил традиционное название

Рис. 6. Новая карта Польши и Венгрии.
Космография Себастьяна Мюнстера. Базель, 1552.
Латинская версия.

Рис. 7. «Современная Сарматия в Европе...».
Мартин Вальдземюллер. Страсбург, 1513 г.

Рис. 8. Фрагмент карты Московии, 1570 г. (протограф 1542 г.).

«Таврика Херсонесская», усеян городами и населёнными пунктами, тонированными в большинстве своём для наглядности красным цветом. Самым крупным городом в Крыму, судя по миниатюре, является «Феодосия, которая ныне именуется Каффа». Затем по значимости идёт Бахчисарай («Вассарайум»). Солхат («Сремум»), к примеру, обозначен таким же значком, как Мангуп («Мансориа»).

XVII век

Образ "тартарина". Итак, на наших графических полях наступил XVII век. На карте Йодокуса Хондиуса 1606 г. с лапидарным названием «Tartaria» в Закавказье помещены две фигуры,

Рис. 9. Фрагмент карты Московии Дженкинсона-Ортеля. Гравюра 1570 г. (протограф 1562 г.).

экзотические как для этого региона, так и для европейцев. Это «образ тартарина» и «образ самоеда».

«Imago Tartari» представляет собой воина, вооружённого составным луком (тетива ослаблена, что свидетельствует о его мирных намерениях) и булавой, усеянной острыми шипами. Житель Крайнего Севера облачён в шкуру морского зверя и вооружён гарпуном. Беседа между ними носит миролюбивый характер. Топоним «Крым. Перекопские Тартары» на этой карте «форсировал» реку Северский Донец и достиг Иван-озера.

«Феодоров Вал». Рассмотрим карту России Гесселя Герритса 1614 г., базирующуюся в основном на подлинных русских чертежах XVI столетия [Рыбаков, 1974, с. 57–68]. Вопрос о том, каким образом Герритс получил русские материалы, никогда не ступая ногой на российскую землю, остается открытым. Считается, что часть информации Герритсу предоставил Исаак Масса. Манускрипт с изображением центральной части России приписывают одному из первых известных нам русских картографов, царевичу Федору Годунову [Багров, 2005, с. 256]. Информация об использовании Герритсом других источников, помимо чертежа Федора Годунова, подтверждается языком самой карты. В частности, Герритс привлекал карту России Герарда Меркатора из атласа 1595 г. Ошибка с карты Меркатора перекочевала на «Tabula Russiae» 1613 г.

Если карта русского государства, использованная Герритсом, была вычерчена царевичем Федором Годуновым, который имел доступ к официальным секретным русским картам, в том числе и к «Большому чертежу», то карта Герритса – своего рода ремейк не сохранившейся графики Большого чертежа.

В левом нижнем углу карты присутствует роскошный картуш в обрамлении державной атрибутики Московского государства, из текста

которого следует, что основой карты стали материалы, связанные с именем Федора Борисовича Годунова. Карта посвящена воцарившемуся в 1613 г. Михаилу Федоровичу Романову («Карта РУССИИ, была изготовлена с манускрипта, который был вычерчен при участии Феодора, сына Царя Бориса»).

Она демонстрирует впечатляющую линию засек. Европейский читатель мог с удивлением видеть гигантское сооружение, так называемую «Saisek» (засечную черту), которая протянулась от верховьев реки Псел до Волги, южнее города Saratoff! А в регионе «Mordva» можно прочесть пояснительный комментарий близ этого «Феодорова Вала» о том, что «Засека сооружена царем Федором Иоановичем для защиты от набегов крымских татар».

Напротив «Saisek», словно подразделения татарской конницы, от Днепра до Волги, протянулось название государства, которое вызывало такие опасения – «Crimea, или Перекопская Тартария». Обратим внимание на то, что столицей государства «Crimea» является на карте не «Vassarajum», а город «Сrim», о чём свидетельствуют размеры миниатюры и маркировка значка города красным цветом.

«**Перекопская Империя**». Перед нами карта 1634 г. (мы рассматриваем только правую панель течения р. Днепр), вышедшая из мастерской всемирно известной картографической фирмы Блау в Амстердаме. Протографом данной карты стала первая карта Великого княжества Литовского, изготовленная в 1613 г. по заказу литовского магната Николая Радзивилла по прозвищу «Сиротка» польским картографом Томашем Маковским. Кстати, именно на этой табуле в регионе «Внешняя Вольнь», которая на карте находится в нижнем течении Днепра, впервые появляется топоним «Украина». Легенда гласит, что «Вольнь Внешнюю, также называют “Украина”, или по-другому – “Низ”».

Рис. 10. «Таврика Херсонесская...». Герард Меркатор, 1595 г.

Рис. 11. Тартария. Йодокус Хондиус. Амстердам, 1606 г., фрагмент.

Рис. 12. «Карта России по материалам и чертежам (царевича) Федора Борисовича (Годунова) ...». Гессель Герритс. Амстердам. 1614 г. (протограф 1613 г.)

На этой замечательной карте уделено значительное внимание как татарским, так и христианским укреплениям. Следует обратить внимание читателя на то, что Крымский юрт на этой карте, которая многократно переиздавалась и имела широкое хождение по всей Европе, именуется «Империей»! О западных рубежах Крымского государства говорится, что это «Часть Империи Перекопского Хана». Само же Перекопское укрепление («Przescor») присутствует в правом нижнем углу и омывается зелеными водами «Понта Эвксинского».

«Дикое поле» в начале XVII столетия представляло собой весьма нестабильный регион, где постоянно происходили столкновения войск Речи Посполитой, запорожцев и москвитов с крымцами и ногаями. Близ острова Хортица, на правом берегу Днепра, выше впадения реки Конские Воды, помещена миниатюра крепости, над которой возвышается латинский крест, а рядом комментарий: «Хортица. Есть место на реке Борисфен, где Дмитрий Вишневецкий... построил свою фортецию, которую он опоясал стенами;

а крепость она, в силу своего предназначения, должна была максимально предотвращать опасность военного вторжения, как со стороны князей или перекопских ханов, так и всех прочих орд и набегов...».

Близ города Очакова, над стенами которого на карте красуется полумесяц, читаем: «Очаков – один из главных скифских (татарских. – И. Ф.) городов. Он от Черкасс отстоит на 67 миль; от порогов на 30, а от Белгорода на 20 миль».

Напротив крепости «Живые подковы» на левом берегу Днепра находится более мощное (судя по миниатюре) татарское укрепление – «Ostam kermen», в самом названии которого заключено слово «крепость». В тексте объясняется, почему она так серьезно укреплена: «Опоясанная стенами крепость Остам Кермен,

населена тартарами. А укреплена она по причине постоянных казачьих рейдов из Тартарской пустыни (Дикое поле. – И. Ф.)...».

Война Севера и Юга. Вехой в картографировании Речи Посполитой и всего Северного Причерноморья стала карта Гийома Боплана, посвященная «Пустынным Полям, именуемым в просторечье “Украиной”» (Camporum Desertorum vulgo Ukraina). В 1645 г. Боплан получил от короля Польши Владислава IV привилей (разрешение) на публикацию карты Украины, которая и была гравирована в Данциге Виллемом Хондиусом. Более подробный вариант табулы появился в 1648 г. уже после отъезда Боплана из Речи Посполитой.

Гийом Левассер де Боплан (1600–1675) – французский инженер и гидрограф. С 1630-го по 1647 гг. находился на службе у польского короля Сигизмунда III в качестве старшего капитана артиллерии и военного инженера. Задачей французского специалиста было создание на территории Украины сильной укрепленной линии для защиты от набегов запорожских казаков и крым-

ских татар; наподобие засечной черты у московитов. Работы проводились в так называемом «Диком Поле», на нейтральной полосе между казачьими и колонизируемыми польской шляхтой землями – в Новом Конецполе (1634 г.), Кодаке (1634 г.), Кременчуге (1634–1635 гг.) и т. д.

Карта (ориентация на юг) снабжена подробнейшей легендой, состоящей из 18 наименований. Территорию Крымского ханства в Северном Причерноморье Боплан маркирует как «Loca Deserta» или «Dzike Polie», подобное название южнорусских степей – «Пустынь» на карте упоминается трижды.

На этой замечательной карте отмечены реки и урочища, дороги и переправы через водные преграды и проч. На перешейке мы видим город «Ог» (с лат. дословно «Вход»), а южнее проникновение на полуостров перекрывает вторая линия обороны – гигантский «Ров» («Fossa») с узким проходом. Города в самом северном «Crimea» не обозначены, а татарские поселения отмечены миниатюрой двухколёсной повозки (8 единиц), которые в комментарии-«Знаках» отмечены как «Селения Кочевников Тартар».

Художник показал на карте, как с территории полуострова идёт в поход огромная армия, состоящая из 10 корпусов, под развевающимися знамёнами. Половина армии уже переправилась через «Реку Борисфен, которая ныне именуется Днепр». Двигается конница к реке Ингул, Чёрному лесу и к «Чёрному шляху» («Czarny Slac») на «Брацлавский палатинат». Впереди и по сторонам войска на карте отмечены конные патрули. Так европейский читатель мог воочию увидеть поход «Пржекопских Тартар» и поразиться масштабу вторжения. Здесь трудно говорить о каком-то конкретном походе крымцев и их союзников, но когда Боплан работал на Украине, там были памятные походы 20-х годов XVII в. и поход калги-султана Ислам Герая на Правобережную Украину по Чёрному шляху в январе 1640 г. Вполне возможно, на нашей карте он и запечатлен.

На страже наследия Золотой Орды. В художественной картуше табулы 1680 г. «Новейшей и наиболее верной карты Всея России...» представителя известного амстердамского семейства гравёров и издателей Данкертсов – Юста нашло отражение противостояние Европы и России, с одной стороны, и Крымского ханства и османов – с другой. Слева в картуше на заднем плане татарские воины, вперед выступил один из янычар, вооруженный кинжалом, ятаганом и мушкетом, облаченный в традиционные одежды янычарского оджака. Противостоит им фигура одного из представителей антитурецкой коалиции – европейский наёмник, который воинственно потрясает шпагой, выглядывая из-за спины российского воеводы, указывающего янычару, который находится уже у истоков реки Яик, картушный таш с надписью

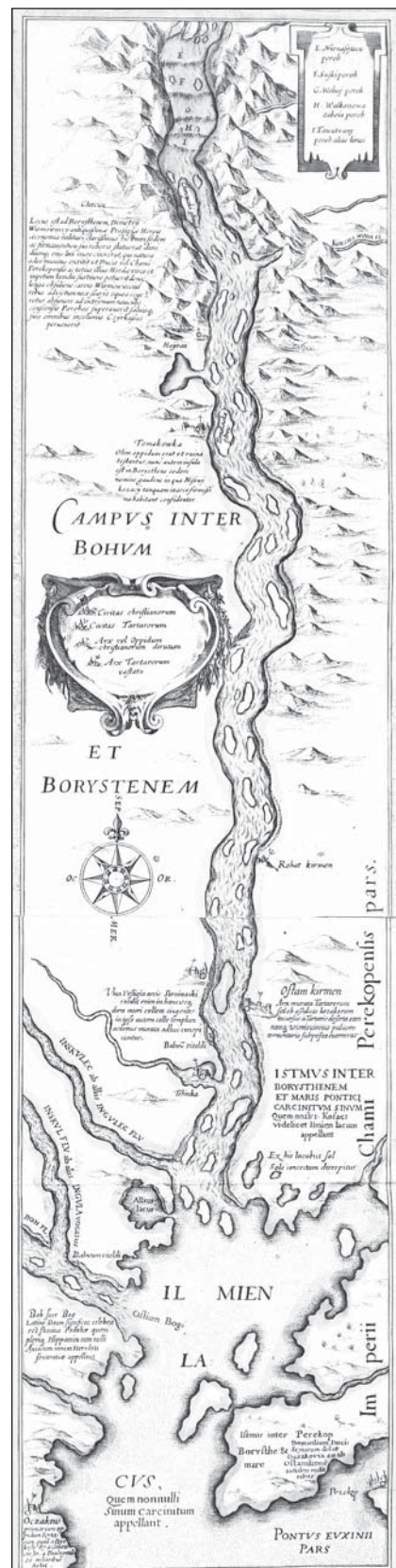

Рис. 13. Фрагмент (правая панель) «Карты Днепровских порогов». Гравёр Гессель Герритс. Виллем Блау. Амстердам, 1634 г.

Рис. 14. Фрагмент Генеральной карты Украины. Гийом Левассер де Боплан. Гравер Виллем Хондиус. Данциг, 1648 г.

Рис. 14-а. «Новая карта театра военных действий в России и Турции, которые проходили на территории Крыма и в Чёрном море в 1736—1737 гг.» была отпечатана во второй четверти XVIII в. в Нюрнберге издательским домом Адама Ионтана. Близ берегов юго-восточного Причерноморья как корабельный парус парит хартия, именуемая «Erklärung der Buchstaben», — пояснительная легенда, состоящая из 8 позиций, которая заканчивается латинской литерой «h», обозначающей Сиваш как «Guiboe More». Четверть графического поля карты занимают четыре врезки; три верхних

регистра посвящены важнейшим эпизодам Русско-турецкой войны 1735—1739 гг. Основным событием этой «Gaza» было взятие русскими войсками под предводительством уроженца графства Ольденбургского Бурхарда-Христофора Миниха турецкой крепости Очаков 3 июля 1737 г. В Германии различные картографические школы довольно часто отражали в графике события этой войны — во многом, благодаря стараниям самого фельдмаршала Миниха, который развел невероятно бурную деятельность по прославлению своей победы под Очаковым в Европе.

«Russia vulgo Muscovia». Символично, что за спиной крымско-турецких аскеров находятся «Царство Булгарское», «Царство Казанское» и «Царство Астраханское».

Границы «Малой Тартарии», отмеченные точечной линией, на карте Данкертца наконец-то во второй половине XVII в. переместились через Дон и достигли земель «Кабардинцев». Сам Крым, тонированный жёлтым цветом, обозначен как «Таврика Херсонесская». Крупнейшими городами на полуострове являются Бахчисарай и Каффа. Для большей наглядности значки окрашены в красный цвет. Рубежи обороны от вторжения с севера — «Ров» и крепость «Ор» тоже присутствуют на графических полях.

XVIII век

Картирование европейцами Крымского юрта в XVIII в. опирается на традиции предшествующего столетия. Но появляется и

Рис. 15. Фрагмент «Новейшей и наиболее верной карты Всей России, называемой также всюду Московией». Юст Данкертс. Амстердам. 1680 г.

много особенностей. В частности, значительно сократилось время от политических перемен в регионе до отражения новых реалий на карте. Для этого раздела из огромного массива графических материалов были отобраны именно те, по которым можно проследить определённые этапы развития Крымского ханства из «европейского окна». А *terminus ante quem* данного раздела будет карта конца 80-х гг. XVIII в., на которой отразились события 1783 г.

Новый европейский дизайн герба Крымского ханства. На этой карте значительное место занимает тартарский ономастикон – от «Царства Казанского» и «Булгарского Царства, чья Восточная Часть была захвачена Тартарами Калмыками» до «Малой Тартарии» («PETITE TARTARIE»). Границы последнего осколка Золотой Орды простираются от Днепра, где близ города Poltawa стоит дата «1709» и для большей убедительности помещена миниатюра восточной сабли, до впадения Северского Донца в «Дон, или Танаис Р(еку)».

Название Крымского полуострова омывается водами «Чёрного моря...» (очертание которого) было скопировано с Турецкого Манускрипта в Каффе». Оно звучит следующим образом: «Остров Перекопский Малой Тартарии, именуемый по-турецки “CRIMSKI”». Самый крупный город на полуострове – это «Кафа»; и только Каффа отмечена миниатюрой, остальные крымские города получили от Николя де Фера по безлико-

му пуансону. Каффа даже удостоилась попасть в роскошный титульный картуш (в правом верхнем углу) наряду с другими 13 важнейшими городами на карте с обозначением их широты и долготы; и расположилась «Kaфа» между Москвой и Гамбургом.

Красочный картуш подобно ожерелью декорирует гирлянда из гербов, где помещена новая геральдическая эмблема «Tartarie»: на золотом поле силуэт чёрной совы. Обратим внимание на то, что цветовая гамма данного зеркала имеет царскую палитру. Выше помещён герб османов (демонстрация художником вассальных отношений?). На полях европейских карт в XVIII веке Тартария будет маркироваться силуэтом тёмной совы, и французская карта 1711 г. здесь первопроходец. Отметим, что один из первых подобных дизайнов эмблемы Тартарии – «Hibou de Sable» на золотом фоне встречается на страницах «Geographie Universelle...» («Всемирной географии...») Пьера Дювала Д’Аббевиля, увидевшей свет в Париже в 1676 г.

Геральдическая ночная птица Малой Тартарии на первой «археологической» карте Южной России.

На карте «Russia Magna» на юге насчитывается 10 древних городищ, на которые взирает символ «Малой Тартарии» – сова. Рядом с ночной птицей и предвестницей несчастий (согласно Овидию и Вергилию) изображена фигура дикого тартарина в леопардовой шкуре, размахиваю-

Рис. 16. «Карта, изготовленная на научной основе, демонстрирует страны, населённые такими народами, как Турки, Тартары, Венгры, Поляки, Шведы и Московиты... Никола де Фер, в Париже в 1711 г.»

щего огромной стрелой. Левая пятка тартарина готова погрузиться в Ахтубу-реку, естественно, ближе к «Руинам Сарая, или Царского града».

Следует перечислить северо-причерноморские «guinae», отмеченные нюрнбергским мастером Хоманном, который работал на первого императора всероссийского Петра I и создавал карты как для Европы, так и для России, отмечая очаги культурного наследия нашего отечества.

В нижнем течении реки Буг присутствуют два городища – Chryczkieszemi и Wizaradna Kricza; одно городище расположено при впадении «р. Малый Ингул» в «Реку Борисфен, которая нынче именуется Днепром» – Бишовичи (Bitshowiscey); один памятник отмечен между Белгород-Днестровским и Очаковым – это Позубье (Pozube); еще одна «руина» маркирована в эстуарии Дуная (северное гирло) под именем Sinila; выше Белгорода у истоков «р. Донец» стоит городище Zursinowo; городище Новая соль (Nowaiasol) находится южнее поселения Маяцкое на правом берегу «р. Донец»; а еще три объекта расположены в Северном Крыму: Манкарта (Manqarta), Гунгураст (Gungurast), Дсеги (Dsegi)!

Карта изготовлена по русским материалам и имеет достаточно реалистические черты, что касается как гидрографии, так и хорографии.

В левом верхнем углу помещен картуш, имеющий императивное обращение к читателю «Sic Notantur», с обозначением градаций населённых пунктов. Из 8 комментариев 2 относятся к «tartarogum»: «Тартарские города» (знак города, отмеченный полумесяцем) и «Селения Тартар Кочевников», маркированные пуансоном с полумесяцем. По наличию последних на карте можно достаточно четко проследить северные границы Крымского юрта. Что касается самого «Cremia», там присутствует пять из восьми условных обозначений; самые крупные города, которые в условных обозначениях под грифом «Это следует запомнить» комментируются как «Знаменитые города» – это «Kafa» и «Bakzisarai».

Остров Крым и его обитатели. В основе этой замечательной Paskaart, несомненно, лежат турецкие графические материалы, что нашло своё отражение в топонимах и гидронимах. Данная карта представляет собой прекрасный навигационный инструмент, и, значит, вся графическая нагрузка подчинена этой задаче. Для пользователей

карты интересна и важна береговая линия, а terra ferma (владениям на материке) достались лишь румбовые линии, которые исходят из вспомогательных роз и из главной компасной розы, помещённой в центре Чёрного моря, название которого резец гравёра отметил на трёх языках – турецком, греческом и голландском.

На территории самого «Острова Крым» («Kirim Adasi») отмечено миниатюрами пять основных портов: Ак Мечеть (Ak Medgid); Кале-и Кюсле (Kale-ij Kiusle); Балаклава (Baliklage); Каффа (Kieffe); Кале-и Керчь (Kale-ij Kieresc). Примечательно, что первых три города-порта венчает полумесяц, а Каффу и Керчь – нет. Что хотел этим продемонстрировать автор-составитель карты? Незначительность мусульманского населения Kieffe и Kale-ij Kieresc или то, что когда-то они были итальянскими колониями?

На Кубани авторы «Paskaart van de Zwarte Zee» установили мощный титульный картуш, на котором жителям Республики Соединённых провинций авторы демонстрируют обитателей «Tartaria Minor». Это один из первых случаев в европейской картографии, где картуш полностью посвящён обитателям Крымского юрта. На нем изображены двое тартарских бородатых мужчин, вооружённых композитными луками, женщина в богатой одежде (в ушах у неё серьги, на шее ожерелье) и ребёнок. Двое молодых баранов в картуше свидетельствуют, что тартары занимаются разведением овец. У ног более молодого тартарина, изливается из огромной раковины символическая река. Как правило, на

Рис. 18. Морская карта Понта Эвксинского. Отпечатана у Ренье и Йошуа Оттенсов в Амстердаме в 1745 г. Основой данной карты послужила морская карта Ван Кейлена. В картуше также присутствует посвятельная надпись мэру Амстердама Николаусу Витсену, который, как известно, был большим другом Петра I.

Рис. 17. «Географическая карта части Великой России, Понта Эвксинского, или Моря Чёрного, с демонстрацией Малой Тартарии с близлежащими к ней провинциями Болгарией, Романией и Анатолией». Иоганн Баптист Хоманн. Нюрнберг, около 1724 г.

Рис. 19-а. Карта Малой Тартарии, изготовленная по распоряжению Русской Императрицы (Анны Иоанновны). Карта создана на основе русских материалов. Питер Шенк Младший и Хендрик де Лет. Амстердам, 40-е гг. XVIII века. Фрагмент.

картах так маркировали одну из самых больших рек региона. Пусть это будет «Озю, он же Борисфен».

Русские идут. На карте амстердамских мастеров показан театр военных действий в Северном Причерноморье во время Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. В правом нижнем углу карты расположено осененное российской имперской символикой «Explication», где комментируются важнейшие этапы войны.

Приведем текст «Объяснения» полностью: «**А.** Устье Борисфена. **В.** Украинская Фортификационная линия». Укрепленная линия на карте протянулась от Днепра (начинается она близ днепровского Китайгорода) до крепости Изюм на Дону, на карте она называется «Русская Фортификационная линия по защите от набегов Тартар на Украину». Мощь укрепрайона, в котором имеется 16 крепостей, говорит о нешуточной угрозе, исходящей со стороны Крыма. «**С.** Бахмут, где есть солеварни. **Д.** Тор, где есть солеварни. **Е.** Путь Армии к Крыму». Маршрут следования армии к Перекопу от крепости Борико отмечен пунктирной линией, а также условными значками, отмечающими места, где устраивали лагерь. Поход 28-тысячного русского корпуса во главе с Михаилом Леонтьевым¹ проходил поздней

¹ Михаил Иванович Леонтьев – двоюродный племянник царицы Натальи Кирилловны. В 1730 г. он был в числе трех депутатов, отправленных верховниками в Митаву к Анне Иоанновне. В 1736 г. Леонтьев участвовал вместе с Минихом во взятии Перекопа и овладел Кинбурном. В 1737 г. он принимал участие во взятии Очакова.

осенью 1735 г. в тяжелейших условиях. Вследствие бездорожья, холодов, недостатка фуража и больших потерь русский корпус был вынужден вернуться обратно на Украину. **Ф.** Основной торговый путь, ведущий на Украину, по которому двигались передовые отряды основного корпуса Ген(ерала) Пейтца. **Г.** Четыре Гавани в Крыму, где стоят Турецкие суда (Спатак, Керчь, Каффа, Козлов). **Н.** Путь от Перекопа на Азов, по которому происходила быстрая доставка провианта Армии. **И.** Маршрут по Азовскому Морю от Перекопа. **К.** Гавани, где русские суда могут приставать, перед тем как они достигнут Крыма».

На этой карте обращает на себя внимание изображение осады Азова, который был взят летом 1736 г. На южной стороне «Границы, проложенной между Русскими и Турками, а также Тартарами» в земле «Ногайских Тартар» размещено 6 кочевий ногайских орд, близ которых читаем комментарий: «Les Tartares Nogais обитают в этих Степях уже более 25 лет». В нижнем течении Днепра в регионе, именуемом «Место обитания Козаков», при впадении «речки Сизина в Борисфен, или Реку Днепр» изображены 16 куреней, где находится «Запорожская Сечь, или место, где живут Cosaks de Zaporog».

Художественный картуш, помещенный в правом верхнем углу, в какой-то мере отражает успехи русского оружия. Титул в барочном картуше венчает большая императорская корона, по бокам трофейное оружие и знамена различного дизайна – от флагов с конскими бунчуками до vexillogium, подобных знакам римских легионов.

Для полноты картины среди разбросанных разнокалиберных ядер на коленях стоит пленный турок.

Надо сказать, что эта война очень сильно была «пропиарена» в Европе. Больше всех рекламировал свои военные успехи неимоверно честолюбивый фельдмаршал Бурхард Миних, а европейским картографическим фирмам были предоставлены русские материалы.

Последний поход. На карте Яна-Генриха Кинсбергена², посвященной событиям 1772 г., миниатюра показывает сцену возвращения крымских татар из похода. Возможно, это отражение последнего набега крымских татар в русской истории – в 1769 г. Татары ведут полон, захваченный в южной России, внешний вид и одежда пленников тому свидетельство. Направляется процессия в сторону моря, где видны корабли, на которые можно и продать ясырь.

Но, несмотря на скорбные лица пленников, художник изобразил на карте, как на востоке восходит огромное яркое светило, солнце свободы. Уже в 1771 г. русская армия под командованием князя Василия Долгорукова при поддержке Азовской флотилии займет Крым. При вторжении на полуостров 4 июля будет разбито войско Селим Герая и взят Перекоп, а 29 июля будет одержана победа при Каффе. Селим Герай покинет Крым и будет искать убежища в Константинополе, а Василий Долгоруков получит к своему когномену приставку «Крымский».

² Ян-Генрих Кинсберген (1735–1819) – граф, нидерландский адмирал. С 1767 г. находился на русской службе; на флоте с 1771 по 1777 гг. Участник Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Одерживал победы над турецким флотом на Черном море. В 1776 г. вернулся на родину, где сражался против англичан и французов. Автор нескольких сочинений по военно-морскому делу.

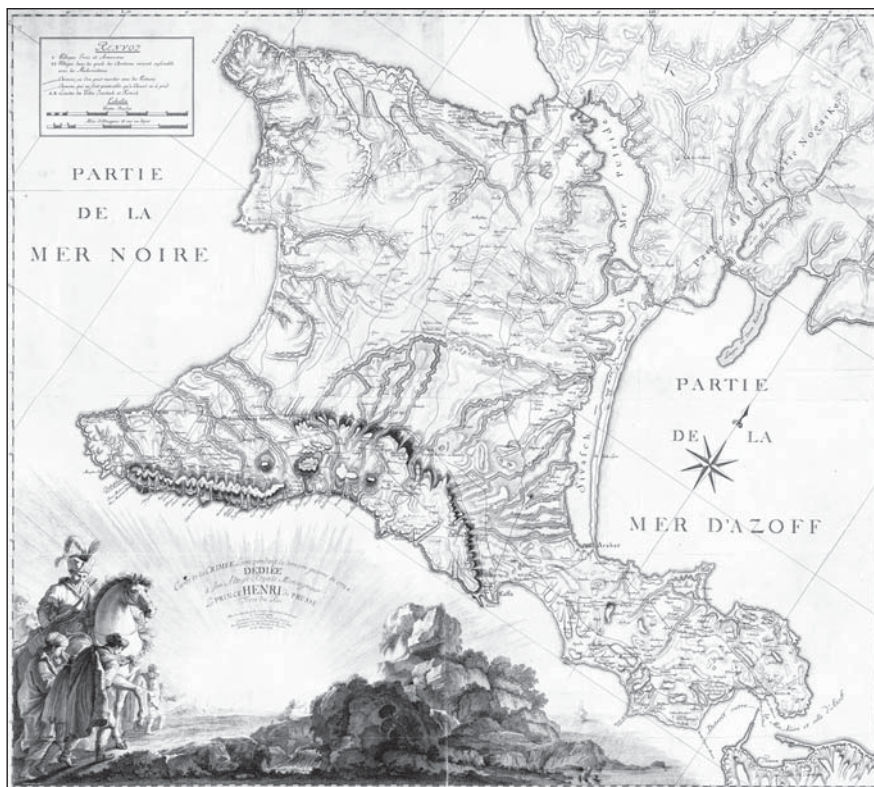

Рис. 20. «Карта Крыма, изготовленная во время войны 1772 г. Посвящена карта его Королевскому Высочеству принцу Генриху Прусскому, брату Короля. Ян-Генрих Кинсберген, кавалер ордена Святого Георгия de Russie. Гравер Даниэль Бергер. Берлин. 18 января 1776».

Данная табула – это уже продукт Нового времени во всех смыслах. Это в полной мере стратегический инструментарий, оснащённый всеми элементами картографического документа, которым можно пользоваться и в настоящее время: дороги и береговая линия, гидрография и хорография и проч.

О многонациональном составе «Стимее» во второй половине XVIII века может свидетельствовать пояснительная таблица, омываемая в верхнем углу волнами «Mer Noire». Значком креста отмечены «Селения Греков и Армян», условным обозначением креста и стилизованного полумесяца маркированы «Селения, в которых Христиане и Магометане проживают совместно».

1783 год. Перечислим на какие «Territori», границы коих отмечены пунктирной линией и для

Рис. 21. «Новая карта Малой Тартарии, разделённая на свои земли. Изготовлено в печатне Антонио Дзатта. Венеция, 1783 г. Гравёр Г. Питтери. Полиграфические работы (выполнил) Г. Джулиани».

Рис. 22. Фрагмент карты Северного Причерноморья, включающей в себя владения России и Турции. Составил географ Королевской Академии Д. Ф. Сотцманн. Гравёр Д. Бергер. Берлин. До 1788 года (Очаков, взятый русскими войсками в 1788 г., на карте показан еще во владении Турции).

большой наглядности тонированы различными пастельными цветами, подразделяется Малая Тартария: «Krimaea», «Tartari di Ozacow», «Territorio di Azof», «Tartari Nogajesi»; здесь автор-составитель карты разместил 37 миниатюр кочевий в виде шагров (вход с юга), увенчанных знаком полумесяца, чтобы европейцы знали, что ногаи суть «магометане».

Название табулы в картуше вырезано на ветхом пергамене, который придавлен восточного вида курильницей, дыма из которой ещё хватает, чтобы окурить крепость «Ак Керман». Знамена безвольно наклонены в разные стороны (художественный приём в европейской живописи, демонстрирующий слабость государственной власти и её вооружённых сил), ханский тюрбан лежит на земле. Таким образом европейский художник в символической манере продемонстрировал своим зрителям закат государственности Крымского ханства.

Вслед за жителями Венецианской лагуны обратим взор на изображение эстуария реки «Wolga». Река Волга впадает в Азовское море четырьмя рукавами у городов «Азов», «Лютик» и «Tangarog», близ 47° северной широты, ну а Астрахань, естественно, отдыхает...

Восточный вопрос. На карте Северного Причерноморья в обширном художественном картуше на просторах «Das Schwarze Meer» показана сцена символической передачи Турцией территории Крыма во владение России. Официальной датой вхождения Крыма в состав Рос-

сийской империи считается 8 апреля 1783 г. Порта официально признала потерю Крыма 8 января 1784 г.

Турецкую сторону в картуше представляет 27-й султан дома Османов Абдул-Хамид I (правил с 1774-го по 1789 г.). Турецкий султан держит в руках карту, на которой изображен полуостров «Сrim». Перстом своим он указывает на север, в сторону крепости Очаков. В январе 1789 г. до Константинополя дошли известия о взятии Очакова русскими и гибели 25 тысяч защитников крепости. Эта весть была воспринята в столице Османов как зловещий знак того, что война опять будет неминуемо проиграна. Абдул-Хамид I, узнав о случившемся, тяжело заболел и 7 мая 1789 года скончался.

Сразу же за султаном в богатой шубе стоит или драгоман, дипломат и переводчик при правительстве Высокой Порты (как правило, они были греками), или Кызлар Агасы (глава черных евнухов в серале). В пользу последнего предположения говорит отсутствие растительности на лице,

форма чалмы и темный цвет кожи. Вслед за этой фигурой толпятся вооруженные сипахи, которые спешили в присутствии повелителя правоверных; командиры чавушей (с перьями на чалме); на заднем плане подразделения воинов-дели.

Исполненная величия Екатерина II с хорошо узнаваемыми чертами лица облачена в парадные одежды, длинную царскую мантию поддерживает арапчонок. Голову государыни венчает малая императорская корона, в правой руке – скипетр с державной российской атрибутикой. Костюм Екатерины II дополняет лента с орденом св. Андрея Первозванного.

Позади императрицы изображена царская свита, состоящая из русских офицеров и представителей различных родов войск русской армии. Вся символическая сцена передачи «Taurische Chersones» Российской империи осеняется растительным пологом из ветвей хмеля, которые переплетают новые подданные Российской империи – крымские татары.

1.8. Топонимическая номенклатура Крыма

О. Д. Рустемов

В настоящее время появилась возможность значительно расширить круг источников по крымской топонимической номенклатуре. Как известно, переименование географических названий на полуострове началось сразу после завоевания Крымского ханства. Тотальный характер этот процесс принял после депортации крымских татар в 1944 г. и упразднения Крымской АССР. В своем настоящем виде топонимика Крыма за исключением оронимов и гидронимов не представляет никакой исторической или филологической ценности применительно к изучению Крымского ханства. Но сохранившиеся в письменных памятниках, таких как сиджили судов шариата, исторические названия населенных пунктов и географических объектов дают богатый материал для исторических и филологических исследований.

Историю изучения крымских географических названий, прежде всего ойконимов, необходи-

мо начать представлять с содержащего большой фактологический материал статического очерка Федора Лашкова «Камеральное описание Крыма», опубликованного им в 1888–1892 гг. [Лашков, 1888]. В очерке представлен практически полный перечень всех каймаканств, судебных округов (каза / кадылык) и названий деревень, относящихся к ним. Сведения, которые приводит автор, относятся к 1783 г., т. е. к последнему году существования независимого Крымского ханства. Стоит отметить, что в списке Лашкова полностью отсутствуют хоронимы и гидронимы. Также не упомянуты некоторые деревни. Мы можем сделать предположение, что к 1783 г. часть деревень исчезла или была переименована, а населенные пункты, которые принадлежали Крымскому ханству, но располагались за пределами Крыма, вообще не были представлены, за исключением небольшого количества кочевков.

Названия ряда населенных пунктов из «Каме-рального описания» написаны с явными ошибками, например, «Болта Чекрак» вместо “Балта Чокъракъ / Balta Çoqraq”; «Бьесала» вместо “Буюк / Бие сала / Būyūk / Biye sala”, «Кокос» вместо “Кёк козь / Kōkköz”¹ и т. д. Искаженное звучание названий крымских населенных пунктов сложилось и в крымскотатарской среде (сравни: «Феттах сала / Фетх сала» изначально и «Фоти сала» впоследствии), что создаёт препятствие для их этимологического анализа и вызывает определённые трудности в решении некоторых вопросов, прежде всего в создании лингвистической карты Крыма.

После Ф. Лашкова научное изучение крымской топонимики продолжили два крупных учёных-крымоведа своего времени Бертъе-Делагард и Арсений Маркевич. Своими изысканиями Бертъе-Делагард поделился в достаточно объёмном очерке «Исследования некоторых недоумённых вопросов средневековья в Тавриде», в который была также включена его предыдущая статья на эту же тему, опубликованная в 1920 г. [Бертъе-Делагард, 1920]. Очерк касается географических названий Южного берега Крыма, попытки этимологии которых перемежаются с историческими справками, взятыми из старых генуэзских и, отчасти, греческих источников, с приложением карты юго-западного побережья и перечня высших духовных лиц христианских епархий. Работа получилась довольно неоднозначная, ибо, по признанию самого Бертъе-Делагарда, ни греческого, ни татарского языка он не знал, но пользовался помощью людей, которые этими языками владели [Бертъе-Делагард, 1920, с. 18, сноска 1]. Материал, переработанный в очерке, действительно большой, но некоторые умозаключения автора, поданные в форме предположений, не совсем корректны с точки зрения современных знаний и того количества документов и географических карт, которые уже введены в научный оборот.

¹ Этимология этого топонима, несмотря на кажущуюся, лежащую на поверхности версию о крымскотатарском словосочетании «кёк козь» (Kök köz) – голубые (синие) глаза, на наш взгляд, требует более глубокого анализа с точки зрения исторической и этнической принадлежности первичного имени этого ойконима, его проформы.

Другой исследователь, современник Бертъе-Делагарда, известный историк, этнограф, археолог, академик Арсений Маркевич в своих трудах в отношении крымской топонимической системы более целенаправленно рассматривал вопросы непосредственно научного, лингвистического плана. В его обстоятельной работе 1928 г. «Географическая номенклатура Крыма» представлено большое количество наименований всех географических объектов, в том числе хоронимов и оронимов, ныне совершенно утраченных и забытых, и могущих быть воспроизведенными либо по архивным материалам, либо по современным научным трудам.

Как и Бертъе-Делагард, А. Маркевич также попытался решить многочисленные задачи этимологического характера, систематизируя топонимы по принципу принадлежности к языку. Всего таких языковых пластов он называет пять: 1) греческий; 2) ирано-язычный компонент, привнесённый в Крым аланами (к этой же языковой традиции он относит скифский и таврский); 3) итальянский, соотносимый с генуэзцами Каффы (Кефе) и других факторий; 4) германский или готский (готы Мангупа); 5) собственно татарский.

В отличие от предыдущих исследователей историк З. Ш. Навширванов, посвящая свой труд крымской топонимике, в решении ряда спорных вопросов исходил из более древних тюркских пластов, чем татарский, что способствовало успешным этимологическим изысканиям. Его статья 1929 г. «Предварительные заметки о племенном составе тюркских народностей, пребывавших на юге России и в Крыму» [Навширванов, 1929], по нашему мнению, является чрезвычайно информативной и в большей части высказанных им предположений научно обоснованной. З. Навширванов пользовался существующей в его время крымской топонимической номенклатурой, привлекая достаточно большой круг исторических и филологических источников, что давало возможность проводить параллели между тюркскими родами, осевшими в Крыму и находящимися, по описанию арабских и прочих летописцев, в Средней Азии, Иране (Туране) или на Кавказе. В большей степени это касается туркменских и кыпчакских племен, так как их расселение в Крыму более удалено от нас

во времени, чем приход непосредственно татарских родов и поколений. Именно Навширванов дал предварительный анализ некоторых географических названий, которые соотносятся с огузским (сельджукским) пластом крымских татар.

Методика З. Навширванова соотнесения многих крымских топонимов с родовыми тюркскими именами Средней и Малой Азии была поддержана И. Н. Лезиной в её статье от 1985 г. «Тюркские топонимы Крыма» [Лезина, 1985]. Однако, отдельные предположения автора публикации, основанные на фонологическом сближении топонимов и этнонимов, вполне справедливо подверг критике В. Бушаков в своей диссертации «Тюркская этноонимия Крыма». В частности, это касается таких имён, как *Демерджи*, *Ялта*, *Арте́к*, *Аюдаг*, *Коккоз* (*Кёккёз*) [Бушаков, 1991, с. 8], которые никак не могут быть соотнесены ни с какими этнонимами.

В изданной в 2003 г. монографии «Лексичний склад історичної топонімії Криму» (Лексический состав исторической топонимии Крыма) В. Бушаков продолжает начатую ещё А. Маркевичем стратификацию крымских топонимов по принадлежности к различным языкам. Он добавляет к пяти языкам, обозначенным Маркевичем как «инструментальные» языки крымской топонимики, ещё древнееврейский, армянский и языки кавказских народов, в частности кабардинский. При этом учёный отрицает активную топонимобразующую роль итальянского языка на том основании, что на Южном берегу нет большого количества итальянских названий [Бушаков, 2003, с. 45], но лишь письменная латиноязычная (итальяно-язычная) передача в различных документах эпохи уже существующих греческих или тюркских имён, часто искажённых до неузнаваемости. Из тех немногих названий, что перечислены как итальянские, нельзя не отметить убедительность толкований таких древних ойконимов, как *Керчь* – *Cherchio* (лигурийский диалект) – «круг», *Солхат* – *Solcata*, *Solcati*, *Solghati* – «ров» (ср. крымтат. вариант названия города: *Qırım* > *Eski Qırım* (Къырым – Эски Къырым) в том же значении – «ров», «окоп» / эски – старый), а также название посёлка вблизи Ялты – *Darsan* (а) – пристань, верфь [Бушаков, 2003, с. 236] (современное крымтат. и тур. – *tersane* – *терсане*).

В. Бушаков вслед за З. Навширвановым, кроме скифов и киммерийцев, касается вопросов истории древних тюркских народов, обосновавшихся в Крыму: гуннов, хазар и болгар, тюрков, узов (огузов), печенегов и куманов. Однако учёный не указал следы их пребывания в топонимической номенклатуре полуострова. Это отчасти сделал другой современный исследователь – Хенрик Янковский (Henryk Jankowski) в изданном в 2006 г. «Историко-этимологический словарь дорусских имён населённых пунктов (ойконимов) Крыма» (*A Historical-Etymological Dictionary of pre-Russian Habitation Names of Crimea*) [Yankowski, 2006]. Этот труд по праву является на сегодняшний день самым полным и, пожалуй, самым корректным в отношении этимологии почти всех известных крымских ойконимов.

Исследования исторической топонимики Крыма позволяют сделать следующие выводы: во-первых, следы пребывания в Крыму многих древних, условно говоря, дотюркских народов и племён практически не сохранились в местной ойкономике. Это утверждение прежде всего касается киммерийцев, тавров, скифов, алан и некоторых других племен. Во-вторых, следует признать, что в исторической топонимической номенклатуре Крыма основными топонимомформирующими языками выступают два: греческий и тюркский. При этом под определением «тюркский» необходимо различать многочисленные колена и племена тюрков, в разное время приходивших в Крым и оседавших там, начиная с IV века н. э. (гуннский период). Другие языки, а именно: кавказские (кабардинский или черкесский / абхазский), армянский, еврейский, иранский (скифский, сарматский и аланский пласты), итальянский и готский могут быть привлечены для решения некоторых спорных вопросов. Однако, так как они до сих пор выступали в качестве только потенциальных языков в вопросах этимологии, с очень небольшим процентом точных установленных соответствий², то обращение к

² Например, из армянских топонимов можно выделить лишь названия некоторых монастырей – Сурб-Хач, Сурб-Степанос, а также название горы Грыц, на которой они расположены. Итальянских названий мы касались выше, а предположительно иранские (скифские и сарматские), к каковым некоторые исследователи [Yankowski 2007, с. 24] относят такие имена как: Ускют

таковым может быть оправдано лишь в том случае, когда будут исчерпаны все возможные ресурсы в отношении поиска решения в греческом (все черноморские и средиземноморские диалекты) и тюркских языках.

Исследования в области топонимики Крыма требуют привлечения широкого круга источников. Помимо языкового материала важны исторические свидетельства, старинные карты, записки географов и путешественников эпохи Крымского ханства и более ранних эпох. Так, Х. Янковский в свое время обратился также к кадиаскерским книгам (кадийским сиджилям)³ Крымского ханства. Он сообщает о 4 томах, использованных им для составления своего словаря, что очень важно, но явно недостаточно для составления исчерпывающей топонимической картины Крыма, поскольку количество сохранившихся томов 121. Более того, совершенно не изучен один том сиджилей, хранящийся в Ялтинском музее.

После завоевания Крыма Российской империей эти тетради почти сто лет пролежали в архивах, прежде чем их представил свету сначала профессор казанского университета В. Смирнов, а после него уже упоминаемый нами историк Ф. Лашков и первый переводчик этих текстов М. Биярсланов [Биярсланов, 1889–1891]. К настоящему моменту крымские сиджили достаточно хорошо изучены благодаря усилиям турецких ученых, таких как Халил Иналчык [İnalçik, 1996], Незихи Туран [Turan, 2003], Зейнеп Оздем [Özdem, 2010], Омер Быйык [Bıyık, 2014], Нури Кавак [Kavak, 2012; Kavak, 2014] и других. С филологической точки зрения тексты подробно изучаются автором настоящей статьи [Рустемов, 2013; Рустемов, 2013а; Рустемов, 2014; Рустемов, 2015; Рустемов, 2015а; Рустемов, 2015б].

География крымских сиджилей довольно обширна. Она не замыкается исключительно на селах и географических объектах какого-то одного кадылыка (каза). В судах шариата слушаются иски, в которых речь идет как обо всем Крыме, так и населенных пунктах Османской империи и даже за ее пределами. В этой связи можно разделить (Искит), Сабла (Саблы) (скиф.) и Бадракъ (Бодракъ), Бельбек, Индол (сармат.), сомнительно в своей интерпретационной части. Готское слово Мангуб также не до конца выяснено.

³ О сиджилях см. [Рустемов 2017а, с. 10–12]

лить подобные иски (da'va) на: 1) торговые, где упоминаются различные морские порты, куда доставлялся груз, и населенные пункты или регионы по производству определенных видов товаров или их покупке, например, соль, ткани и т. п.; 2) дела, связанные с походами, в которых говорится о различных военных событиях, в том числе и о захвате пленных. Зарубежные географические названия встречаются также в текстах, где речь идет о приобретении недвижимости (земли) за пределами Крыма, и в текстах, в которых фигурируют невольники и их происхождение: *Boğdaniyet'ül-asl* (из Молдавии), *Eflakiyet'ül-asl* (из Валахии), *Moskoviyet'ül-asl* (из Московии) и т. д. Названия населенных пунктов упоминаются в спорах, связанных с землей, находящейся в определенной местности или поселении. И, наконец, топонимическая номенклатура присутствует в именах участников судебных процессов, а также свидетелей дела, перечисляемых внизу каждой записи.

Из записей торгового характера в 1 томе сиджилей из топонимов, которые находятся вне Крыма, наиболее часто встречаются Стамбул в форме *İslambolu* (Исламболу), *İstanbul* (Истанбул), *Kostaniye* (Костание), топонимы *Aq Kerman* (Ак Керман), *Varna* (Варна), *Trabzon* (Трабзон), *Selânik* (*Селяник*) (Салоники, Греция) и др. Среди личных имен попадаются *el-Cendi*, *Cezairliü*, *es-Sivasi*, *Bursali*, *Bursevi*, *el-Kayseri*, *et-Tebrizi* и т. п., что свидетельствует о наличии тесных связей Крыма со Средней Азией, Ираном и практически со всеми уголками Османской империи. События военного характера в период, к которому относится 1 том сиджилей, отражены были в таких названиях, как Маджар (*Macar seferi* – Венгерский поход) и Корель (*Körel seferi* / поход на Польшу). Заслуживает отдельного внимания название реки *Özü* (Днепр), этимология которого предположительно соотносится с названием племени узов (огузов), кочевавших в причерноморских степях в X–XIII вв. [Навширванов, 1929].

Особый филологический интерес представляет собой система определения или фиксации земельных участков *arazi* (*apazu*), которые фигурируют в делах по продаже земли или домов.

Возвращаясь непосредственно к топонимической номенклатуре полуострова, помимо указан-

ных выше Канглы и Салгира (по-крымскотатарски: *Qañğlı* и *Salğır* / Салгъыр), следует отметить и другие топонимические факты, свидетельствующие о пребывании тюрок-огузов, в том числе и печенегов, в Крыму. А. М. Щербак в своем очерке о печенежском языке называет среди прочих географических названий, которые он соотносит непосредственно с этим племенем и которые хорошо вписываются в топонимическую картину Крыма, два имени: Алматай и Бурлюк – *Almatay*, *Bürlük* [Щербак, 1997, с. 108]. По мнению Щербака, оба имени – гидронимы, а конкретно – названия рек (потамонимы). В своем труде «Об управлении империей» Константин Багрянородный указывает гидроним «Алматай», при этом помещает его на территории между Дунаем (Дануб) и хазарским городом Саркелом и уточняет, что расстояние между ними 60 дней пути. В числе прочих рек, находящихся там же, он выделяет две большие: Днепр и Днестр и ряд более мелких: Сынгул / Syngoul (*Singöl?*), *Hybyl*, *Kophis* и *Bogou* [Costantine, 1967, с. 185]. В последнем однозначно угадывается Буг.

В ряду потамонимов печенежской земли, которые приводит Константин Багрянородный: *Toungatai*, *Salmaktai*, *Sakaktai*, *Kraknakatai* (воспроизводится в оригинальном написании, в переводе R. J. N. Jenkins'a; см. [Costantine, 1967, с. 169]), настойчиво звучит суффикс *-mai* (*-tai*). В данном случае мы склонны видеть в нем общепотребительный тюркский аппелятив *şay* (*şay*, *şay*, *tsay* и т. п.) – река. Таким образом, Алматай, по нашему предположению: Алма+чай – Яблочная река. По аналогии с коллокацией Алмачай (*Almaçay*) уже непосредственно в Крыму возникли иные словосочетания: *Alma Tarhan* – тарханное владение на Альме (о тарханах см. [Усманов, 1979; Kurat, 1940]), *Alma Saray* (дворец на Альме), *Alma Tamaq* (Устье Альмы / Алмы).

О топонимических параллелях (если исключить даже локацию Алматай Константина Багрянородного в Крыму, ввиду отсутствия конкретного указания на ее расположение) говорит также нахождение в низовьях крымской реки Алмы (Альмы) деревни Бурлюк / *Bürlük*. Согласно так называемой народной этимологии происхождение этого имени связано со словом *Bür* – завязь, соцветие. Вполне логично на «Яблочной реке»

предположить существование села «Цветочного» или «Почкового».

А. М. Щербак приводит вариант написания этого имени в виде Бурлик и предлагает версию происхождения его от бур (точнее: бор. – *O. P.*), что означает: мел, известняк [Щербак, 1997, с. 108]. В этом случае, Бурлюк (Бурлик / *Bürlük*) должен был бы выглядеть в форме: *Borluq* (Борлык или даже Борлук), как того требуют законы сингармонизма гласных. Нарушение этих законов, вызванное влиянием иранских субстратов, присуще узбекскому языку, в котором, например, полисемантический суффикс «-лик», образующий отвлеченные субстантивные значения с семантикой качества, невзирая на звуковой состав в корне, имеет лишь эту единственную форму (о грамматике узбекского языка см.: [Боровков, 1959]). Однако ничего подобного мы не можем сказать о языках огузских или кыпчакских, к которым мы относим печенежский язык X в. Сингармонизм гласных в этих языках является непреложным правилом. Таким образом, можно было бы сделать заключение об ошибочности версии Щербака, но одновременно с этим мы находим ей неожиданные подтверждения из иных источников.

В Крыму есть река Бюрюльча / *Bürülça*, впадающая в Салгир и достаточно далеко находящаяся от Альмы. Значение глагола *bürül-* «вертеться», «вворачиваться», «заворачиваться» и т. п. Суффикс *-л / -l* придает глаголу страдательную семантику. Частица *-ча / -ça* в этом имени уже знакомое нам слово «чай» – «река». То есть «Стремительная» или «Вертящаяся» река. В то же время на карте Крыма конца XVII в., переизданной в 1854 г. Османской Императорской Инженерной Сухопутной школой (*Mühendishane-i Berri-i Hümayun*), присутствует поселение Борлуджа «بورلوجا» (вероятней всего изначально: Борлучай. – *O. P.*), которое находится на берегу одноименной реки. Здесь уже нет сомнений в том, что имя деревни происходит от гидронима и означает: «Известковая» река. В данном случае можно констатировать процесс спорадического изменения звукового состава слова, выраженного, в первую очередь, в появлении эпентетического гласного на стыке сонорных Борлучай – Бюрюльча, под воздействием которого произошла ассимиляция «о» в «у» и дальнейшая палатализация

согласных, приведшая к лабиализации и сужению гласных, скорей всего из-за соотносённости с похожим словом *bürül-*. Что касается самой Альмы (Алмачай), то там до сих пор находятся карьеры по добыче известнякового камня, употребляющегося при строительстве, известного также как «альминский камень». Таким образом, имя альминского села *Bürlük* (Бурлюк / Бюрлюк < Борлукъ / Борлыкъ) вполне могло быть образованным по похожей модели. В любом случае нам остаётся признать предположение А. М. Щербача верным.

Еще один крымский гидроним неясного происхождения – Кача (по-крымскотатарски: Къачы / *Qaçı*) вновь приводит нас к огузским корням. В форме Гачы это слово зарегистрировано в словаре туркменского языка и означает «запруда», «плотина» [Туркменско-русский, 1968, с. 166], а в форме «قاچی» (*qaçı* / къачы) с той же семантикой присутствует в словаре Лазаря Будагова с пометой «хив.» / «хивинский диалект» [Будагов, 1871, с. 7]. Как известно, Хива и хивинский оазис в Узбекистане в прошлом находился на территории государства хорезмшахов, где до прихода монголо-татар литературным языком был язык тюрко-огузов, который и поныне сохраняет свои ярко-выраженные диалектные особенности, приближающие его к языкам туркменскому и азербайджанскому.

Что касается имени пещерного городка в Крыму, известного как Качы-Кальон и долго представлявшего собой загадку для этимологов и языковедов, то в первом томе сиджилей мы находим название деревни – *Кельян / Kelyan*, записанное арабскими буквами в форме – *كلیان* [КККХ, т. 1, с. 28-А (65/62) текст 8]. При этом в тексте есть указание, что деревня относится к кадылыку Мангуб, т. е. это приблизительно тот самый Качы Кальон, который также находится вблизи Мангуба. Двое спорящих в суде человека – зимми, т. е. немусульмане, проживающие в мусульманской стране на известных условиях. Зовут одного из них Джанбек велед-и Йорги (Георгий) и Бейберды велед-и Папаг, то есть это два крымских грека. Само слово *Кельян* не находит своего объяснения в тюркских языках, однако очень близко напоминает греческое слово *κελλίων* (рус. *келья*) – клетка, комнатка. Так как речь идёт о христи-

анском пещерном городке, то вполне справедливо будет возвести этимологию этого топонима к тюрко-греческому сочетанию: *Кельи / Комнаты / Монастырь на Каче*.

Параллельно с различными огузскими родами Крым заселяли многочисленные кыпчакские колена, прежде всего куманы. Мы знаем, что значительная часть куманов была христианами. Словарь куманского языка *Codex Cumanicus* наполовину состоит из текстов различных христианских молитв и песнопений. Х. Янковский приводит такие свидетельства арабского путешественника по имени Абу аль-Фида: «Кыпчаки, живущие в Керчи, были безбожниками (язычниками), тогда как кыпчаки Судака были мусульмане, а в Кефе население было пёстрым, равно как и религии». [Yankowski, 2006, с. 34]. В своём словаре ойконимов Крыма Х. Янковский упоминает лишь один загадочный куманский топоним – Хунчор. Если это прочтение правильное, то скорей всего это этноним (имя племени или рода) куманов [Yankowski, 2006, с. 34].

В специальной литературе по тюркологии куманы с *конами* упоминаются в одном ряду с таким племенным образованием как *сары* (*sary kypchak*), под которыми следует понимать известных по русским летописям половцев [Евстигнеев, 2012, с. 91]. З. Навширванов считает, что этот этноним отразился в таких крымских ойконимах как *Сарылар, Сарабуз (Сары Абыз) и Сары Кыпчак*. Совершенно очевидно, что все эти племена входили в большой союз племён под общим именем Кыпчак.

Топонимы, образованные от имени Кыпчак, можно увидеть на старых картах Крыма. Их довольно большое количество: *Taşlı Qırçaq, İlgeri Qırçaq, Yuqarı Qırçaq, Köp Qırçaq, Qara (Qaralar) Qırçaq, Qullar Qırçaq, Qurulu Qırçaq, Sarı Qırçaq, Üç Quyu Qırçaq, Yañı Qırçaq*. Кумано-кыпчакский период в Крыму можно охарактеризовать как очередной этап в формировании западно-кыпчакского языка, который можно было бы назвать кыпчакско-булгарским или куманским, где присутствовало смешение языковых традиций кыпчакского и хазарского. В этом смысле можно констатировать победу кыпчакского языка, в отличие от языка печенегов, а хазарский язык стал проявляться в нём на уровне

субстратных явлений. Этот процесс поначалу сосуществования двух языковых тенденций, а впоследствии образования нового кыпчакского языка был прерван с приходом монголо-татар и привнесением ими на полуостров восточных тюркских литературных традиций, основывавшихся на языке Кашгара и новобуйгурском языке. В конечном итоге эти события породили новый этап в становлении крымского кыпчакского языка, где появился ещё один участник лингвистического «противостояния», который уместно было бы назвать «татарским». В результате кыпчакский язык вновь вышел победителем, хотя и принял в себя много элементов языка татарского.

Под татарами подразумевается большое количество племён и родов, которые сами по себе не являются татарскими по происхождению. Некоторые из них не были даже тюркскими, но монгольскими. Большая часть этих племён зафиксированы в крымской топонимике: *Найман (Nayman)*, *Къыят (Qıyat)*, *Ширин (Şirin)*, *Барын (Barın)*, *Аргъын (Arğın)*, *Сиджевут (Seceviüt)*, *Мансур (Mansur)*, *Яшлав (Yaşlav)*, *Меркит (Merkit)*, *Озбек (Özbek)*, *Мангыт (Maŋıtı)*, *Келечи (Keleçi)*, *Ойрат (Beırat) (Oyrat / Veyrat)*, *Унгу́т (Unğut)*, *Баявут (Bayavut)*, *Коньрат (Qoñrat)*, *Шыбан (Şiban)*, *Ногъай (Noğay)*. За пределами Крыма *Кыргыз (Qırğız)*, *Туркмен (Türkmen)*, *Казакъ (Qazaq)*, *Къалмуқъ (Qalmuq)*, *Черкез (Çerkez)*, *Чуваш (Çuvaş)*, *Чонгар (Джунгар) (Çonğar / Cunğar)*. Одновременно с этим почти все этнонимы представлены в топонимической номенклатуре Средней Азии, прежде всего в топонимике Узбекистана и Казахстана.

Примером коловращения тюркских родов может служить популярный в крымской топонимике этноним *Qoñrat* (Конграт / Кунград). Потомки племени Конграт присутствуют среди киргизов, казахов и узбеков. То есть в основном это традиционный кыпчакский ареал, даже с примесью карлукской ветви, имея в виду узбеков. Существует, однако, гипотеза, что это племя туркменского, т. е. опять же огузского происхождения. З. Навширванов говорит о том, что Хивинское ханство в свое время было населено племенем конграт, и ханская династия принадлежала этому же племени [Навширванов 1929, с. 83]. Но он же

связывает название племени Конграт с именем кыпчакского хана Конгур оглу. Хотя, возможно, имя Конграт означает всего лишь къонур ат (*qoñur at / açık kestane renkli at / рыжая лошадь – О. Р.*).

Помимо собственно географических карт важным материалом по крымской топонимической номенклатуре служат сохранившиеся книги и рукописи Крымского ханства, прежде всего исторического характера (в том числе ярлыки крымских ханов). Как мы уже отмечали, наиболее подробным таким источником являются сиджили или кадиаскерские дефтеры Крымского ханства. Согласно нашему предварительному лингвистическому анализу эти документы написаны на южно-тюркском огузском наречии, сопоставимом с восточным диалектом староосманского (тюркско-сельджукского) языка (о диалектах староосманского языка см. [Гузов, 1979]). Таким образом, вполне закономерно утверждать, что в этих документах пробивается разговорная речь крымских тюрок, в данном случае жителей Бахчисарая, осложненная большим количеством арабизмов, что было нормой в деловой письменной речи как тюрок-османцев, так и тюрок-сельджуков. Данные топонимики, в свою очередь, подтверждают наше предположение о достаточно большом проценте жителей Крыма, принадлежавших к тому или иному огузскому роду. Во всяком случае, вслед за Чобан-заде [Чобан-заде, 2003, с. 45] мы можем утверждать, что речь крымских татар, не только южной прибрежной части полуострова, но и жителей городов, была в большей степени похожа на турецкий язык и принадлежала к южно-огузской ветви тюркских языков. Это являлось своеобразным маркером образованности и утонченности. Об огузо-кыпчакском характере разговорной речи свидетельствуют также и образцы речи жителей Бахчисарая, записанные В. В. Радловым в конце XVIII в. [Радлов, 1896]. Именно огузо-кыпчаки в своей совокупности представляют собой ядро крымскотатарского народа, со всеми теми характерными особенностями, которые были привнесены в Крым другими тюркскими и нетюркскими этническими группами и этносами.

1.9. Крымскотатарские эпиграфические памятники периода Крымского ханства

Н. Р. Абдульванов, Ш. С. Сейтумеров

Под крымскотатарскими эпиграфическими памятниками периода Крымского ханства подразумевается корпус эпиграфических текстов сер. XV в. – 1783 г., которые можно идентифицировать как относящиеся к крымскотатарской культуре. Т. е. речь идет, во-первых, как о тюркоязычных, так и арабо- и персоязычных текстах; во-вторых, география распространения соответствующих памятников охватывает не только регион непосредственно Крымского ханства, включая территории за пределами Крымского полуострова, но и территории бывшего Кефинского эялета и некоторые другие регионы Османской империи.

История изучения. Начало научных исследований памятников крымскотатарской эпиграфики периода Крымского ханства, как и всей, условно говоря, средневековой крымскотатарской эпиграфики в целом, было положено в первой половине XIX в. в российском востоковедении. Наиболее значительным исследованием этого времени следует признать известную работу «Бахчисарайские арабские и турецкие надписи», подготовленную коллективом авторов в составе А. А. Борзенко, Ф. М. Домбровского, В. Н. Кузьмина и А. Ф. Негри и опубликованную во 2-м томе ЗООИД в 1850 году (отд. 2-3) [Бахчисарайские, 1850]. В этой работе авторами был предложен свод эпиграфических памятников на тюркском, арабском и персидском языках, собранных ими на территории Чуфут-Кале, Бахчисарая и его предместий – Салачика и Эски-Юрта.

В последующие несколько десятилетий подобные масштабные исследования не проводились, лишь отдельные памятники становились предметом или специальных статей [Брун, 1877], или же отдельных упоминаний в материалах, непосредственно с данной проблематикой не связанных [Монастырлы, 1890].

Значительные усилия в деле изучения крымскотатарской эпиграфики были предприняты в 20-е гг. XX столетия, однако основным направлением этих исследований были памятники пери-

ода Золотой Орды, в отношении же эпиграфики Крымского ханства имели место лишь отдельные, хотя и очень значимые, упоминания отдельных образцов [Акчокраклы, 1928, с. 166]. В этой связи особого внимания заслуживает статья И. Ю. Крачковского, в которой автор зафиксировал некоторые, весьма ценные сведения по ханской эпиграфике Акмесджита (Симферополя) [Крачковский, 1924, с. 56].

Начиная с 1930-х гг. исследования по крымскотатарской эпиграфике были практически приостановлены. В относительно систематической форме они возродились лишь в последние два десятилетия. Из работ этого периода отметим исследования Н. Канчал-Феррари [Kançal-Ferrari, 2003; Kançal-Ferrari, 2005], О. Гайворонского [Гайворонский, 2006], И. Зайцева [Зайцев, 2008; Зайцев, Эминов, 2017; Зайцев, Чхаидзе, 2019; Зайцев, 2020], Н. Абдульвапова [Абдульвапов, 2013 и др.], Г. Тимченко [Тимченко, 2006], Ш. Сейтумерова [Свод, 2016а-б]. Отдельные эпиграфические тексты ханского времени представлены в каталоге «Предметы утвари Ханского дворца», подготовленном О. Алпашкиной [Алпашкина, 2017]. Вопросам эпиграфики уделялось особое внимание во время крымско-турецкой историко-археологической экспедиции под руководством Х. Кырымлы, осуществленной в 2012–2013 гг. (материалы были опубликованы в 2014 г.) [Kırım'daki Kırım Tatar, 2016]. Помимо этого, значительное число эпиграфических текстов ханского времени, многие – впервые, были опубликованы в «Сводах памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар» (проект Института истории им. Ш. Марджани), посвященных памятникам г. Бахчисарая (Т. I) [Свод, 2016а], Бахчисарайского района (Т. II) [Свод, 2016б] и г. Симферополя (Акмесджита) (Т. III) [Свод, 2018].

Несмотря на определенные успехи, достигнутые в последние годы в деле изучения крымскотатарской эпиграфики периода Крымского ханства, тема в целом остаётся малоизученной, что проявляется, в частности, в отсутствии научных

каталогов по различным аспектам данной проблематики.

Основные источники. Основными источниками, содержащими сведения по крымскотатарской эпиграфике ханского времени, являются: 1) непосредственно сами эпиграфические памятники, причем как сохранившиеся до настоящего времени, так и те, судьба которых остается неизвестной; 2) крымские историографические произведения того времени; 3) «Книга путешествия» Эвлии Челеби (XVII в.), содержащая целую антологию весьма ценных эпиграфических текстов; 4) литературные произведения, в частности, поэтические сборники («Диваны») различных авторов того времени (как крымских, так и османских), содержащие стихотворные тексты с хронограммами (*тарих*) и др.

В этом ряду необходимо особо остановиться на «Книге путешествия» Эвлии Челеби. Как известно, маршрут путешественника охватил весьма значительную территорию ханства, и на протяжении всего пути Эвлия Челеби очень педантично записывал различные эпиграфические тексты. В общей сложности в многочисленных населенных пунктах полуострова и материковых пределов государства им было зафиксировано около 100 единиц крымскотатарских эпиграфических памятников. Любопытно, что, судя по тексту «Книги», ряд надписей, в том числе поэтических, был сделан непосредственно на месте и самим путешественником. Из текстов, вошедших в «Книгу», лишь малая часть сохранилась до настоящего времени. Некоторые из них продолжают оставаться на месте первоначального нахождения, помимо этого многие памятники сохраняются в различных музейных коллекциях.

Основные разновидности крымскотатарских эпиграфических памятников периода Крымского ханства. Абсолютное большинство известных в настоящее время памятников крымскотатарской эпиграфики ханского времени по материалу носителя можно разделить на две группы: 1) тексты на камне и 2) тексты на металле. Лишь отдельные образцы представляют собой тексты на дереве и других материалах.

Наиболее многочисленными и значимыми памятниками являются тексты на камне (мраморе, известняке и др.) – так называемые *китабе*, ко-

торые, в свою очередь, можно разделить также на две группы: 1) эпитафии на надмогильных памятниках и 2) тексты на закладных камнях различных зданий (мечетей, медресе, постоянных дворов и т.д.) и других архитектурных сооружений (фонтанов, мостов и т. п.). Основная масса представленных ниже текстов является образцами именно этих двух разновидностей.

Что касается текстов на металле, они представляют собой надписи на предметах утвари и оружия, хранящихся в настоящее время в ряде музеев – как крымских, так и за его пределами полуострова. Подобных образцов в настоящее время известно не много. Так, в собрании Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника сохраняется ряд предметов с надписями, указывающими на их владельцев и дату владения, в том числе: поднос *сини* с именем крымского хана Селямета Герая II (датирован 1152/1739-40 г.) [Алпашкина, 2017, с. 159]; чаша с крышкой *саан* с именем кадыаскера Эбус-Сууда (1169/1755-56 г.) [там же, с. 160–161]; еще один *саан* Каплана Герая (без даты; судя по всему, хана Каплана Герая II) [там же, с. 164]; подсвечник *шамдан* хана Сахиба Герая II, сына Ахмед Герая султана (1188/1774-75 г.) [там же, с. 147]; поднос *сини* некоего Арслана Аги Абдулкадыра (1121/1710) [там же, с. 150–151], ружье хана (номинального) Бахты Герая, сына хана Кырыма Герая (без даты, предположительно, кон. XVIII в.) [Зайцев, Эминов, 2017, с. 44]. Помимо этого, в Ивановском государственном историко-краеведческом музее им. Д. Г. Бурлына хранится фрагмент ружья хана Селима Герая III, сына хана Фетха Герая (без даты, 2-я пол. XVIII в.) [там же, с. 45]. В Государственном историческом музее (Москва) сохраняется наконец копья с именем владельца – «Токтамышы Герая султана, сына хана Менгли Герая II», датируемый примерно 20–40 гг. XVIII в. [Зайцев, 2008, с. 147–150].

География расположения крымскотатарских эпиграфических памятников ханского периода весьма обширна и состоит из нескольких, достаточно удаленных друг от друга регионов. В первую очередь речь идет о территории непосредственно Крымского ханства – как самого полуострова, так и земель за его пределами (от

Дуная до Кубани). Здесь же упомянули бы и некоторые города-крепости причерноморского региона (Аккерман, Бендеры, Азак, Тамань, Анапа и др.), которые, несмотря на то что административно входили в состав Османского государства, являлись весьма важными и с точки зрения крымскотатарской истории.

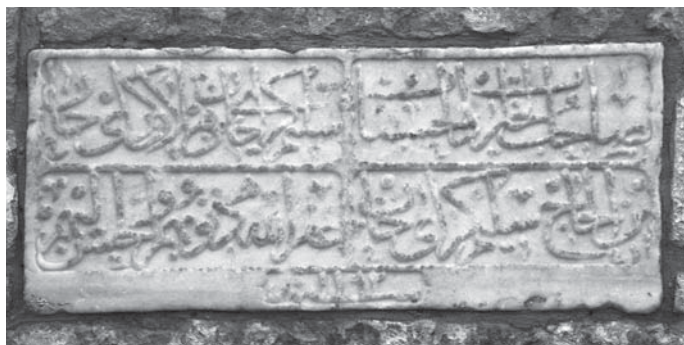
Говоря о степени исследованности крымскотатарской эпиграфики на указанных территориях, лишь отметим, что если памятники на территории полуострова сохранились в достаточно большом количестве и хоть как-то были (и продолжают находиться) в поле зрения исследователей, то памятников за его пределами сохранилось значительно меньше, и исследовались они достаточно неравномерно [Зайцев, Чхаидзе, 2019]. При этом, некоторое представление об интересующих нас памятниках на материковой части ханства можно составить на основе «Книги путешествия» Эвлии Челеби, посетившего значительное число ханских населенных пунктов вне полуострова и зафиксировавшего многочисленные образцы эпиграфических текстов, судьба которых остается неизвестной.

Вторая, достаточно многочисленная и ценная в историческом плане группа крымскотатарских эпиграфических памятников располагалась на османских территориях – прежде всего в Румелии (селения Сарай-Визе, Субаши и др.) и на острове Родос. Значительная часть соответствующих образцов имела отношение к правившей семье Гераев, некоторая их часть, главным образом надмогильные памятники с эпитафиями над захоронениями отдельных представителей дина-

стии (в том числе ханов Джанибека Герая (ум. 1046/1636), Каплана Герая I (ум. 1150/1737), Фетха Герая II (ум. 1159/1746), Каплана Герая II (ум. 1185/1771), Девлета Герая IV (ум. 1194/1780), калги Шахина Герая (ум. 1050/1640), калги Фетха Чобана Герая (ум. 1074/1663-64) и др.), продолжает сохраняться на территории современной Турции (главным образом в ее европейской части) и вышеупомянутого, ныне греческого острова Родос (кладбище Мурада Реиса). Данные памятники неоднократно изучались, особенно необходимо отметить многолетние исследования Н. Канчал-Феррари [Kançal-Ferrari, 1997; Агеев, 2014; Зайцев, 2009].

Возвращаясь к памятникам на территории полуострова, отметим, что наибольшая их концентрация отмечалась в городах, прежде всего в Бахчисарае, Гозьлеве (Евпатории), Кефе (Феодосии), Карасубазаре (Белогорске), Акмесджите (Симферополе), Эски Кырыме (Старом Крыму), Керчи, помимо этого весьма многочисленны они были в крепостях Судак, Мангуб, Инкерман, а также во многих сельских населенных пунктах. Ныне наибольшее количество памятников располагается на территории прежней столицы ханства – Бахчисарая, и прежде всего – Ханского дворца (с кладбищем и Большой ханской мечетью). В Ханском дворце данные памятники встречаются практически на всей территории (более 110 образцов), при этом особая их концентрация наблюдается на ханском кладбище (более 70 образцов) и в Большой ханской мечети (здесь надписи присутствуют как во внутреннем оформлении, так и на внешних сторонах стен здания) (см. ниже).

В городских кварталах Бахчисарая эпиграфических надписей сохранилось немного, среди них можно отметить следующие: текст на закладном камне при входе в мечеть Бек-Хан Султан ханым, дочери хана Хаджи Селима Герая I (т. н. «Тахталы-Джами», 1125/1713-14 г.) [Kırım'daki Kırım Tatar, 2016, с. 394], надпись на фонтане Селима Герая II (т. н. «Бурма-чешме», 1162/1748-49 г.) [там же, с. 413], надпись при входе в мечеть Муллы Мустафы в одноименном квартале (1009/1600-01 г.) [там же, с. 375] и др. Если принять во внимание, что одних старинных кладбищ в Бахчисарае

Табличка с надписью на фонтане Селима Герая II (т. н. «Бурма-чешме»). 1162/1748-49 г., г. Бахчисарай

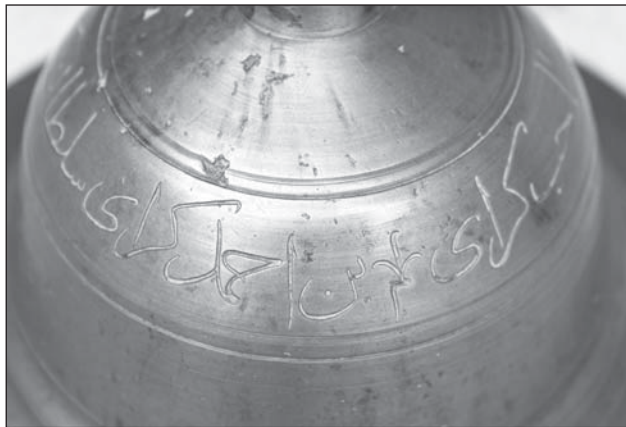
было свыше двадцати, количество же различных строений (мечети, текие, медресе, школы, фонтаны, постоянные дворы, мосты и т. д.) исчислялось многими десятками, стоит признать, что сохранившаяся часть эпитафических текстов представляет собой лишь единичные образцы некогда существовавшего весьма многочисленного корпуса соответствующих памятников [Абибуллаева, Эмруллаев, 2012; Эвлия, 2017; Вуик, 2014].

Особого внимания достоин нынешний пригород Бахчисарая – Салачик (ныне Староселье), где располагался более ранний ханский дворец – Девлет-Сарай, а ныне сохраняются, в частности, мавзолей первых крымских ханов и медресе «Зынджирлы» с закладными надписями, датированными, соответственно, месяцем шевваль 907 г. х. (апрель-май 1502 г.) и 906 г. х. (1500-01 г.) [Свод, 2016а, с. 31, 25].

Язык эпитафических памятников. Основной объем эпитафических текстов ханского времени, известных в настоящее время, как сохранившихся, так и тех, судьба которых неизвестна, написан на тюркском языке, главным образом османском. Среди подобных образцов особо отметим тексты-эпитафии кладбища на территории Ханского дворца в Бахчисарае, надписи в различных помещениях самого дворца и многие другие тексты. Значительная часть текстов, которые будут упомянуты ниже, являются образцами именно этой, тюркоязычной группы эпитафических памятников (см. ниже).

Помимо этого, довольно многочисленной является группа памятников на арабском языке. Среди подобных текстов особое внимание привлекают надписи на порталах Девлет-Сарая («Демир-Капы», 909/1503-04 г.) и Мавзолея (*тюрге*) первых крымских ханов в Салачике (907/1502 г.), надпись над входом в медресе «Зынджирлы» (906/1500-01 г.), надпись о воссоздании мечети Кебир-Джами в Акмесджите (Симферополе, 1153/1740-41 г.), две надписи, предположительно, 1632/1622-23 и 1048/1638-39-х гг., в свое время находившиеся при входе в мечеть Муфти-Джами в Феодосии [Брун, 1877; Эвлия, 2017, с. 196–197] и др.

Что касается эпитафических текстов на фарси, их известно немного. Среди сохранившихся образцов особо укажем на поэтическую эпита-

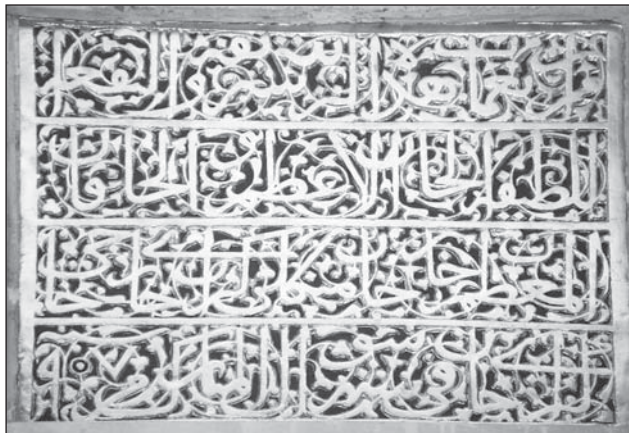

*Подсвечник шамдан хана Сахиба Герая II, сына Ахмеда Герая султана. 1188/ 1774–75 г.
Из собрания БИКАМЗ*

фию с хронограммой на надмогильном памятнике хана Менгли Герая II (датирована 1152/1740 г.) в специальной ротонде на территории ханского кладбища в Бахчисарае. Из образцов же, судьба которых остается неизвестной (сами строения не сохранились), отметим две надписи с хронограммами с летних дворцов (павильонов – *кёшук*) хана Мехмеда Герая IV в саду Ашлама, датированные 1052/1642-43 и 1055/1645-46 гг. и зафиксированные в «Книге путешествия» Эвлии Челеби [Эвлия, 2017, с. 98–99].

Художественные и литературные особенности. Значительное число памятников эпитафики ханского времени представляет собой искусные образцы целого ряда искусств: камнерезного, декоративно-прикладного, искусства каллиграфии, поэзии.

К сожалению, в настоящее время практически ничего неизвестно о мастерских, занимавшихся изготовлением данных памятников, остаются неизвестными имена камнерезов, каллиграфов и других специалистов, усилиями которых создавались, зачастую, подлинные художественные шедевры. Исключение составляют имена художника (одновременно, мастера по росписи стен, – *наккаш*) Омера Накши и двух мастеров (*уста*) Хаджи Салиха и Хаджи Халиля, присутствующие на одном из панно Ханской мечети в Бахчисарае [Kaṅçal-Ferrari, 2005, с. 134–135]. Можно предположить, что именно кисти Омера Накши («мастер Омер» в русскоязычных изданиях) при-

Надпись над входом в мавзолей первых крымских ханов в Салачике (Бахчисарай). Месяц шевваль 907/апрель-май 1502 г.

надлежат, в том числе, и многие другие каллиграфические (одновременно, эпиграфические) надписи на различных объектах Ханского дворца, датированные второй половиной XVIII века.

Ряд памятников эпиграфики ханского периода представляют собой каллиграфические композиции (панно), в частности, надписи на внешней стороне западной стены Ханской мечети [там же]. Данные панно являются образцами искусства «мусенна», при котором использовали технику зеркального письма, в результате чего тот или иной каллиграфически исполненный текст представлял собой композицию из двух зеркально отраженных половинок. Известно, что отдельные образцы *мусенна* присутствовали в оформлении еще, по меньшей мере, одной бахчисарайской мечети – «Ешиль-Джами» [Свод, 2016а, с. 103].

Анализ памятников с точки зрения использования тех или иных разновидностей каллиграфического письма показывает, что в основном использовались такие виды (почерки) арабской каллиграфии, как *несх*, *сульс*, *джели*, *мустасими*.

Также необходимо отметить, что значительное число эпиграфических памятников представляют собой образцы искусства поэтической хронограммы, когда в конце текста, в ключевом слове, словосочетании, строке или двустии кодировался год события, которому посвящался данный текст [Абдульвапов, 2015]. Для со-

ставления подобных хронограмм использовался особый алфавит – *эбджед*, в котором каждой из 28 букв арабского алфавита соответствовало то или иное число (от 1 до 10, далее десятками до 100, и сотнями до 1000). При этом такие тексты, как правило, содержали в себе и имена (псевдонимы) их авторов: Хамди, Эдиб, Хифзи, Муджеми, Пири, Дюрри, Бахти и др. [Бахчисарайские, 1850]. Таким образом, тексты с хронограммами представляют собой интерес и с точки зрения истории развития крымскотатарского поэтического искусства того времени.

Историческая ценность. Как было указано выше, в настоящее время известна лишь малая часть крымскотатарских эпиграфических памятников, созданных в период Крымского ханства. Однако даже эта известная их часть имеет значительную историческую ценность, более того, некоторые тексты обладают значимостью, превосходящую узко крымские масштабы.

Среди крымскотатарских эпиграфических памятников ханского времени особый интерес вызывают, прежде всего, хронологически наиболее ранние образцы, а именно тексты, связанные с личностями первых ханов – Хаджи I (ум. в 1466 г.) и Менгли I (ум. 1515 г.) Гераев. С именем Хаджи Герая I связан лишь один из известных эпиграфических памятников, им является фрагмент каменной плиты с отрывком текста, обнаруженный во время археологических работ на Чуфут-Кале (Кырк-Ере) в 1928 г. [Акчокраклы, 1928, с. 166]. Судя по всему, речь идет о фрагменте надписи о строительстве (или же ремонте) ханом Хаджи Гераем, сыном хана Гыяседдина, мечети на верхнем плато Кырк-Ера (Чуфут-Кале) в 859/1454-55 году. Полный текст этой надписи был в свое время дан Эвлией Челеби в его «Книге путешествия» [Эвлия, 2017, с. 90]. Судьба памятника остается неизвестной.

Эпиграфических памятников с именем Менгли Герая I известно, по меньшей мере, шесть единиц. Из них до настоящего времени сохранились три надписи (все – в достаточно хорошем состоянии), а именно: 1) мраморная плита с текстом при входе в Медресе Менгли Герая I в Салачике (медресе «Зынджирлы»), датированная (906/ 1500-01 г.); [Свод, 2016а, с. 25–27]; 2) мраморная плита с текстом при входе в мавзолей (*турбе*) первых

крымских ханов в Салачике, датированная месяцем шевваль 907, или же апрелем-маем 1502 г.) [там же, с. 31]; 3) текст из двух фрагментов на т. н. «Портале Алевиза», или «Демир-Капы», датированный 909/1503-04 г. и, предположительно, связанный с дворцом Менгли Герая I в Салачике (Девлет-Сарай) (ныне портал находится в Ханском дворце) [там же, с. 78]. Не может не обратить внимание эволюция титулатуры Менгли Герая на данных памятниках, разделенных, казалось бы, лишь несколькими годами, но годами огромной исторической значимости: как известно, в 1502 г. Великая Орда была покорена Менгли Гераем, что сделало Крымское ханство официальным её (Великой Орды) наследником.

Говоря о хронологически более поздних памятниках, имеющих отношение к Гераям, необходимо отметить, что основная их масса датируется XVIII веком, хотя сохранились и отдельные образцы, относящиеся, подобно указанным выше, к XVI, и к XVII векам. Примером этому могут служить две каменные таблички с именем Сахиба Герая I (1532–1551) и одна – с именем хана Мехмеда Герая IV (1641–1644, 1654–1667). Из них первая табличка представляет собой надпись над входом в Ханские бани (т. н. «Сары-Гузель») на территории Бахчисарайского дворца: датируется она 939/1532-33 г. – годом начала строительства Сахибом Гераем нового дворца [Свод, 2016а, с. 92]. Вторая надпись с именем Сахиба Герая, на этот раз – стихотворная (вернее, ее фрагмент) в свое время располагалась над входом в Девлет-Сарай в Салачике (где ее видел Эвлия Челеби, приведя текст в своей «Книге путешествия»), а ныне находится в арке внутреннего дворика медресе «Зынджирлы» и является ценнейшим артефактом, сохранившимся, наряду с т. н. «порталом Алевиза», от первого ханского дворца в Салачике [Kırım'daki Kırım Tatar, 2016, s. 475]. К слову, данная надпись дает основание предположить, что т. н. «портал Алевиза» («Демир-Капы») был перенесен на место нынешнего нахождения именно Сахибом Гераем, заменившим его на новую надпись с собственным именем. Что же касается надписи с именем Мехмеда IV, то речь идет об одной из двух надписей, зафиксированных в свое время Эвлией Челеби при входе в «большую баню Мехмед

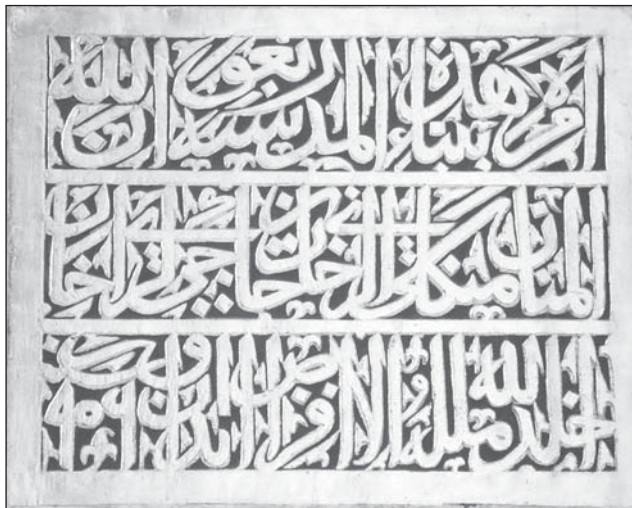
*Надписи на портале «Демир-Капы»
(т. н. «Портал Алевиза»). 909/1503-04 г.
Бахчисарайский ханский дворец*

Герая-хана» [Эвлия, 2017, с. 116]. Данные бани находились рядом с Ханским дворцом (до наших дней не сохранились), каменная же табличка с именем Мехмеда Герая, датированная 1070/1659-60 г., ныне экспонируется во внутреннем дворике медресе «Зынджирлы» [Kırım'daki Kırım Tatar, 2016, s. 475].

Основной объем текстов XVIII в., относящихся к Гераям, находится на территории Ханского

*Фрагмент надписи, датированной
942/1535-36 г. и находившейся над входом
во дворец Менгли Герая I в Салачике
(«Девлет-Сарай»). Ныне располагается
в арке внутреннего дворика Зынджирлы
медресе (Медресе Менгли Герая I) (Бахчисарай)*

*Надпись над входом в Зынджирлы медресе
(Медресе Менгли Герая I). 906/1500-01 г.*

дворца и Ханского кладбища в Бахчисарае. На территории непосредственно дворца их немного. Так, имя хана Каплана Герая I (1707-08, 1713-15, 1730-36) присутствует в надписи на т. н. «Золотом фонтане» на территории Фонтанного дворика, датированной 1146/1733-34 г. [Kaṅçal-Ferrari, 2005, s. 188]. Имя Селямета Герая II (1740–1743) присутствует в ряде надписей, датированных 1153/1740-41–1155/1742-43 гг., напоминая о его вкладе в восстановлении дворца после похода Миниха в 1736 г. [там же, s. 137, 192]. Имя хана Кырыма Герая (ум. 1769) украшает надписи на Ханской мечети, а также присутствует в текстах хвалебных од на т. н. «Фонтане слез» и в т. н. «Золотом кабинете» [там же, s. 134, 190, 203–210].

Значительно больше эпиграфических текстов, принадлежащих Гераям, сохраняется на Ханском кладбище. Четыре из них принадлежат ханам: Менгли Гераю II (ум. 1152/1740, эпитафия представляет собой два двустихия на фарси, с хронограммой) [Kaṅçal-Ferrari, 2003, с. 399–400], Селиму II (ум. 1161/1748) [там же, с. 401–402], Арслану (ум. 1181/1767–68, эпитафия в пять двустихий поэта Хыфзи, с хронограммой) [там же, с. 406], Кырым (ум. 1183/1769, три двустихия поэта Эдиба, с хронограммой) [там же]. Помимо ханских, ряд текстов принадлежат калга-султанам: Саадету Гераю (ум. 1176/1762-63, эпитафия в 5 двустихий

Табличка с надписью о воссоздании соборной мечети «Кебир-Джами» в Акмесджите, датированная 1153/1740-41 г. Ныне располагается на территории вышеуказанной мечети.

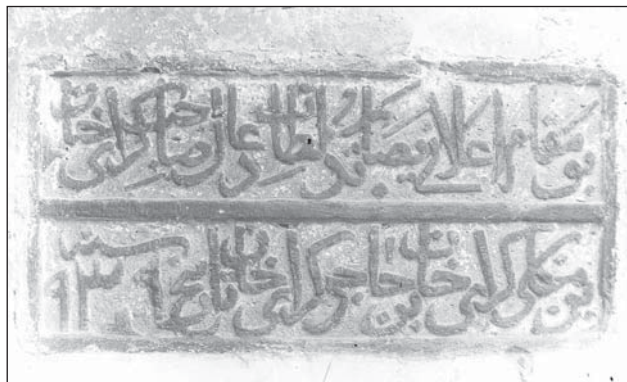
ший поэта Хамди, с хронограммой) [там же, с. 405], Селиму Гераю (ум. 1173/1759-60) [там же, с. 404–405] и др.; нуреддинам: Тохтамышу Гераю, сыну хана Менгли Герая II (ум. 1154/1742) [там же, с. 400], Бахадыру Гераю, сыну нуреддина Максуда Герая (ум. 1192/1778) [там же, с. 407] и др., Перекопскому бею Азамату Гераю, сыну хана Девлета Герая II (ум. 1147/1734-35) [там же, с. 398]. Ряд текстов относится к другим, «рядовым» мужским представителям династии, относительно многочисленны тексты и на женских надмогильных памятниках.

По свидетельству О. Гайворонского, исследовавшего ханское кладбище, из 74 ныне идентифицируемых надгробий кладбища 45 принадлежат династии Гераев: 34 мужчинам и 11 женщинам [Гайворонский, 2006]. Остальная часть списка, 29 имен, принадлежит другим семействам, в том числе представителей служилой знати. В частности, на кладбище присутствуют могилы с эпитафиями: главного пристава государственного совета Хаджи Али-паши (ум. 1146/1733-34) [Kaṅçal-Ferrari, 2003, с. 410], главного казначея Османа, сына Хаджи Бекира (ум. 1156/1744) [там же, с. 413], начальника привратной стражи Хаджи Кенана (ум. 1111/1699–1700) [там же, с. 408], других чиновников с титулами

«ага» и «паша», а также представителей родовой аристократии – с титулами «бей» и «мирза». Ряд захоронений представляют собой своего рода «микронекрополи», что свидетельствует о определенных привилегиях для данных семей быть похороненными на Ханском кладбище [Гайворонский, 2006, с. 19].

Ряд текстов содержат указания на важные исторические события, имевшие место в истории ханства. Так, по меньшей мере три эпитафии присутствуют на надмогильных памятниках «мучеников» (*шехит*) событий 1736–1738 г. (походов на Крым генералов Б. К. Миниха и П. П. Ласси): Номана Герая султана и братьев Ислам-бея и Селямет-бея, сыновей вышеупомянутого Хаджи Али-паши [Kaңçal-Ferrari, 2003, с. 399, 410–411].

Помимо Бахчисарая, отдельные надписи известны и в других городах и сельских населенных пунктах Крыма. Так, в Симферополе (Акмесджит), во дворе мечети Кебир-Джами сохраняется

Надпись над входом в ханские бани Сахиба Герая I (т. н. «Сары-Гузель»). 939/1532-33 г. Бахчисарайский ханский дворец

каменная табличка, указывающая на ремонт (или воссоздание) мечети в 1153/1740-41 г. (период правления Селямета Герая II) – после сожжения города войсками Миниха в 1736 г. – усилиями Максуда Аги, сына Хусейина Аги (из рода

Поэтическая эпитафия на надмогильном памятнике крымскому хану Кырым-Гераю. 1183/1769 г. Ханское кладбище при Бахчисарайском ханском дворце

Надпись на надмогильном памятнике крымскому хану Селиму Герая II. 1161/1748 г. Ханское кладбище при Бахчисарайском ханском дворце

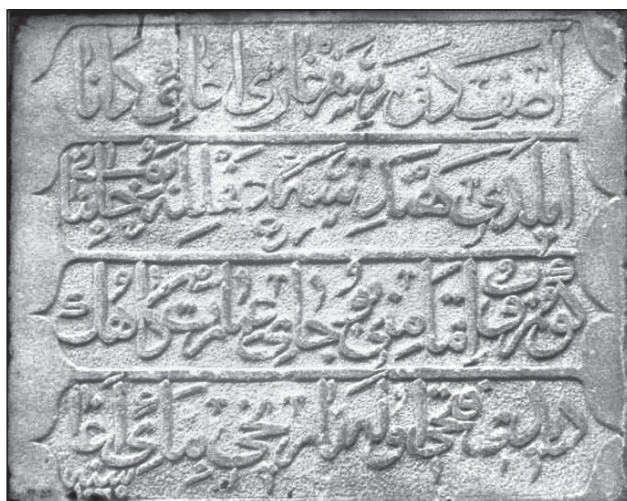

Поэтическая эпитафия на надмогильном памятнике нуреддину Азамату Герая. 1102/1690-91 г. Мавзолей на территории Ханского кладбища при Бахчисарайском ханском дворце

Каллиграфическое панно на внешней стороне западной стены Большой Ханской мечети. XVIII в. Бахчисарайский ханский дворец

основателя мечети – Абдурахмана Бека) [Свод, 2018, с. 62]. В г. Белогорске (Карасубазар) на развалинах известной городской достопримечательности – постоялого двора «Буюк таш-хан», в стене над входом продолжает сохраняться табличка со стихотворной надписью (авторства поэта Фетхи, с хронограммой), указывающей на то, что постоялый двор был построен (или отре-

Табличка со стихотворной надписью над входом в постоялый двор «Буюк таш-хан». 1065/1654-55 г., г. Карасубазар (Белогорск)

монтирован) в 1065/1654-55 г. по приказу выдающегося крымского визиря XVII в. – Сефер-Гази Аги [Kırım'daki Kırım Tatar, 2016, с. 650]. В Евпатории (Гозьлеве, Кезлев), во дворе мечети Хан-Джами (1570-е гг.), построенной по проекту выдающегося османского архитектора Коджи Мимара Синана, сохраняется мраморная плита со стихотворной надписью (авторства османского поэта Джеври, с хронограммой в последнем полустишии), указывающей на то, что некогда эта надпись «принадлежала» одному из городских фонтанов, построенному в 1061/1650-51 г. крымским ханом Исламом Гераем III [там же, с. 742]. Помимо этого, значительное число памятников сохраняется на территории Исторического музея в Феодосии, однако они остаются неисследованными. Как и отдельные эпиграфические памятники, хранящиеся в музеях других крымских городов.

Также значительное число эпиграфических памятников ханского времени сохраняется в различных сельских населенных пунктах Крыма. Примером могут служить находки на территории сел Бахчисарайского района. В частности, на территории древнего кладбища с. Сююрташ (ныне с. Белокаменное) был найден надмогильный камень с эпитафией некоего Муллы Абдульвахида, сына Абдульфетгаха, датированный 1158/1745 г. [Свод, 2016б, с. 52]. На территории старинного кладбища с. Керменчик (ныне с. Высокое) были обнаружены надмогильные камни с эпитафиями 1158/1745 и 1194/1780 гг. [там же, с. 60–62]. Надмогильные памятники, датированные 1123/1711, 1191/1766-67 и 1184/1770 гг., были обнаружены на двух старинных кладбищах дер. Кучюк-Озенбаш (ныне с. Многоречье) [там же, с. 124–127]. Надмогильные камни второй пол. XVIII в., в том числе *башташ* известного политического деятеля и крупного военачальника Абдулвели-паши (ум. 1778 г.), обнаружены на территории старинного кладбища рядом с т. н. Юсуповской мечетью в с. Коккозь (ныне с. Соколиное) [там же, с. 158] и т. д. К сожалению, практически все средневековые мусульманские кладбища Крыма, как в городах, так, в сельских населенных пунктах, были уничтожены после депортации крымскотатарского народа в 1944 г. и в последующем, за редким исключением, не исследовались.

1.10. Османская археология в Крыму

В. Е. Науменко, Э. И. Сейдалиев

Археология Крыма периода 1475–1783 гг., границы которого определяются османским завоеванием полуострова в конце XV в. и включением его в состав Российской империи в конце XVIII в., все еще остается на стадии формирования собственной источниковой базы и осмысления предмета и основных направлений исследований. Для историографии по-прежнему характерны терминологическое разнообразие при обозначении данного исторического этапа в археологической периодизации региона, недостаточная разработанность понятийного аппарата для атрибуции основных категорий памятников и массового археологического материала, отсутствие очерка истории изучения и анализа особенностей археологических объектов для конца XV – XVIII вв., их археологической карты и программы целенаправленного изучения. Раскопки памятников во многом зависят от персональных интересов исследователей либо связаны с охранно-археологическими работами на инфраструктурных объектах Крыма. Крайне редкими являются исследования на широкой площади, в пределах полных контуров археологических памятников. К тому же их результаты опубликованы, чаще всего, выборочно, без полного комплекта сопровождающих раскопки графических материалов (планов, стратиграфических разрезов, статистических таблиц и рисунков находок).

В связи с этим мы рассматриваем свою работу как своеобразное введение в современную археологию данного периода в истории полуострова. Она включает анализ правомерности использования термина «османская археология» применительно к Крыму, историю археологического изучения памятников Крымского ханства и Османской империи на территории полуострова и общий анализ особенностей и перспектив данного направления крымской археологии на современном этапе.

О термине «османская археология» в Крыму

Как уже говорилось, в историографии при публикации археологических материалов конца XV –

XVIII вв. из раскопок памятников Крыма либо в процессе их анализа присутствует терминологическое разнообразие для обозначения данного периода в истории полуострова. Наряду с вполне ясными понятиями – «*археология османского периода в истории Крыма*» или «*позднесредневековая археология*» встречаются и менее однозначные определения – «*турецкая археология*», «*мусульманская археология*» [о термине в целом см.: Ситдигов, Измайлов, 2016; применительно к истории Крыма: Герцен, Могаричев, 2016б] или «*археология Крымского ханства*». Как нам представляется, используемый в настоящей работе термин «*османская археология*» по своему содержанию превосходит все перечисленные терминологические эквиваленты качественно, хотя и требует некоторого объяснения.

«*Османская археология*» как отдельное направление археологической науки сложилось относительно недавно, в 80–90-х гг. XX в., хотя ему предшествует длительный период изучения отдельных памятников исламской архитектуры и искусства на территории Европы, Северной Африки и Ближнего Востока. Она представляется областью археологии, всесторонне изучающей историю и культуру Османской империи на основе, главным образом, сохранившихся материальных источников. Помимо традиционных объектов исследований – памятников религиозного культа и художественной культуры ислама, «османская археология» сейчас изучает и все другие возможные виды археологических памятников и вещественных источников, без акцента на их конфессиональную и этническую принадлежность – города, сельские поселения, некрополи, отдельные фортификационные и гидротехнические сооружения, поля военных сражений, массовый археологический материал (керамику, изделия из стекла, глины, камня, металла, кости и пр.).

К числу важнейших особенностей «османской археологии» относятся: глобальный характер экономики и торговли Османской империи, индикаторами которой, в том числе и на уровне быта самых отдаленных провинций османского мира, являются регулярные находки в культурном

слое археологических памятников предметов, связанных с церемонией кофепития и табакокурения, использованием в пище азиатских пряностей; повсеместное распространение османского высокохудожественного фаянса и китайского фарфора (селадона); тесная связь археологических исследований с многочисленными для этого времени данными нарративных (письменных, документальных, эпиграфических) источников, результатом которой является потенциально узкая хронология культурных напластований и их определенная атрибуция историческим событиям эпохи; широкое использование материалов этнографии (этноархеологии, этноистории), прежде всего архаичных элементов культуры Нового времени современных народов, прежде входивших в состав Османской империи, особенно на этапе интерпретации и реконструкции фрагментарных археологических источников [Baram, Carroll, 2002; Laszlovszky, Rasson, 2003].

Для изучения истории Европы, и шире всего Средиземноморского региона, «османская археология» ныне рассматривается как неотъемлемый компонент ряда более крупных направлений археологической науки:

– «*средневековой археологии*», изучая материальные древности завершающего этапа эпохи средневековья, начиная с конца XV в. и до середины XVII в., а для отдельных регионов – вплоть до конца XVIII в. Следует отметить, что, помимо устоявшегося в отечественной науке термина «*позднесредневековая археология*», для обозначения этого исторического периода в европейской и американской историографии используется и другое понятие – «*постсредневековая (постмедиевальная) археология*» (реже – «*археология Раннего Нового времени*»), особенно применительно к истории стран Западной и Центральной Европы в 1450–1750-е гг. [Bintliff, 2008];

– «*исторической археологии*», то есть археологии письменного периода в истории человечества или, что точнее, ее отдельных исторических периодов, связанных с крупнейшими мировыми империями (цивилизациями), например, «*римская археология*», «*византийская археология*», «*золотоордынская археология*» и пр. [о ее предмете и методе см.: Lees, Burke, Orser, 2008];

– «*исламской археологии*», которая ныне изу-

чает не столько архитектурные памятники и материальные предметы, связанные с исламским культом, сколько всю материальную историю регионов Европы, Африки и Азии периода доминирования здесь исламских политических образований и государств [Insoll, 1998, p. 1–25; 2001; Northedge, 1999].

Перечисленные составляющие «османской археологии», безусловно, свидетельствуют об оптимальности использования именно этого термина по отношению к Крыму при изучении его археологических памятников и в целом материальной культуры конца XV – XVIII вв. Весь полуостров в данный исторический период был частью османского мира, независимо от того, какая из его областей находилась под контролем администрации Османской империи или управлялась зависимым от нее Крымским ханством [о так называемом османском «вассалитете» Крымского ханства см.: Зайцев, 2010]. Он являлся важнейшим региональным центром османского Причерноморья, где происходили процессы взаимодействия и переосмысления на местной почве достижений культуры и искусства Османской империи, регулярный османо-крымский товарообмен и миграции населения.

В таком историческом контексте понятие «*османской археологии*» применительно к истории Крыма значительно глубже терминов «*турецкая археология*» и «*мусульманская археология*», ввиду неопределенности содержания первого в современной турецкой историографии – изучение археологии Османской империи в целом или все-таки деятельности ее государственных институтов в этом направлении с конца XIX в. (?) [подробнее: Çağlar, 2017], и сосредоточенности последнего прежде всего на исследовании материальных памятников ислама и истории региональных исламских общин [Ситдииков, Измайлов, 2016, с. 13–14]. Ему также явно уступает в географическом смысле определение «*археология Крымского ханства*». К тому же особенности средневековой археологической культуры крымских татар в сравнении с «османской археологией» остаются все еще не изученными, что делает выделение этого термина для обозначения самостоятельного направления археологической науки, на сегодняшний день, преждевременным.

Археологическое изучение памятников Крымского ханства и Османской империи в Крыму: основные этапы

Очерк, посвященный истории археологического изучения памятников «османской археологии» на полуострове, до сих пор не написан. Наш раздел, скорее всего, лишь частично компенсирует данный историографический пробел. Его целью является выделение основных этапов и рубежных научных археологических (историко-археологических, архитектурно-археологических) исследований объектов интересующего нас периода времени. Многочисленные описания мусульманских позднесредневековых культовых и общественных объектов, оставленные европейскими и российскими путешественниками конца XVIII – середины XIX вв., как и путеводители или популярные очерки конца XIX – XX вв. по истории архитектуры полуострова, привлекаются лишь в случае полного отсутствия каких-либо данных о раскопках этих памятников.

Начальный этап научного изучения объектов «османской археологии» в Крыму, очевидно, связан с археологическими исследованиями памятников периода Крымского ханства на территории г. Бахчисарая в конце XIX – начале XX вв. Несмотря на свою широкую известность, они привлекли серьезное внимание научной общественности лишь в связи с катастрофическим разрушением набережной Бахчисарайского Ханского дворца в начале лета 1892 г. и осознанием необходимости подготовки проекта реставрации бывшей резиденции крымских ханов, находившейся к этому времени в аварийном состоянии. Разработка проекта ремонтно-реставрационных работ возлагалась на Императорскую Археологическую комиссию и Таврическую Ученую Архивную комиссию. Его программу фактически сформулировал в небольшой заметке о дворце Н. П. Кондаков, возглавивший специально созданную Научно-художественную комиссию: восстановление в прежнем состоянии объектов, составляющих ныне историческое (средневековое) ядро Ханского дворца – портала «Демир-Капу», Зала Дивана, Летней беседки, «Фонтана слез» и «Золотого фонтана» в Фонтанном дворе, «Золотого кабинета», Малой и Большой

дворцовых мечетей, медресе, дюрбе, включая их оригинальные интерьеры и росписи, и обязательность предшествующих реставрации и ремонтам археологических работ [Кондаков, 1899; об этом проекте см. также: Эминов, 2017, с. 31–33; Науменко, Герцен, Ганцев, 2020, с. 107–111].

Однако, первые раскопки позднесредневековых памятников Бахчисарая были проведены на территории заброшенного *мусульманского кладбища в ущелье Ханлы-Дере*, расположенном по направлению движения из Ханского дворца в местность Салачик. В течение 1898–1899 гг. местным полицмейстером А. Г. Иваненко, при участии членов ТУАК – А. И. Маркевича и А. О. Кашпара, здесь были исследованы три средневековых мавзолея-дюрбе, датированных, на основании зафиксированного погребального обряда и монет хана Селим Герая (без уточнения их хронологии), периодом Крымского ханства (Рис. 1) [об этих раскопках см.: Заседание 20 апреля 1898 года, 1899, с. 85–87; Заседание 15 ноября 1899 года, 1899, с. 121–122; Маркевич, 1899, с. 89; Раскопки в Бахчисарае, 1902, с. 37–38; Кирилло, 2009, с. 439–442]. К сожалению, из-за полной утраты дюрбе к настоящему времени уточнить их датировку, как и точное местонахождение объектов раскопок, сейчас уже не представляется возможным [о локализации местности Ханлы-Дере и расположенном здесь мусульманском некрополе см.: Гайворонский, 2006, с. 10; Свод, 2016а, с. 38–40]. Отметим в этой связи лишь недавнюю публикацию фрагментов узорной бархатной ткани XV–XVI вв. османского происхождения из одного из мавзолеев, раскопанных в Ханлы-Дере в 1899 г. [Теплякова, 2016].

На территории *Бахчисарайского Ханского дворца* первые археологические исследования были проведены архитектором В. А. Фоминым несколько позднее, в 1902–1903 гг., в ходе разработки уже упомянутого проекта его реставрации. Места этих раскопок восстанавливаются на основании одного из планов Н. П. Краснова, которому ИАК были поручены выполнение архитектурных обмеров и разработка эскизных предложений по художественной реставрации внешних и внутренних фасадов основных дворцовых зданий [Научно-проектная документация, 2009–2010, кн. 1, с. 57, рис. 36], архивных документов

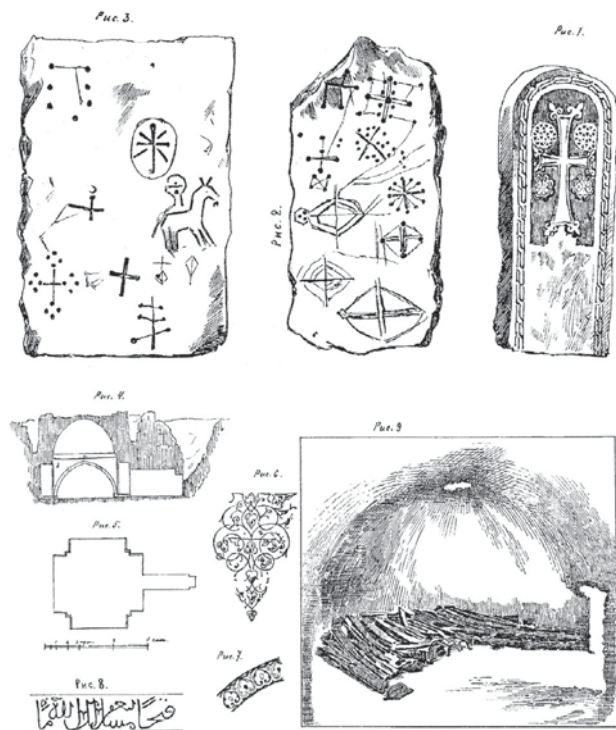

Рис. 1. Материалы археологического изучения дюрбе в ущелье Ханлы-Дере (Бахчисарай) в 1898–1899 гг. (по: Кирилко, 2009, с. 441, рис. 2).

[ГАРК. Ф. 26. Оп. 8. Д. 83. Л. 6–9] и доклада архитектора П. П. Покрышкина на заседании ИАК от 02.12.1909 г. [Бахчисарайский дворец, 1910]. Из них следует, что работы велись на нескольких участках исследований: в *воротном проеме Главного корпуса* – до уровня каменной мостовой; *перед «Порталом Алевиза»* – до уровня каменной мостовой; в *Фонтанном двореке*, между Залом Дивана и Малой мечетью, где обнаружены три уровня каменного мощения и система керамических водопроводных труб под ними; в *помещении «Казнохранилища»*, где выявлены остатки двух более ранних каменных сооружений, в том числе с коробовым сводом; в *Зале Дивана*, где были открыты квадратный бассейн с водопроводными трубами и остатками фонтана (?), более ранняя мощеная поверхность и фрагменты стен, вероятно, ей синхронных; в *Бассейновом двореке* – до уровня каменной мостовой; в *Персидском двореке*, где была раскопана средневековая баня и каменный водоотводный канал. К сожалению,

материалы раскопок В. А. Фомина (планы, разрезы, таблицы находок), за исключением чертежей и эскизов Н. П. Краснова, выполненных, скорее всего, в это же время, не сохранились. Поэтому можно лишь предполагать точную датировку и атрибуцию открытых строительных остатков.

Несмотря на скромные результаты раскопок 1898–1899 и 1902–1903 гг., археологические памятники Бахчисарая с этого времени по праву входят в число наиболее важных для изучения материальной культуры Крымского полуострова в османский период его истории. Их основной перечень и состояние, в том числе расположенных на территории городища Чуфут-Кале и в ущелье Салачик, приведен уже в небольшой заметке 1917 г., написанной У. Боданинским [Боданинский, 1917]. За пределами Бахчисарая интерес к материальным древностям конца XV – XVIII вв. в это время оставался незначительным. Отметим лишь первые публикации османского фаянса групп «Iznik Ware» и «Kütahya Ware», маркерной керамики для объектов «османской археологии» во всех регионах османского мира, из раскопок в портовой части Феодосии в 1890-е гг. и на территории Мангупского городища, где в 1912–1914 гг. исследования проводил Р. Х. Лепер [Штерн, 1906, с. 77–83, табл. IX, 85, 94–97; Лёпер, Моисеев, 1918, с. 84, рис. 130; о раскопках Р. Х. Лепера на Мангупе: Герцен, Науменко, 2019, с. 139–142].

Качественно новый этап исследований памятников современной «османской археологии» на полуострове приходится на период 1924–1929 гг., когда во многом благодаря усилиям У. А. Боданинского, первого директора Бахчисарайского музея тюрко-татарской культуры, была создана и вела активную деятельность комплексная экспедиция по целенаправленному и всестороннему изучению материальных древностей Крыма, связанных с историей и культурой крымских татар [о хронологии этих исследований см.: Боданинский, 1930; Мирас..., т. 1, 2016, с. 22–53]. Участие в этом проекте известных историков-востоковедов, археологов, архитекторов – И. Н. Бороздина, А. С. Башкирова, Н. Л. Эрнста, П. И. Голландского, Б. Н. Засыпкина, обеспечило ему высокий научный уровень при проведении полевых исследований и анали-

зе полученных результатов. Следует также отметить О. Н. Акчокраклы, являвшегося, наряду с У. А. Боданинским, одним из самых инициативных членов научной группы экспедиции [о нем см.: Мирас..., т. 1, 2016, с. 129–137; републикация основных работ: Акчокраклы, 2016].

Собственно археологическая часть проекта 1924–1929 гг. была связана с раскопками двух крупных средневековых городищ Крыма – *Солхата* (г. Старый Крым) и на *плато Чуфут-Кале* в восточной части г. Бахчисарая. Если в Солхате они в 1925–1926, 1928 гг. были сосредоточены в основном на изучении ключевых архитектурно-археологических комплексов золотоордынского времени в истории городища – караван-сарая и медресе вблизи так называемой «мечети Узбека» [Бороздин, 1926, с. 286–301; 1927, с. 258–274; Башкиров, 1927], то на Чуфут-Кале в 1928–1929 гг. была полностью открыта центральная мечеть крепости [Акчокраклы, 1928, с. 166–168; Боданинский, Засыпкин, 1929; Акчокраклы, 1929, с. 183–185], построенная, как сейчас считается, в 1454–1455 гг. ханом Хаджи Гераем (1441–1466) [Герцен, Могаричев, 2016а, с. 183–184; Исторический атлас Республики Крым, 2015, с. 151–153]. Помимо этого, археолого-топографические и археолого-эпиграфические исследования впервые проведены на ряде памятников периода Золотой Орды и Крымского ханства в г. Бахчисарае: в 1924 г. – на территории *поселения Эски-Юрт и в местности Азиз*, где обследовались, в том числе, сохранившиеся до настоящего времени четыре дюрбе-мавзолея [Боданинский, 1927, с. 199–200; Мирас..., т. 1, 2016, с. 27; Боданинский, 2018, с. 98], в 1928 г. – на месте руин *загородного ханского дворца в Ашлама-Дере*, сопровождавшиеся шурфовочными работами [Боданинский, 1930, с. 9; Мирас..., т. 1, 2016, с. 48], и в 1927–1929 гг. – на территории *азиза Газы-Мансур* в балке Марьям-Дере [Акчокраклы, 1928, с. 170–172; 1929, с. 184, 186].

Безусловно, несмотря на качественную фото- и графическую фиксацию выявленных в ходе раскопок объектов [данная группа материалов уже опубликована: Мирас..., т. 2–3, 2016], методика археологических исследований оставляла желать лучшего, полностью соответствуя требованиям своего времени. В изданных материалах

практически не уделено внимания стратиграфии памятников и обнаруженному массовому археологическому материалу; все датировки обоснованы данными эпиграфики и архитектурными аналогиями. Этого, на сегодняшний день, явно недостаточно для установления точной хронологии и периодизации перечисленных археологических объектов. Пожалуй, среди всех научных работ, опубликованных по итогам проекта 1924–1929 гг., наибольшую актуальность сохраняет до настоящего времени лишь статья Б. Н. Засыпкина, первое обобщающее исследование, посвященное мусульманским архитектурным памятникам XIV–XVIII вв. на полуострове (дюрбе, мечетям, медресе, караван-сараям, хамам) и написанное к тому же на материалах собственных натурных обследований автора 1926–1927 гг. [Засыпкин, 1927].

Тем не менее, трудно переоценить значение археологических и архитектурно-археологических исследований 1924–1929 гг. для современной «османской археологии» в Крыму. Они, по сути, сформировали необходимую методологию будущих работ в этом направлении, определив основной круг и разновидности археологических памятников и показав на практике необходимость междисциплинарного характера их изучения.

Следующий этап изучения памятников «османской археологии» на территории полуострова – 50–80-е гг. XX в., – может быть определен как период накопления археологического материала и знаний. С учетом уже более совершенной методики ведения полевых работ на археологических памятниках, потребовавшей от исследователей изучения и фиксации всех выявленных культурных горизонтов и строительных ярусов, начиная от верхних напластований, сформировавшихся в позднесредневековое и в Новое время, их основным источником становятся, в первую очередь, результаты систематических раскопок многослойных археологических объектов (городищ, крепостей) Крыма, силами крупных научных экспедиций – Мангупской (с 1967 г.), Судакской (1977–2000 гг.), Солхатской (с 1978 г.), Алустанской (1981, 1984–1995, 1998 гг.), Партенитской (1985–1988 гг.), Чуфут-Кальской (1987–1989 гг.).

Главным, но объективным недостатком таких многолетних работ на памятниках является дли-

тельное формирование источниковой базы, в том числе и по интересующему нас периоду времени, а также медленное введение новых материалов в научный оборот. Показателем этого является практически полное отсутствие обобщающих исследований, за исключением небольшого очерка А. Л. Якобсона 1964 г., посвященного материальной культуре Крыма XVI–XVIII вв. и основанного, как и прежде, на обзоре известных архитектурных памятников Бахчисарая [Якобсон, 1964, с. 141–148]. Лишь в 1988 г. опубликован первый археологический комплекс, скорее всего, конца XVII–XVIII вв., из раскопок барбакана Судакской крепости [Баранов, 1988, с. 90–92, рис. 12]. Только в 2000-х гг. изданы материалы этих исследований не территории Алустона [Алядинова, Тесленко, 2015], Партенита [Алядинова, 2015] и Чуфут-Кале [Герцен, Могаричев, 2001].

Другим источником формирования сведений о материальной культуре Крыма в османский период его истории оставались археологические раскопки памятников этого времени в рамках подготовки научной документации для их реставрации либо в ходе благоустроительных работ в исторической части городов полуострова. Их качество во многом зависело от условий охранных исследований и степени вовлеченности специалистов-археологов в разработку реставрационных проектов.

Примерами таких работ являются, прежде всего, археологические исследования на месте *османской крепости в Керчи*, в ходе реконструкции центральной площади Ленина (бывшая Предтеченская площадь) и расположенной здесь церкви св. Иоанна Предтечи в 60–80-е гг. XX в. (раскопки И. Б. Зеест и А. Л. Якобсона в 1963–1964 гг., Т. И. Макаровой в 1970–1971 гг. и В. Н. Холодкова в 1988 г.), ограниченные по площади и оставшиеся практически не изданными [Науменко, Пономарев, 2018, с. 354–355]. Крайне низким методическим уровнем характеризуются раскопки Бахчисарайского Ханского дворца, проводившиеся Е. И. Лопушинской в 1960–1962 гг. и А. Б. Авагяном в 1985–1986 гг. в рамках подготовки проекта реставрации памятника [подробнее см.: Науменко, Герцен, Ганцев, 2020, с. 111]. Пожалуй, лишь раскопки 1988 г. на месте *Арабатской крепости*, в ходе которых были частич-

но исследованы морские ворота, пороховой погреб, мечеть, хамам крепости и в последующей публикации уточнена ее историческая периодизация, могут быть оценены как по-настоящему удачные [Герцен, Колтухов, 2009, с. 149–156].

Современный период «османской археологии» в Крыму начинается в начале 90-х гг. XX в. Среди рубежных научных исследований, определивших его проблематику и методологию, необходимо, прежде всего, отметить публикации И. В. Волковым и Дж. Хэйсом в 1992 г. классифицированных керамических комплексов османского периода из раскопок *крепости Азак и квартала Сарачхане в Стамбуле*, которые содержали основные группы реперных находок XV–XVIII вв. (бытовой глазурованной и неглазурованной керамики, изделий из фаянса и селадона, курительные трубки), характерные для культурных горизонтов этого времени на памятниках всего Причерноморья и Восточного Средиземноморья [Волков, 1992, с. 14–19, табл. 3; Hayes, 1992, p. 233–395]. Эти работы, наряду с вышедшим позднее керамическим гидом-определителем И. Врум [Vroom, 2005, p. 140–177], сохраняют свое значение вплоть до настоящего времени, особенно в процессе практической обработки массового археологического материала.

Практически одновременно изданы две монографии, посвященные истории Мангупа и Чуфут-Кале, двух крупнейших крепостей османского Крыма, основанные на результатах их археологического изучения [Герцен, 1990; Герцен, Могаричев, 1993]. Они показали широкие возможности использования данных археологии в исторических реконструкциях, в том числе применительно к периоду конца XV – XVIII вв. в истории памятников.

Финальным этапом становления османских исследований в археологии на полуострове стало, очевидно, проведение в 1998 г. в г. Ялте Международной научной конференции «Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.». На ней впервые предметно обсуждались вопросы атрибуции и хронологии наиболее важных керамических индикаторов археологических комплексов османского времени. Итоги этих дискуссий опубликованы в сборнике материалов конференции [см., например: Гер-

цен, Науменко, 2005, с. 263–264; Тесленко, 2005; Коваль, Волошинов, 2005; Гусач, 2005; Волков, 2005].

К началу 2000-х гг. процесс актуализации «османской археологии» в Крыму окончательно завершился. Об этом свидетельствует резко возросшее число раскопок памятников османского периода в истории полуострова, сопровождавшееся достаточно оперативным введением новых данных в научный оборот (об этом ниже). Еще одним фактором, позволяющим рассматривать данное направление археологической науки как уже сложившееся, со своим предметом научных штудий и хорошо выраженной специализацией, является ряд успешных диссертационных проектов по этой проблематике, основанных, в том числе, на результатах самостоятельных археологических (историко-археологических) исследований их авторов [Бочаров, 2000; ряд диссертаций опубликованы в виде монографий: Руев, 2014; Ибрагимова, 2015; Белик, 2016].

Современная «османская археология» в Крыму: основные направления исследований

Как уже неоднократно отмечалось, «османская археология» в Крыму все еще находится на стадии формирования своей источниковой базы. Из-за этого ее всесторонняя характеристика, которая должна включать обзоры археологии городов и крепостей, поселений и сезонных стойбищ, некрополей и святых мест (азизов), объектов архитектурной археологии (дворцов, мечетей, текие, дюрбе, караван-сараяв, хамамов и др.), памятников водоснабжения, производственных центров, полей военных сражений и пр., пока еще не возможна. Наш анализ подводит итоги лишь основных направлений археологических исследований за последние 20–30 лет, фиксируя их современную степень изученности и перспективы. В некоторых случаях он сопровождается также максимально полным историографическим обзором в отношении раскопок отдельных памятников (Рис. 2).

Историческая топография крепостей Османской империи и городов Крымского ханства на Крымском полуострове. В перспективе, после проведения целенаправленных раскопок

памятников на широкой площади, данное направление исследований, несомненно, станет важнейшей частью «османской археологии» на полуострове. Однако пока оно носит, по большей части, историко-археологический характер, так как сосредоточено на реконструкции размеров, планировки и архитектурно-топографических доминант городов и крепостей Крыма, входивших с 1475 г. в состав санджака Кефе Османской империи, повышенного в 1568 г. до статуса одноименного эялета (провинции), либо расположенных на территории Крымского ханства, главным образом на основании имеющихся сведений письменных и картографических источников, с редкой дополнительной информацией о результатах раскопок отдельных археологических объектов. Среди письменных источников наиболее информативными для периода XVI–XVII вв. остаются данные османских дефтеров 1520 и 1542–1543 гг. [Berindei, Veinstein, 1979; Veinstein, 1980; Fisher, 1981] и турецкого путешественника Эвлия Челеби (около 1666–1667 гг.) [Эвлия, 2008]; материалы картографии особенно важны для восстановления планировки городов и крепостей полуострова второй половины – конца XVIII в., то есть накануне и в момент его вхождения в состав Российской империи.

На сегодняшний день такого рода исследования выполнены для большинства османских крепостей на территории Крымского полуострова – Кефе [Бочаров, 2000, с. 6–7, 14–19; Бочаров, 2016а; Курникова, 2020], Мангупа [Бочаров, 2008; Герцен, Науменко, 2019, с. 124–134, 160–162], Судака [Майко, Джанов, 2016], Балаклавы [Бочаров, 2019], Керчи [Бочаров, 2005; Белик, 2016, с. 50–57; Науменко, Пономарев, 2018], Ени-Кале и Арабата [Герцен, Колтухов, 2009; Белик, 2016, с. 57–107] (Рис. 3). Исключением в этом смысле является крепость Инкерман, данные о которой ограничены информацией о крепости в дефтере 1520 г. [Неделькин, 2017] и по-прежнему дискуссионными сведениями о ее застройке и системе обороны по итогам натурных обследований и раскопок 1948–1950 и 1984–1988 гг. [Бертье-Деллагард, 1886, с. 179–201; Веймарн, 1963; Филиппенко, 1996].

Историческая топография городов Крымского ханства, главным образом для периода XVII–

Рис. 2. Археологическая карта Крымского полуострова для периода 1475–1783 гг. с указанием наиболее важных памятников, затронутых раскопками последних десятилетий (составлена В. Е. Науменко и Э. И. Сейдалиевым).

XVIII вв., восстанавливается для Бахчисарая [Бочаров, Сейтумеров, 2017], Ак-Мечети (Рис. 4) [Бочаров, 2015] и в самом общем виде для Кырк-Ера (Чуфут-Кале) [Герцен, Могаричев, 2016а, с. 30–34, 189–240] и Гезлева [Кутайсов, 2004; Кутайсов, Кутайсова, 2007, с. 42–60]. Сведения о других региональных городских центрах, находившихся под юрисдикцией крымских ханов – Карасубазаре, Эски-Крыме (Старом Крыме) и Ор-Капу (Перекопская крепость), по-прежнему не систематизированы.

Из изучения исторической топографии крепостей и городов Крыма конца XV – XVIII вв. следует ряд важных заключений общего характера:

Для большинства крепостей Османской империи на территории полуострова, за исключением пока еще слабо исследованного Инкермана и построенных в начале XVIII в. Арабата и Ени-Кале, характерна топографическая преобладаемость

с существовавшими ранее на их месте планиграфическими структурами. Она выражается в сохранении конфигурации линий оборонительных стен XIV–XV вв. и общей композиции крепостей: цитадель – основная (внешняя) линия обороны – неукрепленное предместье. Новые фортификационные элементы – валганги, гласисы, значительное утолщение стен и др. – отражают принципы военного дела эпохи, связанной с широким применением огнестрельного оружия.

Несмотря на различное происхождение городов и крепостей Крыма (построенных ли заново, как в случае с большинством городских центров Крымского ханства, или развивающихся на месте более ранних населенных пунктов), для них в целом характерен иррегулярный тип внутрикрепостной (внутригородской) застройки, основными элементами которой становятся замкнутые жилые кварталы (махалле), разветвленная и под-

чиненная рельефу местности сеть центральных улиц и переулков и новые архитектурно-топографические доминанты – мечети, медресе, караван-сарай, рыночные площади и др. На свободных пространствах городской территории или на ее окраинах функционируют некрополи. Прямой преемственности между застройкой XVI–XVIII вв. и более раннего времени не было, даже если речь идет об османских крепостях Южного и Восточного Крыма. Как показывают археологические исследования, позднесредневековые строительные ярусы возводились поверх прежней, уже руинированной застройки, с активным использованием последней в качестве «каменоломен» для добычи строительного материала. В то же время, по данным письменных источников, известны случаи трансформации христианских храмов XV в. в мусульманские мечети.

Важнейшей частью городской жизни является функционирование системы этноконфессиональных кварталов (мусульманских, христианских, иудейских и др.) на территории крупных городов и крепостей, независимо от их политико-административного подчинения. Трудно сказать, насколько эта традиция раздельного проживания представителей различных общин была привнесена на полуостров собственно османами или же она была утверждена в качестве основы религиозной и экономической политики только правителями Крымского ханства. Скорее, она уже складывается ранее, как это хорошо видно на примерах из истории генуэзской Каффы или Мангупа, столицы православного княжества Феодоро в XV в.

Археология османских крепостей Крыма.

Археологически крепости Османской империи на территории полуострова изучены крайне неравномерно. Лишь для истории османского Мангупа, Балаклавы и, в какой-то степени, Судака результаты систематических раскопок последних десятилетий играют значительную роль. На территории остальных памятников археологические исследования проводились эпизодически и почти не опубликованы.

Кефе. Столица одноименного санджака (с 1475 г.) и эялета (с 1568 г.) Османской империи на территории Северного Причерноморья и Приазовья археологически почти не изучена.

Рис. 3. Реконструкция генерального плана города Балаклава для второй половины XVIII в.: А – руинированные остатки генуэзской крепости Чамбало, которая на протяжении XVI–XVII вв. использовалась османским гарнизоном; В – город Балаклава; С – северное предместье; 1–3 – греческие церкви; 4 – армянская церковь; 5 – греческое кладбище; 6–8 – городские мечети; 9 – мечеть в северном предместье; 10 – турецкое кладбище; 11 – рыночная площадь, лавки, кофейни и торговые места; 12 – караван-сарай; 13–17 – фонтаны; 18 – карантинный дом; 19, 20 – ручьи у северного предместья; 21 – черепичный завод в северном предместье; 22 – виноградники у северного предместья; 23 – редут, построенный российскими войсками в 1771 г.; 24 – батарея, построенная российскими войсками в 1771 г.; 25 – баня; 26 – деревянные пристани (по: Бочаров, 2019, с. 324, рис. 3).

Рис. 4. Город Ак-Мечеть. Реконструкция генерального плана: 1 – Кебир-Джами (Ак-Мечеть); 2–3 – мечети; 4–6 – теккие; 7–8 – медресе; 9–11 – караван-сарай; 12 – гостевой дом иностранных купцов; 13–17 – фонтаны; 18 – баня; 19 – лавки, торговые места; 20 – храм в гостевом доме иностранных купцов; 21 – местонахождение пригорода, где располагался дворец калги-султана; 22 – река Салгир; 23 – каналы на реке Салгир; 24 – сады и огороды; 25 – скальные обрывы; 26 – фонтан в пригороде; 27 – русская церковь конца XVIII в.; 28 – греческая церковь (по: Бочаров, 2015, с. 6, рис. 1).

Помимо упоминавшейся работы Э. Р. фон Штерна, где приведены отдельные находки османского фаянса групп «Iznik Ware» и «Kütahya Ware» XVI–XVIII вв., собранные А. Л. Бертье-Делагардом во время строительства портовых соору-

жений Феодосии в 1890-е гг. [Штерн, 1906, с. 77–83, табл. IX, 85, 94–97], опубликована лишь небольшая коллекция глазурованных и неглазурованных подсвечников и светильников местного производства от второй половины XVI в. до конца XVIII в. из раскопок городской застройки на восточном склоне Карантинного холма, снаружи стены цитадели крепости, в 1994–1995 гг. [Айбабина, Бочаров, 1998, с. 195–199, рис. 1; 2, 1–2].

Керчь. История археологического изучения памятников османского периода в истории Керчи насчитывает уже более 100 лет, однако речь идет главным образом о случайных либо охранно-археологических раскопках, сопровождавших работы по благоустройству центральной (исторической) части города или предшествующих реставрации расположенной здесь церкви св. Иоанна Предтечи [Науменко, Пономарев, 2018, с. 353–356; об истории церкви в XIV–XVIII вв. см.: Пономарев, 2019].

Впервые такого рода раскопки, а скорее, археологические наблюдения за земляными работами, предпринял еще в 1911 г. В. В. Шкорпил. В ходе реконструкции торговых рядов на Предтеченской площади и на Рыбном базаре (современная площадь Ленина) он «нашел необходимым все время наблюдать за рытьем фундаментов для новых лавок», поскольку именно здесь находилась разрушенная в 1820-е гг. средневековая крепость. На глубине около 1,00 м, «под бывшей мостовой», частично была открыта турецкая баня, функционировавшая до 1771 г. На ее каменном полу найдены 23 русские медные монеты, выпущенные в период 1758–1771 гг. В процессе разборки комплекса обнаружен клад монет Крымского ханства (всего 2872), наиболее ранние из которых выпущены в правление Менгли Герая I (1478–1515), наиболее поздние – при хане Девлет-Герае I (1551–1577). Из окрестностей бани на Предтеченской площади происходит «турецкое надгробие из белого мрамора» [Шкорпил, 1914, с. 16–21, 74].

Небольшие участки застройки Керчи XVI–XVIII вв. удалось исследовать в 1963–1964 гг., когда, с целью благоустройства центральной ча-

сти города, был ликвидирован рынок на бывшей Предтеченской площади. На одном из участков (раскоп I), в 40 м к северо-востоку от церкви св. Иоанна Предтечи, обнаружен фрагмент улицы этого времени с двумя линиями каменного водостока, а также сгоревшая в пожаре постройка с глинобитным полом и печью из плоских кирпичей [Якобсон, Зеест, 1963, с. 5–6]. В публикацию результатов этих раскопок вошло лишь упоминание находки блюдца из фаянса с полихромной росписью XVI–XVII вв., обнаруженного в засыпи бани предшествующего (XIV–XV вв.) периода [Зеест, Якобсон, 1965].

В 1970–1971 гг. Т. И. Макарова проводила раскопки снаружи и внутри церкви св. Иоанна Предтечи. Ей удалось выяснить, что в османский период истории Керчи и вплоть до XIX в. захоронения производились исключительно внутри храма; в его нартексе обнаружены девять каменных гробниц этого времени для многократных погребений [Макарова, 1998, с. 383–384]. Результаты раскопок стали дополнительным аргументом в пользу гипотезы о сохранении действующего характера церкви в течение XVI–XVIII вв. Новые исследования памятника проводились на площади его приделов XIX в. В. Н. Холодковым в 1988 г. Вдоль северной стены обоих приделов выявлены разновременные строительные остатки, в том числе османского периода в истории храма. Материалы раскопок не опубликованы, за исключением отдельных керамических находок XVI–XVIII вв. – османской фаянсовой посуды групп «Iznik Ware» и «Kütahya Ware» и поливных красноглиняных светильников [Болонкина, 1999, с. 219–226; Артеменко, Желтикова, 2014, с. 159–160, 162, №№ 22–24, 32].

Неизданными остаются результаты исследований османской квартальной застройки, открытой в 1990 г. А. Б. Занкиным у подошвы северо-восточного склона г. Митридат, по ул. Театральной, где обнаружены два строительных горизонта: XVII–XVIII вв., с двумя улицами и примыкающими к ним жилыми постройками, и XV–XVI вв., с остатками сооружений с цистернами и колодцами [Занкин, 1991]. В 1990–1992 гг. и 2006 г. в Кооперативном переулке А. И. Айбабиным исследован участок городского некрополя второй половины XVI – первой поло-

вины XVIII вв. Раскопаны 40 грунтовых могил и одна каменная гробница. Безы Inventарные захоронения совершались в вытянутом положении на спине или на правом боку, с различной ориентацией [Радочин, 2009].

Из исследований археологических материалов османского периода, хранящихся в фондах Керченского музея-заповедника, отметим краткий обзор коллекции османских курительных трубок. Из 250 предметов коллекции 63 происходят из района площади Ленина и прилегающих улиц города, где в это время существовала плотная городская застройка, однако ни точное местонахождение артефактов, ни их археологический контекст остались неясными [Перепелкина, 2001, с. 126–131].

Ени-Кале. Построенная в первые годы XVIII в. (около 1703 г.) османская крепость на западном берегу Керченского пролива остается совершенно не изученной в археологическом плане. В монографии Ю. Л. Белика упоминается о единственных археологических разведках памятника, проведенных им в 2008 г., однако их результаты остаются неизданными [Белик, 2016, с. 14].

Арабат. Еще одна османская крепость начала XVIII в., построенная у крымского основания Арабатской песчаной косы, являлась центральным оборонительным объектом укрепленной линии, преграждавшей путь на Крымский полуостров. Единственные раскопки памятника проведены А. Г. Герценым и С. Г. Колтуховым в 1988 г., в рамках разработки плана благоустройства его территории и выполнения консервационных работ. В ходе исследований частично открыты морские ворота крепости, центральный пороховой погреб, хамам, о контуре здания мечети. Публикация основных их результатов подтверждает данные письменных источников о строительстве Арабатской крепости в начале XVIII в. на месте более раннего укрепления, вероятно, XVII в., о котором сообщают Эвлия Челеби и Гийом де Боплан [Герцен, Колтухов, 2009].

Судак. Несмотря на многолетние исследования, общие представления о памятнике как одном из центров османского присутствия на Крымском полуострове, по данным археологии, остаются крайне противоречивыми [об истории изучения Судака и его окружи см.: Майко, Джа-

нов, 2015, с. 9–22]. Прежде всего данное заключение имеет отношение к Судакской крепости, где располагался османский гарнизон в конце XV–XVIII вв. И дело не только в слабой опубликованности материалов раскопок 1927–1929 и 1977–2000 гг., но и в явном доминировании на местности фортификационных объектов генуэзского периода в истории крепости, в том числе по итогам ее реставрации под руководством Е. И. Лопушинской в 1968–1990 гг. Из-за этого многие высказанные в историографии общие положения о характере оборонительной системы и внутрикрепостной застройки Судакской крепости для этого периода – об отсутствии следов штурма 1475 г. [Руев, 2014, с. 175–179], о слабости крепостных сооружений или об использовании жилых зданий XIV–XV вв. обитателями крепости в последующие столетия [Майко, Джанов, 2016, с. 16–18] рассматриваются нами лишь в качестве гипотезы, правомерность которой можно проверить только в ходе будущих раскопок.

По результатам исследований Судакской крепости, обоснованным представляется вывод о сохранении после 1475 г. Османской империей общей композиции и планировки генуэзской системы фортификационных укреплений. Предложенная в свое время И. А. Барановым датировка возведения барбакана крепости не ранее XVII в. ныне пересмотрена в пользу 1469 г., на основе зафиксированной здесь стратиграфической ситуации и закладной плиты с именем консула Бернардо ди Амико [Майко, Джанов, 2015, с. 311–312; ср.: Баранов, 1988, с. 90–96]. Жилая застройка османского времени выявлена на различных участках крепостного полигона – на территории цитадели, где открыты 10 двухэтажных зданий XVI – начала XVII вв. вдоль обрыва Крепостной горы [Майко, Джанов, 2015, с. 286, рис. 152], у тыльной стороны куртины XV, где раскопаны несколько построек XVI–XVII вв. с мощеными полами, каминами и каменными жаровнями [Майко, Джанов, 2015, с. 320, рис. 196; 197, 1–3], и на месте центрального городского квартала, вблизи католического храма «Девы Марии», где в 2003–2004 гг. частично исследован многокамерный строительный комплекс, датированный монетами Сахиб Герая I (1532–1551), Девлет Герая I (1551–1577) и Арслан Герая (1748–1756;

1767) [Тур, 2008, с. 353–355]. Археологически локализованы две важные архитектурно-топографические доминанты крепости этого времени, хорошо известные по данным письменных и картографических источников – мечеть Падеша-Джами (так называемый «храм с аркадой») [Джанов, 2005; Майко, Джанов, 2015, с. 288–290; там же полная библиография работ, посвященных истории изучения памятника] и так называемая мечеть Хаджи-бея, по материалам раскопок 1992 г. представляющая собой сложный архитектурный ансамбль площадью около 1200 кв. м с обширным внутренним двором и многочисленными помещениями на его северной и южной периферии [Майко, Джанов, 2015, с. 332–333; Майко, Джанов, 2016, с. 33–40]. К сожалению, для всех перечисленных памятников характерна общая проблема – отсутствие полной публикации результатов исследований, в том числе рисунков и статических таблиц массового археологического материала (находок керамики, изделий из металла и пр.); изданы лишь отдельные планы, архитектурные и стратиграфические разрезы открытых сооружений.

Совершенно иная ситуация складывается в ходе археологического изучения предместья Судакской крепости, особенно для кварталов в портовой части городища. Здесь, начиная с 2006 г., на площади раскопов VI, VII и VIII выявлена серия каменных построек османского периода, датированных в пределах конца XV – начала XVII вв. [в целом о них см.: Майко, Джанов, 2015, с. 234–237, рис. 108, 119–125]. Материал исследований хорошо стратифицирован и свидетельствует об общей преемственности данного яруса застройки с планировкой и композицией предшествующих строений средневизантийского и генуэзского времени. Археологические комплексы из заполнения зданий на площади раскопов VI и VII, а также из так называемого городского «золяника» качественно изданы и дают достаточно полное представление о материальной культуре, быте и торговых связях населения османского Судака [Майко, Алядинова, 2011; Алядинова, 2012; Алядинова, Тесленко, Майко, 2015; Тесленко, Майко, 2020]. К числу неординарных находок следует отнести красноглиняную чашу, покрытую монохромной желтой глазурью с под-

цветкой пятнами зеленого и коричневого цветов, на которой сохранилась арабская надпись философского содержания о любви неких Хакима и Марьям, выполненная в технике «сграффито» [Алядинова, Красножон, 2012; Алядинова, Тесленко, Майко, 2015, с. 488, рис. 18]. Она принадлежит к числу импортной для Судака раннеосманской поливной керамики группы «Polichrome Sgraffito Ware» конца XV – XVI вв.

Почти ничего не известно о топографии могильников на территории предместья Судака для конца XV – XVIII вв. В существующей литературе к этому времени можно отнести лишь верхний ярус грунтовых захоронений на христианском некрополе у храма св. Параскевы, построенного еще в XIV в. в относительной близости от главных ворот крепости [Майко, 2012, с. 92]. Места погребений иных конфессий османского Судака пока еще не локализованы.

Инкерман. Общие представления о планировке и композиции крепости в османский период ее истории по-прежнему во многом основаны на натурных обследованиях А. Л. Бертье-Делагарда. По его мнению, окончательный вид она приобрела не ранее конца XVI в. или даже позднее, когда размещенным здесь османским гарнизоном была выполнена кардинальная реконструкция системы оборонительных сооружений, приспособленной к активному использованию огнестрельного оружия: вдвое утолщены стены башен и куртин, на эспланаде сооружены ров, гласис и передовая башня. Снаружи крепостных стен еще были видны руины неукрепленного предместья с мечетью, квартальной застройкой и предполагаемым некрополем [Бертье-Делагард, 1886, с. 179–201].

Проведенные раскопки памятника Е. В. Веймарном в 1948–1950 гг. и В. Ф. Филиппенко в 1984–1988 гг. в целом подтвердили наблюдения А. Л. Бертье-Делагарда о масштабной перестройке крепости Османской империей, хотя и остались полностью не опубликованными [Веймарн, 1963, с. 74–82, рис. 10; Филиппенко, 1996]. Особый интерес в связи с темой нашего исследования представляют результаты археологического изучения тем же Е. В. Веймарном предместья Инкермана, где на широкой площади были открыты остатки каменных построек, хозяйственных ям, тандыров XVI–XVIII вв. Рядом

с поселением располагался биритуальный некрополь, оставленный его жителями. Захоронения совершались в грунтовых и подбойных могилах с деревянным закладом по христианскому (трупоположения в гробах, с западной ориентацией) и мусульманскому (без гробов, с южной ориентацией) погребальному обряду. Общая площадь предместья составила около 2,5–3,0 га [Веймарн, 1963, с. 82–86, рис. 1; 12–13].

Балаклава. Для изучения истории крепости периода 1475–1771 гг. археологические исследования, которые ведутся систематически с конца 90-х гг. XX в., сейчас уже имеют первостепенное значение. Их промежуточные результаты изданы в виде обзорных статей либо сокращенных вариантов научных отчетов об этих раскопках [см., например: Адаксина, Мыц, Ушаков, 2012; Адаксина, Мыц, 2017; Дьячков, 2019]. Качество выполненных работ не вызывает особых сомнений. Необходимы лишь подробные публикации отдельных археологических комплексов и массового вещественного материала для проведения более детального анализа материальной культуры памятника. В связи с этим акцентируем внимание лишь на некоторых общих выводах применительно к истории османской Балаклавы, которые основываются на данных ее современных археологических исследований.

Прежде всего установлен факт наличия штурма Балаклавской крепости во время военной кампании 1475 г., о чем свидетельствуют следы пожара этого времени, выявленные в ходе раскопок так называемой башни «Барнабо Грилло» (№ 1) [Мыц, 2009, с. 479–480], помещений № 2 и 3 многокамерного жилого здания к западу от армянской церкви с притвором (храма № 5) [Адаксина, Алексеенко, Гинькут, Мыц, 2018, с. 10–23, 41] и вблизи башни № 8 Консульского замка на нижней вершине г. Кастрон, где в 2007 г. раскопана сожженная площадка для камнеметного орудия типа «требуше» [Дьячков, 2019, с. 784–786]. Несмотря на локальный характер данных археологических комплексов, они в целом свидетельствуют об оказанном генуэзским гарнизоном ожесточенном сопротивлении османской армии, что осталось не известным письменным источникам.

Другим объективным заключением, следую-

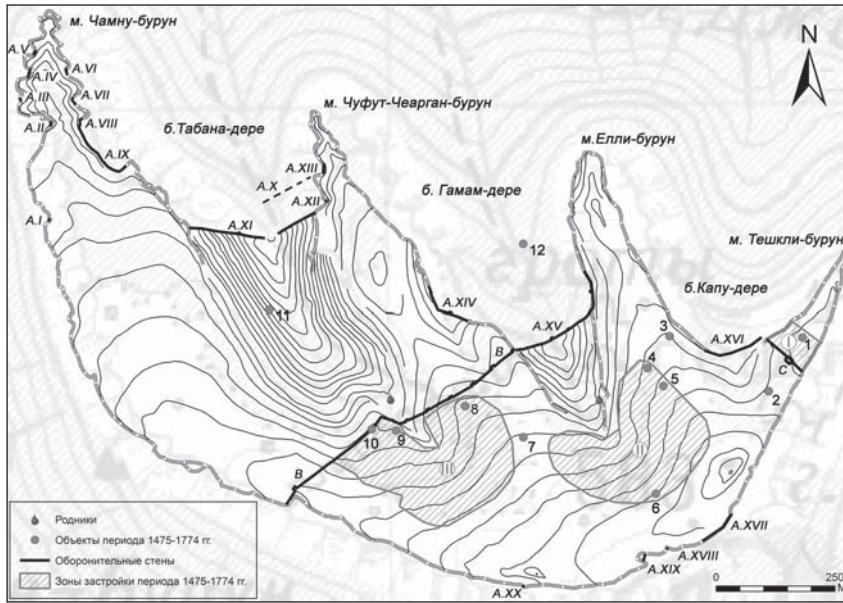

Рис. 5. Археологическая карта Мангупского городища периода 1475–1774 гг.: А. I–XX – укрепления Главной (Внешней) линии обороны крепости; В – Вторая (Внутренняя) линия обороны; С – цитадель; I – мусульманский квартал XVI–XVII вв. у тыльной стороны цитадели; II – мусульманский квартал XVII–XVIII вв. в верховьях балки Гамам-Дере; III – иудейский квартал XVI–XVIII вв. в верховьях балки Табана-Дере; 1 – мечеть на месте октагонального христианского храма XV в.; 2 – Главная (Джами) мечеть крепости; 3 – церковь св. Георгия; 4 – мусульманский некрополь XVII–XVIII вв.; 5 – мечеть (?) на месте «церкви 1969 г.»; 6 – церковь св. Константина; 7 – дворец 1425–1475 гг.; 8 – Большая трехнефная базилика; 9 – синагога-кенасса; 10 – «городская свалка» второй половины XVII – начала XVIII вв.; 11 – караимский некрополь; 12 – артиллерийская позиция османской армии времени осады 1475 г. (составлена В. Е. Науменко и А. А. Душенко).

щим из материалов раскопок, является вывод об использовании османским гарнизоном фортификационных сооружений 1420–1470-х гг. вплоть до конца XVIII в. [Адаксина, Мыц, 2017, с. 131]. Конечно, это наблюдение не исключает ремонтов и перестроек отдельных оборонительных узлов на протяжении указанного периода времени. К примеру, как фортификационный комплекс пе-

рестал функционировать уже упоминавшийся Консульский замок, где на месте башни № 8 и вокруг нее возводятся новые жилые и хозяйственные сооружения [Дьячков, 2019, с. 779–784, рис. 8–12]. Только лишь как арсенал для хранения военной амуниции, в том числе XIV–XV вв., и цистерна используется башня № 5 у подножия замка св. Николая [Адаксина, Алексеенко, Гинькут, Мыц, 2018, с. 24–39, 41–43; Алексеенко, Дьячков, Неделькин, Ступко, 2019, с. 39–40]. В первой трети XVIII в., в связи с ростом военной угрозы со стороны Российской империи, внутри барбакана башни

«Барнабо Грилло» появляется валганг, предназначенный для пушечной батареи [Адаксина, Кирилко, Мыц, 2004, с. 43, 49; Мыц, 2009, с. 479; Адаксина, Мыц, 2017, с. 131, 139].

Наконец, проведенные археологические исследования, безусловно, свидетельствуют о сохранении, по крайней мере до середины XVII в. плотной, террасного типа, внутрикрепостной застройки османской Балаклавы, архитектурно-топографическими доминантами которой, в том числе, продолжали оставаться христианские храмы. К числу таковых следует отнести так называемую «консульскую церковь» на территории одноименного замка в западной части крепости, восстановленную после событий 1475 г. [Дьячков, 2019, с. 774–777]. Еще одним неординарным храмом османского периода является раскопанная в 2014–2015 гг. армянская церковь с гавитом в центральной части городища, которая функционировала до конца XVIII в. [Адаксина, Мыц, 2016, с. 7–26; Бочаров, 2019, с. 322].

Мангуп. Среди всех османских крепостей Крыма Мангупское городище является наиболее изученным как с точки зрения систематизации нарративных источников по его истории для периода конца XV – XVIII вв. (Рис. 5) [Герцен, 2008; Бочаров, 2008; Герцен, Науменко, 2019, с. 124–132, 159–164], так и в археологическом плане [см., например: Герцен, Науменко, 2015а,

с. 95–96]. Справедливо считается, что после завоевания османской армией в 1475 г. крепость была реконструирована (не позднее 1504 г.) и стала центром одного из кадылыков санджака Кефе. Тогда же на территории цитадели на мысе Тешкли-Бурун появился османский гарнизон. Одной из важных особенностей топографии Мангупа этого времени является одновременное проживание на городище, по крайней мере в XVI – начале XVII вв., нескольких этноконфессиональных общин – мусульманской, христианской и иудейской [Герцен, Науменко, 2019, с. 163–164]. Статус главного форпоста Османской империи в горной части Крыма крепость сохранила до 1774 г., когда, по условиям Кучук-Кайнарджийского мира, турецкие воинские подразделения покинули полуостров.

Благодаря обширности поселения, что выражается в повсеместном, за исключением мысов Чамну-Бурун и Чуфут-Чеарган-Бурун, наличии культурного слоя и руинированного строительного горизонта конца XV – XVIII вв. на Мангупе, изучение этой застройки начинается с момента первых раскопок городища в середине XIX в. Однако результаты таких исследований в 1853 (А. С. Уваров), 1890 (Ф. А. Браун), 1912–1913 (Р. Х. Лепер), 1938 (Е. В. Веймарн, М. А. Тиханова, А. Л. Якобсон), 1967–1974 гг. (Е. В. Веймарн) нам почти не известны, за исключением упоминаний отдельных монет Крымского ханства и керамических находок из верхних культурных горизонтов на площади раскопок Большой трехнефной базилики и дворца 1425–1475 гг. в центральной части Мангупского плато [Лёпер, Моисеев, 1918, с. 84, рис. 130; Тиханова, 1953, с. 347, рис. 11–12; Якобсон, 1953, с. 402, рис. 16].

Важным этапом изучения Мангупа османского времени становятся исследования его оборонительной системы в 1970–1980-е гг. Итоги этих работ подведены в монографии А. Г. Герцена 1990 г., в которой отмечены, в том числе, ключевые события истории и особенности фортификации памятника для периода 1475–1774 гг.: многочисленные следы осады и штурма крепости в 1475 г., особенно на северном направлении военных действий (укрепления А. XIV и А. XV) [Герцен, 1990, с. 147–154]; значительный объем ремонтов и перестроек конца XV – начала XVI вв.

на отдельных фортификационных узлах крепостного полигона, зафиксированных археологически в ходе раскопок стен укреплений А. XI, А. XV, А. XVII, башен А. 6 и В. 4, Главных крепостных ворот и цитадели [Герцен, 1990, с. 122–123, 129, 141, 144, 154–155]; сохранение турками вплоть до 1774 г. композиции оборонительной системы крепости, сложившейся еще в период княжества Феодоро и состоявшей из трех укрепленных линий – Главной (Внешней), Второй (Внутренней) и цитадели на мысе Тешкли-Бурун [Герцен, 1990, с. 154–155]. Необходимо особо подчеркнуть, что большинство из этих заключений стали основой для дальнейших археологических исследований османского Мангупа. С начала 90-х гг. XX в. такие раскопки приобрели систематический характер и затронули практически все известные архитектурно-топографические доминанты городища для XVI–XVIII вв. Остановимся на наиболее важных результатах этих работ.

Изучение системы обороны Мангупского городища в османский период его истории остается традиционным направлением археологического изучения памятника в последние десятилетия. Благодаря разведкам А. Г. Герцена и В. Л. Руева 1997–1999 и 2005–2011 гг. и раскопкам 2007–2013 гг. отдельных фортификационных узлов Главной линии обороны городища (укреплений А. XIV и А. XVII), установлены новые подробности событий 1475 г. Выяснено, что, помимо северного направления штурма Мангупа, театр боевых действий включал и попытки осаждавших прорвать южную линию обороны крепости в районе укрепления А. XVII. Исследованиями зафиксированы неизвестные ранее местоположения объектов османской военно-полевой фортификации – артиллерийских позиций в балке Гамам-Дере и на холме Мазар-Тепе, боевых площадок для штурмовых групп в балке Гамам-Дере; выдвинута гипотеза о расположении полевого лагеря османской армии на месте д. Адым-Чокрак; систематизированы данные об основных видах османского наступательного вооружения (пушечных ядрах, наконечниках стрел, пулях от ручного огнестрельного оружия) [Герцен, 2001; Герцен, Руев, 2008; Руев, 2014, с. 34–56, 187–262].

Другим направлением исследований является

ся изучение исторической топографии Мангупа XVI–XVIII вв. посредством раскопок основных архитектурно-археологических комплексов этого времени. То, что они расположены на различных участках городища, позволяет уже сейчас, даже до полной публикации результатов исследований, надежно реконструировать эволюцию планиграфической структуры и стратиграфию памятника.

Для изучения материальной культуры Мангупа периода XVI – начала XVII вв., когда крепость функционировала в своих максимальных размерах, эталонным археологическим объектом, по всей видимости, является участок застройки у тыльной стороны Мангупской цитадели, где в

Рис. 6. Мангупское городище. Цитадель на мысе Тешкли-Бурун. Строительный ярус XVI–XVII вв. Общий план по материалам раскопок 1970–1971, 1990–2005 гг. (составлен В. Е. Науменко и А. Г. Герценым; публикуется впервые).

1970–1971 и 1990–2005 гг. на площади раскопа около 2 тыс. кв. м открыты не менее 11 каменных жилых зданий, в том числе многокамерных, сложенных с использованием строительного материала из более ранних строений, на связующем известково-глиняном или глиняном растворе (Рис. 6). В целом иррегулярная планировка этого квартала, с различной ориентацией сооружений, отличается высокой степенью плотности: свободное между зданиями пространство заполнено хозяйственными комплексами (оградами, ямами, пристройками) и вымощенными площадками. Отсутствуют какие-либо примеры преемственности этой застройки с предшествующим ей кварталом XV в. Несмотря на замечание Эвлии Челеби о том, что к середине XVII в. жилой квартал цитадели был оставлен его жителями, некоторые постройки продолжали использоваться вплоть до конца XVII – начала XVIII вв. [Герцен, Науменко, 2015а, с. 96; ср.: Эвлия, 2008, с. 76]. К сожалению, материалы этих исследований почти не опубликованы, за исключением результатов раскопок октагонального храма, перестроенного в османское время в мусульманскую мечеть [Герцен, Науменко, 2010], участка строительных сбросов на склонах мыса Тешкли-Бурун [Герцен, Землякова, Науменко, Смокотина, 2006, с. 374–392], а также наиболее показательных находок глазурованной керамики и фаянса [Герцен, Науменко, 2005, с. 263–264, рис. 18–23], османских свинцовых пуль и известняковых пулелеек [Герцен, Руев, 2008, с. 393–394, 398–399, рис. 13–15].

Жилому кварталу у тыльной стороны Мангупской цитадели синхронны по времени использования два наиболее поздних христианских храма в восточной части городища – церкви св. Константина и св. Георгия, полностью исследованные соответственно в 1992–1994 и 2015–2016 гг. [Герцен, Науменко, 2015б; 2017а, с. 56–108; 2018]. Обе церкви возведены еще в XV в., пережили события 1475 г. и продолжали использоваться как квартальные храмы местной христианской общины вплоть до конца XVI – начала XVII вв. Из неизданных материалов раскопок церкви св. Константина в рамках темы нашего исследования наибольший интерес представляют результаты археологического изучения ее некрополя в 1993, 1998–2000 гг., где всего были раско-

паны 175 погребальных сооружений (грунтовых, плитовых и скальных могил), большая часть которых датируется в пределах XVI в. и является потенциально важнейшим источником для изучения погребального обряда христианской части населения Мангупа и, шире, всего Юго-Западного Крыма в это время.

Скорее всего, в правление султана Баязида II (1481–1512) на эспланаде Мангупской цитадели была построена до сих пор еще археологически не исследованная Главная (Джами) мечеть крепости. Она известна по данным письменных источников (Самі-і Şerif) и хорошо локализована на местности [Герцен, Науменко, 2019, с. 160]. Не позднее второй половины XVI в. в западной части городища, где, очевидно, к этому времени уже сформировался иудейский (раббанитско-караимский) жилой квартал, сооружается полностью раскопанное в 2009–2013 гг. здание синагоги-кенассы, еще одна важная архитектурно-топографическая доминанта позднесредневекового Мангупа [Герцен, Науменко, 2017б, с. 23]. Судя по нумизматическому комплексу находок из современных раскопок Мангупского княжеского дворца 1425–1475 гг., которые систематически ведутся с 2006 г., возведенный на его руинах участок османской застройки наиболее активно функционирует именно в период конца XV – начала XVII вв. [Душенко, 2020, с. 95–96].

С начала XVII в. общая интенсивность жизни поселения на Мангупе постепенно снижается: в связи с резким сокращением численности греко-православной общины забрасываются церкви св. Константина и св. Георгия; немногочисленные сооружения и находки XVII–XVIII вв. на территории цитадели и дворца [Герцен, Науменко, 2015а, с. 96; Герцен, Науменко, Душенко, 2018, с. 57–58]; функционируют лишь участки застройки в верховьях балок Гамам-Дере и Табана-Дере, где проживают соответственно мусульманская и караимская общины крепости. Район обитания последней, очевидно, расширяется в это время за счет округи уже заброшенной Большой Мангупской базилики. Наиболее показательные археологические комплексы второй половины XVII – начала XVIII вв. выявлены в ходе раскопок верхнего строительного яруса жилого квартала в районе церкви св. Константина (раскопки 1997, 2001–

2005 гг.) [Герцен, Иванова, Науменко, Смокотина, 2007, с. 241–255] и «городской свалки» вблизи синагоги-кенассы (раскопки 2005–2006 гг.) [Герцен, Науменко, 2015а, с. 96].

Наконец, особым направлением исследований позднесредневекового Мангупа является комплексное археолого-эпиграфическое изучение караимского некрополя в балке Табана-Дере. Современные раскопки памятника проводились в 1985–1986 и 1991 гг. Они показали поздний характер его появления – не ранее середины XV в., и использование ущелья Табана-Дере в более раннее время исключительно в качестве сельскохозяйственной территории Мангупского городища [Герцен, 2003, с. 72–73]. В 1990–2010 гг. могильник был подвергнут детальному эпиграфическому обследованию. На сегодняшний день общее количество выявленных надгробий караимского кладбища в Табана-Дере составляет 1008 единиц, эпиграфический корпус – 228 надписи с общей датой в пределах 40-х гг. XV – 70-х гг. XVIII вв. Этот период, очевидно, соотносится со временем существования некрополя. Эпиграфические исследования могильника позволили решить и главную научную проблему, долгое время стоявшую перед специалистами, изучавшими историю иудейской общины Мангупа, – установить время и обстоятельства ее появления на городище. Сейчас становится понятным, что первоначальным ядром общины были несколько семей евреев-романиотов, переселившихся из византийского Константинополя в столицу княжества Феодоро не позднее 30–40-х гг. XV в. [подробнее см.: Кашовская 2013; 2017].

Округа Мангупского городища в интересующий нас период времени археологически изучена значительно хуже. Отметим лишь раскопки однефной христианской часовни XIV–XVIII вв. на месте более раннего византийского крестообразного храма на холме Мазар-Тепе, открытой в 1981 г. [Мыц, 1990], и расположенный вблизи нее позднесредневековый (не ранее конца XV в.) мусульманский некрополь, три грунтовые могилы которого исследованы еще в 1938 г. [Веймарн, 1953, с. 420].

Археология городов Крымского ханства. Данное направление «османской археологии» в Крыму остается прежде всего археологией сто-

лицы Крымского ханства – города Бахчисарая. Об исследованиях других городских центров региона информации крайне мало.

В литературе совершенно ничего не известно о раскопках на территории *Карасубазара* и *Ор-Кану*. Единственным позднесредневековым объектом *Гезлева*, затронутым архитектурно-археологическими исследованиями, является комплекс «текие дервишей». Здесь в ходе предрастврационных работ 1991–1992 гг. выполнялись небольшие археологические раскопки (шурфовки), позволившие установить два строительных периода в истории памятника – второй половины XVII – первой половины XVIII вв. и времени последнего крымского хана Шагин Герая (1777–1783) [Кутайсов, Кутайсова, 2007, с. 96–106]. Неопределенной, из-за отсутствия археологических работ в ходе обследований 1949 г., осталась датировка еще одного сохранившегося архитектурного комплекса Гезлева – так называемых «турецких» бань в исторической части Евпатории. Традиционное их соотнесение с банями времени крымского хана Сахиб Герая I (1532–1551), упомянутыми в сочинении Эвлия Челеби, в действительности ничем не обосновано [Приднев, 1997].

Только в 2017 г. проведены первые раскопки на территории *Ак-Мечети*. На месте предполагаемого дворца калги-султана в устье Петровской балки заложены девять археологических шурфов общей площадью 50 кв. м, что позволило обнаружить здесь культурный слой и строительные остатки XVIII в. [Сейдалиев, 2018]. Однако для окончательной атрибуции выявленного археологического объекта, конечно, необходимо расширение площади исследований.

До сих пор археологические исследования *Эски-Крыма (Солхата)* акцентированы на изучении золотоордынского периода в истории городища. Данные о его размерах, топографии, особенностях материальной культуры в XVI–XVIII вв. не систематизированы, хотя находки этого времени многочисленны для верхних культурных горизонтов памятника. При этом, как нам представляется, неприемлемым выглядит формат публикации таких артефактов (монет, пушечных ядер, украшений, пулелеек, курительных трубок и др.), происходящих якобы «из культурного слоя городища», без указания точных стратиграфиче-

ских условий их обнаружения [см., например: Гаврилов, Майко, 2014, с. 33, 42, 88, 94–95].

Пожалуй, единственным архитектурно-археологическим объектом османского времени на территории Эски-Крыма, исследованным археологически, остается так называемая «мечеть хана Узбека», построенная, как показали раскопки М. Г. Крамаровским 1979–1980 гг. на рубеже XV–XVI вв. у северной стены уже заброшенного здания медресе 1332–1333 гг. При возведении мечети использованы, как сполии, портал и михраб первоначальной «мечети хана Узбека» 1314 г., сооруженной, очевидно, при золотоордынском хане Узбеке (1312–1341) и пока еще не локализованной на местности [Крамаровский, 2012, с. 207–217; 2014]. Материалы раскопок до сих пор не опубликованы. Между тем, для восстановления строительной периодизации памятника их отсутствие не компенсирует даже подробное издание результатов натурных архитектурных обмеров, выполненных в 1984–1985 гг. [см.: Кирилло, 2015].

Говоря о современной археологии *Бахчисарая*, важно подчеркнуть, что в данном случае речь также идет не столько о целенаправленном изучении стратиграфии и исторической планировки города, сколько о серии разновременных и разноплановых раскопок отдельных его памятников, имеющих разную степень изученности и опубликованности. В итоге, говоря об основных этапах формирования городской застройки в исторической части Бахчисарая, мы по-прежнему вынуждены опираться на сведения нарративных и картографических источников, лишь точно дополняя их данными археологии. Тем не менее перспективы археологического изучения Бахчисарая и его отдельных памятников не выглядят безнадежными.

Бахчисарайский Ханский дворец. Особенностью археологии дворца на протяжении XX – начала XXI вв. является ее традиционно тесная связь с проектами реставрации и благоустройства территории памятника. Из-за этого раскопки практически всегда имели ограниченную площадь исследований; отсутствовала их программа и представления об общей стратиграфии комплекса; результаты археологического изучения долгое время оставались незначительными, что

приводило к несколько искаженным представлениям о Бахчисарайском дворце как исключительно памятнике архитектуры. Между тем, как нам представляется, именно данные археологии являются решающими для реконструкции планиграфии дворца в средневековый период его истории. Одним из ключевых вопросов раскопок памятника является решение археологическими методами проблемы точного времени строительства, как принято считать, наиболее ранних (XVI–XVII вв.) сооружений комплекса – Зала Дивана, Малой и Большой дворцовой мечетей, бани Сары-Гюзель [об истории археологического изучения дворца см.: Науменко, Герцен, Ганцев, 2020, с. 105–113].

О первых раскопках Ханского дворца в 1902–1903 гг. (В. А. Фомин), как и о последующих археологических предпринятых работах в 1960–1962 (И. И. Лобода, Е. И. Лопушинская), 1985–1986 (А. Б. Авагян) и 2009 гг. (НИП «Оберіг»), проводившихся на различных объектах Главного корпуса, в Гаремном, Бассейном и Персидских двориках, на месте ныне разобранной «беседки Селямет Герая», нам известно немного [Науменко, Герцен, Ганцев, 2020, с. 111–112]. В целом их характеризует слабый уровень методики полевых исследований и полное игнорирование массового археологического материала из культурного слоя, что делает любые заключения о датировке выявленных строительных остатков бездоказательными.

Масштабный характер носили раскопки Бахчисарайского дворца под руководством А. М. Ибрагимовой в 2000–2011 гг. В разные годы ею были исследованы объекты на территории Гаремного, Бассейного, Персидского дворики, вблизи Малой и Большой мечетей, бани Сары-Гюзель и дюрбе Диляры-Бикеч. Результаты работ изложены в монографии, в которой автор попытался представить собственную строительную (археологическую) периодизацию памятника, датируя многие из открытых сооружений периодом Крымского ханства [Ибрагимова, 2015, с. 190–217, 251–276]. К сожалению, знакомство с книгой показывает необоснованность большей части представленных в ней выводов, общее низкое качество ведения раскопок и слабый уровень публикации их результатов: планиграфия и стра-

тиграфия на площади раскопов описаны в самом общем виде; планы не имеют условных обозначений, отсутствуют стратиграфические разрезы; вещественный материал не стратифицирован в тексте, не имеет привязки к культурному слою или археологическому комплексу, описан суммарно; все датировки субъективны, автор сознательно стремится удревнить хронологию выявленных сооружений.

Объективную стратиграфию Ханского дворца удалось выяснить лишь во время недавних раскопок памятника в 2017 г. и особенно в 2018–2019 гг., проводившихся под руководством А. Г. Герцена в рамках разработки нового проекта ремонтно-реставрационных работ на памятнике. Последние работы выполнялись в пределах 29 археологических квадратов общей площадью 115 кв. м, заложенных вблизи зданий Главного, Библиотечного, Конюшенного, Гаремного, Свитского корпусов, Соколиной башни, Малой дворцовой мечети, в Бассейном, Гаремном, Кухонном двориках, вдоль дворцовой набережной и у оснований каменных мостов через р. Чурук-Су (Рис. 7). Таким образом, ими было охвачено около 70% современной территории дворца, за исключением его северо-восточного участка – Большой Ханской мечети, мезарлыка и бани Сары-Гюзель.

Стратиграфия дворца, по итогам раскопок 2017–2019 гг., включает культурные горизонты и археологические комплексы, сформировавшиеся во второй половине XVI – первой половине XVII вв., в конце XVII – начале XVIII вв. (до и в результате «пожара» 1736 г.), в 1740–1760-е гг. и в третьей четверти XVIII в. (до первого ремонта 1784–1787 гг.), в 1820–1830-е гг. (период «ремонт» И. Ф. Колодина и Ф. Ф. Эльсона) и во время реконструкции дворцовой набережной в 1894–1915 гг. Подтвердился факт отсутствия каких-либо поселенческих структур на месте Бахчисарайского дворца до начала его строительства в правление крымского хана Сахиб Герая I (1532–1551). К началу XVI в. территория будущей резиденции правителей Крымского ханства представляла собой пустующую низменную часть глубокой балки, образованной руслом р. Чурук-Су в древности и заполненной грунтами делювиального происхождения мощностью от 1,00 до 8,00 м, ниже которых залегал ярус скаль-

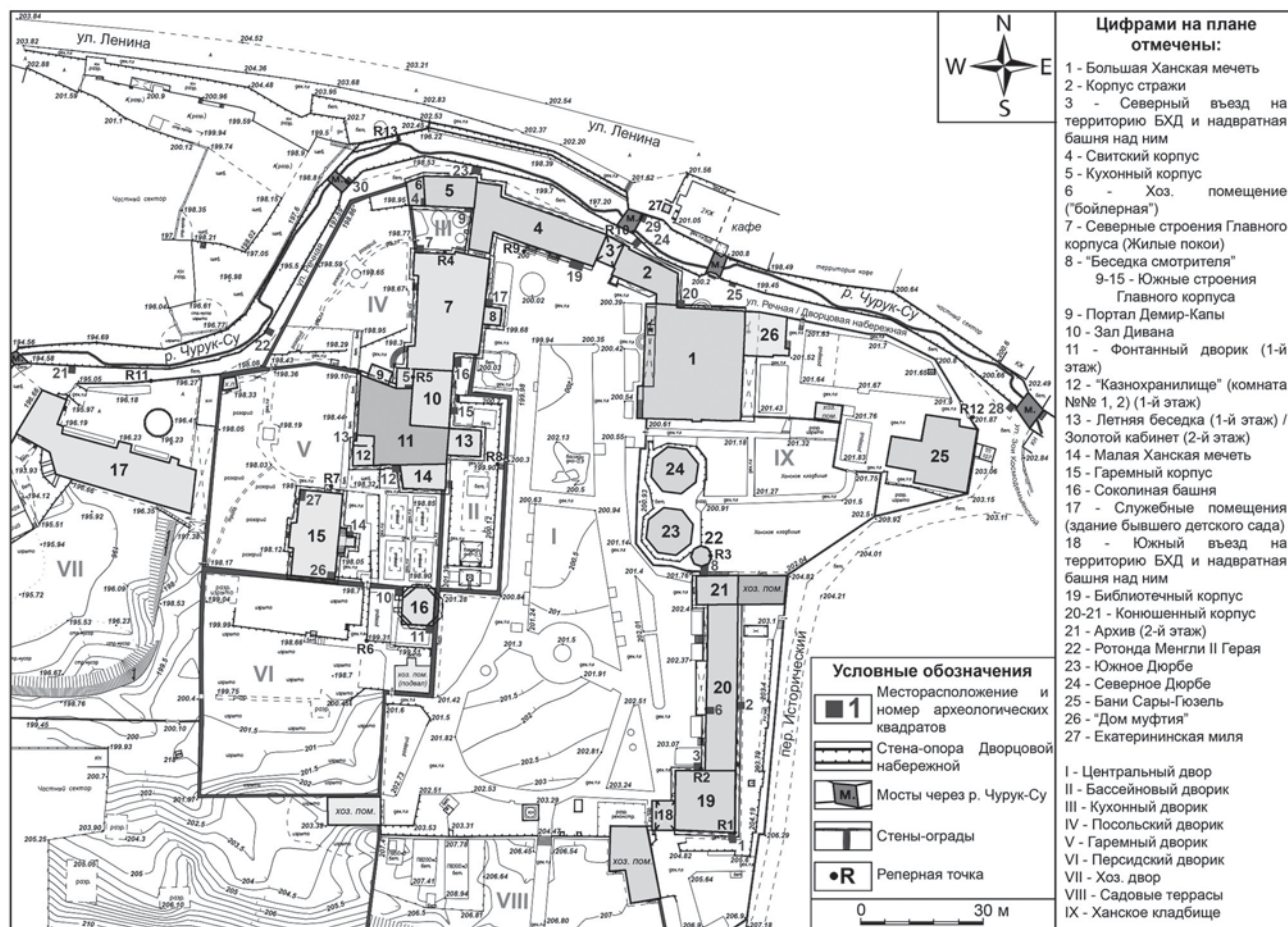

Рис. 7. Общий план Бахчисарайского Ханского дворца с указанием объектов археологических исследований 2018–2019 гг. (по: Науменко, Герцен, Ганцев, 2020, с. 106, рис. 1).

ного материка [Науменко, Герцен, Ганцев, 2020, с. 113–116].

Необходимо отметить и другой важный результат проведенных исследований – обилие хорошо стратифицированных археологических комплексов, с узкой датой формирования и насыщенных разнообразными предметами быта XVI–XVIII вв. (монетами, курительными трубками, глазурованной и неглазурованной бытовой керамикой, османским фаянсом групп «Iznik Ware» и «Kütahya Ware», изделиями и украшениями из металла, стекла и др.), что превращает Бахчисарайский Ханский дворец потенциально в один из эталонных объектов «османской археологии» в Крыму и, шире, всего Причерноморья для изучения материальной культуры региона в интересующий нас период времени (рис. 8–11).

Данное заключение нам представляется чрез-

вычайно важным с учетом общей слабой опубликованности массового археологического материала из прежних раскопок Бахчисарайского дворца. Кроме издания нестратифицированных находок керамики и курительных трубок А. М. Ибрагимовой [Ибрагимова, 2015, с. 257–278], к такого рода исследованиям следует отнести лишь публикацию глазурованной миски из псевдоселадона XV–XVI вв. (?) иранского (?) происхождения из заполнения средневековой ямы под западной стеной Гарема, обнаруженную случайно во время благоустроительных работ 2002 г. [Коваль, Волошинов, 2005], а также попытку И. Р. Гусач и Д. А. Моисеева выделить некоторые хроноиндикаторы для классификации позднесредневековой черепицы типа «татарка» на примере такой строительной керамики, хранящейся в фондах Бахчисарайского музея-заповед-

ника либо используемой до сих пор на крышах зданий современного Ханского дворца [Гусач, Моисеев, 2017]. Результаты последнего анализа следует признать необоснованными, главным образом из-за его слабой источниковой базы.

Эски-дюрбе и мавзолеи Азиза. Городская застройка Бахчисарая позднесредневекового периода, общие контуры которой хорошо восстанавливаются благодаря данным письменных и картографических источников [Бочаров, Сейтумеров, 2017], археологически практически не изучена. Датировка ряда сохранившихся мечетей «Старого» города – Тохталы-Джами, Орта-Джами, Молла-Мустафа [Свод, 2016а, с. 47–49, 115–117, 143–144; Зиливинская, 2020, с. 70], которые считаются в литературе ее архитектурно-топографическими доминантами, не подтверждена результатами архитектурно-археологических исследований памятников и поэтому носит исключительно гипотетический характер. Не меньше разночтений вызывает хронология и культурная атрибуция восьми дюрбе-мавзолеев на территории Бахчисарая, расположенных в относительной близости от Ханского дворца – Эски-дюрбе и трех мавзолеев в Ханлы-Дере, и в его западной части, в местности Азиз – дюрбе Мухаммед-Шах-бея или Бей-Юде-Султан, Мехмед Герая II («Большой восьмигранник»), Мухаммед-бея («Малый восьмигранник») и Ахмед-бея («Кубовидное») [о них в целом см.: Боданинский, 1927, с. 196–200; Засыпкин, 1927, с. 116–124; Свод, 2016а, с. 38–40, 60–62, 148–156]. Главная проблема современной дискуссии касается интерпретации результатов недавних раскопок двух, вероятно, наиболее ранних мавзолеев из этой группы – Эски-дюрбе и дюрбе Мухаммед-Шах-бея. Остальные памятники либо не сохранились (дюрбе в Ханлы-Дере), либо остаются археологически не изученными.

Материалы архитектурно-археологического исследования дюрбе Мухаммед-Шах-бея 1991 г. опубликованы В. П. Кирилко. Они включали расчистку внутреннего пространства мавзолея и раскопки снаружи его южного фасада на площади 2,50 x 6,50 м. На основании стратиграфических наблюдений и находки монеты крымского хана Шагин Герая (1777–1783) 1778 г. выпуска из «строительного горизонта» здания автор работы датирует

Рис. 8. Бахчисарайский Ханский дворец. Раскопки 2018–2019 гг. Османский фаянс группы «Iznik Ware» из археологического комплекса второй половины XVI – первой половины XVII вв. на месте современного Гаремного корпуса (публикуется впервые).

его возведение последней четвертью XVIII в., что противоречит традиционной (золотоордынского времени; в пределах XIV – начала XV вв.) хронологии памятника в историографии [Кирилко, 2009, с. 451–464; 2014, с. 670–672]. По мнению Э. Д. Зиливинской, результаты раскопок свидетельствуют не о поздней дате сооружения комплекса, но, скорее, о его длительном, вплоть до конца XVIII в., использовании; архитектура мавзолея следует типично сельджукской традиции и не соответствует особенностям архитектуры Крымского ханства [Зиливинская, 2014а, с. 134–135]. С этим замечанием, вероятно, следует согласиться.

В 2013 г. небольшие археологические шур-

Рис. 9. Бахчисарайский Ханский дворец. Раскопки 2018–2019 гг. Золотой перстень с именем «Кая (или Кыйа)-султан», дочери хана Селим Герая II (1743–1748), из слоя разрушения постройки конца XVII – начала XVIII вв. на месте Соколиной баши (чтение надписи И. В. Зайцева; публикуется впервые).

фовки выполнены Э. И. Сейдалиевым на территории мавзолея Эски-дюрбе. В предварительной публикации сообщается о одновременности сооружения здания дюрбе и его южного «дворика» и находках XVI–XVIII вв., в том числе монеты крымского хана Мехмед Герая III (1623–1628), из культурных напластований, связанных со строительством и функционированием культового комплекса. Однако для установления объективной строительной периодизации мавзолея эта площадь раскопок представляется недостаточной [Науменко, Сейдалиев, Сейдалиева, 2016, с. 236].

Чуфут-Кале. Крепость, расположенная на поверхности одноименного скального плато, является одним из наиболее известных археологических памятников восточной части средневекового Бахчисарая. Ее раскопки, начатые еще в 20-е гг. XX в., к сожалению, никогда не носили систематического характера. Последний период исследований относится к 1987–2004 гг., когда археологическими работами оказались затронуты многие архитектурно-топографические доминанты «Старого» и «Нового» (с начала XVI в.) города Чуфут-Кале – Восточная оборо-

нительная стена (раскопки А. Г. Герцена и Ю. М. Могаричева; 1987–1988 гг.), жилая застройка между улицами Средней и Кенасской в «старой» части городища (А. О. Добролюбовский; 1991 г.), укрепление Пенджере-Исар (А. В. Белый и С. В. Карлов; 2000 г.), застройка вокруг дюрбе Джанике-ханым и колодец Тик-Кую (В. В. Майко, 2001–2002 гг.), «домик смотрителя» Караимского кладбища в верховьях Иосафатовой долины (В. И. Баранов; 2003–2004 гг.) [см.: Исторический атлас Республики Крым, 2015, с. 12].

Большая часть материалов этих раскопок остается еще не известной. Полноценно опубликован лишь так называемый «Кырк-Ерский клад» длительного накопления, состоящий из 4287 медных, серебряных и золотых монет XIV–XV вв. различного происхождения (Венеция, Генуэзская Каффа, Золотая Орда, Византия, Трапезунд, Молдавия, Рязанское княжество) и обнаруженный в культурном слое вокруг колодца Тик-Кую на северном склоне балки Марьям-Дере. Датировка времени сокрытия клада справедливо определяется серединой 1470-х гг., до событий 1475 г. [Майко, 2007, с. 3–9, 181]. Также изданы основные результаты раскопок А. Г. Герцена и Ю. М. Могаричева 1987–1988 гг. у тыльной стороны Восточной оборонительной стены Чуфут-Кале. Они позволили сделать вывод о сооружении стены в первой половине XVI в. и нескольких более поздних строительных периодах в ее истории, связанных с ремонтами и реконструкциями комплекса: не позднее 1570-х гг., конца XVII – начала XVIII вв. и конца XVIII – начала XIX вв. В конце XVII – начале XVIII вв. у северной оконечности оборонительной линии возникает и функционирует некоторое время крупная жилая усадьба, которая включала «помещение с тандыром» и многокамерную баню [Герцен, Могаричев, 2001; 2016а, с. 198–218].

Салачик и позднесредневековые памятники Марьям-Дере и Ашлама-Дере. В данном случае речь идет об археологических объектах расположенных в местности Салачик у подножия плато Чуфут-Кале и на территории прилегающих к ней балок Марьям-Дере и Ашлама-Дере.

В Салачике, по крайней мере, со второй по-

ловины XV в. существовало постоянное поселение, в центральной части которого ханом Менгли Гераем I (1467–1515) был возведен дворцовый ансамбль, от которого сейчас сохранились так называемое «дюрбе Хаджи Герая» (1501 г.), Зынджирлы-медресе (1500 г.), руины мечети и хамама. Изучение этого общественного и религиозного комплекса, в том числе и в ходе неоднократных археологических исследований конца XX – начала XXI вв., традиционно имело значительный резонанс среди научной и культурной общественности. Однако следует признать, что все эти раскопки не имели общей программы, проводились специалистами различного профиля и уровня подготовленности и, в конечном итоге, мало что дают для реконструкции истории интереснейшего архитектурно-археологического объекта.

Первые небольшие раскопки «дюрбе Хаджи Герая» осуществлены в 1991 г. В. Л. Мыцом и В. П. Кирилко в ходе подготовки проектной документации для его реставрации. На площади шурфа размерами 1,50 x 1,50 м прослежена мощность культурного слоя до уровня дневной поверхности мавзолея и открыто не ясное по назначению более позднее каменное сооружение треугольной формы [Кирилко, 2009, с. 464–466].

Масштабные археологические исследования комплекса построек Салачика были предприняты в 2006–2010 гг. А. М. Ибрагимовой в рамках нового реставрационного проекта. В ходе работ полностью раскопаны здания Зынджирлы-медресе и дюрбе; тогда же к западу от медресе исследованы до уровня пола остатки хамама. Беспрецедентным открытием стал нетронутый характер гробницы в нижней части дюрбе, в которой выявлены 18 мусульманских захоронений в гробах, принадлежащих, вероятно, членам ханской династии периода Крымского ханства. К сожалению, опубликованы лишь результаты архитектурного и естественно-научного изучения «дюрбе Хаджи Герая» [Гаврилюк, Ибрагимова, 2010]. Материалы археологической части проекта, в первую очередь, касающиеся Зынджирлы-медресе и хамама (планы и стратиграфические разрезы раскопов, графические и статистические таблицы вещественных находок), до сих пор не изданы и, вероятно, уже не восстановимы. Их краткие резюме в

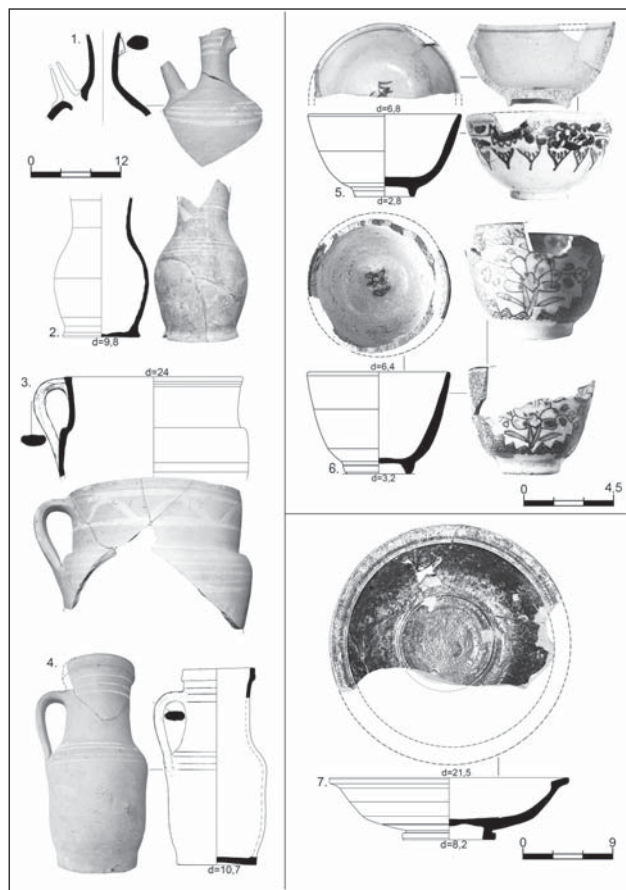

Рис. 10. Бахчисарайский Ханский дворец. Раскопки 2018–2019 гг. Свитский корпус. Хозяйственная яма № 5 (около 1750–1775 гг.). Заполнение. Образцы бытовой керамики с росписью линиями светлого ангоба (1–4), османского фаянса группы «Kütahya Ware» (5–6), глазурированной посуды группы «Monochrome (Green) Glazed Ware» (группа «Крым») (7) (публикуются впервые).

отдельных статьях А. М. Ибрагимовой носят, как нам представляется, несколько сумбурный характер [см., например: Ибрагимова, 2010]. Такое непрофессиональное отношение к раскопкам археологических памятников вызывает справедливую критику со стороны специалистов [Кирилко, 2012a].

В 2012–2013 гг. Э. И. Сейдалиев на площади раскопа 75 кв. м, заложенного в 10 м к западу от участка исследований А. М. Ибрагимовой на территории хамама и Зынджирлы-медресе, попы-

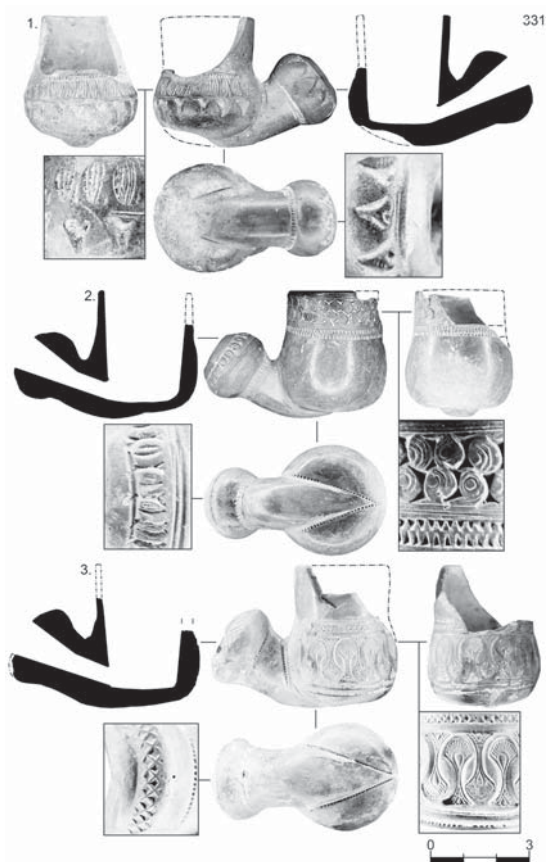

Рис. 11. Бахчисарайский Ханский дворец. Раскопки 2018–2019 гг. Свитский корпус. Хозяйственная яма № 5 (около 1750–1775 гг.). Заполнение. Образцы османских курительных трубок (публикуются впервые).

тался восстановить утраченную прежде стратиграфию поселения в Салачике. На глубине около 1,70–2,00 м от уровня современной поверхности ему удалось выявить горизонт с мощением середины – второй половины XV в., насыщенный разнообразным археологическим материалом. Однако эти раскопки остались незавершенными [Науменко, Сейдалиев, Сейдалиева, 2016, с. 235].

Наконец, в 2015 г. «дюрбе Хаджи Герая» и Зынджирлы-медресе были подвергнуты археосейсмическим обследованиям. Группой специалистов во главе с А. М. Корженковым установлено наличие следов землетрясений на памятниках, датированных предварительно в пределах конца XVI – XVIII вв. [Моисеев и др., 2018]. Очевид-

но, результаты этих исследований, проведенных на архитектурно-археологических объектах, объем и композиция которых претерпели серьезные изменения в ходе ремонтно-реставрационных работ начала XXI в., носят исключительно гипотетический характер.

Единственным археологическим объектом в ущелье Ашлама-Дере к северу от Чуфут-Кальского плато являются руины загородного ханского дворца XVII–XVIII вв., открытого, как уже говорилось, У. А. Боданинским еще в 1928 г. [Боданинский, 1930, с. 9; Мирас..., т. 1, 2016, с. 48]. В 2015–2016 гг. на месте предполагаемого дворцового комплекса проведены комплексные геофизические и археологические исследования. Составлена магнитометрическая карта памятника, дополненная раскопками наиболее перспективных с точки зрения археологии объектов на площади 34 кв. м. По мнению авторов работ, разобранный еще в конце XVIII в. дворец удалось локализовать на местности [Бочаров, Ситдииков, Бездудный, 2017].

Археологические исследования позднесредневековых памятников в балке Марьям-Дере, ограничивающей с юга плато Чуфут-Кале, известны только для периода 2006–2012 гг. В 2006 г. Т. А. Бобровским и Е. Е. Чуевой, в ходе разработки документации для историко-архитектурного опорного плана действующего Свято-Успенского мужского монастыря, проведены спелео-археологические обследования скальных сооружений на северном склоне ущелья. Для уточнения их хронологии заложены три археологических шурфа. В итоговой публикации авторы исследований делают вывод о том, что в период Крымского ханства территория Успенского монастыря сократилась до пределов основной пещерной церкви на южном склоне Марьям-Дере; остальная часть балки использовалась вплоть до конца XVIII в. мирянами, жителями поселения Мариамполь [Бобровский, Чуева, 2008].

Небольшие раскопки на территории поселения Мариамполь осуществлены в 2009–2012 гг. В. И. Барановым и С. В. Карловым. На площади раскопа около 55 кв. м. выявлена, как считают исследователи, общая стратиграфия памятника, которая включает культурные горизонты от эпохи раннего железного века до позднего средне-

вековья. Интересующий нас период конца XV–XVIII вв. характеризуют, в первую очередь, османская глазурованная керамика и фаянс групп «Miletus Ware», «Iznik Ware» и «Kütahya Ware». Наиболее поздней датированной находкой из культурного слоя является монета крымского хана Шагин Герая (1777–1783) 1782 г. выпуска [Баранов, Карлов, 2013]. Результаты этих работ, важные для установления общей хронологии поселения, все-таки вызывают сомнения. Действительно ли открыт участок застройки Мариампольского поселения или все-таки на раскопе зафиксирована стратиграфия склонов городища Чуфут-Кале и, таким образом, речь идет о последовательности грунтовых напластований, образовавшихся в результате «строительных сбросов» с поверхности плато? Ответы на эти вопросы могут быть получены лишь в ходе дальнейших исследований памятника.

Наконец, в 2012 г. первые целенаправленные археологические разведки были проведены Д. Ю. Алядиновой на территории религиозного мусульманского комплекса (азиза) Газы-Мансур в низовьях балки Марьям-Дере [Исторический атлас Республики Крым, 2015, с. 265–267]. Их результаты пока не опубликованы, но являются чрезвычайно необходимыми для изучения этого пока еще слабо исследованного археологически памятника [о нем см. также: Зайцев, 2012; Свод, 2016а, с. 14–15].

Археология поселений. Необходимость археологических исследований многочисленных позднесредневековых сельских поселений на территории Крыма, о существовании которых свидетельствуют нарративные и картографические источники, уже отмечена в литературе [Сейдалиев, Кадыров, 2018]. Их изучение должно быть ориентировано на получение объективной информации о размерах, особенностях планировки, домостроительства, хозяйственной инфраструктуры, гидротехнических сооружений таких населенных пунктов, а также занятиях местного населения. При интерпретации результатов раскопок памятников могут быть широко использованы сведения современных им письменных документов и более поздние данные этнографии [см., например: Галенко, 2004].

Тем не менее, на сегодняшний день, данное

направление «османской археологии» на полуострове все еще находится на стадии формирования своей источниковой базы. Среди укрепленных поселений Южного берега Крыма, находившихся после 1475 г. под контролем османской администрации, археологически изучалась лишь застройка Партенита, где в 1985–1988 гг. частично были раскопаны две каменные постройки с глинобитными полами конца XV – начала XVII вв., датированные монетами крымского хана Девлет Герая I (1551–1577) [Паршина, 2002, с. 91; Алядинова, 2015], и отдельные строительные и хозяйственные комплексы этого же времени на месте генуэзской крепости в Алуште (раскопки 1989–1998 гг.) [Алядинова, Тесленко, 2015]. В 2007 г. в Алуште также проведены археологические исследования на месте «Нижней мечети» (Ашъага-Джами) поселения [Тесленко, Лысенко, 2015]. Однако в целом полученных археологических данных пока еще чрезвычайно мало для анализа характера застройки Алушты и Партенита в османский период их истории.

До недавнего времени совершенно археологически не изученными оставались сельские поселения Крымского ханства. Лишь в ходе масштабных инфраструктурных проектов на территории Республики Крым в 2015–2018 гг. раскопана серия крупных позднесредневековых поселений в восточной и юго-восточной частях полуострова: Биели [Нарожный, Соков, Соколов, 2019, с. 216; Федосеев, Куликов, Бейлин, Куликова, 2019, с. 304–311], Кегенез Восточное [Шарапа, Белов, 2019], Су-Баш [Мастыкова и др., 2019, с. 114], Кош-Кую [Куликов, 2018, с. 170–173; Сейдалиев и др., 2018], Батальное 1 [Ермолин, Бонин, 2018], Батальное Западное [Майко, Власов, 2018], Шибан I и Тюреке II [Храпунов, Мульд, Стоянова, 2017, с. 315–319], Королево 3 и Фонтан 6 [Куликов и др., 2017] и др. Однако пока опубликованы лишь предварительные результаты этих работ.

При разработке классификации позднесредневековых сельских населенных пунктов полуострова следует предполагать значительное разнообразие таких поселенческих структур. К числу потенциально нетипичных памятников, возможно, относится недавно опубликованное так называемое «городище Сарымамбаш-Кер-

мен», расположенное вблизи с. Трудолюбовка в Юго-Западном Крыму. По материалам археологических разведок 1978 и 1988 гг., оно представляет собой укрепленное мысовое поселение, защищенное с напольной стороны рвом и каменной стеной протяженностью 327 м и шириной 4,20 м; его площадь составляет 7,8 га со следами от 62 руинированных каменных построек. В. Л. Мыцом памятник атрибутируется как укрепленная резиденция одного из самых известных знатных родов периода Крымского ханства – беев Яшлавских, которая использовалась вплоть до первой трети XVIII в. [Мыц, 2018]. До проведения раскопок на широкой площади такие заключения, как в отношении хронологии, так и атрибуции поселения, нам представляются несколько преждевременными.

Архитектурная археология. Данное направление археологической науки, как известно, сосредоточено на изучении памятников монументальной архитектуры с широким применением археологических методов. На практике, как правило, речь идет об исследованиях архитектурно-археологических объектов с сохранившимися крупными объемами зданий, вплоть до их перекрытий. Чаще всего эти раскопки тесно связаны с ремонтно-реставрационными проектами на памятниках и, таким образом, носят характер междисциплинарных исследований, с участием в них археологов, историков, архитекторов, искусствоведов, инженеров-конструкторов и представителей иных специальностей естественно-научного профиля. Главной задачей археологической части таких проектов является установление максимально точной даты возведения постройки и ее строительной периодизации.

Применительно к «османской археологии» Крыма архитектурная археология изучает сохранившиеся на полуострове крупные фортификационные, дворцовые, общественные (караван-сарай, рынки, медресе, хамама) и религиозные (мечети, дюрбе-мавзолеи, текие) комплексы. В таком случае многие из перечисленных выше исследований – раскопки Ханского дворца, дюрбе Мухаммед-Шах-бея и Хаджи Герая в Бахчисарае, «мечети Узбека» в Старом Крыму, мечети Падеша-Джами в Судаке, «текие дервишей» в Гезлеве, церкви св. Иоанна Предтечи в Керчи, Ара-

батской крепости – могут быть с уверенностью причислены к категории архитектурно-археологических. Отметим еще два надежных примера архитектурной археологии османского периода в истории Крыма.

Прежде всего речь идет об изучении методами архитектуры и археологии купольной мечети в с. Пионерском (Эски-Сарай) Симферопольского района в 1991 г. Раскопки общей площадью 245 кв. м проводились изнутри и снаружи основного здания и его восточной пристройки (так называемой «малой мечети»). Несмотря на небольшое количество датирующих находок (фаянс группы «Kütahya Ware», курительные трубки), произведенный в ходе исследования анализ стратиграфии и архитектоники сооружения позволяет датировать его в пределах начала – первой половины XVIII в. [Кирилко, 2012].

К числу однокупольных мечетей провинциально-османского типа может быть отнесена мечеть в с. Давыдово (Шейх-Кой) Симферопольского района, хотя ее датировка менее определена. Историко-архивные и натурные обследования памятника, выполненные С. Г. Бочаровым и В. П. Кирилко, позволили им датировать его в пределах XVI–XVII вв. Важным является заключение об использовании при возведении здания в качестве спойлий михраба и портала со строительной надписью 1358 г. из более ранней мечети золотоордынского времени, до сих пор не локализованной [Бочаров, Кирилко, 2016; 2017; Кирилко, 2016]. К сожалению, небольшие раскопки 2018 г., доведенные в границах трех шурфов до уровня полов мечети, не содержат выразительного археологического материала для уточнения ее хронологии [Лавров, 2019а]. Памятник требует дополнительного архитектурно-археологического изучения.

Археология погребений. Предполагает детальное изучение погребального обряда населения Крыма в конце XV – XVIII вв., мусульманского и иных конфессий, по данным раскопок рядовых и элитных некрополей. Необходимо сформулировать и более сложные задачи таких исследований: реконструкция сакральной топографии местности; типологическая, иконографическая и эпиграфическая интерпретация надгробных памятников; изучение организации пространства

кладбищ; социокультурная характеристика населения. Для решения последней задачи большое значение имеют данные антропологии, поскольку они зачастую составляют основной комплекс сведений при раскопках могильников. Антропологический анализ способен установить не только половозрастной состав погребенных, но и предположить систему их питания, род занятий, социальный статус, полученные при жизни травмы, причины смерти и пр.

Безусловно, одним из главных открытий последних десятилетий является, как уже отмечалось, нетронутый характер гробницы в нижней части «дюрбе Хаджи Герая» в Салачике (Бахчисарай). В 2007–2008 гг. здесь были исследованы 18 захоронений, принадлежащих представителям ханской династии Крымского ханства. Все они совершены по мусульманскому погребальному обряду: в вытянутом положении на спине, головой на запад; в саванах и дощатых гробах-табутах, с подушками и одеялами; табуты, установленные на железные или каменные подставки, покрыты богато орнаментированными тканями. Из погребения № 8, одного из ранних захоронений мавзолея, происходит важная датированная находка – монета Менгли Герая I (1467–1515) 1513 г. выпуска. По мнению Н. А. Гаврилюк, в дюрбе похоронены, вместе с первыми правителями Крымского ханства (Хаджи Гераем и Менгли Гераем I) и другие члены династии Гераев для периода 1466–1551 гг. [Гаврилюк, Ибрагимова, 2010, с. 66–94].

Единственным рядовым мусульманским некрополем интересующего нас периода времени, раскопанным на широкой площади и полностью изданным, является могильник у п. Заозерного в Северо-Западном Крыму, на территории античного курганного некрополя городища «Чайка». Памятник исследовался в 1969–1971 гг. Изучено 46 безынвентарных погребений по мусульманскому погребальному обряду: вытянутые трупоположения на спине, головой на запад и лицом на юг (в сторону кыблы); захоронения совершены в прямоугольных ямах, либо в ямах с заплечиками, подбоями или уступами в их северной стенке; сверху могилы перекрыты дощатыми деревянными конструкциями и заложены камнями. Некрополь датируется, скорее всего, второй полови-

ной XVII – XVIII вв., хотя радиоуглеродная дата костных останков еще более поздняя – второй половины XVIII – первой половины XIX вв. По мнению С. Г. Бочарова, могильник принадлежал ногайскому населению региона [Бочаров, 2016б].

В последнее время, благодаря строительству автомобильной трассы «Таврида», число археологически изученных мусульманских некрополей XVI–XVIII вв. значительно возросло. Даже предварительные публикации результатов их исследований вызывают большой интерес в связи со значительным объемом и разнообразием информации. Среди изданных материалов наибольший интерес вызывают могильник у с. Живописного Симферопольского района, где изучены 67 захоронений, совершенных по обряду, чрезвычайно близкому к зафиксированному в Заозерном [Меньшиков, Юнкин, 2019], и особенно могильник Су-Баш в Юго-Восточном Крыму. На площади раскопок последнего изучено 1005 погребальных сооружений, в основном безынвентарных, свидетельствующих об общей полиморфности погребальной обрядности и, соответственно, неоднородности оставившего его населения. К числу наиболее важных особенностей погребального обряда некрополя уже сейчас можно отнести: наличие трупоположений на спине, с согнутыми в коленях и разведенными в стороны ногами («поза всадника»); присутствие среди погребальных конструкций могил, обложенных кладкой из сырцовых блоков; погребения людей двух антропологических типов, с признаками монголоидности и европеодности; преобладание среди погребенных мужчин, в том числе в возрасте свыше 50 лет и с признаками тяжелых физических нагрузок на опорно-двигательный аппарат; высокую детскую и женскую (до 20–25 лет) смертность [Мастыкова и др., 2019, с. 104–114].

Особенности позднесредневекового христианского погребального обряда никогда в историографии специально не изучались, хотя археологического материала для такого рода исследований накоплено достаточно. Можно предположить, что он восходит к традициям захоронений поздневизантийского времени на Крымском полуострове: в плитовых могилах для многократного использования или в обычных грунтовых прямоугольных ямах, часто с каменной обкладкой. Остается

неразработанной классификация погребального инвентаря, что связано со слабой опубликованностью результатов раскопок могильников.

Среди известных позднесредневековых христианских могильников на Южном берегу Крыма изданы лишь материалы исследований храмово-погребального комплекса у с. Малый Маяк. Небольшая однефная церковь, построенная, как считают авторы раскопок, во второй половине XIV в., перестала функционировать после событий 1475 г.; некрополь же на ее руинах использовался местным населением вплоть до конца XVIII в. Основной тип погребальных конструкций – прямоугольные ямы с каменной обкладкой, перекрытые плитами [Тесленко, Лысенко, 2004].

Для памятников Горного Крыма опубликованы лишь результаты исследований двух могильников второй половины XVII – XVIII вв. (до 1778 г.) у сел Богатырь и Прохладное в Бахчисарайском районе. Зафиксирован, вероятно, типичный погребальный обряд для христиан региона этого времени – вытянутые труположения на спине, с согнутыми в локтях руками, в плитовых могилах для многократного использования [Белый и др., 1993].

Археология «полей военных сражений». Данный раздел археологической науки традиционно сосредоточен на изучении топографии и материальных свидетельств военных сражений прошлого, независимо от их хронологии. К числу последних, применительно к позднесредневековой истории, относятся остатки лагерей, объектов военно-полевой фортификации, артиллерийских позиций, а также «братские могилы» погибших и скопления характерных для штурмов и осадных действий вещественных находок (стрел, пуль, ядер, деталей пушек, защитных доспехов и пр.). Обязательным в ходе исследований является сопоставление полученных археологических данных с имеющимся фондом нарративных и картографических источников о военных событиях [о некоторых теоритических аспектах этого направления археологии см.: Nomann, 2013].

Современная «османская археология» Крыма включает лишь два примера подобных археологических объектов. Прежде всего речь идет о «поле сражения» лета – осени 1475 г. вокруг

Мангупской городища, во время его осады османской армией. Средневековый рельеф склонов и территории крепости, очевидно, не подвергся кардинальному антропогенному воздействию вплоть до настоящего времени, что позволяет реконструировать детали этих событий в ходе археологических разведок и раскопок на местности. Как мы уже говорили, за последние годы установлены многие новые подробности осады 1475 г.: два основных направления штурма Мангупа османами – северное (в балке Гамам-Дере) и южное (в районе укрепления А. XVII); местоположения объектов османской военно-полевой фортификации – артиллерийских позиций в балке Гамам-Дере и на холме Мазар-Тепе, боевых площадок для штурмовых групп в той же балке Гамам-Дере; вероятная локализация основного лагеря османской армии на месте д. Адым-Чокрак; классификация полного комплекта османского наступательного вооружения – пушек различных калибров, ручного огнестрельного оружия, основных типов наконечников стрел [Герцен, 2001; Герцен, Руев, 2008; Руев, 2014, с. 34–56, 187–262].

Другим примером позднесредневековых «полей военных сражений» в Крыму является поле Шумской битвы у с. Верхняя Кутузовка близ Алушты, состоявшейся 23 июля 1774 г. и завершившейся разгромом турецкого десанта русской армией под командованием генерал-поручика графа В. П. Мусина-Пушкина. Об этих событиях хорошо известно по данным письменных и картографических источников. Локализовать их на местности удалось в ходе разведок 2009 г., дополненных небольшими шурфовочными работами и топографической съемкой сохранившихся полевых фортификационных объектов. Установлены, в частности, местонахождения турецкой артиллерийской батареи и русского земляного укрепления, так называемого «Суворовского шанца» [Герасимов, Ткаченко, 2015].

Археологическое вещеведение. Тесно связано со всеми перечисленными направлениями «османской археологии» в Крыму, так как сосредоточено на целенаправленном изучении атрибуции, типологии и датировки различных категорий массового археологического материала из раскопок крепостей, городов, поселений,

некрополей и «полей военных сражений» на территории полуострова – керамики, изделий из глины, камня, кости, металла и пр. Конечной целью таких исследований, безусловно, является рассмотрение вещественных находок в культурном слое и археологических комплексов с ними как источников новой объективной информации о быте, занятиях, моде, художественных вкусах и социально-культурных предпочтениях населения региона. В таком контексте археологическому вещеведению близки термины «археология быта» или, в самом широком смысле, «археология повседневностей».

К сожалению, различные категории массового археологического материала имеют разную степень изученности. Лучше всего исследована керамика. На примере анализа письменных источников об истории Кефе реконструирована модель организации керамического производства в османских крепостях Крыма [Галенко, 2005]. Благодаря И. Б. Тесленко и Д. Ю. Алядиновой качественно изданы позднесредневековые археологические материалы из раскопок крепостей и поселений Южного и Юго-Восточного Крыма (Судака, Партенита, Алушты, Малого Маяка), что позволило систематизировать данные об основных группах местных и импортных керамических изделий, маркирующих культурные горизонты османского времени [Тесленко, 2005; 2012; 2015; Teslenko, 2007; 2012; Алядинова, 2012; 2015; Алядинова, Тесленко, 2015; Алядинова, Тесленко, Майко, 2015; Тесленко, Майко, 2020]. Вместе с подобными исследованиями, выполненными по Аккерману [Беляева, 2012, с. 224–236; Беляева, Фиалко, 2017], Азаку [Гусач, 2005; 2006; 2017] и Сед-Исламу (Лютуку) [Волков, 2005; Гусач, 2012; 2015], они составляют в настоящее время основу для дальнейшего изучения керамического комплекса Северного Причерноморья, Приазовья и Крыма конца XV – XVIII вв.

В недавней статье И. Б. Тесленко и Д. Ю. Алядинова попытались подвести некоторые промежуточные итоги изучения структуры керамического комплекса османского Крыма для раннего этапа господства Османской империи на полуострове (конца XV – начала XVII вв.). Авторы выделяют не менее 12 крупных групп местных

(неполивные изделия групп «Крым», «Юго-Восточный Крым (ЮВК)», «подражания керамики с рельефовидным венчиком (ГРВ)» и поливная посуда групп «Крым» и «Мангуп») и импортных (неглазурованные сосуды группы ГРВ и глазурованные изделия групп «Miletus Ware», «Iznik Ware», «Maiolica Rinascimentali», «толстостенных чаш с бихромной росписью (ТЧБР)», «селадон» и «псевдоселадон») изделий этого времени (Рис. 12–17). На основе их анализа делается ряд серьезных выводов о том, что после 1475 г. местный рынок испытывал серьезный кризис в повседневной керамической посуде, дефицит которой вплоть до XVII в. восполнялся импор-

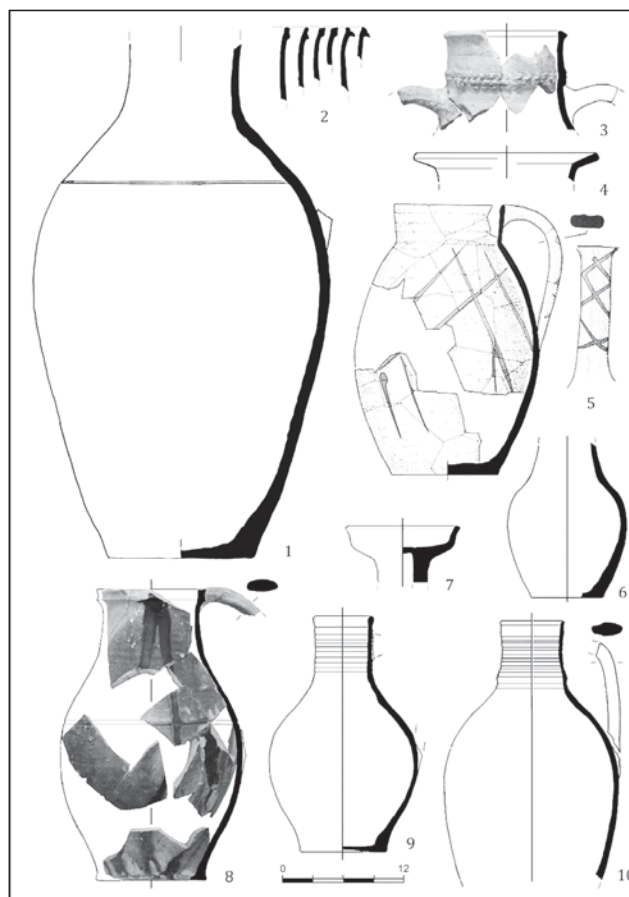

Рис. 12. Неглазурованная керамика Крыма конца XV – начала XVII вв. из раскопок Судака (1–4, 6–10) и Алушты (5): 1–7 – группа «Юго-Восточный Крым» (ЮВК); 8–10 – «подражания керамике группы ГРВ» (по: Тесленко, Алядинова, 2019, с. 304, рис. 5).

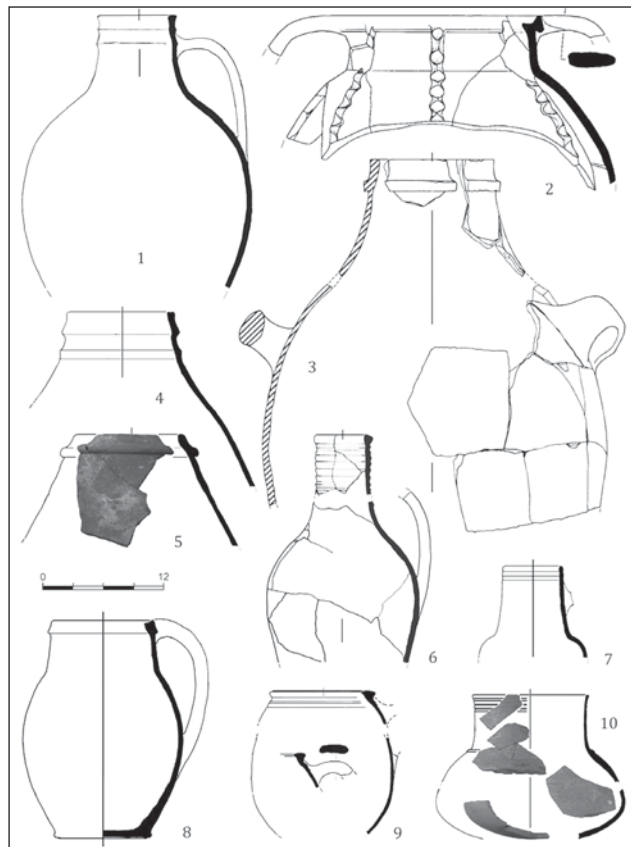

Рис. 13. Неглазурованная керамика Крыма конца XV – начала XVII вв. периода. Группа ГРВ из раскопок Судака (1, 4–10), Алушты (2) и Партенита (3) (по: Тесленко, Алядинова, 2019, с. 302, рис. 4).

том дешевой османской поливной и неполивной керамики. Местное керамическое производство возрождается прежде всего в Кефе в начале XVI в., но уже с использованием технологий и традиций османского гончарства. Преобладающие позиции в Крыму оно приобретет позднее, не ранее начала следующего столетия [Тесленко, Алядинова, 2019, с. 314–315].

С большинством из высказанных в этой работе заключений следует согласиться и еще раз отметить высокую степень их обоснованности. Некоторых замечаний требуют лишь отдельные из них. Прежде всего, совершенно не обязательным выглядит замена общепринятой атрибуции раннеосманской поливной керамики конца XV–XVI вв. группы «Polichrome Sgraffito Ware» или реже «Coloured Sgraffito Ware» несколько новодельным термином «толстостенные чаши с

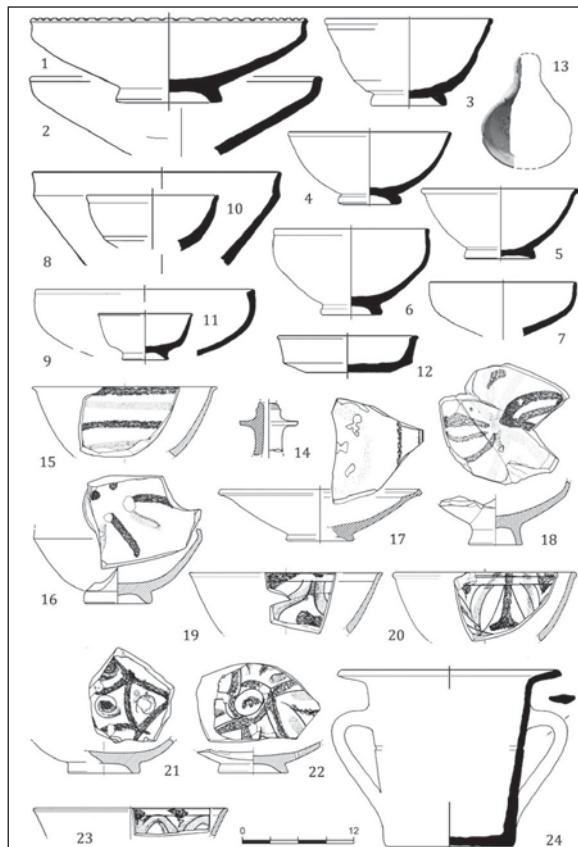

Рис. 14. Поливная керамика Крыма конца XV – начала XVII вв. Группа ЮВК из раскопок Судака (1–13, 24) и Алушты (14–23) (по: Тесленко, Алядинова, 2019, с. 307, рис. 6).

бихромной росписью (ТЧБР)» [Тесленко, Алядинова, 2019, с. 309, рис. 7: ср.: Paraniakola-Bakirtzi, 1999, р. 97–114, 250–253, 256–257; Vroom, 2005, р. 144–145]. Также преждевременным представляется выделение местной глазурованной посуды группы «Мангуп». Авторами не приведены находки из раскопок городища в первой половине – середине XX в., которые они видели в фондах Бахчисарайского музея-заповедника и которые послужили основанием для такой атрибуции. На наш взгляд, подобные поливные сосуды из Алушты и Малого Маяка, скорее, сопоставимы с уже упоминавшейся раннеосманской поливной керамикой группы «Polichrome Sgraffito Ware», чем с местной посудой этого времени [Тесленко, Алядинова, 2019, с. 308–309, рис. 8, 1–7]. Нельзя также согласиться с тезисом об использовании способа декорирования бытовых неглазурован-

ных сосудов линиями светлого ангоба исключительно для конца XV – начала XVII вв. [Тесленко, Алядинова, 2019, с. 315]. Такой элемент орнамента керамических изделий характерен для всего османского периода в истории Крыма.

Структура керамического комплекса полуострова для второй половины XVII – XVIII вв. пока изучена хуже. Ясно лишь, что для него реперными находками выступают местная поливная и непольная керамика группы «Крым» в сочетании с импортным османским фаянсом группы «Kütahya Ware» и курительными трубками. Показательными для этого периода времени, скорее всего, являются уже упоминавшиеся неопубликованные археологические комплексы из раскопок иудейского квартала в верховьях балки Табана-Дере на Мангупе и Ханского дворца в Бахчисарае (Рис. 10–11) [Герцен, Науменко, 2015а, с. 96; Науменко, Герцен, Ганцев, 2020, с. 113–116].

Несколько общих замечаний в отношении османских курительных трубок, изучение которых уже давно является едва ли не самостоятельным направлением исследований в позднесредневековой археологии. Как уже отмечено в литературе, данная категория массового археологического материала, наряду с кофейными сосудами, является одним из важнейших маркеров материальной культуры эпохи [см., например: Vroom, 1996; Varan, 1999; Зайцев, 2011]. Она повсеместно представлена на памятниках Причерноморья и Приазовья, входивших в состав Османской империи, а также на сопредельных территориях. В 2016 г. издан обширный каталог курительных трубок из фондов Азовского музея-заповедника [Гусач, 2016; там же полная библиография работ, посвященных их изучению]. Однако для Крыма, как это ни парадоксально, публикация трубок из раскопок отдельных памятников либо хранящихся в фондах музеев полуострова остается достаточно редким явлением [см.: Краснова, 1994; Перепелкина, 2001; Алядинова, Тесленко, 2015, с. 190–195].

Отметим также две важнейшие проблемы современного этапа изучения османских курительных трубок, которые можно решить лишь с привлечением новых, хорошо стратифицированных археологических материалов. Прежде всего речь идет об отсутствии их универсальной классификации, с общепринятыми критериями для вы-

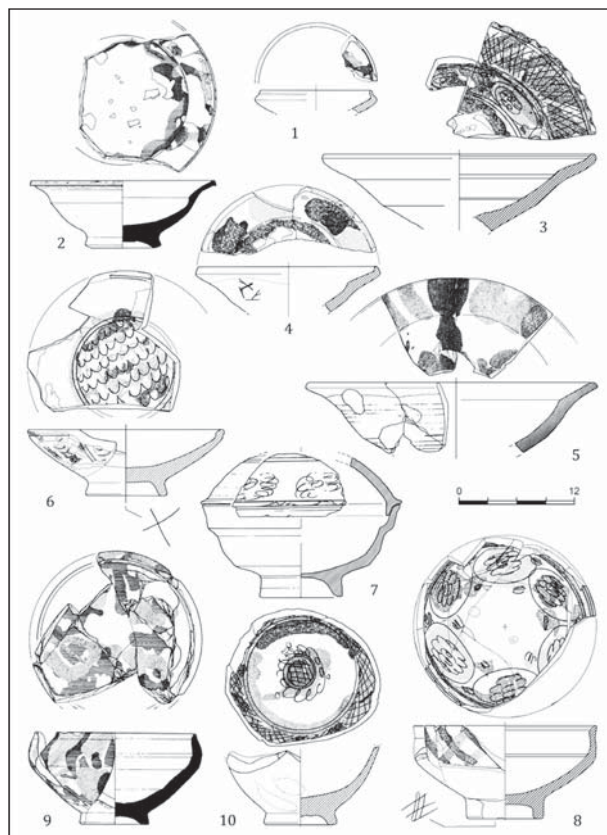

Рис. 15. Поливная керамика Крыма конца XV – начала XVII вв. Группа «толстостенных чаш с бихромной расцветкой (ТЧБР)» из раскопок Алуиты (2, 4–6, 9–10), Партенита (1, 3, 8) и Балаклавы (7) (по: Тесленко, Алядинова, 2019, с. 310, рис. 7).

деления отдельных, относительно узко датированных типов. Традиционные типобразующие признаки (цвет глины и морфология («фасон») изделий) не представляются нам единственными [ср.: Лавров, 2019б]. Представленная в публикациях широкая хронология находок, чаще всего в пределах второй половины – конца XVII–XVIII вв., уже не является достаточной. Еще одна проблема – необходимость аргументированной локализации хотя бы основных центров производства османских курительных трубок на территории империи и подражаний им в соседних регионах.

Подведем наиболее важные итоги нашего анализа. Несмотря на относительную молодость, «османская археология» в Крыму уже может рассматриваться как сложившееся направление

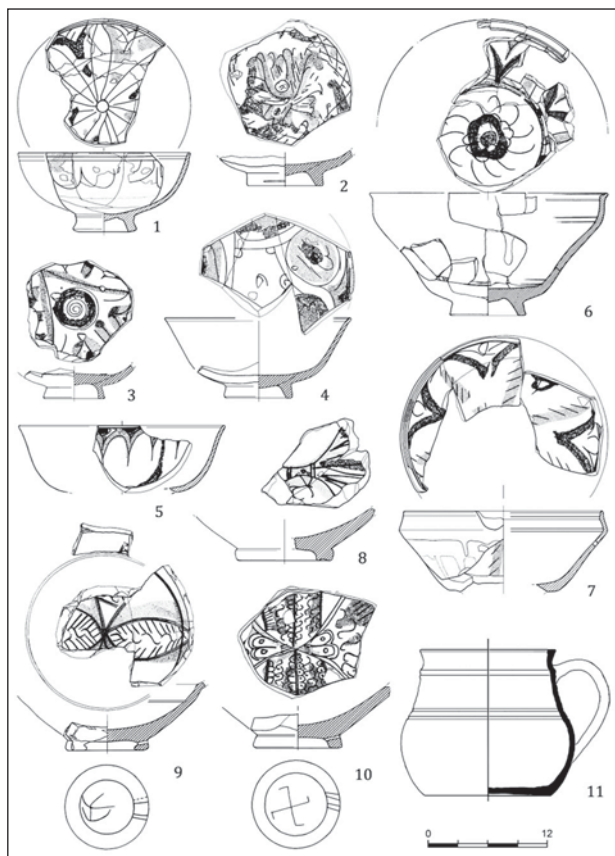

Рис. 16. Поливная керамика Крыма конца XV – начала XVII вв. из раскопок Алушты (1–5, 7–10), Малого Маяка (6) и Судака (11): 1–7 – группа «Мангун»; 8–11 – османская поливная керамика (по: Тесленко, Алядинова, 2019, с. 311, рис. 8).

археологических исследований на полуострове со своим предметом научных штудий и хорошо выраженной специализацией. Особо значительный прогресс достигнут при изучении ее базовых памятников – османских крепостей Крыма и столицы Крымского ханства, города Бахчисарая, а также в области археологического вещеведения, прежде всего при анализе структуры керамических комплексов этого времени. Остальные направления исследований – археология поселений, некрополей, культовых и общественных сооружений и пр. – испытывают недостаток в раскопанных полностью или хотя бы на широкой площади серии эталонных объектов.

Общими проблемами для изучения всех перечисленных категорий археологических памят-

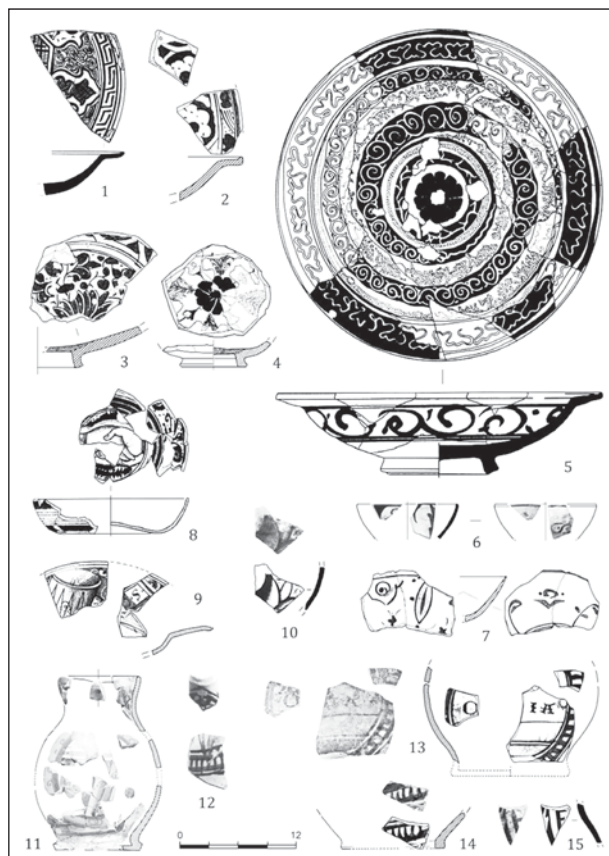

Рис. 17. Поливная керамика Крыма конца XV – начала XVII вв. из раскопок Алушты (1–5, 7, 10, 13–15), Балаклавы (8–9, 12) и Малого Маяка (11): 1–5 – группа «Miletus Ware»; 6–7 – фаянс группы «Iznik Ware»; 8–15 – группа «Maiolica Rinascimentali» (по: Тесленко, Алядинова, 2019, с. 312, рис. 9).

ников являются медленное введение в научный оборот результатов их раскопок во второй половине XX – начала XXI вв. и редкость специальных исследований различных сторон жизни населения Крыма в османский период его истории – домостроительства, занятий, быта, погребальной обрядности, художественной культуры и многих других. Безусловно, эти трудности представляются временными, но их решение может значительно быть ускорено посредством проведения научных форумов, организации специализированных научных изданий и разработки профильных научно-образовательных программ.

ГЛАВА 2. ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ КРЫМСКОГО ХАНСТВА

2.1. Российская историография

А. В. Виноградов, И. В. Зайцев, М. Г. Мусеев, А. А. Шейхумеров

Едва ли не первым крупным русским произведением историографического характера, посвященным истории Золотой Орды и русско-ордынским отношениям, стала так называемая «Казанская история» [Памятники литературы Древней Руси, 1985]. Этот публицистический памятник был написан в 1564–1565 гг. и представляет собой беллетризованный рассказ, охватывающий время от монгольского похода на Русь (1237 г.) вплоть до падения Казанского ханства в 1552 г. После 1592 г. текст «Казанской истории» был переработан за счет замены последних пятидесяти глав о походе 1552 г. компиляцией из «Степенной книги» и летописных источников. Именно этот вариант памятника и дошел до нас в наибольшем количестве списков (всего списков первой и второй редакций памятника более 200). Согласно тексту сочинения, его автор, по происхождению русский, около 20 лет (с 1532 по 1551 гг.) прожил в Казани как пленник. Как отмечают исследователи памятника, в тексте «Казанской истории» были использованы достижения всех известных на Руси к XVI в. литературных жанров и стилей, однако этот пестрый материал был подчинен одному художественному замыслу – показать победу над Казанским ханством как закономерный итог борьбы русских с ханами Золотой Орды и Казани. Вследствие этого реальные исторические события в тексте не только художественно трансформируются, но зачастую и намеренно искажаются в угоду общей идее. Однако особенностью «Казанской истории» была не только главенствующая мысль о торжестве Российского государства и православия. В тексте памятника можно найти не только нотки сочувствия казанцам, но и прямое осуждение великих князей. Так, в главе о победе

«Улу-Ахмета» над московским князем Василием автор «Казанской истории» пишет: «Так покорность и смирение пересилили и победили свирепое сердце нашего великого князя, дабы не преступал он клятву, даже если дал ее поганым... Ибо не только христианам помогает бог, но и поганым содействует». Многие идеи «Казанской истории» предопределили на долгое время пути развития русской историографии относительно Золотой Орды и татарских постордынских ханств.

Через сто лет после переработки «Казанской истории», в 1692 г. московский служилый человек А. Лызлов закончил текст своей «Скифской истории» – очень значимого русского памятника, в котором много места было уделено татарской истории. Основной идеей А. Лызлова также стала борьба христианской Европы с «восточной» агрессией. В «Скифской истории» эта мысль под влиянием польской историографии была модернизирована в концепцию борьбы с турками. Особое внимание в «Скифской истории» уделяется русско-татарским отношениям, которые Лызлов прослеживает со времени монгольских завоеваний Руси вплоть до 1506 г., когда, по его мнению, закончилось «иго». Сущность последнего А. Лызлов сводил к подданству, сбору дани и подсудности населения ханам: «...окаянный Батый по всем градам учинил своих властителей, их же называху баскаки, яко бы атаманы или старосты, иже всегда от оставльшихся христиан дань собирали и по изволению своему россианом христианом судили и повелевали» [Лызлов, 1990, с. 27]. Основными его источниками в этой части были «Степенная книга» и «Синописис», однако А. Лызлов в той части своего труда, где речь шла о татарах, использовал и другие источники, в

том числе и личные наблюдения [Богданов, 1990, с. 403 и далее].

В XIX в. развитие историографии татарских государств связано как с именами классиков отечественной историографии, авторами крупных историй России, среди которых следует назвать прежде всего Н. М. Карамзина (1766–1826) и С. М. Соловьева (1820–1879).

Именно в это время зарождается и активно развивается такое важное направление, как публикация и критика татарских средневековых источников по истории ордынских юртов. Эта деятельность связана с именами А. К. Казембека (1802–1870)¹, И. Н. Березина (1818–1896) и особенно В. В. Вельяминова-Зернова (1830–1904) – автора «Исследования о касимовских царях и царевичах» (вышло в Санкт-Петербурге в 4 томах, 1863–1887), опубликовавшего также (совместно с Х. Фаизхановым) первый сборник оригинальных крымских дипломатических текстов.

Последовательное изучение русско-крымских отношений, истории формирования посольской документации стало характерным почерком такого исследователя, как М. Н. Бережков (1850–1932). Первым опытом обращения к истории русско-крымских отношений для автора стал его реферат для Одесского археологического съезда, посвященный русским пленникам в Крымском ханстве [Бережков, 1888]. В рамках анализа экономического значения пленных в структуре хозяйства Крымского ханства М. Н. Бережков сделал ряд интересных наблюдений. В частности, он указал на факт разного правового толкования ясыря. Если ханы рассматривали его как «государственную собственность», то его подданные считали пленников исключительно своей собственностью [Бережков, 1888, с. 16]. Не обошел автор стороной и практику натурализации пленников в Крымском ханстве. М. Н. Бережков обратил внимание на ограниченный во времени характер рабства у крымских татар (6–7 лет), после которого получившие свободу бывшие пленники были вольны выбирать, возвращаться ли им на Родину или оставаться в ханстве. Нередко

они выбирали последнее, так как к этому времени они уже обростали новыми связями и имуществом [Бережков, 1888, с. 17–18].

Впервые именно М. Н. Бережков подверг пристальному исследованию крымские материалы архивных описей и первую крымскую посольскую книгу. Анализу реестров, составленных Н. Н. Бантыш-Каменским и А. Ф. Малиновским, Бережков посвятил свою первую «крымскую» работу, увидевшую свет в 1893 г. в Известиях Таврической ученой архивной комиссии [Бережков, 1893]. В статье следующего года М. Н. Бережков перешел уже к анализу первой крымской посольской книги. Время возникновения посольской книги он относил к периоду или 2-й половины XV в., или началу XVI века и объяснял его тем, что они «составлялись в Приказе по мере накопления отдельных списков, грамот и всяких вообще посольских документов» [Бережков, 1894а, с. 35]². Одновременно с этой статьей в Киеве в 1894 г. вышла отдельная работа историка, посвященная крымским шертным грамотам³. В 1897 г. М. Н. Бережков уже перешел к исследованию непосредственно истории Крымского ханства, написав историко-биографический очерк, посвященный Нур-Султан. Само это исследование для своего времени было, можно сказать, новаторским. Осознавал это и сам историк, отмечая, что большинство восточных мусульманских царей «очень мало известны, как личности: большинство их скрыты для истории в глубине мусульманского гарема и, так сказать, под густою чадрой восточного этикета» [Бережков, 1897, с. 1].

Важное значение имели также работы Ф. Ф. Лашкова о Шахине Герее [Лашков, 1886], и о крымскотатарском землевладении [Лашков, 1889; Лашков, 1895а; Лашков, 1895б].

Отдельный этап в изучении Крымского ханства связан с именем В. Д. Смирнова. Его двухтомный труд «Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты» (1887, 1889) является классическим и до сих пор не утратил своей науч-

¹ Именно А. Казембек издал в 1832 г. в Казани одну из важнейших крымских хроник – «Семь планет в известиях о татарских царях».

² В том же 1894 году эта работа была издана в Симферопольской таврической губернской типографии отдельным оттиском.

³ Первоначально она была опубликована в VIII книге «Чтений в историческом обществе Нестора Летописца».

ной значимости [Смирнов, 1887; Смирнов, 1889]. По словам самого В. Д. Смирнова, исследование не претендовало на то, чтобы «представить полную историческую картину Крымского ханства, а только свод тех известий, которые находятся в турецких письменных источниках, литературных и документальных, и которые могут или окончательно, категорически подтвердить факты, уже ранее констатированные наукой, но только предположительно и без достаточных данных; или же пролить свет на явления, доселе пока мало выясненные; или же, наконец, обратить внимание на такие стороны исследуемого предмета, которые оставались вовсе незамеченными» [Смирнов, 2005, с. 29].

В изучении крымских историографических текстов, а также османских сочинений, имеющих отношение к Крыму, и состоит главная заслуга В. Д. Смирнова. Именно он впервые обратился к одному из основных сочинений по истории Крыма XVI в. – «Истории хана Сахиб-Гирея». Поначалу в переводах отрывков из данного сочинения он использовал дефектный Санкт-Петербургский список (ныне в Отделе рукописей восточного факультета СПбГУ) [Смирнов, 1913, с. 145; Некрасов, 1997, с. 95]⁴. Однако впоследствии привлек и старейший (1651) Парижский список. В. Д. Смирнов подготовил русский перевод этого сочинения, однако он не увидел свет. Помимо «Истории Сахиб-Гирея» В. Д. Смирнов был настоящим первооткрывателем целого ряда других крымских исторических текстов – прежде всего так называемой «Краткой истории». В. Д. Смирнову принадлежит и название этого источника (сочинение не имеет оригинального названия). Это произведение было известно к тому времени в двух списках, и до сих пор большинство отечественных авторов, пишущих о Крыме, используют этот текст в отрывках и переводах, подготовленных В. Д. Смирновым. Ученому удалось также обнаружить еще один список анонимной

⁴ Еще до В. Д. Смирнова к сведениям Реммала обратился Ф. Хартахай, однако он сочинение явно недооценил и, скорее всего, не знал о всех его списках и редакциях. В 1867 г. в одной из своих работ по истории Крыма он даже заметил: «Историческая литература крымских татар бедна» [Хартахай, 1867, с. 157]. Ныне эти слова с полным основанием можно отвергнуть.

истории, изданной к тому времени на французском языке Казимирским и Жобером. Он также обнаружил и издал в 1881 г. редкий текст, созданный около 1790 г. и содержащий краткий обзор истории ханства от его возникновения до XVII в. В сочинение было включено большое количество копий договоров и других официальных бумаг относительно Крыма, что позволило В. Д. Смирнову назвать его «Сборником». До настоящего времени известно только два списка сочинения (Парижский и его Санкт-Петербургская копия, выполненная, вероятно, рукой Х. Фаизханова). Сочинение было издано В. Д. Смирновым по Санкт-Петербургской рукописи, причем текст исправлен и восполнен по Парижскому списку [Сборник РИО, 1881]. Пользуясь рукописью Азиатского музея и манускриптом, принадлежавшим драгоману Российского генерального консульства С. И. Чахотину, В. Д. Смирнов переводит на русский язык и издает в «Русской старине» «Историю Крыма» Мехмеда Неджати [Смирнов, 1894]. Плодотворная деятельность В. Д. Смирнова, к сожалению, почти не имела продолжения на российской почве.

В начале XX в. только А. Н. Самойлович продолжал заниматься крымским источниковедением, издав значимые заметки «Предварительное сообщение о новом списке сокращения «Семи планет» Мухаммеда Ризы» [Самойлович, 1913]. Интерес к истории языка Крымского ханства привел к тому, что ученый занимался грамматикой крымско-татарского языка⁵, изучал терминологию крымских документов, а также само происхождение названия «Крым». В 1917 г. в Известиях Российской академии наук была опубликована небольшая заметка, посвященная термину «тийишь» в крымских документах [Самойлович, 1917]. Ученый, предваряя свои наблюдения, сообщал, что подробнее он эту проблему рассмотрит в книге «Турецкие этюды»⁶. А. Н. Самойлович отметил, что этот термин имеет разное написание в сочинении Сейид-Мухаммед-Ризы и в крымских дипломатических документах, из-

⁵ В 1916 г. был опубликован «Опыт краткой крымско-татарской грамматики».

⁶ Книга эта так и не была завершена, а отрывки из нее опубликовала Г. Ф. Благова в *Rocznik Orientalistyczny* в 1999 г.

данных В. В. Вельяминовым-Зерновым. Далее исследователь сравнил сохранившиеся крымские послания с их переводами на русский язык XVI–XVII вв. и пришел к выводу, что «тишь» – это «дача», также он выявил термины крымско-татарского языка, связанные с «поминочными» отношениями Крымского ханства и Московского государства [Самойлович, 2005, с. 230–231]. А. Н. Самойлович, анализируя как литературные, так и делопроизводственные источники, установил существование пчеловодства в Крыму в XIV–XVII вв. Изучив ярлык Селямета Герая I караимам Чуфут-Кале (1608), он пришел к выводу, что они использовали ульи-плетенки, как это практиковалось, например, в Азербайджане и на Северном Кавказе. Важным моментом этого исследования стало то, что им был оспорен факт существования специального налога «пчелиное дело», известного по переводу ярлыка Менгли Герая I, сделанного В. Д. Смирновым [Самойлович, 2005, с. 232–235]. В специальной заметке А. Н. Самойлович рассмотрел предположение А. Я. Гаркави и В. Д. Смирнова о происхождении названия «Крым» от слова «кырым» – ров. Это их мнение опиралось на словарную статью в словаре Л. Будагова, в которой слово «кырым» объединяло два значения: «яма, ров, окоп» и название города и полуострова. Проведя сравнительное языковедческое исследование, А. Н. Самойлович установил, что слова «кырым» никогда не существовало и, следовательно, нельзя его отождествлять с «карым» («ров»). Завершая эту заметку, он отметил вслед за В. В. Бартольдом, что название «Крым» неясно [Самойлович, 2005, с. 236–237].

Изучение Крымского ханства в Советском Союзе можно разделить на два основных этапа. В 1920–1930 и начале 1940-х гг. советские историки плодотворно исследовали историю крымскотатарской государственности, что было следствием политики «коренизации». Отметим работы С. В. Бахрушина [Бахрушин, 1993], П. А. Никольского [Никольский, 1929], В. А. Вишневого [Вишневский, 1930] и В. Е. Сыроечковского [Сыроечковский, 1940]. Согласно официальному политическому курсу, направленному на укрепление «дружбы народов»,

некоторые проблемные аспекты русско-татарских отношений иной раз не освещались вовсе. Так, в первом томе «Истории СССР», изданной в 1941 г. под редакцией В. И. Пичеты, в кратком очерке о Крымском ханстве ничего не говорится о набегах и работоторговле, зато нашлось место культуре и экономике [Пичета, 1941].

Изменение идеологического курса Советской власти, выражающееся в свертывании коренизации и насаждении русификации, не могло не отразиться самым пагубным образом на изучении истории государства крымских Гераев. Решающим событием, повлекшим за собой начало кампании по очернению истории крымских татар, стала депортация крымских народов 1944 г. Укажем в качестве примера на первый том «Очерков по истории Крыма» П. Н. Надинского [Надинский, 1951]. Еще одним характерным примером советской историографии является известная работа Л. А. Якобсона о средневековом Крыме [Якобсон, 1973].

В первую очередь советских исследователей интересовала борьба России и казачества с Крымским ханством и оборонительная система на южных русских рубежах. Этой проблематике посвятили свои работы С. Л. Марголин [Марголин, 1948], А. А. Новосельский [Новосельский, 1948], Г. А. Санин [Санин, 1987], В. П. Загоровский [Загоровский, 1969; Загоровский, 1980; Загоровский, 1991], А. Б. Кузнецов [Кузнецов, 1979; Кузнецов, 1986], В. А. Александров [Александров, 1979], Н. А. Смирнов [Смирнов, 1946а; Смирнов, 1946б], В. В. Каргалов [Каргалов, 1974], А. М. Алекберли [Алекберли, 1969]. В 1989 г. в Советском Союзе появляется первая и единственная работа о военном деле крымских татар. Однако ее автор, С. А. Ищенко, ограничилась воспроизводством информации, содержащейся в записках путешественников и дипломатов [Ищенко, 1989]. В силу этого данная работа представляет собой скорее обзор источников, чем полноценное исследование.

Бурные политические события конца XX в. – распад Советского Союза и становление новых государств на постсоветском пространстве – привели к тому, что проблема изучения Крымского ханства в российской историографии сдвинулась

с мертвой точки. Распад СССР и освобождение историков от необходимости следовать определенным идеологическим нормам плодотворно отразились на характере крымоведческих исследований.

А. М. Некрасов в своей статье, посвященной складыванию государственной системы Крымского ханства в XV–XVI вв., призвал отказаться от укоренившихся в отечественной историографии взглядов о полном подчинении Крымского юрта власти Оттоманской Порты и связал политическую нестабильность государства Гераев с отсутствием четкой системы престолонаследия. Возможности крымских ханов к осуществлению самостоятельного внешнеполитического курса А. М. Некрасов увязывал с существующей династической ситуацией Гераев, выделив два длительных периода усиления ханской власти – правления Девлета Герая I и Гази Герая II [Некрасов, 1999]. Эти положения А. М. Некрасов в дальнейшем развил в ряде других работ, объединенных в вышедшем в 2015 г. сборнике избранных трудов [Некрасов, 2015].

Различные аспекты русско-крымских отношений рассматриваются в исследованиях В. В. Трепавлова, прежде всего в его «Истории Ногайской Орды». Этот труд явился итогом многолетних исследований автора не только истории Больших Ногаев, но и всего комплекса взаимоотношений тюркских юртов на постзолотоордынском геополитическом пространстве. Русско-крымских отношений рассматриваемого периода В. В. Трепавлов касался в нескольких ракурсах. Прежде всего это рассмотрение политических связей Большой Ногайской Орды с Крымским ханством в контексте общей ситуации в Дешт-и-Кипчаке. Специальный объемный раздел исследования В. В. Трепавлова посвящен проблеме пребывания Мурада Герая в Астрахани в 1586–1591 гг., правда, преимущественно в контексте взаимоотношений Москвы с Большой Ногайской Ордой. Тем не менее В. В. Трепавлов впервые после А. А. Новосельского поднял проблему пребывания на территории Русского государства в период династического кризиса в Крыму сыновей свернутого Портой хана Мухаммеда Герая II. Важное значение имеет исследование В. В. Трепавловым

истории эля крымских мангытов в рассматриваемый период. В. В. Трепавлов достаточно полно показал место и роль рода Темира – беков Мансуров («Дивеевых») в политической элите Крымского ханства. Особое значение имеет показ В. В. Трепавловым роли беков «Дивеевых» в событиях периода династического кризиса Гераев [Трепавлов, 2002]. В. В. Трепавлов отдельно рассматривает историю Малой Ногайской Орды, уделяя при этом большое внимание ее месту в политике крымских ханов [Трепавлов, 2004].

Различные аспекты истории Крымского ханства затрагиваются в трудах И. В. Зайцева [Зайцев, 2004а; Зайцев, 2006б; Зайцев, 2009]. Монография «Крымская историографическая традиция XV–XIX вв.», вышедшая в 2009 г., поднимает проблему введения в научный оборот текстов исторических хроник Крымского ханства. И. В. Зайцев рассмотрел внутреннюю жизнь Крымского ханства в очерке, помещенном в первом томе двухтомной «Истории Крыма» [Зайцев, 2019а; Зайцев, 2019б; Зайцев, 2019в; Зайцев, 2019г]. И. В. Зайцев и Р. Р. Эминов являются авторами работы о двух ружьях крымских ханов – Сахиба Герая II и Бахты Герая [Зайцев, Эминов, 2017].

Стоит также выделить работы А. В. Виноградова о русско-крымских отношениях в XVI – начале XVII вв. [Виноградов, 1999; Виноградов, 2007а; Виноградов, 2007б; Виноградов, 2009; Виноградов, 2014; Виноградов, 2015; Виноградов, 2016; Виноградов, 2017; Виноградов, 2019а; Виноградов, 2019б; Виноградов, 2020].

Проблема пребывания крымских Гераев на территории Русского государства в период династического кризиса в Крыму 1577–1588 гг. в контексте общего направления внешнеполитической деятельности русского правительства рассматривалась А. В. Беляковым в его труде «Чингисиды в России XV–XVII вв.» [Беляков, 2011].

Отметим статью С. В. Дмитриева, в которой автор (преимущественно на основании записок иностранцев) реконструирует особенности военного дела крымских татар [Дмитриев, 2003]. А. Н. Хабибуллин исследовал оборонительную систему Крымского ханства [Хабибуллин, 2009].

Значимым вкладом в изучении темы стали ра-

боты В. В. Пенского о военном деле Крымского ханства [Пенской, 2010а; Пенской, 2010б; Пенской, 2014]. Автор отвергал как несостоятельные уничижительные оценки крымскотатарского войска, указывая, что стереотипный взгляд на ханскую армию как массу плохо вооруженных всадников, способных лишь на грабежи крестьян, расходится с той важной ролью, которую играло ханство в истории Восточной и Юго-Восточной Европы. По мнению В. В. Пенского крымская военная машина вплоть до начала XVIII в. представляла серьезную угрозу для соседей. Важное значение имеют также работы В. В. Пенского, (в том числе в соавторстве с Т. М. Пенской) по военной истории и взаимоотношениям Крымского ханства с Россией в XVI в. [Пенской, 2009а; Пенской, 2009б; Пенской, 2011; Пенской, 2012а; Пенской, 2012б; Пенской, Пенская, 2013; Пенской, Пенская, 2015; Пенской, 2016а; Пенской, Пенская, 2016; Пенской, 2016б; Пенской, Пенская, 2017; Пенской, 2019; Пенской, Пенская, 2019].

И. Л. Измайлов в очерке о татарском военном искусстве писал о войске крымских ханов [Измайлов, 2014]. М. В. Моисеев обращался к проблематике политических отношений России с татарскими ханствами и Ногайской Ордой в XVI в. [Моисеев, 2015; Моисеев, 2016; Моисеев, 2019]. И. Б. Бабулин в работах, посвященных военным действиям на украинских землях в 1658–1659 и в 1662 гг., писал о военной организации крымских татар и месте Крымского ханства в международной политике [Бабулин, 2015а; Бабулин, 2015б].

Укажем также на работы Л. А. Боброва о тактике крымских татар и ногаев [Бобров, 2016а; Бобров, 2016б]. По мнению автора, военное дело Крымского ханства представляло собой адаптацию традиционной степной тактики к региональным реалиям. Л. А. Бобров обосновывает утверждение о применении крымцами луков во время ближнего боя, подробно изучает различные тактические приемы крымских татар

(в том числе в пешем строю), раскрывает роль и значение ханских мушкетеров, указывает на эффективность управления войсками в бою. В статье Л. А. Боброва и М. А. Рюмшина изучается тактический и оружейный аспект калмыцко-татарских конфликтов первой половины – середины XVII в. [Бобров, Рюмшин, 2015]. В работе Л. А. Боброва и А. В. Сальникова анализируется северокавказское влияние на комплекс защитного снаряжения (шлемов) крымской знати [Бобров, Сальников, 2016]. Л. А. Бобров, А. В. Сальников и А. А. Шейхумеров посвятили работу использованию древкового оружия в крымских и ногайских войсках в 40-е гг. XV – 50-е гг. XVII вв. [Бобров, Сальников, Шейхумеров, 2018]. Отметим статью Л. А. Боброва, С. Ю. Каинова, В. В. Веселитской и А. В. Сальникова о копье Тохтамыш Герая [Бобров и др., 2019].

В статьях М. Е. Шалака рассматривается военное дело крымцев по данным иностранцев, побывавших в России в конце XVI – начале XVII вв., таких как Ж. Маржерет, Д. Флетчер и И. Масса [Шалак, 2016а; Шалак, 2016б; Шалак, 2016в; Шалак, 2016г; Шалак, 2016д], историческая география Крымского ханства (в том числе в соавторстве с И. К. Логвиновой) [Шалак, Логвинова, 2017; Шалак, 2018; Шалак, 2020].

Внимания заслуживают работы Д. В. Сеня о взаимоотношениях донских и кубанских казаков с Крымским ханством, участии кубанских казаков в походах ханских войск и внешней политике государства Гераев [Сень, 2002; Сень, 2006а; Сень, 2006б; Сень, 2008а; Сень, 2008б; Сень, 2008в; Сень, 2009а; Сень, 2009б; Сень, 2010а; Сень, 2010б; Сень, 2010в; Сень, 2011а; Сень, 2012б; Сень, 2013; Сень, 2015а; Сень, 2015б; Сень, 2016б; Сень, 2018а; Сень, 2019а]. В. Е. Возгрин в первом томе четырехтомного издания об истории крымских татар в присущем ему тенденциозном ключе описывает историю Крымского ханства и его внутреннее устройство [Возгрин, 2013].

2.2. **Англо-американская историография**

Б. Р. Рахимзянов

Изучение истории Крымского ханства XV–XVIII вв. в англо-американской историографии 1940–2000-х гг. происходило в контексте исследований истории России и некоторых других граничащих с Крымом государств, реже – как самостоятельного объекта научных штудий. Ему уделялось существенное внимание как одному из важнейших наследников Золотой Орды после ее распада. История Крымского ханства затрагивалась и в русле внешней политики Московского государства. Специализированные исследования рассматривали внутреннее устройство ханства, его клановую структуру, взаимоотношения главы государства – хана и его клановых лидеров – карачи-беков.

Эдвард Л. Кинан, долгое время проработавший деканом отделения истории, профессором, директором Русского исследовательского центра (ныне Дейвис центр) в Гарварде, затрагивает взаимоотношения между Московским государством и Казанским ханством в своей докторской (Ph. D.) диссертации «Московия и Казань, 1445–1552 гг.: исследование степной политики» [Keenan, 1965]. В этом контексте автор касается и истории Крымского ханства. Отдельные ее части и концептуальные выдержки были опубликованы позднее в виде статей [Keenan, 1967; Keenan, 1969; Keenan, 1964–1968; Keenan, 1986]. Диссертация была защищена в Гарварде в 1965 году. Этот фундаментальный труд так никогда и не был опубликован.

Кинан обратил свое внимание на посольские дела как на документы, которые, по его мнению, были незаслуженно отброшены русскими и советскими историками как шедшие вразрез с излагаемыми ими (и авторами летописей) идеями. Автор акцентировал внимание на роли Ногайской Орды (а не Крымского ханства, как большинство исследователей татарского мира XV–XVIII вв.) в позднесолотоордынском мире. По его мнению, именно ногаи являлись тем компонентом, который зачастую играл ведущую роль в отношении Казанского ханства, да и не только его, являясь средством военного устрашения

и воздействия на соседей (как других татар, так и русских). Причиной этого была мощнейшая военная сила ногаев, сконцентрированная в их огромной коннице. Сквозь призму московско-казанских отношений автор показывает, по сути, все имевшиеся в позднесолотоордынском мире взаимосвязи, их образование, развитие и упадок. Кинан проводит мысль о том, что изначально отношения между Москвой и татарским миром были не враждебными, а вполне дружественными, и что вследствие этого именно Москва стала основным наследником «трона Саина», поглотив в дальнейшем другие «осколки» Золотой Орды. Специально истории Крымского ханства данный автор не касался.

В большой дискуссии, развернувшейся в 1967 году на страницах американского журнала «Славянское обозрение» («Slavic Review») по поводу взаимоотношений Москвы и Казани в средние века, американский историк украинского происхождения, основоположник школы украинских исследований в Гарварде Омелян Прицак высказал интересные и крайне важные наблюдения по поводу изменения политического положения Касимовского и Крымского ханств и всего позднесолотоордынского мира в целом. Он считает, что вассальный статус Касимовское ханство приобрело не сразу при его образовании в середине XV века, а только после смены представителей династии крымских Гераев на потомков большеордынского хана Ахмада [Pritsak, 1967, p. 579–580]. Таким образом, полагает историк, Московское государство продемонстрировало свои политические амбиции и обозначило свои интересы во внешней политике: если при крымских Гераях приходилось учитывать интересы Крыма в ущерб своим, и крымский хан Мухаммед Герай даже считал Касимов «своим юртом», то после смены династии московское влияние в Касимове стало доминирующим, и Касимовское ханство перестало играть самостоятельную роль на геополитической сцене Восточной Европы.

Ученица Э. Кинана профессор университета Майами Джанет Мартин касается истории

тюрко-татарских государств в их взаимосвязи: истории Казанского, Крымского и Касимовского ханств, а также Московского государства выступают у нее как компоненты истории политического союза «Степи», т. е. всех наследников Золотой Орды. Автор развивает мысли своего учителя на более широком фактическом материале, с привлечением источниковых доказательств своей концепции. Как и у Кинана, делается упор на «дружественности» отношений Москвы с татарским миром. Этим проблемам посвящены ее статьи «Отношения Москвы с Казанским и Крымским ханствами (1460–1521 гг.)» и «Московская политика фронта: случай Касимовского ханства» [Martin, 1983; Martin, 1992]. Также автор касается истории татарских ханств в своей большой монографии «Средневековая Россия, 980–1584 гг.» [Martin, 1995].

По мнению автора, на определенном этапе у Москвы и Крыма просматривается общность политических и экономических интересов. В политическом аспекте она была связана с борьбой с Большой Ордой, которая представляла проблему для обоих государств: Крым опасался Большой Орды как своего основного конкурента в борьбе за овладение всем наследством распавшейся империи, а начинающая поднимать голову Московия воспринимала Большую Орду как реинкарнацию своей прародительницы, Золотой Орды, и имела в отношении нее те же опасения, которые она имела и в отношении Улуса Джучи периода его расцвета. В экономическом же смысле Московское государство вынуждено было пересекать земли Крымского ханства для достижения Каффы и последующих за ней западных территорий. Мартин считает, что именно данное обстоятельство (необходимость транзита по землям Крымского ханства) вынуждало Московское государство выплачивать «поминки» крымскому хану и его карачи-бекам, а не какие-либо иные причины (инерции политической традиции).

Американский автор Роберт Кроски в 1987 году выпустил монографию «Московская дипломатическая практика в период правления Ивана III» [Croskey, 1987], которая изначально была защищена им как диссертация в 1980 году в университете Вашингтона в Сиэтле. Научным руко-

водителем диссертации был Дэниел Во (Daniel Waugh). Идеи диссертации были ранее изложены автором в статье «Дипломатические формы взаимоотношений Ивана III с крымским ханом» [Croskey, 1984]. Основная идея как книги, так и статьи – дипломатические документы периода недвусмысленно говорят нам о том, что ни о каком «равенстве», «братстве», «партнерстве» в отношениях между указанными правителями не может быть и речи – крымский хан был однозначно как статусно (в рамках «правовых» норм позднезолотоордынского пространства той эпохи), так и фактически (в военном отношении) выше московского правителя. Идеи автора в основном почерпнуты из книги М. Усманова [Усманов, 1979], о чем он сам сообщает в тексте книги, однако творчески развиты на материале периода Ивана III.

Историк Л. Коллинз в основательной статье «По поводу утверждаемого «разгрома» Большой Орды в 1502 г.» [Collins, 1991] выдвигает мысль о том, что как такового «разгрома» Большой Орды (государство, которое в т. н. «западной» историографии принято называть «Великой Ордой», что точнее в плане аналогий с «Золотой Ордой» – Улусом Джучи) не было. Произошли лишь смена ветвей династии с изначально «сарайской» на крымскую и переход властных регалий и улусов от большеордынского к крымскому хану. Данная мысль вполне обоснована всей логикой позднезолотоордынской истории XV–XVI вв.

Крейг Кеннеди затрагивает историю позднезолотоордынского мира в своей диссертации «Джучиды Московии: изучение персональных связей между знатными татарскими эмигрантами и московскими великими князьями в XV–XVI веках» [Kennedy, 1994]. Она была защищена в Гарварде в 1994 году. Основные идеи диссертации были изложены им годом позже в рамках небольшой статьи [Kennedy, 1995]. Основное внимание Кеннеди сосредоточил на рассмотрении эволюции «политической мощи» Московии на протяжении XV–XVI веков, показывая ее развитие сквозь призму дипломатических отношений московского нобилитета, в первую очередь московского великого князя, с татарскими выходцами (как фактическими, так и потенциальными)

на московскую службу. В работе имеются важные наблюдения по поводу взаимоотношений татарских государств как между собой, так и с Московией. Историю Крымского ханства автор затрагивает подспудно. В основном это сюжеты, связанные с выездами крымских вельмож в Московское великое княжество в конце XV – начале XVI вв., а также общие наблюдения о роли Крымского ханства в геополитической игре указанного периода. В целом труд весьма полезен читателям при комплексном изучении социокультурной ситуации в Евразии в указанный период.

Доналд Островски, работающий в Гарвардском университете, в 1998 году опубликовал монографию «Московия и монголы: межкультурные влияния на степной границе, 1304–1589 гг.» [Ostrowski, 1998]. Основные идеи монографии были им изложены восемью годами ранее на страницах журнала «Slavic Review» [Ostrowski, 1990]. Предлагающая альтернативные взгляды на многие проблемы, книга в числе прочих рассматривает и вопросы, связанные с татарскими средневековыми государствами. Однако данная проблематика для автора не была первостепенной. Островски больше занимали вопросы влияния татарского мира на формирование московской государственности. Д. Островски считает переселенцев из татарских ханств, в том числе из Крымского, в совокупности с двором великого князя, основным источником татаро-монгольского влияния на Русь [Петухов, 2013, с. 79]. Заимствование у монголов системы управления было вызвано частыми поездками московских князей в Сарай. По мнению Островски, «светская администрация продолжала рассматривать практику степных ханств как образец даже после 1502 г., когда Кыпчакское ханство (Золотая Орда. – Б. Р.) признало суверенитет крымского хана». Специально Крымским ханством Островски не занимался.

Профессор университета Лойола в Чикаго Михаил Ходарковский затрагивает историю позднезолотоордынских государств в совокупности в своей работе «Степная граница России: создание колониальной империи, 1500–1800 гг.» [Khodarkovsky, 2002]¹, одна из глав которой была

им опубликована как большая статья «Приручая Дикую Степь: южная граница Московского государства, 1480–1600 гг.» [Khodarkovsky, 1999]. Автор попытался перенести концептуальные разработки так называемых Colonial Studies (колониальные исследования), принятые и признанные в «западной» историографии, на почву взаимоотношений Московии с татарским миром в XV–XVIII вв. Сильной стороной работы является попытка систематизации связей Москвы с татарским миром в указанный период.

Американские, английские историки рассматривали историю Крымского ханства преимущественно в контексте взаимосвязей Крыма с Московским или Польско-Литовским государством. Некоторые исследования специализированно рассматривали внутренние аспекты жизни этого государственного образования.

Большая часть работающих в этом ключе историков полагает, что важной частью геополитической ситуации конца XV – XVI вв. на территории Восточной Европы был сначала союз, а позже – конфликт между Крымским ханством и Московским государством. Причиной конфронтации являлось желание обладать всем политическим наследством распавшейся Золотой Орды. Ногайской Орде в этом противоборстве уделяется меньшее внимание, хотя эта точка зрения и представлена в историографии (Э. Кинан). Некоторые исследователи однозначно считают Крымское ханство основным наследником Улуса Джучи после 1502 года. В вопросе характера отношений между Крымским ханством и некоторыми его соседями (Москвой и Польско-Литовским государством) историки в большей своей части однозначны – эти государства выплачивали материальные средства (дань, поминки) Крыму как основному наследнику Улуса Джучи; часть исследователей полагает, что эти средства также играли роль своеобразного средства предотвращения военных походов Крымского ханства против них (откуп от войны).

Некоторые аспекты истории Крымского ханства в историографическом ключе рассмотрены в монографии А. В. Петухова, основанной на его кандидатской диссертации [Петухов, 2013].

¹ Переведена на русский язык и опубликована в 2019 году как: [Ходарковский, 2019].

2.3. Немецкая историография

М. С. Гатин

В зарубежной исторической науке германская историография занимает особое место. Интерес к татарской истории уже обнаруживается у таких известных средневековых историков, как Сигизмунд фон Герберштейн. На протяжении столетий немецкая историческая наука занимала одно из лидирующих мест в исследовании вопросов, связанных с историей Крымского ханства.

Начало научного изучения проблем истории татар в Восточной Европе было положено в 1826 г., когда российская Императорская Академия наук предложила ученым представить на конкурс работу о монголо-татарских завоеваниях. Академией была получена работа австрийского востоковеда Й. Хаммера фон Пургштала [Hammer-Purgstall, 1840].

В 1845 г. в Лейпциге было организовано «Германское восточное общество» («Deutsche Morgenländische Gesellschaft»), которое стало издавать свой «Журнал Германского восточного общества» («Zeitschrift für Deutschen Morgenländischen Gesellschaft»), где время от времени публиковались статьи, связанные с татарской проблематикой [см. полнотекстовые номера на сайте: <http://menadoc.bibliothek.uni-halle.de/dmg/periodical/titleinfo/2327?lang=de>].

Крымская война (1853–1856) вызвала особый интерес к проблемам истории русско-крымско-татарских отношений [Schuselka, 1854; Mundt, 1855a; Mundt, 1855b; Hammer-Purgstall, 1856]. В этих работах исследователи характеризовали Россию в целом как немирлюбивое государство, трагически описывали гибель Крымского ханства.

Раздел Азии между европейскими империями в конце XIX в. обусловил появление нового интереса к татарской истории. К рубежу XIX–XX вв., когда германский империализм осознал необходимость в идеологическом обосновании своей агрессивной политики, консервативные немецкие историки были заняты созданием образа России как потенциального врага и возможного объекта экономической эксплуатации. Именно к этому времени оформилось научное направление «остфоршунг».

Немецкий термин «*Ostforschung*» означает в переводе буквально «востоковедение», но принимается в немецкоязычной науке к изучению не Востока вообще, а только европейских стран, расположенных к востоку от Германии. Аналогии в русском языке термин «остфоршунг» не имеет, так как, с одной стороны, к востоку от России нет европейских стран, а с другой – немецкий термин исторически сложился с двойной спецификой: изучение как стран Восточной Европы, так и немецких национальных меньшинств в этих странах.

В 1913 г. возникло «Германское общество по изучению России» (переименованное после Первой мировой войны в «Германское общество по изучению Восточной Европы» («*Deutsche Gesellschaft für Osteuropakunde*»)). В предвоенные годы вышли работы Н. Эрнста, посвященные отношениям Польши, Великих княжеств Литовского и Московского с Крымским ханством [Ernst, 1911; Ernst, 1912].

Несмотря на поражение Германии в Первой мировой войне, в 1920-х и начале 1930-х годов постоянно возрастало число организаций и институтов «остфоршунга». Так, с 1922 г. в Висбадене начали выходить «Урало-алтайские ежегодники» («*Ural-Altäische Jahrbücher*»), посвященные филологии, истории и культуре урало-алтайских народов.

Новым этапом в развитии немецкой историографии стал приход к власти в стране А. Гитлера и национал-социалистов. Большинство историков рассматривало национал-социализм как радикальное выражение национальных немецких традиций. Поэтому они не видели особых причин для отказа от сотрудничества с новым режимом.

В годы нацизма для немецких историков была характерна такая деятельность, как пропагандистская помощь перед началом агрессии и подготовка специалистов для будущей работы на оккупированном Востоке. В национал-социалистической теории многие народы Восточной Европы относились к категории «унтерменш» («*Untermensch*» с немецкого дословно можно перевести как «недочеловек»), которым приписывались чаще монголоидные черты. Отсюда

следовало, что славяне стали «недочеловеками», из-за многовекового господства монголов и татар (оба народа в нацистской литературе очень часто выступали синонимами).

С конца 1930-х гг. ведущим исследователем татарской истории в Германии, да и вообще на Западе, становится Б. Шпулер, защитивший в 1938 г. докторскую диссертацию «Монголы в Иране» [Spuler, 1939]¹. Отношение к татарам в «III рейхе» по ходу войны постепенно менялось, рос серьёзный интерес к истории тюркских народов СССР. В 1943 г. вышла в свет книга Б. Шпулера «Золотая Орда. Монголы в России, 1223–1502 гг.», где помимо прочего рассматривались ситуация возникновения Крымского ханства и его отношения с Большой Ордой [Spuler, 1943; Spuler, 1965; Шпулер, 2016].

В конце 1943 г. «тотальная война» привела к закрытию большинства научных изданий, историческая наука практически прекратила свое существование до окончания Второй мировой войны.

Новый интерес к татарской истории, возникший в послевоенное время, был в первую очередь продиктован политическими устремлениями. Немецкие историки нередко видели в своих работах по русской истории одно из средств политической борьбы против идеологии коммунизма, в доказательстве того, что Россия не является частью Европы. Немалая роль при этом отводилась медиевистике. Эти устремления очень часто приводили к азиатскому татарскому влиянию на историческую судьбу России.

В 1949 г. в Штутгарте было воссоздано «Германское общество по изучению Восточной Европы». Главным печатным органом общества является журнал «Восточная Европа» («Osteuropa») [см. содержание номеров: <https://www.zeitschrift-osteuropa.de/hefte/>]. Кроме того, как при университетах, так и самостоятельно стали возникать институты Восточной Европы.

С конца 1950-х гг. в Западной Германии наблюдалось дальнейшее развитие ориенталистики. Востоковедческие отделения, кафедры или семинары открылись почти при всех университетах. В эти годы проводится работа по составле-

нию единого центрального каталога библиотечных востоковедческих фондов. Ученые активно участвуют в подготовке многих важнейших энциклопедий и справочных изданий, в таких, например, как «Энциклопедии ислама» или «*Philologiae Turcicae Fundamenta*».

В 1961 г. вышла в свет работа Э. Саркисьянца «История восточных народов России до 1917 года», в которой главное внимание было уделено истории крымскотатарского народа до его включения в состав Российской империи [Sarkissjanz, 1961].

В 60-е – первой половине 70-х гг. XX в. в связи с открытием новых университетов почти в три раза увеличилось число профессоров и других преподавателей истории. В эти годы появилось специальное международное серийное издание – «Средневековая Русь» («*Russia mediaevalis*»).

С конца 1970-х гг. в ФРГ начал выходить обобщающий труд по русской истории – «Очерки русской истории» («*Handbuch der russischen Geschichte*») [Handbuch, 1982]. По замыслу составителей, многотомное издание должно было представить связную картину русской истории от древности до современности. В серии вышли все наиболее крупные работы этого времени по истории русского средневековья, где подробно рассматривались русско-крымскотатарские отношения, – труды К. Гёрке, Х. Рюсса, В. Кнакштедта, Г. Штёкля.

Объединение страны в 1990 г. стало началом нового этапа в развитии немецкой историографии. Интерес к российской истории принял характер взрыва. Однако, когда окончилась «холодная война», произошло ослабление осколков СССР – Российской Федерации и Украины – на международной арене, ситуация привела к тому, что в начале XXI в. интерес немецкой исторической науки к проблемам татарской истории Крыма стал снижаться.

Сегодня для проведения исследований по проблемам татарской истории Крыма в Германии существует солидная база. Немецкая наука располагает авторитетными во всем мире исследовательскими центрами. Выводы и наблюдения германских учёных в значительной степени обогатили историческую науку и подвели исследователей истории Крымского ханства к новому уровню научных разработок.

¹ Второе издание вышло в Западном Берлине в 1955 г., третье – в 1968 г., четвертое – в 1983 г. Работа была переведена на турецкий и персидский языки.

2.4. Польская историография

А. А. Шейхумеров

Отношения Крымского ханства и Польши развивались на протяжении всего более чем трехсотлетнего периода существования крымскотатарского государства, и неудивительно, что они привлекали к себе пристальное внимание польских историков.

Первые исторические сочинения, в которых освещалась история (в первую очередь – военная) крымскотатарского государства, были созданы уже в XV в., вскоре после возникновения Крымского ханства. Ян Длугош писал об отношениях между Хаджи Гераем I, Польшей и Литвой [Długosz, 1870], оставил известный панегирик правлению первого крымского хана [Długosz, 1870, s. 443]. Позднее, в XVI–XVII вв., появились работы Марцина Бельского [Bielski, 1856], Мачея Стрыйковского [Strykowski, 1846], Веспасиана Коховского [Kochowski, 1859; Kochowski, 1859a; Kochowski, 1859b], в которых уделялось немало места крымским набегам на польско-литовские земли и иным аспектам отношений между этими государствами. Хотя эти авторы описывали события, происходившие и при их жизни, и, таким образом, являются также источниками, мы отнесем их к историографии, так как целью указанных авторов было создание исторических произведений об истории Польши и ряда других стран.

История Крымского ханства в трудах польских историков конца XVIII – начала XX вв. (т. е. в период после утраты крымскотатарским народом своей государственности) рассматривалась в контексте военно-политических взаимоотношений Польско-Литовского государства и Крымского ханства. В качестве примера укажем на книги Ежи Самуэля Бандтке [Bandtke, 1835], Михала Димитра Краевского [Krajewski, 1846] и Теодора Моравского [Morawski, 1876].

Первой после 1783 г. книгой, посвященной собственно истории Крыма, стала четырехтомная работа Адама Нарушевича, в 1805 г. изданная на польском языке. Автор подробно писал об истории Крымского ханства и расселении татар в Причерноморье [Naruszewicz, 1805,

s. 92–128]. Вскоре после нее вышла работа Станислава Богуш-Сестренцевича об истории Крыма (в том числе и ханского периода) [Богуш-Сестренцевич, 1806].

Лишь в 1860 г. выходит новая работа (за авторством Юлиана Бартошевича), где Крымское ханство вновь оказывается в эпицентре повествования. IV раздел книги Бартошевича посвящен политическому устройству и истории державы Гераев [Bartoszewicz, 1860, s. 58–75], V раздел – военной организации и набегам [Bartoszewicz, 1860, s. 76–91].

В силу объективных причин польских историков XIX – начала XX вв. интересовала в первую очередь тема военного противостояния и военных союзов Речи Посполитой и Крымского ханства. Тадеуш Корзон и Людвик Кубаля составили обзор военных действий крымских татар в рамках военно-политической истории Польши [Korzon, 1898; Korzon, 1898a; Korzon, 1898b; Korzon, 1912; Korzon, 1923; Kubala, 1880; Kubala, 1880a; Kubala, 1910; Kubala, 1910a]. Владислав Казимеж Вуйчицкий уделял большое внимание тактике проведения татарских набегов и их влиянию на славянский фольклор [Wójcicki, 1842; Wójcicki, 1843, s. 62–114]. Северин Голембиовский изучал взаимоотношения запорожского казачества с братьями Мехмедом и Шахином Гераями [Golębiowski, 1852]. Константин Гурский, Миколай Недзвецкий и Францишек Равита-Гавроньский писали о набегам татар и борьбе с ними польских войск [Gurski, 1891; Niedźwiedzki, 1910, s. 37–65; Rawita-Gawroński, 1922].

В это время выходит несколько работ и об истории дипломатических отношений. Видное место не только в польской, но и мировой историографии истории Крымского ханства занимают работы Казимежа Пулаского о политических связях державы Гераев с Польско-Литовской унией в период правления ханов Менгли Герая I и Мехмед Герая I [Pułaski, 1881; Pułaski, 1887; Pułaski, 1887a; Pułaski, 1887b]. Феликс Конечный затрагивал вопросы политических

взаимоотношений между этими странами в XV в. [Konieczny, 1923; Konieczny, 1923a; Konieczny, 1927; Konieczny, 1927a], Чеслав Хованец – отношения между Варшавой и Бахчисараем при Яне III Собеском в 1683–1685 гг. [Chowaniec, 1928].

Качественные изменения в польской историографии произошли в 1930-х гг. Оттон Лясковский считал, что татарин был для поляков хорошим учителем степной войны [Laskowski, 1935, s. 17–18]. Людвик Колянковский писал об истории отношений Крымского ханства с Польшей и Литвой эпохи Ягеллонов [Kolankowski, 1935]. Настоящую революцию произвели исследования Ольгерда Гурки, который подверг кардинальному пересмотру бытовавшие взгляды на крымскую армию, призвал отказаться от представлений о «бесчисленных татарских полчищах». Он первым попытался составить представление о реальных мобилизационных возможностях Крымского ханства. В своих работах, опубликованных в 1932–1935 гг. (и написанных под влиянием методологии немецкого историка Ганса Дельбрюка), Гурка указал, что Крымское ханство имело немногочисленное население и столь значимое место в международной политике оно занимало благодаря высокой боеспособности своего войска [Górka, 1932; Górka, 1933; Górka, 1934; Górka, 1935].

О колоссальном влиянии Ольгерда Гурки на последующие поколения польских историков говорит то, что в почти всех выходящих в Польше работах, где так или иначе затрагивается татарская военная культура, авторы ссылаются на подсчеты Гурки (иногда корректируя их) и его мнение о боеспособности ханской армии. Разумеется, радикальный пересмотр устоявшихся взглядов не мог не вызвать критику «традиционалистов». Полемицировал с Ольгердом Гуркой Стефан Мария Кучиньский, отстаивавший старую точку зрения о громадных татарских армиях [Kuczyński, 1935]. Несмотря на отдельные скептические возражения, работы Гурки заложили фундамент для дальнейших исследований польских историков о вооруженных силах крымских ханов.

С 1945 г. польская историография вступает

в новый период своей истории. Несмотря на определенные ограничения, накладываемые советскими идеологическими установками, польские историки сумели сохранить в своих произведениях оригинальный взгляд на историю Крымского ханства. Замечательным примером сочетания прежней, «гурковской», традиции с необходимостью подчиняться идеологическим запросам эпохи стали работы выдающегося исследователя польско-татарских отношений Богдана Барановского [Baranowski, 1948; Baranowski, 1948a; Baranowski, 1957]. В вопросе о т. н. «военных изменах крымских татар» во время «Хмельниччины» Барановский был вынужден следовать в русле советского официоза. Например, он использовал по отношению к политике крымского хана Исляма Герая III такие резкие слова, как «zdrady Tatarów» («измена татар»), оставляя при этом ссылки на официальные советские работы. С другой стороны, историк продолжал отстаивать взгляд на ханство как государство с небольшим населением и мощной армией, сумев в своих исследованиях показать широкую панораму истории международной политики и войн первой половины и середины XVII в. и активного (а подчас и решающего) участия в них крымских татар.

Януш Волинский и Збигнев Вуйцик описывали политические взаимоотношения между Крымским ханством и Речью Посполитой в период 1650–1670-х гг. [Woliński, 1960; Woliński, 1983; Wójcik, 1959; Wójcik, 1962; Wójcik, 1966; Wójcik, 1991a]. Ян Рейхман писал о роли крымских татар в османской внешней политике [Reychman, 1973]. Юзеф Анджей Геровский рассматривал польско-крымско-турецкие дипломатические отношения в XVIII в. [Геровский, 1979].

Высоко оценивал военную мощь ханства Ричард Маевский. Он полагал, что польские военачальники в первой половине XVII в. предпочитали вступать в сражения с татарами при наличии численного превосходства, опираясь на полевые укрепления, усиленные пехотным и артиллерийским огнем [Majewski, 1970, s. 94–97; Majewski, 1975].

Владислав Серчик писал, что Крымское хан-

ство могло поставить «под ружье» треть мужского населения страны. Крымские татары, по мнению Серчика, были прекрасными лучниками, точно стреляющими даже на скаку, однако не употребляли огнестрельного оружия [Serczyk, 1984, s. 64–71].

Проблема противостояния татарским набегам рассматривалась в работах польских историков 1960–1990-х гг. Ежи Охманьского [Ochmański, 1960] (набеги на Великое княжество Литовское в XV–XVI вв.), Тадеуша Мариана Новака (первая половина XVI в.) [Nowak, 1990], Ежи Теодорчука (первая половина XVII в.) [Teodorczyk, 1965], Мауриция Хорна (первая половина XVII в.) [Horn, 1962], Владислава Чаплиньского [Czapliński, 1963], Януша Паевского [Pajewski, 1978].

Важным событием в истории изучения Крымского ханства стала публикация в 1987 г. известной монографии Лешека Подхородецкого об истории державы Гераев и ее взаимоотношениях с Польшей в XV–XVIII вв. [Podhorodecki, 1987], переизданной в 2012 г. под новым названием [Podhorodecki, 2012] и ставшей первой работой, в которой был охвачен весь период существования ханства. Упомянем также работу Лешека Подхородецкого и Ноя Рашбы о Хотинской войне 1621 г., в которой авторы составили оригинальный обзор войска Гераев [Podhorodecki, Raszba, 1979, s. 68]. В 1997 г. в Варшаве увидело свет уникальное оружейно-историческое издание, богато снабженное фотографиями музейных экспонатов. Его составитель, Яцек Гutowский, собрал данные о более чем сотне единиц оружия и доспехов, которые либо принадлежали татарам либо относились к татарским типам вооружения [Gutowski, 1997]. В том же году вышла статья Веслава Маевского, в которой рассмотрены источники и историография численности войск и народонаселения Крымского ханства [Majewski, 1997, s. 579–583].

Новой вехой в изучении государственности крымских татар стало начало XXI в. В этот период в польской историографии появилось большое количество работ, посвященных отдельным аспектам социального устройства, правовой системы и военного дела Крымского ханства.

В 2004 г. вышла книга Дариуша Скорупы об отношениях татар и Польши в 1595–1623 гг., в которой автор подробно описал социальное и военное устройство ханства [Skorupa, 2004, s. 21–58] и считал, что татарское войско отличалось высокой боеспособностью [Skorupa, 2004, s. 34–43].

Дариуш Колодзейчик в своих работах касался широкого спектра взаимоотношений между Крымским ханством, Речью Посполитой и Османским государством [Колодзейчик, 2004; Kołodziejczyk, 2006; Kołodziejczyk, 2011; Kołodziejczyk, 2012; Колодзейчик, 2012a; Kołodziejczyk, 2013; Kołodziejczyk 2013a; Колодзейчик, 2014; Колодзейчик, 2015; Kołodziejczyk, 2017; Kołodziejczyk, 2017a]. В поле зрения историка попали история работорговли, развития крымской канцелярии, геополитические взгляды властителей Бахчисарая. Исследователь призывает отказаться от конфронтационного подхода в изучении совместного прошлого польского и крымскотатарского народов. Колодзейчик указывает на существование обширных культурных связей между поляками и татарами, взаимное влияние в моде, на то, что оба государства – Польско-Литовское и Крымское – окончили свое существование приблизительно в одно и то же время под давлением российской экспансии.

Наталья Круликовская-Едлиньская в своих работах использует ряд малоизвестных источников, таких как кадийские сиджили (преимущественно периода правления Мурада Герая I), что позволяет реконструировать функционирование крымской судебной системы, положение рабов и т. д. Исследователь затрагивает и другие аспекты истории державы Гераев, например, характер взаимоотношений между Османским государством и Крымским ханством [Królikowska, 2012; Królikowska, 2013; Królikowska, 2013a; Królikowska, 2013b; Królikowska, 2013c; Królikowska, 2014; Królikowska-Jedlińska, 2015; Królikowska, 2017; Królikowska-Jedlińska, 2018; Królikowska-Jedlińska, 2019].

Татарским военным делом (в первую очередь набегам) занимается Анджей Глива. В своих работах он пишет, что Крымское ханство эффективно реализовывало стратегию «непрямых

действий», основанную на постоянном грабеже соседних государств [Gliwa, 2015; Gliwa, 2016; Gliwa, 2016a; Gliwa, 2018]. Gliwa изучал также взаимоотношения крымских татар с населением стран, подвергавшихся набегам [Gliwa, 2017; Gliwa, 2019].

Военное дело Крымского ханства было рассмотрено в работах польских исследователей начала XXI в. Марека Вагнера [Wagner, 2009, s. 144–154], Марцина Гавенды [Gawęda, 2009], Тадеуша Гурского [Górski, 2005], Мачея Франца [Franz, 2004, s. 63–67]. Тематика татарских набегов и противостояния им польских войск получила отображение в работах Марека Плевчиньского (XV–XVI вв.) [Plewczyński, 2002; Plewczyński, 2011; Plewczyński, 2012; Plewczyński, 2012a], Тадеуша Мариана Новака (первая половина XVI в.) [Nowak, 2006, s. 80–86], Марека Вагнера (конец XVII в.) [Wagner, 2002, s. 77–88], Яна Виммера (первая половина XVII в.) [Wimmer, 2006, s. 52–57]. М. Вагнер писал также о правящей элите Крымского хан-

ства в период 1684–1699 гг. [Wagner, 2002a]. В работах Петра Кроля отмечается большая роль Крыма в военно-политических событиях конца 1650-х гг. на украинских землях [Kroll, 2008; Kroll, 2012]. Марек Рогович в книге об осаде крымско-казацкими войсками Збаража в 1649 г. посвятил IV раздел войску Крымского ханства, в котором предпринял попытку реанимировать традиционное представление о татарах как о громадных плохо вооруженных массах всадников, подавляющих небольшое польское войско своей численностью [Rogowicz, 2018].

Подытоживая вышесказанное, мы можем отметить, что исследования польских историков вносят огромный вклад в изучении истории крымскотатарского государства, его внешней и внутренней политики, социального устройства и военной организации. На данный момент польская историография истории державы крымских Гераев является одной из наиболее значимых и динамически развивающихся в мире.

2.5. Турецкая историография

III. Э. Сейт-Маметов

Крымское ханство практически с момента своего основания имело тесные политические, дипломатические и экономические отношения с Османской империей. В связи с этим турецкие ученые во все времена уделяли большое внимание истории Крыма. В данной статье рассмотрим турецкую историографию Крымского ханства с 1923 года и до наших дней.

Из-за отсутствия полноценного корпуса источников по истории Крымского ханства возникает много пробелов. На помощь приходят материалы из архивов соседних государств. Хасан Абдуллахоглу на основе генуэзских источников восстановил хронологию событий середины XV века. Автор пишет, что 27 июня 1434 г. крымские войска осадили Балаклаву. Генуэзцы, основные силы которых были уничтожены, попытались договориться. Хаджи Герай I, осознавая трудность захвата крепости, окруженной стенами, согласился на перегово-

ры. В результате был подписан договор, согласно которому крымский хан получил титул верховного правителя всего полуострова, включая Кафу, в то время как генуэзцы сохранили за собой право продолжать свою торговлю на побережье с ханством [Hasan, 1932].

После смерти Хаджи Герая в Крыму настали смутные времена, характеризующиеся борьбой за престол. В сложившихся условиях для претендента было важно заручиться поддержкой сильного союзника. Благодаря работе Февзи Курдоглу мы имеем возможность ознакомиться с документами, подтверждающими данный факт. Им были опубликованы письма Менгли Герая османскому султану Мехмеду Фатиху, письмо Эминек-мурзы Османскому правителю и другие [Kurdoğlu, 1937].

Одним из спорных в историографии Крымского ханства является вопрос о происхождении династии крымских ханов – Гераев. К этой

теме обращается и турецкий исследователь Хасан Ортекин. Он издал книгу «Kırım hanların şeceresi» [Ortekin, 1938] («Генеалогия крымских ханов»), которая затем была перепечатана в 1968 г. в журнале «Эмель», издаваемом крымскотатарской диаспорой. Автор, сравнивая генеалогические версии Абул-Гази Бахадур-хана, Мюнедждим-баши, Халим Герая и отмечая имеющиеся в них различия, пришел к выводу, подкрепленному им же выдержками из письменных источников, что наиболее достоверная генеалогическая история предков Гераев выглядит таким образом:

Чингисхан – Джучи-Тогай-Тимур – Оран-Тимур – Сарыджа – Тюлек-Тимур – Хабине – Хасан Джефан – Таш-Тимур – Гияс эд-дин – Хаджи Герай.

Наиболее фундаментальные исследования крымских источников принадлежат перу турецкого ученого Акдес Нимет Курата (1903–1971) – известного тюрколога, историка, литературоведа [см. *подробнее*: Сейт-Маметов, 2014, с. 67–72]. А. Н. Курат сделал огромный вклад в изучение фондов архива Торкарі, ввел в научный оборот ценнейшие материалы по истории Крымского ханства – в частности, письма крымских ханов османским султанам, послания крымских беев и мурз [Kurat, 1940; Kurat, 1972].

Огромное значение имеют труды турецкого историка крымскотатарского происхождения Халила Иналджика. В работе «Крым под властью Осман и спор о заключении соглашения: по материалам новых документов» [İnalçık, 1944] ученый рассмотрел вопросы перехода Крымского ханства под протекторат Османского государства. На основе исторических источников автор прояснил спорные моменты договора, подписанного между Мехмедом II Фатихом и Менгли Гераем, раскрыл причины, которые привели к подчинению Крыма Османской империи.

В статье, посвященной крымской аристократии, Иналджик проанализировал социальную структуру ханства в период правления Сахиб Герая [İnalçık, 1983]. В отличие от известной работы Биатрис Форбс Манц [Manz, 1978] уче-

ный более подробно рассмотрел взаимоотношения крымского хана с родовой аристократией. В своих публикациях Иналджик ссылается на основные источники того времени – Хроники Реммаля-Ходжи, работы Сеид Мухаммеда Ризы и Абдулгаффара Кырыми. Историк с критикой подходит к «Истории Крымского ханства» Хаммера Пургшталя [Hammer-Purgstall, 1856], указывая на то, что автор полностью переписал работу Дженаби, совершив те же ошибки [İnalçık, 1983, s. 186–187].

Труды Иналджика проливают свет на дипломатические отношения между Османской империей и Крымским ханством на различных этапах существования [İnalçık, 1986]. Важными являются работы, посвященные персоне Сахиб Герая и периоду его правления [İnalçık, 1983; İnalçık, 1985; İnalçık, 1967]. Благодаря его исследованиям таможенных книг Кафы мы узнаем не только об экономике Крымского ханства, но и всего Причерноморского региона [İnalçık, 1995].

Ахмед Суха Арслангирай в своей работе описывает ситуацию в Черноморском регионе в начале XV века, пишет о роли Хаджи Герая в образовании Крымского ханства, а также о взаимоотношениях правителей Крыма с Османским государством [Arslangiray, 1959].

Известный историк и нумизмат Нуреттин Агат родился в 1889 г. в деревне Мухалатка на Южном берегу Крыма. Окончил школу, открытую И. Гаспринским в городе Бахчисарае, а затем в 1901 г. переехал с семьей в Стамбул. Все свое свободное время он посвятил изучению истории Крыма, опубликовал серию статей в журнале «Emel» под рубрикой «Bagimsiz Kırım Hanlari» («Независимые крымские ханы») [Agat, 1962]. Особое внимание Нуреттин Агат уделял нумизматике, изучал монеты, чеканенные в Джучиевом Улусе и Крымском ханстве. В 1976 г. издал работу «Каталог монет Золотой Орды (Джучидов) (1250–1502)» [Agat, 1976]. В ней поместил генеалогические таблицы Джучидов, правивших в Крыму.

Высокую ценность представляют исследования Озалпа Гокбильгина, рассматривающие период правления хана Сахиб Герая (1532–1551 гг.)

[Gökbilgin, 1973]. Турецкий ученый издал сводный текст двух старейших рукописей «Истории хана Сахиб-Гирея» (с приложением французского перевода XVIII в.) [Gökbilgin, 1970; 1973]. В своих работах О. Гокбильгин опубликовал ряд документов, среди которых письмо принца Ислам Герая османскому султану Сулейману I Кануни с просьбой пожаловать ему крымский престол, послание представителей крымской знати с изложением ситуации в ханстве и другие.

Мустеджип Улькюсал (1899–1996) – крымскотатарский общественный деятель, основатель и издатель журнала «Эмель», в одном из разделов книги «Крымско-тюркские татары (прошлое, настоящее, будущее)» пишет об истории Крымского ханства от возникновения до присоединения к Российской империи. Автор, основываясь на работе «Розовый куст, или История Крыма», дает краткое описание правления всех крымских ханов от Хаджи Герая до Шахин Герая [Ülküsal, 1980].

Музаффер Урекли в своей работе «Kırım Hanlığının Kuruluşu ve Osmanlı Himayesinde Yükselişi (1441–1569)» обращает внимание на хронологию правлений и генеалогию династии Гераев. Исследовав исторические источники, автор представил генеалогическое древо предков крымских ханов [Ürekli, 1989].

Один из крупнейших турецких ученых современности Юджель Озтюрк большинство своих работ посвятил истории Крымского ханства. Значимыми являются исследования по Кафе, в которых автор рассматривает политическую, экономическую и демографическую структуру города [Öztürk, 2000; Öztürk, 2013]. Ю. Озтюрк, кроме обзорных статей по истории Крымского ханства [Öztürk, 2002; Öztürk, 2015], известен публикациями по рабству в Османской империи [Öztürk, 2017], отношениям Крымского ханства с запорожским казачеством и Османским государством [Öztürk, 2018].

Историк Йылмаз Озтуна составил и издал труд о мусульманских владыках, правивших от Испании до Филиппин со времен пророка Мухаммеда. Автором исследованы практически все турецкие, арабские, персидские хроники и

первоисточники, публикации по нумизматике, работы современных исследователей. В его работе мы имеем возможность ознакомиться не только с династией крымских ханов Гераев, но и с историей правителей Крыма в золотоордынский период [Öztuna, 2005a; Öztuna, 2005b].

«Реестры важных дел» («Мюхимме дефтерлери») являются ценным и пока малоизученным источником по истории Крымского ханства. В них регистрировались тексты султанских посланий иноземным и вассальным правителям и указов, изданных Имперским советом (Диван-и хумаюн) от имени султана. Эмине Озюнулу на основе реестров XVI века рассмотрела политические и экономические отношения между Крымским ханством и Османской империей. Изучив документы, отметила усиление Российского государства и нарастание угрозы с его стороны [Özünlü, 2010].

Профессор исторического отделения университета Эге Серкан Аджар знаменит своими исследованиями по истории татарских ханств (Астраханское [Acar, 2013a], Казанское [Acar, 2013b], Касимовское [Acar, 2013c], Сибирское [Acar, 2013d]). Среди его работ есть публикации, посвященные библиографии Крымского ханства [Acar, 2010, s. 39–49], походам Девлет Герая на Москву [Acar, 2013e, s. 95–110], а также политической ситуации в регионе в период правления хана Мехмед Герая [Acar, 2015, s. 103–120].

Альпер Башер в своей работе описывает фундаментальные труды по истории Крымского ханства, среди которых хроники Абдулгаффара Кырыми, Сейид Мухаммеда Ризы, Абдуллаха бин Ридвана, Халим Герая, Кефеви Ибрагим эфенди, Хаджи Мехмеда Сенаи, Саид Герая, Кайсунизаде Ремалы Ходжи, а также новый источник «Tarih-i Mevkufati», написанный Мевкувати Мехмедом Эфенди [Başer, 2011]. По мнению турецкого исследователя, особое внимание заслуживает личность Адиль Герая – центральной фигуры, как в государстве, так и в осmano-ирано-крымских отношениях [Başer, Çinar, 2012]. Башер на основе источников раскрывает нам историю одного из наиболее могущественных представителей крымской аристо-

кратии – племени Мангытов. Автор подробно описывает историю рода на протяжении всего существования Крымского ханства, о его влиянии на политические события в регионе. Знакомит нас с наиболее яркими представителями этого клана [Başer, 2015].

Благодаря кропотливому труду сотрудников Главного управления государственных архивов Турецкой Республики было подготовлено большое количество сборников документов, среди которых Крымское ханство в Османских источниках [Gurulkan K. vd., 2013] и августейшие послания крымским ханам [Sebecioğlu M. vd., 2013]. В них ученые опубликовали факсимиле источников и их латинскую транскрипцию.

Важным источником по истории Крымского ханства являются Şer'iuue Sicilleri (Кадискерские тетради). В турецкой историографии они являются объектом многих научных изысканий, среди которых работы Халила Иналжика [İnalçık, 1996a], Ахмеда Незихи Турана, Джихана Ахмеда, Феми Йылмаза, дающие общую характеристику источника [Turan, 2003; Cihan, Yılmaz, 2004]. Зейнеб Оздем и Омер Быйык, подробно изучив Кадискерские тетради, ознакомили нас с социально-экономической жизнью полуострова в XVII–XVIII веках [Özdem, 2010; Bıyık, 2014]. На их основе турецкий исследователь Нури Кавак подготовил труд, в котором раскрыл административные, экономические, социальные и демографические вопросы Карасувского кадиллика [Kavak, 2014]. В статье, посвященной повседневной жизни крымских татар, автор рассмотрел этнический и религиозный состав населения, основные аспекты семейной жизни (никях, многоженство, развод, воспитание детей, наследство и т. д.) [Kavak, 2015].

Полезной при изучении истории города Бахчисарай будет статья Феми Йылмаза. В ней автор рассмотрел административное деление столицы Крымского ханства, большое внимание уделит населению города, а также, опираясь на судебные реестры, проанализировал работу ремесленников и торговцев [Yılmaz, 2015]. Кемаль Гурулкан в одной из своих работ показал важность Кадискерских тетрадей с точки зре-

ния географических названий [Gurulkan, 2015].

Проблему рабства в турецкой историографии поднимает историк Фират Яша. Рассмотрев судебные реестры, автор выявил интересные факты, связанные с покупкой, продажей и освобождением рабов и наложниц [Yaşa, 2014]. Полезной для крымоведов является его библиографическая статья «Источники по истории Крымского ханства». В ней Яша кратко описал архивные источники и исторические произведения, посвященные Крымскому ханству периода Османского владычества (1475–1774 гг.) [Yaşa, 2015].

Догъан Осман пишет об одной из наиболее информативных работ по истории Крымского ханства – «Книге путешествия» Эвлии Челеби. По словам автора, в записках мы находим сведения о городах, селах, крепостях полуострова, а извлечения из трудов путешественника являются бесценным источником знаний о нравах, обычаях, обрядах и привычках крымских татар [Doğan, 2015].

Ахмет Тюрк в статье «Ислам в Крымском ханстве» анализирует процесс исламизации государства. По мнению автора, на первых этапах большое влияние на распространение религии в регионе сыграли арабские и туркестанские торговцы. Тюрк отмечает, что массовое распространение мусульманства в Крыму и прилегающих к нему районах связано с возникновением Золотой Орды и правлением в ней хана Берке, который был первым из Чингизидов, принявшим ислам и сделавшим его официальной религией своей страны [Türk, 2015].

Угур Демир в своем исследовании рассмотрел «Историю» Хурреми Абдурахмана Эфенди – одного из наиболее выдающихся поэтов Крыма своего времени, известного как Челеби Акай. Демир знакомит нас с биографией автора, пишет, когда и с какой целью был подготовлен труд, а также сравнивает его с произведениями Сейид Мухаммеда Ризы и Абдулгаффара Кырыми [Demir, 2017].

Озге Тограл, основываясь на работах Х. Иналджика, И. Узунчаршилы, Х. Эравджи, а также изучив материалы *Османского архива при Премьер-министре Турецкой Республики*,

пишет о крымских ханах, нуреддинах и калга-султанах, сосланных на острова в Средиземном море. Она дает поименный список Гераев и причины их ссылки на тот или иной остров [Togral, 2018].

Мехмет Арпаджи и Озетгин Айше Мелек, изучив опубликованные Вельяминовым-Зерновым ярлыки и письма крымских правителей, проследили за трансформацией Дворцового протокола в Крымском ханстве [Ağacı, Özyetgin, 2019]. В своей работе авторы продолжили идею А. Н. Курата о том, что государственное устройство было основано на чингизидских традициях, а позднее, под османским влиянием [Kurat, 1972], произошел симбиоз и появилась некая «крымская традиция», которая прослеживается в сохранившихся до наших

дней источниках. Также в одной из совместных работ Арпаджи М. и Озетгин А. рассмотрели денежные единицы (золотые, серебряные и медные монеты), которые встречались в Крымском ханстве в различные временные промежутки [Ağacı, Özyetgin, 2018].

Таким образом, можно смело утверждать, что турецкие ученые внесли огромный вклад в изучение истории Крымского ханства. Благодаря их работам были заполнены многие пробелы и сформирована наиболее полная картина событий в регионе. Турецкие исследователи ввели в научный оборот источники, веками хранившиеся в недрах архивов, и на их основе раскрыли особенности дипломатических и политических отношений между Османской империей и Крымским государством.

2.6. Украинская историография

А. А. Шейхумеров

Крымское ханство часто привлекало внимание украинских историков. Основная масса работ, написанных в XIX – начале XX вв., была посвящена военным и политическим отношениям крымских татар с казаками. Крым рассматривался как традиционный противник казачества, источник постоянной военной опасности для украинского населения. Боевые действия крымских татар, их участие в войнах на территории Украины в XVI – первой половине XVII вв. отражены в работах М. С. Грушевского [Грушевський, 1956; Грушевський, 1995; Грушевський, 1996]. Описание татарского войска по нарративным источникам представлено в работе И. П. Крипякевича об истории украинского войска [Крип'якевич, 1936, с. 160–165].

В XX в. взгляд украинских исследователей на историю Крымского ханства неоднократно претерпевал серьезные изменения. Одним из наиболее значимых последствий депортации крымских народов 1944 г. стала культивация негативного отношения к историческому прошлому крымскотатарского народа. Украинские

историки, жившие в СССР, следовали в фарватере общей советской политики. Следствием этого стало то, что в исторических работах крымские татары наделялись исключительно отрицательными качествами. Общим местом было принижение боевых качеств крымскотатарских войск. В качестве примера укажем на работы В. А. Голобуцкого [Голобуцкий, 1957] и О. М. Апанович [Апанович, 1961]. Основным сюжетом истории Крымского ханства были набеги и борьба с ними славянских народов. Схожую позицию занимал эмигрантский историк Ю. Тис-Крохмалюк, который в работе о битвах Б. Хмельницкого преуменьшал вклад крымских татар в победы над польскими войсками [Тис-Крохмалюк, 1954].

Распад СССР в 1991 г. был связан с двумя процессами, оказавшими важное влияние на украинскую историографию Крымского ханства. Возвращение крымских татар на свою историческую родину и формирование антироссийского курса в украинской исторической науке привели к пересмотру истории украинско-крымских отношений. Историю Крымского ханства стали рас-

считать как часть истории Украины, а не как историю враждебного государственного образования. Например, в третьем томе «Истории украинской культуры» в разделе «Крымско-татарское войско» Т. В. Чухлиб писал, что, «рассматривая отечественное военное дело, нельзя не коснуться военной организации Крымского ханства». Стратегия и тактика крымских татар являлась «составной частью общей истории культуры нашей страны» [Исторія, 2003, с. 309–310]. Однако часть исследователей придерживается консервативных взглядов, примером чего являются работы В. Н. Зарубы [Заруба, 2003].

В конце XX – начале XXI вв. появились работы, в которых освещалось военное дело крымских татар. Оригинальную попытку реконструкции крымскотатарского военного дела предпринял Ю. М. Ефремов [Ефремов, 1992, с. 25–31]. В работе о Конотопской битве А. Г. Сокирко писал о войске Гераев [Сокирко, 2008, с. 29–49]. В. Г. Бережинский и Н. Ф. Черкес являются авторами статьи об истории огнестрельного оружия в Крыму и Османской империи [Бережинский, Черкес, 2014]. В коллективных трудах украинских историков о военном деле и военной истории Украины помещены статьи А. Галушки о крымскотатарском войске [Галушка, 2016; Галушка, 2016а].

И. С. Стороженко считал, что боевая ценность крымских союзников Хмельницкого снижалась в историографии, однако их боевые качества как воинов были высоки [Стороженко, 1996, с. 90–97]. Историк приходит к выводу, что «не отдельно от татар, а наоборот, вместе с ними были одержаны основные победы над польским войском». И. С. Стороженко также писал о военной доктрине Крымского ханства конца XV – середины XVII вв. [Стороженко, 2004].

О. Гайворонский является автором научно-популярных работ об истории ханства в XV – первой половине XVII вв., а также исследований о роли христианской пехоты в крымском военном деле в XVII в. и крымско-казацком сотрудничестве в 1628 г. [Гайворонский, 2001; Гайворонский, 2007; Гайворонский, 2009; Гайворонский, 2019].

В работе И. О. Ворончук о населении Волыни в XVI–XVII вв. автор описывает крымское

войско (преимущественно по работам польских историков) и проводимые им набеги [Ворончук, 2012, с. 371–377]. Интерес к боевому прошлому крымского войска проявляют украинские реконструкторы [Кузьмич и др., 2010, с. 56–61].

С. А. Лепьявко рассматривает военную и политическую историю украинского казачества в XVI в., проблемы его противостояния с Крымским ханством [Леп'явко, 2000; Леп'явко, 2009]. В работах И. М. Тымива изучаются военные действия татарских и турецких войск на территории Украины, их сражения с польско-литовскими силами [Тимів, 2012; Тимів, 2013; Тимів, 2013а; Тимів, 2014; Тимів, 2016]. О. И. Галенко исследует как историю Крымского ханства, так и татарские набеги на украинские земли [Галенко, 2001; Галенко, 2003].

В. В. Грибовский является автором работ, посвященных ногайским ордам Северного Причерноморья, социальному и экономическому укладу жизни татарского населения и отдельным аспектам истории Крымского юрта. Стоит отметить вклад исследователя в изучение набеговой системы крымских и ногайских татар [Грибовський, 1999; Грибовський, 2000; Грибовський, 2004; Грибовський, 2008а; Грибовський, 2009; Грибовський, 2010; Грибовський, 2011; Грибовський, 2012; Грибовський, 2014; Грибовський, 2016; Грибовський, 2018; Грибовський, 2019; Грибовський, 2019а].

В. А. Брехуненко рассматривал взаимоотношения украинского казачества с мусульманским Причерноморьем [Брехуненко, 2011]. Видное место в его исследованиях занимает вопрос о роли Крыма в процессе международной легитимации Войска Запорожского [Брехуненко, 2009]. Несмотря на значимый вклад историка в изучение истории Крымского ханства, стоит указать, что он также придерживается ряда популярных антикрымскотатарских мифологем украинской историографии. Так, он доказывает «измену крымского хана» в битве под Берестечком (1651), упоминая появление в польском лагере слуги Ислама Герая III [Брехуненко, 2013, с. 90], однако из источников следует, что слуга оказался среди поляков не как тайный посланец, а как пленный, взятый в ходе ожесточенного сражения [Джерела, 2013, с. 238].

Т. В. Чухлиб активно изучает отношения Войска Запорожского и Крымского ханства в XVII в., участие казачества в борьбе европейских стран с Османской Турцией и Крымом. Он отмечает, что в 1660–1680-е гг. Крымское ханство стремилось установить свой протекторат над Украиной и добилось в этом направлении определенных успехов. Как и многие украинские исследователи, Т. В. Чухлиб сочетает лояльное отношение к истории крымских татар с поддержкой антикрымскотатарских мифов о «предательствах крымских ханов» [Чухліб, 2004; Чухліб, 2007; Чухліб, 2008; Чухліб, 2009; Чухліб, 2010; Чухліб, 2016; Чухліб, 2017; Чухліб, 2020].

Д. С. Вырский исследовал военное противостояние на польско-литовско-татарском пограничье в XVI – середине XVII вв., историю отдельных сражений и кампаний. Историк подробно освещал особенности военной деятельности крымских татар, польско-литовских и казацких войск [Вирський, 2008; Вирський, 2010; Вирський, 2015; Вирський, 2015а; Вирський, 2016; Вирський, 2016а].

В работах С. С. Андреевой подробно анализируются социально-экономические аспекты отношений между Крымским ханством и Запорожской Сечью в XVIII в., проблемы денежного оборота и миграции украинской рабочей силы в Крым [Андреева, 2005; Андреева, 2010; Андреева, 2010а].

Б. В. Черкас изучает положение Украины в системе татаро-литовских отношений и внутриполитическую ситуацию в Крымском ханстве в первой половине XVI в. [Черкас, 2000; Черкас, 2006; Черкас, 2007; Черкас, 2008; Черкас, 2011; Черкас, 2017; Черкас, 2017а].

В работах О. С. Мавриной рассматриваются проблемы ранней истории ханства, развитие земельных отношений и судьбы различных аристократических родов [Мавріна, 2004; Мавріна, 2007; Мавріна, 2009; Мавріна, 2009а; Мавріна, 2010; Мавріна, 2011; Мавріна, 2011а; Мавріна, 2012; Мавріна, 2013; Мавріна, 2013а; Мавріна, 2014; Мавріна, 2016].

В работах Я. О. Федорука исследуется внешняя политика Крымского ханства в середине

XVII в. в контексте международных отношений в Центрально-Восточной Европе, влияние Бахчисарая на события Хмельниччины [Федорук, 1993; Федорук, 2010; Федорук, 2011; Федорук, 2012].

В. В. Газин рассматривал место и роль Крымского ханства в региональной политике в 1640–1660-е гг., его отношения с Речью Посполитой, Московским государством и Гетманщиной [Газін, 2001; Газін, 2017; Газін, 2019; Газін, 2020].

В работах В. П. Гулевича освещается хронология правителей Крымского ханства в XV в., ранний период истории юрта (XV–XVI в.), его взаимоотношения с соседями, проблемы экономического, политического и социального развития [Гулевич, 2013; Гулевич, 2013а; Гулевич, 2013б; Гулевич, 2014; Гулевич, 2014а; Гулевич, 2014б; Гулевич, 2016; Гулевич, 2016а; Гулевич, 2017; Гулевич, 2017а; Гулевич, 2018; Гулевич, 2018а; Гулевич, 2018б].

В статьях Я. Пилипчука рассматривается внешняя и внутренняя политика Крымского ханства, его взаимоотношения с другими странами и отдельные аспекты военного дела крымских татар [Пилипчук, 2014; Пилипчук, 2015; Пилипчук, 2015а; Пилипчук, 2016; Пилипчук, 2016а; Пилипчук, 2017б; Пилипчук, 2018; Пилипчук, 2018а; Пилипчук, 2019; Пилипчук, 2019а; Пилипчук, 2020; Пилипчук, 2020а].

Особую ценность имеет коллективный труд украинских исследователей «Між конфронтацією та взаємодією: українсько-кримські та українсько-ногайські стосунки в XVII – першій половині XX ст.», в котором рассматривается целый спектр взаимоотношений Крымского ханства и украинцев: от торгово-экономических до военно-политических [Між конфронтацією, 2018].

В. И. Мильчев исследовал отношения Крымского ханства и Запорожской Сечи в XVIII в., проблемы пребывания запорожцев под протекцией Бахчисарая, их участие в военных походах крымских татар, оседание сечевиков на территории Крымского полуострова [Мільчев, 2006; Мільчев, 2009].

Украинский исламовед М. М. Якубович пло-

дотворно изучает философскую мысль Крымского ханства, становление и место крымской религиозной литературы в контексте развитие общеисламской культуры [Якубович, 2016; Якубович, 2016а; Yakubovych, 2017].

Украинская историография в последние три десятилетия добилась внушительных успехов в изучении истории Крымского ханства. Для современных украинских историков характерно подчеркивание важности совместных военных действий против Речи Посполитой и Московского царства. Наиболее популярной темой являются отношения Крыма и украинского казачества во второй половине XVII в. Эта эпоха традиционно вызывает интерес у исследователей, так как была временем активной борьбы казаков и русинских крестьян за свои права и вольности, что привело к череде кровопролитных войн, в которых заметную роль сыграл Крым.

Одной из наиболее болезненных тем украинской историографии является участие Крыма в восстании Хмельницкого. Крымское ханство до сих пор обвиняют в «изменах», основывая свои обвинения на недостаточной доказательной базе. Например, почти все источники о битве под Берестечком объясняли бегство крымского хана успешным наступлением польских войск, а не намеренным сговором с поляками [Виткалов и др., 2005].

Отличительной особенностью современной украинской историографии является то, что история государства Гераев рассматривается как составная часть истории Украины. Для украинской историографии характерна двойственность восприятия Крымского ханства. Некоторые историки сочетают сочувствие к крымским татарам как «жертвам российской экспансии» с обвинениями в «изменах» по отношению к казакам.

ГЛАВА 3. ОБРАЗОВАНИЕ КРЫМСКОГО ХАНСТВА И РАННИЙ ПЕРИОД ЕГО ИСТОРИИ

3.1. Борьба за политическое наследие Улуса Джучи (1399–1441 гг.)

В. П. Гулевич

Розгром хана Токтамышша на Ворскле 12 августа 1399 г. похоронил надежды литовского правителя Витовта на подчинение Орды его интересам. Выдающийся ордынский эмир Идегей железной рукой восстановил единство татарского государства под властью марионеточного хана Тимур-Кутлуга, а после его смерти – Шадибека [ПСРЛ, 1897, с. 183; Собрание, 1894, № 15, с. 16.].

При стабильной центральной власти оживила экономика и массово заработали четырнадцать монетных дворов Орды [Гончаров, 2004, с. 193–194]. Но спустя семь лет всевластие Идегея стало тяготить Шадибека. Опершись на ордынскую аристократию, хан поднял «мятежь» против Идегея. Эмир же казнил часть «бунтовавщиков» [ПСРЛ, 1897, с. 201–202] и посадил на правление хана Пулада. Летом 1407 г. Шадибек бежал в Ширван [ПСРЛ, 1853, с. 135; ПСРЛ, 1910, с. 224; ПСРЛ, 1965, с. 130; Собрание, 1894, № 15, с. 16; Горский, 2000, Приложение II. № 1, с. 196; СМИЗО, 1941, с. 133–134].

Но власть Пулада была слабой, а ситуация в Орде – беспокойной. Право хана на правление оспаривали сыновья Токтамышша. Первая попытка Джелаладдина в 1408 г. захватить власть была неудачной. Даже глава крымских Ширинов из клана Токтамышша [Утемиш-хаджи, 2017, с. 55] Тегене выступил против его притязаний [Акерев и др., 2017, с. 21–25; Приселков, 1950, с. 468–470]. Без сторонней помощи детям Токтамышша было не обойтись, и таким образом Литва вновь получила возможность влиять на Орду. В 1409 г. Джелаладдин лично ездил к Витовту в надежде получить от него помощь [Codex, 1882, № 393, р. 170], но за это ему пришлось 15 июля 1410 г. участвовать в Грюнвальдской битве на стороне Литвы [Гагуа, 2012, с. 91–99].

Тем временем в Орде умер хан Пулад и на престол взошел Тимур-хан [СМИЗО, 1941, с. 194; ПСРЛ, 1897, с. 215; Путешествия, 1867, с. 36], который к концу 1410 г. поссорился с Идегеем [СМИЗО, 1884, с. 472–473; СМИЗО, 1941, с. 134]. Весной 1411 г. хан разбил войско эмира. Тегене поддержал Тимур-хана и участвовал в осаде Хорезма [СМИЗО, 1941, с. 193–194], где укрылся эмир. Отсутствием войск в Крыму воспользовался Джелаладдин, который в начале января 1411 г. захватил Солхат [Пономарев, 2013а, с. 166, прим. 13]. Но Тегене, будучи женатым на на сестре Тимур-хана [СМИЗО, 1941, с. 194], что подняло его престиж и давало надежду занять место Идегея [СМИЗО, 1884, с. 553], вновь отказался присоединиться к Джелаладдину и не снял осаду с Хорезма. Токтамышевич снова потерпел неудачу, и в феврале 1411 г. Тимур-хан вернул контроль над Крымским улусом.

Несмотря на успех, власть Тимур-хана оставалась слабой, и в начале июня 1411 г. он опять потерял Солхат, который вновь захватил Джелаладдин [Notes, 1899, p. 23, fol. 49v^o; Stello, 2011, s. 116, Fußnote 426; Свод, 2010, № 114, с. 201]. Он получил поддержку и от генуэзцев, с которыми летом 1411 г. имел интенсивные контакты [Notes, 1899, p. 21, fol. 31, p. 22, fol. 48v^o, p. 22, fol. 46v^o, 47v^o, 48], но при этом генуэзская администрация Каффы продолжала активно поддерживать отношения с Идегеем [Stello, 2011, s. 115–116]. За короткий промежуток времени в Орде произошли какие-то неизвестные перемены. В отличие от двух предыдущих попыток, в этот раз крымская верхушка не только не препятствовала Джелаладдину, но, вероятно, и помогала ему. Полуостров не покинул даже внук Идегея Ак-Берди [Notes, 1899, p. 23, fol. 51], ра-

нее получивший от деда власть над крымскими войском.

Укрепившись в Крыму, Джелаладдин начал наступление на центральные земли Улуса Джучи. Между 13 апреля и 23 июня он захватил Тану [Sanuto, 1733, col. 856], а не позднее начала июля 1411 г. – Сарай [Пономарев, 2013а, с. 166, прим. 14]. Осенью 1411 г. Джелаладдин убил Тимур-хана и закрепился в Орде [Селезнев, 2010, с. 50]. Но его правление оказалось коротким. В сентябре 1412 г. хана убил родной брат Керим-Берди [ПСРЛ, 1897, с. 219; Путешествия, 1867, с. 37], который давно сам претендовал на власть [Codex, 1882, Appendix, № 6, р. 1030–1031]. Чтобы закрепиться на троне, он назначил Идегея беклярибеком [Notes, 1899, р. 213–214].

Опытные венецианцы предвидели продолжение войны за власть между Токтамышевичами [Notes, 1899, р. 213–214]. На власть Керим-Берди покусился его брат Кепек, и Орда погрузилась в очередную замятню. Летом 1413 г. он осадил Каффу, но взять ее не смог [Свод, 2010, № 115, с. 203]. В следующем году Крым ограбил уже Керим-Берди [Свод, 2010, № 117, с. 206]. В 817 г. х. (23 марта 1414 г. – 12 марта 1415 г.) Хаджи-Тархан и Сарай захватил еще один сын Токтамышы Джаббар-Берди [Рева и др., 2009, с. 79, 80].

Тем временем, готовясь к войне с Орденем, Витовт пытался заручиться поддержкой татар. В апреле 1414 г. он *«был на границе с татарским ханом и хотел заключить с ним мир, и уехал оттуда без результата»* [Полехов 2019, с. 77, 79]. В начале лета 1415 г. *«татарский хан пригласил Витовта, чтобы тот к нему приехал, ибо он хочет с ним поговорить»* [Codex, 1882, № 639, р. 321–322; ЛЕС, 1867, № 2012, sp. 65]. Был ли это хан Джаббар-Берди или же ставленник Идегея, не известно. Но поскольку в Степи царил анархия, добиться какого-нибудь твердого соглашения с татарскими временщиками было просто невозможно.

Пока сыновья Токтамышы убивали друг друга за власть, Идегей восстановил свое влияние. Уже летом 1413 г. Сенат Венеции считал его самым влиятельным человеком в Орде. Весной 1414 г. эмир получил от венецианцев внушительную сумму в 2500 безантов [Notes, 1899, р. 218] и направил посольство на церковный Собор в дале-

кий немецкий город Констанц [Гулевич, 2017б, с. 60–75]. Летом того же 1414 г. он посадил на престол в Орде хана Чекре [Notes, 1899, р. 221], которого вскоре сменил Сайид-Ахматом I [Барбаро, 1971, с. 140], а потом Дервишем [СМИЗО, 1884, с. 532], а в 1416–1418 гг. эмир даже чеканил собственную монету [Рева и др, 2018, с. 78–83].

Чтобы отбить у Витовта охоту вмешиваться в дела Орды, летом 1416 г. эмир организовал крупный поход против ВКЛ. Он зашел с юга и сперва захватил замок *«Swyna horda»* [Codex, 1882, № 633, р. 352–353] (т.е. Звенигород), а потом сжег Киев, традиционно служивший убежищем для ордынских беглецов. Жителей города увели в ясырь, и лишь гарнизон замка, состоящий из поляков и русинов, сумел отбиться [Długosz, 1869, s. 182–183; ПСРЛ, 1975, с. 80, 213; Posilge, 1866, р. 364; ЛЕС, 1867, № 2113, sp. 196; Codex, 1882, № 715, р. 378]. Тогда же вдова не названного по имени убитого татарского хана бежала к Витовту и уже в Литве родила ребенка. Одновременно какой-то неизвестный хан искал спасения в Литве [Codex, 1882, № 683, р. 352–353; ЛЕС, 1867, № 2079, sp. 144–145].

В 1417 г. Идегей возвел на правление нового хана Дервиша, монету которого чеканили в Крыму [Майко, 2007, с. 166. №№ 4264–4265; Зайончковский, 2013, с. 193–196. Рис. 1. 4–1. 5; Рева, 2005, с. 159–164]. Его соперник Джаббар-Берди бежал в Литву, где был убит своими врагами в конце декабря 1417 г. [Codex, 1882, № 754, р. 397–398; ЛЕС, 1867, № 2182, sp. 296].

Пока в центральных землях Орды продолжались борьба между разными ордынскими группировками, в Крыму местная знать созрела до состояния, когда решила посадить на правление в Сарае своего ставленника – младшего сына Токтамышы Кадыр-Берди. Являясь законным наследником хана, он был идеальной кандидатурой для крымских беев, а юный возраст претендента гарантировал, что в случае военной удаче правление окажется в их руках. В 1418 г. Кадыр-Берди пошел войной на Идегея. Понятно, что не молодой хан, а его опытные беи вели крымское войско [Валиханов, 1984б, с. 234], среди которых были Тегене Ширин и Айдер Кунграт [Утемиш-хаджи, 2017, с. 69].

18 мая 1418 г. Кадыр-Берди захватил Тану

[Sanuto, 1733, col. 923]. Осознав опасность, Идегей переменял свое отношение к Литве и в начале 1419 г. «князь *Витовт примирился с татарскими ханами и заключил полный мир*» [Codex, 1882, № 828, р. 443]. Но в войне с Кадыр-Берди грозный Идегей потерпел поражение и был убит. В числе его убийц были весомые для Крыма личности: Ичкиле Хасан, отец будущего хана Улуг Мухаммада, Тегене Ширин и Барын [Усманов, 1972, с. 78–79, 84–85; Радлов, 1896, с. 121–122; Валиханов, 1904, с. 272]. Однако во время боя смертельную рану получил и Кадыр-Берди [Валиханов, 1984б, с. 233–234].

Целое десятилетие после бегства Шадибека Орду лихорадило, что привело к значительному ее ослаблению. Крымский очевидец в 1421 г. писал, что за это время внутренняя война почти полностью уничтожила «скифский народ» [Seguti, 1885, р. 313]. Держать из центральных регионов Улуса Джучи под контролем далекий Крым для Идегея стало попросту невозможно. Но и делиться властью в Орде эмир тоже не был намерен. Так, в конце второго десятилетия XV в. был найден компромисс, который бы удовлетворил обе стороны.

Начиная с 822 г. х. (28 января 1419 г. – 16 января 1420 г.) на солхатских монетах стали чеканить не одно, а сразу три имени: ордынского хана Дервиша, эмира Идегея и крымского правителя чингизида Бек-Суфи! [Хромов, 2006, с. 366, 371, рис. 1–2; Лебедев, 2000, с. 13; Лебедев, 2002, с. 145; Веселовский, 1922, с. 53–54].

Происхождение Бек-Суфи точно не известно. По всей видимости, он был сыном Таш-Тимура из рода Тукай-Тимуридов [Пономарев, 2013а, с. 174–175]. Обстоятельства прихода к власти Бек-Суфи источники не раскрывают. Имена Дервиша, Идегея и Бек-Суфи на крымской монете позволяют предположить, что кандидатура последнего была одобрена ордынским ханом и его эмиром. В донесении комтура Дюнабурга магистру Ливонии от 17 марта 1419 г. сказано, что Витовт заключил мир не с одним, а несколькими ханами [Codex, 1882, № 828, р. 443]. Одним из них был хан Орды, подконтрольный Идегею, а второй, по всей видимости, – Бек-Суфи! Вероятно, что и предметом переговоров между Идегеем и Витовтом в 1419 г. [Długosz, 1869,

s. 220] была поддержка Литвой Бек-Суфи против Кадыр-Берди. Таким образом, признавая власть ордынского хана, «император Солхата» Бек-Суфи не был сувереном. Об этом свидетельствует и ярлык хана Мухаммада от 15–24 апреля 1420 г., выданный некоему Туглу-бею на наследственное право собирать налоги в районе г. Керчи [Березин, 1872, Прибавление к сборнику материалов, с. 17–19; Григорьев, 1984, с. 124–128].

На солхатских монетах новый крымский правитель именуется «султан сын султана Бек-Суфи хан» [Хромов, 2013, с. 387]. Хотя его отец Таш-Тимур был лишь огланом [Абдулгаффар, 2014, с. 20, 112], на его монетах выбит титул «ас-Султан», характерный, за редким исключением, для всех крымских правителей начиная с Токтамышша. Легитимность Бек-Суфи была неоспоримой, и его признали не только местная элита, но и генуэзцы [Notes, 1899, р. 26, fol. 77].

Дипломатические отношения между ВКЛ и Крымским улусом были дружественные. Этому способствовало возможное личное знакомство Бек-Суфи с Витовтом во время пребывания первого в Литве. О дружбе двух правителей летом 1421 г. упоминал путешественник и дипломат де Ланнуа [Брун, 1853, с. 442]. Послы крымского и литовского правителей в сентябре и ноябре 1420 г. побывали в Каффе [Notes, 1899, р. 25. Fol. 76v^o; Massaria, 1420, f 76v¹]. Литовский посол пребывал в Каффе до декабря, а в январе 1421 г. генуэзцы отправили Витовту письмо [Stellio, 2011, s. 142–143, Fußnote 546].

Правление Бек-Суфи устраивало всех как в Крыму, так и за его пределами. Оно стабилизировало ситуацию в улусе, но продолжалось недолго. Де Ланнуа, имевший от Витовта поручение захватить к «императору Солхата», в начале осени 1421 г. уже не застал его в живых [Брун, 1853, с. 439, 440, 443; Пономарев, 2013б, с. 77].

Несмотря на короткое правление Бек-Суфи, крымские беи окрепли настолько, что выдвинули свои требования ордынскому хану, с которым «возникли чрезвычайно большие разногласия ... по поводу возведения нового императора [Солхата], поскольку каждый хотел своего!» Это го-

¹ За материалы каффинских массариев искренне благодарю старшего научного сотрудника Национального заповедника «София Киевская» Александра Витальевича Джанова, подготовившего их к печати.

ворит о серьезных изменениях в регионе: между крымской правящей верхушкой и ордынским ханом было разногласие относительно лишь кандидатуры крымского правителя, а не его существования как такового, а две Татарии вкупе с именованном генуэзцами ордынского правителя «императором Великой Орды» в противовес «Малой», хотя о ней и не говорится прямо, свидетельствует о формировании двух политических центров тяжести уже к концу второго десятилетия XV в. – в Поволжье и в Крымском улусе.

Спор между «двумя Татариями» угрожал перерасти в военное столкновение [Брун, 1853, с. 442], что и произошло [Badecki, 1927, s. 532]. Претендентом на власть в Крыму был «брат императора» Девлет-Берди [Пономарев, 2013а, с. 174, прим. 26]. Восточные родословные указывают, что он был сыном Таш-Тимура [Му' из ал-ансāб, 2006, с. 45; Из «Та'рих-и арба' улус», 2007, с. 111], а значит, братом Бек-Суфи. «*Даулатберда улан жил в Литве*» [Редкие, 1977, с. 68], но важно то, что его воцарение произошло не по воле Витовта, как это представляют литовско-польские источники [ПСРЛ, 1980, с. 59; Strykowski, 1846, s. 175], а в силу интересов крымской правящей элиты, которая и оказала ему военную поддержку.

После короткого конфликта крымская верхушка смогла найти компромис с Улуг Мухаммадом относительно своего правителя. По всей видимости, Девлет-Берди, как и Бек-Суфи, признал верховную власть хана Орды, а ордынский правитель соглашался с его правлением в Крыму и правом чеканить собственную монету с титулом хана. Такие условия удовлетворяли и генуэзцев, поскольку позволяли оперативно решать вопросы, связанные с жизнедеятельностью региона.

Нового правителя каффинцы поначалу именовали лишь «*господином Девлет-Берди братом императора*» [Пономарев, 2013а, с. 174–175, прим. 26]. Отсутствие титула «император» может вызвать сомнения его легитимности, но Девлет-Берди выступает с титулом «султан» на монетах, чеканенных уже в 824 г. х. (закончился 25 декабря 1421 г.) [Хромов, 2013, с. 385, таб. 1. 1–1. 2, с. 387, таб. 4. 2, с. 388, таб. 5. 1–5. 2, с. 389, таб. 6. 1, 7. 1, с. 390, таб. 8. 1]. Власть его была признана не только кочевым, но и городским на-

селением улуса. Вероятно, именно на него ссылались жители Кырк-Йера, когда в 864 г. х. (1459–1460 гг.) просили крымского хана Хаджи Герая дать им тарханный ярлык по примеру не названного по имени его дяди [Смирнов, 1918, № 1, с. 8–9].

Признал Девлет-Берди и Витовт, который выслал в Крым некоего «*сарацина Ибрагима*», достойно принятого ханом. Он имел поручение заключить с Девлет-Берди договор о коммерции и взаимной компенсации убытков. Был ли он заключен, не известно, поскольку хан, якобы «*по наущению злых людей*», почему-то поссорился с Витовтом [Codex, 1882, № 1223, p. 721].

Если ситуация в Крымском улусе хоть как-то стабилизировалась, то в центральных владениях Улуса Джучи сразу несколько ханов по имени Мухаммад воевали за верховную власть и сложно сказать, кто именно из них в апреле 1420 г. выдал ярлык упомянутому выше Туглу-бею. Наиболее вероятно, что это был Улуг Мухаммад бен Ичкиле Хасан.

Период середины октября 1422 – марта 1423 гг. отмечен очень интенсивным обменом посольствами между Солхатом и Каффой [Notes, 1899, p. 29, fol. 62v°, p. 27, fol. 32v°, p. 28, fol. 32v°, p. 29, fol. 62v°, p. 28, fol. 62v°, p. 29, fol. 62v°, fol. 86v°, p. 28, p. 30, fol. 86v°, fol. 233]. С июня по декабрь 1423 г. массарии фиксируют посольства к Девлет-Берди ежемесячного. В ноябре и декабре 1423 г. он принимал их в Солхате. В целом же с августа 1420 г. до декабря 1423 г. в Каффе побывало не менее шестнадцати посольств крымских правителей [Stello, 2011, s. 118–119].

Такой status quo продержался до 1423 г., когда власть Улуг Мухаммада зашаталась, что вызвало подъем амбиций крымского правителя. Весной этого года Девлет-Берди получил от генуэзцев 60 тыс. безантов. По мнению А. Л. Пономарева, так Каффа якобы финансировала его войну с ханом Орды [Пономарев, 2013а, с. 176]. Но начиная с осени 1422 г. каффинцы воевали с княжеством Феодоро [Мыц, 2005, с. 257–268; Мыц, 2009, с. 71–86; Vasiliev, 1936, p. 203], и им самим не хватало средств на вооружение войск и увеличение количества галер [Карпов, 1998, № (без номера), с. 14]. В таких условиях для генуэзцев не было смысла финансировать еще и войну Девлет-Бер-

ди против Орды. Наоборот, с октября 1422 г. они сами старались заручиться поддержкой Солхата [Stello, 2011, s. 137, Fußnote 523].

Весной 1423 г. ситуация для Улуг Мухаммада начала угрожающе меняться. 17 мая в генуэзских источниках упомянут «великий император», сообщение о котором принесли два татарских посланника, высланных из Солхата [Notes, 1899, p. 30, fol. 233; Пономарев, 2013а, с. 177, прим. 38]. По всей видимости, это был Мухаммад Барак, который «захватил Орду [Улуг] Мухаммад-хана и большая часть улуса Узбекского подчинилась и покорились ему» [СМИЗО, 1941, с. 196].

Почувствовав слабость Улуг Мухаммада, курултай в середине мая 1423 г. объявил Девлет-Берди ханом, чем нарушил договоренности с правителем Орды. Через несколько месяцев после этого «великий император» Улуг Мухаммад прибыл в Крым лично. Ситуация, последовавшая за этим визитом, весьма путанная и свидетельствует о том, что Девлет-Берди мог быть отстранен от власти. Произойти это могло в период между 9 ноября 1423 г., когда в Каффе побывали послы «императора татар» [Notes, 1899, p. 355], то есть Девлет-Берди, и 16 декабря того же года, когда он снова назван всего лишь «братом императора» [Notes, 1899, p. 29, fol. 66v°; Пономарев, 2013а, с. 174]. Никакими известиями о возможном столкновении между правителем Орды и Крыма за этот период мы не располагаем.

Этим событиям предшествовали изменения в самом Солхате. 19 октября 1423 г. массарии упоминают некоего Кутлуг-Пулада [Notes, 1899, p. 31, fol. 75], ставшего новым господином в городе. В тот же день генуэзцы выплатили 50 аспров татарину, который от имени «господина императора», то есть Девлет-Берди, доставил каффинскому консулу коня [Notes, 1899, p. 31, fol. 75], что было обычным подарком татарских правителей. В ответ в Солхат отправился Н. де Бассиньяно, а 9 ноября в Каффе побывало ответное посольство «императора татар», о чем сказано выше.

Контакты между Каффой и Солхатом оставались активными. 30 декабря представитель Каффы Н. де Бассиньяно и два татарских посла «господина великого императора Орды», то есть Улуг Мухаммада, получили очередную выплату

[Notes, 1899, p. 32, fol. 76], которая закончила этап подготовительных переговоров перед серьезной встречей, поскольку 1 января 1424 г. уже сам Кутлуг-Пулад прибыл в Каффу в качестве посла ордынского хана [Notes, 1899, p. 31, fol. 76v°].

Таким образом, Девлет-Берди, скорее всего, не был отстранен от власти. Перемены в Солхате, по всей видимости, связаны с приездом туда Улуг Мухаммада, прошедшего рокировку на крымских должностях, отблагодарив верных ему беев. Запись в массарии о «великом императоре» Мухаммаде, распоряжавшемся на полуострове, появилась 30 декабря 1423 г. Там же 6 января 1424 г. упомянут и Ширин Тегене-бей, который от имени ордынского хана стал новым господином или местоблюстителем Солхата и был торжественно принят во дворце Каффы [Notes, 1899, p. 32, fol. 76; Пономарев, 2013а, с. 177, прим. 36.]. Это указывает, что во время курултая весной 1423 г. полного единства среди крымских беев не было.

В связи с этим 1 февраля 1424 г. Генуя рекомендовала каффинским властям «всеми силами и возможностями жить в мире с этим императором [Улуг Мухаммадом] и устранять между вами любые поводы для смуты и войны, которые приносят опасность, голод и расходы; всегда помнить эту присказку: “Меч Каффы в ножах разит сильнее, чем обнаженный”» [Bănescu, 1966, № 1, p. 576] и придерживаться мира с императором Солхата [Notes, 1899, p. 355].

Но ситуация на полуострове быстро изменилась. Уже 11 января 1424 г. Девлет-Берди вновь назван генуэзцами «императором». Весть об избрании в Каффу принес посол и по совместительству новый господин Солхата Ботал-бей [Notes, 1899, p. 32, fol. 77v°; Stello, 2011, s. 119]. Девлет-Берди договорился с Улуг Мухаммадом, который был вынужден покинуть Крым из-за угрозы полного захвата его владений ханом Баракком [СМИЗО, 1941, с. 196; Ускенбай, 2013, с. 243, 247]. Косвенно подтверждает это и активизация с апреля 1424 г. контактов Каффы с Девлет-Берди, теперь именуемого генуэзцами «императором Солхата» [Stello, 2011, s. 121]. Это означает, что Улуг Мухаммад признал право существования крымского правителя, лояльного его власти, а за Крымом – статус улуса в «наследственном его отношении» [Абдужемилев, 2015, с. 12.

Ср.: Галенко, 2011, с. 251]. Поэтому нет ничего удивительного, что в дальнейшем борьба за право быть крымским правителем развернется почти исключительно среди внуков Таш-Тимура.

Договор между Солхатом и Сараем действовал до конца зимы. 8 апреля Каффа выплатила вознаграждение какому-то татарину за известие о конфликте с Улуг Мухаммадом [Пономарев, 2013а, с. 178, прим. 40]. Вскоре ордынский хан вновь сам прибыл в Крым и взял его под свой контроль, а Девлет-Берди бежал в неизвестном направлении.

Не позднее 12 июня где-то вблизи Солхата победителя «утвердили» ханом [Stello, 2011, s. 119–120, Fußnote 442; Пономарев, 2013а, с. 178; Notes, 1899, p. 33, fol. 81]. Данное известие нужно расценивать как присягу крымских беев на непосредственное ему подчинение Улуг Мухаммаду.

Официальное посольство от Улуг Мухаммада прибыло в Каффу 16 июня [Stello, 2011, s. 119–120]. Задержка была вызвана необходимостью назначением господ Солхата [Notes, 1899, p. 33, fol. 83v°, p. 34, fol. 84v°; Stello, 2011, s. 97–98, Fußnote 345], являвшихся основой ханской администрации в Крыму: эмира или бея Солхата, даругу и комеркария. Улуг Мухаммад и его «баронов» каффинцы задобрили щедрыми дарами [Notes, 1899, p. 33, fol. 83v°, p. 34, fol. 84v°].

Контроль Улуг Мухаммада над Крымом устраивал Витовта. В Литве провозглашение Девлет-Берди ханом не рассматривали как полезное для нее событие. Для реализации своих планов на Востоке Витовт был заинтересован в концентрации земель Орды в руках одного про-литовского хана, каким был Улуг Мухаммад. Ордынский правитель отправил в Литву послов, заявивших, что тот якобы взял полную власть в Орде [Codex, 1882, № 1159, p. 660]. Но уже в конце 1424 г. – в начале 1425 г. под давлением врагов хану пришлось бежать из Крыма к Витовту [Codex, 1882, № 1681, p. 688].

Тем временем 24 августа 1424 г. в Каффе появились послы «императора Девлет-Берди» [Notes, 1899, p. 33, fol. 84]. Вернув Крым, он нуждался в нормализации отношений с генуэзцами и в октябре того же года лично посетил Каффу [Stello, 2011, s. 120]. Но договориться с

итальянцами хан не сумел. Каффинские власти считали полезным для себя больше не связываться с Девлет-Берди. Консул Фредерико Спинола, вопреки наказу Генуи не вмешиваться в татарские дела, гарантировал Улуг Мухаммаду свою военную помощь в борьбе с Девлет-Берди. Генуэзцы отправили войско «против Солхата в пользу господина [Улуг] Мухаммада» во главе с самим консулом [Stello, 2011, s. 120, Fußnote 448; Пономарев, 2013а, с. 179, прим. 47].

Улуг Мухаммад получил поддержку литовского правителя, и в мае 1425 г. Каффа принимала от Витовта «посла Семена» [Stello, 2011, s. 143 und Fußnote 549], который согласовал свои действия с консулом Спинола. Род Фредерико в 1421–1426 гг. занимал в Генуе ведущие позиции [Ярвая, 2010, с. 113–114], поэтому, скорее всего, он получил от метрополии добро на вооруженную поддержку хана.

Помощь Каффы позволила Улуг Мухаммаду взять Крым под свой контроль, но ее было недостаточно, чтобы успешно противостоять Бараку [Бартольд, 1964, с. 102] и удерживать контроль над землями за пределами Крымского улуса. Опершись на крымские ресурсы и собравшись с силами, весной 1426 г. Улуг Мухаммад начал наступление на Восток и имел успех в борьбе с Баракком и Мансуром [Курат, 2014, № 1, с. 38; Султанов, 1975, с. 54; Ускенбай, 2013, с. 244].

Едва хан покинул Крым, как им вновь овладел Девлет-Берди. В середине апреля 1426 г. он предпринял очередную попытку наладить контакт не только с генуэзцами [Пономарев, 2013а, с. 180], но и с Витовтом, уверяя, что никогда не был врагом литовского правителя и желает иметь с ним дружественные отношения и торговые связи [Codex, 1882, № 1223, p. 721–722, письмо от 26 мая 1426 г.].

Другим направлением дипломатии Девлет-Берди был мамлюкский Египет. В марте 1427 г. египтяне узнали, что в Дешт-и-Кипчаке за власть борются сразу три правителя: Девлет-Берди, который захватил Крым (Солхат), Улуг Мухаммад, овладевший Сараем, и Барак, вытесненный в Среднюю Азию [СМИЗО, 1884, с. 533–534; Ускенбай, 2013, с. 244–245]. Девлет-Берди в борьбе с Ордой попытался заручиться поддержкой египетского султана, значение ко-

торого увеличилось после его блестящей победы в войне с Кипрским королевством 1425–1426 гг. [Близнюк, 2016, с. 211–218].

Успехи Девлет-Берди впечатлили даже миланского герцога Филиппо Мария Висконти, воевавшего с Венецией, и хан едва не оказался объектом высокой европейской политики. В октябре 1426 г. герцог через своего эмиссара Доменико ди Мари предложил османскому султану совместно напасть на Тану. Войску хана он отвел роль ударной сухопутной силы против венецианской колонии, как это случалось ранее, но Мурад II отказался от предложения [Notes, 1899, з. 434, nota 1; Pienaru, 2002, p. 174].

Девлет-Берди попытался распространить свою власть на центральные земли Улуса Джучи и на какое-то время имел успех. Его монеты чеканили в г. Сарай аль-Джадид и Хаджи-Тархане приблизительно в конце 1427 г. Но он не имел такой поддержки, как Улуг Мухаммад и уже в том же году сошел с политической арены.

Воспользовавшись литовской поддержкой [Codex, 1882, № 1270, p. 759. ПСРЛ, 1980, с. 59], в начале 1427 г. Улуг Мухаммад в очередной раз занял Крым [СМИЗО, 1884, с. 533], наладил отношения с Кафрой [Balletto, 2000, № 260, p. 289; Notes, 1899, p. 477] и попытался завязать контакты с османским султаном [Курат, 2014, № 1, с. 38–39; Султанов, 1975, с. 54]. Под его властью находились земли от Правобережья Волги до Левобережья Днепра и от северорусских княжеств до Северного Кавказа. Но консолидировать свою Орду, где за влияние боролись глава Мангытов Науруз бен Идегей, глава Кунгратов Айдер и глава Ширинов Тегене, хану не удалось.

Вмешавшись в войну с поляками на стороне нового литовского правителя Свидригайло, Улуг Мухаммад в решающий момент в начале осени 1433 г. не оказал ему никакой действенной помощи. В отместку Свидригайло в конце октября – начале ноября поддержал организованный эмиром Айдером переворот в Орде в пользу Сайид-Ахмата II [Утемиш-хаджи, 2017, с. 80; Halecki, 1919, № 6, s. 216], по всей видимости, сына Бек-Суфи, скрывавшегося в Литве. Крымский улус и Днепро-Донское междуречье остались

под властью Улуг Мухаммада, а Сайид-Ахмат II занял Правобережье Днепра.

Пока Сайид-Ахмат II укреплялся на севере, Улуг Мухаммад укрепил свои позиции на юге, разгромив 8 тысяч генуэзцев, после чего 13 июля 1434 г. между татарами и Кафрой был заключен мир [Diario, 1885, s. 376–423; Manfroni, 1904, № 1, p. 38–39; Agosto, 1977, № 2, p. 516; Laonici, 1843, p. 284]. Но внутренние проблемы по-прежнему раздирали Орду Улуг Мухаммада, и даже победа над итальянцами не могла ее консолидировать. В 1436 г. от него к хану Кичи Мухаммаду перекинулся бей Науруз [Барбаро, 1971, с. 140–141]. Этим воспользовался Сайид-Ахмат II и приблизительно в начале ноября того же года нанес поражение Улуг Мухаммаду [Полехов, 2015, с. 412, прим. 758]. Спасаясь от полного разгрома, тот откочевал на север сперва к Белеву, а потом и в Казань [Беспалов, 2005, с. 31–55].

Сайид-Ахмат II быстро наладил отношения с великим князем литовским Жигимонтом [Codex, 1894, Dod. 44, p. 557–558], поставил под свой контроль земли Днепро-Волжского междуречья и вынудил Москву платить ему дань наравне с Кичи Мухаммадом [Духовные, 1950, № 38, с. 108, 111, 113, 116; РФА, 1986, № 19, с. 111; Горский, 2012, с. 109–110]. Главная ставка Сайид-Ахмата II, по всей видимости, находилась в Крыму поблизости от Солхата [Крим, 1996, с. 183–184].

Спокойное правление Сайид-Ахмата II длилось недолго. Как и его предшественник, он не сумел преодолеть внутренние разногласия в своей Орде между старой ордынской аристократией во главе с Айдером и набиравшей силу крымской, во главе с Тегене Ширином. Из-за этого в Крыму весной 1441 г. между татарами началась «Солхатская война», в результате которой от Орды откололся Крымский улус, а во главе нового ханства в мае 1442 г. стал Хаджи Герай [Джанов, Якушечкин, 2018, с. 64–70]. Учитывая вражду между приближенным к хану Айдером и Тегене Ширином, которому угрожала смертельная опасность от Кунгратов, можно с уверенностью сказать, что именно главный крымский карачи-бей был наиболее заинтересован возвести на правление в Крыму отдельного от Орды хана.

3.2. Приход к власти в Крыму Хаджи Герая и формирование крымскотатарской государственности (1442–1466)

В. П. Гулевич

Хаджи Герай родился в Литве вблизи г. Троки в конце XIV в. или начале XV в. после побега семьи из Крыма [Литвин, 1994, с. 64]. Его отец Гиясаддин [СМИЗО, 1941, с. 61; Таварих-и, 1969, с. 40; Эвлия, 2008, с. 84; Ретовский, 1893, с. 76; Акчокраклы, 1928, с. 166] был сыном Таш-Тимура и, видимо, скончался довольно рано. О ранних годах жизни Хаджи Герая источники умалчивают. Известно лишь, что какое-то время он был наместником в г. Лида, где «*хлеб и соль ел*» пока не стал ханом [ПСРЛ, 1975, с. 160; Акты, 1848а, № 102, с. 119]. На правление от имени «*всей Орды Переконской*» его позвали главы наиболее влиятельных крымских кланов Ширин и Барын [ПСРЛ, 1975, с. 160]. Ханом же его провозгласили якобы прямо в литовской столице, после чего дворный маршалок Радзивилл Остикович сопроводил нового правителя прямо в Крым, где и посадил на трон [ПСРЛ, 1975, с. 160].

Очевидно, что это отображение литовского взгляда на борьбу за власть в Крыму, да и то лишь на последнем ее этапе в значительно искаженном виде. Ездил ли Радзивилл в Крым, не известно, как ничего не известно и о характере возможной помощи ВКЛ своему крымскому протезе. Но призвание Хаджи Герая на правление действительно было общим решением крымских беев. Недаром 2 октября 1442 г. король Владислав III выделил крупную сумму на подарки не только «*императору*», но и четверем главным татарским князьям [Halecki, 1919, s. 164].

«*Солхатская война*», вспыхнув весной 1441 г., утихла до конца лета. Что происходило в это время в Крыму, источники умалчивают, но уже в начале октября Каффа приняла в подарок коня от «*императора*» Хаджи Герая [Massaria, 1441, f 121r], которого по неизвестным причинам вскоре пришлось вернуть. В это же время произошло и переназначение высших должностных лиц в Солхате [Massaria, 1441, f 8v].

Возвращение ханского подарка – случай беспрецедентный. По всей видимости, Хаджи Герай не смог закрепиться на правлении, и генуэзцы поспешили оправдаться перед Сайид-Ахматом II, отстоявшим свою власть в Крыму осенью 1441 г. [Massaria, 1441, f 313r; Stello, 2011, s. 111, Fußnote 401]. Но уже к весне следующего года Сайид-Ахмат II был изгнан из Крыма, а весной 1442 г. Хаджи Герай начал чеканить на полуострове свою монету [Retowski, 1901, s. 244–246], что свидетельствуют о его утверждении на правлении.

Каффинские власти поспешили наладить связи с новым правителем и одарили его на сумму 33016 аспров. Не остались без внимания Тегене Ширин, сын которого Мирза (очевидно, Кара-Мурза) получил подношений на 1210 аспров [Massaria, 1441, f 99v], и ханский брат Джан Герай Султан, получивший деньги и вино [Massaria, 1441, f 100v].

Во время переговоров Хаджи Герая с генуэзцами в начале мая 1442 г. в Крыму с многочисленным сопровождением оказался сын Улуг Мухаммада Касым, «*который прибыл с 500 невольниками в Каффу*» [Massaria, 1441, f 100r]. Каффинцы содержали его за свой счет не менее двух недель и лишь 23 мая заплатили 5000 аспров за переправку лошадей Касыма в Матрегу (Тамань) [Stello, 2011, s. 121–122, Fußnote 455; Notes, 1899, p. 35–36, fol. 100; Massaria, 1441, f 100r], с которыми за пределы Крыма, по всей видимости, на том же судне отбыл и сын бывшего крымского правителя.

Участвовал ли Касым в «*Солхатской войне*» или прибыл для продажи рабов, сказать сложно. Но поскольку источники не называют его «*императором*», то, по всей видимости, он не был избран крымскими беями на правление, либо же мог бороться самостоятельно, хотя в этом случае ему было сложно рассчитывать на успех. Можно допустить, что Касыма пригласили генуэзцы и воевал он на их средства, но сложно

согласиться с мыслью, что сын Улуг Мухаммада боролся против крымских беев на стороне врага своего отца Сайид-Ахмата II.

Урегулировав кое-как отношения с генуэзцами, первым делом Хаджи Герай позаботился о защите своих владений. Сайид-Ахмат II приходился Хаджи Гераю двоюродным братом и был не из тех, кто мог смириться с потерей владений. Изганный из Крыма хан в конце марта – начале апреля 1442 г. сильно разорил Галичину [Długosz, 1869, s. 632], но уже в конце июля потерпел поражение от Хаджи Герая [Notes, 1899, p. 36, fol. 103; Stello, 2011, s. 122, Fußnote 457; Massaria, 1441, f 103r].

Общая угроза со стороны Сайид-Ахмата II объединяла интересы всех правителей, соседствовавших с его Ордой: Польского королевства, ВКЛ, Молдавии и Крыма. Из текста литовского-молдавского договора от 8 июня 1442 г. следует, что Литва будет помогать молдавскому воеводе Илье против всех его врагов, кроме польского короля Владислава III и «царя татарского», которым мог быть только Хаджи Герай [Lietuvos, 2012, № 539, p. 355]. Где-то в июле 1442 г. Хаджи Герая посетил уже польский посол Теодорик Бучацкий [Halecki, 1919, s. 163].

Для ВКЛ союз с Крымским ханством приобрел особую важность после побега к Сайид-Ахмату II кн. Михаила, сына убитого великого князя литовского Жигимонта [Codex, 1876, № 40, p. 45, № 45, p. 49–50; Kopystiański, 1906, s. 145–148]. Поэтому в договоре с молдавским воеводой Штефаном от 25 июня 1447 г. крымский «царь татарский» снова выступает как союзник ВКЛ [Lietuvos, 2012, № 543, p. 361]. В конце 1447 г. посольство крымского «татарского императора» поздравляло Казимира IV с избранием его польским королем [Długosz, 1870a, s. 42].

О событиях в самом Крымском ханстве в этот период сведений мало. Хаджи Герай не пытался к Каффе ни любви, ни доверия, и дипломатические контакты с генуэзцами сравнительно с предыдущими годами несколько сократились. Каффинцы лишь раз получили от хана в подарок лошадей в апреле 1447 г. и изредка обме-

нивались с ним письмами (май и июнь 1442 г., июнь, июль, август и октябрь 1446 г., май, июнь, август и ноябрь 1447 г.) [Stello, 2011, s. 111, Fußnote 401, 402]. Дипломатическая инициатива генуэзцев ограничилась одним посольством к хану в июне – июле 1442 г. [Stello, 2011, s. 111; Notes, 1899, p. 35, fol. 99v°], целью которого были прежде всего торговые интересы [Pienu, 2012, p. 137]. В марте, июне и июле 1446 г. каффинские источники упоминают «татарского императора», его посла, даругу и господина Солхата [Notes, 1899, p. 37, fol. 64v°, p. 38–39, fol. 66, 30v°]. В мае 1447 г. Генуя попыталась привлечь Хаджи Герая на свою сторону в конфликте с Трапезундом и предложила подписать ему соответствующий союз [Notes, 1902, p. 218], но был ли он подписан, не известно.

Когда Казимир IV 9–21 августа 1448 г. пребывал на Подолье [Rutkowska, 2014, s. 84], к нему прибыл крымский «посол татарского хана по имени Калина с обещаниями от того же хана прислать военную помощь против воеводы Петру [II] в случае, если тот откажется подчиниться». После совета в тесном кругу приближенных король одарил посла и «дал ему некоторые поручения к хану, которые для многих остались тайной» [Długosz, 1870a, s. 50–52].

В это время Сайид-Ахмат II был безраздельным правителем западной части Улуса Джучи, за исключением Крыма. В феврале – марте 1448 г. он «воевал» Галичину [Akta, 1889, № 1996, s. 253, № 2024, s. 257]. В сентябре 1448 г. какой-то хан, скорее всего Сайид-Ахмат II, напал на Подолье и сильно разорил его. Поляки связывали это событие с переговорами Казимира IV с Калиной [LEC, 1896, № 525, s. 386; Długosz, 1870a, s. 53]. Нападение скорее можно связать с приездом к Сайид-Ахмату II кн. Михаила, прибывшего в его Орду не позднее июня 1448 г. [Polechow, 2018, Aneks 2, s. 234–236]. Летом 1448 г. хан напал на ВКЛ [Codex, 1876, № 40, p. 45; Index, 1833, № 1708, p. 357], и Казимир IV вынужден был отправить против него сильное войско, поскольку тот обещал кн. Михаилу помощь в борьбе за трон ВКЛ [Skarbiec, 1862, № 1869, s. 190]. Не давал Сайид-Ахмат II

покоя и Молдавии, чей воевода Петру II 22 августа и 22 ноября 1448 г. в присяге на верность Казимиру IV называл татар общим врагом [Żródła, 1876, № 4, s. 26; Книги, 1914, № 77, с. 63].

В конце 1448 г. Петру II умер, и поляки оказали военную помощь Александрелу, сыну бывшего молдавского воеводы Ильи [Czamańska, 1996, s. 107–109]. Вероятно, верный своим обещаниям Хаджи Герай участвовал в этом походе, и во время этого беззащитный Крым был захвачен конкурентом. Предположение это основано на монете с генуэзским порталом и ордынской двузубой тамгой [Ретовский, 1897, с. 98–99], битой в Каффе во времена каффинского консула Джованни Джустиниани Лонго (1449–1450 гг.). Хаджи Герай же чеканил на своих монетах исключительно трехногую тарак-тамгу [Ретовский, 1897, с. 54]. При каких обстоятельствах это могло случиться, по всей видимости, не без помощи генуэзцев, нам остается пока лишь догадываться.

Захватить Крым в конце 40-х гг. XV в. мог лишь хан Сайид-Ахмат II. Контроль над Крымом увеличил его силы, и уже с начала 1449 г. он нещадно громил польско-литовские владения [ЛЕС, 1896, № 560, s. 415]. При его поддержке кн. Михаил захватил ряд замков на Чернигово-Северщине [Polechow, 2018, Aneks № 4, s. 239], Киев и Клецк [Polechow, 2018, Aneks № 3, s. 237]. В марте того же года татары вновь напали на литовские владения. В июне кн. Михаил с татарами снова разорял литовские владения. Но этот успех был временным. Казимир IV собрал войска и до конца июля вернул под свой контроль захваченные земли [ЛЕС, 1896, № 642, s. 485–486, № 665, s. 499–500; Index, 1833, № 1718–1719, p. 359–360; Notes, 1915, № 23, p. 43–44; Długosz, 1870a, s. 56–57; ПСРЛ, 1975, с. 159; Skarbiec, 1862, № 1883, s. 192; Szweda, 2006, tabela, s. 25].

Великий князь московский Василий II, владениям которого Сайид-Ахмат II в 1449 г. «мно-го зла учинил» [ПСРЛ, 2007, с. 204], имел с ним свои счеты. По его приказу сын Улуг Мухаммада Якуб был отправлен на помощь литовцам [Polechow, 2018, Aneks № 5, s. 240–241]. 31 ав-

густа 1449 г. Казимир IV и Василий II заключили компромиссный мир, в котором, в частности, договорились не признавать Сайид-Ахмата II и о дальнейших совместных действиях против татар [Lietuvos, 2012, № 394, p. 247–250, № 541, p. 356–359; Духовные, 1950, № 53, с. 161–163].

Казимир IV написал магистру Ордена победную реляцию о том, что лишил Сайид-Ахмата II власти, дал татарам нового хана, а побежденный хан убежал к Пятигорам [Polechow, 2018, Aneks № 5, s. 240–241; Index, 1833, № 1724, p. 361; Skarbiec, 1862, № 1885, s. 192]. Но изложенные известия оказались или ошибочными, или же были откровенной дезинформацией. Уже в феврале 1450 г. кн. Михаил вместе с сорока тысячами татар Сайид-Ахмата II контролировал на Руси семь городов и якобы даже планировал идти на саму Литву [ЛЕС, 1905, № 15, s. 15]!

В августе 1450 г. Сайид-Ахмат II разделил свои силы на четыре части и жестоко опустошил Галичину и Подолье, дойдя аж до Белзской земли [Długosz, 1870a, s. 72–73]. В январе 1451 г. Галичина пострадала от новых нападений [Akta, 1889, № 2385–2386, s. 308]. Одновременно с набегом Сайид-Ахмата II на польско-литовские владения его сын «царевич Мазовиа» напал на Москву [ПСРЛ, 1851, с. 270; ПСРЛ, 1853, с. 179; ПСРЛ, 1859, с. 123–124; ПСРЛ, 1901, с. 76–77 и др. Ср.: РФА, 1986, № 60, с. 203–204]. Летом того же года на Волыни «*татары отвоевали у [князя] Ивана Чарторийского... один замок, который они держат с князем Михаилом*» [GStAPK; ЛЕС, 1905, № 157, s. 121–122].

24 июня 1452 г. Сайид-Ахмат II напал на Восточное Подолье, захватил замок Ров и пленил много людей [Długosz, 1870a, s. 104]. В конце августа – сентябре 1452 г. он напал на Галичину и дошел до Львова. Пять раз татары делали вид, что ушли и, дождавшись, когда люди покидали укрытия, снова возвращались [Długosz, 1870a, s. 110; Akta, 1889, № 2679, s. 348]. Также в 1452 г. татары совершили нападение на Тану, и угроза его повторения ханским сыном оставалась даже в следующем году [Notes, 1902, p. 286].

Когда и как Хаджи Герай вернул себе власть,

не известно. Случилось это не позднее конца 1451 г., поскольку в декабре в Вильно Казимир IV встретился с ханским посланником и получил от него уверения, что хан или его сын помогут королю в тяжелой войне против Ордена [Długosz, 1870a, s. 184]. Видимо, Хаджи Герай не только вернул себе утраченные владения, но и нанес поражение Сайид-Ахмату II, поскольку в письме каффинских властей от 21 января 1453 г. сказано о том, что «Джан Герай Султан, брат этого императора Хаджи Герая, недавно перехватил народы [хана] Сайид-Ахмата [II]» [Andreescu, 2003, Апехе, № II, p. 148].

Вернув власть, Хаджи Герай перенес свою городскую резиденцию в неприступный г. Кырк-Йер, где хранил свою казну [Зайцев, 2012б, с. 97–101]. В начале 1453 г. консул Каффы Боруэле Гримальди писал, что Кырк-Йер стал «местом пребывания императора, где сам император приказал построить и возвести с большим старанием дворец и где он сам живет не так, как принято у императора татар, но [так], как если бы он был латинским купцом» [Andreescu, 2003, Апехе. № II. P. 147; Pienaru, 2012, p. 141, nota 20; Assini, 1999, p. 30–32].

Вообще же, Кырк-Йер и его жители имели особый статус и права, данные ханом в ноябре 1459 г. [Смирнов, 1918, № 1, с. 8–9] и потом еще неоднократно подтвержденные его наследниками в 1468 г. [Смирнов, 1918, № 2, с. 10–11], 1478/79 и 1515 годах [Vásáry, 1982, p. 293–294, 294–295; Усманов, 1979, № 13, с. 36–37], о чем помнили даже в XVII в. [Фиркович, 1890, № I, с. 63]. Именно там в 858 г. х. (1 января – 21 декабря 1454 г.) возобновилась чеканка ханской монеты [Ретовский, 1893, с. 79; Retowski, 1909, s. 248]. Впрочем, город был лишь временной резиденцией, предназначенной скорее для экстренных случаев, когда возникла опасность, поскольку не только сам хан, но даже его внук Мехмед Герай I еще часто кочевали [Lemerrier-Quellejeau, Bennigsen, 1972, p. 322; Сыроечковский, 1940, с. 5].

Восстановив свою власть, Хаджи Герай взял курс на решительное ослабление позиций генуэзцев и занялся откровенным вымогательством.

Он посылал в город свою мать, сына и другую родню, которых генуэзцы вынужденно одаривали ценными подарками и дорогой одеждой [Codicé, 1868, № 22, p. 88].

Расправившись с Сайид-Ахматом II, Хаджи Герай едва не стал жертвой своего брата, которого, судя по всему, поддержали генуэзцы. Перехватив людей Сайид-Ахмата II, Джан Герай Султан «сделался императором, намного более могущественным, чем этот Хаджи Герай. Этот султан теперь располагается с названными народами в округе Илличе, и говорят, что, когда он переместится в эти [края, т. е. в пределы Крымского полуострова], наделит [их] почестью, и это дело, насколько мы знаем, вызвало у Хаджи Герая определенный страх. [И поэтому] он не прекращает обращаться с нами так же, как ранее. Если этот Джан Герай переместится в эти [края], мы возьмемся за дело, и от него мы получим то, что согласно и в зависимости от нашего усмотрения окажется выгодным и почетным для этого города [Каффы]» [Andreescu, 2003, Апехе, № II, p. 148].

«Округ Илличе», где расположился Джан Герай Султан, локализируют на городище Днепровское-2 на Правобережье Днепро-Бугского лимана в шести километрах от древней Ольвии [Буйських и др., 1991, с. 99; Бураков, 1991, с. 105]. Когда он возник, не известно, но в 1374 г. там уже проживали генуэзцы во главе с консулом [Пономарев, 2005, с. 49, 71, 89]. В 1381 г. «господином округа» Илличе был некий Акбога [Notes, 1899, p. 14, fol. 64; Balard, 1978, p. 399 nota 55; Джанов, 2018, с. 70, 71, 80, 87, Приложение 2: Книги массарии Каффы 1381 г. (МС, 1381), с. 203 f 63r, с. 206 f 64r, с. 208 f 65v, с. 221 f 130v; Джанов, 2017, с. 30]. К концу 30-х годов XV в. замок перешел в частное владение генуэзцев и стал важным пунктом на пути доставки зерна из придунайских областей в Каффу. Летом 1441 г. по приказу Генуи замок был забран коммунаой Каффы [Барабанов, 1995, с. 20–29], но некто Джулиано ди Гвизальди и Грегорио Туррилья восстановили его. Действия Гвизальди и Туррилья противоречили закону [Юргевич, 1863, с. 752–753]. 9 июня

1449 г. в Крым полетел приказ разрушить Илличе [Belgrano, 1877, № 139, р. 219], но его фортификации остались нетронутыми.

Интерес Каффы в конфликте братьев состоял в уменьшении или же полной отмене тяжелой дани, что в случае удачного стечения обстоятельств для Джан Герай Султана можно было бы потребовать у него в обмен за признание его ханом. Поскольку в дальнейшем Джан Герай Султан в источниках не упомянут, можно предположить, что он либо вынужден был бежать из ханства и вскоре умер, либо погиб в борьбе, либо же был казнен за мятеж.

Татарский фактор в международной политике всей Восточной Европы продолжал играть важную для ВКЛ роль. Из-за сложных отношений Казимира IV с литовской элитой виленский воевода Ян Гаштовт склонялся к провозглашению великим князем литовским Радзивилла Остиковича. В начале 1453 г. тот даже выехал к Сайид-Ахмату II с целью заручиться его военной помощью. Но эти планы сорвал некто иной, как Хаджи Герай, который летом того же года нанес своему ордынскому врагу сокрушительное поражение и захватил не только вражеский обоз (Орда-Базар), но и самого Радзивилла [Długosz, 1870a, s. 110; Index, 1835, № 1913, р. 20; LEC, 1905, № 296, р. 262].

Двойная неудача на протяжении короткого времени стала переломной в судьбе Сайид-Ахмата II. Он вместе с сыновьями, женами и всего лишь с тремя сотнями приближенных «*бояр*» нашел пристанище у киевского князя Семена Олельковича [Długosz, 1870a, s. 201; Codex, 1876, р. 174–175], где якобы получил полное обеспечение от Казимира IV [Długosz, 1870a, s. 110–111]. После этого о самом хане долго не было слышно, но его люди доставили соседям еще немало бед. Так, в начале 1453 г. они напали на Волынь, разграбили Луцкую землю, дошли до Олесько, где взяли ясырь 9 тыс. чел. и беспрепятственно исчезли [Długosz, 1870a, s. 120–121]. Вернулись они в апреле и напали на Подолье, но там дважды потерпели поражение [Długosz, 1870a, s. 124]. В том же году ханский сын Солтан пытался перейти р. Оку и напасть на

московские владения, но получил отпор [ПСРЛ, 1853, с. 180].

Тем временем для Крымского ханства созрела новая опасность. Османский флот все более активно действовал в Черном море. В 1447 г. он совершил разведывательный рейд на Трапезунд, Грузию и Готию, то есть Феодоро, где пленил много людей [Laonici, 1843, р. 260–261]. В 1456 г. бывший консул Чембало А. Сенестрари упоминал о нападении двух турецких судов на селение Кайто в «*пяти милях*» от Чембало, где османы захватили 300 человек [Codice, 1869, № 309, р. 652–653]. В следующем году в конце июня – начале июля османский флот снова проявил военную активность. Сперва он напал на Константинополь, а потом на Килию, где потерпел поражение от венгров [Cazacu, Nasturkl, 1978, р. 197–210]. Летом 1454 г. пятьдесят судов во главе с адмиралом Темир Ходжа напали на Аккерман (Белгород), но были отбиты. Далее эскадра ограбила генуэзскую колонию г. Севастополис (Сухуми) [Сванидзе, 1985, с. 107–111; Анчабадзе, 1959, с. 244–246] и стала на рейде г. Воспоро.

Генуэзцев охватила паника. В Каффе считали, что это Хаджи Герай пригласил османов захватить город [Codice, 1868, № 22, р. 88–89]. Темир Ходжа встретился с послом хана, после чего 11 июля ввел флот в каффинскую бухту [Codice, 1868, № 33, р. 103]. Там 14 июля вроде бы как адмирал встретился с самим ханом и, по мнению каффинцев, заключил с ним договор [Codice, 1868, р. 103–104]: турки с помощью татар должны покорить Каффу и другие генуэзские города; османский султан получит всех захваченных пленников и контрибуцию, а хан будет владеть городом и всем крымским побережьем [Codice, 1868, № 22, р. 88–89]. Но Мехмед II готовился к войне на Балканах и не стал распылять свои силы. Дело закончилось лишь выкупом с города и увеличением регулярных выплат хану: 600 соммов серебра ежегодно и еще 150 аспров ежедневно [Codice, 1868, № 33, р. 105].

Но Хаджи Герай вряд ли заключил с турками договор о захвате города [Małowist, 1947, s. 158; Гайворонский, 1998, с. 120]. 11–15 июля османы

дважды пробовали сойти на берег. Если бы хан действительно планировал захватить Каффу, то вряд ли бы не поддержал адмирала. Кроме того, правитель Феодоро Олобей предупредил город об угрозе нападения флота [Codice, 1868, № 34, р. 113]. Поскольку Феодоро было под покровительством Хаджи Герая [Codice, 1868, № 150, р. 361; Малицкий, 1933, с. 39], понятно, что и сам хан был заинтересован предупредить генуэзцев. В самой же Каффе еще с весны 1454 г. пребывал турецкий посол, которого городские власти выпустили лишь после того, как османы отошли от стен города. При этом он еще получил и письменное уверение, что каффинцы признают сюзеренитет турецкого правителя [Codice, 1868, № 33, р. 107], что выражалось в уплате дани [Dusaе, 1958, р. 427; Курат, 2014, № 5, с. 127].

Ввиду новой опасности, Хаджи Гераю нужно было собрать силы в кулак и как-то примириться с Сайид-Ахматом II либо же окончательно нейтрализовать его. Сам Сайид-Ахмат II, даже находясь в Киеве, и дальше создавал проблемы. В 1455 г. его люди еще раз попытались напасть на Москву, но под Коломной их встретили московские войска, разбили их и отобрали весь полон [ПСРЛ, 1851, с. 271; ПСРЛ, 1853, с. 180; ПСРЛ, 1859, с. 144; ПСРЛ, 1901, с. 109 и др.]. Ордынцы перекочевали в причерноморские степи, но тут их встретил Хаджи Герая и нанес очередное тяжелое поражение.

Пребывание опасного врага у киевского князя не устраивало Казимира IV. Ян Гаштовт не оставлял мысли вместо него посадить правителем в Вильно если не Радзивилла, то князя Олельку Владимировича (†1455 р.) или его сына Семена [Kolankowski, 1930, s. 280–282; Воронин, 2016, с. 106–109]. Но это противоречило интересам Хаджи Герая, который старался поддерживать добрые отношения как с королем, так и с литовской правящей верхушкой. Казимир IV приказал воеводе Анджею Одровонжу арестовать Сайид-Ахмата II, что и произошло в конце октября 1455 г. Несмотря на неудовольствие поляков, хана содержали в литовском г. Ковно, где он и окончил свою жизнь [Długosz, 1870a, s. 201;

Матвей Меховский, 1936, с. 91; Сборник РИО, 1884, № 100, с. 539. Ср.: Сборник РИО, 1884, № 98, с. 522].

Вместе с Одровонжем были войска молдавского воеводы Петру III Арона, и сыновья Сайид-Ахмата II попали к нему в плен. В 1456 г. молдавский воевода обязался выдать их Казимиру IV по первому же требованию [Documente, 1891, № 52, р. 66], но это не было сделано даже в 1462 г. [Documente, 1891, Apendice, № 522, р. 696, 697]. Татары Сайид-Ахмата II еще во второй половине 1456 г. создали какие-то проблемы для ВКЛ [Korczaк, 2008, Aneks 1, № 5, s. 171] и нападали на московские владения в 1455 и 1459 гг. [ПСРЛ, 1851, с. 5; ПСРЛ, 1853, с. 180; ПСРЛ, 1859, с. 114, 147; ПСРЛ, 1901, с. 109, 112; ПСРЛ, 1949, с. 273, 275–276], но их быстро поглотили другие степные властители, в частности крымский хан.

Еще одной проблемой для Хаджи Герая была неподконтрольная ему Каффа. Захватить город он не мог из-за стен и мощного арсенала огнестрельного оружия [Codice, 1868, № 9, р. 47], поэтому ослаблял генуэзцев экономическим путем. Для этого хан взял под опеку Феодоро, поддерживал ее торговлю и организовал поток товаров в обход Каффы [Codice, 1868, № 33, р. 111]. Если ранее турки привозили товары в Каффу и там покупали рабов, то теперь важное торговое значение приобрел Севастополис (Сухуми).

В 50-х гг. XV в. купцы начали скупать живой товар в Зихии (Абхазии) и перевозить через Воспоро и Кырк-Йер в Каламиту, где продавали османским купцам, тем самым нанося большой вред торговле Каффы [Andreescu, 2003, Anexe, № II, р. 147; Pienaru, 2012, р. 142]. Каффинцы панически отчитывались в Геную: *«можете быть уверенными, что наш город [Каффу] ожидает такая же участь, что и Тану: некогда великую и богатую, а сегодня в руинах из-за отсутствия торговли и притока торговцев»* [Andreescu, 2003, Anexe, № II, р. 147; Pienaru, 2012, р. 142]. Турецкие товары также шли в Каламиту [Codice, 1868, № 33, р. 111], что приносило Каффе дополнительные убытки, но давало немалый

доход хану. Свидетельством роста экономической силы Крымского ханства стало затратное строительство не только ханского дворца в Кырк-Йере, но и каменной мечети в 859 г. х. (1454–1455 гг.), на стенах которой было высечено имя Хаджи Герая [Эвлия, 2008, с. 84].

Наладить доверительные отношения с ханской администрацией генуэзцы не смогли. В Каффе не доверяли хану и очень боялись татарских контактов с османами [Assini, 1999, p. 18; Волков, 1872, с. 126–127]. А тем временем Хаджи Герай решил увеличить дань. Смирив гордость, в 1456 г. генуэзцы вынуждены были воспользоваться посредничеством княжества Феодоро [Vasiliev, 1936, p. 232, nota 2], с которым они пребывали в перманентном конфликте [Assini, 1999, p. 18; Musso, 1965, № 2, p. 233, nota 4; Мыц, 2009, с. 354]. С помощью феодорийского правителя Олобея генуэзцы смогли убедить хана «удовлетвориться давними правами на Каффу» [Andreescu, 2007, p. 39–43]. Условия и размеры выплаты остались неизменными. Интересно, что между татарами и Каффой еще до 1455 г. существовал какой-то договор, написанный буквами уйгурского алфавита [Notes, 1899, p. 38–39, fol. 30v^o].

В том же 1456 году на Крым и Хаджи Герая обрушилось новое несчастье, которое также случилось, по всей видимости, не без участия Каффы: «в этот год пришел султан Махмутаг и прогнал хана *hАтжи-Кирея*, и этот город [Каффа] очень радуется [смене власти]» [Свод, 2010, № 161, с. 252]. Протекторы Банка Св. Георгия, в чью собственность перешли генуэзские колонии Крыма после захвата османами Константинополя, отвечая на письмо каффинских властей о перевороте в Крымском ханстве, 17 ноября 1456 г. рекомендовали всячески поддерживать добрые отношения с «новым императором» и оказать ему всестороннюю поддержку против его врагов [Codice, 1869, № 314, p. 660].

«Махмутагом» мог быть сын Улуг Мухаммада Махмудек (Махмуд), но еще в начале 1456 г. «царевич Момотак с татарскою силою» по велению Василия Васильевича Московского ходил на Великий Новгород [ПСРЛ, 1889, стб.

194]. Тут он назван «царевичем», хотя к тому времени уже давно был казанским ханом [Аксанов, 2018, с. 551–568].

Осенью 1456 года генуэзцам пришлось потратить на расходы, «случившиеся из-за прибытия татар султана Кассима» [Massaria, 1456, f 41v, 42r], который побывал в Каффе в мае 1442 г. Он прибыл в сопровождении Мамака Ширина, сына Тегене Ширина, не позднее 23 сентября. А 24 октября к Каффе в сопровождении даруги Эминека Ширина, брата Мамака Ширина, явился сам Хаджи Герай. Городские власти вновь оплатили пир, где были достигнуты некоторые договоренности. Для этого списали партию вина более 4,5 т. С этого же дня Касым и Мамак стали получать от Каффы содержание (alafa) по отдельности и вместе в среднем 360 аспров в день, а с 29 октября «согласно договору» они получали по 480 аспров в день.

Касым прибыл не один, а в сопровождении тестя Усеина Ширина, слуги Улуг Мухаммада и племянника Тегене Ширина [ПСРЛ, 1859, с. 96; ПСРЛ, 1901, с. 16 и др.]. Если он пытался захватить Крым, то для его спасения могли задействовать Усеина Ширина и его двоюродного брата Мамака Ширина. Возможно, именно Ширины спровоцировали приход Махмутага в Крым, и тогда, вероятно, следует констатировать раскол в стане наиболее могучего крымского клана, когда Эминек остался на стороне хана, а Мамак поддержал или даже организовал попытку захвата власти. Но и Касым, и «Махмутаг» названы султанами, и это значит, что ни первый, ни второй не были в 1456 г. избраны бегями на правление в Крыму. Московские источники называют Махмуда не казанским ханом, а «татарским царем» [Аксанов, 2018, с. 554–556], но не сообщают о его возможном походе из Казани в далекий Крым. Сложно объяснить, почему казанский хан вдруг с головой бросился в крымскую авантюру, для которой нужны были немалые силы и средства.

Вторым вероятным претендентом мог быть Махмуд бен Кичи Мухаммад, а третьим – сын Сайид-Ахмата II. Представители правящей династии Большой Орды никогда не оставляли

идею вернуть Крым под свой контроль. Поэтому вполне возможно, что ордынцы попытались в 1456 г. воспользоваться каким-то удобным стечением обстоятельств. Возможное участие второго не исключается, но оно основано на ненадежных или очень косвенных источниках [Негри, 1844, с. 381; Якушечкин и др., 2015, с. 180].

Хаджи Герай бежал за пределы Крымского полуострова или же укрылся в неприступном Кырк-Йере. Обеспокоенный Казимир IV 29 июня 1456 г. потребовал у молдавского воеводы Петру III Арона подтвердить свою готовность выдать ему сыновей Сайид-Ахмата II по первому же требованию [Documente, 1891, № 52, р. 66]. Но чужаки недолго хозяйничали в Крыму, и к 24 октября 1456 г. Хаджи Герай вновь был полновластным правителем в своем ханстве.

Усиление власти хана расширило его интересы до Северного Кавказа. В частности, известно о конфликте между Хаджи Гераем и Биберди, правителем княжества Кремук, произошедшем в 1460 г. Помирить двух правителей взялся Бердибек, правитель Лусты. Он устроил встречу обоих правителей в Воспоро, но Биберди по какой-то причине не приехал. Хан покинул город, но при этом захватил с собой Бердибека и казнил его [Assini, 1999, р. 27].

Захват османами Константинополя оказал негативное влияние и на Каффу, и на Крымское ханство. Оторванная от метрополии Каффа стала беззащитной, торговля сократилась, доходы снизились [Balard, 1995, р. 224–241; Pienaru, 2012, р. 146]. Отношения между ханом и генуэзцами стали теплее. В 1460 г. последние даже оплатили празднование обрезания ханского сына [Acte, 1897, р. 37–38; Pienaru, 2012, р. 147]. Генуя просила Папу Римского направить на помощь Каффе средства, вырученные продажей индульгенций [Карпов, 1998, № 351 (старый), с. 57, 3 июня 1463 г.], но единственным, кто мог бы оказать реальную помощь, был польский король.

2 апреля 1462 г., узнав о намерениях Казимира IV подписать с Мехмедом II мир, консул Рафаэле де Монтероссо (Монтерубро) просил

короля вписать в условия договора и Каффу как подданный польской короне город, а также надеялся на защиту от татар [Listy, 1861, № 1, s. 5–7; Matricularum, 1905, № 587, р. 30; Codice, 1881, № 14, р. 468–470]. Король согласился на предложение, о чем сообщил каффинцам в своем письме от 1 июля. Это вдохновило власти города, и 16 сентября они просили Казимира IV сообщить турецкому правителю или татарскому *«императору»* об их подданстве Польскому королевству [Listy, 1861, № 2, s. 10–11; Matricularum, 1905, № 609, р. 31; Codice, 1881, № 15, р. 470–471]. Расчет Каффы понятен: генуэзцы надеялись, что султан не станет разрывать дружественные отношения с королем, если тот возьмет город под свою защиту и позволит разблокировать Босфор и Дарданеллы для беспрепятственного сообщения со Средиземноморьем.

Продолжением польско-каффинских отношений стала привилегия, данная Казимиром IV купцам города 2 января 1466 г. на свободную торговлю по всей Польше [Akta, 1876, № LXVII, s. 99–100]. В ее основе торговые интересы. Точно так же 1 июля 1466 г. кайзер Фридрих III выдал жителям Генуи и Каффы специальный диплом на торговлю в Священной Римской империи на протяжении двенадцати лет с особым акцентом на право торговать рабами [Regesta, 1859, № 4542, s. 467]. А в начале 1468 г. уже молдавский воевода Штефан Великий отправил посольство в Каффу и другие причерноморские города с призывом восстановить торговые контакты с Килией, которую он захватил в 1465 г. [Acte, 1897, р. 43].

Вряд ли номинальная протекция короля над Каффой могла реально тревожить Хаджи Герая, который в конце своей жизни имел с генуэзцами достаточно добрые отношения. Несмотря на стремление властей минимизировать общение горожан Каффы с татарами, контакты продолжали быть достаточно интенсивными [Codice, 1870, № 357, р. 816], и никакие штрафы не могли им помешать [Codice, 1872, № 625, р. 284]. Не испортил их даже случай 1464 г., когда князек Матреги генуэзец Захария Гизольфи, брат будущего каффинского консула Калоккио Гизольфи

(1467), обратился к хану с просьбой сообщать напасть на Каффу. Это письмо было перехвачено, и Гизольфи отправился в тюрьму, где сидел до конца жизни хана [Codice, 1872, № 658, р. 338–339, № 730, р. 439, № 788, р. 531].

Отношения Крыма с Большой Ордой в это время не были исключительно враждебными. Судя по массовым находкам монет Хаджи Герая на городище Каменный бугор в нижнем течении Волги [Лебедев и др., 2004, с. 29, 37, 70], между Крымом и Волгой в 50–60-х гг. XV в. происходила интенсивная торговля.

Но ордынские правители не оставляли надежды поставить «крымских мятежников» под свой контроль. В 1460 г. кто-то из сыновей Кичи Мухаммада попробовал восстановить ордынскую власть над богатой Каффой и отправил туда посланника с требованием платить ему дань. Но это вызвало жесткую ответную реакцию Хаджи Герая, и его поход на ордынцев летом того же года закончился победой [Musso, 1965, № 4, р. 233].

В середине 60-х гг. XV в. конфликт получил продолжение, но в этот раз он обострился настолько, что крымский хан даже нуждался в помощи генуэзцев. В мае 1465 г. из Генуи писали в Каффу, что в этом вопросе власти города должны проявить взвешенность [Codice, 1872, № 658, р. 339]. Но, видимо, в Каффе думали несколько иначе и нашли с ханом общий язык. Когда летом 1465 г. Махмуд бен Кичи Мухаммад переправился через р. Дон для нападения на земли Руси, Хаджи Герай напал на ордынцев [ПСРЛ, 1859, с. 151; ПСРЛ, 1901, с. 116; ПСРЛ, 1921, с. 186; Długosz, 1870a, s. 398]. Он разбил *«татарского хана Кичимахмета... захватил все его земли, замки, города вместе с народом, женами и богатым имуществом жителей»* [Długosz, 1870a, s. 398; Сборник РИО, 1884, № 82, с. 414].

Казимир IV поздравил Хаджи Герая с победой [Akta, 1870, № 112, s. 199]. Генуэзцы тоже были довольны [Codice, 1872, № 678,

р. 371–372, письмо от 30 декабря 1465 г.] и приветствовали хана специальным посольством [Musso, 1966, № 6, р. 317, запись от 7 сентября 1465 г.]. Усиление Крымского ханства привлекло внимание Римской курии, прежде всего в надежде использовать татар в борьбе с османской экспансией. 10 августа 1465 г. с целью убедить хана присоединиться к антиосманской коалиции прибыл Антиохийский патриарх Лудовико да Болонья. Но хан поставил свой ответ в зависимость от решения Казимира IV, *«которого издавна считает своим братом и господином»*. Лудовико пробыл в Крыму пять месяцев и уехал в Вильно, где встретился с королем [Długosz, 1870a, s. 397–399].

Тем временем хан Махмуд бен Кичи Мухаммад отбил свои владения, о чем сообщил турецкому султану Мехмеду II в письме от 10 апреля 1466 г. [Курач, 2014, № 2, с. 68–79; Султанов, 1978, с. 240–241]. Хаджи Герай не очень и держался за завоеванные земли, и свою роль сыграла невероятно суровая зима [Сборник РИО, 1884, № 82, с. 414; Akta, 1870, № 112, s. 199]. Но конфликт на этом не закончился. 11 мая 1466 г. в Каффе знали, что к Хаджи Гераю были отправлены письма с уведомлением *«о приходе другого императора, спешащего с большим войском против него»* [Пономарев, 2014б, с. 200–201, прим. 64], а 16 июня генуэзцы выслали к хану специального посланника, *«чтобы сообщить ему новость о двух братьях императорах татар, идущих против него, каковая новость получена была из Таны»* [Пономарев, 2014б, с. 201].

Но при жизни Хаджи Герая столкновений с Большой Ордой больше не было. Уже в скором времени Крымскому ханству было не до ордынских земель, поскольку 25 или 26 августа 1466 г. Хаджи Герай умер [Пономарев, 2014а, с. 141–142]. Ян Длугош писал, что его, возможно, отравили [Długosz, 1870a, s. 443]. Тело хана было погребено в Салачике рядом с дворцом [Гайворонский, 2006, с. 5] в восточном предместье современного Бахчисарая.

3.3. Происхождение династийного имени Гераев

И. В. Зайцев

Как и в других золотоордынских ханствах, в Крыму правили представители одного рода – Джучидов (потомков сына Чингиза Джучи). Ханы были потомками младшего сына Джучи Тукай-Тимура. Один из сыновей последнего – Уран-Тимур получил от Менгу (1266–1280 гг.) Крым в качестве юрта. Позднее джучидская традиция, в том числе и историографическая, связывала Крым с потомством Тохтамыша, и полуостров считался «Тохтамышевым царевым юртом» [Некрасов, 1999, с. 49; Трепавлов, 2011, с. 375].

В ханстве сложилась династия Гераев¹ – потомков золотоордынского хана Хаджи Герая. Происхождение династийного имени Гераев до конца не выяснено. Уже средневековые историки недоумевали по этому поводу. Так, османский автор Мюнедджим-баши писал о Хаджи Герае: «Он же присовокупил в конце своего имени и слово “Герай”»; но зачем он присоединил это слово и отчего это стало после него необходимо и детям его, причина этого нам не известна» [Смирнов, 2005, с. 184, 199–200]. Возможно, само слово связано с названием одного из монгольских племен – *киреит* (где *кэрэ* – монгольское слово «ворон», а *-т-* показатель множественного числа). Едва ли не первым, кто предположил подобную связь, был Н. И. Веселовский [Веселовский, 1889, с. 176]. Но еще до него это предположение с сомнением высказывал В. Д. Смирнов. Критикуя Й. фон Хаммера, он писал: «Если не совсем тождественное с именем “Герай”, то все же несколько близкое к нему встречается еще у Рашид-эд-Дина название одного тюркского племени “Кераит”. Но чтобы признать генетическую связь между обоими именами, пришлось бы допустить сокращение вышеприведенной фор-

мы старинного собственного имени» [Смирнов, 2005, с. 192]².

Ю. Немет также сопоставлял название Гирей с племенем киреитов (монгольская форма множественного числа из *кирей*), из которого будто бы происходили крымские ханы, а само слово *кирей* (*гирей*, *гирай*) возводил к древнему тюркскому кер («огромный, гигантский»). В этой изначальной форме оно, возможно, отразилось в названии одного из венгерских племен у Константина Багрянородного [Немет, 1963, с. 133; Nemeth, 1965, с. 360–365].

Х. Иналджик также предполагал связь имени Гирей/Гирай с племенем керейтов. Исследователь обратил внимание на то, что среди среднеазиатских керейтов имеется отдельная группа под названием *тараклы* («гребенчатые»). Это дало ему основание предположить связь между этой группой и крымскими ханами, поскольку тамга последних называлась «тарак». Само слово Гирей/Герай/Керей Х. Иналджик производил от тюркского *кер* – «самое сильное существо» [Кангиева, 2007, с. 80–81]. Впрочем, как совершенно справедливо замечает Мария Иванич, «трудно представить себе происхождение династического имени из родового потому, что это полностью противоречило монгольской социальной иерархии: потомки Чингисхана, члены золотого рода (*алтын урук*) сознательно выделяли себя из простых людей (*кара киши* – “чернь”). Они считали всех других, даже людей высокого ранга или происхождения *кара киши*. Для членов *алтын урук* члены рода Киреев, даже самые заслуженные, оставались *кара киши*. Поэтому исключено, что они взяли в качестве династического имени имя этого рода» [Ivanics, 2012, с. 479].

Турецкий лексикограф Ахмед Вефик-паша в своем словаре «Лахджа-йи усманийа» возводил

¹ В русских средневековых документах, а затем и литературе утвердилась форма Гирей (а не Гирай, или Герай, как это принято в украинской, западной и турецкой литературе, а иногда встречается и в современной российской). Причины этого написания достаточно изложены Н. И. Веселовским [Веселовский, 1889, с. 176].

² Вопрос о тюркской или монгольской принадлежности керейтов, а также их связи с предполагаемыми потомками в родоплеменных группах разных тюркских и монгольских народов до сих пор не решен [Ушницкий, 2011, с. 30–33].

крымское династическое имя к монгольскому «гарай» в значении «заслуженный», «достойный», «обладающий правами» [Султанов, 2001, с. 144–145]³. Как замечал А. Гафуров, «случай присвоения царевичу прозвища по названию рода его наставника, пожалуй, редчайший и едва ли правдоподобен. Но утверждение о том, что это монгольское имя, не лишено оснований. Имя Гирай или Герай у монголов встречалось нередко. Это имя носили два внука Хулагу и два монгольских военачальника. ... основу имени Герай может составлять корень кер с семантикой ‘упорство, стойкость’, ‘оспаривать’. Имена с таким значением составляют большую группу в тюркской и монгольской антропонимии. Вполне возможно, что имя Герай/Керай/Гирей означает ‘упорный, стойкий’» [Гафуров, 1987, с. 28–29].

Константин (Кесарий) Дапонте в своем греческом описании Крыма (1746 г.) возводит название династии к персидскому царю Киру II Великому (559–530 гг. до н. э.). Персонаж описания Харитон спрашивает Психею: «Скажи-ка мне, что значит, собственно, “Гирай”?» Психея: «Я слышала, как молвили они о том, как это произошло: что ханский род ведет свое начало от Кира персиян, и потому их нарекли Киреи». Сложно судить о том, насколько эта история происхождения рода Гераев является ученой выдумкой Дапонте или же доморощенным слухом, подмеченным им в Крыму. Но совершенно точно, эта генеалогическая конструкция поднимала тем самым престиж крымских ханов в глазах ученой публики [Альбрехт, 2019, с. 615].

Литовскую версию происхождения имени предлагал Т. Нарбутт, который связывал его с литовским словом *gieros* («добрый, хороший») и литовским происхождением Хаджи Гирея [Narbutt, 1839, с. 500].

Ф. Хартахай утверждал, что настоящим именем первого хана было Девлет-Герай. Приставку к имени он получил по просьбе своего воспитателя-литвина, которого звали Герай. «Умный и набожный Девлет-Герай, без сомнения, сделал много в деле изучения новой религии. Он пу-

тешествовал к гробу Магомета, за что и назван *Хаджи*, т. е. паломник. Но самое важное влияние на окончательное развитие магометанства у татар произвели падение Константинополя и торжество исламизма над христианством» [Хартахай, 2003, с. 23]⁴. Эту идею развил А. Гайворонский, который считает, что первоначальным именем Хаджи Герая и было Гирей («Герай»), а потом, после совершенного хаджа («это могло произойти предположительно в 1419 г.»), к имени добавилось почетное хаджи [Гайворонский, 2003, с. 105].

Теоретически это возможно. Но, скорее всего, у близких родственников Хаджи Герая слово хаджи использовалось все же как имя. Например, тетку основателя Крымского ханства (дочь Таш-Тимура и сестру Гийас ад-Дина) звали Хаджи-султан [Материалы, 1969, с. 40]. Кроме того, факт совершения хаджа для исламских правителей (в том числе и в Дешт-и-Кипчаке) почти всегда означал добровольный отказ от престола. Поэтому сами ханы *хадж* никогда не совершали (всегда только их близкие родственники – братья, матери, жены).

По рассказу Сейида Мухаммеда Ризы, Хаджи Герай будто бы принял его потому, что его отец Гийас ад-Дин воспитывался среди племени Герай и имел там *аталыка*, совершившего *хадж* [Смирнов, 2005, с. 186–187].

Еще одну версию происхождения династического имени крымских ханов сохранило для нас сочинение раббинита из Карасубазара Давида б. Элизара Лехно (или Ляхну; ум. в 1735 г.) «Устное повествование» (ס'תפיש תבד) написано на древнееврейском языке между 1681–1731 гг. [Финкель, 1848, с. 693–704]. Этот труд состоит из 53 глав, им предпослано предисловие, в котором содержится история крымских ханов до 1681 г. Предисловие оканчивается воцарением в третий раз Каплан-Герая в 1143/1730–31 г. Оба списка сочинения (они хранились в Одесском обществе истории и древностей) после этого события имели лакуну в 5 листов. Далее шел фрагмент второй главы. Третья глава начиналась воцарением Хаджи Герая в 1094 г. х., а 35-я глава – 2490 г. еврей-

³ Мария Иванич считает, что это слово в действительности ни в одном словаре не зафиксировано и является словом-призраком [Ivanics, 2012, с. 478].

⁴ См. также [Хартахай, 1866, с. 198–199].

ского летосчисления, или 1143 г. х., – низвержением Менгли-Герая султаном Махмудом [Гаркави, 1884, с. 1–41; Маркон, 1910, с. 599–602; Маркон, 1916, с. XI, XII; Markon, 1938, с. 547, 548; Боровой, 1941, с. 295–299]⁵.

Во введении Лехно сообщает, что восьмым ханом в Крыму был Нур-Девлет, который был в Киркоре (караимск. Кале), девятым Хайдар, 10-й Гелдыш-хан, против которого взбунтовались вельможи из дома Мансур-оглы и умертвили его вместе со всеми сыновьями, за исключением одного, который скрылся и, переодевшись в лохмотья, получил место пастуха у Герай-бая. Дочь Герай-бая увидела, что он ест хлеб на подстланной скатерти и отец ее догадался, что он наследник престола. Пастух с помощью ее отца восходит на престол под именем Мухаммед-хан, убивает Эдига-мурзу (убийцу отца). В благодарность к Гераю прибавляет к своему имени имя Герай [Гаркави, 1884, с. 2–3]. Несмотря на нарушенную хронологию, эта версия ранней истории ханства заслуживает пристального внимания. Очевидно, что автор пользовался каким-то тюркским текстом (близким к тексту Сейида Мухаммеда Ризы), который он называет «История крымских царей» [Зайцев, 2013, с. 164].

В одной из редакций «Дафтар-и Чингиз-наме» (скорее всего, ранней) вслед за перечислением шести сыновей Тохтамыша сказано: «Когда Тохтамыш попал в трудное положение (букв.: разорился), двух его сыновей воспитывал (некто) по имени Герай-бай. Взяв этих двух его сыновей, возвели на ханство в Крыму. Имена этих двух его сыновей – Искандер и Абу Са‘ид». В оригинале (как его передает И. А. Мустакимов), последняя фраза может читаться, скорее как «Имя его сына Искандер Абу Саид» [Мустакимов, 2009, с. 127–128]⁶.

В «Сборнике летописей» Кадыр-Али-бека эта история представлена несколько иначе: «По-

⁵ И. Маркон частично издал текст хроники на языке оригинала.

⁶ В краткой рукописной заметке по истории Крымского ханства, опубликованной Н. С. Сейтягьяевым по рукописи НБУВ им. В. Вернадского (рук. 3780), эти же два (или все же один?) персонажа также указаны среди потомков Тохтамыша [Сейтягьяев, 2011, с. 344].

сле убийства старшего брата Хаджи-Герая-хана Джан-Герая-султана [конратскими беками] он в бегах будя у Чакырганбая в услужении... находился; беки между собою [не имея согласия] в несогласии идя, нашед его, Хаджи Герай-султана, в ханы избрали року... 906...» (перевод Чокана Валиханова) [Заатов, 2011, с. 550]⁷. Дастан о Хаджи Герае – один из самых запутанных и загадочных в «Сборнике летописей», прежде всего с точки зрения хронологии (призвание Хаджи Герая в версиях Ч. Валиханова, А. Рахима и Хальфинской датировано соответственно 906, 954 и 956 гг. х.) и географических несовпадений (в нем встречаются названия селений на территории бывшего Казанского ханства) [Зайцев, 2004а, с. 168–169; Зайцев, 2009, с. 231–232].

В искаженном виде версия о происхождении династийного имени от имени пастуха попала даже в документы ГПУ начала 20-х годов XX в. В справке за подписью Председателя Крымского политического управления С. Ф. Реденса, датированной 1922–1923 гг., читаем: «Первым ханом был Гаджи-Герай (от слова Герай – пастух, потому что он якобы в детстве во время татарских смут был спасен пастухом), отсюда все татарские ханы носили название Герай-пастух» [Ефимов, Белоглазов, 2002, с. 149].

В. Д. Смирнов предполагал и другую связь названия династии: «Не понравилось ли это имя Менглы Гераю своим созвучием с греческим *Κύριος* = «господин, владыка», которого он мог слышать от греков и в самом Крыму, и в Константинополе, где он проживал некоторое время в качестве пленника?» [Смирнов, 2005, с. 201, прим. 1]. В последнее время эта идея была поддержана Марией Иванич. Венгерская исследовательница несколько усложнила мысль В. Д. Смирнова, предположив, что *кирей* происходит не непосредственно от *кириос*, а от формы звательного падежа этого слова – *кирие* (подобно тому, как именно в форме вокатива турецкий язык заимствовал греческое слово *эфенди*) [Ivanics, 2012, с. 482–483].

Хаджи Герай в действительности, скорее все-

⁷ Подробнее о связях династии с кунгратами см. [Зайцев, 2016а, с. 238–255].

го, был не первым из ханов, которые владели Крымом, кто носил это имя. Например, османский историк Мустафа Али-эфенди (1541–1600) называет одного из преемников Узбека на золотоордынском престоле Джанибек-Гераем [Мустафа Али-эфенди. б. г., л. 87]. Это можно было бы счесть недоразумением (Мустафа Али Гелиболулу, который пользовался сведениями Мухаммеда Ташкенди, мог, например, спутать двух персонажей – Джанибека и Герая, объединив их в одного)⁸. Однако есть несколько не зависящих друг от друга свидетельств, согласно которым уже Улуг-Мухаммед имел эту приставку к имени.

В записи последовательности правлений крымских ханов из собрания Матенадарана обращает на себя внимание, что среди предшественников Хаджи Герая назван некий Мухам-

⁸ Тем более, что вопреки истине у Мустафы Али после Узбека правит некий Калан-оглан, а потом Джанибек-Гирей-хан (там же, л. 87). Об этой рукописи Али-эфенди см. [Вейси, 1976, с. 19–21]. Нет сомнений, что последовательность золотоордынских ханов в этом фрагменте изложена Али-эфенди по Ташкенди. У Абдуллы б. Ризвана (20-е гг. XVII в.), чьим источником было сочинение Али (или же непосредственно текст Ташкенди), между Джанибеком и Узбеком правит какой-то Инсан-оглан [Зайцев, 2009, с. 84–85, 87–88, 216–217]. Этот же Инсан-оглан из потомства Бату назван правителем Дешта (отобравшим власть у потомков Шибана) у Абу Мухаммеда Мустафы ал-Дженнаби (ум. в 999/1590–91 гг.), который также пользовался текстом Ташкенди [СМИЗО, 1884, с. 536]. Наконец, встречаем Инсан-оглана (опять между Узбеком и Джанибеком) и в тексте Хюсейна Хезарфенна, который в своем крымском разделе ссылается и на Ташкенди, и на «Суть известий» Мустафы Али [Хюсейн Хезарфенн, л. 28об.]. Таким образом, у Ташкенди определенно имелся этот пассаж. Однако ни у Дженнаби, ни у Абдуллы, ни у Хезарфенна нет никакого Джанибек-Герая. В тексте Дженнаби Джанибек назван «великим» [СМИЗО, 1884, с. 536]. Может быть, приставка Герай могла возникнуть у Али из неправильно прочитанного арабского эпитета? Эпоха правления Джанибека считалась золотым веком в истории Золотой Орды. Например, Абу-л-Гази называл его «справедливым» [Кононов, 1958, с. 1299]. Известен и еще один его эпитет («азиз» – «святой»), сохранившийся в тексте «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» [Мустакимов, 2013, с. 235]. Я уже высказывал предположение о том, что текст Ташкенди (дошедший в османском изложении) имел прошибанидскую направленность [Зайцев, 2009, с. 88] и, возможно, был отчасти посвящен противостоянию шибанидов и тукай-тимуридов, отразившемуся в «Чингиз-наме» [Утемиш-хаджи, 1992, с. 92, VII; Ötāmiš Nāji, 2008, с. 10, 69].

мед-Герай [Зайцев, 2009, с. 205–206]. Очевидно, имеется в виду Улуг-Мухаммед, который традиционно включался в список ханов, правивших Крымом. Любопытно, что в его имени мы видим династийную приставку – Герай, которая утвердилась за крымскими ханами. Это не единственный случай, когда Улуг-Мухаммед называется Мухаммед-Гераем. Точно так же в качестве преемника Кадыр-берди он назван в родословной Ширинских беев [Лашков, 1889, с. 98–100]⁹, а также в одной из грамот ногайского нурадина Исмаила, которую доставили в Москву в сентябре 1552 г. [Посольские, 2006, с. 105]. Сложно предположить, что сразу в четырех не зависящих друг от друга источниках приставка Герай употреблена по отношению к Улуг-Мухаммеду по недоразумению. Некоторые средневековые авторы иногда включали Улуг-Мухаммеда в число сыновей Тохтамыша (хотя в действительности Улуг-Мухаммед был сыном Ичкеле Хасана, и Тохтамыш приходился ему дядей по отцу)¹⁰. Тогда можно было бы предположить, что прозвище Герай закреплялось за одной из ветвей потомков Тохтамыша, или даже на более древние родственные связи первых крымских ханов и Улуг-Мухаммеда, а именно их общее родство как потомков Тукай-Тимура. В русских родословных записях, которые имели татарский источник, это родство подчеркивалось особо [Vásáry, 2008, с. 369–370]. Согласно «Му'изз ал-ансāб», брат Хаджи Герая также имел в составе имени эту приставку (его звали Джан-Герай) [Му'изз ал-ансāб, 2006, с. 45].

Согласно «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» Крым (т. е. город Старый Крым – Солхат) и Кафа были первоначально пожалованы Чингисханом своему сыну Джучи [Мустакимов, 2013,

⁹ Исследователи уже неоднократно обращали внимание на то, что родословная традиция тесно связывала род Гераев с Улуг-Мухаммедом, и в «Родословной Ширинских», составленной в октябре 1820 г. главным образом на основании устных преданий, говорилось о том, что ширинский бей Тегене в 820 г. хиджры (18 февраля 1417–7 февраля 1418) избрал на крымский престол Улуг-Мухаммед-Герай-хана [Лашков, 1897а, с. 38; Григорьев, 2006, с. 118; Акчурина, 2013, с. 6].

¹⁰ О причинах см.: [Исхаков, 2002, с. 73].

с. 239]¹¹. Тукай-Тимур был тринадцатым сыном Джучи [Рашид-ад-Дин, 1960, с. 66, 77]. «Му'изз ал-ансаб» называет его матерью наложницу Кагри-хатун из племени меркит [Султанов, 2001, с. 142; Му'изз ал-ансаб, 2006, с. 38]. Возможно, именно это обстоятельство и стало причиной того, что потомки Тукай-Тимура имели как будто бы несколько более низкий статус среди остальных Джучидов. Согласно «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи, потомки Шибана якобы попрекали Тукай-Тимуридов тем, что Тукай-Тимур в отличие от других братьев (сыновей Джучи) не получил улуса после смерти отца в 1226 г. «Когда после смерти нашего отца Иочи-хана наши отцы отправились к нашему великому деду Чингисхану, то он после Иджана и Саина (т. е. после Орды и Бату, – И. З.) поставил юрту [и] для нашего отца Шайбан-хана. Для вашего [же] отца [он] не поставил даже и [крытой] телеги» [Утемиш-хаджи, 1992, с. 92, VII; Ötämiš Hājī, 2008, с. 10, 69]. Согласно Махмуду ибн Вали («Море тайн, относительно доблестей благородных»), потомки Тукай-Тимура получили прозвание «ханских сыновей» (*Хан-оглы*) [Султанов, 2001, с. 142]. Действительно, среди его потомков мы встречаем много Чингизидов, которые имели приставку «оглан» («углан») в имени [Исхаков, 2002, с. 70].

Согласно Махмуду б. Вали, потомки Тукай-Тимура «по воле Бату» властвовали над асами (*вилайет-и ас*), а также на Мангышлаке и в Хаджи-Тархане. Сын Тукай-Тимура Уран (Оран)-Тимур был пожалован вилайетом Крым и Кафой в самом начале правления Менгу-Тимура (1267–1280). До этого, при Берке, степным Крымом распоряжался темник Тук-Буга [Султанов, 2006, с. 218–219; Некрасов, 1999, с. 48]. Может быть, что Уран-Тимур получил Крым по наследству от отца. Улус потомков Тукай-Тимура, выделенный им после западного похода, включал Мангышлак, Хаджи-Тархан и область асов, а в 1266 г., как сообщает Абу-л-Гази, Менгу-Тимур пожаловал Бахадур-хану (сыну Шибан-хана) об-

ласть (мамлакат) под названием Ак-Орда, а Кафу и вилайет Крым передал Уран-Тимуру, который был сыном Тукай-Тимура, а сам отправился в поход на страну Булгар. По прошествии двух лет он вернулся оттуда победителем [Histoire, 1871, с. 173; Histoire, 1874, с. 182; Кляшторный, Султанов, 1992, с. 191]. Если исходить из того, что Бахадур унаследовал эту область от отца, то получается, что Уран-Тимур тоже был утвержден верховным ханом в наследстве. В. Д. Смирнов, ссылаясь на Абу-л-Гази, также считал: «Самым ранним формально признанным властителем в Крыму обыкновенно считается Оран-Тимур, сын Токай-Тимура, младшего брата Бату, получивший эту область в удел от Менгу-Темира» [Смирнов, 2005, с. 80].

Область асов в данном случае может означать асов, живших в низовьях Дона и приазовских степях.

Помимо династической приставки, есть еще один атрибут, который связывал потомков Тукай-Тимура. Это тамга. Изображение трёхногой тамги (так называемая «тарак-тамга») прочно вошло в историографическую традицию как родовой знак крымской династии Гераев, однако он встречается на монетах Токтамышша, Шадибека, Пулада, Чекре, Улуг-Мухаммеда (также, как и на его ярлыке от 15–24 апреля 1420 г. [Григорьев, 2006, с. 115–116]), Гийас ад-Дина, Кичи-Мухаммада, Муртазы (сына большеордынского хана Ахмеда) и некоторых других ханов. Все перечисленные правители, как и Муртаза, ведут свое происхождение от Тукай-Тимура, таким образом, «тарак-тамга» могла быть общим родовым знаком представителей именно этой ветви Джучидов. Однако дело осложняется тем, что на монетах ханов XV в. – потомков Тука-Тимура – встречается и другая тамга, по форме напоминающая «двузубую вилку» [Казаров, Студицкий, Рева, 2013, с. 348]. Более того, один и тот же хан мог на монетах помещать разные тамги (в зависимости от места чеканки). Например, Улуг-Мухаммед чеканил «тарак-тамгу» на своих сарайских монетах, хотя на его же монетах из Хаджи-Тархана и Орду-Базара тамга совершенно иная. Трёхногая тамга чеканилась и на татаро-генуэзских монетах Кафы (1421–1445 гг.).

¹¹ Этот текст «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о пожалованиях сыновьям Чингиза, по мнению И. А. Мустакимова, был заимствован из какого-то тюркского эпического произведения, скорее всего, созданного в улусе Чагатай (Там же, с. 237).

Вариант такой тамги Хаджи Герай б. Гийас ад-Дин выбрал в качестве родовой тамги Гераев, и с 845 г. х. (1441/1442 г.) она чеканилась на монетах [Лебедев, 1990, с. 149]. А. П. Григорьев утверждал, что тамгой-трезубцем пользовались золотоордынские ханы из потомков Джансы¹², которые правили задолго до времени утверждения в Крыму династии Гераев [Григорьев, 2006, с. 115–116].

Таким образом, приходится признать, что ни этимология династийного имени ханов Крыма, ни исторический контекст его происхождения нам до конца не ясны. Наконец, для первых двух поколений крымских ханов не совсем понятна логика присвоения приставки Герай представителям династии. Мы твердо знаем, по меньшей мере, трех братьев Менгли Герая I (Нурдевлета, Айдара и Кельди-бая (Кельдиша), правивших в Крыму), а также не правивших братьев и племянников, которые этого прозвища не носили¹³. Учитывая все вышеизложенное, возможно,

следует отказаться от монгольской этимологии и этнической или клановой привязки династического имени ханов, а искать этимологию в тюркских языках и родственных связях. Тогда, возможно, имя Герай (كراى) происходит от османского и крымскотатарского диалектного *гери* (كرو; كرى) со значением «порода, род, дед» [Севортян, 1980, с. 27] и аффикса *-ай (-эй)*, который употребляется в некоторых тюркских языках для образования уменьшительных, главным образом ласкательных, имен существительных, связанных с обозначением различных степеней родства (по типу *бабай* – «дедушка», *анай* – «матушка», *атай* – «батюшка», *абай* – «тетушка») [Серебренников, Гаджиева, 1979, с. 104]. Тогда Герай будет значить «дедушка», что неплохо сочетается с легендой о воспитателе хана, в честь которого он принял свое имя. Тогда полное имя первого крымского хана можно было бы перевести на русский как «дедушка-паломник (хаджи)»¹⁴.

¹² Джанса (Джине или Ченте-оглан) был отцом Ичкеле-Хасана (Хасан-оглана), т. е. дедом Улуг-Мухаммеда.

¹³ Это косвенным образом может говорить о том, что в XV в. приставка Герай все же имела какое-то отношение к племенному происхождению (по матери?), а не к самому факту занятия крымского престола, и только позже, уже в XVI в., стала однозначно определять потомков Менгли Герая вне зависимости от происхождения их матерей.

¹⁴ Отсюда и производное личное имя Герейли, которое мы встречаем у Абу-л-Гази среди внуков Огуз-хана [Кононов, 1958, с. 527].

ГЛАВА 4. ОСМАНСКИЙ КРЫМ

4.1. Турецкое вторжение в Крым (1475 г.).

В. Л. Рувев

Черноморский бассейн стал средоточием торговых путей, связывающих государства Востока и Запада. Первоначально значимость этого региона для мировой торговли оценили венецианцы и генуэзцы, к которым присоединились иные государства, обеспечивающие транзит по своей территории. Главным узлом черноморской торговли оставался Константинополь, надежно контролировавший пролив Босфор. Захват Константинополя 29 мая 1453 г. позволил туркам-османам приобрести политические, экономические, религиозные и репутационные выгоды. Но вместе с этим обнажилась иная проблема. Военная машина Османской империи, имевшая блестящий опыт сухопутных сражений, оказалась не готова к ведению боевых действий в морских акваториях по причине заметной слабости собственных военно-морских сил. Последние к середине XV в. были достаточно малочисленными и использовались османами для небольших военных операций. Однако Венецианская война (1463–1479) привела к усилению военного флота Османской империи, который к середине 70-х годов XV века стал представлять собой грозную силу.

В пределах третьей четверти XV века европейским купцам удалось компенсировать потерю проливов Босфор и Дарданеллы путем диверсификации торговых путей через территорию Молдавии. Ключевую роль в этом процессе стали играть молдавские порты Килия и Монкастро, а также основные торговые пункты генуэзцев – Каффа, Солдайя, Тана, Амастрида, Матрега. Кроме того, часть товаров перебрасывалась сразу к бассейну Средиземного моря через государство Ак-Коюнлу и Мамлюкский султанат. Война за контроль над черноморской торговлей в замыслах военно-политической верхушки Османской империи эволюционировала от действий за обладание этими опорными пунктами до захвата территорий вражеских государств с тотальным превращением Черного моря во внутреннее «Османское

озеро». Стратегические направления и тактические инициативы агрессии османов против государств Черноморского бассейна в значительной степени сочетались с действиями Венецианской войны.

После успешного завершения Константинопольской кампании в 1453 г., с 1456 г. последовала Трапезундская, которая к 1461 г. позволила не только ликвидировать государственные образования Южного Причерноморья, но и ослабить Ак-Коюнлу. Полученные результаты позволили не только парализовать часть неконтролируемых османами торговых путей вдоль южного побережья Черного моря, но и обезопасить восточные границы Османского государства [Махмудов, 1991, с. 95; Успенский, 1997, с. 642; Карпов, 2007, с. 437].

Далее Мехмед II попытался разрубить «гордиев узел» тотального контроля над черноморской торговлей путем захвата опорных торговых пунктов Молдавии. В 1462 г. Валахия, отделявшая Молдавию от Османской империи, попадает в вассальную зависимость от последней. Молдавский господарь Стефан Великий оказывается между двух огней – Венгерским королевством и османами. В 1467 г. Стефан одерживает победу над войсками венгерского короля Матиаша Корвина [Семенова, 2006, с. 82–84]. К началу 70-х гг. XV в. Молдавское княжество настолько окрепло, что стало представлять существенную угрозу для самой Османской империи в регионе. В это время Мехмед II сосредоточивает основные силы против Венеции и Ак-Коюнлу. Это позволило Молдавии не только вернуть себе ключевую роль в черноморской торговле, но и в 1473 г. посадить на валахский престол своего ставленника Лайоту Басараба. [Семенова, 2006, с. 85]. Дань своему сюзеру Стефан перестал платить еще в 1470 г. Стремительное усиление Молдавии привело к появлению на границах Османской империи смертельно опасного врага. Зимой

1474/75 г. Мехмед II попытался окончательно разрешить «молдавский вопрос», отправив против Стефана Великого стотысячную армию [Семенова, 1987, с. 77]. Однако в битве под Васлуем 10 января 1475 года она была разбита молдавским войском [Семенова, 1972, с. 214; Chamańska, 1996, s. 136].

Одновременно накалилась внутривосточная обстановка в Крымском ханстве, а также усилились противоречия между крымскотатарской аристократией и генуэзской администрацией. В начале 1475 г. встал вопрос кандидатуры на должность тудуна (ханского представителя и сборщика налогов) вместо умершего Мамака. Основными кандидатами стали братья и сын умершего – Эминек, Кара-Мурза и Сейтак. Первоначально вакантное место занял Эминек, однако вскоре его амбиции на новой должности привели к разногласиям с Менгли Гераем и стали причиной последующего смещения. В результате интриг, тайных переговоров, взяток и шантажа новым тудуном стал сын Мамака Сейтак. Опальный Эминек 13 февраля 1475 г. отправляет в Стамбул письмо, в котором призывал османского султана выступить против Каффы, обещая поддержку [Мурзакевич, 1837, с. 76; Хаутала, Гулевич, 2018, с. 844]. После назначения на должность тудуна Сейтака Эминеку удалось в марте 1475 года убедить зятья низвергнуть Менгли Герая, место которого занял Хайдер. Свергнутый хан укрылся за стенами Каффы, а город был осажден силами ширинских беев, руководимых Хайдером и Эминекком [Сестенцевич-Богущ, 1806, с. 206; Смирнов, 1887, с. 266; Колли, 1918, с. 149–150; Małowist, 1947, s. 320].

Одновременно в начале весны 1475 г. княжество Феодоро теряет своего правителя – умирает князь Исаак. Княжеский престол занимает анонимный правитель, называемый в источниках «текфур» («текур»). Вероятно, новому князю не удалось завоевать авторитет среди подданных, что привело к сравнительно легкой узурпации власти в начале июня 1475 г. со стороны шурина молдавского господаря Стефана Великого – выходца из феодоритского княжеского рода по имени Александр [Canale, 1855, p. 354; Vasiliev, 1936, p. 246; Руев, 2014, с. 193–197].

Подобное благоприятное стечение обстоятельств на крымских берегах позволило османским командующим разработать новый план военных действий на лето 1475 г. Согласно этому замыслу, турки совместными действиями сухопутной армии и военно-морского флота должны были нанести два удара – по государственным образованиям в Северном Причерноморье и по Молдавии. Для этих целей на границу с Валахией выдвигалась новая стотысячная армия при личном участии султана, а к крымским берегам – военно-морские силы с десантом из числа янычар и азапов под командованием великого везира Гедика Ахмеда-паши. Гедик Ахмед должен был захватить Каффу и Капитанство Готия, а также таманские владения генуэзцев и Тану. После этого планировалась блокада и осада крепостей Килии и Монкастро. С началом предполагаемой осады этих крепостей основные сухопутные силы турок должны были пересечь османско-валашскую границу в направлении валашко-молдавского пограничья. Таким образом, Молдавию предполагалось атаковать с двух сторон с одновременным захватом двух опорных торговых пунктов на западном побережье Черного моря.

На начальном этапе реализация этого замысла складывалась для османов удачно. Сухопутная армия была выдвинута к границе Валахии, а 31 мая 1475 г. османский флот, насчитывавший до 500 судов различных типов с десантом артиллерией и припасами, показался на рейде Каффы [Колли, 1911, с. 9–10; Хайбуллаева, 2001, с. 364]. Численность османского военного контингента, отправленного к берегам Крыма, разные авторы оценивают в пределах 20–70 тыс. человек [Pistarino, 1990, p. 489, 505; Hammer-Purgstall, 1834, s. 196; Мурзакевич, 1837, с. 77; Мыц, 1991, с. 79; Мыц, 2009, с. 419; Герцен, 2001, с. 367]. Сопоставление данных о вместимости различных типов кораблей и сведений о родах войск, отправленных под командованием Гедика Ахмеда-паши, позволяет сделать вывод, что численность экспедиционного корпуса османов не превышала 20 тыс. человек. Среди них было около 10 тыс. азапов, 6 тысяч янычар, 3 тыс. конницы-сювари, а также подразделение артиллеристов-топчу с не менее 14 тяжелыми осадными пушками и пушками со

ствалами меньших диаметров [Руев, 2011, с. 19–23; Руев, 2014, с. 146–156; Хаутала, Гулевич, 2018, с. 845; Гулевич, 2019, с. 584]. Отметим, что участие в боевых действиях в Крыму принял практически весь янычарский корпус.

Генуэзская Каффа имела одну из масштабных в Северном Причерноморье фортификационных систем, которая состояла из цитадели и внешнего оборонительного кольца, дополнительно усиленного еще одной крепостной линией и рвом [Бочаров, 1998, с. 84]. Площадь города превысила к моменту османского вторжения 80 га, население, по нашим подсчетам, составляло в пределах 20–30 тыс. человек [Руев, 2014, с. 164]. Помимо мощных оборонительных сооружений имелся внушительный арсенал огнестрельных орудий, насчитывавший 198 единиц [Vigna, 1879, p. 1001–1002].

«В один из дней они вошли в порт Кефе. Сразу же выпрыгнули. Вышли на сушу. Были выкопаны траншеи и установлены пушки», – так о начале осады Каффы сообщает современник этих событий Ашик-паша-заде [Хайбуллаева, 2001, с. 364]. В общей сложности она продолжалась с 1 по 6 июня, при этом обстрел укреплений начался со 2 июня. Скорой сдаче крепости способствовал сразу целый ряд факторов: этноконфессиональные противоречия между армянской общиной и генуэзской администрацией во главе с консулом Антониотто ди Кабелла [Колли, 1911, с. 7–8, 15]; продовольственный кризис, вызванный блокадой города сторонниками Эминекы и Хайдера еще с марта 1475 г. [Гулевич, 2019, с. 583–584; Руев, 2014, с. 169]; паника среди городских жителей в результате непрерывного обстрела Каффы огнестрельной артиллерией и зажигательными снарядами [Cazacu, Kévonian, 1976, s. 520; Le Khanat, 1978, s. 49]. Имевшийся у защитников грозный арсенал огнестрельного оружия фактически остался без применения, поскольку предназначался для осады крепостей, но не для обороны. 6 июня к Гедику Ахмеду-паше отправились парламентарии Джулиан дел Фиеско, Баттисто д’Алегро, Систо Чентурионе, Грегорио Росси с предложением принять капитуляцию города при условии сохранения жизни имущества купцов и горожан с выплатой поголовной денежной кон-

трибуции [Canale, 1855, p. 349; Хаутала, Гулевич, 2018, с. 845]. Великий везир согласился на эти условия, и Каффа сдалась на милость победителя. Однако милости ждать не пришлось. Гедик Ахмед-паша нарушил свое обещание – часть горожан была продана в рабство, часть переселена в Стамбул, а оставшиеся жители должны были произвести выплаты в размере половины своего имущества [Cazacu, Kévonian, 1976, s. 520–521; Canale, 1855, p. 350–352; Хаутала, Гулевич, 2018, с. 845; Гейд, 1915, с. 181]. В плен попал и опальный хан Менгли Герай, которого отправили в столицу Османской империи. Источники сообщают, что в результате переговоров ширинских беев с османами предполагалось Каффу передать под юрисдикцию Крымского ханства [Юргевич, 1894, с. 2]. Но и это обещание было нарушено Гедиком Ахмедом-пашой. Город вместе с богатейшей добычей перешел под длань османского султана. Знать Крымского ханства добровольно признала главенство османского султана. Об этих событиях с обеспокоенностью сообщал Стефан Великий в своем послании к венгерскому королю Матиашу Корвину, датированном 10 июня 1475 г.: *«Что касается турок, говорили, что подплыл морем Ахмет Паша на кораблях и стремительно осадил Каффу, и сражался с Каффой три дня, но на четвертый день турки взяли верх и завладели приступом Каффой, которая находится теперь в руках турок. Находился в Каффе император (хан Менгли Герай) с тысячью татар, которых турки покорили. Так что теперь император (хан Менгли Герай) и с ним вся орда покорилась туркам, и татары находятся в союзе с турками»* (текст дан в авторской редакции) [Колли, 1911, с. 13].

Судьба остальных генуэзских крепостей Северного Причерноморья после падения Каффы была predetermined. Одна группировка османов захватила Тану, Матрегу, Копу, Воспоро, которые сдались без сопротивления, другая отправилась покорять укрепления Капитанства Готии. Результаты археологических исследований также показали полное отсутствие следов боевых действий в Солдае, Чобан-Куле, Лусте, Горзувитах, Партените. По всей вероятности, гарнизоны отступали на юго-запад – к Чембало и Мангупу, в

надежде найти спасение на последних кораблях в Балаклавской бухте или за стенами столицы княжества Феодоро. В ряде генуэзских крепостей Лусте, Горзувитах, Партените, Чембало и феодоритской Фуне отмечены следы сильных пожаров. Очевидно, что отступавшие защитники оставляли уже подходившим завоевателям руины и пепелища. Однако множество наконечников турецких стрел, сохранившихся на кровле башни Барнабо Грилло крепости Чембало, свидетельствуют об оказанном сопротивлении защитников последней генуэзской твердыни, оказавшихся в смертельной ловушке один на один с могущественными османами. К концу июня – началу июля 1475 г. владения генуэзцев в Северном Причерноморье были полностью захвачены турками [Руев, 2013, с. 143–146; Руев, 2014, с. 173–186].

Блестяще проводимая Гедиком Ахмедом-пашой военная экспедиция против генуэзцев серьезно обеспокоила молдавского господаря Стефана Великого. Замыслы османов были ему уже известны: после скорого установления их контроля над государственными образованиями Северного Причерноморья на рейде Монкастро появится турецкий флот, а армия Мехмеда II вторгнется в Валахию. В этой тяжелейшей ситуации Стефан Великий в начале июня 1475 г. отправляет на Мангуп своего шурина Александра (по всей вероятности, брата умершего Исаака и анонимного правителя «текфура») с отрядом из 300 воинов для захвата власти [Canale, 1855, p. 354; Vasiliev, 1936, p. 246; Руев, 2014, с. 193–197]. Видимо, не без поддержки населения ему удается узурпировать власть и на фоне победоносного шествия османов приготовиться к обороне столицы княжества. Оборонительная система Мангупа возникает еще во второй половине VI в. и с возведением второй линии обороны и цитадели в первой половине XV в. представляет собой практически непреодолимое препятствие для противника [Герцен, 2001, с. 367]. Менее чем за месяц Александру удается собрать продовольствие для грядущей осады, эвакуировать мирное население под защиту горных укреплений Юго-Западного Крыма, сформировать отряды защитников из числа феодоритов и бежавших от турецкого натиска генуэзцев [Руев, 2014, с. 201–202].

В начале июля 1475 г. передовые отряды турок появились в виду защитников Мангупской крепости. Практически сразу на сторону турок перешел свергнутый «текфур», который сыграл для захватчиков немаловажную роль, передавая информацию о наиболее уязвимых местах Мангупа [Vasiliev, 1936, p. 254–255]. Не имея времени для развертывания своего артиллерийского парка в условиях горной местности, Гедик Ахмед-паша отправляет войска на решительный штурм крепости с южной стороны. Однако пять последующих попыток взятия Мангупа результата турецкому командующему не принесли. Так описывал место штурма путешественник Эвлия Челеби: *«На западе прямо над пропастью проделана малюсенькая железная дверь. Не то что телега, там конь с трудом протиснется. Во время завоевания все янычары, рабы султана, пали шехидами в этом месте»* [Эвлия, 1999, с. 33]. Значительные потери при штурме Мангупа были вменены Гедиду Ахмеду-паше в виде основания для казни в 1482 г. по воле молодого султана Баязида II, опасавшегося его авторитета в рядах янычар.

Столица небольшого горного княжества на длительный срок превратилась в непреодолимое препятствие для турок, и они были вынуждены перенести всю мощь своей военной машины против стен Мангупа. Османы доставляют тяжелые осадные пушки и устраивают несколько осадных позиций, из которых начинают бомбардировку крепостных стен гранитными ядрами, каждое из которых весило около 100 кг. Осада и артиллерийский обстрел Мангупа затянулись вплоть до декабря 1475 г. Археологические исследования основных направлений удара выявили следы обрушений крепостных стен, засевшие в них куски ядер, множество наконечников османских стрел, свинцовых пуль к ручному огнестрельному оружию. Несмотря на успехи артиллерии, источники сообщают, что в итоге Мангуп удалось взять хитростью – с помощью притворного отступления основных сил при штурме, выманивания защитников для вылазки и захвата одного из проходов в крепость засадой [Руев, 2008, с. 127–130; Руев, 2014, с. 246–254]. *«Видя, что захват города силой занял бы мно-*

го времени, паша притворился, будто оставляет город – он отвел главную часть своих войск, а для осады оставил меньшую. Он ушел, делая вид, будто желает вернуться домой, а на деле спрятал своих людей в засаде и остался там ожидать удобного случая. Защитники города, видя, что паша отступил с грустным и унылым выражением лица, будучи уверены в непреступности городской крепости и в силе собственных рук, а кроме того, веря, что увиденное ими выражение лица пашы было искренним и неподдельным (в то время как это была просто уловка), они презрели тех, кто был оставлен для осады, и неоднократно выходили из города. Защитники начали сражаться с осаждавшими. Когда они бились, осаждавшие, отступая, заставили их выйти из города, а затем, сделав вид, будто бы обратились в бегство, увлекли их за собой и завели в ловушку. А затем те благородные бойцы с сердцами львов, доблестные воины, которые дотопе оставались в засаде, вышли оттуда и с саблями напали на несчастных...», – так сообщает об этих событиях османский ученый-богослов XVI в. Хаджи Садэддин [Vasiliev, 1936, p. 256]. Археологические исследования 2011 г. позволили уточнить этот трагический эпизод в жизни столицы княжества Феодоро – все происходящее случилось на южном склоне Мангупа в районе укрепления № 17 Главной линии обороны, в котором имелся укрепленный проход на плато. Против этого прохода турки обратили стволы своих осадных орудий и совершили притворную вылазку с последующим отступлением. Засада пряталась в обширных гротах рядом с проходом в укреплении № 17 и в решающий момент, в ходе вылазки защитников, захватила его.

Несмотря на прорыв турок в город, феодориты организовали очаги сопротивления. Ими стали княжеский дворец, впоследствии полностью сожженный османами [Герцен, Науменко, Душенко, 2018, с. 57], и цитадель. Против

стен последней твердыни турки подтянули небольшие артиллерийские орудия [Герцен, 2001, с. 385]. Продержался последний оплот феодоритов несколько дней, и вскоре он был захвачен. В декабре 1475 г. над Мангупом начали реять османские флаги.

Фактически в результате героического сопротивления столицы княжества Феодоро турки отложили реализацию Валашко-молдавской кампании весны-лета 1475 г. ради победоносного завершения Северопричерноморской. Однако военные результаты 1475 г. привели к серьезным изменениям в черноморской торговле, ведь практически все прибрежные опорные пункты черноморского побережья за исключением молдавских крепостей османы сосредоточили в своих руках. Это привело к существенному ухудшению торгово-экономического положения Молдавии как одной из ключевых стран-транзитёров товаров с Востока в Европу. Победоносное завершение Северопричерноморской кампании практически принесло османам тот самый ключ к окончательному контролю над черноморской торговлей.

Но и в 1476 г. поход в Молдавию не увенчался успехом для турок. Реализовать планы по захвату Килии и Монкастро Османской империи удалось только в 1484 г. уже после смерти Мехмеда II. Окончательное сосредоточение торговых путей и большинства приморских территорий в руках Османской империи привело к победоносному завершению «Черноморской войны». Последующие силовые акции на этих территориях были необходимы для контроля над вассалами и обеспечения своевременной выплаты дани. Исключение составили народы Кавказа, которые с 1479 г. на протяжении нескольких столетий сопротивлялись османской экспансии. Земли бывшего княжества Феодоро и генуэзских владений перешли под контроль Османской империи. Для Крымского ханства начиналась новая страница в истории.

4.2. Османский протекторат над Крымом

И. В. Зайцев

Османское завоевание Южного берега Крыма определило всю последующую жизнь региона, оказав огромное влияние на дальнейшую судьбу ханства.

После завоевания земли южного берега полуострова находились под прямым управлением падишаха. Земли эти делились по османской системе управления на судебно-административные округа – *кадылыки* (Кефе, Мангуп, Судак, Керчь, Тамань, Азов), к которым позднее добавилось еще три (крепость Тат; Балаклава, которая первоначально относилась к Мангупскому *кадылыку*, и Темрюк), а также восемь административных единиц, к ним относящиеся. *Каза (када)* в свою очередь делились на *нахие* – сельскую округу.

Первоначально в завоеванной провинции была введена тимарная система¹. Однако уже в XVI в. тимары были упразднены. Вот как об этом писал османский чиновник Али Чауш в середине XVII в.: «*Эялет Кафа*. В этом *эялете зеаметов* и *тимаров* не имеется. Но имеются отряды султанских войск. Деревни и пашни [*эялета*] являются *хассами* султана. Они управляются казною» [Трактат Али Чауша, 1963, с. 95].

С 1475 г. Крымское ханство оказалось по отношению к Османской империи в сложном положении, которое нельзя однозначно трактовать ни как полный вассалитет, ни как полную независимость.

Это положение было зафиксировано каким-то соглашением (рода *шерти*). Впрочем, со времен В. Д. Смирнова отечественные историки в существовании такого договора сомневаются [Некрасов, 1999, с. 53]. Датировать заключение этого соглашения трудно. Возможно, что в своей первоначальной форме оно было заверено новым крымским ханом Менгли Гераем и завоевателем Кафы Гедиком Ахмедом-пашой (от лица Мехмеда II). Текст этого соглашения дошел до нас

¹ Доходы с этих владений могли идти на нужды всяческих богоугодных заведений за пределами Крыма. Так, мечеть Мехмеда-паши – сына Гедика Ахмеда-паши и мужа второй дочери султана Баязида – в Серезе (Греция) была построена в 898/1492-93 гг. и содержалась, как утверждает традиция, за счет доходов с земельных владений Гедика Ахмеда-паши в Крыму [Konuk, 2010, с. 300–302].

в форме, вероятно, довольно близкой к первоначальной [Зайцев, 2009, с. 142–157]. Очень вероятно, что позже, после выработки дополнительных условий, могла быть подписана еще одна его версия.

В труде Мехмед Герая об этих событиях было сказано так: «После того как его [т. е. Менгли Герая, – И. З.] облекли в пышные царские одежды, они заключили между собою договор. Султан сказал: „Не станем мы, в противность чистому закону, при всяком удобном случае воевать друг с другом и наносить друг другу вред, а будем во всех делах оказывать взаимную помощь и, ведя брань с врагами веры, сквернообычными гяурами, будем мстить им. Впредь пусть род твой присягает мне, и на хутбе сперва пусть поминается мое имя, а потом имя того, кто будет ханом. Эти условия не должны выходить из рамок письменных договоров и должны быть соблюдаемы с обеих сторон“. Хан тоже согласился на это и, удостоившись чести поцеловать руку (султана), получил знамя, барабан и литавры, и таким образом Бенгли Герай-султан был назначен ханом в область Крымскую. Договоры обеих сторон были написаны, и он (Менгли Герай) благополучно и с почестями отправился в пределы Крыма» [Смирнов, 2005, с. 239]. Сообщение Мехмед Герая ясно дает понять, что договор был подписан в Стамбуле. Наиболее подходящее время для этого – 1478 г., когда Менгли Герая утверждали на престол. Неспроста некоторые османские авторы (например, Мустафа Али Гелиболулу в «Кюнх ал-ахбар») датируют «спасение крымской династии» и установление османского суверенитета над ханами 1478 г. [Schmidt, 1991, с. 149], т. е. временем окончательного утверждения Менгли Герая на троне [Иналджик, 2013б, с. 118–119].

Политическая практика свидетельствовала в пользу подчиненности ханов Крыма османским падишахам, тогда как с точки зрения исламской теории государственной власти крымские ханы оставались независимыми и суверенными монархами [Зайцев, 2010, с. 288–296; Zaytsev, 2010, с. 25–27]².

² См. также [Некрасов, 1999, с. 53–55].

Отечественная литература о Крымском ханстве до сих пор находится под сильным, если не сказать тотальным влиянием выдающегося двухтомного исследования Василия Дмитриевича Смирнова [Смирнов, 1887; Смирнов, 1889]. Его концепция о вассалитете и полной подчиненности ханства Османскому государству безраздельно господствует не только в трудах по русско-крымским и русско-османским отношениям, которые написаны специалистами по внешней политике России, но и в отечественной тюркологии, вернее в немногочисленных статьях по Крыму, написанных тюркологами. Попытки взглянуть на Крым как самостоятельный политический организм, пожалуй, если и присутствуют (например, иногда в книге А. Л. Хорошкевич), то в конечном итоге все равно выливаются в выводы о полной зависимости ханства [Хорошкевич, 2001]. Так, А. Л. Хорошкевич, автор упомянутой книги, пишет, что ханство существовало очень недолго: видимо, весь период после 1475 г. вплоть до 1774 г. это политическое образование ханством было считать нельзя. Правда, согласно такой логике, и с 1774 г., когда на престоле независимого от османов Крыма утвердился русский ставленник Шахин Герай, по 1783 г. никакого ханства также не было. Но по иронии судьбы этот период как раз и называют независимостью. Для Смирнова все было ясно: «Ханская власть в Крыму представляется только как бы отражением власти турецкого султана, только временным поручением, продолжительность которого зависела от степени благоволения и доверия старшего к своему подручнику... При таких обстоятельствах вся дальнейшая политическая история Крымского ханства со времени утверждения над ним верховенства Оттоманской Порты складывалась и протекала при постоянном действии двух начал – местного, национально-татарского, стремившегося к полной самостоятельности и самобытности, и внешнего, постороннего, турецко-османского, старавшегося с возможно меньшими для себя хлопотами и затруднениями сохранить за собой верховенство над Крымом в чисто политических видах международного свойства».

«Даже на основании документальных памятников, – писал далее В. Д. Смирнов, – иногда трудно разобраться... и с точностью указать

в иных отраслях государственного управления, где дело ограничивалось исключительно авторитетом власти ханской и где этот авторитет опирается еще на другой, высший авторитет власти султанской» [Смирнов, 1887, с. 245]. Кстати, почти с теми же проблемами определения степени самостоятельности или зависимости Крымского ханства от Османской династии мы сталкиваемся, говоря о статусе Касимовского ханства по отношению к Московскому государству. В полном соответствии с логикой тех, кто отрицает за Крымским юртом статус ханства, в последнее время пишут, что и Касимовского царства или (в тюркской терминологии) ханства не было, потому что ханы в Касимове смещались из Москвы, получали оттуда денежную помощь, наделялись властью и землями. Думается, что усвоенный В. Д. Смирновым, а вслед за ним и его российскими последователями пренебрежительный тон в отношении политического устройства Крыма, как это ни парадоксально, имеет своим источником османский взгляд на крымских татар. Действительно, Смирнов никогда не скрывал, что его труд написан исключительно на основе османских исторических трудов: «...исследование не претендует представить полную историческую картину Крымского ханства, а только свод тех известий, которые находятся в турецких письменных источниках, литературных и документальных, и которые могут или окончательно, категорически подтвердить факты, уже ранее констатированные наукой, но только предположительно, и без достаточных данных; или же пролить свет на явления, доселе пока мало выясненные; или же, наконец, обратить внимание на такие стороны исследуемого предмета, которые оставались вовсе незамеченными» [Смирнов, 1887, с. 29]. На это обратил внимание Н. И. Веселовский (автор рецензии на труд Смирнова): «Турецкие историки, выставляя татар народом грубым, третируют их свысока; стремление унижить татар перед турками, показать, какое великое преимущество имеет султан пред Крымским ханом, проглядывает у этих историков постоянно. Оттого и события, описываемые турками, приобретают особенную окраску...» [Веселовский, 1889, с. 17]. Есть ли какая-либо иная перспектива, исходя из которой, мы могли бы

посмотреть на статус Крымского ханства в международных делах? Думается, что она есть. Тот же В. Д. Смирнов, как мне кажется, смог, возможно, сам того не желая, неявно предложить принципиально иной взгляд на роль Крыма в восточноевропейской политике в XVI–XVIII вв. Я имею в виду его идею о том, что Крым сознательно поддерживал восточноевропейское равновесие, поддерживая союз со слабейшим из пары Москва – Речь Посполитая [Смирнов, 1887, с. 555; Санин, 1987, с. 50]. В XVII в., когда украинское казачество становится активной политической силой, крымцы предпочитают налаживать союз с ним против Москвы, Варшавы или обеих. Попытку развить идею В. Д. Смирнова о роли Крыма как гаранта европейского равновесия не так давно предпринял польский исследователь Дариуш Колодзейчик. Он обратил внимание, что отдельные места в некоторых крымских текстах весьма близки современным политическим идеям о европейском равновесии [Колодзейчик, 2004, с. 83–89], а политико-географический горизонт крымских политиков включал такие страны, как Венеция, Австрия, Дания и Швеция [Колодзейчик, 2004, с. 84–85]. Сюда можно было бы добавить (в 1760-х гг.) и Пруссию. Действительно, крымские ханы довольно часто действовали если не вопреки инструкциям из Стамбула, то, по крайней мере, часто игнорировали их [Некрасов, 1999, с. 53]. Так, по мнению французских исследователей А. Беннигсена и Ш. Лемерсье-Келькеже, «вопреки свидетельствам некоторых иностранных наблюдателей, “узы вассальной зависимости” между ханом и падишахом не были, по-видимому, определены формальным соглашением. В XV и XVI вв. ханы сохраняли полную власть в области внутреннего гражданского и военного управления их княжеством. Они только признали османского падишаха верховным сюзереном, что давало ему право, впрочем, весьма формальное, потребовать от них присоединиться во главе татарских армий к великой армии империи. В XV и начале XVI века ханы еще могли позволить себе категорически отказаться от приглашений Блистательной Порты» [Bennigsen, Lemercier-Quelquejau, 1972]. Так, в начале 1476 г. хан Нурдевет, приглашенный Мехмедом II присоединиться к османским войскам в Молдавии,

отклонил его под предлогом нападения на Крым хана Большой Орды Ахмеда. Он вел себя, таким образом, не как его вассал, а скорее как непостоянный союзник, более озабоченный своими собственными интересами, чем интересами Османской империи. В 1521 г. Мухаммед Герай также ответил лишь слегка вежливым отказом на приглашение Сулеймана Великолепного присоединиться к османской армии в Венгрии [Bennigsen, Lemercier-Quelquejau, 1972; Le Khanat, 1978, с. 95–97 (док. Е. 1301)]³. Эта самостоятельная политическая линия ханства приводит нас к теме сущности отношений османских падишахов и крымских ханов. По рангу крымский хан был приравнен к румелийским бейлербеям и ежегодно получал от султана содержание (сальяне), выделявшееся из доходов кафинской таможни и равнявшееся в XVI в. примерно 1,5 миллиона акче⁴. По случаю восшествия на престол каждый хан получал от османского двора так называемые *теширифат акчеси*, единовременную выплату, которая в XVII в. также могла достигать почти 1 миллиона акче [Fisher, 1977, с. 62]. Кроме того, хан получал из Стамбула еще и так называемые *секбан акчеси* – сумму, выплачиваемую на финансирование корпуса секбанов – личной гвардии, стражи хана, которых также присылали из Стамбула (первым, кто получил эти деньги, был Сахиб Герай [Kellner-Heinkele, 1995, с. 832]). Наконец, при каждом приглашении участвовать в походах османской армии крымским ханам посылалась значительная сумма, которая называлась *туркеш бехасы* («колчанные») – деньги на ведение военных кампаний совместно с османской армией (в Молдавии, Иране, Венгрии). Инвеститура хана султаном включала неременный высочайший прием хана султаном, после чего хан жаловался специальными знаками-дарами – знаменем (санджак), саблей⁶, мехом соболя, ба-

³ Примеры такого самостоятельного поведения крымских ханов см.: [Некрасов, 1999, с. 53–54].

⁴ Эта сумма неуклонно росла и в XVII–XVIII вв. достигала размеров от 2,5 до 9,5 миллиона акче [Fisher, 1977, с. 62].

⁵ Иногда сумма, выплачиваемая Портой крымским ханам за участие в совместных военных действиях, в источниках называется – *чизме беха* или *чизме бехасы* («сапожные деньги», «на сапоги»), т. е. средства на расходы.

⁶ Этим знаком власти целый раздел своей «Истории» посвятил Джевдет-паша. См.: [Тарих-и Джевдет, 1309, с. 30–33].

рабаном, а также особым головным убором с так называемым соргучем (кисточка-султан, эгретка), украшенным драгоценными камнями. Нередко ханам даровали также и кафтан с султанского плеча [Зайцев 2003б, с. 87–88]. Принятие пера и сабли традиционно трактуется как знак вассалитета⁷. Полномочный представитель на переговорах с Крымским ханством Е. А. Щербинин в 1772 г. разработал церемониал принятия ханом Сахиб Гераем грамоты Екатерины II, провозглашавшей независимость Крыма. Согласно этому церемониалу, хан должен был выступить на девять шагов со своего места, принять грамоту стоя и поцеловать ее. Кроме грамоты он должен был принять в дар от русского правительства перо и саблю. Хан отказывался от пера и сабли, ссылаясь на то, что эти дары были всегда знаками подчинения Порте. Щербинин не стал настаивать, и 4 июля хан принял грамоту Екатерины II стоя, но без даров [Дружинина, 1955, с. 169]. Между тем крымский хан имел все атрибуты независимости, принятые в средневековом исламском государственном устройстве: право хутбы (упоминания в пятничной проповеди) и право чеканки монеты с собственным именем (сикке). Персидское выражение «с его именем была вычеканена монета и прочтена хутба» отражает роль этих атрибутов в теории независимой власти в исламе [Бартольд, 1966, с. 26–27; Wensinck, 1987, с. 983; Baktir, 1998, с. 425–428]. Правда, «персидский взгляд на монарха как на единодержавного правителя государства... был чужд кочевникам, в глазах которых империя была собственностью всего ханского рода. Насколько Сельджукидам вначале было чуждо понятие о единоличном правителе, показывает факт, что хутба одновременно читалась в некоторых хорасанских городах на имя Тогрула, в других – на имя его брата Давуда» [Бартольд, 1963, с. 369].

В Крыму реликты такого взгляда на государственную власть проявлялись в практике наследования престола старшим в роду, но случаи провозглашения хутбы сразу на двух представителей династии мне не известны. Важнейшим условием чтения хутбы на имя османского падишаха

было принятие его статуса как халифа. В Крыму этого не видим. В Крымском ханстве, по крайней мере до середины XVII в., османский халифат, видимо, не признавался (ведь и в самой Османской империи в то время идея халифата падишахов еще только зрела)⁸. Более того, некоторые крымские ханы даже присваивали этот титул себе. В послании царю Михаилу Федоровичу, датированном 28 зулькада 1033 г. х. (11 сентября 1624 г.), Мухаммед Герай III прямо называет себя халифом. Халифский титул признает за Ислам Гераем III его панегирист Хаджи Мехмед Сенаи. Наконец, запись последовательности правлений ханов, находящаяся в составе рукописи из коллекции Лейденского университета (Cod. Or. 1548), составленная в Крыму в конце XVII в., все царствования ханов вводит словом *халифат* [Зайцев, 2008а]. Безусловно, что в османских владениях Южного берега Крыма *хутба* читалась на имя османского падишаха. Скажем, по сообщению Ибн Кемали и Хадиди, на Мангубе первая *хутба* была прочтена там сразу же после завоевания крепости [Зайцев, 2008, с. 144; Зайцев, 2016в, с. 201, 203]. Имам-хатыбов в мечети там назначал лично султан. Например, в начале августа 1742 г. султан Махмуд II специальным бератом назначил хатыба во вновь построенную усердием моллы Мухаммеда на Мангубе мечеть Мухаммеда-Кальфы. Новый султан подтверждал назначение: в первой половине июня 1755 г. Мустафа III, например, подтвердил Мустафе его право быть хатыбом в Мангубской мечети [Отчет, 1883, с. 48 (№ 8)]. Относительно же собственно крымской хутбы источники противоречат друг другу. Автор «Истории хана Сахиб-Гирея» Нидаи-эфенди (Реммал-ходжа) совершенно ясно свидетельствует: «Крымские ханы не отставлялись и из поколения в поколение являются падишахами – господами государства (*sāhib-i şaltanat*), господами хутбы и господами монеты» [Tarih, 1973, с. 20]. Описывая пир в Бахчисарайском дворце после возвращения хана из астраханского похода, Реммал пишет: «Через три дня были приготовлены

⁷ Присылка султаном хану сабли и кафтана осуществлялась и в случае приказа выступить в военный поход. См.: [Санин, 1987, с. 55].

⁸ Очевидно, что легенда о том, как Селим I принял халифат в мечети Айя-София из рук халифа Мутаваккыля, возникла лишь в XVIII в., и в более ранних источниках данных об этом нет [История Османского государства, 2006, с. 26].

прием и угощение. Прибыли улемы и благочестивцы, богатые и нищие, горожане и иноземцы, странники и хатибы. Получив аудиенцию, весь народ возносил за хана молитвы» [Tarih, 1973, с. 105]. Присутствие хатыбов на высочайшем приеме говорит о том, что, скорее всего, на нем произносилась хутба с упоминанием царствующего монарха⁹. Абдулла б. Ризван, повествуя о пожаловании султаном Мехмедом Менгли Герая знамени и барабана, упоминает и право последнего на хутбу и чеканку монеты [Zajackowski, 1966, с. 34]. Хюсейн Хезарфенн в своем «Изложении сути законов османской династии» (не ранее 1683 г.) также указывал: «Крымские ханы / происходят / из рода Чингисхана. Являясь мусульманскими правителями, имеющими право хутбы и чеканки монет, они подчинились и повиновались роду Османа. Их низложение и назначение и /всякие/ замены и перемещения производятся великими султанами» [Орешкова, 1990, с. 265]¹⁰. Мехмед Герай, как мы видели, относил упоминание имени османского падишаха в хутбе впереди имени крымского хана уже к 1475 г. Эвлия Челеби в обзоре мусульманских династий пишет о крымских ханах, что в своих хутбах они сперва читают имя османского падишаха, причем время установления такого обычая не указывает [Evlia, 1984, с. 331]. Однако в приписке к одному из пяти списков (сокращенному) труда Эвлии Челеби изложена другая версия, по которой упоминание османского падишаха в крымской хутбе стало произноситься только с султана Селима I (1512–1520): «Из поколения в поколение крымские ханы были властителями, в прославление которых читали особую хутбу и которые чеканили свою монету. Но когда падишахом

⁹ Помимо пятничного богослужения, хутба могла произноситься также на праздниках и торжествах (а также при каких-либо экстраординарных событиях, например, затмениях и проч.). Правда, в одном месте «Истории хана Сахиб-Гирея» можно усмотреть намек на хутбу с упоминанием османского падишаха. Хан сам всегда, пишет Реммал, «молился о благополучии его светлости падишаха и повиновался ему душой и сердцем, считая, что Хюнкар есть величайший государь в мире, а те, кто противится ему, заслуживают кары как в этом мире, так и в загробном. В настоящее время именно он является столпом ислама» [Tarih, 1973, с. 119].

¹⁰ См. также: [Смирнов, 1887, с. 243].

стал победитель Египта султан Селим-хан, они подчинились ему и передали чтение хутбы на имя дома Османова» [Эвлия, 1961, с. 217]. Наконец, третью версию предлагал Сейид Мухаммед Риза, сокращенная версия его труда, а за ними и Халим Герай: первенство имени султана на хутбе было установлено только после утверждения ханом Ислам Герая II (1584–1588), «вследствие его раболепства и легкомысленной трусости» [Смирнов, 1887, с. 240–241; Риза, 1832, с. 106–107]. Вторгнувшись в область Богдан (или Кара-Богдан, как османы называли Молдавию)¹¹, которая была вассальным владением падишаха, и не зная, чем загладить свой проступок, он, чтобы умиловать султана, добровольно распорядился в своих владениях произносить на хутбе свое имя после имени султана, чего прежде не было и чем унизил ханское достоинство. Отменять нововведение впоследствии было уже неудобно, и «последующие ханы продолжали соблюдать этот похвальный обычай» [Смирнов, 1887, с. 331]. Последнюю версию разделяют и позднейшие османские историки, пользовавшиеся крымскими источниками (прежде всего трудом Халим Герая), вроде Джевдет-паши [Джевдет-паша, 1307, с. 29; Тарих-и Джевдет, 1309, с. 266], а также специалисты по средневековой истории полуострова (правда, некоторые весьма осторожно) [İnalçık, 1948, с. 784–785; Некрасов, 1999, с. 53]. Вероятно, ближе всего к истине «Краткая история» (сокращенная и отредактированная версия «Семи планет»), которая сообщает, что из-за недовольства падишаха молдавскими событиями хан ввел хутбу в тех городках и местечках, которые принадлежали лично ему¹², т. е. в своем личном домене, а не на территории всего Крымского ханства. Халим Герай не связывает это нововведение с походом на Молдавию, а просто пишет, что до Ислам Герая с минбаров молитва читалась на имя крымских ханов, а потом последовал указ падишаха, согласно которому в молитве сначала упоминалось имя падишаха, а потом имя хана

¹¹ См.: [Decei, 1944. с. 697–705].

¹² Рук. Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского. Киев, Украина (Національна бібліотека України імені В. І. Вернадського. Київ), ф. V (Одесское общество истории и древностей), № 3805, л. 42.

[Halim-Geray, 1909, с. 58]. Стоит отметить, что у Абдуллы б. Ризвана, который, казалось бы, должен был знать об этом событии (хотя бы в силу того, что был почти что его современником), в кратком описании правления Ислам Герая о перемене хутбы ничего не сказано [Zajackowski, 1966, с. 38]. Судя по действиям предшественника Ислам Герая Мухаммед Герая Толстого, право хутбы всецело принадлежало в его время ханам. Так, в своей переписке с Ризван-пашой (см. выше) он прямо заявлял: «...какое касательство имеет род Османов к государству Дешт-и-Қипчāқ, чтобы я получал от них назначение?» [Zajackowski, 1966, с. 44; Зайончковский, 1969, с. 19]. Уже будучи у власти, он гордо отвечал на султанские фирманы: «Что же, разве мы османские беи, что ли?!», «Я падишах, господин хутбы и монеты – кто может смещать и назначать меня?» [Смирнов, 1887, с. 328]. Случаи произнесения хутбы сразу на нескольких правителей широко известны. Например, Ибн Джубайр упоминает, что в Мекке в 1183 г. в хутбе сначала упоминали аббасидского халифа, затем мекканского эмира, а потом султана Салах ад-Дина и его брата Абу Бекра [Бартольд, 1966, с. 34; Ибн Джубайр, 1984, с. 57–58]. С другой стороны, введение в хутбу имени другого государя наряду с чеканкой монеты от его имени безусловно означало политическое подчинение¹³. Связь *сикке* с хутбой очевидна, и на всем протяжении истории Крымского ханства мы не встречаем монет, битых от имени османских падишахов. Сразу же после смерти Ислам Герая в Гёзлеве чеканится акче с датой 996/1588 г. и именем его преемника на престоле Гази Герая, причем на одной из четырех групп этих монет появляется термин «ханлык». В свое время это обстоятельство позволило О. Ретовскому предположить, что Гёзлев был уделом внутри Крымского ханства, который, вероятно, уступили брату Гази Герая Фетх Гераю [Ретовский, 1889, с. 90–98]. Более логичным

выглядит предположение, что Гёзлев тогда был доменом хана – *ханлык*. Хорошо известно, что в Крымском ханстве утвердилось несколько форм землевладения, среди которых выделяются так называемые земли *мирийе* – т. е. казенные земли и личный домен ханской семьи [Лашков, 1895а, с. 61–62, 79–81]. Эти земли включали в себя, как установил Ф. Лашков, соляные озера и прилегавшие к ним селения, лесные угодья с селениями и резиденциями ханов по рекам Альме, Каче и Салгиру, а также пустопорожные земли [Лашков, 1895б, с. 71–76]. Город Гёзлев с округой не входил в состав ливы Кефе – османских владений в Крыму [Лашков, 1896а, с. 41–46]¹⁴, а, стало быть, относился как раз к *эрз мирийе* и именно поэтому получил на монете определение *ханлык*. Распределение упомянутых источников, содержащих версии о введении на полуострове османской хутбы, по времени их создания дает любопытную картину. Тексты, созданные как минимум до середины XVII в. (т. е. до того, как появилась идея об османском халифате), не содержат каких-либо упоминаний о произнесении в хутбе имени правящего османского падишаха перед крымским ханом. Как бы то ни было, оставляя в стороне политическую практику (о которой говорилось вначале), с точки зрения исламской теории власти крымские ханы являлись независимыми и суверенными монархами. Очевидно, что хутба в Крыму всегда включала упоминание имени правившего хана, которое в какой-то момент (впервые на короткий срок не ранее 80-х годов XVI в., а вторично, скорее всего, значительно позже) стало произноситься после имени падишаха. Весьма вероятно, что первый раз введение имени падишаха в крымскую хутбу так и осталось личной инициативой Ислам Герая, которая при последующих ханах могла быть отменена. Когда произошло вторичное введение имени падишаха в крымскую хутбу, еще предстоит выяснить.

¹³ Османский султан Селим, например, перед завоеванием Египта прислал к Туман-баю послов с требованием согласиться на чтение хутбы и чеканку монеты с его именем и при соблюдении этих условий соглашался оставить Туман-бая наместником Египта [Бартольд, 1966, с. 64].

¹⁴ Хюсейн Хезарфенн прямо писал: «В черте владения их (крымских ханов) есть четыре крепости – Гёзлев, Ор, Рабат и крепость, известная под названием Ягуд-Калэси. В подведомстве их насчитывается 1300 больших и малых деревень... Все управляемые ими деревни и округа составляют двадцать четыре казылыка» (Цит по: [Смирнов, 1887, с. 261]).

4.3. Генуэзская Каффа – османская Кефе

А. В. Джанов

На протяжении практически всей истории Крымского ханства и задолго до его образования в южной части Крымского полуострова находился значительный политический анклав. Обособление южно-крымского региона нельзя объяснить исключительно политическими факторами. Это было объективно связано прежде всего с географическим районированием и расположением естественных транспортных маршрутов¹. Большая часть региона представляет собой горные массивы, обращенные крутыми склонами на юг, к побережью Черного моря. В условиях примитивного экстенсивного хозяйства регион обладал слабым экономическим потенциалом. В античную эпоху только в крайних восточной и западной точках, на границе со степью, возникли и успешно развивались две урбанизированные зоны – Феодосия и Херсонес. Побережье между ними более активно стало осваиваться только в византийскую эпоху, начиная со строительства двух небольших укреплений в Горзувитах (Гурзуфе), Алустане (Алуште). Чуть позднее возникли византийские укрепления в Сугдее (Судаке). Территория будущей османской провинции Кефе по большей части находилась в границах бывших византийских владений на полуострове.

Феодосия к концу античной эпохи пришла в полный упадок. Херсонес же, который стал административным центром византийской провинции (фемы), постепенно утратил функции центра сельскохозяйственного региона, но приобрел значение как военно-морской порт, контролировавший выходы речных артерий в северо-западной части Черного моря. Во все периоды истории населению Южного Крыма приходилось противостоять и считаться с кочевниками, господствовавшими в степной и предгорной части полуострова. К концу византийской эпохи все большее значение приобретает Сугдея. За обладание этим портом в первой половине XIII в. боролись кипчаки (куманы, половцы) и Сельджукский султанат [Duda, 1959, p. 130–139; İbn Bibi, 1956, p. 300–333; İbn Bibi, 1996, p. 315–346; Peacock,

2006, Джанов, 2008], пытавшийся наладить торговые отношения Восточной Европы с Ближним Востоком через свою территорию. Утрата Византией политической и экономической монополии в Черном море и вхождение северного побережья в состав Монгольской империи и Золотой Орды дали толчок торгово-экономическому развитию Южного Крыма. Не последнюю роль в налаживании надежных морских коммуникаций сыграли представители итальянских городов-государств, прежде всего Венеции, Генуи и Пизы, которые еще во второй половине XII в. пытались наладить здесь торговлю европейскими тканями².

После падения Византии приоритет в торговых связях Средиземноморья и Черноморского бассейна долго оставался за венецианцами, однако остается неизвестным, насколько успешно они им воспользовались. Генуэзцы после получения торговых привилегий, полученных от византийского императора Михаила VIII Палеолога (1259–1282) в 1261 г. [Dölger, 1932, p. 36–38, № 1889; 1947. с. 215–234; I libri iurium, 1998, p. 271–285, № 749; Balard, 2017, p. 529–549], обосновались в Крыму, в Судаке (Солдае). В 1274 г. здесь трудился генуэзский нотариус Федерико Пьяццалунга [Bratianu, 1929, p. 307–309, № VII–IX]. Внимание генуэзцев к Солдае определялось их практическим интересом в торговле рабами между Золотой Ордой и Египтом [Amitai, 2008, p. 349–368]. Для мамлюкского Египта, который был традиционным потребителем рабов из Дешт-и-Кипчака, Судак был основным торговым партнером в Черном море³. Пребывание генуэзцев в Солдае, в соседстве со своими политическими конкурентами – венецианцами [Morozzo della Rocca, 1940, p. 478–479; Thiriet,

² Подтверждение 1192 г. императором Исааком II Ангелом хрисовула 1169 г. византийского императора Мануила I Комнина с позволением генуэзцам торговать в Черном море; греч. оригинал: Miklošich, Müller, 1865, p. 25–37, № V; лат. перевод: Codice diplomatico, 1942, p. 51–62, № 21; Dölger, 1995, p. 255–256, № 1488;

³ Из всех пристаней Черного моря только Судак удостоился быть упомянутым в 1281 г. в договоре между султаном Египта и византийским императором: Holt, 1995, p. 122–128.

¹ Об историко-географической динамике в бассейне Черного моря см.: Bratianu, 1969; Öztürk, 2017.

1959, р. 100], видимо, было, не вполне, экономически и политически выгодно генуэзцам. К тому же работорговля была далеко не приоритетным, хотя и важным, направлением коммерческой деятельности генуэзцев в Черном море. Все это послужило причиной для создания автономного генуэзского торгового эмпория в Крыму, где они бы играли руководящую роль и не были бы зависимы от чуждых им приоритетов. Так появилась Каффа, основанная всего в 50 км восточнее Солдайи. Каким образом генуэзцам удалось легитимизировать свое поселение на территории Золотой Орды, современные источники не сообщают. Византийский историк Никифор Григора, писавший свое сочинение через 70–90 лет после того, отмечает, что позволение основать Каффу было получено от «правителя скифов» (татар) с условием выплачивать «коммеркий» (таможенную пошлину) [Gregoras, 1988, р. 107–109; Григора, 2014, с. 93–96]. Гораздо более поздний источник – Абу-ль-Гази (XVII в.) сообщает, что золотоордынский хан Менгу-Темур (1266–1282) передал Крым в удел Уран-Тимуру, сыну Тука-Тимура, сыну Джучи [Histoire, 1874, р. 182; Абуль-Гази, 1905, с. 152]. Современная историография традиционно связывает основание генуэзцами Каффы с пожалованием именно Уран-Тимура, хотя для этого мало оснований в источниках.

Каффа развилась из небольшой торговой фактории, возникшей, после 1274 г., на месте давным-давно заброшенной античной Феодосии [Balard, 1978, р. 118; Balard, 1979, р. 204–205; Балар, 2016, с. 599; Карпов, 2017, с. 318–322]. Возможно, одним из факторов её основания была частная инициатива. Генуэзская официальная историография XIV–XVI вв. имела об этом самые расплывчатые представления. В 1281 г. колония уже обладала всем необходимым минимумом административных институтов, а во главе ее стоял консул [Actes des notaires, 1927, р. 79, № XII]. К 1287 г. относится первый сохранившийся контракт коммуны Генуи с будущим консулом Каффы – Паолино Дория [Desimoni, 1888, р. 199]. В 1289 г. коммуна Каффы уже была в состоянии снарядить три галей на помощь Триполи, осажденному мусульманами [Caffaro, 1929, р. 95]. К 1290 г. административное устройство Каффы было уже кодифицировано в 24 парагра-

фах [Canale, 1855, р. 327]. Содержание большей их части сохранилось в составе Статута Перы 1304 г., а также частично среди постановлений Оффииции Газарии 1316 г. [Statuti, 1871, Р. 765–780; Imposicio Officii, 1838, Col. 390–394]. Поначалу Каффа испытала ряд взлетов и падений (оккупация венецианским флотом в 1296–1297 гг. [Promis, 1874, р. 498; Iacopo da Varagine, 1941, р. 278–279; Danduli, 1728, Col. 406–407; Sanuto, 1733a, Col. 578–579; Navagiero, 1733, Col. 1009], нападение на Крым войск джучида Ногая в конце 1298 г. [Тизенгаузен, 2005, с. 101, 153, 272–273; La Chronique de Damas, 1949, р. 84; Муминов, 2006, с. 96; Li Guo, 1998, р. 127–128]⁴ и вынужденный уход 300 генуэзцев и 300 греков из Каффы 20 мая 1308 г. под натиском сотысячного (?) войска сына золотоордынского хана Токты (1291–1312) – Эльбасара [Promis, 1874, р. 500–501; Тизенгаузен, 2005, с. 131–132]). После смерти хана Токты, едва возродившийся порт в мае 1313 г. вновь подвергся нападению, на этот раз трапезундского и синопского флота, которых поддержали жители соседнего Солхата [Desimoni, 1877–1884, р. 519, 528–530; Iacopo da Varagine, 1941, р. 281]. Тем не менее ко второй четверти XIV в. Каффа стала одним из крупнейших торговых центров в Черноморском бассейне. Параллельно с торговой активностью в Каффе возникали, пока еще немногочисленные, торговые эмпории генуэзцев в устье Дуная, Дона, Черноморского побережья Болгарии, Западного Кавказа и Понтийского побережья Малой Азии. В первой половине XIV в. «татарское» направление экономической экспансии генуэзцев Каффы оставалось одним из наиболее приоритетных. Однако «кризис Таны» 1343 г. [Карпов, 2015, с. 8–43; Карпов, 2016, с. 203–212] и временное закрытие прямого торгового сообщения с государством Джучидов показали инфраструктурную эфемерность единственной генуэзской торговой фактории в Крыму. Изолированные пункты были чрезвычайно уязвимыми для войск сильного в военном отношении «хана татар» (imperator tartatorum) Джанибека (1342–1357), который к тому же имел сильное желание

⁴ Рашид ад-Дин датирует разорение Крыма (Солхата) 698 г. х. и связывает его с борьбой Ногая и хана Токты. См.: Рашид-ад-Дин, 1960, с. 85; Rashidudin, 1999, р. 365.

организовать самостоятельную морскую навигацию в Черном море. В Чембало, Каламите и других портах Готии, видимо, не без посторонней помощи, была попытка построить настоящий флот из 30 галей [Morozzo Della Rocca, 1962, p. 282; Ciociltan, 2012, p. 210]. Осуществлению этого беспрецедентного в истории Золотой Орды «морского проекта» смогли помешать лишь умелые действия генуэзцев, организовавших вооруженную охрану всего морского побережья от Каффы до Херсона. Реалии многолетней перманентной осады Каффы войсками Джанибека в 1344–1349 гг. заставили генуэзцев Каффы искать альтернативные источники поддержания жизнедеятельности города. Самым приемлемым выходом для них стала территориальная экспансия на запад от Каффы вдоль Южного берега Крыма. Укрепленные замки на побережье могли обеспечить безопасность морского сообщения и не допустить конкурентов, стремившихся занять место генуэзцев. Кроме того, дефицит продовольствия, который в случае военной напряженности всегда преследовал Каффу, можно было бы покрыть частично за счет сельскохозяйственных угодий, примыкавших к побережью. Практическим примером для генуэзцев была Лигурия, сходная по климату, рельефу и другим природным характеристикам с большей частью Южного побережья Крыма.

Генуэзцы еще, очевидно, в ходе конфликта с Золотой Ордой, начавшегося в Тане в 1343 г., предприняли первую попытку расширить свое присутствие на Крымском полуострове, выйдя за пределы крепостных стен Каффы и заняв Чембало (*locum Cimbali qui est caput Gotie*). Во время осады Каффы в 1344–1349 гг. именно Чембало служило источником поставок продовольствия для осажденного города, а также частично взяло на себя функции рынка для генуэзских коммерсантов, ввиду формального запрета генуэзцам Каффы торговать непосредственно с Солхатом [Morozzo Della Rocca, 1962, p. 270]. Каким образом генуэзцам удалось легитимизировать свою власть над Чембало, не известно. В 1347–1349 гг. граждане Каффы обратились с петицией к генуэзскому дожу Джованни да Мурта с просьбой назначить главу города [Petti Balbi, 1978, p. 217–228]. В последующие пятнадцать лет о попытках расширения генуэзской сферы влияния на

полуострове нет никаких известий в источниках.

Сепаратные попытки венецианцев возродить свою торговлю с Золотой Ордой в Тане, Солдаиде, Калитре и Провато – в 20 км от Каффы [Mas-Latrie, 1868, p. 590–595] не оставляли генуэзцам другого выбора. 19 июля 1365 г. датировано известие о захвате генуэзцами Солдаиды в генуэзской хронике Джорджо Стеллы [Georgii et Iohannis Stellae, 1975, p. 159]. Видимо, в виду того, что татарская элита была вовлечена в борьбу за престол в Сарае, особого сопротивления территориальным приобретениям генуэзцев на Южном Берегу Крыма не последовало. В 1374–1375 гг. генуэзцы уже имели четыре консульства в Лусте (Алушта), Партените, Горзови (Гурзуф) и Яллите (Ялта), и, судя по всему, это были более ранние приобретения [Джанов, 2018, с. 62, 152]. В ноябре 1380 г. они получают от Чаркасс-бея, золотоордынского правителя Солхата и Крыма, подтверждение своих прав на всю береговую полосу «с её народом, казалиями, землями и водами» от Чембало до Солдаиды включительно [Trattato, 1380]. В феврале 1381 г. в договоре с очередным правителем Солхата – Элиас-беем появляется дополнительный пункт о трех казалиях, принадлежавших Чембало [Джанов, 2020, с. 688–689, 705]. В 1380 г. генуэзские документы фиксируют факт имущественных противоречий генуэзских граждан к князю горного княжества Феодоро – Афендиче [Airdi, 1974, p. 103–104], которые, возможно, как-то были связаны со взаимными претензиями, последовавшими после захвата «морского побережья Готии».

Обязательства генуэзцев хану Золотой Орды, зафиксированные в татаро-генуэзских договорах 1380 и 1381 гг., были достаточно просты: 1. Быть в дружбе с ханом; 2. Быть врагами его врагов и друзьями его друзей; 3. Не принимать в свои города и крепости врагов и предателей хана; 4. Допускать в Каффу титана (лигур.: *títam*, лат.: *títanus*), который будет судить пришлых подданных хана. Судьей же всех постоянных жителей Каффы, независимо от их происхождения, будет консул; 5. Допускать в Каффу сборщика ханской таможенной пошлины, который будет ее взимать, согласно изначальному обычаю.

По крайней мере в течение 1374–1386 гг. должность ханского титана в Каффе исполнял

армянин Хачатур (Caihador titanus), которого связывали практически приятельские отношения с администрацией Каффы. За главными воротами города, от которых начиналась дорога на Солхат, возле которых находился торговый склад титана [МС, 1386–87, f. 373r], даже закрепилось название «ворота Хачатура» (porta Caihadoris, porta Caiadoris). Кроме судебной власти над подданными хана в Каффе, титан был тесно связан с коллекторами ханского коммерция, из суммы которого седьмая часть предназначалась непосредственно ему [Джанов, 2018, с. 224]. Иногда должность сборщиков ханской таможенной пошлины исполняли генуэзцы, хотя формально генуэзские власти законодательно запрещали такую практику регулярно [Improsicio Officii, 1838, col. 396].

Ответные обязательства татарской стороны также весьма обширны: гарантии свободной торговли на территории ханства, ограничение вознаграждения за поимку чужих рабов 35 аспрами. Примечательно также разрешение генуэзцам заниматься сельским хозяйством непосредственно на территории ханства при условии уплаты соответствующего налога – амбара. В случае если в спорах татар и генуэзцев ответчиком является генуэзец, то судьей выступает консул Каффы, в противном случае – представитель ханской власти.

В целом отношения между генуэзцами Каффы с золотоордынскими властями Крыма во второй половине XIV в. можно охарактеризовать как мирные. Генуэзские документы фиксируют многочисленные контакты и приезды властей и элиты Солхата в Каффу и Солдайю на празднества (Рождество) и спортивные состязания. Все дипломатические контакты сопровождались подарками представителям татарской стороны, преимущественно восточными или западноевропейскими тканями. Однако во время очередного витка борьбы за власть в Золотой Орде Каффа становилась заложницей ситуации. Здесь приходилось быстро ориентироваться и вовремя поддержать сильнейшего из конкурентов, как это случилось во время т. н. «Солхатской войны» 1386–1387 гг. [Musso, 1968, p. 62–98; Basso, 1995, p. 101–106; Пономарев, 2011, с. 18–21; Джанов, 2018, с. 94–102] или во время осад Каффы татарскими войсками в 1395, 1397 и, видимо, в 1399 гг. [Клавихо, 1990, с. 144; Тизенгаузен, 2005, с. 267, 313, 321, 326–327]. Сообщения об этих оса-

дах и даже взятии города в восточных источниках являются, скорее всего, преувеличениями и пока не находят никаких подтверждений в генуэзских документах.

В условиях политической нестабильности в Золотой Орде в первой половине XV в. генуэзцы Каффы все же старались поддерживать тонкое политическое равновесие в отношениях с противоборствующими за власть татарскими группировками. Генуэзские документы 1410–1411 гг. свидетельствуют о постоянных дипломатических контактах Каффы с Идигеем, сыном Токтамыша – Джалал-ад-Дином и огланом Бек-Суфи, что происходило практически одновременно [МС, 1410–11, f. 27r, 28r, 30r, 31r, 31v, 48v, 49r, 50v].

Удачное лавирование продолжалось достаточно долго, что, видимо, вселило в генуэзцев уверенность в собственной неуязвимости. Первый факт активного вмешательства их в борьбу за ханский престол в Крыму документы фиксируют только в мае 1442 г. Генуэзцы Каффы принимают в городе сына Улу-Мухаммеда – Касима (Cassim filio Olomacmet imperatoris tartarorum). В то же самое время вблизи Каффы с войском находится первый крымский хан – Хаджи Герай (Agicarei) (1441–1466), который только полгода назад занял ханский престол [Джанов, Якушечкин, 2018, с. 70]. Как выяснилось, взаимоотношения генуэзцев с потомками Улу-Мухаммеда имели долгосрочную перспективу.

После взятия османскими войсками Константинополя в 1453 г. «османский фактор» стал играть главенствующую роль в политической жизни всего Черноморского региона. Хаджи Герай решил использовать его в своих интересах. В июле 1454 г. совместно с флотом османского адмирала Темир-Ходжи (Temircoiha) он проводит несколько угрожающих демонстраций у стен Каффы, склонив генуэзцев к выплате регулярной дани⁵. Размер её был сопоставим с данью, на которую согласился османский султан Мехмед II (1451–1481)⁶, позволив генуэзцам оставаться в Черном море и проходить проливы Босфор и Дарданеллы [Codice diplomatico, 1868–1870. P. 86–89, 102–112, doc. № 21, 22, 33;

⁵ 150 аспров в день + 600 соммов в год (1 сомм = 202 аспра).

⁶ Сначала в 2000, а затем в 3000 венецианских дукатов (в 1455 г. 1 дукат = 78 крымским аспрам).

Małowist, 1947, p. 155–160; Данилова, 1974, с. 189–214; Мыц, 2009, с. 237–340; Джанов, 2019б, с. 96–118]. Финансовая и военная ситуация для Каффы была более чем угрожающая. В конце 1455 г. не без содействия главы верховного крымского клана Ширин – Мамака (Mamasbey) генуэзцами было принято решение о призвании на крымский престол одного из сыновей Улуг-Мухаммеда – Касима или Махмудека. С июля по середину сентября 1456 г. продолжалось их военное противостояние с Хаджи Гераем. Затем неудачливые узурпаторы вместе с Мамаком Ширином долгое время скрывались за стенами Каффы. В 1457 г. авантюры генуэзцев продолжились – в Крым был призван Мухаммед, сын Сейид-Ахмата II (1432–1455) [МС, 1456–57, f. 56r, 70r]. Разногласия с Хаджи Гераем удалось уладить только к сентябрю 1457 г. Обе стороны были обескровлены, прежде всего, финансово. Хаджи Герай согласился выдать одного из своих сыновей в заложники в Каффу, где он и находился вплоть до своей смерти в 1460 г. [МС, 1459–60, f. 85v]. Крымскому хану пришлось отказаться от регулярной дани и удовольствоваться традиционными выплатами в виде новен и коммерческими налогами. Финансовое положение Каффы продолжало пребывать в плачевном состоянии, прежде всего из-за активной морской торговли в обход ее, которую развивал Хаджи Герай, содействуя строительству порта в Каламите (Инкермане).

Очередной раз разыграть карту «заложничества» генуэзцам удалось после смерти Хаджи Герая в середине августа 1466 г. После неудачной попытки занять отцовский престол, Менгли Герай находит приют в Каффе. В мае 1468 г., после свержения с ханского престола старшего сына Хаджи Герая, Нур-Девлета (Nordolat) (1466–1467?) к стенам Каффы подходит татарское войско с требованием выдать султана Менгли Герая. Только 26 июня уже избранный крымскими беями на ханский престол Менгли вошел в Каффу, где во дворце коммуны в его честь был дан праздничный обед, а во время обратной дороги через город в толпу даже разбрасывались деньги в его честь. После недолгой борьбы со сторонниками его брата Кельдыша (Celdis), буквально на следующий день, в Солхате Менгли был официально объявлен ханом [МС, 1468–69, f. 67v, 68r, 72r].

Отношения с новым ханом у генуэзцев сложились самые приятельские. Постепенно в Каффе оказываются несколько братьев Менгли Герая: Нур-Девлет, Кельдыш, «султан России» (soltan Rossie, soltan rubeus) и еще двое младших братьев с детьми и другими родственниками. Все немалые расходы по их содержанию ложатся бременем на казначейство Каффы. После неудачного покушения на братьев, которое якобы инспирировал сам Менгли Герай, в начале июля 1471 г. их спешно перевозят в Солдайю, где заключают под стражу с уже значительно более скромным содержанием [Codice diplomatico, 1871–1874, p. 796–800, doc. 989; Джанов, 2019а, с. 293–295].

Трагическим эпизодом в истории взаимоотношений генуэзской Каффы и Крымского ханства стала история, последовавшая за смертью главы клана Ширин – Мамака поздней весной 1473 г. Генуэзская официальная хроника [Giustiniani, 1854, p. 472–480], а также некоторые, отчасти тенденциозные, современные документы [Codice diplomatico, 1879–1881, p. 194–204, 221–225, doc. 1117–1118, 1136; Хаутала, Гулевич, с. 829–854] подробно описывают агрессивное вмешательство генуэзских администраторов в процесс утверждения ханом нового верховного карача-бея и главы рода Ширин (dominius campanie et sirinorum). Подкупленные генуэзские чиновники, для того чтобы склонить хана к принятию нужного им решения, опустили до прямого шантажа, угрожая выпустить на свободу братьев хана. Все это в конце концов привело к потере авторитета Менгли среди татарской аристократии, противостоянию группировок и окончилось его бегством в Каффу. Брат Мамака – Эминек Ширин, который был основным претендентом на звание главы рода, в письмах гарантировал османскому султану Мехмеду II (1444–1446, 1451–1481) всемерную поддержку, приглашая его захватить генуэзские владения в Крыму. После падения в 1475 г. генуэзской Каффы и других крепостей в южной части Крыма в ханстве начался новый виток борьбы за престол, завершившийся благополучно для Менгли Герая только в 1478 г. Надо отдать должное верности этого хана своим обещаниям. Несмотря на опасность, что его планы могут стать известны османским властям, он продолжал дипломатические сноше-

ния с Генуей и обещал поддержку в отвоевании ими Каффы [Grasso, 1879, р. 321–373; Гулевич, Джанов, 2019, с. 318–332]. Однако этим планам не суждено было воплотиться.

Каффа (османская Кефе), занятая османскими войсками в самом начале лета 1475 г., стала центром османского санджака, который в тот же год был подчинен Румелийскому эялету [Fisher, 1978а, р. 34]. Во время правления Баязида II (1481–1512) и султана Селима I Явуза (1512–1520) главами санджака Кефе назначались сыновья султана (шахзаде). Во второй половине XVI в. во время похода на Астрахань (1568–1570) статус провинции Кефе был повышен до уровня эялета [Berindei, Veinstein, 1979, р. 395]. В недатированном реестре, составленном предположительно во время правления султана Сулеймана I Кануни (1520–1566), Кефе зарегистрирован еще как один из 34 санджаков Румелийского эялета. В состав его входило 6 кадылыков: Кефе, Мангуп, Тамань, Азов, Судак и Керчь [VEK, № 1969, v. 119a-b]. Согласно реестрам от 1520 и 1542 годов, административное деление провинции было аналогичным по составу. Кроме того, в состав ее входило еще две крепости: Балаклава и Инкерман, имевшие какой-то особый автономный административный статус, что было, вероятно, только формальностью [TTD, № 370, р. 481–490; TTD, № 214, р. 21, 93, 129, 156, 171, 199, 207, 213; Öztürk, 2014, р. 158].

Кефе, в которой была сосредоточена османская администрация всего Северо-Восточного Причерноморья и значительный воинский контингент, играла роль военного центра в регионе [Berindei, Veinstein, 1979, р. 397–413]. Нельзя преувеличить её значение в организации строительства османских крепостей на Нижнем Днепре, как тыловой базы во время Астраханской войны (1568–1570), а также во время многочисленных столкновений с донскими и запорожскими казаками во второй половине XVI – первой половине XVII вв. [Schütz, 1975, р. 130–148]. Важнейшую роль Кефе играла во взаимоотношениях османской столицы и Крымского ханства. Именно через порт Каффы в Крым пребывали новые крымские ханы – ставленники османских султанов. Старый обычай, однако, строго запрещал ханам ночевать в пределах крепостных стен

Кефе даже в условиях военной опасности [Дашкевич, 1891, с. 21; Описание, 1902, с. 112].

Топография и население

Как уже было сказано, генуэзская Каффа возникла на месте античной Феодосии, которая прекратила свое существование не ранее IV в. н. э. Впервые топоним Кафа (греч. ὁ Καφᾶς; лат. Caffa, Capra; венец. Gafa; турец. Kefe) встречается в анонимном византийском географическом трактате 360–386 гг. [Шангин, 1938, с. 252–255] и «Истории Херсонеса» (IV в. ?), фрагмент которой сохранился в составе трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» [Багрянородный, 1989, с. 254–257]. Развалины опустевшей Феодосии в первой четверти IX в. лично посетил пресвитер Епифаний, автор «Жития апостола Андрея» [Васильевский, 1909, с. 282]. Единственный артефакт, который мог бы свидетельствовать о существовании византийского поселения на месте древней Феодосии, – это мраморная колонна с греческой эпиграфией 819 г. (6327 г. от СМ) [Латышев, 1896, с. 82–84]. Однако вполне возможно, что она могла оказаться на своем месте в ходе масштабной доставки камня для строительства большой цистерны генуэзцами в 1465 г. из руин Херсонеса (Therezonda) [МС, 1465–66, f. 86v] или же была еще более поздним трофеем, или и вовсе происходить не из Крыма.

Первоначальное генуэзское поселение в Каффе занимало небольшой приморский холм (Карантинная горка), облюбованный еще древними греками, на берегу обширного залива, защищенного от южных и западных ветров, которые являются причиной штормов в этой местности. Фактория на ранних порах, очевидно, была защищена только рвом и деревянным палисадом, который, впрочем, как мы уже указали, был серьезным препятствием для нападавших. Уже на первых порах в Каффе возникли католические церкви св. Франциска, Санта Мария де Коронато, госпиталь св. Иоанна [Balard, 1973, р. 124, № 300]. Деловым и административным центрами города были пристань, рынок и лоджия генуэзцев. Городок быстро стал пестрым в этническом и религиозном плане. Экономические выгоды привлекали в него выходцев из разных уголков Черного моря

и Средиземноморья. Очень скоро места в пределах старых границ не стало хватать. И в пределах старого поселения и за его границами возникают церкви греков, армян и даже русских (Rossorum). К моменту принятия плана восстановления Каффы 30 августа 1316 г. (Certus ordo de Caffa) за пределами старого поселения, обнесенного стенами (muri) и «старым рвом» (fossatum veterum), еще более значительная территория была уже обозначена и защищена «новым рвом» (fossatum factum extra murum). Эта внешняя линия обороны со временем была усилена двойной линией каменных крепостных стен. Совершенствование и реконструкция оборонительных сооружений генуэзской Каффы продолжались до 1475 г. Но в общих чертах схема обороны города приобрела законченный вид к 80-м годам XIV в.

Старое генуэзское поселение, примыкавшее к морскому берегу, к 1352 г. уже было обнесено каменными стенами. Это укрепление стало городской цитаделью и часто обозначалось в документах как «замок» (castrum). Обширные городские кварталы, располагавшиеся вокруг цитадели, также обнесенные глубоким рвом и стенами, получили, как и в Генуе, наименование *burgi*. К внешней крепостной стене с северо-запада примыкали кварталы предместий, которые в документах обозначены термином «*antiburgi*» (в будущем предместье Топраклы).

Фортификационные сооружения генуэзской цитадели оставались в хорошем состоянии вплоть до начала XIX в. и неплохо представлены в иконографии и картографических источниках этого периода. Они представляли собой однорядную крепостную стену, усиленную особенно часто с запада (со стороны дороги на Солхат) башнями, преимущественно прямоугольных очертаний. В генуэзских источниках имеются многочисленные упоминания микротопонимов, обозначавших эти башни (св. Антония, св. Марии, св. Николая, Бизанис, Стагнунум, Станталис и др.), но попытки привязать их к конкретным объектам наталкиваются (пока?) на объективные трудности. Более-менее уверенно можно локализовать лишь часовую башню с воротами – башню Христа (*turre Christi*) [МС, 1381–82, f. 66v, 67r, 67v], которую, возможно, именовали

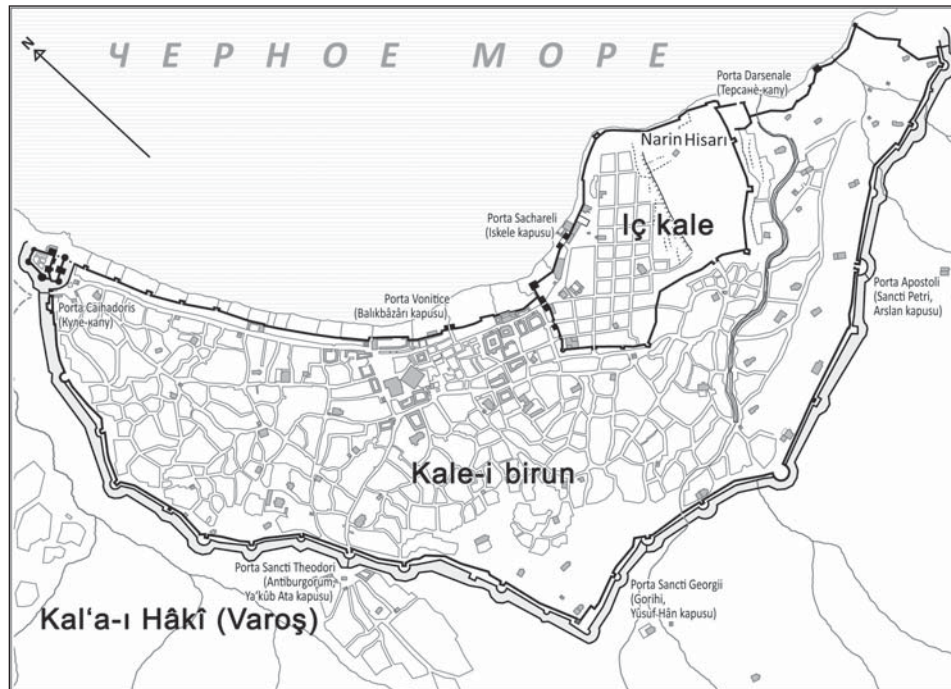
еще и по-другому – «башней папы» (*turre pape*)⁷. Средства на её строительство, вырученные от продажи индульгенций, предоставил Каффе римский понтифик Клемент VI, о чем свидетельствует надпись от 8 июля 1348 г. на роскошной мраморной плите, инкрустированной мозаикой [Skrzinska, 1928, p. 35–39, № 3].

В цитадели были сосредоточены административные институты генуэзской коммуны Каффы (*comuna Ianue in Caffa*). К 1382 г. старое здание «лоджии генуэзцев» было капитально перестроено и превратилось в двухкорпусной дворец коммуны европейского типа с внутренним двором, сохранившийся до конца XVIII в. В нем располагались апартаменты высших чиновников, рабочие помещения, залы заседаний, а также коммунальная канцелярия (*курия*). Внутренняя застройка цитадели до конца XVIII в. несла черты регулярной разбивки на участки прямоугольной формы, чего не скажешь о кварталах бургов, которые представляли собой хаотическое нагромождение построек вокруг культовых сооружений.

Сохранившийся картографический и иконографический материал второй половины XVIII в. позволяет, в общих чертах, визуализировать представления о конструкции и составных частях внешней линии обороны Каффы [Бочаров, 1998, с. 82–117]. К великому сожалению, до наших дней от неё дошли лишь жалкие остатки. Двойная стена и ров, облицованный камнем, представляли серьезное препятствие для конного войска соседних татар, но не представляли особого препятствия для войска, имеющего на своем вооружении огнестрельное оружие. Именно по этой причине, чувствуя себя в безопасности, османские власти так и не стали перестраивать генуэзские укрепления, а лишь соорудили небольшой артиллерийский бастион вокруг крайней северо-западной башни, рядом с главными городскими воротами.

В Генуэзском государственном архиве сохранился уникальный документ, который, наконец, ставит точку в спорах о количестве и наименовании ворот генуэзской Каффы [МС, 1459–60, f. 473v]. В нем последовательно перечислены 6 городских ворот: Вонитика (*Voniticha*), Сакарелли (*Sacharelli*), св. Петра (*Sancti Petri*), св. Ге-

⁷ МС, 1381–82. f. 165r: *Romus Iurganus peliparius in contracta turre dominis pape foris...*

Фортификационные сооружения генуэзской Каффы и османской Кефе.
Чертеж исполнил Д. Вортман

оргия (Sancti Georgii, Gorihî), св. Феодора (Sancti Teodori), Хачатура (Caihadoris). Двое из них (Вонитика и Сакарелли) – морские. Одни вели в город (бурги), а другие – в цитадель. Остальные (сухопутные) ворота перечислены в направлении с востока на запад. В дополнение к известным фактам следует прибавить, что на всем своем протяжении внешняя крепостная стена Каффы, как и остальных генуэзских укреплений Крыма (Солдаи и Чембало), были усилены навесными деревянными машикулями (manteleti).

У морских ворот, которые вели в цитадель, находились два деревянных причала (pontum magnum, pontum parvum). Именно здесь проходили загрузка и разгрузка товара с судов, прибывавших в Каффу. Здесь торговцев встречали таможенные (comeriharii) и налоговые чиновники (cabellatores) или же их помощники (collectori). У ворот находилось несколько весов. Одни из них использовались сборщиками ханского коммерция (pondus canluchorum) [МС, 1386–87, f. 217v]. Кроме того тут находились т. н. «большие» и «малые весы» (pondus scariatici, pondus parvus) [МС, 1454–55, f. 104r], на которых соответственно взвешивались тяжелые товары (на кантары и ротули)

и «тонкие субстанции» (на либры и унции). Плата за взвешивание товара являлась основным источником дохода Генуи, который она получала от Каффы [Balard, 1978, p. 429–430]. В среднем сумма равнялась годовому бюджету коммуны Каффы, а иногда и превышала его в два раза. Площадь у морских ворот и вокруг дворца коммуны была центром деловой и экономической активности города [Balard, 1978, p. 205].

В османский период расположение таможенных служб не изменилось [Öztürk, 2014, p. 242]. Своим местопребыванием главы османской провинции Кефе избрали старый дворец генуэзской коммуны, изображенный на самом раннем перспективном плане города 1607 г. Этот план происходит из путевого дневника французского дипломата Жюльена Бордые [Balard, 1993, p. 182; Bordier, 1607, f 250–v251r].

Как мы уже отметили, городские кварталы (contracte) в бургах, а также в предместьях (антибургах) имели хаотичную конфигурацию, которая была продиктована рельефом и сложившейся традицией. Судя по всему, каждый из этих кварталов возглавлял сотник (caput centenarii), на которого возлагались обязанности поддержания порядка

среди жителей квартала. Именно сотники являлись поручителями должников казначейства коммун, в зависимости от их места проживания.

Весьма примечательным был район города, примыкавший к средней части приморской стены. По всей видимости, при генуэзцах здесь располагался рынок (*forum, bazale*), к которому вели морские ворота Вонитика. *Certus ordo de Caffa*, в свое время, предписывал оставлять незастроенной территорию вдоль дороги на Солхат, которую предполагалось использовать для рынка. Но, по-видимому, уже в генуэзский период рыночная площадь постепенно была застроена многочисленными караван-сараями (*cavarsarale*). Скопление караван-сараяев на вытянутой прямоугольной площади к западу от цитадели отмечено на всех российских военных картах Кефе 70–80 годов XVIII в. Их подробно и с восхищением, не уточняя, впрочем, их местоположения, описывал Эвлия Челеби, посетивший Кефе во второй четверти XVII в. [Эвлия, 2008, с. 185–186].

Историки нередко задавались очень важным вопросом: как отразился переход города из рук генуэзцев к османам, столь отличных по своей природе, с точки зрения культуры, религии и менталитета, на организации жизни города? Французский исследователь Жиль Вайнштейн полагал, что османы полностью переняли подход к организации городского пространства Кефе у генуэзцев [Balard, Veinstein, 1980, p. 94].

Относительно границ земельного участка, непосредственно принадлежавшего генуэзской Каффе, а затем османской Кефе, можем привести заслуживающее особого внимания свидетельство османского историографа хана Сахиб Герая (1532–1551) – Реммаль-Ходжи. По его сведениям, на момент взятия Каффы османскими войсками в 1475 г. граница земли Каффы едва доходила до горы Паша-Депеси (нынешняя г. Паша-Тепе) [Tarih-i Sâhib, 1973, p. 116–117, 249–250; Реммаль-Ходжа, 2019, с. 213–214]. Во всяком случае, этот текст полностью разрушает столетний исторический миф, бытующий в историографии об обширной округе генуэзской Каффы.

Во время захвата Каффы османскими войсками город не подвергся сильным разрушениям. На первых порах изменения городского ландшафта коснулись лишь мест отправления культа – неко-

торые католические церкви были превращены в мечети. Османы не изменили старый генуэзский план города, который сохранял свои характерные черты вплоть до занятия города российскими войсками в 1771 г.

Османский путешественник Эвлия Челеби описывал все те же элементы оборонительной системы, которые лишь поменяли названия на османский лад: цитадель – *Kale-i Frenk Hisari*, а внешняя крепость – *Kale-i Birun*. Эти же топонимы встречаются и в османских налоговых реестрах XVI в. Неожиданным в описании цитадели Эвлии Челеби является упоминание некоего укрепления *Narin Hisari* (верхняя крепость) в восточной её части, примыкавшее, судя по описанию, к крепостной стене [Эвлия, 2008, с. 181].

Как и во времена генуэзцев, в османский период город был разделен на кварталы. Свои названия в османских налоговых ведомостях XVI в. кварталы (*mahale*) получали, чаще всего, по именам глав общин, за небольшим исключением, когда они именовались по названиям мечетей или именам их основателей [Öztürk, 2014, p. 253, 257].

Большую часть горожан западноевропейского происхождения составляли генуэзцы и лигурийцы. В 1290 г. самую многочисленную часть жителей Каффы восточного происхождения представляли греки, составлявшие 50% населения. Во второй половине XIII в. среди жителей Каффы появляются армяне. В XIV в. их численность еще значительно отставала от греков [Balard, 1978, 284]. Однако уже в XV в. численность армянской общины значительно увеличилась. Хотя мы и не имеем абсолютных цифр, но количественное сравнение списков работодателей коммуны Каффы 1454 и 1455 годов, сохранившихся в книгах казначейства Каффы, показывает значительное преобладание армянского населения над греками. Ту же картину дает и количественное соотношение известных и сохранившихся церквей к XVIII в. (16 греческих при 32 армянских). Армяне Каффы были значительно более интегрированы в генуэзское общество Каффы. Среди них было значительное количество католиков. Этот, в большинстве случаев, формальный переход в католичество можно рассматривать как ситуативную реакцию для преодоления экономической дискриминации. Он долгое время мало влиял на этническую идентификацию и самоидентификацию.

Принятие католичества давало известные преимущества армянам – переселенцам, отправлявшимся на проживание в пределы Польского королевства – во Львов и другие города Галичины, обладавшие Магдебургским правом.

Присутствие в Каффе тюркоязычного населения, преимущественно мусульманского вероисповедания, начиная с 1289–1290 гг. можно отследить по актам генуэзского нотариуса Ламбердо ди Сабучето [Balard, 1978, p. 285]. Тем не менее генуэзцы часто с подозрением относились к мусульманам, и, вероятно, основным местом их постоянного проживания были пригороды. Арабский путешественник Ибн Батута (1334 г.) упоминает о наличии в генуэзской Каффе мечети, не уточняя ее местоположения. В любом случае, присутствие в городе татар из крымской степи (*samrapia*) и Солхата, а также малоазийских турок, особенно приезжих торговцев, было обычным явлением, хотя об активной интеграции мусульман в общественную жизнь генуэзской Каффы нет никаких сведений.

В нотариальных актах 1289–1290 гг. среди жителей Каффы зафиксировано только два иудея, но ко второй половине XIV в. количество иудейского населения несколько возросло. В книге казначейства Каффы 1381–1382 гг. зафиксировано существование квартала Йудека (*contracta Iudecha*) [МС, 1381–82, f. 3v, 191v] и упомянуто около 30 иудейских имен. Немецкий путешественник Иоган Шильтбергер отмечал, что иудеи Каффы исповедуют религию разного толка и имеют «два отдельных храма» [Шильтбергер, 1867, с. 57; Schiltberger, 1879, p. 49]. Оба здания (крымчакская синагога и караимская кенасса) пережили столетия и были разрушены только в середине XX в. Представители иудейских общин иногда играли заметную роль во взаимоотношениях генуэзцев Каффы, Крымского ханства, государства Ак-Куюнлу и Великого княжества Московского, как некий каффийский торговец Ходжа Кокос в 70-х гг. XV в. [Codice diplomatico, 1879–1881, p. 418; Памятники дипломатических, 1884, № 6–9, 12–13, 40, 50; Джанов, 2019а, с. 290–291].

Среди жителей Кефе в небольшом числе присутствовали выходцы из Сирии и Тебриза, черкесы, грузины, валахи, русины и русские [Slater, 2006, p. 274; Balard, 1978, p. 288].

Очень важен вопрос о количестве населения генуэзской Каффы, при том, что такие данные для XVI в., к счастью, сохранились в османских налоговых ведомостях. На них стоит обратить особое внимание, поскольку они отражают абсолютные цифры предельного заполнения сложившегося городского ландшафта в нормальных (не экстремальных) условиях.

Средневековые источники дают иногда фантастические оценки численности жителей Каффы, например в 20000 домов, что может дать расчетную цифру до 100000 человек населения [Шильтбергер, 1867, с. 57; Schiltberger, 1879, p. 49]⁸. Французский исследователь Мишель Баллар предложил собственный метод исчисления общего количества жителей. Принимая, что в 1385–1386 гг. в Каффе был собран налог в 8 аспров с одного раба, заключает, что таковых в городе находилось 530 человек. Далее принимая, что их число составляло около 3% от общего числа жителей, автор определяет общую цифру населения в 20000 человек [Balard, 1978, p. 301]. Мы не беремся судить о справедливости подобной методики.

Расчеты количества населения Каффы, проведенные А. Л. Пономаревым с применением статистических методов, по объективным данным книг казначейства генуэзской Каффы 1374–1375 и 1381–1382 гг., дают более реальные цифры. Он оценил количество взрослых мужчин Каффы в эти годы в ~800 и 2127 человек соответственно [Пономарев, 2000, с. 391; Пономарев, 2005, с. 46]. Дальнейшие, весьма приблизительные расчеты могут дать общую цифру ориентировочно в 10000 человек для 1382 г., однако не те 20000 домохозяйств, как указано у Шильтбергера.

События 1475 г. не повлияли принципиально на этнический состав населения. Серьезные последствия ощутила лишь латинская часть населения города. Все латиняне принудительно были выселены в Стамбул, где продолжили свою коммерческую деятельность на новом месте и в новых условиях. Квартал выходцев из Каффы в Стамбуле в 1477 г. состоял из 267 домов генуэзцев и армян [Babinger, 1978, p. 345]. Статисти-

⁸ Расчет плотности населения при 123 га площади под застройкой (включая предместья) и 100000 населения дает 12,3 кв. м. на одного человека, что при зафиксированном характере городской застройки физически крайне мало.

ческие данные османских ведомостей о взимании джизьи за 1487–1493 гг. показывают общую численность немусульманского населения Кефе (с подчиненными поселениями) в 2530 полноценных домохозяйств и 374 домохозяйства вдов [Barkan, 1964, p. 26].

Распределение населения Кефе по этническому и религиозному признакам

Общины	1520	%	1542	%
Мусульмане	5644	34	7419	46
Армяне	7358	45	5778	35
Греки	2756	17	2396	15
Другие общины	727	4	703	4
Всего	16485	100	16296	100

Данные двух налоговых ведомостей XVI в. показывают еще слабую, но все же тенденцию к постепенному сокращению доли христианского населения города. К сожалению, полные данные о численности населения Кефе в более поздних османских налоговых ведомостях до сих пор еще ждут публикации. Сравним опубликованные данные налоговых ведомостей XVI в. и XVII в. по некоторым выдержкам из них, приведенным в работе американского исследователя Алана Фишера⁹.

Численность домохозяйств немусульман Кефе

	1520	1542	1638	1649	1662	1778
Армяне	1499	1139	775	558	328	1453
Греки	560	481	~425	~282	~192	166
Иудеи	101	114	77	68	53	?
Русские	34	30	12			?
Черкесы	12	3	39			?
Цыгане			12			?

⁹ Со 100% уверенностью констатируем, что в данных о количестве греческого населения, опубликованных А. Фишером допущена ошибка и вместо численности греческих домохозяйств в таблице приведено расчетное количество населения. Поэтому для греческого населения Кефе в XVII в. приведены расчетные (приблизительные) данные. Для сравнения приведены данные на 1778 г. из ведомостей по переселению христианского населения Крыма. См.: Статистические сведения, 1887, с. 141; Российский государственный военно-исторический архив, ф. ВУА, д. 208, 1778, л. 276278; Fisher, 1980, p. 226.

Можно сказать, что в XVII в. тенденция к сокращению христианского населения в Кефе продолжает наблюдаться. Это явление не следует объяснять исключительно причинами религиозного характера. Большее значение играли политическая обстановка и экономическая ситуация. В первой половине века Кефе подверглась ряду разорительных нападений запорожских и донских казаков (1616, 1622, 1628 гг.). Население испытало значительные трудности и во время противоборства за престол ханов Мухаммед Герая и Джанибек Герая в 1628 г., когда город был наводнен ногаями Кантемир-паши. Население в страхе перед военной опасностью мигрировало вглубь полуострова в более безопасные регионы – на территорию Крымского ханства [Дашкевич, 1891, с. 30–33; Описание, 1902, с. 120]. Отток населения провоцировал османских налоговых чиновников на злоупотребления, чтобы сохранить уровень поступлений в казну. В налоговые книги во время переписи 1630 г. вносились даже малолетние дети. Имели место вспышки недовольства населения [Schütz, 1975, p. 148, 149]. Такая финансовая политика налогового ведомства провоцировала миграцию из провинции. Чтобы воспрепятствовать этому, в 1634 г. османское правительство даже пошло на снижение налогового гнета [Ефимов, 2013б, с. 139]. Тем не менее к моменту переселения христиан российскими властями из Крыма в 1778 г. именно в Кефе наблюдалась наибольшая концентрация немусульманского населения на всем полуострове, в отличие от сельских поселений Южного берега Крыма, многие из которых запустели.

В целом с началом османского господства выявляется вполне объективная картина замены господствующего населения Каффы (западноевропейцев, прежде всего итальянцев) мусульманским населением (прежде всего турками и татарами).

Администрация

Очевидно, что административная система генуэзской Каффы не имела никакой эволюции в османскую эпоху, а была заменена полностью уже сформировавшейся моделью провинциального управления.

На первых порах управление Каффой имело очень простую структуру. Во главе генуэзской фактории стоял консул, избиравшийся в Генуе, и обыкновенно срок его полномочий не прудле-

вался. До 1300 г. он в административном отношении подчинялся подеста Перы. Как глава администрации он принимал политические решения, командовал, при необходимости, вооруженными силами и вершил правосудие. Пожалуй, только судебной властью и ограничивалась сфера его деятельности, в которой он имел право принимать полностью самостоятельные решения. Даже вопросы вооружения кораблей он должен был согласовывать в Генуе с официцией Газарии (*officium Gazarie*), под чьим управлением находились генуэзские фактории «Заморья». Все остальные действия на месте, начиная со сбора налогов до каких-либо обыкновенных трат, он должен был согласовывать с т. н. советом 24-х, избравшимся пропорционально из генуэзских нобилей и пополанов. Кроме того, при консуле Каффы находился еще один коллегиальный орган – совет 6-ти, в сферу деятельности которого входили в основном функции избирательные. В случае необходимости члены совета 6-ти могли заменять отсутствующих членов совета 24-х. При главе администрации находилось всего лишь несколько чиновников. Полицейские и надзорные функции в городе, прежде всего на рынке, исполнял министрарий (*ministrarius*), избравшийся на трехмесячный срок. Казна с наличными деньгами вверялась двум ключарям (*clavigerii*), должность которых со временем, очевидно, трансформировалась во вторую по значимости в административной иерархии Каффы должность казначеев (*massarii*). Не меньшее значение в канцелярии фактории имели письмоводители (*scribae*), которые должны были избираться исключительно из членов коллегии нотарииев Генуи. В их обязанности входило, кроме обычного коммунального и публичного нотариального делопроизводства заведовать текущими финансовыми операциями коммуны (выдача жалования, учет налоговых поступлений и т. д.), т. е. выполнять функции кассиров. Ранние Статуты Каффы больше похожи на список предостережений и запретов, например, чеканить монету, собирать ханские пошлины, консулу – становиться вассалом татарского хана или его князей и т. д. [*Statuti*, 1871, p. 761–780; *Imposicio Officii*, 1838, col. 377–409].

С течением времени административная структура Каффы значительно усложнилась.

Как и прежде, главой фактории оставался консул с титулом «консул всех генуэзцев в империи Газарии». В судебных вопросах его замещал викарий. Ниже рангом были два казначея (*massarii*). Сначала они избирались на месте из числа граждан Генуи, а с 1455 г. стали назначаться из Генуи, как и остальные чиновники. Письмоводитель казначейства (*scriba massarie*) со временем стал играть роль главного кассира коммуны. При консуле находился совет старейшин из восьми членов, которые избирались наполовину из граждан Генуи и горожан Каффы, соблюдая половинную пропорцию для нобилей и пополанов. Высшие чиновники фактории ведали избранием остальных органов управления: четырех генеральных синдиков (*sindicatores generalies*), которые судят всех чиновников Черного моря за исключением самого консула Каффы; комиссии расходов (*officium monete*); торговой комиссии (*officium mercantie*); комиссии попечительной (*officium provisionis*), которая ведала преимущественно обустройством городской инфраструктуры и укреплений Каффы; комитета продовольственного (*officium victualium*). Количество комиссий было условно неограниченным. Они могли назначаться по случаю, например, войны (*officium guerre*) или эпидемии (*officium sanitatis*). Члены советов и официий не получали жалования из бюджета коммуны, что не означает того, что они не получали его из других источников [*Codice diplomatico*, 1879–1881, p. 575–680].

Кроме того на жаловании коммуны состояли различные чиновники: кавалерий (исполнитель наказаний), переводчики и письмоводители на латинском, татарском и греческом языках, аукционщики (*cintraci*), глашатаи (*placerii*), порученцы (*orgusii*) под началом капитана. Коммуна оплачивала жалование гарнизона, численность которого достигала иногда нескольких сотен человек, что ложилось тяжким бременем на казначейство. Специальные военные предводители (капитаны) назначались регулярно для двух ворот города Хачатура и Антибургов (св. Феодора), через которые поступали в основном товары и продовольствие из соседней Татари (Tartaria) или, по-другому, Дешта (*campania*). Порядок в городе обеспечивал капитан бургов. Административная и служебная

структура фактории была чрезвычайно разветвленной, в нее было интегрировано и население восточного происхождения, включая иудеев.

Особняком среди списка капитанов Каффы стоит капитан или кастелян некоей башни св. Константина. Ему прислуживал всегда один помощник. Только в случае военной опасности в помощь ему придавалось в помощь ещё несколько солдат. По всей видимости, это была отдельно стоящая башня за пределами периметра крепостных стен. Очевидно, это была портовая башня, очень характерная для многих генуэзских факторий Средиземноморья и Черного моря. Это объясняет то, что в начале военных компаний 1454 и 1475 годов османские войска, высадившись на берег, сначала оказываются у башни Св. Константина, а лишь потом подходят к стенам города. Вероятно, именно её изобразил на своем плане французский дипломат Жюльен Бордые к востоку от города на холме [Bordier, 1607, f 250–v251r].

Финансы и экономика

История денежного обращения в золотоордынском Крыму восходит к правлению хана Берке (1257–1267) [Янина, 1965, с. 169; Хромов, 2007, с. 4–54]. Более 50-ти лет, начиная с 1274 г., генуэзские документы упоминают серебряные монеты аспры (asprus – греч. ‘белый’), ходившие в Крыму, в форме «аспры барикаты» (aspri baricati) [Bratianu, 1929, p. 303, № IV]. Согласно господствующему мнению, это название происходило от имени хана Берке (араб. Bilād Baraka = государство Берке) [Schäfer, 1971, p. 124, 165, 232]. На протяжении своего существования золотоордынская монета имела различные номинал, вес и содержание серебра, от чего зависело её соотношение со счетно-денежными единицами соммами, название которых происходит от реальных серебряных слитков соммов, весом около 200 г. С течением времени, стоимость аспра по отношению к стабильному весу и содержанию серебряного сомма менялась [Balard, 1978, p. 660].

1290 г.	120 аспров
1333 г.	150 аспров
1340 г.	200 аспров

1374 г.	139–149 аспров
1381 г.	127–138,5 аспра
1386 г.	138–172 аспров
1399 г.	150 аспров
1409 г.	193 аспра
1410 г.	200–237 аспров
с 1420 г.	202 аспра

Документы 1374–1387 гг. фиксируют весьма нестабильный курс аспра по отношению к сомму, который зависел, очевидно, от веса конкретной монеты в зависимости от года выпуска. Хотя, убедительно объяснить природу этого явления до сих пор не удается.

Жалование высших чиновников Каффы было зафиксировано в Статутах в соммах, и их благосостояние не зависело от колебания курса ходячей монеты. От превратностей денежного рынка страдали преимущественно рядовые служащие коммуны, расчет жалования которых производился в аспрах, и налогоплательщики. Казначей Каффы, очевидно, пользовались разницей курса: принимая налоги, использовали завышенный курс сомма, а рассчитывались, применяя заниженный. Специальным параграфом татаро-генуэзского договора 1387 г. татарская сторона обязывалась выпускать серебряную монету в необходимом количестве и хорошего качества [Basso, 1991, p. 11–20; Basso, 1995, p. 97–108, 276–280]. Ввиду политической нестабильности в Золотой Орде это условие вряд ли было выполнимо [Balard, 1978, p. 661].

Нестабильность монетарной ситуации в регионе подтолкнуло генуэзские власти однажды прибегнуть даже к самостоятельной чеканке золотых дукатов, что произошло в 1420 г. по приказу консула Манфреда де Саули [Карпов, 1998, с. 34; Пономарев, 2013, с. 70–71]. Впоследствии консулу пришлось отвечать за свою авантюру, выплачивая огромные штрафы по приговору властей Генуи. Несмотря на это, ориентировочно, в это же время в Каффе начали чеканить аспр (татарск. акча) с изображением замка и латинской легендой на одной стороне и арабографичной легендой с именем хана Бек-Суфи (1419–1422) – на другой [Северова, 1994, p. 98–100; Пономарев, 2013, с. 76–84] (на выпусках других ханов, кроме того, присутствует тамга). И это была уже официальная чеканка, с вы-

платой причитающейся хану законной доли от нее, которая осуществлялась параллельно с собственнo ханским чеканом. Целью её было насытить рынок достаточным количеством полновесной монеты для предотвращения финансового кризиса. Чеканка аспров в Каффе продолжалась, очевидно, до взятия города османами. Один раз (около 1454 г.) была даже предпринята попытка монетарной реформы, в результате которой вес крымского аспра сравнялся с весом османской серебряной монеты (*asperus ottomano*) [Джанов, 2018, с. 75], однако от нее все же отказались.

В османский период ходячей монетой в Крыму и в Кефе, в частности, осталась татарская акча (аспр), которую продолжали чеканить все крымские ханы. В османских документах она обозначалась термином «акче кефевии» или «кефийского акче». Основанием же османской финансовой системы был османский акче. Курс их практически никогда не совпадал, чем пользовались в своих интересах обе стороны. В разное время соотношение «кефийского акче» к османскому определялось как 1/2, 1/5, 1/3, 1/10, 1/12, 1/20, 1/24, 1/40, а в 1578–1579 гг. упало до 1/48 [Öztürk, 2014, р. 361–364; Inalcik, 1996, р. 186]. Когда после очередной денежной реформы в ханстве, «кефийский акче» терял в стоимости по отношению к османскому акче, чтобы отличить его от старых монет, прибегли к изменениям их наименования. Таким образом, в османских документах в разное время встречаются: акче Кефе (Kefe), кефевии (Kefevi), новый акче Кефе (Kefe-i cedit), старый акче Кеф

(Kefe-i atik), новый старый кефевии (cedid-i kadim-i Kefevi), чистый новый кефевии (cadid-i halis – i Kefevi) и многие другие [Öztürk, 2014, р. 364].

Доходы и расходы бюджета генуэзской Каффы по данным второй половины XIV в. были исследованы М. Баларом [Balard, 1978, р. 420]. Подобное исследование по материалам книг казначейства XV в. еще предстоит сделать. Следует только лишь сказать, что в них содержатся абсолютные цифры того же порядка. Книги 1450-х гг. фиксируют накопление постоянного дефицита бюджета, приближавшегося к 1 000 000 аспров. Коммуна Каффы, по примеру метрополии, практиковала условно безвозвратные займы у населения города. Заём оформлялся как сообщество пайщиков (*compera locorum Caffe*). При этом каждый из равнозначных паев (*locho*) оценивался в соммах, согласно первоначальному взносу. Каждый год владельцу пая заемщиком (в данном случае казначейством Каффы) гарантированно выплачивались проценты. С течением времени эти пай могли перепродаваться владельцами за сумму, равную номинальной или отличную от неё, в зависимости от их реальной рыночной стоимости. И это все при том, что вся весовая подать Каффы, о которой мы уже упоминали, уходила на выплату процентов таким же пайщикам в Генуе (*compera locorum comunis Ianue*) [Leges genuenses, 1901, col. 381, § 164]. Это самый ранний пример в Северном Причерноморье существования таких сложных финансовых институций.

Расходы бюджета Каффы

	1374–1375		1381–1382		1386–1387	
	аспры	%	аспры	%	аспры	%
Жалование служащим	197 300	29,8	220 172	21,7	284 332	17,8
Жалование воинам	286 476	43,1	614 995	60,4	982 249	59,3
Дипломатия	39 598	6,0	4654	0,5	12 967	0,6
Ночная стража	23 610	3,5	25 773	2,5	27 486	1,6
Закупка продовольствия	–	–	–	–	66 049	3,9
Строительные работы	2090	0,3	18 868	1,8	–	–
Займы, подарки, возмещения	17 037	2,5	10 539	1,0	–	–
Праздники	283	–	1666	0,1	–	–
Разнообразные траты	97 864	14,8	121 548	11,9	280 038	16,8
Итого	664 258	100	1 018 215	100	1 653 121	100

Доходы бюджета Каффы

	1374–1375		1381–1382		1386–1387	
	аспры	%	аспры	%	аспры	%
Таможенные сборы	471 284	40,7	406 700	20,0	417 611	20,7
Налоги	332 540	28,7	491 708	24,2	887 411	44,0
Гражданское имущество	54 855	4,8	64 240	3,2	55 750	2,8
Штрафы	137 502	11,9	102 547	5,0	23 861	1,2
Налоги на зерно	21 386	1,8	672	–	35 725	1,8
Экстраординарные доходы	–	–	279 760	13,8	–	–
Займы	–	–	529 620	26,1	589 464	29,2
Разнообразные доходы	140 754	12,1	156 269	7,7	6 439	0,3
Итого	1 158 331	100	2 031 516	100	2 016 261	100

Торговые связи генуэзской Каффы были самыми разнообразными. Нередки случаи использования протяженных степных маршрутов через территорию Золотой Орды, которые частично описал Франческо Балдуччи Пеголотти, но тем не менее внутренний черноморский товарооборот для Каффы был преобладающим уже на ранних этапах существования фактории. К тому же нередко возможность непосредственного проникновения на территорию Золотой Орды исчезала надолго, как в случае с «кризисом Таны» после 1343 г. и последующим эмбарго на торговлю в Тане, продолжавшимся до 1380-х гг. [Paparostea, 1979, 201–217]. Перечень товаров, проходивших через порт и рынок Каффы, был весьма разнообразен. Европейцы завозили в Черное море преимущественно металлы, вино, разнообразнейшие европейские ткани и, в свою очередь, покупали шелк, зерно, рыбу, икру, северные меха, жемчуг и, конечно же, рабов [Balard, 1978, p. 141, 156]. Каффа, лишенная почти полностью собственной продовольственной базы, зависела от поставок зерновых из Северного Причерноморья, с Северного Кавказа и из Малой Азии, в частности, из Самастро (Амасры). Последнее направление было приоритетным, если прекращались поставки их с северных берегов Черного моря. Малоазийское направление торговли стало особенно актуальным поле занятия османами проливов Босфор и Дарданеллы.

В османский период внутрочерноморский товарообмен также был преобладающим в экономике города. Вместе с тем Черное море не было полностью закрыто для международной торговли, в том числе и европейской. Торговые отношения этого крымского порта охватили всю огромную территорию Османской империи [Öztürk, 2014, p. 483–512; Öztürk, 2017, p. 105].

Генуэзская Каффа в XIII–XV вв. была не только крупнейшим торговым центром в Черноморском бассейне. Её существование сыграло существенную роль в судьбе Золотой Орды и формировании Крымского ханства. Не меньшее значение для полуострова этот портовый центр имел и в период зависимости от Османской империи. На протяжении почти всей истории Крымского ханства Кефе, была мощнейшим центром османского влияния в Северном Причерноморье. В изучении первоисточников, имеющих отношение к генуэзской Каффе и османской Кефе имеются значительные перспективы. Особо интересные данные должны дать генуэзские финансовые документы и актовый материал, а также османские налоговые ведомости XVI–XVIII вв., многие из которых еще ждут публикации. Их изучение должно дать объективный материал для оценки той роли, которую сыграл этот город в истории Крыма и Черноморского бассейна.

4.4. Кефинский эялет

О. М. Курникова

С приходом османов в 1475 г. начался новый этап в истории Крыма длиною в три столетия. Крымский полуостров имея удачное географическое положение, с давних времён был вовлечён в систему международных торговых отношений. Являясь связующим звеном для стран Европы и Азии, он все же находился в стороне от основных внешнеполитических планов Османской империи, которые в первую очередь были направлены на страны Центральной Европы. Покорение Константинополя в 1453 г. и дальнейшее стремительное завоевание стран и народов Европы увеличивало могущество Османского государства. И вместе с завоеваниями Балкан и Малой Азии османы вели военные действия против Венеции и Генуи, желая единовластно господствовать и контролировать торговые операции в Средиземноморском и Черноморском регионах. Таким образом, итальянские торговые колонии, расположенные на побережье Крымского полуострова, попадали в сферу интересов османов. Первая военная экспедиция османов к берегам Крыма была предпринята в 1454 г. Турецкий флот вышел на рейд Каффы, в этот раз поход носил разведывательный характер и демонстрировал генуэзцам силу и мощь османского флота, вскоре османы покинули залив курсом на Константинополь [Колли, 1913, с. 99–139].

Уже в 1475 г. Крымский полуостров пал под натиском Османской империи. Завоевав в первую очередь Каффу, османы захватили Судак, Керчь, Балаклаву, Инкерман, Мангуп и другие территории Крыма [Богуш-Сестренцевич, 1806, с. 211–213; Колли, 1911, с. 1–18]. Таким образом, западное и восточное побережья Крымского полуострова, Южный берег Крыма, зона Керченского пролива, Керченский полуостров, Тамань и Азов – все эти территории перешли под власть османского султана и образовали новую провинцию Кефе со столицей в городе Каффа, которую османы переименовали в Кефе.

Изначально провинция Кефе образовала санджак¹, в который вошли юго-западная часть по-

луострова, Южный берег Крыма, окрестности Кефе, Керченский и Таманский полуострова, т. е. все бывшие итальянские колонии теперь стали османскими владениями. Во второй половине XVI в. статус провинции был повышен, и санджак Кефе преобразован в эялет² Кефе, без изменения территориальных границ. Начиная с 1475 г. и вплоть до 1774 г. провинция Кефе находилась под прямым османским правлением. Крымское ханство, занимая внутренние степные части Крымского полуострова, было зависимым от османов.

Приобретение Крымского полуострова со всеми портами на Чёрном море стало для Османской империи не только расширением территориальных владений, но и открыло новые возможности как в военном отношении, так и в торговом.

Источники по Османскому Крыму

Завоевание Крымского полуострова османами, образование новой провинции Кефе, её развитие, административно-территориальное деление, социально-экономические, этно-демографические и многие другие аспекты жизни региона становится возможным проследить благодаря сохранившимся письменным источникам, которые в первую очередь сосредоточены в архивах Турецкой республики. Основной массив сохранившихся османских документов – это дефтеры³ разных категорий, находится в архивах города Стамбула: в Османском Архиве Канцелярии Премьер-министра (Başbakanlık Osmanlı Arşivi) и Архиве музея Дворца Топкапы (Торкарй Сараяе Музеси).

Османская империя являлась одной из стран,

более мелких территориальных единиц – каза, и в свою очередь несколько санджаков образовывали эялет.

² Эялет – крупная административно-территориальная единица Османского государства.

³ Дефтеры – документы, в которые записывали налоговые и земельные реестры. По сути дефтеры – это кадастровые налоговые переписи территорий Османской империи. Они были разных видов и содержали в себе информацию о различных аспектах жизнедеятельности империи, региона или провинции и их населения [Сванидзе, 1989].

¹ Санджак – административно-территориальная единица в Османской империи, состоял из нескольких

где составлению и сохранению документов, и в частности дефтеров, уделяли серьёзное и первостепенное значение. Первый фирман о необходимости документирования всех решений центральных и местных властей и об их сохранении издал в 1536 г. султан Сулейман Кануни. Согласно этому фирману, бейлербеи, управлявшие различными провинциями Османской империи, и кадии (судьи, разбиравшие гражданские и уголовные дела в различных населённых пунктах и городских кварталах) обязаны были заносить свои решения в специальные дефтеры-тетради и сохранять их в порядке в особых сундуках [Васильев, 2010, с. 35].

В Османском Архиве Канцелярии Премьер-министра (БОА) архивные материалы классифицированы в соответствии с находящейся в них информацией. Например, *tahrir defterleri* – дефтеры-переписи; *muhasebe defterleri* – бухгалтерские (счётные) дефтеры; *mukataa-iltizam defterleri* – дефтеры по земельному налогообложению; *gümrük defterleri* – таможенные дефтеры; *mühimme defterleri* – дефтеры важных дел и т. д.

К примеру, таможенный дефтер (*gümrük defterleri*) конца XV в. (1487–1490 гг.) является одним из самых древнейших дефтеров по истории санджака Кефе. Сведения о работе таможни, о ценообразовании, товарообороте и торговых отношениях, о движении товаров внутри санджака, в Анатолии и в районах Северного Причерноморья, о таможенных недоимках по государственным сборам, о торговцах-должниках тщательно занесены в этот дефтер [БОА, Kamil Kereci Tasnifi, Gümrük defterleri № 5280; İnalçik, 1996]. Счётный дефтер (*muhasebe defterleri*) №2283 содержит информацию о доходах и расходах эялета Кефе за четырёхлетний период – с 1577 по 1581 гг. [БОА, Kamil Kereci Tasnifi Muhasebe defterleri, № 2283]. Дефтеры с №№ 1088 и 71 из категории мукатаа-ильтизм (*mukataa-iltizam defterleri*) отражают состояние эялета Кефе в середине XVI в. и собирают в себе сведения об управлении эялетами, санджаками, формах откупа, аренды земельных площадей, доходах мукатаа, таможенных и другие торговых доходах, о промышленных предприятиях санджака Кефе [БОА, Maliyeden Müdevver Defterler №№ 1088, 71].

В XV–XVI вв. в Османской империи проведение переписей земель носило регулярный характер и главным образом было связано с завоеваниями новых территорий. Считается, что общая перепись всей империи была произведена после завоевания Константинополя в 1453 г., результатом которой стало составление дефтеров для европейских и азиатских её провинций. Составив реестр завоёванной территории, султан её обычно жаловал одному или нескольким санджакбеям⁴, в зависимости от величины территории.

Дефтеры, содержащие сведения по переписям населения (*tahrir defterleri*), называемые также султанскими дефтерами (*defter-i Khakami*), иногда – тапу-дефтерами (*tapu defteri*), среди документов османской канцелярии занимают особое место. В результате переписи населения, земель и доходов составлялись дефтеры двух видов: пространный (*defter-i mufassal*) и краткий (*defter-i icmal*, или *defter-i mücmel*), иногда называвшийся тимар-дефтером (*timar defteri*). Дефтеры-переписи содержали в себе самую подробную информацию об описываемом в них регионе, санджаке, эялете. Являясь налоговыми реестрами, дефтеры хранили сведения о городах и селениях, включая территориальное деление, названия деревень, подсчёт дворовых и сельских хозяйств, имена глав семейств, количественный состав дворов, конфессиональную и этническую принадлежность населения и множество других ценных данных о конкретном санджаке или эялете. В них были занесены все законы, распространяющиеся на данный регион, налогообложение, юридические нормы и правила, меры веса и т. д. [İnalçik, 1945, p. 110–111].

Две переписи санджака Кефе XVI в. №№ 370 и 214 хранятся в Стамбуле в Архиве Канцелярии Премьер-министра (БОА). Существуют предположения, что была более ранняя перепись конца XV века османского Крыма, составленная сразу после завоевания полуострова османами, но, вероятно, она утеряна, так как среди архивных документов в турецких архивах она не числится [Öztürk, 2000, p. XX]. Таким образом, дефтеры-переписи санджака Кефе первой половины XVI в. – это первые подробные документы, со-

⁴ Санджакбей – правитель санджака и его военачальник.

державшие сведения об административно-территориальном делении, о населении, о налогообложении, о социально-экономической жизни османского Крыма.

Тахрир-дефтер № 370 не имеет даты, его датируют приблизительно 1520 г. [Berindei, Veinstein, 1976; Berindei, Veinstein, 1979; Fisher, 1981, s. 138]. В этом дефтере собрана информация о санджаках Кефе (Кефе), Kırkkilise (Кырккилисе), Çirmen (Чирмен), Silistre (Силистре), Vize (Визе) и Niğbolu (Нигболу). Сведения о санджаке Кефе в этом дефтере занимают с 473 по 499 страницу. Документ имеет традиционную структуру. В начале содержится свод законов-постановлений (канун-наме) с 473 по 481 страницу. Затем информация демографического характера: состав и численность городского населения столицы города Кефе, остальных крупных городов санджака, затем описано сельское население: название деревни, с указанием окружного центра, в который она входит, количество домов (очагов), перечень всех видов налогов и обложений. Среди обязательных сведений дефтера содержится подробная информация о мукатаа городов, деревень и их доходах. После информации о населении санджака находится информация о доходах, которая состояла из трёх частей: это доходы султана, доходы санджакбея и доходы вакуфов. В заключение в дефтере сказано о крепостных сооружениях санджака, о составе гарнизонов, их вооружении и боеприпасах [Veinstein, 1980; Fisher, 1978].

Второй документ-перепись санджака Кефе это тахрир-дефтер № 214. В отличие от предыдущего тахрир-дефтера, у него есть датировка 20 Receb 949 (30 октября 1542 г.). Но начало описания в этом дефтере относится к 945–946 (1538–1539 гг.), и скорее всего, дата, обозначенная на дефтере, – это время окончания его составления. В дефтере перечисляются доходы мукатаа за трёхлетний период, что также подтверждает данные о том, что дефтер начат приблизительно в 1538–1539 годах и завершён в 1542 году. Этот дефтер содержит информацию только по санджаку Кефе. В остальном он схож с предыдущим. Составлен дефтер № 214 традиционно и состоит из 269 страниц. В начале канун-наме – свод законов и постановлений Сулеймана I, касавшихся сан-

джака Кефе [Berindei, Veinstein, 1975]. Вслед за канун-наме следует краткое содержание дефтера, которое занимает с 9 по 21 страницу. В дефтере перечисляются доходы мукатаа городов санджака Кефе и сельской местности. Приводятся доходы, не связанные с мукатаа, указана прибыль султана и санджакбея. В разделе дефтера с описанием населения перечисляются города санджака, начиная с города Кефе. После этого следует информация о населении городов с упоминанием количества домов (очагов), имен глав домов, профессий. Затем – сведения о составе населения, которое проживало внутри крепости Кефе, снаружи и в пригороде. Далее описывалось сельское население: число домов (очагов), общая сумма налога деревни и перечислялись все взимаемые налоги. Заключительная часть дефтера посвящена вакуфам. Самые последние страницы содержат дополнения к канун-наме. Тахрир-дефтеры записаны почерком сиякат, цифры написаны почерком дивани.

Важную и ценную информацию содержат переписи эялета Кефе XVII в.: налоговая перепись с неисламского населения османских владений в Крыму 1630-х гг.; джизье-дефтер 1634–1635 гг. [Ефимов, 2000; Ефимов, 2013а; Ефимов, 2013б].

Текст дефтера, содержащего реестр землевладения эялета Кефе в 1682–1683 гг., упорядочен по административно-территориальному признаку: кадылык Кефе, кадылык Сугдак, кадылык Мангуп. Внутри кадылыков населенные пункты описаны по движению дефтердаров (переписчиков). Отличительной чертой этого дефтера является выделение в качестве единиц описания чифтликков и кышла (зимовников для овец). При этом опущены сведения, составлявшие основу тапу-тахрир дефтеров начала XVI в. – количество собираемых налогов по каждому населенному пункту. Главным объектом описания в дефтере являются земельные участки (сады, пашни, поля, чаиры), сопровождаемые записями о землевладельцах. Помимо их имён есть сведения об их социальном статусе, вероисповедании, месте проживания. Основной учетной единицей площади является дёнум, равный 918,672 квадратных метров [Османский реестр, 2020а; Османский реестр, 2020б; Османский реестр, 2021].

Османские и крымские исторические сочине-

ния, хроники, летописи зачастую содержат в себе разносторонние сведения, например, по этнографии, традициям и быту региона, и составляют отдельную группу источников по истории османского Крыма [Зайцев, 2009]. Так, например, в сочинении османского автора Ашика Паша-оглу «Теварих-и Ал-и Осман» – «Османская династическая история», которое он начал писать в 1476 году, есть раздел (баб 152), где автор повествует о взятии турками Кафы и Мангупа [Aşikpaaoğlu, 1992; Хайбуллаева, 2001]. Сочинение османского историка Ибрахима Печеви «Tarih-i Pecevi» – «История Печеви» – охватывает события с 1520 по 1640 годы. В этом произведении есть сведения о военных и политических событиях на Крымском полуострове, а также сведения о городах, о жизни городского населения, о крепостях, о торговле и ремёслах [Pecevi, 1982; Печеви, 1988]; летопись «Теварих-и Дешт-и Кипчак» – «История Кыпчакской степи» создано османским автором Абдуллы ибн Ризван. Написано данное произведение во времена Мурада IV (1623–1640 гг.). Из него можно извлечь вспомогательную информацию о состоянии Крыма. Например, есть сведения о культуре и богатстве крымских купцов; сообщается о бедствиях, землетрясениях и голоде в Крыму; описывается религиозная обстановка; подробно описаны Мангуп и его богатства; Кефе XVII в., а также описана военная экспедиция Гедик Ахмеда Паши в Каффу [Зайночковский, 1969].

Материалы, сохранившиеся в Российских архивах, содержат документы о взаимоотношениях России, Османской империи и Крымского ханства. Например, Российский государственный архив древних актов (РГАДА) в Москве располагает обширным собранием документов по истории внешней политики России и Османской империи. Документы, отображающие отношения Крыма, Османской империи и России, собраны в двух фондах: «Сношения России с Крымом», фонд 123, и «Сношения России с Турцией», фонд 89 [Рогожин, 1990].

Рассматривая историю эялета Кефе в самом её завершении, а именно во второй половине XVIII в., когда Османская империя постепенно сдаёт свои позиции, когда данные территории переходят под власть крымского хана и

когда уже в конце XVIII в. Крым присоединён к Российской империи, здесь можно встретить разные документы по истории Крыма в российских архивах. В основном это указы и рескрипты императрицы Екатерины II, распоряжения князя Г. А. Потемкина-Таврического касательно устройства новоприобретённых территорий в Крыму, а также разные тематические документы. Например, «Камеральное описание Крыма 1784 г.», которое хранится в фонде князя Г. А. Потемкина-Таврического в Российском Государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в Москве [РГВИА, ф. 52, д. 336]. «Камеральное описание Крыма 1784 г.» было опубликовано Ф. Ф. Лашковым в журнале Известия Таврической Учёной Архивной Комиссии (ИТУАК)» [Лашков, 1887, Лашков, 1888, Лашков, 1889а, Лашков, 1897в]. Интересен документ «Топографическое описание доставшимся по мирному трактату от Оттоманской Порты во владение Российской империи землям, 1774 года», составленный при переходе от Османской империи к России городов Кинбурн, Керчь и крепости Ени-Кале. В нем содержится подробное описание состояния перечисленных городов и их округи в 1774–1775 гг. [Топографическое описание, 1868].

Отдельными источниками информации по Османскому Крыму являются нарративные письменные источники, такие как заметки и свидетельства, оставленные современниками, путешественниками и дипломатами XVI–XVII вв. Мартин Броневский – польский дипломат, историк и путешественник XVI в., создавший «Описание Крыма» [Броневский, 1867]; Михалон Литвин – посол Великого княжества Литовского в Крымском ханстве, этнограф XVI в. [Литвин, 1994]; Эмиддио Дортелли д'Асколи, – глава миссионерской доминиканской миссии в Кефе в первой половине XVII в., написавший «Описание Черного моря и Татарии» [Описание, 1902]; Джиовани де Лукка – католический монах доминиканского ордена XVII в. [Описание, 1879]; Эвлия Челеби – известный турецкий путешественник XVII века [Эвлия, 2008]; Гийом Левассёр де Боплан – французский военный инженер и картограф XVII в. [Боплан, 2004]; Жан Шарден – французский путешественник XVII в. [Путешествие,

1902]. Все они побывали в провинции Кефе с разными целями и при разных обстоятельствах, но благодаря духу путешествий, живущему в каждом из них, и желанию сохранить и записать увиденное, представляется разносторонняя информация о провинции Кефе в XVI–XVII вв. Опираясь на сообщения путешественников, воссоздается общая картина региона, складывается впечатление о жизни в целом и прослеживаются настроения, царившие в Кефинском эялете. Мы можем увидеть городские постройки, культовые и крепостные сооружения, состав многонационального населения и торговые связи провинции.

Административно-территориальное деление и население провинции Кефе

Новообразованная провинция Кефе в Крыму первоначально получила статус санджака, который позднее, во второй половине XVI в., был повышен до эялета. Провинцией управлял наместник – сначала санджакбек, позднее бейлербей, назначаемый правительством из Стамбула и выполняющий функции военачальника. Он находился в столице провинции – городе Кефе. Крупные города были центрами каза (кадылыков) и управлялись кади (судья). Города были укреплены крепостями, в каждой из которых находился комендант с отрядом охраны. Османе использовали сохранившиеся крепостные укрепления, построенные их предшественниками генуэзцами и венецианцами, усилив их и разместив здесь вооружённые отряды своих войск. Гарнизоны османских войск располагались в Кефе, Судак, Керчи, Балаклаве, Инкермане, Мангупе. «На этом полуострове лежит семь городов, из которых главный Каффа... Султан посылает пашу в город Каффу, который наблюдает... за происходящим возле стен города» [Описание, 1879, с. 475–476].

Земли санджака Кефе были разделены на каза (кадылыки). Согласно тахрир-дефтерам XVI в., в санджак Кефе в Крыму входили 4 каза (кадылыка) – это Кефе, Судак, Мангуп, Керчь; также в состав провинции Кефе были включены каза (кадылыки) Тамань и Азов, расположенные на Таманском полуострове. Каза (кадылыки)

состояли из: городов, которые являлись их центрами, соответственно это города Кефе, Керчь, Судак и Мангуп, два города-крепости Балаклава и Инкерман входили в состав каза (кадылыка) Мангуп, а также в состав всех каза санджака входило 69 населённых пунктов согласно дефтеру 1520 г. и 75 населённых пункта по данным переписи 1542 г.

В 1542 г. в каза (кадылык) Керчь входили город Керчь и 3 деревни. В каза (кадылык) Кефе входили город Кефе и три деревни. В каза (кадылык) Мангуп XVI в. входили 3 города (Мангуп, Инкерман, Балаклава) и 49 деревень. В каза (кадылык) Судак входили город Судак и 20 деревень.

Каза Кефе 1542 г.

Город Кефе		
Деревни каза Кефе:		
Султан Саласы	Сарыгёль	Байбога

Каза Керчь 1542 г.

Город Керчь		
Деревни каза Керчь:		
Хызыр Ильяс	Джанкобеди	Хаджи Бонджук

Каза Судак 1542 г.

Город Судак			
Деревни каза Судак:			
Монастырь	Улу Езен	Ускют	Туклак
Кутлак	Шума	Алушта	Айсерес
Ворон	Демирджи	Кючюк Езен	Арпат
Девак	Корбеклы	Коз	Ташлу
Куру Езен	Капсхор	Копсел	Чолмекчи

Каза Мангуп 1542 г.

Город Мангуп			
Город Инкерман			
Город Балаклава			
Деревни каза Мангуп:			
Шулю	Сары Керман	Никита	Черкес Кермен
Ай-Тодор	Гурзуф	Хайто	Багатыр
Адым Чокрак	Партенит	Чоргуна	Оджи
Кирман-джик	Ламбат	Сотира	Маркур
Енисала	Ялта	Таш Искеле	Яанги
Атио	Дерекой	Бююк Мюскомья	Кукулуз
Кючюк Мюскомья	Аутка	Форос	Фотсала
Байдар	Масандра	Камара	Ургуста
Саватка	Алупка	Карану	Тули
Календе	Мисхор	Ходжа Салы	Беджан
Ай-Петри	Лимена	Викне	
Кодыкой	Шембос	Гаври	
Султан Сала	Кикинеис	Сюрен	

Согласно реестру XVII в. (1680-е гг.), в состав эялета Кефе входили кадылык (каза) Кефе с 4-мя селениями, кадылык (каза) Судак, к которому относились 20 селений и кадылык (каза) Мангуп с 74 населёнными пунктами [Османский реестр, 2021].

Кадылык Кефе в 1680-е гг.

Город Кефе			
Селения кадылыка Кефе:			
Насух	Кёрю-башы	Султан-сала	Джаг

Кадылык Согдак в 1680-е гг.

Крепость Согдак			
Селения кадылыка Согдак:			
Кутлак	Ворин	Ускют	Демирджи
Козлар	Айсерез	Тувак	Шума
Токлук	Кабсхор	Кючюк-озен	Корбегли
Таракташ	Шелен	Ортаозен	Алуште
Согуксу	Арпад	Улуозен	

Кадылык Мангуб в 1680-е гг.

Крепость Мангуб			
Крепость Балыклава			
Селения кадылыка Мангуб:			
Йени кой	Бююк-Озенбашы	Камышлы	Бага
Коджасаласы	Бахадыр	Учкуйу	Мускомья-и Кебир
Фудсаласы	Татар Осман	Акйар	Мускомья-и Сагир
Махалле Черкес	Гаври	Ин-Кирман	Байдар

Кюрдлер	Айо-Йорги	Тимури, или Кады кой	Искеле
Карлы	Бюйюк Сейюрен	Карану	Календи
Адым-чокрагы	Кючюк Сейюрен	Камара	Саватка
Йени-сала	Кара-Илийас	Чургуна	Узундже
Йанджо	Хасан-Мирза	Алчо или Алсу	Сторе (?)
Коклос	Дегир-менли	Уппи	Ласпи
Маркуру	Черкес-Кирман	Айо-Тодор	Форос
Папас Дегир-мени	Отар-Саласы	Угры-куста	Бегшадка
Гёкгёз или Папайалныз	Диван кой	Толи	Кикениз
Симеиз	Ин-кастра (?)	Лимане	Михалатка
Хаспетре	Мисихор	Агутке	Йалыта
Дере кой	Марсанда	Партенид	Кызылташ
Магараш	Сиките	Гурзуф	Дегирмен
Ланбад-Сагир	Ланбад-Кебир	Алубка	

Разница между данными представленных переписей составляет приблизительно 140 лет. Сравнивая количество населённых пунктов, видно, что существенных изменений в кадылыках Кефе и Судак не произошло. В них как в XVI в., так и в XVII сохранилось приблизительно одинаковое количество населённых пунктов. Кадылык Керчь в переписи XVII в. не представлен.

А кадылык Мангуп значительно увеличил количество селений – с 49 в 1542 г. до 74 в 1680-х годах. В переписи XVI в. помимо главного города каза Мангупа отдельно выделены города-крепости Балаклава и Инкерман, а в переписи XVII в. как отдельный город-крепость предстаёт только Балаклава, Инкерман же перешёл в состав селений кадылыка.

Исходя из расположения городов и деревень, границы провинции Кефе можно обозначить, начиная с юго-западной части Крымского полуострова, затем – в устье реки Бельбек, верховьях рек Альма и Кача, далее – по склонам Крымских гор, а также весь Южный берег, город Кефе и его окрестности и Керченский полуостров.

Крым традиционно многонациональный, полиэтничный и многоконфессиональный регион. Таким он был при итальянских колонизаторах, при османах эта тенденция сохранилась. Здесь жили греки, армяне, евреи, итальянцы, татары и турки [Броневский, 1867. с. 348]. Путешественники XVII в. приводят аналогичный состав жителей эялета Кефе. Города населены турками, греками, армянами и евреями [Описание, 1902, с. 118]. Живут греки, армяне и евреи: все платят подати [Описание, 1879. с. 482].

Исходя из статистических данных дефтеров-переписей 1520 и 1542 гг., можно калькулировать численный и рассмотреть конфессиональный состав населения как всего санджака в целом, так и по отдельным его каза (кадылыкам).

Общая численность населения каза (кадылыка) Кефе

Общины	1520	%	1542	%
Мусульманское население	5644	34	7419	46
Немусульманское население	10841	66	8877	54
Всего	16485	100	16296	100

Общая численность населения каза (кадылыка) Мангуп

<i>Общины</i>	1520	%	1542	%
Мусульманское население	876	7	1515	13
Немусульманское население	11584	93	9877	87
Всего	12460	100	11392	100

Общая численность населения каза (кадылыка) Судак

<i>Общины</i>	1520	%	1542	%
Мусульманское население	297	5	252	4
Немусульманское население	5913	95	5554	96
Всего	6210	100	5806	100

Общая численность населения каза (кадылыка) Керчь

<i>Общины</i>	1520	%	1542	%
Мусульманское население	395	45	1206	63
Немусульманское население	489	55	698	37
Всего	884	100	1904	100

Мусульманское население санджака Кефе (Крым) в 1520 и 1542 гг.

<i>Каза (кадылык)</i>	1520	1542
Каза (кадылык) Кефе	5644	7419
Каза (кадылык) Мангуп	876	1515

Каза (кадылык) Судак	297	252
Каза (кадылык) Керчь	395	1206
Всего	7212	10392

В промежутке между двумя переписями 1520 и 1542 гг. количество мусульманского населения санджака Кефе возросло на 44,09% (7212 человек в 1520 г. и 10392 человека в 1542 г.). Численность мусульманского населения увеличилась по всем каза (кадылкам) провинции, за исключением каза (кадылыка) Судак, в котором произошло небольшое снижение количества мусульманского населения.

Немусульманское население санджака Кефе (Крым) в 1520 и 1542 гг.

<i>Каза (кадылык)</i>	1520	1542
Каза (кадылык) Кефе	10841	8877
Каза (кадылык) Мангуп	11584	9877
Каза (кадылык) Судак	5913	5554
Каза (кадылык) Керчь	489	698
Всего	28827	25006

Численность немусульманского населения санджака Кефе в промежутке между двумя переписями XVI века уменьшилась на 13,25% (28827 человек в 1520 г. и 25006 человек в 1542 г.). Снижение численности населения прослеживается по всем каза (кадылкам) санджака, за исключением каза (кадылыка) Керчь, в котором видно увеличение немусульманского населения.

Немусульманское население провинции в османских источниках разделено на разные общества по религиозным и этническим критериям. В городах существовали кварталы (mahalle) или общины (семаат) армян, греков, евреев, черкесов-христиан, русов.

Общая численность населения санджака Кефе (Крым) в 1520 и 1542 гг.

Каза (кадылык)	1520	1542
Кефе	16485	16296
Мангуп	12460	11392
Судак	6210	5806
Керчь	884	1904
Всего	36039	35398

Общая численность населения санджака Кефе между двумя переписями немного уменьшилась на 1,78% (36039 человек в 1520 г. и 35398 человек в 1542 г.). По всем каза (кадылкам) санджака происходит небольшое снижение численности населения, за исключением каза (кадылыка) Керчь, где заметен прирост населения, особенно мусульманского. Этот факт, скорее всего, обусловлен стратегическим положением города и находящимся в нем военным гарнизоном.

Немусульманское население санджака Кефе значительно превосходило по численности мусульманское население. Немусульманское население в 1520 г. составляло 80% от общего количества населения, соответственно мусульманское население составляло 20%. В 1542 г. процентное соотношение мусульман и немусульман санджака Кефе немного изменилось и составило соответственно 70,65% и 29,35% от общего количества населения санджака. Среди немусульманского населения преобладали общины армян и греков, затем шли евреи, черкесы и русы.

Надо отметить, что в ориентированном в большей степени на торговлю санджаке Кефе, с одной стороны, османы проявляли терпимое отношение к вероисповеданию народов, живущих здесь. Все население провинции являлось османскими поданными. Им разрешалось оставаться в своей вере, проводить молитвы и обряды, сохранять имеющиеся культовые строения, но не разрешалось возводить новые. Культовые сооружения провинции Кефе XVI–XVII вв. включали в себя мечети, православные, армянские и католические храмы, синагоги. Преобладание католических храмов времен генуэзцев в Кефе

сменилось на господство мечетей при османах. С другой стороны, послабление налогового бремени для населения, которое примет ислам, позволило османам сохранить и преумножить все то, что они смогли получить с завоеванием Крыма.

В дальнейшем в XVII в. происходят ощутимые изменения в составе населения эялета Кефе, численность немусульманского населения в кадылках Мангуп и Судак уменьшается за счёт многочисленной миграции немусульманских семей в деревни других кадылыков, а также за счёт переселения немусульманского населения на земли Крымского ханства. Причинами для таких изменений, вероятно, послужили как грабежи и нападения казаков, так и постоянно увеличивающееся налоговое бремя на немусульманское население эялета [Ефимов, 2013б].

Некоторая информация о население эялета Кефе XVII в. есть в книге «Сейяхатнаме» известного турецкого путешественника Эвлии Челеби. Данные, приводимые Эвлией Челеби, интересны и, вне сомнения, заслуживают внимания, хотя использовать их стоит очень осторожно, так как зачастую они имеют завышенные значения [Эвлия, 1996, с. 77–80, 84–90, 104–105, 133–147, 159–161; Эвлия, 1999, с. 28–110].

Если говорить о население эялета Кефе в XVIII в., здесь можно оперировать уже сведениями из русских архивных документов. Например, при присоединении Крыма к России в 1783 году происходила опись новоприобретённых земель России, в «Камеральном описании Крыма» подробно описаны территории Крыма и Приазовья по каймаканствам, кадылкам, их деревням и дворам [РГВИА, ф. 52, д. 336; Лашков, 1887; Лашков, 1888; Лашков, 1889а; Лашков, 1897в].

Торгово-экономическая жизнь провинции Кефе

К моменту прихода в Крым османов торгово-экономические отношения в регионе достигли высокого и развитого уровня. Через портовые города Крыма шёл товарообмен между восточными, северными регионами со странами Европы. Здесь заканчивались все сухопутные торговые караванные маршруты и продолжались морские. Морские бухты, хорошо приспособленные для приёма кора-

блей, способствовали развитию морской торговли через порты Крыма. Очень часто европейские государства, и в большей мере Константинополь, снабжались разнообразными поставленными из Крыма продуктами и товарами. Это были зерновые культуры, хлеб, солёная и сушёная рыба и различные морепродукты (например, икра), мёд, соль, шкуры и кожи и другие товары. Одной из главных и доходных статей была торговля рабами. Город Каффа числился среди основных мест торговли пленными из разных регионов.

Таким образом, вхождение провинции Кефе в состав Османского государства являлось важной стратегической победой, ведущей к увеличению благосостояния и доходов государства от монополизированной торговли в Черноморском и Средиземноморском бассейнах. Контролируя огромный товаропоток, проходивший через крымские земли, османы получали прибыль от налогов и пошлин за любые торговые операции, будь то ввоз, перемещение, взвешивание товаров и продуктов и т. д. Крымский полуостров сохранил за собой важные ключевые позиции в международной торговле в XVI–XVII вв. Структура внешней торговли, по сравнению с предыдущим периодом, не претерпела сильных изменений, местное производство и внутренний товарообмен развивались, сотрудничество с различными регионами шло интенсивно и взаимовыгодно. По-прежнему заметное место занимала продажа зерна, кож, морепродуктов, рабов. Через порты Крыма Кефе, Судак, Керчь товары поступали из Османской империи и разных стран в Крым или же транзитом шли в находящиеся рядом регионы. Кроме этого товары крымского местного производства были популярны, востребованы и экспортировались в Османскую империю, страны Европы и Азии.

Одним из главных поставщиков различных товаров в яэлет Кефе являлось Крымское ханство. Татары охватывали большой спектр товаров импорта для провинции Кефе.

К экспортным товарам относились зерновые культуры, скот, соль, фрукты и овощи, табак, кожа и прочие товары. Таким образом, из Крымского ханства в города эялета Кефе, такие как Кефе, Керчь, Азов, Тамань, экспортировались следующие товары:

Зерновые культуры. Крымские татары доволь-

но быстро освоили земледелие и засеивали различные виды зерновых культур. Они культивировали сами и при помощи своих невольников почти все сорта хлебов, главным же образом пшеницу, ячмень и просо, особенно крупнозернистое, красное и жёлтое, а также немного ржи, овса и чечевицы [Тунманн, 1991, с. 22].

Скот и птица: быки, бараны, волю, овцы, козы, ягнята, лошади и верблюды, а также куры. У них [крымских татар] большие стада скота и овец, среди которых знаменитая крымская курдючная овца. У них имеются двугорбые верблюды и много лошадей, не очень красивых, но быстрых, сильных и выносливых [Тунманн, 1991, с. 22].

Рыба – морская, речная солёная, сушёная, морепродукты, икра.

Овощи и фрукты: огурцы, тыквы, оливки, чечевица, фасоль и турецкий горох; айва, яблоки, груши, инжир, чёрный и белый виноград, сливы, персики, орехи, дыни и арбузы. Искусство садоводства и виноградарства татары также переняли у греков и итальянцев, и к XVIII в. татары вывели много местных сортов плодовых деревьев [Хартахай Ф. Исторические судьбы крымских татар, 1866, 1867, с. 168]. Виноград был местный и завезённый и активно культивировался татарами. В садах своих они выращивают отличные фрукты и среди других прекрасных растений – арбузы (карпус) [Тунманн, 1991, с. 22].

Мёд и масло. Мёд давали крымские серые пчелы. Главным потребителем крымского мёда, который поставлялся из деревни Османчик, был османский султанский двор. Среди доходов крымского хана отмечены доходы с пчёл и садов [Лашков, 1887; Лашков, 1888; Лашков, 1889а; Лашков, 1897в].

Соль. За замком Ор, в месте, где пустынная равнина начинается, распростёрлось ослепительное озеро, из которого добывается соль, солью кафенской называемая. Соль та вывозится в Кефе, в Крым, в Стамбул и во все страны. Эта соль чистая, белая, приятная на вкус, как рассол из маринада; в глыбах, на кирпичи похожих. Глыбы этой соли укладываются в кучи высокие, как горы [Эвлия, 1996, с. 61]. Неподалёку от Ора, к югу, находятся два больших соляных озера, из которых каждое имеет приблизительно две мили в окружности. Соль берут только из западного, которое поэтому называют Талал-Гёл (дозволенное

озеро); другого, Харам-Гёл, запрещённого озера, не трогают, хотя оно не менее обильно. Но и из одного первого добывается более соли, чем нужно для потребления и продажи [Тунманн, 1991, с. 39].

Кожа (сафьян) и шкуры. Во всех морских стоянках Татарию нагружают много судов воловьими и буйволовыми кожами, доставляемыми оттуда также в Италию, Фландрию, Англию и Францию [Описание, 1902, с. 100].

Ткани: фетр и сукно.

Строительные материалы: лес, доски, бревна, уголь, глина, камни и известь.

Рабы. Совершая набеги на соседние территории, татары уводили в полон огромное количество невольников. И хотя владеют перекопские татары скотом, обильно плодящимся, все же они ещё богаче чужеземными рабами-невольниками, почему и снабжают ими и другие земли... Ведь к ним чередой прибывают корабли из-за Понта и из Азии, груженные оружием, одеждой, конями, а уходят от них всегда с невольниками... Делают это и в прочих городах этого полуострова, а особенно в Каффе. И случилось там, что толпы этих несчастных невольников отправлялись с торгового прямо на корабли. Ибо этот порт удобнейшим образом граничит с морем [Литвин, 1994, с. 71–73].

Представления о масштабах работорговли татар в середине XVII в. можно составить на основании данных Боплана, который говорит о 50 тысячах пленных, захваченных ими в Польше в течение всего лишь двух недель [Боплан, 2004, с. 329].

Большинство экспортируемых татарами товаров отправлялось в город Кефе и другие города эялета, а оттуда уже в Стамбул и прочие регионы. Таким образом, развивалась внешняя ветвь торгово-экономических отношений Крымского ханства и эялета Кефе, принося взаимную выгоду всем участникам торгового процесса.

Помимо экспортного товарооборота между Крымским ханством и эялетом Кефе, когда большая часть товаров шла в основном транзитом из Крымского ханства через города провинции Кефе в различные страны и регионы, также поддерживались местные, внутренние торговые связи между татарами и крымскими османами. Очень часто такая торговля состояла из обмена собственными товарами, и в этом случае города эялета Кефе играли роль местных рынков.

Крымское ханство для обмена на местном рынке предлагало практически те же товары, что и на экспорт. Это были: зерновые злаки – пшеница, ячмень, просо; скот и продукты животноводства: мясо курдючный жир; фрукты и овощи, соль, мука, масло, мёд, рыба, уголь и лес, кожи, шкуры, шерсть. Наибольший спрос у татар был на ткани, материи, сукно, шёлк. Ткани привозились в Кефе из Стамбула, а также производились на фабриках в городе Кефе.

Ещё одним регионом-поставщиком товаров для эялета Кефе были черкесские территории. В османские города Крыма поставлялись фетр и войлок, рыба и морепродукты, мёд и рабы. Торговля, которую черкесы ведут в Тамани и Темрюке, только меновая. Они привозят сюда соль, мёд, воск, просо, шкуры лисиц, шакалов и куниц, бычьей кожи, шкуры баранов и ягнят, шерсть, плащи и покрывала из войлока, невольников и невольниц [Тунманн, 1991, с. 65].

Из Абхазии, из Сухуми в Кефе привозили рис, шёлк-сырец и рабов. Имела место быть и торговля с ногаями. Жили они беспечно, ханам податать за выпас стад выплачивали, доставляли в Крым и во владения османские масло, мёд, скот рога-тый, овец и ягнят, а также обогащали земли мусульманские невольниками, взятыми в краю бунчужных казаков, в Москве, Польше [Эвлия, 1996, с. 46–47]. Продукты своей страны ногаи сбывают в крымские города и покупают там то, что им надо. Главные предметы сбыта составляют ячмень, просо, масло, мёд, воск, шерсть, шкуры, ягнята. [Тунманн, 1991, с. 48].

Кроме этого, злаки в Кефе привозились на кораблях из других провинций Османской империи. По морю в Кефе поставляли печенье и фрукты из других регионов. Из Трабзона на кораблях привозили рыбий жир и мыло.

Необходимо отметить два вида товаров, привозимых из Османской империи. Первое – это вино и другие крепкие спиртные напитки. Их ввозили в Кефе и Керчь из-за границы и из Трабзона на кораблях. Вторая категория товаров – это ткани, материя, сукно и шёлк. Материи везли по морю в Кефе иногда прямо из Стамбула, иногда из других регионов. В Тамань и Азов также привозили тюки материи, шелка и других сортов ткани.

Вообще порт Кефе принимал корабли из мно-

жества стран и городов: Царь-града (Стамбула), Требизонда, Синопа, Гераклеи, Варны, Анатолии, Ромелии и Александрии [Сумароков, 1805а, с. 85].

Города эялета Кефе зачастую выступали как площадки для перераспределения товаров и продуктов между городами самой провинции и сопредельных территорий.

Керчь ввиду своего географического положения была местом транзита. Через неё везлись быки и бараны в Азов и в Тамань. Из Азова в Керчь шли корабли, груженные мукой и солью. Через Керчь на Кавказ везли масло, молоко, коноплю, кожу. Вино, прибывающее в Керчь, переадресовывалось в Тамань, Темрюк и Азов. Из Кефе в Керчь в основном шли товары импортного происхождения. Из Азова, Тамани и Темрюка в Керчь для Кефе поставлялись рыба, икра и рабы.

Среди всех товаров, которые экспортировались в Османскую империю из эялета Кефе можно выделить три основные категории товаров: рабы, рыба и морепродукты, кожи и шкуры.

Наиболее значительная торговля производится в Кефе и Гезлеве. Торговля невольниками особенно значительно в Кефе, за нею по значению следует торговля соленой рыбой, икрой, солью, пшеницей, ячменём, просом, маслом и вином. Вывозится также много шерсти, тонких шкур ягнят, чёрного и особенно серого цвета, обработанных белых бесшёрстных бараньих кож, говяжьего мяса, сала, нефти, мёда, воска и т. д. [Тунманн, 1991, с. 28]. Корабли, приходящие из-за моря из Азии, привозят оружие, одежды и лошадей, а отходят от них нагруженные рабами, и все их рынки знамениты только этим товаром, который у них всегда под руками – и для продажи, и для залога, и для подарков [Михалон Литвин, 1994].

Интересны данные, о расходах Стамбульского двора. В дефтерах о расходах указывалось, кому из членов царской семьи и на какие нужды выдавали денежные средства. И среди закупаемых товаров присутствуют товары из эялета Кефе. По данным за 1555–1556 гг.: 1) на расходы Айше султан доче-ри выдано 13 тыс. 337 акче... среди закупаемых товаров указывается масло из Кефе – 242 кийе по 1464 акче; 2) для другой дочери закупалось также простое масло из Кефе 242 кийе по 1464 акче; 3) среди расходов внучки Баязида – Мехри Хатун числится соль из Кефе 11 киле по 143 акче. В

данных за 1569–1570 гг. есть следующий пункт, что на простое кефинское масло потрачено 491 тыс. 961 акче за объём в 58 тыс. 168 вакие [Barkan, 1979, с. 23, 30, 31].

Таким образом, портовые города эялета Кефе, сохранили за собой роль крупнейших перевалочных пунктов в Чёрном море. В XVI–XVII вв. объём осуществлявшихся через них торговых операций уже превосходил уровень времён генуэзской колонизации. По сравнению с XV веком не претерпела существенных изменений и структура внешней торговли. В ней по-прежнему заметное место занимала продажа зерна, кож, рыбы и икры, но более всего – невольников.

Местное производство, промыслы и ремесла. Земледелие и сельское хозяйство в османском Крыму занимали большое место в экономической структуре эялета. Основными зерновыми культурами были пшеница, рожь, ячмень.

Османский Крым всегда славился виноградниками и изготовлением вин. Выделяется вино на девяти долинах. На Судажской до 150 тысяч ведер; на Качинской до 70 тысяч ведер; на Альминской до 50 тысяч; на Козской до 30 тысяч; на Отузской до 15 тысяч; на Кутлакской до 12 тысяч; на Бельбекской до 10 тысяч; на Капсихорской до 10 тысяч; на Шеленской до 10 тысяч ведер. Итого, кроме других, по многим местам небольших винограден готовится его до 360 тысяч ведер [Сумароков, 1805, с. 171].

Ещё одна их первостепенных отраслей сельского хозяйства эялета Кефе – это пчеловодство. Экспорт крымского мёда и воска за пределы провинции занимал существенную статью дохода эялета. Имея высокое качество, крымский мёд славился далеко за пределами полуострова [Самойлович, 1932, с. 123–128].

Животноводство и выделка шкур животных были распространённым и выгодным ремеслом, так как Османская Порта закупала по установленным ценам все шкуры животных, зарезанных в Кефе, в Керчи и в Азове для продажи. И только хозяева, которые убивали животных для собственного пользования, могли располагать их шкурами.

В эялете Кефе было широко развито рыболовство. Рыба и икра являлись одними из главных товаров провинции. Рыбу ловили сетью в Кефе в Тамани, в Керчи и в Азове. Наиболее ценная по-

рода рыбы, которая давала икру, был осетр. Его называли тремя именами: *мерсин*, *морина* и *туги*.

В Кефе находились красильни и фабрики по производству парчи и тафты. На рынках городов Кефе, Керчь, Тамань, Азов были представлены различные ткани. В Кефе торговцы продавали в розницу сукно и материи для одежды.

Эвлия Челеби писал, что в Кефе есть очень искусные мастера 167 ремёсел: ткачи, ювелиры, башмачники и изготовители молитвенных ковриков [Эвлия, 1999, с. 96].

На землях Юго-Западного Крыма на протяжении всего османского периода определённую роль в экономической жизни региона играли добыча и вывоз мыльного камня (кила). Кил поступал в Кефе, откуда шел на экспорт в Константинополь, а также вглубь полуострова, на территорию Крымского ханства, а скорее всего – и далее. [Неделькин, Бойцова, 2021, с. 640]. На склонах заливов порта Инкерман находится кил, род жирной глины, которую женщины для натирания голов в банях употребляли как привыкли. Моряки выкапывают этот кил в горах и привозят его, а наполнив им сотни судов, вывозят за море. Кил, продаваемый в Стамбуле под названием жирного кила каффенского, также происходит из Инкермана [Эвлия, 1996, с. 82].

В османских дефтерах содержится информация о том, что в Кефе были мельницы ветряные и движимые при помощи лошади. Эвлия Челеби утверждал, что в Кефе насчитывалось 160 мельниц, десять из которых работали на конной тяге, а большинство прочих приводилось в действие силой ветра [Эвлия, 1996, с. 145].

Питейные заведения буза-хане, где продавали бузу (*boza*)⁵ и мёд, были очень распространены в городах эялета Кефе. Бузу делают густую и вкусную, а процедив ее через чистое и густое сито, продают три *окка* этой бузы за одну *акча* [Эвлия, 1996, с. 69]. Питейные заведения, называемые «бузня», описал П. Сумароков: «Повислыя на палках тряпицы знаменуют публичные бузни, и любопытство отворяет мне туда дверь. Там в темноватой, неопрятной хате сидящие татары, не отнимая губ от прельщающих им чаши с нарде-

ком⁶, максумою⁷ и бузой...» [Сумароков, 1805, с. 182].

Главная ремесленная деятельность разворачивалась на рынках городов. Здесь мелкие производители и торговцы розничными продуктами питания и сырьём находились по соседству с оптовыми торговцами, которые нередко обращались к услугам маклеров. Большое внимание уделялось торговым операциям, и основная трудность была в вопросе правильного взимания налогов. Подобные проблемы возникали из-за разнообразия мер и весов, используемых в регионе.

Эялет Кефе, входящий в состав Османской империи с 1475 по 1774 гг., представлял собой самостоятельный регион с развитой торгово-экономической инфраструктурой, обеспечивающий продовольствием и разнообразными товарами и Стамбул, и другие провинции Османской империи. Османы, получив в своё владение, уже довольно развитый регион, смогли использовать в полной мере природные ресурсы и возможности Крымского полуострова. Здесь благодаря географическому положению и столетиями проходящим международным торговым путям, связывающим Запад с Востоком, были хорошо налажены не только торговые отношения, но и развито сельское хозяйство: земледелие, садоводство, виноградарство, овощеводство; животноводство, рыболовство и другие разнообразные промыслы и ремесла, что в свою очередь способствовало ещё большему экономическому росту провинции.

Завладев Крымом, османы на протяжении трёх столетий любыми способами сохраняли свою власть на Крымском полуострове, но итогом поражения в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. для Османской империи стала потеря всех своих владений в Крыму. В 1774 г. Крымское ханство было признано независимым государством, свободным от Османской империи, и эялет Кефе перешёл во владение крымского хана до того момента, когда Крым стал принадлежать Российской империи в 1783 г.

⁶ Нардек – вареное из винограда кисловатое питье, которое привозится в Крым из Анатолии.

⁷ Максума сливается после бузы.

⁵ Voza – хмельной напиток из перебродившего проса.

ГЛАВА 5. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КРЫМСКОГО ХАНСТВА В XVI – НАЧАЛЕ XVII ВВ.

5.1. Внутриполитическое развитие Крымского ханства в XVI – начале XVII вв.

И. В. Зайцев, А. В. Виноградов

После смерти Менгли Герая I в апреле 1515 г. на крымском престоле утвердился его сын Мухаммед Герай I. Смерть Менгли Герая нарушила сложившиеся мирные отношения Московского государства с Крымом. Хан отныне был озабочен собиранием земель улуса Джучи.

Для Крыма главным вопросом в решении этой задачи оставалась борьба с Астраханью, «и интересами ее определялось отношение Крыма к Литве и Москве» [Сыроечковский, 1940, с. 50, 70]. Уже летом 1515 г. (вероятно, в июне – июле) Мухаммед Герай организывает большой поход на ногаев и Астрахань. В письме от 3 августа он писал Василию III: «Сего году на своего недруга на Асторохань были есмь пошли ... да сами есмь до Дону были дошли, и встретили нас люди, кони гонят, и те нам сказали, что деи послышев про нас весть, астороханский царь да Шыгим мурза на ту сторону Волги перелезли. И мы с уланы и со князми подумали, и уланы и князи говорили: ныне они хотя и полезли за Волгу, а на зиме на сей стороне будут, а у нас тогда кони тучны будут, а сами мы опочинем» [Сборник РИО, 1895, с. 150]. Мухаммед Герай решает отложить поход до конца осени. Уже 30 августа в Москве получили новые письма из Крыма. Посол хана сообщал, что в результате похода ногаи ушли на другую сторону Волги (левую), но в доставленном тогда же письме приближенного Мухаммеда Герая Аппака сообщалось, что ногайский мирза «Шыгим на ону сторону перелез, и Асторохань на ону сторону перелезла...» [Сборник РИО, 1895, с. 1501, 169].

Москва продолжала изворотно избегать заключения союза с Крымом против Астрахани и старалась связать астраханские интересы Крыма с собственными – литовскими. Главной задачей

было ни в коем случае не связывать себя обязательствами войны с Астраханью и пытаться сначала обратить Крым на Литву. В наказе послу И. Г. Мамонову (покинул Москву 15 ноября 1515 г.) строгойше запрещалось вписывать Астрахань в качестве общего врага в шерть.

5 декабря 1515 г. в Москву прибыли гонцы из Кафы с грамотой азовского «диздера» (коменданта), в которой он сообщал, что «Магмед-Кирей царь на Ногаи ходил; близко был Азова; до Миюша¹ доходил и Ногаи за Волгу пошли и он ся воротил» [Сборник РИО, 1895, с. 230]. В феврале 1516 г. в Москве получили грамоту Аппака, написанную в январе, где снова говорилось о намерении хана идти с войском на Астрахань: «А царево слово то: на Асторохань хочет итти» [Сборник РИО, 1895, с. 243].

Отказ Москвы от похода на Астрахань был причиной охлаждения отношений Крыма и Москвы в 1517 г. Мухаммед Герай после смерти в Крыму И. Г. Мамонова говорил Д. Иванову: «А сего лета добре докучали хастороканцы, яз их не замал, а они меня зазамали... нынеча от меня побежал Ал-Чагир мурза с братьею и с детьми; почув то, был у меня сего лета тайно от Шыгим-мурзы человек, с тем, чтоб яз к нему прислал хотя одново своего сына², и он мне ялся Азторокань взяти. И Ал-Чагир, почюво того Шыгимова человека, да от меня побежал, того не ведаю, чего заблюлся, а у меня здумано взяти мне Азторокань с братом своим с велики князем обема нам Хасторокань надобе» [Сборник РИО, 1895, с. 377–378].

В июне 1517 г. в Москву была доставлена

¹ Река Миус (совр. Донецкая и Луганская обл. Украины и Ростовская обл. РФ или же Кальмиус Донецкой области).

² В помощь или, что менее вероятно, в качестве заложника.

грамота Мухаммеда Герая написанная 10 мая (923 г. х.). В ней хан вновь предлагал Василию III совершить совместный поход к низовьям Волги и между прочим сообщал: «А в преидущий год и с братом своим и с сыном со мною своею ратью и с пушками и с пищальми на Асторохань пошел есми» [Сборник РИО, 1895, с. 444]. Следовательно, хан совершил поход на Хаджи-Тархан в 922 г. х. (5 февраля 1516 г. – 23 января 1517 г.). Это означает, что планировавшаяся экспедиция на город, о которой в январе 1516 г. писал в Москву Аппак, а весной с его слов – И. Мамонов, все-таки состоялась.

В сентябре 1517 г. Мухаммед Герай пишет в Москву, что казанцы присылали в Крым делегацию для разрешения вопроса престолонаследия в Казани: тяжело больной Мухаммед-Амин не имел сыновей и братьев. «...И ты б знал, – писали казанцы крымскому хану, – а мы в Асторокань пошлем, да одново царевича возмем, да царем его учиним, а опричь того у нас надежи нет» [Сборник РИО, 1895, с. 378]. Возможно, план казанцев взять царя в Астрахани был своего рода провокацией против Мухаммеда Герая с тем, чтобы ускорить его решение и прислать крымского царевича. Во всяком случае идея пригласить в Казань астраханца не могла не задеть крымского хана. Не случайно Мухаммед Герай хотел привлечь к походу против Астрахани и Казань. Таким образом, Мухаммед Герай разработал план широкой коалиции (Крым – Москва – Казань) против Астрахани, причем этот план предусматривал и обсуждение «послевоенного» статуса Хаджи-Тархана. Хан говорил Д. Иванову, что после взятия города в нем «великого же князя людем сидети тысячи три или четыре с пушками и с пищальми, и рыба и соль, что надобное, то брату моему великому князю, а моя толко бы слава была» [Сборник РИО, 1895, с. 377]. Вряд ли эти обещания впоследствии были бы осуществлены: Мухаммед Герай прекрасно понимал стратегическое и торговое значение города и никогда бы не согласился терять его.

В 1518 г. Мухаммед Герай и его сын царевич «Багатырь» вновь дают шерть Москве на условиях помощи Василия Крыму против Астрахани, а также передачи хану трех украинских городов и ежегодных поминок [Сыроечковский, 1940 с. 54; Смирнов, 1948, с. 28–29].

В это время астраханско-крымские и астраханско-ногайские отношения начинают испытывать на себе влияние экспансии казахов в юго-восточное Поволжье. Ногайско-казахский конфликт поначалу развивался для казахов успешно. В 1519 г. ногайские мирзы под натиском хана Касима были вытеснены из Западного Казахстана, вынуждены оставить междуречье Волги и Яика и уйти на правый берег Волги [Исин, 1985, с. 43–44]. До этого в промежутке между 1509 и 1515 гг. крымцы трижды совершали крупные походы на ногайские улусы, заставив ногаев уйти на левый берег Волги. Это не могло не сказаться на крымско-ногайских и крымско-астраханских отношениях.

По свидетельству «Владимирского летописца», в 7028 г. (1520 г.) в Москву приходили послы Мухаммед Герая, который «просил у великого князя Василья Ивановича силы в помощь, ходил на Астрахань. И князь великий дал ему в помощь 7 городов силы судовой» [ПСРЛ, 1965, с. 145].

Поход Мухаммеда Герая на Москву летом 1521 г., который он начал «советом посла своего беззаконного Апака-мурзы»³, означал окончательный поворот крымской политики в сторону большего сближения с Литвой. Военные действия хана закончились в августе. Между тем военные конфликты Крыма и Астрахани не прекращались: астраханцы воспользовались незащищенностью полуострова. Летом 1521 г. им хватило всего лишь пятисот восьмидесяти человек, чтобы в отсутствие основных военных сил Мухаммеда Герая, занятого походом на Русь, произвести на полуострове погром. Был угнан крымский скот и захвачено множество пленных. Спасаясь от нашествия, крымцы бегут в Кафу. По возвращении из похода на Русь Мухаммед Герай решил отомстить Астрахани за причиненный ущерб.

Между тем в апреле 1521 г. в Казани произошел переворот и на престоле, вместо русского ставленника Шах-Али, оказался брат Мухаммеда Герая – Сахиб [Смирнов, 1948, с. 38]. Мухаммед Герай уведомил султана специальным письмом о посольстве из Казани в Крым с просьбой при-

³ Недавнего сторонника Москвы, сменившего ориентацию на пролитовскую [Сыроечковский, 1940, с. 52].

слать нового хана, отъезде Сахиб Герая в Казань и занятии им престола в 1521 г. Это письмо содержит ряд выпадов против великого князя и его политики по отношению к Казани. Хан сообщал султану и о политике Астрахани по отношению к Крыму. «На земле, которая была населена племенем ногаев и которую мы недавно завоевали, обосновались разбойники, называемые казахами, под предводительством своего хана. Они пришли как изгнанники и расположились там и смотрят на нас с алчностью. Если мы предпримем войну против короля Польши, они объединятся с ханом Хаджи-Тархана, который также наш старый враг, и разрушат нашу страну» [Lemercier-Quellejeau, 1971, с. 489].

Видимо, такое же уведомительное письмо Мухаммед Герай посылал и в Астрахань хану Джанибеку. Об этом мы узнаем из донесения некоего Зани Васильева Зудова, пробывшего, по его собственным словам, в плену в Астрахани 4 месяца. 10 мая 1521 г. в Москву прибыло его письмо, в котором Зудов писал: «Ино при мне, государь, приходил посол ис Крыма к Азстороканскому царю. А молил так Зяныбеку царю: меж собою есмь брат[ь]я, что был есми в дружбе с Московским, и он передо мною изменил: Казан[ь] была юрт наш, и ныне он посадил салтана из своей руки, а Казанская земля не хотели того, опроч[ь] одного сеитя, да прислали ко мне человека просити у меня салтана, и яз им салтана и отпустил на Казан[ь], а сам иду на Московского со всею своею силою. А хочеш[ь] со мною дружбы и братство держати, и ты б сам пошел на Московского или салтанов послал. И азстороканской, и князи, и земские люди с тобою не хотят, государь, недружбы, все, государь, хотят с тобою дружбы» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, ед. хр. 1, л. 141–141об; Сборник РИО, 1895, с. 678–679]. И. И. Смирнов оценивал это сообщение как свидетельство крутого поворота, произошедшего в 1519–1520 гг. в отношениях Крыма с Астраханью, который заключался в «переходе от резко враждебных отношений и многолетней борьбы за захват Астрахани к попытке втянуть Астрахань во враждебный Русскому государству блок и использовать ее для борьбы против Русского государства... Эта попытка союза между Крымом и Астраханью, однако, не увенчалась

успехом и не отразилась ни на отношениях между Астраханью и Русским государством, ни на крымско-астраханских отношениях» [Смирнов, 1948, с. 36].

Крымский хан явно хотел собрать разрозненные части улуса Джучи (Крым, Казань, Астрахань, ногаев) в руках одной династии. Османы вряд ли могли поощрять территориальные притязания Мухаммед Герая, который вел достаточно независимую от Стамбула политику, склоняясь к чингизидским традициям своеволия, с одной стороны, а с другой, симпатизируя заклятым врагам турок – кызылбашам. В 1523 г. Мухаммед Герай захватывает Астрахань, однако ногайские мирзы на пиру после победы убивают его и его сына и калгу Бахадыр Герая. Инициаторами расправы над Мухаммед Гераем и его калгой были хаджитарханские *мангыты* один из илей ногаев, представители которого жили в Астрахани. «Интеграционный проект» хана рухнул.

Уцелевшие сыновья Мухаммед Герая – Гази Герай и Бибей, преследуемые ногаями, бегут назад к Перекопу. В разыгравшейся на подступах к нему битве они терпят поражение от ногаев. Ногаи осаждают Солхат и Кырк-Йер, а полуостров подвергается разорению: почти месяц ногаи угоняют людей и скот.

Астраханская катастрофа 1523 г. и смерть хана на некоторое время погасили амбиции Крыма в отношении ногаев и Астрахани. Внутренние неурядицы и борьба за власть на полуострове мешали проводить активную политику: Крым на время переходит к обороне.

В начале августа 1523 г. Саадет Герай, назначенный преемником Мухаммед Герая, прибывает из Стамбула в Кафу. Его сопровождало около 200 янычар. Сначала новый хан решил устранить своего племянника «Казы» (то есть Гази) Герая, после смерти своего отца Мухаммед Герая провозгласившего ханом себя (он был задушен), и царевича Бибея, ставшего при Гази калгой (посажен в тюрьму, а потом отослан в Стамбул). Расправившись с соперниками, Саадет через 10 дней приехал в Перекоп.

При нем турецкое влияние в ханстве сильно возросло. «А тому нашему царю счастливой хандикер (т. е. худаведигяр – титул османского падишаха. – *Авт.*) как бы родной отец. Там у него

жил и выросл, и что тамо видел, которой у турского обычай, и у него тот же обычай», писал один из крымских вельмож Девлет Бахты [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 60об.]. Однако, никакого поворота во внешней политике Турции по отношению к Московскому великому княжеству не произошло. Более того, Саадету был, видимо, дан наказ поддерживать дружбу с Москвой. Он сам пытался помирить Москву с Казанью. Имела место и попытка реставрации союза Московского государства и Крыма по образцу договора Ивана III с Менгли Гераем. Основой этого соглашения должны были стать два условия: московский заём Крыму в размере 60 000 алтын и осуществление общей враждебной политики по отношению к Польско-Литовскому государству [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 11об.].

Едва вступив на престол, Саадет Герай пишет великому московскому князю письмо, в котором делится с Василием планами похода на ногаев: «И яз ныне и землю свою и рат[ь] свою в руки взял, на своего недруга на нагаев борзо хочю идти» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 8об.]. Саадет Герай вновь, как до этого Менгли Герай и Мухаммед Герай, пытался заручиться поддержкой Москвы в войне с Астраханью и ногаями.

В начале октября 1524 г. Саадет Герай задумал устранить Ислам Герая. Предупрежденный о замысле хана, Ислам бежит на «поле». В этой распри крымские «улань, мырзы и князья» отступились от Саадета и встали на сторону Ислама: вскоре его объявили ханом в г. Крым (Солхат; уже из этого факта становится очевидным, что его поддерживали Ширины), а Саадет Герай оказался в Перекопе в осаде. Вместе с ним осажденные были турки (вероятно, чиновники окружения Саадета, прибывшие с ним из Стамбула), а также янычары. Однако, ситуация в корне изменилась после того, как в игру вступил Сахиб Герай. Обманув Ислам Герая, Сахиб Герай поддерживает Саадет Герая, который учреждает его калгой. Ислам Герай вновь вынужден был бежать «на поле» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, лл. 80об.–82.]. Зимой Ислам Герай провел с несколькими крымскими князьями-ширинами в Тюмени [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 132,135]⁴.

⁴ Ислам был женат на дочери ширинского князя Мемеша [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 164об.].

В условиях внутренней нестабильности, ногайской опасности и угрозы со стороны Ислам Герая Саадет Герай решает заключить союз с ногаями. В Ногайскую Орду отправляется крымский посол Кулдай Шукур. Его целью было сватовство хана с дочерью мирзы Кошума [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 84.]. Ситуация в Крыму вызывала резкую обеспокоенность в Стамбуле. По информации М. В. Мясного, московского посла в Крыму, «приходил... посол Чеуш⁵ от турецкого Кундукеря мирити царя с Исламом, да не помирил. Меж собя не веритца и не виделися. А на то... посол Ислама привел: куда цар[ь] пошлет, и Исламу слушат[ь]» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 158об.]. Помирить Ислама с Саадетом не удалось: в марте 1528 г. вернувшийся из Крыма М. В. Мясной сообщил, что Саадет Герай разбил Ширинов, которые поддерживали Ислама. Сам Ислам в очередной раз был вынужден бежать из Перекопа, с ним вместе удалось уйти лишь 20 соратникам [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 164об.]. Однако и положение Саадет Герая оставалось крайне неустойчивым. Он не доверял крымскому окружению и боялся его: «И ты б татаром не верил их правде, писал он Василию Ивановичу, Татарове Бога ся не блюдут, и правды в них нет, на правде не стоят. Коли бы ся они Бога блюли да на правде стояли, яз сам Божию милостию на царстве стал, и ты то гораздо слышели, что они на меня трижды и четьыржи войско подымали» [РГАДА, ф. 123, ед. хр. 6, л. 166.]. В результате ожесточенной борьбы Саадет Герая удалось обескровить брата и выдавить его в Очаков. Ислама сопровождал Евстафий Дашкович. Об этом Саадет писал в письме в Москву 1529 г. [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 200об.]. В конце концов, как писал Саадет, Ислам «повинился», и «мы ему Днепрской свой город дали, а он нам и сыном и холопом ся учинил» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 202об.]. В 1529 г. Ислам находился в Очакове, что подтверждают польские источники. В конце концов Исламу удалось захватить власть в Крыму: это произошло в 1532 г., однако Ислам вскоре уступает престол Сахиб Герая, а сам ста-

⁵ Здесь должность спутана с именем: *чауш* – чин личной гвардии падишаха и янычар; чауши часто выполняли роль посланников.

новится калгою при хане [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 7, л. 1об. – 5об.]⁶.

Впрочем, противостояние Сахиб Герая и Ислам Герая закончилось только со смертью последнего в 1537 г. (Ислам Герай был убит мангытом Баки). Борьба двух членов царствующей фамилии была для ханства столь опасной, что представители крымской знати даже направляли в конце 1533 или начале 1534 г. в Стамбул специальное письмо, в котором писали, что их противостояние угрожает государству. В письме содержалась просьба прислать нового хана вместо Сахиб Герая. Смерть Ислама развязала хану руки для внешнеполитических действий: в 1538 г. он принимает участие в османском походе на Молдавию, в 1539 и 1542 гг. Сахиб Герай безуспешно воюет с черкесами. Зимой 1539–1540 гг. его сын и калга Эмин Герай предпринимает поход на Москву, а зимой следующего года хан лично руководит набегом на Русь. В 1545 г. хан совершил два похода на кавказские земли: на западных адыгов и кабардинцев [Некрасов, 2015, с. 131].

Эпоха правления Сахиб Герая (1532–1551) отмечена рядом важнейших событий. Хан всячески способствует оседанию кочевников-ногайцев, населявших крымские степи, на землю. Он, по османскому образцу, учреждает корпус капы-кулу – дворцовых рабов, которые несли охрану государя. Сахиб Герай много строит: перестраиваются перекопские укрепления, а также порт в Гезлеве. Хан основывает Бахчисарайский дворец и переносит туда свою резиденцию (1533 г.). Вот как об этом пишет ханский панегирист Реммал-ходжа: «Посреди прелестного сада он соорудил жилище, подобное райскому, при виде которого все восхищались. Там были дворцы, арки, киоски, залы, наполненные мальчиками, прекрасными как гурии, повсюду текли ручьи воды, виднелись луга, тополи, цвели жасмины, подобные улыбающимся красавицам, разливающие аромат нарциссы, гиацинты, похожие на локоны очаровательных женщин. Словом, это было место, напоминающее собою райский сад.

⁶ Согласно анонимной истории крымских ханов, Ислам Герай правил в Крыму в 938 г. х. (1531/32 гг.) всего пять месяцев [рукопись ИВР РАН, С 861 (II.6.40), л. 7–8]. По Ибрахиму Печеви, Ислам Герай пришел к власти в Крыму 10 Раби' II 939 г. х. (9 ноября 1532 г.) после смещения Саадет Герая [Peçevi, с. 171].

Близ этого дворца он построил такую дивную мечеть, что со всех сторон стекались люди любоваться ею. Он и здесь назначил преподавателя, а около мечети выстроил приобретенные всюду известность бани. Против дворца беки выстроили себе павильоны, и в несколько месяцев возник красивый город, устроились два ряда лавок и началась торговля» [Tarih, 1973].

Во время царствования Сахиб Герая обостряются отношения с Москвой (причиной была политика Москвы по отношению к Казани, где Сахиб Герай побывал ханом), конфликт Крыма с Астраханью и ногаями усиливается. В 1546 г. хан совершает победоносный поход на Астрахань. В результате крымского набега город был razoren, а жители угнаны в Крым. Сахиб Герай в письме Ивану IV (получено в Москве в декабре 1547 г.) писал: «А ныне на недруга своего на Астраханского ходили есмя, и Бог милосердые свое учинил, взяли есмя юрты его, хотели есмя держати, да затем покинули, что место недобро. И мы того для людей их и улусов их там не оставили, все пригонили к себе. Ож даст Бог, хотим тот юрт устроити и держати его. Коли есмя Астрахан взяли, ино нагайские князи Ших-Мамай князь в головах и все мирзы нам послушны учинились: кого мы велим им воевати и им того воевати...» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 9, л. 57.]. Согласно турецкой рукописи, принадлежавшей Одесскому обществу истории и древностей, Сахиб Герай, «победив астраханского хана Ямгурджи, разсеял его подданных, а избежавших смерти мужчин и женщин, со всем имуществом и богатствами переселил в Крым» [Негри, 1844, с. 384].

Разгром Астрахани вызвал недовольство ногаев. В декабре 1547 г. из Крыма в Москву пришли вести, посланные еще в ноябре. Ногайские мирзы посылали к Сахиб Гераю гонца с упреками в адрес крымского хана: «Про што деи еси Астрохан[ь] разорил? Мы деи и преж тебе Астрохан[ь] взяли, да не разорили» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 9, л. 53.].

Ногаи, однако, не ограничились словесными упреками, но предприняли ответные меры: через некоторое время по возвращении Сахиб Герая в Крым они, как сообщает Реммал-ходжа, совершили большой военный поход на полуостров, но были отбиты [Tarih, 1973, s. 106–113; Некрасов,

1990, с. 109]. Этот конфликт произошел зимой 1548–1549 гг.

Вмешательство Ширинов спровоцировало в Стамбуле подозрения в отношении хана, и в 1551 г. в результате интриги он погиб. Под предлогом смены хана в Казани на полуостров был прислан Девлет Герай (внук Менгли Герая и сын султана Мюбарека Герая), который и занял крымский престол (в сентябре 1551 г.). Сахиб бежал на Тамань, где вскоре был убит вместе со своими сыновьями.

Занявший престол Девлет Герай по праву может считаться наиболее сильным ханом Крыма. Именно в его правление ханство достигло пика своего могущества. Ему удалось погасить раздоры между беями и стабилизировать внутриполитическую ситуацию в ханстве.

Начало его правления ознаменовалось резким усилением Москвы: собирателями золотоордынского наследства становятся не крымские ханы, а московские великие князья. Взятие Казани в 1552 г. и подчинение Астрахани (в два этапа) не остановили московское правительство. На очереди стоял Крым [Сочинения, 1914; Кушева, 1963, с. 196–198]. Проект царского правительства предусматривал смещение хана и замену его московским ставленником Янтемиром (сыном астраханского хана Дервиш-Али). Однако, столкновение с Крымским ханством было чревато конфликтом с Турцией. Московская политика поддержания мира с султаном, проводившаяся с момента установления дипломатических отношений между двумя государствами, не изменилась и в 50-е гг. Турция следовала той же тактике. Две державы не вступали в открытые конфликты. В 1554 г. Иван IV официально отклоняет просьбу черкесских князей дать им помощь против султана, так как «турской салтан в миру с царем» [ПСРЛ, 1906, с. 259]. После удачного набега на Крым А. Ф. Адашев освободил всех захваченных турок, потому что «с Турским государь в дружбе и воевати его не велел» [ПСРЛ, 1906, с. 318].

Завоевание Казани и Астрахани вызвало крайне негативную реакцию в Крыму, однако реальная реакция Турции на эти события нам не известна. Никаких враждебных русскому государству действий Стамбул не предпринял. Османская империя осталась абсолютно безучастной к судьбе

этих государств. С другой стороны, в Крыму, видимо, были склонны винить Стамбул в том, что его позиция не позволила и крымским ханам противопоставить что-то русским завоеваниям. Данных об этом для 50-х гг. XVI в. у нас нет, но, по крайней мере, значительно позже, в XVIII в., настроения, отражающие стремление Крыма к гегемонии среди джучидских государств, существовали. В так называемой Исторической справке последнего крымского хана Шахин Герая русскому резиденту Константинову, источником для которой послужили какие-то крымские исторические сочинения, не дошедшие до нас, было сказано: «...И как заведение и низложение ханов крымских зависимо стало от Порты Оттоманской, то сие принесло великий ущерб татарским делам и умаление их силам, почему в 960 г. царь Василий Иванович Гаджи Тархан городом завладел, а в 970 царь (имя в подлиннике пропущено. – И. З.) казанскую крепость присоединил к российскому государству» [Дубровин, 1887, с. 482]. Несмотря на неправильную хронологию и имя русского «царя» это сообщение, видимо, отражает реальную позицию ханов по отношению к завоеваниям Москвы и недовольство Крыма турецкой позицией в этом вопросе.

В Крыму очень долго не могли смириться с завоеванием Казани и Астрахани. Москва фактически предложила выкуп за переход волжских ханств под свою юрисдикцию – надбавки к наибольшей ранее имевшей место сумме поминок, и крымская сторона после длительного сопротивления согласилась на это [Фаизов, 1994, с. 53].

Крымские ханы еще даже в середине XVII в. были уверены в том, что ханства удастся отвоевать (или, по крайней мере, надеялись на это). Согласно турецкой рукописи, принадлежавшей Одесскому обществу истории и древностей, после завоевания Астрахани московскими войсками Девлет Герай, «пошел и освободил этот город, но когда возвращался назад, предводительствуя 90 000 войском», на него напал «поселившийся в России и славный отважностью между неверными, выкрест из персидских армян Шир-Мердун, ошибочно называемый Шир-Медом»⁷. Хан в ожесточенной битве победил врага и вернулся в Крым [Негри, 1844, с. 384]. Возможно, что

⁷ Речь идет о Шереметьеве.

это свидетельство – отражение событий астраханского похода крымских и османских войск в 1569 г. Даже после поражения 1572 г. (Молодинская битва) Девлет Герай продолжал настаивать на своих требованиях посадить царем на Казани и Астрахани Адиль Герая (сына Девлет Герая). В какой-то момент московская дипломатия согласилась на уступку Астрахани в обмен на обязательства Девлет Герая выступить на московской стороне в борьбе за Украину. При этом в Москве не строили иллюзий относительно действительности этих обязательств. Один из сановников в Крыму так говорил московскому дипломату: «А хотя ныне князь великий и отдаст Казань и Асторохань, а и тем царя не утешит же. А ведь государь бусурманский хотя и правду даст, а князь великий ему Казань и Асторохань даст, царю и тогда воевати ж» [Бурдей, 1963, с. 50, 63–64]. Османская дипломатия также вынашивала определенные планы относительно низовьев Волги – удобного стратегического плацдарма для удара на сефевидский Иран – заклятого врага османов на востоке. Известный осmano-крымский поход на Астрахань 1569 г. – лишь один из эпизодов политики султанов на Северном Кавказе и в Причерноморье. Селим II пытался в начале 70-х гг. в связи с московским походом Девлет Герая решить астраханскую (и казанскую) проблему в пользу Крыма, однако решительных шагов предпринято все же не было [Lemerrier-Quellejeu, 1972, с. 556–558]. В конце мая 1593 г. один из крымских вельмож – приближенных хана – аталык Ямгурчи сообщал московскому посланнику С. Безобразову о планах султана: «Одноконечно на зиму турецкой хочет итти к Терке и наряд весь у него готов в Кафе, а итти... ему на Ливну, да с Ливны поворотить к Астарахани и к Терке». Причиной готовящегося похода были грабительские набеги терских казаков [Статейный, 1892, с. 81].

За годы правления Девлет Герая было совершено множество набегов на Русь, один из которых закончился сожжением Москвы (1571), а поход 1572 г. сокрушительным поражением под Молодами. Хан умер от чумы в 1577 г.

После смерти в июне 1577 г. Девлет Герая

престол занял его сын Мехмед Герай II, получивший прозвище «Жирный» (он был настолько толст, что не мог сидеть на коне, а передвигался в упряжке, запряженной волами). Несмотря на тучность, хан был весьма активным человеком. Он принимал участие в нескольких успешных походах османов на Иран в ходе осmano-сефевидской войны. Однако отказ принять участие в походе 1582 г. в конечном счете стоил ему престола. Султан попытался сместить Мехмед Герая, но хан, поддерживаемый аристократией, не покорился и даже осадил Кафу. В мае 1584 г. его брат Ислам Герай на турецких кораблях в сопровождении янычар высадился в Крыму. Знать сразу же изменила Мехмед Гераю, он был схвачен и задушен. Ислам Гераю, однако, не удалось занять престол сразу же. Сын Мехмед Герая, поддержанный ногайцами, объявил в Бахчисарае ханом себя. Ислам Герай вынужден был бежать в Кафу, обратившись в Стамбул за военной поддержкой. Вскоре брат и калга хана Алп Герай разбил ногайцев и восстановил Ислам Герая на троне. Вероятно, именно к его правлению относится инициатива упоминания имени османского падишаха в хутбе.

В 1588 г., после смерти Ислам Герая, османы в обход его старших братьев Алпа и Мюбарека, утверждают на троне младшего брата – Гази Герая, который незадолго до этого бежал из персидского плена. Гази Герай, известный под своим прозвищем «Бора» (что означает «Буря»), вошел в историю не только как сильный правитель и полководец, но и как выдающийся поэт, писавший под поэтическим псевдонимом «Газаи». В 1591 г. он совершил неудачный поход на Москву, а в 1592 г. снова разорил московские «украины». Неудачи походов и попытка наладить отношения с Москвой привели к заключению в 1594 г. мирного соглашения. Это развязывало хану руки для участия в военных походах турок на Балканах (1594, 1595, 1598 гг.). В 1596 г. Гази ненадолго потерял власть, которую в результате заговора захватил его брат Фетх Герай.

В декабре 1607 г. во время похода на Кавказ Гази Герай умер (скорее всего, от заражения чумой).

ГЛАВА 6. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КРЫМСКОГО ХАНСТВА В XVI – НАЧАЛЕ XVII вв.

6.1. Крымское ханство в постзолотоордынском пространстве (Казань и Астрахань)

М. В. Мусеев

Внешняя политика Крымского ханства имела сложную природу, обусловленную природой отношений с Османской империей. Эту особенность наиболее просто представить как сочетание контроля со стороны Стамбула и инициативы крымских ханов. Ряд внешнеполитических направлений и интересов был обусловлен турецкой политикой, но и сохранялась область, в которой ханы были относительно независимы. Вполне четко эта область описана в послании султана Сулеймана I Девлету Гераю I от 4 I реби 959 г. (29 февраля 1552 г.): «Поскольку вы обладаете разнообразными сведениями и познаниями обо всех делах, касающихся этих областей – как Астрахани, так и ногаев и Московии, все связанные с этими землями дела препоручены [нами] вашему ясному разумению. Действуйте, руководствуясь тем, что является [наиболее] целесообразным для веры и державы. Да будут приложены ваши прекрасные усилия к защите и охране областей ислама и одолению нечестивых неверных и прочих упорствующих в пороке!» [Документы, 2008, с. 103]. Таким образом, область независимой внешнеполитической активности для Крымского ханства очерчивалась весьма однозначно – это Московское государство и татарские государства.

В рамках татарской политики Крымского ханства сформировалось два важных направления (казанское и астраханское), которые оказывали глубокое влияние на все содержание его самостоятельной внешнеполитической деятельности. Прежде чем мы перейдем к рассмотрению фактуры, необходимо сделать несколько предварительных замечаний. Во-первых, в историографии нередко высказывается мнение, что после коллапса Большой Орды в 1502 г. Крымское ханство стало ее правопреемником. В рамках этой гипотезы вся

татарская политика Крыма получает объяснение как стремление реставрировать Золотую Орду [Рахимзянов, 2016; Почекаев, 2017]. Однако эта концепция имеет слабые стороны и, самое главное, противоречит ряду источников. И. В. Зайцев убедительно показал, что Большая Орда не исчезла, а, лишь уменьшившись территориально, превратилась в Астраханское ханство (Зайцев, 2004, с.30–62). Таким образом, формально Крымское ханство не могло унаследовать статус Престольной державы, так как сама держава сохранилась. Надо сказать, что понимание тождества Астраханского ханства и Большой Орды отразилось в русско-польской дипломатической переписке 60-х гг. XVI в. И этот факт, с моей точки зрения, показывает, что претензии ханов Крыма на верховенство в восточноевропейском регионе не имели опоры на традицию и вряд ли обладали сколь-нибудь убедительным легитимизирующим характером. Именно поэтому для правителей Крыма было крайне необходимо подчинить своей власти Астраханское ханство, к тому же стоит учитывать, что и ханы Хаджи-Тархана поначалу тоже не занимали пассивной позиции.

Астраханская политика Крымского ханства

Крах Большой Орды в 1502 г. не означал окончательной победы Менгли Герая I. В речах русского посла Ивана Никитича Беклимишева в феврале 1503 г.¹ содержался весьма интересный блок астраханской информации. И. В. Зайцев, проанализировавший его, пришел к выводу, что в это время Шейх-Ахмед пытался создать новую коалицию, в которую входили бы «ногаи и представители астраханской династии»

¹ Посольство не состоялось [Сборник РИО, 1884, с. 453].

[Зайцев, 2004, с. 65]. Направлена она должна была, естественно против Крымского ханства, недаром Менгли Герай I ожидал нападения, но Иван III его успокаивал, сообщая, что ему стало известно о незначительных силах, которые сумел собрать Шейх-Ахмед [Сборник РИО, 1884, с. 456]. Великий князь сообщал хану о своих усилиях, направленных на изоляцию Шейх-Ахмеда [Сборник РИО, 1884, с. 457]. Более того, исходя из материалов этого посольства, можно сказать, что в Москве были готовы актуализировать старый военный союз и направить его на Астрахань. Сами астраханские султаны в это время действовали весьма агрессивно, нападая на московские и турецкие посольства, купцов и рыбаков² [Зайцев, 2004, с. 64]. Тем временем Шейх-Ахмеду все-таки удалось найти себе союзников среди младшего поколения ногайских мирз (Султан-Ахмед и Алчагир), с которыми он даже планировал поход на Крымское ханство. Впрочем, союзники оказались ненадежными и стали торговаться с Менгли Гераем I о том, чтобы поднять свой уровень в отношениях («а хотят... со царем Менгли Гераем быти потому ж, как и брат их большой Емгурчей мурза»), а взамен они готовы покинуть Шейх-Ахмеда. Менгли отправил посла к ним с требованием отослать Шейх-Ахмеда, после чего они могли бы ожидать преференций со стороны крымского правителя. Переговоры между сторонами сопровождалось развертыванием крымских отрядов к Волге и отказом от похода на Киев [Сборник РИО, 1884, с. 478–479]. В августе 1503 г. Иван III сообщал Менгли Гераю о действиях Шейх-Ахмеда: о его кочевании вместе с Султан-Ахмед-мирзой и Алчагир-мирзой к Астрахани и о его же просьбе к московскому господарю сделать его ханом Астрахани [Сборник РИО, 1884, с. 482]. Чуть позже московскому великому князю стало известно, что Шейх-Ахмед вместе с Султан-Ахмед-мирзой 8 июля 1503 г. подошли к Астрахани и были «ратны» с Багатырь-султаном и Абд ал-Керимом-ханом [Сборник РИО, 1884, с. 486; Зайцев, 2004, с. 64]. Очевидно, что эта враждебная акция не была удачной, и Шейх-Ах-

² В наказание за эти нападения русские пленили ряд представителей астраханской знати: Хаджи-Ахмеда сына Аз-Давида, Хаджи-Мусу сына Ак-Кобека и Мамыш-оглана [Сборник РИО, 1884, с. 461].

меду со сторонниками даже не удалось блокировать город³, а уже в следующем году мы видим хана Большой Орды в Белгороде просящим помощи у турецкого султана Баязида. В целом на этом борьба Шейх-Ахмеда за власть в западном Деште закончилась [Зайцев, 2003а, с. 31–52; Зайцев, 2004, с. 64–65].

Итак, после 1502 г. астраханским ханом стал Абд ал-Керим [Зайцев, 2004, с. 66], после провала попыток Шейх-Ахмеда подчинить себе город в 1503 г. его положение укрепилось. Улуг-беком при нем был Баба-Али-бий хытай (китай) [Зайцев, 2004, с. 66–68], а одним из влиятельнейших купцов был Хаджи-Нияз, который, можно полагать, был связан торговыми интересами с Москвой и Средней Азией [Зайцев, 2004, с. 68–69]. В это время существовал астраханско-ногайский союз [Зайцев, 2004, с. 69]. Акдес Нигмет Курат полагал, что союз этот был направлен против Крымского ханства, так как оно имело претензии на Астрахань [Курат, 2015, с. 262]. Политику, направленную на завоевание Астраханского ханства, И. В. Зайцев связывает с Менгли Гераем и объясняет ее тем, что «Астрахань как наследница Большой Орды продолжала оставаться смертельным врагом Крыма» [Зайцев, 2004, с. 70]. Астраханское ханство было вынуждено искать союзников либо пытаться противодействовать на дипломатическом фронте своим противникам. Около 1508 г. в Москве находилось астраханское посольство. Суть его нам не известна, в источниках лишь зафиксировано, что из Москвы они уезжали вместе с ногайским посольством [Сборник РИО, 1895, с. 9; Зайцев, 2004, с. 250]. Но в самой ногайской посольской книге есть крайне важная помета, касающаяся астраханского посольства: «...а пропуская грамота по городам и в Казань ко царю писаны во ординских тетратех» [Сборник РИО, 1895, с. 9]. Вне всяких сомнений, что речь идет здесь конкретно об астрахан-

³ Собственно, о самой этой акции стало известно от великокняжеского гонца, бывшего в то время в Астрахани. 8 июля большеордынский хан подошел к городу, 9 июля Богатырь-султан отослал гонца в Москву, куда он прибыл 22 августа, и его сообщение сразу же было отправлено к русскому послу князю А. Заболоцкому, чтобы он сообщил Менгли Гераю [Сборник РИО, 1884, с. 486].

ском посольстве, документы которого записаны в «ординских тетратех», то есть делопроизводственно (как минимум) в это время для русских существовала Большая Орда, а соответственно в рамках международных отношений никакого вакуума после 1502 г. не образовалось. Поэтому и борьба для Крымского ханства не закончилась. Осенью 1508 г. в Москве стало известно, что хан Менгли Герай планировал поход на Астрахань [Зайцев, 2004, с. 70]. Крымская дипломатия пыталась склонить русских к совместным действиям против Астрахани. Однако в Москве не видели смысла в уничтожении остатков Большой Орды и усилении тем самым Крымского ханства. Поэтому старались уклониться от подобных действий, но при этом сохранив союз с Крымом против Великого княжества Литовского. И. В. Зайцев абсолютно справедливо пишет, что стороны ставили друг перед другом невыполнимые условия и именно эти противоречия грозили развалом союзу [Зайцев, 2004, с. 70–71]. Русскому послу В. Г. Морозову в 1509 г. предписывалось объяснить отказ от направления судовой рати на Астрахань, невозможностью вести борьбу на три фронта, а также неспособностью сделать суда для такого похода. Приведем цитату полностью. «И Василью говорит царю: Государь наш, господине, по которой год стоял против недругов своих, Литовского и Немец, один без пособи, а ведомо и тебе; люди ся, господине, государя нашего потомили; а Немци и ныне со государем нашим не в миру; а Нагаи на поли на сей стороне Волги. А к Азтарахани, господине, государю нашему рати своеи ныне и посылати не мочно, как судов там в тех местех и при отце его не дельвали, да и ныне не делают и наряду служебного ныне допроводити туды не мочно, и государю нашему ныне рать своя на Азтарахань нелзе послати...» [Сборник РИО, 1895, с. 64]. Стратегия объяснения очевидна, в Москве пытались сразу и указать на то, что и Менгли Герай не очень-то исполняет союзные обязательства (указание, что русские воевали с Великим княжеством Литовским «без пособи»), на наличие текущих конфликтов с «Немцами» и, как выходит из текста, ногаями, а также усталость населения. И, в конце концов, просто неумение сделать корабли, это последнее затруд-

нение И. В. Зайцев определил как надуманное [Зайцев, 2004, с. 71], и с ним сложно не согласиться. При этом ясно, что в Москве отдавали отчет в слабости своей аргументации, поэтому прибегли к тактике признания некоторой части своей вины и просили хана не держать гнева на великого князя Василия III Ивановича [Сборник РИО, 1895, с. 64]. Однако в главном дипломатия Василия III оставалась на избранной позиции отказа от боевых действий против Астраханского ханства [Сборник РИО, 1895, с. 65]. Очевидно, что в Москве твердо взяли курс на сохранение в Нижнем Поволжье противовеса Крымскому ханству в лице Астраханского ханства. В этих условиях, необходимо признать, актуальность старого русско-крымского союза стремительно терялась. В итоге Менгли Гераю пришлось решать «астраханскую проблему» самостоятельно. Тем более, встревоженность крымского хана и его окружения процессами, происходившими в Нижнем Поволжье, была объяснима. По ряду косвенных свидетельств известно, что бывшие противники ногаи и большеордынцы примирились. Астраханский хан Абд ал-Керим, очевидно, опирался на ногайскую силу, и разные внешние наблюдатели отмечали факт подконтрольности ханства Ногайской Орде. Учитывая многочисленность и воинственность ногаев, нападение на Крымское ханство было ожидаемым и не заставило себя долго ждать. 26 июля 1509 г. хан Менгли Герай продиктовал послание в Москву, в котором он сообщал об обстоятельствах ногайско-астраханского вторжения и его победоносного отражения. Согласно этому сообщению, на крымцев двинулось объединенное войско 40 ногайских мирз, во главе с сыном Ямгурчи – Агишем и астраханцем, возглавленное ханом Абд ал-Керимом. Навстречу врагу хан направил значительное войско (в грамоте Василию III он сообщал о 250 000 рати), возглавленное Мухаммедом Гераем. О значительности войска говорит то, что в нем были и другие дети хана, а также «все огланы» и беки основных (правящих) элей Крыма: Азика-бек Мангыт, Агиш-бек Ширин и Девлет-Бахты-бек Барын. Крымцам удалось разбить ногайско-астраханское войско и захватить «улусы и куны, кони и верблюды, овцы и живо-

тину» [Сборник РИО, 1895, с. 70; Зайцев, 2004, с. 71–72]. Поражение, очевидно, было серьезным, и можно полагать, что Мухаммед Герай форсировал Волгу и захватил вражеские кочевья. Сам Мухаммед Герай скромно сообщал, что «недруга есмя своего потоптали» [Сборник РИО, 1895: 78], Баба-шейх оказался чуть более многословен. Согласно его сообщению, ногаи кочевали на двух берегах Волги. Можно полагать, что Агиш поднял в поход именно тех кочевников, которые летовали на крымской стороне Волги. Сокрушительность разгрома подчеркивали сведения, что пленные шли через Перекоп 20 дней. Далее Баба-шейх сообщал довольно темную информацию: «после того один курень людей пришел, били челом брату твоему царю», и далее он сообщал о надеждах Менгли, что Василий Иванович вспомнит старую дружбу и поможет ему захватить Астрахань [Сборник РИО, 1895, с. 80]. Как кажется, не будет излишне смелым предположить, что этот «один курень людей» вполне мог быть тайным посольством от части астраханцев с предложением перейти под власть крымского хана. С событиями этого сражения, вероятно, связано противоречивое сообщение Мартина Бельского, повторенного в Густынской летописи, о том, что при отражении нападения погибли два сына Менгли Герая, причем контекст сообщения скорее подразумевает поражение крымцев, чем победу [Зайцев, 2004, с. 72; ПСРЛ. Т. 40, с. 145]. В статье под 1510 г. в Густынской летописи сообщается об ответном ударе Менгли Герая и победе над ногаями [ПСРЛ. Т. 40, с. 145]. В 1511 г. ногаи нанесли ответный удар в то время, когда Менгли Герай был в волошском походе [ПСРЛ. Т. 40, с. 145]. При отсутствии других данных, можно предположить, что в 1509–1511 гг. стороны обменялись ударами. Очевидно, что целью этой борьбы был контроль за Нижним Поволжьем, и хотя, скорее всего, в общем это противостояние было более победоносным для Крымского ханства, но добиться решительного перевеса Менгли Гераю так и не удалось.

К 1514 г. в Нижнем Поволжье происходят изменения. Астраханское ханство при новом хане Джанибеке выходит из-под ногайского контроля и начинает проводить самостоятельную полити-

ку. Произошло это из-за начавшейся внутренней борьбы в Ногайской Орде. Летом-осенью 1514 г. в ногайский конфликт вмешался хаджитарханский/астраханский хан Джанибек б. Махмуд. Он послал посла к Алчагир-мирзе, Саид-Ахмед-мирзе, Мамай-мирзе, Кель-Мухаммеду б. Алчагиру. Суть предложений хана сводилась к совместной войне с Шейх-Мухаммедом [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 71об.]. Однако, не дожидаясь ногайских отрядов, Джанибек-хан вместе с Хаджике-султаном, его детьми и Мустофар-султаном обрушились на кочевья Шейх-Мухаммеда и разгромили его. Улус побежденного из 10 000 человек достался победителям. Сам мирза едва спасся бегством с отрядом из 19 человек.

Подобный шаг астраханских династов вызвал у Алчагира недовольство. Он потребовал ограбить участников похода и то имущество отдать ногаям. Джанибек-хан проигнорировал предложения Алчагира. Ногаи откочевали на Яик. К ним прикочевал Шейх-Мухаммед и бил челом Алчагиру. Вероятно, Шейх-Мухаммед искал с ним примирения, но вместо этого был схвачен и посажен в сарайчуковскую тюрьму. Столь вероломный поступок возмутил недавнего союзника Алчагира Мамай-мирзу. Мамай с отрядом в 50 батыров напал на стражу и освободил Шейх-Мухаммеда [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 71об.–72.]. В то время Хаджике-султан и два сына Мустофар-султана покинули Хаджи-Тархан и ушли кочевать в поле со своими улусами и улусом Шейх-Мухаммеда. Мирза к ним приблизился, и все вместе они откочевали в северокавказскую Тюмень.

В Тюмени в ту пору находился Муртоза-хан б. Ахмед. Он, ссылаясь на свою старость, вместе с тюменскими султанами посадил на ханство Хаджике, а Шейх-Мухаммеда «на княжение» [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 72.]. В Тюмени между союзниками произошел конфликт. Один из Мустофаровых сыновей был ограблен и изгнан, другой – Муселим пойман. Джанибек-хан вновь призвал ногаев Алчагира на помощь в войне с Хаджике-ханом и Шейх-Мухаммедом [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 72–72об.]. Зимой 1515 г. Алчагир прикочевал к Астрахани и потребовал в плату за поход на Шейх-Мухаммеда огра-

бить Мустофар-султана и его детей и изгнать их из Хаджи-Тархана. Джанибек вновь проигнорировал требования ногайского династа, что спровоцировало конфликт. Алчагир с братьями двинулся на город. Ногаи стояли под городом день, между сторонами произошел бой, после которого кочевники начали отходить к Яику. Ответная погоня пленила около 300 ногаев [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 72об.]. Это противостояние приводит к смене геополитической конфигурации в регионе: часть ногайской знати теперь была склонна к союзу с Крымским ханством, что было крайне опасно для Астрахани [Зайцев, 2004, с. 74–75]. Нарушил же хрупкий баланс хан Мухаммед Герай, сменивший на престоле умершего Менгли Герая. Уже летом 1515 г. новый хан планирует большой поход на Астрахань. В Астраханском ханстве понимали, что тучи сгущаются и после ухудшения отношений с ногаями был крайне необходим новый сильный союзник. Очевидно, это привело к интенсификации дипломатических контактов с Москвой, которая старалась засекретить эти отношения от Крымского ханства [Зайцев, 2004, с. 78–79]. В 1515–1516 гг. Мухаммед Герай совершает на ногаев скорее демонстрационные, чем реальные боевые походы, однако они, очевидно, воздействовали на ногаев. Во всяком случае, уже в апреле 1516 г. в Москве стало известно, что к хану Мухаммеду Гераю приехали ногайские мирзы Алчагир с 12 братьями, а их соперник Шейх-Мухаммед также старался поддерживать с Крымом мирные отношения, прислав к хану посла Хасана о мире. В знак искренности намерений он предлагал Мухаммеду Гераю жениться на своей сестре, а сыну хана Алпу – на своей дочери. Целью же намечавшегося союза должна быть война с Астраханью. Хан Мухаммед Герай призывал Московское государство подключиться к этому альянсу и прислать в помощь судовую рать [Сборник РИО, 1895, с. 291; Зайцев, 2004, с. 79–80]. Такая удачная для Крымского ханства внешнеполитическая конфигурация стала во многом возможной благодаря ожесточенной ногайской усобице. Проигравший Алчагир⁴ с родней нашел убежище в Крыму и

пытался найти себе покровителя, который бы помог ему захватить власть в Ногайской Орде. Так, например, он посылал к русскому послу с напоминанием о бывших дружеских контактах [Сборник РИО, 1895, с. 292]. В таких условиях победивший Шейх-Мухаммед был просто вынужден идти навстречу пожеланиям крымского хана, дабы нейтрализовать интриги конкурента. Ситуация для Астрахани складывалась крайне опасная, но астраханцы не отчаивались и, используя тактику нападений на Крым в тот момент, когда основные силы уходили в поход на Русь, наносили врагам ощутимый урон. В Москве же продолжали придерживаться политики невмешательства в крымско-астраханский конфликт. И. В. Зайцев, анализируя послание Мухаммед Герая от мая 1517 г., пришел к выводу, что в хронологическом диапазоне от зимы 1516 г. до весны 1517 г. крымский хан совершил большой поход на Астрахань. Осенью 1517 г. в Крыму стало известно о планах казанцев пригласить к себе на престол астраханского царевича. Такие планы, даже гипотетические, не могли не встревожить хана, так как он разрабатывал план широкой антиастраханской коалиции, в которую помимо его входили бы Москва и Казань [Зайцев, 2004, с. 80–81]. Такая же напряженность в крымско-астраханских отношениях сохранялась и в 1518 г. и 1519 г. Однако важно зафиксировать, что, несмотря на тревожащие набеги друг друга, ни одна из сторон так и не решилась нанести окончательный удар. Такое хрупкое равновесие сохранялось, пока в региональные отношения не вмешались казахи. В июле 1519 г. в Москве от посла в Турцию Б. Я. Голохвастого стало известно о затруднениях ногаев. Шейх-Мухаммед прислал посла к Мухаммаду Гераю-хану, который сообщил о вытеснении ногаев казахами. Крымский хан проявил озабоченность происшедшим. Он отправил к ногаям своего посла с предложением, если ногаи хотят переправиться на правый берег Волги, «беречися от недругов с одного» [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 124об.]. Ногаи приняли предложение крымского хана и начали эвакуацию со своей стороны Волги. Астраханский хан Джани-

⁴ Кроме Алчагира на полуострове укрывались его сыновья Мамай и Урак, его братья Саид-Ахмед (с сыновьями

Келмаем и Евгашием), Джан-Мухаммед, а также Шейх-Мамай и 4 безымянных мирзы [Сборник РИО, 1895, с. 292].

бек вмешался и перекрыл ногаям переправу. Он потребовал, чтобы ногаи заключили с ним мир и выдали крымского посла. Шейх-Мухаммед пошел на требования астраханцев [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 127об.]. Однако это их не умиротворило: начались столкновения. Бий Шейх-Мухаммед погиб в сражении, его улусы были захвачены. Ногайская знать бросилась бежать [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 130об.–131, 135об.]. Саид-Ахмед-мирза жестоко отомстил астраханцам за их вероломство. Он убил Муззофар-султана и еще семь султанов, вернул захваченные улусы, а также захватил Астраханский улус, так что в результате «только один город остался» [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 135об.–136; Трепавлов, 2000, с. 159]. Вынужденная эмиграция части элиты и населения Ногайской Орды и фактическое подчинение их Крымскому ханству привели к резкому изменению геополитического баланса в регионе. В 1520 г., если довериться сообщению Владимирского летописца, Василий III Иванович наконец-то дал хану в помощь для астраханского похода «7 городов силы судовой» [Зайцев, 2004, с. 83]. Впрочем, если это и так, тот поход, скорее всего, завершился ничем. А вот в следующем году произошло то, что позволило поверить в реальность возрождения Золотой Орды: в Казани произошел переворот, и на престол власти был возведен Сахиб Герай. Теперь в руках Мухаммед Герая сконцентрировались очень значительные силы, и для полной победы оставался один шаг – подчинить Астрахань. В марте-апреле 1521 г. хан направил письмо султану Сулейману I, в котором он объяснял свой отказ от участия в походе на Польшу. В этом послании Мухаммед Герай, соблюдая правила игры, демонстрировал свою возросшую власть. Во-первых, польский король, дабы спасти свою страну от разорительных набегов, обязался выплачивать в Крым «джизью размером пятнадцать тысяч флоринов»; во-вторых, он спас ислам в Казани, поставив на ее престол своего брата; в-третьих, он завоевал землю ногаев, но, увы, ее в свою очередь захватили казахи. И вот именно они в случае ухода войск в Крым могут объединиться «с нашим давним недругом, ханом Хаджи-Тархана» и разорить Крымское ханство [Документы, 2008, с. 55–56]. Это посла-

ние представляется очень важным источником по внешней политике Мухаммед Герая, но обстоятельно его анализировать здесь не место. Важное же обстоятельство в рамках рассмотрения темы крымско-астраханских отношений, по нашему мнению, следующее. В отличие от Московского государства и Великого княжества Литовского, которые рассматривали Астраханское ханство как Большую Орду, Мухаммед Герай четко разграничивал эти понятия. Ханом Престольного владения (Большой Орды) для него оставался Шейх-Ахмед, находившийся в Литве, а в Хаджи-Тархане правил свой хан и только [Документы, 2008, с. 55, 56]. Интересно, что Мухаммад Герай в это время меняет стратегию. Теперь он предпочитает представлять себя противником московского вмешательства в жизнь татарских государств и защитником ислама. Об этом свидетельствует не только письмо Сулейману I, но и сообщение астраханского полоняника Зани Зудова, на которое обратил внимание Илья Зайцев. Зудов сообщал в Москве, что Мухаммед Герай предлагал астраханскому хану военный союз против Московского государства. Далее он сообщал, что хан, знать и население ханства не хотели вмешиваться в конфликт Крымского ханства с Московским государством [Зайцев, 2004, с. 84]. Ясно, что даже если и в тот момент астраханцы не видели в Москве угрозы для своего существования, все же крымская пропаганда должна была посеять зерна подозрительности, которые получили бы подпитку в реальности московской политики в Казанском ханстве. Впрочем, Мухаммед Герай не стал так долго ждать и летом 1521 г. вторгся в Русское государство. Пока крымцы разоряли русские земли, в пределы Крыма вторгся астраханский отряд, который устроил на полуострове погром [Зайцев, 2004, с. 87]. Вернувшись, Мухаммед Герай решил отомстить астраханцам и захватил Астрахань. Впрочем, триумф был недолгим. Почти сразу ногаи, входившие в крымское войско, составили заговор и на пирушке убили хана, его наследника и множество знатных воинов и простых батыров.

В убийстве хана и калги деятельное участие приняли крымские мангыты. Ширинские беки обвиняли в содеянном Джан-Мухаммед-мир-

зу мангыта [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 6. Л. 3, 49об.–50.], в России убийцей хана считался Мамай. Кроме ногаев и мангытов, по данным Типографской летописи, в этих событиях активное участие приняли и «старые ординцы» [ПСРЛ. Т. 24, с. 221–222]. Ряд исследователей склонны связывать этот погром с деятельностью русской дипломатии, но, как справедливо указал В. В. Трепавлов, для этого нет никаких оснований [Кузнецов, 1986, с. 54; Кусаинова, 2005, с. 39–40; Трепавлов, 2000, с. 170–171]. Современный исследователь истории Астраханского ханства И. В. Зайцев также указывает, что независимая политика Мухаммед Герая, направленная на собирание разрозненных частей Улуса Джучи под управлением одной династии никак не могла не вызвать неудовольствие у Османской империи [Зайцев, 2004, с. 89]

Разгром крымцев ногаями был ужасен [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 257об.–258]. Ведущая роль в этом избиении принадлежала Мамай-мирзе. От смерти спаслись два султана – Гази Герай и Биби Герай. Они возглавили сопротивление ногайскому вторжению. Шейх-Хайдар б. Шейх-Ахмед, возглавлявший войско ногаев, мангытов и астраханцев, прошел Перекоп и стал у Соленого озера. Отсюда, разделившись, они пошли на Крым (Солхат), опору Ширинов, и Киркор (Чуфут-Кале), резиденцию крымских ханов. Осадив города, ногаи и мангыты устроили тотальный грабеж этих местностей [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 6. Л. 3; РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 260.]. В то время как Шейх-Хайдар устроил погром в центре полуострова, от Хаджи-Тархана продолжали возвращаться крымцы. У Перекопа, окруженного двумя рядами стен [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 6. Л. 3об.–4; Боплан, 2004, с. 207], Мемеш-беку Ширину и Девлет-бахти-беку Барыну удалось отразить нападение Хаджи-Мухаммеда и Удем-бека Мангыта. Однако вскоре Шейх-Хайдару удалось сломить сопротивление крымцев [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 6. Л. 3об.–4]. После перекопской победы Шейх-Хайдар отошел от города на 10 верст и оставался на таком удалении около двух недель, отсылая отряды в загон к Очакову и ниже Очакова. Загонщики из этих местностей угнали все тамошние улусы и стада.

Блокирование Перекопа принесло ногайско-астраханскому войску очередные успехи. В их руках оказалось четыре крымских султана. В условиях катастрофы Крымского ханства, шокированности его элиты турецкие власти прислали Саадет Герай-султана, ранее скрывавшегося в Турции от Мухаммед Герай-хана. Претендент на власть первоначально находился в Кафе, к нему приехали Гази Герай-хан и Биби-султан. По приказу султана Сулеймана Гази был казнен (задавлен), а султаны Биби и Чобан – пойманы. Аресту подвергся и бек Абд ар-Рахман, старинный недруг Саадет Герая, и многие иные беки и мирзы. По данным посла в Турцию, все они были сосланы в Стамбул [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 6. Л. 3об.–4об.; РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 260об.]. Однако русский посол в Крымском ханстве И. А. Колычев сообщал, что Чобан-султану удалось скрыться от Саадет Герай-хана. Судьба Абд ар-Рахмана-бека тоже оказалась иной. Он возглавлял крымских ичек Саадет Герай-хана, а в 1525 г. отправился в Мекку [подробнее: Зайцев, 2004, с. 94–97].

Новому хану при поддержке турок удалось стабилизировать положение Крымского ханства. Затем Саадет Герай решил заключить с Астраханью мир и послал послов в Хаджи-Тархан с просьбой не пропускать ногаев на «крымскую сторону», а также просил нового ногайского бия Агиша не пускать ногаев на Крым [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 261.]. Ногаи в победной эйфории желали уничтожить («разкопать») и Хаджи-Тархан [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 261об.; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 6. Л. 49об.]. Новый хаджитарханский хан Хусейн б. Джанибек принял спешные меры против ногаев. 26 июля 1523 г. он отправил послов в Азов, стремясь заручиться поддержкой крымцев против Мамай-мирзы и его братьев. В союзе с ним выступил и Агиш-бий. Хусейн вел переговоры и с казанцами, призывая их совершить поход на Мамай [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 263–263об.]. По всей видимости, именно Мамай призывал к разрушению Астрахани. Его поддержал только Юсуф-мирза. Агиш-бий, Хаджи-Мухаммед-мирза находились с ними в розни. Мамай и Юсуф совершили поход на Астрахань и были разбиты. Мамай откочевал

в северокавказскую Тюмень на реку Терек и от туда продолжил кочевку к Каспийскому морю [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 270об.].

События 1523–1524 гг. фиксируют изменения в расстановке сил в Нижнем Поволжье. Главным же для крымско-астраханских отношений стал факт формирования радикальной антиастраханской и антикрымской группы ногайских мирз. Мы можем полагать, что в этих условиях должны были появиться в Астрахани силы, заинтересованные в мирных отношениях с Крымским ханством. В период 1523–1525 гг. легко заметить замешательство региональных элит, которые проводят серии встреч, переговоров, вырабатывают проекты союзов. Однако в итоге ни один из союзов так и не стал реальностью – ни крымско-астраханский, ни крымско-ногайский. Единственное, что мы точно можем утверждать, так это то, что Астраханское ханство в это время вышло из-под ногайского контроля окончательно. В 20-е гг. XVI в. можно говорить и об интенсификации отношений Астрахани с Москвой, но сохранившиеся глухие данные позволяют говорить, что посольств стало больше (4 против 1 в начале XVI в.), но, увы, не о содержании переговоров [Зайцев, 2004, с. 107, 250–251].

Политическая чехарда 1530-х – 40-х гг., ослабившая Астраханское ханство, так и не привела к решению «астраханской проблемы» для Крымского ханства [Зайцев, 2004, с. 109–146]. В декабре 1547 г. хан Сахиб Герай сообщил в Москву о своей победе: «...а ныне на недруга своего на астраханского ходили есмь, и Бог милосердье свое учинил – взяли есмь и юрт его, хотели есмь держати да за тем покинули, что место недобро, и мы того для людей их и улусов их там не оставили, всех пригнали к себе, ож даст Бог хотим тот юрт устроить и держати его, коли есмь Астрахань взяли, ино нагайские князи, Ших-май, князь, в головах и все мирзы нам послушны учинились, кого мы велим им воевати – и им того воевати, а на кого мы не велим им ходити – и им на того не ходити, так нам послушны и повинны учинились» [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 9. Л. 57–57об.] Реммал-ходжа сообщил, что поводом к захвату Астрахани стало убийство хана Ак-Кобека и восшествие на престол Ямгур-

чи. Это возмутило Сахиб Герая, и он решил сместить узурпатора, а на престол возвести одного из своих сыновей [Абдужимилев, 2019б, с. 167]. Сахиб Герай-хан первоначально планировал оставить этот юрт за собой, но потом покинул, «что место недоброе». Население Хаджи-Тархана было угнано в Крым. Впрочем, Сахиб Герай не оставил вполне планов по присоединению ханства к своей державе (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 9. Л. 57–57об.). В «Тарих-и Сахиб Гирай» эти события описаны следующим образом. Когда крымские войска подошли и начали обстрел города, то Ямгурчи-хан и его беки погрузили на суда свои семьи и покинули город. Астрахань пала, затем были найдены жены султанов и беков. Из города были выведены состоятельные городские мужи с имуществом. После урегулирования дел хан покинул Астрахань, угнав с собой жен и детей астраханского хана и его беков [Абдужемилев, 2019а, с. 171–172]. Политика Сахиб Герая резко расстроила крымско-ногайские отношения. Ногайские мирзы негодовали из-за разорения Хаджи-Тархана. «Мы деи и преж тебе Астрохан взяли, да не розорили», – укоряли они хана. Впрочем, причина столь резкой реакции крылась не только в опасениях за будущность города. Ногайские мирзы настаивали на принадлежности кочевий по Днепру именно им, а не крымцам (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 9. Л. 53). В свою очередь, Сахиб Герай-хан после захвата Хаджи-Тархана объявил ногаев своими вассалами (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 9. Л. 57–57об.). Эта победа нанесла Астрахани серьезный ущерб и создала там на некоторое время ситуацию безвластия. Видимо, именно тогда город на некоторое время был захвачен казаками. Вернувшийся после этих событий Ямгурчи был вынужден искать помощи у московского царя [Зайцев, 2004, с. 142–146]. Севастьян Авраамов, русский посланник, прибывший в Астрахань 3 ноября 1551 г., сообщал о напряженных отношениях между ханом Ямгурчи и астраханскими султанами. Очевидно, что, вернувшись на престол, он не смог вернуть всю полноту власти себе. Среди противников был и сын бывшего хана Ак-Кобека – Баки и собственный сын Ямгурчи – Таикбелди. Баки покинул Астрахань и отъе-

хал к ногаям. Он просил у Исмаила содействия в выезде на службу в Российское царство, а, не добившись своего, при помощи Алчагир-мирзы поехал в Крымское ханство. Можно полагать, что Баки ехал не в гордом одиночестве, а в сопровождении вооруженного отряда. В любом случае, это движение насторожило крымцев, и Баки-султана встретил Девлет Герай-хан и нанес ему поражение [Комиссаренко, Моисеев, 2004, с. 202–203]. Очевидно, что напряженность в крымско-астраханских отношениях сохранялась, и постепенное потепление началось лишь в условиях конфликта с Московским государством. Осенью 1552 г. в Москве стало известно, что Ямгурчи-хан сослал русского посла Севастьяна и переориентировал свою политику на союз с Крымским ханством. С этого момента можно заметить довольно быстрое сближение двух бывших врагов. Так, Девлет Герай прислал в Астрахань оружие [Комиссаренко, Моисеев, 2004, с. 201; Зайцев, 2004, с. 147–149]. Впрочем, этот союз оказался запоздалым. 2 июля 1554 г. Астрахань была взята русским отрядом князя Ю. И. Шемякина-Пронского. На престол был возведен хан Дервиш-Али, обещавший держать свое ханство в русле русской политики [Зайцев, 2004, с. 150–162]. 13 апреля 1555 г. Дервиш-Али сообщал, что к городу подходил бывший хан Ямгурчи с ногайским и, что важно, крымским отрядом и попробовал захватить город. Атака была отбита [Зайцев, 2004, с. 164], но, несмотря на победу или, наоборот, благодаря ей, Дервиш решил выйти из-под московской опеки. Уже в мае 1555 г. стало известно, что хану удалось, используя ногайских мирз, устранить своего конкурента Ямгурчи, а также его братьев. После этой акции Дервиш-Али выслал русского представителя Петра Тургенева [ПСРЛ, 1904, с. 255]. Григорий Кафтырев со стрелецким отрядом и казачьим атаманом Федором Павловым заняли брошенную Астрахань. Как и до него, Дервиш избрал тактику спешной эвакуации из города всего населения. Русским стало известно, что хан успел заручиться с Крымом союзом, и к нему на помощь были посланы три султана, Чегилек-бек, пушки и пищали [ПСРЛ, 2000, с. 258].

Борьба Дервиш-Али с русскими продолжалась в течение 1555 – лета 1556 гг. При нем был и крымский отряд, возглавляемый Атман-Дуваном и состоявший из 700 татар и 300 янычар. Впрочем, сопротивление было сломлено, и в сентябре 1556 г. Астрахань была завоевана окончательно, а Дервиш-Али бежал и нашел последний приют в Турции [Зайцев, 2004, с. 165–170].

Завоевание русскими Астрахани в 1556 г. изменило конфигурацию сил в регионе. Теперь «астраханская проблема» крымской политики стала частью русско-крымских отношений.

Казанская политика Крымского ханства

Формирование казанского направления во внешней политике Крымского ханства также происходило в конце XV века и развивалось первоначально в рамках русско-крымского союза. Причиной вовлеченности Менгли Герая в казанские дела стал тот факт, что он был женат на Нур-Султан, вдове казанского хана Ибрахима. В результате Менгли стал отчимом для двух казанских султанов – Мухаммед-Эмина и Абд ал-Летифа. В 1479 г. на престол Казани взшел старший сын Ибрахим-хана – Али, однако против него выступила группа знати, отстаивавшая права 10-летнего Мухаммед-Эмина. И хотя в историографии эту группу знати принято считать «русской партией» [Худяков, 1991, с. 45–46], легко заметить, что за маленьким Мухаммедом отчетливо виден и интерес Крымского ханства. Впрочем, в тот момент он и его сторонники борьбу проиграли, и султан уехал в Московское государство. В марте 1487 г. в послании Менгли Гераю Иван III сообщал, что он по-прежнему заботится об интересах его пасынка [Сборник РИО, 1884, с. 59], а уже в июле 1487 г. царственный беглец при поддержке великокняжеских войск вернулся в Казань, а его соперник вместе с семьей был вывезен в Россию [Разрядная, 1966, с. 20; Сборник РИО, 1884, с. 61]. Положение нового хана не отличалось стабильностью, и удержаться он сумел только благодаря внешней поддержке,

в первую очередь Русского государства. Между тем нельзя забывать, что в это время существовали контакты между Крымским и Казанским ханствами, которые в основном осуществлялись через Москву. Кроме этого великий князь Иван III Васильевич информировал Менгли Герая о своих действиях по отношению к Казани. Знаком весьма плотного сотрудничества между Москвой и Крымом в казанском вопросе стал выезд султана Абд ал-Летифа в Москву в 1493 г. Прежде чем стать ханом Казани в 1496 г., он некоторое время проживал в подмосковном Звенигороде, полученном в кормление. Можно полагать, что это был знак очень высокой степени доверительности отношений: Менгли и Нур-Салтан передоверили судьбу своих детей русскому князю. Интересно, что в этом случае положение Ивана III чем-то напоминало положение аталыка. Ханике Нур-Салтан писала ему о своем сыне: «К брату своему к Магмед-Аминю царю будит ти его отпустить, гораздо наказав и научив отпусти. Да еще будет ти у себя его уняти, ведомой обычай его похваляй, а не взведает чего, и ты его поучи и гораздо понакажи да и поблюсть, ты ведаешь молод и мал...» [Сборник РИО, 1884, с. 177]. Став казанским ханом, Абд ал-Летиф вызнал неудовольствие ногаев, а затем потерял доверие у великого князя. Ссылка пасынка в Белоозеро возмутила Менгли Герая, и он требовал держать его «в чести». Для крымской дипломатии станет важнейшей задачей добиться смягчения режима содержания опального казанского хана, а затем и освобождения. В 1505 г. режим был смягчен, в 1508 г. Абд ал-Летиф получил в кормление Юрьев, и это стало победой Менгли Герая [Бережков, 1897, с. 12–13; Кистерев, 1998, с. 73–79].

Верхом же доверительности в русско-крымских отношениях стал визит ханике Нур-Салтан по пути в Казань в 1510 г. В июле она прибыла в Москву в сопровождении Сахиб Герая и ханских послов, пробыв месяц, уехала в Казань, где провела около 10 месяцев, а затем, вернувшись в белокаменную, гостила там более 5 месяцев до декабря 1511 г. [Бережков, 1897, с. 14]. Все это время великий князь Василий III выказывал необходимую учтивость, в летописях отражен

факт торжественной встречи, но можно полагать, что все это время Нур-Султан принимала участие и в других встречах, вполне возможно интимного, семейного характера. Во всяком случае, в 1547 г. Сахиб Герай в письме юному Ивану IV вспоминал: «А отца твоего Василья-князя яз сам видал и на коленех у него сиживал, и хлеб-соль его едал, а меня он любил» [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 9. Л. 33]. Итак, 1510–1511 гг., несмотря на то что противоречия в отношениях между Крымским ханом и Московским государством нарастали и уже становились непреодолимыми, стали временем небывалой доверительности, когда в руках соперника оказались ханская жена и один из султанов, а московские власти не оказывали препон в их контактах с Казанью и даже содействовали им. Более таких примеров в русско-крымских отношениях мы не найдем. В это время мы можем констатировать, что хотя разногласия и были, но в целом казанская политика Москвы не противоречила интересам Крыма. Но все изменилось со смертью Абд ал-Летифа в 1518 г. и последовавшей затем кончиной Мухаммед-Эмина. После переговоров на престол власти в Казани был возведен Шах-Али, правнук Кучук-Мухаммед-хана, который в свое время сверг с престола Большой Орды Улуг-Мухаммед-хана, родоначальника казанских ханов. Такой выбор великого князя Василия III Ивановича не мог не насторожить Крымское ханство. Ведь это означало усиление представителей так называемой «астраханской династии», с которой последовательно боролись Герай и против которой в свое время был заключен русско-крымский союз. Все это должно было подтолкнуть крымцев к более активной казанской политике, что и произошло вскоре. Сами казанцы также не приняли нового хана, так как казанская знать представляла собой в значительном числе потомков беков и мирз, вынужденно покинувших Орду и после скитаний осевших в Казани. Конфликт между Шах-Али, его касимовским окружением и казанцами не заставил себя ждать. В мае 1521 г. он был изгнан, а на казанский престол был возведен крымский султан Сахиб Герай. Сами консультации между казанскими против-

никами Шах-Али и усиление русского контроля начались ранее. В своем послании султану Сулейману I от марта-апреля 1521 г. Мухаммед Герай объяснял свое вмешательство в дела Казани тем, что «московский князь изгнал кади города Казани и для управления делами мусульман назначил [христианских] священников и построил церкви» [Документы, 2008, с. 55]. Таким образом, крымский хан пытался представить себя защитником веры, однако московские дипломаты вполне успешно дезавуировали эти объяснения. Но интересно, что избирая на казанский престол султана, хан остановил свой взор на Сахиб Герае, бывавшем в Москве и Казани во время сопровождения путешествовавшей ханике Нур-Султан. Можно предположить, что его персона могла быть избрана еще потому, что между великим князем Василием III и тогда еще ребенком Сахиб Гераем установились приятельские отношения. Не исключено, что хан и его окружение думали, что эта кандидатура не вызовет серьезного противодействия со стороны Московского государства. Однако этот расчет (если он был) оказался неверным. Василий III Иванович направил войско, которое перекрыло переправы, постаравшись тем самым изолировать Казанское и Крымское ханства [Документы, 2008, с. 55]. В июле 1521 г. крымский хан вторгся в русские пределы. В бою с крымцами погибли опытные московские воеводы кн. В. М. Карамышев-Курбский, И. А. Шереметев-Беззубцов и множество дворян. Для них набег крымцев был внезапным. От своих информаторов в Азове русские воеводы знали о запрете султана Сулеймана Великолепного нападать на Москву. Сообщение о готовящемся набеге крымцев было доставлено в Москву слишком поздно. После победы на р. Оке крымские отряды «воевали Коломенские места». Хан Мухаммед Герай I устроил свою ставку на р. Северке, где стоял 2 недели. За это время его войска ограбили окрестности Москвы и ее уезд. Москва и ее пригороды перешли на осадное положение. Вел. кн. Василий III Иванович и его братья Юрий Дмитровский и Андрей Старицкий отъехали в Волок Ламский, где объявили сбор военных сил. 12 августа 1521 г. хан Мухаммед Герай I,

получив известие о готовящемся походе против него военных сил великого князя Василия III Ивановича, повернул с войсками и захваченными трофеями обратно в степь [ПСРЛ, 2000, с. 37–43]. После этой сокрушительной победы Мухаммед захватил Астрахань. Эти победы, вне всяких сомнений, позволяли ему надеяться на возможность объединения распавшейся Золотой Орды под эгидой династии Гераев [Почекаев, 2017, с. 24–27]. Однако торжество оказалось недолгим. Во время пира хан Мухаммед Герай, его калга Богатырь Гера, беки, мирзы и простые воины были убиты заговорщиками-ногаями. Выжившие в бою были вынуждены спасаться бегством. Анархия, вызванная смертью хана и последовавшим ногайско-астраханским вторжением, естественно парализовала «казанское» направление крымской внешней политики. Последовавшее затем установление власти Саадет Герая, подавление противников также не способствовали отстаиванию крымских интересов в далекой Казани. В 1522–1524 гг. русские предприняли ряд походов на Казань, в 1523 г. был построен Васильсурск, в котором позднее (1524 г.) была открыта ярмарка. Эти шаги привели к недовольству казанской знати, и Сахиб покинул город, оставив вместо себя юного Сафа Герая. Осенью 1524 г. казанцы попробовали заключить с Москвой мир. Любопытным маневром казанской дипломатии стала просьба посадить им на престол Сафа Герая. С этим условием великий князь Василий III Иванович согласился, и в Казань было направлено посольство. Последовавшая затем серия переговоров, растянувшаяся на несколько лет, так в итоге ни к чему и не привела, и в 1529 г. русские войска совершили поход на Казань. Серьезной поддержки казанцы из Крыма так и не получили, и в итоге Сафа смог получить помощь от ногаев, пришли сын Мамай-мирзы (тестя хана) и некие астраханцы. Сражение под городом закончилось поражением 10 июля 1530 г. [ПСРЛ, 2000, с. 47]. Стоит признать, что Саадет Герай не проявлял глубокой озабоченности казанскими делами [Гайворонский, 2007, с. 166]. Другое дело Сахиб Герай, ставший крымским ханом в 1532 г., который стал проводить последователь-

ную политику на защиту интересов Гераев в Казани. В 1537 г. в послании Ивану IV он писал: «Казанская земля – мой юрт, а Сафа Герай царь – брат мне, и после бы еси сего день войны на Казанскую землю не чинил» [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 419–419 об.]. Естественно, в Москве это воспринимали как вмешательство в свои дела и настойчиво отводили претензии хана, указывая на то, что Казань еще со времен Ивана III Васильевича подчинена Московскому государству [Моисеев, 2018, с. 289]. Кроме непосредственно хана определенное влияние имели представители крымской знати, окружавшие Сафа Герая в Казани. Особенно их роль становится заметна в 1540-е гг., когда в Казани обостряются противоречия между местной знатью и пришлым окружением хана. После смерти Сафы именно крымские аристократы во главе с Кучак-огланом сумеют подавить оппозицию и, объединив своих сторонников, организовать успешную оборону Казани в 1549–1550 гг. Однако в 1551 г. после постройки Свяжска положение Кучак-оглана и его соратников стало настолько шатким, что они, бросив жен и детей в городе, бежали. Бегство их оказалось недолгим, на одной из переправ они были перехвачены и после боя пленены. В Москве их казнили как бескомпромиссных врагов царя Ивана IV Васильевича [ПСРЛ. Т. 13. С. 166; Хамидуллин, 2018, с. 100–110]. После этого крымское влияние в Казани резко упало, и хотя Девлет Герай попытался в 1552 г. походом на Тулу отвлечь русских от Казанского ханства, изменить сложившийся в Среднем Поволжье баланс сил он уже не смог, и 2 октября 1552 г. Казань пала, и в ней водворились русский воевода и чиновники.

Заключение

Политика Крымского ханства по отношению к Астрахани и Казани зародилась в конце XV века. Астраханское ханство и потомки Кучук-Мухаммеда были для крымских Гераев наиглавнейшими противниками. После 1502 г. Менгли Герай пытался при помощи великого князя Ивана III

Васильевича захватить Астрахань. Однако в Москве расценивали это как несомненную угрозу для своей безопасности. Первоначально в Москве старались уклониться от совместного похода, а затем при Василии III, вполне возможно, начали союзные отношения. И. В. Зайцев совершенно справедливо пишет, что русские власти рассматривали Астрахань как противовес Крымскому ханству [Зайцев, 2004, с. 102]. В 1522 г. Мухаммед Гераю удалось захватить Астрахань, но не удержать ее. Вторая победоносная попытка была осуществлена Сахиб Гераем в 1547 г. Впрочем, и он в городе не остался, а вывел оттуда состоятельных горожан. Эти действия подорвали независимость Астрахани. Ее последние ханы Ямгурчи и Дервиш-Али в поиске поддержки колебались от Москвы к Бахчисараю и в конце концов лишились власти, а ханство было захвачено русскими в 1556 г.

В отличие от астраханской, казанская политика Крымского ханства в самом начале имела семейный характер поддержки детей Нур-Султан на казанском престоле. Однако и здесь в итоге столкнулись интересы Крыма и Московского государства. Амбиции Василия III и Мухаммед Герая подталкивали их к выстраиванию разных внешнеполитических комбинаций. Великий князь в 1519 г. сделал очевидный выбор в поддержке болшеордынских султанов, ожидая, что, будучи слабыми кандидатурами, они будут более верными союзниками. А Мухаммед Герай опирался на представителей своей семьи, сделав казанским ханом своего брата Сахиб Герая, можно предположить, что у него был кандидат и на астраханский престол, но гибель Мухаммеда так и не позволила ему реализовать задуманное. В конечном счете именно события 1519–1522 гг. оказали решающее воздействие на весь строй международных отношений в регионе. Так или иначе, но основными соперниками стали Русское государство и Крымское ханство. Несмотря на все предпринимаемые меры Бахчисарай в этой конкуренции постепенно проигрывал, пока в 1552–1556 гг. и Казанское и Астраханское ханства не пали и не стали частью Московского царства.

6.2. Крымское ханство и Ногайская Орда в XVI – начале XVII вв.

В. В. Трепавлов

До последней четверти XV в. нет сведений о связях Крымского ханства с Ногайской Ордой (Мангытским юртом). Очевидно, лишь разгром сибирско-ногайским войском большеордынского хана Ахмеда в 1481 г. заставил крымцев увидеть в ногаях силу реальную, и главное – враждебную Большой Орде, основному противнику Гераев в то время. В начале 1490-х годов предпринимались неоднократные попытки наладить военное сотрудничество на этой почве.

Уничтожение Менгли Гераем Большой Орды в 1502 г. сразу резко подняло его политический вес в Дешт-и-Кипчаке. Преемник Мусы, бий Ямгурчи, пресек попытки некоторых ногайских мирз не то что помочь Ахматовичам, но даже приютить их. При этом он мотивировал свои жесткие действия именно высочайшим статусом крымского правителя: «Из старины наш прямой государь Менли Гирей царь стоит; а брат наш Муса князь с ним в шерти и в правде был, и мы того деля сь его недруги с Ахматовыми детьми не билися». Братья и племянники бия, которым адресована была эта тирада, соглашались: «Государь наш Менли Герая царь стоит; а недруга его Шиг-Ахметя да Хозяка отшлем (от себя)». Для подтверждения своей преданности Ямгурчи обещал даже послать войско для охраны крымских рубежей от ордынцев со стороны Волги. Весной или в начале лета 1503 г. он заключил с Менгли Гераем шертный договор по стандартной формуле быть другу хана другом, а недругу – недругом. До конца жизни бий клялся не допустить объединения ногаев с Ахматовичами; к тому же от этого его постоянно предостерегал и Иван III [Сборник РИО, 1884, с. 503].

После смерти Ямгурчи (около 1503 г.), ногайско-крымские отношения стали резко ухудшаться. Его и Мусы преемники не желали более признавать Менгли Герая старшим государем и разорвали шарт-наме. Вскоре ногаи повсеместно стали восприниматься как противники крымцев. Уже в августе 1504 г. в «памяти» московскому послу в Бахчисарай И. И. Ошерину содержалось задание сообщить хану о приезде в Ногайскую Орду миссии от великого князя литовского Алек-

сандра Казимировича с характерной оговоркой: «Ино ведь то, господине, знатно, чего для он послал, ведь ему с ними (ногаями. – В. Т.) нет никоторого дела, опричь того, что на вас (крымцев. – В. Т.) их наводити» [Сборник РИО, 1884, с. 533]. Но мирзы и без литовских подсказок и подарков начинали планировать удары по Крыму, тем более что Менгли Герая параллельно вел переговоры о союзе и с Москвой, и с Вильно, пытаясь убедить их в своей верности будущим коалиционным обязательствам.

Когда в 1507 г. началась очередная русско-литовская война, Крыму пришлось выбирать. Войско во главе с самим ханом, по договоренности с польско-литовским королем Сигизмундом I, двинулось было к российским рубежам... но не дошло. Узнав об уходе основных вооруженных сил Крымского юрта на север, ногаи впервые решились вторгнуться в его пределы. У Менгли Герая появилась уважительная причина не ввязываться в войну между «неверными». Он повелел калге Мухаммед Герая повернуть рать на ногаев, но по пути тот «з коня летел и рознемогся». После единственной стычки с противником наследник привел отряды домой [Акты, 1848б, с. 48; Сборник РИО, 1882, с. 521; Pułaski, 1881, с. 324]. Историки справедливо видят в этой вылазке мангытской конницы плод усилий московской дипломатии и, прежде всего, щедрых подарков, выданных авансом за будущий набег на Крым [Хорошкевич, 1980, с. 120; Pułaski, 1881, с. 118].

Заволжские мирзы и батыры получили отпор, не понеся, видимо, больших потерь. Через два года они задумали новый большой поход. Предводительствовали в нем мирзы Агиш б. Ямгурчи и Саид-Ахмед б. Муса. В союзники они взяли астраханского хана Абд ал-Керима. Конница Мухаммед Герая наголову разгромила их на восточных границах Крымского юрта. То же повторилось и в следующем году. В 1511 г. ногаи внезапно подошли к Перекопу, полонили много женщин и детей и спешно отошли назад. Войско ханства находилось в ту пору в Валахии [Pułaski, 1881, с. 167]. Возможно, об этих со-

бытиях рассказывает Саид-Мухаммед Риза: во время крымского нашествия (1509 г.?) мирза Саид-Ахмед отступил к Волге, спасая свою семью. Объединившись там с «Мумай-беем» (мирзой Мамаем б. Мусой), он напал на крымцев и разбил их [Риза, 1832, с. 87; Précis, 1833, с. 354]. В 1515 г. крымская армия ходила на восток, однако ногайские улусы заранее перебрались на левый берег Волги, недоступный для крымцев. Да у ногаев уже и не было сил сопротивляться, не говоря уж о планах прорыва к Перекопу. В то время в их Орде разгорелась смута.

Междоусобные распри середины 1510-х годов заставили сыновей Мусы на время забыть о неприязни к Гераям. Вожди противоборствующих лагерей старались привлечь каждый на свою сторону таврического владыку как самого могущественного правителя на послезолотоордынском пространстве. И тот и другой клялись в своей преданности новому хану – Мухаммед Гераю I. Так, мирза Алчагир вместе с двенадцатью мирзами явился в Крым, «в ноги пал и холопом ся назвал, и, бив нам челом, слугами ся учинили». Мирза Шейх-Мухаммед заверял хана: «Яз волному человеку (т. е. хану. – В. Т.) холоп тебе, а государь мне ты... а и старейшей наш брат (Алчагир. – В. Т.), и мы все – твои холопы, и люди, и улусы наши твои жь» [Сборник РИО, 1895, с. 297]. Довольный Мухаммед Герай заявил, что отныне помимо знати Крымского юрта, «Ордынского юрта (т. е. бывшей Большой Орды. – В. Т.) да и Нагайского уланы и князи, и мурзы, и добрые люди мои холопы и слуги» [Сборник РИО, 1895, с. 533]. Тем не менее Шейх-Мухаммед не предпринял реальных шагов для сближения с Крымом и подтверждения своего «холопства», а, напротив, сблизился с астраханским ханом Джанибеком. Алчагир же, узнав о тайной ссылке брата-врага с Мухаммед Гераем, в страхе бежал из Крыма. После этого из Бахчисарая внимательно наблюдали за делами на Волге и за Волгой, но ногаи, занятые междоусобицами, не давали повода для опасения.

В 1519 г. ногаи потерпели поражение в войне с казахами. Территория Ногайской Орды оказалась в подчинении у казахского хана Касима. Большинство мангытской знати перебралось на запад – в крымские владения. Утратив власть над

своим юртом, она оказалась деморализованной и окончательно раздробленной. В таком состоянии ей не оставалось ничего другого как переживать лихолетье под покровительством хана Мухаммеда Герая I.

Оказавшись на правобережье под его защитой, мирзы были вынуждены демонстрировать ему максимальную лояльность. Одним из показателей этой лояльности стало участие ногаев в большом крымском нашествии на Русь летом 1521 г.: они перечисляются летописцами в составе «безбожного воинства» наряду с литовцами и «черкасами» [ПСРЛ, 1959, с. 311; ПСРЛ, 1904, ч. 1, с. 37]. Видимо, присутствие массы беженцев из Мангытского юрта послужило одним из стимулов для этого похода. Во-первых, ногайская конница многократно увеличивала силы ханства и придавала большую уверенность в успехе кампании; во-вторых, скопище бездомных, голодных, озлобленных и буйных ногаев, которых казахи лишили земель и скота, требовалось увлечь на любое внешнее предприятие, чтобы они в конце концов не обратили оружие и ярость против подданных Мухаммед Герая.

После победоносного возвращения из похода хан намеревался вскоре повторить его. И здесь вновь вмешался ногайский фактор, но с неожиданной стороны. Умер грозный хан Касим. Казахское ханство осталось без общепризнанного лидера, и ногаи потянулись на родину, за Волгу. Расстроенная система власти Ногайской Орды начала быстро восстанавливаться. Наиболее авторитетные предводители ногаев, сын Мусы Мамай и сын Ямгурчи Агиш, искали возможность избавиться от тягостного сюзеренитета и покровительства Гераев.

Такой случай вскоре представился. В конце 1522 г. большое войско Мухаммеда Герая I без боя вошло в Астрахань. Ногаи еще числились среди его союзников (а сам он, возможно, считал их уже своими подданными). Местный хан Хусейн бежал, на его место был посажен калга Бахадыр Герай б. Мухаммед Герай. Через некоторое время в Хаджи-Тархане разгорелся жестокий конфликт, ногаи обратили клинки против крымцев, убили хана и калгу. Летописи приводят численность войск, противостоявших в тех событиях: «сто тысяч и тридцать тысяч от двух

тысяч нагаи побежден бысть окааныи и гордый мучитель» [ПСРЛ, 1959, с. 312; см также: ПСРЛ, 1978, с. 14]. За неимением других сведений приходится принять эту цифру, хотя в столь убедительную победу Мамаи и Агиша при шестидесятипятикратном превосходстве крымцев верится с трудом. Крымская армия в беспорядке отступала от Волги на запад. Те воины, что уцелели от сабель и стрел конницы Мамаи и Агиша, тонули при переправе через Дон. Гонцы-казаки, состоявшие в русском посольстве в Стамбуле, оказались в ту пору поблизости и видели, как «крымские татарове... бегли от нагайских мырз и за Дон возились, и... на Дону топли» [Дунаев, 1916, с. 56]. Кочевые улусы юрта спешно втягивались на Таврический полуостров, под защиту Перекопских укреплений. Старшая ханша-вдова с детьми заперлась в Старо-Крымской крепости.

Бекам Мемешу и Девлет-Бахты удалось собрать в степи двенадцать тысяч воинов рассеянной армии. Отчаянно сражаясь, отбив атаку мирзы Хаджи-Мухаммеда б. Мусы (которого ранили), они пытались заслонить собой Перекоп. Но опоздали. Пока они бились в чистом поле, через неохраемые валы (стража в страхе разбежалась) основные силы вражеской конницы ворвались во внутренние владения ханства. С. Герберштейн пишет, что ногаи отступили от Перекопа, не сумев одолеть его укреплений [Герберштейн, 1988, с. 184]. Но русские и крымские источники единодушно свидетельствуют о разорении ими полуострова. Правда, при этом Мамай и его соратники действительно не смогли взять ни одного города. Возможно, эта деталь, которую Герберштейн наверняка узнал от русских информаторов, была понята им как неудача при осаде Перекопа.

Одна часть ногаев устремилась к Старому Крыму, другая – к Кырк-Еру. Захватить крепости они не сумели, но «что было улусов и стад в Крыму... лошадиных и всякой животины, то все выимли... Из гор и из лесов волочили жены и дети, и живот весь выгонили». Тем временем к Перекопу с севера подошли остатки ханского воинства, собранные Мемешем и Девлет-Бахты. Из-за крепостных укреплений на них обрушился союзник Мамаи, ордынский царевич Шейх-Хайдар. Битва длилась три дня. Оба бека пали в бою,

их отряды подверглись истреблению. Там же нападавшие убили одного и захватили в плен двоих сыновей Мухаммеда Герая I. Мамай, Агиш и Шейх-Хайдар опустошали Крым целый месяц. В апреле 1523 г. с огромным полоном и стадами они двинулись назад. Русское посольство наблюдало массовое скопление победителей, захваченного скота и пленных крымцев на обоих берегах Дона.

Так ногаи расквитались с Крымом за походы Менгли Герая и Мухаммед Герая 1507–1515 гг. В определенном смысле (и, может быть, такова была «идеологическая» подоплека вторжения) они возвращали себе тех соплеменников и то имущество, что в огромном количестве были захвачены у них крымской армией в 1509 г. и перемещены во владения Гераев.

Главной задачей нового хана Саадет Герая было обезопасить юрт от повторных ногайских нашествий. Он мобилизовал остатки ополчения и рассредоточил в караулах по степи: «Зиму всю стерегли крымцы... розставясь по дорогам, переменяясь по месяцам. А людем царь не велел разъезжаться» [Дунаев, 1916, с. 61]. Одновременно началось большое фортификационное строительство на Перекопе – татары возводили новые башни. Тем более что вскоре «ко царю весть пришла: мангиты (астраханские. – В. Т.) и нагаи с Агишем содиначились, а Саидет Кирею царю противу их стояти некем» (всей рати у него не набиралось и пятнадцати тысяч) [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 6, л. 5]. Однако опасность повторного вторжения ногаев вскоре исчезла из-за начавшихся в Ногайской Орде очередных раздоров между мирзами.

В 1530–1540-х годах взаимоотношения двух юртов оставались настороженными и зачастую враждебными. Победоносные крымские походы эпохи Менгли Герая были вытеснены из памяти народов событиями 1523 г. Долгие годы жители Ногайской Орды и Крыма вспоминали убийство Мухаммеда Герая и последующее опустошение полуострова Мамаем и Агишем – первые как триумф, вторые как трагедию. Через пятнадцать лет после тех событий мирза Кель-Мухаммед б. Алчагир с удовольствием рассуждал: «Тактамышева царева юрта царь Бога забыл, и яз Богу на коленах сел. И он для наши правды нам его

(юрт. – *В. Т.*) дал, тот же Бог» [Посольские, 1995, с. 210–211]. Коллизия 1523 г. служила для мирз точкой временного отсчета: «Как Магмед Кирея царя убили – от тех мест и по ся места дружбе нашей с тобою порывка не бывало. Тому полтретьяцать лет, как мы собою в дружбе», – писал ногайский бий Юсуф Ивану IV в 1549 г. [Посольские, 1995, с. 307].

Впрочем, иногда в этих отношениях наступало некоторое потепление, которое выражалось в оживлении контактов. Например, правящий клан ногаев завязал родственные узы с Гераями. Глава Ногайской Орды в 1530-х гг., бий Саид-Ахмед, был женат на дочери хана Сахиб Герая, а мирза Урак б. Алчагир являлся сыном сестры хана. Но эти связи отступали на второй план, когда начинался очередной виток схватки за гегемонию на юге Восточной Европы. Тем более что ко второй половине 1530-х годов ногаи оправились от внутренних смут и предстали перед соседями как мощная политическая сила. Высшие мирзы Ногайской Орды в начале 1530-х годов активно налаживали контакты с Россией и, зная об ее охлаждении к Крыму, пытались уверить Москву в своем антикрымском настрое. Осенью 1532 г. следом за посольством бия Саид-Ахмеда на Мещеру ворвался крымский отряд во главе с Баки-беком (лидером рода крымских мангытов Мансур-улы). Русские, не разобравшись, обвинили ногаев в сговоре с крымцами, но бий объяснил, что Баки увязался за его послами, «и яз его прогонил в Крым, к тебе правды своей для» [Посольские, 1995, с. 95]. В декабре 1535 г. в русскую столицу явились посланцы поволжских мирз и вместе с ними представитель Баки, который в то время уже обретался в Ногайской Орде. На переговорах в Посольском приказе представители мирз – детей Алчагир-бия, Хасан-бия, Шейх-Мухаммед-бия, а также Исмаила б. Мусы и Баки обязались по шерти препятствовать крымским набегам на Русь. Убежденным противником Сахиб Герая объявил себя мирза Хаджи-Мухаммед б. Муса; мирза Кель-Мухаммед б. Алчагир называл Крым своим недругом и действительно посылал к рубежам царства Гераев свои отряды; Исмаил тоже считал себя «ратным» (т. е. находящимся в состоянии войны) с ними. Мирзы обещали информировать партнеров по шер-

ти обо всех намерениях Бахчисарая, надеясь на своих информаторов – «ушников» [Посольские, 1995, с. 133, 135–138, 140, 141]. Вот в такой воинственной компании оказался глава крымских мангытов Баки.

Отчего он поселился у ногаев, понять непросто. Сам хан Сахиб Герай в послании царю рассказывал о задуманной им интриге против своего соперника в династическом споре – Ислям Герая: «Наперед сего брат мои Ислам салтан о юрте со мною ловился и от нас страху имел, да и берегся добре. И яз того для Баки мирзу в Нагаи посылал. А Ислам от нагайские стороны не берегся. И яз ему (Баки. – *В. Т.*) наказал: там буди, посмотри. И наше дело зделали... И он время нашел: пришед с тысячею человек да орду его (Ислям Герая. – *В. Т.*) потоптал, а его убил» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 8, л. 417]. В позднейшей крымской официальной историографии замысел расправы с соперником также приписывался хану, который «заказал убить Ислам Герая своему смелому и отважному племяннику, известному мирзе Баки бегу» [Кырыми, 2018, с. 90].

По версии же ногайского мирзы Кель-Мухаммеда, инициатива убийства Ислям Герая исходила от него; именно по его-де наущению («с моего слова») Баки вместе с братьями мирзы, Джанаем и Усеком, во главе тысячи всадников (цифра совпадает с приведенной в грамоте Сахиб Герая) напал на ставку царевича и «у твоего (Ивана IV. – *В. Т.*) и у нашего недруга голову ссекли – у Ислама» [Посольские, 1995, с. 210]. Учитывая взаимную подозрительность, граничившую с неприязнью, между ханом и Баки, едва ли можно предпочесть объяснение Сахиб Герая. Но вряд ли и ногайские мирзы обладали достаточным авторитетом для мангытского вельможи, чтобы отправить его на убийство хан-заде. Авантюрный и самостоятельный нрав Баки позволяет допустить его собственную инициативу в нападении на Ислям Герая. К тому же при нем постоянно находились триста – четыреста (по другим сведениям, пятьсот – шестьсот) собственных преданных дружинников.

Сахиб Герай не строил иллюзий насчет солидарности с ним ногаев даже после их участия в разгроме его злейшего врага. Набиравшая силу Орда, к тому же принявшая в свою среду ковар-

ного Баки, представлялась ему серьезной угрозой. На пространстве между Днестром и Перекопом круглый год стояли его военные заставы. А когда хан собрался в поход на Молдавию, то приказал срочно воздвигнуть новую крепость, Фарах-Керман, для противостояния возможному нашествию с востока.

Эта крепость не остановила ногаев, и нашествие все-таки состоялось. Еще в начале 1538 г. мирза Хаджи-Мухаммед, один из лидеров поволжских мирз, выражал Ивану IV готовность послать на Крым двадцатитысячное ногайское войско во главе с Али б. Хасаном и еще шестью мирзами, если на то будет желание великого князя. Великий князь отвечал: «Мы того добре хотели» [Посольские, 1995, с. 227]. Когда Сахиб Герай направился в Молдавию, кочевая конница двинулась на Крым и внезапно напала на хана во время переправы того через Днепр. Однако крымцы сумели быстро развернуться и отразить атаку. Не добившись мгновенного успеха и не рискнув вторгаться за Перекоп (путь к перешейку преграждал Фарах-Керман), ногаи столь же стремительно отошли к Волге, а хан продолжил поход.

В 1547 г. Сахиб Герай захватил Хаджи-Тархан, ханствовавший там Ямгурчи бежал. Хан не удовлетворился изгнанием правителя, но предпринял массовый вывод населения в свой юрт. «Людей их и улусов их там не оставили, всех пригнали к себе», – писал он Ивану IV [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 9, л. 57]. Захват нижеволжской столицы и увод народа привел в ярость верхушку Ногайской Орды. Так же, как когда-то после похода Менгли Герая 1509 г. и полонения им ногайских улусов, в конце 1548 или в начале 1549 г. было решено идти на Крым – видимо, не для возмездия за разгром города, а ради возвращения астраханцев. Командовать двенадцатитысячным войском поручили мирзе Али б. Юсуфу. В бою с сорока тысячами крымцев у Перекопа ногаи не смогли выстоять против артиллерийских залпов. С небольшим отрядом мирза бежал, бросив раненых и убитых соратников на поле боя. Многие попали в плен и подверглись жестокому истязаниям. У въезда на Перекопские укрепления хан соорудил две башни из отрубленных голов. Это событие вошло в историю как «Ногайская бойня» (Ногай кыргыны) [Gökbilgin, 1973, p. 29; Tarih 1973, с. 240–246].

Трактовку крымским ханом его отношений с ногаями в тот период трудно назвать адекватной. «Коли есмя Астрахань взяли, – писал он в Москву, – ино нагаиские князи, Ших Мамай князь в головах, и все мирзы нам послушны учинились. Кого мы велим им воевать – и им того воевать, а на кого мы не велим им ходить – и на того не ходят. Так нам послушны и повинны учинились» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 9, л. 57–57 об.]. Эта оценка абсолютно расходилась с реальностью. Поход Али б. Юсуфа полностью опровергал высокомерные утверждения Сахиб Герая. Уже вскоре после взятия им Астрахани ногаи направили в Бахчисарай посла с резким заявлением, в котором, во-первых, обвиняли хана в напрасном разорении города, во-вторых, предъявляли свои права на днепровские степи («Буди тебе ведомо: Днепр... наш коч, твои татаровы по Непру не кочевали») [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 9, л. 53]. Появление территориальных притязаний к Крымскому юрту со стороны заволжской Орды говорит о значительном уже в то время ногайском населении ханства; особенно увеличилось оно в результате переселения астраханских подданных в 1547 г.

Еще более непримиримым стало отношение к Гераю после «Ногайской бойни». На протяжении 1549 г. из степи шли вести, что «с крымским ногаи в великой недружбе», что мирзы возмущены жестокостью хана к пленным и намерены повторить поход, что старший сын Шейх-Мамай Касим принялся ловить на «украинах» Руси мелкие крымские отряды и столь же зверски расправляться с ними.

С одной стороны, ногаи горели жаждой мести, но с другой – получив сокрушительный отпор, опасались задевать Бахчисарай. Они попробовали было найти поддержку у царя Ивана IV. Тот изъявлял солидарность, соболезновал потерям и предлагал мирзам повторить поход «сею зимою» (1549/50 г.), обещая направить свое войско будущим летом. Но от повторного риска мирзы отказались, да и сомневались в искренности царских намерений в период разгорающейся Казанской войны. Они были правы: Иван Васильевич вовсе не собирался начинать боевые действия в южных степях накануне решающей борьбы за Казань. Единственное, чем он реально выразил сочув-

ствие, так это арест в Москве крымского посла и призыв к донским казакам совершить набег на крымские владения.

Не следует думать, будто при враждебности правителей контакты между двумя юртами абсолютно прекратились. От того же 1549 г. сохранилось известие, что сын аталыка (дядьки-воспитателя) бия Юсуфа уехал в Крым «грамоте учиться» [Посольские, 1995, с. 309]; наверняка продолжалась торговля. Но в целом, конечно, связи ослабли.

Кардинальная перемена в ногайско-крымских отношениях наметилась с начала 1551 г. Умершего хана Сахиб Герая сменил Девлет Герай. «Тот недруг от сего прелестного света отшел», – писал о Сахиб Герае бий Юсуф и добавлял, что его преемник «мирен с нами»; «крымсково первово царя не стало, а на его место иной царь учинился. И тот царь с нами в дружбе и в братстве учинился, и послы наши меж нас ходили» [Посольские, 1995, с. 44, 73]. Вскоре Девлет Герай сделал широкий жест примирения, освободив из тюрем и отпустив домой воинов Али-мирзы, плененных в «Ногайской бойне».

Миролюбие хана преследовало глобальные политические цели, о чем свидетельствовало его посольство в ногайскую столицу Сарайчук, в которое входил и представитель османского султана. Новый владелец бахчисарайского дворца желал союза с мусульманскими юртами против России. Крымцы привезли бию Юсуфу и его брату, нурадину¹ Исмаилу, богатые дары, рассыпались перед ними в похвалах и предложили идею антимосковской коалиции: «Мы... отселе поидем (на Русь. – *В. Т.*), а вы бы... оттоле пошли» [Посольские, 1995, с. 56, 73]. Опытные политики, бий и нурадин, крепко задумались, молодые же мирзы с энтузиазмом подхватили затею общего похода. Их привлекала в первую очередь не исламская солидарность, а шанс пограбить «украины». Исмаил решил взять сторону России. Юсуф колебался: его прельщали внимание и личное обращение султана, но и беспокоила смутная перспектива смены давнего политического партнера, русского царя, на владыку Крыма.

Через год Девлет Герай обратился к бию с тем

¹ Нурадин – второе лицо после бия в Ногайской Орде; начальник правого крыла ногайского войска и наместник поволжских кочевий.

же предложением, но тот все не мог решиться на выбор. Исмаил уже давно сотрудничал и переписывался с Москвой, а мирза Касим б. Шейх-Мамай, видимо, не доверяя разительным переменам в отношении крымцев к ногаям, по-прежнему продолжал считать их врагами. Летом 1552 г. крымское войско обрушилось на русские границы, осадило Тулу, но ногаи так и не сдвинулись с места. Полноценной коалиции не получилось.

Посланцы из Бахчисарая побывали в Сарайчуке и в 1553 г. Наконец Юсуф – теперь уже напуганный и озлобленный падением Казани – решил было на выступление против России. Но пошел на попятную, столкнувшись с противодействием своего брата Исмаила. Исмаил же рьяно подталкивал царя на продолжение экспансии. Он пытался убедить Ивана IV кроме наступления на Астрахань начать войну с Девлет Гераем. Царь не отказывался и не соглашался (на первом месте для него теперь стоял Астраханский юрт), но лишь вежливо интересовался деталями: как, по мнению нурадина, «нам над крымским своим делом промышляти и как иных себе прибытков (т. е. территориальных приращений. – *В. Т.*) искати» [Посольские, 1995, с. 122].

Московские политики посчитали, что раз у мирзы такое воинственное настроение, то пусть он сам и бьется с Гераем. В феврале 1554 г. Исмаилу было предложено дожидаться, когда хан отправится воевать на Кавказ («к Шамахе»), и напасть на него по дороге или же, пока он отсутствует, непосредственно на Крым. Нурадину пытались расписать все выгоды этой авантюры: он разживется, дескать, большим полоном – женщинами и детьми, оставшимися в ханстве, а за ними следом в улусы Исмаила потянется множество народа, отцы и мужья полоненных; таким-то вот путем Крым обезлюдеет, «а царю против тебя стояти будет нелзе» [Посольские, 1995, с. 144].

Исмаил, разумеется, отверг перспективу воевать с Девлет Гераем в одиночку. Осторожность русских в проектах наступления на Крым побудила его изменить тактику по отношению к «Тахтамышеву цареву юрту». Он не просто решил подружиться с ханом, но и предложил ему направить друг к другу на проживание своих сыновей в залог дружбы («детми промеж себя менятца») [Посольские, 1995, с. 154]. Однако начавшаяся

среди ногаев очередная смута надолго отвлекла Исмаила от этих мирных планов.

Девлет Герай не принял заметного участия в этой смуте. В основном его роль выражалась в предоставлении кочевий для жителей Ногайской Орды, бежавших от голода и усобиц. Хан был рад пополнению из рядовых степняков, «улусных людей», но очень ревниво и избирательно относился к мирзам. Некоторых он грабил и изгонял из своего юрта. Сыновей Исмаила Динбая и Кутлугбая, потомков Саид-Ахмед-бия, девятерых «Уразлыевых детей» хан принял сначала доброжелательно. Из крымцев и пришлых ногаев в 1559 г. была сформирована стотысячная армия для похода на Русь. Однако, разведав сильную оборону на границах и готовность Ивана IV и воевод отразить нашествие, Девлет Герай раздумал воевать. Мирзы были выдворены за пределы Крымского юрта и сочли за лучшее, вернувшись на родину, подчиниться Исмаилу, сменившему Юсуфа во главе Орды.

В целом же Девлет Герай и Исмаил смотрели друг на друга как на противников. Ногаи расценивались в Крыму как «давние неприятели» [Книга посольская, 1843, с. 202], а их бий Исмаил в каждой своей шерти царю клялся или воевать с ханом, или хотя бы «быти не в миру» и поддерживать любые антикрымские акции Москвы.

Девлет Герай предоставлял пушки противникам Исмаила – сыновьям свергнутого и убитого им бия Юсуфа и бежавшему от русских астраханскому хану Ямгурчи, направляя мирз-Юсуфовичей на Астрахань. Исмаил тоже не оставался в долгу. Ногайская Орда при нем продолжала принимать татарскую оппозицию, недовольную режимом в Крыму. В разное время за Волгу бежали ширинский мирза Мамашай б. Агиш, царевич Тохтамыш б. Шейх-Аулиар, замышлявший убийство хана, и др. Бий полагал, что против Девлета Герая настроены многие аристократы, и писал Ивану IV, что если тот выдаст ногаям плененного русскими казанского хана Утемиш Герая (Александра Сафакиреевича), то они нападут на Крым «и крымские карачеи и князи к нам передадутца, чаем», и посадят в Бахчисарае Утемиша [Посольские, 2006, с. 215].

В конце 1550-х годов активизировались военные действия России против Крыма. В

степь на татар не раз выступали отряды князя Д.И.Вишневецкого. Кремль понемногу разворачивал экспансию на юг и пытался привлечь в помощники ногайского бия. Включиться в эту кампанию тот смог, лишь утвердившись у власти, с конца 1550-х годов.

Уже в 1559 г. Исмаил послал на Крым своего сына Динбая и племянника Белек-Пулада. Они успешно воевали с татарами, разбили во встречном бою калгу Мухаммед Герая и увели за Волгу многочисленные ногайские улусы, некогда бежавшие из Орды, охваченной смутой. Вскоре после этого, зимой 1559/60 г., совершили набег «Уразлыевы дети», но мало преуспели: крымцы заперлись за Перекопом, а кочевья крымских ногаев оказались в ту пору «все забиты за Днепр, на Литовскую сторону (Днепра. – В. Т.)» [Летописец русский, 1895, с. 137, 138; ПСРЛ, 2000, ч. 1, с. 326]. Оба похода прошли на удивление бескровно для ногаев. С Крымской стороны Волги безнаказанно пригоняли огромные трофейные табуны и полон. Аппетит у Исмаила разыгрался, он стал выказывать намерение «и зиме и лете на Крым... воиною посылати» [Посольские, 2006, с. 297]. Летом 1560 г. он отправил своего сына Уруса с двухтысячным войском в новый набег. Но тот вернулся с полпути, потому что был вовремя обнаружен противником и уже не мог рассчитывать на обычную для ногаев внезапность.

Эта неудача не охладила бы бия, если бы не произошли изменения в российской внешней политике. Во-первых, Иван IV начал в 1558 г. Ливонскую войну и надолго отошел от крымских дел; во-вторых, ужесточились конфликты ногаев с астраханскими воеводами. Неожиданно оставшись без активной помощи своего главного союзника, Исмаил начал нащупывать почву для замирения с Бахчисараем. Кремлевский двор тут же заверил его в своем расположении, неудобный ногаям воевода И. Выродков был смещен – и Исмаил отказался от своих планов: в конце жизни, в 1563 г., он по-прежнему считал Девлет Герая одним из двух своих главных врагов (наряду с основателем Малой Ногайской Орды мирзой Гази б. Ураком) и просил для борьбы с ним пороху, пушек и пушкарей.

Следующий ногайский бий, Дин-Ахмед (1563–1578), в начале своего правления по-

пытался сблизиться с Крымом. Вскоре после «вокняжения» он направил в Бахчисарай посольство, которое огласило авантюрную идею захвата Астрахани. По сообщению посла в Крыму А. Нагого, осенью 1565 г. прибывшие ногаи предложили хану дружить не с Иваном IV, а с Дин-Ахмедом. В качестве материального воплощения дружбы последний предлагал следующее: «Пошел бы царь к Асторохани с своей стороны, а он (Дин-Ахмед. – В. Т.) ... к Астрахани поидет с своей стороны. И мне (Дин-Ахмеду. – В. Т.) ... в Асторохани поверят и в город меня пустят, и яз... тебе (хану. – В. Т.) Асторохань однолично возму». Другой информатор рассказал Нагому, что Девлет Гераю предлагалось воевать не только Астрахань, но и Казань. Хан взял с собой ногайских послов в набег на «украины», а по возвращении отпустил домой в сопровождении своего представителя [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 12, л. 60, 60 об., 71].

Через год, в сентябре 1566 г., последний вернулся от бия с другим его посольством. Оно заявило о готовности Дин-Ахмеда и мирз быть в распоряжении крымского властителя, «где нам велишь служить», а самое главное – объяснило причины столь внезапной активности ногайской внешней политики на крымском направлении: «Преж сего отец их (Дин-Ахмеда с братьями, т. е. Исмаил. – В. Т.) был в дружбе с московским государем и хотел... на себя крест положить. А мы... от бусурманские веры отступить не хотим и хотим... служить тебе. И ты б... нас жаловал по тому ж, как жалуешь брата нашего Казыя мурзу» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 12, л. 343 об.].

Дело в том, что бий Исмаил в конце жизни фактически разорвал отношения или рассорился почти со всеми тюркскими государями. Его политическая изоляция компенсировалась российским покровительством и щедрым жалованьем из Москвы. Наследников Исмаила не удовлетворяло положение изгоев в мусульманском мире. Поэтому они и принялись налаживать контакты с наиболее могущественным татарским правителем, предлагая ему заманчивую, с их точки зрения, идею отвоевания Нижнего Поволжья.

Кроме того, зависимость Больших Ногаев² от

² С 1560-х гг. заволжская Ногайская Орда получает в источниках дополнительное наименование «Большой» (Большие Ногаи).

России объяснялась опустошением их державы в период Смуты. Распри, голод и мор фатально ослабили кочевников и заставили их безропотно принять помощь и зависимость от богатого Московского царства. Но к концу 1560-х годов Орда значительно окрепла и сплотилась, и ее предводители стали тяготиться экономической и политической зависимостью от царя. Делегация мятежных черемисов в Бахчисарае в марте 1567 г. откровенно, от имени Дин-Ахмеда, разъяснила это хану: «Дотолева... есмь были наги и бесконны, и мы дружили царю и великому князю, а ныне... есмь коны и одены», и как доказательство восстановления своей мощи ногаи предлагали крымцам поддержать антироссийский заговор в Казанской земле, отправить туда войско и рассчитывать на помощь из-за Волги [Посольская книга, 2016, с. 88].

В то время Девлет Герай, очевидно, еще не собирался идти на Астрахань, отвоевывать же Казанский юрт у него и в мыслях не было. Поэтому авантюрные инициативы Дин-Ахмеда он обходил молчанием. Тогда тот заявил о своей готовности участвовать в набегах крымских отрядов на русское пограничье, а также предложил скрепить союз браком своей дочери с ханским сыном Алп Гераем.

Правитель Бахчисарая сначала вовсе не намеревался раскрывать объятия степному бию. В фактическом подчинении у хана находилась конница Малых Ногаев, и он считал ее достаточной для решения своих внешних задач. Что же до назойливых предложений из Сарайчука о дружбе и о всяческих военных аферах, то истинная реакция проступает в его предложении турецкому наместнику Кафы (со слов местного толмача А. Нагому): «А нагайских бы... мурз, Тинехмата князя з братьею, нам, к себе приманив, на побитии, а на Нагаех бы учинити на болшом княженье Казыя мурзу, [потому] что он нам верен» [Посольская книга, 2016, с. 175].

Не чувствуя ответного стремления к сотрудуничеству, Дин-Ахмед расстался со своими надеждами на хана.

Таким образом, к концу 1560-х годов ногайско-крымские отношения были омрачены грузом старинных обид. Тем не менее, когда в Стамбуле и Бахчисарае начали разрабатывать планы похо-

да на Астрахань, там учитывали возможность помощи и со стороны ногаев. К этому располагали союзнические настроения некоторых мирз. Последние были в курсе крымских и османских военных приготовлений и не желали оставаться в стороне от решающих событий.

Московский посол в Стамбуле И. П. Новосильцев собрал вести и слухи о реваншистских проектах «бусурман» и добросовестно пересказал их в своем статейном списке. Так, на обратном пути из-за моря на Русь от одного азовского жителя он узнал, что «нагайские мурзы присылали из Нагаи послов х Казы-мирзе (Гази б. Ураку, главе Малых Ногаев. – В. Т.) да х крымскому, чтоб они пошли к Асторохани в осень, как лед станет, и мы деи ваших воинских людей прокормим и Астрахань возьмем». Ближайшей осенью хан и Гази готовы, дескать, двинуться к Волге, «а с ними нагаи». Для России же распространяется дезинформация об уходе крымской армии «на литовского» [Записки, 1988, с. 218; Путешествия, 1954, с. 97, 98].

О том же ногайском посольстве в Бахчисарае рассказывал Новосильцеву русский полоняник в Крыму: «Нагаи присылали х крымскому, чтоб деи он пошел под Асторохань, как лед станет, и приказывали... к нему: мы деи тебя и твоих людей прокормим и Асторохань возьмем». Девлет Герай согласился и направил своих послов «в Нагаи», причем главным адресатом ногайских предложений были не крымцы, а османы в лице кафинского санджакбея Касима. Именно в Кафу от них «была кличь крымским татаром, чтоб лошади кормили и готовы были на службу в осень, как лед станет» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, д. 2, л. 47 об. – 48 об.]. Один из подчиненных санджакбея подтвердил, что «присылал... х Касиму из нагаи Урус мирза да азтороханцы и велели ему идти к Азторохани, и Азторохань деи возьмем... А за кем деи будет Азторохань, и мы (Большие Ногаи. – В. Т.) того ж будем» [Записки, 1988, с. 207; Путешествия, 1954, с. 85; РГАДА, ф. 89, оп. 1, д. 2, л. 108].

Паша Касим ухватился за негаданное пособничество. Он как глава султанской армии, снаряжавшейся в Нижнее Поволжье, послал союзникам жалованье и приказал им приходить под Астрахань со скотом, когда крымско-османская конница приблизится к ней.

Российское правительство находилось в кур-

се замыслов нурадина и загодя приняло превентивные меры. В целом оно в то время могло полагаться на верность бия Дин-Ахмеда шертным договорам. Поэтому в наказе Новосильцеву, составленном перед его отъездом к султану, был заготовлен ответ на возможное утверждение турок, будто «Тинехмат князь и иные мурзы к [Касим-] паше и х крымскому царю присылали послов своих, а государю царю и великому князю учинились непослушны»: «То слово ложное. Тинехмату князю и иным мурзам толко от государя нашего... отстати, и Нагаиской Орде всеи быти от государя нашего разореной» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, д. 2, л. 25]. И в самом деле, участие Дин-Ахмеда в подготовке астраханской кампании незаметно, чего нельзя сказать о его брате Урусе.

Как известно, поход на Астрахань в 1569 г. закончился бесславно. Турки и крымцы не решились штурмовать город и, постояв лагерем под его стенами, отправились обратно. Во время этой быстротечной авантюры ногаи и приастрханские кочевники, выполняя уговор, «присылали с кормы. А толко б... к туркам они корму не присылали, – рассуждал Иван Новосильцев, – и многим было з голоду у Азторохани померети и не отоити прочь». Помощь продовольствием явно шла от нурадина. Дин-Ахмед не только не присоединился к Касим-паше, но и послал своих людей добывать языков. «Тинехматовы татарове» захватили пятерых турок и доставили их воеводам, «дружачи царю московскому». Пленных удалось вернуть лишь после того, как османский военачальник отписал об этом Урусу и тот «у азтороханцев тех турок выбаял» [Записки, 1988, с. 207; Путешествия, 1954, с. 85; РГАДА, ф. 89, оп. 1, д. 2, л. 108 об.]. Но никакого участия в военных действиях Урус не принял, оставив себе функции интенданта армии вторжения.

Бий же практически не проявил себя осенью 1569 г. Здесь сказала не только верность шертям, заключенным с Москвой, но и особенности ногайско-крымских отношений. 29 ноября 1569 г. послу в Бахчисарае А. Нагому русские гонцы, побывавшие в Астрахани как раз во время похода Касим-паши, рассказали, что Дин-Ахмед имел свои расчеты на случай взятия ее мусульманами. Глава Большой Ногайской Орды намеревался «датца на душу турскому» – и только ему.

О какой-либо подчиненности Девлет Гераю не могло быть и речи: «А крымскому... царю верить немочно, потому что многие нагайские мурзы побиты от крымских царей, а крымские цари и царевичи побиты от нагайских князей и мурз». Когда в турецко-крымский походный стан пришла весть о том, будто к Волге явился союзник Касима Урус, а следом якобы ожидается Дин-Ахмед, в шатре у Девлет Герая собрался совет. Беки, шейхи и мирзы Крымского юрта тоже не испытывали приязни к ногаем и припомнили, «каким обычаем под Астороханью нагайские мурзы убили Магмет Герая царя и сына его Богатырь салтана и иных царевичев (в 1523 г. – В. Т.); и против... тебе (Девлет Герая. – В. Т.) стоит Тинехмат князь и все мурзы нагайские. А за хрептом у тебя Казы мурза з братьею (т. е. Малые Ногаи). А ты... у них побил их руду (роду? народу? – В. Т.) неколко, и ты... их себе ставишь – доброхоты ли?!» [Посольская книга, 2016, с. 238].

Очевидно, верно мнение П. А. Садикова о том, что ногаи, может быть, и согласились бы на зависимость от султана, но только не от крымского хана. Даже если и считать приведенный выше рассказ сильно приукрашенным информаторами Нагого, все равно он ярко рисует взаимоотношения ногаев и крымцев во время астраханской кампании 1569 г. [Садиков, 1947, с. 149].

Вскоре после отхода крымско-турецкого войска от Астрахани бий прислал Девлет Гераю отказ выдать дочь за царевича Алп Герая, «потому что... прежних наших дочери за крымскими цари и царевичи были безчестны, держите их за кума место». Бросив этот упрек (оснований для которого не находится в известных источниках), он раздраженно выдвинул еще и следующие претензии: «Да ты же... к нам пишешь ерлыки новым обрасцом, а печать... свою прикладываешь на лице, и ты бы... вперед то отставил!» [Посольская книга, 2016а, с. 65]. Не совсем ясен смысл этого неудовольствия, но понятно, что глава ногаев усмотрел в ханских обращениях недостаток должного уважения к себе.

На короткий срок обе стороны обиженно замолчали. И вдруг в 1571 г. Девлет Герая как будто очнулся. В Сарайчук поехали его послы с повторным предложением династического брака и

– главное – «Тинехмата князя и мурз подымати на государя московского» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, д. 2, л. 213 об., 214]. Эта активность была связана с разработанным в Крыму и в Турции планом большого нашествия на Россию. Шел поиск союзников, и хан решил, оставив прежние размолвки, обратиться к заволжским степнякам. Их предполагалось привлечь в состав коалиционного войска для нападения на Москву, а также предложить им самостоятельно захватить Астрахань.

Дин-Ахмед все-таки согласился на брак дочери с Алп Гераем, не вспомнив на сей раз о «бесчестии» ее предшественниц в Крыму (впрочем, и на этот раз свадьба не состоялась), но теперь ставил непереносимое условие своего участия в походах: «Толко... турецкой и крымской царь дадут нам жалованья болши московского государя, и мы... с турецким и с крымским царем на московского государя заодин станем промышляти; а взяв Асторохань, отдадим турецкому. А толко... дадут нам жалованья менши московского государя, и мы... с ними на московского государя не станем. Про што... нам у себя жалованья потерять?!» Ногаев тут же заверили, что им дадут «жалованья перед московским государем вдвое» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, д. 2, л. 214–215].

Судя по известиям о походах татар на Москву 1571 и 1572 гг., бия удалось уговорить. В армии Девлет Герая были ногаи и крымские, и Малые, и Большие [ПСРЛ, 1968, с. 140]. Г. Штаден свидетельствует, что под Москвой в 1571 г. было тридцать тысяч всадников-ногаев [Штаден, 1925, с. 61, 62, 116]. Это число совпадает с данными Посольского приказа: пятнадцать тысяч из улусов нурадина Уруса и столько же от Ураз-Мухаммеда и других мирз [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 10, л. 64, 64 об.]. За сожжением Москвы в 1571 г. последовал повторный поход хана в 1572 г., завершившийся страшной сечей на Молодях и отступлением крымской армии.

Итоги двухлетней кампании оставили Больших Ногаев крайне неудовлетворенными. Тот же Штаден пишет, что «нагаи, которые были в войске (крымского. – В. Т.) царя, были недовольны тем, что добыча поделена не поровну, потому что они помогали царю жечь Москву» [Штаден, 1925, с. 112]. Триумфальное для хана завершение

первого похода 1571 г. побудило бия направить на Русь уже свои собственные отряды. Когда они, побитые под Москвой, разбрелись по улусам, астраханские служилые казаки разгромили Сарайчук.

В Бахчисарай срочно полетела депеша с призывом о помощи. Но, расстроенный крахом своих и султановых замыслов одоления России, Девлет Герай не желал более иметь дела с ногаями. «Ногаи... меня оманывают», – заявил он бекам на совете [Посольская книга, 2016а, с. 197]. Не получив подмоги, бий разразился горькими упреками: «Ты к Москве ходил, и ты... лише полону жаден, а у нас... у самих жены и дети в полон поймали московской царь и юрты наши пожег. Толко ты нас стравил с московским царем, а нынече... нам пристанища нигде нет. А ведь... ты тем нас подбаел на Московское царство, что ты сказывал: Москву взял, а едешь на Москву на царство – и мы... за то с тобою и ходили» [Посольская книга, 2016а, с. 197].

С тех пор Дин-Ахмед надолго разочаровался в союзе с крымцами и не желал участвовать в их военных предприятиях. Осенью 1575 г. Девлет Герай попытался привлечь его к походу в польско-литовские владения, «и мы де вашу правду тут и увидим», т. е. если бий пришлет свои войска [Посольская книга, 2016а, с. 207]. Бий не прислал. Преемник Девлет Герая, Мухаммед Герай II, неоднократно направлял за Волгу посольства и пытался возобновить переговоры о сватовстве; Дин-Ахмед оставлял эти обращения без ответа. Наконец, когда хан уже успел разочароваться в перспективе налаживания добрососедства с Большими Ногаями, Дин-Ахмед, подавленный беспрестанными нападениями волжских казаков, сам заговорил о дружбе. В марте 1578 г. его послы предложили Мухаммеду Гераю вместе с ногаями воевать «украины» и обменяться в знак союза сыновьями «в заклад». Хан злобно отрезал: «Нагаем... верити нечему: что они ни говорят – то лжют!» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 168 об., 169].

Новый ногайский бий Урус (1578–1590) подвергся усиленному пропагандистскому нажиму со стороны Бахчисарая. Тем не менее и он не оправдал надежд крымцев. Урус чувствовал угро-

зу со стороны казаков, которые начали селиться на Яике, и поначалу считал единственным средством противодействия им хотя бы видимость дружбы с царем. Поэтому в первых же своих посланиях в Москву он заявил о верности шертным договоренностям, «докуды от тебя лиха не увижу», и о несогласии с многочисленными предложениями крымского монарха воевать с Москвой [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 8, л. 230об. – 231об.]. Хотя Гераев в конце 1570-х годов больше волновали не стычки с русскими, а неудачная война с Ираном. И именно к совместным сражениям с кызылбашами (персами) безуспешно пытались они склонить Больших Ногаев.

Утверждение «крымский мне недруг» можно расценивать как официальную внешнеполитическую линию ногаев до середины 1580-х годов. В ее русле вели себя и многие мирзы, ориентируясь на своего предводителя. «Брат мои Урус князь к недругу твоему, х крымскому царю, посла не посылает, а я ж потому с крымским царем не говорю», – писал Ивану IV в 1579 г. Ак б. Шейх-Мамай [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 8, л. 36об.].

Вместе с тем истинная картина оказывалась более сложной. Уже в 1578 г., в начале правления Уруса, сами ногаи говорили русским, будто «Урус князь и (нурадин. – В. Т.) Тинбай мурза и все нагаиские мурзы со государем не прямо живут, а сего деи лета в Крыме было нагаиских людей от двух третей ото князя и ото всех мирз» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 8, л. 347об.]. В Москве, конечно, знали об антироссийских настроениях бия и об участии Больших Ногаев в набегах на русское пограничье. Урус опасался пока разрыва с царем и оправдывался то самовольными действиями мирз, то разбоями тех ногаев, что мигрировали на Крымскую сторону Волги.

Однако отношения с Россией ухудшались, и в начале 1585 г. Урус и нурадин Динбай прислали гонцов к хану Исляму Гераю с предложениями о дружбе и ссылке «по-прежнему», а также о совместных походах на Россию и Речь Посполиту. Не смущаясь отсутствием логики, они тут же просили хана обратиться к Ивану IV с просьбой утихомирить казаков и повелеть им убраться с Волги и Яика. Хан был рад возобновлению контактов с Ордой и воспринял все эти предложения

благосклонно [РГАДА, ф. 89, оп. 1, д. 2, л. 404, 405 об.; ф. 123, оп. 1, д. 16, л. 11]. Через год обе державы скрепили союз женитьбой Ислям Герая на дочери Уруса и выплатой последнему богатого калыма. Уже велись переговоры об ударе с двух сторон по казыевцам, но вскоре верхушке Крымского юрта стало не до ногаев: там разразился очередной династический кризис.

Теряющий свое влияние и территории Урус был вынужден восстановить сотрудничество с Москвой. Он прикочевал для шертования к Астрахани и выдал воеводам и крымскому царевичу-эмигранту Мурад Гераю двух обретавшихся у него посланцев Ислям Герая. Этот шаг, с его точки зрения, должен был продемонстрировать царю его решимость к союзу: «А такое дело искони не бывало, что послов выдавати. И то дело яз для тебя зделал. Такова дела ни отец мои Исмаил князь, ни брат мои Тинахамат князь не дельвали» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1587 г., д. 5, л. 20]. После заключения шерты Урус выразил готовность не только не общаться более с Бахчисараем, но и воевать с ним (при этом учредить заставы на Тереке, не пропуская крымскую армию к персидским владениям на Кавказе). Сыновья бия действительно стали совершать набеги в причерноморские степи; хан Гази Герай в ответ посылал войска на улусы Больших Ногаев на Крымской стороне, да еще поднимал на них Ногаев Малых. В этих стычках погибли сын Уруса Саты и сам бий Урус.

Крымские государи первой трети XVII в. Селямет Герай и Джанибек Герай не смогли преодолеть традиционных предубеждений и подозрительности по отношению к Большим Ногаям. Заволжские номады тоже не изменили давней неприязни к крымцам. Однако обстоятельства порой складывались так, что двум юртам приходилось завязывать тесные контакты, диктуемые политической обстановкой, все более критической для ногаев. Вооруженных конфликтов между ними почти не было, но и союза не получалось, хотя бий Иштерек в 1613 г. выдал дочь за Джанибек Герая. Лишь изредка улусные ополчения присоединялись к ханским войскам ради добычи в походах на Украину или горцев.

Когда Иштерек в период русской Смуты начала XVII в. решил разорвать свои шертные обя-

зательства перед Москвой, он предпочел искать покровительства у султана, чем вызвал резкое недовольство бахчисарайского двора – посредника Порты в делах Дешт-и-Кипчака. Хан гневался, что принятием от падишаха знамени-санджака (символа власти) бий его «кабы поставил ни во что». Иштерек же в ответ на это возмущение и угрозы войны заявлял: «Турской царь великой, и (бий. – В. Т.) под его рукою быть хочет... А крымской царь мой ж брат и на Крыме посажен от турского» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1614 г., д. 3, л. 64, 65]. Крымские отряды начали набеги на правобережные кочевья ногаев. Это послужило одной из причин возвращения Иштерека под покровительство России. Посольский приказ был в курсе напряженности в отношениях между Крымом и Большими Ногаями, и на него не производил впечатления наивный шантаж их лидера о готовности Джанибек Герая якобы защищать его от внешних вторжений, о его намерении дать бию город Гёзлев, «чтоб мне с ним (ханом. – В. Т.) быти» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1616 г., д. 2, л. 2, 3, 9, 10; 1617 г., д. 2, л. 20, 21]. Конечно, тот не собирался уступать заволжскому правителю крупнейшую крепость юрта. Но внимание к положению в Ногайской Орде проявлял постоянно.

Одним из знаков такого внимания была попытка утвердить мирзу Кара Кель-Мухаммеда на бийский пост, вакантный после смерти Иштерека в 1619 г. Верховные иерархи ногаев не желали ни в малейшей степени зависеть от Гераев и, чувствуя за собой поддержку царя и воевод, осмеливались на вооруженные вторжения в Причерноморье, доходя иногда до Перекопа. Некоторые мирзы включились в династическую интригу, развязанную царевичем Шахин Гераем. Но большинство их в 1620-х годах уже начало автономное существование, и их политическая ориентация все более зависела не от общих интересов Орды, а от групповых устремлений враждующих кланов мирз Урмаметевых, Тинмаметевых и др. Они переходили на Крымскую сторону Волги и вливались там в число ханских подданных. Уже в 1628 г. Джанибек Герай имел основания утверждать, что взял под покровительство ногайский народ [Материалы, 1864, с. 39]. Наверное, самое массовое переселение произошло осенью 1636 г., когда много-

тысячные улусы Урмаметевых, ведомые крымским калгой Хусам Гераем, двинулись на запад через Дон.

В дальнейшем остатки жителей Ногайской Орды по большей части влились в состав населения Крымского ханства или Малых Ногаев, кочуя по всей огромной степной полосе между Волгой и Дунаем.

Заслуживает особого упоминания враждебность крымских мангытов, возглавлявшихся кланом Мансур-улы, к их заволжскими соплеменникам – ногаям. Корни этой вражды просматриваются с конца XV в. Неприязнь к Мангытскому юрту отразилась уже в сочинении поэта Шал-Кийиза Тиленши-улы, состоявшего при дворе Тимура б. Мансура, беклербека при хане Большой Орды Ахмеде: «Когда смотрю на свою Десятиудельную ногайскую родину, Вижу ненавистного Окас (Ваккас. – В. Т.)-мирзу, Ненавистники-злодеи, Собравшись, что-то замышляют. И вижу, как этот несчастный мир Опрокинулся в омут» (цит. по [Сикалиев, 1994, с. 51]). Следовательно, тогдашний глава восточных ман-

гытов Ваккас представлял существенную угрозу для сарайских ханов. Он умер насильственной смертью. Польский хронист Матвей Меховский записал, что «Оккас, выдающийся воин и слуга великого хана... был убит» [Матвей Меховский, 1936, с. 92–93, 171]. По сведениям Утемиш-хаджи, убийство совершили сыновья Мансура – Тимур и Дин-Суфи [Утемиш-хаджи 2017, с. 62] (впрочем, это не единственная версия тех событий, встречающаяся в источниках). То есть между двумя ответвлениями дома Эдиге – Нурадиновичами и Мансуровичами – по не вполне ясным причинам возникло противостояние. В таком случае становятся понятными возражения ногайского мирзы Джаббар-Мухаммеда в 1639 г. против ухода его сыновей в Крым (где базировался могущественный мангытский клан Мансур-улы): «А... Мансуровы дети... коли нам друзья бывали? От семи наших отцов крововые наши недруги» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1639 г., д. 1, л. 97]. Можно полагать, что поводом для этой двухсотлетней кровной вражды послужила расправа сыновей Мансура над Ваккасом в конце 1440-х годов.

6.3. Крымско-русские отношения в XVI в.

А. В. Виноградов

Отношения с Крымом являлись важной составляющей внешней политики Русского государства с последней четверти XV столетия. Первоначально эти отношения носили характер военно-политического союза, однако он не имел долговременной перспективы. Интересы Крымского ханства, выступавшего в качестве основного претендента на собирание «осколков» Золотой Орды, то есть на господство в западной части Дешт-и-Кипчака, и Русского государства, утверждавшего свое господство в том же регионе, неизбежно должны были прийти в столкновение. После ухода в начале XVI в. с исторической арены основного общего геополитического противника – Большой Орды наступил период русско-крымской конфронтации, продолжавшийся в разных формах почти три столетия. Конфронтация нарастала постепенно, но приняла острые формы в начале 20-х гг. XVI в. Это был период

наибольшего усиления Крыма, апофеозом которого стал кратковременный захват Астрахани ханом Мухаммед Гераем I.

В дальнейшем на протяжении всего XVI в. всплески военно-политической активности Крыма сменялись периодами ее спада, что было связано как с внутривосточной нестабильностью, так и с политикой Порты, в орбите политического влияния которой Крым находился с 70-х гг. XV в. Тем не менее при всех поворотах крымской политики отношения с Русским государством оставались неизменно враждебными. Намечавшееся время от времени сближение сторон не носило долговременного характера, а было продиктовано складывающейся в тот момент в Восточной Европе геополитической ситуацией.

Прежде всего для Русского государства Крым являлся фактором перманентной военной угрозы, поскольку Крымское ханство на протяжении

всего XVI в. проводило политику так называемой «набеговой агрессии» [Виноградов, Санин, 2010]. Это выражалось в практически ежегодных крымских нападениях на южные территории Русского государства. Нападения имели целью захват военной добычи, в первую очередь «полоняников», доходы от торговли которыми являлись одним из средств существования крымских татар. При этом формально между двумя государствами сохранялись «мирные» отношения и осуществлялись регулярные дипломатические связи. Это объяснялось тем, что помимо военной добычи вторым источником доходов и для крымских ханов из династии Гераев, и для всей крымской знати являлось регулярное поступление из Москвы так называемых «поминок» и «жалований» – формально добровольных «посольских даров» и «жалований за службу». Они имели своей целью установление «доброго дела» между двумя государствами, что выражалось в присылке денег, оружия, доспехов, драгоценностей и особенно шуб в качестве компенсации за отказ от крупномасштабных нападений и удержание подданных от самостоятельных набегов (так называемых беш-башей) на Русское государство. Интенсивность нападений была различной и зависела как от изменений в системе межгосударственных отношений в Восточной Европе, так и от многочисленных династических кризисов в Крыму. Большинство крымских нападений осуществлялось в периоды многочисленных русско-литовских, затем русско-польско-литовских войн XV–XVII вв. Между Крымом и Польско-Литовским государством (с 1569 г. – Речь Посполитая) с начала XVI в. существовали союзнические отношения, что не исключало крымских нападений на польско-литовские «украины». При этом отказ от нападений на Польско-Литовское государство обуславливался присылкой польскими королями крымским ханам «упоминок» – «добровольных посольских даров», аналогичных присылаемым из Москвы. По определению С. М. Соловьева, речь шла о своеобразном «крымском аукционе». Предполагалось, что хан пойдет на ту страну, которая пришлет меньшее количество «подарков».

С 20-х гг. XVI в. Крым стал проявлять беспокойство из-за усиления позиций Москвы в Восточной Европе, поэтому наряду с ежегодными

нападениями начались крупноформатные походы во главе с правящими ханами в центральные области Русского государства с требованиями материального (резкое увеличение «поминок») и политического (отказ от борьбы за установление политического контроля над Казанью и Астраханью) характера. Это были походы 1521, 1541, 1552 гг.

Следует подчеркнуть, что реальной целью крымских походов в течение XVI столетия было не «установление нового ига» – полного политического контроля над Русским государством, а водворение представителей династии Гераев в Астрахани и Казани (Гераи имели неоспоримые династические права на оба этих «юрта»). Таким образом, Крым претендовал на роль «законного наследника» Золотой Орды, что влекло за собой резкое увеличение «материальных требований» к Москве уже не в форме «добровольных посольских даров», а ежегодной присылки так называемых «запросных денег», по оценке русских дипломатических представителей в Крыму – фактического ордынского «выхода». По мере усиления Русского государства возростала заинтересованность Османской империи в крымских нападениях на Россию как в основной форме военно-политического давления. С возобновлением в начале 60-х гг. XVI в. в ходе Ливонской войны открытой военной конфронтации между Русским и Польско-Литовским государствами произошла активизация усилий польско-литовской дипломатии по ориентированию крымских нападений на Россию. Тем не менее обострение русско-крымской конфронтации с 50-х гг. XVI в. было вызвано прежде всего геополитическими причинами – переходом под контроль Москвы Среднего и Нижнего Поволжья, что повлекло за собой резкое усиление русских позиций в западной части Дешт-и-Кипчака.

В целом первая половина XVI в. ознаменовалась неуклонным ростом крымских нападений на Русское государство. Регулярные набеги начались в последние годы третьего правления хана Менгли Герая I (1478/9–1515 гг.) и были связаны с изменением геополитической ситуации в Восточной Европе: окончательным падением Большой Орды и обозначившимся стремлением хана к захвату Астраханского ханства, что вело

к постепенному отказу от добрососедских отношений с Москвой. Первый крымский набег на южные области Русского государства состоялся летом 1507 г. В 1512 г. произошло первое крупноформатное нападение под предводительством ханских сыновей, затронувшее практически весь юг Русского государства (города Белёв, Брянск, Воротынский, Одоев, Путивль, Рязань, Стародуб).

В правление Мухаммед Герая I (1515–1521 гг.), после непродолжительного периода относительно мирных отношений с Москвой (до 1520 г.), крымские нападения возобновились. Толчком к конфронтации стал отказ Москвы поддержать планы хана по захвату Астраханского ханства и водворению Гераев на казанском престоле. В 1520 г. Мухаммед Герай I заключил союзный договор с Великим княжеством Литовским и Польшей. В 1521 г., после водворения брата Мухаммед Герая I Сахиб Герая на казанском престоле, последовал грандиозный крымский поход на Москву с участием казанцев, так называемый «крымский смерч», который привел к разорению центральных областей Русского государства (в том числе посадов Тулы, Коломны и других). Татары, преодолев Оку, не дошли около 2 км до Москвы и, разорив село Воробьево (резиденцию великого князя московского), повернули назад. Мухаммед Герай I предъявил Василию III ультиматум, содержащий требования не только ежегодной присылки «поминок» как фактического ордынского «выхода», но и согласия на подчинение Крыму Казанского и Астраханского ханств. В 1522–1523 гг. Мухаммед Герай I захватил Хаджи-Тархан, но это привело к образованию антикрымской коалиции ногайских мурз при активной поддержке московской дипломатии. Хан был убит около Хаджи-Тархана вместе с сыном Бахадур Гераем, провозглашенным им астраханским ханом, в ходе успешного нападения ногаев на его ставку. Татары были разгромлены, уцелевшие ханские сыновья бежали в Крым, преследуемые ногаями. В 1524 г. ногаи опустошили Крымский полуостров. Эти события на время снизили внешнеполитическую активность его ханов и усилили турецкое господство над Крымским ханством [ПСРЛ, 1906, с. 43; Зайцев, 2006б, с. 90–97].

В правление хана Сеадет Герая I (1524–

1532 гг.) в связи с ослаблением Крымского ханства набеговая активность татар снизилась. Однако в 1530 г. было совершено крупное нападение на «рязанские места».

В 1532–1537 гг., после отречения Сеадет Герая, в Крыму началась длительная борьба за престол между ханами Ислам Гераем I и Сахиб Гераем I [Зайцев, 2006б, с. 106]. Оба Герая стремились в равной степени заручиться поддержкой Москвы и Польско-Литовского государства. Первоначально Москва признала ханом Сахиб Герая, следствием чего явился крупный поход Ислам Герая I на Русское государство в 1533 г. Татары нанесли серьезный урон многим областям, но не смогли преодолеть Оку. В 1534 г. русскому правительству удалось достигнуть мирного соглашения с Ислам Гераем I, однако уже в августе 1534 г., в разгар русско-литовской войны 1534–1537 гг., последовал крымский набег на Переяславль-Рязанский. И Ислам Герай I, и Сахиб Герай I в условиях русско-литовской войны нападали как на территорию Русского государства, так и на литовскую территорию, перекаладывая ответственность за эти нападения друг на друга.

В 1537 г., после гибели Ислам Герая I, Сахиб Герай окончательно утвердился на крымском престоле (до 1551 г.). В этот период его отношения с Москвой оставались резко враждебными. Кульминацией русско-крымской конфронтации стал поход под предводительством хана на Москву в 1541 г., когда татары с большим трудом были остановлены на реке Оке. Несмотря на временное урегулирование русско-крымских отношений в 1542 г., набеги продолжались в течение всех 1540-х гг., причем главным образом на «рязанские места». Однако крупных походов непосредственно в центральные области Русского государства во главе с ханом не было, так как Сахиб Герай предпринял в 1546 г. очередную попытку захвата Астраханского ханства, вылившуюся в затяжной военный конфликт Крыма с Ногайской Ордой (до 1549 г.).

По мере усиления русско-крымской конфронтации Москва, наряду с принятием военных мер по обороне южных рубежей страны, стремилась предотвратить крымские нападения дипломатическим путем, но эти меры не приносили ощутимого результата. Традиция заключения

русско-крымских договоров, формально устанавливающих союзнические отношения между двумя государствами и закрепленных принесением шерти крымскими ханами и крестоцелованием московских государей, сохранялась на протяжении всего XVI в. Однако ни один из многочисленных договорных актов, разрабатываемых обеими сторонами, так и не был введен в действие. Русско-крымский договор 1518 г., утвержденный шертью хана Мухаммед Герая I, был сорван уже в 1519–1520 гг., после отказа Москвы предоставить военную помощь в походе на Астрахань, следствием чего явилось крымское нападение на Русское государство в 1521 г. Хан Сеадет Герай I шертовал два раза: 18 февраля 1525 г. перед послом И. Колычевым, в ноябре 1530 г. перед послом С. Злобиным. Оба договорных акта не были введены в действие. В период «двоецарствия» 1532–1537 гг. о заключении договора велись переговоры с ханом Ислам Гераем I, но до принесения им шерти дело так и не дошло. Хан Сахиб Герай после долгих и изнурительных переговоров с различными московскими посольствами шертовал в 1539 г. перед послом И. Б. Федцовым, но с изменением согласованного сторонами текста противней. Крымский текст содержал обязательства Москвы по ежегодным выплатам «поминоков» в Крым и распространению выплат на казанского хана Сафа Герая. В результате договор был сорван. Десятилетний период после крымского нападения 1541 г., вплоть до смещения Портой хана Сахиб Герая в начале 1551 г., ознаменовался фактическим отказом обеих сторон от заключения договорных актов.

Восшествие на престол Девлет Герая I (1551–1577 гг.) в разгар борьбы Русского государства за овладение Казанским ханством, как известно, сделало нейтрализацию военно-политической угрозы со стороны Крыма одной из главнейших задач дипломатии царя Ивана Грозного.

50-е гг. XVI в. стали очередным поворотным моментом истории русско-крымских отношений. Обозначившееся проникновение Москвы на Северный Кавказ и установление фактического протектората над Большой Ногайской Ордой создавали серьезную угрозу зоне геополитической безопасности Крымского ханства. Падение Казанского, а затем Астраханского ханств сделало

новый виток русско-крымской конфронтации необратимым.

Крупномасштабные крымские нападения имели место уже на завершающем этапе казанских походов царя Ивана Грозного. В частности, казанский поход 1552 г. происходил в условиях крупного крымского нападения, сорванного благодаря своевременному сосредоточению русских военных сил на южных рубежах.

После водворения Москвы в низовьях Волги ситуация в русско-крымских отношениях еще более обострилась. Помимо установления контроля над торговыми путями из Крыма в Среднюю Азию и резко возросших возможностей влияния на ситуацию в Большой Ногайской Орде, Москва захватила государственное образование, давно являвшееся объектом крымской экспансии. От претензий на «астраханский юрт» крымские ханы не отказывались на протяжении всего XVI в.

В середине 1550-х гг. военно-политическая конфронтация Москвы и Бахчисарая приняла характер крупномасштабных военных действий. Летом 1555 г. Иван Грозный двинул непосредственно «под Крым» рать под командованием И. В. Шереметева, Л. А. Салтыкова и А. Д. Басманова. Предполагалось разорение мангытского улуса в «промыслити над стада крымские» [ПСРЛ, 1906, с. 256]. В походе участвовали значительные силы – до 16 тыс. человек. Русская рать столкнулась сдвигающейся ей навстречу ордой во главе с ханом Девлет Гераем I. 3–4 июля 1555 г. произошло сражение при Судьбищах, одно из самых крупных в XVI в. наряду с Молодинским сражением 1572 г. и битвой под Москвой 1591 г. Хотя русская рать и потерпела поражение, она сумела избежать полного разгрома. К этому времени было произведено сосредоточение военных сил во главе с царем Иваном Грозным, и Девлет Герай I вынужден был повернуть назад.

Для борьбы с крымскими нападениями правительство царя Ивана Грозного с 60-х гг. XVI в., помимо традиционного ежегодного сбора войск на рубежах реки Оки, начало строительство так называемых засечных черт – фортификационных сооружений в местах традиционного движения татар в центральные области Русского государства. Кроме того, Москва сама начала политику военно-политического давления на Крым. В

1556–1559 гг. осуществлялись скоординированные наступательные действия против Крымского ханства приднепровских казаков и русских военных отрядов, главным образом со стороны Днепра. Однако необходимость сосредоточить военные силы на театре Ливонской войны 1558–1583 гг. заставила Ивана Грозного отказаться от конфронтации с Крымом. Это открывало перед Девлет Гераем I возможность реванша.

Тем не менее хан с готовностью пошел на переговоры с Москвой. Кризис в русско-крымских отношениях, начавшийся еще в начале 40-х гг. XVI в. и обострившийся после 1551 г., привел к фактическому прекращению русско-крымских дипломатических связей на рубеже 1550–1560-х гг. Это вело к сокращению поступления из Москвы «поминок» и «жалований», которые в значительном объеме отправлялись только с большими послами, перед которыми ставилась задача заключения очередного мирного договора. Восстановление в полном объеме дипломатических связей отвечало интересам и хана, и крымской знати. Между тем по мере отказа правительства Ивана IV от конфронтации с Крымом, в условиях неизбежного вступления в Ливонскую войну Польско-Литовского государства, все больше внимание царя привлекала мысль обезопасить южные рубежи страны от крымских нападений заключением очередного «докончания» с крымским ханом.

Такая задача была поставлена перед посольством А. Ф. Нагого, двинувшимся в Крым из Путивля в мае 1563 г., и была частично им реализована. Процесс подготовки договора с ханом Девлет Гераем I в 1563–1567 гг. проистекал в условиях непрерывного военно-политического давления Крыма на Русское государство, и в конечном итоге договор «в лучших традициях» двусторонних связей, утвержденный шертью хана 2 января 1564 г., не был введен в действие. 18 марта 1564 г. в Москве Иван Грозный целовал крест на русском противне договора. Сразу выяснилось, что договор нуждается в повторном принесении шерти ханом с учетом несовпадения формулировок относительно союза против «литовского короля». Отправленный с этой целью в Крым посланник Ф. А. Писемский вместе с А. Ф. Нагим эту задачу выполнить не смогли, и

процесс доработки договора к 1565 г. был приостановлен. В дальнейшем хан пытался навязать несогласованный текст силой, причем стремился придать ему окончательный характер. Это имело место на аудиенции русским послам 16 июля 1566 г. В конечном итоге договор 1564 г., даже в урезанном варианте, фактически был отменен крымской стороной в конце 1567 г. – начале 1568 г., хотя формально и в посланиях к Ивану Грозному, и при аудиенциях русских послов речь шла только о «порушении доброго дела». Переговоры с А. Ф. Нагим и Ф. А. Писемским в Крыму прерывались на время выступления хана в очередной поход против Русского государства, когда послы брались под фактический арест.

С начала 1560-х гг. крымские нападения приняли характер крупномасштабных вторжений, охватывавших значительные территории южных областей Русского государства и угрожавших непосредственно Москве, что в условиях продолжавшегося вооруженного конфликта с Польско-Литовским государством могло иметь крайне тяжелые последствия. Крымские нападения под непосредственным командованием хана Девлет Герая I имели место в 1562, 1564 и 1565 гг. Затем, после непродолжительного затишья, вызванного участием татар в войне османов с Габсбургами, в конце 1560-х гг. наступил период военно-политической конфронтации Крыма и Русского государства.

На рубеже 60–70-х гг. XVI столетия противоречия между Москвой и Бахчисараем вновь резко усилились. Хан Девлет Герай I, который и так был обеспокоен переходом под контроль Москвы всего Волжского пути, столкнулся с усилением русского влияния на Кавказе. Серьезную проблему для крымского хана создала постройка по просьбе тестя Ивана Грозного, кабардинского князя Темрюка Идарова, в 1567 г. так называемого русского городка на Тереке (точнее, в устье реки Сунжи – притока Терека) – опорного пункта Москвы на Кавказе. Он перекрывал пути сообщений Крыма через Северный Кавказ со Средней Азией. Союзные отношения Москвы с Кабардой давно уже вызвали раздражение в Бахчисарае. После 1567 г. начались регулярные походы крымцев на князя Темрюка и его союзников, кульминацией которых стало нашествие ханского сына

Адиль Герая 1570 г., завершившееся поражением Темрюка в битве на реке Ахуспе.

Ситуация в русско-крымских отношениях осложнялась тем, что обеспокоенность усилением Москвы на Кавказе проявила и Османская Порта, следствием чего явилась Астраханская экспедиция 1569 г., в которой участвовал и крымский хан. Провал похода не исключал возможности его повтора, следствием чего неизбежно стало бы ужесточение османского контроля над Крымом. Содействие крымских ханов организации нового похода было необходимо османам, но в то же время Порта исключала возможность водворения Гераев «на астраханском юрте». Отсюда явное нежелание хана перехода Астрахани в руки османов, что проявилось в походе 1569 г. Стремясь избежать конфликта с султаном, что могло повлечь за собой его смещение с престола, хан Девлет Герай I предложил Порте организовать крупномасштабный поход в центральные области Русского государства, чему должно было предшествовать выдвижение ультимативных требований Ивану Грозному.

Дипломатическим путем предотвратить угрозу крымского нападения было уже невозможно, к 1567 г. были окончательно прекращены шедшие с 1563 г. переговоры русского посла А. Ф. Нагого с крымцами о возможности русско-крымского мирного соглашения. Крымская сторона помимо «уступки» Астрахани и Казани выдвинула требование сноса городка на Тереке, которое было отвергнуто. Иван Грозный проявил принципиальность, так как в 1570 г. было достигнуто русско-польско-литовское соглашение о перемирии, что лишило возможности Девлет Герая I шантажировать Москву угрозой заключения союза Крыма с Речью Посполитой в случае начала крупноформатных вооруженных действий в Ливонии и на западных рубежах Русского государства. Однако отклонение ультимативных крымских требований не сопровождалось в полной мере подготовкой к отражению неизбежного крымского нападения.

В 1571 г. Девлет Герай I совершил крупномасштабный поход на Русское государство, ознаменовавшийся прорывом крымцев непосредственно к Москве. Это нашествие повлек-

ло за собой, помимо страшного пожара Москвы (24 мая 1571 г.) и разорения центральных областей государства, серьезные внешнеполитические последствия. Успешные действия крымской орды дали возможность хану предъявить фактический ультиматум Ивану Грозному в июне 1571 г., суть которого заключалась в принципиальном признании Русским государством крымских претензий на Казань и Астрахань. Тем самым перечеркивались достижения всех лет правления Ивана Грозного на восточном направлении внешней политики Русского государства.

Иван Грозный согласился признать крымские притязания на территорию бывшего Астраханского ханства, проигнорировав претензии на Казань. Однако реальные условия и сроки передачи Астрахани Иван Грозный затягивал на неопределенный срок – до нового «посольского размена». При этом с передачей Астрахани Иван Васильевич увязывал заключение долговременного военного русско-крымского союза, направленного против Речи Посполитой. Кроме того, саму передачу Астрахани крымским Гераям Иван Грозный представлял как создание некоего полностью подконтрольного Москве государственного образования, аналогичного Касимовскому царству. Предполагалось, что правитель восстановленного «астроханского юрта» будет назначен московским государем по представлению крымского хана. В Астрахани по-прежнему находились бы русские воеводы со «служилыми людьми». Но для Девлет Герая I это было абсолютно неприемлемо. Хан рассчитывал получить согласие Порты на водворение в Астрахани одного из своих сыновей, естественно, при условии создания там сильной османской крепости, контролирующей устье Волги, что по понятным причинам было также абсолютно неприемлемо для Ивана IV. Тем не менее осенью 1571 г. хан в своем послании султану представил дело как безусловное согласие Ивана Грозного «на уступку Астрахани».

Недостаточность уступок Ивана Грозного, с точки зрения крымской стороны, и эскалация новых ханских требований проявились в фактическом провале русско-крымских переговоров в декабре 1571 г. – феврале 1572 г. Ответом крымской стороны неизбежно должен был стать

новый поход Девлет Герая I на Москву. Летом 1572 г. произошло самое крупное в XVI в. полевое сражение вооруженных сил Русского государства с крымцами – битва при Молодях [Виноградов, Малов, 2011].

В правление хана Мухаммед Герая II (1577–1584 гг.) русско-крымские отношения стабилизировались. Крым отказался от союза с Речью Посполитой, и в самые тяжелые для Русского государства годы Ливонской войны (1579–1582 гг.) крымские татары были заняты в военных действиях османов против Сефевидов на Кавказе.

После смещения и убийства в начале 1584 г. хана Мухаммед Герая II на крымский престол был посажен Ислам Герай II (до 1588 г.). Однако уже через несколько месяцев он был изгнан из Бахчисарая сыновьями погибшего хана – Сеадет Гераем, Мурад Гераем и Сафа Гераем. Сеадет Герай II удерживал престол только полтора месяца, а затем был изгнан османскими войсками. Однако мятежные Гераи, отступив со своими сторонниками из Крыма, намеревались продолжить борьбу за престол при поддержке Москвы. Сеадет Герай II по инициативе Б. Ф. Годунова стал «законным царем», для чего в Москву был послан его брат Мурад Герай. В июле 1586 г. он был отправлен русским правительством в Астрахань, где предполагалось создать базу для его вторжения в Крым [Беляков, Виноградов, 2013].

С началом реализации в 1586 г. «астраханского проекта» – отправления в Астрахань Мурад Герая и последовавшего за этим восстановления «городка на Тереке» – позиции Москвы на Кавказе усилились. Одновременно было осуществлено приведение к шерти царевичем мурз Большой Ногайской Орды и частично «Казыева улуса». Это уже явилось созданием условий для организации вторжения непосредственно в Крым сил, находящихся под контролем русского правительства.

Для хана Ислам Герая II ситуация усложнялась невозможностью противопоставить военно-политическому давлению на Крым со стороны Русского государства антимосковское соглашение с Речью Посполитой в условиях «третьего бескоролья» 1586–1588 гг., что подкреплялось, помимо всего прочего, новым периодом усиления антикрымских операций приднепровского казачества.

Однако после смерти в 1587 г. «законного» хана Сеадет Герая II Б. Ф. Годунов от планов поддержки вторжения его братьев в Крым, судя по всему, отказался. Мурад Герай оставался в Астрахани.

В начале 1588 г., после внезапной смерти хана Ислам Герая II, в Крыму водворился прибывший туда из Стамбула Гази Герай. Его целями были консолидация Крымского ханства и восстановление политического влияния Бахчисарая в причерноморской степной зоне. Частично это было достигнуто уже весной 1588 г., когда в Крым вернулся Сафа Герай с большой группой сторонников из числа крымской знати. Однако Мурад Герай в Крым возвращаться отказался.

Все это побудило хана Гази Герая II взять курс на установление добрососедских отношений с Москвой, по крайней мере на период достижения им консолидации «Крымского юрта». Курс на восстановление военно-политического контроля Крыма над «Казыевым улусом» и частично Кавказом изначально натолкнулся на серьезное препятствие – пребывание в Астрахани Мурад Герая. Отказавшись от амбициозных планов посадить «царевича» на крымский престол, Москва видела в нем постоянный фактор давления на Бахчисарай. Провал в 1588–1590 гг. планов «отпуска» Мурад Герая в Крым побудил Гази Герая II прибегнуть к политике «контрдавления» – угрозой примкнуть к антимосковской коалиции Речи Посполитой и Швеции. Фактический провал этих планов, обозначившийся после заключения в Москве договора в начале 1591 г. о продлении перемирия между Русским государством и Речью Посполитой, оставлял для Гази Герая II только одну возможность сохранения своей легитимности как правителя Крыма в условиях непростой династической ситуации: организацию нового крупномасштабного похода на Русское государство. Из этого не следует, что хан планировал его именно на лето 1591 г., к решению его подтолкнули стремительные изменения в династической ситуации – «потрава» в Астрахани Мурад Герая и угроза смещения с престола и замены одним из бежавших к султану (Алп Гераем или Селамет Гераем).

Правительство царя Федора Ивановича, воз-

главляемое энергичным, честолюбивым и амбициозным Борисом Федоровичем Годуновым, видевшим в ослаблении Крыма одну из своих главных внешнеполитических задач, в целом достаточно ясно представляло себе ситуацию, сложившуюся в это время в русско-крымских отношениях. Подготовка к отражению возможного крымского нападения началась весной 1591 г., причем еще до получения известий о смерти в Астрахани Мурад Герая, что и явилось непосредственным поводом к нападению.

Татары, преодолев Оку, были остановлены у Москвы, где русские войска заняли укрепленные позиции в районе современного Данилова монастыря. Татары вышли к Москве 4 июля 1591 г., а 5 июля состоялось ожесточенное сражение. Отбив все атаки татар, русские войска ночью атаковали ханскую ставку в районе с. Коломенское, после чего 6 июля татары беспорядочно отступили. Их арьергард был разгромлен при переправе через Оку.

Фактический провал этого самого крупного после 1572 г. нападения привел к очередному повороту крымской политики в сторону улучшения отношений с Русским государством. С осени 1591 г. по весну 1593 г. последовал ряд дипломатических маневров (двукратный приезд в Москву личного эмиссара хана Ямгурчея-аталыка, отправление в Крым посланника С. Безобразова), которые завершились проведением осенью 1593 г. посольского съезда-размена на реке Сосне под Ливнами [Виноградов, 2014].

Его проводил бек Ахмед-паша Яшлавский, который шертовал перед русскими разменными послами – князьями Ф. И. Хворостининым и Б. Я. Бельским. Шерть принесли также представители основных крымских кланов. После этого посольство князя М. А. Щербатова отправилось в Крым для ведения переговоров о заключении очередного «докончания».

В апреле 1594 г. в Бахчисарае был заключен русско-крымский мирный договор. Силы Крымской орды по приказу Порты были брошены в Центральную Европу и приняли активное участие в войне с австрийскими Габсбургами. «Мирная передышка» была использована Москвой для укрепления южных рубежей страны. В течение

1590-х гг. по указам царей Федора Ивановича и Бориса Федоровича Годунова были построены крепости Елец (1592 г.), Белгород и Оскол (ныне г. Старый Оскол, 1596 г.) и Царёв-Борисов (1599 г.). Устраивались также новые засечные черты.

В 1596–1597 гг. в Крыму разразился очередной династический кризис: хан Гази Герай II был смещен Портой с престола и заменен братом Фетх Гераем. После повторного захвата Гази Гераем II власти в Крыму в 1597 г. для поддержания своего престижа в Стамбуле хан стал готовить новый поход на Москву. Однако готовящееся в 1598 г. нападение не состоялось благодаря своевременным мерам царя Бориса Годунова (так называемый Серпуховский поход 1598 г.).

Гази Герай II уже в 1598 г. пошел на возобновление дипломатических переговоров с Москвой на условиях регулярной присылки «поминок» и «запросных денег». В 1602 г., после очередного посольского съезда, на этот раз у Царёва-Борисова, стороны продлили действие договора 1594 г.

Вплоть до начала Смуты в Русском государстве крымские татары крупных нападений на него не осуществляли.

Достигнутое к концу XVI в. военно-политическое «равновесие» между Крымским ханством и Русским государством в западном Дешт-и-Кипчаке и вообще в Восточной Европе, причем с тенденцией к установлению союзнических отношений, носило временный характер. Оно определялось необходимостью достижения внутриполитической стабильности для обеих сторон. Последовавший после вторжения в пределы Русского государства Лжедмитрия I поток событий, совпавший с началом в Крыму очередного витка династических распрей после смерти Гази Герая II (1607/8 гг.), привел к новому конфронтационному периоду в русско-крымских отношениях. Период Смуты ознаменовался очередным взлетом набеговой агрессии Крымского ханства, что имело тяжелейшие последствия для Русского государства. Стабилизация русско-крымских отношений происходит после воцарения Михаила Федоровича в 1613 году совпавшего с началом очередного периода конфронтации Порты и Крыма с Речью Посполитой, одновременно оказавшейся и в состоянии войны с Русским государством.

6.4. Русско-крымские отношения в эпоху Смуты

Д. В. Лисейцев

Начало XVII в. стало особым периодом в истории отношений между Московским государством и Крымским ханством. Для России это было время Смуты – длительной и кровопролитной гражданской войны, едва не окончившейся гибелью государства и потерей национальной независимости. Но именно в эти годы векторы политических интересов Московской державы и её опасного южного соседа сошлись как никогда прежде близко, обусловив фактически возникновение русско-крымского военного альянса, к чему и ранее, в более благополучное время, постепенно двигалась внешняя политика Бориса Годунова.

Падение правительства Годуновых и воцарение Лжедмитрия I не изменили кардинальным образом отношений между Московским государством и Крымским ханством. Самозванец рассчитывал на союз с Гази Гераем II в планировавшейся войне с Османской империей и потенциально возможном противостоянии с Речью Посполитой. Намерений покорить Крым, вопреки активному продвижению этого тезиса в современной ему публицистике, Лжедмитрий не имел [Лисейцев, 2015, с. 40–44]. Посредством гонцов царь и хан обменивались взаимными заверениями в отсутствии каких-либо военных планов в отношении друг друга. Впрочем, прочных контактов между собой два монарха установить не успели: посольство Афанасия Мелентьева-Курлакова отбыло в Бахчисарай с официальным извещением о воцарении Дмитрия Ивановича лишь за месяц до гибели самозванца, в апреле 1606 г., и вернулось в Москву уже после вступления на престол Василия Шуйского [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2 (1604 г.). Л. 167–171, 173–182, 210, 216, 325; Д. 2 (1606 г.). Л. 10; Д. 2 (1607 г.). Л. 77; Ф. 138. Оп. 1. Д. 1 (1613–1617 гг.). Л. 44; Описи, 1960, с. 132; Опись, 1977, с. 277].

Своего рода рубежом в отношениях между Крымским ханством и Московским государством стали 1606–1608 гг. В Москве в 1606 г. свергли Лжедмитрия I, выступавшего в роли продолжателя геополитической линии Бориса Годунова,

предусматривавшей расширение российского влияния в Северном Причерноморье. Сменивший самозванца царь Василий Шуйский, сразу потерявший контроль над южными уездами страны, не имел возможности продолжать в отношении Крыма прежнюю политику. Но и в Крыму в конце 1607 г. последовала смена правителя, что также не способствовало активизации ханской позиции в отношении соседних держав. Ещё одним фактором, влиявшим на ситуацию, стало заключение в ноябре 1606 г. Сиваторокского мирного договора, завершившего Тринадцатилетнюю войну между Османами и Габсбургами. Это не только изменило геополитическую ситуацию на Балканах и Дунае, но и увеличило возможности Стамбула контролировать деятельность своего вассала в Бахчисарае.

О смене монарха в Москве хана Гази Герая официально оповестили уже летом 1606 г. – в июне в Бахчисарай отбыло посольство ясельничего Андрея Матвеевича Языкова и подьячего Захария Языкова. Хан принял русскую миссию «любительно», вскоре отпустив её назад «со всем з добрым делом». Вместе с ней Гази Герай направил в Москву гонцов Сеит-Гази и Ахмет-халифу. Однако время для этой дипломатической акции выбрали крайне неудачно: южные уезды Московского государства уже были охвачены восстанием против царя Василия Шуйского. Русских и крымских дипломатов под Валулками захватили и доставили в Путивль к самозваному царевичу Петру (он находился в Путивле с начала ноября 1606 г. по февраль 1607 г.). Здесь русских послов по приказу самозванца казнили, а крымских гонцов оставили под стражей [Описи, 1960, с. 132; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 26. Л. 126 об.; Ф. 123. Оп. 1. Д. 1 (1607 г.). Л. 6; Смирнов, 1951, с. 371; Назаров, Флоря, 1974, с. 339].

В Москве об участии погибшего посольства узнали только весной 1607 г., и это побудило Василия Шуйского направить в Крым гонца Степана Михайловича Ушакова, отправившегося в путь 24 апреля 1607 г. Судя по сохранившемуся наказу, главной задачей Ушакова было добиться

невмешательства крымских отрядов в события разгоравшейся в Московском государстве гражданской войны. Немало внимания в наказе уделено дискредитации Лжедмитрия I, якобы планировавшего захват Крыма, а также повстанцев, захвативших и удерживающих в плену ханских гонцов. Вместе с тем от возможного предложения Гази Герая оказать помощь против мятежников гонцу предписали отказываться, ссылаясь на то, что правительство Василия Шуйского якобы уже полностью владеет ситуацией и антиправительственное восстание подавлено [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1607 г.). Л. 7, 14, 20–24, 29, 31–33, 37, 60].

Посольству Степана Ушакова повезло больше, чем его предшественникам: оно сумело добраться до Бахчисарая и благополучно возвратилось в Москву. Видимо, вместе с ним хан Гази Герай отправил к Василию Шуйскому своего гонца Сефера, оказавшегося в Москве в первой половине сентября 1607 г. Это было время короткого затишья в Смуте: повстанческую армию Болотникова блокировали в Туле, а движение Лжедмитрия II на западных рубежах ещё не успело набрать силы. Надо полагать, что после капитуляции в октябре 1607 г. мятежной Тулы в Москву доставили прежних гонцов крымского хана Сеит-Гази и Ахмет-халифу, ранее находившихся в плену у Лжепетра [РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 27. Л. 43–43 об.; Описи, 1960, с. 93, 132]. В Москве оказались, таким образом, сразу три отправленные Гази Гераем в разное время в Россию миссии – гонец Хедир-улан, направленный ещё ко двору Лжедмитрия I, Сеит-Гази и Ахмет-халифа, побывавшие в плену в Путивле и Туле, и Сефер, явившийся в ответ на посольство Степана Ушакова.

1608 г. принёс новые осложнения как Москве, так и Бахчисарая. В Крыму после смерти хана Гази Герая вспыхнула борьба за власть. Сменивший умершего хана его сын Тохтамыш Герай удержался у власти недолго и вскоре погиб; ханом сделался присланный из Стамбула сын Девлет Герая I Селямет Герай. В Московском государстве гражданская война перешла к новому тяжёлому этапу – к лету 1608 г. войска сторонников Лжедмитрия II подошли к Москве и стали лагерем в Тушино, создавая непосредственную

угрозу столице. В сложившихся обстоятельствах правительству Василия Шуйского пришлось отказать от прежней политической линии в отношении Крымского ханства. Вместо невмешательства татар в события Смуты отправленные в 1608 г. в Крым послы Степан Звягин и подьячий Дей Витовтов имели предписание добиться оказания помощи против тушинцев. Об этом посольстве информации сохранилось немного, практически вся она содержится в тексте описи архива Посольского приказа: «Выписка, как в прошлом во 116-м [1607/08] году царь... Василей Иванович... посылал в Крым х Казы Гераю царю Степана Звягина да подьячего Дея Витофтова, чтоб он на полских, и на литовских, и на русских воров вспоможенье учинил» [Опись, 1977, с. 337]. Видимо, вместе с этой миссией отпустили в Крым и прежних гонцов Гази Герая II. Судя по всему, посольство Звягина отправилось в Бахчисарай тогда, когда в Москве ещё не знали о смерти Гази Герая. Надо полагать, произошло это весной 1608 г., когда положение Василия Шуйского стало крайне тяжёлым после поражения правительственных войск в битве под Болховом. Именно тогда Василий Шуйский оказался лицом к лицу с необходимостью просить помощи против «польских, литовских и русских воров». Русская миссия застала на престоле уже Селямет Герая, оперативно принявшего решение оказать Москве необходимую помощь.

Свою задачу русское посольство выполнило: уже в августе 1608 г. татарские отряды пришли в пределы Московского государства. Навстречу им выехал царский эмиссар – рязанский сын боярский Иван Язвцов; «крымские люди», пришедшие «на помочь на литовских людей и на русских воров» в это время «воевали на Резани пронские, и михайловские, и резанские места» [Опись, 1977, с. 277–278; Захарьина, 1980, с. 134]. Год спустя в русские земли пришли крупные крымские силы, возглавленные Богатырь Гераем Дивеевым. Встречать союзников Василий Шуйский направил известного специалиста в русско-крымских отношениях кн. Г. К. Волконского, а затем, когда крымские отряды стали за Окой, в переговоры с ними вступила целая правительственная делегация, возглавленная боярами кн. И. М. Воротынским, кн. Б. М. Лыковым

и окольников А. В. Измайловым. Результатом переговоров стала договорённость о том, что за помощь против «воров» татары получают 30 тыс. руб., а затем ежегодно им будет выплачиваться по 20 тыс. руб. Впрочем, до открытого столкновения с основными силами «Тушинского вора» дело не дошло: Богатырь Герай развернул свои отряды назад, находясь всего в четырёх верстах от ставки самозванца [Белокуров, 1907, с. 98–99; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2 (1614 г.). Л. 154–164].

Осень 1609 г. поставила правительство Василия Шуйского в ещё более отчаянное положение: в сентябре Речь Посполитая официально объявила войну Московскому государству, войска короля Сигизмунда III осадили Смоленск. Заинтересованный в вовлечении Крыма в союз против Польско-Литовского государства, царь Василий осенью 1609 г. отправил в Бахчисарай гонца Воина Пургасова. К марту 1610 г. гонец возвратился в Москву, привезя ханскую грамоту с обещанием направить на помощь Москве большое татарское войско с калгой Джанибек Гераем во главе. К тому времени Московское государство уже около года состояло в союзнических отношениях со Швецией; параллельно шли переговоры о вовлечении в альянс против Речи Посполитой Ногайской Орды (к июню 1610 г. была достигнута договорённость о выступлении в поход ногайских татар под предводительством Бек-Магмета) [Описи, 1960, с. 132–133; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1 (1610 г.). Л. 15–18; Д. 1 (1611 г.). Л. 5, 21, 35, 49; Лисейцев, 2002, с. 133]. Хан Селямет Герай со своей стороны также предпринимал усилия по вовлечению в союз ногайского бия Иштерека: в 1609 г. к ногайцам приезжал ханский посол Бек-Темир-мурза, результатом чего весной 1610 г. стал совместный крымско-ногайский набег на владения Речи Посполитой. Одновременно с этим, в апреле – мае 1610 г. в ставке Сигизмунда III находился крымский гонец, привезший от Селямет Герая грамоту с заверениями в дружеских намерениях [Новосельский, 1948, с. 62, 70–71; Захарьина, 1980, с. 136; Флоря, 1998, с. 57]. Хан вёл активную игру и со шведским королём Карлом IX. В феврале–марте 1610 г. из Стокгольма в Москву прибыл гонец Пётр Петрей, вместе с которым пришло посольство крымского хана, возвращавшееся на родину (в Швецию оно отправилось, вероятно, в

1609 г. при содействии Василия Шуйского) [Вибекинд, 2000, с. 100, 111, 580]. Таким образом, в 1609–1610 гг. шла активная дипломатическая работа по созданию направленного против Речи Посполитой четырёхстороннего альянса в составе Московского государства, Швеции, Крымского ханства и Ногайской Орды.

В конце весны 1610 г. Василий Шуйский отправил в Крым новое посольство. Его возглавлял мценский сын боярский Артемий Шеншин, с денежной казной, обещанной хану в соответствии с договором 1609 г. С Шеншиным ехали крымские дипломаты (вероятно, те, что возвращались через Москву из Швеции) [Описи, 1960, с. 132–133]. Своей цели миссия не достигла – в степи её разгромили ногайцы, завладевшие казной, предназначенной для крымских татар [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1 (1611 г.). Л. 7 об.]. Убедительных оснований считать, что посольство Шеншина всё же добралось до Крыма [Захарьина, 1980, с. 137], источники не содержат.

Тем временем отряды крымских татар в соответствии с договором 1609 г. пришли в русские земли. Во главе этого войска (численностью до 40 тыс. человек) стояли калга Джанибек Герай, Арслан-мурза Сулешев и злейший враг Речи Посполитой – предводитель Дивеева улуса Кантемир-мурза по прозвищу «Кровавый меч». Основные силы татар с царевичем во главе остались стоять на Оке близ Серпухова, но передовые отряды выдвинулись в Боровский уезд. В районе пересечения Калужской дороги с р. Нарой татары 10–11 июля атаковали двигавшееся на Москву войско Лжедмитрия II: «едва Вор усидел в таборах» [Описи, 1960, с. 132–133; Разрядная, 1976, с. 256; Белокуров, 1907, с. 19, 55; ПСРЛ, 1910, с. 98; Polak, 1995, с. 153; Żółkiewski, 1998, с. 67; Andrusiewicz, 1999, с. 288]. Около 15 июля, однако, Джанибек Герай увёл свои войска в степь, официально объявив причиной своего отступления бескормицу. Это открыло людям Лжедмитрия II дорогу на Москву и предрешило участь царя Василия Шуйского, низложенного москвичами два дня спустя при появлении неприятельских войск у стен столицы. По всей вероятности, уход крымских татар из пределов Московского государства объясняется получением ими известия о кончине хана Селямет Герая (умер в кон-

це мая – начале июня 1610 г.). Его наследнику Джанибек Гераю было жизненно необходимо в этих обстоятельствах вернуться в Бахчисарай и утвердить свою власть над Крымским юртом, где ханом провозгласил себя его соперник Мехмед Герай III [Гайворонский, 2009, с. 30–35, 38].

Начало «междоусобицы» в Москве и династический конфликт в Бахчисарае на два года прервали дипломатические контакты между двумя государствами. Тем временем в феврале и апреле 1612 г. возобновились татарские набеги на владения Речи Посполитой, переросшие к лету в полномасштабную войну. Вряд ли поэтому справедлива оценка политики Джанибек Герая в отношении Московского государства и Речи Посполитой как недальновидной [Норн, 1964, с. 12; Флоря, 1974, с. 57–59]. Возобновление русско-крымских контактов произошло летом 1612 г. по инициативе руководства II Ополчения, уже в августе 1612 г. заявлявшего: «Ныне турецкие и крымские воинские люди в Польской и в Литовской земле воюют и вперед по нашей ссылке крымские люди Польскую и Литовскую землю хотят воевати и до конца пустошати». Косвенное подтверждение этому не совсем чёткому указанию удалось обнаружить лишь относительно недавно: уже весной 1613 г. в Крыму находился российский дипломатический курьер Исенгилдей Девлекозин Резанов [РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 45. Л. 32–32об.; Лисейцев, 2017, с. 152–153].

После освобождения Москвы силами Ополчений и провозглашения царём Михаила Фёдоровича Романова связи между Московским государством и Крымским ханством активизировались, причём Бахчисарай официально уведомили о вступлении на российский престол нового государя ранее всех прочих дипломатических контрагентов Москвы. Эту миссию выполнили гонцы Воин Пургасов (уже ездивший в Бахчисарай в 1609 г.) и подьячий Дмитрий Радцов, отправившиеся в Крым в апреле 1613 г., ещё до приезда Михаила Романова в Москву и, соответственно, до его венчания на царство. Уже к июню Пургасов и Радцов вернулись в Москву в сопровождении ханского гонца Аллаш-батыра, прибывшего с официальными поздравлениями новому царю и сообщившего о намерении Джанибек Герая отправить на войну против Речи Посполитой боль-

шое войско с калгой во главе [РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2 (1618 г.). Л. 8, 13, 42, 94–95; Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613–1617 гг.). Л. 42; Описи, 1960, с. 133; Опись, 1977, с. 224]. С этого момента контакты между двумя государствами стали активными и постоянными. В Москве, не считая дипломатов в ранге гонцов, побывали послы Мустафа-мурза, Магмет-челиби, Ибрагим-паша-мурза (1614–1615 гг.); Булат-улан (1615); Аллабердей (1616 г.); Магмет-ага (1616–1617 гг.), Шибан-ага (1617 г.). В Бахчисарай, в свою очередь, направили посольства Абросима Лодыженского (1613–1614 гг.); кн. Г. К. Волконского (1614–1615 гг.); Исаака Спешнёва (1615–1616 гг.); Фёдора Челюсткина (1616–1617 гг.); Абросима Лодыженского (вторично, 1617–1620 гг.)¹. Центральным событием этого периода стала осуществлённая в Ливнах в июле – августе 1614 г. «посольская размена», после чего в октябре 1614 г. хан Джанибек Герай «шертовал» царю Михаилу Фёдоровичу, что означало юридическое возобновление союзнических отношений между Московским государством и Крымским ханством. Заинтересованная в нападениях татар на земли Речи Посполитой, русская сторона ещё во время переговоров 1613–1614 гг. была готова заплатить за эту военную активность хана от 20 до 40 тыс. руб. Серия интенсивных крымских набегов на земли короля Сигизмунда III и его подданных пришлась на 1613–1615 гг.: хан Джанибек Герай в своём послании уведомил польского монарха о том, что на каждого татарского воина в одном из набегов пришлось по 80 пленных. В 1616 г. в связи с началом османо-персидской войны на Кавказе натиск крымских татар на владения Речи Посполитой ослаб, но во второй половине 1617 г. возобновился.

Трагической страницей в истории русско-крымских дипломатических контактов стала судьба направленной в Бахчисарай в июне 1618 г. миссии Степана Хрущова и Семёна Бредихина. В острейший момент возобновления наступления войск королевича Владислава на Москву правительство Михаила Фёдоровича отправило крымскому хану «поминки» на сумму до 10 тыс. руб. Вместе с русским посольством в Бахчисарай

¹ Хронологию русских и крымских дипломатических миссий 1613–1618 гг. см.: [Лисейцев, 2003, с. 333–341].

возвращались крымские дипломаты. Однако в июле 1618 г. миссию перехватили в Ельце запорожцы гетмана Сагайдачного, шедшего к Москве на соединение с войсками королевича Владислава. Русские и татарские дипломаты участвовали в обороне города, а посол Шебан-ага даже был «убит на деле». Не смог прорваться в фактически оказавшуюся на осадном положении Москву и новый крымский посол Мустафа-мурза, прибывший в августе 1618 г. в Тулу (в столице его принимали уже после подписания Деулинского перемирия – в январе 1619 г.) [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2 (1618 г.). Л. 1, 92; Д. 3 (1618 г.). Л. 89; Д. 4 (1618 г.). Л. 43–48, 51; Д. 5 (1618 г.). Л. 7, 45; Д. 7 (1618 г.) Л. 1, 63]. Тем временем на 1618 г. пришлись самые крупные набеги татар на земли Речи

Посполитой, длившиеся с мая по октябрь, причём польские власти констатировали, что никогда прежде неприятель не заходил в пределы страны так глубоко, а сами участники набегов стояли в землях польско-литовского государства «как у себя дома, по нескольку недель» [Horn, 1964, с. 12, 24].

Подводя итог рассмотрению истории русско-крымских отношений в годы Смуты приходится констатировать: основания говорить о наличии «польско-татарской коалиции» в то время отсутствуют [Новосельский, 1948, с. 45, 79, 87–88]. В 1608–1618 гг. отношения Московского государства с Крымским юртом носили скорее союзнический характер, обусловленный геополитическими интересами двух держав.

6.5. Отношения между Крымом, Польшей и Литвой в XVI в.

А. А. Шейхумеров

Тесный союз Крыма с Польшей и Литвой имел большое значение в ранней истории ханства, в его становлении как мощной региональной державы. Однако уже с 1474 г., после заключения московско-крымского союза, складывается ось Москва – Кырк-Йер, противостоящая союзу Польши, Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ) и Орды. После разгрома Орды крымским ханом Менгли Гераем I в 1502 г. наступает период постепенного охлаждения московско-крымских связей и медленного сближению Ягеллонов (династии, правившей в Польше и Литве до 1572 г.) с Крымом.

Перечислим факторы, по нашему мнению, влиявшие на крымско-польско-литовские отношения.

Фактор первый: усиление Польши. Стоит отметить, что до 1569 г. обе ягеллонские монархии – ВКЛ и Польша – являлись отдельными государствами, хотя и связанными личной унией. От обеих держав в сопредельные страны отправлялись отдельные послы. В начале XVI в. именно Литва имела общую границу с Крымом, намного чаще подвергалась татарским набегам и поддерживала оживленные контакты с ханством. Ввиду этого в польско-литовской унии «обязанности

великокняжеской посольской службы заключались в обеспечении интересов обоих государств в отношениях с татарскими ордами» [Любая, 2008, с. 239]. В то же время ограниченные контакты с Крымом поддерживала и Польша. Таким образом, в начале XVI в. отношения Гераев и Ягеллонов носили характер преимущественно крымско-литовских.

Переход южнорусинских воеводств под власть Польши в 1569 г. и постепенное усиление польского элемента в едином государстве (Речи Посполитой) привели к тому, что крымско-польско-литовские отношения стали фактически крымско-польскими. Можно согласиться с польским историком Л. Подхородецким, писавшим, что «После Люблинской унии 1569 г. и присоединения Украины к Короне татарская проблема стала одной из главных во внешней и оборонительной политике, с тех пор непосредственно соседствовавшей с ханством вдоль громадной границы. Теперь уже не Литва, а Корона должна была отбивать набеги Орды, хлопотать о союзе, думать о «поминках», высылать дипломатов в Бахчисарай» [Podhorodecki, 1987, с. 117].

Фактор второй: тень имперского прошлого.

Определенную специфику крымско-ягеллонским отношениям придавал статус Гераев как Чингизидов и правопреемников Орды. Этот же статус означал, что «степные ханы продолжали стоять на иерархической лестнице выше и московских, да и литовских великих князей» [Моисеев, 2012, с. 204]. С точки зрения и юрта, и его северных политических партнеров, крымский хан имел юридическое право распоряжаться судьбой восточнославянских («русских») земель, входивших некогда в состав Золотой Орды. Ввиду существования традиции подтверждения ярлыков последующими ханами крымские властители раз за разом выдавали ярлыки Ягеллонам, санкционируя право последних управлять всеми землями от Подолья до Новгорода. Эти правила игры принимались литовской стороной, добивавшейся от Крыма получения устраивавших ее документов, согласно которым именно Вильно, а не Москва, получало право контролировать не только украинские земли, но и территории, бывшие владениями великих князей московских. Таким образом, формально ханы были сюзеренами великих князей литовских и польских королей как монархов русских земель. В качестве аналогии мы можем привести параллели со средневековой Европой, когда английский король, будучи статусно равен королю французскому, был его вассалом в качестве правителя ряда французских областей.

Воспринимая Украину как свою вотчину (ввиду ее бывшего вхождения в состав Золотой Орды), Гераи иногда выдвигали и более широкие претензии на южные владения ВКЛ. Так, «Менгли Герай требовал «выхода» из Киевщины, назначения даругачи и права кочевать по этому региону. Александр Казимирович был согласен платить дань с Путивля, но только если крымцы помогут ему отвоевать у русских эту землю. Он соглашался на дань с Волыни, Киевщины и Подолья в размере три деньги с человека, обещал дополнительные дани» [Пилипчук, Несин, 2016, с. 428].

По мнению Б. Черкаса стремление крымских ханов установить свою власть над Украиной как бывшей частью Орды воплощалось в конкретных наступательных действиях. Они продолжались вплоть до 1532 г., когда «попытка Саадет Герая I воплотить в жизнь старую мечту крымских пра-

вителей касательно захвата Киева, Черкас и центральных украинских земель в целом в результате яростной борьбы местного населения окончилась поражением» [Черкас, 2007]. В русле этой же политики стоит рассматривать желание Менгли Герая I отколоть от Литвы Киевщину, превратив ее в зависимое от Крыма государство во главе с князем М. Л. Глинским: в 1508 г. к мятежному князю с соответствующим предложением от хана приезжал специальный посол.

Экспансивность юрта выражалась столь ярко, что в 1526 г. литовские паны вполне серьезно предупреждали короля, что существует угроза захвата Киева турецкими и татарскими войсками [Акты, 18486, с. 173]. Продвижению ханства служила и строительная деятельность Менгли Герая I, который на формально литовских землях в Причерноморье построил сеть укрепленных городов, что вызывало протесты литовских властей [Мальченко, 2003].

Вильно и Краков также выплачивали Крымскому ханству ежегодную дань, называемую в польско-литовских источниках «упоминками», а в крымских – «хараджем». Эта дань ложилась тяжелым бременем на литовскую казну. Лишь в 1506–1507 гг. «ордынские расходы... составляли гораздо более половины общегосударственного бюджета страны» [Довнар-Запольский, 1898, с. 15]. Впрочем, отношение к дани было разным: «Великое княжество Литовское и Крымское ханство в процессе выплаты упоминок старались решить две проблемы – материальную и статусную: 1) Литва всячески пыталась снизить сумму выплат, а Крым – наоборот – повысить; 2) Литва старалась придать этим выплатам исключительно дарственный (добровольный) характер „за службу“, а Крым трактовал их как постоянную дань» [Святнюк, 2017, с. 381].

Фактор третий: московская угроза. На позицию королевского и великокняжеского правительств в отношении Крыма (и Казани) оказывала влияние экспансия Москвы. Чрезвычайно тяжелые территориальные потери ВКЛ и борьбе с Московской Русью (в войне 1500–1503 гг. была утрачена треть страны) вынуждала Вильно добиваться союза с Крымским ханством даже на фоне регулярных и опустошительных набегов крымских татар на литовские и польские зем-

ли. Взаимная борьба ВКЛ и Великого княжества Московского была выгодна Крыму, так как вынуждала обоих конкурентов в борьбе за наследие Древней Руси идти ему на уступки.

Насколько для крымского истеблишмента было важным московское направление, говорит то, что в крымских исторических сочинениях довольно подробно описываются перипетии противостояния с Москвой за контроль над западной частью Дешт-и-Кипчака в XVI в. Смены промосковских ханов на прокрымских на престолах Казани и Астрахани и наоборот удостаивались детального обзора, в то время как грандиозные крымские набеги на польско-литовские земли в XVI в. не привлекали внимания крымских летописцев. Это тем более примечательно, что эти же набеги занимали виднейшее место в отображении военно-политической жизни Польши-Литвы на страницах польских и литовских хроник. Общей тенденцией крымско-польско-литовских отношений XVI в. были многократные попытки создания единого антимосковского союза, впрочем, не приносившие долговременного эффекта из-за сохранения взаимных претензий у договаривающихся сторон.

Фактор четвертый: набеги. Масштабные набеги крымских татар на польско-литовские земли в XVI в. и начавшиеся в 1510-е гг. набеги польско-литовских пограничных старост, магнатов и казаков на черноморское побережье способствовали ухудшению отношений между Польшей и Литвой с одной стороны, и Крымом и Турцией – с другой. Иногда набеги проводились без санкции ханской или королевской власти, представляя собой самочинные мероприятия удалых полевых командиров (в некоторых случаях самовольность была лишь мнимой). Харизматические лидеры по обе стороны границы собирали вокруг себя воинов, желавших примкнуть к прославленным военачальникам. Своей борьбой с татарами известны литовские военачальники Предслав Лянцкоронский, Евстафий Дашкевич, Бернард Претвич, Михаил и Дмитрий Вишневецкие. С татарской стороны можно назвать таких руководителей набегов, как сын хана Менгли Герая I Фетх Герай, Алп Герай и хан Гази Герай II, вписавших свои имена в военную историю Крымского ханства. Ярким свидетельством

многовекторного характера крымско-польско-литовских отношений является совместные с татарами походы некоторых известных литовских борцов с Крымом против Москвы. Так, Евстафий Дашкевич вместе с татарами ходил на русские земли в 1521 г., а Михаил Вишневецкий – в 1580 г.

Эпоха великих татарских набегов (конец XV – начало XVI вв.) привела к серьезному ослаблению демографического и экономического потенциала ВКЛ. В отдельных случаях крымцы даже достигали окрестностей Вильно и переходили Припять вплоть до 1530 г. Площадь земель, охватываемых набегам, составляла почти всю территорию ВКЛ, исключая разве что Жмудь, большую часть литовских и северобелорусских земель. По мнению Б. Н. Черкаса, «политические причины, которые побуждали крымцев к агрессивной внешней политике по отношению к ВКЛ, имели две составные. Во-первых, владения Крымского ханства были достаточно уязвимыми со стороны украинских земель Литовской державы. В то время, когда крымцы уже играли одну из наиболее ведущих ролей в Восточной Европе, когда их чамбулы угрожали Вильно, Москве, Кракову, любой поход воинов из Киевщины достигал очаковских улусов. А если поход организовывался и осуществлялся союзником ВКЛ – татарским царевичем, то он вообще достигал полуострова... Соответственно, выбивая украинские поселения с Роси и Тясмина, крымские властители уничтожали ту базу, на основе которой ВКЛ могло оказывать эффективное давление на Крым» [Черкас, 2006, с. 35].

Фактор пятый: человеческое измерение. Результатом постоянных контактов поляков, литовцев и крымских татар были не только непрерывные сражения и войны, но и налаживание межличностных связей между представителями элит [Kołodziejczyk, 2017]. Показательно, что польско-татарские переговоры под Цецорой в 1595 г. сопровождались братанием и обменом подарками [Jasnowski, 1938, с. 249]. В 1529 г. в Очакове калга-султан Ислям Герай заключил побратимство с командиром польско-литовского отряда Е. Язловецким и даже применил оружие против своих подчиненных, атаковавших людей Язловецкого [Гваньїні, 2007, с. 377]. В 1532 г. во время переговоров под Черкассами лидер осажденных

Е. Дашкевич и крымский хан Саадет Герай I побратались и вместе пировали [Гваньіні, 2007, с. 378]. Подобные отношения были характерны для польско-литовско-татарских связей, но не для московско-татарских. Вероятно, это объясняется куда большей удаленностью друг от друга населенных территорий Крымского юрта и Московского государства. Близость географическая, вероятно, способствовала более тесным и постоянным связям представителей разных народов.

Ярким примером польско-литовской политики в отношении татар было расселение пленных крымцев в пределах великокняжеских территорий, в том числе на только что разоренных набегамы землях. Ширинский мурза Мелик, попавший в плен под Клецом в 1506 г., получил от короля столь обширные и богатые владения, что уже не хотел возвращаться в Крым и потребовался личный приказ хана Мехмеда Герая I, чтобы вернуть мурзу на полуостров [Tyszkiewicz, 1989, с. 168, 200]. Князь Константин Острожский расселял пленных татар в своих владениях, в том числе в Остроге, где для них была построена мечеть.

Как поляки в татарском плену, так и татары в польско-литовском в отдельных случаях могли (и делали) впечатляющую карьеру. Одним из наиболее впечатляющих примеров польско-татарских связей является жизнь Яна Билецкого. Около 1570 г. он был схвачен татарами и уведен в плен во время очередного набега. Будучи обращен в ислам и приняв имя Ибрагим, бывший невольник стал крымским дипломатом и в 1578, 1581–1582 и 1584 гг. приезжал в Польшу как ханский посол. Однако в 1584 г. Билецкий решил остаться в Польше. Жизнь его не задалась – бывший ханский подданный отказывался отречься от ислама, что, возможно, и вызвало конфликт между ним и некоторыми польскими магнатами. Билецкий бежал в Крымское ханство (предположительно, в 1588 г.) и участвовал в набегах крымских татар на польские земли. Особенную известность получили его действия во время похода хана Гази Герая II в 1589 г., когда Билецкий после боя между татарами и поляками под Баворовым обнаружил среди пленных поляков своего друга Корицынского и отпустил его на волю. Билецкий и его участие в татарских набегах даже стали основой для формирования народной легенды на Подо-

лье [Dziubiński, 1995, с. 27–30]. Современником Билецкого был некий Ян Антонович, еще один крымский дипломат польского происхождения, приезжавший в Краков в 1583 г. в составе ханского посольства [Dziubiński, 1995, с. 30].

Долгое соседство повлияло на отношение народов друг к другу. По мнению О. В. Русиной, в Литве «отношение к татарам было неоднозначным. С ними соседствовали несколько веков, их боялись и одновременно преклонялись перед силой и энергией кочевников. В XVI в. в ВКЛ сформировалось даже своеобразное татарофильство, правда, лишь в виде тенденции, а не как устойчивый компонент социально-политической мысли» [Русина, 1998, с. 148–149]. У литовских авторов рассматриваемого периода татары ассоциировались с воинской доблестью. Известнейший хронист ВКЛ XVI в. Мачей Стрыйковский называл татар «гордыми наездниками» [Стрийковский, 2011, с. 869], а литовский посол в Крыму Михалон Литвин в своем знаменитом полемическом произведении ставил татар в пример литовцам как носителей воинского духа и патриархальных нравов [Литвин, 1994]. Анонимный автор панегирика князю Михаилу Вишневецкому также отдавал должное татарам, написав про своего героя: «ни страшны ему ни москвитянин, ни турок в тюрбане, ни храбрый татарин» [Стороженко, 1904, с. 176]. Вместе с тем в польской публицистике указанного времени отношение к татарам было скорее пренебрежительным [Пилипенко, 2014, с. 137]. Любопытно отметить, что в польско-литовской литературе XVI в. для подчеркивания негативного образа татар использовалось слово «гирavec», то есть чубатый [Стороженко, 1904, с. 224]: до определенного времени чубатость еще ассоциировалась не с запорожцами (становление Сечи было еще впереди) или со шляхтой, а с южными соседями Польши и Литвы.

Внешнеполитические отношения Польши и Литвы с Крымским юртом в XVI в. прошли в своем развитии несколько этапов.

Первый период (1503–1512). Ввиду давления Москвы на ВКЛ и нарастания крымско-московских противоречий из-за Казани в 1503–1506 гг. происходит интенсификация дипломатических контактов Вильно и Кырк-Йера. Польский исто-

рик Д. Колодзейчик метко окрестил эти изменения «переворачиванием альянсов» [Колодзейчик, 2014, с. 111]. По замечанию М. В. Довнар-Запольского, «переговоры эти тянулись почти десять лет, сопровождаясь весьма торжественными клятвами с обеих сторон и опустошительными набегами крымцев на Литву» [Довнар-Запольский, 1898, с. 11].

Следствием переговоров, начавшихся в 1505 г., стал мирный договор 1507 г. Его заключению не помешал даже разгром крымского войска Фетха Герая и Бурнаша Герая литовцами в битве под Клецком в 1506 г. Менгли Герай I объявил проведенный своими двумя сыновьями набег самовольным деянием, не вписывавшимся в русло официальной политики юрта. Стоит отметить, что хотя нарративные источники и утверждали, что татары обладали в битве под Клецком огромным численным превосходством над противником, исследования польских и белорусских историков показывают, что литовцы и поляки имели, скорее всего, в 2–3 раза больше воинов, чем сыновья хана. По разным оценкам – от 7–12 тыс. литовско-польских войск (в том числе немногочисленная ружейная пехота) против 3–5 тыс. татар [Herbst, 1934, с. 23; Блінец, 2015, с. 39–40]. Несмотря на это татарское войско успешно отражало натиск неприятеля до тех пор, пока врагу не удалось свежими силами атаковать фланг крымских татар. Тем не менее это поражение не сломило военной мощи Крымского ханства.

Однако вскоре, уже в 1508 г., хрупкий крымско-литовский союз оказался под угрозой. Один из влиятельных литовских княжеских родов – Глинские – во главе с М. Л. Глинским (победителем под Клецком) поднял мятеж против великокняжеской власти. Свою выгоду в этом литовском внутривосточном конфликте стремился заполучить хан Менгли Герай I. Еще до начала мятежа он требует от польского короля и великого князя литовского Сигизмунда I дать Глинскому должность маршалка (июль 1507 г.), то есть показательно протектирует князя [Кром, 2010, с. 141]. Когда же Глинские открыто начали военные действия против литовского правительства, Крым обратился к вождю мятежников с предложением создать на Киевщине отдельное государство под покровительством Гераев, кото-

рые защищали бы князя от Литвы [Кром, 2010, с. 149]. Однако М. Л. Глинский предпочел присягнуть на верность великому князю московскому Василию III, что вызвало новый виток русско-литовской войны 1507–1508 гг. По мнению И. Б. Грекова, отказ Крымского ханства от поддержки Глинских объяснялся тем, что хан и элита юрта разочаровались в возможности мятежников самостоятельно захватить Киев, а также решив, что мятеж сыграл свою роль в возобновлении войны между Василием III и Сигизмундом I [Греков, 1963, с. 240]. Уже летом 1508 г. Менгли Герай I предупреждает короля о желании Глинского захватить Киев и предлагает послать татарское войско в Литву для борьбы с мятежниками. Король, однако, отказался, считая, что хану следует отправить армию против России [Греков, 1963, с. 241].

После того, как Москва и Литва заключили в 1508 г. «вечный мир», недовольные эти крымцы провели летом – осенью 1508 г. новый набег на польско-литовские земли. Серия набегов и шедших параллельно с ними переговоров продолжалась до 1512 г. Во время набега 1512 г. польско-литовское войско, обладая численным перевесом (по подсчетам историков – 6 тыс. против 5 тыс. татар), нанесло поражение крымским султанам в битве под Лопушной. Несмотря на превосходство противника в численности и вооружении (поляки уже имели пушки), татарская конница стойко держалась на поле боя, не отступая перед врагом. Лишь после того, как поляки сумели пробиться к кошу с ясырем и освобожденные невольники напали на татар с тыла, те были обращены в бегство [Herbst, 1948]. Это поражение повлекло за собой уступчивость хана, и стороны заключили новый союзный договор.

Этап второй (1512–1523). Крымско-литовские союзные договоры возобновлялись в 1514, 1516, 1517 и 1521 гг. Отношения между юртом и Литвой в этот период разворачивались на фоне большой литовско-московской войны 1512–1522 гг. В этих условиях крымцы, держась в основном союза с Литвой, продолжали эффективно опустошать земли обеих враждующих сторон. Несмотря на противостояние ВКЛ и Москвы «и русские, и литовские вооруженные силы были скованы борьбой с татарами» [Лобин, 2011, с. 191]. Неко-

торые военные операции против Москвы были совершены совместными татарско-литовскими силами. Так, в крымских набегах на Северские земли 1512–1515 гг. участвовали литовские отряды, а в грандиозном ханском походе на Москву 1521 г. по приглашению хана Мехмеда Герая I принял участие небольшой литовский отряд в 200 человек во главе с Евстафием Дашкевичем. Но даже и во время союзных кампаний имели место различные инциденты, наглядно демонстрирующие традиционное недоверие и напряженность, царившие в литовско-крымских отношениях. Так, Дашкевич арестовал в Каневе крымских татар Абд ар-Рахмана бея, ходивших вместе с литовцами на русских в 1512 г., и забрал их имущество, что вызвало негативную реакцию хана Менгли Герая I [Полехов, Зайцев, 2019, с. 724, 727].

В 1519 г. Крым находился в союзе с Василием III, и по согласованию с новым союзником армия калга-султана Бахадры Герая провела вторжение в украинские земли. В битве под Сокалем она нанесла тяжелое поражение польско-литовской армии. В этой битве противников разделяла река, союзники переправлялась двумя частями – поляки на виду у воинов калга-султана, литовцы же искали иной брод к северу от места переправы королевских сил. Крымская конница действовала, засыпая противника стрелами на руинах сожженного города, а затем – сражаясь на поле за Сокалем, где она обошла фланги противника и нанесла ему поражение [Тимів, 2013, с. 87–91].

Раздраженный перманентными крымскими нападениями, в письме хану весной 1520 г. Сигизмунд I отказывался платить поминки, аргументируя это так: «Желаешь, чтобы за те прошлые годы прислали упоминки. Однако сам знаешь, что царевичи и люди твои не выходят из обоих наших государств, беспрестанно их воют и большую добычу вывозят и все огнем опустошают. А из тех городов, дворов, местечек и волости доходы и дань шли в нашу казну и из них упоминки посылали тебе брату нашему и царицам и сыновьям и князьям и уланам и другим сановникам твоим – все то твоими людьми развоено, сожжено и полностью уничтожено, и с тех земель никаких доходов не имеем и еще долгое время иметь не будем. А что землям нашим твой

сын Алп-султан своей конницей вред причинил, могли бы тем упоминки тебе тринадцать лет посылать, а старший твой сын Бохадир-султан и твои люди нашим государствам много вреда и кровопролития причиняли все прошлые годы и землю нашу без усталости воевали» [Pulaski, 1887, с. 1106].

В 1521 г. союз с ВКЛ был восстановлен. Весьма любопытна позиция правителя юрта во время переговоров с литовскими дипломатами в 1522 г., во время которых «хан указал, что находится в неприязненных отношениях с султаном Сулейманом. Более того, по словам Мухаммед Герая, когда султан потребовал прекратить нападения на московские приграничные земли, он ответил Сулейману: «Я ведаю, что маю с холопом своим с московским вчинити, а ты, царь, в то не вступай» [Черкас, 2017, с. 338]. Таким образом, перед литовской стороной хан изображал из себя полностью суверенного монарха, ни в коей мере не зависящего от воли падишаха.

Этап третий (1523–1540). Гибель хана Мехмеда Герая I и начало борьбы Исляма Герая за власть в ханстве привели к ослаблению внешнеполитических позиций Крымского государства. В этот период времени становятся более редкими татарские набеги, заметно усиливаются нападения польско-литовских отрядов на Причерноморье.

Новый хан (с 1532 г.) Сахиб Герай I обратил взор на восточные дела, активизируя давление на Кавказ и Москву. Для ВКЛ это было тем более своевременно, что в 1534 г. начинается очередная русско-литовская война. В Вильно в том же 1534 г. делают попытку заключить новый договор с ханством, отправив в Крым посла Е. Горностая, уполномоченного обещать 15 тыс. злотых с ВКЛ и Польши ежегодно кроме тех лет, когда татары совершали нападения на польско-литовские пределы. Сахиб Герай I согласился заключить новый союз [Kołodziejczyk, 2011, с. 75]. Дипломатические связи между Гераями и Ягеллонами продолжались на фоне гражданской смуты в Крымском ханстве. Умело пользуясь междоусобицами в юрте и поддерживая амбиции Исляма Герая, Вильно сумело на время прекратить крымский натиск на свои рубежи. При этом король вел тайные переговоры с Ислямом Гераем, признавая его ханом.

Серьезно на расклад сил в регионе повлияла османская кампания против мятежного молдавского господаря Петра Рареша в 1538 г. Это отразилось на содержании отправляемых королю ханских ярлыков, в которых, начиная с 1538 г., исчезло упоминание Очакова и Хаджибея, которые раньше фиктивно жаловались великим князьям литовским от имени хана [Kołodziejczyk, 2011, с. 81–83]. Любопытно, что в ярлыке 1539 г. хан отказывался брать на себя ответственность за нападения жителей Аккермана, Очакова и Азова на польско-литовские земли, объясняя, что эти земли принадлежат османскому падишаху, но Сахиб Герай I обязуется наказать их, если они появятся в его владениях.

Этап четвертый (1540–1551). Окончательная ликвидация угрозы со стороны Исляма Герая (убитого Бақы-беєм в 1537 г.) привела к консолидации сил ханства и укреплению позиций хана. Отныне у Сахиба Герая I были развязаны руки для активизации внешней политики, традиционно представленной литовским и московским направлениями. К концу 1540 г. крымскими элитами было принято решение о необходимости начала войны с Москвой. Татарский посол Али Хаджи отправился в Польшу, чтобы возобновить союз с королем Сигизмундом I. Результатом поездки стало заключение нового союзного договора в 1542 г. Согласно нему, крымские татары должны были помочь Литве вернуть захваченные Москвой литовские земли. Также стоит отметить, что крымская сторона гарантировала право польских купцов беспрепятственно вывозить соль из Хаджибея (нынешняя Одесса): показатель того, что юрт осуществлял опосредованное управление и на этих землях. Гарантировалась свобода путешествий польских купцов в Ферах-Керман (Перекоп) и Кефе. Король обязался выплачивать ежегодно 15 тыс. флоринов крымскому хану. В случае татарских набегов хан должен был наказать виновных и вернуть захваченную собственность, в противном случае король освобождался от выплаты поминок за год, в котором был совершен набег. Сахиб Герай I также вновь жаловал королю обширные территории бывшей Руси – вплоть до Новгорода и Пскова [Kołodziejczyk, 2011, с. 83–84].

Хан уделял большое внимание сдерживанию московской экспансии в Поволжье и про-

водил крупные походы на Кавказ. Эти приводит к уменьшению набеговой активности татар на литовском направлении, что было еще более заметно с учетом нарастания частоты нападений литовских пограничных старост на татарские улусы. Указывая на масштаб польско-литовских набегов на мусульманское Причерноморье и их последствия, польский историк А. Дзюбиньский писал: «Денежное измерение [последний польско-литовских набегов], например, в 1549 году, было почти равно величине налога, полученного казной от Аккермана, Очакова и их районов. И всегда величина потерь, понесенных населением Очакова, превышала налоги, уплачиваемые этим городом. Нападения часто означали материальные разрушения, гибель людей или неволю до конца жизни, особенно для захваченной молодежи. У нас есть зеркальное отражение последствий татарских нападений на юго-восточных окраинах Речи Посполитой при сохранении схожих пропорций» [Dziubiński, 1996, с. 83]. Характеризуя польско-литовские вторжения в правление Сигизмунда II Августа, польский историк конца XVI – начала XVII вв. Анджей Любенецкий писал: «Чаще наши ходили в татарские поля казаковать, чем татары к нам» [Poloneutichia, 1843, с. 30].

Этап пятый (1551–1577). Сложившаяся ситуация была решительным образом исправлена с началом правления Девлета Герая I. Хотя этот монарх известен в первую очередь своими войнами с Россией, немало внимания он уделял польско-литовским делам. Первый же свой поход он направил на Литву, осадив и захватив после 3-дневной осады Брацлав в сентябре 1551 г. [Nykiel, 2006, с. 38]. Это событие произвело шокирующее впечатление на литовские власти – татары довольно быстро и без труда захватили значимый город, чего не происходило с 1482 г., со времен памятного взятия Киева Менгли Гераем I [Kolankowski, 1935, с. 295]. При Девлете Герае I возродилась старая крымская традиция ведения переговоров и с Москвой, и с Вильно одновременно, при попеременном опустошении земель и одного, и другого северного соседа.

Война в 1551 г. закончилась, не успев начаться: вскоре Девлет Герай I послал своего посланника Бийтака, сообщая, что согласен на мир при

условии выплаты «поминок» в том же объеме, в каком их получал Сахиб Герай I. В мае 1552 г. новый властитель Крыма выслал королю ярлык, который традиционно начинался со списка восточнославянских земель, даруемых Литве. В отличие от своего предшественника, который объявил в 1539 г., что мог удержать жителей Аккермана, Очакова и Азова от набегов на королевские земли, Девлет Герай I ссылался на свои полномочия, представленные непосредственно османским султаном Сулейманом I, давшим хану право наказывать своевольников [Kołodziejczyk, 2011, с. 90–91].

Завоевание Россией Казанского и Астраханского ханств в 1552 и 1556 гг. повлекло за собой резкое изменение баланса сил и наплыв беженцев из оккупированных стран в Крым, приносивших с собой ужасные вести о разгромах и опустошениях, производимых завоевателями. В таких условиях геополитическое противостояние Москве выходило на первый план во внешнеполитической стратегии Бахчисарая, делая Крым и Литву естественными союзниками в борьбе с восточной угрозой. Тем не менее сохранялись и ощутимые противоречия в отношениях двух стран. Действуя с территории ВКЛ, князь Дмитрий Вишневецкий организовывал частые нападения на мусульманское Причерноморье. В 1557 г. Девлет Герай I захватил остров Хортицу, бывший базой для операций Вишневецкого, а в 1558 г. отправил войска в набег в Литву, однако крымско-литовский конфликт был улажен при помощи османской дипломатии [Kołodziejczyk, 2011, с. 94].

Наращение русско-литовских противоречий и «ливонский вопрос» привели к новой русско-литовской войне 1561–1570 гг. В этом конфликте обе стороны пытались заручиться поддержкой крымских татар. Польский король и великий князь литовский Сигизмунд II Август сумел заключить в 1560 г. договор с юртом. В новом ярлыке, выданном Девлетом Гераем I, хан подарил Литве те же населенные пункты, что и в ярлыке 1552 г., и включил стандартные условия, касающиеся его участия в возвращении Литве земель, захваченных Москвой, взаимное прощение прошлых ошибок и гарантии безопасности торговцам [Kołodziejczyk, 2011, с. 95].

В начале 1560-х гг. из-за неспособности со-

юзников организовать должное взаимодействие своих войск происходит охлаждение польско-литовско-крымских отношений. Хан начинает переговоры с Иваном IV, однако попытки царя в 1563–1564 гг. создать прочный альянс с юртом против Литвы не принесли успеха. Несмотря на частые антилитовские акции юрта, «Россия, овладевшая Поволжьем, частью Ливонии, Полоцком, казалась Крыму более сильным государством, чем Польша и Литва» [Османская империя, 1984, с. 263]. Несмотря на отдельные недоразумения, возникавшие в отношениях двух могущественных восточноевропейских держав, опасность со стороны Москвы, угрожавшей и татарскому миру, и Польше-Литве, вынуждала обе стороны к сближению. Как отмечал Л. Подхородецкий, «поддерживаемая до сих пор государством Гераев Речь Посполитая отказывала Ивану в титуле казанского и астраханского царя, выражая тем самым свою солидарность с Крымом» [Podhoro-decki, 1989, с. 118].

Впрочем, взаимные набеги были фактором, серьезно осложнявшим отношения между потенциальными союзниками. В отличие от русских (лишь во второй половине 1550-х гг. сумевших причинить незначительный ущерб полуострову), польско-литовские отряды часто грабили крымские улусы. Ввиду этого для многих крымских татар было вовсе не очевидно, что их главный враг – Россия. Мурзы с возмущением прямо говорили хану Девлету Гераю I, что Москва от них далеко, а литовцы нападают на пределы ханства, захватывая женщин и детей в неволю. Московский гонец в Крыму М. И. Мясоедов в конце 1574 г. писал царю, что «царевичи, государь, отцу говорят, и князи все, и мирзы, и черные люди все, чтоб царю с тобою, государем, помиритца. А ставят себе недругом великим Литву, что им шкота великая от литовских людей. Как яз, холоп, приехал в Крым, и им покоя не бывало от Литвы. А говорят, государь, царевичи, и князи все, и мирзы царю: – Какая деи нам шкота от Московского государя? А от Литвы нам всегда покою нет: нас побивают, а жены наши и дети в полон емлют, и стада у нас отгоняют» [Посольская книга, 2016, с. 187].

Во второй половине XVI в. появляется и крепнет новая сила, существенно влияющая на польско-татарские отношения – запорожское ка-

зачество. Проводя постоянные нападения, казаки наносили значительный вред крымским владениям, в том числе во время походов крымцев на русские земли. Набеги с территории Речи Посполитой на Крымское ханство в этот период по своим разрушительным последствиям сравнимы с последствиями татарских набегов. По мнению С. А. Лепявко, в 1570–1580-е гг. «украинские казаки совершили до сорока нападений на Крым, татарские улусы, в том числе те, которые находились поблизости турецких крепостей Белгорода и Очакова. Если считать только упомянутые в источниках цифры, то казаки забрали как минимум сто тысяч голов быков и овец, семнадцать тысяч коней, триста шестьдесят тысяч злотых деньгами, не меньше тысячи человек плена, не считая всего остального. От каждого крупного татарского нападения украинские земли несли значительно большие потери. Но если наложить приведенные цифры на экономическое и демографическое положение ханства, то масштабы понесенных татарами потерь можно считать соразмерными (в процентах к общему потенциалу) с украинскими. В дальнейшем масштабы казацких опустошений возрастали еще более» [Леп'явко, 2000].

Впрочем, татары старались не отставать. Так, за два года (1566 и 1567 гг.) ущерб, нанесенный Польше и Литве татарскими набегами, составил 6 тыс. человек, 9 тыс. коней, 175 тыс. овец, 64 тыс. голов крупного рогатого скота, было сожжено 327 сел [Kraszewski, 1860, с. 81]. Одним из наиболее опустошительных оказался знаменитый набег 1575 г. [Вирський, 2016]. Справедливости ради следует отметить, что первоначально Девлет Герай I не стремился к его осуществлению (даже под давлением османского султана), ссылаясь при этом на голод, приведший к конскому падежу [Посольская книга, 2016, с. 204].

Этап шестой (1577–1595). В последней четверти XVI в., как отмечал Д. Колодзейчик, «хотя хан постоянно обвинял польского короля за казацкие набеги и опоздание выплаты поминков, а польская сторона обвиняла татар за опустошение Украины, удалось сохранить относительно мирные взаимоотношения» [Колодзейчик, 2014, с. 113].

Тем не менее конфликты случались и в эти годы. Несмотря на то, что трансильванский князь Стефан Баторий в 1576 г. был избран польским королем благодаря той поддержке, которую ему оказали Крым и Турцию, на рубеже 1570–1580-х гг. он вынашивал планы войны против турок и татар, в том числе в союзе с Москвой [Woratyński, 1903, с. 237]. Однако до войны дело так и не дошло.

Энергичный хан Гази Герай II уже вскоре после своего восшествия на трон в 1588 г. провел масштабный набег на польские земли (в 1589 г.), мстя за набег запорожских казаков на Гезлев. В 1593 г. состоялся новый разрушительный набег крымских татар. В 1594 г. крымский посол прибыл в Варшаву с просьбой пропустить ханскую армию через Польшу в Венгрию для войны с Австрией. Польское руководство отказалось, предпочтя готовиться к отражению крымского вторжения вооруженным путем. Тем не менее Гази Герай II, переиграв искусными маневрами польских полководцев Яна Замойского и Станислава Жолкевского, вывел свое войско через Карпаты в Венгрию, где крымцы приняли деятельное участие в османской кампании против Габсбургов [Kocowski, 1948]. В следующем, 1595 г., интересы юрта и Речи Посполитой в Молдавии вновь приведут к военной кампании, в которой сойдутся на поле боя армии Гази Герая II и Яна Замойского¹.

В конце XVI в. обе стороны – и Польша, и Крым – завязли в серьезных геополитических противоречиях, связанных с нерешенностью «молдавского вопроса» (в начале XVII в. польская армия будет предпринимать открытые вторжения, оспаривая турецкое и татарское влияние в этой стране) и все возрастающими по силе набегами – как татарскими, так и казацкими. Активизация во второй половине XVII в. известных своим своевољством запорожских казаков и буджацких татар усиливала риски во внешнеполитической стратегии Бахчисарая и Варшавы.

¹ История крымско-польских отношений с 1595 г. включительно рассмотрена в параграфе 8.3. «Дипломатические отношения Крыма с Речью Посполитой в XVII веке». (К. А. Кочегаров).

6.6. Дипломатические отношения Крыма с Египтом в конце XV – XVI вв.

И. В. Зайцев

Мысыр хазнесіне беңзер јаремің бір геджесі
 («Сокровищ Египта стоит одна ночь с моей подругой!»)
 Крымскотатарская народная песня
 [Олесницкий, 1910, с. 6, 81 (№ VI)]

Связи Крымского ханства с Египтом, безусловно, имели своим истоком тесные отношения Египта с Золотой Ордой [ал-Холи, 1962; Закиров, 1966]. В августе 1394 г. в Дамаске египетский султан аз-Захир Баркук принимал послов хана Тохтамышша, османского султана Баязида и Бурхан ад-Дина Ахмада, правителя Сиваса. Рассказ об этом сохранился у Тагрибирди: «Туда прибыли к султану послы Тохтамыш-хана, правителя земли Кыпчак (Кыфджак), предлагая союз против Тимурленка, предложение которых султан принял. За ними прибыли послы османского султана Йылдырыма Баязида, правителя Малой Азии, сообщая, что он послал 200 000 дирхемов в помощь аз-Захиру и что он будет ждать ответа султана, чтобы поступить соответственно...» [Taghri Birdi, 1954, с. 148]. Возможно, что в августе 1394 г. в Дамаске, где представители четырех стран обсуждали перспективы войны с Тимуром, состоялись первые официальные контакты представителей Тохтамышша и Баязида.

Поражение Тохтамышша в 1395 г. и катастрофа 28 июля 1402 г. (битва при Анкаре) на какое-то время приостановили развитие отношений Османской империи и Золотой Орды. Государства испытывали тяжелейшие внутренние потрясения, временно снявшие актуальность контактов друг с другом. К сожалению, мы не имеем сведений о развитии османо-ордынских дипломатических отношений в самом начале XV в. Контакты же золотоордынских ханов с Египтом продолжались. Так, по сообщению Эль-Айни, 21 апреля 1429 г. послы Улуг-Мухаммада прибыли в Египет, имея при себе подарок и два письма (на арабском языке и монгольском уйгурским алфавитом) [Тизенгаузен, 1884, с. 502; Spuler, 1943, с. 158]. Возможно, в составе именно этого посольства к султану ал-Малику ал-Ашрафу

Барсбаю находился И. Шильтбергер, который упоминает посольство Улуг-Мухаммада к мамлюкскому султану по случаю свадьбы дочери последнего [Шильтбергер, 1984, с. 36, 46]. К сожалению, результаты и действительные цели этих посольств неизвестны. Скудость источников не позволяет ответить на этот вопрос с определенностью. С основанием Казанского ханства круг внешнеполитических интересов Улуг-Мухаммада несколько изменился, ни Египет, ни Османская империя не играли главные роли в его внешней политике. Это место занимало сначала Великое княжество Литовское, а затем и Московское княжество.

Между тем Египет играл некоторую роль в обосновании османской экспансии на северных берегах Черного моря. Весьма важной вехой в изучении Турции и, в частности, ее интересов в Северном Причерноморье, на Северном Кавказе и в южнорусских степях стал труд Дмитрия Константиновича Кантемира (1673–1723), сына молдавского господаря, избравшего после Прутского похода Петра I местожительством Россию. Его «История Оттоманской империи» была написана в 1714–1716 гг. и около 1721 г. по просьбе Петра переведена на русский, но перевод остался в рукописи и служил источником информации для русских политических и научных трудов. Дм. Кантемир одной из основных причин османской активности в Крыму и на Кавказе и, в частности, османского похода 1484 г. в Черкесию, уничтожившего почти все центры пополнения рядов египетских мамлюков, считал османо-египетское противостояние. Турки в условиях вражды с мамлюками всеми средствами пытались подорвать экономический и военный потенциал Египта. Отсюда стремление контролировать черноморские рынки (центры продажи живого то-

вара) и прилегающие районы Северного Кавказа (источник поступления мамлюков) [Сantemir 1743, с. 95]. Рассмотрение османской активности в Северном Причерноморье в связи с турецко-египетским противостоянием (начавшимся примерно с 60-х гг. XV в.) чрезвычайно плодотворно и практически игнорировалось исследователями.

Если история дипломатических связей Золотой Орды с мамлюками в общих чертах известна, то о контактах Крымского ханства с Каиром до недавнего времени не упоминалось [Хорошкевич, 2001, с. 108–109; Зайцев, 2006, с. 49–51]. В специальной работе о внешнеполитических связях Крыма с европейскими и азиатскими дворами XV–XVIII вв. Египет не фигурировал [Matuz, 1988, с. 233–249]. В отсутствие крымских и египетских источников по теме основным материалом для реконструкции крымско-египетских отношений остаются посольские книги по связям Московского государства с Крымским ханством.

В конце апреля 1491 г. в Москву прибыл некий молла Багаутдин с грамотой Менгли Герая, в которой хан писал Ивану III: «Мисюрской салтан¹ ко мне, к брату к твоему, прислал с своим человеком: яз у отца у твоего Ази-Гирея царя лице есми его видел и хлеб есми его ел²; Бог нас так на Мисюри салтаном учинил. Отец твой царь прежним салтаном с добрым с своим человеком добрые поминки присылывал; и мы, что у нас добрых коней и доброво товару и добрых сабель с золотом посылавали есмя беспрестанно. И ты бы ко мне прислал своего доброго человека борзо, безпереводно. Какова поминка мы хотим от него, и он к нам хочет послати. Что, брат мой, нынеча ко мне прислал поминки, и яз те поминки послал к салтан Баязыту с Ямгурчеем с царевичем. И нынеча мисюрскому салтану меня брата своего в сороме не учинишь, сего Багададын, богомолца моего, к мисюрскому салтану которые пригожие поминки от соболя, от рыбьих зубов

¹ Т. е. египетский султан (от арабского Мыср – Египет). Им был тогда Каит-бей (1468–1496).

² «Есть чей-либо хлеб» – очень частое в крымских дипломатических текстах выражение признательности и уважения. Возможно, это и некоторые другие тюркские клише (если это не вольный перевод арабского текста в выражения крымской канцелярии) – свидетельства того, что языком письма султана Менгли Гераю был тюркский.

пришлешь, ино братство свое свыше учинишь; пошлого своего молну богомолца Багададына, того же хочю послати к мисюрскому салтану. Тебе брату моему в той стороне, что ти будет надобно, прикажешь; Бог донесет, ты брат мой, как накажешь, по твоему приказу может добыти; тот человек мисюрского салтана человек, пришед в Кафе стоит» [Сборник РИО, 1884, с. 107]. Из этого письма в Москву становится ясным, что активные дипломатические и торговые контакты между Крымским ханством и мамлюкским Египтом установились еще при Хаджи Герае. Султаном, который возобновил с Менгли Гераем прерванные дипломатические связи, был ал-Ашраф Сейф ад-Дин Каит-бай. Вполне вероятно, что политические контакты двух государей были упрочены единством происхождения: мать Хаджи Герая была родом из Черкесии [Утемиш-хаджи, 2017, с. 81], а Каит-бай также был по происхождению черкесом, купленным султаном Барсбаем уже в Каире. Вполне вероятно, что слова Каит-бая о личной встрече с Хаджи Гераем можно воспринимать не иносказательно, а буквально³. Восхождение к вершинам власти у обоих почти совпало по времени (Хаджи Герай был, видимо, немного старше). Путь будущего султана из Черкесии в Египет лежал, определенно, через Крым.

Осуществлялись дипломатические и торговые связи двух государств через Кафу. Торговля была важной составляющей отношений двух государств. Кое-что можно сказать о характере товарооборота: из Египта в Крым вывозились кони и оружие. Крымские купцы-«ордобазарцы», как писал в Москву Менгли Герай, «и в Аземе, и в Мисюрь, и в Шам, и в Рим (т. е. в Иран-Аджем, Египет, Сирию (Дамаск) и в Рум – Европейскую Турцию. – И. 3.) ходят» [Сборник РИО, 1895, с. 28, 74]. Египетские посланцы и купцы прибывали в османскую Кафу, а значит, крымско-египетские связи были хорошо известны османам. Некоторые крымцы покупали в Египте товары по заказу из Москвы: так некий Чабак купил для московского великого князя Василия аргамака за 100 золотых [Сборник РИО, 1895, с. 41]. Менг-

³ «Видеть лицо» («юз гёрюшмек») – быть рядом, «лично видется (с высшим лицом), представиться» [Будагов, 1871, с. 375].

ли Герай предлагал Ивану в обмен на поминки для египетского султана (соболя и рыбий зуб, т. е. моржовый клык) заказать что-либо в Египте молле Багаутдину. В мае 1491 г. Менгли Герай просит отпустить Багаутдина из Москвы в Египет побыстрее, ибо «товарищи его борзо едут» [Сборник РИО, 1884, с. 111].

В октябре 1493 г. в Москву снова прибывают грамоты Менгли Герая, написанные в сентябре на Днепре. В одной из них хан опять упоминает о своих связях с Египтом: «Молная мало-во брату тезику одному человеку ярлык давши, к тебе к брату своему послал есми с Мынюрем да с Оюсом, что было живота, то твои казначеи взяли, а денги его не дошли, так есми слышел, как тому убогому куны его ему давши, Мынуря да Оюса не оставишь, велми мне брату твоему за честь на сердце учинишь. К тебе есми к брату своему о кречетех молвил был есми поминка послал, мисюрсково деля салтана, а посол его приходит стоит, которому послу итти не оставя пошлешь, братство ведает» [Сборник РИО, 1884, с. 193–194]. Не ясно, говорит ли хан в этом письме все о том же Багаутдине или о его брате «тезике» Мехмете.

Следствием посольства Багаутдина была ответная египетская миссия в Крым. Менгли Герай 5 октября 1495 г. писал в Москву следующее: «А ныне от мисюрского салтана человек приехал, кречатов да рыба зубья просить». Для их покупки хан послал в Москву деньги через своего человека Касыма. В другой грамоте (от 8 октября) хан сообщал: «Мисюрской салтан писан и шит узорчат шатер прислал⁴» [Сборник РИО, 1884, с. 220].

⁴ Присылка шатров – неотъемлемая часть дипломатического этикета, дань уважения правителю. В шатрах хан устраивал пиршества и приемы, в летнее время шатер – место почти постоянного его пребывания. У крымского хана Сахиб Герая, например, был шатер, вероятно, присланный в подарок сефевидским шахом Исмаилом. Последний подарил Сахибу и расшитые шелком ковры, которые расстилали в торжественных случаях, на пирах перед золотым тронном хана [Tarih, 1973, с. 55]. В «Казанской истории» среди даров, присланных казанским ханом Мухаммад-Эмином Василию Ивановичу, упоминается «красный шатер драгий»: «Прислан бо той шатер казанскому царю в дарех от царя вавилонского и кизилбашского» [Памятники литературы Древней Руси, 1985, с. 340]. Оба

Вероятно, вследствие крымско-египетского дипломатического обмена в библиотеке крымских ханов оказались каирские рукописи сер. XV в. (Бахчисарайское собрание в РНБ).

Это посольства совершались на фоне серьезного османо-египетского конфликта. В 1481 г. в Египте приняли султана Джема – брата Баязида и претендента на османский престол. В 1486 г. началась первая османо-мамлюкская война: египтяне нанесли османам сокрушительное поражение. Вторично мамлюки разгромили османов в 1487 г. Несмотря на то, что формально при посредничестве Туниса в 1491 г. был заключен крайне непрочный мир, в отношениях османов и мамлюков царила напряженность.

При последнем мамлюкском султанине ал-Ашрафе Кансухе ал-Гури (1501–1517 гг.) контакты продолжались. В 1508 г. брат Менгли Герая Ямгурчи (которого после совершенного хаджа стали называть Хаджи) просил у Василия III рысью шубу специально для отправки в Египет [Сборник РИО, 1895, с. 31; Хорошкевич, 2001, с. 265]. Пожалуй, последнее упоминание Египта в крымско-московской переписке приходится на август 1515 г., когда Мухаммед Герай сообщал: «А после того пришли к нам послы от Салим-шага салтана, и от мисюрского салтана, и мы им на поминки кречетов не добудем». В запросе о кречатах хан писал: «от арапов, и от азямов⁵, и от мисюри, и от Царягорода отовселе нам от государей добрые люди на государство здоровати идут» [Сборник РИО, 1895, с. 156; Хорошкевич, 2001, с. 265]. Египетский поход Селима Явуза (1517 г.) положил конец связям двух государств.

шатра – и Сахиб Герая и Мухаммад-Эмина – персидского происхождения. Возможно, речь идет о нескольких шатрах, присланных Исмаилом Мухаммад-Эмину: один был подарен им Василию III, другой перешел Сахиб Герая, занимавшему в 1519–1523 гг. казанский престол.

⁵ Т. е. из Ирана (*Аджем*).

6.7. Взаимоотношения Крымского ханства с Ираном (Ак-Коюнлу и Сефевиды)

И. В. Зайцев

Крымско-иранские контакты имеют глубокие корни, уходящие в золотоордынскую эпоху или даже предшествующий период. Они, безусловно, не ограничивались политическими связями, а имели и весомую торговую составляющую. «Для отношений Крымского ханства к Ирану не характерно острое противостояние; напротив, современные европейские источники рассматривали его как возможного члена антиосманской коалиции. Идея антиосманской коалиции во главе с Ираном, которая поначалу являлась любимой концепцией дипломатии находящегося под угрозой османского завоевания Венгерского королевства, затем была принята Габсбургами как план большой восточной лиги, однако инициативы создания коалиции исходили из Венеции, а больше всего от папского двора. Большой план заключался в том, чтобы окружить и остановить Османскую империю, для чего Венеция, венгерский и польский короли, а также крымский хан и персидский шах должны были заключить союз против общего врага – османов» [Иванич, 2004, с. 26–27].

Насколько реальна была такая коалиция? Идеи привлечения крымских татар и персов к антиосманскому союзу расценивались европейской дипломатией до 1475 г. как вполне осуществимые [Зайцев, 2004а, с. 84–86]. Но и позже мы видим, что крымские ханы, уже будучи связаны с османами отношениями покровительства (которые часто называют протекторатом), не прекращают дипломатический обмен с Ираном. Уже Менгли Герай имел политические и торговые отношения с предшественниками Сефевидов – государством Ак-Коюнлу: имеются сведения о крымском посольстве (не позднее 1490 г.) в Тебриз к султану Якубу б. Узун-Хасану (1478–1490) и ответной миссии. Этот обмен осуществлялся морем через османскую Кафу, куда послы и купцы из Ак-Коюнлу прибывали скорее всего из Трапезунда. В апреле 1491 г. в Москву пришли грамоты крымского хана, которые привез его слуга Ходжа Мехмед. Менгли Герай в одной из этих грамот

сообщал Ивану III: «К Тевризскому князю Якупу сего Хозя Маахмета (т. е. упомянутого «слугу» Ходжа Мехмеда. – И. З.) посылал есми, и Ягуп князь, Усейном зовут, посла своего со многими поминки послал был. И того Ягупа князя посол приехал был в Кафу и к нам было ехать ему, ино в ту пору недруг пришел и к нам было ему нельзе ехать» [Сборник РИО, 1884, с. 106]¹. Посол Якуба до Менгли Герая не доехал и вынужден был вернуться (причиной, скорее всего, была смерть в Тебризе самого Якуба). Тебриз и в целом Восточный Азербайджан еще в XIV в. были яблоком раздора между Золотой Ордой и ильханами, и связи его с Крымом могли уходить еще в это время. Можно также предположить, что контактам между ханством и державой Ак-Коюнлу способствовало родство правителей крымского княжества Феодоро с Трапезундским домом Комнинов. Впрочем, текстов для подтверждения этого предположения мы не имеем.

Как замечает М. Иванич, ни европейские, ни крымскотатарские источники не содержат данных о том, были ли в первой половине XVI в. установлены непосредственные отношения между династиями Гераев и Сефевидов в рамках антиосманского союза [Иванич, 2004, с. 28]. Однако именно в начале XVI в., возможно, именно под влиянием сефевидской канцелярии в крымской делопроизводственной практике появляется миндалевидная печать [Иванич, 2004, с. 28].

М. Иванич разделила крымско-иранские отношения в XVI–XVII вв. на три основных периода. На первом этапе до 1578 г. (начало османо-сефевидской войны) и Крымское ханство, и держава Сефевидов рассматриваются в Европе как потенциальные союзники христианской лиги в борьбе с Османами. На втором этапе наблюдаются неоднократные попытки с персидской стороны ослабить зависимость Крыма от Османов и привлечь Гераев на свою сторону, в том числе с помощью

¹ Ниже в тексте письма посол Якуба назван Асаном (т. е. Хасаном, а не Хусейном).

возможных династических браков. Эти попытки не дали результатов. Начиная с 1628 г. двусторонние отношения могут характеризоваться как враждебные [Иванич, 2004, с. 33].

Таким образом, контакты с Ираном в Крыму всегда зависели от отношений двух государств с Османской империей и часто были окрашены в антиосманские тона, поэтому иранские симпатии особенно хорошо заметны у тех ханов, которые старались вести независимую политику и отделяли себя от османского влияния как в политическом, так и в культурном смысле. Так, сын Менгли Герая Мухаммед Герай, по отзывам его окружения, явно испытывал наклонности к общению с шиитами [Le Khanat, 1978].

Зоной соприкосновения интересов двух государств был Кавказ. Крымские ханы были кровно связаны с Западным Кавказом: именно оттуда происходили ханские аталыки, мать основателя ханства Хаджи Герая была из черкесов-кемергойцев (подразделения адамий) [Кырыми, 2014, с. 330; Кырыми, 2018, с. 86]. Иран подчинил своему влиянию Восточный Кавказ, захватив в 1538 г. Ширван, который с тех пор стал ареной противостояния Османов и Сефевидов.

К началу в 1578 г. османо-сефевидской войны внешнеполитический горизонт Крымского ханства значительно сузился, но его военное значение для Османской империи возросло: «Османское командование нуждалось в крымскотатарских вспомогательных отрядах, которые выполняли задачи логистики и сохраняли завоевания османской армии в то время, когда она отходила на зимний отдых. Охраняющие передовую линию врага крымские татары часто попадали в зависимое положение, в результате чего в первые же годы войны два высокопоставленных руководителя крымского войска попали в плен. Из братьев хана сначала в руки персов попал Адиль Гирай, занимающий пост калги, а затем его младший брат Гази Гирай» [Иванич, 2004, с. 29–30].

Вскоре персидская сторона с помощью возможных династических союзов с Гераями постаралась ослабить зависимость ханства от Османской империи. Шах готов был отпустить Адиля

в обмен на заключение с Крымом союза, скрепленного брачными узами (калгу планировалось сделать тестем шаха), однако вследствие интриг он был казнен (Адиль Герая обвинили в том, что он завел любовную интригу с сестрой шаха и приобрел слишком большое влияние на его жену Бегум Хайр ун-Ниса).

Судьба Гази Герая сложилась более счастливо. Пленника сначала подарили наследнику престола Хамзе-мирзе. Последний, стараясь привязать султана к себе и привлечь его на службу, осыпал его милостями, однако, заметив его твердость и неуступчивость, заточил Гази Герая в крепость Кахкаха (Аламут). Однако обстановка резко поменялась после 1584 г., когда Османы сместили Мехмед Герая с престола. В этих условиях в Иране сочли возможным использовать Гази Герая как претендента в борьбе за крымский престол: его готовили в Иране к династическому браку и даже хотели назначить его правителем Ширвана. Этот план также не удался (среди стихов крымского султана сохранилось персидское рубаи, в котором он отвергает предложение шаха), и Гази Герай, воспользовавшись большей свободой передвижения, бежал из плена. В 1588 г. он занял крымский престол, воспользовавшись покровительством влиятельного Османа-паши Оздемироглу, который был сердаром во время персидского похода.

На рубеже XVI–XVII вв. папская дипломатия вновь рассчитывает создать новый антиосманский союз, в котором желает видеть и крымского хана, и персидского шаха, и русского царя. В случае войны против Османов крымского хана планировалось держать вдали от театра военных действий. Достичь этого хотели с помощью материального вознаграждения. Реакция на эти планы в Крыму нам не известна.

Наконец, в 1620-х годах в крымской политике снова проявляется ориентация на Сефевидский Иран как противовес усиливавшейся зависимости от Стамбула. Представители династии братья Мехмед Герай и Шахин Герай принимали участие в азиатском восстании против Османов в начале XVII в., но были прощены в 1610 г. и заняли в ханстве высокие посты. Проиграв борьбу

за власть, Шахин вскоре бежит к Аббасу I и сражается на его стороне против Османов и своих же братьев, которые принимали участие в османо-сефевидской войне. В 1623 г. Мехмед Герай стал ханом и назначил брата на пост калги. Шахин Герай вел открытую антиосманскую политику и даже на время захватил Кафу, а в 1625 г. отказался от участия в османском походе на Иран. Впрочем, этот эпизод так и остался эпизодом, и вскоре крымские татары вновь продолжают использоваться империей в войнах против Ирана в Закавказье. Так, например, в 1638 г. султан Мурад послал из Кафы в Эрзурум к Кенан-паше

пятьсот крымских татар для участия в походе на Ереван [Канакерци, 1969, с. 119–120, 123]. Едва ли сотня из них в результате спаслась.

Крымско-иранские контакты в XVIII в. изучены плохо. Однако очевидно, что и в это время Иран занимал определенное место в политическом кругозоре крымских ханов. Вряд ли случайно Персия как возможное место возведения на престол Шахин Герая в обмен на уступку Крыма появляется в планах российского правительства накануне падения Крымского ханства [Лашков, 1886, с. 67–68]. Неясно, насколько серьезно относился к этой идее сам хан.

ГЛАВА 7. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КРЫМСКОГО ХАНСТВА В XVII в.

7.1. Внутриполитическое развитие Крымского ханства в XVII в.

И. В. Зайцев, А. А. Шейхумеров

В декабре 1607 г. во время похода на Кавказ Гази Герай II умер (скорее всего, от заражения чумой). Власть в ханстве перешла к его сыну Тохтамышу Гераю I, который, однако, через несколько месяцев был убит в ходе заговора. В 1608 г. престол занял присланный из Стамбула Селямет Герай I (правил до 1610 г.). Следующим ханом стал его приемный сын калга-султан Джанибек Герай (он был внуком Девлета Герая I и сыном Мебарека Герая)¹. Этот хан проявил себя как преданный союзник Османского государства. Он принимал участие в нескольких турецких походах: катастрофой закончилась кампания 1617–1619 гг. против Ирана, но в 1620 г. крымские войска разбили поляков под Цецорой.

Большим вызовом для Крыма стало усиление буджацких татар в начале XVII в. Усиление ногайского элемента в ханстве (в первую очередь в Буджаке) затрудняло контроль над ним со стороны крымского правительства. В первой трети XVII в. «буджацкий вопрос» стал одним из важнейших во внутренней и внешней политике Крымского ханства. Энергичный буджацкий лидер Кантемир занимал независимую по отношению к Бахчисараю позицию, не признавая себя ханским подданным. Попытки Стамбула повысить статус буджацкого военачальника (после 1621 г. он был назначен силистрийско-очаковским бейлербеем) вызывали раздражение Гераев. По сообщению Я. Собеского, Джанибек Герай I «в своём диком тщеславии с презрением смотрел на Кантемира, низшего по происхождению и общественному положению, его собственного подданного. Который, однако, пользовался большим почётом

¹ Мать Джанибека, которая была, видимо, кабардинкой, после смерти мужа по обычаю левирата последовательно становилась женой его братьев – сначала хана Фетха Герая I, а затем Селямета Герая I.

у всех турок и у самого Османа, и сделан был правителем Силистрии и Бессарабии, несмотря на то, что были люди старше его» [Гизер, 2009, с. 223]. «Сделав Кантемира бейлербеем, султан Осман II вывел его из-под юрисдикции крымского хана, подчинив напрямую себе. В лице Кантемира и буджацких ногайцев турки получили сильное оружие, посредством которого они могли угрожать не только Речи Посполитой, но и, при необходимости, усмирять не в меру самостоятельных крымских ханов. В свою очередь, для Крыма отделение буджаков таило в себе явную угрозу раскола Крымского юрта. В Северо-Западном Причерноморье постепенно сложился центр ногайской оппозиции крымским ханам. Возросший авторитет ногайского предводителя в ногайских улусах Крыма, Поволжья и Северного Кавказа привлекал к нему тысячи новых сторонников, что, конечно, не могло не беспокоить крымскую родовую знать. Отсюда многолетняя, кровопролитная гражданская война – борьба Кантемира с главными крымскими родами, закончившаяся только после его смерти» – отмечал С. Н. Гизер [Гизер, 2009, с. 224–225].

В 1623 г. Джанибек Герай I был смещен и заменен Мехмедом Гераем III (сыном Саадета Герая II, недолго правившим ханством в 1584 г.). Этот хан сразу же занял враждебную Османам позицию, ориентируясь на Сефевидский Иран. Он неоднократно отказывался принимать участие в военных экспедициях против Ирана. В Стамбуле решили сменить его на престоле, назначив вновь отставленного Джанибека. В 1624 г. Джанибек Герай был назначен новым ханом, однако трона достичь не смог. Мехмед Герай и его брат, калга-султан Шахин Герай, опираясь на недовольных Османами крымских беев,

призвали на помощь запорожских казаков и отказались покинуть полуостров. Зимой 1624/25 гг. Шахин Герая побывал в Запорожье, где заключил договор с казаками о взаимопомощи. Брат хана планировал вместе с запорожцами осуществить совместный поход в Молдавию с целью посадить там крымского ставленника. Дальнейшие завоевательные планы распространялись и на османские владения за Дунаем.

В ноябре 1628 г. при очередной попытке Османов сменить Мехмеда Герая III на престоле на помощь хану пришли запорожцы во главе с гетманом Михаилом Дорошенко. Джанибеку и поддерживавшим его османским подразделениям с трудом удалось не допустить вторжения казаков на полуостров. В апреле 1629 г. казаки повторили поход, причем с моря Крым подвергся нападению казачьих судов-чаек. Это не помогло братьям, и Мехмед Герая III погиб при попытке восстановить свою власть. Полноправным ханом в Крыму снова стал Джанибек Герая I (второе правление 1628–1635 гг.). Очередная смута привела к его отставке и высылке на Родос.

Новый хан Инает Герая I был сыном Гази Герая II и правил недолго (1635–1637). Он также стремился ограничить османское влияние, отказался от похода на Иран и активно искал союзников за пределами полуострова, заключив мирные соглашения с Польшей и Москвой. Инает Герая также продолжил попытки подчинить власти ханства буджакских татар. С этой целью он совершил в 1637 г. военный поход на Буджак во главе крымских и запорожских войск. Хан требовал у турок выдачи старого врага крымских ханов – Кантемира. В надежде примириться с султаном Инает отправился в Стамбул, но был убит там по приказу султана. Вместе с ним был казнен и Кантемир – турки сочли, что физическое устранение знаменитого полководца поспособствует умиротворению крымских элит. Впервые в истории турки решились убить крымского хана, что продемонстрировало падение престижа ханской власти в их глазах. Тем не менее даже это беспрецедентное событие способствовало укреплению позиций ханства: в отличие от Крыма мощь Буджака держалась в первую очередь на личных способностях и харизме Кантемира, и его гибель привела к восстановлению гегемонии юрта над

татарским миром Причерноморья [Wójcik, 1991, с. 467–468].

Преемником Инаета Герая I стал сын Селямета Герая I – Бахадыр Герая I (1637–1641). В его правление, в 1637 г. донскими казаками был захвачен османский Азак (Азов). На следующий год ханская армия совместно с турками приняла участие в походе на крепость. Взять ее не удалось, хотя по пути к Азаку в Адахунской битве был перебит значительный отряд казаков. В 1641 г. хан вновь отправился в поход на Азак вместе с войском. На обратном пути он заболел чумой и скончался.

Мехмед Герая IV, сын Селямета Герая I правил дважды. Первое правление было довольно кратким. Он взошел на престол в 1641 г., однако после ряда просчетов во внутренней и внешней политике был в 1644 г. смещен Османами и отправлен на остров Родос, традиционное место ссылки смещенных ханов. На его место был прислан Ислам Герая III (правил в 1644–1654 гг.). Хан добился мира в отношениях с родовой элитой и проявил себя как способный правитель. Первоначально, в 1645–1647 гг., между ним и частью аристократии произошел серьезный конфликт, вызванный возросшим влиянием служилой знати. Ставленник «старой» знати везирь Сефер Гази ага утратил свой пост, а его место занял представитель служилой знати Рамазан ага. Это спровоцировало виток вооруженного противостояния, закончившийся компромиссом между двумя влиятельными группами крымской элиты [Новосельский, 1948, с. 343–349].

Во внешней политике его правление было отмечено крымско-казацким союзом, заключенным с казацким гетманом Богданом Хмельницким и направленным против Польши. Поступление значительных материальных средств как следствия многочисленных военных успехов способствовало укреплению внутренней стабильности в Крымском ханстве.

Вторично Мехмед Герая IV правил с 1654 г. по 1666 г. В это время Крымское ханство, верное политике соблюдения баланса сил в Восточной Европе, меняет союзника и начинает поддерживать Польшу, а также украинского гетмана Ивана Выговского в его противостоянии с Москвой. Время правления Мехмеда Герая IV отмечено как время

бесперывных войн, способствовавших притоку материальных богатств на полуостров, но также и серии разорительных нападений донских казаков и калмыков на Крым. Источники отмечают, что в это время экономическое положение ханства было нестабильным – наплыв трофеев в случае успешных кампаний сменялся периодами кризиса во время вражеских нападений и голода.

В 1657 г. экономическая ситуация была столь тяжелой, что простолюдины практически насильно вынудили хана отправиться в поход в надежде обогатиться за счет добычи. Их предположение оказалось успешным – кампания окончилась разгромом трансильванской армии крымцами в июле 1657 г. и пленением почти всей военной элиты Трансильвании. Эвлия Челеби передавал восторженное мнение крымчан об этой кампании: «Теперь среди крымских татар эту войну называют мужественным походом против венгров. Если какой-нибудь татарин, распродав свое добро, подобно Мирасиеди Челеби (это нарицательное имя может быть переведено как «господин прожигатель наследства»), тратит свое состояние, про него говорят: «Человек, ты, должно быть, разбогател, участвуя в мужественном походе против венгров». Это выражение стало поговоркой. В этом походе было взято столько трофеев, что после похода большинство домов в Бахчисарае покрыли красной черепицей. До этого они были покрыты тростником» [Эвлия, 1961, с. 70–71]. В 1666 г. Мехмед Герай IV был смещен Османами с престола за отказ участвовать в войне с Габсбургами. Хан удалился на Кавказ, где предался отшельнической жизни суфия.

На его место был прислан Адиль Герай I, принадлежность которого к династии крымских ханов подвергалась современниками сомнению. Дело в том, что еще в конце XVI в. образовалась особая ветвь династии, так называемые Чобаниды (от Чобана Мустафы, т. е. Мустафы Пастуха – сына Фетха Герая б. Девлета Герая и пленной польки). Фетх Герай не признавал сына своим, и он был отдан в пастухи, а потом под именем Девлет Герай возвращен в Крым². Вскоре Дев-

лет Герай погиб в битве под Кефе, сражаясь в рядах мятежных братьев Мехмеда Герая и Шахина Герая против турок, которые пришли их усмирять (1624 г.). Сыновья же Девлета Герая Адиль Герай и Фетх Герай удалились в родовое гнездо гирейской фамилии Ямболу. Однако родственники псевдо Гераев упростили османские власти устранить их оттуда, и братья переселились в Визе.

Адиль Герай I был единственным представителем ветви Чобанидов на троне. Правил он в 1666–1671 гг. и был признан полновластным правителем: имел право чеканить монету, на аверсе которой стояло «Адиль Герай ибн Девлет Герай» [Муралевич, 1928, с. 142]. Его происхождение вызвало резкое неприятие крымской элиты, прежде всего Ширинов, возмущение которых хан подавил силой. Автор «Розового куста ханов» другой представитель династии Халим Герай так заканчивает биографию Адила Герая: «Это был глупый, наивный, склонный к низостям и равнодушный к человеческим достоинствам, черный дурак. После него никто из его детей и внучат до наших дней (автор умер в 1239 г. х., который начался 7 сентября 1823 г. – И. З.) не достиг никакого возвышения из ряда султанов крымских: довольствуясь одним лишь прозвищем Герай при именах своих, они иногда разве посредством брачных связей приобретали известность» [Смирнов, 2005, с. 417; Halim-Geray, 1870, с. 62–63]³. В области внешней политики хан запомнился войной с Польшей, в которой его союзником был гетман П. Дорошенко, а также мирным договором с Москвой, заключенным в 1670 г. Свои дни Адиль Герай закончил в 1672 г. в городке Каринабад (Карнобад, в центре одноименной казы) на востоке тогдашней Румелии (в современной Болгарии, недалеко от Бургаса).

Адила Герая на крымском троне сменил хан Селим Герай I. Это был, пожалуй, один из са-

Много позже ходил слух, что даже последний крымский хан Шахин Герай также был из Чобанидов. Князь В. М. Долгоруков-Крымский в одном из писем (1774 г.) писал, что он происходил из этого рода: «или проклятых султанов, коим и въезд в Крым воспрещен» [Поликарпов, 1914, с. 33].

³ Во втором издании своего труда Халим Герай несколько смягчил свою резкую оценку Адила. См. [Halim-Geray, 1909, с. 107].

² О существовании особой ветви Гераев были, естественно, хорошо информированы и в России.

мых известных и уважаемых современниками и потомками крымских ханов. Хаджи Селим Герай (1636–1704 гг.) был последователем суфийского ордена *мевлеви*. Четырежды восходил он на ханский трон и правил с перерывами с 1671 по 1704 гг.⁴ Ханами стали и шесть его сыновей, находившиеся на престоле в общей сложности 41 год. *Тахаллус* (или *махлас*, т. е. поэтический псевдоним) Селим Герая – «Ремзи» (от арабского «знак, символ») означает «символический». Сам он был сыном поэтов – Бехадыр Герая (писавшего под *тахаллусом* «Ремзи») и Хан-заде Хани (дочери Гази Герая II)⁵, прославился как *хафиз*, т. е. человек, знающий Коран наизусть, композитор и поэт⁶. «Умным и талантливым» называл его академик А. Крымский [Кримский, 1930, с. 5]. Хан покровительствовал наукам. Выдающийся отечественный тюрколог В. Д. Смирнов писал о нем так: «Личность Селим Герая очень замечательна. Уже важно то, что все решительно историки, и крымские и османские, в один голос превозносят его и как умного правителя, и как хорошего человека. Прежде всего он не был так властолюбив, как остальные предшествовавшие ему и следовавшие за ним его родичи, и не один раз он добровольно порывался сложить с себя ханское достоинство, сопряженное с великими трудностями управления... Скитальческая жизнь с самой юности выработала в Селиме практическую сметливость и крайне гуманную снисходительность к людям...» [Смирнов, 1887, с. 587]⁷.

⁴ По Хасану Ортекину – 1081–1088 г. х. (1670–1677 гг.), 1095–1102 г. х. (1684–1691 гг.), 1103–1109 г. х. (1692–1698 гг.), 1114–1116 г. х. (1702–1704 гг.) [Ortekin, 1938, с. 11–12]. Хотя есть свидетельство, что вторично хан вступил на престол 12 ноября 1683 г. [Фиркович, 1856, с. 132]. Согласно Хусам Гераю первый раз Селим Герай правил 7 лет, второй – 6 лет и 11 месяцев, третий – 6 лет и 8 месяцев, четвертый – 2 года и 11 месяцев. Полная родословная хана такова: Селим Герай б. Бахадыр Герай б. Селямет Герай б. Девлет Герай б. Мубарек Герай б. Менгли Герай б. Хаджи Герай.

⁵ Хотя очень темный и сомнительный крымский историк начала XVIII в. Ибрахим б. Али специально пояснил в примечании к своему труду, что мать Селима Герая происходила из черкесов Темир-Куя и была дочкой Хамзы Сады-оглу.

⁶ О Селиме Герае I см., например [Kellner-Heinkele, 1975, s. 20].

⁷ Дело в том, что будущий хан еще ребенком был отдан на воспитание аталыку в деревню Айлан, после вынужден был скрываться от недоброжелателей, жил подол-

Причиной первой отставки Селима была неудачная осада Чигирина турецко-татарскими войсками в 1677 г. Он был заменен на Мурада Герая I (1678–1683). При этом хане в 1681 г. в Бахчисарае был подписан мирный договор Крымского ханства и Османской империи с Москвой, завершивший войну 1678–1681 гг.

В 1683 г. Мурад Герай утратил трон из-за отказа помогать турецким войскам в битве под Веной. Его преемником стал Хаджи Герай II, знаменитый с одной стороны своей воинской доблестью, а с другой – деспотическим характером и скупостью. Первое помогло добиться трона, второе привело к его потере. Отряд Хаджи Герая в 500–600 всадников был единственным контингентом крымскотатарского войска, который был оставлен для помощи османским силам под Веной. В битве Герай и его воины смелой контратакой остановили натиск польских всадников и спасли главную воинскую реликвию османской армии – Знамя Пророка (Санджак-Шериф). За этот подвиг Хаджи Герай был произведен в ханы, однако его внутренняя политика встретила сопротивление в народе. «Если в окрестностях Крыма раньше везде были хорошие дома, мельница, речка и сад, все это скупили. В некоторых местах сделал великолепные пастбища. Даже на территории, принадлежащей издревле бегам Карачы, купил территории, приносящие прибыль. Все свои средства потратил на это» [Кырыми, 2018, с. 117]. Крымское население считало подобное стяжательство не достойным хана и свергло Хаджи Герая II.

Внутренняя политика Крымского ханства в конце XVII в. находилась под колоссальным прессом внешних факторов. Необходимость участвовать в грандиозной войне против коалиции европейских стран, охватившей западные и северные рубежи Османского государства, приводила к тому, что крымским татарам приходилось оставлять без защиты сам Крымский полуостров. Это, в свою очередь, ставило под угрозу семьи и имущество уходивших в поход воинов.

Так, Сафа Герай I в 1691 г. «был привлечен к

гу в Янболу недалеко от Эдирне (Адрианополя) и в других местах Османской империи. Подробнее см. [Смирнов, 1887, с. 585 и след.].

участию в австро-турецкой войне вместе с сераскером Эльхадж Али-пашой. Он собрал войско, но когда дошли до крепости Еркуки, вся армия во главе с мурзами бежала в Крым. Это было результатом происков военной верхушки и начальников дворцовой охраны, называемых капыкулу» [Халим Гирай, 2004, с. 91].

В 1692 г. ввиду военной необходимости была создана должность сераскера Буджака, которую занял Гази Герай, будущий крымский хан Гази Герай III. Важность Буджака заключалась в его стратегическом расположении – этот регион играл ключевую роль в поддержании обороно-

способности османских владений в Подолье и Молдавии.

Окончание войны в 1699–1700 гг. не принесло с собой умиротворения и спокойствия. Проблемы подчинения ногайских племен и крымской знати, необходимость следования условиям новых мирных договоров с европейскими странами продолжали оказывать дестабилизирующее воздействие на внутреннюю политику Крымского ханства. Вместе с тем прекращение боевых действий означало восстановление внешней торговли и создавало благоприятные перспективы для развития экономики.

ГЛАВА 8. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КРЫМСКОГО ХАНСТВА В XVII в.

8.1. Крымско-российские отношения в XVII в.

А. А. Шейхумеров

Отношения между Крымским ханством и Россией были чрезвычайно важны для обоих государств. Несмотря на традиционное недоверие и частые конфликты, Москва и Бахчисарай при условии взаимной заинтересованности искали и находили пути для мирного сосуществования. Тем не менее основой крымско-московских отношений на протяжении большей части XVII в. было геополитическое противостояние между двумя странами. Вместе с тем стоит отметить, что как крымские татары в России, так и русские в Крыму могли (и делали) карьеру, встраивались в существующую вертикаль власти, хотя для этого им приходилось менять религию. Например, переводчиком при хане Мураде Герае I был бывший воин армии В. Б. Шереметева [Статейный, 1850, с. 152]. При этом выходцы из России не играли такой большой роли в жизни Крымского юрта, как беглецы и «потурченцы» из Речи Посполитой. Весьма любопытна история А. Русланова, крещеного крымского татарина, служившего помощником якутского воеводы. В 1679 г. он в качестве члена русского посольства в цинский Китай посетил Пекин. В императорской столице Русланов перебежал к маньчжурам и рассказал им, что русский царь вовсе не самодержец, как пытаются представить послы далекой северной страны, а данник крымского хана [Мясников, 1987, с. 102–103, 208].

Укажем на факторы, воздействовавшие на развитие крымско-русских отношений.

Первый фактор: статус сторон. Одной из особенностей русско-крымских отношений в XV–XVI вв. было явное проявление более высокого статуса крымской стороны, и тенденция эта, медленно угасая, некоторое время сохра-

нялась и в XVII в. «Для того чтобы понять, насколько непростым было положение России во взаимоотношениях с юртом с точки зрения их паритетности в сер. XVII ст., следует помнить, что Россия тогда продолжала соглашаться с такими формами неравенства, как ежегодная выплата дани Крыму, ведение переписки с Крымом только на татарском языке, что царь соблюдал обязательство переписки с крымскими принцами и приема посланников от них – без аналогичного обязательства хана» [Фаизов, 2000, с. 200].

Однако на протяжении XVII в. реликты крымского превосходства уходят в прошлое. Более того, со временем, в конце XVII в., Гераи даже отказываются от равенства с Романовыми, признавая как политическую реальность возросшую мощь России. Наглядным примером этого являлся молчаливый отказ хана Селима Герая I в 1686 г. именовать себя «братом» русского царя (то есть равного по статусу монарха) [Эварницкий, 1906, с. 69]. Российская сторона перешла к подобной практике еще ранее (в 1681 г.).

Издевательства над русскими послами в Крыму, превратно понимаемые некоторыми исследователями как «варварство», также вытекают из претензий крымской стороны на более высокий статус. «Грубейшие нарушения самых элементарных правил дипломатических сношений ни в коем случае нельзя приписать дикости и варварству крымцев. Правительственные лица Крыма, а тем более крымские цари, вовсе не были дикарями, – такое мнение о них было бы явно несправедливо, – и они отлично умели соблюдать все правила этикета, когда они этого хотели. В отношении московских дипломатических представителей крымцы сознательно не делали

этого, потому что не хотели признавать московское правительство равной себе стороной» [Новосельский, 1948, с. 419]. Симптоматично, что на оскорбления послов стороны реагировали по-разному. Обиды, причиненные московским послам в Крыму в 1639 г., повлекли за собой созыв Земского собора, на котором обсуждался вопрос ответной реакции. Иными были действия хана Мехмеда Герая IV, узнавшего о нападении на крымских послов в Москве в 1657 г. Хан не стал созывать курултай для выработки внешнеполитической линии в отношении царского правительства после произошедшего инцидента, он просто написал царю Алексею Михайловичу, как именно тому следует наказать провинившихся, обещая наказать крымских дипломатов за недостойное поведение в отношении царя. Таким образом, крымский монарх, «похоже, не делал различий между своими собственными подданными и подданными московского царя, предписывая им одинаковые наказания за схожие преступления» [Почекаев, 2016, с. 50]. Справедливости ради следует отметить, что третирование иноземных посольств с целью продемонстрировать свое статусное превосходство практиковала и российская сторона, примером чему стала судьба шведского посольства Павла Юстена в 1569–1572 гг.

Большое значение в системе русско-крымских отношений имела ежегодная дань России Крыму. Стоит отметить, что историки все еще дискутируют о том, были ли ежегодные фиксированные выплаты в Крым данью или же всего лишь «подарками». Противники мнения, что это была дань, ссылаются на то, что они не были обязательны и представляли собой лишь добровольные посольские дары. Однако в рассматриваемую эпоху (с 1613 г.) поминки как раз приобрели характер ежегодных упорядоченных выплат, и на их строгой фиксации настаивала именно Москва, желая этим предупредить неправомерные, с ее точки зрения, попытки крымской знати добиться увеличения поминок. В период между 1613 и 1650 гг. татары получили поминок на сумму 363 970 рублей. За первую половину XVII в. поминки не были уплачены лишь в 1619, 1644 и 1645 гг. [Новосельский,

1948, с. 439]. По мнению А. А. Новосельского, общие расходы Москвы на отправку и прием посольств, поминки и посольский обмен доходили до 1 млн. рублей за первую половину XVII в. [Новосельский, 1948, с. 442]. Россия прекратила выплату поминок в 1685 г., окончательно отказ от выплат был подтвержден на международном уровне в 1700 г. О признании российской стороной того факта, что поминки вовсе не являлись всего лишь заурядными посольскими дарами, а показателем статусного неравенства, свидетельствует появление и культивирование в России легенды об их происхождении. Согласно исследованиям Д. Ю. Кривцова, в Москве в XVII в. в дипломатических либо церковных кругах появилось предание о том, что дань выплачивалась по религиозным соображениям, что должно было оправдать в глазах современников наличие трибунарных практик в крымско-русских отношениях [Кривцов, 2015].

Второй фактор: взаимные набеги. Обе стороны откращивались от набегов, соответственно донских казаков на Крым и татар на русские земли, бывших нередко обычным делом даже во время мирных отношений между Москвой и Бахчисараем. Эти нападения часто приводили к дипломатическим конфликтам. На переговорах с русскими посланниками Р. Жуковым и Л. Пашином 13 мая 1657 г. крымский везир Сефер Гази-ага прямо сказал: «Что де я говорю – вы отговариваете, а что де вы говорита – то мы отговариваем. Тому де делу и конца не будет, оставим де то все!.. Что донские казаки ходят на море, а азовские татары ходят на украину, и то де говорю правду, что де давно на обе стороны в таком деле лжем. Потому великому государю мощно унять донских казаков, а крымским царям – азовских татар» [Санин, 1987, с. 200]. Однако стоит заметить, что далеко не всегда центральные правительства имели реальную возможность предотвратить своевольные действия своих степных подданных.

Третий фактор: военное соотношение. В начале XVII в. крымская конная армия пользовалась хорошей славой, которая еще более усилилась благодаря событиям середины XVII в. – участию вооруженных сил юрта в событиях

Хмельниччины и боях с московскими и казачьими войсками в начале русско-польской войны 1654–1667 гг. Ряд современников отмечал превосходство татарской кавалерии над русской в полевых боях. Французский офицер Жак Маржерет, служивший в России в начале XVII века, писал, что «сотня их всегда обратит в бегство двести русских, если только это не будут отборные люди» [Маржерет, 2007, с. 148]. Об этом писал шотландец на русской службе Патрик Гордон: «В самом деле, конники не дерзали уходить далеко от пехоты, не будучи способны справиться с турками или татарами в поле» [Гордон, 2005, с. 94]. Ощущение своего превосходства над царской конницей оставалось у подданных хана даже в конце XVII в.: над нею крымцы «только смеялись» еще в 1689 г. [Артамонов, 2001б, с. 307]. Вместе с тем татарская кавалерия не была способна на равных противостоять огнестрельной пехоте (в том числе московской), опирающейся на полевые укрепления или прикрытой собственной конницей.

Баланс сил в XVII в. склонялся в пользу Москвы. Русская армия росла как численно, так и качественно (проводились интенсивные военные реформы, с середины XVII в. доля пехоты начала превышать численно долю конницы). Крымские военачальники (как и польско-литовские) получали все меньше и меньше возможностей для успешного противостояния северо-восточному противнику. К 1680 г. численность вооруженных сил России составляла 164,6 тыс. человек (не считая десятков тысяч казаков и калмыков), что в сочетании с вестернизацией и внушительным артиллерийским парком делало разницу в военном потенциале двух стран куда большей, чем во времена двух знаменитых противников, Девлета Герая I и Ивана IV Грозного.

Более того, не следует забывать, что ввиду обстоятельств стратегического и географического характера ханство вовсе не было неуязвимым. Ни один, даже самый успешный крымский военачальник не мог перерезать торговые пути между отдельными русскими провинциями, ее крупными центрами, такими как Москва, Тверь и Новгород. В то же время, обладая поддержкой запорожского и донского казачества и калмыков,

русские могли если не парализовать, то, во всяком случае, затруднить связи между Крымом, Кубанью, Буджаком и Азовом, пути сообщений между которыми были чувствительны для атак с моря и суши. Флотилии стругов и чаек перехватывали суда, крейсировавшие между крымскими и турецкими портами, препятствуя, таким образом, торговле на Черном море. Таких серьезных перспектив разрушить внешнюю и внутреннюю торговлю своего противника ханы не имели. Более того, в конце XVII в. московские рати предпринимают уже прямые попытки вторгнуться в Крым, хотя пока и безуспешные.

Четвертый фактор: украинское казачество. Во второй половине XVII в. важное место в системе русско-крымских отношений занимало украинское казачество. Переходы гетманов из подданства одному монарху в подданство другому в корне меняли стратегическую обстановку, приводили к передислокациям войск, крупным победам и тяжелым поражениям основных противоборствующих сторон. Именно благодаря союзу с украинскими гетманами стали возможны вторжения крымских сил вглубь русских земель в 1659 и 1668 гг. Союз И. Выговского с ханством в 1658–1659 гг. превратил Левобережье в арену боевых действий между крымцами, русскими и казаками. Переход Ю. Хмельницкого в подданство царю в 1659 г. переместил поле битвы между крымцами и русскими на западноукраинские земли. А переход Ю. Хмельницкого под власть короля в 1660 г. привел к занятию Правобережья татарами и поляками и т. д. Таким образом, «линия фронта» между русскими и крымскими татарами постоянно сдвигалась на сотни километров на восток, запад, север или юг в зависимости от политической ориентации того или другого украинского гетмана и его окружения, в свою очередь связанной не в последнюю очередь с военной обстановкой.

Насколько шатким было положение дел на украинских землях, показывают русско-польские переговоры в 1662 г. Царскому дипломату «А. Л. Ордину-Нащокину поручалось откровенно разъяснить властям Речи Посполитой, что если царь согласится теперь уступить Киев и города «малые России... которые по сю сто-

рону Днепра», то «черкасы» этих городов присоединятся к крымскому хану» [Флоря, 2013, с. 23–24]. Гетман И. С. Мазепа считал, что если татарам и Петрику удастся в 1695 г. продвинуться достаточно глубоко на украинские территории, то это вызовет массовое восстание простонародья против богачей [Эварницкий, 1906, с. 560]. В свою очередь крымцы считали казаков «шаткими» и ненадежными. Именно с опасением перехода казачества на сторону царя связана известная резня русских пленников после Конопской битвы 1659 г.

Пятый фактор: поддержка Крымом мусульманских выступлений в России. Включение в состав Московского государства огромных пространств, заселенных мусульманами, оказало большое влияние на крымско-русские отношения. Политика насильственной христианизации и угнетение нерусских народов привели к тому, что взоры предводителей освободительных антимосковских восстаний постоянно обращались к единоверному Крымскому ханству. На протяжении XVII в. Крым являлся центром политической эмиграции мусульман из России. Положение юрта как последнего оплота прежней ордынской мощи делало его потенциальным защитником в глазах населения регионов, некогда входивших в состав Орды. По сути, крымский хан был для российских мусульман тем же, чем был царь для многих православных подданных Речи Посполитой и Османского государства – далеким и желанным покровителем. Так, в 1634–1639 и 1641–1642 гг. Большая Ногайская Орда перекочевала в Крымское ханство, временно выйдя из-под власти Москвы.

Пользуясь симпатиями российских мусульман, ханы стремились использовать исламский сепаратизм в борьбе с Россией. В 1658 г. Мехмед Герай IV писал Яну II Казимиру, что войну Крыма с Москвой поддержат жители Казани, Астрахани, Терека и Сибири. По мнению В. В. Трепавлова, это говорило о том, что «Гирей отводил Кучумовичам определенное место в своих геополитических проектах» [Трепавлов, 2012, с. 95]. Один из Кучумовичей, то есть потомков сибирского хана Кучума – Хансюер – некоторое время находился в Крыму и даже уча-

ствовал в борьбе братьев Мехмеда Герая III и Шахина Герая с Джанибеком Гераем I, пока не попал в казацкий плен в 1630 г.

Одним из очагов прокрымских симпатий была Башкирия, чье население неоднократно поднимало восстания против Москвы, стремясь заручиться поддержкой Бахчисарая. Во время грандиозного восстания 1662–1664 гг. «башкиры направили посольство к крымскому хану, ища с ним союза. Идея изменения подданства в пользу Крыма поддерживалась не всеми башкирами, поскольку многие из них участвовали в войне на стороне русских» [Донелли, 1995, с. 61]. Так как башкиры просили разрешения переселиться в пределы ханства, Мехмед Герай IV в 1664 г. планировал отправить к ним известного политика и военачальника Субхана Гази-агу для принятия их в подданство. Однако от этой идеи отказались, так как восстание прекратилось ввиду достижения компромисса между повстанцами и властью [Новосельский, 1994, с. 77–78]. В том же году крымский хан будет добиваться от России права свободного выезда башкир в Крым [Флоря, 2013, с. 75]. Во время восстания 1675–1683 гг. башкирские «представители прибыли к крымским татарам. Однако, будучи уже вовлеченным в русско-турецкую войну, Крым не смог оказать башкирам дополнительной помощи сверх уже оказываемой» [Донелли, 1995, с. 63–64]. Стремление опереться на помощь Крыма прослеживается в действиях башкирских повстанцев и позднее, во время восстания 1706 г., когда они просили Бахчисарай назначить им хана [Акманов, 1993, с. 144–145].

Традиционно тесные контакты поддерживались с астраханскими и казанскими татарами, приносившими с собой на Крымский полуостров известия о разрушении мечетей и навязывании православия мусульманскому населению. В 1650 г. в Крыму казанский татарин Нурмаммет рассказывал, «что татар много в Казани и Астрахани и живут в неволе, им не позволяют строить мечети; хотят, чтобы крымский хан освободил их из неволи. Прибыли из Астрахани четыре татарина, хотят, чтобы хан их к себе принял» [Джерела, 2013, с. 532–533]. На следующий год «прислали де астраханские мурзы 3 чело-

века к крымскому царю грамоты», призывая хана Исляма Герая III отправить к ним войска, обещая перейти на его сторону [Воссоединение, 1953а, с. 486]. Однако Крым в то время был занят войной с Польшей на стороне украинских повстанцев и не мог оказать деятельную помощь населению Поволжья. Рассказы мусульман о жизни в государстве Романовых не способствовали росту симпатий крымских татар к российской монархии. Требования ханов прекратить преследования мусульман были стандартными элементами дипломатической переписки с московскими царями.

Таким образом, в XVII в. часть населения российских территорий позитивно относилась к смене подданства с российского на крымское. Это позволяло крымским и польским политикам регулярно строить планы территориального расчленения Российского государства: мусульманские земли (Казань, Астрахань, Сибирь, Касимов) должны были войти в состав Крымского ханства, христианские (собственно русские земли) – в состав Речи Посполитой. Польская сторона во время переговоров с крымцами постоянно апеллировала к тому, что по праву принадлежавшие Крыму ханства завоеваны Москвой и потому ханы должны бороться за их возвращение.

Малоизученной темой является также стремление русских самозванцев, претендовавших на царский трон, опереться на крымскую помощь в борьбе за власть. Самозванец Лже-Симеон Алексеевич, находясь в Сечи в 1673 г., строил планы освобождения простого народа России от боярского гнета при военной поддержке крымских татар, и его деятельность вызвала интерес у хана Селима Герая I. Бывший невольник Лже-Ивашка II в 1641–1644 гг. пребывал при бахчисарайском дворе, убеждая ханские власти направить войска на Москву для отвоевания трона. Один из известнейших самозванцев XVII в. Тимофей Анкудинов в 1650 г. также пытался наладить связи с Крымом и «им, татарами, сулит Казань да Астрахань и пойдет де он с ними ж войною в Московское государство» [Джерела, 2013, с. 533].

Политические отношения Крымского юрта и Русского государства прошли несколько этапов –

от преимущественно мирных отношений в период 1618–1630 гг. до конфронтации в конце XVII в.

Этап первый (1618–1630). Данный период характеризовался миром между Москвой и Бахчисараем. Крымское ханство в 1618–1621 гг. было занято борьбой с Польшей и необходимостью участвовать в ирано-турецкой войне. Россия же была ослаблена событиями Смуты. Таким образом, обе стороны не были заинтересованы в конфронтации. Отвечая отказом на предложение гетмана Войска Запорожского П. Сагайдачного совместно напасть на Крым, московское правительство заявляло, что хан Джанибек Герай I и его подданные не нападают на русские земли и «шкоты не чинят некоторые» [Новосельский, 1948, с. 103].

Некоторое обострение дипломатических отношений имело место в правление Мехмеда Герая III и его брата Шахина Герая (1623–1628). Одним из первых шагов хана на московском направлении стало требование увеличения поминок и расширения списка лиц, имеющих право их получения [Новосельский, 1948, с. 109–110]. Однако и в их правление открытой борьбы между двумя странами не было: братья были заняты борьбой за власть в Крымском юрте. По замечанию А. А. Новосельского, «в течение всех лет правления Магмет Гирея и Шагин Гирея крымцы не нападали на московскую Украину» [Новосельский, 1948, с. 122].

Этап второй (1630–1647). Начало 1630-х гг. характеризуется восстановлением сил как России, так и Крыма. Оба государства преодолели последствия собственных «Смутных времен» (в России – в 1598–1618 гг., в Крыму – в 1624–1629 гг.) и перешли к ведению более активной и воинственной политики.

В 1632–1633 гг. Москва и Стамбул сближаются на антипольской почве. Однако амбициозным планам ударить на Речь Посполитую силами русских войск с востока и крымско-турецких – с юга не суждено было сбыться. В разгар русско-польской войны 1632–1634 гг., когда русская армия была занята осадой Смоленска, крымцы произвели ряд мощных набегов на русские земли. Особенно сильным было вторжение 1633 г. под

руководством нуреддин-султана Мубарек Герая, когда ханская кавалерия последний раз в истории перешла Оку. Подобная политика Крыма наглядно показывает, что он считал Россию слишком сильной, и ханство перешло к реализации своей известной политики «поддержки слабого против сильного». И если во времена Смуты юрт стремился уберечь Россию от поглощения Польшей, то попытка царских воевод отбить Смоленск в 1633–1634 гг. была воспринята в Бахчисарае негативно. Вероятно, в данном случае сказывались представления крымских элит о том, каким должен быть баланс сил в регионе: некогда взятие Смоленска русскими в 1514 г. также вызвало негативную реакцию хана.

Таким образом, позиция Крыма оказала большое влияние на действия русского правительства в войне с Польшей. Литовский великий канцлер Альбрехт Станислав Радзивилл описал татарскую помощь Польше известными словами: «Не спорю, как это по-богословски, хорошо ли поганцев напускать на христиан, но по земной политике это вышло очень хорошо» [Новосельский, 1948, с. 220]. Справедливости ради отметим, что Россия сама придерживалась подобного принципа, планируя посредством союза с Османским государством в начале 1630-х гг. направить воинственную крымскую энергию на Речь Посполитую.

В дальнейшем напряженность в русско-крымских отношениях продолжала сохраняться. Новой причиной их обострения стал захват Азова донскими казаками в 1637 г., что стало причиной резкого недовольства крымских властей. Воспринимая захват Азова как часть русского «натиска на юг», крымцы даже ремонтируют в 1640 г. Перекоп в ожидании русских атак [Новосельский, 1948, с. 289]. Крымская армия принимает активное участие в боевых действиях против донских казаков в 1638 и 1641 гг., в конце концов занимая вместе с турками оставленный донцами Азов. Однако крымские татары не предпринимают долгое время сколько-нибудь значительных набегов на русские земли в период между 1637 и 1644 гг.: этому препятствовали внутренние проблемы и «азовский вопрос». Как отмечал Б. Н. Флоря, «Азовское сидение и русско-осман-

ское соглашение 1642 г. дали русской стороне 8-летнюю передышку, которая была использована для принятия мер по укреплению южных границ государства» [Флоря, 1998, с. 164]. Сооружение оборонительной Белгородской черты заметно ослабило возможности ханства нанести удары по внутренним районам России.

Однако вскоре стороны обмениваются сильными ударами. Крымские татары в 1644 и 1645 гг. совершают масштабные набеги на русские земли, увозя с собой тысячи пленных. В свою очередь в 1646 г. русская армия совместно с донскими казаками провела наступление на Дону, но после ряда боев была вынуждена отступить [Флоря, 1998, с. 167]. В апреле 1647 г. был заключен мирный договор, являвшийся «более выгодным для России, чем предшествующие русско-татарские соглашения. Он принес, в частности, значительное сокращение размера уплачивавшихся ханству «упоминок». В договоре также отмечалось, что хан не должен совершать набегов на Русь, даже если получит такое «повеленье» от султана» [Флоря, 1998, с. 170]. Параллельно с этим Россия заключила с Польшей оборонительный союз («договор Киселя»), направленный против Крыма. Согласно ему оба государства должны были совместными усилиями отражать татарские набеги, координируя действия своих войск при защите южных рубежей [Флоря, 1998, с. 171].

Этап третий (1648–1654). Хотя Варшава и Москва и обнаруживали стремление сблизиться на антитатарской основе, начало восстания Хмельницкого изменило расстановку сил в регионе и, соответственно, стратегические планы держав. Россия не стала помогать Речи Посполитой против татар, не желая ослаблять освободительное движение единоверцев-русинов, вместе с тем она отклоняла просьбы гетмана Б. Хмельницкого о помощи [Заборовский, 2001, с. 198]. В свою очередь, Бахчисарай в 1650 г. стремился организовать масштабный поход против Москвы. Однако для его успешной реализации следовало заручиться поддержкой Польши и Войска Запорожского, и на обоих направлениях ханские дипломаты не преуспели. «О масштаб-

ной активности крымской дипломатии в 1650 г. свидетельствует также интенсификация контактов бахчисарайского двора с татарами, ногаями и др., жившими в России мусульманами, чтобы с началом войны поднять восстание в Поволжье» [Заборовский, 2001, с. 206–207]. Крымское войско во главе с калга-султаном Крымом Гераем даже выступило в поход на Россию (31 июля 1650 г.), но затем обрушилось вместе с казаками на Молдавию [Заборовский, 2001, с. 206].

Неудовольствие хана Исляма Герая III вызвали переговоры Б. Хмельницкого с царем. В конце июля 1653 г. хан прямо предупредил, что в случае перехода в царское подданство Крым станет воевать против казаков совместно с поляками, а в октябре 1653 г., желая связать гетмана определенными обязательствами, крымский монарх вынудил Хмельницкого присягнуть ему на верность [Заборовский, 2001, с. 212–213]. Тем не менее, 8 января 1654 г. в Переяславе на казацкой раде Войско Запорожское присягнуло на верность Алексею Михайловичу. Несмотря на это, некоторое время Россия и Крым еще поддерживали мирные отношения.

Таким образом, в период 1648–1654 гг. Бахчисарай и Москва продолжали рассматривать друг друга в качестве противников, однако ввиду политических обстоятельств дело так и не дошло до открытого противоборства. Однако с рубежа 1654–1655 гг. и вплоть до 1700 г. Крым и Россия почти постоянно находились в состоянии войны, несколько раз прерываемой на непродолжительное время (не более нескольких лет).

Этап четвертый (1654–1670). Переход Украины в подданство московскому царю в 1654 г. резко осложнил крымско-русские отношения. Отныне вопрос о государственной принадлежности Украины стал камнем преткновения между Гераями и Романовыми. Оспаривая правомерность Переяславской рады, везирь Сефер Гази-ага произнес перед русскими посланниками речь о том, что казаки семь лет были подданными хана и их переход под власть царя незаконен. Русская сторона возражала, что казаки не были подданными хана. Жаркие споры между русскими дипломатами и крымской знатью показывали, что

чрезмерное усиление России вызывает опасение в Крыму [Новосельский, 1994, с. 24–26].

В 1654–1655 гг. крымские татары сражались на стороне Польши против России. После перемирия под Озерной Крымское ханство временно не участвовало в крупномасштабных военных конфликтах против Москвы. Однако в 1658 г., пользуясь возвращением Войска Запорожского в польское подданство, Бахчисарай вновь начал боевые действия. По мнению И. Б. Бабулина, «Крымское ханство, которое с осени 1658 г. фактически вело крупномасштабную войну против Русского государства в союзе с польско-литовскими войсками и частью украинского казачества, играло все возрастающую, а подчас решающую роль в конфликте России и Речи Посполитой» [Бабулин, 2015б, с. 79].

В 1658–1659 гг. крымцы успешно действовали против российской армии на украинских землях, вытеснив ее из Украины в ходе летне-осенней кампании 1659 г. Однако возвращение Войска Запорожского в царское подданство перенесло фронт боевых действий на западноукраинские земли. В осенней кампании 1660 г. крымцы и поляки одержали решительную победу над русско-украинскими войсками под Чудновым. Командующий царскими войсками В. Б. Шереметев «...начальной причиной Чудновской катастрофы признавал неожиданное прибытие татар в помощь полякам» [Барсуков, 1892, с. 67–68].

Весьма характерными для понимания отношения крымцев к России являются события, связанные с гибелью капитулировавшего под Чудновым царского войска. Польское командование согласилось выпустить русских при условии сдачи ими знамен и пушек. Однако крымские татары вели эту кампанию с твердым намерением полностью уничтожить русскую армию, и потому они отрицательно отнеслись к факту польско-русских переговоров. Даже крымское командование согласилось на переговоры с трудом: «султан созвал своих мурз и сообщил им сию весть, причем все они выказали крайнее недовольство и вскричали, что если поляки заведут дружбу с московитами, то станут врагами [тата-рам]. Так [они говорили] не только меж собою, но и открыто, в польском лагере. Однако их, осо-

бенно людей начальных, успокоили подарками, и те нехотя согласились» [Гордон, 2003, с. 73]. «Татары были крайне недовольны этим договором, хотя с султаном и главными мурзами [поляки] советовались, и те согласились. Однако низкородные открыто роптали против одного и кричали на базаре, или рыночной площади, что раз уж и казаки, и москвиты сдружились с нами, то мы им враги» [Гордон, 2003, с. 75].

В ночь с 4 на 5 ноября 1660 г. крымские татары все же ворвались в русский лагерь. Пытавшиеся оказать сопротивление были убиты, большая часть попала в плен. «Коронные гетманы не только не протестовали против такого нарушения условий капитуляции, но по требованию нурадина выдали Шереметева и еще 10 знатных лиц из числа пленников, которых татары увели с собой в Крым – свидетельство глубокой зависимости Речи Посполитой в тот период времени от своих татарских союзников» [Флоря, 2010, с. 591].

В последующие годы Крым продолжает активно воевать с Россией. В 1662 г. войска ханства наносят поражение русским силам и левобережным казакам в битве под Бужином. Как отмечал И. Б. Бабулин, главную роль в вытеснении русской армии с Правобережья сыграла крымско-татарская конница во главе с Селим Гераем и Мегмет Гераем, действия которой позволили сохранить фактическое разделение территории Украины по Днепру, при котором Правобережье осталось под властью короля, а Левобережье – под властью царя» [Бабулин, 2015б, с. 79].

В 1664–1665 гг. Крымский юрт усиливает свое присутствие на Украине. В 1667 г. московская сторона приняла новую политическую реальность, де-факто признавая, что «Правобережное гетманство находится под патронатом Крымского ханства» [Флоря, 2013, с. 224].

Заключение в 1667 г. Андрусовского мира между Россией и Польшей, подобно заключению договора 1647 г., вызвало недовольство крымских элит, справедливо усмотревших в этом угрозу своим государственным интересам. Вместе с тем русские и польские дипломаты делали юрту предложение превратить двусторонний мир в трехсторонний. Так, ст. 18 Андрусовского

договора предусматривала, что «обои великие государи» должны сообщить крымскому хану о заключенном соглашении и предложить ему, чтобы хан «хотел третьим быть с великими государи нашими в приятстве» [Флоря, 2013, с. 192].

В 1668 г. состоялось масштабное наступление крымскотатарских войск на Левобережье. Обращение левобережного гетмана И. Брюховецкого за помощью к Адилю Гераю I позиционировалось Крымом как избрание хана «протектором казаков». Однако ряд факторов (противодействие московских войск, противоречия в среде украинского казачества) не позволил ханству удержать Левобережье. Русско-крымский договор 1670 г. положил конец затянувшейся войне. Крым признавал за Россией Левобережье, Россия обязывалась платить ханству фиксированные поминки.

Этап пятый (1671–1681). Опасаясь усиления османского могущества после победного похода османских и татарских войск на Речь Посполитую в 1672 г., Москва начала военные действия против Турции и Крыма. Как отмечал Б. Н. Флоря, «в мае 1672 г. был послан приказ донским казакам предпринять нападения с моря на владения хана и султана. В июне такое же распоряжение было послано запорожцам» [Флоря, 2001а, с. 111]. Ввиду значимости Крымского ханства разрабатываются планы вторжения на полуостров, и в 1675 г. небольшой русско-калмыцко-казацкий отряд даже осуществил нападение на северную часть Крыма.

Стремление Москвы воспользоваться польско-турецкой войной для установления своей власти на Правобережье обеспокоило хана Селима Герая I. Ему удалось убедить турецкое командование в июле 1674 г. вместо похода на Польшу направить войска против перешедших Днепр русских. Известие о приближении ханской кавалерии, наступавшей в авангарде армии Кара Мустафы-паши, вынудило московские и левобережные полки снять осаду Чигирина, в котором оборонялся правобережный гетман П. Дорошенко. Надеясь воспользоваться наличием на правом берегу Днепра крупных сил противника, Селим Герай I строил планы их раз-

грома, не поддержанные, впрочем, османским командованием.

Однако в 1676 г. П. Дорошенко сдался русским властям. Крымские войска приняли участие в двух османских походах на Чигирин в 1677 и 1678 гг., хотя источники отмечали их нежелание содействовать усилению османского влияния в регионе. При этом во время войны «на Левобережье и центральном участке Белгородской черты боевые действия практически не велись, лишь в 1673, 1676 и 1677 гг. небольшие отряды крымских татар прорывались через выгоревший участок пограничных укреплений между Новым Осколом и Верхососенском, но были отбиты местными ратными людьми» [Великанов, 2019, с. 40].

Война завершилась подписанием в январе 1681 г. Бахчисарайского договора. Границей между Турцией и Россией стал Днепр, также Россия сохраняла за собой Киев и его окрестности. Более того, российское правительство должно было возобновить выплаты поминок юрту, в том числе выслать их за три предшествующих года [Кочегаров, 2008, с. 68–69]. В том же 1681 г. русское правительство ликвидировало Касимовское ханство. Эта новость была воспринята в Крыму негативно, а польский король Ян III даже предлагал хану Мураду Гераю I начать вторжение в московские пределы и вступить за касимовских татар, «не забывших давние вольности» [Коцегаров, 2012, с. 66].

Этап шестой (1682–1700). В 1686–1700 гг. Крымское ханство активно участвует в русско-турецкой войне. Несмотря на военные действия, Крым и Россия неоднократно рассматривали возможность достижения мирного соглашения. Однако долгое время миротворческие инициативы не могли быть реализованы: в Бахчисарае настаивали на восстановлении довоенного статус-кво, Москва же стремилась добиться для себя более выгодных условий, в отдельных случаях, впрочем, соглашаясь на возврат к договору 1681 г.

Крымские татары приняли деятельное участие в обороне границ юрта и османских владений в Приазовье и Причерноморье. Необходи-

мость отстоять Подолье, Каменец-Подольский и Молдавию от польско-литовских войск, оборона самого Крыма и участие в боевых действиях в Венгрии, Сербии и Трансильвании заставляли ханское командование регулярно расплывать свои силы на нескольких фронтах. Напротив, русское командование провело несколько беспрецедентных по своему размаху и замыслу наступательных операций, наиболее известными из которых являлись два похода на Крым русско-украинских войск в 1687 и 1689 гг., осады Азова в 1695 и 1696 гг. и захват крепостей в низовьях Днепра в 1696 г.

Серьезным испытанием на прочность для юрта стал поход более чем 100-тысячной русско-украинской армии на Крым в 1689 г. После крупнейшего по числу участников сражения русско-крымских войн в Черной Долине 16 мая 1689 г., окончившегося, впрочем, без выраженного перевеса какой-либо из сторон, русские подступили к Ферах-Керману. Московский командующий В. В. Голицын начал переговоры с Крымом, требуя возвратить всех пленных, отменить выплату дани и прекратить татарские нападения на Россию и Польшу. Селим Герай I придерживался той позиции, что мир может быть заключен на условиях возвращения к Бахчисарайскому договору 1681 г. Не будучи способным принудить хана к своим условиям и опасаясь трудностей в случае продолжения похода, Голицын увел армию обратно [Лавров, 1999, с. 152–156]. Бои 1689 г. воспринимались крымской стороной как победа, тем более славная, что после нее почти сразу же ханские войска были переброшены в Сербию, где также отличились в боях против австрийцев и мятежных балканских подданных османского султана. Ханские войска взяли Ускюб (Скопье), подавив восстание Карпоша, и успешно сражались с австрийцами и сербским ополчением под Качаником.

То, что Селим Герай I повел свои войска к Дунаю после отражения русского нашествия, показывает, что распространенная точка зрения, будто бы поход 1689 г. отвлек силы крымцев от венгерского фронта, является ошибочной. Провал второго похода на Крым имел важные последствия. Царь Петр I воспользовался им для

взятия власти в свои руки, свергнув режим царицы Софьи. Более того, убедившись в том, что ханство трудно сокрушить военным путем, «в Москве начались поиски выхода из войны путем заключения сепаратного мирного договора. Летом 1690 г. тайно через И. С. Мазепу сообщили в Бахчисарай, что русские походы на юг приостановлены ради мира с ханством, попросили раскрыть содержание антирусских депеш, полученных в Крыму из Варшавы, и подписать мир в Москве» [Артамонов, 2001б, с. 310]. В Крыму же сочли походы Голицына показателем слабости российской военной машины. Даже в 1695 г., когда Петр I готовил армию для похода на Азов, слухи об этом не произвели большого впечатления на Бахчисарай, считавшего, что это предприятие провалится подобно предшествующим [Артамонов, 2001б, с. 315]. Продолжение войны не приносило решительного перевеса какой-либо из сторон. По этой причине в «1693–1694 гг. правительство Л. К. Нарышкина, опасаясь выхода Речи Посполитой из войны (и даже заключения крымско-польского союза), решило поступиться престижем, направить посольство в Крым и вернуться к униженным условиям Бахчисарайского перемирия 1681 г.» [Артамонов, 2001б, с. 314], хотя мирное соглашение заключить не удалось.

Татарская конница сыграла видную роль

в успешной обороне Азова в 1695 г., не только беспокоя силы неприятеля постоянными налетами, но и уничтожив при отступлении Петра I один из полков русской армии (полк Шварта). Тем не менее, из-за военного превосходства противника крымские и ногайские всадники не сумели предотвратить падение Азова в следующем году и остановить русских в низовьях Днепра. К 1699 г. стратегическое положение ханства было тяжелым, Кубань и Буджак из-за падения Азова и днепровских крепостей более не имели сухопутной связи с Крымом.

Договор в Стамбуле 1700 г., окончивший русско-турецкую войну 1686–1700 гг., стал предвестником новой эпохи, в которой Крымское ханство играло все менее самостоятельную и важную роль в отношениях со своим северо-восточным соседом. Успешно осуществляемая Москвой политика продвижения на юг, ослабление Османского государства (и – параллельно с этим – усиление его контроля над Крымом) привели к смещению баланса сил в крымско-русских отношениях. Если в начале XVII в. Крымское ханство и Русское царство находились в относительном равновесии, то к началу XVIII в. Крым оказался в тени своего набирающего силы геополитического противника.

8.2. Крымско-османские отношения в XVII в.

Н. Кавак, Р. Р. Абдужемилев, Ш. Э. Сейт-Маметов, А. А. Шейхумеров

Теснейшие отношения двух могущественных мусульманских стран – Крыма и Османского государства – носили весьма специфический характер. Один из контрагентов – Турция – занимала более высокое положение, будучи сюзереном юрта. Вместе с тем формально в Стамбуле признавали за Гераями атрибуты независимой власти и даже имперский статус «мировых властителей». На развитие крымско-османских отношений в XVII в. оказывал влияние ряд факторов.

Фактор первый: усиление османского влияния. На протяжении XVII в. постепенно усиливается османское влияние на Крым. По мнению А. Галенко, к середине XVII в. Крымское

ханство было уже не союзником, а зависимым от Турции государством [Найма, 2016, с. 234]. Н. Круликовская-Едлиньская считала, что во второй половине XVII в. имеет место перелом в крымско-османских отношениях, повлекший за собой ослабление позиций ханов, более не рисковавших вступать в открытое противостояние с Османами [Królikowska, 2013a, с. 63]. В конце XVII в. дело доходит до невероятно быстрой смены ханов, некоторые из которых не успеют править и год.

Фактор второй: военная помощь. Источники XVII в. постоянно подчеркивали, сколь важным было для османцев участие крымских татар в султанских завоевательных походах. Крымские

татары также постоянно запрашивали османскую помощь для своих нужд, в первую очередь для обороны полуострова. По замечанию австрийского историка А. Каппелера, «тюркоязычные крымские татары-мусульмане владели обширными степями к северу от Черного моря благодаря своим чрезвычайным военным и организаторским способностям, хотя также и благодаря прикрытию, которое обеспечивала им Османская империя» [Каппелер, 2005, с. 39]. Дипломатическая и военно-техническая поддержка османцев, с одной стороны, и военные усилия юрта по защите империи, с другой, означали, что Крым был мечом Турции, а Турция – щитом Крыма.

Иностранные политики и военачальники писали о важной роли крымцев в османских войнах. Австрийцы говорили русским послам на переговорах в Вене в 1599 г., что «турской салтан всю надежду держит на крымского царя, и все убытки и шкоты Цесарской земле чинятся от крымских людей, [потому] что они люди военные» [Памятники, 1852, с. 702]. Польский посол в Турции К. Збаржский в 1623 г. отмечал: «Если на какую-нибудь христианскую страну обрушится турецкая война, следует опасаться не основного турецкого войска, а татар» [Османская, 1984, с. 161]. В грамоте московских царей Ивана V и Петра I и царевны Софьи Алексеевны валашскому господарю Щербану Кантакузино (1688) значится: «А о том вам и самим ведомо подлинно, что у Турции в воинских поведеньях лучшая надежда и оборона – крымской хан и Белгородская орда» [Исторические, 1970, с. 95]. Шотландский военный на русской службе П. Гордон писал про татар: «без коих турка словно птица без крыльев» [Гордон, 2009, с. 226]. В польской реляции 1684 г. сообщалось: «Тартары, числом в более двадцати тысяч составляют передовое турецкое войско, и денно и ночью не дают покоя христианам, для них нет преград и препятствий: переплывая реки и проходя через густейшие леса, они нападают на христианские войска, стесняя их одновременно недостатком провианта. Уничтожить их значит потрясти до основания всю оттоманскую империю, ибо для турок тартары то же, что крылья для птицы, и потому лишним будет стараться доказывать, какая обоюдная польза заключается в союзе этих двух народов» [Бутурлин, 1871, с. 446]. Посланцы украинского гетмана

П. Дорошенко в Москве П. Яненко и С. Тихой в январе 1676 г. заявляли: «А без хана де крымского Турки, как ни к ним смотрелися, к воинскому делу zelo весьма слабы, и естли хана при них не будет, то поляки победу над ними подлинно одержат» [Акты, 1882, с. 437]. Сами турки высоко ценили крымскую помощь и гордились татарским войском [Наїма, 2016, с. 41].

Вместе с тем участие в далеких походах постоянно вызывало недовольство крымских татар. Это было связано с затратами на экипировку и коней, людскими потерями и вынужденным лишением полуострова должной защиты. По мнению Б. Н. Флори, «фактором, омрачавшим в целом дружественные и взаимовыгодные отношения ханства и империи, было периодически выдвигавшееся османской стороной требование высылать войска для военных действий на иранском фронте» [Флора, 1998, с. 97]. То же относилось и к дунайскому фронту.

Фактор третий: столкновение геополитических интересов. Важное место в системе турецко-татарских отношений занимало разделение сфер влияния в Причерноморье и Приазовье. Эти регионы, входившие некогда в состав Золотой Орды, традиционно рассматривались властями юрта как сфера крымских интересов. И если в XVI в. Стамбул признавал приоритет крымских интересов в Причерноморье, то в XVII в. ведется наступление султанского правительства. Попытка османцев усилить свое влияние наталкивалась на недовольство и сопротивление крымских татар. Недаром польский историк Я. Волиньский писал о «турецко-татарском геополитическом антагонизме» в землях к северу от Дуная [Woliński, 1960, с. 157]. Двойное подчинение северных земель империи принимало различные формы: от небольшой дани в пользу Крыма при подавляющем османском превосходстве (Молдавия, Валахия) до сохранения определенного политического контроля со стороны Крымского ханства при признании верховной власти Стамбула (Гетманщина, Черкесия). Что касается Украины, то до 1668 г. османское правительство соглашалось признавать ее находящейся под протекторатом крымского хана и через это – частью Османской империи. С 1668–1669 гг. Украина воспринималась в Стамбуле непосредственно как часть Турции, без необходимости посреднической роли Крыма.

В XVII в. растет активность турецкой внешней политики на северном направлении. Если в XVI в. Стамбул не воевал ни с Польшей, ни с Россией, предпочитая сохранять с обеими странами мир, то в XVII в. султаны несколько раз возглавляют армии в грандиозных походах на север. В 1620–1621, 1672–1676 и 1683–1699 гг. Османское государство воюет с Речью Посполитой, в 1672–1681 и 1686–1700 гг. – с Московским государством. Крыму приходится воевать бок о бок с турками даже в тех кампаниях, которые противоречили интересам самого ханства. В связи с этим показательны Эвлии Челеби слова о Чигирине: «Когда в разговоре с ханом Мухаммед Гераем я сказал: «Пусть Аллах дарует османам легкую победу [и вручит им эту крепость]», татарские старшины остались недовольны этой мольбой и ответили: «Эвлия Челеби, если эта крепость перейдет в руки османов, то уважения к татарам совсем не останется, а их самих разве будет тогда кто-нибудь считать за людей?» [Эвлия, 1961, с. 83]. Эти слова показывают, что в Бахчисарае опасались чрезмерного усиления Турции и стремились ограничить ее экспансию на север (подобно тому, как стремились ограничить экспансию Москвы на юг).

В связи с этим показательны, что крымские ханы и знать во время мятежей высказывали идеи о взятии Стамбула, как, например, калга-султан Шахин Герай [Новосельский, 1948, с. 126]. Собираясь пойти в набег на османские владения в 1702 г., ногайцы говорили своим женам, спрашивавшим, куда те идут: «На Стамбул делать набег» [Смирнов, 1887, с. 698]. Возмущенные решением султана отстранить от власти хана Мехмеда Герая IV в 1666 г., некоторые мурзы говорили: «Как в горах Янболи, Слована и Провадии охотятся на зайцев, так и мы, оседлав коней, придем в Эдирне или в Салоники и будем охотиться на людей!» [Эвлия, 2008, с. 205]. Гази Герай II вообще грозился завоевать все турецкие земли вплоть до Эдирне [Skorupa, 2004, с. 70]. Однако эти громкие угрозы никогда не воплощались в реальность.

Фактор четвертый: посредники между Севером и Югом. Ханство стремилось сохранить контроль над политикой Стамбула в северном направлении. Оно выступало посредником в дипломатической связи между Москвой и Османским государством. В случае отправления посольской

делегации в турецкую столицу цари согласно принятым правилам должны были предварительно ставить в известность ханов о своих намерениях. Упоминания по этому поводу мы находим в ярлыке хана Джанибека Герая I, адресованном царю Михаилу Федоровичу за 1042 г. х. / 1632 г. Крымский монарх получил сведения о делегации, отправленной от царя к султану, и выражал свое недовольство: «...Tarih biñ yigirmi üç yıl bolğanda, uluğ padişah Hunkâr hazretlerigâ bizden yaşurın elçiñüz yibâra başladıñuz. Vilâyetiñüz amançılıq bola başlağaç, niçik dostuñuzdan aşa başladıñuz?...» («...В тысяча двадцать третьем году, втайне от нас начали отправлять послов к великому падишаху, хункяру [султану]. Зачем же Вы начали попираť нашу с Вами дружбу, в то время, как край Ваш только-только начал обретать благополучие?...»). Хан просил царя впредь не совершать таких неподобающих дел («...bir dahi ol oşavsız işlerni qılmağay irdiñüz...»). Султан же одобрял подобный порядок вещей, занимаясь другими вопросами. Со слов хана: «...ol uluğ padişah hazretlerinden her kez yâmanlıq bolmas irdi ve yahşılıq dahi her kez bolmaq ihtimalı yoğdur dahi. Siz qardaşımız da bolsañuz, ol uluğ padişah hazretlerine her kez hidmet qıla almassız...» («...от того великого хазрет падишаха нет никому зла, и благо не всем дано. Вы же, наш брат, не сможете услужить тому великому хазрет падишаху...»). Переговоры между царем и султаном не вписывались в общую внешнеполитическую линию Стамбула априори: «...Al-i Osman bile Masqav padişahñıñ sözleri yoğ irdügin añlab, ohşavsız irdügin tañlab, barça elçileriñüzñiñ qalay bolğanın öziñüz yahşı bilürsiz...». («...вразумив, что не может быть у московского падишаха общих слов с османским, и уяснив неприемлемость такого дела, сами хорошо ведаете о том, что представляют из себя Ваши послы...»). Вместо того существовала прямая связь между Бахчисараем и Москвой. Джанибек Герай велел царю, в качестве условия дружбы, не отправлять своих послов к султану [Вельяминов-Зернов, 1864, с. 90]. Статус субъекта дипломатии обуславливал следование определенному порядку. Крымское ханство выполняло роль медиатора (посредника) в дипломатических контактах между Москвой и Стамбулом, а крымские ханы ходатайствовали перед османской стороной в решении царских дел. Вопросы, связанные с

Москвой, находились в компетенции крымского хана. Таким образом, выстраивалась дипломатическая иерархия, в которой последовательное прохождение степеней являлось обязательным условием для успешного ведения переговоров.

Такой порядок прописан в мухаббетнаме (Акмесджид-Сарай, 1046 г. х. / 1636 г.) от калга-султана Хюсама Герая к Михаилу Федоровичу. В былые времена цари не отправляли послов к султану: «...mundın burun siz uluğ padişah ve siz qarındaşıımızdan burun Masqvada padişah bolğan qarındaşlarıñız Istanbulğa bir hidmetleri tüşâ, Istanbulğa uluğ elçi cibârmâsler ikândir...» («...прежде Вы, великий падишах, и Ваши братья, падишахи Москвы до Вас, в случае необходимости обращения к Стамбулу, не отправляли великих послов в Стамбул...»). Вместо этого полагалось направление толмача с письмом из Москвы в Крым: «...bir tilmaç ciberib, bolğan maslâhatların ve barça ötüllerin Qırımında padişah bolğan ağaçalarımızğa yâzıb, arz itib bildirgân soñ...» («...отправив одного толмача, написав о всех вопросах и просьбах нашему брату, падишаху в Крыму, известив его...»). В дальнейшем прибывший из Москвы человек отправлялся в Стамбул в сопровождении ханского слуги (с письмом): «...ağaçalarımız da bolsa, uluğ padişahlar, ol maslâhatlarıñız için bir yahşı inaqılı qulların ta'yin itib, Istanbulğa ve uluğ padişah Hunkâr hazretlerigâ kâğid bitib, ol Masqvadan kelgân tilmaçni birgâ qoşub, cibârürler ikândir...» («...а наш брат же, великий падишах, назначив добросовестного и доверенного слугу для Ваших дел, написав записку в Стамбул, к великому падишаху, хазрету хункяру [султану], отправлял вместе с толмачом из Москвы...») [Вельяминов-Зернов, 1864, с. 148].

Хронология отношений. Этап первый (1607–1623): спокойное соседство. В начале XVII в. Крым и Турция являлись стратегическими партнерами. Ханство оказывало помощь в ведении войн и подавлении восстаний. В 1607 г. Куюджу Мурад-паша, предпринявший меры для подавления мятежа Джанболат-оглы, написал письмо Гази Гераю II, в котором просит направить на помощь ханского сына Тохтамыша Герая [Uzunçarşılı, 1988, s. 106]. В 1615–1618 гг. крымскотатарские войска принимают участие в боевых действиях против Ирана [Купели, 2014, с. 232–236]. Совместные действия турецких и татарских

сил позволили одержать верх над Польшей, пытаясь во время «молдавских авантюры» 1607–1620 гг. утвердить свое влияние над Молдавией. После победы под Цецорой огромная османская армия при поддержке крымских татар и ногайцев блокировала польское войско под Хотинном в 1621 г., и после ряда боев был заключен компромиссный мир [Uzunçarşılı, 1988, s. 128–131; Yücel, Sevim, 1995, s. 52–58]. В долгосрочной перспективе это был успех мусульманских монархий: поляки на долгие годы отказались от вооруженного вмешательства в дела Молдавии.

Этап второй (1623–1647): эпоха смут. Утверждение во власти в ханстве братьев Мехмеда Герая и Шахина Герая привело крымцев к конфликту со Стамбулом. В 1624 г. турецкое войско предприняло вторжение в Крым, чтобы силой усадить на трон лояльного Османскому государству Джанибека Герая. Однако в решающей битве неподалеку от Карасубазара братья при поддержке казаков и ногайцев нанесли туркам поражение и, преследуя бегущих, овладели Кефе. Султан был вынужден признать Мехмеда Герая ханом. В 1628 г. турецкие силы при помощи ногайцев Кантемира вытеснили с полуострова Мехмеда и Шахина и их союзников-запорожцев. После этого ханство некоторое время проводит более сдержанную политику в отношении своего заморского сюзерена, посылает войска для участия в османских кампаниях против Ирана и донских казаков. Османские военачальники высоко ценили татарскую поддержку [Danişmend, 1971, s. 350]. В 1638 г. крымцы сражаются бок о бок с турками, захватившими Багдад [Купели, 2014, с. 232–236]. Об этом событии народная память в Крыму сохранялась даже в конце XIX в. [Кондараки, 1875, с. 8].

Однако ханство продолжало курс на самостоятельность во внешней политике, что наглядно проявилось во время событий 1632–1634 гг., когда, невзирая на русско-турецкие соглашения о совместной войне с Польшей, юрт поддержал Варшаву и отправил войска против Москвы. А. А. Новосельский отмечал, что «в намечавшемся военном союзе Турции с Московским государством Крым предусматривался в качестве непременно его члена. Между тем крымцы нарушили весь помимо них построенный план, сами избрали себе роль и, нанеся Московскому государству

«удар в спину» двумя крупными нападениями в 1632 и 1633 гг., если не решились, то, во всяком случае, существенно повлияли на ход войны» [Новосельский, 1948, с. 167].

Новую попытку вооруженным путем противостоять османскому влиянию предпринял Инайет Герай I, чьи войска в 1637 г. опустошали султанские владения в Буджаке. Хан требовал у турок выдачи старого врага ханов – Кантемира. Конфликт между Бахчисараем и Буджаком был решен Стамбулом довольно кроваво, посредством казни Инайета Герая I и Кантемира. Впервые в истории турки решились убить крымского хана, что продемонстрировало падение престижа ханской власти в их глазах. Тем не менее даже это беспрецедентное событие способствовало укреплению позиций ханства: в отличие от Крыма мощь Буджака держалась в первую очередь на личных способностях и харизме Кантемира, и его гибель привела к восстановлению гегемонии юрта над татарским миром Причерноморья [Wójcik, 1991a, с. 467–468].

Этап третий (1648–1668): Крым наступает на север. В середине XVII в. «окно возможностей», открывшееся для ханства благодаря тесному сотрудничеству с украинскими повстанцами, привело к временному росту мощи Бахчисарая¹. В этот период сотрудничество Гераев и Стамбула продолжало оставаться одним из важнейших факторов международной политики. Это наглядно проявилось в событиях, произошедших в Дунайских княжествах (Молдавии и Валахии) и Трансильвании в 1657–1661 гг. По указанию султана силы хана Мехмеда Герая IV разгромили трансильванского князя Дьердя II Ракоци. Военное вмешательство татар привело также к свержению мятежных господарей Молдавии и Валахии [Yücel, Sevim, 1995, s. 151–152]. В 1661 г. вопрос Трансильвании был решен после разгромной победы и смерти Ракоци на поле боя [Uzunçarşılı, 1988, s. 384–386]. Крымцы участвовали в австро-турецкой войне 1663–1664 гг. Войска ханского сына Ахмеда Герая присоединились к армии великого везира Фазыла Ахмеда-паши [Yücel, Sevim, 1995, s. 160]. Наряду с крымскими воинами в походе приняли участие казаки [Silahdar, 1962–1963, s. 272, 287; Uzunçarşılı, 1988, s. 404].

¹ См. параграф 8.7. «Крымско-украинские отношения в XVII в.». (А. А. Шейхумеров).

Этап четвертый (1668–1681): украинский вопрос. В этот период наступает кризис в отношениях ханства и Турции. Стремление османского правительства усилить свое влияние в Восточной Европе совпадает с пиком крымской экспансии в украинском направлении. Наглядно противоречия между двумя союзными странами проявились во время событий 1668–1669 гг., когда в борьбе за Украину сошлись два гетмана – проосманский П. Дорошенко и прокрымский П. Суховий. Даже зная о вассальной присяге Дорошенко на верность падишаху, крымцы продолжали воевать против него, поддерживая свою креатуру. Таким образом, в 1668–1669 гг. дошло до настоящего вооруженного противостояния между Крымом и Турцией (использовавшей, правда, войска своих подданных – буджакцев и казаков Дорошенко) за влияние на Украину. «Когда П. Дорошенко заявил татарам, что находится под покровительством султана, предводитель татар ответил, что гетман теперь на деле убедится, чего стоят знаки власти, полученные от султана, и что принесет для него больше пользы, покровительство османов или татар, если он не станет просить милостей у хана, то вся его страна будет разорена» [Флоря, 2001, с. 92]. Тем не менее в итоге крымцам пришлось признать Дорошенко гетманом, хотя они и показали свое отношение к султанской политике, перебив казачий эскорт чауша. Ханство было недовольно усилением Османского государств – и Стамбул был недоволен усилением Крыма. Еще в 1667 г. султан говорил послану Дорошенко, что гетман опирается на крымского хана, хотя тот подобен деревянному столбу и казакам лучше опереться на каменную стену – самого османского падишаха Мехмеда IV [Кочегаров, 2014, с. 69].

В 1672 г. Турция вступила в войну с Польшей, в которой участвовало и Крымское ханство. Союзные силы взяли стратегически важную крепость Каменец-Подольский, переименованную в Каманиче [Danişmend, 1971, s. 441; Kurat, 1972, s. 250; Ülküsal, 1976, s. 69]. Уступленное Польшей в пользу Турции Подолье стало операционной базой для татарских рейдов на территорию Речи Посполитой. Вскоре после фактического поражения Варшавы в польско-турецкой войне 1672–1676 гг. мусульмане были втянуты в новую войну на севере. Осенью 1676 г. русские предприняли

наступление на Чигирин. Лишившись поддержки казачества, гетман П. Дорошенко сдался и принёс присягу Русскому царству. На место Дорошенко Турция решила поставить гетманом Ю. Хмельницкого. Поход на Чигирин под командованием Шайтана Ибрагима-паши и хана Селима Герая I в 1677 г. закончился неудачей, за что оба были смещены со своих постов [Yücel, Sevim, 1995, s. 171]. Новый поход в 1678 г. возглавили великий визирь Кара Мустафа-паша и хан Мурад Герай I. После тяжелой осады крепость Чигирин была взята, а подоспевшее подкрепление было вынуждено отступить под натиском крымско-османских войск [Yücel, Sevim, 1995, s. 172–173; Kunt, 1995, s. 38–39; Uzunçarşılı, 1988, s. 431–432]. Бахчисарайский договор 1681 г. разделил Украину между Турцией и Россией, границей между империями стал Днепр, кроме этого Москва сохраняла за собой Киев и Запорожье.

Этап пятый (1681–1700): борьба за сохранение империи. В 1683 г. крымское войско участвовало в османском походе на Вену, положившем начало грандиозной войне между Турцией и Крымом с одной стороны, и коалицией христианских государств Европы с другой. В военном совете, собранном везирем в начале кампании, принял участие хан Мурад Герай I. В своей речи он призывал отложить захват австрийской столицы на следующий год и ограничиться взятием крепостей Комарно и Дьер, как и планировалось изначально [Yücel, Sevim, 1995, s. 176]. Кара Мустафа-паша, жаждавший захватить Вену, негативно воспринял слова хана. 1 июля 1683 г. османские войска достигли реки Раб, где против них выступили 12 тыс. австрийцев. Однако в битве у Петронелля крымско-турецкие силы разбили противника. Великий везирь оставил часть армии для осады Дьера и достиг Вены. Несмотря на все возражения хана, 14 июля 1683 г. она была осаждена [Uzunçarşılı, 1988, s. 443–448; Çabuk, 1996, s. 238]. В решающей битве против союзной польско-немецкой армии, двигавшейся на выручку Вене, Мурад Герай I, раздраженный диктатом Кара Мустафы-паши, увел своих воинов с поля боя, что стало одной из причин поражения турецких войск. Везирь объявил новым ханом Хаджи Герая II, но и этот правитель оказал лишь незначительную помощь османским силам в битве под Парканами, что с удовлетворением отмечал Ян III.

Тем не менее в последующем татары активно участвовали в войне против христианской коалиции [Şapıra, 2011]. Уже в 1684 г. крымская конница активно действовала на польском направлении, совместно с турецкими союзниками вытеснив осадившую Каменец (Каманиче) королевскую армию за границу [Danişmend, 1971, s. 459; Uzunçarşılı, 1988, s. 473–474; Yücel, Sevim, 1995, s. 189]. В следующем году войска Речи Посполитой вторглись в Молдавское княжество. Объединенные крымско-османские силы умелыми действиями сорвали наступление противника и вынудили его отступить. Кампания была завершена в ноябре 1685 г. татарским рейдом на территорию Польши [Kurat, 1972, s. 255]. В июле 1687 г. польские войска под командованием Якуба Собеского, старшего сына короля Яна III, направились к Каманиче. Комендант крепости Босняк Гусейн-паша, понимая что своими силами ему не справиться, попросил поддержки у главнокомандующего Бозоклу Мустафы-паши. Однако на помощь подоспели лишь крымские войска, предотвратив захват крепости (2 сентября 1687 г.) [Uzunçarşılı, 1988, s. 476]. Неоднократно спасавший султанские армии в сложных ситуациях, верный союзник Османской империи Селим Герай I 31 декабря 1688 г. был приглашен в Эдирне для обсуждения дальнейших военных планов [Ülküsal, 1976, s. 72; Yücel, Sevim, 1995, s. 205]. Во время встречи с высшими чиновниками империи хан обвинил сердара Йеген Османа-пашу в неудачах военной кампании. К его мнению прислушались, а Османа-пашу сместили с занимаемой должности [Uzunçarşılı, 1988, s. 516–517]. Ярким примером турецко-крымско-татарского военного сотрудничества стала кампания на Балканах в 1689–1690 гг. Армия Селима Герая I принимала деятельное участие в подавлении восстания «кумановского короля» Карпоша и вытеснении австрийских войск из Сербии. Крымцы были задействованы в осадах Белграда, Ниша и Видина, побеждали в битвах при Качанике и Зэрнешти, наступали в Трансильвании. Войска обоих мусульманских стран эффективно очистили от противника земли к югу от Дуная и перенесли боевые действия в Валахию и Трансильванию [Katić, 2012]. Несмотря на отдельные успехи ход боевых действий складывался не в пользу турок и крымцев. После ряда поражений османских

войск в 1699 г. был заключен Карловицкий договор, завершавший войну со Священной Римской империей, Польшей и Венецией. Спустя год была окончена война с Россией.

Вывод. Продолжительное проживание крымских мусульман под духовной властью османских халифов привело к постепенному привыканию крымцев к соответствующему миропорядку. Нахождение большого количества Гераев в пределах империи давало туркам уникальные возможности для обеспечения своего контроля над Крымом. Османы, имея фактор единой веры (чем больше Крым жил в тени Турции, тем этот фактор становился сильнее) и «своего кандидата», позволяли себе успешные интервенции на полуостров с такими силами, которые для северных соседей ханства были немыслимо маленькими. Так, в 1584 и 1624 гг. они отправили 3 и 6 тыс. воинов соответственно (для сравнения – в 1687 и 1689 гг. русские пытались захватить Крым 100-тысячными армиями). Впрочем, ставку на собственную популярность при незначительной внешней поддержке делали не только протурецкие кандидаты: Шахин Герай после 1628 г. строил планы захвата власти в юрте с помощью иранцев и 4 тыс. царской помощи (1 тыс. казаков и 3 тыс. ногайцев) [Shorokhov, Slesarev, 2020, с. 625, 626].

Несмотря на отдельные противоречия, и Крым и Турция извлекали свою выгоду из со-

юза. Ханы получали османское жалование (сальяне), защиту от возможного поглощения северными соседями, благодаря османцам Крым получил возможность взимать дань с Дунайских княжеств и черкесов [Skogrupa, 2004, с. 43–46]. Как бы не тяготились крымские ханы турецким сюзеренитетом, они все же осознавали, что лучшего выбора у них не было. Польский историк Д. Милевский писал: «В долгосрочной перспективе ни Речь Посполитая, ни Москва не принесли бы татарам таких выгод, как союз с Османами – оттого и попытки заполучить какое либо из этих государств [в качестве сюзерена] никогда не доводились до конца» [Milewski, 2014, с. 62]. З. Вуйчик отмечал: «Турецкое покровительство, несмотря на все его негативные стороны, казалось, однако, легче сносить, хотя бы и благодаря религиозному единству, чем вероятное польское или российское управление. История ближайших ста лет полностью показала правомерность подобного взгляда, ибо, подчинив Крым в 1783 году, Россия полностью уничтожила его независимость, окончательно ликвидировав татарскую государственность» [Wójcik, 1991a, с. 373]. И действительно, османцы не вмешивались во внутреннюю жизнь полуострова, сохраняя веками традиционный уклад жизни в Крыму, в то время как российская оккупация 1771 г. привела к стремительному разрушению Крымского ханства.

8.3. Дипломатические отношения Крыма с Речью Посполитой в XVII в.

К. А. Кочегаров

Отношения Речи Посполитой и Крымского ханства в XVII в. характеризовались рядом особенностей, связанных как со спецификой внешней политики как шляхетской республики, так и самого ханства.

Во-первых, сюзеренитет над Крымом со стороны Османской империи обуславливал обострение польско-крымских отношений синхронно с возникновением конфликтов между Варшавой и Стамбулом, либо с участием этих стран. В первую очередь речь здесь идет о вовлечении крымцев в т. н. Хотинскую войну 1620–1621 гг. и бо-

лее длительных конфликтах – польско-турецких войнах 1672–1676 и 1683–1699 гг. Особенно во времена двух последних противостояний важность участия в них Крымского ханства следует рассматривать не только с военной, но и с политической точки зрения: именно через посредство крымско-татарской дипломатии зондировалось возможное заключение мира между Речью Посполитой и Османской империей, означавшее, очевидно, и официальное замирение Варшавы и Бахчисарая. Более того, не всегда эти войны были выгодны Крымскому ханству, которое не особен-

но приветствовало укрепление турок в Подолии и на Правобережной Украине – традиционной сфере интересов ханского двора.

Во-вторых, с середины XVII в. немалую роль в отношениях Крымского ханства и Речи Посполитой играл казацкий фактор. Поддержав востание Богдана Хмельницкого, Крым стремился активно использовать его для усиления собственного влияния, пытаясь с одной стороны – закрепить в отношении «барабашей» (украинских казаков) свое верховное покровительство, а с другой – играть посредническую роль в отношениях между ними и польско-литовским государством. Эта политико-дипломатическая стратегия Бахчисарая получила заметное развитие в 1650–1660-х гг., выражаясь сначала в поддержке Б. Хмельницкого, а затем П. Дорошенко, но затем утратила значение в связи с активным вовлечением в дела Восточной Европы верховного сюзерена крымских ханов – Оттоманской Порты.

Наконец, в-третьих, несмотря на опустошительные набеги крымских татар на Волынь, Галичину, а до середины XVII в. – на еще не отколовшиеся от Польши Брацлавщину и Киевщину (отдельные из них детально изучены в последнее время¹), польско-крымские взаимоотношения в рассматриваемое столетие нельзя рассматривать исключительно в парадигме беспощадной борьбы оседлой цивилизации со степью или даже христианства с исламом. Внешнеполитические стратегии Варшавы и Крыма в отношении друг друга были более сложными. Действительно из-за слабого развития системы обороны пограничья Польша была более уязвима перед татарскими набегами [Horn, 1964; Majewski, 1975], которые осуществляли как крымские (с полуострова), так и подчиненные хану белгородские татары (с Буджака), чем, в частности, Русское государство. Трудности противостояния татарским набегам точно сформулировал коронный гетман Станислав Яблоновский на исходе столетия. Советуя в 1697 г. выслать подарки хану и султанам за отказ от нападений на польские земли, он отмечал, что «этому вооруженной рукой противостоять не можем, ибо нельзя знать, откуда и где нападут,

и прежде чем наше войско на них двинется, они уже с добычей исчезли» [Gliwa, 2000a, с. 75].

Несмотря на активное включение в набеговую систему Крыма «русских» земель Короны, в Варшаве неоднократно на протяжении столетия задумывались о том, чтобы попытаться наладить с Бахчисараем более дружественные отношения, откупаясь от нападений на польское пограничье ежегодными поминками и пользуясь вооруженной поддержкой «ста тысяч татарских сабель»². После вхождения в состав России Украинского гетманства реализовывались и планы союза с Крымом в целях противодействия усилившейся Московской державе, включавшие возможность признания ханами сюзеренитета польского короля. Это, впрочем, был только один из векторов: периодически при польском дворе получали поддержку планы активного военного натиска на Крым в союзе с Москвой (русско-польские договоры 1647 и 1686 гг.).

Внешняя политика крымского ханства же в рамках общей стратегии поддержания политического равновесия в Восточной Европе, обоснование и реализация которой на различных примерах в последнее время достаточно подробно рассматривается учеными, и в первую очередь профессором Варшавского университета Дариушем Колодзейчиком, стремилась поддерживать выгодный баланс сил между главными державами региона, стремясь не допустить усиления ни Москвы, ни Варшавы с целью сохранения возможностей для собственных активных внешнеполитических шагов [Колодзейчик, 2004; Kołodziejczyk, 2011]. Причем в большей степени эта линия крымской политики проявлялась именно в отношениях с Варшавой, улучшение или обострение отношений с которой находилось в четкой взаимосвязи с ее позицией в регионе.

Все эти три аспекта необходимо принимать во внимание, рассматривая хронологию польско-крымских отношений в XVII столетии. Однако прежде чем перейти к этому, следует отметить еще несколько важных моментов.

Характеризуя сохранившуюся источниковую базу польско-крымских отношений, следует от-

¹ См. работы о набеге [Gliwa, 1997; Gliwa, 2000; Gliwa, 2000a; Gliwa, 2003; Gliwa, 2003a; Gliwa, 2004; Gliwa, 2005; Gliwa, 2007; Gliwa, 2009; Gliwa, 2009a; Depta, 2017; Majewski, 1963].

² Такое, конечно же, преувеличенное число предлагала крымская дипломатия в помощь Речи Посполитой в 1692 г. См.: [Piwarski, 1958, s. 358].

метить ее определенную асимметричность, выражающуюся в том, что какого-то подобия внешнеполитического архива Крымского ханства не сохранилось, и документальной основой исследования остаются главным образом польские документы (корреспонденция, в том числе входящая от крымских ханов и знати, инструкции и поденные записки послов и посланников, казенные акты и т. д.). Они, пусть и рассеянные по разным архивным собраниям (Библиотека Чарторыйских в Кракове, Коронный Варшавский Архив, Архив Замойских и Публичный архив Потоцких в Главном архиве древних актов в Варшаве, Библиотека Оссолинских во Вроцлаве), содержат материал, в целом достаточный для реконструкции крымско-польских отношений, дополняемый в отдельных случаях сведениями крымских [Senai, 1971] и османских хроник. Все это предопределяет и ведущую роль польской историографии в изучении взаимоотношений Бахчисарая и Варшавы, которая представлена немалым количеством фундаментальных работ, охватывающим различные периоды и эпохи XVII в.³

Несмотря на тесные взаимоотношения между Речью Посполитой и Крымским ханством в рассматриваемом столетии, в обоих странах так и не возникло института постоянных дипломатических представителей, подобных «годовым посланникам» России в Крыму и наоборот, хотя польские дипломаты нередко подолгу жили в Бахчисарае [Reychman, Zajaczkowski, 1968, p. 180–181], как и татарские при королевском дворе. Этот недостаток отчасти восполнялся наличием польских неофициальных дипломатических представителей в Крыму (одним из них в 1680-е гг. был католический священник Костанецкий [Chowaniec, 1928, s. 55–58]; известно также о пребывании католических ксендзов в Крыму в начале XVII в. [Skorupa, 2004, s. 114]), однако об их деятельности мало что известно из сохранившихся источников.

Так же, как и Русское государство, Речь Посполитая платила Крымскому ханству т. н. «поминки» – денежные суммы за отказ от набегов или даже военную помощь, хотя делала это с

гораздо меньшей регулярностью. Как правило, на «поминки» предназначалась собираемая в Речи Посполитой подушная подать с евреев («pogłowne żydowskie»), однако на времена, когда приходился пик выплат в адрес Крыма, ее не всегда хватало, и коронному скарбу (основная тяжесть выплаты «поминков» ложилась на него) приходилось изыскивать другие источники доходов [Rybarski, 1939, s. 479–480].

В правление Владислава IV и первые месяцы после начала восстания Б. Хмельницкого, вплоть до заключения Зборовского договора (1632–1649) Речь Посполитая не платила «поминки» в Крым [Wójcik, 1965, s. 142]. Однако после Зборова их выплата была возобновлена, более того, «крымские» расходы польского бюджета постоянно росли. На период после заключения польско-крымского союза в 1654 г. – вторую половину 1660-х гг. приходится пик выплат – время наибольших расходов Речи Посполитой на «поминки». Так, если сейм 1652 г. констатировал, что помимо ранее выданных крымцам «поминков» во Львове, необходимо еще погасить долг в размере почти 6,5 тыс. злотых, истраченных на подкуп крымской знати, то сейм 1658 г. предназначил на эти цели («поминки» и подарки) астрономическую по сравнению с предыдущими расходами сумму – более 450 тыс. злотых, считая «поминки» за предыдущий пятилетний срок 1650–1655 гг. (ок. 90 тыс. злотых в год). И это не принимая во внимание 83 тыс. злотых дополнительной выплаты (т. н. «kontentacja» или «удовольствование») и почти 90 тыс. злотых, которые были отдельно выданы дважды ездившему в Крым польскому дипломату Мариушу Яскульскому для раздачи лояльной Польше крымской знати. По подсчетам З. Вуйчика, всего на крымские «поминки», включая и оплату более ранних долгов, сейм 1658 г. предназначил более 705 тыс. злотых. Следующие солидные транши Крым получил по решению сейма 1661 г. – почти 600 тыс. и сейма 1664 г. – более 450 тыс. злотых. В дальнейшем выплаты снижались, тем более что крымская сторона сама согласилась на снижение ежегодной суммы «поминок» до 50 тыс. злотых ежегодно, однако более менее регулярно они продолжали выплачиваться по крайней мере до 1672 г. – начала польско-турецкой вой-

³ См. очерк польской историографии Крымского ханства в настоящем издании.

ны. Всего за этот период, по подсчетам З. Вуйчика, Речь Посполитая выплатила Крыму более 2,5 млн. злотых, которые этот историк считал вполне посильной суммой для польского бюджета и сопоставимой с той военной помощью, которую Крымское ханство оказало Варшаве в ходе войн со шведами, Россией и Трансильванией. В эту сумму исследователь включал и весьма высокие расходы на прием крымских послов в Польшу, которые превышали аналогичные траты на русских, и тем более на казацких послов и также являлись для крымцев опосредованной формой получения дополнительных доходов за счет коронной казны. Сами «поминки» выплачивались частично деньгами, частично в натуральном виде – драгоценной утварью и одеждой. Так, в ноябре 1665 г. помимо денег хану предназначался серебряный ларец с дорогой позолоченной серебряной посудой: рукомойником, флягами, кубками, щипцами для свеч, солонкой, ложками, чашей и др. Более малый по размерам ларец с посудой следовало вручить калге, другие подарки – нураддину, ханскому везиру, для супруги хана польский посол вез в Крым «галантерею» и женские одежды в соответствии со специальным реестром, для раздачи знатным татарам и мурзам – шелка и сукна [Wójcik, 1965, s. 137–153].

* * *

В начале XVII в. развитие польско-крымских отношений определялось договором 1595 г., заключенным под Цецорой великим коронным канцлером Яном Замойским с османско-крымскими представителями после длившегося несколько дней сражения, которое не принесло окончательной победы ни одной из сторон. Соглашение было промежуточным итогом польско-османско-крымского соперничества за влияние в Дунайских княжествах, предусматривая согласие хана и султана на правление в Молдавии подерживавшегося Речью Посполитой господаря Иеремии Могилы [Skorupa, 2004, s. 59–63]. В 1597–1598 гг. договор был подтвержден в Турции с традиционным обязательством Речи Посполитой уплачивать хану «поминки» за отказ от набегов на южное пограничье, а также обязанностью последнего оказывать помощь польскому королю против его врагов. В следующем году удалось

достичь и очередного соглашения с Крымом, который в обмен на выплату «поминков» отказывался от права требовать их за предыдущие годы, гарантировал безопасность польских границ, обязался признать за Речью Посполитой часть черноморского побережья, оказывать помощь против России и других неприятелей польского короля; из соглашения были исключены всякие упоминания об ответственности Речи Посполитой за нападения запорожских казаков [Skorupa, 2004, s. 75–90]. Однако уже в 1601 г. в ходе обмена посольствами, не получивший «поминков» Казы Герай в новой грамоте отказался признать за Польшей доступ к Черному морю и требовал ликвидации днепровского казачества. В следующем году отношения Бахчисарая и Варшавы обострились: хан грозил набегами за невыплату «поминков», отвергая попытки королевского двора изменить их статус, когда они должны были выплачиваться только за оказание со стороны Крыма вооруженной помощи Речи Посполитой. В начале 1603 г. «поминки» были выплачены крымскому послу Али-мурзе в Каменце-Подольском [Skorupa, 2004, s. 96–117].

На рубеже 1603–1604 гг. состоялось весьма примечательное крымское посольство в Речь Посполитую, в ходе которого с ханским представителем Дзян Антоном обсуждались возможные условия перехода ханства в подданство короля, а также поддержка со стороны татар Лжедмитрия I. Результаты переговоров неизвестны, однако можно с уверенностью сказать, что какого-то соглашения достигнуто не было и крымские предложения остались без последствий. Что касается поддержки Лжедмитрия, то на эту тему велись польско-крымские переговоры и год спустя, на рубеже 1604–1605 гг., однако из-за ухудшения взаимоотношений по причине казацких набегов и невыплаты «поминков» стороны не смогли договориться. Д. Скорупа полагает, что в Бахчисарае считали весьма небезопасным союз, который мог бы установиться между Москвой и Варшавой в случае воцарения Лжедмитрия I [Skorupa, 2004, s. 121–125].

В целом в первое десятилетие XVII в. отношения Польши и Крыма оставались более-менее мирными – крупных набегов не было, а Варшаве удавалось обеспечить дружественный нейтралитет

тет хана для своей молдавской политики. Однако постепенно, начиная со второго десятилетия XVII в. польско-крымские отношения ухудшаются. Ухудшению польско-крымских отношений способствовала нарастающая враждебность между Польшей и Турцией из-за соперничества в Молдавии и Валахии и продолжавшихся атак запорожских казаков на османское побережье Черного моря. С начала 1620-х гг. татары совершают ряд опустошительных нападений на юго-восточные воеводства Речи Посполитой [Skorupa, 2004, s. 148–254; Kołodziejczyk, 2011, p. 122–131].

Особенно масштабный набег последовал осенью 1620 г. после того, как значительная часть польской армии была уничтожена в сражении под Цецорой. Воспользовавшись этим, татары разорили земли Русского воеводства [Gliwa, 1997, s. 24–26]. В 1623–1624 гг. ряд опустошительных нападений на южные воеводства Речи Посполитой совершили буджакские татары Кантемир-мурзы, основателя Буджакской орды, который проводил независимую политику, находясь под двойным суверенитетом – османского султана и крымского хана [Czołowski, 1892a, s. 97–98; Gliwa, 1997, s. 23–39; Трепавлов, 2002, с. 452; Kołodziejczyk, 2011, p. 130; Gliwa, 2005]. Обострение внутривосточной ситуации в Крыму в 1625 г. обусловило паузу в набеговой активности татар, однако в феврале 1626 г. набег возобновились – 15 тыс. орда во главе с ханом Мехмедом Гераем III опустошила Подолию и Брацлавщину, земли Русского и Хелмского воеводств, мстя за прошлогодний набег днепровских казаков на черноморское побережье. В последующие два года обстановка на крымско-польском пограничье, подвергавшемся лишь нападениям мелких татарских чамбулов, стабилизировалась. Причиной этого был новый всплеск в ханстве междоусобной борьбы. Очередной набег крымских и буджакских татар под предводительством калги Девлет Герая был предпринят в 1629 г. как реакция Порты и Крыма на вмешательство днепровских казаков во внутривосточные дела [Baranowski, 1948; Horn, 1962, s. 35–56].

Ведя борьбу против ставленников Порты, хан Мехмед Герай III и калга Шагин Герай в 1624 г. попытались втянуть в нее в Речь Посполитую, предлагая королю Сигизмунду III (от имени

калги) отвоевать у турок Аккерман, Бендеры и Килию. При королевском дворе сдержанно восприняли данное предложение и совершенно оправданно, поскольку в тот же период хан пытался добиться примирения с Портой. В целом в 1620 – 1630-х гг. основными темами дипломатической переписки между Бахчисараем и Варшавой были выплата поминков (осуществлялись крайне редко), ограничение казацких рейдов и татарских набегов, взаимные уверения в дружбе, безопасность торговли. При этом с обеих сторон нападения продолжались, а декларации дружбы оставались на бумаге. В этот период получает распространение практика, когда ахднамэ (договорные грамоты о мире) направлялись королю не только от имени хана, но также от имени калги и нураддина (ранее они направляли лишь письма) [Kołodziejczyk, 2011, p. 131–153].

В 1640-е гг., в том числе под влиянием победной для польской стороны битвы под Ахматовым 1644 г. (гетман С. Конецпольский разбил войско Тугай бея) получают распространения идеи наступательной политики в отношении Крыма и даже Порты. Сенат принимает официальное решение прекратить выплату «поминков» (которые и так не платились), а при дворе короля Владислава IV разрабатываются планы создания широкой антиосманской коалиции в союзе с Москвой [Kołodziejczyk, 2011, p. 154 – 157; Czermak, 1895; Majewski, 1973]. В русле реализации этих планов лежало заключение 1647 г. русско-польского союза, острие которого было направлено как раз против Бахчисарая [Флоря, 1989; Новосельский, 1948, с. 363–367]. Однако ситуация коренным образом изменилась уже спустя год, когда в ходе начавшегося казацкого восстания Б. Хмельницкого Крымское ханство выступало главным союзником мятежных казаков и соответственно гарантом их соглашений с Речью Посполитой под Зборовым в 1649 г., сыграло решающую роль в итогах кампании 1651 г., завершившейся Белоцерковским договором, значительно усилив свои политические позиции в отношениях с Варшавой. Особенно явно это продемонстрировала т. н. Жванецкая кампания казачества против Польши, когда до решающей битвы не дошло, но в декабре 1653 г. в устной форме было заключено польско-крымское соглашение о восстановлении условий Зборов-

ского договора. Со стороны Крыма была сделано предложение совместного похода на Россию в будущем году. Характерно, что Б. Хмельницкого и казацких представителей к переговорам вообще не пригласили [Ciesielski, 2005; Грушевський, 1996, с. 695–717].

Наметившееся польско-крымское сближение в полной мере реализовалось после событий Переяславской рады, когда Крым более чем на десятилетие стал союзником Речи Посполитой в своем стремлении нейтрализовать усилившееся влияние России в Восточной Европе. Уже в феврале 1654 г., после получения при королевском дворе первых известий о событиях Переяславской рады, в Крым к хану Исламу Гераю был направлен посланник Мариуш Яскульский, опытный дипломат. Яскульский прибыл в Бахчисарай 7 апреля и в тот же день получил аудиенцию у ханского везира Сефер-Гази-аги. Узнав о том, что Хмельницкий поддался русскому царю, последний, по свидетельству польского посланника, заявил, что теперь казацкому гетману «придет конец». В ходе дальнейших переговоров ханская сторона предложила выслать своих послов к Хмельницкому, чтобы потребовать от него отказаться от подданства царю, выразила готовность заключить союз с Польшей на условиях возобновления выплаты «поминков». Взамен хан готов был направить на помощь Речи Посполитой 30 тыс. войско, а позднее и выступить на Украину со всеми силами. В случае победы над Россией, по условиям польско-крымского союза Бахчисарай рассчитывал присоединить Казань и Астрахань. Для завершения переговоров вместе с возвращавшимся Яскульским хан выслал своего посла Сулеймана-агу к королевскому двору. Окончательно условия союза против казацкой Украины и России были сформулированы в середине июля 1654 г. (20 июля Сулейман ага принес присягу, также как король Ян Казимир и сенаторы Речи Посполитой; окончательной договор вступал в действие после присяги хана перед польским послом), включив возобновление выплаты Польшей «поминков», возвращение казаков под власть короля и заключение сепаратного мира с царем. Несмотря на смерть Ислама Герая, известие о которой крымский гонец доставил в Варшаву в августе, повторно высланный в Крым М. Яскульский добился

ратификации договора новым ханом, Мехмед Гераем 20 ноября 1654 г. [Wójcik, 1954].

В итоге после соединения 40 тыс. крымской орды⁴ с отрядами коронного гетмана С. Потоцкого союзники в январе 1655 г. в ходе кровопролитного сражения на Дрижиполе (под Ахматовым) смогли добиться отступления русско-украинских войск, хотя и не решились их преследовать из-за больших потерь [Санин, 1987].

Особенно ценным союз с Крымом оказался для Польши во время шведского «Потопа» и успешного наступления русских войск в Великом княжестве Литовском, то есть в 1655–1657 гг. [Baranowski, 1957; Górkа, 1955, s. 148–149]. Важное значение имела татарская помощь во время борьбы со шведами в Польше в 1656 г. Наконец, нельзя отрицать ту значительную роль, которую крымцы, как союзник Речи Посполитой, сыграли сначала в Конотопской⁵, а затем Чудновской кампаниях 1660 г., когда армия В. Б. Шереметева совместными польско-крымскими усилиями была окружена и пленена, а украинские казаки гетмана Ю. Хмельницкого заключили с Речью Посполитой договор о возвращении под власть короля⁶.

Характерно, однако, что в рамках этого союза Крымское ханство стремилось играть на Украине все более самостоятельную роль, мало считаясь с интересами своего польского союзника. Уже в конце 1660 г. в Варшаве с тревогой воспринимали известия с Украины, что Крым якобы через посредство перекопского Караш-бея требует от гетмана Ю. Хмельницкого присягнуть хану, не подчиняясь ни польскому королю, ни русскому царю. Официально, правда, ханство устами посла в Варшаву Дедеш-аги в январе 1661 г. отрицало какие-то намерения установить свою власть над казацкой Украиной. С ответной миссией в Бахчисарай направился польский представитель, надворный хорунжий Владислав Шмелинг, который должен был заручиться поддержкой ханского везира Сефер Гази-аги в деле недопущения принятия украинских казаков под протекцию хана. Вслед ему в апреле выехал другой посол, Венявский, с задачей объявить хану,

⁴ Оценка М. Яскульского. См. [Wójcik, 1954, s. 108].

⁵ Подробный разбор роли Крыма в кампании см.: [Бабулин, 2015].

⁶ См. специальную работу о роли крымцев в Чудновской кампании см.: [Мацьков, 2017].

что Речь Посполитая не заключит мир с Россией без участия хана и без решения украинского вопроса с выгодой для Варшавы и Бахчисарая. Кроме того, он должен был не допустить какого-то сближения крымских татар и казаков Ю. Хмельницкого, а также добиваться смещения Караш-бея с должности перекопского бея. Шмелинг в это время уже прибыл в Бахчисарай, где хан объявил ему о намерении заключить мир с Россией только когда она возвратит Речи Посполитой украинские и белорусские земли и подготовке похода на московские владения в текущем году. В искренней готовности соблюдать с Польшей дружбу клялся Шмелингу и Сефер-Гази ага, уверяя, что речи о принятии казаков под ханскую власть не идет [Wójcik, 1954a]⁷.

И хотя угрозу вмешательства хана в борьбу за Украину в 1661 г. Варшаве удалось предотвратить, в последующие годы она приобретала реальные очертания. Во время Заднепровского похода короля Яна Казимира на Левобережную Украину зимой 1663/64 гг. крымцы не оказали вооруженной поддержки польско-литовским войскам, что З. Вуйчик считал одной из важнейших причин неудачи похода [Wójcik, 1965, s. 147]. Особенно же очевидно это стало к 1665 г., когда крымцы поддержали провозгласившего себя гетманом С. Опару, который выступил против польского ставленника на Правобережной Украине, Павла Тетери, а затем после свержения Опары навязали части казачества нового гетмана П. Дорошенко, также ориентировавшегося на Стамбул и Бахчисарай. Более того, на фоне интенсивных русско-польских переговоров о мире Крым окончательно разорвал союз с Варшавой и в декабре 1666 г. вместе с казаками Дорошенко атаковал польские войска на Правобережной Украине, уничтожив под Браиловым корпус С. Маховского. После этого в Крым, а также к командирам татарских отрядов на Украине отправились польские дипломаты. Ехавшим в столицу ханства Я. Карвовскому и Ф. Кобылецкому было предписано осудить агрессивные действия крымцев, но в то же время выразить надежду на дальнейшее

⁷ Следует отметить, что о правах на Украину и, более того, о семилетнем подданстве запорожских казаков Крыму везир Сефер Гази-ага заявлял русским послам в Бахчисарае еще в мае 1655 г., считая, что в январе 1654 г. Б. Хмельницкий «отложился» от хана. См. [Санин, 1987, с. 96].

сохранение мира. Однако миссия эта ни к чему не привела, в ответном послании хан всю вину за разрыв польско-крымского союза возлагал на Варшаву [Wójcik, 1968, s. 44–46]. В письме к Яну Казимиру Адиль Герай прямо называл шаг по заключению перемирия с Россией «предательством» [Wójcik, 1968, s. 18].

Военные действия продолжились в октябре 1667 г., когда коронный гетман Ян Собеский смог нанести поражение крымским войскам и отрядам П. Дорошенко. В заключенном по итогам кампании Подгаецком договоре с Крымским ханством союз с Речью Посполитой возобновлялся, но никакого реального значения это положение не имело [Majewski, 1960].

Усиление враждебности со стороны Крыма вызывало серьезные опасения в Варшаве, которая, заключив в январе 1667 г. перемирие с Россией, уже в декабре подписала с Москвой антиосманский и антикрымский союз. Это предопределило продолжение военных действий между Речью Посполитой и Крымом, который по-прежнему поддерживал Дорошенко. Летом 1671 г. в ряде столкновений в августе и ноябре войска коронного гетмана Яна Собеского разбили татар под Брацлавом и Кальником [Wójcik, 1968, s. 254]. Эти бои стали прелюдией более грозного события – войны между Польшей и Турцией.

Польско-турецкая война 1672–1676 гг. не вполне отвечала внешнеполитическим интересам Крымского ханства. Ее главным итогом стало появление османской администрации в Подолии, а на значительной части Правобережной Украины – протурецкого ставленника Юрия Хмельницкого, для поддержки которого ханство должно было высылать постоянные контингенты. Это, по мнению Януша Волиньского, сужало потенциальную базу для крымских набегов, чему, безусловно не могли радоваться в Бахчисарае [Woliński, 1983a, s. 128]. Несколько иную точку зрения высказывает Анджей Глива, отмечая, что захваченная уже в 1672 г. Подолия стала до конца столетия удобной операционной базой для татарских нападений на Волынь и Червонную Русь [Gliwa, 2000, s. 573]. Так или иначе, но в ходе войны, несмотря на крупный татарский набег 1672 г. [Gliwa, 2003a] и погром татарских чамбулов Яном Собеским осенью того же года

[Sikorski, 2007], проявилось очевидное желание татарской дипломатии погасить польско-турецкий конфликт, чтобы направить османские силы на более опасного с точки зрения Бахчисарая противника – Россию, которая с 1674 г. приступила к активным действиям на Правобережной Украине, осадив Чигирин, столицу правобережного гетмана и османского вассала П. Дорошенко. Я. Волиньский указывал также и на личностный аспект данной политики Крыма – идеи польско-крымского примирения вынашивал опытный политик хан Селим Герая I, большой поклонник польской культуры. В итоге крымское войско не приняло участия в кампании 1673 г., обернувшейся для турок тяжелым поражением при Хотине, а в 1674 г. Бахчисарай с готовностью откликнулся на предложения Яна Собеского о заключении мира (посольство Качоровского и ответная миссия сына ханского везира Мехмеда Казы-аги). Однако условия мира, которые крымский дипломат зондировал в Варшаве, не нашли серьезного отклика при королевском дворе. После Хотинской победы Ян Собеский не готов был уступать Турции Подолию с Каменцом. Характерно и предложение крымцев направить им в поддержку 1 тыс. польского войска для действий против царских войск, что показывало стремление Бахчисарая разорвать невыгодное для него Андрусовское перемирие. Это столкнулось с намерениями польского двора, в свою очередь, оказывать давление на Москву своими переговорами с Крымом для заключения более действенного антитурецкого и антитатарского союза. Лишь осенью 1674 г., после неудачи переговоров с Турцией, польский король отпустил крымского дипломата вместе со своим посланцем к хану – черниговским хорунжим Яном Михалом Мышлишевским, прося посредничества Селима Герая I в заключении мира с Портой «без какого-либо уменьшения... наших государств», то есть с сохранением Подолии за Речью Посполитой. Однако вопрос о Каменце оставался камнем преткновения на пути к миру и в ходе последующего обмена посольствами. В январе 1675 г., в ответ на приезд в Польшу очередного ханского гонца, Собеский выслал в Крым Хуссейна Моравского, татарина-липку и Качоровского с задачей убеждать хана, чтобы он, в свою очередь, приложил усилия в деле возвра-

щения Польше Каменца-Подольского. Собеский напоминал Селиму Герая I о «старой дружбе» и подчеркивал, что союз с Крымом для него важнее соглашения с Москвой. В крайнем случае Моравский и Качоровский должны были добиваться разрушения Каменецкого замка, но при условии сохранения Подолии за Польшей. Одновременно Собеский отказывался от антироссийского союза с Крымом, но был не против, если Бахчисарай и Стамбул заставят Москву вернуть земли, присоединенные по Андрусовскому перемирию.

Однако позиция ханского двора в преддверии новой военной кампании ухудшилась: Мышлишевский был посажен под арест, а Моравский, вместо того, чтобы отстаивать королевские интересы, сообщил при ханском дворе о слабости польских войск и их неготовности отразить очередную татарскую набег. Собеский тем не менее не терял надежды на татарское посредничество: новый гонец, драгунский полковник Фридрих Гребен, высланный в войско двинувшегося на Украину Селима Герая I весной 1675 г., должен был убеждать его в невыгодности для Крыма усиления восточноевропейских позиций Турции, которая, утвердившись на Украине, «придавит» и ханство; подчеркивать, что Речь Посполитая готова поддержать стремления Крыма к независимости от султана. Соответственно крымские элиты должны были прямо заявить султану о нежелании продолжать войну, склонив его к уступкам в пользу шляхетской республики.

Хан дружественно принял миссию Гребена. Заявляя о невозможности на данном этапе добиться возвращения Польше Подолии, он все же предлагал Собескому прислать послов для мирного договора, обещая им безопасное возвращение даже в случае неудачи переговоров. В июне 1675 г. великие послы коронный стражник Стефан Бидзинский и подचाший хелмский Томаш Карчевский отправились в ставку Селима Герая I с богатыми подарками для хана и его окружения. Однако через несколько дней после их прибытия в ханский лагерь крымские войска соединились с турецким корпусом Ибрагима-паши. После этого дружественные настроения при ханском дворе резко изменились, переговоры потерпели неудачу, несмотря на то что в июле при королевском дворе было принято решение отказаться от

Каменца-Подольского [Woliński, 1983a]. Война продолжилась, обернувшись для крымских татар чувствительным поражением под Львовом 24 августа 1675 г. от польских войск [Woliński, 1983].

В следующем году, в ходе новой военной кампании, крымско-турецкое войско, захватив Покутье, двинулось ко Львову. Ян Собеский во главе кавалерийских отрядов разбил часть турецко-татарских отрядов под Войниловом, после чего, соединившись с пехотой и артиллерией, занял позиции в укрепленном лагере у впадения р. Креховки в Днестр, недалеко от с. Журавно, где и был осажден противником. Предприняв 28–29 сентября 1676 г. несколько неудачных штурмов, турки и татары перешли к регулярной осаде лагеря, однако вскоре, в ходе начавшихся переговоров 17 октября стороны подписали Журавненский мир, по которому Речь Посполитая отказывалась от Подолии с Каменцом и большей части Правобережной Украины [Woliński, 1983b].

Последующие пять лет после заключения мира, польско-крымские отношения развивались в целом мирно, сводясь к выкупу пленных и частичной выплате Варшавой «поминок» хану и его окружению.

В 1682 г. польский король Ян Собеский решил воспользоваться стрелецкими бунтами в России и воцарением малолетних Ивана и Петра Алексеевичей, чтобы отторгнуть от нее Левобережную Украину. В этом деле он надеялся найти поддержку в Бахчисарае. В августе 1682 г. он сделал в письме калге Тохтамыш Гераю завуалированные предложения о сотрудничестве. Польский король сообщал, что прибывшего за «поминками» ханского посла Мехмет-шах-бея он принял с необходимым почетом и выплатил ему часть суммы (остальная должна быть выплачена по решению будущего сейма). В ответ король надеялся на сохранение дружбы с ханом.

В конце августа польскому представителю в Крыму ксендзу Костанецкому была направлена инструкция для переговоров от имени гетмана С. Яблоновского с ханским визирем, а по возможности и с самим ханом, содержащая уже более конкретные предложения. Внутренние неурядицы в России прямо увязывались в ней с «общим благом» Речи Посполитой и Крыма. Костанецкий должен был убеждать хана, что Россия во главе

с двумя малолетними царями более не представляет серьезной силы, нельзя быть уверенным в соблюдении Москвой перемирия с Крымом и выплаты «казны» без перебоев. Польский дипломат должен был детально выяснить, не намеревается ли Крымское ханство воспользоваться моментом для установления своей власти над Астраханью, Казанью и даже касимовскими татарами. Королевский двор предлагал хану заключить антимосковский союз с давними врагами крымцев – калмыками и башкирами и даже донскими казаками, а ногаям, кочевавшим в районе Белгорода-Днестровского, переселиться в низовья Дона или Волги. Тем самым польскому резиденту прямо поручалось побудить кочевников к набегам на южные территории России. Ксендзу следовало указать крымским политикам на выгоды реализации подобных планов – это могло привести к значительному усилению ханства, что должно было заставить Стамбул больше считаться с интересами Бахчисарая и не менять ханов без всякой причины, когда вздумается. Собранная Москвой разведывательная информация свидетельствовала, что дипломат Речи Посполитой действительно добрался до Бахчисарая и привез хану очередную часть «поминков». Однако Мурад Герай не ответил на эти польские инициативы, в том числе и в связи с подготовкой османского похода на Вену, в котором крымские татары должны были принимать самое активное участие [Коцегаров, 2012].

Это заставило и Собеского забыть о вмешательстве во внутрироссийские дела, а участие польских войск в начавшейся войне (марш на помощь осажденной Вене) вынуждало Варшаву искать новые пути нейтрализации Крыма. Несмотря на то, что весной орда под предводительством хана была уже на пути в Венгрию, с прибывшим в польскую столицу крымским послом обошлись весьма дружелюбно. Ему, правда, не были выплачены «поминки», ради которых он прибыл, однако Ян Собеский в письме к Мурад Гераю заверил хана, что «поминки» будут сразу выплачены, как только казна республики будет приведена в порядок. Взамен Ян Собеский рассчитывал на поддержку интересов Речи Посполитой и отказ от помощи османам, выражал надежду на сохранение дружественных отношений [Кочегаров, 2008, с. 228–229]. Как видно, польский король не

только не стремился обострять отношения с Крымом, даже вступая в войну с его сюзереном – Портой, но, более того, старался привлечь хана на свою сторону и вбить клин между Бахчисараем и Стамбулом.

Победа союзников под Веной придала новый импульс крымской дипломатии Собеского. Поддавшись на его уговоры или руководствуясь собственными соображениями, крымские татары действительно не отличались активностью в кампании 1683 г. Отряды хана Мурада Герая, сражавшиеся в битве под Веной на правом крыле османской армии и предназначенные для удара в тыл противнику, не выполнили приказ. Хан первый подал пример к отступлению. И хотя Мурад Герай поплатился за это трон, его преемник Хаджи Герай повел себя точно так же – в битве под Парканами (октябрь 1683 г.) на поле боя появилось лишь около четырехсот татар. Сразу после битвы Ян Собеский через отпущенного из плена татарина поблагодарил хана, по его собственным словам, за то, что тот не хочет нарушать дружбу с Польшей [Кочегаров, 2008, с. 228–229].

Получив информацию о кризисе в ханстве, выразившемся в борьбе сторонников Хаджи Герая и свергнутого Мурада Герая в 1683–1684 гг. [Смирнов, 1887, с. 608–611; Wagner, 2002, s. 98–99], польские политические круги на раде сената в январе 1684 г. обсуждали способы привлечения Крыма на сторону союзников или хотя бы обеспечения его нейтралитета и прекращения набегов татар на Речь Посполитую. На военной раде в апреле Ян Собеский предложил и способ воздействия на ханство – захват Молдавии польско-литовскими войсками должен был сильно осложнить для Османской империи возможность оказывать военную поддержку Бахчисараю и заставить Хаджи Герая пойти на соглашение с Речью Посполитой на условиях нейтралитета ханства. При этом Крым должен был предоставить заложников, а польский король – далее платить хану «поминки» [Chowaniec, 1928, s. 55]. В первой половине 1684 г. Хаджи Герай прислал к королю своих послов с объявлением о восшествии на ханский престол и напоминанием о необходимости уплаты «поминков». Во врученном послам мемориале польский король указывал на произвол Порты, смешавшей одного хана и сажавшей на пре-

стол другого, чья судьба теперь зависит даже не от султана, а от визиря. Хаджи Герай не ответил на эти декларации Яна Собеского, а может быть, просто не успел ответить, т. к. в июне был свергнут и заменен Селим Гераем, уже побывшим на престоле в 1670-е гг. Порты обвиняла Хаджи Герая в позднем выступлении орды в Венгрию и в сепаратных сношениях с польским королем.

Ян Собеский на этот раз отправил к Селиму Гераю освобожденного им из плена знатного татарина Алиш-агу с новым мемориалом, в котором уже ясно была выражена основная идея политики Яна III по отношению к Крыму – независимость ханства от Османской империи под покровительством Речи Посполитой. Польский король скрупулезно перечислял все «обиды», нанесенные Портой ханам, и предлагал свою дружбу, прося прислать послов для дальнейших переговоров. Хан откликнулся на предложения короля. В конце лета 1684 г. в польское войско, выступившее в Молдавию, приехали два ханских посланца. Переговоры не привели к какому-то результату, единственное, что было решено, – продолжать контакты далее. Следующий посланник хана прибыл в Жолкву в ноябре. На данной ему аудиенции польский король явно услышал не то, что ожидал: во врученном посланником письмах Селим Герай предлагал свое посредничество в заключении мира с Османской империей. Ян Собеский отверг эти предложения [Chowaniec, 1928, s. 55–58; Wagner, 2002, s. 99].

В 1685 г. Ян Собеский еще не терял надежды переманить на свою сторону Крымское ханство. С прибывшим на сейм в Варшаву татарским послом был направлен в Крым королевский посланник Томаш Голчевский. Он должен был предложить хану помощь польского короля для освобождения от власти Порты. Перед Голчевским не ставилась задача добиться военного союза с Крымом, ему поручалось лишь уговорить хана соблюдать нейтралитет в войне и не нарушать мира с Речью Посполитой. В случае согласия Селим Герая посланник должен был пообещать ему вдвое большие «поминки» против тех, которые выплачивались ранее, и «подарить» от имени Яна Собеского 1000 червонных. Хан сначала с любезностью отнесся к сделанным предложениям, однако внезапно положение в польско-крымских переговорах изменилось. С

письмами Селим Герая, в которых говорилось о готовности сохранить дружбу с польским королем (конкретных ответов на предложения Я. Собеского хан все же не дал), в сопровождении ханского пристава Голчевский уже выехал из Бахчисарая. По дороге польский посланник был остановлен и возвращен в ханскую столицу, где его под разными предлогами удерживали все лето. А в это время крымские татары приняли активное участие в кампании против войск С. Яблоновского. Только в начале ноября 1685 г. Т. Голчевский приехал в Жолкву, где находился король с письмом от хана, предлагавшего, как и ранее, заключить мир с Портой [Chowaniec, 1928, s. 58–65; Кочегаров, 2008, с. 250–251]. Предложения эти не устроили Собеского, подтолкнув к заключению союза с Россией.

Вечный мир и союз 1686 г., заключенный Россией и Польшей, предусматривал усиление натиска союзников на Крым, вызвав серьезное беспокойство в Бахчисарае [Кочегаров, 2008, с. 408–409]. В течение последующих лет крымская дипломатия неоднократно пыталась вывести Речь Посполитую из войны, вновь выступая с предложениями посредничества в деле заключения сепаратного мира с султаном. В июне 1692 г. в Варшаву прибыл «удивительно разумный», по мнению польских современников, посол Дервиш Казы мурза, который от имени хана Сафа Герая предлагал королю и республике выгодный мир с Турцией на условиях возвращения Подолии и Правобережной Украины, а также заключение союза с нейтралитетом ханства в отношении Варшавы в случае новой польско-турецкой войны [Piwarski, 1958, s. 357–359]. После крайней неудачной военной кампании 1691 г. [Komaszyński, 1992] Ян Собеский готов был склониться на предложения Крыма, но отложил решение до приближавшегося сейма (открылся в Гродно в январе 1693 г.), задержав и самого посла. Однако здесь в дело вступила антикоролевская оппозиция, ориентированная в значительной мере на Вену и папский престол, которые не желали выхода Варшавы из войны. Ее лидеры в Великом княжестве Литовском организовали срыв сейма, перечеркнув и продолжение польско-крымских переговоров. Ситуацию усложнили и пришедшие в Варшаву известия о смерти хана Сафа Герая.

Дервиш Казы-мурзе дали еще одну аудиенцию на посеймовой раде сената, однако после нее при королевском дворе было решено вновь взять паузу в контактах с Бахчисараем. Лишь осенью 1693 г. татарский посол был отпущен обратно вместе с польским дипломатом С. Жевуским. Его инструкции выдвигали достаточно завышенные условия мира, по которым в случае согласия на сепаратный мир Речь Посполитая должна была получить дополнительно Молдавию, Валахию и Буджак, а также настаивать на включении в мирный договор России [Piwarski, 1958, s. 351–372]. Жевуский прибыл в 1694 г. в Адрианополь, где в тот момент находился новый хан Селим Герай III (уже занимавший ханский престол ранее), однако подключившиеся к делу турецкие представители были готовы лишь к уступке Каменца. Переговоры окончательно заглохли [Konopczyński, 1936a, s. 22], а в следующем году последовал новый разорительный татарский набег [Majewski, 1963].

В итоге Речь Посполитая приняла участие уже в общих переговорах всех союзников по Священной лиге в 1698–1699 гг. Однако и здесь не обошлось без крымского посредничества. В ходе подготовки переговоров о заключении мира в Карловцах Польша весьма рассчитывала на поддержку хана Селим Герая I, о чем новый польский король Август II написал ему в письме от 28 сентября 1698 г. [Wojtasik, 1970, s. 304], вскоре после победной для поляков битвы под Подгайцами, в которой они нанесли поражение крымским войскам [Wojtasik, 1971]. А уже во время самих переговоров коронный гетман Станислав Яблоновский через специального посланника предложил хану вознаграждение в 20 тыс. злотых в случае возвращения Польше Каменца-Подольского. В дальнейшем польская дипломатия поддерживала контакты с находившимся в Адрианополе ханом [Gliwa, 2000a, s. 61–62].

Подписанный в январе 1699 г. Карловицкий договор запрещал крымцам совершать грабительские набеги на территорию Речи Посполитой. Как отметил А. Глива, такие пункты и раньше присутствовали в польско-татарских соглашениях и часто нарушались татарской стороной, однако сейчас старое содержание получило новое звучание и значение: слабевшая Османская

империя стремилась стабилизировать обстановку в регионе и минимизировать собственные внешнеполитические издержки в том числе и за счет своих вассалов, в том числе Крыма. Ответом на это стал последний набег буджацких ногаев (ок. 5 тыс., включая и отряд молдаван) на польские территории в уходящем столетии, организованный нураддином Гази Гераем вопреки вероятной резкой реакции Стамбула. В феврале орда разорила Русское воеводство Речи Посполитой, опустошив почти 90 деревень и 33 местечка, в том числе предместья Дрогобыча и Стрия, в неволю было угнано почти 6 тыс. чел. На обратном пути один из отрядов, отягощенных добычей и пленными, был разбит польской кавалерией, Неудачей, однако, окончилась попытка разбить главные силы врага у переправы через Днестр под Мартиновом. На жалобы польской стороны османы заявляли, что поскольку заключенный в конце января мир вступал в силу через тридцатидневный срок, татары «уложились» в отведенный переходный период и не могут быть в чем-то обвинены. Зимний набег 1699 г. стал последним

крупным татарским нападением в истории Речи Посполитой и Крымского ханства вплоть до прекращения существования обоих государств в XVIII в. [Gliwa, 2000a].

В XVII в. отношения Крыма и Польши прошли сложный путь развития, когда вспышки обострения и открытой враждебности (в том числе в рамках польско-турецких войн) чередовались достаточно тесными союзническими отношениями, особенно в середине столетия. В конце XVII – начале XVIII вв. в силу угасания внешнеполитической активности Речи Посполитой, а также наступления для Крыма новой политической реальности, выражавшейся, прежде всего, в ограничении возможностей для осуществления набегов, в связи со стабилизацией государственных границ в Северном Причерноморье, польско-крымские отношения несколько теряют динамику. В результате те предпосылки для сближения Бахчисарая и Варшавы, которые наметились после заключения Карловацкого мира 1699 г. на фоне постепенного роста внешнеполитического могущества России, так и не были реализованы.

8.4. Отношения Крымского ханства с Калмыцким ханством в XVII в.

В. Т. Тепкеев

В первой половине XVII в. на степных пространствах Юго-Восточной Европы происходит любопытное историческое явление – встреча или столкновение двух народов: крымских татар, потомков золотоордынцев, и калмыков – представителей западно-монгольской народности ойратов. Несмотря на очевидное историческое родство, взаимоотношения между двумя кочевыми народами были весьма непростыми, поскольку откочевка калмыков из Центральной Азии и их появление в степях Северного Прикаспия стало одним из серьезных факторов нового витка развития политической истории в Причерноморье.

Первоначально появление калмыков на Волге имело положительную сторону для Крымского ханства, так как значительная масса больших ногайцев под давлением калмыков мигрировала в сторону Причерноморья, где попала в вассальную зависимость от Крыма и численно укрепила крым-

ское войско. Но калмыцкие тайши не планировали ограничиваться только волжскими рубежами, так как стремились подчинить себе все ногайские улусы. Это неизбежно шло вразрез с аналогичными интересами Москвы и Крыма, что зачастую заканчивалось вооруженными стычками.

В ходе военных столкновений с соседями калмыцкие владельцы пытались найти в новом для себя регионе и союзников. Так, в 1643 г. крымский хан Мухаммед Герай IV жаловался царю Михаилу Федоровичу на опасные для себя сношения донских казаков с калмыками [Смирнов, 1887, с. 537]. Уже зимой 1643/44 годов крымские татары вполне серьезно ожидали прихода калмыков на свои улусы, предусмотрительно отогнав скот и табуны в «крепкие и дальние места». Как отмечали очевидцы, «калмыцково приходу крымские люди добре боятца» [Цит.: Тепкеев, 2014, с. 146, 147].

Крымский хан ясно осознавал, что со стороны новых и опасных соседей исходит прямая угроза, и всячески старался воспрепятствовать их продвижению на запад. Вторжение калмыков на Северный Кавказ можно рассматривать и как первую серьезную попытку тайшей утвердиться в этом регионе, подчинить себе Малый Ногай и отсюда напрямую угрожать Крыму. Первым, кто вторгся непосредственно на территорию Крымского ханства, был тайша Лузан. Его отряд из двух тысяч калмыков и 500 ногайцев осенью 1643 г. совершил молниеносный набег на Кубань, разгромив Казыевский улус мирзы Карашеима и захватив большое количество ясыря, скота и лошадей [Тепкеев, 2014, с. 146, 147].

Во время следующего крупного вторжения калмыков под руководством Хо-Урлюка в начале 1644 г., когда после жестокого и продолжавшегося весь день сражения в Кабарде обе стороны были вымотаны, отряд ногайцев, отправленный крымским ханом Мехмед Гераем IV в помощь кабардинцам, неожиданно ударил в тыл калмыкам [Тепкеев, 2014, с. 151, 152]. Это было первым серьезным поражением калмыков с момента их прихода на Волгу. С целью поднять моральный и боевой дух своего подвластного населения крымский хан приказал голову погибшего в том сражении Хо-Урлюка привезти в Бахчисарай, где она пробыла до 1654 г., пока ее в результате долгих и сложных переговоров не выкупили калмыцкие послы и не доставили на Волгу [Тепкеев, 2012, с. 226, 227].

Но попытки крымского хана противостоять движению калмыков на запад смогли остановить их лишь на несколько лет. В начале 1648 г. 40-тысячное калмыцко-ногайское войско двинулось на Крым с целью подчинить ногайские улусы Урмаметевых и крымских татар. Неизвестно, чем бы закончился поход для Крымского ханства, если бы не сильные заморозки и глубокий снежный покров, приведшие к массовому падежу конского состава. Достигнув реки Миус, калмыцкое войско повернуло обратно. По сообщению донских казаков в Москве, тайши им прямо заявили, что «они за государя хотят умереть, а чтоб Урмаметевы улусы и крымские татары подвесь под государственную руку» [Тепкеев, 2014, с. 200, 201].

Еще в 1647 г. Крым подвергся нашествию са-

ранчи, которая уничтожила всю растительность и хлеба, вызвав тем самым настоящий голод на полуострове. Практически все крымские татары и подвластные им ногайцы выдвинулись на север, за Перекоп. Но известие о массовом движении калмыков на Крым вызвало серьезную панику среди крымцев и ногайцев, бежавших со своими улусами к Днепру и за Перекоп. Крымский хан Ислям Герай III открыто и незаслуженно подозревал в его организации московское правительство [Тепкеев, 2014, с. 200].

В 1649 г. калга жаловался царю Алексею Михайловичу: «Теперь слышно, что вы, вопреки своей клятве, вошли в соглашение с безверным народом, именуемым калмыками... А тот проклятый народ есть просто сброд и сволочь, а не войско, могущее брать области и юрты; это безверные разбойники, курвины дети. Они грабят подданных Крымского ханства, угоняя скот у ногайцев и крымцев». Калга просил русские власти не дружить с этим «окаянным народом» и не давать убежища в своих владениях, считая это «противным добрым отношениям» к Крымскому ханству [Смирнов, 1887, с. 560].

Действительно, в этот период наблюдается резкий всплеск активности калмыцких набегов на крымские земли. Перед крымскими татарами теперь появился грозный сосед, который действовал против них теми же военными методами, что и они, но только более организованно и жестко. В 1651 г. тайши Лузан и Нима-Церен во главе 15-тысячного калмыцко-ногайского войска совершили набег под Перекоп. Подойдя к Крыму, калмыки в ходе вооруженной стычки на крымской заставе убили двух мирз Мансуровых и отогнали 40 тыс. лошадей. По сообщению русских послов в Крыму, «от того калмыцкого приходу в Крыму страхование было и всполох большой» [Тепкеев, 2014, с. 200].

Это был первый случай, когда калмыцкие отряды достигли непосредственно полуострова и сумели провести активные военные действия на крымском направлении. С этого времени степи Северного Причерноморья в дальнейшем стали регионом постоянного калмыцкого присутствия. Самостоятельные походы тайшей на Крым должны были как-то привлечь внимание царских властей к «калмыцкому вопросу», но только с нача-

лом Русско-польской войны в 1654 г. отношение к калмыкам в правительственных кругах стало кардинально меняться.

С весны 1654 г. в царском правительстве начал активно обсуждаться вопрос о возможном использовании калмыцких отрядов против Крымского ханства. Поводом послужили события на Украине, когда 8 января 1654 г. Переяславская рада приняла решение об объединении территории Войска Запорожского с Русским государством. В письме от 21 марта 1654 г. Б. Хмельницкий предлагал направить калмыков степью, а донцов – морем на Крым, чтобы татары в первую очередь оберегали свои города и не имели возможности прийти на помощь польскому королю Яну Казимиру [Санин, 1987, с. 124].

В начале 1656 г. калмыцкий отряд силой в 1,5 тыс. воинов за Молочными Водами, на подступах к Крыму, захватил ногайский улус Армамет-мирзы, пленив свыше тысячи человек и захватив в качестве трофеев около 15 тыс. лошадей. 17 февраля этим же путем на Крым двинулся другой калмыцкий отряд в 500 воинов. На этот раз удар был нанесен уже по татарским улусам на азовском взморье, южнее крепости Азов [Санин, 1987, с. 126, 127].

Русско-калмыцкие отношения оформлялись письменными актами – шертями. Например, в шерти 1657 г. царские власти впервые обязали калмыков не иметь никаких отношений с враждебными России государствами, в том числе и Крымским ханством. Опасения Москвы были не беспочвенными, так как было известно, что крымский хан Мехмед Герай предпринял ряд шагов, чтобы привлечь калмыков на свою сторону. В 1656 г. от хана пришло письменное послание к калмыцкому правителю Дайчину, которого он в письме называл своим «братом и другом». Ситуацию в регионе Мехмед Герай IV обрисовывал ему так: «Каждый год с Руси и от короля (польского. – В. Т.) казну емлем. А в те годы, когда казну не дают, и мы их воюем и разоряем, и животы их емлем. А вы, брат наш, с их казаками сговорились и чаяте к себе от них дружбы. А братья ваши приходят со степи и <...> великому государству убыток учинили. Вы с нами одна кость, одно родство и договорятся с нами <...> быть с нами в братстве... А как мы с сей стороны учнем Русь воевать, а вам

бы [со] своей стороны Русское государство воевать, многие животы и казну возьмете» [Цит.: Тепкеев, 2014, с. 283].

В январе 1658 г. в калмыцкие улусы от Мехмеда Герая прибыло внушительное по численности посольство (4 посла и 300 торговых людей) во главе с Зал-агой с подарками, «литовским ясырем» (пленниками) и товаром для обмена на калмыцких лошадей. Перед крымскими послами стояла конкретная задача – склонить тайшей к совместному выступлению против России, пообещав, что в случае победы крымский хан отдаст калмыкам Казань с Астраханью и будет выплачивать ежегодное жалованье в размере 40 тыс. руб. Однако тайши, не польстившись на подарки и обещания, отказали крымскому послу [Пальмов, 1992, с. 43, 44].

Несмотря на неудачи своих первых посольств, Мехмед Герай IV упрямо продолжал предлагать калмыцким тайшам заключение антимосковского союза. Приблизительно зимой 1659/60 г. к тайшам из Крыма вновь прибыло посольство во главе с Караш-мирзой Аталыком. Но и оно не имело успеха. Крымский посол был весьма недоволен этим обстоятельством и, чтобы досадить калмыкам, подговорил и увел с собой в Крым 100 кибиток калмыцких ногайцев, а также агитировал других уходить на территорию Крымского ханства. Поступок крымского посла крайне возмутил калмыцких тайшей, и, как отмечали очевидцы, «у крымцев учинилась ложь, и впредь де им [калмыки] никоторого добра делать не хотят» [Цит.: Тепкеев, 2012, с. 264].

Дайчин и другие тайши приняли решение об организации похода против подвластных крымскому хану ногайцев. В ноябре 1660 г. тайши несколькими колоннами повели свои основные силы в нескольких направлениях. Дайчин и Мончак с войском двинулись на Казыевский улус, под Темрюк, Крым, Азов, на Тамань, Темиргой и Бесленей – области, владельцы которых отправили своих людей на помощь крымскому хану и которые участвовали в битве под Чудновым [Тепкеев, 2013, с. 12].

Крымский хан Мехмед Герай IV, узнав о приближении крупных сил калмыков к территории Малого Ногай, отправил навстречу Дайчину своего посла – ширинского мирзу Касима в сопро-

вождении 30 человек. Не доезжая до Кубани, у тайшей состоялась встреча с крымскими послами, которые настойчиво отговаривали калмыков от продолжения похода и предлагали присоединиться к ним для войны с Россией. Мехмед Герай IV ради заключения соглашения готов был даже отдать в жены Дайчину и Мончаку своих дочерей. Касима с двумя послами Дайчин отправил обратно в Крым с сообщением, что он и его люди «с ханом за его неправды в миру не будут и на битву де с ним готовы» [Цит.: Тепкеев, 2013, с. 12].

В декабре 1660 г. Мончак со своим войском разгромил казыевские улусы Навруза Шидякова и других пяти мирз. Дайчин ходил войной на темрюкских, табанских, темиргоевских, беленеевских черкесов, а также на ногайских мирз «Ураковой половины» – Девея-мирзу, Чебан-мирзу Ищерекова и Навруз-мирзу. Разгрому подверглись и улусы Кантемира-мирзы Аблина и Урак-мирзы Каспулатова. Калмыки захватили большое количество пленных, лошадей и скота [Тепкеев, 2013, с. 12].

В октябре 1661 г. Сефер Гази-ага, один из приближенных к крымскому хану, в разговоре с русским послом в Крыму Фирсом Байбаковым обвинил царские власти в том, что они прислали к тайшам посольство с казною и призывали калмыков идти войной на крымские земли. По сведениям крымцев, «калмыки приходили и улусным людям на степи шкоду учинили, стада отогнали, а Крымом не завладели». Только благодаря усилиям нуредина Мурад Герая удалось в конечном итоге отбить набеги калмыцких отрядов [Тепкеев, 2014, с. 321, 322].

Прибывшие в начале 1661 г. в калмыцкие улусы крымские послы известили тайшей о разгроме крымско-польскими войсками 40-тысячной русской армии под Чудновым в октябре 1660 г. Вдохновленные военным успехом, крымцы агитировали Дайчина и других тайшей присоединиться к ним для войны с Россией. Но Дайчин заявил послам следующее: «он с ними в войне, а в миру де он учинился великого государя с русскими людьми, и всякое де повеленье исполняет он царскому величеству, и на том де он стоит» [Тепкеев, 2014, с. 304].

С целью организации более крупное насту-

пление калмыков на Крым астраханский воевода Г. С. Черкасский 6 ноября 1661 г. в урочище Берекети созвал съезд с участием калмыцких правителей и военачальников. На нем было принято решение: как установится лед на Волге, отправить калмыцкие отряды на Крым. Организация такой встречи русскими властями была вызвана еще и тем, что незадолго до этого к тайшам прибыло очередное крымское посольство во главе с Текей-агой. Крымцы снова предлагали мир и призывали калмыков к участию в совместной войне против России. Но им было вновь отказано: «в миру де калмыкам с крымцы никому не бывать». Крымских послов тайши просто поставили перед фактом, что они идут на Крым «большим собраньем войною» [Цит.: Тепкеев, 2014, с. 323, 324].

С осени 1661 г. небольшие калмыцкие отряды совершают постоянные набеги на территорию Крымского ханства. Особенно разорительным калмыцким набегам подверглись кочевавшие с крымцами ногайские улусы мирз Ураковых, Урмаметевых, Шидяковых, Чебановых и Шантемиревых. 4 марта 1662 г. к астраханскому воеводе Г. Черкасскому прибыл от тайши Дайчина посланец Алыбай-дархан. Выяснилось, что этот ногайский подданный калмыцкого тайши, «ведавший» посольскими связями калмыков с мусульманскими государствами, осенью 1661 г. побывал с визитом в Крыму. По словам посланца, хан Мехмед Герай IV в разговоре с ним обвинил калмыков в том, что они «ему, крымскому хану, делают многую неправду и иво разоряют». В случае отказа калмыцких тайшей от участия в войне на стороне Москвы хан обещал им в награду города Казань, Астрахань, Касимов, Симбирск, Нижний Новгород, Тамбов и Шацк. По словам Алыбая, он резонно возразил хану, «что те города великого государя, а не ево, крымского хана, и как он смеет чюжие города давать, и как ему их дать, а тайшам де и самим те города не надобны, что они, тайши, у великого государя в подданстве». Посольская миссия Алыбай-дархана в Крым состояла лишь в том, чтобы официально объявить войну крымскому хану, а угроза калмыцкого посланца полностью разорить владения хана вызвала у того бурю негодования. Мехмед Герай IV пригрозил калмыкам направить против

них 40-тысячную армию, и им «из Волги воды пить не дадут». Алыбай был арестован, но после очередного набега калмыцкой конницы на крымские владения хан поспешил отправить посла вместе со своим человеком, Касим-мирзою, к тайшам с новым предложением мира. При встрече с крымским посланцем Дайчин и Мончак еще раз подтвердили, что находятся с крымцами в состоянии войны, потому что «от него, крымского хана, правды и постоянства нет, а они де тайши иво, крымского хана, не боятца не в чем» [Цит.: Тепкеев, 2013, с. 15, 16].

Калмыцкие набеги на Крымское ханство имели свои особенности. Тайши учли опыт военных походов на Крым 1648 и 1651 гг. и предпочли использовать стратегию малой войны, в ходе которой против крымских татар действовали небольшие мобильные отряды. Совершив нападения на татарские и ногайские улусы, они затем стремительно отступали вглубь степей. Благодаря своему эффективному вооружению и тактике, калмыки в большинстве сражений выходили победителями, нанося Крымскому ханству значительный военный и экономический урон [Бобров, 2014, с. 247]. Если сопоставить их с действиями татар на Украине и на южных русских границах, то, по мнению А. А. Новосельского, никак нельзя заключить, что калмыки решительно срывали татарские вторжения, но мешать, тормозить их свободный и широкий размах – эта цель достигалась [Новосельский, 1994, с. 94, 95].

Польские пленники, захваченные у татар, поведали о настроениях, воцарившихся среди крымцев: «От калмыцкого разоренья их стало мало, лутче б де им смерть, а не явное разоренье; николи де ниотково такова разоренья не бывало, какое разоренье им ныне чинитца» [Цит.: Тепкеев, 2013, с. 18, 19]. Активные действия калмыков и запорожцев в причерноморских степях вызвали у крымского хана стремление как можно быстрее укрепить днепровские границы новыми оборонительными пунктами и построить сплошной вал до Азовского моря. Мехмед Герай IV «для спасенья от калмыков» распорядился переписать и мобилизовать во всех крымских городах греков, армян и евреев и обязать их иметь при себе пищали. Сам хан, царевичи, карачеи, мирзы и уланы готовили лошадей, «блюдясь калмыцкого прихода». Хан за-

думал провести большие работы по укреплению Перекопского перешейка, решив начать строительство каменной стены по старому валу. Для этого на строительные работы было привлечено почти все население Крыма [Тепкеев, 2013, с. 19]. В мае 1663 г. Мехмед Герай IV назначил нуредина Мурад Герая руководить обороной Крыма на Перекопе вместо Мустафы-бия, который в свою очередь должен был заниматься строительством каменной стены по старому валу. Это сооружение пролегало по перешейку между морскими косами, как отмечали очевидцы, «для береженья крымского юрта от калмыцкого приходу» [Цит.: Тепкеев, 2013, с. 20]. Именно с весны 1663 г. крымский хан был вынужден резко сократить активность на Украине и начать стягивать войска к Перекопу, перейдя к стратегии активной обороны [Бобров, 2014, с. 247].

Весной 1664 г. практически вся крымская орда вышла за Перекоп в степь для охраны полуострова от набегов калмыков, перекрывших полностью единственную сухопутную дорогу из Крыма в Азов. Действия калмыков привели к тому, что среди крымских подданных воцарилось мнение о том, что напрасно хан развязал войну против России в союзе с поляками. Мехмед Герай IV, поддавшись этим умонастроениям, отправил в Москву посольство с предложением мира, однако послы не доехали, и хан предположил, что «их калмыки побиили в степи» [Цит.: Тепкеев, 2013, с. 22].

В 1665 г. калмыцкие тайши перенесли свои основные боевые действия на территорию Северного Кавказа и в район Азова. Летом в одной из вооруженных стычек с калмыками был убит азовский паша Мустафа. Турецкий султан, которому погибший паша приходился зятем, обрушился с обвинениями в адрес крымского хана Мехмеда Герая IV, в чью обязанность входило обеспечение безопасности турецкой крепости со стороны степи. По всей видимости, именно это и стало одной из причин смены прежнего хана на нового – Адиль Герая [Тепкеев, 2013, с. 23].

Современник тех событий османский путешественник Эвлия Челеби дал высокую оценку боевым качествам калмыцких воинов: «Калмыки всегда возвращаются, побивая крымчаков, и они превосходят крымский народ храбростью...»

[Эвлия, 1979, с. 246]. Таким образом, в результате договоренностей с российским правительством, которые были заключены в 1661 г., калмыцкая конница развернула активные боевые действия на крымском направлении. Разумеется, действия калмыцких отрядов не могли коренным образом подорвать силы Крымского ханства, да и такие цели перед ними не ставились. Тревожа тылы крымцев, сковывая их силы в крепостях, они подобным образом сокращали набеги крымской конницы на внутренние районы Украины и России.

Накануне Русско-турецкой войны 1673–1681 гг. крымский хан Селим Герай I через своих послов пытался склонить на свою сторону нового калмыцкого правителя Аюку, но безуспешно. Однако на требование царских властей выдать крымских послов тайша также ответил отказом [Тепкеев, 2018, с. 33]. В 1673 г. Аюка по просьбе правительства отправил против крымских татар 10-тысячное войско, которое действовало самостоятельно и провело в крымских владениях несколько успешных боевых операций [Батмаев, 1993, с. 149].

2 июля 1673 г. калмыки, ногайские едисаны и черкесы осуществили прорыв через сивашские укрепления и разгромили крымские отряды, разорив на полуострове в общей сложности около 37 селений. Погоня, возглавляемая калгой и нуредином, не достигла цели. Эти события заставили крымского хана отказаться от участия в военных походах за пределами ханства. По мнению Н. Н. Максимова, наряду с другими факторами летний калмыцкий набег на Крым способствовал разгрому в ноябре 1673 г. оставшихся без крымской поддержки турок польскими войсками под Хотинном [Максимов, 1993, с. 79].

Осенью 1675 г. объединенные силы Каспулата Черкасского, калмыков Мазан-Батыра и запорожских казаков атамана И. Сирко совершили удачный поход на крымские улусы. Проложив из песка и камыша дорогу через Сиваш, они смогли перейти на полуостров и 23 сентября подойти к Перекопу. Здесь К. Черкасский и воевода И. Ю. Леонтьев развернули свой военный лагерь, а вперед, за Каменный мост, они отправили калмыков и запорожцев, которые на расстоянии 30 верст и более выжгли крымские села, захватив

многочисленный полон. Примерно в 30 верстах от лагеря К. Черкасского находилась застава под командой сына крымского хана, которая подверглась атаке калмыков. В результате калмыки «ратных их людей побили и шатры и бунчук взяли, а сам де салтан и мурзы ушли с небольшими людьми». Другой крымский отряд (по разным данным, численностью от 600 до 3 тыс. человек) под началом трех ханских сыновей – Изва Герая, Умарек Герая и Девлет Герая – совершил нападение на лагерь К. Черкасского, но в итоге он был разбит, а один из знатных крымских мирз, Батырша Мансуров, был взят в плен. На допросе Мансуров сообщил, что ханский сын Девлет Герай во главе 4-тысячного войска вернулся в Крым из-под Чигирина. Многие из его людей, узнав о приближении К. Черкасского, в панике разбежались по городам и другим укрепленным местам. Всего в Крыму на тот момент насчитывалось около 10 тыс. войска, так как крымский хан большую часть своей армии увел с собой в Польшу. Оборону Крыма от войска К. Черкасского возглавил калга, который отказался отправлять военную помощь гетману Правобережной Украины П. Дорошенко [Тепкеев, 2018, с. 47, 48].

Обращает на себя внимание дальнейшая судьба мирзы Мансурова, который находился в плену у калмыков Мазан-Батура. Именно к ним в Сечь 29 сентября от крымского калги прибыл посланник с предложением обменять мирзу на пленных калмыков. Практика обмена пленными между калмыками и крымцами имела уже устоявшуюся традицию, поэтому Мазан-Батур, наотрез отказавшись передать Мансурова в Москву, самовольно увез его в калмыцкие улусы. Позже Мансуров оказался в Азове, а пленные калмыки смогли добраться из Крыма в Запорожскую Сечь, откуда их переправили в Москву, где передали калмыцким послам [Тепкеев, 2018, с. 49]. Отсюда можно сделать вывод, что переговоры между калмыками и крымцами все-таки имели положительный результат и обмен пленными состоялся.

В шерти 1673 г. Аюка обязался не иметь сношений с Турцией, Персией и Крымом [Посольские, 2003, с. 59, 60]. Шерть 1676 г. во многом конкретизировала систему внешнеполитических действий Аюки: он и его тайши теперь обязаны были сообщать о своих отношениях с Крымом и

другими государствами. Другими словами, царское правительство не отрицало возможности связей калмыков с Крымом, но оставляла за собой только функции контроля и регулирования.

В начале 1680 г. отмечалось политическое сближение калмыков с турками и крымцами. Аюка и Солом-Церен отправили в Крым посланцев Акшаму-мирзу и Сенгеря Актусеренова во главе отряда из калмыков и ногайцев, чтобы «с крымским ханом помирились на том, что им идти весною на русские города». Об этом весной также сообщали донские казаки, указывая, что Аюка помирился с крымским ханом, а из Азова в калмыцкие улусы для «подлинного договору» был послан Бешлей Сеин-ага. Нам не известны результаты переговоров, но в мае Бешлей вернулся в Азов и привел с собой отряд из 500 калмыков и юртовских татар [Тепкеев, 2018, с. 64, 65].

1686 г. ознаменовался резкой активизацией контактов калмыков с турецким Азовом и Крымом. Активизация крымской дипломатии на калмыцком направлении, в первую очередь, была связана с тем, что 21 апреля 1686 г. между Россией и Речью Посполитой был заключен «вечный мир», и Москва становилась членом антитурецкой коалиции. Приезд в конце 1686 г. крымских послов в калмыцкие улусы с предложением не вмешиваться в предстоящую русско-турецкую войну поставил Аюку в очень сложное положение. В официальном ответе калмыцкого тайши, изложенном в письме к крымскому хану, говорилось: «Ему, Аюке, учинить того невозможно, потому что он со всеми своими улусными людьми бил челом великим государям в вечное подданство, и на том шертовал, что служит ему со всеми мурзами и улусными людьми верно <...> и в измене быть не хотят. А где ему великие государи укажут служить и против своего государственного недруга на кого идти, и он головою своею им, великим государям, служить рад. В том бы он, хан, на него не надеялся по тому, если ему прошение ево исполнить. И так учинить и клятву свою нарушить и ему де за то от вышнего бога будет казнь, а улусным ево людям не токмо где кочевать, и воды почерпнуть будет негде» [Цит.: Тепкеев, 2018, с. 93, 94].

В конце 1686 г. в Азов прибыло крупное калмыцкое представительство из 100 человек. Часть

из них отправилась далее в Турцию, другая – в Крым [Тепкеев, 2018, с.]. По всей видимости, именно об этом посольстве от «калмыцкого короля», прибывшем в Крым с предложением дружбы, говорит в своем сочинении турецкий историк Фундуклулу. Крымский хан Селим Герай I, получив приглашение в Порту, взял с собой калмыцких послов в Адрианополь и заявил им: «Посмотрите, какой падишах еще есть больше меня; и чей я слуга, кому службу правлю» [Смирнов, 1887, с. 620].

Ограничительная политика правительства по отношению к Калмыцкому ханству, территориальные споры с донскими казаками и невыполнение ряда условий договора привело к тому, что с этого времени калмыцкие тайши пошли на сближение с крымским ханом. Об этом говорит хотя бы тот факт, что Аюка не принял участия в составе русской армии в Крымских походах В. Голицына в 1687 и 1689 гг.

В апреле 1693 г. украинский гетман И. Мазепа докладывал в Москву о неоднократных поездках в конце 1692 г. – начале 1693 г. калмыцких послов в Крым, при этом он отмечал, что раньше «у крымского юрта никогда согласия с калмыками не бывало». Пленные крымские татары в Москве утверждали, что «калмыки ныне с Крымом в твердом миру», который был скреплен своего рода династическим браком. Известно, что один из сыновей Селим Герая I взял в жены некую «свойственницу» Аюки, который отправил послом в Крым одного знатного калмыка с письмом, в котором выражалось пожелание продать крымцам лошадей и на вырученные деньги купить какой-либо товар. Всего с послом в Крым прибыли 1 тыс. калмыков и 400 ногайцев, пригнавших на продажу 8 тыс. лошадей. Как отмечали калмыки, такая торговля приносила им значительную прибыль: «в той своей продаже никакова убытку от татар не имеют, а имеют от них всякое довольство и бережение» [Цит.: Тепкеев, 2018, с. 132, 133].

Селим Герай I свои дружеские отношения с калмыками объяснял просто – они всегда были «древними приятелями и друзьями». В случае невыполнения его требований крымский хан угрожал отправить в набег на украинские города калмыков, которые их жителям «великие убытки учинят, к чему де они, калмыки, великую имеют

охоту». По сообщению гетмана Мазепы, крымские татары весьма довольны заключенным союзом с калмыками, и «ставят себе крымцы то в великую похвалу» [Цит.: Тепкеев, 2018, с. 133].

Последней крупной военной акцией калмыков в XVII столетии было участие в Азовских походах: во втором из них в 1696 г. участвовало 3 тыс. калмыков [Батмаев, 1993, с. 152, 153]. Однако, согласно сведениям крымского историка Саид Ризы, один из приближенных крымского хана, Мердан Али-ага, еще в начале 1695 г. был направлен в калмыцкие улусы. Именно он привез отсюда весть о намечающемся азовском походе русской армии и возможном нападении на Крым. По мнению М. Ходарковского, информация Аюки позволила азовскому гарнизону вовремя подготовиться, а крымскому хану отправить туда подкрепление, что стало одной из причин военной неудачи русской армии в первой кампании под Азовом [Khodarkovsky, 1992, с. 128].

Однако массовый уход с Волги на Кубань около 10 тыс. ногайских едисан во главе с Казы-Туганом в 1696 г. охладил на какое-то время калмыцко-крымские отношения. В дальнейшем они продолжали поддерживаться, но уже не имели такого всплеска активности как в последнее десятилетие XVII в. Объективно между Калмыцким и Крымским ханствами не было острых политических и экономических противоречий, которые могли бы стать причиной войны. Но наличие острого и неразрешимого конфликта между Московским государством и Османской империей резко меняло ситуацию. Для достижения своих внешнеполитических целей правительства обеих стран сталкивали ханства друг с другом, вовлекая их в свои конфликты, что в конечном итоге приводило к разрушению отношений. Калмыцко-крымские отношения в XVII столетии оставили заметный след в сложной истории двух народов, которая требует в дальнейшем более подробного исследования.

8.5. Отношения Крымского ханства с черкесами во второй половине XVI – XVII вв.

И. В. Зайцев, С. Х. Хотко

Крымский полуостров играл важную роль в этнополитической истории северокавказских этносов. В XV–XVIII вв. военно-политическое влияние Крымского ханства было наиболее значимо для Северо-Западного и Центрального Кавказа.

О важности крымско-кавказских контактов уже в ранней истории ханства говорит тот факт, что мать основателя Крымского ханства Хаджи Герая была черкешенкой. В «Кара таварих» Утемиша-хаджи в повествовании о ранних годах и скитаниях братьев Хаджи Герая и Джихан Герая, которые спасались от преследований Сейид Ахмеда, о происхождении будущего крымского хана сказано так: «Сейид Ахмад стал ханом и отправил человека, чтобы их убить. Узнав это, эти двое сбежали в сторону реки Озю (اوزی, т. е. Днепра, – И. З.), перейдя ее, отправились в вилайет Черкес, потому что их мать была из черкесов

(*انا لاری چركس دين ایدی*)» [Утемиш-хаджи, 2017, с. 155, 168, fol. 72b, с. 81].

Эти данные существенно дополняются Абдул-Гаффаром Кырыми, который, очевидно основываясь на тексте Утемиш-хаджи, о происхождении матери двух чингизидов пишет дословно так:

*کمر کوی چرکسندن آدمی نام قباغک
بکلرنیک قزی اولمغله والده لری*

[Кырыми, 2014, с. 330, fol. 278b].

Ю. Н. Каримова и И. М. Миргалеев перевели это место на русский язык следующим образом: «...Так как их мать была дочерью черкесского бека Адеми Кабагык из деревни Кемер, они захотели обратиться к черкесам и отправились в район реки Дон» [Кырыми, 2018, с. 86].

Обращение к тексту рукописи позволяет изменить и чтение, и перевод этого отрывка. В

действительности это место надо понимать так: «...Так как их мать была дочерью бека из кабака Адеми черкесов-кемергойцев, они захотели обратиться к черкесам и отправились в район реки Дон». Правильно это место понял и перевел Н. С. Сейтягъев [Кырыми, 2015].

Очевидно, что у Абдул-Гаффара Кырыми был под рукой, помимо текста Утемиш-хаджи (который он часто использовал), и какой-то другой источник. Во-первых, крымский историк переносит действие на берега Дона (تن صو), тогда как Утемиш-хаджи пишет об Озю – Днепре; во-вторых, точно указывает происхождение матери двух братьев-чингизидов: она была из темиргойцев-адеми.

Хорошо известно, что крымские ханы были кровно связаны с Западным Кавказом: именно оттуда происходили ханские аталыки, а многие ханские отпрыски воспитывались там. Теперь мы можем уверенно утверждать, что мать основателя ханства Хаджи Герая была из черкесов-кемергойцев/темиргоевцев (подразделения *адамий*). Этот обычай выбора ханских жен на Кавказе, скорее всего, уходит корнями в золотоордынскую эпоху. Вспомним, что одной из жен Хаджи Герая (матерью Менгли Герая) была аскакая княжна (Зайцев, 2007).

Важным направлением внешней политики Крымского ханства были отношения с адыгами, как с «ближними», так и с «дальними», т. е. с Западной Черкесией (Жанией) и Восточной Черкесией (*Кабардой*). Жания уже при Менгли Герае I прочно вошла в зону крымского влияния. При Менгли Герае I начались регулярные походы на Кабарду, возглавлявшиеся либо самим ханом, либо его сыновьями (самый крупный состоялся в 1518 г.). Это направление внешней политики сохраняло своё значение вплоть до конца существования ханства.

Крымских ханов с народами Кавказа связывали особые отношения: кабардинские князья издавна рождались с ханами, получая земли и доходы с крымских земель. Именно уроженцы Западного Кавказа были ханскими *аталыками* – т. е. воспитателями. Вот как об этом рассказывается в соответствующем разделе османского анонимного сочинения под условным названием «История Крыма» (трактат составлен не ранее 1790 г. и по-

священ истории ханства от его возникновения до XVIII в.):

«Когда у ханов и султанов рождались дети; когда об этом становилось известно черкесским племенам, живущим на противоположном от Крымского острова берегу, на побережье Таманского острова; когда они избирали из своей среды того, кто достоин чести быть высоким воспитателем, а затем глашатаи кличем оповещали об этом округу, и всем об этом становилось известно – тогда они собирались в условленном месте в степи и представляли на совете старейшин; и женщину, избранную достойной быть кормилицей, также представляют и говорят: «Сейчас ребенку крымского хана, будь то мальчик или девочка, надлежит отправиться в путь с тем, чтобы мы, по нашему обычаю, взяли его на воспитание. И вот все племена выразили одобрение и согласие на то, чтобы тебе было дано право покровительства». После такого чествования упомянутая женщина исполнялась радости и произносила молитву. Избран из числа мирз, сипахов и приближенных несколько сотен воинов, с оружием и в доспехах, и назначив предводителями несколько своих старших мирз из числа старейшин племен, верхом на лошадях прибывают на реку Кубань, расположенную поблизости, между Таманью и горной Черкесией, помещают свою одежду и оружие в мешки из козьей шкуры, находящиеся под седельной кошмой, и, привязав к хвостам вьючных лошадей, забираются верхом и после этого, сев на корабли, добираются по Азовскому проливу на расположенный поблизости, на расстоянии восемнадцати миль, Крымский остров и, через Камыш Бурну и Йени Кале¹, прибыв прямо в Бахчисарай, и на три дня и ночи становятся гостями крымского хана. Эти пришлые племена хотя и делались гостями, привозили из домов своих для себя и в отведенные для приема покои крымского хана в обильном количестве напитки и кушанья: святой хлеб, и мясо, и мед, и муку, и кумыс, и арак, и бузу и, обходя ханские покои и соседей вокруг, и прохожих и всем им преподнося обиль-

¹ Соответственно, мыс на востоке Керченского полуострова, на берегу Керченского пролива Азовского моря и крепость на берегу Керченского пролива, построенная в начале XVIII в. В данном случае, вероятнее всего, описываются два альтернативных пути следования черкесской делегации.

ное угощение, в указанное время выказывали до-вольство и радость. По истечении полных трех дней, назначив из своей среды семь посланников, с этими людьми они приходили в Крым, а уже посланники на словах высказывали желание взять ребенка его величества хана на воспитание и объявляли, что пока ребенка не получают, не смогут возвратиться домой. Согласно тому, что эта традиция существовала с незапамятных времен, дитя разлучают с родной матерью и передают названному племени, в объятия рядом стоящей женщины и после того прощаются, берут его и исполненные радости возвращаются домой. Иными словами, вышеназванный крымский хан не расходует на пришедших несколько сотен пеших и конных представителей указанного племени ни гроша, поскольку они, получив ребенка на воспитание, тем самым добиваются желаемого. Вышеназванная женщина, то прижимая ребенка к груди, то поднимая над головой, возвращается в упомянутое место и, проявляя осторожность и сторонясь лени и нерадивости в демонстрации обильных стараний и отдавая предпочтение воспитаннику перед своими собственными детьми, воспитывает его в неге, а когда возраст воспитанника достигает семи лет, внушает ему необходимость обучаться умениям садиться верхом и спешиваться, убежать и преследовать, а также постигать воинское искусство – стрельбу из лука, фехтование и т. п. Таким образом, названные родители, воспринимая все хорошее и плохое, что делает указанный воспитанник, как благоразумное и приемлемое, чтобы не проверять умения до определенного дня, проявляют единодушие. По этой причине, какими бы ни были его врожденные качества, его сущность становится очевидной, и стоит ему достигнуть возраста пятнадцати лет, он, если его отец и мать сами того пожелают, считается взрослым(?). Снарядив его богато убранной лошастью, новым платьем и полным вооружением, издавна присутствующие при принятии ребенка назад от указанных племен несколько сотен человек из числа мирз, сипахов и тех, кого в общем можно описать как своих, а также, по согласию, приемный отец с сопровождающими, взяв воспитанника, возвращаются к хану, и по старому обычаю приезжают вместе с теми припасами, которые они взяли с собой на

три дня, и закалывают жертвенных животных и кипятят воду в котле, когда через три дня и ночи в ханских покоях завершается пиршество, от хана тем воинам в достатке и каждому в отдельности преподносится в подарок причитающаяся своя часть выделанной бараньей кожи, сафьяна, ружей, луков, золотых и серебряных нитей, сукна; и всё это относится на площадь для распределения; и после того, как они заберут дары, пришедшие возвращаются по своим домам. Вот таким образом происходит приближение к названным племенам» [Козинцев, 2020].

Например, хан Гази Герай вырос у бесленевских черкесов. Главной женой Девлет Герая (матерью калги Мехмед Герая) также была черкешенка – дочь Тарзатык-мирзы и сестра Татар-мирзы, который в июне 1557 г. выехал служить в Москву². Младшей женой Девлет Герая также была черкешенка [Кушева, 1963, с. 151]. Братья Гази Герая также чрезвычайно тесно были связаны с черкесами. У Мюбарек Герая жена была из племени *жане*. Более того, как показал в своей работе А. В. Виноградов, чрезвычайно важную роль при дворе крымского хана в 70-х и 80-х годах XVI в. играли черкесские беи, которых русские источники называют «Аврементьевыми» детьми.

Вместе с тем с середины 70-х годов XV в. вплоть до середины века военное давление Крыма на народы Западного Кавказа постоянно нарастает, превращаясь к середине XVI в. в ширококомасштабное наступление [Некрасов, 2015, с. 139]. Политика крымских ханов по отношению к «черкесам» была тесно связана с османскими интересами на Кавказе.

В свою очередь, Крым был значим для всех горских этносов, входивших в состав Кабарды: ингушей, осетин, балкарцев, карачаевцев, абазин.

² «О приезде князей черкасских служити государю. Того же месяца приехали князи черкасские служити государю и о устрое бити челом в прокы себе, Машук-князь Канунов да Себок-князь Кансауков да Чюгук-мурза да Тохта-мурза да Татар-мурза – служил у Крымского, царю крымскому шурина, царя Девлит-Кирея болшаа царица сестра его родная и дочь Тарзатык-мурзы, – да с ними люди их. И идучи ко государю, приходили на беглых мурз улусы нагайских на Дону и взяли у них Бечи-мурзу, Биерючева мурзина сына, и государю привели. И царь и государь их пожаловал и устроил их» [ПСРЛ, 1904. с. 283, 284].

В Канжальской битве 1708 г. на стороне крымцев находился 5-тысячный отряд закубанских черкесов, а на стороне кабардинцев ополчения осетин, балкарцев и карачаевцев [История, 1987, с. 155]. В Дагестане влияние Крымского ханства практически не ощущалось, за исключением эпизодов, когда крымские контингенты двигались на поддержку османских войск в Ширван [История, 1967, с. 270]. В годы осmano-сефевидской войны 1578–1590 гг., когда ханство, черкесские и дагестанские владения дружно выступили на стороне верховного сюзерена, значение Бахчисарая достигло своего пика.

Военно-политические действия крымского правительства в Черкесии затрагивали сферу доминирования местной знати, использовавшей внешнеполитические ресурсы (османский, русский) для уравнивания могущества Бахчисарая. В этом отношении наиболее показателен период военного союза черкесских княжеств (Жанея, Бесленея, Идаровой Кабарды) с Русским государством, вызванный завоевательными походами Сахиба Герая I 1539–1551 гг. В случае с Жанеем и Бесленеем этот союз длился до 1561 г. включительно и расстроился в первой половине 1562 г., в основном по вине Ивана IV, искавшего ханской дружбы против Литвы [Филюшкин, 2008, с. 309–337; Хотко, 2017, с. 22–33]. В случае с Идаровой Кабардой союз оказался на волоске и фактически перестал действовать в 1570 г. в связи с гибелью Темрюка Идарова (в сражении с крымско-черкесским войском калги Адила Герая) и сожжением Москвы Девлетом Гераем I. Эти события резко усилили противников Темрюка – семейство Пшеапшоко Кайтукина, которое, надо полагать, контролировало всю ту часть кабардинского владения, которое в источниках XVIII в. будет обозначаться как Большая Кабарда. Союз с Москвой реанимирует младший брат Темрюка Камбулат Идаров в 1578 г., но уже никогда русско-кабардинский союз не будет иметь прежнего значения, а подданство кабардинских князей будет носить исключительно ситуативный характер, колеблясь от заверений в вечном подданстве до прямых военных столкновений (например, битва на Малке 1641 г.).

Для дальнейшей эволюции крымско-черкесских отношений период русско-черкесского ан-

тикрымского альянса середины XVI столетия будет сохранять определяющее значение. Крымские ханы не забудут об опасности чрезмерного давления на черкесов, потенциально способных вновь организовать и просить поддержки у русских. Также очевидно сдерживающим для Крыма фактором станет усиление османской власти в регионе Черкесии.

Черкесия в период осmano-сефевидской войны 1578–1590 гг.

На протяжении последней четверти XV–XVI вв. Османская империя предприняла ряд шагов к установлению прочного контроля над Черкесией. Важнейшим этапом на этом пути стала осmano-сефевидская война 1578–1590 гг., во время которой Черкесия, совместно с Крымским ханством и Дагестаном, выступила на стороне Османской державы.

Группу кабардинских союзников османов возглавил Асланбек Кайтукин, старший князь среди Кайтуковичей, который в османских источниках фигурирует как старший князь Кабарды [Kırzioğlu, 1998, s. 442]. В послании главнокомандующего Лала Мустафы-паши (январь 1578 г.), адресованном правителям Дагестана и ширванским принцам, особенно подчеркивалось, что «черкесская армия и татарский хан также с нами» [Фарзалиев, 2002, с. 43]. При составлении плана мобилизации Лала Мустафа-паша рассчитывал не только на крымскотатарскую конницу во главе с калгой Адилем Гераем, но и на «черкесских беев Таманского острова», а также других «христианских и мусульманских черкесских беев» [Kırzioğlu, 1998, s. 282–283].

В османских и крымских документах упоминаются черкесские беи со своими отрядами, вошедшие в состав османского экспедиционного корпуса: таманский Мехмед-бей, жанский Мехмед-бей, жанский Давуд-бей, кумуркуйский Каншук-бей, бесленейский Зор-бей, бузадукский Курекен-бей, бузадукский Алем-бей, бузадукский Эльбулад-бей, таманский Могатук-бей, жанский Ахмед-бей, согусский³ Кастук-бей, согусский Джагартук-бей, кабартайские беи: Арслан, Абак, Бозук, Башил (Башир), Солух, Каплан,

³ Топоним Согус (согусские беи) в Черкесии можно сопоставить с крупным черкесским селением Совуджук (Совугус, Согус) на Тамани, которое управлялось своими князьями [Эвлия, 1979, с. 49].

Гази, Мехмед-Мирза, а также темиргоевские христианские князья Казук, Гоксук, Сатук, Кай-атук. Христианская принадлежность подчеркивается также у Каншук-бея и Зор-бея, и у ряда кабардинских князей [Kırzioğlu, 1998, s. 314, 317, 439–442].

Из кабардинского списка легко идентифицируется Солух – Шолох Тапсаруков, крупный удельный князь и впоследствии старший князь всей Кабарды [КРО, 1957, т. I, с. 400; Кушева, 1963, с. 273]. Абак-бей, назначенный Осман-пашой санджакбеем Кабарды, по всей видимости, двоюродный племянник Шолоха Тапсарукова [КРО, 1957, т. I, с. 93, 383].

Черкесы фигурируют в составе османской армии в качестве отборных частей [Фарзалиев, 2002, с. 107, 127]. Упоминаются османские офицеры черкесского происхождения: в их числе главнокомандующий и великий визирь (с 1584 г.) Черкес Оздемир-оглу Осман-паша [Печевы, 1988, с. 20–21]. С ним связана важнейшая победа над персами – «Мешале савашы» или «Битва при свете факелов» (8–9 мая 1583 г.). Правый фланг османов возглавлял Черкес Хайдар-паша, бейлербей Румелии. Комендантом Тифлиса был назначен Черкес Касым-бей [Фарзалиев, 2002, с. 99, 111–114].

Заслуги черкесских князей и воинства были высоко оценены османским султаном. В 1590 г., согласно берату (жалованной грамоте) султана Мурада III, темиргоевский князь Мехмед был назначен санджакбеем Кефе. Это назначение было сделано по просьбе хана Гази Герая. Более того, Мехмед был утвержден в качестве наместника Черкесии («эмир Черкесских земель») [Зайцев, 2014, с. 96].

В адыгском фольклоре выдающееся место занимает песня о взятии Темиркапы («Темыркъапэ иорэд»), в которой перечисляются выдающиеся представители черкесской элиты того времени: темиргоевский князь Асран Болотоко, хегакский князь Камболет, хатукаевский князь Аледжук, хатукаевский тлекотлеш Мыкоджуко Падис и др. Отмечается, что черкесское войско выступило в поход под ханским знаменем (санджаком) из района реки Анхир и отличилось при штурме Темиркапы. Интересно, что перед тем, как объявить свою волю черкесам, крымский хан Мехмед

Герай, который был женат на знатной бесленеевке, советуется с приближенным бесленеевским князем Мэджаджуком Тутчерием [ЕмыкI, 2012, с. 142–149]. Тот советует не приказывать черкесам, что приведет к тому, что никто не пойдет в поход, но просто дать знать, что он, хан, собрался брать город и все черкесы, без различия племени и сословия, вольны присоединиться: тогда-то, по мысли черкесского советника, хан соберет большое войско.

Как отмечал К. Ф. Сталь, «князья Болотоковы отличались такой храбростью в этом походе, что крымский хан дал этой фамилии права Черного хана (кара-хан или кара-султан), т. е. все права настоящего хана над народом везде, где не управляет лично сам Белый хан, т. е. повелитель Крыма. Черкесы говорят, что эта песня есть как бы родословная книга их дворянства. Те фамилии, которые не поименованы в этой песне, не могут считаться коренными дворянскими фамилиями» [Сталь, 1900, с. 138].

Эта война стала важнейшим этапом в утверждении османского контроля над Черкесией. Х. Иналджик подчеркивает, что османские султаны, с одной стороны, признавали крымский суверенитет над Черкесией, а с другой – это не мешало им направлять указы и одаривать титулами черкесских вождей, как собственных вассальных беев [Inalcik, 1965, с. 25]. Временами османское правительство выступало как страж интересов своих подданных, о чем свидетельствует казнь в 1644 г. наместника Кефе Ислампаши-заде «по обвинению в напрасном разорении черкесских стран» [Смирнов, 2005, т. 1, с. 382].

Гибкая политика в отношении Черкесии, которая постепенно сформировалась после запоминающегося периода конфронтации 1539–1561 гг., позволила Стамбулу укрепить авторитет султанской власти среди новых подданных. У черкесской знати сформировалось представление о приемлемости признания верховной власти султана, а практические выгоды такого признания со всей очевидностью проявились в конце XVI в., в ходе большой войны двух исламских империй.

Ногайский фактор. К 1552 г. от Ногайской Орды из Заволжья откочевала небольшая группа во главе с мирзой Гази (Казы) Ураковым, заложившая основы так называемой Малой Ногай-

ской Орды или Казыева улуса [Трепавлов, 2016, с. 385]. Эта миграция была вызвана жестокой междоусобной войной, в которой верх одержал бий Исмаил, управлявший Ногайской Ордой с конца 1554 г. по сентябрь 1563 г. Он хотел вернуть перепежчиков на левобережье Волги, но результат получился противоположный и очень быстро к Гази присоединилось большое число соплеменников и, таким образом, на политической карте Северного Кавказа появилось новое государственное образование.

В. В. Трепавлов отмечает, что выходцы из Ногайской Орды, заложившие ядро будущей Малой Ногайской Орды, получили с самого начала военную поддержку со стороны кабардинских князей, противников Темрюка: «Исмаил не раз с досадой отмечал неуязвимость Гази под защитой горцев... “места крепки, без пушек и пищалей взяти его [Гази] немочно”, “и как мы похотим воевать Казы мирзу, и он от нас убегает к черкасом”» [Трепавлов, 2016, с. 394]. Союз с черкесами был закреплен женитьбой Гази на дочери Пшеапшоко Кайтукина около 1562 г.

Так сложилось два политических лагеря, закрепленных матримониальными союзами. С одной стороны были: Темрюк (Идарова Кабарда), Исмаил (Большая Ногайская Орда), Иван IV. С другой стороны: Пшеапшоко (Кайтукина Кабарда, т. е. будущая Большая Кабарда), Гази (Малая Ногайская Орда), Девлет Герай с его старшей женой из Бесленей (из тлекотлешского рода Тазартуковых, главных вассалов Машука Каноква), большая часть черкесских владений от Жанея до Кабарды, и, самое главное, османский султан Сулейман (первой женой которого была черкешенка Махидевран, весьма вероятно, сестра Машука) [Трепавлов, 2016, с. 394–395].

Таким образом, само существование столь сильного в военном и демографическом отношении пространства как Черкесия сделало возможным укрытие в ее границах достаточно многочисленного ногайского племенного союза (Малой Ногайской Орды). Благодаря союзу с черкесскими князьями прокрымской ориентации эта Орда стала важным актором в региональной политике. Союзные ногайцы стали своего рода буферным образованием, в котором были заинтересованы сами черкесы.

В середине и второй половине XVII века степное приграничье каждого черкесского княжества прикрывало союзное ногайское племя, что хорошо было подмечено Э. Челеби в 1666 г. [Эвлия, 1979, с. 53–54, 64–65, 75]. Челеби многократно отмечает общую для ногайцев и черкесов (и Крымского ханства) угрозу со стороны калмыков и подчеркивает мирный характер сосуществования ногайцев и черкесов. Так, при описании бесленеевцев, Челеби подчеркивает: «И во все времена у этого народа войны и распри [только] с народом калмык» [Эвлия, 1979, с. 79].

С. Хан-Гирей писал об этнокультурном синтезе адыгов и ногайцев следующее: «Несмотря на тесные связи с черкесами, закубанские ногайцы сохраняют и поныне свой язык, свои нравы и обычаи; впрочем, между ними язык черкесский, говоря вообще, сделался общим, также нравы и обычаи их смешались с нравами и обычаями черкесов» [Султан Хан-Гирей, 2009, с. 188].

Как было уже отмечено, после 1562 г. военная активность ханства на черкесском направлении резко снижается. Для похода в Черкесию теперь был необходим формальный повод в виде обращения князя, чьи права на владение были нарушены. «Хан отправляется туда лишь в том случае, когда какой-нибудь знатный черкес позовет его на помощь, – сообщал Эмиддио де Асколи в 1634 г., – дабы мстить врагу своему, другому могучему князю. <...> Но теперь чиркасы тоже огляделись, прошло уже много лет, как они перестали звать хана» [Описание, 1902, с. 125].

Произвольные рейды с целью грабежа стали исключительным явлением. В 1614 г. калга Яман Герай разоряет семь селений в Темиргое. Русский источник говорит об этом: «Крымской де царь Еман Герай-салтан с ратными своими людьми пришел войною на кумиргинские черкасы и повоевал 7 кабаков, а погромил де те кабаки оманом» [КРО, т. I, с. 90]. Уточнение, что кумиргинские селения были разгромлены «оманом», то есть обманом, свидетельствует о том, что данная военная операция была набегом, но не официально санкционированной акцией.

Отношения с ханством были смягчены через институт воспитания ханских сыновей в Черкесии. «Сыновья крымских ханов, – сообщал Дмитрий Кантемир, – в тот момент, когда они увидели

ли свет, отсылаются в Черкесию, на воспитание и обучение» [Cantimir, 1743, т. I, р. 144]. Кан (ад. кьан «воспитанник») относился не только к семье аталыка, но и ко всему его племени как к своей родне.

В 40–60 гг. XVII в., согласно Э. Челеби, каждое черкесское племя имело у себя по герайскому отпрыску. Так, например, сын хана Бахадыр Герая (1638–1642) Мубарек Герай был воспитан «в стране черкесов, в племени Заба» [Эвлия, 2008, с. 117]. Под племенем Заба, вероятно, надо понимать Собай – самостоятельное феодальное владение в XV в., в XVII в. – часть Хатукаевского княжества. «Когда он (от нас) уйдет, – заявляли темиргоевцы, буквально выхватившие у гостившего в их владениях отставного хана Мехмеда Герая IV его сына, – это, может быть, станет залогом дружбы, он станет ханом, и нам от этого будет польза» [Эвлия, 1979, с. 74]. Хюсейн Хезарфенн, автор последней трети XVII в., очень точно объяснил смысл этого обычая: «И если у хана рождаются сыновья, то для воспитания, а также чтобы засвидетельствовать свою покорность, (черкесские беи) берут их и воспитывают до совершеннолетия» [Орешкова, 1990, с. 268].

Вместе с тем, институт аталычества был не только инструментом закрепления вассальной связи, но и каналом значительного политического и культурного влияния черкесов на элиту ханства [Аталиков, 1987, с. 139].

В 1622 г. воспитатель хана Мехмеда Герая III (1623–1627), как писал Асколи, «некий знатный черкес», убил одного из братьев ногайского мурзы Кантемира. В 1627 г. Мехмед Герай направился в Черкесию, где в его ставку прибыл аталык: «К великому удовольствию хана, они пробыли вместе восемь дней, обменявшись подарками». Потом мурза Салмаш, брат Кантемира, находившийся в составе отряда, подкараулил ханского аталыка, возвращавшегося в свои владения, «собрал нескольких своих приверженцев, заступил ему дорогу и отомстил, пролив его кровь». Мехмед Герай «сильно опечалился и прогневался, отчасти потому, что он всем сердцем любил родственника, а также потому, что убийство случилось именно в то время, когда он пришел навестить хана, но более всего – вследствие неуважения оказанного его особе и его зятю (ошиб-

ка Асколи, этот черкес был не зятем, а аталыком хана. – Прим. С. Х.), пострадавшему за любовь к хану». Хан направил гонцов в Крым с приказом арестовать Кантемира, поскольку Салмаш мог решиться на убийство только по команде своего брата. Калга Шагин Герай не успел схватить Кантемира, который бежал за Перекоп: «*Шяингирай* захватил всех жен обоих братьев, с их имуществом, рабами и скотом, обращаясь с ними крайне жестоко» [Описание, 1902, с. 107–108].

Это событие спровоцировало настоящую междоусобную войну в Крымском ханстве, поскольку Кантемир заручился поддержкой Порты. Отмечается, что на стороне Мехмеда Герая и Шагина Герая было много черкесов и запорожских казаков. На стороне Кантемира и нового хана, назначенного Портой, в основном ногайцы. В решающий момент казаки убивают Мехмеда Герая, за что их тут же перебили самих.

Шагин Герай бежал в Иран. Шах принял его с большим почетом и назначил правителем одной из провинций. «Пробыв три года на этом месте, – сообщает Асколи, – он умертвил, в его собственном местопребывании, правителя другой провинции, отобрал у него все имущество и ушел в *Кумрук (Cumruch)*⁴, самую отдаленную часть *Чиркасии*, к своему тестю, тамошнему князю» [Описание, 1902, с. 112–113]. Характерно, что если его старший брат был воспитан в Черкесии, то Шагин Герай был черкесским зятем.

Сведения Асколи о походе Мехмеда Герая в Черкесию, в том числе и эпизод с убийством аталыка, подтверждаются современным русским источником, основанным на допросе пленных татар. Сообщается, что весной 1627 г. Мехмед Герай отправился в «горские черкасы для дани» (Асколи говорил, что целью похода была покупка рабов). Согласно русским сведениям, Кан-

⁴ Это весьма ценное сообщение, поскольку транслитерация Кумрук является как бы переходной формой от Кремука, который упоминали И. Барбаро в 1452 г. и Дж. Интериано в 1502 г. В этом же ряду стоит форма Кемрюк, зафиксированная у И. Печевы в связи с прохождением армии Осман-паши в 1582 г. через черкесские земли: «область Кемрюк в Черкесском вилайете» [Печеви, 1988, с. 52–53]. Под Кремуком надо понимать Кемригой (Темиргой) или Болеттекой (по правящей династии Болотоко) – княжество срединной части Закубанья, отлично известное по источникам XVII–XVIII вв. [Хотко, 2014, с. 96–101].

темир-мурза находился в этом походе с ханом. Поход продолжался два месяца. Войско хана состояло из 3 тысяч татар и 2 тысяч ногайцев Казыева улуса. «И сперва крымской царь с приходу у черкас кабак взял и черкас побил; а под другим кабаком и самого его царя черкасы побили; и был крымской царь в Черкасах в войне два месяца и пришел к себе в Крым, тому месяца с три». О потерях: «а побито крымских и нагайских татар добре много». Существенное обстоятельство похода состояло в том, что брат Кантемира Салмаш-мурза не во время боя, а «умыслом» убил черкесского князя – аталыка хана, «а тот де черкашенин крымскому Мамет-Гирею царю дядька» [Акты, 1890, с. 210–211]. Имя аталыка не названо, но подчеркивается, что его убийство стало причиной ссоры хана с Кантемир-мурзой: «как де царь был в Черкасах, и учинилась де у них побранка с Кантемир-мурзой, что Кантемиров брат убил в Черкасах крымского царя дядьку».

Кырымлы Хаджи Мехмед Сенаи, биограф Исляма Герая III (1644–1654), как об очень выдающемся событии сообщает о походе своего повелителя в Черкесию против «прославленного человека из черкесов по имени Хакчумук». Переход ханского войска в Черкесию был совершен по льду Керченского пролива [Сенаи, 1998, с. 10].

История похода Исляма Герая против Хакчумука детально пересказана В. Д. Смирновым на основе труда османского историка Наима [Смирнов, 2005, т. I, с. 399]. Хакчумук у Наима указан как жанеевский князь Хакшумак. У С. Хан-Гирея в предании «Князь Канбулат» в похожих обстоятельствах фигурирует жанеевский князь Хакушмук [Султан Хан-Гирей, 2009, с. 449]. Можно предполагать книжные истоки «черкесского предания», изложенного С. Хан-Гиреем, знакомого, по всей видимости, достаточно хорошо с крымскими и османскими историческими сочинениями.

Обстоятельства конфликта, в который был вовлечен Хакшумак, показывают соперничество Бахчисарая и Стамбула за влияние в Черкесии. Хан Бахадыр Герай I (1638–1642) отдал своего сына на воспитание жанеевскому князю Антонаку. Брат Антонака Хакшумак, «предполагая, что теперь Антонаку будет отдана во власть вся

Черкесия, пошел на Антонака, разбил и разорил его» [Смирнов, 2005, т. I, с. 399]. Бахадыр Герай направил против Хакшумака отряд, но тот прибежал под покровительство азовского наместника Сиявуш-паши. Последний не только не выдал князя, но и сообщил о нем в Стамбул. Хакшумак был представлен к «Порогу Счастья», и ему была повторно дарована грамота на «черкесское владение», которой он был наделен в правление султана Ахмеда I (1603–1617).

При Мехмеде Герае IV (первое правление, 1642–1644) Хакшумак чувствовал себя уверенно, но Ислям Герай сразу отнесся к нему крайне враждебно, казнил его, а «черкесское управление все отдал Антонаку». Кроме того, хан в 1644 г. разорил владение Хакшумака, захватив большой полон. Со стороны крымского хана это был настоящий вызов османскому султану: «Ислам Герай-хан показал, что в политических делах, подобных вышеозначенному случаю с черкесскими беками, он не намерен безусловно сообразоваться с капризными распоряжениями Высокой Порты и произвольными действиями ее агентов вроде азовского паши» [Сенаи, 1998, с. 9–10].

В противоборстве Антонака и Хакшумака отображена как в миниатюре вся история крымско-черкесских отношений. Расправившись с братом, Антонак потом правил достаточно долго, по меньшей мере 22 года, пересидев не только своего благодетеля Исляма Герая, но и второе правление Мехмеда Герая IV (1654–1666), которому он напоследок оказал гостеприимство в 1666 г. Э. Челеби замечает, что мать Селямета Герая, младшего брата отставного хана Мехмеда Герая, «была из женщин жане»: по этой причине его «задержали в этой стране» [Эвлия, 1979, с. 63, 226].

В середине XVII в. началось сближение черкесов, ногайцев и крымских татар на почве общей для всех угрозы со стороны калмыков и стоявшей за их спиной Москвой. Во второй половине этого столетия Кабарда добровольно входит в вассально-союзнические отношения с Бахчисараем. Отношения с Москвой были сначала сильнейшим образом испорчены в 1641 г., когда войско Казыевой (Большой) Кабарды при поддержке Малой Ногайской Орды на р. Малка разгромило войско жалованного в Москве на старшее княжение

Кельмамета Куденетова⁵ (в составе которого был значительный русский отряд, конница Большой Ногайской Орды, эндерийский шамхал и другие кумыкские князья) [Хотко, 2008, с. 337–348]. Затем отношения и вовсе деградировали до такой степени, что русская дипломатия узнавала о положении дел в Кабарде не через Турки, а через своих послов в Крыму [Сокуров, 1980, с. 164–165]. В 1666 г. отставной хан Мехмед Герай IV с огромным почтением встречается всеми черкесскими князьями и с подношениями, эскортами и передачей ханских отпрысков на воспитание пересекает Черкесию на пути в Дагестан.

Несмотря на общий тренд сближения с ханством, отношения регулярно портились как в силу политических обстоятельств, так и по причине частой смены правителей в Крыму. В 1671–1672 гг. имел место 8-месячный поход в Кабарду хана Селима Герая I (в его первое из четырех правлений: 1670–1677). Войско простояло всю зиму на кабардинской равнине и потеряло несколько тысяч человек от голода и холода. Проявивший незаурядное упорство хан получил 50 черкесских и 7 ногайских аманатов и вернулся в Крым, где население открыто возмущалось из-за огромных потерь [Сокуров, 1976, с. 31–32].

Проблемы институализации ханской власти в Черкесии

Отношения Крымского ханства и Черкесии в период правления Мехмеда Герая II (1577–1584) охарактеризованы польским послом в Крыму М. Броневским. Он отмечает, что «народ свободен» и возглавляется не крымскими чиновниками или наместниками, а собственными «очень храбрыми» предводителями. Отметив независимый статус «пятигорцев», а в употреблении М. Броневского под этим именем имеются в виду то все черкесы, то только кабардинцы, автор подчеркивает, что они участвуют в походах хана. По его наблюдению, хан любит содержать при себе черкесов, ногайцев и пятигорцев, а наиболее важные персоны из их числа получают годовое жалованье и подарки. В результате ханский двор наполнен черкесами. Несмотря на кажущуюся необязательность и даже вольность, все группы

черкесов «должны немедленно являться к Хану по его требованию и принимать участие в войне» [Броневский, 1867, с. 355, 360, 364].

О том, что власть хана на территории Черкесии не осуществлялась через специально организованный институт во главе с наместником, писал В. Д. Смирнов: «Эта зависимость никогда не выражалась в определенных и правильно организованных формах практического осуществления ханской власти» [Смирнов, 2005, т. 1, с. 270–271]. Одной из причин ненадежного закрепления подданства черкесских князей в отношении Гераев служила частая смена ханов. Но стабильность, временами устанавливавшаяся в Крыму (к примеру, долгое, пусть и с перерывами, правление Селима Герая I), сразу влекла за собой устойчивую привязанность черкесских подданных [Смирнов, 2005, т. 2, с. 30]. Принятие ислама черкесами в серьезной степени ограничивало силовые действия против них [Орешкова, 1990, с. 268].

Фактором военно-политического сближения в крымско-черкесских отношениях стала экспансия калмыков в середине и второй половине XVII в. По замечанию В. Д. Смирнова, в трудные для себя времена черкесы «целыми племенами» переселялись в Крым. В целом же, оценивая весь период отношений Черкесии с Крымским ханством, исследователь подчеркивает фактическую независимость черкесов [Смирнов, 2005, т. 1, с. 497–498].

При анализе крымско-черкесских отношений В. Д. Смирнов, как представляется, уделил вопросу о работоторговле преувеличенное внимание. По существу, он свел весь коммерческий интерес черкесов к торговле своими же соплеменниками. Следует заметить, что весьма осведомленный наблюдатель этих контактов французский консул в ханстве Ш. де Пейссонель, также сообщаящий о работоторговле в регионе, писал о значительном конвенциональном торговом сотрудничестве (*Commerce d'Exportation de la Circassie*). Черкесский экспорт включал зерновые культуры, продукты животноводства, изделия ремесленного производства, в том числе весьма качественные ткани, оружие, предметы экипировки воина-всадника, продукты пчеловодства. Важную статью доходов у черкесов составляли лошади [Peyssonnel, 1787a, p. 282–293; Список с статейного списка, 1848, с. 608].

⁵ Старший брат Якова (Урускана) Куденетовича Черкасского, видного сановника и военачальника [Бенешевич, 1905, с. 220–224].

Делиль Г. Карта стран, лежащих вокруг Каспийского моря, 1723 г. Фрагмент.

Подпись по всему Северному Кавказу: «Страны, зависимые от хана татар».

URL.: <http://www.davidrumsey.com/luna/servlet/detail/RUMSEY~8~1~2906~300042>

Значение военного потенциала черкесов

В 1502 г. Дж. Интериано отмечал не только храбрость черкесов, но и то зримое обстоятельство, что оружие и кони у черкесов лучше, чем у крымских татар. Черкесы на рубеже XV и XVI вв., согласно Интериано, вторгались в Крым вплоть до Каффы по льду Керченского пролива: «Охотнее всего совершают походы в зимнее время, когда море замерзает» [АБКИ-ЕА, 1974, с. 50]. Эти зимние и ранневесенние набеги на кочевое население, по всей видимости, носили особенно разорительный характер. Кочевники, оставшиеся без коней и скота, сразу становились жертвой голода, и ослабленное таким образом население в теплое время года не всегда уже могло позволить себе ответный рейд в земельный ареал. Такими зимними рейдами как методом сдерживания кочевнической экспансии пользовались киевские князья [Плетнева, 1990, с. 55–60].

Стратегия сопротивления кочевническим вызовам была основана на конной войне, а отступление в горы допускалось только по тактическим соображениям. Выдержав войну на

открытой равнине, адыги оказывались в состоянии сохранять независимость даже в такие периоды, когда мощное кочевническое завоевание подавляло большинство этносов и культур, чья стратегия основывалась на обороне крепостей. Можно сказать, что в адыгах кочевники встречали своеобразных оседлых «кочевников», совершенно не держащихся за конкретное место, но принципиально отстаивающих свое локальное превосходство, право контролировать пространство между Доном и Кавказом. Кочевники, оседая в земельном ареале Северо-Западного Кавказа, усиливали его оборонный потенциал и входили в состав адыгского этноса.

Без надежной апробированной схемы адаптации кочевнического вызова самостоятельная этническая история такого региона, как Северо-Западный Кавказ, была попросту невозможна. Она прекратилась бы еще в самой глубокой древности. В 1714 г. Х. Молл поместил на свою карту «Турецкая империя в Европе, Азии и Африке» «легенду», которая поясняет причину устойчивости черкесского социума во время значительных конфликтов с кочевниками: «Черкесы – воин-

ственный народ, который не имеет укрепленных поселений, но доверяется своему оружию, а во время опасности отступает в горы» [Moll, 1714].

Репутация черкесов как специалистов в кавалерийской войне носила устойчиво высокий характер. Джиованни да Лукка отмечал превосходство черкесской конницы: «Постоянное беспокойство, которое причиняют им татары и ногайцы, приучило их очень к войне и сделало из них лучших наездников во всех этих странах» [Лукка, 1879, с. 490]. Абри де ла Мотрэ отмечал, что черкесы силой отвечают на силу и набегом на набег [Motraye, 1723, p. 33]. Эмиддио де Асколи в 1634 г. подчеркивал: «Татары также воздерживаются ходить в Чиркасию, потому что там очень воинственный народ <...> Чиркасы гордятся благородством крови, а турок оказывает им великое уважение, называя их черкес спага, что означает благородный, конный воин» [Описание, 1902, с. 125].

Черкесам в крымских исторических сочинениях неизменно сопутствует позитивный имидж храбрых вояк (черкеске бахадурлары «черкесские молодцы») [Зайончковский, 1969, с. 23]. Черкесское рыцарское войско являлось главной силой на Северном Кавказе, начиная с 20-х гг. XV в., когда, де факто, Золотая Орда прекратила свое существование. В 80–90-х гг. XV в. черкесы оказались достаточно сильны, чтобы сделать невозможным размещение в районе Пятигорья Большой Орды [Сборник РИО, 1884, с. 102, 255; Некрасов, 1990, с. 65, 71–73]. В 20–40-х гг. XVI в. черкесы неоднократно захватывали Астрахань в целях утверждения на троне хана, связанного с ними матримониальными и аталыческими контактами [Зайцев, 2004, с. 94, 110, 114–115]. Но быстрое утверждение османского присутствия на Таманском «острове» в 1475–1479 гг., затем строительство здесь двух крепостей, должно было доказать черкесам преимущество огнестрельного оружия. В 1539–1551 гг. армия хана Сахиба Герая, в составе которой был вооруженный пищальями (фитильными ружьями) корпус тюфенкчи, нанесла четыре серьезных поражения черкесским княжествам и, таким образом, положила предел эпохе доминирования тяжеловооруженной конницы [Tarih, 1973, s. 178–182; 216–219; 226–230; 258–260].

Обидное поражение и еще более оскорбительные экзекуции над знатью привели черкесов в Москву в 1552 г. Затем последовало еще три посольства 1555, 1557 и 1558 гг. Можно с уверенностью полагать, что одна из наиболее важных для черкесов целей состояла в получении огнестрельного оружия [Некрасов, 1990, с. 112]. Иван IV, насколько известно, не дал его черкесам в руки, но зато стал направлять им стрельцов и волжских казаков на помощь. Можно также предположить, что совместные боевые операции черкесов и русских против Крыма в 1558–1561 гг. под руководством Дмитрия Вишневецкого создали впервые условия для попадания хотя бы небольшого количества ружей в распоряжение черкесов. Тем более, что царский воевода действовал в значительной степени самостоятельно и в конце концов перешел на польскую службу, переманив туда же пять черкесских князей [Хотко, 2017, с. 24–26].

Вооружение черкесского войска ружьями во второй трети XVII в. уравнило шансы в битвах как с крымской армией, так и с другими крупными кочевническими соединениями. В 1644 г. ногайцы и кабардинцы при помощи тактики обманного отступления и массированного огня истребили калмыцкое войско, впервые совершившее вторжение на Северный Кавказ [КРО, 1957, т. I, с. 243; Эвлия, 1979, с. 87–88]. В 1648 г. кабардинский князь преподнес царю Алексею Михайловичу два великолепных фитильных ружья турецкой работы (хранятся в Оружейной палате Московского Кремля, № 6419, 6420) [Аствацатурян, 2002, с. 205–206]. На помощь крымскому войску в Украине в 1660 г. прибыло многотысячное, оснащенное ружьями черкесское ополчение (хегаки, жанеевцы, махошевцы, адамиевцы, темиргоевцы, беленеевцы и кабардинцы) [Эвлия, 1961, с. 222–223]. В 1666 г. Э. Челеби в свите отставного крымского хана проехал через всю Черкесию и отметил, что «все пешие воины имеют ружья и стреляют свинцовыми пулями так метко, что попадут в глаз блохе» [Эвлия, 1979, с. 59]. Шарль де Пейссонель, французский консул в Крымском ханстве (1753–1757), сообщал о завозе в Черкесию тысячи ружейных стволов из Бахчисарая [АБКИЕА, 1974, с. 194]. В 1748 г. русский офицер Бакунин – что пищали у кабар-

динцев «крымские и кубачинские, и больше винтопальные, но притом короткие и лехкие» [КРО, 1957, т. II, с. 158].

Черкесские мамлюки (капы-кулу) в крымской армии. Если репутация хороших вояк была у черкесов у себя на родине, то эта репутация закономерно сопутствовала рабам из Черкесии. К. Ф. Вольней заметил, что турки имели градацию рабов по их «деловым» и воинским качествам: «Турки из всех дороже ставят черказских невольников, или черкасов, потом абацанов (абазов. – *Прим. С. Х.*), за сими мингрельцов, грузинов, россиян и поляков; наконец венгерцев и германцев; последние же у них черные» [Вольней, 1791, с. 171]. Дм. Кантемир, наблюдавший черкесов в составе трех армий, османской, крымской и русской, писал: «Черкесы обладают самыми высокими должностями при Оттоманском дворе... Солдаты в египетскую армию набираются со всего света; особенно много в ней черкесов, нации очень воинственной... В Египте черкесы и абазы стоят в два раза дороже, так как только они имеют привилегию наследовать права и имущество своих господ» [Аталиков, 1987, с. 138, 142].

Ко времени правления Сахиба Герая I относится основание корпорации капы-кулу, гвардии рабского происхождения. Поскольку она была создана в период победоносных походов этого хана в Черкесию, то и основным контингентом в крымском «янычарском» корпусе стали черкесы [Смирнов, 2005, т. 1, с. 313]. Э. Челеби указывает, что численность капы-кулу в ханстве равнялась некогда 12 тысячам воинов, а в его время не превышала 3 тысяч: «Это целый полк из детей абхазцев, черкесов и грузин. Роду Османов от них никогда не случалось измены» [Эвлия, 2008, с. 101].

Подобно янычарам и мамлюкам, со временем офицеры из ханского капы-кулу стали играть важную роль во внутренней политике государства и имели иногда решающее слово в вопросе престолонаследия [Смирнов, 2005, т. 1, с. 345]. Важность института военного рабства была такова, что крымский хан мог оказывать поддержку карьере своего бывшего раба при османском дворе, а тот, в свою очередь, существенно содействовал бывшему патрону и его детям [Смирнов, 2005, т. 1, с. 452, 479].

Черкесы в Крыму

Объединение с ханством сопровождалось переселением значительных групп черкесов в Крым. В архиве Посольского приказа сохранилось весьма любопытное сообщение о панике среди черкесов Крыма в 1515 г., вызванной смертью Менгли Герая, когда многие представители этой общины поспешили в Керчь с тем, чтобы переправиться на черкесскую сторону пролива: «и в Керчь пришла весть в понедельник на святой неделе, что Менли Гераа царя в животе не стало; а тут в Керчь прибегли многие черкасци из Крыма, ино деи к ним прислал во вторник на святой неделе болшей сын Менли Гераев, Магмед Герай с грамотою, чтоб они жили по своим местом потому же, как жили при отце его» [Сборник РИО, 1895, с. 140].

По замечанию В. Д. Смирнова, в трудные для себя времена черкесы «целыми племенами» переселялись в Крым [Смирнов, 2005, т. 1, с. 497–498]. В районе Карасубазара Челеби зафиксировал небольшое черкесское селение: «Стоянка селение Черкес. Это деревня на высоком холме с одной мечетью и ста черкесскими домами» [Эвлия, 2008, с. 151]. Анонимный турецкий автор в 1740 г. отмечает значительное черкесское присутствие в Джане (Джанкое): «Это значительное село, расположенное на большой реке, которая впадает в Азовское море. Оно защищено направленным к реке рвом. Там находится Ак-Чибукбег [?], вассальный вождь черкесского хана, который командует войском, составленным из людей 300 черкесских сел (расположенных в Черкесии. – *Прим. С. Х.*)» [Губоглу, 1964, с. 150].

Измаил Мурза Муфтийзаде в исследовании, посвященном службе крымских татар в российской армии после 1783 г., подчеркивает особый статус двух фамилий черкесского происхождения – Балатуковых и Хункаловых. В период войны с Наполеоном Симферопольским конно-татарским полком командовал майор Кая-бей Балатуков, а Перекопским полком – майор Ахмет-бей Хункалов [Муфтийзаде, 1899, с. 8]. За проявленные отличия в блокаде и взятии Данцига командир Симферопольского полка князь Балатуков был произведен в генерал-майоры (7 декабря 1813 г.). Полковник Адиль-бей Балатуков командовал в 1827 г. только что организованным крымскотатарским гвардейским эскадром.

Муфтийзаде отмечает, что родоначальником фамилии Балатуковых был Аджи Бекир-бей Болатин-оглу из владетельных князей Большой Кабарды, прибывший с Кавказа при Каплане Герая в 1709 г. И «почти в одно с ним время прибыл оттуда же и принадлежавший к роду тех же князей Хункал-бей, родоначальник фамилии Хункаловых» [Муфтийзаде, 1899, с. 24]. Из князей Большой Кабарды, которые известны все без исключения, в 1709 году никто в Крым не переселился, и князей с такими именами мы в этой черкесской области не знаем. Зато в составе армии Каплана Герая упоминаются 5 тысяч темиргоевцев, которые, что совершенно очевидно, должны были руководиться князьями Болотоковыми. Поэтому после разгрома Каплана Герая в Большой Кабарде в 1708 г. какой-то темиргоевский князь мог переселиться в Крым. Его туда мог выдать другой представитель владетельного рода, заручившись поддержкой князей Большой Кабарды, а также антикрымской партии внутри Темиргоя. Фамилия Хункалов указывает на происхождение из таманских черкесов, поскольку, во-первых, Таманская крепость именовалась Хункала, и, во-вторых, часть хегаков, проживавшая в районе этой крепости, именовалась «хункалами» [Султан Хан-Гирей, 2009, с. 166]. И Балатуковы, и Хункаловы в послужных списках фигурируют как князья [Муфтийзаде, 1899, с. 13, 17].

В 1793–1794 гг. академик Паллас путешествовал по Крыму и заметил, что поместье Кара-Иляз принадлежит фамилии Адиль-бей Балатукова и «может назваться одним из лучших во всей Таврии не только в отношении своей романтической местности, но и по удобству и по превосходству своих садов» [Паллас, 1881, с. 136–137].

Шагин Герай в 1779 г., обосновывая права ханства на Черкессию, сообщил о практике переселений черкесов в Крым и включении их представителей в управленческий слой: «переведены они были внутрь Крыма и долгое время здесь находясь, употреблялись в караулы и во все внутренние служения государей, наших ханов; а поселены они были внутри Крыма на реке Салгире, в Каратуке, Кобазе и Тербете, как-то ныне главнейшие наши вельможи большею частью из переселенных беев и спаг черкесских, о чем каждому небезызвестно» [Дубровин, 1887, с. 482–483].

Татарская колонизация Черкесии

Единственная попытка татарской колонизации Черкесии была предпринята при Сахибе Герая. В 1540-е гг., скорее всего сразу после завершения победоносного похода в Кабарду 1545 г., хан поселил группу татар на верхнем Урупе, откуда они впоследствии перешли на верхний Баксан [Inalcik, 1965, p. 25]. Нельзя исключать, что именно с этим татарским обществом связан ранний генезис карачаевцев, которые, согласно их преданиям вышли из Крыма и которыми предводительствовал некий Карча (карачи-бей?). Легендарный Карча был оскорблен требованием кабардинских князей выплачивать им дань и сражался с ними на Баксане. Общий географический и исторический контур преданий вполне совпадает с этой малоизвестной акцией крымского правительства по контролю над черкесами [Карачай, 2011, с. 47, 194–195, 344, 377]. Утвердиться этой группе именно как представителям центрального правительства не удалось, по всей видимости, по той причине, что с убийством Сахиба Герая в 1551 г. (во время его триумфального возвращения из похода в Хатукай) и последовавшим русско-черкесским военным союзом 1552–1562 гг. крымскому правительству было просто не до татарских поселенцев в Черкесии.

В середине и во второй половине XVII в. крымское правительство предприняло ряд усилий по строительству укреплений, предназначенных не столько для контроля над черкесами, сколько для совместной обороны против калмыцких вторжений. Это такие форты, как Чобан-Кала, Навруз-Кала и Шад-Керман с артиллерией и преимущественно ногайскими гарнизонами. Примечательно, что Шад-Керман в устье Б. Зеленчука был возведен при активном содействии кабардинской правящей верхушки [Эвлия, 1979, с. 84, 85].

В XVIII в. сложилось смешанное татарско-черкесское население Таманского полуострова и его окрестностей. По-турецки оно именовалась ада-лар «островитяне», по-адыгски хытук «остров», «островитяне». Властные prerogatives тем не менее удерживались черкесской княжеской семьей Шамеко [Султан Хан-Гирей, 2009, с. 165–166]. Э. Челеби отмечал, что османская администрация «шахского острова», являвшегося санджаком

в составе Кафинского эялета, не поощряла заселение на него татар или ногайцев, но, напротив, благоволила черкесам [Эвлия, 1979, с. 42–51; Эвлия, 2008, с. 175]. По сей видимости, османские власти опасались усиления крымской власти за счет воинских ресурсов черкесов.

Матримониальные связи с Гераями в XV–XVII вв. Ханский дом Гераев с самого своего основания был в отношениях родства и политического союза с черкесской феодальной элитой. Согласно «Умдет ал-Ахбар» Абдулгаффара Кырыми, Хаджи Герай был рожден черкешенкой, о чем сообщается в связи с преследованием его (а также его брата Джихана Герая) правителем Большой Орды Сейид Ахмед-ханом (1432–1455): «Услышав, что для их [убийства] назначены люди, они спасаются бегством. А так как их мать была дочерью бека племени (в оригинале «кабак». – Прим. С. Х.) адеми из кемеркуевских черкесов, они, возжелав [отправиться в] Черкесию, бегут в сторону Тена» [Абдулгаффар Кырыми, 2015, с. 207–208].

Таким образом, у истока крымской власти стоял знатный род (по всей видимости, тлекулешский) владетелей Адамия. Это небольшое владение входило в состав Темиргоя. Давняя связь с крымской династией могла быть одной из причин устойчивой прокрымской политической ориентации князей Болотоковых в XVI–XVII вв.

Менгли Герай, ставший вассалом османского султана в 1475 г. и как результат этого правивший стабильно и являвшийся подлинным основателем этого ханства, был женат на черкесской княжне [Allen, 1963, р. 48]. Весьма показательно, что Нур-Девлет, брат и главный соперник Менгли Герая, одно время искал убежища в Черкесии [Колли, 1913, с. 137].

Сахиб Герай I в 1533 г., согласно сообщению московского посла В. Левашова, ездил в Керчь для встречи своей будущей супруги-черкешенки. А. М. Некрасов справедливо считает ее представительницей знатного семейства [Колли Л. Хаджи-Гирей-хан... С. 137].

Девлет Герай I, один из наиболее могущественных крымских ханов, имел значительное черкесское окружение. А. М. Некрасов отмечает, что старшая жена этого правителя Айше-Фатма-Султан происходила «из знатной

адыгской семьи» [Некрасов, 2000, с. 216]. Е. Н. Кушева отмечала, что тестем Девлета Герая (отцом его старшей жены) был князь Тарзатък, сыновья которого, упоминаемые в русских источниках как Татар-мурза и Ахмет-Аспат Черкасские, служили при ханском дворе [Кушева, 1963, с. 151, 201]. Хан-сугра, еще одна ханская жена, была черкесской княжной, а ее брат Алкльч-мирза также находился при ханском дворе. Черкешенкой была и невестка Девлета Герая, жена его сына Исляма Герая, и, соответственно, ее брат Али-мирза служил хану [Некрасов, 2000, с. 219]. Главными конюшими у Девлета Герая и у калги Мехмеда Герая были черкесские дворяне Толбулдук и Верхуша Черкасские [Кушева, 1963, с. 201]. В 1564 г. А. Нагой передал царские грамоты черкесским князьям на ханской службе, к которым московские канцеляристы обращались по заведенной уже на Москве традиции: Ахмет князь Черкасский и Мустафа князь Черкасский [СРК, 1889, с. LIX].

Некоторые из ханских жен и матерей активно вмешивались в принятие решений, а их пристрастия могли быть отражением внешнеполитических курсов княжеских домов Черкесии. Московский посол А. Нагой сообщал, что хан «жалует свою большую царицу Аиша Фатма салтану... думает... со царицею и слушает ее» [Некрасов, 2000, с. 217]. Подавляющее большинство крымских ханов XVII–XVIII вв. являлись потомками Девлета Герая и Айше-Фатмы-Султан по линии их старшего сына Мехмеда Герая II (1577–1584).

Согласно крымским хронистам, матерью Джанибека Герая II (1610–1622; 1627–1635) и Мехмеда Герая IV (1642–1644) была черкешенка Дурбика, дочь бесленеевского князя Каноко [Кушева, 1963, с. 151]. Ее брат Хакечя упоминается в сообщении терского воеводы П. Ф. Приклонского в 1616 г. как приближенный крымского хана [КРО, 1957, т. I, с. 93].

Побеги Гераев в Черкесию. Характерной чертой статуса Черкесии было то повторяющееся обстоятельство, что представители крымско-татарской элиты искали в ее пределах спасения от своих более удачливых родственников.

Почти всегда опальный герайский принц спасается не в турецких владениях Крыма, а именно в Черкесии. Поэтому, считая Черкесию интегри-

рованной в Крымское ханство страной, мы должны признать и то, что она обладала реальной автономией. Рука хана могла достать знатного беглеца в Черкесии, но для этого было необходимо приложить военные и дипломатические усилия, а успех был не гарантирован. В любом случае, беглец получал передышку, мог отсидеться, заручиться поддержкой османского правительства и уже из Черкесии направиться морем в Стамбул.

Приведем несколько примеров побегов Гераев в Черкесию. Шакай Мубарек Герай, племянник Гази Герая II (1588–1608), из опасения расправы со стороны хана «ушел в страны черкесские и там проживал». Шагин Герай, внук хана Мехмеда Герая II, из опасения расправы со стороны хана Гази Герая II, «убежал в Черкесию». Сам Гази Герай, «опасаясь неминуемого гнева и мщениа султанского (османского султана. – Прим. С. Х.), поспешил выстроить в пределах черкесских укрепленный замок, наименованный Гази-Керманом, с целью заранее запастись убежищем, куда бы он мог укрыться в случае преследования его султаном за самовольную отлучку из венгерского похода в Крым, так что будто бы и умер-то он дорогою в новопостроенное укрепление в Темрюке». Хан Мехмед Герай IV после своего свержения в 1665 г., «помышляя только уже о том, как бы спасти свою голову, покинул свои пределы и прямо бежал в страну черкесов». Представители преследуемой побочной ветви Гераев – так называемые Чобан Гераи, боясь преследований со стороны выше-названного хана Мехмеда Герая, «бежали к абазам и черкесам». Хан Селим Герай I в юности «должен был спасаться от посягательств на его жизнь в разных местностях Черкесии». Шахбаз Герай, один из сыновей хана Селима Герая, «под предлогом охоты удалился в Черкесию», где дождался своего назначения на пост калги, которое было дано ему прямо из Порты [Смирнов, 2005, т. I. с. 332, 336, 342, 369, 411, 413, 417, 467–468, 488]. После смещения с престола в начале 1703 г. «прежней де крымской хан Девлет Гирей с сыном своим кубанским салтаном Бахти Гире-

ем и с узденями своими ушли в горы к черкесом» [Сень, 2016, с. 110–111].

В 1601 г. мансурский бей Батыр-Шах, получивший ранение в венгерском походе, прибыл в Бесленей «к своим черкесским друзьям для лечения» [Гайворонский, 2010, с. 374]. Он поделился с ними информацией о том, что хан Гази Герай, находившийся в состоянии открытой конфронтации с османским правительством, намерен укрыться у Казыя Пшеапшокова [СРК, 1889, с. 352–353].

Матримониальные связи черкесских княжеских династий способствовали усилению внешнеполитического влияния совокупно Черкесии, увеличению возможностей черкесской элиты для обеспечения своих интересов в регионе Кавказа и Северного Причерноморья. Благодаря брачным союзам закреплялись военно-политические союзы. Черкесские князья получали доступ к получению военной помощи, огнестрельного оружия. Важным итогом матримониальной политики могло стать снижение военной опасности для страны черкесов.

Воспитание ханских сыновей черкесскими князьями было своего рода подтверждением вассальной связи. Обратной стороной системы аталыческих связей стала сильная степень втянутости крымских ханов и, в целом, властей ханства во внутривластные дела Черкесии. Бывшие воспитанники были вынуждены заступаться за своих аталыков или мстить за них. Одним из последствий практики аталычества, при которой ханычи воспитывались в Черкесии, стало формирование аристократического слоя хануко (адыг. хъанькьо «хана сын»). Он формировался не только из тех представителей Герайского дома, которые росли среди черкесов, но и вообще из султанов, поселившихся среди черкесов. Это сословие не было полностью инкорпорировано в феодальную лестницу Черкесии, занимая положение, гораздо менее наделенное властными полномочиями, чем то, которым обладали местные князья.

8.6. Крымское ханство и Малая Ногайская Орда

М. Е. Шалак

Когда в середине XVI в. в степном Предкавказье развернул свои кочевья выходец из Ногайской Орды мирза Гази б. Урак, к нему стали прибывать из-за Волги другие, недовольные политикой биев, ногайские мирзы, и в скором времени на Северном Кавказе появился самостоятельный Казыев улус или Малая Ногайская Орда. Это кочевое политическое образование стало объектом пристального внимания соседей, и в первую очередь Крымского ханства и Московского царства. Каждое из этих государств рассматривало Северо-Кавказский регион как сферу исключительно своих интересов и поэтому пыталось втянуть это новое военизированное сообщество в орбиту своего влияния.

Что касается самих Малых Ногаев, то они далеко не сразу определились, на кого из могущественных соседей ориентироваться в вопросах своей внешней и внутренней политики. Так сложилось, что выбор этот был сделан в пользу Крыма. Как покажет дальнейшая история, этот выбор предопределил быстрое исчезновение Малой Ногайской Орды как единого политического образования с исторической сцены уже к концу 30-х гг. XVII в.

Первое упоминание в источниках о Гази-мирзе относится к 1551 г. Окольный Федор Нагой писал царю, что к нему, в Касимов, в понедельник 14 сентября 7060 г. (1551) прибыли ногайцы, а с ними вместе бастановский татарин, «а взял его на поле сее весны Казы мирза Ураков на Ахматовых горах» [Посольские книги, 2006, с. 68]. Если под «Ахматовыми горами» имелся в виду Донецкий кряж [Шалак, 2019, с. 439–441], то можно предположить, что к весне 1551 г. Гази-мирза уже обособился от Ногайской Орды, переместившись на крымскую (правую) сторону Волги и стал «казаковать на Поле». Причем он не просто сам промышлял в степи, а собрал вокруг себя таких же казаков-изгоев, порвавших связь со своей улусно-эльной системой и ставших ядром Казыева улуса, сделавшись серьезной силой, о чем свидетельствует сам факт попадания его имени в государственные документы.

Уже к маю следующего, 1552 года, отряд Га-

зи-мирзы насчитывал 400 человек. Впервые о совместных действиях казыевцев с крымскими татарами говорится под 1555 г., когда свергнутого хана Ямгурчи б. Бирдибек попытался захватить Астрахань. Гази-мирза упоминается как один из участников этого похода наряду с сыновьями ногайского бия Юсуфа. Помощь Ямгурчи оказал крымский хан Девлет Герай, отправив под Астрахань Шигай-богатыря Антулова с конницей и янычарами [ПСРЛ, 1904, с. 245]. Однако вскоре между союзниками произошел раскол, и Гази-мирза убил хана Ямгурчи, поддерживаемого Девлет Гераем [Посольские книги, 2006, с. 177; Трепавлов, 2016, с. 391, 392].

В грамоте ногайского бия Исмаила 1560 г. впервые был отмечен факт союза между Казыевым улусом и Крымским ханством: «с крымским царем Казы мирза содиначился» [Посольские книги, 2006, с. 323]. Следовательно, понадобилось около десяти лет, чтобы Гази-мирза смог преодолеть традиционную неприязнь ногаев к крымцам [Трепавлов, 2016, с. 392] и встать на сторону крымского хана Девлет Герая. Этот выбор определит всю последующую судьбу Малой Ногайской Орды, которая всё прочнее будет входить в орбиту крымского влияния. Исследователи по-разному расценивали крымско-казыевские отношения. От «интимной дружественной связи» [Новосельский, 1948, с. 16] до прямого подчинения крымским ханам [Кушева, 1963, с. 236] и от союзнических отношений [Жирмунский, 1974, с. 485] до военно-политического альянса, направленного против общих врагов – России и Большой Ногайской Орды [Трепавлов, 2016, с. 393].

В 1560 г. крымский хан прислал к Малым Ногаям Суртаи-аталыка, Гази отправил в Крым «Илдебола да Ян-мирзу на уверенье». Теперь Малые Ногаи защищали владения Крыма с востока и мешали Большим Ногаям организовывать набеги на крымские улусы [Посольские книги, 2006, с. 323, 324].

Уже в ноябре 1560 г. Девлет Герай и Гази-мирза договаривались о каких-то совместных действиях в устье Северского Донца. Выгодное стратегическое положение на «промежке» (меж-

ду Азовом и Кабардой), которое занимал Казыев улус, позволяло ему создавать постоянную угрозу улусам Больших Ногаев. По этой причине Исмаил отказывался выступать в поход на Крым, пока Иван IV не сгонит Гази-мирзу «с того промежка» любым приемлемым способом. Ногайский бий сообщал царю, что Девлет Герай и Гази-мирза договорились на том, что «Казы мирзе деи Крыму недружбу никак не делати, то б еси ведал» [Посольские книги, 2006, с. 325, 326]. Таким образом, можно с уверенностью говорить, что между Казыевым улусом и Крымским ханством сложился прочный и искренний союз, вызывавший зависть у Больших Ногаев [Трепавлов, 2016, с. 392].

За два года до этого Исмаил регулярно посылал к Гази-мирзе с предложением объединиться для совместных действий против исконного ногайского врага – Крымского ханства. Однако Гази не принял предложение Исмаила и не встал на сторону противников крымского хана. «И ныне деи он з Девлеткиреем царем зговорился, верь тому» [Посольские книги, 2006, с. 326]. Гази-мирза стремился поддерживать дружественные отношения с крымским ханом, стараясь наладить равноправные отношения, не имеющие ничего общего с отношениями вассальной зависимости [Пилипчук, 2016, с. 230].

В 1561 г. Гази-мирза вел переговоры с могущественным крымским карачи-беком мангыт – Дивей-мирзой о совместных действиях против заволжских ногаев и России. Поэтому первоочередной задачей Исмаил считал совместную с Иваном IV войну против Малой Ногайской Орды. А расправившись с Гази и его улусом, можно было бы приняться и за Крым [Посольские книги, 2006, с. 336, 337].

Уже в январе 1562 г. Исмаил в своей грамоте к русскому царю фразу «а Казы мирза с Крымским заодин» употребит три раза. Складывается впечатление, что союз между Крымом и Малой Ногайской Ордой превратился в навязчивую идею для бия Больших Ногаев. В это время Гази-мирза отправляет в Крым мирзу Мехмед Кула б. Саид-Ахмеда для заключения нового соглашения, по которому если Девлет Герай соберется идти войной на «белого царя», то впереди ханского войска будет идти Гази со своими воинами. В свою

очередь Девлет Герай обещал выделить рать Гази для набега на Большую Ногайскую Орду [Посольские книги, 2018, с. 30, 31, 32, 33].

К этому времени к военно-политическому альянсу между Крымским ханством и Малой Ногайской Ордой присоединяются и некоторые черкесские князья. Направлен этот альянс был против Больших Ногаев и России. В грамоте Исмаила 1562 г. сообщается, что Гази-мирза посылал к Девлет Гераю своих людей просить войско, оснащенное пушками и пищальями, под руководством двух мирз, для похода на Астрахань «сего году». Здесь же говорится о том, что черкесы, примкнувшие к крымско-казыевскому союзу, «Казыевой жене племя» [Посольские книги, 2018, с. 65]. Следовательно, альянс с черкесами был скреплен браком между Гази-мирзой и дочерью кабардинского князя Пшеапшоки Кайтукина [Посольская книга, 2016, с. 97]. Незадолго до этого, в 1561 г., другой кабардинский князь и противник Пшеапшоки Темрюк Идаров выдал замуж своих дочерей – Кученей (Марию) за Ивана IV, а Малхуруб за Дин-Ахмеда, сына бия Исмаила [Посольские книги, 2018, с. 121; Жирмунский, 1974, с. 484; Трепавлов, 2016, с. 394]. Таким образом, в 1562 г. на Северном Кавказе сложилась сильная коалиция Девлет Герая, Гази Уракова и Пшеапшоки Кайтукина, противостоящая другой коалиции Ивана IV Васильевича, Исмаила Мусавича и Темрюка Идарова. Не смотря на это, в Москве не оставляли надежды заполучить к себе в союзники Гази-мирзу и тем самым разрушить крымско-казыевский союз.

В начале января 1564 г. стало известно, что Гази-мирза отправил в Крым двух своих младших братьев для подтверждения заключенного ранее союза. Чуть позже Гази отправил ко двору крымского хана и кого-то из своих детей [Посольские книги, 2018, с. 119, 167]. А спустя три года, в 1567 г., в Крым был послан мирза Ислам-Гази б. Саид-Ахмед просить прислать к Гази-мирзе царевича, и Девлет Герай отправил к Малым Ногаям своего сына Мурада. В Москве старались узнать всеми способами, для какой цели крымский хан отправил сына в Казыев улус и сопровождалось ли это заключением нового договора. В декабре 1569 г. Мурад Герай вернулся в Крым. Русские информаторы доносили в Москву, что

«царевич у Казыя-мурзы житии не хочет», а вместо него Девлет Герай собирается отправить в Казыев улус «царевича меньшого» – Фетих Герая. Однако известно, что в 1571 г. Мурад Герай находился в Малой Ногайской Орде. [Посольская книга, 2016, с. 113–114, 152, 239, 318]. Таким образом, Гази-мирза стал аталыком для сыновей своего крымского союзника. Позже крымский калга Шагин Герай заявлял, что он сам и его отец Саадет Герай родились в Казыевом улусе [Трепавлов, 2016, с. 392–393; Новосельский, 1948, с. 16, с. 130].

Малые Ногаи доставляли в Крым и важные сведения. Так, в 1567 г. к Девлет Гераю от Гази-мирзы приезжал мирза Маметкул Бутаков с известием о том, что весной к русскому царю прибыл кабардинский князь Мамстрюк Темрюкович за военной помощью против черкесских князей, служащих крымскому хану и турецкому султану, в том числе и против Пшеапшоки, «Казыева тестя». Гази сообщал через своего посла и о намерении Ивана IV ставить крепость на Терекке [Посольская книга, 2016, с. 97].

В конце мая 1569 г. в Крым прибыл казыев посланец Ах-Кула Татарин с сообщением, что к Гази примкнул мирза Ак б. Юсуф с тремястами человек, оставив бия Дин-Ахмеда, который, как и его отец, находился в состоянии войны с Малыми Ногаями. А уже в середине июня у Девлет Герая был сам Ак-мирза, которому хан велел кочевать вместе с «Казыевым князем». Перепутать титул мирзы с княжеским русские информаторы не могли. Следовательно, в начале июня 1569 г. Гази б. Урак был провозглашен бием Малой Ногайской Орды, причем без всякого причастия к этому крымскому хану. [Посольская книга, 2016, с. 232, 241; Трепавлов, 2016, с. 391–392].

В этом же году Гази со своими людьми примкнул к турецко-крымской экспедиции на Астрахань [Bennigsen, 1967, p. 435; Kurat, 1961, p. 16]. По сообщениям источников, Малые Ногаи подошли к Азову – месту сбора всех участников похода, где присоединились к крымской коннице Девлет Герая. Количество воинов, выставленных Гази б. Ураком, составляло 30 тыс. человек [История, 1872, с. 479, 483]. Согласно же сведениям, полученным русским послом Иваном Новосильцевым, с Гази-мирзой было тыся-

ча человек [Посольство, 1988, с. 190]. В походе казыевцы располагались в полку левой руки под командованием Адиль Герая. После неудачи под Астраханью Гази сговорился с крымским ханом повести турецкое войско обратно к Азову окружным путем по безводным степям, где турки понесли большие потери от нехватки продовольствия и запасов воды [История, 1872, с. 485].

С начала 70-х гг. XVI в. Малые Ногаи участвуют во всех военных мероприятиях Девлет Герая. За это бий Гази был щедро жалован крымским ханом, чем вызывал зависть у своих заволжских сородичей. Причем оба союзника обещали сохранять верность друг другу. Поэтому ни о каком союзе «полуассального» характера и тем более «фактическом подданстве» Малой Ногайской Орды Крыму говорить не приходится [Садиков, 1947, с. 160; Эвлия, 1979, с. 221]. В 1571 г. Малые Ногаи принимали участие в крымском нашествии на Москву [ПСРЛ, 1968, с. 140]. Были они в составе крымского войска и во время неудачного похода Девлет Герая 1572 г. [Пенской, 2012, с. 232]. Однако в дальние походы с крымским ханом бий Гази не ходил. Так, он отказался участвовать в походе против молдавского господаря Иона Воды, организованного турецким султаном в 1574 г. [Османская империя, 1984, с. 198].

Со своей стороны крымские царевичи принимали участие в набегах Гази б. Урака. В частности, в нападении Гази на кабардинцев в 1576 г., в котором он и погиб, участвовал Иман Герай со своими людьми. Поход был организован бием в поддержку своего тестя – черкесского князя Пшеапшоки. Оставшийся в живых сын Гази – Хан-мирза – ушел из Казыева улуса. 15 августа 1576 г. он прибыл ко двору Девлет Герая и попросил для себя царевича Сахиб Герая б. Мехмед Герая. Известные слова Девлет Герая по поводу гибели своего верного союзника и воспитателя его сыновей показывают, как высоко ценил крымский хан Гази б. Урака: «Только-де на Казее царьского имени не было! А камена был стена Крымскому юрту и Азову!» Столь же высокой оценки от современников заслужили и воины Казыева улуса: «А то были у него (Девлет Герая. – М. Ш.) на всякой войне первые люди Казыевы» [РГАДА. Ф. 123, оп. 1, кн. 15, л. 34об., 40, 40об., 44, 44об.].

Таким образом, можно сказать, что первоначально взаимоотношения между Малой Ногайской Ордой и Крымским ханством строились именно как союзнические с полным равноправием сторон. Правда, сложились они не сразу. Но чем дальше, тем крепче становился этот союз. И несмотря на все попытки бия Исмаила и царя Ивана IV переманить Гази-мирзу на свою сторону, он так и не примкнет к ним, и до конца будет верен крымскому хану. После гибели Гази в 1576 г. и смерти Девлет Герая в 1577 г. отношения между Малой Ногайской Ордой и Крымским ханством будут меняться. Тем не менее выбор, сделанный первым вождем Казыева улуса, окажется судьбоносным для всей последующей истории этого политического образования на Северном Кавказе.

Какое-то время в посольских документах от лица Малых Ногаев выступают «Казыевы дети». Так, в 1577 г. большеногайский мирза Урус б. Исмаил сообщал русскому послу, что «съ Казыевыми детми и съ Крымским дей Царемь у насъ договоренося», «а то де отъ меня бежали Тумаки въ Крымъ и хъ казыевым дѣтемъ». О каких-то совместных действиях на российской «украине» казыевцев и крымцев в 1577 г. оповещал детей боярских мирза Хан Бай б. Исмаил. Фактически же каждое лето Малые Ногаи совместно с крымскими татарами совершали набеги на российские приграничные территории. Присоединялись к этим набегам и выходцы из Большой Ногайской Орды [Продолжение, 1801, с. 181, 248–249, 307]. В 1578 г. царевич Мурад Герай б. Мехмед Герай, совместно с мирзами Малых Ногаев, организовал большую экспедицию против Московского государства, отказавшись выполнить приказание отца напасть на территорию Речи Посполитой [Bennigsen, 1973, p. 457].

Под 1580 г. в русских источниках впервые встречается имя нового бия Малой Ногайской Орды – Якшисаата б. Мамай б. Саид-Ахмеда. Он приходился троюродным братом Гази б. Ураку. Несмотря на то, что в живых оставался сын Гази – Хан, мирзы Малых Ногаев избрали бием именно Якшисаата. Он продолжал придерживаться союзнических отношений с Крымом, участвуя в совместных набегам на русское пограничье. Хотя в 1559 и 1560 гг. он возглавлял такие же набеги,

только на Крым, организованные бием Исмаилом. За эту службу Якшисаат мирза даже был пожалован царем Иваном IV [Посольские, 2006, с. 297, 301, 305, 325]. В 1562 г. Якшисаат рассорился с Исмаилом, покинул Заволжскую Орду и присоединился к Казыеву улусу. А уже в январе 1564 г., в грамоте к Ивану IV от мирз Малой Ногайской Орды имя Якшисаата стоит на втором месте после Гази [Посольские, 2018, с. 76, 79, 117]. Таким образом, можно заключить, что довольно быстро Якшисаат-мирза занял одну из лидирующих позиций среди маленогайской знати.

Во время междоусобной борьбы за крымский престол в 1584 г. бий Якшисаат и Малые Ногаи встали на сторону назначенного из Порты Ислама Герая II против сыновей свергнутого Мехмеда II – Саадета II, Мурада и Сафа Гераев. В своем письме к бию и мирзам Казыева улуса турецкий султан приказывал им поддерживать тесную связь с Ислам Гераем, сохраняя прежний союз и солидарность с Крымом. В случае, если мятежные царевичи окажутся на территории Малой Ногайской Орды, об этом необходимо было незамедлительно сообщить в Бахчисарай и принять все надлежащие меры. Однако крымский хан не доверял Якшисаату и даже вел переговоры с бием Больших Ногаев Урусом о совместных действиях против казыевцев. Но вскоре Ислам Герай II пошел на сближение с Малыми Ногаями, и между ними была заключена шертъ. В 1586 г. по поручению Крыма бий Якшисаат во главе 30000-го войска вторгся в самый центр России, разорив окрестности Белева и Козельска [Bennigsen, 1973, p. 461, 468, 480–483]. В то же время он не считал себя чем-либо обязанным крымскому хану и всячески подчеркивал свое независимое положение. Это не мешало ему в 1587 г. просить у Ислам Герая помощи от наследивших на Малых Ногаев со всех сторон пятигорских черкесов, заволжских ногаев и особенно донских казаков [Сухоруков, 1869, с. 67].

Новый крымский хан Гази Герай II решил закончить с независимостью Казыева улуса. Он со своей армией переправился на ногайский (левый) берег Дона и привел Малых Ногаев к повинности, повелев им кочевать под Азовом. В 1588 г. Гази Герай с торжеством писал в Москву, что под власть Крыма пришли ногайские улусы «и ныне

божею милостию к крымской рати прибыло войска больша 100 тысяч» [Трепавлов, 2016, с. 397; Новосельский, 1948, с. 36]. В разразившейся вскоре войне 1588–1590 гг. с Большими Ногаями, Малую Ногайскую Орду поддерживало Крымское ханство. В результате взаимных опустошительных набегов в 1590 г. погибли оба ногайских бия – Урус и Якшисаат. Эта братоубийственная война привела к тому, что часть улусов Малых Ногаев ушла за Дон, на территорию Крымского ханства. С этого времени Малая Ногайская Орда перестанет играть роль мощной военной силы на Северном Кавказе, и её влияние в регионе будет постепенно снижаться. Источники сообщают о запустении Казыева улуса в конце XVI в. [ПСРЛ, 1910, с. 52].

В 1590 г. знатнейшие из оставшихся малоногайских мирз – Хан б. Гази и Баран-Гази б. Саид-Ахмед снова шертовали крымскому хану на верность. В то же время в шерти Гази Герая 1594 г. говорится, что хан берет на себя обязательство соблюдать мир с Русью за весь Крым, за исключением Казыева улуса, который «кочует себе», то есть ни кому не подчиняется [Трепавлов, 2016, с. 399; Новосельский, 1948, с. 42]. Однако это не мешало участвовать Малым Ногаем в походах Гази Герая на Москву в 1591 г., в Венгрию в 1594 г. и т. д.

Новый бий в Малой Ногайской Орде появился, по-видимому, между 1598 и 1600 гг. Так, глава Больших Ногаев Иштерек в 1604 г. сообщал, что «к брату де его, к Тин-Магметю князю (бий Дин-Мухаммед (1598–1600). – *М. Ш.*), и к нему, к Иштереку, Барангазый князь и все мурзы Казыева улуса присылали многих послов». По крайней мере, Баран-Гази б. Саид Ахмед стал бием не позднее 7107 г. с. м. (1 сентября 1598–31 августа 1599), поскольку в «107-м году был он, Иштерек, в Казыеве улусе и о том Барангазью князю и всем мурзам ... говорил» [Акты, 1918, с. 122, 123]. Новый бий продолжил ориентироваться на союз с Крымским ханством, хотя есть сведения, что в начале XVII в. Гази Герай II находился в неприязненных отношениях с Малыми Ногаями [Новосельский, 1948, с. 48].

Во время тайных переговоров в ноябре 1604 г. в Астрахани русских воевод с бием Иштереком обсуждался вопрос о приведении казыев-

цев в «прямое холопство» русскому государю. Предлагалось, в начале, воздействовать на них уговорами, в противном случае Иштерек должен был «вконец» разорить Казыев улус и отбить у казыевцев всякую охоту служить крымскому хану [Акты, 1918, с. 122]. Однако до реальных действий дело тогда не дошло в связи с нежеланием Иштерека действовать против Малых Ногаев в одиночестве и с разразившейся на Руси Смутой.

В Смутное время Малые Ногаи продолжали действовать на русских «украинах» самостоятельно, что видно из текста шерти о вечной дружбе и мире, принесенной крымским представителем в 1614 г. за царя, царевичей и за весь Крым, «опричь Казыева улуса». Нападения казыевцев на Русь продолжались вплоть до 1617 г. В 1615 г. послы Малой Ногайской Орды в Москве вели себя как представители совершенно независимого политического образования. По мнению А. А. Новосельского, казыевцы того времени представляли собой «наиболее анархическую часть среди всех татар», не подчиняющихся ни Крыму, ни Турции [Новосельский, 1948, с. 83, 96–97].

Как таковая Малая Ногайская Орда в первой четверти XVII в. представляла, по сути, конгломерат трех «родств» – Шейдяковых, Мамаевых и Ураковых, которые слабо подчинялись бию Баран-Гази и самостоятельно сносились с Крымским ханством. В конце 1610-х гг. между Малыми Ногаями и Крымом разразился открытый конфликт. Причиной конфликта стало то, что в 1619 г. казыевцы встали на сторону мятежного царевича Шагин Герая б. Саадет Герая, вместе со своим братом Мехмедом оспаривавших право на крымский престол. Сыновья Саадет Герая, как и он сам, родились в Казыевом улусе [Новосельский, 1948, с. 130]. Их мать – Ертуган, была дочерью Гази б. Урака [Некрасов, 1998, с. 247]. Поэтому неудивительно, что Шагин Герай нашел среди Малых Ногаев искреннюю поддержку.

Активные действия начали именно Малые Ногаи, погромив турецко-крымскую рать Сайдар-паши по наущению Шагин Герая [Трепавлов, 2016, с. 403]. В отместку весной 1619 г. Джанибек Герай послал калгу Девлет Герая против Малой Ногайской Орды. В итоге казыевские улусы

были разорены и мирзы вынуждены были бежать к Астрахани и на Терек под защиту русских воевод [Сборник РИО, 1879, с. 437]. Однако крымский хан не желал перехода Малой Ногайской Орды под протекторат Московского государства и поэтому обратился к фактическому лидеру Малых Ногаев – мирзе Касиму б. Исламу, родному племяннику бия Баран-Гази, с предложением мира и просьбой начать войну с Шагин Гераем, бежавшим к кумыкам.

Мир между Крымом и Малой Ногайской ордой был достигнут, поскольку уже в 1621 г. мы видим Малых Ногаев в войске Джанибек Герая, собранного по приказу султана Османа II для войны с Польшей [Новосельский, 1948, с. 100]. Приблизительно в это же время в Малой Ногайской Орде сменился бий – им стал Касим б. Ислам [Трепавлов, 2016, с. 405]. Это был последний верховный правитель Казыева улуса. Время княжения Касима (н. 20-х – н. 40-х гг. XVII в.) отмечено сложными отношениями с Крымским ханством. В 1623 г. Малые Ногаи участвовали в походе крымцев на Кабарду и Бесленей. В начале 1624 г. казыевцы были вовлечены в поход Девлет Герая и Кантемира мирзы против Польши.

Во время попытки османов в 1624 г. сменить крымского хана Мехмед Герая III казыевские ногаи, как и прежде, пришли на помощь калге Шагин Гераю. При участии Малых Ногаев Шагин Герай совершил поход против Буджакской орды Кантемира-мирзы. В 1625 г. крымский калга приостановил готовящийся казыевцами набег на Русь. В самом Казыевом улусе говорили, что «если бы не Шагин Гирей, то им не было бы житья от казаков и астраханских людей». У хана и калги были разные взгляды на отношения с Малой Ногайской Ордой. Мехмед Герай III отрекался от казыевцев, а Шагин Герай стоял за Малых Ногаев, считая, что они ему подчинены и находятся в его владении: «А казыев де улус наш» [Новосельский, 1948, с. 114, 116, 127, 130].

В 1625 г. конница малоногайского бия Касима под руководством его сына участвовала в походе Мехмед Герая на Дагестан. По повелению калги Шагин Герая казыевские мирзы совершали набеги на Русь [АМГ, 1890, с. 203]. В 1627 г. Касим присоединился к крымской армии, выступившей на «бесленевских черкес».

После изгнания братьев из Крыма в 1628 г. Шагин Герай посылал из Запорожья брата Мехмеда к Малым Ногаям за помощью, и те, как обычно, снова ему не отказали. В ноябре того же года казыевцы принимали участие в неудачной попытке Мехмед и Шагин Гераев прорваться в Крым. В новой попытке овладеть Крымом в апреле – мае 1629 г. с Шагин Гераем было три малоногайских мирзы с 2 тыс. своих воинов [Грушевский, 1956, с. 61; Новосельский, 1948, с. 136]. Разгром братьев-изгоев был полным, казыевцы по большей части все погибли, Шагин Герай снова бежал в Малую Ногайскую Орду.

За поддержку мятежников Джанибек Герай организовал карательную экспедицию против Малых Ногаев во главе с сыном Мубарек Гераем. Ногайские улусы подверглись погрому, и большинство мирз признали себя в полной власти крымского хана. Пятитысячный отряд казыевцев примкнул к войску Мубарек Герая, отправившегося затем на черкесов, выбивать укрывшегося у них Шагин Герая. Правда, вскоре мирзы отказались выступить в поход против Польши по призыву бия Касима, выполняющего приказ Джанибек Герая. Но они также отказались поддерживать и Шагин Герая, в 1632 г. вновь оказавшегося в их улусах.

В 1632 г. казыевцы участвовали в серии нападений на Русь под общим руководством крымских мирз. В ответ русское правительство организует в 1633 г. поход объединенных сил под руководством князей В. И. Туренина и П. И. Волконского против Малой Ногайской Орды, несколько месяцев разоряя и громя её улусы. В 1634–1635 гг. Москва ставит перед донскими казаками задачу «до конца разорити и искоренити» казыевцев [Новосельский, 1948, с. 237]. Не выдержав этих ударов, осенью 1635 г. значительная часть улусов Малых Ногаев, с боями против сдерживающих их донских казаков, начинает прорываться на правый берег Дона и уходит во владения крымского хана. К марту 1636 г. родства Ураковых и Мамаевых были расселены в Крыму. На Кубани остались только улусы Шейдяковых с князем Касимом. Таким образом, степи Северо-Западного Предкавказья опустели, а Азов лишился своей опоры.

Когда в 1635 г. Джанибек Герай был смещен Портой с ханского престола, он находился на Ку-

бани, в улусах Малых Ногаев, готовясь к походу на Иран. Ногаи, решив, что они свободны от присяги, данной теперь уже бывшему хану, хотели отплатить ему за недавний погром, и только бегством Джанибеку удалось спастись. Новый хан – Инает Герай, сумел сплотить под своей властью улусы Малой и Большой Ногайских Орд, перекочевавшие на территорию Крымского юрта.

Тем временем, воспользовавшись массовым исходом Малых Ногаев, 28 июня 1637 г. донские казаки взяли османский Азов. Оставшийся на прежних кочевьях бий Касим пытался сохранить

распадающийся улус. Он балансировал между Крымом и Москвой, объявляя себя то «холопом крымского царя», то заверял московское правительство в своей лояльности. В 1640 г. в Москве стало известно, что «ныне Касая князя Исламова не стало, а остались дети его Салтан мурза с братьями» [Посольство, 1928, с. 43]. Больше у Малых Ногаев верховных правителей не появилось. Поэтому со смертью последнего бия Малой Ногайской Орды можно с уверенностью констатировать прекращение её существования как самостоятельного политического образования.

8.7. Крымско-украинские отношения в XVII веке

А. А. Шейхумеров

История взаимоотношений Крымского ханства и Войска Запорожского (как политического репрезентанта украинского населения) во второй половине XVII в. прошла сложный путь от союза середины этого столетия до преимущественно конфронтационных отношений в конце XVII в.

В отличие от России или Речи Посполитой само понятие «Украина» долгое время не ассоциировалось с каким-либо государственным образованием, представляя собой географический термин. Однако отношения между украинцами и крымскими татарами активно развивались на протяжении всей истории Крымского ханства. Эти отношения долгое время не носили характера межгосударственных по причине отсутствия украинской государственности, с которой Бахчисарай мог бы выстраивать двусторонние отношения.

До 1648 г. единственным относительно самостоятельным образованием, представленным в основном украинцами¹, была Запорожская Сечь,

¹ Этноним «украинцы» в данном случае представляет собой неологизм, так как не употреблялся в качестве этнонима до середины XVII в., население современной Украины именовали «русинами» и «руським народом», при этом не существовало этнических различий между русинами к югу и к северу от Припяти (т. е. современными белорусами). С середины XVII в. в украинском дискурсе начинают стабильно использоваться понятия «Украина» и «украинские люди» применительно к населению и территории Войска Запорожского [Чухліб, 2015а;

формально подчинявшаяся польскому королю, но параллельно с этим проводившая самостоятельную политику, в том числе по собственному почину воевавшая и мирившаяся с Крымским ханством². После начала в 1648 г. восстания Б. Хмельницкого власть казацкой администрации распространяется на обширные территории Поднепровья и Подолья. Именно с этого времени появляется казацкое государство, известное как Войско Запорожское или как Гетманщина, со столицей в Чигирине. Само появление данного государственного образования и его дальнейшая история были теснейшим образом связаны с Крымским юртом. Стоит, впрочем, оговориться, что в состав Гетманщины «...вошла меньшая часть украинских земель с меньшей частью населения (Брацлавское, Киевское и Черниговское воеводства). Остальная – продолжала оставаться в составе Речи Посполитой» [Степанков, 2004, с. 91].

Если Запорожское Войско Низовое выросло и окрепло в борьбе с крымскими татарами и турками, то Гетманщина, напротив, возникла благодаря «басурманам», и ее гетманы неоднократно

Чухліб, 2016а; Чухліб, 2017]. См. также [Папков, 2014, с. 108–113].

² История взаимоотношений запорожских и донских казаков с юртом рассмотрена в параграфе 8.8. «Казачество во внешней политике Крымского ханства (XVII в.)». (К. А. Кочегаров, Д. В. Сень).

опирались на поддержку своих южных соседей. Семь факторов мы считаем важными для понимания характера крымско-украинских отношений.

Первый фактор: статусное неравенство. Ввиду своего чингизидского происхождения и высокого статуса великих ханов Великого улуса крымские монархи занимали более важное положение, чем украинские гетманы, по причине чего их соглашения между собой оформлялись как договор старшего и младшего партнеров, как подчинение второго первому. Как отмечал И. Б. Бабулин, «политико-правовой статус крымского хана (потомка Чингисхана) был несоизмеримо выше статуса гетмана Войска Запорожского» [Бабулин, 2015а, с. 89]. Даже вторые-третьи лица в Крымском ханстве (калга-султан, нуреддин-султан, ор-бей, везирь) обладали более высоким статусом, чем любой гетман. Показательно, что во время встречи татарско-украинского командования с львовской делегацией в сентябре 1648 г. первыми в дом, где велись переговоры, вошли калга-султан Крым Герай, Периш-ага и Тугай-бей, затем – Б. Хмельницкий и казацкие полковники, первые места за столом также заняли татарские предводители [Czołowski, 1892а, с. 548]. В письмах Айтимуру-бею (одному из командиров татарского войска) Б. Хмельницкий называл себя его «доброжелательным другом и братом и слугой» [Документи, 1961, с. 110–111], в письмах Перишу-аге – «братом и слугой» [Документи, 1961, с. 113–114]. И если в обращениях к второстепенным представителям крымской элиты гетман еще мог называть себя «братом и слугой», то в письме ко второму лицу в ханстве – калга-султану – гетман именовал себя «Вашей вельможности, нашему милостивому господину во всем послушные и покорные слуги Богдан Хмельницкий с Войском Запорожским» [Документи, 1961, с. 113]. Гетманы формально были лишь командующими одной из частей армии Речи Посполитой, их статус был сравним разве что с таковым у отдельных командиров крымского войска. Точно так же и первый татарско-казацкий союз (между калга-султаном Шахином Гераем и запорожцами в 1624 г.) был представлен как присяга казаков. Как отмечал В. А. Брехуненко, «казаки рассматривали

свои отношения с Шагин-Гиреем в категориях «службы», то есть условного подданства» [Брехуненко, 2009, с. 118].

Второй фактор: военная помощь. Военная слабость Войска Запорожского имела своим следствием его зависимость от иностранной (в данном случае – крымской) помощи. Украинские гетманы, непрерывно сражавшиеся с внешними врагами, внутренней оппозицией и конкурентами в борьбе за гетманские клейноды, были вынуждены постоянно выступать в роли нуждающейся стороны, прося Гераев о поддержке. Стоит согласиться с А. М. Апанович, писавшей, что «по мере необходимости гетманы посылали новых и новых гонцов с просьбами о помощи. Гетманы и крымский хан не представляли собой равноправных союзников и партнеров, первые всегда были просителями» [Апанович, 1961, с. 122–123]. Сформированное в экстремальных условиях Хмельниччины казацкое (преимущественно пехотное) войско милиционного типа не могло самостоятельно противостоять польским или русским войскам. В этих условиях военная поддержка крымских татар была важна для политического выживания тех гетманов, что не желали подчиняться Варшаве или Москве. Вероятно, именно роль ханства в украинских событиях XVII в. привела к появлению украинской поговорки «за кого хан – тот и пан».

Крымскотатарская помощь оказала решающее влияние на успех восстания Хмельницкого. Сам Б. Хмельницкий неоднократно признавал, что победами над врагом казаки обязаны именно ей. Весной 1649 г. гетман сказал русскому послу Г. Унковскому: «...избавитель наш господь бог послал нам в помощь царя крымского и царицей со всею их ордой, а какую они нам помощь на неприятелей наших чинят, и про то ведомо и царскому величеству». Помощь их была немаловажной: «В прошлом году в войне с нами были и голов своих не щадили, и великую помощь нам учинили» [Воссоединение, 1953, с. 155]. В октябре 1650 г. Б. Хмельницкий заявил русским посланникам в Чигирине о своем положении в начале восстания: «... всего нас в зборе было полтретьяста человек, как на нас послал Потоцкий сына своево и комисара. И только б я не згодился

с царем крымским и не перешло бы ко мне от Потоцкого наших лейстровых казаков 6000, и нам было что делать?» [Воссоединение, 1953, с. 433]. Когда в июне 1653 г. казаки, собравшись на раду, обвиняли Б. Хмельницкого, что тот опирался на союз с Крымом, хотя крымцы и вводили в ясырь украинцев, гетман отвечал: «...вы говорите, что мне хан брат, и вы то сами ведаете, что мы их братством от сабли ляцкой свободили» [Воссоединение, 1953а, с. 300–301].

Точно также и польские современники полагали, что с легкостью одолеют восставших украинцев, если те будут лишены помощи своих покровителей. В дневнике польского участника Пилявецкой кампании сообщается: «Все наше спасение заключалось в том, чтобы быстро воевать с противником, не дожидаясь соединения [с ним] татар, о которых мы имели предупреждения» [Документи, 1965, с. 134]. Приведем также мнение коронного канцлера Е. Оссолинского, в преддверие Зборовской кампании считавшего, что «...коль скоро татар на Украине не будет, Хмельницкого удастся без проблем одолеть, ибо казаки не способны противостоять польской коннице в поле» [Kucharski, 2016, с. 126].

Эту точку зрения разделяли и историки. Т. Цесельский считал, что «В казацко-татарском союзе более сильную позицию занимало Крымское ханство. Татарские подразделения составляли основу армии» союзников [Ciesielski, 2007, с. 284]. Я. Комуда отмечал: «...казацкий воин, лишенный татарской поддержки, не представлял собой серьезной опасности для польско-литовских войск» [Komuda, 2002, с. 130]. И. В. Гаврилюк полагал, что «Повстанческая армия сильно зависела от своих татарских союзников. После первых триумфов среди высшего казацкого командования утвердилось мнение, что без поддержки ордынцев они не смогут победить коронные войска... Татарская кавалерия была важным элементом союзной армии, и казацкое войско, как правило, терпело поражения в боях, в которые вступало без участия кочевников (две битвы под Лоевым, финал Берестечка, де-факто Белая Церковь, и т. д.)» [Гаврилюк, 2019, с. 70–71]. По мнению К. Петкевича, «прежние достижения историографии обосновывают тезис, не

совсем приемлемый для украинских историков, о том, что победа казацкой революции была возможной только при поддержке Крымского ханства» [Петкевич, 2006, с. 292]. Справедливости ради следует добавить, что многие современные украинские исследователи признают решающее значение союза с Крымом в деле освобождения Украины [Стороженко, 1996, с. 90–97; Між конфронтацією, 2018, с. 98–99].

Аналогично обстояли дела при И. Выговском, во время противостояния которого с Москвой в 1659 г. «...мятежные казаки постоянно терпели поражения и только при поддержке крымских татар, поляков и европейских наемников могли рассчитывать на успех» [Бабулин, 2015а, с. 310]. П. Дорошенко также мог успешно противостоять польским войскам лишь с прибытием к нему татарских контингентов, и его наиболее крупные успехи (битвы под Браиловым в 1666 г. и Ладжином в 1672 г.) были одержаны в первую очередь силами татар.

Ностальгическая память о союзах 1640–1670-х гг. сохранялась в украинском обществе даже в период военной конфронтации с ханством в конце XVII в. В «остерегательном письме» против гетмана И. Самойловича, предположительно написанном выходцем из казацких низов, значится: «...казакам гетман Богдан Хмельницкой приказывал при смерти своей, при котором де государстве станете, стойте, токмо татар не гневайте, ибо с татарами от кого хотите, от того отобьетесь, потому что так и бывало при многих гетманех после смерти Хмельницкого» [Цит. по: Кочегаров, 2019, с. 200–201].

Ощущая свою важность для союзников, татары не скрывали, что относятся к ним свысока. Источники пестрят жалобами русинов на притеснения со стороны ханских войск. Сотник Полтавского полка в 1651 г. рассказывал пленившим его полякам, что «татары тоже творят с ними, что хотят, с коней ссаживают» [Мицик, 2012, с. 139]. Другой казак, взятый в плен перед Берестецкой битвой, сообщал, что «орда казаками верховодит – берет у них что хочет и бьет кого хочет» [Грушевський, 1996, с. 277]. Согласно данным хотмышского воеводы, в том же 1651 г. украинцы порубежья были согласны воевать там, где ска-

жут крымцы: «...с татарами хотят также ходить на войну и татарам служить и во всем их, татар, слушать» [Між конфронтацією, 2018, с. 113].

Стоит также отметить, что гетманы нуждались в крымцах и буджакцах не только для противостояния внешним врагам, но и для укрепления своей власти внутри страны. Я. Собеский в 1674 г. писал, что при П. Дорошенко «Раду нельзя проводить, ибо более десяти тысяч татар и несколько тысяч сердюков станут над их головами с саблями, как уже бывало» [Мицик, 2019, с. 142]. То есть как татары, так и сердюки (постоянные войска на службе гетмана) являлись средством давления на казацкую вольницу, вынуждая ее подчиняться гетманской политике.

Третий фактор: «старые раны». Для многих поколений жителей украинских земель татары (шире – мусульмане в целом) были потомственными врагами; аналогично своих северных соседей воспринимали и татары. Это заставляло их даже в периоды союзных отношений относиться друг к другу с подозрением и опаской. С Польшей русинов связывала культурная близость, вызванная длительным пребыванием в составе этого государства, и определенная полонизация верхов общества, с Россией – языковая и религиозная близость. Однако подобных сближающих факторов не было в связях Крымского ханства и Турции с украинским казачеством. В. В. Кривошея отмечал, что «по внешнеполитическим симпатиям и ориентации старшина логически делится на самостийницькую, пропольскую, промосковскую. Старшину с устоявшейся протурецкой или протатарской ориентацией выявить не удалось. Это свидетельствует, скорее, про использование татарского и турецкого фактора в украинской политике, чем о желании подчиниться султану или хану» [Кривошея, 2008, с. 53]. Всякий новый ханско-гетманский союз заключался с тактическими целями и в тот момент, когда это было выгодно обеим сторонам и, как правило, длился не более нескольких лет (а иногда – и месяцев), что заметно отличается от примеров стабильной ориентации некоторых гетманов и старшин на Москву и Варшаву.

Четвертый фактор: «рука Стамбула». Важное значение имело стремление турецкого пра-

вительства «держать руку на пульсе» событий, апофеозом чего стало открытое османское вмешательство в украинские дела и вооруженные действия турецких армий на украинских землях в 1670-х гг. Это не могло не вызывать неприязни у крымских элит (вынужденных подстраивать свою политику под мнение сюзерена), являясь дополнительным источником напряженности в крымско-османских отношениях³. Чигирин же получал рычаг давления на ханов, обращаясь напрямую к Стамбулу.

Пятый фактор: распад Украины. Войны на территории Гетманщины привели к ее распаду на две части – Правобережную и Левобережную. На каждом из берегов нередко было более одного конкурента на гетманскую булаву, а польско-турецкий конфликт 1672–1676 гг. привел к юридически оформленному разделению Правобережья на турецкую и польскую части. Таким образом, хотя некоторые ногайские улусы не всегда разделяли политику Бахчисарая и среди элит ханства не было единой точки зрения на «казацкий вопрос», тем не менее относительно монолитной структуре Крымского ханства приходилось выстраивать отношения одновременно с несколькими гетманами.

Официально Крым заявлял, что недоволен казацкими междоусобицами. В своем обращении к казакам из Тростянца 26 июля 1672 г. хан Селим Герай I заявил, что вышел на украинские земли, «...видя такие ваши христианские беспорядок и нелюбовь, когда один на другого, город на город, как чужие друг другу враги воюете, и сами свою собственную кровь пьете, что у остальных народов редко видано, весьма сильно тому удивляемся... также видим много ваших городов опустевшими (от чего упаси Бог), и то все от вашего разногласия и стремления казацкой старшины к гетманству, а вы, бедные люди, при них гибнете» [Kluczyski, 1881, с. 1032]. Приведем также цитату из письма хана Мурада Герая I кошевому атаману И. Серко, в которой крымский монарх обвинял казаков: «...одну сторону Днепра опустошили, хотите разорить и другую» [Чухліб, 2016, с. 122].

³ История взаимоотношений Крымского ханства и Османского государства рассмотрена в параграфе 8.2. «Крымско-османские отношения в XVII в.».

Шестой фактор: наступление на север. Стоит обратить внимание на специфику крымской экспансивной политики и ее воплощение в украинских событиях второй половины XVII в. Если Польша, Россия и Турция стремились – прямо или опосредованно – установить военный и административный контроль над Украиной, желание крымских ханов усилить свое влияние на Гетманщину не шло дальше попыток превратить ее в свой протекторат.

Это объяснялось недостаточностью ресурсной базы юрта, не позволяющей инкорпорировать сколько-нибудь значительную часть украинских земель непосредственно в состав Крымского ханства. Крымский посол Дедеш-ага прямо говорил П. Тетере в марте 1662 г., что казакам выгоднее союз с Бахчисараем, а не с Варшавой, ибо, в отличие от короля, хан «ни городов, ни сел ваших не хочет» [Яковлева, 2003, с. 21]. Полагаем, что именно по этой причине окруженные польско-татарскими силами под Слободищем некоторые украинские казаки «сочли, что за [поляков] воюет десница Божия, и стали ратовать за соглашение с поляками; среди таких был Носач, их обозный, или начальник артиллерии. Но оных заглушили куда более многочисленные голоса, кои настойчиво советовали сговориться лучше с татарами» [Гордон, 2003, с. 68]. Это не должно удивлять – крымцы были известны тем, что приходят и уходят, не оставаясь надолго и не пытаясь навязать свою культуру, порядки и административную систему. Возможно, это во многом объясняет популярность самой идеи союза с татарами в среде украинского казачества. Конечно, за помощь гетманы расплачивались ясырем, в первую очередь русинским, но вряд ли это воспринималось ими как чрезмерная помощь. В конце концов, в неволю отдавали обычно жителей непокорных городов (как поступил И. Выговский с Полтавой). Таким образом гетман не только оплачивал услуги союзных войск, но и сокращал количество нелояльного себе населения.

В силу ограниченности собственных ресурсов Крым мог рассчитывать на успешное ведение экспансивной политики лишь в условиях существования «вакуума силы». Ослабление и затем крушение Орды в 1502 г. позволило хан-

ству начать борьбу за подчинение себе постзолотоордынского мира. Ослабление Гетманщины и ее фактический распад вскоре после смерти Б. Хмельницкого открыли «окно возможностей» для последнего сильного всплеска имперской активности юрта, активно боровшегося за контроль над украинскими землями со своими соседями. Стоит согласиться с В. В. Газиным, писавшим, что «крымская дипломатия проводила довольно гибкую, но целенаправленную политику», направленную на постепенное подчинение себе Украины [Газин, 2001, с. 64].

Седьмой фактор: баланс сил. Политика сдержек и равновесия, проводимая Гераями, отражалась на их украинской политике. Крымская стратегическая доктрина основывалась на поддержке баланса сил в Восточной Европе, недопущении чрезмерного усиления той или иной страны [Колодзейчик, 2004]. В случае с Украиной эта доктрина проявила себя достаточно ярко. Само решение поддержать восстание Б. Хмельницкого и политика юрта в отношении восставших были демонстрацией этой внешнеполитической стратегии.

На протяжении 1640-х гг. польско-литовские и русские власти активно обсуждали возможность совместного военного противодействия Крыму. Эти переговоры не могли не вызвать беспокойство в Бахчисарае. Были предприняты и конкретные шаги против юрта: в 1646 г. русские войска провели наступательную операцию на Дону. В 1647 г. польские отряды совершили две экспедиции на территорию ханства. Крымцы пытались помешать объединению сил обеих северных империй и снизить давление на свои границы. Предложенный Б. Хмельницким от лица украинского казачества союз позволял хану ликвидировать опасность со стороны Польши и перенести боевые действия на ее земли. Можно предположить, что внешнеполитические планы Исляма Герая III и его окружения простирались еще дальше. Помимо Польши потенциальную угрозу для Крыма представлял Россия. Следовательно, необходимо было предпринять шаги и для ее ослабления. После первых побед крымских татар и казаков границы контролируемых Варшавой территорий были отодвинуты

на безопасное от Крымского ханства расстояние (экспедиции 1647 г. стали последними в истории польскими походами, угрожавшими территории самого Крыма). Крымцы в 1650 г. вели переговоры с поляками о создании антимосковского крымско-польско-казацкого союза [Костомаров, 2004, с. 442–443]. В случае успеха совместной военной кампании Бахчисарай рассчитывал ослабить второго сильного соседа. Однако проект антимосковского союза не удался из-за нежелания украинских казаков воевать с Россией (своим главным врагом они считали не ее, а Польшу).

Таким образом, в основе внешнеполитических инициатив крымского правительства стояли соображения безопасности. Когда османские дипломаты прибыли в Бахчисарай с требованием пояснить, почему татары напали на Речи Посполитую (заключившую мир с Турцией), хан прямо заявил, что из-за натиска поляков нужно нанести упреждающий удар и начать превентивную войну, а поддержка казаков – прекрасный способ ее ведения [Наїма, 2016, с. 149–150].

По нашему мнению, в истории крымско-украинских отношений можно выделить восемь этапов:

Первый этап (1648–1653): поддержка юртом борьбы украинских казаков против засилья польско-русинской шляхты. Чигиринский сотник Б. Хмельницкий, задумавший поднять антипольское восстание на украинских землях, в январе-феврале 1648 г. дважды обращается за помощью к крымским татарам. Причины соответствующего обращения хорошо известны: предшествующие восстания, прокатывавшиеся по Украине с 1591 по 1638 гг., как правило, подавлялись польскими войсками, имевшими перевес над восставшими в кавалерии. Для казаков было жизненно необходимым заручиться поддержкой иностранного государства, чьи вооруженные силы были способны нивелировать военное превосходство королевской армии. Таким союзником украинские казаки видели Крым. Еще в 1625 и 1638 гг. предпринимались неудачные попытки заручиться широкомасштабной помощью Бахчисарая против Польши. Однако Б. Хмельницкому удается то, что не удалось его предшественникам – в середине февраля 1648 г. казацкое посольство отправляет-

ся в Крым и заключает военный союз с Ислямом Гераем III [Смолий, Степанков, 1993, с. 72, 77].

Согласно Л. Прицак, речь в договоре шла о создании казацкой автономии на Поднепровье с помощью Крыма. При этом о формальной независимости от Варшавы не говорилось⁴. Вся Украина вплоть до Белой Церкви должна стать казацкой автономией, а королевские имения – перейти к гетману Войска Запорожского [Прицак, 2003, с. 58, 409]. Стоит учесть, что во время восстания 1638 г. повстанцы также требовали от польских властей уступки казакам всех земель к востоку от Белой Церкви [Borowiak, 2010, с. 37]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что политические цели ханства в кампании 1648 г. сводились к военно-политической поддержке казацкого восстания и созданию лояльной Крыму автономии по обе стороны Днепра.

Важным представляется вопрос о характере заключенного союза. Московские посланники в Крыму писали: «приехали-де в Крым к царю запорожских черкас четыре человека; прислали их черкасы царю бить челом, чтобы царь их принял в холопство, а они-де стоят на Днепре, в сборе их пять тысяч. И просили у крымского царя людей идти на ляхи за свою черкаскую обиду; а как-де они с ляхи управятся, и они крымскому царю учнут служить вечным холопством и всегда с ним на войну будут готовы, куды он не пойдет» [Карпов, 1873, с. 150]. А. В. Малов писал: «Союз оформили в виде вассальной зависимости Украины от крымского ханства» [Малов, 2006, с. 10]. Нам представляется более верным представлять союз не как реальное подданство, а как договор, неравный ввиду разного статуса сторон. В этом состоял парадокс положения Б. Хмельницкого: реально с весны-лета 1648 г. он был могущественным владельцем, контролировавшим целую страну, но ранг его был невысок (он не был монархом и не принадлежал к какой-либо династии).

Считала ли крымская сторона казаков после

⁴ Подчеркнем, что, несмотря на антипольские настроения восставших и ненависть к «вражьи́м ляхам», первоначально их целью была лишь автономия в составе Речи Посполитой с широкими правами для казачества. Лишь с зимы 1648/49 гг. Б. Хмельницкий начинает позиционировать себя как правитель Руси [Флоря, 2002].

1648 г. своими действительными подданными? Следует обратить внимание на то, что во время переговоров под Зборовом и Жванцем крымцы выступали именно как посредники между «законным монархом» Яном Казимиром и его мятежными подданными. То есть хан и везир договаривались с королем и канцлером, на каких условиях (размер реестра, права шляхты на казацкой территории, и т. д.) между ними будет установлен мир. По мнению Г. А. Санина, «Крымское ханство небезуспешно пыталось использовать в своих интересах конфликт между Речью Посполитой и Украинским гетманством. Так как крымский хан выступал в роли гаранта соглашений между ними, то обе стороны оказались в определенной зависимости от Крыма, а в обмен за свою благосклонность хан неоднократно получал возможность беспрепятственно захватывать ясырь на украинских землях» [Саннин, 2001, с. 29]. Крымская сторона и не пыталась оспаривать право шляхты возвращаться в свои имения или право назначать воевод в Киев, Чернигов и Брацлав (что было бы немыслимо, если бы хан и правда считал бы себя сюзереном Украины). Украина не появилась с 1648 г. в титулатуре крымских ханов (наряду с Черкесией, например), Русь и Чернигов не исчезли из титула польского короля в ханских документах [Прицак, 2003, с. 75]. Хан не подтверждал привилегии, получаемые городами и монастырями Украины от короля (позднее, с 1654 г., функцию подтверждений возьмет на себя московский царь).

Полагаем, что весной 1648 г. речь шла не о переходе казаков из королевского подданства в ханское, а о союзе с конкретными целями, который был оформлен в виде присяги ввиду статусного неравенства договаривающихся сторон. Такой характер договоры в тех условиях был практически неизбежен: все прочие договора Войска Запорожского с Россией, Швецией, Турцией и Трансильванией тоже облекались в форму подданства/протектората. Стоит согласиться с мнением В. В. Газина, писавшего, что «с 1648 г. Крым находился в роли полусоюзника, полупротектора казаков» [Газин, 2017, с. 434].

Вступление на Украину весной 1648 г. корпуса во главе с ор-беем (наместником) Ферах-Кер-

мана (Перекопа) Тугаем-беем приводит к ряду крупных побед над польскими войсками. В результате битв под Желтыми Водами и Корсунем регулярная армия Польши (кварцное войско) прекращает свое существование, казачество распространяет свою власть на Поднепровье [Biernacki, 2008]. Благодаря прибытию на помощь татар наносится тяжелое поражение новой польской армии под Пилявцами. Польский хронист И. Ерлич писал, что в этой битве польские военачальники «начали сейчас же, увидев, что при казаках находятся татары, бежать, потеряв стыд» [Jerlicz, 1853, с. 70]. Дальнейшее продвижение союзников на западноукраинские земли последовало после давления крымскотатарских военачальников, стремившихся обогатить себя и своих людей за счет добычи, в первую очередь ясыря. Прямым следствием этого стал чудовищный по своим масштабам и последствиям татарско-казацкий набег на Галичину, по мнению А. Гливы, возможно, самый разрушительный набег с начала XVII в. [Gliwa, 2009, с. 41].

В кампании следующего, 1649 г., именно крымская конница сыграла решающую роль в нанесении тяжелого поражения польской армии в битве под Зборовым. По признанию летописи Самовидца, «много шкоды учинила орда войску коронному» [Летопись, 1846, с. 15]. С позиции победителя крымский хан продиктовал противнику свои условия мирного договора: Польша признавала право казаков на управление территорией трех воеводств (Киевского, Черниговского и Брацлавского) на правах автономии и соглашалась на 40-тысячный реестр. Зборовский договор существенно укрепил внешнеполитические позиции Б. Хмельницкого. Стоит отметить, что «поведение гетмана и старшины после Зборова, а особенно сведение к нолю влияния киевского воеводы Адама Киселя, наглядно демонстрировало, что казаки толковали соглашение в свою пользу» [Брехуненко, 2016, с. 97].

Однако казаки и польская шляхта не могли сохранить мир друг с другом. В 1651 г. дошло до грандиозной битвы под Берестечком, в которой польская армия разгромила силы союзников. Вопреки бытующим представлениям о «предательстве под Берестечком», источники не позволяют

судить о реальном характере мифического «сговора хана с королем», будто бы повлекшего за собой бегство татар с поля боя на третий день боев 30 июня. Стоит согласиться с И. К. Свешниковым, отмечавшим, что «при наличии сговора с королем хан в удобное для него время отступил бы со своими войсками без боя и не бросал бы в паническом бегстве весь свой лагерь, знамя и шатер с личными вещами» [Свешников, 1992, с. 113]. Хотя аргументы И. К. Свешникова никем не были убедительно опровергнуты, миф о тайном сговоре продолжает муссироваться в украинской историографии. Беспристрастный анализ источников показывает, что причиной поражения союзников стало успешное наступление польских войск, умело сочетавших кавалерийский натиск и огневую мощь [Romański, 1994, с. 185–191]. Против мнения о преднамеренном бегстве Исляма Герая III свидетельствует слишком много фактов. К примеру, сторонники тезиса о «предательстве под Берестечком» предпочитают не упоминать казнь польских пленников, произведенную по приказу хана в разгар битвы, и то, что во время бегства крымский монарх потерял свои личные вещи, ставшие трофеями польских военачальников. Также не понятно, что помешало крымской и польской стороне провести открытые переговоры, как они делали под Зборовым и сделают – под Жванцем.

Берестечко стало трагической страницей в истории крымскотатарско-украинского боевого содружества не по причине некоего так и не доказанного «предательства», а ввиду проигранного обеими союзными армиями сражения. Дальнейший ход событий (продолжающаяся поддержка Крымом украинских казаков) показывает, что Бахчисарай все еще стремился уберечь казацкую автономию (хотя бы и в усеченном виде) от окончательного разгрома. Деморализованное поражением ханское войско не могло оказать необходимой помощи, однако хан выслал на помощь Б. Хмельницкому корпус Караша-аги, принявший участие в боях под Белой Церковью [Domagała, 2007]. Бои эти завершились подписанием Белоцерковского договора, по которому реестр ограничивался 20 тыс., а казаки сохранили контроль лишь над одним (хотя и наиболее крупным) Киевским воеводством.

В следующем, 1652 г., крымские татары вновь пришли на помощь казакам, вместе с союзниками уничтожив польскую армию в битве под Батогом. Осенью 1653 г. крымцы окружили силы короля Яна II Казимира под Жванцем и вынудили короля заключить мир на условиях Зборовского договора [Ciesielski, 2007, с. 261–270]. Жванецкие соглашения также рассматриваются как «предательство крымского хана», однако вряд ли такая характеристика их заслуженна. Б. Хмельницкий до последнего использовал крымскотатарский военный ресурс в своих целях, прямо заявляя царским посланникам, что не может присягнуть царю под Жванцем, так как это тут же повлечет за собой союз хана с королем. Вместо этого гетман предоставил татарам возможность окружить польскую армию и склонить ее к переговорам, а уже потом в январе 1654 г. открыто присягнул с Войском Запорожским на верность Москве. Прямым последствием этого шага стал новый виток вооруженного конфликта в регионе и втягивание России в войну с Польшей и Крымом.

Второй этап (1654–1657) характеризуется охлаждением крымско-украинских отношений и перманентными военными действиями между бывшими союзниками. И хотя после перехода Украины в подданство царю вопрос о дальнейших совместных с казаками действиях против Польши обсуждался представителями татарских элит еще около года, поворот Бахчисарая от союза с Чигирином к союзу с Варшавой был лишь вопросом времени. В конце 1654 г. после заключения крымско-польского союзного договора крымцы и украинские казаки на ближайшие три года становятся врагами. Новый хан Мехмед Герай IV, сменивший умершего в 1654 г. Исляма Герая III, вплоть до 1666 г. будет союзником Польши в борьбе за Украину.

В 1655 г. своевременное вмешательство крымских татар, совершивших крупный поход на украинские земли, сорвало русско-украинскую кампанию против Польши. Б. Хмельницкий был вынужден вернуться из-под стен Львова и после ряда стычек под Озерной подписать перемирие с Мехмедом Гераем IV [Горобець, 2000, с. 263–265].

Третий этап (1657–1659). Смерть Б. Хмельницкого в августе 1657 г. существенно измени-

ла характер крымско-украинских отношений и расстановку сил в регионе. Крым и Гетманщина снова становятся союзниками, объединяя свои усилия для борьбы с Россией.

Новым гетманом Войска Запорожского становится Ю. Хмельницкий, вскоре уступивший власть И. Выговскому. Гетман кардинально меняет внешнеполитическую линию Войска Запорожского, стремясь вернуть ее под контроль Речи Посполитой на правах отдельного автономного княжества (Великого княжества Руського). Одним из первых шагов Выговского как гетмана стало возобновление союза с Крымом, первое посольство в Бахчисарай было отправлено уже в октябре 1657 г. [Kroll, 2008, с. 47]. Вооруженные силы ханства приняли деятельное участие в подавлении антигетманских мятежей на Левобережной Украине в 1658 г. и сыграли решающую роль в разгроме мятежников в битве под Полтавой. Пропольская политика И. Выговского привела его к открытому конфликту с Россией. По мнению И. Б. Бабулина, «последующий разрыв Выговского с Москвой был обусловлен победой гетмана над силами оппозиции, одержанной исключительно благодаря крымскотатарской военной поддержке» [Бабулин, 2015а, с. 52].

Апофеозом тесного сотрудничества крымских татар и украинских казаков в правление И. Выговского стала знаменитая Конотопская битва, в которой крымцы при содействии своих союзников нанесли поражение русской армии [Бабулин, 2015а, с. 221–250]. Вытеснение московских войск с Украины позволило крымцам провести грандиозный набег на русские земли, захватив рекордное в XVII в. число невольников (25,5 тыс.).

Четвертый этап (1659–1660). Переориентация Войска Запорожского на Россию привела к кратковременному кризису в крымско-украинских отношениях и возобновлению военных действий между вчерашними товарищами по оружию. Низкая популярность И. Выговского из-за его пропольской ориентации повлекла за собой утрату им власти и бегство в Польшу. Вновь ставший гетманом, Ю. Хмельницкий возобновил союз с Россией. «Учитывая союзные обязательства Крымского юрта перед Речью Посполитой, переход Украины в московской лагерь автомати-

чески аннулировал украинско-крымские договоренности», – писал В. М. Горобец [Горобец, 2011, с. 17].

В кампании 1660 г. польская армия и крымско-татарская конница окружили русско-украинские войска под Чудновым и вынудили их капитулировать. Попытка Ю. Хмельницкого пробиться на выручку осажденным привела к наступлению польско-татарских войск на позиции казаков под Слободищем. Оказавшись под угрозой разгрома, гетман был вынужден отречься от союза с Россией и перейти в подданство польскому королю. Победа в Чудновской кампании имела своим следствием переход Правобережной Украины под контроль польских и крымских войск. Левобережье после борьбы сторонников пропольской и промосковской ориентации в 1661 г. все же осталось верным московскому царю и подвергалось нападениям правобережных казаков и крымских татар.

Пятый этап (1661–1664). Крымские элиты (первоначально – неофициально) ведут переговоры с казацкой старшиной о переходе Украины под протекцию Бахчисарая в обход Варшавы [Wójcik, 1954]. «Ползучая» экспансия юрта, формально остававшегося союзником Польши, но осторожно вытеснявшим польское влияние на Правобережье, вела к конфликту между союзниками. 17 сентября 1661 г. Ю. Хмельницкий заключает Ставищанский договор с Крымом о совместных действиях против России. Уже в мае 1662 г. хан Мехмед Герай IV пишет Ю. Хмельницкому, что готов оказать гетману помощь как против русских, так и против польских войск [Газін, 2001, с. 64].

Принимая во внимание высокий интерес Крыма к событиям в Молдавии и Черкесии, стремление превратить Украину в сферу исключительного крымского влияния можно рассматривать как завершение формирования «пояса безопасности» вокруг юрта, составленного из вассальных государств и племен. Учитывая восприятие Варшавой Украины как своей провинции, трудно понять, почему с 1660–1661 гг. и позднее началась польско-татарская борьба за Украину, с 1666 г. перешедшая в открытое военное противостояние. Однако до того Крым официально при-

знавал Украину польской и именно присланное ханом войско в 1662 г. нанесло под Бужином поражение перешедшим Днепр русским и позволило королю удержать за собой Правобережье.

В 1662 г. сменивший Ю. Хмельницкого П. Тетеря продолжал курс на поддержание тесных отношений с Крымским ханством. При нем усиливается влияние ханства на Украину. Сам П. Тетеря по этому поводу писал коронному канцлеру М. Пражмовскому: «Крымские мурзы хотят, чтобы Украина, как и Молдавия, стала данницей Крыма» [Газін, 2001, с. 65]. Однако политика Тетери вызвала массовое недовольство и восстание на Правобережье, продолжавшееся почти весь 1664 г. Мятежники тайно поддерживали отношения с Мехмедом Гераем IV, надеясь на его помощь, однако в конце концов ханство осталось верным союзу с Польшей и Тетерей [Газін, 2001, с. 68]. Союзные польско-татарские войска планомерно подавляли очаги восстания, жестоко расправляясь с повстанцами.

Шестой этап (1664–1669) характеризуется поддержкой С. Опары и П. Дорошенко в борьбе с пропольской частью казачества и прямым назначением со стороны Крыма устраивавшего хана Адила Герая I П. Суховия «гетманом ханского величества». Отныне ханство участвует в борьбе за Украину не как союзник (хотя и своеобразный) Польши, а как ее конкурент. Если ранее Крым поддерживал таких гетманов, как И. Выговский и П. Тетеря, которые боролись за власть с польским знаменем в одной руке и татарской саблей в другой, то с 1664 г. юрт стремится поставить во главе Гетманщины своих (а не польских) ставленников.

В борьбе за контроль над Правобережной Украиной после крушения режима П. Тетери сошлись сразу несколько противников. Активной поддержкой Гераев пользовался С. Опара, в конце 1664 г. при поддержке крымских татар ставший гетманом и сумевший установить свою власть над некоторыми районами Украины. Однако вскоре крымские мурзы, обвинив С. Опару в тайных отношениях с польским королем, сместили его и в 1665 г. провозгласили гетманом П. Дорошенко. Новый гетман распространил свою власть на практически все Правобережье.

Главной целью своего правления гетман видел объединение Украины с опорой на исламские державы – Турцию и Крымское ханство. Польским комиссарам он заявлял: «...мне, де, гетманство дано не от королевского величества и не от гетманов, а дано, де, ему гетманство от хана крымского». На казацкой раде, собравшейся 20 февраля 1666 г. в Лисянке, говорилось, что следует «от короля польского отложиться и поддатца хану крымскому» [Флоря, 2013, с. 152].

При помощи крымских военных сил Дорошенко нанес поражение польским войскам под Браиловым в 1666 г., но «западный поход» дорошенковских и крымских войск окончился безуспешной осадой Подгаец в 1667 г., где укрылось польское войско. Тесные контакты П. Дорошенко с Адилем Гераем I и Турцией продолжались впоследствии. В январе 1668 г. на старшинской раде в Чигирине было принято решение платить дань Стамбулу и Бахчисараю с обоих берегов Днепра. По мнению Т. Чухлиба, «с этого времени Правобережная Украина находилась под международным протекторатом не только Османской империи, но и Крымского ханства» [Чухліб, 2016, с. 119].

Однако в 1668 г. под давлением Запорожья (недовольного политикой П. Дорошенко) крымский хан Адиль Герай I провозглашает гетманом запорожского писаря П. Суховия, который при помощи крымских татар сумел подчинить себе часть Украины. После упорной борьбы в 1668–1669 гг. крымцы и сторонники П. Суховия окружают войска Дорошенко под Конончей, однако, ввиду того, что П. Дорошенко открыто, объявил себя вассалом османского падишаха Мехмеда IV Авджи, Бахчисарай вынужден признать его гетманом [Чухліб, 2010, с. 189–192].

Седьмой этап (1669–1683) отмечен снижением самостоятельности ханской политики на украинском направлении и ее подчиненностью политике османского сюзерена, открыто вмешавшегося в украинские события. В 1672 г., желая защитить своего вассала П. Дорошенко от польского давления (в 1671 г. польская армия успешно наступала на Правобережье), Стамбул начинает войну с Речью Посполитой. В ней приняли участие казаки Дорошенко и крымские та-

тары, нанешие поражение польской армии под Ладижином и присоединившиеся к осаде Каменец-Подольского. В том же 1672 г. по Бучачскому трактату Польша признала Дорошенко турецким вассалом и гетманом Правобережья и уступала Турции Подолье, превращенное в эялет Каманиче. Это приводит к охлаждению отношений между ханом Селимом Гераем I (сменил Адила Герая I в 1671 г.) и П. Дорошенко, так как благодаря действиям казацкого гетмана происходит резкое усиление позиций Турции в регионе, что снижало возможности для политических маневров юрта [Степанков, 2016, с. 110].

Воспользовавшись польско-турецкой войной, Россия в 1674 г. предпринимает попытку захватить Правобережье, однако масштабное наступление турецко-татарских войск в этом регионе в поддержку П. Дорошенко вынуждает русских снять осаду Чигирина. Тем не менее в 1676 г. им удается овладеть Чигирином и заставить П. Дорошенко сдаться, что повлекло за собой два похода турецко-татарских войск на гетманскую столицу в 1677 и 1678 гг., окончившихся падением города. Новым правителем Украины турецкий султан провозгласил Ю. Хмельницкого, объявленного «князем сарматским» (1677–1681). Отношения с Левобережной Украиной в это время развивались в основном в русле русско-крымских отношений.

Восьмой этап (1683–1699) характеризуется отсутствием сколько-нибудь активной поддержки идеи мусульманской протекции среди казаков Гетманщины и их борьбой со своими южными соседями на стороне Речи Посполитой и России. Последней попыткой Гераев утвердить свое влияние на Левобережье стали походы 1692, 1693 и 1696 гг. Предлогом для них стало обращение за помощью к Крыму беглого писаря Войска Запорожского П. Иваненко (Петрика), с которым 26 мая 1692 г. был заключен договор о союзе и взаимопомощи [Чухліб, 2009, с. 385]. Однако, хотя Петрик и обещал, что украинское население будет массово поддерживать татар, на деле лишь 2 пограничных городка открыли крымцам ворота, а из казаков Петрик сумел заручиться под-

держкой лишь 500 запорожцев. В результате дело ограничилось разорением крымскими татарами некоторых южных районов Левобережья, а казаки Петрика по приказу хана Селима Герая I были расселены в Ханской Украине.

В войне Турции и Крыма против «Священной лиги» 1683–1699 гг. левобережные казаки сражались на стороне России. Аналогично и правобережные казаки (Польша, несмотря на турецкую экспансию, сумела сохранить контроль над частью Правобережья) в массе своей предпочитали сохранять верность польской короне. Если ранее походы на мусульманское Причерноморье проводили преимущественно запорожцы, то в конце XVII в. дошло до крупных вторжений сил левобережного Войска Запорожского на земли Крымского ханства и Турции, как самостоятельных, так и совместно с русскими. Правобережные казаки совершили нападение на Буджак уже зимой 1683/84 гг. [Кочегаров, 2005; Чухліб, 2007; Чухліб, 2015], продолжая их в последующее время.

Тем не менее отдельные попытки сблизиться с Бахчисараем имели место даже в эти годы. Так, «после постановления польского сейма в 1699 году об уничтожении правобережных полков часть казаков (из Дашева) во главе с полковниками Т. Маяцким и Ф. Швачкой обратились за покровительством к крымскому хану Давлет Гирею II» [Чухліб, 2009, с. 391].

Завершая обзор крымско-украинских отношений, подчеркнем, что, несмотря на продолжительный опыт конфронтационных отношений, элиты Крымского юрта и Войска Запорожского оказались способны к сотрудничеству и взаимопомощи. Вместе с тем обе стороны неизменно ставили во главу угла собственные интересы. Конец XVII – XVIII вв. ознаменовались снижением политического значения крымско-украинских отношений. Сюзерены Гетманщины и Крыма – Россия и Турция – усиливали контроль над действиями вассалов. Следствием этого было уменьшение влияния как Крымского ханства, так и Войска Запорожского на международной арене.

8.8. Казачество во внешней политике Крымского ханства (XVII век)

К. А. Кочегаров, Д. В. Сень

На протяжении длительного времени казачество играло заметную роль во внешней и даже во внутренней политике мусульманских государств Северного Причерноморья – Крымского ханства и Османской империи. Они оказали существенное влияние на становление и развитие казачьих сообществ, на формирование их системы ценностей и воинской культуры, дипломатического искусства и политического кругозора, на освоение казаками пограничного пространства, на отношения одних казачьих войск с другими войсками, на формирование новых казачьих войсковых образований, а также на отношения казаков с другими государствами, причем не только с Россией. Многовековые взаимоотношения интересующих нас сторон привели к появлению и развитию *особой культуры пограничных* отношений, охватившей самые разные стороны жизни казаков и их мусульманских соседей [Андреева, 1998, с. 100–109; Андреева, 1999, с. 10–18; Станіславський, 2006; Брехуненко, 2011, с. 347–444; Брехуненко и др., 2018, с. 47–79; Сень, 2018, с. 225–235; Кусаинова, Сень, 2020]. Среди казачьих сообществ, многократно воевавших и мирившихся со Стамбулом и с Бахчисараем, выделяются казаки-запорожцы (Войско Запорожское Низовое) и донские казаки (Войско Донское). Речь идет о длительном историческом периоде – (второй половине XVI в. – XVIII в.), в течение которого стратегически и кардинально менялись содержание и характер указанных взаимоотношений. Основной материал параграфа посвящен именно XVII веку, хотя в отдельных случаях авторы выходят за его пределы. В течение столь продолжительного времени регулярно возникали исторические вызовы, заставлявшие участников исторического процесса – и Гераев, и казаков – заново расставлять политические приоритеты и по-новому *приспосабливаться* друг к другу.

Во второй половине XVII в. появилось немало внешних и, по сути, конфликтных факторов, прагматично подталкивавших их к подобным новациям (в жизни как донцов, так и запорожцев: образование Гетманской Украины и ее вхождение в состав Российского царства, Вечный мир

с Речью Посполитой, Разинское выступление, церковный Раскол/движение донских старообрядцев и пр.). Это необходимо учитывать, избегая односторонних оценок в процессе выявления закономерностей и случайностей в истории взаимоотношений крымцев и казаков.

Сегодня у нас все больше оснований для отказа от наиболее категоричных оценок такого противоречивого взаимодействия казаков и мусульманских государств Причерноморья исключительно в категориях и в образах борьбы России с «крымско-татарской и турецкой агрессией». Оценивая роль Москвы во внутренней жизни и внешней активности казачьих сообществ Дона как ведущую, и Днепра – как важную, но не доминирующую по крайней мере до конца 1650-х – 1660-х гг. (регулярное царское жалованье казакам, формальное признание последними подданства русского царя, военная служба донцов, и в значительно меньшей степени запорожцев и т. д.), необходимо одновременно признать, что казачьи (войсковые) интересы временами не только не совпадали с планами/действиями Российского государства, но и противоречили им, вызывая *сопротивление* запорожцев и донцов возраставшему контролю Москвы над их жизнью.

Следует также отметить существенную разницу в восприятии Бахчисараем связей Москвы с донцами и запорожцами. Если первые однозначно признавались российскими подданными, а донской вопрос регулярно входил в повестку русско-крымских переговоров, то днепровские казаки до середины XVII в. считались подданными польского короля, а затем стали объектом самостоятельных внешнеполитических амбиций крымских ханов. Бахчисарай долгое время категорически отказывался признавать вхождение в состав России казацкой Украины и сюзеренитет Москвы над Запорожской Сечью. Лишь в 1681 г. в ходе переговоров о заключении Бахчисарайского перемирия хан Мурад Герай продемонстрировал готовность считать Запорожье российским владением [ПСЗРИ, 1830г, с. 291], однако при подтверждении договора османской стороной в следующем году этот пункт

был исключен из текста подтвердительной султанской грамоты [ПСЗРИ, 1830г, с. 389, 392]. Порты, а следовательно, и Крым признали Сечь царским владением лишь по Константинопольскому миру 1700 г. [ПСЗРИ, 1830д, с. 68].

На протяжении веков казаки и крымцы активно вырабатывали различные формы культуры пограничных взаимоотношений, носивших как конфронтационный, так и внеконфронтационный характер. Без их анализа невозможно системно уяснить роль и место казачьей проблемы во внешней политике ханства. Внеконфронтационные отношения казаков с Крымским ханством и с Османской империей порождали торговые и дипломатические связи, военно-политические союзы, гибкие формы и способы решения пограничных конфликтов, а также, что более существенно, переход казаков в подданство к Гераям и к Османам – как индивидуальный, так и групповой [Мильчев, 2006, с. 587–603; Брехуненко, 2011, с. 407–412; Сень, 2010а, с. 250–254; Сень, 2009б, с. 20–57]. В последнем случае речь идет о бегстве казаков к крымцам и к туркам-османам, зачастую сопровождавшемся их переходом в ислам.

На одно из первых мест здесь выходит торгово-экономическая составляющая, хотя для донцов и запорожцев она имела неодинаковое значение. Донские казаки с этой точки зрения больше зависели от османского Азова и, нуждаясь, например, в рыбе, договаривались с тамошними властями об условиях рыбного лова в регионе [Боек, 2001, с. 152], стремясь попадать в указанный город-крепость всеми правдами/неправдами с мирными, в общем-то, намерениями. А во время т. н. замиренний активизировались торговые контакты сторон: казаки отправлялись в Азов, турки – в Черкасск; предметами торговли становились «всякие товары и харчи», скот, дрова [Дружинин, 1889, с. 18].

Гораздо большее значение торгово-экономические отношения были развиты между крымцами и днепровскими казаками, которые, несмотря на постоянные стычки и конфликты, вели хозяйственно-экономическую деятельность на одних и тех же территориях. Это являлось мощным фактором не только формирования взаимной терпимости, но сотрудничества, без которого невозможно было обеспечение самых необходимых

жизненных потребностей в условиях слабой хозяйственной освоенности территорий Северного Причерноморья. Так, в мирные годы запорожцы не протестовали против кочевков татарских стад в пределах «Запорожских Вольностей» (территория владений Запорожской Сечи), особенно когда в Крыму случался неурожай, в свою очередь крымские и османские власти разрешали казакам заниматься рыбной ловлей в Днепровских лиманах и устье реки, хотя иногда незадачливые рыбаки и могли стать добычей рыскавшего неподалеку татарского отряда либо же сами разбойничать под видом хождения на промыслы [Львов, 1895, с. 7–8]. Русско-турецкий договор 1682 г. закреплял за османскими и крымскими властями право взимать пошлины с казаков, ходивших на добычу соли и ловлю рыбы в султанские и ханские владения [ПСЗРИ, 1830г, с. 392], что вызывало особое недовольство запорожцев, свидетельствуя о важности для них указанных видов промыслов в низовьях Днепра. Частично эти поборы были отменены ханом в 1686 г. (на добычу соли Селим Герай I обещал выхлопотать позволение султана) [Эварницкий, 1903, с. 34–39]. Добытую в крымских владениях соль казаки привозили на продажу в Переволочну, на южную границу Гетманщины [Эварницкий, 1903, с. 233].

Торговля между сечевыми казаками и турецко-татарским населением в мирные времена была, судя по всему, вполне обычным делом. Так, побывавший на Сечи летом 1677 г. царский посланник В. Перхуров сообщал, что «турецкие де люди с ними запорожцы меж себя съезжаютца и торги всякими торгуют поволною торговлею» [Акты, 1884, стлб. 196; Апанович, 1961, с. 282]. Сохранилось также свидетельство о роли Запорожья как важного транзитного торгового пункта, в том числе и для Крыма: в 1686 г. в Казыкермен прибыли чумаки из Сечи [Кочегаров, 2008, с. 404], которые, по всей видимости, гнали к Перекопу скот на продажу.

Острая необходимость ведения хозяйственной деятельности, в том числе с целью пополнения запасов продовольствия, в свою очередь, прямо подталкивала запорожцев к заключению с ханством и представителями османской администрации в регионе временного перемирия даже в самые острые конфронтационные периоды.

Так, в июне 1676 г. сечевики писали русскому воеводе Г. Г. Ромодановскому, что заключили перемирие с гарнизонами османских крепостей на Днепре и Очакова до ноября (день св. архистратига Михаила), «дабы волной проход был в войску на низ по соль и по иные добычи, понеж зело великие налоги имеем от неприятелей» [Акты, 1882, стлб. 682; Апанович, 1961, с. 50], а продлив его в следующем 1677 г., заявляли царскому посланцу Е. Шестакову, что мир нужен им из-за того, что войску «голодно и добычи никакой и запасов не было», в связи с чем казакам необходимо «волно итти на промыслы к морю и по рекам для соли и для рыбные ловли» [Акты, 1884, стлб. 427; Апанович, 1961, с. 282]. Более того, такой экономический фактор, как зависимость Сечи от поставок хлеба извне, мог служить дополнительным рычагом для крымских властей в их попытках установить свой политический протекторат над запорожцами. В марте 1674 г. запорожцы грозили русским посланникам подьячему Семену Щеголеву и Василию Чадуеву, что если гетман по царскому указу запретит везти на Сечь хлеб, то «сыщут де они себе и иного государя, дадут им и крымские мещане хлеба и ради им будут, чтоб толко имали, тако ж, как во время Суховеева гетманства давали им всякой хлеб из Перекопа» [Акты, 1879, стлб. 359; Львов, 1895, с. 15]. Бахчисарай, таким образом, при определенных условиях был готов взять на себя роль поставщика так необходимого продовольственного ресурса, даже если данное свидетельство оценивает указанные интенции несколько преувеличенно.

Даже простейшие разновидности внеконфронтационных отношений между казачьими общинами Днепро-Донского региона и Крымским ханством не могли существовать без элементарных форм дипломатической коммуникации. Более значительно в их развитии продвинулись запорожцы, хотя их отношения с Бахчисараем с трудом поддаются систематическому исследованию ввиду крайней фрагментарности сохранившейся документации – как из-за гибели архива *старой Сечи*, так и корпуса дипломатических документов ханства (последнее в полной мере касается и реконструкции донско-крымских контактов). Исследователи могут делать определенные заключения лишь на основе тех текстов,

которые отложились в российских либо польских архивах, как, например, грамота крымского хана запорожским казакам 1627 г. [Мицик, 2000, с. 479–480] либо письмо И. Серко своим послан в ханство и его же послание везиру крымского хана Батыр-аге [РГАДА, ф. 79, оп. 1, 1680 г., д. 3, л. 1–1об.; Кочегаров, 2019а, с. 132–133]. В связи с подобной скудостью источников крайне затруднена и реконструкция посольского церемониала, связанная со встречей крымских посланников на Сечи либо запорожских в Крыму, а описание отдельных форм взаимоотношений в большинстве случаев осуществляется для узкого периода и лишь с определенной долей условности может быть экстраполировано на весь XVII век.

Официальным языком дипломатической переписки между Крымом и Сечью в течение всего столетия оставался польский язык. Это обусловлено тем, что при наличии на Сечи немало количества тех, кто понимал и мог устно переводить крымскотатарский язык (т. е. толмачей; так, для 1620-х гг. известен толмач Семен [Мицик, 2000, с. 479], для второй половины 1670-х гг. известен толмач Данило [Кочегаров, 2019, с. 594; Акты, 1884, стлб. 700]), переводческие кадры, способные понимать арабографичное письмо, отсутствовали, тем более что таких людей часто не было в распоряжении гетмана Левобережной Украины [Воссоединение, 2019, с. 802]. В канцелярии же хана польский язык не только переводили, но и могли составлять на нем документы. Сама переписка до середины XVII в. осуществлялась от имени крымского хана и запорожского гетмана, который проводил в Сечи длительное время, позднее – между кошевым атаманом и ханским везиром, либо в особенно важных случаях – самим ханом. От запорожско-крымского союза 1624 г. сохранился уникальный текст присяги калги Шагин Герая (копия «присяжного листа» на польском языке), в которой он, как «царь крымский», именем пророка Мухаммада гарантировал «гетману, есаулам, атаманам и всему войску» сохранение мира и выдачу тех татар «с женами и детьми», которые будут его нарушать. Того же Шагин Герай требовал и от казаков. Кроме того, он обещал оказывать запорожцам помощь против любого неприятеля взамен на подобные же обязательства с их стороны [Мицик, 1998, с. 143–144].

Примерно в 1627 г. крымский хан Джанибек Герай обращался ко «мне весьма ласковому пану гетману, другу моему и всем друзьям моим, как старшим, так и молодым», имея в виду запорожских казаков [Мицик, 2000, с. 479], а в 1680 г. И. Серко писал везиру крымского хана Ахмед-аге, называя его «ясновельможным милостивым паном» [РГАДА, ф. 79, оп. 1, 1680 г., д. 3, л. 1–1об.].

Во второй половине XVII в. устанавливаются самостоятельные дипломатические отношения запорожцев с крымским ханом, помимо украинского гетмана (о причинах этого см. далее). Так, весной 1682 г. хан Мурад Герай писал на кош атаману Трофиму Волошенину и сечевикам с упреком за мелкие пограничные разбои в мирное время, когда по его приказу крымцам «учинили заказ крепкой, чтоб им не воровать». Одновременно хан предлагал запорожцам быть в «дружбе» как раньше, когда обе стороны помогали друг другу военной силой, и просил в знак возобновления этого союза прислать ему 1 тыс. конных казаков для похода на черкес («есть у нас дело под Черкесскими городами»), обещая, что взамен, «коли Бог даст, вам понадобятся ратные люди, и у нас будут тотчас готовы» [РГАДА, ф. 124, оп. 1, 1682 г., д. 18, л. 58–61]. Запорожцы, однако, отказались от союза и отправки войска [РГАДА, ф. 124, оп. 1, 1682 г., д. 18, л. 53–56]. А побывавший на Сечи русский стрелец Иван Григорьев описал переговоры и церемонию заключения договора между ханом и сечевиками, произошедшую в 1689 г. Ханский лист с предложениями о мире и территориальных уступках в пользу войска для свободных «рыбных» и «звериных» промыслов (с обязательством «очистить» для него и землю на р. Самаре, где был поставлен царский город Новобогородицк) был «чтен всем вслух». Некоторое время спустя казаки согласились заключить союз на условиях вольных промыслов в крымских владениях и нейтралитета в случае похода татар на Россию. Хан прислал на кош мурзу в сопровождении 20 янычар, после чего состоялась взаимная присяга: запорожцы «целовали крест, а мурза с янычены за хана шертовали на Куране» [Эварницкий, 1903, с. 214–215; Оглоблин, 1885, с. 399–400].

Напротив, дипломатическая коммуникация

такого уровня долгое время отсутствовала во взаимоотношениях донцов и крымцев. Период конца 1660-х – начала 1670-х гг. привнес в них новые импульсы: переговоры и переписку по развитию контактов. Поступательного развития предыдущего опыта противоречивой во всех смыслах коммуникации сторон мы не наблюдаем – взаимные связи резко активизировались под влиянием Разинского выступления [Сень, 2013, с. 90–97]. В 1668 г. С. Т. Разин предполагал завязать контакты с крымским ханом Адиль Гераем при посредничестве ногайца Исупа-мурзы: «И хан де тому мурзе в прошение войска не поверил, а говорил, что они изменники и верить им не можно» [Крестьянская война, 1976, с. 11]. Налицо – вынужденная инициатива С. Т. Разина по налаживанию связей с крымским двором, чего раньше не наблюдалось в истории взаимоотношений донцов и Крымского ханства, причем реакция хана предстает вполне естественной. Вскоре, однако, связи ханов Адиль Герая, а затем и Селима Герая I с мятежным атаманом и другими повстанцами вышли на новый уровень – включая в себя отправку на Дон ханских писем, изъятых Москвой из войскового архива только в 1673 г. Украинская исследовательница М. В. Кравец опубликовала ранее неизвестное письмо крымского хана Адиль Герая атаману Степану Разину от 3 августа 1670 г. [Кравец, 1991, с. 21–25]. Находка имеет принципиальное значение для современной научной дискуссии о формах и способах коммуникации Войска Донского с крымскими ханами в XVII в. Впрочем, попытки сторон установить регулярные контакты – например, путем переписки друг с другом – не принесли особых результатов. Позиции несостоявшихся союзников существенно разнились, хотя ханы и мятежный атаман все же придавали определенное значение такому типу новой друг для друга коммуникации. *Незаключение* возможного союза Крыма и повстанческой части Войска Донского определялось, в числе других причин, историческим грузом их взаимного недоверия и конфронтации. Вместе с тем неслучайно крымские послы в Москве Сефер-ага и Мустафа-ага 11 октября 1670 г. уведомили дьяка Посольского приказа Я. Поздышева о готовности хана Адиль Герая, ссылаясь на его шертную грамоту, помочь царю Алексею Михай-

ловичу подавить восстание: «И буде те воры не усмирятца, а поволит царское величество ханову величеству их усмирить, и ханово де величество усмирит их вскоре» [Крестьянская война, 1959, с. 117]. Между тем связи ханского двора с донскими казаками получили новый импульс уже после отрешения от власти Адиль Герая весной 1671 г. Показательным считаем намерение нового крымского хана Селима Герая I ударить в том же году «ему с Стенькою и с астраханскими и с нагайскими татарами и со всем Крымом... на Московское государство войною» [Крестьянская война, 1962, с. 82].

Важной составляющей дипломатических контактов между казачеством и Крымом являлся обмен пленными, выступавший к тому же средством получения дополнительных доходов как для крымской элиты, так и для казачьей старшины. Так, например, представители запорожской старшины получали с каждого выкупленного у рядовых казаков пленника 4 ефимка вознаграждения (по ефимку – кошевому, писарю, судье, есаулу) [Кочегаров, 2019а, с. 116]. С этой целью Войско Низовое заключало с Крымом и османской администрацией Казыккермена кратковременное перемирие, и стороны обменивались заложниками – аманатами. Запорожские аманаты могли ожидать окончания обмена в Казыккермене, крымские (турки или татары) – на Сечи [Акты, 1884, стлб. 196; Апанович, 1961, с. 49, 77]. Совершая степные и морские походы [Куц, 2009, с. 269–311], донские казаки, как и запорожцы, регулярно захватывали в Крыму и на Кубани полон, увозя его на Дон, превосходно ориентируясь в ценах на ясырь и активно участвуя в т. н. окупных операциях. Наиболее известным местом проведения подобных операций был Окупной Яр близ Азова, где, несмотря на отдельные конфликты, обмены пленными происходили без каких-либо эксцессов [Мининков, 1998, с. 166]. Правда, в ходе некоторых нападений на Крым донцы полон не брали, что вызвало там, к примеру, в 1655 г., своеобразную реакцию: «...как де наперед сего донские казаки хаживали на море, и они де только полон имали; а ныне везде людей побивают, и села и деревни жгут» [Донские дела, 1917, стлб. 29]. Регулярно встречается информация о том, что донцам удавалось за время только

одного похода захватывать по несколько сот невольников и даже больше: «... И в том де походе взяли ясырю Турского и Крымского мужского и женского полу з 2000 человек...», – сообщал казачий атаман К. Петров в расспросных речах от 17 сентября 1659 г. по итогам похода на крымские улусы, под Кафу, Балыклею и Керчь [Донские дела, 1917, стлб. 509]. Мусульманский «ясырь» предназначался, как правило, для продажи, в т. ч. работорговцам из Московского царства – а значит, казаки являлись активными участниками обширного пространства трансграничного невольничьего рынка – от Северо-Западного Причерноморья до Приазовья.

Длительное сосуществование и тесное взаимодействие с иноверными и иноэтничными казачьими сообществами Дона и Днепра привели к выработке у крымских элит определенных моделей их восприятия и форм взаимодействия. Более терпимым и разнонаправленным было отношение Бахчисарая к запорожцам, предусматривавшее различные формы политического сотрудничества: протекцию над Сечью со стороны хана, с сохранением последней своей культурной и организационной автономии; длительную службу запорожцев в ханских войсках (1630-е гг.) и существование Ханской Украины, когда традиционный уклад днепровских казаков мог сохраняться не только под властью мусульманского правителя, но и на его территории. Частным проявлением такого взаимодействия стало появление в Крыму выходцев из днепровского казачества, которые «обусурманились», т. е. приняли ислам. Характерно, что по этому пути шли не только пленные, желавшие облегчить свою участь и не быть проданными в рабство, но и те, кто бежал в османские города Причерноморья и Крым от уголовного преследования, в ходе конфликтов в среде запорожцев и т. д. Источники фиксируют значительное число таких выходцев уже в 1620-е гг., хотя сам феномен подобных конфессиональных трансформаций появился, несомненно, еще раньше [Брехуненко и др., 2018, с. 73–74]. В конце 1668 г. на Украине ходили слухи, что избранный запорожцами и признавший верховную власть хана гетман П. Сухолей «обусурманился и дали ему имя по татарски Шамай»,

по другой версии – Ашпат-мурза [Акты, 1872, с. 151, 157; Апанович, 1961, с. 216].

Казачи-ренегаты выходили и из донской среды, хотя подобные примеры чаще всего фиксировались применительно к бегству казаков в османский Азов. Там, как правило, беглецы принимали ислам и не испытывали притеснений [Сень, 2010в, с. 63–65]. Причем уход казаков в Азов не означал немедленной казни «изменников» в случае их обратного возвращения на Дон. Хотя, по всей видимости, это относилось к «обычным» обратным «переметчикам». Вот свидетельство бывшего на Дону полуголовы московских стрельцов В. Волжинского в Посольском приказе от 18 ноября 1675 г.: «И в то время от казаков к азовцам перекинулись с ведомостью два человека. Да и в ныне де времена какое великого государя дело зайдет, или присланы бывают о каких промыслах великого государя грамоты, и от казаков бывают в Азов переметчики. И ж[и]в[я] в Азове года по два и по три, приезжают назад в Азов, а казни тем людям казаки [...] толко по своему казачью приговору чинят тех людей лысым[и], естли с кем учнет бранитца, и ево волно бить, а суда не давать» [РГАДА, ф. 159, оп. 1, д. 2221, л. 10]. Согласно показаниям донского казака И. Глистина за 1689 год, в ханском войске имелось несколько казаков, незадолго до того бежавших с Дона в Крым и там «обусурманившихся» [Бережков, 1888, с. 360]. В ответ на предложение кн. В. В. Голицына выдать беглецов хан отказался на том основании, что казаки приняли магометанство, «и оттого им стало сытно». Описание встречи казака с указанными «изменниками» в Перекопе принесло науке их имена, уточнение их биографий – Обращко (Абрам) Гусенко и Зотко (Зот) Тимофеев – «оба Черкаская станицы, которые бежали... в прошлом во 196 году (т. е. в период с 1 сентября 1687 г. по 1 сентября 1688 г. – К. К., Д. С.) в Азов, и в Азове бусурманились...» [Розыскные дела, 1888, стлб. 938].

Рассмотренные аспекты внеконфронтационных контактов между Крымом и казачьими сообществами Дона и Днепра не могут дезавуировать того факта, что конфликтное начало в данном случае преобладало, а некоторые формы мирных взаимоотношений, как обмен пленными,

были его прямым следствием. И здесь авторы солидарны с мнением Н. А. Мининкова о том, что на пути сближения, например, донских казаков с «противной стороной», для формирования новых коммуникационных практик «стояли огромные трудности, в т. ч. психологического характера, которые определялись давлением исторической традиции» [Мининков, 2001, с. 196]. Согласимся также с В. А. Брехуненко в том, что все претенденты на Степь, жившие по обе стороны т. н. Степной Границы, не могли не генерировать противостояния друг с другом в качестве «главной линии сценария взаимоотношений». Укорененная в сознании казаков благодаря постоянной борьбе с мусульманскими соседями на «здобычничьей ниве» идея противостояния с татарами и с турками-османами приобрела функции всеохватывающего объяснения самого существования казачьего мира [Брехуненко, 2011, с. 348].

Более чем вековой процесс крымско-казачьей конфронтации может быть разделен на несколько основных этапов, имевших свои особенности. *Первый* охватывает время от возникновения казачьих сообществ до конца 1650-х гг. и характеризовался, пожалуй, наиболее высоким уровнем конфликтности. Однако в рамках него в отдельные временные промежутки крымско-донские и крымско-запорожские отношения характеризовались определенным своеобразием. Так, если примерно до середины 1620-х гг. враждебность донцов и запорожцев в отношении Крыма и Порты нарастала в рамках практики набегов, нередко совместных, на черноморское побережье, то после указанного времени векторы активности обоих казачьих сообществ начинают расходиться. И если между запорожцами и Крымом уровень конфронтации не только снижается, но и нередко совмещается с достаточно системным сотрудничеством, то со стороны донцов военная активность в отношении Крыма и Порты остается на прежнем уровне, сопровождаясь такими крупными успехами, как взятие и удержание Азова в течение пяти лет (1637–1642 гг.). *Второй период*, охватывающий середину 1650-х – начало 1680-х гг., характеризуется также высоким уровнем конфронтации казачьих сообществ низовьев Дона и Днепра в отношении Крыма, однако ее основное направление концентрируется теперь в

первую очередь на владениях именно хана, и в значительно меньшей степени нежели ранее – на османских территориях (за исключением короткого промежутка времени во второй половине 1650-х гг.). *Третий период* (1680-е гг. – начало XVIII в.) стал временем падения военной активности казачества и поиском новых форм взаимоотношений, предусматривавших политическое сотрудничество и даже подданство крымскому хану со стороны значительных групп донцов и запорожцев. Рассмотрим основное содержание всех трех периодов подробней.

Собственно, донское казачество и возникло на *крымской* стороне Дона, о символической географии которой сторонам было хорошо известно и много лет спустя. Новая для Крыма внешнеполитическая задача – *сбить казаков с Дона* – стала традиционной для ханской власти. В 1556 г., выйдя через р. Миус в Азовское море, донские казаки атамана М. Черкашенина достигли судами Керчи, погромив крымское побережье. В XVII в. нападения донцов на этом направлении продолжались, включая разорение ими прибрежных сел Южного и Юго-Восточного Крыма, отразившиеся даже на составе местного христианского населения и географии его расселения [Ефимов, 2013б, с. 136–138]. С тревогой следили крымские ханы за действиями донских казаков против османского Азова, неоднократно совершавшимися уже со второй половины XVI в. Тогда же султаны пытались привлечь крымских ханов к охране Азова и рыбных богатств Азовского моря – именно в связи с нападениями донских казаков, которых турки-османы тогда именовали «донскими русами» [Мустакимов, Сень, 2010, с. 307–326; Мустакимов, Сень, 2012, с. 172–189].

Примерно в тот же период, в добавление к регулярно появлявшимся в низовьях Днепра вольным казачьим ватагам, там начинают возникать постоянные поселения. Так, на одном из островов нижнего Днепра в 1570-х гг. возникло постоянное укрепление – Запорожская Сечь (об истории Сечей см.: [Исторія, 2006, с. 532–630]), имевшее тесные связи с казачьими общинами городов Среднего Поднепровья («волости»). Сечь представляла собой поселок, обнесенный валом, рвом и деревянным палисадом, внутри которого располагались длинные одноэтажные дома каза-

ков – курени (одновременно являлись основой сечевой военной организации), ремесленные мастерские, сечевая церковь и др. Будучи формально расположено на территории Речи Посполитой, сообщество днепровских казаков проводило достаточно независимую политику.

В 1575–1576 гг. развернулись активные походы запорожцев на Крым, Белгородскую Орду и османские крепости в Причерноморье. Весной 1575 г. казацкие силы нанесли значительные потери гарнизону Аккермана – важному турецкому форпосту на нижнем Днестре, разорили окрестности Очакова. В 1576 г. набеги продолжились с новой силой, причем теперь объектом нападения стали и крымские улусы. Была взята и разрушена крепость Исламкермен [Флоря, 1975, с. 215–225].

География развернувшихся многочисленных походов донских и запорожских казаков была чрезвычайно широкой. Удары донцов поначалу приходились на азовское побережье (когда они проходили Керченский пролив, защищенный крепостями), затем на Керчь и Тамань. А далее уже объединенная донская и запорожская флотилия направлялась на северо-западные и северо-восточные берега Черного моря, в Крым, Румелию, Анатолию и побережье Кавказа. Нападению казаков подвергались многие османские крепости и города Азово-Черноморского бассейна. Крупными стали походы на Варну в 1606 г., на Синоп в 1614 г., на побережье Босфора в 1615 и 1624 гг., на Трабзон (Трапезунд) в 1625 г. (об этих и др. походах см. подр.: [Брехуненко, 2011, с. 376–378; Королев, 2002; с. 244–279]). При этом запорожцы активнее, нежели донцы, проникали вглубь Крымского полуострова, как, например, это случалось в 1620-х – начале 1630-х гг. [Брехуненко, 2011, с. 382]. Впрочем, в Крыму опасались донцов не меньше, чем запорожцев: восстановив силы после событий известного Азовского сидения 1637–1642 гг., они совершили в 1650-е гг. серию жесточайших по своим последствиям нападений на Крым [Куц, 2009, с. 297].

И на первом этапе взаимодействия днепровских и донских казаков с Крымом, и впоследствии последний пытался решить возникшую казачью проблему двумя очевидными путями: военным и дипломатическим. Первый выражал-

ся в уничтожении казачьих зимовников и более крупных поселений, второй – в попытках Бахчисарая добиться от Москвы, чьими подданными считались донские казаки, и от Варшавы, бывшей верховным сюзереном запорожцев, прекращения набегов и даже (в случае Сечи) вывода казаков с Днепра. Однако попытки эти были малоуспешны на обоих направлениях.

В 1556 г. крымские татары разрушили основанную в том же году кн. Дмитрием Вишневецким крепость на днепровском острове Малая Хортица. В 1593 г. они уничтожили Сечь на о. Томаковка в устье одноименной реки (ныне рядом с г. Марганец Днепропетровской обл. Украины), после чего она была перенесена на днепровский остров недалеко от устья р. Базавлук (около совр. с. Капуловки Никопольского р-на Днепропетровской обл. Украины). Эти наступательные шаги Крыма поддерживались и более основательными оборонительными мероприятиями ханского сюзерена – Оттоманской Порты, которая со второй половины XVI в. постепенно создавала систему оборонительных укреплений в низовьях Днепра. Здесь в районе крупного о. Тавань были построены крепости Казыкермен и Исламкермен, которые должны были препятствовать выходу казацких чаек (легких судов) в Черное море.

Борьба против Крыма и Османской империи содействовала формированию запорожско-донского боевого содружества, прошедшего нелегкую проверку временем. Тезис о боевом содружестве запорожцев и донцов имеет прочную историографическую традицию, на что указал Н. А. Мининков [Мининков, 2008, s. 437]. У донцов и запорожцев существовал едва ли не совместный флот (по В. Н. Королеву), а их планы по нападению на Крымское ханство или на владения османов нередко носили общий, согласованный характер, хотя регулярно в походах верховодили запорожцы. Правда, запорожцы и донцы не всегда соотносили цели своих военных акций (шире – свое собственное отношение к татарам и к туркам-османам) с интересами своих христианских сюзеренов – России или Речи Посполитой. Но, что самое, должно быть, примечательное: Войско Донское традиционно негативно оценивало сотрудничество запорожцев с Крымом и проживание их в Азове, что даже вы-

зывало конфликты между Войсками. В новаторской статье Н. А. Мининкова [Мининков, 2008, s. 425–437] обращено внимание на недостаточную изученность вопроса о конфликтах между донцами и запорожцами, в т. ч. сквозь призму их разного отношения к сотрудничеству с Крымом. Так, донские казаки замечали: «А в Запорожье де живут Черкасы, люди непостоянные и худые: как увидят неприятельской приход, и они многие изменяют и передаютца из Запорожья в Очаков, а з Дону в Озов, и в Азове де Черкасс умножено, и учинен де у них в Азове черкаской атаман Бердиченюк» [Донские дела, 1917, стлб. 254]. Малоизвестный факт: когда во время Адахунского сражения (1638 г.) турки заперли в заливе казаков, то некоторые запорожцы, «видя, что им детца негде, убося, учали переметьватца к [крымскому] царю и к туркам» [Мининков, 2008, s. 434]. Напротив, ничего подобного не наблюдалось тогда в поведении донских казаков.

Опасность близкого соседства с турками-османами и непредсказуемость нападений крымцев переживались на Дону более обостренно, чем в случае запорожцев из-за соседства с крымцами. В свою очередь, крымцы и турки-османы более негативно относились именно к донским казакам, нежели к запорожцам. Так, именно они упоминаются в дипломатической переписке Бахчисарая как «незаконнорожденные» и «разбойники» [Фаизов, 2003, с. 23, 82 и др.], между тем как запорожские казаки лексически обозначались более нейтрально – «днепровские казаки». Крымские ханы довольно часто писали султанам и российским царям о набегам донских казаков: о грабежах донцами «областей османских» писал хан Инайет Герай [Смирнов, 2005, с. 376] (1635–1638 гг.). В начале 1643 г. Мухаммед Герай IV жаловался царю Михаилу Федоровичу на опасные с его точки зрения сношения донских казаков с калмыками [Смирнов, 2005, с. 401]. Немало обличительных слов по отношению к донцам привел в мохаббат-наме царю Алексею Михайловичу крымский хан Ислам Герай III (конец 1653 г.): «Наличие стольких разбойников на Дону и в крепости Черкасы не во благо». Хан обвинял царя в неспособности удержать «донских казаков-разбойников» в подчинении, которые «каждый год... выходят в море на чайках, вторгаются воровским

образом в малые деревни во владениях дома Османов и Крымского государства, причиняют ущерб...» [Фаизов, 2003, с. 82]. Примечательная деталь – хан сообщал, что его терпение на исходе и что он готов лично возглавить поход на донских казаков (о подстрекательской роли Ислам Герая в событиях, связанных с возможным нападением запорожцев на донских казаков см.: [Мининков, 1998, с. 396]). Есть основания полагать, что такой поход мог состояться. В ноябрьской отписке 1654 г. Войска Донского сообщалось, что, согласно данным разных источников, летом 1654 г. Ислам Герай собирался с черкесами, ногайцами и «крымскою ратью» «идти к нам, холопом твоим, на Дон войною» [Донские дела, 1913, стлб. 877]. Тем же летом донские казаки совершили очередной поход на Крым, выйдя в море на 30 стругах. Его итоги были для казаков небезуспешными: «И многих... мы языков Крымских людей под Крымом брали, и полоняники к нам к Войску многие к стругам ис Крыму прибегали...» [Донские дела, 1913, стлб. 878]. Действия казаков против Азова, а также грабежи ими османских торговых судов, направлявшихся в Крым, тоже наносили урон Крымскому ханству. Так, в 1653 г. до 1500 донцов погромили суда с зерном, предназначавшимся для Крыма, где случился недород хлеба, захватив в плен более 300 чел. [Новосельский, 1994, с. 16].

Дипломатическое воздействие Крыма на днепровских казаков заключалось в его прямом обращении и через посредничество Стамбула к Речи Посполитой с требованием усмирить запорожцев, формально считавшихся подданными польского короля, и не допустить их набегов на Крым и Порту. Однако дипломатические меры не слишком помогали: при польском дворе традиционно отказывались признавать запорожцев «своими», подчеркивая, что обитатели Сечи и низовьев Днепра – это собрание людей разных народов, против уничтожения которых крымскими либо османскими силами Варшава не возражает. Польские дипломаты стремились исключить обязательства, касающиеся запорожцев, из польско-крымских договоров. Тем не менее отчасти своеволие запорожцев спровоцировало крупный конфликт между ханством и Портой, с одной стороны, и Речью Посполитой, с другой,

вылившийся в кровопролитную Хотинскую войну 1620–1621 гг., когда сначала армия Речи Посполитой была наголову разбита под Цецорой (1620 г.), а затем, поддержанная запорожцами, нанесла поражение в 1621 г. туркам и татарам под Хотинском (1621 г.)¹.

Несмотря на развернувшуюся конфронтацию между крымцами и запорожцами, в обоих обществах к началу 1620-х гг. происходили важные изменения, открывшие дорогу к значительной трансформации их взаимоотношений. Количество и военная сила запорожских казаков постоянно возрастали, их стремление закрепить свой особый социальный статус в польско-литовском обществе привело к обострению отношений с польскими властями, которые видели в казацком движении угрозу социально-политическим порядкам шляхетской республики. Череда казацких восстаний, начавшаяся в 1625 г., несколько отвлекла запорожцев во второй половине 1620-х – 1640-е гг. от активных набегов на Крым и Османскую империю. С другой стороны, в своей борьбе с польскими магнатами и шляхтой они нуждались в союзнике, каким вполне мог стать Бахчисарай. В 1620-е и 1630-е гг. обострились крымско-османские отношения, сопровождавшиеся политическими междоусобицами внутри самого ханства, в которые противоборствующие стороны пытались вовлечь и запорожских казаков.

В 1624 г. хан Мухаммед Герай III и калга Шагин Герай отказались подчиняться указу султана об отставке и разгромили османский экспедиционный корпус под Кафой. В составе крымских войск находились отряды запорожских «черкас». В условиях обострения крымско-османских отношений Мухаммед Герай III заключил в декабре 1624 г. соглашение с запорожцами с обязательствами оказывать взаимную помощь против неприятелей [Грушевский, 1995, с. 513–515; Новосельский, 1948, с. 112–114; Мицик, 1998, с. 143–144]. «С черкасы, деи, я помирился, – заявлял в апреле 1625 г. хан русским послам О. Прончищеву и Р. Болдыреву, – и они, деи, ныне около всево Крыму по морю ходят, а дурна никторово не чинят» [Фаизов, 2005, с. 197–209].

В ходе казацкого восстания 1625 г. запорожцы

¹ См. подр. параграф 8.3. «Дипломатические отношения Крыма с Речью Посполитой в XVII в.» (К. А. Кочегаров).

рассчитывали на помощь Крыма, но не получили ее. Тем не менее после поражения восстания в конце года часть казаков во главе с полковником Олифером ушла в Крым, где была принята ханом и зимой 1625/26 гг. даже участвовала в набеге крымцев на Речь Посполитую [Флоря, 1995, с. 52–53]. Во второй половине 1620-х гг. эти и, возможно, другие, переходившие в Крым казаки участвовали в борьбе калги Шагина Герая за ханский престол против османского ставленника Джанибека Герая [Новосельский, 1948, с. 120–121, 135–137]. В 1630 г. Шагин Герай, укрывавшийся в Ногайской Орде, даже послал на помощь новому казацкому восстанию отряд в 500 татар [Floria, 1992, p. 167–173].

В 1630-х гг. запорожско-крымское сотрудничество продолжилось. В 1637 г. хан Инайет Герай добился участия запорожцев в походе против Буджакской Орды. В свою очередь, последние, подняв в том же году новое восстание против Речи Посполитой, просили Бахчисарай о поддержке, которую и получили, с некоторым запозданием, в начале следующего 1638 г. В феврале двигавшийся против запорожцев польский отряд полковника Мелецкого был разбит в сражении при Желтых Водах совместными усилиями днепровских казаков и крымских татар и вынужден был отступить. Это военное сотрудничество, направленное против Речи Посполитой, было скреплено договором и присягой. И хотя в дальнейшем татары не оказали новому казацкому восстанию 1638 г. прямой поддержки, тем не менее синхронно с ним татарские загоны опустошали пограничье шляхетской республики в районах Среднего Поднепровья [Флоря, 1995, с. 53–54].

Крымско-запорожское сотрудничество в 1630-е–1640-е гг. не исключало прекращения конфликтов Запорожской Сечи и Бахчисарая. Однако в этот период, особенно в первой половине 1640-х гг., масштаб их был не особенно велик: как правило, дело ограничивалось мелкими набегами и кражей скота. Одной из основных причин этого было поражение казацких восстаний 1637–1638 гг., которое привело к усилению над Запорожской Сечью и в целом над днепровским казачеством контроля со стороны Речи Посполитой. В этих условиях значительно возросло число запорожских набегов на окраины России, при-

чем некоторые из них осуществлялись казаками совместно с крымцами. Так, в 1643 г. крупный казацкий отряд атамана Тараса Черного, «сложась с бесермены», разорил Козловский уезд и окрестности Чугуева, в 1644 г. загоны крымцев и днепровских казаков появлялись под Тамбовом и т. д. Б. Н. Флоря, исследовавший эти вопросы, сделал важное наблюдение о том, что подобное сотрудничество возникало стихийно, когда запорожцы, «бродившие по Дикому полю у русских границ в поисках добычи сталкивались здесь с татарскими улусами, выходившими в степь с той же целью». Таким образом, ограничивая казацкие нападения на владения Порты и Крыма, польские политические круги, не желая того, подталкивали Запорожскую Сечь к дальнейшему сотрудничеству с Бахчисараем [Флоря, 1995, с. 54–57].

После поражения восстания 1637–1638 гг. в Крым ушла значительная часть казаков полка его предводителя, Тараса Федоровича. Сохранив свое полковое устройство, в 1641 г. совместно с крымцами они «воевали» земли на Галичине и Подолии, а впоследствии выступали как особые отряды «с вогненным боем» в составе крымского войска. Более того, в 1646 г., когда русско-крымские отношения обострились и в Бахчисарае ожидали атаки московских войск на Перекоп, выходцы из Крыма сообщали, что запорожцы обучают татар «с пищалей стрелять» [Флоря, 1995, с. 57–59].

Так, в 1630-е–1640-е гг. в тесных сношениях Запорожской Сечи и Крымского ханства вызревали предпосылки для будущего *большого союза* между Бахчисараем и гетманом Богданом Хмельницким, заключенного в 1648 г. Как было показано, целый ряд обстоятельств заставил и татарские элиты, и сечевую верхушку пересмотреть прежние конфликтные отношения и встать на путь сотрудничества. В Бахчисарае осознали возможность не только военного союза с казаками, но и принятие отдельных отрядов запорожцев под покровительство хана, когда казаки фактически переходили к нему на долговременную службу, выступая в составе крымских войск как отдельные подразделения.

Второму периоду взаимоотношений Крыма и казачества предшествовали события середины XVII столетия, выразившиеся в том числе

рядом серьезнейших изменений политического ландшафта Восточной Европы. В основном они коснулись днепровского казачества и были связаны с восстанием Богдана Хмельницкого, главным союзником которого выступал Крым. Формирование политических структур, выраженных через институты казацкого самоуправления на обширных территориях Правобережной Украины, привело к падению значения Запорожской Сечи (*Войска Низового*) как центра политической самоорганизации днепровского казачества и его отмежеванию от *Войска Городового*, гетман которого отныне фактически обладал правом репрезентации всей украинской казацкой общности в глазах собственного населения и соседних правителей. В этих условиях отношения Бахчисарая именно с Войском Низовым приобрели самостоятельный характер, хотя и тесно зависели от основного вектора политики ханского двора по отношению к казацкой Украине.

Сотрудничества с Бахчисараем все более искали теперь украинские гетманы, сначала в лице Б. Хмельницкого и И. Выговского, позднее – П. Дорошенко, освещение проблематики которого не входит в задачи настоящего параграфа². При этом отношения Крыма с Сечью нередко не только не вписывались в основное русло указанных контактов, а имели прямо противоположный вектор. Проявилось это уже в гетманство И. Выговского 1657–1659 гг., а позднее в отказе сечевиков признать турецко-татарскую ориентацию и переход под верховенство султана гетманов П. Дорошенко (1665–1676 гг.) и Ю. Хмельницкого (1677–1681 гг.). Указанный антагонизм получил в некоторой степени и личное измерение, связанное с тем, что в 1660-е – 1670-е гг. булава кошевого атамана часто попадала в руки знаменитого И. Серко, имевшего репутацию непримиримого врага «бусурман» [См. подр.: Апанович, 1961; Маслійчук, Мицик, 2007; Кочегаров, 2019].

Вовлечение Крымского ханства в борьбу за Украину привело к значительному росту заинтересованности Московского государства в поощрении набегов донских казаков на Крым. В 1655 г. состоялось несколько крупных выхо-

дов донских казаков, санкционированных Москвой, против татар и турок-османов – ударам подверглись Судак, Кафа, Тамань, паника охватила столицу Крымского ханства – Бахчисарай [Сухоруков, 2001, с. 236–238]. Недаром в разговоре с русскими посланниками хан Мухаммед Герай IV просил унять донских казаков [Новосельский, 1994, с. 27]. Возможно, что Войско Донское организовало тогда несколько массовых казачьих выходов в море. В 1655 г. более 2 тыс. чел. вышли в море на 34 стругах, взяли г. Тамань «и посад и во городе хоромы пожгли» [Сухоруков, 2001, с. 238]. А в 1657 г. донцы в стругах высадились на побережье Крыма, где создалась обстановка, близкая панике: казаки жгли деревни и убивали местных жителей, забирая с собой только пленников [Новосельский, 1994, с. 33].

В конце 1650-х гг. крымский хан Мухаммед Герай IV ещё несколько раз обращался с мохаббат-наме на имя царя Алексея Михайловича, требуя наказать «незаконнорожденных» казаков или даже «свести» их с Дона. В частности, весной 1658 г. он прямо заявлял, что если казаки не будут приведены к покорности, то Россия сама будет виновна в обострении дальнейших отношений, и что тогда Крым не станет удерживать от набегов калмыков, ногайцев и татар [Фаизов, 2003, с. 141]. Характерно, что уже после Конотопской битвы (1659 г.), когда стороны пытались заключить перемирие, вопрос о донских казаках снова оказался поднят: крымцы настаивали на запрещении Россией казакам нападать на Азов и на другие османские владения [Новосельский, 1994, с. 42]. К реализации новых мер по нейтрализации крымцами казачьей угрозы в 1650-х–1660-х гг. активно присоединился Стамбул. Речь идет о мероприятиях по закрытию устья Дона и возведению летом 1660 г. новых фортификационных укреплений – крепости на левом берегу Мертвого Донца и двух башен по берегам Дона [Эвлия, 1979, с. 208–212]. Строительством руководил хан Мухаммед Герай IV, о чем сообщалось в отписке Войска Донского от 7 декабря 1660 г.: «... Крымской хан с Крымскими и Турскими людьми и со многими орды поставили на Донце каменный городок о четырех башнях... А на Дону... реке, выше Каланченского верхнего устья... поставили по обе стороны

² Об истории крымско-украинских отношений см. подр. в параграфе 8.7. «Крымско-украинские отношения в XVII веке» (А. А. Шейхумеров).

Дону... две башни, чтоб твоим государевым ратным людям вперед Доном рекою и Донцом пройти было на море немочно...» [Донские дела, 1917, стлб. 760–761]. Подобные меры привели к снижению интенсивности казачьих походов, а в целом все мероприятия турок-османов под Азовом имели для донских казаков судьбоносное [Королев, 2002, с. 591], в отрицательном смысле, значение. Важно отметить, что на вторую половину 1650-х гг. приходится последний всплеск т. н. Босфорской войны (по В. Н. Королеву) донских и запорожских казаков против Османской империи, после чего их военно-морская активность резко идет на убыль, а также существенно меняется ее география. «Крымское» направление морских походов отныне превалирует у донцов над «босфорским» (причем выходить донцам в море становится все труднее и труднее). В сложившихся условиях Войско Донское усиливает свой натиск на Азов. В 1660-е–1680-е гг. донцы продолжали выходить в море, в т. ч. действуя против Крыма, окольными путями через мелководные ерики (напр., Казачий ерик). Весной 1662 г. донские казаки откопали Казачий ерик для прохода своих судов, направившись в морской поход на Крым под командованием думного дворянина Я. Хитрово [Загоровский, 1957, с. 27]. В целом, однако, турки-османы и татары продолжали активно сдерживать донцов, попытки которых прорваться в море обходились им все дороже, приводя к увеличению потерь.

В ноябре 1665 г. казаки Войска Донского с русскими ратными людьми ходили под Азов – в сражениях за крепость тогда погиб азовский комендант Мустафа-паша, зять султана Мухаммеда IV³. Действия казаков в эти годы, в т. ч. против Азова, по-прежнему имели широкий резонанс. По сообщению Э. Челеби, в 1666 г. ему приходилось слышать от волжских татар соответствующие просьбы к османским властям: «Избавьте Азов и Крым от мучений [претерпеваемых ими] от казаков и калмыков. И тогда мы заставим поток сала течь через Черное море... в ваш Стамбул. И каждый год мы станем отправлять несколько сотен тысяч баранов, а

также сало на кухню цезаря-падишаха» [Цит. по: Королев, 2002, с. 602]. Очередное «розмирение» донских казаков с Азовом вызвало не только очередное обращение азовского паши к Алексею Михайловичу осенью 1669 г., но также приезд в Азов из Крыма Икбала-аги – тестя хана [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1669 г., д. 12, л. 1–2], которому поручалось разведать, «с чьей стороны задор и розмирье учинилось. Пребывание аги в Азове, активно собиравшего информацию и общавшегося с местными жителями, длилось 15 дней, после чего он отбыл морем в Крым.

Во время Разинского выступления Войско Донское в целом не вело активных боевых действий против Крымского ханства и Османской империи. В 1670 г., после заключения мира между Россией, Речью Посполитой и Крымским ханством, донским и запорожским казакам запрещалось осуществлять походы по Черному и Азовскому морям [Сухоруков, 2001, с. 263]; кроме того, казаки лишались права нападать на улусы, подвластные крымскому хану. Наконец, по заключении в 1681 г. Бахчисарайского мирного договора Войску Донскому запрещалось ходить в походы на территории, подвластные турецкому султану и крымскому хану, что ухудшило благосостояние донцов [подр. см.: Сень, 2009, с. 138–142], отныне развивавших «воровской промысел», в т. ч. на Волге и на Каспийском море.

На крымском направлении в конце 1650-х – начале 1670-х гг. активно действовали и запорожцы. В 1659 г., в разгар кампании гетмана И. Выговского против России, которую он вел в союзе с Крымским ханством, казаки-запорожцы под предводительством И. Серко учинили разорительный набег на Аккерман и ногайские улусы, пользуясь отсутствием там крупных татарских сил [Апанович, 1961, с. 143]. В 1663 г. запорожцы И. Серко нанесли поражение крупному крымскому отряду совместно с калмыками, а затем уже вместе с царскими ратными людьми Г. И. Косагова дважды – осенью и в декабре – атаковали Перекоп, разорив укрепления на перешейке [Апанович, 1961, с. 168–169, 171–172, 175–176]. Осенью 1667 г. крупный отряд И. Серко и Ивана Рога, разделившись на две группы, целую неделю опустошал земли полуострова, захватив добычу и пленных [Літопис, 1971,

³ Более подр. информацию о боевых действиях казаков в 1650-е–1660-е гг. см.: [Мининков, 1998, с. 397–403; Куц, 2009, с. 269–312].

с. 102; Kluczyski, 1880, с. 327–328; Апанович, 1961, с. 211–212]. Четыре похода на ханские владения с участием сечевых и городских украинских казаков, калмыков и донцов организовал И. Серко осенью 1668 г. [Апанович, 1961, с. 221]. В 1671 г. запорожцы во главе с М. Ханенко и И. Серко, разбив крымские отряды на переправах через Днепр, заставили крымскую сторону заключить с ними договор о борьбе против Дорошенко [Апанович, 1961, с. 242; Акты, 1877, стлб. 445–446]. Однако соглашение было в том же году разорвано, и И. Серко с запорожцами принял активное участие в боях против П. Дорошенко и крымских татар на Правобережной Украине [Апанович, 1961, с. 246–272].

Во второй половине 1650-х – 1680-х гг. политика Крыма в отношении запорожцев характеризовалась активным стремлением ханов подчинить Сечь военно-дипломатическими методами. Наступательная политика не очень помогала: в 1672 г., после ареста И. Серко и его ссылки царским правительством в Сибирь, крымцы и турки дважды пытались уничтожить Запорожскую Сечь, однако неудачно: приступы были отбиты [Апанович, 1961, с. 260]. Более предпочтительными для крымских элит и их стамбульского сюзерена стали, во-первых, попытки дипломатического подчинения Сечи, а во-вторых, как и в случае с донцами, ее нейтрализация путем все более основательного блокирования запорожцам выходов из устья Днепра в Черное море.

В 1668 г. в силу сложных внешнеполитических обстоятельств, в которых оказалась Запорожская Сечь, желание Крыма поставить запорожских казаков под контроль путем заключения двустороннего соглашения нашло среди них отклик. Осенью на полуостров по инициативе кошевого писаря П. Суховей было отправлено посольство с предложением хану поддержать выборы нового гетмана, который мог бы противопоставить себя П. Дорошенко. В обмен за поддержку запорожцы обещали прекратить нападать на крымские улусы. Хан дал согласие, и в итоге П. Суховей стал гетманом под протекцией хана: «...и пишетца и печать держит хана крымского: лук и две стрелы, а не так как запорожского гетмана печать: человек с мушкетом» [Акты, 1872, с. 82, 154]. Никакого письменного договора между сторонами подпи-

сано не было, а установившуюся связь между Сечью и Бахчисараем можно охарактеризовать как неравноправное партнерство, в которой старший контрагент – хан Адиль Герай – принимал новоиспеченного гетмана под свою протекцию. Стоит подчеркнуть, что установление подобной формы взаимоотношений произошло по инициативе, по крайней мере, именно части сечевой старшины. Однако попытка П. Суховей взять Чигирин при поддержке крымцев не удалась, а после, оставленный татарскими отрядами, он потерпел поражение от И. Серко на Правобережье Днепра под Ольховцем [Андрусяк, 1929, с. 197–227; Апанович, 1961, с. 215–222; Perdenia, 2004, с. 162–182; Чухлиб, 2004, с. 93–102].

С началом русско-турецкой войны 1672–1681 гг. донские и запорожские казаки приняли в ней самое деятельное участие. В марте 1672 г. царская грамота повелевала донцам («как лед вскрыетца») выйти в море – с целью предотвращения действий со стороны крымского хана [Акты Лишина, 1891, с. 80]. Весной того же года донские казаки вышли в Азовское море, напав на Крым, а запорожцы ударили с севера на Перекоп. В мае того же года на Дон отправлен гонец С. В. Даудов, передавший Войску указ предпринять нападения с моря на владения хана и султана. В итоге запорожцы дважды, летом и в начале осени 1672 г. нападали на Крым, а донские казаки в августе 1672 г. «били башни» (Каланчинские. – К. К., Д. С.), ранее поставленные турками-османами в устье Дона [Флоря, 2001, с. 111]. Тогда же, в ходе сражений за башни, донцы совершили нападение на османский Азов, получив вскоре солидное царское жалованье. Обращает на себя внимание, что осенью 1672 г. в Москву был вызван донской старшина Ф. Минаев «с несколькими «знающими и знатными казаками» для совещания по вопросу о совместных боевых действиях против Турции и Крыма» [Рябов, 1992, с. 187]. На той же встрече присутствовали и запорожцы. Разработанный в Москве план предусматривал, среди прочего, разрушение Каланчинских башен и постройку на их месте российской крепости. Активные действия войск и казаков должны были сопровождаться предъявлением через азовского пашу ультиматума султану – прекратить военные действия против Речи

Посполитой и вернуть ей захваченные города, включая Каменец-Подольский. В июне 1673 г. на Дону появились российские войска во главе с думным дворянином И. С. Хитрово. Объединившись с ними, донцы попытались не только разрушить Каланчинские башни, но также осадить Азов [Фаизов, 1993, с. 102–103]. Однако поход объединенного войска закончился неудачей, и в конце лета оно вернулось к месту дислокации. Заметим, что донские казаки, недовольные планами Москвы построить на Дону несколько укрепленных пунктов, заявляли в 1675 г., «если де пришет великий государь на Дон рать большую, и они де замирятца с Озовом и поднимут Крым» [Крестьянская война, 1962, с. 352]. В 1675 г. Войску Донскому повелевалось «чинить промыслы заодно» с отрядами Я. Т. Хитрово и П. И. Хованского «над Турским султаном и над Крымским ханом» [Акты Лишина, 1891, с. 88]. В том же году российские войска, калмыки, донские казаки и запорожцы атамана И. Серко, ворвавшись в Крым через Сиваш, разорили около 40 крымских сел и деревень, разбив посланные против них войска крымского хана [Сухо руков, 2001, с. 321; Апанович, 1961, с. 270–271; Собрание, 1828, с. 326–328; Акты, 1882, стлб. 260]. Более того, на апрель 1676 г. намечался масштабный поход на Крым с участием донцов и запорожцев; хотя до его исполнения дело не дошло, а собранные русские войска направились на Правобережную Украину [Флоря, 2001, с. 121]. В 1677 г. Войско Донское осуществило акцию близ Каланчинских башен и под Азовом. Царской грамотой от 6 сентября 1677 г. действия казаков одобрялись – им надлежало в дальнейшем «со всяким радением» чинить «воинской промысл» над Крымом и над «крымским юртом» [Акты Лишина, 1891, с. 101].

Последние годы русско-турецкой войны 1672–1681 гг. стали временем ослабления боевого потенциала Запорожской Сечи. Свою роль сыграли длительные войны с участием днепровских казаков, которые велись в 1660-е–1670-е гг. на обоих берегах Днепра, конфликт стареющего И. Серко с левобережным гетманом И. Самойловичем, а также иные причины. В 1677 г. во время первой, неудачной для турок и татар, осады Чигирина сечевики не только не преследовали

отступавших в Крым, но и даже заключили с ними годовое перемирие для обмена пленными, с некоторыми перерывами продлевавшееся и в следующие годы [Апанович, 1961, с. 281–284; Кочегаров, 2019, с. 56–59]. Это соглашение способствовало интенсификации дипломатических контактов между Сечью и Бахчисараем, которые не сводились лишь к обмену пленными, впрочем, так и не состоявшемуся. В начале мая 1680 г. в районе р. Конские Воды состоялась встреча запорожской кошевой старшины с делегацией Крымского ханства, которую возглавляли калга и ханский везир. Крымская сторона выдвинула предложение заключить военный союз, по образцу заключенного в свое время между Б. Хмельницким и крымским ханом. Взамен крымские представители, по словам И. Серко, обещали Сечи «свыше желания нашего в Днепр угодья». Запорожцы не приняли этих требований, выражая готовность заключить перемирие только на время обмена пленными [Апанович, 1961, с. 294–295; Кочегаров, 2019а, с. 106–107]. Параллельно этим переговорам османские инженеры под охраной янычар и крымской орды в ходе лета 1679 г. вели интенсивное расширение укреплений в низовьях Днепра, добавив к двум существующим крепостям еще два форта на Таванском о-ве. Из них в Исламкермен и Казыкермен, то есть на оба берега Днепра были протянуты железные цепи. По некоторым данным строительство велось по просьбе хана, направленной в Стамбул еще в 1675 г. [Апанович, 1961, с. 290]. Выход в море для казацких чаек был прочно заблокирован. Не случайно известный исследователь запорожского казачества Д. Яворницкий писал, что «запорожцы со времени смерти знаменитого кошевого атамана Сирка в течение 15 лет, с 1680 по 1695, не совершили почти ни одного, кроме двух-трех походов, достойного истинных рыцарей подвига» [Яворницкий, 1993, с. 161].

После подписания Вечного мира с Речью Посполитой в 1686 г. Россия начала новую войну с Османской империей, привлекая к участию в ней донских и запорожских казаков. Причем участие первых было гораздо более активным, тогда как запорожцы осенью заявляли царскому генералу Г. И. Косагову, что казаков на Сечи мало и сил для войны с ханством у них нет [Эварницкий,

1903, с. 45–47]. В конце апреля 1686 г. на Дон отправлялись с грамотой дворянин Д. Уколов и толмач И. Кизылбашенин. Войску Донскому повелевалось идти против «неприятели всех хри[стиан] турецкого салтана и крымского хана под Крым и под Азов и под крымские села и деревни за и[х] неправды и обиды...» [РГАДА, ф. 111, оп. 1, 1686 г., д. 9, л. 5]. Стало известно о почти молниеносной реакции тех донцов, которые тогда находились на взморье: «...и они, сведав...к Миюсу к нам к Войску не пошли, а собрався они многим числом, сели в суды и пошли... морем под крымские селы и деревни и под нагайские улусы...» [РГАДА, ф. 111, оп. 1, 1686 г., д. 9, л. 44]. Донцами было совершено несколько выступлений, включая опустошение предместий Темрюка и нападение на крепость Люттик [Сухоруков, 2001, с. 362].

Более активно, нежели запорожцы, участвовали донцы и в Крымских походах 1687 и 1689 гг. В 1687 г. донские казаки не только пытались действовать на море (неудачно), но и отправили отряд на соединение с сухопутной армией В. В. Голицына, который в июне разбил крупный татарский загон в районе р. Овечьи Воды [Сухоруков, 2001, с. 364; Сень, 2009б, с. 90–94]. При этом сам поход вызывал среди части донцов недовольство. Видный представитель донских старообрядцев К. М. Чюрнососов заявлял товарищам: «Не для чего вам идти на крымского, у вас де свои горше Крыму. Надобно де прежде тут очиститца, тогда де уж на Крым итить. И лучше де ныне Крымской (т. е. царь/хан. – Выделено нами. – К. К., Д. С.), нежели наши цари на Москве» [РГАДА, ф. 111, 1688 г., д. 3, л. 3]. Слова Чюрнососова отражали массовые настроения в среде донских «раскольников», которые «все молили Бога, чтоб над Крымом победы не было, а говорили: естли де Крым разорят, то де и досталь житья им не будет» [Дополнения, 1872, с. 180]. Абсолютизировать конформизм донских казаков к Крыму, конечно, не стоит, но приведенные факты вполне укладываются в общую логику дальнейших действий казаков-старообрядцев по уходу/отступлению с Дона (не в последнюю очередь – как раз во владения ханов). В указанной связи участие донских казаков в «крымской кампании» невозможно рассмотреть вне обострившихся на Дону вну-

тровой борьбы и религиозного конфликта. Участники Крымского похода, вернувшись летом 1687 г. на Дон, оказались вовлечены в дальнейшую эскалацию т. н. религиозной войны, в том числе в борьбу атамана Ф. Минаева с приверженцами старообрядчества.

В кампанию 1689 г. против Крыма донским казакам надлежало выставить 500 казаков во главе с атаманом Ф. Минаевым и прибыть в Богородицкую крепость. Остававшиеся на Дону казаки должны были открыть военные действия против Азова, а также отправить партию казаков морем под Крым «для отвлечения сил татарских». Войско Донское направило в морской поход 1000 казаков на 45 лодках под началом атамана З. Камышников и 700 казаков на соединение с войсками В. В. Голицына под руководством старшины И. Семенова [Сухоруков, 2001, с. 367]. Новый поход на Крым закончился неудачей: полки князя В. В. Голицына, дойдя с боями до Перекопа, 21 мая повернули обратно после бесплодных попыток заключить с крымской стороной мирное соглашение на условиях отказа от «поминков» и набегов на русское пограничье [Розыскные дела, 1888, стлб. 949–952, 955–962, 987–998, 1180–1184; Устрялов, 1858, с. 372; см. также: Невилль, 1996, с. 148–149].

Запорожцы, практически не принимали участия в Крымских походах 1687 и 1689 гг., будучи крайне озабочены строительством в низовьях Днепра русских крепостей Новобогородицка и Новосергиевска, в которых они видели угрозу своим вольностям [Яворницкий, 1993, с. 41–63]. Впоследствии они поддерживали мирные отношения с Крымом, будучи сильно заинтересованными в их экономической составляющей [Станіславський, 2006, с. 573–574].

Середина 1680-х – начало 1690-х гг. – начало принципиально нового, третьего этапа в истории взаимоотношений Крымского ханства и казачества. Она характеризовалась не только снижением степени взаимной конфронтации, но и переходом значительного числа запорожцев и донцов в подданство Бахчисарая. И на Дону, и на Днепре эти процессы имели свои особенности, вызванные как внутренними конфликтами, так и внешними причинами. Крымский хан еще несколько раз пробовал предложить запорожцам

свое политическое покровительство – в 1682 г. [РГАДА, ф. 124, оп. 1, 1682 г., д. 18, л. 58–61] и 1689 гг. [Станіславський, 2004, с. 101], а в 1691 г. Запорожская Сечь стала центром движения Петра Иваненко (Петрика), который бежал туда из Полтавского полка. В 1692 г. он заключил договор о переходе в подданство хана Селим Герая I и претендовал на установление своей власти не только в Запорожье, но и в Гетманской Украине (Малой России). Однако попытки Петрика сделать это вооруженным путем при поддержке татарских отрядов окончились неудачей [Оглоблин О., 2001, 174–196].

В эту же эпоху возникает и феномен *Ханской Украины*, означавший появление постоянных казачьих поселений под властью хана, располагавшихся в низовьях левобережья Днестра со ставкой гетмана в г. Ягорлык. Первым гетманом на этой территории стал назначенный султаном по рекомендации хана Хаджи Герая в 1684 г. Т. Сулименко (Сулимка), а в 1690 г. Стамбул передал право назначения гетманов в Бахчисарай. Тогда же был назначен новый гетман, Степан Лозинский, погибший в 1695 г. в сражении с напавшими на его владения правобережными казаками С. Палеем и Самусем. На смену ему пришел уже упомянутый П. Иваненко, ставший гетманом в 1698 г. со ставкой в Дубоссарах. Известия о его деятельности прослеживаются вплоть до начала 1710-х гг. [Грибовский, 2018, с. 266–271; Чухліб, 2005, с. 370–380]. Ханская Украина, в отличие от попыток поддержки П. Суховея или переговоров о принятии крымского подданства с И. Серко, уже несла в себе какие-то идеи расширения крымского влияния на днепровское казачество. Бахчисарай видел в переселявшихся в его пределы запорожских казаках лишь новых подданных, нежели компактную и самостоятельную военную силу или политический инструмент.

В конце 1680-х гг. впервые в истории ханства подданными Гераев стали донские казаки-старообрядцы (часть из которых – с семьями!), участники в первой в истории Дона *братоубийственной войны* 1688–1689 гг., когда «дело доходило до поголовного истребления казачьих поселений самими же казаками» [Мининков, 2006, с. 34]. Полагаем, что трагедию старообрядческого Исхода на Северный Кавказ уместно рассмотреть

в типологической связи с явлением бóльшего исторического масштаба – меняющимся отношением крымцев и донцов к сотрудничеству друг с другом. Терпя поражение, казаки-старообрядцы бежали с Дона в нескольких направлениях: – в Крым, на Кубань (ногайские владения Гераев); на Северо-Восточный Кавказ (р. Кума и Аграхань), в османский Азов. Примерно в 1689 г. или 1690 г. какая-то часть казаков направилась с Дона на Кубань – во владения крымского хана Селима Герая I, а отдельные казаки – сразу в османский Азов [РГАДА, ф. 210, столбцы Белгородского стола, стлб. 1406, л. 176].

Кумские и аграханские казаки столкнулись с большим количеством трудностей и как общины (сообщества) быстро сошли с исторической арены, в т. ч. за счет объединения с первыми кубанскими казаками. В результате челобитной бывших аграханцев, отступивших на Кубань в сентябре 1692 г., о принятии в «холопство» «крымской хан принял их (казаков. – К. К., Д. С.)... с великою любовью и велел им жить... казыева улусу татаром» (т. е. среди Малых ногайцев. – К. К., Д. С.) [НИА СПбИИ РАН, ф. 178, оп. 1, д. 12348, л. 1]. В 1693 г. эти казаки построили городок в междуречье Кубани и Лабы при поддержке кубанских ногайцев [НИА СПбИИ РАН, ф. 178, оп. 1, д. 12364, л. 2; НИА СПбИИ РАН, ф. 178, оп. 1, д. 12449, л. 1]. Несмотря на отдельные случаи возвращения на Дон, основная масса донских казаков-старообрядцев осталась на территории ногайской Кубани, оставив заметный след в военно-политической истории Крымского ханства [Сень, 2011а; Сень, 2011б]. Благодаря поддержке крымских ханов и быстрой адаптации на Кубани, казаки развернули военную активность сразу в нескольких направлениях, вплоть до Поволжья и Прикаспия, занялись сманиванием российских подданных, включились в традиционные для степного порубежья набеги и работорговлю.

Своим жизненным примером и отношением к своему новому крымскому подданству именно кубанские казаки заложили на рубеже XVII–XVIII вв. прочную основу взаимоотношениям Гераев со всеми другими казачьими группами, оседавшими на Кубани уже в XVIII в. Неслучайно налаживание связей с кубанскими казаками и

с ногайцами заняло важное место в стратегических планах атамана К. А. Булавина, в т. ч. при разработке плана отступления на Кубань [Сень, 2009в; Сень, 2009б, с. 211–227]. Группа донских казаков во главе с атаманом И. Некрасовым сумела уйти на Кубань летом 1708 г. – уже после гибели вождя движения и разгрома основных сил повстанцев [Сень, 2009б, с. 234–260]. Казаки-некрасовцы рисковали – их переход никак не был согласован с ханом Капланом Гераем. Россия стала добиваться выдачи некрасовцев в том же году, но в итоге потерпела неудачу [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1709 г., д. 1, л. 13]. Неуверенность в завтрашнем дне, трудности адаптации и другие факторы определили дисперсное расселение некрасовцев на землях Право- и Левобережной Кубани в период второй половины 1708–1712 гг. [Аваков, 2015]. Почти все они сделали массовый выбор в пользу крымского подданства: в ходе русско-турецкой войны 1710–1713 гг. казаки-некрасовцы активно задействовались ханами в боевых и иных действиях против России и ее подданных.

Отметим, что примерно в то же время, когда начиналась история некрасовцев, произошло еще одно примечательное событие: среди подданных Гераев появились другие казаки – запорожские. В конце февраля 1709 г. кошевой атаман Запорожской Сечи К. Гордиенко перешёл на сторону шведского короля Карла XII и гетмана И. С. Мазепы. В апреле 1709 г. российскому послу в Стамбуле П. А. Толстому стало известно о присылке к султану нарочного от крымского хана с сообщением «о казаках запорожских, что де оные желают бытии в подданстве у крымского хана...» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1709 г., д. 1, л. 126об.]. Тайный осведомитель посла в апреле 1709 г. докладывал, что просьба казаков о подданстве может быть удовлетворена, если «оные казаки похотят быть все мусульманами, тогда-де не принять их будет по закону невозможно» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1709 г., д. 1, л. 137]. 14 мая 1709 г. российские войска, действуя в соединении с казаками нового гетмана И. Скоропадского, разрушили Чертомлыкскую Сечь. Часть сечевиков сумела выскользнуть из осады и спасись бегством на крымскую территорию. После Полтавского сражения к ним присоединились запорожцы, прини-

мавшие участие в сражении под Полтавой вместе с кошевым К. Гордиенко. Как справедливо пишет В. И. Мильчев, особой радости по поводу появления неожиданных визитеров не испытали ни турки, ни Крымское ханство – такая несанкционированная акция была чревата внешнеполитическими обострениями с Россией [Мильчев, 2006, с. 588]. До 1711 г. статус запорожцев, находившихся под крымской протекцией, оставался неопределенным. В случае с запорожцами Девлет Герай II действовал с оглядкой на Стамбул, опасаясь, что новая (Олешковская) Сечь находилась в одном дне конного перехода от собственно Крыма. Недаром ещё в 1711 г. хан Девлет Герай II намеревался «Новую Сечь на Олешках разорити, а на старом местцу, какое войскамы царского величества разорено, запорожцов осадити» [Мильчев, 2006, с. 589]. Впрочем, по Прутскому мирному договору 1711 г. запорожские казаки были признаны его подданными.

* * *

На протяжении более чем столетия политика Крымского ханства в отношении казачества претерпевала определенную эволюцию, сочетая как общие подходы, так и определенное своеобразие по отношению как к донцам, так и к запорожцам. Первоначально, по мере возникновения и развития казачьих сообществ во второй половине XVI – первой XVII вв. крымская стратегия была более монолитной, когда военное противодействие сочеталось с дипломатическими попытками добиться от Варшавы или Москвы обуздания их своевольных подданных. Однако уже в этот период, с 1620-х гг. в этой политике появляются нюансы: в глазах Бахчисарая возрастает политическая субъектность запорожцев. С ними заключаются союзы, а целые отряды днепровских казаков поступают к хану на службу. Эти особенности проявляются и впоследствии, когда в ходе острой конфронтации периода конца 1650-х – начала 1680-х гг. Крымское ханство сохраняет традиционную уже враждебность к донцам, тогда как в отношении запорожцев закрепляются намеченные ранее политические подходы, выражаясь в попытках установить над Сечью ханский протекторат. В значительной степени это было связано с общей вовлеченностью Бахчисарая

в борьбу за Украину: польскими подданными сечевые казаки при ханском дворе уже не считались, а московскими – еще не стали. Это открывало возможность перед крымским ханом расширить собственную сферу влияния на Нижнем Днепре.

Важную роль в реализации крымской политики в отношении казачества играл ханский сюзерен – Оттоманская Порты. Именно усилиями османских инженеров при военной поддержке крымской орды в течение рассматриваемого периода, и особенно во второй половине XVII в., в устье Днепра и Дона были созданы целые системы оборонительных укреплений, надежно перекрывавшие или серьезно затруднявшие выходы запорожских чаек и донских стругов в Черное и Азовское моря. В целом рассмотренные выше внутри- и внешнеполити-

ческие обстоятельства стали причиной общего угасания военной активности казачества, происходившего на фоне усилий и нарождавшейся Российской империи, и слабевшей Османской империи сузить сложившийся буферный ареал Дикого поля в первую очередь путем установления в регионе четких и осозаемых границ. Все это вкупе с ощущением и донцами, и запорожцами угрозы своему автономному существованию со стороны набирающей силу России сформировало почву для сближения и перехода в ханское подданство значительных групп донских и запорожских казаков. Процесс этот увенчался отступлением на Кубань казаков-некрасовцев после подавления Булавинского восстания и переходом под власть Крыма запорожцев в результате разорения царскими отрядами Запорожской Сечи.

8.9. Крымское ханство, Россия и Османское государство в последней трети XVII в.

М. Р. Яфарова

До середины 60-х гг. XVII в. Османская империя не вела активной политики в Восточной Европе, в значительной степени возложив ответственность за дела в этом регионе на крымских ханов [Орешкова, 2001, с. 19]. От пограничных земель России и Речи Посполитой внутренние территории ханства отделяла широкая полоса степи, в которой происходили частые пограничные столкновения. Во многом из-за этого, состояния войны и мира между Крымским ханством и Россией с Речью Посполитой их земли не были строго разграничены, и дипломатические взаимоотношения между этими государствами часто развивались на фоне вооруженного противостояния.

К середине 60-х гг. Москва и Варшава, исчерпав вооруженный конфликт, начавшийся с восстания Б. Хмельницкого, искали мира и пытались стабилизировать положение в Восточной Европе. В связи с этим они предпринимают попытки к прямому вовлечению османских властей во внешнеполитические дела Крымского ханства.

Особенно ярко это отразилось в Андрусовском договоре 1667 г., где Речь Посполитая и Россия прямо связали возможность наступления мира в регионе с влиянием Порты на Крымское ханство. В 19-й статье договора предполагалось обратиться к турецкому султану с просьбой, чтобы он, «прежнее приятство подтвердив, хану крымскому приказал в соседстве спокойно пребывать, и жестоко заказал, чтоб до войны никакого случая не давал» [ПСЗРИ, 1830в, № 398. Стб. 665]. В то же время это можно рассматривать, как желание Москвы и Варшавы заставить Порту отказаться от прямого вмешательства в восточноевропейские дела [Флоря, 2018, с. 74].

Допуская определенную самостоятельность ханства, Стамбул, как отмечает С. Ф. Орешкова, не вмешивался во внешнеполитические дела ханов, «пока они не входили в противоречие с интересами Порты в регионе» [Орешкова, 2001, с. 10]. Однако с середины 60-х гг. XVII в. основной вектор стамбульской политики становится иным, и заметно увеличение интереса осман-

ского правительства к восточноевропейскому региону. К этому времени Османская империя преодолела кризисные явления, апогей которых пришелся на середину XVII в.. Реформы великого визиря Мехмеда-паши Кёпрюлю (1656–1661), продолженные его сыном Фазыл Ахмет-пашой (1661–1676) и зятем Кара Мустафой-пашой (1676–1683), позволили преодолеть децентрализацию и кризис, упорядочить государственный аппарат и восстановить финансовую систему [Орешкова, 2001]. Но они также вызвали потребность в новых территориях для восстановившейся тимарной системы. В значительной степени именно это повлекло за собой новую волну экспансионистской политики и череду войн со странами Центральной и Восточной Европы [Ихсаноглу, 2006, с. 42].

Интерес Порты к расширению европейских владений совпал с устремлениями части украинского казачества, разочарованного в сотрудничестве как с Россией, так и с Речью Посполитой. В 1669 г. в подданство Османской империи перешел правобережный гетман Петр Дорошенко, ставивший своей целью, воссоединения Правобережной и Левобережной Украины под своей гетманской булавой; его статус был приравнен к правителям Молдавии и Валахии [Kołodziejczyk, 2011, с. 181]. Это положило начало активному вмешательству Порты в восточноевропейские дела. По мнению турецкого исследователя М. Инбаши, османам было важно зафиксировать свое присутствие на Украине, поскольку это не только позволяло им расширить северные границы империи, но и давало возможность прямо контролировать свои вассальные территории – Дунайские княжества и Крымское ханство. Кроме того, османское правительство стремилось создать удобную базу для участия крымских сил в турецких походах в Европе [İnbaşı, 2003, s. 18–19; Орешкова, 2001, с. 19].

В то же время в конце 1660-х – начале 1670-х гг. Стамбул и Бахчисарай по отношению к Москве действовали преимущественно дипломатическими средствами и на фоне ухудшения польско-османских отношений демонстрировали дружелюбие московской стороне. В частности, турецкий султан Мехмед IV неоднократно заверял царя Алексея Михайловича в своей друж-

бе [Флоря, 2018, с. 75–76], а с крымским ханом Адиль Гераем был заключен в 1670 г. мирный договор [Ходырева, 2001, с. 83–90]. Однако, как отмечает Б. Н. Флоря, в Москве реально оценивали османскую угрозу безопасности своих границ [Флоря, 2001, с. 99].

Положение в восточноевропейском регионе резко изменилось в 1672 г., когда начался поход османских войск во главе с турецким султаном Мехмедом IV против Речи Посполитой. По требованию султана в нем приняли участия почти все войска Крымского ханства [Флоря, 2001, с. 108]. Во время кампании 1672 г. османские войска овладели Каменцем-Подольским, оккупировав близлежащие территории, и осадили Бучач и Львов. Успех османов на Украине привел к заключению в октябре 1672 г. Бучачского мирного договора, согласно которому Подолия с центром в Каменце-Подольском перешла в состав Османской империи, образовав Каменец-Подольский эялет [Kołodziejczyk, 1994]. Над большей частью Киевщины и Брацлавщины был признан османский сюзеренитет, при этом владения Петра Дорошенко сохранили автономию. По существу, с 1672 г. Турция начала войну за захват всей Украины.

В развернувшейся польско-турецкой войне Россия Москва предприняла ряд шагов по выполнению своих обязательств по отношению к Речи Посполитой. Речь в первую очередь идет о попытке московской стороны воздействовать на турецкое и крымское правительства дипломатическим путем. Алексей Михайлович направил посольства в Стамбул и Бахчисарай с предложениями прекратить военные действия против Польско-Литовского государства, угрожая при этом вмешательством России. Кроме того, калмыцкие и казацкие отряды предприняли походы на Азов и Крым. Однако на итоги военной кампании 1672 г. предпринятые меры практически не повлияли [Флоря, 2018, с. 80].

При заключении Бучачского договора Речь Посполитая не учла интересов России и проигнорировала спорный статус переданных ею османам территорий. Это привело к тому, что в начале 1673 г. московская сторона известило Варшаву о том, что более не считает себя связанной условиями Андрусовского договора, тем

самым включаясь в новый виток борьбы за Правобережье [Флоря, 2016, с. 76].

В то же время, желая защитить свои границы, Москва вступила в противостояние с Османской империей. В 1672–1676 гг. возникло, по сути, несколько локальных конфликтов, развернувшихся на трех театрах военных действий – Азовском, Крымском и на правом берегу Днепра. Однако прямого столкновения между основными армиями двух держав не произошло. Несмотря на то, что Москва направляла на Азовский театр военных действий регулярные войска, Порты ограничивалась только отправкой в Азов дополнительных янычарских корпусов и организацией действий своих вассальных контингентов [Смирнов, 1946б, с. 127–129, 132–133; Загоровский, 1980, с. 76–86; Лобин, 2010, с. 29–42]. В то же время, когда в 1674 г. османская армия вступила на территорию Украины, не желая допустить взятия гетманской столицы П. Дорошенко, Чигирина, осаждавшими его русско-украинскими войсками. Вследствие этого соединенная армия кн. Г. Г. Ромодановского и гетмана И. Самойловича отошла на левую сторону Днепра.

Напротив, силы Крымского ханства активно задействовались османами. В 1673 г. войска крымского хана Селим Герая по указанию стамбульского двора совершили поход на русские приграничные территории и, прорвавшись через укрепления Белгородской черты, разорили Новооскольский, Верхососенский и Усердский уезды [Загоровский, 1969, с. 285–286; Загоровский, 1980, с. 81, 285–286; Новосельский, 1994, с. 106]. Затем основные силы ханства были использованы в войне против Речи Посполитой.

Это делало полуостров уязвимым, и Москва рассматривала возможность в 1674–1676 гг. организовать крупный поход на Крым [Максимов, 1993, с. 77–90]. В 1674 г. было организовано совместное нападение калмыков и черкесов на Перекоп [КРО, 1957, с. 336–338]. В 1675 г., воспользовавшись тем, что «крымской хан и нурадын и калга со всеми ордами вышел в Украину и ныне стоят на Подолью» [КРО, 1957, с. 349], в Крым отправилось небольшое войско во главе с кн. К. М. Черкасским, при подходе к полуострову при нем осталось «ратных людей <...> астарыханских и терских, и уфинцов и саратовцов 546

человек, да калмык 100 человек» [КРО, 1957, с. 352–353], позднее к ним присоединились запорожские казаки вместе с кошевым атаманом И. Серко [КРО, 1957, с. 352]. В целом поход закончился удачно, объединенным войскам удалось вступить на Крымский полуостров, разрушив крымские заставы, и они «крымские улусы воевали, жгли и секли и в полон имали» [КРО, 1957, с. 353; Максимов, 1993, с. 82–85]. После этого похода в московских кругах с большим энтузиазмом стали рассматривать возможность наступательной войны против Крыма. К примеру, думный дьяк Григорий Богданов обратился к узденям кн. К. М. Черкасского с просьбой «свою братью узденей наговаривать», чтобы они «на Крым ходили почасту и промысл над неприятели чинили со всяким радением» [КРО, 1957, с. 352–353]. Более того, в декабре 1676 г. был разработан новый план военного похода [Максимов, 1993, с. 87–89; Флоря, 2001а, с. 121]. Однако успех 1675 г., видимо, во многом зависел от отсутствия на полуострове основных сил Крымского ханства; кроме того, Москве было затруднительно развернуть наступательную операцию на южном направлении в этот период, так как она была скована военными действиями, разворачивавшимися на правом берегу Днепра.

Уже к 1674 г. стало ясно, что число сторонников П. Дорошенко и приверженцев проосманской ориентации в украинском обществе сокращается [Флоря, 2016, с. 76–77]. Весной в Переяславле, где собрались представители почти всех правобережных полков, И. Самойлович был избран гетманом обеих сторон Днепра, и в сентябре 1676 г. П. Дорошенко, окончательно лишившись поддержки правобережной старшины и потерявший надежду дожидаться помощи от османов, капитулировал перед войсками кн. Г. Г. Ромодановского и гетмана И. Самойловича, сложил с себя гетманские клейноты и присягнул на верность московскому государю.

Почти одновременно с этим, в октябре 1676 г. после еще одного похода османских войск против Речи Посполитой, во время которого турками были разорены 70 польских городков и местечек [АЮЗР, 1884], был заключен Журавенский мир, закончивший польско-турецкую войну 1672–1676 гг. В нем с некоторыми изменениями

повторялись условия Бучачского договора: за Османской империей закреплялось Подольское воеводство с Каменецкой крепостью, а также значительная часть Правобережной Украины. Речь Посполитая, таким образом, перестала участвовать в борьбе за Украину [Флоря, 2016, с. 89]. Прямое столкновение Османской империи и Российского государства оказалось неизбежным.

Чигиринский поход 1677 г. стал первым открытым столкновением между русской армией и османскими войсками. Несмотря на то, что война не была объявлена ни одной из сторон, на Украине появилась 40-тыс. полевая армия Османской империи во главе с бейлербеем Силистрии Ибрагим-пашой и крымским ханом Селим Гераем: Порта была намерена добиться возвращения под свою власть бывших земель гетмана П. Дорошенко с помощью прямого военного вмешательства. Для достижения этой цели в начале 1677 г. по приказу султана Мехмеда IV был расстрижен Юрий Хмельницкий, сын Богдана Хмельницкого, успевший к этому времени принять постриг в одном из греческих монастырей. Он был расстрижен, ему были вручены знаки гетманской власти и пожалован титул князя «Малороссийской Украины».

Первые турецкие разъезды появились под Чигирином 30 июля, основные силы без крымского хана подошли к крепости 3 и 4 августа и «стали табарами на крымской стороне за рекою Тясмою» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 847. Л. 354]. Стоит отметить, что основные войска крымского хана подошли позже, встав под Чигирином 10 августа [РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 847. Л. 373–375]. Оборона Чигирина длилась больше трех недель, при этом гарнизону удалось успешно отразить многочисленные приступы османов. Поворотным пунктом в кампании стали бои, развернувшиеся после подхода русской армии к Днепру 25 августа и продолжавшиеся до 28 августа, когда русскими войсками был занят один из вражеских лагерей. Серия столкновений не переросла тем не менее в генеральное сражение.

Турецкие источники сообщают, что в ночь с 28 на 29 августа собрался военный совет османского войска, на котором крымский хан Селим Герай предложил отступить, не дожидаясь

полного разгрома от русско-украинской армии [Смирнов, 1887, с. 590]. Предложение хана было признано благоразумным, и османская армия 29 августа начала отступление. Имея в тылу силы свежего противника, турецко-татарская армия бросила обоз и значительную часть припасов и отходила с максимально возможной скоростью.

Некоторая пассивность татарского командования, вызванная, видимо, нежеланием участвовать в этой военной кампании, прослеживается в источниках достаточно ясно. Крымская знать выступала против расширения османского присутствия в Восточной Европе, так как «окруженный с разных сторон владениями султана Крым перестал бы быть нужным империи как военный форпост и мог быть обращен в обыкновенную провинцию» [Флоря, 2001, с. 88]. Так, поражение обострило отношения между турецким командующим и крымским ханом Селим Гераем. Расходясь на реке Ингул, по словам татарских и турецких языков, «Имбраим паша ханови з грозою говорил: есть ли в справе цареви незычливым знать ж, что хоцет поднять булавы на Порту, что без ведома салтанского и нашего ссылався с христьянским царем Московским, чево прежняя ханы учинити не посмели, тое ты таперь чинить хочячи отдать на откуп господ московских Шеремета и князя Рамодановского, но увидишь как тебе за тое воздастца, как салтану турскому о том ведомо учинитца. Жалобу творил тако ж, де, и для того на хана, что не послал заранея орды за Днепр и не брал ведомости о войсках казацких и московских, и что в то время ведомо учинил, как все силы к Днепру стали и переправлялися, от того он с турками тревожился и устранил чють <...>. И для того хан и он в достойном упрямстве были» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 872. Л. 247]. Долгий и тяжелый поход, не принесший никакой добычи и закончившийся явным провалом, также не мог способствовать росту популярности османской политики и среди основной массы крымских татар. Отставшие при отступлении турецкие отряды настигались русскими войсками или даже уничтожались самими татарами¹.

¹ Д. Н. Бантыш-Каменский без ссылок на источники писал, что после отступления турок в 1677 г. «при переправе через Днестр татары, мстя туркам за свою потерю, обращают против них оружие и многих убивают» [Бантыш-Каменский, 1993, с. 169].

По итогам кампании 1677 г. крымский хан Селим Герай был сослан на о. Родос. Как представляется, относительно мягкий приговор был связан с тем, что, Стамбуле соотносили неудачу этой кампании не только с деятельностью командующих, но и с явными просчетами в организации самого похода [Яфарова, 2017, с. 115–190].

В апреле 1678 г. Османская империя, стремясь к реваншу за понесенное в 1677 г. поражение под Чигирином, официально объявила войну России [Vuslati, 2003, s. 10]. В Чигиринском походе 1678 г. османы направили на Украину 120-тысячную армию под командованием великого визиря Кара Мустафы-паши. Крымский хан Селим Герай был смещен со своего престола, на его место был поставлен Мурад Герай, «торжественное наречение которого произошло в январе 1678 г.» [Смирнов, 1887, с. 591]. Поскольку Мурад Герай длительное время пребывал в Турции, очевидно, османские власти ожидали от него прямого следования своему внешнеполитическому курсу, что должно было помочь в дальнейшем избежать противоречий в среде турецко-татарского командования.

Османская империя ставила перед собой задачу не только овладеть Чигирином и утвердить в нем Ю. Хмельницкого, но и двинуть свои войска на Киев и Левобережье. Османский поход на Чигирин 1678 г. по подготовленности, количеству привлеченных сил, масштабу поставленных перед командованием задач существенно превосходит поход 1677 г., и может быть отнесен к числу крупнейших военных операций последней четверти XVII в. в Восточной Европе. Естественно, значительным было и участие крымских сил во главе с новым ханом Мурад Гераем; численность войска, отправившегося в поход, достигала около 40 тысяч человек.

Передовые отряды османов появились под Чигирином 8 июля, главные силы великого визиря Кара Мустафы-паши подошли к крепости 9 июля [Proski, 1907, s. 368]. В течение июля – августа 1678 г. между русско-украинскими и османскими войсками происходили жестокие столкновения. В ночь с 11 на 12 августа войскам Кара Мустафы-паши удалось взять Чигирин, однако большая часть гарнизона была выведена из крепости и соединилась с основной полевой ар-

мией. Падение Чигиринской крепости поставило армию кн. Г. Г. Ромодановского и гетмана И. Самойловича в сложное положение. Теперь приоритетной задачей становились защита Левобережья и Киева и сохранение боеспособной армии; они отступили к Днепру. Воевода и гетман сумели отойти с минимальными потерями, не потеряв обозов, перед лицом численно превосходящего и воодушевленного победой противника. Столкновения на Днестре 14–19 августа продемонстрировали, что ни одна из сторон не способна нанести решительного поражения другой [Яфарова, 2017, с. 190–303].

Ввиду наступающей зимы армия великого визиря не могла надолго задержаться на Украине, тем более что снабжение по Днепру, на которое рассчитывало османское командование, оказалось невозможным из-за действий запорожцев [РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 1002. л. 51–52, 55]. В то же время попытка русско-украинских войск отстоять одну из крупнейших крепостей Правобережья также не увенчалась успехом, при этом московское правительство с конца 1678 г. отказалось от ведения боевых действий и расширения сферы своего влияния на Правобережье.

Османам не удалось поставить Ю. Хмельницкого гетманом в Чигирине, и его гетманская столица была утверждена в Немирове, находящемся далеко на запад от Днестра, на южном Буге. При этом для «остерегательства и для добытия отсюду частых ведомостей» в помощь Ю. Хмельницкому были оставлены крымские и ногайские татары, всего около тысячи человек [РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 1205. л. 752]. Также великий визирь заверял Ю. Хмельницкого в том, что он получит дополнительную поддержку из Крыма зимой 1678/79 гг.: «салтан, которой на заставе в Крыму чрез все лето стоял, к нему в Немиров будет» [АЮЗР, 1884]. Из этого следует, что территория, отданная Хмельницкому, становилась периферийной зоной, для защиты которой османы в данный период были готовы использовать только войска Крымского хана и воинские формирования Каменец-Подольского эялета. Вероятно, такая расстановка сил устраивала крымские власти, которые могли надеяться подчинить деятельность Ю. Хмельницкого интересам ханства.

В целом Чигиринский поход 1678 г. завершился

целый этап первого русско-турецкого конфликта, который характеризовался военным наступлением османской армии на Украину. С октября 1678 г. противостояние между Османской империей и Россией приняло пассивный характер, открытых столкновений между основными армиями двух держав в этот период не произошло. Основные усилия Москвы теперь были направлены на организацию обороны Киева и защиту левого берега Днепра. Вместе с тем участие в военных действиях с Османской империей подтолкнуло русское правительство к целому ряду преобразований в военной сфере, а также к строительству Изюмской черты, прикрывшей обширный участок Московского государства к югу от Белгородской черты. Как отмечает Б. Н. Флоря, «русские границы приближались к крымским владениям, и планы похода на Крым становились реальными» [Флоря, 2001а, с. 140].

Османе же не пытались в этот период укрепить свои позиции на Правобережье ни путем создания сильного военного присутствия, ни при помощи активной военной поддержки Ю. Хмельницкого, который действовал на Украине в 1679–1680 гг. главным образом с помощью крымских татар. Основные действия турок в 1679–1681 гг., по сути, свелись к обеспечению безопасности своих черноморских владений. В то же время, не вступая с Москвой в открытое столкновение, Порта пыталась с помощью Крымского ханства и оставленного гетманов на правом берегу Днепра Ю. Хмельницкого ослабить Российское государство и Левобережье путем частых набегов и увода населения.

Таким образом, несмотря на то, что активные военные действия между русско-украинскими войсками и османами завершились с уходом армии великого визиря Кара-Мустафы осенью 1678 г., война продолжалась еще более двух лет. За это время определилась позиция Москвы. Военные усилия в 1677–1680 гг. создавали для московского правительства большие финансовые сложности; сосредоточение основных сил на Украине ослабляло оборону других участков границы, создавало сложности со снабжением, кроме того, армия пребывала в постоянном ожидании нового нашествия на Киев, которое в итоге так и не состоялось. Московская сторона в целом

была заинтересована в мирном разрешении конфликта, однако, не на любых условиях.

Османская империя также была заинтересована в заключении скорейшего мира с Россией, чтобы полностью переключить свое внимание на борьбу с Австрийской империей. Весной 1679 г. в Москву прибыл крымский посол Садык-ага с предложением крымского хана о том, что он выступит как посредник на мирных переговорах между Россией и Османской империей [Флоря, 2019, с. 80].

Заключение Бахчисарайского договора проходило в два этапа. Сначала переговоры велись в Бахчисарае, где при посредничестве крымского хана были выработаны и представлены основные статьи договора. Следующим этапом должна была стать ратификация договора османским правительством.

Начало переговорам было положено в сентябре 1679 г., когда в столицу Крымского ханства было направлено посольство во главе с И. Сухотиным. Однако переговоры шли тяжело, на смену миссии И. Сухотина в августе 1680 г. было отправлено посольство стольника и полковника Василия Тяпкина, дьяка Никиты Зотова и писаря Запорожского гетмана Ивана Самойловича Семена Раковича. В ходе переговоров московские дипломаты, следуя царскому наказу, требовали признание за Россией части Правобережной Украины в границах по рекам Рось, Ирпень, Тясмин, Чута, Ингулец и Носаковка. Послам следовало «стоять при том упорно, чтоб по тому последнему объявлению разграничение учинить. А буде того учинить не похотят, а учнут хановы ближние люди говорить, чтоб рубеж быть по Днепр, и посланником велено стоять при прежнем своем последнем объявлении и за тот рубеж из великой крепости обещать дачу казною» [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 20. л. 779]. Как видно, московское правительство исходило прежде всего из возможности отстоять часть Правобережья, предполагая усилить свою позицию денежными выплатами.

Однако татарская сторона оказалась категорична – границей между османскими и русскими владениями должен был стать Днепр. Московское правительство рассматривало такой вариант, поэтому в дополнительном наказе В. Тяп-

кину предписывалось: «буде по большому наказу договору не учинят, <...> и говорить по самой последней мере, чтоб учинить с салтаном перемирье на 20 лет, а в те перемирные лета быть и границе меж государства царского величества и салтана Турского Днепру» [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 20. Л. 779об. –780].

В образцовой шерстной грамоте, которая была подана крымскому хану в начале января 1681 г., фигурировали несколько пунктов, касающихся разграничения территорий между Москвой и Стамбулом. Подчеркивалось, что границей между обеими державами должна стать река Днепр. При этом предполагалось, что территория Правобережья будет превращена в буферную незаселенную зону: «от реки Бога и до рубежа реки Днепра и по Днепру нигде салтану и хану вновь городов своих не ставить, и старых казацких разоренных городов и местечек не починивать, и поселения людем никакого народу на помянутых казацких землях не чинить, и оставить их пусты. И с стороны царского величества перебешиков не принимать, и поволить того чинить никому не велеть» [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 20. Л. 704]. Киеву с монастырями и с «разоренными городками ниже Киева, с Василковым, с Трипольем, с Стайками и с селами, к ним исстари належащими, быти в стороне и в державе царского величества» [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 20. Л. 784]. Отдельным пунктом оговаривалась принадлежность территорий, находившихся севернее Киева, а также Запорожья за Московским государством: «которые городки и местечка обретаютца выше Киева, и до тех городков и местечек салтану Турскому и хану дела нет. Также и запорожские низовые казаки в Сече и около Сечи, в ыных урочищах внизу реки Днепра пребывающих, имеют быть в стороне и в державе его же царского величества. И салтану Турскому и хану до тех низовых казаков ныне и впредь дела нет» [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 20. Л. 784–784об.]. Стоит отметить, что крымский хан устно заверил московских дипломатов, что «та грамота добра, и ко отпуску их будет она готова» [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 20. Л. 784об.].

Однако в шерстной грамоте, которая была вручена послам 1 марта, большая часть пунктов о размежевании границы, представленных ранее московской стороной, отсутствовала [РГАДА.

Ф. 89. Оп. 1. Кн. 20. Л. 784об.]. Так, в грамоте не упоминались поселения, расположенные выше Киева, отсутствовала статья о Запорожье. Более того, в ней упоминалось, что строительство и заселение городков не должно совершаться «по обоим сторонам» Днепра [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 20. Л. 704], а не только на правом берегу, как хотело московское правительство. В. Тяпкин и Н. Зотов изначально отказались принять данную грамоту, настаивая, чтобы «написана была шерстная ханова грамота против их посланьчи образцовые грамоты; и посланником в том отказали» [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 20. Л. 787об.]. Однако под давлением татарской стороны дипломаты уступили и приняли ее².

Таким образом, несмотря на подписание перемирия в Бахчисарае в начале 1681 г., граница между Россией и Турцией, по мнению Москвы, не была определена окончательно. С крымским ханом была установлена лишь краткая запись о границе, при этом, он в личном разговоре с московскими дипломатами подчеркнул, что «которые, де, статьи против их посланничьей образцовой шерстной грамоты въ его ханскую шерстную грамоту не внесены, и то, де, будет написано и подтвержено в салтанове грамоте Турского» [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 20. Л. 788 об.]. Он также сообщал, что вопросы, связанные с Запорожьем и территориями, находящимися рядом с Киевом, турецкое правительство не интересуют: «салтан употребляет вскоре толко одной ведомости о меже, а об иных мирных договорах за ево салтанову сторону и за крымские юрты имеет полную мочь он, хан» [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 20. Л. 785]. В итоге в ханской грамоте, направленной в Москву после заключения мира, утверждалось «и от Киева до Запорожья Запороги ваши же». Это отражало реальную расстановку сил и соответствовало представлениям крымской знати о

² В статейном списке стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова описывалось, что крымские власти настаивали на принятии грамоты «с большим гневом и упорными словами». При этом они заявляли, что «всякой государь волен на своем государском престоле и делает что хочет. <...> А буде, де, вы [послы] заупрямитесь и таких грамот не примете, и те, де, грамоты писаны будут к великому государю вашему, к его царскому величеству, с его ханскими послы, а вас, де, за упрямство ваше велят держать в кандалах и зашлют в вечную неволю» [Тяпкин, Зотов, 1850, с. 216].

том, что данный регион находится в сфере влияния, прежде всего, Крымского ханства. Как представляется, в Бахчисарае исходили из того, что утверждение договора в Стамбуле должно быть формальным. Однако позиция самого османского двора для московского правительства относительно разграничения территорий на Украине оставалась не вполне ясной.

Заключение Бахчисарайского договора знаменовало отказ Порты от планов захвата всей Украины и закрепляло политическое разделение украинских территорий. Московское государство удержало Левобережье и Киев, под прямым османским управлением по-прежнему осталась только территория Каменец-Подольского эялета, а Правобережное гетманство, сильно разоренное в ходе войны, сохранило свою автономию под властью султана.

При этом ратификация Бахчисарайского договора в Стамбуле продемонстрировала разный взгляд крымских и турецких властей на судьбу Правобережной Украины и запорожцев. Крымское ханство было готово договариваться с Москвой о том, чтобы не заселять эту территорию, при этом признавая за российским правительством власть над запорожцами. Как представляется, это связано с тем, что оно не было заинтересовано в расширении турецкого присутствия в Восточной Европе и, в частности, укреплении их власти на правом берегу Днепра. В Стамбуле смотрели на этот вопрос иначе. Утвердив свои права на Правобережье в Бахчисарайском договоре, Османская империя предприняла последнюю попытку закрепиться на правом берегу Днепра, сместив правобережного гетмана Ю. Хмельницкого и передав его земли в 1681 г. под власть молдавского господаря Георгия Дуки [Костомаров, 1905, с. 328–331]. У правительства Кара Мустафы-паши, как представляется, сохранялись надежды на расширение и укрепление своего присутствия в этом регионе.

Таким образом, посольству П. Б. Возницына не удалось ни отстоять часть территории Правобережья и Запорожья, ни добиться превращения Правобережной Украины в буферную зону между крымско-турецкими и русскими владениями; посол получил совсем не такой текст договора,

какой ожидало русское правительство. Как представляется, русские дипломаты рассчитывали, что Порта принудит хана к исполнению условий договора, и полагали, что прямые постоянные контакты Москвы и Стамбула положат конец пограничной войне. Однако эти надежды не оправдались, в первые годы после заключения договора османская сторона не предпринимала никаких усилий для поддержания мира в этой части Восточной Европы.

В первой половине 1680-х гг. между Москвой и Стамбулом сохранялись напряженные отношения. Османское правительство на протяжении 1681–1683 гг. пыталось активно осваивать территорию правого берега Днепра и заселять ее валашскими переселенцами [Соловьев, 1991, с. 378–379; Костомаров, 1905, с. 328–331; Кочегаров, 2019б]. Одновременно с этим не утихали пограничные конфликты с Крымским ханством. К примеру, зимой 1681/82 гг. многочисленный татарские отряды действовали в районе новой Изюмской черты, весной 1682 г. приходили под Маяцкий городок к Торским соляным озерам [Новосельский, 1994, с. 114–115; Загоровский, 1980, с. 214–216]. Попытки московских властей разрешить конфликт, согласно Бахчисарайскому договору, путем ведения переговоров были осложнены негативным отношением турецких властей к русским посланникам в этот период. Летом 1682 г. гонец Михаил Тарасов не был допущен в Стамбул, ему было заявлено, что «с стороны их государей московских ныне государю их Превысокой Порте дела не нужны» [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 24. Л. 19 об.], и османы «о частых московских посольствах дивуютца потому, что между ими, государи, учинен мир» [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 24. Л. 45]. Более того, российским властям пришлось возвращать в Москву отправленное в 1683 г. в Стамбул великое посольство во главе с окольниковым Кириллом Хлоповым и дьяком Василием Посниковым из-за отказа Порты принять его [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 24. Л. 39об.–40]. Отправленный в османскую столицу в 1683 г. подьячий Алексей Васильев был на несколько месяцев задержан османскими властями из-за подозрений, что Россия участвовала в Венской кампании на стороне христианских

государств [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 24. Л. 95, 97 об.–98]. Это свидетельствовало о временном характере достигнутых договоренностей между Россией и Турцией.

В сложившейся ситуации, не рассчитывая на успешный исход переговоров с османским правительством, московские власти начали активное сближение с Речью Посполитой [Кочегаров, 2008] и тоже перестали придавать большое значение Бахчисарайскому договору. Отправленный в конце 1685 г. в Османскую империю подьячий Никита Алексеев, хотя и должен был попытаться решить вопрос о нарушении османами условий Бахчисарайского договора, прежде всего должен был заниматься вопросом Киевской митрополии [Воссоединение, 2019]. Ему даже не были даны специальные инструкции для переговоров с османским правительством о Бахчисарайском договоре, ему следовало только передать грамоты султану и великому визирю.

Однако ситуация складывалась по-другому. Сосредоточив все свои силы на центральноевропейском регионе, в том числе и значительные силы Крымского ханства, и начав в 1683 г. войну против Священной Римской империи и Речи Посполитой, Османская империя рассчитывала полностью завоевать Венгрию и в дальнейшем продолжить экспансию в Европу. Однако османские войска потерпели тяжелое поражение под Веной в 1683 г., великий визирь Кара Мустафа-паша был казнен [Uzunçarsili, 1988, s. 389–406; Гусарова, 2001]. Создание весной 1684 г. антиосманской Священной Лиги, в которую наряду с Австрией и Польшей вошла Венеция, положило начало постепенному отступлению османов из Центральной Европы и повлекло за собой нарастание внутреннего кризиса в самой империи. Более того, к этому времени османский контроль над землями Правобережной Украины

был в значительной мере утрачен. Как отмечает С. Ф. Орешкова, обезлюдившие и разоренные украинские земли не оправдали экономические расчеты османского правительства [Орешкова, 2001, с. 36]. В этой связи желание Порты удерживать московское правительство от вступления в антиосманскую Лигу привело к тому, что вопреки ожиданиям Москвы, османская сторона в 1686 г. пошла на значительные уступки. Грамотами турецкого султана и великого визиря утверждались отвергнутые ранее османским правительством статьи Бахчисарайского договора: османы отказывались от возведения на правом берегу Днепра различных строений и освоения этих территорий, запрещали крымским татарам совершать набеги на приграничные города. Кроме того, крымским татарам предписывалось не брать пошлин с казаков, которые охотились или рыбачили на правом берегу Днепра [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 25. Л. 470 об.–480].

В то же время длительное игнорирование Портой попыток московского правительства разрешить возникающие пограничные конфликты и наладить постоянные дипломатические контакты для их урегулирования привело к тому, что уже весной 1686 г., до возвращения подьячего Н. Алексеева из Османской империи, Москва проинформировала крымского посла о заключении русско-польского соглашения и намерении вступить в войну с Османской империей.

Заключение Вечного мира и вступление России в антиосманскую коалицию положило начало новой эпохе в русско-турецких и русско-крымских взаимоотношениях. Оно означало окончательный крах османских экспансионистских планов в Восточной Европе и, одновременно, меняло масштаб геополитического противостояния в этом регионе, основными участниками которых теперь становились Москва и Стамбул.

ГЛАВА 9. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КРЫМСКОГО ХАНСТВА В XVIII в.

9.1. Крымское ханство в первой трети XVIII в.

Р. Т. Дейников

Рубеж XVII–XVIII веков стал определяющим для Османской империи в целом и зависимых от нее государств, особенно расположенных в контактных зонах с усиливающимися европейскими державами. Карловацкое перемирие 1699 года является той вехой, после которой Стамбул перешел от прежней экспансии, освященной джихадом, к оборонительной стратегии с четко установленными границами. Не стало исключением и Крымское ханство. В 1700 году был заключен российско-османский Константинопольский мир [ПСЗРИ, 1830, с. 66–72; Павленко, 1976, с. 84–86]. В результате этого договора Крымское ханство теряло субъектность в своих внешнеполитических связях с Россией (статьи X и XI Трактата), а новые русские владения (Азов, Таганрог, Павловск, Миус и прилегающие земли) напрямую угрожали обширным степным районам ханства в Приазовье. Но самое главное – был нанесен сильнейший удар по сложноорганизованной набеговой политико-экономической системе государства Гераев.

Конечно, нельзя не согласиться с А. М. Некрасовым, который отмечал, что «сводить экономику ханства к паразитическому потреблению награбленного – это слишком упрощенно» [Некрасов, 2015, с. 157–158]. Но дело в том, что Крымское ханство на тот момент представляло собой довольно архаичное государственное образование, сочетающее в себе как признаки традиционной для начала XVIII в. мусульманской деспотии, так и элементы кочевнической политической организации. Зависимость ногайцев Буджака, Перекопской и Очаковской степей от Бахчисарая долгое время не могла идти дальше обыкновенного данничества. Попытка в Константинопольском трактате проведения четкого обозначения границ, обеспечения их неприкосновенности и

приведение поведения пограничных обществ в соответствие с новой моделью межгосударственных отношений привели к сокращению военной активности крымскотатарского и ногайского населения. Но набеги с территории Крымского ханства имели не столько грабительскую, сколько внутривосточную обусловленность, и их резкое сокращение в значительной степени подорвало престиж ханской власти и осложнило положение крымских ханов как предводителей своих подданных. Также это с неизбежностью способствовало более жесткому административно-политическому контролю со стороны Стамбула за Крымским ханством и, соответственно, со стороны Бахчисарая за своими фронтальными степными владениями, что приводило к серьезному сопротивлению с их стороны [Грибовский, 2008].

Так, ссора двух братьев – избранного в 1699 году ханом Девлет Герая II и калги-султана Гази Герая – привела к прямому мятежу ногайцев Буджака и Едисана против власти крымского хана. Причем в этой междоусобной борьбе стороны апеллировали не только к османскому султану, но и к гетману Украины (подданному российского царя), а ожесточение доходило до такой степени, что были уничтожены тысячи людей и множество ногайских кочевий [Санин, 1993а, с. 276–277].

В свою очередь непоследовательная позиция Стамбула в крымскотатарских делах, а также вынужденная переориентации крымского военного давления на слабо развитые земли Кабарды и Черкессии вызывали серьезное недовольство широких масс крымскотатарской элиты действиями Османской империи, которое иногда перерастало и в прямые мятежи. Девлет Герай-хан, который

после подавления мятежа 1701 г. смог взять под контроль все татарские орды Северного Причерноморья и Крыма, принял деятельное участие в стамбульской внутривосточной борьбе, в результате которой великим визирем стал сторонник немедленной войны с Россией Далтабан-Мустафа-паша. В дальнейшем хан провел мобилизацию и готовился к большому походу на территорию современной Украины, подогреваемый прямым покровительством великого визиря. В начале декабря 1702 г. Девлет Герай отправил в Буджак своего сына калгу-султана Сеядет Герая с 5 тысячами татар. Вокруг него начали собираться войска. На совете мурз было решено, что если на их просьбу начать войну с Россией будет дан отказ, то они перейдут Дунай и нападут на османские земли [Смирнов, 1887, с. 698].

Необходимо отметить, что, судя по всему, хан действительно стремился не к набегу, а к возобновлению полноценной войны с Россией, т. к. к 1702 году у него уже имелись налаженные дипломатические контакты со Швецией (с которой Россия находилась в состоянии войны) и Запорожской Сечью для координации военных операций против России [Возгрин, 2013а, с. 727]. Произошедшее в декабре 1702 года смещение со своих постов Далтабан-Мустафы-паши и Девлет Герай-хана не успокоило ситуацию, а привело к очередному бунту. Объединивший вокруг себя до 60 тысяч мятежников Девлет Герай осадил османские гарнизоны в крепостях Измаил, Килия, Очаков и готовился вторгнуться в задунайские земли. Новому османскому правительству пришлось провести крупномасштабную военную операцию против бывшего хана и его сторонников под руководством силистрийского сераскера Юсуф-паши. Мятежники были рассеяны, а Девлет Герай бежал на Северный Кавказ.

Новым ханом в четвертый раз в своей жизни стал отец смещенного Девлет Герая Селим Герай I. Престарелый хан, пользующийся уважением и в крымскотатарском обществе и в османском политическом истеблишменте, смог умиротворить Крым. Мятежные мурзы были помилованы, а Девлет Герай отделался ссылкой. Именно Селим Герай-хан убедил османское правительство в необходимости постройки новой крепости чуть севернее Керчи – Еникале. Эта крепость усилила

османский контроль над Керченским проливом и в то же время обеспечила дополнительную защиту восточно-крымского побережья от возможной атаки со стороны Таманского полуострова. При этом он продолжил антироссийскую политику сына, хоть и действуя более скрытно. Так, Селим Герай-хан в официальной переписке предложил шведскому королю свой союз и военную помощь [Herlitz, 1916, s. 263]. Но большего он сделать не успел – в 1704 году 73-летний хан скончался, а с ним, в значительной части, закончилась эпоха 200-летнего могущества государства Гераев.

Преемником Селим Герай-хана стал бывший мятежник и неприятель популярного в Крыму Девлет Герая Гази Герай III. Это стало возможным не только из-за нежелания Стамбула видеть на ханском престоле сильного и популярного правителя, но и из-за поддержки Гази Герая его братьями – Каплан Гераем и Менгли Гераем, ставшими соответственно калгой и нуредином. Гази Герай-хан пытался умиротворить крымскотатарское общество, но вместо этого существенно ослабил военно-административное и хозяйственное единство различных районов ханства, практически утратив контроль над рядом ногайских орд. Ногайская вольница привела к росту напряжения на границах с Россией и Украиной и к попыткам в 1706 году ногайцев Буджака получить независимость от хана и официально перейти в непосредственное подданство Османской империи [Смирнов, 1889, с. 4]. Все эти события и стали формальным поводом к отставке в начале 1707 года Гази Герая.

Ставший после него ханом бывший калга Каплан Герай I оказался слабым политиком. Он не смог привести к повиновению ногайцев и рассорился со всеми значимыми политическими силами в ханстве. При этом вел весьма агрессивную и недальновидную внешнюю политику. Так, Каплан Герай-хан вступил в переговоры с представителями башкир, восставших против российского самодержавия, а затем принял в Хан-Тепе бежавших донских казаков Кондратия Булавина [Смирнов, 1889, с. 12], что явилось прямым нарушением Константинопольского трактата. Более того, весной 1708 г. шведский король, начавший в 1707 году поход на Россию, впервые в истории прислал в Бахчисарай своего постоянного пред-

ставителя – явно для координации будущих совместных антироссийских действий [Возгрин, 2013, с. 730]. Но главное, что хан еще оказался и неудачливым полководцем. В 1708 году Каплан Герай-хан начал широкомасштабную военную экспедицию против князей Большой Кабарды – своих формальных данников. Однако в сентябре этого же года войска крымского хана были разбиты кабардинским ополчением в Приэльбрусье (Канжальская битва) [Пилипчук, 2016б, с. 234], что привело к незамедлительной отставке Каплан Герая I.

На ханский престол вновь взошел Девлет Герай II. И здесь очень показательный момент отметил современный исследователь С. Н. Чернявский. Девлет Герай начал второе правление с того, что попросил у султана позволения казнить главных соратников Каплан Герая, что свидетельствует об утрате на тот момент субъектности хана уже и во внутренних делах. По сути, теперь хан «занимает промежуточное положение между провинциальным губернатором и вассальным князьком» [Чернявский, 2016, с. 331]. Примерно те же процессы происходят и севернее – реформы Петра I 1700-х гг. практически лишили автономии и остатков реальной власти украинского гетмана. Эта должность в Российском государстве становится фактически номинальной.

Правление Девлет Герай-хана характеризовалось открытой подготовкой Крыма к войне с Россией в союзе со Швецией, чьи войска находились на Украине. Было на это получено и разрешение из Стамбула – весной 1709 года от великого визиря Чорлулу Али-паши хан получил приказ идти шведам на помощь со всей крымскотатарской армией [Nilsson, 1953–1954, s. 88]. Казалось бы, вот он шанс многое поменять в истории своей страны. Тем более, на Украине стоит шведская армия, в Варшаве ставленник Швеции король Польши Станислав I Лещинский, с октября 1708 года гетман Украины Мазепа и примкнувшая к нему Запорожская Сечь – союзники Карла XII. Однако пока шли турецко-крымско-шведско-украинские переговоры, где каждая из сторон стремилась выторговать себе наиболее выгодные преференции после победы над Москвой, в мае 1709 года российские войска разгромили Запорожскую Сечь, а 27 июня 1709 г. под Полтавой разбили

шведско-украинскую армию до подхода крымскотатарских войск (хан с основными силами остановился всего в 50 км от Полтавы в Кобыляках, ожидая от шведов более выгодных условий будущего договора). Можно предположить, что Карл XII оказался весьма раздосадован задержкой с крымскотатарской военной помощью, которая, возможно, стоила ему победы. Иначе сложно объяснить отступление остатков шведско-украинских войск не под защиту находившейся рядом крымскотатарской армии, а в османскую Румелию к сераскиру Бендер Юсуф-паше.

Ситуация сложилась парадоксальная. Фактически Стамбул нарушил условия Константинопольского трактата, приняв на своей территории Карла XII и мятежных казаков, а крымский хан открыто вел враждебную политику по отношению к России. Но Петр I не был готов к войне с Османской империей и, тем не менее, проводил диверсионную работу на османской территории с целью убийства или пленения шведского короля. Эти факты, а также активная агитация Девлет Герай-хана, лично прибывшего в Стамбул, привели к объявлению Османской империей войны России [Смирнов, 1889, с. 17–18].

В результате блестящих действий Девлет Герай-хана, просчетов командования и лично Петра I Россия потерпела военное поражение (Прутская кампания), утратив Азов и Таганрог. По Андрианопольскому миру 1713 г. к Османской империи отошла вся территория Запорожья и южная граница России теперь проходила посередине между реками Самара и Орель – очень далеко от Северного Причерноморья. Таким образом, практически победив в борьбе за Балтику, Россия полностью проиграла на южном направлении. И здесь происходит удивительная вещь – в 1713 году основной автор османско-крымскотатарского военного успеха Девлет Герай-хан и его ставленник бендерский сераскир Исмаил-паша были лишены своих постов султаном. В историографии сложилось четкое мнение о причине отстранения хана от власти – нанесение «обиды» (насильственное пленение) находящемуся «в гостях» в Бендерах шведскому королю Карлу XII [Смирнов, 1889, с. 23]. Представляется, что это был лишь повод. Девлет Герай-хан после Прутского сражения стал крайне популярным полити-

ком не только в Крымском ханстве, но и во всей Османской империи. Более того, он все больше определял политику Стамбула на ее северных окраинах (прямое лоббирование назначения молдавского господаря и бендерского сераскира, сильное влияние на османскую кадровую политику в Кафинском пашалыке и казиликах Тамани). И не только. Позиция хана по неперемому сопровождению шведского короля через польские земли многотысячным крымскотатарским корпусом не позволяла Петру I исполнить условия мирного договора с Османской империей по выводу российских войск из Польши (русский царь резонно полагал, что это приведет к реставрации в Польше союзника Швеции Станислава Лещинского). При этом объявление Стамбулом 31 октября 1712 г. очередной войны России «не учинилась от инаго, токмо от Хана крымского» [Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – АСПБИИ). Ф. 83. К. 20. Д. 276а. Л. 1], хотя очередная война была крайне непопулярна как в Стамбуле, так и в османской полевой армии. Очевидно, что активный крымский хан мешал очень многим влиятельным лицам в Стамбуле и, судя по всему, начал вызывать раздражение у султана. И здесь на фоне всего этого хан учинил настоящую бойню в Бендерах с применением полевой артиллерии при попустительстве местных османских властей. Многие шведы в ходе боев погибли, а король Карл XII попал в плен с двумя тяжелыми ранениями [Возгрин, 2013, с. 772]. Прекрасный повод для отставки.

Любопытно, что сразу после тонкого политика и талантливоего полководца Девлет Герая на роль нового крымского хана в Османской империи был выбран крайне непопулярный «антигерой» Канжальской битвы Каплан Герай I, что также косвенно свидетельствует о том, что Стамбулу уже не нужен был на крымскотатарском престоле самостоятельный политик – ханство все более и более превращалось в периферийную провинцию империи с декоративными элементами суверенитета. Этот хан и во второй срок своего правления показал себя не с лучшей стороны. Так, после заключения мира с Россией в 1713 году он не смог удержать часть своих подданных от крупного набега в район Астрахани. Причем на обратном пути татары с боями прошли вблизи Азова, заста-

вив османского коменданта Босняк-Реджеб-пашу запереться в цитадели. Попытки хана полностью перетасовать крымскотатарскую правящую элиту привели к бунту в 1714–1715 гг. части крымских татар и примкнувших к ним ногайцев в Черкессии и на Кубани, который возглавил сын смещенного Девлет Герая Бахты Герай. Любопытно, что с подавлением бунта возникли проблемы – фактически сбор войск для этих целей игнорировался многими беями (например, Мансурами и Ширинами) [Чернявский, 2016, с. 337]. Лишь через несколько месяцев проблема была решена. Эта слабость хана в конечном итоге и привела к его отставке. Османская империя вела тяжелую войну с Венецией и империей Габсбургов. В 1716 году основные крымскотатарские войска должны были прибыть на помощь турецким частям, расположенным на территории Темешварского эялета. Одновременно должен был быть нанесен вспомогательный удар в основном силами ногайской конницы в Трансильвании. Однако Стамбул под Темешваром потерпел тяжелое поражение, а Каплан Герай-хан со своими войсками опоздал. При этом в ходе разбирательства данной ситуации османское правительство с удивлением констатировало, что татары «совсем отвернулись от него (Каплан Герай-хана. – *Р. Д.*), не стали слушаться его, так что он не в состоянии был собрать и двух татар воедино» [Смирнов, 1889, с. 23]. Таким образом, хан был отставлен, но не наказан как изменник.

И здесь интересную ситуацию описывает выдающийся российский историк В. Д. Смирнов. В ноябре 1716 года ханом был утвержден Кара-Девлет Герай. Однако крымскотатарский истеблишмент не поддержал назначения, с чем Стамбул был вынужден смириться, уже в феврале 1717 года назначив нового хана – очередного сына Селим Герая I Саадет Герая IV [Смирнов, 1889, с. 29–30]. Таким образом, ярко проявился углубляющийся кризис отношений крымскотатарской элиты с османским сюзереном. И в этом случае даже не помогало признание османского султана халифом всех мусульман-сунитов, чьи решения по законам шариата должны быть безусловно исполняемы.

Сам Саадет Герай-хан первые несколько лет провел в различных походах (Трансильвания,

Кабарда). Его действия привели к признанию Россией Кабарды территорией, находящейся в сфере влияния Бахчисарая [Сотавов, 2010, с. 39]. А между тем внутри крымскотатарского государства фактически распалось центральное управление – ханская администрация вряд ли реально контролировала что-то помимо столицы. В стране всем заправляли беи. Когда хан попытался несколько ограничить власть местной элиты, произошла серьезная дестабилизация ситуации в Крыму, вызванная мятежом ширинских беев во главе с Джан-Темиром, что спровоцировало волнения на Кубани. Ситуация оказалась настолько серьезной, что только вмешательство Порты, отказавшейся от поддержки сепаратизма, и энергичные меры, предпринятые новым ханом Менгли Гераем II (1724–1730), предотвратили отложение Кубанской Орды от Бахчисарая [Приймак, 2009а, с. 42]. Менгли Герай-хан, умиротворив к началу 1729 года ханство, успел провести некоторые реформы. Так, была проведена налоговая реформа, способствовавшая систематизации налогообложения и приведшая к некоторому снижению налогового бремени, были введены оклады для улемов, что привело к активизации религиозного образования, учреждены почтовые станции на основных дорогах.

Однако в 1730 году в Стамбуле произошел янычарский бунт, в результате которого на трон султана вззошел Махмуд I. Для Крыма это имело свои серьезные последствия. Бывший хан Каплан Герай I показал себя плохим правителем, но искусственным интриганом. Неожиданно новый султан и его окружение решили отставить Менгли Герай-хана и заменить его Каплан Гераем. История для ханства как будто повернулась вспять. Вновь получивший власть Каплан Герай-хан начал полностью менять политический ландшафт ханства, ломать только созданные ростки современного государственного управления и контроля. В Крым вернулся даже официально признанный всеми крымскими кадиями мятежником Джан-Темир-бей.

В первой половине 30-х гг. XVIII века нарастали и принимали все более острую форму противоречия между Османской и Российской империями. Основной узел этих противоречий сосредоточился в Кавказском регионе, где присутствовали интересы великих региональных

держав (Российской, Османской и Персидской империй), подогреваемые действиями фронтальных образований (прежде всего Крымского и Калмыцкого ханств). Для того, чтобы начать полноценную войну, России необходимо было нейтрализовать Крымское ханство, которое прикрывало северные границы Османской империи. Для крымскотатарского государства это столкновение становилось в прямом смысле борьбой за существование¹.

Практически сразу после заключения Белградского мира (1739) неожиданно скончался Менгли Герай-хан. Преемником стал брат умершего Селямет Герай II – почитаемый среди татар пожилой и опытный политик. Он сосредоточился на восстановлении разрушенных во время войны городов и поселений на полуострове. И в то же время, хан проводил весьма провокационную внешнюю политику, невыгодную Османской империи в условиях очередного осложнения отношений с Персией. Так, в июле 1741 г. Швеция, субсидируемая Францией, объявила войну России. Французская и шведская дипломатии, понимая отсутствие перспектив втягивания Османской империи в новую войну с Россией, решили спровоцировать на конфликт крымского хана. Переговоры татар со шведами шли в 1741–1742 гг. в Бахчисарае [Возгрин, 2013, с. 840–841]. Летом 1742 г. были получены известия, что кубанский сераскир подстрекает против России салтан-ульских ногайцев, кочующих между Терекком и Кизляром [Саламова, 2007, с. 84], а Шарль Пейсонель отмечал, что «воспользовавшись Белградским договором, ограничившим действия России на Северном Кавказе, крымские ханы взымали дань пленниками и лошадьми, стремились к полному покорению адыгов» [Пейсонель, 1974, с. 199]. Стоит отметить, что татары в это время также нападали с целью грабежа на казаков, приехавших за солью [Смирнов, 1889, с. 70]. Все это, несомненно, нарушало букву Белградского трактата. Поэтому нельзя считать случайностью, что после окончания русско-шведской войны в 1743 году, приведшей к приходу к власти в Швеции нового правительства, Османская им-

¹ О ходе русско-турецкой войны 1735–1739 гг. см. параграф 10.1. «Крымско-российские отношения и новая система международных договоров (1700–1772 гг.)». (П. А. Аваков, Д. В. Сень).

перия сместила Селямет Герай-хана и сделала выбор в пользу деятельного калги-султана Селима Герая II, считавшего необходимой полную согласованность крымской внешней политики с османской. Этот хан снискал себе уважение в Крыму и в Стамбуле успешной экспедицией в Персию, которая во многом изменила ход ирано-турецкой войны и усилиями по укреплению мира с Россией (ханом была осуществлена выдача русских пленных, также он старался удерживать подвластных ногайцев от набегов). Более того, практически без кровопролития был подавлен весной 1748 г. бунт бывшего калги-султана Шагин Герая, выступавшего против мирной политики хана. Ему не удалось поднять сколько-нибудь значительные силы ни на полуострове, ни в Буджаке, куда он вскоре бежал. Однако после этого успеха хан скончался.

После смерти Селим Герай-хана его преемником стал Арслан Герай – сын легендарного Девлет Герая II, который сосредоточился на реформах внутри страны. В период его власти были отремонтированы и вновь введены в строй пограничные крепости Ор-Капы (Перекоп) и Арабат, укрепленные пункты на Уч-Обе, Чонгаре и Сиваше. По приказу хана была восстановлена разрушенная Минихом знаменитая мечеть Девлет Герая I в Гезлеве, а также сооружены школы, медресе, общественные фонтаны в Ак-Месджиде, Гезлеве и других населенных пунктах. Кроме того, резко усилилась централизация административного управления ногайцами со стороны Бахчисарая – хану даже удалось назначить на важнейшие посты ор-бея и сераскеров Буджакской и Едисанской Орд своих сыновей, а также снизить градус напряженности внутри рода Гераев, дав привилегии многим близким и дальним родственникам. Все это существенно снизило напряженность как в самом ханстве, так и на крымско-украинской и крымско-польской границе, что было с удовлетворением отмечено в Стамбуле [Смирнов, 1889, с. 76–77]. Ренессанс крымскотатарской экономики после погромов второй половины 1730-х гг. во многом был поддержан и метрополией – в это время время увеличались османские субсидии, в Крым прибывали архитекторы, инженеры, множество строительных рабочих, морем завозились даже стройматериалы.

Безусловно, набеги подданных хана (в основной ногайцев) на российские и польские земли присутствовали, но они не носили уже системного характера и совершались отдельными феодалами собственными силами (как правило, в несколько десятков человек). Справедливости ради стоит отметить, что точно такие же набеги на крымские земли осуществляли запорожские и донские казаки, подвластные России калмыки. Эта постоянная угроза набега приводила к тому, что обширнейшие территории, принадлежащие Запорожской Сечи, очень медленно заселялись. Османские же и крымские территории, примыкавшие к русским и украинским землям, вообще были полосой отчуждения. Так, территория Приднестровья и Херсонщина фактически не были заселены [Кабузан, 1976, с. 52, 100]. С середины XVIII в. здесь появляются украинско-молдавские селения, платившие дань крымскому хану (так сказать, второй вариант «Ханской Украины»).

Несколько по-другому проводилась политика Бахчисарая в отношении кавказских народов. Традиционно крымские ханы считали своими подданными кабардинцев. Согласно Белградскому договору 1739 г. Кабарда признавалась независимой, «буферной» территорией. Вопреки этому договору Крым вмешивался во внутренние дела Кабарды, требовал (и иногда добивался) от нее присылки дани людьми и скотом [Цеева, 2004, с. 65–66]. В 1750 г. из Петербурга был направлен в адрес турецкого правительства официальный протест в связи с постоянным вмешательством кубанского сераскира в кабардинские дела [АВПРИ, Ф. 115, 1750. Д. 3. Л. 21об.]. Правда и Россия активно вмешивалась в дела Кабарды. В 1744 г. геодезист С. Чичагов составил первую подробную карту Большой и Малой Кабарды [История, 19676, с. 168] как одного из важнейших театров военных действий в случае войны с Турцией или Ираном. А когда в 1753 г. русским эмиссарам в Кабарде удалось на некоторое время примирить враждующие группировки, то Османская империя официально обвинила Россию во вмешательстве в дела региона и в ведении агитации с целью склонения кабардинцев вступить в российское подданство [Грабовский, 1876, с. 122–123].

И тем не менее, несмотря на в целом миролюбивую политику Крымского ханства на своих северных рубежах, к середине XVIII столетия фактор давления со стороны России для него существенно усилился. С 40-х гг. XVIII в. Россия начала активные мероприятия по заселению так называемых «Заднепровских мест» (территории, расположенные южнее Днепровских порогов). Во многом этому способствовало окончание строительства Украинской оборонительной линии, которое велось с 1731 г. на границе Малороссии и запорожских земель [РГВИА. Ф. 14. Оп. 41. Д. 6. Ч. 5. Л. 269]. С появлением Украинской линии Крымское ханство становилось более уязвимым для российских войск с чисто военной точки зрения, так как все прежние походы на Крым заканчивались неудачей из-за удаления армии от баз снабжения, магазинов и госпиталей. Велась и активная разведывательная деятельность. Так, например, киевский вице-губернатор Г. М. Костюрин призывал кошевого атамана запорожцев «особливо стараться чрез посланных, под приличным претекстом, надежных и бывалых людей в Крым и Очаков разведывать о тамошних обращениях и о том почаше доносить, ибо того высочайший его императорского величества интерес требует» [Скальковский, 1886, с. 329].

В начале 1750-х гг. царские власти еще более усиливают попытки заселения и освоения Новороссии. Причем в значительной степени это делалось с помощью иностранных переселенцев, которых размещали на северных границах Запорожской Сечи. Было решено «пришедших и впредь приходящих... сербов и протчих тамошних народов (имелись в виду православные подданные империи Габсбургов, которых Австрия согласилась отпустить в Россию. – *Р. Д.*) ... селить в Заднепровских местах, а именно: начав от устья реки Каварлыка прямою линиею до верховья реки Тура на устье реки Каменки, от устья реки Каменки на вершину реки Омельника и по оной вниз даже до устья ее, где она в Днепр впадает, отступя от польской границы по 20 верст». Там же было решено построить крепость Святой Елизаветы, что вызвало живое беспокойство и в Османской империи, и в Крымском ханстве. В результате энергичных обсуждений и переговоров между правительствами империй в 1756 г.

русские власти были вынуждены скрыть укрепления этой крепости [АВПРИ. Ф. 89. Оп. 1, 1756. Д. 1. Л. 123].

В декабре 1754 года к власти в Османской империи пришел 55-летний султан Осман III – взбалмошный и непоследовательный правитель (за неполных три года его правления семь раз по его воле менялись великие визири государства). Эта непоследовательность проявилась и во внешней политике. Османская империя резко сменила внешнеполитические ориентиры и в 1756 году начала переговоры о военно-политическом союзе с Пруссией [АВПРИ. Ф. 89. Оп. 1, 1756. Д. 4. Л. 73об.–74об., 164об., 165об.] – противницей традиционного турецкого союзника Франции в ходе идущей в Европе Семилетней войны. Судя по всему, эта смена ориентиров Стамбула и стала причиной отставки в том же 1756 году Арслан Герай-хана.

Ставший новым ханом престарелый и болезненный 67-летний Халим Герай (сын Саадат Герая IV) умудрился очень быстро разрушить хрупкое равновесие внутривосточного состояния Крымского ханства, созданное предшественниками. Его неумелые действия, крайне неудачная кадровая политика и проведение радикальной налоговой реформы привели к страшному по последствиям ногайскому восстанию [Пейссонель, 2009, с. 54–66], в результате которого в 1758 году ханом стал глава мятежников, бывший сераскир Буджакской Орды и ярый русофоб Крым Герай – брат Арслан Герай-хана. Основная его внутривосточная деятельность сосредоточилась на самой больной проблеме – ногайской. Хан ввел по сути систему ручного управления страной. В Каушанах (близ Бендер) Крым Герай-хан создал свою вторую столицу. Здесь был построен летний ханский дворец, приспособленный для военных, административных и представительских целей. В Каушаны он приезжал из Бахчисарая практически ежегодно, непосредственно осуществляя свои властные prerogatives по отношению к ногайским ордам. Он провел перепись ногайского населения Северного Причерноморья и существенно скорректировал налоговую политику в регионе. Далее, хан перевел часть Эдисанской Орды (до 8 тысяч кибиток) в Перекопские степи, а в 1759 году сформировал отдельную

Едичкульскую Орду, переселив из Бессарабии и Прикубанья остатки Больших Ногаев на левобережье Нижнего Днепра [Грибовский, 2009, с. 89]. Этот последний шаг привел к череде постоянных пограничных конфликтов с Запорожской Сечью, на чьи земли начались спорадические мелкие набеги (подробнее о пограничной ситуации накануне войны 1768–1774 гг. см. [Эварницкий, 1908, с. 1852–1867]). Вообще же Крым Герай-хан планировал привести ногайцев к оседлому образу жизни, для чего и усиливал административный контроль на своих пограничных территориях.

Активен Крым Герай-хан был и во внешней политике. Так, в 1758–1759 гг. он пытался (правда, не очень успешно) привлечь князей Большой Кабарды к выступлению против России. Более того, в рамках заключенного османо-прусского договора в Бахчисарае велись переговоры между Крым Герай-ханом и представителем прусского короля о конкретных военных акциях крымских татар против России и Австрии. Однако выход России из войны с Пруссией поставил на планах совместных действий двух стран крест [Югош, 1998]. Тем не менее уже позже хан решил привлечь на свою сторону Польшу и с этой целью стал активно участвовать во внутреннепольской борьбе претендентов на ее престол, что являлось грубейшим нарушением Белградского трактата.

В этой связи не выглядит странным решение султана в 1764 г. о смещении Крым Герай-хана. Его агрессивная политика неминуемо бы привела ханство, а вслед за ним и Османскую империю к войне с Россией и союзной с ней империей Габсбургов. В тех внешнеполитических условиях война совершенно не входила в планы Стамбула.

При этом во внутренней политике Крым Герай-хан сделал огромный вклад в развитие экономической и культурной жизни страны. Поощрял развитие сельского хозяйства (прежде всего производство пшеницы и виноградарство). В поисках путей к экономической независимости ханства приказал произвести геологические изыскания в Крымских и Кавказских горах с целью поиска полезных ископаемых. На время правления хана пришелся расцвет так называемого «крымского рококо» – для украшения ханского дворца были приглашены лучшие художники и архитекторы своего времени, а в столице появились новые фонтаны и здания, самыми известными из которых стали «Фонтан слез», мавзолей Диляры-Бикеч, мечеть Ешиль-Джами.

В Стамбуле новым ханом избрали Селим Герая III – одного из основателей крымскотатарской политики мирного сосуществования с Россией в середине XVIII века (был калгой-султаном при Арслан Герай-хане). Тем не менее его приход к власти в Крыму уже не мог существенно изменить ситуацию – приближалась большая война. Новый хан был больше сосредоточен на внешней политике, а именно принял самое деятельное участие в 1765 году в попытке вовлечения Османской империи на стороне Франции и Австрии в антирусскую борьбу за польский престол [Смирнов, 1889, с. 98, 101]. Представляется, что в то время сама мысль о союзе со своим извечным врагом империей Габсбургов должна была казаться в Стамбуле противоестественной и это могло послужить основной причиной отставки Селим Герая-хана в начале 1767 года.

9.2. Владения Крымского ханства от Кубани до Буджака в XVIII в.

В. В. Грибовский

До начала XVIII в. владения Крымского ханства охватывали большую часть Северного Причерноморья (Буджак и Очаковская степь), Северного Приазовья (Перекопская степь) и Северо-Западного Кавказа (правобережье р. Кубань). Основным населением этих обширных пространств были кочевники-ногайцы, мигри-

ровавшие вследствие дробления и распада Ногайской Орды во второй половине XVI – первой трети XVII вв. [Новосельский, 1948; Трепавлов, 2002; Трепавлов, 2011; Трепавлов, 2016]. Адыгские народы Северного и Северо-Западного Кавказа находились в разной степени зависимости от Бахчисарая и были тесно связаны с ногай-

цами, расположившимися преимущественно в низовьях и на правом берегу Кубани. Действие турецкой администрации в степных краях редко выходило за пределы крепостей Аккермен, Бендеры, Очаков, Джанкермен, Кизикермен, Перекоп, Азов, Темрюк, Тамань и других, менее крупных укреплений, имевших небольшую округу с оседлыми и полуседлыми жителями [Veinstein, 1985]. Османы считали управление причерноморскими кочевниками прерогативой Гераев, признаваемых за Чингизидов [Fisher, 1978a, с. 14].

Ногайцы, мигрировавшие в причерноморские степи, первоначально оказывались во власти крымской ветви рода Мангытов [Kołodziejczyk, 2011, с. 94], сыгравшего главную роль в формировании Ногайской Орды. К середине XVII в. крымские Мангыты утратили влияние на ногайцев, кочевавших за пределами Крымского полуострова, хотя сохранили высокое положение среди крымских карачи-беев, заняв вторую (после Ширинов) позицию [Пейссонель, 2013, с. 42]. Управление «заперекопскими» ногайцами к 1634 г. закрепилось в руках ханского наместника Перекопа – ор-бея [Описание, 1879, с. 485]. Обладатели этого титула, как правило, принадлежали к роду Гераев (в отдельных случаях – Ширинов) и были третьими по значению в ханстве, после хана, калги и нурадина [Пейссонель, 2013, с. 27, 34; Туранли, 2010, с. 40]. В соответствии с традиционным для степных ханств делением на правое и левое крылья в государстве Гераев установился порядок передачи в управление северо-западных степей (Нижнее Поднепровье и далее на запад) калге (первому наследнику хана) и восточных владений (Кубани) нурадину (второму наследнику) [Khodarkovsky, 2009, с. 23].

Частые войны Османской империи в Центральной и Восточной Европе способствовали концентрации кочевого населения в Северо-Западном Причерноморье; ногайская конница составляла большую часть вооруженных сил Крымского ханства, участвовавших в османских кампаниях [Veszprémy, 2010, с. 96]. В середине XVII в. Буджак был перенаселен кочевниками, которые, занимая новые пастбища, теснили и разоряли молдаван. С целью регуляции землепользования и предотвращения кон-

фликтов османские и крымские власти прибегли к насильственной седентаризации буджакских ногайцев. Для отделения Молдавского княжества от Буджакской Орды в 1666 г. установили «между Халил-паши», простиравшуюся от р. Прут по Верхнему Трояновому валу до устья р. Бык, впадающей в Днестр [Кантемир, 1973, с. 6]. В Буджаке возникло постоянное представительство ханской власти в лице чиновника ялы-ага («начальник побережья»), имевшего постоянную резиденцию в селении Ханкишла (современное с. Удобное, Одесская обл., Украина) [Эвлия, 1961, с. 264; Туранли, 2010, с. 75].

Управление подвластными Крыму кочевыми ногайцами ограничивалось делами, связанными с военной мобилизацией и внутренней безопасностью. Не было другого средства добиться лояльности кочевников, кроме как гарантировать получение ими богатой военной добычи на вражеской территории. В противном случае они бунтовали и опустошали подчиненные Османам территории, зачастую Валахию и Молдову. Общее руководство выступавшими в поход ногайцами осуществляли крымский хан или его «наследники»: калга, нурадин, ор-бей. Однако их власть была ограничена, поскольку ногайские отряды действовали под началом собственных мурз. И хотя знатность того или иного мурзы часто становилась предметом спора (статус зиждился на генеалогических представлениях о близости или отдаленности от «главной» линии, исходящей от Эдиге), его политический вес определялся числом подвластных ему людей и количеством скота в его собственности [Марсильи, 1737, с. 5].

Функцию связи правителей ханства с ногайскими и адыгскими элитами выполнял обычай аталычества. Юных Гераев отдавали на воспитание влиятельным ногайцам и адыгам. Воспитатели-аталыки приобщали ханских сыновей к военному делу и простому быту, вводили в круг своих семей, родственников, семейно-клановых и других содружеств [Клапрот, 2008, с. 134]. На Северном Кавказе воспитание у аталыка считалось завершенным, когда воспитанник возглавлял удачный набег или отличался участием в нем. Достигнув совершеннолетия, ханский наследник возвращался к родителям и в дальнейшем поддерживал теплые отношения с аталыком, ста-

новившимся как бы его близким родственником [Марзей, 2004, с. 217–224]. Благодаря аталычеству крымские правители обретали дружеские отношения с адыгами, зачастую бесленеевцами, жившими в низовьях Кубани, брали в жены девушек из их среды [Смирнов, 1887, с. 348]. Но это были, по существу, личные связи неравноправного характера. Политическое значение каждого крымского султана¹, его шансы на занятие трона зависели от величины влияния и разветвленности патрон-клиентской группировки, создаваемой им с юношеских лет. Аталык, его сыновья и друзья юности султана, участвовавшие вместе с ним в набегах и прочем «молодечестве», составляли ядро его «партии». По свидетельству К.-Ш. де Пейссонеля, крымские султаны имели «многочисленную свиту мирз из главных родов, которые присоединяются к ним и разделяют их судьбу; эти мирзы одеваются и питаются за счет султанов, содержащих их настолько хорошо, насколько позволяют средства». Чтобы удержать клиентелу, патрону приходилось делать щедрые подарки, отдавать все, «вплоть до собственной одежды». Так как доход от «уделов и пенсий от Порты» не мог позволить султанам вести престижный образ жизни, их не оставляла мысль о набегах: «они повергают хана часто в большие затруднения, делая по собственному почину набеги на Россию или восставая против него и побуждая к восстанию черкесов» [Пейссонель, 2013, с. 28–30]. Даже когда ханы декларировали мирные отношения с сопредельными государствами и народами, они вольно или невольно допускали нападения своих отпрысков на земли соседей и избегали ответственности за «озорство» этих царственных юношей.

Как полагал В. Д. Смирнов, «военные экспедиции сыновей [...] хана крымского служили боевою школою, в которой подготавливались преемники престарелых отцов своих во власти, главную опору которой должно было утвердить на проявлении личной военной доблести, обязательно действующей на массу первобытных [...] народов» [Смирнов, 1887, с. 347]. И все же нужно иметь в виду не только практическое значение этой «школы», но и связь аталычества с набего-

выми практиками и механизмами формирования патрон-клиентских групп. Корни этого социального комплекса уходят в архаические мужские союзы, концептуализированные Генрихом Шурцом [Schurtz, 1902, с. 79]. Важной чертой любой патрон-клиентской группы был непосредственный, личный контакт неравных по статусу партнеров и их взаимные обязательства: клиента – верно служить, патрона – защищать и одаривать [Maćszak, 2000, с. 10–11].

Патрон-клиентские группы в Крымском ханстве отличались от своих аналогов в Речи Посполитой и других государствах феодальной Европы меньшей формализацией иерархий и большей непосредственностью общения между представителями разных сословий. В Крыму считалось дурным тоном излишне демонстрировать статусные различия – как в манере разговора, так и одежде. Внешний вид удостоверял скорее возраст, нежели социальное неравенство; молодежи прощали отступления от этикета и пестроту одежды [Паллас, 1999, с. 149]. У приазовских ногайцев даже в начале XIX в. мусульманское запрещение употреблять спиртные напитки не распространялось на юношей, распивавших хмельное в отдалении от своих аулов; ответственное отношение к религии у них возникало лишь к 40–50 годам [Корнис, 1836, с. 18]. Алкоголь присутствовал во всех случаях, связанных с «обычаями Чингисхана», свято почитаемых в Крыму. Хмельное застолье на пирах «хана и его батыров» составляло самый важный, организующий момент для подобных групп. Этим обычаем был привержен хан Мехмед Герай (1515–1523), обвиненный ширинским беєм в недостойном поведении – нахождении «в компании персидских еретиков, их отношения переходят в разврат; они все время пьют; важные государственные дела заброшены [...], тирания и поборы угнетают страну» [Лемерсье-Келькеже, 2009б, с. 47]. Конечно, Ширинов заботило не столько состояние нравственности этого успешного хана, сколько то, что он благодаря этим пирам укреплял свой авторитет, обретал и спланивал сторонников. Присутствие «персидских еретиков» на пире указывало не только на дипломатические связи хана, сомнительные для мусульман-суннитов, но и фундаментальный принцип мужского союза: участие в нем чужаков.

¹ Этот титул принадлежал всем мужчинам из фамилии Гераев, не занимавшим ханский престол.

Хан Мурад Герай (1678–1683) также славился пирами, подчеркивал их связь с «чингизовскими обычаями», почему и был популярен в народе; в ярлыках, адресованных московскому царю Федору Алексеевичу, он неоднократно просил о присылке водки [Смирнов, 1887, с. 605–607]. Исламская религиозность и в XIX в. не мешала крымским татарам чтить языческих властителей степи, слушать эпические повествования о них и предаваться «играм, танцам и пьянству» [Кондараки, 1883б, с. 36]. Аналогичную связь хмельных пиров с образом Чингисхана отметил Г. Н. Потанин на Алтае в 1879 г.: «арихи-чингис-ханай идэ», т. е. водка – пища Чингисхана, будто бы им изобретенная. Алтайские предания также упоминали и о запрещении алкоголя Чингисханом [Потанин, 1883, с. 211–212]. Согласно выводу Д. В. Цыбикдоржиева, Чингисхан достиг могущества благодаря сторонникам, сплоченным в собственном мужском союзе, но укрепил свою власть, запретив все прочие мужские союзы и их практики: облавные охоты, набеги, пиры, личные дружины и пр. [Цыбикдоржиев, 2004, с. 337–338, 349–350, 359].

Когда представителю разветвленного рода Гераев удавалось обрести престол, его группировка становилась непосредственной опорой его власти. Друзья и сторонники хана занимали государственные должности или позиции неофициального влияния. Последние часто обретал аталык. Так, в 1653 г., во время общего с украинскими казаками похода против Речи Посполитой, хан Ислам Герай III отправил с важной миссией к гетману Богдану Хмельницкому своего аталыка Сефер-агу [Шармуа, 1834, с. 2]. Эвлия Челеби упоминал аталыков среди значительных персон, от участия которых зависел успех политических мероприятий [Эвлия, 1961, с. 95, 98, 223, 248]. В 1711 г. ханский аталык («салтан-пестун») возглавил поход на Северо-Западный Кавказ, имея под своим началом до 200 кубанских мурз, 40 тыс. кубанских ногайцев, больше 60 запорожцев и некоторое количество крымцев [РНБ. ОР, Q 347, л. 1]. Тех же обычаев придерживались крымские мурзы даже в начале XIX в. Они отдавали своих детей на воспитание «простым татарам» с хорошей репутацией. Аталык «не только [...] получает за свою услугу разные пособия, но еще, можно

сказать, чрез нее выходит уже из числа простолюдинов. Он принимается в дом как ближайший родственник, имеет право заседать в кругу их общества [...]. Нижнее состояние заглушает в юном сердце тщеславие и изобилие, породило приуготованные» [Сумароков, 1803, с. 149–150].

Постоянное возгорание отдельных очагов власти в разных статусных и территориальных нишах Крымского ханства оставалось его характерной чертой до последних лет существования. Каждый правитель степных обществ неотвратимо сталкивался с проблемой политической фрагментации, которую невозможно было решить средствами одних лишь степных обществ [Khodarkovsky, 2009, с. 41, 223]. Замыкание патрон-клиентских связей на личности хана составляло едва ли не основной способ привязки к Бахчисараю степной периферии. Отдельные анклавные региональные представительства центральной власти, создаваемые крымскими ханами в Буджаке и на Кубани, не располагали ресурсами, достаточными для контроля более-менее значительной территории. Гарнизоны турецких крепостей, расположенных в стратегически важных районах, служили инструментом сдерживания или, наоборот, стимулирования центробежных сил в Крымском ханстве, в зависимости от конъюнктуры [Беннигсен, Лемерсье-Кельеже, 2009, с. 74, 79–81]. Стамбул удерживал власть над Бахчисараем, ослабляя чрезмерно усилившихся и усиливая некстати ослабевших ханов. Перманентное состояние войны, управляемое и направляемое Османами военно-административными и религиозно-идеологическими средствами, поддерживало в ханстве чересполосицу изменчивых, постоянно возникающих и исчезающих патрон-клиентских групп на уровне целостной системы с некоторым подобием властной вертикали. Впрочем, патрон-клиентская сеть хана всегда была более длинной и разветвленной, чем у любого его конкурента.

В Стамбуле степные владения Крымского ханства традиционно воспринимали как *Darülharb* – «пространство войны», не имевшее устойчивых границ, в отличие от *Darüislam* – «пространства ислама», территории, где устоялось господство мусульманского права. Заключение мира с христианскими государствами и установление с

ними неких границ официальная османская доктрина считала временной остановкой на пути продвижения ислама [Farooqi, 2004, с. 21]. Турецкий документ начала XVIII в. упомянул реку Турла (Днестр) как рубеж, отделяющий Очаковскую степь от «территории ислама» [Весела, 1969, с. 114–115]. Первая граница Османской империи и Крымского ханства с Речью Посполитой была проведена по степным речкам Кодыма и Ягорлык в 1633 г. [Kołodziejczyk, 2011, с. 88]. Государственная принадлежность территории к востоку от р. Южный Буг оставалась неопределенной. Эту «ничью» землю, расположенную по обе стороны Днепра ниже порогов, вплоть до Кальмиуса и Дона, занимали украинские казаки. В зоне их промысловой активности полноценное кочевание ногайцев редко было возможным. Кочевники-мигранты стремились поскорее оказаться на правом берегу Южного Буга, либо же малыми группами располагались на кочевание в отдалении от больших рек или вблизи турецких крепостей, под их защитой. Группы ногайцев, находившиеся в управлении начальников турецких крепостей, известны под названием «яман» или «яман саадак», т. е. «плохой сагайдак» [Эвлия, 1961, с. 64, 98; Анчабадзе, 1978, с. 20]. Основная масса запорожцев осенью уходила на Городовую Украину (Киев, Белая Церковь, Черкассы, Канев, Брацлав и прочие города). Угодья, на которых в летний период хозяйничали запорожские казаки, зимой занимали «татары» [Литвин, 1994, с. 22, 99; Kronika Bielskiego, 1856, с. 1358; Броневский, 1867, с. 338]. Большую часть этих «татар» составляли не ногайцы, а так называемые «крымские чабаны», которые пасли овец отары, принадлежащие жителям Крыма. Этот порядок сезонных перемещений неоседлого населения степи сохранялся вплоть до середины XVIII в. Владения Московского государства и Крымского ханства даже приблизительно не были разграничены; крайние рубежи России составляла широкая полоса «засечных черт» [Khodarkovsky, 2009, с. 57–61]. Отношения между этими державами хоть и были почти всегда напряженными, однако их правительства никогда не предъявляли друг другу территориальные претензии [Хорошкевич, 2001, с. 4, 162].

Поражение Османской империи в войне со

«Священной Лигой» (1683–1699) привело к кардинальному изменению управления степной периферией Крымского ханства. Договоры, подписанные Портой в сербском городе Карловци в 1699 г. с правительствами Священной Римской империи (Австрии), Венецианской республики, Речи Посполитой и России, заложили новые основы межгосударственных отношений в Центральной и Восточной Европе. Договорные стороны отказались от риторики «священной войны», признали принципы международного права и территориального суверенитета, что предполагало четкое определение границ, гарантии их неприкосновенности, фиксацию подданства пограничного населения и прекращение набегов. Согласно выводу У. МакНила, «консолидированные бюрократические монархии» – Австрийская, Османская и Российская – впервые объединили усилия для разграничения своих владений и систематического контроля границ [McNiel, 1964, с. 126–128]. Карловицкие договоры и отдельный русско-турецкий мир, заключенный в Стамбуле в 1700 г., пресекли политическую традицию, связанную с «наследием Чингисхана», ответственностью которой государство Гераев претендовало на особое положение в Восточной Европе, требовало дань, объявляло войны и допускало набеги. Теперь Стамбул брал на себя всю ответственность за Бахчисарай, устанавливал прямые отношения с Варшавой и Москвой, подчинив внутренние дела Крымского ханства интересам своей внешней политики [Иналджик, 1995, с. 128–129].

На Карловицком конгрессе представители Речи Посполитой требовали выселения буджацких ногайцев из Молдовы и отдаления их от польских границ [Poselstwo, 1998, с. 49, 55, 101]. Поскольку это условие вошло в договор, турецкий султан Мустафа II летом 1699 г. издал приказ о межевании вакуфа Исакча и «султанских сел» (кишла), занятых ногайцами. Старые межевые знаки были возобновлены, а ногайцы, теснившие молдаван, выселены за «межу Халил-паши» [Tahsin, 1984, с. 458–459]. В 1703 г. Порта занялась разграничением с Речью Посполитой в междуречье Днестра и Южного Буга [Крикун, 2012, с. 284–335]. Здесь демаркация далась относительно легко, поскольку, как и в 1633 г., произ-

водилась по тем же удобно расположенным речкам Ягорлык и Кодыма. Разграничение с Россией по р. Ея в 1704 г. также не имело существенных проблем. Однако демаркация со стороны Запорожья натолкнулась на упорное противодействие запорожцев, ногайцев и крымских татар, а потому затянулась до 1705 г. [Грибовский, 2014а, с. 187–199]. Османы были заинтересованы в затягивании разграничения, так как, с одной стороны, имели мощную оппозицию в Стамбуле и Бахчисарае, недовольную Карловицкой системой, с другой же, неудачное для России начало Северной войны дало Порте надежду на восстановление утраченных позиций.

Крымские и ногайские элиты, отстраненные от наиболее важных политических процедур, встревожились появлением российских крепостей на Днепре (Каменный Затон) и в низовьях Дона (перестроенный Азов, новые города Троицкий и Таганрог) – на землях, еще недавно принадлежавших Османской империи. Признание их Портой как законного владения России вызвало повсеместное неприятие в Крымском ханстве. Кроме того, сама идея разграничения степи противоречила представлению кочевников о ней как о вольной стихии (М. Ходарковский удачно сравнил степь с морем [Khodarkovsky, 2009, с. 41]), которую нельзя кроить владельческими межами. У «татар» земля «не кладется в число владений», в отличие от людей и скота, – делился своим опытом участия в разграничительных комиссиях Л. Ф. Марсильи [Марсильи, 1737, с. 5].

На протяжении первого десятилетия XVIII в. степные владения Крымского ханства лихорадило от бунтов и восстаний. Тот же Марсильи отметил крайнюю остроту противоречий между турками и крымскими татарами («великую ненависть между сими двумя народами»), как следствие проигранной войны [Марсильи, 1737, с. 19]. В 1699 г. буджацкие ногайцы пытались сорвать ратификацию договора, напав на пограничье Речи Посполитой. Они поддержали калгу Гази Герая, противника Карловицкого мира; его бунт с трудом подавил хан Девлет Герай II в 1701 г. [Królikowska, 2007, с. 19, 27–29]. На Кубани ногайцы и адыги также вышли из подчинения и оказали упорное сопротивление войскам хана [Hammer, 1839, с. 60–61; Санин, 1996, с. 83–88].

Дошло до того, что буджацкие ногайцы, ратовавшие за продолжение войны с Россией, в 1701 г. обратились к гетману И. С. Мазепе с прошением о содействии их переходу в российское подданство и защите от хана. Гетман, отказал, ссылаясь на то, что «у великого государя с султаном турецким и ханом крымским постановлен мир и им следовало предлагать о подданстве в военное время». Последовало другое предложение: «чтоб гетман, по древнему казацкому обыкновению, принял их под свое начальство». На это Мазепа ответил: «прежние обыкновения казацкие миновались [...], без повеления государя гетманы ничего не предпринимают» [Бантыш-Каменский, 1993, с. 356]. Но вскоре и сам Девлет Герай оказался в положении бунтовщика. Он установил отношения с запорожцами, также недовольными усилением российского присутствия в регионе, и призвал Порту отказаться от договоров с Россией. Отрешенный от престола, Девлет в 1702 г. явился в Буджак и огласил о своем намерении без разрешения Порты идти в поход на Москву. Ногайцы охотно его поддержали. Но им пришлось столкнуться не с российскими, а турецкими войсками силистрийского паши. Низложенный хан нашел временное убежище в Запорожской Сечи, затем бежал на Дон, оттуда на Кубань, где и сдался турецким властям [Санин, 1996, с. 88–97].

Российское правительство одолевало те же проблемы в управлении степной периферией: Запорожье, Дон, Терек и Нижняя Волга находились в опасном брожении. Потому Петр I стремился как можно скорее закончить разграничение и избегал соблазна воспользоваться замешательством Порты в крымских делах. Население обеих сторон степного пограничья протестовало против стремительно возраставшей регламентации, ломавшей веками устоявшиеся местные уклады. Более того, лидеры пограничных сообществ начали координировать свои действия. Эта тенденция не прошла мимо внимания Петра I. В инструкции, данной гетману Мазепе, ответственному за разграничение со стороны Запорожья, царь настаивал, чтобы в демаркационную комиссию не были допущены крымские татары и ногайцы, «яко к сему непотребные [...], понеже они всячески развратити учиненной мир [...] тшатца [...], согласяся вместе с таковыми

же плуты запорожцы» [ПиБ, 1889, с. 199–200]. Идейным вдохновителем сближения крымских и ногайских элит с запорожцами, частью донских казаков, татарами-липками, массово мигрировавшими в Османскую империю в начале XVIII в., а также польской аристократией «партии» Станислава Лещинского был низложенный хан Девлет Герай II. Его сын, Бахты Герай, впервые упомянутый в июне 1700 г. как ханский наместник на Кубани, оставался в этом качестве вплоть до начала 1703 г.; в апреле того года замечен его и Девлет Герай «с узденями своими уход в горы к черкесам» [Грибовский, Сень, 2013, с. 97–100]. И хотя известно, что Девлет сдался турецким властям и к исходу лета того года был помилован, действия его сына после «ухода в горы к черкесам» до событий 1709 г. не отражены в доступных нам источниках. Тем не менее Бахты Герая, тесно связанного с адыгскими элитами и враждебно настроенного к Каплан Гераю, правившему в 1707–1708 гг., не следует упускать из виду при обзоре событий, приведших к детронизации последнего.

Хан Каплан Герай продолжил дело своих предшественников по умиротворению степной периферии и сосредоточил внимание на Северо-Западном Кавказе. Поводом для его военных экспедиций в этот регион послужило убийство бесленеевцами калги Шахбаз Герая в 1699 г. Заказчиком убийства оказался Саадет Герай, брат правившего тогда Девлет Герая, который назначил его на место покойного [Грибовский, Сень, 2013, с. 98], что не могло не ударить по репутации этого хана. Каплан Герай под видом благородного мщения за родственника не только продолжал чернить Девлета, но и возобновил мобилизационные мероприятия, необходимые для управления степными обществами. В начале 1708 г. султан Ахмед III санкционировал его поход на Кабарду, куда бежали убившие Шахбаз Герая черкесы [Михайлов, 2008, с. 57]. Изложение этой кампании в хронике Халим Герая отличается от прочих версий тем, что в основу мотивации Каплана положено желание наказать беглецов, восстановить престиж своего ослабевшего государства, а не стремление к грабежу и подчинению кабардинцев. Согласно Халим Герая, основу войска хана составили буджацкие

ногайцы; Каплан Герай победил кабардинцев и беглых черкесов, но другая группа черкесов, бывшая в ханском войске, стоворилась с врагами хана, вместе с ними ночью разгромила его войско [Халим Гирай, 2008, с. 123–124].

Поражение Каплан Герая в Канжальской битве в недавней литературе получило неожиданную связь с Полтавским сражением, «планами крымско-турецко-украинской поддержки Карла XII в его войне с Россией», которые будто бы «вынашивались при дворе Ахмеда III. Поэтому в числе задач, поставленных перед походом Каплан Герая, была также задача нейтрализации Кабарды, как страны, способной оказать действительную помощь в войне Петра I с Карлом XII. Разгром крымско-турецкого войска кабардинцами сорвал эти планы» [Бгажноков, 2008, с. 43]. Также: «Тяжелый урон, который понесли крымские татары, не позволил им оказать активную поддержку сторонникам И. Мазепы и С. Лещинского, выступавшим на стороне Швеции» [Михайлов, 2008, с. 58]. Обсуждение этих вопросов имеет большое значение как для понимания истории народов Кавказа, так и того сложного переплетения политических процессов, которые в начале XVIII в. охватили степные владения Крымского ханства и уходили далеко за его пределы. Чтобы разобраться в этой проблематике, нужно исходить из того, что каждый крымский хан был не только одним из многих Гераев-Чингизидов, возводимых Османами на крымский престол, но и лидером отдельной патрон-клиентской группы, связанной с другими политическими группировками как в Крыму, так и за его пределами. Выбор той или иной кандидатуры на ханский трон не был произвольным, поскольку исходил из определенного внешнеполитического курса Османской империи в отношении того или иного государства Восточной Европы. Каплан Герай не был замечен в связях со Станиславом Лещинским (ставленником Швеции на польском престоле), гетманом Иваном Мазепой и запорожцами, но эти связи имел Девлет Герай. Детронизация Каплана и интронизация Девлета в начале 1709 г. как раз и означала перемену курса с позиции избегания войны с Россией на позицию готовности к этой войне. Также известно, что Девлет выступал против похода Каплана на

Кабарду, считая его авантюрой [Бгажноков, 2008, с. 24]. Бахты Герай, ушедший в 1703 г. «в горы к черкесам» вместе с «узденями» (своими клиентами), если и не содействовал поражению Каплан Герая неким неприметным образом, то имел все основания радоваться его неудаче. Кроме того, именно Девлет, а не Каплан, упорно добивался объявления войны России и добился не сразу, а лишь в ноябре 1710 г. Объявление войны содержало 15 претензий России, включая строительство крепостей в нарушение договора, нападение на турецкую границу во время преследования войск Карла XII и Мазепы, вторжение в Молдову, притеснения ногайцев российскими подданными, препятствия возвращению шведского короля на родину через Польшу [Турция, 1977, с. 82]. Действие Карловицкой системы, сдерживавшей неразрешенные противоречия в течение целого десятилетия, остановилось.

Ко времени второго занятия крымского престола Девлет Гераем управление степной периферией не претерпело существенных изменений. Январем 1709 г. датировано сообщение о назначении еще одного сына «нового» хана, Батыр Герая, на пост ор-бея [Материалы, 1871, с. 644]. Согласно традиции, Девлет Герай отправил калгу Мехмед Герая в Буджак, а нурадин Бахты Герай вновь стал ханским наместником на Кубани. В начале 1711 г. на Правобережную Украину против российской армии двинулись объединенные войска буджацких ногайцев и крымских татар под началом калги Мехмед Герая, гетманских и запорожских казаков во главе с гетманом Филиппом Орликом и кошевым атаманом Константином Гордиенко, а также сторонников короля Станислава Лещинского, значительную часть которых составили татары-липки, руководимые Юзефом Потоцким. Никогда столь разнородные силы еще не были объединены общими политическими мероприятиями. Для царя Петра I, стремившегося не допустить сближения крымцев с запорожцами и силами, ориентированными на Карла XII, сложилось крайне неблагоприятная ситуация. Калга Мехмед Герай обратился к жителям Правобережной Украины с воззванием, представившись так: «сын великого хана перекопских, крымских, ногайских народов и правитель ногайский и буджацкий» [Похід Орлика, 2011, с. 42]. С гет-

маном Ф. Орликом от имени хана он заключил договор о признании «Войска Запорожского и Державы Малорусской» (Woysko Zaporoskie i Panstwo Malorouskie) «вольными» и «ни от кого не зависимым» [AGAD, № 539, л. 2]. Поражение этих войск во многом было обусловлено плохой координацией и разграблением крымцами и ногайцами, вопреки договору, обширной территории, что не могло не вызвать враждебность украинского населения. Безуспешными оказались и два похода хана с участием запорожцев на Воронеж для уничтожения расположенной там верфи [Тепкеев, 2005, с. 39]. Хан тщетно дожидался нурадина под Харьковом осенью 1711 г. Улучив момент, когда собранное Бахты Гераем войско двинулось на соединение с Девлет Гераем, астраханский и казанский губернатор П. М. Апраксин и калмыцкий тайша Чакдоржаб подошли к Кубани. Их войска уничтожали ногайские улусы «для самага [их] оскудения»; более 16 тыс. «кубанцев» было убито и около 22 тыс. взято в плен. Добыча калмыков составила 2 тыс. верблюдов, 40 тыс. лошадей, до 200 тыс. голов крупного рогатого скота [Бранденбург, 1867, с. 38–40].

Военные действия, охватившие пространство от Дуная до Кубани, привели к огромному размаху грабежей и уничтожения мирных поселений, убийств, пленения и насильственного перемещения людей. Правобережная Украина, между речью Орели и Самары, правобережье Кубани были опустошены. Поражение армии Петра I у р. Прут послужило достаточным основанием для того, чтобы все стороны интенсивно развернувшегося конфликта проявили заинтересованность в его прекращении. Прутский (1711) и Адрианопольский (1713) мирные договоры зафиксировали территориальные потери России. Запорожье, между речью Дона и Еи перешли в состав Османской империи и были переданы в управление Крымскому ханству. Турция и Россия вернулись к принципам Карловицкой системы. Летом 1714 г. произведена демаркация по левому берегу Днепра, в между речье Орели и Самары до Северского Донца и Дона [РГА ВМФ, д. 74, л. 170об. – 186об.]. Эта граница оставалась в действии до начала русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Таким образом, Крымское ханство получило значительную территорию, что позволило размещать на ней новые группы ногайцев, мигрировавших с востока.

К 1714 г. основная часть ногайского населения Крымского ханства располагалась в Буджаке, междуречье Днестра и Южного Буга и на Кубани. Буджацкие ногайцы жили оседло: «избы имеют мазанки [...], и те самые малые»; «за пашнею ходят немногие», занимаясь преимущественно скотоводством [Описание, 1781, с. 333]. Военный промысел традиционно оставался престижным и прибыльным делом значительной части мужского населения Буджака. После перехода молдавского господаря Дмитрия Кантемира на сторону России в 1711 г. значение Буджацкой Орды для Порты заметно выросло. Воспользовавшись этим, буджацкие ногайцы беспрепятственно опустошали молдавские земли и расселялись за «межой Халил-паши». Войны Османской империи с Венецией (1714–1718) и Австрией (1716–1718) еще более ослабили контроль Буджака. После заключения Пожаревацкого мира турецкие и крымские власти принялись восстанавливать сложившийся ранее порядок управления в регионе, подавляя бунты буджаковцев и выселяя их из Молдовы (на этом настаивала польская дипломатия, исходя из Карловицкого договора). К северу от «межи Халил-паши», в междуречье Прута и Днестра, для расселения ногайцев выделили зону, шириной «2 часа пути», т. е. пешей ходьбы (около 10 км). Воспользовавшись проблемами Крымского ханства на Кубани, молдавский господарь Михаил Раковиц к 1719 г. добился восстановления «межи Халил-паши». Однако новый наплыв ногайцев в Северное Причерноморье в 1723–1724 гг. вынуждал буджаковцев требовать возвращения «двухчасовой зоны». Калге Адиль Гераю, направленному в Буджак, было поручено предотвратить назревающий конфликт. Выделение буджаковцам земель при турецких крепостях Аккермен и Измаил в 1727 г. частично решило проблему. Однако отрешение от чина калги побудило Адиль Гераю возглавить давно назревавший бунт у буджацких ногайцев. Рассчитывая на смещение Портой хана Менгли Герая II, он разгромил отряд ялы-аги у селения Ханкишла. Очаковский паша двинул против него ногайцев «яман-саадак», поддержавших нового калгу Тохтамыш Герая. Участвуя в подавлении бунта, молдавский господарь Григорие Гика в 1728 г. вытеснил буджаковцев к «меже Халил-паши». Позднее

им снова разрешили занять отдельные участки «двухчасовой зоны», но уже на правах аренды [Хайдарлы, 2005, с. 249–264].

В ходе подавления мятежа Адиль Гераю Порты наделяла полномочиями сераскера (главного начальника края) пашей Хотина, Ниша, Аккермена и других турецких крепостей. В конце концов «сераскером над всеми» был объявлен Менгли Гераю, который делегировал полученные полномочия калге Тохтамышу [Хайдарлы, 2005, с. 258–259]. Этот случай стал прецедентом для назначения постоянных наместников края из числа крымских султанов, наделенных титулом сераскера. Во время русско-турецкой войны 1735–1739 гг. правление «сераскер-султана буджакского» [Хайдарлы, 2005, с. 268] уже обрело устойчивость. В июле 1739 г. упомянут «султан Ислам Гераю, нурадин и сераскер буджацкий» [Biblioteka, Rps 617, л. 1]. Таким образом, на смену обычаю, согласно которому крымский хан отправлял калгу в Северо-Западное Причерноморье для организации похода или подавления мятежа, приходит практика регулярного назначения на пост буджакского сераскера представителя рода Гераев.

В начале XVIII в. междуречье Кубани и Еи представляло собой сложную чересполосицу османских и крымских владений, а также земель, контролируемых ногайскими и адыгскими элитами, находившихся в разной степени зависимости от Стамбула и Бахчисарая. Восточные пределы Крымского ханства составляли кочевья ответвлений Малого Ногай (касаи-улу, каспулат-улу, навруз-улу), занимавших среднее течение Кубани, верховья Маныча и низовья Лабы [Описание, 1791, с. 141–142]. В нижнем течении Кубани отмечены «улу-ногаи» [Брун, 1867, с. 7], кочевавшие среди прочих ногайских ответвлений. В трактате Ахмеда Ресми-эфенди (между 1708 и 1711 гг.) отмечено, что вблизи турецких крепостей Тамань и Темрюк находилось до 500 чел. «ямансадак ногаилы», которые «проживают у абазинских и черкесских беев». К той же категории отнесены 8 тыс. чел. «племени джедисан» (едисанских ногайцев), расположенных поблизости. При крепости Ачуев указаны 2 тыс. чел. ногайцев «иштерек-оглу», а от Кубани до Ачуева – до 6 тыс. чел. «племени кыпчак» и далее до Азова

5 тыс. чел. «племени кытай». Яман-саадаки, согласно тому же источнику, получали «солдатское жалование», но «переходили на сторону врага». Казаки-некрасовцы, ушедшие на Кубань в крымское подданство после подавления Булавинского восстания на Дону в 1708 г., из-за конфликта с яман-саадаками были переселены от «местности Копыл» к Темрюку, в местность Хан-Тепе («ханский холм») [Весела, 1969, с. 124–130]. Яман-саадаков от прочих ногайцев отличало нахождение под властью начальников турецких крепостей. Большая часть кубанских ногайцев признавала власть крымского хана. Однако на их отношения с Бахчисараем влияли связи с адыгскими элитами. Еще Эвлия Челеби отметил, что пришедшие за Волгу ногайцы «побратались» с черкесами и поселились на их земле [Анчабадзе, 1978, с. 20]. Пестроты кубанской чересполосице властей добавляло присутствие крымских султанов, которые не находили себе места в Крыму и часто были враждебны правящим ханам. Эти султаны не имели наследственной власти, не могли «принудить какого-либо человека сопровождать их в своих походах, а берут с собой лишь добровольцев» [Клапрот, 2008, с. 134].

Тем не менее именно набеговые практики с добровольным участием составляли основу патрон-клиентского группирования; из этого вырастала неофициальная власть, которая при определенных обстоятельствах могла стать официальной и наоборот. Пример подобных метаморфоз показал Бахты Герай. После низложения Девлет Герая в 1713 г. он из ханского наместника Кубани становится неофициальным лидером в регионе. В том же году вместе с отрядами азовского Муртазы-паши и некрасовскими казаками он напал на поселения Изюмской оборонительной линии, чтобы сорвать подписание русско-турецкого мирного договора. В 1715 г. Бахты Герай совершил нападение на калмыцкие улусы и вывел из владений хана Аюки около 60 тыс. ногайцев [Грибовский, Сень, 2013, с. 109–112]. Каплан Герай, вторично заняв трон, осенью того года расположился в Буджаке, занимаясь подготовкой похода против Австрии, а на Кубань отправил своего нурадина с большим войском, которому удалось вывести на правый берег Дона около 20 тыс. ногайцев, подвластных Бахты Гераю

[Материалы, 1871, с. 809–810]. В борьбе с этим «Дели-султаном» («одержимым», как теперь называли Бахты) Каплан Герай добился временного успеха [Грибовский, Сень, 2013, с. 112]. Но это стоило ему времени, необходимого для оказания помощи турецкой армии на Балканах. Из-за несвоевременного прихода к Белграду Каплан Герай был смещен [Халим Гирай, 2008, с. 125].

Бахты Герай восстановил утраченные позиции, заключив договор с сыном Аюки, Чакдоржабом, с его помощью разгромил китаев и кыпчаков, которые ранее были оплотом власти Каплан Герая на Кубани. За оказанную услугу «Дели-султан» передал Чакдоржабу едисанцев и джембуйлуковцев, двумя годами ранее выведенных из улусов Аюки. Нейтралитет калмыцкого хана и содействие его сына позволили Бахты Гераю в 1717 г. организовать крупный набег на Пензенский и Симбирский уезды. Стамбул и Бахчисарай не были причастны к этой значительной военной акции, однако, согласно мирному договору 1713 г., должны были нести за нее ответственность. В 1717 г. отношения России и Турции обострились, а возросший авторитет Бахты Герая как «воина ислама» превратил его в значительную политическую фигуру. Ему поступило от Порты предложение возглавить Крымское ханство или вновь стать официальным ханским наместником Кубани. Бахты Герай согласился со вторым предложением и отказался от связей с калмыками. Последовавшая затем нормализация русско-турецких отношений превратила Бахты Герая не только в лишнюю фигуру, но и неудобную для правительств обеих держав [Грибовский, Сень, 2013, с. 112–123]. Строительство Царицынской укрепленной линии в 1718–1720 гг. преградило путь нападением на российское Поволжье со стороны Кубани. Едисанские и джумбуйлуцкие ногайцы, неоднократно принуждаемые к миграциям и перемене подданства, в 1721 г. по приказу Петра I «все были раскочеваны врознь по калмыцким улусам». Этому воспротивился Чакдоржаб, претендовавший на единоличное владение ими. После смерти Чакдоржаба в 1722 г. ногайские аулы принялись делить между собой семь его сыновей. Со смертью Аюки в 1724 г. в Калмыцком ханстве разразилась усобица. В этих условиях подвластные калмы-

кам ногайцы массово мигрировали на Кубань и оказывались под властью Бахты Герая. Чтобы не допустить его нового усиления, хан Саадет Герай отправил своего нурадина на Кубань для выведения пришедших из Калмыкии ногайцев в Крым и причерноморские степи. Через Тамань были переправлены ногайцы кыпчакского эля и около тысячи едисанцев. Отколовшиеся от кыпчаков китаи с другой частью едисанцев и джембуйлуковцами, в общем количестве до 10 тыс. кибиток, отошли к Азову. Бахты Герай вновь утратил силу. Последнюю крупную политическую акцию Бахты совершил в условиях сильного политического кризиса 1724–1725 гг. Поддержав мятеж крымских мурз во главе с Джан-Темиром Ширинским, он в августе 1724 г. появился у Перекопа с 7 тыс. ногайцами, пришедшими «с женами и детьми». В следующем году прибывших с Бахты Гераем ногайцев насчитывали около 40 тыс. чел. После подавления мятежа и возвращения Бахты Герая на Кубань эти группы ногайцев были размещены на землях запорожских казаков [Грибовский, Сень, 2013, с. 123–127].

Массовые миграции ногайцев с правобережья Кубани в степи, расположенные к северу от Крыма, продолжались до 1728 г. Источники дают лишь частичные и крайне приблизительные данные о масштабах переселения ногайцев. Но очевидно то, что к моменту гибели Бахты Герая в Кабарде в 1729 г. в Нижнем Приднепровье и Северном Приазовье сосредоточилась основная часть едисанцев и джембуйлуковцев. К 1734 г. их кочевья простирались от Днепровских плавней до Кодацкого порога на Днепре и левого берега р. Самара. Отношения запорожских казаков и ногайцев обострялись. Крымские власти всячески поддерживали ногайцев и относились к запорожцам, своим подданным, с возрастающим недоверием. Охрана границы по р. Самара была поручена ногайцам, что затруднило связь запорожцев с Левобережной Украиной, и без того блокированную российскими пограничными командами [Архів Коша, 1998, с. 53–54, 88]. Эти обстоятельства привели к возвращению Войска Запорожского в российское подданство и вооруженным столкновениям запорожцев и ногайцев, предварившим начало очередной русско-турецкой войны.

К осени 1735 г. ногайцы оставили правобережье Днепра от устья Самары до реки Базавлук и расположились на степном левобережье. Вдоль речек Конка, Молочные Воды и Терса находились аулы, подвластные едисанскому мурзе Султан-Мамбету; количество их населения оценивали от 20 тыс. до 30 тыс. кибиток (т. е. около 120 тыс. человек). Султан-Мамбет, «из всех мурз начальнейший», вероятно, принадлежавший к Тинбаевому поколению, в то время кочевал в урочище Токмак [РГАДА, 1735, л. 22, 25–26, 29–29об.]. Летом того года упомянут сераскер Ахмед Герай-султан, кочевавший с подначальными ему ногайцами возле Молочных Вод [Скальковский, 1994, с. 269]. Таким образом, ногайцами, мигрировавшими в Северное Приазовье в 1715–1728 гг., как и буджаковцами, в 1735 г. управляли отдельные представители ханской власти – сераскеры; при этом сохранилась власть собственных мурз, с главным мурзой во главе каждой «орды». В том году хан Каплан Герай, занявший в третий раз крымский престол, произвел всеобщую мобилизацию своих подданных на войну против Персии (1730–1736). По свидетельству пленных ногайцев, «войска их ногайского» выступило в поход 10 тыс. чел., а в Крыму хан «всех поголовно с собою забрал, и ныне в Крыму мало оружных людей осталось»; с каждой мечети брали по два человека, а всего из 40 тыс. мечетей – 80 тыс. чел. Из «Мамбетового аула» мобилизовали полторы тысячи мужчин [РГАДА, 1735, л. 25, 29об.]. Принуждение к мобилизации вызвало недовольство недавних крымских подданных-ногайцев. По этой причине они весной 1735 г. сообщили запорожцам о своем намерении перейти в российское подданство [Скальковский, 1994, с. 351].

В ходе русско-турецкой войны 1735–1739 гг. кочевавшие в приазовских и причерноморских степях ногайцы понесли значительные потери. Большой вред нанесли им запорожские казаки, вытеснявшие их со своих прежних займищ. Борьба за территорию была сопряжена с взаимными грабежами и убийствами мирного населения. Запорожцы охватили своими рейдами всю Перекопскую степь; ногайцы перевели аулы и скот под защиту турецкой крепости Очаков, однако и там их настигали запорожцы, захватывая

большое количество скота [Журналы, 2017, с. 69]. Ногайцам становилось все труднее находить безопасные места для кочевания. Бескормица приводила к падежу скота и, как следствие, голоду кочевников. Ввиду их бедственного состояния, в июне 1736 г. российское командование рассылало к ним письма с призывом перейти в подданство России. Что примечательно, эти письма были адресованы тому же едисанскому мурзе Султан-Мамбету [РГАДА, 1736, л. 351 об.]. Однако власти Крыма предупредили подобную возможность, переведя значительную часть ногайцев на правый берег Южного Буга и в Буджак.

Пять лет изнурительной войны кардинально изменили уклад жизни на степном пограничье. Сосредоточение российских военных команд в низовьях Дона перекрыло традиционные пути миграций ногайцев с востока на запад и с запада на восток. С этого момента кочевники, находящиеся в территориальных владениях Крымского ханства, были лишены возможности менять территории кочевания по своему усмотрению, как и покидать пределы государства Гераев. Белградский мирный договор 1739 г. упрочил принципы Карловицкой системы. Правительства Российской и Османской империй проявили взаимную заинтересованность в существовании стабильной и обоюдно контролируемой границы, а также регламентации пограничных сообществ. Пересечение границы подданными обеих держав теперь подлежало документальной фиксации; смена подданства, за исключением религиозной конверсии отдельных лиц, не допускалась; лица, нарушившие закон своего государства и укрывшиеся на территории другого, подлежали немедленной выдачи. Непосредственно на границе появились пункты официального пропуска и выдачи разрешительных документов, т. е. появляется регулярный бюрократический аппарат, чего никогда не было ранее. Степи Нижнего Приднепровья и Северного Приазовья были объявлены зоной, где российские и турецко-крымские подданные могли находиться для сезонных промыслов без права создания стационарных объектов. Конфликты, возникающие между пограничным населением, как было предусмотрено статьей 10 Белградского договора, подлежали решению на специальных комиссиях, формируемых по дого-

воренности между пограничными администрациями обеих держав.

Итак, Белградская система впервые создала для Крымского ханства возможность обустройства собственного постоянно действующего административного аппарата на всем пространстве своих степных владений. Большие группы ногайцев, сосредоточенные в причерноморских и приазовских степях в результате одновременных миграций, теперь были поделены на «орды», возглавляемые отдельными сераскерами, представителями фамилии Гераев. Каждая «орда» была наделена определенной территорией для расселения, с обязательствами по ее охране от вторжения извне, поддержанию внутреннего порядка, содержанию почтовых лошадей, перевозам через реки, сбору налогов, мобилизации по случаю войны.

Как отмечено выше, первое сераскерство установилось в Буджацкой Орде к началу 1730-х годов. После войны функции буджацкого сераскера и калги были окончательно разделены. Буджацкий сераскер превратился из военного командира в гражданского администратора, ответственного за спокойствие на границах с Речью Посполитой и Российской империей в междуречье Днестра и Южного Буга. Он имел постоянную резиденцию в селении Ханкишла, где находился его дворец с чиновничьим аппаратом во главе с султан-агой, в штате которого был переводчик, ответственный за работу с документацией, поступающей из заграницы. Рядом располагалось множество больших и малых турецких крепостей с гарнизонами, которые сераскер мог привлечь для подавления бунта своих подначальных. Сераскеру подчинялась не только Буджацкая Орда, но и Едисанская Орда, под кочевья которой были отведены степи буго-днестровского междуречья [Грибовский, 2009, с. 78–79].

В Едисанской Орде первый сераскер появился во время правления хана Арслан Герая (1748–1755). Заняв крымский престол, он возвел своего брата Крым Герая в ранг нурадина и назначил его буджацким сераскером; другой ханский родственник, Мехмед Герай, стал ор-беем. Вскоре Крым Герай отказался от обоих рангов и уехал в Румелию. Арслан Герай отстранил Мехмеда и передал ранг ор-бея своему старшему сыну Селиму; среднего, Девлета, назначил буджацким

сераскером, а младшего Шахбаза – сераскером Едисанской Орды. Вероятно, последние два назначения произошли в 1753 г. Но в следующем году едисанцы снова оказались под властью буджацкого сераскера Девлет Герая, поскольку Шахбаз Герай выступил в поход на черкесов, ставший для него неудачным; в его отсутствие у едисанцев появился новый «командир» – каймакан ногайский Джан-мурза, около года управлявший Едисанской Ордой. В 1755 г. упоминается едисанский Ахмед-каймакан, т. е. ногайский мурза, кочевавший у речки Куяльник. Он вел официальную переписку с российским комендантом крепости Св. Елизаветы по вопросам, касавшимся едисанцев, но находился под контролем буджацкого сераскера. Последний развернул преследования едисанских мурз, предпринимавших набеги на запорожское пограничье и Правобережную Украину. Кроме того, по требованию Порты и крымского хана он усилил налогообложение буджаковцев и едисанцев, не оставив и без мздоимства. Притеснения побудили едисанцев в 1754 г. отправить делегацию в Санкт-Петербург с прошением о принятии их в российское подданство; подобная делегация позднее была отправлена и в Варшаву. Российское и польское правительства, связанные договором с Портой, конечно, не могли удовлетворить эти прошения. Кроме того, оба правительства не имели практической возможности организовать переселение и расселение столь крупного кочевого коллектива. Острота противоречий едисанских мурз и администрации Буджака дошла до предела при сераскере Саадет Герае, и в 1758 г. всколыхнуло мощное восстание едисанских и буджацких ногайцев, приведшее к смещению хана Халим Герая и интронизации Крым Герая [Грибовский, 2009, с. 77–83; Пейссонель, 2013, с. 73–89].

Правление Крым Герая (1758–1764) отличалось от его предшественников тем, что именно ногайцы составили основу его социальной базы. Этот хан установил отношения с Пруссией и активно добивался вступления Порты в Семилетнюю войну в союзе с королем Фридрихом II, что означало демонтаж Белградской системы и очередную войну против России. Второй столицей Крымского ханства в эти годы стал город Каушаны, расположенный на юго-востоке Молдовы;

здесь был построен ханский дворец и создана новая управленческая инфраструктура. Частые поездки хана из Бахчисарая в Каушаны сопровождались крупными мобилизационными и инспекционными мероприятиями. Крым Гераю удалось упрочить власть едисанского сераскера, отделив его от опеки буджацкого сераскера. Из перенаселенного Буджака в 1759 г. были выведены едичкульские ногайцы, составившие отдельную орду с собственным сераскером во главе. Едичкульская Орда была расположена вдоль левого берега Днепра от его устья до места впадения в него речки Конки, т. е. в непосредственной близости от территории Войска Запорожского. Мобилизационные мероприятия позволили Крым Гераю упрочить свою власть, укрепить органы регионального управления и увеличить налоги как в Крыму, так и в степных владениях ханства. Однако с прекращением Семилетней войны в 1763 г. подобная практика уже не была возможной. Не оправдав надежд своих подданных на крупный военный реванш, Крым Герай утратил популярность и был смещен при скандальных обстоятельствах [Грибовский, 2009, с. 83–94].

Правобережье Кубани в период между войнами 1735–1739 и 1768–1774 гг. оставалось для Крымского ханства проблемным регионом, где институт сераскерства был менее всего упрочен. Большинство кубанских ногайцев сохраняло лояльность к правящим ханам [Описание, 1791, с. 141]. Однако разнообразные адыгские общества (черкесы) часто оказывали поддержку крымским султанам, которые, в силу своей многочисленности, составляли отдельное сословие хануко («сыновья хана») и были связаны с местными интересами в большей степени, чем с интересами Крымского ханства. Расположенное на Кубани селение Копыл, где издавна находилась резиденция ханского наместника на Кавказе, был разрушен донскими казаками и калмыками в 1736 г. В том же году выходцы из захваченного российскими войсками города Азов основали к западу от опустевшего Копыла (Эски-Копыл) новый городок – Ени-Копыл (территория современного г. Славянск-на-Кубани). После войны в Ени-Копыле расположился ханский сераскер, городок был обнесен деревянным «оплотом» (частоколом);

вблизи него располагались еще один городок, принадлежащий крымскому хану – Белед-кеви, и станицы некрасовских казаков [Описание, 1791, с. 157–158]. Но все же сераскеру Кубани часто приходилось находиться не в своей резиденции, а «в шатре», во главе войска разъезжая по этому беспокойному региону. Тем не менее его личные доходы превышали «кормления» других сераскеров: он получал 800 быков по случаю вступления в должность, взимал десятую часть с урожая зерна в его орде, брал одного барашка с каждой кибитки раз в году [Пейссонель, 2013, с. 35]. Конечно, эти доходы он использовал не только для собственного потребления, но прежде всего для поддержания целостности своей патрон-клиентской группы, без которой в местных условиях он утратил бы всякое влияние. Как и во времена Бахты Герая, ханские наместники Кавказа легко выходили из подчинения Бахчисараю и проводили собственную политику. Так, хан Крым Герай назначил сераскером Кубани Бахадыр Герая, которому поручил усмирить темиргоевцев. Однако Бахадыр объединился с темиргоевцами и вместе с ними в 1762 г. выступил против нового сераскера – Газы Герая, сына Бахты Герая, «повредил» его войско. Газы Герай получил от хана приказ идти в верховья Кубани для «успокоения» ногайцев касая-улу и каспулат-улу. Для удержания в покорности едичкульских ногайцев, кочующих в низовьях Кубани, был отправлен с войском калга-султан [ГААО, д. 23, л. 50]. Таким образом, на Кубани оставалась в силе архаическая модель управления, не вполне изжитая и в других регионах.

Итак, в середине XVIII в. в Крымском ханстве установился институт сераскерства, представлявший собой верхний этаж региональной власти, более или менее стабильного управления Буджацкой, Едисанской, Едичкульской и Кубанской Ногайскими Ордами. Сераскеры ногайских орд принимали участие в собраниях ханского дивана и занимали в государственной иерархии место, следующее после калги, нурадина и орбея [Пейссонель, 2013, с. 51]. Потомки первых ногайских мигрантов, входивших в состав улуса мангытских карачи-беев, к тому времени натурализовались в крымскотатарской среде.

Менее многочисленная, но сплоченная и обо-

собленная Джембуйлуцкая Орда, расположившаяся в Перекопской степи, не имела отдельного сераскера, а находилась в управлении орбея и перекопского каймакана. В середине XVIII в. увеличилось значение каймаканов – должностных лиц, наделенных высокими полномочиями, но принадлежащих к служебной аристократии. Не будучи Гераями, они не могли руководить военными предприятиями, но сосредоточивали в своих руках значительные полномочия гражданского управления. Иногда перекопский каймакан дублировал функции орбея, в частности, входил в отношения с польской и российской пограничными администрациями, руководством Войска Запорожского и Войска Донского [Грибовский, 2009, с. 74]. Но все же смысл его должности заключался во временном замещении, исполнении обязанностей того или иного представителя дома Гераев, занимавшего официальную должность.

В середине XVIII в. ногайцы не имели собственного представительства в Бахчисарае; наиболее влиятельные ногайцы удостаивались незначительной должности кушеджи-баши – ханского сокольничего. Тем не менее ногайские мурзы оставались полноправными правителями кочевых аулов. В Едисанской и Едичкульской Ордах особое положение занимал баш-мурза (главный мурза), первенство которого признавали прочие мурзы. Французский консул в Крыму К.-Ш. де Пейссонель сравнил влияние баш-мурзы в орде с положением крымских карачи-беев в пределах своих бейлыков. Баш-мурза обязательно присутствовал на собраниях дивана сераскера, где ему принадлежало первое место; сераскер не имел права наказывать мурз, не посоветовавшись с ним. Без него не обходилось принятие решений по вопросам военной мобилизации, взимания налогов и прочих дел управления ордой [Пейссонель, 2013, с. 37, 58].

Централизации Крымского ханства способствовала налагаемая на ногайцев транспортная повинность – обязанность перевозить разнообразные грузы по требованию крымских или турецких властей. Ногайцы обеспечивали лошаадьми и фуражом хана вместе с его двором, когда тот передвигался по своим степным владениям, а также работу почтовой (ямской) службы. Отдель-

ный налог на содержание почты в размере десятины от урожая зерна платили джембуйлуковцы. Пользоваться почтовыми станциями можно было только исполнителям распоряжений хана. Как отметил Пейссонель, почтовые станции в Крымском ханстве работали лучше, чем в других регионах Османской империи [Пейссонель, 2013, с. 56]. Расположенные по основным трактам, почтовые станции способствовали быстрому передвижению представителей ханской власти даже в отдаленных районах Северного и Восточного Приазовья [Брун, 1867, с. 8–9].

Русско-турецкая война 1768–1774 гг. остановила действие системы управления степной периферией Крымского ханства, складывавшейся в течение трех десятилетий. Расположение главного театра военных действий в районе турецких крепостей Хотин, Очаков и Бендеры обусловило нахождение крымских ханов с большей частью мобилизованных ногайцев в Северо-Западном Причерноморье; защита Крымского полуострова от нападения российских войск поручалась второму лицу в ханстве – калге. В 1770 г. вследствие поражения турецко-крымских войск при Ларге и Кагуле большая часть мурз едисанских, буджац-

ких, едичкульских и джембуйлуцких ногайцев заключила «союз» с российским командованием и в 1771 г. со всеми своими аулами была переселена в междуречье Кубани и Еи под надзор российского пристава, возглавлявшего гарнизон Ейского укрепления. Эта масса ногайцев составила первоначальную основу правления подконтрольного России Шагин Герая. После занятия им крымского престола в 1777 г. на правом берегу Кубани осталось представительство ханской власти, возглавляемое «марахасом» Халил-агой. Однако территории Крымского ханства к западу от Южного Буга, занимаемые ногайцами, избежавшими переселения на Кубань, перешли в непосредственное управление османской администрации. Халил-ага продолжал исполнять функции «главного чиновника» кубанско-ейского междуречья и после ликвидации Крымского ханства в 1783 г. Лишь в 1790 г. российское правительство приняло решение об упразднении остатков ханской администрации на Кубани и переселении едисанцев, едичкульцев и джембуйлуковцев в Северное Приазовье [Грибовский, 2014б, с. 17–24].

9.3. Крымское ханство в 1771–1783 гг. и судьба крымскотатарской государственности

Р. Ю. Почекаев

Существенное изменение политической ситуации вокруг Крымского ханства в результате русско-турецкой войны 1768–1774 гг. привело к значительным изменениям в международно-правовом положении этого государства, коснувшись и системы его власти и управления.

Особенности государственного развития Крымского ханства в этот особенный для него период нашли освещение в работах как дореволюционных, так и современных авторов. Данной тематике непосредственно посвящены публикации Р. Т. Дейникова, А. В. Мальгина, С. Ф. Орешковой, Д. В. Сеня и др. [Дейников, 1999; 2002; 2014; Мальгин, 2013; Орешкова, 2008; Сень, 2012]; имеются соответствующие

разделы в коллективных трудах по истории татар и истории Крыма, подготовленные теми же авторами – В. В. Грибовским и Д. В. Сенем [История, 2014, с. 266–276] и Р. Т. Дейниковым [История, 2017, с. 506–538]. Отдельные аспекты темы нашли освещение во втором томе фундаментального труда В. Д. Смирнова [Смирнов, 2005а], отчасти в исследовательских работах о российской дипломатии В. А. Уляницкого [Уляницкий, 1883; 1899а]. Представляет интерес освещение проблем развития Крымского ханства периода его независимости в исследовании Е. И. Дружининой о Кючук-Кайнарджийском мирном договоре [Дружинина, 1955], исследовании И. В. Зайцева и А. В. Мальгина о Кара-

субазарском договоре и условиях, в которых он был заключен и действовал [Карасубазарский трактат, 2015, с. 9–32]. Наконец, существенно дополняют представление о роли и механизмах влияния России на внутренние дела Крымского ханства биографические исследования, посвященные деятельности отдельных имперских дипломатических представителей в Крыму [см., напр.: Зайцев, 2018; Кессельбрэннер, 1987; Макидонов, 2002; Светличный, 2013] и, конечно же, самих крымских ханов [Алексеев, 1914; Грибовский, Сень, 2014; Кондараки, 1883б; Лашков, 1886; Langles, 1802]¹.

Основными источниками наших знаний о государственности Крыма в период независимости является переписка представителей российских властей между собой и с крымскими ханами, а также со Стамбулом. Акты этой переписки неоднократно публиковались [Дубровин, 1885а; 1885б; 1887; 1889; Сборник РИО, 1880; Уляницкий, 1899б; см. также: Бантыш-Каменский, 1893; Лашков, 1892а; 1892б; 1895д] и содержат богатый материал, отражающий особенности функционирования системы власти и управления Крымского ханства под влиянием Российской империи. Характеристика внутреннего политического и экономического положения в рассматриваемый период отражена в документах, подготовленных после присоединения Крыма к России [Лашков, 1888; 1897а; 1897б; 1897в]. Правовые аспекты политики Российской империи сначала по признанию независимости Крыма, а затем – по его присоединению к России нашли отражение в отдельных документах Полного собрания законов Российской империи и специальных сборниках [ПСЗРИ, 1830а; ПСЗРИ, 1830б; Карасубазарский трактат, 2015]. Представляют интерес официальные распоряжения ряда российских администраторов, касающиеся Крыма и не только содержащие конкретные предписания, но и порой отражающие отношение к Крымскому ханству и его правителям [см., напр.: Румянцев, 1959]. Краткие сведения о правлении последних крымских ханов содержатся

¹ Не считая жизнеописаний российских государственных деятелей, имеющих прямое отношение к событиям в Крыму в рассматриваемый период – императрицы Екатерины II, кн. Г. А. Потемкина-Таврического, военачальников и администраторов П. А. Румянцева, А. В. Суворова и др.

в крымскотатарских исторических хрониках [Халим Гирай, 2004; Kazimirski, 1833] и некоторых других свидетельствах местных современников – например, караима Рабби Азарья, сына Илии [Рабби Азарья, 1856]. Наконец, особо можно выделить записки ученого В. Ф. Зуева [Зуев, 1790], направленного Академией наук в экспедицию в Новороссию и посетившего Крым в 1782 г., тем самым положив начало научному изучению Крыма, в т. ч. и в ханский период [Каушлиев, 2008, с. 18]; Зуев привел ценные (хотя и несколько идеализированные) свидетельства о внутренней политике хана Шахин Герая.

Систематизация этих разнообразных источников в сочетании с использованием результатов ранее проведенных исследований позволяет проследить те изменения в крымскотатарской государственности, которые имели место в рассматриваемый период.

Летом 1771 г. российские войска под командованием кн. В. М. Долгорукова вступили в Крым. Хан Селим Герай III, упорно отказывавшийся вступать в какие-либо переговоры с русскими, и турецкий сераскер не смогли оказать сопротивления и бежали из Крыма. В результате контроль Османской империи над Крымским ханством исчез, что привело к росту в Крыму пророссийских настроений. Уже 25 июня 1771 г. В. М. Долгоруков подписал с представителями крымской аристократии «предварительный акт», в котором те от лица всего крымскотатарского народа обязывались провозгласить независимость от Османской империи и вступить в союз с Россией [Карасубазарский трактат, 2015, с. 33–34; Лашков, 1892а, с. 49–50].

После этого крымские сановники направили «адрес» на имя императрицы Екатерины II, в котором заявляли, что отпадают от Османской империи за ее «утеснения» и, напротив, выражают «привязанность» к России, надеясь на ее покровительство в отношении независимого отныне Крымского ханства [Лашков, 1892а, с. 48].

Вскоре, в августе 1771 г., знать Крыма впервые без участия османских властей самостоятельно возвела на освободившийся престол нового хана. Им стал ор-бей (наместник Перекопа) Сахиб Герай-султан, сразу же после избрания направивший Екатерине II послание о своем избрании, в котором заверял, что Крым никогда не вернется

под покровительство Османской империи [Бантыш-Каменский, 1893, с. 226; Лашков, 1892а, с. 50]. В качестве главы крымской дипломатической миссии в Санкт-Петербург был отправлен ханский брат Шахин Герай, назначенный калга-султаном. За время своего пребывания в столице Российской империи он, несмотря на некоторые проявления высокомерия и заносчивости, вскоре сумел снискать симпатии и покровительство самой Екатерины II и высших сановников империи [Алексеев, 1914, с. 442–443], что впоследствии сыграло важную роль в дальнейшей судьбе и самого Шагин Герая, и всего Крымского ханства.

Не ограничиваясь установлением мирных и союзных отношений с крымской знатью, российские власти постарались добиться, чтобы аналогичной позиции придерживались и влиятельные предводители многочисленных ногайских орд. В частности, 28 января 1772 г. было направлено послание от имени Екатерины II мирзам и народу Едичкульской Орды, в котором Россия гарантировала им свою «протекцию» при условии их «попослушности» новоизбранному хану Сахиб Гераю [Карасубазарский трактат, 2015, с. 36–38]. Характерно, что, несмотря на упомянутое условие, в тот же период российские власти начали демонстрировать стремление оказывать покровительство наиболее лояльным к России ногайским родоплеменным предводителям – путем признания их главенствующего статуса, пожалования наградного оружия и пр. [там же, с. 37, 40].

Формально провозглашенный суверенитет Крыма должен был стать, по мнению российских властей, тем компромиссом, который удовлетворил бы воюющие стороны [Орешкова, 2008, с. 122], однако фактически Российская империя устанавливала свой контроль над ханством, который осуществлялся в форме «покровительства», т. е. протектората. Выстраивая отношения с новоизбранным крымским ханом, российские власти поначалу даже в формальном отношении пытались дать ему понять, что он находится в зависимом от России положении. Так, когда генерал Е. А. Щербинин явился к хану для обсуждения и подписания мирного договора, он должен был ему вручить от имени Екатерины II перо и саблю, а также грамоту императрицы, которую крымский монарх должен был поцеловать. Естественно, Сахиб Герай II от-

казался это делать, поскольку такие дары направлялись в Крым только от османского султана, который официально считался сюзереном ханства, и принять такие дары от России означало бы признание сюзеренитета от нее [Смирнов, 2005б, с. 127].²

Новый статус Крымского ханства был официально закреплен в «Мирном и союзном трактате между Российской империей и Ханством Крымским», известном под названием Карасубазарского договора, который был подписан 1 ноября 1772 г. в Крыму и ратифицирован Россией 29 января 1773 г. [ПСЗРИ, 1830а, № 13943, с. 708–712; Карасубазарский трактат, 2015, с. 45–50, 98–105]. Положения договора в полной мере отражали двойственный характер изменившегося международно-правового положения Крымского ханства: наряду с признанием его суверенитета российская сторона достаточно четко демонстрировала укрепление своего влияния в государстве. Это четко проявилось в положениях договора.

Так, уже в преамбуле договора упоминается, что со стороны Крыма он подписан «славнейшим Сахиб Гераем, сыном Ахмет Герая-султана», который был «торжественным и признан от нас образом в качестве независимого владетеля над свободной Татарской областью». Нельзя не обратить внимание на признание от России (неслучайно и в Крыму, и в Османской империи Сахиб Герай II считался именно российским ставленником на троне), а также тот факт, что он назван «владельцем» «Татарской области»: так в официальной российской документации называли правителей с неопределенным статусом ниже ханского – например, калмыцких (если они официально не признавались в ханском достоинстве), ташкентских, кашгарских и т. д. Кроме того, хан титулуется в договоре «его светлостью» – в отличие от императрицы Екатерины II с «ее императорским величеством»: налицо показатель неравноправия статусов правителей двух независимых договаривающихся государств!

² В описании одного из последних посольств в Крым (в 1774 или 1775 г.) также присутствуют церемониальные элементы, подчеркивающие зависимость ханства от Российской империи: при заслушивании послания императрицы хан должен был встать, а его сановники (как и российские дипломаты) при упоминании имени Екатерины II должны были снимать головные уборы [Скальковский, 1893, с. 270; см. также: Долгоруков, 1872, с. 185].

Роль России, согласно данному трактату, состояла вовсе не в завоевании Крыма, а, напротив, в освобождении населявших его народов от «поносного порабощения». Соответственно, даже за участие крымских татар в боевых действиях против русских войск ответственность возлагалась не на них, а на Османов.

П. 1 договора предусматривал «союз, дружбу и доверенность» между Россией и «Татарской областью» – «без притеснения вер, законов и вольности». С одной стороны, это условие, казалось бы, подтверждало равноправие отношений двух независимых государств. Однако, с другой стороны, оно фактически предоставляло известную свободу действий России в случае, если будут нарушаться права каких-либо категорий крымского населения – в первую очередь христианских подданных хана.

П. 2 подчеркивал сохранение политических и правовых традиций Крымского ханства, его системы власти и управления и запрещал какому-либо иностранному государству (включая и Россию!) вмешиваться в процесс избрания ханов.

П. 3 разграничивал сферы влияния и подданства Крымского ханства и Российской империи. И если «таманцы» и «некрасовцы» (казаки-старообрядцы) «по-прежнему имеют быть во власти хана», то вопрос о спорных «большой и малой Кабарде» однозначно был решен в пользу России.

П. 4 регулировал весьма важный и деликатный вопрос: Российская империя обязывалась не привлекать крымские войска для участия в своих военных кампаниях – при условии, что они не будут участвовать и в боевых действиях против России. Важность этого пункта заключалась в том, что Россия в очередной раз подчеркивала, что не рассматривает «Крымскую область» (так в данном пункте) как своего вассала, одной из обязанностей которого являлось бы предоставление войск сюзерену.

А вот п. 5 свидетельствовал как раз об обратном: «Ее императорское величество за себя и за своих всероссийского престола преемников обещает Татарскую область сохранять и защищать во всех вышеозначенных правах и начальных положениях». Т. е. речь идет именно о «протекции», гарантиях защиты, покровительстве со стороны иностранного государства!

Своеобразным обеспечением этой гарантии

видится и п. 6, которым предусматривается продолжение пребывания российских войск в Крыму на весь период ведения войны с Османской империей. Чтобы это не выглядело оккупацией, в пункте специально оговаривается, «чтобы сие обстоятельство ни в малейшую не было тягость крымским обывателям».

Вместе с тем полный вывод российских войск из Крыма даже формально не предусматривался: п. 7 договора гласил, что Россия вступает во владение крепостями «Яныкол и Керчь», в которых будут находиться «запасное войско и суда... для стражи и отражения всяких противных на Крымский полуостров покушений». Как видим, и в данном случае в качестве основания для пребывания российских войск на территории независимого государства приводится обеспечение гарантий его самостоятельности. Однако, во-первых, сам факт перехода во владение Российской империи этих крепостей в значительной степени напоминает переход под власть Османской империи Южного берега Крыма в 1475 г., кроме того, в этом пункте предусматривается, что «российские люди» имеют право заниматься в Яныкольском и Керченском проливе рыбной ловлей наряду с «крымскими людьми», т. е. речь идет о защите не только крымских, но и российских интересов [см.: Исторические сведения, 1790, с. 402; Скальковский, 1836, с. 89].

Как бы в порядке «компенсации» за предыдущий пункт, в п. 8 подчеркивалось, что российские войска больше ни в каких городах и крепостях, принадлежавших Крымскому ханству, пребывать не будут. Более того, признавался суверенитет хана и над «за Перекопом Крымской степью», которая уже находилась под контролем России в результате военных действий.

П. 9 специально оговаривал статус ногайских орд на Кубани как подданных крымского хана, но при этом «по древним их правам» и «первоначальных их с Россией положений». Как представляется, в данном случае имперские власти старались предоставить некоторую свободу выбора ногайским ордам в их взаимодействии с Крымским ханством и сохраняли за собой право влиять на их дела на основании ранее существовавших договоров и соглашений с ногайцами.

Очень важный и сложный вопрос регулировался п. 10: речь идет об освобождении российских пленников в Крыму. Освобождение их (равно как и крымских татар или ногайцев, оказавшихся в российском плену) без выкупа и содействие в возвращении на родину выглядело вполне логичным «вследствие союза и дружбы», а вот ситуация с теми русскими невольниками, кто «по самоизвольному желанию примет Магометанский закон» существенно изменялась. Дело в том, что ранее судьба таких пленников решалась однозначно: они признавались ханскими подданными и должны были оставаться в Крыму, даже если прежде им удавалось его покинуть.³ Теперь же их судьбу должен был решать российский резидент в Крымском ханстве. Зато следующим пунктом подчеркивалось, что пленники из подданных других стран не подлежат немедленному и безвозмездному освобождению – даже в том случае, если они окажутся христианами и обратятся к российским войскам в Крыму.

П. 12 «дозволял» торговлю русских в Крыму и крымчан на территории Российской империи – на тех же условиях, «какие другие дружественные народы имеют, но с платежами только по купеческим установлениям надлежащей пошлины». Т. е. речь идет о «режиме наибольшего благоприятствования» торговцам двух государств, находящихся в дружбе и союзе. При этом отсутствие российского вмешательства в крымские дела видится в том, что речь идет о взаимных правах русских и крымских торговцев, и никакие дополнительные льготы и преимущества для купцов из России договором не предусмотрены.

П. 13, несмотря на то, что он находится в самом конце, по сути, и содержит важнейшее положение, касающееся изменения статуса Крымского ханства и формата его отношений с Россией. В нем говорится об учреждении «при его светлости» «резидующего министра» со всеми правами и привилегиями, полагающимися дипломатическим представителям, причем эти права и привилегии должны были распространяться на «его

³ Такие ситуации неоднократно возникали и прежде в русско-крымских отношениях, вызывая острые конфликты между российскими дипломатами и властями Крымского ханства [Сборник РИО, 1887, № 1133, с. 150; Соловьев, стб. 76–77; Фаизов, 1991].

людей», т. е. на штат российского резидентства в Крыму.⁴

Поскольку Карасубазарский договор был заключен между Российской империей и Крымом, Османская империя осталась как бы «в стороне» от ситуации, а между тем ее позиция являлась весьма значительной, поскольку формального отказа от сюзеренитета над Крымским ханством она ко времени заключения договора так и не выразила. Между тем, многовековое османское влияние в Крымском ханстве не могло пройти бесследно исключительно в результате подписания договора между Крымом и Россией. Поэтому Сахиб Герай II с самого начала своего правления настаивал на том, чтобы независимость Крымского ханства была включена в качестве условия в будущем мирном договоре между Российской и Османской империями. Весьма показательно, что когда хан получил от российских дипломатов подписанный экземпляр договора о признании Крыма независимым, он первым делом поинтересовался, заключен ли мир с Османской империей [Карасубазарский трактат, 2015, с. 117; см. также: Langles, 1802, p. 448–449].

Подобная обеспокоенность вовсе не была беспочвенной: Османская империя изначально не признала легитимности хана Сахиб Герая, избранного без ее участия, равно как и назначенного им калга-султана Шагин Герая.⁵ Более того, вскоре после провозглашения его ханом, в ноябре 1771 г., на берегу Дуная (в подконтрольных Османам владениях) прошел курултай, на котором султаны из рода Гераев и представители крымской знати, пребывавшие вне пределов Крыма, выбрали в качестве «альтернативного» хана Макуд Герая, номинально возглавившего движение за возвращение ханства под покровительство Ос-

⁴ П. 14 и заключение в договоре содержат лишь «реквизиты», т. е. сведения о сторонах и датах подписания ими договора, поэтому, как представляется, не нуждаются в дополнительном комментировании.

⁵ Так, например, Шахбаз Герай, калга-султан при Макуд Герай-хане, в сентябре 1772 г. направил Шагин Гераю послание, в котором упрекал его за союз с Россией, выражал надежду, что тот действовал лишь «по принуждению» и рекомендовал вернуться под покровительство Османской империи. Шагин Герай, впрочем, ответил на это лишь краткой отпиской, тем не менее однозначно отвергавшей предложения родича [Карасубазарский трактат, 2015, с. 43–44].

манской империи [Смирнов, 2005б, с. 128–129; Халим Гирай, 2004, с. 133; Langles, 1802, p. 450]. После его добровольного отказа от трона в 1773 г. османские власти провозгласили новым ханом Девлет Герая IV, который стал предпринимать куда более решительные действия, чем его предшественник, по восстановлению контроля Османской империи над континентальными владениями Крымского ханства [Langles, 1802, p. 452].

Неудивительно, что в таких условиях Сахиб Герай II испытывал вполне объяснимые опасения, что многие его приверженцы вновь перевернутся на сторону османских властей и их ставленника. Поэтому при заключении мирного договора, завершившего войну 1768–1774 гг. (Кючук-Кайнарджийский договор от 10 июля 1774 г.), в него был включен специальный пункт «артикул третий», которым специально подчеркивалось, что Крымское ханство и все подвластные ему «татарские народы» признаются «вольными и совершенно независимыми от всякой посторонней власти, но пребывающими под самодержавной властью собственного их хана Чингисского поколения, всем татарским обществом избранного и возведенного». При этом в данном артикуле дублировались некоторые пункты Карасубазарского договора: о недопустимости вмешательства как России, так и Турции в процесс избрания крымских ханов (п. 2), о передаче России Керчи и Еникуля (п. 7) и освобождении от русских войск других владений крымского хана (п. 8), пребывании Кубани под властью Крыма (п. 9) [Дружинина, 1955, с. 350–351].

Правда, как оказалось, заключение мира и включение в него специального артикула о судьбе Крымского ханства вовсе не стало надежной гарантией его независимости от Османской империи. Буквально через неделю после подписания Кючук-Кайнарджийского договора в Крыму высадился турецкий десант под предводительством Хаджи-Али-бея, которого сопровождал и ставленник Османов – Девлет Герай IV. Сахиб Герай II попал в крайне затруднительное положение, решив, что столь энергичные действия турецкого сераскера непременно приведут к восстановлению контроля Османской империи над ханством. Поэтому, узнав о высадке десанта, он не оказал сопротивления туркам и, более того, даже выдал им российского резидента П. П. Веселиц-

кого, допустив фактически полное уничтожение мятежниками членов его миссии.⁶

Как известно, десант закончился неудачей, и в октябре 1774 г. мирный договор был ратифицирован османскими властями [Дружинина, 1955, с. 315]. Его подписание существенно изменяло внутри- и внешнеполитическое положение Крымского ханства.

Прежде всего, по условиям мира, султан признавал легитимность избрания Сахиб Герая II и направил ему в связи с этим соответствующее послание и инвестицию [Смирнов, 2005б, с. 133; Халим Гирай, 2004, с. 137].⁷ Тем самым османский султан фактически лишал законности претензии на трон своего прежнего ставленника Девлет Герая IV, что в значительной степени должно было способствовать стабилизации ситуации в ханстве.

Вместе с тем весьма противоречивым для Крыма оставался вопрос об отношениях с Российской империей. Несмотря на то, что уже условия Карасубазарского договора, как отмечалось выше, свидетельствовали о фактической зависимости ханства от России, крымская знать продолжала надеяться на то, что свои внутренние дела ханство будет решать самостоятельно. Поэтому уже вскоре после подписания этого трактата крымские сановники стали жаловаться, что российское военное командование, поскольку обещало вывести войска еще до зимы 1772 г., а само оставило за собой Керчь и Яникале, тем самым нарушая суверенитет ханства [Лашков, 1892а, с. 51].⁸

⁶ Позиция Сахиб Герая II во время высадки турецкого десанта по-разному оценивалась современниками и исследователями. Весьма примечательно, что командующий российскими войсками в Крыму кн. Долгоруков считал хана едва ли не предводителем мятежников, поддержавших десант, тогда как Веселицкий, немало пострадавший из-за хана, всего лишь отмечал его пассивность во время боевых действий [см. подробнее: Мальгин, Кротов, 2009]. Современные исследователи трактуют действия Сахиб Герая как фактический разрыв условий Карасубазарского мирного договора [Fisher, 1967, p. 345].

⁷ Весьма характерно, что и российский представитель генерал-поручик Е. А. Щербинин еще в процессе выработки Карасубазарского договора, и калга-султан Шагин Герай резко критиковали позицию России, старавшейся сохранить «духовную» легитимацию власти крымских ханов за османскими султанами [Карасубазарский трактат, 2015, с. 53, 113].

⁸ Несмотря на все старания российским военным

Признание независимости ханства в известной степени меняло его отношения с соседними народами и государствами. Так, стали возникать проблемы в отношении подданства ногайских орд – в частности, Буджакской, которая ранее признавала подданство крымских ханов. Теперь территория Буджака оказалась отрезана от Крыма из-за присоединения ряда континентальных территорий ханства к России, и османские власти установили над ним свой непосредственный контроль.⁹ Аналогичная ситуация складывалась и вокруг черкесов, которые и ранее готовы были лишь условно признавать власть то Гераев, то Османов – в случаях, когда им это было выгодно [Зуев, 1790, с. 302; Смирнов, 2005б, с. 185–186]. Схожую позицию занимали и кубанские ногайцы, которые в зависимости от политической обстановки то поддерживали пророссийских Гераев (в лице Шагин Герая), то выступали на стороне их противников – ставленников Османской империи.

Неудивительно, что влиятельная ногайская аристократия (включая даже тех ее представителей, которые в начале 1770-х гг. выступали за союз с Россией и признание власти хана независимого Крыма) со временем стала все больше игнорировать волю хана и даже вновь взаимодействовать с Османской империей. Так, например, едисанский Джанмамбет-бий в 1773 г. обратился к турецким властям с просьбой утвердить в качестве сераскер-султана Гази Герая, который отказывался получать это назначение от хана Сахиб Герая, поскольку был старше его в семейной иерархии. Калга-султан Шагин Герай неоднократно пытался собрать в Бахчисарае ногайскую знать, чтобы выяснить ее настроения, но практически все предводители орд отказывались прибыть под предлогом болезни, в результате чего калга-султан, пользовавшийся популярностью среди ногайцев, постепенно терял уверенность в их поддержке [Карасубазарский трактат, 2015, с. 112, 116; Лашков, 1895д, с. 91–92].

Наконец, провозглашение независимости

и дипломатическим представителям так и не удалось добиться от своих татарских партнеров официального одобрения перехода Керчи и Яникале под власть Российской империи [Смирнов, 2005б, с. 127].

⁹ Крымское подданство сохранили только те буджакские ногайцы, которые ранее переселились непосредственно в крымские владения.

Крымского ханства полностью меняло его отношения с Молдавией и Валахией, которые раньше имели определенные (в первую очередь финансовые) обязательства в отношении этого «привилегированного вассала» Османской империи. Отказ от османского покровительства упразднял эти обязательства [Хайдарлы 2005, с. 299].¹⁰

Хан Сахиб Герай II, столь упорно добивавшийся признания легитимности своей власти со стороны Османов, однако, сохранял ее весьма недолго после заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора. Во-первых, его нерешительность способствовала росту оппозиции в ханстве, во главе которой стояли его ближайшие родичи, включая родного брата и калга-султана Шагин Герая, который в переписке с российскими властями прямо заявлял, что стал бы куда более достойным ханом, чем его старший брат [Смирнов, 2005б, с. 133].¹¹ Во-вторых, Россия была возмущена поведением Сахиб Герая II во время высадки турецкого десанта и, соответственно, отказывалась оказывать ему поддержку и покровительство. В-третьих, несмотря на инвестиру, османские власти продолжали фактически поддерживать претензии на ханский трон своего ставленника Девлет Герая IV, который весной 1775 г. даже высадился в Крыму с намерением взбунтовать подданных против хана. Сахиб Герай II, более не доверявший своим приближенным и подданным, в мае того же года заявил об отречении и покинул Крым, отправившись в Турцию. Девлет Герай IV же был официально провозглашен ханом [Смирнов, 2005б, с. 137–138; Халим Гирай, 2004, с. 135; Langles, 1802, p. 455].

Его формальное избрание было произведено

¹⁰ Более того, Молдавия и Валахия по условиям Кючук-Кайнарджийского мира сами становились «привилегированными» вассалами Османской империи [Дружинина, 1955, с. 300–301].

¹¹ Шагин Герай в августе 1774 г. сложил с себя звание калга-султана в пользу Бахт Герая, чтобы занять пост кубанского сераскер-султана. По некоторым сведениям, это было сделано им с целью добиться признания его претензий на власть сначала среди ногайцев (среди которых он пользовался популярностью еще со времен первого пребывания в должности сераскер-султана в период второго правления своего дяди Крым Герая, в 1768–1769 гг.), а уже затем при их поддержке и с одобрения российских властей занять ханский трон вместо брата [Алексеев, 1914, с. 15–16; Langles, 1802, p. 455].

в том же порядке, что и избрание самого Сахиб Герая II в 1771 г. (последний был формально низложен подданными). Несмотря на несомненную поддержку нового монарха Османской империей, России не удалось найти никаких явных признаков вмешательства турецких властей в выборы хана. Более того, османские власти еще в марте 1775 г. направляли Девлет Гераю (тогда еще претенденту на трон) приказ покинуть Крым и не разжигать восстания против законного хана. Поэтому российской администрации оставалось только подозревать Османов в причастности к возведению на трон Девлет Герая IV, не предъявляя турецким властям никаких официальных претензий [Смирнов, 2005б, с. 143]. Правда, фактически признав воцарение нового хана, Россия не стала устанавливать с ним официальных дипломатических отношений и, в частности, восстанавливать постоянное представительство, которое было учреждено при Сахиб Герае в лице резидентства под руководством вышеупомянутого П. П. Веселицкого.

Между тем Девлет Герай IV, понимая противоречивость своего положения, старался лавировать между османскими и российскими властями. Придя к власти с лозунгом возврата Крыма под покровительство Османской империи, он провел «чистку» в высших органах власти. В частности, он решил сместить влиятельного протеже российских властей Шагин Герая в качестве кубанского сераскер-султана и заменить его своим ставленником Токтамыш Гераем, которого вместе с ор-беем и некрасовскими казаками отправил на Кубань для свержения ее прежнего начальника, вызвав «неустойчивость» среди ногайцев [Лашков, 1895д, с. 110; 1892б, с. 47].

С другой стороны, хан старался поддерживать мирные отношения с российскими властями пограничных с Крымом регионов, которым направлял послания, декларируя мирные намерения по отношению к России и выражая беспокойство по поводу усиления русских войск на границе с Крымом. Благодаря такой дипломатии, Девлет Гераю IV удалось продержаться на троне около двух лет [Смирнов, 2005б, с. 144, 146]. Соответственно, ханство в этот период времени продолжало считаться независимым.

Однако ни Российская империя, ни ее ставленник Шагин Герай не собирались мириться с

пребыванием османского ставленника на троне Крымского ханства, считавшегося независимым и пребывавшим под российским покровительством. Уже в октябре 1776 г. кубанские ногайцы официально провозгласили Шагин Герая ханом после чего тот стал готовиться к наступлению на Крым вместе с русскими войсками под командованием князя А. А. Прозоровского. Девлет Герай IV поначалу попытался вступить в переговоры с русскими и заключить мир, однако, как оказалось, это был отвлекающий маневр: вскоре он неожиданно напал на русские гарнизоны на территории ханства. Естественно, эти действия хана дали российским властям официальный повод для начала боевых действий, в результате чего Девлет Герай был разбит и бежал из Крыма, а 21 апреля 1777 г. на курултае в окрестностях Карасубазара Шагин Герай был официально возведен в ханы и своими крымскими подданными [Лашков, 1886, с. 19; Смирнов, 2005б, с. 147, 158–159; Халим Гирай, 2004, с. 138; Langles, 1802, p. 458, 460].

Как и в случае с Сахиб Гераем II, Османская империя отказалась признать легитимность нового хана, который, несмотря на свое неоднократно высказываемое нежелание подчиняться духовной власти турецкого султана, все же направил в Стамбул свое посольство для получения инвеституры. Это посольство было принято турецкими властями весьма прохладно [Смирнов, 2005б, с. 161–162; Langles, 1802, p. 463]. Более того, в конце того же 1777 г. османские власти признали ханом очередного своего ставленника – вышеупомянутого Селим Герая III, который в декабре 1777 г. с несколькими приверженцами высадился в Крыму и вскоре получил поддержку многих недовольных Шагин Гераем. Правда, благодаря оперативному подходу русских войск, направленных П. А. Румянцевым, в феврале следующего года он был вытеснен из Крыма, а его последние приверженцы были окончательно разгромлены к сентябрю того же года [Смирнов, 2005б, с. 167–168, 173; Халим Гирай, 2004, с. 130; Langles, 1802, p. 466].

Лишь несколькими годами позже Россия добилась от нее подписания Айналы-Кавакской конвенции от 10 марта 1779 г., по условиям которой духовная власть султана-халифа над крымскими ханами превращалась в простую формальность.

Османская империя окончательно соглашалась не вмешиваться в процесс выборов хана, который по избрании в знак признания «в особе султанской верховного калифейства магометанской веры» должен был направить в Стамбул своих послов с дарами. Со своей стороны, халиф должен был подтверждать статус «добровольно избранного и возведенного» хана, выдавая ему «без малейшего затруднения и отговорки благословительную грамоту». И тут же специально оговаривалось, что Османская империя в соответствии с положениями конвенции признает хана Шагин Герая [Дружинина, 1955, с. 363–363; см. также: Дубровин, 1887, № 33, с. 134].¹² Тем самым на официальном уровне окончательно прекращалось вмешательство турецких властей в дела власти и управления в Крымском ханстве и, соответственно, укреплялось влияние властей российских – как через дипломатических представителей, так и через военную администрацию пограничных с Крымом регионов.

С приходом к власти Шагин Герая российские современники связывали начало «новой эры» в истории Крымского ханства, возможность его вхождения в число европейских государств [Зуев, 1790, с. 288–289]. Основанием для этого стало то, что новый хан еще в детстве получил воспитание в греческих Салониках, а затем – в Венеции, знал итальянский язык и европейскую культуру [Алексеев, 1914, с. 440; Лашков, 1886, с. 2]. Соответственно, под покровительством России он надеялся провести значительные преобразования в Крымском ханстве, которые, по его мнению, должны были способствовать стабилизации политической ситуации в государстве, развитию его экономики и укреплению международно-правового положения.

Так, он попытался укрепить центральную власть в Крымском ханстве, реорганизовав ханский совет-диван, который ранее состоял из довольно неопределенного круга высших сановников и других влиятельных лиц, находившихся при ханском дворе и пользовавшихся влиянием на монарха. Теперь же диван включал в себя двенад-

цать членов и должен был осуществлять высшую исполнительную власть при самодержавном хане, по сути, становясь правительством Крымского ханства [Рабби Азарья, 1856, с. 103–104].¹³ Впрочем, нарушить традицию присвоения высших должностей в государстве представителям наиболее могущественных родоплеменных кланов и Шагин Герай не решился: согласно сохранившимся документам, в диване были представлены члены родов Ширин, Мансур, Аргын. Вместе с тем ряд придворных сановников, ранее традиционно участвовавших в управлении делами государства, были лишены этих полномочий, и их должности превратились в sinecure типа шталмейстера, гофмаршала и пр. Тем не менее для обеспечения их лояльности хану приходилось назначать этим сановникам значительное жалование и делать дорогие подарки [Лашков, 1886, с. 21].

В системе регионального управления хан также провел некоторые изменения, объективно назревшие в связи с изменением (уменьшением) территории ханства по итогам мирных договоров 1772 и 1774 гг., а также необходимостью централизации власти. Так, Шагин Герай учредил шесть наместничеств во главе с каймаканами в Бахчисарае, Ак-Мечети, Карасубазаре, Гезлеве, Кефе и Перекопе, которые, в свою очередь, были поделены на 44 кадылыка [Кеппен, 1837, с. 75 и след.; Лашков, 1886, с. 22; 1888]. Последние после реформы стали не просто судебными округами, как ранее, а низовыми административными единицами, чиновники в которых (кадии, мусалимы и сердары) осуществляли управленческие и правоохранительные функции, имея в своем распоряжении писарей и рассыльных в качестве конечных исполнителей властных предписаний.

Шагин Герай провел ряд реформ в сфере государственного регулирования экономики. Главному дефтердару, который ранее являлся всего лишь ответственным за сбор налогов в масштабе ханства, новый монарх присвоил полномочия настоящего «министра финансов», подчинив ему всех налоговых сборщиков, таможни, казначея и

¹² Известно, что сам Шагин Герай выступал против признания духовной власти османского султана, так что П. А. Румянцеву после подписания конвенции пришлось специально писать резиденту А. Д. Константинову, чтобы он разъяснил хану положительные последствия этого документа [Смирнов, 2005б, с. 134, 183].

¹³ Это «правительство» периодически упоминается в переписке российских властей по поводу ситуации в Крыму в том смысле, что не только с ханом, но и с ним следовало решать наиболее важные вопросы русско-крымских отношений [см., напр.: Дубровин, 1885б, № 100, с. 291, № 149, с. 402].

начальника монетного двора. Сам же монетный двор был построен Шагин Гераем с целью упорядочения денежного обращения в стране: по его приказу старая татарская монета перечекивалась в новую по российскому образцу (серебряная напоминала русские рубли и полтинники, медная – пятаки, гроши и полушки) [Зуев, 1790, с. 287–288; Лашков, 1886, с. 23; Смирнов, 2005б, с. 194].

Нуждаясь в средствах на проведение реформ и обеспечение лояльности сановников, Шагин Герар уже в начале своего правления, в 1777 г., реформировал систему налогов и сборов, переведя ее в откупной формат. Собственно, принципиальной новацией это не было,¹⁴ однако радикализм изменений заключался, во-первых, в том, что на откуп передавались практически все налоги и сборы,¹⁵ во-вторых, откупщиками в большинстве становились представители крымских национальных и религиозных меньшинств и даже иностранцы – российские подданные. «Камеральное описание Крыма» 1784 г. позволяет достаточно детально восстановить систему источников дохода ханской казны и постепенный переход налогов и сборов в руки откупщиков.

Торговые пошлины в Карасубазаре, Ак-Мечети и Бахчисарае были переданы евреям Мойше и Шенетие за 1600 руб. в год (причем не непосредственно ханом, а беом рода Ширин, имевшим здесь владения) [Лашков, 1897а, с. 27].

Сбор с соляных озер в совокупности со сборами с ряда таможен¹⁶ был отдан на откуп российскому подданному коллежскому асессору Мавроени с компаньонами за 215 тыс. руб. в год. Сбор с продажи соли годом позже, в 1778 г., был передан татарину, платившему 3 тыс. руб. в год [Там же, с. 26, 28].

Сбор с питейных заведений был отдан калужскому купцу А. Хохлову, который в 1777 г. обязы-

¹⁴ Как известно, сдача налогов и сборов на откуп практиковалась еще в Монгольской империи и Золотой Орде в 1250–1260-е гг.

¹⁵ Даже представители российских властей критиковали эту систему, считая, что хан с помощью откупщиков разграбляет собственных подданных [Смирнов, 2005б, с. 165].

¹⁶ В связи с повышением таможенных сборов при Шагин Герае были пересмотрены таможенные тарифы Крымского ханства: Карасубазарский и Перекопский в 1778 г., Кафинский – в сентябре 1780 г. [Лашков, 1897в, с. 32–39].

вался выплачиваться 16 500 руб. в год, но уже в 1780 г. обнаружил, что не в состоянии обеспечить эти выплаты, и отказался от откупа.¹⁷ На освобожденный откуп стал претендовать капитан Пашенко, предложив выплачивать по 24 тыс. руб. в год, однако хан затребовал 35 тыс. В результате в 1781 г. откуп был передан местному «жиду» Беемин-аге, и только в 1782 г. его получил Пашенко, согласившийся на ханские условия [Там же, с. 26; ср.: Лашков, 1897б, с. 47].

Числившиеся за ханской казной лесные владения и пасеки были переданы на откуп некоему Абдул-Хамид-аге, который обязывался выплачивать ежегодно соответственно 1500 и 900 руб. Сбор за рыбную ловлю получил на откуп в 1780 г. один запорожец за 3 тыс. руб. в год, а сбор с виноградников – несколько евреев за ту же сумму [Лашков, 1897а, с. 27, 28].

Непосредственно в ханскую казну шло лишь небольшое число налогов и сборов, взимавшиеся непосредственно дефтердарами – в частности, прибыль монетного двора (за обмен монеты), десятина с урожая зерна, сбор с рогатого скота и овец. Кроме того, Шагин Герар изменил принцип налогообложения иноверцев, во-первых, увеличив сумму сбора, во-вторых, заменив подушный принцип налогообложения имущественным: теперь вместо прежних 60 коп. с чел. богатые евреи и цыгане платили 7,2 руб. в год, со средним достатком – 3,6 руб., бедные – 1,8 руб. [Лашков, 1897а, с. 27, 28–29; Рабби Азарья, 1856, с. 113]. Дополнительным источником хана стали земли, которые, согласно его собственным фирманам, перешли в его собственность по итогам ряда политических событий: османские владения на Южном берегу Крыма, а также землевладения христиан, покинувших Крым в 1778–1779 гг. (о чем речь пойдет ниже); сборы с них также были отданы на откуп [Кеппен, 1837, с. 74; Лашков, 1886, с. 24; 1897а, с. 27].

¹⁷ При проведении проверки его деятельности оказалось, что он задолжал в ханскую казну 105 тыс. руб., на которые выдал вексель. В целях обеспечения своих интересов хану даже пришлось арестовать товары Хохлова, который, как выяснилось, еще и заплатил взятку в 100 тыс. руб. российскому резиденту А. Д. Константинову [Дубровин, 1887, № 176, с. 550–551, № 221, с. 678–679, № 256, с. 728; см. также: Лашков, 1886, с. 23–24; Макидонов, 2002, с. 54].

Стремясь развивать новые направления хозяйственной деятельности, хан направлял российским властям запросы на присылку в Крымское ханство ученых, инженеров и мастеров – для разведывания залежей полезных ископаемых, развития металлургии и даже кораблестроения [Зуев, 1790, с. 287; Каушлиев, 2008, с. 17]. Однако в силу ряда причин эти проекты не получили развития.

Для стабилизации положения в ханстве и эффективности проводимых реформ Шагин Герай попытался реорганизовать и военную систему, введя вместо призыва на войну своих владельных беев и ногайских мурз воинскую повинность и, следовательно, формирование постоянного войска на профессиональной основе [Лашков, 1886, с. 24–25; Рабби Азарья, 1856, с. 104; Смирнов, 2005б, с. 164; Халим Гирай, 2004, с. 138]. Определенную поддержку ему оказывал в этом впоследствии российский дипломатический представитель при ханском дворе – вышеупомянутый П. П. Веселицкий, содействовавший в приобретении оружия и боеприпасов для ханской гвардии [Дубровин, 1889, № 31, с. 89, № 68, с. 160–161, № 144, с. 367; см. также: Светличный, 2013, с. 172]. Однако, когда в 1780 г. польский аристократ граф В. Потоцкий предложил хану создать наемную армию и даже сам выразил готовность сформировать целый полк, Веселицкий «наложил вето» на этот проект, позволив хану создать лишь немногочисленную конную гвардию («бешлеи»), лишь намекнув на создание большей, до 20 тыс. солдат, армии в перспективе [Зуев, 1790, с. 287; Смирнов, 2005б, с. 193; Fisher, 1967, p. 358].

При своем дворе хан попытался ввести некоторые европейские обычаи, в первую очередь – в обиходе (за что недоброжелатели открыто именовали хана «гяуром»). Сам он (как и некоторые его приверженцы) ездил не верхом, а в английской карете. В медресе Кефе он приказал обучать детей также русскому и европейским языкам, оплачивая работу учителей за счет казны [Зуев, 1790, с. 287, 288; см. также: Халим Гирай, 2004, с. 138].

Вместе с тем, несмотря на реформы, Шагин Герай до самого конца своего правления продолжал соблюдать многовековые традиции крымской государственности и сохранял ряд ее институтов. В частности, к ним относилось издание ярлыков (или, на османский манер, «фирманов»), которы-

ми он назначал сановников и военачальников на должности, устанавливал жалование и пр. [см., напр.: Акчокраклы, 2016, с. 177–178, 196; Синугыл, 2001, с. 40–41]. Также он в полной мере сохранил и достаточно широко применял систему жестоких наказаний, в т. ч. смертную казнь. Думается, проявление этих традиций должно было укрепить легитимность хана в глазах тех, кто не слишком поддерживал его самого или его покровителей – власти Российской империи.

Современные исследователи не без оснований отмечают, что большинство реформ Шагин Герая носило «подражательный» характер, поскольку хан старался модернизировать Крымское ханство по образу и подобию Российской империи, к чему ни он сам, ни его подданные не были в достаточной степени подготовлены. Неудивительно, что большинство преобразований этого монарха так и не были эффективно реализованы на практике [Грибовский, Сень, 2014а, с. 132–133].

С другой стороны, реформы хана в глазах его подданных выглядели слишком радикальными и вызывали их недовольство. Как следствие, в течение практически всего правления Шагин Герая в ханстве не прекращались восстания. Так, уже вскоре после его восшествия на трон, в 1777 г., была предпринята попытка провозгласить ханом Бахт Герая [Langles, 1802, p. 465]. Затем последовало вышеупомянутое вторжение в Крым османского ставленника Селим Герая III. В 1780 г. последовало очередное восстание ногайцев и татар.¹⁸ Наконец, летом 1782 г. восстание против хана подняли его братья – Арслан Герай и Бахадур Герай. Последний на короткое время даже занял трон, заставив Шагин Герая бежать.¹⁹ При этом новый хан тут же обратился за поддержкой к Османской империи, что влекло опасность восстановления ее сюзеренитета над Крымом.²⁰ Российские вой-

¹⁸ В том же 1780 г. крымские татары и ногайцы даже отправили в Санкт-Петербург делегацию с прошением сместить Шагин Герая за его жестокости, притеснения и несправедливости [Лашков, 1886, с. 29–30].

¹⁹ По иронии судьбы российским дипломатическим представителем при дворе Шагин Герая в это время опять оказался П. П. Веселицкий, которого этот хан, в отличие от своего брата Сахиб Герая II, не бросил на произвол судьбы, а спасся бегством вместе с ним.

²⁰ Правда, в то же время, не желая портить отношения с Россией, Бахадур Герай II сразу же после занятия трона направил приглашение П. П. Веселицкому, приглашая

ска в августе-сентябре 1782 г. вновь вступили на территорию полуострова и сумели довольно быстро подавить восстание, заставив его предводителей, в свою очередь, бежать, а Бахадур Герая 9 месяцев продержали под арестом [Алексеев, 1914, с. 448; Лашков, 1886, с. 30–32; Скальковский, 1836, с. 153; Халим Гирай, 2004, с. 139, 143; Langles, 1802, р. 476]. После подавления каждого восстания (при помощи российских войск) хан развертывал массовые репрессии против их участников и подозреваемых в сочувствии к восставшим [Лашков, 1886, с. 30; Рабби Азарья, 1856, с. 112; Смирнов, 2005б, с. 199], порой настолько жестокие, что они вызывали негодование даже российских властей. Сама Екатерина II рекомендовала ему обойтись с бунтовщиками милостиво, о чем приказала через новороссийского генерал-губернатора князя Г. А. Потемкина командующему российскими войсками генерал-поручику графу де Бальмену «объявить помянутому хану в самых сильных выражениях» [Сборник РИО, 1880, с. 231]. Хан, правильно поняв ее рекомендацию в качестве приказа, действительно пощадил почти всех участников мятежа, включая и его предводителей [Алексеев, 1914, с. 448–449; Лашков, 1886, с. 32–33].²¹

Стоит отметить, что еще одним серьезным поводом для недовольства политикой хана со стороны его родственников, знати и простых подданных являлось все усиливавшееся влияние российских властей на внутреннюю политику ханства, которое реализовывалось как через дипломатических представителей, так и через администрацию пограничных с ханством российских административно-территориальных единиц.

Уже после избрания в ханы Шагин Герая в 1777 г. был восстановлен пост резидента, который занял А. Д. Константинов. Любопытно, что офи-

²¹ Характерно, императрица отнюдь не считала, что указания, получаемые ханом от нее или ее сановников, свидетельствуют о подчиненном положении крымского хана, и с удивлением отмечала, что «татары об нас судят по тем правилам, по которым приобыкли судить о турецких распоряжениях, и для того нам подножием служат ныне» [Сборник РИО, 1880, с. 218].

циально он был признан в статусе дипломатического представителя, получив аудиенцию у хана лишь в июне 1779 г. [Макидонов, 2002, с. 54], т. е. после подписания Айналы-Кавакской конвенции, когда Россия уже могла быть уверена в надежности положения своего постоянного представителя в ханстве. Тем не менее еще до этого официального признания его резидентом со стороны хана он начал активно вмешиваться в дела Крымского ханства.

Так, в течение 1778–1779 гг. им совместно с генералом А. В. Суворовым был организован и осуществлен вывод более 30 тыс. христианских подданных крымского хана в пределы России. Сделано это было после вторжения в Крым Селим Герая III под тем предлогом, что они могут подвергнуться опасности в случае очередного вторжения турков или из ставленников в Крым, однако, в любом случае, это было прямое ограничение суверенной власти хана Шагин Герая. Более того, по некоторым сведениям, Константинов (в отличие от Суворова [Дейников, 2014, с. 160]) допускал насильственное перемещение христиан из Крыма, игнорируя недовольство хана по этому поводу и стараясь «вразумлять» его²² [Дубровин, 1885б, № 130, с. 351–352; см. также: Алексеев, 1914, с. 445–446; Макидонов, 2002, с. 54; Светличный, 2013, с. 171–172]. Хан надеялся избавиться от чрезмерно деятельного дипломата, но даже такой возможности у него не было: вице-канцлер Н. И. Панин направил ему послание, в котором предписывал «возвратить прежнюю доверенность» резиденту, и хану волей-неволей приходилось делать вид, что он состоит с Константиновым в благожелательных отношениях [Дубровин, 1887, № 156, с. 507–508].

Резидент продолжил активно участвовать в политической жизни ханства, как бы подчеркивая зависимое состояние Крыма от России. Причем проявлялось это на самых разных уровнях – от разработки церемониала приема иностранных дипломатов²³ до улаживания налоговых претен-

²² Самому хану, несмотря на недовольство, ничего не оставалось, как лишь выражать в переписке с резидентом, что его христианские подданные не выводятся из Крыма насильно [Дубровин, 1885б, № 235, с. 597, № 246, с. 611].

²³ Эти обязанности впервые исполнял уже П. П. Веселицкий при Сахиб Герае II [Долгоруков, 1872, с. 184].

зий к русским подданным в отдельных населенных пунктах ханства [см., напр.: Дубровин, 1887, № 140, с. 450]. Согласно его собственным отчетам, он контролировал и внешнеполитическую переписку хана, что не слишком скрывал от него [Дубровин, 1885б, № 155, с. 407; Румянцев, 1959, № 49, с. 84–85]. Константинову предписывалось даже давать хану советы, как ему следует решать дела в собственном семействе – то чтобы хан старался расположить к себе своих братьев, то чтобы вернул из ссылки Гази Герай-султана, который «не составляет по себе никакой важности, но нельзя, чтоб удаление его ханом не подвигло противную сторону к разным и развратным о том толкам» [Дубровин, 1885б, № 48, с. 134; 1887, № 6, с. 32].

Вмешательство в крымские дела допускали и другие представители имперских властей. Так, например, кн. А. А. Прозоровский после подавления антиханского восстания в 1777 г. захватил принадлежавший крымцам скот и отказался его возвращать, несмотря на ханские претензии: он мотивировал свое решение как осуществление карательной меры [Дубровин, 1885б, № 100, с. 291].²⁴ В марте 1778 г. харьковский генерал-губернатор П. А. Румянцев-Задунайский стал добиваться, чтобы Шагин Герай вернул титул бея влиятельному ногайскому мурзе Джан-Мамбету, которого он лишился по воле сераскер-султана Едичкульской Орды Арслан Герая [Там же, № 115, с. 319]. Румянцев предписал вышеупомянутому Константинову добиться от сераскера изменения решения и возврата мурзе титула за его приверженность к России – несмотря на то, что пожалование (как и лишение) званий, титулов и наград являлось прерогативой крымских ханов как суверенных правителей, не говоря уж о том, что взаимодействие с сераскер-султаном напрямую также было нарушением суверенной власти Шагин Герая.²⁵ Неудивительно, что при таком от-

²⁴ Подчиненное положение Шагин Герая проявилось в этот период также в том, что когда к нему обратились члены рода Гераев, ранее поддерживавшие турецких ставленников Селим Герая III и Девлет Герая IV и бежавшие из Крыма во время вступления в него русских войск, обратились к хану с раскаянием и просьбой о прощении и позволении вернуться, он переадресовал эту просьбу П. А. Румянцеву [Бантыш-Каменский, 1893, с. 228].

²⁵ К этому следует добавить, что у Шагин Герая и самого были сложные отношения с Джан-Мамбетмурзой [Лашков, 1886, с. 17].

ношении к нему российские администраторы (в частности, тот же Румянцев) называли хана «орудие к приведению дел ее императорского величества к желаемому предмету» [Дубровин, 1887, № 31, с. 130–131].

Деятельность А. Д. Константинова, вызвавшая столь серьезное обострение отношений с ханом, заставила дипломата весной 1780 г. добровольно покинуть пост резидента. На его место был назначен П. П. Веселицкий, уже занимавший пост резидента при Сахиб Герае II, статус которого, однако, был повышен. В знак «благоволения» императрицы Екатерины II к крымскому хану дипломат получил ранг чрезвычайного посланника и полномочного министра – такой же, как у российского представителя при султанском дворе в Стамбуле [Дубровин, 1887, № 172, с. 542–543]. С одной стороны, это, казалось бы, отражало изменение отношения Российской империи к Крымскому ханству, признание его более высокого статуса на международной арене [Светличный, 2013, с. 172]. Но, с другой, более высокий статус Веселицкого предполагал и более широкие его полномочия, а следовательно – и более активное вмешательство в дела ханства.

Российские власти в отношениях с Крымским ханством на новом этапе вполне отдавали себе отчет, что власть и влияние могущественных родоплеменных предводителей-беев на ханов продолжает сохраняться, как и в прежние времена. Видя неспособность хана справиться с управлением этими ордами, чрезвычайный посланник сам взялся за урегулирование конфликтов, возникавших между ногайцами и их номинальным сюзереном. Так, осенью 1781 г., когда в Едисанской Орде начались волнения (связанные именно с усилением вмешательства российской имперской администрации в ее дела!), Веселицкий, не советуясь с ханом и опираясь исключительно на волю «ее императорского величества Екатерины», сначала начал переписку с предводителями орды, а затем для улаживания конфликта направил туда капитана И. Тугаринова, который, будучи российским офицером, тем не менее действовал как представитель интересов хана Шагин Герая [Дубровин, 1889, № 89, с. 218, № 91, с. 223, № 219, с. 658].

Любопытно, что в 1781 г. Веселицкий оказал содействие хану Шагин Гераю в получении зва-

ния капитана лейб-гвардии Преображенского полка [Дубровин, 1889, № 122, с. 312–313]. Безусловно, это было почетное звание: таковыми обладали только представители высшей российской знати (а полковником в этом полку была сама Екатерина II). Однако и формально, и фактически это означало интеграцию хана самостоятельного государства в сановную и военную инфраструктуру Российской империи. Тем самым делался очередной шаг по укреплению российского влияния в Крымском ханстве.

В 1782 г., вскоре после мятежа Арслан Герая и Бахадур Герая Веселицкий был отозван со своего поста, вероятно, из-за того, что в силу возраста (ему было уже больше 70 лет) уже не имел возможности достаточно эффективно выполнять свои обязанности. На его место был назначен весьма опытный дипломат С. Л. Лашкарев [Дубровин, 1889, № 255, с. 859], который, пожалуй, был наиболее профессиональным из всех российских дипломатических представителей в Крымском ханстве: он имел востоковедную подготовку, в совершенстве владел татарским, турецким, арабским, персидским, грузинским и рядом европейских языков и до своего назначения в Крым был консулом в Синопе [С. Л. Лашкарев, 1884, с. 5–8; Fisher, 1967, p. 361]. Однако он был назначен на свой пост уже после того, как было принято решение о присоединении Крымского ханства к Российской империи, и задачей Лашкарева было как раз обеспечение реализации этого решения с наибольшей эффективностью [см. также: Зайцев, 2018]. Нельзя не обратить внимания на то, что, в отличие от Веселицкого, он был отправлен к ханскому двору в качестве резидента, т. е. в более низком ранге. Это, без сомнения, лишний раз показывает, что Россия даже формально юридически перестала рассматривать Крымское ханство в качестве равноправного партнера на международной арене.

С. Л. Лашкарев прибыл в Крым в январе 1783 г., а уже в конце февраля князь Г. А. Потемкин направил ему послание, в котором выражал предварительное намерение присоединить Крым к России, в апреле того же года резидент получает секретное письмо, содержащее уже конкретные указания по реализации этого намерения [С. Л. Лашкарев, 1884, с. 17, 23–24].

Согласно указаниям Потемкина, уже в начале 1783 г. гр. де Бальмен вступил в переговоры с представителями татарской знати, предлагая им направить императрице прошение о принятии Крыма в российское подданство. Лашкареву же было предписано убедить в том же самого хана [Лашков, 1886, с. 33]. В результате Шагин Герай в конце февраля 1783 г. в Карасубазаре открыто заявил, что «не желает быть такого коварного народа» и добровольно отрекается, на что «согласилась» Екатерина II [Алексеев, 1914, с. 449; Скальковский, 1836, с. 155].²⁶

8 апреля 1783 г. Екатерина II издает манифест, в котором подробно обосновывает необходимость присоединения Крымского ханства к России тем, что «татары, преклоняся на чужие внушения, тотчас (после объявления независимости ханства. — *Р. П.*) стали действовать вопреки собственному благу, от нас дарованному». Также она упоминает о несоблюдении Османской империей принятых на себя невмешательств в дела ханства, так что, принимая решение о включении Крыма в состав Российской империи, она тем самым намеревается «вечный мир между империями Всероссийской и Оттоманской заключенный... сохранить искренне» [ПСЗРИ, 1830б, № 15708, с. 897–898; см. также: Скальковский, 1836, с. 155].

Учитывая то, что манифест был рассчитан на «внешнюю аудиторию», в т. ч. и на европейские страны, неудивительно, что его формулировки носят довольно нейтральный и обтекаемый характер. Зато в своем рескрипте, направленном лично на имя князя Потемкина императрица гораздо более откровенно и весьма подробно обосновала причины упразднения Крымского ханства, главной из которых, собственно, и видела «невежество и дикость татар», которые были «неспособны к существованию в образе области вольной и независимой». Не менее значительным основанием явилось также опасение, что Османская империя опередит Россию и вновь установит контроль над

²⁶ О добровольном отречении Шагин Герая сообщают также крымскотатарские и турецкие источники [Kazimirski, 1833, p. 458; см. также: Зайцев, 2009, с. 142; Смирнов, 2005б, с. 239–240]. Правда, вскоре он пожалел о своем решении и отправился к кубанским ногайцам, намереваясь при их поддержке вновь занять трон, но энергичные действия А. В. Суворова не позволили ему осуществить свой план [Алексеев, 1914, с. 449].

Крымом. При этом императрица выказала намерение обеспечить «монаршее наше призрение» хану Шагин Гераю, который «теряет в пользу России доставленные ему от нас самих области», даровав ему ежегодную пенсию в размере 200 тыс. руб. и, более того, советуя Потемкину посулить ему... трон персидского шаха, для чего уже планировалась война с Ираном [Сборник РИО, 1880, с. 240, 243–244; см. также: Алексеев, 1914, с. 449]! На этом заканчивается история существования самостоятельной государственности Крымского ханства и, соответственно, его системы власти и управления.

Установление российского протектората над Крымским ханством в 1771–1783 гг. (с перерывами) можно считать своего рода «репетицией» подобной же практики в отношении ряда государств и владений Средней Азии. В частности, в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве Российская империя, формально провозглашая их независимость, фактически устанавливала полный контроль над их внешнеполитической и в значительной степени – над внутривластной сферой, создавая режим наибольшего благоприятствования для российских предпринимателей и торговцев и ограничивая возможности проникновения в эти государства иностранных агентов и иностранного капитала. Механизмы контроля среднеазиатских протекторатов были совершенно те же, которые использовались в Крыму: заключение договора о мире и союзе (с упоминанием российского «покровительства») и учреждение российских дипломатических представительств (в Бухаре – Императорское Русское политическое агентство, в Хиве – администрация начальника Амударьинского военного отдела), «рекомендации» которых властям среднеазиатских ханств, по сути, носили харак-

тер распоряжений, обязательных к исполнению. Особенности внешнеполитической ситуации вокруг Крымского ханства привели к тому, что протекторат России над ним оказался кратковременным, и оно было официально включено в состав империи. Вероятно, ошибки и слабые стороны этой формы влияния на Крым оказались впоследствии учтены при установлении протектората над Бухарой и Хивой, который просуществовал гораздо дольше – с рубежа 1860–1870-х гг. до падения Российской империи в 1917 г.

Вместе с тем многовековая традиция организации власти и управления в Крыму обусловила сохранения ряда элементов административной структуры ханского времени и после вхождения полуострова в состав Российской империи – на региональном и в особенности на местном уровне.

В заключение следует отметить, что сегодня достаточно активно дискутируется вопрос о неизбежности присоединения Крымского ханства к России и, как следствие, о возможностях сохранения и дальнейшего развития крымской государственности, ее «жизнеспособности». С одной стороны, казалось бы, история не терпит сослагательного наклонения, однако с другой, есть основания согласиться с доводами современных исследователей, предлагающих отказаться от «иронических» оценок государственности ханства на завершающем этапе его существования и сосредоточиться на изучении планов и проектов реформ в этом государстве как крымскотатарского, так и русского происхождения [Орешкова, 2008, с. 121; Сень, 2012, с. 133–134]. Проблема модернизации Крымского ханства в период его независимости, в т. ч. и противоречивые преобразования хана Шагин Герая, несомненно, нуждаются в подробном изучении, свободном от прежних историографических установок.

ГЛАВА 10. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КРЫМСКОГО ХАНСТВА В XVIII В.

10.1. Крымско-российские отношения и новая система международных договоров (1700–1772 гг.)

П. А. Аваков, Д. В. Сень

XVIII столетию принадлежит особое место в истории отношений Крымского ханства с Российским государством, ведь именно в это время окончательно изменился их характер, а сама держава Гераев прекратила свое существование. Однако знание этих фактов не избавляет историков от необходимости выделить этапы внутри указанного периода, как и от рассмотрения вопроса о вариативности исторического развития ханства после череды русско-турецких договоров конца XVII – XVIII в., существенно ударивших по его внутреннему положению и международному престижу.

Следует отметить, что в XVIII в. (как, впрочем, и ранее) крымско-российские отношения обладали динамизмом и изменчивостью. Мы обращаем на это внимание еще и потому, что в исторической науке до сих пор отсутствует устоявшаяся «сквозная» периодизация истории Крымского ханства XV–XVIII вв., рубежные точки внутри которой имели бы специальное научное обоснование, не связанное с внешнеполитическим курсом Российского государства¹. Поскольку многие явления из жизни Крымского ханства XVIII в. берут истоки в последних двух десятилетиях предшествующего столетия, есть резонные основания для рассмотрения событий рубежа веков как части более продолжительного периода. Временной отрезок, охватывающий 1681–1700 гг., можно охарактеризовать как новую веху в истории Крымского ханства, четкими границами которой служат Бахчисарайский и Константинопольский мирные договоры. Именно тогда существенно ухудшилось международное положение Крымского ханства, не по своей воле вовлеченного в

процессы создания и поддержания новых линейных границ европейского типа в Северном Приазовье и Северном Причерноморье. Их новая конфигурация неизбежно влияла на внутреннюю и внешнюю политику Крымского ханства, порождая среди его населения новые страхи и конфликты [Сень, 2014, с. 513–515; Сень, 2016, с. 87–92; Аваков, Сень, 2016, с. 153–168; ГАВО, ф. И–5, оп. 1, д. 237, л. 11].

Полагаем, что разбивка последнего столетия в истории Крымского ханства на периоды (какой-бы дискуссионный характер она не носила) будет способствовать системному уяснению общего и частного, закономерного и случайного в ухудшившемся международном положении Крыма, все же реагировавшего на новые удары судьбы и исторические вызовы. Одновременно такая периодизация может служить еще одним критическим аргументом при рассмотрении позиции авторов, по-своему доказывающих историческую неизбежность завоевания Крыма и его неспособность найти пути спасения в условиях русско-турецких договоренностей и установленного ими пограничного порядка.

Исходя из вышесказанного, можно выделить три взаимосвязанных периода в истории крымско-российских отношений конца XVII – XVIII в.:

1) 1681–1700 гг. (от Бахчисарайского мирного договора до Константинопольского мирного договора);

2) 1700–1772 гг. (от Константинопольского мирного договора до Карасубазарского договора);

3) 1772–1783 гг. (от Карасубазарского договора до ликвидации Крымского ханства по манифесту императрицы Екатерины II).

¹ Примеры подобной периодизации см.: [Масаев, 1997, с. 75; Дейников, 2012, с. 8–54].

Весьма симптоматично, что само ханство участвовало в подписании лишь двух вышеперечисленных договоров – Бахчисарайского и Карасубазарского.

Более чем трехвековая история взаимоотношений России и Крымского ханства заняла видное место в отечественной исторической науке, обретая полярные оценочные суждения и вместе с тем едва ли не незыблемые историографические традиции, с трудом поддающиеся уточнению или пересмотру. В последнее время появился ряд крупных коллективных и индивидуальных работ, в которых обобщается накопленный в науке исторический материал и предпринимаются попытки пересмотра традиционных историографических оценок русско-крымских отношений [Возгрин, 2013; Возгрин, 2013а; История Крыма, 2017]. Вместе с тем российская историческая наука далеко не во всем оказалась готовой к ревизии сложившихся в историографии представлений об истории Крымского ханства, о случайности/закономерности его ликвидации в 1783 г., о его роли в истории России и других государств Европы и Азии. Даже в публикациях, вышедших на рубеже XX–XXI вв., можно встретить безапелляционное суждение о Крымском ханстве как о государстве, «застрявшем в средневековье из-за паразитического существования за счет работорговли» [Артамонов, 2001а, с. 294], представлявшим собой «на редкость костную, застывшую феодальную структуру» [Санин, 1993, с. 222–228], или же «типичное химерическое образование» (по терминологии Л. Н. Гумилева), чье татарское и ногайское население, будучи «правлящими этническими группами», существовало «не за счет ландшафта (национальной экономики), а за счет других этносов (грабительских походов на сопредельные страны, использования рабского труда, налогообложения немусульманского населения страны и т. д.)» [Дейников, 2000, с. 184]. Столь категоричные констатации сродни мнению В. Д. Смирнова о якобы предопределенной судьбе Крыма в XVIII в. Выдающийся востоковед полагал, что «буйно прожитые» крымскими татарами XVI–XVII вв. «пропали даром для внутреннего развития и для упрочения международного положения их государства» [Смирнов, 2005, с. 8].

Историки справедливо отмечают едва ли не тотальное влияние, оказанное на отечественную литературу о Крымском ханстве двухтомным трудом В. Д. Смирнова [Зайцев, 2011, с. 289; Орешкова, 2008, с. 121]. Нельзя не согласиться с выводом И. В. Зайцева о том, что усвоенный В. Д. Смирновым и его российскими последователями пренебрежительный тон в отношении политического устройства Крыма «имеет своим источником османский взгляд на крымских татар» [Зайцев, 2011, с. 289]. Скептицизм В. Д. Смирнова при освещении истории Крымского ханства именно XVIII в. и сегодня сказывается отрицательным образом на перспективах историографического осмысления имеющихся в науке трудов и взглядов на эту тему.

Инерция подобного архаичного подхода обнаруживается на страницах некоторых новейших трудов. Их авторы почти не учитывают и системно критикуют альтернативную ревизионистскую точку зрения В. Е. Возгрина, которая, несмотря на очевидную политическую ангажированность, небезупречные аргументы и априорность многих выводов, не лишена рационального зерна (см., например: [Возгрин, 2013а, с. 341–575]). Историк пытается говорить не только о настойчивых планах России по завоеванию Крыма, но и о разном отношении населения ханства и его правителей к происходящему в сфере международных отношений того времени, и в том числе – об опасении географического сближения с Россией, о страхах населения ханства и т. п. В столь поляризованном контексте представляется вполне конструктивным мнение Н. И. Храпунова и Д. В. Конкина, посчитавших более продуктивным рассмотрение взаимоотношений между Россией и Крымским ханством «не в логике борьбы политических субъектов между собой, но как конкурентные проекты по объединению Восточной Европы» [Проблемы интеграции Крыма, 2017, с. 15]. А. В. Мальгин и И. В. Зайцев обратили внимание на то, что Крымское ханство являлось высокоразвитым исламским государством, и это обстоятельство необходимо учитывать при анализе несовпадения русского и крымского понимания идеи государственного суверенитета [Карасубазарский трактат, 2015, с. 14, 15]. Стоит также согласиться и с С. Ф. Орешковой,

заметившей, что господствующий в историографии иронический взгляд на проблему крымской независимости 1772–1783 гг. не должен заслонять существовавшие в 1770-е гг. «альтернативные возможности дальнейшего развития Крымского ханства» [Орешкова, 2008, с. 121]. Компромиссность таких подходов, меняющих исследовательскую оптику, представляется более перспективной, чем, к примеру, парадигма В. В. Петрухинцева и Я. В. Вишнякова, склонных рассматривать события 1783 г. как логическое завершение «цивилизационного разлома», преодолевавшегося Россией с конца XVII в. в ходе четырех масштабных русско-турецких войн [Петрухинцев, Вишняков, 2015].

Таким образом, «колониальный дискурс», в той или иной степени апеллирующий к неспособности крымских татар сохранить свою государственность в меняющихся геополитических условиях XVIII в., имеет давние и прочные традиции, своих сторонников и оппонентов. Для выработки же современных подходов к изучению политической и социальной истории Крымского ханства на новом исследовательском уровне понадобится открытая академическая дискуссия, свободная от эмоциональных пассажей о горах разлагающихся трупов, лежащих на улицах сожженного российскими войсками в 1736 г. Бахчисарая [Возгрин, 2013, с. 816], или же о «безвестных могилах» русских солдат, «до сих пор удобряющих плодородные черноземы современной южной Украины» [Петрухинцев, Вишняков, 2015, с. 114]. Получение нового научного знания возможно путем критического осмысления имеющихся в науке концепций и оценок – в том числе самых авторитетных, а также посредством расширения источниковой базы и обращения к новым тематическим сюжетам, ранее оставшимся на периферии исследовательских интересов ученых предшествующих поколений. В частности, речь идет об эволюции набеговой системы Крымского ханства, чутко реагировавшей на новые явления в сфере международной политики в XVIII в.; о массовых настроениях населения ханства в связи с завоеваниями России на Юге и новыми договорами между ней и Османской империей; о новых формах и способах «лабиринта» крымских ханов между этими государствами в

борьбе за свои интересы. Предлагаемый подход позволяет выйти за границы традиционных исследовательских сюжетов, связанных, например, с защитой Россией своих южных рубежей от «турецко-татарской агрессии».

По-настоящему переломным событием в истории Крымского ханства стало заключение 3 июля 1700 г. Константинопольского договора о мире «до срока тридцать лет» между Османской империей и Российским царством. Хотя ханство и не являлось одной из договаривающихся сторон, условия соглашения имели к нему самое непосредственное отношение (в том числе и потому, что оно было активным участником русско-турецкой войны 1686–1699 гг., окончательные итоги которой и были подведены Константинопольским миром).

Договор закреплял в составе России захваченный ею в 1696 г. город-крепость Азов и «к нему należащие все старые и новые городки», с находящимися между ними землями и прилегающей акваторией Азовского моря. Границей российского Приазовья с Крымской стороны была определена р. Миус, а с Кубанской стороны к России отходила территория на десять часов конной езды от Азова. Земли, лежащие между устьем Миуса и Перекопским перешейком Крымского полуострова, объявлялись нейтральными. Взятые российскими войсками в 1695 г. Казыкермень (Газикерман) и три другие османские крепости в низовьях р. Днепр подлежали разрушению, а территория, на которой они располагались, возвращалась Османской империи. При этом в пограничной полосе запрещалось возводить новые укрепления. Москва обязалась сдерживать «от своевольства и напусков» казаков, а Стамбул взял на себя аналогичные обязательства в отношении крымских татар, ногайцев и черкесов. Отменялась ежегодная российская «дача» крымскому хану [ПиБ, 1887, с. 368–378; Приймак, 2009, с. 59–60; Приймак, 2011, с. 57–60]. Даже простой перечень этих условий не оставляет сомнений в том, что Константинопольский договор оказал на дальнейшую судьбу Крыма огромное влияние.

Соглашение существенно изменило геополитическую ситуацию в Юго-Восточной Европе, подорвав многовековую монополию Османской империи в Азово-Черноморском бассейне.

Приобретенный Россией в Северо-Восточном Приазовье стратегический плацдарм не только укрепил оборону ее южных рубежей, но и стал залогом успешного продолжения экспансии в направлении Черного моря, что создавало потенциальную угрозу и для Крыма. Кроме того, Россия получила контроль над коммуникациями, обеспечивавшими опасные для нее прямые контакты Стамбула и Бахчисарая с калмыками, тюркскими народами Поволжья и степного Предкавказья [Приймак, 2009, с. 60; Приймак, 2011, с. 55–56].

Константинопольский договор лишил крымских ханов возможности совершать набеги на Россию и требовать от царей выплаты дани. Подчеркнем, что вопреки имеющимся в литературе утверждениям [Хорошкевич, 1999, с. 69, 79; Чухліб, 2015б, с. 196], Москва перестала отправлять в Крым «поминки» не в 1700-м, а в 1686 г. – после заключения антитурецкого союза с Речью Посполитой [Артамонов, 1985, с. 76, 85–86].

Не менее значительными были последствия Константинопольского договора 1700 г. для внутренней жизни Крымского ханства. В Бахчисарае не могли не замечать действительно изменившегося характера крымско-русских отношений, выразившегося не только в прекращении получения царских «поминков», но и в эволюции всего «крымского» направления российской дипломатии. Константинопольский договор положил конец равноправным дипломатическим отношениям Москвы с Бахчисараем, и все внешнеполитические контакты с Крымом перешли с государственного уровня на региональный, сосредоточившись, главным образом, в руках гетмана Войска Запорожского (Левобережной Украины) и азовского воеводы (с 1703 г. – губернатора) [Санин, 1996, с. 78–81]. Межгосударственные отношения опустились на уровень пограничной дипломатии, прекратился обмен посольствами между Россией и Крымским ханством, резко понизился статус русских дипломатических представителей, отправлявшихся к крымским ханам. Теперь вместо пышных посольских миссий, везущих дорогие подарки хану, его родственникам и придворным, в Бахчисарай и периферийные владения Гераев стали приезжать скромные посланцы пограничных адми-

нистраторов, не имевшие официального дипломатического ранга, а визиты крымских послов в Москву вообще прекратились.

Несомненно, крымские ханы весьма болезненно воспринимали все эти изменения. Так, беседуя в июне 1709 г. с жильцом Василием Блѣклым – посланцем российского посла при османском дворе П. А. Толстого, – хан Девлет Герай II предъявил ему претензию: «н[ы]не де у нас мир по договору турецкому, а с Крымом де по се число договору не было, однако ж де мы по се число мир содерживаем...». В. И. Блѣклый обнадежил хана, что «имея за едину страну с салтановым величеством тако и Крым приемлется в любовь и дружелюбие» [Санин, 2005, с. 277, 278]. Летом 1712 г., во время случайной встречи в Бендерах с российским подполковником Питцем, Девлет Герай II приказал «ему говорить ближнему своему человеку с великими выговоры: для чего де царское величество презирает его, хана, и делает мир с турками, а не с ним, так что он о том миру нынешнем не ведает (речь идет о Константинопольском мирном договоре 1712 г. – П. А., Д. С.). А надлежало б де прежде им с ним миритца, ибо он пограничной и сам король, и может обратитца куда хочет. И имеет де войска довольно и шесть генералиссимов. Такожде и не имеется с ним с стороны царского величества никакой корешпонденции, а когда и пишут к нему порубежные губернаторы, то титуло ему дают не по достоинству его. И будто в некотором письме написали его наместником салтанским, а он де сам король. Також и никакой присылки ныне к нему нет, как всегда бывало...» [Статейный, 2016, с. 686].

Константинопольский договор 1700 г. обозначил становление новой модели взаимоотношений России и Османской империи. 5-я статья договора зафиксировала стремление обеих сторон устранить напряженность в пограничной зоне, 8-я статья предусматривала наказания за «набеги и неприятельства», самовольно осуществленные подданными держав. Решение пограничных споров вменялось в обязанность «на рубежах сущим губернаторам, и крымским ханам, и калгам, и нарадынам, и иным салтанам». Оговаривалось, чтобы «татарские народы и орды», будучи подданными Османской империи, «повиновались и покорялись сим статьям мирным, с совершен-

ным и непоручимым хранением» [ПиБ, 1887, с. 371–375]. Теперь вопрос о границах стал одним из главных в русско-турецких отношениях. Стороны стремились контролировать пограничный режим без участия таких второстепенных субъектов международных отношений, как Крымское ханство и Войско Запорожское Низовое. России и Османской империи необходимо было разграничить свои владения в Приднепровье и Приазовье, обеспечить неприкосновенность рубежей и привести поведение пограничных сообществ в соответствие с новой моделью двусторонних отношений. Все это явилось следствием изменения баланса сил в Центрально-Восточной Европе, обусловленного спадом военно-политической активности Османской империи, слабеющим суверенитетом Речи Посполитой и усилением России.

Вряд ли случайно представители Бахчисарая не участвовали в делимитации и демаркации русско-турецкой границы в 1704–1705 гг. (в отличие от украинской казачьей старшины с российской стороны). Вероятно, для османской стороны нахождение крымских татар в составе пограничной комиссии было нежелательным конфликтогенным фактором. Тем не менее при разграничении земель в районе Азова, состоявшемся в октябре 1704 г., присутствовали десять знатных кубанских мурз с тысячью ногайцев, входившие в свиту османского комиссара. Год спустя российско-турецкая комиссия проложила линию границы в междуречье Южного Буга и Днестра, а также на его левобережье [Аваков, 2011, с. 213–215; Мильчев, 2004, с. 7–13; Грибовский, 2014а, с. 191–198].

Следствием стабилизации границ стала фиксация подданства причерноморских и кубанских ногайцев. Кочевники лишились возможности осуществлять самовольные миграции, а Россия и Османская империя взаимно обязывались отныне не принимать к себе подданных другой стороны. Поэтому, например, в 1701 г. украинский гетман И. С. Мазепа после получения указаний из Москвы отказался содействовать в предоставлении российского подданства ногайцам Буджакской Орды, восставшей в 1699 г. против хана Девлета Герая II [Станіславський, 2008, с. 158–161; ПиБ, 1900, с. 494–495]. Аналогичный отказ встрети-

ли кубанские ногайские мурзы Есеней, Кубек и Урак, пожелавшие в 1700 г. откочевать со своими улусами на Дон «под высокодержавную руку великого государя». Причем, если первый предпринял соответствующие действия еще весной – во время Карловицкого перемирия, то двое других – в ноябре, уже после заключения Константинопольского мира. Тем не менее Кубек и Урак даже успели некоторое время прожить с семьями и частью «улусных людей» в Черкасске, пока Урак не сбежал, а Кубек не был выслан на родину летом 1701 г. [РГАДА, ф. 111, оп. 1, 1700 г., д. 3, л. 24–25; там же, 1701 г., д. 5, л. 67, 245–247, 249–250]. За развитием этой ситуации с Кубани пристально следил ханский брат султан Каплан Герай, который в сентябре 1701 г. писал «казовскому боярину» С. И. Салтыкову: «Буде что с нашей страны станут уходить Урак и иные многие люди воровски, и вам бы таких людей, не описываясь к нам, принимать к себе не велеть» [РГАДА, ф. 111, оп. 1, 1701 г., д. 5, л. 78].

Крымское ханство негативно отреагировало на новую пограничную политику России и Османской империи, грозившую существенными потерями такому традиционному для него социально-экономическому институту, как набег. Наступивший в XVIII в. (не без участия Москвы и Стамбула) кризис набеговой системы Крымского ханства неизбежно отражался на авторитете ханской власти и не мог не тревожить правящих Гераев. С другой стороны, этот кризис породил бунты как со стороны кочевников, недовольных запретами ханов нарушать мир, так и выступления крымских элит против султанской власти. С этой точки зрения тезис о непрекращающихся татарских набегах и перманентной агрессии Крыма против России тоже нуждается в корректировке. Таким образом, обостренное восприятие крымскими ханами (прежде всего Девлетом Гераем II [Возгрин, 2010а, с. 98–99]) сужения «коридора возможностей» для функционирования набеговой системы и успешной реализации прежнего внешнеполитического курса, начавшееся на рубеже XVII–XVIII вв., малопродуктивно объяснять их якобы особой агрессивностью по отношению к России.

Отметим, что Крымское ханство и Россия, несмотря на сохранявшиеся противоречия и даже

появление новых, оказались способны на реализацию новых форм пограничного сотрудничества (характерных, впрочем, и для русско-турецких связей в регионе [Аваков, 2014б, с. 7–20; Сень, 2019б, с. 134–143]). Еще в августе 1699 г. – после заключения Карловицкого перемирия – находящийся на Кубани калга-султан Шахбаз Герай инициировал переговорный процесс с российской администрацией Азова, посвященный вопросам пограничного сотрудничества, рассмотрению спорных ситуаций и т. п. Завязались и стали регулярно поддерживаться контакты азовских воевод с представителями ханской власти и с ногайской элитой Кубани [Аваков, 2014б, с. 8–9; ГАВО, ф. И–5, оп. 2, д. 243, л. 2–16; там же, д. 244, л. 15–17]. В ходе передачи и получения различной информации обе стороны активно формировали представления друг о друге. В некоторых случаях пограничная дипломатия и ее инициативы положительно сказывались на межгосударственных отношениях, на усилении тенденций России и Крымского ханства к диалогу, но на ином уровне.

Еще одной новой тенденцией в крымско-российских отношениях стали попытки ханов усмирить своих подданных в стремлении нарушать границы европейского типа, впервые делимитированные в Азово-Черноморском регионе. Эту ситуацию можно считать одним из существенных факторов ослабления Крымского ханства в XVIII в.

Отсюда проистекает зримая для Крыма проблема его дальнейшего существования: неприятие и сопротивление новой ситуации в пограничье, участвовавшие конфликты между Крымским ханством, с одной стороны, и Османской империей и Россией, с другой, причем по ряду вопросов не только международной политики, но и соблюдения установленного пограничного порядка. Действия Порты, направленные на реализацию Константинопольского договора 1700 г., вызвали серьезное недовольство в Крыму, проявившееся в мятежах нурадина Гази Герая и хана Девлета Герая II. Хан был лишен трона за выступление против султанской власти, в том числе за попытку самовольно организовать поход в Россию [Санин, 1993, с. 276–277; Санин, 1996, с. 83–97]. Связь между этими выступлениями и

новой пограничной политикой Османов, ударившей по интересам Крыма, очевидна: сокращение возможностей для осуществления набегов сильно обеспокоило Гераев. Поскольку набеги их подданных на соседние страны имели не только экономическую, но и социально-политическую обусловленность, их сокращение или прекращение грозило подорвать престиж ханской власти.

В. Е. Возгрин справедливо отмечает тревогу Девлета Герая II за обороноспособность своего государства перед лицом «русской опасности» после заключения Константинопольского мирного договора [Возгрин, 2010а, с. 98–99]. Причины этой тревоги были известны и за пределами ханского дворца. Так, в июне 1709 г. проживающий в Бахчисарае грек говорил жильцу В. И. Блэклому, прибывшему ко двору хана Девлета Герая II с дипломатической миссией, что «Крым де крепко от вашей стороны страх имеет для того, что де швед в вашу землю ходит, а боев у них промеж себя нет, и так рассуждают, как де помиряцца с шведом и с поляки², в то де время будут Крым воевать, и того де велми опасаютца» [Санин, 2005, с. 278]. Громкий резонанс в Крыму вызвала постройка Россией в 1701 г. небольшой крепости Каменный Затон у северных границ ханства, чуть выше Запорожской Сечи (Чертомлыкской) по течению Днепра [Гаркави, 1884, с. 24; Эварницкий, 1897, с. 300–301; РГАДА, ф. 396, оп. 3, д. 75, л. 189–189об.; Мышецкий, 1851, с. 9–10].

Инициированные и реализованные Москвой и Стамбулом нововведения на границе бросали вызов всему традиционному укладу, комплексу связей и отношений, издавна существовавшим на степном порубежье, и не могли не вызвать активного противодействия со стороны кочевников. Поэтому напряженность в южном пограничье сохранялась и набеги крымских подданных на территорию России продолжались, хотя и в меньших масштабах, чем до 1700 г. Многие крымские и ногайские мурзы, не желая терять важный источник своего существования, самовольно организовывали нападения на слабо защищенные поселения в низовьях Дона и в Поволжье, где сталкивались с донскими казаками и

² Под поляками здесь подразумеваются сторонники короля Станислава I Лещинского, ставленника шведского короля Карла XII на престоле Речи Посполитой.

калмыками. Нередко татарские загоны достигали Саратова и Астрахани. Летом 1705 г. кубанцы (численность одного из их отрядов доходила до 5000 чел.) совершили серию нападений на Азов и соседние казачьи городки. Азовский воевода С. Б. Ловчиков вел строгий учет нанесенных набегам убитков и регистрировал их в так называемых «обидных книгах», которые регулярно отсылал к русскому послу в Стамбуле П. А. Толстому. Тот активно использовал их в своей дипломатической деятельности – особенно тогда, когда Порты обвиняла Москву в нарушении условий Константинопольского договора [Санин, 1996, с. 82–83; Санин, 2013, с. 189–190; Аваков, 2011, с. 217–218; Крылова, 1961, с. 166–167].

В продолжении набегов были заинтересованы не только крымские и кубанские элиты, но и отдельные представители ханской власти, например, наместники крымского хана в Кубанской Орде. Неслучайно С. Б. Ловчиков, сообщая 8 июля 1702 г. П. А. Толстому о «воровстве» кубанцев в Поволжье, отмечал, что «потакает им во всем Бахтигирей, салтан кубанской, на воровство их посылает и лошади свои дает». В том же письме азовский воевода констатировал, что китай-кипчаки (ногайское родоплеменное объединение), которые «многое озорничество чинят», «пишут сами, что салтану кубанскому не судимы» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1702 г., д. 1, л. 151об.–152]. Анализ массовых свидетельств источников показывает, что, несмотря на состояние мира между Россией и Османской империей, полного спокойствия на их границах не было, да и не могло быть. Всего с 1700 по 1710 гг. зарегистрировано не менее тридцати набегов с территории Крымского ханства на российские земли, включая Слободскую Украину, Нижний Дон и Притеречье, но без учета Калмыцкого ханства, Левобережной Украины и Запорожья. Нанесенный этими нападениями демографический и особенно экономический ущерб был значительным. Так, только в ходе набегов на Азов и донские казачьи городки с 1700 по 1709 гг. было убито 44 человека, ранено – 49, пленено – 910, а также угнано 4304 лошади и 3501 голова другого скота³. Справедливости ради стоит отметить, что Крымское ханство тоже

подвергалось нападениям российских подданных – правда, в гораздо меньших масштабах. Нарушителями мира с российской стороны обычно выступали своевольные запорожцы и калмыки, реже – донские казаки [Аваков, 2011, с. 216–217].

Взаимная заинтересованность сторон в возвращении назад захваченных людей и похищенного скота стимулировала развитие пограничной дипломатии и работу совместной комиссии в Азове и Ачуге, на которой разбирались претензии пострадавших. Однако в 1706 г. работа пограничной комиссии зашла в тупик. Российская сторона признала иск ногайцев о возмещении ущерба сфальсифицированным, так как он не содержал конкретных данных о том, когда, где и кем были совершены преступления. На этом основании иск был отклонен, с чем согласился и османский переговорщик, но затем ногайцы потребовали от азовских властей передать им 8000 лошадей, иначе они сами отгонят их по обычаю «баранты». Курировавший комиссию с османской стороны капыджибаши вынужден был признаться российским представителям, что не может провести справедливое расследование и удовлетворить их претензии, так как должен постоять за ногайцев, иначе они взбунтуются, а в его распоряжении нет войск для их усмирения [Воеск, 2009, р. 154–156].

Вернувшись в 1708 г. на бахчисарайский престол, Девлет Герай II возобновил свои усилия по втягиванию Османской империи в войну против России. Одновременно он стремился получить в Стамбуле разрешение совершить самостоятельный поход на пограничные российские крепости, якобы угрожающие Крыму, согласуя свои планы с действиями шведского короля Карла XII, обосновавшегося под Бендерами после поражения при Полтаве в 1709 г., и перешедших на его сторону запорожцев. Предпринятая российской дипломатией попытка нейтрализовать хана при помощи подкупа окончилась неудачей: дорогой подарок, привезенный в Бахчисарай В. И. Блэклым, Девлет Герай II не принял [Санин, 2009, с. 19–27; Возгрин, 2010а, с. 100–104].

Потенциальная угроза со стороны чрезмерно усилившейся России и подстрекательство ее военно-политических противников вынудили Стамбул отказаться от политики стабилизации

³ Подсчитано по: [Санин, 1996, с. 345–349; Аваков, 2011, с. 377 (таб. 1)].

границ и объявить войну царю в ноябре 1710 г. Большую роль в принятии Портой этого решения сыграла позиция крымского хана [Орешкова, 1971, с. 78–79]. Девлет Герай II стал едва ли не главным координатором действий разнородных антироссийских сил, оказавшихся в 1708–1710 гг. в причерноморских владениях Османов и сосредоточившихся вокруг бендерского «Карлополиса». Пестрый состав шведско-польско-украинских союзников Османской империи, с которыми сплотился Девлет Герай II [Артамонов, 1990, с. 49–52], демонстрирует широкий спектр мотиваций, сфокусировавшихся в одной общей задаче – вернуть *status quo*, существовавший не только до Полтавской битвы, но даже до Константинопольского мира. В последнем было крайне заинтересовано Крымское ханство.

Во время русско-турецкой войны 1710–1713 гг., кульминацией которой стал Прутский поход Петра I, Крымское ханство проявило чрезвычайную военную активность – не только на Пруте, но и на порубежных территориях России и Речи Посполитой [Санин, 2000, с. 78–83; Артамонов, 1990, с. 52–54; Артамонов, 2015, с. 19–24]. Именно вооруженные силы ханства открыли военные действия в январе – феврале 1711 г., начав наступление в трех направлениях: на Северо-Восточное Приазовье, на польскую Правобережную Украину (занятую российскими войсками) и на Слободскую Украину. Крымское войско тревожило русскую армию на марше к Дунаю, разбивая отдельные отряды, захватывая фуражиров, отгоняя тягловый скот и лишая ее подвоза продовольствия, дров, питьевой воды. Однако пробиться к Харькову и тем более к Воронежу крымцам и запорожцам не удалось, а наступление буджакцев и их польских и украинских союзников на Киев провалилось [Санин, 2000, с. 79–83; Артамонов, 1990, с. 52–54; Артамонов, 2015, с. 19–24; Аваков, 2018а, с. 96–102].

Петр I в 1711 г. отводил борьбе против Крымского ханства явно второстепенную роль – «впервые в истории русско-турецких конфликтов», как заметил О. Г. Санин. Предусмотренное царем вторжение в Крым должно было сковать ханское войско, но не обеспечить завоевание полуострова. Кроме того, совместно с калмыками и кабардинцами планировалось «разорить или

покорить» Кубанскую Орду [Артамонов, 1990, с. 81, 85–86; Артамонов, 2015, с. 18–24; Санин, 2000, с. 78, 81; Аваков, 2011, с. 275; Приймак, 2011, с. 239–242]. Главная русская армия во главе с Петром I направилась в Молдавию, к р. Дунай, где концентрировались основные османские силы [Артамонов, 2015, с. 13–15]. Однако гениально задуманная и плохо подготовленная кампания в силу крайне неблагоприятно сложившихся обстоятельств едва не закончилась для царя военной катастрофой у р. Прут.

Подписанный 12 июля в османском военном лагере мирный договор между Россией и Османской империей был очень враждебно встречен Девлетом Гераем II, усмотревшим в нем ущемление интересов Крымского ханства [Орешкова, 1971, с. 131]. Еще 10 июля на военном совете хан яростно возражал против начала переговоров о мире и вместо этого предлагал главнокомандующему османской армией, великому везиру Балтаджи Мехмеду-паше захватить Петра I в плен [Орешкова, 1971, с. 128; Возгрин, 2013, с. 753–754]. Однако теперь османское руководство не было склонно принимать во внимание интересы Девлета Герая II и прислушиваться к нему. 3 июля 1711 г. российский агент в Стамбуле Лука Барка доносил канцлеру графу Г. И. Головкину, что «хан великий ныне кредит потерял при султানে». Более того, Ахмед III «кается зело, что поверил доношениям хана крымского, котораго вси нежелающие войны бранят, говоря, что он склонял на то султана не для интересу империи, но для приватной своей прибыли...» [Орешкова, 1971, с. 119; ПиБ, 1962, с. 569–570].

В Прутском мирном договоре лишь одна – первая статья – имела отношение к Крымскому ханству и удовлетворяла чаяния ханов: в соответствии с ней была разрушена крепость Каменный Затон [ПиБ, 1962, с. 323; ПиБ, 1964, с. 451]. Между тем тяжелое положение, в котором оказалась на Пруте русская армия, позволяло Девлету Гераю II считать, что в договор будет внесено его основное требование о возобновлении отправки ему из России «поминков». Такое условие действительно выдвигалось Балтаджи Мехмедом-пашой на переговорах с русскими дипломатами 10–11 июля, однако благодаря дипломатическому искусству вице-канцлера барона

П. П. Шафирова обещание «погодной дачи» хану так и осталось устным. Как писал позже П. П. Шафиров, великий везир сделал это намеренно – «за ссорой с ханом... по своей злобе» [Артамонов, 1985, с. 78–79, 87]. Таким образом, Прутский договор так же, как Карловицкий и Константинопольский 1699 и 1700 гг., был заключен с игнорированием крымских интересов.

После ратификации Прутского договора султан Ахмед III еще дважды, в 1711 и 1713 гг., объявлял войну России. И хотя боевые действия между армиями обеих стран не возобновлялись, Крымское ханство осуществило серию массовых набегов на юго-западные, южные и юго-восточные границы России. За это время между Россией и Османской империей были заключены два мирных договора: Константинопольский от 5 апреля 1712 г. и Адрианопольский от 13 июня 1713 г. [Орешкова, 1971, с. 138–187; Артамонов, 1990, с. 107–109, 126–142; Аваков, 2011, с. 296–301; Санин, 2013, с. 199–202]. В переговорах в Адрианопле принимал участие новый хан Каплан Герай I, добивавшийся включения в договор условия о выплате Крыму «поминков». Однако в тексте соглашения данный вопрос был сформулирован настолько туманно, что с тех пор навсегда исчез из внешнеполитической повестки дня [Артамонов, 1985, с. 80–82, 88; ПиБ, 1992, с. 180–186].

Бессрочный Адрианопольский договор 1713 г. окончательно зафиксировал баланс сил, сложившийся в Азово-Черноморском регионе после Прутского мира. В 1714 г. в низовьях Днепра и Северном Приазовье состоялась демаркация новой русско-турецкой границы, в результате которой Россия понесла небольшие территориальные потери в пользу Крымского ханства, лишившись восточной части Запорожья. Теперь граница с Днепра была перенесена севернее – в междуречье Самары и Орели [Базарова, 2009, с. 184–188; ПиБ, 2003, с. 554–558]. В состав османской комиссии, проводившей разграничение, на этот раз входил и представитель крымского хана – Мехмед Шах-бей [Походная канцелярия, 2011, с. 209, 250–251].

Незадолго до своего повторного смещения Портой Девлет Герай II, реалистично оценивая состояние и перспективы крымско-османских отношений, оказался способен на странные и,

казалось бы, провокационные действия: в 1712 г. он инициировал переговоры о переходе Крыма в российское подданство. Даже если признать их дипломатической игрой хана, то с повестки дня не может быть снята убедительная версия В. А. Артамонова о том, что Девлет Герай II, «видимо, пытался втянуть Россию в переговоры и вернуть русско-крымские отношения к состоянию 1681 г.» [Артамонов, 2001в, с. 278–279], то есть до заключения Бахчисарайского мирного договора. Вопреки эпатажным выходкам и символическим демонстрациям, Девлет Герай II не был принципиальным противником России. Предвидя скорую отставку, в начале 1712 г. он послал в Санкт-Петербург своего неофициального представителя – молдаванина Александра Давыденко, поручив ему объявить о том, что «хан сам хочет быть в подданстве у его царского величества», вместе с Крымской и Буджакской Ордами. Причина такого намерения якобы состояла в том, что султан часто «переменяет» крымских ханов «и туркам головы всегда рубят, чего и он боится» [РГАДА, ф. 123, оп. 4, 1712 г., д. 1, л. 2, 3]. Однако зондирование возможной смены сюзерена не имело для Девлета Герая II желаемых последствий: российские власти не предоставили ему никаких гарантий, а в 1713 г. он вновь был удален с престола Портой. Подобная позиция хана свидетельствует не только о его дипломатическом искусстве, но и отражает общие закономерности новой внешнеполитической стратегии Крымского ханства, вызванной его резким ослаблением с начала XVIII в. Ханы оказались способны на заключение новых политических альянсов – с шведским королем, с Запорожской Сечью [Возгрин, 2010а; Станіславський, 1995; Станіславський, 1998], основательно пересматривая свои отношения с традиционными политическими партнерами и противниками.

Как заметил В. Е. Возгрин, «ни один из Гераев, сменивших Девлета II, не помышлял более о том, чтобы вести диалог с Санкт-Петербургом на равных», а в российской столице в 1720-е гг. «Крым рассматривают уже не как постоянную угрозу, но обычное соседнее государство...» [Возгрин, 2013, с. 779]. С того времени еще более понижается уровень титулования российскими властями крымских ханов, которых уже давно не называ-

ли царями. Так, в 1727 г. генерал-фельдмаршал князь М. М. Голицын письменно обращался к Менгли Гераю II фактически как к равному – «ваша светлость», а другой генерал-фельдмаршал граф Б. К. Миних в посланиях к «светлейшему крымскому хану» Каплану Гераю I от мая 1736 г. именовал его «ваше высочество», но не «величество», как было принято обращаться к монархам [НАРК, ф. И–36, оп. 1, д. 33, л. 18; Всеподданнейшие донесения, 1897, с. 96–97].

Уже в 1720-е гг. наблюдается ситуация, при которой российские и крымские власти некоторым образом объединяют усилия по контролю над пересечением новых границ своими подданными, грозившим дестабилизацией обстановки в регионе. Такое сотрудничество ярко проявилось в ходе многолетних попыток России, Крымского ханства и Османской империи по нейтрализации султана Бахты Герая, захватившего власть на Кубани (см.: [Грибовский, Сень, 2013, с. 92–137]). Его самостоятельность и самоуправство, дестабилизировавшее османские и российские границы, не могло не раздражать Стамбул и не пугать Бахчисарай – в условиях резкого снижения уровня лояльности Кубанской Орды. Еще в начале 1717 г., назначая в Крым нового хана Саадета Герая IV, Порта указала ему положить конец действиям Бахты Герая, на которого султану жаловался российский посланник [Смирнов, 2005, с. 33]. В то же время «шалвной султан» был очень привлекательной фигурой для тех политических сил Крымского ханства, которые противодействовали столь убыточному для них процессу стабилизации границ.

В июле-августе 1717 г. Бахты Герай с Кубанской Ордой, казаками-некрасовцами, калмыками и азовскими турками-османами общей численностью около 15 тыс. человек, двигаясь по Волго-Донскому междуречью, вторгся в восточную часть Центрального Черноземья и Среднее Поволжье, на территорию Азовской и Казанской губерний. Как показала Т. В. Лавринова, это был самый тяжелый по своим последствиям «татарский набег» за всю первую четверть XVIII в., оказавший серьезное влияние на демографическую ситуацию юго-востока России. Только в Пензенском и Саранском уездах Казанской губернии ногайцы захватили в плен и убили 16 744 чел.

Из них основную массу составили помещицы (10 120 чел.) и монастырские (899 чел.) крестьяне, а также «ясачные люди» (4899 чел.). Оценив позже масштаб нанесенного «Кубанским погромом» ущерба, российское правительство было вынуждено освободить тяглое население пострадавших уездов от уплаты податей за 1718 г. Кроме того, руководству страны пришлось возобновить практику строительства укрепленных оборонительных линий, характерную для предшествующего столетия. В 1718–1720 гг. в степи между Доном и Волгой была возведена Царицинская линия протяженностью 60 верст, перекрывшая крупную «татарскую сакму» [История Свейской войны, 2004, с. 495–496; Лавринова, 1991, с. 34–37; Лавринова, 2012, с. 18–49; Санин, 2013, с. 204–209]. О набеге Бахты Герая в России помнили много лет спустя: в 1736 г. вице-канцлер граф А. И. Остерман упомянул в ноте великому везиру Силахдару Мехмеду-паше о понесенных в 1717 г. «многих» миллионах убытка, о разоренных «до основания» населенных пунктах [Копия с письма, 1736, с. 11].

Несмотря на то, что Бахты Герай являлся самозванным лидером, после «Кубанского погрома» 1717 г., российское правительство не оставило дело без вынесения ноты протеста Османской империи, требуя «надлежащей сатисфакции» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1717 г., д. 4, л. 39]. Решение вопроса о возмещении нанесенного Бахты Гераем ущерба было поручено подполковнику И. М. Натали, отправленному в Стамбул в мае 1718 г. Одним из результатов его поездки стала достигнутая договоренность о создании русско-турецкой комиссии для расследования пограничных инцидентов [Базарова, 2019, с. 90–92; Санин, 1996, с. 277]. Она начала работать под Азовом в 1719 г. и продолжала вплоть до 1736 г., когда российская армия вновь овладела этой крепостью [История Свейской войны, 2004, с. 504; Бабич, 2002, с. 13–14]. В первые годы деятельность комиссии была парализована сложной обстановкой на Кубани и нежеланием ногайских мурз возвращать пленных, большая часть которых уже была продана. Известно, что в 1720 г. в улусах Кубанской Орды находилось 17,5 тыс. российских пленных. Косвенное отношение к работе комиссии имели и вла-

сти Крымского ханства, состоявшие в переписке с османским комиссаром [Санин, 1996, с. 278–279; Бабич, 2002, с. 14, 15].

Что касается Бахты Герая, то впоследствии Россия предпринимала несколько попыток призвать его под свою протекцию и даже устранить его физически, а крымские ханы продолжали борьбу с ним почти до конца последующего десятилетия [Сень, 2019, с. 3–38; Грибовский, Сень, 2013, с. 118–134]. Случай Бахты Герая органично вписывается в историю деятельности пограничных властей Крымского ханства, Российской и Османской империй по соблюдению нового пограничного порядка и контролю над незаконным перемещением местных сообществ через границы. Последовательно выступая в роли дестабилизатора ситуации в южном порубежье, Бахты Герай был крайне опасен для Бахчисарая, Стамбула и Санкт-Петербурга: он безнаказанно позволял себе то, что не могли себе уже открыто позволить ни крымские ханы, ни их официальные представители. А именно – совершать успешные походы, либо создавать для своих подданных, недовольных новым пограничным порядком, возможность продолжать набеги. Кубанский султан был последним крупным политиком и военачальником в Крымском ханстве, которому удавалось проводить набеги без санкции государственной власти в условиях начавшегося и активизировавшегося в первой четверти XVIII в. установления на юге линейных границ.

Документальные свидетельства позволяют не согласиться с выводом В. Е. Возгрина о якобы произошедшей в Крымском ханстве в XVIII в. «социально-экономической эволюции», в результате которой «в Крыму уже были безвозвратно утрачены сложные навыки многодневных конных походов» и «абсолютное большинство крымцев свыклось с мирным трудом» [Возгрин, 2013, с. 779]. За период с 1713 по 1725 гг. крымскими татарами, кубанскими ногайцами и перешедшими в крымское подданство запорожцами, при участии азовских турок, было совершено более 41 набега разного масштаба на южные и юго-восточные окраины России, включая Левобережную Украину, Нижний Дон и кочевья Калмыцкого ханства [Санин, 1996, с. 352–357]. Жертвами набегов только за пять лет с 1713 по 1718 гг. стало не

менее 33 414 убитых и уведённых в плен русских и украинцев, при этом общая стоимость уничтоженного имущества составила более 1 млн. руб., то есть около 15–20% годового бюджета страны того времени [Петрухинцев, Вишняков, 2015, с. 133]. Тот факт, что организатором многих из этих нападений являлся временно неподконтрольный Бахчисараю Бахты Герай, принципиально не меняет сути дела, поскольку этот мятежный султан выступал с территории Крымского ханства и в сотрудничестве с некоторыми представителями его элиты.

Набеги крымцев и ногайцев продолжались и в последующие десятилетия, более того – их география в это время расширилась и частично сместилась, распространившись на подконтрольные России земли Северного Кавказа [Копия с письма, 1736, с. 22–30; Сотавов, 2010, с. 18–19]. Поначалу российские власти пытались бороться со старой угрозой традиционными методами. В 1731–1736 гг. для обороны междуречья Днепра и Северского Донца была построена Украинская линия протяженностью 268 верст, усиленная пятнадцатью земляными крепостями. Ее охрану осуществляли конные (драгунские) и пехотные полки специально для этого сформированного Украинского ландмилицейского корпуса, поселенные при крепостях слободами [Ласковский, 1865, с. 68–82; Баиов, 1906, с. 193–195].

Начало 1730-х гг. характеризуется нарастанием напряженности в отношениях Крымского ханства и России. Не последнюю роль в этом сыграл занявший в третий раз ханский престол Каплан Герай I, проявлявший чрезвычайную военно-политическую активность в Кабарде, на сюзеренитет над которой, помимо него, претендовала и Российская империя. В Санкт-Петербурге очень чутко и болезненно реагировали на любые действия хана на Кавказе, способные нарушить status quo, сложившийся в регионе со времени подписания в 1724 г. Константинопольского договора между Российской и Османской империями. После карательного похода в Кабарду 7-тысячного крымского войска в 1731 г. кабардинский вопрос на ближайшие пять лет стал одним из главных камней преткновения в русско-турецких отношениях [Соловьев, 1993, с. 272–275; Кабардино-русские, 1957, с. 66–67;

Налоева, 2015, с. 321–323]. Своего апогея напряженность достигла в 1733 г., когда 20-тысячное крымское войско под командованием калги Фетих Герая, направлявшееся по приказу султана Махмуда I к театру войны в Грузии, нарушило границы России на Северном Кавказе. Тогда между крымскими и российскими войсками произошли боестолкновения, что вызвало дипломатический резонанс [Соловьев, 1993а, с. 368–372; Махмудова, 2012, с. 239–242; Сотавов, 2013, с. 125–131].

В том же году власти Российской империи, реагируя на обострение ситуации вокруг Кабарды, начали обсуждать планы военных действий против Османской империи, в которых нашлось место и Крыму [Петрухинцев, 2014, с. 639–641]. Свообразным ответом России на деятельность крымского хана на Северном Кавказе стало принятие в подданство в 1734 г. запорожских казаков, находившихся с 1711 г. под властью Гераев, что не могло не вызвать территориальных споров и не дестабилизировать обстановку на северо-западных рубежах Крымского ханства [Эварницкий, 1897, с. 555–605; Мильчев, 2009а, с. 177].

Спусковым механизмом войны стал поход крымского войска во главе с Капланом Гераем I в Закавказье 1735 г. через нейтральную Кабарду и принадлежавший Ирану Дагестан [АВПРИ, ф. 103, оп. 103/1, д. 3, л. 4–29об.; Махмудова, 2012, с. 247–252; Сотавов, 2013, с. 148–152; Аваков, 2018б, с. 13–25]. Реагируя на это, Кабинет министров императрицы Анны Иоанновны запланировал вторжение в Крым [Шульман, 1973, с. 30–32].

Боевые действия на Крымском полуострове играли для Российской империи важную, хотя и не главную роль в войне 1735–1739 гг. Если в 1735 г., накануне ее начала, поход на Крым планировался как локальная диверсия, то по мере разрастания масштабов конфликта первоначальные планы были серьезно пересмотрены и скорректированы. С 1736 г. одной из основополагающих целей правительства Анны Иоанновны в войне стало покорение Крымского ханства и приведение крымского хана в вассальную зависимость от России, а в случае невозможности этого – разорение полуострова. Автором этой стратегии войны против Крыма стал главнокомандующий

русской армии генерал-фельдмаршал граф Б. К. Миних [Аваков, 2018б, с. 15–22; Шульман, 1973, с. 25–61; Петрухинцев, 2014, с. 642–655]. В ходе войны российская армия трижды совершала походы на Крымский полуостров и еще чаще – в периферийные владения Гераев в Нижнем Приднепровье, Прикубанье и Буджаке. В результате этого геополитическое положение ханства существенно изменилось – из субъекта агрессии оно постепенно начало превращаться в ее объект. Тем не менее Крым пытался наносить противнику ответные удары на его территории. В октябре 1736 и феврале 1737 г. новый хан Фетих Герай II совершил два крупных, но не особо успешных набега в район Украинской линии и на юг Малороссии, в последнем из которых приняло участие около 40 тыс. крымцев и буджакцев. В июле 1737 г. Кубанская Орда разорила семь донских казачьих станиц [Баиов, 1906, с. 307–309, 434–435, 346–348].

Население Крыма восприняло российские вторжения как военную и гуманитарную катастрофу, что нашло отражение в трудах крымскотатарских историографов Сейида Мухаммеда Ризы и Абдулгаффара Кырыми, современников событий [Смирнов, 2005, с. 57; Халим Гирай, 2008, с. 146]. Четырехлетняя война обернулась подлинной трагедией и тяжелым испытанием для крымскотатарского народа и заложила прочный фундамент последующих побед российской армии в Крыму. Именно в ходе нее отчетливо проявилась военная слабость Крымского ханства, ставшая одной из основных причин его последующего крушения.

Итоги войны были подведены заключенным в сентябре 1739 г. Белградским мирным договором. В соответствии с его 5-м артикулом, османским подданным, в том числе крымским и прочим татарами, запрещалось нарушать границу России и осуществлять набеги на ее территорию, включая Малороссию и донские городки. Нарушителям пограничного порядка грозило беспощадное наказание, исходя из «тягости вин», а похищенное ими имущество следовало разыскивать и возвращать хозяевам. Если же «между подданными обеих стран... возбудится спор и ссора», то, согласно букве 10-го артикула, их должны расследовать пограничные губернаторы и коменданты.

11-й артикул договора гласил, что назначенные Портой комиссары для определения новой границы между империями и подписания пограничного соглашения «подчинены быть имеют крымскому хану» [ПСЗРИ, 1830, с. 902–903].

10-й артикул стал логическим развитием аналогичных положений Константинопольского договора 1700 г., приспособленным, однако, уже к совершенно иным историческим условиям. Ослабленное войной и испытывавшее несколько разрушительных вторжений Крымское ханство было заинтересовано в стабилизации положения на границе с Россией не меньше, чем Османская и Российская империи. Это обстоятельство способствовало развитию пограничной дипломатии в Азово-Черноморском регионе, что выразилось, в частности, в более эффективной, чем в 1719–1736 гг., деятельности совместных пограничных комиссий (например, крымско-запорожской⁴), а также в долговечности самого Белградского мира, просуществовавшего почти 30 лет. Правда, на Северном Кавказе крымские ханы по-прежнему пытались дестабилизировать обстановку, в том числе в нарушение 6-го артикула Белградского договора о нейтральном статусе Кабарды [Сотавов, 2010, с. 21–23; Дейников, 2017, с. 501–503, 507; Магомаев, Кидирниязов, 2018, с. 230, 234].

Кроме того, по условиям 7-го артикула Белградского договора в Крымском ханстве и Российской империи начался процесс освобождения пленных на безвозмездной основе [ПСЗРИ, 1830, с. 901–902]. Однако, по свидетельству побывавшего в Крыму и на Кубани в конце 1741 – начале 1742 г. донского казака Василия Пушкарева, там оставалось немало россиян, утаиваемых по распоряжению крымского хана и кубанского сараскера [РГАДА, ф. 248, оп. 114, д. 84, л. 2об.–3].

Настоящим прорывом в крымско-русских отношениях стало учреждение в сентябре 1763 г. постоянного российского консульства в Бахчисарае. Хотя хан Селим Герай II ходатайствовал об этом перед российскими властями еще в 1744 г., организация консульства затянулась на 19 лет. Первым российским консулом, аккредитованным при бахчисарайском дворе, стал премьер-майор А. Л. Никифоров [Почекаев, 2018, с. 70–86; Крым в развитии России, 2018, с. 56–79]. По мнению

Р. Ю. Почекаева, положительное отношение крымских властей к настойчивой инициативе России по учреждению в Бахчисарае постоянного дипломатического представительства «отражало существенные изменения в их представлениях о своем государстве, его политических и правовых традициях» [Почекаев, 2018, с. 84]. Очевидно, стремление Гераев наладить более тесные отношения с Россией было связано не только с их желанием преодолеть зависимость от Османской империи в своей внешней политике, о чем пишет Р. Ю. Почекаев, но и со стремлением восстановить равноправные дипломатические отношения с северным соседом (об этом недвусмысленно свидетельствует сам А. Л. Никифоров [Крым в развитии России, 2018, с. 79]).

В середине XVIII в. ногайские орды по-прежнему оставались серьезной проблемой для крымских ханов, в том числе и в контексте их взаимоотношений с Россией. Участились случаи обращения ногайцев к России с просьбами о покровительстве, предусматривающими их перекочевку из Крымского ханства и смену подданства. Это случилось и в 1758 г., в ходе восстания Едисанской и Буджакской Орд против крымского хана Халима Герая и его ближайшего окружения [Пономарьев, 2015, с. 157–166; Отчет о восстании, 2013, с. 73–89]. Для едисанцев это было повторное обращение такого рода: несколькими годами ранее они уже отправляли в Санкт-Петербург посольство с просьбой о принятии в подданство, но в этот раз их поддержали буджакцы. Российское правительство, разделяя тревоги Крыма и Порты, отказало ногайцам. Более того, на пограничные форпосты из Санкт-Петербурга последовал приказ их «не токмо в здешнюю сторону не пропускать, но и силою от границ здешних отбивать» [Грибовский, 2008, с. 118–120]. Бывший калга-султан Хаджи Герай, скрывавшийся за пределами ханства от своего дяди хана Крым Герая, в 1759 г. тоже выразил желание сменить подданство и переселиться в Россию и поддержал обращение едисанских и буджакских музр [ГАРО, ф. 360, оп. 1, д. 3, л. 35, 40–41об.]. Изучив ситуацию, российская Коллегия иностранных дел отклонила просьбу Хаджи Герая, поручив одному из своих членов В. М. Бакунину внушить ему, «что они не токмо со всем ногай-

⁴ О ее работе см.: [Андреева, 2014, с. 44–53].

ским народом, но и одни при нынешних обстоятельствах в подданство... и на время в здешние границы приняты быть не могут» [ГАРО, ф. 360, оп. 1, д. 3, л. 35–35об.]. При этом, однако, для Хаджи Герая предусматривалась возможность пробраться со своими сторонниками на Кубань через земли донских казаков «ниже Черкаска». Руководителям Войска Донского генерал-майору Д. Е. Ефремову и атаману С. Д. Ефремову из Коллегии иностранных дел были направлены соответствующие указы, суть которых сводилась к тому, что ногайцам не следует препятствовать в переходе на Кубань [ГАРО, ф. 360, оп. 1, д. 3, л. 39]. Планы бывшего калги одинаково встревожили и Санкт-Петербург, и Бахчисарай.

Для рассматриваемого периода характерны разные, хотя и взаимосвязанные, тенденции в отношениях крымских ханов с ногайцами. Гераи продолжали искать выходы из непростой для ханства внутри- и внешнеполитической ситуации, реагируя на ее изменения, несколько модернизируя структуру государственного управления. Ханской власти также нужно было искать новые формы нейтрализации ногайцев в их продолжающихся попытках проникать в российские пределы. Одной из таких форм взаимодействия сторон стало более-менее регулярное привлечение ногайцев к пограничной службе, начиная с правления хана Арслана Герая (1748–1755 гг.). Хан Крым Герай неоднократно инициировал слухи о скором начале войны между Османской и Российской империями, что давало ногайцам повод надеяться на возобновление набегов и поначалу обеспечивало ему популярность в ханстве [Грибовский, 2009, с. 87]. В 1759 г. Крым Герай даже намеревался переехать из Каушан не в Крым, а на Кубань, чтобы обезопасить себя в случае начала войны. В российской Коллегии иностранных дел резонно опасались последствий этого переезда, отметив уникальность ситуации, поскольку давно не было примера, «дабы ханы крымские на Кубань ездили», и опасались последствий его прибытия туда [ГАРО, ф. 360, оп. 1, д. 3, л. 21–22об., 26–26об.]. Но вскоре ногайцы разных орд стали выражать недовольство усилением государственной регламентации их жизни со стороны Крым Герая. В 1760-е гг. ханы все

более жестко наказывали ногайцев за нападения на сопредельные территории, заодно усиливая налоговое и иное давление на них [Грибовский, 2009, с. 89].

С середины столетия различные ногайские группы все чаще стремились не столько совершать набеги на территорию России, сколько перейти в ее подданство или, нарушив российские границы, попытаться бежать на Кубань (в последнем случае речь идет о ногайцах Причерноморья). Названные тенденции усилились в годы первого правления хана Селима Герая III (1765–1767). Например, в 1766 г. едисанцы пытались склонить едичкульцев к совместной перекечке на Кубань, а оттуда – в Россию [Грибовский, 2009, с. 90]. На этом фоне невольно крепились ногайско-российские связи, впрочем, пока далекие от заключения альянсов. Напротив, Россия ужесточила пограничный контроль именно в связи с попытками ногайцев попасть на Кубань, а не из-за угрозы их нападения.

Характерная для крымско-российских отношений 50-х – начала 70-х гг. XVIII в. открытая поддержка Санкт-Петербургом сепаратизма ногайцев стала важным фактором в последовательном ослаблении Крымского ханства. В то же время Россия опасалась бегства на Кубань части подвластных ей ногайцев и калмыков, а также усиления крымско-калмыцких связей [ГАРО, ф. 360, оп. 1, д. 2, л. 23–25]. Так, в 1740-е гг. на Кубани нашли приют бежавшие из России группы томатов и ногайцев. Особенно тревожны были известия 1747 г. о намерении калмыцкого хана Дондук-Даши и его зайсангов «через Кубань уйти в Крым» в случае начала новой русско-турецкой войны [ГАРО, ф. 360, оп. 1, д. 3, л. 7–9]. Великий везир Османской империи Тирьяки Хаджи Мехмед-паша был вынужден в том же году убеждать канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина в мирных намерениях хана Селима Герая II и просить не принимать его подданных, ищущих убежище в России [ГАРО, ф. 360, оп. 1, д. 3, л. 14–15об.]. Интересы Османской и Российской империй вновь совпали на данном направлении.

По замечанию А. В. Мальгина, именно четырем ногайским ордам Причерноморья принадлежала главная роль в отторжении Крымского ханства от Османской империи [Мальгин, 2013,

с. 57]. Но не стоит забывать о положении и влиянии среди них еще одной орды – Кубанской, а также о планах Российской империи именно с ее помощью создать независимое от Крыма Кубанское ханство во главе с одним из Гераев.

Сегодня все большее признание ученых находит мнение о том, что Россия первоначально не планировала присоединять Крымское ханство и в 1771–1782 гг. реализовывала в отношении него иной сценарий, нежели тот, что привел к ликвидации крымскотатарской государственности в 1783 г. [Орешкова, 2008, с. 121–126; Крючков, 2009, с. 78–79, 109–111, 141–144; Мальгин, 2013, с. 63; Проблемы интеграции Крыма, 2017, с. 7–8]. При этом не подлежит сомнению, что очередное ослабление Крыма было связано как с внутренними, так и с внешними факторами: прежде всего с расколом внутри крымскотатарских и ногайских элит ханства, а также с событиями русско-турецкой войны 1768–1774 гг.

15 марта 1770 г. Совет при высочайшем дворе Екатерины II определил стратегические цели «крымской политики» на время войны: отторжение Крыма от Османской империи, превращение его в независимое государство, которое должно предоставить «некоторые свои крепости» для размещения российских гарнизонов, передать России одну морскую гавань для обеспечения прохода ее кораблей из Азовского в Черное море и защиты крымского побережья от Османов. Высказанное частью российского генералитета предложение о присоединении Крыма к России было отвергнуто – предполагалось, что это вызовет осложнения в отношениях с европейскими державами и потребует огромных усилий для удержания крымских татар в подчинении [Архив, 1869, стб. 43–45; Григорьев, 2015, с. 80–82].

Военно-политическая ситуация в Северном Причерноморье 1770–1771 гг. благоприятствовала достижению указанных целей. Поражение османских и крымских войск в ходе Ларго-Кагульской операции в июле 1770 г. позволило двум русским армиям овладеть инициативой на всем театре военных действий и создать угрозу вторжения на Крымский полуостров. Другим важным успехом России стало заключение союза с Эдисанской и Буджакской ногайскими ордами в сентябре 1770 г. Это способствовало не только ослаблению воору-

женных сил Крыма, утративших значительную часть ногайской конницы, но и усилению агитации среди подданных Гераев за отложение от Османской империи. Более того, появилась возможность сформировать у ногайцев отдельную администрацию, находящуюся под протекторатом России и при этом использующую политические традиции Крымского ханства для своей легитимации [Соловьев, 1994, с. 354–357; Грибовский, 2007, с. 448–467; Григорьев, 2015, с. 82–84, 86–87].

Летом 1770 г., когда крымское войско во главе с ханом Капланом Гераем II находилось в составе османской армии в Молдавии, обороной Крыма руководил калга Ислям Герай, который провел мобилизацию мужского крымскотатарского населения полуострова. После разгрома на р. Ларге Каплану Гераю II удалось усыпить бдительность командующего Второй армией генерал-аншефа графа П. И. Панина, вступив с ним в переговоры о заключении союза, а затем собрать в Очакове свои разрозненные отряды и в сентябре уйти в Крым. Появление хана в Бахчисарае ослабило влияние части крымской знати, настроенной на альянс с Россией по примеру эдисанцев и буджакцев. Каплан Герай II даже смог склонить на свою сторону братьев Джан Мамбет-бея – предводителя союзных России ногайских орд [Петров, 1866, с. 121–122, 148–149, 206–207, 315–322, 324–326, 337–340, 353; Грибовский, Сень, 2014б, с. 267].

Российское правительство нейтрализовало временные успехи Каплана Герая II усилением агитации среди ногайцев и подкупом их мурз. В конце осени 1770 г. едичкульцы и джембуйлуковцы попытались переправиться через запертый османскими кораблями Керченский пролив на Кубань, а вскоре Порта сместила с престола хана. Бахчисарай утратил контроль над основной массой ногайцев, а его влияние отныне почти не выходило за пределы Крымского полуострова. 18 января 1771 г. Екатерина II приказала переселить всех союзных России ногайцев из Перекопской степи на Правобережную Кубань, полагая, что они заменят ушедших в Джунгарию калмыков, после чего брожение среди ногайцев усилилось, тем более, что новый крымский хан Селим Герай III затягивал приезд в Крым [Высочайшие рескрипты, 1872, с. 26–27, 31, 36, 38, 37; Грибовский, Сень, 2014б, с. 268].

Ситуация еще больше накалилась, когда в январе 1771 г. в Бахчисарай прибыл российский агент Константин Мавроени с предложением о союзе. Калга приказал казнить посланца, но помиловал его по просьбе бывшего сераскера Едиганской Орды Шахина Герая и кадиаскера ханства [Соловьев, 1994, с. 432]. С этого момента в Санкт-Петербурге знали о Шахине Герае, как о наиболее дружественно настроенном к России крымском султане. Воспользовавшись слабостью ханской власти, Шахин Герай наладил постоянную связь с ногайцами. 8 апреля 1771 г. они заявили о своем желании избрать его своим ханом. Екатерина II сначала согласилась, но в мае того же года изменила решение, полагая, что создание зависимого от России ногайского государства чревато большими осложнениями. Императрица стремилась не расчленять Крымское ханство, а добиваться его независимости от Османской империи [Грибовский, Сень, 2014б, с. 268; Высочайшие рескрипты, 1872, с. 48–55].

Селим Герай III прибыл в Крым накануне российского наступления, не успев организовать оборону. Это позволило Второй армии, возглавляемой уже генерал-аншефом князем В. М. Долгоруковым, быстро и с минимальными потерями овладеть ключевыми пунктами полуострова и оккупировать его. В течение всего одного месяца, с 12 июня по 11 июля, были взяты Арабат, Балаклава, Бахчисарай, Гезлев, Еникале, Кафа, Керчь, Перекоп, Судак, а также Тамань на одноименном полуострове. Исход кампании был предрешен еще 29 июня, когда под Кафой подверглось разгрому 25-тысячное крымско-османское войско [Петров, 1874, с. 174–191; Григорьев, 2015, с. 87–90; Мальгин, 2016, с. 105–115]. Победенный хан пытался бежать из Балаклавы морем, но, не найдя там судна, вернулся в Бахчисарай, откуда 12 июля письменно сообщил князю В. М. Долгорукову, что «отдается в высочайшую протекцию Ея императорского величества». До получения «высочайшей резолюции» генерал не осмелился оставить Селима Герая III на престоле, и вся власть в ханстве сосредоточилась «в руках выбранных первейших Ширинов». Как ни странно, Совет при высочайшем дворе согласился на сохранение хана у власти «по просьбе и уверению о нем крымцев о его искренности».

Но он, не дождавшись ответа и опасаясь пленения, все-таки бежал из Крыма на корабле, что дало повод активизироваться его пророссийски настроенным противникам [Записки, 2003, с. 407–408, 410; Архив, 1869, стб. 98; Соловьев, 1994, с. 434; Григорьев, 2015, с. 90–91; АВПРИ, ф. 123, оп. 123/2, д. 15, л. 138об.].

25 июля 1771 г. собравшиеся в Карасубазаре 110 представителей крымской знати подписали предварительное соглашение об отделении ханства от Османской империи, о дружбе и союзе с Россией, об отрешении Селима Герая III и избрании нового хана, согласно древним обычаям [Карасубазарский трактат, 2015, с. 33–34; АВПРИ, ф. 123, оп. 123/2, д. 15, л. 138 об.–139; Соловьев, 1994, с. 434–435]. На опустевший престол депутация «главных чинов» ханства пригласила бывшего орбея Сахиба Герая. Во многом он импонировал крымской элите тем, что в отличие от большинства прежде правивших Гераев, воспитывался на Кубани, никогда не был в Стамбуле и не состоял на османской службе. Сахиб Герай был единогласно избран ханом, его младший брат Шахин Герай стал калгой, а их племянник Бахадыр Герай – нурадином. По совету князя В. М. Долгорукова новый хан поспешил отправить русской императрице «просительное и присяжное письмо» с заверениями в вечной дружбе с Россией [Соловьев, 1994, с. 435; Крым в развитии России, 2018, с. 236–237; АВПРИ, ф. 123, оп. 123/2, д. 15, л. 139–140, 145, 151, 195–196]. Екатерина II признала выбор крымцев, демонстрируя свою решимость «доставить им совершенную во всем независимость». Она позволила Сахибу Гераю II и его правительству «действительно вступить в правление Крымского полуострова со всеми... прежними обычаями», однако лишь после подписания «акта своего отрицания пред своим народом от Порты, с обязательством никогда... оной не подчиняться» и навсегда пребывать «в дружбе и союзе» с Россией. Для укрепления двусторонних связей в октябре при ханском дворе был аккредитован российский резидент П. П. Веселицкий [Высочайшие рескрипты, 1872, с. 66–67; АВПРИ, ф. 123, оп. 123/2, д. 15, л. 306–308], миссия которого не принесла особых успехов.

Русско-крымские переговоры о подписа-

нии окончательного договора продолжились в следующем 1772 г. Новые надежды Екатерина II возлагала на миссию генерал-поручика Е. А. Щербинина, прибывшую в Бахчисарай в июле. Последовавшие затем многомесячные переговоры генерала с Сахибом Гераем II и его советниками неоднократно грозили провалом и новым обострением обстановки. Так, крымские переговорщики сразу опротестовали предложенную Е. А. Щербининым формулировку о том, что хан в целях защиты независимости ханства просит императрицу принять под свою власть османские крепости Керчь и Еникале, никогда ему не принадлежавшие [Мальгин, 2016а, с. 92–94; Крым в развитии России, 2018, с. 237, 240–249].

1 ноября 1772 г. в Карасубазаре был заключен союзный договор между Крымским ханством и Российской империей. С крымской стороны его подписал хан Сахиб Герай II «купно с уполномоченными от крымского и ногайского обществ», с российской – Е. А. Щербинин. 29 января 1773 г. Екатерина II ратифицировала договор, по условиям которого между Российской империей и «Татарской вольной областью» провозглашались союз, дружба и доверенность «без притеснения вер, законов и вольности». Теперь ни Россия, ни Османская империя, на «прочие посторонние» не имели права вмешиваться во внутренние дела Крыма и в процесс избрания крымских ханов по общему согласию всей области. Все подвластные крымскому хану до войны «народы» (татары, ногайцы, черкесы, «таманцы» и некрасовцы) по-прежнему оставались в его власти, за исключением Большой и Малой Кабарды, которые впервые объявлялись состоящими в российском подданстве. Оговаривалось, что крымские войска, с одной стороны, не обязаны принимать участие в войне на стороне России, а с другой – не имеют права помогать никому против нее. Было предусмотрено, что российские войска могут занимать «укрепленные места» полуострова, не отягощая крымских жителей, до окончания войны, но после заключения мира с Портой должны быть выведены из Крыма. За Россией навсегда оставались Керчь и Еникале, а крымцы могли содержать поблизости особую пристань с перевозом на Таманский полуостров, а также пользоваться правом свободного рыболовства в Керченском

проливе. Российские пленные и «невольники» возвращались на родину без выкупа, а в Крыму оставались только те из них, кто принял ислам, добровольность перехода в который устанавливалась бы с помощью российского резидента в Бахчисарае. Декларировалась свободная торговля подданных обоих государств [Карасубазарский трактат, 2015, с. 45–49].

Карасубазарский договор нередко рассматривается в историографии как промежуточный документ, якобы подготовивший включение Крымского ханства в состав Российской империи. Однако, как справедливо заметил А. В. Мальгин, нет оснований считать, что договор «сам по себе предопределил будущую незавидную судьбу Крымского ханства». Несмотря на то, что под грузом внутренних проблем в условиях весьма сложного международного положения независимость ханства казалась неосуществимым проектом, трактат 1772 г. сам по себе знаменовал открытие определенного «окна возможностей» для этого государства [Мальгин, 2016а, с. 100]. Но в сложившейся ситуации это был неравноправный договор между побежденным и победившим государствами, который можно определить как колониальный, сходный с соглашениями, заключавшимися тогда европейскими державами со странами Востока. Об этом свидетельствуют следующие обстоятельства: наличие в Бахчисарае российского резидента при отсутствии аналогичного крымского представителя в Петербурге; расположение, хотя и временное, российских войск в Крыму – без регламентации их действий в отношении местного населения; декларация осуществления свободной торговли на территории ханства, не предусматривавшая применения его властями таких же протекционистских мер и таможенного регулирования, какие действовали на территории России. Наконец, управление ногайскими ордами должно было осуществляться на основании не только их крымского подданства и условий договора, но и их предыдущих соглашений с Россией, которые, с ее точки зрения, можно было интерпретировать весьма вольно. Тем не менее Крымское ханство впервые за три столетия обрело государственный суверенитет, освободившись от политических пут, связывавших ее с Портой гораздо более тяжелыми и обре-

менительными обязательствами, чем те, которые отныне возлагала на него Российская империя.

Подводя итоги, следует сказать, что в XVIII в. Крымское ханство активно боролось с новыми для себя историческими вызовами, угрожавшими изменить его судьбу. Они были связаны не только с активизацией южной политики России и с кризисом набеговой системы, но и с более глобальными процессами международного масштаба. В этой борьбе Гераи оказались способны на новые политические альянсы, частично – на реформы, направленные на укрепление государства, в частности, на выработку нового опыта управления ногайскими ордами. Продолжая рассуждения А. А. Новосельского о причинах «живучести» Крымского ханства [Новосельский, 1948, с. 421], хочется заметить, что в описываемое время они были связаны уже не с выгодной для него международной обстановкой, а, наоборот, с попытками Гераев оперативно и гибко

реагировать на ее ухудшение, пытаясь минимизировать возможные потери и даже упредить их. При этом динамика крымско-российских отношений чаще всего оказывалась не в пользу Бахчисарая, ведь уже в начале столетия Крымское ханство перестало быть для России равноправным партнером. Вместе с тем нельзя утверждать, что Россия последовательно проводила курс, направленный на завоевание Крыма и на ликвидацию крымскотатарской государственности. На этом фоне бездоказательно утверждения о предопределенности судьбы Крымского ханства и неизбежности его поглощения Российской империей в XVIII в. Карасубазарский договор 1772 г. открывал некоторые новые возможности на пути очередного приспособления Крымского ханства к историческим условиям и его реформирования – незамеченные или отвергнутые значительной частью его татарского и ногайского населения.

10.2. Дипломатические отношения Крыма с Францией, Пруссией, Швецией в XVIII в.

Н. И. Храпунов

В XVIII в. внешнеполитическая обстановка на юге Восточной Европы изменилась радикально. Усилилась Россия, ослабла Османская империя. Франция стала создавать «восточный барьер» из Швеции, Польши, Османской империи и других стран, направленный против габсбургских Австрии и Испании [Черкасов, 2010, с. 15–26]. Крым был втянут в международное противостояние на стороне Парижа и Константинополя, оказавшись в двойственном положении, поскольку интересы Высокой Порты могли противоречить целям Бахчисарая, так что ханам приходилось балансировать. Азовские походы Петра I (1695–1696) не могли не вызвать опасений в ханстве. Не случайны слова турецкого историка Сейид-Мухаммед-Ризы о том, что «*обитатели Крыма стали поглядывать через двери страха и ожиданий на события времени*» [Смирнов, 2005а, с. 473]. Но, согласно Константинопольскому мирному договору (1700), Османы должны были удерживать крымцев от набегов на юг России, что входило

во в противоречие с интересами ханства [там же, с. 481–485]. Это вызвало недовольство значительной части подданных хана, рост антиосманских настроений и смуты в Крыму [Санин, 1993а, с. 275–278]. Ханы пытались найти новых союзников, но об этих контактах известно лишь по источникам западного происхождения, потому любые реконструкции весьма специфичны.

Северная война актуализировала опыт контактов со Швецией, начавшихся в третьей четверти XVI в. Они были нерегулярными – обсуждали главным образом набеги крымцев в помощь шведам [Возгрин, 1978, с. 320–325]. В XVIII в. дело ограничилось переговорами. Девлет Герай II вел переписку со шведами и запорожцами (1702) о военном союзе против России [Возгрин, 1985, с. 70]. О своей готовности оказать шведам военную поддержку сообщали Гази Герай III (1705) и Каплан Герай I (1707) [Возгрин, 2010а, с. 100].

Считается, что одним из мотивов, подтолкнувших Карла XII к походу на Украину, была

попытка вовлечь Крым и Османов в войну против Москвы [Ростунов и др., 1987, с. 73, 102–103]. Вернувшийся к власти Девлет Герай II начал подготовку похода на помощь шведам. Накануне Полтавского сражения в ставке короля Карла XII шли переговоры с представителями хана, при участии малороссийского гетмана Ивана Мазепы, которые не дали результата [Борщак, 1928, с. 84; Возгрин, 2010а, с. 100–101]. В Константинополе не было единства мнений по «шведскому вопросу», и в итоге хану запретили оказывать помощь королю [Смирнов, 2005б, с. 19]. Возможно, всему виной взятки, успешно использованные русскими представителями при османском дворе [Возгрин, 2010а, с. 101].

В это время в Крым прибыл швед Отто-Вильгельм Клиноквштрём, целью которого был сбор информации [Возгрин, 1978, с. 226–227].¹ Получив известия о Полтавском сражении, Девлет Герай II передал шведам предложение военной помощи, которая позволила бы Карлу XII пробиться к его армии в Померании [Возгрин, 2010а, с. 103]. По некоторым данным, в это время неудачливый союзник шведов Мазепа просил у хана 40-тысячное войско [Борщак, 1928, с. 81]. И после поражения Карл XII не скрывал желания создать антироссийскую коалицию с поляками, османами и крымскими татарами [Возгрин, 2010а, с. 103]. В Крыму находилась миссия Свена Лагерберга, О. Врангеля и К. Скадера (1710–1711), обсуждавшая с ханом заключение союза в обход Порты. Прервали миссию по прямому указанию османского визиря, очевидно, усмотревшего угрозу в шведских интригах [Возгрин, 1978, с. 328–329; он же, 2010а, с. 104].

Однако начало русско-турецкой войны привело к набегу войска Девлет Герая II на Слободскую Украину (1711), которое затем приняло участие, совместно с османами, в противодействии армии Петра I, отправившейся в Прутский поход. Но интересы союзников снова разошлись. Порта предпочла заключить мир с царем, что вызвало недовольство как хана, так и шведского короля [Ростунов и др., 1987, с. 104–114; Артамонов, 1990, с. 80–92, 106–107; Орешкова, 2015, с. 71–77].

¹ К сожалению, хранящиеся в архивах материалы этого и других шведских агентов в Крыму до сих пор не опубликованы.

Возможно, попыткой изменить ситуацию и склонить Крым, а также черкесов и ногайцев к антирусскому союзу была миссия Обри де ля Мотре. Фактически о ней известно лишь из мемуаров автора, британского подданного, в которых он рассказал о пребывании в Бендерах, где тогда находился шведский король, в Крыму, а также в областях черкесов и ногайцев (1711–1712). Путешественник не скрывал, что прежде он выполнял некоторые деликатные поручения Карла XII [Motraye, 1723, р. 17–19], но настаивал, что в Крым поехал из личного интереса, получив «паспорт» у самого хана [Там же, р. 15], а затем экспромтом решил посетить враждебных хану черкесов, а также ногаев [Там же, р. 30–31]. В Бахчисарае он встречался со шведским агентом Врангелем, который представил путешественника ханскому визирю [Там же, р. 27–28]. С визирем и другими ханскими и османскими чиновниками де ля Мотре обсуждал вопросы внешней политики [Там же, р. 36–37, 81]. Многие западные путешественники выполняли секретные поручения своих правительств, а потому неудивительно, что в историографии за де ля Мотре утвердилась репутация шведского агента.

В 1713 г. в Крым прибыл посланник Карла XII Георг Люттеман, а вслед за ним – пастор Ларс Терсенис, дневник которого включает подробное описание полуострова [Возгрин, 1978, с. 329–330]. Чем закончилась поездка Люттемана, неизвестно, как и то, связан ли со шведской политикой Терсенис. В конце концов, Османы, отчасти под давлением иностранных держав, отчасти оценив собственные интересы, приняли решение силой удалить шведского короля из Бендер, заставив ханское войско принять участие в этом мероприятии (1713). Отношения Крыма и Швеции оказались безнадежно испорчены [Смирнов, 2005а, с. 23–25; Артамонов, 1990, с. 133–136; Возгрин, 2010а, с. 109–114].

Следующий этап контактов Крыма со шведами (1741–1742) относится ко времени русско-шведского вооруженного конфликта. Пытавшаяся добиться пересмотра итогов Северной войны Швеция нуждалась в союзнике, который отвлек бы на себя часть сил России. Шведские агенты в Константинополе пытались вовлечь в конфликт Османов, соблазняя их возможностью

вернуть утраченные позиции в Причерноморье и Приазовье, причем одним из пунктов была организация набега крымцев на российские провинции [Михнева, 1985, с. 87–89]. В Крым был направлен француз Жан-Мишель Вентюр де Пареди, чтобы стать консулом одновременно Франции и Швеции и подтолкнуть Селямет Герая II к войне против России [Возгрин, 1978, с. 331–333]. Однако уроки проигранной войны 1735–1739 гг. не пропали даром: хан переложил решение на Константинополь, а Османы не решились разрывать мир с Россией. Вентюр де Пареди оставался французским консулом в Крыму до 1745 г. [Mézin, 1998, p. 26].

Нерегулярные дипломатические контакты между Крымом и Пруссией (Бранденбургом) начались в 1599 г. и продолжались в следующем столетии. Речь шла главным образом об использовании крымских войск на европейских полях сражений [Hofopp-Riecke, 2017, s. 69]. В середине XVIII в. король Фридрих II Великий использовал «османскую» и «крымскую» карту, чтобы, с одной стороны, сблизиться с Турцией, а с другой – под угрозой войны на юге предотвратил союз России с Австрией [Михнева, 1985, с. 108]. Однако в Семилетней войне (1756–1763) Пруссия оказалась фактически в одиночку против континентальных держав Европы, что могло стимулировать поиск союзников [От царства к империи, 2015, с. 175–175, 179].

Основным источником сведений о дипломатических отношениях Фридриха II и хана Крым Герая является книга немецкого литератора XIX в. Теодора Мундта, автора многочисленных исторических романов. Публикуя повесть о Крым Герае (1855), он мог рассчитывать на успех благодаря тому, что внимание всей Европы тогда было приковано к Крымской войне. Мундт утверждал, что одним из его источников были воспоминания молодого офицера по фамилии фон дер Гольц, посланного из Пруссии с секретной миссией в Крым [Mundt, 18556, S. v–vi; русский перевод: Мундт, 1909, с. ii]. Речь идет о Карле-Александре фон дер Гольце (1739–1818), сыне генерала – сподвижника Фридриха II, который впоследствии сделал прекрасную карьеру, получив звание генерал-лейтенанта в Дании и фельдмаршала в Португалии.

По словам Мундта, Крым Герай завязал контакты с Пруссией, когда еще был не ханом, а сераскером Буджакской Орды (1750). Впоследствии представителем Пруссии при ханском дворе стал голландский авантюрист по фамилии Боскамп. Он поспособствовал тому, что в 1761 г. к Фридриху II прибыло посольство, во главе которого стоял Мустафа ага – брдобрей Крым Герая. Прусский король в это время потерпел ряд поражений в Семилетней войне и потому был заинтересован в новых союзниках и новых войсках. Он отправил в Бахчисарай фон дер Гольца для заключения союза против Австрии и России. В Крыму немцу пришлось столкнуться с интригами Боскампа, который вел собственную (не вполне понятную) игру. К тому же миссию приходилось держать в тайне из страха перед наводнившими ханство русскими и французскими агентами. Крым Герай выражал готовность собрать войско и выдвинуться в Бессарабию, но отказывался воевать без санкции Константинополя и хотел получить от пруссаков денежные субсидии. Миссия фон дер Гольца закончилась неудачей из-за происков Боскампа, стремительного превращения России из противника Пруссии в ее союзника после смерти Елизаветы Петровны и антипруссских действий французских дипломатов в Константинополе [Mundt, 18556, S. 3–132; Мундт, 1909, с. 1–53].

Местонахождение дневников фон дер Гольца неизвестно. Каким бы ни был источник вдохновения Мундта, он его значительно переработал, используя записки путешественников по Крыму российской эпохи и другие материалы. Так, ряд топонимов был осовременен – например, в тексте появились анахроничные Симферополь (Simferopol) и Армянский Базар (Armanskoi-Bazar) [Mundt, 18556, S. 26, 29; Мундт, 1909, с. 11–12]. Вставным элементом выглядит эпизод о грузинке – возлюбленной ханского брата [Mundt, 18556, S. 67; Мундт, 1909, с. 27], перелагающий знаменитую легенду о Марии Потоцкой, узнице бахчисарайского гарема, которая возникла уже в российскую эпоху [Бронштейн, 1997]. Из текста следует, что Мундт не представлял, как выглядит гробница Диляры-бикеч, которую обычно связывают с этой легендой.

Приписанные хану рассуждения о Монтескье и

о комедиях [Mundt, 18556, S. 54–57; Мундт, 1909, с. 22–23] навеяны страницами из книги французского консула Франсуа де Тотта [Tott, 1785, р. 120, 139]. Похоже, тем же источником порожден рассказ о том, что хан страдал от «европейской болезни» – геморроя, которую вылечил присланный Фридрихом II врач [Mundt, 18556, S. 81–83, 89, 110; Мундт, 1909, с. 33–34, 36, 44]. Правда, де Тотт писал, что он сам избавил хана при помощи европейской хирургии от куда более простого заболевания – нарыва на пальце [Tott, 1785, р. 147]. Мундт украсил свою повесть яркими и очевидно вымышленными деталями в духе романтического европейского ориентализма. Среди них рассказы об увлечении Крым Герая золотоискательством и алхимией [Mundt, 18556, S. 76–77; Мундт, 1909, с. 31–32] или о любовном соперничестве крымского правителя и Боскампа [Mundt, 18556, S. 97–102, 124–130; Мундт, 1909, с. 39–41, 50–52]. Более подходящей для романа, чем для исторического документа, выглядит фигура Мустафы-аги, влиятельнейшего помощника хана, посланника в Пруссию и советника при бахчисарайском дворе, который покровительствовал фон дер Гольцу. В молодости он якобы был пленен русскими при штурме Очакова (1737), затем попал к наследнику российского престола, будущему Петру III, который отправил его в Гольштейн, где Мустафа выучил немецкий, но, испытывая тоску по родине, бежал в Крым [Mundt, 18556, 12–13; Мундт, 1909, с. 5]. Вряд ли в записках реального дипломата могла отыскаться фраза, что хан поручил брادرю быть посланником, *«ведь у восточных народов нет ни дворян, ни служилых людей»* [Mundt, 18556, S. 5–6; Мундт, 1909, с. 2].

Несмотря на эти сомнительные детали, в историографии достоверность сведений Мундта сомнений не вызывает [Hotopp-Riecke, 2017, S. 73–74; Югош, 1998, с. 296–299; Пилипчук, 2017, с. 40–42]. Иногда эту повесть используют для создания идеализированного образа Крым Герая – выдающегося правителя [Возгрин, 20106, с. 42–46].

В мемуарах Фридриха II о крымских делах сказано мало. Сообщается, что королю удалось урегулировать проблемы во взаимоотношениях между Крымом и Москвой после прихода к власти Петра III, а также о нерешительности, охва-

тившей хана и Османов после резких перемен в московской политике [Friedrich, 1805, р. 256, 300]. Позднее в письме к Вольтеру (1775) Фридрих II, назвав себя «верным учеником фернейского патриарха» в том, что касалось, в частности, свойственной «просвещенному монарху» терпимости, утверждал: *«Сейчас я веду переговоры с тысячей мусульманских семейств, которым я позволю обосноваться и [завести] мечети в Западной Пруссии»* [Friedrich, 1790, р. 221]. Но, вероятно, король имел в виду литовских татар, которых принимал на службу в легкой кавалерии [Hotopp-Riecke, 2017, S. 70–72].

Голландец Боскамп, сыгравший зловещую роль в книге Мундта, – это известный авантюрист Кароль Боскамп-Ласопольский, который впоследствии перешел на службу к польскому королю Станиславу-Августу Понятовскому [Konopczyński, 19366, s. 372–374]. Один из самых известных эпизодов его жизни – роман с «юной вифинкой», с которой он познакомился, будучи польским посланником в Константинополе. Впоследствии она стала знаменитой авантюристкой Софией Потоцкой (Витт), а Боскамп описал их отношения в мемуарах [Boscamp-Lasopolski, 1963].

Некоторые известия о прусско-крымских отношениях сохранились в докладных записках де Тотта. Он упомянул, что прусский король направлял неизвестного по имени посланника в Бахчисарай [Tott, 2014, р. 71]. Писал он и о некоем договоре (или молчаливом соглашении) Порты, Крыма и Пруссии, направленном против России и Австрии, который был заключен в первое правление Крым Герая при посредничестве Боскампа [Там же, р. 197–198]. Поскольку отчеты де Тотта вряд ли были известны Мундту, его слова подтверждают, что повесть последнего основывалась на каких-то фактах. По словам француза, как-то хан жаловался, что однажды был обманут прусским королем [Там же, р. 208].

Де Тотт был последним французским консулом в Крыму. Еще в начале века агентами французского правительства в Крыму были миссионеры-иезуиты во главе с Клодом Дюбаном, прибывшие в 1706 г. благодаря усилиям французского посла в Константинополе графа Шарля де Ферриоля. В это время в ханстве находился

французский врач Ферран, служивший нескольким ханам, которого Гази Герай III однажды даже собирался отправить к Людовику XIV с ценными подарками. Французы подстрекали Крым и Высокую Порту к войне против России. Письма Дюбана и воспоминания Феррана дали ценные материалы о внутреннем состоянии Крымского ханства. Однако положение иезуитов было сложным, так как нередко их работа с христианскими подданными хана и с обращенными в рабство христианскими пленниками, включая не только духовную поддержку, но и выкуп последних, вызывала недовольство мусульман. Чтобы обезопасить миссию, Дюбан был назначен первым французским консулом в Крыму (1713–1717). В дальнейшем французы несколько лет вели переговоры с османами о назначении новых консулов в Крым, функции которых заключались бы не в ведении торговых дел, а в помощи миссионерам. К 1724 г. консулом стал врач Ксаверие Главани, перешедший в ислам, что сделало его миссию покровителя христиан несколько парадоксальной. В это время ханы стали проявлять особое внимание достижениям европейской медицины. Поэтому положение иезуитов улучшилось, когда им удалось оказать соответствующую услугу Менгли Гераю II. Главани продолжал собирать информацию о событиях в Причерноморье, в частности – о междоусобной борьбе между претендентами на трон, о церкесах, помогал российским купцам. За это Петр I передал благодарность французам через российского посла в Константинополе, а Главани стал получать пенсию из Москвы [Veinstein, 1969].

С этого времени французские консулы в Крыму находились постоянно. Самыми известными из них были Шарль де Пейссонель (1753–1757) и уже упоминавшийся Франсуа де Тотт (1767–1769) [Mézin, 1998, p. 490–492, 568–571, 687–689]. Опубликованный Пейссонелем трактат о черноморской торговле показывает ее особую роль в интересах Франции.

Белградский мир, завершивший войну 1735–1739 гг., дал России возможность, пусть и ограниченную, для коммерции на Черном море и в османских владениях. Но в 1740 г. Франция получила от Османов «капитуляции», дающие французским купцам беспрецедентные льготы

на территории империи. Эта ситуация повысила роль крымских консулов, но и стимулировала русско-французские противоречия [Михнева, 1985, с. 112–113; Eldem, 1999, p. 278–280]. Несмотря на то, что трактат де Пейссонеля опубликован уже после падения Крымского ханства, он, очевидно, основан на материалах, собранных им в бытность консулом, и представляет, в частности, подробную аналитическую записку, рассказывающую о товарах, которые экспортировались из Крымского ханства, таможенных, особенностях денежных операций, трудностей, с которыми приходилось сталкиваться европейским купцам, и пр. [Peyssonnel, 1787a, p. 4–225]. Во второй части трактата изложены подробные сведения о внутреннем устройстве ханства, особенностях его управления и экономики, населении и внешнеполитических мероприятиях, мятежах и сложных отношениях с ногайцами [там же, Т. 2, p. 222–374]. Во французских архивах сохранились докладные записки де Пейссонеля, посвященные русско-татарским отношениям, восстанию ногайцев в 1758 г., а также Кючук-Кайнарджийскому миру и его последствиям, частично составленные уже после возвращения из Крыма [Mézin, 1998, p. 492]. Таким образом, благодаря своему консулу французские власти имели точные сведения о регионе.

Недавняя публикация корреспонденции де Тотта позволяет глубже увидеть работу французского консула. В инструкции, подписанной Людовиком XV и министром иностранных дел герцогом Этьеном де Шуазёлем, не скрывалась антироссийская направленность миссии де Тотта, поскольку французское правительство опасалось дальнейшего усиления России и ее экспансии в Польшу, Крым и Турцию. Консулу предписывалось обеспечить интересы своей державы согласованными действиями в этих странах и дунайских княжествах, не допустив прямой войны с Россией или компроматации французского монарха [Tott, 2014, p. 51–61]. Де Тотт передал ханам Максуд Гераю и Крым Гераю письма от французского монарха с заверениями в дружбе и подтверждающие полномочия консула [Там же, p. 109, 248–249]. Неоднократно поднимался вопрос о заключении торгового договора между двумя государствами. Отчеты де

Тотта характеризуют как интересы Франции, так и его восприятие обстановки в Бахчисарае, позиции ханов и важнейших чиновников, внутренних реалий ханства. Он собирал информацию о действиях России в Польше и антироссийской польской партии, общался с прибывавшими в Крым польскими эмиссарами, составлял карты Причерноморья и при поддержке хана собирался определить долготу Бахчисарая. Особое внимание консула вызвали смена ханов на крымском престоле, начало войны с Россией (1768–1774) и поход Крым Герая против Новой Сербии (1769), жестокости которого хан описывает довольно бесстрастно [Там же, р. 51–260]. Участие консула в военной кампании, несколько расходившееся с европейскими дипломатическими нормами, французы считали допустимым, ведь один из предыдущих консулов, Пьер-Люк Форнетти, принимал участие в походе против ногаев [Там же, р. 38]. Смерть Крым Герая привела к отъезду

де Тотта в Константинополь, где он занялся реформированием османской армии и укреплением обороны османской столицы [Там же, р. 47].

Таким образом, не вполне понятно, какую практическую пользу могли извлечь из пребывания французских консулов правители Бахчисарая. Если Франция получала разностороннюю информацию о событиях в Крыму и сопредельных странах, пытаясь влиять на действия ханов и реализовывать свои интересы, то их партнеры прежде всего тешили собственное самолюбие и добивались известного престижа. Как писал де Шуазель, *«Крымские ханы привыкли иметь при себе французских консулов и хорошо с ними обращаться»* [Там же, р. 225]. Дипломатические отношения Крыма с западными державами не были систематическими; как правило, инициатива в них принадлежала европейцам.

ГЛАВА 11. ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КРЫМСКОГО ХАНСТВА. АДМИНИСТРАТИВНОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО

11.1. Система власти и управления в Крымском ханстве

Р. Ю. Почекаев

Являясь одним из наследников и фактически главным политическим преемником Золотой Орды,¹ Крымское ханство унаследовало ее основные государственные институты и традиции управления. Однако особенности как внутренне-го, так и внешнего положения этого государства обусловили их значительную трансформацию, восприятие иностранного опыта в государственной сфере, а также учет местных особенностей Крыма и прилегающих территорий, что позволяет говорить о самобытности структуры власти в Крымском ханстве.

Проблемам организации власти и управления в Крымском ханстве посвящена достаточно обширная историография, при этом различные исследователи обращали внимание на разные аспекты крымско-ханской государственности либо же на различные периоды истории ее развития. Так, наиболее полно эволюция власти и управления в Крыму прослежена в фундаментальном исследовании В. Д. Смирнова [Смирнов, 2005; 2005а]. Особенности властной системы Крымского ханства в начале XVI в. посвящена объемная статья В. Е. Сыроечковского [Сыроечковский, 1940], XVI–XVII вв. – работы Н. Кроликовской [Krolikowska, 2013; Krolikowska-Jedlinska, 2018], а уже XVIII в. – труд Н. Тунманна [Тунманн, 1936]. Различные аспекты взаимоотношений в сфере власти и управления ханов и аристократии Крыма прослежены в работах А. В. Белякова, М. В. Моисеева, А. В. Виноградова [Беляков и др., 2017; Виноградов, 2016], Х. Иналджика [Иналджик, 1995], Ш. Э. Сейт-Маметова [Сейт-Маметов, 2013]. О роли в государственной жизни высокопоставленных предста-

вителей мусульманского духовенства пишет Д. М. Исхаков [Исхаков, 2011]. Особое положение представительниц крымского правящего рода и их значение в государственной жизни охарактеризованы в работе А. М. Некрасова [Некрасов, 2000]. Специфика правового положения отдельных административно-территориальных образований в составе Крымского ханства (включая ряд ногайских орд и северо-кавказские владения) отражена в трудах Ф. Ф. Лашкова [Лашков, 1889], В. В. Трепавлова [Трепавлов, 2016], С. Н. Гизера [Гизер, 2001; 2009], В. В. Грибовского и Д. В. Сеня [Грибовский, 2009; Грибовский, Сень, 2013]. Вопросам местного управления и самоуправления в Крыму в ханский период посвящены исследования Ф. Ф. Лашкова [Лашков, 1887а], Э. Э. Абибуллаевой [Абибуллаева, 2015; 2016б; 2017].

Учитывая сложность и неоднозначность вопроса о вассальной зависимости Крымского ханства, не приходится удивляться, что он неоднократно рассматривался исследователями, предлагавшими свою интерпретацию взаимоотношений правящих династий Османов и Гераев. В частности, можно назвать работы Х. Иналджика [Иналджик, 2013а; 2013б; 2014], А. Беннигсена и Ш. Лемерсье-Келькеже [Беннигсен, Лемерсье-Келькеже, 2009], И. В. Зайцева [Зайцев, 2010].

Сведения о государственном устройстве Крымского ханства, его системе власти и управления содержатся в разнообразных источниках, которые активно вводятся в научный оборот. Система органов власти представлена в ханских ярлыках,² среди адресатов которых весьма скрупулезно перечисляются сановники и чиновни-

¹ В историографии имеется мнение, что история Крымского ханства – не что иное, как прямое продолжение истории Золотой Орды в целом [Collins, 1991].

² Сведения о публикациях ханских ярлыков и посвященных им исследованиях представлены в разделе 11.4.

ки различного уровня. Реальная «расстановка сил» при ханском дворе в разные периоды более объективно представлена в дипломатической документации – русских посольских книгах и статейных списках посольств и отчетах российских дипломатических представителей в Крыму [см.: Базилевич, 1914; Бережков, 1894а; Лашков, 1891; 1892; Маркевич, 1895; 1896; Посольская книга, 2016; Савелов, 1906; Скальковский, 1893; Тяпкин, Зотов, 1850; Фаизов, 1991], отчетах и записках европейских дипломатов и путешественников [Боплан, 2004; Броневский, 1867; Описание, 1879; Описание, 1902; Калашников, 2013; Клееман, 1783; Пейссонель, 2013; Ферран, 1842; Храпунов, Храпунова, 2015; Tott, 1785]. Особенности международного положения Крымского ханства, включая и статус его правителей, находят отражение в переписке крымских ханов с иностранными монархами [см., в частности: Курат, 2014; Фаизов, 2003; Kołodziejczyk, 2011]. Ценные сведения об отношениях при ханском дворе, организации управления, военного дела и т. д. составляют значительную часть крымскотатарских исторических сочинений [Абдужемилев, 2016б; 2018б; 2018в; Кырыми, 2018; Халим Гирай, 2004], хотя при их анализе необходимо принимать во внимание, кем были их авторы, какую позицию они занимали и с какой целью создавали свои произведения. Как бы то ни было, в нашем распоряжении на сегодня имеется обширная источниковая база и историография, позволяющая сформировать целостное представление об основных институтах власти и управления в Крымском ханстве.

Во главе государства стояли ханы из одной и той же династии Гераев – потомков Хаджи Герая, что само по себе уже было достаточно необычным: как известно, и в Золотой Орде, и в пост-ордынских государствах ханы принадлежали к разным ветвям рода Джучидов. Обстоятельства складывались так, что время от времени число претендентов на трон дополнительно ограничивалось представителями той или иной ветви этого многочисленного рода. Так, уже с начала XVI в. все крымские ханы являлись потомками Менгли Герая I, с 1580-х гг. – потомки его внука Девлет Герая I, а после 1717 г. трон занимали исключительно потомки Селим Герая I.

Вместе с тем нельзя не отметить, что на протяжении всего времени существования Крымского ханства в нем не было четкого порядка престолонаследия – в этом отношении оно в полной мере унаследовало традиции перехода власти, существовавшие в более ранних чингизидских государствах и предусматривавшие целый ряд оснований для претензий на трон [см. подробнее: Султанов, 2017, с. 87–101]. Попытки упорядочить систему наследования власти путем определения в качестве наследника либо прямого потомка (старшего сына), либо старейшего представителя рода наталкивались на сопротивление как самих многочисленных Гераев, каждый из которых не без оснований считал себя законным претендентом на трон, так и влиятельной родоплеменной аристократии, отстаивавшей свое традиционное право выбирать хана на курултае. Еще больше неопределенности в систему престолонаследия внесло укрепление османского сюзеренитета над Крымским ханством, в результате чего к источникам права на власть добавилась необходимость получать инвеституру от султана Османской империи, выбор которого нередко не соответствовал сделанному самими Гераями и крымскими родоплеменными предводителями.

Исходя из особенностей политической ситуации, безусловно, крымских ханов нельзя считать абсолютными монархами – да такой статус в принципе не был характерен для тюрко-монгольских государств. Тем не менее правовое положение монарха предусматривало определенные прерогативы, отражающие его особое место в системе власти Крымского ханства.

К личным прерогативам хана относилось право чеканки монеты со своим именем («сикка») и право на упоминание его имени в пятничной проповеди («хутба»). Все это свидетельствовало об официальном суверенитете Крымского ханства и верховной власти его монарха (упоминание в хутбе имени османского султана перед именем хана как признак вассалитета стало практиковаться лишь с конца XVI в. и окончательно закрепилось не ранее XVII в.) [Зайцев, 2010, с. 292–296].

К политическим прерогативам хана относилось исключительное право на монарший титул:

никаких случаев сосуществования «старших» и «младших» ханов в Крыму (в отличие, например, от среднеазиатской или монгольской позднесредневековой государственности) неизвестно. Как следствие, хан обладал формально всей полнотой властных полномочий и самостоятельно распоряжался собственным доменом.

Законодательные полномочия хана заключались в издании ярлыков – единоличных указов, которые, наравне с сиккой и хутбой, можно рассматривать как символ верховенства ханской власти и самостоятельного статуса. Унаследовав традицию издания ярлыков из Монгольской империи и Золотой Орды, ханы (несмотря на определенное влияние османской делопроизводительной традиции) сохраняли формуляр этого документа фактически в неизменном состоянии вплоть до конца существования ханства.

Ярлык всегда понимался как акт волеизъявления правителя, вышестоящего по положению в отношении адресатов. Поэтому к числу ярлыков также относились и послания крымских ханов иностранным правителям, которых монархи из рода Гераев считали низшими по положению. К таковым относились многие европейские монархи – московские великие князья и цари, короли Польско-Литовского государства (Речи Посполитой), украинские гетманы, господа Молдавии и Валахии и др.³

Во внутренней жизни ярлыками оформлялись наиболее важные властные решения ханов, которыми предписывалось совершать какие-либо действия, либо воздерживаться от таковых. Ярлыки могли определять права и обязанности как населения в целом, отдельных регионов, представителей конфессий, так и отдельных лиц (жалованные грамоты). В Крыму сохранялась имперская и золотоордынская практика подтверждения ярлыков предшественников каждым новым ханом после вступления на престол: до нашего времени сохранились целые серии таких

³ Вышестоящим же и равным по статусу правителям ханы отправляли послания – битики, мухаббат-наме и т. п., причем в XVIII в. в число адресатов подобных посланий наряду с османскими султанами, в связи с изменением политической ситуации на международной арене вошли и некоторые европейские монархи, в частности, короли Пруссии, Швеции и др. [см., напр.: Абдужемилев, 2018a].

документов, содержащих пожалование тех или иных прав и привилегий от имени ряда последовательно сменявших друг друга монархов.

В административной сфере хан выступал полновластным руководителем системы «исполнительной власти», поскольку официально именно им назначались высшие сановники, начиная с калга-султана и нураддин-султана, утверждались в своем статусе наследственные владельцы бейликов. Соответственно, он же мог их своей волей смещать и заменять (что неоднократно и делалось многими монархами). Хан представлял Крым на международной арене, хотя в данной сфере он обладал не исключительными полномочиями. Тем не менее именно хан объявлял войну и заключал мир, вел переговоры о союзе, установлении торговых отношений с другими странами, принимал иностранных послов и отпускал их.

Формально хан выступал и верховным главнокомандующим, хотя опять же это не означало, что он возглавлял все военные кампании Крымского ханства. Тем не менее ряд ханов вошел в историю прежде всего как полководцы, проводившие в походах большую часть своего правления (Девлет Герай I, Гази Герай II, Каплан Герай I и др.). Это неудивительно, поскольку в тюрко-монгольской политической традиции успешный правитель должен был совершать успешные походы и возвращаться с богатой добычей, которую щедро распределять среди своих приверженцев. Военские таланты и удачи нередко служили основанием для избрания на трон, тогда как поражения, напротив, позволяли ставить вопрос о замене монарха более удачливым в военных предприятиях. Примечательно, что во время походов власть хана существенно возрастала, его решения становились более самостоятельными от воли сановников и родоплеменных предводителей, а их исполнение осуществлялось более оперативно [Абдужемилев, 2018б, с. 189–190; 2018в, с. 200–201]. То же касалось и бедствий – например, в условиях «морового поветрия» крымский хан Мурад Герай сам принимал посольство и вел с ним переговоры, «чего при прежних крымских ханах от века не бывало» [Тяпкин, Зотов, 1850, с. 222–223].

В ханские прерогативы входило введение и отмена налогов, сборов и повинностей. И хотя

основные налоги в Крыму взимались на основе шариата и традиционно направлялись на определенные цели, у монархов были возможности пополнения казны за счет введения экстраординарных сборов (чаще всего – под предлогом очередной войны) или увеличения существующих сборов в торговой сфере. Впрочем, чаще всего такие налоги вскоре отменялись под влиянием знати и духовенства, которым сильные и состоятельные (и, соответственно, независимые от них) монархи были ни к чему.

В судебной сфере хан выступал высшей инстанцией, имея право пересмотра или отмены решений нижестоящих судов. По некоторым делам хан обладал исключительными судебными полномочиями – таким, как государственные или наиболее тяжкие преступления (убийство и т. п.), и имел право приговаривать к смертной казни, равно как и утверждать все смертные приговоры нижестоящих судов. Крымские ханы, хотя и не столь часто, следовали тюрко-монгольской традиции, в соответствии с которой любой подданный мог обратиться к суду монарха, и тот не мог ему отказать [Броневский, 1867, с. 356; Кырыми, 2018, с. 156].

До некоторой степени крымские ханы имели прерогативы и в формировании шариатских судов: они формально назначали высших судей-кади в Бахчисарае, Ак-Меджиде, Гезлеве и Ор-капы, которые, в свою очередь, назначали кади для судебных округов – кадылыков, которых в Крымском ханстве насчитывалось в разные периоды от 42 до 48. Часть этих кадылыков создавалась во владениях царевичей Гераев, бейликах и ногайских ордах, и в таких случаях судьи-кади были в большей степени подведомственны не хану и не вышестоящим шариатским судьям, а удельным правителям [см. подробнее: Бушаков, 1998; Кеппен, 1837, с. 75–78]. Ханские полномочия в отношении конкретных кандидатов в судьи в таких кадылыках носили «рекомендательный характер» [Хартахай, 1867, с. 143].

Неоднозначен вопрос о взаимоотношениях крымских ханов с османскими султанами, которые в историографии традиционно считались сюзеренами Гераев, начиная с последней четверти XV в. Однако на самом деле процесс закрепления вассалитета Крымского ханства от Осман-

ской империи был весьма длительным,⁴ и даже после окончательного оформления подчиненного статуса Крыма имели место многочисленные исключения.

Формально вассалитет в тюрко-монгольском мире включал в себя следующие показатели: утверждение вассального монарха сюзереном, ограничение внешнеполитической деятельности, уплата дани государству-сюзерену, участие в его воинских мероприятиях («дань кровью»). Практика отношений Османов и Гераев неоднократно демонстрировала условность этих показателей.

Хотя, как считается, уже Менгли Герай I в 1476 г. признал вассальную зависимость от Османской империи и в 1476 г. был возведен на трон по воле султана, на самом деле лишь его третий преемник Саадат Герай I стал первым официальным ставленником Стамбула (что, как уже отмечалось, не мешало ему и его преемникам чеканить монету с собственным именем и вставлять свое имя в хутбе). И впоследствии далеко не все крымские ханы даже в период фактического сюзеренитета Османской империи приходили к власти исключительно по воле турецких султанов: порой последним приходилось формально утверждать тех кандидатов, которых выбирали сами же крымские царевичи и аристократы. Вместе с тем, в любом случае соблюдался ритуал вручения новому хану символов его власти, одновременно считавшихся символами вассальной зависимости от османского султана, – знамени, сабли, барабана, особого головного убора и кафтана «с султанского плеча» [Броневский, 1867; см. также: Зайцев, 2010, с. 291–292]. Также нельзя не обратить внимания, что другой принцип вассальной зависимости – предоставление аманатов-заложников в качестве гарантии своей лояльности – соблюдался Гераями, и нередко именно из числа этих заложников возводились на трон ставленники османских султанов, прибывшие при их дворе к политической культуре и традициям Османской империи [Смирнов, 2005а, с. 302].

Внешнеполитическая деятельность Гераев также была ограничена весьма условно, учитывая, что нередко крымские ханы не только вели

⁴ Это удалось обоснованно доказать И. В. Зайцеву [Зайцев, 2010].

независимую политику с соседними государствами, но и, как уже отмечалось выше, даже отправляли иностранным государям ярлыки, ставя их ниже себя. В свою очередь, европейские монархи титуловали крымских ханов императорами [Калашников, 2013, с. 53; Храпунов, Храпунова, 2015, с. 162], что, конечно же, было довольно необычно для правителей, официально признававших свой вассальный статус от другого монарха! Формально соотнося свою внешнеполитическую деятельность с внешней политикой стамбульского двора, крымские ханы время от времени позволяли себе даже противоречить повелениям султанов по поводу своей дипломатии, поскольку не желали ради интересов Османской империи портить отношения с соседями – Московским царством, Польско-Литовским государством и т. д.

То же касалось и участия в османских военных предприятиях. Конечно, ханам приходилось направлять или даже приводить лично крымские войска для поддержки султанских военных кампаний, однако и здесь не обходилось без исключений. Одни ханы прямо (хотя и вежливо) отказывались от такого участия под разными предлогами, другие ограничивались присылкой небольшого воинского контингента, либо же вели боевые действия настолько вяло и неуспешно, что проще было отпустить их домой [Беннигсен, Лемерсье-Келькеже, 2009, с. 74; Зайцев, 2010, с. 290–291; Смирнов, 2005а, с. 340–341]. С другой стороны, даже усердное выполнение лояльными османским султанам ханами этой своей обязанности не гарантировало милости сюзерена: целый ряд ханов был смещен за неудачи в военных кампаниях на стороне Османской империи.

Что же касается дани в казну сюзерена, то источники сообщают, скорее, о противоположной ситуации: это османские султаны щедро награждали своих крымских вассалов! Уже в XVI в. хану в качестве содержания был выделен процент от сборов с таможи в Кефе, впоследствии к нему добавились выплаты на содержание регулярной ханской гвардии, отдельно вознаграждалось участие в походах (не считая захваченной добычи) [Описание, 1902, с. 115; см. также: Зайцев, 2010, с. 291; Смирнов, 2005а, с. 307]. Более того, сами же крымские ханы, по свидетельствам западных современников, и в XVII в. (ког-

да вассальные отношения от Османской империи уже были закреплены) получали дань от Московского царства, Польско-Литовского государства, Молдавии, ряда степных и кавказских народов и т. д. [Броневский, 1867, с. 357; Калашников, 2013, с. 53; см. также: Смирнов, 2005а, с. 321–324]. Со стороны хана, как правило, в пользу Османской империи шли только дары султану и подношения (взятки) его приближенным [Описание, 1902, с. 117].

Таким образом, нельзя не согласиться с мнением, что вассалитет Крымского ханства от Османской империи носил весьма своеобразный характер и отличался рядом особенностей, хотя сам факт зависимости в целом отрицать не приходится. И хотя нередко именно от усмотрения султанов зависело восхождение того или иного Герая на трон, в ряде случаев покровительство султана могло способствовать усилению власти крымского монарха внутри собственного государства. Это было весьма существенно, поскольку хану приходилось делить власть с достаточно широким кругом лиц.

Прежде всего это были наиболее влиятельные представители самого же ханского рода, которые соглашались на воцарение того или иного родича только в результате политического компромисса. Чаще всего этот компромисс выражался в назначении наиболее влиятельных членов рода Гераев на высшие посты в государстве. Следующим после хана являлся калга-султан, который считался фактически «вице-ханом»: он замещал хана в его отсутствие, либо, напротив, вместо него возглавлял войска в крупных военных кампаниях, а в периоды междуцарствия являлся кем-то вроде регента [Пейссонель, 2013, с. 32]. И хотя в свое время пост калга-султана ввел Мухаммад Герай I для своего сына Бахадур Герая, чтобы закрепить его статус как своего наследника, в дальнейшем на этот пост претендовали наиболее влиятельные султаны, нередко находившиеся в прямом противостоянии с самими ханами.⁵ Для османских же султанов (которые утверждали калга-султана так же, как и хана) и для крымской знати (с согласия которой назначался калга) такое положение было весьма выгодным, поскольку позволяло

⁵ Такие конфликты не были секретом и для иностранных дипломатов [см., напр.: Лашков, 1891, с. 77].

ограничивать власть хана [Броневский, 1867, с. 353].

Своеобразным противовесом калга-султану являлся следующий по значению пост нураддин-султана. Его учредил Мухаммад Герая II, которому пришлось назначить на пост калги своего брата (и политического противника) Алп Герая, хотя сам он прочил на этот пост своего собственного сына Саадат Герая [Смирнов, 2005а, с. 329]. В результате на должность нурадина, в отличие от калги, как правило, назначались наиболее близкие к хану родственники – братья, сыновья, племянники и т. д.

Высокий статус калга-султана и нураддин-султана подчеркивался не только наличием у них обширных доменов, в которых они обладали полнотой власти. Согласно османскому автору XVII в. Х. Хезарфенну, они имели право издавать ярлыки, что уравнивало их с ханом в сфере законотворческой деятельности. Они направляли собственных послов и к иностранным государям и сами вели переговоры с их послами [Базилевич, 1914, с. 20–21; Бантыш-Каменский, 1893, с. 21, 78, 103, 107; Лашков, 1891, с. 51–52; Савелов, 1906, с. 45, 56–57; Тяпкин, Зотов, 1850, с. 59, 195]. Как правило, пребывание на должности калги или нурадина являлось дополнительным преимуществом для занятия впоследствии ханского трона.

Большим влиянием при дворе в XV–XVI вв. пользовались представительницы ханского рода – матери, жены и дочери ханов. Не имея четко определенного статуса в системе органов государственной власти, они умело пользовались влиянием на монархов и нередко самостоятельно осуществляли политические действия, в т. ч. и на международной арене, направляя собственные послания иностранным монархам. Последние, в свою очередь, признавая значение и влияние представительниц правящей династии на государственные дела, давали распоряжения своим послам вести переговоры не только с ханами и султанами, но и ханшами [Посольская книга, 2016, с. 270–276; см. подробнее: Гальцов, 1999, с. 19; Некрасов, 2000; Почекаев, 2019]. Их постепенный уход с политической сцены, по всей

видимости, связан с усилением мусульманских традиций в Крыму, согласно которым женщины, обладая значительными правами в частноправовой сфере, фактически отстранялись от участия в политической жизни.

Фактически независимо от воли хана при нем формировался своеобразный орган – совет карачи-беев, в который (традиционно для поздней Золотой Орды и тюрко-татарских ханств) входили главы четырех самых крупных и влиятельных аристократических родов. В Крыму это были Ширины, Барыны, Аргыны и Кипчаки [Описание, 1902, с. 114; Кырыми, 2018, с. 184–185; Сыроечковский, 1940, с. 28–32]. Не считаться с этими влиятельными аристократами, предки которых обосновались в Крыму еще до Гераев и которые имели обширные владения и многочисленные войска, ханы не могли. В свою очередь, эти роды нередко занимали позицию, враждебную хану, препятствуя его государственной деятельности и порой даже доводя дело до междоусобицы и свержения хана. В первой половине XVI в. ханам удалось несколько «разбавить» этот совет карачи-беев, присвоив аналогичный статус предводителям еще двух родов – Мансур (Мангыт) и Сиджиут, которые поначалу являлись преданными сторонниками ханов, но затем также стали реализовывать собственную политическую линию [Беннигсен, Лемерьсе-Келькеже, 2009, с. 78–79; см. также: Иналджик, 1995].

Считать «правительством» этих карачи-беев формально нельзя: никакого четкого распределения обязанностей по сферам государственной политики между ними не было, и руководство тем или иным направлением сосредоточивалось в их руках довольно стихийно – в зависимости от сложившейся ситуации или личных симпатий и антипатий ханов. Так, например, кто-то из карачи-беев в большей степени сосредоточивался на внешнеполитических делах⁶ (хотя иностранные дипломаты по поручению своих монархов, как правило, старались заручиться благоволением их всех), кто-то – на военных кампаниях и т. д.

⁶ Например, Сулешевы, ответвление рода Кипчак, в течение нескольких поколений считались главными дипломатическими партнерами Москвы в крымско-московских отношениях [Виноградов, 2006; Лашков, 1892, с. 77].

Наряду с наиболее влиятельными родоплеменными вождями большим влиянием при ханском дворе пользовались аталыки – бывшие воспитатели царевичей из рода Гераев, которые и после их взросления (и даже вступления на престол) сохраняли статус их своеобразных наставников-советников. Их влияние также подчеркивается тем, что среди адресатов посланий и «поминков» (даров) иностранных государей нередко фигурировали аталыки. Аталыками могли быть как представители тех же родов, из которых выходили карачи-беи, но зачастую они происходили из черкесских или адыгских родов, поскольку крымские царевичи в силу традиции отправлялись на Кавказ на воспитание: тем самым ханы из дома Гераев укрепляли свои позиции в этом регионе, признававшем (нередко – чисто номинально) власть Крымского ханства [Броневский, 1867, с. 354; см. также: Беляков и др., 2017, с. 414–426].

На состав карачи-беев и аталыков ханы, как правило, влиять не могли, поэтому в противовес этим сановникам они стали формировать свой собственный штат чиновников, которые своим возвышением были обязаны монарху и, соответственно, были верны именно ему. Главой ханской администрации являлся везир, для занятия должности которого не требовалось ни знатности, ни богатства: везиры назначались ханами из числа образованных лиц, обладавших способностями к государственному управлению, решению финансовых вопросов и т. п.⁷

Содействовали везиру чиновники, назначавшиеся из числа огланов, чей статус весьма удачно охарактеризован русскими дипломатами при ханском дворе – «дворные паробки» и «царевы дворяне». Огланы происходили из знатных родов, но уступавших по значению карачи-беем, кроме того, нередко это были младшие сыновья, не имевшие шанса наследовать отцов статус родоплеменных предводителей. Именно из их числа ханы формировали штат своего дворца, в который, опять же согласно русским дипломатам, входили «ясаулы» (ханские стражники, не-

редко выполнявшие ответственные поручения монархов), «конюшие», «дворецкие», «сокольники», «казначей» и т. д. [Сыроечковский, 1940, с. 21–24].

Большим влиянием на дела ханства обладали высшие представители мусульманского духовенства – сейиды, муфтии, шейх-ул-исламы и кади-аскеры. И если первые принадлежали к этому сословию по происхождению, остальные назначались по воле хана, что, однако, не означало, что они всегда и во всем ему подчинялись.⁸ Поскольку ислам являлся официальной религией в Крымском ханстве, а сами ханы всячески демонстрировали свою приверженность к исламу, а себя позиционировали как его ревнители, «духовные» сановники нередко обладали весьма серьезным влиянием в политических делах, включая и внешнюю политику. Неудивительно, что и они нередко упоминались и в ханских ярлыках среди представителей власти, и в качестве адресатов посланий и подарков от иностранных монархов [Исхаков, 2011, с. 114–130; см. также: Бойцова, 2004, с. 54].

Вышеперечисленные сановники, как правило, формировали «диван» (в русских дипломатических документах – «дума» или «все собрание»), т. е. совет при хане, в одобрении которых своих наиболее важных государственных решений нуждались крымские монархи [Лашков, 1892, с. 76; Маркевич, 1895, с. 31; Тяпкин, Зотов, 1850, с. 200–201; Фаизов, 1991, с. 67, 68; см. также: Броневский, 1867, с. 354]. Этот диван являлся и высшей (не считая самого хана) судебной инстанцией, рассматривавшей важные дела, включая суд над членами дома Гераев [Клееман, 1783, с. 203; Тунманн, 1936, с. 28]; судебное решение от имени этого судебного органа оглашал кади-аскер. Согласно турецкому путешественнику XVII в. Эвлии Челеби, диван действовал «по законам рода Чингизидов» [Эвлия, 2008, с. 95–96; ср.: Клееман, 1783, с. 225]. Иностранцы отмечали, что члены дивана далеко не всегда поддер-

⁷ Весьма характерной являлась карьера одного из известных крымских везиров XVII в. – Сефер-Гази-аги [см., напр.: Абдуземилев, 2016г, с. 114].

⁸ Вполне обоснованным представляется мнение современников, что мусульманское духовенство в Крымском ханстве нередко являлось проводником даже не столько мусульманской (поскольку исламу в Крыму ничего не угрожало), сколько проосманской позиции [Пейссонель, 2013, с. 24; см. также: Бойцова, 2004, с. 49].

живали решения хана: «Обыкновенно в Крыму хан в важнейших делах собирает беев и прочих членов из разных мурз, дабы объявить им свои намерения, и часто случается, что оные ими не апробуются» [Клеemann, 1783, с. 229].

Завершая обзор высших органов власти и управления Крымского ханства, следует сказать несколько слов о традиционном тюрко-монгольском властном институте – курултае, который российские дипломаты XV–XVI вв. весьма выразительно характеризуют как «земскую думу» или «всю землю» [Лашков, 1891, с. 65; Маркевич, 1896, с. 26–27; Сыроечковский, 1940, с. 39–42]. В отличие от дивана, в который входили лица, постоянно или регулярно пребывавшие при ханском дворе, курултай объединял всех членов ханского рода, высшей и служилой знати, часто – также и духовенства, которые собирались для решения самых важных вопросов – избрания хана, объявления войны и заключения мира, статуса вассальных территорий и т. п.

Будучи обширным государством, включающим в свой состав представителей разных народов, племен и родов с разным образом жизни, языком, вероисповеданием, Крымское ханство с точки зрения административно-территориального устройства представляло собой своеобразную «федерацию», в составе которой имелись «субъекты» с различным правовым статусом.

Ханский домен не являлся личным уделом ханов, как можно было бы предположить из его названия: в соответствии с тюрко-монгольскими традициями «государственные земли» считались владением всего правящего рода. Поэтому, наряду с ханом, собственные уделы имели также и влиятельные царевичи Гераи. В первую очередь, это были вышеупомянутые калга-султан и нураддин-султан. Также представители рода Гераев назначались в качестве правителей областей с центрами в крупных городах (Очаков, Ак-Меджид, Гезлев, Оркапы и др.) [Сыроечковский, 1940, с. 27]. Например, Оркапы (Перекопом) – стратегически важной крепостью владел ор-бей, которого иностранные современники характеризуют как третьего по значению члена ханского рода после калги и нурадина. Эти царевичи обладали

всей полнотой власти в своих владениях (в т. ч. и судебной), причем имели собственные диваны и даже собственных муфтиев и кади [Орешкова, 1990, с. 266; Tott, p. 106–107].

Значительной степенью автономии обладали владения карачи-беев и других родоплеменных вождей – бейлики, некоторые из которых, как уже упоминалось, возникли еще до образования Крымского ханства. Соответственно, сами беи обладали всей полнотой власти в своих владениях, осуществляя управление и творя суд на основе обычного права и собственного усмотрения [Броневский, 1867, с. 356; Лашков, 1889, с. 108; см. также: Хартахай, 1867, с. 142]. Вместе с тем, подобно владетельным царевичам из дома Гераев, беи имели в своем распоряжении кади: известно, что ряд кадылыков Крымского ханства находился в их владениях [Аметка, 2004, с. 8]. Автономия бейликов была настолько велика, что даже когда ханы повелели упоминать в хутбе имя османского султана, это распоряжение распространилось лишь на ханский домен, но не на владения беев [Зайцев, 2010, с. 295–296].

Статус беев характеризовался определенной противоречивостью: с одной стороны, они наследовали этот статус, с другой – все свои полномочия и прерогативы они приобретали после того, как хан официально утверждал их в качестве владетелей бейликов [Описание, 1902, с. 114]. Учитывая могущество некоторых бейских семейств, подобная ханская инвеститура превращалась в простую формальность: не утвердить в его статусе предводителей рода Ширин или Мансур, способных выставить по 20 тыс. воинов, хан, безусловно, не мог [Лашков, 1889, с. 108–109]. Однако это не означает, что принадлежность к высшей аристократии и владение практически самостоятельным владением могли полностью обезопасить любого карачи-бея. Так, например, в 1542 г. Сахиб Герай I, сумев склонить на свою сторону большинство знати, приказал покончить с главой рода Мансур – карачи-беем Баки б. Хасаном и несколькими его родичами. Правда, их родовой бейлик все же был передан в управление Дивей-мурзе – одному из братьев казненного [Абдужемилев, 2018в, с. 213–231; см. также: Трепавлов, 2016, с. 204–206].

Беи имели даже право на участие во внешней политике, вступая в переписку с иностранными монархами и даже с султанским двором, нередко – интригуя против собственных ханов, добиваясь, чтобы они впали в немилость у сюзеренов. Несколько раз именно послания беев становились основанием для смещения одних ханов и назначения других [Документы, 2008, с. 58–64; Сейт-Маметов, 2013].

Особым статусом обладали вассальные Гераям владения, расположенные за пределами собственно ханства – речь идет об объединениях ногайцев и народов Северного Кавказа. В течение длительного времени ногайские орды нередко находились лишь в номинальной зависимости от Крымского ханства: они управлялись собственными наследственными правителями, вступали в союзы с крымскими ханами, участвовали в их походах [см., напр.: Боплан, 2004, с. 241, 243; Калашников, 2013, с. 20; Савелов, 1906, с. 28; Фаизов, 1991, с. 68; Ферран, 1842, с. 48]. Но при этом порой они выступали против крымских монархов, примером чему, в частности, является деятельность буджакского мурзы Кантемира, то осуществлявшего самостоятельную политику, то приходившего на службу в Крым или Османскую империю. Он помог вернуть трон хану Джанибек Гераю, но затем вступил в противостояние с его преемником Инаят Гераем, добившись его смещения и казни в Стамбуле, однако вскоре и сам был казнен там же [см. подробнее: Гизер, 2009].

Лишь во второй половине XVII в. крымские монархи предприняли попытки укрепления своей власти над многочисленными и вольнолюбивыми ногайскими ордами, ранее лишь номинально находившимися под контролем ор-бея, тем самым постепенно превратив их из вассалов в подданных. Так, в Буджакской Орде существовал пост ялы-агасы («прибрежного аги»), который командовал войсками и собирал дань в пользу крымского хана и даже имел право самостоятельно вести дипломатические переговоры с представителями иностранных государств [Эвлия, 1961, с. 28, 33, 40–41, 47, 54, 57–58 и след.; см. также: Грибовский, 2009, с. 72]. На рубеже XVII–XVIII вв. к кубанским ногайцам был направлен

сын пришедшего тогда к власти Девлет Герая II – Бахты Герай-султан, чей статус не был окончательно определен, и в источниках он неоднократно упоминается как «кубанский султан» [Грибовский, Сень, 2013, с. 97, 109].

Только в XVIII в. сложилась система управления ногайскими ордами через сераскер-султанов. В течение нескольких десятилетий сераскеры появились в Буджакской (1711 или даже 1730-е), Едисанской (ок. 1750) и Едичкульской (ок. 1760) Ордах и среди кубанских ногайцев, причем назначались они из числа представителей рода Гераев (причем чаще всего из сыновей и братьев ханов) [Грибовский, 2009, с. 71, 72, 77, 88–89.],⁹ что, несомненно, должно было льстить ногайцам. Тем более, что, управляя ими, члены правящего рода рождались с ногайскими аристократами, тем самым укрепляя связи Крымского ханства с ними. Во второй половине XVIII в. стал действовать принцип передачи статуса сераскера следующему по старшинству брату, т. е. он, по сути, стал наследственным на основе «лестничного права» [Там же, с. 73].

Сераскеры обеспечивали исполнение ногайцами своих обязательств как вассалов (или к этому времени уже фактически подданных) крымских ханов – уплату налогов в казну, несение повинностей, в т. ч. строительной, дорожной и в особенности военной, т. е. предоставления войск для участия в ханских кампаниях [Фелицын, 1891, с. 13–14; Ферран, 1842, с. 45]. Также, когда в их владения приезжал хан, ему необходимо было предоставлять лошадей, продукты, ночлег и пр. [Грибовский, 2009, с. 90–94] (что являлось давней традицией, нашедшей отражение еще в ярлыках золотоордынских ханов).

Сераскер-султаны были интегрированы и в систему центрального управления ханства. Согласно данным Ш. де Пейссоннеля, они по значению следовали за калга-султаном, нураддин-султаном и ор-беем (и точно так же имели некоторые преимущества в качестве кандидатов на трон), участвуя в заседании ханского дивана и, соответственно, принятии наиболее важных решений

⁹ Небольшая Джамбойлукская Орда управлялась каймаканом Перекопа – помощником ор-бея [Фелицын, 1891, с. 12].

[Пейссонель, 2013, с. 32]. В своих же владениях, аналогично другим владельческим Гераям и правителям бейликов, они осуществляли не только административную, военную и налоговую, но и судебную власть. Разбирая наиболее значительные дела в пределах своей компетенции, основное число разбирательств они оставляли в ведении кади, которые в каждую орду назначались «по рекомендации» хана. В результате на последнем этапе существования Крымского ханства каждый сераскер имел двор, практически аналогичный ханскому – с собственным диваном, штатом чиновников, некоторые заместители имели даже собственных везиров и казначеев-дефтердаров. Естественно, содержались они все за счет сборов с местного населения [Грибовский, 2009, с. 74, 79; Фелицын, 1891, с. 14].

Вместе с тем нельзя считать, что положение сераскера и даже принадлежность к семейству Гераев означали, что новые ханские заместители обладали полнотой власти. В отличие от карачи-беев, которые наследовали свой статус из поколения в поколение, сераскер-султаны все же оставались «чужаками» и в силу этого должны были считаться с ногайской родовой знатью, учитывать особенности традиций управления и правового регулирования и соотносить с ними свои решения. Для этого при каждом сераскере из рода Гераев имелся «заместитель» – каймакан. Чаще всего каймаканы назначались из числа влиятельных ногайских мурз, однако в ряде случаев это могли быть и татары (причем не только крымские, но и литовские, и пр.), армяне и т. д. Н.-Э. Клееман упоминает, что в 1768 г. у ногайцев был «каймакан, бывший в то же время муфтием» [Грибовский, 2009, с. 74–75; Клееман, 1783, с. 208]. В зависимости от того, кто из Гераев находился на троне и кто был сераскером, ногайцы либо поддерживали правящего монарха, либо находились в оппозиции к нему. Так, в 1758 г. едисанские и буджакские ногайцы, недовольные политикой хана Халим Герая и его сыновей, фактически подняли восстание против Османов, самовольно провозгласили ханом Крым Герая и заставили султана утвердить его [Грибовский, 2009, с. 84; Смирнов, 2005б, с. 77; Хайдарлы, 2005, с. 283–285]. А в 1766 г. россий-

ские осведомители в Крыму, напротив, сообщали, что едисанцы крайне недовольны ханом (уже Селим Гераем III) и готовы выступить против него [Андриевский, 1894а, с. 62, 95–96].

В условиях постоянной смены ханов контролировать деятельность сераскеров и орды в целом становилось затруднительно, поэтому тот же Крым Герай даже решил основать собственную резиденцию среди ногайцев в Каушанах, в которую регулярно приезжал как во время первого своего правления (1758–1764), так и во время второго (1768–1769) [Клееман, 1783, с. 56–57, 207]. С другой стороны, подобный шаг хана являлся и отражением усиления роли ногайцев в политической жизни ханства, с чем не могли не считаться даже наиболее энергичные и амбициозные монархи [Хайдарлы, 2005, с. 288, 290].

Что же касается народов Северного Кавказа (черкесов и адыгов), то власть крымских ханов над ними так и не была институционализирована, и зачастую признание ими зависимости от Крыма было чисто номинальным. В течение длительного времени укрепление влияния над ними Гераи поддерживали через институт вышеупомянутых аталыков – выходцев из знатных черкесских и адыгских семейств, а также через назначавшихся к ним кади [Орешкова, 1990, с. 268]. После того, как на Кубани появились сераскер-султаны, задача по обеспечению лояльности северо-кавказских вассалов была возложена на них, однако окончательно подчинить их так и не удалось вплоть до упразднения Крымского ханства: они то подчинялись Гераям и участвовали в их военных предприятиях, участвовали в ханских междоусобицах и давали приют беглым членам правящего семейства, то готовы были признавать власть непосредственно Османской империи, то вели себя совершенно самостоятельно и даже проявляли враждебность по отношению к своим сюзеренам – крымским ханам и султанам [Кавказ, 2010, с. 87–88; Пейссонель, 2013, с. 62–63; Фелицын, 1891, с. 18; см. также: Грибовский, Сень, 2013, с. 98; Смирнов, 2005а, с. 43]. Тем не менее формально их зависимость выражалась в уплате торговых пошлин в пользу хана, а также и в том, что в случае разногласий местная знать могла обратиться к суду ханского

чиновника или даже султана из дома Гераев [Кавказ, 2010, с. 75, 76].

В еще более неопределенном статусе по отношению к Крыму были абхазы, которые номинально находились под управлением бея, назначавшегося османскими властями, но при этом крымские ханы периодически предпринимали попытки подчинить их себе, совершая на них набеги. Лавируя между турецкими и крымскими властями, абхазские князья сохраняли фактическую независимость [Описание, 1791, с. 129–131; Фелицын, 1891, с. 29].

Разнообразие подданных крымских ханов объясняет и сосуществование видов низового управления или, точнее, местного самоуправления. В крымских городах систему самоуправления возглавляли кади, которые, помимо своих основных судебных функций, также осуществляли административные и даже нотариальные функции: они регистрировали сделки, заверяли завещания и пр. [см.: Рустемов, 2017а, с. 20]. Крупные города (в первую очередь сам Бахчисарай) делились на кварталы – махалле, которые нередко формировались по профессиональному признаку (были кварталы портных, кожевников, оружейников и т. д.). Население махалле состояло в ведении имама или муэдзина мечети, находившейся в соответствующем квартале. Помимо разрешения спорных ситуаций между обитателями квартала, в ведении таких органов находился контроль за водоснабжением, чистотой улиц, поддержанием в надлежащем состоянии строений и пр. [Абибуллаева, 2015; 2017] – все то, что и сегодня относится к функциям местного самоуправления.

В сельской местности наиболее распространенной формой организации самоуправления была община, для обозначения которой в крымской документации использовались термины «джемаат», «эхали» или даже просто «деревня». Главной целью существования общины было обеспечение защиты местного населения, организация коллективных работ и несение коллективной же ответственности (круговая порука) – в т. ч. по уплате налогов, выполнению повинностей и пр. Раскладка этой ответственности на отдельные дворы осуществлялась старейшинами. Споры и взаимные претензии разрешались на ос-

нове обычного права (которое могло различаться даже в двух соседних селениях) и только в самых сложных случаях передавались на рассмотрение шариатского суда [Лашков, 1887а; см. также: Калашников, 2013, с. 24–25].

Наряду с общинной собственностью в сельской местности существовало и феодальное землевладение – некий аналог русскому поместью. Дворяне также должны были платить со своих владений налоги и нести повинности. Работали в таких хозяйствах рабы, вольноотпущенники и наемные работники, в отношении которых дворянин обладал достаточно широкой властью при обеспечении порядка и разбирательстве споров [Пейссонель, 2013, с. 46–47; см. также: Сыроечковский, 1940, с. 15].

Кочевники – как подданные крымских беев, так и ногайцы – делились на аулы, во главе которых стояли начальники, традиционно именовавшиеся мурзами (мирзами). Помимо основных налогов в пользу ханов и сераскеров, они также должны были содержать этих мурз, предоставляя им скот и мясо, зерно, молочные продукты и пр. [Пейссонель, 2013, с. 58–59; см. также: Грибовский, 2009, с. 95].

Таким образом, можно говорить о том, что система власти и управления Крымского ханства, складывавшаяся в течение всего времени существования этого государства, сочетала в себе элементы как чингизидской (золотоордынской), так и мусульманской государственности, кроме того, учитывая элементы древних обычаев отдельных народов и племен из числа многонационального населения Крыма. Исследователи неоднократно подчеркивают относительную «рыхлость» системы власти и управления, неэффективность деятельности центральных органов в отдельных регионах. Однако, как представляется, это можно объяснять не только слабостью центральных органов (в т. ч. и из-за постоянной смены ханов, междоусобиц членов рода Гераев и их приверженцев), но и определенной гибкостью, стремлением достичь компромисса между интересами центральной власти и местного населения, адаптировать механизмы управления к реально сложившимся условиям и постоянно меняющимся политическим обстоятельствам.

11.2. Административно-территориальное деление Крымского ханства

Р. Р. Абдужемилев

Вопросы административно-территориального устройства Крымского ханства согласно временным рамкам требуют детального и систематического изучения. Множество документальных источников показывают, что в разные периоды прилегающие друг к другу земли были поделены по определенным принципам. Обусловлено это было такими факторами как: 1) природный – географически удобное расположение административной единицы; 2) этнический – традиции расселения согласно родоплеменной принадлежности населения Крымского полуострова; 3) политический и экономический факторы – управление путем деления территорий на административные единицы среднего уровня (кадылыки, уезды, районы).

Говоря о поселениях в окрестностях территории, важно понимать, как они формировались. Для того, чтобы обрисовать в общих чертах картину районов, наглядным средством будет являться картографический материал. Прослеживая исторические этапы формирования административно-территориального деления, мы тем самым сможем определить систему его современного административно-территориального устройства. Эта проблема не изучалась детально в плане периодизации. Данный параграф будет являться попыткой рассмотреть общую картину административно-территориального деления региона.

С налаживанием и широким развитием торговых отношений, а также с появлением Великого Шелкового пути образуются стоянки, затем и большие поселения. Крым был одной из важнейших точек на пути транспортировки товаров. Товары, прибывавшие в Крым с Востока, перевозились через генуэзские поселения в Европу. Основными центрами Великого Шелкового пути в Крыму были такие города, как Карасубазар, Солхат, Кефе. На основе археологических раскопок А. Гаврилова зафиксировано, что в Крыму с XIII по XV вв. имелись поселения

(от Карасубазара до Солхата), в которых обнаружены остатки золотоордынской культуры: Пролом (XIV–XV вв.), Айлянма (XIV–XV вв.), Танагельди (XIII–XV вв.), Текие (XIII–XV вв.), Бурундук (XIII–XV вв.), Ак-Чора (XIV–XV вв.), Кокташ (XIV–XV вв.), Орталан (XIV–XVIII вв.) и др. [Дашевская, 1991].

В основе административно-территориальной структуры золотоордынского периода лежала родоплеменная организация населения. Так, формировались территории бейликов, земли которых принадлежали знатым родам Крыма: Ширинам, Аргынам, Барынам, Кипчакам. Именно они в дальнейшем заложат фундамент для административно-территориального деления в рамках Крымского ханства. Привилегированному в Крыму роду Ширинских принадлежали обширные земельные владения, которые простирались от Перекопа в сторону Азова. Некоторые земли закрепились за родом Ширин повелением крымского хана: при деревнях Орталан, Топлы, Сартана и Сала [Лашков, 1897а].

Некоторые сведения касательно административно-территориального деления Крымского ханства содержатся в ярлыках и хаттах (письмах) Крымского ханства [Документы, 2017]. В частности, в титулатуре (элькаб) Гераев указан ряд наименований земель и народов, находившихся под управлением ханства: «sansız kop Tatar» («бескрайнее множество татар»), «sağışsız kop Noğay» («бесчисленные ногаи»), «Tat bile Tavgaç» («таты с тавгачами»), «Tağ ara Çerkeç» / «Tav turaqlay Çerkas» («горные черкесы»). В самой повествовательной части документов подобного рода также немало маркеров: «Uluğ Noğay mırzaları» («Мурзы Большого Ногай»), «Küçük Noğay mırzaları» («мурзы Малого Ногай»), «Şirin begi mırzaları» («мурзы бея Ширина»), «Manqıt begi mırzaları» («мурзы бея Мангыта»), «Ağın begi» («бей Аргына»), «Barın begi» («бей Барына»), «Secevüt begi» («бей Седжевута»). Среди подвластных территорий

в отдельных документах помечен и «Aqkerman yurtu» («Аккерманский юрт»). Административный центр государства, «maqarr-ı hilâfet» («центр решений халифата»), «tahtgâh» («столица») или «Taht-ı Qırım» («Крымский Престол»), находился в Бахчисарае, где располагалась ханская резиденция [Документы, 2017].

Средними административно-территориальными единицами Крымского ханства были каймаканства (наместничества, уезды). *Каймакам* قایماقام – наместник, помощник, товарищ губернатора, наместник великого визиря, *каймакамлык* قایماقامлык – наместничество, звание и обязанности указанного лица [Будагов, 1871, с. 34]. Каймаканства в свою очередь делились на кадылыки (судебные округа на основе шариата). *Кадылык* قاضیلق (или *каза*) – звание, обязанность судьи, так назывались прежде несколько деревень, относящихся по делам к одному кадию; округ такой управлялся агой и назывался «агалык», несколько агалыков подчинялись воеводе). *Казы / кады* قاضی – кадий, духовный судья, кадыаскер – войсковой судья, великий судья, самая высшая должность в духовной иерархии, ведет к званию муфтия [Будагов, 1871, с. 17]. Подобное деление основывалось на исламско-османской модели территориальной организации. Каймакам (от арабского «постоянное место») являлся наместником подконтрольной ему территории. Во главе кадылыков (или каза) стояли кадии – мусульманские судьи-чиновники, назначавшиеся правителем и вершившие правосудие на основе шариата (свода мусульманских законов).

Наименования административных единиц следующего уровня: шефир (город), кент (городок), кьарйе / сала / кой – село, деревня, кьасаба (поселение).

Бей получал грамоту на звание кади от казы-аскера, и юрисдикция его не подчинялась хану. Дворянство имело свои особые суды, решения которых утверждались казы-аскером, который руководствовался при этом советами муфтия. Хан назначал кадиев в собственном кадылыке, османский султан – в четырех своих кадылыках (Кефе, Судак, Мангуп и Ени-Кале). С появлением городов, появились и особые городские судьи *шеэр-кади*, назначавшиеся ка-

ди-аскером. На суде этих *шеэр-кади* в качестве надсмотрщика присутствовал помощник кади-аскера *наиб*.

Кадылыки в Крыму формировались: 1) по географическому принципу [Виук, 2007, с. 44] – удобное местоположение, границы маркировались по природным объектам (река, долина, гора, полуостров, озеро) – Кучюк-Карасувский, Зуйский, Борульчанский, Салгирский, Орта Чонгарский, Таманский, Тарханский, Арабатский кадылыки и др.; 2) от названий крупных населенных пунктов – Карасубазарский, Бахчисарайский, Кезлевский, Судакский, Кефинский кадылыки и т. д.; 3) по принципу деления на бейлики (золотоордынская система) – Широинский, Мангытский, Аргынский кадылыки.

Французский дипломат в Крыму (1753–1757) и политический деятель XVIII в. Ш. Пейссонель отмечал: «Разделение земель и поместные законы в Крыму почти те же самые, что и во Франции в начале монархии. Все земли в Крыму разделены на поместья, принадлежащие дворянам; или прикрепленные к должностям, или в виде достояния простолюдинов, разночинцев. Известное число поместий и деревень образует кадылык или уезд» [Пейссонель, 2012, с. 4].

В Крымском ханстве имелось 46 кадылыков. Кадылыки (казалар) Крымского ханства в XVII–XVIII вв.: 1) Абди Олан; 2) Акмесджид; 3) Аргын; 4) Багчесарай; 5) Беш Кабак; 6) Бучла (Почла); 7) Бурульча; 8) Бойнак; 9) Четерлик; 10) Чонгар; 11) Чуйинчи; 12) Даир; 13) Диб Чонгар; 14) Диб Тархан; 15) Эски Крым; 16) Ферахкерман; 17) Гёзлеве; 18) Карадиль; 19) Каракурт; 20) Карасу; 21) Карасу Тамак; 22) Кырым; 23) Кучюк Карасу; 24) Мангыт; 25) Нехр-и Кабартай; 26) Нехр-и Алма; 27) Нехр-и Бештерек; 28) Нехр-и Булганак; 29) Нехр-и Качы; 30) Нехр-и Салгыр; 31) Нысф Карасу; 32) Нысф Тамак; 33) Орта Чонгар; 34) Рибат (Арбат); 35) Сакал; 36) Самарчык; 37) Султан; 38) Шейх-Эли; 39) Широин; 40) Тархан; 41) Ташлы; 42) Ташлы Булга; 43) Тепе Чокрак; 44) Олан-Эли; 45) Яшдаг; 46) Завие Кыпчак [Виук, 2007].

По переписи, произведенной по приказу хана Менгли Герая II около 1740 г., в Крыму

оказалось 48 кадилеклер или судебных округов (присутствий, камер), 9 городов и 1339 замков (Bürgen) или деревень. Названия кадилеклер следующие: 1) Ор-Капуси, или Перекоп, 2) Сакал, 3) Сеид-Эли, 4) Нусуф, 5) Тамак, 6) Беш-Паре, 7) Бочалы, 8) Шейх-Эли, 9) Сейдлер, 10) Кутеш, 11) Четерлык, 12) Самарджик, 13) Караул, 14) Менгит, 15) Каракуд, 16) Диптархан, 17) Бойнак, 18) Гьюзлеве, или Гёзлеве, 19) Чонгар, 20) Рибат, или Арабат, 21) Керш Беш-Пармак, 22) Орта-Керш, 23) Дип-Керш, 24) Енги-Кале, 25) Мангут, или Манкуп, 26) Судак, 27) Кьеффе, или Каффа, 28) Эски-Крым, 29) Ширин, 30) Ичэли, 31) Аргун, 32) Таш-Эли, 33) Карасу, 34) Кучук-Карасу, 35) Жагмурчи, 36) Чоунче, 37) Салгир, 38) Таклы, 39) Даир, 40) Карагёз, 41) Завие, 42) Улан, 43) Буралчи, 44) Акмесджид, 45) Такетлы, 46) Багча-Сарай, 47) Качи, 48) Балуклава. Из них первые девятнадцать лежат в равнине, т. е. севернее Салгира и Булганака, пять следующих на Керченском полуострове, а последние 24 в горной, обильной водой части Крыма [Тунманн, 1936, с. 32].

При последнем крымском хане, Шагин Герае, Крымский полуостров разделялся на 6 каймаканств (провинций): 1) Бахчисарайское, 2) Акмечетское, 3) Карасубазарское, 4) Кезлевское (Евпаторийское), 5) Кефинское (Феодосийское), 6) Оркапинское (Перекопское) [Скальковский, 1841, с. 9].

Ногайские степи за Ор-Капу, хотя принадлежали к ханству, но рода, на них обитавшие, татары и киргизы, не составляли уездов, а в своих подвижных кочевьях были подчинены сараскирам из рода Гераев и мурзам своего племени [Скальковский, 1841, с. 9].

Крымское ханство на полуострове состояло из 6 каймаканств, или провинций [Лашков, 1888]: Бахчисарайское, Акмечетское, Карасубазарское, Кезлевское, Кефинское и Оркапинское (Перекопское). Административными центрами каймаканств являлись крупные города Крымского ханства. Каймаканства состояли из кадылыков, которых насчитывалось 42, по данным камерального описания Крыма (1784 г.). Состоянием на период с XVII в. по XVIII в. в Крыму общее количество кадылыков было 46

[Вуик, 2007, с. 44]. По данным Ш. Пейссоннеля (XVIII в.), насчитывалось на полуострове сорок восемь кадылыков [Пейсонель, 2012, с. 4].

Все каймаканства разделены были на кадылыки и уезды в следующем порядке:

I. Бахчисарайское каймаканство, имеет кадылыки: 1) Бахчисарайский, в котором 85 деревень; 2) Мангупский – 97; 3) Каракуртский – 64; 4) Салгирский – 11; 5) Муфти-Арпалытский – 12; 6) Кача-Беш-Пареси – 24. Итого: 293 деревни [Скальковский, 1841, с. 9–10].

II. Акмечетское каймаканство, имеет кадылыки: 1) Акмечетский, в котором 58 деревень; 2) Юкары-Ичкийский – 24; 3) Ашагы-Ичкийский – 24; 4) Даирский – 28; 5) Ташлы-Шейх-Бешпареси – 6; 6) Ташлынский – 43; 7) Зуинский – 13; 8) Чуюнчик-Бешпареси – 11; 9) Салгирский 2-й – 35. Итого: 242 деревни [Скальковский, 1841, с. 10].

III. Карасубазарское каймаканство, имеет кадылыки: 1) Карасубазарский – 45 деревень; 2) Тепе-Чонгарский – 51; 3) Орта-Чонгарский – 33; 4) Насынский – 49; 5) Аргинский – 26; 6) Бурулчанский – 26; 7) Бочалатский – 14; 8) Кучук-Карасувский – 55; 9) Тамакский – 44. Итого: 342 деревни [Скальковский, 1841, с. 10].

IV. Кезлевское, имеет кадылыки: 1) Кезлевский – 27 деревень; 2) Бойнакский – 22; 3) Тарханский – 46; 4) Мангытский – 59; 5) Шейхэльский – 40. Итого: 195 деревень [Скальковский, 1841, с. 10–11].

V. Кефинское, имеет кадылыки: 1) Кефинский – 2 деревни; 2) Судакский – 20; 3) Ширинский – 40; 4) Тепе-Керчинский – 37; 5) Орта-Керчинский – 42; 6) Арабатский – 50; 7) Эски-Крымский – 26; 8) Баш-Кабальский – 6; 9) Колечский – 10. Итого: 233 деревни [Скальковский, 1841, с. 11].

VI. Орское, имеет кадылыки: 1) Орский¹ – 1 деревня; 2) Кырк-Баульский – 25; 3) Караульский – 45; 4) Сакальский – 31; 5) Самарчикский – 29; 6) Чемерлыкский – 40. Итого: 169 деревень [Скальковский, 1841, с. 11].

¹ «В коем деревень не состоит, а только числятся в нем кадылыки, город Перекоп и селение от Перекопа версты 4 расстоянием, называемое Ени-Базар». Теперь это городок, именуемый Армянским базаром.

Ор-бек – в его обязанности входили поддержание внешней безопасности государства, контроль за сохранностью его границ. Осуществлял постоянный надзор за всеми ордами ханства за пределами Крымского полуострова. Резиденция располагалась на севере в местности Ор (Перекоп) [Возгрин, 1992, с. 185]. Ор-бей, то есть комендант и губернатор крепости Ор-Капы (Перекопа), который тоже назначался из рода Гераев. По запорожским документам известно, что Ор-бей вместе с Перекопским каймаканом участвовали в порграницных делах с Россией, Запорожьем и Польшей [Скальковский, 1841, с. 41].

Кроме исчисленных уже на полуострове, в каймаканствах, деревнях и городах, к ханству принадлежат: «жительствовавшие подвижными аулами в степях за Перекопскою линеею, киргизы Куртского и Ногайского поколений» [Скальковский, 1841 с. 13]. Они находятся в следующих кочевьях или жилищах: 1) в жилище Аирга, в котором 30 семейств, т. е. кибиток; 2) Колла – 27 семейств, 3) Куича – 19 семейств, 4) Туркмен – 36 семейств, 5) Ногай-Кыргыз – 22 семейства, 6) Джау-Кыргыз – 13 семейств, 7) Чауры-ус – 30 семейств, 8) Тант – 14 семейств, 9) Аонрат – 22 семейства. Всего: 198 кибиток [Скальковский, 1841, с. 13–14].

Все эти кочевья занимали степи прибрежные к Сивашу (Гнилому морю) и, следовательно, были довольно далеко от настоящего Ногайского поселения у Молочных вод [Скальковский, 1841, с. 14].

Из всех вышепоказанных данных можем извлечь заключение, что ханство Крымское, в собственном своем составе, т. е. в полуострове, без Тамана и Ногайских орд имело: 6 каймаканств, 44 кадылыка; в них: 7 городов, 1474 деревни татарские, 53 деревни христианские, 9 кочевьев киргиз-ногайских; в них: 6056 домов в городах и 16 660 домов в селах и аулах или кочевьях [Скальковский, 1841, с. 14].

В Крымском ханстве Карасубазар был административным центром Карасубазарского каймаканства и находился под руководством калга-султана. Карасубазарское каймаканство было вторым по площади и занимало центральную и северо-восточную части Крыма: современные

Джанкойский и Нижнегорский районы, часть Белогорского, Красногвардейского и Советского районов. Карасубазарское каймаканство включало в себя 9 кадылыков (округов), общая численность деревень которых составляла 342. Это самое большое количество среди всех каймаканств, для сравнения: в Бахчисарайском их было 292, в Акмечетском – 242 [Лашков, 1888].

Состоянием на 17 декабря 1783 г. каймаканом Карасубазарского каймаканства был Муртаза Ага [Лашков, 1888, с. 36]. В состав Карасубазарского каймаканства (административный центр – город Карасубазар) входили 9 кадылыков:

Карасубазарский кадылык – 45 сел;
Аргынский кадылык – 26 сел;
Бурульчанский кадылык – 25 сел;
Кучюк-Карасувский кадылык – 55 сел;
Дип-Чонгарский кадылык – 51 село;
Орта-Чонгарский кадылык – 33 сел;
Насыпской кадылык – 49 сел;
Бочалатский кадылык – 14 сел;
Тамакский кадылык – около 14 сел;
Всего: 312 сел [Лашков, 1888, с. 37]

Границы Карасубазарского кадылыка выглядели следующим образом: на севере – село Молла-Эли, на юге – село Казанлы, на западе – село Бахчи-Эли, на востоке – Мурзакой [Kavak, 2014, с. 31].

Историк Н. Кавак, обработавший большой объем документов по Крымскому ханству, дает перечень деревень Карасубазарского кадылыка за период 1683–1744 гг. (многие из них ныне неизвестны) [Kavak, 2014, с. 32]: Ак-Кая, Аргын, Ашагы Бешаран, Ашагы Осма, Айланма, Аталык, Айтоган, Айтудан, Азберди, Бахчи-Эли, Бешуй, Борасхан, Борус, Буджакъ, Бурульча, Бурндук, Бустурча, Барын, Джанкой, Челеби-Эли, Джемрек, Чардаклы, Хаджылар, Карабай, Карасубаши, Катырша-Сарай, Казанлы, Кырда-Эли, Кучюк Янкой, Молбай, Молла-Эли, Мурзакой, Хайман, Сабах-Эли, Салгыр, Сенизек, Султан, Терекли Шейх-Эли, Тогай, Толга, Тама, Тёбен-Эли, Тёбен-Сарай, Танагельди, Яман Чель Шейх-Эли, Ени-Сала, Юкары Бешаран, Юкары Тайган.

Перечень деревень Карасубазарского кады-

лыка согласно Камеральному описанию Крыма [Лашков, 1888, с. 48–49]: Мамбет-Улан, Тайган, Буюк Тайган, Юкары Тайган, Куртлук, Могулбай, Темишлык, Кышлав баши, Енисала, Тама, Баши, Алчин, Султан-Сарай, Мусабей, Джемрик, Алджулар, Багадыра Бий-Эли, Ак-Сарай, Соллар, Кая-Эли, Айланма, Бешевле, Чилмалык, Беярта, Сумпанджи, Секиен, Карабай, Джаулуш, Хаджылар, Аргынчик, Молла-Эли, Алитай, Окчу Хаджылар, Кая, Шейх-Эли, Чоту, Ашагы Чоту, Джелаир Чоту, Эшкен, Таймас, Джабу, Муин, Чонбай, Кули-Оба, Кожункул.

Принимая во внимание нынешнее административно-территориальное деление Белогорского района, стоит отметить, что с востока с Карасубазарским кадылыком граничил большой по площади Ширинский кадылык Кефинского каймаканства. Стоит отметить, что деревни Кокташ, Текие, Катырша-Сарай, Мурзакой, Азамат, Бурундук, Танагельди, Карабай, Джафер, Азберды, входящие ныне в состав Белогорского района Крыма, находились в границах Ширинского кадылыка Кефинского каймаканства [Лашков, 1888, с. 57]. На западе от Карасубазарского кадылыка располагался небольшой Зуйский кадылык Акмечетского каймаканства.

Ногайская Орда состояла из четырех орд: Едисанской, Джамбойлукской, Едичкульской и Киргизской.

В древних актах Едисанцев называли Джетысан, Этсан, Джембулуковцев – Энбуйлук Джеббойлук, а Едишкульцев – Джетыскул. Семь главных колен, из которых состояли ногайцы, подвластные крымскому хану, в Западном и Восточном Ногае и на Кубани: 1) Едишкул (по Клееману, Едишкулл-мулти), 2) Джембойлук (Джамбойлук), 3) Едисан (Едсан-мулти), 4) Казай-аул (Казайолу), 5) Наурус-аул (Науруселли), 6) Кюргез, 7) Каспалладолу (Касполат-аул) [Тунманн, 1936, с. 49].

Едисан, или Западный Ногай, – территория между Бугом и Днестром, с юга ограничена Черным морем, а с северо-запада отделяется от Польши Колымой и Егорлыком [Тунманн, 1936, с. 53]. Местность у Озю, или Очакова, между Бугским лиманом и Делиголем, принадлежит туркам. Остальная территория находится под

властью крымского хана. Протекающие реки: Аксу (Буг), Турла (Днестр), Кодыма и Чапчаклы, Большая и Малая Березань, Улуг и Кучюк-Делигель (Телиголь); Егорлик, Ташлик, Мангул, Коморул, Курчаган [Тунманн, 1936, с. 54]. Здесь имеются поселения Балта (город на Кодыме), Дубасари (городок на Днестре), Енги-дуни, Возия, Качибей (вблизи устья Днестра) [Тунманн, 1936, с. 55].

Буджак, или Бессарабия, находится между Днестром и Дунаем, Черным морем и Молдавией. Большая часть принадлежит Крымскому ханству. Аккерман, у берегов Черного моря, Килия, Исмаил, на Дунае, Бендеры – под владычеством османов [Тунманн, 1936, с. 55]. Главные реки: Дунай и Турла (Днестр), Когыльник, или Кундук, Ботна, или Каушан (впадает в Днестр), оба Ялпуга, Кугна, два Салкуза (впадают в Дунай), Катлабуга, оба Ташлыка [Тунманн, 1936, с. 60]. Поселения: Каушан (город на правом берегу р. Ботна), Буджак (деревня на Днестровском лимане), Паланка (крепостца на Днестре), Татар-Бунар (город на Когыльнике), Тобак (городок у озера Ялпуш), Салкуца (на реке Ботне, вблизи Каушан) [Тунманн, 1936, с. 60–61].

Выводы. Суверенный статус Крымского ханства с древними традициями государственности прослеживается в становлении административно-территориального деления Крымского ханства. Ее ядро составлял Крымский полуостров, которой являлся центром страны, «местом принятия решений». Фундамент деления был заложен еще в золотоордынские времена, когда управление поселениями осуществлялось путем единения кланово-племенных групп. Так, формировались бейлики, вокруг которых скапливались поселения. Вместе с тем деление испытало на себе влияние и чингизидской модели управления, перенятой и унаследованной ханами из династии Герай. В сфере управления и подчинения калги-султана и нуреддин-султана находилась определенная часть территорий. С вхождением ханства под покровительство Османской империи на правах халифата многие традиции последней были переняты и в Крыму. Система деления на каймаканства и кадылыки аналогична с османской также, как и появление

ряда должностей в администрации ханства. Помимо земель Крымского полуострова, власть в Крымском ханстве распространялась на владения ногайских племен, не имевших собственного управленческого аппарата.

После аннексии Крымского ханства в 1783 г. система каймаканств и кадылыков упразднена, она была заменена системой административно-территориального деления Российской империи. Центром Таврической области (1784–1802), созданной в 1784 г. по указу Екатерины II, был город Карасубазар. Можно предположить, что такой статус города был обусловлен рядом причин: 1) в преддверии ликвидации Крымского ханства ключевые события происходили в районе Карасубазара, именно здесь новая имперская власть нашла определенную долю поддержки в среде крымской знати;

2) на тот период Карасубазар являлся вторым городом по численности населения после Бахчисарая; однако бывшая столица Крымского ханства не подходила в качестве областного центра в связи с тем, что имела вероятность восстановления ее бывшего статуса. Столица области из Карасубазара была перенесена в Симферополь (новое название Акмесджита), в том же 1784 г. Новая власть решила создать новый и контролируемый только ею центр управления. Таврическая область была разделена на 6 уездов: Симферопольский, Феодосийский, Евпаторийский, Перекопский, Днепровский, Мелитопольский. Деревни бывшего Карасубазарского каймаканатства разделились между Симферопольским, Феодосийским и Перекопским уездами. В 1802 г. образована Таврическая губерния (1802–1921), уезды которой делились на волости.

11.3. Средневековый крымскотатарский город и его инфраструктура. Кадылык, город, махалле

Э. Э. Абибуллаева

Границы Крымского ханства охватывали территории на Крымском полуострове, а также земли между Дунаем и Днепром, Приазовье и большую часть современного Краснодарского края. Владения крымских ханов прежде всего включали степную часть Крыма с северными склонами Крымских гор. Южное побережье Крымского полуострова не принадлежало Крымскому ханству – оно находилось в руках городов генуэзцев, а с 1475 г. отошло под власть турецкого султана [Исхаков, 2009, с. 40].

С момента завоевания османами количество городов Крыма осталось прежним, изменились только их названия: Каффа превратилась в Кефе, Солдайя – в Судак, Чембало – в Балаклаву, Воспро – в Керчь, Феодоро – в Мангуп, Каламита – в Инкерман. Позже, в период османского господства (XVIII в.), появился седьмой город – Ени-Калле [Бочаров, 2013, с. 14; Kurat Akdes, 1966, s. 48–50]. В итоге османского завоевания Крымское ханство частично утратило свою независимость, в то время как владения и города генуэзцев и феодори-

тов на полуострове были включены в новую провинцию (санджак; лива) империи – Кефе [Бочаров, Сейтумеров, 2017, с. 21]. В это же время (конец XV – первая половина XVI вв.) к двум золотоордынским городам – Солхату и Кырк-Йеру добавились пять новых городов: Бахчисарай, Карасубазар, Ак-Мечеть, Гезлев и Ор-Капу [Бочаров, Сейтумеров, 2017, с. 21].

В период правления Хаджи Герая (1441–1466 г.) [Гулевич, 2018а, с. 196] столица из Солхата была переведена в город Кырк-Йер, что способствовало утрате административного влияния Солхата [Герцен, Могаричев, 2016б, с. 96]. Важнейшим подтверждением переноса столичного центра из Солхата (Крыма) в Кырк-Йер являются монетные эмиссии. С 1454 г. по 1462–63 г. хан чеканит монеты параллельно в двух городах: Солхате и Кырк-Йере [Сидоренко, 2015, с. 273–274], что позволяет сделать вывод о переносе столицы не позднее весны 1453 г. [Зайцев, 2012б, с. 97]. Причины, заставившие Хаджи Герая перенести свою столицу из г. Солхат, имели политико-

экономический характер. По мнению И. Зайцева, – это желание Хаджи Герая избавиться от некой зависимости от беев Ширинских, древнего и знатного рода, игравшего значительную роль во внутренней и внешней политике Крымского ханства [Зайцев, 2012б, с. 99]. Немаловажным основанием выбора этого места, для строительства первого дворцового комплекса ханов Крымского ханства, была замена генуэзской Каффы как торгового порта Солхата на дружественный порт Каламита князей Феодоро. Таким образом, не позднее 1453 г. (это следует из письма консула Каффы Борруэля Гримальди к дожу Пьетро Кампофрегозо от 31 января 1453 г., где тот жалуется на строительство «в Кырк-Оре» Хаджи Гераем дворца и таможни [Мыц, 2009, с. 356–358]) берет своё начало формирование дворцового комплекса в Салачике [Корженков и др., 2016, с. 33].

Сегодня от строений места Салачик, описанных средневековыми путешественниками [Броневский, 1867, с. 345; Эвлия, 2008, с. 87–88], сохранились дюрбе Хаджи Герая, Зынджирлы-медресе, стены древней мечети, которая, по мнению Э. И. Сейдалиева, могла быть построена в 671 г. х. (1274 г.), а при правлении Менгли Герая I (1478–1515 гг.) отремонтирована или перестроена заново [Сейдалиев, 2016, с. 268].

Город Бахчисарай. Третий крымский хан Менгли Герай I (1478–1515 гг.), утвердившись на престоле, перенес столицу государства с укрепленного горного плато в близлежащую долину, где вокруг ханского дворца вырастет город Бахчисарай. Кырк-Ер, первая ханская столица, потеряет свой городской статус, но не исчезнет, а станет еврейским, позднее караимским районом Бахчисарая (Чуфут-Кале) [Бочаров, Сейтумеров, 2012, с. 16]. Относительно даты основания города Бахчисарая существует несколько мнений, которые подробно рассмотрены в трудах А. Г. Герцена, О. Е. Гайваронского, Э. Э. Османова и др. [Герцен, 2001а, с. 3; Гайворонский, 2002, с. 44–46; Османов, 2014а, с. 132–135]. К примеру, исследователь тюрко-татарских государств Д. М. Исхаков считает, что город основан Сахибом Гераем I (1532–1551) [Исхаков, 2009, с. 67], И. Тунманн считал, что город был построен в XVI в. [Тунманн, 1991, с. 32], А. Л. Якобсон пришел к выводу, что отсчет возраста Бахчисарая

стоит вести с момента возникновения золотоордынского поселения на Чуфут-Кале [Якобсон, 1964, с. 21]. Как отмечает Э. Э. Османов, к настоящему времени единой концепции по данному вопросу еще нет [Османов, 2014а, с. 134].

Город Ак-Мечеть. Если Бахчисарай стал столичным городом с резиденцией правителя, то вторым городом с административным статусом и дворцом второго лица государства – калга-султана, был город Ак-Мечеть [Эвлия, 2008, с. 136]. Точная дата основания города не известна. По мнению С. Г. Бочарова, Ак-Мечеть, выросла из золотоордынского селения, располагавшегося на оживленном торговом пути, связывавшем в XIV в. два золотоордынских города – Солхат в Юго-Восточном Крыму и агломерацию Кырк-Ер – Азизлер. Вероятно, своим возникновением и быстрым ростом Ак-Мечеть обязана хану Менгли Гераю I. Именно этот хан учреждает должность калга-султана [Смирнов, 2005, с. 271–276], и он определяет ему резиденцию в этой местности. Кроме того, мечеть дворца калга-султанов связана с именем Менгли Герая I, мечеть Абд-Рахман-бея 914 г. х. (1508/09 г.) в пригороде, также построена при его правлении [Бочаров, 2015а, с. 6–7].

Ор-Капы. Для защиты от ордынских ударов в конце XV – начале XVI вв. Менгли Герай I на подступах к полуострову возвел целую цепь крепостей: на Днепровских берегах поднялись Тавань, Джан-Кермен и Ислям-Кермен, а на перекопском перешейке было возведено укрепление, которое по-арабски называлось Феррах-Кермен, а по-крымскотатарски – Ор-Капы [Смирнов, 2005, с. 338; Гайворонский, 2016, с. 247–248]. После очередного нашествия заволжских орд Сахиб Герай I в 1548 г. основательно перестроил укрепления, возведенные его отцом Менгли Гераем I [Эвлия, 2008, с. 23–24, 31; Гайворонский, 2016, с. 247–248]. В пригороде крепости Ор было двенадцать мечетей, тысяча пятьсот домов, по большей части одноэтажных, крытых дерном. Дворец, расположенный здесь, был крытый тростником. У подножия крепости стоял постоянный двор, а справа располагался базар с пятьюстами лавками [Эвлия, 2008, с. 32]. Город-крепость Ор выполнял функцию форпоста Крымского ханства.

Город Карасубазар. Следующий город

Крымского ханства – Карасубазар – достаточно подробно описан в мемуарах турецкого путешественника XVII в. Эвлии Челеби [Эвлия, 2008, с. 144–152]. Краткое описание этого города, в своем труде, дает шведский историк И. Э. Тунманн и отмечает, что это один из самых больших городов Крыма [Тунманн, 1991, с. 144–152]. С. Г. Бочаров, сделавший реконструкцию генерального плана средневекового города, пришел к выводу, что Карасубазар был вторым по величине городом и экономическим центром Крымского ханства. Средневековый город располагался на перекрестке двух основных магистралей от участков с оседлым населением Юго-Восточного Крыма до Юго-Западного Крыма и от Центрального Крыма до черноморской степи [Bocharov, 2021, с. 7].

Город Гезлев. Единственным портовым городом Крымского ханства был Гезлев. Этот город расположен в северной стороне морского залива, несмотря на мелкую гавань, город вел оживленную торговлю. Торговые суда заходили в Гезлев, так как качество гезлевской и керченской соли были одинаковыми, а кроме этого в этом портовом городе шла торговля и другими товарами [Прохоров, 2001, с. 390]. Город вокруг был обнесен каменной стеной и сторожевыми башнями и имел приблизительно 2500 каменных домов, 24 мечети [Эвлия, 2008, с. 48–58; Тунманн, 1991, с. 39]. По описанию Эвлии Челеби, город был основан последним ханом единой Золотой Орды – Тохтамышем, правившим в 1377–1395 гг. [Эвлия, 2008, с. 48].

Город Кефе. Для представления общей картины того периода рассмотрим город Кефе. Кефинский вилайет представлял административную территориальную единицу Османской империи, имел точные временные рамки существования и границы. В 1475 г. на завоеванных территориях Крыма, ранее подконтрольных генуэзцам (Кафа, Судак и Балаклава с округами, Капитанство Готия) и княжеству Мангупскому, был образован санджак, а с 1568 г. в бейлербейлик. Административные названия и сформированный уровень чиновничьего аппарата соответствовали общему термину «вилайет» (провинция). Кефинский вилайет стал 32-й провинцией Османской империи, созданной в XV в. и просуществовавшей до Кю-

чук-Кайнарджийского мира 1774 г. Территория вилайета административно была не связана с Крымским ханством, управлялась только лицами, назначенными на должность бейлербеев из числа придворных чиновников высокого ранга непосредственно турецким султаном [Тур, Дьяков, 2019, с. 27].

Таким образом, города, основанные генуэзцами и византийцами, которые на тот момент приобрели некоторые восточные черты, продолжали существовать в подчинении Османской империи до 1774 г.¹, а вместе с ними начали активно благоустраиваться новые города, которые находились под управлением Крымского ханства. К особенностям новых городов в Крымском ханстве следует отнести то, что они создавались по инициативе и поддержке правителя и администрации ханства, как это практиковалось еще в золотоордынский период. Правящая династия строила комплекс общественных учреждений: мечети, мектебы, медресе, караван-сарай, хамамы, чешме, больницы, дворцы и др., вокруг которых постепенно начинал разрастаться город.

Вышеописанные города легли в основу административно-территориального деления Крымского ханства по османскому типу, которое к XVIII в. состояло из 6 *каймаканств*² (Бахчисарайское, Акмечетское, Карасубазарское, Кезлевское, Перекопское, Кефинское), 42 *кадылыков*³, в том числе и 7 кадылыков Кефинского каймаканства [Лашков, 1888, с. 36]. Число административных единиц могло увеличиваться как по количеству, так и по площади. В 1666–1667 г. Эвлия Челеби писал о 24 кадылыках и четырех, относящихся к Кефинскому эялету. Также, путешественник отмечает сорок бейликов⁴ и перечис-

¹ В 1774 г. между Российской империей и Османской империей был подписан Кючук-Кайнарджийский мирный договор. По условиям договора Крым стал независимым государством и оставался таковым до 1783 г.

² *Каймаканство* – административный округ; каймакан – префект.

³ *Кадылык или каза* – судебный округ, находящийся в ведении судьи.

⁴ *Бейлик* (тюрк.) – область, владение бея, который имел право на сбор налогов с приписанного к этому владению податного населения. В Крымском ханстве бейлики – вотчинные владения беев наиболее сильных татарских родов.

ляет представителей наиболее известных бейских родов: Ор-бей, Ширин-бей, Шейхун-бей, Даир-бей, Мансурлу, Манкат-бей, Сарухан-бей, Шуджун-бей и все остальные [Эвлия, 2008, с. 99–100].

По переписи, произведенной по приказу хана Менгли Герая II около 1740 г., в Крыму было 48 кадылыков, 9 городов и 1399 деревень [Тунманн, 1991, с. 14–15]. Число увеличения кадылыков за период с 1667 по 1740 гг., вероятно, связано с освоением новых сельскохозяйственных территорий, которые становились деревнями и селениями и образовывали кадылык – территориальный и судебный округ. Впоследствии на этот территориальный округ назначался судья.

По Камеральному описанию Крыма, к 1784 г. насчитывается 42 кадылыка и 7 кадылыков Кефинского каймаканства и 1411 деревень [Лашков, 1887а, с. 36]. Общее число кадылыков – 49. Сверка данных двух периодов привела к выводу, что с 1740 г. до 1784 г., т. е. по истечении 44 лет, количество деревень с 1399 выросло до 1411 – на 12 деревень стало больше. Причины изменения общего числа кадылыков в последние годы существования Крымского ханства, вероятно, связаны со стремлениями централизации власти, предпринятыми Шагин Гераем (1777–1783), и реформами основу которых составили введение откупной системы⁵, а также попытки изменения административного устройства – перенос столицы из Бахчисарая в Кефе. Вторая причина – это условия Кючук-Кайнарджийского договора, после подписания которого владения султана перешли под юрисдикцию хана [Лашков, 1886, с. 22–24]. В итоге с учетом вошедших в состав ханства турецких владений (Кефинское каймаканство) общее число кадылыков к 1784 г. составляло 49.

Относительно бейликов следует отметить, что все административные полномочия в бейликах находились в руках светских властей, а духовная юрисдикция осуществлялась кадиями по территориальным судебным округам [Лашков,

1887а, с. 63–64]. По материалам Ф. Ф. Лашкова, ханский домен носил характер государственного права собственности, а бейлики и ходжалыки⁶ представляли собой суюргалы⁷ – смешение государственного и частного землевладения. При каждом новом хане земля и связанные с ней привилегии по-новому закреплялись за прежними владельцами в качестве суюргала [Лашков, 1895г, с. 85–90].

Основной и крупной административно-территориальной единицей в Крымском ханстве были каймаканства, а земельные территории, относящиеся к каймаканствам, назывались кадылыками, которые представляли собой судебные округа. По Камеральному описанию Крыма 1784 г., в шести кадылыках Бахчисарайского каймаканства насчитывалось 293 деревни; в девяти кадылыках Акмечетского каймаканства – 242 деревни; в девяти кадылыках Карасубазарского каймаканства – 312 деревни; в пяти кадылыках Гезлевского каймаканства 195 деревень; в шести кадылыках Перекопского (Ор) каймаканства – 169 деревень; в семи кадылыках Кефинского каймаканства – примерно 200 деревень [Лашков, 1888, с. 36–38].

Особенностью являлось и то, что крупные города – *шехир* – являлись административными центрами каймаканств. В городах управляли назначенные ханом должностные лица – *эмины*⁸. К примеру, Гезлевым в XVII в. управлял *эмин имущества* Ахмед-Ага, в городе Карасу это был *эмин таможи* Шейтан Баки Эвлия, в городе-крепости Ор управителем был Ор-бей – Каракаш-бей [Эвлия, 2008, с. 58, 144]. Наряду с этими должностями в каждом городе Крымского ханства, кроме Кефинского эялета,

⁶ *Ходжалык* – землевладения высшего духовенства и вакуфы.

⁷ *Суюргал* (монг. и тюрк.) – пожалование в лен земельного владения или улуса.

⁸ *Эмин* – титул или звание различных должностных лиц при султанском правительстве и в провинциях. Им поручались обычно гражданские и финансовые дела, в частности перепись населения и учет доходов, контроль за управлением имуществом, отданным в аренду. Для ведения канцелярских дел при *эмине* состоял *кятиб*, а для исполнительских функций – *чавуш*.

⁵ *Откуп* – система сбора с населения налогов и других государственных доходов, при которой государство за определённую плату передаёт право их сбора частным лицам (откупщикам).

были назначенные ханом *кадии*⁹, *мухтесибы*¹⁰, начальники *сипахив*¹¹, *наибы*¹² в *нахие*¹³, *шерифы*¹⁴, *субаши*¹⁵, *янычар агасы*¹⁶ [Эвлия, 2008, с. 58, 136, 144]. В кадиаскерской тетради за 1683 г. сохранился ферман Хаджи Герая II о назначении представителя *матараджи баши*¹⁷ янычара Хасана Беше *сердаром*¹⁸ янычарского корпуса, в подчинение которого входили: ка-

*пы-кулы*¹⁹, *янычары*²⁰, *топчу*²¹, *джебеджи*²², *аджеми-огланы*²³, *кул-огуллары*²⁴. При нарушении установленного порядка членами янычарского корпуса *сердар* обязан был передать провинившегося кадию Карасу (Карасубазар), а после вынесения меры наказания, получив разрешение кадия, проследить за исполнением [Inalcik, 1996a, s. 183].

⁹ *Кади*, или *кады* (ар.) – мусульманский судья, осуществляющий судопроизводство на основе *шариата* (мусульманского права) или *адата* (обычного права). Обычно глава административно-судебного округа. Его ранг определялся размером ежедневного жалования в акче. В зависимости от ранга кадии имели различное жалование. Кади Карасу получал 300 акче, кади Гезлева получал 500 акче.

¹⁰ *Мухтесиб* (ар.) – служащий, обязанный следить за ценами, за правильностью мер и весов, имел право наказывать того, кто мошенничал в торговых делах.

¹¹ *Сипахи* (перс.) – владельцы условных пожалований, тимаров или зеаметов, были обязаны являться на войну и приводить с собой положенное число вооруженных и снаряженных бойцов. Сипахиями назывались также конные гвардейцы, состоявшие на жаловании.

¹² *Наиб* (ар.) – заместитель кадия, судья шариатского суда. Здесь имеются в виду судебские чиновники, заместители кадия.

¹³ *Нахие* (ар.) – окрестность. Самая мелкая судебно-административная единица Османской империи и Крымского ханства, часть *каза*. Во главе *нахие* стоял *наиб*.

¹⁴ *Шериф* (а. с.) – род, ведущий происхождение от пророка Мухаммеда.

¹⁵ *Субаши* (тур.) – “сю” солдат, воин. Чиновник, исполнявший обязанности начальника полиции в городе, подчинялся кадию или санджакбею; тимар субашисы (тимарный субаши) – ленник из числа провинциальной знати. Обычно находился в *касаба* и в крепостях. В мирное время он был их правителем, в военное – выступал в поход в качестве военачальника отряда *сипахив* численностью в 250–300 всадников.

¹⁶ *Янычар агасы* (тур., перс.) – глава янычарского корпуса, его главнокомандующий. Он был главой янычарского дивана, который рассматривал все дела корпуса, жалобы и тяжбы, вопросы жалования, повышения по службе и т. п. Дневное жалование янычарского аги составляло 500 акче, годовой доход с пожалованного ему владения (*хасс* – крупное земельное жалование) – 500 тыс. акче.

¹⁷ *Матараджи баши* – главный командир, отвечающий за фляги с водой; *матара* (ар. с. – тур.) – фляга для воды.

¹⁸ *Сердар* (перс.) – военный командир; командир янычарского корпуса. То же, что и *янычар агасы*.

Кадылыки делились на более мелкие административно-территориальные единицы. В большинстве своем это были *карие* и *нахие* – деревни и селения. Самыми маленькими административными единицами как в городах, так и в деревнях были *махалле* – кварталы, в которых и протекала повседневная жизнь [Абибуллаева, 2015, с. 182].

Вышеописанное нашло четкое подтверждение в материалах сохранившихся Кадиаскерских тетрадей. Поскольку в большинстве своем прежде всего это судебные решения, то сразу обращает на себя внимание место проживания истца, например: «Эль-Хадж Бекир бин Пиреш, проживающий в деревне (*карие*) Актачи [провинции] Нехри Качи, продал за 440 курушей Илье, сыну Давида, еврею из Кале, сад. Упоминаемый сад расположен вблизи деревни и граничит с одной стороны с широкой дорогой, с другой стороны часть его примыкает к собственности Алиша и Майыса Софу, третья сторона сада выходит к реке Качи, четвертая сторона сада также граничит с широкой дорогой. Акт купли-продажи был запротоколирован судом и с этого дня Илье, сын Давида, являлся владельцем сада. *Присутствующие свидетели*: Мисризаде Ахмед Эфенди, Шахбаз Эфенди имам высокопочтенного Хана,

¹⁹ *Капы-кулы* (тур.) – общее название всех воинов регулярного войска на жалование. К этому войску относились: янычары и придворные части конников (улуфели сипахилер), пушкарники, оружейники, бомбардирры (*хумбараджи*), водовозы.

²⁰ *Янычары* (тур., перс.) – основная категория постоянного пехотного войска. Состояли на жаловании у государства.

²¹ *Топчу* (тур.) – пушкарь.

²² *Джебеджи* – оружейник.

²³ *Аджеми-огланы* – христианские мальчики, прошедшие военную подготовку к службе в янычарском корпусе.

²⁴ *Кул-огуллары* – употреблялся для детей *капы-кулу*. Этот термин приобрел значение, которое характеризует определенный статус, приняв официальный титул в военной терминологии Османской империи.

Шахбаз Эфенди – мудеррис из Альмы, Арслан Эфенди – мудеррис из Салачика, Мевлюд Али Эфенди – зять Дервиша Мехмеда, Кенан ибн Абдуллах – судебный пристав и другие» [Ал-сукук..., 1674–1645, л. 18]. «Деревня (*карие*) Улаклы, относящаяся к Бахчисараю, и деревня (*кой*) Калпак – провинция судебного округа (*каза*) Нехри Качи, снабжали дровами гарем хана. Из этих сел каждый месяц в определенном количестве поступали дрова во дворец. Жители указанных сел, думая, что они освобождены от этого обязательства, вероятно, перестали выполнять это поручение. По этой причине в 1735 г. был написан ханский указ (*ферман*), в котором речь шла о выполнении обязанностей, а также оповещение, что при возникновении необходимости жителей будут привлекать к доставке камня и извести» [Виук, 2007, с. 46]. В примерах четко показан административный центр (*каймаканство*) – Бахчисарай и его судебные округа (*када, каза*), а также раскрываются взаимоотношения государства с административными округами, регулирование, возложение обязательств и требование исполнения.

В следующих судебных решениях указываются названия кварталов, к примеру, города Бахчисарая: «Хайнебанам-хатун из махалле Шехер-Кустю...», «Батыр Джелил из махалле Асма-Кую...», «Эль-хадж Сеитбекир из махалле Хаджи-Коки...» [Ал-сукук..., 1750–1751, л. 28; л. 43]. В дословном переводе с арабского языка «*махалле*» означает «территориальные части», т. е. кварталы, из которых состояли города и деревни (ар. «махал» – محل, от корня «лах» – «занимать место, селиться») [Develioglu, 2009, s. 564].

Кварталы столичного города Бахчисарая и других новых городов Крымского ханства имели иррегулярную планировку [Третья учебная экскурсия, 1890, с. 45–46]. Халил Иналджик дает этому следующее объяснение: «<...> любой восточный город построен в традициях ислама, и поэтому будет верно рассматривать его в контексте мусульманской культуры и архитектуры» [Inalcik, 1995a, s. 243–268].

Главными зданиями в структуре городской застройки городов Крымского ханства выступали мечети, медресе, мектебы, хамамы, базары, ханы, дворец (дворцы) правителя и др. обще-

ственные учреждения. Соборная мечеть, которая имела практически во всех городах Крымского ханства, была не только средоточием идеологической концепции ислама, но и важнейшим индикатором процветания государства. Облик этого сооружения представлял первостепенный интерес и всегда выделялся из общего фона городской застройки. С ростом городов появлялись малые мечети для пятикратной молитвы, которые становились центром отдельных кварталов. Все мечети по традиции украшались минаретами, основной функцией которых был призыв на молитву – *азан*. В немусульманских махалле центром являлся храм / церковь. По сути, каждое махалле представляло собой микрорайон и обладало определенным комплексом общественных учреждений, составлявшим как бы неотъемлемую черту облика жилого квартала средневекового города. Связь между махалле и центральным местом осуществлялась сетью бесчисленных узких извилистых улиц и улочек. Явных границ между махалле не было, но почти в каждом из них была мечеть. Ответственными в махалле были все жители, а *имам*²⁵ или *муэдзин*²⁶ выступали связующим звеном между государством и жителями того или иного квартала. Кроме духовных обязанностей имамы следили за внутренней атмосферой квартала, вели статистику умерших и родившихся, знали количество домовладений и каждого жителя, доносили до жителей правительственные указы. Для подтверждения официальных документов имамы пользовались личными печатями. В кадровой системе государства, как духовные служители, имамы занимали самое широкое место [Beydilli, 2013, s. 11]. Отсюда вырисовывается первая ступень в иерархии структуры управления государством. Таким образом, махалле являлось низшей и наименьшей единицей в административно-территориальной системе Крымского ханства.

Количество кварталов в столичном городе **Бахчисарае** согласно письменным источникам разных периодов, колеблется: Фырат Яша из данных Кадискерских тетрадей за период с 1650 по 1675 гг. выделил 44 квартала г. Бахчисарая [Yaşa,

²⁵ *Имам* – духовное лицо, которое заведует мечетью, глава мусульманского сообщества.

²⁶ *Муэдзин* – служитель мечети, призывающий мусульман на обязательную молитву.

2018а, s. 389–402]. Второй турецкий исследователь – Мехмед Йылмаз, работавший с этими же источниками, но за 1784 г. пишет о наличии 34-х кварталов в Бахчисарае: Хан Джами, Савускан (Сагускан), Кайтаз Ага, Шехер кустю, Сары Хусеин, Кади, Абид Эфенди, Омершах Эфенди, Асма кую, Арслан Ага, Молла Мустафа, Деббагхане, Мектум, Сувлу Коба, Малиш Ага, Шехрин устю, Шах Болат Ага, Буюк Акташ, Салачик, Шабан Молла, Орта Джами, Хаджи Гок, Осман Ага, Синджан, Козоглу Кызы (?), Эски Юрт, Махзар Эфенди, Акчокрак, Юкары медресе, Юкары Месджид, Ешилль Джами, Орта Медресе, Баба Курт, Эль-Хадж Али Ага [Yılmaz, 2015, s. 181]. Э. Э. Абибуллаева, опираясь на исследования Омера Быйыка [Абибуллаева, 2015, с. 168–173], описания путешественников, этнографические данные (опрос местных жителей), выделила 98 названий кварталов города Бахчисарая. Ф. Домбровский, исследовавший метрические книги Бахчисарая, в историко-статистическом очерке за 1848 г. перечисляет названия 32-х кварталов: «Акь-Чокьракь, Эски-Юрт, Азиз, Ени-Магалэ, Мулла-Мустафа, Уму-ль-Сум, Абит-Эфенди, Кади-Магалэ, Кайтаз-Ага, Табана-Магалэ, Арслан-Ага, Сирли-Чешмэ, Шегер-Усту, Кадыр-Эфенди, Малич-Ага, Салачик-Медресэ, Асма-Кую, Сулу-Коба, Шегер-Кусту, Умер-ша-Эфенди, Баба-Курт, Аджи-Кокий, Ак-Каш, Хан-Джами, Шабан-Мулла, Орта-Джами, Эсмэ-Хани, Саус-Кан, Осман-Ага, Эски-Юрт-Ашага, Бурма-Чешмэ и Шах-Булат» [Домбровский, 1848а, с. 392–393]. Сверка и анализ данных за три периода – 1650 – 1675 гг., 1784 г. и 1848 г. показали, что в количественном отношении в Бахчисарае было от 32 до 34 кварталов.

Приблизительно такое же количество кварталов было и в других городах Крымского ханства. Например, в **Карасубазаре** насчитывалось 32 квартала, названия которых были выделены из Кадиаскерских тетрадей Зенеб Оздем: Джами-Кебир, Хаджи Шабан, Кыбтиан махаллеси (квартал, где проживали копты), Шейх Реджеп Эфенди, Шор джами, Али Эфенди, Садык Эфенди, Хаджи Буньяд, Аджем махаллеси (квартал, где проживали иранцы), Чорум махаллеси, Хаджи Ашир, Хаджи Бари (?), Хаджи Салих, Сейид Хасан, Тахта Месджит махаллеси, Кара Чора,

Хаджи Исмаил, Накиб Эфенди, Хаджи Шахмуррад, Синан Герай, Карагач махаллеси, Хаджи Кудреш Эфенди, Хаджи Хасангельди, Чингене махаллеси (цыганский квартал), Чешме махаллеси, Кенисе²⁷ махаллеси (христианский квартал), Хаджи Арслан, Хаджи Эсенгельди, Хаджи Кара Али, Тарханлы махаллеси (квартал Тарханлы), Ак топрак, Рум махаллеси (греческий квартал), Аджем махаллеси (квартал, где проживали иранцы) [Özdem, 2006, s. 38].

В портовом городе Крымского ханства **Гезлеве** насчитывалось 43 квартала [Biyik, 2007, s. 143–144; Эвлия, 2008, с. 49], названия которых были следующие: Эльхадж Хызыр, Молла Али, Танлы Кую²⁸, Эмирлер махаллеси, Шейх Мустафа Эфенди, Сефер Эфенди, Абдушакир Эфенди, Бакырджилар махаллеси (квартал медников), Капыджи махаллеси, Акынджи олан махаллеси, Ак Монла Капысы махаллеси (за крепостью), Мусли Эфенди, Деде Ага махаллеси, Кавруш махаллеси, Деббагаде махаллеси, Татлы²⁹ кул махаллеси, Хафыз Эфенди, Одун Базары, Шейх махаллеси, Али Эфенди, Ислам Эфенди (за крепостью у Акмолла капысы), Ренджберли³⁰ Кой³¹ махаллеси, Кумлук³² махаллеси, Ана Биём махаллеси (квартал Ана Биём³³), Хызыр Бей, Сейфи махаллеси, Эрмени махаллеси (Армянский квартал), Шор³⁴ Базары махаллеси, Шукруллах Эфенди (за крепостью), Кумак махаллеси, Шейх Эфенди, Хызыр Бей, Бурсалы³⁵ махаллеси, квартал Мечети Хамида Эфенди, Хызыр Гази, Хаджи Герай хан махаллеси (квартал Хаджи Герая), квартал Ашлык Базар, Джами Кебир, Бабеш / Бееш ма-

²⁷ *Кенисе, килисе* (ар.) – церковь.

²⁸ *Кую* (кр.-тат.) – колодец.

²⁹ *Тат* – субэтнос у крымских татар.

³⁰ *Ренджберли* (тур.) – красочный.

³¹ *Кой, кёй* (кр.-тат.) – село, деревня.

³² *Кум* – песок.

³³ Титул «*Ана биём*» в доме Гераев появился в XVI столетии, который московские толмачи передавали как «Анабиём-царица». Титул обозначал мать хана (анабегим собственно и значит «мать-госпожа»).

³⁴ *Шор базары* – рынок, где продавали сбрую, ремни, дорожные мешки и отделявают конные экипажи кожей и обивкой и др. изделия / шорник – специалист по изготовлению конской упряжи. Вероятно, на этом рынке продавали и лошадей.

³⁵ *Бурса* – крупный город в северо-западной части Турции, расположенный недалеко от побережья Мраморного моря

халлеси, Ак Топрак, Копрюбаши³⁶ махаллеси, Зынджирлыккую махаллеси, Табакзаде махаллеси [Виук, 2007, s. 143–144].

В городе калги-султана – **Ак-Мечети**, по данным Эвлии Челеби, было 8 кварталов: «пять михрабов <...>, и еще три квартальные мечети» [Эвлия, 2008, с. 139]. По данным Кадиаскерских тетрадей за 1767, 1700, 1726 гг., Омер Быйыком были выявлены 5 названий кварталов Ак-Мечети: Мехмед Деде махаллеси, Чингене махаллеси, Буюк Джами махаллеси, Каяасты махаллеси, Баки Болюкбаши махаллеси [Виук, 2007, s. 147].

Ор-Капы или Ферах-Кермен, представлял собой город-крепость, но, по сведениям Эвлии Челеби, в пригороде было двенадцать михрабов [Эвлия, 2008, с. 32]. Если мечеть является центром квартала, то можно сделать предположение, что пригород Ор-Капы состоял из двенадцати кварталов.

В провинции османской империи – городе **Кефе**, согласно описанию Эвлии Челеби, в 1666–1667 гг. было 80 мусульманских кварталов, а с кварталами армян, греков, иудеев и цыган всего насчитывалось 120 кварталов разных общин [Эвлия, 2008, с. 186–187]. Юджель Озтюрк из Кадастровых книг (Тару Тahrir Defterleri) за 1542 г., хранящихся в Османском архиве (Sultanahmet Osmanlı Arşivi), выделил 36 названий кварталов: махалле Мечети Насух-эфенди, махалле Мечети Ходжа Джафер, махалле Ходжа Шабан, махалле Мечети Мусалла, махалле Мечети Атчи Махмут, махалле Мечети Хаджи Кишвер, махалле Мечети Балат³⁷, махалле Мечети Ченелю, махалле Мечети Мерджан Ага, махалле Мечети Хаджи Неби (эти кварталы располагались во внутренней части крепости у Френк хисары / Франкская крепость); махалле мечети Еничери Халил, махалле Мечети Дагдасян, махалле Мечети Ходжа Джафер, махалле Мечети Синан Ага, махалле Джами Кебир, махалле Джами Джедид, махалле Месджид-и Хатун, махалле Мечети Сейит Балак, махалле Мечети Ходжа Вели, махалле мечети Сербазар, махалле Мечети Мерджан Ага, махалле Мечети Акташ, махалле Мечети Ширвани, махалле Мечети Джанджан, махалле Мечети Ходжа Хасан, махалле Мечети Хайреддин, махалле Ме-

чети Хасан Рубан, Джами Касым Паша, махалле Мечети Урьяндеде (эти кварталы располагались у крепости Кала-и Бирун); махалле Мечети Ахмед Хаят, махалле Мечети Синан Ага, махалле Мечети Бейли Хафиз, махалле Мечети Эюуль Кемал, махалле Мечети Катип Синан Факих, Джами Хамза-и Босна, махалле Мечети Хусамеддин (в крепости Бирун). Также исследователь выявил 14 немусульманских кварталов: армянских, греческих и еврейских [Öztürk, 2000, s. 212–214, 217–220]. Названия некоторых квартальных мечетей: Джами Джедид – Ени-Джами, Мечеть Ченелю, Мечеть Хаджи Неби – Мечеть Таджира³⁸ Хаджи Неби, махалле Месджид-и Хатун³⁹ – Хатуние-Джами и наличие немусульманских кварталов совпадают и в описаниях Эвлии Челеби, который посетил этот город спустя 125 лет – в 1666–1667 гг. [Эвлия, 2008, с. 176].

Анализ названий кварталов Бахчисарая, Гезлева, Карасу, Ак-Мечети помог выяснить, в целом, процесс формирования городского населения и раскрыл прослойку, из которой выходили строители общественных зданий. Титулы и звания, сопутствующие многим именам, показали, что больше всего в названиях кварталов присутствуют должностные лица из государственного аппарата. Например, кварталы Бахчисарая. «Шах Болат», «Сефер-Гази Ага», «Кайтаз Ага», «Ахмед Ага» названы в честь везирей Мухаммеда Герая IV (XVII в.), а квартал «Ислам Ага» носит имя дефтердара (заведующий финансовой частью вилайета) [Эвлия, 2008, с. 106]. Особое внимание в Гезлеве привлекают такие названия кварталов, как «Ана Биём» (квартал Ана Биём) и «Хаджи Герай» (квартал Хаджи Герая) [Виук, 2007, s. 144], еще раз подтверждая факт непосредственного участия представителей ханской фамилии в благоустройстве городов.

Учитывая особое положение женщины в исламе и, соответственно, в Крымском ханстве, которое выражалось не только в почтении и уважении к матери, жене, сестре, дочери, а также к её материальной самостоятельности, хотелось бы уделить внимание кварталам, названным в честь некогда влиятельных и знатных особ.

³⁸ *Таджир* (ар.) – купец.

³⁹ *Хатун* (тюр., ар.) – правительница; 1) женщина; 2) жена; 3) в прошлом, титул, присвоенный женщинам высокого ранга или ханским женам.

³⁶ *Копрю* – мост; *баши* – начало моста; у моста.

³⁷ В квартале Балат в 1542 г. проживал санджакбей Кефе – Халил Бей [Öztürk, 2000, s. 212].

Женщины, именами которых названы кварталы, занимаясь благотворительной и богоугодной миссией, выделяли средства на строительство общественных сооружений. К большому сожалению, не все постройки той эпохи дошли до наших дней. Например, от достопримечательностей Бахчисарайского квартала Исмихан Кадын (она же Исмихан Бием) сегодня сохранилась мечеть, отмеченная в судебном реестре за 1701 г., а в реестре за 1675 г. упомянут мектеб, построенный ею же. Следующие кварталы Бахчисарая – Кериме Бике махаллеси и Умму-Гульсумм (Умм-Гульсум) махаллеси, в котором также был мектеб, отмеченный в документе ГАРК за 1865 г. [ГАРК. Ф. № 315, оп. № 1, д. 1166, л. 10]. Вероятно, мектеб был построен на средства Умму-Гульсум, так как в документе из ГАРК охарактеризован как «Мектеб в приходе Умум-Гульсум. Когда построен не известно...». Интересно, что приставка «*ام*» (ум) в переводе с арабского языка означает – «мать, мама» [Develioğlu, 2009, s. 1127]. Можно предположить, что Умму-Гульсум была высокопоставленной особой, возможно, матерью одного из ханов. К наследию дочери Эль-Хадж Селим Герая – Бекхан Султан-ханым – относится мечеть, построенная в 1712 г.⁴⁰ Сегодня эта компактная квартальная мечеть известна под названием Тахталы-Джами. Фактом является то, что мечетей с таким названием в ранних источниках нет, соответственно название «Тахталы» было дано гораздо позже. Также в судебном реестре за 1656 г. и 1718 г. указаны квартал и мечеть Бахчисарая под одноименным названием Джами-Шериф. Мечеть была построена и передана в вакуфное пользование Улу Бием Султан [Виук, 2007, s. 118–122]. Приставка «*улу*» означает «великая, выдающаяся», вторая приставка «*султан*» – дочь хана (принцесса), имя, соответственно это тоже была влиятельная женщина [Develioğlu, 2009, s. 963]. В дефтере хана Инает Герая за 1635 г. среди знати, удостоенной подарками, присылаемыми из Москвы, после хана стоят «*ана бийим*» – мать, «*улу бийим*» – первая жена, «*икинджи бийим*» – вторая жена, «*учюнджи бийим*» – третья жена, «*дёрдюнджи бийим*» – четвертая жена [Velyaminov, 2009, s. 29, s. 143, 168, 209–210]. Из

⁴⁰ Мечеть, известная как Тахталы-Джами, и в наши дни украшает город Бахчисарай.

этого можно сделать выводы, что Улу Бием Султан и Исмихан Бием – это супруги ханов.

Многие кварталы в городах названы в честь людей, совершивших паломничество – «*хадж*». Однозначно, что все эти люди принадлежали к состоятельным горожанам, т. к. совершить такое путешествие и построить затем мечеть человеку из простого народа было не под силу.

Для понимания состава городского населения имеют значение названия кварталов, обозначающие профессии. Среди них много названий ремесел и ремесленников. Как известно, слово обозначающее профессию, сопутствовало имени человека, к примеру: «*терзи*», «*саатчи*», «*кяттип*», «*ханбарджи*», «*деббаг*», «*хафыз*», «*табанджаджи*», «*кушчи*», «*кады / кади*».

В социальном отношении население кварталов было неоднородным: в одном квартале проживали богатые, средние и бедные слои. В отдельных кварталах, а иногда в нескольких соседних, наблюдалась тенденция к образованию компактных однородных групп соплеменников или земляков, как переселившихся в Бахчисарай, Гезлев, Ак-Мечеть, Карасубазар. Об этом свидетельствуют названия кварталов перечисленных городов, например: Черкезский квартал (в Бахчисарае), Цыганский квартал (был в Бахчисарае, Карасубазаре, Гезлеве, Ак-Мечети), Армянский квартал (был в Бахчисарае, Карасубазаре, Кефе), Еврейский квартал (в Бахчисарае, Кефе), Греческий квартал (был в Бахчисарае, Карасубазаре, Кефе), Аджем махаллеси (квартал, где проживали иранцы, был в Карасубазаре) и др.

К большому сожалению, сегодня определить границы кварталов в целом, в городах Крымского ханства и городах Кефинского эялета, является затруднительной задачей вследствие того, что не все мечети, фонтаны, медресе, мектебы и другие архитектурные сооружения, которые являются ориентиром, сохранились.

С учетом того, что наиболее большое количество архитектурных памятников ханского периода сохранилось в Бахчисарае, локализация некоторых кварталов этого города была установлена на сопоставлении данных из судебных реестров и сохранившихся памятников архитектуры. По сведениям Эвлии Челеби, после Ханского квартала самым большим и красивым был квартал

визиря Сефер-Гази Ага, где им были построены мечеть, фонтан, его дворец, окруженный грушевым садом с разнообразными цветами. Из Кадискерских тетрадей 1701 г. выявлено, что мечеть в квартале Шехер Кустю также является богоугодной деятельностью этого визиря [Виук, 2007, с. 122]. К сооружениям Сефер Гази Ага следует отнести и большой каменный в два этажа (120 комнат) с фонтаном во дворе постоялый двор для купцов в городе Карасубазаре, построенный в 1654 г. [Эвлия, 2008, с. 148]. Далее следовал квартал Ислам-Аги с его дворцом. К числу крупных кварталов Бахчисарая можно отнести и квартал Куба, окруженный прекрасным садом, описанный в 1666 г. Эвлией Челеби [Эвлия, 2008, с. 105–106]. Квартальная мечеть Куба входила в число самых красивых и старых мечетей города, её название получил и сам квартал. Мечеть была покрыта черепицей и имела каменный минарет. Кварталы Ашагы Куба и Татлы Куба являлись территориальными частями большого квартала Куба. Учитывая местоположение Ханского дворца, перечисленные кварталы соседствовали с центральным кварталом.

К большим кварталам относился и т. н. район Салачик. В состав этого квартала входили: Баба Курт махаллеси, Асма Кую махаллеси, Джума медресит махаллеси, Хаджи Ага махаллеси, Муртаза Ага махаллеси, Ариф-Мехмет эфенди махаллеси, Буюк медресе махаллеси, Менгли Герай Хан медресеси махаллеси, Кериме бике махаллеси [Виук, 2007, с. 115–119], Секбанлар махаллеси [Эвлия, 2008, с. 87]. Сам район Салачик в судебных реестрах указан как «Салачик махаллеси». Составной частью большого и старого квартала Салачик являлся и квартал Малиш Ага [Путеводитель, 1932, с. 90]. От былых строений квартала Маалиш Ага до наших дней дошли только несколько надгробий⁴¹ квартального кладбища, которые сегодня можно увидеть напротив Мемориального музея И. Гаспринского в Бахчисарае [Тимченко, 2006, с. 12–16]. Эти данные свидетельствуют, что происходило деление кварталов, которое было непрерывным, закономерным, хотя и медленно протекавшим процессом, в котором выражались развитие и рост города.

⁴¹ Наиболее целое надгробие суфия Шарафу-д-дина, который родился приблизительно в 1713 г. и умер в 1741 г. Из частично сохранившейся надписи читается: «Яшы 28 эди – Ему было 28 лет».

Обзор данных по кварталам за XVII–XIX вв. показал, что их названия, как правило, были долговременными, хотя и не оставались неизменными. Возможность проследить век за веком изменения в составе и названиях городских кварталов, благодаря использованию сопоставляемых письменных и этнографических (опросных) данных, а также наблюдению над исторически сложившимся обликом городов, приводит к выводу, что образование жилых кварталов являлось одним из проявлений процесса развития города. Медленно, но непрестанно изменялась территория кварталов, сменялись их названия, отражая иногда смену состава населения или его занятий, иногда появление какого-либо нового элемента городской топографии, иногда перестройку квартальной мечети, завещание в ее пользу нового крупного пожертвования или деление квартала при появлении там второй мечети.

Появлению новых кварталов в городах Крымского ханства также способствовали и увеличение плотности населения в старых кварталах, строительство новых торговых мест и освоение сельскохозяйственных поселений. Другими словами, главными факторами появления новых кварталов были растущее население и освоение экономически привлекательных мест. Формирование махалле обычно происходило вокруг религиозной структуры (мечетей, церквей и т. д.), в результате компактного поселения представителей одной религии, этнического происхождения или профессиональных групп. В этом процессе языковой и этнические факторы не играли такой большой роли, как конфессиональный.

Учитывая, что основные данные по кварталам и городам были взяты из Кадискерских тетрадей, сообщений Эвлии Челеби, статистических данных XVIII в., следует отметить, что определить четкое количество и полные названия кварталов в городах Ак-Мечеть, Ор-Капы сложно, так как основной источник, где указаны кварталы и их названия, – Кадискерские тетради – сохранились частично. Несмотря на это, принимая во внимание изложенную выше информацию о Бахчисарае, Ак-Мечети, Карасубазаре, Гезлеве и Ор-Капу, можно сделать предположение и общие выводы: согласно количеству кварталов, к густонаселенным городам Крымского ханства от-

носятся Бахчисарай, Гезлев, Карасубазар. Также перечисленные города представляли собой крупные торгово-ремесленные центры.

Если сравнивать города Крымского ханства и Кефенский вилайет – это две разные зоны управления. Количество кварталов показало, что такие города Крымского ханства, как столичный Бахчисарай, Ак-Мечеть и Карасубазар, уступали территориально Кефе. Торговый порт Кефе намного превосходил порт Гезлева и являлся важным портом Османской империи. Посещавшие город османы недаром называли его «маленьким Стамбулом» [Fisher, 1978a, p. 35], который занимал доминирующее положение среди городов Черноморского бассейна [Öztürk, 2000, s. 198]. Между населением двух административно-территориальных регионов (Крымское ханство и Кефинский эялет) были тесные культурные, социально-экономические связи. Например, большое количество судебных дел над жителями Кефе, которые передавались на рассмотрение в кадылыки Крымского ханства и наоборот – из кадылыков Крымского ханства в Кефинский эялет. Исходя из этого, Омер Быйык считает, что данные примеры служат подтверждением целостности полуострова в социально-экономическом плане [Виук, 2007, s. 172].

Городская инфраструктура. Многие города Крымского ханства, как и европейские, имели свои традиционные черты: рыночные площади (базары), мечети, церкви, парки, караван-сарай. В своей планировке города следовали четырем главным критериями: религиозным и культурным представлениям, мусульманскому законодательству, климату и ландшафту.

Достижениями городской архитектуры стали мечети, медресе, дворцы правящей фамилии, дворцы влиятельных особ, фонтаны, хамамы, постоянные дворы, караван-сарай, сады, мосты (каменные и деревянные) и другие общественные учреждения. Каменные мосты и сегодня можно увидеть в Бахчисарае над рекой Чурук-Су, в частности, расположенные близ Ханского дворца.

На процессы формирования городской инфраструктуры большое влияние оказал ислам. С исламизацией Крымского улуса тесно связано строительство мечетей, а затем медресе и мектебов. Хан Берке, одним из первых в Орде при-

нявший ислам, получив от Чингисхана ярлык на правление в Крымском улусе, строит города Эски-Сала и Эски-Юрт (в предместье Бахчисарая), где сохранились многие мусульманские святыни [Ислам в Крыму, 2009, с. 15]. Наиболее ранняя из квартальных мечетей – Бей Хаджи Умара эль-Бухари – была построена в 1263 г. в ставке Берке-хана, городе Солхат (Старый Крым) [Эвлия, 2008, с. 168]. Ко второй половине 80-х гг. XIII в. мусульманской общине Солхата понадобилась новая пятничная мечеть, возведение которой состоялось в 1287–1288 гг. [Крамаровский, 1997a, с. 105–106].

Окончательное утверждение и институционализация ислама в Золотой Орде произошли в правление хана Узбека (1312–1342). О государственной поддержке мусульманских учреждений в этот период свидетельствуют масштабы культового строительства. Ибн Баттута сообщает, что видел в столице Узбека – Сарае – 13 соборных и много более мелких мечетей [Ислам в Крыму, 2009, с. 17].

С образованием в 1443 г. самостоятельного Крымского ханства с династией Гераев из рода Чингизидов основным методом распространения ислама в Крымском ханстве оставалось создание имаретов – мусульманских духовных центров в главных административных, торговых, а также стратегически важных населенных пунктах. Имареты включали в себя не только мечети, мектебы, медресе, но и постоянные дворы, караван-сарай, водопроводы и т. д. Финансовая независимость таких центров обеспечивалась вакуфами – особым видом собственности, право на которую по закону шариата принадлежало Богу, а человек мог пользоваться только доходами от данных владений [Ислам в Крыму, 2009, с. 26].

Мечети. Религия составляла необходимую часть культурной жизни, поэтому центральное положение занимала мечеть, вокруг которой располагались кварталы. Если это был христианский квартал, соответственно центральное место занимала церковь, как, например, в Карасубазаре, где было две церкви – греческая (Рум килисеси) и армянская (Эрмени килисеси) [Kırımlı, 2001, s. 472]. Согласно описанию Эвлии Челеби, в 1666–1667 гг. в городе Бахчисарае было 24 мечети и 5 мечетей в квартале Салачик. Сообщая о

соборных мечетях, путешественник ограничился упоминанием названий трех – мечети Сахиб Герай-хана, мечети Куба, мечети Сефер Гази [Эвлия, 2008, с. 86, 104–105]. Согласно материалам Кадиаскерских тетрадей за XVII–XVIII вв., упоминается 39 мечетей Бахчисарая [Виук, 2007, s. 120]. В городе Карасубазаре в XVII в. было 28 мечетей, из которых 5 соборных, в Ак-Мечети – 8 мечетей из которых 5 соборных, в городе Гезлеве – 24 мечети, из которых 12 соборных, в городе Кефе, находящейся в подчинении султана, было 60 мечетей, из которых 10 были соборными [Эвлия, 2008, с. 144, 139, 50, 181].

До 1920 г. в Бахчисарайском районе действовало 108 мечетей, из них 32 мечети городские. В 1920–1935 гг. в Бахчисарае была ликвидирована 31 мечеть, одна оставалась функционирующей [Хайрулдинова, 2013]. По архивным данным, по состоянию на 1 июля 1924 г. в Крыму насчитывалось 433 мечети [Дедкова, 2017, с. 36]. Соответственно, количественные данные по мечетям, указанные Эвлией Челеби в 1666–1667 гг. и отмеченные в Кадиаскерских тетрадях XVII–XVIII вв. как по городу Бахчисарая, так и в целом по остальным городам Крымского ханства практически не изменились и сохранились вплоть до 30-х годов XX в.

Медресе и мектебы. Возникновение первых медресе в Крыму относится, как выше упоминалось, к золотоордынскому периоду. Практически сразу после принятия ислама в качестве государственной религии в подвластных Сараю регионах началось распространение мусульманской культуры и образования. Именно тогда в столице Крымского улуса, в городе Кырым (Старый Крым), была построена знаменитая мечеть Узбек-хана. Медресе при этой мечети было построено на средства Инджи-бек (или Ильчи) Хатун в 1332/33 г. [Эвлия, 2008, с. 167]. Заинтересованными в возведении учебных заведений являлись правящая и придворная знать, а также прослойка состоятельных людей.

К заведениям высшей ступени следует отнести медресе, к низшей ступени относились школы – мектебы. По сведениям Эвлии Челеби, всего в городах Крымского ханства было 9 медресе и 33 мектеба: в Бахчисарае – 2 медресе и 17 мектебов, Карасубазаре – 5 медресе и 8 мекте-

бов, Гезлеве – 2 медресе и 5 школ [Эвлия, 2008, с. 105, 147, 55]. Все образовательные учреждения располагались в различных кварталах городов. Самыми известными высшими учебными заведениями считались Зынджирлы-медресе, расположенное в Саладжике около дворца Менгли Герая, а также медресе Сахиб Герай-хана [Эвлия, 2008, с. 105]. В Саладжике было еще одно медресе, некое Муртазы Али Эфенди, которое упоминается в кадиаскерской тетради за 1713 г. [Виук, 2007, s. 122]. В квартале Малиш Ага располагалось Орта-медресе. В квартале Хан-Джами (Ханский квартал), располагалось Медресе Арслан Герая [Халим Гирай, 2004, с. 98]. В квартале Ахмед Ага располагалось одноименное медресе Ахмед Ага. О Юкары-медресе⁴² речь идет в деле за 1679 г., и медресе Мубарек Султан Бике зафиксировано в документе за 1722 г. [Виук, 2007, s. 122]. Очевидно, Мубарек Султан Бике была из знатного рода, возможно – женой одного из ханов.

Согласно данным Эвлии Челеби, в столичном городе насчитывалось 17 мектебов (школ). К благоустроенным учебным заведениям относились школа Бахадыр Герай-хана, школа Ислам Герай хана, школа Мухаммед Герай-хана [Эвлия, 2008, с. 105]. В ходе исследования нам стали известны названия и места расположения некоторых школ. К примеру, школа, расположенная в квартале Арслан Ага, в квартале Хаджи Гази, в квартале Исмихан бием, в квартале Сохраба-эфенди, школа в квартале Кале (еврейская школа), школа в Армянском квартале (армянская школа), школа Эльхадж Махмуд-бея, школа Деббага эльхадж Шах Гази Ага, школа Эльхадж Сулеймана [Виук, 2007, s. 12–123]. Мектеб Мехмеда Герая бин Селямет Герай хана в квартале Хан-Джами (Ханский квартал) [Халим Гирай, 2004, с. 98], школа Арслана Герая и школа Мехмеда Герая в квартале Джамии Кебир [Güneş, 2006, s. 80].

Из Кадиаскерских тетрадей 1733 г. были выявлены 5 названий медресе и 2 названия мектебов города Карасубазар: Реджеп Эфенди медресеси (Медресе Реджепа Эфенди), Кучук Мехмед Эфенди медресеси (Медресе Кучук Мехмеда Эфенди), Хаджи Яхъя медресеси (Медресе Хад-

⁴² Юкары – возвышенность, наверху. Судя по названию, данное медресе располагалось на возвышенном месте.

жи Яхьи), Джамии Шериф медресеси (Медресе Джамии Шериф), Эль-Хадж Субхан Кулу Гази Ага медресеси (Медресе Эль-Хадж Субхан Кулу Гази Аги); Хани Султан мектеби (мектеб Хани Султан), Якудилер мектеб вакфы (Вакуф еврейского мектеба). Еврейский мектеб, располагался в квартале Кебир-Джами [Вуик, 2007, s. 142].

В городе Гезлеве по материалам Кадиаскерских тетрадей XVII–XVIII вв. выявлены следующие названия медресе и мектебов: Эль-Хадж Абдуллах эфенди медресеси (Медресе Эль-Хадж Абдуллаха эфенди; дата документа: 1741 г.), Ислам Герай хан медресеси (Медресе Ислама Герая; дата документа: 1700 г.), Менгли Герай хан медресеси (Медресе хана Менгли Герая; дата документа: 1662 г.) [Вуик, 2007, s. 145]. Всего 3 медресе. По описаниям Эвлии Челеби, в XVII в. Гезлеве было 2 медресе и 5 школ (мектебов). В Ак-Мечети из образовательных учреждений были 3 школы, а в Кефе было 5 медресе, из которых особо выделялось Медресе Хаджи Фархада и 45 школ [Эвлия, 2008, с. 55, 140, 184]. Таким образом, почти во всех городах Крымского ханства были образовательные учреждения низшей и высшей ступени, которые в основной своей массе строились представителями правящей фамилии или состоятельными людьми.

Система водоснабжения. Важную роль в жизнеобеспечении городов Крымского ханства играло водоснабжение. Этому важному фактору в Крымском ханстве уделялось большое внимание, которое отметили в свое время путешественники. Достаточно подробные описания источников воды в городах ханства оставил Эвлия Челеби: из семи источников в Гезлеве лучшим был источник – Ислам Герай-хана. Это был большой источник под куполом, расположенный в самом центре города, с датой постройки 1650 г. Воды этих источников лошади вытягивали из колодцев, которые находились за четыре часа езды от ворот Ат-капу. Прекрасные мастера провели воду в город, и эта вода из вышеуказанных источников снабжала постоянные дворы, мечети и бани. Благодаря крупным пожертвованиям все городские источники находятся под бдительным надзором, и нет возможности их порчи и ущерба. Также путешественник отмечает 20 придорожных источников, которые

были устроены благодетелями в разных местах Гезлева [Эвлия, 2008, с. 56]. В городе Карасубазаре Эвлия Челеби отметил более ста водяных мельниц и журчащую по всему городу воду, которая питает сады [Эвлия, 2008, с. 144]. Самое большое количество источников путешественник насчитал в столице Крымского ханства: источников с проточной водой – семьдесят, среди них ханский и источник Ахмет Аги 1591 г. постройки, источник Абу Ахмет Аги, источник Сефер Гази Аги, источник Мухаммед Герая. В сорока семи местах были устроены придорожные источники. Самыми лучшими являлись источник Ислам Герай-хана, Сефер Гази Аги, Татского Аги, Танбури Рамазан Аги и Алемшаха [Эвлия, 2008, с. 106]. «Нельзя в достаточной мере не похвалить в Бахчисарае так же, как и во многих татарских городах, старательного ухода за водопроводами, проведенными с далеких высот подземными глиняными трубами в общественные фонтаны, а также для непрерывного пропуска воды во дворы знатных или богатых лиц. Здесь так умело распоряжаются этими водами, что те, вытекая из каменных водоемов, поступают на поливку маленьких городских садов, а частью особыми каналами проведены в выгребы, устроенные для общественного удобства вблизи фонтанов; таким образом, эти водные струи уносят не только эти нечистоты, но и уличные в ручей Джурюк-Су» [Паллас, 1999, с. 31–32]. Такое описание о водоснабжении оставил П.-С. Паллас. Следует отметить, что центральная водопроводная система, устроенная в период Крымского ханства в Бахчисарае, к 1848 г. ещё сохранялась и функционировала: «Всех фонтанов в нем [Бахчисарае] – 110: в том числе 12 фонтанов в Хансарае, 37 вакуфных и 61 частный. Замечательнейшее между этими фонтанами суть: Баш-Таксиль⁴³, вода которого, проведенная через весь почти город, снабжает, в свою очередь, водою 17 вакуфных фонтанов и 22 частных; Баш-Таксиль-Азиз⁴⁴, снабжающий водою 10 вакуфных фонтанов и 8 частных; Хан-Муслук⁴⁵, снабжающий водою 5 вакуф-

⁴³ *Баш-Таксиль* – главная или центральная система водоснабжения.

⁴⁴ *Баш-Таксиль-Азиз* – главная система водоснабжения в пригороде Азиз.

⁴⁵ *Хан-Муслук* – Ханский водопровод.

ных фонтанов и 2 частных. Прочие источники носят названия: Эрметлык-Магалеси⁴⁶, Хаджи-Эбетла и т. д., смотря по приходам или участкам города, на которые этот последний разделяется. Вакуфные и частные фонтаны исправляются и поддерживаются с особенным старанием: первые на счет добровольных пожертвований, как на дело богоугодное, или исправляются кем-либо по объекту, а последние на счет тех лиц, коим принадлежат фонтаны. Как из вакуфных, так и из частных фонтанов пользуются водою все без исключения» [Домбровский, 1848а, с. 395–396]. Примечательным является то, что благодаря сохранившейся и основанной еще 500 лет назад системе водоснабжения некоторые фонтаны до сих пор являются действующими, к примеру – Бурма Чешме (1748 г.)

Общественные бани. Баня, или хамам, была общественным местом и занимала одну из важных строк в списке самых посещаемых горожанами мест. В Бахчисарае функционировала большая баня Мухаммед Герай-хана, крытая рубиново-красной черепицей; далее баня Сахиб Герай-хана, расположенная рядом с Ханским дворцом; маленькая баня, покрытая низким сводом; старая, темная баня Табе-хане, прекрасная светлая баня с отличной водой, воздухом и зданием, расположенная в квартале Салачик [Эвлия, 2008, с. 87, 107–109], Кучюк хамам⁴⁷, Буюк хамам (Хамам-и Кебир)⁴⁸, Эски хамам⁴⁹ расположенные в квартале Джами Кебир, баня Хаджи Дервиш Мехмеда Аги, баня Яхья-эфенди в квартале Ашагы Куба, баня Эйваз Герая бин Мехмед Герай-хана, Чифте хамам и баня в Чаршибаши⁵⁰ [Виуик, 2007, s. 132–133; Güneş, 2006, s. 97–99]. Как и все общественные заведения, бани ремонтировались и поддерживались. Старый хамам, расположенный в квартале Медресе Менгли Герая⁵¹ в Салачике, из-за ветхого состояния в 1637 г. был отстроен заново. А в 1648 г. на ремонт котла было выделено 124 куруша [Виуик, 2007, s. 133]. В двух других городах: Гезлеве было 5 бань и Карасубазаре 4 бани.

⁴⁶ Эрметлык-Магалеси – Эрмени махаллеси (Армянский квартал).

⁴⁷ Кучюк хамам – маленькая баня.

⁴⁸ Буюк хамам – большая баня.

⁴⁹ Эски хамам – старая баня.

⁵⁰ Чаршибаши – рыночная площадь.

⁵¹ Менгли Герай медресеси махаллеси.

Дороги и почтовые службы. Большое внимание было уделено городским дорогам: еще при правлении ханов главная улица Бахчисарая была вымощена булыжником [Домбровский, 1848а, с. 50]. Дорожная сеть, которая соединяла все города Крымского ханства, была снабжена почтовыми службами, которые были свободными, т. е. имели вольный проезд. Все расходы по содержанию почтовой службы оплачивал хан, жертвуя на это доход с десятины, получаемой от ногайцев Янболука. Почтовые станции ханства заканчивались в Очакове, исключительно они размещались в различных местах: в Улуклукараме, Оркяпы, Каджанбак, Гёзлеве, Бахчисарае, Акмесците, Карасу (Карасубазаре), Кефе, где правитель половину расходов принимал на себя. А также в Кершени-Кале, Тамани и Каплу. На каждой станции имелось около шестидесяти лошадей, и в целом они были гораздо лучше снаряжены, чем в османской Турции [Пейссонель, 2009, с. 38–39]. Учредителем почтовых служб был Менгли Герай II [Смирнов, 2005, с. 45].

Сады. Для мусульман сады всегда были предметом удивления и восхищения, поскольку травы, деревья, животные, насекомые и все, что есть в природе, – это благословенный дар Всевышнего. Райские сады, неоднократно описываемые в Коране как места красоты, безмятежности, подходящие для созерцания и размышления, воспроизводились по всему мусульманскому миру. В Бахчисарае тоже были прекрасные сады, разбитые в 26 местах. Лучшим считался ханский сад Ашлама, далее сад Качи, сады Сюрен, луг и место прогулок во дворце Сефер Гази Аги с грушевыми деревьями и множеством цветов, сады Куба, сады Эски-Юрта, место прогулок и площадь для общественной молитвы Мухаммед Герай-хана, место прогулок с садами и виноградниками – Дворец Юсуфа, построенный Мухаммед Герай-ханом [Эвлия, 2008, с. 109–110]. Сады предназначались не только как места отдыха, но и многие правители коллекционировали там растения, что подтверждается наличием штата садовников в ханском саду Ашлама. Сады были и в городе Карасубазаре, через которые протекали ручьи и реки. Красивый сад в городе Ак-Мечети располагался у дворца Сефер Гази Аги [Эвлия, 2008, с. 144, 139].

Имареты или ашэви⁵². В трех местах столичного города Бахчисарая были специальные места для пропитания немощных, где все могли утолить голод. Один из имаретов располагался в ханском дворце [Эвлия, 2008, с. 109]. Вероятно, такие места были и в других городах, так как этот вид благотворительности также был продиктован исламом.

Больницы и медицина. Около мечети Сахиб Герай-хана располагалась больница в пару комнат, где присматривали за больными [Эвлия, 2008, с. 113]. Эта больница располагалась в Бахчисарае.

Из описаний Эвлии Челеби следует, что во многих городах Крымского ханства были медики, специализирующиеся в определённых областях медицины. Врачебным делом в Крымском ханстве занимались и иностранцы: лейб-медиком Гази Герая III в 1706 году был француз Ферран; Крым Герай-хана лечил грек Сирополо [Бахрушин, 1993, с. 335; Остерман, 1909, с. 83–85]. У сестры Хаджи Селим Герая – Улу-хани – лечащим врачом был местный еврей, который излечил её от смертельноопасной болезни. За это, принцесса в вознаграждение освободила проживающих на территории крепости (Чуфут-Кале) евреев от некоторых обязанностей, в частности от подушной подати [Пейссонель, 2009, с. 48].

В числе лечебных средств состояли и места, славящиеся благотворным климатом, водами и грязями. Лечебные грязи, расположенные в селении Сахь, или Сакь (ныне Саки), были известны ещё в период Крымского ханства. Лекари хорошо владели искусством лечения грязью: выкапывали глубокую яму, клали в неё больного, зарывали в грязь таким образом, что он мог только свободно двигать головою, но туловище его было зарыто полностью. Полежав в таком положении часа полтора, больной переходил в другую яму, расположенную недалеко и полную теплой воды, где и умывался [Бурьянов, 1837, с. 337]. После такой процедуры больной избавлялся от боли в суставах и мышцах.

Город Крым (Солхат) славился своими термальными источниками. Как сообщает д'Асколи в 1634 г.: «В окрестностях этого города произрастают душистые цветы и целебные травы. Ежегодно, от весны и до июля, бывает большой съезд со всех концов Татари для пользования ваннами

из горячей воды с цветами и травами, исцеляющими человека от многих недугов» [Описание, 1902, с. 106–107].

Система канализации. На сегодняшний день вопрос детального изучения устройства канализационной системы в городах Крымского ханства остается открытым, так как для этого необходимы археологические исследования. В сохранившихся письменных источниках информации практически нет, описываются дворцы, фонтаны, бани, медресе, караван-сарай и др., но нет описания устройства системы очистки города или канализации, также нет информации о специальных служащих, проводящих очистку выгребных ям и уборных – кенеф [Yaşa, 2018a, s. 389–402]⁵³. Вероятно, такие мероприятия жители кварталов проводили сообща, и нечистоты из уборных вывозились в специально отведенное и отдаленное от города место. Вывоз нечистот могли выполнять отдельные люди за определенную плату, как это практиковалось в Османской империи и других мусульманских странах [Ergin, 1935, s. 30–32]. На наличие системы стока в городах Крымского ханства наталкивает небольшое описание: «<...> вытекающая из каменных водоемов, поступающая на поливку маленьких городских садов, а частью особыми каналами проведены в выгребы, устроенные для общественного удобства вблизи фонтанов; таким образом, эти водные струи уносят не только эти нечистоты, но и уличные в ручей Джурюк-Су» [Паллас, 1999, с. 31–32]. Таким образом, можно предположить, что в Бахчисарае и в остальных городах Крымского ханства была устроена система подземного стока посредством подземных каналов – лагым⁵⁴, как это было устроено в Османской империи [Ozturk, 2006, s. 46]. Соответственно были и люди, которые чистили эту сточную систему. Следует отметить наличие специально отведенных мест для омовения – *абдестхане*⁵⁵ во дворах мечетей, так как наличие этих помещений диктовалось канонами ислама. Возможно, такие помещения были устроены при крупных соборных мечетях.

⁵³ *Кенеф* – уборная, туалет. В кадиаскерских татрадах при описании домов присутствуют уборные.

⁵⁴ *Лагым* – специальные подземные каналы для грязной воды (сточные воды).

⁵⁵ *Абдест* (перс. аб – вода, дест – руки) – омовение, совершаемое перед намазом – пятикратная молитва.

⁵² *Имареты или ашэви* – места для пропитания.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы: под влиянием исторических событий в Крымском ханстве складываются структуры административно-территориального управления, расселения и коммуникаций региона, обладавшие преемственностью с подобными структурами предыдущего периода в определенной степени.

С 1475 г. произошли изменения в административно-территориальной структуре Крымского ханства, в которой уже не было улусной системы, а наряду с делением на бейлики и ходжалыки была внедрена система каймаканств и кадылыков. Изменения произошли и в пространственно-территориальной организации региона, ставшего составной частью Османской империи: вместо Кырк-Ера центром и столичным городом становится Бахчисарай.

Новые города были образованы на месте старых поселений или предместий, которые были расположены на сухопутных торговых путях золотоордынского периода. Тип укрепленных городов-крепостей сохранялся для размещения воен-

ных гарнизонов Крымского ханства и Османской империи. Наименьшей административной единицей стали махалле – кварталы.

В архитектуре городов и селений, под влиянием ислама на все сферы жизни, получает распространение заимствованная у стран мусульманского Востока имаретная система – строительство мечетей, медресе, мавзолеев, хамамов, караван-сараяв и др. общественных строений. Общим в городах можно считать присутствие социально-этнического характера расселения в кварталах и существование иноэтнических кварталов со своими культовыми и образовательными учреждениями.

Процесс образования городов рассматриваемого периода происходил циклично под влиянием разных факторов и включал два периода – золотоордынский и османский. Подтверждением этому служат памятники архитектуры: мечети, мавзолеи, фонтаны, хамамы, дворец и др. объекты культурно-исторического наследия, расположенные в разных частях Крыма.

11.4. Правовая культура Крымского ханства

Р. Ю. Почекаев

Распад Золотой Орды привел к разрушению материальной составляющей ее «имперской» системы права, в результате чего правовое развитие ее государств-преемников пошло по собственному пути. К числу наиболее изученных в правовом отношении постордынских государств относится Крымское ханство, от которого, в отличие от других наследников Улуса Джучи, сохранилось значительное число правовых памятников различного происхождения и относящихся к различным этапам истории этого государства, что позволяет проследить эволюцию правовой культуры этого государства.

Главным источником права, олицетворяющим правопреемство Крымского ханства от Золотой Орды, в течение всего времени существования этого государства оставались ханские ярлыки – указы, акты единоличного волеизъявления монархов. Значительное количество этих юридических

памятников сохранилось как в крымских, так и в османских архивах, и их активное введение в научный оборот началось уже в XIX в. и продолжается до сих пор. Публикации текстов и переводов ярлыков Крымского ханства осуществляли В. В. Григорьев и Я. О. Ярцов [Григорьев, Ярцов, 1844; Ярцов, 1848], И. Н. Березин [Березин, 1872], Ч. Ч. Валиханов [Валиханов, 1984а], Ф. Ф. Лашков [Лашков, 1895д], З. А. Фиркович [Фиркович, 1890], В. Д. Смирнов [Смирнов, 1913; 1917], в советское время – С. Е. Малов [Малов, 1953], в настоящее время – С. Ф. Фаизов [Фаизов, 2003], И. В. Зайцев [Зайцев, 2007а; 2016], Р. Р. Абдужемилев [Абдужемилев, 2016д; Документы, 2017], О. Д. Рустемов [Рустемов, 2015б; 2017б], среди зарубежных ученых – Х. Абдуллахоглу [Abdullahoglu, 1934], А. Н. Курат [Курат, 2014], А. Беннигсен [Bennigsen, 1978], И. Вашари [Vásáry, 1982], Колодзейчик [Kołodziejczyk, 2011, p. 527–1008] и др.

Учитывая существенно увеличившееся значение шариата как источника права в Крымском ханстве по сравнению с Золотой Ордой, неудивительно, что исследователи все чаще обращаются к основному источнику мусульманского права – кадиаскерским тетрадам (саккам), извлекая оттуда весьма ценную информацию. Введением в оборот этого ценнейшего источника в XIX в. занимались М. Биярсланов [Биярсланов, 1889; 1890а; 1890б] и Ф. Ф. Лашков [Лашков, 1895г; 1895д; 1896а; 1896в; 1897а; 1918], в настоящее время публикацию документов из него осуществляет О. Д. Рустемов [Рустемов, 2017а].

Наконец, важная информация о правовых реалиях Крымского ханства и правоприменительной практике содержится в нарративных источниках – записках современников (в т. ч. иностранных) и исторических сочинениях крымскотатарского происхождения.

В течение существования Крымского ханства его посетило большое число иностранцев, чьи записки также активно вводились в оборот с XIX в. В качестве наиболее ярких примеров свидетельств иностранцев, чьи сведения о крымских правовых реалиях представляют значительный интерес, можно назвать, в частности, произведения Михалона Литвина [Литвин, 1994], М. Броневского [Броневский, 1867], Д. Смита [Калашников, 2013, с. 7–39; Храпунов, Храпунова, 2015], Э. д'Асколли [Описание, 1902], Д. да Лукка (Ж. де Люк) [Описание, 1879], Э. Челеби [Эвлия, 2008], Г. де Боплана Левассера [Боплан, 2004], доктора Феррана [Ферран, 1842], Ш. де Пейссонеля [Пейссонель, 2013], Ф. де Тотта [Tott, 1785], Н. -Э. Клемана [Клеман, 1783].

Отдельные сведения о правовых сторонах деятельности крымских ханов и их приближенных содержатся в исторических сочинениях как собственно крымского происхождения («Тарих-и Сахиб-Гирей» Реммаля-Ходжи [Абдукемилев, 2018б; 2018в], «Тарих-и Ислам Гирей хан» Мехмеда Сенаи [Абдукемилев, 2016г, с. 317–366], «Умдет ал-ахбар» Абдугаффара Кырыми [Кырыми, 2018], «Розовый куст ханов» Халим-Гирей-султана [Халим Гирай, 2004]), так и в некоторых турецких источниках – в частности, в «Изложении сути законов османской династии» Хюсейна Хезарфенна [Орешкова, 1990].

Исследованием проблем правового развития Крымского ханства в той или иной степени занимались практически все те же исследователи, которые работали с юридическими памятниками этого государства. Наибольшую ценность в этом отношении представляют труды Ф. Ф. Лашкова [Лашков, 1894; 1895а; 1895б; 1896; 1896а], В. Д. Смирнова [Смирнов, 2005; 2005а], Н. И. Веселовского [Веселовский, 1918], О. Акчокраклы [Акчокраклы, 1931], С. М. Шапшала [Шапшала, 1953], М. А. Усманова [Усманов, 1979], И. В. Зайцева [Зайцев, 2009], Р. Р. Абдукемилева [Абдукемилев, 2014; 2015; 2016б; 2016в], Э. Э. Абибуллаевой [Абибуллаева, 2016а; 2016б; 2017], О. Д. Рустемова [Рустемов, 2014; 2016а; 2016б; 2016в; 2017в], Н. Кроликовской [Krolikowska, 2013; Krolikowska-Jedlinska, 2018] и др. При этом нельзя не отметить, что современные исследователи при анализе правовых документов используют междисциплинарный подход, обращая внимание не только на содержательную сторону, но и рассматривая правовые документы как источник сведений о крымскотатарском языке (историко-филологический аспект), повседневной жизни татар эпохи ханства (этнографический аспект) и т. д. Все это позволяет сформировать достаточно полное представление о правовом развитии и уровне правовой культуры Крымского ханства. В гораздо меньшей степени изучается в историко-правовом отношении комплекс иностранных источников – вышеупомянутые записки дипломатов и путешественников, а также исторические хроники и сочинения: к их анализу обращаются, в частности, Ф. А. Аметка [Аметка, 2003; 2004], Н. Кроликовская.

Таким образом, как видим, имеется весьма широкий круг источников и ранее осуществленные исследования, касающиеся правового развития Крымского ханства, что позволяет сделать определенные выводы о его правовой культуре.

Являясь законными наследниками Золотой Орды, а через нее – и Монгольской империи, крымские ханы активно занимались правотворчеством, нашедшим отражение преимущественно в издании указов – ханских ярлыков. Они, как и в тюрко-монгольской имперской правовой традиции, были весьма разнообразны по содержанию, действию по кругу лиц и территории.

Особое место среди ярлыков занимали дипломатические документы – послания ханов иностранным правителям, которых они считали ниже себя по статусу и потому отправляли им письма в форме указов-повелений. Такие документы в большом числе отправлялись крымскими монархами в Московское царство и Польско-Литовское государство с конца XV и до последних лет существования ханства во второй половине XVIII в.: в частности, известны ярлыки ханов Крым Герая 1763 г. и Максуд Герая 1767 г. польскому королю Станиславу-Августу Понятовскому [Kowalski, 1925; Zimnicki, 1934].

Своеобразными «ярлыками-законами», распространявшимися на всех, кто вступал в соответствующие правоотношения, можно считать, в частности, ханские ярлыки об установлении или отмене налогов, сборов и пошлин. К этой же сфере относятся ярлыки о правилах чеканки монеты и ответственности за их нарушения [Рустемов, 2017а, с. 118–120, 225, 236–237].

Ярлыками же оформлялись приказы ханов о всеобщем сборе войск – причем хан использовал этот атрибут своей верховной власти даже в тех случаях, когда снаряжал войска по приказу турецкого султана [см., напр.: Абдужемилев, 2018б, с. 188]!

Несмотря на то что большинство споров в Крымском ханстве решалось в суде кади на основе шариата, в ряде случаев ханы выступали в качестве высшей судебной инстанции и в таких случаях, опять же как их золотоордынские предшественники, оформляли свои решения путем издания ярлыков [Валиханов, 1984, с. 113–114].

Ярлыки, содержащие пожалование тарханства, как и в золотоордынское время, могли выдаваться и отдельным лицам или семействам [Березин, 1872; Григорьев, Ярцов, 1844; Малов, 1953, с. 189–191; Ярцов, 1848], и целым селениям [Vásáry, 1982], а также представителям определенных конфессий – например, известны ярлыки крымских ханов христианам и караимам [Зайцев, 2016б; Фиркович, 1890, с. 55–105]. Впрочем, со временем крымские ханы стали практиковать выдачу ярлыков не с пожалованием тарханства, что было не слишком целесообразно с экономической точки зрения, а с правом получения из государственной казны определенного денеж-

ного пособия [Усманов, 1979, с. 246]. При этом ярлыки, пожалованные первыми крымскими ханами, впоследствии постоянно подтверждались их преемниками, а некоторые из них сохраняли свое действие вплоть до последних лет существования Крымского ханства и даже после его вхождения в состав Российской империи [Смирнов, 1913, с. 28–39]. К той же группе ярлыков можно отнести, полагаем, и ярлыки, представлявшие вольные грамоты для ханских рабов и рабынь [Биярсланов, 1890б, с. 74; Рустемов, 2017а, с. 158–159, 221–222].

При этом нельзя не отметить, что крымские ханы со временем утратили монополию на издание ярлыков. Так, турецкий автор XVII в. Хюсейн Хезарфенн сообщает, что не только крымские ханы, но и их соправители-наследники – калга-султан и нуреддин-султан – имели право издавать ярлыки [Орешкова, 1990, с. 266]. До нашего времени сохранился ряд ярлыков, выданных не только ханами, но и лицами носившими султанский титул, – например, указы калга-султанов и влиятельных царевичей и даже ханских жен («цариц») и дочерей, являющиеся тарханными и суюргальными ярлыками, т. е. жалованными грамотами либо же дипломатическими документами, адресованными иностранным монархам [Посольская книга, 2016, с. 122, 123, 190, 270–276; Усманов, 1979, с. 21, 36, 43–45, 53, 55]. В. Д. Смирнов сообщает о любопытном с правовой точки зрения документе – грамоте (ярлыке?) Бахт Герай-султана, скрепленной печатью его отца, Бахадур Герай-хана [Смирнов, 2005а, с. 380]. Более того, в посольской документации Московского царства содержатся сведения о том, что даже крымские беи, не являвшиеся Чингизидами по происхождению, также направляли в Московское царство «ярлыки» [см., напр.: Посольская книга, 2016, с. 278].

Следует сказать несколько слов еще об одной весьма интересной тенденции, связанной с развитием института ярлыков и отношения к нему. Речь идет о фактах выдачи ярлыков самим ханам-Чингизидам иностранными монархами, которые сами потомками Чингисхана не являлись и, таким образом, формально не имели права издавать ярлыки. Известен, в частности, ярлык турецкого султана Мехмеда II крымскому хану

Менгли Гераю 1473 г. [Гузев, 1972]. Обратим внимание, что вообще-то в законодательной и делопроизводственной практике Османской империи ярлыки не применялись, так что его выдача имела экстраординарный характер, отражавший особенности взаимодействия Османской империи с Крымом в тот период. М. В. Довнар-Запольский также сообщает о содержащихся в Литовской Метрике начала XVI в. «ярлыках» польского короля Крымскому хану Менгли Гераю [Довнар-Запольский, 1897, с. 18].

Таким образом, эволюцию роли ярлыков в Крымском ханстве можно проследить достаточно подробно – в отличие от других тюрко-татарских ханств. Как видим, ярлыки в Крыму не только сохранились, но и весьма широко использовались. Правда, во многих случаях они были призваны играть роль символа – своего рода дани традиции преемственности от Монгольской империи и Золотой Орды. На это указывает тот факт, что нередко юридическая сила ярлыков распространялась лишь на ханский домен, тогда как крымские беи обладали всей полнотой власти в своих владениях [Лашков, 1889, с. 108].

Другие институты «имперского» права в Крыму нашли гораздо меньшее распространение и постепенно сходили на нет. Так, например, один из важнейших золотоордынских налогов – торговый сбор «тамга» – под влиянием мусульманского духовенства в первой трети XVII в. оказался вытеснен из крымской правовой практики. Один из энергичных ханов, Бахадур Герай I, около 1640 г. предпринял попытку восстановить его под предлогом необходимости увеличения расходов на военные кампании, что вызвало резко негативное отношение к нему со стороны духовенства и мусульманских интеллектуалов. Уже несколько лет спустя хан Ислам Герай III, гораздо менее уверенно чувствовавший себя на троне, был вынужден издать особый ярлык, навсегда отменявший этот «чингизидский» налог [Смирнов, 2005а, с. 380, 386; см. также: Почкаев, 2016а, с. 152–153]. В более поздний период, как отмечают современники и исследователи, традиционная мусульманская система налогов становится основной, и лишь немногочисленные сборы в пользу ханской казны свидетельствовали о том, что у монархов сохранились некоторые

прерогативы в налоговой сфере, характерные для тюркской государственности (сборы с фонтанов, монетных дворов, соляных варниц) [Герасимова, Тур, 2004, с. 38–41].

Претерпело значительные изменения и имперское правовое регулирование земельных правоотношений. Практически вышли из употребления формы землевладения, действовавшие в чингизидских государствах в имперский период, – икта, инджу, суюргал и пр. Их упразднение было обусловлено несколькими факторами. С одной стороны, на смену имперским земельным правоотношениям, имевшим тюрко-монгольское происхождение, пришли нормы шариата, в котором институты землевладения были четко регламентированы; в результате даже тюрко-монгольская землевладельческая терминология была заменена терминологией арабского происхождения: в частности, в Крымском ханстве стали употребляться понятия «мульк», «мевкуфе» и т. д. [Лашков, 1895а, с. 56–58]. С другой стороны, существенно возросла роль родоплеменной знати, которая изначально владела землями на основе инджу или суюргала, являвшихся условными держаниями – земля находилась в распоряжении владельцев, пока они несли ханскую службу. Со временем же эти роды «пустили корни» в своих владениях и превратили их (в некоторых случаях официально, в некоторых – фактически) в свои родовые наследственные уделы. В результате прежние формы землевладения превратились в передаваемые по наследству бейлики или же пожалования мурзам, которые сохраняли статус служилых землевладельцев вплоть до падения Крымского ханства [Лашков, 1895б, с. 79–99; 1896, с. 48–49].

В отличие от имперского права, так или иначе нашедшего отражение в официальных актах или сопутствующих источниках, обычно-правовые принципы и нормы, применявшиеся в Крымском ханстве, не были зафиксированы столь конкретно и однозначно. В результате порой бывает довольно сложно отличить собственно обычное право тюрко-монгольских кочевых обществ от повседневных бытовых обычаев или формализованного обычного права, т. е. вошедшего в состав писаных правовых актов. Тем не менее определенная информация об обычном праве в Крым-

ском ханстве имеется и даже позволяет сделать определенные выводы об эволюции правовых обычаев, их роли в тюрко-татарских обществах рассматриваемого периода, а также о степени влияния на формирование тюрко-татарской правовой культуры.

В первую очередь обычное право оставалось источником принятия судебных решений в тех случаях, когда суд осуществлялся ни самими ханами, ни по шариату, т. е. непосредственно в родоплеменных подразделениях кочевников. Суды традиционно осуществляли бей и мурзы, которые в данном случае выступали не как представители придворной аристократии, а как родоплеменные вожди [см.: Броневский, 1867, с. 356; Описание, 1902, с. 114; Рустемов, 2016б, с. 604]. Конечно, формально решение далеко не всех дел находилось в компетенции беев, однако, как уже неоднократно отмечалось выше, зачастую монархам не удавалось контролировать, в какой мере могущественные родоплеменные аристократы соблюдают законы и традиции власти и управления в ханстве. Это весьма ярко проявлялось, в частности, в том, что если один бей считал, что другой нанес ему обиду, он не обращался к ханскому суду, а начинал междоусобицу [Хартахай, 1867, с. 146], что также было многовековой традицией степных родов и племен.

Таким образом, обычное право в Крыму сохранялось, составляя значительную часть правовой системы и культуры. Ханы никак не препятствовали его развитию, не видя в нем конкуренции собственному законодательству, и, напротив, время от времени рассматривали его как возможность потеснить позиции шариатского права и суда. Примером такого конфликта является попытка «судебной реформы» крымского хана Мурад Герая (1678–1683).

Вскоре после вступления на престол этот хан повелел решать дела в суде на основе «чингизской тёрэ», а не шариата. Он даже упразднил должность кадиаскера, верховного судьи, заменив его тёрэ-баши. Правда, эта реформа не получила развития: вскоре Мурад Герай прибыл в османский лагерь для участия в боевых действиях совместно с турками, и здесь некий Вани-эфенди сумел убедить хана в необходимости восстановить действие шариата, что и было сде-

лано ханом [Смирнов, 2005а, с. 248]. Историки впоследствии постарались найти объяснение действий хана, посчитав, что он тем самым попытался продемонстрировать независимость от Стамбула, однако анализ источников позволяет утверждать, что на самом деле «судебная реформа» была своеобразной популистской акцией, с помощью которой Мурад Герая удалось добиться популярности среди своих подданных и даже затмить знаменитого Селим Герая, своего предшественника. Поэтому, добившись своего, хан быстро свернул преобразования (оказавшиеся, по-видимому, целиком декларативными) и восстановил главенство шариата в правовой системе Крымского ханства [см. подробнее: Почекаев, 2016а, с. 250–254]. Любопытно отметить, что османские власти никак не осудили Мурад Герая за его реформу, поскольку, с одной стороны, не имели оснований подозревать его в нелояльности, с другой – и в самой Османской империи широко применялось обычное право, нисколько не противоречившее писанному законодательству и шариату. Население Крыма, как уже отмечалось, было всецело на стороне своего хана, которого даже намеревалось поддержать силой оружия, когда пришло известие о его отстранении от власти [Смирнов, 2005а, с. 430]. Таким образом, единственными противниками оказались представители мусульманского духовенства, чьи позиции носителей правовых ценностей шариата как доминирующей правовой системы попытался поколебать Мурад Герая.

А вот другой обычай, существовавший еще в древнетюркские времена, – выдел доли военной добычи в пользу хана («сауча») – продолжал существовать, причем его ставка в разных источниках варьируется: либо десятая, либо пятая часть [Описание, 1879, с. 481; Халим Гирав, 2004, с. 70].

Сохранение обычаев в течение всего времени существования Крымского ханства, как представляется, удалось объяснить французскому консулу в Крыму барону Ф. де Тотту, который спросил у одного старика, почему крымские татары не слишком блюдут «закон Мухаммед», на что получил ответ, что они следуют обычаям, которые еще древнее [Tott, 1785, р. 205–206].

Учитывая давние традиции ислама на Крым-

ском полуострове (еще с доордынских времен), а также существенное усиление его роли под османским политическим влиянием в ханстве, вполне объяснимо, что «имперское» право уступило многие свои позиции праву шариатскому, хотя их сосуществование признавалось официально. В некоторых источниках упоминаются и шариат, и закон (kanun) [см., напр.: Кырыми, 2018, с. 153, 181], под которым, вероятно, следует понимать писанные законы и обычаи, не относившиеся к мусульманскому праву. Например, весьма сложно понять, о каком типе источника права идет речь в следующих пассажах: «Однако не было такого падишахского закона, который позволял бы убить беев во время военной кампании» [Абдуземилев, 2018б, с. 190]; «Помогите нам, чтобы мы не были угнетаемы, что противоречит шариату и закону» [Кырыми, 2018, с. 153].

Возрастание роли шариата в Крыму во многом было связано с упадком центральной власти и упадком системы имперского права и одновременным укреплением позиций мусульманского духовенства, во многом заместившим те административные и судебные позиции, которые остались вакантными в результате упадка имперской чиновничьей системы.

Еще одной причиной возрастания роли мусульманского права стала необходимость поиска правителями тюрко-татарских государств новых средств легитимации власти: ведь в результате крушения чингизидских имперских образований (империя Юань в Китае, государство ильханов в Иране, Чагатайский улус, Золотая Орда) в конце XIV – начале XV вв. вина за политический кризис была возложена на потомков Чингисхана, и их происхождение перестало являться главным основанием для получения высшей власти. В результате, как известно, на троны на территории бывшей Монгольской империи стали претендовать представители родов, прежде считавшихся менее знатными по сравнению с потомками Чингисхана: ногайские бии, потомки Идигу («Едигея»), сибирские Тайбугиды, Тимуриды в Средней Азии, род Дуглат в Восточном Туркестане и т. д.

Чингизиды продолжали считаться законными претендентами на власть в силу своего происхождения (В. В. Трепавлов удачно охарактеризовал это явление как «инерцию» [Трепавлов,

2009]), однако они теперь являлись всего лишь «старшими среди равных» претендентов на власть и трон. Харизме рода Чингисхана были противопоставлены иные основания легитимации власти, главными из которых в условиях все большего распространения ислама в чингизидских государствах стали факторы религиозные. В изменившихся обстоятельствах эти основания представлялись даже более убедительными, чем происхождение от Чингисхана, поэтому не нужно удивляться тому, что и сами Чингизиды вскоре стали активно прибегать к религиозному обоснованию своих прав на власть и своих политических решений и действий. Апелляция к религиозным ценностям и авторитетам в рассматриваемый период осуществлялась в течение всего правления любого тюрко-татарского государства, начиная с его вступления на престол.

В результате происхождения от Чингисхана как основание претензий на власть пополнилось новым, более веским в изменившихся обстоятельствах – волей Аллаха, отраженной в одном из стихов Корана: «Ты даруешь власть, кому пожелаешь, и отнимешь власть, от кого пожелаешь» [Коран, 1991, сура 3, стих 25/26, с. 39]. Как известно, некоторые потомки Чингисхана в постимперский период даже провозглашали себя халифами. По некоторым сведениям, в середине XVII в. этот титул присвоили себе крымские ханы Мухаммад Герай IV и Ислам Герай III, которые формально должны были признавать халифом своего сюзерена – турецкого султана [Зайцев, 2009, с. 154–155].

Поэтому неслучайно ханы старались укреплять связи с влиятельным мусульманским духовенством и, за редкими исключениями, демонстрировали полную приверженность к нормам шариата. В Крымском ханстве сейиды исполняли роль главных кади, т. е. верховных судей по законам шариата. В ханских грамотах и посланиях их имена нередко ставились даже перед именами самих султанов из дома Гераев [Исхаков, 2011, с. 22–23, 116, 117, 121–122, 126]. Поскольку именно среди представителей духовенства было наибольшее число знатоков права (богословие и правоведение в системе мусульманского образования изучались параллельно), неудивительно, что к ним прибегали и по вопросам меж-

дународного права: например, хан Мухаммад Герай IV в 1659 г. уведомлял царя Алексея Михайловича, что советовался со своими «учеными», которые «сказали, что договор нарушили московцы» [Сень, 2009б, с. 26].

Особое место в правовой культуре Крымского ханства занимала судебная деятельность, которая стала прерогативой преимущественно мусульманских правоведов. И если в Золотой Орде шариатские суды действовали параллельно с имперскими судами-дзаргу со времен провозглашения ислама официальной религией ханом Узбеком, то после фактического упразднения дзаргу шариатские суды заняли освободившуюся нишу в сфере правосудия, превратившись в основную судебную инстанцию. Степень исламизации правовой культуры Крымского ханства нашла отражение и в том, что даже ханы и члены правящей династии порой представляли перед шариатским судом.

Согласно кадиаскерским сакам XVII в., в ведении шариатских судей находились земельные споры, семейные (брак и развод) и наследственные дела и споры, случаи приобретения и отпуска на волю рабов (крепостные акты), вопросы опеки и попечительства, оформление вакфов и т. д. Известно, что уже с XVI в. тексты ханских ярлыков стали вписывать в кадиаскерские сакки [Усманов, 1979, с. 270], однако этим изменение ханских судебных и иных властных решений в связи с ростом значимости суда кади не ограничивалось. И если еще в начале XVII в. хан Саламат Герай I мог издавать ярлыки, в которых давал рекомендации кадиям (в т. ч. и кадиаскеру) [Биярсланов, 1890а, с. 68–69], то параллельно и в особенности позднее можно наблюдать обратную картину: ханские решения зависели от судей, выносивших решения на основе мусульманского права. Так, например, когда ханы, как уже упоминалось, отпускали на волю собственных рабов, издавая по этому поводу «индивидуальные» ярлыки, те приобретали статус свободных лишь после внесения соответствующей записи кадия, который приобщал к делу ярлык хана всего лишь как доказательство, используемое при вынесении им решения [Биярсланов, 1890б, с. 74–75, 77; Рустемов, 2017а, с. 158–159, 220].

Как самый рядовой из подданных, член хан-

ского правящего рода нес ответственность по взятым на себя обязательствам – в частности, по уплате долга. Так, в 1610 г. сыновья только что умершего хана Саламат Герая, нураддин-султаны Азамат Герай и Мубарак Герай-султан, согласно решению кади, должны были погасить ханский долг [Рустемов, 2017а, с. 213].

А в некоторых случаях на шариатский суд выносились и куда более серьезные дела политического значения. Так, в 1596 г. два брата, Гази Герай II и Фатх Герай предъявили претензии на трон и, не сумев решить спор, передали его на рассмотрение кафинского кади и муфтия, причем судьи также приняли противоположные решения [Халим Гирай, 2004, с. 50].

В Крымском ханстве судьи шариатских судов, по-видимому, получали жалование от государства. Так, в 1612 г. хан Джанибек Герай своим ярлыком установил фиксированные тарифы на услуги кадиев и хакимов: за запись в сиджилъ – 8 акче, за выписку по решению – 32 акче, за оформление наследства – не более 40-й части его стоимости, за вольную – не более 1 гуруша / 125 акче [Рустемов, 2017а, с. 225; см. также: Бойцова, 2004, с. 54]. Тем самым уменьшалось злоупотребление ими своими полномочиями в форме установления произвольной стоимости услуг. Это выгодно отличало систему шариатского правосудия в Крыму от, например, судебной практики в среднеазиатских ханствах.

Четкая иерархия шариатских судов давала гарантии защиты участникам разбирательства: любое судебное решение нижестоящего суда могло быть либо обжаловано участником, недовольным решением, в вышестоящий: решение кади можно было обжаловать в диване, либо в суде кадиаскера (если он назначал этого судью) [Пейссонель, 2013, с. 51].

Земельно-правовые отношения также подверглись некоторой исламизации: наряду с вышеупомянутыми мусульманскими традиционными формами землевладения в Крыму выделялись такие специфические владения как ходжалыки, т. е. владения ходжей. Также весьма значительное место в земельно-правовых отношениях занимали вакуфные владения [Лашков, 1895а, с. 55, 56; см. также: Бойцова, 2004, с. 48].

Ислам был господствующей религией, и му-

сульманские подданные крымских ханов, безусловно, являлись наиболее полноправной частью населения ханства. Однако это вовсе не означало, что представители других конфессий не пользовались никакими правами. Как уже отмечалось выше, ханы специальными ярлыками определяли положение христиан (православных, католиков, армян и др.), иудеев (караимов). В ряде случаев, даруя привилегии целым населенным пунктам, ханы не делали исключения для представителей разных вероисповеданий – например, в серии ярлыков о привилегированном положении (тарханстве) города Кырк-Ер специально оговаривается, что предоставляемыми льготами пользуются «все находящиеся в крепости Кырк-Ерской мусульмане, христиане, иудеи» [Смирнов, 1918, с. 8, 10; см. также: Зайцев, 2016б, с. 67–68].

Целая серия ханских ярлыков касается правового положения караимов, издавна проживавших в Кырк-Ере и других населенных пунктах. В них ханы гарантируют, как сказали бы сегодня, «культурную и религиозную автономию» представителям иудейского вероисповедания и отсутствие для них дополнительных сборов и пошлин, кроме тех, которые они должны были платить в соответствии с законами и традициями [Фиркович, 1890, с. 55–105].

Уже на завершающем этапе существования Крымского ханства был издан ярлык, непосредственно касающийся статуса христианских подданных Гераев.¹ Столь позднее издание соответствующего документа, вероятно, следует объяснять тем, что в XVI–XVII вв. статус христиан Крыма определялся османским законодательством – в частности, фирманами султанов, выдававшимися кадиям по ходатайству христианского духовенства: эти акты, как подчеркивается исследователями, распространялись на христианское население османских владений на южном берегу полуострова, но и на всю территорию Крыма [Зайцев, 2016б, с. 66–67]. Изменение международно-правового статуса Крымского ханства в результате русско-турецкой войны 1768–1774 гг. фактически прекратило действие в государстве норм османского законодательства и

привело к необходимости издания собственных правовых актов. Соответственно, указ предоставлял гарантии деятельности христианского духовенства в Крыму, соблюдения правил и обрядов – по сути, дублируя прежние султанские фирманы, но уже от имени независимого крымского монарха [Там же, с. 70–81].

Однако при этом ханы старались не злоупотреблять своими правами по регулированию статуса подданных и не вызывать негативной реакции мусульманского большинства и влиятельного духовенства предоставлением чрезмерных (для государства с исламом в качестве официальной религии) привилегий иноверцам. Так, французский дипломат Ш. де Пейссонель отмечает, что ханы и султаны весьма неохотно реагировали на любые прошения со стороны христиан, демонстрируя, что «привязаны к магометанству» [Пейссонель, 2013, с. 68–69].

Формированию правовой культуры Крымского ханства во многом способствовали те, кого сегодня мы называем юристами. В отличие от других тюрко-татарских государств, у нас есть некоторые сведения о представителях юридической науки и практике Крыма. При этом следует иметь в виду, что на полуострове еще в золотоордынский период сложилась весьма развитая богословско-правоведческая школа. Неудивительно, что даже и в XVIII в. в Крыму продолжали оставаться востребованными и переписывались правовые трактаты ученых золотоордынского периода [Зайцев, 2009, с. 34, 45, 55]. Также большое значение в правовой культуре Крымского ханства имели труды османских правоведов, которыми в XV–XVI вв. велась активная работа по кодификации и систематизации мусульманского права – особенно при султанах Мехмеде II Фатихе и Сулеймане I Кануни [Айдын, 2006, с. 353–355].

Юридическая наука в Крыму имела преимущественно практическую направленность: правоведы не создавали новых трудов, но активно изучали, переписывали и применяли на практике классические работы по шариату и фикху. Этот факт отнюдь не означает, что уровень правовых знаний стал существенно ниже, чем раньше – просто большее внимание стало уделяться правоприменительным аспектам. И именно бла-

¹ Анализ более ранней ситуации в отношениях с христианами (на примере старообрядцев, проживавших в крымских владениях на Кубани) проведен Д. В. Сенем [см., напр.: Сень, 2010].

годаря этому труды правоведов более раннего времени оставались востребованными и сохраняли актуальность в течение XV–XVIII вв. Практическое развитие теоретических знаний в области мусульманской юриспруденции реализовывалось в работе кадиаскеров, муфтиев, улемов. Основными памятниками практической правовой мысли рассматриваемого периода стали неоднократно упоминавшиеся выше записи кадиаскерских сакков, а также многочисленные фетвы и рисале (послания, трактаты), содержавшие разъяснение правовых принципов применительно к конкретным действиям правителей [Смирнов, 2005б, с. 117].

В исторических источниках сохранились имена многих мусульманских правоведов-практиков. Так, например, благодаря кадиаскерским записям, известны имена крымских верховных судей – Мустафы при Джанибек Герае, Ибрагима при Селим Герае I и Девлет Герае II, Абдул-Латифа б. Омара при Саадат Герае II, Фейзулы-эфенди при Сахиб Герае II [Лашков, 1896а, с. 72, 125, 133, 134]. Историк Абдулгаффар Кырыми упоминает о собственной судебной деятельности в качестве шариатского судьи, не забыв отметить, что был «достаточно компетентен». Он также приоткрывает механизмы назначения на высшие судебные должности: так, хан Менгли Герай II назначил кадиаскером «выходца из военной школы» Абу-с-Саада, который являлся близким другом Хаджи-бека Ширина [Кырыми, 2018, с. 153–154, 155]. Развитие правовой науки и практики в Крыму происходило не без противоречий и споров: например, есть сведения о противостоянии двух представителей противоположных течений в крымской юриспруденции начала XVIII в. – упомянутого кадиаскера Абу-с-Саада и муфтия Абу-с-Сууда [Смирнов, 1913, с. 15–17].

Носителями имперских правовых ценностей (наряду с самими ханами) являлись, как ни парадоксально, служители ханских канцелярий, которые в преобладающем большинстве были мусульманами и, казалось, должны были бы всячески отстаивать и проводить в жизнь нормы и принципы шариата. Тем не менее во многом именно благодаря им в Крыму сохранялись основные элементы формы и содержания ханских

ярлыков и прочих официальных документов в том виде, в каком они существовали в Монгольской империи и Золотой Орде.

Носителями ценностей обычного права тюрко-татарских народов выступали родоплеменные предводители и старейшины, передававшие из поколения в поколение правовые знания в своем роду. К сожалению, сведений источников о знатоках обычного права в Крыму (в отличие, например, от казахских биев, о которых имеется немало преданий и сообщений письменных источников) практически нет. Тем не менее на основании косвенных сведений источников можно утверждать, что такие знатоки имелись. Так, например, при попытке провести реформу в Крымском ханстве по ограничению роли шариата в области суда хан Мурад Герай назначил торэ-баши, т. е. в Крыму еще в конце XVII в. также имелись носители тюркских обычно-правовых ценностей. Напомним, что обычное право в Крыму никак не преследовалось османскими сюзеренами Крымского ханства – ведь и в самой Османской империи большую роль играло обычное право «орфи», органично сочетавшееся с результатами законодательной деятельности султанов («канун») и шариатом [Айдын, 2006, с. 323–335; Орешкова, 1990].

Благодаря усилиям крымских правоведов, формировался образ Крымского ханства как государства с высоким уровнем правопорядка и правовой культуры. Даже в записках дипломатов и путешественников из Европы, зачастую достаточно негативно настроенных по отношению к Крымскому ханству (что неудивительно, учитывая его враждебные отношения со многими европейскими странами), неоднократно встречаются упоминания о преимуществах крымского права и суда.

Путешественники отмечают четкую иерархию судебных разбирательств в зависимости от важного дела – от шариатских судов на местах до суда хана и его совета-дивана [Броневский, 1867, с. 355–356; Литвин, 1994, с. 80]. Суд в Крыму хотя и осуществляется не юристами (в европейском понимании этого термина), а «духовными судьями», но «праведный и быстрый, не знает алчности, взяточничества, тенденциозности и скандалов» [Калашников, 2013, с. 25]. Согласно Эвлии

Челеби, если какой-то кади брал взятки или судил несправедливо, сами же крымские ученые-правоведы, не обращаясь к хану с жалобой, побивали его камнями [Эвлия, 2008, с. 98].

Целый ряд европейских путешественников подчеркивает, насколько благополучна правовая ситуация в Крыму: нет ни крупных ссор, ни тяжких преступлений, начальники и чиновники исполняют свои обязанности «скоро и с большим страхом» [Броневский, 1867, с. 356; Tott, 1785, р. 84–85]. Вместе с тем современники отнюдь не пытаются представить крымское право чрезмерно «гуманным», вполне определенно фиксируя, что в ханстве нередко применялись смертные казни для наказания особо опасных преступников, в первую очередь – убийц [Описание, 1879, с. 487]. Любопытно, что и в данном случае путешественники обращали внимание на определенные нюансы наказаний в зависимости от того, судили ли преступников судьи-кади по шариату или же беи по обычному праву. Так, шариатский или ханский суд приговаривал убийцу к казни палачом или принимал решение выдать его родственникам убитого – фактически для совершения кровной мести [Пейссонель, 2013, с. 52; Tott, 1785, р. 83, 84]. При вынесении приговора на основе кочевых обычаев преступника казнили на могиле убитого, но если убийство происходило в результате «дуэли», ответственности он не нес [Ферран, 1842, с. 43–44]. Формально смертные приговоры должны были утверждать ханы, однако на деле нередко выходило наоборот: представители ханского совета одобряли (или не одобряли) ханские решения о предании казни того или иного деятеля. Исключения могли иметь место лишь во время боевых действий, когда ханы своей волей могли предавать смертной казни даже высших сановников и военачальников [Пейссонель, 2013, с. 25].

Соответственно, делается вывод о высоком уровне правосознания крымских татар, которые стремятся соблюдать порядок и прибегать к суду не для выгоды, а ради торжества справедливости. При этом европейцы ставят уровень правосудия в Крыму выше не только, чем в Османской империи, но иногда даже и чем в собственных государствах [Литвин, 1994, с. 69; Пейссонель, 2013, с. 50].

Завершая характеристику правовой культуры Крымского ханства, нельзя не сказать несколько слов о степени иностранного влияния на ее развитие, учитывая активные международные связи этого государства. Несмотря на довольно значительное число нарративных и актовых материалов, этот вопрос до сих пор не получил широкого освещения в историографии и вызывает противоречия. Так, по мнению одних исследователей, крымское право подверглось весьма значительному влиянию османской правовой традиции, другие же полагают, что оно было не столь заметным и даже не затронуло основ крымской правовой системы [см. подробнее: Усманов, 1979, с. 82–83].

Стоит отметить, что хотя политико-правовая идеология Османов являлась «иностранной» для Крымского ханства, не приходится говорить о ее полной чужеродности. Дело в том, что Османская империя тоже в значительной степени являлась наследницей древних тюркских государственных и правовых традиций. Именно поэтому в Турции, как и в Крыму, наряду с шариатским правом действовали законодательство монархов, а также обычное право. Вследствие этого османские султаны в целом довольно лояльно относились к правовым реалиям Крыма и не ставили задачу полной реорганизации, «османизации» правовой культуры ханства. Сами же крымские ханы ориентировались не столько на исламские, сколько на монархические (имперские) аспекты османского права. Это в значительной степени нашло отражение в трансформации законодательной и канцелярской традиции Крыма, в которой османское влияние постепенно все больше вытесняло элементы золотоордынского наследия.

«Османизация» государства и права Крымского ханства часто связывается с деятельностью ханов Саадат Герая I и Ислам Герая II – воспитанников и ставленников султанского двора. Однако, на наш взгляд, первые шаги на пути к сближению с османской традицией были сделаны вскоре после официального признания турецкого протектората Менгли Гераем. Так, уже его послание султану Баязиду II 1486 г. представляет собой образчик османской канцелярской стилистики – ханам приходилось писать своим сюзеренам в таком стиле, какой был принят при дворе

последних [Григорьев, 1987, с. 128–129]. Постепенно этот стиль стал настолько распространен, что крымские ханы стали использовать его и во внутренней документации, и в дипломатической переписке с другими иностранными государями. Так, В. Д. Смирнов отмечает, что изысканный слог посланий Ислам Герая III в Москву совершенно очевидно свидетельствует об османском влиянии [Смирнов, 2005а, с. 387] – при том, что Ислам Герай III был из тех ханов, которые старались проводить достаточно независимую от Стамбула политику! В XVII–XVIII вв. ханские ярлыки даже нередко именовались фирманами – как и аналогичные им указы османских султанов [см., напр.: Лашков, 1895г, с. 85, 113–114].

Не следует забывать, что главным духовным авторитетом в Крымском ханстве являлся турецкий султан – правда, лишь после 1584 г., когда хан Ислам Герай II, ставленник Стамбула, воспитанный в турецких традициях, ввел в ханстве чтение хутбы на имя османского султана [см., напр.: Зайцев, 2009, с. 150; Халим Гирай 2004, с. 42]. Примечательно, что даже после того, как Крымское ханство по итогам Кючук-Кайнарджийского мира (1774) получило независимость, ханы продолжали апеллировать к воле султана – как халифа, т. е. духовного главы мусульман. Правда, на самом деле это была религиозно-идеологическая фикция, которой последние крымские ханы вуалировали соотнесение своей политики со Стамбулом или даже отказывались воевать против Турции на стороне России [см.: Зайцев, 2009, с. 155–156; Смирнов, 2005б, с. 184–185]. Подобные факты свидетельствуют, что османское влияние на развитие правовой системы Крымского ханства подкреплялось еще и духовным авторитетом султана – халифа.

Большую роль в продвижении османских правовых традиции в Крымском ханстве сыграли представители крымского духовенства – выпускники турецких учебных заведений. Естественно, добиваясь значительных постов в административной и судебной сфере или же при ханском дворе (вплоть до шейх-ул-исламов и кадиаскеров), они привносили влияние османского богословия и правоповедения в крымскую правовую культуру [Бойцова, 2004, с. 49].

Особое место в правовой и судебной системе Крымского ханства занимали представители османской правовой системы в Кафе – кади и муфтий. Именно к ним, как отмечалось выше, обратились со спором по поводу трона Гази Герая II и его брат Фатх Герай. А примерно полвека спустя, в конце 1630-х гг., хан Бахадур Герай, решив расправиться с ногайским аристократическим родом Мансур, получил на это фетву от опять же кафинского муфтия [Халим Гирай, 2004, с. 61].

Наконец, еще одно направление влияния османской правовой традиции на крымскую реализовалось в форме непосредственного вмешательства турецких властей в правоотношения в Крымском ханстве. Так, например, османские султаны неоднократно издавали указы, касающиеся представителей крымской аристократии – подданных ханов из дома Гераев – правда, в ряде таких указов (фирманов) упоминалось, что они принимаются по представлению самих ханов [Лашков, 1895д, с. 118–120; Документы, 2008, с. 231–232; см. также: Описание, 1879, с. 484]. Также известен случай (он упомянут в хрониках крымских караимов), когда турецкий паша, посол султана в царствование неоднократно упоминавшегося хана Мурад Герая, прибыл в Крым и попытался обложить население новым ежегодным налогом [Смирнов, 2005а, с. 425]. И хотя эта попытка провалилась, поскольку действиям паши воспротивились и хан, и его подданные, сам факт подобных действий султанского посла свидетельствует о том, что Османы числили Крым в сфере своей юрисдикции.

В заключение еще раз подчеркнем, что вряд ли влияние османских правовых традиций на правовую культуру Крымского ханства могло бы оказаться настолько значительным, если бы они не были близки по двум направлениям. Во-первых, как уже отмечалось, между ними было немало сходств, объяснявшихся общим происхождением от древнетюркских государственности и права. Во-вторых, мощнейшим интегратором турецкой и крымскотатарской правовых систем выступал шариат, игравший первостепенную роль в обоих государствах.

11.5. Институт судей (кадиев) и судопроизводство. Виды судебных тяжб

О. Д. Рустемов

Подобно остальным мусульманским странам в Крымском ханстве шариатский суд являлся единственным местом разрешения имущественных споров и уголовных дел. Суд там правила специально назначенные ханом судьи – кады (кадии). В отправлении суда и принятия решения по заявленному иску кадии руководствовались Кораном, Сунной Пророка Мухаммада, а также всевозможными книгами по фикху¹. Шариат² являлся базой для фикха, который, в свою очередь, представлял собой нормативно-правовую основу первого. Часто понятия «фикх» и «шариат» воспринимались как синонимы.

Традиция вести суд по шариату восходит к Пророку Мухаммаду. С ним же соотносят и традицию назначения первых судей. «Пророк Мухаммад при жизни сам творил суд в близких к нему районах. В более отдалённые же земли назначал чиновников, которых наделял правом судейства. Таким образом, можно заключить, что именно Пророк Мухаммад организовал институт кадиев, уполномочивая некоторых из своих сподвижников на временное судейство. Но лишь при халифе Омаре занятие кадия (кадылык) стало профессией» [Anıl, 1993, с. 33]. Произошло это в связи с расширением границ халифата, так как изначально именно халиф был тем самым человеком, который был наделён правом вершить суд. Будучи не в состоянии лично присутствовать на многочисленных спорах, халиф Омар назначил первых кадиев: Абу Дарда в Медину, асхаба³ Шариха в Басру и Абу Мусу аль-Ашари в Куфу [Ortaylı, 1975, с. 117].

Впоследствии при Омейядах⁴ назначение на

должность кадиев стало обычной практикой. Кандидат должен был обладать хорошими манерами, быть богобоязненным, отправлять все необходимые требования для мусульман (фарз), быть сведущим в области фикха, Корана и сунны и уметь самостоятельно принимать решения, когда на это не было прямых указаний в первоисточниках. В случае жалоб на несправедливые действия кадия в отношении как мусульман, а также и немусульман (т. н. райя), или в принятии решения, противоречащего фикху, кадий мог быть отстранён от должности [Bozatat, Demir, 2014, с. 74]. В дальнейшем подобные действия кадия влекли за собой не просто отстранение, но и суровое наказание в виде солидного штрафа, а иногда и казни. По мере становления и развития мусульманской юриспруденции образовались две школы или два направления права: рационалистическая, опиравшаяся прежде всего на Коран и с более свободным трактованием такого с центром в Ираке (асхаб ар-ра'й), и школа традиционалистов, которая отталкивалась от Корана, хадисов и сунны Пророка с центром в Медине (асхаб аль-хадис) [Варьяш, 2016, с. 509].

В мусульманском мире на кадия возлагались не только обязанности, связанные непосредственно с судопроизводством, но также дела смотрителя городской управы, иначе главы муниципалитета, и функции, связанные с безопасностью на улицах городов, т. е. главы полиции [Avşar, 2007, с. 49]. Этому есть подтверждения в судебных реестрах или сиджилях⁵ Крымского ханства XVII–XVIII вв., где кадии отдельных городов, таких как Гёзлев, Карасубазар, Феррах Керман (Ор Къапы),

¹ Фикх (араб. *فقه*) – понимание, знание. Мусульманская доктрина о правилах поведения, которая в результате сводилась к юриспруденции.

² Шариат (араб. *شريعة*) – праведный / правильный путь. Свод правил и предписаний для понимания сути ислама, отправления богослужения и поведения в светской жизни для мусульман.

³ Асхаб (*eshâb / اصحاب*) – (здесь) тот, кто был удостоен чести видеть Пророка Мухаммада и беседовать с ним. Сподвижник Пророка.

⁴ Омейяды – династия арабских халифов, существовавшая с 661 года по 750-й, пришедшая на смену эпохе «праведных халифов» (т. е. первых четырех халифов, управлявших халифатом после смерти пророка Мухам-

меда). Омейяды получили власть, победив в сражении последнего сына халифа Али – Хусейна, родного внука Мухаммеда. Это обусловило последующее противостояние между суннитами и шиитами – приверженцами и поборниками прав Али и его детей. При Омейядах границы халифата значительно расширились. Был покорен весь север Африки (Магриб), а на захваченных землях Испании возник Кордовский халифат, отколовшийся впоследствии от остальной части империи после свержения династии Аббасидами. (О. Р.)

⁵ Сиджилъ (осм. из араб. «sicil – سجل») мн. число «sicillât – سجلات») – запись, решение, приговор. Sicil kesmek – вынести приговор. Так называются и регистрационные записи шариатских судов.

названы «эфенди» (Гёзлев Эфендиси, Карасубазар Эфендиси и т. д.). В данном случае это выражение можно перевести как «господин Гёзлева», «господин Карасубазара», что подчёркивает полифункциональность этих чиновников.

Для Крымского ханства институт кадийства, как и сами суды шариата, не был каким-то чрезвычайным нововведением, связанным с присоединением к Османской империи в конце XV века при Менгли Герае I. Подобные суды (махкеме) и кадии, которые в них принимали решения по искам, существовали ещё в Золотой Орде, где они функционировали параллельно с древними тюркскими и монгольскими судами Яргу (монг. Дзаргу) и судьями – яргучинами (яргучи / *yarguçı*, происходит от «уаг» – «решение», «приговор»). Обычные традиционные золотоордынские суды, как и само право, были ориентированы на Ясу Чингисхана и на древние тюркские законы и обычаи, опиравшиеся на Торэ. Но после принятия ислама, как государственной религии, в Золотой Орде были устроены и мусульманские суды, действовавшие на постоянной основе [Ибн Баттута, 1841]. Начало этому было положено приблизительно в 1320 году во время правления хана Узбека⁶.

О том, что в первые годы образования независимого Крымского ханства там действовали суды шариата, свидетельствует тарханный ярлык Хаджи Герая, в котором присутствует длинный список тех, кому он адресован. Это были различные командующие, названные по именам, беки, чиновники и должностные лица, и среди них кадии и мухтасибы (городская полиция) [Kuray, 1940, с. 65]. Но система правосудия в Золотой Орде, затем в Крымском ханстве, как и во всей Османской империи в целом, базировалась на двух источниках: шариат или «*Ahkâm-ı Şer'îyye*» (правила, решения / хюкм / шариата) и на узуальном праве, или праве по обычаю (*örf / urf, adet*). Источниками узуального права являлись неписанные традиции (Төрэ, йосун) или отдельные записи тюркских законов, как, например, Яса Чингисха-

на. В традиции османских правителей эта часть юридической составляющей государства называлась «*qanun-ı örfiye*» (закон по обычаю) [Рустемов, 2013]. В делопроизводстве и юридической практике Золотой Орды и Крымского ханства к внешним проявлениям подобной традиции следует отнести ханские ярлыки, дипломатические письма (*şart-name, siyaset-name*), тексты договоров, ярлыки (фирманы), тексты законов (*qanun-name*), распоряжения и пр. В Османской империи и, следовательно, в Крымском ханстве эти две части системы юриспруденции сосуществовали, и вся система получила название: «*Şer' ve qanun*» (Шариат и закон). Подобная практика проявлялась не только в личном законотворчестве хана или султана, но зачастую присутствовала во время рассмотрения различных исков, как правило, больше гражданского характера, чем уголовного.

После вхождения независимого ханства в Османскую империю на правах полусамостоятельного доминиона суды шариата в нём стали единственной судебной институцией. Но никто не лишал крымских ханов права разрешать некоторые споры, например, в отношении вопросов налогообложения, когда беки самостоятельно накладывали подати на овец для жителей деревень или в вопросах защиты отдельных лиц, подвергавшихся несправедливым нападениям или преследованиям. Хан, как и турецкий султан, «будучи неподотчетным кому бы то ни было, кроме Аллаха, был последней инстанцией для апелляций ради достижения справедливости» [İnalçık, 2000, с. 49].

Кадиаскер – чиновник высокого ранга, чьи функции были трансформированы из первичных функций военного судьи. Само слово «кадиаскер» (казаскер / *قاضيسكر*) – термин арабского происхождения и буквально означает «военный / войсковой судья». Должность была также впервые введена халифом Омаром для разбирательства различных споров в мусульманской армии во время боевых действий в Сирии [İpşirli, 2002]. Впоследствии, во многих средневековых тюрко-исламских эмиратах и бейликах: Караханиды, Газневиды, Сельджуки, Хорезмшахи, Зангиды, Сефевиды, Аккоюнлу и Каракоюнлу существовал институт кадиаскерства, который действовал наряду с другим (гражданским) судопроизводством.

В Османской империи должность кадиаскера

⁶ Правитель Золотой Орды хан Узбек (годы правления: 1313–1341), сын Тогрула. Этот хан признал ислам государственной религией. При этом хане московский князь Иван Калита получил золотую пайзцу и право на самостоятельное княжение, что в результате привело к выходу московского улуса из Золотой Орды. А впоследствии и всей Руси.

была «унаследована» от сельджуков Анатолии. Впервые официально она была утверждена султаном Мурадом I в период между 1361–1363 гг. После завоевания Константинополя кадиаскеров стало два: румелийский и анатолийский, и оба они были членами Высшего государственного совета (Диван-и Хумаюн). В тот период на них была возложена обязанность контроля всей системы правосудия империи и работы образовательных учреждений Турции. Вне походов суд правили в Стамбуле на заседании так называемого «Иккинди дивана» – «Полуденного собрания» в присутствии главного визиря [İpşirli, 2002, с. 20]. К этому времени функции кадиаскеров заметно расширились: под их юрисдикцией теперь оказались не только споры и иски военных, но и вообще всех чиновников, находящихся на государственной службе. Подавляющая часть чиновников проживала в столице, и все дела, связанные с ними, рассматривал румелийский кадиаскер. Если дел было много, то с позволения визиря к слушаниям привлекался также и анатолийский кадиаскер. В ведении анатолийского кадиаскера были споры, возникавшие на территории Анатолии, Ирака и аравийских владений Порты. Румелийский кадиаскер отвечал за правосудие на территории Северной Африки, Балкан и других европейских землях, а также и в Крымском санджаке⁷ Турции [İpşirli, 2002].

Функциональные обязанности крымского кадиаскера были такие же, как и у румелийского: слушание дел чиновников, проживавших в столице или вблизи нее, рассмотрение жалоб и апелляций со всех уголков ханства, решение спорных вопросов между дворянами или принцами, назначение на должность судей в округах (кадылыках), курирование вопросов подготовки судей и законников (факихов – знатоков фикха) в медресе и других учебных заведениях. Естественно, что его обязанностью также было сопровождение войска в походе и поддержание законности в воюющей армии.

Заседания суда шариата в мирное время с участием кадиаскера происходило в ханском зале собраний (диван), во дворце. Нередко там присутствовали сам хан или принцы, о чем могут свидетельствовать, например, такие записи:

⁷ Санджак (sancak – осм.) – знамя; воен. полк; административная единица – округ (liva).

«Супруга покойного Хаджи Муселли Аги – Джиханишах бинти Джантемир Ага, представ перед Собранием Суда Шариата, в присутствии Его Величества Справедливого Хана прямо и искренне (заявила): «Открыв без ведома сына денежный сундучок покойного, я нашла там только двадцать восемь флоринов, а кроме этого ничего более». Эти ее слова были записаны и зарегистрированы по требованию сына покойного Омера и его попечителя Реджеб бека. 23-го дня месяца Зильхедже Высокого, года 1018» [Кадиаскерские книги Крымского ханства (ККХТ), Т. 1, стр. 78/75, левый разворот, текст 4].

Под крымскими сиджиями в тюркологии в настоящее время подразумеваются, прежде всего, дошедшие до наших дней 100 томов дефтеров (книг, томов) бахчисарайского кадылыка и 24 судебных реестра других кадылыков, объединенных в единый реестр (сакк⁸), находящийся на хранении в РНБ им. Салтыкова-Щедрина в Петербурге. Эти документы представляют собой записи судебных процессов или нотариальных справок, ведение которых начало практиковаться в Крыму после присоединения к Османской империи. Изначально такие судебские записи восходят в мусульманской традиции к временам пророка Мухаммеда. В результате экспансии ислама на все увеличивавшиеся сопредельные территории арабская система правосудия вместе с судебным делопроизводством была без изменений внедрена и в феодальных тюркских государствах Передней Азии и Анатолии: Сефевидов, Зангидов, Караюнюлу, Аккоюнюлу, Сельджуков и, наконец, Османской империи и Крымском ханстве.

Согласно турецким источникам, юридическая канцелярия указанного периода велась на арабском языке [Akgündüz, Oğuz, 1998]. Это затрудняло как саму судебную процедуру, так и ведение соответствующей документации, ибо требовало от кадиев и секретарей суда – кятибов⁹ профессионального владения арабским языком. Однако уже к концу XVI века в Турции сиджили стали вестись на условно тюркском языке – османском. И хотя

⁸ Сакк (осм. из араб. «sakk – صك»), множественная форма: «sukuk»–«eskak») – книга, свод, реестр; свидетельство, удостоверение.

⁹ Иногда вместо арабского слова «кятиб» употреблялось тюркское словосочетание «tüz yazıcı» – ровно пишущий, т. е. – переписчик.

османский во многом арабизирован, всё же доля тюркского языка в нём довольно значительна.

Что касается крымских сборников, то на сегодняшний день мы имеем только записи, датируемые началом XVII и серединой XVIII вв. Подобно турецким сиджилям, крымские судебные книги в течение ста лет эволюционировали как в области самого письма или каллиграфии, так и в характере изложения материала, совершенствования самой структуры записи. На более раннем этапе присутствовало смешение различных стилей письма: от «дивани» до «рик'а». Каждый кятиб уль-хуруф (писарь-секретарь) использовал свой стиль и особенность каллиграфии. Иногда даже написание различных тюркских слов арабскими буквами было разным. К концу XVII века наступили относительная четкость и единообразие в почерке и грамматике, а из стилей окончательно утвердился скоропись того времени – рик'а. Кроме того, претерпели изменение терминология, стиль и синтаксис документов, демонстрируя собой развитие именно письменного официально-делового языка и уход от разговорного стиля, который присутствовал в записях изначально.

Известно, что в практике судов шариата регистрации судебных слушаний и вынесенного по ним решения стали впервые производиться опять же в эпоху Омейядов. В частности, источники сообщают о Сулейме б. Итре б. Селеме, назначенного кадием Мысра (Египта) халифом Муавией I, основателем династии. Однажды ему пришлось слушать дело о разделе наследства и определять каждому участнику процесса следуемую ему долю. По завершении разбирательства он устно сообщил свое решение присутствующим. Однако наследники на следующий день вновь поспорили и явились на суд. На этот раз Сулейма записал свое решение в книге, а тяжущимся выдал на руки выписку решения суда – suret¹⁰ (сурет) [Yavuz, 1998].

Выдача такой выписки с решением кадия было логическим итогом завершения большинства исков. Так как довольно большая доля слушаний в суде носила характер нотариального заверения брачного контракта, развода, чьего-либо притязания на владение имуществом, заверения наличия

долга или уплаты такового, передачи имущества в вакф и т. п., то на руки обратившимся к кадию вручали соответствующий документ – худжет. В нём сообщались фабула дела, имена истца и ответчика, суть (тема) иска (дава'), показания истца и согласие или отрицание их ответчиком. Кроме того, перечислялись свидетели, выступавшие на стороне одного из тяжущихся, и сообщался статус истца (например, подтверждение его имущественных прав) в результате окончания процесса. Решение кадия при этом не сообщалось, но сообщался результат, который опирался на решение суда. В этом смысле худжет представлял собой нотариальное свидетельство в отношении прав истца на какой-либо предмет либо объект спора (движимое и недвижимое имущество), доли в наследстве, процентов от торговых операций и т. п.

Худжет (hüccet / **حجت**) – слово арабского происхождения и в юридическом контексте в османском языке имеет два основных значения, которые в итоге концептуально зависимы: 1) доказательство, довод, свидетельство и 2) документ – выписка из решения суда, по уголовному или хозяйственному делу, либо договора купли-продажи, а также иных составленных судьей (кадием) нотариальных свидетельств. Структура худжета подробно описана в многочисленных турецких источниках [Akgündüz, Oğuz, 1998; Günay, 2012; Yaşa, 2014]. Она состояла из молитвы (дуа), которая располагалась в самом верху в центре строки. Дуа представляло собой обращение к Единому, Всемилостивому и Милосердному Аллаху, с подразумеваемым призывом к Господу быть свидетелем праведности и правильности судьи, выдающего документ, который во всем согласуется с нормами мусульманского закона – шариата. Впоследствии фраза свелась к единственному слову «Хуве» – «Он», т. е. Господь. Подобные же обращения к Богу можно увидеть и в ярлыках крымских ханов [Kuray, 1940; Вельяминов-Зернов, 1864].

Молитвенные выражения повторялись и в преамбуле, следующей сразу непосредственно после молитвы. Преамбула включала в себя такие важные элементы, как имя судьи, имя его отца, кадылык или каза (судебный округ), где был выдан документ, и ставилась печать. Молитвенные выражения подбирались соответственно теме или причине выдачи рассмотрения иска и выдачи худжета [Akgündüz, Oğuz, 1998].

¹⁰ Suret (от араб. «صورت») – 1. Форма, вид, шаблон. 2. Образ (действия), путь, способ. 3. Возможность, средство. 4. Картина. 5. Письменная копия (документа), выписка. 6. Отражение.

После преамбулы следовало краткое содержание иска или спора с сообщением имен истца и ответчика, суть претензий первого и признание или отказ второго. В случае отказа выступали свидетели, имена которых также сообщались. В заключении речь шла о возобновленных или доказанных, или же вновь приобретенных правах истца на имущество, долю наследства, собственную свободу и т. п. Худжет мог подтверждать выплату долга, в том числе и по брачному контракту, развод, свадебный контракт, права наследования (принадлежность к родословной), передачу имущества в эманет (ответственное хранение с правом использования или без такового), аренду, передачу чужого имущества (от посредника хозяину), заключение или отмену торговой сделки, а также прочие события гражданского и хозяйственно-административного характера. В данном случае кадий выступал в роли нотариуса, а выданный им худжет можно рассматривать как нотариальное свидетельство. Кроме худжетов были также и другие типы документов, выдаваемые кадиями: и'лам и маруз.

И'лам (араб. اعلام: «объявление», «объявлять») – документ, в котором в отличие от худжета сообщается решение или приговор, вынесенный кадием по итогу слушания дела (*дава*). В этом документе также присутствовали печать кадия и его подпись, только располагались они внизу, под текстом. Сам же текст включал в себя показания или претензии истца с сообщением его имени и ответы ответчика, чье имя также сообщалось. Как правило, дело могло решиться сразу при наличии доводов или доказательств, которые считались неопровержимыми. К таковым относились: 1) непосредственное признание ответчика, 2) признание истца в ответ на аргументацию ответчика и отказ от иска, 3) клятва именем Аллаха, приносимая в подтверждение своих слов истцом либо ответчиком при отсутствии доказательств, 4) либо отказ от клятвы, что автоматически подтверждало неправоту кого-либо из участников процесса. Во всех других случаях предполагалось участие свидетелей.

Процедура составления *и'лама* состояла из следующих этапов: первоначально участникам сообщалось о решении суда устно. Затем они получали на руки суреты (выписки суда) с кратким пересказом всего процесса и последующего решения. Суреты (их содержание) фиксировались в книге

(в сакке) реестров судебных решений (сиджилей). По требованию же вышестоящей инстанции (суд кадиаскера, ханский диван) или по просьбе одного из тяжущихся, с целью подать кассацию или жалобу, за отдельную плату составлялся и'лам как официальное решение суда. Перед выдачей его предварительные записи (суреты и сиджили) тщательно проверялись на предмет соответствия решения Шариату, так как в случае нарушения или отступления от него кадий мог быть жестоко наказан крупным денежным штрафом, тюремным заключением или даже казнью. В любом случае несправедное решение служило поводом для его дисквалификации.

Еще один тип документа, выдаваемый на руки, назывался *маруз*. Термин *маруз* также происходит из арабского языка (معروض) и буквально означает: нечто «желаемое», «требуемое», «ожидаемое»; а также «предлагаемое», «отсылаемое» и т. д. Если говорить о нем, как о типе документа, то он скорее всего соответствует понятию «заявление». Иногда в отношении *и'лама* употреблялся термин «маруз», так как он выдавался исключительно по чьему-либо требованию или заявлению. Подобно худжету, маруз не имел юридической силы для представления его в суде, так как не содержал решения предыдущего суда. Как и *худжет*, *маруз* – своеобразный вид нотариального извещения, сообщался лишь статус, юридическое состояние одного из участников суда, чаще всего ответчика. В отличие же от *худжета*, *маруз* в большинстве случаев извещал о статусе лица после уголовного дела. К уголовным делам помимо воровства и убийства относились также оскорбление словом или делом, клевета, лжесвидетельство, супружеская измена, внебрачные любовные связи, публичное распитие спиртных напитков (вне установленных мест), богохульство и прочие виды религиозных или уголовных преступлений. Как правило, статус или вина ответчика определялись марузом тогда, когда после описания процесса и всех прений сообщалось о том, что показания свидетелей были приняты как верные. Также могло быть зарегистрировано и сообщено признание ответчика или его отказ от клятвы. То есть, хоть в марузе не присутствовало непосредственное решение судьи, оно предполагалось, исходя из логики всего содержимого, и могло служить основанием

для требования денежного штрафа либо компенсации, назначенных кадием, и возврата утаенного, похищенного или силой отнятого имущества.

Таким образом, большая часть документов признавалась кадием в случае, если у ответчика не было контраргументов в виде иного худжета, выданного кадием другого кадылыка (судебного округа), но по срокам более поздним, или свидетельств, заявленных двумя мусульманами мужчинами. В подобной ситуации необходимо было получить решение по спорному вопросу от Шейх'уль Ислама или крымского муфтия, который заседал в Каффе и которого непосредственно назначали в Стамбуле. Его решение (фетва) являлось окончательным в таком спорном деле.

Виды сиджией по типу исков формально похожи по своему оформлению. Так среди записей Бахчисарайского кадылыка XVII века можно обнаружить документы, связанные с такими видами административно-хозяйственной деятельности, как: взыскание долга и завуалированного процента по нему, называемого «рибх»¹¹ (т. е. доли с торговой выручки, с оборота), назначение представителей (векилей), которые от имени поручителя уполномочены были вести как торговые операции, так и представлять его интересы в суде, акты купли-продажи либо передачи имущества в вакуф, земельные споры, отпуск рабов на волю, заключение договоров с невольниками о самовыкупе (китабет), тяжбы невольников, желавших после смерти хозяев получить свободу, а также регистрации брачных договоров, помолвки и заключения брака. Помимо брачных контрактов встречаются непосредственно разводы и решения суда о выплате суммы мужем долга по брачному контракту, либо даже такие дела, как выезд супруги на паломничество (хадж) в Мекку и требование к мужу выдать ей на руки ее долю имущества, ибо путешествие долгое и рискованное, и к тому же затратное [ККХК, Т. 1, с. 8-А, текст № 6].

Из других документов следует выделить записи, относящиеся к разделу наследства. Процесс распределения наследства в судах шариата вы-

полнялся крайне дотошно и щепетильно, а права всех претендентов на свою долю были полностью защищены и обеспечены. Перечень имущества, передаваемого тому или иному наследнику, записывался на отдельном листе с указанием имени и степени родства получателя по отношению к умершему. Более того, сообщалась стоимость каждого отдельного предмета, животного либо невольника, которые являлись частью распределяемого имущества. Отдельные стоимости суммировались, и в итоге значилась сумма, которую должен был получить наследник в зависимости от того, кем он приходился покойному. Лист с описанным и оценённым имуществом назывался «яфта» [Рустемов, 2013].

Кроме записей о слушании дел экономического и бытового характера в сборниках присутствуют тексты, связанные с уголовными делами. Из них наиболее частотными являются записи исков по воровству коней или другого скота, а также невольников. Встречаются случаи утаивания наследственных денег, оскорбления [ККХК, Т. 1, стр. 78/75, текст № 4], ранения и убийств.

Как уже отмечалось, все перечисленные выше виды текстов, касавшиеся тех или иных дел, оформлялись почти по одинаковой схеме. Исключение составляли записи о разделе имущества, где яфта представляла собой текст, напоминающий таблицу. Несколько отличались также сиджиеи о назначении кого-либо векилем, где отсутствовали обвинение, опрос свидетелей и вынесение решения. В них не было преамбулы, обычной для иных типов текстов, которые мы назвали «hüküm / хукм» – решение [Рустемов, 2015]. Судилище или суд почти во всех документах называлось «махвил-и каза» (судебное заседание; собрание суда) или меджис-и Шер'и (шариатское собрание; собрание суда шариата). Исключение составляют ярлыки ханов, адресованные кадиаскерам, для исполнения воли падишаха.

Однако наиболее верным признаком правоты истца являлось признание самого ответчика, то есть его согласный с показаниями истца ответ. Как, например, в следующем тексте:

Хызыр бин Юнус вызвал в Собрание Суда казака по имени Касым: «Означенный казак Касым убил моего младшего брата Байрама Ходжу в

¹¹ Рибх – (ربح) (ribâh): торг. Доход, процент, заработок. В мусульманском праве было запрещено получение процентов по кредитам или долгу. Такой процент получался в скрытой форме, оформляясь как якобы оговоренная часть дохода с торговых операций.

местечке Азаб Хани, пусть он будет опрошен». Сразу после слов его был опрошен упомянутый Касым, который отвечал с признанием: «Байрама Ходжу я убил топором и, переодевшись в его одежду, ушел». По признанию его было принято и записано решение о «кысасе» (смертная казнь, по принципу кровь за кровь). Событие текущего дня: 3-й день Джумади-эль-ахыра, года 1018 (1609).

Присутствующие свидетели: Деде Эфенди ибни Абдулькадыр Эфенди, Хусейн Ага ибни Джанибек, Эмир Омер ибни Эмир Меми, Эш Мехмед бин Хамзе, Байрам Али бин Джанали и другие.

[ККХК, Т. 1, с. 13-А (82/80), текст № 5]

В том случае если свидетелей не было, ответчику предлагалось принести клятву во имя Аллаха, что он не виновен или ничего не должен, а истец возводит на него напраслину. Ответчик, как правило, поступал богобоязненно и приносил клятву только тогда, когда был уверен в своей правоте. В других случаях он от клятвы отказывался. Тогда наступала очередь истца принести клятву. И если он клялся именем Аллаха, решение принималось в его пользу. Но если у него были свидетели, то слово предоставлялось им:

Муселли бин Музаффер вызвал в Собрание Суда Реджеба Суфи: «Означенному Реджебу я передал в эманет для продажи кувшин (*desti*) меда. Ныне же он мой кувшин разбил, требую его». Сразу после слов его опрошен был Реджеб, который ответил, что разбил его случайно и поклялся именем Аллаха, что именно так и было. Было принято решение об избавлении (от штрафа). Событие текущего дня: первый день Джумади-эль-ухра, года 1018 (1609).

Присутствующие свидетели: Абдулджеббар Челеби ибни Захмак Эфенди, Сефер Халифе ибни Бешир, Махмуд Мехмед ибни Ярбулды, Махмуд эль-Мухзыр (судебный пристав), Абдульазиз Челеби, Хусейн Эфенди дефтердар (казначей), Мутахар Эфенди эль-кадий эн Феррахкерман (судья из Феррахкермана / Ор Капы).

[ККХК, Т. 1, с. 13-А (82/80), текст № 2]

Шебриз Ага, вызвав в Собрание Суда Мурада Агу, в присутствии его (заявил): «Я продал Мураду Аге одного коня в рассрочку. Десять хасене

вернулось, десять осталось. Требую их». После слов его был задан вопрос Мураду Аге, на что он отвечал: «Я коня этого (человека) приобрел за отрез атласа, который передал через другого». Тогда были истребованы доводы и доказательства у Шебриза Аги, в коих он оказался бессилён. После этого предложено было принести клятву Мураду Аге, на что он отказался. Было принято и записано решение об уплате оставшихся десяти хасене. Событие текущего дня: середина Джумади-эль-ула, года 1018 (1609).

Присутствующие свидетели: Ибрахим Эфенди эль-кади (судья), Абдулькадыр Эфенди из деревни Шейх Музаффер, Первиз эль-Мухзыр (судебный пристав Первиз).

[ККХК, Т. 1, с. 12-В (83/81), текст № 10]

После доказательств, основывавшихся на свидетельских показаниях других мусульман или на признании ответчика, или же на принесенных участниками процесса клятвах, принималось решение в пользу той либо иной стороны. Принятое решение регистрировалось. В судебных записях обычным был такой оборот: «... хужюм олунуб кайд олунды» (...решение, будучи принятым, зарегистрировано).

Иногда по причине отсутствия свидетелей или завышенных требований истца по вопросу возмещения денег или имущества наблюдавшие за ходом дела мусульмане могли предложить участникам процесса – «дава'» заключить мировую – «сульх». Арабское слово «сульх», собственно, и означает «мир». В таком случае истец получал от ответчика уже не долг или иные причитающиеся ему деньги или имущество, в том числе невольников, но компенсацию – «бедель» за мировую. Как правило, она была меньше требований истца, но в принципе устраивала обоих.

Последняя часть сиджиля как документа содержит дату (*тарих*) и имена свидетелей судебного присутствия. В крымских сиджилях дата писалась чаще всего по-арабски. Иногда в ней присутствовали персидские (т. е. на языке «фарси») выражения, типа *мах-и* (месяца...). Дату редко обозначали цифрами. Наиболее употребительными были выражения «начало месяца Шабана», «середина Реби-уль-эввеля», «конец Рамазана», можно встретить слово «гуретт-и», означающее

первый день всякого месяца. Однако в некоторых сиджилях число месяца обозначалось арабскими цифрами. Если дела рассматривались в один день, то после первого во всех последующих могло быть написано: *тарих эль-мезбур* (даты упомянутой). То же самое касалось и относительно свидетелей: *шухуд эль-хал – эль мезбурун* (присутствующие свидетели – упомянутые).

Помимо непосредственно имен свидетелей зачастую сообщались их должности, титулы или слова, обозначающие принадлежность к ремеслам, социальному статусу и т. п. Наиболее часты слова «эль-Хадж» (хаджи, паломник, совершивший хадж в Мекку), «эль-Гази» (борец за веру), «имам» (глава мусульман, настоятель мечети), эш-Шейх (наставник, учитель, руководитель или наставник суфийской общины, монастыря), эль-Мюдеррис (преподаватель в медресе) и т. д.

Как уже отмечалось, в кадийских сиджилях довольно большое количество документов, так или иначе связанных с разделом имущества, в том числе и наследства. Все они иллюстрируют заметную долю щепетильности в отношении собственности у крымских татар. Вопрос о том, где чье имущество и кому сколько причитается, зачастую являлся причиной судебных разбирательств. Особую роль в этих делах занимали дела, в которых устанавливается опека над сиротами. Во многих подобных делах, когда устанавливалась опека над сиротой и опекуну переходило во временную собственность имущество детей, он обязывался кормить и одевать их на доходы от процентов с имущества, формально принадлежавшего им (детям) до их совершеннолетия. Не прощался также и долг со смертью заимодавца, но право на требование его и получение переходило к детям. При этом должник автоматически также становился попечителем сирот:

Мемии сын Исмаила (зачеркнуто).

Представший (перед Судом) житель деревни Ерлешме (?) Али сын Хашима, будучи в обязательстве перед родными младшими дочерьми покойного Эми Динмахаммеда Эмине и Алиме на шестьдесят алтынов из имущества, принадлежавшего их отцу, свой долг искренне признал. И казак по имени Мали, и невольница (джарие) по имени Гюлистан, и сад в известных границах

на (реке) Альме (признаются) наследством упомянутых детей. А из урожая сада получая в год шесть с половиной флоринов (выдавать их) упомянутым наследницам и казаку, и невольнице на пропитание, и на одеяние, (как и само) наблюдение за садом в пользу упомянутых наследниц. А из суммы в шестьдесят флоринов, на которую были взяты обязательства еще при жизни покойного, расходовать проценты, признавая свое бремя попечительства и водружая на себя ответственность (за них). А матери сирот – Шахбуле вменено в обязанность надзирание. Записано в сиджиле и зарегистрировано. Дня текущего: середина месяца Джумазие эль-эввель, года 1017 (1608).

Свидетели присутствия: *Абдульазиз эфенди Казии Кёзлеве (судья из Кёзлеве), Ес-Сейид Осман Челеби бин Эс-Сейид Мемии, Сухраб бек ибни Абдуллах, Хайдер Халифе бин Абдуллах и другие.*

[ККХК, Т. 1, с. 1-В (левый разворот), запись № 5]

Особо соблюдались права не только детей, но и супруги, которая автоматически по смерти мужа имела право истребовать и получить сумму, зарегистрированную в брачном контракте. Эту сумму деньгами либо имуществом, но всегда при соответствии его какому-либо денежному эквиваленту муж мог внести сразу при заключении брака, и тогда это называлось мехр-и муаджелъ. Либо она оговаривалась, что будет принадлежать жене в определенном количестве по мере того, как семья наживала благосостояние. Тогда это имущество, либо деньги назывались мехр-и муэджелъ. Именно его получала женщина в случае развода или гибели мужа, что служило своего рода гарантией ее сравнительно обеспеченной жизни после потери кормильца, остававшейся, как правило, с детьми на руках. Часто сумма мехра была довольно значительной.

Назначенный Девлет Мехмед бин Хаджи Байрамом для заключения брака с Разие бинти Алынды поверенный Отай бин Юнус при свидетелях Ибраиш бин Байкельды и Касым бин Тенгриверди, и Назир бин Абдуллах, назначенный поверенным упомянутой Разие, при свидетелях Хаджи Казака и Махмуда мухзыра, заключили брачный договор с условием трехсот флоринов мехр-и муэджелъ.

21-й день месяца Шабана, года 1018 (1609).
Свидетели присутствия: Мехмед Эфенди и Первиз эль-мухзыр и другие.

[ККХК, Т. 1, С. 14-А (правый разворот), Текст – 6]

Следует заметить, что сумма в триста флоринов равнялась приблизительной стоимости тысячи волов.

При всей декларируемой честности и праведности судей шариатского суда нарушения в нём всё же происходили. Эти нарушения были чаще всего связаны с завышенными требованиями денежных компенсаций за тот или иной документ, невниманием или затягиванием дела, решением исхода дела не по справедливости. В результате одному из правителей Крымского Юрта пришлось даже издать ярлык, касающийся злоупотреблений в судах кадием:

Ярлык Джанибек-хана, устанавливающий стоимость выдаваемых кадиями документов

Джанибек Герай-хан – моё слово

Первейшим из кадиев и судей, оплоту и защите Ислама, непосредственно господину Гёзлева, и господину Карасу, и кадию Ферах Кермана, и господину (Старого) Крыма, а также остальным судьям прямой и ясный сей высокий ярлык о том, что в отсутствие вас в судилищах заместителями и наибами вашими по делам сиджилей и худжетов, а также в бумагах по наследству, сверх всякой меры совершается злключения. Посему услышанным нашим Высоким Ярлыком повелеваю: отныне по всем делам во вверенных вам судах самим вам быть регистраторами дел добродушных мусульман, а по отсутствию вашему назначать на исполнение помощников из числа людей воспитанных, нрава доброго, искушённых в ведении книг и назначении доли по наследству. И сделав им полное разъяснение, определить им степень пошлины: за запись в сиджиле – восемь акче, а за выписку по решению тридцать две акче, а за раздел имущества по наследству не более одной сороковой части от цены оного. И оплата судейского вестника (мухзыра) в указанной стоимости, а сверх этого, говоря, что

деньги за яфту (лист с перечнем наследуемого имущества), не брать, и за вольную больше одного гуруша не брать. Согласно сим повелениям сделайте разъяснение вашим наидам, кои так же, как и вы сами, не станут взыскивать с бедняка, стоящего перед судом, сверху назначенной меры. И таким образом, ведая о том, что враждебность проистекает из упомянутых чрезвычайных поборов, коренящихся в неправедности и алчности, соблюдайте исполнение Суда Шариата честно и добродетельно. А того, что должно было вам делать, но делали за вас наибы ваши, впредь лишь вы исполнителями будете. А в том, что наиб добродетелен и чист, не должно быть сомнений. А когда нарушения за ним замечены, немедленно с должности снять. А по ходатайству всякого помощника не брать. По отсутствию же такового – сами суд править и запись вносить будете, и за то сверх назначенной пошлины не брать. Отныне стоимость за сиджиле такая, а если с сиджиля выписку давать, то за все тридцать две (акче) брать. И наибу строго воспретить брать больше положенного. И за завещание, и за вакуфные, и возмещение хаджа (bedel-i hass)¹² размеры пошлин установлены, а сверху оного никаких подношений не искать, и не склонять к этому. А наиба, уличённого в том, что ищет корысти, можете увольнять. И согласно сказанному вести книгу будете, а сей Высокий Ярлык дан вам на то извещением. Конец месяца Сефера Победоносного, года 1021 (1612).

ККХК 73-А (1–22 / 25) (правая сторона разворота, сверху). Текст № 1. (334)

Несмотря на отдельные нарушения со стороны кади, из содержания самих кадиаскерских книг и решений суда, следуемых их них, мусульманское право в действительности было объективным ко всем подданным Крымского государства. С этой точки зрения крымские сиджили ещё ждут своих внимательных исследователей.

¹² Bedel-i hass – денежное возмещение или вознаграждение за совершенный другим вместо себя хадж (паломничество в Мекку) по случаю болезни или тяжелого физического состояния.

11.6. Социально-экономическая жизнь уезда Карасу

Нури Кавак

Темой данного исследования является общественно-экономический уклад жизни уезда Карасу во времена Крымского ханства и Османской империи. Сведения почерпнуты из первоисточников, представляющих собой налоговые документы (налоговые реестры, ведомости сбора налогов, подушные податные ведомости), протоколы судебных заседаний, реестры наследственного имущества. Наше исследование опирается преимущественно на протоколы заседаний шариатского суда, тома № 25–33–47 и 65.

А. Социальная жизнь.

Карасу являлся крупным городом Крымского ханства с населением, которое по разным источникам можно оценить в 16500–30000 человек. При расчете этих данных за основу брали количество домов (семейств) [İnalçık, 2000a, p. 61]¹. Под домом понимался глава семьи, имеющий собственный доход, и члены его семьи в расчете 3–5 человек². После завоевания Крыма Российской империей в 1783 г. число семейств сократилось до 1000 [Kırımlı, 2001, p. 472]. В 1855 г. население Карасу составляло около 15000 человек [Neilson, 1855, p. 86]. Во времена русско-турецких войн крымские татары пережили две крупные волны миграции. В период с 1783 по 1922 гг. из Крыма в Османскую империю мигрировали 1800000 татар [Karpat, 2003, p. 108–109]. Причиной стало стремление русского правительства заменить исконное население Крыма своим населением.

В настоящее время в Турции проживает около 5 млн. крымских татар [Williams, 2001, s. 215–219].

По имеющимся источникам, кроме крымских татар в Карасу с давних пор жили армяне, греки, персы, евреи, цыгане и копты, черкесы, ногайцы, а также курды, лазы, арабы и поляки. Среди на-

селения много было переселенцев из Османской империи, чаще всего из Трабзона, Эрзурума, Кони, Синопа и других городов Малой Азии.

Социальные слои населения Карасу сформировались в зависимости от вероисповедания, политического влияния, социального статуса и экономического достатка.

В Крымском ханстве существовали знатные роды. Их число варьировалось на протяжении истории, но основных было пять (Ширин, Аргын, Барын, Мансур и Сиджувут) [Ülküsal, 1980, p. 31]. Чувство принадлежности к знатному роду придавало ощущение могущества и собственной исключительности. Наиболее влиятельным в Карасу считался род Ширин.

Население Крыма делилось на правящий класс и подданных. Правящим классом были военные (аскери), они были освобождены от налогов и выполняли приказы хана или командира. Подданные занимались земледелием, животноводством, ремеслом или торговлей и платили налоги.

Военные не обязательно носили оружие, среди них были и те, кто состоял на государственной службе, управлял дворцовыми делами или провинцией. Кроме них были сеиды, получившие султанскую грамоту, и вспомогательный военный состав [İhsanoğlu, 1990, p. 271]. Они также не платили налоги. Военными могли быть только мусульмане и только сунниты.

Жизнь мусульман подчинялась определенному порядку. Они вставали с восходом солнца, совершали намаз и приступали к повседневным делам. Религиозные праздники служили объединению мусульман и укреплению их связей между собой. Жизнь протекала между домом, мечтью и работой, важное место занимали кофейни, бозахане, и мейхане (трактиры)³. Однако самым важным в жизни мусульманина была военная служба. Частые войны не способствовали увеличению населения, отрицательно влияли на социальную и семейную жизнь [K.Ş.S., 25–49b–498].

¹ Количество домов и жителей рассчитано на основе исследования налоговых ведомостей конца XV в. на Балканах.

² Из 4 томов книг с записями о наследстве, которые имеют отношение к уезду Карасу (25–33–47–65 тома), среднее количество детей в семье определяется как 4.

³ В К.Ş.S. в документе под номером 33–83b–755 упоминается бозахане, под номером 33–76a–682' de кофейня и под номером 47–56b–380 мейхане (пивная, трактир).

В итоге больше всего от войн страдали мусульмане.

Немусульмане, так называемые зимми, не были равны в обществе мусульманам, но от них не требовали и исполнения обязанностей, возлагаемых на мусульман. Исламское право признает свободу вероисповедания и совести, поэтому в Османской империи исповедовавшие иную религию не испытывали на себе давления или притеснений. Нет ни одного судебного процесса, связанного с принуждением к принятию ислама.

Религиозные сообщества избирали главу, управляющего ими и представляющего их интересы в государстве. В то же время их жизнь, имущество и вера находились под защитой государства. Религиозные сообщества самостоятельно рассматривали такие дела, как брак, развод, споры по поводу наследства и др. в соответствии с законами своей религии, сами выносили решения и осуществляли их. Если же стороны были не удовлетворены решением суда сообщества, они могли обратиться в шариатский суд, и тот был обязан рассмотреть их дело [Özel, 1982, p. 200]. Однако уголовные преступления в обязательном порядке рассматривались в шариатском суде. После заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора в 1774 г. правовые вопросы христиан были вынесены на международную арену [Erim, 1953, p. 124].

Существует несколько записей относительно рассмотрения дел немусульман шариатским судом. Например, одна женщина обратилась в суд, так как священник потребовал за похороны ее двух маленьких дочерей крупную сумму. Шариатский суд снизил эту сумму в два раза [K.Ş.S., 25–40a–408]. Также в ряде протоколов судебных заседаний зафиксированы имена немусульман, выступавших свидетелями на суде.

Пока немусульмане исправно платили налоги, не трогали ни их, ни места совершения культа. Не мешали им пить вино и есть свинину. Очень редко встречаются судебные процессы, связанные с унижением, притеснением или оскорблением немусульман. В этом контексте примечателен указ о евреях, разосланный по полицейским участкам, в котором говорилось, что прежде в Карасу евреев не обижали и сейчас этого не

следует делать. И по отношению к тому, кто с этим не согласен, будут приняты меры [K.Ş.S., 25–8a–74].

Общество делилось на свободных людей и несвободных. Рабы и невольницы занимали низшую ступень иерархии, их продавали как товар. У них не было никаких прав, ребенок, рождавшийся у рабов, становился рабом. У рабов не было права на собственность, все, что они производили, принадлежало хозяину. Раб не мог наследовать, мог только взять в долг. Ответственность за его долги или за ущерб, который раб мог нанести, полностью лежала на хозяине. Ислам рекомендует хорошо обращаться с рабами, заботиться о них и уберегать от дурных поступков. По мере изменения некоторых религиозных и правовых моментов появлялось больше возможностей освободиться из рабства.

У раба было несколько возможностей обрести свободу. Прежде всего – стать мусульманином. Также отпускали за выкуп или за определенный срок службы. Если договоренность нарушалась, раб мог обратиться в суд. Так, один господин обещал отпустить раба после 8 лет службы. По прошествии 10 лет не получивший свободу раб обратился в суд. Свидетели подтвердили обещание господина, и суд велел отпустить раба [K.Ş.S., 25–86a–888; K.Ş.S., 25–70b–760]. В применяемой судебной системе дверь была открыта для всех, что означало, что все защищены от несправедливости.

Иногда рабов отпускали на волю из-за болезни. В документах есть запись о том, что хозяин отпустил хромого девочку-венгерку. Известны случаи, когда рабов отпускали, дав обет. Например, один хозяин поклялся, что отпустит раба, если его сын выздоровеет.

Как в Османской империи, так и в Крымском ханстве никто не принуждал насильно переходить в ислам. Чаще всего ислам принимали по экономическим соображениям, это улучшало финансовое положение человека, ему не надо было больше платить джизье (налог, которым облагались немусульмане), и он получал право пользоваться преимуществами, которые давала принадлежность к цеху ремесленников [Çetin, 1994, p. 64, 78].

Другой фактор, заставляющий человека принимать столь важное решение, - желание изменить свой статус в обществе. После того, как хозяин даровал свободу русскому рабу, принявшему ислам [К.Ş.S., 25–91а–933], другие рабы, надеясь на освобождение, стали переходить в ислам.

Нет письменных свидетельств о принятии ислама в связи с вступлением в брак, однако нельзя снимать со счетов и эту вероятность.

Часто вслед за главой семьи в ислам переходили и другие ее члены. Однако глава семьи мог принять такое решение только за ее несовершеннолетних членов. Совершеннолетние были свободны в выборе религии. Следует отметить, что многие принимали ислам под положительным впечатлением от религии, культуры и образа жизни мусульман.

Обращенных в ислам называли мюхтеди. Хотя мюхтеди упоминаются во многих документах, нигде нет указания на их национальность, прежнее имя и религию.

К сожалению, не все люди, перешедшие в ислам, могут отказаться от своих прежних привычек. Так, в одном судебном процессе фигурирует мюхтеди, который в состоянии опьянения ранил человека [К.Ş.S., 25–49b–493].

В реестровых книгах не упоминается ни один мюхтеди, совершивший хадж. Также нет данных о совершении обряда обрезания.

В протоколах судебных заседаний нет дел, связанных с принуждением мюхтеди к уплате джизье, скорее всего таких случаев не было.

Есть много документов, подтверждающих взаимоотношения между мусульманами и немусульманами во многих сферах, например, поручительство, свидетельствование, предоставление работы, сотрудничество, представительство, брак, торговля и одалживание денег. Подобные взаимоотношения были и между мусульманами и мюхтеди, а также между мюхтеди и немусульманами, если же возникали конфликты, то не на религиозной почве.

Примечателен судебный процесс, когда мюхтеди обратился в суд, поскольку его хотели продать как раба. Он был родом из Богдана (Молдавии), принял ислам и позже попал в Карасу.

Свидетели из Аккермана подтвердили, что он стал мусульманином и был отпущен на волю, и суд признал его права [К.Ş.S., 25–65а–700].

Институт семьи в каждом обществе имеет присущие только ему черты. В Карасу придерживались традиционных мусульманских обычаев.

Первый шаг к созданию семьи – вступление в брак мужчины и девушки. Обручение до свадьбы – это традиция, сложившаяся в обществе, она не закреплена в исламском праве. По нашим обычаям обручение дает возможность подготовиться к свадьбе.

Юноша и девушка могли быть помолвлены с колыбели, однако брак заключался, когда девушка достигала возраста невесты. После помолвки сторона жениха вносила деньги или товары в качестве подарка невесте. Помолвка могла быть расторгнута, тогда деньги и подарки подлежали возврату. Часто этих же правил придерживались и немусульмане. Например, зимми родом из Эрзурума, живущий в Карасу, послал подарки ювелиру Ованису, сватаясь к его дочери. Позже он обратился в суд, поскольку Ованис не отдал за него дочь. Ованис же сказал, что девушка совершеннолетняя и не хочет выходить замуж, девушка подтвердила это перед кади, и кади постановил возвратить подарки и отменить помолвку [К.Ş.S., 25–68а–732]. Молодые люди, помолвленные в детском возрасте, могли расторгнуть помолвку, достигнув совершеннолетия.

Брак заключался в шариатском суде или имамом, уполномоченным им. В исламе нет определенного обряда или специального человека для заключения брака. Однако для вступающих в брак установлен ряд критериев.

Акт бракосочетания заключается между мужчиной и девушкой. От имени девушки может выступать представитель. Представителем может быть самый близкий родственник-мужчина, мужчина, отпускающий на волю наложницу, мужчина, назначенный кади, или опекун.

Не все браки были зарегистрированы, и это могло бы стать проблемой, но браки заключались при свидетелях, праздновались свадьбой вместе с соседями и родственниками.

В исламе сурово осуждаются внебрачные отношения. Виновных наказывали битьем палка-

ми или закидывали камнями. В Османском праве в 1589–1680 гг. есть несколько упоминаний о таком наказании. Также наказывали работой на галерах и тюрьмой. Женщина, обвиненная в такой связи, предпочитала пять раз отрицать вину и привлечь на себя проклятие Аллаха, но избежать наказания.

В исламе не допускалась совместная жизнь без заключения брака, рождение ребенка вне брака осуждалось. Среди документов не встречается судебных процессов, связанных с признанием отцовства.

В книгах нет записей о заключении брака между мусульманами и немусульманами, а также браков армян, греков, евреев и др. немусульман. Они имели право как заключать браки по своим традициям, так и обращаться в шариат. Однако обращения для заключения брака не зафиксированы. Это доказывает, что они спокойно могли проводить обряды по своим законам и традициям.

В 4-х реестрах уезда Карасу зарегистрировано всего 496 описей наследственного имущества: 312– мусульман, 184– немусульман. В этих описях удалось найти только 3 случая многоженства: у 2-х человек было по 2 жены, у одного –3. Один из них Али Деде – шейх, что очень важно, однако, судя по оставленному им наследству, он был не богат, да и в его владении не было дома, сада и т. п., что могло бы свидетельствовать о его состоянии, и все-таки за Айше он заплатил 40, а за Исмихан –25 курушей [К.Ş.S., 25–26b–277]. Примечательно, что и в других двух случаях мужчины не были богаты, что противоречит общепринятой точке зрения, что многоженец должен быть хорошо обеспеченным человеком.

У супругов есть определенные права и обязанности по отношению друг к другу. Особенно важно соблюдение правовых норм при расторжении брака.

Ислам считает материнство величайшей миссией. От женщины зависит воспитание нового поколения. Поэтому в исламе разработан ряд правил, защищающих права женщины. Женщины могли обратиться в суд, если нарушались их права или они подвергались насилию со стороны мужа. Существовал ряд мер, который обеспечи-

вал защиту женщины и после развода. Материальной стороной этого были нафака (содержание) и махр (имущество, выделяемое жене при заключении брака).

Махр являлся экономической гарантией для женщины. При заключении брака женщине определялся махр деньгами или имуществом, сумма его обычно определялась в денежном выражении. Махр мог выдаваться до и после замужества или возвращаться при разводе. Сумма махра не должна была быть менее 10 дирхемов.

Женщина могла подарить махр полностью или частично мужу. Например, женщина требовала после смерти мужа 20 золотых махра. Она говорила, что 40 золотых подарила мужу, а 20 остались. Мать мужа утверждала, что она подарила ему все 60 золотых. Свидетели выступили в пользу жены, и суд велел вернуть ей ее часть [К.Ş.S., 25–71b–767]. Если махр не выплачивали после смерти мужа, он выделялся из его наследства [К.Ş.S., 25–47a–468]. Если женщина умирала и у нее оставался махр, его могли потребовать ее наследники. Женщина имела право завещать часть махра на благотворительные дела [К.Ş.S., 25–63b–680].

Муж был обязан обеспечивать семью. Если муж не выполнял свой долг, женщина имела право обратиться в суд [К.Ş.S., 25–53a–529]. Если рождался ребенок, то содержание (нафака) должно было покрывать и расходы на ребенка. Если супруг не обеспечивал содержание, суд мог продать часть его имущества. Если и это не помогало, сажали в тюрьму. Если женщина и в этом случае не получала содержание, она имела право развестись с мужем. Только у ханефийцев не было такого права. В исследуемый нами период встречались и процессы немусульман по поводу нафака [К.Ş.S., 25–98b–991]. Они решались по принципу мусульманского шариата. Чаще всего суд назначал нафака в размере 3–5 акче на ребенка и 5 акче для женщины. Иногда выделялось имущество.

В исламском праве разработан ряд принципов, предусматривающих права супругов в браке и в случае его расторжения. Муж ничего не ждал от жены в материальном плане. Если мужчина обязан обеспечивать семью финансо-

во, то женщина не должна пренебрегать своими домашними обязанностями. Прежде всего это уход за детьми и оказание уважения и почитания мужу, удовлетворение его потребностей. Среди процессов не было ни одного, где мужчина обращался бы в суд с претензией к жене.

Ислам не запрещает развод, но не приветствует его. Для развода должны быть веские основания. Это могут быть проблемы со здоровьем и невозможность выполнять супружеские обязанности или переход в другую религию.

В исламском праве развод может произойти по воле мужа, через суд, а также по договоренности. Мужчина может развестись, даже не называя причину. Например, при талаке нет необходимости идти в суд. Однако в любом случае женщине при разводе выплачивается махр.

Талак – слово, которое произносит мужчина, желая развестись. Таким образом муж может три раза развестись со своей женой. Однако после третьего раза супруги уже не могут вновь пожениться. Только если женщина выйдет замуж за другого и разведется с ним или тот умрет.

Исламские правоведы спорят, является ли действительным развод, если слово «талак» произнесено мужем в состоянии опьянения. Среди исследуемых нами материалов есть типичный пример этому. Фатма сказала, что муж развелся с ней, заявив: «Одна рюмка вина лучше 50 баб». Свидетели подтвердили сказанное, и суд принял решение о разводе [К.Ş.S., 25–36а–365], однако это был так называемый мюкрехин талак (развод по принуждению). В наших материалах встречались процессы, где зафиксирован условный развод из-за алкоголя. Женщина заявила, что будет считать себя разведенной, если муж снова придет домой пьяным. Когда муж снова напился, женщина потребовала через суд осуществления развода [К.Ş.S., 25–26б–279]. Выслушав свидетельства очевидцев, суд принял решение о разводе.

При разводе по договоренности чаще инициатором развода выступает женщина, а муж соглашается, получив в ответ некую компенсацию. Женщина договорилась с мужем, что они разведутся при условии, что она откажется от нафака и заберет только свои платья. Однако в указан-

ный срок муж не отдал ей одежду, и она обратилась в суд. Муж заявил, что не хочет разводиться и не собирается отдавать вещи. В суде свидетели подтвердили обещание мужа, и суд счел женщину правой [К.Ş.S., 25–26б–279].

Решение о разводе, которое выносил суд, называлось тефрик. Основные причины развода: болезнь и изъяз, необеспечение нафака, плохое обращение и неуживчивость. Фатма из квартала Чингене пожаловалась суду, что ее супруг Хаджи Байрам постоянно пьет вино и бьет ее, а этой ночью стал ее избивать, душить и чуть не убил. Свидетели подтвердили, что женщина говорит правду, суд признал дурное обращение и развел супругов [К.Ş.S., 25–36а–364].

В Карасу встречались и бракоразводные процессы среди немусульман, но по мусульманским правилам. Это говорит и о разнообразии дел, рассматриваемых шариатским судом, и о том, что для любого человека здесь находилось решение.

Воспитание и уход за детьми в браке – обязанность обоих родителей. Однако в случае смерти одного или обоих родителей и в случае развода возникает вопрос, кто будет воспитывать ребенка.

Пока дети не научатся самостоятельно есть, одеваться и выходить на улицу, за ними присматривает мать. Для мальчиков и девочек это разный возраст. Если мать умерла до достижения ребенком этого возраста, присмотр за ним берет на себя родственница, когда же ребенок подрастает, он попадает под попечительство отца. В целом отец несет ответственность за ребенка с момента его зачатия.

В любом случае, кто бы ни брал на себя ответственность за ребенка, он должен быть свободным совершеннолетним человеком в здравом уме, который в состоянии вырастить ребенка здоровым и порядочным человеком.

В исламе воспитание ребенка является религиозным и нравственным долгом. Поэтому детей часто усыновляют. Усыновитель может потребовать от родственников ребенка выплаты нафака, если нафака не назначают, расходы на ребенка считают благотворительностью. Если в дальнейшем объявляется родственник ребенка, с него

можно потребовать выплаты нафака. Суд может передать ребенка на усыновление, суд же может назначить нафака за порученного вам ребенка. Нафака может быть выплачено из наследства, оставленного ребенку.

Нет препятствий к заключению брака между усыновителем и усыновленной.

В основном за детей, оставшихся сиротами после смерти родителей или в результате развода, отвечал опекунский совет. Если умирал один из родителей, то опекунство передавалось другому. Отец мог сам назначить опекуна ребенку, или его назначал суд. Опекун старались назначать из людей той же религии.

Ребенок оставался под опекой до достижения совершеннолетия – возраста 15 лет. Затем суд отзывал опекуна, и ребенок становился самостоятельным. В это же время ему возвращалось причитающееся ему наследство. Если опекун плохо справлялся со своими обязанностями, например, использовал наследство ребенка в своих интересах, суд мог отозвать опекуна или призвать его аккуратнее обращаться с наследством ребенка [Erten, 2001, p. 129].

Наследство умершего человека распределялось следующим образом: расходы на похороны покойника, выплата долгов, завещание и наследство.

В первую очередь из имущества покойника оплачивался обряд погребения. Расходы на похороны могли быть различны, но не были пропорциональны размеру наследства. Выделялись средства на омовение, завертывание в саван, погребение и чтение поминальной молитвы (чтение молитвы – 500 акче).

Во вторую очередь выплачивались долги. Долги делились на долги перед Аллахом – зекат, жертвоприношение, обеты, и долги отдельным людям. Для родственников покойного было важно осуществить волю умершего, завершить благотворительные дела, которые он начал при жизни. На это выделялись средства из наследства. Если родственники не выполняли завещание, свидетели могли подать на них в суд. Сумма на благотворительные дела не должна была превышать 1/3 наследства. При желании наследники могли осуществить завещание, даже если оно

превышало 1/3. Иногда вместо денег отпускали на волю раба или кто-то совершал хадж. Если же наследников не было, выделенная на завещание сумма тратилась на благотворительные дела.

Если исполнение этих долгов было невозможно, они прощались. Долги же людям должны были быть выплачены в обязательном порядке [K.Ş.S., 33–27a–236], поскольку в исламе на первом месте потребности человека. Иногда суд постановлял выплатить долги до расходов на погребение.

Все, что осталось после выплаты долгов и исполнения завещания, принадлежало наследникам. На наследство могли претендовать: муж, жена, отец, дед или прадед, дочь, дочь сына, сестра отца или матери, мать, или мать отца и т. д.

Если наследников не было, деньги и имущество отходили государству.

Немусульмане совершали обряды в соответствии с правилами и традициями своей религии, и никто им в этом не препятствовал.

Б. Экономическая жизнь.

Первым в Крыму начал чеканить деньги правитель Золотой Орды Кебек Хан. Это были серебряные монеты весом 6 дирхемов, 0,8 грамма и мелкие медные деньги под названием тенки [Ağat, 1976, p. 47–48]. Во времена Золотой Орды деньги выпускали в Азове, во времена Крымского ханства – в Азове и Кефе. Затем стали выпускать и в других городах (Солхате, Кыркйер). Внешний вид монет отражает влияние генуэзских республик. На одной стороне монеты надпись по-турецки(?), на другой по-генуэзски и печать ханства.

Во времена Османской империи в Кефе был в хождении османский акче, в Крыму – кефийский акче. Их соотношение определяли как 1/3, 1/4, 1/10. Когда содержание серебра в 1 османском акче падало до уровня содержания серебра в 3 кефийских акче, возникали проблемы.

Крымские ханы, чтобы отразить разницу между номиналом и реальной стоимостью, проводили корректировку монет [Bronevskiy, 1970, p. 50]. Следует помнить, что османские акче были важным доходом крымских ханов, поэтому им было невыгодно обесценивание османского акче. Они всячески старались сохранить баланс.

Если народ перестал бы приносить в монетный двор крымских ханов ценные деньги, доход монетного двора сократился или сошел бы на нет.

В уезде Карасу в обращении был крымский акче и более ценный эсэд-и куруш. Эсэд равнялся 100 акче. Также в исследуемый нами период в обращении были тугралийский египетский золотой, английский золотой, персидский акче, польский золотой.

В процессе изучения документов мы пытались определить жизненные стандарты, характерные для общества в исследуемый период. По реестровым книгам Карасу удалось определить перечень продуктов, составлявших основной рацион жителей, основные потребительские товары, изучить цены на данные продукты и товары, а также выявить основные виды деятельности граждан.

Хлеб – один из самых важных продуктов. Финансовые трудности, неурожай или войны прежде всего отражались на ценах на хлеб. Так, в период с 29 сентября 1683 г. по 31 октября 1684 г. (времена 2-й Венской осады) цены на хлеб упоминаются 9 раз, т. е. за 10 месяцев цены на хлеб менялись 9 раз. Также следует обратить внимание на вес буханки, который упал с 370 дирхемов до 135. Это явно отражает снижение покупательной способности населения. И не важно, покупали ли хлеб в пекарне или пекли дома сами, – это не давало экономии, потому что цены на пшеницу постоянно росли.

Пшеницы, выращиваемой в Стамбуле и окрестностях, не хватало городу, поэтому ее привозили из Кефе, Крыма, Варны, Аккермана, Бургаса. Кади городов на Черном море получили распоряжение продавать пшеницу и другие товары, идущие в Стамбул по установленным ценам.

В 1716 г. пекари обратились в суд с требованием повысить цены на хлеб в связи с ростом цен на пшеницу. Суд постановил повысить цены на хлеб, однако в одном месте пожаловались, что хлеб стал недоступен беднякам.

При сравнении цен весны 1095 г. с ценами осени 1094 г. выявлено, что цены на 16 бакалейных товаров не изменились, на 18– упали. Причины неизвестны, однако нельзя забывать, что в этот период шла война между Османской импе-

рией и Крымским ханством с одной стороны, и коалицией христианских держав – с другой. Вероятно, нестабильность отразилась и на ценах.

Изготовление соли в Крыму обычно было привилегией армян и евреев. Самым крупным местом добычи соли был Оркапы, только армянам и евреям позволялось его разрабатывать.

Исследование цен на недвижимое имущество основывается на документах о продаже и документах о наследстве, однако в последних представлены только цены на объекты, а характеристики их не приводятся, поэтому трудно делать какие-либо выводы. В свидетельствах о продаже указаны характеристики дома, строений, лавок, где они находились, для чего использовались. Это позволяет сравнить цены на строения одного вида.

В Карасу много недвижимости и имущества сдавалось в аренду. Цены на аренду домов, магазинов, трактиров, караван-сараев и т. п. зависели от состояния, размеров и местоположения дома, магазина или склада. Проблемы возникали, когда наносили ущерб строению или окружающей его территории, не платили аренды в срок, не могли договориться о стоимости аренды или если хозяин вдруг требовал освободить помещение.

Среди объектов аренды были также животные, орудия труда и предметы быта (например, казан для окрашивания тканей).

В основе экономики Крымского ханства и Османской империи, а также и многих других стран лежал труд раба [Sroeczkovskiy, 1979, p. 27, 45]. Когда Османская империя сократила свои захватнические походы, уменьшился поток рабов. Тогда поставку рабов обеспечило Крымское ханство. Основным источником дохода в Крымском ханстве были военные трофеи от совершаемых набегов и грабежей, а самой дорогой добычей были пленники. Часть пленников использовали для своих нужд, часть – продавали. Спрос на труд рабов вызвал создание нескольких знаменитых рынков рабов. Города Крыма процветали за счет работорговли.

Рабы имели различные этнические корни. Среди них были черкесы, казаки, русские, поляки, литовцы, немцы и т. д.

В документах о наследственном имуществе и

в купчих можно найти сведения о ценах на рабов и невольниц. При продаже рабов учитывался их внешний вид, здоровье, возраст, пол и др. Если после покупки обнаруживались болезни и физические недостатки, о которых не предупредил продавец, это служило поводом для обращения в суд [K.Ş.S., 25–62b–667]. Рабы-калеки продавались дешево, а те, от которых могли получить доход, – дорого.

Найти квалифицированного раба на долгий срок было сложно. Ведь раб мог получить свободу, если умирал его хозяин, а также по договору, уплатив выкуп или же отработав обговоренный срок [İnalçık, 2000a, p. 341]. Полученный от выкупа доход можно было потратить на покупку нового раба [Tabakoğlu, 1997, p. 291].

Труд свободного человека стоил дороже. Рабочий день начинался с восходом солнца и продолжался до захода. Условия труда точно не известны. Известно только, что хозяин был обязан накормить работника. Обычно работали 6 дней в неделю, иногда 7. Поденная плата составляла 14 акче, но иногда падала и до 10 [K.Ş.S., 33–48a–466]. Иногда платили не деньгами, а товаром. Например, один имам получил в оплату за год своей службы 50 повозок дров [K.Ş.S., 33–10b–73]. Оплата могла рассчитываться и производиться за день, за неделю или по окончании работ.

В Карасу было развито промышленное и кустарное производство и широко представлены различные ремесла. Купцы из Карасу продавали свои товары далеко за пределами города и даже в других странах.

В Карасу одним из основных занятий было скотоводство, поэтому тут расцветали отрасли, связанные со скотоводством. Карасу славился производством войлока и войлочных изделий. Войлок пользовался большим спросом. Иностранные купцы, распродав свои товары, закупали в Карасу войлок и везли в свои страны. Войлочные изделия в Карасу красили прочными естественными красителями, украшали вышивкой и аппликациями с традиционными национальными мотивами [Akpinarlı, 2004, p. 35]. Большая часть года была холодной, все были вынуждены носить теплые головные уборы. Произ-

водство шапок представляло особое искусство, существовали магазины, специализировавшиеся на продаже шапок. Кроме того, в Карасу производили ткани, ковры, одежду. Также в Карасу специализировались на производстве шатров из козьей шерсти, в которых нуждались пастухи и воины в походах.

Кожевенное дело – одно из самых распространенных занятий крымскотатарского населения. Кожа использовалась для изготовления одежды, упряжи лошадей, обуви. Процесс обработки кожи состоял из нескольких этапов и требовал участия дубильщиков, скорняков, сапожников и др.

Среди ремесел, связанных с обработкой металла, первое место занимало ювелирное дело. В Малой Азии этим искусством обычно занимались немусульмане. Но в Карасу среди ювелиров было много мусульман [K.Ş.S., 33–6b–39]. Изделия из серебра изготавливали татары. Важным ремеслом было изготовление мечей и кинжалов, ножей, а также изготовление футляров и ножен. Поскольку главный доход приносили набеги, всегда была необходимость в производстве и ремонте оружия. Ружья были в основном иностранного производства, однако ремонтом занимались крымские мастера. С первой половины XVIII в. ружья начали производить сами. Следовательно, в Карасу шли в ногу с техническим прогрессом.

Предметы домашней утвари – тазы, подносы, кувшины, подсвечники, мангалы, джезве и т. д. – изготавливали из меди, украшали чеканкой, гравировкой. Поскольку медь пользовалась спросом, она часто становилась объектом судебных тяжб. Изготовители котлов Карасу обратились в суд на лудильщика Шабана Беше. Они заявили, что он забрал себе медь, которая предназначалась им, и они не получили прибыль. Если он собирается делать котлы, то пусть, как и они, платит налог. Шабан Беше же сказал, что он всегда получал медь из Стамбула и никакого налога не платил. Если требуют платить налог, то он тоже станет торговать [K.Ş.S., 25–54b–545]. Это несомненно свидетельствует о росте себестоимости меди в связи с потребностью, которая испытывалась в медных изделиях. Котлы использовали для приготовления пищи, разведения краски,

стирки белья. Соответственно, было много и лудильщиков, которые паяли медные предметы обихода.

Все эти предметы – изделия из войлока, золотые и серебряные драгоценности, медные казаны, кинжалы и ружья, меховые изделия из волчьего, кошачьего, лисьего, заячьего и беличьего меха – упоминаются в перечнях наследственного имущества.

В документах о наследстве редко говорится о книге. Книг было очень мало, но в документах встречается упоминание о переплетчиках.

Материалом для строительства домов и зданий, изготовления повозок и телег служило дерево, поэтому были востребованы обработчики древесины, строители, столяры и слесари. В реестровых книгах мало данных, откуда брали древесину и какую древесину использовали чаще.

Существовали и другие традиционные профессии: портные, свечники, изготовители бакалейных товаров, вина, бозы, мыла и т. д.

Из обслуживающих занятий наиболее распространенным был уход за животными. Пастухи отвечали за животных. Это была сложная профессия, не знавшая выходных ни зимой, ни летом. Кузнецы ставили подковы лошадям, мулам, ишакам, на которых перевозили грузы. Нужно было не только правильно выковать подкову, но и суметь подковать животное, не причинив ему боли.

Человек, содержащий кофейню, не производил товары, которыми угощал своих клиентов, следовательно, являлся обслуживающим персоналом. В кофейнях люди пили кофе и беседовали. Эти места были важны для общения и социализации людей. Питейные заведения содержали в основном немусульмане, их посетители также преимущественно были немусульманами. Эти заведения упоминаются в протоколах судебных заседаний в связи с драками и разводами.

В караван-сараях человек мог переночевать, поесть и дать приют своим животным. Это было место, где заводили знакомства и налаживали деловые связи. Банями при караван-сараях управлял банщик. Он проверял температуру воды, делал массаж, также был человек, который разогревал воду и разжигал печь.

В реестровых книгах часто упоминается весовщик. К сожалению, нет достоверных сведений, что именно и как взвешивал весовщик. Конечно, для взвешивания тяжелых грузов ему был необходим помощник, грузчики переносили грузы.

Парикмахер-брадобрей стриг волосы и бороды, это искусство требовало ловкости и умения. У него были подмастерья, помощники и ученики.

Глашатай объявлял различные приказы и объявления. В одном из завещаний упоминаются деньги, выделенные глашатаяю.

Служители мечети следили за чистотой в мечети, добывали все необходимое для службы, обеспечивали ремонт. Часто на них возлагалась обязанность управлять фондами (вакуфом).

Одной из наиболее денежных профессий был хирург. Упоминания о врачах часто встречаются в судебных процессах в связи с ранениями в драках при определении ущерба, нанесенного раненому. Например, за лечение ножевого ранения в плечо заплатили 15 курушей [К.Ş.S., 65–30b–142], а за лечение трех ножевых ран – 400 акче [К.Ş.S., 47–10b–78].

Ремесленники и торговцы объединялись в цеха. Один из крупных цехов представляли мясники, мясо было востребованным продуктом. Мясники разделявали и продавали мясо и мясные изделия. Среди мясников были люди, имеющие право присутствовать в суде, что говорило о высоком статусе этой профессии.

Бакалейщики предпочитали продукты с длительным сроком хранения. Ассортимент был весьма широк. В 4-х списках, относящихся к 1094, 1095, 1743 гг., перечислены 42 вида продуктов [К.Ş.S., 25–4b–30; К.Ş.S., 25–6a–54; К.Ş.S., 25–9b–102]. Невозможно сказать, сколько бакалейщики зарабатывали, но поскольку потребность в товарах была велика, бакалейных лавок было довольно много.

В Карасу было много пекарей, поскольку хлеб являлся одним из основных продуктов питания. О колебаниях цен и росте цен на пшеницу уже упоминалось выше.

Торговцы лекарственными травами выполняли функцию целителей, умели составлять лечебные смеси и отвары, для чего требовались

специальные знания. Свой опыт они передавали подмастерьям. Кроме того, они продавали различные специи для приготовления пищи.

В реестровых книгах упоминается изготовитель закусок (мезе). Скорее всего эта профессия появилась с связи с востребованностью питейных заведений, поскольку закуски необходимы при распитии алкогольных напитков.

Профессия, свойственная крымским татарам, – изготовитель талкана. Талкан – это разновидность теста, приготовленного из просяной муки и жира конского сердца [Cevdet, 1997, p. 11]. Этот продукт не относился к постоянно востребованному, его готовили для тех, кто отправлялся в военный поход или долгий путь. Отправлявшийся в поход непременно брал с собой кумыс из кобыльего молока, сыр и талкан. Высушенный йогурт смешивали с кумысом и делали катык.

Известно, что самыми крупными центрами торговли на Черном море и на Шелковом пути были Кефе и Азов. Через эти порты развивались торговые связи с Ираном, странами Каспийского моря, Малой Азией и оттуда далее в Стамбул и Европу. Кефе и Азов концентрировали на своей территории товары и дальше отправляли их на Восток и Запад по дороге, которая проходила через Карасу. Этим же путем шли и товары в Кефе. Благодаря своему географическому положению Карасу являлся оживлённым торговым центром. Карасу был первым пунктом, куда попадали товары из Ирана и с Дальнего Востока по дороге в Кефе, при распределении их по илям Крыма. Можно утверждать, что торговля представляла собой самую весомую долю в экономике Карасу.

Среди торговцев были и мусульмане, и немусульмане, они торговали всем подряд: текстильными изделиями, одеждой, изделиями из металла, промышленными товарами, фруктами и овощами, вином, табаком, животными и хлопком.

Местные купцы могли торговать как в Карасу, так и в других землях: во всех вилайетах Крыма, Малой Азии, в Черкесии, Ногайской Орде, Аккермане, в Польше и т. д. Местные купцы предпочитали возить товары в Ногайскую Орду. Продав свои товары, они покупали там животных и продукты животноводства. Из документов следует, что чаще всего ездили в Черкесию, Аба-

зу и Согдак, в другом направлении добирались до Эрзурума, оттуда в Алеппо. Товары, которые привозили в Токат, меняли на одежду и платья местного производства. Иностранные купцы, прибывавшие в Карасу, собирались в Трабзоне, где находились склады товаров, и оттуда морским путем отправляли товары в Крым. Чаще всего иностранные купцы, прибывавшие в Крым и Карасу, были персами, это позволяет нам сделать выводы о происхождении товаров, поступавших в Карасу. Однако из документов очевидно, что персидские купцы привозили и товары из Центральной Анатолии. Кроме персов, были армянские и еврейские купцы. Из источников ясно, что все эти купцы ездили кроме Карасу в Кефе, Гезлеви, Балыклаго и оттуда во внутренние области Крыма.

Крымские ханы постоянно издавали ферманы с целью оптимизировать деятельность торговцев и сделать условия торговли более выгодными для местных купцов. Крымское ханство уделяло большое внимание торговцам и ремесленникам внутри страны. Основной целью было воспрепятствовать засилию иноземных купцов. Внешнюю торговлю гарантировали, пока она не мешала торговать местным купцам. Из центра регулярно приходили приказы, регулировавшие деятельность иностранных торговцев. В реестровых книгах упоминаются ограничения на торговую деятельность иностранцев [K.Ş.S., 25–7b–72].

Купцы из Персии, которые привозили на продажу одежду и ткани, получали право торговать, только когда в полицию Карасу поступало письменное разрешение на торговлю от хана. Несомненно, чтобы добраться до султана, нужно было для начала получить одобрение от калга-султана [K.Ş.S., 25–52a–521].

Были случаи, когда, несмотря на имеющееся разрешение, торговлю иностранных купцов пытались дополнительно ограничить. Поступали жалобы от иностранных купцов на ненадлежащее поведение служащих Карасу в отношении тех, кто занимался торговлей. В одном из ферманов повелевается одабаши, арендующему торговые ряды Сефер Гази Ага Заде Мехеммеда Мирзы, не препятствовать зимми, выехавшим

из хана с товарами, поскольку они оплатили в порту за товары акче, а также не брать больше чем следует акче за товар и действовать согласно правилам [К.Ş.S., 25–7b–68; К.Ş.S., 25–91a–932]. Таким образом хотели предотвратить лишние поборы с зимми.

В другом случае персидским купцам, имевшим лавки в торговом доме Мехеммета Мирзы, не давали торговать тканями, платками и шальями. Персидские купцы заявили, что тогда они перевезут свои товары в другое место. Хан выпустил приказ продавать вышеупомянутые товары, не покидая квартал, напомнив, что он выдал разрешение на торговлю и ни полиция, ни таможня не имеют право мешать персидским купцам [К.Ş.S., 25–9a–90]. Хан считал, что в целом торговля персидских купцов полезна для экономики страны.

Со стороны иностранных купцов также были случаи злоупотреблений. Поступали жалобы на то, что иногда персидские купцы, продав свой товар, снова закупают товар в местных лавках, принадлежавших персам, и перепродавали его.

Хан в своих указах подробно излагал кади и полиции условия, которые они должны создать для торговцев: «Персидские купцы не только привозят свои товары, но и продают купленные у нас товары. Мы против этого. Пусть они продают только товары, провезенные через таможню, за которые уплачен налог. Купцы должны продать свои товары в Карасу в течении 15 дней, если не продадут, то они должны сообщить об этом кади Карасу и рассчитаться» [К.Ş.S., 25–7a–59; К.Ş.S., 25–7b–73].

О торговых компаниях, целях, делении доходов и расходов, нет подробных сведений. Известно только, что проблемы, возникавшие между компаньонами, решали в суде. Иногда люди вкладывали деньги в чье-либо торговое предприятие в расчете на прибыль [К.Ş.S., 25–95a–964]. Такие сделки были зарегистрированы, и в реестровых книгах фигурируют цифры, отражающие суммы и полученный доход. Иногда партнеры получали убытки, суммы убытков также отражены в реестрах. Чаще всего мусульмане становились компаньонами мусульман, немусульмане имели дела с немусульманами. Сферы

торговли, в которых встречалось сотрудничество: продажа казанов, одежды, овса и пшеницы и продуктов из них, дынь, яблок, сливы, лука, чеснока и других садовых культур.

Крымское ханство во внутренних делах было автономным, во внешних частично зависело от Османской империи. Благодаря своей военной, административной и экономической системе ему удавалось сохранять влияние и мощь в своем регионе.

Как у каждого государства, у Крымского ханства был бюджет, отражающий доходы и расходы. Нет систематических записей, по которым можно было бы судить, как распределялись доходы и расходы и как рассчитывались налоги.

В Крымском ханстве, как и во всей османской финансовой системе, труд и деньги не подлежали прямому налогообложению. Если бы такие налоги были, они непременно вызывали бы разногласия и споры между работодателем и работником. Однако владелец крупного имущества или тот, кто эксплуатировал государственное имущество, непременно должен был платить налоги.

Одним из основных налогов был джизье, им облагались немусульмане, в ответ им гарантировались спокойствие и защита. К тому же от них не требовали военной службы. Сборщики налогов назначались ханством. В 1683–1684 гг. рассчитывать и собирать налоги с оседлых и кочевых немусульман был назначен Базарган Моши. В указе, направленном кади Карасу, было приказано оказывать Моши всяческую поддержку и помощь и наказывать тех, кто будет уклоняться от уплаты налогов. Глава общины немусульман должен был проследить за уплатой налога, и все должны были подчиняться его требованиям [К.Ş.S., 25–7b–70].

Точных сведений о налогообложении ремесленников в Карасу нет, но некоторые документы обращают на себя внимание. В имеющемся у нас примере в распоряжении, разосланном всем мясникам, указано, что за одну овцу секбан (воин с огнестрельным оружием в Крымском ханстве) должен платить 15 акче, и сообщалось, что секбаны из другой деревни платили по 5 акче, а остальные по 3 акче.

Налог на осадное положение был введен Османской империей, чтобы народ внес вклад в военные расходы, а с конца XVII в. превратился в регулярный налог, он рассчитывался по количеству домов и объявлялся общине квартала, жители квартала собирали его между собой и отдавали имаму. В одной из ведомостей зафиксировано, что цыганский квартал сдал своему имаму 30000 акче [К.Ş.S., 33–23а–192]. Есть также другие данные об этом налоге.

Во времена Бора Гази Герая (1588–1608 гг.) население платило налог под названием «жалование секбанов». В исследуемых нами ведомостях нет сведений, когда, в каком количестве и каким образом он собирался, однако он упоминается в документах [К.Ş.S., 25–5а–42; К.Ş.S., 25–5б–46; К.Ş.S., 25–9а–91].

Когда возникали проблемы с уплатой налога, обращались в суд. Так, вследствие несоординированных действий сборщиков дани возник конфликт, кто кому должен платить налог [К.Ş.S., 25–9а–91]. Конфликт был решен через суд. В суд обратились члены общины, когда не получили расписку в уплате налога. Суд выяснил, у кого

находилась расписка, и передал ее в надлежащие руки [К. Ş. S., 25–52а–519]. В другом судебном процессе определили немусульман, не заплативших налог, и заставили их его заплатить.

В исследуемых документах есть сведения и о других налогах. Например, каймакам калга-султана Мустафа Ага в сопроводительной бумаге, выданной человеку, которого он послал для сбора хараджа за лен и дрова, предостерегал, чтобы не препятствовали этому человеку собирать налоги, и особо подчеркивал, что подданные принадлежат калга-султану (ноябрь–декабрь 1683 г.) [К.Ş.S., 25–4а–24].

Заключение. Уезд Карасу занимал важное стратегическое положение на Крымском полуострове. Крымское ханство и знатный род Ширин придавали этому уезду большое значение как административному центру. Карасу находился на пересечении оживленных дорог и обладал высоким торговым потенциалом. Разнообразное население и динамизм, присущий людям различных религий и культур, нашли свое отражение в социально-экономическом укладе жизни.

ГЛАВА 12. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КРЫМСКОМ ХАНСТВЕ

12.1. Аристократия в Крымском ханстве

А. А. Шейхумеров

Элитой крымского общества эпохи ханства были люди благородного происхождения. Знать входила в состав *аскери* (военного сословия). Крымские аристократы именовались *мурзами* (*мирзами*). *Мурзы*, бывшие главами влиятельных родов, носили титул *бека/бея* (*беями* являлись также должностные лица, занимавшие некоторые ответственные посты в государстве, например, *ор-бей*). Влияние их на внутреннюю политику было велико. Они служили противовесом ханской власти, противодействуя попыткам некоторых крымских монархов установить деспотическое правление. Так, недовольство крымской знати поведением Сахиба Герая I считается одной из причин его свержения и гибели [Królikowska-Jedlińska, 2018, с. 96]. Большая роль знати досталась Крыму в «наследство» от позднезолотоордынского времени, характеризующегося децентрализацией некогда сильного государства и, соответственно, возросшей ролью региональных клановых лидеров [Акчурин, Ишеев, 2014, с. 6].

Аристократия Крыма по происхождению делилась на две основные группы. В первую входили рода, чья история уходила корнями в прошлое Монгольской империи и Золотой Орды. К этой группе принадлежали могущественные рода юрта, в том числе все рода *карачи*. Вторую группу составляли рода, ставшие знатью уже во время существования ханства. Основная их масса прибыла на полуостров из Турции, Кавказа и Средней Азии, поступая на службу непосредственно ханам (*капы-халки*, *капы-кулу*). К концу истории существования крымскотатарского государства наиболее влиятельные рода служилой знати сравнились или даже превосходили по влиянию отдельные рода *карачи*. Вся крымская знать (помимо родов *карачи*) либо находилась на службе хана, либо являлись клиен-

тами наиболее могущественных родов полуострова [Królikowska-Jedlińska, 2018, с. 94].

Важно отметить, что сохранявшаяся в юрте клановая структура общества означала, что все подвластное тому или иному роду население составляло его часть, то есть жители бейлика Ширинов считались принадлежащими к ширинскому «племени» (вернее – клану) [Пейссонель, 2009, с. 29]. Однако уже в Золотой Орде родство сохранялось лишь формально [Измайлов, Исхаков, 2013, с. 195–196], представители одного клана вовсе не обязательно должны были приходиться кровными родственниками друг другу. Вместе с тем лидеры клана, в отличие от рядовых общинников, были объединены не мнимым, а реальным родством [Миргалеев, 2010, с. 135].

М. М. Акчурин и М. Ишеев выделяли следующие особенности системы власти беев в татарских государствах: 1) бек – это должность, дающая право управления определенной группой населения; 2) в оседлых регионах подвластное население не обязательно представляло группу одной родовой принадлежности и включало в себя местное население; 3) титул бека утверждался ханом; 4) судебная функция являлась ключевой функцией власти татарских бекев; 5) наличие бекского титула обеспечивало его обладателя определенным постоянным доходом с подвластного населения; 6) управление подвластным населением обозначалась русским термином «князь» или татарским «билек», «биклек»; 7) власть передавалась по наследству только представителям одного родового клана; 8) все потомки бека по мужской линии носили титул мурзы; 9) личность претендента на власть согласовывалась на внутриклановом совете; 10) власть над своим юртом имел только один бек; 11) лишённые

своего юрта, т. е. потерявшие власть беки, сохраняли свой титул пожизненно [Акчурин, Ишеев, 2014, с. 13].

Несмотря на общность интересов, клан не всегда выступал единым целым в политических акциях. Известны случаи, когда разные представители одного и того же рода занимали прямо противоположные позиции во время внутривнутриполитических смут и конфликтов. Б. Ф. Мэнц считала, что «в течение рассматриваемого периода (т. е. в ранней истории юрта) крымские кланы не были ни сильными, ни сплоченными силами, как это было принято считать. Кажется, что клановая аристократия была очень маленькой группой, живущей на оседлой территории, на значительном удалении от кочевников» [Manz, 1978, с. 306].

Положение знати в государстве кратко обрисовал Мехмед Сенаи: «С древних времен, в соответствии с законом Чингисхана, [существуют в Крыму] четыре государственных мужа, называемых четыре «карачи» – славные эмиры. Каждый из этих славных эмиров имеет звание мирливы. Первый – это мирлива Ширин, второй – Мангыт, третий – Седжеут и четвертый – Аргын. Их родовые владения (оджалыки) управляются беками, которые не назначаются или увольняются [ханами], но выполняют свои обязанности [со времени их назначения] до конца их жизни. Все они, одетые в почетные халаты, подошли к хану, подошли пешком, ведя лошадей, как это предусмотрено законом. [Тогда правитель] подтвердил их [нынешнее] положение. Кроме того, [в Крыму] есть много людей, которые управляют их родовыми владениями (оджалыками). Согласно древнему обычаю, их звания были также подтверждены [ханом]» [Królikowska-Jedlińska, 2018, с. 100].

Карачи-беки. Лидеры самых могущественных родов Крымского ханства именовались *карачи-беками*. Так как в ранней истории юрта карачи было четыре, то они, соответственно, именовались *дорт карачу* («четыре карачи»). Ввиду того, что мощь кого или иного рода менялась на протяжении существования ханства, то состав *дорт карачу* эпизодически менялся [Królikowska-Jedlińska, 2018, с. 98; Шамильоглу, 2019, с. 54]. Постоянным был разве что статус ширинского бея – *баши карачу*, то есть главный карачи. Согласно Реммалю-Ходже, Сахид Герай I добавил Мангытов к *карачи*, Сейид Му-

хаммед Риза отмечал, что при этом хане в состав коллегии *карачи* вошли Мангыты и Седжеуты. До 1570-х гг. вторыми после Ширинов считались Барыны, в ранних источниках (в начале XVI в.) они наряду с Ширинами упоминаются как «старшие карачи», а Аргыны и Кипчаки – как «младшие». Кипчаки, вероятно, постепенно утратили свое влияние и статус карачи в XVI в. Некоторые источники упоминают, что *карачи* было как меньше, так и больше четырех [Królikowska-Jedlińska, 2018, с. 97–99]. В XVII–XVIII вв. в состав *дорт карачи* входили, как правило, Ширины, Мансурь (крымская ветвь Мангытов), Аргыны и Седжеуты.

«Старая знать». Ряд родов Крымского ханства возводили свою родословную к временам Чингисхана и претендовали на высокий статус в государстве как ввиду происхождения, так и своего влияния. Наибольшее влияние имели Ширины и Мансурь. Их значение намного превосходило таковое у Аргынов, Барынов и Седжеутов на протяжении почти всей истории юрта.

Ширины были самым могущественным кланом Крыма. Их влияние на политику ханства подчеркивалось многими современниками. Ширинский карачи-бей Агиш в 1508 г. писал великому князю московскому Василию III, что у телеги две оглобли, а в Крымском ханстве правая оглобля – хан, а левая – Ширины (то есть сам Агиш с детьми и братьями) [Сборник РИО, 1895, с. 39–40]. По словам пленного В. Б. Шереметева, при Мухаммеде Герае IV «без Ширин-бея и без Ширинов никакого дела не делали» [Барсуков, 1892, с. 437].

Эвлия Челеби писал: «Ширин-беи происходят от ханских дочерей и принадлежат к роду Чингизидов. Эти Ширин-беи раньше ханов завладели Крымом. Потому что когда Джучи-хан захватывал Крым, первыми в Крым вошли и, разя мечом, захватили его Ширин-беи. Джучи Герай-хан отдал этим газиям своих дочерей – чистых звезд, и это стало законом Джучи-хана. Все крымские ханы отдают своих дочерей за Ширин-беев. Поэтому они являются свойственниками ханам. Под рукой этого Ширин-бея 300 мурз, происходящих из этого рода. Действительно, всё это племя – род [Ширин-бея], оно живёт под Чатырдагом, в Нахшуванском иле» [Эвлия, 2008, с. 99–100].

Мансурь (Мангыты). Крымские Мангыты как часть влиятельного в степном татарском мире

рода потомков Эдиге, признавались великими бегями еще при Менгли Герае I, хотя статус *карачи* получили лишь при Сахибе Герае I, стремившемся посредством этого шага усилить свою власть. Крымская ветвь Мангытов именовалась Мансурами, в источниках XVIII в. они также известны как Мансур-оглу [Шамильоглу, 2019, с. 54]. Традиционно воспринимались как противники Ширинов в борьбе за первенство в Крыму.

Яшлары достигли наибольшего могущества в XVI в., когда представители этого рода долгое время отвечали на московское направление внешней политики ханства [Виноградов, 2006]. К середине XVIII в. позиции рода, по-видимому, ослабли, хотя он все еще занимал важные позиции при дворе. Шарль Клод де Пейссонель отмечал: «Когда хан выдает замуж одну из своих дочерей или родственниц, бей-Иашелов маршал бракосочетания, он заботится о том, чтобы все происходило согласно правилам, и на него возложена обязанность сопровождать принцессу к месту ее назначения. Как только он выезжает из Бахчисарая со свадебным поездом, вплоть до того места, куда он сопровождает невесту, и оттуда до возвращения его в столицу, он распоряжается деспотически повсюду, где проезжает, он имеет право жизни и смерти на[д] всякого рода лицами и не отдает отчета в чем бы то ни было» [Пейссонель, 2009, с. 29–30].

Кипчаки. Владения Кипчаков располагались, возможно, в Северном Крыму (в пользу чего говорят данные топонимики). По мнению В. Е. Сыроечковского, были не улусными, а «служильными князьями» [Сыроечковский, 1940, с. 31], хотя имеются данные об их принадлежности к *дорт карачу* (вплоть до конца XVI в. [Шамильоглу, 2019, с. 54]). В начале XVI в. представители этого рода назначались наместниками Перекопа.

Кияты являлись древним родом, имевшим монгольское происхождение и известным с XIII в. [Измайлов, Исхаков, 2013, с. 195–196], хотя и утратившим в XVI в. былую силу. Как считал В. Е. Сыроечковский, «они не считались крымским родом; они были родом Большой Орды. В Крыму была только ветвь этого разделившегося рода» [Сыроечковский, 1940, с. 32]. Кияты еще сохраняли определенный вес в ранней истории ханства, и их лидер Мансур-бей приносил присягу совместно с лидерами наиболее влиятельных родов юрта в

1507 г. на верность союзу с Литвой [Kołodziejczyk, 2011, с. 575]. Однако в 1778 г. ежемесячное ханское жалование киятскому Мансуру-мурзе составляло всего лишь 3 левка (2 рубля) [Лашков, 1889а, с. 22], что было в несколько, а то и в несколько десятков раз меньше, чем получали представители других родов.

Численность. Аристократия всегда составляла незначительную часть народонаселения юрта. По мнению польского историка Л. Подхородецкого, она составляла 1% населения, еще 5–6% приходилось на мусульманское духовенство [Podhoro-decki, 1987, с. 48]. Это соответствует информации, полученной из кадийских сиджилей (судебных документов ханской эпохи). Согласно исследованиям польского тюрколога Н. Круликовской-Едлинской, в суде Карасубазара в 1683 г. аристократы составляли 0,6% участников спорных дел и 1,6% – неспорных. В центральном суде ханства – кадиаскерском, заседавшем в Бахчисарае, доля знати, представленной в судебных делах, была в разы выше (соответственно 6,6 и 8,9%) [Królikowska, 2013б, с. 130], что, вероятно, объясняется высокой концентрацией служилой аристократии в столице и ее окрестностях. Эвлия Челеби отмечал: «при хане в Бахчисарае и в окрестностях Бахчисарая, в деревнях и *отарах* постоянно живут *капы-кулу*» [Эвлия, 2008, с. 101]. Ввиду этого полагаем, что всего знать могла составлять 1,5–2% крымскотатарского населения. Эвлия Челеби в 1666 г. оценивал численность мурз под командованием ширинского бея в 300 человек, мансурского бея – в 140 [Эвлия, 2008, с. 100]. О многочисленности Ширинов говорит и то, что в 1531 г. почти 100 ширинских мурз бежали из Крыма к Исляму Гераю, спасаясь от хана Саадета Герая I [Черкас, 2006, с. 191–192]. Что касается служилой знати, то, по мнению Эвлии Челеби, по состоянию на 1666 г. численность корпорации *капы-кулу* составляла 3 тыс. [Эвлия, 2008, с. 101].

Землевладение. Основой бейского землевладения были бейлики. Формально они принадлежали всему роду, и их нельзя было делить на части (подобно ординациям в Речи Посполитой). С течением времени это правило нарушалось, в XVII в. отмечаются случаи появления частной собственности в пределах бейлика, принадлежавшей тем или иным членам рода [Лашков, 1895а, с. 83–85].

Бейлик представлял собой определенную тер-

риторию, принадлежащую всему клану. Старший в роду избирался беем прочими мурзами и утверждался ханом. Он же считался пожизненным владельцем бейлика как главный представитель своего племени (хотя ханы в некоторых случаях смещали неугодных беев). Однако отдельные члены рода также обладали земельными участками в пределах бейлика, в некоторых случаях получая ее посредством самозахватов [Лашков, 1895а, с. 83–85]. Ф. Ф. Лашков указывал, что «с внешней стороны бейлики представляли из себя довольно большие участки земли, хотя и неодинакового размера и что все они располагались главным образом в юго-восточной части Крыма, там, где находился первоначальный центр татарской оседлости – Эски-Крым. Исключение составляли бейлики Яшлавских и Барыньских¹, из коих первый основался рядом со столицей ханства – Бахчисараем, а второй по соседству со своими родичами-ногайцами» [Лашков, 1895а, с. 83].

Таким образом, «*de jure* бейлик должен был представлять собой единое владение; на деле же он вмещал в своих границах и частную собственность в виде 1) небольших участков земли, принадлежащих мурзам-членам бейского рода, и 2) усадебных мест с загорожами, находившихся во владении поселян, но в ограниченном праве» [Лашков, 1895а, с. 86].

Бейлик Ширинов был наиболее крупным на полуострове. Он располагался в Восточном Крыму и, скорее всего, первоначально простирался от Орского *иля* (т. е. Перекопского округа) до Керчи. Вероятно, со временем, ввиду развития частноземельных отношений и разветвления рода, он существенно уменьшился. В XVIII в. *бейлик* Ширинов сократился до размеров одного кадылыка (Ширинского), включавшего в себя 40 сел. Первоначальной резиденцией Ширинов был Эски-Крым, в XVIII в. – село Кадырша-Сарай [Лашков, 1895а, с. 80].

Вторым по размерам был *бейлик* Мангытов (Мансуров). Он занимал крымские степи на северо-западе полуострова вокруг Гезлева (в первую очередь на территории Тарханкутского полуострова) [Лашков, 1895а, с. 81–82]. Резиденцией Мансуров, по мнению Ф. Ф. Лашкова, было село Бакал (постдепортационное название – Славное) [Лашков, 1895а, с. 81].

Бейлик Барынов находился в Восточном Крыму. Центром его было, вероятно, село Барын [Лашков, 1895а, с. 81].

Бейлик Аргынов находился в Восточном Крыму, по мнению В. Бушакова его границы соответствовали Аргынскому кадылыку, в который входило 26 сел.

Бейлик Седжеутов находился в Восточном Крыму, к северу от Кефе. По данным Ф. Ф. Лашкова, он «уступал по своим размерам остальным и был меньше других» [Лашков, 1895а, с. 83].

Бейлик Яшлавов находился в Юго-Западном Крыму, простираясь от Чуфут-Кале до Бельбека с центром в селе Яшдаг. По мнению В. Л. Мыца, его центром был укрепленный городок Сарымамбаш-Кермен [Мыц, 2018, с. 196–197].

Иным образом становились землевладельцами служилые аристократы. За службу ханы вознаграждали *мурз* из числа *капы-халков* наделением земель из фонда коронных земель (*ерз мирие*). К таковым родам относились Арабские, Бораганские, Байдарские, Джаминские, Джанклычевы, Кайтазовы, Картбийские, Конгратские, Кондильские, Меркитские, Тайганские, Улановы, Эмировы и др. [Лашков, 1895а, с. 92]. Пожалованные ханами пустопорожные земли служилые аристократы могли передавать наследникам, продавать или дарить. Обрабатываемыми же участками свободно распоряжаться было уже нельзя [Лашков, 1895а, с. 93–94].

Например, «в 1530 г. Сеадет Герай утверждает за Ибрагимом-эфендием, как оказывается, из рода Джаминских, землю, пожалованную ему Менгли Гераем при д. Богасала, и прибавляет еще новый участок в определенных в ярлыке границах. Предку Джанклычевых Сахиб Герай пожаловал землю при д. Таш-Ярган, причем эта земля оказалась во владении Джанклычевых и при составлении семейного их списка в 1820 г.» [Лашков, 1895а, с. 92].

Властные полномочия беев на территории бейлика указаны в ханских ярлыках. «...Девлет Гирей-хан. «Слово мое: Дано сие от меня иметь в руках Аргынскому почтеннейшему полномочному бею Ягмурчи-хаджи в том, что как он, хаджи, и предки его распорядителями были во время покойных предков наших, что они все самовольно распоряжалась над всеми своими имениями и народами, также жалую и я, повелевая, дабы все и старые и

¹ Правильнее – Мансурских (Мансуров).

молодые народы, живущие во владениях хаджи, послушались и повиновались ему в полности, как во время предков наших оные повиновались, как-то: косить, пахать, отправляться с ним куда он прикажет или жить на месте, в чем дан сей приказ с приложением перстянной моей печати» [Лашков, 1889, с. 7].

Рода служилой знати. Первоначально беи, находившиеся на службе хана, именовались *ички беглеры* (словом *ички* называли придворных). В XVI в. вся прежняя служилая знать была включена (наряду с новыми аристократами) в состав *капы-халкы*. Ряды их пополняли крымские татары [Сичаева, 2012, с. 119], а также представители других национальностей, в том числе турки и кабардинцы [Сичаева, 2013, с. 81].

В исторической литературе принято считать, что содержание османским правительством ханской гвардии имело своей целью контролировать действия ханов. Однако служилая знать – *капы-кулу*, получавшая ежегодные выплаты из Стамбула, тем не менее сохраняла преданность сословным и государственным интересам. Так, в 1691 г. хан Сафа Герай I не сумел довести крымское войско до Венгрии, так как *капы-кулу* и прочие командиры увели войско обратно в Крым, что вызвало гнев султана и отставку хана [Халим Гидай, 2008, с. 108]. В Стамбуле вряд ли заблуждались касаясь пределов лояльности к себе *капы-кулу*. Во всяком случае, нам неизвестны случаи, когда они арестовали бы и передали турецким властям хана или кого-либо из ханской семьи по приказу султана. Османские власти не пытались подобным образом воздействовать на внутривосточную обстановку на полуострове (хотя в то же время использовали религиозный авторитет кефинского муфтия в своих целях). Свои интересы они продвигали ставкой на лояльных себе Гераев, военное присутствие в Крыму и духовную сферу. Таким образом, укоренившиеся на крымской земле служилые аристократы, несмотря на турецкое жалование, так и не стали «пятой колонной» Османского государства в Крымском ханстве. При этом некоторые из них активно сотрудничали с российскими властями после 1783 г. – именно из рядов *капы-кулу* выдвинулись генералы русской армии Ахмет бей Хункалов и Кая бей Балатуков (из родов черкесского происхождения), они же составляли значительную часть офицеров

и унтер-офицеров крымскотатарских эскадронов и полков российской армии.

На протяжении веков служилая знать постепенно усиливала свое влияние в Крымском юрте. Так было в правление Мехмед Герая I [Manz, 1978, p. 291]. Эта тенденция сохранялась впоследствии. «Старая» крымская аристократия даже жаловалась в Стамбул, что при Девлет Герае I власть в Крыму перешла от крымцев к черкесам [Хотко, 2019, с. 80]. Позиции черкесских мурз усиливались и в правление Гази Герая II [Виноградов, 2016, с. 40]. Значение служилой знати росло в первой половине XVII в., в пользу чего говорит увеличение количества поминок, получаемых «ближними людьми» из Москвы [Новосельский, 1948, с. 440–441].

Значение и статус служилой знати претерпели существенные изменения при Сахибе Герае I. Этот хан положил начало крымского корпусу *капы-кулу*, комплектуя его представителями иноэтничного населения (преимущественно черкесами). Именно кавказцы с течением времени составили основную массу *хан-кулу* (то есть крымских *капы-кулу*). Попадая в Крым в юном возрасте, черкесские мальчики воспитывались в духе личной преданности хану, что в долгосрочной перспективе позволяло заменить неизбежно уменьшающийся отряд турецких *янычар*. Эвлия Челеби отмечал, что *хан-кулу* состоят из «детей абхазцев, черкесов и грузин», считавших себя слугами не только крымского хана, но и османского султана [Эвлия, 2008, с. 202]. Всего в Крымском ханстве существовало как минимум 48 родов *капы-кулу* [Сичаева, 2015, с. 56].

Аратук (Аратук-Едилер) были одним из наиболее влиятельных родов *капы-халкы* черкесского происхождения. Об этом говорит то, что они упоминались источниками наряду с Салгирскими при описании политических событий в Крымском ханстве в 1723–1724 гг., во время смуты, вызванной неудачным браком Эр-Мирзы-аги [Смирнов, 1889, с. 35, 40–41]. Во время этих событий хан Менгли Герай II пригласил ширинского Джан Тимур-мурзу и «Харатукских, Салгырских аянов и прочую знать, именуемую *капы-кулу*, в столицу» [Смирнов, 1889, с. 40–41]. При Шахине Герае Касим-ага Аратук занимал должность *тат агасы*, а отец Касима-аги Мехмет-ага являлся *капыджи баши* [Маврина, 2014, с. 344]. Представители другой ветви Аратуков также сделали себе видную карьеру. Фезла ага

был *тат агасы* при Крыме Герае I, а Джелал-мурза занимал должность *шербетчи* при Шахине Герае [Маврина, 2014, с. 347]. Третья ветвь рода не была обделена придворными чинами: Ак-мурза являлся *капыджи баши* при Шахине Герае, а отец Ак-мурзы – Кутлу-шах-мурза – *казнадаром баши* [Маврина, 2014, с. 349].

Салгир также были родом черкесского происхождения. Об их значении в истории ханства говорит то, что в 1782 г. Мегляша-мурза получал жалование больше аргынского бея и лишь немногим меньше мансурского бея [Лашков, 1889а, с. 21–27].

Балатуковы были родом кавказского происхождения, родоначальник которого «Аджи Бекир бей Болатин оглу из владетельных князей Большой Кабарды» переселился в Крым при Каплане Герае I в 1709 г. [Муфтийзаде, 1899]. Играли заметную роль в жизни Крыма после 1783 г.: Кая бей Балатуков стал первым крымским татаринном – генералом российской армии, его праправнук Усеин прославился как драматург и поэт. Вероятно, Балатуковы были темиргоевского происхождения [Хотко, 2016, с. 120].

Булгаковы. Род турецкого происхождения. «Родоначальник фамилии Булгаковых Абдульлатиф-ага прибыл со своим отцом Темиром-ага из Турции и закупил массу земель в разных частях Крыма, между прочим и деревню Булгак Евпаторийского уезда, которая была избрана местом постоянного их жительства. Абдульлатиф-ага, по принятию присяги на русское подданство, в 1783 году умер» [Муфтийзаде, 1899].

Бораган находились на службе со времен Сахиба Герая I (с 1543 г.) [Сичаева, 2015, с. 55]. Уже при этом хане Борган-бей стал один из командующих крымской армии в черкесском походе 1551 г. [Абдужемилев, 2019б, с. 222–223]. То, что Бораганские продолжали службу и при преемниках Сахиб Герая II, показывает, что предавшие этого хана гвардейцы были приняты на службу Девлетом Гераем I с сохранением прежних прав и привилегий. Этот род происходил из кумыкской аристократии. Впоследствии из них вышел ряд представителей крымскотатарской интеллигенции (например, Ильяс Бораганский). Вероятно, их владением являлись села с названием Бораган (всего в Крыму таковых было четыре).

Узденниковы. Среди прибывших с Хункалом-беем и Балатук-беем «был Уздень Черик бей

из Кумыкских князей, и его потомство по мужской линии приняло фамилию Узденниковых, а по женской – Чериковых, впоследствии переделанное на Чергеевых» [Муфтийзаде, 1899].

Крымтай. Род туркменского происхождения, «родоначальник коих Курт-мурза Ойрат бей из рода Тамагулы Крымтай, прибыл в Крым из Туркмении» [Муфтийзаде, 1899]. Батыр-ага Тамагулы Крымтай был одним из командиров бешлейского войска при Шахине Герае [Хайрединоva, 2015, с. 165].

Среди родов, поступавших на службу ханам, были и представители старых родов.

Меркиты «происходят от древних ногайских мурз, родоначальником которых является Нурадин-оглу (очевидно, имеется в виду сын эмира Эдигея). Их отец Арслан ага служил при хане Крым Герае «шемнидар агой», а дед Али-ага при хане Селим Герае «тефдердаром» [Маврина, 2012, с. 80].

Ногай-оглу (Ногайские). Одна из ветвей знаменитого рода Мангытов, возводившая свою родословную к самому Эдиге, также состояла в рядах *капы-халкы* [Сичаева, 2015, с. 56]. После падения ханства в Крыму проживало еще четыре семейства Ногайских (Ногай-оглу), из которых два проживали в селе Аратук [Маврина, 2011, с. 98].

Даиры владели землями между Салгиром и Зуей, где располагался Даирский кадылык (по мнению В. Бушакова, соответствовал территории бейлика Даиров), в котором располагалось 28 сел. Иногда упоминались наряду с другими влиятельными бейскими родами (Эвлия Челеби, Паллас).

Военный потенциал. Основу крымских вооруженных сил составляли отряды, выставляемые знатью. Карачи-бей Ширинов Агиш в 1508 г. писал великому князю московскому Василию III, что всего Ширинов 20 тыс. [Сборник РИО, 1895, с. 39–40]. В 1519 году Агиш вновь писал Василию, что может выставить 20-тысячное войско [Сборник РИО, 1895, с. 649–650]. Через полтора века Эвлия Челеби писал, что крымский хан имеет 40-тысячное войско, а если пожелает, то 80-тысячное. Ширины же – 20-тысячное [Эвлия, 2008, с. 99–100]. Но когда Ширины хотели поднять бунт против Адия Герая I, они собрались все в числе 40 тыс., хан же собрал против них 80 тыс. всадников [Эвлия, 2008, с. 223].

О военном превосходстве Ширинов и Мансуров над другими родами говорят такие факты. В крымском варианте Зборовского договора (1649) перечислены «Ширин-бей с мурзами, Мангыт-бей с мурзами», остальные же рода отдельно не упомянуты [Прицак, 2003, с. 309]. Согласно сообщению анонимного польского источника, в 1675 г. нуреддин-султан Сафа Герай готовил наступление, имея при себе «Шерина и Кая беев (карачи-бека Мансуров. – Прим. А. Ш.), с которыми сильнейшие орды» [Woliński, 1932, s. 225]. Когда в 1777 г. «хан намеревался собрать войско и призывал для того мансурскую фамилию и ширинских мурз, но как они все от того отказались, то он, не находя иных образов к собранию оно-го, назначил себе долг уехать» [Дубровин, 1885а, с. 172–173]. То есть для срыва мобилизации в Крыму достаточно было саботажа со стороны лишь двух родов.

По словам Ф. Ф. Лашкова, бей «вооружал все население своего бейлика, способное носить оружие, и в ханском войске становился под особым знаменем, составляя в нем особый «байрак». Нередко такой байрак действовал самостоятельно под начальством бея, а большей частью под начальством бейского нурадына (предводителя бейского войска). О размере байрака можно судить из сообщения того же Айтемирова, который говорит, что в 1693 году в погоню за русскими был послан Кантемир-мурза, Кая-беев сын, Аргинский и что с ним было 2 т. человек. Очевидно, Кантемир-мурза, повел с собой свой байрак. Но не все байраки были одинаковы; у более могущественных беев, как напр. Ширинских, байрак был больше, у других – меньше. Кроме того, у одного и того же бея число людей, выходявших на войну и составлявших байрак, не всегда было одинаково. Одним словом, байрак не составлял какой-либо точно определенной единицы в ханском войске, а просто обозначал отряд, доставляемый тем или другим беем» [Лашков, 1895а, с. 86–87].

Материальное положение. Тунманн замечал, что мурзы «проживают в своих деревнях и живут на подати, собираемые со всех подданных» [Тунманн, 1936, с. 27]. Однако были и другие источники дохода. Бей и их приближенные получали различные денежные пособия и право взимания

податей с населенных пунктов за пределами их бейликов, получаемые от османских падишахов и крымских ханов [Лашков, 1889, с. 2–3].

П. С. Паллас писал, что среди «чиновного», придворного дворянства было немало мурз-бедняков, «едва могших существовать», ибо, хотя земля и передавалась по наследству, отцы не всегда могли передать детям свое состояние [Паллас, 2005, с. 350]. В ярлыке Девлет Герая IV, выданного сыновьям Усеина Хаджи, *капы-халкы* Али и Кутлушаху из деревни Усеин Хаджи, указывалось, чтобы они (а также другие жители деревни) не подвергались притеснениям со стороны Аратукских мирз и аг [Лашков, 1895, с. 97–98]. Аратуки сами были *капы-халкы*, то есть перед нами наглядный пример расслоения среди служилой знати.

Помимо земельных пожалований от хана и султанского жалования *хан-кулу* могли рассчитывать на особую добычу, полагающуюся им как гвардейцам. Так, в 1648 г., после возвращения крымских войск из польского похода, *капы-кулу* получили от хана большую часть *хумса* (доли, причитающейся хану и составлявшей 10–20% захваченной воинами добычи), им была передана часть знатных польских пленных и трофеев, в том числе оружия и доспехов [Сенаи, 1998, с. 31, 32, 35]. Их принадлежность к классу *аскери* означала, что они не платили налогов и не несли повинностей [Лашков, 1895г, с. 92], кроме военной службы.

Мурзы носили более дорогую и яркую одежду, чем простые татары, что облегало их визуальную идентификацию на поле боя. Согласно Эвлие Челеби, в Крыму «весь народ носит суконные кафтаны и суконные штаны. Но *капы-кулу*, от-аги, аталыки, мурзы и султаны носят собольи шубы и шапки. Есть также такие, что носят намотанные белые чалмы. Обуваются в плетёные ботинки или туфли, все ездят верхом» [Эвлия, 2008, с. 111].

Ментальность. Специфика положения мурз и беев заключалась в том, что они считали своим долгом подтверждать право на обладание статусными привилегиями реальными делами. Принадлежность к правящему сословию означала не только большее богатство и влияние, но и большую ответственность. Это касалось и войны.

Крымская аристократия сражалась в первых рядах войск, постоянно демонстрируя свою храбрость и служа примером для подчиненных. «Татарские дворяне возносят войну на такую ступень почета, какую только можно представить... у них никогда не бывает того, что мы называем «долгом чести» (т. е. дуэли), считающееся у них самой позорной вещью; их система заключается в том, что истинная храбрость дворянина должна выражаться во время войны и вместо того, чтобы проливать свою кровь в единственном и странном сражении, они должны сохранять ее, чтобы иметь возможность пролить ее, при удобном случае, во славу своей родины, в защиту своей страны и за честь своего имени» [Пейссонель, 2009, с. 30].

Подобное мировоззрение закладывалось с детства. Воспитание мурз являлось спартанским и было направлено на формирование стойкости и мужественности. Крымский мурза рассказал посетившему Крым в 1711 г. Обри де ля Мотрэ, «что молодой человек должен от рождения привыкать к каждой работе, пусть даже унижительной, на тот случай, если вдруг придется самим однажды стать слугами или рабами, если они вдруг обеднеют или потерпят поражение, что Султан-галга сам к такому приучен и живет в походных условиях не лучше, чем последний татарин, также он рассказал, что отец не оставил ему и братьям достаточно добра, чтобы они могли жить в роскоши, и что он сам добыл все то, что имеет, саблей и стрелами в походах, как и другие братья, и что он имеет двух сыновей, которых ждет то же самое, что старший должен вскоре отправиться в Черкесию, с которой они ведут войну» [Путешествие, 2006, с. 195]. Согласно полученным сведениям де ля Мотрэ, дети мирз, «которых учат садиться на лошадь и стрелять из лука практически сразу, как те начинают говорить, получают звание мирзы, даже если они будут вынуждены пойти на службу к другим мирзам» [Путешествие, 2006, с. 191].

И в плену аристократы сохраняли присущее им чувство собственного достоинства. Показательна в этом плане судьба Инайет-шаха, оказавшегося в плену в 1651 г. и отвезенного поляками в Варшаву. «Много народа из города приходило смотреть на этого мурзу, и среди них он увидел одну прекрасную женщину. Он даже подарил ей цепочку,

сказав, что если бы ему досталась такая красивая жена, он бы мог в течение трех дней не принимать пищи. Он – сильная, крупная личность, очень дерзкий по характеру, однако уважаемый другими» [Документы, 1954, с. 541].

Клееман так описывал татарскую знать: «Сии татарские дворяне иногда янычарам и туркам не уступают дороги, которые объявляют, что они перед ними должны иметь сие право, от чего и доходит у них до худого дела, и принуждены вынимать свои кинжалы, и стрелять друг в друга из пистолет, и я два раза свидетелем был таковых между ими поединков» [Клееман, 1783, с. 57–58]. Пейссонель отмечал: «Когда они не на войне и не при дворе, они живут с большой пышностью в своих поместьях, они передают от отца к сыну все высокие чувства, встречаемые в Европе у самой высшей знати, они величественны в своих действиях, щедры и принимают всех чужеземцев, проходящих через их земли, с возможной любезностью» [Пейссонель, 2009, с. 29].

Отношение мурз и беев к своим подданным отличалось патриархальностью. По мнению Тунманна, беи «составляют противовес могуществу хана, они – охранители свободы народа, защитники закона» [Тунманн, 1936, с. 27]. Ф. Ф. Лашков считал, что, «отношения жителей мусульман к бею, как вотчиннику, не отличались сложностью, были просты и в общем напоминали те, которые в пастушеском быту существовали между патриархом и управляемой им группой» [Лашков, 18956, с. 89].

Практическим отражением вышеупомянутых отношений было то, что в Крымском ханстве существовал высокий уровень сословного консенсуса. В то время как во всех соседних с Крымом странах периодически происходили восстания и мятежи крестьян и горожан (такие, как восстания Патрона Халила в Турции или Емельяна Пугачева в России), в юрте никогда не происходило массовых выступлений бедноты, убивавших мурз и беев. Напротив, и знать, и простонародье в целом мирно уживались друг с другом, что делало Крымское государство уникальным среди прочих держав региона. Можно согласиться с Ф. Ф. Лашковым, считавшим, что «в своей власти беи опирались на народ и потому были с ним солидарны» [Лашков, 18956, с. 86].

12.2. Земледелие и земельные отношения.

Крестьянская община. Скотоводство

И. В. Зайцев, Э. И. Сейдалиев

Экономической основой могущества ханской власти и бейских родов было землевладение. В действительности, в ханстве сложилась довольно сложная система землевладения, которое делилось на государственное (ханское), княжеское (бейское), землевладение духовных лиц, мурзинское и общинное.

В Крымском ханстве, как заметили исследователи, изучавшие земельно-правовые отношения этой эпохи, зачастую смешивались право государственное и частное [Лашков, 1889], что особенно хорошо заметно при анализе сущности ханской собственности.

С формальной точки зрения именно хан был верховным собственником всех земель государства, распределяя особыми актами право на пользование даже *бейликами* (княжествами) внутри полуострова. Так, например, берат последнего хана Шагин Герая, выданный в 1778 г. представителю рода Ширин, гласил: «...повелеваем быть Меметше-мурзе владетельным Ширинского княжества беєм и в том выдаем ему, Меметше-мурзе, сей высокий бераат наш в 27 день Реби-эль-Эввеля 1196 года, а по российскому исчислению 1778 года. По получении онаго, приняв княжество, по примеру своих предшественников, исправно исполнял бы свою обязанность и разрешал бы дела жителей Ширин как по части гражданской, так и духовной...». Такая практика не означала, что хан мог по своему усмотрению отнимать бейские земли: он лишь на правах верховной власти утверждал сложившийся порядок вещей.

При том что хану, как частному лицу, могли принадлежать личные угодья (*мюльк*), больших земельных наделов, которые переходили бы по наследству от хана к хану, мы не видим. В основном это дома, мельницы, лавки, сады, ханы (постоялые дворы), чаиры (лесные сенокосы, сады, пастбища) и т. д., но не земля. Более того: нередко хан утверждал особыми актами (*мюльк-наме*) покупки и мены земельной собственности, которая не имела отношения к его личным владениям.

В целом же, к государственному (ханскому) имуществу относились, согласно шариату, собственно коронные земли (*мирийе*): соляные озера и прилегающие к ним селения (жители которых были заняты вывoločкой соли), леса по течению рек Кача, Альма и Салгир (в основном предназначенные для ханских охот) и земли, лежавшие без обработки (*меват*). При этом хан мог наделять крымскую знать доходами с соляных озер, это осуществлялось с помощью пожалований – ярлыков. Пустопорожня же земля (*меват*) могла в силу шариатских установлений об «оживлении мертвой природы» переходить в общинную собственность и становиться *мюльком*, с которого платился десятинный налог.

Собственные наделы имел в ханстве *калга*. Этот надел, выделенный, видимо, первоначально из фонда *мирийе*, назывался *калгалык* и простирался по течению р. Альма до Чатырдага. Как часть земель государственных этот удел не мог дробиться и продаваться, однако *калга* мог давать часть этих земель в условное пользование частным лицам или общинам за ту же десятую долю урожая.

Княжеское землевладение (*бейлик*) представляло собой земельный фонд шести основных княжеских родов ханства – Ширинов, Барынов, Мангытов (Мансуров), Аргынов, Яшлавских и Седжиутов. Это было родовое землевладение, принадлежавшее именно роду целиком, а не отдельным его представителям. Оно переходило к старшему в роду, который мог перераспределять его между членами рода. Границы владений родов не всегда удается установить достаточно четко, к тому же географически они могли быть распределены по территории полуострова и не представлять единого целого. Основные земли бейлика Ширинов находились в районе Федосии, бейлик Мангытов находился в степях, прилегавших к Перекопу и в районе нынешней Евпатории, аргинские земли (Аргинский кадылык) находились возле г. Старый Крым, где соседствовали с владениями Ширинов и Барынов.

Яшлавские занимали земли между Кырк-Йером и Альмой. О владениях Седжиутов, которые были меньше других, сведений недостаточно.

В пределах *бейликов* в поздние времена существования ханства при разложении традиционного порядка вещей могла складываться частная собственность отдельных представителей рода.

Главной особенностью бейликской собственности было право суда на его территории, для чего у некоторых бейских родов имелись шаритатские суды и кадиаскеры. В XVIII в. *бейлики* на османский манер даже называются каймаканствами, т. е. судебно-административными округами. Впрочем, поскольку высшим уголовным судом в ханстве был ханский суд, иногда беи обращались к ханскому кадиаскеру для разрешения, например, поземельных споров.

Другой категорией земель в ханстве был так называемый *ходжалык*, т. е. собственность духовенства – нескольких родов духовных лиц – *ходжей*. Эта собственность имела много общего с бейским землевладением, составляя собственность не частную, а родовую. Глава рода и ее распорядитель также получал ее по ханским ярлыкам, имел право суда и обязан был выставлять в случае военных действий особое ополчение из деревенских жителей своей территории.

Позднее других сложилась в ханстве категория служилых землевладельцев (*мурз*, а также ханских чиновников), получавших по ханским ярлыкам земельную собственность в условное владение за службу. Подобно русской поместной системе, служилое землевладение в Крыму прошло путь от поместий к вотчине. Произошло это, видимо, довольно быстро: уже в XVII в. есть случаи передачи пожалованной ханом земли по наследству.

Основой крымского общества были лично свободные крестьяне, составлявшие крестьянскую общину – *джемаат*. Именно они обрабатывали поля беев, казны или мурз, возделывали их виноградники и сады, доставляли лес и проч. (т. е. отбывали повинность, своего рода барщины). На своих участках они вели собственное хозяйство, уплачивая за право пользования землей налог – десятину (*ашр* или *ушур*). Подать эту собирали особые чиновники – *дуваны*. Таким образом, члены *джемаата* трудились на собственно

общинных землях, а также на земле казны, беев, ходжей или мурз. *Джемаат* был отдельным юридическим лицом, а его собственность (будь то выгон, пахота, сад или сенокос) – собственностью всей общины [Сборник РИО, 1895].

Еще одной категорией крымского населения были рабы. Следует отметить, что в экономике ханства рабский труд занимал весьма скромное место и ограничивался масштабами домашнего рабства. Существовала практика отпуска рабов на волю после отработки ими известного срока (6–7 лет). Переход раба в ислам автоматически означал свободу (поскольку мусульманин не может быть рабом) [См. подробнее: Зайцев, 2003, с. 231–232].

Другой важной составляющей экономики Крымского ханства было скотоводство. Данные письменных и археологических источников свидетельствуют, что в различных регионах развивались и преобладали разные формы хозяйства. В степной части Крымского ханства в основном проживало население, основным занятием которого было кочевое скотоводство. Степные крымские татары разводили в основном лошадей и крупный рогатый скот, а также овец. Обитатели предгорных и горных районов в большей степени занимались садоводством и огородничеством, но также и выпасали овец на высокогорных пастбищах. Вероятно, оседлое население также разводило домашнюю птицу. Свидетельства об этом содержатся в описаниях путешественников, записках дипломатов, внутренних источниках Крымского ханства, таких как судебные сиджли, исторические труды крымских авторов и т. д.

Иософат Барбаро приводит подробные данные о развитии животноводства у татар в начале XV в., где среди прочего неоднократно упоминает о табунах лошадей: «Среди этого народа есть торговцы лошадьми; они выводят лошадей из орды и гонят их в различные места. В одном караване, пришедшем в Персию еще до того, как я оттуда уехал, их было четыре тысячи голов. Не удивляйтесь этому: действительно, если бы вы пожелали за один день купить в орде сразу тысячу или даже две тысячи лошадей, вы нашли бы их там, потому что лошади ходят табунами, как скот. Обычно отправляются в табун и гово-

рят продавцу, что желателно достать сотню таких-то коней. У него есть дубинка с арканом на верхнем конце, и он настолько привычен к своему делу, что едва лишь покупатель укажет ему «слови, мол, мне этого коня или слови того», как он уже накинул петлю коню на голову, вытащил его из среды других и поставил в стороне. Таким способом он вылавливает столько коней, сколько требуется покупателю, и тех именно, каких тот желает. Мне случалось встречать в пути купцов, гнавших лошадей в таком количестве, что они покрывали пространство целых степей. Но вот что удивительно: страна эта не производит очень породистых лошадей; они низкорослы, с большим брюхом и не едят овса. Когда их гонят в Персию, то наибольшее достоинство, которое можно за ними признать, состоит в том, что они едят овес, потому что если бы они его не ели, то не могли бы, в случае надобности, переносить усталость» [Барбаро, 1971, с. 150]. О разведении и продаже коней степными татарами пишет и Амброджио Контарини. Во время путешествия из Поволжья в Москву сопровождающие его татары ввели 200 лошадей для пропитания и на продажу [Барбаро, 1971, с. 224]. Все путешественники подтверждают, что в Крымском ханстве разводили породу низкорослых, но очень выносливых лошадей. Примечательно что в Золотой Орде, также использовали невысоких, но крепких и выносливых лошадей [Крамаровский, 2001, с. 19]. Вероятно, крымские татары унаследовали от Улуса Джучи и эту породу лошадей. Также источники отмечают, что для парадных выездов как в Золотой Орде, так и в Крымском ханстве элита использовала привозных породистых лошадей. В частности, Мартин Броневский сообщал «У всех татар есть для их потребностей лошади татарской породы, красивые, сильные, быстрые, росту среднего и чрезвычайно полезные ко всякого рода работе. Хан, многие солданы, знатные татары употребляют для войны лошадей турецких, арабских, караманских и других азиатской породы, или же отличных иностранных. Быстрые лошади ценятся у них необыкновенно дорого. Татары обыкновенно пасут их на степях Таврического полуострова, но чаще всего выгоняют на пастбища в летнее и зимнее время к Борисфену

и Танаису: только знатнейшие татары держат у себя на конюшне по несколько лошадей, да и то для своих нужд, а не из роскоши. Лошади негодные для верховой езды и плохой породы употребляются для извоза, но и то редко, потому что этого рода работы исполняются верблюдами и волами» [Броневский, 1867, с. 365–366]. О конях разных мастей и пород, в том числе о войсковых лошадях, упоминают кадиаскерские книги. Например, лошадь масти «сюр» (красно-коричневая), гнедая, буланая, саврасая, вороная и т. д. В деле о компенсации за вред, причиненный лошади, упоминается «московская» порода: «Селим Эфенди в собрании Суда Шариата в присутствии Ханкулы Хаджы (заявил): «Взяв без разрешения из завещанного одну лошадь московской породы, мы причинили ей вред». [Рустемов, 2017а, с. 42, 178, 195].

Разводили крымские татары и крупный рогатый скот, тот же Иософат Барбаро свидетельствует, что «второй вид животных, которых имеет этот народ, – прекрасные крупные быки, причем в таком количестве, что их вполне хватает даже на итальянские бойни. Их гонят в Польшу, а некоторую часть направляют через Валахию в Трансильванию; кроме того – в Германию, а от туда уже ведут в Италию. В тех местах [в степях] быки носят поклажу и вьюки, когда это требуется». Описывая степных татар, Контарини сообщает: «Они владеют стадами быков и коров, причем это, я полагаю, наилучшие по своему качеству животные во всем мире; таковы же бараны и овцы. Мясо их превосходного вкуса, так как их пастбища очень хороши. Татары очень ценят кобылье молоко. У них прекраснейшие обширные степи, где не видно ни одной горы» [Барбаро, 1971, с. 224]. Учитывая, что свое путешествие автор совершал в 70-е гг. XV в. и это сообщение относится, вероятно, к татарам Большой Орды, мы можем предположить, что оно верно и по отношению к крымским татарам.

Разводили в Крымском ханстве и верблюдов, причем этот вид животных сохранялся в Крыму вплоть до начала XX в. И снова свидетельства об этом мы находим в произведении «Путешествие в Тану» Иософата Барбаро. Вот что он пишет: «Третий вид животных, которых держит этот на-

род, – высокие мохнатые двугорбые верблюды. Их гонят в Персию и продают там по двадцать пять дукатов за каждого. Верблюды с Востока имеют один горб и малы ростом; их продают по десять дукатов за каждого» [Барбаро, 1971, с. 150]. В описях имущества судебных дел начала XVII в., также сообщается о верблюдах [Рустемов, 2017а, с. 195]. О разведении верблюдов в Крыму в XIX в. сообщает Ф. О. Домбровский [Домбровский, 2005, с. 171].

«Четвертый вид животных, которых разводит этот народ, – огромнейшие бараны на высоких ногах, с длинной шерстью и с такими хвостами, что некоторые весят до двенадцати фунтов каждый. Я видел подобных баранов, которые тащили за собой колесо, а к нему был привязан их хвост. Салом из этих хвостов [татары] заправляют свою пищу; оно служит им вместо масла и не застывает во рту».

Эвлия Челеби сообщает о том, что для подъема воды на Чуфут-Кале использовали ослов [Эвлия, 2008, с. 83].

В регионах с оседлым населением, вероятно, разводили и домашнюю птицу. Так Эвлия Челеби, описывая Бахчисарай, сообщает, что тут славится кебаб из мяса индейки: «Все блюда достойны похвалы. Известна польская курица. У неё с клюва свисает красный кусок мяса, будто слоновий хобот. Славятся кебаб из её мяса, а также кебаб из баранины, нарезанный кусочками и зажаренный на огне от колеса арбы» [Эвлия, 2008, с. 113].

Продукция скотоводства в большинстве обеспечивала питание населению Крымского ханства. М. Броневский сообщал, что татары «питаются кониной, верблюжиной, быками, коровами и бараниной, которых у них очень много. Знатнейшие и богатые употребляют хлеб, говядину, перваренное вино и сладкие напитки; а простой народ не имеет хлеба, употребляют вместо него толченое пшено, разведенное водою и молоком и называемое обыкновенно касса (буза?); вместо питья употребляют кобылье молоко и сыворотку. Убивают также верблюдов, лошадей и быков». Он же сообщает о передвижениях кочевых татар: «Эти кибитки круглы и покрыты войлоками; но едва могут вмещать в себе от четырех до пяти человек.

Татары укладывают все на двухколесные возы, запряженные одним или двумя верблюдами, иногда волами. Ведя за собою верблюдов, лошадей, скот и бесчисленные стада овец или оставляя некоторых на хороших пастбищах, татары отправляются в Перекоп» [Броневский, 1867, с. 357, 339].

Выпас и содержание скота также описываются очевидцами. Михалон Литвин сообщает: «Скот и лошади даже зимою пасутся в поле под открытым небом; если они, переутомленные работою, исхудалые и истощенные, отпускаются на пастбище, то откармливаются пушистою травою, добытою из-под снега ударами копыт, не хуже, чем у нас на лучших пастбищах или под крышею» [Михалон Литвин, 1890, с. 9]. В горных районах овец содержали в специальных кошарах и пещерах, об этом сообщает турецкий путешественник Эвлия Челеби: «А в пещерах, что располагаются в горах, которые вокруг этих заливов, находятся все огромные кошары и стада овец – загоны для скота народа крымского. Мы десять дней путешествовали и осматривали эти прекрасные места. Чобаны этих стад угощали нас Бог знает каким количеством вкуснейшей баранины и ягнятины, мёда, сливочного масла, каймака, кулемеца, хошмурума, агыза, катыка, сыра тильме, кесмека, сыворотки, различных сыров и прекрасного молока. Нагрузив наших коней свежими головами сыра, [мы отправились] на восток» [Эвлия, 2008, с. 67]. Вероятно, каждый хозяин клеймил свой скот родовыми тамгами. В одной из записей кадиаскерских сиджилей разбирались тяжба за коня: «Этот самый Мерги во время похода силой увел у меня лохматого коня (у которого была) тамга ковша», в другом деле об украденной лошади: «Находящаяся у указанного Хаджи Байрам гнедая лошадь, у которой сбоку сзади на ляжке тамга в виде вил, принадлежит мне». Упоминания тамг на скоте (в основном на лошадях) часто встречается в судебных записях [Рустемов, 2017, с. 42, 50, 74, 80, 93, 115, 126, 224].

Среди записей кадиаскерских сиджилей первой половины XVII в., опубликованных Мурат беем Биарслановым, есть данные о стоимости некоторых домашних животных. В ходе раздела имущества некой покойной Мелек Бикеч среди

прочего перечисляются следующие животные: «...темно-рыжий жеребец – 8 хасене; жеребец масти кула – 7 хасене; темно-серый жеребец – 3 хасене; вороная кобылица с жеребенком – 5 хасене; еще вороная кобылица с жеребенком – 5 хасене; буланая кобылица с жеребенком – 5 хасене; темно-рыжая кобылица – 5 хасене; гнедая кобылица с жеребенком – 5 хасене; рыжая кобылица с жеребенком – 5 хасене; кобылица масти кула с жеребенком – 5 хасене; кобылица масти кула – 4,5 хасене; рыжий годовалый жеребчик – 3 хасене; вороной годовалый жеребчик – 2,5 хасене; девять волов – 36 хасене; пять коров – 20 хасене...» [Биарсланов, 2005, с. 46]. Подобные данные, а также сведения о возмещении ущерба за похищенных животных и судебных тяжбах за них содержатся и во многих других сиджилях [Рустемов, 2017, с. 93, 106, 121, 144, 168]. Выше уже упоминалось, что крымские верблюды продавались по 25 дукатов, в судебных записях стоимость верблюда оценивалась в 20 флоринов, некий Муртаза Кятиб, «купив у Хаджи Сефера верблюда за двадцать флоринов, он до сих пор с деньгами не расстался (не заплатил)» [Рустемов, 2017, с. 135].

В ходе раскопок поселений, относящихся к эпохе Крымского ханства, среди находок в значительном количестве встречаются кости домашних животных, что подтверждает данные письменных источников. Так, на территории поселения Су-Баш 1 наряду с большим количеством остеологических материалов выявлено также значительное количество железных подков лошадей, ослов и волов [Мастыкова и др., 2019, с. 114]. На поселении Кенегез Восточное, также исследованном в ходе строительства трассы «Таврида», было выявлено более 17000 костей домашних животных, среди которых больше половины приходится на остеологический материал, принадлежащий крупному рогатому скоту, около трети костных находок относится к мелко-рогатому скоту и десятая часть представлена костями лошадей. Исследователи отмечают, что в небольшом количестве представлены кости верблюдов, собак и кошек [Шарапа, Белов, 2019, с. 340]. Кости домашних животных были обнару-

жены на поселении Батальное 1, где также представлены и изделия из кости и заготовки для их производства. Это также может свидетельствовать о развитии у населения Крымского ханства косторезного ремесла [Ермолин, Бонин, 2019, с. 356–357]. Среди археологических материалов также встречаются кости домашней птицы, яичная скорлупа и т. д. Следует отметить, что комплексное исследование письменных и археологических материалов по истории скотоводства в Крымском ханстве до сих пор не проводилось, ввиду этого мы имеем лишь самое приблизительное представление о породах, особенностях разведения и ухода и количестве домашних животных, которых в период Крымского ханства разводили крымские татары.

Таким образом, скотоводство в Крымском ханстве представляло развитую отрасль хозяйства. Мясо, молоко и другие продукты животноводства практически всех видов животных употреблялись в пищу. Шкуры, кость, овечья и верблюжья шерсть использовались для ремесленного производства. Лошади чаще всего использовались для верховой езды, в том числе и в военных целях. Чаще всего каждый воин брал с собой несколько запасных коней в поход. Верблюды и волы использовались как тягловая сила, их запрягали в упряжные повозки, вероятно они же использовались для пахоты.

Как видим, сельское хозяйство составляло весьма ощутимую часть экономики Крымского ханства. В земельные отношения были вовлечены практически все слои населения государства, от простых общинников – представителей джемаата, до правителей государства, при этом часто форма собственности и использования земельных владений была достаточно разнообразна. Скотоводство также представляло достаточно развитую отрасль хозяйства и предусматривало разведение различных видов домашнего скота и птицы, обработку продуктов животноводства, что в свою очередь обеспечивало население продуктами питания, производство ремесленного сырья, внутреннюю и международную торговлю.

12.3. Вакуфы (разновидности, процедура назначения и механизмы функционирования)

Д. В. Конкин

Вакуф¹ – по определению энциклопедий в широком смысле, «все завоеванные мусульманами земли, с которых платится харадж» [Ислам. Энциклопедический словарь, 1991, с. 45]. В более узком и общеупотребительном значении в мусульманском праве – акт учреждения благотворительной собственности на правах доверительного управления, в результате которого учредитель вакуфа (вакиф) навечно передавал свою бесспорную собственность (это могло быть как движимое, так и недвижимое имущество) на благочестивые раз и навсегда определенные цели [см.: Peters, 2002, р. 59; Яновский, 1891, с. 390; Вормс, 1912, с. 485–486; Ислам. Энциклопедический словарь, 1991, с. 45; Islam Ansiklopedisi, 2012, s. 475].

Впервые вакуф, как часть мусульманского права, имеющая благотворительный характер, был детально разработан Абу-Ханифой Ан-Нуманом в VIII в. Абу-Ханифа рассматривал вакуф в качестве безвозмездной ссуды имущества и с этой позиции настаивал на сохранении прав собственности вакифа на посвященное имущество [Мухин, 1898, с. 245–246; Маргинани, 2010, ч. 1, с. 544]. Ученик Абу-Ханифы Абу-Юсуф Якууб был не согласен с таким взглядом. По его мнению, уподобление вакуфа ссуде («арият») создавало угрозу нормальному ведению хозяйства на вакуфных землях, поскольку мусульманское право предоставляло собственнику возможность в любое время требовать возврата ссужаемого им имущества от ссудоприемателя [см. Маргинани, 2010, ч. 2, с. 203–204, 208; Частно-вакуфное

владение в Крыму, 1892, с. 2; Ван ден Берг, 2005, с. 105]. Абу-Юсуф придавал вакуфу сакральное значение, в силу чего становилось невозможным отчуждать уже посвященное имущество. Данную концепцию поддержал и дополнил другой выдающийся юрист, также ученик Абу-Ханифы – Мухаммед б. Хасан аш-Шайбани. Мухаммед, обратил внимание, что вакуф, как посвященное имущество, не мог быть передан непосредственно Богу, поэтому считал необходимым учреждение специального лица – мутевелли, в ведении которого находилось бы вакуфное имущество и который контролировал бы его правильное употребление согласно воле посвятителя [Мухин, 1898, с. 249; Маргинани, 2010, ч. 1, с. 544–545].

Концепция, предложенная Абу-Юсуфом и Мухаммедом, получила наибольшее распространение среди мусульман. Особенно популярной она стала среди ханафитов, в том числе и в Крыму [Biyyik, 2007, s. 150]. В то же время признаки учения о вакуфе, предложенные Абу-Ханифой, некоторые исследователи находили у шиитов, где подобный благотворительный институт наименовался «хибс» [Мухин, 1898, с. 246], а также у малекитов в Северной Африке под названием «хабус», «хубс» [Шарль, с. 91; Hennighan, 2004, р. XIII; Мухин, 1898, с. 247; Islam Ansiklopedisi, 2012, s. 476].

Единого мнения относительно происхождения вакуфа в современной науке не существует. Исламская правовая традиция приписывает создание данного института самому Пророку, его сподвижникам и первым халифам. Известно, однако, что в Коране термин «вакф» не встречается [Islam Ansiklopedisi, 2012, s. 476, 479]. В сунне вакуф упоминается редко, и его определения носят «схоластически-казуистический характер» [Рыбалкин, 2001, с. 45]. По-видимому, институт, подобный вакуфу, существовал в доисламское время на определенной территории и вошел в мусульманское право как часть обычного права (адет), а затем благодаря мусульманским правоведом приобрел повсеместное распространение.

¹ В русскоязычной историографии, посвященной Крыму, в отношении данного института получил распространение, включая законодательные акты, именно данный термин – «вакуф». Хотя более точное его название – «вакф» (араб. waqf, мн. ч. awqaf и wuquf). Однако в нашем случае представляется более естественным следовать отечественной терминологической традиции, сложившейся еще в Российской империи в период первоначального изучения крымских мусульманских благотворительных фондов и закрепленной в научных публикациях и общероссийских нормативных актах XIX в.

Что это за территория, однозначно сказать сложно. На этот счет высказывались мнения об арабском доисламском его происхождении [Нофаль, 1886, с. 158; Вормс, 1912, с. 485], и о еврейском влиянии [Hennigan, 2004, р. 57–58], и о византийских корнях [Шарль, 1959, с. 91; Hennigan, 2004, р. 52–57]. Однако более убедительной выглядит гипотеза советской исследовательницы А. Г. Периханян, которая, подробно изучив частные целевые фонды в древнем Иране, обнаружила удивительное сходство мусульманского вакуфа с иранскими фондами «для души». Так, совпадали условия и формы учреждения: «нервокабельность учредительной сделки и вступление ее в силу сразу же после акта учреждения (следовательно, при жизни учредителя)»; в обоих институтах существовали попечители, управляющие имуществом и получавшие за это плату (мутевелли у вакуфов); в ведении духовенства находился общий контроль за «посвященными» имуществами. Наконец, в иранских фондах «для души» выделялось два основных вида: 1) учреждения религиозно-общественного назначения; 2) учреждения, продолжавшие оставаться в общем составе имущества, находившегося во владении семьи, – в которых угадывается прообраз мусульманских духовного и частного вакуфов, соответственно [см. Периханян, 1983, с. 161–176]. Все вышеперечисленные обстоятельства в связке с хронологической закономерностью, согласно которой «ханафитская традиция относит возникновение вакфа и его распространение среди арабов к концу первого столетия после смерти пророка Мухаммеда, т. е. именно к тому времени, когда Иран был завоеван арабами и подвергнут исламизации» [Периханян, 1973, с. 19], позволили исследовательнице «с большой долей достоверности» утверждать об иранском происхождении института вакуфа.

В процессе своего возникновения и существования вакуф, как часть мусульманской правовой системы, претерпевал достаточно серьезные изменения. Традиционно можно выделить два главных его вида, которые распространились в мусульманском мире, включая Турцию и Крымское ханство. Это, собственно, вакуф в выше приведенном смысле, изначально существующий т. н.

wakf khayrī, или духовный (законный) вакуф, в российской терминологии. Другой вид, который развился из духовного вакуфа, – wakf ahlī, или частный (семейный) вакуф.

Духовный вакуф имел исключительно благотворительный характер, и в результате его учреждения отчуждалось как само имущество, так и все доходы от него [Торнау, 1880, с. 83]. Право обладания и распоряжения вакуфом становилось безвозвратным, так как «самый объект вакфа возвращается Богу, как Творцу и Обладателю всего существующего» [Лашков, 1896, с. 35–36]. Осуществляя акт «посвящения» вакиф автоматически переносил его в область сакральную, и с этого момента любое дробление, посягательство на данное имущество или взимание доходов с него, не предусмотренных в акте посвящения, носили характер религиозного преступления [Маргинани, 2010, ч. 1, с. 544]. Происходила иммобилизация посвященного имущества, т. е. посвяtitель терял возможность распоряжаться вакуфом, но при этом право собственности на него не приобреталось и теми лицами или учреждениями, в пользу которых было совершено посвящение (имущество оказывалось в состоянии «задержания», подобно верблюдице сайиба) [там же, с. 547]. Лишь конкретные доходы, полученные в результате эксплуатации имущества, могли обрести свойства частной собственности. Например, денежные средства, направленные, согласно воле посвяtitеля, на жалованье служителям мечети, становились их полной собственностью. Вакиф мог воспользоваться благами духовного вакуфа исключительно, если принадлежал к категории тех лиц, в чью пользу это имущество было посвящено [Торнау, 1882, с. 22]. Так, в случае, если в вакуф был обращен колодец на благо всех правоверных, то вакиф, будучи мусульманином, мог воспользоваться водой из него наравне с остальными [аль-Бухари, 2002, № 1112, с. 89].

Характерный пример безвозвратности учрежденного вакуфа связан с Крымом. В записях судебных решений, датированных 1671 г., сообщалось об учреждении Крым Герай Султаном вакуфа из хлебопахотных и пастбищных земель в Гёзлевском кадалыке, а также виноградника и чаира в Бельбекской долине вместе

с постройками, скотом и лошадьми. Спустя 11 месяцев после учреждения вакиф через своего уполномоченного обратился в суд с намерением упразднить фонд. На что назначенный мутевелли имущества, а за ним и кадий объявили, что «на основании священных мнений («рей шериф») святейших имамов Мухаммеда и Эбу Юсуфа», вакуф принял уже законный характер и отменить его невозможно [Лашков, 1896а, с. 101–102; см. мнение учеников: Маргинани, 2010, ч. 1, с. 544].

Учреждение духовного вакуфа можно рассматривать как некий «общественный договор» между общиной, рядовыми жителями округи и наиболее влиятельными и обеспеченными членами общества, обязанными делиться частью своих благ для духовной и материальной поддержки беднейших и наименее защищенных слоев населения [см. Шлыков, 2011, с. 48–55]. Поэтому среди основателей благотворительных фондов часто оказывались правители государства или отдельных областей, крупные землевладельцы. По утверждению Ф. Ф. Лашкова, в Крымском ханстве большинство духовных вакуфов учреждалось Гераями [Лашков, 1896, с. 36]. Подобными институтами были, например, мечети Биюк-Джами в Кефе, Ханская и Крым Герай-хана в Бахчисарае, жизнедеятельность которых традиционно обеспечивалась за счет отчислений, соответственно, от Гёзлевской и Кефинской таможен [Лашков, 1897б, с. 60–61]. В Карасубазаре мечеть Биюк-Джами содержалась за счет земельного участка, выкупленного ханом Шагин Гераем, который определил туда и мутевелли по своему желанию [ГАРК, ф. 24, оп. 1, д. 2, л. 46–46об]. Огромными средствами, получаемыми от вакуфов, пользовалось крупнейшее в Крыму Зынджирлы-медресе, основанное Менгли Гераем [Халим Гирай, 2004, с. 20]. Большое внимание учреждению благотворительных фондов уделял Арслан Герай, что было связано с сокрушительным походом Миниха в Крым в 1736 г., когда многие дома, общественные постройки в Бахчисарае и других крымских поселениях были сожжены или полностью разрушены. Восстановление и ремонт выведенных из строя сооружений проводились в значительной степе-

ни за счет учрежденных ханом духовных вакуфов [Biyyik, 2007, s. 157–158]. Например, в Акмечети Арслан Герай учредил вакуф для ремонта и обслуживания фонтанов, возведенных по его распоряжению в восьми местах в самом городе и прилегающем районе Бор-Чокрак [Biyyik, 2007, s. 159]. В Гёзлеве сожженный русскими войсками вакуфный караван-сарай по имени Сулу-Хан, доходы от которого шли на поддержание пяти фонтанов, был по распоряжению Арслан Герая восстановлен за счет другого вакуфа, учрежденного предыдущими ханами (для чего было получено разрешение от потомка Ислам Герая, по-видимому, исполнявшего обязанности мутевелли). В результате, помимо реконструированного караван-сарая, в пользу учрежденного в 1753 г. вакуфа была передана и кофейня с фонтаном на недавно отстроенной пристани Гёзлева. Согласно условиям вакуфа, десятая часть доходов шла на зарплату управляющим, остальные средства выделялись на ремонт фонтанов и поддержку их функционирования [Biyyik, 2007, s. 160].

Попечительство над имуществом духовного вакуфа в широком смысле предоставлялось главе государства. Происходило восстановление права светского правителя на верховное обладание этим имуществом согласно суннитской фикции о халифате, где правитель выступал в качестве политического и религиозного руководителя мусульманской общины (умма) [Дафтари, 2004, с. 36]. Оперативное же управление вакуфным имуществом традиционно осуществляло особое лицо – мутевелли (назир), которому в обязанность вменялось распределять доход таким образом, чтобы часть его шла на эксплуатационные и амортизационные расходы, а другая – собственно на благотворительную цель, посвященную вакифом. Попечитель, пока добросовестно выполнял свои обязанности, получал вознаграждение [аль-Бухари, 2002, № 1111, с. 89]. Объем вознаграждения колебался в пределах 10–15% от дохода вакуфа [Шлыков, 2011, с. 37; Беккин, 2008, с. 107; Абашин, 2003, с. 186]. Жалованье было гарантировано. Например, когда в Гёзлеве сгорела соборная мечеть, то по повелению хана отстраивать заново ее должен был действовавший тогда мутевелли Бали Назир из своей заработной

платы. После восстановления здания в 1609 г. он вынужден был обратиться в суд с требованием компенсации. В результате мутевелли были возмещены зарплатные средства за счет передачи ему месячной выручки от вакуфных лавок и магазинов, принадлежавших мечети [Рустемов, 2017а, с. 69].

В случае крупных пожертвований государственная власть определяла мутевелли от своего имени. В Крымском ханстве подобные назначения порой выполнял непосредственно хан. Например, мутевелли вакуфа вышеупомянутой мечети Биюк-Джами в Карасубазаре, еще до Шагин Герая, назначался по приказу Арслан Герая: «... как состоящей в благополучном г. Карасубазаре священной мечети вакуфов мутевелли начальник родом из вакуфских детей Мехмед Шах-мурза умер, то явителю сего священного моего повеления брату его родному Мустафе-мурзе родом из детей вакуфских, возраста совершеннолетнего и по способности своей достойному по всему, оное вакуфов начальство пожаловано и поручено на том же (основании. – К. Д.), как пред тем братом его было управляемо, в чем и дано ему священное мое повеление» [ГАРК, ф. 24, оп. 1, д. 2, л. 51–52]. Позднее права Мустафы-мурзы по управлению вакуфом подтвердил другой хан – Селим Герай III [ГАРК, ф. 24, оп. 1, д. 332, л. 53]. Как видно, обязанность мутевелли в приведенном примере перешла к близкому родственнику прежнего управителя вакуфов. Такая наследственность при назначении должностей являлась характерной для Крыма, где вакиф предпочитал закрепить управление вакуфом за своим родом. Наследный мутевелли «из вакуфских детей» далее получал возможность передать полномочия следующему своему родственнику. При отсутствии со стороны мутевелли указаний на личность преемника право назначения на данную должность переходила к местному кадию. В случае «несуществования всего этого» мутевелли избирались из «достойных лиц» и только тогда утверждались на «высшем уровне» – «духовным начальством или правительством» [ГАРК, ф. 456, оп. 1, д. 417, л. 248; Халилова, 1999, с. 159–160]. Если в учредительном акте о мутевелли ничего не говорилось, то крымские мусульманские пра-

воведы считали, что кадий был в праве назначить на эту должность какое-либо лицо по своему усмотрению, с определением ему вознаграждения из средств вакуфа. Однако в случае, когда находилось лицо, готовое безвозмездно исполнять обязанности управляющего вакуфом, то предпочтение необходимо было отдать этому кандидату [ГАРК, ф. 456, оп. 1, д. 536, л. 3–3об.]. Комментируя извлечение из книги «Идая» (по всей видимости, «Китаб ал-Хидоя» Бурхануддина Маргинани), где решался вопрос, кто имеет право назначать мутевелли – начальник («хакым») или же те лица, которым назначен доход, крымскотатарские юристы отвечали предельно конкретно: если в учредительном акте отсутствовали определенные указания, то мутевелли утверждал «хакым», «без участия пользующихся вакуфом» [ГАРК, ф. 456, оп. 1, д. 536, л. 3об., 4]. При этом делалась оговорка – отдавать предпочтение детям или женам жертвователя, «если они нравственно достойны этому назначению» [там же, л. 4об.]. Отказаться от предлагаемой должности считалось среди мусульман постыдным.

Общий надзор над мутевелли осуществлял в Крыму ханский казнадар [Лашков, 1896, с. 36], который входил в состав Дивана. В османской Турции вплоть до XIX в. вопросы вакуфов также контролировались членом Диван-и Хумаюн, отвечавшим за внешнюю политику и дворцовую канцелярию, по имени реисулькуттаб [см.: История Османского государства, 2006, с. 125, 138]. На местах же, в конкретных регионах полуострова аудит вакуфных фондов реализовывался местными кадиями. Они определяли, расходуются ли доходы вакуфа в соответствии с его спецификацией, проверяли условия аренды, качество ремонта вакуфного имущества и т. п. [Biyik, 2007, s. 155]. Мутевелли, который исправно и без нареканий исполнял свои обязанности, был гарантирован от каких-либо посягательств на свой статус со стороны кадия. Даже высшее судебное начальство было не в праве сместить его, а если по каким-то причинам на место мутевелли и назначался другой, «то этот второй не считался законным» [ГАРК, ф. 456, оп. 1, д. 417, л. 248; Халилова, 1999, с. 160]. Лишь в крайнем случае мутевелли мог передать свои полномочия иному

лицу, но исключительно на определенное время и по собственному выбору.

Для замены мутевелли необходимы были веские основания, которые следовало доказать в суде. Например, в начале XVII в. попечителем вакуфа построенных Сахиб Герай ханом в Бахчисарае медресе и мечети Джам-и-Шарифе состоял некто Муса Челеби. Он обязался выплачивать муртезика (т. е. бенефициарам вакуфа) ежегодно по 75 флоринов, за что получал жалование 5 акче². Затем, возможно, у контролирующих лиц возникли подозрения в отношении честности мутевелли, и на него в 1609 г. был подан иск. Муса Челеби был вынужден оправдываться, и в суде обратился к получателям прибыли от вакуфа: были ли им допущены упущения или хищения за 10 лет управления имуществом? На что муртезика под присягой ответили, что «...ни одной акче, ни одно хасене не было упущено, и мы все получили сполна», тем самым опровергнув подозрения в нечистоплотности управляющего [Рустемов, 2017а, с. 110–111].

Полномочия мутевелли в отношенииверяемого ему вакуфа были достаточно широки. В упомянутом выше повелении Арслан Герай-хана о назначении и обязанностях мутевелли вакуфа мечети Биюк-Джами в Карасубазаре перечисляются суммы, которые ежегодно должны были поступать от вакуфа служащим мечети, начиная от имама и заканчивая мелкими служителями. Ежегодная раздача такого жалования поручалась исключительно мутевелли. Он же определял, какую сумму пускать на починку принадлежащей мечети мельницы, если доход вакуфа был выше предусмотренного. Когда после починки мельницы оставались средства, то управляющий самостоятельно решал, на какие цели эти деньги израсходовать. В случае если годовой доход от вакуфа оказывался меньше предусмотренного, то мутевелли надлежало собрать необходимую сумму на починку мечети и мельницы из жалования духовенства (если ремонт был необходим), а оставшиеся средства, опять же совершенно неза-

висимо от кого-либо, распределить среди служащих мечети. «Определение и отрешение (денег, в случае недостачи доходов от вакуфа. – К. Д.) служащих в мечети имама и прочих, – говорилось в повелении хана, – поручается упомянутому мутевелле, наблюдая, чтобы от первого до последнего оные (т. е. служащие мечети. – К. Д.) по способности и достоинству были назначаемы, а неспособные и недостойные были отрешаемы. Одним словом, всё до сего касающеесяверяется упомянутому мутевеллю, а имам и все из получающих свои оклады жалования, да никоим образом не вмешиваются в дела, относящиеся до определения и отрешения служащих, но да будут спокойны, исполняя по содержанию священного повеления моего» [ГАРК, ф. 24, оп. 1, д. 2, л. 51–52; ГАРК, ф. 24, оп. 1, д. 332, л. 53]. Впрочем, функции мутевелли в отношении вакуфа не были безграничны. И при возникновении каких-либо законных претензий к его деятельности в послании предписывалось недовольным обращаться напрямую к хану [там же].

Таким образом, мутевелли наделялся порой такой важнейшей функцией, как распределение жалования среди духовных служителей, включая имама. Несомненно, облеченный данной должностью человек должен был обладать огромным авторитетом не только среди рядовых прихожан конкретной мечети, но с ним должны были считаться и самые влиятельные и уважаемые лица округа.

Вакуфное имущество, если речь шла о недвижимости, позволялось сдавать в аренду для извлечения доходов, используемых согласно воле посвятившего [Biyik, 2007, s. 151]. В процедуре сдачи имущества в наем мутевелли отводилась главная роль. Обычно именно он определял условия договора аренды и круг арендаторов. Но и тут существовали некоторые правила, с которыми мутевелли приходилось считаться. Так, арендный договор мог быть долгосрочным, в этом отношении не существовало официально запрета, однако в глазах духовенства и общества аренда имущества одним и тем же лицом на срок, превышающий трехлетний, считалась предосудительной. И, например, в случае смерти управляющего вакуфом его преемник по ис-

² Скорее всего в день, т. к. иначе это было бы мизерным вознаграждением. Например, в том же году мутевелли Хаджи Юсуф за управление «семейным», т. е. частным вакуфом получал 4 акче в день [Рустемов, 2017а, с. 142–143].

течении трехлетнего срока аренды был в праве отобрать имущество у действующего арендатора и вновь сдать его в наём другим лицам [ГАРК, ф. 456, оп. 1, д. 417, л. 247; Халилова, 1999, с. 159]. После окончания срока аренды вакуфного имущества новый договор, как правило, перезаключался со старым арендатором, при условии, что он устраивал мутевелли, добросовестно выполнял все пункты договора и выказывал желание его перезаключить. В таком случае, даже если на имущество вакуфа оказывалось несколько претендентов, старый арендатор имел перед ними преимущество. Более того, в пользу такого арендатора дозволялось делать небольшие уступки по арендной плате, только при условии, чтобы сумма найма не оказалась ниже действовавших в округе цен. В этом был заинтересован и сам арендатор, поскольку в случае если вакуфное имущество отдавалось в аренду за цену ниже «примерной в околоске» и это становилось известно обществу, то недостача возмещалась не мутевелли, а арендатором в полном объеме разницы от действительной стоимости арендных участков в округе [ГАРК, ф. 456, оп. 1, д. 417, л. 249]. Мутевелли духовного вакуфа не имел права отдавать вакуфное имущество в аренду самому себе. Такое же ограничение распространялось и на его детей.

Частный вакуф – продукт влияния местного права на шариат, суть которого состояла в формальном «возврате» имущества Богу. На самом деле доходы от такого вакуфа почти в полном объеме оставались в роде посвяtitеля. Однако само имущество иммобилизировалось, а духовенство или умма могли получать определенный процент за сохранение его в целостности и защите от внешних экспансий или же становились конечными бенифициарами вакуфа в случае прекращения рода посвяtitеля. Таким образом, с юридической точки зрения частный вакуф не был даже договором посвяtitения, а являлся процедурой для гарантированного соблюдения интересов собственника имущества и его наследников, поскольку вакуфные ценности теперь охранялись «как достояние Бога, Творца всех имуществ в мире и к которому посвяtitенное имущество, фиктивно, возвращает-ся» [Торнау, 1882, с. 22].

Частный вакуф в большей степени был подвергнут влиянию местных традиций. Различия в интерпретации этого вида вакуфа разными правовыми школами порой существенны. В Крыму исследователи выделяли следующие виды частных вакуфов: эбнай-вакуф, когда право пользования «посвяtitенным» имуществом закреплялось за потомками одного лишь мужского пола; эвляд-вакуф – имуществом в такой форме могли пользоваться потомки как мужского, так и женского пола [см. подробно: Частно-вакуфное владение в Крыму, 1892, с. 4–12; Описи и ведомости частным вакуфам, 1892; Биярсланов, 1889, с. 41–42]. Прибавление к названным видам вакуфа слов «бийюктен-бийюк» (тат. «среди взрослых – старший») [Абдуллаева, 1997, с. 89] означало закрепление права наследования за старшим в потомстве. Только в отношении эбнай-вакуфа закрепление происходило за старшим в роду по мужской линии, а в отношении эвляд-вакуфа – за старшим без различия пола. Необходимо заметить, что определить значение старшинства: возраст ли это или родство, порой достаточно сложно [Частно-вакуфное владение в Крыму, 1892, с. 19].

В Крымском ханстве долговременность и неизменность условий наследования даже таких, в общем-то, фиктивных благотворительных фондов, как частные вакуфы, были гарантированы, что подтверждается местными судебными решениями. Например, в 1704 г. в суде была дополнительно засвидетельствована законность эбнай-вакуфа при д. Бора Ичкийского кадалыка, учрежденного местной жительницей Гулном-Тотай. Долгое время после учреждения вакуфной землей пользовались все жители деревни в качестве общего пастбища. Но спустя поколения правнуки основательницы Ильяс-мурза и Асан-мурза заявили свое исключительное право на владение территорией и стали запрещать местным жителям выпасать на этих участках скот. В результате жители деревни обратились в суд, который после устных показаний четырех свидетелей, подтвердивших существование вакуфа, постановил устранить частно-вакуфное имущество от посягательства общины [Лашков, 1896а, с. 117–118].

Первый исследователь крымских мусульманских благотворительных фондов Ф. Ф. Лашков

выделял на полуострове еще особые виды смешанных вакуфов. Один из них представлял собой соединение эвляд- и эбнай-вакуфа, когда «по прекращении потомства мужского рода, вакуф должен перейти к женскому потомству...» [Лашков, 1896, с. 40]. Такого рода фонд был учрежден неким Иса-беем в пользу своих сыновей «...с тем, чтобы потомки их мужского пола владели после смерти своих отцов долями, принадлежавшими каждому из их отцов, не жалуясь на то, будет ли то малая доля или большая, а если прекратится мужской род кого бы то ни было из вышеупомянутых, то должны владеть потомки мужского пола тех родичей, роды которых не прекратятся. Если же прекратится мужской род, то должны владеть женщины, находящиеся на месте и принадлежащие роду, а если не будет таковых или женский род прекратится, то владеть служителю соборной мечети дер. Кая-Алты» [Лашков, 1896а, с. 115]. В 1709 г. земли этого частного вакуфа стали предметом разбирательства в суде между правнуками и правнучками учредителя. Суть состояла в том, что вакуфом долгие годы в равных долях владели родственники по мужской линии сыновей учредителя. Когда мужское потомство одной из ветвей рода прервалось, то на часть вакуфа стали претендовать сестры умершего, решившие, что первоначальные условия вакуфа больше не действуют. Но поскольку оставались живы представители мужского рода другой ветви, то суд посчитал, что действие эбнай-вакуфа продолжается и владение всем вакуфным имуществом должно перейти к мужчинам этого рода [Лашков, 1896а, с. 113–116]. Интересно, что аналогичного вида вакуфы сохранились в Крыму даже в XIX в. В «Описях и ведомостях частным вакуфам» находятся тексты двух завещаний, согласно которым изначально был учрежден эбнай-вакуф, но с условием, что если «мужской род прекратится», то вакуфная земля «может перейти во владение наследников женского пола, и в таком случае называется эвляд-вакуфною...», при полном же пресечении рода вакуф передавался в пользу мечети д. Салтаба [Описи и ведомости частным вакуфам, 1892, № 572]. По-видимому, по мнению учредителя, такая форма завещания в максимальной степени защищала права его по-

томства, конечное же предназначение вакуфа на благотворительные цели придавало завещанию религиозное значение.

Частный вакуф не был распространен среди всего мусульманского мира. Не признавали такой вид вакуфа шииты [Мухин, 1898, с. 251–252]. В то же время маликиты в данном вопросе поддерживали точку зрения ханафитской школы [Шарль, 1959, с. 92]. Вероятно, с этим следует связывать то обстоятельство, что доля таких вакуфов в общей поземельной собственности наиболее значительна в местностях, где распространены именно эти учения. Так, в старой Турции более 2/3 всей недвижимой собственности было посвящено в частные вакуфы [Торнау, 1880, с. 84].

В Крымском ханстве, равно как и в османской Турции, широкое распространение получили денежные вакуфные фонды, из средств которых образовывались своего рода «товарищества на вере» [Нофаль, 1886, с. 178; Biyik, 2007, s. 153; Беккин, 2008, с. 110]. Из этих командитных касс (прообразы банков) можно было брать деньги займы под проценты, хотя изначально такая деятельность и была запрещена среди мусульман [Шлыков, 2011, с. 45–46; Беккин, 2008, с. 110–111]. Средства выдавались под чье-то личное поручительство или под залог определенного имущества [см. Рустемов, 2017а, с. 175, 215]. Процент займа в Крыму в середине XVIII в. составлял порядка 15% [Biyik, 2007, s. 154]. Все заработанные таким образом средства, как правило, направлялись на установленные вакуфом цели. Интересно, что имам Абу-Ханифа возражал против обращения в вакуф движимого имущества, но оба его ученика Абу-Юсуф и Мухаммед не поддерживали мнение учителя и допускали движимую собственность в качестве законной [Маргинани, 2010, ч. 1, с. 550–552]. Позднее в число таких предметов вошли и денежные активы [Biyik, 2007, s. 150]. Поскольку среди ханафитских юристов существовала традиция в случае разделения мнений Абу-Ханифы и учеников по какому-либо вопросу по своему усмотрению выбирать верное решение [Нофаль, 1886, с. 162], то можно сделать вывод, что в данном случае в отношении вакуфов в Крыму предпочитали следовать концепции, сформулированной Абу-Юсуфом и Мухаммедом.

Важнейшим элементом благополучного существования вакуфа являлась процедура его учреждения. Существовала письменная форма (вакф-наме), которая, как правило, фиксировалась в сиджилях. За оформление такой записи, согласно ярлыку Джанибек-хана, кадии обязаны были взимать определенную пошлину [Рустемов, 2017, с. 225]. Ханафитами позволялась и устная процедура [Мухин, 1898, с. 289], но при этом необходимым условием являлось присутствие свидетелей и вербальная форма посвящения должна была быть четкой, не допускавшей двусмысленности. Обычно произносились определенные слова: «воистину, действительно посвящено» и т. п.³ Но как в первом, так и во втором случае предмет и цель посвящения конкретно обозначались, ясно указывалось, в пользу кого учреждался вакуф, и, по возможности, оговаривалась судьба вакуфа по пресечении потомства вакифа. В случае отсутствия письменного документа была возможность даже спустя многие годы после учреждения подтвердить существование вакуфа путем дачи свидетельских показаний в суде [см.: Рустемов, 2017а, с. 152–153; Лашков, 1896а, с. 77–78, 117–118].

Подвигали мусульман на учреждение вакуфа разные мотивы. Помимо указанного выше морально-религиозного стимула, социальной ответственности учредителей, зачастую причиной таких действий становились вполне земные проблемы, например, нарастающее беспокойство собственников за судьбу своих частных владений. Усилившаяся государственная власть постепенно становилась прямой угрозой землевладельцам, и последние вынуждены были искать защиты от конфискации. Своеобразная система наследования в исламе, согласно которой «собственность рассматривалась как принадлежность только ее владельца, но не его потомков» [Рыбалкин, 2001, с. 50], создавала опасность секвестра имущества в случае смерти собственника. Чтобы хоть как-то гарантировать наследникам определенное благосостояние, нередко были случаи, когда хозяин значительную часть своего имущества обращал в духовный вакуф, а опекунами (мутевелли) назначал детей. Смысл такой комбинации состоял в том, что мутевелли получал жалование, которое,

как говорилось выше, обычно составляло около 10% от доходов вакуфа [Рыбалкин, 2001, с. 50].

Одной из причин распространения частных вакуфов следует назвать стремление владельца сохранить свою собственность от дробления, которое неизбежно бы случилось в силу все той же системы наследования у мусульман [см. Беккин, 2008, с. 109]. Наследственное право в исламе предусматривает сложное и обязательное распределение долей наследства между всеми членами семьи и рода [см. Ван ден Берг, 2005, с. 94–102]. Если же собственник желал сохранить, например, свое земельное владение в целостности и закрепить его в полном объеме за кем-либо из ближайших родственников, то единственный путь у него был – посвятить имущество в частный вакуф, назначив потомственными мутевелли, например, своих детей [см. Шлыков, 2011, с. 36–37]. Однако в этом случае вакуф не только прекращал новое деление внеобщинной земли на доли, но и «замораживал» «общие права двух или нескольких собственников на территориально не разделяемый внеобщинный участок» [Давидович, 1979, с. 57–58]. Таким образом, вакуф был тем инструментом, который позволял сделать имущество неприкосновенным и сохранить его целостным и на который не могли претендовать светские правители.

Кроме того причиной учреждения вакуфа, в особенности крупных земельных фондов, могло стать желание вакифа воспользоваться привилегией налогового иммунитета «посвященного» участка [Шлыков, 2011, с. 37], а порой и правом взимать в свою пользу часть государственных налогов с населения территории, обращенной в вакуф. Такие случаи не были повсеместны и встречались там, где в силу обычая происходило смешение признаков различных правовых категорий земельных владений. Так, например, в Средней Азии налоговый и административный иммунитет для владельцев суйургала (особый вид «пожалования» государственных владений служилым людям в регионе), но не для райатов территории суйургала, проецировался и на вакуф, где потомственные мутевелли собирали для своих нужд часть налогов, изначально предназначенных в казну центральной власти [Ашурбейли, 1979, с. 25–31].

Интересным является вопрос о возможности учреждения и пользования вакуфными благами

³ См., например, подтверждения учреждения вакуфов в суде: «воистину, я так и сделал...» [Рустемов, 2017а, с. 98]

немусульманским населением. Вполне законным учреждением вакуфа в пользу христианского установления считали шииты [Мухин, 1898, с. 260]. В биографии католика несторианской церкви мар Ябалаха III (1281–1317) есть упоминание о духовном вакуфе, принадлежавшем несторианскому монастырю: «...[католикос] дал святому монастырю селение, называемое Дхабай, на восток от Мараги, которое он купил за 11 тысяч динаров. Он сделал его вакфом для него, то есть доходом для своего монастыря. И другие мульки, как сады, виноградники, насаждения (bustane), поля и прочее, он определил святому монастырю с тем, чтобы поступления с них или плоды с них были доходом для поддержки жизни и пропитания монахов и для [расходов на] лампы, свечи, на исправление и обновление этого святого места. Он назвал этот святой монастырь "царем монастырей"» [Пигулевская, 2000, с. 731; см. также: Петрушевский, 1960, с. 251]. Позднее при Сефевидах вакуфное право применялось в отношении армянского патриаршего монастыря Эчмиадзин [Петрушевский, 1949, с. 233–234, 244–247]. Однако подобная практика, по предположению И. П. Петрушевского, применялась лишь в Иране и странах Закавказья [Петрушевский, 1960, с. 251], то есть как раз там, где распространение получил шиитский ислам.

Сунниты относились к учреждению вакуфа немусульманами по-разному. Еще в период кратковременного, но очень яркого правления халифа Омара II (717–720 гг.) в халифате за христианами и евреями было признано право учреждать вакуфы в пользу своих религиозных установлений [Бартольд, 2002, с. 518]. В то же время маликиты, например, запрещали посвящение имущества «неверными» в пользу мечети [Мухин, 1898, с. 259]. В Дагестане, где наибольшее распространение получила шафиитская религиозно-правовая школа суннизма, на камне, вмонтированном в стену мечети селения Хнов, выбита надпись XV в., из которой следует, что местный житель, судя по имени – христианин, подарил Хнову свой земельный участок [Далгат, 2001, с. 75]. Ханафиты допускали учреждение вакуфа в пользу какого-либо христианского культового учреждения, лишь бы конечное его назначение предусматривало выгоду для мусульман [Нофаль, 1886, с. 182]. Та-

ким образом, можно было посвятить имущество в пользу церкви, но обязательно оговорить в посвящении, что, например, в случае ее разрушения вакуф переходил к какому-нибудь мусульманскому институту. Поэтому в османской Турции христианские монастыри фиктивно передавали завещанное в их пользу имущество мусульманским учреждениям, а в завещательных актах оговаривали условия, при которых фактическое управление и извлечение доходов от имущества закрепляли за собой [Петрушевский, 1960, с. 251].

В Крыму немусульманское население активно пользовалось средствами из денежных вакуфных фондов. Как и для приверженцев ислама, условием получения средств являлось предъявление залога или поручительство посторонних благонадежных лиц, которые также могли быть зимми. Например, в Карасубазаре муэдзин Хаджи Хасан, служащий мечети Курбан Али, получил выданные ранее зимми Юларсузу («zimmî Yularsuz») средства из «фонда муэдзина» от его поручителя по имени Илья («İlyana»), поскольку сам заемщик умер, не успев рассчитаться с долгами [Özdem, 2006, s. 70]. В Бахчисарае среди заемщиков вакуфных денег Орта Медресе в 1744 г. помимо мусульман числились евреи и другие «зимми», что, по мнению турецкого исследователя О. Быйика, свидетельствовало о «социальной солидарности» и отсутствии религиозной дискриминации в обществе в вопросах общественного кредита [Biyik, 2007, s. 156–157, см. табл. 83].

О количестве вакуфных земель и иного имущества в Крымском ханстве говорить сложно. Специальных исследований по этому вопросу не предпринималось. Если рассматривать другие мусульманские государства, то известно, что, например, в Алжире в 1850 г. вакуфы всех видов составляли половину земель, в Тунисе в 1883 г. – треть [Шарль, 1959, с. 92; Hennigan, 2004, p. XVII]. В наиболее близкой к Крыму Турции все виды вакуфов в XIX в., по оценкам исследователей, насчитывали приблизительно $\frac{3}{4}$ всех зданий и пахотных земель [Deguilhem, 2002, p. 90.]. Однако данная дробь весьма приближительна, поскольку «в настоящее время невозможно оценить со сколько-нибудь реальной достоверностью степень вакуфных авуаров в турецких землях» [там же].

Опираясь на подобную информацию и пользуясь аналогией, некоторые исследователи переносили эти сведения на Крым, утверждая, например, что частные вакуфы составляли «большинство земель Крымского полуострова» [Частно-вакуфное владение в Крыму, 1892, с. 15], а духовные вакуфы к моменту присоединения Крыма к России насчитывали «не менее 300 тысяч десятин» [Воскресенский, 1907, с. 41]. Все такие предположения также достаточно условны, поскольку не подкреплены какими-либо документами или расчетами. Характерна в этом отношении оценка количества вакуфных земель в Крымском ханстве, данная известным крымскотатарским общественно-политическим деятелем А. Озенбашлы: «*Говорят* (выделено мной. – К. Д.), что такие земли составляли во времена ха-

нов несколько сот тысяч десятин» [Озенбашлы, 2007, с. 151]. Принципиально ничем не отличаются и оценки более поздних исследователей. Например, А. Фишер, ссылаясь на подсчеты барона И. А. фон Игельстрома, говорит о «почти 30 процентах плодородных земель на полуострове», которые попадали в категорию вакуфов [Fisher, 1987, р. 77,78]. Б. Г. Вильямс причислял к ним четверть крымских земель [Williams, 2001, р. 116]. Таким образом, при отсутствии каких-либо дополнительных источников с надлежащей степенью достоверности оценить количество вакуфных земель в Крымском ханстве сложно. Однако в любом случае с уверенностью можно говорить, что к концу XVIII в. значительный массив земель, недвижимости и денежных средств в Крыму находился в состоянии вакуфа.

12.4. Развитие традиционных ремесел и промыслов. Эснафы

И. В. Зайцев

Ремесленное производство было организовано в Крымском ханстве, как и во многих других исламских землях, по цеховому принципу. Основной ячейкой такой организации были так называемые *эснафы* (اصناف – мн. число от арабского صنف – *соловие, цех, разряд*) ремесленно-религиозные объединения – цехи, получившие распространение на территории Османской империи и в Крыму [История Османского государства, 2006]. Этот принцип пережил на полуострове падение ханства, просуществовав до начала XX в. В Анатолии основателем торгово-ремесленных военно-теократических общин ахи (фитьян) был в XIII в. Ахи Эврен Вели [Иванов, 1990, с. 186]. Его имя мы встречаем и в преданиях об основании крымских цеховых объединений.

Происхождение ремесла связывалось с ранней историей ислама и имело, по сути, божественный характер. По распространенному в Крыму преданию, Пророк послал своего зятя Али с 32 джигитами на врагов. Джигиты одержали победу, причем отличился храбростью знаменосец Шейх-Мухаммед, за которого Али отдал единственную дочь. По случаю свадьбы устроили пир, для которого было зарезано 33 барана, 33 козла и 33 быка. Оставшиеся шкуры были отданы Шейх-Мухаммеду, кото-

рый выделал из них цветную кожу и стал, таким образом, родоначальником кожевенного промысла. «Али, взяв одну из выделенных кож на жезл, стал ее гладить рукояткой своей плети, отчего кожа получила блеск. “Теперь усовершенствовалось ремесло”, воскликнули джигиты, и каждый из них избрал для себя ту или иную его отрасль, став, вместе с тем, и ея родоначальниками или изобретателями (пир). Вот почему все виды татарской промышленности должны относиться к этим 33 ея родам» [Хартахай, 1866]. «Татарское предание рассказывает, что этот Шейх-Мухаммед, сподвижник и родственник по жене одноименного с ним основателя ислама, впервые выработал цветные кожи, а Али – его тесть – при помощи рукоятки своего кнута придал им глянец. Тогда их джигиты, в числе тридцати двух, выбрали себе каждый какое-либо ремесло, став его основателями и покровителями (пирами)» [Никольский, 1924, с. 20].

В Крыму сформировались цехи земледельцев, пастухов, кожевников, плотников, кузнецов, литейщиков, медников-лудильщиков, горшечников, сапожников-сафьянщиков, золотых дел мастеров, пекарей, каменщиков, штукатуров, портных, *хаттатов* (каллиграфов), бакалейщиков, мануфакту-

ристов, ткачей и проч. По одному из списков число цехов доходило до 50. Каждый цех имел свой устав «Селеф-наме», «согласованный с шариатом».

В наибольшей степени, довольно подробно описана цеховая организация в двух крымских городах – Бахчисарае и Карасу-Базаре. Одно из первых упоминаний цехов принадлежит Эвлие Челеби: в его время в Бахчисарае в семи местах были комнаты для холостяков. «В каждой из них – мастера различных искусств, холостяки из других стран, живут здесь и занимаются ремеслами. В основном это башмачники, тюбетеечники и портные. У них есть старшины, а жилища обеспечиваются вакуфами» [Эвлия, 1999].

Каждый цех имел своего патрона – *тира*. Например, у дубильщиков это был Ахи Эврен (тот самый анатолийский араб *вели* XIII в., уже упомянутый нами), у *куркчи* (меховщиков), таким *тиром* был Абдалла ал-Асвад (как записал это у «уста-баши» цеха Османа Куркчи Усеин Боданинский). Устройство цеха было таково: во главе стоял «уста-баши», первым его помощником был «игит-баши» (глава джигитов), второй помощник – «чауш», который исполнял роль информатора и глашатая (*хаберджи*). Главой цехов города был *накыб* (обычно уважаемый шейх), должность которого обычно передавалась по наследству. Например, бахчисарайскими *накыбами* долгое время были шейхи Азиса (последним был современник У. Боданинского Селямет-Эфенди Шейхзаде). Поэтому этих *накыбов*, как свидетельствовал У. Боданинский, еще в 20-х годах XX в. проживали в дер. Аиргуль [Боданинский, 2018, с. 85–86; Зайцев, 2016, с. 16–18].

Регулярно устраивались цеховые празднества – *теферудж*, во время которого происходило посвящение новичков, т. н. «раван» или «реван» [Булатов, 1840; Гордлевский, 2005]. После церемонии вновь поступившие становились т. н. «дестурли» (т. е. обладали полными правами членов цеха). Реван кожевников, происходивший в Бахчисарае с 28 мая по 1 июня 1827 г., описан Е. Булатовым в специальном очерке. *Теферудж* был признаком благосостояния цеха, ибо был мероприятием весьма затратным. По сведениям И. Гаспринского, большие празднества цехов происходили раз в 25 лет, в течение которых собирались деньги на них. Праздник обычно длился три дня. Начиналась

церемония с общей молитвы за основателя цеха, покойных мастеров и общее благополучие. Далее в цех принимали новых учеников, которых во время церемонии обвязывали через плечо платком или шалью. Первый день завершался танцами и борьбой (*куреш*). Второй день был посвящен чтению правил цехового устройства, производств и торговли и поучениям на эти темы. Завершался он также танцами и борьбой. В третий день происходило торжественное посвящение будущих учеников: посвящаемый целовал руку посвящавшего его мастера, получал от него легкий подзатыльник, а его имя заносилось в цеховой список. Третий день завершался общей трапезой (в первые два дня из угощений были только чай и кофе). Такие праздники были весьма многолюдны. По подсчетам И. Гаспринского, в 1894 г. на празднике решетников и музыкантов в Бахчисарае угощалось около 4000 человек, а на угощении кожевников присутствовало 5000 участников.

Каждый цех имел почетный значок («в форме раскрашенных палок»). Знамя цеха кожевников описывает Е. Булатов: «древко, обтянутое зеленой бурметью (грубою бумажною тканью), перевязанною тесьмою; наверху древка была укреплена зеленая дощечка, и на ней изображено слово Аллах (Бог) вырезанными насквозь буквами, величиною в два вершка. Это знамя дано право иметь одному кожевниному цеху». Каждая мастерская имела вывеску (*левха*). Текст одной из них приводит П. В. Никольский: «Каждое утро моя мастерская открывается именем Бога и Шейх-Мухаммед мой пир и учитель».

Сохранившийся список «Селеф-наме дикичий»¹, датированный 9 Раби I 1298² / 24 января 1881 г., начинается с фразы: «Скажи, прибегаю к Аллаху от шайтана проклятого» и басмалы. Далее после вступления («Хвала Аллаху, который сотворил растения и деревья...») в «Селеф-наме» перечисляются 33 «шейха и учителя» (*машаих ве устазлар*). Среди них мы встречаем всех 12 шиитских имамов, т. е. самого Али и его сыновей, Зейн ал-Абидина и далее до Мухаммад ал-Махди. Потом перечислены культовые персонажи раннеисламской истории, такие как Салман Фариси, Су-

¹ В данном случае это, видимо, не портные, а сапожники, занимающиеся починкой обуви.

² В действительности дата соответствует 8 февраля 1881 г.

лайман ал-Амаш ал-Куфи, Джафар ибн Абу Талиб ат-Тайяр, Канбар ибн Хамдан, Хасан ал-Басри и др. [Селеф-наме, 1881].

Короткую выдержку из «Селеф-наме» опубликовал в 1894 г. И. Гаспринский: «Любите и берегите своих учеников больше, чем своих детей, ибо за них вы более ответственны перед Аллахом и людьми, они не ваши, они доверены вам»; «Любите и слушайте ваших учителей и мастеров более, чем родителей, ибо, если первые обеспечили первые годы вашей жизни, мастера и хозяева, научая вас ремеслу, обеспечивают все продолжение вашей жизни посредством самостоятельного и прочного заработка» [Гаспринский, 1894].

Членство в эснафе означало и членство в мистическом братстве *футува*, т. е. следование мистическому пути и четко прописанным в уставе правилам и принципам. Среди них особенно высоко ценились честность, верность слову, щедрость и гостеприимство. Однако в цехах могли работать и немусульмане (в упомянутом «Селеф-наме» 1881 г. оговаривалось участие в ремесленной деятельности «сапожников» русских и иудеев, для чего требовалось составление особого договора о присоединении [Селеф-наме, 1881].

Включение новых членов, как и изменения селеф-наме, утверждались шейхами. Так, на одной из страниц рукописи из собрания Ялтинского историко-литературного сохранилась заметка, датированная 21 Джумада II, 1283 г. х. (1 сентября 1866 г.), в которой сказано, что «в медресе Арслан Герая господа-хранители (*махдумлери*) Азиза шейха Абдуллы-эфенди Сейид Омер-челеби между предрассветной (ал-фаджр) и полуденной (аз-зухр) молитвами, а в упомянутый же день Сейид Ахмед-челеби между полуденной и после-полуденной (ал-аср) молитвами в ода-хане шейха Ахмеда согласно селеф-наме цеха оловянщиков (халайджи) включили в его состав 11 учеников (ат-тулляб) [Селеф-наме, 1866].

Некоторые цехи (например, музыкантов) формировались из крымских цыган. В месяце мухаррам *накыб* посылал цыган («чингине») – членов цеха музыкантов по всему полуострову славить Хасана и Хусейна. В подобных процессиях ярко проявлялся шиитский характер цеховой организации. По данным А. Н. Самойловича, в Бахчисарае также в месяце мухаррам подобные процессии

устраивали и туркмены-гурбета: они ходили по улицам со священным знаменем (оно хранилось у *накыба*) и пели религиозные шиитские песнопения *илахи* [Самойлович, 1913; Самойлович, 1910]. Возможно, что родовое деление крымских цыган («кэмэнчи, аюджу, гурбэт и т. д.») было связано с цеховым делением.

По словам П. В. Никольского, бахчисарайские цехи «представляли собою замкнутые организации, внутренняя жизнь которых регламентировалась хорошо разработанным уставом (селеф-наме). Стремясь предупредить скопление работы в руках отдельного мастера, он подробно регулировал все хозяйственные отношения и определял технические правила работы: заработную плату, время открытия и закрытия мастерских, самое качество продукта. Наряду с этим устав заключал в себе правила поведения членов цеха, налагая за уклонение от них соответствующие наказания, начиная от штрафа и до закрытия мастерской (ёлсус) и высылки из города. Раскаявшийся нарушитель этих постановлений должен был принести публичное покаяние в мечети.

В состав цеха входили: мастер (*уста*), подмастерья (*калфа*) и ученики-мальчишки (шергит); во главе стоял главный мастер – уста-баши, имевший двух помощников: по административной части – гигит-баши и нечто в роде курьера – чауш. Спустя три года новопоступивший ученик переводился в разряд подмастерьев. Сделаться мастером он мог только, выдержав соответствующее испытание, что приурочивалось ко времени женитьбы. Посвящение в мастера и избрание администрации происходили на особых празднествах в честь пиров-покровителей ремесел (теферучах). В прежнее время до 1827 года они носили грандиозный характер общецеховых собраний, происходивших в шести верстах от города в долине реки Качи. Сюда стекалось все ремесленное население Бахчисарая под знаменем своих цехов (санджак). Позднее теферучи были перенесены в Бахчисарай и собирались на вакуфных землях в глубине ущелья около Орта-Медресе. Здесь при большом стечении народа, под любопытными взорами женщин, покрывавших уступы соседних скал яркими пятнами своих цветных нарядов, происходила торжественная религиозная церемония, руководимая духовным покровителем цехов *накыбом* и

его помощником сер-чешлие. Эти два лица могли принадлежать только к роду сеитов, потомков Мухаммеда через его дочь Фатиме и зятя Али. Среди толпы выделялись ищущие звания мастера белыми перевязями через плечо; такие же перевязи были и у детей, приносимых сюда отцами-ремесленниками для зачисления в цехи. Вслед за религиозной церемонией происходили избрание уста-баши и их помощников и посвящение в звание мастера. Собственно выборов не было, а звание уста-баши вместе с присвоенными ему почетным посохом (сырлы-таяк) и парадной одеждой – желтыми сапогами и нарядным халатом и кушаком – покупалось за деньги. Их получал тот из мастеров, кто вносил больше денег в общественную кассу цеха, служившую для удовлетворения потребностей корпорации и целей взаимопомощи. Обряд посвящения мастеров носил оригинальную форму прохождения через ворота (капу), которые образовывали стоящие друг против друга “накыб” и “сер-чешлие”. Пропуская мимо себя длинную вереницу посвящаемых, накыб ударял каждого по спине и произносил следующие слова: “Не запирай никогда своих дверей, не открывай дверей своего ближнего (не воруи) и работай столько, сколько это необходимо для твоей жизни”. Последняя фраза этой формулы, выражая пожелание быть довольным своей судьбою и не стремиться к лучшей доле, очень характерно передает основную черту современной ей психологии, типичной для средневекового общества, которое было разбито на ряд отдельных изолированных друг от друга слоев и состояло из различных цехов, гильдий, сословий с прочно определенными правами и обязанностями каждого, со своей собственной корпоративной честью. *Теферучи* заканчивались обыкновенно общественной пирушкой, играми и борьбой³.

Резкий упадок цехового уклада наблюдается после 1914 г. и особенно в первые послереволюционные годы. Некоторые цехи после войны прекратили свое существование. Например, цех казас (изготовителей галунов и пуговиц), члены которого ткали галуны из различных сортов серебряных и золотых нитей. Пуговицы традиционно украшались разным числом зигзагообразных полос, отчего и носили

название уч йол, дерт йол, беш йол, алты йол и т. д. (т. е. «трехполосная», «четыреполосная», «пятиполосная» и т. д.). К середине 20-х годов этого цеха уже не было, однако остались фамилии, происходящие от названия цеха (из их числа – известная караимская фамилия Казас).

22 ноября 1924 г. Усеин Боданинский делает запись в своем дневнике: «В Крым. Кустсоюз (оргбюро) представил доклад о состоянии кустарных промыслов в Бахчисарае до войны 1914 г. и теперь и о мерах для поднятия их... В общем наблюдается сильное угасание промыслов. Некоторые виды куст. промыслов в Бахчисарае исчезли совсем: “казас”, “пичакчи”, “ткацкое дело”, “каваф” и т. д.» [Боданинский, 2018, с. 133–135; Зайцев, 2016, с. 16–18].

9 апреля 1925 г. Боданинский записывает в дневнике данные о состоянии цеха меховщиков (куркчи) в Бахчисарае. Информатором его был Сейид Осман, который работал в цехе с 1880-х годов и долгие годы занимал должность уста-баши этого цеха. До 1914 г. в эснафе куркчи было 30 человек, но к 1924 г. осталось только пять. В 1914 г. куркчи обрабатывали 2400 мехов в год, в 1924 – только 400. В 1914 г. куркчи выпускали продукции на 27 600 рублей, а в 1924 г. – только на 7800. В то же время отдельные виды кустарной продукции, пользовавшиеся спросом, стали производиться в большем объеме, что привело к увеличению цехов. Так, в эснафе калпакчи в 1914 г. было 15 человек, в 1924 г. – 20. В 1914 г. 15 калпакчи выпускали 3600 шапок на общую сумму 19 800 рублей. В 1924 г. было выпущено 4800 шапок на сумму 60 000 рублей. 75% продукции продавалась на ярмарках в украинских городах Николаеве, Каховке, Александровке. Сейид Осман Куркчи помнил три теферуджа бахчисарайских эснафов: 10 мая 1894 г. праздник решетников (элекчи) и салгыджи, 16 мая 1894 г. – теферудж эснафа кожевенников (деббаг), 12 сентября 1898 г. – теферудж салбанджи. Этот праздник был последним в цеховой жизни Бахчисарае. К моменту записи туферуджи не устраивались уже 27 лет [Боданинский, 2018, с. 163–165; Зайцев, 2016, с. 16–18].

В 1920-е годы цехи кустарей были объединены в кустарно-промышленный союз (Кустпромсоюз) и полностью исчезли.

³ В последний раз такое собрание происходило в 1914 г. [Никольский, 1924, с. 33–35].

12.5. Монетное обращение, торговля и денежно-весовая система

А. В. Якушечкин

О функционировании монетных дворов в Крымском ханстве

С самого начала изучения нумизматики Крымского ханства одной из важнейших проблем был вопрос функционирования монетных дворов. Важным фактором развития монетного дела было также отсутствие в то время необходимого монетного материала, многие монеты, а также эмитенты и ханы были неизвестны тому же О. Ф. Ретовскому – автору самого полного до настоящего времени корпуса монет крымских ханов [Retowski, 1901; Retowski, 1903; Retowski, 1905]¹. Очень плохое качество чекана монет, особенно монет середины XVI – первой половины XVII веков затруднило чтение монетных дворов в легендах монет.

В последние двадцать лет у исследователей появилась огромная масса монетного материала, которая позволила переосмыслить и систематизировать наши знания о том, как функционировало монетное дело в Крымском ханстве.

Хаджи Герай I (845–871 / 1441/2–1466 гг.)

Сразу после прихода к власти Хаджи Гераем² была выпущена серия монет с датой 845³ г. х. [Retowski, 1901, монеты № 1–13]. Все монеты биты на монетном дворе Крым, о чем говорит их легенда оборотной стороны.

Рис. 1 – монета ХГ, 845 г.

¹ Выпуск указанного корпуса монет Крымского ханства на немецком языке предваряла серия отдельных работ автора: [Ретовский, 1889; Ретовский, 1893; Ретовский, 1893а].

² Самое раннее упоминание Хаджи Герая ханом датируется 6 октября 1441 года [Джанов, Якушечкин, 2018, с. 67].

³ 22 мая 1441 г. – 11 мая 1442 г.

Хаджи Герай. Монетный двор Крым. 845 г. х. Акче

Л. с. В поле:

السلطان حاجی کرای بن غیاث الدین خان

Султан Хаджи Герай, сын Гийас-ад-Дин хан

О. с. В поле:

В центре – тамга в картуше из сплошной окружности.

Вокруг тамги:

ضرب بلد قریم ٨٤٥

Бита [в] области Крым, 845 г.

ضرب بلدة قریم ٨٤٥

Бита [в] городе Крым, 845 г.

Выпуск 845 года был очень ограничен, использовалось всего 5 штемпелей лицевой стороны и четыре – оборотной⁴. Данные монеты довольно редкие, и, несомненно, цель эмиссии была именно декларативной, дополнительным подчеркиванием законности власти нового хана.

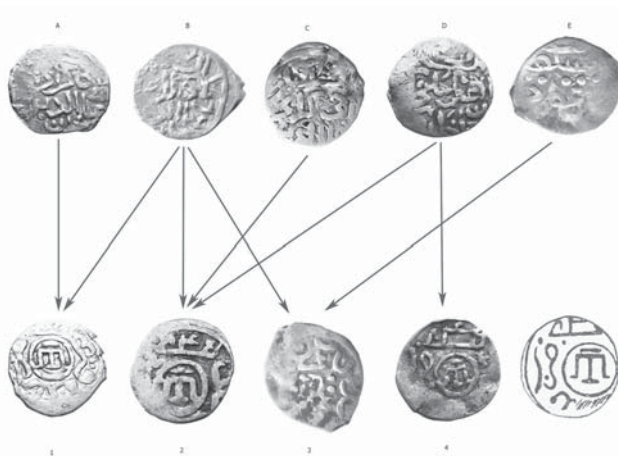

Рис. 2 – штемпельная схема монет ХГ, 845 г.

⁴ О. Ф. Ретовский в своей работе выделяет пять оборотных штемпелей, но нам пока не удалось обнаружить тип монеты с оборотной стороной № 8 по каталогу исследователя. В настоящее время нами готовится работа с подробным штемпельным анализом монет Хаджи Герая 845 г. х.

Монеты выпуска Орду-Базара

Судя по всему, следующей монетной эмиссией Хаджи Гераем была серия монет монетного двора Орду-Базар. На монетах этого эмиссионного центра дата отсутствует.

ضرب اوردو بازار

Бита [в] Орду-Базар

Данная эмиссия была также чрезвычайно ограничена. Известно три лицевых и восемнадцать оборотных сторон [Сидоренко, 2016, с. 103]. Интересно и то, что один лицевой штемпель сопрягается сразу с двенадцатью оборотными.

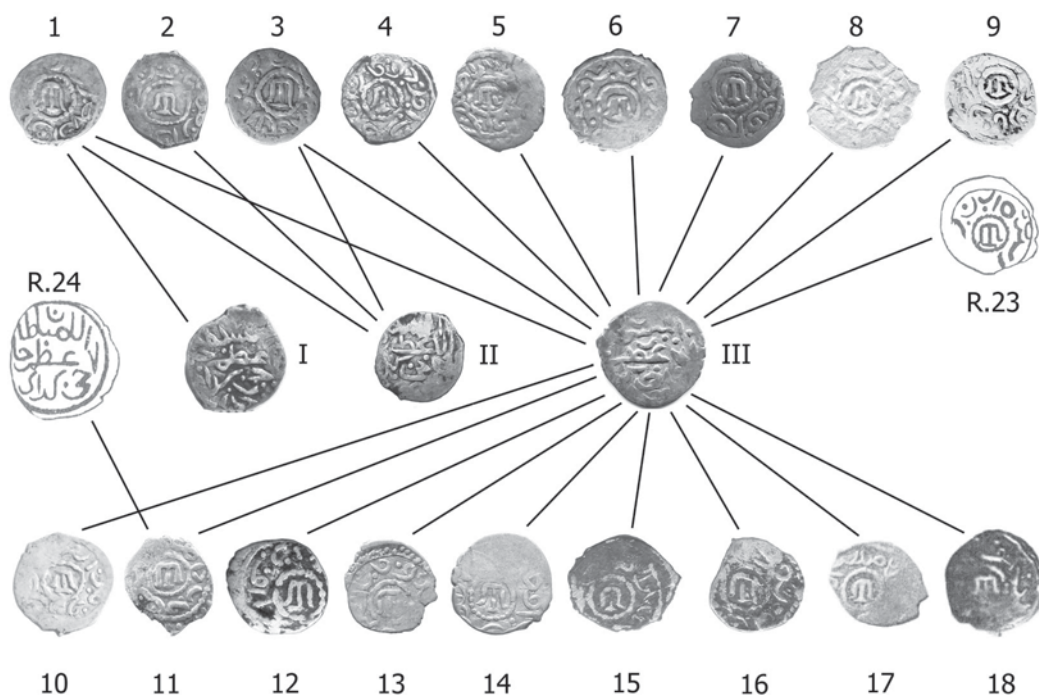

Рис. 3 – штемпельная схема монет ХГ Орду-Базара

О времени выпуска данных монет и о месте локализации монетного двора Орду-Базар.

Из генуэзских источников нам известно, что в 1446 году резиденция Хаджи Герая находилась в Кырк-Йере [Джанов, 2019б, с. 91].

О переносе резиденции Хаджи Герая в окрестности Кырк-Йера в районе 1446–1447 годов говорит и И. В. Зайцев: «Сейчас мы уже знаем, что Менгли Герай, родившийся около 850 г. х. (1446/1447 гг.), был сыном Хаджи Герая от аланской княжны, дочери князя Индиаву... В рамках идеи о татаро-аланском (готаланском) династическом союзе перенос столицы из космополитичного многонационального Солхата в неприступную аланскую крепость на каменистом плато

выглядит очень логично и оправданно [Зайцев, 2013а, с. 499–500].

К 1453 году в окрестностях Кырк-Йера возводится целый дворец, в котором «Хаджи жил не как подобает хану татар, а подобно латинскому купцу» [Мыц, 2009, с. 358]. Мартом 1453 года датируется и ярлык Хаджи Герая, который был написан «в Великой Орде в Кырк-Ере во дворце» [Малов, 1953].

В 858 г. х. (1 января – 21 декабря 1454 г. н. э.), как будет показано далее, начинается выпуск новой серии монет Хаджи Герая с указанием монетного двора «Кырк-Йер».

Все эти факты позволяют нам сделать предположение о том, что монетный двор «Орду-Базар»

можно локализовать со ставкой Хаджи Герая в окрестностях Кырк-Йера. Возможно, и сам этот кратковременный выпуск монет ознаменовал собой именно переезд хана из Крыма в новую свою резиденцию. В этом случае и монеты «Орду-Базар» можно датировать периодом около 1446 года.

Монеты 858 г. х.

Следующая эмиссия Хаджи Гераем была осуществлена в 858 г. х⁵ [Retowski, 1901, монеты № 25–99].

Монеты этого года выпущены на новом монетном дворе – Кырк-Йер.

Рис. 4 – монета ХГ, 858 г.

Хаджи Герай. Монетный двор Кырк-Йер.
858 г. х. Акче

Л. с. В поле:

السلطان الاعظم حاجي كراي خان

Султан верховный Хаджи Герай-хан

О. с. В поле:

В центре – тамга в картуше из сплошной окружности.

Вокруг тамги:

ضرب قرق ير ٨٥٨

Бита [в] Кырк-Йер, 858 г.

Следует отметить, что в данном случае эмиссия была обильной, использовалось около сотни

⁵ 858 г. х. = 1 января –21 декабря 1454 г. н. э. Большой перерыв во времени между двумя датированными (845 и 858) эмиссиями, а также отсутствие упоминаний Хаджи Герая в известных нам источниках в этот период дают основание некоторым исследователям говорить об утрате им власти в это время. Как нам кажется, подобная трактовка событий не имеет под собой убедительных оснований. Ни в коей мере не отрицая саму возможность утери власти Хаджи Гераем после 845 года, считаю, что для обоснования подобных предположений следует привлекать более весомые аргументы (А. Я.).

штемпелей лицевых и оборотных сторон. Выпуск 858 г. х. близок по времени известному ярлыку Хаджи Герая, написанному в 857 году, «в Великой Орде в Кырк-Ере во дворце написано» [Малов, 1953; Курат, 2014, с. 98–121]. Возможно, создание монетного двора «Кырк-Йер», наряду со строительством дворца, окончательно закрепляет за резиденцией Кырк-Йер столичный статус.

Дата на монетах, «858», является, без сомнения, «застывшей», т. е. монеты с данной датой бились на протяжении нескольких лет реальной эмиссии. В последнее время предпринимаются попытки выделить в общей массе этих монет даты «857», и даже «859» [Сидоренко, 2016, Табл. I, с. 283]. Мы пока не видим серьезных оснований для подобной дифференциации дат на монетах данного выпуска.

Отдельно хочется отметить, что написание название города Кырк-Йер также с течением времени подверглось некой эволюции.

قرق ير	Монеты Хаджи Герая 858 и 867 гг., Менгли Герай, 882 ⁶ –885 ⁷ гг.	«Кырк-Йер»
قرق يير	Менгли Герай, 882 год	«Кырк-Ййер»
قرقير	Менгли Герай, с 886 ⁸ года, и все последующие монеты Крымского ханства	«Кыркйер» (слитное написание)

Монеты 867 г. х.

Следующая эмиссия монет Хаджи Герая несет на себе дату «867» (г. х.)⁹. Данная серия монет бита на двух монетных дворах – Крыме и Кырк-Йере.

Что характерно, есть несколько лицевых штемпелей, сопряженных с оборотными сторонами обоих упомянутых монетных дворов¹⁰.

⁶ 882 г. х. = 15 апреля 1477–3 апреля 1478 (гг. н. э.)

⁷ 885 г. х. = 13 марта 1480–1 марта 1481 (гг. н. э.)

⁸ 886 г. х. = 2 марта 1481–19 февраля 1482 (гг. н. э.)

⁹ 867 г. х. = 26 сент. 1462–14 сент. 1463 (гг. н. э.)

¹⁰ Данный факт даже дал основание Сидоренко [Сидоренко, 2016, с. 131] говорить о том, что все монеты 867 года бились в едином монетном центре – Кырк-Йере.

Рис. 5 – монета ХГ, 867 г., Кырк-Йер

Рис. 7 – монета Токтамыша, 785 г., м. д.
«Крым ал-Джедид»

Рис. 6 – монета ХГ, 867 г., Крым

Оборотные легенды этих монет:

ضرب قرق ير ٨٦٧

Бита [в] Кырк-Йер, 867 г.

الضرب با لقريم ٨٦٧¹¹

Бита [в] Крым, 867 г.

Как видим, на монете, выпущенной в Крыму, к слову *ضر* добавлен артикль «аль» (ال). Что же касается написания названия города, то, возможно, сочетание *با لقريم* есть ошибочно написанное «Крым» с артиклем: *القريم* – т. е. в форме «ал-Кырым».

Такое же написание названия города известно по монете Токтамыша 785¹² г. х.:

О. с.: الجديد ضرب القريم ٣٢٨ ٧٨٥

Новый чекан ал-Крыма 328(?) 785

[Савельев, 1857, с. 115, монета № 259].

Какие причины побудили специалистов монетного двора Крым вернуться к подобному написанию названия города почти через 80 лет, пока неизвестно.

Медные монеты Хаджи Герая

Кроме серебряных, нам известны еще два типа медных монет Хаджи Герая.

Тип А¹³.

Монеты этого типа впервые описал Хромов [Хромов, 1997, с. 25].

Лицевая легенда полностью соответствует монетам 858 и 867 гг.

Рис. 8 – монета ХГ, медная, тип А

Оборотная легенда:

ضرب قرق ير ٨٨٨٧

Бита [в] Кырк-Йер, 8887

¹¹ Транскрипция: аз-зарб би-ал-Крим 867

¹² 785 г. х. = 6 марта 1383–23 февраля 1384 (гг. н. э.)

¹³ В настоящее время известна уникальная монета Хаджи Герая, сделанная из видимого хорошего серебра, штемпеля которой очень сильно напоминают соответствующие штемпеля медной монеты Хаджи Герая, типа «А». В силу дискуссионности известного экземпляра, приведем пока лишь ссылку на обсуждение этой монеты. Электронный ресурс: <http://coins.ucoz.ru/forum/21-1385-4> В базе монет Zeno монета выставлена под номером № 265882.

Цифры года искажены¹⁴. Хромов предполагает чтения года как «857». М. М. Чореф, датируя выпуск монет данного типа периодом с 858 по 871 г. х., не согласен с выделением их в отдельный номинал, считая, что они «являлись билонными отбеленными или амальгамированными акче» [Чореф, 2008, с. 270].

Известны монеты Хаджи Герая 858 года, битые в Кырк-Йере, лицевой штемпель которых пересекается с одним из лицевых штемпелей медной монеты типа «А».

Тип Б.

Лицевая и оборотная сторона данного типа в точности повторяют соответствующие надписи крымских монет 867 г.

Рис. 9 – монета ХГ, медная, тип Б

Данный факт может говорить о том, что эта серия монет является не отдельным, самостоятельным медным типом, выпускаемым официальным монетным двором, а неким подражанием, имитацией полновесной серебряной монеты. С другой стороны, довольно большое количество этих монет говорит об их массовом тираже.

Нур-Девлет (871–872 / 1466–1468 гг., 880–881 / 1475–1476 гг.)

Монеты чеканились только на монетном дворе Крым. С тем же написанием места чекана в виде:

الضرب با لقریم

Цифры года на монетах сильно искажены, на некоторых типах – вообще отсутствуют.

Рис. 10 – монета Нур-Девлета, 871 г.

Нур-Девлет. Монетный двор Крым. Акче
Л. с. В поле:

السلطان الاعظم نور دولت حان

Султан верховный Нур-Девлет-хан

О. с. В поле:

В центре – тамга в картуше из сплошной окружности.

Вокруг тамги:

الضرب با لقریم ٨٧١

Бита [в] Крым, 871 г.

Кроме серебряных монет, Нур-Девлетом также осуществлен выпуск медной монеты [Хромов, 1997, с. 25; Чореф, 2008, с. 271–272]¹⁵, на оборотной стороне которой полностью отсутствуют данные о месте и времени выпуска.

М. М. Чореф не исключает возможности чеканки данного типа во временной ставке хана [Чореф, 2008, с. 272]. Однако география находок данного типа говорит о том, что монеты чеканились в пределах Крымского полуострова.

Возможно, что эмиссия была осуществлена в г. Крым, так же, как и все остальные монеты этого хана. Большинство известных автору мест находок медных монет Нур-Девлета происходят из окрестностей Бахчисарая и Юго-Западного Крыма. Так что нельзя исключать и чекана этих монет в Кырк-Йере¹⁶.

¹⁴ Чореф приводит монеты данного типа с датой, записанной в виде ٨٨٧ [Чореф, 2008, с. 267–268, монета № 7].

¹⁵ По мнению М. М. Чорефа, данная монета является амальгированным акче [Чореф, 2008, с. 272].

¹⁶ При этом мы должны понимать, что подобная локализация мест находок монет может быть связана и с тем, что монетное обращение Крымского ханства в данный период было сконцентрировано именно в округе Кырк-Йера.

Рис. 11 – монета Нур-Девлета, медная

Менгли Герай (третье правление: 882–921 / 1477–1515 гг.)

Нам не известны монеты Менгли Герая периода его первого и второго правлений.

Менгли Герай начинает выпуск своих монет в 882 г. х. на монетных дворах Крым и Кырк-Йер.

Рис. 12 – монета Менгли Герая, 882 г., м. д. Крым

Рис. 13 – монета Менгли Герая, 882 г., м. д. Кырк-Йер

Оба этих центра работают, попеременно, до 898 года, когда открывается монетный двор в Каффе. В 900 году осуществляется совместная чеканка в Каффе и Кырк-Йере, затем – в 901, 903 и 904 – вновь только в Каффе. Можно сделать следующую сводку функционирования монетных дворов при Менгли Герае по годам (см. табл. 1).

	Крым	Кырк-Йер	Каффа
882	+	+	
883	+	+	
884		+	
885		+	
886		+	
887	+	+	
888		+	
889			
890		+	
891			
892		+	
893			
894		+	
895		+	
896		+	
897		+	
898		+	
899			+
900		+	+
901			+
902			
903			+
904			+
905		+ ¹⁷	
906			
907	+		
908	+		
909	+	+	
910			
911		+	
912			
913		+	
914			
915	+	+	
916	+		

¹⁷ Монета известна всего в одном экземпляре. Большое спасибо Ярославу Студитскому за присланную информацию об этой монете.

917	+		
918	+		
919	+		
920	+		
921			

Сравнительно недавно были выявлены еще два монетных центра, которые били монеты с именем Менгли Герая.

1. Орду-Базар¹⁸

Автору известны два экземпляра, битые разными штемпелями.

Вес = 0,58, 0,61 г; номинал – акче.

Рис. 14 – монета Менгли Герая, чекана Орду-Базар

Л. с. В поле:

منکلی کرای / بن حاجی کرای

Менгли Герай / сын Хаджи Герай

О. с. В поле:

В центре – тамга в картуше из сплошной окружности.

Вокруг тамги:

ضرب اوردو بازار

Бита [в] Орду Базар

2. Хаджике-бек Базар

Название данного монетного двора было полностью реконструировано по нескольким монетам Муртазы Ярославом Студитским (Москва) и Андреем Недайвода (Одесса) на форуме «Портал Нумизматики Крыма»¹⁹ в феврале 2012 года.

¹⁸ Электронный ресурс: <http://coins.usoz.ru/forum/23-954-1>

¹⁹ Электронный ресурс: <http://coins.usoz.ru/forum/147-911-2>

Позже были обнаружены и монеты Менгли Герая, битые на том же монетном дворе.

Автору известны два экземпляра.

Рис. 15 – монета Менгли Герая, чекана Хаджике-бек-Базар

Вес = 0,68, 0,77 г; номинал – акче.

Л. с. В поле:

منکلی کرای بن حاجی کرای

Менгли Герай, сын Хаджи Герая

О. с. В поле:

В центре – тамга в картуше из точечной окружности.

Вокруг тамги:

ضرب حاجکبک بازاری

Бита [в] Хаджике-бек Базари

Кроме монет с ясно читаемой оборотной стороной, в Крымском ханстве сразу после попадания под османское влияние появляется феномен так называемых «нерегулярных»²⁰ монетных дворов.

Часть монет выстраивается в штемпельные цепочки, но с нечитаемой или сильно искаженной оборотной легендой. Возможно, что это явление связано с некими неофициальными выпусками монет где-то на периферии государства.

Рис. 16 – монета Менгли Герая нерегулярная, 885 г.

²⁰ Употребление данного термина является временным, до подбора более адекватно отражающего суть феномена названия.

Возможно, некие центры монетного производства, описанные В. Б. Пиворовичем в Балыкее [Пиворович, 2008, с. 73–74; Пиворович, 2013], как-то связаны с этими «нерегулярными» монетными центрами.

Помимо этого, именно в это время, в третье правление Менгли Герая, появляется целый ряд явно фальшивых монет.

Интересно еще рассмотреть своеобразную эволюцию лицевых легенд монет Менгли Герая.

Рис. 17 – монета Менгли Герая, 882 г., «Султан верховный...»

Монета 882 г. х., монетный двор Крым:

Л. с.: Надпись в несколько строк:

السلطان الاعظم منكلي كراي حان ٨٨٢

Султан верховный Менгли Герай-хан, 882 г.

Именно на монетах Менгли Герая впервые мы видим прибавление слова «Герай» к имени хана. Этого не было на монете Нур-Девлета. Т. е. к 882 г. х., по какой-то причине Менгли Герай решил присоединить к своему имени имя отца, сделал его родовым²¹. Есть подобная монета и 883 года.

Титулатура правителя на данной монете типична для предыдущих ханов и вообще для монет Золотой Орды XIV–XV веков – «Султан верховный ... хан».

Но на еще одной монете 882 года, выпущенной в Кырк-Йере, мы видим другой формуляр лицевой легенды:

Рис. 18 – монета Менгли Герая 882 г., Кырк-Йер, без титула

منكلي كراي بن حاجي كراي

Менгли Герай, сын Хаджи Герая.

Как видим, на данной монете полностью исчезает упоминание титула и хана, и его отца – Хаджи Герая.

В то же время на ряде монет 882 и 883 гг., выпущенных в Кырк-Йере, титул «хан» при имени отца сохраняется.

Такое изменение формы лицевой легенды можно объяснить следующим образом. Несомненно, титул «султан»²² несет в себе смысл верховного правителя, правителя-мусульманина. Тем самым Хаджи Герай и Нур-Девлет продолжили традицию монетного дела Джучидов²³.

Этот же титул, «султан», как мы видим, есть и на некоторых монетах Менгли Герая I 882–883 гг. х. Далее, в том числе и на ряде монет 882 и 883 гг. Менгли Герая, с лицевой легенды монет Крымского ханства исчезает титул «султан» при имени хана. На наш взгляд, это связано с переходом Крымского ханства под вассалитет Османской империи. При этом титул «султан» как верховного правителя для ханов Крыма утратил свою легитимность²⁴. Ибо данный титул уже принадлежал правителю Османской империи²⁵.

²² Чаще на монетах Хаджи Герая к титулу «Султан» добавлялся эпитет «верховный»: الاعظم

²³ Подробнее о титулатуре правителя на монетах Джучидов см. [Петров, Ускенбай, 2013].

²⁴ Стоит отметить надписи на портале Демир Капы (портал Железных дверей) в Ханском дворце, Бахчисарай, построенном в 909 г. х. (1503–1504 гг. х.). Менгли Герай назван в них «султаном всемилостивым» и «султаном, сыном султана».

²⁵ В истории известны случаи, когда вассальный правитель-мусульманин сохранял свой титул «Султан» на монетах. Но на это, безусловно, надо было получить согласие сюзерена-султана (подробнее об этом см. [Петров, Ускенбай,

²¹ В 882 г. х. Менгли Герай сбежал из османского плена в Каффе и начал, собственно, свое самостоятельное правление в Крымском ханстве [Барбаро, 1971, с. 156].

Титул «султан» как указатель того, что отец действующего хана сам не был ханом, вновь появляется на лицевой стороне монет Крымского ханства при Джанибеке Герае в период его первого правления (1019–1032 г. х. = 1610–1623 г. н. э.). Интересно и то, что первым ханом, чей отец не был правителем, в истории династии Гераев был Девлет Герай I (957–985 г. х. = 1550–1577 г. н. э.). Но на монетах Девлет Герая I имя его отца пишется без титула.

Титул «хан» при имени правителя появляется на монетах Крымского ханства только через 100 лет – при Мехмеде Герае II, при имени отца – с Ислама Герая II.

Стоит отметить еще одну интересную особенность лицевой легенды монет Менгли Герая – написание самого имени хана в двух формах – «Менгли» и «Бенгли»:

منکلی Менгли

بنکلو Бенглию

Что интересно, подобная вариация написания имени хана была возможна даже в рамках одного года выпуска монеты, на одном монетном дворе. Например, монеты 887 г. х., Кырк-Йер:

Рис. 19 – монеты Менгли Герая, 887 г., Кырк-Йер, «Менгли»

Рис. 20 – монеты Менгли Герая, 887 г., Кырк-Йер, «Бенглию»

2013, с. 310)]. В отношениях Крым – Османская империя, очевидно, подобного делегирования права размещать титул своих предков на монетах крымские ханы не получили.

Написание имени в форме «Бенглию» характерно для огузской (турецкой) ветви тюркского языка. Несомненно, в написании имени хана проявляется общая тенденция в Крымском ханстве на рубеже XV–XVI веков «османизации» деловой переписки со Стамбулом. Так, Дариуш Колоджейчик отмечает, что «Уже в XV веке Менгли Герай решил подписать свое письмо Мехмеду Завоевателю Бенгли вместо Менгли, в уверенности, что такая «заогузированная» форма ханского имени будет более по душе османскому султану» [Колоджейчик, 2013. с. 70].

Мехмед Герай I (921–929 / 1515–1523 гг.)

При данном хане функционируют монетные дворы Крым и Каффа. Первые монеты Мехмеда, по образцу монет Менгли, проводятся на монетном дворе Крым с датой 922²⁶ г. х.

Рис. 21 – монета Мехмеда Герая I, 922 г., «Дореформенная»

Л. с.: Надпись в две строки:

محمد کرای منکلی کرای

Мехмед Герай, [сын] Менгли²⁷ Герая

О. с. В верхней части поля – тамга, вокруг и под тамгой надпись:

ضرب قریم ۹۲۲

Бита [в] Крым, [год] 922 г.

В этом же году производится монетная реформа, которая в том числе затрагивает и внешнее оформление монет [Морозов, 2015].

²⁶ 922 г. х. = 05.02.1516 г. – 23.01.1517

²⁷ Интересной особенностью написания лицевой легенды на некоторых монетах этого хана является применение знака огласовки – удвоения буквы «мим» при имени «Мехмед». Подробнее см.: [Морозов, 2015].

Рис. 22 – монета Мехмеда Герая I, 922 г., «Послеформенная»

В 922 году вновь начинает функционировать и монетный двор в Каффе.

Рис. 23 – монета Мехмеда Герая I, 922 г., Каффа

Л. с. Надпись в две строки:

محمد كراي بن منكلي كراي

Мехмед Герай, сын Менгли Герая

О. с. В центре – тамга в сложном фигурном картуше, вокруг надпись:

ضرب كفه ٩٢٢

Бита [в] Крым, [год?] 922

Еще одна серия монет несет на себе дату «923», монеты с этой датой чеканятся в Крыму и Каффе. Судя по всему, данная дата является «застывшей».

Саадат Герай I (929–939 / 1523–1532 гг.).

Монеты этого хана можно поделить на две серии.

Рис. 24 – монета Саадата Герая I

А) Большая часть его монет сделана из хорошего, судя по внешнему виду, металла, с большей долей серебра. Все эти монеты чеканены в Каффе.

Б) Монеты, сделанные из довольно плохого металла. В свое время Валентин Петрович Лебедев [Лебедев, 1997, Лебедев, 1998] сделал попытку определить пробу этих монет, измеряя их плотность гидростатическим взвешиванием. Монетная легенда, бывает, сильно искажена. Но на многих экземплярах все равно уверенно читается на оборотной стороне слово «Каффа». Что характерно, в Крыму практически эти монеты не находят. С другой стороны, Пиворович [Пиворович, 2008, с. 80] в своей монографии упоминает о крупном (несколько сотен монет!) комплексе подобных монет, найденных близ Очакова, в подземном ходе, устроенном в стене колодца.

Можно предположить, что монеты данной серии были произведены именно на некоем отдельном монетном дворе, находящемся где-то за пределами Крыма, в районе, быть может, того же Очакова. Возможно, вся эта серия монет является имитацией, фальшивыми монетами.

Рис. 25 – монета Саадата Герая I.
Серия из плохого металла

Сахиб Герай I (939–957 / 1532–1550 гг.)

Монеты выпускаются только в Кырк-Йере²⁸. Года на монетах отражают реальные даты выпуска монет. Можно выделить несколько типов монет, отличающихся внешним оформлением лицевой и оборотной стороны.

²⁸ В. П. Лебедев, описывая один из типов монеты Сахиб Герая [Лебедев, 1998; Лебедев, 2000], высказал предположение, что монета бита в Кафе. Однако сравнение приведенного им экземпляра монеты с более хорошо сохранившимся дает четкое прочтение монетного двора: Кырк-Йер. Кроме того, в этой же работе Валентин Петрович говорит о чекане монет Сахиб Герая на монетном дворе Крым, что, на наш взгляд, также неверно.

Рис. 26 – монета Сахиба Герая I, тип «колесико» с четко видимым годом – 941

Л. с. В центре поля монеты – дифферент в виде колеса со спицами. Вокруг надпись:

صاحب كراى بن منكلى كراى

Сахиб Герай, сын Менгли Герай

О. с. В центре поля монеты тарак-тамга в картуше из двойной линейной окружности, вокруг надпись:

ضرب قرق ير ٩٤١

Бита [в] Кырк-Йер, [год?] 941

Девлет Герай I (957–985 гг. х. = 1550–1577 гг. н. э.)

В начале своего правления выпускал монеты в Кырк-Йере. Первые монеты хана по оформлению полностью совпадают с монетами Сахиб Герая 957 г. х.

Рис. 27 – монета Сахиба Герая I, 957 г., Кырк-Йер, тип «тамга в ромбе»

Рис. 28 – монета Девлета Герая I, 957 г., Кырк-Йер, тип «тамга в ромбе»

Затем чеканка монет перемещается в г. Крым. При этом качество изготовления монет резко упало, что затруднило прочтение названия монетного двора. Первым, кто уверенно доказал прочтение «Крым», был Чореф [Чореф, 2007], который при этом, сделал вывод, что монетный двор в Кырк-Йере перестал функционировать именно при Девлет Герае. Позднее Сидоренко согласился с выводом Чорефа, уточнив, что монетный двор Крым был единственным монетным центром Крымского ханства с 1550 года и до начала правления Гази Герая II [Сидоренко, 2008, с. 432]. Как мы увидим далее, эти предположения не верны. Монетный двор Кырк-Йера функционировал и в правление Ислама Герая II.

Мехмед Герай II (985–992 гг. х. = 1577–1584 гг. н. э.)

Чеканит монеты только в городе Крым.

В период правлений Сахиба I – Мехмеда II особо явно становится заметна политика государственной порчи металла монет – уменьшается содержание серебра в крымских акче.

Ислам Герай II (992–996 гг. х. = 1584–1588 гг. н. э.)

Выпускал монету в Крыму, Кырк-Йере и Каффе.

На сегодняшний день можно уверенно выделить пять типов монет Ислама Герая II [Якушечкин, 2018].

I. Монетный двор Крым.

Л. с. Легенда в три строки:

اسلام كراى حان بن دولت كراى حان

Ислам Герай-хан сын Девлет Герай-хан

О. с. В центре – тамга в картуше из двух линейных окружностей.

По внешней стороне картуша – легенда:

ضرب قرق ير ٩٩٢

Бита [в] Крым, [год] 992

Рис. 29 – монета Ислама Герая II, 992 г., Крым, тип I

II. Монетный двор Крым.

Л. с. Легенда в две строки, разделенная точечной горизонтальной линией: «Ислам Герай-хан / сын Девлет Герая-хана».

О. с. Тамга в точечно-линейном картуше-окружности. По внешней стороне картуша – легенда: «Бита [в] Крым, год 992».

Рис. 30 – монета Ислама Герая II, 992 г., Крым, тип II

III. Монетный двор Кырк-Йер

Л. с. Легенда в три строки: «Ислам Герай-хан / сын / Девлет Герая-хана»

О. с. В центре – тамга в картуше – линейной окружности.

По внешней стороне картуша – легенда:

ضرب قرق ير ٩٩٣

Бита [в] Кырк-Йер, год 992

Рис. 31 – монета Ислама Герая II, 992 г., Кырк-Йер, тип III

IV. Монетный двор Крым

Л. с. Легенда в несколько строк: «Ислам Герай-хан сын Девлет Герай-хана»

О. с. В верхней части монеты – небольшая тамга, под ней, в несколько строк, легенда: «Бита [в] Крым, год 992», слева от даты – дифферент в виде «узелка счастья».

Рис. 32 – монета Ислама Герая II, 992 г., Крым, тип IV

V. Монетный двор Каффа

Л. с. Легенда в несколько строк: «Ислам Герай-хан, сын Девлет Герай-хана»

О. с. В верхней части монеты – небольшая тамга, под ней, в несколько строк, легенда:

ضرب كفه سنة ٩٩٢

Бита [в] Каффе, год 992

Над названием города – дифферент в виде «узелка счастья».

Рис. 33 – монета Ислама Герая II, 992 г., Каффа, тип V

Судя по оформлению и внешнему виду монет, их весу, составу металла, можно сделать предварительный вывод о том, что первыми монетами Ислам Герая были монеты типа I, II и III. Данные выпуски были прямым продолжением эмиссии низкосортного биллона предыдущих правлений ханов Девлета Герая I и Мехмеда Герая II.

Далее, на каком-то этапе своего правления, Ислам Герай произвел реформу денежного обра-

щения Крымского ханства²⁹. Начался выпуск монет из металла гораздо более высокого качества, поменялся и вес монеты.

Эти новые, послереформенные, монеты бились на монетных дворах Крым и Каффа. Резкое снижение веса этих новых монет хорошо коррелирует с процессами в денежном деле Османской империи после 1584 года.

Гази Герай II (996–1005 гг. х. = 1588–1596 гг. н. э., 1005–1016 = 1597–1608 гг. н. э.)

Можно сделать предположение, что первые монеты Гази Герая есть монеты с надписью «Ханлык» на оборотной стороне. В настоящее время нет однозначной трактовки появления этого слова. Данные монеты были выпущены на монетных дворах Крым, Каффа и на новом монетном дворе в Гезлеве.

Гази Герай II. Монетный двор Гезлеф (ханлык). 996 г. х. Акче

Л. с. В поле:

غازی کرای حان بن دولت کرای حان

Гази Герай-хан, сын Девлет Герая-хана

О. с. В поле:

В центре – тамга в картуше из сплошной окружности.

Вокруг тамги:

حانلیق ضرب فی کوزلو سنة ۹۹۶

ханлык(?), бита [в] Гезлеве в 996 году

Рис. 34 – монета Гази Герая II, 996 г., Ханлык Гезлев

²⁹ Ранее считалось, что реформу монетного дела Крымского ханства с целью ее приближения к османской монетной системе начал Гази Герай II. Теперь, после ввода в научный оборот послереформенных монет Ислама Герая II, очевидно, что монетная реформа началась именно при нем.

Кроме того, в Каффе и Гезлеве были выпущены монеты и без слова «ханлык».

Именно в правление Гази Герая и прекращают свое функционирование все остальные монетные дворы кроме нового – в Гезлеве.

За 25 лет правлений трех правлений ханов Джанибека – Мехмеда III – Джанибека (с 1610 по 1635 гг.) были выпущены 12 типов монет [Якушечкин, 2019]. Типов, которые явно визуально отличаются друг от друга. Несомненно, столь частая смена типа и оформления монеты связана с денежной политикой Крымского ханства, по сути – государственной «порчей» монеты. В нашем распоряжении имеется великолепный источник, который дает нам представление о монетной политике крымских ханов в этот период [Описание, 1902, с. 115].

Селямет Герай I (1017–1019 гг. х. / 1608–1610 гг. н. э.)

Один тип монеты. Акче.

Монетный двор

Л. с. Легенда в несколько строк:

سلامت کرای حان بن دولت کرای حان

Селямет Герай-хан, сын Девлет Герая-хана

О. с. Легенда в несколько строк:

ضرب فی کوزلو سنة ۱۰۱۷

Бита в Гезлеве, год 1017.

Над словом «бита» – тамга.

Рис. 35 – монета Селямет Герая I, 1017 г., Гезлев

В производстве монет Селемета Герая I применялось множество штемпелей обеих сторон. На части штемпелей оборотной стороны цифры перепутаны местами.

Джанибек Герай, первое правление (1019–1032 гг. н. э. / 1610–1623 гг. н. э.)

Монеты выпускались в Гезлеве и в Бахчисарае. На сегодня можно выделить пять монетных типов.

Л. с.: جانبيك كراي خان بن مبارك كراي سلطان

О. с.: ضرب في كوزلو سنة ١٠١٩ (Монетный двор Гезлев)

О. с.: ضرب في باغچه سراي سنة ١٠١٩ (Монетный двор Бахчисарай)

I. Монетный двор Гезлев

Л. с. Легенда в несколько строк: «Джанибек Герай-хан, сын Мубарек Герая-султана»

О. с. Легенда в несколько строк: «Бита в Гезлеве, год 1019». Над надписью – тамга.

Рис. 36 – монета Джанибек Герая, I Правление, 1019 г., Гезлев, Тип I

Монетный двор Гезлев³⁰.

Л. с. Легенда в несколько строк: «Джанибек Герай-хан, сын Мубарек Герая-султана».

О. с. В центре – тамга. Вокруг тамги, в несколько строк надпись: «Бита в Гезлеве», ниже, в две строки – «год 1019».

³⁰ Данный тип монеты был впервые описан: Архипенко А. А., Якушечкин А. В. Несколько неизданных монет Крымского ханства начала XVII века. Электронный ресурс: [http://qrim. org/?p=39733].

Рис. 37 – монета Джанибек Герая, I Правление, 1019 г., Гезлев, Тип II

II. Монетный двор Гезлев

Л. с. Легенда в несколько строк: «Джанибек Герай-хан, сын Мубарек Герая-султана». Слово «сын» выполнено в виде хорошо заметной горизонтальной линии.

О. с. В центре – тамга в точечном картуше-окружности. По внешней стороне картуша, против часовой: «Бита в Гезлеве», под тамгой, в две строки – «год 1019».

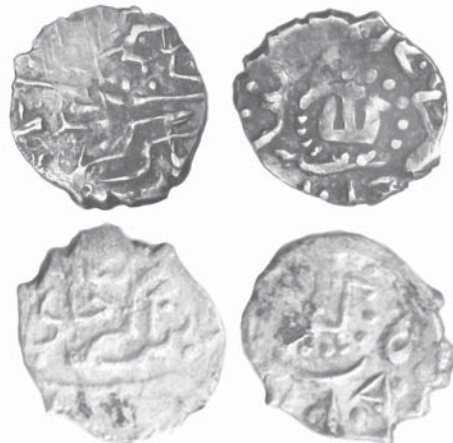

Рис. 38 – монета Джанибек Герая, I Правление, 1019 г., Гезлев, Тип III

III. Монетный двор Бахчисарай.

Л. с. Поле разделено горизонтальной чертой. Над и под чертой – надпись в несколько строк: «Джанибек Герай-хан, сын Мубарек Герая-султана».

О. с. В центре – тамга. Над ней, в три строки – «Бита в», справа, под и слева от тамги, против часовой – «Бахчисарай». Еще ниже, под тамгой, «год 1019». На части штемпелей оборотной стороны буквы «ср», названия города отсутствуют.

Рис. 39 – монета Джанибек Герая, I Правление, 1019 г., Бахчисарай, Тип IV

IV. Монетный двор Бахчисарай.

Л. с. Лекгенда в несколько строк: «Джанибек Герай-хан, сын Мубарек Герая-султана». В центре – дифферент, шестилучевая звезда.

О. с. В центре – тамга в линейном картуше-окружности. По внешней стороне картуша – надпись: «Бита в Бахчисарае, год 1019».

Рис. 40 – монета Джанибек Герая, I Правление, 1019 г., Бахчисарай, Тип V

В нашем распоряжении есть уникальный документ о переносе монетного двора именно во времена правления Джанибека Герая³¹.

После этого правления Джанибека Герая все монеты Крымского ханства выпускались в Бахчисарае, вплоть до времени Шахин Герая. Когда, купив машины для производства монет, в силу некоторых обстоятельств, хан открыл монетный двор вблизи Каффы, но штемпели монет, которые были изготовлены заранее, несли на себе название «Бахчисарай». Лишь только на одном номинале монет Шахин Герая, на чхале, мы можем прочесть «Каффа».

Все вышесказанное можно свести к таблице функционирования монетных дворов Крымского ханства (см. таблицу 2).

Мехмед Герай III (1032–1037 гг. х. / 1623–1628 гг. н. э.)

Выделяем четыре типа монет этого хана.

Л. с.: محمد كراى خان بن سعادت كراى خان

О. с.: ضرب فى باغچه سراى سنة ١٠٣٢

I. Монетный двор Бахчисарай

Л. с. Поле разделено пунктирной горизонтальной линией. Над и под чертой – надпись в несколько строк: «Мехмед Герай-хан, сын Саадата Герая-хана».

О. с. В центре – тамга в точечном картуше-окружности. По внешней стороне картуша, против часовой: «Бита [в] Бахчисарае, 1032 г.».

³¹ А. В. Якушечкин делал доклад об этом документе на Золотоордынском форуме в Казани, в 2015 году. В настоящее время материалы готовятся к публикации.

Таблица 2

	Крым	Кырк-Йер	Каффа	Гезлев	Бахчисарай	Орду-Базар	Хаджике-Базар
Хаджи Гирей I	•	•				•	
Нур-Девлет	•						
Менгли Гирей I	•	•	•			•	•
Мехмед Гирей I	•		•				
Саадат Гирей I			•				
Сахиб Гирей I		•					
Девлет Гирей I	•	•					
Мехмед Гирей II	•						
Ислам Гирей II	•	•	•				
Гази Гирей II	•		•	•			
Селямет Гирей I				•			
Джанибек Гирей, первое правление				•	•		
Мехмед Гирей III					•		

Рис. 41 – монета Мехмеда Герая III, 1032 г.,
Бахчисарай, Тип I

Рис. 42 – монета Мехмеда Герая III, 1032 г.,
Бахчисарай, Тип II

II. Монетный двор Бахчисарай

Л. с. В центре, в линейном картуше в виде окружности – монограмма имени хана. По внешней стороне картуша – надпись: «Мехмед Герай-хан, сын Саадата Герая-хана».

О. с. В центре, чуть смещенная вправо – тамга без картуша. Над тамгой, справа, слева и под ней – надпись: «Бита [в] Бахчисарае, год 1032». Сочетание букв «ср» названия города и слово «год» выполнены в виде хорошо заметных двух горизонтальных параллельных линий под тамгой.

III. Монетный двор Бахчисарай

Л. с. Легенда в несколько строк: «Мехмед Герай-хан, сын Саадата Герая-хана».

О. с. В центре – тамга без картуша. Над тамгой, справа, слева и под ней – надпись: «Бита [в] Бахчисарае, год 1032».

Рис. 43 – монета Мехмеда Герая III, 1032 г., Бахчисарай, Тип III

IV. Монетный двор Бахчисарай³²

Л. с. Легенда в несколько строк: «Мехмед Герай-хан, сын Саадата Герая-хана». Слово «сын» выполнено в виде хорошо заметной горизонтальной линии.

О. с. В центре – тамга без картуша. Над тамгой, справа, слева и под ней – надпись: «Бита [в] Бахчисарае, год 1032».

Рис. 44 – монета Мехмеда Герая III, 1032 г., Бахчисарай, Тип IV

Джанибек Герай, второе правление (1037–1044 гг. х. / 1628–1635 гг. н. э.)³³

Известны три типа монет.

Л. с.: جانبك كراى حان بن مبارك كراى سلطان

О. с.: ضرب فى باغچه سراى سنة ١٠٣٧

³² Данная монета известна автору пока в одном экземпляре, см: Архипенко А. А., Якушечкин А. В. Несколько неизданных монет Крымского ханства начала XVII века. Электронный ресурс: [<http://qrim.org/?p=39733>]

³³ Более подробно см. [Якушечкин, 2012а].

I. Монетный двор Бахчисарай

Л. с. Легенда в несколько строк: «Джанибек Герай-хан, сын Мубарек Герая-султана». Слово «сын» выполнено в виде хорошо заметной горизонтальной линии. В центре, на горизонтальной линии – слово «сын» дифферент в виде звезды.

О. с. В центре – тамга в картуше в виде квадратной линейной скобы. По внешней стороне картуша, против часовой: «Бита [в] Бахчисарае 1037 г.». Возможно, что скоба – картуш вокруг тамги является искаженным словом «год». Сверху, над тамгой – ряд точек.

Рис. 45 – монета Джанибек Герая, II Правление, 1037 г., Бахчисарай, Тип I

II. Монетный двор Бахчисарай

Л. с. Легенда в несколько строк: «Джанибек Герай-хан, сын Мубарек Герая-султана».

О. с. В центре – тамга без картуша. По внешней стороне картуша, против часовой: «Бита [в] Бахчисарае 1037 г.».

Рис. 46 – монета Джанибек Герая, II Правление, 1037 г., Бахчисарай, Тип II

III. Монетный двор Бахчисарай

Л. с. Легенда в несколько строк: «Джанибек Герай-хан, сын Мубарек Герая-султана». Слово «сын» выполнено в виде хорошо заметной горизонтальной линии.

О. с. В центре, чуть смещенная вправо – тамга без картуша. Над тамгой, справа, слева и под ней – надпись: «Бита [в] Бахчисарае, год 1037». Сочетание букв «ср» названия города и слово «год» выполнены в виде хорошо заметных двух горизонтальных параллельных линий над и под тамгой.

Рис. 47 – монета Джанибек Герая, II Правление, 1037 г., Бахчисарай, Тип II

Инает Герай (1044–1047 гг. х. / 1635–1637 гг. н. э.)

Один тип монеты. Номинал – акче, металл – серебро.

Л. с. خان عنایت کرای [بن] غازی کرای خان

О. с. ضرب باغچه سرای ۱۰۴۴

I. Монетный двор Бахчисарай.

Л. с. В центре – узел счастья. Вокруг легенда: «Инает Герай-хан, [сын] Гази Герая-хана».

О. с. В центре – тарак-тамга с точками между «ногами» тамги. Вокруг легенда: «Бита [в] Бахчисарае, [год] 1044».

Рис. 48 – монета Инает Герая, 1044 г., Бахчисарай.

Бехадур Герай (1047–1051 гг. х. / 1637–1641 гг. н. э.).

Монеты выпускались в Бахчисарае. На сегодня можно выделить три монетных типа.

Все типы: номинал – акче, металл – серебро.

Л. с. بهادر کرای خان بن سلامت کرای خان

О. с. ضرب باغچه سرای ۱۰۴۷

I. Монетный двор Бахчисарай.

Л. с. Легенда в несколько строк: «Бехадур Герай [хан] [сын] Селямет Герая хана». Между именем хана и его отца – разделение в виде горизонтальной точечной линии. Возможно, данная черта представляет собой слово «بن» (сын).

О. с. В центре – тарак-тамга в картуше из точечной окружности. Вокруг легенда: «Бита [в] Бахчисарае, [год] 1047».

Рис. 49 – монета Бехадур Герая, 1047 г., Бахчисарай, Тип I

II. Монетный двор Бахчисарай.

Л. с. Легенда в несколько строк: «Бехадур Герай-[хан], [сын] Селямет Герая-хана». В центре, возможно, дифферент в виде окружности³⁴.

О. с. В центре – тарак-тамга. Над тамгой – полуокружность-скоба, которая опирается на верхнюю перекладину тамги. Вокруг легенда: «Бита [в] Бахчисарае, [год] 1047».

Рис. 50 – монета Бехадур Герая, 1047 г., Бахчисарай, Тип II

III. Монетный двор Бахчисарай.

Л. с. Легенда в несколько строк: «Хан Бехадур Герай, сын Селямет Герая-хана».

О. с. В центре – тарак-тамга в прямоугольном линейном картуше. Вокруг легенда: «Бита [в] Бахчисарае, [год] 1047».

Рис. 51 – монета Бехадур Герая, 1047 г., Бахчисарай, Тип III

Мехмед Герай IV, первое правление (1051–1054 гг. х. / 1641–1644 гг. н. э.)

Один тип монеты. Номинал – акче, металл – серебро.

Л. С.: خان محمد كراى بن سلامت كراى خان

О. С.: ضرب فى باغچه سراى سنة ١٠٥١

I. Монетный двор Бахчисарай

Л. с. Легенда в несколько строк: «Хан Мехмед Герай, сын Селямет Герая-хана».

О. с. В центре – тарак-тамга без картуша. Над тамгой надпись: «Бита в Бахчисарае», под тамгой: «в году 1051».

Рис. 52 – монета Мехмед Герая IV, 1051 г., Бахчисарай.

³⁴ По крайней мере, по тем экземплярам монет, что были в нашем распоряжении, автору не удалось привязать этот элемент легенды монеты к какому-либо слову надписи.

Несколько типов акче выпускает Ислам Герай III (1644–1654 гг.).

В свое второе правление Мехмед Герай IV (1654–1666 гг.) вводит новый номинал монеты, «бешлык», равный пяти акче. В первый период своего существования бешлык находится в обращении параллельно с акче. В состав небольших «кошельков» второй половины XVII века, периодически обнаруживаемых в Крыму, входят и акче, и бешлыки.

Единственным исключением пока является уникальное акче Хаджи Герая II (1683–1684 гг.) [см. Якушечкин, 2016]. Данный хан правил всего 9 месяцев, и нам, пока известно лишь одно его акче.

Ближе к середине XVIII века акче все меньше используется в монетном обращении – в результате государственной порчи содержание серебра в монетах уменьшалось, что повлекло за собой уменьшение покупательной способности самих крымских денег. Акче стало очень мелким по своей стоимости.

Крым Герай в первое свое правление проводит денежную реформу [см. Якушечкин, 2012; Якушечкин, 2013]. В ходе данной реформы было повышено содержание благородного металла в монетах, а также введен новый номинал монеты, стоимость которой стала равной османской монете номиналом в пара.

Результат реформы Крым Герая можно представить в виде таблицы [Якушечкин, 2012, с. 215] (вес округлен до сотых):

Номинал	Содержание чистого серебра в монете, г	
	До реформы	После реформы
Акче	0,02	0,11
Бешлык	0,09	0,57
Пара		0,29
Крымский куруш (счетная единица)	1,91	11,45

Сразу после отстранения от власти Крым Герая монета в одну пара была запрещена, а содержание серебра в монете стало стремительно падать.

Реформы с целью повышения содержания серебра в монете проводились еще и во второе правление Крым Герая (1768–1769 гг.).

Так, немецкий купец и путешественник Клееман, побывавший в Крыму в 1769–1770 гг., отмечает, что при нем в Крыму были в ходу два типа бешлыка – «без бешлык» (белый бешлык) и «кара бешлык» (черный бешлык). При этом «без бешлык состоит из серебра и равняется пяти кара бешлыкам» [Клееман, 1783, с. 249; Якушечкин, 2013, с. 143]. Турецкий пиастр (куруш), по данным Клеемана, стоил 150 кара бешлыков³⁵.

Очевидно, что в данном случае под «без бешлыками» понимаются именно монеты Крым Герая второго правления (судя по всему, качественные монеты Крым Герая первого правления уже были пущены в переплавку для изготовления монет следующих ханов с меньшим содержанием серебра), а под «кара бешлыками» – монеты с низким содержанием серебра предыдущих ханов.

Некие реформы проводил в свое кратковременное правление и Каплан Герай II (1770 г.), который не только поднял содержание серебра в бешлыке, но и выпустил новый номинал, равный двум бешлыкам, т. е. монету в 10 акче. Условно эту монету можно назвать, по аналогии с османской системой, онлык.

К сожалению, полное отсутствие письменных источников не дает нам сейчас возможности восстановить детали денежных реформ второго правления Крым Герая и Каплана Герая II. Для того, чтобы более подробно разобраться в денежном обращении Крымского ханства в общем и конкретно – в многообразии реформ XVIII века, нужно привлекать естественнонаучные методы исследования состава металла монет³⁶.

Несколько монетных реформ провел и Шахин Герай (1777–1782 гг.). Сразу после прихода к власти он проводит в государстве массу преобразований, в том числе это касается и реформирования монетного дела ханства.

³⁵ У Клеемана в этом месте написано: «150 бешлыков», что, судя по всему, является ошибкой. См. [Якушечкин, 2013, с. 144].

³⁶ Примером работ по анализу состава монетного металла Крымского ханства см: [Морозов, 2015; Морозов, 2017; Морозов, 2019].

Первым попытку систематизации номиналов монет Шахин Герая предпринял Ретовский [Retowski, 1905, p. 262–265]. В 1999 году замечательную работу по данной теме пишет Валентин Петрович Лебедев [Лебедев, 1999], в которой, в частности, доказывает, что веса монет Шахин Герая нормированы в драмах.

В 2009 году работу, посвященную второй монетной реформе, в виде отдельной брошюры издает Пушкарев [Пушкарев, 2009]. В 2013 году этот же автор издает новую редакцию своей работы [Пушкарев, 2013]. В 2015 году Сариев издает каталог монет Шахин Герая, в котором, в частности, уделено внимание и реформам, проводимым данным ханом [Сариев, 2015, с. 9–38].

На первом этапе реформ монеты выпускались на прежнем оборудовании в Бахчисарае. Выпуск монет начался со второго года правления Шахин Герая (с 1778). Были выпущены следующие номиналы монет:

Период первой реформы (2–4 года правления, 1778–1)

Наименование номинала	Проба серебра ³⁷	Сколько акче	Нормативный вес (драхма) ³⁸	Нормативный вес (г)
½ акче (1/2-билонный бешлык)	5	½	1/5	0,64

³⁷ Проба дается по золотниковой системе. Согласно этой системе, в одном фунте чистого металла содержится 96 его золотников. Само значение пробы показывает, сколько золотников металла содержится в фунте сплава. Т. е., например, 80 проба содержания благородного металла в сплаве соответствует $80/96 = 0,833$, т. е. 833 метрической пробы (содержание благородного металла в сплаве – 83,3%).

³⁸ Драхма – мера веса, применяемая в Османской империи со второй половины XVIII века. 1 драхма = 2/3 мискаля = 3,21 г.

Акче (билонный бешлык ³⁹)	5	1	½	1,6
2 акче (билонный онлык)	5	2	1	3,2
2 акче	80	2	1/15	0,21
2 пара (икилик)	80	6	1/5	0,64
10 пара (онлык)	80	30	1	3,2

Согласно [Pamuk, p. 163, Table 10.1] можно вычислить содержание чистого серебра в одном османском акче:

Год	Вес османского куруша (г)	Проба металла (метрическая)	Чистое содержание серебра в куруше	Чистое содержание серебра в акче (г)
1774	18,2	600	10,92	0,091
1780	18,5	540	10,00	0,083

³⁹ Такое название – «билонный бешлык» предложил для данной монеты Ретовский (см. Retowski, 1905, p. 262–263). Название «кара-бешлык», применяемое Пушкаревым [Пушкарев, 2013] и Сариевым [Сариев, 2015, с. 10] считаем не совсем корректным. А именно: Пушкарев считает, что монеты, выпущенные на первом этапе реформы Шахин Герая, так называемые «бешлыки первой группы» [Лебедев, 1992, с. XXX], сделаны из меди и приравнены к «дореформенным акче». А бешлыки, приравненные к турецкому акче с содержанием 0,083 г чистого серебра, начали выпускаться в ходе второй реформы и представлены «бешлыками второй группы». Именно эти послереформенные бешылки производились из серебра 5 пробы [Пушкарев, 2013, с. 100]. Однако Сариев утверждает, что бешылки и первого, и второго типа производились из серебра 5 пробы, при этом ссылается на результаты РФА-анализа сплава металла, проведенного им в Пробирной палате г. Одессы [Сариев, 2015, с. 13]. Также приведенная нами 80 проба «серебряных» номиналов монет первого этапа реформы также является приблизительной, так как точных данных о пробе металла монет первого этапа реформы не сохранилось. Таким образом, данные таблицы, приведенные нами для первого этапа реформы являются лишь предполагаемыми, и требует более тщательного изучения, в том числе – используя данные естественнонаучных методов анализа монетного сплава.

Подсчитаем содержание чистого серебра в акче: $(0,21 / 2) * 80/96 = 0,0875$ (г).

Таким образом, мы видим, что, по сути, Шахин Герай своей первой реформой ввел в обращение акче, приравненное к акче Османской империи.

Теперь подсчитаем содержание чистого серебра в акче (билонный бешлык): $1,6 * 5/96 = 0,083$ (г). Как видим, в данной монете содержание чистого серебра чуть ниже, чем в акче 80 пробы. Но ведь в билонном акче остальной вес составляет медь. Что, возможно, и компенсировало недостаток серебра. В этом случае можно считать, что акче из сплава 80 пробы и билонное акче имели одинаковую декларативную и покупательную стоимость. Но, с другой стороны, билонные бешлыки, судя по всему, приравнивались к качественным бешлыкам предыдущих ханов, тех самых «безз-бешлыков», упоминаемых в ряде источников⁴⁰.

Т. е. в своей первой реформе Шахин Герай, с одной стороны, ввел в обращение ряд монетных номиналов, напрямую соотносящихся с аналогичными монетами Османской империи. Эта серия монет была выпущена из качественного сплава с 80 пробой серебра.

С другой стороны, осталась преемственность с монетами предыдущих ханов через серию монет с 5 пробой серебра.

В 1779 году Шахин Герай выделяет 30 000 рублей на закупку машин и другого оборудования для производства монет. Приблизительно на сумму в 5000 рублей была произведена модернизация производства монетного двора в Бахчисарае, а большая часть оборудования осталась в Каффе (именно туда прибыл груз) и послужила основой для создания нового монетного двора в местечке Ташлык в пригороде Каффы.

Именно с введением в действие этого оборудования и связано начало второго этапа денежной реформы.

Все номиналы этого, второго этапа денежной реформы можно свести в таблицу:

Период второй реформы (4–5 года правления)

Наименование номинала	Металл / Проба серебра	Сколько акче	Нормативный вес (драхма)	Нормативный вес (г)
Акче (денга)	Медь	1	1,5	4,8
2 акче (копейка)	Медь	2	3	9,6
4 акче (грош)	Медь	4	6	19,2
10 акче (кыргыз)	Медь	10	15	48
5 пара (бешлык)	Серебро, 50	15	0,5	1,6
Йирмилик ⁴¹	Серебро, 50	50	2,5	8
Куруш	Серебро, 50	100	5	16
Ханский рубль (альтмышлык)	Серебро, 80	200	6,5	20,8

Вторая денежная реформа ввела в обращение в Крыму крупные номиналы меди, вес которых был адаптирован к весу медных монет Российской империи. Так, например, вес пяти копеек Екатерины II, битый по 16-рублевой стопе, равнялся 51,19 г⁴², что практически совпадало с весом кырыза (10 акче) в 48 г. Разница в весе была обусловлена разными базами при определении монетной стопы.

Приравнен к российской норме и «ханский рубль». Нормативный вес рубля Екатерины II – 24 г, что при пробе серебра в 72 золотника дает содержание чистого серебра в рубле: $24 * 72/96 = 18$ г. Для ханского рубля: $20,8 * 80/96 = 17,33$ г.

⁴¹ Следует отметить, что для периода второй-третьей реформ турецкие названия некорректны, так как они, в данном случае, основаны на численном количестве пара в монете: бешлык – 5 пара, йирмилик – 20 пара (от тур. *yarmi* – двадцать), альтмышлык – 60 пара (тур. *altmış* – шестьдесят). Но мы вынуждены отмечать и эти названия в силу исторически сложившейся традиции подобных обозначений для данных номиналов.

⁴² 16-рублевая стопа – норма, при которой из пуда меди (16 380 г) производилось медной монеты на сумму 16 руб.

⁴⁰ См., например: [Якушечкин, 2012, с. 288–290].

Курс нового номинала ханского рубля к акче легко установить по выдержке из реестра монетно-го двора от 22 ноября 1783 г. [Лашков, 1897б, с. 54]:

Восьмидесятой пробы сделано денег с 99 окка их 230 драхм серебра, каждая драхма обходится покупкою по 11 пара и выходило в рубль 6 драхм с половиной, а по выделке каждый рубль ценю состоит по 60 пара и по две акче турецких, в каждом рубле было барыша 6 пара, а всех восьмидесятой пробы серебряных денег выпущено 5853 руб.

Из данного фрагмента ясно, что себестоимость выделки одного рубля было $60 \times 3 + 2$ акче = 182 (акче).

Прибыль с производства каждого рубля – 6 пара = $6 \times 3 = 18$ (акче).

Т. е. один ханский рубль имел декларативную стоимость в $182 + 18 = 200$ акче.

Т. е. при ожидаемом паритете крымского рубля и российского получаем, что 2 крымских акче равнялись 1 российской копейке. Собственно, это же равенство (медная крымская копейка = 2 акче) было задекларировано, как мы видим, и для новых крымских номиналов.

Шахин Герай предпринимал немалые усилия, чтобы получить разрешение на обращение крымской монеты в Российской империи. Так, 15 июня 1781 года в своем письме Веселицкому Шахин Герай напоминает «чрезвычайному посланнику и полномочному министру» о своей просьбе «испросить всемилостивейшего позволения» о свободном хождении в российской державе монеты крымского чекана «по настоящему оной курсу». При этом крымский хан упоминает, что уже, по просьбе Веселицкого, высылал образцы каждой монеты – и серебряной, и медной – с подробными описанием пробы и веса каждой. Шахин Герай говорит о том, что «нынешние крымские куруши, 100 копеек в себе имеющие», хоть весом немного меньше российского рубля, но имеют более высокую, 80 пробу. Полукуруши и «другая мелочная серебряная монета» 50 пробы. Медная же монета, пятикопеечник, превышает в весе 20 драхм⁴³ [Дубровин, 1889, с. 146–147].

⁴³ Дата письма, 15 июня 1781 года, пятый год правления, говорит нам о том, что Шахин Герай только приступил к третьей своей монетной реформе, когда он увеличил вес медных монет. Именно из-за этого вес «пятака» – кырмыза указан в 20 драхм, а не в 15, как это

Однако, несмотря на все усилия, предпринимаемые Крымом, Россия отказала в просьбе: «...ее императорское величие, при всей своей склонности благодетельствовать его светлости хану, не может поступить на удовлетворение оно-го потому, что собственные Империи ее существительные интересы всемерно перечат такому позволению, и да нет примера, чтобы какой-либо чужестранной монете был в России дозволен свободный ход...» [Дубровин, 1889, с. 450].

Не всем в Крыму понравились данная денежная реформа Шахин Герая. В том числе – принудительный курс новых медных монет: «прежних ханов по сие чеканенные с примесью и без примеси ходячие деньги были в половину цены, которые, отобрав от народа, и вместо оных вымышляя ни к чему годную и ни в которой области принимаемую медную монету, в которой, прибавя цены, разослал с таким повелением, чтобы ценою прежде бывших начеканенных денег в народе свой ход оные деньги имели, в чем народу не токмо великий убыток нанес» [Дубровин, 1889, с. 667]⁴⁴.

В результате поиска некоего компромисса со своим народом Шахин Герай на пятый год своего правления проводит третью монетную реформу, поднимая вес медных монет.

Период третьей реформы (5–7 года правления)

Наименование номинала	Металл	Сколько копеек	Нормативный вес (драхма)	Нормативный вес (г)
Денга	Медь	½	2	6,4
Копейка	Медь	1	4	12,8
Кырмыз	Медь	5	20	64
Чхаль	Медь	10	25	80
5 копеек (бешлык)	Серебро	5	½	1,6

было на этапе второй реформы. Об этом смотри далее. Но очевидно, что первые свои обращения по обращению крымской монеты в России были на этапе именно второй реформы.

⁴⁴ Данное приложение к письму Веселицкого датировано 14 июля 1782 года, но, судя по контексту, речь в нем идет о недовольстве населения деятельностью хана за весь период его правления.

Полуполтина (йирмилик)	Серебро	25	2,5	8,0
Полтина (куруш)	Серебро	50	5	16,0
Ханский рубль (алтмышлык)	Серебро	100	6,5	20,8

Изучение монетного дела того или иного периода времени всегда будет неполно без ответа на вопрос о покупательной способности денег, о ценах, об их обменном курсе.

К сожалению, по отношению к Крымскому ханству эта сторона нумизматических исследований затруднена чрезвычайно скудной информацией о товарно-денежных отношениях в доступных нам источниках.

Несмотря на то, что мы на сегодняшний день довольно хорошо знаем типы и разновидности самих монет Крыма XV–XVI веков, стоимость товаров, продуктов и услуг в этот период нам практически не известны.

Значительно лучше дело обстоит с XVII веком. Прежде всего это связано с тем, что до нас дошли судебные реестры Крымского ханства – сборники решений, выносимых кадиями – мусульманскими судьями, которые рассматривали различные тяжбы, в том числе – имущественные и наследственные.

В этих документах упоминается множество денежных единиц, обращающихся в Крыму в начале XVII века. Так, крупные суммы исчислялись в хасене (золотые цехины) и в гурушах (серебряные европейские талеры). Мелкие суммы исчислялись в османи – османских акче. Большое многообразие применяемых в Крыму монет было связано прежде всего с неустойчивостью местной монетной системы. Крымские ханы систематически злоупотребляли своей монетной монополией, занимаясь так называемой «порчей монеты» – снижая ее вес и содержание серебра в монетном сплаве.

Мартин Броневский, посол польского короля, побывавший в Крыму в 1578 году, отмечает, что

каждые 3–4 года крымским ханом чеканились новые монеты. При этом содержание благородного металла в каждой последующем выпуске было меньше предыдущего. Данные монеты были единственным официальным средством платежа на рынке Крымского ханства. Применение иностранных денег для расчетов было запрещено. Все иноземцы, в том числе купцы, должны были менять свои деньги на акче крымских ханов, причем по некому искусственному курсу, который не учитывал в полной мере истинное содержание благородного металла при обмене [Броневский, 1867, с. 359]:

У него есть собственная низкого достоинства монета медная, которая чеканится в городе Крыме, принадлежащем к его владениям; эта круглая монета, которых десять равняются турецкому серебряному аспру, стоящему один польский грош, или и того менее. Во время моего пребывания, в Крыму чеканились медные, большие посеребренные, равнявшиеся пяти аспрам. От этого чекана хан имеет весьма значительные выгоды; потому что из тех денег, что ежегодно вносятся всеми татарами или иностранцами на монетный двор, по истечении 3-х или 4-х лет постоянно чеканится новоизобретенная монета. На всем же Таврическом полуострове никому ни из татар, ни из иностранцев в городах, подвластных турецкой короне, не дозволено под страхом наказания смерти или конфискации имущества, какого бы он ни был звания, турецкую золотую монету, или иностранный талер, или серебряный турецкий аспр считать на татарские деньги по иному курсу. Ни золотые, ни серебряные деньги не употребляются в торговле, только одне татарские, которые, по указу ханскому все без исключения иностранцы постоянно получают.

В общем, резюмирует Броневский, от выпуска собственной монеты «хан имеет весьма значительные выгоды».

Подобные «игры» с собственными монетами довели до того, что в процесс денежного производства пришлось вмешаться Стамбулу.

В нашем распоряжении есть два уникальных документа по этому поводу.

Первый документ [Inalcik, 1996, p. 169–170, Document VI] от 16 мухаррама 959 г. х. (13 января 1552 г.)

На рубеже 1551–1552 гг. стоимость османского акче равнялась десяти крымских акче⁴⁵. Сулейман I издает «императорский указ», требуя от Девлета Герая «увеличить содержание серебра вашего акче». В связи с этим Крым начинает выпускать новое акче, три которых стали равняться одному османскому акче. Но, как быстро стало ясно, производство монет по такому курсу наносит ущерб государственной казне. Поэтому начали выпускать новую монету, исходя из курса четыре крымские акче к одному акче османи. Но и тут начались проблемы. В Каффе некие «смутьяны», в числе которых, в том числе, были сехир кетудаси Хасан и надзиратель (yigit basi) ряда магазинов [базара] (araste) Мугаллаза Хачи, имея в большом количестве «старое акче», выступили против обращения нашего [нового] акче, чеканивающегося в четыре [к одному]. В дополнение к этому, они пытаются запутать людей в их умах, чтобы сделать нашу [вновь] циркулирующую акчу вышедшей из употребления (obsolete). Мы просим вас об услуге, чтобы послать строгий приказ этим нарушителям, чтобы они не выступили против.

В связи с этими событиями Сулейман I издает в 16 день мухаррама 959 г. х. (13 января 1552 г.) специальный «приказ» «Бекам и кадиям Каффы»: «чтобы те, кто противодействует и сопротивляется, были наказаны и умиротворены, и если есть те, кто продолжает создавать большие проблемы и [упорствовать] в незаконных действиях, их имена будут записаны [в реестр], который будет представлен моему вниманию, чтобы они будут должным образом наказаны». Сам «приказ» от 16 мухаррамма адресован «бекам и кадиям Каффы» – т. е. на территорию, куда формально распространяется власть Стамбула. Но в то же время в этом же документе дается прямое указание насчет монетного дела в Крымском ханстве: «...я приказываю, чтобы вышеуказанная монета хана оставалась отчеканенной в соответствии с предыдущим правилом».

⁴⁵ Крымское акче в османских документах называли «каффское акче».

Следующий документ датируется 25 днем рамадана 973 г. х. (15 апреля 1566 г.) [Inalcik, 1996, p. 171–172, Document VII].

К этому времени в Крыму возникла новая проблема с монетным делом. Об этом Девлет Герай написал письмо в Стамбул: «Монеты, отчеканенные из расчета четыре [каффа акче] за одну османскую [акча], были тайно вывезены купцами в близлежащие районы и переплавлены, в результате в этой провинции не осталось [серебра] акче, что вызвало сокращение [объема] продаж и покупок. Понятно, что, если мы немного уменьшим содержание [серебра] [в Caffa акса], купцы откажутся от практики плавления [монет]».

Султан приказывает очень строго отнестись к упомянутым купцам, всех арестовать и выслать в Стамбул под конвоем.

Интересно, что с подобной проблемой вывоза крымской монеты и ее переплавки столкнулись и середине XVIII века.

Еще одно интереснейшее сообщение о крымской монетной системе нам оставил Эммидио д'Асколи, монах Доминиканского ордена, возглавляющий в 1624–1634 гг. доминиканскую миссию в Кафе. В своей работе «Описание Черного моря и Татарии» он пишет [Описание, 1902, с. 115]:

Кроме того, он [хан] чеканит монету, аспры, полумедные полусеребряные. Ханы не желают, чтобы аспры падишаха ходили в Татарии даже в Каффе и в других местах, ему подвластных, потому что у этих ханов имеется избыток своих. Ещё менее желательно хану, чтобы ценность реала превышала 80 аспров, потому что его аспры не ходят вне Татарии. Купцы, приезжающие из Константинополя, Азии или Персии, либо едущие туда, постепенно изменяют ценность реала, повышая ее до 90, 100, 120 аспров и доводя до 160 аспров, т. е. двойной цены, как именно видим в настоящее время. Товары становятся очень дорогими, а всего хуже то, что при переплавке этих 160-ти аспров не получается стоимость реала. В подобном случае хан, видя падение своей монеты, чеканит новые аспры, с иным изображением, а затем рассылает их, куда 20 тысяч, куда 30 тысяч, куда больше, куда меньше, во все главные города, по цене 80 аспров за гросс (grosso), а взамен требует столько же

реалов. При мне, за последнее десятилетие, аспры менялись пять раз, к великой выгоде хана, но в ущерб его подданным.

«Аспры падишаха», упоминаемые д'Асколи, это акче Османской империи. Как мы видим, и в первой половине XVII века власти Крыма всячески препятствовали хождению иноземной монеты на территории своих владений, и даже в Каффе, которая принадлежала именно султану.

Однако, судя по данным судебных книг, в Крыму в первой половине XVII века были в ходу, несмотря на запреты, и османские акче, и золотые венецианские дукаты, и серебряные талеры, которые упоминались в списках имущества именно как «наличные» монеты.

Вот пример типичных фрагментов списков имущества умершего человека, подлежащего дележу между наследниками [Биярсланов, 1889. с. 42–43]:

– ...пара волов – 10 хасене; одна арба – 1 хасене; долг, следуемый с курта – 2640 османи; долг, следуемый от Малвердия – 240 османи; черный суф (шерсть, камлот) – 300 османи; три тенджерере (кастрюли) – 240 османи; семь колчанов – 210 османи; долг, следуемый от Элякоза – 6000 османи; наличных османи – 857;

– два тенджерере – 160; сто тридцать диргемов шелку – 520; еще два тенджерере (кастрюли) – 160; наличных чеканных хасене – 28; наличных грушев – 19; ханских симов с бутурнаком – 426.

О том, что в Крыму в ходу были монеты иностранных государств, говорят находки небольших комплексов, в составе которых, наряду с местными акче, присутствуют европейские и османские серебряные и золотые монеты.

Вопрос легальности обращения в Крыму иностранных монет чрезвычайно интересен сам по себе. С одной стороны, у нас есть ряд документов, из которых следует, что власти запрещали хождение любой иной монеты, кроме выпущенной в Крыму. С другой стороны, многочисленные упоминания золотых и серебряных монет европейских государств и Османской империи в документах, а также упомянутые находки комплексов говорят нам о том, что, несмотря на запрет, Крым активно использовал иностранную монету именно как средство накопления и для крупных денежных расчетов. Прежде всего это

было связано с тем, что в Крыму, во-первых, вообще отсутствовала крупная денежная монета, а во-вторых – с нестабильностью самой крымской монетной системы. В этом смысле мы имеем полную аналогию с хранением накоплений и расчетами в долларах и евро на территории постсоветских государств.

Ко времени правления Мехмеда Герая II (1577–1584 гг.) крымское акче билось из сплава с очень малым содержанием серебра, монета была почти медной. За один османский акче давали до 10 крымских [Броневский М., 1867, с. 359]. Следующие ханы, Ислам II (1584–1588) и Гази II (1588–1608) провели ряд монетных реформ, целью которых было уравнивать стоимость крымские и османские акче [Якушечкин, 2018].

О монетах, бывших в ходу в Крыму.

Хасене – венецианский дукат (цехин), золотая монета весом 3,5 г. Стабильность веса (на протяжении почти 500 лет, с 1287 по 1797 гг.) и высокая проба металла (23,5 карата = 980 метрическая проба) сделали эту монету очень популярной и востребованной в Европе и Азии.

Гуруш (груш) – под этой монетой, вплоть до 1687 года, в Османской империи и в Крыму понимались талеры – крупные европейские серебряные монеты. Ко времени, к которому относятся ниже рассмотренные нами документы (начало XVII века), это были так называемые рейхсталеры (Reichsthaler) – серебряные монеты государств Священной Римской империи, которые выпускались с 1566 года. Их вес был 29,23 г. Делались из серебра 889 пробы.

С 1687 года, при султани Сулеймане II, в Османской империи стали чеканить собственную монету гуруш (куруш) – аналог европейского талера.

Акче – общее название мелкой серебряной (зачастую сделаны из металла с очень низким содержанием благородного металла) монеты. В первой четверти XVII века акче крымское и османское были приблизительно равны по своей стоимости. Их вес в это время составлял приблизительно 0,32 г.

Уместна будет следующая таблица приблизительной стоимости крымского акче к другим монетам по годам.

	Османское акче	Венецианский дукат (хасене). Золото	Гуруш (талер). Серебро
1588	1/5	600	400
1610	1	120	80
1668	1,5	170	75

В этом смысле интересно проанализировать стоимость клада, найденного под Феодосией приблизительно в 2012 году. Содержание комплекса – монеты Сахиба Герая I, Девлета Герая I и Мехмеда Герая II, всего – 10 168 акче. Пусть один крымский акче в это время равнялся 5 османским (см. цитату Броневского). В таком случае клад по стоимости равен около 2000 османским акче. В 1584 году (год смерти Мехмеда Герая II – приблизительная верхняя граница укрытия клада, в составе которого именно монеты этого хана были самыми поздними) за один венецианский дукат давали 80 османи. То есть весь клад можно оценить в 25 золотых монет (хасене). Как мы увидим далее, это не такая уж и большая сумма.

Для середины XVIII века мы можем построить вот такую таблицу соотношения крымских и европейских монет [Якушечкин, 2012, с. 288]:

Монеты	Халим Герай (1756–1758 гг.)	Крым Герай, I правление (1758–1764 гг.)
Венецианский дукат	465 бешлыков	77 ½ бешлыка
Голландский дукат	440 бешлыков 2 акче	73 бешлыка 2 акче
Польский злотый	180 бешлыков	30 бешлыков
Польский грош	45 бешлыков	7 ½ бешлыка

О ценах в Крымском ханстве

Для удобства все цены ниже будут приводиться в крымских акче.

Специалисты отмечают, что цены, указанные в некоторых судебных оценках имущества, могут

не отражать реальных рыночных реалий. Но для наших, ознакомительных целей мы можем не обращать внимания на этот нюанс.

Из документов 1608–1613 гг. [Биярсланов, 1889].

Рабы

Невинная девушка 12 лет – 2400

Казак под именем Аллахвердия – 2400

Атаман по имени Джафер – 3600 (30 хасене)

Невольник по имени Байгельдий с женою и малолетним сыном – 7200 (60 хасене)

Невольник по имени Хайдар с женою – 4200 (35 хасене)

Невольник по имени Тельмач – 3000 (25 хасене)

Недвижимость

Нижний дом, находящийся в Бахчисарае, – 8400 (70 хасене)

Верхний дом, находящийся в Бахчисарае, – 6600 (55 хасене)

Виноградник – 7 200

Домашний скот

Буланый конь – 2 400 (20 хасене)

Вороной конь – 480

Пара волов – 1 200 (10 хасене)

Вороной годовалый жеребчик – 300 (2 1/2 хасене)

Темно-серая корова – 600

Пять коров – 20 хасене

Сорок семь штук овец – 28 800 (235 хасене)⁴⁶

Посуда/Домашняя утварь

Два казана с ушками – 320

Медный супник – 20

Два чугуна (медный кувшин для воды) – 160

Покрывало из шерсти – 240

Два блюда для пахлавы – 140

Среднее тенджерере (медная кастрюля для варки пищи) – 100

Цирюльный таз – 120

Серебряных кружек, кувшинов и рюмок весом 550 дирхемов⁴⁷ – 4200 (35 хасене).

⁴⁶ Стоимость овец нам кажется завышенной. Возможно – ошибка в переводе.

⁴⁷ 550 дирхемов = 1,76 кг.

Подушка из полосатого атласа – 240 (2 хасене)
 Узорчатый войлочный ян (полоса войлочной материи, закрывающая переднюю часть турецкого дивана) – 480 (4 хасене)

Одна простыня алепской материи – 120

Одежда

Банная рубаха – 240

Шуба, крытая красным атласом с чапразами, – 2 640 (22 хасене)

Черная заячья шуба, крытая красным парчовым бархатом, – 3000 (25 хасене)

Кунья шуба, крытая белым серасером, – 3600 (30 хасене)

Кушак из лилового бархата, унизанный жемчугами, – 7200 (60 хасене)

Украшения

Перстень с белым яхонтом – 1200 (10 хасене)

Перстень с рогом носорога – 180 (1 ½ хасене)

Пара яхонтовых серег с жемчугом – 2400 (20 хасене)

Браслет с драгоценными камнями – 9000 (75 хасене)

Пара золотых браслетов, называемых джебе, – 2760 (23 хасене)

Сведения в документах о разделах имущества не дают ответа на еще один очень интересный вопрос – цен на продукты питания. Но тут нам на выручку приходят другие источники.

Так, Эвлия Челеби в «крымском» разделе своего замечательного труда «Книга Путешествий» не раз отмечает прекрасное качество продуктов, выращиваемых и производимых на нашем полуострове.

Надо сказать, что ко времени посещения Челеби Крыма (1666–1667 гг.) паритета между крымской и османской монетой уже не было. Турецкие акче стремительно деградировали, попав в череду денежного кризиса, который завершится лишь в 1687 году введением в Османской империи новой серебряной монеты – куруша.

Несмотря на то, что отношение крымской и османской монеты во второй половине XVII века еще специально не освещалось в специализированных работах, можно с достаточной степенью приближения допустить, что во времена, что

описывает Челеби, один крымский акче был равен 1,5 османского⁴⁸.

Челеби все денежные суммы указывает в османских акче, за исключением особо оговариваемых им случаев. В частности, вот в этом пассаже упоминается именно крымское акче [Эвлия, 2008. С. 50]: *Потому что здесь [в Гезлеве] делают чистойшую, прошедшую через искусные руки, темную и вкусную, как костный мозг, бузу. Три окка⁴⁹ бузы продают за одно крымское акче. Татарин, сидя на коне, сразу выпивает бузы на пять акче и уходит пьяный. За монету в пять акче⁵⁰ идет пятнадцать окка бузы. За раз вдвоём выпивают пятнадцать окка бузы и уходят пьяные.*

Далее для удобства приведем цены, как их дает сам Челеби, в османских акче.

О Карасу (Белогорск) [Эвлия, 2008, с. 151]: *«Достойны похвалы находящиеся с двух сторон города справа и слева от Карасу бесчисленные сады и виноградники. Но виноград кислый на вкус и похвалы не достоин. Однако черешню, вишню, сливу, яблоко, а также пол-окка белого хлеба отдают за одно акче, а одно окка баранины – за два акче, а говядины – за одно акче. Мясо ягнят считается невкусным, и татарский народ его не ест. Покупая же конину, они ссорятся и могут даже погибнуть. Потому что конина даёт силу и способствует пищеварению, это полезное мясо».*

О Кефе (Феодосия) [Эвлия, 2008, с. 189]: *«Белый хлеб и баранина стоят по одному акче за окка. Пол-окка говядины и варблюжатины стоят одно акче. А одно окка конины и ослатины стоят два акче».*

⁴⁸ Вес крымского акче во второе правление Мехмеда Герая IV был около 0,28 г, османского – 0,26 г, но крымское акче, судя по всему, чеканилось из более чистого серебра. Это отдельно отмечает в своих заметках и Челеби: «Это белое акче [крымских ханов] – кружок из чистого серебра» [Эвлия, 2008, с. 103]. Естественно, к этому времени изменился и обменный курс акче. Так, в 1668 году за один венецианский дукат (хасене) надо было отдать 250 османских акче [Pamuk, 2000. P. 144, table 8.3]

⁴⁹ Окка – мера веса в Османской империи и в Крыму. Равна 1,28 кг. Один окка содержит 400 дирхемов. Часто в окка измеряли и меры жидкости, т. е. окка = 1,28 литра.

⁵⁰ Именно во второе правление Мехмеда Герая IV (1654–1666 гг.) в Крыму был выпущен новый монетный номинал – бешлык (от «беш» – пять), монета весом около 1,35 г и стоимостью в пять акче.

Еще одним интереснейшим для нашей темы источником является указ хана о максимальных ценах на продовольственные товары в период месяца святого Рамадана 1095 г. х. (август – сентябрь 1684 года)⁵¹ [Иналджик Г., 1996, с. 325–326, документ № 16].

В 1095 году, месяца Рамадана виды бакалейного товара

Цены даны за меру товара в 1 окка (1,283 кг). Указаны в акче.

	Продукт	Цена за 1 окка (в акче)
1	Мёд крымский ⁵²	18
2	Мёд греческий (румелийский, из Румелии)	14
3	Мёд простой	10
4	Масло оливковое	24
5	Рис	7
6	Миндаль	-----
7	Трабзонский фундук	6
8	Виноград предместья Ризе	6
9	Виноград из Беглердже	6
10	сок лимона	14
11	Фасоль	4
12	Чечевица	3
13	Грушевые	9
14	Халва с грецким орехом	12
15	Хурма местности Каабы	14

⁵¹ Автор выражает благодарность Джелиловой Ленире Шакировне, кандидату филол. наук, доценту каф. крымскотатарской литературы и журналистики КИПУ (Симферополь) за любезную помощь с переводом и толкованием данного документа.

⁵² Производство меда в Крыму было делом настолько важным, что существовала специальная административная должность – балджибаши-ага (глава пасечников и торговцев медом).

16	[Чернушка] виноград	5
17	Груша сушеная	6
18	Кечибойнузу* (фасоль стручковая, плод рожкового дерева)	5
19	Хурма темная	4
20	Уксус	3
21	Горох-нохуд	6
22	Сыр твердый	12
23	Сыр «Тулум»	8
24	Сыр брынза	6
25	Кишмиш	5
26	Крупная фасоль	2
27	Икра	22

Интересно, что в середине XVIII века крупная торговля в Крыму сталкивалась с проблемой низкой покупательной стоимости крымской монеты. Вот что об этом пишет упомянутый нами купец Клееман [Клееман, 1783, с. 110–111]: *«Монета моя, состоящая по большей части в Башлыках Татарских, коих 150 составляют один пиястр, требовала часто, чтоб оную носить двоим или троим человекам на мою квартиру, от чего и рознесся великой слух, почитая меня во всем Крыму за наибогатейшего купца, другие ж щитали за рознощика с мелочными товарами.*

Товарищи мои, вместо того, чтоб мне помочь в вечеру щитать вырученныя мною деньги, просили от того их освободить, говоря, что они, весь день находясь в трудах, устали, и просили пить и есть; а при том, чтоб еще было для них лучшее вино. Я принужден был щитать мои Башлыки один, а при том ночь к тому не была способна, ибо покой мой был в отдалении и чтоб не вдаться мне в опасность, советовали всячески в том остерегаться».

12.6. Рабы и работорговля в Крымском ханстве

В. Д. Жуков, О. Д. Рустемов, А. А. Шейхумеров

Тема рабства и работорговли в истории Крымского ханства относится к числу одной из наиболее широко представленных тем в историографии и вместе с тем одной из наименее изученных. По справедливому замечанию И. В. Зайцева, «в российской и западноевропейской историографии долгое время господствовали превратные представления о низком, примитивном уровне развития экономики в Крымском ханстве. Ханство представлялось паразитическим государством, где отсутствовали земледелие и ремесло, а все доходы сводились к транзитной торговле рабами, захваченными в грабительских походах на русские, польские и кавказские земли» [История Крыма, 2017, с. 468].

В рамках этого параграфа будут рассмотрены следующие вопросы: 1) пути поступления невольников; 2) численность несвободного населения Крыма; 3) пути выхода из рабства; 4) материальное и социальное положение рабов; 5) последствия рабовладения; 6) судьба ясырей из Крымского ханства.

Пути поступления невольников в Крым были разнообразны. На территорию юрта попадали люди, лишившиеся свободы в ходе набегов; доставленные в Крымское ханство благодаря торговле и невольники, привезенные на полуостров в качестве подарков и дани крымским элитам.

Наибольшее число рабов попадало в юрт благодаря набегам крымских и ногайских татар на сопредельные государства и народы¹.

Снижение набеговой активности и внешнеполитический фактор привели к тому, что в XVIII в. выросла доля не захватываемых, а покупаемых рабов. Так, из Черкесии приводили невольников не только благодаря походам на тамошние племена, но и ввиду широко распространенной на Кавказе практике продажи в рабы своих соплеменников или даже членов семей [АБКНКА, 1974, с. 54, 134]. Начиная с 40-х гг. XVIII в. крымские и кубанские купцы постоянно ездили в Калмыцкое ханство за калмыцким ясырем, скупая за раз по несколько сот человек [Цюрюмов, Батыров,

2006, с. 65]. В начале XVIII в. в Османскую империю и Крымское ханство попадали невольники из Швеции и Финляндии, захватываемые в плен казаками во время Северной войны (1700–1721) и поступавшие в мусульманские страны благодаря транзитной торговле, в которой посредниками выступали купцы-греки [Станіславський, 2016, с. 93]. Экзотическим товаром были евнухи-африканцы, перевозимые на Крымский полуостров через Черное море из Османской империи и спрос на которых объяснялся их высокой репутацией слугителей гаремов [Kravets, 2009; Кравець, 2010].

Некоторое количество невольников поступало Гераям и высшей знати юрта в качестве подарков от союзников и подданных. Одним из пунктов выплаты дани со стороны адыгейских «владельцев» была поставка «живого товара» в Крым, в том числе по 300 невольников каждому новому хану. Стандартной нормой при обращении черкесских князьков за помощью в междоусобной борьбе были подарки людьми хану и его приближенным [Описание, 1902, с. 125].

Во время Руины соперничающие между собой за власть украинские гетманы пытались заручиться благосклонностью Бахчисарая, отсылая в Крым пленников из других казацких отрядов (во время одной такой поездки в плен к запорожцам попал знаменитый в будущем И. Мазепа), а в 1709 г. запорожцы послали в подарок хану 100 солдат, захваченных ими в результате нападения на русские отряды у Царичанки [Станіславський, 1998, с. 80]. Вступив в конфронтацию с властями Российской империи, запорожские казаки (сами или с татарами) осуществляли набеги на российскую территорию, продавая захваченных ими людей туркам и татарам. Особенно активно запорожцы промышляли продажей украинцев в мусульманское рабство в 1711–1713 гг. [Доба, 2007, с. 594–595; Грибовский, 2018, с. 274]. Этим же занимались другие казаки, воевавшие на стороне турок-османов и татар – ахреяне и некраковцы. Отдельные примеры практик работорговли впечатляют своей креативностью. В 1752 г. жители украинского города Саврань заключили своеобразное соглашение с очаковскими татара-

¹ См. параграф 15.2. «Набеги крымских татар». (А. А. Шейхумеров)

ми, похищая в окрестных городах детей и жен и привозя их на продажу татарам. Очаковские же жители, в свою очередь, крали коней у ногайцев и меняли их у савранцев на людей [Архів, 2000, с. 562–563].

Численность невольничьего населения была напрямую связана с результативностью и размахом набеговых акций. Хотя в историографии существуют разные оценки количества ясыря, захватываемого крымскими и ногайскими татарами в набегах на страны Центрально-Восточной Европы и Кавказа, трудно сказать, сколько рабов крымчане оставляли на территории полуострова, а сколько они экспортировали за рубеж.

В нашем распоряжении есть ряд сведений, позволяющих приблизительно оценить долю невольников в общей массе крымского населения в XVI–XVIII вв. Хронист и придворный хана Сахиба Герая I Реммаль-Ходжа сообщал, что к моменту смерти этот монарх обладал 3 тыс. рабов [Inalcik, 1979–1980, р. 463]. Известно, что хан имел право на 10% всей добычи, захваченной его воинами. Если предположить, что крымцы оставляли в своих хозяйствах в процентном отношении такое же количество невольников, сколько и их государь, то всего в Крыму на середину XVI в. должно было бы быть 30 тыс. ясырей. Правда, хан как богатейший человек страны мог позволить себе закупать их в больших количествах, чем кто бы то ни было другой. Однако часть трофеев ханы также оставляли своим приближенным и гвардейцам, не следует сбрасывать со счетов и рабов, оставшихся в османской части полуострова. Потому полагаем, что к моменту воцарения Девлета Герая I (1550 г.) в Крыму проживало около 40 тыс. ясырей, что составляло, вероятно, 20% от численности свободного населения.

В 1620 г., по словам польского посла в Крымском ханстве Ф. Олешко, на территории полуострова находилось 90 тыс. невольников-христиан [Сас, 2011, с. 22]. Для сравнения – к 1620 г. русские освободили из Ногайской Орды 15 тыс. русских невольников [АМГ, 1890, с. 203], а на 1640 г., по данным польского посла (ссылавшегося на слова самих турок), в европейской части Османской империи, Стамбуле и на флоте находилось

150 тыс. рабов из Речи Посполитой [Королев, 2013, с. 261]. В 1660 г., согласно коллективному письму польских невольников из Бахчисарая, на территории полуострова в рабстве находилось 4 тыс. поляков-католиков [Сінкевич, 2016, с. 200]. М. Б. Кизилов, со ссылкой на этот же источник, писал о 40 тыс. [Кизилов, 2016, с. 131; Kizilov, 2017, р. 115]. По другим данным, в 1660-е гг. в Крыму проживало лишь 700 невольников-католиков [Kizilov, 2017, р. 115]. По подсчетам А. С. Лаврова, общее число невольников в Крыму в 1660-е гг. составляло 30 тыс. или более [Лавров, 2019]. Согласно показаниям вышедшего с полуострова украинца, летом 1687 г. в Крыму по ханскому приказу была проведена перепись рабов, согласно которой их оказалось 107 тыс. [Мицик, 2020, с. 14]. В 1690-е гг., по словам одного из приближенных хана Селима Герая I, в Крыму находилось в неволе 100 тыс. подданных русского царя [Лавров, 2019, с. 639]. В 1713 г. на полуострове находилось 15–20 тыс. рабов. Иезуит отец Ф. Дюбан, сообщивший это число, добавлял, что за несколько лет до того более чем 40 тыс. рабов умерло от некоей болезни [Кондараки, 1883а, с. 121]. По отдельным городам есть следующие данные. Согласно кадийским сиджилям, в 1683–1744 г. рабы были у 11,2% жителей Карасубазара [Özdem, 2006, р. 149], преимущественно – людей обеспеченных. В 1701 г. «...полоняников в одном городе Кефе болши трех тысяч человек, а во всем Крыму – и сметить невозможно» [Аваков, 2014б, с. 16]. В июле-августе 1771 г. из-за вторжения русской армии в Крыму сильно уменьшилось число невольников: 1,2 тыс. ясырей было выкуплено, около 9 тыс. самовольно бежало к русским [Соловьев, 1879, с. 740]. Учитывая, что проблема невольников продолжала всплывать в крымско-русских отношениях после 1771 г., полагаем, что в Крыму их по-прежнему оставались еще тысячи. Важно отметить, что рабы распределялись среди крымцев неравномерно: значительная часть их концентрировалась в хозяйствах хана, калга-султана, нуреддин-султана, беев и мурз. Всего несколько десятков родов контролировали львиную долю невольничьего населения. Число рабов на полуострове менялось в зависимости от успешности походов и условий жизни в самом Крыму (голод и эпидемии сокращали их число).

Пути выхода из плена существенно различались между собой по характеру предпринимаемых действий. Изменить свой статус можно было благодаря: удачному побегу, освобождению во время вражеских вторжений в Крым, выкупу, обмену, освобождению хозяином.

Выкуп. Правительства Польши и России, частные лица и религиозные организации предпринимали значительные усилия для выкупа своих подданных, родственников и единомышленников. Продемонстрируем механизм выкупа на примере России в XVI–XVII вв.

Государственный выкуп пленников существовал на протяжении всей истории Московского государства. На эту сферу политики тратились значительные средства, к ней прилагались большие дипломатические и административные усилия. Кроме того, до середины XVI в. практиковался частный выкуп, когда родственники пленников приезжали в Крым и разыскивали их, договариваясь о цене выкупа и пользуясь при этом правами и привилегиями купцов [Шмидт, 1961, с. 32–33]. Начиная с 1551 г., когда на Стоглавом соборе был установлен специальный налог на выкуп пленников («полоняничные деньги»), государство взяло эту задачу под свой контроль и делает ее одной из приоритетных. 72-я глава Стоглава предписывает ежегодно взимать налог с каждой сохи в государеву казну, а сам налог получает статус «общегосударственной милостыни» [Бережков, 1888, с. 24]. В Соборном Уложении 1649 г. законодательство о выкупе пленников было подтверждено в 7-й главе, отныне денежный сбор становится подворным и обязательным для всех [Тихомиров, Епифанов, 1961, с. 89]. Здесь же фиксировались цены, по которым следовало выкупать пленников. Социальное происхождение полоняников определяло их стоимость выкупа: за дворянина и сына боярского – 20 руб. с каждых 100 четвертей земли его поместного оклада, за московского стрельца – 40 руб., за стрельца и служилого казака «украинных городов» – 25 руб., за посадского человека – 20 руб., за пашенного крестьянина и за холопа – 15 руб. [Тихомиров, Епифанов, 1961, с. 89–90].

Именно в первой половине XVII в. система

государственного выкупа пленников стала активно развиваться, что хорошо видно в дошедших до нас документах Посольского приказа, где четко прослеживается последовательность действий московских дипломатов. Делопроизводство дипломатического ведомства позволяет показать не только порядок выкупа и правительственную политику в этой области, но и проследить судьбы людей, ради которых и существовала вся система выкупа самих пленников.

Московские посольства ежегодно направлялись в Крым для выполнения ряда дипломатических поручений. Одно из таких поручений было связано с поиском пленников и обеспечением условий для их выкупа. Данные поручения находят свое отражение в «памятях о полоняниках» [Жуков, 2017], которые являлись составной частью государевых наказов посланникам, отправлявшимся в Крым. Поиск полоняников производили не только на невольничьих рынках у перекупщиков, но также посещали непосредственных хозяев пленников, с которыми договаривались о цене выкупа. Как правило, у посланников была с собой «роспись людей», которых следовало разыскивать целенаправленно – главным образом это служилые люди, попавшие в плен на государевой службе. Одновременно и про тех, «которые сверх той росписи в Крыме есть», следовало «проводывать всякими мерами накрепко. Да которые полоняники у них объявятца или про которых сведают и о тех полоняниках велено договариваться с теми людьми, у которых они живут, о окупы всякими мерами» [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 22. Л. 94 об.–95].

Итогом проделанной подготовительной работы было составление «полоняничной росписи», в которой отражались имена пленников и договорные цены выкупа за каждого из них. Роспись отправлялась в Посольский приказ, откуда выделялись деньги на выкуп. «Полоняничная роспись» являлась своего рода обязательством государства перед невольниками в том, что они будут выкуплены. Владельцы полоняников, со своей стороны, должны были привезти всех, фигурировавших в росписи, полоняников на «валуйскую размену», где и производился выкуп пленников [Жуков, 2014, с. 96–97].

Бегство. Некоторые люди стремились покинуть Крым, сбегая от своих хозяев. По словам Эвлии Челеби, «со временем орский ров засыпался землей, и пленники стали убегать из Крыма» [Эвлия, 2008, с. 37]. Ясыри иногда бежали от одних хозяев к другим [Królikowska, 2014, p. 559]. В 1601 г. имел место групповой побег невольников, выбравших своим капитаном некоего волоха и бежавших в Крымские горы [Pulaski, 1911, p. 847]. Однако отметим, что, сколь бы часто ни поднимались на борьбу с угнетением украинские крестьяне в Речи Посполитой или русские крепостные в России, попадая в Крым, они уже никогда не восставали. Полагаем, что бежали преимущественно те рабы, которые попадали к суровым хозяевам (подобно тому, как угнетаемые холопы бежали из Московского государства на Дон). Жесткое обращение побуждало невольников к бегству, и именно потому в рассказах выходцев из крымского плена столь часто фигурируют жестокость и зверства по отношению к невольникам. Кроме того, красочные живописания ужасов плена повышали возможность получения денег за «полонное терпение». В то же время от добрых, заботливых хозяев почти наверняка сбежали реже и потому о судьбах невольников, остававшихся в Крыму, известно намного меньше (преимущественно – из материалов кадийских сиджилей). Выкупы, бегства и освобождение военным путем приводили к обретению свободы лишь незначительной частью невольников [Висотін, 2013, с. 58]. Подавляющее большинство их уже никогда не возвращалось домой.

Освобождение хозяином. Согласно крымскому законодательству раб, отработавший на хозяина несколько лет (условия службы и ее срок устанавливались в договоре между хозяином и его рабом – *китабете*), получал свободу [Үәә, 2014, p. 666]. После получения «вольного листа» бывший ясырь мог вести самостоятельное хозяйство. Обретя свободу, он вместе с тем становился военнообязанным. Вольноотпущенники и «отработавшиеся» наряду с крымскими татарами должны были выставлять воинов и снаряжать их для похода [Пейссонель, 2009, с. 33]. Раб также признавался свободным, если хозяин назовет его своим сыном или дочерью [Рустемов 2017, с. 147]. Другим поводом освобождения неволь-

ников, как мужчин, так и женщин, служил канун какого-либо праздника, тяжёлая болезнь хозяина (хозяйки) или их смерть. В таком случае согласно завещанию, касавшемуся невольников (оно называлось *тедбир-и муккаед* – обязательно к исполнению), уже никто не мог возражать. При этом следует отметить, что такие массовые освобождения рабов были нередким явлением.

Принятие ислама и ассимиляция. С течением времени часть невольников привыкала к новому обществу. Известны примеры обращения пленников в ислам с последующей военной и гражданской службой Гераям. «Много поляков, к примеру Билецкий, Белоскорский, Каменский, Свидерский, Цегельский, с принятием ислама становились переводчиками, дипломатами и писарями ханов», – писал польский историк Л. Подхородецкий, добавляя, что татарский плен был лотереей, в которой можно было получить тяжкий труд либо возможность неплохо обустроить свою жизнь и сделать карьеру (хотя последнее было менее вероятным) [Podhorodecki, 1987, p. 63–64]. Известен случай, когда бывший раб-поляк, ставший мусульманином, работал надзирателем над другими рабами [Kizilov, 2020, p. 260].

Справедливости ради укажем, что единичные примеры впечатляющей карьеры не означали, что в юрте существовали какие-либо особо суровые условия для карьерного роста. Лишь единицы невольников становились видными лицами в ханстве, однако и лишь немногие из миллионов жителей Речи Посполитой и России входили в состав правящих элит. Своеобразной была история И. Вергуненка, невольника, объявившего себя истинным наследником московского престола (Лже-Ивашка II). Это заявление привело к улучшению материального положения «царя»: самозванец был перевезен из Кефе в Бахчисарай и предлагал хану захватить Москву и посадить себя на трон.

Важнейшей категорией ясыря были женщины. Часто крымские татары вообще предпочитали уводить в качестве ясыря лишь женщин и детей. Как и дети, женщины принимались непосредственно в крымские семьи, как правило, быстро адаптируясь к новой среде. Значительные шансы достигнуть высокого положения в обществе име-

ли ясыри, захваченные в плен в детском возрасте. Не все из них продавались в рабство, часть детей крымцы оставляли в своих семьях и воспитывали как родных: дети считались легко ассимилируемыми. Они являлись полноправными членами своего нового общества. Согласно летописи С. Величко, в 1675 г. запорожский атаман И. Серко приказал убить 3 тыс. христиан и *тумов* (детей, рожденных от невольницы и татарина) из числа «освобожденных» в ходе казацкого набега и пожелавших вернуться в Крым. Атаман будто бы аргументировал это тем, что лучше им умереть, «чем размножаться в Крыму между басурманами на наши христианские молодецкие головы» [Збірник, 2006, с. 567]. Эти слова И. Серко, даже если они вымышлены, показывают ясное понимание казацким летописцем того факта, что ясыри и их потомки ассимилировались в крымской среде и пополняли ряды ханских войск.

Выросшие в новом окружении дети принимали участие в крымскотатарских военных кампаниях. Известна история жизни одного из таких «потурченцов», поляка Ф. Кречнева. Будучи захваченным крымцами в Польше ребенком, он был увезен на полуостров, обращен в ислам и впоследствии женился на крымской татарке. Кречнев участвовал в походах крымских татар, в частности, в составе ханского войска сражался с русскими в битве у Конотопа в 1659 г. и ходил вместе со своими новыми соотечественниками на московские «украины» [Фаизов, 1991, с. 68–69]. В 1697 г. в расположение русских войск под Азовом пришел валах, при расспросе которого выяснилось, что он «...в котором городе родился, и как ему было христианское имя, и отца его как звали, того не упомнит, по тому что взят в полон в малых летах, а звали его татарским именем Гусейном» [Рубан, 1773, с. 154]. Иезуит, побывавший в Северном Причерноморье в 1702 г., писал: «В стране казаков, у границ Крыма и у Кубани я встретил многих австрийцев, которые во время осады Вены захвачены были татарами, когда им было по девяти или осьми лет, и до сих пор живут в рабстве частью у татар, частью у казаков». Однако выяснилось, что покидать эти земли они не хотят: «Когда я стал советовать им бежать, что им легко было сделать, то они отказались, гово-

ря, что не знают, будут ли иметь в нашей земле что есть, так как наверное все имущество их погибло» [Письма, 1904, с. 55–56].

Со временем ясыри сливались с основной массой крымского населения. Исследователь крымскотатарского землевладения Г. Ф. Блюменфельд показывал эволюцию положения рабов и вольноотпущенников в Крыму на протяжении жизни нескольких поколений – сначала беи отработывали землю «...рабами, или отдавая им же в аренду, причем, разумеется, условия найма диктовались односторонней волей бея. Впоследствии рабы постепенно получали свободу и переходили в разряд вольноотпущенников; здесь уже о безусловной зависимости от бея не могло быть речи; условия аренды становились мягче и определеннее. Еще лучше было положение потомков вольноотпущенников... Разница между потомком вольноотпущенника, пришедшим человеком и своеземцем забывалась; положение их с течением времени уравнивалось» [Блюменфельд, 2011, с. 22].

Общественное и материальное положение.

На положении рабов сказывались несколько факторов. Во-первых, принятые в классическом исламском законодательстве (шариате) нормы обращения с невольниками. Во-вторых, личные качества и характер как хозяина, так и раба, их умение выстраивать отношения между собой. В связи с этим показательна история польского шляхтича С. Г. Друшкевича, попавшего в плен к крымским татарам после Желтоводской битвы 1648 г. Первый хозяин Друшкевича, согласно воспоминаниям шляхтича, относился к нему плохо, однако второй, турок из Кефе, «...не как к невольнику, а как к родному сыну ко мне относился» [Druszkiewicz, 2001, р. 88]. Друшкевич даже после возвращения в Польшу с душевной теплотой вспоминал своего второго хозяина.

Материальный достаток раба напрямую зависел от благосостояния его господина. Согласно крымскому праву невольникам (как и членам семьи) хозяин назначал жалование (*нафака*). При этом содержание на жен и детей мусульман и их рабов было сопоставимым [Królikowska, 2014, р. 558]. Известны прецеденты, когда невольники добивались через суд увеличения *нафака*, сочтя первоначальные выплаты недостаточными.

Многие рабы имели разрешение или лицензию на занятие той или иной рода деятельностью, так называемый *изин*. Раба, имеющего *изин*, называли *абд-и мезун*. Как правило, это было связано с торговлей. Хозяин выделял деньги на покупку того или иного товара, а *абд-и мезун* перепродавал этот товар с наценкой, отдавая прибыль господину.

Свои особенности имела жизнь невольниц, называемых *джарие*. Как правило, это были относительно молодые женщины, пользующиеся особым интересом среди мужчин. Встречались владельцы, которые использовали *джарие* как проституток, складывая прибыль в карман. Однако если *джарие* забеременела, а никто из потенциальных отцов не признавал за собой ребёнка, хозяин невольницы брал попечительство на себя. Естественно, что при этом ребёнок считался рабом от рождения. Однако бывали случаи, когда отец признавал своего ребёнка, брал его на воспитание вместе со своей теперь уже невестой. Этот ребёнок считался полноправным мусульманином и был свободен от рождения.

Рабство в мусульманских странах, таких как Османская империя и Крымское ханство, было патриархальным. Ясыри могли участвовать в судебных делах. Из сохранившихся судебных книг времен хана Мурада Герая I известно, что рабы выступали истцами в 2,1% спорных судебных процессов и в 0,4% неспорных [Królikowska, 2013б, р. 130]. Бывало, что хозяин обещал невольнику, что тот станет свободным после его смерти, но дети покойного пытались сохранить раба как свою собственность. В таком случае рабы вели дело за признание своего освобождения. В пятнадцати из шестнадцати подобных судебных процессов, известных из сиджилей времен Мурада Герая I, победили невольники, признанные судом свободными, и лишь в одном – новый хозяин [Królikowska, 2014, р. 555]. Рабы женились и заводили семьи [Вернадский, 1920, с. 289].

Условия жизни крестьян в Польше и России были весьма суровы, отчего не все желали возвращаться из Крыма обратно на родину. «В Крыму было немало русских, которые надолго, иногда на всю жизнь, оставались там, втягиваясь в хозяйственную жизнь и быт. Иные и не склонны были возвращаться в холопство или в крепост-

ную неволю к старым господам» [Шмидт, 1999, с. 86–87]. По мнению А. С. Лаврова, жизнь холопов в России была похожа на жизнь невольников в Крыму и Турции, что снижало мотивацию невольников к возвращению домой [Lavrov, 2015, р. 319]. Такую же картину рисует и Л. Подхородецкий: «Так как в Крыму царили патриархальные нравы, пленников считали детьми семьи, хорошо кормили и одевали. Некоторые получали участки земли, дома и инвентарь, занимались огородничеством и садоводством, заводили семьи. Бывало, что некогда панские холопы считали такую жизнь лучшей, чем в фольварке шляхты или у боярина в прежней родине» [Podchorodecki, 1987, р. 63]. И если пленный аристократ стремился вернуться из рабского состояния к своим поместьям и зависимому населению, то у рядового крестьянина желание возвращаться со сравнительно теплого полуострова в суровый северный климат было, скорее всего, ниже.

Некоторые рабы поддерживали Крымское ханство. Казацкие послы в Крыму в ноябре 1654 г. писали: «Оставя в Перекопе, три ндли ждали (мы) хана, только так от татар, яко и ото своих невольников, имели поругание и брань: «брат Москва, а наша не брат» [Джерела, 2014, с. 168]. То есть то, что для казаков «братьями» стали русские, а не татары, стало объектом критики не только самих татар, но и ясырей.

Однако вместе с тем многие рабы были подавлены и угнетены своим подневольным положением, подобные стрессы и тяжёлые беспросветные будни пагубно отражались на психике невольников, которые нередко заканчивали жизнь самоубийством. В кадийских сиджилях отмечаются случаи убийства рабов хозяевами [Yaşa, 2019a].

Не было черно-белого мира в виде «мусульман-угнетателей» и «христианских жертв»: христиане и караимы сами владели рабами-христианами [Kizilov, 2020, р. 256–257]. Более того, рабы-православные часто ненавидели и третировали рабов-католиков, которые чувствовали себя «рабами рабов» [Kizilov, 2020, р. 257]. Иезуит Ф. Згода, в 1611 г. попавший в татарскую неволю, бежал в Валахию, но валахи продали его обратно крымским татарам [Kizilov, 2020, р. 256].

Бывшие ясыри, добивавшиеся высоких постов в крымском обществе, иногда агрессивнее вели себя по отношению к христианам, чем мусульмане [Kizilov, 2020, p. 260].

О смертности среди невольников судить довольно трудно. Вероятно, медицинская помощь им предоставлялась в меньших объемах, чем свободным людям. Продовольственное обеспечение в голодные годы также наверняка шло по остаточному принципу, и мы можем предположить, что смертность среди ясырей была более высокой, чем среди крымских татар. В 1688 г., по словам толмача правобережного гетмана А. Могилы, побывавшего в Крыму и Бужаке, «невольники одни с голоду померли, а иных за море Черное и в иные места продали, и мало что так ж какие розве от несколько на десять лет там будучие навыкли тамошнего поведения осталис» [Станіславський, 2000, с. 309]. Из 150 пленных, поименно перечисленных в реестре польских пленников в Крыму 1649 г. (попавших в плен весной 1648 г.), приблизительно за год неволи умерло 18, то есть 12% [Augusiewicz, 2018, p. 168–169].

Последствия рабовладения в Крымском ханстве выражались в формировании этнических, религиозных и культурных стереотипов.

Проблема влияния ясырей на демографию ханства издавна привлекала внимание исследователей. Российские дореволюционные историки, такие как М. Н. Бережков и И. Ерофеев, затрагивали тему ассимиляции русских и украинских полоняников среди крымских татар [Бережков, 1888, с. 18; Ерофеев, 1908, с. 84]. В XX – начале XXI вв. этим вопросом активно интересовались украинские историки, отстаивавшие тезис об «украинизации татар» как следствии притока невольников в Крым [Кримський, 1930, с. 17; Дашкевич, 1993, с. 45].

Как показывают современные исследования, генофонд крымских татар близок к генофонду народов Восточного Средиземноморья (греков и турок), однако «следует отметить явную генетическую отдаленность генофондов крымских татар и греков от кластера восточнославянских популяций» [Агджоян, 2018, с. 46]. Это показывает незначительный характер вклада ясырей в

генетическое разнообразие крымскотатарского народа.

Тем не менее какое-то количество невольников все же смешивалось с местным населением. В начале XIX в. в Крыму оставалось небольшое число ясырей (разумеется, в качестве потомков вольноотпущенников). В Перекопском уезде в 1805 г. на 24 105 крымских татар приходилось 594 ясыря, а в Симферопольском уезде в 1806 г. было переписано 35 379 крымских татар и 719 ясырей [Лашков, 1897а, с. 121, 154]. Еще в начале XX в. русские этнографы с удивлением отмечали, что среди крымских татар продолжают жить потомки отпущенных на волю ясырей. «Одетый совершенно по-татарски, говорящий на чистейшем татарском наречии, по вере – благочестивый мусульманин, старик лицом своим совершенно определенно обнаруживал нетатарское свое происхождение. Передо мной стоял в татарском обличье рязанский, если хотите, мужичок. Оказалось, что это действительно был *чора*, как назывались в Крыму в ханские времена невольники и как поныне зовутся в степи их потомки, сохранившие особый физический тип (в данном случае – русский) и особое социальное положение», – писал в 1916 г. А. Н. Самойлович [Самойлович, 2005, с. 418]. Однако со временем ясыри все же ассимилировались среди крымских татар, окончательно исчезнув в XX в.

Рабы из Крымского ханства. В контексте истории крымских татар важно упомянуть не только рабов в Крымском ханстве, но и рабов из Крымского ханства. Свободу крымцы теряли в результате нападений врагов (в основном – казачьих и калмыцких набегов) или во время собственных вторжений.

Секретарь французского посольства в Варшаве П. Шевалье в середине XVII в. обращал внимание на схожее обращение как татар со своими рабами, так и обращение поляков с рабами-татарами. «С ясырем они (т. е. татары) обращаются как с рабами, продают их купцам из Константинополя или из других городов Востока, которые торгуют в Кафе, или оставляют пленников для собственных нужд, приказывая их пасти скот, обрабатывать землю в тех местах, где татары занимаются сельским хозяйством. Они кормят их

тем же, что едят сами, как мне это рассказывали польские и французские офицеры, такие как подполковник Николе и капитан ля Крустад, которые имели несчастье попасть в руки татар. Поляки платят им тем же: за исключением татарских детей, которых они берут на службу к себе, крестив их и воспитав в христианской религии, и за исключением некоторых мурз, которых поляки держат в заключении и с которыми обращаются довольно хорошо, чтобы их обменять на польских магнатов, которые попадают в татарский плен; *со всеми остальными татарами обращаются как с рабами* (выд. мной. – А.Ш.). Пленные постоянно закованы в ножные кандалы, и их, словно вьючных животных, принуждают носить различные тяжести, известь, кирпичи и другие материалы для зданий, дрова для кухни и для комнат, прибирать дома, обрабатывать землю, а также заставляют работать на других подобных работах. Их всегда подгоняет надсмотрщик, эти несчастные могут очень часто зарабатывать плети. За полученные деньги они покупают себе еду, ибо их обычная еда лишь хлеб и вода, а временами попадает им [сдохший] конь. Во время моего пребывания в Варшаве у короля и магнатов было двести или триста татарских рабов, которые так жили» [Шевалье, 1993, с. 72–73].

Имеющиеся сведения показывают, что татары, попадавшие в польский или русский плен, также сталкивались с жестоким обращением и задействовались на тяжелых работах. К примеру, польский шляхтич С. Маскевич вспоминал, что в Кодаке в 1647 г. «возле вала пленники-татары постоянно работали» [Pamiętniki, 1961, р. 233]. 3–4 октября 1648 г. татары и казаки добились от польского гарнизона в Бродах выдачи 80 пленных татар, используемых для работ по укреплению замка. При этом «упомянутые татарские невольники представляли собой небольшую рабочую ценность – они постарели и обессилели от труда и нужды» [Жерела, 1913, с. 11–12].

Численность невольников из Крымского ханства, содержавшихся в России и Польше, определить крайне трудно, однако полагаем, что счет шел на тысячи. В 1690-е гг. приближенный хана Селима Герая I оценивал число находившихся в России пленников-татар в 2–3 тыс. [Лавров, 2019, с. 639].

Хотя количество ясырей-татар было в разы меньше ясырей в самом Крыму, однако, с учетом разницы в демографическом потенциале, мы приходим к выводу, что для нескольких сот тысяч татар утрата нескольких тысяч своих соплеменников была катастрофой, сопоставимой с угоном десятков тысяч славян из многомиллионного людского моря Речи Посполитой и России. Рабство и работорговля в истории Крымского ханства это не только летопись страданий жертв татарского рабовладения, но и самих крымских татар, также попадавших в неволю к своим врагам.

Даже спустя столетие после утраты крымско-татарским народом собственной государственности память о своих невольниках еще сохранялась в крымском фольклоре. «Полоняничьи» песни крымских татар малоизвестны, и это удивительно, ведь в них жертвами угона в неволю становились сами татары, в то же время по понятным причинам историки чаще акцентировали внимание на славянском фольклоре, в котором оплакивалась судьба людей, попавших в татарскую неволю. Одна из крымских песен про плен была опубликована В. Х. Кондараки в 1875 г. [Кондараки, 1875, с. 7–8], и мы полагаем, что во времена Крымского ханства их было намного больше.

Подводя итог вышесказанного, отметим, что тема рабства и работорговли в истории крымских татар сложна и многогранна. Какими бы ни были оценки рабовладения в Крымском ханстве, бесспорным представляется то, что оно было разнотипным явлением.

12.7. Положение женщины в Крымском ханстве

А. А. Шейхумеров

Крымское общество эпохи ханства было патриархальным, с четко выраженным превосходством мужчин во всех сферах социальной и политической жизни. Что же касается другой половины населения юрта – женщин, то об их положении и статусе известно намного меньше, чем о мужчинах. История женщин в ханстве может быть разделена на два условных периода.

Первый период (XV – начало XVI вв.) характеризуется *относительной* свободой женщины как следствием сохранения старых ордынских традиций. Это известно по положению представительниц правящего рода Гераев. По замечанию А. М. Некрасова, «татарский Крым XV–XVI вв. демонстрирует нам еще во многом старое, «степное» отношение к женщине (разумеется, если судить по ханскому дому)» [Некрасов, 2015, с. 248]. Тем не менее и в это время мужчины безоговорочно доминировали в жизни общества. Так, когда Нур-Султан посмела публично проявить ослушание Мехмеду Гераю I, старший сын крымского правителя калга-султан Бахадыр Герай «...осердился, да учал царю говорить: какой ты царь, коли тебя жонка не слушает. И царь молвит: поедь ты, да угони ее, яз изыму за волосы, а ты отрежь ей голову». Впрочем, от совершения казни хана отговорили придворные [Сборник РИО, 1895, с. 503].

В это время женщины, хотя и имели теоретическую возможность оказывать некоторое влияние на политику страны, редко ею пользовались. В ранней истории ханства известна жена ширинского карачи-бея Мамака, «...отличавшаяся авантюризмом и располагавшая немалыми денежными средствами» [Гулевич, 2018а, с. 280]. М. Н. Бережков отмечал, что «жены Менгли Герая известны только по именам; лишь одна Нур-салтан является в источниках со своими определенными чертами, даже со своим крупным лицом» [Бережков, 1897, с. 2]. Матери Саадета Герая I и Сахиба Герая принимали участие в урегулировании внутривосточной ситуации на полуострове: «...в самом начале 1525 г. матерям хана и калги пришлось принести торжественную клятву-«шерть» в том, что их сыновья гарантиру-

ют взаимную неприкосновенность» [Некрасов, 2015, с. 245]. Девлет Герай I советовался со своей женой Айше Фатма-султан по государственным вопросам [Некрасов, 2015, с. 245–246].

Говоря о влиянии женщин на политику юрта в этот период, следует также отметить, что в истории Крыма никогда не было ничего подобного османской эпохе «женского султаната», не было в ханстве примеров женского регентства. Все примеры женской свободы в Крымском государстве были довольно ограниченными. Так, женщины (в том числе из правящего рода) не имели права самостоятельно предпринимать путешествия без сопровождения махрама (то есть мужа или близкого родственника). Совершившая хаджж (паломничество в Мекку) и ездившая в Москву Нур-Султан делала это в мужском окружении, признавая, что исламское право запрещает женщинам ездить одним [Бережков, 1897, с. 15–16]. Тем не менее женщины из дома Гераев в XV–XVI вв. (и позднее) могли вести переписку с иноземными монархами и принимали от них поминки. Американский историк Ч. Дж. Гальперин писал, что внимание к слабому полу отличало крымский двор от московского [Гальперин, 2019, с. 21].

Второй период (первая половина XVI–XVIII вв.) – это эпоха укоренения мусульманских традиций в крымском обществе, выражавшаяся в том числе в ослаблении позиций высокородных женщин в сфере политики. Этот период продолжался во времена Российской империи, вплоть до начала XX в. Однако известны случаи, когда принцессы из рода Гераев проявляли определенное своеволие [Пейссонель, 2009, с. 19–20]. Согласно сообщениям современников, фаворитки оказывали большое влияние на ханов и в XVIII в. Подобное сообщается о Халиме Герае I [Пейссонель, 2009, с. 59–60] и Крыме Герае I [Kołodziejczyk, 2014, с. 226].

Женский костюм соответствовал исламским стандартам. Крымскотатарские женщины покидали дом, лишь будучи одеты согласно мусульманскому этикету. Уважительным эпитетом, применяемым по отношению к мусульманкам

Крыма в судопроизводственной документации, было выражение «umdetu'1 muhderrat» («опора укрытых»), слово «mahdure» означало закрытых чадрой женщин [Рустемов, 2017а, с. 63–64]. Эвлия Челеби писал, что крымские татарки – это «...прекрасные затворницы, народ за занавесью (т. е. вуалью)» [Эвлия, 2008, с. 110]. Он также отмечал: «Все госпожи надевают суконные ферадже, с широким воротом, а на ноги надевают нижние сапожки и ботинки. [По улице] они ходят, разве что направляясь в баню. Подобно Рабие из племени Аду, это отшельницы за занавесью, добродетельные красавицы. И дочери их – чистые звезды – очень воздержанны» [Эвлия, 2008, с. 112]. В. Ф. Зуев, побывавший в Крыму в 1782 г., писал: «Женщины волосы на голове плетут в две косы, которые увивают около головы, а девушки расплетают свои волосы на множество мелких кос, которые висят по спине просто; но когда выходят со двора, то окутывают всю голову, шею и лицо кисеями, так что ничего не видно, кроме переносицы и глаз». Живший в Крыму в 1795–1809 гг. П. С. Паллас отмечал: «Выходя из дома, они надевают халат из редкотканой белой материи, которую сами и выделявают, покрывают голову бумажным турецким платком, цветным или белым, завязанным под подбородком, и покрывают все это белым полотенцем, падающим до половины рук, придерживая его правой рукой у лица так, что можно видеть только их черные глаза. Кроме такого переодевания, они скрываются, сколько могут, от мужчин, и приличие требует, чтобы они, если не могут избежать встречи с ними, или отворачивали лицо, или поворачивались к стене» [Паллас, 2015, с. 348].

Что же касается повседневной жизни обычной крымской татарки, то она сосредоточивалась преимущественно на домашних делах. Ручного труда не избегали и ханские жены, лично изготавлившие даже плети [Schuckelt, 2017, р. 321]. Появление женщин на рынке и вообще на публике не приветствовалось [Грибовский, 2019, с. 49]. Несмотря на обилие фактического материала, повествующего о затворнической жизни крымских татарок, современные писательницы в своих работах стремятся показать «равноправие» и «высокий уровень» свобод женщины в юрте, следуя принятому в западной культуре курсу на

поиски «гендерной свободы» в историческом прошлом [Абдулаева, 2012; Исмаилова, 2012]. В связи с этим стоит привести слова литовского публициста и дипломата XVI в. Михалона Литвина, который, критикуя женские свободы в Литве, с восторгом описывал патриархальный характер крымскотатарского общества. По его словам, у крымских татар «...никоим образом не дозволено смотреть на их жен гостю, другу и также сотрапезнику, в какой бы он ни был милости; и они держат их [жен] бедных взаперти в удаленных покоях» [Литвин, 1994, с. 70]. Граф де Людольф, посетивший Крым в 1787 г., отмечал: «Обыкновенно возле их жилищ находятся и еще жилые помещения для их жен, которых они держат взаперти, будучи крайне ревнивы» [Людольф, 1892, с. 167]. По словам немецкого купца Н. Клеемана, когда жены Крыма Герая I выходили из колясок у ханского дворца, то евнухи с широким сукном в руках прикрывали выход женщин к дверям, чтобы их не видели посторонние. И это при том, что они и так ездили лишь «под покрывалами» [Клееман, 1783, с. 59–60].

Приведенные выше цитаты не означают, что крымскотатарские женщины были бесправны. Напротив, их права регулировались исламским правом (шариатом). К примеру, женщина не могла быть выдана замуж без ее согласия [Rustemov, 2020, с. 36]. «Судя по содержанию сиджией, крымские женщины играли активную роль в различных сферах повседневной жизни в ханстве», – писала Н. Круликовская-Едлиньская [Królikowska-Jedlińska, 2018, с. 196]. Вместе с тем женщины сравнительно редко участвовали в судебных делах. Согласно кадийским сиджиям времен Мурада Герая I процент женщин среди участников неспорных судебных дел составлял 30% в кадиаскерском суде Бахчисарая и 22,2% в суде города Карасу. В спорных делах женщины составляли 16,4% истцов и 9% ответчиков в кадиаскерском суде и 16,6 и 7,7% соответственно – в суде Карасу [Królikowska, 2013б, с. 133–134]. По замечанию исследователя, «...социальное положение крымских женщин определялось исламскими правилами. Поэтому они пользовались правами и сталкивались с ограничениями, общими для женщин, живущих в мусульманских государствах» [Królikowska-Jedlińska, 2018, с. 203].

Нельзя не отметить определенные особенности семейно-брачных отношений в Крымском ханстве. Распространенность многоженства среди ханов подтверждается огромным количеством документальных данных (например, росписью поминок, предназначавшихся различным ханским женам, и письмами этих же жен к правителям иностранных государств) [Некрасов, 2015]. Предположительно, многоженцем был известный кубанский султан Бахты Герай [Сень, 2020, с. 357–358]. Были исключения – так, Мурад Герай I, по словам русских дипломатов, посетивших Крым в 1680 г., имел одну жену и три наложницы [Статейный, 1850, С. 236]. Показательно, что последнего крымского хана Шахина Герая критиковали за отказ обзаводиться четырьмя женами: муфтий «...стал упрекать Шагин Герая в том, что он в подражание христианам не имеет 4-х жен вопреки закону, не желая тем самым поддерживать поколение Чингисхана, что он стыдится своей бороды и т. п.» [Кессельбреннер, 1994, с. 44]. Что касается простых людей, то среди них многоженство встречалось редко [Aktaş, 2016, р. 6–7]. По подсчетам Н. Кавака, 1,2% мужчин в Карасу были многоженцами [Kavak, 2019, с. 22], по мнению З. Оздем – 1,7% мужчин [Özdem, 2006, р. 149].

Мужчины следили за тем, чтобы не допускать контактов женщин с посторонними людьми. В юрте существовал «...запрет грекам («румлар»), иудеям и персам («аджемлер») бродить по селам и заниматься торговыми операциями с запрещенными им шариатом женщинами» [Туран, 2002, с. 92]. Иностранцы (в том числе дипломаты), путешествующие по Крыму, часто упоминали имена людей, с которыми им удалось познакомиться. Это постоянно были мужчины. Иноземец мог проехать весь полуостров, не пообщавшись ни с одной женщиной, так как это было строжайше запрещено, что хорошо заметно на многочисленных материалах источников.

Запрещены были браки мусульманок с иноверцами [Kavak, 2019а, с. 132]. Из кадийских сиджилей мы узнаем, что некая Киразуй, дочь новообращенного мусульманина Темура Гази бин Абдуллаха, вышла замуж за христианина. Брак мусульманки и немусульманина в ханстве был настолько уникальным и сенсационным явлением, что сам хан Селим Герай I самолично

следил за ходом судебного разбирательства [Yaşa, 2018б, с. 159–160]. Брак явно не был оформлен официально, так как имам не стал бы это делать. Исследуя этот случай, Ф. Яша предполагает, что брак был расторгнут, указывая на аналогичные дела в Османском государстве, исход которых известен (где шейх-уль-ислям выдавал соответствующие фетвы) [Yaşa, 2018б, с. 164–165]. Любопытен также случай, когда новообращенный мусульманин хотел выдать свою дочь (так и не принявшую ислам) за зимми (т. е. христианина или иудея, живущего в исламской стране). Так как дочь мусульманина естественным образом рассматривалась как мусульманка, брак состоялся лишь после того, как девушка доказала, что не была мусульманкой и, следовательно, может жить с немусульманином [Kavak, 2019а, с. 132]. Когда в 1778 г. одна крымская татарка вышла замуж за албанца-христианина, служившего в русской армии, и крестилась, это вызвало дипломатический скандал: крымское правительство требовало у царского командования выдачи вероотступницы [Дубровин, 1885а, с. 520]. Внимание властей даже к отдельным случаям подобного рода свидетельствует в пользу исключительности данного явления. Неприятие крымскими татарами контактов между их женщинами и иноверцами отмечалось исследователями и во времена Российской империи [Кондараки, 1873, с. 16].

Само слово «женщина» подчас использовалось крымцами с презрительным оттенком. Применение его по отношению к мужчинам было прямым оскорблением. Показательны в связи с этим слова Селима Герая I османскому военачальнику Ибрагиму-паше во время кампании в Польше: «...если де он хан с татары от него Ибраима в нынешнее время отступит, и поляки их как баб разберут тотчас». Эти гневные слова были сказаны во время ссоры двух военачальников [Акты, 1882, с. 286]. Крымскотатарский фольклор характеризуется наличием гендерных стереотипов и представлением о более низком статусе женщины (что показано Т. Б. Усеиновым на примере степных крымских татар рубежа XIX–XX вв. [Усеинов, 2019]).

Обратной стороной мужского превосходства было щепетильное отношение к женской чести. Оскорбление женщин и покушение на них рас-

смагивались как тяжелые преступления, нередко влекли за собой применение оружия против насильников и даже вооруженные выступления. Подавление русскими войсками восстания в Крыму в 1777 г. сопровождалось насилиями казаков над крымскотатарскими женщинами. Российское командование было вынуждено выдавать сальвогвардии (охранные документы) населению [Лашков, 1895в, с. 115]. Доходило до убийств казаков, что вызвало переписку между генералом А. А. Прозоровским и крымским правительством. Российский военачальник требовал наказать тех, кто нападал на казаков, а крымцы отвечали, что для прекращения подобных инцидентов нужно вывести русские войска, так как в противном случае казаки «...ездят меж жен и детей» [Дубровин, 1885а, с. 305].

Женщины не чужды были и войне. Польский король Ян III Собеский в письме своей жене, оправдываясь по поводу захваченных у турок трофеев, ссылаясь на требовательность татарских женщин. По словам короля, они критиковали мужей: «что ты за удалец, если вернулся без добычи?», так как тот, кто стремится захватывать трофеи, должен быть впереди [Listy, 1983, с. 52]. Это высказывание дало повод Л. Подхородецкому заявить, что «татарки требовали от мужей энергичности и храбрости в бою» [Podhorodecki, 1987, с. 52]

Иногда женщины сами ходили с мужьями в походы, хотя упоминания об этом в источниках редки. Один из самых первых случаев участия крымских татарок в набегах зафиксирован во время турецко-татарского вторжения в Польшу в 1524 г., когда в войсках Исляма Герая присутствовали женщины [Гваньїні, 2007, с. 373; Черкас, 2002, с. 205]. Любопытно отметить, что в украинском фольклоре в песнях и легендах о татарских набегах иногда упоминаются татарки. Их участие в набегах упомянуто в пяти из 391 украинских песен, рассказов и легенд, собранных этнографом Н. И. Паньковым [Паньків, 2013]. «В поход они не берут с собой никаких припасов, кроме талкана, курта, «лошадиного ребра и жены» – приводил поговорку о татарах Эвлия Челеби [Эвлия, 2008, с. 29]. Женщины конвоировали пленников [Wójcicki, 1842, с. 166]. Летом

1648 г. крымские татары захватили столько невольников на украинских землях, что, по словам князя С. Калиновского, «одна татарская баба вела восьмерых пленников» [Джерела, 2012, с. 71]. В 1575 г. во время набега на Речь Посполитую татарки, находившиеся в плену в городке Сенява, вывели из строя артиллерийские орудия, стоявшие на стенах крепости, чтобы облегчить захват города [Вирський, 2016, с. 51].

Жительницы Крымского ханства также обогнали свою Родину вместе с мужчинами. Татарки «давали пример отваги, особенно во время многочисленных гражданских конфликтов в ханстве либо во время отражения нападения неприятеля» [Podhorodecki, 1987, с. 52]. Во время подавления восстания 1782–1783 гг. российское командование активно задействовало греков, отличавшихся жесткостью в отношении крымскотатарского населения. Согласно рассказам внука одного из командиров греческого легиона Л. Дуси, зверства греков вызывали ответную реакцию крымцев: «дух защиты до того был распространен между ними, что даже женщины с оружием в руках нередко являлись между ними и так же храбро нападали на врагов своих» [Воспоминания, 1848, с. 77]. Л. Дуси описывал конкретные случаи. Например, когда один из солдат легиона, Виченцо, хотел ограбить маджару (т. е. повозку), то из-за нее показалась «татарка с саблею в руках и так стала наступать на него, что Виченцо не мог отпарировать ее ударов, должен был отступать и не прежде освободился от ее преследования, как другой Грек подоспел сюда с ружьем и застрелил татарку. Все греки знали храбрость и ловкость Виченцову и удивлялись этому случаю. В другом месте другой Грек напал на маджару с татаркою; татарка выхватила у себя из-за пояса пистолет и напал убила нападавшего. На выстрел подоспел целый отряд греков, и один из них, Кавотули, застрелил татарку» [Воспоминания, 1848, с. 77–78].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что женщины занимали важное место в социальной жизни и оказывали влияние на политику государства. Их положение зависело от исламских правил, определявших патриархальный облик общества.

Глава 13. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА КРЫМСКОГО ХАНСТВА

13.1. Система образования в Крымском ханстве

Н. Р. Абдульвапов

История крымскотатарского образования в период Крымского ханства остается темой малоисследованной. Это объясняется рядом как объективных, так и субъективных факторов. Прежде всего, не может не обратить на себя внимание крайняя ограниченность известных источников по теме. В настоящее время они представлены лишь отдельными образцами крымскотатарской историографии того времени, материалами т. н. «кадиаскерских тетрадей», документами из турецких архивов по Кефинскому эялету, таким незаменимым источником по истории Крыма, как «Книга путешествия» Эвлии Челеби, различными литературными (главным образом поэтическими) и эпиграфическими источниками, наконец, отдельными архитектурными и археологическими объектами, связанными с историей крымского образования ханского времени.

Впрочем, и из этого корпуса источников можно почерпнуть достаточно многое. Так, в хорошо известных кадиаскерских тетрадях – ценнейшем фрагменте сохранившейся части архива ханского периода – встречаются упоминания о многочисленных учебных заведениях Крыма, имена их организаторов, различные сведения, касающиеся организации учебного процесса, программы обучения, кадровых вопросов, собственности, финансового состояния и т. п. Однако процесс активной публикации подобных документов, как и кадиаскерских тетрадей в целом, только начался, темами же образования в них никто специально не занимался. В целом, даже имеющиеся на сегодня сведения позволяют ожидать от указанных тетрадей весьма богатый материал.

Не менее острой остается и проблема, собственно, научных исследований. Несмотря на то, что отдельные сведения по рассматриваемо-

му вопросу присутствуют в целом ряде работ, – отметим материалы В. Ганкевича, Е. Бойцовой, Э. Абибуллаевой, И. Зайцева, М. Якубовича, Н. Кавака, О. Быйыка, Д. Пашаоглу, Дж. Балтаджы, Н. Абдульвапова, Р. Меметова, – до настоящего времени тема специально не изучалась и требует отдельного монографического исследования.

Ниже предлагаемый материал касается главным образом «крымскотатарского» или же исламского образования, поскольку, во-первых, именно оно было доминирующим в системе образования Крыма в период ханства, и, во-вторых, тема образования в ряде других национальных общин требует отдельного рассмотрения и соответствующей квалификации.

Возникновение исламского образования и учености (науки) в Крыму необходимо рассматривать в контексте общих процессов распространения ислама в Крыму во второй пол. XIII в. – во времена золотоордынского хана Берке (1257–1266), первого чингизида, принявшего ислам. Указание на это присутствуют, в частности, в крымскотатарском историографическом памятнике того времени – «Истории Тохта Бая» (нач. XV в. [?]), зафиксированном Эвлией Челеби в его «Книге путешествия». В указанном произведении обращает на себя внимание следующий фрагмент: «Затем в 665 (1266/67) г. [Берекет Хан] с восемьюдесятью тысячами воинов направил лошадей из Крыма в Балх, Бухару, Туран, Чин-Мачин, Хата, Хатан, Феггур и Туркестан и заставил подчиниться всех непокорных падишахов. И, собрав около тысячи восьмисот учёных-шейхов, привёл их с почестями в остров Крым, построил всем учёным соборные мечети и медресе» [Резюме, 2002, с. 7].

О значительном приливе в Крым во 2-й пол. XIII – нач. XIV вв. различных мусульманских об-

щин, в среде которых было немало представителей ученого сословия *улема* и суфийских шейхов, свидетельствуют и данные крымской эпиграфики того времени [Акчокраклы, 1927; Акчокраклы, 1929]. Возвращаясь же к фрагменту «Истории Тохта Бая», нельзя не отметить присутствующий в произведении дух уважения к представителям ученых кругов, дух, который во многом будет сохраняться на протяжении всей дальнейшей истории Крыма.

Значительно больше сведений о крымской учености сохранилось за XIV – 1-ю пол. XV вв. Развитие науки и образования в Крыму в это время во многом определилось закреплением официального статуса исламской религии в Золотой Орде, произошедшем в период правления хана Узбека (1313–1341). Эти годы и последующие десятилетия стали особо значимыми для истории крымского образования и науки. Приведем лишь несколько примеров.

В 1333 г. столицу улуса город Кыргыз навещал известный арабский путешественник Ибн Баттута, встретивший здесь целую когорту местных религиозных авторитетов: шейхов Музаффереддина, Музхиреддина и Хорасанизаде, кадиев Шемседдина Саили и Хызыра, факихов Шерифеддина Мусу и Аляэддина, хатиба Эбу-Бекра, имама улус-бея Тюлек-Тимура Садеддина и др. [Тизенгаузен, 1884, с. 280–281]. В адрес указанных ученых путешественник использует хвалебные характеристики.

В год визита Ибн Баттуты в г. Крыму было завершено строительство одного из наиболее ранних крымских медресе – его развалины до настоящего времени сохраняются возле т. н. «Мечети Узбека» (1314 г.). Особый интерес вызывает то, что основательницей этого учебного заведения была женщина – Инджибек Хатун (ум. 1371 [?]), по некоторым сведениям, супруга крымского улус-бея того времени Тюлек-Тимура, что свидетельствует о достаточно высоком статусе просвещенной женщины-мусульманки в крымском обществе первой половины XIV века [Крамаровский, 1997, с. 36].

Вследствие все большего распространения ислама в Крыму дальнейшее развитие получает научное и литературное творчество местных ученых, богословов, мистиков, поэтов. Так, в период 1320–1340-х гг. в г. Крыму создается весьма значительное

произведение суфийского содержания – 800-страничный поэтический трактат на фарси «Календер-наме» Эбубекра Календера, рукопись которого ныне хранится в Рукописном фонде Института Востоковедения им. Абу Райхана Беруни Республики Узбекистан (Ташкент) [Абу Бакр Каландар Руми, 2017]. Произведение было написано, по словам самого автора, в форме ответа на шеститомное собрание суфийских притч в стихах выдающегося духовного наставника и поэта Джелаледина Руми (1207–1273) – «Месневи-и манави», что может свидетельствовать об известности идей Руми в этот период и среди крымских мусульман.

Этими же годами датируется написание в Крыму достаточно объемного трактата по математике под названием «ат-Тухфа фи ‘илм ал-хисаб». Имя автора трактата остается неизвестным, труд, написанный в развитие идей Мухаммеда ал-Хорезми (ум. ок. 850 г.), был преподнесен вышеупомянутому улус-бею Крыма – Тюлек-Тимуру [Fazlıoğlu, 2008].

Еще один факт касается предполагаемого интереса крымских ученых того времени к астрономии. Так, среди рукописных списков комментария (*шеърх*) Кемалуддина Мухаммеда эт-Тюркмани эль-Мардини (XIV в.) на известный трактат выдающегося астронома, математика и врача Махмуда аль-Чагмини (*Махмуда ибн Мухаммада ибн Умара аль-Чагмини ал-Хорезми*, ум. 1221[?]) «аль-Мулаххас фи илм-и хейет аль-басита» («Краткое изложение астрономии»), выполненного в 1354 г. в золотоордынском городе Гулистане, присутствует один список и крымского автора – некоего Саида б. Реджеба эль-Кырыми (датируется 408/1401 г.), что, по справедливому замечанию И. Фазлыоглу, дает основание предположить известность труда аль-Чагмини и в среде крымских ученых [там же, с. 5–6].

Наконец, концом XIV – началом XV вв. датируется появление и первого памятника крымскотатарской историографии: выше была приведена цитата из «Истории Тохта Бая», являющейся на сегодня наиболее ранним образцом соответствующего жанра в крымскотатарской исторической литературе.

Все эти примеры свидетельствуют о достаточно широком спектре научной, богословской, литературной деятельности крымских мусульман

золотоордынского периода, включавшим богословие, филологию, право, мистицизм, историографию, точные науки, астрономию, что было характерно для исламской науки в классический период ее развития.

При этом мы видим и достаточно обширную географию деятельности крымских ученых того времени, включающую такие центры мусульманского мира, как Каир, Дамаск, Кудус (Иерусалим), Бурса, Эдирне и т. д. Так, Эмир б. Осман Суфи (ум. 1329/30, Дамаск) и Мевляна Реджеб б. Ибрахим (ум. 1392, Бурса), прожившие часть жизни, соответственно, в Сирии и Малой Азии, получили известность как специалисты (*курра*) в искусстве чтения (рецитации) Корана, Мевляна Реджеб при этом заслужил титул наставника чтецов-рецитаторов – «*шейх-уль-курра*» [Bursalı, 1990, s. 20]. Специалист в сфере таких исламских наук, как комментирование Корана (*тефсир*), хадисоведение, исламское право (*фикх*), рационалистическое богословие (*келям*) и др. Зияэддин б. Садуллах Кырыми (о. 1378/79, Каир) стал одним из известных мудеррисов Каира, воспитал целую когорту талантливых ученых Египта и даже удостоился почетного титула «шейха шейхов» («*шейх-уш-шуйух*») – этот титул присваивался наиболее известным специалистам в той или иной области исламских наук [Şerafeddin, 1994, s. 12–13]. Еще одним крымским ученым и мудеррисом Каира в эти же годы был Мевляна Рукнеддин Ахмед б. Мухаммед б. Абдульмумин эль-Кырыми (ум. 1382, Каир): после тридцати лет деятельности в должности судьи (*кадия*) в Крыму он переехал в Каир и удостоился чести преподавания в известном исламском университете «аль-Азхар» [там же, s. 14–15]. Несколько позже, уже на территории Османской империи, получил известность Мевляна Шерефеддин б. Кемаль эль-Кырыми (ум. 1443) – правовед-факих, ученик выдающегося исламского ученого Хафызуддина Беззази, автор одного из комментариев на классический труд по фикху Хафызуддина эн-Несефи (ум. 1310) – «аль-Менар» [Якубович, 2016а, с. 76–91].

Помимо этого, можно указать на ряд имен ученых крымского происхождения, присутствующих в известной энциклопедии персоналий арабского библиографа Мухаммада ас-Сахави (касается периода с конца XIV по конец XV вв.), в том

числе Абдуллаха б. Мухаммеда эль-Кырыми, Али б. Мухаммеда эль-Кырыми, Махмуда б. Омера эль-Кырыми, Юсуфа б. Хусейина эль-Кырыми и др. [ас-Сахави, 1333–1335; İzgi, 1996, s. 158–159].

О достаточно высоком уровне крымской учености в этот период могут свидетельствовать и факты пребывания в Крыму в описываемые годы целого ряда известных исламских ученых. Так, в середине столетия в г. Крым и Кафа несколько лет провел ученый-факих Ахмед Ходженди (ум. 1400, Медина) [Nocendi, 1997]. В те же годы в Крыму находился еще один известный богослов – Аляэддин Ахмед Сейрами (ум. 1388) [Тизенгаузен, 1884, с. 463]. В начале XV века Крым привлек, пожалуй, наиболее именитого мусульманского религиозного авторитета того времени – факиха Хафызуддина Мухаммеда Беззази (ум. 1424), который, как отмечают источники, нашёл в Крыму достаточно компетентную в вопросах исламской науки среду и воспитал целый ряд в будущем известных учеников [Özel, 1992]. Добавим также, что в 1412 г. Крым посетил известный ученый, историк и поэт Ибн Арабшах (ум. 1450), впоследствии в одном из своих трудов отметивший свои встречи с рядом местных ученых и поэтов – Ахмедом Буйруком, Мевляна Шерефеддином, Мевляна Махмудом эль-Булгари и Абдульмеджидом эль-Кырыми [Yüvalı, 1999]. Все это может свидетельствовать о достаточно активных процессах в крымской науке и образовании в период Золотой Орды.

Начальный период истории образования в Крымском ханстве. После достаточно плодотворного двухвекового периода Золотой Орды, в первые десятилетия существования Крымского ханства (2-я пол. XV в.), в Крыму вследствие политической нестабильности наблюдается определенный спад научной и творческой активности. Этот спад не остался незамеченным и за пределами ханства. Примечательным в этом отношении представляется диалог, имевший место между османским султаном Мехмедом II Фатихом (1451–1481) и известным крымским богословом, ученым-правоведом, филологом и поэтом, еще одним учеником Хафызуддина Беззази – Сейид Ахмедом б. Абдуллахом Кырыми (ум. 1474). Указанный ученый в период правления султана Мурада II (1421–1444, 1446–1451) переехал на территорию османского государства и преподавал в

известном медресе города Мерзифон, а позже, в период правления Мехмеда Фатиха (1451–1481), приехав в Стамбул, добился особого расположения султана и удостоился чести преподавания в стамбульских медресе [Avci, 2016]. В одной из бесед между Мехмедом Фатихом и Сеййид Ахмедом Кырыми на вопрос о том, что происходит в «Крымской стране», являющейся родиной «600 религиозных авторитетов (*муфти*) и 300 авторов различных научных трудов (*мусанниф*)», последний ответил, что в его стране «появился некий визирь, который позволил себе грубо обойтись с местными учеными. Однако ученые являются сердцем страны, и именно от них зависит состояние окружающего общества: подобно тому, как проблемы с сердцем отражаются на состоянии других органов, проблемы с учеными отражаются и на состоянии общества. В ответ на грубое поведение визиря люди науки стали покидать родные места, в результате чего край, некогда славившийся своими учеными, пришел в упадок» [Taşköprülüzâde, 2007, s. 94].

Данный диалог, помимо присутствующего в нем указания на кризис, охвативший Золотую Орду (под «Крымской страной», судя по всему, подразумевался не только Крым, но все государство Золотая Орда в целом), интересен еще и тем, что свидетельствует о масштабе распространения исламской культуры в регионе, о значительном количестве представителей ее науки, образования и литературы, о том значении, которое придавалось развитию исламской учености в Золотой Орде в целом, и Крыму в частности, и особенном статусе ее, этой учености, представителей.

Впрочем, несмотря на кризис, ученые все равно продолжали творить: у того же Сейид Ахмеда Кырыми источники отмечают целый ряд трактатов по различным отраслям религиозных наук (комментирование Корана, хадисоведение и др.), логике, филологии и мистицизму [Avci, 2016, s. 119–121].

По-прежнему наблюдается присутствие крымцев в Каире и других центрах исламского мира. Так, Неджмеддин Исхак б. Исмаил эл-Кырыми (ум. 1475/76, Каир) был назначен кадиаскером Египта, одновременно исполняя обязанности мудерриса и шейха в широкоизвестном каирском медресе Кайытбая [Şerafeddin, 1994, с. 15].

Отношение к вопросам образования. Стабилизация общественно-политической ситуации в ханстве в последней четверти XV в. благотворно отразилась и в области крымского образования. Одним из символов этого стало открытие в ханской столице в Салачике в 906/1500-01 г. медресе Менгли Герая I (более известно как «Зынджирлы» – «Медресе с цепью») – медресе, которому суждено было стать наиболее известным крымским учебным заведением ханского времени. Согласно некоторым сведениям, в его строительстве принимал участие и сам хан, позже на церемонии открытия медресе произнесший весьма примечательную речь [Акчокраклы, 2006, с. 105–106].

В вопросах образования и науки в Крыму в этот период наблюдается все возрастающее влияние османской учености, бывшее одним из аспектов все более увеличивающегося влияния Османского государства на общественно-политическую и культурную жизнь Крымского ханства в целом. В этой связи становится актуальным представление о характере и содержании османской науки и образования в тот период.

Говоря об османском образовании и науке, необходимо отметить, что в период XV–XVIII вв. они пережили значительную трансформацию: если XV–XVI века характеризуются как период определенного развития, в результате чего появляются такие значительные центры османской науки и образования, как комплексы медресе «Сахн-ы Семан» (построен по приказу султана Мехмеда II Фатиха в 1463–1471 гг.) и «Сулеймание» (возведен по приказу султана Сулеймана I в 1551–1557 гг.), то с конца XVI – нач. XVII вв. наблюдаются процессы застоя и последующей деградации всей системы османского образования. Одним из проявлений этой деградации стало исключение во 2-й пол. XVI в. из программы османских медресе рациональных дисциплин и медицины, активно изучавшихся в предыдущие столетия [Şanal, 2003, s. 152].

При этом, с формальной точки зрения, как в Османском государстве, так и в Крыму продолжает присутствовать весьма уважительное отношение к науке и образованию, что проявляется, в частности, в многочисленности крымских ученых того времени, их высоком общественном статусе, а также значительной развитости научно-образо-

вательной инфраструктуры [Брун, 1867; Якубович, 2018].

В этой связи необходимо отметить особое внимание, которое уделялось вопросам науки и образования со стороны многочисленных представителей правившей династии Гераев, а также различного ранга других государственных мужей и представителей ученого сословия *улема*. Как правило, на этом акцентируется внимание в различных историографических и литературных трудах того времени, это же находит свое подтверждение и в материалах документальных архивов (тех же судебных тетрадей).

Так, различные источники отмечают наличие хорошего образования у многих Гераев, склонность их к общению с людьми науки, постоянное внимание к вопросам образования, проявление ими многочисленных примеров благотворительности в данной сфере и т. д. Косвенно о том же может служить и тот факт, что более двадцати представителей правящей семьи получили известность как поэты, трое – историки, помимо этого, ряд ханов и *хан-заде* (принцев) были инициаторами появления на свет различных историографических, литературных и богословских памятников.

Крымские историки того времени отмечают особый вклад в развитие образования и науки в Крыму основателей династии – отца и сына Хаджи и Менгли Гераев [Halim Giray, 2013, s. 32, 34]. Халим Гирай пишет о наличии богатой библиотеки у хана Саадета I [там же, s. 36–37]. Придворный историограф хана Сахиба Герая I Реммаль-Ходжа в своей «Истории хана Сахиба Герая» отмечает постоянные беседы хана с учеными из своего окружения, посвящает этому одну из хвалебных од [Tarih-i Sahip, 1973, s. 34–35]. Есть сведения, что Саадет I и Сахиб I через посредничество ставшего им родственником сутана Сулеймана I Кануни получили образование в Стамбуле – в придворной академии Эндерун [Öztuna, 1996, s. 528, 529]. Долгое время при дворе султана Сулеймана I и его сына Селима II, а позже – в мевлевийской обители Джелялеddина Руми в Конье провел будущий хан Ислам Герай II: Халим Гирай отмечает его интеллект и духовные добродетели [Halim Giray, 2013, s. 44–45].

Особой похвалы как крымских историков, так и османских авторов удостоивается хан Гази II

(ум. 1607): источники отмечают не только его выдающиеся способности как поэта, музыканта-композитора и каллиграфа, но и интерес к различным наукам – как религиозным, так и, условно говоря, светским [Halim Giray, 2013, s. 47]. Известно, что в ханское окружение входили известные крымские ученые и литераторы того времени, помимо этого, сохранились образцы его переписки и с известными османскими деятелями образования и культуры [Ertaylan, 1958, s. 62]. Особое отношение к науке и образованию отразилось и в поэтическом творчестве Гази: в одной из своих сатирических поэм он обрушивается с критикой на османских чиновников и представителей ученого сословия, гневно обличая, в том числе, такие постыдные явления в научной и образовательной среде, как взяточничество, протекционизм, некомпетентность и т. д. [там же, s. 45–46].

Хорошее образование отмечают историки и у последующих ханов: Джанибека Герая (ум. 1636), писавшего стихи и прозу, и Бахадыра Герая I (ум. 1641), ставшего, как и Гази II, весьма искусным поэтом [Halim Giray, 2013, s. 55, 59–61]. Путешествовавший в Крыму в 1640 и 1660-х гг. Эвлия Челеби при каждом удобном случае не упускает возможности отметить соответствующие достоинства тех или иных представителей ханской семьи, с которыми он лично общался. Так, говоря о хане Мехмеде IV, он отмечает, что тот постоянно общался с людьми науки, был весьма религиозным человеком, членом суфийского братства мевлеви и обладателем поэтического «Дивана» [Эвлия, 2017, с. 111–112].

Особо выделяет Эвлия Челеби принца (*хан-заде*) Селима (будущего хана Хаджи I Селима Герая), отмечая, что «они с (*братом*. – Н. А.) Деде Герай-султаном получили образование в городе Бахчисарае. Селим Герай-султан овладел всеми необычайными и удивительными науками, стал *хафизом* всего Корана, изучил персидский язык и стал мудрым *падишахом*, читающим «Месневи» («*Месневи-и Манави*» – поэтический сборник суфийских притч в 6 томах Джелялеddина Руми (XIII в.). – Н. А.). <... > В науке чтения Корана он сведущ и изучил семь стилей чтения, а в науке произношения звуков ему нет равных. Днем и ночью они беседуют с нашим господином ханом (*Мехмедом Гераем IV*. – Н. А.), обсуждают науки

шариата и ведут дискуссии по многим благородным наукам». <... > «Он (*хан-заде Селим*. – Н. А.) склонен к общению с мужами науки или с путешественниками, вроде этого бедняка Эвлии» [там же, с. 127–128]. Чуть позже автор вновь отмечает соответствующие достоинства молодого принца: «Натура его сотворена таким образом, что он, проводя время с прекрасными людьми, всю ночь пребывает в мечети, а в другие благословенные ночи он посещает дома бесчисленных ученых, праведников и шейхов Бахчисарая, там происходят великие пиры, идут беседы по наукам шариата, по вопросам фикха, по обязательным обрядам, науке об основном и второстепенном, по правилам благочестия» [там же, с. 131].

Помимо хана Мехмеда IV и хан-заде Селима, Эвлия Челеби особо отмечает еще двух представителей правящей семьи. Так, по поводу сына Мехмеда IV – нуреддина Ахмеда Герая – путешественник замечает: «Это счастливый молодой человек, обладатель качеств царя – почета и величия, свиты и роскошной утвари. Он постоянно занимается трудными науками и общается с учеными мужами» [там же, с. 132]. Лестных характеристик удостоивается и принц Сафа Герай: «Сафа Герай-султан – султан-садовник, увлеченный наукой и познаниями» [там же, с. 133]. Значительно позже, уже о хане Сафа Герае (ум. 1703), как «человеке умном, ценившем ученость и образованность, и щедром» отзовется и Халим Гирай [Halim Giray, 2013, s. 75].

Подобные примеры можно продолжать. Тот же Халим Гирай отмечает «интеллект, деятельную натуру и любовь к словесности» хана хана-поэта Менгли II (ум. 1739) [там же, s. 88], образованность хана Халима Герая (ум. 1758) [там же, s. 96], особый интерес к различным техническим изобретениям и ремеслам хана Селима Герая III (ум. 1786) [там же, s. 100–101] и т. д.

К этому списку следует добавить ряд принцев: талантливого поэта Шахин Герая-султана (ум. 1717), историков и поэтов Мехмеда Чингизи (ум. после 1703 г.) и Саид Герая (ум. в 1764 или позже). О последнем, обладателе поэтического «Дивана» и авторе «Истории Саид Герая», очень лестно высказывался его современник – французский консул в Крыму в 1754–1758 гг. Шарль де Пейссонель: «Этот принц, умеренного и спо-

койного характера, писатель, любитель искусств, творец сборника стихотворений, очень ценимого, обладал всей кротостью и приятностью нравов, порождаемых неизбежно любовью к литературе <... >» [Пейссонель, 2009, с. 58–59]. Высокий уровень образованности и особое отношение к проблемам образования и науки было продемонстрировано Саидом Гераем и в его весьма содержательном историографическом труде (см. ниже).

Говоря об образованности Гераев, необходимо особо указать на личность одного из последних выдающихся крымских правителей – хана Кырыма Герая (ум. 1769). Французский консул в Крыму в 1767–1769 гг. барон де Тотт в своих воспоминаниях отмечает его интерес к европейской драматургии и, в частности, творчеству Ж. Б. Мольера: «Радость, возбужденная этим известием (*отменой ханом своего решения о наказании татарского воина, имевшей место в результате заступничества барона де Тотта*. – Н. А.), была поддержана новой турецкой комедией, довольно шуточного рода. Крым Герай во время представления предлагал мне много вопросов на счет комедии Мольера, о котором он много слышал. Все, что я рассказал, о благопристойности, соблюдаемой на наших сценах, внушило ему отвращение к шутовским выходкам, к которым прибегают еще турки. Он почувствовал преимущество Тартюффа пред Пурсоньяком, но не мог никак допустить, чтобы общество, где законы твердо и неизменно определили положение разных сословий, могло дать сюжет *Bourgeois-Gentilhomme* (еще одна пьеса Мольера – «Мещанин во дворянстве». – Н. А.). Я предпочел оставить его в уверенности, что Мольер не прав, чем оправдывать поэта, представляя картину нашей общественной безурядицы. «Но если никто, сказал хан, не может обмануть другого насчет своего происхождения, то легко обморочить насчет характера. Все страны имеют своих тартюффов, есть они и среди татар, и я бы очень желал, чтобы вы мне доставили перевод этой пьесы» [Записки, 1883, с. 148].

Еще в одном фрагменте барон де Тотт отмечает недюженные философские способности хана: «Я проводил вечера с Крым Гераем; его суждения, зачастую новые, были всегда возвышенны и выражались в самой оригинальной форме. Он имел существенную потребность давать простор своему

уму, чему не могло удовлетворить общество его фаворитов. Наши беседы вместе с тем были единственным средством, способным рассеять припадки ипохондрии, которым он был подвержен. Особенно нравилось ему рассуждать о предрассудках, которые руководят различными нациями; его интересовало доискиваться самых источников этих предрассудков, которым он приписывал все заблуждения и даже большую часть преступлений; и, жалея человечество, Крым Герай находил философское удовольствие тем самым оправдывать его. Я должен отдать справедливость талантам и уму этого государя: я слышал много раз, как он высказывался о влиянии климата, об излишествах и преимуществах свободы, о принципах чести, о законах и правилах управления, и его идеи сделали бы честь самому Монтескье» [там же, с. 158].

Наконец, хорошо известен уровень образованности и последнего крымского хана – Шахина Герая (ум. в 1787 г.), пытавшегося все свои знания употребить во благо неудавшейся реформы Крымского ханства [Лашков, 1991, с. 10–11].

Данные факты ставят вопрос: как было поставлено образование Гераев, где и как они его получали? Вышеприведенный пример с принцами – братьями Селимом и Деде Гераями свидетельствует о том, что некоторые из них получали образование в Бахчисарае. Однако в какой форме это происходило – в частной или же в ханском дворце был свой придворный «крымский Эндерун»? В настоящее время ответы на эти важные вопросы отсутствуют.

Внимание Гераев к вопросам образования проявлялось и непосредственно в строительстве ими различных учебных заведений, обеспечении их вакуфным имуществом, ремонте, заботе о кадрах и т. д. Ниже будут приведены многочисленные примеры подобной благотворительности.

Интерес к проблемам образования и науки демонстрировались не только ханами. Известны соответствующие примеры и в биографиях различных представителей дворянства *умера* (*мирза*), служилого сословия (*ага*), ученого сословия (*улема*) и других социальных групп. Так, известным кадиаскером Муртазой Эфенди (XVII в.) было построено медресе в Салачике [Буик, 2014, с. 138]. Бахчисарайское Орта-медресе было построено в

конце XVII в. неким Табанаджи Ахмедом Агой [Свод, 2016а, с. 43]. В Карасубазаре существовало медресе эль-Хадж Субхан-Кулу Гази Аги [Буик, 2014, с. 153]. Согласно известной поэме Джанмухаммеда о событиях украинско-польской войны сер. XVII в., главный герой произведения, Аргинский мурза Тогай-бек перед своей смертью завещает средства на строительство текие для дервишей, мечети и медресе [Акчокраклы, 2006, с. 308]. Подобные примеры довольно многочисленны, в связи с чем представляется довольно примечательным еще один фрагмент из воспоминаний вышеупомянутого консула Ш. де Пейссонеля, на этот раз касающийся представителей крымского дворянства. Консул отмечает: «Когда они не на войне и не при дворе, они (*т. е. крымские мурзы. – Н. А.*) живут, с большой пышностью, в своих поместьях. Они передают от отца к сыну все высокие чувства, встречаемые в Европе у самой высшей знати, они величественны в своих действиях, щедры и принимают всех чужеземцев, проходящих через их земли, с возможной любезностью» [Пейссонель, 2009, с. 28].

Образование как система. Говоря о системе образования в Крымском ханстве, исследователи, как правило, имеют в виду неразрывную связь двух наиболее распространенных типов стандартных мусульманских учебных заведений – начальной школы-*мектеб* (*сыбьян мектеби*) и заведения среднего и высшего уровня – училища-*медресе*. Однако система крымского образования далеко не ограничивалась лишь этими заведениями, она была достаточно многолика и касалась всех сфер жизнедеятельности крымского общества того времени, включая в себя, например, ряд специализированных учебных заведений, элементы профессионального образования, частного образования, наконец, самообразования.

Так, известно о существовании в Крыму такого учебного заведения, как *дар-уль-хуффаз* – или школы *хафизов*. По меньшей мере, здание одной из подобных школ было построено в 1358 г. в с. Шейх-Кой (ныне с. Давыдово) в окрестностях Симферополя [Акчокраклы, 2006, с. 253–254]. По аналогии с теми же сельджукскими и османскими образцами, можно предположить, что речь идет об учебном заведении начального уровня, целью которого было подготовка *хафизов* – знатоков Ко-

рана наизусть. Принимая во внимание, что здание сохранялось вплоть до 1950-х гг. (представляло собой купольное здание довольно внушительных размеров, в настоящее время сохраняются его развалины), а в 1920-е гг. еще использовалось как мечеть (в XIX в. – также как *текие*), можно предположить, что школа функционировала по назначению и в период Крымского ханства [Kırım'daki Kırım Tatar, 2016, s. 88–93].

Помимо этого, известно о функционировании в Крыму и такого учебного заведения, как *дар-уль-курра*. Данное заведение готовило чтецов Корана (*курра*), владевших в том числе различными стилями этого искусства. Одно из подобных заведений было открыто в середине XVIII в. крымским ханом Арсланом Гераем при Большой Ханской мечети [см. ниже]. Если опять же обратиться к османской практике, в системе османского образования *дар-уль-курра*, наряду с *дар-уль-хадис* и *дар-уль-тыб* (учебными заведениями для подготовки, соответственно, специалистов-хадисоведов и специалистов в области медицины), представляло собой одну из трех разновидностей т. н. «специализированных» медресе – *ихтисас медреселери* [Yıldırım, 2018, s. 611].

Говоря об образовании как системе, нельзя не сказать и о таком специфическом институте с образовательными функциями, как дервишеская обитель *текие* – очаг развития и передачи религиозно-мистического – *суфийского* знания [Kartal, 2015]. Принимая во внимание значительное число обителей различных тарикатов в Крыму, а также многочисленность известных крымских шейхов, в том числе поэтов и авторов различных религиозно-суфийских трактатов, можно с большой долей уверенности утверждать, что суфийское образование в Крыму также имело длительную историю развития [Абдульвапов, 2005].

Еще одним из важных элементов системы крымского образования было образование молодых представителей правящей семьи Гераев. Как известно, в значительной степени именно для этих целей существовал институт *аталычества*, когда юные Гераи воспитывались в семьях специальных наставников – *аталыков*, причем это могло происходить как на территории Крыма, так и за его пределами (главным образом на Северном Кавказе, в среде черкесов). Под руководством ата-

лыков юные Гераи осваивали правила этикета, основы воинского искусства, дипломатии и т. д. При этом, судя по всему, дело лишь *аталыками* не ограничивалось, и в процессе были задействованы отдельные учителя (*ходжа*) по различным дисциплинам. К сожалению, данная тема в подробностях остается малоисследованной [Беляков, 2017].

Вопрос получения образования Гераями поднимает проблему исследования политического (дипломатического), экономического и других видов образования, которые имели место в среде элиты Крымского ханства в целом. В Османской империи эта функция, как известно, реализовывалась придворной академией Эндерун [Taşkın, 2008, s. 361–363]. Существовал ли в Бахчисарае институт, подобный Эндеруну, остается, как было указано выше, неизвестным. В этом отношении интересны свидетельства польского посла в Крыму в XVI в. Мартина Броневского, указывавшего, что молодые представители наиболее известных крымских дворянских родов в целях обучения определенное время находились при ханском дворе: «*При дворе Хана постоянно живут избранные из отличнейших юношей лучших фамилий; они живут при Хане попеременно по одному месяцу, и когда сделаются способными, то их назначают к высшим должностям*» [Броневский, 1867].

Одним из важнейших видов образования, в том числе и для представителей вышеупомянутой элиты государства, было образование военное. В османском государстве существовали специальные институты, которые столетиями реализовывали эту задачу – школы *аджемiogланов* (*аджемiogланлар оджагы*) и янычар (*еничери оджаклары*) [Yoluk, 2010, s. 21–22]. Как вопрос решался в Крыму, остается неисследованным.

Также мало-, а зачастую и вовсе неисследованными остаются вопросы профессионального образования в Крымском ханстве. При этом более известными являются соответствующие традиции ряда ремесленных цехов [Гордлевский, 1928; Непомнящий, 2018].

Наконец, практически неисследованными остаются и вопросы частного образования и самообразования, которые, судя по некоторым фактам, занимали в системе крымского образования также немаловажную роль.

Принимая во внимание данные обстоятельства,

ниже будет рассмотрен, главным образом, основной элемент образовательного процесса в Крыму, представленный, повторимся, начальными школами – *мектебами* – и учебными заведениями средней и высшей ступени – *медресе*. Основными целями функционирования данных заведений были: во-первых, обучение людей грамоте, элементарным сведениям об исламе и правилам исполнения наиболее важных религиозных предписаний (согласно сунне Пророка Мухаммеда, это считалось обязанностью («*фарз*») каждого мусульманина), во-вторых, подготовка кадров для одного из основных социальных сословий того времени – ученого, или *улема (ильмие) сыныфы*. Последнее было представлено тремя категориями религиозных служащих: 1) занимавшихся вопросами образования (*тедрис*) – в лице преподавателей школ (*муаллим*) и медресе (*мудеррис*); 2) чиновников, осуществлявших судебное правосудие (*каза*) – в лице судей (*кади*) и 3) религиозных авторитетов, готовивших различные религиозные постановления (*фетва*) и контролировавших их исполнение (*ифта*) – в лице *муфтиев* и *кадиаскеров*. Данная система относится к османскому обществу, аналогичной, судя по имеющимся данным, она была и в Крымском ханстве.

Сеть мектебов и медресе. Статистические данные по крымским мектебам и медресе, датируемые периодом ханства, отсутствуют. В настоящее время мы располагаем единственным источником, косвенно дающим некоторое представление о сети данных учебных заведений на последнем этапе истории ханства, это «Камеральное описание Крыма» (в оригинале: «Регистр разным письмам, изъясняющим состояние Крымского полуострова и какое было в оном течение земских дел с 16 числа августа 1783 г. – июня 1784 года»), подготовленное по приказу князя Г. А. Потемкина начальником всех российских войск, расквартированных в Крыму, бароном О. Игельстромом [Лашков, 1889]. Обращает внимание, что в данном «Описании» отсутствуют данные по ряду регионов, в том числе по бывшему Кефинскому эялету, ханским территориям за пределами полуострова и др. Помимо этого, даже имеющиеся в «Описании» сведения, вне всяких сомнений, не отражают истинную картину, поскольку документ составлялся в очень драматический период истории Крыма (войны, переселения, эмиграция и т. п.).

Помимо этого, в плане статистики важным подспорьем является источник, многократно цитированный выше, а именно «Книга путешествия» Эвлии Челеби, однако и здесь автор ограничивается сведениями лишь по населенным пунктам, через которые пролегал маршрут его путешествия (главным образом городам).

Эти статистические пробелы, как было указано выше, во многом могут дополнить (и уже дополняют) материалы из крымских кадиаскерских тетрадей. Даже в весьма ограниченном количестве исследованных и опубликованных на сегодня работ по этим документам присутствуют многочисленные сведения по интересующему нас вопросу, специальные же исследования по всем известным тетрадам, думается, значительно обогатят имеющиеся знания.

Ниже будут даны сведения, касающиеся количества и мест расположения *мектебов* и медресе как на территории полуострова, так и за его пределами. Для полноты картины и учитывая, что в завершающий период истории уже независимого Крыма бывшие османские земли вошли в состав ханства, данные сведения касаются и османских владений на территории полуострова.

Начальные школы-мектебы. По «Камеральному описанию Крыма», на конец 1783 г. в Крыму было тридцать семь мектебов: восемь – в Бахчисарае и один – в одном из сел Бахчисарайского каймаканства, три – в Акмечети (Акмесджите) и два – в селах одноименного каймаканства, три – в Карасубазаре и два – в селах Карасубазарского каймаканства, семь – в Гёзлеве и «ноль» – в селах соответствующего каймаканства, также «ноль» – в селах Перекопского каймаканства, одиннадцать – в Кефе и «ноль» в селах Кефинского каймаканства [Лашков, 1889, с. 37–45].

Как видим, данные далеко не полные: трудно представить практическое отсутствие школ в сельской местности, помимо этого, необходимо иметь в виду и определенное количество школ, с большой долей вероятности прекративших существование в последние годы существования ханства, на что было указано выше.

Данные «Камерального описания» значительно дополняются сведениями из «Книги путешествия» Эвлии Челеби. Путешественник даёт сведения лишь по городам: в семи крымских го-

родах – Бахчисарае, Карасубазаре, Акмесджиде, Гёзлеве, Эски-Кырыме, Кефе и Керчи – всего он фиксирует 80 мусульманских школ. Отдельно по городам картина выглядит следующим образом:

В столице ханства, Бахчисарае, располагалось 17 школ. Путешественник особо отмечает, что лучшими и наиболее благоустроенными из них были *мектебы*, построенные ханами Бахадыром, Исламом и Мехмедом Гераями [Эвлия, 2017, с. 113]. Указанными ханами, судя по всему, были Бахадыр I (1637–1641), Ислам III (1644–1654) и Мехмед IV (1641–1644, 1654–1667), правившие до и во время приезда Эвлии Челеби в Крым.

Еще три *мектеба* находилось в городе Акмесджиде, пять – в Гёзлеве, восемь – в Карасубазаре, один – в г. Эски-Кырыме [там же, с. 63, 154, 161, 180]. Наибольшее количество школ – сорок пять – функционировало в османской Кефе, еще один *мектеб* находился также в османской Керчи [там же, с. 200, 212].

Следующий пласт источников – материалы кадиаскерских тетрадей – даёт возможность получить разнообразные другие сведения по крымским школам, касающиеся в том числе личностей их строителей, времени функционирования и т. д. К сожалению, эти сведения в настоящее время известны лишь в отношении двух городов – Бахчисарае и Карасубазара.

Так, по материалам О. Быйыка, в Бахчисарае в период с начала XVII по середину XVIII вв. функционировали, по меньшей мере, восемь мусульманских школ: мектеб хана Мехмеда Герая (присутствует в документе за 1685 г., он же – «мектеб Мехмеда Герая б. Селямета Герая» в документе за 1731 г.), мектеб Арслана Аги (1685 г.), мектеб Хаджи Гази (1685 г., он же – мектеб Деббаг эль-Хадж Шах Гази Аги в 1685 г.), мектеб эль-Хадж Махмуд Бека (1685 г.), мектеб Исмихан Бийим (1675 г.), мектеб Сохраба Эфенди («сыбьян мектеби», 1715 г.), мектеб эль-Хадж Сулеймана (1726 г.), мектеб хана Арслана Герая [Виук, 2014, с. 138, 171]. Помимо этого, существовали и две немусульманские (*гайримуслим*) школы для детей: караимская на Чуфут-Кале («Кале яхудиери сыбьян мектеби», 1735 г.) и армянская («Эрмени сыбьян мектеби», 1703 г.) [там же]. Обращает внимание, что в данном ряду отсутствуют школы ханов Бахадыра и Ислама Гераяев, отмеченные у Эвлии Челеби.

Как видим, благодаря сиджилям становятся известными имена строителей значительного числа бахчисарайских школ. Среди них, помимо ханских имен, обращает внимание ряд имен представителей служивого сословия (Арслан Ага и др.), представителей ученого сословия (Сохраб Эфенди), личностей, совершивших хадж (эль-Хадж Сулейман). Не может не обратить внимания и имя женщины-строительницы – Исмихан Бийим, судя по титулу, представительницы правившей семьи. Известно, что в Бахчисарае до настоящего времени сохраняются мечеть и квартал с одноименным названием [Свод, 2016а, с. 142–143]. Надо полагать, что школа Исмихан Бийим находилась здесь же, известно, что в начале XX в. *мектеб* в данном квартале еще существовал.

Помимо этого, в сиджилях присутствуют сведения, подтверждающие мнение, что школы, как правило, существовали в комплексе с мечетями. Так, бахчисарайские школы Хаджи Гази, Арслана Аги и Сохраба Эфенди в ряде документов указаны при одноименных мечетях [Виук, 2014, с. 136–138].

Что касается Карасубазара, здесь, согласно сведениям О. Быйыка, функционировала, по меньшей мере, одна мусульманская школа – *мектеб* Хани Султан в квартале Али Эфенди [Виук, 2014, с. 153]. Помимо этого, в монографии Н. Кавака, посвященной исследованию кадиаскерских документов, относящихся к истории Карасубазара, проходит и *мектеб* в квартале Чорум [Кавак, 2014, с. 97]. Разумеется, две школы при пяти-шести медресе и около двадцати городских мечетей – ситуация маловероятная, количество мусульманских школ в Карасубазаре, надо полагать, было намного большим. Из немусульманских школ отмечен *мектеб* еврейской общины («Яхудиер мектеби») [Виук, 2014, с. 153].

Сведения о школах по другим населенным пунктам, и в первую очередь городам (Акмесджит, Гёзлеве, Старый Крым и т. д.), в известных работах по крымским кадиаскерским тетрадам в настоящее время отсутствуют.

Таким образом, в общей сложности в период Крымского ханства только на территории полуострова функционировало, по меньшей мере, 87 мусульманских школ, из них 82 – в городах и 5 – в сельских населенных пунктах. При этом ре-

альное их количество, без сомнения, было во много раз большим. Критерием этого может служить количество крымских мечетей, поскольку школы, как правило, находились при мечетях, более того, очень часто они были лишены собственных зданий и размещались на территории этих мечетей. Принимая во внимание, что общее количество крымских мечетей в 1783 г. достигало 1518 единиц [Лашков, 1889, с. 45], можно с уверенностью утверждать, что количество школ значительно превышало вышеуказанную цифру. Добавим также, что немалое количество школ функционировало и на материковой части Крымского ханства (см. ниже).

Крымские медресе. Несколько больше сведений известно по крымским медресе. Так, по материалам «Камерального описания Крыма», в конце 1783 г. на территории Крыма функционировало, по меньшей мере, двадцать шесть медресе. Из них три – в Бахчисарае и одно – в одной из деревень Бахчисарайского каймаканства, еще одно – в Акмесджите и восемь – в деревнях Акмечетского каймаканства, «ноль» – в Карасубазаре и три – в деревнях Карасубазарского каймаканства, «ноль» – в Гёзлеве и пять – в деревнях соответствующего каймаканства, пять – в Кефе и «ноль» – в деревнях Кефинского каймаканства, также «ноль» – в кадыльках Перекопского каймаканства [Камеральное описание, 1889, с. 37–45]. Как видим, ситуация, аналогичная со школами. Особо обращает на себя внимание «отсутствие» медресе в Карасубазаре и Гёзлеве, что представляется маловероятным и, судя по всему, являлось отражением ситуации исключительно на момент составления «Описания».

Данное утверждение можно обосновать следующими примерами. Академик П. С. Паллас, наведивший в 1794 г. Евпаторию (Гёзлеве), отметил наличие в городе тринадцати мечетей и семи медресе [Паллас, 1999, с. 209]. Согласно же «Камеральному описанию», в городе было двадцать мечетей и «ноль» медресе. При таком значительном уменьшении количества мечетей трудно представить столь значительный скачок в количестве медресе. Тем более, что, как будет показано ниже, уже в середине XVII в. в городе было, по меньшей мере, два медресе.

То же самое можно сказать и о Карасубазаре, где в ханское время было, по меньшей мере, пять

медресе (см. ниже), однако по «Камеральному описанию» они отсутствуют вовсе.

Если обратиться к Эвлие Челеби, в «Книге путешествия» упоминаются, по меньшей мере, восемнадцать медресе – все в городах (Бахчисарай, Карасу, Акмесджид, Гёзлеве, Кефе, Эски-Кырым, Керчь, Инкерман). Отдельно по населенным пунктам картина выглядит следующим образом:

Несколько медресе располагалось в **Бахчисарае** – Эвлия Челеби не пишет о количестве, однако особо пишет о медресе Менгли Герая в Салачике и медресе Сахиб Герая. Так, в главе «Описание древнего города-крепости Эски-Саладжик» он замечает: «Как было сказано, раньше в этом городе Эски Саладжик было множество ханов, мечетей, бань и медресе. Теперь осталось большое медресе Менгли Герай-хана. Над его высокой дверью четким почерком *мустасими* написан следующий *тарих*: «Приказал построить это медресе с помощью Бога, обладателя щедрости, Менгли Герай-хан, сын Эль-Хаджи Герай-хана, да сделает Бог его царствование вечным. Год 956 (*дата ошибочна, необходимо 906. – Н. А.*)» [Эвлия, 2017, с. 94–95].

Чуть позже, при описании построек собственно Бахчисарая, путешественник добавляет: «**Описание медресе ученых-толкователей.** Всего <...> школ толкователей, знатоков *хадисов* и *хафизов*. Самое лучшее – в Саладжике, около дворца Менгли Герай-хана, а также медресе Сахиб Герай-хана. Но специальных отделений для изучения хадисов (*дар-уль-хадис*) и стилей чтения Корана (*дар-уль-караа*) нет» [там же, с. 113].

Судя по этим описаниям, речь идет о медресе «Зынджирлы» в Салачике, а также медресе Сахиб Герая, располагавшемся рядом с Большой Ханской мечетью напротив Ханского дворца. О втором медресе известно немного. Так, согласно кадиаскерским документам начала XVII в., Сахибом Гераем в Бахчисарае было построено медресе в комплексе с мечетью Хан-Джами [Кадиаскерские тетради, Т. 1, л. 2 б/1]. Впоследствии, в XVIII в., указанное медресе, судя по всему, было перестроено (воссоздано [?]) Арслан Гераем и упоминалось уже под его именем [Çinar, 2007].

Из других медресе, упомянутых Эвлией Челеби, по два располагались в Гёзлеве, Акмесджите и Эски-Кырыме, пять – в Карасубазаре [Эвлия,

2017, с. 63, 153, 160–161, 180]. На османской территории медресе располагались: пять – в Кефе (в том числе одно, судя по всему, в пригороде Топраклык), одно – в Керчи, еще одно – в крепости Инкерман, при местной мечети [там же, с. 71, 199, 212].

Эвлия Челеби немногословен в описании крымских медресе, единственно, он чуть подробнее останавливается на медресе Карасубазара и Кефе. Так, о карасубазарских медресе он пишет следующее: **«Список домов обучения толкователей. Всего 5 медресе ученых-мухаддисов.** Но специальных *дар-уль-хадис* и *дар-уль-караа* нет. Однако в *медресе* этого города много *улемов-мухаддисов*» [там же, с. 160–161]. В описании же кефинских медресе путешественник особо выделяет медресе Хаджи Ферхада: **«Счет учебных заведений ученых-толкователей. Всего 5 медресе – убежищ науки.** Во-первых, *медресе* Хаджи Фархада. Оно самое превосходное из всех. <...>. Но специальных отделений для изучения хадисов (*дар-уль-хадис*) и стилей чтения Корана (*дар-уль-караа*) нет» [там же, с. 199].

Говоря о крымских медресе в описании Эвлии Челеби, есть смысл особо остановиться на одном из двух упомянутых им старокрымских медресе, а именно – медресе Инджибек Хатун. Данное медресе, как было указано выше, является в настоящее время наиболее ранним известным крымским медресе. Основано оно было в 733/1332–1333 г., и пока что единственным информатором о нем является именно Эвлия Челеби. В его «Книге путешествия» приведен текст надписи на портале медресе следующего содержания: «Далее, перед *михрабом* этой мечети, над дверью *медресе* Инджи-бей-хатун написан следующий *тарих*: «Приказала построить это благословенное *медресе* во время *султана* справедливого Мухаммед Герай-хана (*надо полагать, описка, должно быть: «Мухаммеда Узбека».* – Н. А.), да продлится его счастливое правление, о, Благий, Повелитель мира здешнего и Податель благополучия, Инджи-бей-хатун, дочь бая Кыл-Буруна, *эмира эмиров*, покойного, да освятит Бог его могилу, в году 733». Эти огромные двери разукрашены и отделаны» [там же, с. 181].

Указанный портал искусной работы продолжал существовать в конце XVIII в., в частности, он

присутствует на известной картине М. М. Иванова, написанной по натурным рисункам 1783 года и ныне хранящейся в собрании Государственного Русского музея в Санкт-Петербурге. Последующая судьба портала неизвестна, до настоящего времени он не сохранился. Добавим также, что в результате раскопок 1925 г. на территории медресе был обнаружен склеп с несколькими захоронениями, в том числе, неких «Ильчи-хатун» (ум. 775/1373–74) и «Ир-султан» (ум. 833/1429–30) [Акчокраклы, 1929, с. 8]. С большой долей вероятности можно утверждать, что Ильчи-хатун и Инджибек-хатун являются одной и той же особой.

Материалы кадиаскерских тетрадей дают возможность получить дополнительные сведения об этих и других крымских медресе, в частности, об их строителях, собственности и т. д. К сожалению, в настоящий момент речь может идти лишь по четырем городам – Бахчисараю, Гёзлеве, Карасубазару и Инкерману, а также некоторым отдельным селениям.

Так, в Бахчисарае, по материалам О. Быйыка, в период с нач. XVII – по середину XVIII вв. функционировали, по меньшей мере, следующие медресе: медресе хана Менгли Герая (в Салачике, 1704 г.), медресе Муртазы Али Эфенди (также в Салачике, 1713 г.), медресе Мубарек Султан Бике (1722 с.), медресе Ахмед Ага (1722 с.), Орта медресе (1748 г.), медресе Арслана Герая (1748 с.), «Верхнее» («Юкары») медресе (1679 г.) [Виук, 2014, с. 138]. К ним можно добавить, по меньшей мере, еще одно медресе – вышеупомянутое медресе Сахиба Герая I, фигурирующее, в частности, в первом томе кадиаскерских тетрадей и по непонятным причинам незафиксированное О. Быйыком [Кадиаскерские тетради, Т. 1, л. 2 б/1].

Из этих медресе «Верхним» («Юкары») может быть или же медресе «Зынджирлы», или же медресе Муртазы Али Эфенди. «Орта медресе» может быть медресе Ахмеда Аги – известно, что последнее было построено указанным лицом в конце XVII в., мавзолее строителя находился здесь же, рядом с медресе [Свод, 2016а, с. 43]. Что касается медресе Арслана Герая, принимая во внимание, что оно располагалось на территории Ханского дворца, можно предположить, что оно, как было указано выше, было воссозда-

но на месте, где располагалось медресе Сахиба Герая I. Можно даже предположить, что медресе последнего сильно пострадало во время пожара в 1736 г. (поход Миниха), вследствие чего Арслан Герай решил отстроить его заново. Таким образом, речь может идти о, по меньшей мере, пяти бахчисарайских (с Салачиком) медресе ханского периода.

Среди устроителей указанных медресе обращает внимание имя Муртазы Али Эфенди. Им может быть известный крымский кадиаскер, упоминаемый, в том числе, у Эвлии Челеби [Эвлия, 2017, с. 96]. Также интересно имя женщины-устроительницы – Мубарек Султан Бике, однако о ней сведения в настоящее время отсутствуют.

Помимо этих пяти – общих (*умум*) медресе, в Бахчисарае, как было указано выше, существовало еще одно, специализированное медресе – *дар-уль-курра*, основанное в сер. XVIII в. тем же ханом Арсланом Гераем рядом, судя по всему, с им же построенным (воссозданным [?]) медресе. Сведения об этом присутствуют, в частности, в кадиаскерских тетрадах. Так, согласно одному из документов, датированному месяцем Мухаррамом 1164 г. / декабрем 1750 г., отмечается, что Арслан Герай, основав учебное заведение для подготовки чтецов Корана – *дар-уль-курра* – рядом с мечетью Джамии-и кебир (мечеть Хан-Джами) в Бахчисарае, завещал ей вакф в 500 гурушей. Этими финансами должен был распоряжаться специальный представитель – *мутевелли*, в задачу которого входило также назначение учителей в указанное учебное заведение и другие функции [Güneş, 2006, s. 98]. В соответствующем документе – *вакфие* – также указаны объемы зарплаты учителя школы (*шейх-уль-курра*), его помощника (*халифе*), самого распорядителя-*мутевелли*, особо отмечено, что в школе будет изучаться Коран [там же]. Помимо этого, указано и имя наставника учебного заведения – Хафыз Мехмед Эфенди [Çınar, 2007, с. 126]. Добавим, что форма *вакфие* представляет собой копию соответствующих османских документов, что еще более укрепляет в мысли, что весь комплекс вопросов, связанных с крымским образованием времен ханства, был идентичен османскому.

Завершая тему бахчисарайских медресе, добавим, что с конца XVIII в. по начало XX в. в

Бахчисарае функционировало три медресе – это вышеупомянутые медресе Менгли Герая (или «Зынджирлы»), медресе Ахмеда Аги (или «Орта медресе») и Арслана Герая (или «Ханское»). В настоящее время сохранились здания двух из них – «Зынджирлы» и «Орта», причем здание «Орта медресе» было перестроено в 1909 г. [Свод, 2016а, с. 43–45].

Еще одним городом, где, согласно исследованиям О. Быйыка, функционировали медресе, был Гёзлеве. Здесь отмечены медресе эль-Хадж Абдуллаха Эфенди (1741 г.), медресе хана Ислама Герая (1700, вакф) и медресе хана Менгли Герая (1668 г.) [Виук, 2014, с. 157]. Из них в последнем случае речь идет, вероятно, не о медресе Менгли Герая, а о вакуфе салачикского медресе Менгли Герая I, находившемся в Гёзлеве (см. ниже). Что же касается медресе Ислама Герая, то известно о значительных работах этого хана по благоустройству Гёзлеве (основательный ремонт мечети Девлета Герая построенной по проекту выдающегося османского архитектора Мимара Синана, строительство ряда фонтанов и т. д.) [Halim Giray, 2013, с. 64]. Вполне вероятно, что указанное медресе было при указанной мечети Девлета Герая, в таком случае мы имеем два медресе, что соответствует данным Эвлии Челеби.

Наконец, в Карасубазаре, согласно О. Быйыку, было, по меньшей мере, пять медресе: медресе Реджеба Эфенди, медресе Кучюк Мехмеда Эфенди, медресе Хаджи Яхьи, медресе при мечети Джамии-и шериф («Джами-и шериф медресеси»), медресе эль-Хадж Субхан-Кулу Гази Аги [Виук, 2014, с. 153]. О том же количестве пишет и Эвлия Челеби (см. выше). Помимо этого, у Н. Кавака, автора еще одного исследования по истории Карасубазара на основании кадиаскерских тетрад, проходит «Кая медресеси» – можно предположить, что речь идет о медресе в окрестностях известной скалы Ак-Кая [Kavak, 2014, s. 96].

Сведения о медресе в Акмесджите, в Старом Крыму, Кефе и Керчи у О. Быйыка отсутствуют. При этом отдельные сведения, касающиеся медресе в Керчи, были выявлены в результате наших собственных исследований: так, согласно одному из сиджилей конца 1021/1612 г. из первого тома кадиаскерских тетрад, в городе функциониро-

вало медресе Хаджи Хасана, его распорядителем (*мутевелли*) был сын основателя медресе – Эбу Бекир Чавуш [Кадискерские тетради, т. 1, л. 85 а/3]. С большой долей вероятности можно предположить, что данным учебным заведением было медресе, упоминаемое у Эвлии Челеби.

Что же касается медресе г. Кефе, очень важные сведения о них сохранились в турецких архивах. Данный материал был обнародован известным турецким историком Дж. Балтаджи в его монографии «Османские медресе XV–XVI вв.» [Baltacı, 2005]. В опубликованных Дж. Балтаджи материалах присутствуют сведения о количестве медресе, их устроителях, статусе заведений, а также муддеррисах, возглавлявших данные медресе в 1580–1590-е гг. [Memetov, 2018].

Согласно автору, только во 2-й пол. XVI в. в Кефе функционировало, по меньшей мере, шесть медресе, что, к слову, коррелируется с данными Эвлии Челеби. Одним из них было медресе «Джебеджи» («Джебеджи медресеси»), упоминаемое в документе, датированном 1590 г., в это время его муддеррисом был Мехмед Эфенди [там же, с. 37]. Следующим медресе было медресе Кады Кемалы («Кады Кемаль медресеси»), отмеченное в документе за 1587 г., его муддеррисами в разные годы были Ахмед Эфенди, Иса Эфенди и Абдурахман Эфенди [там же, с. 38–39]. Третьим медресе было медресе Касым-паши («Касым паша медресеси»), упоминаемое в документе за 1587/88 г., его муддеррисами были Химмет Эфенди, Вели Эфенди, Мухйиддин Эфенди, Хамза Эфенди, Ибрахим Эфенди [там же, с. 39–40]. Четвертым медресе было медресе Мерджание («Мерджание медресеси», упомянуто в документе за 1586/87 г.), его муддеррисами были Синан Эфенди, Селим Эфенди, Мухйиддин Эфенди, Хамза Эфенди, Селим Эфенди [там же, с. 40]. Пятым медресе было медресе «Хатуние» («Хатуние медресеси», 1587 г.), его муддеррисами были Эмруллах Эфенди, Ахмед Эфенди, Аляэддин Эфенди, Шукруллах Эфенди, Мухйиддин Эфенди, Муслихиддин Эфенди, Мехмед Эфенди, Селим Эфенди [там же, с. 42–43]. Наконец, шестым медресе было медресе Хаджи Ферхада («Хаджи Ферхад медресеси», 1585 г.), его муддеррисами были Ямалы Абди Эфен-

ди, УзунШемс Эфенди, Ибн Исхак Эфенди [там же, с. 43–44].

Документы содержат и другие сведения, касающиеся образования и размера жалования муддеррисов, предыдущих и последующих мест их работы и т. д. Этническая принадлежность муддеррисов не указана, однако в биографиях значительного числа из них присутствуют анатолийские «следы». Также обращает внимание, что муддеррисы часто меняли место работы (медресе), в том числе в пределах одного города (Кефе).

Интересны сведения о статусе этих медресе, выражающемся, в частности, в объеме жалования муддерриса. Так, объем ежедневного жалования в первых пяти медресе составлял в основном 20 акче, что позволяет причислить данные медресе к т. н. «*ийигирмили медресе*» – «двадцаткам») [Yıldırım, 2018, s. 608]. Шестое медресе – Хаджи Ферхада – было наивысшим по статусу, объем жалования его муддерриса составлял 50 акче, заведение находилось в ведении непосредственно муфтия Кефе – главы ученого сословия Кефинского эялета [Memetov, 2018, с. 44].

Сельские медресе. Наряду с городскими медресе, в ряде источников фигурируют медресе и в сельских населенных пунктах полуострова. Так, в кадискерских тетрадях упоминается медресе в селении Улаклы, построенное Сахибом Гераем I [Biyik, 2014, с. 145]. Это медресе известно также по описаниям Реммалы-Ходжи [Tarih-i Sahip, 1973, с. 25]. Помимо этого, в тех же судейских тетрадях упоминаются: медресе Хусейина Эфенди в одноименном селении в долине реки Альмы (судя по всему, оно же «Нехр-и Альма медресеси», см. ниже) [Biyik, 2014, с. 180], медресе Яхьи Эфенди в кадылык Орта Чонгар [там же, с. 179], медресе в селении Качи («Качы медресеси») [там же], медресе в селении Текие («Текие карьеси медресеси») [там же].

Отдельные сельские медресе упоминаются и в произведениях крымскотатарской историографии. Так, в «Истории Саид Герая», во фрагменте, посвященном биографии историка и поэта Хурреми Челеби Акая, проходит медресе деревни Вейрат (в окрестностях Акмесджита), в котором Хурреми Челеби преподавал [Сейтягьяев 2011а, с. 178–179]. Здесь же присутствует указание на

устроителя данного учебного заведения – визиря хана Каплана Герая I в его третье правление (1730–1736) Эрмирзу Агу, уроженца этой же деревни.

Помимо этого, указания на различные сельские медресе присутствуют и в других источниках. Так, И. Зайцев обращает внимание на медресе в селениях Кадыкой, Буран-Кары, Чуюнджы[?] и др., проходящие в различных рукописях ханского времени, связанных с Крымом [Зайцев, 2009, с. 44, 49].

Таким образом, на основании всех вышеперечисленных источников, можно сделать вывод, что в ханское время только на территории Крымского полуострова существовало, по меньшей мере, 41 медресе: 25 – в городах и 16 – в сельских населенных пунктах. Общее же их количество, в том числе отдельно по различным периодам и регионам, покажут дальнейшие исследования.

Учебные заведения за пределами Крымского полуострова. Сведения о мусульманских учебных заведениях на материковой части Крымского ханства, от Дуная до Кубани, немногочисленны, в настоящее время они ограничиваются в основном данными по Едисанской и Буджакской Ордам и относятся к первой половине и середине XVIII века.

Как и на территории полуострова, в указанных регионах, помимо влияния крымских ханов, контролировавших главным образом степную часть региона и ряд городов (например, Каушаны), присутствовало и османское влияние, под чьим контролем находились наиболее крупные городские населенные пункты региона, например, крепости Аккерман и Бендеры. Так же, как и в самом Крыму, известны факты непосредственного участия Гераев в образовательном процессе и в данном регионе. Так, ханом Менгли Гераем II (годы правления: 1724–1730, 1737–1740) было построено медресе в местечке Татар-Пынары в Буджаке (*ныне – Татарбунары, город районного значения в Одесской области Украины.* – Н. А.) [Halim Giray, 2013, с. 88].

Одни из наиболее ранних сведений, касающихся системы образования в данных регионах, присутствуют опять же в «Книге путешествия» Эвлии Челеби. В самом начале крымского пове-

ствования, в главе «*Описание границ страны Солгат, [владений] рода Чингизидов, первого рубежа – мощной крепости Ор, то есть Феррах-Керман*», путешественник замечает: «*Мазхаб крымского народа – ханафитский, но есть также приверженцы шафиитского мазхаба*. Живущие за пределами Крыма улу-ногаи, шейдяк-ногаи, урмит-ногаи, племена мансурлу, седжевутлу, ширинли, манкытли, племена Чопана, Новруза, Деви и многие тысячи подобных этим племена принадлежат к *шифиитскому мазхабу*. Там находится столь много сот тысяч знающих *улемов*, что и не расскажешь. Все эти ученые основали свои *медресе* среди племен в степи и кочуют вместе с ними» [Эвлия, 2004, с. 33–34].

Более подробные сведения мы находим в более позднем источнике – известном историографическом произведении «История Саид Герая», датированном серединой XVIII века. Автор данного труда, сын крымского хана Саадета Герая III, историк и поэт Саид Герай в 1755–1758 гг. был сераскером Едисана и имел возможность наблюдать жизнь татар и ногаев Буджака и Едисана в непосредственной близости [Kellner-Heinkele, 1975]. Одними из наиболее ценных фрагментов его труда являются краткие биографические портреты более 100 наиболее видных представителей татарского и ногайского общества того времени, в том числе представителей ученого сословия *улема* из Буджака и Едисана. Их деятельность стала темой исследований Б. Келльнер-Хайнкеле [Kellner-Heinkele, 1996] и Д. Пашаоглу [Paşaoğlu, 2016a].

Согласно указанным авторам, Саид Герай отмечает определенную развитость системы образования в регионе. Так, по его словам, в каждом селении (*карье*) было по «несколько мудеррисов и лиц, желающих у них обучаться» [Paşaoğlu, 2016, s. 112]. В труде приводятся биографии целого ряда ногайских *улема*, которые, наряду с исполнением административных (*адлий*) обязанностей (кадиев, муфтиев и т. п.), занимались и вопросами образования в среде соотечественников. По свидетельству Саида Герая, указанные личности получали образование у «ученых своего времени» – в первую очередь в медресе Аккермана и Бендер, а также в крымских медресе. Многие из них после этого совершенствовали знания в ос-

манских медресе, однако позже возвращались на родину и преподавали в местных мектебах и медресе. Так, один из наиболее видных ученых Буджака, семидесятилетний Абдулькерим Эфенди получил образование у «ученых своего времени» (*улема-и аср*), далее совершенствовался в отдельных дисциплинах у известного муфтия Бендер Давуда Эфенди, после чего преподавал в медресе ряда местных селений и города Кили. В годы сераскерства Саида Герая он был мудеррисом в селении Хасанбай [там же, s. 116]. Еще одним известным ученым из Буджака был Кан Мембет Эфенди из племени Ор-Мембет-оглу. Он овладел искусством чтения Корана (*кираат*) под руководством буджакских ученых, позже учился в Стамбуле, но «по зову сердца» вернулся на родину и преподавал в ряде сельских медресе. На момент написания труда Саида Герая Кан Мембет Эфенди издавал фетвы в г. Озю (Очакове) [там же, s. 116–117]. Алиджан Эфенди также получил образование в Стамбуле, вернувшись, преподавал в медресе Измаильского кадылыка, пользовался особой известностью среди сохт [там же, s. 117]. Нури Эфенди был из Крыма (вследствие чего был известен как «Кырымлыоглу»), однако учился в Бендерах у известного ученого Дагистани Мехмеда Эфенди, далее совершенствовался в Стамбуле, вернувшись, продолжил обучение – у вышеупомянутого муфтия Дауда Эфенди, после чего преподавал и проповедовал там же, в Бендерах [там же, с. 118]. Интересна биография и Ильяса Эфенди: он приехал с Кубани в Крым, где учился у местных ученых, а также в Кефе у известного муфтия Эбуссууда Эфенди, после чего преподавал на Кубани, в Буджаке и Едисане [там же, с. 119–120]. Другими известными религиозными авторитетами и учеными Буджака были Кучюк Абдуллах Эфенди, Дагистани Мехмед Эфенди (одновременно поэт), Абдуреззак Эфенди (также поэт) и др.

Из едисанских ученых Саид Герай особо выделяет Бай Акая Эфенди и его сына Сулеймана Эфенди, Али Эфенди, Хаджи Курмана Эфенди, Сулеймана Эфенди из рода Какбаш, Гендже Эфенди, еще одного Али Эфенди, Менгли Али Эфенди, Хаджи Мехмеда Эфенди, Хаджибая Эфенди, Кади Аббаса Эфенди [там же, с. 120–122]. Их биографии напоминают биографии буджакских ученых,

преподавательская деятельность особо отмечена у Сулеймана Эфенди, Али Эфенди, Менгли Али Эфенди, Хаджи Мехмеда Эфенди и Хаджибая Эфенди.

Характеризуя буджакских и едисанских ученых, Саид Герай особо выделяет интерес ряда из них (Абдуллах Эфенди, Эбуссууд Челеби, Кан Мембет Эфенди, Дагистани Мехмед Эфенди и др.) к, условно говоря, светским наукам – т. н. *улум-и джузие*, под которыми подразумеваются такие дисциплины, как логика (*мантык*), грамматика (*сарф*), синтаксис (*нахв*), риторика (*белягат*), лексикография (*лугат*) арабского языка, математика (*хесаб*), геометрия (*хендесе*), астрономия (*хейэт*), философия (*фельсефе*), история (*тарих*), география (*джография*) и т. п. Как известно, данные дисциплины считались «вспомогательными» (*алет илимлери*) для овладения т. н. «высшими науками» – *улум-и алие*, представленными комментированием Корана (*тефсир*), хадисоведением, правом (*фикх*), рационалистическим богословием (*келям*) [там же, с. 116]. Двух ученых – Абдуллаха Эфенди и Дагистани Мехмеда – Саид Герай характеризует как искусно владевших таким астрономическим инструментом, как *руб-и дауре* – разновидностью астролябии в форме квадранта, использовавшейся как для определения высот светил (для определения времени намаза), так и осуществления некоторых математических и тригонометрических расчетов. Инструмент был очень популярен в странах Востока, в том числе в Османской империи, где использовался вплоть до конца XIX в. [Bir, 2008].

История учебных заведений периода Крымского ханства. История абсолютного большинства учебных заведений ханского времени остается практически неизвестной. Выше на примере медресе г. Кефе было показано, как могли бы выглядеть крымские архивы подобных заведений. В настоящее время, с началом активного ввода в научный оборот материалов тех же кадиаскерских тетрадей, появилась надежда, что история по крайней мере наиболее известных медресе и, возможно, школ в той или иной степени все же будет восстановлена.

Среди крымских медресе ханского времени особую известность приобрело медресе Менгли

Герая I, или же медресе «Зынджирлы» («Медресе с цепью»), основанное в 906/1500-01 г. в Салачике (ныне – пригород Бахчисарая) рядом с мечетью того же хана (частично сохранилась до настоящего времени). Это медресе – единственное из учебных заведений Крыма, практически полностью сохранившееся до настоящего времени и после реставрационных работ последних лет открытое для посещения туристов. Известно, что медресе располагало внушительной собственностью, состоявшей из ряда земельных участков, домов, лавок, магазинов и т. д., выделенных в разное время и разными лицами в ее пользование (*вакф*) [Свод, 2016а, с. 26–27]. Основу этой собственности заложил основатель медресе – крымский хан Менгли Герай I (ум. 1515), завещавший более 4500 десятин земли в местности Улуг-Кул и участок в местности Сыр-Каир. Представители правящей семьи и позже поддерживали медресе, в частности, согласно материалам одного из судейских сиджилей, датированного началом XVII в., хан Гази Герай II значительно улучшил его финансовое состояние за счет передачи в *вакф* ряда торговых заведений в г. Гёзлеве (магазин, лавка и кофейня) [Кадаскерские тетради, Т. 1, л. 28 б/4].

Архива медресе ханского периода не существует, однако частично он может быть восстановлен за счет материалов кадиаскерских тетрадей. Так, в упомянутом выше сиджиле присутствует указание на назначение распорядителем его вакуфа (*мутевелли*) некоего Эмир Джелила б. Эмир Шабана. Мудеррисом «Зынджирлы» на тот момент был Халиль Эфенди, имамом мечети – Насух Халифе [там же]. Известны и другие сиджили, связанные с историей этого учебного заведения, в частности, касающиеся основательного ремонта и строительных работ на территории медресе, имевших место в 1610 г. при распорядителе (*мутевелли*) Абдулькериме Эфенди [Кадаскерские тетради, Т. 1, л. 52 а/1-а/3].

«Зынджирлы» продолжало быть наиболее известным крымским медресе и одним из наиболее богатых российских медресе вплоть до начала XX в. В конце XIX в., в период, когда учебное заведение возглавлялось мудеррисом Хаджи Абибуллой Эфенди, с поддержки И. Гаспринского оно пережило коренную реформу, сделавшую медресе

«Зынджирлы» известным в масштабах всей Российской империи.

Программа учебных заведений. В настоящее время трудно в полной мере воспроизвести программу обучения в крымских мектебах и медресе, поскольку известные на сегодня источники практически не содержат каких-либо сведений по этому поводу.

Тот же Эвлия Челеби в большинстве случаев ограничивается лишь общими замечаниями. Так, в отношении мектебов путешественник лишь замечает, что в них «изучают алфавит» (вариант: «азбуку») [Эвлия, 2017, с. 113]. Единственным исключением является описание школ в Кефе, по поводу которых путешественник пишет следующее: «Всего 45 домов науки возлюбленных юношей. Природным качеством не достигших зрелости детей является острый ум, они в высшей степени благородны, праведны и умны, так что выучили наизусть и усвоили множество книг» [там же, с. 200]. В данном описании не могут не обратить внимания последние слова о «множестве книг», заученных наизусть и освоенных учениками.

Подобным образом Эвлия Челеби лаконичен и в отношении крымских медресе, отмечая в основном, что они являются «*школами толкователей, знатоков хадисов (мухаддисов) и хафизов*» [там же, с. 113], т. е. основными дисциплинами в них являются чтение и комментирование Корана, а также изучение хадисов. Некоторые дополнительные сведения присутствуют лишь в описании медресе г. Карасубазара: «**Список домов обучения толкователей.** Всего 5 медресе ученых-мухаддисов. Но специальных *дар-уль-хадис* и *дар-уль-караа* нет. Однако в медресе этого города много *улемов-мухаддисов*. Когда они по всем правилам чтения читают Коран, они следуют Ибн Кясиру (*Абу Ма'бад Абдуллах б. Кесир б. Амр ад-Дари* (ум. 738) – основоположник одного из семи основных стилей чтения Корана. – Н. А.) и семи стилям чтения. *Хафизов* Корана нет. Но много татарских *улемов*, совершенствующихся в науках познания сущности, постигших море смысла и сокровищницу фундаментальных знаний» [там же, с. 160–161].

Как было предположено выше, программа крымских школ и медресе в целом была аналогич-

ной программе соответствующих османских учебных заведений. Соответственно, знание системы османского образования может в значительной степени помочь решить проблему крымских исследований. Османская же система образования изучена достаточно подробно.

Так, известно, что обучение в османских школах в основном ограничивалось изучением азбуки и письма, а также элементарными религиозными знаниями: чтением Корана, зазубриванием ряда наиболее популярных молитв, знакомством с наиболее важными датами истории ислама, овладением основами исламской доктрины, освоением правил исполнения намаза и т. п. При этом в программах мектебов предусматривались и самые начальные знания (четыре действия) по математике (*хесан*). Возраст обучения в школах ограничивался 7–12-13 годами, преподавали в школах, как правило, выпускники медресе (*ходжа*, *муаллим*) [Taşkın, 2008, s. 345–350].

После завершения начального образования желающие могли продолжить обучение в медресе (среднего и высшего уровня). Данные учебные заведения делились на общие (*умум*) и специализированные (*ихтисас*) медресе.

К общим относились медресе, программа обучения в которых предусматривала освоение ряда дисциплин без углубленного освоения какой-либо одной из них. Данные медресе, согласно уровню подготовки в них, в свою очередь так же делились на различные категории, что выражалось, в частности, в размере оклада их мудеррисов. Так, ежедневный оклад мудерриса в медресе самой низшей ступени составлял 20 акче, вследствие чего данные медресе, как было указано выше, получили название «йигирмили» – т. н. «двадцаток» [Yıldırım, 2018, с. 608]. В случае успешного прохождения курса и демонстрации особых способностей учащийся имел возможность продолжить обучение, соответственно, в «тридцатках» («отузлы») – медресе с ежедневным окладом мудерриса в 30 акче, «сороковках» («кырклы»), «пятидесятках» («эллили») и «шестидесятках» («алтмышлы»). Медресе «алтмышлы» наряду с медресе Сахн-ы Семан и «Сулеймание» (см. выше) считались наиболее авторитетными учебными заведениями Османской империи [там же, s. 608–611].

Категории медресе соответствовала и его программа. При этом обучение проходило не по курсам (годам), а основывалось на освоении ряда книг – своего рода классических учебников, один из которых считался настольной книгой данной категории медресе и указывал на параллельное ее название. Так, настольной книгой медресе-«двадцаток» был труд аль-Джурджани под названием «Хашие-и Таджрид» (комментарий на трактат «Таджрид аль-итикад» Насир ад-Дина ат-Туси, посвященный вопросам рационалистического богословия – *келям*), в силу чего еще одним названием этих медресе было «Хашие-и Таджрид медреселери» [там же, с. 68]. В медресе данной категории изучались дисциплины: морфология (*сарф*) и синтаксис (*нахв*) арабского языка, риторика (*белягат*), рационалистическое богословие (*келям*), исламское право (*фикх*) и его методология (*усул-и фикх*); в качестве учебников использовались книги: по морфологии арабского языка – «Эмсиле», «Бина», «Максуд» неизвестных авторов, «Иzzi» эз-Зинджани, «Мерах» Ахмеда бин Али, по синтаксису – «Авамиль» Мухаммеда Биргиви, «Исхар» того же автора и «Кафия» Ибн Хаджиба, по риторике – «Мутавваль» ат-Тафтазани, по фикху (в частности, праву наследования – *мирас хукукы*) – «Шарх-и Фераиз» аль-Джурджани или Фенари, по логике – «Матали аль-анвар» Урмави, и другие [там же]. В дополнение к вышеуказанным дисциплинам, до определенного периода (2-я пол. XVI в.) преподавались и т. н. «умозрительные» науки (*улум-и аклие*): математика (*хесан*), геометрия (*хендесе*), хейэт (астрономия), ильм-и хикмет (*философия*), история (*тарих*), география (*джография*) [там же].

Основными книгами медресе-«тридцаток», или же медресе «Мифтах» («*Мифтах медреселери*»), были три одноименных комментария – «Шарх-и Мифтах» – на трактат Секкаки по риторике (*белягат*) «Мифтах аль-улум», принадлежавшие аль-Джурджани, ат-Тафтазани и Ибн Кемалю. Изучались дисциплины: риторика, право, рационалистическое богословие (*келям*), хадисоведение, использовались учебники: вышеупомянутые «Шарх-и Мифтах», «Хашие-и Таджрид», а также труды по методике фикха (*усул-и фикх*) – «Танких» Садр аш-Шариа и «Тавзих»

ат-Тафтазани, труд по хадисам – «Масабих» аль-Багави и др. [там же].

Настольной книгой в медресе-«сороковках», или «Тальвих медреселери», был труд ат-Тафтазани «Тальвих», посвященный вопросам права. В медресе изучались дисциплины, практически аналогичные предыдущим, однако учебники несколько различались: помимо ряда вышеупомянутых трудов («Танких», «Тавзих», «Масабих», «Кафия» и «Шарх-и Мифтах»), использовались также: по риторике – «Мифтах аль-улум» Секкаки, по хадисам – «Машарик аль-анвар» Мухаммада аль-Сагани, по келяму – «Шарх-и Мавакиф» аль-Джурджани (комментарий на «Мавакиф» аль-Иджи), по фикху – «Викая» (другое название: «Садр аш-Шариа») Бурхан аш-Шериа Махмуда и «Хидая» Бурхан ад-Дина аль-Маргинани, а также популярные сборники хадисов Бухари и Муслима [там же].

В медресе-«пятидесятках» изучались дисциплины, также аналогичные предыдущим («сороковкам»), с добавлением одной из важнейших дисциплин – комментирования Корана (*тефсир*). Соответственно, использовались как вышеупомянутые «Шарх-и Мавакиф», «Хидая», «Тальвих» и т. д., так и другие труды, в частности, два фундаментальных тефсира – «Кашшаф» Махмуда Замахшари и «Анвар ат-Танзиль» Кади Байдави [там же, с. 608–609].

Медресе-«шестидесятки», судя по всему, в Крыму отсутствовали, однако некоторые из них, как и вышеупомянутые медресе «Сахн-ы семан» и «Сулеймание», проходят в биографиях ряда крымских ученых, причем не только как места их учебы, но и преподавательской деятельности.

Как видно из приведенного материала, основное содержание программы общих (*умум*) медресе всех уровней составляли главным образом религиозные дисциплины – *улум-и наклие*, или же *улум-и алие*: комментирование Корана (*тефсир*), хадисоведение, *фикх*, *келям*. Однако для овладения этими дисциплинами важны были и т. н. вспомогательные дисциплины – *алет илимлери*, или *улум-и алие*, включавшие целый ряд филологических дисциплин, связанных с арабским языком, а также логику (*мантык*). Наконец, третья категория дисциплин – умозрительных – *улум-и аклие* (или *улум-и джузие*) – была представлена рядом

естественных и точных дисциплин: математика (*хесан*), геометрия (*хендесе*), астрономия (*хейэт*), ильм-и хикмет (*философия*), история (*тарих*), география (*джография*). Дисциплины этой категории были в программе османских медресе вплоть до 2-й пол. XVI века, однако с конца указанного столетия они были выведены из программы, что стало одной из важнейших причин деградации системы османского образования [Şanal, 2003, s. 152]. Впрочем, отдельные дисциплины, такие как математика, география, история, все же продолжали жить в стенах медресе – главным образом в качестве дисциплин для частных занятий и самообразования.

Что же касается второй разновидности – специализированных медресе (*ихтисас медреселери*), к ним относились медресе по подготовке чтецов Корана – *дар-уль-курра*, специалистов-хадисоведов – *дар-уль-хадис* и специалистов в области медицины – *дар-уль-тыб*. В этих медресе обучающиеся имели возможность углубленного прохождения соответствующих дисциплин, причем в *дар-уль-тыб* имело место отделение хирургии – *джеррахи* [Yildirim, 2018, s. 612].

После окончания медресе выпускники вливались в состав представителей ученого сословия *улема* (или *ильмийе*), при этом для определенной их части это происходило после дополнительной стажировки (*мулазмет*) у ведущих мудеррисов Стамбула и других значительных научно-образовательных центров Османской империи. Последнее наблюдается в том числе и в биографиях крымских ученых

Приведенные сведения имеют значение с точки зрения попытки реконструкции учебной программы и процесса обучения в крымских мектебах и медресе. Важным подспорьем в данном вопросе является также исследование рукописных коллекций, относящихся к Крыму и датированных периодами Золотой Орды и Крымского ханства. Наиболее значительной из подобных коллекций является рукописное собрание Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника, сформированное в 1920–1930-е гг. усилиями его директора, известного этнографа и художника У. Боданинского [Бахчисарайская, 2007]. Данная коллекция содержала фрагменты

ханской библиотеки (она же, возможно, – библиотека Большой ханской мечети), библиотеки медресе «Зынджирлы», рукописных собраний других крымских медресе, мечетей и текие, а также рукописи из частных коллекций. При этом часть предвоенного состава этой коллекции, одна из наиболее ценных, вероятно, погибла в период Великой Отечественной войны [Никандров, 2005], еще один крупный фрагмент коллекции, в составе более 120 рукописей, в 1976 г. был передан в Российскую национальную библиотеку (СПб) [Бахчисарайская, 2007].

Помимо указанной коллекции, в различных фондах той же Российской национальной библиотеки сохраняются и другие крымские рукописи [Зайцев, 2009; Васильева, 1993]. Рукописи, связанные с Крымом, присутствуют и в многочисленных других коллекциях – как России, так и Украины, Турции, других европейских и азиатских государств [Зайцев, 2009; Якубович, 2018]. Возвращаясь к Крыму, отметим также коллекцию Ялтинского историко-литературного музея, сформированную в 1920-е гг. тогдашним директором Восточного музея (прежнее название музея) Я. Кемалем [Бахчисарайская, 2007, с. 32–35].

Знакомство с указанными коллекциями показывает, что некоторые из рукописей были непосредственно из книг, принадлежавших ханам – «*мин эл-кутуб-и ханийе*», отдельные книги имеют отметки о том, что они были подарены или переданы в вакф теми или иными представителями правившей семьи [там же, с. 15–16]. Некоторые книги, судя по всему, происходили из библиотеки Большой мечети (*Джами-и кебир*) при Ханском дворце, в частности, именно здесь сохранялись рукописи, переданные в Крым османским султаном Махмудом I (1740–1743) при хане Селямете Герае II [там же, 13]. Отметим, что данный дар имел место в период ремонтно-реставрационных работ на территории дворца, производившихся после пожара 1736 г. (поход Б. К. Миниха), и этот факт может косвенно служить аргументом в пользу версии, что ханская библиотека и архив все же погибли в пожаре 1736 года. Наконец, на многих рукописях присутствуют отметки с указанием названий различных крымских медресе, мечетей или же имен их прежних крымских владельцев.

Возвращаясь к книгам из библиотеки Ханской мечети, отметим, что в настоящее время известны имена и некоторых ее хранителей в ханский период – *китапхане мухафызы*. Так, в 1135/1722–23 г. хранителем библиотеки был Хафыз Сейид Атауллах Челеби [Kavak, 2010, s. 282–283], в 1783 г. – Абдуль Рахим (Абдуррахим) Эфенди (он же – *дерсиам*, или «учитель богословия» при той же мечети) и Сами Эфенди (второй хранитель) [Лашков, 1897, с. 62].

Анализ содержания данных коллекций указывает на то, что, во-первых, они практически не отличались от подобных собраний из любого другого региона Османского государства, и, во-вторых, значительная часть содержавшихся в них рукописей имела отношение к образовательному процессу – соответствовала программе медресе. Последнее обстоятельство является очередным аргументом в пользу мнения об идентичности процессов и программ обучения в крымских и османских медресе.

Об этом же свидетельствуют и некоторые материалы из кадиаскерских книг, содержащих сведения и непосредственно сами списки различных книжных коллекций. В этой связи весьма содержательным представляется один из документов (*сиджиль*), датированный началом 1612 года и содержащий текст завещания устроителя одного из крымских медресе – некоего Хусейина Эфенди – из одноименного селения в долине реки Альма (*Хусейин Эфенди карьеси*). В документе обговариваются условия назначения в указанное медресе будущего мудерриса и ряд других вопросов. Согласно документу, основатель медресе и его мудеррис Хусейин Эфенди выражает желание после своей смерти видеть мудеррисом указанного учебного заведения лицо, соответствующее следующим условиям: он должен быть или же одним из последователей известного крымского шейха Ибрахима Кырыми (*с большой долей вероятности, речь идет о «Татарском шейхе» Ибрахиме бин Акмехмеде Кырыми (ум. 1592). – Н. А.*), или же одним из других учеников османского шейха тариката хальветие – Мустафы Нуреддин-заде Филибеви (*наставника Ибрахима Кырыми. – Н. А.*), или же другим шейхом этого же тариката, наконец, при отсутствии лиц, соответствующих указанным требованиям, – обязательно мудерри-

сом [Кадискерские тетради, Т. 1., л. 70а-б]. Отмечается, что будущий мудеррис будет пользоваться частью дохода от собственности медресе, для чего Хусейин Эфенди учреждает специальный вакф, помимо этого в его распоряжение перейдет библиотека основателя медресе, насчитывающая более двух десятков рукописных книг (список прилагается). Распорядителем вакфа назначается некий Реджеб Деде, особо акцентируется, что все соответствующие процедуры оформления завещания исполняются строго по законам ханафитского мазхаба – правоведческой школы Нумана ибн Сабита Абу Ханифы.

Документ интересен со многих точек зрения. Выделим две наиболее важные. Во-первых, в нем присутствует указание на то, что наиболее предпочтительным кандидатом на должность мудерриса является кто-либо из учеников известного османского шейха (Нуреддин-заде), что лишний раз свидетельствует о тесных крымско-османских связях. Во-вторых, анализ содержания библиотеки мудерриса показывает, что значительная часть книг, входящих в ее состав («Мутавваль», «Кафия», «Викая», тафсиры, словари и т. д.), представляет собой стандартный набор классических текстов программы османских медресе, что в очередной раз может свидетельствовать об аналогичности программ османских и крымских медресе.

Необходимо отметить, что список литературы из рассмотренного сиджиля – не единственный, встречающийся в крымских судебных книгах. На еще одну коллекцию из 15 книг из ханской библиотеки (*кутуб-и хани*), бывших в пользовании у известного крымского кадиаскера Эбуссууда Эфенди, указывают А. Джихан и Й. Фехми [Cihan, Yilmaz, 2004, s. 163]. Еще три списка, содержащих, соответственно, 23, 30 и 19 названий книг из той же «ханской библиотеки», присутствуют в монографии О. Быйыка [Buyuk, 2014, s. 138–141]. Книжным собраниям в сиджилях посвящена и специальная статья Н. Кавака, в которой автор анализирует содержание семи книжных коллекций из сиджилей, датируемых XVII–XVIII веками (в том числе и тех, что присутствуют в монографии О. Быйыка) [Kavak, 2010]. Н. Кавак особо останавливается на одной из коллекций – принадлежавшей некоему мудеррису Мехмеду Эфенди, из

сиджиля, датированного 1157–58/1744–45 годом. В соответствующем списке присутствуют названия 51 трактата в различных областях знаний, данный список может косвенно указывать и на содержание образовательного процесса в медресе данного лица. Еще об одной коллекции из завещания (*тереке*) некоего Сейида Абдуннафи Челеби (сер. XVIII в.), содержавшей 82 книги, пишет Х. Х. Гюнеш [Güneş, 2006, s. 96].

Основной частью данных коллекций также являются книги из программы османских медресе: комментарии Корана, другие книги, связанные со Священным писанием, сборники хадисов и труды их комментаторов, трактаты по фикху, каламу, логике, труды по многочисленным филологическим дисциплинам, словари и т. д. Среди книг присутствует также ряд сборников фетв (высказываний и решений мусульманских авторитетов по конкретным вопросам фикха), которые также использовались в образовательных целях.

При этом в книжных коллекциях встречаются и такие труды, что вызывают особый интерес, в частности, книги, условно говоря, светского содержания. Так, среди книг вышеупомянутого мудерриса Мехмеда Эфенди присутствуют трактаты по медицине («*Тыб китабы*»), астрономии («*Хей-эт*») и математике («*Ильм-и хесабдан рисале*»), а также некая книга на фарси («*Фариси китабы*») [Kavak, 2010, s. 279]. Помимо этого в списках книг из ханской библиотеки, датируемых 1722 и 1733 гг., присутствует рукопись одной из двух редакций хорошо известного в научном мире энциклопедического труда каирского ученого-правоведа и зоолога Камаль ад-дина ад-Дамири (ум. 1405) под названием «*Хайат аль-хайаван*» («Жизнь животных») [там же, 2010, s. 282]. Последний факт особо интересен, поскольку чуть ранее труд ад-Дамири был переведен на тюркский язык крымским ученым и поэтом из г. Карасубазара (ныне г. Белогорск) – Хильми Эфенди (2-я пол. XVII – 1-я четверть XVIII в.), указание на это присутствует в «Истории Саид Герая» [Said Giray, b. 100a]. Данный перевод, судя по всему, дошел до наших дней и ныне хранится в Национальной библиотеке Египта («Дар аль-кутуб аль-Мысрие»): в каталоге указанной библиотеки присутствует тюркоязычный перевод трактата, осуществленный Абдуль-

халимом б. Али б. Сулейманом б. Абдурешидом эль-Кырыми, – вероятно, речь идет об одной и той же личности [Izgi, 1998, s. 19].

Указанные дисциплины (математика, астрономия, медицина), за исключением фарси, не были в программе медресе XVII–XVIII вв., однако с большой долей вероятности можно предположить, что они, как было указано выше, так или иначе присутствовали в учебном процессе – преподавались в частном порядке или же использовались непосредственно сохтами в целях самообразования. Примеров подобной «внеклассной работы» в Крыму уже сейчас известно немало. Так, согласно автобиографическим записям известного шейха и поэта Мехмеда Хайдерзаде Фейзи Кефевы (ум. 1614), он, даже не будучи мудerrисом, четыре дня в неделю посвящал занятиям с учениками и еще два дня давал уроки арабского языка и фарси для «известных людей» Кефе [Eflatun, 2003]. Его современник, известный поэт, ученый и мудerrис Хусейин Кефевы (ум. 1601) брал уроки математики и музыки у местного кадия Махмуда Челеби, а позже и сам преподавал музыку одаренным детям родного города [Akrinar, 2002]. Современники отмечали также его знания в астрономии [там же]. Интерес к занятиям астрономией и математикой присутствует в биографии еще одного известного крымского шейха – автора нескольких богословских трудов и поэта Мехмеда Факри эль-Кырыми эль-Карасуи (г. е. «Карасубазарского», ум. 1764[?]) [Paşaoğlu, 2016, s. 103]. Наконец, вышеупомянутый перевод зоологической энциклопедии ад-Дамири был осуществлен также, надо полагать, в образовательных целях. Таким образом, говоря о системе крымского образования в период ханства, эти сферы – частного образования и самообразования – в силу их потенциально значимых масштабов никоим образом нельзя игнорировать.

Возвращаясь к книгам мудerrиса Мехмеда Эфенди, особо отметим и книгу по медицине [Kavak, 2010, s. 279]. Как было отмечено выше, теоретические аспекты медицины изучались в специальных учебных заведениях – *дар-уль-тыб*, причем в них же имело место отделение хирургии – *джеррахие*. О функционировании в Крыму

подобных заведений ничего не известно, однако о крымских медиках, и в частности хирургах, неоднократно пишет Эвлия Челеби. Так, в описании Бахчисарая этой теме посвящены два фрагмента:

«О познаниях искусных ученых-медиков. Этот древний город – источник ученых и собрание премудрых, место жительства поэтов, поэтому там много и ученых-медиков. Искусные врачи и хирурги-кровопускатели – очень большие мастера в науке пульса, подобные Галену.

Рассказ о прекрасных мастерах-хирургах. Жизнь народа этой страны проходит в постоянных битвах, сражениях, войнах и смертоубийствах. Конечно же, из каждого похода приходит по несколько сот раненых людей. Ханские хирурги – Деде Масум, невольник Таркан, Альп-акай – хирурги, подобные палачам, в той стране нет им равных» [Эвлия, 2017, с. 120].

Помимо этого, искусные «ученые-врачи» (Алиша-мирза, Дудус-ата) отмечены путешественником и в Гезлеве [там же, с. 65]. Данные примеры дают основания предположить, что определенные образовательные традиции существовали и в области крымской медицины.

Известные крымские мудerrисы. Корпуса имен представителей преподавательского состава крымских школ, и особенно медресе ханского периода не существует. Выше, на примере кефинских медресе конца XVI в., можно было видеть, что соответствующие османские архивы существовали и частично сохранились, однако о подобных крымских материалах ничего не известно.

Вместе с тем работа с теми же кадиаскерскими тетрадами показывает, что даже в весьма ограниченном объеме опубликованных на сегодня текстов встречаются имена многочисленных мудerrисов из медресе самых различных регионов Крыма (некоторые из них были упомянуты выше). Нет сомнений, что в результате знакомства с материалами всех известных 122 кадиаскерских тетрадей станут известны имена и отдельные факты биографии значительного числа крымских мудerrисов, более того, можно будет проследить изменение кадрового состава по отдельным медресе.

Помимо кадиаскерских тетрадей, имена крымских мудerrисов встречаются в памятниках крымскотатарской историографии. Среди них

особое место принадлежит неоднократно цитированной выше «Истории Саид Герая», в которой отдельные биографические очерки посвящены, по меньшей мере, двум десяткам современников автора – мудеррисам Крыма, Эдисана и Буджака [Kellner-Heinkele, 1996; Paşaoğlu, 2016a]. Также мудеррисов мы встречаем и среди авторов ряда художественно-литературных и богословских памятников того периода (см. ниже)

Отдельно можно сказать о мудеррисах крымского происхождения, получивших известность в Стамбуле и других культурных и образовательных центрах Османской империи. В этом отношении весьма содержательной является энциклопедия имен «Османские реестры» («Османлы сиджиллери») известного османского библиографа Мехмеда Сюрейя (1845–1909), в которой присутствует более сорока имен подобных мудеррисов [Süreyya, 1996]. Ниже будут упомянуты некоторые из крымских мудеррисов, получивших известность на уровне научного и литературного творчества.

Сейид Ахмед Кырыми (ум. в 1474, Стамбул), выдающийся ученый, поэт, автор многочисленных трудов по религиозным наукам, филологии и мистицизму, преподавал в медресе Крыма, Мерзифона и Стамбула [Avcı, 2016, s. 119–121]. В начале XVII в. в знаменитом медресе «Сахн-ы Семан» (Стамбул) некоторое время преподавал сын выдающегося крымского шейха Ибрахима Кырыми – будущий муфтий Кефе, шейх и поэт Афифеддин Эфенди (ум. 1640) [ODKE, 2000, s. 70]. Также мудеррисами были: историк, автор широкоизвестного историографического труда «Семь планет в известиях о правителях татар» («эс-Себ' ус-сеййар фи ахбар-и мулук ит-татар») Сейид Мухаммед Риза (ум. 1756 [?]) [Süreyya, 1996, s. 1391], его младший современник, также историк и поэт (обладатель двух поэтических «Диванов») Хурреми Челеби [Сейтягъев, 2011a], уроженец дер. Кок-Козь, бахчисарайский проповедник и поэт XVIII в. Осман Эфенди [Сейтягъев, 2004, с. 86] и др.

Преподаванием в медресе занималась и целая плеяда известных ученых, поэтов и литераторов из Кефе, в частности: муфтий Кефе, факих Абдуррахман Бабакуш [Süreyya, 1996, s. 90]; кадий, автор фундаментального библиографического труда «Кетаиб а'лям аль-ахйар», содержащего сведения о жизни и деятельности более 800 из-

вестных исламских ученых-правоведов (факихов), суфийских наставников и мусульманских святых, Махмуд бин Сулейман Кефеви (ум. 1581) [Özel, 2002]; ученый, в том числе и в области точных наук, автор ряда трудов по различным религиозным дисциплинам, литератор и поэт Хусейин Кефеви (ум. в 1601) [Akrınar, 2002]; известный шейх, автор ряда суфийских трактатов и обладатель поэтического «Дивана» Хайдер-заде Фейзи Кефеви (ум. 1614) [Eflatun, 2003]; выдающийся ученый, автор фундаментального словаря религиозных и филологических терминов «эль-Куллият» Эбульбека Мухибуддин Эйюб Кефеви (ум. 1682) [Kılıç, 1994] и др.

Из мудеррисов и учителей (*ходжа*) крымского происхождения, получивших известность за пределами их исторической родины, необходимо особо отметить: наставника суфийской обители при мечети Кучук-Айасофья в Стамбуле, учителя Корана выдающегося османского ученого Кятипа Челеби (ум. 1657) – Шейха Ису Кырыми (ум. 1622) [Gökyay, 2002, s. 36]; уроженца с. Хан-Эли (селение между Бахчисараем и Акмесджитом), муллу Египта Абдульхалима б. Ахмеда (ум. 1699) [Süreyya, 1996, s. 110]; автора ряда трактатов по фикху Абдуннафи б. Абдульвели (о. 1703/04) [Bursalı 1990, s. 20]; муллу, кадия и поэта из Бахчисарая Лутфуллаха (Абдуллятифа) Эфенди («Татар Лутфи», ум. 1703) [ODKE, 2000, s. 127]; муллу Измира, Эдирне и Мекки, кадия Стамбула (дважды), анатолийского кадиаскера, поэта и каллиграфа Ляйыха Мехмеда Эфенди (ум. 1746) [Süreyya, 1996, s. 900]; выпускника Эндеруна, некоторое время исполнявшего обязанности личного секретаря султана (*сыр кятиби*) Эбубекира Сыдкы (ум. 1780-е гг.) [там же, s. 436]; ректора (*баишходжа*) Эндеруна, инспектора священных городов Мекки и Медины, начальника отдела по принятию фетв в управлении шейх-уль-ислама (*фетва эмини*), муллу Эдирне и Мекки Абдульхалима Эфенди (ум. 1795/96, Мекка) [там же, s. 110]; крымского мудерриса Омера Эфенди (ум. 1757), переселившись в Стамбул, ставшего мудеррисом знаменитого медресе Сулеймание [там же, s. 1319], его брата, также мудерриса Османа Эфенди (о. 1761/62), назначенного на еще более высокую должность – начальника отдела по принятию фетв в управлении шейх-уль-ислама (*фетва эмини*) [там же, s. 1290] и др.

13.2. Крымскотатарская литература периода Крымского ханства

Н. Р. Абдулванов

Введение. Период Крымского ханства (XV–XVIII вв.) вплоть до конца XX в. оставался одним из наименее изученных в многовековой истории крымскотатарской литературы. Между тем даже отдельные исследования, имевшие место на протяжении XIX–XX вв., свидетельствовали о значительном количественном объеме, весьма разнообразном жанрово-тематическом содержании и богатом идейно-эстетическом потенциале этой литературы. В результате активной литературоведческой работы в последние три десятилетия все эти ожидания получили свое убедительное подтверждение.

В настоящее время, благодаря усилиям многочисленных отечественных и зарубежных исследователей, в значительной степени считается сформированным авторский корпус крымскотатарской литературы этого периода, все увеличивается объем вводимых в научный и читательский оборот текстов самого разнообразного жанрово-тематического содержания, это наследие активно исследуется и популяризируется.

Вместе с тем надо признать, что картина развития крымскотатарской литературы ханского времени продолжает оставаться весьма далекой от ясности. Это объясняется тем, что десятки авторов продолжают оставаться известными лишь по именам, или же, в лучшем случае, о них имеются минимальные биографические сведения, а из творчества известны лишь отдельные произведения. Это касается в том числе и авторов, бывших в свое время довольно талантливыми и плодовитыми.

Недостаточность биографических сведений о том или ином авторе не дает возможности решить вопрос и о принадлежности его к крымскотатарской литературе в узком понимании этого термина. Дело в том, что уже долгое время в среде исследователей присутствует деление крымских авторов ханского времени на несколько категорий: 1) представителей непосредственно «крымскотатарской» литературы, т. е. принадлежавших к, условно говоря, «крымскотатарскому» этносу, родившихся и по меньшей мере значительную

часть жизни проживших на территории Крымского ханства, активно участвовавших в местной литературной жизни, отразивших в своем творчестве события крымской истории, возможно, использовавших местный литературный язык и т. п.; 2) уроженцев Кефе (Кафы) – как отдельной административной единицы (*эялета*) Османского государства на территории Крыма, и 3) авторов, крымских (крымскотатарских) по происхождению, но большую часть жизни проживших и упокоившихся вне пределов своей исторической родины – главным образом в различных центрах Османского государства. В этом контексте недостаточность сведений о том или ином авторе не даёт возможности отнести его к одной из указанных категорий, в результате чего целый ряд имен, несмотря на их крымское происхождение, ныне считаются представителями литературы османской – в широком понимании этого термина.

С другой стороны, в контексте именно крымской литературы необходимо, судя по всему, рассматривать творчество (или же определенную его часть) авторов, не бывших этнически «крымскотатарскими», однако значительную часть жизни проживших в Крыму и так или иначе участвовавших в местной литературной жизни. Примером тому является целый ряд тех же османских авторов, подолгу живших в Крыму, более того, создававших произведения на крымские сюжеты. В этом случае важным критерием мог бы быть язык, используемый автором, однако на протяжении практически всего рассматриваемого периода основным литературным языком крымских авторов был все тот же единый литературный язык для всего османского региона – османский.

Говоря о степени изученности крымскотатарской литературы периода Крымского ханства, необходимо отметить, что наиболее исследованными на сегодня являются поэтические памятники, составляющие наиболее значительную часть крымскотатарского литературного наследия указанного периода. Что же касается произведений в прозе, в этой области существуют определенные пробелы. Так, очень активно идет

исследование историографических памятников, представляющих, как известно, значительный интерес и с литературной точки зрения. Помимо этого, началась серьезная работа с памятниками религиозно-суфийской прозы. Однако остаются практически неисследованными образцы того, что можно назвать художественной прозой (в частности, произведения эпистолярного жанра), это же касается и переводов на тюркский язык классических произведений различных жанров с арабского и фарси.

При этом необходимо иметь в виду, что крымскотатарское литературное наследие ханского времени не ограничивается только лишь тюркоязычными памятниками. Достаточно объемный пласт образцов поэзии, произведений богословского, суфийского, филологического содержания крымских авторов был написан по-арабски и на фарси. Исследования в данных областях также только в своем начале.

Исходя из этого, ниже будут представлены главным образом поэтические памятники, являющиеся основным жанром собственно художественной литературы того времени. Помимо этого, частично будут затронуты произведения исторической (историографической) прозы. Наконец, лишь общие сведения будут даны о произведениях в других прозаических жанрах, а также переводной литературе.

Основные источники. Единого, обобщенного каталога источников по крымскотатарской литературе Крымского ханства, как и всей, условно говоря, средневековой крымскотатарской литературе, в настоящее время не существует. Однако исследования последних десятилетий, в частности, касающиеся отдельных жанровых направлений (поэзия, историография, религиозно-суфийская проза, богословие), и значительные успехи в области цифровизации рукописных архивов мира позволяют надеяться, что эта задача в ближайшее время будет реализована. При этом анализ даже имеющихся материалов, и в первую очередь библиографических разделов обобщающих работ ряда авторов (Н. Сейтягъев, И. Зайцев, Н. Абдульвапов, М. Якубович, С. Гюр и др.), показывает, что речь идет о весьма значительном объеме разножанрового рукописного материала,

разбросанного по различным архивам и библиотечным собраниям мира.

Наиболее важную его часть составляют рукописи отдельных крупных произведений того или иного автора – поэтических «Диванов», крупных стихотворных поэм в форме *месневи*, историографических трудов, религиозно-суфийских трактатов и т. д. Непосредственно в Крыму подобных материалов в настоящее время сохраняется немного – речь идет о считанных рукописях. При этом известно, что до выселения крымских татар с исторической родины в 1944 г. в архивах Ханского дворца-музея (г. Бахчисарай), Восточного музея (г. Ялта), Музея Тавриды (г. Симферополь), НИИ крымскотатарского языка и литературы им. А. С. Пушкина (г. Симферополь) и других учреждений хранилось достаточно много подобных рукописей. Судьба абсолютного большинства из них, в том числе рукописных списков известной поэмы Джанмухаммеда («*Тогай-бей*»), не менее известного историографического труда Абдулгафара Кырыми («*Умдет аль-ахбар*») и др., остается неизвестной [Бахчисарайская, 2007].

Основной объем крымских рукописей ханского времени ныне сосредоточен в собраниях Стамбула, Санкт-Петербурга, Киева, Москвы. Что касается других регионов, это прежде всего европейские собрания (Берлин, Вена, Париж и др.), а также собрания в США и ряде восточных стран.

Важным источником для изучения истории крымскотатарской литературы ханского времени являются также поэтические антологии – *тезкире* (или *тезкире-и шуара* – «антологии поэтов»). Речь идет об османских антологиях XVI – нач. XX вв., в которых присутствуют сведения и о крымских поэтах. В настоящее время известно около 40 образцов указанных антологий, крымские поэты рассматриваются в них главным образом как региональные представители османской литературы в целом. Наиболее ранними антологиями, в которых присутствуют имена крымских авторов, являются *тезкире* XVI в. (Гариби, Лятифи и Кыналызаде), из них труд Гариби предположительно датируется первой половиной указанного столетия [Babacan, 2007]. Антологиями, содержащими наиболее обширные сведения по

интересующему нас вопросу, являются тезкире Ризы (XVII в.), Сафай, Салима (XVIII в.), Фатина (XIX в.) и др. Османские антологии на предмет крымских авторов в последние годы стали объектом изучения как турецких, так и крымскотатарских исследователей. В результате этой работы уже сегодня известны имена и фрагменты творчества более 40 поэтов ханского периода, имевших крымское происхождение [Абдульвапов, 1996а; Зайретдинова, Сеферова, 2018].

В связи с антологиями *тезкире* вызывает интерес вопрос о крымских образцах аналогичных трудов. В настоящее время известно о существовании по меньшей мере одной из крымских антологий ханского времени. Так, академик А. Крымский в известной статье об истории крымскотатарской литературы упоминает о некоем «тезкиратном» сборнике, составленном в 1024/1615 г. в Кефе, в котором «подаются и биографические сведения о поэтах-крымчаках, и образцы их творчества» [Кримский, 2003, с. 157]. Согласно сведениям ученого, рукописный список антологии был обнаружен в одном из сел Юго-Восточного Крыма, в распоряжении директора Восточного музея г. Ялты Я. Кемаля имелась его копия. Данная антология, с большой долей вероятности, упоминается и в ряде турецких источников, в которых, в том числе даны некоторые сведения об авторе (составителе) труда – некоем «Кефеве», умершем в 1088/1677–78 г., однако судьба этой антологии остается неизвестной [Özkan, 2015, s. 300]. Добавим, что судьба и крымских списков антологии, как и само содержание работы, в настоящее время также продолжают оставаться неизвестными.

Наряду с *тезкире* необходимо указать и на ряд других библиографических трудов османских авторов. В частности, широкоизвестную энциклопедию «*Шакайык-ы Ну'манийе фи улема ад-Девлет ал-Османийе*» («Анемоны Османской эпохи...», сокр.: «*Шакайык-ы Ну'манийе*») И. А. Ташкёпрюлюзаде (XVI в.) – с многочисленными приложениями (*зейль*) авторов последующих веков [Taşköprülüzâde, 2007]. А также еще один, не менее известный труд – «*Каиш аз-зунун ан ал-асами кутуб ва'л-фунун*» («Раскрытие мнений относительно названий книг и отраслей наук», сокр.: «*Каиш аз-зунун*») Кятипа Челеби (XVII в.),

так же с рядом приложений [Katir Çelebi, 1971–1972]. В этих произведениях также присутствуют весьма ценные сведения по целому ряду крымских авторов, прежде всего, получивших известность на территории Османского государства.

Еще один пласт источников – рукописные поэтические сборники *меджмуа* и *джонк*, а также сборники поэтических ответов и подражаний – *меджмуа-и незаир*. Подобные антологии османского времени в большом количестве хранятся в рукописных собраниях мира, прежде всего, Турции, в последние годы они активно исследуются, в том числе в связи с возросшим интересом к мало- или же абсолютно неизвестным поэтам. Среди *меджмуа* встречаются экземпляры, представляющие особую ценность для изучения истории крымскотатарской литературы. Один из подобных сборников был исследован Э. Топташ: составленный неизвестным автором и датированный, предположительно, началом XVIII в., сборник содержит образцы творчества около 100 поэтов периода XVI–XVIII вв., в том числе по меньшей мере около 20 – крымского происхождения [Топташ, 2014]. Из этих авторов довольно значительная часть (Саади Кырыми, Салих Кефеве, Ариф Кефеве и др.) до настоящего времени была неизвестна исследователям, еще о ряде поэтов (Келими, Резми, Шерифи Кефеве, Шейхи Кырыми и др.) в результате знакомства с материалами сборника представления значительно обогатились, а в отношении некоторых (Иззи) эти представления подверглись изменениям.

Еще одним поэтическим сборником, чрезвычайно интересным с точки зрения истории крымской литературы, является сборник (*меджмуа-и эш'ар*) некоего Таби, исследованный и опубликованный М. Акденизом [Akdeniz, 2016]. Датированный, предположительно, первой четвертью XVIII в., данный сборник содержит, в том числе, целую антологию ранее неизвестных газелей поэта XVII в. Резми (псевдоним крымского хана Бахадыра Герая I, ум. 1641 г.), косвенно подтверждая имевшиеся сведения о плодовитости и значительном поэтической таланте указанного автора.

Важными источниками по истории крымскотатарской литературы ханского времени являются и произведения историографии – как крымско-

татарской, так османской в целом. Если говорить о подобных труда крымскотатарских авторов, обращают внимание прежде всего труды Сейида Мухаммеда Ризы, Абдульгаффара Кырыми, Саида Герая. В частности, в труде Ризы, помимо многочисленных сведений о крымских поэтах ханского периода, в том числе сведений уникальных, присутствует и целая антология образцов их поэзии [Риза, 2019]. Весьма ценные библиографические сведения о поэтах-современниках, в том числе жителях Едисана и Буджака, содержатся и в «Истории» Саида Герая [Сейитяхья, 2004].

Наконец, нельзя не упомянуть и о таком универсальном источнике, как «Книга путешествия» Эвлии Челеби (XVII в.), в котором присутствуют часто уникальные сведения и личные свидетельства автора, касающиеся литературной жизни в Крыму в описываемый период [Эвлия, 2017]. В труде, в частности, упоминаются имена и приведены фрагменты творчества более двух десятков поэтов, со многими из которых Эвлия Челеби встречался лично.

Историография исследований. Как было отмечено выше, вплоть до начала 1990-х гг. системных исследований в области истории крымскотатарской литературы периода Крымского ханства, как и всей, условно говоря, «средневековой» крымскотатарской литературы (XIII–XVIII вв.), не проводилось. Разумеется, имели место отдельные публикации и даже монографии, однако эти исследования касались очень ограниченного круга авторов и не претендовали на системность. При этом работы собственно крымскотатарских авторов не доминировали – и в количественном, и в качественном отношении превалировали работы турецких, российских и европейских исследователей.

С началом 1990-х гг. наблюдается кардинальное увеличение количества и качества исследований, свидетельствующее о том, что данная работа начала приобретать системный характер. Более того, результаты этой работы становятся крайне востребованными, активно используясь в образовательных и просветительских целях. При этом не может не обратить внимания, что в центре этой работы отныне находятся именно крымскотатарские исследователи.

Таким образом, приняв за основу критерий

системности, историю исследований крымскотатарской литературы периода Крымского ханства можно разделить на два периода – до 1990-х гг. и после. В свою очередь, первый период можно разделить на ряд более непродолжительных этапов. Ниже будут даны краткие сведения по данному вопросу.

Появление интереса к крымскотатарской средневековой литературе со стороны ученых датируется первой половиной XIX в. Именно в это время литература ханского периода привлекла внимание российских и европейских исследователей. Укажем, в частности, на публикацию в 1832 г. в Казани известного историографического труда – «Семи планет в известиях о царях татарских» Сейида Мухаммеда Ризы [Риза, 1832], публикацию А. Негри фрагмента из т. н. «Краткой истории» («Истории крымских ханов» Хурреми Челеби) в переводе на русский язык [Негри, 1844], статью Ф. Домбровского о легендарном крымском поэте XVII в. Ашыке Умере (с первым известным переводом на русский язык отдельных произведений поэта) [Домбровский, 1848], наконец, статью-исследование коллектива российских ученых в составе А. Борзенко, Ф. Домбровского, В. Кузьмина и А. Негри, посвященную эпиграфическим памятникам Бахчисарая и его окрестностей (с полным переводом, в том числе поэтических текстов, на русский язык) [Бахчисарайские, 1850]. Чуть позже, в известном очерке «Историческая судьба крымских татар», увидевшем свет в 1866–1867 гг., крымскотатарской литературы ханского периода коснулся и известный исследователь истории Крыма Ф. А. Хартахай. Автор, в частности, отметил значительную популярность поэтического творчества в ханское время, упомянул имена ряда поэтов Гераев, особо остановился на творчестве хана Гази Герая II (XVI в., дав подстрочный перевод некоторых его стихотворений), оценил лирику яркого представителя крымскотатарской мистической (суфийской) поэзии – шейха Абдулазиза (XVII в.), дал переводы некоторых текстов эпитафий на надмогильных памятниках ханского кладбища в Бахчисарая, наконец, кратко представил ряд памятников крымскотатарской историографии [Хартахай, 1867, с. 154–165]. В

целом данный фрагмент очерка Ф. А. Хартахаия следует признать первым в российской науке развернутым описанием, посвященным крымскотатарской литературе ханского времени, причем проиллюстрированным достаточно квалифицированными подстрочными переводами некоторых поэтических произведений на русский язык.

Хронологически наиболее поздними были работы выдающегося специалиста по истории Крыма – В. Д. Смирнова. Речь идет об известном двухтомном исследовании автора, посвященном истории Крымского ханства («Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века» и «Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII в. до присоединения его к России») и датированном 2-й половиной 1880-х гг. [Смирнов, 1887; Смирнов, 1889], а также статье «Крымско-ханские грамоты», увидевшей свет уже в 1913 году [Смирнов, 1913]. Данные исследования в значительной степени основывались на крымских историографических трудах ханского времени. – В. Д. Смирнов дает достаточно подробный анализ этих трудов и активно их цитирует, переводя отдельные фрагменты на русский язык. Понятно, что данные произведения интересовали его прежде всего как историографические памятники, однако многие замечания ученого важны и с точки зрения истории литературы. Так, в статье 1913 г. со ссылкой на «Семь планет», он особо коснулся персоналий ряда поэтов ханского времени, а также дал значительные фрагменты текста очень интересного историко-литературного памятника XVI в. – «Истории хана Сахиба Герая» Кайсуни-заде Нидаи (Реммалы-Ходжи) – в переводе на русский язык [Смирнов, 1913, с. 145–157].

Из европейских исследователей интерес к крымскотатарской литературе в этот период был проявлен известным австрийским литературоведом и переводчиком Й. Хаммером-Пургшталем, опубликовавшим в 1856 г. известную работу по истории Крымского ханства («*Geschichte der Chané der Krim unter Osmanischer Herrschaft*») [Hammer-Purgstall, 1856]. В ней автор впервые поместил собственные переводы поэтического творчества ряда представителей семьи Гераев на немецкий язык. Помимо этого, в 1861 г. в лон-

донском «Журнале Королевского азиатского общества» («*Journal of the Royal Asiatic Society*») в статье Дж. У. Редхауса увидела свет (в том числе в переводе на английский язык) одна из газелей поэта XVII в. Шахина Герая – искусный образец визуальной поэзии с элементами палиндрома [Redhouse, 1861].

Говоря об интересе к крымскотатарской литературе ханского времени, имевшем место в Европе в XIX – начале XX вв., нельзя не упомянуть еще об одном факте. Речь идет о статье известного украинского поэта и писателя, а также исследователя-литературоведа И. Франко, посвященной личности и поэтическому творчеству вышеупомянутого крымского хана Гази Герая II, – с переводами отдельных его стихотворений (судя по имеющимся данным, наиболее ранними) на украинский язык. Статья была написана в 1915 г., судя по всему, во Львове, в результате знакомства И. Франко с трудом Й. Хаммера-Пургштала (см. ниже), однако ее первая публикация состоялась лишь в 1941 году [Франко, 1941].

Первые исследования по истории средневековой крымскотатарской литературы непосредственно крымскотатарских авторов появляются в начале XX века. В 1909 г. увидел свет известный труд начала XIX в. историка и поэта Халима Гирая «Гульбун-и ханан» («Розовый куст ханов») в изложении А. Ильми [Halim Giray, 1909]. Как известно, труд содержит краткие биографии всех крымских ханов, при этом Халим Герай особо акцентирует внимание на поэтическом творчестве тех или иных представителей правившей фамилии, в том числе приводя отдельные примеры из их творчества. А. Ильми значительно упростил язык и стиль текста оригинала, обогатил его фрагментами из трудов других крымских и османских историков, а также собственными комментариями, помимо этого в конце труда поместил небольшое приложение («*Ляхика*») из кратких биографических очерков о ряде крымских ученых и поэтов, в том числе ханского периода. Данное приложение было подготовлено на основе одной из публикаций известного османского био-библиографа М. Т. Бурсалы [там же, s. 221–228].

Помимо этого, необходимо упомянуть работу еще одного крымскотатарского автора, хроно-

логически выполненную даже несколько ранее, в 1902–1903 гг. (в 1319 имущественном («*малие*») году), однако так и не увидевшую свет. Речь идет о незавершенной редакции исторического труда крымскотатарского историка и поэта XVIII в. Хурреми Челеби Акая («*Челеби Акай тарихы*»), принадлежащей перу известного крымскотатарского педагога 2-й пол. XIX – 1-й четв. XX вв. Ахмеда Нуреддина [Сейтягьяев, 2012б]. По свидетельству О. Акчокраклы, рукопись труда была предложена для издания в редакцию газеты «Терджиман», однако по финансовым причинам труд не был издан, а после смерти И. Гаспринского рукопись была возвращена автору [Сейтягьяев, 2014]. Добавим, что в эти же годы трудом Хурреми Челеби занимался и сам О. Акчокраклы [там же].

Чуть позже, в середине 1910-х гг., сведения по истории крымскотатарской литературы стали появляться в публикациях и османских авторов. Так, в 1914 г. в цикле статей о поэтах саза («*Sazsairleri*»), опубликованном в газете «*İkdam*», личности и творчества Ашыка Умера коснулся известный литературовед Ф. Кёпрюлю [Köprülü, 1914]. В 1915 г. он же в статье «Истоки и развитие ашыкской поэзии» («*Aşık Tarzı'nın Menşe'i ve Tekâmülü Hakkında Bir Tecrübe*»), опубликованной в «Журнале народных исследований» («*Milli Tetebbü'lar Mecmuası*»), рассуждая о поэтах дивана, продолжавших традицию легендарного анатолийского поэта Юнуса Эмре (ум. 1321 [?]) и писавших на суфийские темы народным стихом, привел в пример творчество крымского хана Мехмеда Герая IV (ум. 1674) [Köprülü, 1915]. Спустя несколько лет этим двух крымским поэтам ашыкского направления Ф. Копрюлю посвятит отдельные статьи (см. ниже).

Рассматриваемый этап завершился заметным всплеском исследовательской активности в конце 1910-х годов. Прежде всего, появился ряд публикаций в Турции, в частности, в 1918–1919 гг. в журнале «Крым» («*Кырым Меджмуасы*»), и в 1919 г. отдельным изданием увидел свет труд известного османского библиографа М. Т. Бурсалы под названием «Крымские авторы Османского периода» («*İdâre-i Osmâniyye Zamânında Yetişen Kırum Mü'ellifleri*») [Bursalı, 1919/20]. В

данном труде присутствовали краткие сведения об около 50 крымских авторах XIV–XIX вв., в том числе 37 – периода Крымского ханства: поэтов, историографов, авторов различного рода религиозно-суфийских трактатов и т. д. На момент публикации труд явился наиболее значительным обобщающим исследованием по соответствующей проблематике и долгие десятилетия сохранял свою актуальность.

В эти же годы появились достаточно серьезные работы и крымскотатарских авторов. В частности, очерк О. Акчокраклы «Краткая история крымской тюрко-татарской литературы» («*Къырым тюрк-татар эдебиятынынъ къыскаджа тарихчеси*») [Акчокъракълы, 1919–1920] и исследование А. Шейхи под названием «Открытие литературы, или же Взгляд на наследие мусульманских авторов Крыма» («*Мефтуха-йи эдебийе, яки Къырымда Ислям къалемийле язылмышлара бир назар*») [Шейхи, 1920], опубликованные в 1919–1920 гг. в газете «Миллет» (г. Симферополь).

Следующий этап исследовательской работы в области истории крымскотатарской литературы ханского периода начался в 1920-е и продолжился до конца 1980-х гг. Необходимо отметить, что эти годы могли бы составить отдельный, полноценный период соответствующих исследований – прежде всего за счет наметившейся системной работы крымскотатарских и турецких специалистов, однако вследствие политических репрессий и общей идеологической атмосферы в СССР в предвоенные десятилетия, а также последующего насильственного выселения крымских татар с исторической родины соответствующие исследования ограничились пусть и целым рядом важных, но не особо друг с другом связанных публикаций.

Если говорить о начальном периоде этого этапа, а именно о 1920–1930-х гг., необходимо отметить ряд публикаций крымскотатарских авторов. Среди них особое место принадлежит очерку А. Герайбая «Взгляд на крымскую литературу», содержащему короткий анализ литературного процесса в Крыму в ханский период, а также сведения о поэтическом творчестве ряда представителей династии Гераев. Очерк был завершен в 1926 г., но опубликован лишь в 1935 г. [Герайбай, 1935]. Помимо этого обращает на

себя внимание статья выдающегося крымскотатарского тюрколога Б. Чобан-заде в журнале «Проблемы образования» («Окьув ишлери», Симферополь) за 1925 г., в которой он дает краткие сведения о рукописном труде крымского автора XVI в. Хусейина Кефеви «Раз-наме» из собрания, на тот момент, Российской публичной библиотеки в Ленинграде (ныне – Российская национальная библиотека, СПб.), с приложением небольшого стихотворения данного автора из указанной рукописи [Чобан-заде, 1925]. А также ряд статей О. Акчокраклы, касающихся «Истории» Хурреми Челеби, эпиграфических памятников Старого Крыма и известной поэмы поэта Джанмухаммеда (о крымско-запорожском военном союзе против Речи Посполитой в середине XVII в.), рукопись которой была обнаружена в 1925 г. в Восточном Крыму [Акчочкьраклы, 1926; Акчочкьраклы, 1927; Акчокраклы, 1927; Акчокраклы, 1929; Акчокраклы, 1930]. В конце 1930-х гг. поэме Джанмухаммеда посвятили свои статьи также А. Фетислямов и К. Решидов (Джанманаклы) [Фетислямов, 1939; Решидов, 1939].

Среди публикаций этих лет отдельного упоминания достойны материалы академика А. Крымского, прежде всего его известный очерк «Литература крымских татар» (1930 г.). В первых двух главах этого исследования («Немного о литературной жизни в Крыму во времена Золотой Орды» и «Литература крымского ханства Гиреев») впервые был дан обзор всей истории средневековой крымскотатарской литературы (XIII–XVIII вв.), высказаны замечания по поводу неоднородности авторского корпуса соответствующей литературы, указано на важность изучения историографических памятников, а также впервые помещены переводы поэтических произведений ряда авторов ханского времени (Газаи, Хильми) на украинский язык [Кримський, 1930].

В эти же годы в Турции увидели свет работы М. Ф. Кёпрюлю и С. Н. Эргуна, посвященные творчеству, соответственно, крымского хана Мехмеда Герая IV (псевдоним: Кямиль) [Köprülü, 1929] и Ашыка Умера [Köprülü, 1927; Köprülü, 1940; Ergun, 1936], из них труд С. Н. Эргуна ознаменовал собой целую эпоху в изучении творчества поэта и не утратил своей актуальности до настоящего вре-

мени. Помимо этого, в 1343/1927 гг. в Стамбуле Н. Асымом был опубликован известный образец крымскотатарской историографии XVIII в. – хроника Абдульгаффара Кырыми «Умдет ат-теварих» (более точное название: «Умдет аль-ахбар», см. ниже) [Umdetü`'t-Tevârih, 1343].

Ситуация еще более усугубилась после Второй мировой войны, вернее – депортации крымских татар с исторической родины в 1944 году. Особенно наглядно это проявилось на примере деятельности крымскотатарских исследователей. В годы высылки можно указать на материалы лишь одного специалиста, системно занимавшегося вопросами средневековой крымскотатарской литературы, а именно известного крымскотатарского поэта и литературоведа Э. Шемьи-заде. Его перу принадлежит известная статья о творчестве легендарного крымского поэта, ярчайшего представителя поэзии саза – Ашыка Умера [Шемьи-заде, 1969; Шемьи-заде, 1974]. При этом автор в данной статье не ограничился лишь сведениями о жизни и творчестве прославленного ашыка, но и сделал во вступлении краткий экскурс в историю всей средневековой крымскотатарской литературы: коснулся вопросов ее зарождения (XIII в.), упомянул имена наиболее ранних представителей (Махмуд Кырымлы, Эбубекр Календер, Абдульмеджид эль-Кырыми), а также поэтов ханского времени (Менгли Герай I, Гази Герай II, Джанмухаммед), кратко охарактеризовал основные литературные направления и т. д.

К сожалению, результаты исследований Э. Шемьи-заде не нашли отражения в учебниках по истории крымскотатарской литературы, увидевших свет в те годы. Так, в «Литературной хрестоматии» для крымскотатарского отделения факультета узбекского языка и литературы Ташкентского пединститута имени Низами, выпущенной в Ташкенте в 1971 г., история крымскотатарской литературы начиналась с XVII в. и за весь средневековый период насчитывала лишь два имени – Ашыка Умера и Джанмухаммеда [Эдебият хрестоматиясы, 1971].

В этом отношении значительно плодотворнее оказались исследования в Турции: в период 1960–1980-х гг. здесь увидели свет, в частности,

очень важная монография И. Х. Эртайлана о творчестве Гази Герая II (Газаи) – с приложением единственного известного небольшого рукописного сборника («Диванче») поэта [Ertaylan, 1958], статьи А. Тансель о творчестве крымского хана Мехмеда Герая IV – опять же с приложением всех известных на тот момент стихотворений поэта [Tansel, 1967; Tansel, 1971], и монография Ш. Эльчина об Ашыке Умере [Elçin, 1987]. Особо необходимо отметить публикацию «Истории хана Сахиба Герая», осуществленную О. Гёкбилгином и содержащую транслитерацию труда на латиницу и перевод его на французский язык [Tarih, 1973]. Помимо этого, имел место опыт защиты диссертационных работ по «Дивану» Саида Герая [Ünver, 1972, s. 157] и «Семи планетам» Сейида Мухаммеда Ризы [İstanbul Üniversitesi, 1984, s. 185, 191], однако дальнейшая судьба этих исследований остается неизвестной. Нельзя также не отметить и материалы по крымскотатарским ученым и поэтам ханского времени, публиковавшиеся в журнале крымскотатарской диаспоры «Эмель», в первую очередь статьи А. З. Сойсала [Soysal, 1961a и др.], а также повторную публикацию в 1982 г. в «Журнале исламской цивилизации» («İslâm Medeniyeti Mecmuası») «Крымских авторов» М. Т. Бурсалы [Bursalı, 1982].

Помимо Турции, отдельные публикации, хоть и очень значимые, имели место и в Европе – здесь исследования были посвящены главным образом произведениям крымскотатарской историографии. Так, А. Зайончковским и З. Абрахамовичем были изданы тексты двух историографических трудов (на арабике) – соответственно, «Летописи Кипчакской степи» («Теварих-и Дешт-и Кипчак») Абдуллаха ибн Ридвана [Zajackowski, 1966] и «Истории хана Ислама Герая III» («Тарих-и Ислам Герай хан») Хаджи Мехмеда Сенаи [Hadzy Mehmed Senai, 1971], Б. Келльнер-Хайнкеле опубликовала монографию, посвященную «Истории Саида Герая» [Kellner-Heinkele, 1975], а М. Кёнбах – исследование, посвященное «Истории» Мехмеда Чингизи [Köhbach, 1983]. Помимо этого, особого упоминания заслуживает и обзорная статья по истории крымскотатарской литературы, написанная на французском языке

Газаи («Бора» Гази Герай II, ум. 1607). Диванче.
– Рукопись из личной коллекции Х. Э. Арда.
См.: Ertaylan İ. H. Gazi Geray Han. Hayatı ve Eserleri. İst., 1958. S. 84.

для второго тома журнала «*Philologiae Turcicae Fundamenta*» А. Баттал-Таймасом (литературе ханского периода посвящена первая глава статьи) [Battal-Taymas, 1964].

Несмотря на немалое, на первый взгляд, количество указанных публикаций, всю данную работу, повторимся, нельзя признать системной и целенаправленной. Достаточно сказать, что за эти годы не было опубликовано ни одной антологии, ни одной серьезной монографической работы как по истории литературы ханского периода, так и всей средневековой крымскотатарской литературы в целом. Причем значительный материал имелся, и при скоординированной работе крымскотатарских исследователей в СССР

(прежде всего Э. Шемби-заде) и в диаспоре данную работу можно было выполнить, но этому мешали отсутствие соответствующих научных связей и общая идеологическая установка в СССР по отношению к крымскотатарской проблематике в целом.

Ситуация начала меняться во второй половине 1980-х годов. Работы ряда крымскотатарских исследователей, писателей и литературоведов стали предвестниками формирования условий для системной работы, которая и последовала с началом 1990-х годов. Это стало результатом, в том числе, изменений в общественно-политической ситуации на постсоветском пространстве, приведших к началу процесса массового возвращения крымских татар на историческую родину и формирования здесь необходимой образовательной и научной инфраструктуры. В это же время наблюдается значительное оживление контактов с крымскотатарской диаспорой в мире, всплеск исследовательского интереса к Крыму и крымским татарам в Турции, в Европе, в ряде бывших советских республик (прежде всего Украине, Узбекистане и Азербайджане) и т. д., что весьма благотворно отразилось и на состоянии крымскотатарского литературоведения.

В результате, прежде всего в Крыму, формируется группа исследователей, активно занимающихся вопросами крымскотатарской литературы ханского периода (К. Усеинов (Конуратлы), Р. Фазыл, Т. Усеинов, Н. Сейтягьяев, Н. Абдульвапов, Р. Абдужемилев, У. Кадырова и др.), по соответствующей проблематике защищаются ряд кандидатских и одна докторская диссертация. Помимо этого проблемами изучения средневекового крымскотатарского историографического, философского и богословского наследия весьма плодотворно занимаются отдельные российские и украинские специалисты [Зайцев, 2009; Якубович, 2016а; Якубович, 2018], а также ряд исследователей из Турции. О последних необходимо сказать особо. Так, в 1999 г. в Анкаре увидела свет антология «Письменная литература Ханского периода» («*Hanlık Dönemi Yazılı Edebiyatı*»), подготовленная Дж. Курназом и Х. Чельтиком, в которую вошли биографические сведения и фрагменты творчества

около 30 крымских авторов XIII–XIX вв., в том числе 22 – ханского периода [Hanlık Dönemi, 1999]. Эта антология в 2000 г. была опубликована отдельным изданием – со специально написанной вступительной статьей, содержащей новые сведения по ряду авторов [ODKE, 2000]. Далее последовали публикации многочисленных статей, издания отдельных «Диванов», хроник и других произведений крымских авторов, среди которых необходимо отметить материалы таких авторов, как М. Исен [İsen, 2000], С. Каракөсе [Karaköse, 2001], М. Эфлятун [Eflatun, 2003], Х. Аксоак [Kefeli, 2004], М. Абалы [Abalı, 2006], У. Демир [Demir, 2006], Н. Кол [Kol, 2007], Э. Абдувалиева-Эр [Abduvaliyeva-Er, 2011], А. Эрдогру и С. Уйсал [Tevârih-i Deşt-i Kırçak, 2012], Д. Пашаоглу [Derin, 2003; Абдулгаффар Кырыми, 2014; Paşaoğlu, 2016a], С. Гюр [Gür, 2019; Gür, 2019a] и др. Данные публикации значительно расширили текстологическую базу для будущих исследований, продемонстрировав значительный потенциал крымскотатарской литературы рассматриваемого периода.

Завершая краткий историографический обзор основных исследований по теме, отметим несколько работ, которые являются монографическими (обзорными) исследованиями по различным направлениям литературы периода Крымского ханства. По истории поэзии это – вышеуказанная антология Дж. Курназа и Х. Чельтика [ODKE, 2000], статьи Н. Сейтягьева [Сейтиягья, 2004; Сейтягьяев, 2008]; по исторической прозе – монографии «Крымскотатарская историческая проза» Н. Сейтягьева [Сейтягьяев, 2009] и «Крымская историографическая традиция XV–XIX веков: пути развития : рукописи, тексты и источники» И. Зайцева [Зайцев, 2009]; по философскому наследию – монография «Філософська думка Кримського ханства» М. Якубовича [Якубович, 2016а]. Помимо этого в 2014 г. в Т. IV энциклопедии «История татар», изданной Институтом истории им. Марджани АН РТ, увидела свет статья Н. Абдульвапова «Литература в Крымском ханстве», в которой автором была осуществлена попытка обобщения всего крымскотатарского литературного наследия рассматриваемого периода в целом [Абдульва-

пов, 2014]. Основные положения указанной статьи были взяты за основу и нынешнего очерка.

История развития крымскотатарской литературы в ханский период. Начальный этап (2-я пол. XV в.). В период Крымского ханства крымскотатарская литература вступала, имея позади два столетия своего развития в период Золотой Орды. За прошедший период в Крыму было создано по меньшей мере три крупных памятника, представляющих значительный интерес как с точки зрения крымской литературы, так и всей золотоордынской литературы в целом. Речь идет о двух поэмах на сюжет о Юсуфе и Зулейхе, принадлежащих перу поэтов Махмуда Кырымлы (предположительно XIII в.) и Абдульмеджида Кырыми (2 пол. XIV – 1-я четв. XV вв.), а также 800-страничном суфийском трактате в стихах на фарси – «Календер-наме» поэта-шейха Эбубекра Календера (XIV в.). Из них поэма Махмуда Кырымлы, сохранившаяся в переводе Халилоглу Али с «дештского» или «крымского» языка на «тюркский» (предположительно XIII–XIV вв.), в последние годы была неоднократно опубликована [Ertaylan, 1960; Къырымлы, 2013], «Календер-наме» было издано в виде факсимиле и в переводе на русский язык [Абу Бакр Каландар Руми, 2015; Абу Бакр Каландар Руми, 2017], судьба же поэмы Абдульмеджида остаётся неизвестной [Абдульвапов, 2015а].

Говоря о крымской литературе периода Золотой Орды, нельзя не упомянуть и о первом опыте крымскотатарской историографии – произведении «История Тохтабая» («Тохтабай тарихы»), датированном предположительно нач. XV в. и сохранившемся в изложении Эвлии Челеби [Резюме, 2002]. Значительный интерес представляют и некоторые образцы поэтических эпитафий, прежде всего тюркоязычных, с золотоордынских кладбищ Старого Крыма, в свое время зафиксированных О. Акчокраклы [Акчокраклы, 1927; Акчокраклы, 1929].

Таким образом, в период Крымского ханства крымскотатарская литература вступала с серьезным заделом. Однако начальный период существования государства для развития литературы, как и культуры в целом, оказался довольно неблагоприятным. Политическая ситуация в

государстве, по понятным причинам, отнюдь не способствовали развитию литературного творчества. В этой связи интересно содержание диалога, имевшего место между османским султаном Мехмедом II Фатихом и крымским ученым (правоведом, филологом) и поэтом Сейидом Ахмедом Кырыми (ум. 1474), примерно с середины 1450-х гг. проживавшим в Османской империи, в котором присутствует указание на массовый исход ученых и литераторов из «Крымской страны» в этот период [Avci, 2016, s. 118–119]. Косвенно на это же указывает и практически полное отсутствие сведений о литературной и научной жизни в Крыму в эти годы, – при наличии многочисленных свидетельств о присутствии крымских авторов (ученых, поэтов, богословов) как в различных центрах мусульманского мира в целом, так и османского региона в частности (Каир, Эдирне, Бурса, Стамбул и т. д.) [ас-Сахави, 1353–1355; Якубович, 2018].

Исключение в настоящее время составляют лишь два имени – крымского хана Менгли Герая I (ум. 1515) и вышеупомянутого Сейида Ахмеда Кырыми, и если из творчества первого из них известно лишь небольшое стихотворение в форме *кыта* [Риза, 2019, с. 111], то от второго сохранилось достаточно внушительное наследие: целый ряд трактатов по различным богословским дисциплинам, логике, филологии и суфизму [Avci, 2016]. О литературной составляющей трудов Сейида Ахмеда Кырыми в настоящее время сказать что-либо сложно (они остаются неисследованными), непосредственно же из поэтического наследия этого автора ныне опубликована лишь одна газель, проникнутая суфийскими мотивами [там же, s. 122].

Говоря о литературной жизни в Крыму во 2-й пол. XV в., необходимо отметить и то, что взятие османами Кафы и ряда других крымских крепостей в 1475 г. и последующее преобразование этих территорий в отдельную административную единицу – османскую провинцию *эялет*, еще более ускорили распространение на территории Крымского ханства османской (а также более ранней – анатолийской) литературы. Со временем это привело, в том числе, к утверждению османского языка в качестве доминирующего и

Мустафа Мюдаму (XVI в.). Диван. – İstanbul Üniversitesi Nadir Eserler Kütüphanesi. No.: T-5520.

для крымскотатарской литературы. Появление Кефинского эялета определило и особый статус местных литераторов и ученых, которые стали использовать *нисбу* «Кефевии», отделявшую их от остальных крымских авторов, использовавших *нисбу* «Кырыми». При этом крымские авторы могли принимать и дополнительные *нисбы* – по названиям городов рождения или проживания, например, «Гёзлеви» (уроженец г. Гёзлеве – ныне г. Евпатория) или «Карасуйи» (уроженец Карасу, или Карасубазара – ныне г. Белогорск).

Крымскотатарская литература XVI в. Весьма контрастирует с вышеописанным положение, которое сложилось в крымскотатарской литературе в XVI веке. Стабилизация ситуации в государстве, его значительное укрепление, расширение культурных связей со Стамбулом и другими важными османскими центрами, распространение в Крыму османской литературы положительно отразились на развитии в ханстве и литературного творчества. Общий список известных на сегодня крымских авторов этого периода (главным образом поэтов) уже включает более двух десятков имен, помимо этого примерно столько же османских авторов по роду службы или же по

другим причинами длительное время проживали в Крыму и принимали участие в местной литературной жизни, причем некоторые из них (Реммаль-Ходжа) даже стали в некотором роде непосредственными представителями крымской литературы.

Обращает на себя тот факт, что практически все крупные ханы XVI века – вышеупомянутый Менгли I (ум. 1515), Саадет I (годы правления: 1524–1532), Сахиб I (1532–1551), Девлет I (1551–1577), Гази II (1588–1607) – были равнодушны к искусству слова, сами писали стихи и прозу и всячески способствовали развитию литературного творчества в государстве. Более того, по меньшей мере один из них, а именно Гази II, стал украшением как крымской, так и всей османской поэзии в целом. Источники свидетельствуют, что

дворец крымский ханов (с 1532 г. – Бахчисарай) превратился в один из наиболее важных литературных очагов Крыма, как и всего крымского искусства в целом.

Среди авторов XVI в. присутствует ряд весьма значительных имен – поэтов, обладателей «Диванов», а также авторов произведений в прозе. Одним из таких авторов – ярких открытий последних десятилетий – является Мустафа Мюдаму (ум. в 1540 г. или же позднее), на сегодня наиболее ранний известный крымский поэт, перу которого принадлежит поэтический «Диван», к тому же сохранившийся до наших дней [Kol, 2007]. Согласно *нисбе* поэта (Мустафа бин Ахмед аль-Кырыми сюме аль-Кефевии) и отдельным сведениям биографического характера, присутствующим в его «Диване», поэт родился в Крыму (возможно, речь идет о бывшей столице одноименного улуса Золотой Орды – городе Кырым (ныне Старый Крым)), предположительно в последней четверти XV в., позже жил в Кефе (Феодосии), долгое время «путешествовал по Дешт-и Кипчаку и Крыму», городам Анатолии (Алашехир, Айдын, Бурса) и «арабским странам». Еще позже Мюдаму, судя по всему, обо-

сновался в Бурсе, где прошел курс суфийской науки под руководством некоего Шейха Сулеймана, сына Шейха Синана, – это имя проходит в ряде его поэтических произведений. Место и год смерти поэта неизвестны.

«Диван» Мюдами известен в двух списках, ныне хранящихся в турецких архивах [ODKE, 2000, s. 32]. Он стал объектом исследований турецких ученых: в начале 1990-х гг. над ним работал О. Бильгин, а в 2007 г. на его основе была защищена диссертация Н. Кол [Kol, 2007]. «Диван» состоит из двух частей: первая представляет собой агиографическую поэму (*менакиб-наме*) в форме *месневи* (781 бейт), посвященную известному суфийскому наставнику – шейху Эмиру Султану (ум. 1429 [?], Бурса), вторая – краткую антологию образцов различных поэтических форм. В общей сложности «Диван» содержит около 80 стихотворений и поэм – исключительно религиозно-суфийского содержания. С жанрово-тематической точки зрения, данные произведения представляют собой привычный ряд наиболее распространенных образцов религиозно-суфийской лирики (в жанрах *тевхид*, *нат*, *мунаджат* и т. п.), пронизанных мотивами искренней любви к Богу, Пророку Мухаммеду, духовному наставнику поэта, а также содержащих различные наставления религиозного характера. Ряд стихотворений Мюдами написан на арабском языке, некоторые – на фарси, что демонстрирует владение автором тремя основными языками поэзии мусульманского Востока (т. н. «*эльсине-и селясе*»). К слову, это трехязычие будет наблюдаться у значительного числа крымских авторов на протяжении всего периода Крымского ханства.

Творчество Мюдами лишь ныне возвращается к читателям. В отличие от него, наследие другого поэта этого столетия – крымского хана Гази Герая II (ум. 1607), писавшего под псевдонимом Газаи, сумело избежать забвения. Имя этого выдающегося правителя и военачальника, обладателя многочисленных талантов (поэт, музыкант и композитор, каллиграф) и известного мецената присутствует в османских поэтических антологиях *тезкире*, различных других библиографических и историографических трудах ханского времени (в том числе и крым-

ских авторов), в трудах более поздних авторов – Й. Хаммер-Пургшталя, В. Смирнова и др. Личности Газаи было уделено особое внимание в работе А. Герайбая [Герайбай, 1935], а также в известном очерке А. Крымского «Литература крымских татар», в приложении к которому были помещены первые переводы (на тот момент) ряда произведений хана-поэта на украинский язык [Кримський, 1930]. В 1932 г. отдельные письма Газаи, в том числе в стихах, адресованные некоторым современным автору османским и крымским деятелям, были опубликованы в Баку Абдуллахоглу Кырымлы Хасаном [Abdullahoğlu, 1932]. В 1941 г. увидела свет статья о Газаи выдающегося украинского писателя и поэта И. Франко (была написана еще в 1915 г.) [Франко, 1941]. Наконец, в 1958 г. появилось и первое серьезное научное исследование жизненного пути и творческого наследия Газаи – монография известного турецкого литературоведа И. Х. Эртайлана под названием «Гази Герай-хан. Жизнь и творчество» [Ertaylan, 1958]. В данной монографии автор, помимо достаточно подробного исследования жизненного пути и жанрово-тематических особенностей творческого наследия поэта, впервые в литературоведении объединил все известные на тот период его литературные произведения – около 50 газелей, две поэмы-месневи, одно рубаи на фарси, два письма в стихах (в форме месневи) и один фрагмент письма в прозе. Значительная часть указанных текстов были взяты исследователем из единственного известного на сегодня малого «Дивана» («Диванче») Газаи из частной коллекции турецкого адвоката Х. Э. Арда, а также из ряда историографических трудов и поэтических сборников *меджмуа* из библиотечных собраний Турции, Великобритании, СССР.

Спустя пять десятилетий творчество Газаи стало предметом еще двух монографических исследований. В 2008 г. увидела свет монография Т. Усеинова «Семантический аспект газелей Газаи: газельное наследие крымского хана», в которой автор исследовал особенности поэтики газельной лирики поэта [Усеинов, 2008]. А в 2011 г. по творчеству Газаи была защищена диссертация Э. Абдувалиевой-Эр [Abduvaliyeva-Er, 2011]. Второе исследование стало весьма важ-

ным событием в истории изучения творчества поэта, поскольку автором была осуществлена значительная работа: вновь проработаны все известные источники, введены в оборот новые, исследованы многие вопросы, связанные с особенностями языка, формы, метро-ритмической организации стиха, жанрово-тематическими характеристиками наследия Газаи; наконец, значительно дополнена антология его творчества – за счет ранее не публиковавшихся произведений, как поэтических (введено в оборот более десяти новых газелей), так и образцов прозы. Последним было посвящено также и отдельное исследование Абдувалиевой-Эр [Er, 2014].

Исследования творчества Газаи этим не ограничились. Так, в 2018 г. А. Ичли были опубликованы еще две, ранее неизвестные газели Газаи, что показывает, что работа по выявлению новых произведений поэта далека от завершения [Ичли, 2018]. На это указывает и одна из газелей в «Диване» Саида Герая (XVIII в.), выполненная в форме поэтического ответа (*назире*) на одну из неизвестных газелей Газаи [Абдульвапов, 2020]. С другой стороны, исследование Ф. Бакырджы, посвященное поэме «Роза и Соловей» («Гуль ве Бульбуль»), долгие годы приписывавшейся перу Газаи, показало ошибочность этого мнения, что, однако, сделало актуальными поиски одноименной поэмы, действительно принадлежавшей нашему поэту [Bakırcı, 2015].

Газаи, безусловно, талантливый поэт (о прозе Газаи – несколько ниже). Его творчество, не будучи очень объемным в количественном отношении, не может не обратить на себя внимания своим жанрово-тематическим разнообразием. Так, исследователи, начиная с И. Х. Эртайлана, выделяют его любовную лирику (часто с суфийскими вкраплениями), стихотворения военно-походного жанра (прежде всего стихотворные послания, написанные непосредственно в период военных кампаний), религиозно-философскую лирику, образцы дидактического, сатирического (*хиджвийе*) и даже юмористического жанров [Ertaylan, 1958, s. 31–57]. И если образцы его любовной, любовно-философской и религиозно-дидактической лирики представляются достаточно привычными для поэзии того времени,

то образцы сатиры выглядят очень ярко и смело, а одна из наиболее известных его газелей (с рефимом «-ерине»), проникнутая духом доблести и отваги, стала весьма известным стихотворением в данном жанре и вошла во многие антологии османской поэзии в целом.

Весьма ценными являются наблюдения И. Х. Эртайлана относительно литературных влияний, испытанных поэтом. Так, он выделяет в лирике Газаи следы влияния среднеазиатской (чагатайской) поэзии – в лице поэтов Лутфи, Алишера Навои, Хаяли-и Чагатаи (на что указывает в одном из стихотворений и сам Газаи), азербайджанской поэзии – в лице Несими и Фузули, и османской – в лице Зати, Баки и Хаяли [Ertaylan, 1958, s. 31–34]. Данные наблюдения свидетельствуют о значительной поэтической эрудиции Газаи, а также очерчивают границы достаточно обширного литературного поля, в котором творил крымский поэт.

Все это, к слову, нашло отражение и в языке произведений Газаи, также обращающем на себя внимание своим разнообразием. Так, исследователи отмечают присутствие в лирике поэта произведений, написанных на крымскотатарском, османском, чагатайском и азербайджанском языках [Ertaylan, 1960; Abduvaliyeva-Er, 2011]. При этом, наибольший интерес вызывают образцы собственно крымскотатарской лирики, поскольку в поэтическом наследии ханского периода, доступном в настоящее время, подобных образцов известно немного.

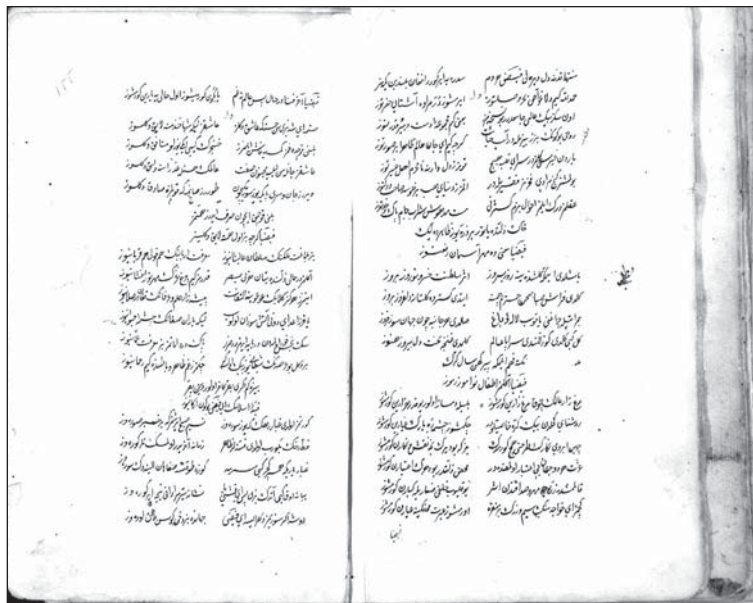
Добавим, что фигура Газаи во многом определила литературную атмосферу в Крыму в период его правления: покровительством хана-поэта пользовались многочисленные деятели искусства, в том числе османские, ему посвящали произведения известные поэты и литераторы того времени [Eflatun, 2003]. Помимо этого, стихотворения поэта стали объектом поэтических ответов и подражаний (*назире*) – последние присутствуют как у современников поэта, так и у более поздних авторов (вплоть до начала XX в.) [Emiri, 1995, s. 13–14].

Одним из современников Газаи Герая, посвятившим ему целый ряд поэтических произведений, в том числе шесть хвалебных од в форме касыды, был шейх Фейзи Кефеви (ум. 1614). Данный ав-

тор является наиболее плодовитым из ныне известных поэтов ханского времени, помимо этого его перу принадлежит ряд религиозно-суфийских трактатов. Личность и творчество Фейзи Кефеве в свое время получили признание, упоминания о нем и образцы творчества присутствуют в поэтических сборниках и историографических трудах ханского времени, а также в более поздних источниках [Жырымы 2014; Гордлевский, 1927, с. 222].

Хайдер-заде Мехмед Фейзи Кефеве родился в Кефе (предположительно в середине XVI в.), здесь же получил начальное образование. Позже учился в Стамбуле. Вернувшись в родной город, получил известность как шейх хальветийского тариката, поэт и педагог. Последние годы жизни Фейзи Кефеве прошли в Стамбуле, где он и умер в 1614 году [Eflatun, 2003; Абдульвапов, 2019a]. Могила шейха долгие столетия почиталась как «святая» (*эвлия*) [Абдульвапов, 2019a].

Поэтическое творчество Фейзи Кефеве представлено его «Диваном», а также рядом отдельных произведений из различных рукописных сборников [там же]. Единственный известный список «Дивана» Фейзи сохраняется в Национальной библиотеке Турции в Анкаре [Feuzzi, рук.], он стал темой диссертационного исследования М. Эфлятун [Eflatun, 2003]. «Диван» состоит из пяти разделов и в общей сложности содержит 536 стихотворений и поэм самых различных форм и жанров, что делает его на данный момент самым объемным и содержательным в крымском поэтическом наследии ханского времени. В жанрово-тематическом отношении основным содержанием «Дивана» является религиозно-суфийская лирика, помимо этого в нем присутствуют многочисленные произведения и светского содержания, характеризующие автора как яркого представителя поэзии дивана. Среди подобных произведений, помимо образцов любовной лирики, обращают внимание стихотворения, посвященные различным историческим

Фейзи Кефеве (ум. 1614). Диван. – Feyzi Hayder-zade Efendi Kelevi. Divan. Ankara. Milli Kütüphane. Yazmalar Koleksiyonu. Arşiv Numarası: № 06 Mil Yz FB 274/3. Yaprak: 93b–194a

персонажам того времени – крымским ханам Гази Гераю II (11 стихотворений и поэм, в том числе шесть касыд), Мехмеду Гераю II, Селямету Гераю I, ханскому визирю Ахмеду Аге, шейхам Ибрахиму Эфенди и Абди Эфенди и т. п. Указанные стихотворения написаны в жанрах панегирической лирики (*медхие*) и элегии (*мерсие*), при этом часть из них содержит поэтические хронограммы (*тарих*). Стихотворений с хронограммами в «Диване» 37 единиц, они вызывают особый интерес, поскольку в них запечатлены многие факты политической и культурной жизни как Кефе и Крыма в целом, так и столицы Османского государства – Стамбула. Нельзя не отметить и мастерское владение поэтом тремя языками – тюркским (османским), арабским и фарси, причем некоторые произведения шейха написаны в виде *мулемма*, т. е. одновременно на двух или более языках.

Как было указано выше, помимо «Дивана», известен еще целый ряд поэтических произведений Фейзи Кефеве. В частности, поэма в жанре *нат* (ода в адрес Пророка Мухаммеда) в редкой для этого жанра форме *мустезад*, а также две поэмы в жанре «40 хадисов»: одна в форме 40

четверостиший-*кыта*, вторая – в форме *месневи* [Абдульвапов, 2019а].

Говоря о месте Фейзи Кефеве в истории крымскотатарской литературы (в свете размышлений о неоднородности ее авторского корпуса, см. выше), необходимо иметь в виду два важных обстоятельства: несмотря на то, что поэт родился в Кефе и некоторые годы провел (и умер) в Стамбуле, значительное количество своих поэтических произведений он посвятил именно крымским известным личностям, жизнь же в столице Османской империи считал жизнью на «чужбине» [Eflatun, 2003].

В отличие от Фейзи Кефеве, поэтическое наследие еще одного представителя литературы этого периода – известного кефинского поэта, литератора, ученого и мудерриса Хусейина Кефеве (ум. 1601) в настоящее время известно лишь в отрывках. Хусейин Кефеве был весьма разносторонней личностью, многочисленные османские источники отмечают его разнообразные творческие таланты, интерес к исламским наукам, математике, астрономии, особо – музыке (по свидетельству современников, Хусейин Кефеве давал уроки музыки одаренным детям Кефе, для чего использовал музыкальные тексты собственного сочинения) [Акрпнар, 2002, s. 186]. Хусейин Кефеве был знаком со многими известными крымскими и османскими государственными деятелями, учеными и литераторами своего времени, с некоторыми из них, в частности с ханом Гази Гераем II, состоял в переписке.

Поэт родился, предположительно, в первой пол. XVI в. в Кефе. Здесь же получил начальное образование, некоторое время занимался торговлей, однако позже полностью посвятил себя научному и литературному творчеству. Хусейин отправился в Стамбул, где продолжил образование, после чего преподавал в одном из стамбульских медресе. В 1569 г. он вернулся в родной город, где стал брать уроки математики и музыки у местного кадия Махмуда Челеби и суфизма – у шейха тариката накшбендие Хадже Ахмеда Садыка Ташкенди. Еще позже Хусейин вновь покинул Кефе и служил кадием в ряде османских городов [Акрпнар, 2002]. По меньшей мере с 1585 г. прослеживается его непрерывная связь

со Стамбулом – деятельность в качестве мудерриса в ряде медресе, в том числе широкоизвестном учебном комплексе Сахн-ы Семан (комплекс медресе, основанный султаном Мехмедом Фатихом в 1462–1470 гг.). В 1599 г. Хусейин Кефеве был назначен на должность кадия в Кудусе (Иерусалиме), в 1600 г. – кадия Мекки, где и умер в 1601 г. [там же].

Хусейин Кефеве был достаточно плодовитым автором, заслужив титул «султана авторов» («*султан-уль-муэллифин*»), однако далеко не всё из его многогранного наследия дошло до наших дней [там же]. В настоящее время литературное и научное наследие Хусейина Кефеве состоит из ряда трактатов в различных отраслях исламских наук (*тефсир*, *хадис*, *фикх*, *мантык* (логика) и т. д.), образцов занимательной прозы, переводов и комментариев поэтической классики (Саади, Хафиз), наконец, поэтических произведений. Данное наследие в целом достаточно активно исследуется; в частности, в 2004 г. в Гарвардском университете И. Х. Аксояком был опубликован его тюркоязычный труд под названием «Разнаме» («*Книга тайн*») [Kefeli, 2004].

Говоря о поэтическом творчестве Хусейина Кефеве, источники отмечают его недюжинный талант, мастерское владение тремя языками – тюркским, арабским и фарси, а также искусством поэтического ответа – *назире* [Акрпнар, 2002, с. 186]. Из его поэтических произведений в настоящее время известны: целый ряд стихотворных миниатюр из прозаических произведений, в том числе небольшая ода в адрес Гази Герая II, отдельные двустишия (*матла*), присутствующие в ряде османских антологий (Кыналы-заде, Беяни, Риязи, Рыза и др.), небольшой фрагмент, написанный в виде поэтической рецензии на аллегорическую поэму-*месневи* османского поэта XVI в. Енипазарлы Вали «Хусн у Диль» [Yenipazarlı Vâli, 2003] и др. К сожалению, поэзия Хусейина Кефеве до настоящего времени не стала объектом отдельного исследования.

О других крымских поэтах XVI века и их наследии имеются лишь минимальные сведения. Это касается, в частности, представителей ханской семьи, упомянутых выше (ханы Саадет I, Сахиб I и Девлет I Гераи), а также целого

ряда других авторов. Так, имя Талиби Кефеве (1-я пол. XVI в.) проходит в османских антологиях Лятифи и Кыналызаде, при этом Лятифи отмечает его как весьма одаренного поэта, «пишущего хвалебные оды в честь крымского хана», однако из творчества приводит лишь два отдельных двустишия [Lâtîfî, 2000, s. 349–350]. Имя поэта дивана Кырымлы Хамзы (1-я пол. XVI в.) проходит в антологии Гариби [Babacan, 2007, с. 8]. Имя Фенди (или Канди, сер. XVI в.) и одно из его стихотворений (с хронограммой), датированное 1549 г., присутствуют в «Книге путешествия» Эвлии Челеби [Эвлия, 2017, с. 172]. Об Абдульбаки Кефеве (ум. 1591/92, псевдоним: Бекаи) известно чуть поболее: получив образование в родном городе, он отправился в Каир, где прошел курс суфийской науки в обители (*mekue*) известного шейха Ибрахима Гульшени, позже много лет путешествовал по Анатолии, еще позже исполнял обязанности месневи-хана в одной из мевлевийских обителей Дамаска. Среди известных в настоящее время произведений Бекаи обращает на себя внимание небольшая ода (*med-xiie*) в форме *museddеса*, посвященная Джелиледдину Руми [ODKE, 2000, s. 38–40]. Помимо этого, есть сведения о поэтических опытах и двух известных ученых этого столетия – шейха Ибрахима б. Акмехмеда (ум. 1592) [Soysal, 1964] и Махмуда б. Сулеймана Кефеве (ум. 1582) [Özel, 2002].

В крымскотатарском литературном наследии XVI века присутствуют, как было указано выше, и произведения в прозе. К ним относятся, в частности, религиозно-суфийские трактаты вышеупомянутых шейхов Хайдер-заде Фейзи Кефеве и Ибрахима б. Акмехмеда; отдельные из них стали объектом исследования М. Якубовича в монографии «Философская мысль Крымского ханства» [Якубович, 2018]. Ряд образцов занимательной прозы и тюркоязычных переводов с комментариями произведений классиков персидской литературы принадлежит перу Хусейина Кефеве. Одним из них является вышеупомянутый труд «Раз-наме» [Kefeli, 2004]. Данное произведение представляет собой образец жанра «литературных гаданий» («*фал-наме*»), в нем собраны краткие истории (в первой редакции труда – 139, во второй – 192 единицы),

связанные с весьма популярной в свое время практикой литературных гаданий с использованием, в данном случае, «Дивана» выдающегося персидского поэта XIV в. Хафиза Ширази. Известно, что произведение в первой редакции (под названием «*Севаниху`т-мефе`ул*»), было завершено в 1577 г. и преподнесено автором в Бахчисарае будущему крымскому хану – поэту Гази Герая II [Акрпнар, 2002, s. 186]. О большой популярности сборника свидетельствуют его многочисленные списки, находящиеся в настоящее время в рукописных собраниях Турции, России и др. стран [там же]. Помимо этого, представляет интерес еще одно произведение Хусейина Кефеве – перевод с комментариями с фарси на тюркский язык «Гулистана» Саади («*Bûstân-efrûz-ı Cinân Der-Şerh-i Gülistân*»): заслуживший в свое время похвалу известного османского библиографа Кятиба Челеби, труд в нескольких списках сохранился до наших дней и в настоящее время исследуется турецкими учеными [Gök, 2018, s. 240–248].

Яркими образцами прозы своего времени являются также произведения эпистолярного жанра, в частности, несколько писем Гази Герая II в адрес ряда современников – Хусейина Кефеве, Ходжи Саадедина и др. [Ertaylan, 1958, s. 57–61; Abduvaliyeva-Er, 2011; Er, 2014]. Данные произведения были неоднократно опубликованы, однако их подробный литературоведческий анализ еще предстоит сделать.

Помимо этого, необходимо особо отметить известный историографический труд – «Историю хана Сахиба Герая» Кайсуни-заде Нидаи, принадлежащую перу не этнического крымца, однако по праву считающуюся ярчайшим образцом жанра исторической прозы периода Крымского ханства [Tarih, 1973]. Кайсуни-заде Нидаи (1512–1568, в Крыму получил известность как «Реммаль-Ходжа») был придворным советником, астрологом, лекарем, историком и поэтом при хане Сахибе Герая I (1532–1551). Его «История хана Сахиба Герая» была написана после смерти хана, в 1553 г., по заказу его дочери – Нур-Султан Хани [Сейитягъя, 2009, с. 114; Зайцев, 2005]. Хроника сохранилась по меньшей мере в шести списках, хранящихся в Париже (наиболее ранний, датирован-

ется 1651 г.) и Санкт-Петербурге [Зайцев, 2009, с. 72–73]. В конце XIX – нач. XX вв. переводом хроники на русский язык занимался В. Д. Смирнов, в 1912 г. на заседании ТУАК рассматривался вопрос его издания, однако проект так и не был реализован (рукопись перевода хранится в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН) [там же, с. 73]. Труд был издан лишь в 1973 г. – в Анкаре О. Гёкбилгином в латинской графике (на основе двух наиболее ранних списков – одного из санкт-петербургских и парижского) совместно с французским переводом 1740 г. [Tarih, 1973]. Позже, в 2000 г., данное издание, дополненное переводом на современный турецкий язык, было продублировано в Стамбуле [Tarih-i Sahib, 2000]. Наконец, в 2018–2020 гг. увидел свет и перевод хроники на русский язык, выполненный Р. Абдужемилевым [Абдужемилев, 2018б, 2018в, 2019а, 2019б, 2020].

«История хана Сахиба Герая», охватывающая период с восшествия хана на престол в 1532 г. по его смерть и похороны в 1551 г., содержит весьма ценные сведения о политической и культурной жизни ханства соответствующего периода. Как отмечает В. Остапчук: «В сравнении с большинством других хроник, посвященных Крымскому ханству, будь то османских или татарских, «Тарих» является выдающимся трудом, так как его автор предпочитал давать относительно четкое объяснение событий и снабжать конкретными деталями, нежели загромождать свой труд демонстрацией напыщенного стиля и риторики. «Тарих» является сокровищницей информации не только о крымской политике, институтах, военном деле, но также о быте населения ханства и даже его соседей (особенно народов северокавказского региона), а также о географических условиях» [Остапчук, 2001, с. 395].

Особенный интерес в хронике представляют фрагменты, посвященные описаниям военных походов крымских войск за пределы полуострова – всего в ней присутствуют описания девяти таких кампаний [Остапчук, 2001; Зайцев, 2009, с. 78–79]. Данные сведения важны с точки зрения истории военного дела в Крымском ханстве. Не менее интересными являются сведения, касающиеся взаимоотношений хана с представи-

телями известных крымских аристократических родов, данной теме посвящено известное исследование Х. Иналджика [Иналджик, 1995]. Наконец, представляются весьма интересными и многочисленными сведения более частного характера, например, касающиеся самого начала правления Сахиба Герая – подробности посещения им отцовской ставки (старого дворца) в Салачике, строительных работ в селении Улаклы, начала строительства нового ханского дворца – Бахчисарая и т. д., поскольку эти сведения в настоящее время являются единственными, принадлежащими непосредственному свидетелю указанных событий.

Однако, помимо историографической ценности, «История хана Сахиба Герая» обладает и значительными литературно-художественными достоинствами. Этот аспект был исследован в работах Н. Сейтягьяева [Сейтягьяев, 2009] и Р. Абдужемилева [Абдужемилев, 2016е]. Так, говоря о жанровых особенностях памятника, Н. Сейтягьяев отмечает, что хроника Реммаля-Ходжи является «старейшим произведением биографического жанра (*терджиме*)» – одного из трех, наряду с *теварих* и *вакаий-наме*, ведущих историко-литературных жанров в крымской литературе дивана [Сейтягьяев, 2009, с. 140, 143]. Действительно, в центре повествования находится фигура хана – Сахиба Герая, труд является историей прежде всего именно его жизни и правления, что проявляется на самых различных уровнях сюжета и общей структуры произведения, включая описание глубоких раздумий и переживаний Сахиба Герая в самые драматичные моменты его жизни.

Помимо черт биографического жанра, произведение характеризуется элементами и других жанров. Так, в нем однозначно присутствуют элементы панегирического жанра, где адресатом является опять же главный герой произведения – Сахиб Герай [Абдужемилев, 2016е]. Впрочем, это не мешает автору в некоторых фрагментах в достаточно завуалированной форме подвергать критике некоторые его поступки. Весьма очевидной является и дидактическая направленность произведения, на что присутствует указание уже в коротком предисловии к произведению, содержащем философские размышления автора о

сути Божественного предопределения и превратностях судеб человеческих [Сейтягьяев, 2009, с. 146–147].

Как и большинство других образцов восточной исторической прозы того времени, «История хана Сахиба Герая» представляет собой произведение смешанной формы, прозаический текст в ней перемежается с поэтическими вставками. Судя по единству языка и стиля, эти вставки принадлежат перу самого автора, в одном стихе мы встречаем и его псевдоним (*тахаллюс*) – Нидаи [Сейтягьяев, 2009, с. 115]. Помимо этого, в произведении часто используется рифмованная проза (*садж*); так, главный герой – Сахиб Герай – нередко «говорит» стихами [там же, с. 115]. Несмотря на это, язык произведения в целом характеризуется простотой, он свободен от чрезмерного «украшательства» и орнаментализации [там же]. Во многом, именно благодаря этой благородной простоте, автор добивается значительной эмоциональной экспрессивности во многих фрагментах повествования, а его описания сцен смерти и похорон хана не могут не поражать своим трагизмом. Указанные особенности позволяют отнести труд Реммаля-Ходжи к ярчайшим образцам крымской исторической прозы своего времени.

Говоря о прозе XVI в., добавим, что определенный интерес с литературной точки зрения представляет и довольно известный арабоязычный памятник 2-й половины столетия – «*Кетаибу а'лами'ль-ахйар мин фукаха-и мезхеби'н-Нумани'ль-мухтар*» вышеупомянувшегося Махмуда бин Сулеймана Кефевии, содержащий краткие очерки о 809 ученых-правоведах (*факихов*) ханафитского мазхаба и известных «святых» (*вели*), начиная с Пророка Мухаммеда [Özel, 2002; Küskü, 2018]. Особенностью произведения является стиль, объединивший строгость научного изложения с элементами, свойственными образцам мусульманской агиографии – *менакибнаме*, вследствие включения в ткань повествования различных легенд и преданий, связанных с биографией того или иного лица. Труд, пользовавшийся значительной популярностью и активно используемый в научных кругах по настоящее время, сохранился в многочисленных списках,

прежде всего в турецких рукописных собраниях [Özel, 2002, s. 185].

Картина развития крымской литературы в XVI в. будет не полной, если не упомянуть и ряд османских авторов, принявших участие в литературных процессах в Крыму в этот период. Одним из них был уже упоминавшийся выше Кайсуни-заде Нидаи, или Реммаль-Ходжа, – автор «Истории хана Сахиба Герая». Добавим, что данный труд является далеко не единственным «крымским» литературным произведением Нидаи. Так, недавно в Турции Ф. М. Шен был обнаружен еще ряд его крупных произведений на крымскую тематику, на этот раз – поэтические, а именно три поэмы в форме *месневи* общим объемом более 1000 двустиший [Şen, 2013]. Поэмы посвящены первым годам правления Сахиба Герая, в том числе событиям, предшествовавшим известному Молдавскому походу султана Сулеймана «Великолепного» в 1538 г., в котором принимал участие и Сахиб Герай. Также в Крыму, по свидетельству самого Реммаля-Ходжи, им был написан и ряд суфийских произведений в стихах, на что присутствует указание в его историографическом труде [Tarih, 1973, s. 109].

Также необходимо упомянуть и о переводческой деятельности Реммаля-Ходжи в крымский период его жизни: согласно сведениям из «Истории хана Сахиба Герая», только ханом ему было поручено перевести на османский язык по меньшей мере «десять книг» [там же]. Одним из подобных трудов мог быть известный памятник золотоордынской литературы – поэма Хюсама Кятиба «Хикяет-и Джумджуме султан»: известно, что данное произведение в 1548 г. было переведено на османский язык именно по приказу Сахиба Герая [Köprülü, 1981, s. 176; Миннегулов, 1993, с. 72].

Принимая во внимание все эти обстоятельства, Кайсуни-заде Нидаи, несмотря на его не крымское происхождение, может по праву считаться одним из наиболее ярких представителей непосредственно крымской придворной литературы. Более того, на сегодня он является наиболее ранним известным поэтом и историографом, весьма продолжительную часть своей жизни проведшим при ханском дворе и оставившим

значительное литературное наследие именно крымского содержания.

Из других османских поэтов, живших и творивших в Крыму в рассматриваемый период, известно имя поэта Зихни (Абдудделиль, Неджефзаде, Зихни-и кадим, ум. 1614, Багдад), бывшего одновременно талантливым музыкантом и мастером каллиграфии и получившего известность при дворе все того же хана Гази Герая II [Riyâzî, 2017, s. 157]. В хронике «Семь планет» Сейида Мухаммеда Ризы присутствуют сведения о том, что Зихни был удостоен собольей шубы с плеча Гази Герая – за весьма к месту прочитанный бейт знаменитого османского поэта Баки [Сейитяхья, 2004, с. 76]. Из крымских стихов Зихни известны его поэтический ответ (*назире*) на газель Газаи с редифом «-ерине» [Emiri, 1995, s. 13], а также стихотворение с хронограммой на закладном камне одного из фонтанов Бахчисарая: датированное 999/1590–91 г., это стихотворение содержит имя строителя фонтана – известного визиря времен Гази Герая – Ахмеда Аги [Эвлия, 2017, с. 114]. Необходимо отметить, что о пребывании Зихни при ханском дворе в Бахчисарае свидетельствуют и данные крымских кадиаскерских тетрадей. Имя поэта присутствует, в частности, в материалах первого тома, содержащего *сиджли* Бахчисарайского кадылыка и датированные 1608–1613 годами: Зихни, как секретарь ханского Диван («*кя-тиб-и Диван-ы хани*»), проходит в качестве свидетеля (*шухуд-уль-халь*) в ряде судебных дел, датированных 1609–1610 гг. [Кадаскерские тетради, Т. 1, Л. 14а–45б]. Принимая во внимание эти даты, а также год вышеуказанной хронограммы, можно говорить о достаточно продолжительном периоде (около 20 лет) пребывания поэта в Крыму. Это косвенно подтверждается и следующим фактом: имя Зихни вместе с именем поэта-шейха Фейзи Кефеве (см. выше), как двух ярких поэтов – современников хана-поэта Гази Герая II, упоминается в известной хронике XVIII в. – «Опоре известий» («Умдет ал-ахбар») Абдильгаффара Кырыми, при этом автор хроники отмечает, что и Фейзи, и Зихни были авторами поэтических «Диванов», содержавших стихи на трех языках (*эльсине-и селясе*) [Кырыми, 2014, с. 133].

Значительно больше сохранилось сведений

о присутствии османских авторов в столице османской провинции на территории Крыма – в городе Кефе, а также других населенных пунктах указанного эялета. Поэтов мы видим среди правителей провинции (бейлербеев), кефинских муфтиев и кадиев, а также более мелких чиновников. Так, бейлербеями Кефе в разные годы были Шехзаде Сулейман – впоследствии султан Сулейман «Кануни» («Законник», 1495–1566 гг., поэт с псевдонимом «Мухибби», обладатель «Дивана», бейлербей Кефе в 1509–1512 гг.) [Öztürk 2000, s. 148] и Зейнель Паша (ум. 1527/28, псевдоним: «Зейни», бейлербей в 1520-х гг.) [SO, 1996, с. 5, s. 1709]. Кефинским муфтием в 1580-х гг. был поэт Кара Кады-заде Махмуд (ум. 1597/98, псевдоним: «Медхи», обладатель «Дивана») [SO, 1996, с. 3, s. 936]. Кадиями Кефе были Шемседдин Челеби (ум. 1520) [SO, 1996, с. 5, s. 1579], Дервиш Мехмед Челеби (ум. 1531) [SO, 1996, с. 2, s. 413], Кучук Лутфизаде Мехмед (ум. 1588, псевдоним: «Нейли») [SO, 1996, с. 4, s. 1253]. Дефтердаром (*казначеем*) и секретарем дивана (*диван кятиби*) при дворе бейлербея Кефе в 1489–1504 гг. Шехзаде Мехмеда, сына султана Базиды II, были, соответственно, Зихни Челеби (ум. 1510-е гг., также мастер прозы – стилист-*мунши*) [SO, 1996, с. 5, s. 1713] и Шевки Юсуф Челеби (ум. 1500-е гг.) [SO, 1996, с. 5, s. 1596]. Наконец, Шабан Селики (ум. 1560-е гг.) некоторое время исполнял обязанности кадия в крепости Мангуп [Zülfe, 2009].

Литература XVII в. Основные направления крымскотатарской литературы ханского периода. В XVII в. крымскотатарская литература переживает период весьма плодотворного развития. Общий список поэтов и авторов различных произведений в прозе превышает пять десятков имен, при этом они представляют все три основных направления литературы того времени – дивана, суфийского (т. н. «*текие эдебияты*» – «литературы суфийской обители») и ашыкского. Ниже будут даны общие сведения об особенностях указанных литературных направлений.

С точки зрения истории формирования, обращенности к читательской аудитории и особенностей поэтики в крымскотатарской литературе ханского периода, по аналогии с литературой

османской, обычно выделяют три направления. Первым и наиболее значимым из них является т. н. *литература дивана* (*диван эдебияты*, от араб. «диван» – в значении «собрание поэтических произведений одного автора») [Akün, 1994]. В западном и русском литературоведении это направление более известно как *придворная (дворцовая) литература* (имеется в виду главным образом поэзия). В турецком литературоведении именно литература дивана, в отличие от «литературы суфийской обители» и ашыкской, считается классической. В настоящее время понятие «литература дивана» имеет по меньшей мере три различных толкования. В самом широком смысле под литературой дивана понимают всю письменную литературу данного периода: и поэзию (метрическую – арузную), и прозу, причем как религиозного, так и светского содержания. Второе, более традиционное понимание включает опять же и поэзию (метрическую) и прозу (за исключением различных жанров научной литературы), однако лишь светского содержания. Наконец, наиболее узкое понимание термина ограничивается лишь светской метрической поэзией: именно ее обычно называют классической, поскольку в период своего формирования она в значительной степени ориентировалась на образцы «классической» персидской поэзии [там же].

Литература дивана характеризуется наиболее обширным жанровым диапазоном, весьма жесткими рамками литературного этикета, а также исключительным богатством и утонченностью художественного языка. Наиболее многочисленная часть крымскотатарских авторов ханского времени являются представителями именно литературы дивана, прежде всего – поэзии. Проза в литературе дивана развивается на втором плане, однако и она представлена довольно многочисленным рядом различных жанров и жанровых разновидностей (проза историческая, занимательная, суфийская, эпистолярная, научная и т. д.). Одним из таких жанров, получивших особую популярность, была проза историческая (историографическая), подготовившая появление подлинно национальной исторической прозы уже в Новое время (в XIX–XX вв.).

Вторым направлением является т. н. «лите-

ратура суфийской обители» (текие эдебияты) [Bilgin, 2011]. Данная литература (поэзия и проза) представлена творчеством, главным образом, многочисленных духовных наставников (*шейхов*) и рядовых членов различных суфийских братств-*тарикатов*. Художественный язык, символы и образы этой литературы, ее достаточно сложный и утонченный этикет, как и суфизм в целом, оказали огромное влияние на формирование и развитие не только собственно религиозно-мистической литературы, но и в значительной степени определили характер и эволюцию многих жанров двух других литературных направлений – литературы дивана и ашыкской

Наконец, третье направление – *ашыкская литература (ашык эдебияты*, от арабского «ашык» – влюбленный), представленная творчеством народных поэтов – *ашыков (озанов, кедаев и т. п.)* [Albayrak, 1991; Karahan, 1991]. Представители данного направления сопровождали свои выступления игрой на струнно-щипковом музыкальном инструменте – *сазе* (иногда использовались и другие инструменты), отчего происходит и другое наименование этой литературы – *литература (поэзия) саза*. Совмещая в одном лице таланты стихотворца, певца, композитора и музыканта-исполнителя, ашыки пользовались огромной популярностью в народе. В своем творчестве они использовали традиционные формы тюркской поэзии (*кошма, календери, дестан* и т. д.), народный стихотворный метр *пармак* (или *эджа*), язык и стиль их произведений были доступны для широких масс простого народа. При этом в процессе своего развития ашыкская поэзия испытала определенное влияние как поэзии дивана, так и суфийской поэзии, в результате чего впитала в себя некоторые элементы, свойственные этим двум литературным направлениям. Ашыкская поэзия дала Крыму, как и всей тюркоязычной литературе в целом, легендарного поэта XVII в. – Ашыка Умера.

Говоря об основных направлениях крымскотатарской литературы ханского периода, необходимо отметить и то, что в творчестве некоторых авторов границы вышеуказанных направлений оказывались размытыми, вследствие чего ими создавались произведения, по своим характери-

стикам относившиеся к различным направлениям. В результате тот или иной автор в настоящее время может рассматриваться как представитель одновременно двух, а то и трех направлений. Иногда это происходило вследствие определенной эволюции, имевшей место в творческой биографии автора, а иногда отражало масштаб его творческой оригинальности. Ниже будут приведены примеры подобного смешения, наиболее яркими из которых является творчество того же Ашыка Умера, а также лирика крымского хана Мехмеда Герая IV.

Возвращаясь к литературе XVII в., отдельно проследим развитие поэзии и прозы.

Поэзия XVII века. Как было указано выше, список имен поэтов XVII века, известных из различных источников, достаточно внушительный, однако, как и в случае с авторами предыдущего столетия, большая часть из них известна лишь по псевдонимам или же по отдельным фрагментам творчества. Весьма характерным в этом отношении является пример из «Книги путешествия» Эвлии Челеби, дважды посетившего Крым именно в XVII веке (в 1640-е и 1666–1667 гг.). В главе, посвященной Бахчисараю, путешественник приводит длинный ряд имен поэтов, составлявших литературное окружение двух представителей правившей фамилии, также поэтов – хана Мехмеда IV и молодого принца Селима Герая (будущего хана Хаджи Селима Герая I), а также дает краткие характеристики некоторым из них. Так, Кастамони Абдульмумин Эфенди, исполнявший обязанности ханского *диван-эфенди* (делопроизводителя при *диване*) и бывший одновременно каллиграфом и художником, писал «замечательные касыды», ему принадлежали «самые лучшие и прекрасные произведения» среди творений придворных поэтов. Фазли Челеби не знал «равных в искусстве составления тарихов» (стихотворений в жанре поэтической хронограммы). Кыпти Челеби (другое прочтение имени: Фейзи Челеби), «достигший совершенства в десяти стилях чтения Корана и в науке астрологии», писал стихи, содержавшие «столько образов и глубоких мыслей, что это просто дозволенное волшебство» [Эвлия, 2017, с. 120]. Другими поэтами были ханский секретарь Неджати Челеби, подпи-

сывавшийся псевдонимом «Кятиби», Хасан Акай Эфенди, Лемьи Челеби, Мумин Эфенди (возможно, вышеупомянутый Кастамони Абдульмумин), Эрани Челеби (вариант прочтения: Дарати Челеби), Эмир Медхи Челеби, Недими Челеби и др. [там же, с. 121, 128]. В настоящее время сведения об этих поэтах, как и образцы их творчества, отсутствуют, за исключением Фазли Челеби, стихотворение с хронограммой которого на одной из построек Бахчисарая (датировано 1070/1659–60 г.) приводит тот же Эвлия Челеби [там же, с. 116].

Помимо этого, там же, в «Книге путешествия», главным образом как авторы поэтических текстов с хронограммами на различных архитектурных объектах, упоминается еще целый ряд поэтов рассматриваемого столетия: Рызайи, Селями, Кадри, Фетхи, Наим и др. [Eвлиya, 2003, s. 212, 230, 231, 242]. В настоящее время и об этих авторах, помимо отдельных стихотворений, приведенных Эвлией Челеби, также ничего не известно. При этом не исключено, что среди них могли быть и османские поэты, подобные упоминаемому выше Зихни или же Ибрахиму Джеври – известному стамбульскому поэту XVII века, имя и тексты с хронограммами которого также присутствуют в крымской части «Книги путешествия» [Эвлия, 2017, с. 61–63].

Данные примеры в очередной раз свидетельствуют о значительных лакунах, имеющих место в сегодняшних знаниях о литературных процессах в Крыму в ханский период, впрочем, есть основания считать, что в результате дальнейших исследований эти лакуны будут в определенной степени восполнены.

Это касается еще целого ряда поэтов, известных из других источников. По части из них, в том числе сыне Гази Герая II – поэте Хусаме Герае (ум. 1636, псевдоним: «Сейфи») [Öztuna, 1989, s. 530], внучке Гази Герая II (и дочери его зятя Ширин Мустафы) – поэтессе Хан-заде Етиме [Сейитяхья, 2004, с. 79], еще одном представителе ханской фамилии – Токтамыше Герае (калгай в 1678 г., отец поэта Шахина Герая, см. ниже) [Öztuna, 1989, s. 531], образцы творчества продолжают оставаться неизвестными до настоящего времени. Другой группе повезло больше – из их творчества известны отдельные фраг-

менты. Среди подобных авторов – крымский хан Джанибек Герай (ум. 1736) [Торташ, 2014, s. 12], дочь Гази Герая II и супруга хана-поэта Резми Бахадыра I – Хан-заде Ханым [Söylemez, 2017, s. 150], сын того же Гази Герая II – Саадет Герай (ум. 1636, псевдоним: «Ариф») [ODKE, 2000, s. 7], поэт с псевдонимом «Бахти» (автор одной из эпитафий (с хронограммой) на кладбище при Ханском дворце в Бахчисарае) [Бахчисарайские, 1850, с. 521–522], предполагаемый наставник легендарного Ашыка Умера – Кефеву Абдулькерим Шерифи [Ergun, 1936, s. 7], некий «крымский Саади» – Саади-и Кырыми (известна его касыда в 56 бейтов в честь хана Селима Герая I) [Торташ, 2014, s. 256–262], наконец, сам крымский хан Хаджи Селим Герай I (ум. 1704) – выдающийся правитель, человек разносторонних талантов, крупный меценат [ODKE, 2000, с. 136–137].

Еще более повезло еще одной группе поэтов, творчество которых сохранилось значительно полнее, причем уровень этого наследия, как и отдельные характеристики, данные этим авторам современниками, указывают на их значительный талант и вероятную плодовитость. Одним из таких авторов является представитель правившей династии – крымский хан Бахадыр Герай I (ум. 1641), писавший под псевдонимом Резми. Имя поэта было хорошо известно современникам и литераторам последующих веков: краткие биографические сведения о нем и отдельные фрагменты творчества присутствуют в трудах как крымских историков (в частности, у Ризы и Халима Герая), так и в османских источниках – антологиях *тезкире* (Ризы, Сафайи, Беллига и др.) и сборниках *меджмуа* [ODKE, 2000, с. 77]. Несмотря на то, что Резми прожил очень короткую жизнь, скоропостижно скончавшись от болезни в возрасте 40 лет, практически во всех источниках он как поэт упоминается с неизменным уважением: отмечаются его образованность, поэтическое мастерство (*уста*) и плодовитость [Altuner, 1989, s. 241–242]. Автор одной из османских антологий XVIII в. – Сафайи – указывает на наличие у Резми т. н. «упорядоченного» (*муреттеп ве мудеввен*) «Дивана», однако судьба его остается неизвестной [там же]. В настоящее

время наследие поэта составляет около тридцати газелей и отдельных двустиший (*матла*), при этом оно постоянно пополняется за счет стихотворений из различных поэтических сборников. Так, только в одной из антологий предположительно первой четверти XVIII в. (составитель – поэт с псевдонимом Таб'и), исследованной М. Акденизом, присутствует 15 газелей поэта, в том числе 14 – ранее неизвестных [Akdeniz, 2016, с. 89–95, 108, 175, 245–247, 257–258]. Стихи Резми проникнуты мотивами возвышенной любви и философских размышлений о превратностях судьбы, его лирику отличают утонченность художественного языка и богатая образность. Добавим, что некоторые из газелей Резми стали объектом многочисленных поэтических ответов и подражаний (*назире*) – как крымских, так и османских поэтов [Абдульвапов, 2020, с. 43; Akdeniz, 2016, s. 96]. Наряду с Газаи, Саидом и Халимом Гераями, Резми можно причислить к наиболее талантливым поэтам как правившей династии, так и всей крымскотатарской средневековой поэзии в целом.

Современником Резми, еще одним талантливым поэтом рассматриваемого периода, на этот раз представителем литературных кругов Кефе, был известный ученый, мудеррис и литератор Сейид Муса Келими (ум. 1644, Кефе) [ODKE, 2000, s. 83–84]. Будучи еще юношей, молодой поэт некоторое время жил в Стамбуле, посещал поэтические собрания с участием выдающихся османских поэтов и даже получил псевдоним от самого Баки [Şeyhi, 2018, s. 622–623]. Позже он некоторое время служил судьей и преподавал в медресе в различных городах Османской империи, после чего вернулся в родной город и был назначен муфтием Кефе. В нынешней Феодосии до сих пор сохраняется мечеть «Муфти-Джами» (1623–1637 гг.), построенная усилиями Сейида Мусы Кефеву, на что присутствует указание в том числе в «Книге путешествия» Эвлии Челеби (путешественник приводит текст поэтической надписи с хронограммой на внутренней стороне входных дверей, датированной предположительно 1032/1622–23 г.) [Эвлия, 2017, с. 196–197]. Здесь же, во дворе мечети, Сейид Муса и был похоронен в специальном мавзолее [Şeyhi, 2018, s. 622]. Его сын Эбульбека Мухибуддин Эйуб Ке-

феви (ум. 1684) стал одним из выдающихся османских ученых своего времени [Bursalı, 1990, s. 16]. До сих пор остается неизвестной судьба поэтического «Дивана» Келими, упоминаемого в ряде источников [Şeyhi, 2018, s. 622–623]. В настоящее время из наследия поэта известны 8 газелей и 4 *тахмиса* (из них три – на газели известного османского поэта XVI в. Нев’и), главным образом любовного, философского и религиозного содержания, подтверждающие свидетельства современников Келими о его значительном поэтическом мастерстве [ODKE, 2000, s. 83–84; Toptaş, 2014, s. 9, 471–472, 477–481].

Фрагменты творчества еще двух поэтов – суфийских шейхов, отца и сына Афифеддина Абдуллы и Абдульазиза – сохранились в хронике «Семь планет» Сейида Мухаммеда Ризы. Из них Афифеддин Абдуллах (псевдоним: «Афифи», ум. 1640 [?]) был сыном прославленного крымского шейха Ибрахима, сына Ак-Мехмеда (ум. 1592/93), а впоследствии и сам стал известным религиозным деятелем и ученым своего времени. По сведениям автора «Семи планет», Афифеддин совершенствовал образование в Стамбуле, там же некоторое время преподавал в османских медресе, в том числе в знаменитом Сахн-ы Семан. Вернувшись в Крым, исполнял обязанности кадия в Судаке, Мангупе и Кефе, после чего был назначен на пост кефинского муфтия. После отставки Афифеддин Абдуллах поселился в селении Сейид-Эли между Кафой и Старым Крымом (ныне с. Журавки Кировского р-на), основал здесь суфийскую обитель и возглавлял её до конца своей жизни [Риза, 1832, с. 152–157]. Фрагменты поэтического творчества – несколько газелей суфийского содержания – были записаны автором «Семи планет» и в последнее время неоднократно публиковались, в том числе в переводах на русский и украинский языки [ODKE, 2000; Грёзы, 1999; Окрушина, 2003].

Сын шейха Афифеддина Абдульазиз (1611–1694/95 [?]) так же стал известным суфийским шейхом и поэтом (псевдоним: «Иззи»). По сведениям, приводимым автором «Семи планет», достигнув сорока лет, он решил пройти курс мистицизма у известных суфийских наставников.

Абдульазиз отправился в Стамбул, однако судьба забросила его в г. Синоп, где он прошел курс суфийской науки и практики у местного шейха Ахмеда Синопского. Получив посвящение, Абдульазиз некоторое время наставничал в Синопе, после чего вернулся в Крым и возглавил отцовское текие [Риза, 1832, с. 215–218]. Искренняя религиозность и полное равнодушие к материальным благам способствовали росту популярности шейха в глаза современников, чем решил воспользоваться крымский хан Хаджи Герай (1683–1684), назначив его на должность крымского кадиаскера [там же, с. 191]. Данное назначение подтверждается материалами крымских кадиаскерских тетрадей: так, судя по отметке в начале тетради № 26, относящейся к периоду с февраля 1683 – по июнь 1684 гг., дела, содержащиеся в указанной тетради, рассматривались именно «Абдульазизом, сыном шейха Абдуллаха, сына Ибрахима», в период правления хана, «султана, сына султана», эль-Хадж (Хаджи) Герай-хана, сына Кырым Герай-султана [Cihan, Yılmaz, 2004, s. 150]. В конце жизни в окружении родственников, друзей и учеников шейх Абдульазиз отправился в хадж в Мекку, там же, в Хиджазе, он и умер [Риза, 1832, с. 215–218].

По преданию, большую часть времени шейх Абдульазиз предавался молитвам и медитации, а в свободное время сочинял стихи [там же]. К сожалению, из его творчества в настоящее время известно немного. Некоторые из его стихотворений, представляющие собой образцы суфийских *тевхидов* с мотивами божественной любви и духовного самосовершенствования, а также написанные в жанре *нутук* (от ар. «слово», «речь») – поэтических наставлений шейха (муршид) вступившему на Путь ученику (*салик*), были записаны автором «Семи планет». В последнее время они неоднократно публиковались, в том числе и в переводах на русский и украинский языки [ODKE, 2000; Грёзы, 1999; Окрушина, 2003]. Помимо суфийской лирики, известно еще одно произведение Иззи – хвалебная ода (касыда) в честь известного современника поэта – выдающегося ученого Эбульбека Мухибуддина Эйуба Кефеви (см. выше) [Toptaş, 2014, s. 245–246]. Уровень поэтического мастерства,

продемонстрированного шейхом в этих стихотворениях, дает основание ожидать от Иззи многочисленных других произведений.

Творчество еще одного поэта – Шахина Герая-султана (ум. 1717, сына Токтамыша Герая-султана, также поэта), в 1691/92 гг. – нуреддина при хане Сафа Герае, пришлось на последнюю четверть XVII – нач. XVIII вв. [Абдульваап, 2007а]. Особую известность Шахину Гераю (псевдоним: «Шахи») принесла виртуозно написанная газель – образец визуальной поэзии (циклическая ода в виде цветка) с элементами палиндрома, эта форма в восточной поэзии известна как «кальб» (от ар. «центр», «сердце») [Tahir'ül-Mevlevi, 1994, s. 83]. Уже в начале XVIII века газель стала объектом подражаний в среде османских авторов, укажем, в частности, на *тесдис* Сакиба Деде (ум. 1735). Позже, в 1856 г., этот *тесдис* был опубликован в переводе на немецкий язык в известном труде по истории Крымского ханства Хаммер-Пургштала [Hammer-Purgstall, 1856, p. 255–258], а в 1861 г. газель Шахина увидела свет в переводе на английский язык (с комментариями) в лондонском «Журнале Королевского азиатского общества» [Redhouse, 1861]. В начале XX в. известный американский литературовед Дик Хиггенс включил визуальное изображение газели Шахи и сведения о ней (лишь неверно приписав стихотворение последнему крымскому хану Шахину Гераю) в изданную им монографию по истории визуальной поэзии с античных времен по XVIII в., причем в данном издании газель является единственным произведением, представляющим данный жанр в тюркоязычной поэзии [Higgins, 1987, p. 165–166].

Газель в форме «кальб» присутствует и в «Семи планетах» Сейида Мухаммеда Ризы – собственно, именно в этом источнике мы находим наиболее подробные сведения о поэте. Так, Риза отмечает, что Шахин был большим любителем цветов и, превратив селение, в котором жил, в подобие райского сада, даже распоряжения по поводу посадки цветов писал в стихах [Риза, 1832, с. 208]. Здесь же приведены и другие образцы его творчества, в частности, одна газель в жанре *мулемма* (в данном случае, на трех языках

Шахин Герай (ум. 1717). Газель в форме «кальб» (образец визуальной поэзии с элементами палиндрома). См.: Higgins, Dick. *Pattern Poetry. Guide to an Unknown Literature*. New York, 1987. P. 166

– тюркском, арабском, фарси), а также касыда в честь упоминавшегося выше хана-поэта Хаджи Селим Герая I [там же, 1832, с. 205–207]. Добавим, что в османских антологиях Сафайи, Салима и Белига присутствуют и другие стихотворения Шахина, в частности, элегия с хронограммой (*тарих*) на смерть османского поэта-мевлеви и каллиграфа Дервиша Фасиха (ум. 1699), еще одна любовная газель и др. [Altuner, 1989, s. 424–425].

Говоря о крымскотатарской литературе XVII в., необходимо особо сказать о крымском хане-поэте Мехмеде Герае IV (ум. 1674, псевдонимы: «Хани» и «Кямиль»), творчество которого представляет собой достаточно редкий пример совмещения в лирике одного автора элементов, присущих всем трем основным направлениям поэзии того времени. Если же принять во внимание, что автор принадлежал к правившей династии, то это обстоятельство привлекает еще больший интерес. Как было указано выше, Эвлия Челеби отмечает наличие у него «Дивана» стихов, напи-

санных на «чагатайском языке» и подписанных псевдонимом «Хани» [Эвлия, 2017, с. 111–112]. Это свидетельство Челеби дает основание предполагать присутствие в творчестве Мехмеда IV образцов поэзии дивана. Однако, ныне в распоряжении исследователей имеется лишь 12 стихотворений поэта (судьба «Дивана» неизвестна), написанных в форме *кошма* и *шаркы*, практически все – народным (силлабическим) размером *пармак*, и относящихся к двум другим литературным направлениям – ашыкскому и суфийскому (*текие шишири*) [Tansel, 1967; Tansel, 1971]. О подобных стихах было известно еще крымским историкам Сейид Мухаммеду Ризе и Халиму Гераю, отмечавшим наличие у Мехмеда стихов в жанре *ияхы* (жанр суфийской поэзии. – Н. А.) и других стихов, написанных с использованием тюркского народного метра (*evzân-ı Türki*), и именно по этой причине бывших, по мнению указанных авторов, «недостойными того, чтобы быть записанными» [Halim Giray, 2013, s. 62]. Позже на это же было обращено внимание и М. Ф. Копрюлю, который, анализируя одно из стихотворений Кямиля из рукописного сборника из личной коллекции, охарактеризовал его как «прекрасный образец, вобравший в себя особенности ашыкской поэзии» [Tansel, 1967, с. 648].

Ныне именно эти стихи Мехмеда Герая IV (в народной манере) представляют наибольший интерес, тем более, что выполнены они на достаточно высоком техническом уровне и в художественном отношении являются одними из наиболее проникновенных образцов поэзии ханского времени в целом [ODKE, 2000, s. 97–115]. Ряд из них дает основание предположить, что написаны они были в заключительный период жизни поэта, проведенный отстраненным от престола ханом обычным дервишем в Дагестане. Стихи передают состояние неподдельной драмы, переживаемой поэтом, его глубокого одиночества, усталости и тоски, пронизаны жалобами на жестокость судьбы, несовершенство и греховность человеческой природы, содержат мотивы искреннего покаяния и мольбы, взволнованного обращения к Творцу, как единому истинному источнику милости и сострадания. Не лишены данные стихи и мотивов назидания, призывов

не доверять бренному миру, пробудиться от «сна беспечности», очнуться от «небытия». Присутствуют в них также и непосредственно суфийские мотивы – благодарности Творцу за посвящение в тайны духовной науки *марифет*, рядом с которой ничто «все богатства Османов», за постижение в глубинах собственного бытия великой истины *хаккит* и т. п. [Tansel, 1967]. Подписаны эти стихи уже не псевдонимом «Хани» (притяжательное прилагательное от «хан»), который, надо полагать, использовался поэтом ранее, в стихах в манере *дивана*, а псевдонимом с весьма характерной суфийской окраской – «Кямиль» («Совершенный»).

Еще один важный аспект творчества Мехмеда IV, на этот раз именно той части, о которой пишет Эвлия Челеби, – это использование им «чагатайского» языка. Можно предположить, что, по аналогии с творчеством Газаи, под последним подразумевался не только, собственно, язык Алишера Навои, подражания (*назире*) которому были весьма популярными на протяжении многих столетий, но и местный язык – крымскотатарский. В этом отношении весьма ценными являются фрагменты «Книги путешествия», в которых автором передана прямая речь Мехмеда IV – на «татарском языке» (*лусан-ы татар*), в частности, короткая речь перед крымским войском накануне одного из сражений [Evliya, 2003, s. 195]. В любом случае, свидетельства Эвлии Челеби указывают на то, что, несмотря на сильное влияние османского литературного языка, в Крыму продолжали развиваться более ранние поэтические традиции.

Наряду с указанными поэтами, в творчестве которых преобладали традиционные жанры любовной, философской и религиозно-суфийской лирики, произведения еще двух авторов рассматриваемого периода – Талиби Кефеви и Джанмухаммеда – были написаны на исторические темы. И если личность первого автора практически неизвестна и труд его посвящен главным образом османской истории (с вкраплением крымских сюжетов), то имя второго получило широкую известность и его произведение посвящено событиям непосредственно истории Крыма.

Биографические сведения о Талиби Кефеви (1-я пол. XVII в.) в настоящее время отсутству-

ют, он известен как автор истории османской династии в стихах – «*Теварих-и Ал-и Осман*», охватывающей период с конца XIII в. по начало XVII в. В поэме, написанной в форме *месневи*, кратко описаны события (в основном военные кампании и завоевания), имевшие место в правление османских султанов, начиная с основателя государства Султана Османа Гази (1299–1326) до Ахмеда I (1602–1617), причем дата восхождения на престол каждого султана выражена в форме поэтической хронограммы [Векташ, 2011, с. 11]. По свидетельству исследовавшего памятник Э. Бекташа, произведение представляет собой наиболее ранний образец в своем жанре [там же]. Рукопись произведения сохраняется в стамбульской библиотеке Сулеймание, труд остается неопубликованным, лишь небольшой его фрагмент был приведен в упоминавшейся выше монографии И. Х. Эртайлана [Ertaylan, 1958, s. 20]. В поэме присутствует раздел под названием «Рассказ о крымском хане» («*Хикает-и Хан-ы Кырым*»), описывающий события, последовавшие за смертью Гази Герая II (в конце 1607 г.), а именно – борьба за ханский престол между его сыном Тохтамышем (хан в 1607–1608 г.) и Селяметом Гераем (хан в 1608–1610 гг.) [там же].

Что же касается Джанмухаммеда, ему суждено было стать одним из наиболее известных на сегодня крымских поэтов дивана. Перу данного автора принадлежит хорошо известный в научных кругах памятник крымскотатарской поэзии ханского периода – поэма, повествующая о событиях казацко-крымской войны против Речи Посполитой в сер. XVII в. (в украинской историографии именуемой Национально-освободительной войной украинского казачества под руководством гетмана Б. Хмельницкого против шляхетской Польши) и условно названная по имени главного героя – «Тогай-бей» (подлинное название произведения остается неизвестным по причине того, что при обнаружении рукописи произведения отсутствовал ее первый лист) [Акчокраклы, 1930]. Как известно, ряд наиболее важных сражений этой войны (в частности, при Желтых Водах (Сары-Су) и Корсуне) был завершён победой союзнических войск именно благодаря присутствию крымской конницы.

Поэма была обнаружена известным крымскотатарским историком и литератором О. Акчокраклы в одном из прибрежных сел в Восточном Крыму во время историко-этнографической экспедиции Бахчисарайского Ханского дворца-музея в 1925 году. Рукопись вызвала значительный интерес как в Крыму, так и в научных кругах Украины, в результате чего О. Акчокраклы, по некоторым сведениям, был приглашен для чтения докладов о своей находке в Харьков (в те годы столица Украинской ССР) и Киев, в том числе в Академию наук УССР [Шемьи-заде, 1974, с. 102]. В 1930 г. при содействии академика А. Крымского им же была напечатана и подробная статья о поэме в сборнике «Студії з Криму».

Во 2-й половине 1930-х гг. над поэмой, помимо О. Акчокраклы, работали молодые крымскотатарские ученые А. Фетислямов и К. Решидов (см. выше). Было запланировано издание произведения, однако этому помешало начало Великой Отечественной войны. В настоящее время все материалы, связанные с поэмой, прежде всего ее рукописные списки, считаются утерянными, в распоряжении специалистов имеются лишь несколько фрагментов текста (общим объемом около пятидесяти двустушиий), опубликованных в статье А. Фетислямова в одном из довоенных крымскотатарских литературных журналов. Указанные фрагменты содержат весьма яркие описания заседания польского сейма перед началом военной кампании 1648–1654 гг., в частности, речей короля Владислава IV и коронного гетмана Николая Потоцкого, прибытия казацкого посольства в Бахчисарай, сражения под Желтыми Водами, у крепости Бар и т. д., дающие общее представление о языке, стиле и идейной направленности произведения [Фетислямов, 1939].

Судя по данным фрагментам и описаниям поэмы работавших с ней исследователей, произведение было написано в форме *месневи*, наиболее часто использовавшейся для написания крупных стихотворных полотен на любую тематику, и состояло из семнадцати глав общим объемом более 946 двустушиий. С точки зрения жанра, произведение можно охарактеризовать как *газават-наме* (от ар.-перс: «газа» – война за веру, «наме» – письмо, поэма) [Акчокраклы, 1930; Фетислямов, 1939]. В

поэме воспеты отвага и доблесть главных героев этих событий – выдающегося крымскотатарского военачальника, коменданта крепости Ор-Капы (Перекоп), Аргинского мурзы Тогай-бея, его брата – Султан-Гельди Мурзы, гетмана запорожских казаков Б. Хмельницкого, крымского хана Ислама Герая III, его калги Кырыма Герая и др. Представителями противоположного лагеря выступают польский король Владислав IV, коронный гетман Николай Потоцкий, его сын Стефан, другие военачальники. Поэма завершается смертью главного героя поэмы – Тогай-бея (случившейся предположительно в 1651 году).

Оценивая произведение, необходимо отметить, что речь идет о, несомненно, весьма значительном историко-литературном памятнике ханской эпохи. Это объясняется и тем, что поэтических описаний крупных военных кампаний в крымскотатарской литературе того периода в настоящее время известно немного, к тому же главными персонажами поэмы Джанмухаммеда являются наиболее известные представители крымско-польско-украинской политической и военной элиты того времени. Обращает на себя внимание и художественное мастерство автора, особенно в описании батальных сцен, а также общий пафос произведения, пронизанного мотивами патриотизма, доблести и отваги. Добавим также, что события, ставшие темой для данной поэмы, вызвали к жизни целый ряд других крымскотатарских литературных и фольклорных памятников, причем как в стихах, так и в прозе [Акчокракли, 1930].

Особая страница в истории крымской литературы XVII века – ашыкская поэзия, представленная творчеством выдающегося поэта Ашыка Умера (ум. 1707), считающегося в настоящее время наиболее именитым представителем не только крымскотатарской поэзии саза, но и всей тюркоязычной ашыкской поэзии в целом. Изучением творчества поэта занимались как наиболее известные крымскотатарские, так и турецкие исследователи, ими были даны чрезвычайно высокие оценки таланта поэта и значимости его творчества в истории ашыкской поэзии. Так, М. Ф. Копрюлю называет его «наиболее прославленным поэтом саза за всю историю разви-

тия этой литературы» [Köprülü, 1962, s. 260], а Ш. Эльчин высказывает мысль, что по популярности Ашыка Умера можно сопоставить разве что с легендарным анатолийским суфийским поэтом XIII–XIV вв. Юнусом Эмре [Elçin, 1987, s. 15]. По единодушному признанию многочисленных исследователей, влияние Ашыка Умера на современников и поэтов-ашыков всех последующих поколений трудно переоценить [Ergun, 1936, s. 81]. Особо отмечается, что в историю ашыкской поэзии Ашык Умер вошел и как один из наиболее плодотворных ее представителей: в настоящее время ему приписывается авторство около 2000 произведений [Güngör, 1999, s. 420]. Добавим, что он является и одним из наиболее публикуемых ашыкских поэтов, последнее издание его произведений содержит около 1500 стихотворений и поэм [Aşık Ömer, 2010].

Ашык Умер – поэт редкого дарования и высокой профессиональной поэтической культуры, мастер, одинаково владевший обширным арсеналом форм и художественных средств как собственно народной поэзии, так и строго классической поэзии дивана. В жанровом отношении творчество Ашыка Умера охватывает весьма широкий диапазон, могущий составить своего рода хрестоматию значительного числа основных жанров и жанровых разновидностей (*тюр*) всех трех главных литературных направлений того времени. Среди его стихотворений присутствуют многочисленные образцы любовной лирики, т. н. «чужбинные» стихи (*гурбет шиирлер*), описания природы (*бахарие, неврузие*), панегирики (*медхие*), эпитафии (*мерсие*), образцы военно-походной лирики (*газаватнаме*), описания городов (*шехренгиз* – Стамбула, Бурсы, Варны, Синопа и др.), многочисленные примеры назидательной лирики (*насихатнаме, ибретнаме* и др.), критики социальных устоев и индивидуальных человеческих недостатков (*хиджвие*), образцы религиозно-суфийской лирики (*тевхид, мунаджат, нат, иляхи, рамазание, саяят-наме, вуджуднаме, деврие, аетнаме*) и др. Присутствуют в творчестве поэта образцы и т. н. «технических» жанров, в частности, поэтических загадок *муамма и люгаз*, в том числе в форме акростиха. Среди народных поэм *дестанов* привлекают внимание произведе-

дения в жанре *текерлеме*, а также поэтического диспута *муназара* и т. п. Одним из наиболее значительных произведений поэта и одновременно наиболее ранним примером жанра в рамках ашыкской поэзии является его «Поэма о поэтах» («*Шаир-наме*»), содержащая имена (псевдонимы) и краткие характеристики творчества около 170 поэтов прошлого и современности и свидетельствующая о широчайшей литературной эрудиции автора [Ergun, 1936, s. 431–434].

Таким же разнообразием отличается и использование Ашыком Умером различных поэтических форм – как традиционной тюркской народной поэзии (*кошма*, *семай*, *календери*, *дестан* и др.), так и придворной поэзии дивана (*газель*, *мурабба*, *мухаммес*, *муседдес*, *мустезад* и др.) [Ergun, 1936].

Ашык Умер – выдающийся поэт, воспевающий в своем творчестве идеалы любви, высокой духовности, человеческого достоинства и т. д. Уже при жизни он был признан мастером (*устад*), лирика его на многие столетия стала объектом подражания [там же, s. 79–95]. Принимая во внимание значительный диапазон жанрово-тематического разнообразия творчества поэта, его своего рода поэтическую универсальность, объединившую особенности всех основных литературных направлений того времени, доступность и простоту языка (при всей его неизменной художественности), Ашыка Умера можно с полным правом назвать крупнейшим подлинно народным поэтом, творчество которого было обращено к самым широким слоям общества того времени, отразило все его надежды и чаяния и, в свою очередь, нашло в нем горячий народный отклик и признание.

Говоря об Ашыке Умере, нельзя не сказать и о дискуссиях, периодически возникающих в литературоведческих кругах Турции, относительно вопросов этнической принадлежности и места рождения поэта. Очередная такая дискуссия имела место накануне и после издания «Дивана» Ашыка Умера в 2010 году. Составителями «Дивана» была сделана попытка в очередной раз объявить поэта выходцем из анатолийского селения Коруалан (прежнее название – Гезлеви) под Коньей [Aşık Ömer, 2010]. При этом приведенные авторами аргументы выглядят крайне

неубедительно, более того, ими не дана оценка источников – как крымских, так и османских, указывающих на крымское происхождение поэта. В частности, оставлен без внимания такой важный источник, как труд преподавателя музыки султанской придворной академии Эндерун Эмина Эфенди, посвященный известному стамбульскому ученому-интеллектуалу XIX в. Кетхуда-заде эль-Хадж Мехмеду Ариффу («*Kethudâ-zâde Efendi'nin Tercüme-i Hâline Zeyl-i Âcizânemdir*») и изданный в Стамбуле в 1877 году [Emîn Efendi, 1877]. Согласно одному из преданий, приведенных в данном издании, родным городом Ашыка Умера был именно крымский город Гёзлеве, а не вышеупомянутое анатолийское селение со схожим названием [Emîn Efendi, 2007 s. 170].

Источником определенной путаницы в данном вопросе может быть факт существования целого ряда поэтов с именем «Ашык Умер»: по меньшей мере на 5–6 подобных поэтов в свое время указывал С. Н. Эргун [Ergun, 1936, s. 54–55]. При этом все данные авторы хронологически значительно удалены от нашего Ашыка Умера и относятся к концу XVIII–XIX вв., в связи с чем особую актуальность приобретают наиболее ранние рукописные сборники стихотворений поэта, датируемые 1728 (список из библиотеки стамбульской суфийской обители Яхья Эфенди) и 1783 («Диван» поэта, составленный Хафызом Хусейином Айвансарайлы) годами и содержащие, соответственно, по 1136 и 1242 стихотворения поэта [там же, s. 15–16].

Проза XVII века. Если говорить о прозе XVII века, она представлена главным образом историографическими памятниками. В отличие от предыдущего столетия, в XVII в. было создано по меньшей мере три труда в соответствующем жанре, помимо этого еще три произведения охватывают период с конца XVII по начало XVIII вв. Часть из этих трудов сохранилась, судьба некоторых неизвестна, ниже они будут кратко представлены в хронологическом порядке.

Наиболее ранней известной хроникой столетия является труд Абдуллаха б. Ридвана (ум. в 1640-е гг. [?], поэтический псевдоним: «Абди») – «Летопись Кипчакской степи» («*Теварих-и Дешт-и Кипчак*») – укрепившееся краткое название

труда, его более полное, оригинальное название известно в двух вариантах: «*Теварих-и Дешт-и Кипчак ан Хитта-и Кырым*» и «*Теварих-и Татар Ханан-ы Кадим ве Ахвал-и Дешт-и Кипчак*») [Tevârih-i Deşt-i Kırçak, 2012]. Автор был сыном османского наместника в Кефе – бейлербея Ридвана-паши (назначен в 1019/1610–11 г.), имел, судя по всему, анатолийское происхождение, последующая жизнь его с Крымом никак не была связана, труд, по аналогии с «Историей» Реммалы-Ходжи, по праву считается важным памятником крымской историографии.

«Летопись Кипчакской степи» датируется предположительно 1638 годом [Зайцев, 2009, с. 83]. Труд известен в двух рукописных списках, хранящихся в Национальной библиотеке Франции (Париж) и собрании рукописей Дворца Топкапы в Стамбуле (вторая рукопись была переписана в 1192/1778 г. писцом (*кятиб*) соборной мечети Нур-и Османи (Стамбул) Османом ал-Кырыми, т. е. выходцем из Крыма) [Зайончковский, 1969, с. 14]. Впервые был издан А. Зайончковским в Варшаве в 1966 г. (в арабской графике), с приложением французского перевода 1737 г., выполненного воспитанником Школы восточных языков для драгоманов в Стамбуле Пьером Делонэ [Zajackowski, 1966, с. 11]. Значительно позже, в 2012 г., труд увидел свет в Турции – в транслитерации на латиницу М. А. Эрдогру и С. Уйсала, с приложением факсимиле стамбульской рукописи [Abdullah İbn Rıdvan, 2012]. Это издание в 2016 г. было повторено под редакцией С. Уйсала – с приложением перевода на современный турецкий язык и французских комментариев [Tevârih-i Deşt-i Kırçak, 2016].

Труд состоит из нескольких частей и содержит описание событий, имевших место в истории Крыма в период со 2-й пол. XIII в. (период Золотой Орды) – по 1047/1637–38 г. – время правления османского султана Мурада IV (1623–1640) [Зайончковский, 1969]. При этом золотоордынский период представлен более легендами и преданиями о величии г. Кырыма и богатстве его жителей (в хронике приведены предания о двух легендарных мечетях города – построенной по указанию султана Египта и т. н. «Мускусной»), а также предание о знаменитом крымском шейхе –

Кемале Ата). Более подробно описаны события, происходившие в период Крымского ханства, особое внимание в труде уделено обстоятельствам крымской смуты 20-х гг. XVII в. – борьбе за ханский престол между Джанибеком Гераем (хан в 1610–1623 и 1628–1635 гг.) и Мехмедом Гераем III (хан в 1623–1628 гг.). Определенное участие в этих событиях принимал и отец автора – наместник Кефе Ридван-паша. Сведения, переданные с его слов, а также непосредственно личные наблюдения автора хроники составляют одни из наиболее интересных сторон труда.

Говоря о литературных особенностях труда, Н. Сейтягьяев характеризует жанр произведения как «*теварих*» – один из трех наиболее распространенных жанров в историографической прозе ханского времени (см. выше). Как отмечает исследователь, образцы этой разновидности исторических хроник являются «многоплановыми произведениями сложной композиции, своеобразными историко-литературными эпопеями, которые излагают исторические события в государстве в тесной связи с историей правящей династии и охватывают несколько столетий» [Сейтягьяев, 2009, с. 141].

Что касается языка и стиля сочинения, впервые на них было обращено внимание уже А. Зайончковским. Так, востоковед отметил частое использование автором рифмованной прозы (*садж*), «насыщенной плеоназмами (т. е. оборотами речи, в которых совершенно излишне повторяются слова, одинаковые или близкие по значению. – Н. А.), арабско-персидской фразеологией стиля ориентального барокко» [Зайончковский, 1969, с. 21]. Помимо этого, А. Зайончковский обратил внимание на значительное число поэтических вставок в сочинении, более того, указал на один из источников некоторых из этих «афористических притч, приводимых автором в виде иллюстраций», а именно – широкоизвестный памятник персидской дидактической литературы – поэму Саади «Гулистан» [там же, с. 22]. Помимо вставок на фарси, в сочинении присутствуют поэтические фрагменты и на тюркском (османском) языке, в том числе и собственного авторства Абдуллаха ибн Ридвана.

Помимо данного труда, события, связанные с Крымом, присутствуют еще в одной извест-

ной хронике Абдуллаха ибн Ридвана – «Истории Египта» («*Тарих-и Мыср*»). Данный источник интересен и с точки зрения истории крымскотатарской придворной поэзии – именно в нем присутствует единственный на сегодня известный образец поэтического творчества крымского хана Сахиба Герая I [Герайбай, 1935, с. 20].

Своего рода хронологическим продолжением «Летописи Кипчакской степи» Абдуллы ибн Ридвана служит труд под названием «Таквим» («Календарь») еще одного историографа этого столетия – некоего Хейри-заде (предположительно, 1-я пол. XVII в.). Об авторе в настоящее время ничего неизвестно, судьба его труда также остается неизвестной, упоминание о нем присутствует у Ризы, позже, со ссылкой опять же на «Семь планет», о хронике упоминал и В. Д. Смирнов [Смирнов, 1887, с. XII, 524]. Судя по отрывкам, цитируемым Ризой, труд Хейри-заде был посвящен событиям крымской истории периодов правления Бахадры Герая I (1637–1641) и первого правления Мухаммеда Герая IV (1641–1644), завершаясь низложением последнего и восшествием на престол Ислама III (летом 1654 г.) [Сейтягъев, 2009, с. 117].

О литературных особенностях памятника в настоящее время сказать что-либо сложно. По названию труда и характеристикам, даваемым Ризой, Н. Сейтягъев делает предположение, что он был написан в форме «календарной истории» – «*таквим тарихы*». Особенности подобных произведений были «краткость записей и охват самых важных и ярких событий, связанных с тем или иным правителем: его рождением, восхождением на престол, важнейшими военными победами» [Сейтягъев, 2009, с. 117]. Опять же, на основании сведений Ризы, Н. Сейтягъев предполагает, что произведение было написано изысканным османским языком, который характерен для османских и крымскотатарских сочинений XVII в. [там же].

В связи с трудом Хейри-заде необходимо сказать еще об одном историографическом труде ханского времени, упоминаемом в исследованиях по данной проблематике. Речь идет об «Истории» («*Тарих*») некоего Хайдар-заде, впервые упомянутой Халим Гераем [Halim Giray, 2013,

s. 31]. У более поздних авторов, в частности у М. Т. Бурсалы, Хайдар-заде ассоциируется с известным кефинским шейхом, автором поэтического «Дивана» и ряда религиозно-суфийских трактатов в прозе – Мехмедом Фейзи Хайдер-заде Кефеве (см. выше) [Bursalı, 1990, s. 11]. При этом не может не обратить на себя внимания следующее обстоятельство: Хайдер-заде отсутствует у Ризы, использующего, как было указано выше, труд Хейри-заде, у Халима Герая же, активно использующего хронику Ризы, упоминание о Хейри-заде отсутствует, при этом упоминается труд Хайдар-заде, абсолютно не известный по другим источникам. Добавим также, что имя Хайдар-заде у Халима Герая присутствует исключительно во вступлении (в списке источников), в результате чего мы не можем точно знать, какими фрагментами его предполагаемого труда воспользовался Халим Герай.

Можно предположить, что у Халима Герая или же у его переписчиков произошла некоторая путаница по причине схожести имен: вместо имени Хейри-заде было использовано имя хорошо известного в Крыму шейха-поэта Мехмеда Фейзи Хайдар-заде. Это предположение подкрепляется и тем аргументом, что исследовавшим творчество шейха Мехмеда Фейзи М. Эфлятуном никаких следов его историографического труда обнаружено не было [Eflatun, 2003, s. 14]. Наконец, труд Хейри-заде не может быть трудом Фейзи Кефеве по определению, поскольку в труде Хейри-заде описываются события 1630–1640-х годов, Фейзи же умер в 1614 году.

Следующим по хронологии является труд Крымлы Хаджи Мехмеда Сенаи – «История хана Ислама Герая» [Senai, 1971]. Автором хроники является стилист (*муниши*) крымского Дивана, кадий и поэт Мехмед Сенаи, труд содержит описание крымских событий в период с 1644 по 1651 годы. В центре внимания автора – военные походы крымских войск совместно с запорожскими казаками под началом гетмана Б. Хмельницкого против Речи Посполитой в 1648–1650 гг. [Абду-жемилев, 2016г]. Труд был написан в 1651 г. по заказу известного крымского визиря Сефер-Гази Аги, в его предисловии автор пишет о своем намерении вписать имя крымского хана Ислама

Герая III в «Книгу царей» – «Шахнаме» «рода Чингизова» [Сенаи, 1998, с. 4].

«История хана Ислама Герая» сохранилась в единственной рукописи, ныне хранящейся в собрании Британского музея. Летопись впервые была издана в Варшаве в 1971 г. З. Абрахамовичем (на арабской графике) [Senai, 1971]. Позже был осуществлен ее перевод на русский язык, а также транслитерация на латиницу [Сенаи, 1998; Туранлы, 2000]. При этом переводчиком труда на русский язык, известным крымским исследователем К. Усеиновым (Конураглы) была высказана мысль о том, что автором труда мог быть вышеупомянутый поэт Джанмухаммед – автор поэмы «Тогай-бек» [Сенаи, 1998, с. 3]. Литературные особенности хроники были рассмотрены в монографии Н. Сейтягьяева «Крымскотатарская историческая проза» [Сейтягьяев, 2009]. Еще позже труд стал темой диссертационного исследования Р. Абдужемилева, опубликованного в 2016 г. монографию «Хроника Мехмеда Сенаи как памятник крымскотатарской художественной литературы XVII в.» [Абдужемилев, 2016 г.]. Помимо этого, литературных аспектов труда касались и другие известные авторы [Зайцев, 2009; Галенко, 2001].

Говоря о жанре произведения, исследователями было отмечено присутствие в произведении элементов целого ряда стилистических разновидностей историографической прозы того времени [Зайцев, 2009, с. 130–131; Абдужемилев, 2016, с. 51–54]. Так, не вызывает сомнений, что хроника является образцом жанра панегирика – в данном случае в адрес хана Ислама Герая III, а также его визиря Сефер-Гази Аги, по чьему заказу она и создавалась [Зайцев, 2009, с. 130]. Помимо этого, Н. Сейтягьяев предложил считать произведение Сенаи образцом жанра *шах-наме* – по аналогии с известной поэмой Фирдоуси, на что, к слову, присутствует указание и в самом произведении (см. выше) [Сейтягьяев, 2009, с. 141–142]. Наконец, по справедливому замечанию А. Галенко, произведение можно считать характерным образцом жанра *газа-наме* (см. выше), поскольку основным содержанием произведения являются именно победоносные сражения мусульманского правителя [Галенко, 2001, с. 188].

Композиционно произведение состоит из авторского предисловия и двадцати глав различного объема, которые можно объединить в стандартные сюжетно-композиционные блоки (экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация, развязка), создающие эффект целостности произведения [Абдужемилев 2016 г, с. 54]. При этом основное место в сюжетной линии хроники занимают военные походы крымских татар и запорожцев на территории Речи Посполитой, кульминацией которых являются штурм Зборовской крепости и последовавшее за этим поражение польского войска [там же, с. 56]. С развитием сюжетной линии значительно расширяется и система персонажей произведения, основными из которых являются представители крымскотатарской военно-политической элиты: хан Ислам Герая III, сераскер Тогай-бек, визирь Сефер Гази Ага, калга Кырым Герая и др., их образы в значительной степени способствуют раскрытию автором основной идеи произведения – описать триумф крымского войска [там же, с. 54].

С точки зрения особенностей художественного языка и стиля труда Сенаи, в нем присутствуют многие элементы, свойственные образцам данного жанра, а именно: частое использование рифмованной прозы, поэтических вставок, в том числе на фарси и собственного авторства Сенаи, различных художественно-выразительных средств (эпитетов, метафор и др.) и т. п. При этом присутствуют и определенные особенности художественного пера Сенаи. Так, сравнивая стиль повествования Сенаи с произведением, в художественном плане наиболее ему близком, а именно трудом Нидаи, Н. Сейтягьяев отмечает, что язык сочинения Сенаи «значительно более замысловат, чем язык «Истории Сахиб Гирай-хана» Нидаи» [Сейтягьяев, 2009, с. 118]. «Главным средством беллетризации в сочинении Сенаи, – считает исследователь, – является усложнение стиля, витиеватость повествования, в то время как у Нидаи художественность достигается за счет диалогизации речи, изображения внутреннего мира персонажей и бытовых реалий» [там же]. «История хана Ислама Герая» Мехмеда Сенаи, без сомнения, является весьма ярким памятником крымской исторической прозы ханского времени.

Еще по меньшей мере три образца крымской исторической прозы датируются концом XVII – началом XVIII вв. Один из них сохранился до наших дней, это – хроника Мехмеда Герая (Дервиш Мухаммед Герай б. Мубарек Герай Чингизи, ?–?), известная под названием «История Мехмеда Герая» («Тарих-и Мехмед Герай»). Труд посвящен событиям, имевшим место в Крыму и Османской империи в 1683–1703 гг., работа над ним была завершена в ноябре-декабре 1703 г. [Demir, 2006, s. XIII–XIV]. Единственный рукописный экземпляр труда сохраняется в Национальной библиотеке Австрии (Вена) [Târîh-i Mehmed Giray, рук.]. В 1973 г. его небольшой фрагмент в переводе на польский язык был опубликован в Варшаве З. Абрахамовичем [Зайцев, 2009, с. 132], еще через десять лет ему была посвящена обстоятельная статья М. Кёнбах [Köhbach, 1983]. Значительно позже труд стал темой диссертационного исследования У. Демира, в настоящее время электронный текст латинографичной транслитерации труда, выполненной указанным автором, доступен для широкой исследовательской аудитории [Demir, 2006].

«История Мехмеда Чингизи» является прежде всего весьма ценным историографическим трактатом, привлекающим внимание попыткой глубокого анализа событий, имевших место в один из наиболее драматичных периодов истории Крыма и всей Османской империи. При этом, судя по сведениям самого автора, сначала им был написан более подробный труд, однако вследствие того, что в нем присутствовали отдельные критические высказывания в адрес Сафа Герая – крымского хана в 1691–1692 гг., труд был этим ханом изъят (взят для чтения и не возвращен). В результате Мехмедом Чингизи в короткий срок был подготовлен сокращенный вариант труда, который и сохранился до наших дней [Demir, 2006, s. XIII–XIV].

По замечанию В. Д. Смирнова, в хронике помимо сведений политического характера содержится «много частных, характерных для внутреннего быта Крымского ханства и взаимных отношений членов рода Гераев» [Смирнов, 1887, с. XVI]. В. Д. Смирнов приводит также короткую выдержку из труда, характеризующую отноше-

ние автора к миссии труда историка: «Да будет ведомо, что в глазах умных и справедливых людей считается заслуживающим порицания, если при изложении известных из писаний и заметок прежних историков – да довлеет всеми ими Бог! – фактов ступают на путь лести. А особливо, как можно утаивать и скрывать события, случившиеся в наш век, и обстоятельства лиц, считающихся важными» [там же, с. XVII]. Данная оценка труда историка Мехмедом Чингизи, по замечанию Н. Сейтягьяева, может свидетельствовать о том, что «в конце XVII в. крымскотатарская историография постепенно утрачивает свой панегирический характер» [Сейтягьяев, 2009, с. 128].

С литературной точки зрения, произведение представляет собой образец жанра *теварих*, со всеми свойственными для историографической прозы особенностями (см. выше). Обращают внимание многочисленные поэтические вставки (в общей сложности 17 фрагментов объемом 44 двустишия), определенная часть которых является авторской и свидетельствует о поэтическом даре автора. Последнее обстоятельство, а именно совмещение в одном лице талантов поэта и историографа, было свойственно для крымскотатарской литературы ханского времени, поскольку поэтами были практически все известные крымские историографы этого периода.

Двумя другими трудами, судьба которых, в отличие от «Истории» Мехмеда Чингизи, остается неизвестной, являются хроники Месуда Эфенди и Абдульвели Эфенди. Из них о Месуде Эфенди известно, что он был секретарем дивана и советником Шехбаз Герая-султана, убитого черкесами в 1699/1700 г. [Смирнов, 1887]. Его труд под названием «Вақыят меджмуасы» («Сборник происшествий»), упоминается у Ризы (и от него – у В. Д. Смирнова), в частности, при описании обстоятельств крымской посольской миссии в Иран в 1695–1696 гг., во главе которой находился сам Месуд Эфенди [Смирнов, 1887, с. 662].

Говоря о жанровой стороне труда, Н. Сейтягьяев, на основании сведений «Семи планет», отмечает присутствие в нем, помимо элементов непосредственно жанра *теварих* (связанных с описанием событий крымской истории), особенностей еще двух специфических жанров. Первые

из них касаются фрагмента с описанием вышеупомянутой посольской миссии. Как отмечает Н. Сейтягъев, «такого рода рассказы, как правило, имеют самостоятельное значение и относятся к историко-литературному жанру *сефарет-наме* (описание посольства)» [Сейтягъев, 2009, с. 129]. Помимо этого, по сведениям, опять же, «Семи планет», в приложении к труду (*зейль*) было помещено описание неких приключений автора (Месуда Эфенди), что дает основание рассматривать соответствующие фрагменты труда как образцы приключенческой прозы – *сергюзеит-наме* [там же].

Также неизвестна и судьба труда ученого и кадия из Карасубазара Абдульвели Эфенди, упоминаемого у крымских историков под названием «Меджмуа», т. е. «Сборник» (у Ризы), или же «Тарих» (у Халима Герая) [Сейтягъев, 2009, с. 128–129]. Некоторые сведения об авторе присутствуют у Ризы и Хурреми Челеби. Согласно им, автор происходил из села Хызр-Бали в судебной округе Кара-Курд в Крыму (продолжало существовать вплоть до 2-й пол. XX в. в Сакском районе Крыма. – Н. А.), принадлежал к разряду *улема* и во время правления Хаджи Селима Герая I удостоился должности кадия судебной округи Карасу [там же]. Труд Абдульвели Эфенди охватывал период крымской истории с 1688/89 по 1708/09 гг. В настоящее время о его литературных особенностях сказать что-либо сложно, обращает внимание, что Риза критически высказывается как об авторе, так и о его труде, характеризуя произведение как «бессмысленное по составу», «черновик», хотя и отмечает осведомленность Абдульвели Эфенди обо всем, что происходило в то время в государстве [там же].

Крымские авторы в Стамбуле и других османских центрах. Османские авторы в Крыму. Говоря о крымской литературе XVII в., нельзя не упомянуть и о ряде крымских авторов, получивших известность в Стамбуле и в других османских центрах. Одним из них является уроженец Бахчисарая, поэт (обладатель «Дивана») и историк, ставший секретарем Государственного совета при османском султানে (*Диван-ы Хумаюн*), – Хасан Веджихи (ум. 1661, Стамбул) [ODKE, 2000, s. 85–91]. Веджихи является автором историографического труда «Тарих-и Веджихи» (из-

вестного под различными названиями – «История покорения Багдада», «История Веджихи» и др.), в котором описаны события османской истории с 1637 по 1661 годы [Özcan, 1994]. Труд был по достоинству оценен османскими историографами (Наима, Рашид, Сиялахдар Мехмед Ага и др.), был использован многими из них как ценный источник. Спустя четырнадцать лет после смерти автора произведение было переведено на итальянский язык, однако не опубликовано (указанный перевод Дж. Тарсини ныне хранится в Национальной библиотеке Св. Марка в Венеции) [там же]. Рукописи труда, в общей сложности десять списков, хранятся в собраниях Стамбула, Лейдена и Вены [там же]. В 1957 г. «История Веджихи» стала темой докторской диссертации З. Аккая [Аккауа, 1959]. В 1977 г. перевод краткого содержания труда на немецкий язык и факсимиле лейденской рукописи были опубликованы в Мюнхене Б. Атсызом. В 2016 г. им же в Стамбуле был опубликован и оригинальный текст хроники [Vecihi, 2016]. Есть в хронике и сведения, относящиеся непосредственно к истории Крыма – касаются они главным образом крымско-запорожских походов против Речи Посполитой.

Что касается «Дивана» Веджихи, он сохранился в многочисленных списках, стал темой исследований И. Толуна (1949 г.) и Г. Асланташа (1994 г.), но до настоящего времени остается не опубликованным. «Диван» содержит в общей сложности чуть более 300 произведений разных форм (6 касыд, 224 газели, 20 рубаи и др.) [ODKE, 2000, s. 85–91].

Помимо этого, в различных источниках упоминаются и другие османские поэты XVII в., имевшие крымское происхождение: еще один уроженец столицы Крымского ханства, получивший известность в Стамбуле, мударрис и кадий – Лутфуллах (или Татар Лутфи, ум. 1703, псевдоним: «Лутфи») [там же, s. 127–132], Алиджан Бей (или Кырымлы Али, ум. 1703, псевдоним: «Али») [там же, s. 120–126], уроженцы Кефе – Деб'и Челеби (или Кефели Хусейин, ум. 1639, Стамбул) [там же, s. 11], дервиш суфийского ордена мевлеви, долгие годы проживший и упокоившийся в обители Джелаледдина Руми в Конье – Сейид Дервиш Мехмед(-Деде) Кефеве (ум.

1671/72, Конья, псевдоним: «Шефии») [там же, s. 92–96], еще один поэт-суфий, на этот раз член братства гульшение – Абдуллах б. Али Кефев (или Дервиш Абди, ум. 1695, Бурса, псевдоним: «Мути») [Özcan, 1994] и др. Образцы творчества указанных авторов сохранились и неоднократно публиковались, однако их биографии и особенно крымский период жизни требуют отдельных монографических исследований.

Завершая раздел, отметим опять же присутствие в XVII в. в Крыму османских авторов. Так, в начале столетия при дворе хана Джанибека Герая жил поэт Мехмед Бег – отец выдающегося османского поэта-сатирика Омера Нефи [Karahan, 1992, s. 3, 10–11]. Одним из поэтов при хане Бахадьре Герае I был анкарский поэт путешественник, дервиш Лутфуллах Абди Челеби (Бейзаде, ум. 1646) [Altuner, 1989, s. 503]. В середине века, при Исламе III, судя по хронограммам на одном из фонтанов и постоянных дворов в Гёзлеве, датированными 1650/51 и 1651/52 годами, в Крыму находился известный стамбульский поэт и каллиграф Ибрахим Джеври (ум. 1654) [Эвлия, 2017, с. 61–63]. При Мехмеде Герае IV, в 1662/63–1664/65 гг., в Крыму жил известный стамбульский суфийский шейх, обладатель «Дивана» – поэт-мевлеви Наджи Ахмед Деде (о. 1711) [SO, 1996, с. 4, s. 1219]. Помимо этого, как уже было отмечено выше, при дворе того же хана, причем первым в ряду поэтов из его окружения был Кастамони Абдульмумин – судя по нисбе, выходец из соответствующего анатолийского города [Эвлия, 2017, с. 120]. Еще одним поэтом-дервишем, во время своих длительных путешествий подолгу жившим в Крыму, был Мехмед Кырыми (ум. 1708) [ODKE, s. 168–170]. Наконец, в самом конце века в Крыму, судя по поэтической эпитафии с хронограммой на одном из надмогильных памятников кладбища при Ханском дворце в Бахчисарае, находился известный поэт и государственный деятель, обладатель «Дивана» Ахмед Дюрри [Бахчисарайские, 1850, с. 519–520].

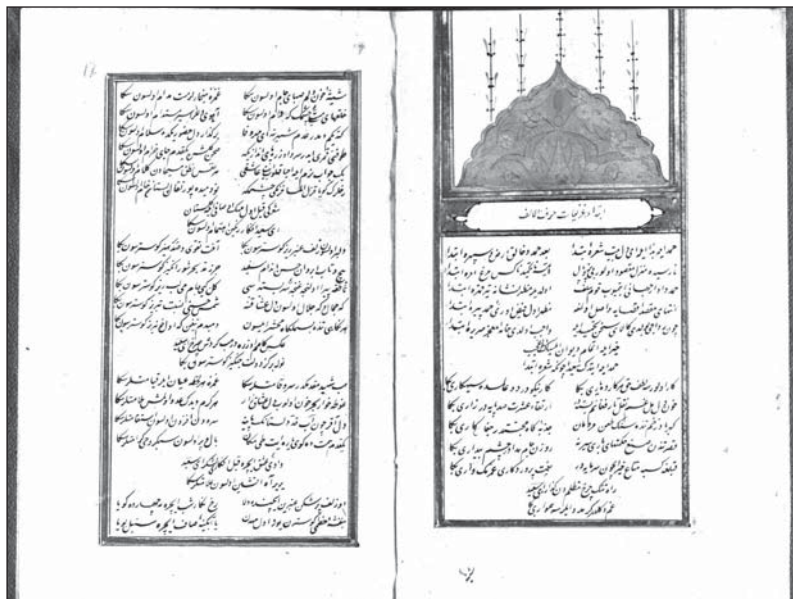
Из поэтов и историков, живших в Кефе, отметим вышеупомянутого Абдуллу, сына кефинского бейлербея Ридвана-паши, еще одного историка (и поэта) – Хасанбейзаде Ахмеда-пашу (ум. 1636/37), бывшего в 1610-е гг. бейлербеем Кефе [Аукут, 1997], а также выдающегося османского

поэта дивана – Аляэддина Али Сабита (ум. 1712) [Şentürk, 1999]. Последний в начале 1690-х гг., в период правления хана-поэта Хаджи Селима Герая I, провел два года в должности городского кадия в Кефе, а чуть ранее посвятил Селиму Гераю поэму «Зафер-наме» (другие названия «Селим-наме» и «Газа-наме») – о победах Селима I в сражениях против русских войск под Перекопом в 1687 и австрийцев в 1690 годах [Zafernâme, 1311].

Все это свидетельствует о достаточно оживленной литературной жизни в Крыму в рассматриваемый период и довольно активном участии в этих процессах османских поэтов и историографов. Как и прежде, тон этому задавали представители ханской семьи: судя по имеющимся сведениям, большинство из известных османских авторов были приглашены именно ими или же имели к Гераям то или иное отношение.

Крымскотатарская литература XVIII в. С конца XVII в. Крымское ханство жило в значительном политическом напряжении, связанном прежде всего с ситуацией на его северных границах. События 1736–1737 гг. (походы в Крым фельдмаршалов Миниха и Ласси) еще более усугубили это напряжение и тревогу, от которых в Крыму не оправились вплоть до 1783 г. Несмотря на это, литературная жизнь в Крыму в этот период продолжала быть достаточно оживленной: общий список известных авторов XVIII столетия насчитывает более пятидесяти имен – как поэтов, так и авторов различных произведений в прозе, прежде всего историографов. Более того, по ряду направлений в литературе этого периода были достигнуты значительные успехи.

Поэзия. Как и в случае с предыдущим столетием, крымскотатарская поэзия XVIII в. представлена достаточно внушительным списком имен, однако в отношении большинства из них присутствуют те же проблемы полного или практически полного отсутствия каких-либо биографических сведений и образцов творчества. Весьма характерным в этом плане является пример с творчеством известного ученого, историка и поэта Абдульгаффара б. Хасана Кырыми (псевдоним: Гафури). Его младший современник, также историк и поэт Саид Герай в своем труде по истории Крыма («*Тарих-и Саид Герай*») характеризует Гафури как «наставника поэтов Крыма» («*устад-ы*

Саид Герай. Диван. – [Said Giray b. Saadet Giray Han.] *Divan. Ankara İl Halk Kth. Eski Eserler Kısmı. № 933.*

шуара-йы Кырым») и даже крымского «Баки современности» («Баки-и аср») (имея ввиду личность наиболее яркого представителя османской поэзии дивана – поэта Баки), особо отмечает наличие у него некоей «Истории Крыма» в стихах [Сейитяхья, 2004а, с. 72, 86]. Однако в настоящее время в распоряжении исследователей имеется лишь небольшое стихотворение религиозного содержания, с большой долей вероятности относящееся перу Гафури [Бахчисарайская, 2007, с. 113].

Также остается неизвестным творчество еще целого ряда поэтов, упомянутых в той же «Истории» Саида Герая: Пир-Мехмеда Аги (псевдонимы: *Пири* и *Куфри*) – каймакама Едисана, сына Дервиша Мирзы из рода визиря Субхан-Гази Аги; Исмаила Мирзы, сына Муртаза Мирзы, одновременно искусного каллиграфа; Мухаммеджана Эфенди, которого Саид называет «лучшим из поэтов Крыма» («шуара-йы Кырымдын бехтери»), его родного брата Хамида Эфенди (псевдоним: *Хамди*) – диван-эфенди при Халиме Герае (1756–1758), также искусного каллиграфа; а также двух ученых и поэтов из Буджака – Дагистани Мехмеда Эфенди и Абдурразака Эфенди [Сейитяхья, 2004а, с. 85–86]. Последние двое представляют Буджакскую Орду, что может сви-

детельствовать об оживленной литературной жизни среди татар и ногаев за пределами полуострова, – тема, остающаяся практически неисследованной. Ничего не известно и о поэте Медади, бывшего, по сведениям О. Акчокраклы, секретарем дивана при ханах Саадете IV (1717–1724) и Менгли II (судя по всему, в первое правление: 1724–1730 гг.) [Акчокраклы, 1930].

Еще большим вакуумом биографических сведений и лишь единичными образцами творчества – надмогильными поэтическими эпитафиями с хронограммами на ханском кладбище в Бахчисарае – представлено творчество поэтов с псевдонимами Эдиб, Хыфзи, Дерди, Хамди (возможно, вышеупомянутый диван-эфенди Хамид Эфенди), Пири (возможно, вышеупомянутый каймакам Пир-Мехмед Ага), Муджеми [Бахчисарайские, 1850, с. 499–502], а также Шейхи – автора поэтического текста с хронограммой на знаменитом «Фонтане слез» в Ханском дворце в Бахчисарае [там же, с. 492–494] и др. К этой же группе можно отнести и поэта Меали Кырымы, известного лишь по единственной газели из «Дивана» Саида Герая [Karaköse, 2001, s. 54–55].

Несколько больше сведений и отдельные фрагменты творчества присутствуют у Хильми Эфенди – поэта и ученого из Карасубазара, получившего известность в том числе переводом с арабского на тюркский язык знаменитой энциклопедии «Жизнь животных» («*Хайат-уль-хаеван*») египетского факиха и зоолога Кемаледдина Дамири (ум. 1409) [Кырымы, 2014, с. 174–176; Сейитяхья, 2004б, с. 84]. А также Османа Эфенди – выходца из горной дер. Кок-Козь (ныне с. Соколиное Бахчисарайского р-на), получившего образование в Стамбуле, а позже, вернувшись на родину, исполнявшего обязанности проповедника (*вауз*) и мудерриса в Бахчисарае [Сейитяхья, 2004а, с. 86]. Лишь одной газелью представлен в настоящее время и крымский хан Менгли Герай II [ODKE, 2000, с. 193–194].

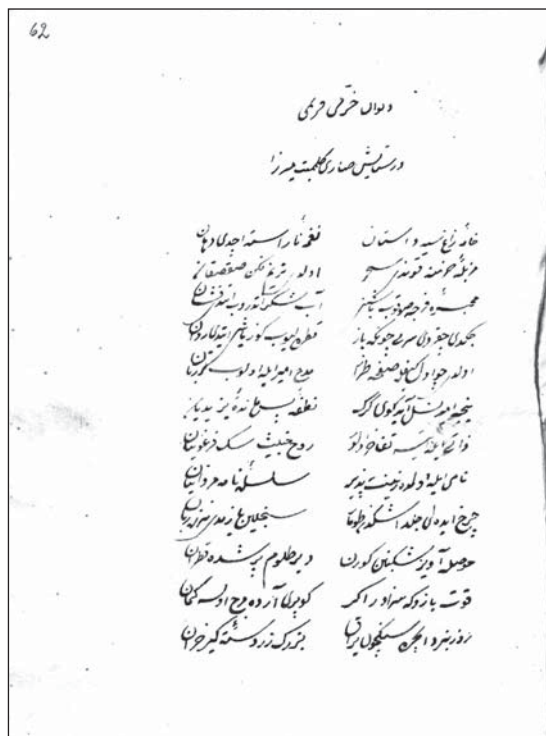
Из поэтов, к которым судьба оказалась более благосклонной, сохранив до настоящего време-

ни их поэтические «Диваны», в первую очередь необходимо отметить двух авторов, бывших одновременно и историографами этого столетия. Из них Саид Герай-султан (ум. в 1181/1767-68 г. или позже) был сыном крымского хана Саадета IV, при хане Халиме Герае (1755–1758) исполнял обязанности сераскера Едисана, после чего некоторое время жил в Румелии и Стамбуле, мечтая, как следует из его стихов, о ханском престоле в Бахчисарае. Год и место смерти Саида неизвестны, однако, судя по одному из его стихотворений с хронограммой, датированному 1181/1767–68 годом, его смерть могла иметь место или в этом году, или же позже. Странным образом Саид не упоминается ни в одной из известных османских антологий (*тезкире*) или каких-либо других библиографических и прочих трудах. Халим Герай упоминает его, однако не пишет, что он был поэтом, как, впрочем, и историком [Halim Giray, 2013, s. 95–96]. Единственным известным источником, в котором отмечается литературный талант Саида и весьма лестно охарактеризован его поэтический сборник, является труд французского консула в Крыму в 1754–1758 гг. Ш. Пейссонеля под названием «Записка о Малой Татарии» [Пейссонель, 2009, с. 59].

«Диван» Саида известен в единственном рукописном списке, находящемся в Публичной библиотеке Аднана Отюкена в Анкаре (Ankara İl Halk Kth, Eski Eserler Kısmı, № 933) [Said Giray Divanı]. Начало его исследований датируется 1960-ми гг. [Ünver, 1972, s. 157]. В 2001 г. «Диван» был опубликован в Турции в латинской графике (с приложением факсимиле рукописи) С. Каракёсе [Karaköse, 2001], чуть позже стал темой диссертационного исследования М. Абалы [Abalı, 2006], а также весьма подробной статьи К. Тавукчу [Tavukçu, 2009]. «Диван» Саида представляет собой т. н. «упорядоченный» (*муреттен*) «Диван», состоит из семи частей и содержит, в общей сложности, чуть более 220 произведений различных форм и жанров. Из поэтических форм представлены *месневи*, *касыды*, мусамматные формы (*муседдес*, *мусеммен*, *тахмис*, *теркиб-и бенд*), *газели*, *рубай*, *кыта* и т. п. Что касается жанрово-тематического содержания, в «Диване» присутствуют образцы ряда достаточно стандартных для поэзии дивана жан-

ров, а именно любовной и любовно-философской лирики, религиозно-суфийской лирики (образцы таких разновидностей, как *тевхид*, *нат*, *фазилет-наме* (*чахар-яр-ы гузин*), *рамазание*, *мираджие* и т. д.), *панегириков-медхие*, поэтических хронограмм (*тарих*) и т. п. Особое внимание обращают на себя стихотворения о печальной доле поэта, вынужденного жить в нелюбимой им Румелии, с мечтой о «ханском престоле и жизни в Бахчисарае». В ряде произведений, в частности, *месневи* в первом разделе («*Дер-себев-и телиф*»), содержатся размышления автора о сути поэтического творчества и предназначении поэта [Karaköse, 2001, s. 14–23]. «Диван» демонстрирует глубокую осведомленность автора о поэтах-современниках – в нем упоминаются имена около пятидесяти османских и персидских поэтов, ряду из них даны краткие характеристики, на стихи некоторых (Наби, Нефи, Наиб, Рыза, Авни и др.) написаны поэтические ответы и подражания (*назире*) [там же, s. 75–76, 152]. Обращают внимание стихи Саида на фарси, в том числе некоторые рубаи, в одном из которых он пишет о том, что «получил известность среди современников как последователь Омара Хайяма» [там же, s. 188]. Еще одним классиком персидской поэзии, с глубоким уважением упоминаемым Саидом, в том числе в связи с собственным именем (и одновременно псевдонимом), является выдающийся поэт XIV в. Муслихиддин Саади [там же, s. 5]. Частое обращение к творчеству персидских авторов, в том числе представителей т. н. «индийского стиля» («*себк-и хинди*») (Урфи, Талиб, Саиб, Насыр Али и др.), а также присутствие некоторых характерных для указанного направления элементов в лирике Саида дали повод исследователям предположить принадлежность к поэтам «индийского стиля» и самого Саида Герая [Tavukçu, 2009].

Наконец, особый интерес представляют стихотворения, которые имеют отношение непосредственно к истории крымской поэзии. Так, среди газелей Саида встречается ряд ответов и подражаний (*назире*) на стихотворения крымских авторов, в частности, Газайи, Фейзи, Резми, Хильми [Абдульвапов, 2020]. Еще одно из стихотворений поэта представляет собой *тахмис* (стихотворение, состоящее из пятистиший, в ко-

Хурреми Челеби (XVIII в.). Диван. – *Dîvân-ı Hurremî-i Qırımı. Staatsbibliothek zu Berlin. Preussischer Kulturbesitz. Türkische Handschriften. Hs. or. oct. 923, Teil 2. Blatt 62a–85a.*

торых к каждому бейту чужой (исходной) газели добавляют, с соблюдением соответствующих рифмы и размера, по три оригинальные строки) на газель некоего Меали Кырыми, написанный, в свою очередь, на *матла* (начальный бейт) Менгли Герая II [там же]. Данный тахмис и вышеупомянутые ответы на произведения крымских авторов лишний раз свидетельствуют о наличии преемственности в развитии крымскотатарской литературы ханского периода.

Современником Саида Герая был еще один поэт и историк, обладатель двух «Диванов» – Хурреми Челеби Акай (ум. во 2-й пол. XVIII в.). Имя автора было Абдурахман, он родился в семье мудерриса – шейха Мухаммеда эль-Хальвети (по прозвищу Каракаш), в селении Хуррем недалеко от Акмесджита (судя по всему, от названия села происходил и псевдоним поэта; селение сохранялось вплоть до середины XIX в., ныне отсутствует). Будущий поэт получил хорошее образование и сам стал мудеррисом – в с. Вейрат, располагав-

шемся в той же долине Салгира, неподалеку от с. Хуррем [Сейтяг'яев, 2017]. Поэтическое творчество Хурреми представлено двумя небольшими «Диванами», известными в единственных списках и хранящимися, соответственно, в Национальной библиотеке в Берлине и рукописном собрании Ханского дворца-музея в Бахчисарае [*Dîvân-ı Hurremî; Диван Хурреми, рук.*]. Помимо этого, отдельные произведения поэта присутствуют и в его историографическом труде – «Истории крымских ханов» («*Тарих-ы ханан-ы Кырым*»), в частности, две ка-сыды, адресованные хану Арслану Гераю и калге Селиму Гераю, – лицам, которым были посвящены сам труд и одна из его редакций [Demir, 2017, s. 25–27].

Берлинский «Диван» Хурреми в свое время был кратко описан Б. Келльнер-Хайнкеле, предположившей, что имя Хурреми было псевдонимом упоминавшегося выше принца Саида Герая. Одним из поводов для этого предположения был факт нахождения «Дивана» Хурреми в одном рукописном томе с историографическим трудом Саида Герая [Kellner-Heinkele, 1982]. «Диван» содержит около 100 произведений поэта, практически все – *газели*, и лишь одно – в форме *месневи*. По своему содержанию данный «Диван» заметно отличается от всех известных поэтических сборников крымских авторов: значительная часть его произведений содержит различные образы, мотивы и сюжеты, взятые из местной, крымской (и ногайской) жизни. Так, около трети стихотворений и поэм «Дивана», в том числе написанных в жанре поэтической хронограммы (*тарих*), посвящены различным представителям ногайской знати – современникам автора [там же, с. 34]. Одним из произведений, написанных на основе личных наблюдений автора, является и поэма-месневи «Едисан-наме», открывающая «Диван» и представляющая собой сатирическое отражение некоторых сторон жизни татар и ногаев Едисана [Sevit Yahya, 2009]. В отдельных стихотворениях этого же «Дивана» упоминается ряд крымских городов (Бахчисарай, Акмесджит, Карасу), проходят названия популярных фольклорных произведений, народных инструментов, различных этнографических деталей и т. д. В целом берлинский «Диван» Хурреми может быть признан характерной иллюстрацией для т. н. про-

цесса *махаллийлеиме*, имевшего место с конца XVII в. как в крымскотатарской, так и османской литературе. На это указывает и достаточно доступный язык «Дивана», более того – употребление в ряде произведений непосредственно крымскотатарского языка. «Диван» остается неопубликованным, за исключением отдельных газелей и фрагментов поэмы «Едисан-наме», опубликованных в свое время Н. Сейтягьяевым [Сейтияхья, 2004б, с. 90–94; Seyit Yahya, 2009].

Что касается бахчисарайского «Дивана» Хурреми, его рукопись содержит около 120 произведений. Помимо газелей, традиционно составляющих основное содержание подобных сборников, в нем присутствуют две *касыды*, а также одно стихотворение в форме *кыта*. «Диван» выполнен в более традиционной манере – основное его содержание составляют образцы любовно-философской лирики, исключением являются лишь две вышеупомянутые оды, одна из которых представляет собой панегирик в честь крымского хана Арслана Герая, другая – поэму с редифом «Крым». До настоящего времени «Диван» остается неопубликованным.

Помимо поэзии дивана, в крымскотатарской литературе XVIII в. присутствуют произведения, являющиеся характерными образцам еще одного направления в поэзии ханского времени – суфийского, или же поэзии текие. Речь идет прежде всего о творчестве известного шейха Мехмеда Факри эль-Кырыми эль-Карасуйи (ум. 1764[?]). Шейх происходил из шейхской династии г. Карасубазара, образование получил у крымских ученых, после чего вступил на суфийский путь. В поиске ответов на волновавшие его вопросы он оказался в текие известного османского шейха-поэта Хасана Сезайи в г. Эдирне, где провел несколько лет. Вернувшись на родину, возглавил обитель в родном городе и в короткое время получил известность среди мусульман всего Крыма [Абдульвапов, 2008]. О шейхе очень лестно отзывался его современник, упоминавшийся выше историк и поэт Саид Герай, бывший лично знаком с шейхом: в своем труде он отмечал его как одного из двух наиболее выдающихся в то время духовных наставников Крыма [Раҗаоғлу, 2016а, s. 103, 108–109]. Из поэтического наследия Мехмеда Факри в настоящее время известны чуть бо-

лее двух десятков стихотворений в жанре *ияхьи* – ярких образцов данного жанра, выполненных в духе поэзии Юнуса Эмре и его последователей. Стихи сохранились в рукописном сборнике, хранящемся в семье потомков шейха, в 2008 г. они были опубликованы [Абдульвапов, 2008]. Помимо этого, сохранилось еще одно весьма интересное произведение шейха – *касыда* (ода) с хронограммой в честь крымского хана Менгли Герая II (по поводу завершения строительства суфийской обители для Мехмеда Факри в г. Карасубазаре, позже получившей известность как «Текие-Хан-Джами»), указывающая на то, что перу шейха не были чужды и некоторые жанры поэзии дивана [Абдульвапов, 2006].

Еще одним представителем поэзии текие был шейх Шуайб Челеби, сын шейха Абдуссамеда (ум. 1766 [?], Стамбул) – наставник известной крымской суфийской обители в селении Коледж близ Кефе (один из т. н. «четырёх очагов» – суфийских центров Крыма, тариката *накибендийе*) и отец известного шейха-поэта Исмети (2-я пол. XVIII в. – 1-я четв. XIX в.). О. Мурасов пишет о нём как об авторе многочисленных поэтических произведений, в том числе стихотворений в жанре *ияхьи*, однако в настоящее время судьба их остается неизвестной [Abdülvahap, 1999, s. 10].

Проза XVIII в. Говоря о прозе XVIII в., необходимо отметить, что наиболее важную часть известных на сегодня памятников составляют, как и в XVII в., образцы историографической прозы. Не все из них дошли до настоящего времени, но даже те, что сохранились, позволяют с полным основанием признать XVIII в. «золотым веком» крымскотатарской историографии ханского времени.

Выше уже были упомянуты три труда – «История» Мехмеда Герая, «Сборник происшествий» («Вақыят меджмуасы») Месуда Эфенди и «Сборник» («Меджмуа») Абдульвели Эфенди, хронологически затрагивающие события первого десятилетия XVIII в. Четвертым трудом, хронологически несколько отдаленным от предыдущих, является «Краткий исторический очерк» («*Рисале-и мухтасаре*») Хайруддин-заде Мехмеда аш-Ширини, судьба которого так же остается неизвестной [Сейтягьяев, 2009, с. 129]. Созданный предположительно до 40-х гг. XVIII в., труд был использован Абдульгаффаром Кырыми

в качестве одного из важных источников для его «Опоры известий» [Кырыми, 2014, с. 13, 21]. К сожалению, в «Опорах» выдержки из труда аш-Ширини никак не обозначены, в результате чего в настоящее время сказать что-либо о самом труде, как и о его авторе, не представляется возможным [Сейтягьяев, 2009, с. 130–131]. При этом обращает на себя внимание нисба историка – «аш-Ширини», что может указывать на его принадлежность к соответствующему аристократическому роду, о чем, надо полагать, имел представление и Абдульгаффар Кырыми, сам происходивший из региона, входившего в домен крымских Ширинов [Сейтягьяев, 2013].

За этими трудами последовал целый ряд хроник весьма значительной исторической и литературной ценности. Речь идет о, прежде всего, о четырех трудах, увидевших свет в достаточно короткий период – с середины 1740-х по конец 1750-х гг.

Первым из них по хронологии явился труд Сейид Мухаммеда Ризы под названием «*Эс-Себус-сеййар фи ахбар-и мулюк-ит-татар*» («Семь планет в известиях о правителях татар», 1744 г.), ставший одним из наиболее популярных произведений в области крымской историографии ханского времени [Зайцев, 2009, с. 97–121]. Автор хроники Сейид Мухаммед Риза (ум. 1756) происходил из известной шейхской династии Крыма, восходившей к вышеупомянуемому шейху-поэту Афифедину Абдуллаху (Афифи). Труд был начат по указанию крымского хана Менгли Герая II, в период его второго правления (1737–1740 гг.), и завершен, судя по всему, в 1744 году [Сейтягьяев, 2009, с. 131]. Хроника сохранилась в ряде списков (известно по меньшей мере 8 из них), впервые была издана в Казани в 1832 г. под редакцией М. Казембека [Риза, 1832]. В 2019 и 2020 гг. труд дважды увидел свет в латинографичной транслитерации: вначале в Казани в исполнении Р. Абдуземилева [Риза, 2019] и через год в Стамбуле в исполнении Я. Сёйлемеза [Es-Seb'û's-Seuyar, 2020].

Основным содержанием «Семи планет...» является описание событий, произошедших в Крымском ханстве от его основания до времени второго правления Менгли Герая II. Помимо этого в начале труда присутствует краткий исто-

рический экскурс во времена сотворения мира и жизни первых пророков (здесь автор особо останавливается на истории Ноя и его потомков), после чего следуют сведения о происхождении различных мировых династий и истории тюркских народов. Еще далее следует рассказ о Чингисхане и его потомках, в том числе и более подробно – история Джучи и его Улуса.

Основная часть труда, посвященная непосредственно истории Крымского ханства, содержит многочисленные, часто весьма подробные сведения о различных аспектах общественно-политической, культурной и духовной жизни крымского государства [Риза, 2019, с. 13–29]. Многочисленность и уникальность этих сведений и одновременно их универсальность сделали труд Мухаммеда Ризы настольной книгой практически для всех отечественных и зарубежных исследователей истории Крыма периодов Золотой Орды и Крымского ханства. Об этом свидетельствуют, в частности, оценки, данные труду рядом наиболее известных исследователей. Так, В. Д. Смирнов охарактеризовал его как «источник первой категории», а также «энциклопедический сборник по части крымскотатарской старины», по богатству и разнообразию своего содержания превосходящий все, что было известно на тот момент по истории Крымского ханства [Смирнов, 1887, с. IX–XIV]; З. Абрахамович оценил труд как «настоящую сокровищницу сведений о татарском Крыме в 1466–1737 годах» [Senai, 1971, с. 80]; а И. Зайцев выразил мнение, что труд «по праву может считаться вершиной крымской средневековой исторической прозы как по объему изложенного материала, так и по числу использованных автором источников» [Зайцев, 2009, с. 97].

О жанровых особенностях памятника будет сказано несколько ниже, здесь же лишь отметим в высшей степени витиеватый язык произведения, насыщенный не только большим количеством метафор, коранических аятов, хадисов, поэтических вставок и афоризмов, но и длинными синтаксическими конструкциями, крайне усложняющими его чтение и восприятие. Впрочем, все это было особенностью стиля подобных памятников в той же османской литературе XVIII в., в этом в значительной степени выражалась их литературная ценность [Сейтягьяев, 2009].

Труд представляет чрезвычайную ценность для изучения истории литературной жизни в Крыму в соответствующий период. Так, в нем присутствуют биографические сведения, краткие характеристики и образцы творчества целого ряда крымских поэтов – ханов Менгли I, Гази II (Газаи), Бахадыра I (Резми) и его супруги Хан-заде Ханым, Мехмеда IV, шейхов Аффедина (Аффифи) и Абдульазиза (Иззи) (предков автора), нуреддина Шахина Герая и др., некоторые из этих материалов в настоящее время известны исключительно благодаря труду Ризы. В этой связи интересным представляется вопрос о поэтическом творчестве и самого автора, однако он остается неисследованным. Помимо этого, в хронике присутствуют интересные сведения и об османских авторах, живших в Крыму, в частности, вышеупомянутых Кайсуни-заде Нидаи и Зихни Эфенди [Риза, 2019, с. 116–121, 134].

Следующим трудом является хроника под названием «Опора известий» («*Umdet аль-Ахбар*») авторства вышеупомянутого Абдульгаффара б. Хасана Кырыми. Сведения об авторе были даны выше, труд был завершён в 1748 году и сохранился в рукописи, ныне хранящейся в стамбульской библиотеке Сулеймание, в коллекции рукописей Эсада Эфенди под № 2331 [Кырыми, 2014, с. 10]. Хроника была впервые издана (не полностью) Н. Асымом в 1927 г. в Стамбуле в арабской графике [Umdetü't-Tevârih, 1343]. В начале нынешнего столетия она стала темой диссертационного исследования Д. Дерин, в результате чего была осуществлена транслитерация текста хроники на латиницу [Derin, 2003]. Позже, в 2014 г. этот вариант транслитерации вместе с факсимиле труда увидели свет в г. Казани [Кырыми, 2014]. В том же году отдельные фрагменты труда в переводе Н. Сейтягьева были опубликованы в Т. 4 энциклопедии «История татар» (издание Института истории им. Марджани АН РТ) [История татар, 2014, с. 858–862]. В 2018 г. в Казани же последовало издание перевода труда на русский язык выполненного Ю. Н. Каримовой и И. М. Миргалеевым [Кырыми, 2018].

Содержание «Умдет аль-Ахбар» перекликается с содержанием «Семи планет», так же представляя собой историю от сотворения мира до, на этот раз,

правления хана Селямета Герая II. Автор особо останавливается на начальных столетиях истории ислама, даёт сведения об истории тюрко-мусульманских государств, особо – истории сельджуков и османов, Золотой Орды и Крымского ханства, а также весьма подробно описывает историю происхождения целого ряда ногайских родов [Кырыми, 2014, с. 8]. По сравнению с «Семью планетами», труд написан на значительно более доступном языке, также в нём практически отсутствуют поэтические вставки. Отличительной чертой языка Абдульгаффара является частое использование местной, татарской лексики, а также образцов местного фольклора, что создаёт эффект определённой аутентичности, особенно при описании событий прошлого, в частности, касающихся периода Золотой Орды [Сейтягьева, 2009, с. 169]. Материалов, касающихся истории литературной жизни в Крыму, в труде Абдульгаффара Кырыми относительно немного, однако присутствуют весьма интересные сведения об авторах, не упоминаемых в том же труде Ризы. В частности, о шейхе-поэте Хайдер-заде Фейзи Кефеве и поэте из Карасубазара Хильми Эфенди, при этом сведения о Хильми и фрагменты его творчества в настоящее время являются уникальными и не встречаются в других известных источниках [Кырыми, 2014, с. 174–176].

Третьим по времени создания образцом крымской историографической прозы XVIII в. является «История крымских ханов» («*Тарих-и ханан-ы Крым*») или же «История Челеби Акай» («*Челеби Акай Тарихы*») так же вышеупомянутого выше Абдуррахмана, сына Мухаммеда эль-Хальвети, известного как Хурреми Челеби Акай. Труд был написан по повелению крымского хана Арслана Герая (1748–1756, 1767) и завершён в 1754 году [Сейтяг'яев, 2017]. Долгое время «История» Хурреми была известна как «Краткая история» и считалась кратким переводом «Семи планет» Сейида Мухаммеда Ризы [Смирнов, 1887]. В 1844 г. небольшой фрагмент труда в переводе на русский язык был опубликован А. Негри [Негри, 1844]. Позже труд был использован В. Д. Смирновым в известном двухтомнике по истории Крымского ханства [Смирнов, 1887; Смирнов, 1889]. В 1927 г. его небольшой фрагмент в переводе на современный крымскотатарский язык был опубликован в статье О. Акчокраклы для

журнала «Илери», а через год этот же материал был опубликован на украинском языке в журнале «Східний світ» [Акчочькракълы, 2006, с. 177–179; Акчочраклы, 1928]. В последние годы труд активно исследуется Н. Сейтягьяевым, посвятившим отдельные статьи всем пяти ныне известным его спискам (Бахчисарайский, Киевский, Санкт-Петербургский, Каирский, Стамбульский) [Сейтягьяев, 2012б; Сейтяг'яев, 2017].

Согласно исследованиям Н. Сейтягьяева, труд можно разделить на три части. Первая представляет собой упрощенный вариант (перевод) «Семи планет» Сейида Мухаммеда Ризы, однако доведенный не до конца 1730-х гг., но до 1702 года. С этого года начинается вторая часть труда, являющаяся переработкой другой хроники – «Умдет аль-ахбар» Абдульгаффара Кырыми, причем Хурреми Челеби значительно меньше, по сравнению с трудом Ризы, вмещается в оригинальный текст этого произведения. С 1748 года, на котором обрывается повествование Абдульгаффара Кырыми, по 1754 год (год завершения труда Хурреми Челеби) описания основываются на наблюдениях самого Хурреми Челеби, эта часть труда (третья, наименьшая) является полностью оригинальной [Сейтягьяев, 2011б].

Опять же, согласно выводам Н. Сейтягьяева, можно говорить о ряде редакций труда Хурреми Челеби (в том числе одной авторской), которые отличаются по стилю, доступности языка и другим характеристикам [там же].

Хурреми Челеби сохранил в своем труде все поэтические произведения крымских авторов, присутствующие в труде Ризы, помимо этого, у него встречаются и некоторые его собственные произведения. В частности, касыда в честь хана Арслана Герая, по повелению которого был создан труд, и газель-панегирик с редифом «Селим» (в стамбульской рукописи), адресованный калге при хане Арслане Герае (и будущему хану) Селиму (III) Гераю, которому была посвящена одна из ранних редакций труда [Demir, 2017, s. 25–27].

Наконец, хронологически наиболее поздний труд – «История Саида Герая» («Тарих-и Саид Герай») историка и поэта Саида Герая, сына крымского хана Саадета Герая IV. Сведения об авторе, в 1756–1758 гг. – сераскире Едисана, были даны

выше. Единственный известный на сегодня список труда хранится в Национальной библиотеке в Берлине [Tarih-i Said, рук.]. Хроника охватывает период 1720–1758 гг. и содержит богатейший материал, касающийся истории Крымского ханства, и прежде всего, его материковых территорий – Едисанской и Буджакской Орд. Особенностью труда является то, что значительная его часть представляет собой галерею кратких биографических портретов более 100 известных в то время личностей – членов ханской семьи, различных аристократических семейств, представителей целого ряда татарских и ногайских родов, ученого сословия улема, шейхов и поэтов, в том числе жителей Буджакской и Едисанских Орд [Kellner-Heinkele, 1975].

«История» стала темой монографического исследования Б. Келльнер-Хайнкеле [Б. Келльнер-Хайнкеле, 1975]. В последние годы с текстом особо активно работали Н. Сейтягьяев [Сейтягьяев, 2004; Сейтягьяев, 2009] и Д. Пашаоглу [Paşaoğlu, 2016a; 2016b]. Труд имеет большую ценность и как источник по истории крымскотатарской поэзии XVIII в., в частности, он содержит краткие биографические сведения и характеристики творчества целого ряда поэтов – современников автора, в том числе представителей Буджака и Едисана, не известных по другим источникам. Помимо этого, в труде присутствуют поэтические произведения и самого автора.

Говоря о литературных особенностях образцов крымскотатарской историографии XVIII в., необходимо отметить, что все вышеперечисленные произведения являются прежде всего историографическими трудами. По своей структуре, стилю, особенностям художественного языка и использованию различных литературных средств (портрет, пейзаж и др.) они заметно отличаются от той же «Истории хана Ислама Герая» Мехмеда Сенайи и особенно «Истории хана Сахиба Герая» Реммаля-Ходжи. Тем не менее литературная составляющая весьма значима и в этих сочинениях. Так, в жанровом отношении они представляют собой яркие образцы жанра *теварих*, особенности которого были описаны выше. Именно историографические труды XVIII в. можно с полным правом назвать «историко-литературными эпопеями», которые отличались

«многоплановостью» и «сложностью» композиции, охватывали огромные временные промежутки и претендовали на своеобразную историко-литературную монументальность. Как отмечает Н. Сейтягьяев: «В большинстве произведений исторической прозы XVIII в. проявляется тенденция к созданию обобщающих произведений. Саид Герай изображает крымское общество со всеми его персоналиями, в мельчайших деталях их взаимоотношений. Мухаммед Риза и Абдулгаффар Кырыми описывают историю Крыма, начиная от Нуха (Ноя)» [Сейтягьяев, 2009, с. 133]. Одновременно с этим в данных произведениях происходит «дальнейшее развитие авторского начала и индивидуализации персонажей произведений, их быта и прямой речи. В той или иной мере это проявляется во всех исторических сочинениях, созданных в это время. Но в таких шедеврах, как «Опора известий» Абдулгаффара Кырыми и «История» Саид Гирай-султана, авторами создана галерея образов, чуждых какой бы то ни было идеализации, действующих в реальном, осязаемом пространстве и реальном времени, которому свойственны определенные бытовые черты, в ситуациях, близких и известных читателям не только высших, но и средних классов общества. В литературе этого времени набирают силу гуманистические начала, робко проглядывавшие в предшествующий период. Как и в турецкой литературе этого же этапа, в ней все чаще и все явственнее проявляется личная позиция автора. <... > Таким образом, в рассматриваемый период наблюдается проникновение публицистической мысли в национальную историческую прозу» [там же, с. 132–133].

Помимо историографических произведений, в литературе XVIII в. известен и целый ряд образцов религиозно-суфийской прозы, в том числе переводного характера. Примером этому может служить тюркский перевод с арабского языка известного суфийского трактата среднеазиатского духовного наставника и поэта Абдуллаха Ансари ал-Харави (ум. 1089) – «Меназили`с-саирин» («Стоянки на Пути»), осуществленный вышеупомянутым шейхом Мехмедом Факри и сохранившийся в собрании Библиотеки Ататюрка в Стамбуле (*Istanbul Büyükşehir Belediyesi Atatürk Kitaplığı*) [Fakrı, рук]. Однако, как было указано

выше, подобные произведения остаются практически неисследованными.

Говоря о крымской литературе XVIII в., необходимо упомянуть и ряд авторов, получивших известность вне своей исторической родины. Так, Кырымлы Мустафа Рахми («Татар», ум. 1751, Стамбул), родившийся и получивший начальное образование в Бахчисарае, позже переехал в Стамбул, где стал придворным османским историографом (*вакановис*) и талантливым поэтом – обладателем «Дивана». Мустафа Рахми участвовал в османской посольской миссии ко двору Иранского шаха в 1747 г., в результате чего был создан труд «Описание посольской миссии в Иран» («*Сефарет-наме-и Иран*») [ODKE, 2000, s. 195]. Что касается поэтического «Дивана» Рахми, то в нем содержится более 330 стихотворений и поэм в различных формах и жанрах, в том числе на фарси и арабском языке. Среди них обращают на себя внимание образцы философской лирики. Из заголовка к одной из газелей поэта становится известно, что она была отправлена в Стамбул из Бахчисарая, где поэт вновь оказался уже в зрелом возрасте [Elmas, 1997, s. 242–243]. Рахми также считался мастером поэтической хронограммы, в его «Диване» присутствуют 117 стихотворений в этом жанре. Поэтическому творчеству Рахми посвящено исследование С. Эльмас (Озтюрк) [Elmas, 1997; Öztürk, 2012]. «Диван» остается неопубликованным, однако отдельные стихотворения поэта публиковались неоднократно [ODKE, 2000, s. 195–212].

Еще одним крымцем, получившим широкую известность, на этот раз на Балканах, был шейх кадирийского тариката и поэт – Кырыми Селима Диване (или Селим Баба, ум. 1756/57). Будущий шейх получил образование в Стамбуле, после чего некоторое время служил кадием в Боснии. Позже Селим Диване полностью отдал себя суфизму: прошел курс суфийской науки под руководством шейха Хамди Хусейина в Кесрие (г. Кастория, Греция), был шейхом в Ускюпе (г. Скопье, Сев. Македония), основал суфийскую обитель в городке Копрюлю (г. Велес, Сев. Македония), где и умер в 1757 г. [Divane, 2004, s. 11–13]. Шейх прославился глубокой религиозностью и частыми экстатическими состояниями, за что получил прозвище «Диване». Известен как поэт

и автор ряда суфийских трактатов в прозе. К сожалению, судьба поэтического «Дивана» шейха, упоминаемого в ряде источников, в настоящее время остается неизвестной, поэтическое наследие шейха ныне состоит из ряда стихотворений с мотивами искренней любви к Богу, страстного томления и неизбывной тоски по Нему, готовности к самопожертвованию во имя воссоединения с Божеством, исполненных в лучших традициях романтической суфийской поэзии [ODKE, 2000, s. 268–276]. Что касается произведений в прозе, в настоящее время известны два трактата Селима Диване, судя по многочисленным сохранившимся спискам, бывших в свое время весьма популярными в дервишеских кругах [Divane, 2004, s. 15–20]. Данные трактаты в последние годы были неоднократно опубликованы в Турции, их темы – различные аспекты теории и практики суфизма [там же, s. 21–140; ODKE, 2000, s. 214–268]. Суфийская проза Селима Диване стала темой диссертационного исследования А. Кангиевой [Кангиева, 2019].

Из авторов, известных менее, можно назвать имена ряда поэтов дивана, в том числе Омера Бесима Кырыми (ум. 1781) – автора 111 стихотворений и поэм (в форме касыды, газели, рубаи, мурабба и т. д., в том числе 5 – на фарси), сохранившихся в двух рукописных сборниках из Библиотеки Сулеймание в Стамбуле [Beşli, 2007]; Шерифа Кырыми (ум. в 1-й пол. XVIII в.) – бывшего кадием [ODKE, 2000, s. 330–332]; Фуруги Челеби (?–?), писавшего на трех языках [там же, s. 15]; Кырыми Хафыза Мехмеда (ум. 1748, псевдоним: Ляйых), ставшего анатолийским кадиаскером [там же, s. 14–15], и др. Среди авторов присутствует и целый ряд суфийских шейхов. Так, Дервиш Эфенди (ум. 1735) был шейхом братства *хальветие*, наставничал в одной из стамбульских обителей, а также был проповедником в известной мечети Сулеймание. Источники пишут о нем как об авторе весьма популярных *иляхи* [SO, 1996, с. 2, s. 411]. «Татар» Ахмед (ум. 1743/44, Стамбул) был шейхом ордена *накшбендие*, наставничал в известной стамбульской обители Эмира Бухари, написал комментарий на произведение известного анатолийского суфия XIII в. Садреддина Коневии «Мифтаху`л-гайб»

[Bursali, 1990, s. 11–12]. Хамид Бинева (ум. 1771/72), из шейхов ордена хальветийе, является автором тюркоязычного трактата «Рисале-и Тевхид» – о теории «единства (целостности) бытия» («*вахдет-и вуджухт*»), опубликованного в 1288/1871 г. [там же, s. 11].

С другой стороны, как и в предыдущие периоды, в XVIII веке наблюдается присутствие в Крыму османских авторов. Из поэтов дивана отметили бы Османа Кюнхи (ум. 1716), бывшего чиновником в Кефе [Salim, 2018, s. 390]. Здесь же в Кефе провел несколько лет шейх тариката хальветие, поэт-суфий, обладатель «Дивана» Абдуллах Сьдки (ум. в 1759) [Akgül, 2018]. Автор антологии и поэт Абдульфеттах Шефкат (о. 1826/27), родом из Багдада, был секретарем при дворе последних крымских ханов, его антология «*Тезкире-и шуара*» содержит сведения о 125 поэтах периода 1730–1814 гг. [SO, 1996, с. 5, s. 1570]. Еще одним придворным секретарем в Бахчисарае был обладатель «Дивана» поэт Еtimi (ум. 1753) [там же, s. 1683]. Из историков в период второго правления Менгли Герая II (1737–1740) в Кефе на должности воинского судьи (*орду кадысы*) находился Нуман Эбу Сехль Салихзаде (ум. после 1755 г.), впоследствии описавший свои крымские впечатления в известном труде «*Тедбират-ы пессендиде*» [Крачковский, 1957, с. 641–642]. Безусловно, вызывают интерес подробности пребывания всех этих авторов в Крыму, как и отражение крымских впечатлений в их творчестве. Последнее системному исследованию до настоящего времени не подвергалось.

XVIII век, несмотря на весь драматизм многочисленных военно-политических событий, завершившихся падением ханства в 1783 г., оказался для крымскотатарской литературы весьма плодотворным. В поэзии важное место начинают занимать сюжеты из местной жизни, вследствие чего значительно изменяется и сам язык этой поэзии. Крымскотатарская историческая проза переживает свой наиболее значительный период в развитии, обогатив сокровищницу крымскотатарской литературы рядом весьма ярких памятников.

13.3. Письменная культура Крымского ханства

И. В. Зайцев

Рукописи, переписанные крымскими мусульманами в XV–XIX вв., хранятся ныне в собраниях многих стран мира. Это Россия и Украина, Германия и Франция, Австрия и Болгария, Турция и Египет...¹. В современном Крыму, к счастью, сохранилось два больших собрания исламских рукописей, которые выделяются среди всех, в том числе крупных мировых коллекций, количеством и качеством представленных в них списков. Это собрание Ялтинского историко-литературного музея (наследника Восточного музея), формирование которого связано с именем Якуба Кемаля, и коллекция Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника, которую собрал Усеин Боданинский. История изучения крымской рукописной традиции не столь богата. Обобщающих работ она не знает. В 1924 г. выдающийся отечественный арабист Игнатий Юлианович Крачковский, осмотрев собрание Бахчисарайского дворца, наметил контуры дальнейшего изучения рукописной книги в Крыму [Крачковский, 1924, с. 662–666]. В конце 1920-х другой будущий академик, тюрколог – Владимир Александрович Гордлевский кратко обрисовал рукописи Восточного музея в Ялте, очень высоко оценив эту коллекцию [Гордлевский, 1968]. Многообразная собирательская и научная деятельность Усейна Боданинского и Якуба Кемаля в 1920-х годах неизбежно должна была дать блестящие плоды. Но предвоенные репрессии, а затем трагические события 1944 г. надолго отодвинули их появление. Многие ценнейшие рукописи были уничтожены в годы Великой Отечественной войны. Так, во время бомбардировки Керченского порта фашистской авиацией осенью 1941 г. сгорели рукописи, вывезенные из Бахчисарайского дворца [Культурные ценности, 2015]. В 1965 г. незаурядный отечественный арабист Юрий Николаевич Завадовский намеревался в сотрудничестве с тюркологом-османистом Анной Степановной Тверитиновой сделать научное описание рукописной коллекции Бахчисарайского дворца-музея. Этим намерениям по разным причинам не суждено было осуществиться [В

поисках утраченного, 2014, с. 226; Зайцев, Эминов, 2018, с. 43–51].

Еще в 1924 г. И. Ю. Крачковский заметил: «Ближайшее знакомство с отношением к мусульманским рукописям в Крыму убедило меня в том, что на их собиране и регистрацию еще не обращено должного внимания. Если значение памятников истории, искусства и быта начинает сознаваться в широком размере... то рукопись до сих пор не признается за памятник равноценной важности. Этим, вероятно, и объясняется, что правильно оборудованных рукописных собраний не имеется... В мечетях, находящихся вообще в состоянии заброшенности, рукописных собраний сколько-нибудь значительного объема не встречается; даже рукописные Кораны нередко вытесняются печатными казанскими или старыми петербургскими изданиями, как мне пришлось убедиться в Хън Джъми в Евпатории» [Крачковский, 1924, с. 663–664]. Это собрание насчитывало до 150 манускриптов, а при ее постройке Селямет Гераем основной фонд для библиотеки был прислан османским падишахом Махмудом I [Barthold, 1911, с. 585; Крачковский, 1924, с. 666].

И. Ю. Крачковский, осмотрев коллекцию Ханского дворца-музея, собранную У. Боданинским, обнаружил там около трех десятков манускриптов с преобладанием арабских рукописей. Турецкие были представлены диваном Баки и несколькими сборниками. Среди любопытных арабских списков И. Ю. Крачковский отметил два экземпляра популярного в турецких странах сочинения Муллы Хосрова (ум. в 885/1480 г.) *درر الحکام فی شرح غرر الاحکام*, один из которых был закончен перепиской в 895/1489–90 г., т. е. через десять лет после смерти автора [Крачковский, 1924, с. 664].

Совсем недавно, каких-нибудь сорок лет назад, в обобщающем труде по истории рукописной книги на Востоке (1987 г.) о крымских манускриптах почти ничего не говорилось: известно их было немного, внимания с точки зрения оформления они, по мнению ученых, не заслуживали [Дмитриева, 1987, с. 474]. А в 2007 г. Н. Абдульваап писал, что «история рукописной и старопечатной книги

¹ См. подробнее: [Зайцев, 2009].

в Крыму, формы и типы книжных собраний, их жанрово-тематические характеристики и т. п. ... все эти проблемы, долгие десятилетия представлявшие собой „terra incognita“ крымского востоковедения, до настоящего времени продолжают оставаться абсолютно неисследованными...» [Бахчисарайская, 2007, с. 7]. Ныне, к счастью, положение изменилось. Теперь перед нами большое поле для деятельности. Работа по каталогизации двух крупнейших и самых значимых в мире собраний крымскотатарских манускриптов в Бахчисарае и Ялте продолжается [Бахчисарайская, 2007; Рамазанова, 2016]. Нам еще предстоит во всей полноте описать богатейшее рукописное наследие крымскотатарского народа.

Настоящий раздел ставит целью рассмотреть некоторые вопросы, связанные с письменной культурой, а также книжностью Крымского ханства. Я затрону ханскую библиотеку, а также постараюсь выявить репертуар бытовавших на полуострове сочинений, судьбы крымских рукописных сборников на основе изучения их общих внешних и внутренних признаков.

По аналогии с Дагестаном теоретически можно предположить, что «переписка рукописной книги хронологически совпадала с появлением наиболее ранних экземпляров, поступавших извне» [Шихсаидов, 2001, с. 34]. Самые ранние известные мне манускрипты, связанные с Крымом, но переписанные в Малой Азии, Египте и Сирии, не старше 30–40-х годов XV в.² Большая их часть приходится на вторую половину этого века. Их четыре.

1. Прежде всего это анонимный тафсир *جواهر الاصداف*, написанный для Ибрахим-бея Челеби (ум. в 847/1443 г.), сына Исфендиара б. Баязид-хана (Йылдырыма), бея Кастамону (ум. в 843/1440 г.). Рукопись хранится ныне в Staatsbibliothek zu Berlin (Ms. Or. Quart 1364, см. [Verzeichnis, 1968, с. 267 (№ 336)]). На последнем листе (fol. 358b) этого манускрипта вместе с персидскими и тюркскими стихами имеется пометка крупным *наسخом* черными чернилами о том, что она принадлежала некоему хану Мехмед Гераю – одному из четырех крымских ханов, носивших

² Хотя на суфийской рукописи Ялтинского музея (*Китаб ал-масабих фи ат-тасаввуф*) Абу Бакра Юсуфа б. ал-Хасана ал-Васыты имелись владельческие пометки, восходившие к 757/1356 г. [Гордлевский, 1968, с. 259].

это имя (даты окончания правлений – 1515, 1578, 1623, 1641 гг.).

2. Список супракомментария ат-Тафтазани к комментарию ал-Иджи на юридический компендиум Ибн ал-Хаджиба «Мухтасар ал-Мунтаха» («Сокращение „Предела“»), переписанный в каирском медресе ал-Маликийя в январе – феврале 1453 г., из Бахчисарайского собрания РНБ (шифр Бахч. 8).

3. В месяце джумада I 881 г. х. (22 августа – 20 сентября 1476 г.) неким Абдуллою б. Махмудом был закончен список арабского сочинения Садр аш-Шехида Хюсам ад-Дина Омера б. Абд ал-Азиза ал-Бухари *جامع الصغير*. Рукопись эта, согласно пометке, вначале была собственностью некоего Ахмеда б. Хасана ал-Кефеви [Adana, 1985, с. 315, № 1124]. Правда, возможно, что этот владелец – известный правовед крымского происхождения, живший в XVII в., автор как минимум четырех трудов (три рукописи сохранились в Народной библиотеке Диярбакыра (Турция), одна – в библиотеке Принстонского университета (США))³.

4. Наконец, в Бахчисарайском собрании РНБ хранятся шесть каллиграфических томов хадисов ал-Бухари – в списке 1479/1480 г., сделанном в Дамаске муэдзином Омейядской мечети Йунусом б. Мухаммадом ал-Аджлуни и Ибрахимом б. Ахмадом ал-Кудси и заверенном известным юристом XV в. Ибрахимом б. Мухаммадом ан-Наджи аш-Шафи'и (шифр Бахч. 70/6) (см. [Васильева, Лебедев, 1983, с. 132, 133]).

Продолжая аналогию с Дагестаном, необходимо отметить немаловажное обстоятельство. Рукопись, в данном случае XV в. (ибо в Дагестане самые ранние привозные списки датированы XII в.), обнаруженная в Крыму в XIX–XX вв., «имеет уже многовековую историю, и необходим тщательный анализ, чтобы уверенно определить время ее доставки» [Шихсаидов, 2001, с. 36], в нашем случае – в Крым.

Самые ранние сохранившиеся собственно крымские, т. е. выполненные на полуострове, рукописи, которые нам известны, датируются началом XVI в.

³ Три на арабском – *Иказу ль-Гафулин* (этика), *Шарх Мукаддимату с-Саят* (обряд молитвы), *Рисала фи кай-фийяту ль-вахи* («Послание о способе откровения») и одно на староосманском – *Мифтаху с-Сааде ве Мисбаху с-Сияде* (сборник проповедей).

Ханская библиотека

«К сожалению, – как замечает современный крымскотатарский исследователь Н. Абдульваап, – история дворцовой библиотеки до сих пор остается неизвестной» [Бахчисарайская, 2007, с. 12].

Вероятно, часть рукописей ханского собрания в Крыму происходила еще из коллекции ханов Золотой Орды. В частном собрании известного турецкого ученого Фуада Кёпрюлю, например, хранилась рукопись «Хикает-и Джюмджюме Султан» Хюсама Кятиба. Ученый отмечал, что эта копия – перевод на турецкий, выполненный по приказу Сахиб Герая б. Менгли Герая. В начале этого экземпляра была пометка, что в сокровищнице Сахиб Герая имелся монгольский вариант произведения, с которого делался турецкий перевод. Имя переводчика не сохранилось. Ф. Кёпрюлю предположил, что оригинал был написан уйгурицей на чагатайском или монгольском языке (см. [Tansel, 1970, с. 252, 253]).

Любопытно, что именно при Сахибе в Крыму был осуществлен и еще один перевод с «монгольского» на турецкий – сокращения астрономического сочинения (*рисале*), посвященного расчету лет 12-летнего животного цикла под названием «Источник жизни» [Flügel, 1977, с. 179, 180, № 1750]. Этим «монгольским» языком мог быть не собственно монгольский, а, например, уйгурский. Уйгурская письменность была хорошо известна не только в Крыму, но и на Руси. Скорее всего, это был турецкий текст, переписанный уйгурицей.

Уйгурская письменность в государствах, завоеванных монголами, употреблялась помимо делопроизводства и эпиграфики в основном в каллиграфических списках, причем сохранившиеся экземпляры относятся к весьма короткому промежутку времени 1430–1440-х годов. Позднейшая датированная рукопись (при условии правильной ее атрибуции) – 1488 г. Таким образом, крымская рукопись, переведенная при Сахиб Герая, – свидетельство почти реликтового существования при дворе крымских ханов в указанное время знатоков уйгурской графики в ее неделопроизводственном варианте.

Безусловно, крупнейшей потерей рукописей в Крыму был пожар 1736 г. в Ханском дворце в

Бахчисарае. Жильбер Ромм отмечал, что вряд ли что-либо сможет «возместить потери, причиненные в 1735 г., когда генерал Миних сжег город Бахчисарай, где у хана было многочисленное собрание рукописей и печатных книг на татарском и других восточных языках» [Ромм, 1941, с. 56]. Неслучайно в отчете о деятельности Таврической ученой архивной комиссии за первые полтора года ее существования с горечью отмечалось: «Ханский архив в Бахчисарае сгорел в 1736 году, во время похода Миниха, и из него поступило в архив губернского правления только 119 кадияскерских дефтерей, представленных в комиссию в 1802 г. для разбора споров по землям в Крыму» [Отчет, 1889, с. 116], да и В. В. Бартольд замечал: «Что касается крымского государственного архива, то он сгорел во время взятия Бахчисарая войсками Миниха в 1736 г. Уцелевшие остатки этого архива были найдены в 1907 г. проф. В. Д. Смирновым в симферопольском губернском архиве» [Бартольд, 1973, с. 356].

Пожары случались не только в ханских библиотеках, но и в частных книжных собраниях, принадлежавших крымским ученым. Такая судьба, например, постигла библиотеку Абу-с-Сууда (сына бывшего казы-аскера Мехмеда-эфенди и одного из выдающихся крымских ученых начала XVIII в.)⁴. Саид Герай характеризовал его как величайшего эстета среди казы-аскеров и наиболее образованного среди улемы и мирз. Он также играл заметную политическую роль в период правления Менгли Герая II (1724–1730). Все его имущество, включая богатейшую библиотеку, сгорело во время пожара дома, однако он, как замечает Саид Герай, с присущим ему самообладанием не показывал и малейшего признака расстройства от постигшей его беды [Kellner-Heinkele, 1996, с. 287].

Особенно любопытно, что в его собрании были манускрипты из ханской библиотеки. В дефтере 38 казы-аскерских книг (РНБ, дефтер 38, л. 1а) имеется запись (начало XVIII в.) о передаче все тому же бывшему казы-аскеру Сейиду Абу-с-Сууду-эфенди 15 книг из ханского собрания (*kütüb-i Hânîye*) [Cihan, Yılmaz, 2004, с. 163]. Список открывает рукопись «Тэфсир-и кебир» в четы-

⁴ Он умер в опале в начале 1735 г. О нем см. [Смирнов, 1913, с. 154–156].

рех томах. Далее указан один том «Ахкам-ы ситар» – вероятно, сочинения по фикху на арабском (написано не позднее 1135–1136 гг.) [Арабские рукописи, 1986, с. 188, № 3828]. Далее в списке значатся манускрипт под кратким названием كافي и трехтомная рукопись «Тефсир-и кебир» шейха Муртазы-эфенди. Первое название может относиться к одноименному сочинению по медицине под названием كتاب كافي Абу Насра Аднана Айназарби, однако, скорее всего, учитывая тематику остальных рукописей, взятых Абу-с-Суудом из ханской библиотеки, этим манускриптом был список знаменитого трактата по арабской грамматике الكافيه Ибн Хаджиба, комментарии к которому были в Крыму очень распространены. В списке упомянуты различные суры Корана, в частности сура «Корова» (в одном переплете), и комментарии к кораническому тексту («полный том Кашшаф»). Под последним сочинением («полным томом»), скорее всего, имелся в виду тафсир знаменитого ученого XI–XII вв. Абу-л-Касима Замахшари. Не все тома списка и названия трудов (в большинстве случаев сокращенные) удастся отождествить, но с уверенностью можно утверждать, что Абу-с-Сууд в данном случае интересовался текстом Корана (в частности, отдельными сурами мединского периода) и наиболее авторитетными тафсирами, списки которых хранились в дворцовой библиотеке.

В нашем распоряжении имеется перечень книг, представленный в суд в силу необходимости хранителем дворцовой библиотеки (*кютюб-и хани*) в 1720-е годы эс-Сейидом Атауллахом Челеби [КК, 51, с. 61b].

Мы не знаем, была ли какая-то библиотека у основателя Крымского ханства Хаджи Герая, но Менгли Герай безусловно владел книжным собранием. Одна из книг этого собрания дошла до наших дней и ныне представлена в экспозиции Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника. Это супракомментарий на труд Убайдаллаха Садр аш-Шариа на едва ли не самый популярный и распространенный труд по ханифитскому фикху «ал-Викайа». Список датирован 911/1505-06 гг. и имеет оттиск печати Менгли Герая.

Многие крымские ханы были грамотны и даже использовали собственные навыки в дипломатической переписке. Например, грамоту 1537 г. в

Москву сын хана Сахиб Герая калга Эмин Герай «писал... своею рукою» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 8, л. 390–390об.]. Многие представители ханского семейства писали стихи. Как замечает современная исследовательница истории Крымского ханства Б. Келлнер-Хайнкеле, упражнения в написании поэтических произведений составляли наряду с обучением военному искусству непременную часть образования отпрысков Герайской династии [Kellner-Heinkele, 2001, с. 75]. Современник крымского хана Гази Герая – венгр Иштван Самошкёзи отмечал, что хан в каждый поход берет навьюченного книгами верблюда и ищет общества ученых [Иванич, 2004, с. 32]. Мартин Броневский, побывавший в Крыму в 1578 г., писал о приближенных хана: «Дети их получают содержание и воспитание, приличное их происхождению. Сыновей с молодых лет дают обучать арабским письменам...» [Броневский, 2005, с. 179 (355)]. К ханским отпрыскам специальными ярлыками назначались воспитатели-аталыки. Как правило, это были авторитетные шейхи. Так, Ислам Герай в шеввале 994 / сентябре – октябре 1586 г. издал ярлык на имя шейха Абдуррахмана, который считался потомком Ахмеда Йасави, о назначении его воспитателем султана Девлет Герая [Акчокраклы, 1932, с. 13; Усманов, 1979, с. 52].

Кругозор и начитанность некоторых ханов и султанов в традиционных исламских науках поражают своей широтой. Так, султан Саид Герай в своем сочинении воздает должное собственному кадию (Саид Герай был тогда сераскером Едисана) – некоему Муртазе-эфенди. Он сравнил его знания с ученостью признанных авторитетов в отдельных областях: в шариатских науках – с имамом Газали; по его справедливости – с «кади и имамом Абу Йусуфом» (т. е. скорее всего с известным ханафитским правоведом Абу Йусуфом б. Ибрахимом ал-Ансари ал-Куфи); по его знаниям в отвлеченных науках – с Фахр ад-Дином Рази; по эрудиции в традиционных науках – с Имаммом Хиджази; в грамматике – с филологом Мутарризиди (Бурхан ад-Дином Абу-л-Фатхом Насиром б. аби-л-Макаримом Абд ас-Сайидом б. Али ал-Хорезми), а в риторике – с Абд ал-Кадиром ал-Джурджани. Как справедливо замечает Б. Келлнер-Хайнкеле, этот перечень косвенно свидетельствует об исключительной эру-

диции самого султана [Kellner-Heinkele, 1996, с. 284–285].

В Крым специально отправлялись учиться молодые мусульмане из более отдаленных исламских земель, например, из Ногайской Орды. В письме Юсуфа Ивану IV 1550 г. упомянут имельдеш (молочный брат) мирзы Идилбай, «что отсея из нашей земли в Крым ходил грамоте учиться да попал деи там» [Посольские, 1995, с. 309]. Причем на полуостров отправлялись за знаниями и книгами не только представители «периферии» Рах Islamica, но и давно исламизированных земель, где существовала своя богатейшая письменная культура. Красноречивый пример относится к дагестанскому ученому Хусайну б. Атанасу ал-Хунзахи, кади и газию, погибшему при распространении ислама в горной Чечне (ум. в 1667 г.). Согласно колофонам переписанных им рукописей, образование он получил в родном Хунзахе в 1650-х годах. В дальнейшем в поисках знания ал-Хунзахи обошел многие страны, в том числе и Крымское ханство, добившись даже приема у хана Мухаммед Герая (1654–1666). Сюда он попал в поисках сочинения по толкованию Корана – «Хашийа ала Анвар ат-танзил» (автор – Мухаммад ибн Муслихутдин, по прозвищу Шейх-заде). Как следует из этой рукописи, хранящейся в библиотеке Шалапилал в Хунзахе, «ради этой *Хашийа* он пошел в вилайат Крым. Он искал ее в том вилайате, но не нашел. Затем он изложил дело господину Крыма Мухаммад Герай-хану, сыну Саламат Герай-хана. Тот направил тогда в прославленный город Кустантину (т. е. Стамбул. – *И. З.*) посланца с сотней динаров, и он купил ее (книгу) там. Затем названный амир отдал ее Хусайну ради награды от Аллаха».

Источниками пополнения ханского книжного собрания служили обмен и закупка книг не только в Османской империи, Казани, Астрахани, но также в Иране, Египте и Сирии. Имело место и обратное движение: крымские рукописи проникали в другие исламские тюркоязычные регионы, а значит, были там востребованы: «...находки... крымских по происхождению рукописей в Поволжье, на Урале и в Западной Сибири – явление весьма ординарное» [Усманов, 1991, с. 197; Усманов, 1993, с. 43]. Некоторые примеры подобного обмена сохранились даже в русских летописях [Зайцев, 2009, с. 26–33].

Но не только джучидские государства были источниками, из которых рукописные книги попадали в Крым. Естественно, что поток рукописей из старых культурных центров исламского средневековья – Ирана, Египта и Сирии – также не миновал Крымского ханства.

Как уже было указано, в Бахчисарайском собрании РНБ имеются рукописи, переписанные в Египте и Сирии [Васильева, Лебедев, 1983, с. 132, 133].

Безусловно, пополнялась коллекция манускриптами, переписанными в ханском скриптории, а также рукописями, купленными на книжном рынке самого Крыма.

Бахчисарайское собрание РНБ (поступило в отдел рукописей в 1976 г. из Бахчисарайского историко-археологического музея) сохранило для нас часть библиотеки крымских ханов. Так, список 4-го тома тафсира (комментария Корана) автора XIII в. Мухаммада б. Ахмада ал-Куртуби, переписанный, возможно, в начале XV или даже в XIV в., согласно записи на л. 272об., был подарен ханом Селим Гераем I в 1103/1691–92 г. «ученым Бахчисарая». В двух рукописях юридического содержания на первых листах имеются печати турецкого султана Махмуда I (1730–1754), а на последних – Селямет Герая II (1740–1743). То есть в библиотеку хана они попали из книжного собрания османского падишаха (см. [Васильева, Лебедев, 1983, с. 131, 132]).

Действительно, в так называемой «Краткой» истории мы встречаем прямое указание на то, что Махмуд I прислал книги для новой мечети, построенной Селямет Гераем в 1156 г. х. (25 февраля 1743 г. – 14 февраля 1744 г.) [Смирнов, 2005а, с. 66]. В мечети была библиотека, в которую и были присланы рукописи: «Было совершено утверждение хатыба и имама благородной мечети, а также муэдзинов и их заместителей. А книги, присланные падишахом, были запечатанными и закрытыми для их сохранности размещены в библиотеке благородной мечети» [Рук. РО РНБ, ф. 933, № 208 (ТНС 208), л. 121об. – 122; Рук. НБУВ, ф. V (Одесское общество истории и древностей), № 3805, л. 118об.].

Большая часть этого дара – около двух десятков рукописей с печатями Махмуда I и Селямет Герая – хранится ныне в собрании Бахчисарайского историко-культурного и археологического за-

поведника (см., например, [БИКАМЗ, шифр К–9, К–16 и др.]).

При некоторых крымских мечетях существовала должность *китапхане мухафызы* (хранитель библиотеки). Согласно Камеральному описанию Крыма 1784 г., при хане Шахин Герае ханская мечеть в Бахчисарае имела двух мухафызов – Абдар-Рахим-эфенди и Сами-эфенди («Абдул Ибрагим Эфенди» и «Сали Эфенди»), которые получали по полтора рубля в месяц из доходов таможи Кафы. Первый при той же мечети служил учителем богословия, а второй – тюрбедаром (хранителем двух мавзолеев – тюрбе) [Лашков, 1897б, с. 62, 58, 63].

Книгообмен между Крымом и Стамбулом имел место и в начале XVI в., причем также на самом высоком уровне. Вероятно, в конце 1510 г. – начале 1511 г. хан Менгли Герай написал великому везиру Али-паше письмо, в котором среди прочего напоминал, что получил от него первый том «Хроник султанской династии» (*تواریخ سلسله سلطانی*) и ждет продолжения [Le Khanat, 1978, с. 90]. Речь, скорее всего, шла об одном из списков «Хроник Дома Османа».

В Крыму были знакомы и с другими произведениями османской историографии. Так, когда члены Таврической ученой архивной комиссии призвали крымчан приносить в комиссию документы из личных архивов в дар или для снятия копии, известный крымский краевед Мурат-бей Биарсланов (ум. в 1893 г.), служивший переводчиком в Таврическом губернском правлении, принес на хранение рукописную книгу «на татарском языке Теварих-Джами» объемом 431 лист [Протоколы, 1897, с. 69; Отчет, 1889, с. 117; Хрестоматия, 2004, с. 299; Крымские, 2005, с. 41]. Рукопись была просмотрена В. Д. Смирновым, который отождествил ее с кратким изложением всемирной истории, которое выполнил секретарь дивана османского падишаха Мурада III (1574–1595) Эмир Мухаммед аз-Заим. Эта «История» основывалась на классических трудах исламской исторической мысли (сочинения ат-Табари, «Низам ат-Теварих», «Шах-наме» Фирдоуси и др.), в том числе османских («Бехджет ат-Теварих» и «Теварих-и Ал-и Осман»). Манускрипт был закончен в 1641 г., а дополнения к тексту (даты кончины выдающихся османских шейхов и важ-

ных побед османского оружия) вносились вплоть до конца 60-х годов XVII в. [Смирнов, 1889а, с. 104–107].

Другой пример – рукопись поэмы «Искандер-наме» османского поэта Ахмеди, переписанная в Ширазе в 1561 г. Хасаном ал-Хусайни ал-Катибом аш-Ширази и украшенная восемью миниатюрами. Рукопись, по мнению специалистов, отличается «несколько вычурным оформлением». Манускрипт хранится ныне в собрании РНБ (шифр: Дорн 566) [Васильева, 1986, с. 59]. Это произведение поступило в библиотеку в 1817 г. в составе собрания начальника Колывано-Воскресенских заводов в Барнауле горного инженера П. К. Фролова, который приобрел ее у хана Шахин Герая. На первом листе рукописи оттиснута печать с тугрой падишаха Османа III (1754–1757) [Васильева, 1986, с. 59; Васильева, 1993, с. 39–40; Бахчисарайская, 2007, с. 13–14]. Это означает, что книга проделала долгий путь из Шираза в Крым через Османскую империю.

Список «ас-Саб ас-сийяр фи ахбар мулук ат-татар» из собрания ИВР РАН (шифр D 216), переписанный в 1206/1791–92 г. в Кара-хисаре, происходит, судя по печати, из библиотеки хана Сахиб Герая б. Девлет Герая⁵ [Дмитриева, Мугинов, Муратов, 1965, с. 127; Дмитриева, 2002, с. 48].

Еще один ханский манускрипт – уже упомянутый анонимный тафсир *جواهر الاصداف*, написанный для Ибрахим-бея Челеби (ум. в 847/1443 г.), сына Исфендиара б. Баязид-хана (Йылдырыма), бея Кастамону (ум. в 843/1440 г.). Рукопись хранится ныне в Staatsbibliothek zu Berlin (Ms. Or. Quart 1364, см. [Verzeichnis, 1968, с. 267 (№ 336)]). На последнем листе (fol. 358b) этого манускрипта вместе с персидскими и тюркскими стихами имеется пометка крупным *насхом* черными чернилами о том, что она принадлежала некоему хану Мехмед Герая (одному из четырех крымских ханов, носивших это имя; даты окончания правлений – 1515, 1578, 1623, 1641 гг.).

Некоторые рукописи крымские ханы и представители династии Гераев, вероятно, покупали у частных лиц. Так, в арабской рукописи Шемс

⁵ Речь, видимо, идет о Сахиб Герае, сыне Ахмед Герая, внуке Девлет Герая. Он жил в 1726–1807 гг., правил в 1771–1775 гг.

ад-Дина Ахмеда б. Сулеймана Кемаль-паши-заде (ум. в 940/1533 г.) الايضاح الاصلاح имеют пометки о ее принадлежности Мехмед Гераю с датой 1130/1717–18 г.⁶ и некоему Ибрахиму б. Мансуру [Adana, 1986, с. 363, № 1284].

В Народной Библиотеке Св. Кирилла и Мефодия (София, Болгария) хранится рукопись персидско-турецкого словаря Ниматаллаха Руми (ум. 969/1561), переписанная в 987/1579 г. неким Али б. Ферхад а-Калканделани в Софии. На манускрипте (шифр ОР 223) оттиснуты две печати: вакфа библиотеки в Кюстендиле и султана Салих Герая, сына хана Саадет Герая [Из сбирките, 1999, с. 109]. Этот отпрыск ханской фамилии получил воспитание среди кабардинцев, был сераскером Кубани (1726–28), а потом сераскером Буджака (1737–38) и умер в 1738 г.

Рукописи из ханского собрания (судя по печатям) еще в начале прошлого века хранились в Восточном музее г. Ялты [Гордлевский, 1968, с. 258].

По справедливому предположению Н. Абдульваапа, книги из библиотеки ханского дворца могли еще в начале 1920-х годов сохраняться в составе коллекции музея, созданного в 1917 г. на базе дворца. К концу 1922 г., по сведениям У. Боданинского, эта коллекция насчитывала 62 манускрипта [Бахчисарайская, 2007, с. 11].

Исламская книжность

Отечественные исследователи справедливо относят рукописную книгу эпохи Крымского ханства к ветви малоазиатского (турецкого) ареала арабско-письменной рукописной книги. «Письменная литература крымских татар начинается с эпохи Крымского ханства, образовавшегося в 1443 г. на развалинах Золотой Орды и просуществовавшего до середины XVIII в. (sic! – И. З.). Его официальным литературным письменным языком был турецкий. Поэтому авторов, писавших в Крыму, обычно относят к турецкой литературе; впрочем, среди них были и собственно турки» [Дмитриева, 1987, с. 473].

Среди интеллектуальной элиты Османской империи было немало выходцев из Крыма (нисба Кырыми или Кефевы довольно часто встречается

⁶ Возможно, это Дервиш Мехмед Герай б. Мюбарек Герай, родной брат хана Мурад Герая (1678–1683) и двоюродный брат хана Саадет Герая III Кривого (который правил в 1691 г.), – автор собственного исторического сочинения.

в османском ономастиконе). Крымская интеллектуальная элита во многом послужила источником формирования османской прослойки «людей пера». Приведем лишь несколько примеров. Известный османский реформатор капудан-паша Сейид Абдулла Рамиз-эфенди был по происхождению крымчанин. Он родился в Крыму в 1774 г. в семье кадиаскера Фейзулы-эфенди, эмигрировавшего в Турцию в 1782 г. [Брусалы, 1335, с. 28; Миллер, 1983, с. 28]. Известный османский поэт и автор исторических трудов (в частности, «Сефарет-наме-йи Иран» 1160/1747 г.)⁷ Рахми Мустафа-эфенди (известный как *ваканювис*, т. е. «летописец»), умерший в 1164/1751 г. от чумы, был уроженцем Бахчисарая [Bursali, 1975, с. 122; Süreyya, 1996a, с. 1343].

По данным Н. Абдульваапа, крымских ученых, литераторов и поэтов эпохи ханства к настоящему времени известно около двухсот [Бахчисарайская, 2007, с. 11–12]. Не перечисляя всех известных ученых лиц, связанных происхождением или местом жительства с Крымом, приведем имена и труды некоторых из них. Специальную работу крымским авторам посвятил М. Брусалы [Брусалы, 1335]. К числу известных представителей крымской науки XVI в. принадлежит Сейид Ахмед б. Сейид Абдулла Кырыми (ученик крымчанина муллы Шерефетдина). Он известен как автор нескольких сочинений – комментариев и хаший-йе на тафсиры (в том числе популярный тафсир Байдави) [Акчокраклы, 2006, с. 106]. В литературе упоминается и некий Ахмед б. Мухаммед ал-Кырыми, автор комментария на «Бухари-йи шериф», т. е. сборник хадисов ал-Бухари [Акчокраклы, 2006, с. 107]. Укажем на лексикографический труд умершего в 1093/1682 г. Эбул-л-бека Эйуба б. Мусы ал-Хусейни ал-Кафави⁸, который сохранился в нескольких списках [Bratislava, 1961, с. 237; Millî, 1987, с. 20, № 48].

Как известно, литературным языком в Крымском ханстве был староосманский, что, конечно, облегчало знакомство османского общества с

⁷ Видимо, на этих данных основывается мнение Н. С. Сейтягьева о том, что «в крымскотатарской литературе ханского времени была по крайней мере одна посольская книга (сефарет-наме)» [Сейтягьев, 2005, с. 10].

⁸ Об авторе (упомянут под именем Эбу-л-бека Мухиб ад-Дин Эйуб Кефевы) и других его сочинениях см. [Брусалы, 1335, с. 11–12].

крымскими текстами. Однако делались и переводы крымских художественных произведений (см., например, перевод «Йусуфа и Зулейхи» [Фалев, 1925]). Вероятными авторами таких переводов могли быть крымчане, для которых владение несколькими тюркскими языками, арабским и фарси было нормой.

Мы не очень много знаем о терминологии письменной культуры в Крыму. В турецко-крымскотатарском словаре Н. Витсена (конец XVII в.) зафиксированы традиционные для исламского средневекового общества термины, относящиеся к этой области: *devīt* (чернильница), *k'ayūt* (бумага), *qalem* (калем, перо), *müreke'eb* (чернильница) [Baski, 1986, с. 138, 145, 147, 154].

При дворе ханов служили профессиональные каллиграфы-переписчики – хаттаты. Как писал знаток крымскотатарской народной культуры У. Боданинский, «„Хаттат“ – наряду с прекрасным знанием всех арабских шрифтов – „куфи“, „рыка“, „насах“, „сулюс“, „диван[и]“ и др. должен был быть прекрасным знатоком стиля, миниатюристом и знать технику художественного оформления книг, архитектурных частей зданий; школа крымских хаттатов развилась на почве арабской и турецкой школ XVI в. и главным образом в Бахчисарае и Кара-Су-Базаре. Крымские „хаттаты“ подвизались также как живописцы-графики при оформлении стен, потолков, окон культовых сооружений – мечетей, гробниц, надгробных памятников, дворцов правящей знати или торговой буржуазии» [Боданинский, л. 9]. Нам известно имя одного из таких хаттатов. Некий Омер был возможным автором архитектурного проекта и декорации Ешиль-Джами в Бахчисарае (1764 г.), беседки Селямет Герая (1753 г.), росписи ханской мечети (1763 г.) и так называемого «Золотого кабинета» Бахчисарайского дворца [Гинзбург, 1992а].

Благодаря труду султана Саид Герая нам известны выдающиеся крымские каллиграфы, подвизавшиеся при дворе. Во-первых, это четыре представителя одной семьи, сыновья некоего Шехбаз-эфенди. Самым младшим из них был начальник ханской канцелярии при Менгли Герае II и Халим Герае – *диван эфендис* Хамид-эфенди, который благодаря своим прекрасным каллиграфическим навыкам заслужил посмертную славу. Он писал и стихи под псевдонимом Хамди. В той

же должности служил Менгли Гераю II старший брат Хамида-эфенди Мехмед Джан-эфенди, которого Саид Герай считал самым выдающимся поэтом Крыма. Два средних брата, Махмуд-ага и Хамад-эфенди, также отличались незаурядными способностями к каллиграфии [Kellner-Heinkele, 1996, с. 282–283].

Еще одним весьма преуспевшим в науке каллиграфии лицом Саид Герай называет некоего Эбу-с-сууда-челеби, сына Абдулькерима-эфенди из Килии. Эбу-с-сууд-челеби служил в качестве секретаря (диван эфендис) канцелярии султана Саид Герая и был также известен как прекрасный «скульптор» (*مصور!*)⁹ и художник (*نقاش*). «Если бы он прожил дольше, – восклицал Саид Герай, – он мог бы стать выдающимся каллиграфом в Крыму и в Буджаке» [Kellner-Heinkele, 1975, с. 313; Kellner-Heinkele, 1996, с. 291].

Любопытно, что в списке поминков, направленных в Крым во времена хана Джанибек Герая (правил дважды: в 1610–1623 гг.; вторично формально назначен ханом в 1628–1635 гг.), составленном в Бахчисарае при хане Бахадыр Герае б. Селямет Герае (правил в 1637–1641 гг.) в месяце байраме 1047 г. х. (т. е. зульхиддже – конце апреля 1648 г.), упомянут некий Ахмед-ага наккаш-заде, т. е. сын «художника» [Matériaux, 1864, с. 169]. Возможно, имелся в виду каллиграф, выполнявший тугры для ханской канцелярии.

Собственно крымской школы миниатюрной живописи и книжной иллюстрации мы не знаем, хотя, вероятно, миниатюристы при дворе ханов работали. Имевшиеся в Крыму в музее Бахчисарайского дворца образцы миниатюры (шесть экземпляров, в том числе две цветные XVII–XVIII вв.) имели персидское происхождение и, по словам И. Ю. Крачковского, попали туда случайно [Крачковский, 1924, с. 664].

По данным У. Боданинского, который основывался на средневековом списке крымских цехов, имевшемся в Бахчисарайском музее, среди цехов, число которых доходило до 50, был и цех хаттатов (каллиграфов) [Боданинский, л. 10]¹⁰.

Красочную зарисовку работы крымских писцов во время рамадана 1802 г. приводит в своем

⁹ Вероятно, резчик по камню или ганчу.

¹⁰ О крымских цехах – эснафах, а также их связи с ахи см. параграф 12.4.

сочинении П. Сумароков: «Мастерская моя превращается в настоящий департамент; некто здешний помещик, ведающий татарский язык и их обряды, садится делать ему описание, два музульманина, перевертывая листы таинственного Алькорана, приискивают числа и пристойные к тому места, писец за столом переписывает сочинение набело, в иной комнате рисуют виды; одним словом Магомет, Таврида овладели всеми моими помышлениями, и чернила, краски, бумаги заменяли наружностью достоинства доброго писателя» [Сумароков, 1803, с. 221–222].

Точка зрения Л. В. Дмитриевой, которой не были известны крымскотатарские рукописи на арабском и фарси¹¹, сейчас может быть смело отвергнута. Не подтверждается и мнение о том, что «тематика рукописей крымского района ограничена: история (местная), поэзия» [Дмитриева, 1987, с. 474].

В Крыму переписка книг на арабском, тюркских и персидском языках шла постоянно. Довольно значительны были коллекции мечетей и медресе. Из 180 списков, хранившихся во Дворце-музее в Бахчисарае в 1924 г., 150 происходило из собрания Зынджирлы-медресе¹². Именно медресе наиболее часто служили местами переписки. Мы знаем об этом благодаря тому, что в колофонах писцы обычно указывали название медресе и имя мюдерриса, при котором эта переписка произошла.

Но крымчане работали и за пределами полуострова: в собрании РГАДА хранится небольшая коллекция Коранов, часть из которых переписана крымскими книжниками в Великом Устюге. В 1749 г. в архив поступили «книги и рукописи, отобранные у пленных турок, в количестве 68 книг, почти все на арабском языке». В этом собрании представлено пять рукописей в сходных переплетах, переписанных около 1740 г. тарзи мунлой Мухаммадом б. Ахмадом из Карасу и муллою Мухаммадом б. Али Ризаи. Три манускрипта имеют записи о переписке «в московском вилайете в городе Великий Устюг» [Морозов, 1996, с. 13, 22, 24–25, ил. 4].

В крупных мировых собраниях довольно ча-

¹¹ «Сведений о крымскотатарских манускриптах, кроме турецких по языку, в других хранилищах (т. е. не в ИВР РАН. – И. З.) нет» [Дмитриева, 1987, с. 474].

¹² О нем см. [Зайцев, 2016г].

сто встречаются рукописи, переписанные вдали от Крыма, но писцами и авторами, носившими крымские нисбы (ал-Кырыми, ал-Кефев и др.). Довольно ранняя рукопись, переписанная крымским писцом, ныне хранится в библиотеке Гази Хусрев-бега в Сараево [ГНВ, шифр 985, л. 202; Katalog, 1998, с. 71, № 2679]. Это экземпляр сочинения на арабском *الاخبار المنتخب من ربيع الابرار* Мухаммада б. Касима б. Якуба ал-Амаси ар-Руми ал-Ханафи Мухьяяддина б. ал-Хатиба (ум. в 904/1498 г.), который переписал некий Мухаммад б. Ахмад Кефев в конце джумада I, 980 г. х. (начале октября 1572 г.). Рукопись размером 14,5 x 23,5 см (текст 6,8 x 16,5 см), содержит 202 листа, по 19 строк на странице, почерк насх-талик, переплет коричневой кожи с клапаном и тисненым шемсе на крышке. Владельцами рукописи были Шейх Мухаммад в завийе Галата, а потом хваджеган султанского дивана Осман Шехди (1167/1753–54 г.)¹³.

Большая их часть выполнена уже после вхождения Крыма в состав Российской империи, и многие рукописи связаны происхождением с Балканами. Видимо, их можно связать с иммигрантами-мухаджирами. Так, в составе сборника боснийского происхождения сохранилась популярная касыда на арабском Али б. Османа ал-Уши ал-Фаргани Сираджуддин Абу-л-Хасана (ум. в 575/1179 г.). Переписчиком был некий Халиль б. Али Кырыми [BIS, Ms. 344/2, л. 30; Katalog, 1997, с. 97–98, № 135]. В библиотеке сараевского кадия Мустафы Мухиббича (ум. в 1854 г.), которая хранится ныне в собрании редких книг и рукописей Хорватской национальной библиотеки в Загребе, дошло до нас сочинение по фикху «Нафиса-и ухравиййа» Мухаммеда б. Дервиша Ибрахима ал-Калшани (Гульшени). Переписчиком был некий Абд ар-Рахман б. Умар ал-Кырыми, закончивший рукопись в 1207/1792–93 г. [Pačić-Vukić, 2007, с. 226].

Рассмотрим репертуар крымской рукописной традиции.

Коран

Нет сомнения, что текст Корана в Крыму многократно переписывался. Так, Реммаль-Ходжа в

¹³ Ср. печать на л. 202об. Это, вероятно, тот самый Шехди, который в 1171/1758 г. совершил дипломатическую поездку в Россию.

своей истории хана Сахиб Герая упоминает, что последний по возвращении из счастливого астраханского похода устроил пир и приказал улемам и хафизам прочитать весь Коран десять раз. Однажды хан возложил на шейхов обязанность читать Коран 1001 раз и сам назначил, кому читать ту или иную суру [Tarih, 1973, с. 105, 34; Смирнов, 1913, с. 148, 152].

Ту же картину видим и в военном стане хана Ислам Герая: «Утром улемы и праведники, бывшие в стане исламского войска, собрались в султанском шатре, а после молитв и восхвалений [Аллаха] славный, как Дарий и Искандер, Его светлость султан самолично сел на своего быстрого коня, и люди, знающие наизусть Коран (كلام الله حافظ): имам Мехмед-эфенди, и Бабай-эфенди-заде, и кадий Мехмед-эфенди, и несколько других лиц, молитвы которых могут быть приняты, стоя перед лучезарным султанским бунчуком и победоносным сахибкирановым знаменем, прочитали нараспев суры „Фатх“ и „Ихлас“» [Senai, 1971, с. 35–36, 115–116].

Несомненно крымские списки Корана, однако относительно немногочисленны. До нас дошло их около десятка, как за пределами полуострова (в Москве, Сараево и др.), так и в самом Крыму – в Бахчисарае, несколько списков хранится в музее г. Ялты. По словам В. А. Гордлевского, «они не блещут изяществом: письмо в них старательное, аккуратное; рисунок перед сурой „аль-фатиха“ наивен и краски бледно-водянистые» [Гордлевский, 1968, с. 258].

В собрании Бахчисарайского историко-культурного заповедника сохранилось несколько очень интересных Коранов несомненно крымского происхождения. Один из них, согласно колофону, был переписан в Бахчисарае в 1166/1752–53 гг. «во время [правления] хана Арслан Герая сына хана Девлет Герая, сына ал-Хадж Селим-Гирея» [БИКАМЗ, шифр К–68]. Переписал его Хафиз Масуд б. ал-Хадж Али б. ал-Хадж Абд ар-Рахман ал-Кырыми. Этот экземпляр интересен как своими нестандартными размерами (27 x 39 см), прекрасным оригинальным кожаным переплетом с золотым тисненым *шемсе* на крышках и клапанами, а также красочным разворотом-*унваном* с текстом первой и началом второй суры.

Еще один список Корана из коллекции Бахчи-

сарайского историко-культурного музея-заповедника [БИКАМЗ, шифр К–103] также великолепно оформлен. Это большой том (размером 25 x 39 см) с отреставрированным переплетом и изящно декорированными ключевыми фрагментами текста: началом и серединой книги. *Унваны* выполнены в небесно-голубых с золотом тонах. Особое изящество и большой вкус в оформлении, вероятно, объясняется тем, что этот список принадлежал последовательно (?) двум женщинам: некой Рухийе, а затем Хаким-хатун.

Есть *мусхафы*, связанные с Крымом, и за пределами полуострова. Мы уже упоминали о небольшой коллекции Коранов в собрании РГАДА, часть из которых переписана крымскими книжниками в Великом Устюге (в этом собрании представлено пять рукописей в сходных переплетах, переписанных около 1740 г. тарзи мунлой Мухаммадом б. Ахмадом из Карасу и муллою Мухаммадом б. Али Ризаи [Морозов, 1996, с. 13, 22, 24–25, ил. 4].

В сараевской библиотеке Гази Хусрев-бега хранится список Корана (шифр 9), переданный в вафх мечети Гази Мехмеда Фатиха в Сараево в 1287/1870 г. неким крымским уроженцем по имени Мухаммед Фазил б. Мустафа Нуруддин б. Сайид Мухаммед Хашим б. Шариф Ахмад ал-Хусайни ал-Кырыми ал-Кефеви [Katalog, 2000, с. 33, № 47].

Тафсиры

Наиболее популярным в Крыму был, видимо, тафсир ал-Байдави. До нас дошло несколько его списков. Один из них был завершен перепиской в июле 1744 г. (джумада II 1157 г. х.) в Гёзлеве (нынешняя Евпатория) неким ал-Хаджи Исмаилом ал-Кырыми ал-Гёзлёви [Handschriften, 2005, № 71, с. 66–68]; см. также [Бобровников, 2006, с. 202].

Еще один любопытный тафсир на арабском языке хранится в собрании Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника [БИКАМЗ, шифр К–258]. К сожалению, мы не знаем, каков был оригинальный переплет этой рукописи (после реставрации турецкими специалистами он был заменен на новый с золотым тиснением). Рукопись размером примерно 22 x 32 см, согласно колофону, была закончена в 1115 г. х. (1703–1704 гг.) в «медресе хана Мен-

гли-Гирея медресе Абд ал-Джамиля-эфенди», т. е. скорее всего в медресе, которое позднее стало известно как «Зынджирлы». Переписчиком был некий Бекир б. Хасан. Позже (в 1174/1760 г.) списком владел некий Абдулла-эфенди б. Хадж Ахмед-эфенди [Зайцев, 2016г].

Догматика и обряды

Одно из сочинений по исламской догматике на арабском – *زيدہ الواعظين في كلام رب العالمين*, согласно колофону (л. 122об.), было переписано в Крыму в месяце зульхидже 1178/22 мая – 19 июня 1765 г. в период правления хана Кырым Герая б. Девлет Герая неким Али б. Исхаком ан-Ногави (т. е. «Ногайским») [ИВР, шифр Араб. В 2608; Арабские рукописи, 1986, № 2293, с. 128–129]¹⁴.

В собрании исламских рукописей Северного Кипра имеются два сочинения по догматике, связанные происхождением с Крымским ханством: списки сочинения Мухаммеда б. ал-Хадж Хайдара ал-Кефеве, известного как Фейзи-эфенди (ум. в 1053/1643 г.)¹⁵, «Манзумат ал-Кефеве фи-л-акаид» и труда Мухаммеда б. Мустафы ал-Аккермани ал-Кефеве, умершего в 1173/1759 г., «Рисале фи-л-ефаль ал-ибад ве л-ирадет ал-джюзийе» [Kıbrıs, 1995, с. 17–18, № 37, 38].

Еще одна рукопись крымского производства «Манасик ал-хаджж» («Обряды хаджа») из коллекции Отдела редких книг и рукописей НБ МГУ (Шифр: 10с13, инв. № 288713; Ms. Turc. 3). Сочинение, авторство которого приписывается шейху Синану-эфенди (Синан ад-Дин Йусуф ал-Макки, ум. в 989/1581 г.), содержит наставления совершающим паломничество в Мекку – совершаемые обряды, обязанности паломников [Зайцев, 2006а, с. 117–118]. Начало сочинения после басмалы совпадает с началом Санкт-Петербургского списка [Дмитриева, 2002, с. 151. № 424] и ряда других [Verzeichnis, 1968, с. 244 (№ 307); Rieu, 1888, с. 14b–15a]. Рукопись с цельнокожаным переплетом (14,5 x 20,5 см). С л. 6 читается арабская молитва,

с л. 10 – текст на тюрки под заглавием *لطيف الحدايق*, а на л. 35 – другим почерком концовка сочинения по *фикху* на арабском языке (видимо, «Кази-хановы фетвы» Фахр ад-Дина ал-Хасана б. Мансура ал-Фаргани Кази-хана, умершего в 592/1196 г.). На л. 35об. – 37 – молитвы на арабском (почерк *наسخ*, 17 строк, черные чернила). На л. 38 – отрывок (раздел о бракосочетании) какого-то сочинения по *фикху* на арабском (почерк *наسخ*, 17 строк, черные чернила). Колофон рукописи сознательно стерт, однако удается прочитать, что переписка манускрипта закончена в Крыму во время (правления) хана Арслан Герая. Дата окончания читается либо как 1147/1734–35 г., либо как 1167/1753–54 г. Крымский хан Арслан Герай б. Девлет Герай II правил на полуострове дважды: в 1748–1756 гг. и менее года в 1767 г. Таким образом, наиболее вероятная дата переписки этого фрагмента – 1167 г. х.

Молитвы

В собрании РГАДА среди нескольких молитвенников имеется экземпляр, переписанный в Крыму в 1143/1730–31 г. и относящийся ко времени хана Каплан Герая (возможно, он связан происхождением с другими московскими рукописями из Крыма этой эпохи) [РГАДА, ф. 181, оп. 16, № 1470 – турецкая № 11]. Это небольшая книжечка с молитвами от всяких хворей, переписанная, согласно колофону (л. 69об.), в период правления хана Каплан Герая неким муллою (монла) Али-баем почерком *наسخ* (по 7 строк на странице, имеются хафизы).

Фикх

Арабское сочинение по *фикху* под названием «*Maǰmū‘ masā’il*», хранящееся в коллекции Лейденского университета (Cod. Or. 1548), согласно колофону, было переписано в 1104 /1692–93 г. в Крыму в период правления Селим Герая [Schmidt, 2002, с. 105]. На полях и чистых листах рукописи было записано большое количество других текстов, вероятно владельцем или владельцами рукописи (возможно крымскими казиями, по большей части на тюрки): заметка о каком-то знаменательном событии (не определено, каком именно), имевшем место 27 раби I 1111/22 сентября 1699 г. во время правления Девлет Герая II; текст об именах Бога, приписываемый Ибрахиму ал-Кырым-

¹⁴ Рукопись происходит из коллекции С. Г. Вахидова (С. Вахиди). Переплет традиционный – картон, оклеен коричневой кожей. Почерк *наسخ*, чернила черные, 22 строки.

¹⁵ Как замечал В. А. Гордлевский, в рукописях Ялтинского музея встречались упоминания о нем, интересные с точки зрения истории суфизма в Крыму [Гордлевский, 1968, с. 260].

эфенди (ум. в 1042/1632–33)¹⁶; фрагмент текста о «пяти мирах» и «семи стоянках»; фрагмент текста о семи атрибутах существования; фетвы Али-эфенди из Аккермана, Абу-с-сууда, Мехмеда-эфенди Ускюби; текст о появлении кометы 1 рамазана 995 / 5 августа 1587 г.; цитаты из какого-то тефсира; несколько рубаи (в том числе некоего Феври); письмо Ходжи-Садеддина Гази Гераю и ответ на него; анекдоты о Хосрове и Ширин, порочности женщин, таблица правлений османских султанов (от Османа Гази до Ахмеда III, т. е. с 699/1299–1300 до 1115/1703 г.); небольшая заметка Шейха Синана о хороших манерах суфия под названием «Risāletü l-edebye li-şüfiyün»; даты кончины известных исламских святых (например, шейха Абдулкадыра Гиляни – 545/1150–51 и шейха Экбера Мухьяэддина – 638/1240–41) и даже рецепты лекарств от различных заболеваний (в том числе и от диареи). Особого внимания заслуживает текст о правлениях крымских ханов. Этот сборник (как можно его назвать), складывавшийся, вероятно, в течение нескольких лет или даже десятилетий, прекрасно отражает репертуар интересов образованного крымчанина и может служить своего рода символом книжной культуры Крымского ханства: фикх на арабском как основной и самый распространенный жанр переписывавшихся манускриптов и в качестве маргиналий коранические науки, суфизм, поэзия, эпистолярный жанр, история, художественная литература, медицина.

В 1145/1732–33 г. в правление Каплан Герая в Крыму Хаджи Абдуллою б. Курман Али Хаджи был переписан сборник, хранящийся ныне в Отделе редких книг и рукописей библиотеки МГУ (инв. № 288708, шифр 10а 108; из собрания П. Я. Петрова: Ms Arabe 2), – несколько трактатов на арабском по фикху: сочинения второй половины XIV в. «Джавахир ал-фикх» Тахира б. Ислама

¹⁶ Это, возможно, тот же автор, что и Шейх Ибрахим-эфенди – автор рукописи 1013/1605 г. *Рисале мин татар шейх Ибрахим-эфенди* [BAR, Ms. Orientale № 84]. Шейх Ибрахим-эфенди – сын известного основателя рода Аффифи, выходца из Кипчакской степи или Бухары Шейха Ак-Мехмеда-эфенди – в Османской империи известен как автор ряда религиозных трактатов под именем Татар-шейх. Умер в Стамбуле в 1001/1592–93 г. См. [Ассеев о-ссейяр, 1832, с. 152–154; Смирнов, 1913, с. 153; Сейтягьяев, 2003, с. 37–38]. О трех первых поколениях шейхов Аффифи (Ак-Мехмед-эфенди, Ибрахим-эфенди и Абдулла Аффиф ад-Дин-эфенди) см. также [Рамзи, 1908, с. 43–45].

ал-Хварезми и неизвестное ранее в других списках, кроме петербургского, الكفر الفاظ Аби ал-Фаттаха Музаффера б. Ибрахи́ма б. Мансура ал-Хати́ба [Зайцев, 2006а, араб. № 3, с. 24–25; Арабские рукописи, 1986, с. 220 (№ 4668–4672) и 300 (№ 6713)].

Там же в Отделе редких книг и рукописей библиотеки МГУ (инв. № 288710, шифр 10а 109; из собрания П. Я. Петрова: Ms Arabe 3) хранится и другой крымский список знаменитого и очень популярного сочинения на арабском по фикху ханифитского толка «Мультака-ль-абхур» («Слияние морей»). Автор – Ибрахим б. Мухаммад б. Ибрахим ал-Халаби, ум. в 956/1549 г. (о сочинении см. [Крымский, 1971, с. 39]). Этот список был закончен неким Гёз Мухаммедом в годы правления хана Крым Герая б. Девлет Герая II. Этот хан, имевший прозвище «Дели-хан» («Безумный хан»), правил дважды (1758–1764 и 1768–1769 гг.): указание на время написания (месяц зулькада, в пятницу) не проясняет год. В тексте колофона упоминается медресе غايب (еще одно название мне прочесть не удалось), но, к сожалению, мне не известно, что это за «сокрытое» медресе [Зайцев, 2006а, араб. № 4, с. 25–26].

Еще один арабский комментарий на сочинение по фикху был переписан в 1158/1745 г. в Крыму во время правления хана Селим Герая II сына Каплан Герая (ныне хранится в Библиотеке Казанского университета, шифр араб. 3547).

Грамматика арабского языка

Несомненно, что именно арабские грамматики и многочисленные комментарии и супракомментарии к ним составляют наиболее многочисленную группу манускриптов, когда-либо переписанных в Крыму. Причина этого вполне понятна: арабский язык преподавался в медресе и был основой исламского знания.

Знаменитое арабское сочинение «ал-Фава’ид ад-дйа’ийа» Абд ар-Рахмана Джами (1414–1492 гг.) было особенно популярно в Крыму. Сохранилось несколько его крымских списков.

Рукопись библиотеки Гази Хусрев-бега в Сараво (почерк *насталик*, 320 л., 17 x 21,5 см, текст 6 x 16,5 см, 15 строк, хафизы) была переписана, согласно колофону, на л. 302b в месяце шеввале 1175 / 25 апреля – 23 мая 1762 г. в правление хана Крым Герая б. Девлет Герая в медресе Абдул-

лы-эфенди неким «Монлой» Хусейном б. Исмаилом [ГНВ, шифр R 7852, л. 302об.; Katalog, 2000a, с. 421–422, № 5159].

Другой список того же труда крымского происхождения, который был закончен в 1223/1808 г. Шарифом-челеби б. Монла Усманом, хранится в Киеве (НБУВ, ф. 74, № 35). Однако, по мнению В. С. Рыбалкина, в колофоне сказано, что это произошло при хане Селим Герае [Рыбалкин, 1984, с. 167]. Изучение рукописи de visu показало, что записи эти разновременны. Рукопись действительно была переписана во время правления Селим Герая, о чем свидетельствует крайне любопытный колофон (л. 180), согласно которому переписал это сочинение мулла (монла) Шериф-челеби б. Усман в качестве подарка, с тем чтобы читающие его творили благоую молитву.

Между прочим, эта же формула

يازديم يادكار اولمق ايچون
اوقيانلر بر دعا قلمق ايچون بوني

встречается в рукописи из собрания Бахчисарайского историко-культурного заповедника [БИКАМЗ, шифр К–290]. Это известный трактат ал-Кудури, который был закончен перепиской, как сказано в колофоне: «в медресе Бахчисарая и медресе Хусейна-эфенди», к сожалению, не обозначен год окончания переписки, тогда как месяц, день и даже час дня указаны. Там же сказано, что владельцем манускрипта был некий Абд ал-Гаффар.

Встречается эта рифмованная формула и в ряде османских рукописей, что позволяет предположить ее трафаретность в письменной культуре Османской империи [Zetterstéen, 1930, с. 345].

Два крымских списка грамматического труда Джамии «ал-Фава'ид ад-дийа'иййа би шарх ал-Кафийа ли-бни-л-Хаджиб» хранятся в Санкт-Петербургском институте восточных рукописей РАН [Арабские рукописи, 1986, № 7221–7222, с. 317]. Один (ИВР, шифр Араб. В 483), согласно колофону, переписан в годы правления Саадет Герая б. Селим Герая (1717–1724 гг.), с указанием даты выполнения (23 рамазана), но без обозначения года, в местечке Чокрак (چوقراق); переплет рукописи картонный, оклеен светло-желтой кожей, размер 14 × 20,5 см, почерк *наسخ*, чернила черные, 17 строк на странице.

Другой список «ал-Фава'ид ад-дийа'иййа» (ИВР, шифр Араб. В 488) выполнил в 1126/1714 г. некий ал-Хадж б. ал-Хадж Осман-эфенди в медресе Мехмеда-эфенди, причем указано, что произошло это во время хана Арслан Герая (колофон на л. 185об.). Эта рукопись отличается от заурядной крымской продукции того времени цельнокожаным переплетом (15 × 20,5 см) с тисненым *шемсе* в средниках крышек. В остальном же это типичный крымский манускрипт (почерк *наسخ*, чернила черные, 17 строк на странице). Любопытно, что Арслан Герай в указанное время не правил, да и форма написания его имени в рукописи весьма подозрительна. На крымском престоле сидел тогда во второй раз Каплан Герай I. К тому же форма написания имени последнего близка к написанию в колофоне. Таким образом, мы вправе предположить описку (عرصلان ~ قپلان).

В Крымском ханстве были очень популярны и различные *хашиийа* на «ал-Фава'ид ад-дийа'иййа би шарх ал-Кафийа ли-бни-л-Хаджиб» Джамии. Так, в 1163/1749–50 г., согласно колофону (л. 184), в крымском медресе Буран Кары¹⁷ и медресе Абид-эфенди б. Алиджан-эфенди б. аш-Шейх Абд ал-Карим был переписан один экземпляр *хашиийа* на *хашиийа* ал-Лари на «ал-Фава'ид ад-дийа'иййа» (автор Хусейн ал-Карави б. Фейзулла б. Абд ал-Карим), принадлежавший некому Мулле Хусейну [ИВР, шифр Араб. В 3441; Арабские рукописи, 1986, № 7324, с. 321]. Это типичная рукописная продукция крымского происхождения: внешне манускрипт очень скромный (переплет новый, выполнен в ИВР РАН), размер рукописи 17 × 23,5 см, черные чернила, почерк *наسخ*, хафизы, 21 строка на странице.

Хашиийа Усам ад-Дина Ибрахима б. Арабшаха Исфараини на «ал-Фава'ид ад-дийа'иййа» Абд ар-Рахмана Джамии, переписанное в правле-

¹⁷ Это, видимо, та же деревня, которую упоминает султан Саид Герай как «Бурак Кары». В ней, по словам султана, жил известный шейх Сары Мехмед-эфенди, известный своими знаниями по рецитации Корана, а также владевший фарси [Kellner-Heinkele, 1975, с. 314; Kellner-Heinkele, 1996, с. 289]. Хотя эта деревня в Перекопском уезде числилась по правой стороне дороги из Перекопа в Карасубазар именно в форме Буран-Кары (Борангар) [Административно-территориальные, 1999, с. 184].

ние Каплан Герая (т. е. в 1707–1708, 1713–1716, 1730–1736 гг. или 1770 г.), было закончено в крымском медресе Абдалла-эфенди – медресе Чуюнчи Кукаш (چوونچه كوئش)¹⁸ [Арабские рукописи, 1986, № 7329, с. 321].

Две арабские рукописи грамматического содержания крымского происхождения хранятся в коллекции НБУВ. Первая (грамматический комментарий «Дау’ ал-Мисбах»), переписанная Мухаммедом б. Юсуфом б. Мухаммедом, закончена в воскресенье в месяце шеввале 1117 г. х.¹⁹ при хане Гази Герае III в медресе Казыкёй (قاضى كوى) и медресе Ахмед-эфенди.

Укажем также на список арабского комментария к «ал-Мисбах фи-н-нахв» ал-Мутарризи (1213 г.) «ал-Ифтитах фи шарх ал-Мисбах» Хасан-баша б. Ала ад-Дина ал-Асвада (ок. 1397 г.), переписанный во времена хана Мурад Герая в 1680 г. из рукописного собрания МГИМО [Аникева, Зайцев, 2020, с. 27, № 44].

В 1748 г. житель крымской деревни Буз-Ангари (Борангар?) Мухаммед б. Абд ар-Рахим б. Ибрахим ал-Кырыми составил супракомментарий к комментарию Абд ал-Гафура ал-Лари на все тот же учебник арабской грамматики Джами. Список его ныне хранится в РНБ (Бахч. 83, 1812 г.) (см. [Васильева, Лебедев, 1983, с. 134])²⁰.

Другой комментарий (*хашийа*) к арабской грамматике Джами упомянут среди сочинений известного шейха Ибрахима-эфенди (Татар-шейх) [Брусалы, 1335, с. 4].

Некий Мухаммед б. Хумайд ал-Кефеве написал три произведения по арабской грамматике – комментарии на анонимные и авторские работы («Шарх биа ал-афаль», «Шарх ал-амтила», «Хашийа аля ль-Мир Аби ль-Фатх») [Dembski, 1964, № XXIV, 44, 57, с. 181, 187–188].

Другим популярным произведением по арабской грамматике (помимо сочинения Джами) было «ал-Вакыйа фи шарх ал-кафийа» Рукн ад-Дина ал-Хасана б. Мухаммада ал-Астарабаци.

¹⁸ Это, скорее всего, медресе деревни Чуюнча Симферопольского уезда, ныне с. Урожайное [Административно-территориальные, 1999, с. 147].

¹⁹ Воскресенья в шеввале 1117 г. х. выпадали на 17, 24 и 31 января, а также 7 февраля 1706 г.

²⁰ Возможно, тождествен Мехмеду-эфенди Кефеве, которого Мехмед Тахир Брусалы упоминает как автора Хашийа Лари [Брусалы, 1335, с. 16].

В 1115/1703 г. список этого труда был переписан в крымском медресе Улаклы²¹ [ИВР, шифр Араб. В 4440; Арабские рукописи, 1986, № 7201, с. 316]²².

В Отделе рукописей Библиотеки Лейденского университета (Нидерланды) хранится арабская рукопись «аш-Шарх ал-мутавваль» (шифр Cod. Or. 11. 721; ar. 3463), переписанная, как сказано в колофоне (л. 199), в рамазане/хазирани 1034 г. х. (июнь 1625 г.) во время «султаната Мехмед Герай-хана ибн Саадет Герай-хана». Это сочинение автора XIV в. Масуда б. Умара ат-Тафтазани (ум. 792/1390 г.) представляет собой комментарий на сочинение по арабской риторике и теории литературы Йусуфа б. Абу Бакра ас-Саккаки (ум. в 626/1229 г.) «Мифтах ал-Улум». Рукопись была куплена в июле 1967 г. в составе коллекции у лейденского торговца египетского происхождения А. Фататри. Переписчиком лейденского манускрипта был некий Али б. Инак ал-хадж б. [Кырым] суфи (к сожалению, последнее имя читается очень неотчетливо). Владельцем рукописи, судя по надписи на л. 1, был некий Ариф Мехмед-челеби б. Хасан-эфенди. Манускрипт вызывает интерес не только тем, что был изготовлен, вероятнее всего, в Крыму в эпоху «султаната», как выразился переписчик, хана Мехмед Герая III (1623–1628). Тематика сочинения – еще одно подтверждение того, что арабская филологическая литература была в Крымском ханстве, наряду с *фикхом*, весьма востребована и распространена.

Сохранились крымские рукописи, посвященные строю персидского языка. Так, в собрании Национальной библиотеки и архивов Египта в Каире имеется список сочинения Кемаль-паши-заде «قواعد الفرسى», который переписал в шеввале 1088 г. х. (ноябрь – декабрь 1677 г.) некий ас-Сейид Рахматулла б. ас-Сейид Мухаммед б. ас-Сейид Биляль ал-Кырыми [Персидские, 1967, с. 50].

Словари

Мы уже упомянули о рукописи персидско-турецкого словаря Ниматаллаха Руми (ум.

²¹ Деревня Улаклы находилась в Симферопольском уезде по левую сторону Севастопольского шоссе от Симферополя. Ныне с. Глубокий Яр [Административно-территориальные, 1999, с. 151, 49].

²² Переплет современный (выполнен в СПбФ ИВ РАН), размер 15,5х21 см, черные чернила, почерк насх, количество строк – от 17 до 21, хафизы.

969/1561), переписанной в 987/1579 г. неким Али б. Ферхад а-Калканделани в Софии, из библиотеки султана Салих Герая, сына хана Саадет Герая [Из сбирките, 1999, с. 109]. Там же в Софийской Народной библиотеке «Кирилл и Методий» (шифр ОР 56) хранится очень ранний экземпляр крымской рукописной продукции. Это экземпляр арабско-персидского словаря (в оригинале словарь не имеет названия), который переписал, согласно колофону (л. 141b), в «7 день первых чисел месяца» раби I 915/25 июня 1509 г. в Кафе некий Хамза б. Закарийа б. Али б. Хабиб б. Алишир б. Иса б. Муса [Сайар, 1973, с. 91–93, ил. 1, с. 207]. Рукопись имеет цельнокожаный переплет размером 15x21,5 см коричневого цвета без орнамента (имеется только тисненая рамка).

Агиография. В Крымском ханстве, видимо, весьма много писали на житийные темы. Правда, дошедших рукописей довольно мало. Об одном крымском агиографическом сочинении писал обнаруживший его в своих странствиях по бывшей Югославии отечественный тюрколог А. А. Олесницкий: «Книга без названия и автора, но, видимо, называвшаяся „مناقب اولياء“ и передающая биографии разных мусульманских святых нашего родного Крыма и Азова (в то время еще турецк.). Главное, основное место занимает ... Sejjid Jahja Schirvanī, уроженец Ширвана, но затем переехавший в Кафу и живший там. – Вообще большинство крымских святых связано с Кафой. – Очень интересно описание самой Кафы и ее окрестностей. Увлекательны описания святых Азова (Азака), как они помогают своим согражданам бороться с казачками, приплывающими на лодках и подстерегающими свою добычу» [Олесницкий, л. 6].

Среди религиозной житийной литературы укажем прежде всего на популярнейшую поэму о рождении Пророка «Мевлюд-наме» Сулеймана-челеби, также своим происхождением связанную с Крымом (BNF, Supplément Turc № 1181)²³.

Чтение «Мевлюд-наме» («Мевлида») было одним из самых распространенных в мечетях и медресе Крымского ханства [Туран, 2002, с. 306].

В собрании Бахчисарайского дворца-музея представлено несколько списков «Мевлида» [Абдульвапов, 2005, с. 96]; имелись они в Ялтинском музее [Гордлевский, 1968, с. 259].

Столь же популярной была и поэма Языджи-оглу «Мухаммедийе». Организовывать чтение этих поэм считалось религиозной обязанностью. Ахмед Туран приводит любопытный пример из кадиаскерских книг. Некий кожевник Хаджи Юсуф, живший в квартале Молла Али, в своем завещании повелел продать 290 сырых шкур, а на вырученные деньги организовать вакф для чтения «Мухаммедийе» в мечети Девлет Герая («Джами-и Кебир»). Через некоторое время сын покойного обвинил распорядителя доходов мечети мутевелли Махмуда в том, что тот не сдал в вакф полученную прибыль полностью. В июне 1612 г. было зарегистрировано решение кади, по которому с Махмуда взыскали недостающие 45 гурушей; сын покойного вернул их вакфу для чтения «Мухаммедийе» в мечети [Туран, 2002, с. 306–307]. В собрании Бахчисарайского дворца-музея хранится несколько экземпляров «Мухаммедийе» [Абдульвапов, 2005, с. 96]; в ялтинском собрании имелось два списка XVII в. (один 1071/1660–61 г.) [Гордлевский, 1968, с. 259].

К числу житийной литературы относится и арабская рукопись из собрания Бахчисарайского дворца-музея «Китабы фи Менакиби Фатимет-уз-Зехра» Сейида Шерифа, возможно, 818/1415–16 г. [Абдульвапов, 2005, с. 95]. Это сочинение посвящено жизнеописанию дочери Мухаммада Фатимы²⁴.

Еще один пример житийной литературы на турецком языке – список 1083/1672–73 г. из собрания Бахчисарайского дворца-музея поэмы «Хилйат ан-Наби» («Украшение пророка», или же *حليته شريف*) Мухаммеда Хакани (ум. в 1015/1606 г.)²⁵ – авторская переделка арабского сочинения того же Хакани, которую он выполнил в 1007/1598 г. [Дмитриева, 2002, с. 313; Каталог, 1969, с. 33].

Необычный пример крымской книжной про-

²⁴ Оно может быть тождественно рукописи «Манакыб Фатыма ва Хазрат Али ва хакайат ухра фи ал-анбийа алибад» [Арабские рукописи, 1986, с. 445, № 9588].

²⁵ Неотождественное в описании сочинение под названием «Хилье» (?) [Абдульвапов, 2005, с. 96].

²³ Об этом сочинении в венском списке см. [Flügel, 1977, с. 137, № 1698]. См. также [Усеинов, 2001, с. 290]. О традиции исполнения этого сочинения в Крыму см. [Туймова, 2009, с. 149–155].

дукции – рукопись *غنية المتملى فى شرح منية المصلى* Ибра- хима б. Мухаммед ал-Халаби (ум. в 956/1549 г.) (НИРТ, инв. № 306) [Халимов, 1988, с. 181, № 306], переписанная в Карасу в 1226/1811 г. неким Хаджи Хайруллой б. Мухаммед Садык ал-Хисари. Это типично среднеазиатская по оформлению рукопись: зеленый картонный переплет оклеен бумагой, корешок алой кожи, на крышках *турундж* с так называемыми «спутниками», 172 листа, 17 строк на странице, почерк – разборчивый насх. Печать с датой 1318/1900-01 г. (или 1308/1890–91 г.) принадлежит вакфу Муллы Тюрю Мурада Хасана Кули.

В колофоне манускрипта сказано, что манускрипт был переписан выходцем из Хисара (в окрестностях Бухары) в последнюю пятницу месяца сефера 1226 г. х. (22 марта 1811 г.) – «а было это в день [восшествия] султана» – Хаджи Хайруллой б. Мухаммед Садык ал-Хисари в мечети шейха Раджаба в крымском городе Карасу, вероятно, в то время, когда он направлялся домой через Крым после совершенного хаджа. Тут Хаджи Хайрулла б. Мухаммед Садык ал-Хисари безусловно упоминает 10-летие восшествия Александра I на престол (которое произошло 11(23) марта 1801 г. после убийства Павла I).

Этика

В сараевской библиотеке Гази Хусрев-бега хранится список сочинения по этике на турецком языке *علائى اخلاق* османского автора Али-эфенди б. Эмрулла б. Хинаи б. Кинализиде (ум. в Эдирне в 971/1571 г.). Этот экземпляр, хранившийся долгое время в библиотеке медресе Эльчи Ибрахим-паши (так называемой Фейзийе), был переписан неким Мустафой б. Мавлюд в Бахчисарае 3 Джумада II 1112 / 14 ноября 1700 г. (колофон на л. 306). Рукопись размером 13,5 × 21 см переписана почерком талик, имеет 306 листов, кожаный коричневый переплет с клапаном (на котором оттиснуто золоченое *шемсе*) [ГНВ, шифр 2230, л. 306; Katalog, 1991, с. 333, № 2370].

По сравнению с сочинениями по филологии и религии, а также юриспруденции крымских рукописей, посвященных естественно-научным дисциплинам, сохранилось немного. 28 раби I 1258 /

10 мая 1842 г. датирована рукопись «ал-Кавакиб» из собрания РНБ (шифр А. Н. С. 782), переписанная в Санкт-Петербурге неким крымчанином Абд ал-Халимом-эфенди Кефевы.

Крымские писцы работали не только в Крыму, но и в Московском государстве (см., например, [Морозов, 1996, с. 22, 24, 25]) и Османской империи. Так, в колофоне стамбульского списка «Теварих-и Дешт-и Кипчак» сказано: «Писал это бедняк Сейид Осман из Крыма, писец соборной мечети Нур-и Османи» [Зайончковский, 1969, с. 21]. Крымские авторы достаточно часто встречаются в каталогах восточных рукописей мира. Стоит упомянуть, например, список персидско-турецкого комментария к «Гюлистану», составленного Хусейном б. Ибрахимом из Кафы (умер 27 августа 1601 г.)²⁶, подготовленный после смерти автора комментария Хусейном б. Рустам-пашой (Хусейни, ум. в 1023/1614–15 г.). Об этом комментарии с похвалой отзывался Хаджи Хальфа [Persischen, 1859, с. 92, 93, № 62]. Рукопись этого труда, переписанная *насхом* 25 апреля 1601 г., хранится в Отделе рукописей Библиотеки Румынской академии наук [BAR, Ms. Orientale 11; Sowti].

Поэзия

«Гюлистан» Саади, видимо, пользовался особой любовью крымских авторов и переписчиков. Так, историк Абдулла б. Ризван в своем сочинении «Теварих-и Дешт-и Кипчак» неоднократно цитирует его бейты [Зайончковский, 1969, с. 22]. Один рукописный экземпляр этого произведения 958/1551 г. хранится ныне в коллекции Бахчисарайского дворца-музея (№ 473) [Абдульвапов, 2005, с. 94]. Среди рукописей Ялтинского музея В. А. Гордлевский отметил перевод «Гюлистана» на арабский, выполненный при султани Мустафе III (1754–1774), причем переводчик пользовался и предшествующими переводами этого текста, критикуя их и внося поправки [Гордлевский, 1968, с. 260].

В собрании Национальной библиотеки и архивов Египта в Каире имеется список второго тома тюркского комментария к «Гюлистану», который переписал в месяце раби I 1160 г. х. (март

²⁶ Об авторе и других его сочинениях см. [Акрпгар, 2002, с. 186–188].

– апрель 1747 г.) Исмаил ал-Кырыми, имевший и вторую нисбу – الكورلوى, т. е., видимо, ал-Гёзлеви (из Гёзлева, нынешней Евпатории) [Персидские, 1966, с. 348]²⁷.

В Национальной библиотеке Франции хранится список «Гюлистана», выполненный Дервиш Хафизом б. Фахр ад-Дином Каши, учеником (кучик-и) Бабы Мухаммеда Мир Гийаси в Кафе в начале 1510 г. (начало шевваля 915 г. х.) [Richard, 1989, № , 297, с. 307].

Крымские авторы много переводили с персидского и арабского языков: например, умерший в 983/1575–76 г. муфтий Кафы по прозвищу Баба-Куши Шейх Абд ар-Рахман б. Мустафа (возможно, вместе со своим сыном Мустафой) перевел с персидского сочинение «Низам ат-таварих», получившее название «Анис ал-мулук» [Khalfa, I, с. 489] (рукописи см. [BNF. Supplément Turc 1066; Хамидийе, 1300, с. 48²⁸]). Он принадлежал к ученикам известного османского правоведа Абу-сууда-эфенди. Хаджи Хальфа, а за ним и М. Брусалы называет среди его сочинений по фикху некий трактат под названием «Бустан-и шакаик-и Нуман», составленный в 974/1566–67 г. при хане Девлет Герая [Khalfa, II, с. 51; Брусалы, 1335, с. 12].

Персидская поэзия в целом пользовалась популярностью в ханстве. В коллекции Бахчисарайского дворца-музея сохранилась рукопись комментария некого Али б. Ахмеда к «Месневи-и манави» Джалал ад-Дина Руми, переписанная в 1007 /1598–99 г. [Абдульвапов, 2005, с. 94], а В. А. Гордлевский упоминал ялтинский список комментария Шемии на «Пенд-наме» Фарид ад-Дина Атгара [Гордлевский, 1968, с. 259].

Переписывали в Крыму и дидактико-богословские произведения. Знаменитый прозаический памятник золотоордынско-хорезмского языка XIV в. «Нахдж ал-фарадис» имелся в крымской по происхождению рукописи (ялтинской), ныне, к сожалению, вероятно, утерянной. Это сочинение состоит из четырех глав, каждая из которых включает по 10 разделов. Каждый раздел начинается соответствующим хадисом. Первая глава

²⁷ Совершенно очевидно, что это тот же человек, который в июле 1744 г. переписал в Гёзлеве упомянутый выше тафсир ал-Байдави [Handschriften, 2005, № 71, с. 66–68; см. также: Бобровников, 2006, с. 202].

²⁸ Автором назван сам Абд ар-Рахман б. Мустафа.

посвящена жизнеописанию пророка и его сподвижников, вторая – первым четырем (праведным) халифам, членам семьи Мухаммада и имамам, третья – изложению основных законоположений ислама о богоугодных делах, наконец, четвертая носит назидательный характер.

Крымский список, переписанный раби II 792 / 19 марта – 16 апреля 1390 г., принадлежал, судя по приписке (23 шабана 1176 / 9 марта 1763 г.), некоему Мухаммед-шаху сыну Бахадыра, а затем Али Мурзе Эмирову, после смерти последнего рукопись попала в Ялтинский музей. Ялтинская рукопись была неполной и содержала лишь две первые главы. Рукопись была написана очень красивым почерком насх с элементами сульса, по 13 строк на странице, и содержала 549 страниц размером 19 × 29 см. Любопытно, что в конце раздела с описанием смерти и погребения халифа Омара красной тушью было изображено взаимное расположение могил Мухаммада и халифов Абу Бакра и Омара [Якуб-Кемаль, 1930б; Наджип, 1989, с. 138–141].

Перепиской книг в Крыму занимались, конечно, не одни мусульмане, но и христиане. Причем и для них иногда в качестве языка переписки служил, например, фарси.

Так, в Национальной библиотеке Франции хранится персидский евангельский сборник (Persan 3), переписанный в Крыму в городе Солхат (Шахр-и Крым) в 776/1374 г. [Richard, 1981, с. 225, 245; Richard, 1989, с. 29, 30; Manuel, 2000, с. 129, ill. 35]. Скорее всего, автором копии был армянин – возможно, монах соседнего с Солхатом армянского монастыря Сурб-Хач. В это время в Крыму, как мы уже знаем, переписывались и мусульманские тексты на фарси [Richard, 1981, с. 227].

К числу крымской продукции можно было бы отнести и небольшой сборник хикайатов из собрания ОР РГБ (ф. 186, № 181). Судя по переплету и бумаге с филигранями ярославской мануфактуры 1817 г., эта рукопись была переписана в конце 1810-х годов неким Мехмед-Шарифом б. Сулейманом ал-Кырыми²⁹. Вполне возможно, что этот

²⁹ На л. 55об. и далее находятся таблицы соответствий месяцев мусульманского и христианского календарей в 1236–1240/1820–1825 гг., а также календарь на 1820–1831 гг.

человек, переписавший по меньшей мере часть манускрипта, ко времени написания рукописи жил в Поволжье.

Та же рукопись с л. 44об. содержит несколько касыд и мунаджатов (Яхья-челеби, Байазид Бистами, шейха Абу Сайида) с датой 1820 г., а с л. 48об. – извлечение из пособия по медицине на арабском.

Наконец, один из поздних крымских манускриптов (1908 г.) – автограф поэмы бахчисарайца Хабибуллы Керема (ум. в 1913 г.) «Гунча-йи афкар» («Бутоны мыслей») (рук. ИВР РАН D 136) [Дмитриева, 2002, с. 357–358]. Автограф его же дневника с записями о местных событиях с 1901 по 1913 г., о наблюдениях за погодой в указанный период также хранится в том же собрании (рук. С 1144) [Самойлович, 1913а; Дмитриева, 1987, с. 473; Дмитриева, 2002, с. 91].

Таким образом, основной репертуар крымско-татарской книжной продукции эпохи средневековья, исходя из статистического распределения дошедших до наших дней списков, можно представить себе следующим образом. Безусловно, доминировали сочинения по грамматике арабского языка (включая словари) и фикху. Филологические науки в ханстве и за его пределами – в османских владениях на Южном берегу – видимо, наряду с фикхом были особенно распространены. Недаром среди написанных крымскими авторами немало комментариев на труды по грамматике и сочинений по филологии. Распространенность трудов по юриспруденции объясняется, конечно, востребованностью такой литературы, как руководства для осуществления правосудия кадиями.

Кроме того, в рукописях представлены хадисы, тафсиры, догматика, этика, всякого рода молитвенники, всемирная и крымская история, житейная литература, изящная литература на фарси, арабском и тюркских языках.

В XV и начале XVI вв. крымская рукописная традиция еще вполне своеобразна, но уже начиная с 20-х годов XVI в. и канцелярия и книжный рынок начинают активно османизироваться. Безусловно, наиболее распространенным языком книжности на Крымском полуострове был арабский: подавляющее число рукописей переписано именно на нем. Впрочем, в одном крымском пись-

мовнике (*инша*) составитель заявляет, что, служа в судах, он убедился в плохом знании арабского языка и для облегчения выпустил руководство на турецком. «И правда, – писал В. А. Гордлевский, – арабский язык стал уже забываться: на рукописях попадаете иногда безграмотная датировка: сперва следуют сотни, потом уже тысяча и т. д.» [Гордлевский, 1968, с. 261].

Персидская книжность представлена либо поэзией Саади, либо словарями. Как замечал В. А. Гордлевский, для полноты образования мусульманина, изучавшего «три языка», необходимы были, разумеется, пособия по арабскому и персидскому языкам. «Здесь (имеется в виду собрание Ялтинского музея. – И. З.) – словари и словарчики арабско-турецкие, персидско-турецкие; словарь Сюрури (954 г. х.); эксерпт из словаря „Сыхах“ (Джевахери); персидская грамматика, составленная стихами османскими, и др.» [Гордлевский, 1968, с. 259].

Тюрки были полностью вытеснены в сферу истории, народной литературы (дастаны) и, возможно, магии и медицины. Хотя в собрании Ялтинского музея хранились и рукописи по различным аспектам религии и права, созданные на староосманском, «это, так сказать, примерная библиотечка студента-богослова, учившегося в Турции и перевезшего в Крым свои книги. Преобладают богословские науки: тефсиры, теджвид, фикх (между прочим, популярное среди студентов руководство, так называемый „саффаг“), шариат и фетвы, учение о наследовании, сборники молитв, руководства обрядов религиозных, построенные на авторитетных сочинениях Муллы Хюсрева (XV в.), и т. п.» [Гордлевский, 1968, с. 259].

Мы сознательно не касаемся поэтических произведений, созданных в Крымском ханстве как представителями правящей династии, так и суфийскими поэтами-дервишами, такими как Мудами (?–1540), Бакайи (?–1591), Афиф ад-Дин Абдулла-эфенди (?–1640), Абдул Азиз Афиф-заде (?–1640) и другими [Усеинов, 2001, с. 290].

Мало сведений о рукописных книгах, относящихся к магии. Между тем они, безусловно, имелись у татар Крыма и были очень популярны. В 1875 г. В. Х. Кондараки писал: «Джинджи-китап –

книга о духах, содержащая в себе кроме правил вызова духов и средства лечения, заговоры, чародейства, предсказания будущности и так далее. Рукописная книга эта, по словам татар, имеется у каждого джинаджи, который при посредстве ее выделяет чудеса. Веря в свойства этой книги настолько же, как и в святость Корана, татары охотно принимают к себе джиджиев, доверяют им отчитывание сумасшедших, выпрашивают лекарства от болезней, гадают...» [Кондараки, 2005, с. 272]. К сожалению, отождествить это название с каким-либо известным сочинением не удается. Народные суеверия уживались с каноническим исламом часто даже на страницах одного манускрипта: одна рукопись Ялтинского музея заканчивалась заговором (тылсым), в другой – давались неканонические обряды [Гордлевский, 1968, с. 259].

Женщины и рукописная культура Крымского ханства. Любопытно, что среди любителей рукописной книги в Крымском ханстве были и женщины. Так, в одном из дефтеров кадиаскерских книг (запись месяца реджеба 1019 г. х. / 19 сентября – 18 октября 1610 г.) мы встречаем среди описи имущества покойной Шехр-биким бинт ал-Хадж Абд ар-Рахим, которое она отписала своей дочери Нур-Джихан, древний список Корана ценой 2 сома [РНБ, дефтер 1, л. 24об.].

В. А. Гордлевский упоминает об одной крымской рукописи (судьба ее теперь неизвестна), свидетельствующей о высокой грамотности одной женщины XVII в. (1038/1628–29 г.) – Фатимы «Узбечевий» [Гордлевский, 1968, с. 259].

Согласно дефтеру вакуфов ливы Силистре (1006/1597–98 г.), «неутешная» мать покойного Саадет Герая³⁰ (т. е. супруга Мухаммед Герая «Жирного») отписала на нужды благотворительности в Янболу, где у Гераев были наследственные владения, 30 тыс. акче наличными, причем 3450 акче из пущенной в рост суммы предназначались для контроля за исполнением условий вакфа, на содержание *муаллима* и *ноктаджи* (своего рода смотрителя, постового), изготовление и раздачу халвы во время *kandil*

³⁰ Саадет Герай б. Мухаммед Герай умер среди ногайцев в 999/1590–91 г., тело было перевезено в Крым и похоронено рядом с могилой отца [Смирнов, 2005, с. 391].

geceleri (вечеров с лампадами), изготовление свечей, освещение и уборку, а также, что важно для нашей темы, чтение полного текста Корана и благословений, вероятно, в память покойного сына [Sebeci, 1988, с. 460].

Стоит отметить, что эти упоминания Корана в связи с женщинами далеко не единственные. Великий русский поэт В. А. Жуковский, посетивший Крым в 1837 г., в своем дневнике записал: «Татарская хижина в Биюк-Ламбате. В гостиной дивные полотенцы. На очаге казанок, на полу пшено, в алькове рябина. Женская часть. Хаос корзин, тряпья, жестяных кувшинов, Алькоран» [Жуковский, 2002, с. 44].

Предложенная реконструкция рукописного наследия репертуара Крымского ханства, безусловно, неполна. Можно только весьма приблизительно представить себе, какое количество рукописей (а значит, текстов конкретных сочинений) до нас не дошло. Большая часть крымской книжной продукции на арабском, персидском и тюркском приходится на XVIII в.

Я сознательно не перечисляю все рукописи, упоминавшиеся в литературе или архивных документах, но в настоящее время не обнаруженные. Так случилось с бахчисарайским списком «Героической поэмы Джеври» – «Малхамата-йи манзуме» или «Малхамата-йи Джаври»³¹ (1635 г.) – астрологической поэмы стихотворца и каллиграфа, возможного автора поэтических хронограмм ханских на воротах и фонтане в Гёзлеве, Ибрахима Джеври (ум. в 1065/1654 г.). Так случилось и со сборником стихов Яхья-эфенди. Эти рукописи были учтены в довоенной описи Бахчисарайского музея, но в настоящее время не найдены [Абдульвапов, 2005, с. 96–97].

О ценах на книжную продукцию в Крыму сведений мало. Цена на один и тот же манускрипт в Крыму в течение XIV в. могла сильно меняться (что зависело от денежного курса), например, в 1380 г. еврейская рукопись с текстом нескольких книг пророков стоила 120 «серебренников» (т. е., вероятно, дирхемов) [Михневич, 1848, с. 60].

Между тем нет сомнений, что существовали и

³¹ Санкт-петербургский список см. [Дмитриева, 2002, с. 314].

специальные книжные рынки. Вероятно, центром книжной торговли была Кафа. В 1770 г., как пишет османский автор Неджати, ногайский мулла Идрис (которого считали русским шпионом) прибыл в Кафу с большим количеством книг на продажу. По этому поводу автор заметил: «Ногайским улемам трудное теперь дело, потому что если пойдут с книгами к гяурам, гяуры не доверяют; придут назад – там никого не осталось, кто бы покупал книги; и вот поневоле они приносят книги сюда в Кэфу и стараются, как бы обменять их на деньги да и уйти себе» [Смирнов, 1894, апрель, с. 179].

Библиотеки

Мы уже вскользь упомянули о частных библиотеках ханства, в частности, о сгоревшем богатом книжном собрании Абу-с-Сууда (сына бывшего казы-аскера Мехмеда-эфенди и одного из выдающихся крымских ученых начала XVIII в.). Но у нас есть данные и о других частных книгохранилищах.

Среди частных книг наибольшее число принадлежало таким улемам, как кадий, мудеррис и муфтий. В мухаллефате муллы XVII в. Сулеймана-эфенди встречаются названия 34 трудов. Они относятся главным образом к области религиозных наук; имеются также словари [КК, 23а, с. 130 а/1]. У мудерриса Мехмеда-эфенди зафиксирована 51 книга [КК, 66, с. 30 б/1]. Список принадлежащих ему книг почти на 50 лет старше предыдущего. Среди книг, переданных шейхом ордена Хальвети Хусейном-эфенди в вакуфное владение основанного им медресе, встретим также суфийские трактаты [КК, 1, с. 25 а–б]. Кроме того, имеется упоминание о книгах «на арабском, фарси и турецком языках», названия которых не указаны [Туран, 2002, с. 92].

До нас дошел один список частной крымской исламской библиотеки, который относится к значительно более позднему времени, но сохраняет все присущие средневековой крымской книжности черты. Рукопись Ялтинского музея с номером 12108 представляет собой *дефтер* в бумажной переплете, крышки которого сделаны из т. н. бумаги *эбру*. Это сборник копий судейских решений, вынесенных крымскими кадиями в 1830-х годах. На нескольких листах дефтера представлен перечень книг собрания некоего ученого мужа, люби-

теля и знатока наук и литературы по имени Сейид Абдулла-эфенди, составленный 19 октября [18]87 г. Список из 215 номеров описывает богатейшую библиотеку. В ней нашлось место религиозным текстам (многочисленные *тефсиры*, *шархи* и *хашии*, сборники *хадисов*, труды по шариату), изящной словесности и словарям. Сочинения по философии, медицине и жития святых (менакиб) соседствуют в этом собрании с трудами по логике и адабу. Но особую гордость владельца, скорее всего, вызвала поэтическая подборка. Тут мы найдем и собрания стихов персидских классиков (Хафиза Ширази), арабскую «Касыду Плаща», диваны азербайджанских (Физули), крымских (Ашик Умер) и османских авторов (например, Рагыба-паши). Среди этих рукописей есть и Диван Насими. Стоит отметить, что значительную часть рукописей владелец переписал самостоятельно (напротив названий этих книг он оставил соответствующую запись).

Еще и в конце XIX в. – начале XX в. в Крыму сохранялись значительные рукописные собрания, прежде всего при мечетях. Так, в конце XIX в. в мечети деревни Азис Абляким-эфенди Куламетоглу обнаружил «большое количество книг и рукописей на арабском и татарском языках» [Протоколы, 1899, с. 80–81].

Бумага. У нас нет сведений о производстве бумаги в Крыму в ханский период. Бумага использовалась в основном османского и европейского (в XV–XVIII вв.) производства. Это было вызвано доступностью последней: основными поставщиками бумаги не только в Крым, но и в другие золотоордынские земли были генуэзские колонии на полуострове [Усманов, 1979, с. 87]. В потреблении бумаги для канцелярских нужд Крым зависел сначала от генуэзских колоний, а потом от Османской империи и начиная с XVIII в. от России. Бумага и канцелярские принадлежности как престижные и дорогие предметы могли даже преподноситься в подарок крымским вельможам. Например, в 1779 г. А. В. Суворов посылал для раздачи пророссийски настроенным крымским султанам несколько часов, деньги, кофе, чай, сахар, а также бумагу и сургуч [Сакович, 1858, с. 185]. Схожей ситуация была и в Ногайской Орде, где, видимо, не только читали, но и изготовляли книги.

В письме 1538 г. к Ивану IV ногайский бий Сейид Ахмед просил у московского государя «шесть красок розных, да батман шафрану, тысяча листов бумаги», т. е. принадлежности для ведения канцелярских дел и книжной переписки [Посольские, 1995, с. 200].

Весьма редко среди крымских рукописных книг попадает бумага среднеазиатского происхождения. Продукция XIX в. сплошь переписана на бумаге российских фабрик. Сведений о дополнительном лощении и иной доработке европейской бумаги в Крыму у нас нет.

Также нет прямых данных о составе и способах приготовления чернил. По аналогии можно предположить, что они вряд ли отличались от применявшихся в Золотой Орде [Усманов, 1979, с. 89–92], а потом и в Османской империи. Основным орудием письма был калам, а в более поздний период (с XVIII в., а возможно, и ранее) гусиное, а потом и стальное перо³².

Почерки и палеография. В канцелярском делопроизводстве Крыма в золотоордынскую эпоху и в период Крымского ханства употреблялся почерк *дивани*. Первое его проникновение в регион относится к XIII–XIV вв., а вторичное связано с османским влиянием начиная с конца XV в. «Непосредственная связь крымского *дивани* с собственно турецкой традицией доказывается и тем, что в ярлыке 1515 г. встречаются такие несвойственные раннеджучидским актам особенности, как применение золотого порошка в чернилах» [Усманов, 1979, с. 119–120, 93]. В Крыму имелись настоящие мастера своего дела, создававшие прекрасные каллиграфические экземпляры. «Наиболее яркими образцами джучидских каллиграфических писем, исполненных каламами различных размеров, являются ярлыки Токтамышша и Саадат Герая в знаменитом стиле *дивани*» [Усманов, 1979, с. 93]. Использование в делопроизводстве других почерков (например, сульс и куфи) прекрасно отражено в работе М. А. Усманова [Усманов, 1979, с. 121–124, 151]. В рукописной арабграфичной книге эпохи Крымского ханства сколько-нибудь широкого применения этих почерков мы не встречаем.

³² Костяные и стальные перья употреблялись в Улусе Джучи еще в XIV в. [Усманов, 1979, с. 93].

Излюбленным почерком рукописных арабграфичных книг в Крымском ханстве был *наسخ* и его разновидности. В Поволжье и Приуралье в то же время «самый распространенный почерковый стиль, который определяет „лицо“ большинства рукописей, – это наста’лик-шикасте. Преобладание его не было случайным. Основным передатчиком каллиграфической информации в Среднее Поволжье и Приуралье была Средняя Азия, где с XVII века почерк наста’лик под влиянием нового стиля – шикасте потерял свою прежнюю чистоту и в результате возник очень своеобразный почерк наста’лик-шикасте. Для скорописи он оказался наиболее приспособлен» [Кадыров, 1999, с. 25]. Впервые мнение о том, что господствующим почерком в Крыму был *наسخ*, в то время как в Средней Азии предпочитали *насталик*, выразил еще Якуб Кемаль [Якуб-Кемаль, 1930б; Наджип, 1989, с. 141].

Переплеты. Основной вид крымского переплета в XV–XIX вв. – полукожаный. Цельнокожаные переплеты не так часты, так же как и клапаны. Под османским влиянием на крышках появляются тисненные шемсе. Заметного среднеазиатского влияния увидеть в крымских рукописях указанного периода нельзя³³. Были, вероятно, при крымском дворе и собственные профессиональные переплетчики (саххафы). Жена бежавшего в Россию Мурад Герая (сына Мухаммед Герая и царицы Хан-Токтай), умершего при странных обстоятельствах в Астрахани, осенью 1593 г. по просьбе Гази Герая была отпущена в Крым вместе со своей свитой. Оттуда в одном из писем в Москву царю Федору и Б. Ф. Годунову (1594 г.) она среди прочего просила прислать ей оставшийся «для переплетки у Шебан мурзина человека аталыка куран мой», т. е. список Корана, переплетавшийся неким аталыком – человеком Шабан-мирзы (брата Ертуган)³⁴.

³³ Особняком стоят рукописи, переписанные в Крыму выходцами из Средней Азии. См. выше манускрипт, выполненный жителем Хисара (в окрестностях Бухары) Хаджи Хайруллой б. Мухаммед Садык ал-Хисари в мечети шейха Раджаба в Карасу в последнюю пятницу месяца сефера 1226 г. х. (22 марта 1811 г.), вероятно, в то время, когда тот направлялся домой через Крым после совершенного хаджа.

³⁴ РГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 21, л. 350.

В университетской библиотеке Упсалы хранится список сочинения Хафиза Хусейна б. Исмаила Эйвансарайи *حديقة الجوامع* (описание достопримечательностей Стамбула), который закончил 29 июня 1862 г. переплетчик Хасан б. Абд ал-Джемил ал-Кырыми [Zetterstéen, 1935, с. 55].

Форматы рукописных книг. Обычный формат рукописи, переписанной в Крыму в XV–XIX вв., примерно таков: ширина от 13 до 16 см, высота в пределах 17–24 см. Интересно сравнить эти данные с данными другого ареала тюркоязычной рукописной книги – поволжско-уральским [Дмитриева, 1987, с. 409]. Как заметил автор специального исследования по истории старотатарской письменности этого ареала Р. М. Кадыров, «книги большого размера среди рукописей, созданных в мусульманском Поволжье и Приуралье, редки. Обычные средние размеры таковы: высота в пределах 18–25 см, ширина 12–16 см» [Кадыров, 1999, с. 24].

Декоративное оформление. Оформление арабграфичной крымской книжной продукции эпохи средних веков и Нового времени, как правило, очень скромное. Подавляющее большинство крымских по происхождению рукописей – весьма заурядная и не представляющая интереса с художественной точки зрения продукция. Актовый материал более богат, но и многие ярлыки, изданные в Крыму, также весьма невыразительны, хотя в дипломатических посланиях мы встречаем подлинно художественные образцы [Фаизов, 2002]. Основная масса арабграфичных рукописных книг Крыма – экземпляры, созданные переписчиками для личного пользования. Османская каллиграфическая и декоративная традиция, столь ярко расцветшая именно в этой области, на Крым повлияла слабо. Можно с некоторыми оговорками согласиться с Л. В. Дмитриевой, которая писала: «Среди немногих известных манускриптов крымского района нет таких, которые отличались бы по оформлению от обычных турецких рукописей или имели художественные особенности... Заслуживающих внимания по характеру колофонов или приписок среди рассматриваемых рукописей нет» [Дмитриева, 1987, с. 474].

История крымской рукописной книги на арабском, фарси и тюрки не знает экземпляров, украшенных миниатюрами. Хотя чертежи

и примитивные рисунки иногда встречаются. Так, в рукописи «Тарих-и Мехмед Гирай» (л. 9r) есть изображение кометы, которая предвещала осmano-габсбургскую войну 1683 г. [Тарих-и Мехмед, л. 10; *Tarih-i Mehmed*, 1973, ил. 34]. Там же приведен чертеж трех небесных сфер и фаз луны [Тарих-и Мехмед, л. 39]. В рукописи «Нахдж ал-фарadis» красной тушью было изображено взаимное расположение могил Мухаммада и халифов Абу Бакра и Омара.

Мы уже отмечали, что весьма часто в качестве мест переписки рукописей выступают медресе. Вполне возможно, что обязанность по переписке рукописей ложилась на учеников. К 1783 г. число медресе в Крыму достигало 1500, поэтому объем их книжной продукции должен был быть довольно велик.

Необходимо подчеркнуть, что направление развития рукописной книги в Крымском ханстве в целом совпадало с эволюцией делопроизводственных традиций на полуострове. Крымская арабграфичная рукописная книга, тесно связанная происхождением с золотоордынской письменной культурой и поначалу представлявшая, видимо, местный вариант последней, с конца XV в. начинает активно османизироваться. Эта османизация касалась прежде всего приемов внешнего оформления, однако затронула и репертуар книжной продукции. Уходят в прошлое тюркские рукописи в уйгурской графике. В Крыму господствует почерк *nasx*, характерный и для османской рукописной традиции.

По словам В. Остапчука, сказанным уже более тридцати лет назад, историки только сейчас «начинают осознавать, что Крым был центром не только татарской, но османской высокой культуры. Ханский двор в Бахчисарае в меньшем масштабе был гибридом бывшего золотоордынского двора в Сарае и современного османского двора в Стамбуле» [Ostapchuk, 1987, с. 254]. Думается, что осознание этого обстоятельства ныне – свершившийся факт.

История письменной культуры в Крымском ханстве – яркий пример удивительного переплетения религиозных, языковых и письменных традиций в одном обществе, и именно это многообразие сделало крымскую средневековую культуру уникальным явлением в культурной истории человечества.

13.4. Исламская культура Крымского ханства. Исламская организация

И. В. Зайцев

Тюркское население Крымского ханства (крымские татары и ногайцы) исповедовали Ислам. Как писал выдающийся отечественный востоковед В. В. Бартольд, «Ислам пришел на Черное море поздно, когда его лучшие времена были уже позади. Область Черного моря знала только тюркский, не арабско-персидский ислам» [Бартольд, 1966а, с. 659]. На северные берега Черного моря эту религию принесли в XIII в. турки-сельджуки. Во время правления сельджукского султана Ала ад-Дина Кейкубада (1219–1236 гг.) эмир Хусам ад-Дин Чопан во главе флотилии совершил поход против города Сугдак, покорив его жителей. В городе была сооружена мечеть, на постройку которой ушло всего две недели, и оставлены *кади*, *муэдзин* и *хатиб*. До этого на Южном берегу Крыма мусульман, вероятно, в массе не было, если не считать мусульманских купцов. Знаменитый арабский путешественник первой половины XIV в. Ибн Баттута упоминает в Кафе мечеть с минаретом и пишет о существовании должности *кади* у местных мусульман. К 1362 г. относится рукопись тюркского перевода Корана, выполненная в Золотой Орде, где-то в ее западной части¹, возможно, в Крыму.

Как писал В. В. Бартольд «исламизация нынешней Южной России (т. е. современной Украины и Крыма. – И. З.) произошла только в монгольское время... За господство над портовыми городами на северном берегу Черного моря в XIII и XIV вв. христиане и мусульмане боролись с переменным успехом; лишь во второй половине XV в. исход этой борьбы благодаря победам османов был решен в пользу ислама и тюрков» [Бартольд, 1966а, с. 662–663]. На северное побережье Черного моря влияние исламской культуры шло с двух сторон: с востока (из бассейна Волги и из Средней Азии) и с юга (благодаря связям по морю).

Господствующей правовой школой (*мазхаб*) в Крыму стала ханифитская. Этот *мазхаб* был в наибольшей степени распространен в Золотой Орде, Крымском ханстве, а также считался официальным в Османской империи.

¹ Тюрки были знакомы с текстом Корана по его переводам на тюрки еще в саманидское время (X в.).

Вероятно, вплоть до османского завоевания Южного берега Крыма в 1475 г. весьма значительное влияние на характер ислама в Крыму оказывали традиционные и новые городские центры Средней Азии, а также старые исламские города Малой Азии и Ближнего Востока. Эвлия Челеби зимой 1665–66 видел в Старом Крыму возле рынка квартальную мечеть, основанную в 1263 г. неким выходцем из Бухары. Нумизматические находки ясно демонстрируют нам, что в течение первой половины XIV в. между регионами Золотой Орды к западу от Волги и ее среднеазиатскими областями существовали тесные связи. Связи эти имели не только торговый, но и миграционный характер. Это единое пространство помимо общности государственной территории связывается и исламской традицией: в частности, обращением общих ходовых религиозных текстов (например, хадисов в эпитафиях XIII–XIV вв. в Крыму и Поволжье); а также миграцией религиозных авторитетов – шейхов в рамках единой страны (из Средней Азии) и из-за ее пределов (Малая Азия) в Крым и Среднее Поволжье. Прекрасная иллюстрация этого – география *нисб* погребенных на кладбищах Солхата и Отузов: Халев, Токат, Тебриз, Конья, Сивас, Дженд, Ахлат, Кастамону, Барчкенд [Акчокраклы, 1929а, с. 2, 6, 7; Акчокраклы, 2006, с. 224, 239]. Приведем несколько примеров. Плита с датой 760 г. х. (1358 г.) и надписью (вероятно, строительной – об устройстве колодца неким Идрисом б. Хаджи-Яхья б. Мухаммед Ираки), найденная О. Акчокраклы в Отузах, свидетельствует о том, что в Крым в XIV в. переселялись выходцы из таких исламских регионов, как Ирак. Из Отузов происходит и надмогильный камень шейха Якуба Конийского (эль-Коневи), датированный 729/1328–29 гг. Среди надгробий Эски-Юрты мы видим эпитафию 793/1390–91 гг. мавляны Ахмада б. Махмуда, который, судя по его *нисбе* (Барджинлыгы), был связан происхождением с городом Барджинлык на Сырдарье. Возможно, что эти связи были следствием установившихся маршрутов хаджа: часть паломников из Средней Азии ходила в Мекку и обратно именно через

Крым. Таким образом, религиозные связи Крыма со Средней Азией, видимо, были достаточно тесными.

Перенос Хаджи Гераем столицы в Кырк-Йер привел к строительству там мечети и медресе. Построена она была, судя по сообщению Эвлии Челеби и материалам раскопок 1928 г., в 859 г. х. (1455 г.) [Эвлия, 2008, с. 83; Акчокраклы, 1929, с. 181, 185; Герцен, Могаричев, 1993, с. 72].

Строительство мечетей и, скорее всего, медресе (которые часто помещались при мечетях) осуществлялось не только членами правящей династии, но и крупными крымскими сановниками. Например, Эвлия в XVII в. упоминает о строительной надписи 1508/09 г. на мечети Абдаррахман-бея в Акмечети (совр. Симферополь) [Григорьев, 1974, с. 24].

Мы видим иногда, что крымские мечети основывают женщины. Например, сохранившаяся до наших дней в Бахчисарае мечеть Тахталы, согласно строительной надписи на портале, построена дочерью хана ал-хадж Селим Герая, которую звали Бек-хан-Султан-ханум в 1125 г. х. (1713 г.).

Часто при мечетях и медресе существовали большие библиотеки. Весьма крупной была библиотека медресе Зынджирлы [Зайцев, 2009, с. 42; Зайцев, 2016г, с. 36–42].

В 1156 г. х. (25 февраля 1743 г. – 14 февраля 1744 г.) ханом Селямет Гераем II (1740–1743) в Бахчисарайском дворце была построена новая мечеть, сейчас известная под именем Большой или Ханской. При мечети была организована обширная библиотека, причем ее основу составили рукописи, присланные Селямет Гераю османским султаном Махмудом I (1730–1754). Для вновь образованной библиотеки хан учредил специальную должность *китапхане мухалфызы* (хранитель библиотеки). Как сообщает так называемая «Краткая» история крымских ханов, «было совершено утверждение хатыба и имама благородной мечети, а также муэдзинов и их заместителей. А книги, присланные падишахом, были запечатанными и закрытыми для их сохранности размещены в библиотеке благородной мечети» [Зайцев, 2016г, с. 34]. Большая часть этого дара – около двух десятков рукописей с печатями Махмуда I и Селямет Герая – хранится

ныне в собрании Бахчисарайского историко-культурного заповедника. Другая часть собрания – в Санкт-Петербурге в составе т. н. Бахчисарайского собрания Российской национальной библиотеки (поступило в отдел рукописей в 1976 г. из Бахчисарайского историко-археологического музея). В двух рукописях юридического содержания на первых листах имеются печати турецкого султана Махмуда I, а на последних – Селямет Герая.

Безусловно, существовали в ханстве и передвижные походные мечети, разворачиваемые во время временных военных экспедиций, дальних перекочевок за пределами полуострова за Перекопом (Ором), периоды деятельности кочующего «посада» (ордабазара), где жили купцы, их семьи, ремесленники [Сыроечковский, 1940, с. 17].

Строительство мечетей регулярно осуществлялось и в османских владениях на полуострове. Соборная мечеть Кафы, как сообщает Эвлия, построена была в правление в городе шахзаде Сулеймана, т. е. до 1520 г. [Evllya, 1928, с. 673]. Постройка связывается с именем знаменитого зодчего Синана (ок. 1489 – 1588) – автора мечетей Шахзаде и Сулейманийе в Стамбуле и Селимийе в Эдирне. Ему же приписывают и авторство сохранившейся до наших дней мечети в Гёзлеве (Евпатории).

Помимо Бахчисарая, Карасубазара, Солхата и Ак-Мечети, крупным городским центром ханства был Гёзлев (единственный порт ханства). Эвлия Челеби отмечал в городе два мусульманских квартала, безукоризненный каменный минарет у красивой соборной мечети, а также квартальную мечеть в мусульманском предместье за воротами Топрак (Земляными) со стороны северо-востока. Всего в городе, по его подсчетам, было 24 михраба (т. е. мечети, не считая квартальных), 12 из которых были султанскими соборными, остальные построены были на частные средства «благородных людей». В Гёзлеве насчитывалось 12 каменных минаретов. Самой красивой и вместительной мечетью была мечеть Бехадыр Герая I [Бахревский, 1996, с. 193–194].

Несмотря на то, что крымский ислам испытал на себе сильное влияние османских традиций и институтов, он сохранил и многие оригинальные черты. К числу их относится традиция почитания азисов [Гаспринский, 1913; Зайцев, 2012,

с. 61]. К ним приходили либо в определенный месяц или же день (рождения «святого») или в любое время. Существовало мнение, что посещение *азизов* приравнивалось к малому паломничеству в Мекку (*'умра*). Страждущие читали у могил Коран (в особенности *суру* ал-Фатиха), молитвы с просьбами к святому, совершали обход вокруг могилы, ритуальное омовение, брали с собой землю, считавшуюся целебной, освящали детские бусы от сглаза. На высоких местах рядом с кладбищем (*мазар*) на растущих неподалеку деревьях и кустах оставляли цветные лоскутки. При некоторых *азизах* существовали *медресе* и обители дервишей (*теккие*), служители которых ухаживали за могилой. П. Кеппен в 30-х годах XIX в. описывал татарскую святыню Кырк-Азис, «где в пещере, имеющей в длину и ширину по осьми шагов, находится гроб красного цвета, к которому из ближних и дальних мест стекаются татары, страждущие разными недугами и тут ищущие себе исцеления». Некоторые из этих азизов связывались с персонажами первого века хиджры, такими как Малик Аштер, Гази Мансур Медини, причем открывателями этих могил были среднеазиатские шейхи [Зайцев, 2012, с. 61–62].

Относительная веротерпимость в Крыму нарушалась иногда выпадами мусульман против христиан и иудеев. Чаще всего дело касалось недвижимого имущества. Так, Хачатур Кафаеци сообщает, как в 1647 г. «проклятый» муфтий просил Ислама Герая отнять монастырь Сурб-Хач у армян. Хан устранился от этого, позволив ему самому отнять монастырь, чего муфтий сделать не смог [Senai, 1971, с. 157–158].

Ханы были всерьез озабочены исполнением религиозных предписаний, и это даже могло становиться темой правительственных ханских постановлений. Абляким-эфенди Куламет-оглу, – один из первых, кто анализировал книги казийских решений по Мангубскому кадылыку (принадлежали бахчисарайскому шейху Селями), упоминал о решении ханов о строгом исполнении обрядов, хождении в мечеть и нравственном воспитании ханских детей, в частности Девлет Герая сына Хаджи Селим Герая в 1111 г. х. [Протоколы, 1899, с. 91]. Ханские жены и матери в крымских дипломатических посланиях сравни-

вались с женой самого пророка Хадиджей (своего рода рифма «Хадиджа-и деверан, бэхиджа-и джихан»: т. е. «Хадиджа своего времени, краса вселенной»).

Религиозная ситуация в Крымском ханстве, судя по источникам, отличалась сравнительной толерантностью. Мы почти не встречаем случаев религиозных гонений. Хотя иногда ханы были всерьез увлечены теорией джихада: известно, например, письмо Менгли Герая османскому султану Баязиду II с призывом к священной войне против неверных [Смирнов, 1887, с. 389; Rieu, 1888, с. 83а]. Во времена правлений Сахиб Герая и Сафа Герая в титуле ханов появляется слово *гази* (борец за веру). В русских переводах это передавалось словом «победитель». Вообще в 1530–1540-х во время правления воспитанного в Османской империи Сахиб Герая исламская лексика в дипломатической переписке с Москвой резко увеличивается. Так, Реммаль-Ходжа в своей истории хана Сахиб Герая упоминает, что последний по возвращении из счастливого астраханского похода устроил пир и приказал улемам и хафизам прочитать весь Коран десять раз. Однажды хан возложил на шейхов обязанность читать Коран 1001 раз и сам назначил, кому читать ту или иную суру [Tarih, 1973, с. 105].

Ту же картину видим и в военном стане хана Ислам Герая: «Утром улемы и праведники, бывшие в стане исламского войска, собрались в султанском шатре, а после молитв и восхвалений [Аллаха] славный, как Дарий и Искандер, Его светлость султан самолично сел на своего быстрого коня, и люди, знающие наизусть Коран: имам Мехмед-эфенди, и Бабай-эфенди-заде, и кадий Мехмед-эфенди, и несколько других лиц, молитвы которых могут быть приняты, стоя перед лучезарным султанским бунчуком и победоносным сахибкирановым знаменем, прочитали нараспев суры „Фатх“ и „Ихлас“» [Schütz, 1975, с. 35–36, 115–116.].

Однако традиции чингизидского своеволия, дух «старой» доисламской свободы всегда были сильны среди крымской аристократии, особенно во времена хана Мухаммад Герая (1515–1523 гг.), сына Менгли Герая. Мухаммад Герай, судя по дошедшим источникам, являл собою пример настоящего степного рыцаря, воинственного, пылкого

человека, интерес жизни которого сосредоточивался на битвах и пирах. Хан был, по всей видимости, склонен к винопитию и не скрывал этого. К источникам, которые помогают нам узнать эту сторону жизни ханов, относится письмо представителей влиятельнейшего крымского клана Ширинов, возможно, адресованное принцу Саадет Герая, заложнику в Стамбуле, написанное, скорее всего, в начале 1523 г. – незадолго до рокового астраханского похода Мухаммад Герая. Главы рода Ширин писали царевичу: «Он (Мухаммад Герай. – И. З.) проводит дни и ночи в компании персидских еретиков, их отношения обратились к разврату, и он не прекращает пьянствовать...» [Bennigsen, 1972, с. 335; Le khanat, 1978, с. 108]. Под персидскими еретиками авторы письма, очевидно, подразумевали шиитов. Персидский шиизм был более терпим к потреблению вина, чем суннитский толк, исповедуемый большинством крымчан.

Из мусульманских праздников в Крыму наиболее почитался Курбан-Байрам. По умершим ханам устраивались поминки (например, один из съездов хана, совет его с детьми, князьями, сейидами и т. д.) устроен был в Киркоре «о царевице Менгли Гираеве године» [Сыроечковский, 1940, с. 40]. В июне 1633 г. Джанибек Герай издал приказ о праздновании байрама с забоем баранов, а в 1647 г. Ислам Герай устроил в городе иллюминацию (*donanma*) по случаю рождения сына и женитьбы дочери на султани Ибрахиме [Senai, 1971, с. 153, 157].

На всем протяжении истории Крымского ханства крымские мусульмане весьма активно совершали *хадж* [Сборник РИО, 1884, с. 174]. Для XV и XVI вв. наши данные в основном касаются членов правящего дома и их приближенных. Сами ханы *хадж* не совершали, поскольку для правящего монарха это было равносильно отречению от власти. Однако за них это делали упомянутые уже «богомольцы». Например, в январе 1493 г. в Москву прибыли грамоты Менгли Герая, в одной из которых он писал: «Что сесь ярлык повез к тебе Абдыла Афыз наш пошлой богомольец стоит, что к нам должил идти ему к Мякке, два кречета ему надобе; того деля кречета купити на Москву поехал нас деля».

Ямгурчи, брат Менгли Герая, некоторое время

бывший его калгой, несколько раз писал о своем намерении совершить главный в жизни мусульманина обряд – отправиться к святым местам Ислама. В 1498 г. он сообщал в Москву великому князю Ивану III: «Яз сам даст Бог к Мякке хочю идти мысль есть... Слыхал еси, люди твои езживали к Мякке, белый кречат да шуба рысья велми тамо дорого стоит» [Сборник РИО, 1884, с. 274]. После совершенного в 1502 г. хаджа Ямгурчи стал в русских источниках (переводах с татарского) называться «Ази-царевич» [Сборник РИО, 1884, с. 421; Сыроечковский, 1940, с. 18], т. е. хаджи-султан.

Ездил в паломничество знаменитая Нур-Салтан (дочь мангитского бека Темира б. Дин-суфи и жена казанского хана Ибрагима, а потом крымского Менгли Герая). В 1495 г. она писала Ивану III: «Мысль наша была ити к Мекке; и мы на ту дорогу пошли, где мы ни будем» [Сборник РИО, 1884, с. 222]. После совершения хаджа и Нур-Салтан в 1497 г. также стала подписываться как «Ази-царица» – т. е. хаджи [Сборник РИО, 1884, с. 237]. В 1498 г. она послала Ивану III иноходца, на котором ездил в Мекку: «Сухой бы поклон не был, молвя, к Мякке на котором иноходце сама ездил, с Ахчюрою к тебе послала» [Сборник РИО, 1884, с. 272]. Между прочим, эта царевна хлопотала и за членов своей семьи, своих родных-мусульманов, живших в Москве. В 1498 г. она просила Ивана III отпустить в хадж Девлет-султану (жену Айдара-Хайдара б. Хаджи Герая): «Сам гораздо знаешь, Айдар Газы моего сына кормил; его жена Довлет салтан моим детям сиську давала, и ныне к Мякке ехати обрелася; жаловавши к нам пришлешь, и мы человека прикошевав к Мякке пошлем, и молитва ее и молба с тобою будет...» [Сборник РИО, 1884, с. 273]. Из этого текста видно, что хадж мог совершаться по обету. В августе 1515 г. вступивший незадолго до того на крымский престол Мухаммед Герай писал в Москву, прося отпустить сына Нурсултан Абд ал-Латыфа вместе с ней в Мекку: «И мы б его к Мекке отпустили, а он бы с матерью шел, да там им у Меки и жити» [Веселовский, 1889, с. 185].

Совершали *хадж* и приближенные ханов. В памяти боярину И. А. Лобану-Колычеву, отправленному в Крым в марте 1492 г., предписывалось

говорить ширинскому мирзе Девлетеку б. Эминеку: «Да писал еси к нам в своей грамоте, что хочешь ити к Мекке, и нам бы к тебе что послати, и мы к тебе послали. Да поминки явити по списку» [Сборник РИО, 1884, с. 144]. В январе 1493 г. в Москве была получена грамота самого Девлетека, в которой он писал: «Аж даст Бог самому ми к Мякке идти, надею држу, нынеча которой твой посол к нам придет, что пожалуешь пришлешь, ты ведаешь» [Сборник РИО, 1884, с. 179].

В целом ислам в Крыму до 1783 г. прошел в своем историческом развитии по меньшей мере два этапа. Первый был связан с влиянием восточных земель Золотой Орды, в состав которой входил крымский улус, а также мамлюкского Египта. Второй этап начался в 1475 г., когда после османского завоевания Южного берега полуострова Крымское ханство испытывало сильнейший османский культурный и религиозный импульс. Однако среднеазиатское влияние, сильно ослабев, все же полностью не исчезло, ибо османский Крым находился на пути среднеазиатских паломников. Начиная с конца XV в. мы видим представителей уламы, сеидов и почитаемых шейхов на самом вершине иерархической лестницы, среди непосредственного окружения ханов. Процесс исламизации ханского двора и канцелярии на османский манер, видимо, был в основном завершен к периоду правления Сахиб Герая, который предстает в описании его панегириста как чрезвычайно набожный правитель. Вместе с тем крымский ислам породил и такое специфическое местное явление, как поклонение *азисам* – могилам почитаемых персонажей всемирной и местной исламской истории.

Крымское ханство на пике своего развития вне, всякого сомнения, являло собой пример высоко развитого исламского государства, где на государственном уровне действовал шариат. Если применительно к Казанскому или Астраханскому ханствам, поглощенным Москвой в середине XVI в., немного можно сказать об особенностях влияния исламской концепции государства на политику этих джучидских юртов, то относительно Крыма ситуация совершенно иная. Чингизидская концепция наследственного права, доминировавшая в XV–XVI вв. в джучидских государствах, в

XVII–XVIII вв. в Крыму очевидно уступает место исламским государственным идеям.

Социально-политическая доктрина ислама не предполагает каких-либо границ между сакральным и мирским, светским и религиозным. Это положение имеет чрезвычайно важное следствие в понимании сути государства. Идеальное исламское государство – это община верующих, следующих божественному закону – шариату, который одновременно есть абсолютный государственный закон.

В Крымском ханстве мы встречаем все институты развитого исламского государства: систему учебных заведений (*мектебов* и *медресе*), класс религиозно образованных людей (*улема*), собственную школу богословия и *фикха* (юриспруденции), богатую традицию исламской книжности.

Одним из старейших образовательных учреждений ханства было медресе, получившее позднее название «Зынджирлы» – учебное заведение, учрежденное и построенное ханом Менгли Гераем I около 1500 г. в предместье Бахчисарая – Салачике. Оно получило свое современное название от слова «зынджир», букв. «цепь»: подвешенная над входной, открывавшейся внутрь дверь, железная цепь заставляла каждого, кто входил в храм мудрости, почтительно склонять голову. Название «Зынджирлы» является поздним и возникло, скорее всего, не ранее начала XIX в. (документы XVII–XVIII вв., в том числе и реестр 1200/1785–86 гг. называют медресе по имени его основателя «медресе Менгли-Гирея»).

Здание медресе, безусловно, было построено не на пустом месте: ему предшествовало какое-то иное строение или даже их группа, т. е. поселение, возможно, относящееся еще ко времени Золотой Орды. В стене здания сохранилась плита с трехстрочной арабской надписью, очевидно, переиспользованная. С архитектурной точки зрения Зынджирлы – близкое к квадратному плану каменное здание. По периметру большого четырехугольного внутреннего двора идет галерея, перекрытая 10-ю полусферическими куполами, которые опираются на стрельчатые арки и столбы. С трех сторон расположены 13 комнат (*худжра* или *ода*) для студентов (*сохта*).

Тарих над входом в здание гласит: «Приказал

построить это медресе с помощью Бога, обладателя щедрости, Менгли Герай-хан, сын Хаджи Герай-хана, да сделает Бог его царствование вечным. Год 906». «Зынджирлы» было едва ли не единственным исламским учебным заведением на территории европейской части Золотой Орды, где преподавание не прерывалось на протяжении 400 с лишним лет, т. е. вплоть до начала XX в.

Основой экономического благосостояния крымских медресе (содержание преподавателей-*мюдеррисов*, а также поддержание самих учебных заведений) были, как правило, *вакфы* (*вакуфы*), т. е. движимое и недвижимое имущество, отчуждаемое частными лицами в пользу богоугодных заведений. Так, в начале XVII в. хан Гази Герай передал в *вакф* лавку, дом и кофейню в Гёзлеве, доход которой предназначался для *мюдерриса* медресе Менгли Герая, т. е. «Зынджирлы» [Туран, 2002, с. 91]. Основой финансового благосостояния медресе были вакуфные земли (около 5000 десятин) при деревне Улукул в 25 верстах от Бахчисарая на западном побережье. По преданию, в *вакф-наме* Зынджирлы было оговорено, что *муфтии* Крыма одновременно являлись бы и *мюдеррисами* этого медресе.

Имам-хатыбы в мечетях османских владений назначались лично султаном (например, в начале августа 1742 г. султан Махмуд II специальным бератом назначил хатыбом во вновь построенную усердием моллы Мухаммеда на Мангубе мечеть Мухаммеда-Кальфы). Новый султан подтверждал назначение (в первой половине июня 1755 г. Мустафа III, например, подтвердил упомянутому Мустафе его право быть хатыбом в Мангубской мечети) [Отчет, 1883, с. 48]. Вообще должности в османских владениях утверждались падишахом, хотя крымский хан мог хлопотать за отдельных персон. Например, до 1486 г. *кадием* в Кафинском кадылыке был кади Хюсам, которого, вероятно, сместили, и Менгли Герай снова просил его назначить специальным письмом султану Баязиду [Григорьев, 1987, с. 129].

Исторически сложилось так, что столичное бахчисарайское духовенство кормилось с денег таможи Гёзлеве – единственного порта Крымского ханства до 1774 г. Кафинское духовенство, относившееся до 1774 г. к османской *ливе* Кефе, получало доходы соответственно с кафинской

османской таможи. Возможно, что после того, как Кафа вошла в территорию ханства, часть портовых денег была перераспределена в пользу Бахчисарая [Зайцев, 2012а, с. 17]. Так, согласно Камеральному описанию Крыма 1784 г., при хане Шахин Герае ханская мечеть в Бахчисарае имела двух *мухафызов* – Абд ар-Рахим-эфенди и Сами-эфенди («Абдул Ибрагим Эфенди» и «Сали Эфенди»), которые получали за свои библиотечные обязанности по полтора рубля в месяц из доходов таможи Кафы. Оба хранителя совмещали библиотечную работу с другими должностями. Первый при той же мечети служил учителем богословия, а второй – *тюрбедаром* (хранителем двух мавзолеев – *тюрбе*). Эта служба оплачивалась из доходов таможи порта Гёзлеве [Лашков, 1897б, с. 62, 58, 63].

Собственно крымских кадиев, которые жили на территории ханства, если они неправильно судили, мог смещать муфтий, живший в Бахчисарае. После соглашения 1775 г. (т. е. после Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г.) он, как и все крымские кадии, определяется на должность стамбульскими кадиаскерами [Тунманн, 1991, с. 26].

Важной чертой исламской организации в Крыму были так называемые «дёрт оджах» (*اوچاق درت*) – «четыре очага». Так назывались четыре суфийские братства, в форме которых было организовано ученое сословие – *улама* и земельные владения, принадлежащие ей в Крымском ханстве [Смирнов, 1913, с. 189]. Четыре группы *уламы*, которые назывались *ташлы*, *колеч*, *качи* и *чоюнчу*, упоминаются еще Эвлией Челеби. В тексте «Семи планет» Мухаммеда Ризы очаги именуются «четырьмя столпами государственного трона и блюстителями окна правительственных дел Крымской области»

(*سلطنت امور مناظر ناظر و دولت سرير ارکان چار قريمك کشور*) [Риза, 1832, с. 232–233, 295].

Сходным образом о них пишут и Абд ул-Гаффар Кырыми в «Умдет ат-теварих» [Абд ал-Гаффар Кырыми, 1343, с. 194] и Халим Герай в «Гюльбун-и ханан» [Халим-Гирей, 1327, с. 40].

Крымский муфтий Сеит Джемиль в 1831 г. в записке, составленной по просьбе российской администрации, писал, что оджах (или «текэдары», т. е. имеющие текке) происходят от родона-

чальников-шейхов, по именам которых и называются [Загидуллин, 2018, с. 735].

Судя по всему, три очага были по происхождению чисто крымскими, а очаг *качи* был халватийским (суннитский тарикат *халватийа* возник в Северо-Западном Иране в XIV в. среди тюркского населения и достиг своего расцвета в XVI в. в Османской империи) [Акимушкин, 1991, с. 267].

Эвлия гостил в Качи в *текке* святого Хызра Шаха-эфенди. По словам Эвлии, «это азиз, молитва которого услышана, великий воин и храбрец, в равной степени как аскет, так и муджахед, великий султан святых нищих суфиев». Рядом с *текке* были похоронены отец Хызра-эфенди Мухаммед-эфенди и его дед – Хусейн-эфенди. Последний был родом из Сиваса, его наставником был шейх тариката халвати Якуб-эфенди, похороненный, по словам Эвлии, в пригороде Инкермана. Судя по сведениям Эвлии и тексту «Семи планет», должность главы очага (*шейха* или *седдждаде нишина*) была наследственной.

Четыре очага перечисляются французским консулом в Крыму Шарлем де Пейссоннелем (1727–1790) в середине XVIII в.: «они обладают землями, на которых находятся монастыри дервишей – *теккэ* и могилы некоторых лиц, считающихся святыми и которых татары посещают из набожности. Среди этих четырех родов самый старший делается шейхом или архимандритом монастыря, принадлежащего его роду, и пользуется доходами с него завещанного богоугодным делам, со всех складов и со всех земель, образующих имущество монастыря... Остальные *теккэ* Крыма им подчинены, их земли – неприкосновенные убежища для всякого рода лиц, и они пользуются с незапамятных времен очень большими привилегиями» [Пейссонель, 2009, с. 30].

Названия очагов соответствуют названиям деревень, в которых жили шейхи очагов. Так, Эвлия Челеби описывает деревни Колеч (Коледж), где «жил шейх – святой Ахмед-эфенди... предсказатель и великий султан. Теперь у него 40 тысяч мюридов с бритыми усами, он их предводитель на [мистическом] Пути». В деревне Чоюнчу во времена Эвлии жил Мехмед-эфенди, «первый среди тех, чья молитва услышана» [Эвлия, 1999, с. 25, 27, 69, 124].

Представители «четырех очагов» играли вы-

дающуюся роль в жизни ханства, сильно влияя на судьбу ханов, принимая участие в дипломатических миссиях и проч.

Весьма распространено в Крымском ханстве было почитание шейхов. Многие из них пользовались покровительством ханского двора и участвовали в политической жизни. В сочинении Реммаля-Ходжи «История хана Сахиб-Гирея» (сер. XVI в.) рассказывается об одном из таких крымских шейхов по имени Абу Бекр-эфенди Кефеви (т. е. уроженце или жителе Кафы), которого автор называет «средоточием эпохи». Последний, по словам Реммаля, «чистый душой, как Иисус» «был в послушничестве у нескольких шейхов, видел многих великих людей, бесчисленное число раз припадал лицом к порогу [османского] султана, провел в чужих странах в пещерах Иерусалимских гор много сорокадневных молитвенных бдений, несколько дней провел в служении Богу в Медине, многократно был на поклонении у священной Каабы... Ему там было указание свыше, чтобы он пошел и в окрестностях Кафы направлял народ на путь истины...» [Смирнов, 1913, с. 145; *Tarih*, 1973, с. 83]. Возвращаясь из Мекки, Абу Бекр-эфенди говорил окружающим, что Сахиб Гераю будто бы Богом надлежит совершить три похода, в двух из которых – на Кабарду и Астрахань – шейх будет сопровождать хана. Позже самому Сахиб Гераю, который получил известие о пророчестве шейха, он сообщил, что это предписание было ниспослано ему самим пророком Мухаммадом. В астраханском походе Абу Бекр-кальфа находился при хане, и, как пишет Реммаль, дней за пять пути до города, «в то время как (хан) занимался перечислением войск, шейх отправился прямо на могилу одного святого и до возвращения войск предавался там молитве и чтению Корана. Когда же он уходил, то принес с собою бывший в головах у него (святого) посох [’āsā], так как этот посох, по преданию, остался от друга Божия (Мухаммеда)» [*Tarih*, 1973, с. 83–86, 102; Смирнов, 1913, с. 145–147]².

За свои заслуги шейхи получали от ханов всевозможные льготы (прежде всего, финансового характера), многие шейхи становились воспи-

² Рассказы об Эбу-Бекире – шейхе *текке* Карадага потом переключались в текст Абд ал-Гаффара Кырыми [Кырыми, 2014, с. 124, 324; Кырыми, 2018, с. 95]

тателями-аталыками ханских отпрысков. Так, в 1577 г. Мухаммед Герай выдал ярлык на имя Абдураззак-шейха об освобождении его от податей и сборов за его подвиги на поприще веры [Акчокраклы, 1932, с. 13 (№ 10)]. В 1584 г. Ислам Герай выдал ярлык об освобождении аталыка Абдурахман-шейха из рода Ясеви от податей. В следующем году тот же хан назначил того же шейха наставником своего наследника Девлет Герая [Акчокраклы, 1932, с. 13 (№ 12,13)]. Религиозные деятели (муллы-«богомольцы») часто становились доверенными лицами ханов, выполнявшими дипломатические и торговые поручения. Например, у Менгли Герая был доверенный человек «богомалец» мулла Бахауддин («молна Багададын»), выполнявший поручения хана в Москве и других странах (Менгли Герай, например, посылал его в Египет) [Сборник РИО, 1884, с. 107; Зайцев, 2006в, с. 49–50].

Одним из наиболее почитавшихся в Крыму был шейх Кемаль-ата, основатель дервишского текке в Старом Крыму [Риза, 1832, с. 78–79]. Кемаль-ата (كمال آتہ) – шейх дервишского монастыря, живший в эпоху сложения Крымского ханства. Имя Кемаль-аты занимает значительное место в житийном памятнике Эбуль-Хайра Руми «Салтук-наме». Рассказы о Баба Салтуке были сведены в цикл около 1480 г., но дополнялись и обрастали новыми эпизодами и позже. В этом памятнике Кемаль-ата предстает вместе с Кара-Даудом и Чобан-Ата (который был будто бы братом Кемаль-аты) как один из главных сподвижников Сары-Салтука в Крыму, могучий предводитель *газиев*, который борется с неверными, в том числе с русскими. В частности, говорится, что он выводит на бой 1400 дервишей, а его дервишам принадлежит 400 мечетей и проч. Несмотря на совершенно фантастические сюжеты и анахронизмы в тексте «Салтук-наме», историчность Кемаль-аты сомнений не вызывает [Ebül-Naуrî-Rumî, 2007, с. 111–125]. Его как «великого святого и обладателя мистического экстаза» (*сахиб-э хал*), а также его дервишей в Старом Крыму упоминает в своем сочинении Абдулла б. Ризван (ок. 1638 г.) [Зайончковский, 1969, с. 29–30]. Мухаммед Риза в «Семи планетах» упоминает *ханака* Кемаль-аты в Солхате, называя его совершенным *асхабом* и избранным шейхом [Риза, 1832, с. 78–79].

Именем Кемаль-ата (Кемалья-Бабы) был назван холм на северной окраине Старого Крыма. Эвлия Челеби видел в городе возле Кефинских ворот зиярет Кемалья-Аты, где «на рынке, возле благородной могилы святого Кемаль Ата-султана, *тарих* на источнике живой воды: “Из воды – все живое”. А также: “Для души Кемалья Ата – фатиха, год 1057”» (1647 г) [Эвлия, 1999, с. 82–84]. «Остатки развалин монастыря» были видны еще в 1884 г., как писал В. Д. Смирнов, «в довольно рельефных очертаниях». По словам В. Д. Смирнова, холм «слывет за могилу знаменитого Мамайя, но это очень сомнительно»³.

Весьма высокое место при ханском дворе занимали сейиды – потомки пророка Мухаммада. Например, в июне 1486 г. Иван III посылал «Кирей-Сииту, цтю цареву», т. е. сейиду по имени Герай, которым был чтецом у Менгли Герая, золотой. Такая же сумма была послана ему и в августе [Сборник РИО, 1884, с. 54, 56–57]. Судя по месту, на котором он был перечислен среди тех, кому полагались поминки, сейид этот занимал очень высокое положение при дворе: он упомянут сразу же после родственников хана и беков-карачи. В шертных грамотах при принесении присяги сейиды всегда упоминаются непосредственно вслед за ханами и султанами, выступая гарантами клятвенных обязательств [Каралюс, 2011, с. 33]. Высокое положение сейидов при крымском дворе и в целом в ханстве отразилось в их родственных связях как с правящей династией, так и с влиятельными крымскими кланами. Есть данные и о «меньших» сейидах, которые существовали при дворах царевичей вместе с уланами, слугами и князьями.

³ А. Маркевичу могилу Мамайя показывали не на холме Кемаль-ата, а в другом месте. «Впрочем, – как писал А. Маркевич, – слово «Мамайя» сделалось в Старом Крыму почти нарицательным именем, и многие курганы называются здесь «Мамайями». По словам В. Д. Смирнова, в 1886 г. на холме были «видны лишь немногие надгробные памятники с именами шейхов, остатки фундаментов прежних зданий дервишского текке да, может быть, погребальных тюрбе». Уже в это время склепы были разорены, а западный склон распахан под табачную плантацию. См. также: [Абдульвапов, 2006, с. 144; Крамаровский, 2005а; Маркевич, 1888, с. 71–72; Смирнов, 1886, с. 278–279; Смирнов, 1913, с. 143–144; Смирнов, 2005а, с. 91].

13.5. Философская мысль в Крымском ханстве

М. М. Якубович

В общих работах по истории ислама в Крыму философское наследие Крымского ханства изучалось не как целостная интеллектуальная традиция (или как минимум совокупность таких традиций), а разрозненными частями, преимущественно в отношении к отдельным работам или, чаще всего, к отдельным персоналиям. Как следствие, нет оснований говорить о наличии специфических интерпретаций философского наследия Крымского ханства как такового, поскольку до сих пор оно рассматривалось почти исключительно как одно из измерений духовной культуры народов Крыма, османской интеллектуальной традиции или исламской религиозно-философской мысли в целом. Многие из местных авторов (особенно позднего периода, XVII–XVIII века) фактически не изучались ни отечественными, ни зарубежными учеными, что связано не с малозначимостью темы, а с общим состоянием изучения исламской религиозно-философской мысли постклассического периода ислама.

Как известно из исторических исследований, первые значимые общины мусульман на территории Крыма появились не позднее XIII века. Уже в этот период в Крыму были построены мечети (в частности, мечеть в Солхате, построенная при поддержке мамлюцкого султана Египта аз-Захира Байбарса около 1262 г.), формировалась образовательная сеть. Начали устанавливаться и развиваться связи с другими регионами, где уже были развиты традиции мусульманской учености – Египтом, Персией, Центральной Азией, Поволжьем. Во второй половине XIV века на территории Добруджи (западная часть северного Причерноморья) и в Крыму действовал полуполюгендарный суфийский проповедник Сари Салтук (ум. между 1296 и 1300 гг.), последователь братств ясавийя и бекташийя. Вместе с Сари Салтуком в Крыму некоторое время жил румийский султан в изгнании Изз ад-Дин Кайкавус II (ок. 1238–1278 гг.), которого исторические источники называют учеником персидского мыслителя Джалал ад-Дина ар-Руми (1207–1273). Изз ад-Дин Кейкавус II нашел убежище в Крыму благодаря поддержке золотоордынского хана Берке

(1209–1266). Именно эти фигуры могли приобрести не только к частичной исламизации местного населения, но и к ознакомлению с наследием суфизма. Уже в период Крымского ханства (с середины XV века) на полуострове активно действовало суфийское братство мевлевие, которое считало своим эпонимом именно Джалал ад-Дина ар-Руми [Абдульвапов, 2006].

Одним из доказательств этого может быть и арабоязычный труд малоизвестного иракского автора Абу Бакра аль-Васити (XIII век) *«Китаб аль-Масабих фи Тасаввуф»* («Книга светочей суфизма»), найденная в 1927 году в Крыму. Исследователь Якуб Кемаль считал, что этот текст, который, кроме обрядовых норм суфизма, содержит фрагменты труда персидского мыслителя Абу Хафса ас-Сухраварди *«Аувариф аль-Ма'ариф»* («Высоты знания») и был переписан в Крыму в 1284 году [Якуб-Кемаль, 1930а]. Ощутимы суфийские мотивы и в творчестве крымскотатарского автора Махмуда Къырыми, который в XIII веке создал поэму *«Юсуф и Зулейха»* (сохранена в более позднем староосманском переводе) [Къырымлы, 2013].

В 1313 году золотоордынский престол оказывается в руках хана Узбека (Мухаммада, 1282–1342), с которым историческая наука традиционно связывает исламизацию Золотой Орды, частью которой в то время был и Крым. Уже в 1314 году в Солхате появились новая мечеть и медресе, построенные ханом. И хотя процесс исламизации Крыма и южно-украинской степи растянулся на десятилетия, еще в первой половине XIV века в Крыму началось формирование исламских институтов (мечети, суды, медресе). Арабский путешественник Ибн Баттута, посетивший Крым в 1334 году (собственно, город Крым, а также Кефе), фиксирует существование многочисленных суфийских обителей (завийя), которые служили и образовательными центрами. Благодаря другим ученым, прибывающим в Крым из других регионов исламского мира (преимущественно из Персии), появилось и поколение собственно крымских религиозных авторитетов. Одним из них, «суфийского шейха Раджаба аль-Буркаи из

«Рисале фи ираде джузийе» аль-Аккурмани

города Крым, расположенного в степи Кипчак», ибн Баттута встречал даже в Индии в 1344 году. Интересно, что родной брат этого «суфийского шейха», Сайф ад-Дин аль-Кашиф, принадлежал к числу египетской элиты (ибн Баттута называет его «принцем»). Вспоминает некоторых крымских ученых и путешественник и историк Шигаб ад-Дин ибн 'Арабшах (1389–1450), который посещал Крым в 1412 году [Усеинов, 2001].

В этот период начинают появляться и первые произведения, написанные собственно крымскими авторами, где можно найти и близкие к философской тематике. Так, в 1966 году в Узбекистане была найдена рукопись Каландар-наме («Книга Каландара») Абу Бакра Каландара, которую автор создавал в промежутке между 1321 и 1340 годами. Персоязычный трактат (переписан Баязид Ушшаком Самрани), написанный в виде подражания известному Месневи Джалал ад-Дина ар-Руми, принадлежит к жанру адабной (духовно-назидательной) литературы. В нем раскрывается преимущественно этическая тематика, автор неоднократно обращается к наследию выдающихся суфиев классического периода – Ха-

сана аль-Басри (642–728), Джунайда аль-Багдади (830–910 гг.), Байзида Бастами (804–874 / 877), Абу Бакра Шибли (861–946), Фарид ад-Дина аль-Аттара (1145–1221) и др. [Якубович, 2016а, с. 63–64].

Уже в XIV веке привычным явлением для крымских авторов стала миграция за пределы полуострова с целью дальнейшего обучения. Эта тенденция была типичной для классического и постклассического периодов исламской философской мысли, мотивируясь, среди прочего, религиозным предписанием о желательности «путешествия для получения знаний» (*рихля фи тальб аль-'ильм*). Актуальной она была и для Османского государства, которое, взяв на себя роль военно-политического лидера суннитской части исламского мира, создавало условия для развития науки и философии. У крымских ученых установились связи с Мамлюкским султанатом (прежде всего потому, что многие из мамлюкских правителей происходили именно из западной части Евразийской степи). Как следствие, биография многих крымских ученых была связана и с Египтом, и с Сирией, и с Хиджазом, которые входили в состав Мамлюкского государства.

В семидесятых годах XIV века в Крыму провёл более двух лет выходец из Средней Азии, богослов и юрист Джалаль ад-Дин Ахмад аль-Худжанди (1319–1400). Аль-Худжанди учился у «Платона своего времени», богослова и философа Кутб ад-Дина ар-Рази (1295–1365), написал ряд работ, среди которых «*Рисале фи 'ильм аль-калям*» («Послание о богословской науке», местонахождение неизвестно). В восьмидесятых годах XIV века аль-Худжанди через Дамаск и Багдад прибыл в Медину, где оставил после себя немало учеников (среди них были и его дети и внуки). В Крыму аль-Худжанди, вероятно, преподавал ханафитское право, хадисы и калям. О его крымских учениках ничего не известно, но, учитывая то, что ученый посещал сам город Крым, Кефе (совр. Феодосия) и «полуостров в целом» (джазира), его творческая активность могла быть привлечена к подготовке местных кадров, в том числе в области богословской науки [Якубович, 2016а, с. 65].

В 1402–1404 гг. Крым посещал еще один ханафитский ученый из Центральной Азии – Ха-

физ ад-Дин ибн аль-Баззас (1329–1413), знаток исламского права и матуридитского *каляма*. Махмуд бин Сулайман аль-Кафауви (ум. 1582), автор биографического компендиума «*Катаиб 'Аллям аль-Ахйар*» («Отряды выдающихся ученых»), приводит полный текст иджазы, то есть разрешения на дальнейшее преподавание, которое Ибн аль-Баззас в 1404 году издал своему ученику Сирадж ад-Дину аль-Кырыми. Сирадж ад-Дин аль-Кырыми, по данным того же Махмуда бин Сулаймана аль-Кафауви, происходил из прикаспийского города Хаджи-Тархан (около совр. Астрахани), откуда и прибыл на учебу в Крым. Текст иджазы позволяет установить перечень религиозных и философских трудов, которые изучались в Крыму в золотоордынский период.

Под руководством Ибн аль-Баззаза, как свидетельствует текст *иджазы*, аль-Кырыми изучил как минимум 11 трудов. Первым среди них упомянуто хадисоведческое сочинение *Маширик аль-Анвар ли-Дин аль-Абрар* («Восходы светочей над религией праведных») лахорского правоведа Хасана бин Мухаммада ас-Саггани (1181–1252 гг.). Кроме того, аль-Кырыми «читал под руководством шейха» *Аль-Кафи фи Фихх ан-Ну'мани* («Достаточный минимум права по школе Нумана»), написанный «видным ученым, который не нуждается в представлениях». Имеется в виду Абу ль-Баракат АбдАллахан-Насафи (ум. 1310), известный знаток исламского права и доктрины, происходивший из Насафа (на территории современного Узбекистана). Также аль-Кырыми изучал у Ибн аль-Баззаза правоведческую поэму *Аль-Мусаффа фи шарх Манзума ан-Насафи* («Очищение толкования наманзуму ан-Насафи»), написанную тем же Абу ль-Баракатом. Упомянута в иджазе и сама *манзума*, принадлежащая перу еще одного выходца из Насафа, 'Умара бин Мухаммада ан-Насафи (1042–1168). К этим сочинениям примыкает и один из наиболее известных ханафитских трудов, созданных также в Средней Азии – *Аль-Хидайя фи шарх Бидайя аль-Мубтади* («Руководство к комментарию на “Основы для начинающего”») ферган-

«Рисала фи ль-Мантик» Мехмета аль-Кафауви

ского правоведа Бурхан ад-Дина аль-Маргинани (1135–1197). Из Ферганской долины происходил и знаток ханафитского права Хуссам ад-Дин аль-Ахсикаси (ум. 1247), автор труда *Аль-Мунтахаб фи усул аль-мазхаб* («Избранное из основ учения школы [Абу Ханифы]»), который также изучался Ахмадом аль-Кырыми [Муминов, 2013; Якубович, 2016а, с. 70].

Ибн аль-Баззази преподавал в Крыму и другие материалы по ханафитскому праву. В иджазе упомянута книга *Кадури*, под которой имеется ввиду труд багдадского правоведа *Мухтасар фи фихх аль-ханафи* («Краткое изложение ханафитского права») Абу ль-Хасана Ахмада аль-Кадури (973–1037). Указан в иджазе труд *Аль-Мугни фи усул аль-фихх* («Общее изложение основ права») среднеазиатского правоведа Джалаля ад-Дина аль-Хаббази (1231–1291), учившегося в Хорезме и Самарканде. В тексте иджазы упомянута еще одна книга аль-Хаббази – *Аль-Хади фи 'ильм аль-калям* («Наставление в богословской науке»); до наших дней этот посвященный матуридитскому каляму труд, судя по всему, не сохранился.

Кроме указанных сочинений, Ибн аль-Баззази преподавал в Крыму *Шарх Абйат аль-Муфассаль* («Комментарий на бейты “Развернутого изложения”») среднеазиатского филолога и правоведа Фахр ад-Дина аль-Хуризми (XIV в.), а также *Масабих ас-Сунна* («Светочи Сунны») —

Абу Мухаммада аль-Хусайна аль-Багауви (1042 – 1122), хорасанского знатока хадисов и комментатора Корана.

«У меня есть право передавать эти книги. Они были прочитаны под моим руководством, и я дал разрешение на их преподавание», – резюмирует Ибн аль-Баззази. Собственные иснады – списки учителей, записанные в конце *иджазы*, ученый возводит к авторам указанных сочинений (упомянуты Бурхан ад-Дин аль-Маргинани, Умар ан-Насафи и другие видные алимы). Нам не известно, из какого именно источника Махмуд аль-Кафауви взял текст этой *иджазы* (оригинал, копия, или он был вменен в другом, не известном нам, сочинении), однако оснований сомневаться в его подлинности нет.

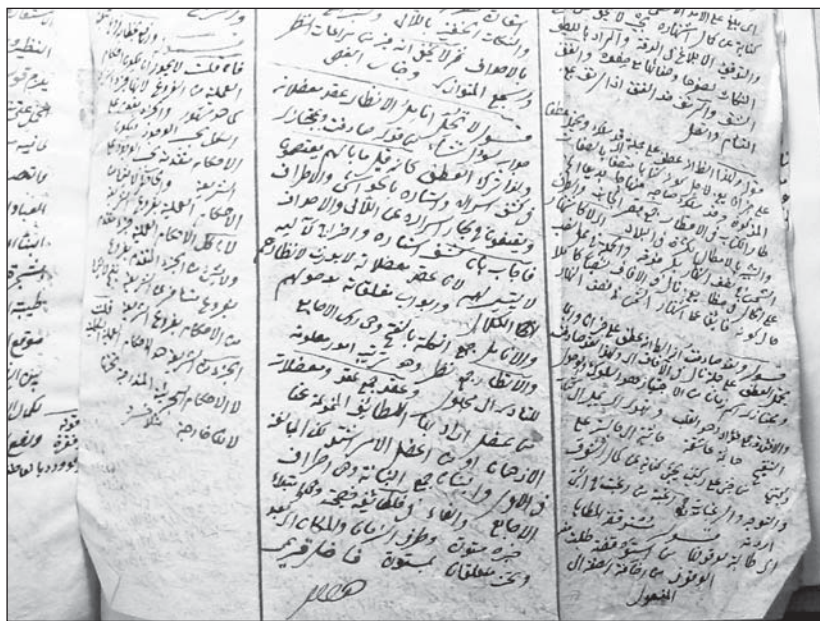
Среди первых авторов крымского происхождения, которые уже в Крыму писали религиозно-философские труды, выделяется фигура Ша-раф ад-Дина бин Камаль ад-Дина бин Хасана бин ‘Али аль-Кырыми (? – 1440). Именно в его творчестве можно зафиксировать значительное внимание к актуальным в то время религиозно-философским вопросам, связанным прежде всего с герменевтикой.

Единственная известная работа аль-Кырыми «Шарх Манар аль-Анвар», написанная в 1407

году, относится к типичной категории толкований наследия авторитетов прошлого. В данном случае речь идет о произведении среднеазиатского теолога и юриста Абу ль-Бараката ан-Насафи (? – 1310) «Манар аль-Анвар фи усуль аль-фикх» («Маяк светочей в науке об основах права»). Труды выходцев из Насафа (совр. Узбекистан) сыграли важную роль в становлении теологической школы Абу Мансура аль-Матуриди (870–944) и его популяризации в различных регионах исламского мира (прежде всего Индии, Иране и Малой Азии). Не был исключением и Крым, где материалы на основе трудов ан-Насафи преподавал, в частности, уже неоднократно упомянутый Ибн аль-Баззази.

В «Манар аль-Анвар» ан-Насафи пытался рассмотреть важнейшие вопросы основ исламского права (*усуль аль-фикх*) – проблемы толкования отдельных норм, соотношение частного и общего, возможности применения единичных хадисов на практике, принципа общего согласия (*иджма*), допустимости индивидуальных обоснованных суждений (*иджтихад*) и других вопросов, которые вызвали споры среди представителей религиозно-правовой школы Абу Ханифы. Так, в «Манар аль-Анвар» находим и специфически философские вопросы: проблему генезиса знания (гносеологию), проблему возможности рационалистического понимания нравственных категорий (этику), проблему генезиса смысла (уже упомянутую герменевтику) [Якубович, 2016а, с. 76–80].

Наряду с другими крымскими авторами раннего ханского периода, известен и Ахмад бин ‘Абд Аллах аль-Кырыми (ум. 1474), чья биография изучена довольно поверхностно. По свидетельству Махмуда аль-Кафауви, этот ученый учился у Хафиз ад-Дина ибн аль-Баззаза (в 1402–1404 г.) и Ша-раф ад-Дина аль-Кырыми. Родился Ахмад бин ‘Абдалла аль-Кырыми, скорее всего, именно в Крыму. Абсолютно во всех источниках ученый фигурирует только с

Полемика между Ахмадом аль-Кырыми и Муллою Хосровым (коллекция Принстонского университета)

нисба «Крымский» (Аль-Кырыми, Аль-Курайми и т. д.). Около 1436 г., как отмечает Мехмет Бурсали, Ахмад аль-Кырыми оставил свою родину (вероятно, из-за сложных политических обстоятельств) и прибыл в Мерзифон на севере Малой Азии [Bursalı, 1975, с. 215]. В то время Османская империя стремительно росла как центральная политическая сила суннитской части мусульманского мира, куда мигрировали многие ученые из соседних регионов. Особенно эта миграция, по данным Эртугрула Юктена, выросла во времена султана Мурада II (1421–1444, 1446–1451). Ахмад аль-Кырыми был лично знаком с Мурадом II, которому тот значительно способствовал в карьерных начинаниях.

Впрочем, в отличие от многих других ученых своего времени, Ахмад аль-Кырыми занимал только образовательные, а не административные должности. Известно, что, кроме медресе в Мерзифоне, Ахмад аль-Кырыми преподавал в Стамбуле, Эдирне и Бурсе. Уже при жизни Ахмад аль-Кырыми получил большую славу: один из самых известных османских авторов, Мавля Хосров (ум. 1480), прислал ему свой комментарий к филологическому труду *аль-Мутавваль Са'д ад-Дина ат-Тафтазани* (который, в свою очередь, является комментарием к посвященному вопросам риторики конспекту Шамс ад-Дина аль-Казвини к энциклопедическому произведению Абу Йакуба ас-Сакаки Мифтах аль-'Улум, «Ключ к наукам»).

Известно, что у Ахмада аль-Кырыми было немало учеников: среди них упоминается его пасынок Махмуд Челеби, который заслужил славу суфия, а также Йусуф бин Джунайд ат-Тукати (ум. ок. 1497), автор немалого количества работ в области ханафитского права, каляма и толкования Корана.

По подсчетам Г. Шуберт, Ахмад аль-Кырыми был автором как минимум восьми работ. Все они сохранились до наших дней только в рукописи и, несмотря на свою значимость, не выходили в свет. Почти все труды Ахмада аль-Кырыми, за исключением одной, относятся к типовым постклассического жанра комментариям и глосс. Примечателен труд *Мисбах ат-Та'дил фи Кауфи Анвар ат-Танзил*, глосса к одному из самых известных толкований Корана, написанного

Абдаллой аль-Байдауви (ум. 1319 г.). Также примечательна самостоятельная работа, а именно ответ критикам ибн Араби («Насихату ль-Хаимин уа Фатихату ль-Хатимин»), в которой Ахмад аль-Кырыми пытается совместить авиценнизм и школу «единства бытия» [Schubert, 1994].

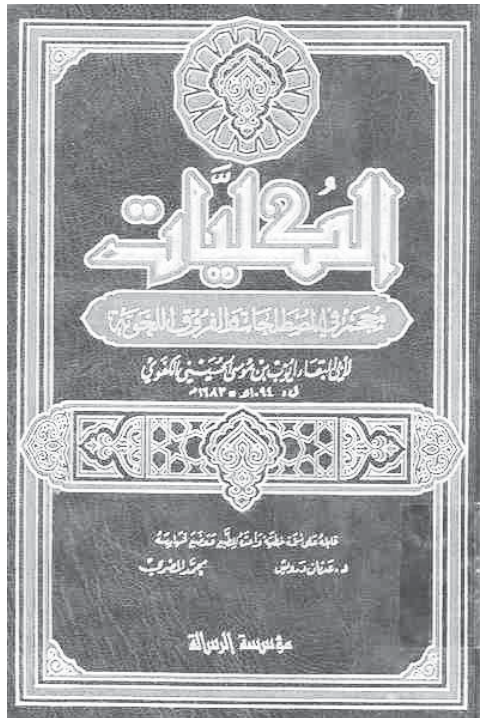
Среди самых ярких представителей крымского суфизма особое место занимает Ибрахим бин Хакк бин Мухаммад аль-Кырыми (ум. 1593), также известный как «Татарский шейх» (шейх ат-татар). В отличие от многих других исламских ученых, об Ибрахиме аль-Кырыми источники повествуют довольно много [İzzetova, 2000; Soysal, 1964a; Якубович, 2016a, с. 119–146].

Точная дата и место рождения Ибрахима аль-Кырыми неизвестны. Мурад Рамзи, ссылаясь на крымскотатарского историка Мухаммада Ризу, отмечает, что суфий Хакк бин Мухаммад, отец Ибрахима, происходил из Дешт-и-Кипчака, то есть евразийских степей (включая северную часть Крыма). Здесь же, в Крыму, Ибрахим аль-Кырыми получил образование. В этот же период Ибрагим аль-Кырыми становится одним из приближенных известного полководца, хана Девлет Герая II (1551–1577), известного своим успешным походом против Москвы. Впрочем, через некоторое время Ибрахим аль-Кырыми покидает родину и отправляется в путешествие в Стамбул. Мухаммад Риза, объясняя причину этого неожиданного путешествия, объясняет это сном, в котором Ибрагим аль-Кырыми увидел своего будущего шейха-наставника.

«Увиденным во сне» наставником, как однозначно утверждают источники, был шейх братства хальватийя Муслим ад-дин Нуреддин-Заде (сам аль-Кырыми называет его Ибн Нур ад-дин ар-Руми). Известно, что Нуреддин-заде (1502–1573), происходивший из болгарского Пловдива, жил в обители дервишей неподалеку от мечети «Малая» Айя София (Küçük Ayasofya) в Стамбуле и считался одним из самых влиятельных суфиев Османской империи, близким к султану Сулейману Кануни (1520–1566). В этой обители провел свои годы и Ибрахим аль-Кырыми. По свидетельству крымскотатарского историка Мухаммада Ризы, Ибрагим аль-Кырыми умер 12 джумада ль-Ахира 1001 г. (12 марта 1593 г.).

Основной посыл философской концепции

Ибрахима аль-Кырыми состоит в следующем. «Восхождение» души, проходящей различные «круги» (представленные по тексту сочинения в виде отдельных рисунков), способствует отдалению от «затемненной природы» (ат-таби'а аль-мазлума) человека. Само понятие «природа», употреблявшееся в исламской философской психологии в довольно нейтральном значении, в суфизме приобретало чуть иные коннотации. «Великий шейх» ибн Араби, которого аль-Кырыми цитирует наиболее часто, в «Мекканских вдохновениях» писал: «Знай, что природа – это тень мировой души... И когда эта тень простерлась над сущностью мировой первоматерии, то из субстанции первоматерии и природы тела... явились образы и формы телесного мира». Ибрахим аль-Кырыми также понимает природу как «затемнение», выявляющее себя на стыке духовного и материального миров: «природа делится на три уровня: уровень действий, свойств и сущности, которые в сообществе представляют собой занавеси Аллаха, находящиеся между рабом и Господом». Удаление от природы – это преодоление «сокрытия», «достижение основы вечного света».

Бейрутское издание «Куллийят» аль-Кафауви

Аль-Кырыми подчеркивает, что составляющими человеческого разума являются, прежде всего, моральные качества. «Знай, во-первых, что как человеческое тело не может быть целостным без четырех первоэлементов, так и разум человека не может быть целостным без четырех составляющих – правдивости, справедливости, стыда и храбрости... Задача человека – это джихад против души, шайтана, а уже потом против лицемеров и противников веры, как и приказал Всемилостивый». Путь этого «духовного борения» и раскрывается в «семи кругах души»: «побуждающей», «порицающей», «вдохновленной», «успокоившейся душе», «удовлетворенной», «снискавшей довольство» и «сфере чистого света». Таковы «круги восхождения», улучшения моральных и духовных качеств человека.

Что же, согласно этой доктрине, происходит с душой далее? Достигнув «чистого света», душа начинает «нисхождение» (нузуль) от «единичности» (аль-ахадийя) к «единству» (аль-вахидийя). Суть этого нисхождения аль-Кырыми объясняет так: «Ты сможешь понять что такое человек и все, что кроме него. В упомянутых высочайших уровнях и низайших спусках ты поймешь, кто ты, для чего создан, для чего ниспослан и что обязан делать, о человек!». Аль-Кырыми продолжает свои мысли так: «Данное Богом совершенство не осуществимо, кроме как посредством уровней восхождения и стоянок нисхождения, пребывая в постоянном движении». В конечном итоге душа, проходя «исчезновение», «нисходит» к «сфере целостной природы», «мировой душе», «сущности пера и великого духа», очищаясь от всех видов многобожия и неверия. Крымский мистик аргументирует эту схему перехода от «восхождения» к «нисхождению» следующим аятом: «Воистину, Мы сотворили человека в наилучшем сложении, а потом вернем его в низайшее из низайших» (Коран, 95:4–5).

Кроме суфизма, развивался в Крыму и калям. В отличие от других крымских авторов, труды которых сохранены почти исключительно в рукописях, произведения такого автора, как Абуль-Бака аль-Кафауви издавались уже во второй половине XIX века. Впрочем, биография этого выдающегося автора известна лишь в самых общих чертах.

Абу ль-Бака 'Айуб бин Муса аль-Кафауви аль-Хусайни родился в 1028 году хиджры (1618/1619 г.) в семье муфтия Кефе (совр. Феодосия) [Hulusi, 1994]. Именно по инициативе его отца, Мусы Шарифа Эфенди, который принадлежал к Сейидам, то есть потомком Пророка Мухаммада, в Кефе была построена новая мечеть (ок. 1623), ныне известная под названием Муфти-Джами («мечеть муфтия»). Кефе в то время находилось в непосредственном подчинении Османской империи и, учитывая экономическую, политическую и военную значимость этого города, часто называлась «вторым» (или «малым») Константинополем. Османский путешественник Эвлия Челеби, который посещал Крым в 1666–1667 годах, насчитал в этом городе 5 высших учебных заведений (медресе). Вероятно, в одном из них в 30-х–40-х годах XVII века мог учиться и Абу ль-Бака 'аль-Кафауви. К сожалению, известные источники не упоминают ни учителей Абу ль-Бака 'аль-Кафауви, ни его возможных учеников.

В середине 50-х годов, повторяя судьбу других крымских авторов, Абу ль-Бака аль-Кафауви отбывает в Стамбул. Позднее он даже получил должность кадия в Филибе (ныне Пловдив, Болгария). Впрочем, вследствие интриг кого-то из своего окружения, Абу ль-Бака аль-Кафауви оставляет Филибе и возвращается в Кефе. Только благодаря дипломатическим усилиям крымского хана Селима Герая (1670–1677, 1684–1691) ученый снова вернулся в Стамбул, поселившись в Истиние (ныне пригород). При поддержке Великого Визира Османской империи Кара-Мустафы Паши (1676–1683), которого Абу ль-Бака аль-Кафауви упоминает в предисловии к одной из своих работ, ученый был вхож к султанскому двору, активно занимался писательской и преподавательской деятельностью. М. аль-Масри и А. Дервиш также приводят сведения о том, что Абу ль-Бака 'аль-Кафауви посещал Иерусалим, где даже был судьей, хотя в имеющихся источниках этот факт не упоминается. Умер крымский ученый, по данным М. Сурайи, в месяце сафар 1095 года хиджры (январь 1684 г.), а по данным М. Бурсали – в 1094-м (1682/1683). Похоронен Абу ль-Бака аль-Кафауви неподалеку от тюрбе сподвижника Пророка Абу Айюба аль-Ансари (ныне в черте Стамбула).

Основной труд Абу ль-Бака 'аль-Кафауви – «Книга общих понятий» (Китаб аль-Куллийят). Ее отличает обширная база источников. А. Дарвиш и М. аль-Масри насчитали более 180 работ, цитируемых автором. Несомненно, аль-Кафауви использовал и другие источники, далеко не всегда приводя ссылки, – в те времена строгих академических стандартов еще не было, поэтому выражения типа «некоторые говорят» или «один ученый сказал» также следует рассматривать как отсылки к предыдущим сочинениям.

Особый интерес аль-Кафауви проявлял к наукам о Коране, а именно экзегетике. Турецкий исследователь Х. Джиджик в своей работе оценивает Куллийят еще и как труд в области тафсира, учитывая значительное внимание автора к толкованиям коранического текста. Автора прежде всего интересует значение той или иной лексемы именно в Коране. Например, в статье «Человек», после перечета философских, научных и правовых смыслов, аль-Кафауви обращается к «словоупотреблению Корана» ('аддат аль-Кур'ан), цитируя длинный ряд аятов. В своих комментариях аль-Кафауви опирается на классика исламской экзегетики – тафсиры ат-Табари, ас-Саляби, ан-Насафи, аз-Замашари, аль-Байдави, Абу Хайана аль-Андалуси, аль-Куртуби, аль-Кауваши, работы в области коранических наук ас-Суйути, ибн Абу Усайбы, аль-Кирмани и других авторов.

В отличие от других филологов своего времени, аль-Кафауви сравнительно редко употребляет в качестве примера поэзию или прозу – опять-таки в центре его пояснений мы находим именно коранические аяты. Отдельные статьи в *Куллийят* целиком посвящены кораническим лексемам – например, под соответствующими буквами алфавита аль-Кафауви пересказывает все сложные для понимания (гара'иб) слова Писания. В своих объяснениях аль-Кафауви, судя по их содержанию, активно опирался на наследие предыдущих экзегетов, в первую очередь – ат-Табари и аль-Байдави. Все это позволяет предположить, что наука о толковании Корана входила в число главных интересов Абуль-Бака. В отличие от многих современников, которые ограничивались комментарием аль-Байдави (особо популярным в Османской империи), аль-Кафауви рассматривал тафсир этого автора лишь как одно из рядо-

Шарх на «Мифтах аль-Гайб» Ахмада аль-Кырыми

вых сочинений, хотя и цитировал чаще других – например, в доктринальных вопросах. Практически во всех случаях он старался зафиксировать первичные смыслы, дошедшие со времен первых поколений ислама.

Однако при объяснении некоторых значимых с точки зрения исламского права лексем автор Куллийят использует уже философский подход. Так, выражение «говорите только достойные слова» (Коран, 2:235, перевод Э. Кулиева) аль-Кафауви понимает как «то, что религиозный закон или разум определяет с помощью чувств». То же самое относится и к важным теологическим вопросам. Выражение «описание Аллаха – самое возвышенное» (Коран, 16:60, перевод Э. Кулиева) аль-Кафауви понимает так: «речь идет о сущностной необходимости, абсолютной самодостаточности, безграничной щедрости и непричастности к свойствам творений». Особое внимание аль-Кафауви обращает на ключевые философские понятия. Например, после развернутого объяснения понятия «идрак» («отображение сущности вещи», то есть постижение) автор Куллийят пытается расположить в определенном порядке все «уровни познания». Этот порядок представляет собой систематизированную теорию познания, включающую более 20 расположенных в иерархической последовательности категорий. Пер-

вая из них – «ощущение» (*шу'ур*), последняя – «разум» (*'акль*), определяемый как «субстанция, которая постигает скрытые вещи через посредство других, а чувственные – через явные». Интересно, что «предположение» (*занн*) у аль-Кафауви стоит в иерархии познания выше, чем «уверенность» (*йакин*). Вероятно, в эти слова он вкладывал особые смыслы, считая «предположение» последствием активной работы разума, а «уверенность» – «когда ты знаешь о какой-либо вещи и не можешь представить обратное». То же самое касается самого понятия «'ильм» (знание), которое аль-Кафауви обсуждает в нескольких местах своего сочинения [Якубович, 2016а, с. 182–198].

В XVIII веке, который характеризовался первыми попытками условно «прозападных» реформ в Османской империи (так называемая «эпоха тюльпанов», 1718–1730, когда, например, появилось официальное книгопечатание), были и попытки критического пересмотра уже устоявшихся философских традиций. Приобщались к этому и авторы крымского происхождения, среди которых заметное место занимает Мухаммад бин аль-Хаджи Хамид аль-Кафауви (ум. 1751).

К сожалению, доступные источники дают крайне ограниченные сведения о его биографии. Происходил ученый, о чем однозначно свидетельствует его топонимическая фамилия, из крымского Кефе (Феодосии). Дата его рождения неизвестна, вероятно, это был промежуток между 1690 и 1710 годами. Во многих рукописях перед именем упомянуто титул сейид, который относился к потомкам Пророка Мухаммада. Имя и титул отца Мухаммада аль-Кафауви – Хаджи Хамид – свидетельствует о том, что тот в свое время совершал паломничество в Мекку (хадж). Свою карьеру Мухаммад аль-Кафауви продолжал в Медине (где был «муллоу»), вероятно, имамом или преподавателем в какой-либо из мечетей или медресе), а завершил в Иерусалиме в должности судьи. Именно там, в 1168 году хиджры (1754/1755), Мухаммад аль-Кафауви умер и был похоронен.

Рукописное и печатное наследие этого автора заслуживает особого внимания. Определить точное число произведений, автором которых он был, сложно, поскольку часто и сам труд фигурирует под разными названиями, а представленная в каталогах атрибуция вызывает сомнения. Поэтому стоит остановиться на самых известных и популярных (исходя из количества копий) работах, которые, в свою очередь, не вызывают сомнений в принадлежности к перу Мухаммада аль-Кафауви. М. Бурсалы упоминает 13 произведений этого автора. Как минимум десять из них имеют непосредственное отношение к философской мысли, в частности калюму и логике (труд *«Рисале фи Исбат аль-ваджиб»* («Послание о доказательстве существования обязательного бытия») и *«Рисале фи Адаб аль-Бахс»* («Послание о способе исследования»), целый ряд комментариев).

Как заметно и по названиям большинства работ, и по содержанию, Мухаммада аль-Кафауви философская проблематика интересовала больше, чем собственно религиозная. Вероятно, это один из немногих крымских и, в более широком контексте, османских авторов, кто меньше интересовался вопросами толкования Корана, хадисов или второстепенными вопросами мусульманского права (фуру 'аль-фикх). Едва ли не единственная известная его работа, посвященная толкованию Корана (шарх на комментарий аль-Байдауви к аяту «Мы же не наказывали никого, а не отправив перед тем посланника», Коран, 17:15), также рассматривает теологические дискуссии: по мнению Мухаммада аль-Кафауви, этот аят опровергает мутазилитскую идею о возможности рационального постижения законов Божьих даже без откровения, поскольку иначе Господь наказывал бы все народы еще до прихода посланников. В круг интересов Мухаммада аль-Кафауви входили проблемы онтологии, метафизики, логики и герменевтики, к которым ученый подходил преимущественно с позиций авиценнизма. Показательна его симпатия к «чистому» авиценнизму, в частности, попытки восстановить неоплатоновскую метафизику великого учителя, оставив на втором плане дискуссии представителей позднего калюма. И хотя большинство работ Мухаммада аль-Кафауви написа-

ны в виде толкований на работы предшественников, в них можно найти новые, критические интерпретации устоявшихся в калюме концепций. Мыслитель был особенно внимательным к категориальному анализу, придерживался позиций последовательного рационализма, во многих вопросах предпочитал его самостоятельным логическим конфигурациям. Авиценновский калюм был в понимании Мухаммада аль-Кафауви едва ли не единственным правильным подходом к истолкованию исламской доктрины единобожия (таухид). Наиболее показательна в творчестве Мухаммада аль-Кафауви и заинтересованность в методологии османского реформатора Мухаммада аль-Биргауви, раскрытая в кадизаделитском движении. В комментариях к теологическому посланию этого автора Мухаммад аль-Кафауви довольно близко подходит к идее, которая позже была развита другими мусульманскими реформаторами XVIII в. Сущность этой идеи заключалась в необходимости признания права на любые акты поклонения исключительно в отношении единого Бога, что нивелировало значение многочисленных «святынь» (культы «приближенных к Богу», захоронений, новых «сакральных» мест и др.), популярных в народных и суфийских интерпретациях ислама. Преданностью этой методологии можно объяснить и более чем прохладное отношение Мухаммада аль-Кафауви к школе ибн Араби, популярной среди других крымских ученых, обычно принадлежавших к суфийским тарикатам (накшбандийя, хальватийя и др.). В перспективе эта идея имела и практическую идеологическую значимость, поскольку уменьшала влияние суфийских тарикатов на политическую и общественную жизнь Османской империи. В творчестве этого ученого пересеклись обе тенденции, характерные для интеллектуальной жизни Османской империи XVIII века – с одной стороны, как последовательный авиценнист, Мухаммад аль-Кафауви высказывал несколько консервативные взгляды на традиционные философские вопросы, с другой стороны, как не менее последовательный кадизаделит, был сторонником реформационных идей в толковании мусульманской религиозной доктрины. Все это позволяет отнести Мухаммада аль-Кафауви к одному из самых выдающихся представителей ис-

ламского просветительства XVIII века, которые вплотную подходили к новому видению развития мусульманской интеллектуальной традиции. Дальнейшее изучение трудов как этого автора, так и иных выходцев из Крыма, может привести к новым важным открытиям в интеллектуальной истории постклассического ислама [Якубович, 2016а, с. 229–249].

Религиозно-философское наследие Крымского ханства, сформировавшись в условиях тесного взаимодействия со среднеазиатским, персидскими и малоазиатскими интеллектуальными традициями XIV–XVIII веков, в значительной степени зависело от общественных, политических и культурных процессов, которые происходили в Северном Причерноморье. Авторы, принадлежащие к этой традиции, четко идентифицировали себя как «крымские», обращаясь к местной проблематике в собственных трудах, что особенно характерно для работ суфийской направленности (см. [Кангиева, 2013, Усеинов, 2001]). В целом религиозно-философская традиция Крымского ханства, которая развивалась в рамках герменевтики, каляма и суфизма, вобрала в себя все те особенности, которые были присущи постклассической исламской философии в целом, – и формальные (культивирование комментаторской практики, интегрированность в систему образования), и содержательные (доминирование авиценновского каляма и акбарийского мистицизма). Индивидуальное осмысление классических

подходов и их интерпретация уже в новом контексте привели к открытию новых линий развития постклассических традиций в Крымском ханстве, в частности значительной рационализации герменевтики (Шараф ад-Дин аль-Кырыми, Абу ль-Бака аль-Кафауви), попытке обновления авиценновского каляма (Мухаммад аль-Кафауви), появлению «историософской» доктрины в суфизме (Ибрахима аль-Кырыми), а на завершающем этапе – индивидуализации мусульманской религиозности.

Благодаря значительному уровню мобильности выходцев из Крымского улуса и Крымского ханства, их наследие быстро включалось в интеллектуальные процессы за пределами Крыма, благодаря чему можно говорить об их значимости не в региональном, а в общеисламском контексте. Через имманентную неоднородность в пределах традиции и значительные идеологические изменения в течение нескольких столетий, религиозно-философское наследие Крымского ханства можно считать одной из самых динамичных традиций постклассической исламской философской мысли, где основательная работа с классикой сочеталась с новаторскими интеллектуальными подходами. Генерируя новые смыслы, религиозно-философская традиция Крымского ханства сделала свой вклад в дальнейшее развитие идеологии тюркско-мусульманских обществ, в частности постосманского пространства.

ГЛАВА 14. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА, АРХИТЕКТУРА И ИСКУССТВО В КРЫМСКОМ ХАНСТВЕ

14.1. Города и поселения Крымского ханства

Э. И. Сейдалиев, Р. Р. Кадыров

Крымское ханство после обретения политической независимости получило в наследство от Золотой Орды обширные территориальные владения.

В границы Крымского ханства входил непосредственно Крымский полуостров, который являлся средоточием политической и экономической жизни государства, и материковые владения. Материковые территории включали в себя Восточный Ногай или так называемая Крымская степь, Едисан или Западный Ногай, Буджак и территории Кубани. Шведский ученый Иоганн Тунманн обращает внимание на то, что эта территория почти что вдвое больше, чем сам Крымский полуостров «та обширная страна лежит на северной стороне Черного и Азовского морей и окружена со всех остальных сторон русскими владениями, от которых ее отделяют Каяли-Берт (каменистый Берт), иначе Большая Берда, Шилки-Су или Конские Воды, сооруженная вдоль этих рек и между ними русская линия и, наконец, Днепр. Прежде он был гораздо обширнее, теперь, но уже по Белградскому миру в 1739 г., более половины его отошло во владение русских».

Едисан имеет такую же характеристику, как и Восточный Ногай, вся территория покрыта степями, в которых ощущается большой недостаток воды. На этих территориях кочуют многочисленные ногайские орды [Тунманн, 1936, с. 45–46; Паллас, 1999, с. 20]. Крымское ханство граничило с Молдавией, Подолией, Литвой и Россией, а также с Османской империей. К компетенции турецких властей после 1475 года относились земли, охватывавшие часть Крымского полуострова, в частности Южный берег и владения на материке. Турки контролировали свои территории посредством строительства крепостей и размещением в них военных гарнизонов. Так вокруг Крыма вы-

страивалась оборонительная линия, Южный берег был прикрыт крепостями Кефе и Балаклава, на материковой части крепостями Бендеры и Очаков, а также крепостью Азов на Кубани [Храпунов, 2017, с. 620]. Однако владения турок в причерноморских степях ограничивались непосредственно территорией самой крепости с прилегающими к ней землями, ввиду неспособности турок контролировать обширные степные пространства. Исследователь Дариуш Колодзейчик, рассматривая дипломатическую переписку между поляками и крымскими татарами, упоминает что Сахиб Герай в 1539 г. объясняет польскому королю, что не мог предотвратить набег татар из Аккермана, Очакова и Азова, потому что те не являлись его подданными. После него уже хан Девлет Герай в переписке от 1552 года с поляками говорит о том, что по султанскому поручению теперь он правит на этих землях [Kołodziejczyk, 2011, с. 509].

Поселенческая культура Крымского ханства была преемственной и во многом схожа в сравнении с золотоордынским периодом. По утверждению Ф. Ф. Лашкова, на территории Крыма к моменту провозглашения независимости уже существовала земледельческая культура, сформировавшаяся благодаря оседлому образу жизни и вследствие трансформации родовых общин в территориальные. Население Крымского ханства было расселено неравномерно ввиду господства двух факторов – того, что обширная территория государства включала в себя разнообразие территории по природно-климатическим и географическим условиям, и того, что в подданстве у крымских ханов вместе с оседлым находилось и кочевое население. Горный и предгорный Крым был заселен задолго до возникновения независимого ханства и уже имел устойчивую городскую

культуру, а татары, живущие в степной зоне, расселялись соответственно с кочевыми и полукочевыми потребностями [Лашков, 1895, с. 58]. В данном контексте, следует отметить, что существует определенная проблема систематизации сведений об исторической топографии, генезиса и развития поселенческой культуры Крымского ханства. Следует отметить, что археологические исследования на территории городов и сельских поселений Крымского ханства производились неоднократно, в то же время результаты этих исследований до настоящего времени полностью не публиковались. Ввиду этого многие сведения письменных источников нуждаются в дополнительной проверке и подтверждении. Особый всплеск археологических исследований этих памятников приходится на последние годы, особенно в связи с масштабными строительными работами на территории Крымского полуострова.

Н. Храпунов, анализируя письма ученого Франческо Альгаротти о Крыме, приводит слова итальянца о территориях Крымского ханства. Эти сведения содержат актуальную информацию на середину XVIII века. Альгаротти, характеризуя государство, упоминает, что владения хана включают в себя сам полуостров, где подданные живут оседло, занимаясь скотоводством и земледелием, и так называемую «Малую Татарию» (очевидно, имеются в виду как раз материковые владения) [Храпунов, Храпунова, 2017, с. 620].

В дальнейшем своем развитии Крымское ханство претерпевало множество изменений. В результате внутренней политики крымских ханов, направленной на перевод кочевников к оседлому образу жизни, прежде всего на территории полуострова появляется большое количество поселений особенно в северной и западной его части. На протяжении всего существования Крымского ханства происходит процесс развития городов, во многом за счет установления торговых отношений и заселения ранее необжитых территорий, связанный с попытками седентаризации традиционно кочевого населения.

Также ханский период в истории Крыма ознаменовывается возникновением новых административных центров и приходом в упадок ранее существовавших городов. Претерпевает изменения и административная система, существовавшая в государстве, выраженная переходом от

золотоордынской административной традиции к османским институтам [Виук, 2007, р. 27].

Как уже упоминалось выше, именно на полуострове была сконцентрирована вся политическая и экономическая жизнь государства, что и привело к стремительному разрастанию и процветанию городов. В административном плане территория государства была разделена на области – каймаканства, центрами которых выступали крупные города. В свою очередь области подразделялись на судебные округа – кадылыки, которые состояли из более мелких административно-территориальных единиц. Подробное описание административно-территориального устройства мы встречаем у барона Игельстрома, в составленном им в 1784 году Камеральном описании Крыма. Несмотря на то что подготовка документа проходила уже после утраты независимости ханства, данное описание является одним из главных источников информации об административно-территориальном устройстве. Автор ставил цель описать ту картину и внутренний уклад жизни Крыма, который существовал в ханский период. Благодаря этому, документ является достаточно информативным по содержанию, как для изучения административного устройства, так для исследования социально-экономической жизни Крымского ханства. Камеральное описание содержит в себе статистические данные в том числе о количестве поселений в кадылыках и каймаканствах. Согласно этим данным, Крымское ханство состояло из шести каймаканств – Бахчисарайского, Ак-Мечетского, Карасубазарского, Гезлевского, Кефинского и Перекопского [Лашков, 1888, с. 36].

После распада Золотой Орды независимому Крымскому ханству принадлежало всего два золотоордынских города – это непосредственно ордынская столица Солхат, или Крым (ныне Старый Крым), и Кырк-Ер (Чуфут-Кале). Параллельно в это время на полуострове функционируют генуэзская Каффа (совр. Феодосия), Солдайя (Судак), Чембало (Балаклава) и Воспоро (Керчь). В юго-западной части Крымского полуострова располагались еще два города поздневизантийского княжества Феодоро – Мангуп и Каламита (Инкерман) [Бочаров, 2015а, с. 5]. С приходом турок в 1475 году эти земли перешли под турецкий контроль и были включены во владения Османской империи.

Благосостояние той или иной территории обусловливается наличием развитой инфраструктуры что во многом зависит от ее политического значения и ряда экономических факторов, таких как уровень торговли, развития ремесла и состояния сельского хозяйства, которое зависит от географических условий.

Город **Солхат**, являвшийся в золотоордынский период столицей Крымского Юрта, был одним из самых крупных и развитых городов. Это было обусловлено выгодным местоположением на перекрестке торговых путей и наличием статуса административного центра. Во времена Крымского ханства Солхат постепенно приходит в упадок до состояния провинциального городка. Первый крымских хан Хаджи Герай, спустя всего десятилетие переносит свою ставку в укрепленную горную крепость Кырк-Ер, что было обусловлено соображениями безопасности, тем не менее перевод ханской ставки негативно сказался на дальнейшей судьбе Солхата. С переносом столицы деловая активность начинает смещаться в юго-западную часть полуострова, которая и занимает впоследствии главенствующее положение. Польский посол Мартин Броневский, прибывший на полуостров в 1578 году, говорит о Солхате как о провинциальном местечке, в котором сохранились лишь мечеть хана Узбека и баня, но главное, что там все еще функционирует монетный двор [Броневский, 1867, с. 32–33]. Данные картографии, позволяют представить, как выглядел город на момент присоединения Крымского ханства к Российской империи. В данном случае речь идет о плане города, составленном русским военным топографом Иваном Лютовым в 1783 году. Большинство объектов, нанесенных на этот план, были выявлены и идентифицированы в ходе археологических исследований Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. В ходе этих исследований, например, было установлено, что так называемая мечеть Узбека, сохранив портал и михраб 1314 года, была заново отстроена у северной стены медресе Инджи-бек-хатун в конце XV века [Крамаровский, 2012, с. 207, 213]. Вероятно, здание неоднократно ремонтировалось [Кирилко, 2015], в том числе в 1512–1513 гг., что исследователи связывают с деятельностью хана Менгли Герая [Кирилко, Бочаров, 2015, с. 114]. В соответствии с наблюде-

ниями археологов, город и во времена Крымского ханства сохранял планировку, сформировавшуюся в эпоху Улуса Джучи. Разделенный на кварталы этноконфессиональных общин, Солхат в XV–XVIII веках действительно представлял собой второстепенный город, где центральное место занимала мусульманская община, а окраины – христианская и иудейская. В центре каждого района, вероятно, располагалось культовое здание. Жилая застройка представляла собой одноэтажные и двухъярусные дома, покрытые черепичными крышами [Крамаровский, 2012, с. 125].

Как уже упоминалось ранее, новой столицей образованного государства стал другой золотоордынский город – Кырк-Ер (ныне пещерное городище Чуфут-Кале). Город как минимум до 1342 года представлял из себя автономное феодальное владение алан, а уже после этой даты был захвачен и прикреплен к золотоордынским владениям [Зайцев, 2013а, с. 499]. Наиболее ранние монеты первого крымского хана с указанием этого места чеканки датируются 1454 годом [Сидоренко, 2016, с. 53]. Чеканка монет свидетельствует о наличии на городище монетного двора. Несмотря на относительно небольшую площадь новой ханской резиденции, монетный двор говорит о том, что данная локация имела большое политическое значение.

Турецкий путешественник Эвлия Челеби, посетивший Крым в 1666–1667 годах, называет эту крепость Гевхер Кермен и подтверждает факт о наличии именно здесь первой столицы крымских ханов. Путешественник на момент своего пребывания описывает население крепости как полностью состоявшее из числа евреев, а также упоминает о наличии здесь соборной мечети, в которой уже отсутствуют прихожане [Эвлия, 2008, с. 82]. Позже европейские и русские путешественники и исследователи упоминали Кырк-Ер или Чуфут-кале в своих работах. Так, шведский ученый И. Тунманн подтверждает данные, что именно это местечко, которое впоследствии стало просто одним из районов города, было некогда главной резиденцией крымских правителей [Тунманн, 1936, с. 36], а немецкий ученый П. С. Паллас, посетивший Крым уже в 1793–1794 годах, упоминает, что в российском Крыму селение представляет из себя небольшой караимский городок, в котором насчитывается около двухсот домов [Паллас, 1999, с. 29].

Все специалисты сходятся во мнении что, этот городок был полностью населен караимами, что и соответствует из его другого названия Чуфут-Кале. Также отмечается, что в этой крепости был существенный недостаток – отсутствие водоснабжения. Проблема с водой решалась путем ее подвоза в крепость и вырубкой бассейнов для сбора дождевой воды. Рядом с мысом Бурунчак был организован заповедник для правительственной охоты. Упоминается, что там же, были вырублены в скалах два бассейна для сбора дождевой воды, которые, очевидно, и служили искусственными водоемами. Крепость ввиду своей неприступности долгое время служила как место хранения казны и военных трофеев династии Гераев [Зайцев, 2013а, с. 502].

Ниже укрепленной резиденции располагался **Салачик**, который на данный момент является одним из предместий старого города Бахчисарая, а в ханский период по праву считался самостоятельным и большим городом до переноса столицы в Бахчисарай в 1532 году [Гаврилюк, Ибрагимова, 2010, с. 13]. Расположенный в восточной части города в ущелье Мерьем-Дере Салачик вплоть до XX века являлся самостоятельным и отдельным поселением [Османов, 2016, с. 16]. В эпоху, предшествующую основанию Бахчисарая, здесь, как и полагается, располагалась ханская резиденция, вокруг которой был сооружен комплекс общественных зданий, создавая таким образом единый центр управления. Данный принцип застройки характерен для всего средневекового мусульманского мира. Посол польского короля Стефана Батория Мартин Броневский, посетивший Бахчисарай в 1578 году, упоминает и Салачик. Согласно его описанию, Салачик – город с хорошими каменными домами, прекрасно украшенными зданиями, мечетями и гробницами [Броневский, 1867, с. 29]. До сегодняшнего дня сохранились некоторые постройки, связанные с ханской резиденцией. В первую очередь это здание медресе Менгли Герая, датированное 1500–1501 гг., которое являлось высшим духовным учебным заведением, ханская усыпальница (Дюрбе Хаджи Герая), руины средневековой бани [Османов, 2016, с. 25] и, вероятно, руины мечети Менгли Герая. Салачик и его постройки неоднократно упоминаются в письменных источниках. Турецкий путешественник Эвлия Челеби описывает Салачик как город с пятью

кварталами украшенный пятью михрабами и пятью минаретами, т. е. указывает на наличие здесь пяти мечетей. В этом городе нет ни базара, ни постоянного двора. Им же упоминается, что раньше в этом городе было множество постоянных дворов, мечетей, бань и медресе, а ныне остались лишь большое медресе Менгли Герая и дворец. Исходя из его слов, можно сделать вывод, что на момент его посещения Крыма Салачик утратил и свое былое значение [Эвлия, 2008, с. 89]. Археологические исследования городища открыли остатки мечети, бани, и мусульманского кладбища XVI–XVIII вв., что подтверждают данные письменных источников [Гаврилюк, Ибрагимова, 2010, с. 13].

Потеря значения Салачика обуславливается тем, что к 1532 году в долине реки Чурюк-су возводится ханский дворец, представляющий из себя комплекс построек, в состав которых входили ханская резиденция, мечети, зал собраний (диван), бани, здания гарема и т. д. [Османов, 2016, с. 76]. Основание резиденции явилось предпосылкой создания нового города, который на протяжении почти трех столетий являлся центром политической, экономической и духовной жизни Крымского ханства.

Шведский исследователь И. Тунманн характеризует Бахчисарай как один из самых больших городов Крыма и начинает его историю именно с основания дворца, который и дал городу свое название [Тунманн, 1936, с. 35]. С этих пор и на протяжении почти трех столетий Бахчисарай являлся центром политической, экономической и духовной жизни Крымского ханства. Эвлия Челеби достаточно ярко и эмоционально восхваляет Бахчисарай, называя его великим городом и древней столицей [Эвлия, 2008, с. 98–113].

По утверждению С. Г. Бочарова, все новые средневековые города Крыма такие, как Бахчисарай, Карасу-Базар, Акмесджит, Гезлев, Ор-Капу и т. д., возникают на ранее не освоенных местах и не связаны с предшествующей многовековой традицией. В лучшем случае там, где развивались новые города, существовали какие-то небольшие золотоордынские поселения [Бочаров, Сейтумеров, 2017, с. 22].

Бахчисарай по праву являлся одним из самых больших городов Крымского ханства. Согласно исследованиям исторической топографии Бахчиса-

рая, которые проводил С. Г. Бочаров на основании данных генеральных планов Бахчисарая последней четверти XVIII – нач. XIX веков площадь городской территории без учета территорий кладбищ составляла 121,9 гектара. Планировка города была продиктована естественным рельефом местности, который представлял из себя узкую горную долину, и расположением ханского дворца. Общая территория кладбищ составляет 41,3 гектара земли. Также в городе была локализована тридцать одна мечеть, и на генеральном плане удалось выделить три медресе, четыре караван-сарая, пять бань и девять фонтанов. В северо-западной части города размещались водяные мельницы и мастерские по обработке кожи [Бочаров, Сейтумеров, 2017 с. 28].

Согласно камеральному описанию Крыма, в Бахчисарайский кадылык входило 85 деревень. Барон Игельстром в своем труде также указывает, что в общем в Бахчисарайском каймаканстве состояло 293 деревни в которых сохранилось 3218 домов [Лашков, 1888, с. 36].

В административно-политической системе Крымского ханства вторым человеком после хана и его наследником, чаще всего являлся калга-султан. Обычно на эту должность назначался брат или сын хана. Его резиденцией был город **Акмесджит** (современный Симферополь), который располагался к востоку от средневековой крымской столицы. Город был расположен на месте торговой магистрали XIV века, которая связывала золотоордынский Солхат с городом Кырк-Ер. По мнению С. Г. Бочарова, город вырастает из поселения, которое существовало здесь в предшествующий золотоордынский период. Акмесджит считался вторым по значению городом ввиду того, что отличался от других городов своим политическим статусом, так как город являлся местом пребывания калги-султана – второго лица в структуре государственной власти Крымского ханства. Своим ростом Акмесджит обязан хану Менгли Гераю I, правившему в 1478–1515 гг., именно он учреждает должность калги-султана и определяет эту локацию в качестве его резиденции [Бочаров, 2015, с. 6]. Этот город, как правило, упоминается во всех трудах крымско-татарских историографов того периода, а также трудах турецких, русских и европейских путешественников. Однако несмотря на присутствие

здесь резиденции калги-султана, что говорит о его значении в административном плане, Акмесджит по сравнению с остальными считался небольшим городом [Абдульвапов, Кондратюк, 2018, с. 3]. Наиболее широкое описание опять же можно встретить у турецкого путешественника Эвлии Челеби, который посвятил Акмесджиту целую главу в своем произведении. Он пишет, что это расположенный на краю красивой долины благоустроенный город с двухэтажными благоустроенными домами, крытыми черепичной крышей. В городе насчитывается две сотни лавок и имеется три постоянных двора для купцов. Путешественник насчитал здесь пять мечетей, два медресе и три мусульманские школы [Эвлия, 2008, с. 140].

Эти постройки частично удалось локализовать С. Г. Бочарову при работе над исторической топографией Акмесджита. Отдельного внимания заслуживает описание дворца калги-султана, эта резиденция содержит в себе комплекс построек и выступает пригородом основного города. Все дома расположены на берегу реки Салгир, здесь же располагаются несколько лавок, один хан и соборная мечеть [Эвлия, 2008, с. 141].

Академик Паллас во время своих наблюдений также упомянул о Акмесджите. Его наблюдения разнятся с наблюдениями турецкого путешественника, он пишет, что город построен узкими, кривыми и очень грязными улицами с дворами, обнесенными оградой. Внутри дворов располагались довольно низкие домики. Конечно, сравнивать их описания будет некорректно, ввиду хронологической разницы больше чем в один век и произошедших событий – в Акмесджите, как и в других городах Крымского ханства, достаточно сильно пострадали историко-культурные памятники от занятия города русскими войсками под командованием фельдмаршала Миниха в 1736 году. Он описывает сохранившиеся здесь три мечети с минаретами и одну татарскую баню. Также указывает на расположение на левобережной части Салгира резиденции калги-султана, которая была разрушена после занятия Крыма русскими войсками [Паллас, 1999, с. 26–27].

Согласно исследованиям С. Г. Бочарова, площадь средневекового города составляла 42 гектара. Согласно топографическому плану, в городе на конец XVIII века располагалось три мечети, два

медресе, три караван-сарая и текие. Главная мечеть города Кебир-Джами была построена еще во времена правления Менгли Герай-хана в 1508 году и располагалась на центральной площади города. Со значительными перестройками она дошла и до сегодняшнего дня. Также доподлинно известно о существовании пяти городских фонтанов и одной городской бани, которая располагалась на центральной площади неподалеку от соборной мечети [Бочаров, 2015а, с. 7; Абдульвапов, 2018, с. 60]. Акмесджит, согласно административному устройству, наряду с Бахчисараем являлся одним из главных административных центров. Согласно данным барона Игельстрома, к 1783 году в кадылык входили пятьдесят четыре близлежащие деревни [Лашков, 1888, с. 37].

Акмесджит встречается под другими названиями. У Тунманна топоним Султан-Сарай, на карте Черного и Азовского морей, составленной турецким картографом Ибрагимом Муттафариком около 1724 года, город арабицей подписан так же – Султан-Сарай [Тунманн, 1936, с. 36]. То же название приводит в своей работе итальянец Ф. Альгаротти [Храпунов, Храпунова, 2017, с. 619].

К владениям калги-султана относился еще один вновь образованный город – **Карасубазар** (совр. Белогорск), раскинувшийся в районе реки Большой Карасу. Карасубазар являлся одним из самых больших и экономически развитых городов Крымского ханства [Тунманн, 1936, с. 37]. Согласно административному делению город являлся центром карасубазарского каймаканства разделенного на девять округов. Общее число деревень достигало трехсот двенадцати [Лашков, 1888, с. 37]

Карасубазар, расположенный в центре Крымского полуострова, по праву считался экономическим и торговым центром государства. Согласно «Книге путешествия», город является богатым и красивым, постоянно расширялся, застраивался и украшался. Немаловажную роль в этом сыграли наличие плодородной почвы для ведения хозяйства и развитая торговля. О чем свидетельствует наличие в городе невольничьего рынка и восьми караван-сараяев (постоялых дворов). Турецкий автор отмечает, что самый большой из них был расположен на рынке в центре города, выстроенный как крепость [Эвлия, 2008, с. 149]. Вероятней всего, речь идет о Большом Таш-хане, руины кото-

рого сохранились до сегодняшнего дня в Белогорске. Кроме того, упоминается о наличии в городе двадцати восьми мечетей, пять из которых автор относил к соборным, пять медресе, восемь мектебов и четыре текие. Важно отметить тот факт, что Эвлия Челеби указывает на то, что в городе все строения хорошо благоустроены и крыты рубинно-красной черепицей. В городе отсутствуют строения со свинцовой крышей. Благодаря тому, что через город протекает река (Большой Карасу), по всему городу располагается большое количество источников, а вокруг города располагаются «достойные похвалы сады и виноградники» [Эвлия, 2008, с. 147–149].

Карасубазар был также отмечен в заметках немецкого энциклопедиста П. С. Палласа. Его изначальная характеристика касается внешнего вида города, и, как во всех других посещенных им городах, отстроенных в Крымском ханстве, он отмечает узкие, кривые улицы, заставленные дворами. Исходя из его заметок, на момент посещения им города в нем располагались двадцать три мечети, три церкви, одна из которых армяно-католическая, и синагога. О существовании в Карасубазаре армянской общины также упоминается у Эвлии Челеби, где говорится о наличии армянского монастыря [Паллас, 1999, с. 110–111; Эвлия, 2008, с. 148]. Оба автора, побывавшие здесь в разное время, обращают внимание на наличие в городе большого количества ремесленных мастерских разной направленности, а также о плодородности окрестных земель, в результате чего урожай здесь собирается в изобилии, который потом оказывается на прилавках. Согласно вышеперечисленному, Карасубазар можно характеризовать как крупный город с широко развитой инфраструктурой. К сожалению, как и другие крымские города, был разрушен в результате событий 1736 года и хотя был частично отстроен, но уже не смог вернуть былое величие [Biyük, 2007, s. 134].

В западной части Крымского полуострова располагался еще один крупный административный и экономический центр государства – город **Гезлев** (ныне Евпатория), который в русских и европейских письменных и картографических источниках идет под названием Козлов. Согласно административно-территориальному устройству ханства, Гезлев являлся центром каймаканства, в которое

входило пять кадылыков, составлявших в общей сложности 195 селений [Лашков, 1888, с. 38].

Первоначальное поселение на берегу Гезлевского залива появилось, вероятно, еще в конце XIV века, во времена правления хана Тохтамышша. После того как в 1475 году турки-османы заняли Черноморское побережье, началось обустройство морского порта в этой местности. Вероятно, в 1539–1540 гг. Сахиб Герай с позволения османского султана начал здесь строительство портового города под названием Гезлев, окончательное строительство которого было завершено не раньше второй половины XVI века [Кутайсов, Кутайсова, 2007, с. 44]. Шведский историк Тунманн, говоря о Гезлеве, пишет, что город обнесен вокруг мощной крепостной стеной с башнями и располагает большим количеством прекрасных мечетей. Гезлев считался полиэтничным городом, автор пишет, что здесь проживают татары, турки, греки, армяне и евреи, а общее количество домов здесь достигает двух с половиной тысяч. Город является достаточно благополучным и развитым благодаря наличию морского сообщения и, как следствие, ведению оживленной торговли [Тунманн, 1936, с. 42].

Эвлия Челеби вновь достаточно подробно, с присущей ему манерой восхваления описывает Гезлев как прекрасную и хорошо укрепленную крепость в которую ведут пять различных ворот с разной стороны. Согласно приведенным данным, в городе насчитывалось двадцать четыре мечети, половина из которых являлись султанскими, а остальные были построены на благотворительные средства. Автор оговаривает что в приведенные данные не входят кварталные мечети. Кроме этого, в городе функционируют пять благоустроенных бань, два медресе, восемь мектебов и три текие. В городе функционируют невольничий рынок и одиннадцать постоянных дворов (караван-сараев) для приезжих торговцев, а на рынках можно найти любой товар, который пожелаешь [Эвлия, 2008, с. 53–55]. Паллас, посетивший город в начале российского периода, увидел в городе уже одни развалины. В своих заметках он отмечает, что городские стены очень разрушены, в городе находятся тринадцать мечетей, семь медресе и училищ и имеются две бани «со сводами по старому татарскому образцу» [Паллас, 1999, с. 209]. В заметках также сказано, что Гезлев являлся густонаселенным городом, им при-

водятся данные и о состоянии сельского хозяйства, город обслуживали ветряные мельницы, их было насчитано тридцать четыре единицы [Паллас, 1999, с. 209–210]. Французский инженер Гийом Левасер де Боплан при составлении описания Украины указывает о властителе города, коим являлся крымский хан, наличии морской гавани и, кроме всего прочего, о расположении в нем двух тысяч домов [Боплан, 2004, с. 208].

Гезлев представлял из себя типичный восточный полиэтничный город. Площадь города составляла тридцать четыре гектара, на которых располагалась хаотичная иррегулярная застройка, разделенная кривыми улицами с многочисленными тупиками. Неотъемлемыми элементами облика города являлись высокие глухие застройки и большое количество площадей, от которых в разные стороны расходились улицы [Кутайсов, Кутайсова, 2010, с. 48]. В 1558 году с приходом к власти Гази Герая (1588–1607) в городе был открыт собственный монетный двор. В последующие годы Гезлев являлся центром серебряной монетной чеканки государства и расположением ханской ставки. Следует отметить, что это единственный портовый и защищенный мощными крепостными стенами город в Крымском ханстве. Кроме того, город находился под охраной турецкого гарнизона, в состав которого входили и артиллерийские орудия [Кутайсов, Кутайсова, 2010, с. 46].

Отдельного внимания заслуживает система городского водоснабжения; путешественники отмечают, что вода в город поступает через трубы из водохранилища, которое располагалось за крепостными стенами. Вода из очень глубокого колодца накачивалась при помощи лошадей. На момент описания П. С. Палласом данная система уже была разрушена [Эвлия, 2008, с. 55; Паллас, 1999, с. 210]. Вода в город также поступала благодаря использованию иранской системы водоснабжения – так называемых кязиров. Кязиры представляют собой подземные галереи метровой ширины и примерно с рост человека. Вода на поверхность доставалась посредством обустроенных на определенном расстоянии друг от друга колодцев. По предположению В. А. Кутайсова, кязиры появились скорее всего в период расцвета города, что соответствует XVI–XVII векам [Кутайсов, Кутайсова, 2010, с. 47].

После захвата черноморского побережья Крыма в 1475 году турки начинают активно обустриваться на приобретенных территориальных владениях. Главным османским городом на полуострове становится захваченная у генуэзцев Каффа, переименованная в **Кефе** (совр. Феодосия). Город еще в период существования власти итальянцев считался одним из самых больших в Крыму и имел мощнейшие фортификационные сооружения. К 70-м годам XV века общая площадь города составляла 125 гектаров. После установления османской власти город входил в десятку крупнейших городов Османской империи. Все покоренные территории в Крыму были объединены в одну провинцию с центром в Кефе. В период турецкого господства в городе продолжали активно развиваться ремесло и торговля [Бочаров, 2015б, с. 182–184]. Эвлия Челеби, который не обошел стороной и Кефе, говорит о том, в Кефинский округ входили Балаклава, Судак, Мангуп, Керш (Керчь), Тамань, Темрюк и Азов [Эвлия, 2008, с. 176].

Турецкий автор оставил описание крепостных стен города, внутренних крепостей и их обустройство. По его сведениям, в город ведут двенадцать ворот, внутри стоят укрепленные крепости, построенные еще до прихода турок. В городе насчитывается шестьдесят мечетей, десять из которых являются соборными, и только сорок минаретов, выложенных из камня. Также здесь располагалось пять медресе и девять текие дервишей. Как и в других местах, где побывал Эвлия, он обращает внимание на количество бань, источников воды и постоянных дворов. Согласно приведенным данным, в городе насчитывалось десять бань, без учета тех, которые находились в частном владении. Поскольку Кефе был одним из главных торговых городов, здесь автор насчитывает сорок три постоянных двора и около двадцати источников воды [Эвлия, 2008 с. 181–184].

Город перешел во владение крымского хана, после заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 года, согласно которому все турецкие гарнизоны должны были покинуть полуостров. К моменту присоединения Крыма к Российской империи город образовывал каймаканство в Восточном Крыму, объединявшее семь округов с общей численностью около двух сотен деревень [Лашков, 1888, с. 38].

Если города Крымского ханства, основанные в горном и южнобережном Крыму, располагаются так или иначе на уже обжитых местах, то степная часть полуострова была достаточно слабо заселена, а немногие те, кто здесь проживал, по большей части вели полукочевой образ жизни. По свидетельствам польского посла Мартина Броневского, находившегося в Крыму в 1570-х годах, ногайцы жили в хижинах из тонких деревьев, однако в летне-осеннее время они откочевывали за Перекоп на обширные равнины [Броневский, 1867, с. 11]. По мнению В. Грибовского, для упрочения власти крымских ханов и строились крепости (Перекоп, Арабат и др.), они же позволяли контролировать кочевое население. Он же отмечает, что седентаризация внутри Крыма происходила эффективней, чем в остальных регионах Крымского ханства. Один из влияющих на это факторов являлись то, что заселение полуострова и перевод к оседлому образу жизни многочисленных орд кочевников являлось приоритетным направлением во внутренней политике государства. Хан Сахиб Герай (1532–1550 гг.) стремился заселить Крым кочевниками путем наделения их земельными уделами, а тех, кто противился переходу к оседлому образу жизни, хотел принудить к этому силой. Для привлечения кочевников к оседлости хан выстраивает для них ряд мечетей в местах, сопредельных с Буджаком. К середине XVI столетия ногайцы, в частности племена мангытов, потеряв контроль над приднепровской степью, откочевывают на полуостров. Сумев занять прочную позицию в Крымском ханстве и войдя в число карачи-беев под названием Мансуроглу, они контролировали все миграционные потоки ногайских орд с постепенным включением их в орбиту своего влияния. Тем не менее, несмотря на все усилия ханской администрации, процесс перевода кочевого населения протекал достаточно сложно. Так, сохранились упоминания турецкого путешественника Эвлии Челеби, посетившего Крым во второй половине XVII века, об эпизоде переговоров крымского хана Мухамед Герая IV с буджакскими и ногайскими татарами по поводу их переселения на территорию Крымского полуострова, что было связано с их неподконтрольностью и набегами на молдавские, османские и польские владения и, как следствие, получением ханским двором диплома-

тических нот со стороны соседних государств. Во время своего путешествия от крепости Ор (Перекоп) к Гезлеву он также упоминает о наличии поселений в степной части полуострова близ Сиваша [Эвлия, 2008, с. 98].

В письменных источниках содержится достаточно мало информации о локализации поселений в степной зоне, однако исходя из топонимов, отраженных на картах, можно сделать вывод о том, что вся северо-западная часть полуострова была занята такими степными поселениями, заселенными ногайцами. Согласно исследованиям турецкого историка Омера Быйыка, клан «Мансуроглу» мигрировал на территорию полуострова в XVI веке и расположился в его северной части, он приводит список из 22 селений, которые в XVII–XVIII веках принадлежали этому родовому объединению, и довольно размыто упоминает об их локализации в северных районах Крымского полуострова. По приведенным данным, по всей территории Крымского ханства расселилось 65 таких родоплеменных подразделений [Biyik, 2007, с. 37].

На картах Крыма XVIII–XIX веков мы можем встретить селения, о которых мы упоминали ранее, так и множество поселений, названия которых позволяют их отнести к числу так или иначе принадлежавших ногайским родам. Например: Седжеут, Конрат, Найман, причем некоторые из них могут дублироваться, находясь в разных районах. Представители этих кланов с таким названием присутствовали не только на территории Крыма, но и практически во всех позднеордынских государствах [Маслюженко, 2016, с. 805]. Топоним «Найман», как и некоторые другие, встречаются и в крымских сиджиях (сборниках документов мусульманского права). Например, в одном из документов, датированном 1609 годом, фигурирует сделка о продаже земли в округе Половинный Чонгар, примыкающей к «общине Найман», что опять же свидетельствует о наделении землей кочевников. Более того, эти территории входили в специальный судебный округ – Нысф Чонгар, который был создан из-за разрастания округа Чонгар [Рустемов, 2017а, с. 124]. Наличие судебной системы и разрастание округа еще раз свидетельствуют о постепенном освоении и заселении территорий в северо-западной и северо-восточной части Крымского полуострова.

Картографический материал XVII–XVIII вв. позволяет рассмотреть и получить информацию в том числе из обозначенных там топонимов. Достаточно подробно отражены названия поселений на карте Я. Ф. Шмидта, представляющей Крым и степь крымскую из новейших известий, сочиненной при Академии наук Санкт-Петербурга и датированной 1777 годом, и Генеральной карте Крыма, автором которой является Ф. Черный и датированной 1790 годом. Карта под авторством Я. Шмидта уже претендует на более точную достоверность, она выполнена в масштабе с нанесением координат. Сама карта характеризуется достаточно большой плотностью заполнения северной части Крыма, где кириллицей детально нанесены названия поселений расположенных вблизи Перекопа и Чонгара. На карте за авторством Ф. Черного мы видим высокую плотность нанесения поселений по всей территории полуострова и, в частности, территории Северного и Западного Крыма, куда ханская администрация и направляла поселенцев из числа бывших кочевников. Данные, собранные в Камеральном описании Крыма, также позволяют говорить о большом количестве стационарных поселений в Северо-Западной части полуострова. К примеру, в приведенной таблице только в Дип-Чонгарском и Нысфском кадылыках насчитывается девяносто восемь деревень [Лашков, 1888, с. 38].

Следует отметить что картографические источники наряду с данными о поселениях в кадылыках позволяют более точно очертить границы административных делений в административно-территориальном устройстве Крымского ханства. Основательная работа по сбору и систематизации ногайских названий населенных пунктов в Северо-Западном Крыму (п-ов Тарханкут) была проведена А. Р. Кемаловой. Ссылаясь на А. В. Суперанскую, автор отмечает, что при создании оседлых поселений в Крыму главным фактором при назывании было название родоплеменного подразделения [Кемалова, 2014, с. 157], и подчеркивает, что среди «топонимии Тарханкута имеется кочевая тенденция присвоения имени населенным пунктам...». Кроме того, А. Р. Кемалова отмечает, что большинство поселений располагаются близ балок и источников воды, в местах, где присутствуют наиболее благоприятные условия

для выпаса и содержания скота, а среди топонимов также встречаются и названия, связанные с хозяйственной специализацией населения – скотоводством, в то время как топонимы, которые можно было бы связать с земледелием, отсутствуют. Отметим в данном контексте исследования Северо-Крымской экспедиции 1962–1964 гг. в Северном Присивашье, где в ходе исследований были выявлены захоронения, относящиеся к XIV–XVII вв. и «оставленные более-менее оседлым населением», не связанным с христианством [Щепинский, Черепанова, 1969, с. 320–321]. Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод, что вся северная и северо-западная часть Степного Крыма постепенно заселялась степняками преимущественно из числа ногайцев. А количество стационарных поселений на упомянутых картах в этом районе подтверждает гипотезу о постепенном переходе к оседлости этой кочевой категории населения Крымского ханства, что и являлось главным фактором развития данной области [Сейдалиев, Кадыров, 2018, с. 11].

Большинство этих поселений относились к Перекопскому каймаканству и контролировались начальниками городка **Ор-Капу** (ныне Перекоп). Перекопское каймаканство охватывало северную часть Крымского ханства. К моменту присоединения Крыма в него входило 169 деревень, расположенных в шести округах (кадылыках). Их центром считается город Ор-Капу, расположенный на границе полуострова.

Г. Л. Боплан в своем произведении пишет, что Крымский полуостров соединяется с материковой частью перешейком. Здесь же расположен «ничтожный» городок без укреплений, окопанный только полуразвалившимся рвом и обнесенный валом. В городке присутствует каменная крепость, а татары называют его Ор, что и переводится как «ров» [Боплан, 2004, с. 205]. Этот городок занимал важное стратегическое значение, так как перекрывал единственный сухопутный проход в Крым через перешеек. Поэтому в его названии две составляющие – Ор, что означает «ров», и Капу, что означает «ворота». Тунманн оставляет заметку о том, что Ор является городом и крепостью, который соединяет Крым и Восточный Ногай. Что касается инфраструктуры, автор указывает на наличие около восьми сотен домов и старого замка

[Тунманн, 1936, с. 43]. В начале своего крымского путешествия город посетил Эвлия Челеби и не оставил его без внимания. Автор указывает, что эту высокую крепость построил Сахиб Герай-хан из рода Чингизидов, коротко характеризуя ее как двухслойную мощную твердыню. В плане она пятиугольная, там есть двадцать высоких квадратных башен. С какой бы стороны степи ни подойти, с расстояния в пять переходов видны башни этой крепости Ор. Все башни крыты рубиново-красной черепицей. Есть и низкие башни, крытые досками. Внутри крепости – всего восемьдесят татарских домов. Все они крыты дёрном. Крепость Ор расположена в степи и не господствует над местностью. Её окружает глубокий, вырубленный в земле ров. С двух сторон в направлении рва смотрят отличные пушки. Внутри крепости есть мечеть Сахиб Герай-хана, амбары пшеницы, оружейный склад, колодцы воды и ничего больше.

За пределами боевой крепости, в пригороде, исходя из описаний автора, и протекала городская жизнь. В этой местности располагалось двенадцать мечетей, число домов, в которых располагались прихожане около полутора тысяч. У подножия крепости имелись один постоянный двор и баня [Эвлия, 2008, с. 32].

Среди сельских памятников эпохи Крымского ханства особенно выделяются объекты, изученные в ходе строительства трассы «Таврида» в центральной и восточной частях полуострова. Они также до настоящего времени опубликованы не полностью. В Восточном Крыму следует выделить ряд поселений, датированных археологами так называемым «османским» временем. Это поселения Кенегез Восточное, Су-Баш 1, Батальное 1 и др.

Поселение Кенегез впервые фиксируется в «Камеральном описании Крыма». Расположено оно на территории Керченского полуострова. В конце эпохи Крымского ханства поселение входило в Арабатский кадылык Кефинского каймаканства. Археологами было исследовано более 17300 квадратных метров культурного слоя на поселении, включающего в себя жилые и хозяйственные постройки, хозяйственные ямы, очаги и т. д. Стены построек возводились на каменном основании из самана или турлука. Хозяйственные ямы использовались и как хранилища для припасов, и как мусорные. Также на поселении, расположенном на уплощенных

участках между отрогами балки и на ее склонах, было выявлено простое инженерное сооружение для сбора воды. Степная часть Крыма, население которой в основном занималось скотоводством, испытывала недостаток воды, поэтому в отрогах балки население Кенегеза возводило водосборные канавы и земляные дамбы, которые должны были удерживать воду в искусственных водоемах. Материальная культура поселенцев была представлена керамической посудой местного восточнокрымского производства и незначительным количеством импортной османской керамики типа «кютахья» и керамическими курительными трубками, украшениями местного и импортного производства [Шарапа, Белов, 2019].

Другое поселение на Керченском полуострове, называемое археологами Батальное 1, может быть соотнесено с поселением Агырмак Эли, так же упоминавшимся в «Камеральном описании Крыма» 1784 года. В ходе археологических исследований 2017 года было исследовано около 20 тысяч квадратных метров территории поселения. Среди объектов, обнаруженных тут, выделяются четыре жилища, большое количество хозяйственных ям, предназначенных для хранения продуктов и сброса мусора. Жилища представляли собой постройки с длиной стен от 2,5 до 4 метров. Стены были сложены из камня, о чем свидетельствуют сохранившиеся нижние части кладок. Полы в жилищах представляли собой площадки из известкового раствора с мелким бутовым камнем. Также в жилищах фиксируются остатки очагов в виде сильно прокаленных участков пола. Обнаруженные в ходе исследований фрагменты строительной керамики могут свидетельствовать, что жилища были покрыты черепичными крышами. Среди находок также выделяют фрагменты керамической посуды местного производства из красной глины, некоторые сосуды покрыты глазурью зеленого цвета разных оттенков. Нумизматический материал, среди которого представлены как крымскотатарские монеты, так и русская монета номиналом 2 копейки 1766 года чеканки, говорит, что данное поселение уже существовало во второй половине XVIII века [Ермолин, Бонин, 2019]. На территории поселения Кош-Кую, также расположенного в Ленинском районе, также было раскопано несколько жилых и хозяйственных построек, предварительно дати-

рованных второй половиной XVII – XVIII веками. Остатки построек фиксируются остатками вымосток или выкладок из рваного плиточного известняка, на которых, вероятно, были выстроены турлучные или саманные стены. Рядом с одним из строений были зафиксированы остатки тандыра. Спасательный характер археологических исследований не позволил на данном этапе определить топографию поселения, но полученные в ходе работ материалы в виде большого количества фрагментов керамической глазурованной и неглазурованной посуды местного производства, глиняные курительные трубки и нумизматический материал позволяют отнести это поселение к эпохе Крымского ханства [Сейдалиев, и др., 2018, с. 116–117]. Также особый интерес вызывают исследования на поселении Су-Баш 1, которое сложно отождествить с каким-либо поселением, отмеченным на картах. Археологические исследования зафиксировали существование поселения со второй половины XIII до XVIII веков. Несмотря на то, что к поселенческим объектам, изученным тут, относятся лишь хозяйственные ямы и остатки древней дороги, вероятно, на поселении существовало значительное количество жилых построек, пока не обнаруженных. О значительных размерах поселения косвенно может свидетельствовать некрополь, расположенный в восточной части объекта. Всего в ходе исследований было изучено более тысячи погребений, выполненных по мусульманскому обряду. Археологические материалы, обнаруженные на памятнике, также представлены фрагментами керамических сосудов, украшениями, элементами одежды, оружия и т. д. [Мастыкова и др., 2019]. Таким образом, в восточной части Крыма характерны сельские поселения, планировка и топография которых сложно реконструируется. Жилые постройки на этих поселениях в основном представлены каменными, саманными или турлучными домами, с хозяйственными постройками, ямами-хранилищами для продуктов и мусорными ямами. Рядом с поселением, как правило, располагаются кладбища. Исследователи также отмечают погребальные комплексы на территории поселений и вторичное использование хозяйственных ям в виде погребальных сооружений [Шарапа, Белов, 2019, с. 336, 339; Мастыкова, 2019, с. 108].

14.2. Дворцовая архитектура Крымского ханства

И. В. Зайцев

Первой резиденцией крымских ханов был Кырк-Йер. Здесь находился первый «замок» ханов, сооруженный, по данным Матвея Меховского, из бревен и глины. Долгое время Кырк-Йер служил местом, где хранилась казна династии, находился монетный двор Гераев, там они зимовали, принимали послов [Сыроечковский, 1940, с. 5, 23]. Там же хранились и военные трофеи. По словам хана Шейх-Ахмеда (ок. 1527 г.), его имущество и казна Большой Орды (которые крымцы захватили в 1502 г.) содержались в неприкосновенности именно там: «...базар мой в Перекопи в Киркели загнан в твердое местцо, абых его в целости достал, ино я не хочу того престати, абых свое отчизны базару не доставал под царем Перекопским» [Трепавлов, 2010, с. 34; Трепавлов, 2011, с. 378]. Там же проводились ханские охоты, а на самом плато и у его подножия находилось родовое кладбище. Таким образом, Кырк-Йер выглядит как классический центрально-азиатский курук – запретное место, заповедник и одновременно некрополь.

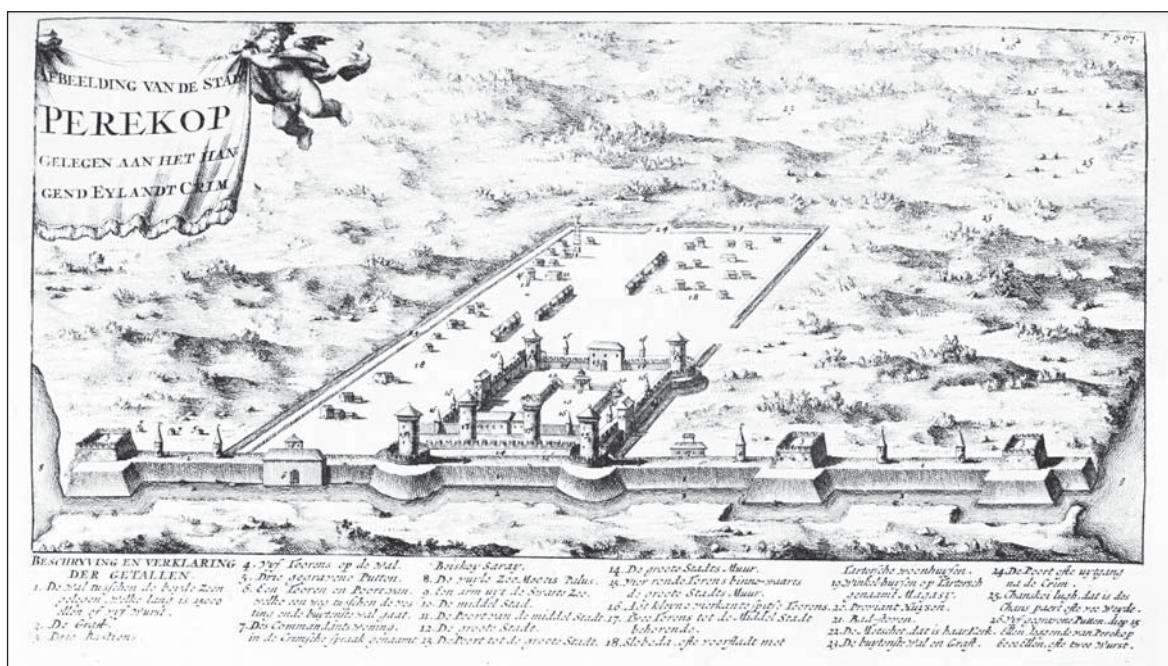
С переносом в XVI в. ханской резиденции в Бахчисарай Кырк-Йер теряет значение, но оста-

ется местом заповедных ханских охот, а долина у подножья Бурунчака становится местом последнего пристанища первых четырех поколений династии Гераев [Гаврилюк, Ибрагимова, 2010]. Вскоре город отдается целиком в качестве держания беям Яшлавским и заселяется караймами.

Однако еще и в 1540-е годы Кырк-Йер считался престольным городом ханства. По крайней мере панегирист Сахиб Герая Нидаи Реммаль-Ходжа в 950/1543 г., закончив в Кырк-Йере свою суфийскую поэму «Гендж-и Эсрар-и Мани», в ее колофоне прямо называет этот город крымской столицей (*тахтгях*) [Şen, 2013, с. 152].

Что собой представляла эта первая резиденция Гераев в архитектурном смысле, мы не знаем. Указание М. Меховского на глину и бревна, как строительный материал дворца, вряд ли правдоподобно.

В 1504 и 1507 гг. Менгли Герай с помощью инженеров из Кафы и Мангупа возводит крепость на Перекопе, которая стала называться «Феррах-Кермен». При каменной крепости был и земляной город. Там находился «царев двор»

Илл. 1.

с мечетью и тюрьмой. На рисунке Н. Витсена (первое издание его книги – 1692 г.) мы можем увидеть, как выглядел этот дворец, равно как и некий «бейской сарай» за пределами укрепленного города (илл. 1).

Улаклы и Альма

Согласно «Истории хана Сахиб-Гирея», у хана было 5 дворцов: «в это время у него было 36 т[ысяч] овец, более 10 т[ысяч] лошадей, 5–6 т[ысяч] черного скота, 3 т[ысячи] слуг, в 5-ти местах у него были дворцы, подобные райским жилищам. Со времен Чингисхана никто еще из ханов не имел таких богатств и имущества» [Tarih, 1973].

В 1620-х годах монах доминиканского ордена Жан де Люк повторял данные о количестве дворцов хана: «У хана пять дворцов, у султана – два...» [Описание, 1879, с. 483].

Дворцы в Улаклы (совр. Глубокий Яр в Бахчисарайском районе) и на Альме были, видимо, наиболее любимы ханом. Так, Реммаль-Ходжа пишет: «А хан проводил время в еде и питье, охоте и веселии то в Бахчисарае, то в Олаклы-Сарае, то в Эльма-Сарае» [Tarih, 1973]. Обычно проводит там по несколько дней.

По словам Жюльена Бордье, посетившего Крым в 1607 г., дворец Альма находился в 5–6 милях от Бахчисарая [Бордье, 2021].

Перекоп. Если в резиденциях в Улаклы и на Альме крымские ханы, начиная с Сахиб Герая, предавались увеселениям и отдыху, то дворец в Перекопе чаще всего использовался ханом во время его походов за пределы полуострова. Так, Реммаль-Ходжа сообщает: «Хан остановился в своем дворце. Все народонаселение узнало, что великий хан выступил в поход и прибыл в Перекоп. В тот же день выступило и войско, и через три дня его собралось к Перекопу неисчислимое множество и стало лагерем в палатках» [Tarih, 1973].

«Когда хан дошел до Перекопа, он нашел там в готовности всех беков и войска, войдя в свой дворец, он остановился в нем».

Перекопский «дворец» еще существовал в 1783 г. В ордере Г. А. Потемкина полковнику Фоку с назначением Перекопской крепости говорилось: «Для меня приуготовить квартиру

ту, где был Ханский двор, который и велю отделать» [Распоряжения, 1881, с. 276].

Дворец Ашлама. Находился в одноименной балке у северного склона Чуфут-Кале.

Первое по времени описание дворца принадлежит Эвлие Челеби. Судя по его рассказу, в Ашламе было несколько сооружений, относящихся к 1630–1650-м годам.

«Описание райского сада Ашлама»

Все ханы, ханские сыновья и султаны, их жёны и дочери развлекаются в этом саду. Это такой прекрасный сад, в котором, как в райском саду – розовом цветнике, из конца в конец протекает журчащая вода, задерживается у дворцов, которые расположены по углам сада. [Во дворцах] влюблённые, оставшись наедине, слушают напевы соловьев. Вода и воздух там так прекрасны, что если кто-нибудь погуляет там хоть один час, он забудет горе и печали и пребудет в радости. Каждый из высокочтимых ханов в различных частях сада построил разнообразные позолоченные и расписные превосходные дворцы и павильоны, беседки, как будто сделанные из китайского фарфора. И есть там различные бассейны, фонтаны и дворцы, подобные Хавернаку, такие, что если на них посмотрит обладатель познаний в архитектуре, он приложит палец к устам, и ум его поразится.

Различных плодовых деревьев, которые там растут, нет нигде больше не только в Крыму, но и в любой другой стране. А плоды там настолько сочные, что когда их отправляют в подарок в другие города, если они проедут десять *фарсахов*, то за это время плоды не потеряют сладости и прелести в течение долгих дней. Потому что эти плоды выросли на месте с прекрасным воздухом и водой. Тысячи видов цветов с превосходным запахом, присланные в подарок ханам, наполняют нос ароматом. Особенно замечательны луковицы анатолийского спиканарда, подобные мускусу Рума, и саженцы трабзонской гвоздики, стамбульский золотой тюльпан «Монла Челеби», тюльпан «Чилли Хаджи», тюльпан «Кягытханэ», различные красные пионы, истанкойский гиацинт, и много сотен тысяч видов луковиц цветов, приходящих в подарок, красуются в этом саду. Входящие в этот сад думают, что попали в вечный Рай. Весной все деревья зацве-

тают, цветут сливы, яблони, груши, черешни, вишни и другие деревья, распускаются прочие цветы. В этом месте человек пьянеет от благоухания. [Уместен] *аят*, который говорит о саде Ирема: «Не создано подобного ему в странах». Сад этот бесподобен, неповторим, он – подобие Рая на бренной земле.

Этот прекрасный сад был так украшен во время Мухаммед Герай-хана, потому что сам хан – благородная личность, обладатель природных дарований, щедрости и великодушия. Под покровом тени различных высоких деревьев, между лужайками и цветниками журчат ручьи и источники-*сельсебили*, в многих сотнях мест выбрасывается из водомётов чистая вода на листья и плоды. Вода из фонтанов стекает с деревьев, как благословенный дождь.

Замечательные мастера из многих стран и много тысяч пленников – обладателей искусств Джемшида и обширных познаний – построили в этом саду здания различных архитектурных стилей. Действительно, строения, подобные тем, что в саду Ашлама, есть разве что в городе чудес, в Константиине, то есть в Исламбуле.

Прежде всего следует рассказать о *тарихах* на дворцах. Во-первых, *тарих* на дворце нашего господина Бехадыр Герай-хана:

Прекрасный купол да будет воздаянием за усердие, Пусть будет *тарихом* завершения – «Отличный дворец», год 1049 [1639/40].

Далее – *тарих* дворца нашего господина Мухаммед Герай-хана: Сказали – редкая диковинка, Мы сказали *тарих*: «Дворец – райское жилище», год 1052 [1643/44].

Ещё один *тарих* на дворце Мухаммед Герай-хана: Если спросить о счёте лет его, Мудрость скажет *тарих*: «*Шахиншахский* дворец», год 1052.

Другой *тарих* на дворце Мухаммед Герай-хана: Построил его Мухаммед Герай-хан. *Тарих*: «Благоустройство», год 1055 [1645/46].

Ещё один красивый тарих: Провидением Владыки был построен этот купол, Его *тарих*: «Как прекрасно сложен этот дворец!», год 1056 [1646/47].

Короче говоря, если мы будем описывать все сооружения в этом саду и их *тарихи*, это послужит препятствием к редактированию черновых записок и другим путешествиям.

В общем, в Крыму не может быть ещё одного такого места прогулок, поразительного сада, подобного райскому. Бог, дарующий надежду, пусть сделает его благоустроенным до окончания века, украсит его и не приведёт к запустению.

Потом этот нижайший из низких [т. е. Эвлия] развлекался и наслаждался в этом месте».

В эпоху правления Крым Герая дворцовый комплекс Ашлама был, видимо, отстроен заново. Обстоятельства его строительства, которые стали одной из причин отставки хана, изложены в записке А. Никифорова (октябрь 1764 г.), где пересказывался текст фирмана о причинах этой отставки: «...и что ж он, Крым Герай, здесь в урочище именуемом Ашлам, сделал себе со украшение немалой дом, а строение, как всякий лес, так дикое камень, черепицу, известь и всякие материалы поданные христиане и татаре с наибольшею трудностью и тягостию возили безденежно, да к тому ж строение, поколь оно продолжалось, по всяк день в работу от греков, армян и жидов употреблял по двести по семидесят и по триста человек, а за рабочих денег ни единой аспры не давал; отсюда ж, чрез Черное море, в судах, белое камень множественное число в свое жилище в Романию безденежно ж отправлял...» [Донесение Никифорова, 1844, с. 377].

На плане Бахчисарая (ок. 1771 г.) под литерой «О» указан: «Дворец бывшего хана Крым Герая и с садом»¹. Согласно этому плану, дворец находился к северу от Чуфут-Кале, между Чуфут-Кале и соседней горой.

В эпоху Шагин Герая дворец был оставлен, а для его охраны содержался особый сторож, получавший ежемесячно от ханского дефтердара 2 рубля. Мы обязаны этими сведениями реестру жалований Крымского ханства, который был составлен ширином Магметша-беом и Хаджи Казы-агой 23 ноября 1783 г. В этом документе указывалось, что сторож к этому времени скончался [Лашков, 1897б, с. 62].

В ордере Г. А. Потемкина Игельстрому говорилось: «Состоящий при Бахчисарае и, как я слышу, приходящий в запущение ханский дворец, именуемый Ашлама, В.[аше] п. [ревосходи-

¹ РГВИА, ф. 418, оп. 1, ед. хр. 707, л. 1.

тельство, рекомендую приказать привести в то состояние, в котором он был прежде, и испорченное все исправить, с таковым наблюдением, чтобы сохранен был вкус, в котором все то построено; работников, сие ремесло знающих истребовать чрез пристава при нем находящегося и употребить оных с надлежащею заплавою. В.[аше] п.[ревосходительство], не оставите определить к надзирателю тамо человека надежного, подтвердя ему особливо о том, чтоб все в саду тамошнем находящиеся деревья были сохранены во всей целости и чтобы исправление того дворца совершенно было в короткое время» [Распоряжения, 1881, с. 285–286].

Проект восстановления был поручен полковнику князю Павлу Михайловичу Дашкову и жившему в ханском дворце в Бахчисарае каймакану.

8 декабря 1783 г. П. М. Дашков подготовил командующему войсками в Крыму барону О. А. Игельstromу рапорт о состоянии дворца: «Высокородному и высокопревосходительному господину генерал-поручику и разных орденов кавалеру Осипу Андреевичу барону Игельstromу рапорт. Вследствие ордера, полученного мною от Вашего высокопревосходительства прибыл я в Ашламу и сделал смету материалам и мастеровым, потребным для приведения одного дворца в прежнее его состояние, которую смету с исчислением денежной суммы для покупки оных материалов и платы мастеров потребной при сем имею честь поднести. Сверх же оных всех вещей нужно будет купить разные штофы и материи для диванов и протчих мебели, которым цену мне невозможно было назначить, не зная для кого оной дворец отстраиваться будет и сколь богато Ваше высокопревосходительство желаете оной убрать. За нужное считаю предложить Вашему высокопревосходительству, что мастера и вещи, назначенные для привозу из Константинополя, необходимо нужны будут, ибо главная красота одного дворца состояла в живописи в разноцветных окончинах и в протчих украшениях в азиатском вкусе сделанных, правда что, и без оных мастеров можно оной дворец обитаемым сделать, но прежний строения вкус тогда наблюден уже не будет. Для лутчего изъяснения прилагаю здесь два плана, один, которой

показывает теперешнее одного дворца состояние, а в другом назначил я прибавления и поправки, которых я необходимо нужными почитаю. По неже проезду к главному дворцу нет, а приход к оному весьма беспокоен, назначил я также в оном плане и конюшню, которой теперь совсем нет. С оными двумя планами имею честь поднести рисунок галереи мною прожектированной, в котором старался вкус протчего строения наблюдать»².

О. А. Игельstrom в свою очередь доложил князю Г. А. Потемкину 17 декабря 1783 г.: «Пред сим моим рапортом от 7-го числа минувшего ноября Вашей светлости донести честь имел, что в сходствие ордера Вашей светлости для поправления Ашламского дворца в том вкусе, как оной был построен, я дал мой ордер господину полковнику князю Дашкову. И как вся починка больше в таких материалах состоит, которые должны от воздуха просыхать, и время уже было позднее, чтобы в починку онаго тотчас вступить, для того приказал строение одного дворца по мере снять и назначивать, какие стены годные и какие должны быть снова возвышены; и сделать щисление как и материалах, так о мастеровых и рабочих людях, оному строению надобных, и как же все сие, ежели наблюдать тот вкус, в котором оной был построен, составит денежную сумму.

В сходствие чего я Вашей светлости имею честь представить как план об оном дворце, как он теперь есть, и счислением о расходе на починку потребном, так и план от нового прожекта, которой господин полковник князь Дашков представляет, считая сию перемену нужным, поелику в этом доме, где той особе, коею он занят, будет жить должно, нельзя ни в карете, ни верхом подъехать, и потому что средней дом, которой мешает сему подъезду, так разделен, что его почти снова строить должно... буду ожидать от Вашей светлости повеления о приступлении к строению одного, и откуда приказать изволите деньги на оное взять. И невозможно ли ис Петербурга к строению одного дворца как штукатурного, так и столярного мастеров сюда прислать, или, ежели Вашей светлости сия починка неко-

² РГАДА, ф. 2, оп. 1, д. 110, л. 205–205об. Цит. по: [Присоединение Крыма к России, 2019, с. 359]. Смета см. РГАДА, ф. 2, оп. 1, д. 110, л. 206–207. Планы и рисунки, вероятно, не сохранились.

торым трудностям подверженной покажетца, не прикажите ли только разделенные стены по возможности чрез военнотружущих закласть и замазать, но тогда не будет соответствовать желание Вашей светлости оной дом видеть в хорошем образе» [Присоединение Крыма к России, 2019, с. 94–95].

В 1784 г. дворец Ашлама посетил барон де Бар: «Ему (каймакану. – *И. З.*) поручили подготовить план реконструкции Ашламы (Aschlama), загородной резиденции в двух верстах от Бахчисарая, которая находится в ужаснейшем состоянии. Императрица намеревалась остановиться в нем во время своей поездки в Крым. Крым Герарай [Krim-Ghérei]³ построил его в узком ущелье, зажатом между двумя очень высокими скалами, так что места хватает лишь для этого сооружения и его садов. Весьма низкие постройки окружены многочисленными дворами; гарем, или женские покои, находится в самом последнем; сад – это просто лужайка с крытой террасой с кустами роз и большим прудом, среди которого находится беседка, откуда хан наблюдал за купанием своих жен. Мы заночевали в Ашламе, в гареме, где повстречали одного англичанина, г-на Робинсона [Robinson], который, после того как побывал начальником артиллерии Али-бея [Haly-Beu], стал руководить артиллерией у хана, который не заплатил ему и <тем самым> довел его до крайней нищеты. Он <каймакан> принял нас в весьма убогом апартамента, приложив правую руку к сердцу в обычном татарском приветствии, и предложил нам подушки, князю же – дурной деревянный стул, <и всем –> курительные трубки, варенье и кофе. Он продал свое имущество, объявив, что собирается в Мекку [Mesque], не веря, что вернется оттуда в Крым» [Храпунов, Гинькут, 2015, с. 406–407]⁴.

Ордером от 21 июня 1784 г. Г. А. Потемкин предписал Игельстроуму использовать матери-

алы из Ашламы для строительства дворца для остановки императрицы в Акмечети во время ее будущего путешествия: «В Акмечети нужно построить дом: я оный Вашему попечению препоручаю, рекомендуя употребить для сего построения все что можно из Ашламы» [Распоряжения, 1881, с. 301–302].

В ходе недавних археологических исследований дворца Ашлама была определена площадь, занимаемая дворцовым комплексом XVII–XVIII вв., выявлена мощность культурного слоя, собрана коллекция индивидуальных находок и массового материала, включающая в себя предметы из железа, стекла и фрагменты глазурованной и неполированной посуды, подтверждающей датировку и назначение памятника. Удалось также зафиксировать садово-парковую распахку дворца [Бочаров, Ситдииков, 2017, с. 10–11].

Кефе

Реформаторские усилия Шагин Герая коснулись и дворцового строительства в ханстве. Как замечал биограф хан Ф. Ф. Лашков: «Первобытная простота в соединении с азиатской роскошью уступила место более утонченному образу жизни, устроившемуся на европейский манер. Хан уже не был доволен Бахчисараем, способным удовлетворить своим закрытым местоположением прежних ханов, занимавшихся наездами и как бы укрывавшихся в глубоком бахчисарайском ущелье. Преобразователю ханства было нужно море, обобщающее народы, приближавшее Кавказ с его богатствами к империи Гераев. Он останавливает свое внимание на Кафе, выбирает ее, по ее приморскому положению, будущей своей резиденцией и начинает там строить дворец...» [Лашков, 1991, с. 26].

Дворец находился в двух верстах от городских стен, в урочище Ташлык. Состоял из трех этажей: на первом этаже – 9 комнат, среднем – 12, третьем – 10 [Распоряжения, 1881, с. 295].

В 1783 г. сразу после присоединения полуострова Г. А. Потемкин сделал распоряжение относительно этого дворца графу Де Бальмену: «Состоящие в Кафе разные под именем Ханских припасы предохранять от расхищения. ... Равным образом прикажите, Ваше сиятельство, дом Ханский в Кафе и прочие казенные здания

³ Крым Герарай (1717–1769) – крымский хан в 1758–1764 и 1768–1769 гг.

⁴ Каймакан – глава одного из шести административных округов в Крымском ханстве. После присоединения Крыма к России вместо каймаканств были созданы уезды, однако правители некоторых округов, по-прежнему называвшиеся «каймаканами», были оставлены на своих постах. До 1785 г. бахчисарайским каймаканом был Мегмет-Ага-Касым-Паша-Оглу.

принять в ведомство казенное, для описания же Ханского дома посылается дивизион-квартирмейстер Маркловский, которому снять с него план и представить ко мне с показанием, какие потребны починки» [Распоряжения, 1881, с. 280].

В январе 1787 г. этот дворец видел Франсиско де Миранда. «Позднее отправились осмотреть еще недостроенный дворец, который прежний хан велел воздвигнуть в окрестностях города, близ моря. При строительстве, выполненном в турецком стиле, использованы мрамор и камни с греческого и армянского кладбищ. Нелепо, что главные ворота находятся не в центре. Рядом помещается монетный двор того самого хана, используемый русскими по тому же назначению» [Миранда, 2001, с. 68].

Дворец калги в Ак-Месджиде (Симферополе)

Одно из первых упоминаний этого дворца, относящееся к первой трети XVII в., принадлежит монаху доминиканского ордена Жану де Люку: «У хана пять дворцов, у султана – два... Дворцы султана находятся в Ак-Мечети» [Описание, 1879, с. 483]. Дворец располагался в юго-западной части нынешнего Симферополя (ул. Воровского, 19–23). О его внешнем виде мы почти ничего не знаем, поскольку вскоре после присоединения ханства к Российской империи он был полностью разрушен [Свод, 2018, с. 48]. Только краткое описание Эвлии Челеби дает краткое описание его: «Описание дворца калги-султана. К югу от вышеописанного города есть еще один маленький городок. Это дворец всех калга-султанов. Здесь 200 построек, двухэтажных, сложенных из камня, с кёрююшами, со светлыми и роскошными комнатами. Но все это устроено и украшено не столь великолепно, как в ханском дворце, в Бахчисарае. Рядом находятся комнаты сегбанов и кей-кавусова кухня. На широкой площади этого дворца находится ... мечеть с одним минаретом» [Эвлия, 2008, с. 140].

Бахчисарайский дворец

Единственным сохранившимся памятником дворцового зодчества эпохи Крымского ханства является Бахчисарайский дворец. Будущей столицей ханства стала возникшая около 1503 г.

временная ставка, находившаяся неподалеку от будущего Чуфут-Кале в окружении садов и виноградников и называвшаяся в русских переводах крымских документов «Сараем».

Основание дворца описано историком середины XVI века Реммалем-Ходжой (Бадр ад-Дина Мухаммеда б. Мухаммед Кайсуни-заде Нидаи-эфенди) в «Тарих-и Сахиб Герай» («История хана Сахиб-Гирея») – самом раннем дошедшем до нас историческом сочинении, созданном в Крымском ханстве и посвященном эпохе правления хана Сахиб Герая I (сентябрь 1532 – конец 1551). После поступления на службу при отъезде хана из Стамбула Реммаль-Ходжа служил у хана Сахиб Герая в качестве личного врача с 1532 г. вплоть до убийства хана в 1551 г. Свою «Историю» Реммаль написал после убийства Сахиб Герая в 1551 г. по просьбе дочери хана Нур-Султан. «Сначала Сахиб Гирай-хан, прибыв в Олакы Серай, построил там красивую мечеть, назначил преподавателя школы и определил на нее содержание; потом он занялся Багче Сераем: посреди прелестного сада он соорудил жилище, подобное райскому, при виде которого все восхищались. Там были дворцы, арки, киоски, залы, наполненные мальчиками, прекрасными как гурьи, повсюду текли ручьи воды, виднелись луга, тополи, цвели жасмины, подобные улыбающимся красавицам, разливающие аромат нарциссы, гиацинты, похожие на локоны очаровательных женщин. Словом, это было место, напоминающее собою райский сад.

Близ этого дворца он построил такую дивную мечеть, что со всех сторон стекались люди любоваться ею. Он и здесь назначил преподавателя, а около мечети выстроил приобретенные всюду известность бани. Против дворца беки выстроили себе павильоны, и в несколько месяцев возник красивый город, устроились два ряда лавок и началась торговля» [Tarih, 1973].

В 1607 г. дворец описал Жюльен Бордьё: «Сераль или жилище короля.

Он (сеньор Батист, итальянец, придворный ханский врач, житель Бахчисарая. – И. З.) повел нас осматривать сераль короля, расположенный в очень красивом предместье, к северу от самого городка⁵. У подножья обращенной к городку

⁵ Это, вероятно, ошибка Бордьё.

стены Сералья весело журчала приятная и красивая речушка с прозрачной и восхитительной водой, которой наполнялись три или четыре больших водоема, находящихся ниже Сералья и отделанных крупным и гладким камнем. Чтобы попасть в первый нижний двор Сералья, речушка протекает под мостом, его и не видно, если не присматриваться, так как он сам невелик и прячется за другим небольшим сооружением, деревьями и густым кустарником. В фасадной части стены, совсем невысокой и длиной примерно в сто шагов, находятся большие и очень простые ворота, через которые можно попасть в нижний двор. Его единственными украшениями являются два источника, вода которых течет через весь Сераль и сады, как внутри дворца, так и по долине за его стенами. Мы пошли посмотреть то, что находится на восточной половине дворца и принадлежит самому королю, тогда как все расположенное на западной стороне принадлежит султаншам, и мужчины не могут туда заходить» [Бордые, 2021].

За время своего существования дворец многократно перестраивался. Основной причиной были ветхость, в которую приходили строения, и неоднократные пожары. Кроме того, дворцовый комплекс сильно пострадал при приспособлении его зданий к визитам императриц и императоров, а также членов семьи Романовых (1787, 1837 и др.). Сказались на внешнем облике и убранстве дворца и войны на полуострове – Крымская, Гражданская и Великая Отечественная. Нужно понимать, что современный вид дворцового комплекса – результат многочисленных перестроек XVIII – начала XX вв.

Крупнейшей катастрофой в истории дворца был пожар 1736 г. После разрушений 1736 г. восстановлением дворца заведовал османский придворный архитектор (*mimar-i hassa*) Хусейн Халифе, назначенный османским двором в 1150 г. х. Восстановление длилось 28 месяцев [Osmanlı, 2013, с. 163].

Описание процесса восстановления сохранилось в тексте Абдулгаффара Кырыми. В начале зуль-хиджа 1152 г. х. (конец февраля – начало марта 1740 г.) крымским ханом был назначен Селямет Герай II. «Он был младшим из сыновей милостивого хана Эль-хадж Селим Гирай-хана.

Однако сын внешне очень мягкосердечный, тепловый, милостивый и милосердный, он привлекал к себе угнетенных и праведных эмиров и хороших людей. У него чистое сердце, у падишаха нет врагов, и есть 3–4 наследника, старшего из которых зовут Максуд Герай. Упомянутый почтенный человек был склонен к поклонению Всевышнему и совершению благих дел. Оказал помощь в реконструкции сгоревшего здания, оставшегося от отцов. Все улемы и праведные люди взмолили Богу. Однако трудно представить, что столько дворцов, на протяжении долгого времени являвшихся зданиями великих ханов, построил один хан. Однако они спросили: что же нам делать? Если облегчит Облегчающий Дела Аллах! Все говорили, что особенно в настоящее время недостаточно средств, однако, несомненно, нужна скрытая казна. Конечно, нужно построить новую мечеть. Когда эта особенная тема дошла до почтенного правителя султана Махмуда, он прибег к помощи шахиншаха и всего мира. Была отправлена богатая казна и много необходимых строительных материалов. И днем и ночью велось много работ» [Кырыми, 2018, с. 182].

«Великий хан, назначив самого себя правителем, в течение двух с половиной лет построил новую мечеть с двумя минаретами и молельней, которой нет равных. Она была светлее и величественней прежней мечети. И было построено множество разных мечетей, радующих взор, и два прекрасных диван-хане. По канонам Великого Чингиза, тенкел диван, который является зданием Сахиб Герай бин Менгли Герай-хана, на его месте удивительным образом был построен равноценный диван. Это был такой диван-хана, на который не были похожи другие. По поводу тенкел, является местом возвышения эмиров карачи в день назначения в диван-хане. На той территории сделали большой бассейн. На четырех углах сделали фонтаны с водой, похожей на эликсир бессмертия. В старые времена в этот бассейн наполняли медовую воду, эмиры там ели и пили. Слава Аллаху, по религии ислам, сейчас там чистая вода. Это стало местом для омовения, где можно совершить омовение, а жаждущие могли попить воду. Внутри дворца есть бани, место для поклонения, красивая мечеть

для обучения юношей. Снаружи была построена великолепная большая мечеть, где великий хан читал пятничные молитвы. Это понравилось милосердным людям. Они обеспечили эту величественную мечеть оратором, имамом, читающим «алиф», муэдзинами и устроили вакуфы. От Высокомонаршего Величества падишаха привез уникальные красивые надписи. Накануне того, как султаном вакфа должен был стать почтенный Махмуд, скрепленный печатью и запечатанный поставили его управляющим библиотеки. Короче говоря, хан закончил это благое дело, сделал большое произведение. Пусть Аллах примет все благие дела» [Кырыми, 2018, с. 183–184].

Почти все европейские путешественники и ученые, далекие от понимания архитектурной и пространственной логики ислама, отмечали бессистемность и хаотичность дворцовых построек.

Первым, кто смог понять специфику этой среды, был маркиз Габриэль Кастельне: «В соответствие с понятиями этих людей Магомет, усопшие и лошади должны были находиться с одной стороны, а царствующий хан, женщины и соколы – с другой. Любой татарин разъяснил бы нам, что такое разграничение выглядит странным только в глазах тех, у кого нет представления о нравах и традициях татарского народа».

Наиболее разрушительными для первоначального облика дворцового комплекса оказались ремонт, затеянный к визиту Екатерины II (1787 г.) и ремонт-перестройка И. Колодина и Эльсона (начало 1820-х гг.). Но и позже происходили разнообразные видоизменения интерьеров и внешнего облика зданий.

Так, в сентябре 1837 г. Бахчисарайский дворец посетила императорская семья. К этому визиту во дворце был произведен ремонт. «По воле блаженной памяти Императора Государя Александра I, в 1825 году он был возобновлен под наблюдением архитектора Эльсона, в азиатском вкусе, но исключая трех комнат во флигеле, снабженных некоторой европейской мебелью, в которых обыкновенно останавливаются приезжающие, он вообще не был меблирован. В апреле месяце 1837 года отправлен был в Константинополь евпаторийский 1-й гильдии купец Сима Бабович купить мебели, материи и прочие вещи для

приличной меблировки всего дворца» [Сафонов, 1840, с. 10–11].

В Архиве III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии сохранилось дело о подготовке дворца к визиту 1837 г. В сентябре 1836 г. М. С. Воронцов испрашивал у Бенкендорфа А. Х. деньги на подготовку дворца к визиту. В январе 1837 г. министр финансов Е. Ф. Канкрин сообщил Бенкендорфу, что деньги в размере 25 тысяч рублей ассигнациями из Херсонской казенной палаты предоставлены в распоряжение М. С. Воронцова. Однако этой суммы не хватило. В апреле 1838 г. М. С. Воронцов сообщал А. Х. Бенкендорфу: «Так как уборка дворца предположено было в азиатском вкусе, то для покупки мебели, тканей и разных вещей был послан мною нарочито в Константинополь евпаторийский 1 гильдии купец Симо Бобович, на которого впоследствии была возложена и самая уборка дворца. Но при исполнении такового предположения оказалась еще необходимость в некоторых починках и поделках в самом дворце для усугубления удобств, к выгоднейшему помещению императорской фамилии, и как по этому вышеозначенной 25 т.[ысяч] рублей было уже недостаточно, то дабы поспешить приведением в приличный вид дворца к сближавшемуся тогда приезду августейших посетителей, я вынужден был разрешить разновременно на счет возврата отпуск денег, требовавшихся на удовлетворение означенных непредвиденных новых расходов из других сумм, по каковому случаю издержано сверх двадцати пяти тысяч еще двенадцать тысяч сто тридцать четыре руб. семьдесят копеек»⁶. Воронцов просил возместить ему эти расходы. Как следовало из резолюции, «Государь приказать изволил заплатить», и вскоре М. С. Воронцову была выделена потраченная им сумма (12 134 рубля 70 копеек) из доходов все той же Херсонской казенной палаты⁷.

Существенно пострадал дворец и в годы Крымской войны. Сразу же после Альминского сражения 8(20) сентября 1854 г. в Бахчисарай начали прибывать раненые. Одновременно в городе в период войны находилось до 1200 раненых [Желтухина, 2018, с. 130]. Во дворце орга-

⁶ ГАРФ, ф. 109, 1836 г., ед. хр. 564, л. 5–6.

⁷ ГАРФ, ф. 109, 1836 г., ед. хр. 564, л. 7–9.

низовали госпиталь. 11 сентября побывавший в Бахчисарае писатель А. Ф. Погосский отметил: «У Бахчисарайского дворца сидел большой кружок раненых солдат разных полков, ожидая размещения их по койкам» [Гончарова, 2008, с. 336, 343]. Некоторые восторженно настроенные офицеры, получившие ранения, стремились попасть именно в дворцовый госпиталь. Лейтенант А. К. Комстадиус писал родным: «Наружный вид дворца все еще неподражаем, в каждом уголке видно желание прохлады и неги, всюду журчащая вода, густая тень виноградных кустов, тоненькие решетки беседок, пропускающие ветерок, все так хорошо, что если только я буду ранен, то непременно буду просить, чтобы меня отправили в бахчисарайский госпиталь»⁸.

Вскоре из-за отсутствия во дворце печей госпиталь перевели в казармы инвалидной команды. Однако в ноябре 1854 г. из-за нехватки мест в казармах и антисанитарных условий в них отделение госпиталя вновь развернули в Ханском дворце. В начале войны госпиталь во дворце был рассчитан на 300 человек, однако затем количество коек было увеличено до 400, а потом и до 610. Во дворце развернул свою деятельность один из отрядов Крестовоздвиженской общины сестер милосердия – семь сестер под начальством сестры Лоды [Гюббенет, 2016, с. 57, 97, 99, 100, 251].

На одной из стен дворца даже сохранилась надпись: «Здесь квартира фельдшера Карпенкова» [Гончарова, 2008, с. 343]. Просуществовал госпиталь во дворце до лета 1856 г. В июле 1856 г. полицмейстер Я. Шостак отправил в губернское правление отчет о том, что «дворец, состоящий из 63-х комнат, освобожден от больных. В течение двух с половиной месяцев проветривался и теперь приступлено к очистке его, т. е. оскабливают штукатурку, стены от разных нечистот, отмывают полы... Все комнаты опрыскивают водою, разведенною хлористой известью» [Гончарова, 2008, с. 344]. В рапорте от 17 августа 1856 г. Таврическому губернатору полицмейстер писал: «Очистка города Бахчисарая с окрестностями произведена удовлетворительно. Главные места, как-то: ханский дворец, казенные и общественные здания, улицы и площа-

ди освобождены от всех нечистот» [Гончарова, 2008, с. 344].

Нахождение госпиталя во дворце не мешало, однако, посетителям, в основном военным, находить возможность осматривать памятники [Жадовский, 1859].

Искажения внешнего облика происходили и позже, в том числе и в советское время.

Рассмотрим части дворцового комплекса последовательно.

Набережная и мосты р. Чурук-Су

Первое описание устройства мостов и набережной р. Чурук-Су находим у Эвлии Челеби (1660-е годы), который дважды пишет о 43 каменных и деревянных мостах через реку, описывая только один из них: «Так как вода реки Ашлама, протекающей по этому городу и текущей из города Саладжика, сильно отработана, ее название Чурук-Су. Она вращает много мельниц и несет множество нечистот, течет вниз, на запад, и, пройдя через пороховые заводы и множество водяных мельниц, через огороженные плетнями, течет в Эски-Юрт. Ниже она впадает в реку Кача. Через эту реку Чурук-Су в городе в сорока трех местах можно перейти по каменным и деревянным мостам. Слева и справа двухэтажные каменные дома, крытые рубиново-красной черепицей...» [Эвлия, 2008, с. 92, 109]. Османский путешественник, обычно очень внимательный к датам построек, особо останавливается на *тарихе* (строительной надписи) только одного каменного моста Хаджи Осман Акая, построенного совсем незадолго до путешествия Эвлии Челеби, в 1076/1665–66 гг., в квартале Аккаш. Возможно, что других (датированных) каменных мостов на тот момент в Бахчисарае не было.

Следующее описание центрального моста и набережной относится к 1736 г. В походном журнале Миниха от 16 и 17 июня 1736 г. осталась такая запись: «И когда неприятель отбит, и мы полную викторию получили, в то время наши люди в таком были сердце, что никак удержат было невозможно, чтоб в Бахчисарае и в ханских полатах огня не положили; и четверть города и ханские палаты, кроме кладбища и бань, згорели. О тех палатах ханских и о городе на фран-

⁸ Цит. по: [Желтухина, 2018, с. 130].

цуском диалекте зделанное капитаном Манштейном описание при сем прилагаю, которые полаты строены по китайскому обыкновению, и чище онаго строения мало видано»⁹.

Описание капитана русской службы Кристофа Германа Манштейна, о котором упоминает Миних, сохранилось и дважды было опубликовано в переводе на русский язык: «Во двор ханского дворца ведет каменный мост, перекинутый через небольшой ручей, который омывает дворец. Берега ручья выложены камнем»¹⁰.

Таким образом, каменная облицовка набережной русла реки Чурук-Су напротив дворца относится ко времени до 1736 г.

Несмотря на это, на плане-схеме Клеемана (1769 г.) мост через р. Чурук-Су у въезда во дворец показан деревянным, каменная набережная отсутствует.

Луи-Филипп де Сегюр, сопровождавший императрицу Екатерину II в ее поездке 1787 г., также подтверждает, что набережная была облицована камнем еще до 1783 г. Он заметил в своих записках: «Нам сказали, что ханский дворец, в котором мы поместились, был построен по образцу константинопольского сераля, только в меньшем размере. Он на берегу реки, вдоль которой татары устроили набережную. К дворцу подъезжают через небольшой каменный мостик и широкий двор» [Сегюр де Л., 1997, с. 22].

Второй каменный мост (ниже по течению), который вел к ханским кухням, замечателен преданием, которое передает Ф. Домбровский: «...на нем, во времена ханов, казнили преступников, головы которых, падая в речку, были уносимы водой» [Домбровский, 1863, с. 16].

В связи с приездом Екатерины II в 1784–1787

⁹ РГАДА, ф. 177, оп. 1, 1736 г., д. 9, л. 349об. См. также <http://krym.rusarchives.ru/dokumenty/zapisi-v-pohodnom-zhurnale-russkih-voysk-pod-komandovaniem-general-feldmarshala-grafa-bh-0>. [Соловьев, 1963, с. 408].

¹⁰ Немецкий текст см.: РГАДА, ф. 177, оп. 1, 1736 г., д. 111, л. 1–6об. Перевод: РГАДА, ф. 197, оп. 1, порт. 9, №39, л. 2–4об. Публикации русского перевода с: Отечественные записки, 1824, ч. 19, № 51, с. 76–83. Публикация русского перевода (не тождественного русскому тексту РГАДА!) с немецкого подлинника (автографа Манштейна) см.: [Записки Манштейна, 1875, с. 349–353]. См. также: <http://krym.rusarchives.ru/dokumenty/manshteyn-hg-opisanie-krymskogo-stolichnogo-goroda-bahchisaraya-i-hanskogo-doma>.

гг. набережная подверглась ремонту, который осуществлялся под наблюдением секунд-майора де Рибаса [Маркевич, 1895а, с. 136]. В источнике сказано о набережной: «исправлена и вымощена вновь камнем». Тогда же сломаны развалившиеся дома и лавки у моста при въезде во дворец. Де Рибас, согласно письму Коховского Попову от 2 февраля 1787 г., к тому времени уже начал свою деятельность в Бахчисарае¹¹.

В течение XIX в. мост и набережная несколько раз меняли материал и тип ограждения (каменные плиты, деревянная, металлическая решетка).

В описании Колодина (1820 г.) набережная и мост описываются, как требующие ремонта:

«1. Канавою окружающий дворец, которой берега обложены тесаным камнем, нужно исправить часть новыми, а некоторые починить; палисад над канавою деревянный вновь сделать и под оным каменный фундамент перебрать с добавкою нового камня.

Во окончании сего палисадника пред въездными воротами большой каменный мост, коего пяты из тесаного камня, частью перебрать, а перила на оном деревянные с болюстратом вновь» [Маркевич, 1895а, с. 140].

Эти работы предполагалось закончить в 1823 г. [Маркевич, 1895а, с. 157].

На гравюре «крымской серии» К. Боссоли, выполненной по итогам его путешествия 1842 г., мост огражден каменными плитами, набережная – вертикальной решеткой. На почтовой открытке конца XIX в. мост огражден деревянными горизонтальными балками, набережная – «косой» деревянной решеткой. На фото С. Некрасова 1915 г. ограждение моста и набережной выполнено из каменных (известняковых) плит.

В раннее советское время на северной стороне реки была сооружена подпорная стенка из колотого камня, набережная ограждена металлической решеткой.

Два каменных моста в советское время перекладывались и ремонтировались, что видно по разметке камня, а также измененной конструкции опоры, поправленной с использованием цементного раствора. В настоящее время кладка во многих местах сильно повреждена.

¹¹ ЦГАЛИ, ф. 598, оп. 1, д. 161, л. 23.

Существует мнение, что в ханское время на некотором протяжении перед дворцом было вымощено камнем и само русло реки, и вымостка эта сохранилась. Таким образом, каменные мосты и облицовка набережной безусловно относятся к ханскому времени. Однако в 1784–1787 гг., 1820-е гг. и позднее они подвергались многочисленным ремонтам.

«Графский» («Свитский») корпус

Графский, или Свитский корпус – памятник архитектуры XVI–XVIII вв. Название «Графский» связано с графом М. С. Воронцовым, при котором произошли ремонт здания и перестройка второго этажа. Название «Свитский» происходит от слова «свита» (флигель был назван так, видимо, потому, что в ханское время в нем располагалась прислуга, а позднее во время визитов императоров во дворец – свита¹²).

Материал строительства 1-го этажа – известняк (тесаный и ломаный), второго – кирпич и фахверк. Крыша черепичная. Планировка анфиладная. В интерьерах второго этажа имеются росписи по штукатурке, относящиеся к разному времени.

Первоначально комплекс строений у северных въездных ворот мог быть сооружен в начале 1640-х годов. В 1641 г. в связи с военными действиями вокруг Азова Сулейман-паша, которому Крым был поручен в отсутствие хана, укрепил Бахчисарай, возведя вокруг дворца стены и построив каменную проезжую башню [Новосельский, 1948, с. 289]¹³. О. Гайворонский считал Сулеймана-пашу столичным градоначальником – каймаканом и именно с этим строительством связывал появление над въездными воротами дворца композиции из двух драконов. Поскольку аналогии этой «сельджукской» композиции не встречаются в Османской империи позднее середины XIV в., это означает, что Сулейман-паша перенес плиту с какого-то более древнего сооружения, датированного XV–XVI вв. [Гайворонский, 2006, с. 51–52].

Первое описание сооружений дворца (в том числе въездных ворот) принадлежит османскому

¹² Во время визита Екатерины для обслуживания ее и ее свиты в течение 20–23 и 24–26 мая потребовалось 188 человек прислуги и около 300 человек для устройства иллюминации.

¹³ РГАДА Крым (столбцы), 1640, № 19, л. 226.

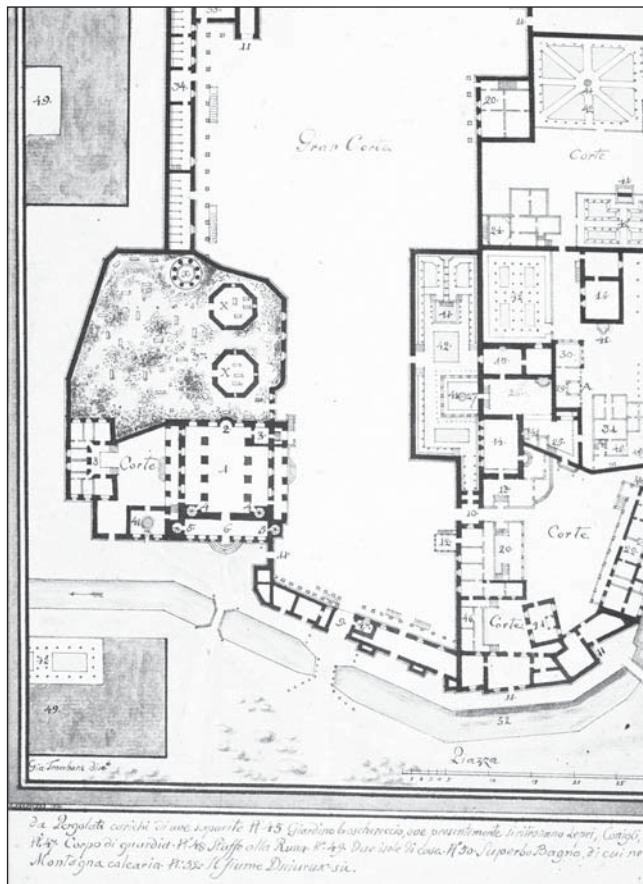
путешественнику Эвлие Челеби: «Великий дворец насчитывает четыре тысячи пятьсот помещений, он крыт черепицей, с каменными стенами и трубами, высокими, как кипарисы, с отстроеными крепостными воротами. На южном берегу Чурук-Су, текущей через город, есть *кёрюнюш* [место приема] высокодостояных ханов [...]».

Так как с четырёх сторон этого восхитительного дворца – райские сады, его называют Бахчисараем. С четырёх сторон этот дворец подобен крепости и окружён со всех сторон каменными стенами, подобными строениям Шаддада. Но у дворца нет зубцов и башен. Длина его по окружности составляет пятьсот шестьдесят шагов, в четырёх местах есть мощные и прочные железные ворота. Те ворота, что обращены на север – ворота Зарб-хане-капу. В той стороне есть *кей-кавусова* кухня, подвал и комната *чашнегиров* и *килерджиев*. Другие ворота, с южной стороны – ворота Бахче-капу. Ещё одни ворота, открывающиеся в сторону *кыблы*, ворота Эски-кёрюнюш-капу. И ещё одни ворота, ворота Ени-кёрюнюш-капу, через них проходят в гарем. Там стоят черные *аги* и [охраняют] большие Гаремные ворота. За этими воротами триста шестьдесят великолепных комнат, расположенных друг над другом, с нишами, и высокие дворцы с бесчисленными разнообразными росписями, подобными хамелеону. Каждое строение построено кем-нибудь из *падишахов*.

В трёх местах есть *кёрюнюши*, в каждый из которых вмещается по три тысячи человек. *Диван-хане* на татарском языке зовутся *кёрюнюшами*. Один *кёрюнюш* – Сахиб Герай-хана, второй – Бехадыр Герай-хана. И ещё один новый *кёрюнюш*, выходящий на площадь перед дворцом – Ислам Герай-хана. В этих *кёрюнюшах* ханы заседают, проводят *шаханшахский диван* по законам рода Чингизидов, творят там суд и устанавливают справедливость» [Эвлия, 2008, с. 92, 95].

Возможно, что первоначально фасад дворца имел иное цветовое решение. У Манштейна сказано: «Наружные стены дворца выкрашены в красный цвет наподобие натурального дикого камня, что очень красиво на взгляд»¹⁴.

¹⁴ Мнение о том, что красная краска могла быть первоначальной при декорации дворца, разделял и Г. Котов, который нашел следы раскраски в виде рустика [Котов, 1896, с. 4]. Однако, скорее всего, эта декорация имела

Илл. 2.

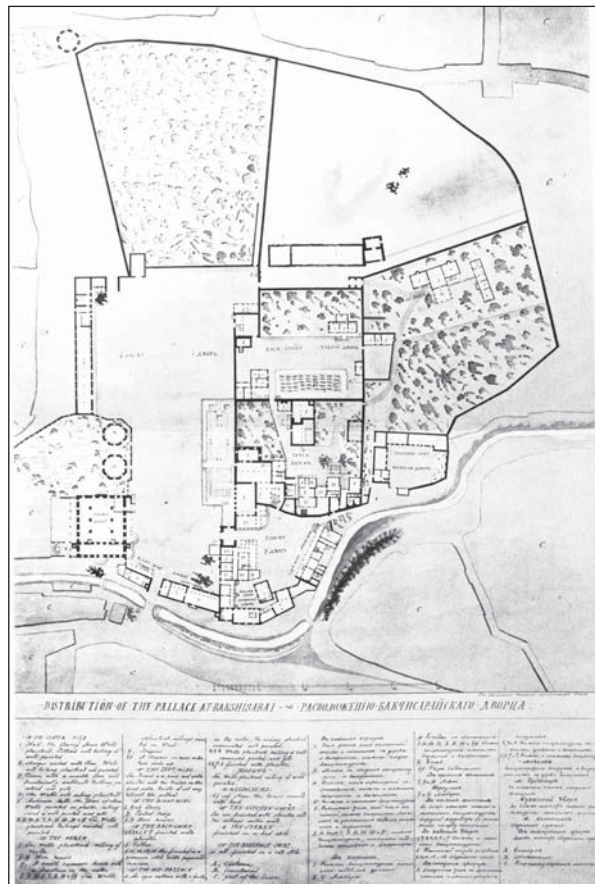
Здание в основе своей может относиться еще к XVI в. Оно отмечено на плане дворца архитектора Джакомо Тромбаро (1787 г.) как имеющее в правом крыле два входа со стороны набережной (илл. 2) с отдельным помещением при входе на первом этаже (кордегардия). На плане Гесте (1798 г.) (илл. 3) со стороны набережной показаны только окна второго этажа, однако на фасаде у него же изображены две двери (илл. 4).

Следующее по времени изображение корпуса со стороны внутреннего двора может быть датировано 1787 г. и принадлежит Дж. Кваренги (илл. 5).

На картине Ф. Я. Алексеева «Вид Бахчисарая» (1798–1800) представлен первоначальный вид надвратной башни: арка с четырехскатной черепичной кровлей, видимо, не имеющая второго этажа (илл. 6).

На рисунке северного фасада («переднего

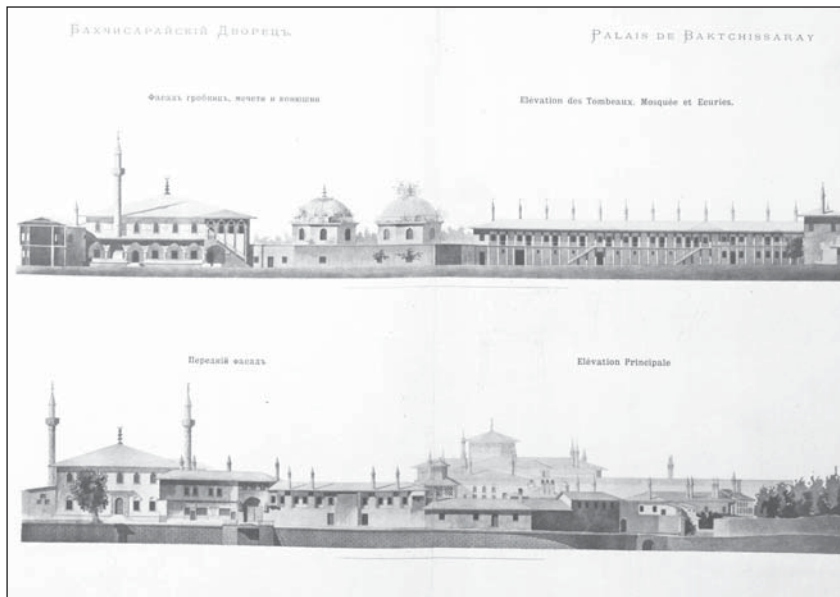
не на внешних стенах (Свитского и Кухонного корпусов), а на внешних стенах Главного корпуса.

Илл. 3.

бока») дворца, сделанном художником Тениловым к изданию «Досугов крымского судьи» П. Сумарокова (1803 г., илл. 7), также видны две двери в правой части корпуса, выходящие на набережную и разделенные массивной конструкцией (контрфорс?), видной и на фасадах Гесте. Эта конструкция может быть печью для отопления или, что менее вероятно, для подогрева полов второго этажа (гипокауст), для обслуживания которой и был организован отдельный вход справа. На плане Тромбаро вторая такая же конструкция разделяет две левые пары окон. Видимо, с этой конструкцией связана левая дверь. Таким образом, изначально две «печи» имели две двери для обслуживания. Этому предположению мешает изначально нечетное количество дымоходных труб (5), но у Гесте их 4 (!).

На картине Жака-Кристофа Мивилля 1816–1819 гг. корпус представлен в виде, близком к картине Ф. Алексеева, до ремонта Колодина (илл. 9).

Илл. 4.

Впрочем, на первом схематичном плане дворца Клеемана (1769 г.), возможно, именно это здание под названием Münz und Slaven Haus (т. е. «Монетный (двор) и Прислуга (рабы)») имеет три дымоходные трубы (илл. 10).

На плане архитектора Колодина (1819 г.) первый этаж здания по правую сторону от ворот назван «Магазин», т. е. склад. Видны две двери со стороны набережной и конструкция между ними. По левую сторону от ворот по плану расположены некие «Лавки».

Здание подверглось перестройке во время ремонта дворца 1820-х годов, в результате которо-

Илл. 5.

го одна оставшаяся из двух межколонных конструкций («печь») была разобрана, на ее месте на втором этаже прорублено окно и сооружен пятый камин, двери со стороны набережной заложены.

Состояние корпуса зафиксировано в «Описании найденных в натуре ветхостей Азиатскому в Бахчисарае дворцу, оставшемуся от бывших крымских ханов, сделанном сентября дня 1820 года» архитектором Колодиным: «Въездные во дворце большие ворота деревянные сделать вновь с железным прибором, проезд в воротах и на мосту вновь выстлать тесаным камнем, над воротами потолок с подшивкою и балками вновь

перебрать, а в караулке пол потолок с балками, нары, дверь и переплет со стеклами вновь.

Внутри дворца флигель в два этажа ветхий II

Комната без полу под воротами; стены, пол и потолок перебрать; 1 дверь, 6 переплетов, лестницу и нужное место вновь сделать и штукатурку.

Комната от ворот на левую сторону без полу, средние и верхние балки с подшивкою перебрать, одну дверь, 4 переплета с рамами, шкафы и комелек вновь, а штукатурку исправить.

Комната с сенцами без полу, средние, верхние балки с подшивкою перебрать, и вновь сделать пол, 3 двери, 4 переплета с рамами, шкафы, печь и штукатурку.

В решеточной беседке две стены наружные, средние и верхние балки с подшивкою перебрать, решеточные 4 окошка, 1 дверь с рамами вновь сделать и оштукатурить.

Комната без полу, средние и верхние балки с подшивкою и стены перебрать, две двери, 3 переплета с рамами, пол, штукатурку, камин и печь, шкафы в комнате и в сенцах все вновь.

У сих комнат галдарея; крышу с навесом со столбами, с крыльцами, с полом и потолком с балками вновь сделать деревянную.¹⁵

¹⁵ В публикации А. И. Маркевича нумерация ошибочная: вслед за номером 6 идет 8.

Под сим флигелем 3 лавки, входы с улицы, пол с балками и переборки перебрать, 3 двери, ляды, штукатурку починить.

От ворот на правую сторону в верхнем этаже
III

1. Комната с коморкою; в них средние и верхние балки с полом и подшивкою перебрать, 4 переплета вновь с рамами, 2 двери, 2 камина штукатурку починить.

Комната с коморкою; в них средние и верхние балки с полом и подшивкою перебрать и в каморке пол вновь, также 5 переплетов, 3 двери с рамами и камин, штукатурку починить.

Комната с прихожею, в них средние и ветхие балки с полом и подшивкою перебрать, 6 переплетов, 4 двери с рамами вновь, два камеля и штукатурку починить, нужное место вновь перебрать.

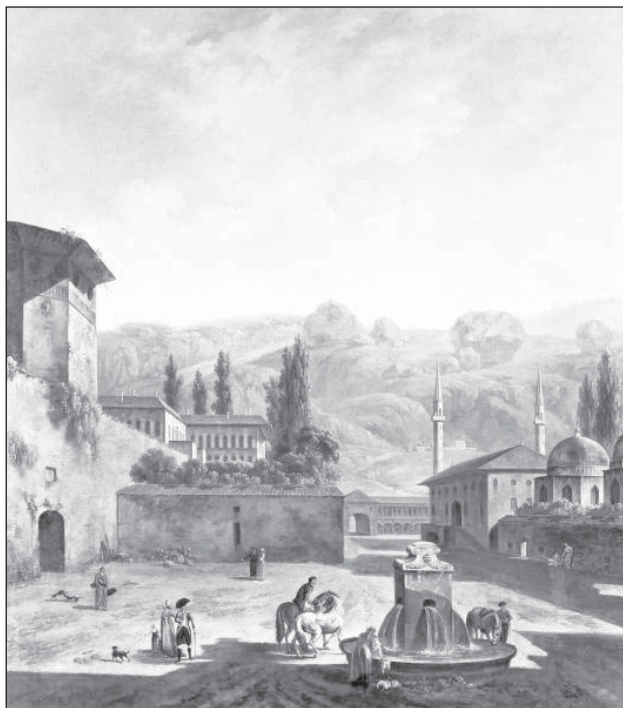
Комната с сеньми; средние и верхние балки с полом, подшивкою перебрать, 4 переплета, 3 двери с рамами вновь, а штукатурку починить, лестницу и нужное место перебрать.

У сего флигеля галдарея; крышу с навесом, со столбами, с крыльцами, полом и потолком, с балками вновь деревянную сделать.

Под сим флигелем в нижнем этаже магазейн; потолки, средние лежащие на столбах, вновь, каменные стены починить, окно и дверь заложить к канаве» [Маркевич, 1895а, с. 140].

Таким образом, с левой стороны проездных ворот в 1820 г. в нижнем этаже было 3 лавки с входом со стороны улицы, четыре комнаты и какая-то решетчатая беседка.

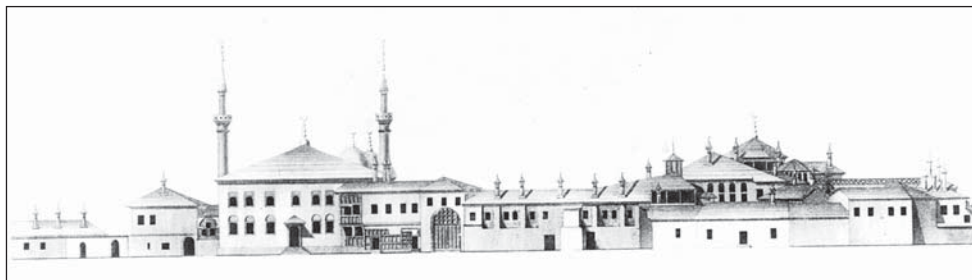
С правой стороны ворот на втором этаже было 4 комнаты (одна с каморкой, четырьмя окнами, двумя дверьми и двумя каминами; вторая комната с каморкой, пятью окнами, тремя дверьми и камином; одна комната с прихожей, шестью окнами, четырьмя дверьми и двумя очагами; одна комната с сеньми, четырьмя окнами, тремя дверьми и туалетом). Колодин предполагал в нижнем этаже заложить одну дверь и окно, выходящие на набережную.

Илл. 6.

После предполагаемой Строительным Комитетом в апреле 1821 г. разборки нескольких дворцовых строений (малого гарема, двухэтажного флигеля дворцового смотрителя, строения Персидского дворца, старого ханского дворца и др.) образовалась экономия средств, вследствие которой на ремонт левого (от ворот) флигеля отводилось 8663 рубля, а на правый – 8006 рублей 50 копеек [Маркевич, 1895а, с. 151].

После начала проведения ремонта Колодин писал, что левый флигель оказался совершенно ветхим, кроме того смета была составлена для его починки для использования в летнее время, а по устному указанию губернатора работы производились для зимнего варианта [Маркевич,

Илл. 7.

Илл. 8.

1895а, с. 156]. В результате корпус подвергся капитальной перестройке: «6. Под зимней квартирой с наружных двух сторон вместо имевшихся ветхих лавок вновь сделаны фундаменты и каменные стены до верхнего этажа. 7. Между сим флигелем выведена каменная стена с нижнего этажа, и сверх крыши брандмауэр, и покрыты черепицей для предохранения от пожарного случая... 9. Для зимней квартиры в нижнем этаже обделывают в каменной старой стене оконные и дверные рамы» [Маркевич, 1895а, с. 156]. Колодин далее предполагал «флигель от въездных ворот на левую руку для пребывания в зимнее время вчерне совершенно окончить и покрыть черепицей». Эти работы были окончены, види-

Илл. 9.

мо, к началу 1823 г. 19 января этого года Колодин сообщал о своих планах: «2. Зимний флигель в два этажа – в нем произвести печную, штукатурную столярную работы и раскрасить. 3. На правой стороне от ворот флигель, – в нем произвести одну плотничную работу вчерне; крыльцо и решетки оставить до будущего 1824 г.».

По заключению специально созданной комиссии по расследованию деятельности Колодина, к 19 августа 1824 г. им были сделаны существенные отступления от сметы, в частности,

«1. внутри двора на левой стороне от въездных ворот, был флигель летний в два этажа с галереею, и в нем по верхнему этажу 5 комнат и 2 сенцов, а внизу 3 лавки, которое строение назначено было в том же виде исправить; вместо того сделано зимнее жилье европейское, вверху, при галерее, с 5 комнатами и 2 сенцами, внизу кухня».

При Эльсоне в 1827 г., корпус, видимо, был вторично перекрыт черепицей [Маркевич, 1895а, с. 172]. Надвратная башня была надстроена; вместо двух, а позднее трех простых окон появилось три стрельчатых в неоготическом стиле. Вероятно, самое первое по времени изображение нового облика башни – гравюра в издании Мантатона (1834 г., илл. 11).

На чертеже дворца 1836 г. на втором этаже «Графского корпуса» отмечены комнаты Александра I¹⁶.

На модели Кизеветтера облик корпуса уже весьма близок современному, так, дверей со стороны набережной нет (1844 г.).

На гравюре «крымской серии» К. Боссоли, выполненной по итогам его путешествия 1842 г., на вершинах пинаклей видны полумесяцы (илл. 12).

В 1835 г. корпус подвергся очередной перестройке. «В Графском флигеле (выстроенным князем

¹⁶ ЗООИД. Т. 12. Одесса, 1881. Таб. I и II.

Михаилом Семеновичем Воронцовым в 1835 году) в верхнем этаже пять комнат и в нижнем две. Постройка эта вызвана требованиями и просьбами любознательных туристов об отводе им помещения, а также мыслями М. С. о помещении в этом флигеле на каникулах пансионеров и пансионеров, учащих для ознакомления их с Бахчисараем и окрестностями, для чего по заранее составленному расписанию М. С. направлялось партиями, под наблюдением учителей, учащееся юношество. Флигель существует – об экскурсиях юношества скоро исчезнет и воспоминание»¹⁷.

Как писал Н. П. Кондаков о позднейшей раскраске ворот: «Перед нами Порта, входные ворота с моста внутрь большого, некогда проездного, ныне закрытого двора: низ ворот бутовый, верх – фахверк (саман), как все жилые покои дворца: герб с двумя драконами в замке свода, поперек намалеваны розы, щитки».

До 1861 г. комнат в правой части здания было семь, потом после перedelки стало восемь [Домбровский, 1863, с. 16–17].

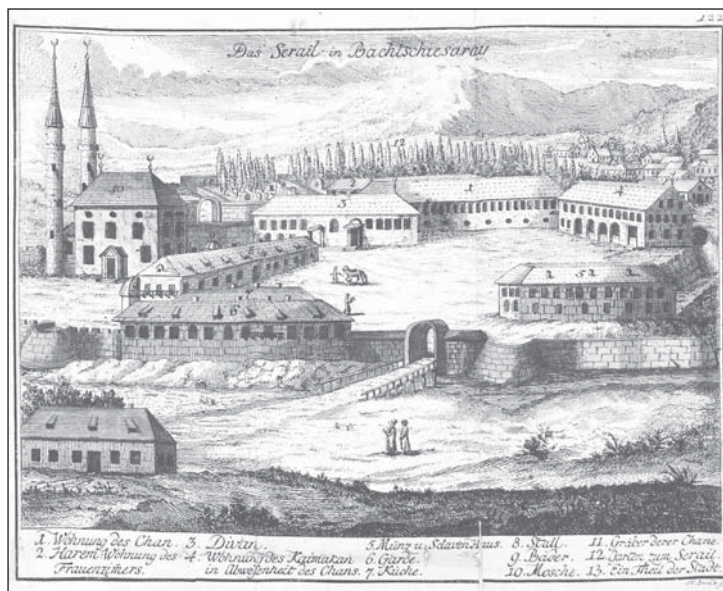
На фотографии, относящейся ко времени путешествия принца и принцессы Уэльских (будущих короля Эдуарда VII и королевы Александры), т. е. около 1869 г., на заверших пинаклей отчетливо видны венчающие их шарики, которые впоследствии были утрачены (илл. 13)¹⁸.

В 1890-х годах Императорской археологической комиссией был составлен план реставрации дворца. Вариант южного и северного фасадов Графского флигеля (1894 г., архитектор С. Краснов), илл. 15 фото Болдырева (1880 г.).

Корпус неоднократно ремонтировался. Последний по времени ремонт относится к 1996 г. (частично перекрыта крыша).

Главный корпус

Так называемый Главный корпус является сложным разновременным комплексом строе-

Илл. 10.

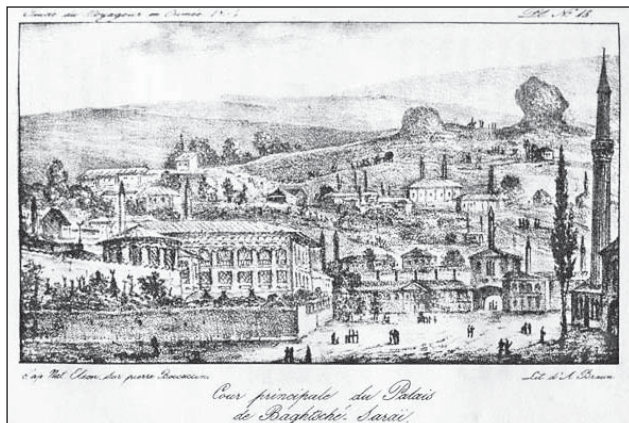
ний, включающим общественные помещения и сооружения (Зал Дивана, Портал Демир-капы), жилые помещения, а также мечеть (Малая Дворцовая мечеть), с которой они соединены т. н. Фонтанным двориком. На первом этаже Главного корпуса расположены Летняя беседка, Зал Дивана. На втором этаже расположены жилые покои, Посольский зал, Кофейная комната и Золотой кабинет.

В 1736 г. город и дворец пережили разрушительный пожар, уничтоживший значительную часть дворца, в том числе и жилые покои ханов. В походном журнале Миниха от 16 и 17 июня 1736 г. осталась такая запись: «И когда неприятель отбит, и мы полную викторию получили, в то время наши люди в таком были сердце, что никак удержат было невозможно, чтоб в Бакчисарае и в ханских полатах огня не положили; и четверть города и ханские палаты, кроме кладбища и бань, згорели. О тех палатах ханских и о городе на французском диалекте зделанное капитаном Манштейном описание при сем прилагаю, которые полаты строены по китайскому обыкновению, и чище онаго строения мало видано»¹⁹.

¹⁷ РГАЛИ, ф. 118, оп. 1, ед. хр. 358 (Описание Бахчисарайского дворца), л. 7об.–8.

¹⁸ Позднее был разобран пинакль на крыше въездных ворот, а в советское время сооружен пинакль на северном скате с левой стороны от башни.

¹⁹ РГАДА, ф. 177, оп. 1, 1736 г., д. 9, л. 349об. См. также <http://krym.rusarchives.ru/dokumenty/zapisi-v-pohodnom-zhurnale-russkih-voysk-pod-komandovaniem-general-feldmarshala-grafa-bh-0>. [Соловьев, 1963, с. 408].

Илл. 11.

Описание капитана русской службы Кристофа Германа Манштейна, о котором упоминает Миних, сохранилось и дважды было опубликовано в переводе на русский язык: «Дворцовый двор, довольно обширный, представляет собою квадрат, обставленный строениями... По правой стороне его находится старый дворец хана, в котором он жил. Вход туда через большие сени, в них, вдоль стен, с трех сторон, для удобства прислуги были расставлены низенькия и широкия лавки; отсюда выход в просторную залу, с белым мраморным бассейном посередине; из этой залы широкая лестница ведет в верхний этаж, прямо в большую залу, с мраморным полом, прикрытым чистыми циновками; потолок этой залы расписан голубым цветом с золотом, со столярными мозаичными украшениями. Эта зала делилась на две половины: правая пред-

Илл. 12.

ставляла как бы альковы и была на одну ступень выше против левой половины; во всю ширину залы, на четыре фута выше ее пола шла открытая галерея шириною в сажень: она была устроена для удобства татарских вельмож, когда они справляли здесь свой байрам.

Стены залы были вместо ковров выложены разноцветным фарфором; самая зала освещалась окнами в два ряда. В верхнем ряду стекла были разноцветные, зеркальные, в виде больших четвероугольников. Нижние же окна, большей величины, были снабжены двойными ставнями, из которых внутренние были легкие, решетчатые, красиво выточенные из букового дерева, пропускавшие прохладу в залу. Подле этой залы была большая комната, крашенная подобно зале. По другую сторону залы идут комнаты, одна за другою, но без всякой мебели, которую заранее вынесли...»²⁰.

После разрушений 1736 г. восстановлением дворца заведовал османский придворный архитектор (*mimar-i hassa*) Хюсейн Халифе, назначенный османским двором в 1150 г. х. (1737–38 гг.). Восстановление длилось 28 месяцев [Osmanlı, 2013, с. 163].

Османские дворцовые зодчие, по всей видимости, привнесли немало турецких черт в архитектуру дворца. Луи-Филипп де Сегюр, сопровождавший императрицу Екатерину II в ее поездке 1787 г., заметил в своих записках: «Нам сказали, что ханский дворец, в котором мы поместились, был построен по образцу константинопольского сераяля, только в меньшем размере...» [Сегюр де Л., 1997, с. 22].

На первом изображении дворца на плане-схеме Клемана (1769 г.) под номерами 3 и 4 показаны два отдельно стоящих строения с обозначениями «Диван» и «Жилище каймакана в отсутствии хана».

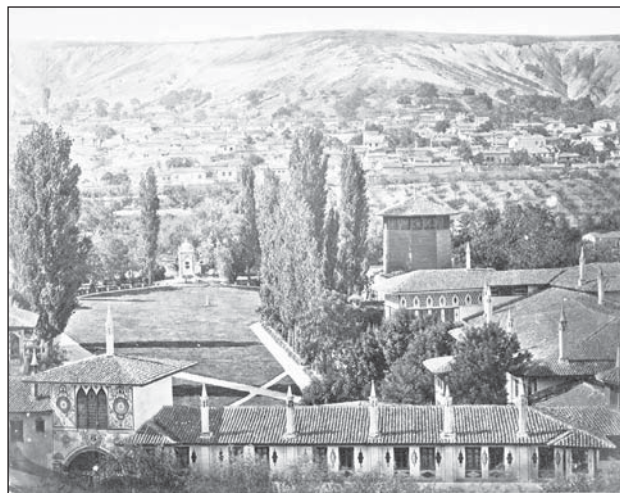
К визиту Екатерины II в Бахчисарай первона-

²⁰ Немецкий текст см.: РГАДА, ф. 177, оп. 1, 1736 г., д. 111, л. 1–6об. Перевод: РГАДА, ф. 197, оп. 1, порт. 9, № 39, л. 2–4об. Публикации русского перевода с: Отечественные записки, 1824, ч. 19, № 51, с. 76–83. Публикация русского перевода (не тождественного русскому тексту РГАДА!) с немецкого подлинника (автографа Манштейна) см.: [Записки Манштейна, 1875, с. 349–353]. См. также: <http://krym.rusarchives.ru/dokumenty/manshteyn-hg-opisanie-krymskogo-stolichnogo-goroda-bahchisaraya-i-hanskogo-doma>.

чальный облик дворца был изменен. П. С. Паллас свидетельствует: «Первый двор, в который входят через каменный мост и ворота, построен на Джурюк-су, поддержанный каменной прибрежной стеной; он включает только жилья; слева видна ханская мечеть с двумя башнями, далее – конюшни; справа – собственно ханский дворец, занимающий один верхний этаж;верху этот двор прегражден садовыми стенами и террасами, идущими от долины. Во внутренний дворцовый двор входят справа, через ворота; над ними построены комнаты; здесь – и вход в самый дворец, в углу слева, пройдя большую прихожую, с несколькими фонтанами, и где, уничтожив маленькие комнаты, расчистили место для удобной лестницы, по которой входят в верхние жилые помещения. Внизу находятся еще несколько комнат и большой зал Дивана. Вверху комнаты и галереи убраны в турецком вкусе коврами и диванами; восточными пейзажами, безвкусно рисованными на стенах; букетами цветов, искусно исполненными; каминами и цветными стеклами в окнах; некоторые в них переделки были сделаны для придания им европейского вида к приему монархини в 1787 году. Посредине обыкновенных ханских комнат устроен продолговатый сад из роз с беседками; в его верхнем конце помещен фонтан, вода которого падает струями в каменные водоемы, построенные несколько ступенями для эффекта падения воды» [Паллас, 1999, с. 30].

Несмотря на кажущуюся хаотичность застройки, на которую обращали внимание многие путешественники, специфика планировки дворца состоит в четком композиционном разделении мирских и сакральных функций построек. Первым, кто смог понять специфику этой среды был маркиз Габриэль Кастельне (1820): «в соответствии с понятиями этих людей Магомет, усопшие и лошади должны были находиться с одной стороны, а царствующий хан, женщины и соколы – с другой. Любопытнейшим образом любой татарин разъяснил бы нам, что такое разграничение выглядит странным только в глазах тех, у кого нет представления о нравах и традициях татарского народа».

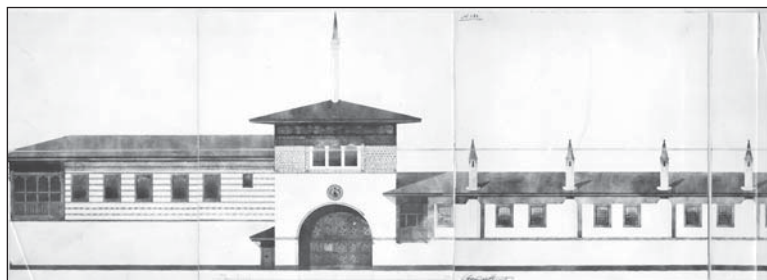
В 1923 г. один из реставраторов

Илл. 13.

дворца архитектор П. Голландский писал: «Бахчисарайский дворец представляет сложный комплекс фахверковых сооружений, т. е. зданий, имеющих основной конструкцией деревянный каркас (остов) с заполнением промежутков между деревянными связями каркаса кирпичом и камнями. Как каркас, так и заполнения плохо связаны: деревянные врубки и пригонка их при самой постройке были исполнены неудовлетворительно, а кирпичная и каменная кладка заполнения плохо перевязана и на плохом растворе».

Поверхности стен оштукатурены снаружи и изнутри, мелко орнаментированы и расписаны (альфреско) тонами и позолотой. Окна из цветных стекол в гипсовой обвязке и легких деревянных рамах, слабо закреплены в стенах. Двери внутренние расписные также связаны слабо. Потолки очень легкой конструкции – деревянные плоские с орнаментальными набойками тоненькими брусками (рейками) в клетку с розетками, покрашены в два-три тона или мелко расписаны

Илл. 14.

Илл. 15.

с позолотой. Тоже плафоны с более или менее сложной профилировкой со штукатуркой по деревянным рейкам имеют писаную и золоченую орнаментацию, то плоскую, то с небольшими рельефами. Все это – и конструкция и декор со всеми материалами таковы, что требуют постоянного надзора и поправок, а без [этого] приходят быстро в ветхость».

Зал Дивана

Зал Дивана предназначался для заседаний государственного совета Крымского ханства. В описании Манштейна это помещение названо сенями (см. описание выше). Помещение зала Дивана было восстановлено ханом Селямет Гераем II в 1743 г., о чем свидетельствует надпись на мраморе над входом. Изначально росписи стен и потолка имитировали мрамор и изображали виноградные гроздья. Росписи, которыми оформлен зал в настоящее время, были созданы в XIX веке. Внешняя стена зала со стороны Фонтанного дворика сохранила первоначальную раскраску. У Манштейна сказано: «Наружные стены дворца выкрашены в красный цвет наподобие натурального дикого камня, что очень красиво на взгляд».

Внутри зал первоначально был расписан «под мрамор» и «гроздьями»: эти фрагменты раскрыты реставрационными зондажами 60-х годов XX в.

В верхней части северной стены находится Ханский тайник – узкий балкон над порталом, поддерживаемый двумя деревянными столбами.

Потолок наборный. Падуги потолка расписаны в стиле ампир в 20-х годах XIX в.

Переделки первой трети XIX в. изменили облик зала. Были утрачены росписи и фонтан в центре. Возможно, с ханских времен сохранились цветные оконные витражи верхнего ряда восточной стены и роспись центральной части потолка.

«Железные ворота», или Портал Демир-Капы («Посольские» двери, портал Алевиза) – древнейшая датированная часть дворца. Представляет собой дубовую дверь, обитую полосами кованого железа, в обрамлении пышного архитектурного декора. Портал выполнен из резных блоков известняка в стиле ломбардо-венцианского Возрождения [Kaňçal-Ferrari, 2017]. На нём изображены дубовые листья, цветы, желуди, монеты, нити жемчуга. Над дверью находится арка, украшенная растительными завитками и цветами. Также портал украшен двумя надписями. Портал служил парадным входом во дворец, через который послы попадали из Посольского дворика в Фонтанный дворик. Портал, как показал некогда Н. Л. Эрнст, был, вероятнее всего, выполнен в 1503–1504 годах для хана итальянским зодчим Алевизом Новым, который работал в Крыму по пути в Москву, куда направлялся по приглашению Ивана III для строительства кремлевского Архангельского собора. Большинство историков и архитекторов, изучавших эти ворота (Г. И. Котов, Н. П. Кондаков, Н. Л. Эрнст и др.), склонялись к мысли о том, что Портал был перенесен во дворец из другого сооружения.

В 1983 г. ворота подвергались реставрации, в ходе которой была произведена расчистка покрытия. Работы эти доказали, что 11 блоков Портала были разобраны и перенесены на новое место. Это скорее всего произошло после пожара 1736 г., когда в нынешнем Фонтанном дворике была лестница в ханские покои, начинавшаяся прямо за Железными воротами. Потемкинский

ремонт 1786 г. изменил планировку, лестница была перенесена, в результате чего ворота были лишены своей основной функции.

Летняя беседка

Первоначально т. н. «беседка» была открытой и одноэтажной. В 60-х годах XVIII в. достроен второй этаж, в котором сейчас находится Золотой кабинет. В 20-е годы XIX в. между её колоннами сделали дощатые перекрытия и застеклили. Резной потолок беседки был выполнен мастерами Михаилом Кладом и Василием Дорофеевым. В центре беседки расположен квадратный бассейн с резным фонтаном из белого мрамора. Вдоль стен – диваны.

В 1962 г. проводилась реставрация помещения, при которой открыли первоначальную роспись (домики, воздушные мостики, группы кипарисов, беседки). В 1990-е годы при входе был уложен мраморный пол.

Малая дворцовая мечеть в основе своей, видимо, относится к XVI в. Над входом в мечеть сохранилась надпись: «Селямет Гирей-хан, сын Хаджи Селим Гирей-хана, 1741 год». Это прямоугольное в плане сооружение базиликального типа. В качестве опоры перекрытия в верхней части выступает массивный восьмигранный барабан с арками и «парусами». Купол мечети первоначально был перекрыт свинцом (в описании дворца 1800 г. указывалось: «близ золотого фонтана, мечеть покрыта свинцом»). В начале XX в. стены мечети, беленые известкой, были расчищены архитектором Некрасовым, в результате чего вскрыты клеевые росписи, имитирующие облицовку стен под серо-зеленый мрамор (узор из прямых широких линий светло-серых, черно-серых и зеленых тонов). Росписи стен мечети, видимо, относятся к XVI–XVIII векам.

Во время масштабной реставрации главного корпуса в 1960–1964 гг. сохранившиеся фрагменты росписей были закреплены, места утрат тонированы. Остальная поверхность окрашена в тон сохранившейся отделки.

Во время реставрационных работ (реставратор П. Я. Редько) 1991 г. найдены фрагменты фресок.

Парадные помещения второго этажа

Второй этаж главного корпуса также претерпел большое количество перестроек. Первоначальный объем относится ко времени вос-

становления дворца после пожара 1736 г., затем помещения ремонтировались в 1783–1787 гг. (к визиту Екатерины II) и в 1820–1822 гг. Колодиным. К первоначальному (ханскому) периоду декорировки относятся, возможно, росписи восточной стены зала, смежной с Золотым кабинетом (имитация облицовки под мрамор), а также росписи Золотого (Фруктового) кабинета и плафон и витражи Кофейной комнаты. Росписи жилых помещений второго этажа, как некогда установил Д. В. Айналов, не имеют отношения к ханскому времени и датируются двумя периодами: потемкинским ремонтом 1780-х годов и более поздняя – временем после возникновения фонтана Александра I (1828 г.) [Айналов, 1927].

Необходимы следующие меры защиты:

Консервация и защита граффити на стенах мечети.

Переделка мраморных полов в зале Дивана и части Летней беседки: мрамор был положен поверх каменного (известнякового) пола в недавнее время (1990-е годы). Возврат к первоначальному покрытию пола.

Внешняя стена сохранила многочисленные граффити эпохи позднего средневековья и Нового времени. Необходимо предпринять меры для консервации и защиты этих граффити (возможно, с помощью стекла).

«Соколиная башня»

Соколиная башня (по-татарски «Тоган-кулеси») получила свое название в связи с тем, что в нижней ее части, по преданию, ханы держали соколов для охоты. Это, скорее всего, не более чем легенда, поскольку башня находилась в гаремной части дворца. Легенда о содержании соколов появляется в записках путешественников: так, у П. С. Палласа, побывавшего в Бахчисарае в марте 1794 г., находим: «Рядом с помещениями ханов находятся маленькие комнаты гарема, плохо убранные и уже почти разоренные; подле них – постройки; над ними возвышается киоск, похожий на клетку, в нем ханы обычно держали соколов, и из него по направлению через мечеть открывается несравнимый и самый романтический вид на скалы края города в его северной части. К строениям гарема прилегают несколько садов, и в них – маленькая каменная купальня; но большая, выложенная мрамором, бывшая

подле дворца, совершенно разорена» [Паллас, 1999, с. 30].

В перечислении построек Ханского дворца у Роберта Лайэлла (опубликовано в Лондоне в 1825 г.) встречаем некий «киоск, в котором хан держал соколов» [Travels in Russia, 1825, с. 258].

У побывавшего в Бахчисарае в 1820 г. И. М. Муравьева-Апостола легенды о соколах еще нет: он пишет о фазанах, которыми тут любовался хан, показывая их своим любимцам. Башня в его описании это «высокая шестиугольная беседка, с решетками вместо окон, из которой, как сказывают, ханские жены, невидимые смотрели на игры, въезды послов и другие позорища» [Муравьев-Апостол, 1823, с. 115].

У маркиза Кастельнау схожее описание: «В большой башне, соседствующей с гаремом, обитали пленники совсем другого сорта. Это были охотничьи соколы. На верхнем этаже этой башни была сооружена решетчатая беседка для наложниц, которые оттуда могли наблюдать за маневрами ханской гвардии и соревнованиями по бегу и кулачному бою».

У П. П. Свинына, который посетил дворец в 1825 г., но который в своем описании очень зависим от предшественников (того же И. М. Муравьева-Апостола), башня названа «Персидской беседкой»: «Из верхнего этажа оной ханские жены смотрели из-за зеленых решеток въезды послов, ристалища и игры, случавшиеся на широком дворе; в среднем этаже воспитывались ханские ястреба и кречеты, а внизу содержались красивые фазаны, привозимые из Персии: от сего последнего, мне кажется, и башня сия получила название Персидской» [Свинын, 1827, с. 19].

Е. С. Горчакова, посетившая дворец в 1880 г., так описывает башню (со слов некоего дворцового служителя, обрусевшего грека Педро): «Наш чичероне рассказал нам, что прежде она была еще гораздо выше и что сквозь ее густые решетки жены ханов любовались на соколиную охоту» [Горчакова, 2008, с. 97].

Несомненна связь Соколиной башни с гаремным комплексом. По данным одного из лучших знатоков дворца Ф. Домбровского, гарем и башню связывал особый ход [Домбровский, 1863, с. 45–46].

Автор первого путеводителя по Крыму

(1834 г.) Ш. Монтандон писал: «Путешественник после беглого осмотра апартаментов верхнего этажа пройдет из главного здания в другие строения – разной высоты и беспорядочно расположенные. Там следует отметить закрытые галереи, над которыми возвышается широкая беседка, где хан кормил соколов» [Монтандон, 2011].

Внешний объем Соколиной башни – двухъярусный. Первый ярус – каменный, в виде куба с отсеченным в нижней части северо-западным углом, в котором прорезана дверь. Второй ярус – восьмигранный в плане, изначально фахверковый (теперь – деревянные балки, обшитые крашеным тесом). Крыша, восьмигранная, шатровая, невысокая, с большими выносами, покрыта черепицей.

С первого этажа на второй ведет деревянная лестница. В верхней части стен второго яруса проходит световой пояс из прямоугольных проемов с деревянным решетчатым заполнением. Под проемами – балюстрада. До уровня балюстрады башня гладко оштукатурена.

Почти у всех современных авторов связь башни с соколиной охотой не вызывает никаких сомнений. Так, Т. Фадеева называет ее «памятником соколиной охоты». Внутри нее соколы будто бы могли «свободно летать, подниматься на высоту», именно там проходило их «первичное обучение» [Фадеева, 2007, с. 118]. Это вряд ли соответствует действительности.

Точная дата первоначального строительства Соколиной башни не известна. Принято считать ее сооружением XVIII в. Однако, вполне вероятно, что башня построена раньше, так как две стены башни (северная и восточная) в нижней ее части входят в старую ограду гарема, находившегося в ансамбле старого «Персидского дворца» в Персидском дворе.

На схематичном и условном плане Клеемана (1769 г.) башни нет (илл. 10). Первое изображение ее относится к 1787 г. На плане Джакомо Тромбаро в легенде сказано: «Гарем, где была восьмигранная башня в 4 этажа. Она служила султаншам бельведером» (илл. 2). Вполне вероятно, что саманный (фахверковый) восьмерик появился в короткий промежуток между 1769 и серединой 1770-х гг. (когда в ханстве было не до крупного строительства).

Башня указана на плане Вильяма Гесте (1798 г., илл. 3).

К этому же времени (1798–1800) относится картина Ф. Я. Алексеева «Вид Бахчисарая», на которой, видимо, представлен первоначальный вид сооружения: оштукатуренный верхний объем (илл. 6). На картине Василия Петрова «Вид Бахчисарайского дворца» (из серии «Путешествие Екатерины II в область Таврическую», 1790–1796 гг.) башня, несмотря на то что показана весьма условно, также очевидно не имеет деревянной тесовой обшивки, а оштукатурена и, судя по всему, окрашена кривой сеткой. То же мы видим на рисунке начала XIX в. англичанина Хейя [Храпунов, 2019].

На картине Жака-Кристофа Мивилля 1816–1819 гг. башня представлена в виде, близком к картине Ф. Алексеева и В. Петрова, однако верхняя обзорная площадка в решетчатом ограждении имеет квадратные прорези-окна (илл. 9).

На макете Кизеветтера (1844 г.) башня уже показана в виде, близком к современному (с обшивкой 8-гранника деревом).

Ремонтные работы, существенно искажившие облик Соколиной башни, произведены в 1822 г. архитектором Колодиным. По мнению Строительной Комиссии, реставрация производилась с отступлением от главного требования «оставить все в азиатском вкусе».

Состояние башни зафиксировано в «Описании найденных в натуре ветхостей Азиатскому в Бахчисарае дворцу, оставшемуся от бывших крымских ханов, сделанном сентября дня 1820 года» архитектором Колодиным: «В нем (Персидском дворце) восьмиугольная высокая башня, основана на двухэтажном корпусе: верхняя часть беседки решетчатая».

Все постройки «Персидского дворца» было предложено снести не только по причине их ветхого состояния, но и с целью экономии, однако Соколиная башня все же была сохранена. Состояние ее было плохим, так как, по мнению Колодина, было необходимо «...слопать ... ее до двухэтажного основания и вновь сделать, а корпус перебрать, стены, балки нижние, средние, верхние, с полами и потолками дощатыми, двери, переплеты – все вновь» [Маркевич, 1895а, с. 146], для чего «признано было ... вместо дере-

вянных стоек, забранных сырцовым кирпичом – легче и прочнее ... обить тесом и выкрасить, – во избежание искривления от тяжести кирпича при большой высоте башни». Таким образом, башня была перестроена: она лишилась пристройки, а верхняя ее часть была возведена заново [Маркевич, 1895а, с. 154]. Ремонт коснулся и каменного основания: 30 октября 1822 г. Колодин сообщал: «Под осьмиугольной башней каменные стены ныне выверстывают» [Маркевич, 1895а, с. 157].

Возведение деревянной части производилось частично из материала, который остался от разборки т. н. Старого дворца: «Вслед за сим приступают из старого леса, которой годен, к постройке осьмиугольной башни». Старый ханский двор сломан, по словам П. Свиньина, «за ветхостью» «прошлого года», т. е. в 1824 г., «но оставлена главная беседка с мраморными колоннами и лоскутками шелковых занавесок, бывших между ними» [Свиньин, 1827, с. 20].

В ноябре 1822 г. башня была возведена вновь: «в Персидском дворе была разобрана до основания восьмиугольная башня и поднята вновь под крышу по старому фасаду» [Маркевич, 1895а, с. 157]. Окончить работы предполагалось в 1823 г., тогда же починить и «каменный погреб» [Маркевич, 1895а, с. 158]. Однако следствие остановило все работы во дворце. Возобновлены они были только в середине 1824 г. [Маркевич, 1895а, с. 164]. Колодин дал такое объяснение по поводу башни: с ведома губернатора Перовского «именно признано было, что вместо деревянных стоек, забранных сырцовым кирпичом, – легче и прочнее будет обить тесом и выкрасить, – во избежание искривления от тяжести кирпича при большой высоте башни» [Маркевич, 1895а, с. 165].

Для выполнения отделочных столярных и стекольных работ Колодиным был приглашен бахчисарайский житель, подданный Великобритании грек Михаил Кладо, «известный мастер азиатской работы», который выполнил в Восьмиугольной башне «потолки и где имеются средины и углы азиатского украшения и прочие таковые работы» [Маркевич, 1895а, с. 165].

Обшивка башни тесом придала ей, по выражению академика архитектуры Котова, вид «привокзальной водокачки». Решение обзорной

площадки, показанное на картине Ж. -К. Мивилля, было изменено в пользу сплошной деревянной решетки.

Архитектор Эльсон, продолживший реставрацию Бахчисарайского дворца (назначен в апреле 1825 г., дела начал принимать у Колодина в августе 1825 г.), ничего о Соколиной башне не сообщает.

После этого дворец ремонтировался в 1837 году. Очевидно, ремонт коснулся и Соколиной башни. Деревянная обшивка второго яруса в 1837 году имела золотистую окраску (что видно и на модели Кизиветтера).

Башня зафиксирована на фото 1869 г. принца и принцессы Уэльских – впоследствии короля Эдуарда VII и королевы Александры (илл. 13), Болдырева (1880 г.) и Барщевского (1890-е годы).

В конце XIX – начале XX вв. решетки башни прогнили. Об этом свидетельствует описание (второй половины 1890-х годов), сохранившееся в архиве Н. И. Веселовского: «Близ гарема находятся ворота, ведущие в Персидский сад, где находится Соколиная башня, из которой открывается живописный вид на Бахчисарай, Чуфут-Кале и Успенский монастырь. Прогулка на эту башню, по лестнице почтенных лет, в некоторых местах источенной червями, требует некоторой дозы мужества и осмотрительности, верх ее забран довольно густою и почтенною решеткою, мешающею осмотру окрестностей, облокачиваться на нее опасно, советую держаться от нее в почтительном отдалении тому, кто не желает слететь вниз соколом...»²¹.

В 1912 году она была зеленой.

Конструктивные особенности башни и утра- та дощатой обшивки хорошо видны на фото С. Некрасова (1915 г.).

Ремонты и реставрации башни в XX в.

Состояние Соколиной башни к началу 1920-х годов в своем докладе описал 23 сентября 1923 г. архитектор Крымохриса П. И. Голландский: «Многих черепиц на кровле недостает совсем. Многие из них разбиты, так что при перекрытии кровли одну треть нужного числа черепиц придется добавить.

Стропила крыши в опорных частях и у шпиля

погнили, как и обрешетка под черепицей. Медный фигурный шпиль погнут и скопился набок. Свесы крыши (около 0,45 саж.) имеют горизонтальную подшивку с обычными для Бахчисарая орнаментальными набойками; обшивка эта подгнила. Верхний потолок под крышей, подшитой досками, обвис и подлежит переделке наново с добавкой новых досок.

Ниже потолка сажени на полторы (1,5 саж.) расположен пол по балкам, которые составляют и верхнюю обвязку восьмигранной части башни; балки эти расположены в два ряда один под другим и направлены так, что образуют перевязь в клетку; балки все очень сильно провисли. Дощатый потолок на них почти наполовину снят совершенно. Снизу подшивка под балками требует смены одной трети досок.

Часть (верх) восьмигранной башни между верхним потолком и полом ограждена не стенами, а барьером и решетками между столбами, поддерживающими крышу. Двух решеток совсем нет. Другие же требуют исправления.

В месте соединения восьмигранной башни-части с четырехгранной каменной имеется вторая крыша также с черепитчатой кровлей по опалубке. Черепицы здесь осталось очень мало, и то часть побита, так что при перекрытии потребуется $\frac{3}{4}$ количества добавить. Обрешетка, стропильца и обшивка, как и опалубка, все это более чем наполовину не годны, и вся крыша подлежит переделке. При высоте башни в 9 саж. до карниза ее верхней крыши для ее ремонта пришлось бы устраивать леса (рештованья) на столбах до высоты первой крыши (в переходе четырехгранника в восьмигранник) и выпускные для перекрытия верхней крыши. По приблизительному подсчету, принимая во внимание теперешние цены на деревянный материал, стоимость устройства лесов уже поглощает почти всю сумму, ассигнованную на ремонт»²².

Согласно дневнику первого директора Музея У. Боданинского, ремонт Соколиной башни начался 13 октября 1924 г. Запись от 3 декабря

²¹ РГАЛИ, ф. 118, оп. 1, ед. хр. 358 (Описание Бахчисарайского дворца), л. 7об.

²² Доклад уполномоченного Музотделом Главнауки по Крыму архитектору Крымохриса П. И. Голландского. 24.09.1923 г. Симферополь // ЦГА Москвы, ф. Р-1, оп. 1., д. 512, л. 13, 13об.-14. В 1923 г. Охрис выделил на ремонт Бахчисарайского дворца 135 000 «совзнаков 1923 года».

раскрывает содержание работ: «3 декабря. Идет ремонт Соколиной башни. Сделан заново навес над цокольным этажом башни, такой самый, какой был раньше. Сейчас идут работы внутри башни по укреплению балок верхней площадки». 20 декабря эти работы были приостановлены из-за нехватки средств.

В 60-х годах XX в. произведены неотложные противоаварийные работы. Заменено междуэтажное перекрытие. Заново выполнены штукатурка стен и окраска деревянных элементов с возвращением им золотистого тона.

В 1982 г. комплекс Бахчисарайского дворца был обследован институтом «Укрпроектреставрация» с целью разработки генеральной программы капитальных работ по реставрации дворцовых сооружений, в том числе и Соколиной башни.

В настоящее время башня представляет собой двухъярусное сооружение, квадратное в плане по первому ярусу и восьмигранное по второму. Цоколь здания поднят на стилобат, огражденный невысокой подпорной стенкой. Две стены входят в ограду. Они сложены из камня по всей высоте, равной 5,40 м, две другие стены на высоту 3,70 м.

Выше этой отметки на высоту трех метров стены фахверковые с кирпичным заполнением. Пустоты между дубовыми брусьями обвязки заполнены необожженным кирпичом (калыбом). Деревянные бруски для большей прочности и связи заложены также и в стены с каменной кладкой. Выше конструкция башни деревянная, обшитая досками.

Последний раз башня ремонтировалась в 1995–1998 гг. – перекрывалась крыша.

Очень заманчиво было бы вернуться к первоначальному облику башни, зафиксированному материалами 1790-х годов (Ф. Алексеев): саманный оштукатуренный восьмигранник терракотового цвета на известняковом четверике с возвратом к 4-ярусному членению внутреннего объема. Крыша, по некоторым сведениям, могла быть покрыта глазурованной черепицей зелено-го цвета.

Однако современный вид башни (высотность, материал второго яруса – деревянного и частично объема нижнего яруса) относится к 1820-м годам.

Гарем

Время постройки гаремного комплекса – XVIII в. (после 1736 г., когда было построено 4 гаремных корпуса). Материал – кирпич, фахверк, крыша – черепичная.

Впервые сооружения дворца, включая и постройки гарема, были описаны османским путешественником Эвлией Челеби.

Краткое упоминание гарема в Бахчисарайском дворце относится к 1736 г. Это описание капитана русской службы Кристофа Германа Манштейна, дважды опубликованное в переводе на русский язык: «Между старыми и новыми палатами много еще строений с разными покоями, из которых примечания достойнейшие: сераль, близ новых палат и между прочими апартаментами женская баня и передняя палата немалая с большим мраморовым бассейном посредине, глубины полтретья фута, а в диаметре полторы сажени, и вода в него течет из фонтанов; округ бани внутри сделаны фонтаны и бассейны мраморовые и некоторые кабинетцы отделенные, и в каждом особый фонтан и бассейн»²³. В другом варианте перевода: «Между этим строением и старым двором находятся еще другие здания, из которых самое замечательное сераль, примыкающий к новому дворцу. В этом серале, между прочим, находится и женская баня, в которую ведут большие сени. В середине бани устроен мраморный бассейн большого размера, с фонтаном, глубиною 7 ½ футов и от 11 до 12 диаметром, из которого вода выливается в баню. По бокам и кругом устроены еще до 12 маленьких лавок, каждая на одну особу, с краном и бассейном. Подле этой большой бани устроены еще отдельные кабинеты, снабженные каждый фонтаном и мраморным бассейном на две особы.

Отапливается баня под полом в самой середине, и все так устроено, что можно и простудить и нагреть баню, по желанию, а воды на каждого хватает сколько угодно. Все эти бани со сводами, свет проникает через небольшие окошечки, пробитые в стене. Поблизости старого ханского дворца находится еще другая баня, убранный бе-

²³ Публикации первого русского перевода: Отечественные записки, 1824, ч. 19, № 51, с. 80. Немецкий текст см.: РГАДА, ф. 177, оп. 1, 1736 г., д. 111, л. 1–6об. Перевод: РГАДА, ф. 197, оп. 1, порт. 9, № 39, л. 2–4об.

лым мрамором, но она устроена только на одну особу.

Все эти различные строения окружены садами и фонтанами свежей и чистой воды, проведенной из горных источников, и хотя постройка их не отличается ни правильностью, ни роскошью, они нравятся своей опрятностью и изяществом» [Маркевич, 1895а, с. 134–135].

На схематичном и условном плане Клеемана (1769 г.) указано здание под номером 2: «Nagem: Wohnung des Frauenzimmers» – «Гарем, женские комнаты». Однако на этом изображении видна только крыша.

На плане Джакомо Тромбаро (1787 г.) в легенде сказано: «Гарем, или женская половина, где пребывали женщины, куда мог входить только муж или евнухи и всякому постороннему мужчине вход был запрещен под страхом смерти». К этому зданию (№ 16 на плане Тромбаро) с северной стороны пристроен фонтан. За зданием был расположен фруктовый сад. К северу были расположены помещения для евнухов и баня. Под номером 22 указано: «Два других гарема, которые были восстановлены приказанием императорского правительства» и под номером 23: «Кухня меньшего гарема».

Здание под № 16 на плане Тромбаро – сохранившийся до сего дня корпус гарема. Отличие от современного здания – устройство входной лестницы (односторонняя, почти примыкающая к стене), расположение дверного проема (в южной части), количество окон, отсутствие каминных выступов с западной стороны.

Петр Симон Паллас (побывал в Бахчисарае в марте 1794 г.) застал гарем уже разрушающимся: «Рядом с помещениями ханов находятся маленькие комнаты гарема, плохо убранные и уже почти разоренные; подле них – постройки; над ними возвышается киоск, похожий на клетку, в нем ханы обычно держали соколов, и из него по направлению через мечеть открывается несравнимый и самый романтический вид на скалы края города в его северной части. К строениям гарема прилегают несколько садов, и в них – маленькая каменная купальня; но большая, выложенная мрамором, бывшая подле дворца, совершенно разорена» [Паллас, 1999, с. 30].

На плане Вильяма Гесте (1798 г.) корпус гаре-

ма в плане ближе к современному (двусторонняя входная лестница, перекрытая крышей). Однако в вариантах изображения восточного фасада у Гесте видим с южной стороны здания пристроенное к нему сооружение.

По описанию Э.-Д. Кларка, побывавшего в Бахчисарае 31 июля – 1 августа 1800 г., гарем состоял «из группы весьма посредственных покоев квадратной формы, ведущих из одного в другой, не имеющих ни пышности, ни удобства. Эти покои отделены от дворца и окружены садом с высокими стенами. Благодаря закрывающим окна решеткам и высаженным перед ними деревьям, несчастные пленницы, некогда обреченные на жизнь внутри, едва ли имели возможность увидеть даже небо... Наиболее примечательная часть сераля – это вход, по извилистому коридору, такому узкому, что пройти здесь мог только один человек за раз, причем ему приходилось ступать так близко к стражнику, что он разбудил бы его, даже если бы тот заснул. В этот проход хан спускался по особой лестнице, предназначенной для него одного» [Храпунов, Гинькут, 2016, с. 172–173].

У его товарища Реджинальда Хебера, который посетил Бахчисарай в 1806 г., читаем: «...Дворец, который, не будучи ни большим, ни правильно спланированным, тем не менее, благодаря живописному стилю своей архитектуры, своей резьбе и позолоте, своим арабским и турецким надписям, и фонтанам прекрасной воды в каждом дворе, заинтересовал меня более, чем я могу выразить. Его покои, за исключением зала правосудия, низкие и нерегулярные. В одном [из них] есть множество дурных картин с разными видами Константинополя и, к моему удивлению, изображениями птиц в полете, вопреки магометанскому запрету на изображение любых животных. Он содержится в удовлетворительном состоянии, а на диванах в лучших комнатах еще остались подушки. Покои, которые занимала императрица Екатерина, отделаны в жалкой манере бальных залов с люстрами и прочим, являясь исключением из общего стиля. Гарем – бедная постройка, отделенная от прочих апартаментов небольшим, окруженным стенами садом и имеющая кухню, с шестью или восьмью маленькими и бедными спальнями, каждую из которых (как нам рассказал наш проводник – ев-

рей, помнивший его во времена ханов) обычно занимали две дамы. В саду есть большой, очаровательный киоск, окруженный решетками, с идущим по кругу диваном внутри, в центре вымощенный мрамором и имеющий фонтан» [Храпунов, Гинькут, 2016, с. 181].

Вероятно, именно этот киоск (у Тромбаро – баня?) сохранялся вплоть до 1850-х годов (он есть на модели Кизеветтера).

Приезд Александра I в Бахчисарай в 1818 г. привел к разборке около 70 жилых комнат, которые находились в ветхом состоянии: было снесено три из четырех корпусов.

Состояние гаремных корпусов зафиксировано в «Описании найденных в натуре ветхостей Азиатскому в Бахчисарае дворцу, оставшемуся от бывших крымских ханов, сделанном сентября дня 1820 года» архитектором Колодиным. Колодин различал малый и большой гаремы. Сохранившийся теперь корпус назван у Колодина «большим гаремом» [Маркевич, 1895а, с. 144–145]. В ходе колодинской перестройки здание утратило угловую пристройку.

«Малый гарем» был вскоре разобран. Строительный Комитет МВД (дворец находился в ведении Министерства внутренних дел) в апреле 1821 г. предлагал строения малого гарема, за исключением беседки с фонтаном, уничтожить [Маркевич, 1895а, с. 151]. Разрешение на это было получено в июне 1822 г. [Маркевич, 1895а, с. 152]. Архитектор Колодин в соответствии с этим предлагал «назначенное по плану малого гарема строение и баню разобрать, а беседку с фонтаном починкою исправить» [Маркевич, 1895а, с. 154]. Малый гарем был разобран в сентябре – октябре 1822 г. [Маркевич, 1895а, с. 157].

Состояние гарема в 1820 г. описал И. М. Муравьев-Апостол: «Резные домики, в коих некогда жертвы любви, или лучше сказать любожестия, томилась в неволе, представляют теперь печальную картину разрушения: обвалившиеся потолки, изломанные полы. Время сокрушило узилище...» [Муравьев-Апостол, 1823, с. 114].

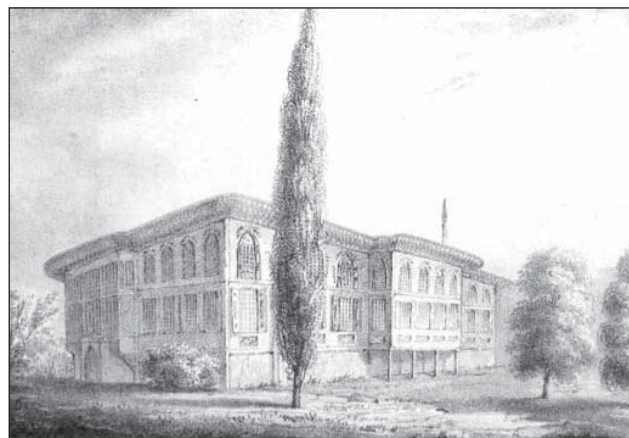
На гравюре Кирстена-Пассека представлен вид гарема к 1840 г. – *илл. 17*. На макете Кизеветтера (1844 г., *илл. 16*) рядом с корпусом гарема

Илл. 16.

ма видна сохраняющаяся беседка. Она же отмечена и на плане 1855 г. (*илл. 18*).

Ф. Домбровский в 1863 г. писал о гареме: «При одном слове этом любопытство становится сильнее и нетерпеливее. Но, гарема нет! Только небольшая часть здания, заключавшего в себе, по словам старожил, 73 комнаты, в которых помещались молодые затворницы и их стража, пощажена рукою времени; уцелело только три комнаты и прелестная стеклянная беседка с вечно журчащим внутри ее фонтаном; уцелели также огромные фруктовые деревья (груши и ренклоды) и величественные руины, современники Гераев. В полуразрушенном виде гарем сохранялся до 1818 года, т. е. до приезда в Бахчи-

Илл. 17.

Илл. 18.

сарай Императора Александра Благословенного. В этом году необходимость заставила разобрать 70 комнат самых ветхих, и оставлены только те, которые возможно было поддержать. Тут были и особые бани – роскошь и единственный комфорт восточной женщины-узницы, и особые помещения для евнухов и безобразных *кадынь*. Убранство комнат гарема было такое же, как и покоев ханских; из остатка здания видно, что все комнаты освещались окнами в два яруса; в нижнем ярусе – двойные рамы и решетки. Гаремный двор имеет в окружности 98 сажен и обнесен каменной стеною, которая имеет в высоту около 4 сажен» [Домбровский, 1863, с. 44–45].

В 1866 г. роспись интерьеров была возобновлена «декоратором» Яковлевым.

Состояние внутреннего убранства зафиксировано в описании (второй половины 1890-х годов), сохранившемся в архиве Н. И. Веселовского. Гарем, «заключающийся в трех комнатах с восточными каминами с двумя крытыми балконами и галереею. Комнаты с окнами в два света пестро раскрашены и прекрасно освещены, разнообразные стекла верхних гипсовых рам дают чрезвычайно приятные для глаз лучи света, вокруг стен тахты и шкапы, полы покрыты циновками и коврами, с окрашенных деревянных потолков в каждой комнате спускается люстра. Яркая окраска этих комнат очень эффектна при освещении»²⁴.

Г. Котов, изучавший дворец в 1890-е годы писал о гареме так: «Несравненно интереснее по отделке здание гарема. По-видимому, эта часть дворца ремонтировалась менее, чем прочие его постройки. Здесь сохранились богатый резной наличник у входа на галерею; характерная балюстрада и столбы по-видимому также старинные. Столбы эти обшиты новыми досками, под которыми находятся дубовые бруссы, довольно ветхие и выкрашенные красной краской, как и обшивка.

По всей вероятности, эта окраска столбов в темно-красный цвет (местной краской) практиковалась при ханах; во всяком случае она производит довольно приятное впечатление на глаз и кажется типичной²⁵. Внутри гарема особенно характерны обработка дверей, и валики по стенам и потому образующие нечто в роде алькова и как бы отделяющие самую комнату от входной ее части. На этих валиках и дверях сохранилась под новой окраской прежняя. В общем стиль здания гарема отличается некоторой чистотой, и поэтому здание

²⁴ РГАЛИ, ф. 118, оп. 1, ед. хр. 358 (Описание Бахчисарайского дворца), л. 7.

²⁵ Столбы в прочих помещениях дворца, напр., в Фонтанной также представляют дубовые бруссы, окрашенные в красный цвет и обшитые снаружи досками, с целью придать им более новый вид.

можно считать построенным ранее ханствования Крым-Гирея» [Котов, 1896, с. 4].

Несмотря на это, академик Н. П. Кондаков считал, что существующий корпус гарема построен заново: «В 1824 году снесен весь гарем, а вместо него выстроен дачный флигель с этим названием... Гарем был снесен еще в 1818 году; вместо него показывают длинную деревянную галерею в постройке, очевидно, переделанной до неузнаваемости. Но и здесь входное крыльцо сохранило чудом уцелевшую старинную, или даже древнюю, татарскую резную дверь, скорее, наличник этой двери, весь прорезной и украшенный резьбой, представляющей вазы, растения, плоды и пр.» [Кондаков, 1899].

Внешний облик здания до реставрации представлен на фото 1921 г.

В 1981–1989 гг. производилась реставрация корпуса: была полностью заменена кровля на террасе и в первой и второй комнатах. Восточный фасад был приближен к облику здания, который отражен на разрезах Гесте. Обновлена роспись фасада, во второй комнате на дверных коробках-порталах и деревянных частях раскрыт орнамент XVIII в. в стиле турецкого барокко. В третьей комнате раскрыты так называемые «зеркала» (панели), росписи на стенных шкафах под мрамор, а на падугах потолка – арабские надписи (илл. 19) [Бабенко, Дюличев, 2008]. Эти надписи представляют собой фрагменты из т. н. «касыды Плаща» (*аль-Кавакаб ад-Дурия фи Мадх Хайр аль-Бария*) имама Бусири (строки 23–24).

«Кухонный корпус»

Здание в основе своей может относиться к XVII в. На первом историческом изображении дворцового комплекса (Клеман, 1769) под номером 7 указана «Кухня», однако видны только скаты кровли (илл. 10).

Здание отмечено как проходное на плане дворца архитектора Джакомо Тромбаро (1787 г.) рядом с сооружением под номером 21: «Кухня хана и прилежащие к ней помещения и службы» и сооружением № 46 – помещением для сторожей. Таким образом, изначально, – это не кухня, а проходное подсобное помещение. На плане Гесте (1798 г.) сооружение показано как имеющее

Илл. 19.

вход со стороны набережной. На фасаде у него же изображена дверь.

Материал строительства – известняк (тесаный и ломаный). Крыша – четырехскатная черепичная. Пристроен к цокольному этажу Свитского корпуса.

На рисунке Дж. Кваренги 1787 г. отчетливо видна башенка с решетками и крышей с пинаклем над зданием Кухонного корпуса (илл. 5).

На рисунке северного фасада («переднего бока») дворца, сделанном художником Тениловым к изданию «Досугов крымского судьи» П. Сумарокова (1803 г., илл. 7), также видны башенка, дверь и три окна, выходящие на набережную.

Здание подверглось перестройке во время ремонта дворца 1820-х годов, когда было разобрано помещение собственно Кухни (№ 21 у Тромбаро), и это название перенесено на «Кухонный корпус».

В 1822 г. Колодин предлагал: «Каменную монетную, треснувшую в своде, и при ней деревянные мастерские ветхие уничтожить, а оставить одну наружную каменную от канавы стену; на сем же дворе кухню каменную и три комнаты для поваров под решетчатым коридором исправить» [Маркевич, 1895а, с. 154].

Корпус рядом с Кухонным под цифрой XIV, который на плене Колодина обозначен как «Флигель в два этажа, занимаемый дворцовым смотрителем», был по предложению Строительно-

Илл. 20.

го Комитета разобран [Маркевич, 1895а, с. 151]. Северная стена этого корпуса была обращена во внешнюю стену двора.

После предполагаемой Строительным Комитетом в апреле 1821 г. разборки нескольких дворцовых строений (малого гарема, двухэтажного флигеля дворцового смотрителя, строения Персидского дворца, старого ханского дворца и др.) образовалась экономия средств, вследствие которой на ремонт «Большой кухни и монетного двора» было отведено 5508 рублей 50 копеек [Маркевич, 1895а, с. 152].

На чертеже дворца 1836 г., где показаны конюшни, на месте кухни – «кухни и конюшни»²⁶.

На модели Кизеветтера (1844 г.) отчетливо виден вход в здание со стороны набережной и башенка. Башенку эту описывает в 1863 г. Ф. Домбровский: «Справа от ворот находится небольшая пристройка, в роде сквозной беседки, замечательная тем, что хан, едва видимый, бросал оттуда деньги народу, во время «зияфетов» или празднеств, происходивших во дворе» [Домбровский, 1863, с. 18].

Фотография, относящаяся ко времени путешествия принца и принцессы Уэльских (будущих короля Эдуарда VII и королевы Александры), т. е. около 1869 г., дает нам основания считать, что башенка над кухонным корпусом была разобрана после этого времени.

Корпус неоднократно ремонтировался. Последний по времени ремонт относится к 1995 г. (была перекрыта крыша).

«Конюшенный корпус»

«Конюшенный» корпус Бахчисарайского дворца перестроен архитектором Колодиным в 1820-х годах из сооружений ханского времени. Материал строительства – известняк (тесаный и ломаный). Крыша – черепичная.

Первое описание строений этой части дворцового комплекса относится к 1736 г. В походном журнале Миниха от 16 и 17 июня 1736 г. осталась такая запись: «И когда неприятель отбит, и мы полную викторию получили, в то время наши люди в таком были сердце, что никак удержат было невозможно, чтоб

в Бакчисарае и в ханских полатах огня не положили; и четверть города и ханские палаты, кроме кладбища и бань, згорели. О тех палатах ханских и о городе на французском диалекте сделанное капитаном Манштейном описание при сем прилагаю, которые полаты строены по китайскому обыкновению, и чище онаго строения мало видано»²⁷.

Описание капитана русской службы Кристофа Германа Манштейна, о котором упоминает Миних, сохранилось и дважды было опубликовано в переводе на русский язык: «По левой стороне большого двора есть еще строения, из которых в среднем жили невольники хана... Из этого двора через ворота – выход в рощу...»²⁸. Эти строения находились дальше двух мавзолеев, т. е. как раз на месте конюшенного корпуса. Далее Манштейн пишет: «Пройдя большой двор, что перед старым дворцом, выйдешь к конюшням хана, каменному строению, длиной 15 сажень, шириною в 4 сажени, устроенному на 40 или 50 лошадей. Пол не мощен и отло-

²⁷ РГАДА, ф. 177, оп. 1, 1736 г., д. 9, л. 349об. См. также: [Соловьев, 1963, с. 408].

²⁸ Немецкий текст см.: РГАДА, ф. 177, оп. 1, 1736 г., д. 111, л. 1–6об. Перевод: РГАДА, ф. 197, оп. 1, порт. 9, №39, л. 2–4об. Публикации русского перевода с: Отечественные записки, 1824, ч. 19, № 51, с. 76–83. Публикация русского перевода (не тождественного русскому тексту РГАДА!) с немецкого подлинника (автографа Манштейна) см.: [Записки Манштейна, 1875, с. 349–353]. См. также: <http://krym.rusarchives.ru/dokumenty/manshteyn-hg-opisanie-krymskogo-stolichnogo-goroda-bahchisaraya-i-hanskogo-doma>.

²⁶ ЗООИД. Т. 12. Одесса, 1881. Таб. I и II.

гий, для двух рядов лошадей; между каждой лошадью поставлены вырубленные в камне ясли и пилястры. Свет проникает в решетчатые окна, обращенные на двор». Таким образом, конюшня в 1736 г. была внушительным каменным зданием и имела размеры приблизительно 8,5 x 32 м.

Вероятно, между 1736 г. и присоединением Крыма к России в 1783 г. здание было надстроено и получило второй этаж.

Одноэтажное здание конюшен (Stall) впервые показано на схеме Клееманна (1769 г.), однако затем отмечено на плане дворца архитектора Джакомо Тромбаро (1787 г.) под номером 34: «Конюшни, над которыми находятся жилища конюхов». Таким образом, здание было двухэтажным. Без изменений в плане показана у Гесте (1798 г.).

На картине Василия Петрова «Вид Бахчисарайского дворца» (из серии «Путешествие Екатерины II в область Таврическую», 1790–1796 гг.) видно, что здание имело 4-скатную угловую башенку с аркой-дверью и два оконных проема на стене, которая выходила к ханскому кладбищу (илл. 20).

Правда, на плане У. Гесте 1798 г., которому надо доверять больше, на рисунке Тенилова 1803 г., а также на картине Жака-Кристофа Мивилля 1816–19 гг. мы видим крытую черепицей двухэтажную галерею на деревянных столбах.

У маркиза Кастанельно (до 1820 г.) здание описано так: «За кладбищем следуют служебные помещения и конюшни, над которыми надстроен еще один этаж-галерея. В конце всех этих сооружений расположен павильон с дверью, ведущей в третий восьмиугольный мавзолей».

Состояние корпуса зафиксировано в «Описании найденных в натуре ветхостей Азиатскому в Бахчисарае дворцу, оставшемуся от бывших крымских ханов, сделанном сентября дня 1820 года» архитектором Колодиным: «Подле оных ворот (задних, идя на север. – И. 3.) по правую руку флигель. В верхнем этаже 16 комнат, занимаемых дворцовыми инвалидами; стены ветхие, деревянные перебрать все, также средние и верхние балки, полы и дощатую подшивку, 18 переплетов, 17 дверей, 16 каминов и печей с трубами – вновь и оштукатурить».

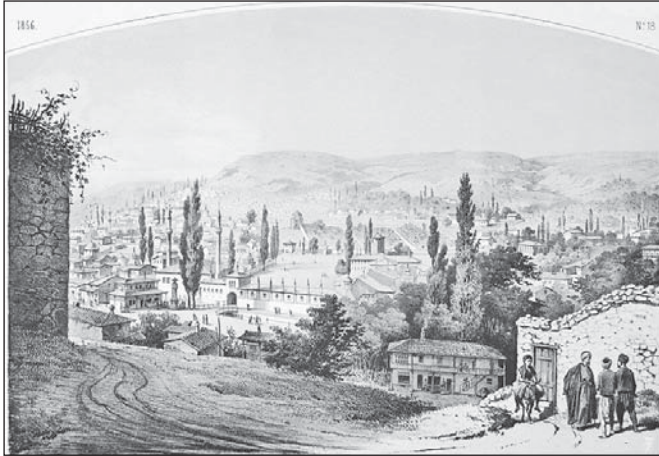
Илл. 21.

В нижнем этаже сарай, магазейн, конюшня без подшивки и без полу, без стойлов – все вновь, крышу черепичную, а стропила перебрать вновь, стены внизу каменные починить» [Маркевич, 1895а, с. 146].

К 1824 г. работа по переустройству корпуса, а вернее, по строительству нового здания была закончена. Комиссия, расследовавшая деятельность Колодина, нашла, что «у задних ворот на правой стороне был флигель же, в 2 этажа и под воротами комната, что также только должно было поправить, а вместо того сделано совсем новое европейское строение для помещения дворцовых инвалидов и смотрителя, с конюшнею, сараем и сеновалом» [Маркевич, 1895а, с. 168]. Утешением стало то, что по первоначальной смете на здание выделялось 20 266 руб., а потрачено было 17 733 и 85 копеек, но «видом постройки сии отступили от формы азиатской».

У П. П. Свиньина, который посетил дворец в 1825 г., читаем: «Возвращаясь.. к новому подъезду, проходите мимо довольно большого здания полуевропейской архитектуры. Тут живет смотритель дворца по наследству от Бим-Паши, который из высокого киоска своего наблюдал за порядком в целом замке. Возле одного казарма для 12 инвалидов, также испорченная переделкою» [Свиньин, 1827, с. 19].

Таким образом, Колодиным построено новое здание в стиле классицизма: «вновь построенный каменный флигель для помещения 12 чело-

Илл. 22.

век инвалидов и дворцового смотрителя».

Новый строитель дворца архитектор Эльсон вынужден был менять внешний облик строения, для большего соответствия «азитскому вкусу», создав своего рода ширму-декорацию фасада и создав 4 декоративных пинакля на крыше. На модели Кизеветтера 1844 года представлен вид здания, которое приближено к современному.

Так же, как и на Свитском корпусе, декоративные башенки-дымоходы (пинакли) на навешных имели венчающие их шарики, которые впоследствии были утрачены (которые имелись, судя по Гесте и Тенилову, и на разобранном Колодиным здании): это видно на фотографии, относящейся ко времени путешествия принца и принцессы Уэльских (будущих короля Эдуарда VII и королевы Александры), т. е. около 1869 г.

Корпус неоднократно впоследствии ремонтировался: так, вероятно, после Великой Отечественной войны правое окно второго этажа расшивалось в дверь, к которой пристраивалась наружная лестница, впоследствии – устройство балкона.

Последняя по времени реставрация относится к 1992–1997 гг. (штукатурка и окраска стен), в частности, в 1995 г. устраивались деревянные перекрытия.

«Библиотечный корпус»

«Библиотечный» корпус Бахчисарайского дворца сооружен архитектором Колодиным в 1820-х годах. Корпус пристроен к надвратной

башне. Материал строительства – известняк (тесаный и ломаный). Крыша – черепичная.

Здание выстроено, скорее всего, на новом фундаменте на месте некой «камеры для лошадиных сбруй», которая отмечена на плане дворца архитектора Джакомо Тромбаро (1787 г.) под номером 35 (илл. 2), которая без изменений показана на плане Гесте (1798 г., разрез по Гесте) и Колодина (1819 г.).

Ворота (доколодинские) первоначально, видимо, имели второй этаж, несмотря на то что на некоторых изображениях начала XIX в. его нет. Скорее всего, именно эти ворота, до их переделки Колодиным, мы видим на рисунке начала XIX в. англичанина Хей [Храпунов, 2019].

Состояние корпуса зафиксировано в «Описании найденных в натуре ветхостей Азиатскому в Бахчисарае дворцу, оставшемуся от бывших крымских ханов, сделанном сентября дня 1820 года» архитектором Колодиным: «Над оными воротами одна комната без полу, потолку дощатого, средние, верхние балки перебрать, дощатый потолок и пол, три переплета, двое дверей с лестницею» [Маркевич, 1895а, с. 146].

Примыкавшая к воротам стена была Колодиным перебрана с уменьшением высоты.

Здание имело на кровле декоративный пинакль, ныне утраченный (он хорошо виден на рисунке Я. П. Бальмена, ок. 1843 г., илл. 21), почти синхронной модели Бахчисарайского дворца (Кизеветтер, 1844 г.) и литографии В. Тимма по рисунку с натуры Ф. Гросса, 1856 г. (илл. 22).

На гравюрах середины XIX в. ворота имеют небольшую одноэтажную пристройку с западной стороны (фото 7). «Эта сторона (дворца. – И. 3), – писал в 1863 г. Ф. Домбровский, – оканчивается довольно красивым теремом, одна сторона которого образует над воротами, составляющими противоположный выезд из дворца, род беседки, но только поменьше той, которая возвышается над главным въездом от речки Чурук-Су» [Домбровский, 1863, с. 17–18].

Корпус неоднократно ремонтировался. Последняя по времени реставрация относится к 1992–1993 гг. (проводились оштукатуривание и окраска стен).

14.3. Водные источники и фонтаны Крыма в контексте исламских традиций

Н. М. Акчурина-Муфтиева

Многовековое культурное наследие крымских татар оказало значительное влияние на искусство разноконфессионального населения Крыма. В настоящее время оно нуждается в восстановлении забытых технологий, в изучении, воссоздании, выявлении специфики и характеристики художественного языка и стиля, возрождении народных традиций в современном искусстве.

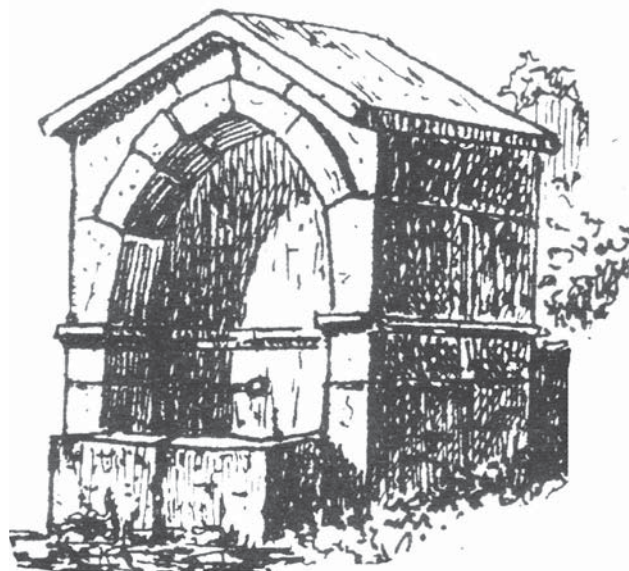
К числу таких традиций относятся исламские традиции организации водных источников и фонтанов. Во всех мусульманских странах, в особенности пустынных, с давних времен воде придавалось большое значение, особенно «чистой» – проточной воде. Устроить фонтан в степи, у дороги, дать воду путнику считалось одним из высших благодеяний. Фонтаны ставились в память об умерших родственниках и погибших воинах, для блага города, в память о важных событиях их устроителей. Безводный Крым не был исключением. Только в Бахчисарае было 120 фонтанов, которые питали 32 родника, около 100 фонтанов было в Феодосии, множество – в Старом Крыму, Карасубазаре, Симферополе и других городах и селах. Некоторые из них возводились на средства ханов и других состоятельных граждан. Так в Бахчисарае на деньги ханов были построены фонтаны у городских ворот, на базарах города, у ряда мечетей. Содержались они за счет сданных в аренду лавок, доходов с фруктового сада в Сюрени, с постоялого двора в Бахчисарае [Госархив РК, ф. 489, с. 2–8].

Облагороженные водные источники в Крыму возводили у стены или отдельно стоящими, и делились они на четыре вида, в зависимости от назначения: *чешме* – небольшие источники воды для питья; *фонтаны «абдест»*, предназначенные для омовений перед молитвой; *фонтанные дворы или павильоны* – уютные источники внутри помещений или садов для отдыха; *фонтаны «Сабиль»* – «священные», райские источники.

К традиционным и наиболее распространенным источникам относятся *чешме*. Они являлись центром общественной жизни крымских деревень и устраивались не только внутри полуострова, но и вдоль дорог на Южном берегу. Приходя сюда за водой, женщины обсуждали новости, молодые

парни высматривали себе невест. «Здесь просто прислонена к крутому горному склону маленькая каменная стенка, отчасти напоминающая камин; сквозь нее проведена тонкая металлическая трубка, и из этой трубки течет или сочится вода... На иных фонтанах есть начертанная на камне турецкая надпись, означающая, какой именно благодетель устроил это сооружение для блага жаждущих путников. Но отсутствие эффектности нисколько не мешает фонтану быть очень благодетельным при безводье – этом проклятию Крыма – особенно в знойное лето. Иной фонтан поит целую окрестность» [Воропонов, 1992].

Источники *чешме* сооружались в виде вертикальной стелы высотой в 1,5–2 метра, с заостренной арочной нишей. Пред нею устраивался небольшой каменный водоем для накопления воды. Часто над нишей прикреплялась каменная плита с высеченным арабской вязью именем создателя этого источника. Передняя стенка водоема иногда украшалась резьбой в виде розеток с геометрическим или растительным орнаментом. Традиции сооружения таких источников наблюдаются до конца XIX в.

Чешме – традиционный и наиболее распространенный источник в селах и вдоль дорог.

Влияние мусульманской архитектуры подтверждается сохранившимся фонтаном XV в., построенным армянами в Феодосии у подножия горы Митридат и восстановленным в XVI в. Прямоугольная стенка фонтана имеет нишу в виде заостренной арки с расположенными над ней тремя резными розетками. Средняя розетка изображает соляренный знак, а боковые розетки – шестиконечную звезду Давида.

Два питьевых фонтана с арочными нишами, украшенные каменной резьбой, были установлены в XVII–XVIII вв. в Посольском дворике Бахчисарайского дворца. В нише одного из фонтанов высечено дерево в виде пальмы. Из его основания стекает вода в каменный водоем, украшенный цветочным орнаментом. Каменный водоем – земля, орошенная водой, ожила и расцвела растительностью, пальма, дающая съедобные плоды, и вода

Питьевой фонтан XVII–XVIII вв., установленный в Посольском дворике Бахчисарайского дворца.

словно иллюстрируют слова из Корана о том, что Аллах низвел людям воду, оживил землю, взрастил финики (пальму).

Дворцовые фонтаны Бахчисарая аналогичны фонтанам, которые устраивались турецкой знатью (фонтан XVIII в. Ускундера III на площади Ахмета в Стамбуле) [Barişta, 1993, Лл. 14, 73]. Однако более сдержанный декор татарских фонтанов и меньший масштаб выражают смысл источника как символа дающего жизнь всему живому, а не помпезного сооружения, восхваляющего своего создателя.

Основу орнаментального декора *чешиме* XV–XIX вв. составляли: резные розетки с геометрическим и цветочным орнаментом, расположенные над аркой ниши, резной растительный орнамент, переплетающийся с надписями и кораническими эпитафиями, выполненными почерком «сулюс».

Другая группа фонтанов предназначалась для ритуала омовений (абдест) перед молитвой. Эти фонтаны устраивались возле мечетей или святых мест, где мусульмане совершали молитву. В основном они выполнялись отдельно стоящими и имели круглую, часто восьми- или шестигранную форму водоема. Примером может служить фонтан, располагавшийся слева от мечети Хан-Джами в Бахчисарае. Бассейн (около 3 м в диаметре), перекрытый куполом, располагался в квадратном, мощенном плитами дворике. Низ его был облицован резными плитами из белого мрамора, с врезанными в них металлическими трубками, через которые поступала чистая вода в мраморный круговой лоток. Фонтаны подобной конструкции возникли в Крыму вместе с постройкой первых мечетей [Крикун, 1998] и в дальнейшем являлись непременным их атрибутом.

Одной из форм использования фонтанов были *фонтанные дворы или павильоны*. Они широко применялись внутри помещений и дворов во дворцах и домах богатых слоев населения. Уютные источники создают «вокруг живительных капель особую тенистую атмосферу, защищающую этот маленький оазис от яркого солнца, от шумных криков. Заходя прямо из сутолоки городских улиц в фонтанный дворик... вы сначала ничего не можете разглядеть в этом прохладном полумраке. Вы ни в коем случае не получите сразу цельного общего впечатления. Постепенно, мгновение за мгновением, вы начинаете разглядывать одну деталь за

другой. Здесь все построено так, чтобы действовать на наши чувственные восприятия не столько внешними образами, сколько музыкальностью движения капель, очарованием самой прохлады, живописностью неясного мрака» [Гинзбург, 1992б].

Традиции устройства фонтанных дворов установились с появлением первых крымских правителей, ориентировавшихся на Константинополь. В Солхате были обнаружены гончарные водопроводные трубы, ведущие к городским фонтанам. Первые упоминания о подобных фонтанах мы встречаем у Эвлии Челеби, посетившего сад Ашлама во дворце Ашлама-Сарае, существовавшем в конце XV в. в Салачике. Множество фонтанов украшали дворы и сад Бахчисарайского дворца. До конца XIX в. фонтаны устраивались во всех городских парках Карасубазара, Ак-Мечети, Гёзлева и др.

Широкое применение получило устройство фонтанов в интерьере помещений: в различных беседках, холлах, гостиных и т. п. Примерами XVI–XVIII вв. могут служить фонтаны в Летней беседке (Альгамбре) и в зале Дивана Бахчисарайского дворца. Все фонтаны выполнялись в основном из мрамора с резным орнаментом, включающим бордюры с растительными мотивами. В начале XVIII в. в некоторых случаях дно резервуаров украшалось изображением рыб и птиц, как, например, у фонтана в Бассейном садике и у основания лотка фонтана в Посольском дворике Бахчисарайского дворца. Основная центральная часть фонтанов выполнялась в виде кипариса, цветущего куста и т. п.

К XVIII в. в крымскотатарском искусстве появляется новый тип фонтанов – *сабиль*. В архитектуре арабских стран *сабиль* – это общественный источник, фонтан питьевой воды в виде отдельно стоящего или настенного сооружения с одной либо несколькими арочными нишами или чашами с медленно стекающей в раковину-бассейн водой. В переводе с арабского означает источник (well), предназначенный для общего пользования. Происходит от глагола «жертвовать в благотворительных целях». Как правило, такие фонтаны украшались орнаментальной резьбой по камню, облицовкой мрамором или керамической мозаикой, каллиграфическими надписями с призывом вознести молитву за устроителя, с цитатами из Корана, изречениями или поэтическими двустушиями [Ма-

а

б

Фонтанный двор Бахчисарайского дворца:
а – фонтан с двумя бассейнами;
б – фрагмент лотка со сливом.

линовская, 1993]. Такие фонтаны в мусульманском мире известны с XIV в.

Крымские зодчие создают тихие прохладные фонтаны – «журчащую сагу из камня» (М. Гинзбург), с медленно стекающей струйкой воды, фонтаны-символы, отражающие философию Корана, вечного бытия. Так в XVIII в. в традициях османской архитектуры возникает «Золотой фонтан». В прямоугольном портале устроена неглубокая арочная ниша, сверху украшенная резной стили-

Фонтан XVII–XVIII вв. в Летней беседке (Альгамбре) Бахчисарайского дворца.

зованной раковиной, растительным орнаментом и сталактитовым поясом. Позолота орнамента и рельефных надписей дали имя фонтану: Манзуб – Золотой.

В 1764 г. иранским художником-декоратором в память красавицы Диляры-Бикеч создается настенный Фонтан слез. Для передачи безутешного горя в малой архитектурной форме мастером применен язык символов. В стиле *сабиль* были выполнены каскадный фонтан у входа в дюрбе Диляры-Бикеч и настенный фонтан в Бассейном дворике.

Конструктивной основой фонтанов *сабиль* являлась вертикальная плита со стрельчатой нишей, в которой ступенчато располагались чаши. Вода, переливаясь из одной чаши в другую, попадала в прямоугольный или овальный резервуар, расположенный у подножия плиты. Портал украшался резным растительным орнаментом в виде вьющихся побегов или вазонами. Мотив вазона был широко распространен в XVIII в. как в камнерезном, так и других видах декоративно-прикладного искусства (вышивке, художественном металле). Этот мотив получил широкое распространение и в Турции не только на плитах фонтанов, надгробиях, а также и на боковых плоскостях мимбаров в мечетях XVIII в. [Bariřta, 1998, Ил. 226, 227; Bariřta, 1993, Ил. 14, 73].

В малой архитектуре фонтанов мастера камнерезного искусства широко применяют язык символов: пятилепестковый цветок лотоса, числа три,

девять, чаши, образующие зигзагообразные лестницы, улитка на дне бассейна и др.

Типичным примером каскадных фонтанов типа *сабиль* может служить фонтан в Бассейном дворике Бахчисарайского дворца, состоящий из вмонтированной в южную стену резной мраморной плиты с 12 лотками. Фонтан состоит из вертикальной и горизонтальной плоскостей. Движение воды по ним символизирует рождение, бурную, но короткую жизнь, состоящую из раздвоений и обобщений, в контрасте с вечным покоем зеркальной глади бассейна. Вода из фонтана перетекает в бассейн по горизонтали длинного канала, орнаментированного кипарисами – символами загробной жизни. Присутствует и улитка – знак вечности и сомнений. Возникает ассоциация с живой и мертвой водой. В конечном итоге из всего этого моделируется мир. Главным модулем всего произведения является струя воды, соразмерная человеку. Крым – полуостров, волею Создателя оказавшийся окруженным морским пространством, со скудным запасом живой воды. Поэтому колодцам и фонтанам придавался образ одухотворенных светил. Исходя из этого, фонтан *Сабиль* можно считать моделью Крыма [Шейх-Заде, 1995, с. 36].

Эпиграфика фонтанов несет в себе информацию двух уровней: фонтана как источника жизни и очищения, сакральный характер которого уходит вглубь архаики к нижним пластам культурной традиции ислама, и фонтана-книги, понимаемого посвященными. Чисто внешний, целостный образ его воспринимается как страница Корана с «унваном», увенчанная «алемом». Кораническое письмо на фонтанах не только подчеркивает этот целостный образ книги, но и само несет его аналогично тому, как несли такие же надписи на зданиях, оружии, предметах быта.

Надписи на фонтанах заканчиваются словом «сальсабиль», которое имеет несколько значений. В Исламе оно означает название главного источника в раю (Коран, 76:18). В архитектуре Египта, Сирии, Палестины, Андалусии с XIII–XIV вв. – это система охлаждения интерьеров водой, основанная на принципе медленного стекания тонкого слоя воды по мраморной плите, вставленной в стену с наклоном 15–30°. Вода стекает в декоративные канавки, испаряясь в них, и охлаждает помещение.

В переносном смысле «сальсабиль» означает райский напиток, нектар.

Объединяя в себе сакральную основу философии Корана, поэтическую эпитафию, выполненные из мрамора и испещренные резным декором, крымские фонтаны *сабиль* выполняют роль мемориала, напоминающего о быстротечных радостях жизни, о неизбежной разлуке, о райском блаженстве загробного существования душ праведников.

Резной декор фонтанов от розеток с сельджукским и золотоордынским геометрическим орнаментом XV–XVI вв. плавно изменялся в стилизованный растительный орнамент XVII в., приобретая в XVIII–XIX вв. формы пышного барокко. В эстетической выразительности сооружений можно проследить изменения в использовании известняка (XV–XVI вв.), позже – цветного и белоснежного мрамора, раскраске отдельных элементов орнамента (в XVII–XVIII вв.), обязательном присутствии (на протяжении XV–XIX вв.) поэтических эпитафий, коранических формул в виде каллиграфического узора. Надписи на фонтанах могли быть скупыми и строгими, содержащими информацию о дате постройки и имени построившего сооружение. Однако встречались и эпитафии, которые поражали своей поэтичностью, красноречием и представляли собой частицу высокой восточной поэзии. Разумеется, и мера поэтического пафоса, и пышность орнаментального резного декора, и даже размеры сооружения зависели в каждом конкретном случае от социального положения и воли заказчика, от индивидуальности резчика-поэта и его мастерства. Тексты, запечатленные на фонтанах эпохи Крымского ханства, сложнее по сравнению с эпитафиями золотоордынского периода. Творчество *хаттатов* – мастеров, одновременно являвшихся и резчиками камня, и «писцами», отражено в декоре виртуозным исполнением каллиграфических надписей, выполненных золотоордынским и классическим «сулюсом», а позже и «тъяликом», вплетающимся в растительный орнамент.

У искусства возведения фонтанов в Крыму была сакральная основа, опирающаяся на фундаментальные пласты философии Ислама, концепция синтеза произведения искусства с окружающей природой. Прежде всего это проявляется в

Фонтан XVII–XVIII вв. в Летней беседке (Альгамбре) Бахчисарайского дворца.

религиозном восприятии водного источника жизни. Широкое использование символики позволяет «посвященным» «читать» содержание сооружения, как страницу Корана. При этом не только в ранних, но и в поздних фонтанах мусульманская символика удивительно переплетается с языческой, что отражается в отдельных изобразительных мотивах, свидетельствующих о точках соприкосновения и сложных переплетениях исламского искусства с христианской, с иудаистской символикой и с античной мифологией, переосмысленной и интерпретированной.

Сложные условия этнического формирования крымскотатарского народа обусловили общность многих видов его искусства с искусством соседних этносов, а также с искусством народов, населяющих берега Черного моря, что привело к формированию весьма богатого и самобытного декоративного искусства.

14.4. Культурная архитектура Крымского ханства¹

Э. Д. Зиливинская

Архитектурные памятники периода Крымского ханства привлекали внимание исследователей достаточно давно. Главным источником для изучения различных сторон жизни этого периода являются записки Эвлии Челеби, который в 1666–1667 гг. путешествовал по землям Крымского ханства и Кефинского эялета и оставил подробное описание своей поездки. В записках путешественника упоминаются многочисленные мечети и прочие святые места, он приводит все надписи (тарихи) на стенах мечетей, но сведения об архитектуре в них крайне скудны. Восполнить этот пробел отчасти помогают заметки авторов XVIII–XIX вв., таких как П. С. Паллас, П. И. Сумароков, А. Н. Демидов, Ф. де Миранда, Дюбуа де Монпере и др.

Важное значение имела организация экспедиции по изучению культуры крымских татар в 20-х гг. XX в. Ее руководители И. Н. Бороздин и А. С. Башкиров, участники У. А. Боданинский, О. Акчокраклы, Н. Л. Эрнст, а также архитектор Б. Н. Засыпкин собрали огромный, поистине бесценный материал, большая часть которого лишь сейчас вводится в научный оборот [Мирас..., т. 1-3, 2016; Мечети..., 2016; Свод, 2016а; Свод, 2016б]. До настоящего времени является актуальной статья Б. Н. Засыпкина «Памятники архитектуры крымских татар», написанная по результатам экспедиции и ставшая классической [Засыпкин, 1927]. После этого долгие годы к этой теме никто не обращался. Только в конце XX – начале XXI вв. стали появляться работы, в которых авторы пытались собрать воедино и охарактеризовать мусульманские памятники Крыма [Крикун, 1998; Бабенко, Дюличев, 2008]. Некоторые книги посвящены истории и культуре отдельных городов, например, Евпатории, Феодосии, Бахчисарая [Кутайсов, Кутайсова, 2007; Тункина, 2011; Петрова, 2015; Ибрагимова, 2015]. Ряд исследователей активно и углубленно занимается изучением конкретных памятни-

ков или групп памятников. Среди них следует упомянуть С. Г. Бочарова, В. П. Кирилко, Э. Э. Османова, Э. И. Сейдалиева.

На основе этих работ и опубликованных архивных материалов можно попытаться сделать обзор культовых архитектурных памятников периода Крымского ханства и проанализировать их архитектурные особенности.

Мечети

Во всех мусульманских странах городской доминантой являлась большая пятничная мечеть, видная издали благодаря устремленной ввысь вертикали минарета. Именно мечетям прежде всего уделяют внимание в своих записках путешественники при описании городов стран Ислама. Главным источником, в котором упоминаются самые различные стороны жизни Крымского ханства, была и остается «Книга путешествия» Эвлии Челеби. В ней автор пишет о том, что «на Крымском острове находится всего двадцать одна тысяча соборных и квартальных мечетей» [Эвлия, 2008, с. 30]. Несомненно, эта цифра довольно фантастична, однако она свидетельствует о том, что мечетей в Крыму было очень много. В большинстве небольших селений, в которых проживали крымские татары, было как минимум по одной мечети, а в городах возводились как Джума мечети (пятничные, соборные), так и небольшие квартальные месджиты.

В работах, посвященных архитектуре крымских мечетей, встречается утверждение, что сначала существовали мечети базиличной планировки, а затем стали строиться купольные мечети [например, Османов, 2013, с. 76]. Идея эта исходит от О. Шуази, на которого ссылается Б. Н. Засыпкин [Шуази, 2008, с. 342; Засыпкин, 1927, с. 129–130]. Однако далее Б. Н. Засыпкин отмечает, что в разных мусульманских странах существовали различные формы культовых сооружений, и, в частности, в Средней Азии строились купольные мечети, а базиличная планировка для этого региона не характерна [Засыпкин, 1927, с. 130]. Ко времени позднего средневековья достаточно четко выявились регионы со своими

¹ Автор приносит благодарность за помощь в сборе материала и консультации Е. И. Кононенко, И. В. Зайцеву, А. Г. Герцену.

строительными традициями и сложившимися типами планировки [Hillenbrand, 1994]. Что касается Крыма, то его мусульманская архитектура всегда находилась под значительным влиянием Малой Азии [Крамаровский, 1990; 2005; 2016; Зиливинская, 2014а; 2014б; 2014в]. Если обратиться к более раннему, золотоордынскому периоду, то в это время в Крыму известны как мечети в виде базилик, так и небольшие купольные. К мечетям базилической планировки относятся мечети «Узбека» и «Бейбарса» в Солхате, а также мечеть на Чуфут-Кале. Все они представляют собой прямоугольные в плане здания, разделенные на три нефа двумя рядами колонн (рис. 1.1–3). В угол зданий с северной стороны встроен цоколь минарета. В мечетях Солхата вход в здание находился в северной стене, на Чуфут-Кале он был сделан в северной части западной стены. Входы были оформлены порталами. В мечети на Чуфут-Кале, возможно, имелся небольшой купол.

Мечети базилической планировки возникают в Малой Азии уже в XII в. В качестве примеров можно привести Улу-Джами и Гюлюк-Джами в Кайсери, Улу-Джами в Эрзеруме [Hillenbrand, 1994, р. 482; Кононенко, 2017а, с. 86, 93]. Этот тип планировки получает свое развитие в XIII в. В государстве сельджуков Рума, где создаются такие образцы сельджукской архитектуры, как Улу-Джами в Кайсери 1140 г, Ала Алаеддин-Джами в Нигде 1223 г., Улу-Джами в Дивриги 1228–29 гг., Улу-Джами в Малатье 1224 г., Хванд-Хатун-Джами в Кайсери 1238 г. (рис. 1. 4–6) и др. [Hillenbrand, 1994, р. 482–484; Stierlin, 1998, р. 25–29]. В это время вырабатывается модель официальной сельджукской мечети, отличительными чертами которой являются продольно-базиликальная планировка; акцентирование квадратной в плане михрабной ячейки и перекрытие ее куполом; наличие внутри здания небольшого внутреннего двора или – чаще – открытой световой ячейки в центре интерьера; оформление входа выступающим «сельджукским» порталом [Кононенко, 2017а, с. 166, 218]. Крымские базилические мечети имеют более простую планировку: в них отсутствуют купол над михрабной ячейкой и световой проем, но в основе лежит план именно «сельджукской мечети». Такие культовые здания также известны и в

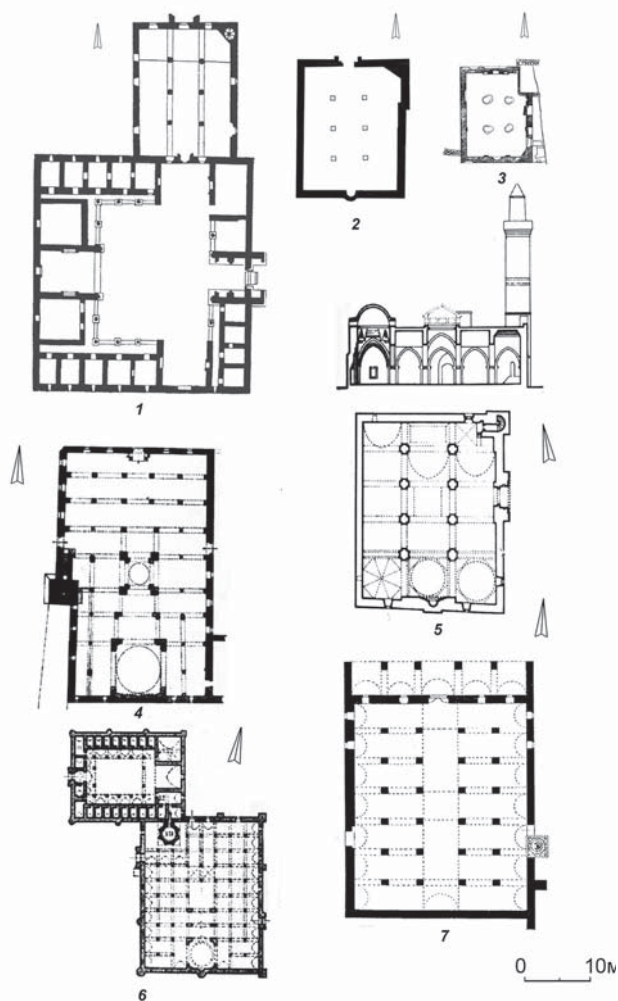

Рис. 1. Мечети Крыма золотоордынского периода (1–3) и Малой Азии (базилической планировки): 1 – комплекс мечети-медресе «Узбека» в Солхате; мечеть «Бейбарса» в Солхате; мечеть в Чуфут-Кале (по М. Г. Крамаровскому и У. А. Боданинскому); 4 – Улу Джами в Кайсери; 5 – Алаеддинин-Джами в Нигде; 6 – мечеть-медресе Хванд-Хатун в Кайсери; 7 – Хан-Джами в Кайсери (по R. Hillenbrand, 1994; Е. И. Кононенко, 2017а).

Малой Азии, например, Хан-Джами в Кайсери XIII в. (рис. 1.7) [Кононенко, 2017а, с. 189–192].

К золотоордынскому периоду относятся и две купольные мечети в Крыму. Это Куршун-Джами в Солхате (рис. 2.1–2) [Башкиров, 1927 с. 132–133; Засыпкин, 1927. С. 132–134; Крама-

ровский, 1984; 2005, с. 116] и мечеть в Судакской крепости [Засыпкин, 1927. С. 134–139; Баранов, 2005; Джанов, 2005; Фронжуло, 2005]. Планировка их сходна: они состоят из двух помещений – квадратного молельного зала с михрабом, перекрытого куполом на пирамидальных парусах, и северного прямоугольного помещения с перекрытием в виде трех полукруглых в сечении сводов. В Судакской мечети к восточной стене примыкала аркада, состоящая из трех арок. Оба здания имели минареты, встроенные в угол с северной стороны.

Как указывают исследователи, «композиция из квадратного зала, перекрытого куполом на трюпах или даже «турецких треугольниках», и сводчатого портика в антах была типичной для сельджукских квартальных мечетей – месджитов» [Кононенко, 2017а, с. 170]. А. Куран относит эти здания к группе *single unit mosque* [Kuran, 1968]. О. Асланапа пишет, что в Конье до наших дней сохранилось несколько сельджукских однокупольных мечетей. Большинство из них имеют вестибюль, перекрытый сводами или плоской крышей, который может быть в виде открытого портика или закрытого помещения с дверями и окнами в фасадной стене. Эти вестибюли являются прототипами портиков подобных мечетей XIV в. В качестве примеров зданий с закрытым вестибюлем можно привести Бешаребек месджит (1213 г.), Эрдемшах-месджит (1220 г.), Каратай-месджит (1248 г.) и Таш-месджит или Ходжи Феррух (1248 г.), Ходжа Хасан (XIII в.). В Сирчалы-маджиде, относящейся ко второй четверти XIII века, перед входом сделан портик с тремя арками. За пределами Коньи известны другие сельджукские мечети, например, Феррух-Шах (XIII в.) и Гюдюк минаре месджит в Ахшехире (1226 г.), Аладже-месджит (1279 г.) в Харпуте (рис. 2. 3–6) [Aslanapa, 1971, p. 119–120; Hillenbrand, 1994, p. 482].

Архитектура Крыма XVI–XVIII вв. продолжала традиции предыдущего периода и также была тесно связана с Турцией, что вполне естественно, так как Крымское ханство находилось в зависимости от Османской империи. Зодчие Османской Турции создали новые и очень яркие образцы культовых построек, вершиной которых является зально-купольная мечеть с большим

двором, окруженным галереей. Наивысшего расцвета тип «большой османской мечети» достиг в работах архитектора Синана и его последователей. Эти постройки являются символом «великолепного века» Османского государства и вплоть до современности служат образцом при возведении новых культовых сооружений не только в Турции, но и во многих других странах [Кононенко, 2017б].

Крымское ханство являлось для Стамбула далекой провинцией, и здесь не строились столь же пышные и монументальные здания, но тем не менее до Крыма также доходили новые веяния и достижения турецкой архитектуры. Свидетельством чего, в частности, является тот факт, что в Кафе и Гёзлеве некоторые здания были построены под руководством великого Синана.

К сожалению, до нашего времени дошли лишь единичные мечети эпохи Крымского ханства. Еще некоторое количество известно по фотографиям, рисункам и описаниям прошлых лет и веков. Тем не менее, несмотря на фрагментарность наших знаний, можно попытаться проанализировать архитектурные особенности мечетей этого периода. Здания можно разделить на две большие группы. Это купольные мечети и мечети с плоским стропильным перекрытием.

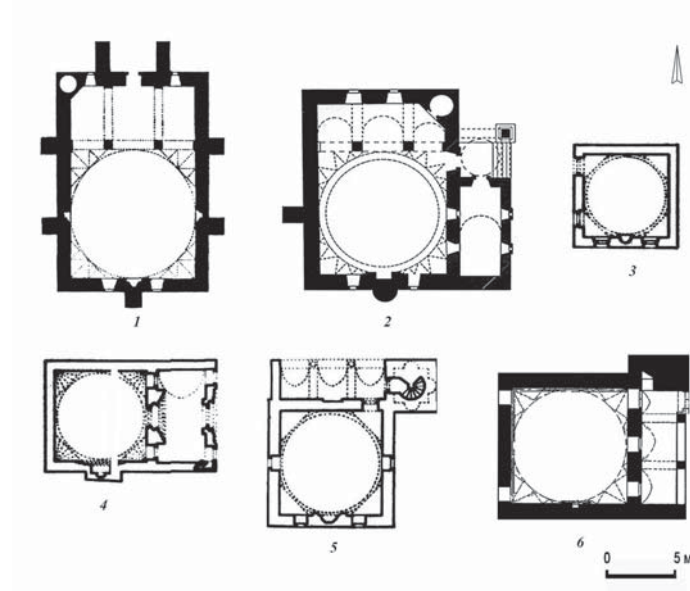
Купольные мечети

Однокупольные и односекционные мечети

Они имели простую планировку и состояли из одного объема, перекрытого куполом. Простейшим вариантом такой планировки является не сохранившаяся ныне мечеть в селении Карагёз Феодосийского района. Мечеть известна по рисункам Дюбуа де Монпере, В. Руссена, К. Богаевского и неизвестного художника, по фотографиям, хранящимся в архивах Феодосийского и Бахчисарайского музеев, а также в Отделе письменных источников ГИМ [Тункина, 2011, с. 64; Петрова, 2015, с. 129, табл. 38, с. 134, рис. 1, с. 203–205; Мечети..., с. 36–40, Мирас..., 2016. Т. 2, рис. 468–470, 478503–507, 510–512]. Также в фондах БИКАМЗ имеется ее план, снятый в 20-е гг. XX в. под руководством Б. Н. Засыпкина.

В 20-е гг. XX в. мечеть еще стояла, и Б. Н. Засыпкин дал ее краткое описание: «План в виде правильного квадрата перекрыт куполом на сферических парусах. Общий вид: кубическая

Рис. 2. Купольные мечети золотордынско-го периода в Крыму (1–2) и сельджуцко-го в Анатолии (3–6): 1 – Куришун Джами в Солхате; 2 – мечеть в Судакской крепости; 3 – Феррух-Шах в Акишехире; 4 – Таш-месджит в Конье; 5 – Ходжа Хасан в Конье; 6 – Сирчалы-месджит в Конье (по Б. Н. Засыпкин, 1927; О. Асланара, 1971; R. Hillenbrand, 1994).

форма, переходящая в восьмигранный барабан, который в настоящее время сверху перекрыт шатровой черепичной кровлей. К сев.-вост. углу примыкает минарет, в настоящее время внутри пустой, так как бывшая здесь деревянная лестница выгорела. Северная стена мечети вывалилась и требует срочного укрепления. Внутри мечеть декоративных отделок не сохранила. Михраб представляет из себя гладкую полукруглую нишу, увенчанную коническим полукуполом». [Засыпкин, 1927, с. 146]. Исследователь указывал также на то, что эта мечеть не имеет сходства с мечетью в Судак. Используя сохранившиеся изображения, можно дополнить описание Б. Н. Засыпкина.

Стены постройки сложены из необработанных камней, но важные конструктивные узлы, такие как углы стен и края дверных проемов, оформлены обработанными квадратами. В основании здания лежит квадрат со стороной 12,5 м; его перекрывает купол диаметром 10,5 м (рис. 3.3). Снаружи кубический объем перехо-

Рис. 3. Мечеть в селении Карагёз: 1 – зарисовка в путевом альбоме Дюбуа де Монпере, 1832 г. (по И. В. Тункина, 2011); 2 – рисунок В. О. Руссена, 1843 г.; 3 – план (из архива негативов БИКАМЗ, № 152); 4 – акварель К. Богаевского; 5 – фото начала XX века из фондов Феодосийского музея древностей (по Э. Б. Петрова, 2015); 6 – вид с юго-востока; 7 – вид с северо-запада; 8 – интерьер (фотографии 1925, 1927 и 1929 гг. из фондов БИКАМЗ, по Мечети..., 2016).

дит в барабан путем срезания углов, при этом северная, южная, восточная и западная стороны барабана являются продолжением кладки стен нижнего яруса и находятся с ними в одной плоскости. На углах куба образуются уступы, перекрытые невысокими двускатными черепичными крышами. Барабан венчает уплощенный восьмигранный шатер, крытый черепицей.

В описании Б. Н. Засыпкина содержится ошибка: минарет пристроен не к северо-восточному, а к северо-западному углу, что явствует из плана (рис. 3.3). Зарисовка Дюбуа де Монпере 1832 г. (рис. 3.1) совершенно очевидно изображает северный фасад здания, и на ней минарет

также стоит у северо-западного угла. С северной стороны мечеть имеет три проема. По центру находится входной проем с полукруглым арочным завершением. Над ним видно прямоугольное углубление в стене, в которой, вероятно, находился *тарих*. С двух сторон находятся два проема прямоугольной формы, скорее всего, это низко расположенные окна. Над ними – два окна полуциркульного очертания, которые выглядят заложеными, и круглое окно по центру.

Исходя из этого на рисунке В. Руссена и фотографии из Феодосийского музея (рис. 3.2, 3.5) здание изображено с северо-восточной стороны, остальные изображения показывают его с юго-запада. Таким образом, мы можем видеть все четыре фасада постройки. Так как они сделаны в разное время, можно также проследить перестройки, которым подвергалось здание.

На рисунке В. Руссена 1843 г. (рис. 3.2) восточная стена почему-то гладкая с одним круглым окном в верхней части, хотя на рисунке Монпере на ней видны окна и двери. Примерно по центру северной стены находится входной проем с завершением в виде полукруглой арки. Вход в минарет расположен с восточной стороны цоколя, и снаружи к нему примыкает небольшая пристройка. Ту же картину можно видеть на фотографии начала XX в. (рис. 3.5), но в это время уже не было пристройки к входу в минарет. На фотографии 1925 г. (рис. 3.6) в южной стене находятся два прямоугольных оконных проема, что соответствует изображению Монпере, но не совпадает с рисунком В. Руссена. Также, если приглядеться, то прямо над ними в стене видны следы заложённых окон со стрельчатым арочным завершением.

Акварель К. Богаевского

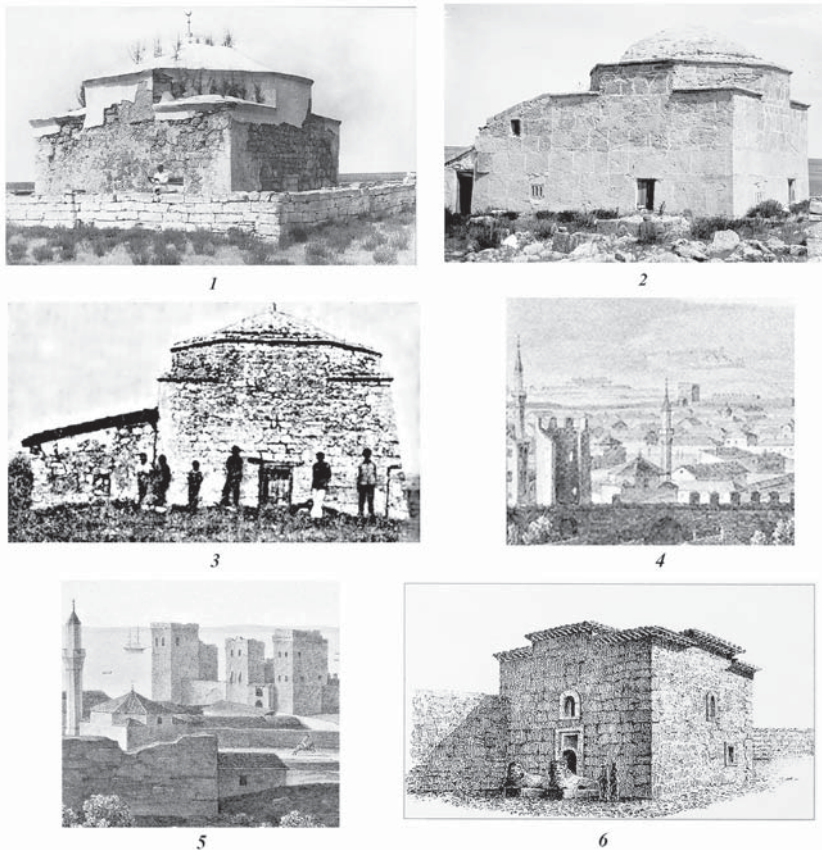

Рис. 4. Купольные мечети: 1 – в селе Корулу-Кипчак; 2 – в селе Каймак; 3 – в селе Суин-Эли (по Мечети..., 2016; Мирас..., 2016; <https://www.crimeantatars.club>); 4–5 – мечеть Кишла-Джами в Феодосии, рис. К. Ф. Кюгельхена, 1824 (по И. В. Тункина, 2011); 6 – мечеть Кишла-Джами, в которой находилось первое здание Феодосийского музея (литография из книги Дюбуа де Монпере, 1843).

(рис. 3.4) и фотография 1927 г. показывают, что аналогичная картина наблюдается на южном и западном фасадах здания: здесь видны по два прямоугольных проема с каждой стороны и над ними заложенные арочные окна. Об интерьере мечети в Карагёзе по единственной сохранившейся фотографии сказать нечего, можно лишь отметить, что паруса, поддерживающие купол, начинались достаточно низко – на уровне около 1 м от пола. Если использовать в качестве масштаба человеческие фигуры можно весьма приблизительно вычислить высоту здания. Она составляет около 11–12 м.

Минарет мечети в селе Карагёз имеет достаточно стандартную трехчастную форму. Квадратный в плане цоколь высокий, он доходит до верхнего уровня окон мечети. Цоколь переходит в ствол при помощи четырехгранной усеченной пирамиды, причем каждая грань ее расчленена на четыре ребра треугольной формы. В верхней части пирамиды сделан слегка выступающий карниз. Ствол минарета граненый, скорее всего, восьмигранный. В верхней части находится балкончик-шерефе, поддерживаемый сталактитовым поясом. Крыша коническая, как у большинства малоазиатских минаретов.

Дата возведения мечети не известна. В публикации она датируется XV в. со знаком вопроса [Мечети..., 2016, с. 36]. Однако архитектура ее свидетельствует, скорее, о том, что она построена в период расцвета Крымского ханства. Условно ее можно датировать XVI–XVIII вв.

Точно такую же структуру имели несохранившиеся купольные мечети, известные по фотографиям (рис. 4.1–3). Это постройки в селениях Корулу-Кипчак, Каймак Евпаторийского района, Суин-Эли Ленинского района [Мечети..., 2016, с. 46–49; Мирас..., 2016, т. 2, рис. 499; <https://www.crimeantatars.club>]. Мечеть в Каймаке имела пристройку, но основное здание представляло собой куб, переходящий в восьмигранник путем срезания углов. На двух видах Феодосии, выполненных К. Ф. Кюгельхеном, видна мечеть Кишла-Джами такой же архитектуры (рис. 4.4–5) [Бочаров, 2016а. С. 134]. С 1811 по 1871 гг. в этом здании располагался Феодосийский музей древностей [Тункина, 2011, с. 97–98, 106, 127, 130, 135, 177, 180–181, 183–184]. Уже

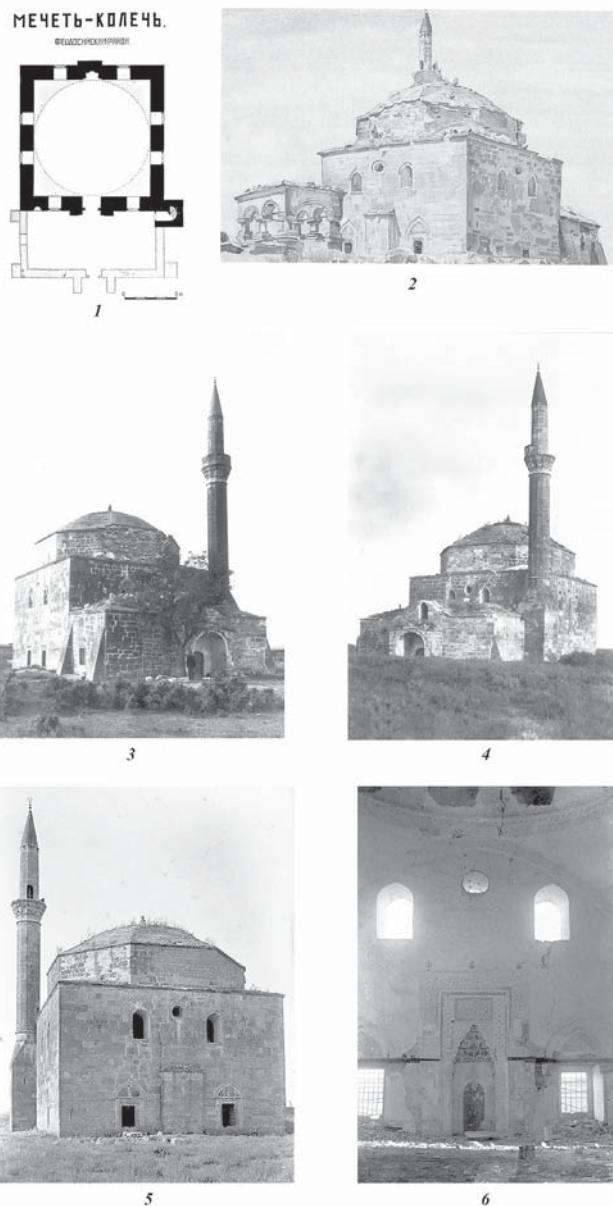

Рис. 5. Мечеть в деревне Колеч-Мечеть: 1 – план (из архива негативов БИКАМЗ, № 152); 2 – акварель К. Богаевского (из фондов Феодосийского музея древностей); 3 – вид с северо-востока, фото 1912 г. (из фондов Феодосийского музея древностей); 4 – вид с северо-запада, фото 1920-х гг. (из фондов Бахчисарайского музея); 5 – вид с юга (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 45. Л. 63); 6 – интерьер, южная стена (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 45. Л. 67) (по Э. Б. Петрова, 2015, Мечети..., 2016, Мирас..., т. 1, 2016).

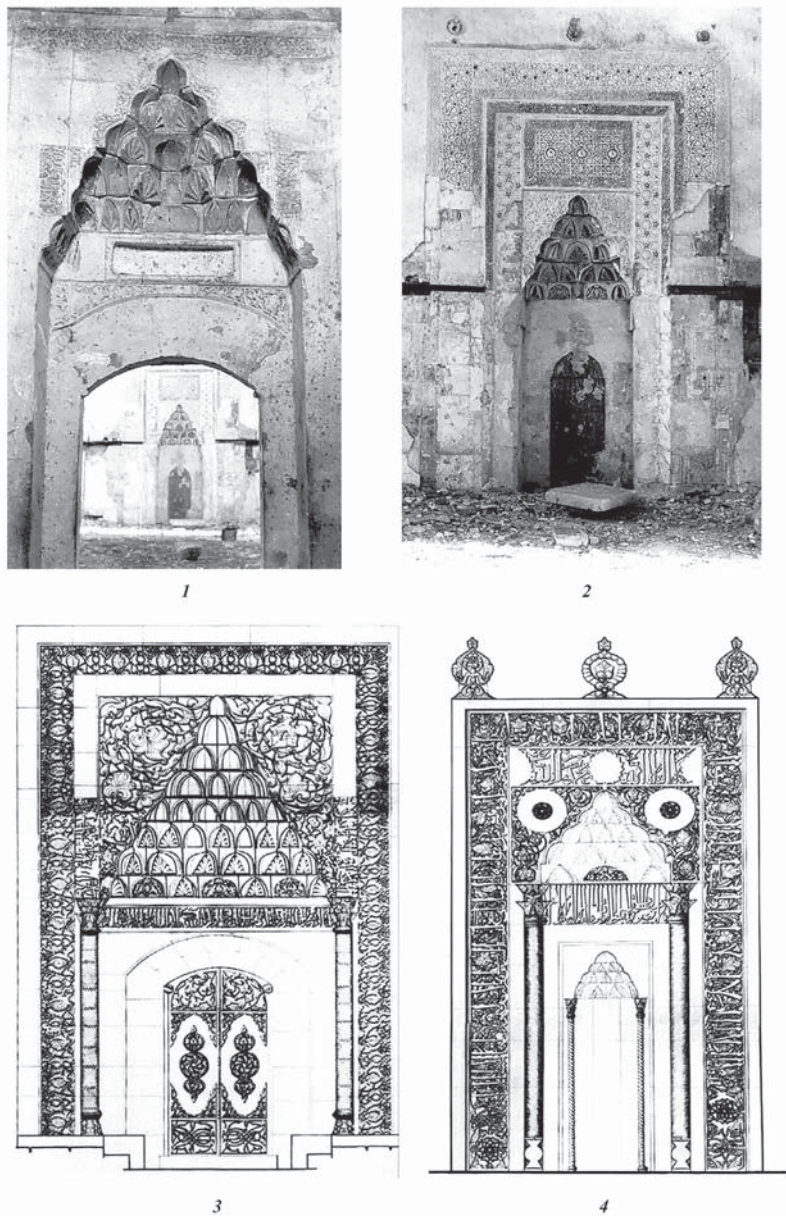

Рис. 6.1 – портал мечети в Колеч-Мечеть (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 45. Л. 68); 2 – михраб мечети в Колеч-Мечеть (ОПИ ГИМ. Ф. 598. Д. 45. Л. 66) (по Б. Н. Засыпкину, 1927); 3 – портал мечети Узбека в Солхате; 4 – михраб мечети Узбека в Солхате (3–4 реконструкции М. Г. Крамаровского по М. Г. Крамаровский, 2005).

в виде музея она была зарисована Дюбуа де Монпере (рис. 4.6). Мечеть имела один вход с северной стороны. Окна располагались в два яруса: нижние были прямоугольной формы, верхние – арочные. На рисунках Кюгельхена у северо-восточного угла мечети изображен минарет с граненым стволом, шерефе и граненой башенкой с шатровой крышей, увенчанной алемом. По мнению С. Г. Бочарова здание имело размеры 8,5 x 8,5 м, а прямоугольный цоколь минарета – 2,4 x 2,2 м [Бочаров, 2016а, с. 129].

Другой вариант пространственного оформления однокупольной мечети – это когда диаметр барабана купола меньше размеров кубического основания, и барабан как бы поставлен на него сверху. Типичным примером такой архитектурной формы является постройка в селении Колеч-Мечеть (Новопокровка) недалеко от Феодосии. Эту мечеть упоминает в своих записках Эвлия Челеби. Он описывает деревню Коледж, или Колеч, следующим образом: «Там двести татарских домов, соборная мечеть с высоким куполом и каменным минаретом, баня и строения, крытые свинцом» [Эвлия, 2008, с. 208]. В настоящее время мечеть не сохранилась и известна только по фотографиям 20-х гг. XX в., описанию Б. Н. Засыпкина и плану, составленному архитектором [Засыпкин, 1927, с. 144–146].

Стены здания сложены из хорошо обработанных каменных блоков. Здание квадратное в плане со сторонами примерно 14,2 x 14,2 м (рис. 5.1). На нижний кубический объем поставлена высокая восьмигранная призма, которую венчает уплощенный восьмигранный шатровый купол (рис. 5.2–6). Купол был выстлан каменными плитами, в зените его находилось навершие (кубба) из двух шаров, посаженных на стержень. Во всех

четырёх стенах сделаны окна, расположенные в два яруса. Нижние окна прямоугольной формы расположены низко, почти на уровне земли. Снаружи оконные проемы обрамлены узким выступающим бордюром, который образует над ними стрельчатую арку. Люнеты над окнами украшены резьбой. Окна второго яруса расположены высоко, почти под крышей. Два окна имеют стрельчатую форму, между ними расположено круглое. Вход в мечеть находился с северной стороны и был украшен резьбой (рис. 6.1). Сведения о нем сохранились в описании Б. Н. Засыпкина: «Дверной пролет перекрыт мусульманской перемычкой (плоской аркой. – Э. З.), расположенной в нише, верх которой увенчивается ячеистым полукуполом с арабесками. Тимпан был заполнен растительным орнаментом и заключается в прямоугольную раму из растительного орнамента» [Засыпкин, 1927, с. 145]. Следует добавить, что над дверным проемом и ячеистой конхой находилось прямоугольное углубление, в котором, вероятно, находился тарих. Это декоративное оформление напоминает вход в мечеть «Узбека» в Солхате (рис. 6.3).

Несколько позже с северной стороны к мечети была сделана пристройка. Она была прямоугольной в плане и закрывала нижнюю часть северной стены вплоть до окон верхнего яруса. Пристройка была разделена на три части двумя поперечными арками. Средняя часть, в которой находился проход в основное здание мечети перекрыта коробовым сводом. Боковые части имели купола. Вход в пристройку оформлен широкой аркой с полуциркульным завершением. В западной боковой секции был устроен дополнительный михраб, из восточной секции можно было попасть в минарет.

Основное помещение мечети перекрывалось куполом на парусах (рис. 5.6). В южной стене находилась ниша михраба, существенно углубленная в стену, для укрепления которой снаружи был сделан контрфорс (рис. 5.5). Сама ниша невысокая, со стрельчатым завершением. Снаружи ее обрамляла вторая ниша большего размера и с богатой резьбой (рис. 6.2). Ее подробно описал Б. Н. Засыпкин: «Большая венчается ячеистым полукуполом (треугольной формы. – Э. З.), но традиционные трехчетвертные ко-

лонки отсутствуют. Над тимпаном помещается в окаймлении прямоугольной рамки трехчастная геометрическая композиция из плетенки, в своих мотивах имеющей [сходство] с сельджукскими арабесками, тимпан заполнен растительным орнаментом... С двух сторон от ниши тимпана имеются две вертикальные полосы-пилястры, геометрический орнамент которых составлен из сочетания пятиконечных звезд, восьмигранников и шестигранников... Полученный таким образом прямоугольник окаймляется широким бордюром из 4-х основных полос: три из них растительного характера, самая широкая из них имеет ту интересную геометрическую бесконечно повторяющуюся плетенку, которую мы видели над тимпаном» [Засыпкин, 1927, с. 145]. Структура и декоративная резьба михраба также аналогична оформлению михраба в мечети «Узбека» (рис. 6.4).

Таким образом, судя по описаниям и имеющейся фотографии, декор михраба и входа мечети Колеч по стилю ближе к сельджукскому зодчеству, в то время как сама мечеть являет собой типичный образец османского купольного храма простейшей конструкции. То есть либо она была построена достаточно рано, когда в Крыму было еще сильно сельджукское влияние, либо здесь мы имеем дело со спонсорами, и резные детали были взяты из более ранней постройки.

Минарет мечети Колеч абсолютно типичен для османского зодчества. Высокий, квадратный в плане цоколь при помощи четырех скошенных граней переходит в восьмигранник, который отделен от основного ствола узким карнизом. Ствол минарета граненый, в верхней части его находится балкончик-шерефе, поддерживаемый тремя сталактитовыми поясами. Купол высокий, конический, увенчанный пирамидкой из трех металлических шариков с полумесяцем на конце. Датируется мечеть условно XVII в.

Еще одна купольная мечеть находится в селе Пионерском (Монетном) близ Симферополя. В этой местности в долине реки Салгир в XV–XVIII вв. находилась резиденция калги-султана, второго лица Крымского ханства после хана. Калга-султан управлял всей Салгирской долиной, и, по преданию, здесь, помимо мечети, находился монетный двор, а также дворец.

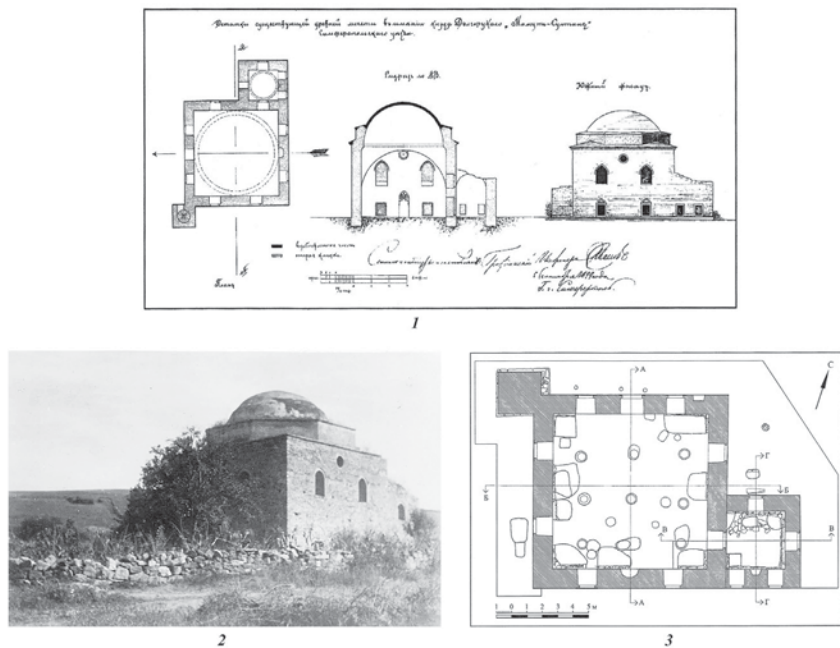

Рис. 7. Мечеть в Пионерском: 1 – чертеж губернского инженера С. П. Иванова 1899 г. «Остатки существующей древней мечети в имени князя Долгорукого «Мамут-Султан» Симферопольского уезда», Картографический фонд библиотеки «Таврика» им. А. Х. Стевена Кру «Центральный музей Тавриды», инв. № 34803 (по В. П. Кирилко, 2012); 2 – старая фотография (автор неизвестен); 3 – план мечети (по В. П. Кирилко, 2012).

Поэтому раньше селение называлось Эски-Сарай («старый дворец»). Эвлия Челеби побывал в столице калги-султана и оставил его подробное описание [Эвлия, 2008, с. 136–141]. О мечетях этого городка он пишет следующее: «Здесь пять михрабов. Самый лучший – посреди дворца калги-султанов – соборная мечеть Менгли Герай-хана. Это маленькая мечеть, крытая черепицей, с одним каменным минаретом старой конструкции. Затем, во внешнем пригороде, соборная мечеть Абд ар-Рахман-бея. И это древнее место молитвы, крытое черепицей, с каменным минаретом... Не считая названных соборных мечетей, есть еще три квартальные мечети» [Эвлия, 2008, с. 139].

Мечеть в Пионерском традиционно датируется XIV в., как указано, в частности, на охранной табличке, висящей на здании. В большинстве изданий приводится лишь краткое описание этого

памятника и датировка его золотоордынским временем без всякого обоснования [Засыпкин, 1927, с. 156; Асеев, Лебедев, 1961, рис. 37, 38; Артеменко, 1984, с. 333; Крикун, 1998, с. 71 и др.]. Только А. Л. Якобсон относил постройку здания к XVII–XVIII вв. [Якобсон, 1964, с. 147]. В 1991 г. здесь были проведены исследования Горно-Крымской археологической экспедицией КФ ИА НАНУ. Результаты архитектурного обследования и раскопок опубликованы в основательной статье В. П. Кирилко [Кирилко, 2012]. В ней дано чрезвычайно подробное описание постройки, анализ ее архитектурных особенностей и строительных приемов, примененных при возведении, а также приводятся результаты раскопок.

Мечеть представляет собой квадратное в плане здание с небольшой пристройкой с восточной стороны (так называемые «большая» и «малая» мечети) (рис. 7.1,3). Стены здания сложены из бута песчаника на известковом растворе, конструктивные и декоративные элементы – из хорошо обработанного известняка. В кладке купола и парусов использовался известковый туф. Для оформления окантовок парусов и обрамления арок окон применялась плинфа. Кладка стен была усилена деревянным каркасом. Толщина стен составляла около 1,3 м.² В основании основного здания лежит квадрат со стороной 12,7 м, внутренние размеры помещения 10,2 x 10,15 м. Высота стен составляет чуть более 10 м. Главный вход в виде прямоугольного проема находится с северной стороны (рис. 8.1). Исследования показали, что дверь была двухстворчатой и открывалась вовнутрь [Кирилко, 2012, с. 268]. Вход обрамлен плоским П-образ-

² Все размеры даны по [Кирилко, 2012].

ным наличником, слегка заглубленным в плоскость стены. Внутри рамы над дверью прослеживается гнездо от несохранившегося тариха. Над рамой сделана широкая арка стрельчатой формы с плоским, заглубленным в стену тимпаном. Со стороны помещения над проемом также находится арка полуциркулярной формы (рис. 8.3).

Для освещения во всех стенах пробиты оконные проемы, расположенные в трех уровнях – по два окна в первом и втором и одно окно в третьем. (рис. 8.1–4). Окна первого уровня прямоугольные, над ними сделаны стрельчатые ниши с плоским, заглубленным в стену люнетом. Такое же оформление они имеют с внутренней стороны, в помещении (рис. 8.3–4). В оформлении проемов нижних окон были найдены гнезда от стержней (6 x 4) закрывавшей их железной решетки. Окна второго яруса имеют полуциркулярное завершение, в третьем уровне имеется по одному круглому окну.

Внутри здания напротив входа, в южной стене находится ниша михраба (рис. 8.4,8). Она пятигранная в плане с треугольным завершением, заполненным сложной резьбой. Резьба представлена семью поясами выемчатых треугольников и ромбов, которые венчает ребристый полукупол. Нельзя не согласиться с мнением В. П. Кирилко о том, что этот декор имеет сельджукские корни [Кирилко, 2012, с. 273]. Помещение перекрыто куполом на парусах, основания которых находились в 3,95 м от уровня пола. Вдоль северной стены, над входом были сооружены деревянные хоры (мафилы). Концы балок настила их сохранились в кладке стен. Высота их от пола – 3,65 м, ширина – 2,7–2,85 м.

В наружной стене здания, возле его северо-восточного угла находился внешний михраб в виде трехгранной ниши (рис. 8.9). Завершение ее треугольное, состоит из трех уступов, нижний из которых трехгранный, а два верхних в разрезе представляют собой половину восьмиугольника. Венчает конструкцию ребристый полукупол.

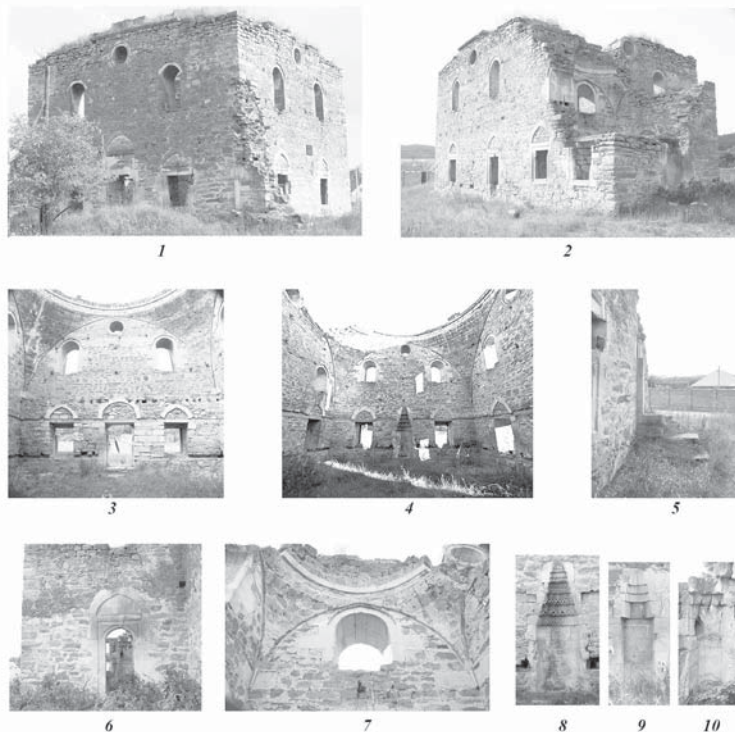

Рис. 8. Мечеть в Пионерском: 1 – вид с юго-востока; 2 – вид с северо-запада; 3 – интерьер, вид с юга; 4 – интерьер, вид с севера; 5 – остатки входа в минарет, вид с запада; 6 – вход в «малую» мечеть; 7 – купол «малой» мечети; 8 – михраб «большой» мечети; 9 – внешний михраб; 10 – михраб «малой» мечети (фото автора).

«Малая» мечеть была пристроена с восточной стороны к основному объему здания таким образом, что их южные фасады находятся в одной плоскости (рис. 8.1–2). По мнению В. П. Кирилко, это могло произойти через очень небольшое время, возможно даже во время строительства [Кирилко, 2012, с. 280–281]. Внутренние размеры пристройки 3,8 x 3,75 м, высота стен примерно 5,5 м. Она также имела купольное перекрытие на парусах (рис. 8.7). Низ парусов начинается в 3,5 м от пола. Высота помещения составляла около 7,7 м. Вход находится в северной стене, он слегка смещен к востоку относительно оси здания (рис. 8.6). Входной проем прямоугольный в плане, дверь была одностворчатой. Снаружи он оформлен аналогично входу в основное здание. Кроме входа на северной стене проемов не было. На остальных стенах окна располагались в два

яруса, по форме и оформлению они такие же, как и в «большой» мечети. В южной стене, напротив входа имела михрабная ниша, сдвинутая к востоку относительно центральной оси. Ниша трехгранная в плане с треугольным завершением, также заполненным резьбой, но не столь тонкой, как в основном здании (рис. 8.10).

Снаружи северо-западного угла основного здания прослеживаются остатки основания цоколя минарета прямоугольной формы размерами 2,85 x 2,75 и высотой 6,5 м. Минарет был возведен одновременно с мечетью, и кладка его цоколя имеет перевязку с кладкой стен мечети. Вход

в минарет находился с восточной стороны. Он сохранился высокий порог и южная сторона входного проема (рис. 8.5). Посредине поверхности подножия минарета была обнаружена обработанная зубаткой часть цилиндрического столба каменной винтовой лестницы.

По архитектуре мечеть в Пионерском, без сомнения, относится к эпохе Крымского ханства. Золотоордынские купольные мечети Крыма имеют несколько другую структуру: они значительно ниже, перекрыты куполами на треугольных тропках и не имеют пристроек. Купольные мечети в виде высокого призматического здания с лишенными внешнего декора стенами, прорезанными окнами в несколько ярусов и перекрытого куполом на парусах типичны именно для османской архитектуры, да и возникновение самого селения Эски-Сарай связано именно с этим временем.

К этому же выводу пришел и В. П. Кирилло, который совершенно обоснованно указывает на сходство архитектурных форм мечети в Пионерском и в селении Колеч [Кирилло, 2012, с. 293–294]. Временем возведения мечети в Пионерском исследователь считает XVIII в., так как, по его мнению, ни одна из мечетей Эски-Сарая, упомянутых Эвлией Челеби, не может быть купольной мечетью, сохранившейся до наших дней. Однако следует отметить, что описания Челеби столь общие и поверхностные, что из них вообще нельзя сделать никаких выводов об архитектурных формах зданий. Гораздо более убедительным является предположение о том, что путешественник непременно упомянул бы тарих, начертанный над дверью мечети [Кирилло, 2012, с. 252]. Также основанием для датировки служит находка на строительном горизонте фрагмента фаянсовой кофейной чашки, относящейся к кютахьнской поливной керамике конца XVI–XVIII вв., и фрагмента стекла «без видимых следов иризации» в фундаменте здания [Кирилло, 2012, с. 292]. По мнению автора, свидетельством того, что здание было построено именно в XVIII в., является и тот факт, что до предположительного разрушения купола от землетрясения в 1751 г.

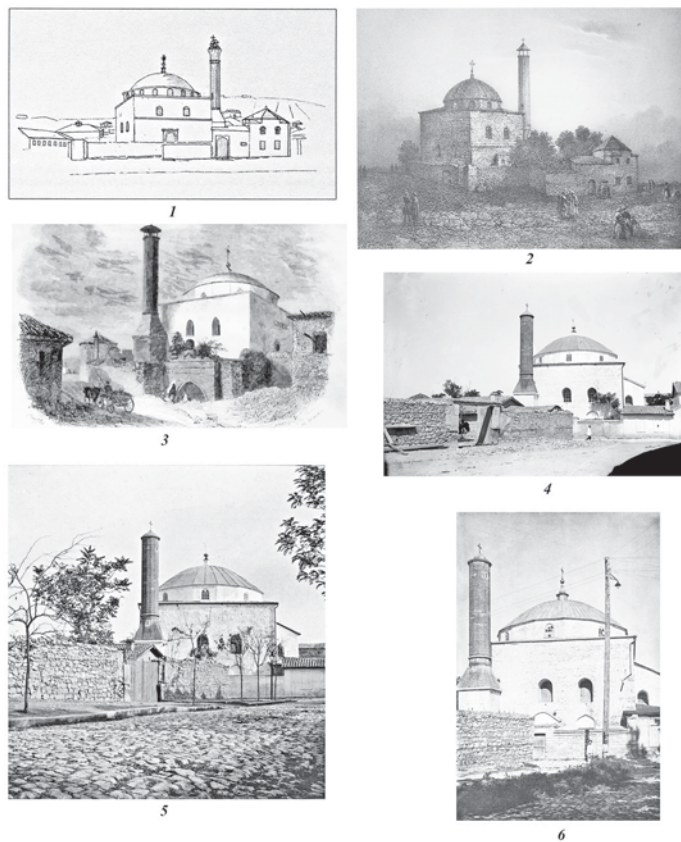

Рис. 9. Муфти-Джами в Феодосии: 1 – Дюбуа де Монпере, мечеть в Кафе или Феодосии, теперь католическая церковь, 1832 г. (по И. В. Тункиной, 2011); 2 – В. О. Руссен, римско-католическая церковь, 1840-е гг. (по Э. Б. Петрова, 2015); 3 – изображение на старой открытке; 4 – фото 1897 г.; 5 – фото 1905 г.; 6 – фото 1920-х гг. (по <https://www.crimeantatars.club>; Мечети..., 2016).

на полу основного здания не успел накопиться культурный слой и не видны следы ремонтов. В то же время он отмечает наличие двух строительных горизонтов в здании «малой» мечети [Кирилко, 2012, с. 289].

Тем не менее, узкая датировка в пределах первой половины XVIII в. представляется чересчур категоричной. Прежде всего, датировать археологический объект по одному, даже самому достоверному, артефакту нельзя. Фрагмент стекла вообще ни о чем не говорит, так как степень иризации зачастую зависит не от возраста стекла, а от его химического состава. Что касается отсутствия мусора внутри здания – это абсолютно естественно: в мечети заходят босиком, полы там обычно застелены коврами, полы регулярно выметаются, а ковры вытряхиваются. Гибель здания в результате землетрясения также весьма гипотетична. Поэтому с достаточной долей уверенности мечеть в Пионерском можно датировать последней третью XVII – XVIII вв.

Кроме уже упомянутой выше, несколько купольных мечетей известно в Феодосии. Эвлия Челеби пишет о том, что в Кафе было 60 мечетей, и 10 из них были соборными. Также он упоминает 40 минаретов каменной кладки [Эвлия, 2008, с. 181–184]. Сопоставив четыре генеральных плана Кафы XVIII в., С. Г. Бочаров определил местоположение 40 мечетей [Бочаров, 2016а]. Анализ контура зданий показал, что большая часть из них была прямоугольной в плане формы, семь мечетей были квадратными в плане и четыре мечети имели галерею у северного фасада. Два храма имели по два минарета и пятнадцать – по одному минарету [Бочаров, 2016а, с. 143].

В 1927 году Б. Н. Засыпкин говорит о всего трех мечетях в Феодосии: «Эти три мечети в Феодосии, являясь небольшими, все перекрыты куполом на сферических парусах. Одна из них в переулке напротив б. Стамболи находится в полном забвении и постепенно разрушается. Внутренний размер ее 8,80 x 8,80 м. В ней следует отметить, что все арки и паруса выложены из кирпича. Из кирпича же выложен михраб с ячеистым полукуполом... Мечеть, которая в настоящее время занята армяно-католической церковью, также имеет в применении кирпич. Стены здесь имеют

определенную византийскую систему чередования рядов кирпича с рядами камня. Внутри мечеть приспособлена в конце XVIII в. под костел и сильно искажена культовыми сооружениями и масляной окраской стен. На северной, наружной, стене имеется михраб, дающий основание предполагать присутствие здесь галереи, так как михрабы прямо на улицу в неприкрытое место, вообще говоря, не делались. С северо-запада сохранилась нижняя половина минарета, приспособленного сейчас под звонницу... Третья из существующих, купольная мечеть Феодосии находится недалеко от этой и приспособлена под немецкую кирку. Это небольшое купольное здание покрыто черепицей» [Засыпкин, 1927, с. 144].

В настоящее время восстановлена и функционирует в качестве мечети Муфти-Джами, расположенная в центре города. Ее, как вторую Джума-мечеть, описывает Эвлия Челеби: «Затем – мечеть Муфтия. Это тоже крытая свинцом мечеть с выстроенным из камня минаретом» [Эвлия, 2008, с. 181]. Мечеть была построена в 1623–1639 гг. феодосийскими турками [Бабенко, Дюличев, 2008, с. 283]. После присоединения Крыма к Российской империи здание было передано армянам-католикам. Именно про эту мечеть пишет Б. Н. Засыпкин, как про армяно-католическую церковь, и в качестве церкви она фигурирует на различных рисунках и фотографиях (рис. 9). В 1975 г. здание было отреставрировано, в настоящее время передано мусульманской общине.

По архитектонике Муфти-Джами близка мечети Колеч. В основании здания квадрат со стороной около 15 м. Кубический массив сложен из бута, который пересекают четыре пояса кирпичной кладки (рис. 10.3,5). На нем расположен шестнадцатигранный барабан, перекрытый уплощенным куполом. Главный вход в мечеть находится с северной стороны (рис. 10.2). Дверной проем перекрыт коробовой аркой. Его обрамляет плоский, слегка выступающий портал прямоугольной формы со стрельчатой аркой. По центру восточной и западной стен также сделаны двери. По сторонам от дверей расположены большие прямоугольные окна, немного приподнятые над уровнем земли. Сверху они оформле-

Рис. 10. Муфти-Джами: 1 – северный фасад и план, обмер 1966 г. (Лопушинская, 1966, лист 1,3 по В. П. Кирилко, 2018); 2 – вид с севера; 3 – вид с востока; 4 – интерьер; 5 – михраб снаружи здания (фото автора, 2019 г.).

ны слегка заглубленными в толщу стены нишами со стрельчатым завершением. Выше на каждой стене сделано по два окна стрельчатой формы. Третий ярус освещения образуют стрельчатые окна в гранях барабана купола.

Южная стена имеет прямоугольный выступ размерами 7,2 x 2,8 м (рис. 10.5), в котором находится михраб. Эта пристройка с односкатной крышей также имеет два яруса окон на боковых стенах и круглое окно в южной стене над михрабной нишей. Интерьер мечети состоит из большого светлого зала, перекрытого высоким куполом на сферических парусах (рис. 10.4). Широкая арка с циркульным завершением в южной стене ведет в выступающую алтарную часть, также перекрытую небольшим полукупо-

лом на парусах. В южной стене этого выступа находится пятигранная михрабная ниша с треугольным завершением, заполненным семью поясами сталактитов. Вдоль северной стены сделаны деревянные хоры – мафилы. На северной стене с внешней стороны также имеются два внешних михраба (аназа) в виде пятигранных в сечении ниш с пятирядной сталактитовой конхой. Это места для молитвы «последней общины», то есть для тех, кто опоздал на проповедь. Б. Н. Засыпкин совершенно справедливо считал, что перед этими михрабами должна быть галерея для молящихся [Засыпкин, 19276 с. 144]. Как отмечает Е. И. Кононенко, «закрытый входной портик зальной мечети должен рассматриваться не только как архитектурно-планировочный элемент и средство оформления фасада, но как ячейка предназначенного для молитвы пространства, аналогичная *реваку* (открытому двору) арабских дворовых мечетей, – это «место последней общины» (тур. *son cemaat yeri*), где опоздавшие на коллективную молитву могут разместиться, не создавая помех тем, кто оказался в молитвенном зале до начала намаза. Выделение и специальное оформление (часто отдельным михрабом) места для опоздавших внутри здания мечети... или вне ее зала (в портиках османских мечетей) можно считать османским вкладом в планировку мечети» [Кононенко, 2017а, с. 268]. Однако та галерея, которая имеется сейчас, – результат современной реставрации. Аутентичная галерея была утрачена уже к началу XIX в., но ее следы сохранились на поверхности фасада здания [Кирилко, 2018, с. 231]. Так как Муфти-Джами совершенно очевидно построена по турецким образцам, каждая ячейка портика должна быть перекрыта куполом. В современном варианте мы имеем плоское перекрытие.

С восточной стороны к мечети примыкает минарет, сложенный из тесаного известняка (рис. 10.3). Вход в него находится в северном углу здания. Высокий призматический цоколь минарета при помощи усеченной четырехгранной пирамиды переходит в двенадцатигранный ствол. На самой ранней зарисовке Дюбуа де Монпере в верхней части ствола виден переход к балкончику – шерефе (рис. 7.1). В дальнейшем, судя по

изображениям, эта часть была утрачена. Современное завершение минарета является результатом реставрации.

Еще одна мечеть подобного плана находилась в селе Шейх-Кой (ныне Давыдово) в Симферопольском районе. В 20-е гг., когда здание еще не было разрушено, Б. Н. Засыпкиным был снят ее план, а О. Акчокраклы скопировал и перевел надписи над северным и западным входами в здание. В надписях говорится о том, что мечеть была построена для хафизов 15-го дня благословенного месяца Шаабана 760 г. х. (1358 г.), во время правления великого эмира Кутлуг-Темур-бека, сына Тюлек-Тимур-Бека, сына некоего Хаджи [Акчокраклы, 2006, с. 253–254]. Исследователями также высказывается мнение, что здесь находился религиозно-суфийский центр, объединявший несколько населенных пунктов [Абдульвапов, 2006, с. 144; Абдульваап, 2014, с. 8, 12].

В настоящее время от постройки сохранились часть южной стены и ниша михраба со сталактитовым декором в сельджукском стиле (рис. 12. 3–7). На основании характера декора и имеющейся даты ряд исследователей относили мечеть в Шейх-Кой к золотоордынскому периоду [Абдульвапов, 2006, с. 144; Абдульваап, 2014, с. 8, 12; Сейдалиев, 2014, с. 67]. Однако С. Г. Бочаров и В. П. Кирилко в серии работ, посвященных этому памятнику [Кирилко, Бочаров, 2015; Бочаров, Кирилко, 2016; 2017; Кирилко, 2016а; 2016б], выдвинули достаточно убедительную версию о том, что мечеть относится к эпохе Крымского ханства, а сталактитовый михраб и надпись являются спoliaми, перенесенными из какой-то более ранней постройки.

На основании плана и имеющихся фотографий можно в общих чертах охарактеризовать архитектуру здания (рис. 11.1–5). Основная часть его состояла из куба со стороной 10,5 м, над которым возвышался восьмигранный барабан с полусферическим куполом на парусах. Главный вход находился по центру северной стены, еще один был сделан в западной стене у северо-западного угла здания. В каждой стене было по два окна в нижней части, скорее всего, имелись

окна и во втором ярусе. К северо-западному углу примыкал минарет. К основному объему здания, вероятно, позднее были сделаны пристройки. Пристройка с южной стороны состояла из трех рядов помещений. Средний ряд являлся коридором, который вел к основному входу, а с двух сторон от него располагалось по две небольшие (примерно 3 x 3 м) комнаты. К западной стене также были пристроены два помещения, между которыми находился коридор, ведущий к западному входу. Небольшое помещение пристроено и с восточной стороны. Возможно, некоторые из этих комнат использовались для проживания дервишей.

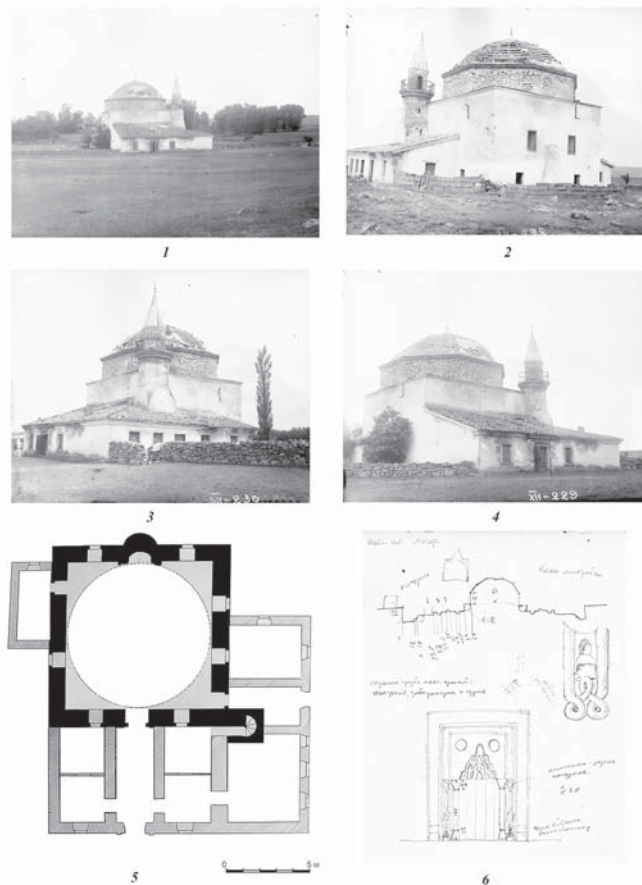

Рис. 11. Мечеть в Шейх-Кой: 1 – вид с севера; 2 – вид юго-запада; 3 – вид с запада; 4 – вид с северо-востока (ГНИМА, 1928); 5 – план (из архива негативов БИКАМЗ, № 1468); 6 – план, фасад и вид фрагмента михраба, кроки 1928 г. (ГНИМА, 1928, Арх. 1233/3: Ф. 31. Оп. 32. Д. 1 Л. 3, по В. П. Кирилко, 2016а);

Наиболее хорошо изучен михраб мечети, сохранившийся до наших дней и чрезвычайно подробно описанный В. П. Кирилко [Кирилко, 2016а; 2016б]. Михраб располагался по центру южной стены и снаружи был оформлен полукруглым выступом (рис. 11.5). Ниша михраба была семигранной в плане со скругленными стыками плоскостей и треугольной конхой, заполненной тремя рядами сталактитов, увенчанных полукуполом стрельчатого абриса (рис. 11.6, 12.4,7). По краям ее находились трехчетвертные колонки, из которых первоначальный облик имеет восточная, а западная является новоделом. Восточная колонка цилиндрическая с двухъярусной капителью с резьбой в виде плетенки из растительных побегов (рис. 11.6, 12.1,5). В. П. Кирилко отмечает, что она имеет параллели в архитектурном декоре мечети «Узбека» (1314 г.) и медресе Инджибек-хатун (1333 г.) в Солхате и в портале армянского мо-

настыря Сурб-Хач (1358 г.) [Кирилко, 2016а, с. 142]. Снаружи ниша обрамлена профилированным наличником, орнаментированным с боков и сверху рельефом в виде «сельджукской цепи». Судя по черновому чертежу неизвестного автора из архива ГНМА (рис. 11.6) по сторонам конхи находились круглые розетки или диски. Таким образом, оформление михраба, как и в мечети Колеч, действительно можно отнести к сельджукской декоративной традиции.

К постройкам с единым купольным пространством относится мечеть в Арабате, крепости, расположенной в северо-западной части Керченского полуострова на берегу Азовского моря у основания Арабатской косы. В настоящее время здание полностью разрушено [Герцен, Колтухов, 2009, с. 144–172], но в архивах БИКАМЗ имеется ее план и фотографии 20-х гг. (рис. 13). «Башню Арабат» описывает Эвлия Челеби, но мечети тогда в крепости не было [Эвлия, 2008, с. 198–199]. П. С. Паллас, оставивший описание поездки по Крыму в 1793–1794 гг., считает мечеть самым выдающимся зданием крепости: «В крепости видны только: каменная хорошо построенная мечеть с минаретом, плохой дом коменданта и несколько солдатских помещений, частью под землей, частью под валом» [Паллас, 1999, с. 118]. Мечеть, скорее всего, была заложена при хане Арслане Герае, правившем Крымом с 1748 по 1756 год и восстановившем крепости Ор-Капы и Арабат. Возможно, строительство было закончено позже, так как она посвящена хану Мустафе III (1717–1774 гг.). Об этом пишет В. Х. Кондараки, посетивший Арабат в 1883 году: «Из надписи, находящейся над дверьми оной [мечети], явствует, что она построена султаном Мустафою III почему и его именем называется. Внутри мечети на стенах написаны имена владеющего тогда в Крыму хана Арслан Герая и ближних его» [Кондараки, 1883, с. 61].

Постройка имеет в основании квадрат со стороной примерно 10,5 м. Высота призматического основания не-

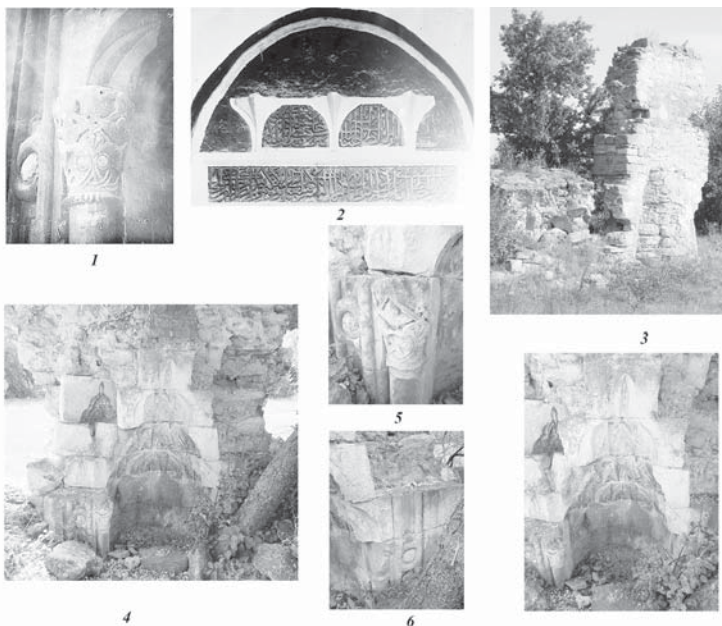

Рис. 12. Мечеть в Шейх-Кой: 1 – восточная капитель михраба (ГНМА, 1928, КПнвф 1143/3, по В. П. Кирилко, 2016а). 2 – надпись над входом (из архива негативов БИКАМЗ, ф-165, по Мирас..., 2016); 3 – южная стена, современный вид; 4 – михраб, общий вид с севера; 5 – восточная капитель михраба; 6 – западная капитель михраба; 6–7 – михрабная ниша (фото А. Г. Герцена).

лика – около 4,5 м., общая высота – около 8 м. Второй ярус здания образует восьмигранный барабан, крыша не сохранилась, и на фотографии виден лишь внутренний сферический купол. Опирался он, судя по плану, на тромпы. В стенах были сделаны стрельчатые окна, которые располагались в два яруса: по два окна в нижнем, и по одному – в верхнем. Михраб мечети небольшой, полукруглый в плане, полностью заглублен в южную стену. Минарет, вероятно, был пристроен к юго-западному углу. В XX в. в довоенные годы здание мечети использовалось под клуб, затем она была взорвана.

К подгруппе однокупольных мечетей можно отнести Малую дворцовую мечеть Бахчисарайского дворца. Она была построена в 1741 г. по приказу хана Селямета Герая на месте более древней, сгоревшей при пожаре 1736 г. Имя хана и дата окончания строительства высечены на мраморной доске над входом [Свод, 2016а, с. 81]. Здание мечети прямоугольное в плане, вытянутое по оси запад-восток (рис. 14.1). Снаружи она представляет собой постройку призматической формы с небольшим восьмигранным барабаном купола (рис. 14.2). Раньше купол был покрыт свинцом, а в настоящее время – черепицей.

Фасад мечети скрыт стеной Бассейного и Фонтанного дворики. Из Фонтанного двора в нее ведет вход, украшенный резными розетками и сельджукскими орнаментами. Внутренние размеры зала – 5,5 x 2,9 м.³ Центральная часть его перекрыта куполом, опирающимся на подпружные арки (рис. 14.3). Переход к куполу осуществляется с помощью парусов. Боковые части помещения перекрыты коробовыми сводами (рис. 14.4). В южной стене находится полукруглая в плане михрабная ниша с треугольным сталактитовым завершением. Расположенные в семь ярусов сталактитовые пояса венчает ребристый полукуполок. Окружает нишу плоская, выделенная краской прямоугольная рама, украшенная виньетками (рис. 14.6).

Освещение зала осуществляется при помощи окон различной формы. В восточной стене прямо-

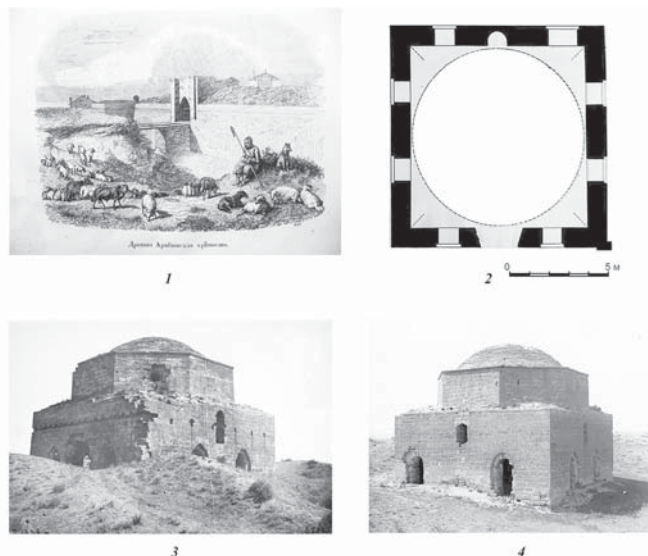

Рис. 13. Мечеть в Арабате: 1 – литография О. Раффе с изображением крепости, на дальнем плане видна мечеть (по Демидов А. Н., 1853); 2 – план (из архива негативов БИКАМЗ, № 1468); 3 – вид с юго-запада (ГНИМА. ОФ 6088-003, по Мирас..., 2016); 4 – вид с запада, фото 1928 г. (Фонды БИКАМЗ. Ф–523, по Мирас..., т. 1, 2016).

угольное окно, выходящее во двор, расположено достаточно низко, как бы в первом ярусе. Окно в западной стене тоже прямоугольное, но находится высоко, почти под крышей. Еще два окна с фигурным арочным завершением расположены в южной стене под коробовыми сводами. Все окна витражные, с растительными орнаментами. Над михрабом сделано круглое окно с витражом в виде шестиконечной звезды. Снаружи все окна забраны решетками. Роспись стен была расчищена в начале XX в. при производстве реставрационных работ архитектором Некрасовым. Под слоем белой извести были вскрыты клеевые росписи, имитирующие облицовку стен под серый мрамор [Всеволодский-Гернгросс, 1912, с. 13]. В 1960–1964 гг. в результате реставрационных работ роспись была восстановлена [Свод, 2016а, с. 81]. В настоящее время это узор из прямых широких линий светло-серых, черно-серых и зеленых тонов (рис. 14.5). На подпружных арках полосатая раскраска должна, вероятно, имитировать византийскую кладку из чередования полос камня и кирпича.

³ Размеры приблизительные, вычислены по плану В. Гесте.

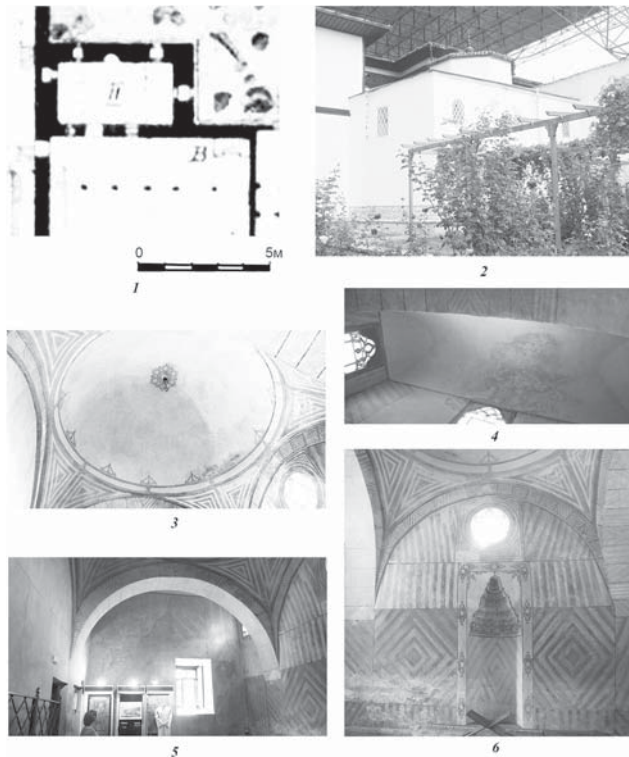

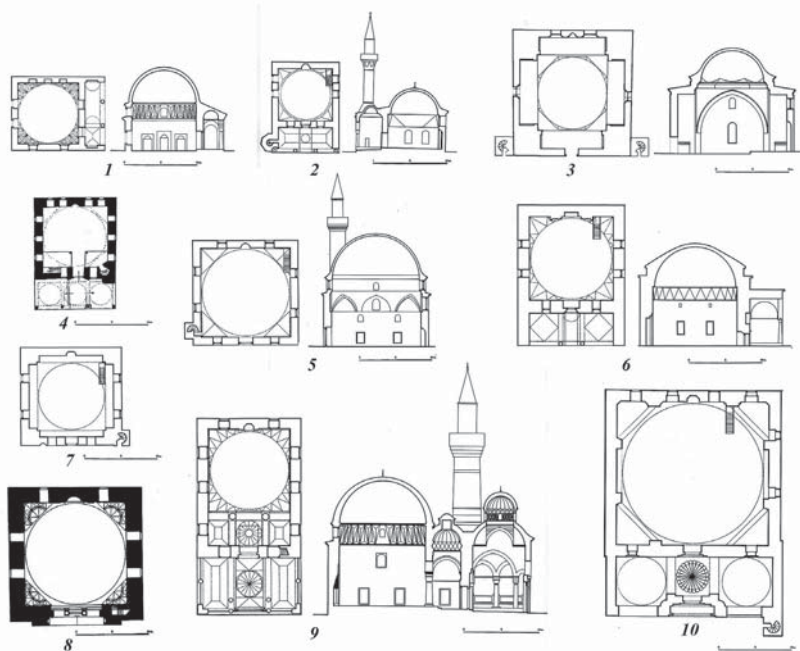
Рис. 14. Малая мечеть в Бахчисарайском дворце: 1—фрагмент плана Бахчисарайского дворца У. Гесте, 1798 г.; 2—вид с юго-запада; 3—купол; 4—коробовый свод; 5—интерьер; 6—южная стена с михрабом (фото автора).

Малая мечеть Бахчисарайского дворца, при всей скромности размеров, по архитектуре является более сложным сооружением, нежели рассмотренные выше однокупольные мечети. Перекрытие, состоящее из купола и двух коробовых сводов, позволяет отнести ее к переходной форме от зданий с единым помещением, перекрытым куполом (single unit mosque по А. Курану), к сложным многокупольным мечетям.

Как отмечалось выше, тип однокупольных мечетей появился в Малой Азии уже при Сельджуках Рума. В дальнейшем эта традиция была продолжена в период бейликов и ранне-османский период, когда были построены Хаси Озбек в Изнике (1333–1334), Алаеддин-бей-Джами в Бурсе (1330-е гг.), Орхание-Джами в Билеждике (XIV в.), Ибн Наджар-Джами в Кастамону (1353 г.), Орхан Гази в Гебзе (середина XIV в.); Хюдавендигяр в Берамкале (вторая половина XIV в.); Хока Ядигар в Инёню (1379); Мурад-паша-Джами в Бурсе (1378 г.), Ешиль-Джами в Изнике (1378–91), мечеть (текие) Якуба Челеби в Изнике (конец XIV в.), Йилдирим Байезид в Мудурну (конец XIV в.), Ильяс-бей-Джами в Балате (1404 г.) и др. [Kuran, 1968, p. 29–70; Hillenbrand, 1994, p. 494; Кононенко, 2017а, с. 264–271, 290–296, 385–387, 447–450]. Здания

простейшей планировки, такие как Феррух-Шах в Акшехитре, Орхание-Джами в Билеждике, Орхан Гази в Гебзе, Хока Ядигар в Инёню, Ильяс-бей-Джами в Балате, состоят из одного купола

Рис. 15. Купольные мечети Турции раннеосманского периода: 1 – Хаси Озбек в Изнике; 2 – Алаеддин-бей-Джами в Бурсе; 3 – Орхание-Джами в Билеждике; 4 – Ибн Наджар-Джами в Кастамону; 5 – Орхан Гази в Гебзе; 6 – Хюдавендигяр в Берамкале; 7 – Хока Ядигар в Инёню; 8 – Ильяс-бей-джамии в Балате; 9 – Ешиль-Джами в Изнике; 10 – Йилдирим Байезид в Мудурну (по А. Курану, 1971, Е. И. Кононенко, 2017а).

польного зала (рис. 15. 1,3,5,7,8). Однако большинство однокупольных мечетей имеют портик, перекрытый сводами различной конструкции или небольшими куполами (рис. 15. 2,4,6,9,10). По мнению Е. И. Кононенко, такая планировка лежит в основе всей последующей османской культовой архитектуры. «Развитие именно этой композиции станет основой формирования «большой османской мечети», олицетворяющей собой всю турецкую мусульманскую культовую архитектуру вплоть до XXI в.» [Кононенко, 2017а, с. 267].

С возникновением более сложных многокупольных композиций однокупольные здания продолжают существовать в Османской империи в XV–XVIII вв., так как такая форма оказалась весьма востребованной при возведении небольших квартальных мечетей. В качестве примеров можно привести мечеть Хаси Сахабеддин Паша 1436 г. и Касим Паша 1478 г. в Эдирне, Фируз Ага в Стамбуле 1490 г. (рис. 16) и др. Это хорошо прослеживается и на примере Крымского ханства, как части Османской империи, где однокупольные мечети строились как в качестве квартальных, так и в качестве Джума-мечетей в небольших городах и селениях. Большинство из них представляют собой здания кубического объема, увенчанного куполом на барабане. Некоторые были расширены за счет пристроек, из мечетей с портиком известна только Муфти-Джами в Феодосии.

Особо следует отметить, что в сельджукский и ранне-османский периоды в купольных зданиях переход от четверика к куполу осуществлялся при помощи арочных или пирамидальных тромпов. Пирамидальные тромпы, характерные именно для турецкой архитектуры, получили название «турецких треугольников». С XV в., особенно после завоевания Константинополя, усилилось влияние византийской культуры, и самым частым конструктивным элементом при возведении куполов стал сферический парус. Именно этот строительный прием можно наблюдать в большинстве купольных мечетей Крымского ханства.

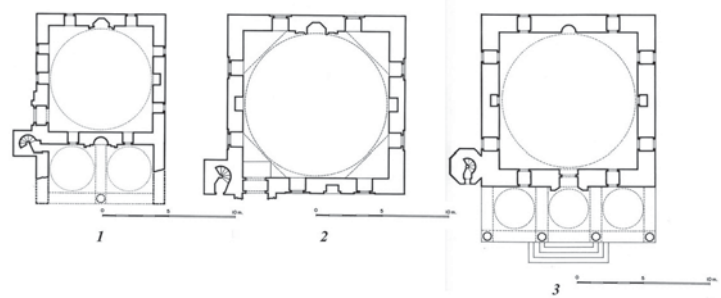

Рис. 16. Купольные мечети Турции османского периода: 1 – Хаси Сахабеддин Паша в Эдирне; 2 – Касим Паша в Эдирне; 3 – Фируз Ага в Стамбуле (по А. Куран, 1971).

Многокупольные и многосекционные мечети

Таких мечетей в Крыму известно всего две. Мечеть Султана Селима в Кефе (Феодосии) и Джума-Джами в Гёзлеве (Евпатории).

Мечеть султана Селима, или Сулейман-Хан-Джами или Биюк Джами – главная пятничная мечеть города Кефе предположительно была построена в 1520 г. по указанию будущего султана Сулеймана I Великолепного, когда он был правителем Кефе [Григорьев, 1974, с. 27–28; Эвлия, 2008, с. 181]. Она находилась в пределах внешних оборонительных стен в 100 м северо-восточнее армянской церкви Св. Сергия на центральной площади города [Бочаров, 2016а, с. 127]. Б. Н. Засыпкин высказал предположение, что здание было построено знаменитым архитектором Ходжой Синаном, так как достоверно известно, что он является автором и строителем бань Султана Сулеймана, принадлежащих этой мечети [Засыпкин, 1927, с. 143]. Этой же версии придерживаются некоторые другие исследователи [Григорьев, 1974, с. 27–28; Бочаров, 2016а, с. 127]. Однако авторство Синана не доказано: этой мечети нет в списке памятников, воздвигнутых Синаном, и его имя не упоминает Эвлия Челеби при описании мечети в Кефе. О здании он пишет следующее: «Все купола его строений внутри и снаружи особым образом покрыты свинцом, это светлая, полная света мечеть... Есть двери с двух сторон и кыбловые двери. Над внешней софой на шести колоннах пять искусно устроенных куполов. Внутри мечеть очень просторная, занимает десять тысяч

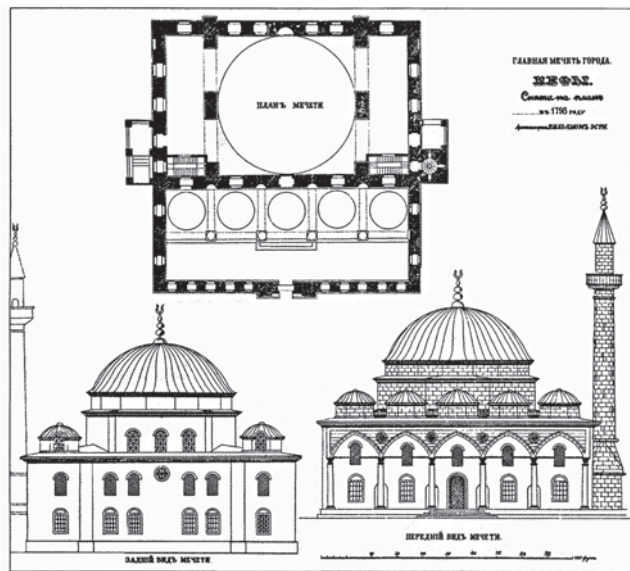
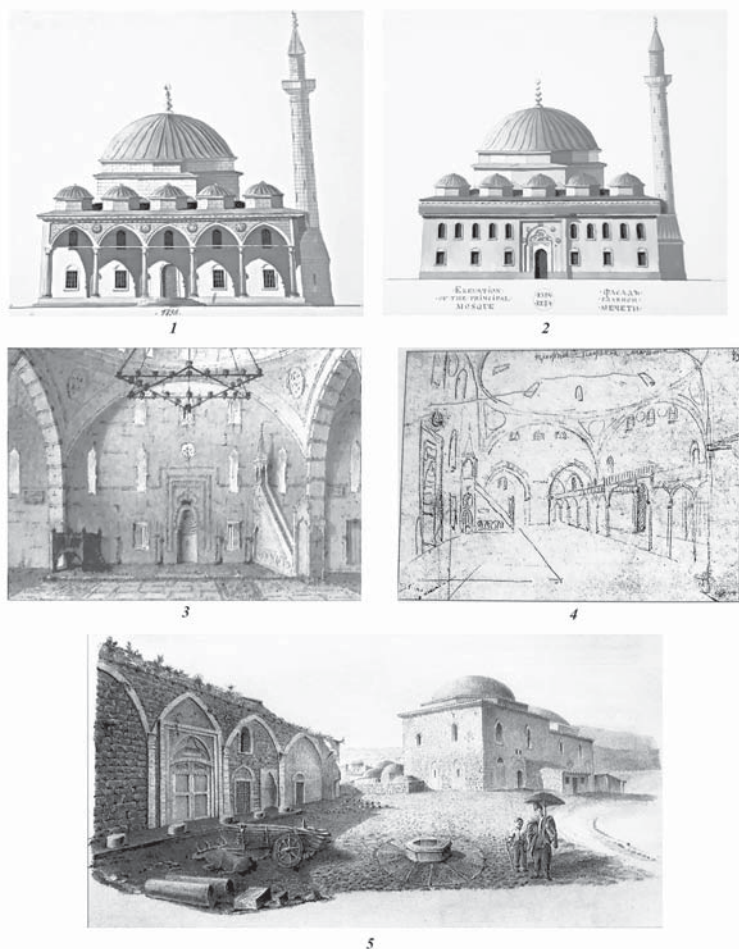

Рис. 17. Мечеть султана Селима, чертеж В. Гесте, 1798 г. (ЗОИИД, 1872).

шагов. Но она находится на рынке, посреди базара на узеньком участке земли, и внешний харам ее маленький. Он не соответствует величине мечети. Ее минарет, мимбар и михраб построены в старой форме» [Эвлия, 2008, с. 181]. Из этого отрывка следует, что у мечети был один минарет.

В последующие годы Биюк-Джами неоднократно описывали различные авторы и рисовали художники, при этом описания и изображения не всегда совпадают. В 1787 г. Феодосию посетил венесуэльский борец за независимость испанских колоний в Южной Америке Франсиско де Миранда. В своем дневнике он пишет следующее: «Мы тотчас же отправились в главную мечеть, каковая является далекой от совершенства имитацией наиболее крупных мечетей Константинополя. По форме это параллелограмм, где малые купола образуют просторный перистиль, а внутренняя центральная часть заканчивается большим куполом наподобие того, что в Св. Софии, и по два малых купола с каждой стороны... Имеются балкон, или кафедра для муфтия, канделябры и т. д., как в константинопольских мечетях» [Миранда, 2001, с. 67–68].

П. С. Паллас, посетивший Феодосию в 1794 г., когда мечеть еще не была перестроена, также оставил ее описание: «... большая, построенная с благородной простотой, прекрасная, еще порядочно сохранившаяся главная мечеть, называемая Биюк-Джами. Она имеет семнадцать саженей (36 м) в длину и четырнадцать (30 м) – в ширину. Главный ее купол – более девяти саженей в поперечнике (19 м), и с трех сторон она еще имеет одиннадцать маленьких куполов. Два минарета вышиной в шестнадцать

Рис. 18. Мечеть султана Селима: 1 – первоначальный вид фасада; 2 – засад с заложенными проемами, рис. В. Гесте, 1798 г.; 3 – интерьер мечети, рис. А. Воронихина, 1786 г.; 4 – интерьер, рис. Н. А. Львова, 1803 г.; 5 – разрушенная мечеть и бани в Феодосии, рисунок Дюбуа де Монпери, 1833 г. (по И. В. Тункина, 2011; Н. И. Храпунов, 2017).

саженей (34 м) с витой лестницей до самого верха еще существовали, когда я поручил нарисовать вид Кафы со стороны бухты..., но затем они были разрушены. Около этой мечети находится большая турецкая баня с двумя сводчатыми помещениями...» [Паллас, 1999, с. 117]. Судя по этому описанию, кроме большого центрального купола в здании было пять малых куполов, перекрывающих портик и по три купола над боковыми нефами. Но это явная ошибка, которая потом была повторена Дюбуа де Монпере, заставшего мечеть в полуразобранном состоянии, скорее всего, вообще без куполов [Дюбуа де Монпере, 2009, с. 83]. На чертеже В. Гесте (рис. 17), снявшего план здания в 1798 г. [ЗООИД, 1872, таб. VII], купола над боковыми нефами почему-то вообще не изображены. Однако, судя по плану, очевидно, что боковые нефы могут быть перекрыты только двумя куполами, следовательно, куполов (вместе с большим) всего одиннадцать, а малых – десять. О десяти малых куполах пишет и П. И. Сумароков, который был в Феодосии в 1799 г. [Сумароков, 1800, с. 62].

В. Гесте не только снял план здания, но и сделал чертежи южного и северного фасадов [ЗООИД, 1872, таб. VII]. Он также зарисовал северный фасад в его первоначальном виде – с открытой пятипролетной арочной галереей и с заложеными арками (рис. 18.1–2) [Храпунов, 2017, с. 281]. Вероятно, закладка арок предполагалась для укрепления здания, но, скорее всего, эта перестройка так и не была сделана. На рисунке Дюбуа де Монпере 1833 г. арочная галерея разрушена, и видны только следы ее примыкания к северной стене и основания колонн (рис. 18.5) [Дюбуа де Монпере, 2009, л. XXVII]. Также на этом рисунке виден внешний михраб (*аназы*), расположенный к западу от входной двери между окнами нижнего яруса.

Также имеются многочисленные изображения панорамы Феодосии, на которых можно разглядеть мечеть султана Селима. Рисунки (и гравюры по ним) Г. Х. Гайслера 1794 г., М. М. Иванова 1803 г., Е. М. Корнеева 1804 г. и абсолютно идентичный последнему А. де Палдо 1805 г., изображают Феодосийскую бухту с севера (рис. 19.1,3,5) [Гончарова, 1987, с. 26, рис. 122; Тункина, 2011, с. 29, 39]. На них отчетливо виден

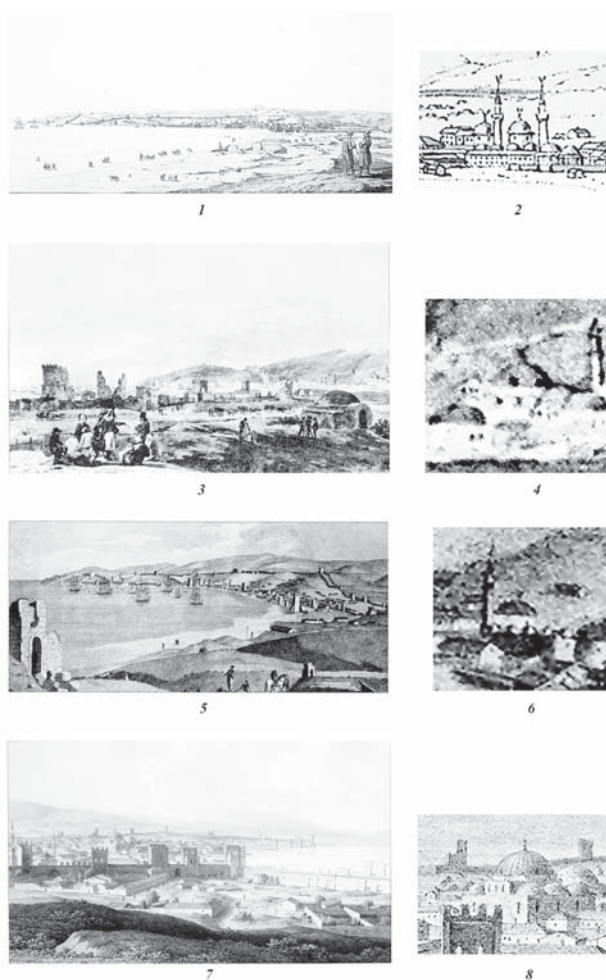

Рис. 19. Виды Феодосии и мечети Селима на них: 1 – рисунок К. Х. Гайслера, 1794 г.; 2 – вид мечети; 3 – рисунок М. М. Иванова, 1803 г.; 4 – вид мечети; 5 – рисунок А. де Палдо, 1805 г.; 6 – вид мечети; 7 – рисунок К. Ф. Кюгельхена, 1824 г.; 8 – вид мечети (по И. В. Тункина, 2011).

северный фасад Биюк-Джами с пятью куполами над входной галереей (рис. 19.2,4,6). Рисунок К. Ф. Кюгельхена 1824 г. показывает здание мечети с юго-восточной стороны, и на нем видны три купола над восточным фасадом, два из которых расположены над нефом, а один – над галереей (рис. 19.7–8). Также имеются два рисунка интерьера мечети. А. Воронихин в 1786 г. изобразил южную стену мечети с михрабом и тремя ярусами окон (рис. 18.4) [Храпунов, 2017, с. 282]. На зарисовке Н. А. Львова 1803 г. интерьер дан с восточной стороны (рис. 18.5)

[Тункина, 2011. с. 36]. На нем отчетливо видны две стрельчатые арки, ведущие в западный неф, михраб в южной стене, мимбар рядом с михрабом и хоры у северной стены.

На основании этих чертежей, рисунков и описаний можно получить представление об архитектонике Биюк-Джами. Постройка была прямоугольной в плане размерами 36 x 35 м. В северной части располагался небольшой узкий (шириной 6 м) дворик, «внешний маленьких харам» по Э. Челеби. Молельный зал имел внешние размеры 36 x 22 м. Интерьер его разделен массивными прямоугольными устоями и контрфорсами северной и южной стен на три нефа. Центральная квадратная часть была перекрыта куполом диаметром около 17 м. Барабан купола возведен на подпружных арках, из которых северная и южная опирались на контрфорсы, причем южная стена была усилена контрфорсами и снаружи. С запада и востока подпружные арки были перекинута между контрфорсами и устоями в центре зала. Переход к барабану осуществлялся при помощи парусов. Барабан был двухъярусным: на восьмигранный был поставлен шестнадцатигранный с полусферическим куполом, крытым свинцом. В зените купола находился алем. Боковые нефы были перекрыты двумя куполами⁴.

С северной стороны к мечети примыкала от-

⁴ В. П. Кирилко в статье, посвященной мечетям города Кефе, настаивает на том, что боковые нефы перекрывались «тремя одинаковыми куполами на подпружных арках и парусах» [Кирилко, 2018, с. 229]. Мнение Б. Н. Засыпкина о том, что куполов было два [Засыпкин, 1927, с. 140], повторенное затем С. Г. Бочаровым [Бочаров, 2016а, с. 127], он считает ошибочным. В качестве наиболее достоверных исследователь приводит данные П. С. Палласа об одиннадцати малых куполах, хотя, как было показано выше, в других источниках говорится о десяти. При этом В. П. Кирилко не объясняет, каким образом были расположены три купола над боковыми нефами и на что опирались их подпружные арки. Для опоры арок трех куполов необходимы две колонны или опоры, а в мечети Селима мы имеем всего одну. Если попытаться перекрыть боковые нефы тремя одинаковыми куполами, то основания поперечных арок попадут как раз на пролет между опорой и контрфорсом. Подтверждение того, что каждый боковой неф был перекрыт двумя куполами, можно видеть на рисунке Н. А. Львова (рис. 18.5), где изображены два арочных проема, соединяющих центральное подкупольное пространство с западным нефом.

крытая галерея шириной 7 м из пяти стрельчатых арок, опирающихся на колонны. Ее перекрывали пять небольших куполов. Пол галереи (софа по Э. Челеби) был приподнят над уровнем двора, и к нему вела лестница. Главный (кибловый) вход в мечеть находился по центру южной стены. По сторонам от него находились два внешних михраба в виде ниши с треугольной сталактитовой конхой. Э. Челеби говорит еще о двух боковых входах, но на плане они не видны. Окна имели арочную форму и были расположены в три яруса. Нижний барабан также был прорезан окнами с арочным завершением. Окна, прорезающие купол, видны на изображениях интерьера мечети. Полукруглый в плане михраб находился в южной стене, напротив входа. Он изображен на рисунке А. Воронихина 1786 г. Вдоль северной стены располагались хоры на деревянных колоннах. В северных концах боковых нефов находились лестницы, ведущие на мафиль и минареты.

Не совсем понятен вопрос с количеством минаретов мечети султана Селима. В самом раннем описании Эвлии Челеби говорится об одном минарете. П. С. Паллас в 1794 г. описывает два минарета, более того, они изображены на рисунке Г. Х. Гайслера. Через четыре года В. Гесте зарисовал только один минарет. На рисунках М. М. Иванова, Е. М. Корнеева, и А. де Палдо 1803–1805 гг. изображен один минарет, хотя не всегда с правильной стороны. К. Ф. Кюгельхен в 1804 г., судя по изображению, стоящих минаретов уже не застал. В 1834 г. здание мечети было разобрано полностью.

Франсиско де Миранда назвал мечеть султана Селима «далекой от совершенства имитацией наиболее крупных мечетей Константинополя». Однако она имеет довольно точные аналогии среди турецких мечетей, правда, вне Константинополя. Практически идентична ей по плану Султан-Джами в Манисе 1522 г. [Goodwin, 2003, p. 158–159]. Манисская мечеть также имеет трехнефный зал, центральная часть которого перекрыта большим куполом, а боковые нефы – двумя маленькими. Предваряет его портик, перекрытый пятью куполами (рис. 20.2–4). Сходную планировку имеют мечеть Чешнигир 1474 г. и Хатуние 1479 г. в Манисе [Goodwin, 2003, p. 158–159].

Несколько меньшие размеры, но более слож-

ную и изысканную архитектуру, чем у Биюк-Джами, имела Джума-Джами (Хан-Джами) в Гёзлеве (Евпатории), расположенная в прибрежной части города. Она была заложена в 1552 г. Девлет Гераем I и освящена в 1562 г. [Засыпкин, 1927, с. 140; Кутайсов, Кутайсова, 2007, с. 61, 64].

Автором проекта здания был выдающийся турецкий архитектор и инженер XVI в. Ходжа Синан. Мечеть Татар-хана в Гёзлеве значится на его надгробной плите под № 77 из 81 культовых построек [Эссад, 1919, с. 302]. Об авторстве Синана пишет и Эвлия Челеби: «А самой прекрасной, высокой и восхитительной является соборная мечеть Бехадыр Герай-хана. В длину и в ширину от кыбловых дверей – 150 шагов. С левой стороны в этой мечети есть отстроенное место, где намаз совершают достопочтенные ханы. И всего два высоких минарета. Один из них разрушен землетрясением. Но на сохранившийся теперь минарет с правой стороны, я, недостойный, поднимался... Спускаясь с минарета, я насчитал 105 шагов. Действительно, это высокий, отстроенный минарет. Потому что это строение Коджа Мимар Синана-аги ибн Абд ал-Миннана, который построил в Стамбуле мечеть султана Сулеймана. Действительно, это строение привлекательное и радующее душу. Но [внешний] харам у этой мечети маленький, потому что она находится в многолюдном месте города, посреди базара... В этом городе нет другой такой мечети, крытой чистым свинцом, светлой, украшенной и благоустроенной. На целый фарсах сверкает свинец ее куполов. Перед ее михрабом – место захоронения султанов, их жен и дочерей. Напротив ее харамы, над дорогой, расположено прекрасное здание светлой бани» [Эвлия, 2008, с. 52–53].

Краткое описание Джума-Джами оставил П. С. Паллас [Паллас, 1999, с. 209]. Он пишет в частности, что ко времени его посещения Козлова (Гёзлева) в 1793 или 1794 г. разрушены были уже оба минарета. К 1798 г. относятся рисунки фасадов и план мечети, выполненные В. Гесте

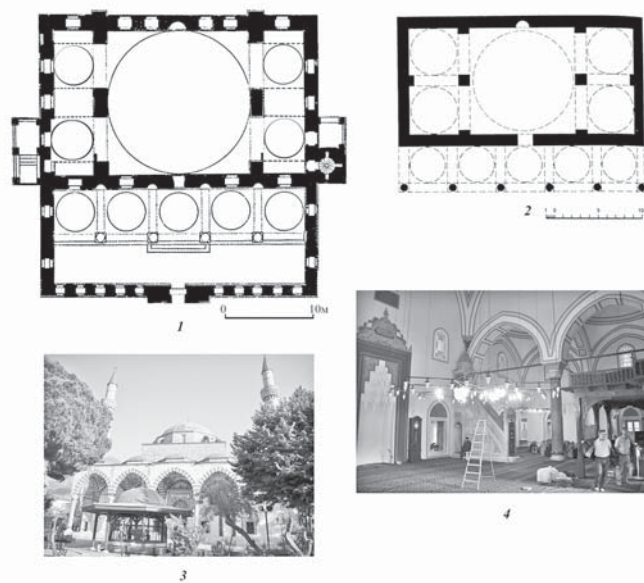

Рис. 20. 1 – мечеть Селима в Феодосии, план с элементами реконструкции; 2 – Султан-Джами в Манисе 1522 г., план; 3 – Султан-Джами в Манисе, северный фасад; 4 – интерьер (фото Е. И. Кононенко).

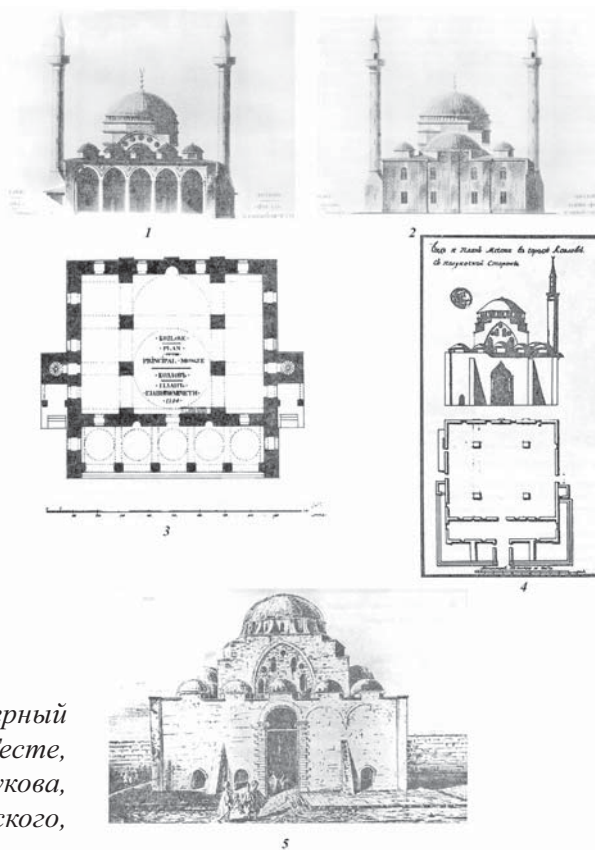

Рис. 21. Джума-Джами в Евпатории: 1 – северный фасад; 2 – южный фасад; 3 – план (рис. У. Гесте, 1798 г.); 4 – северный фасад и план (рис. И. Жукова, 1834 г.); 5 – северный фасад, рис. И. Якубинского, 1836 г. (по В. А. Кутайсов, Кутайсова, 2007).

(рис. 21.1–3). На них мечеть изображена с открытой галереей, которая к тому времени уже была заложена, и двумя минаретами. В. А. Кутайсов предполагает, что эти рисунки являются проектами реставрации здания в его первоначальном виде [Кутайсов, Кутайсова, 2007, с. 62]. В дальнейшем, начиная с 20-х гг. XIX в., периодически возникали проекты реставрации мечети и даже выделялись на это деньги. В связи с предполагаемой реставрацией мечеть была зарисована И. Жуковым в 1834 г., И. Якубинским в 1836 г., А. Е. Геккером в 1896 г. (рис. 21.4–5; 22.1–6). Все они показывают северный фасад постройки с заложенной галереей. На рисунках 30-х гг. изо-

бражен восстановленный восточный минарет, но в последующие годы он, вероятно, снова разрушился. Частичная реставрация здания производилась в 1896, 1925 и 1962 гг. В 1969–1985 гг. была сделана полная реставрация, и Джума-Джами был возвращен ее первоначальный облик [подробно об описаниях мечети и проектах реставрации: Кутайсов, Кутайсова, 2007, с. 71–77; Сейдаметов, Муйдинова, 2019].

Стены постройки сложены из камня-ракушечника, основные несущие конструкции – из известняка на извести. Лицевые кладки, толщиной 1,2 м, своей подошвой были установлены поверх трехступенчатого стилобата высотой 0,9 м, выступающего на такое же расстояние за вертикаль стены. Он был сложен из пиленых и тщательно подогнанных друг к другу блоков инкерманского известняка [Кутайсов, Кутайсова, 2007, с. 85–87]. Здание в плане близко к квадрату: размеры по внешнему обводу стен с севера на юг – 26,11 м, с запада на восток – 26,86 м. С северной стороны находится открытая галерея (шириной 4,35 м) с пятью стрельчатыми арками, опирающимися на тонкие цилиндрические колонны со сталактитовыми капителями. В галерею входят главные (кибловые) двери. Изначально в здании вели три двери, но в результате реставрации был оставлен только один вход. По сторонам от него находятся два внешних михраба (места для «последней общины») в виде трехгранных ниш с треугольным сталактитовым завершением, окруженных прямоугольной рамой с резьбой в виде «сельджукской цепи». Молитвенный зал прямоугольный в плане, вытянутый вдоль михрабной стены и разделенный на 12 модульных квадратных ячеек. Шесть ячеек, образующих боковые продольные нефы (по три в каждом), перекрыты куполами на парусах; два модульных квадрата, примыкающие к стене киблы, образуют единую михрабную ячейку, перекрытую полукуполом; остальная часть зала отведена подкупольному квадрату.

Снаружи в объеме здания доминирует четверик (13,0 x 13,9 м), который путем двойного среза углов плавно переходит к невысокому шестнадцатигранному барабану со сферическим куполом (рис. 23.1–2; 24.1–2). Купола боковых нефов, расположенные ниже, опираются на вось-

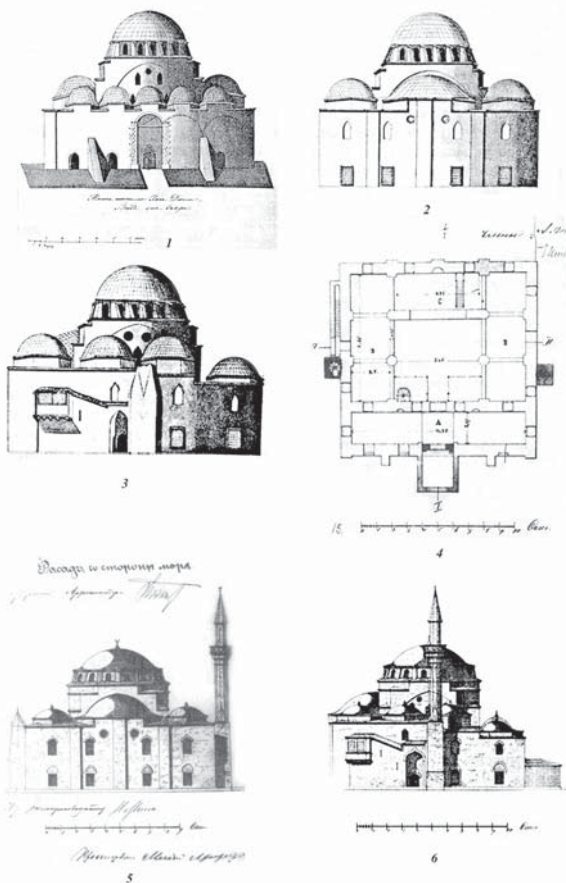

Рис. 22. Джума-Джами в Евпатории:
1 – северный фасад; 2 – южный фасад;
3 – восточный фасад, рис. И. Якубинского,
1836 г.; 4 – план А. Е. Геккера, 1892 г.;
5 – южный фасад; 6 – восточный фасад,
рис. А. Е. Геккера, 1892 г. (по В. А. Кутайсов,
Кутайсова, 2007).

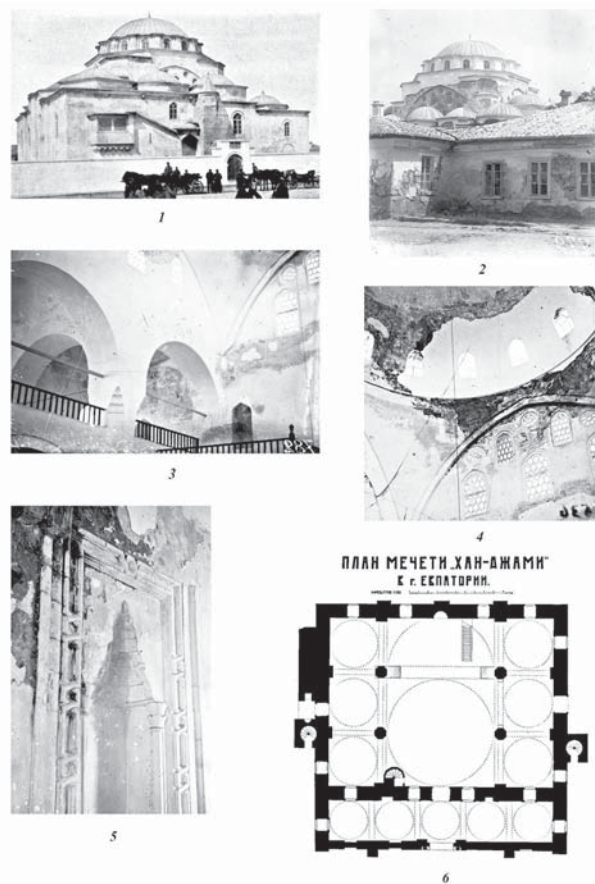

Рис. 23. Джума-Джами в Евпатории: 1 – восточный фасад, фото 1910 г.; 2 – общий вид; 3–4 – интерьер; 5 – внешний михраб (фото 20-х гг. XX в.); план Б. Н. Засыпкина, 1928 г. (по Мирас..., 2016).

мигранные барабаны. Небольшие купола северной галереи на граненых барабанах лежат еще ниже. Такая структура создает эффект постепенного нарастания объемов. С двух сторон здания вплотную к восточной и западной стенам пристроены два минарета высотой 38 м. Их высокие призматические цоколи путем скосов переходят в граненый ствол. В верхней части минаретов имеется балкон (шерефе), над которым возвышается тонкая башенка с коническим шатровым покрытием.

Внутреннее пространство здания разделено двумя двухъярусными аркадами на три нефа (рис. 23.3–4,6; 24.3–6). Центральный неф перекрыт большим куполом диаметром 11,65 м и высотой от пола 22,40 м. В сфере купола устроены

Рис. 24. Джума-Джами в Евпатории, современный вид: 1 – северный фасад; 2 – южный фасад; 3–6 – интерьер; 7 – галерея у северного фасада (фото автора).

15 окон с полуциркульными арками. Невысокий барабан опирается на паруса и четыре арки, которые своими основаниями стоят на двух восьмигранных опорах с южной стороны и двух пилонах северной стены. В этих двух столбах не было капителей, их заменили сталактитовым переходом от восьмигранника к квадрату, который сливается с пятой аркой. Южная арка остается открытой, остальные обозначены неглубокими нишами в стенах постройки. При этом западная и восточная псевдоарки перекрывали две более мелкие верхние арки боковых нефов. С внешней стороны эти глухие арки были оформлены в виде неглубоких стрельчатых ниш: в северной из них располагалось восемь стрельчатых и круглых окон, размещенных в три ряда, в западной и восточной – по пять окон в два яруса, в первом – стрельчатые, во втором – круглые. Распор центрального купола гасится уступами, понижающимися боковыми куполами, южным полукуполом и открытой аркадой северной галереи. Арки, поддерживающие

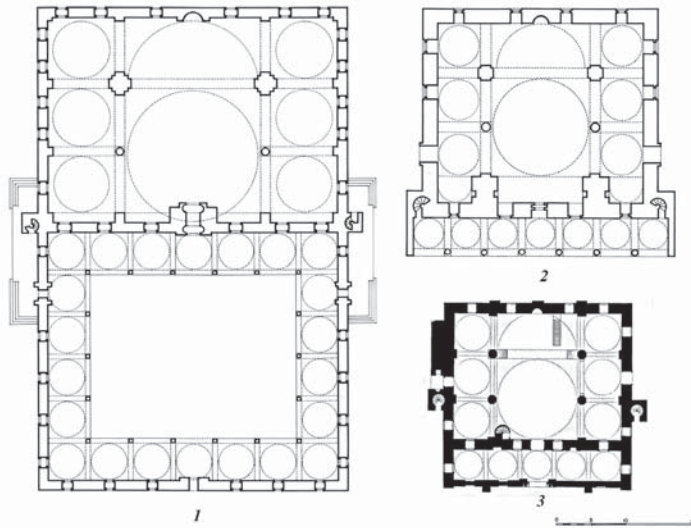

Рис. 25. Османские мечети: 1 – Фатих-джамии в Стамбуле, 1463–71 гг.; 2 – Селимие в Конье, 1566–74 гг. (по Goodwin, 2003); 3 – Джума-Джами в Евпатории, 1552 г.

полукупол также опираются на южные восьмигранные опоры и контрфорсы южной стены. Снаружи для погашения распора у южной стены имеются три контфорса.

Интерьер здания наполнен светом за счет большого количества окон (64), которые служат не только для освещения внутреннего пространства, но и для облегчения несущих стен. Окна расположены в четыре-пять ярусов. Нижние окна прямоугольные, со стрельчатыми наличниками и глухими люнетами над ними, средние – стрельчатые, верхние, расположенные под арками сводов – круглые.

В южной стене, напротив главного входа, находится михраб, оформленный в виде неглубокой пятигранной ниши с полуколоннами по сторонам (рис. 24.5). На капители последних опирается конический полукупол, состоящий из восьми рядов резных сталактитов, покрытых геометрической и растительной росписью. Нишу окружает прямоугольная рама, декорированная «сельджукской цепью». Справа от михраба находится мимбар.

Боковые нефы (шириной по 5 м) на уровне второго этажа разделены арками на три подкупольных квадрата. В нефах устроены деревянные хоры (мафиль). Вход на «хоры» в виде винтовой

лестницы располагается слева от основного входа. Юго-восточная часть балкона, отделенная деревянной перегородкой, служила, по всей видимости, ханской ложей.

Евпаторийская Джума-Джами является типичной османской мечетью. По планировке она очень близка Фатих-Джами в Стамбуле 1463–1471 гг. (рис. 25.1). Разница заключается в том, что у Фатих-Джами к основному зданию примыкает обширный двор, окруженный со всех сторон галереями, перекрытой куполами. При этом галерея вдоль северной стены молельного зала состоит из семи секций. Что касается молельных залов, то планы их почти полностью совпадают. О. Асланапа отмечал, что в Гёзлеве Синан использовал ту же схему, что и в Фатих-Джами, но в меньшем масштабе [Aslanapa, 1971, p. 122]. Такой же план имеет более поздняя мечеть Селима II в Конье 1566–1574 гг., не имеющая двора и с северной галереей, перекрытой семью куполами (рис. 25.2).

Мечети с плоским перекрытием

Еще одну многочисленную группу мечетей эпохи Крымского ханства составляют постройки с плоским балочным перекрытием, с четырехскатной шатровой или вальмовой крышей на стропилах. Б. Н. Засыпкин называл такие постройки «базиличными» [Засыпкин, 1927, с. 146–154], однако это не совсем верно. Базиликой называется прямоугольное здание, разделенное на нефы рядами колонн или устоев [Герман, Муroneц, 2010, с. 32], но далеко не все крымские мечети с плоским перекрытием имеют в интерьере колонны, поддерживающие несущие балки. Некоторые здания состоят из зала, балки перекрытия которого опираются непосредственно на внешние стены. Поэтому имеет смысл разделить группу мечетей с плоским перекрытием на две подгруппы – собственно базиличные и зальные.

Несмотря на то, что большая часть мечетей Крымского ханства относилась к этой группе, сделать исчерпывающий обзор построек не представляется возможным. Тому имеется несколько причин. Прежде всего, немногие мечети с пло-

ским перекрытием, впрочем, как и купольные, сохранились до наших дней. Из существующих не все имеют точную датировку, а те, о которых более-менее достоверно известно время постройки, неоднократно перестраивались, часто достаточно кардинально. Тем не менее, можно попытаться собрать воедино те сведения, которыми мы располагаем.

Базиличные мечети

Несохранившуюся базиличную мечеть Карасубазара описал Б. Н. Засыпкин [Засыпкин, 1927, с. 117–118]. Мечеть Шор-Джами располагалась в центре города. Стены ее были сложены из необработанных камней. Здание прямоугольное в плане размерами 16,5 x 20,8 м (рис. 26.1). Северо-западный угол имеет значительный скос, что, вероятно, связано с расположением на местности. Интересно оформлены внешние углы прямоугольника: в нижней части они срезаны под углом 45°, а примерно на высоте человеческого роста при помощи сталактитового перехода превращаются в острые углы. Мечеть перекрыта четырехскатной черепичной крышей (рис. 26.2–3).

Внутри здание разделено широтной стеной на две неравные части. С северной стороны находится прямоугольное узкое помещение, тамбур или «притвор»⁵, в которое ведет вход с улицы, расположенный по центру северной стены. Проход в южной стене тамбура ведет в молебельный зал. Еще один проход, соединяющий зал непосредственно с улицей, находился в северо-западном углу. Через него можно было попасть к минарету. Квадратное в плане помещение зала разделено колоннами на три нефа. Колонны каменные, восьмигранные с выраженными капителями и базами. Балки деревянного перекрытия поддерживаются тремя парами арок (по три с каждой стороны), опирающихся на колонны. Арки имели килевидную форму, а между ними располагались круглые окна. В южной стене находился пятигранный в плане михраб, подробное описание которого Б. Н. Засыпкин

⁵ Помещение, предвещающее молебельный зал, часто в литературе называют притвором или нартексом, однако применение данных терминов некорректно, так как они относятся к христианским храмам.

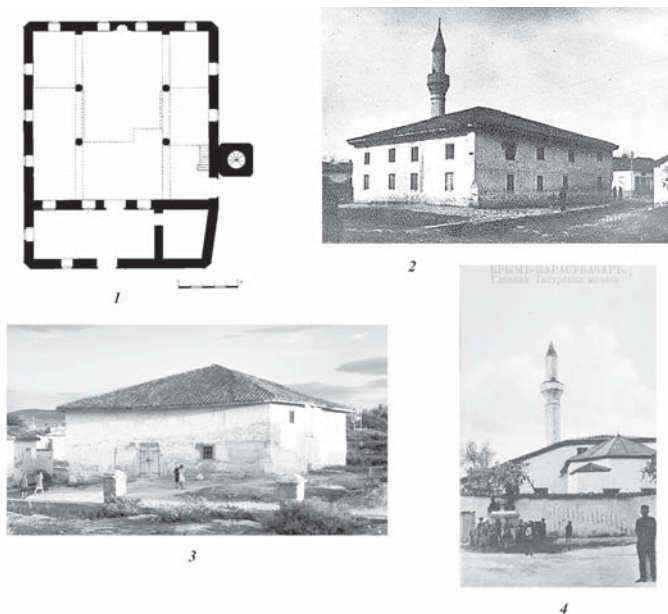

Рис. 26. Мечети с плоским перекрытием в Карасубазаре: 1 – Шор-Джами, план (по Б. Н. Засыпкин, 1927); 2 – Шор-Джами, фотография 1925 г.; 3 – Шор-Джами, фотография 1945–1960 гг.; 4 – «мечеть на базаре» (?), открытка царских времен (по Мурас..., т. 1, 2016; <https://www.crimeantatars.club>).

не приводит, упоминая только, что он резной и раскрашенный. Вдоль меридиональных стен и северной стены зала были сделаны деревянные хоры. Освещалось пространство здания окнами, расположенными в два яруса. Северная и восточная стены имели по четыре ряда окон, в западной стене два ряда находились южнее прохода и основания минарета. В северной стене было два окна по сторонам от входа. Все окна прямоугольной формы. Окна нижнего яруса обрамлены заглубленными наличниками, сверху над ними помещены тимпаны стрельчатой формы. В окна были вставлены железные решетки с «кулачка-ми».

Минарет был пристроен вплотную к западной стене. Он имел типичную форму с квадратным в плане цоколем (сечение 3,0 x 3,0 м), граненым стволом, балкончиком шерефе и конической шатровой крышей. Время постройки мечети не известно. Весьма вероятно, что это одна из пяти соборных мечетей Карасубазара, упоминаемых

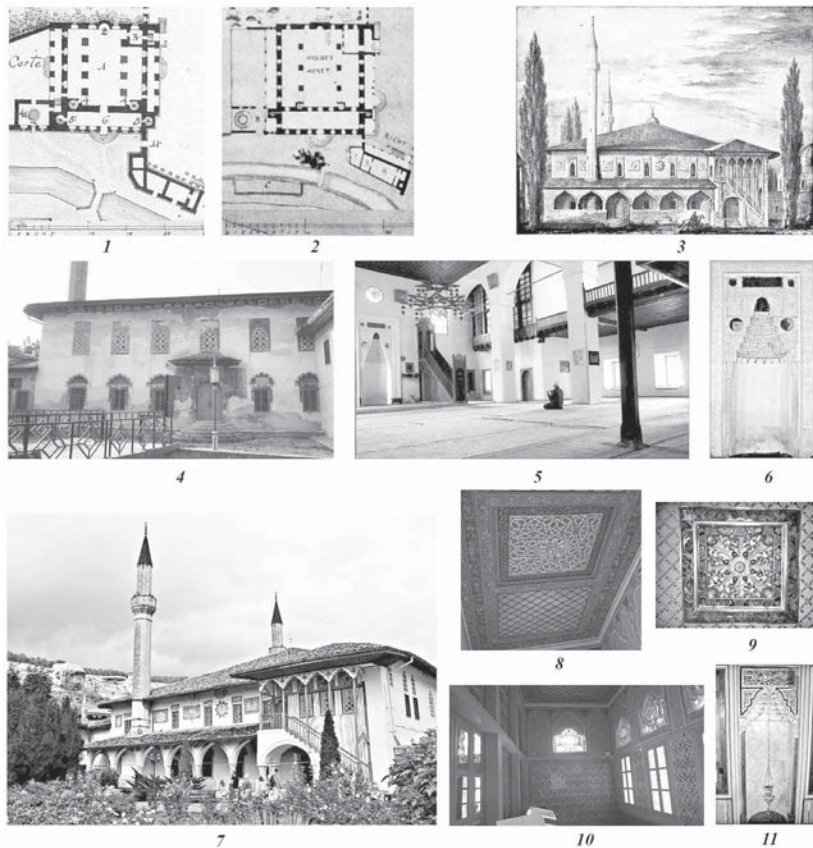

Рис. 27. Большая Ханская мечеть в Бахчисарае: 1 – план, фрагмент плана дворца Джакомо Тромбаро, 1787 г.; 2 – план, фрагмент плана дворца В. Гесте 1798 г.; 3 – вид западного фасада, Кирстен, 1840 г.; 4 – вид северного фасада; 5 – интерьер; 6 – ниша михраба; 7 – вид западного фасада; 8–9 – потолок в ханской ложе; 10 – интерьер ханской ложи; 11 – михраб в ханской ложе (фото автора).

Эвлией Челеби. «Все эти пять соборных мечетей сложены из камня, крыты черепицей и имеют каменные минареты», – пишет путешественник [Эвлия, 2008, с. 147]. Всего же, по его сведениям, в Карасубазаре было 28 мечетей.

Еще Челеби говорит о мечети на базаре, перед михрабом которой похоронен «под высоким куполом обладатель благодати» [Эвлия, 2008, с. 147]. Возможно, эта мечеть изображена на старой открытке, где отчетливо виден мавзолей рядом со зданием мечети (рис. 26.5), но была ли она базиличной – не известно.

К базиличным мечетям относится Большая Ханская мечеть, или Биюк Хан-Джами,

расположенная в восточной части Бахчисарайского дворца. Считается, что мечеть была построена в XVI в. Сахиб Герай-ханом [Османов, 2014, с. 66; Свод, 2016а, с. 86]. Эвлия Челеби, посетивший Бахчисарай в 1666–1667 гг., описывает ее следующим образом: «Ее стены прочно сложены из камня. Это старой конструкции дом Божий с куполом, крытым дражкой, [торчашей, как иглы] ежа... Внутри мечети на двадцати высоких дубовых столбах – потолочная балка, а над ней – простой потолок старой постройки. Справа находится место поклонения семьи достославных ханов. Над этим высоким местом висят разнообразные серебряные подсвечники и подвески. А [внешнего] харама у этой мечети нет, потому что перед кыбловыми дверями течет река Чурук-Су. В мечети есть кыбловые двери, ханские двери, один низкий, старой архитектуры минарет, слева, справа и со стороны кыблы – окна, выходящие в сад Тюрбе» [Эвлия, 2008, с. 105].

Из этого отрывка видно, что мечеть, которую видел Челеби, существенно отличается от той, что дошла до наших дней. Здание

имело плоское перекрытие, которое поддерживали деревянные столбы, то есть оно, скорее всего, представляло собой базилику. С другой стороны, путешественник упоминает купол, крытый дражкой. Это никак не мог быть полноценный большой купол, который должен опираться на массивные устои, а не на деревянные столбы. Кроме того, при описании интерьера здания ничего не говорится о подкупольном пространстве, а описывается плоский деревянный потолок. Купол у этой постройки, скорее всего, был небольшой, деревянный, либо декоративный, либо со световым фонарем (хотя Челеби говорит об освещении здания только при помощи окон). Подобные не-

большие куполки, чаще всего над предмхраб-ным пространством, характерны для турецких базиличных мечетей. У старой мечети также был всего один невысокий минарет.

Дворцовая мечеть была перестроена в 1740 г. Селямет Герай-ханом, о чем имеется надпись над дверью главного входа. Вероятно, эта перестройка была необходима, так как здание пострадало от пожара 1736 г., случившегося во время взятия Бахчисарая войсками фельдмаршала Миниха. В 1764 г. при Крым Герае был сделан еще один ремонт, о чем также имеется надпись [Османов, 2014, с. 65–66; Свод, 2016а, с. 86].

Здание мечети прямоугольное в плане, вытянутое в меридиональном направлении (рис. 27.1–2). Размеры его – 24,7 x 19,2 м [Ибрагимова, 2015, с. 101]. Стены сложены из камня, внутри и снаружи оштукатурены. Мечеть перекрыта четырехскатной крышей с аемом в зените. Возле северо-восточного угла мечети находится помещение с мраморным фонтаном для омовений.

Главный вход в здание находится с северной стороны (рис. 27.4). По центру стены расположены двустворчатые двери с полукруглым завершением, к которым ведет лестница из шести ступеней. Над дверью вмонтирована плита со строительной надписью. По сторонам от входа находится по три прямоугольных окна с железными решетками и стрельчатыми глухими люнетами над ними. Окна второго яруса имеют фигурные арочные завершения, они забраны гипсовыми решетками, прутья которых имеют диагональное направление. Оформление двери и окон раскрашено под серый мрамор.

Центральная (кибловая) дверь ведет в узкое помещение входного тамбура. За ним находится квадратный в плане модельный зал, поделенный на нефы двумя рядами массивных квадратных в плане каменных колонн. На плане Бахчисарайского дворца, снятом в 1787 г. Джакомо Тромбаро (рис. 27.1), изображено четыре пары колонн, а на плане В. Гесте 1798 г. (рис. 27.2) – три пары. Так как в десятилетие, прошедшее между этими событиями, ни о каких перестройках мечети не известно, остается предполагать, что Тромбаро ошибся. Колонны, по три с каждой стороны, поддерживают продольные аркады из пяти циркульных арок, на которые положены балки пло-

ского перекрытия здания (рис. 27.5). В литературе встречается указание на то, что центральный неф мечети выше боковых [например, Османов, 2014, с. 67], однако это неверно, потолок здания абсолютно ровный. Впечатление, что центральный неф выше, возникает из-за того, что вдоль северной, восточной и западной стен молельного зала сооружены деревянные хоры (мафиль), образующие как бы второй этаж. Балконы мафиля не доходят до кибловой стены на один арочный пролет, и поперечный неф перед михрабом имеет полную высоту. На мафиль можно подняться по двум каменным винтовым лестницам, расположенным у северной стены зала. По центру южной стены находится граненая ниша михраба с треугольным завершением, заполненным сталактитами в шесть рядов (рис. 27.6). Нишу обрамляет прямоугольная полоса, декорированная растительным орнаментом. Плоскость между рамой и конхой ниши также заполнена растительными побегими и цветами. По сторонам конхи расположены две цветочные розетки. Над ней – плита с коранической надписью, по сторонам которой также аналогичные розетки. Справа от михраба у южной стены стоит высокий деревянный мимбер.

Молельный зал освещается большими окнами в два света. На боковых стенах окна обычной прямоугольной формы, на южной стене окна второго яруса фигурные, с цветными стеклами. Над михрабом сделано круглое окно с витражной вставкой в виде шестиконечной звезды. Из молельного зала имеется еще один выход, расположенный в северной части западной стены и ведущий непосредственно во двор.

В юго-западном углу мечети в верхнем ярусе находится ханская ложа (*хункар мафиль*). Вход в нее ведет со двора по крутой деревянной лестнице. Ложа состоит из двух помещений и балкона, выступающего внутрь молельного зала. Декор этих помещений выполнен в барочном стиле (рис. 27.8–11). Стены покрыты в нижней части цветными изникскими изразцами, под потолком сделана аркатура, плоскость между арками которой раскрашена под мрамор. Богато расписаны цветом и позолотой резные кессонные потолки с позолоченными плафонами в центре. В ханской ложе имеется отдельный михраб также выполненный в стиле барокко. Окна, освещающие

ложу расположены в два яруса. Нижние, прямоугольные забраны железными решетками с «кулачками», верхние имеют фигурное завершение, и в них вставлены цветные стекла.

Снаружи с востока и запада к основному объему здания мечети пристроены открытые галереи из восьми стрельчатых арок, которые опираются на восьмигранные столбы с уплощенными капителями (рис. 27.3,7). Ширина их примерно 2,7 м. Галереи построены, вероятно всего, позднее, чем основное здание мечети, так как нижняя часть минаретов попадает вовнутрь галерей, а стволы минаретов «прорастают» через их крышу. Над крышей галереи на западной стене между окнами верхнего яруса по штукатурке сделаны фресковые вставки с арабской вязью по зеленому фону, выполненные живописцем Омером [Османов, 2014, с. 66; Свод, 2016а, с. 86]. С западной стороны южный конец аркады перекрывает высокое крыльцо ханского мафиля, представляющее собой двухъярусную открытую галерею с лестницей, ведущей на второй этаж. На каменное основание с широкой аркой поставлены стройные деревянные столбы, несущие барочные арки сложного очертания с расписными архивольтами. Аркада поддерживает выносной карниз с черепичной кровлей. В галерею выходят дверь и окна ханской ложи.

Два стройных высоких (25 м) минарета пристроены к зданию мечети с восточной и западной сторон. Конструкция их типична для османского зодчества: высокий прямоугольный в плане цоколь при помощи ребристой усеченной пирамиды переходит в двенадцатигранный ствол, в верхней части которого находится бал-

кончик-шерефе. Балкончик поддерживает резной карниз, состоящий из четырех поясов резьбы. Квадратные грани парапета также украшены резными орнаментами с крупной двенадцатилепестковой розеткой в центре. Граненую башенку над шерефе венчает высокая шатровая крыша с алемом в виде трех уменьшающихся сфер, нанизанных на ось с полумесяцем на конце. Наличие двух минаретов подчеркивает высокий статус Ханской мечети. Э. Э. Османов считает, что традиция установки двух минаретов в последующие века была утрачена [Османов, 2014, с. 72]. Однако дело не в традиции, а в том, что только ханские мечети могли иметь два минарета. Таких мечетей в Крыму известно три – мечеть султана Селима в Кефе, Джума-Джами в Гезлеве и Биюк Хан-Джами в Бахчисарае. На планах Кефе С. Г. Бочаров нашел еще одну мечеть с двумя минаретами [Бочаров, 2016а, с. 143].

Базиликой являлась мечеть Ени-Джами, или Мал-меит, в Бахчисарае, построенная в XVIII в. Она находилась в центральной части города, в квартале, где жили ремесленники, изготавливавшие седла [Свод, 2016а, с. 107]. На сохранившихся фотографиях 20-х гг. видно, что это обширное каменное здание, перекрытое четырехскатной черепичной крышей (рис. 28.1). Стены высокие, с окнами в два света. При мечети имелся высокий минарет. В 30-е годы здание сгорело, и на фотографии после пожара хорошо видны каменные аркады, поддерживавшие перекрытие (рис. 28.2). В настоящее время мечеть не существует.

Зальные мечети

Подгруппа зальных мечетей, при всей простоте планировки зданий, неоднородна. Сюда входят и сравнительно большие пятничные мечети с высокими стенами и окнами в два света, и совсем маленькие, одноэтажные здания. Подгруппу можно разделить на два отдела: квадратные (или близкие к квадрату) в плане постройки и прямоугольные, вытянутые по оси север-юг.

Квадратные в плане

Мечеть Менгли Герай, или мечеть Зынджирлы-медресе хана, находится в Салачике,

Рис. 28. Ени-Джами в Бахчисарае: 1 – на главной улице, 1920-е гг. (<https://www.crimeantatars.club>); 2 – после пожара (Фонды БИКАМЗ, № 468).

юго-восточнее Зынджирлы-медресе и недалеко от мавзолея Хаджи Герая. Она являлась соборной мечетью [Османов, 2015, с. 83]. Здание было квадратным в плане размерами 13 x 13 м. Мечеть имела пристройку в виде открытой террасы. Вход находился с северной стороны. К югу от террасы находился минарет с восьмигранным стволом. Высота его составляла 5,5 м. В конце XIX в. мечеть была перестроена, с 1939 г. использовалась в качестве столовой. В настоящее время здание заброшено [Свод, 2016а, с. 22–23]. В переписи мусульманских сооружений 1889 г. мечеть относится к XIV в., по результатам ограниченных раскопок ее датируют 1274 г. [Османов, 2015, с. 83–84], однако данные эти ничем не подтверждены. Скорее всего, она синхронна дюрбе Хаджи Герая и Зынджирлы-медресе, но для проверки этой гипотезы необходимы полноценные археологические исследования.

Постройкой, получившей широкую известность, является мечеть Ешиль-Джами в Бахчисарае. Эта мечеть имела совсем небольшие размеры, но была богато декорирована, поэтому многие посетители Бахчисарая оставили ее описания. Кроме того, с этой мечетью связаны романтические легенды о любви хана Крым Герая к легендарной красавице Диляре-Бикеч [Османов, 2013, с. 77; Свод, 2016а, с. 102–103]. Архитектуру здания наиболее подробно описал Б. Н. Засыпкин, во многом основываясь на брошюре У. А. Боданинского [Засыпкин, 1927, с. 152–154].

Мечеть квадратная в плане с высокими каменными стенами из бута, которые прорезали прямоугольные окна, расположенные в два яруса (рис. 29.1). Стены расчленены карнизами и пилястрами с резными вставками. Плоскости стен снаружи украшены выпуклыми резными розетками и цветными вставками фресковых росписей (рис. 29.2–4). Здание перекрывала четырехскатная крыша, крытая зеленой поливной черепицей, цвет которой и дал название мечети (Зеленая мечеть, или Ешиль-Джами). Со стороны северного фасада имелся вход, к которому вела каменная лестница из двора мечети. К северо-восточному углу был пристроен небольшой минарет с граненым стволом.

Внутри мечети по периметру стен были по-

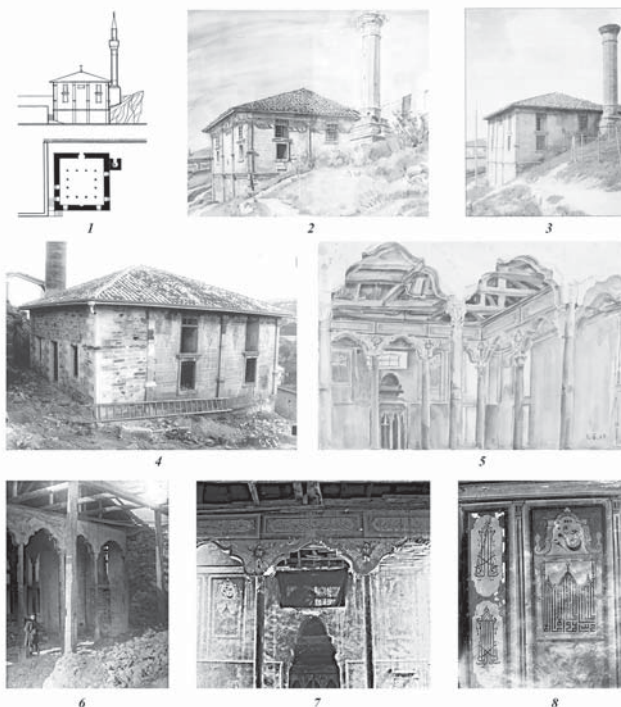

Рис. 29. Ешиль-Джами в Бахчисарае: 1 – план (рис. 3. Мамутовой по Свод..., 2016); 2 – вид с востока (рисунок К. Ф. Богаевского); 3 – вид с востока (фото С. С. Некрасова, 1912–15 гг.); 4 – вид с северо-запада (фонды БИКАМЗ); 5 – интерьер (рисунок К. Ф. Богаевского); 6 – интерьер; 7 – вид на михраб; 8 – росписи стен (фонды БИКАМЗ).

ставлены стройные деревянные столбы (по четыре с каждой стороны), на которые опирались сложнопрофилированные «барочные» арки (рис. 29.5–6). Аркады поддерживали потолочные балки. С северной стороны, на уровне верхних окон находились хоры (мафилы), которые, по мнению У. А. Боданинского и Б. Н. Засыпкина были «нескладно втиснуты в аркаду в ущерб архитектурной логике» [Засыпкин, 1927, с. 153], то есть сооружены позднее. В деревянном потолке мечети по центру был сделан небольшой декоративный куполок, из которого спускалась люстра венецианского стекла. В окна мечети, вероятно, верхние, как в Бахчисарайском дворце, были вставлены алебастровые рамы с цветными стеклами. Пол помещения мечети был выложен мраморными плитами.

Рис. 30. Квартальные мечети Бахчисарая: 1 – Молла Мустафа, фото 20-х гг. (Фонды БИКАМЗ); 2 – современный вид; 3 – Салачик Асма-кую, фото 20-х гг. (Фонды БИКАМЗ).

Особое впечатление на всех посетителей производили фресковые росписи в интерьере мечети, выполненные поэтом и живописцем Омером, которого также считали «хаттатом», то есть художником-каллиграфом [Засыпкин, 1927, с. 152–153; Гинзбург, 1992а, с. 217–222; Османов, 2013, с. 77–78; Свод, 2016а, с. 104–105]. Тимпаны арок были расписаны причудливо извивающимися растительными побегими с букетами роз в центре. Под потолком шел фриз с каллиграфически выполненными кораническими надписями. На стенах находились стилистические изображения мечетей и медальоны, заполненные арабской каллиграфией (рис. 29.7–8). На южной стене находился михраб со сталактитовой нишей. На надписи в левом углу от михраба было начертано: «Диляра. Рахимат Аллаху алейкума» [Свод, 2016а, с. 104]. «Автор фресок «Зеленой мечети» Омер был первоклассным мастером: все детали фресок, например, розы и цветы на арках, отлично нарисованы и написаны в приятных ро-

зовато-палевых тонах; на арках, стенах стихи из Корана написаны графически безукоризненно черной краской по белому полю... Стены были оштукатурены и окрашены в приятный зеленый цвет, только местами прерываемый живописными филенками и надписями», – писал Б. Н. Засыпкин [Засыпкин, 1927, с. 153].

Таким образом, Ешиль-Джами являет собой яркий пример позднеосманской архитектуры, находившейся под значительным влиянием европейского рококо. По планировке ее следует отнести к зальным мечетям, так как колонны, поддерживающие потолок, не делят пространство молельного зала на нефы, а только выделяют центральную часть квадратной, как и все помещение, формы.

В 20-е гг. XX в. стараниями архитектора КрымОХРИСа П. И. Голландского и директора Бахчисарайского музея У. А. Боданинского Ешиль-Джами была отремонтирована и приведена в порядок. Однако в годы оккупации здание было сильно разрушено, и в настоящее время мечеть не существует [Свод, 2016а, с. 106].

Мечеть Молла Мустафа в Бахчисарае также относится к отделу квадратных в плане зальных сооружений. Она построена приблизительно в 1730 г. [Свод, 2016а, с. 143–144]. Это небольшое здание с высокими каменными стенами и четырехскатной черепичной крышей (рис. 30.1–2). Окна расположены в два света: нижние прямоугольные, верхние – стрельчатые. При мечети имеется невысокий минарет, пристроенный к ее северной стене с западной стороны. По стилю он очень близок минаретам дворцовой мечети. Скорее всего, в XIX или начале XX в. мечеть перестраивалась.

Прямоугольные

Соборная мечеть Салачик Асма-кую в Бахчисарае [Османов, 2015, с. 83] представляла собой прямоугольное, вытянутое по меридиональной оси здание с четырехскатной черепичной крышей (рис. 30.3). К северной стене был пристроен невысокий каменный минарет с круглым стволом и простым, недекорированным шерефе. В настоящее время не существует [Османов, 2015, с. 84; Свод, 2016а, с. 19–20].

До наших дней сохранилась мечеть Тахта-Джами, или Осман-ага, в Бахчисарае. Это

прямоугольное в плане одноэтажное здание на высоком цоколе (рис. 31.1–3). Стены его сложены из хорошо обработанных каменных блоков, крыша черепичная, четырехскатная. Вход в здание находится в западной части северной стены, по центру к стене пристроен минарет. На западном и южном фасадах находится один ярус окон с полукруглым завершением, на восточном фасаде прямоугольные окна расположены высоко, под крышей. Со стороны улицы к зданию пристроен навес, который поддерживают деревянные столбы. Северная стена со входом находится ниже уровня улицы. Перед ней под навесом находится небольшое открытое помещение, в которое с улицы ведут ступени (рис. 31.4). В северной его стене находится фонтанчик для омовений, в восточной дверь, ведущая на соседний участок, где находился связанный с мечетью дом [Османов, 2014, с. 72–73]. Минарет имеет стандартную форму и состоит из прямоугольного в плане цоколя, переходящего с помощью усеченной пирамиды в круглый ствол. Карниз, поддерживающий шерефе, состоит из нескольких вогнутых и выпуклых поясов; плоскости каменного шестнадцатигранного парапета украшают цветочные розетки нескольких видов.

Соборная мечеть Орта-Джами в Бахчисарае представляет собой сильно вытянутое в меридиональном направлении здание. В плане оно имеет форму неправильного четырехугольника, так как западная стена слегка скошена (рис. 32.1). Как и все мечети Бахчисарая постройка имеет каменные стены, сложенные из обработанных блоков, и четырехскатную черепичную крышу (рис. 32.2–4). В помещении ведут два входа, расположенные по центру северной стены и в середине западной стены. Дверные проемы оформлены в виде ки-

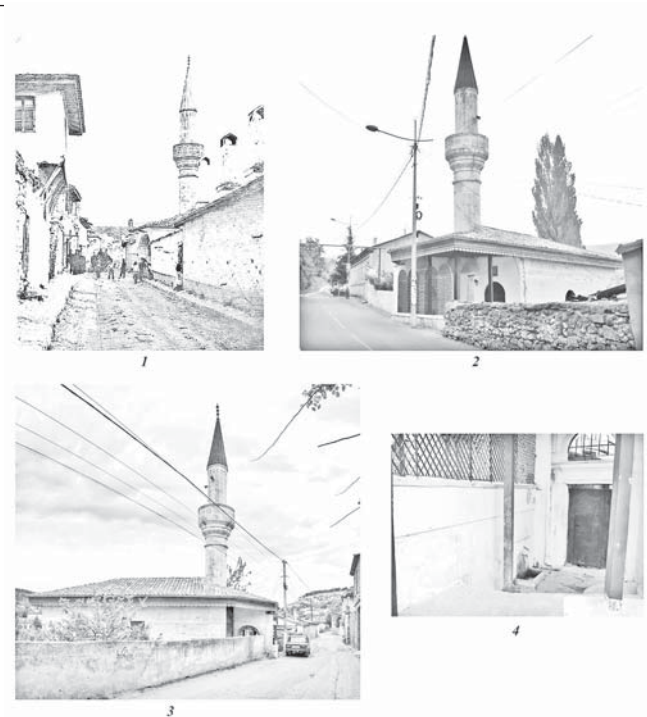

Рис. 31. Мечеть Тахталы-Джами в Бахчисарае: 1 – вид с запада, фото С. С. Некрасова, 1915 (Свод, 2016а); 2 – вид с запада; 3 – вид с востока; 4 – помещение перед входом (фото автора, 2019 г.).

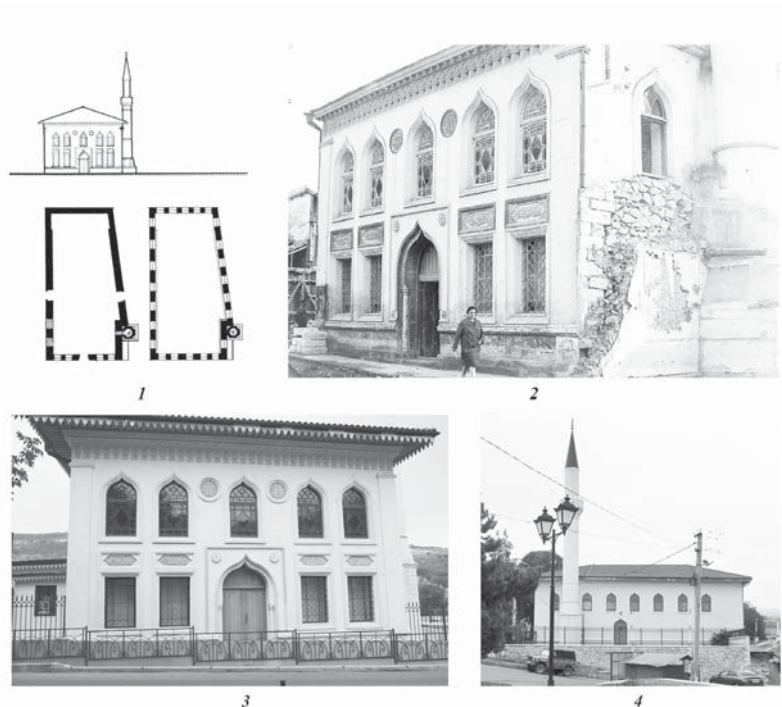

Рис. 32. Мечеть Орта-Джами в Бахчисарае: 1 – план (черт. З. Мамутовой по Свод, 2016а); 2 – фото 1920-х гг. (Фонды БИКАМЗ); 3 – современный вид с севера; 4 – вид с запада (фото автора, 2019 г.).

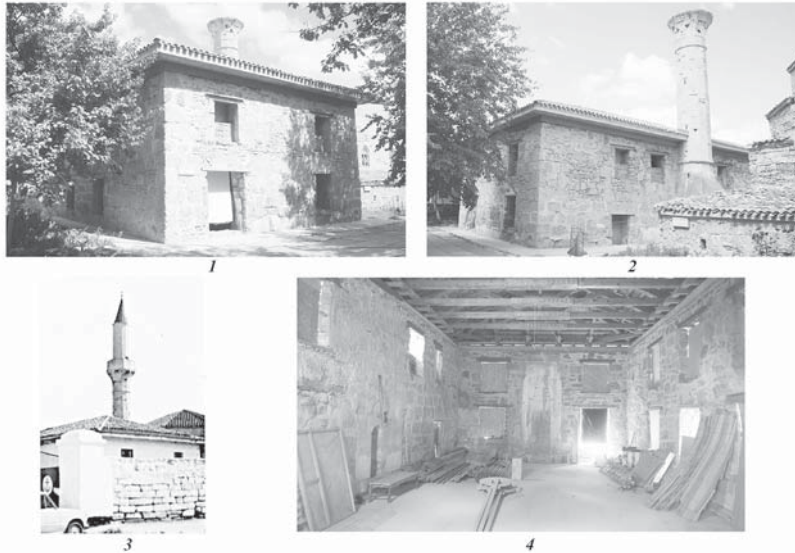

Рис. 33. Мечеть Шукурла-эфенди в Евпатории: 1 – вид с юго-запада; 2 – вид с юго-востока (фото 2019 г.); 3 – минарет до реставрационных работ 1986 г. (по В. А. Кутайсов, Кутайсова, 2007); 4 – интерьер (фото автора, 2019 г.).

леводных арок. В северной стене два яруса окон: в нижнем – прямоугольные, забранные железными решетками, верхние – с килевидным завершением и цветными стеклами. Такие же витражные окна килевидного очертания расположены на уровне второго яруса в восточной и западной стенах. На северном фасаде над окнами нижнего яруса имеются вставки прямоугольной формы с резными кораническими надписями, а по сторонам среднего окна второго яруса – два круглых медальона также с эпиграфической резьбой. К западной стене пристроен стройный минарет, повторяющий формы минаретов Большой Ханской мечети.

Мечеть Орга-Джами предположительно построена во второй половине XVI – первой половине XVII вв. [Османов, 2015, с. 87], но в 1861 г. она была капитально перестроена [Свод, 2016а, с. 115] и, вероятно, такой ее внешний вид относится уже к XIX в. В 2012–2013 гг. была проведена реконструкция мечети, и в настоящее время она выглядит совершенно обновленной.

К зальным постройкам прямоугольного плана относится и здание мечети при текие Шукурла-эфенди в Евпатории (рис. 33). Мечеть имеет размеры 16,8 x 10 м. Стены здания сложены из

обработанных каменных квадратов и необработанных камней. Перекрытие плоское, деревянное. Крыша крыта черепицей. Вход в мечеть расположен по центру северной стены, напротив михраба. Помещение освещают два яруса простых прямоугольных окон. Михрабная ниша в южной стене имеет простую форму: ее конха состоит из шести уступов, которые заканчиваются вытянутым полукуполом. В настоящее время в мечети ведутся реставрационные работы. Это здание предположительно построено в 70-е гг. XVIII в. при Шагин Герае на месте более ранней мечети [Кутайсов, Кутайсова, 2007, с. 105].

От ранней мечети, постройка которой, возможно, относится к концу XVII–XVIII вв., сохранился минарет, встроенный в восточную часть мечети. Он сложен из тщательно отесанных блоков известняка. Цоколь минарета высотой 2,6 м квадратный в плане, со стороной 2,36 м. На призматическое основание поставлена усеченная пирамида, на которой стоит двенадцатигранный ствол минарета. В стволе имеется три узких окна, обращенных на юг. На высоте 11 м на стволе сделан балкон-шерефе с ограждением из плоских плит. Венчает минарет коническое деревянное перекрытие с медным навершием (алемом) с двойным полумесяцем. Общая высота минарета 20,07 м. Вход в минарет в виде проема с полуциркульным завершением находится в восточной стене мечети, внутри ствола минарета сооружена лестница в 54 ступени, ведущая на шерефе [Кутайсов, Кутайсова, 2007, с. 94–95, 105].

Таким образом, очевидно, что планировка всех зальных мечетей достаточно единообразна, поэтому не имеет смысла описывать их все. Кроме того, о большинстве зафиксированных в настоящее время мечетей периода Крымского ханства имеется мало данных. С достаточной долей уверенности можно предполагать, что все небольшие мечети с плоским перекрытием от-

носились к подгруппе зальных построек. К ним можно отнести известные по фотографиям мечети Бахчисарая и Бахчисарайского района, такие как Асма-кую, Шах-Булат, Баба-Курт, Маличага, Шабан-молла, Хаджи-кокей, Сувлу-коба, Бурма-чешме, дер. Сююрташ [Мечети..., 2016], мечеть Сахиб Герай-хана в Улаклы, мечети в селах Сююри-Таш, Янджу, Коклуз, Бахадыр [Свод, 2016б], а также сельские мечети Степного Крыма [Мечети..., 2016]. Несомненно, мечети простейшей планировки строились в качестве квартальных и даже соборных во всех городах и селениях Крыма, но, к сожалению, сведений о них сохранилось немного.

Крымские мечети с плоским перекрытием также находят многочисленные аналоги на территории Турции. Прежде всего это относится к постройкам в виде базилик. Как уже упоминалось, мечети базилической планировки получили широкое распространение в Малой Азии сельджукского периода, и именно базилика лежит в основе «официальной сельджукской мечети» [Кононенко, 2017а, с. 166, 218], а купольные здания строятся, в основном, для небольших квартальных мечетей. Мечети базилической планировки весьма многочисленны. Это Кале-Джами в Дивриги (1180 г.), мечеть Алаеддина в Нигде (1223 г.), Большая мечеть Эрзерума (1135 г.), Улу-Джами в Кайсери (1140 г.) и Дивриги (1229 г.), Улу-Джами Сиваса, мечеть Алаеддина в Конье (XII в.), Большая мечеть в Зиврихисаре (XIII в.) [Hillenbrand, 1994, p. 482–484]. Среди этих зданий выделяется большая группа «деревянных» мечетей, в которых колонны, выполненные из дерева, поддерживают плоский деревянный потолок [Aslanapa, 1971, p. 121–123; Hayes, 2015]. Стены построек сложены из камня. Причем в эту группу входят достаточно большие пятничные мечети такие как Сахиб Ата-Джами в Конье 1279–80 гг., Улу-Джами в Афьоне 1272, Улу-Джами в Зиврихисаре 1274–75 гг., Ахи Середеддин-Джами в Анкаре 1289–90 гг., Эшрефоглу-Джами в Бейшехире 1277 г. (рис. 34.1–5, 35). Именно эти здания, вероятно, послужили образцами для возведения крымских базилических мечетей, которые, впрочем, гораздо скромнее и меньше по размерам. Из турецких мечетей им наиболее близка по плану Улу-Джа-

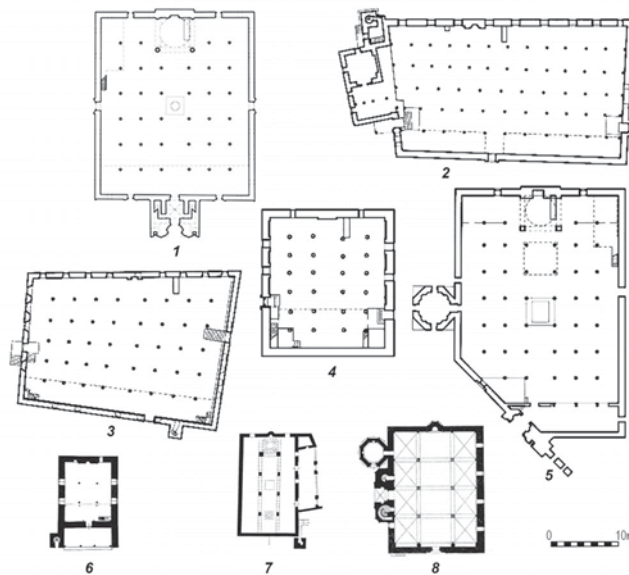

Рис. 34. Турецкие мечети с деревянным плоским перекрытием: 1 – Сахиб-Ата-Джами в Конье, 1279–80 гг.; 2 – Улу-Джами в Афьоне, 1272; 3 – Улу-Джами в Зиврихисаре, 1274–75 гг.; 4 – Ахи-Середеддин-Джами в Анкаре, 1289–90 гг.; 5 – Эшрефоглу-Джами в Бейшехире, 1277 г.; 6 – Махмуд-бей-джами в Касабакее, XIV в.; 7 – Улу-джами в Байбурте, 1283–1298; 8 – Сунгур-бей-Джами в Нигде, 1335 г. (по Hayes, 2010; Кононенко, 2017а).

ми в Байбурте (рис. 34.6) конца XIII в. [Кононенко, 2017а, с. 228], но у нее есть небольшой купол перед михрабом и световой люк. Однако, в Малой Азии постсельджукского периода есть здания и без этих конструктивных элементов, например, Сунгур-бей-Джами в Нигде 1335 г., Махмуд-бей-Джами в Касабакее 1366 г., (рис. 34.6, 8) [Кононенко, 2017а, с. 381–383, 392–398].

В османской Турции мода кардинально меняется, и возникает особый архитектурный тип «большой османской мечети», который характеризуется общностью архитектурной композиции, состоящей из центрально-купольного молитвенного зала, окруженного галереями (сводчатыми либо купольными) двора и парных минаретов, расположенных на углах здания [Кононенко, 2018]. Но, несмотря на новые тенденции, базилические мечети не исчезают полностью и одновременно. Они продолжают строиться в

Рис. 35. Мечети Малой Азии с деревянным перекрытием: 1 – Улу-Джами в Афьоне, интерьер; 2 – Эшрефоглу в Бейшехире; 3 – Эшрефоглу в Бейшехире, интерьер (по Н. Stierlin, 1998).

Рис. 36. Панорама Бахчисарая, рисунок Туманского (1730 г.?), вероятно, копия гравюры XVI в.: 1 – общий вид; 2 – фрагмент с изображением Большой мечети (архив БИКАМЗ).

XIV–XV вв. в некоторых бейликах (например, в Карамане) [Кононенко, 2017а, с. 398–408].

В Крыму, который являлся далекой провинцией Османской империи, прослеживаются обе традиции. Так, например, в Бахчисарае, который являлся столицей Крымского ханства, известны исключительно мечети с плоским перекрытием, то есть старого сельджукского образца. В связи с этим следует рассмотреть гипотезу, выдвигаемую некоторыми исследователями, о том, что Большая мечеть в Ханском дворце изначально была многокупольной постройкой. В частности, эта версия изложена на стенде с описанием мечети в Бахчисарайском дворце. Основана она на рисунке некоего Туманского, на котором изображено многокупольное здание (рис. 36). Однако, если мы вновь обратимся к описанию Эвлии Челеби (см. выше), то он однозначно описывает базилику с балочным потолком, который поддерживают деревянные колонны [Эвлия, 2008, с. 105]. Челеби упоминает один купол, а не несколько. У деревянных мечетей может быть небольшой купол перед михрабом (Сахиб Ата-Джами в Конье, Эшрефоглу-Джами в Бейшехире), но он все же опирается на каменные колонны. Купол, описанный Челеби, крыт дранкой, «торчащей как иглы ежа», следовательно, он не каменный, а деревянный. Такой купол мог поддерживаться и деревянными столбами. В Большой мечети нет конструктивных элементов, на которые могли опираться каменные купола, это типичная базилика с деревянными колоннами, которые при реставрации после пожара были заменены на каменные. Что касается рисунка Туманского, то он приводится обычно без нижнего поля, на котором написано: «Город Бахчисарай, реконструкция». Реконструкция сделана со слов У. А. Боданинского и является весьма гипотетичной.

Генетически связаны с базилическими постройками зальные мечети с плоским перекрытием. Это самые простые здания, для постройки которых не требуется особого мастерства. Именно поэтому они и составляют большинство квартальных и сельских мечетей. Примечательно, что в плане они бывают как квадратные, так и прямоугольные, вытянутые в меридиональном направлении. Э. Э. Османов предположил, что квадратные в плане мечети изначально были пе-

рекрыты куполами, потом купола разрушились, и их заменили на четырехскатные крыши (Османов, 2014, с. 65). Но для возведения куполов нужны мощные стены часто с контрфорсами, кроме того в купольных мечетях должен быть переход от четверика к восьмиерику. Шатровыми крышами обычно перекрыты небольшие и скромные здания, без всяких следов восьмиерика. Скорее всего, в них шатровые крыши просто являются упрощенной версией куполов. Что касается прямоугольных зальных мечетей, то они сродни базиликам, но лишены колонн в интерьере.

Подводя итог, можно отметить, что архитектура мечетей Крымского ханства складывалась под сильным турецким влиянием. Здесь продолжают строиться базиличные здания, которые следуют традиции сельджукской архитектуры, возводятся однокупольные мечети, характерного для османской Турции облика, и даже пышные многокупольные здания с высокими стройными минаретами, являющиеся «визитной карточкой» турецкой архитектуры.

Минареты

Минареты составляют с мечетями единый архитектурный ансамбль. Поэтому совершенно естественно, что большая часть крымских минаретов также построена по турецким образцам (рис. 37). Основание их представлено квадратной или прямоугольной в плане призмой, которая имеет значительную высоту. Цоколь при помощи усеченной пирамиды переходит в круглый или многогранный ствол, в верхней части которого находится балкончик – шерефе. Балкон поддерживает сталактитовый пояс или несколько карнизов различной формы, каменное ограждение его часто украшено резными розетками. Над шерефе находится башенка с высокой кони-

Рис. 38. Минареты – «мимбары»: 1 – в Евпатории; 2 – в Партените; 3 – в Азизе (20-е гг.); 4 – в Азизе (современный вид); 5 – Бахчисарай, приход Хаджи-Кокей; 6 – Бахчисарай, приход Сувлу-Коба; 7 – Бахчисарай, мечеть Торгай-Джами; 8 – Бахчисарай, мечеть Шах-Булат; 9 – Бахчисарай – квартальная мечеть; 10 – Бахчисарай, приход Деббаг; 11–14 – сельские мечети; 15 – мечеть Калайджиоглу в Кайсери, XVIII в. (по Мечети..., 2016; Мирас..., т. 2, т. 3, 2016; <https://www.crimeantatars.club>).

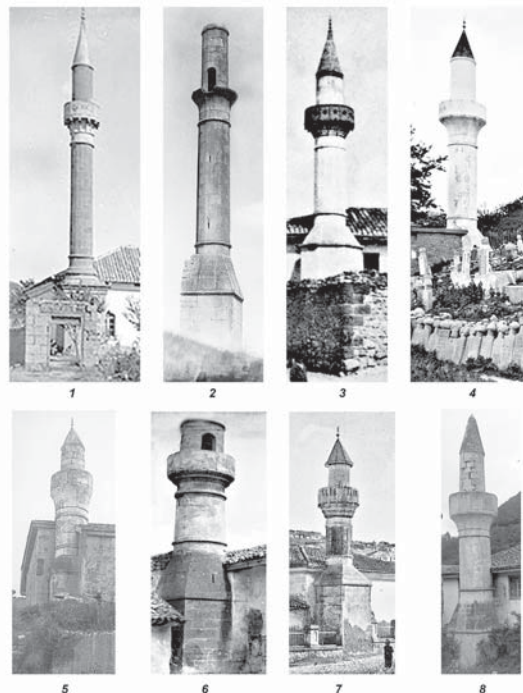
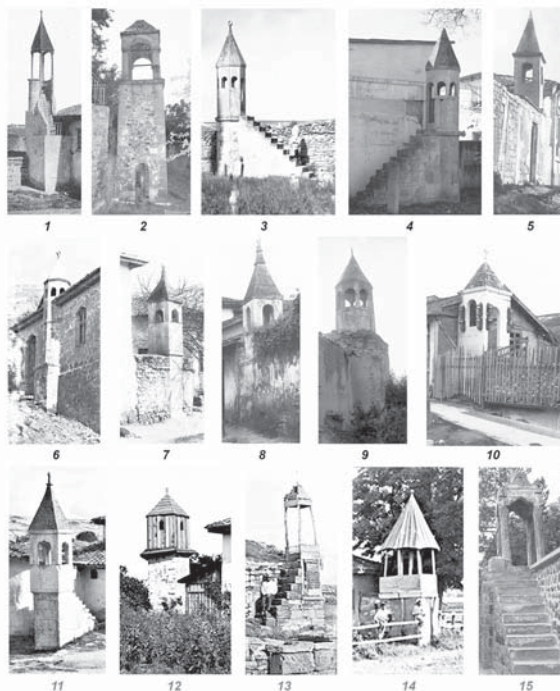

Рис. 37. Минареты «турецкого образца»: 1 – в Отузах; 2 – Ханлык в Карасубазаре; 3 – в Симферополе; 4 – Бахчисарай, приход Кады-Маале; 5 – в Эски-Юрте; 6 – квартальной мечети в Карасубазаре; 7 – в Феодосии; 8 – приход Асма-кую в Салачике (по Мечети..., 2016; Мирас..., т. 1, т. 2, 2016; <https://www.crimeantatars.club>).

ческой или пирамидальной крышей, увенчанной алемом. Постройки различаются лишь пропорциями. Они могут быть высокими, стройными, устремленными в небо. Таковы минареты мечетей в Карагёзе, Колеч-Мечети, Муфти-Джами и мечети Селима в Кефе, Джума-Джами и Шукурла-Эфенди в Гёзлеве, Шор-Джами, Биюк-Джами и Ханлык в Карасубазаре, Большой мечети Ханского дворца Тахталы-Джами, Орта-Джами, Ешил-Джами в Бахчисарае, мечети в Отузах (рис. 3, 5, 9, 17, 21, 24, 26, 27, 29, 30, 32, 36, 37). У минаретов мечетей Биюк-Джами и Текие Хан-Джами в Карасубазаре было по два балкончика. Минареты мечетей Шейх-кой, Салачик Асма-кую, квартальных мечетей в Карасубазаре и Феодосии имеют очень невысокий ствол, что придает всей постройке приземистые очертания (рис. 11, 37). Однако, несмотря на различия в пропорциях, архитектура этих минаретов одинакова.

В Крыму существует и другая форма минаретов – это постройки в виде каменных мимбаров (рис. 38), стоящие на улице рядом с мечетью и выполняющие функции минаретов. Обычно такие минареты строились при небольших квартальных или сельских мечетях. Наружная лесенка ведет в открытый балкончик многогран-

ной или квадратной в плане формы с шатровой крышей. У минарета в Партените (рис. 38.2) лесенка находилась внутри цоколя постройки. В небогатых сельских мечетях верхняя «башенка» такого минарета могла быть сделана из дерева (рис. 38.12–14). Б. Н. Засыпкин отмечал эту форму крымских минаретов и считал, что они заключают в себе «традиции глубокой древности» [Засыпкин, 1927, с. 156]. Однако такая форма сооружений появляется только в период Крымского ханства и получает распространение именно в Крыму. В Турции такие минаретики с павильоном на вершине лестницы встречаются редко. В качестве примера можно привести минарет мечети Калайджиоглу в Кайсери XVIII в. (рис. 38.15).

Заведения благочестия

Текие

В Крыму существовали и другие учреждения, связанные с религиозным культом. К ним относятся ханака, или текие, которые служили обителями дервишей. Возникновение их связано с распространением суфизма – мистического течения в исламе. Суфизм, возникший уже в VII в., сначала считался еретическим отклонением от ислама, но уже в XI в. был официально признан. Дервишские ордена суфиев имели строгую иерархическую организацию, во главе которой стоял шейх (пир), обладающий неограниченной властью. Члены общины суфиев жили в специально отведенных зданиях и совершали совместные обряды и мистические радения. Поэтому композиционным центром в большинстве текие является большой купольный зал для коллективных ритуалов. Вокруг него группируются молельни, жилище основателя, художры членов общины, кухня, кладовые. В больших текие часть помещений может быть сгруппирована вокруг частично или полностью перекрытого дво-

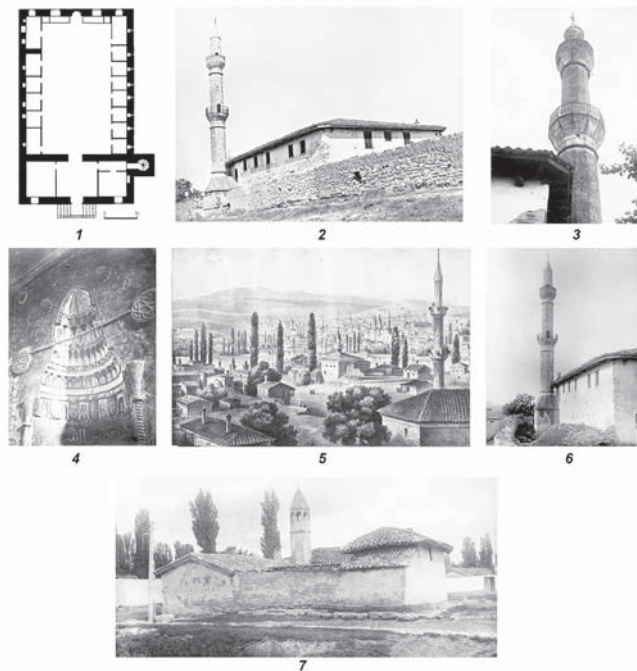

Рис. 39. Текие: 1 – Хан-джамии в Карасубазаре (план); 2–3, 6 – Хан-джамии, фото 20-х гг.; 4 – михраб мечети Хан-джамии; 5 – Карло Боссолли, вид Карасубазара, 1842 г., справа, вероятно, Хан-Джами; 7 – текие в Карасубазарском районе, фото 20-х гг. (по Б. Н. Засыпкин, 1927; Мечети..., 2016; Мисас..., т. 3, 2016; <https://www.crimeantatars.club/>; <https://maximus101.livejournal.com/>).

ра [Стародуб, 1989, с. 272; 2004, с. 95–98]. В отличие от ортодоксального ислама, для суфизма характерен культ святых могил, поэтому ханака (текие) обычно строятся при гробницах, в которых похоронены почитаемые члены суфийского ордена. Часто текие строились как большие благотворительные комплексы, выполнявшие различные функции. В их состав входили отдельно стоящая мечеть, минарет, общественная столовая с кухней, жилые помещения для шейха и его семьи, купольная галерея с худжрами для паломников, общественные источники, сады, водоемы, мазары и кладбище (Стародуб, 1989, с. 276–277).

Текие получили распространение в Крыму уже в XIII в. [Абдульвапов, 2006; Эмиров, 2013]. Ибн Баттута, проезжавший через Крым в 1332–33 гг., описывает «скит» шейха Эльхоросани в Солхате [Тизенгаузен, 1884, с. 281]. Эвлия Челеби в XVII в. упоминает многочисленные текие в Крыму: девять в Бахчисарае, одно в Азизе, три в Гёзлеве, три в Ак-Месджите; четыре в Карасубазаре, одно в Керчи [Эвлия, 2008].

На основе анализа разнообразных источников Н. Абдульвапов описывает возможное месторасположение мусульманских духовно-религиозных центров, связанных с суфизмом [Абдульвапов, 2006]. К ним относится обитель при могиле Гази Мансура (в окрестностях Чуфут-Кале), которая была основана, по преданию, в первой трети XV в. и, вероятно, обновлена ханом Менгли Гераем I и впоследствии получила значительную материальную поддержку со стороны последнего крымского хана Шагин Герая [Свод, 2016а, с. 14–15]. Просуществовала она вплоть до 1930-х гг. Еще одна обитель находилась в Азизе, на территории древнего кладбища средневекового городища Эски-Юрт, в окружении ряда мавзолеев крымской знати. Она была построена (или обновлена) предположительно в середине XVII в. ханом Мехмед Гераем IV (1641–44, 1654–66) и принадлежала братству «вращающихся деревьев» – мевлеви. В 1914 г. для неё было отстроено новое здание, которое одновременно стало исполнять функции и мечети. Просуществовала обитель-мечеть до 1950-х гг., когда была разрушена, и на её месте возник городской базар [Свод, 2016а, с. 158]. Также религиозными центрами Н. Абдульвапов считает селения Колеч-Мечеть,

Шейх-Кой и две обители при могилах Чобан Ата и Кемаль Ата в Старом Крыму.

Несмотря на обилие исторических сведений о текие в Крыму, дать развернутый анализ их архитектуры невозможно, так как они не дошли до наших дней. Б. Н. Засыпкин описывает еще существовавшее в то время Текие-Хан-Джами в Карасубазаре [Засыпкин, 1927, с. 148–151]. Со ссылкой на У. А. Боданинского он приводит дату постройки обители – 1727 г. (правление Менгли Герая II). Считается, что оно построено шейхами, выходцами из Конии. Как большинство текие, обитель в Карасубазаре состояла из комплекса построек, но к 20 гг. XX в. сохранилось только главное здание обители (рис. 39.1–6). Здание было прямоугольным в плане (рис. 39.1) размерами примерно 23 x 13,7 м.⁶ Стены его были сложены из бутового камня на глиняном растворе с примесью песка и соломы и оштукатурены. Крыша покрыта черепицей. Вход в здание находился с северной стороны. Перед дверью было сооружено двойное крыльцо с площадкой, перекрытое односкатной крышей, которую поддерживали четыре деревянные колонны.

Внутреннее пространство здания разделено на две неравные части. С северной, меньшей части находились три помещения: кухня с камином и коридор, ведущий к минарету, с западной стороны и служебное помещение – с восточной. Проход в южной стене вел в помещение мечети размерами 8,1 x 14,5 м, перекрытое деревянным потолком, в центре которого был сделан резной деревянный плафон. В южной стене напротив входа находился михраб (рис. 39.4), низ которого выложен майоликовыми плитками с изображением цветочного орнамента. Б. Н. Засыпкин приводит его подробное описание: «...михраб представляет собой почти точную аналогию михрабу мечети Шор-Джами и представляет из себя семигранную нишу, увенчанную полусводом из семи основных рядов разных рельефных арабесок, но только не сталактитов. По углам ниши две тонкие витые $\frac{3}{4}$ колонки с простыми коническими капителями... Гладь стены и тимпана ограничена прямоугольной рамой. В тимпане размещены пять плоских розеток, две из них рельефные. Весь михраб утерял архитектурное

⁶ Размеры вычислены по плану Б. Н. Засыпкина.

взаимоотношение своих частей, и его декоративность подчеркивается росписью и применением расписных плиток» [Засыпкин, 1927, с. 150–151].

С западной и восточной сторон молельного зала мечети находились боковые нефы, которые имели два этажа. В первом этаже находились худжры (кельи), по восемь с каждой стороны. Они соединялись с залом маленькими дверками и освещались небольшими окнами в виде бойниц, которые закрывались снаружи ставнями. На втором этаже находились галереи с обращенными к мечети окнами, закрытыми деревянными решетками (кафесами).

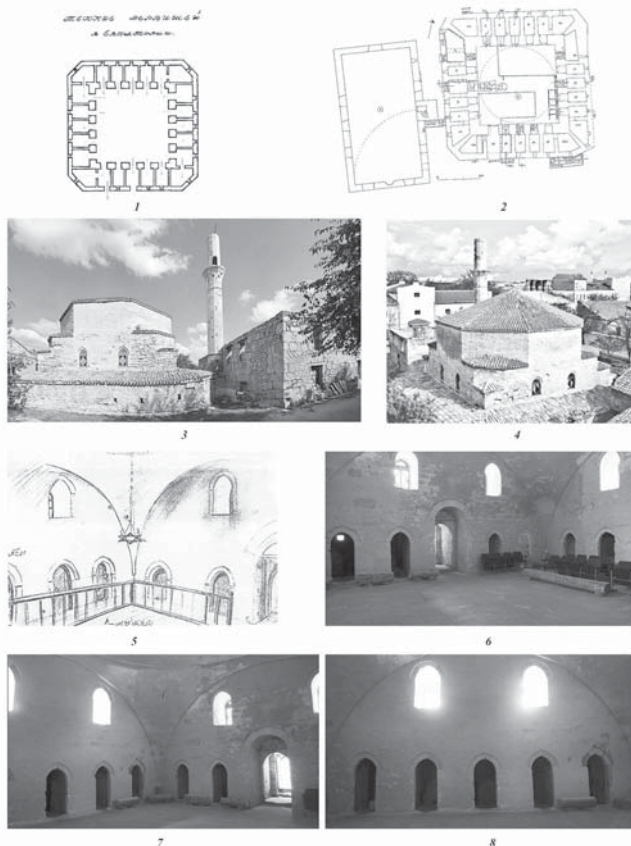

Рис. 40. Текие в Евпатории: 1 – план 1926 г. Б. Н. Засыпкина (ГНИМА Арх. 1697, по Мирас..., 2016); 2 – план мечети и текие (по В. А. Кутайсов, Кутайсова, 2007); 3 – текие и мечеть, вид с севера; 4 – вид с юго-востока; 5 – юго-западный угол купольного зала, рис. У. Боданинского, 1925 г. (по В. А. Кутайсов, Кутайсова, 2007); 6 – северо-восточный угол купольного помещения; 7 – юго-восточный угол; 8 – южная стена (фото 2019 г.).

К западной стене мечети был пристроен минарет стандартной формы. Отличительной особенностью его является наличие двух шерефе (рис. 39.3). Б. Н. Засыпкин относит постройку здания текие к началу XVIII в. [Засыпкин, 1927, с. 151].

В 20-е гг. XX в. существовало текие в Кара-субазарском районе (рис. 39.7). Структура его не ясна, на фотографии видно только, что оно состояло из нескольких, пристроенных друг к другу зданий, одно из которых являлось мечетью с минаретом.

Достаточно известно текие в Азизе, построенное по указанию крымского хана Мухаммеда Герая в XVI в. (Свод, 2016а, с. 158). Здание его мечети было перестроено в начале XX в., и от старого текие остался только минарет в виде мимбара (рис. 38.3,4).

Единственный дошедший до наших дней комплекс текие – это текие «Шукурла-эфенди» в Евпатории. Комплекс состоит из мечети с минаретом, здания обители дервишей (рис. 40.2,3) и примыкавшего к ним здания кофейни. Как показали археологические раскопки, в конце XVII – начале XVIII вв. была возведена мечеть с минаретом. Затем при Шагин Герае (1777–1783 гг.) построена обитель, а обветшавшая мечеть отстроена заново [Кутайсов, Кутайсова, 2007, с. 105]. В конце XIX в. в комплекс включена кофейня.

Здание дервишской обители представляет собой квадратную в плане (со скошенными углами) постройку, ступенчато сужающуюся кверху. Конструктивно здание можно разделить на две части. По данным раскопок, первоначально было возведено квадратное (11,85 x 11,8)⁷ в плане здание, перекрытое куполом. С наружной стороны четверик его нижней части путем двойного среза углов с наружной стороны переходит в восьмиугольник, перекрытый шатровой крышей с черепичным покрытием. Стены здания толщиной 1,2 м сложены из блоков тщательно отесанного известняка. Снаружи центральную часть по периметру опоясывает невысокая пристройка, в которой расположены кельи. Внешние стены келий толщиной 0,6–0,65 м двухпанцирные, сложенные из разнокалиберного бута на глине. Пристройку перекрывает черепичная крыша, которая имеет

⁷ Все размеры даны по [Кутайсов, Кутайсова, 2007].

небольшой скат к внешнему краю. Общие размеры здания составляют 17,5 x 17,26 м.

Главный вход в здание находится в центре западной стены. Проем перекрыт с внешней стороны стрельчатой, а с внутренней – полуциркулярной арками. Он вел в центральное помещение размерами 9,26 x 9,33 м, которое перекрыто сферическим куполом диаметром 9 м. Купол опирается на четыре паруса и четыре подпружные псевдоарки, оформленные в виде полуциркулярных ниш в боковых стенах. Щель купола находится на высоте 9,5 м от уровня пола. К замковому камню купола крепится канат люстры, освещающей зал. В верхней части парусов вмонтированы керамические сосуды, исполняющие роль голосников. Стены и поверхность купола покрыты штукатуркой. В каждой из четырех стен устроено по два окна стрельчатого абриса. На карандашном рисунке У. Боданинского, выполненном в 1925 г. (рис. 40.5), видно, что вдоль стен зала проходила балюстрада, имевшая разрыв напротив входа. Под куполом была подвешена шестиугольная люстра, на которую устанавливали свечи. Кроме того, исследования показали, что по периметру стен был сделан деревянный балкон, от которого остались гнезда балок, но, судя по рисунку, в 20-е гг. его уже не было.

По периметру зала находится 19 дверных проемов, ведущих в кельи: по пять в северной, восточной и южной, и четыре в западной, так как пятый проем является входным. Все проемы имеют стрельчатое очертание, верхнее арочное завершение их немного заглублено в плоскость стены. На рисунке У. Боданинского видно, что проемы закрывались деревянными дверьми.

По планировке кельи делятся на три типа. Вдоль стен располагались небольшие прямоугольные в плане камеры размерами 2,12–2,2 x 1,1 м и высотой 1,7–2,0 м. Все кельи перекрыты полуциркулярными сводами, напротив входа в стенах сделаны маленькие световые окна в виде амбразур, в сводах устроены вентиляционные окна, накрытые черепицей. Полы были глинобитными и находились по уровню несколько ниже, чем в зале и проходах, ведущих из него. В углах находились двойные спаренные кельи, которые также соединялись с центральным залом. Они состояли из небольшого тамбура, соединенно-

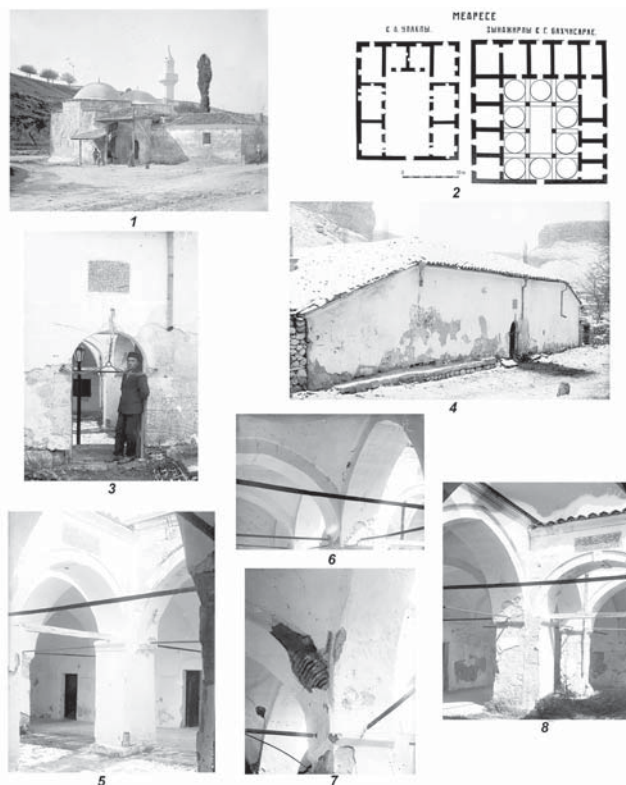

Рис. 41. Медресе: 1 – Орта-медресе; 2 – Ула-клы и Зынджирлы, планы; 3 – Зынджирлы, вход; 4 – Зынджирлы фасад; 5–8 – Зынджирлы, интерьеры, фото 20-х гг. (по Мирас..., т. 1, 2016).

го с пятиугольным помещением кельи дверным проемом размерами 1,3 x 0,6 м. Кельи были перекрыты сложными сводами и также имели световые и вентиляционные окна. В северо-западном углу находилась «келья шейха». Она состоит из помещения первого типа, которое соединено с большим пятиугольным помещением площадью около 7 кв. м. Эта комната разделена на две части полуциркулярной аркой и имеет два арочных проема, которые соединяют ее с двором и центральным залом. В западной стене здесь помимо обычного светового окна сделано относительно большое прямоугольное окно. В этой келье был также устроен камин, заглубленный в стену.

Таким образом, два известных нам здания текие в Крыму имеют разные планировку и структуру. В Карасубазаре – это прямоугольная в плане мечеть с плоским перекрытием, и кельи дервишей находятся в боковых нефках мечети и соединяются непосредственно с ней. В Гёзлеве

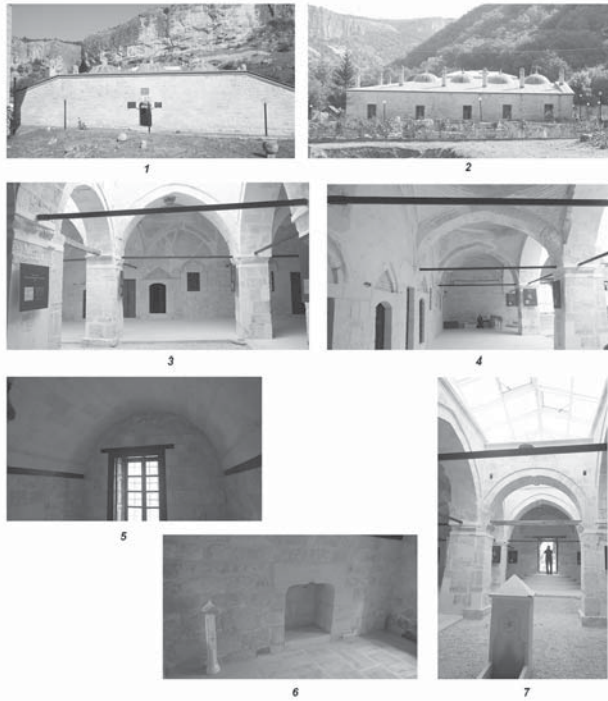

Рис. 42. Медресе Зынджирлы, современный вид: 1 – фасад; 2 – вид сбоку; 3–7 – интерьеры (фото автора, 2019 г.).

здание текие – центрическое, купольное. Кельи группируются вокруг квадратного зала для проведения ритуалов, а мечеть находится в соседнем здании. По планировке текие Карасубазара напоминает медресе Али Паша в Диярбакыре XIII в. и ханака (текие) в Баяликёе раннеосманского времени (рис. 43.1–2) [Hillenbrand, 1994, p. 518]. Центрическое здание текие Шукурлаэфенди близко по планировке купольным медресе Малой Азии (рис. 43.3–5).

Учреждениями, связанными с мусульманской религией, являются также медресе – высшие учебные заведения, в которых преподавали богословие (Коран и хадисы) и право (фикх). Часто наряду с этими предметами велось преподавание математики, риторики, языкознания, медицины. Медресе служили для подготовки не только духовных лиц, но и различных чиновников, в которых нуждалось государство. В Крыму эти учебные заведения были во всех крупных городах. Э. Челеби упоминает о них при описании Инкермана, Салачика, Бахчисарая, Азиае, Керчи и Качи. В Гёзлеве и Ак-Месджите было по два

медресе, а в Карасубазаре целых пять [Эвлия, 2008]. В 20-е гг. XX в., когда началось активное изучение культуры Крымского ханства, большая часть этих построек была уже утрачена.

В Бахчисарае находился комплекс Орта-медресе (рис. 41.1), который был построен в XVII в. и включал в себя медресе, мечеть, дюрбе и постоянный двор (хан). Здание медресе было перестроено в начале XX в., поэтому планировка первоначальной постройки не известна.

В архивах хранится чертеж медресе в деревне Улаклы, выполненный архитекторами группы Б. Н. Засыпкина (рис. 41.2). Это прямоугольное в плане здание размерами 18 x 21 м. К восточной, северной и западной стенам примыкали небольшие прямоугольные в плане комнаты, в которых, вероятно, находились худжры и помещения для занятий. Центральную часть здания занимало большое помещение, которое было полностью или частично открытым. О том, что здесь было много света, свидетельствует тот факт, что во всех комнатах, расположенных по периметру, имелись окна, выходящие не только на улицу, но и в центральный зал. Учитывая небольшие размеры здания и относительно холодный климат Крыма, можно предположить, что зал имел крышу, но в ней был сделан световой фонарь.

Единственное сохранившееся здание медресе эпохи Крымского ханства находится в Салачике. Оно было воздвигнуто в начале XVI в. при Менгли Герае. Основанием для датировки является вмонтированная над входом плита с тарихом, на котором указано имя хана и 1500–1501 гг. [Свод, 2016а, с. 25]. Название его переводится как «медресе с цепью», так как в дверном проеме висит цепь для того, чтобы каждый входящий в храм науки склонял голову. Здание одноэтажное, прямоугольное в плане (рис. 41.2). Размеры его 27 м с севера на юг и 25 м с востока на запад, общая площадь – 675 кв. м. Стены сложены из обработанных каменных блоков, крыша была покрыта черепицей. Главный южный фасад глухой, с входом посередине (рис. 41.3–4). Внутри помещения ведут ступени, так как пол его находится на 1,2 м ниже уровня земли.

Внутри вдоль восточной, северной и западной стен располагаются прямоугольные в плане комнаты. Все они соединяются с центральной частью

здания. Комнаты перекрыты циркульными сводами и освещаются при помощи больших окон во внешних стенах. Отапливались они каминами. Небольшие помещения вдоль меридиональных стен могли быть худжрами учеников, в большей по размерам северо-восточной комнате мог помещаться наставник. Комнаты вдоль северной стены, которые также имеют большие размеры, возможно, использовались для занятий. В середине здания находится открытый дворик, в центре которого был сделан фонтан. Дворик окружен галереей, перекрытой десятью небольшими куполами на парусах. Купола поддерживают подпружные арки стрельчатого очертания, перекинутые от стен к массивным квадратным колоннам и между колоннами (рис. 41.5–8). Так как зимой в Крыму бывает достаточно холодно, можно предположить, что в древности дворик не был открытым. Скорее всего, его перекрывал световой фонарь. В 2003–2008 гг. была произведена полная реставрация здания (рис. 42).

Медресе Зынджирлы не находит прямых аналогий среди турецких памятников. В Малой Азии известны различные типы планировки подобных заведений. Так, медресе Сырчалы в Конье, Гёк-медресе в Токате и медресе мечети Хунад Хатун в Кайсери XIII в. имеют два айвана, один из которых является входным, а другой исполняет функции мечети. В областях, связанных с Ираном, господствует четырехайванная планировка: ряд худжр, опоясывающих внутренний двор, прерывается в середине айванами, которые имеют обычно сводчатое перекрытие. Перед худжрами расположены аркады на прямоугольных пилонах или колоннах круглого сечения, а в центре двора – фонтан. Такова в общих чертах планировка Чифте Минаре в Эрзеруме, Гёк-медресе и медресе Музаффара Бюрюджи в Сивасе XIII в. В некоторых постройках внутренний двор перекрыт куполом. К ним относятся медресе Бююк Каратай и Индже Минаре в Конье XIII в. [Hillenbrand, 1994. P. 206–215, 515–517; Stierlin, 1998. P. 32–51]. В османской Турции медресе стали строиться при больших мечетях или вокруг мечетей. Это были огромные многофунк-

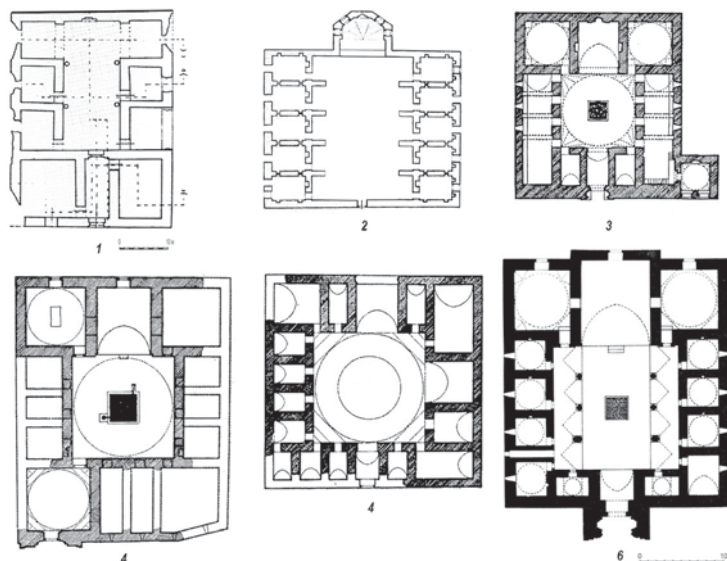

Рис. 43. Текие и медресе Малой Азии: 1 – текие в Баяликёе; 2 – медресе Али Паша в Дьярбакре; 3 – медресе Юсуфа бен Якуба; 4 – Каратай-медресе в Конье; 5 – Чукур-медресе в Токате; 6 – Хатуние в Карамане (по R. Hillenbrand, 1994; Е. И. Кононенко, 2017а).

ональные комплексы с большой общей площадью [Hillenbrand, 1994. P. 215–219].

Зынджирлы обычно сравнивают с дворовыми медресе Малой Азии. Но в нем нет обширного двора с айванами и сводчатыми галереями. Здесь комнаты пристроены только к трем стенам, а центральная часть разбита колоннами на 12 квадратных ячеек, 10 из которых перекрыты куполами. В результате площадь двора сводится всего к двум ячейкам. Среди дворовых медресе по планировке к нему ближе всего медресе Хатуние в Карамане 1382 г., у которого двор очень небольшой (рис. 43.6). Принципиальная разница заключается в том, что в Хатуние худжры перекрыты куполами, а ячейки галереи – стрельчатыми сводами. В Зынджирлы, напротив – худжры имеют сводчатое перекрытие, а секции галереи – купольное. Планировка Улаклы еще более простая. Ее можно сравнить с медресе Али Паша в Дьярбакре (рис. 43.2), но тут также есть некоторые различия.

Мавзолеи

Мавзолеев (дюрбе) периода Крымского ханства сохранилось немного, но архитектура их

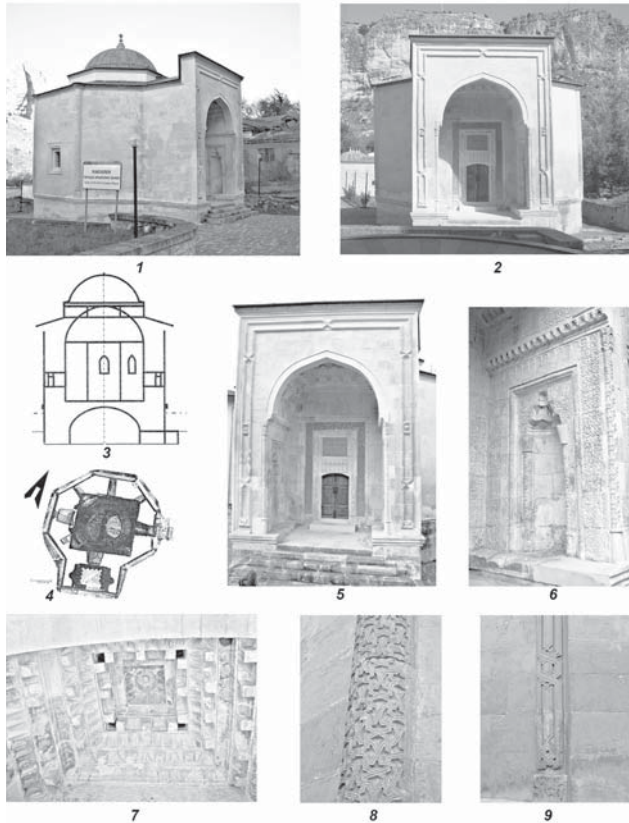

Рис. 44. Мавзолей Хаджи Герая в Салачике: 1–2 – общий вид; 3 – разрез; 4 – план (по Н. А. Гаврилюк, А. М. Ибрагимова, 2010); 5 – портал; 6 – стена портала; 7 – ступенчатый кессон портала; 8 – орнамент в виде гириха на угловой колонке; 9 – орнамент в виде сельджукской цепи на угловой колонке (фото автора, 2019 г.).

достаточно разнообразна. Постройки можно разделить на несколько групп по форме плана и строению стен – сплошных или состоящих из колонн.

Восьмигранные мавзолеи

Самым ранним и наиболее хорошо изученным погребальным памятником эпохи Крымского ханства является дюрбе Хаджи Герая в Салачике. Согласно данным письменных источников оно было построено ханом Менли Гераем I над могилой своего отца Хаджи Герая хана в 1501 г. В 2006–2009 гг. здесь были проведены крупномасштабные археологические исследования, комплексные исследования с привлечением естественно-научных методов и полная реставрация памятника [Гаврилюк, Ибрагимова, 2010].

Здание представляет собой сооружение в виде

восьмигранника с большим, сильно выступающим порталом (рис. 44). Стены его сложены из тесаных блоков местного известняка, также в кладке встречаются плохо обработанные камни и камни из более древних построек. Толщина стен 1,2–1,7 м. Длина граней восьмигранника снаружи составляет 2,8–3,5 м. В нижней части стен сделан карниз, который отделяет надземную часть дюрбе от подземной усыпальницы. Аналогичный карниз пущен в верхней части, под крышей. Углы граней оформлены трехчетвертными колонками со сложной геометрической резьбой (рис. 44.8–9). Три колонки украшены орнаментом в виде «сельджукской цепи», на трех других орнамент представлен гирихом (рисунком, образованным многократным наложением друг на друга геометрических фигур). В стенах имеются окна, по одному на грань. Окна имеют разную конфигурацию и расположение. Прямоугольные находятся в нижней половине стены и имеют раму в виде выкружки с полочками. Окна с завершением в виде стрельчатой арки расположены в верхней части стен и помещены в прямоугольные рамки, слегка заглубленные в плоскость стен.

Вход в здание находился с южной стороны и был оформлен массивным порталом глубиной 2,3 м, шириной 5,2 м и высотой 6 м (рис. 44.5). Гладкий фасад портала обрамлен по краю сельджукской цепью, образованной двумя жгутами. По краям стрельчатой ниши портала поставлены трехчетвертные резные колонки с орнаментом в виде гириха. Все плоскости порталной ниши покрыты тонкой резьбой. В боковых стенах сделаны ниши, обрамленные угловыми колонками, украшенными гирихом с гладкими коническими капителями и цилиндрическими базами (рис. 44.6). Ниши имеют завершение в виде треугольной сталактитовой конхи. Рама вокруг ниши образована выпуклым жгутом; на плоскости тимпана выделяются круглые плоские розетки, поверхность которых так же, как и пространство вокруг, покрыта сплошным растительным орнаментом. С двух сторон от рамы ниши идут две широкие полосы растительного орнамента, которые сверху соединяет полоса в виде «арочек» сложного профиля. Над ними находится выступающий сталактитовый карниз и под потолком еще одна полоса с резьбой в виде растительных

мотивов. Потолок портала выполнен в виде ступенчатого кессона из восьми рядов сталактитов различной формы с восьмигранным куполком в зените (рис. 44.7).

Входной проем небольшой, с полукруглым верхом. Он окружен прямоугольным обрамлением из нескольких орнаментальных поясов. Орнаментальный фриз над входом состоит из двух рядов бутонов лотосов. Над ним находится плита с именем и титулами строителя и датой постройки⁸. Дверь и плита обрамлены сельджукской цепью. Следующий пояс представлен эпиграфической полосой, составленной из коранических надписей. За рамой из обратной выкружки плоскость стены полностью покрыта растительным орнаментом.

Дверь ведет во внутреннее восьмиугольное помещение, грани которого имеют размеры 2,2–2,5 м. Помещение перекрыто полусферическим куполом, для перехода к которому используются паруса. Снаружи купол закрывает свинцовая крыша, выполненная также в виде уплощенного купола. В таком виде высота мавзолея составляет 11 м.

Мавзолей имеет подземную усыпальницу, в которой похоронены первые ханы Крымского ханства [Гаврилюк, Ибрагимова, 2010, с. 66–89]. Вход в нее располагался с восточной стороны ниже уровня карниза, разделяющего верхнюю и нижнюю части. Сводчатый дромос высотой 1,3 м и длиной 1,95 м вел в погребальную камеру. На уровне пола усыпальница имеет квадратную форму размерами 5,4 x 5,6 м. При помощи ступенчатых двухарочных тропов стены склепа переходят в полусферический купол. Высота его зенита от уровня пола 2,7 м, диаметр 5,4 м. Пол усыпальницы был вымощен восьмиугольными плитками, на полу были положены 18 погребенных.

Два восьмигранных дюрбе находятся на территории ханского кладбища Бахчисарайского дворца (рис. 45). Обе постройки сложены из хорошо обработанных известняковых блоков. Северный мавзолей – дюрбе Девлета Герая I (прав. 1551–1577 гг.). Мавзолей представляет собой высокую восьмигранную призму, которая при помощи восьмигранного барабана меньшего диаметра переходит к полусферическому куполу

⁸ «Эту священную, покойную и красивую гробницу приказал построить великий хан, знаменитый хакан, повелитель мира Менли Герай, сын Хаджи Герая, в 907 г. х.» [Гаврилюк, Ибрагимова, 2010, с. 37].

(рис. 45.4). В северной грани находится дверной проем с полукруглым сжатым завершением (рис. 45.5). Над проемом находится люнет стрельчатой формы, слегка заглубленный в плоскость стены. По сторонам от входа расположены две пятигранные в плане михрабные ниши с треугольными конхами, заполненными четырьмя рядами сталактитов. Дюрбе освещается при помощи окон, расположенных в два яруса. Во всех гранях, кроме северной в нижнем ярусе, почти на уровне земли находятся прямоугольные окна, в которые вставлены железные решетки с «кулачками». Снаружи и внутри над оконными проемами сделаны слегка заглубленные в плоскость стены стрельчатые люнеты. Окна второго яруса стрельчатые. Их верхний абрис обрамляет слегка заглубленная в плоскость стены арка из клинчатых камней. В оконные проемы вставлены деревянные решетки. Интерьер дюрбе предельно

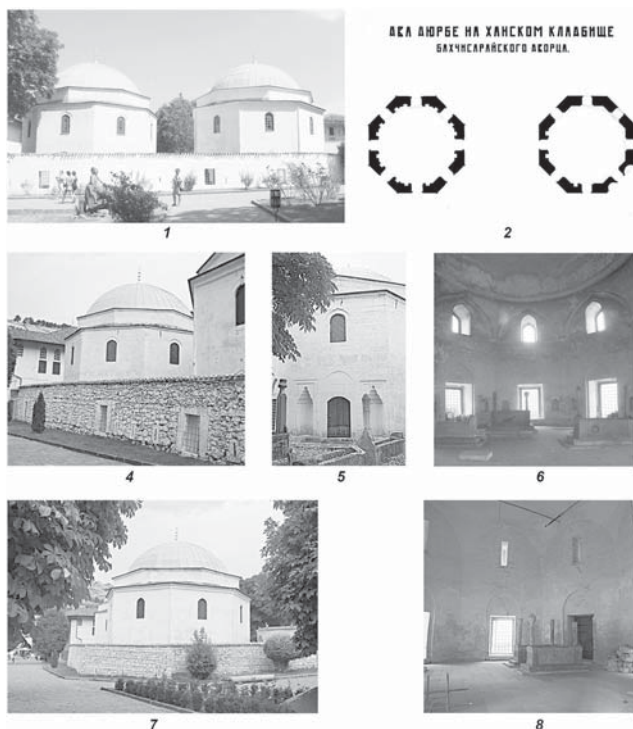

Рис. 45. Мавзолеи в Бахчисарайском дворце: 1 – общий вид; 2 – планы Б. Н. Засыпкина (по Мирас..., т. 2, 2016); 3 – северное дюрбе; 4 – северное дюрбе, вход; 5 – северное дюрбе, интерьер; 6 – южное дюрбе; 7 – южное дюрбе, интерьер (фото автора, 2019 г.).

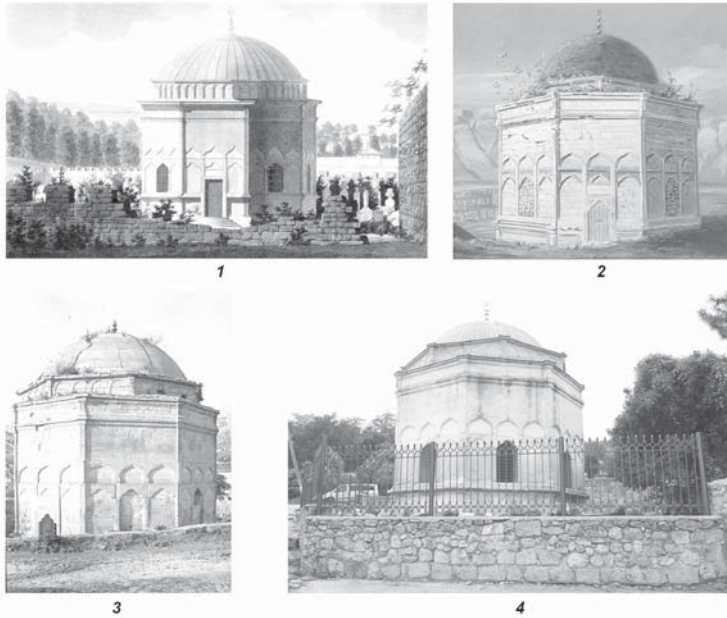
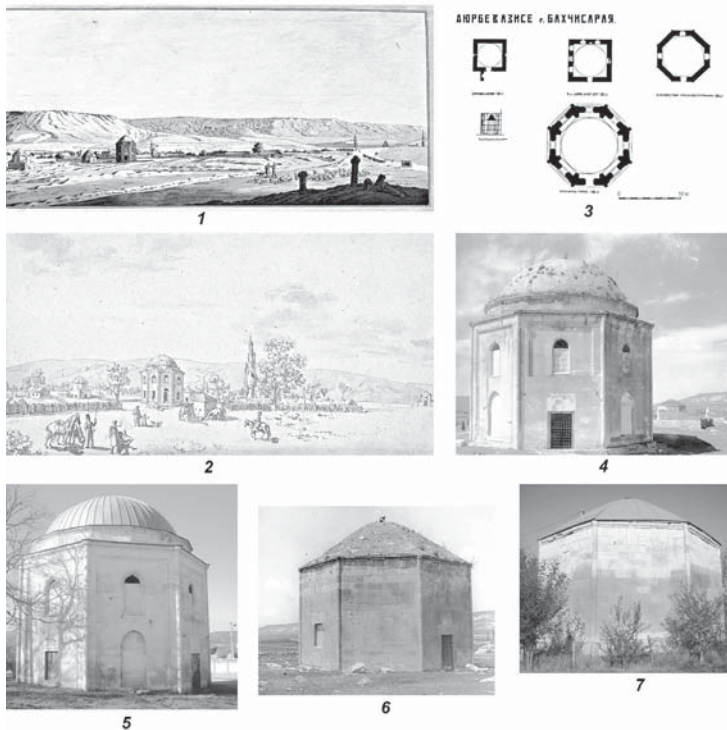

Рис. 46. Мавзолей Диляры Бикеч: 1 – рисунок В. Гесте, 1798 г.; 2 – рисунок В. Кизеветтера, 1846 г.; 3 – фото 20-х гг. (по Мирас..., т. 2, 2016); 4 – современный вид (фото автора, 2019 г.).

аскетичен (рис. 44.6). Кроме люнетов над оконными проемами стены расчленены только слепыми стрельчатыми арками, идущими под карнизом, отделяющим купол.

Южное дюрбе – мавзолей Исляма Герая III (прав. 1644–1654 гг.). Постройка имеет точно такую же форму и отличается только деталями оформления (рис. 45.7). Снаружи стыки стен оформлены колонками, михрабы отсутствуют. Стрельчатые окна второго яруса изнутри частично заложены и имеют вид узких бойниц прямоугольной формы. Внутри грани помещения имеют полуциркульное арочное завершение, и между арками четко выделяются сферические паруса (рис. 45.8).

К Ханскому дворцу относится также дюрбе Диляры-Бикеч. В заповеднике хранится надпись, украшавшая ранее вход в мавзолей, на которой имеется дата его постройки – 1764 г. [Свод, 2016а]. Гробница имеет такую же форму, как и два дюрбе на Ханском кладбище, но декорирована гораздо пышнее (рис. 46). Грани основного объема украшены двухъярусной аркатурой. Арки нижнего яруса имеют многолепестковую «барочную» форму. Средняя из трех арок каждой грани прорезана оконным проемом, в одной из граней находится дверной проем. Второй ярус образует аркатура из стрельчатых арок, плоскость которых слегка заглубле-

Рис. 47. Мавзолей Азиза: 1 – гравюра по рисунку Г. Х. Гайслера, 1789 г.; 2 – рисунок Е. М. Корнеева. Вид татарских гробниц в деревне Ази, 1804 г.; 3 – планы мавзолеев Азиза Б. Н. Засыпкина, 1927 г. (ЦГАЛИ СПб, ф. 598, оп. 1, д. 173, л. 69); 4 – Большой восьмигранник в Азизе, фото 1927 г. (по Мирас..., т. 2, 2016); 5 – Большой восьмигранник, современный вид (фото автора); 6 – Малый восьмигранник в Азизе, фото 1927 г. (по Мирас..., т. 2, 2016); 7 – Малый восьмигранник, современный вид (фото автора).

на относительно стен. Нижнюю и верхнюю часть опоясывает сильно профилированный карниз. Вверху стен над карнизом сделана декоративная стенка – аттик, также завершающаяся карнизом. Углы стен оформлены пилястрами. Выше располагается восьмигранный барабан, каждая грань которого также расчленена аркатурой из четырех полуциркульных арок. Купол здания сложен из квадратного обожженного кирпича. Стены и купол внутри были хорошо оштукатурены и расписаны.

Два восьмигранных дюрбе находятся в Азизе (Эски-Юрте), бывшем предместье Бахчисарая. Еще в 20-е гг. XX в. здесь находился обширный некрополь и дервишская обитель (текие). Эвлия Челеби при описании Азиза упомянул и его мавзолеи: «В этом месте на кладбище, под тремя куполами, крытыми свинцом, лежат, навсегда умолкнув, шахиншахи-ханы» [Эвлия, 2008, с. 83]. П. С. Паллас также описал Азиз, сокрушаясь о царящей здесь разрухе. Он отмечает одну новейшую и красивейшую гробницу, покрытую куполом [Паллас, 1999, с. 34]. Панорама Азиза с мавзолеями изображена на гравюре, сделанной по рисунку Г. Х. Гайслера 1794 г. и рисунку тушью художника Е. М. Корнеева 1804 г. (рис. 47.1–2) [Гончарова, 1987, рис. 120].

Самым величественным является здание, которое получило название «Большой восьмигранный» [Засыпкин, 1927, с. 118–119; Свод, 2016а, с. 151–153]. Точное время постройки не известно, но в 1584 г., когда здание уже стояло, здесь был похоронен Мухаммед Герай II Жирный и его сын Сафа Герай [Боданинский, 1927, с. 199]. Здание представляет собой восьмигранник, перекрытый полусферическим куполом (рис. 47.4–5). Его высота 17 м, диаметр 9 м, а толщина стен 1,8 м. Углы восьмигранника оформлены гладкими трехчетвертными колонками, поверху идет профилированный карниз. Грани очерчены сильно профилированными рамами. Входной проем в виде стрельчатой арки находится с северо-восточной стороны. Окна расположены на каждой грани в два яруса: нижние прямоугольные, верхние стрельчатые. Над восьмигранником располагается шестнадцатигранный барабан, на котором покоится купол. Внутри в каждой стене сделаны стрельчатые арки, с парусами между ними, на которые опирается купол.

Недалеко находится дюрбе «Малый восьмигранник» [Засыпкин, 1927, с. 119–120; Свод, 2016а, с. 154]. Это небольшая восьмигранная постройка, с длиной стен около 3,5 м (рис. 47.6–7). Внешние углы его декорированы трехчетвертными колонками, верх увенчан карнизом. Внутренний объем перекрыт полусферическим куполом, который поддерживают полуциркульные арки, слегка заглубленные в плоскость стен. Судя по старым рисункам и фотографиям, снаружи мавзолей был перекрыт каменным восьмигранным шатром. Дюрбе имеет дверь и три окна. Датировка памятника неизвестна⁹.

Кубические мавзолеи

В Крыму известно несколько кубических мавзолеев. Самую сложную архитектуру из них имеет Эски-Дюрбе в Бахчисараяе [Боданинский, 1927, с. 196–197; Засыпкин, 1927, с. 120–124; Сейдалиев, Сейдалиева, 2017].

Здание мавзолея представляет собой в плане квадрат 9,26 x 9,16 м (рис. 48), высота постройки 11 м. Стены сложены из обработанных блоков известняка. Толщина стен его 1,4 м. Верхняя часть постройки переходит путем среза углов под прямым углом в восьмигранный барабан, перекрытый полусферическим, несколько удлиненным куполом, диаметр которого в основании 6,4 м. Б. Н. Засыпкин указывает, что снаружи купол мог быть перекрыт шатром. Именно шатровое покрытие можно видеть на фотографиях 20-х гг. до реставрации памятника (рис. 48.1–3). Внутри переход к восьмиграннику осуществляется при помощи стрельчатых тромпов (рис. 48.7). Кладка купола сделана из тесаных блоков известняка, размеры которых уменьшаются по мере

⁹ По своей архитектуре Малый восьмигранник может быть отнесен как к эпохе Крымского ханства, так и к более раннему времени. В предыдущих работах (Зиливинская, 2014а; 2014б; 2014в) этот памятник и дюрбе Азиза кубовидной формы рассматривались в ряду золотоордынских мавзолеев. Однако большинство исследователей считает, что они построены не ранее XVI в., поэтому они включены в данный обзор. Еще одно дюрбе в Азизе, мавзолей Мухаммед-Шах-бея, В. П. Кирилло датирует XVIII в. (Кирилло, 2005–2009). Его архитектурная форма в целом и в деталях находит аналогии в сельджукской Малой Азии и Золотой Орде, поэтому здесь мавзолей не рассматривается. Анализ его архитектуры и вопросов датировки является темой отдельной работы.

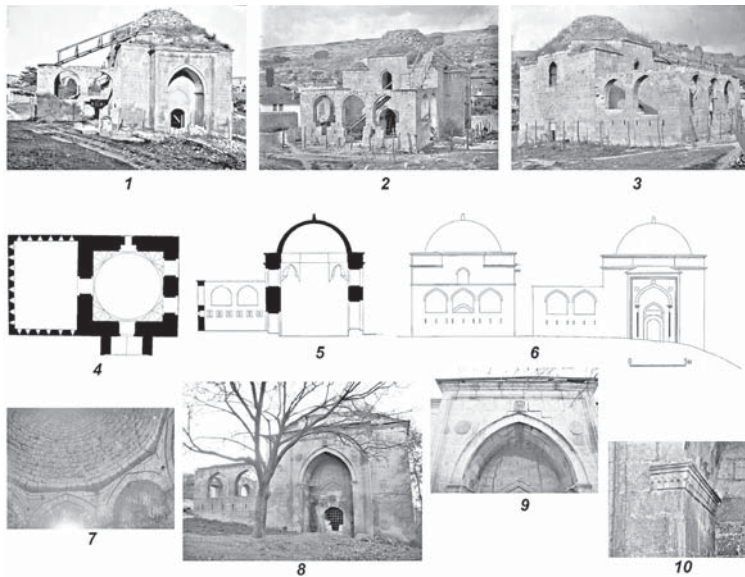

Рис. 48. Эски-Дюрбе в Бахчисарае: 1 – вид с востока; 2 – вид с юга; 3 – вид с запада, фото 1928 г.; 4 – план; 5 – разрез; 6 – южный и восточный; 7 – тропы, фото 1924 г.; 8 – восточный фасад, современный вид; 9 – тимпан арки портала; 10 – карниз пяти арки портала, фасады (по Мирас..., т. 2,3, 2016; фото автора, 2019 г.).

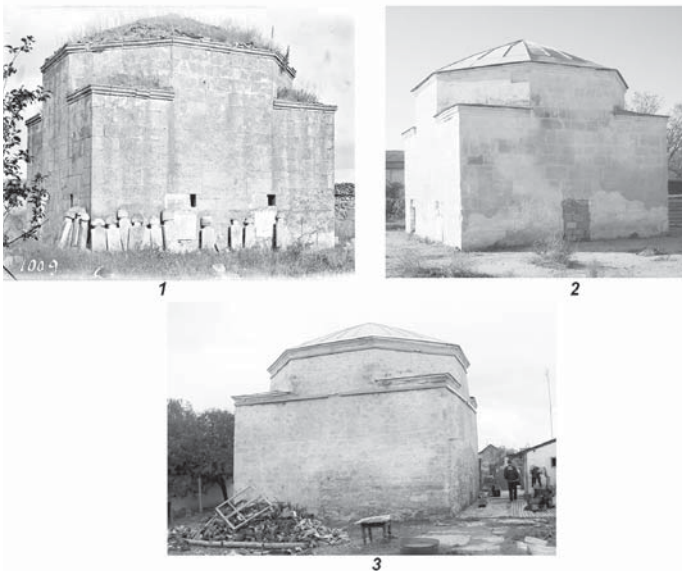

Рис. 49. Кубические мавзолеи: 1 – в Азизе, фото 1924 г. (по Мирас..., т. 3, 2016); 2 – в Азизе, современный вид; 3 – в с. Айвовое (фото автора, 2019 г.).

приближения к замку свода. Верхний край четверика и периметр восьмерика окантованы профилированным карнизом. С восточной стороны находится глубокий портал прямоугольной формы со стрельчатой аркой. По краю портал имеет профилированную раму. Пяты арки опираются на карнизы, поддерживаемые пояском мелких сталактитов (рис. 48.10). Тимпан арки украшен тремя рельефными розетками, на средней вырезан стилизованный цветок георгина, боковые украшены гирихом (рис. 48.9). Средняя розетка слегка наклонена книзу. В глубине портала сделан небольшой дверной проем с уплощенно-полукруглым верхом. Снаружи на плоскости стены проем обрамлен декоративной аркой с килевидным завершением.

Окна расположены в два яруса и имеют различную форму. В северной стене в первом ярусе находятся два больших окна стрельчатого очертания, в западной – внизу сделано прямоугольное окно со стрельчатым люнетом, в южной стене дверь со стрельчатым верхом ведет в пространство дворика. Во втором ярусе в трех стенах сделаны небольшие стрельчатые окна. Такой разноразной в форме окон, скорее всего, является результатом перестроек. Если сравнить Эски-Дюрбе с другими мавзолеями (и мечетями) Крымского ханства, можно предположить, что первоначально в первом ярусе находились окна прямоугольной формы со стрельчатыми люнетами над ними. Впоследствии проемы двух северных окон были расширены, а окно в южной стене превращено в дверь.

Эски-Дюрбе отличается от других мавзолеев Крыма наличием открытого замкнутого дворика, который примыкает к основному объему здания с южной стороны во всю его ширину. Размеры дворика 9,26 x 6,23 м. В нижней части его стены сделан ряд узких прямоугольных отверстий-бойниц, имеющих чисто декоративное значение. В боковых стенах сделано по шесть бойниц, а в южной – восемь. Верхняя часть состоит из стрельча-

тых арок-пролетов 1,9 м шириной. Всего их семь: по две в боковых стенах и три – в южной. Дворик был пристроен позднее, это видно по тому, что стены его примыкают встык к основному объему здания. Это подтвердили также раскопки, проведенные на памятнике [Сейдалиев, Сейдалиева, 2017, с. 311]. Предположительно этот дворик был пристроен для фамильного кладбища. Б. Н. Засыпкин сравнивал его с некрополями Бухары и Ташкента [Засыпкин, 1927, с. 124].

Дата постройки этого сооружения неизвестна, устная традиция говорит о том, что оно было построено еще до Гераев, ограниченные раскопки, проведенные здесь, дали материалы XVI–XVII вв. [Сейдалиев, Сейдалиева, 2017, с. 311].

Еще один кубический мавзолей находится в Азизе на территории бывшего суфийского монастыря [Засыпкин, 1927, с. 124; Свод, 2016а, с. 155–156]. Здание его квадратное в плане со стороной 7,15 м (рис. 49.1–2). Кубический объем переходит в восьмигранник путем простого среза углов. Восьмигранник увенчан шатровым куполом. Стены здания гладкие, углы четверика и верхний край восьмерика опоясаны профилированным карнизом. В нижней части здания имеются прямоугольный дверной проем и пять прямоугольных оконных проемов. Внутри полусферический купол поддерживают паруса. Точная дата постройки мавзолея неизвестна. Его условно называют мавзолеем Ахмед-бея, так как рядом с ним была найдена плита с этим именем и датой 1557 г. Однако это ничего не доказывает.

Практически такой же мавзолей находится в с. Айвовое, бывший Эфендикой Бахчисарайского района [Свод, 2016б, с. 10–12]. Здесь находился культовый центр (текие), от которого сохранилось только здание дюрбе. Возможно именно этот мавзолей описывал Э. Челеби: «... Там большой мавзолей (Хызр Шаха-эфенди. – Прим. авт.) в огромном здании с куполами каменной кладки... Действительно, Хызр-эфенди – это азиз, молитва которого услышана, великий воин и храбрец, в равной степени как аскет, так и муджахед, великий султан святых нищих-суфиев. И его отец – святой Мухаммед-эфенди, и его дед Хусейн-эфенди похоронены рядом с текие, под высоким куполом. Этот полный света купол расположен слева от текие» [Эвлия, 2008, с. 59].

Если это тот самый мавзолей, то в нем похоронены Хусейн-эфенди и его сын Мухаммед, и здание можно датировать XVII в.

Стены дюрбе толщиной 0,8 м возведены из тесаного и бутового камня-известняка и ракушечника на известковом растворе, внутри и снаружи оштукатурены (рис. 49.3). Постройка квадратная в плане, размерами 8,6 x 8,35 м, общая высота ее 8,0 м. Кубический объем путем среза углов переходит в восьмигранник, перекрытый полусферическим куполом на парусах. Снаружи купол имеет шатровое покрытие. Стены здания гладкие, лишены декора, по верху восьмерика и углам четверика идет карниз. В южной стене сделан прямоугольный дверной проем, справа от которого находится небольшое прямоугольное окошко.

«Аркадные» мавзолеи

В Крыму есть мавзолеи, которые не имеют сплошных стен и которые практически никто не исследовал. Достаточно известной является мавзолей-ротонда Менгли Герая II (прав. 1724–1730 и 1737–1740 гг.). Это восьмигранное сооружение, внутри которого находится могила с надгробием хана (рис. 50.1). Сама постройка состоит из невысокого цоколя, на который по углам поставлены колонны на базах в виде усеченных пирамид. Стволы колонн в основании квадратные в плане, затем, при помощи скосов они превращаются в восьмигранные, в верхней части, под капителями, снова становятся квадратными. Колонны поддерживают аркаду из восьми стрельчатых арок. В настоящее время сооружение не имеет крыши, но, скорее всего, изначально оно было перекрыто (рис. 50.2).

Еще одно подобное дюрбе находилось возле мечети Колеч. Оно известно по фотографиям 20-х гг. (рис.). Мавзолей квадратный в плане. На каменный цоколь поставлена аркада из шести полуциркульных арок. Две противоположные стороны цоколя перекрыты двумя арками, две другие стороны – одной аркой большего пролета. Колонны цилиндрические, поставлены на квадратные в плане невысокие базы и имеют капители такой же формы (рис. 50.3). Можно предположить, что таких дюрбе было больше, но они не сохранились ввиду непрочности конструкции.

Архитектура мечетей и других культовых построек Крымского ханства складывалась под

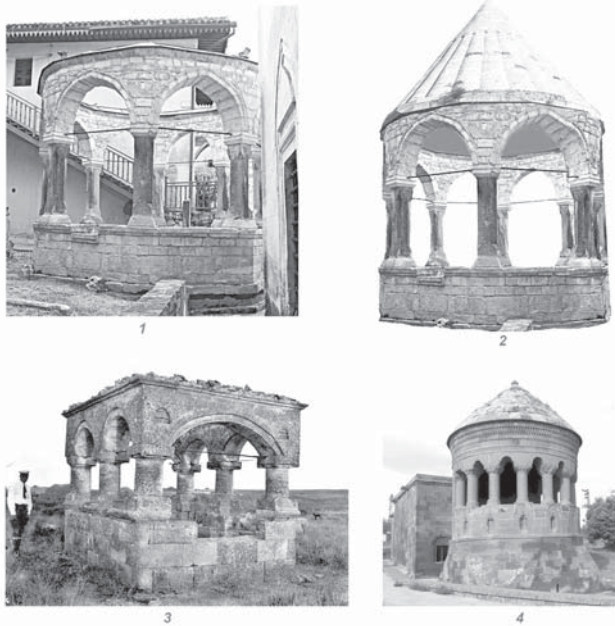

Рис. 50. «Аркадные» мавзолеи: 1 – мавзолей-ротонда в Бахчисарайском дворце; 2 – вариант реконструкции (фото и реконструкция автора); 3 – мавзолей у мечети Колец (по Мирас..., т. 3, 2016); 4 – мавзолей эмира Байиндыра в Ахлате, 1472 г.

влиянием Малой Азии. Именно с памятниками этого региона следует сравнить и крымские мавзолеи. В сельджукский период наиболее распространенной формой мавзолеев были так называемые башенные мавзолеи¹⁰ [ВИА, 1969, с. 442; Hillenbrand, 1994, р. 306–311; Stierlin, 1998, р. 42]. Они представляли собой многогранные или цилиндрические каменные объемы, пе-

¹⁰ С этим термином не согласен В. П. Кирилко, который считает, что «согласно семантике общепринятого термина, башней является сооружение, отличающееся значительным преобладанием высоты над стороной или диаметром основания, а следовательно, башенным уместно называть лишь объект, отвечающий этим требованиям либо построенный в виде башни и обладающий характерными, только ей свойственными признаками» (Кирилко, 2019, с. 120). Тем не менее данная терминология является общепринятой, и термин «башенные» применяется не только к иранской башне Кабуса, которая имеет высоту около 50 м, но и к небольшим малоазийским и азербайджанским восьмиугольным и круглым в плане мавзолеям с шатровыми и коническими куполами [ВИА, с. 467–468; Hillenbrand, 1994, р. 311; Stierlin, 1998, р. 93–95]. Совершенно очевидно, что название это условное. Кстати говоря, Е. И. Кононенко называет такие мавзолеи «карандашиками» [Кононенко, 2017а, с. 37 и далее].

рекрытые полусферическими куполами, которые имели снаружи шатровое или коническое покрытие. Часто здания также имели квадратный в основании высокий цоколь, который при помощи треугольных скосов (так называемых «турецких треугольников») переходил к восьмиграннику. Также строились мавзолеи кубического объема с шатровыми куполами, но они были не так распространены. В османский период происходит полный отказ от шатровых куполов и восьмигранные и кубические мавзолеи перекрываются полусферическими куполами со свинцовыми крышами [ВИА, с. 467–468; Hillenbrand, 1994, р. 311; Stierlin, 1998, р. 93–95].

В Крыму самый ранний мавзолей – дюрбе Хаджи Герая – во многом сохраняет черты сельджукской архитектуры. Это восьмигранное в плане здание имело сильно выступающий развитый портал со сталактитовыми нишами в боковых стенках. Для сельджукских мавзолеев портал не характерен. В качестве сельджукского мавзолея с развитым, выступающим порталом можно, пожалуй, назвать только Али Кафер в Кайсери XIII в., причем здесь портал превращается в закрытый тамбур. Но в других зданиях, имеющих портал, таких как мечети, медресе, караван-сарай, в щечковых стенах портала делались ниши с декорировкой ячеистыми сталактитами в верхней части. Такие порталы получили распространение и в Крыму, что хорошо видно на изображении медресе «Узбека» на картине художника М. М. Иванова. Также порталы с боковыми нишами есть в мавзолее Джанике-ханым (рис. 51.2), датировка которого точно не определена. С сельджукской архитектурой дюрбе Хаджи Герая связывает и богатая декорировка внешних поверхностей. Резным декором здесь покрыты не только угловые колонки, но и практически вся внутренняя поверхность портала. Сплошная резьба, покрывающая большие поверхности, достаточно часто встречается в сельджукских памятниках (Дёнер Кюмбет в Кайсери 1275 г., Худавенд Хатун тюрбе в Нигде 1312 г., портал медресе Инче Минаре 1265 г. в Конье, портал Гёк-медресе в Сивасе 1271 г. и др.) (рис. 51.1; 52.1–2). В османской архитектуре такая резьба полностью исчезает, и внешние поверхности зданий становятся гладкими. В Крыму сельджукские традиции сохраня-

лись дольше, чем в Малой Азии, что, в частности, прослеживается в декоративном убранстве мавзолеев [Сейдалиев, Халилова, 2014].

В настоящее время внешний купол дюрбе Хаджи Герая уплощенно полусферический, с металлическим покрытием. Это результат реставрации, причем реставраторы ориентировались на османские образцы. Однако есть все основания предполагать, что изначально внешний купол был шатровым, так как в этом мавзолее отчетливо просматривается сельджукское влияние, а все сельджукские мавзолеи были перекрыты шатрами. Кроме того, имеется рисунок 1769 г. одного из мавзолеев золотоордынского некрополя городища «Конские воды» на р. Мечетной в Поднепровье [Ельников, 2013, с. 128]. Этот восьмигранный мавзолей имел большой выступающий портал с нишей стрельчатого очертания (рис. 51.3). Фасад портала украшен сельджукской цепью, и фланкирован колоннами, в боковых стенках портала были сделаны ниши. На рисунке отчетливо видно, что здание имело шатровую каменную крышу. Таким образом, эта постройка по архитектонике идентична малоазийским башенным мавзолеям, но имеет портал. Башенные мавзолеи с порталом были распространены в некоторых районах Золотой Орды, например, на Кавказе [Зиливинская, 2014, с. 150–151]. Сходство архитектурных форм мавзолея с реки Мечетной и дюрбе Хаджи Герая позволяет считать, что последняя постройка также имела шатровую крышу. Ту же гипотезу можно применить к мавзолею Джанике-ханым в Чуфут-Кале, который имеет идентичную планировку и покрытие которого в виде невысокой черепичной шатровой крыши также является результатом ремонта¹¹.

¹¹ Мавзолей Джанике Ханым не рассматривается в данной работе, так как имеет спорную датировку. На надгробной плите стоит 841 г. х. (1437 г.) [Боданинский и др., 1929. С. 16–18]. Однако все здание разные исследователи датируют по-разному. Например, У. А. Боданинский на основе архитектурного анализа относил его к началу XIV в. и считал, что захоронение было сделано позже в уже существующем мавзолее (Боданинский, 1927. С. 198). В то же время Б. Н. Засыпкин предполагал, что к золотоордынскому периоду относится только сам мавзолей, а портал, не имеющий аналогий в подобных памятниках, был пристроен позднее [Засыпкин, 1927. С. 126]. В то же время ряд исследователей считают, что мавзолей был построен одновременно с дюрбе Хаджи Герая [Акчокраклы 1928: 166; Герцен, Могаричев, 1993, с. 58; 2016, с. 174; Гаврилюк, Ибрагимова, 2010,

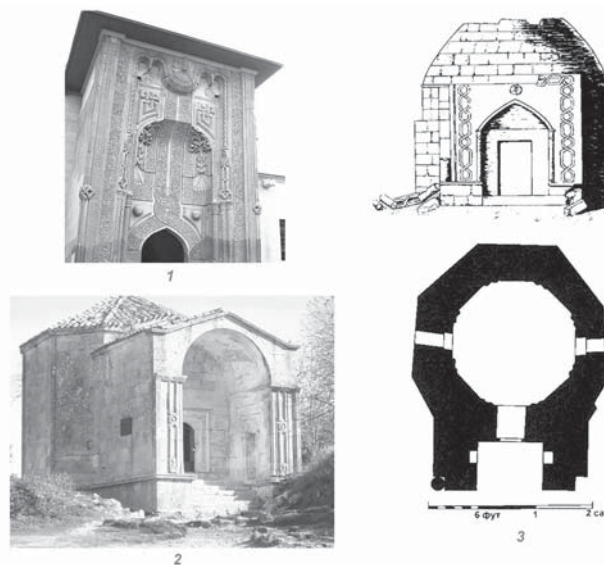

Рис. 51. Сельджукская цепь на фасаде: 1 – медресе Инже минар, 1260–1265 гг. (по Н. Stierlin, 1998); 2 – мавзолей Джанике-ханым в Чуфут-Кале (фото автора); 3 – мавзолей на городище «Конские воды» (по М. В. Ельникову, 2013).

Эски-Дюрбе, датировка которого пока не выяснена, предположительно также можно отнести к раннему периоду Крымского ханства, то есть к концу XV–XVI вв. Основной объем его имеет типичную для османской архитектуры форму: куб переходит в восьмигранник путем простого срезания углов. В то же время с сельджукской архитектурой этот памятник связывают наличие портала, шатровый купол и каменная резьба. Портал Эски-Дюрбе более скромный, ниши в боковых стенках его отсутствуют, но тимпан арки украшен тремя резными розетками. Этот элемент декора не просто встречается, а является стандартным для сельджукской архитектуры. Сельджукский стиль прослеживается и в пояске мелких сталактитов под карнизом, на который опирается арка портала. Подобные карнизы со сталактитами оформляют пяты подпружных арок барабана в церкви монастыря Сурб-Хач, в декоре которого отчетливо присутствуют сельджукские мотивы.

с. 16, 39]. Однако наличие точно такого же мавзолея на золотоордынском городище на р. Мечетной не исключает его отнесение к более раннему времени. Анализ мавзолея Джанике Ханым должен быть предметом отдельного исследования.

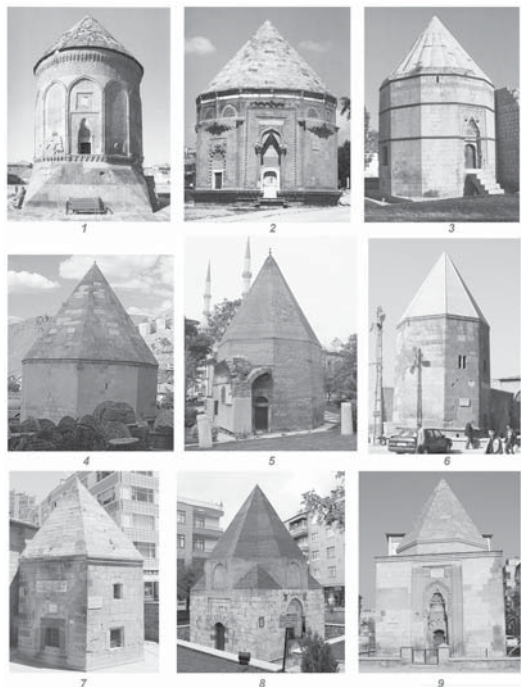

Рис. 52. Сельджукские башенные и кубические мавзолеи: 1 – Дёнер кюмбет, 1275 г.; 2 – Худавенд Хатун тюрбе, 1312 г.; 3 – тюрбе Караманоглу Алаеддин-бей, XIII в.; 4 – мавзолей в Сивасе, XIII в.; 5 – мавзолей визиря султана Кейкубада в Конье, 1239 г.; 6 – мавзолей Танривермиши в Кайсери, 1188 г.; 7 – мавзолей Ибрагима Теннури в Кайсери, 1485 г.; 8 – мавзолей в Токате, XIII в.; 9 – мавзолей Шах Кутлуг Хатун в Кайсери, 1349 г.

С сельджукским зодчеством связан также и Малый восьмигранник в Азизе. По своей форме он является точной копией небольших башенных мавзолеев Малой Азии, таких как мавзолеев в Сивасе, XIII в., мавзолеев визиря султана Кейкубада в Конье, 1239 г. и др. (рис. 52).

Остальные крымские мавзолеи построены в османских традициях (рис. 53). В квадратных в плане мавзолеех присутствует характерный для османского зодчества переход в восьмигранному барабану путем срезания углов (рис. 53. 8–9). Несколько не типичен каменный шатровый купол, который перекрывает эти дюрбе, так как в османской архитектуре купола всегда полусферические, но это, вероятно, может свидетельствовать о ранней дате постройки, когда

Рис. 53. Османские мавзолеи: 1 – Мустафы Шехзаде в Бурсе, 1553 г.; 2 – Сенаби Ахмет-паша в Анкаре, 1595 г.; 3 – Хайреддина Барбаросса в Стамбуле, 1541 г.; 4 – Махмуд-паша в Стамбуле, XVI в.; 5 – Сулеймана Великолепного в Стамбуле, 1566 г.; 6 – Хюрем-султан в Стамбуле, 1558 г.; 7 – Мехмета в Стамбуле, 1767 г.; 8 – кладбище при мечети Мурадийе в Бурсе, XV в.; 9 – мавзолей при мечети Мурадийе в Манисе, XV в.; 10 – мавзолей султана Ахмета в Стамбуле, 1619 г.

сельджукские традиции еще не были полностью утрачены.

Восьмигранные постройки абсолютно стандартны, экстерьер их предельно лаконичен. Выделяется только мавзолей Диляры-Бикеч, во внешнем облике которого отчетливо ощущается влияние «турецкого барокко».

Не совсем обычны «аркадные» мавзолеи, но их истоки также следует искать в Малой Азии. Примером подобного мавзолея является гробница Эмира Байиндыра 1472 г. в Ахлате (рис. 50.4), стены которой образует аркада, поддерживающая крышу. Еще один вариант аркадной композиции – мавзолей Сулеймана Великолепного 1566 г., построенный Синаном в Стамбуле (рис. 53.5). Но здесь колоннада опоясывает закрытый восьмигранный мавзолей.

14.5. Традиционные жилища крымских татар в период Крымского ханства

А. Т. Керимова, Ш. С. Сейтумеров

Жилище, являясь важнейшим компонентом системы жизнеобеспечения этнического коллектива, служит источником для изучения его социальной структуры, хозяйственной деятельности, этнической истории, традиционной культуры.

Известно, что природно-климатические факторы напрямую влияют на архитектурные особенности жилища: расположение, размер, применение строительных материалов, конфигурации кровли.

Крымский полуостров всегда отличался уникальным сочетанием равнинных ландшафтов и горных массивов. В нем выделяются три основных климатических района – равнинный, горный и южнобережный. Это разнообразие отразилось на типах жилищ крымских татар. Известный исследователь материальной и духовной культуры Крыма Борис Алексеевич Куфтин¹, рассмотревший типы и историю крымскотатарского жилища в контексте заселения полуострова с древнейших времен отмечал, что жилища находятся «в зависимости от данной природы, с которой связаны и материал, и техника, и форма жилища» [Куфтин, 1925, с. 6].

На особенности жилых строений повлияли и этнокультурные традиции и особенности образа жизни крымских татар, основу этногенеза которых составили тюркские племена, а также потомки древнего населения Крыма.

В процессе ассимиляции местного населения, проживавшего в предгорной и южнобережной части полуострова, был образован единый крымскотатарский народ, в составе которого, соответственно географическому расположению, выделяют три субэтнические группы, сформировавшиеся в степной части Крыма, предгорной и на Южном берегу.

Одним из источников, позволяющих воссоздать типы традиционного жилища крымских татар периода Крымского ханства, являются материалы исследователей и путешественников

XVI–XVIII вв. Благодаря запискам путешественников, побывавших на территории полуострова в рассматриваемый период и оставивших в заметках свои наблюдения, касающиеся этнографии крымских татар, можно по крупицам представить себе особенности и происходившие изменения в архитектуре, воссоздать типы традиционных жилищ крымских татар, отличия между которыми зависели не только от материального положения, но и от природных условий и региональной специфики территорий, на которых они располагались.

Жилища крымских татар степной части Крыма поначалу диктовались условиями кочевого и полукочевого быта, так как одним из основных занятий степных татар длительное время было кочевое скотоводство. В степных районах долгое время распространены были кибитки или юрты как типы кочевого жилища, делящиеся в свою очередь на большие разборные и малые, которые перевозились на двухколесных телегах.

Большая юрта имела круглую форму и собиралась из сборно-разборного деревянного каркаса. Малые – перевозились на телегах.

О существовании в XIV в. на территории полуострова последнего типа переносного жилища свидетельствует упоминание в отрывке из «Путешествия» Ибн Баттуты (1304–1377): «Телегу называют они араба (= арба) ... На арбу ставится нечто в роде свода (сделанного) из прутьев дерева, привязанных один к другому тонкими кожаными ремнями. Это легкая ноша; ее обтягивают войлоком или попоной; в ней бывают окна решетчатые, и тот, кто (сидит) в ней, видит людей, они же его не видят...» [Извлечения, 1884, с. 281].

О пастушеском образе жизни перекопских татар в XVI в. сообщается в записках современника: «Вот так до сей поры живут татары, следуя за стадами и бродя с ними по степям туда и сюда. Нет у них ни дворов, ни домов, одни лишь переносные шатры, сделанные из лозы и тростника, крытые козым войлоком, защищенные плетеными рогожками и циновками, они везут их с

¹ Б. А. Куфтин (1892–1953). Исследователь проблем этнографии, археологии и антропологии.

собой на повозках вместе с женами и детьми...» [Литвин, 1994, с. 68].

Военный инженер Гийом Левассер де Боплан (1595–1685) местом кочевий крымских татар считал равнину в южном направлении к крепости Ор, на которой, по его словам, было много татарских селений, передвигающихся на двухколесных телегах – «кантар»: «Все они храбрые и сильные воины, не поддающиеся усталости, легко переносящие перемены погоды, ибо с семилетнего возраста, когда они выходят из своих «кантар», т. е. домов на двух колесах...» [Боплан, 2004, с. 211–215].

Кибитки ногайцев, по словам французского лекаря Феррана, находившегося в начале XVIII в. на службе у крымских ханов, были похожи на ветряные мельницы, в плане образующие полукруг, причем палатку мирзы от жилища простолюдина можно было отличить «по сабле, выставляемой снаружи над отверстием для трубы» [Хрестоматия, 2004, с. 156].

Традиция полукочевого образа жизни прослеживалась у ногайцев вплоть до начала XIX в., чем они отличались «от татар крымских... Крымские татары имеют дома, села и города...» [Клеман, 1783, с. 216].

Однако в степном районе уже в первой половине XVII в. существовали также оседлые пункты, в которых зажиточные ногайцы проживали в стационарных каменных жилищах. «Крымские татары живут в поселениях и в обыкновенных домах; ногайцы же не имеют постоянных жилищ в деревнях, а живут в степи, на повозках, на коих устраивают как бы комнаты, прикрепляя к повозкам крыши из тонких прутьев, формой напоминающие церковные купола, покрытые войлоком. Там они варят пищу, сделав наверху отверстие для дыма, а также едят и спят. Таких помещений они устраивают сколько им понадобится, и на этих повозках, запряженных волами, переезжают с места на место, в поисках пастбища для скота; иногда телеги съезжаются в таком количестве, что представляют вид очень большого города. Не следует, однако, отрицать, что у князей и у других знатных ногайцев есть селения и дворцы...» [Описание, 1902, с. 130–131].

Одним из типов жилищ, в которых проживали

степные крымские татары, были стационарные плетневые строения, состоящие из двух-трех комнат, обычно отапливаемых очагом. Традиции возведения таких жилищ, по мнению некоторых исследователей, уходят в трипольскую культуру, где подобный тип был обычным [Куфтин, 1925, с. 30]. Появление плетневых жилищ, использование саманного кирпича определялось наличием благоприятной среды, могли быть также связаны с недостатком леса в Степном Крыму. Одной из предпосылок появления и распространения стационарных строений могло быть изменение хозяйственного быта, переход от кочевого образа жизни к оседлому земледелию. Процесс перехода к оседлости у степняков наблюдался крайне медленно. На появление полуоседлого образа жизни повлияли взаимодействие и соседство с коренным оседлым населением горных частей Крыма [Харузин, 1896, с. 112].

Основа при устройстве плетневых жилищ заключалась в том, что стойки, образующие раму, переплетались плетнем от одной к другой, чем и образовывали стены. Потребность сделать такое жилище более теплым приводила к закидыванию стен глиной, навозом и пр., вследствие чего оно становилось менее доступным холоду и ветру [Харузин, 1896, с. 70].

Французский ученый и дипломат Карл Пейсонель (1727–1790), находившийся на территории полуострова в 1753–1757 гг., так описывал полукочевой образ жизни ногайцев: «Каждое племя кочует по своей территории и только во время зимы имеет постоянное обиталище. Для этой цели выбирается обыкновенный пункт, наиболее защищенный от неблагоприятных климатических влияний и суровости зимы. Когда наступает время посева хлебов и появляется трава для пастбы скота, аулы покидают зимние стоянки и идут кочевать, отыскивая удобные места для посевов... При выходе на кочевье в летних становищах мирза, глава аула, распределяет между подвластными ему людьми землю, межевание которой производится веревкой. Затем каждый огораживает отведенное ему займище плетнем или же обозначает его какими-либо видными знаками» [Пейсонель, 1927, с. 14].

О полуоседлом образе жизни степных татар,

проживавших севернее от Перекопа, упоминал в своих записках посланник короля Стефана Батория к крымскому хану Мухаммед Гераю II в 1578–1579 годы Мартин Броневский: «Оне сделаны из тонких дерев, обмазаны тиною, грязью или навозом и покрыты камышом. Однако летом и осенью татары в хижинах не остаются, ибо в апреле месяце откочевывают... Эти кибитки круглы и покрыты войлоками; но едва могут вмещать в себе от четырех до пяти человек. Татары укладывают все на двухколесные возы, запряженные одним или двумя верблюдами, иногда волами...» [Броневский, 1867, с. 337–338].

Упоминания о каменных и деревянных жилищах перекопских татар находим у путешественника Жана де Люка, который, описывая их дома, говорит: «Их дома стоят безделицу; лучшие складены из камня на извести; много у них деревянных и крытых досками, другие (состоят) из вбитых в землю кольев, между которыми вплетают древесные ветви, и крыты соломой. Но у них наиболее в роде летних женщин, которые продаются на рынке: это круглые верхи (кибитки) арбы (плетенные) из ивы, которые ставятся на колеса, так как летом у них вовсе нет постоянного местопребывания, то перевозят эти жилья туда, где находится пастбище» [Описание, 1879, с. 483].

Условно разделяя степных крымских татар на ногайцев и таврических татар, путешественник Иоганн Готтлиб Георги (1729–1802) утверждал, что ногайцы в большей степени проживали в кибитках, реже имели дома, в отличие от таврических татар, которые «кроме только некоторых семей живут в городах и деревнях. Дома их весьма скудны, но только покойны и опряшны. Города расположены изрядно; деревни же по большей части обсажены красными деревьями». По его словам, стационарные жилища ногайцев не имели укреплений, были сооружены из плетня, кольев и сплетенных из камыша рогож, которые они обкладывали глиной. Кибитки и юрты, покрытые войлоками или рогожами, состояли из частокола или плетня, с отверсти-

Степной Крым. Начало XX в. Фотонегативы на пластинах Н. Н. Клепинина.

ем наверху для прохода дыма и для света [Георги, 1779, с. 31, 36]

Некоторое представление о стационарных жилищах населения степной и предгорной части Крыма дают описания османского путешественника середины XVII века Эвлии Челеби. Например, в селении Коджамак – в 6 км от Джеляирли, находящемся в степи, стены домов были сложены из земляного кирпича-сырца, изготавливаемого собственноручно и широкого кирпича из навоза. «Зато какие прочные это стены!» [Эвлия, 2017, с. 55].

Небольшое количество дерева как строительного материала применялось, по словам путешественника и этнографа, деятеля Петербургской академии наук Василия Фёдоровича Зуева (1754–1794), из экономии. В своих этнографических исследованиях он отмечал, что пространство между брусьями заполнялось кирпичом, а в бедных домах дёрном, щели замазывались глиной. Крыши домов покрывались черепицей или дерном [Борисов, 1999, с. 481–482].

Участки Предгорного Крыма были достаточно просторны для того, чтобы свободно разместить в них дом, сад с огородом и дворовые постройки. Последние почти полностью отсутствовали, а если и устраивался сарай для скота, то он стоял отдельно, а тесно примыкал к дому.

Ярким примером служит город Эски-Кырым²,

² Современный Старый Крым.

в котором двухэтажные дома каменной кладки, покрытые черепицей, были расположены на большом расстоянии друг от друга [Эвлия, 2017, с. 180].

В то же время в таких городах, как Ак-Месджид³ и Карасубазар⁴, расположение домов было скученным, улицы располагались хаотически:

«Это благоустроенный город с домами, крытыми рубиново-красной черепицей, двухэтажными, с выложенными из камня стенами. Все дома просторные» [Эвлия, 2017, с. 152].

П. С. Паллас отмечал, что в городе Карасубазар неправильно расположенные узкие улицы были «задавлены стенами жилищ и дворов по сторонам». Стены домов были построены из кирпича-сырца большого размера [Паллас, 1999, с. 111–112].

Стоящие среди садов и виноградников двухэтажные дома Карасубазара большей частью были покрыты черепицей, реже дерном. Встречались также построенные из дерева дома и загорода. В каждый дом была проведена проточная вода [Эвлия, 2017, с. 159–160].

В Эски-Саладжике – ныне пригород Бахчисарая Салачик, по словам Эвлии Челеби, «по обе стороны реки посажены чистые сады и виноградники, построены различные дома. Это древний город, в нем всего три тысячи домов, крытых красной черепицей, с высокими трубами. Все здания каменной кладки, с каменными стенами, превосходные и украшенные, старой архитектурой» [Эвлия, 2017, с. 94].

Известно, что в Крымском ханстве в традиционных жилищах вместо стекол в окна клеивали промасленную бумагу. Об этом свидетельствуют записки путешественников не только периода Крымского ханства, но и более поздние упоминания. «Оконные рамы во всех домах Крыма заклеиваются бумагою. Потребление бумаги довольно значительно...» [Пейсонель, 1927, с. 11].

В окнах жилищ Южного берега Крыма стекла также отсутствовали.

Так, по сведениям французского путешественника и дипломата Шарль-Жильбер Ромма,

совершившего путешествие в Крым в 1786 году, по всему Южному берегу дома имели деревянные оконные рамы, но без ставней и стекол. Зимой их закрывали листом бумаги [Ромм, 1941, с. 65].

Кроме этого, путешественник описал селения Алушты и Малого Ламбата. Дома в Алуште были расположены амфитеатром по склону горы, при этом крыша представляла собой горизонтальную террасу из утрамбованной земли, которую насыпали на потолок, состоящий из коротких и плоских деревянных брусков. Через такого рода террасу проходила дымовая труба, отверстие которой было обделано камнями, в виде круглого футляра [Ромм, 1941, с. 59].

Что касается Малого Ламбата, то жилища здесь также имели террасообразное строение и были прислонены к горе, однако окон в стенах не было. Свет проникал сквозь трубы и квадратные отверстия на крыше [Ромм, 1941, с. 60].

У жилищ, расположенных наполовину в земле, задней стеной служил склон горы, фасадная стена строилась из бутового камня, земляная крыша была настолько плоской, что по ней можно было ходить [Паллас, 1999, с. 148].

В Алушке жилища были вырублены в скале, крышами которых были огромные камни [Сумароков, 1803, с. 103].

П. С. Паллас, дает такое описание жилищам Алушки: «Хижина их так же, как и большей части жителей Южного берега от Балаклавы до Алушты, приткнута к скале, как будто частью в ней построена и имеет только две боковые стены и переднюю; крыша – плоская, покрыта землей обыкновенно в уровень с скалою, так что легко можно переходить с крыши на скалу. Внутри их хижины имеется обширный камин с дымовой трубой; вокруг – широкие подушки для сиденья и спанья» [Паллас, 1999, с. 78].

Проведя геологические исследования, он также определил горную породу, применяемую для крыш южнобережных домов: «Между этими твердыми сланцами, переслоенными малопрочными слоями глины, попадает также черный, мало или совсем не вскипающий с кислотами, местами смешанный с песком, кровельный аспид, частью тонко слоющийся, а в некоторых местах лежащий большими плитами, употребля-

³ Симферополь – административный центр полуострова.

⁴ Белогорск – город районного значения в центральной части Крымского полуострова.

емый татарами для крыш их хижин» [Паллас, 1999, с. 62].

В некоторой степени восполнить существующий пробел в изучении традиционной жилой архитектуры крымских татар периода Крымского ханства нам позволяют работы современных турецких исследователей: Омера Бийика, Фирата Яша, Зейнеп Озьдем, которые в своих статьях, основанных на материалах кадиаскерских дефтерей, приводят, например, типологию городских и сельских строений XVII–XVIII веков [Фират, 2018, с. 193–197]. В работах озвучены термины, которыми обозначали строения: чит хане⁵, керпич хане⁶, чатма хане⁷, таш хане⁸, бир баб хане, ики баб хане⁹ и др. В Бахчисарае жилые строения иногда обозначали словом «юрт», которое характеризует жилище типа юрты, как наилучший образец кочевого помещения. В судебных документах упоминаются виды материала, из которого были построены жилища и постройки крымских городов: плетенка и кирпич, изготовленный из глины и самана, а затем высушенный на солнце, этажность строений (один/два), наличие чердака, погреба или подвала (махзен), количество комнат, расположение комнаты или амбара для хранения продуктов относительно дома или дворового участка, наличие туалета, колодца. В Карасубазаре, например, для удобства больших семей было не менее трех комнат. Строения располагались во дворах, огороженных саманным кирпичом или плетенкой (относительно Карасубазара и его округи). В

Интерьер старинного крымскотатарского дома. Из фондов БИКАМЗ.

каждом дворе имелись деревья, в основном плодовые. Иногда во дворе, принадлежавшей одной семье, возводилось несколько зданий. Отдельно приводятся цены на дома, кто являлся владельцем и т. д. [Özdem, 2010, с. 47–49; Фират, 2018, с. 194]

Отмечается устройство в домах очагов типа михраба, которые использовались в зимние время для обогрева и приготовления пищи¹⁰, подчеркивается разделение комнат для пребывания днем, отдельных помещений для сна. В наследственных делах дымоходы жилищ указывались как изготовленные из ветвей, обмазанных глиной. Такие дымоходы были устойчивыми к огню.

Из реестров недвижимой собственности Бахчисарая видно, что большая часть построек и жилищ середины XVII в. была возведена из дерева. Фират Яша объясняет многочисленность деревянных домов в средневековом Бахчисарае тем, что город располагался в лесистой местности, в

⁵ Плетневый дом.

⁶ Дом, построенный из глиняного, высушенного на солнце кирпича.

⁷ Жилище, построенное из деревянных плах.

⁸ Каменный дом.

⁹ Однокомнатные или двухкомнатные дома. В записках путешественников конца XVIII–XIX вв. дома крымских татар описываются как состоящие из одной или двух комнат. Например: «Почти у каждого татарина по две комнаты: одна для него и проходящих, а другая для его жён, куда ни самый ближний родственник никогда входить не может. Внутренность их домов весьма опрятна; шерстяные с подушками диваны, камин и несколько кованых сундуков составляют убранства оных» [Сумароков, 1803, с. 180–181].

¹⁰ В 2019 г. в Бахчисарае был выявлен оджак, схожий с вышеописанным, вытесанный из камня-известняка, разобранный и перевезенный в безопасное место из разрушающегося старинного дома. Оджак располагался в подвальном помещении жилища в квартале Осман-ага. Находку оджака в старой части современного Бахчисарая можно рассматривать как доказательство древности сохранившегося здания, нуждающегося в защите от разрушения как памятника жилой архитектуры, возможно, последних десятилетий XVIII в.

*Старый дом в горной части Крыма,
с. Буюк-Озенбаш. Из фондов БИКАМЗ.*

окружении большого количества садов, что определило выбор материала для строительства жилища.

В середине 20-х гг. XX в. сотрудниками Бахчисарайского дворца-музея в городе были зафиксированы и взяты на учет несколько старинных домов «как памятники гражданского строительства крымских татар». Среди них был дом – чатма эв, расположенный в квартале Умерша-эфенди (Бурма-чешме), построенный из очень массивных досок, получаемых путем раскалывания вдоль толстых дубовых стволов, поставленных на ребро и скрепленных брусьями-скрепами «пайванд»¹¹ [Боданинский, 2018, с. 81].

Люди богатые и некоторая часть среднего достатка проживали в каменных домах, которые требовали больших денежных затрат, бедные же довольствовались строениями из более доступного, но недолговечного самана и дерева.

Для покрытия пола использовались килимы местного, персидского, туркменского и анатолийского изготовления, украшенные цветочным, геометрическим и др. орнаментом, желтого, коричневого, черного и синего цветов. В одном из углов комнаты, располагался сундук, местного или венгерского производства, прикрытый

¹¹ Этнографический дом был внесен в список архитектурно-археологических памятников КрАССР под названием «Домик XVII в.».

покрывалом¹². Вечерами помещения освещались светильниками (мумлук/шамдан), которые устанавливали в специально устроенных для них стеновых нишах.

Предметом судебного разбирательства становился вопрос несогласованного с соседом устройства в доме окна, направленного в сторону двора истца, что, по его словам, создавало неудобства для членов его семьи.

Таким образом, проанализировав ряд вышепредставленных источников, можно определить особенности традиционных жилищ крымских татар периода Крымского ханства.

В связи с разнообразными природно-климатическими условиями полуострова, а также пестрым этническим составом крымских татар жилище имело свои характерные особенности.

Так, в связи с кочевым и пастушеским образом жизни степных жителей полуострова (ногайцев) их традиционное жилище длительное время было переносным и имело форму юрты.

При переходе к полуоседлости у степных крымских татар появились зимовки, имеющие вид плетневых жилищ – мазанок.

Позднее данный тип жилищ заменили стационарные дома, построенные из приготавливаемого собственноручно кирпича-сырца. В зависимости от достатка крыши таких домов покрывались дерном или красной черепицей.

В Предгорном Крыму преобладали одноэтажные или двухэтажные каменные, саманные и плетневые дома, которые были покрыты дерном или красной черепицей.

В горной части полуострова помимо саманных, плетневых и каменных, одно-двухэтажных построек встречались и деревянные плаховые дома, описание которых находим в дневниках директора Бахчисарайского дворца-музея У. Бо-

¹² Как видим из описаний путешественников, оформление и обстановка крымскотатарского дома конца XVIII – начала XIX вв. были идентичны временам Крымского ханства: «Внутренность их домов опрятна; шерстяные с подушками диваны, камин и несколько кованых сундуков составляют убранства оных» [Сумароков, 1803, с. 180–181].

данинского, например, Коккозский срубный (чатма эв) дом Мурадасыл Муслима, построенного неким Абдулла-пашой в конце XVI века¹³ [Боданинский, 2018, с. 85].

Жилая архитектура Южного берега Крыма подчинялась рельефу местности. Дома были расположены амфитеатром по склону горы. Дополнительными источниками света служили проделанные в плоской земляной крыше отверстия.

О внутреннем убранстве стационарных традиционных жилищ рассматриваемого периода известно немного. Опираясь на этнографические исследования XIX в., можно утверждать, что оно было относительно идентичным времени позднего Крымского ханства. Разница зависела только от материального состояния владельца дома и его эстетического вкуса.

Такое описание внутреннего убранства традиционного жилища крымских татар оставили некоторые путешественники, посетившие Крым в конце XVIII в. «Татарский дом есть весьма приятное строение об одном жилье; в нём нет ни столов, ни кресел, ни других деревянных украшений. Около стен положены большие подушки, на которых мы сидели и лежали облокотясь»; по словам П. И. Сумарокова: «Почти у каждого татарина по две комнаты: одна для него и приходящих, а другая для его жён, куда ни самый ближний родственник никогда входить не может¹⁴. Внутренность их домов

¹³ Это уникальное по времени строительства, материалу и способу изготовления произведение жилой архитектуры времен Крымского ханства на момент его выявления и взятия на учет в 1924 г. находилось в частном владении. Превращенное в этнографический объект, куда водили экскурсантов, старинное жилище почти не пострадало во время разрушительного землетрясения 1927 г. Как подметил в своем дневнике У. Боданинский, здание «очень крепко стоит на протяжении 286 лет». Состояло на учете как памятник архитектуры до середины 40-х гг. XX в.

¹⁴ Роль религии при строительстве жилищ была подчеркнута при архитектурном обследовании в Бахчисарае старинного крымскотатарского жилого дома в середине 20-х гг. XX в. Это выразилось в обшивке части галереи дома досками, которая предназначалась для пребывания там женщин в том случае, если в доме имеются посторон-

*Домик в приходе Бурма-чешме. г. Бахчисарай. XVII в.
Фото С.С. Некрасова. Нач. XX в. Из фондов БИКАМЗ.*

весьма опрятна; шерстяные с подушками диваны, камин и несколько кованых сундуков составляют убранства оных» [Кравен, 1795, с. 278, Сумароков, 1803, с. 180–181].

Следует отметить, что внутреннее и наружное оформление части старинных крымскотатарских домов Бахчисарая, сохранившихся к XX в., сохраняло в себе элементы убранства времен Крымского ханства. Свидетельством и подтверждением этого являются предложения известного исследователя архитектуры полуострова академика Котова Г. И., озвученные им на страницах журнала «Зодчий». Так, по мнению академика, отдельные части внешней и внутренней отделки сохранившихся к концу XIX в. старинных домов Бахчисарая, имевших отношение к «прежней архитектуре крымских татар», следовало бы использовать при реставрации покоев дворца крымских ханов. «С целью пополнить данные для реставрации дворца и при этом такими, которые по существу были бы однородными с имеющимися, мною было обращено внимание на возможность существования в самом Бахчисарае старинных частных построек. В этих постройках естественно мог отразиться характер архитектуры прежнего ханского дворца. Таких домов на ие мужчины, чтобы женская часть дома имела возможность удалиться, когда гости, входя в приемную комнату, заставали там женщин [Куфтин, 1925, с. 11].

шлось в Бахчисарае несколько, и, по всей вероятности, со временем число их увеличится, если будет обращено внимание на этот предмет. Особенно интересными оказались два дома в квартале Хаджи-Кокей, под № 1114 и 1118. В них, благодаря бедности хозяев, не заметно никаких позднейших ремонтов, и вследствие этого отделка потолков с позолотой и расписными орнаментами¹⁵, стенные шкафы с типичными дверцами и петлями, а также орнаментальная роспись каминов сохранились нетронутыми и не имеют ничего барочного. Эти дома желательнее было бы приобрести с целью сохранить хотя бы один из них на месте, а декоративные части другого можно было бы или приспособить к реставрации дворца, или же сохранением их во дворце положить начало собиранию подобных материалов для реставрации» [Котов, 1896, с. 4–5].

Интересными и заслуживающими внимания, по мнению академика Котова, являлись дом Сейдамета¹⁶, а также соседний с ним дом под

¹⁵ По мнению Г. И. Котова орнаментация этих потолков очень напоминает плафон ханской ложи в Большой дворцовой мечети. Эта мечеть, судя по надписи, построена Селямет Гераем [Котов, 1896].

¹⁶ На момент публикации дом принадлежал Хаджи-Омеру Халил-оглы.

№ 731¹⁷, располагавшиеся в квартале Орта-джами, дом № 1091, находившийся в квартале Хан-джами, сохранившие элементы внешней и внутренней отделки прошлого.

Результаты архитектурно-этнографических исследований по изучению старинного крымскотатарского жилья, проведенных профессором Куфтиным Б. А. и сотрудниками Бахчисарайского дворца-музея в середине 20-х гг. прошлого века, подтвердили точку зрения, высказанную Котовым в конце XIX столетия. Нашло подтверждение мнение академика о вероятности увеличения количества старых построек, сохранивших в неизменном виде декоративные детали и характер архитектуры ханских времен. По результатам исследований были выявлены, обмеряны и описаны старинные городские и сельские жилища, сохранившие в себе отпечаток архитектуры прошлого. Некоторые из них были взяты на учет как памятники гражданской архитектуры.

¹⁷ В доме, принадлежавшем караиму Садук-Борю, во внутренней отделке имелся «тот же барочный характер, который преобладал во дворце».

14.6. Изобразительное и декоративно-прикладное искусство

Н. М. Акчурина-Муфтиева

Искусство (музыка, театр, декоративное искусство) Крымского ханства во второй половине XV века переживает высокий взлет, который продолжается в последующие три столетия в условиях турецкого протектората. Этому взлету способствовали определенные условия, сформировавшиеся в социальной, экономической, государственной, правовой системе общества, всей его духовной культуре.

Во времена Крымского ханства высокого расцвета достигают декоративное искусство, музыка, развиваются театральное искусство, литература. Червонная С. отмечает, что искусство становится «...вполне сопоставимым с европейским Возрождением и по аналогии с

ним нередко называемым «мусульманским Ренессансом» [Червонная, 1994]. Уже с начала XIII в. в Крыму наблюдалось стремление к мусульманской культуре, широкие горизонты которой открылись для крымцев с завоеванием Крыма Османской империей в 1475 году. Необходимо отметить, что «завоевание» турками-османами полуострова не внесло какого-либо негативного перелома в общую историю и развитие культуры крымцев. Начинает расширяться не только географический ареал распространения мусульманской архитектуры в Крыму, но и типы архитектурных сооружений: культовые – мечети, мавзолей-дюрбе; светские – медресе, бани, кофейни и т. п.

Их стиль свидетельствует об исключительной открытости крымцев к различным влияниям культур народов, населявших южное побережье – от Анатолии и Ближнего Востока до современной Италии. Но при всем разнообразии влияний основным ориентиром становится мусульманская, в основном османская архитектурная традиция, определившая на долгие годы облик крымских городов.

С 1532 г. столицей Крымского ханства и одним из центров крымской мусульманской культуры становится Бахчисарай, который в XVII–XVIII вв. достигает своего расцвета. Согласно письменным источникам, в государстве процветают религия, духовность и культура, получают развитие светское просвещение, суфийская поэзия, монументальная архитектура.

Расцвет архитектуры и строительной деятельности в Бахчисарае приходится на правление хана Сахиб Герая (1532–1551). При нем был заложен «дворец-сад» – Бахчисарай – ханская резиденция, функционировавшая до конца XVIII в. Дворец многократно перестраивался и обновлялся в соответствии с веяниями времени. На протяжении веков в его архитектуре отражались различные влияния: османское, персидское, западноевропейское барокко. Территория, включавшая дворцовые, культовые, хозяйственные постройки, сады, фонтаны, занимала просторную террасу в излучине реки Чурук-Су и была первоначально гораздо шире, чем нынешняя территория музея-заповедника. Как в любой ближневосточной столице, и в Салачике, и в Бахчисарае возводились обязательные архитектурные сооружения, подчеркивающие статус города, в число которых входили дворец правителя, усыпальница правящей династии, соборная мечеть и медресе при ней, а также общественное сооружение, построенное ханом на собственные средства для блага горожан [Гайворонский, 2016].

Распространению ислама в Крыму сопутствовало сооружение мечетей, возведение которых становится утверждением присутствия ислама на этой земле, маркером культурного отличия жителей данной местности от «иноверцев». В Крыму сложился свой архитектурный стиль, не такой богатый и величественный, как в соседней Османской империи: «...более скромный, тихий, с не-

которой приглушенностью религиозной ноты, с эмоциональной сдержанностью и чувством меры и в то же время с тем эстетическим модулем – пониманием человека как меры вещей, который в истоках своих восходил к античному художественному наследию Крыма» [Червонная, 2016, с. 162].

В 1552 г. в Гезлеве (ныне Евпатория) турецкий зодчий Ходжа Мимар Синан сооружает мечеть, структурно повторяющую монументальные мечети Стамбула. Сохранившаяся до настоящего времени, мечеть Джума-Джами представляет собой в плане квадрат. Её центральный пролет перекрыт большим, 11,5 м в диаметре, сферическим куполом, в основании которого устроено 16 окон. Всего в здании 59 окон, заполняющих ярким светом интерьер. Открытые галереи, окружающие здание с трех сторон, придают особую легкость сооружению. Завершающим акцентом и образным выражением стабильности, нерушимого покоя, замкнутости пространства, цельности стали четыре высоких минарета, возносящихся в небо [Крикун, 1998]. К сожалению, от минаретов, простоявших почти триста лет, рухнувших и разобранных в 1830-х годах, остались лишь граненые основания, на которых и были возведены ныне существующие 35-метровой высоты двенадцатигранные, с резными балконами-шерфе. В отличие от своих построек на территории Османской империи, в Крыму Синан создал мечеть по ее параметрам значительно скромнее – более камерной, уютной, размерной «человеческой мере вещей», как и в целом Крымскому полуострову. В соборной мечети Джума-Джами, находившейся на пути к ханскому дворцу в Бахчисарае из Стамбула, в течение двух веков крымские ханы короновались на престол и оставляли свои подписи на грамоте, хранившейся здесь же.

Однако характерный облик аулов и мусульманских кварталов новых городов Крыма своим силуэтом определила построенная в 1532 г. на территории ханского дворца в Бахчисарае мечеть Хан-Джами, которая представляла собой тип мечети в творчески освоенных традициях османской архитектуры. Позже этот тип мечети претерпел местные изменения: вместо двух минаретов устанавливался один, реже применялись открытые аркады, внутреннее помещение выпол-

нялось зального типа с ровным (без перепадов) потолком. Однако неизменно общими остаются: прямоугольный план, наличие в строении двух ярусов, четырехскатная черепичная крыша с сильно выступающим карнизом. Многократно в крымской архитектуре станут повторяться стройные и выразительные белокаменные башни-минареты Хан-Джами с их многочастной композицией, имеющие цоколь в основании, круглую базу, многогранный ствол, ажурный балкон-шерфе, украшенный каменной резьбой, коническое завершение с алемом и опрокинутым вверх полумесяцем.

Соборные мечети олицетворяли собой духовное единство членов городской общины, там утверждались нормы порядка и морально-эстетические положения ислама. Каждый пришелец, прежде чем пользоваться привилегиями горожан, должен был прийти в соборную мечеть и тем как бы подтвердить свое безусловное подчинение всем требованиям местной духовной и светской власти. Квартальные же мечети были настоящими мужскими клубами.

Посредством строительства мусульманских культовых сооружений правители и знать зачастую стремились увековечить свое имя. В Крыму было немало мечетей, наглядно представлявших эпоху средневековья, насыщенную важными историческими событиями, доносивших из глубины веков имена правящих ханов. Эти сооружения воплощали в себе культурные, политические и экономические связи полуострова с различными регионами исламского мира.

Другим типом культового сооружения в Крымском ханстве являлись мавзолеи-дюрбе, представлявшие собой сооружения над могилами правителей, членов их семей, высокопоставленных лиц, богатых и влиятельных граждан, духовных служителей, отличившихся своей праведной жизнью или ученостью. Сооружение дюрбе над могилой считалось оказанием большой чести для покойника. Традиционно во времена Крымского ханства дюрбе имели четырех-, чаще восьмигранную форму в основании, поддерживающую купол. Несмотря на небольшие размеры, они выглядели достаточно монументально. Снаружи дюрбе обычно облицовывали камнем, а внутри штукатурили. Основным материалом в сооружениях служил известняк. В более ранних постройках при входе

устраивался портал с пышной резьбой в сельджукском стиле, являвшийся наследием золотоордынского периода. Как правило, в каждом таком сооружении устроен склеп, в котором и находится захоронение. Вход в него, располагавшийся преимущественно с восточной или южной стороны, заделывался или закладывался плитой. В верхнем помещении на полу воздвигался надмогильный памятник в виде каменного или деревянного саркофага, иногда с надписью, датирующей время смерти погребенного. Полы здесь застилала коврами, устанавливали большие бронзовые подсвечники, курильницы, в нишах лежали книги. Кладбищенские служители сидели у гробниц, читая Коран. Дюрбе являлись местом, куда приходили паломники и больные, чтобы помолиться за упокой души чтимых умерших и попросить у них помощи и исцеления.

Наряду с культовой архитектурой, в XVI веке в Крыму получают распространение и сооружения светского характера: дворцовые и жилые постройки, здания общественного и государственного (просветительского, хозяйственного) назначения. Именно в это время в Бахчисарайском дворце строится Зал Совета и Суда, при мечетях сооружаются медресе, в жилых кварталах – бани, служившие не только для санитарии, но и являвшиеся своего рода местом общения, множество кофеен. В крымских городах появляется подземная система водоснабжения («кязиз»), состоящая из накопительных колодцев, находившихся далеко за городскими стенами и соединенных между собой вырубленными в известняке галереями, снабжавших не только многочисленные уличные фонтаны и источники, но и городские бани. Ведется обширное дорожное и портовое строительство, укрепляется система коммуникаций полуострова с материком, проводятся геологические изыскания, которые должны были способствовать развитию местных видов сырья.

Свой политический и культурный расцвет молодое Крымское ханство переживает при сыне Хаджи Герая Менгли Герай-хане – выдающемся политике, дипломате, высокообразованном человеке, дружившем с московским великим князем Иваном III. Первым зданием в Ашлама-Сарае он распорядился построить высшее учебное заведение – Зынджирлы-медресе (1500 г.) – как «центр

учености». В наши дни это уникальный архитектурный памятник, старейшее высшее учебное заведение как на территории Крыма, так и в Восточной Европе. При входе в мечеть Менгли Герай приказал низко повесить цепь (зынджир): «...Я приказал повесить в дверях эту цепь, чтобы каждый, кем бы он ни был, при входе в этот священный храм науки склонял свою голову, выразив, таким образом, свое уважение к науке» [Ислам в истории, 2013, с. 326]. Каменное здание почти квадратного плана. Строгие боковые и дворовые фасады скупо оживляют небольшие окна. Главный восточный фасад имеет лишь входную дверь и вмонтированную над ней каменную плиту с надписью: «Это медресе при помощи Всеблагого Бога приказал построить Менгли Герай-хан, сын Хаджи Герай-хана, да продлит Бог царство его до скончания века. 906 г.» (1500 г. РХ) [Ислам в истории, 2013, с. 326.]. Внутренняя планировка состоит из большого четырехугольного двора, окруженного крытыми галереями, в которых расположены тринадцать комнат для студентов-сохтов и одна, более просторная, – для общих занятий. Галереи перекрыты десятью плоскими куполами. Аркады и купола, через паруса, опирающиеся на столбы и стены, создают интересный и уютный интерьер с открытым двориком и фонтаном. Такая планировка способствовала организации замкнутого, отгороженного от мирской суеты отрешенного мира, лучшему усвоению божественных наук. Это небольшое и скромное помещение служило в течение нескольких веков центром крымскотатарской культуры и просвещения. В полный курс Зынджирлы-медресе входили такие предметы, как турецкая и арабская грамматика, каллиграфия, арифметика, наука о нравственности, логика, наука о стихосложении, мусульманское право, богословие, учение Корана и Сунны. Кроме того, в программу обучения входили медицина, астрономия, история, физика и другие науки. Фактически это был университет с мировым именем, из стен которого вышло немало высокообразованных личностей, общественных деятелей, ученых и писателей. В нем работали многие знаменитые ученые, в том числе крымскотатарские историки: Реммаль-Ходжа (XVI в.), Абдулвели-эфенди и Хейр-заде-эфенди (XVII в.), Мухаммед Риза (XVIII в.), известный философ Абдул Азис-эфенди (XVII в.)

[Ислам в истории, 2013, с. 226]. Зынджирлы-медресе функционировало на протяжении четырех веков, вплоть до конца XIX в. К сожалению, крымских медресе сохранилось не так много, что затрудняет возможность детального представления их архитектуры.

Если медресе были храмами науки и просвещения, то такие заведения, как бани и кофейни, служили не только сообразно своему прямому назначению, но также являлись и своеобразными клубами, местом отдыха и встреч, где друзья и деловые партнеры могли часами обсуждать новости и различные дела.

Часто, в целях благотворительности, ханы, члены их семей или высокопоставленные лица возводили в городах общественные бани. Так, в 1532 г. в ознаменование вступления на престол хана Сахиб Герая в Бахчисарае возле мечети Хан-Джами была заложена одна из первых общегородских бань «Сары-Гюзель» (Белокурая красавица), функционировавшая почти 400 лет вплоть до 1924 г. Согласно сведениям Эвлии Челеби, в 1666 г. он насчитал в Бахчисарае четыре бани, в Гёзлеве – пять вместе с ханской, причем одну из бань уже в XVII в. называли «Старой». В бахчисарайских реестрах ханских времен указывалось, что в городе функционировало десять бань [Гайворонский, 2016].

Об устройстве бань в Крымском ханстве можно судить по реконструированной ныне бане Сары-Гюзель. Баня была устроена по принципу турецкого хамама. Как и многие бани в Крыму, здание делилось на две половины: мужскую и женскую, со входами с противоположных сторон. Каждая половина состояла из раздевальни, в которой установлен фонтан с прохладной водой, теплых помещений для мытья, имеющих по периметру мраморные лавки и раковины с кранами, горячего массажного зала с каменным помостом. Вода поступала в моечные помещения по свинцовым трубам. Обогрев производился посредством сложной системы отопительных каналов, расположенных в массивных стенах либо под полом. Повышенный комфорт создавался благодаря интерьерам. Пучки дневного света проникали сквозь небольшие круглые отверстия в куполах, покоящихся на стрельчатых конхах, создавая иллюзию звездного неба. Пол, скамейки, фонтан, массажные столы были

выполнены из привозного белого мрамора. Перед баней устраивались уютные крытые дворики для отдыха со скамьями и фонтанами [Фадеева, Соколова, 2000].

Во второй половине XVI века во все аспекты жизни крымскотатарского общества проникает культура потребления кофе, которая впоследствии стала национальной традицией, а кофейная церемония – символом гостеприимства. Повсюду в крупных городах открываются кофейни (кофейханы), ставшие местом встреч по интересам и приятного времяпровождения. Здесь за чашечкой кофе посетители вели спокойные дружественные беседы, играли в шахматы, просто отдыхали. По вечерам кофейню мог посетить народный сказитель и, собрав вокруг себя слушателей, рассказывать старинные и собственные дестаны. Случались и представления «театра теней», традиция которого пришла в Крым из Османской империи [Кофейни и бузаханы..., 2018]. Большое значение придавалось оформлению интерьера заведения: специальная посуда (фильджаны, подстаканники «зарф», джезве, подносы), низкие диванчики, покрытые килимами, расшитые подушечки «миндер», столики «кьона» и другое.

К XV веку в Крыму на основе местных традиций сформировались основные конструктивные типы народного жилища крымских татар, а на основе привнесенных исламом обычаев – планировка и интерьер, соответствовавшие новому мусульманскому мировоззрению. Это отразилось в разделении жилых помещений для проживания и приема гостей (не имевших права встречаться с женской половиной семьи), устройстве окон, выходящих во внутреннюю часть двора (а не на улицу), балконов с густой решеткой (кьяфес), верхних маленьких окошек с витражами и т. п. На организации внутреннего пространства жилища сказались обычаи кочевых племен, проживавших в юртах: покрытие пола войлоком, размещение вещей на виду по периметру помещения, минимум мебели, масса декоративного шитья, низкая мебель в соответствии с традицией сидеть на полу [Акчурина-Муфтиева, 2016].

Влияние Османской империи на городскую культуру Крыма, в частности народное жилище, проявилось в строительстве двухэтажных домов с выступающим вторым этажом на косых

деревянных подпорках, упирающихся в стену. Крыши покрываются черепицей и выступают от стены широким навесом, который украшается геометрическим орнаментом из тонких деревянных планок. Над каминами выводятся высокие призматические трубы, входные двери украшаются металлическими кольцами на резной бронзовой дощечке [Никольский, 1924, с. 15]. В интерьере устраиваются пристенные камины и используется низкая мебель. В богатых домах используются ковры, ширмы, сундуки, диваны, устраиваются фонтаны внутри помещений. В качестве украшения под потолком помещаются небольшие окошки с цветным стеклом, вставленным в узорные гипсовые рамы.

Патронат Османской империи способствовал проникновению в Крым османского искусства, традиции которого оказались в приоритете не только в архитектуре, но и ремесленном производстве. Поступающие из Османской империи и Персии ткани, ювелирные изделия, книги, посуда становятся образцами для подражания и творческой интерпретации мастеров. Приобретают популярность арабские надписи и цитаты из Корана на изделиях декоративно-прикладного искусства, в качестве самостоятельного элемента оформления ювелирных изделий, либо органично вплетаются в орнаментальные структуры вышивок. Орнаментальное искусство в силу географических, историко-социальных и этнических реалий неразрывно сплетается с искусством ближнего мусульманского Востока, начиная с Турции, Закавказья и до Персии, Египта, а также Италии, Испании и Прибалтики. Получает распространение стиль «хатаи», применяющий цветочный орнамент, мотивы и формы базисного стиля «руми» [Акчурина-Муфтиева, 2008, с. 63]. Этот стиль в силу своих художественных достоинств и отсутствия идейно-религиозной окраски, универсальности и общедоступности получил широкое распространение не только среди мусульманского, но и христианского населения. Пышность и праздничность композиций этого стиля соответствовали художественным предпочтениям XVI–XVIII вв. Он широко применяется во всех видах декоративно-прикладного искусства, а также в книжной графике.

Единственным памятником крымскотатарской графики периода Крымского ханства, дошедшим

до нашего времени, являются грамоты, украшенные туграми. В Крыму тугры, обрамленные цветочно-растительным орнаментом и нашедшие наибольшее употребление на государственных актах, украшали мохаббат-наме (послания) и шерт-наме (договорные грамоты), а также размещались на общественных зданиях, ювелирных украшениях, монетах. «Декоративный эскорт крымских тугр демонстрирует замечательные образцы татарской орнаментальной графики, особенно ценные тем, что они и по композиции, и по стилистике узоров, и по цветовой гамме выразительно отличаются от образцов других школ восточной орнаментальной графики и составляют самостоятельную крымскотатарскую школу, по сути, ранее неизвестную исследователям восточного искусства» [Фаизов, 2002, с. 5]. Классический облик крымской тугры, отличающий ее графику, вырабатывается крымскими рассамами и хаттатами ко второй половине 30-х годов XVII в.: динамизм линий, «соотношение изменчивой толщины линии с силуэтом тугры», контраст вертикальных и горизонтальных линий [Фаизов, 2002, с. 6]. Декоративное оформление тугры демонстрирует замечательные образцы крымскотатарской орнаментальной графики: сочетание золотом выполненных линий тугры с тончайшими линиями окружающего ее растительного орнамента, выполненного в нежных тонах и различных цветовых комбинациях. В орнаментальное сплетение тугры художник включает реальные и вымышленные цветочные мотивы, разнотравье степи и предгорий крымской земли: бутоны шиповника, тюльпаны, розы, гвоздики, шафран, типчак, тимьян и др. Присутствуют здесь и «иноземные» изображения, такие как лотос, лист пальмы, китайские «облака» и «дракончики». В конечном итоге тугра, как специфическое художественное произведение, организовывала пространство государственных грамот, являясь центральным звеном их художественной структуры, а все элементы композиции в совокупности составляли символику модели Вселенной.

Начиная со второй половины XV и до конца XVIII столетия получают развитие производство войлока и шерсти, выделка и изготовление изделий из кожи и сафьяна, производство седел, художественная обработка металла (изготовление оружия,ковка, чеканка, ювелирное дело), ткачество,

художественное шитье (вышивка, аппликация, шитье жемчугом, бисером и др.), художественные работы по камню и дереву (резьба, роспись, инкрустация) и многое другое. Региональные художественные особенности изделий и предметов этого времени отражали симбиоз традиций, этнических корней соседних народностей, культурных влияний, передававшихся во времени и, прежде всего, эстетику ислама, ставшую национальной религией крымских татар. Декоративные традиции главным образом складывались за счет произведений-стереотипов, содержали унаследованные знания о технико-эстетических свойствах материалов и соответствующем комплексе закономерностей, приемов и средств художественной выразительности. В период существования Крымского ханства плавно переходят и продолжают свое развитие многие традиции, художественные приемы, техника исполнения и орнаментация золотоордынского периода. С образованием государственности при ханском дворе появляются различные цеха, в том числе вышивальщиков, ювелиров, медников, войлочников, ткачей и др., которые в первую очередь обслуживают нужды царствующей семьи и богатой прослойки населения. В этот период высокохудожественные образцы ремесла, производившиеся в цеховых мастерских проникают в Россию и Европу. Наряду с цехами, производят продукцию декоративно-прикладного искусства и множество мастеров-кустарей.

Хозяйственная деятельность крымских татар, основанная на скотоводстве, определила роль и значение технических культур, которые составили основополагающее звено в системе жизнеобеспечения. Разведение мелкого рогатого скота, дающего шерсть, а также наличие местных растительных и минеральных красок способствовали производству войлока, изделий из шерсти, ковров. Дошедшие до нашего времени сведения о крымскотатарском производстве войлока и ковроткачестве ханского периода чрезвычайно скудные. К ним относятся упоминания Клавихо в «Истории Темура-бека» о существовании в XIV – начале XV в. в кочевых сельбищах цехов ремесленников, изготовлявших войлоки и ковры, Эвлии Челеби о ремесленниках-изготовителях молитвенных ковриков Кафинского эялета в XVII в. С начала XVIII века в Крыму производились килимы (безворсо-

вые ковры) высокого технического и художественного достоинства.

Из ханских ярлыков раннего периода и кадиаскерских записей (книги шариатских судей) известно, что во времена Крымского ханства существовали цеха войлочников кечеджи и торбочников мутафчи. С этого времени производство войлока, сукна, торб и ковроткачество упоминаются как сугубо мужское занятие [Боданинский, 1928; Радде, 1856–1857; Дмитриевский 2005], выполняемое ремесленниками-кустарями. Войлок производили как однотонный, так и цветной, украшенный аппликацией, набойкой или вышивкой. Изготавливали разнообразные виды изделий: пеструю кошму, нашивной, аппликативный войлок, который был распространен не только среди степных, но и среди горных татар, а также караимов и армян Крыма. Аппликативная техника, применявшаяся для выделки так называемых «ковров-парохетов», очевидно, была заимствована из Закавказья, Турецкой Армении и Ирана. Такими коврами полностью покрывали стены комнат. Орнамент на них выполнялся исключительно растительный. Ковер-парохет украшал кабинет Каплан Герай-хана в Бахчисарайском ханском дворце. Аналогичные ковры в Крымском ханстве украшали стены караимских кенасс и армянских церквей [Акчурина-Муфтиева, 2008, с. 116].

Заметное место в домашнем производстве занимало изготовление из шерсти сукна. Ткали как грубошерстные сукна для верхней одежды, так и тонкие для нательной. Тканье сукна проводилось на том же стане и теми же приемами, что и холст: простым полотняным переплетением. Сукно изготовлялось обычно черного, бурого и реже – синего, розового, зеленого и белого цветов. Нарядным считалось тонкое цветное сукно, использовавшееся для покрывал обводных диванов, головных уборов, чулок, накидок фередже (розового, зеленого и белого цвета), надеваемых женщинами при выходе из дома [Акчурина-Муфтиева, 2018б]. Из сукна шили головные уборы, короткие куртки, узорные жилеты, шальвары и обувь, которые часто украшались набойкой или вышивкой, расширялись мишурой.

К достижениям художественной культуры времен Крымского ханства можно отнести узорное ткачество, которое носило, в основном, характер

домашнего ремесла, берущего начало еще со времен кочевнического хозяйства. Степные татары были кочевниками в значительной своей массе еще в XVI в., отчасти оставались ими и в XVII в. После перехода к оседлому образу жизни, они еще долго сохраняли обычай украшать мазанку или каменный дом домотканым текстилем по образцу кибиток, особенно в свадебный период. Изготовление полотна и его художественное оформление существовало как в форме домашних занятий, так и в виде промыслов.

Тканые и вышитые изделия очень ценились, их берегли и передавали по наследству, использовали в бытовых обрядах и обычаях. Декоративные полотенца, покрывала, скатерти, головные платки, безворсовые ковры и некоторые другие вещи входили в приданое невесты и являлись свидетельством ее мастерства и трудолюбия. Часть этих изделий связывалась со свадебным ритуалом, дарилась жениху и его родственникам. Одаривали во время обрядов по случаю смерти кого-либо или рождения ребенка. Некоторые изделия, особенно декоративные полотенца, служили в качестве приза победителям на ежегодных весенних празднествах, свадьбах и других торжествах [Акчурина-Муфтиева, 2006].

По сути, вся мягкая утварь, использовавшаяся в бытовом ансамбле, была связана с широко распространенными узорным ткачеством и вышивкой. В письменных источниках XVII в. встречаются упоминания о множестве искусных ткачей г. Кафы [Челеби., 1999, с. 109], а также замечание Э. Челеби о том, что «ни в одной стране не может быть таких тканей с белой кромкой и разноцветных рубашек, как в этом Сарае» (автор имеет в виду Бахчисарай) [Эвлия, 1999, с. 99]. Упоминание об изготовлении в 1634 г. тончайшего льняного полотна встречается в записках у бывшего префекта Кафы д'Асколи Дортелли [Описание, 1902, с. 115].

Во времена крымских ханов в числе ремесленных цехов ткачи безазы и вышивальщики казады занимали почетное место. Их привилегированное положение объяснялось тем, что они обслуживали ханский двор, всю придворную знать, беев и мурз, высшее духовенство и работали еще на внешний рынок. Занятия ткачеством и вышивкой-шитьем в домашнем хозяйстве считались очень почетными не только для простых женщин,

но также и для ханских жен, фавориток, жен беев и мурз [Чепурина, 1929, с. 72]. Ткани для одежды, интерьера и отчасти ритуального назначения использовались в украшении внутреннего пространства жилища. Ткачество всегда производилось на ручных станках, независимо от того выполнялось оно домохозяйками или в ремесленных цехах. Что же касается стойкости приемов производства, то в 1830-е гг., как отмечал А. Н. Демидов, оставшиеся ремесленные заведения сохранили в Крыму свою первоначальную простоту, и в Бахчисарае изготавливали такие же изделия, что и за 200 лет до него [Демидов, 1853, с. 330].

Удивительные, сложные многоцветные орнаментальные композиции крымскотатарского узорного ткачества атма кыбырыз (кипрское тканье) украшали бытовые изделия небольшого размера: концы декоративных полотенец различного назначения, реже – скатерти, настенные полотенца, салфетки для посуды, а также элементы одежды – концы мужских свадебных поясов. Узорное ткачество кыбырыз идентично тканью кавказских паласов выполнялось по счету нитей основы, являясь образцом совершенного орнаментального двухстороннего тканья. Отличительной особенностью тканья являлись ступенчато расположенные отверстия чильтер, образующиеся в местах поворота нитей в пределах узора.

Особое внимание не только специалистов, но и просто любителей истории и искусства привлекает вышивка крымских татар. Среди этнографических собраний в музеях Крыма, Санкт-Петербурга, Москвы и в частных коллекциях вышивка конца XVIII – XIX вв., сохранившая технические и художественные качества времен Крымского ханства, составляет значительную часть, что говорит не только о ее широком распространении в быту крымских татар, но и большой художественной ценности. Во времена Крымского ханства вышивка достигла наивысшего расцвета за счет качества исполнения и материала, тонкого подбора цветового сочетания.

Сложившийся во времена Крымского ханства интерьер жилых помещений, ограниченный минимумом мебели, компенсировался украшением его большим количеством тканых и вышитых изделий, размещение которых имело свои традиции. Полочки для посуды, средняя часть стен и про-

стенки между окнами украшались полотенцами. Вышитые подзоры опоясывали верхний периметр стен. Накидки на детские колыбельки, сложенные горкой постели, подушки для обводных диванов, а также различные скатерки и полотенца на посуду украшались художественной вышивкой [Акчурина-Муфтиева, 2016]. Во время свадебных торжеств из сундуков извлекались наиболее ценные образцы. Весь дом завешивался вышитыми и ткаными изделиями, выполненными новобрачной. Вышитые изделия в качестве подарков раздавались на свадьбах, в качестве благодарности и платы – на похоронах тем, кто опускал покойника в могилу. В костюмном комплексе вышивка была привилегией женской одежды. Она исполнялась на платье, нагрудниках, фартуках, нарукавниках, украшала различные типы головных уборов, обувь. В мужской одежде вышивка применялась реже. Расшивались узорами лишь фески, свадебные пояса, подвязки для носков, изредка свадебные рубахи.

В орнаментации предметов бытового назначения и одежды для крымскотатарского шитья характерно большое разнообразие типов вышивки и одновременное сочетание нескольких из них в одном изделии. Шитье выполнялось как двустороннее, так и одностороннее. Двусторонний вид шитья составляли глухая гладь, счетная вышивка и шитье битью. Односторонний – высокое шитье золотом, шнурками, тамбурная вышивка, аппликационное шитье, шитье блестками пул, бисером, жемчугом и драгоценными камнями.

Глухая татарская гладь (татар ишлеме), счетная вышивка (эсап ишлеме) и шитье на проем плоской пластинкой (телли) являлись типом двустороннего шитья, характерного для Крыма. Потребность в просмотре вышивки с двух сторон диктовалась практическим применением изделий: различные полотенца, сложенные вдвое, – один край над другим, – развешивались на стенах; при ношении головного покрывала шербенти и пояса учкюр просматривались обе стороны концов изделий. Вышивки, выполненные этими швами, имели всегда особенно нарядный вид.

Высокое шитье золотом (мыхлама) использовалось в деталях одежды и предметах, у которых изнаночная сторона не просматривалась. С такой вышивкой выполнялись вещи для торжественных

случаев: женские шапочки, манжеты на рукава, подвязки для носков, жакеты, праздничная одежда и обувь, а также футляры для Коранов, часов, шка-тулки, кисеты для табака.

Во времена Крымского ханства золотым шитьем расшивались чепраки для лошадей, походные палатки ханов, одежды хана и придворной знати, настенные коврики с изречением из Корана, большие пристенные подушки обводных диванов для ханского дворца. Исполнение таких громоздких предметов, требовавших силы и выносливости, возлагалось на мужчин-вышивальщиков, объединенных в специальные цеха [История, 2014, с. 678]. С падением ханства цеха распались, но высоким шитьем небольших вещей в домашних условиях продолжали заниматься женщины.

Предварительный настил придавал высокому шитью золотом выпуклую форму и накладывался по рисунку, нанесенному на ткань. Выполнялся он несколькими способами. В изделиях XVI–XVII вв. в качестве настила встречается крученая овечья или верблюжья шерсть, применявшаяся еще в средневековье. В XVII–XVIII вв. шерсть заменяет шелк. Толстые крученые нитки желтого цвета подкладывались под золотые, а белого – под серебряные нити, что позволяло сохранить общую гармонию колорита в случае осыпания металлической нити на сгибах [Акчуріна-Муфтієва, 2006].

Во времена Крымского ханства изделия с вышивкой выполнялись на легких, тонких и ровных домотканых тканях. Для вышивки использовали шелковые нитки плотные и крученые, не линяющие при стирке, золотые и серебряные нити на шелковой основе, пластинки золота и серебра, не терявшие блеска со временем. Техника и исполнение не позволяли отличить изнанку от лица. Все вышиваемое пространство предмета густо заполнялось узором с выразительными линиями основного рисунка. Часто в одном изделии использовалось большое разнообразие швов. Нити применялись мягких тонов с множеством оттенков, которые незаметно переходили один в другой. Татарское полотно, вышитое шелками, было настолько прочным, что сохранялось веками.

Самыми распространенными после вышивки видами декоративно-прикладного искусства в Крымском ханстве были обработка металла и ювелирное дело. Уже в XV в. в Крыму применя-

ли почти все способы художественной обработки металла: чеканку, гравировку, ажурную резьбу и пр. С расцветом оружейного дела были связаны золочение и серебрение цветных металлов. Изготовление богато орнаментированного оружия достигло высокого расцвета в XVII–XVIII вв., было известно во всем мире, и оно массово вывозилось в другие страны. Различные виды холодного и огнестрельного оружия (сабли, кинжалы, ружья, ножи, топоры и т. п.), изготавливаемые в крупнейших центрах этого вида ремесла Карасубазаре и Бахчисарае, были одной из важных статей экспорта. Здесь работали мастера, изготовлявшие «богатые сабли с прекрасными клинками» [Паллас, 1999, с. 178]; ружья, инкрустированные костью; ножи «из весьма прочной стали» [Муравьев-Апостол, 1823]. Утонченные, с хорошим боем пистолеты и ружья были удобны для ношения. Их рукоятки и приклады выполнялись из ценных пород дерева с инкрустацией. Рукоятки сабель и кинжалов инкрустировались моржовой костью и рогом, а клинки – серебряной и золотой насечкой. Богато украшенное оружие специально изготовлялось для использования в официальных церемониях двора, а также для преподнесения в качестве подарка иностранным правителям, послам и т. п.

Изделия из металла изготовлялись как в ремесленных мастерских, так и кустарями-одиночками. В татарском войске в XV в. имелись кузнецы, оружейники [Барбаро, 1971, с. 57], изготовлявшие луки, сабли, очень ценившиеся кольчуги из колечек [Описание, 1879, с. 489].

Металл применялся также в изготовлении посуды, различных бытовых и ритуальных предметов, ювелирных украшений. Многие из них орнаментировались как простыми, так и сложными узорами, выполненными чеканкой, гравировкой, чернением, насечкой, ажурной и зубчатой резьбой.

Бытовая утварь в основном изготовлялась медночеканной и лишь небольшая ее часть – литой, характеризуясь большим разнообразием форм и наименований. На изготовление кухонной утвари, предметов сервировки стола, осветительных приборов и т. п. ремесленниками широко использовалась красная медь, имевшая красивый золотисто-желтый цвет. Латунь использовалась для производства самых разнообразных предметов: ритуальных сосудов, банных и умывальных тазов,

кувшинов и т. п. Готовая продукция мастеров-медников подвергалась лужению изнутри, а иногда и снаружи, и только после этого использовалась в быту.

Во времена Крымского ханства орнаментация медночеканной утвари достигла наибольшего расцвета. Украшали посуду двумя основными способами: орнаментацией растительным, геометрическим и эпиграфическим орнаментами в различных техниках (гравировка, тиснение, чернь и т. п.) и способом насечки в сочетании с ажурной резьбой. Большое место в декоре занимала эпиграфика. Узорное арабское письмо в руках искусных мастеров превращалось в орнаментальные фризы и медальоны, встречаемые почти на всех предметах. В них включались дата создания данного изделия, имя мастера, изречения из Корана, а часто и стихи. Богато оформленная утварь служила украшением интерьера, являлась показателем состоятельности ее владельца [Акчурина-Муфтиева, 2017]. Хорошо начищенная, она ставилась на настенные полочки для всеобщего обозрения. Изящная медная посуда была в кофейнях, восточных банях; у фонтанов висели металлические кружки для питья воды и сосуды для омовений.

Глубоко самобытным и традиционным видом искусства в Крымском ханстве являлось производство ювелирных украшений. Ювелирные мастерские располагались на центральных улицах городов, а особенно в большом количестве в Бахчисарае и Карасубазаре. Крымскотатарские мастера изготавливали ювелирные изделия, используя такие традиционные способы художественной обработки металла, как чеканка, гравировка, штамповка, скань, зернь, литье.

Цеха ювелиров-филигранщиков, чеканщиков и литейщиков, объединенных в стройную организацию с главой цеха, его помощником и старостой-посыльным, имели производственный статут, созданный на основе мусульманского кодекса. Цеха обслуживали бытовые потребности татар на внутреннем крымском рынке, и только четвертая часть продукции вывозилась за пределы Крыма [Боданинский, 1930]. Однако наряду с цехами было много ювелиров кустарей-одиночек, также выполнявших свои изделия для потребностей внутреннего рынка.

Больших технических и художественных до-

стижений татарские ювелиры добились в искусстве скани. Для памятников XVIII в. характерна высокая плотность заполнения, равномерность его распределения между ведущими крупными завитками, чистота пайки и в целом отделки узоров. Красота ювелирных изделий зависела от искусства исполнителя. Для произведений лучших изделий ювелирного искусства характерны изящество, уравновешенность и точность изображения, многочисленные детали, многовариантность. Однако при всем многообразии техник филигрань была наиболее распространенной техникой у ювелиров. Самые ранние изделия в технике фоновой филигрании известны по найденным на территории Крыма изделиям золотоордынского периода. Эту технику в сочетании с эмалью применяли в XV – первой половине XVII вв., что видно на пуговице и застежке саадака из Оружейной палаты Московского Кремля. Со второй половины XVII в. появляется ажурная филигрань, что подтверждается сохранившимися образцами в музеях Крыма, Санкт-Петербурга, Москвы [Акчурина-Муфтиева, 2008, с. 157–158].

Ювелирное искусство было связано с созданием многообразного комплекса традиционных украшений, художественные качества которых определялись народными представлениями об их практическом и эстетическом совершенстве. Стремясь отразить потребности и интересы людей, оно способствовало формированию в творчестве татарских ювелиров общих эстетических критериев единства стиля. Глубокая традиционность находит выражение в устойчивом сохранении наиболее характерных форм, мотивов, узоров. Широкое использование цветочно-растительного орнамента, традиционных геометрических мотивов, богатый и выразительный ритмический строй орнамента, цветовые акценты из самоцветов отличают ювелирные изделия Крымского ханства особой поэтичностью и выразительностью.

Глубоко традиционной в декоративном искусстве крымских татар является резьба по камню. Она получила бурное развитие в конце XVI – XVIII вв. в украшениях малых архитектурных форм, частично – в монументальной архитектуре. Прекрасные по декоративному убранству и объемно-пространственному решению, надгробия, фонтаны, порталы архитектурных сооружений раскрывают мно-

говековую и высокую культуру художественной обработки камня, сформировавшуюся в своеобразный художественный стиль, который в разные исторические эпохи выражался по-разному.

Важнейшей составной частью камнерезного искусства мусульманского Крыма являются надмогильные камни и сооружения (саркофаги), получившие распространение уже в золотоордынский период и ставшие массовыми художественными произведениями в период Крымского ханства. Специфика таких сооружений заключалась в их синкретическом характере: одновременное сочетание архитектурной формы, пластического резного орнаментального декора, иногда дополненного полихромией, и поэтического текста, выполненного каллиграфическим почерком, мастерски вписанным в узор. Уже к XVII в. появляется большое разнообразие пластических форм надмогильных сооружений: столбы различных очертаний; круглые колонны с куполообразным завершением; плоские стелы с цоколем или без цоколя; сложные конструкции, соединенные между собой цепями или оградой; разнообразные саркофаги. Многообразие памятников усиливалось разнообразием используемого камня: мрамора, белоснежного известняка, розового ракушечника, темных пород гранита и диорита. К концу XVII – началу XVIII вв. получают распространение саркофаги, которые чаще всего устраиваются полыми в середине, а в торцах венчаются овальными или плоскими стелами, завершающимися головными уборами в виде тюрбанов, напоминающих человеческую голову. Увеличивается количество памятников из мрамора, которые украшаются пышной резьбой цветочного орнамента. Эпитафии на памятниках становятся выразительнее, поэтичнее, включают цитаты из Корана, сообщения о погребенных. Арабское письмо становится важным художественным средством. Значение слова раскрывается в единстве архитектурной формы и резного декора [Акчурина-Муфтиева, 2018а].

Камнерезное искусство Крымского ханства ярко проявилось в архитектуре малых интерьерных фонтанов, устраиваемых в различных беседках, гостиных и т. п. Фонтаны выполнялись в основном из мрамора с камнерезным орнаментом, включающим бордюры с растительными мотивами. В некоторых случаях дно резервуаров украша-

лось изображением рыб и птиц. В XVIII в. появляется новый тип фонтанов – сабиль – питьевой фонтан в виде пристенного или отдельно стоящего сооружения с арочной нишей и чашами, из которых медленно стекает вода в раковину-бассейн. Сабиль – фонтан-символ, отражающий философию Корана и вечного бытия. Здесь мастер в качестве символов использует изображение пятилепесткового цветка лотоса, улитки на дне бассейна, числа три, девять, чаши, образующие зигзагообразные лестницы и др. [Акчурина-Муфтиева, 2019].

Эпиграфика фонтанов несет в себе информацию двух уровней: фонтана как источника жизни и очищения, сакральный характер которого отражает культурные традиции ислама, и фонтана-книги, понимаемого посвященными. Внешний, целостный образ его воспринимается как страница Корана с унваном, венчаемая алемом. Кораническое письмо на фонтанах не только подчеркивает этот целостный образ книги, но и само несет его аналогично тому, как несли такие же надписи на зданиях, оружии, предметах быта. Сочетая в себе сакральную основу философии Корана, поэтическую эпитафию, исполненные из мрамора и испещренные резным орнаментальным декором, крымские фонтаны типа сабиль выполняют роль мемориала, напоминающего о быстротечных радостях жизни, о неизбежной разлуке, о райском блаженстве загробного существования душ праведников. В этом они сходны и духовно родственны с надмогильными памятниками [Акчурина-Муфтиева, 2008, с. 195].

К XVIII веку камнерезное искусство малых архитектурных форм и монументальных сооружений развивается по линии нарастания барочной пышности, расцвету которой способствовали развитые связи крымских ханов с западноевропейскими странами и, в частности, с Францией, а также активное внедрение ими предметов западноевропейского декоративно-прикладного искусства в быт и интерьеры дворцов и домов богатого сословия. Сочетание турецких и западноевропейских элементов приводит к тому, что формы памятников становятся более сложными, затейливо-вычурными, перегруженными орнаментально-каллиграфическим декором.

Таким образом, декоративно-прикладное искусство крымских татар получает наивысший

расцвет во времена Крымского ханства в XVII–XVIII вв. Большую роль в этом сыграла Османская империя, на которую ориентировались и которой старались подражать крымцы, и в первую очередь крымские ханы. Стремление приблизиться к богатству и величию турецких султанов к концу XVII – началу XVIII вв. привело к широкому распространению позолоты камнерезных орнаментов малых архитектурных форм, к использованию золота и серебра в изготовлении столовой утвари, предметов обихода и особенно ювелирных украшений, увеличению элементов орнамента в вышивке, выполненных золотыми и серебряными нитями.

На всем протяжении существования Крымского ханства, развиваясь в тесной связи с исламом,

крымскотатарское народное искусство выступает прежде всего как мусульманское, особенно близкое к османской культуре и культурам народов России, входящих в исламский ареал. Вся его специфика, иконография, выразительность орнаментально-каллиграфической системы, типология культовых архитектурных сооружений сложились на основе наследия местных культур, новых форм в искусстве и архитектуре золотоордынского периода и культурного влияния Османской империи. В то же время происходит значительный по сравнению с предшествующим периодом скачок, связанный с расцветом светской культуры, развитием нового стиля в искусстве и оставивший нам наиболее выдающиеся произведения.

14.7. Музыкальная культура Крымского ханства

И. А. Заатов

Сформировавшийся в единый этнос на территории Крымского полуострова крымскотатарский народ обладает богатой и самобытной музыкальной культурой. Выступившие суперстратом этно- и культурогенеза крымскотатарского народа, представители тюркских племен Дешт-и-Кипчака и представители осевшего в Крымском улусе Золотой Орды татарского и позже в Крымском ханстве ногайского этносов сформировали этнографическую группу степных крымских татар – «чэль» или «ногъай кырымтатарлары», привнеся в музыкальную культуру крымских татар особенности, присущие золотоордынской музыкальной культуре. Этнический конгломерат смешавшихся в пределах крымского домена турецких султанов турок сельджуков и османов с потомками древнейшего населения Крыма – этнографическая группа горно-южнобережных крымские татар – «татлар» или «ялыбойлю кырымтатарлары», выступив субстратом этно- и культурогенеза крымскотатарского народа, привнесли в крымскотатарскую музыкальную культуру определившие ее современное звучание и характер балкано-средиземноморские и малоазийско-черноморские музыкальные черты. Процесс формирования крымскотатарской

музыкальной культуры подразделяется на поствизантийско-золотоордынский, татарско-сельджукский и кыпчакско-османский периоды культурогенеза крымскотатарского народа.

Древнейшим образцом музыкально-поэтического творчества татар Крыма являются беиты из дестана «Юсуф ве Зулейха», записанные в 1232 г. в Солхат-Кырыме ашыком Али [Kurnaz, 2000, с. 19]. В письменном памятнике золотоордынского периода крымскотатарской истории написанном в Крыму на рубеже XIII–XIV вв. латино-персидско-куманском (кыпчакском) словаре «Codex Cumanicus», среди музыкальных терминов кыпчакского населения Крыма – «суруна», «муз», «бургу», «бургуца», «накара», «най», «кобуз», «кобузцы», «томбур» [Radloff, 1887, с. 20, 27, 46] указан главный музыкальный инструмент тюрков – «кобуз» и музыканты – «кобузцы» («кобузчи»), известные из древнетюркского толкового словаря середины XI в. Махмуда Кашгарлы «Диван Лугат ат-Турк» [Махмуд, 2005, с. 347, 631, 718, 880, 954]. В «Codex Cumanicus», приводится связанный с музыкальной культурой кыпчаков Крыма термин «sonator» – «певец» [Gazimihal, 2001, с. 67]. Мухаммад Ибн Батутта вместе с эмиром Крымского улуса Золотой Орды

слушал в ставке эмира Азака в 1333 г. профессиональное пение татар «по-тюркски» [Тизенгаузен, 1884, с. 289].

Процесс культурогенеза крымскотатарского народа, протекавший параллельно с процессом культурогенеза соседствовавших с ним русского, украинского, молдавского, ногайского и адыгских народов, включает в себя различные этапы становления и развития народного, зрелищно-массового, сценического и музыкального искусства крымских татар. Переводчиком «шертных грамот» великого князя московского Ивана III Васильевича и «ярлыков» крымского хана Менгли Герая I в рамках, установленных во время визита в Крым в 1474 г. боярина Н. В. Беклемишева между странами дипломатических отношений, работал крымский татарин Абляз-бахши [Бережков, 1894а, с. 29]. Бахши у крымских татар так же, как и у остальных тюрок ассоциируется с понятием «народный музыкант-сказитель, аккомпанирующий себе на кобузе».

По причине участия туток сельджуков и османов в этногенезе крымских татар термины обозначения музыки – «сельджукская», «османская», «тюркская», «турецкая» – тесно взаимосвязаны со средневековой крымскотатарской музыкальной культурой и происходят из культурного слоя периода османского протектората над Крымским ханством и вхождения Южного берега Крыма во владения турецких султанов. Этот период развития крымскотатарской музыкальной культуры характеризуется тесными культурными контактами двух столиц – Бахчисарая и Стамбула, а также связями Крыма с европейскими, азиатскими и африканскими доменами Османской империи.

Своим вниманием к национальной музыке и участием в музыкальной жизни династия Гераев оказывала мощное влияние на процесс развития крымскотатарской музыкальной культуры и определяла высокий уровень отношения к музыкальному искусству различных слоев средневековой крымскотатарской страны. В Крымском ханстве проявлялся интерес к музыкальному искусству и участию в процессе его развития и схоластических кругов страны. В каноны средневековой крымскотатарской религиозной музыки

входили мусульманские танцы в музыкальном сопровождении – «сема»; песенные восхваления Аллаху – «илиахи»; молитвы-песнопения на определенные музыкальные мотивы на арабском и крымскотатарском языках пятничных и священных предпраздничных вечеров – «кандиль сея». Мелодика этих несших в себе отпечатки арабского, турецкого, хорезмского и персидского мелоса песнопений проникала в музыкальную культуру крымских татар через ретранслировавших их носителей музыкальной культуры, оседавших и растворявшихся в мусульманской среде Крыма. Это явление оказало влияние и на процесс формирования крымскотатарской музыкальной культуры в целом. Представители различных орденов, в основном дервишей «мевлеви», внедряя в повседневную жизнь религиозные музыкальные атрибуты сема, зикр и песнопения, разнообразили этот процесс. Ярким представителем мусульманских священнослужителей-музыкантов был кадий Кефе, известный в Османской империи и Крымском ханстве богослов и поэт саза Хусеин Кефеви (умер в 1601 г. в Мекке). Он наладил систему преподавания музыки детям и взрослым в Кефе. Его учителем музыки являлся также музыкант и священник кадий Махмуд Челеби [Hanliq, 2007, с. 7]. В Крымском ханстве, как и в мусульманских странах, с которыми ей приходилось соприкасаться в политической, экономической и культурной сфере (Турция, Азербайджан, Иран), музыка суфиев «тасаввуф» использовалась при лечении больных.

На процесс формирования крымскотатарской музыкальной культуры оказала влияние музыка крымских автохтонных этносов – христиан греческого толка – урумов и румеев; иудеев – крымчаков и караимов, переселившихся в XIV в. в Крымский улус из Сарая и Киликии христиан – крымских армян, а также мусульман – крымских цыган (чингене). Подтверждением этому является тождественность музыкального фольклора крымских татар и этих крымских этносов.

В середине второй половины XV в. столица Крымского ханства переносится из Солхат-Кырыма в расположенное у подножия плато, на котором располагалась крепость Кырк-Йер, местечко Салачик, в котором хан Менгли Герай I рядом с дворцом Девлетсарай в 1500 г., возвел

новое главное высшее учебное заведение Крыма Зынджирлы-медресе. В 1532 г. хан Сахиб Герай I в трех километрах от Девлетсарая построил новый ханский дворцовый комплекс Бахчисарай, ставший в XVI–XVIII вв. главным центром развития крымскотатарской науки, литературы и искусства. В стенах Зынджирлы-медресе и Ханского дворца, куда приглашались известные ученые, поэты, музыканты и сочинители музыки Востока, оттачивали свое мастерство и передавали секреты своей профессии лучшие крымскотатарские музыканты и сочинители музыки. Отсюда новые веяния в крымскотатарском музыкальном искусстве и музыкальные произведения лучших крымских авторов расходились по городам и весям средневекового крымскотатарского государства.

Сведения о культурной жизни крымских татар отсутствуют в сообщении покровительствовавшему искусствам турецкому султану Мураду II прибывшего к его двору из Крыма крымского историка пер. пол. XV в. Монла Кырыми [Смирнов, 2005, с. 51].

Известно, что под звуки музыкального оркестра и бой барабанов «табул» и сдвоенных барабанов «наккаре» всходил на крымский престол хан Менгли Герай I (1466, 1468, 1478) [Demir, 2006, с. 19].

Имена творивших в Крыму в начале XVI в. масштабных представителей крымскотатарского музыкально-поэтического творчества, придворных джировов (бахши) крымских ханов, фигурируют в героическом эпосе исторических соседей крымских татар ногайцев «Мамай». В описываемом в эпосе походе 1522 г. на Астрахань крымского хана Мехмед Герая I принимали участие джиравы – Токсаба-улы [Мамай, 2010, с. 113], Бекиш-джирав [Мамай, 2010, с. 114], Казбек-джирав [Мамай, 2010, с. 117], предстающие в образе смелых, принципиальных, неуступчивых представителей крымского хана. Воспевая ум, отвагу, военный опыт Мехмед Герая I и мощь армии хана, они пытались повлиять на представителей ногайской верхушки.

Подтверждение о существовании в Крымском ханстве института профессиональной музыкальной подготовки и музыкального творчества, а также сведения о музыкальном инструментарии опубликовал в исторической хронике «Тарих-и

Сахиб Гирай Хан» средневековый крымскотатарский историк Реммаль-Ходжа. Под звуки оркестра принимал Сахиб Герай I встречавшую его в 1532 г. крымскую знать [Tarih, 1975, с. 21]. Использование крымскими татарами духовых музыкальных инструментов «сурналар» приходится на описание в хронике столкновения крымскотатарских и русских войск у переправы через Оку в 1541 г. [Tarih, 1975, с. 64]. В 1542 г. на военном смотре, учиненном Сахиб Гераем I крымскотатарским войскам, отправляющимся усмирять черкесов – жана в Сарыголе (Кефе), пятнадцатитысячный отряд ширинов проследовал под аккомпанемент своего оркестра, состоявшего из «давулов» (больших барабанов), «сурнаев» (деревянных труб) и «бору» (зигзагообразных медных труб). Во всех крупных крымскотатарских воинских соединениях имелись свои музыкальные оркестры [Tarih, 1975, с. 73]. Большой музыкальный оркестр играл во время выступления ханского войска из Бахчисарая в поход на Кабарду в 1544 г. [Tarih, 1975, с. 85]. Сигналы к выступлению, передислокации или отходу крымскотатарских войск подавались посредством труб и барабанов [Tarih 1975, с. 91]. Музыкальный оркестр в полном составе «давул, сурна, бору» играл на пиршестве Сахиб Герая I после разгрома черкесских войск крымскими татарами в ночном сражении на берегу реки Бельх [Tarih, 1975, с. 92]. К утреннему выступлению сигналы подавались ударными инструментами «табул» и «наккаре» [Tarih, 1975, с. 111]. Сигналом к выступлению войск на марш до восхода солнца служило исполнение на трубах «бору» и ударных инструментах «табул» («давул», «табл» – большой цилиндрический барабан) и «наккаре» (котловидные, медные спаренные барабаны) особой мелодии «гочь борусу» [Tarih, 1975, с. 36]. Музыканты-исполнители на большом барабане назывались «давулзан» или «давулджы», на малых барабанах «наккаре-зен» или «наккареджи».

К письменным свидетельствам о крымскотатарской музыке и музыкальном инструментарии европейских авторов относятся мемуары посла Великого княжества Литовского в Крымском ханстве Михалона Литвина. Он описал услышанный им в 1541 г. в ставке Сахиб Герая I профессиональный оркестр. Крымскотатарские

музыкальные инструменты он называет на европейский лад: «кифарами, цимбалами, кастаньетами и другими прочими пустяками». Выделил он и профессиональное вокальное исполнительское мастерство музыкантов крымского двора, отмечая «услаждение крымского хана их песнопениями» [Трактат, 2004, с. 80]

Мартин Броневский – посол польского короля Стефана Батория к хану Мухаммед Гераю II – провел в 1578 г. более 9 месяцев в Крыму. Повторив приезд в 1579 г., он посетил все города Крыма и описал свои впечатления о крымскотатарской культуре [Броневский, 1867].

Из недр музыкальной культуры Крымского ханства тянутся корни крымскотатарской композиторской и исполнительской музыкальной классики. Дошедшее до нас небольшое количество произведений дворцовой (диванной) музыки средневековых крымскотатарских авторов не дает полной картины объема творений крымскотатарской классической музыки периода расцвета крымскотатарской государственности. Некоторые образцы средневекового крымскотатарского музыкального наследия нашли отражение в современном крымскотатарском музыкальном фольклоре в виде отдельных инструментальных композиций. Это мелодии различных «долу» (патетическое произведение, исполняемое при открытии застолья), «таксымов» и «пешрафов» (таксым – протяжная атлибитум и пешраф в ритме 4/4 – размеренная мелодия поздравления музыкантов хозяевам торжества), агъыр-ава (танцевальная инструментальная мелодия в ритме 4/4 + 5/4 медленной части мужского и женского сольного, парного и группового танца), акъай-авасы (танцевальная инструментальная мелодия в ритме 4/4 + 5/4 медленной части мужского сольного или парного танца), йол-авасы (инструментальные мелодии встречного марша для гостей в ритмах 2/4, 4/4, 3/4, 6/8, 9/8, 11/8), куреш-авасы (мелодия сопровождающая борьбу на поясах).

Центральное место в крымскотатарском музыкальном искусстве занимает творчество крымского хана Гази Герая II, гениального крымскотатарского композитора, вошедшего в мировую историю как выдающийся крымский правитель, полководец, поэт, каллиграф и музыкант.

Музыковеды выводят творчество хана на первое место среди композиторов тюрко-исламского мира XVI в., соизмеряя вклад Гази Герая II в восточную и мировую музыкальную классику с творчеством гениального музыканта Востока XIV–XV вв. Абдулкадыра Мараги [Arslan, 2008, с. 503]. Пребывая с 1580 г. в плену у шаха Ирана Мохаммада I Худабенде, он в совершенстве овладел многими восточными музыкальными инструментами, среди которых он сам выделял танбур, саз и ней, досконально усвоил каноны лучшей на тот момент на Востоке персидской музыки. Бежав в 1585 г. из крепости «ассасинов» Аламут в Стамбул, был с большими почестями принят султаном Мурадом III [Nayri, 1956, с. 97]. До своего восшествия в 1588 г. на крымский престол продолжил совершенствовать свое композиторское и исполнительское мастерство под влиянием выдающегося композитора и музыканта Востока Абдулалли Эфенди при дворе в Стамбуле [Etem, 2002, с. 209]. Почти все дошедшие до нас музыкальные произведения Гази Герая II являются композициями инструментальной музыки. Опубликованы ноты 69 его произведений [Etem, 2002, с. 210, 211, 212]. Первым ноты произведений Гази Герая II опубликовал османский композитор Кантемироглу (1673–1723) в музыкальном сборнике «Кантемироглу Эдвары» [Arslan, 2008, с. 503]. Музыкальное творчество Гази Герая II характеризуется как феномен крымскотатарского и мирового музыкального искусства.

В тексте долговой тяжбы 1610 г. из кадиаскерских книг Крымского ханства за 1608–1613 гг. свидетелем выступает Мехмед Эфенди эль Мугани бин Тевеккуль Хаджи. Лакаб эль Мугани, как и соседствующие с ним в этом списке лакабы эль Кадий (судья) и эль Бевваб (офицер дворцовой охраны), определяет социальный статус его владельца в средневековом крымскотатарском сообществе и означает его профессию. Лакаб Мугани – в средневековом крымскотатарском, азербайджанском, турецком, узбекском языках означал профессию человека, занимающегося пением. Упоминание в списке свидетелей верховного шариатского суда Крымского ханства наряду с занимающими самые высокие места в иерархии государства обладателями титулов и должностей профессии певца – мугани, свиде-

тельствует о том, что профессиональное пение являлось значительным компонентом средневековой крымскотатарской музыкальной культуры, а профессиональные вокалисты – мугани обладали особым социальным статусом в стране [Рустемов, 2017а, с. 197].

Среди заседателей шариатского суда Бахчисарая того же года указано имя Иваз бин Бахши [Рустемов, 2017, с. 198]. Отец Иваза Бахши также являлся профессионалом певческой декламации музыкально-поэтических произведений – дестанов. Среди участников судебных заседаний 1610 г. фигурирует также обладатель профессии, характеризующей крымскотатарскую музыкальную культуру того периода – акын [Рустемов, 2017а, с. 216]. В деле раздела наследства за 1610 г. между проживавшими в крымском католическом поселении Сююрташ христианкой сестрой и ее перешедшим в ислам братом по имени Хамзе значился старинный музыкальный инструмент [Рустемов, 2017а, с. 211].

Выдающимся крымскотатарским композитором рубежа XVI–XVII вв., был незаконнорожденный сын крымского хана Фетх Герая I – Чобан Мустафа Ахмед Герай. Крымский хан Мехмед Герай III признал Мустафу членом ханского рода, дал ему новое имя Девлет Герай и сделал его третьим по значимости должностным лицом в государстве – нуредином [Etem, 2002, с. 210]. Нуреддин Девлет Герай погиб в бою в 1625 г., но успел оставить после себя ряд значительных инструментальных произведений крымскотатарской классической музыки. Среди них увертюра «Фетх-и Белград Пешрев» («Увертюра покорение Белграда») [Hanliq, 2007, с. 56], написанная в составной (бирлешик) ритмоформуле (усуль) «фахте». Его авторству принадлежат «Раст-и Сагъыр Пешрев» («Увертюра встреча с глухим») в составном усуле «девр-и кебир» («время покоя») и «Гердание Пешрев» («Увертюра посвящение женскому подбородку») в составном усуле «чембер» («круг») [Hanliq, 2007, с. 62], а также два меньших по форме одноименных с «Пешревами» произведения «семай» («вращение») – «Раст-и Сагъыр Саз Семаисы» и «Фетх-и Белград Саз Семаисы», написанных соответственно в усуле «акъсакъ семай» («прерывистого вращения») [Hanliq, 2007, с. 60, 62, 77, 79]. Нуреддин Дев-

лет Герай написал два крупных музыкальных произведения с одинаковым названием «Ушшак Пешреви» («Молодецкая увертюра») [Etem, 2002, с. 210].

Доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Кафы, в составленном им в 1634 г. «Описании Черного моря и Татарию», выделяя пристрастие крымских татар к ударным музыкальным инструментам, писал, что «к луке начальников из татарского дворянства всегда привязан тулумбас (tamborrino)» [Описание, 1902, с. 161].

Жан де Люк, сменивший в качестве префекта доминиканской миссии в Крыму Дортелли д'Асколи, побывав в 1625 г. на татарской свадьбе в Крыму, отметил в своем «Описании перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин» музыкантов и музыкальные инструменты крымских татар, на которых в течение трёх дней играли крымскотатарские музыканты. Среди прочих крымскотатарских музыкальных инструментов он выделил «чонгур», имевший определённое сходство, по его мнению, со знакомым ему европейским музыкальным инструментом гитарой: «... Свадебный пир тянется три дня. В продолжении его они играют на своих музыкальных инструментах, называемых чонгур (ciongur) и довольно похожих на гитары» [Описание, 1879, с. 477].

Прекрасно разбиравшийся в тюрко-исламской музыке и близко знакомый с музыкальной культурой крымских татар турецкий путешественник энциклопедист Эвлия Челеби посетил Крым в 1641–1642 гг. и прожил при дворе крымского хана Мухаммеда Герая IV 1666 и 1667 гг. Он отмечал многочисленность и высокое исполнительское мастерство музыкантов крымскотатарского войска: «...и военный оркестр в семь рядов. Он играет перед войсками в оставшиеся от предков *афросиябовы* трубы, *джемишидовы* зурны и барабаны» [Эвлия, 2008, с. 55]. Инструментарий военного оркестра Мухаммеда Герая IV, как за двести и сто тридцать лет до этого при Менгли Герае I и Сахиб Герае I, оставался неизменным: те же трубы – бору, зурны и барабаны – давулы и наккаре. Исходя из крымскотатарской воинской традиции выстраивания походной конной колонны в шесть всадников в ширину, количество музыкантов в военном оркестре составляло 42 человека.

Среди придворных деятелей музыкально-поэтического творчества – диван шаирлери – энциклопедист упоминает ханского диван-эфенди Кастамони Абд-эль-Мумин-эфенди, Фазлы Челеби, Кыбти Челеби, Неджати Челеби и Хасан Акая-эфенди [Эвлия, 2008, с. 111].

Будущего хана – царевича Селим Герай-султана он выделил как талантливейшего музыканта, поэта и философа, собравшего вокруг себя выдающихся музыкантов и поэтов Крыма – Лемии Челеби, Мумина Эфенди, Фазлы Челеби, Дарати Челеби, Эмира Мехди Челеби, Недима Челеби, которых в сочинении «на чистом голосе пятибейтовых газелей, мусаддасов, мухаммасов и рубаи» превосходил лишь Азми-заде Халети Челеби. Отмечая выдающиеся способности и познания в вокальном искусстве крымского царевича, Э. Челеби обратил особое внимание на то, что «в науке произношения голосом звуков ему нет равных» [Эвлия, 2008, с. 117]. Селим Герай-султан являлся членом суфийского братства «мевлеви» («вращающихся дервишей»). Э. Челеби участвовал в организовываемых султаном творческих вечерах музыкантов этого ордена, и музыкальные бдения братства он описал так: «...Мастера пения и музыканты-инструменталисты поют и играют на даире, танбурах, чангах и ребабах в соответствии с законами музыкальной науки, двигаясь по правилам круговращения, ударяя в струны и барабаны, они слагают слова и поют в стиле двенадцать основных макамов, двадцати четырех методов и сорока восьми соединений приемами зарб, фетх, полутонном и полутяжестью, основным и дополнительным [тоном]. <... > Под мелодию прекрасных голосов певцов присутствующие, не выходя из круга, по законам ладов кяр, накш, сават, заджаль, амаль, таснифат подражают голосу саза – мелодии сердца. Затем появляются танцоры... Они двигаются и кружатся в танце, подобном танцу движения Утренней звезды...» [Evliya, 2001, с. 236].

Там же, с музыкантами, певцами и танцорами блистали своим мастерством актеры: «...Мастера подражания, сладкоречивые и легкие в обхождении, упражнялись в изысканности речи и редком владении словом. Из насмешников подражателей, подобных мессии душ живых и мертвых [следует назвать] Сурба Ахмеда Челе-

би, Эдирнели Нейзена Дервиша, Реджеба Челеби, Джилъве Чауша, Чакмана Челеби, Нурузана Османа Челеби» [Эвлия, 2008, с. 184]. Высокий исполнительский уровень, разнообразие ладов, видов, стилей, жанров и произведений музыкального инструментального, вокального и хореографического искусства, исполняемых Селим Герай-султаном и его профессиональными музыкантами, певцами и танцорами, подтверждали статус суфийских обителей – текие в Крымском ханстве, в качестве своеобразных музыкальных учебных заведений, в которых любой способный к музыке человек мог обучиться владению тем или иным музыкальным инструментом, пению и танцам.

Музыкальная образованность была непременным условием воспитания молодых принцев крымского двора. Ханский дворец в правление взшедшего на крымский престол в 1671 г. хана Селим Герая I, с царившей в нем благоприятной развитию музыки атмосферой, с постоянно обновляющимся кругом прибывавших ко двору с Балкан, Румелии, Анатолии, Кавказа, Персии и арабского Востока талантливых музыкантов, продолжал выполнять роль главного центра крымскотатарского музыкального искусства, катализирующего процесс развития и внедрения в крымскотатарскую музыкальную культуру привносимых извне новых традиций исполнительского и композиторского мастерства. Селим Герай I вошел в историю как меценат, покровительством и щедрой финансовой поддержкой которого пользовались не только крымские музыканты, но и известные османские музыканты и композиторы Итри, Хафиз Пост, Яхья Назим Челеби, Танбури Мехмед, Сантури Али Бей, Кемани Хусейин, Чомлекчи-заде Реджеп Эфенди, с которыми хан под псевдонимом «Селими» принимал участие в сочинении и исполнении музыкальных произведений [ÖZALP, 2000, s. 409, 410]. Сохранилось музыкальное сочинение Селим Герая I «Тахир Дюйек Шугла» («Tâhir Düyek Şugla») [Öztuna, 1990, с. 283].

В 1680-е гг. Мехмед Али бин Уста Дервиш проживал в квартале Кыбтиан г. Карасубазара. Поскольку профессия музыканта для кыбти и чингене являлась основной профессией, можно предположить, что отец Мехмеда Али – Дервиш

Уста (уста – традиционное обращение крымских татар к музыкантам) мог относиться к профессиональным музыкантам [Özdem, 2010, с. 25]. В одном из бракоразводных дел Карасубазара тех лет указано имя Кемани Реджеба. Кемани – унван, определявший профессию музыканта-исполнителя на смычковом музыкальном инструменте – кеман [Özdem, 2010, с. 60], и его носили самые известные исполнители. Кемани Реджеб упоминается и как заказчик смычков для кемана. В 1684 г. он приобрел у жителя с. Йайджилар за сорок акче семь смычков [Özdem, 2010, с. 127]. В судебных записях Карасубазара 1682 г. имеется дело о наследстве музыканта, обслуживавшего свадьбы и другие увеселения, по имени Исвадор. В деле перечислены музыкальные инструменты: «сантур, канун, кеманче и деф» [Özdem, 2010, с. 62]. В перечне широчайшего ассортимента импортируемых через таможенную Карасубазара крымскотатарским средневековым государством товаров постоянное место занимали различные музыкальные инструменты. Самым популярным среди них являлся «Истанбул йай кеманы» (стамбульский кеман) [Özdem, 2010, с. 160].

Уроженец Гезлева, выдающийся крымскотатарский поэт-музыкант Ашык Умер (1621–1707), наряду с Джевахери и Караджаогланом, входит в число лучших поэтов саза тюркского мира XVII в. В 1848 г. Ф. М. Домбровский опубликовал статью с переводом на русский язык стихов Ашыка Умера [Домбровский, 1848, с. 15]. В 1894 г. Исмаил Гаспринский издал сборник «Ашык Умернин диваны», в который вошло 105 стихотворных произведений средневекового музицирующего поэта. Первое издание об Ашык Умере в Турции осуществил Фуад Кёпрюлю-заде в 1915 г. [Köprülü, 1962, с. 411]. О рождении Ашык Умера в Крыму и о его крымскотатарском происхождении убедительно пишет турецкая исследовательница Шейма Гюнгер [Türk, 2004, с. 175]. Автор более двух тысяч произведений Ашык Умер остается непревзойденным в мастерстве стихосложения в стиле «хедже везни» тюркским поэтом. Один из двух его самых значительных диванов хранится в фондах Музея Мевляны в Конье, второй – в Библиотеке Сулеймание в Стамбуле. Сколько мелодий для саза и музыкального сопровождения декламации своих стихов сочинил Ашык Умер, не известно. Ярким примером

его музыкального творчества служит ставшая народной песня «Къызлар къылсынлар меним дженаземни» («Пусть девушки похоронят меня»).

Ярким представителем крымскотатарской музыкальной культуры середины XVIII в. является талантливый крымскотатарский поэт и музыкант Хурремий Кырымий, являющийся автором хранящегося в Берлинской государственной библиотеке дивана – оды древнему крымскотатарскому музыкальному инструменту кобузу, в котором он воспел и другие крымскотатарские музыкальные инструменты – джайлы къобуз, бозукъ танбур, къанун, баглама, сурнай, къавал, дюдюг, а также народные эпосы «Ширин», «Ата Коркут», «Адилъ Султан», «Чора Батыр», «Эдиге Бий» [Сейитяхья, 2004, с. 72]. О высоком социальном статусе Хурремия в Крымском ханстве свидетельствует его дружба с карачи беями ханского дивана улубеями Мансуром и Барыном и с калгай султаном Крымского ханства, к которому поэт уважительно обращался «агъай» (старший брат) [Сейитяхья, 2004, 93]. В первой половине XVIII в. творил известный от Крыма до берегов Эдила (Волги) крымскотатарский джырынчы – чечен (музыкант-сказитель) Кышлык Хаджи, на смерть которого Хурремий написал тарих: «Кочъти Кышлыкъ Хаджи бинъ юз иле етмиште... – Переселился (умер) Кышлык Хаджи в 1070 г. по хиджре (1756 г. н. э.)» [Хурремий Кырымий, с. 66b, 67b, 69a, 73b, 76b, 78a, 80b, 82a].

К середине XVIII в. относится музыкально-поэтическое произведение представителя ханской династии Саид Герай-султана диван «Шехренгиз», посвященный описанию встречи в 1755 г. в буджакском Перкаре представителями крымскотатарского народа крымского хана Халим Герая I [Саид Герай султан, с. 91a–91b.].

Развитие сценического искусства, музыкальной и художественной культуры Крымского ханства XVIII в. характеризуется как эпоха крымскотатарского абсолютистского просвещения. С конца первой половины XVIII в. начался процесс проникновения в крымскотатарскую придворную среду веяний западноевропейской культуры и искусства. Наиболее зримо этот процесса протекал в правление крымских правителей Арслан Герая I, Кырым Герая I, Селямет Герая II, Шаин Герая I.

Практическое знакомство крымских татар с

принципами европейского музыкального и театрального искусства состоялось в середине XVIII в. Крым Герай I, называя себя ханом, позволяющим себе посмотреть умную французскую комедию, говорил в 1758 г. посланнику короля Пруссии Фон-дер-Гольцу: «Вы должны присутствовать как-нибудь и на одном из моих концертов, потому что я дорого ценю мою капеллу, состоящую, как вы увидите, из превосходных артистов по всем инструментам. При этом дворе имеется также группа комедиантов и скоморохов, дающая нам прекрасные представления» [Остерман, 1909, с. 23].

В его правление на основе синтеза традиций, существовавших у крымских татар в течение длительного времени перекочевавших из Турции в Крым театра теней «карагоз», своеобразного театра одного актера «меддах», уличного театра «орта оюну» с опытом традиций на тот момент лучшего в мире французского театра, стала складываться начальная форма современного национального театрального искусства. Консул короля Франции при дворе Крым Герая I Франсуа де Тотт вспоминал: «По окончании обеда артистами Крым-Гирея, которые обязательно сопровождали его даже в походах, была поставлена новая татарская комедия, основанная на смешных положениях и запутанных приключениях». Хан задавал непрерывные вопросы барону де Тотту о французском театре, в особенности же о произведениях Мольера... Крым Гирей показал, что некоторые комедии Мольера хорошо ему известны. О просьбе хана перевести с французского на крымскотатарский язык пьесу Мольера «Тартюф» барон де Тотт докладывал Руффину, секретарю и переводчику консульства Франции в Бахчисарае [Tott, 1994, с. 185, 186]. Указанные события происходили в 1768 г. в зимней резиденции Крым Герая I в Каушанах.

Последний крымский хан Шагин Герай I был последовательным сторонником европейского пути развития крымскотатарского государства. Пытался расширить нововведения предшественников в области культуры и искусства, но, в отличие от Крым Герая I и Селямет Герая II, приглашал художников и музыкантов не из Европы, а из России [Лашков, 1886, с. 37]. Шагин Герай I получивший образование в Салониках и Венеции, знавший несколько европейских языков, по

сообщениям современников, пытался не только реформировать управление Крымским ханством, но и внедрить некоторые западные культурные традиции, коллекционировал произведения европейской живописи и скульптуры. Однако его попытки внедрения в жизнь крымскотатарского общества новых веяний в искусстве не соответствовали мировосприятию народа и не получили широкого развития в художественном творчестве ханства [Ислам в Крыму, 2009, с. 154].

В каждом селении Крымского ханства на средства религиозных вакуффов действовали начальные школы – мектебы, в которых мальчиков и девочек обучали чтению, письму, счету и изучению основ мусульманской религии. Это обеспечивало общую начальную грамотность практически всего мусульманского населения страны. Начиная с XVII в. в крымскотатарских семьях стало практиковаться ведение рукописных сборников «джонк», в которые записывались родословная семьи, религиозные рассказы – риваеты, героические эпосы, дестаны, тексты народных и ашыкских песен [Акчокраклы, 2016, с. 154]. Дошедшими до нас со времен Крымского ханства можно считать народные песни «Орнынъ джолы отаймаз» («Перекопская дорога не зарастает травой»), «Ай долайым, кьурувлы джайым» («Тетива моего лука натянута»), «Бейим одаман» («Господин мой, атаман») и др. За время существования основанного Хаджи Гераем I Крымского ханства крымскотатарскому народу удалось создать свою самобытную, яркую и неповторимую музыкальную культуру, в которой переплелись в присущих лишь крымскотатарской музыке стилистических, ладовых, ритмических и мелодических особенностях, отраженные в образно-эмоциональной форме историческая судьба, условия жизнедеятельности, труда и быта, особенности национального характера, художественного мышления, духовного мира и жизненной философии коренного народа Крыма. На момент утери крымскотатарским народом национального государства его искусство и музыкальная культура представляли собой эклектику синтеза напластований этнических культур раннесредневекового Крыма, Византии, Золотой Орды и Османской империи в крымском татарском тюрко-исламском культурном преломлении.

14.8. Медицина Крымского ханства сквозь призму повседневной жизни*

Э. Э. Абибуллаева

Рассматривая повседневную жизнь в городах Крымского ханства, нельзя обойти вниманием медицину, так как люди во все времена искали пути лечения и избавления от недугов. Больше всего упоминаний об учёных-медиках встречается у Эвлии Челеби. Например, при описании столицы Крымского ханства путешественник написал следующее: «Этот древний город – источник учёных и собрание премудрых, место жительства поэтов, поэтому там много и учёных-медиков. Искусные врачи и хирурги-кровопускатели – очень большие мастера в науке пульса, подобные Галену» [Эвлия, 2008, с. 111]. О хирургах-кровопускателях путешественник упоминает и в описании города Кефе (Феодосия): «Этот древний город – собрание учёных и источник знаний, и так как климат здесь удивительный, то и учёные занимаются удивительными науками и обладают множеством знаний. Искусные мудрецы – хирурги-кровопускатели – не знают себе равных» [Эвлия, 2008, с. 190]. В этих цитатах речь идет о хиджаме или хаджамат «حجامة», в переводе с арабского языка – кровопускание. Вероятно, эта методика лечения была популярна у населения Крымского ханства, так как представляет собой очень простой и эффективный способ избавления от многих болезней посредством выведения из организма грязной крови. Далее Эвлия Челеби перечисляет имена знаменитых ханских хирургов, проживающих в Бахчисарае: Деде Масум, невольник Таркан, Альп-акай. Описывая Гёзлев (Евпатория), путешественник пишет, что в этой стране больные встречаются редко, но поскольку это большой город, здесь есть мудрые учёные-врачи – Алиша-мирза и Дудус-ата. Похвально отзывается о мастерах-хирургах венгерских кровей, проживающих в городе Гёзлеве [Эвлия, 2008, с. 57]. Вышеизложенные данные указывают на то, что в каждом городе Крымского ханства были врачи, которые специализировались в разных отраслях медицины.

Про болезни, путешественник пишет следующее: «<...> все больные и ослабшие находят-

ся под присмотром домашних. Татарский народ, опасаясь морового поветрия, избегает [больниц] [Эвлия, 2008, с. 113]. Моровое поветрие, упомянутое Эвлией Челеби, означает быстро распространяющиеся эпидемические болезни, в число которых входит и чума, о которой, скорее всего, люди помнили и остерегались. Ведь два крымских хана умерли именно от этой болезни: в 1607 г. в месяце шабан (21 ноября – 20 декабря) при возвращении из крепости Газикермен у крепости Темрюк умер Гази Герай. Тело его было привезено в Бахчисарай и похоронено в мавзолее отца (Тахт Алган Девлет Герая); в 1640 г. после освобождения крепости Азак от казаков, при возвращении домой Бахадыр Герай заболел чумой и в месяце реджеб (октябрь – ноябрь 1640 г.) умер. Могила его была устроена в гробнице отца, Селямет Герая, в Бахчисарае, в квартале Хамушан [Халим Гирай, 2004, с. 46, 62].

Следует учитывать, что медицина испытала мощное влияние ислама. С целью предупреждения болезней и на случай появления инфекционных и эпидемиологических болезней очень часто люди обращались к Корану и хадисам пророка Мухаммеда. К примеру, пророк Мухаммед настаивал на принятии мер, когда появлялись эпидемии. Он предостерегал от поездок в места, пораженные болезнью. А тех, кто уже оказался в очаге инфекции, он просил не выезжать, дабы предотвратить дальнейшее распространение инфекции. Он говорил: «Если вы услышите, что в какой-то земле чума, не входите туда, а если она (чума) постигнет землю, когда вы будете находиться там, не выходите оттуда» (Сахих Бухари, Сахих Муслим). Он также призывал больных людей не навещать здоровых (Сахих Муслим). Вероятно, поэтому народ, зная эти предписания Корана, опасался больниц, где могли находиться инфицированные больные. Следующие хадисы, приведенные в качестве примера, подтверждают факт влияния ислама на медицину и ее практическое применение и в Крымском ханстве. Пророк Мухаммед сказал: «Целительная сила [находится] в трех вещах: в глотке [питье] меда, в надрезе пиявки (кровопускании) и прижигании. Но я

* Данный материал ранее был опубликован в журнале «Золотоордынское обозрение». 2019. Т. 7, № 4.

запрещаю своим последователям использовать прижигание». Как было описано выше, в Крымском ханстве повсеместно практиковали кровопускание.

Ислам предписывает держать тело и дух в чистоте, что также способствует предотвращению заболеваний, и в Коране относительно этого сказано следующее: «Воистину, Аллах любит кающихся и любит очищающихся» (Коран, 2:222). Интимные части омываются после каждого посещения туалета. Перед молитвой моют руки, лицо, прополаскивают рот и нос, моют стопы, перед каждой молитвой – пять раз в день. Факт соблюдения чистоты и предписаний Корана, подтверждается и материалами кадиаскерских тетрадей. К примеру, в описании большинства дворов, домов, выставленных на продажу, присутствуют источники воды – чешме (фонтаны) [Güneş, 2011, с. 95]. Также в каждом доме были кенифи / кенеф (уборная, туалет) [Yaşa, 2018a].

В ряде аятов Корана говорится о поддержании организма в здоровом состоянии, о здоровом питании: **«О те, которые уверовали! Вкушайте дозволенные блага, которыми Мы наделили вас» (Коран, 2:172); «Вкушайте на земле то, что дозволено и чисто» (Коран, 2:168); «Он также сотворил скот, который приносит вам тепло и пользу. Вы также употребляете его в пищу» (Коран, 16:5); «Он – Тот, Кто подчинил море, чтобы вы вкушали из него свежую рыбу» (Коран, 16:14); «А потом питайся всевозможными плодами и следуй по путям твоего Господа, которые доступны тебе».** О целебных свойствах меда люди и лекари прошлого знали также из сур Корана, в которых сказано следующее: **«...Выходит из внутренностей пчёл питьё разного цвета, в котором – лечение для людей. Воистину, в этом – знамение для людей размышляющих» (Коран, 16:69).** Мед рекомендовалось употреблять натошак, разбавляя его в теплой воде, как это делал пророк Мухаммед. Мед действительно использовался как лекарственное средство в Крыму, об этом свидетельствуют сохранившиеся отдельные рукописные листы медицинских рецептов с применением крымского

меда, хранящиеся ныне в Российской национальной библиотеке (РНБ) [Абдульваапов, 2007, с. 118–119]¹.

Материалы кадиаскерских тетрадей раскрывают имена двух аптекарей. В 1718 г. Аатар Саркиз зимми² взял в долг 230 гурушей в вакуфе (фонде) Бахчисарайских фонтанов (*Бахчисарай*

¹ В книге [Абдульваапов, 2007] даются описания печатных изданий по фармакологии: 1. Кухил ал-Аттар, Дауд б. Абу ан-Наср. Минхадж ад-дуккан ве дустур ал-а'йан фи а'мал ва таркиб ал-адвийа ан-нафи'а ли-л-абдан. – Мысыр, 1329 (1911). – 224 с. Надпись карандашом: «Фармакалогия»; 2. Ал-Антаки, Дауд ад-Дарир. Тазкира ул ал-албаб ва ал-джами' ли-л-аджаб ал-уджаб. Джуз 1. – Мысыр, 1324 (1906–1907). – 184 с. Надпись от руки: «Сочинение по фармакологии»; 3. Ал-Азрак, Шайх (...) Ибрахим б. Абд ар-Рахман б. Абу Бакр. Тасхил ал менафи фи-т-тыбб ве-л-хикмет-уль-муштемел аля шифа ал-хасам. – Мысыр, 1326 (1908). – 184 с. Надпись от руки на обложке: «Ибн ал-Азрак Ибрахим ибн Абд ар-Рахман. «Облегчение в получении пользы от медицины и врачевания». – Египет, 1908». Вышеперечисленные печатные книги, которые в 1976 г. были переданы из Бахчисарайского историко-археологического музея в Государственную Публичную библиотеку (РНБ), в свою очередь могли изначально находиться в библиотеках Зынджирлы-медресе или Орта-медресе, до их закрытия (1920-е гг.). По другой версии, эти книги могли иметь прямое отношение к личной библиотеке Исмаила Гаспринского (1851–1914), который очень часто на страницах своей газеты «Герджиман-Переводчик» публиковал статьи, посвященные медицине. По третьей версии – эти книги могли быть собраны Усеином Боданинским, после открытия Бахчисарайского дворца-музея (1917 г.). Фактом является то, что эти издания до 1976 г. находились в фондах Бахчисарайского историко-археологического музея.

* О книге по медицине крымских татар упоминает У. А. Боданинский [Боданинский, 1917, с. 136].

* В Инвентарной книге Государственного дворца и музея тюрко-татарской культуры [Ф. 16, оп. 1, д. 6.] под № 417 записано: «Эски тибби ретсептлери. Язма» (Старые медицинские рецепты. Рукопись);

* В Инвентарной книге Государственного дворца и музея тюрко-татарской культуры [Ф. 16, оп. 1, д. 6.] под № 719 записана книга «Эджзалар рисаллеси» (Сборник рецептов по народной медицине неизвестного автора, на турецком языке).

² *Зимми* – немусульманские подданные исламского государства, жизнь и имущество которых находилось под защитой закона. Мусульманское государство должно было также обеспечивать их защитой от внешней агрессии. Они пользовались свободой для исповедания своих традиционных религий. За все это они платили специальный налог – джизья. Зиммьями могли быть «люди писания» – христиане и иудеи (Коран, 9:29).

чешмелер эвафы) и оставил в залог свой сад, расположенный в Топчукое (ныне с. Долинное). Аттар Абдуллатиф в этом вакуфе взял 50 гурушей, за возврат которых поручился Эль-Хадж Хамза [Віук, 2007, с. 129]. Слово *аттар* означает – аптекарь, фармацевт, у которого в лавке продавались лекарственные травы и благовония.

Действительно, лечение травами очень широко использовалось в народной медицине. Знания эти передавались от поколения к поколению на протяжении многих веков, это подтверждается исследованиями профессора Н. И. Каракаша, сделанные в 1915 г. Проводя свои наблюдения по теме народной медицины, профессор обратил внимание на крымских татар, которые использовали травы для лечения болезней. В своем докладе он упоминает кучера, крымского татарина, который возил его по Евпаторийскому уезду, показывал и называл ему степные травы и объяснял их лечебные свойства [Каракаш, 1917, с. 134].

Относительно специальных учреждений (*имархане*) для больных Эвлия Челеби пишет следующее: «Около мечети Сахиб Гирай-хана [в Бахчисарае] есть больница в пару комнат, там присматривают за больными» [Эвлия, 2008, с. 113].

Особое отношение Сахиб Герая к медицине подтверждается его покровительством крымско-турецкому учёному-медику первой половины XVI в. Недаи [Беляков, 2011, с. 130–131]. Хеким Мехмед Недаи (лекарь Недаи) является автором ряда философских, медицинских трудов, а также им написан известный медицинский трактат «Менафиу-н Нас». Шестидесятитомный медицинский трактат содержит в себе части по лечению детских болезней [педиатрии] и части по деонтологии [медицинской этике] [Aciduman, 2013]. По записям самого Недаи, о становлении его врачом на странице одной из частей трактата следует, что он родом из Анкары и во время своего путешествия в Крым стал наставником Сахиб Герай-хана. Вскоре хан назначил его своим личным послом и отправлял к султану Сулейману. Видя такое доверие и уважение, некоторые придворные из зависти оговорили Недаи и вынудили Сахиб Герая посадить его на семь лет в тюрьму. Далее Недаи пишет, что по милости

Аллаха он освободился и некий почтенный старец из рода пророка Мухаммеда, которому было больше чем сто лет, научил его науке медицины. Медик также отмечает, что один из своих трудов «Генджи эсрар-и мани» (суфийский трактат) он написал в столице крымских ханов [Бахчисарае] в 950 г. х., т. е. 1543/44 г. [Aciduman, 2013, с. 151–156].

Относительно времени становления Недаи медиком мнения турецких исследователей разделяются: одни считают, что он стал врачом в Кони, куда он вернулся из Крыма (из Крыма лекарь ориентировочно вернулся после 1551 г.), другие склоняются к тому, что он начал заниматься врачеванием позже в Стамбуле [Ölker, Derekçi, 2009; Сабиров, 1990]. Однозначным является то, что «Менафиу-н Нас» был завершен в 974 г. х. / 1566 г. и презентован султану Селиму II. Автор трактата также отмечает, что он свой труд написал на тюрки для того, чтобы его могли понимать и пользоваться не только врачи, но и обычные люди, что дало повод для переписывания и его широкого распространения на всей территории Османской империи и за её пределами [Ölker, Derekçi, 2009]. К примеру, в ходе археографических экспедиций 1964 и 1966 гг. М. А. Усмановым были выявлены и приобретены у касимовских татар сотни рукописей, некоторые из которых были привезены в Касимов в готовом виде, другие переписывались в самом городе или его окрестностях. К последним относится список медицинского сочинения «Менафиу-н Нас» Недаи [Беляков, 2011, с. 131]. Еще один экземпляр рукописи «Менафиу-н Нас» был найден у пенсионера Ибрахима Курбанова в колхозе имени Ахунбабаева района Ханка Хорезмской области Узбекистана. По исследованию Сабирова Р., кандидата фармацевтических наук, этот экземпляр рукописи некогда был подарен неизвестным лекарем хану Хивы – Мухаммаду Рахимхану (Ферузи)³. Текст рукописи, состоящий из шести-

³ Мухаммад Рахим-хан II (1845–1910), годы правления 1864–1910, одиннадцатый правитель из узбекской династии кунградов в Хивинском ханстве. При правлении Мухаммада Рахим-хана II поддерживались дипломатические отношения с Россией, Османской империей, Ираном, Афганистаном. Мухаммад Рахим-хан II был просвещенным монархом, известным поэтом и композитором. Он

десяти частей, был написан на крымскотатарском языке и переведен на хорезмский язык Махмудом аль-Хорезми из Ханки. В частях трактата рассматриваются причины, вызывающие болезнь, симптомы и их выявление, приготовление лекарств, порядок приема лекарственных средств и многое другое [Сабиров, 1990].

На сегодняшний день части данного трактата хранятся в Национальной библиотеке Анкары (Ankara Milli Kütüphanesi), Библиотеке факультета теологии Анкарского университета (Ankara Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Kütüphanesi). В Национальной библиотеке Анкары хранятся две копии: 122 листа, переписанные в 1682 г., и 121 лист, переписанный в 1727 г. Фейзуллахом ибн Дервиш Эфенди ибн эль-Хадж Ахмед Эфенди из Карса (Эрзурум). В Библиотеке факультета теологии Анкарского университета также хранятся две части: 85 листов, переписанные в 1729 / 1730 г. Хафизом Корана Мустафой бин Исмаил-эфенди из квартала Деде эль-Конъев; 93 листа, переписанные Сейид Хафиз Османом Рушди бин Хидает эль-Анкарави [Acıduman, 2013]. Известно, что один рукописный экземпляр хранится в Германии в библиотеке города Мюнхен под инвентарным номером 212-В [Сабиров, 1990].

Доступность языка трактата, сохранившиеся оригиналы и переписанные экземпляры, крымскотатарский язык хорезмской копии дают повод полагать, что данным сочинением пользовались и в Крымском ханстве.

Для того чтобы представить, какими недугами страдали люди в те времена, а также узнать методы и средства лечения, в статью были включены транслитерированные тексты турецких исследователей, работавших непосредственно с частью данного трактата⁴:

«Если у ребенка диарея, перемешайте 2,8 мг ртути с простым маслом и материнским молоком и эту смесь понемногу давайте принимать. Все пройдет.

писал стихи под литературным псевдонимом Фируз. Он организовал перевод многих известных литературных и научных произведений на узбекский язык.

⁴ Перевод на русский язык сделан автором статьи. Для детализации в текст перевода были включены уточнения в квадратных скобках и латинские названия растений.

Если у ребенка гельминты [плоские], давайте ему смесь из фасолевого теста и меда; избавляет от гельминтов и смесь из семян жерухи обыкновенной [лат. *Nasturtium officinale*] и меда; замочите горох на одну ночь и один день в уксусе, затем это принимайте, но принимайте утром, а в полдень воздержитесь.

Если у ребенка понос, отварите рис в обычной воде, затем добавьте вареный рис в обезжиренный йогурт [катык; кефир] и давайте это ему есть. Понос прекратится.

При запоре смочите *гиле* [красная, мягкая и жирная глина; используется в фармацевтике] в уксусе, [добавьте] молодое мыло, чтобы получилось типа мази. Этой мазью смазывают. После высыхания она меняется. Метод практиковался.

Если у ребенка повышается температура, нужно растолочь *зерде чупы* [куркума длинная, лат. *Curcuma longa*], перемешать с водой, затем смазать этим живот и спину. Метод практиковался.

Если у ребенка в мочевом пузыре камни, давайте ему отвар из дынных семечек. Этот отвар избавит от камней и снимет воспаление.

Если камни в мочевом пузыре, надо взять в равных частях: *тохум-и керефс* [семена сельдерея], *ирк-ус-сус* [лакрица или солодка, лат. *Glycyrrhizaglabra*], *фюльфюль* [черный перец горошек], одну целую и половину части *гогерджин неджеси* [гамамелис виргинский, лат. *Natamelis virginiana*]. Все эти травы нужно растолочь, затем к ним добавить две части меда из Агры [Агра – город в Турции] и эту смесь понемногу в размере дирхема давать больному.

Если у ребенка задержка мочи, нужно чисто вымыть яичную скорлупу и тщательно её растолочь с сахаром и давать принимать. Сироп от двух до четырех дирхемов [в данном контексте мера веса, равная 3 г.] дается с молоком матери. Метод практиковался.

Если у ребенка от плача выходит наружу пупок [пупочная грыжа], нужно смешать фасолевого теста, *мазу* [туя, лат. *Thuja*], *гюльнар кабы* [коробочки цветов граната], яичную скорлупу [сделать мазь] и крепко завязать специально подготовленным лоскутом ткани. Эта повязка не даст пупку выйти наружу. Три дирхема [равно 9 г.] *емени оту* [кат, лат. *Catha edulis*], шесть

дирхемов [равно 18 г.] *сирке тортусы* [сирке – укус; торта – вероятно, эссенция], три дирхема [равно 9 г.] туи. Все это смешать с уксусом и наложить повязку.

Если у ребенка рвота, делают отвар из мяты, туда добавляют немного *гиле-и эрмени* [красная, мягкая и жирная глина; используется в фармацевтике] и немного розовой воды. Эту смесь пить.

Если у ребенка из мочеточников идет кровь [гематурия], нужно растолочь 15 г. семян моркови, добавьте немного сахара и принимать это семь дней.

Если ребенок много плачет, давайте ему молоко ослицы. Это его успокоит.

Если ребенка мучает кашель, надо настоять, некоторое время, инжир в кипяченом молоке, затем давать пить это молоко. Настоявшийся в молоке инжир также можно есть.

Если ребенок писает в постель [энурез], нужно высушить *беднус ибеги* [петушиный гребень, лат. *Celosia*] и пить. Больше в постель писать не будет».

Лекарь Недаи в лечении некоторых состояний и болезней использовал и суры Корана. Например, когда ребенок плакал, автор трактата рекомендовал носить шее дуа из нескольких сур: «*Бисмилляхи Рахмани Рахим федарабна аля азанихим фи-ль кехфи синийе адеда сумме бе-аснахум лина-лемезйюл-хизбейн иахсалима лебису эмеда ве хашати-л-асвати ли р-рахмани фея тесмау илля хемса ве ма мин даббетин-филь-арди-илля хуве ахизун бинасиетиха инне рабби аля сиратин мустакимин емлиха мекселина мисли-на мернуш дебернуш шазенуш кефештатай-уш кытмир искен ве ля ебеки бихурметин хази-хиль-эсма-и*»⁵ [Aciduman, 2013, с. 160–162; Ölker, Derekçi, 2009].

Из описаний Эвлии Челеби следует, что во многих городах Крымского ханства были медики, специализирующиеся в определенных областях медицины. Врачебным делом в Крымском ханстве занимались и иностранцы: лейб-медиком Гази Герая III в 1706 году был француз Ферран; Крым Герай-хана лечил грек Сирополо [Бахрушин, 1993, с. 335; Остерман, 1909, с. 83–85]. У сестры Хаджи Селим Герая Улу-хани лечащим

врачом был местный еврей, который излечил её от смертельноопасной болезни. За это принцесса в вознаграждение освободила проживающих на территории крепости (Чуфут-Кале) евреев от некоторых обязанностей, в частности от подушной подати [Пейссонель, 2009, с. 48].

В числе лечебных средств состояли и места, славящиеся благотворным климатом, водами и грязями. Лечебные грязи, расположенные в селении Сахь, или Сак (ныне Саки), были известны ещё в период Крымского ханства. Лекари хорошо владели искусством лечения грязью: выкапывали глубокую яму, клали в неё больного, зарывали в грязь таким образом, что он мог только свободно двигать головою, но туловище его было зарыто полностью. Полежав в таком положении часа полтора, больной переходил в другую яму, расположенную недалеко и полную теплой воды, где и умывался [Бурьянов, 1837, с. 337]. После такой процедуры больной избавлялся от боли в суставах и мышцах.

Город Крым (Солхат) славился своими термальными источниками. Как сообщает Д'Асколи в 1634 г.: «В окрестностях этого города произрастают душистые цветы и целебные травы. Ежегодно, от весны и до июля, бывает большой съезд со всех концов Татарики для пользования ваннами из горячей воды с цветами и травами, исцеляющими человека от многих недугов» [Описание, 1902, с. 106–107].

Завершая о медицине, следует отметить, что хорошие врачи всегда ценились и были уважаемыми людьми, а термальные источники, лечебные грязи, благотворный климат и природа Крыма еще издавна считались целебными. В свою очередь, медицинский трактат «Менафиу-н Нас» лекаря Недаи позволил представить некоторые болезни, методы их лечения и в Крымском ханстве, которые могли применяться и в повседневной жизни. Несомненно и то, что автор в своей практике и написании своего трактата опирался на труды известных ученых-медиков как Гален, Абу Али ибн Сина (Авиценна), рецепты народной медицины и, конечно, классику исламской медицины, что подтверждается в приведенных примерах.

⁵ Дуа состоит из следующих сур Корана: Сура 20. Та Ха, 108 аят; Сура 11. Худ, 56 аят.

14.9. Кораблестроение и судоходство в Крыму

А. А. Шейхумеров

Крымское ханство являлось сухопутной державой, не имевшей собственного военно-морского флота. Почти всю историю юрта олицетворением морской мощи мусульман на Черном море был имперский флот Османского государства. Однако жители Крыма не были чужды морским традициям и кораблестроению, они снаряжали корабли и служили на них матросами. Крымские ханы нередко покидали свое государство на судах и прибывали в Крым на них же, имели они и собственные корабли. Географическое расположение полуострова способствовало этому: море связывало с Турцией, оно позволяло кратчайшим путем добраться до других татарских регионов: Буджака и Кубани. Большое значение флотилии судов приобретали во время военных действий. В силу ряда факторов центром кораблестроения в Крыму было южное побережье полуострова, с 1475 г. вошедшее в состав Османской Турции. Стамбул не только нуждался в гаванях для базирования флота и верфях для постройки новых кораблей, но и обладал нужными для этого финансовыми средствами. В ханской части Крыма кораблестроение не приобрело больших масштабов: Гераи не имели достаточных ресурсов для постройки сильного и многочисленного флота.

Уже в 1454 г. хан Хаджи Герай I, конкурируя с генуэзцами, располагал собственными кораблями, на которых перевозил товары и рабов [Данилова, 1974, с. 208]. Местом базирования для этих кораблей была, вероятно, Каламита – порт, принадлежащий союзнику хана княжеству Феодоро. Крымское кораблестроение активно развивалось в XVI–XVII вв. Южный берег Крыма был покрыт сетью пристаней и портов. В 1774 г. российский генерал А. А. Прозоровский запишет о ЮБК: «пристаней на оном берегу столь много» [Прозоровский, 2004, с. 410], «кроме пристани при Ялте есть еще способнее оной пристани при деревне Урзуфе и при деревне Алуште» [Прозоровский, 2004, с. 422].

Самым крупным портом Крыма была Кефе. По словам посетившего ее в 1672 г. француза Ж. Жардена, «в те сорок дней, что я там провел, я видел более 400 пришедших и ушедших

кораблей, не считая малых судов берегового плавания» [Путешествие, 1902, с. 11]. Кефе являлась также центром базирования османского флота. Из русских источников известно, что для Астраханского похода 1569 г. «судов деи в Кафе зделано было триста» [Посольская книга, 2016, с. 230–231].

Одним из центров крымского судостроения была Балаклава. Э. Д. д'Асколи отмечал, что этот город «славится своим портом, о котором мы уже говорили в описании Черного моря, и обширностью окрестных лесов, представляющих такое разнообразие строевого леса, что при виде их впрямь изумляешься. Там строятся ежегодно крупнейшие галеоны (Galioni) для доставки толстых бревен в Александрию; в последние годы там стали также строить галеры; в прошлом году спущено было пять галер, и я слышал, будто в нынешнем году сделан заказ на 6 галер, но выполнить его невозможно, по недостатку умелых мастеров» [Описание, 1902, с. 120–121]. Эвлия Челеби указывал, что порт Балаклавы «может принимать пятьсот судов» [Эвлия., 2008, с. 73]. Важное значение в качестве центра мореходства занимал Судак. «Там были доки, в которых можно было строить каторги. И теперь постройки видны. Сейчас порт принимает по пятьдесят судов», – писал Эвлия Челеби [Эвлия, 2008, с. 158]. В 1656 г. османский султан велел изготовить в Крыму 15 каторг для войны с Венецией [Новосельский, 1994, с. 29].

Что же касается ханской части полуострова, то в Северо-Западном Крыму была известна пристань Сары-Болат (постдепортационное название – Портовое). Единственным портом, принадлежащим ханам, был Гезлев. По словам Эвлии Челеби, это «большой порт Крыма, он принимает по тысяче судов» [Эвлия, 2008, с. 49].

Основную массу мореходов в Крыму составляли таты. Они активно привлекались для службы в османском флоте. В 1571 г. в Крым прибыл с поручением от султана чауш Мехмет, который «збирает де с турского сел на турский подъем с ызбы по золотому, да он же де выбирает из тать гребцов на каторги» [Посольская книга, 2016, с.

64]. В 1588 г. Сенчюра Байкешев рассказывал русскому послу в Крыму И. Судакову о татском судостроении: «которые котарги таты делали и к Астороханскому походу и на тех на катыгах велено мне итти во Царьгород» [Статейный, 1891, с. 69]. Из вышеприведенного источника мы узнаем, что южнобережное население строило для Турции военные корабли, служило на них гребцами. Если к этому добавить, что из татов набирали пеших стрелков для ханских и султанских походов, участие местных крымских христиан (и их исламизированных потомков) в войнах Крымского ханства и Османской империи будет весьма значительным.

Активно использовали крымские христиане суда в XVIII в. А. А. Прозоровский отмечал, что «между живущими в деревнях греками много таких лоцманов, которые на кораблях ходят по Черному морю и как из Балаклавы в греческие деревни, а из оных в Кефу всякие вещи возют на лодках» [Прозоровский, 2004, с. 411]. Сами крымчане объясняли развитость каботажного мореходства особенностями рельефа: между Балаклавой и Ялтой было легче перемещаться по морю, чем по гористой местности [Прозоровский, 2004, с. 417]. В Ялте весной 1774 г. располагалось 10 греческих лодок [Прозоровский, 2004, с. 414]. Описание используемых на ЮБК судов оставил в 1806 г. англичанин Р. Хебер: «В Партените мы встретили старого татарина, имевшего огромную практику в качестве строителя лодок, который своими собственными руками и при помощи двух своих сыновей только что закончил прекрасную шхуну, я бы сказал в тридцать тонн (водоизмещения), для одного купца в Кафе. Обычные суда этой страны напоминают турецкие – с латинскими парусами, высоким носом и очень сильно выгнутой кормой» [Храпунов, 2015, с. 266].

На судах служили не только турки и греки, но и крымские татары. Крымское правительство объясняло русскому командованию в июле 1774 г. о кефинском корабле, напавшем на греческие лодки: «Оное судно ходило в Анатолию, а оттуда в Очаков и около крымских берегов шатается уже немалое время. Но на оном же судне большею частью турки, а татар весьма мало» [Прозоровский, 2004, с. 421]. Описывая трудности сухопутного

сообщения между Балаклавой и Ялтой, Прозоровский писал: «Отсюда всегда ездят лодками, которых теперь достать невозможно, ибо одни, как прежде доносил, изрубили, а на других татара с женами и имуществом шатаются по морю, невзирая на то, что к ним посылаемо было сказать, чтоб оне безопасно возвратились назад, не хотят возвратиться» [Прозоровский, 2004, с. 417]. Крымцы иногда оказывались в составе флотских экипажей против собственной воли – сын разменного бея Азамат-мурза (посаженный к веслу за пьянство) 1 сентября 1694 г. в Балаклаве поднял бунт на турецкой каторге. Невольники во главе с мурзой сумели на время захватить корабль, однако затем это выступление было подавлено войсками с прочих каторг. Сам Азамат-мурза успел сбежать с шестью гребцами [Військові, 2009, с. 249].

Корабли и их капитаны (реисы) упоминаются в кадийских сиджилях [Рустемов, 2017а, с. 151]. В 1610 г. реис Ризван в Балаклаве построил корабль длиной 15 метров, цена которого составляла 93 тыс. акче [Рустемов, 2017а, с. 192–193].

Будучи состоятельными людьми, крымские ханы могли позволить себе собственные корабли. Селямет Герай I заказал некоему Хаджи Мусалли строительство корабля карамурсель длиной в 30 аршин. Однако к моменту смерти хана судно так и не было достроено. Впоследствии недостроенный корабль выкупили за 1 тыс. флоринов сыновья покойного правителя Азамат Герай и Мубарек Герай [Рустемов, 2017а, с. 212–213]. Шахин Герай отбыл в Турцию из России в 1787 г. со своим двором на двух принадлежавших ему кораблях [Мурзакевич, 1883, с. 147].

Корабли использовались не только в торговых, но и в военных целях, для переброски войск через Черное море, реки (в первую очередь Днепр) и Керченский пролив. Для этого на время реквизировались частные суда. Так, зимой 1587–1588 гг. Ислям Герай II, собираясь в набег на Польшу, подошел с войском к Днепру, однако река еще не была окована льдом. Тогда хан послал «в Балыклею и в Козлев во многие городы, а велел суди имати да весть на Днепр и хочет царь возитца Днепр в судех» [Статейный, 1891, с. 67–68]. Иной раз масштабы операций были грандиозны: хан Сахиб Герай I в одном из своих

походов на черкесов использовал три сотни кораблей и 5 лодок (кайык) для переправы своего войска через Керченский пролив [Абдужемилев, 2019а, с. 151]. Водный транспорт привлекался для транспортировки воинов обратно на родину. В 1694 г. крымцы повезли 270 раненых и больных в боях с немцами под Варадином на корабле по Дунаю и далее – в Крым, в Гезлев [Військові, 2009, с. 251]. По Дунаю же татары перевозили захваченных в Венгрии невольников [Ivanicz, 2007, р. 203]. Кроме того, османские корабли использовались для переброски крымцев через Черное море для участия в турецких военных кампаниях против Ирана (в 1617 и 1638 гг.) [Купели, 2014, с. 227, 233–234, 237]. Касательно первого случая польский военачальник Жолкевский даже писал, что это кажется невозможным, ибо испокон веков такие большие массы войск не переправлялись через море [Żółkiewski, 1861, с. 273].

Лодки использовались татарами для осуществления набега. Об этом упоминал английский посол в Петербурге К. Рондо в письме лорду Гаррингтону в 1731 г.: «Татары обыкновенно поднимаются на лодках по Днепру в Орель, оставляют свои суда в речных островках, плывут на берег вместе с лошадьми, грабят окрестные деревни и затем возвращаются с добычей» [Сборник РИО, 1889, с. 292–293]. В 1759 г. отряд едичкульских ногайцев переправился на правый берег Днепра на каюках (кайыках) и разграбил запорожские зимовники [Грибовський, 2005, с. 72]. Речные набеги, вероятно, были вызваны усилением российских оборонительных рубежей на границе с ханством и необходимостью искать альтернативные способы осуществления нападений.

Значение водного транспорта повышалось во время войн на территории самого юрта. Так, в 1758 г. взбунтовавшиеся едисанские и буджакские ногайцы двинулись к Очакову, с целью упредить переправу ханского войска через Днепр. По сообщению одного казацкого источника, им удалось взять под охрану тамошние паромы, по данным другого – они не сумели этого сделать [Пономарьев, 2019, с. 236, 239–240]. Тем не менее войска хана Халима Герая I погрузились на корабли у Кинбурна и высадились у Очакова [Пономарьев, 2019, с. 238].

При наличии торговых и рыбацких судов ханство не имело военного флота, каторги на ЮБК строили для нужд османского флота. Единственную известную нам попытку создать военно-морской флот предпринял Шахин Герай, по приказу которого в Балаклаве был заложен небольшой фрегат [Зуев, 1790, с. 287].

Крымскотатарское судоходство просуществовало до второй половины XIX в. Лишь буря 24 ноября 1861 г., уничтожившая суда на Южном берегу Крыма, прервала традиции национального судостроения, более не возрождавшегося из-за появления современных кораблей – пароходов [Кондараки, 1875, с. 223].

Таким образом, кораблестроение и судоходство активно развивались в Крыму в эпоху ханства. На полуострове строились самые разные суда – от небольших рыбацких лодок до крупных военных и торговых кораблей. Использование водного транспорта было обыденным делом для крымских татар и других жителей Крымского полуострова.

Глава 15. ВОЕННОЕ ДЕЛО И ВОЕННАЯ КУЛЬТУРА КРЫМСКОГО ХАНСТВА

15.1. Вооружение и военное дело Крымского ханства

Э. И. Сейдалиев

Военное дело Крымского ханства неоднократно становилось объектом пристального исследования отечественных и зарубежных исследователей, в то же время, как и все остальные аспекты истории этого постордынского государства, разработка этой проблемы до настоящего времени находится в зачаточном состоянии. В последнее время в значительной мере увеличилось количество публикаций на эту тему, но стройного представления, что же представляло собой крымскотатарское войско в XV–XVIII веках, мы до сих пор не имеем. Крымское ханство играло важную роль в политических, экономических и культурных процессах истории евразийского региона, что не было бы возможно без сильной военной организации его войска и значительной технической оснащенности последнего. В рамках бурных политических процессов особый интерес вызывают изменения в военном искусстве крымских татар, его эволюция, адаптация или деградация, что, естественно, отражалось и на политическом весе Крымского ханства в Восточной Европе. Крымская династия, позиционируя себя наследниками Улуса Джучи, в некотором роде на начальном этапе своего правления унаследовала и военное искусство Золотой Орды. В. В. Пенской справедливо отводит важнейшие роли в деле формирования военного потенциала Крыма трем ханам – Менгли Гераю I, Сахибу Гераю I и Девлету Гераю I, один из которых утвердил государство в его основных границах, второй, который реформировал армию, и третий, во время правления которого государство и его армия достигли расцвета [Пенской, 2014, с. 701].

Источниковая база нашего исследования достаточно широка, но, к сожалению, формат настоящего издания не позволяет детально ее

анализировать. Остановимся кратко лишь на наиболее важных изданиях. Прежде всего следует отметить европейских авторов, путешественников, послов, военачальников, так или иначе сталкивавшихся с военной организацией Крымского ханства. К середине XVI в. относится труд австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна «Записки о Московии». В России, как посол Австрии, он был дважды, в 1517 и 1526 гг., и оставил подробнейшее описание «Руссии», ее столицы и соседей, сообщаются сведения о татарах, об их истории, обычаях, особенностях военного дела и вооружения. И хотя этот материал относится к первой четверти XVI в., однако упоминание о военных обычаях татар может быть использовано и по отношению к более раннему времени [Герберштейн, 1988, с. 164–169]. Руководствуясь этим принципом для реконструкции военного дела печенегов и половцев, можно использовать и труды других авторов, описывающих кочевников степей Южной Украины и Крыма XVI–XVII вв. К этому же времени относится создание записок «О нравах татар, литовцев и москвитян», написанных литовским автором Михалоном Литвиным [Литвин, 1994]. Настоящее имя автора не известно, в различное время исследователями высказывались предположения, что это мог быть Венцлав Николаевич или Михаил Тышкевич. Впервые записки были изданы в Базеле в 1615 году. К сожалению, рукопись этого труда не сохранилась, а сам трактат дошел до нас лишь во фрагментах [Магузова, 1994]. Блок источников о военном деле татар продолжает сочинение Мартина Броневского. Автор, польский дворянин и посол польского короля Стефана Батория к крымскому хану Мухаммеду Гераю в 1578 г., оставил обстоя-

тельный рассказ об увиденном в Крымском ханстве – «Описание Татарию» [Броневский, 1867]. В XVII в. было создано «Описание Украины» Гийома Левассера де Боплана. Французский военный инженер и картограф, оставил яркие и подробные сведения об Украине и ее соседях. Для нашего исследования особое значение имеют описание военных обычаев крымских татар, их вооружения и сопутствующего снаряжения [Боплан, 2004, с. 212–255]. В 30-х гг. XIX в. впервые был издан полный перевод произведения Боплана на русском языке [Боплан, 2004, с. 14]. В последующее время многие ученые неоднократно обращались к труду французского инженера [Боплан, 2004, с. 12–55]. Некоторые исследователи творчества Гийома де Боплана сравнивают значимость «Описания Украины» для воссоздания истории Восточной Европы с «Записками о Московии» Сигизмунда Герберштейна [Герберштейн, 1988, с. 56]. Также к XVII веку относится сочинение турецкого автора Эвлии Челеби «Книга путешествия». Турецкий путешественник бывал в Крымском ханстве и оставил подробный и обстоятельный очерк обо всем, что видел в этом государстве, в том числе и о некоторых аспектах, касающихся нашей темы [Эвлия, 2008]. Из новых источников отметим также сочинение крымского автора, государственного деятеля Крыма XVIII в. Абдулгаффара Кырыми. Его сочинение «Умдет ал-ахбар», посвящено истории Крымского ханства, в нем также рассматриваются фрагменты военной истории. Особо ценными, на наш взгляд, тут являются военно-политические события, очевидцем которых и был Кырыми в XVIII веке [Кырыми, 2018]. Отдельные сюжеты военной истории можем подчеркнуть из «Кадискерских книг» начала XVII века, тут речь идет о некоторых военных походах, крепостях, вооружении крымских воинов, званиях и должностях, связанных с военной службой [Рустемов, 2017а].

Важные сведения представлены в русских источниках. Среди них отметим недавно опубликованные Посольские книги и журналы Крымских походов российской армии 1735–1738 гг. [Посольская книга, 2016; Посольская книга, 2016а; Журналы, 2017].

Сведения о внешнем облике крымскотатарских воинов периода Крымского ханства дают

изобразительные источники, это, как правило, гравюры и зарисовки. Однако этот источник не так надежен, поскольку зачастую крымских татар изображали европейские художники, даже не видя их, а исключительно по описаниям, что в достаточной мере искажало реальную картину. В то же время данные о вооружении, элементах военного снаряжения нам дают музейные коллекции, в том числе материалы археологических раскопок, к сожалению, в полной мере до сих пор не опубликованные.

Говоря о военной мощи крымских татар эпохи позднего средневековья и нового времени, мы прежде всего остановимся на комплексе вооружения и качественном составе армии крымских ханов. Основной ударной силой крымского войска была конница. В письменных источниках содержатся сведения об оснащении крымскотатарских всадников. Наиболее знаковым, как нам кажется является описание, представленное в сочинении Сигизмунда Герберштейна. Подобные сведения содержатся в сочинениях Гийома де Боплана, Михалона Литвина и некоторых других авторов. Как видно, основная часть крымского войска была вооружена достаточно легко. В то же время некоторые современники упоминают, что богатые крымские воины могли себе позволить более основательное вооружение, часто подражая турецким традициям. Вероятно, постепенно крымскотатарское войско практически отказалось от тяжелого комплекса вооружения, который использовался в ордынское и позднеордынское время [Сейдалиев, 2016, с. 264–287], сосредоточившись на легком комплексе. Основным видом оружия становятся лук и стрелы, сабля и нож, защитное вооружение было представлено мягкими стегаными доспехами с такими же наголовьями. По мнению В. В. Пенского, это связано в первую очередь с тем, что после разгрома Золотой Орды Тимуром, ее городская культура, а вместе с тем и ремесленное производство пришло в упадок, а расцвет городской культуры и ремесленного производства в Крымском ханстве «совпал по времени с развитием огнестрельного оружия и падением значения оборонительного доспеха» [Пенской, 2014, с. 703]. Эвлия Челеби приводит сведения о ремесленном производстве в Бахчисарае:

«Основным славным ремеслом людей этого города является изготовление разнообразных сёдел для коней, татарских колчанов, плетей и стрел, отделанных пером коршуна» [Эвлия, 2008, с. 113]. При этом характеризуя бахчисарайский базар, он отмечает, что «...[лавок] бронников там нет» [Эвлия, 2004, с. 107]. Вот описание внешнего вида крымских татар, которое приводит Гийом де Боплан: «Одежду этого народа составляет короткая рубаха из хлопчатобумажной ткани, спускающаяся только на полфута ниже пояса, шаровары и короткие до колен штаны для верховой езды из сукна или чаще всего из хлопчатобумажной ткани, простеганной сверху; самые удалые носят кафтан из стеганой хлопчатобумажной ткани, а сверху – суконный халат, подбитый мехом лисицы или же благородным куньим, шапку из того же меха и сапоги из красного сафьяна, без шпор. Простые [татары] надевают на плечи бараний тулуп, выворачивая его шерстью наружу во время зноя и в дождь» [Боплан, 2004, с. 219]. Среди археологических находок не встречаются остатки луков и колчанов, поэтому об их виде мы можем судить лишь по редким изображениям, которые к тому же чаще всего передают облик крымских воинов в понимании европейцев, и чаще всего эти изображения более позднего происхождения. Что касается вещественных находок, то тут наиболее часто сохраняются до наших дней лишь наконечники стрел. Следует отметить, что и в этом случае вид наконечников меняется. Достаточно массивные наконечники ордынского времени исчезают, как и ряд форм, популярных у воинов Улуса Джучи. Большинство воинов было оснащено стрелами с наконечниками ромбическими или линзовидными в сечении, ромбической или усеченно-ромбической формы. Обычно они небольших размеров, иногда встречаются и бронебойные, рассчитанные на пробивание тяжелых доспехов [Мастыкова, Сейдалиев, 2019]. Подтверждения использования лука и стрел встречаются и в кадиаскерских сиджилях [Рустемов, 2017а, с. 55, 168 и др.]. Среди длиннодревкового оружия крымскими татарами использовались копья, пики, возможно, дротики. Но использовались они достаточно редко, что связано в первую очередь с особенностями ведения боя,

превалирующей ролью легкой конницы в войске и, соответственно, свойственным ей комплексом вооружения. Л. А. Бобров предполагает, что активное использование крымскими воинами копий начинается с 60-х гг. XVII в., что связано с калмыцкими набегами на Крым [Бобров и др., 2019, с. 550–552]. Особняком стоят комплексы вооружения знатных крымских татар – беев, мурз и, конечно, самих крымских ханов и их родственников. Уже упоминавшиеся письменные источники свидетельствуют о наличии у крымского дворянства оружия и доспехов турецкого образца. Подтверждением этому являются музейные хранилища. В фондах музеев хранятся образцы разнообразного наступательного снаряжения, кольчатых и пластинчатых доспехов в основном турецкого и иранского производства. В то же время мы не можем исключать и наличие местного производства таких видов вооружения. В фондах Государственного исторического музея хранится наконечник копья, который неоднократно привлекал внимание отечественных специалистов [Городцов, 1913; Зайцев, 2008а; Бобров и др., 2019]. Как убедительно доказал И. В. Зайцев, это копье принадлежало сыну крымского хана Менгли Герая II (правил 1724–1730 гг. и 1737–1739 гг.) султану Тохтамышу Гераю. Железный наконечник копья представлял собой четырехгранное перо с долами, с конической втулкой со сведенными встык краями. На втулке прослеживаются четыре ребра жесткости, в нижней части втулки уступ, в котором пробиты отверстия, с помощью которых заклепками наконечник крепился на деревянном древке. На граненой части втулки сохранились инкрустированные золотой проволокой орнамент в растительном стиле, а также надпись арабской вязью. Детальное описание копья в совместной публикации Л. А. Боброва с коллегами избавляет нас от необходимости повторений [Бобров и др., 2019, с. 543–546]. Надпись арабским шрифтом гласит, что копье это принадлежало султану Тохтамышу Гераю, сыну Менгли Герая, который занимал при отце должность нуреддина [Зайцев, 2008, с. 147; Бобров и др., 2019, с. 543]. Учитывая размеры наконечника, можно предположить, что это было легкое копье или пика, исследователи считают маловероятным использование его

как наконечника дротика [Бобров и др., 2019, с. 553]. Сам наконечник и инкрустация на нем, вероятно, были выполнены местными мастерами.

В контексте нашего исследования важными представляются сведения военного характера, представленные в тексте крымского автора Абдулгаффара Кырыми «Умдет ал-ахбар». В первую очередь это данные о вооружении воинов Золотой Орды и Крымского ханства, а также их противников. Приводятся данные об использовании лука и стрел, сабель и другого оружия, характерного для крымских воинов. Исследователями высказывались мнения, что крымские татары не использовали или использовали в малом количестве огнестрельное оружие [Пенской, 2014, с. 704–705]. Отчасти это связано с сообщением Эвлии Челеби, который упоминает, что «татарский народ не умеет стрелять из ружей. Ружей они боятся. Если где-нибудь есть ружья, они говорят: «Мылтык коп», и туда не идут». В то же время, упоминая о воинах, вооруженных огнестрельным оружием, Эвлия Челеби называет их греческими молодцами [Эвлия, 2008, с. 31]. Вероятно, это отчасти справедливо по отношению ко времени пребывания турецкого путешественника в Крыму, но уже с XVIII в. Бахчисарай становится центром производства огнестрельного оружия, исследователи отмечают, что в середине столетия только в Черкесию из Бахчисарая вывозилось 1000 стволов ежегодно. Стоимость такого ружья могла достигать 200 пиастров [Зайцев, Эминов, 2017, с. 211]. Такие дорогие, богато украшенные ружья производились в Бахчисарае для ханов, членов их семей и, вероятно, богатых представителей знати. Два таких ружья были опубликованы И. В. Зайцевым и Р. Р. Эминовым [Зайцев, Эминов, 2017, с. 215, Рис. 1–4]. В фондах Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника хранится кремневое нарезное ружье с лакированными деревянным ложем и пятигранным прикладом, инкрустированными костью, рогом и золотом. Ствол выполнен из дамасской стали, восьмигранный, с прицельной планкой и мушкой, также украшен инкрустацией из желтого и белого металла – орнамент в растительном стиле и арабграфичная надпись. Из надписи узнаем, что ружье принадлежало хану Бахты Гераю, сыну хана Крым Герая, кото-

рый считался ханом формально в 1789–1792 гг. [Зайцев, Эминов, 2017, с. 213]. Еще одно ружье хранится в Ивановском государственном историко-краеведческом музее им. Д. Г. Бурылина. Оно также снабжено деревянным ложем и прикладом, но без украшений, приклад овальной формы с костяной пятой. Ствол, как и у предыдущего ружья, восьмигранный. Это ружье капсульное, что не соответствует ружьям XVIII в., и, по предположению исследователей, ремонтировалось и переделывалось в XIX в. Ствол ружья восьмигранный, на нем есть клеймо мастера арабицей, выполненное золотой насечкой, – «делал Селим». Также золотом выполнена надпись с именем владельца, из которой мы узнаем, что ружье принадлежало хану Селиму Гераю III (правил 1765–1767 и 1770–1771 гг.), сыну Фетиха Герая [Зайцев, Эминов, 2017, с. 213].

Кроме ружей, крымскотатарские воины использовали и пистолеты. И. Тунманн пишет, что «сабля, ружье и пара пистолетов составляют вооружение богатых, но большинство имеет только луки и стрелы или деревянную пику, закаленную или заостренную при помощи огня» [Тунманн, 1991, с. 23].

В тексте «Умдет ал-ахбар» и в других источниках кроме прочего приводятся и сведения об огнестрельном оружии, и, анализируя текст, можно уточнить приблизительное время внедрения этого вида вооружения в ханском войске. Из огнестрельного оружия упоминаются также пушки и ружья. Например, при нападении кабартая (кабарды) на Сахиб Герая он связал телеги с пушками и, обстреляв кабарду, после длительной битвы победил. То есть тут мы получаем информацию не только о самом вооружении, но и о тактических приемах. Использование связанных повозок с пушками.

Упоминает Кырыми и о не совсем обычном виде оружия, говоря об убийстве на Тамани хана Сахиба Герая I, он сообщает, что это сделал Актаджы-бек (Агаш Ага), ударив хана киркой. Вероятно, тут речь идет о некоем оружии в виде чекана или клевца.

Важные сведения о видах и наименованиях и даже стоимости вооружения крымских воинов дают записи судебных сиджилей. Предметы вооружения (их немного, поскольку в сиджи-

лях рассматриваются в основном дела гражданские, но в описях имущества, в случае раздела его или наследования, приводятся в том числе и некоторые наименования оружия или предметов, связанных с вооружением). Так, упомянуты сабли (кылыч), сабля из Турана (или тебризский клинок), которая стоит 5 хасене, есть сабли по 30 хасене, лук и колчан со стрелами (видимо, сагайдак) – 1 хасене и т. д. [Рустемов, 2017а, с. 27, 54, 55, 168]

Музейные коллекции также дают представления о комплексе доспехов крымских ханов для XVIII в. Так, известен доспех хана Сахиба Герая II, проданный на аукционе в Мериленде (США). К сожалению, без возможности визуального осмотра предметов их сложно идентифицировать. Из описания на сайте аукциона¹ можно предположить, что он принадлежал хану Сахибу Гераю II, а на одном из предметов надпись, что владельцем был Каплан Герай. Доспех состоит из шлема с кольчужной бармицей, кольчуги, пластинчатых наручей с прикрепленной к ним кольчужной защитой тыльной стороны кистей. Шлем вытянут из цельной стальной пластины, верхняя часть выполнена в виде конуса. На конус в верхней части и по низу прикреплены пластины, украшенные растительным орнаментом. Нижняя пластина опоясывает весь шлем, и на ней равномерно по всей окружности закреплены четыре серебряных медальона с надписями арабским шрифтом. На одном из медальонов и читается имя Сахиба Герая. К конусу прикреплена кольчужная бармица со вставками из десяти прямоугольных железных пластин, покрытых позолоченными серебряными пластинами с гравировкой и чеканным орнаментом в виде многолепестковых розеток. Коническое навершие шлема переходит в шаровидное утолщение, вероятно, с отверстием. Кольчуга на воротах спереди снабжена посеребрённой пластиной, украшенной гравированным орнаментом и выполняющей функцию застежки. Наручи, вероятно, представляют собой конструкцию из стальных пластин, закрывающих предплечье от кисти до локтя с внешней стороны, и кожаных манжетов с внутренней стороны. Металлическая часть по внешнему и нижнему краю украшена, вероятно, серебряной пластиной с гравированным ор-

наментом. Кольчужная защита кистей крепится к тканому основанию стальными профилированными бляшками, образующими некое подобие шипов на тыльной стороне кисти. Доспех, по справедливому предположению И. В. Зайцева, мог быть собран из нескольких комплектов, которые, судя по надписям, принадлежали Сахибу Гераю II и Каплану Гераю, и может быть датирован 60–70 гг. XVIII в.

Исследователями не раз отмечалось использование крымскими татарами в походах различных военных атрибутов: «К драгоценному трону прибыл единственный и великолепный оркестр и литавра и военный барабан султана». Сведения Абудлгаффара Кырыми подтверждают данные других источников, например, Эвлия Челеби сообщает следующее: «Сначала ударили в барабаны на стороне ханского войска, и по законам Чингизидов заиграли Афрасиабовы трубы, Искандеровы барабаны, Джемшидовы зурны, барабаны шаха Хушенка, литавры хакановы, цимбалы царя Дария; все воины припали к головам коней, и татарское войско двумя колоннами двинулось на поле доблести. И они стали под сень знамен». Мехмед Сенаи пишет о построении крымских войск перед битвой под Зборовым (1649): «И центр, и фланги были украшены и расцвечены флагами, литавры и боевые барабаны подняли грохот и тарарам, и победоносное Чингизово знамя и гордый сахибкиранов бунчук взвился аж до [звезды] Капеллы», и далее – «быстроногие татары, подобно тому, как волки набрасываются на овец, бросились на войска короля и начали их грабить – хотя боевые барабаны не давали сигнала к бою и флаги, извивающиеся как драконы, не были еще подняты». Что касается штандартов и бунчуков, то они также неоднократно упоминаются автором, например, хану Фетху Гераю османским султаном были переданы оружие, снаряжение, деньги и бунчук. «Великий, почтенный и властный падишах отправил оружия и снаряжения. Для того чтобы угодить хану, в сопровождении возвышенных друзей была оказана помощь в виде 50 кесе наличных и драгоценностей, великолепный кинжал и бунчук с мудрыми высказываниями». В большинстве же случаев бунчуки упоминаются и как атрибут какого-нибудь паши или визира. А хан Каплан Герай, «чтобы при-

¹ <https://www.icollector.com/item.aspx?i=15525520>

влечь на свою сторону и устроить порядок для жителей страны Дагестана, по указанию хана с фирманами прибыли известный Усму Ахмед-хан с тремя бунчуками и великий визирь, и его сын Кан Мухаммед с двумя бунчуками, чтобы стать уважаемым мирмираном». Тут надо отметить, что количество бунчуков также имело значение и некую иерархию не только в войсковом значении, но и на государственной службе. Так, один бунчук соответствовал титулу «мирлива», два бунчука соответствовали чину мирмирана, а три бунчука – «визирю или бейлербею» Ян Собеский писал об успехе одного из польских военачальников в боях с татарами в 1676 г.: «Знамя взял татарское и несколько значков, что является у них редкой вещью, ибо, как правило, на несколько тысяч имеют только одно или два знамени».

В письменных источниках содержится еще один важный пласт информации. Это сведения об организационной структуре войска крымских ханов. Основой регулярной армии Крымского ханства являлась его личная гвардия. Она включала в себя как конные, так и пехотные подразделения, а также артиллерию. Вероятно, первоначально пушки предоставлялись ханам османскими войсками, но впоследствии ханы обзавелись собственной артиллерией. Конница ханской гвардии скорее всего, была предоставлена его нукерами или имельдешами, они же могли состоять и в хан-кулу. Кроме того, ханы ввели для своей гвардии, по османскому образцу, род войск, который получил название капы-кулу, или на крымский манер – хан-кулу. Это подразделение состояло как из конных частей, так и из пехоты. Капы-кулу, по сообщению Эвлии Челеби, состояли из «детей абхазцев, черкесов и грузин», расселены они были в Бахчисарае и окрестностях. Тут же турецкий автор сообщает, что во время военных походов эти воины содержатся османским падишахом, и насчитывается их от трех до двенадцати тысяч [Эвлия, 2008, с. 101]. Пехота состояла из нескольких частей. В первую очередь это уже упоминавшиеся капы-кулу. Кроме того, Сахибом Гераем I была проведена значительная реформа в военном деле. Хан ввел новый род войск – тюфенкджи – мушкетеры, среди которых выделялись тат (улуфели) тюфенкджи (таты мушкетеры или мушкетеры на жаловании). Как правило, это

были жители горных и южнобережных районов, неслучайно среди владеющих ружьями воинов (пусть и секбанов в крепости Ор) Эвлия Челеби упоминает «греческих молодцев» [Эвлия, 2008, с. 31]. Вероятно, количество тюфенкджи было небольшим, например, в одном из османских документов, адресованных кафинскому бею, кадиям Мангупа и Судака, приводится цифра в 500 стрелков-зимми, вместо запрошенных 200, которых они должны были предоставить хану Девлету Гераю для военного похода [Абдужемилев, 2016а, с. 219]. Стрелки-мушкетеры также упоминаются в судебных сиджилях, например, некий тюфенкджи Аллахахмар из-за двух курушей выкрал корову и продал ее [Рустемов, 2017а, с. 112].

Одновременно с упоминанием тюфенкджи в источниках встречаем такой род войск, как «секбаны» или «сеймены». В Порте это была часть янычарского корпуса. В Крымском ханстве секбаны были пехотой, которая, вероятно, также набиралась из подданных, как татар, так и других народов. Вооружены они были также ружьями и пистолетами, вероятно, использовали луки и сабли. Командовали отрядами сейменов – болюк баши, этот чин использовался и в османской армии в качестве командира отряда янычар. В кадиаскерских тетрадах есть упоминания о секбанах по имени Мехмед Паша, который был к тому же еще и мюфессиром (толкователем, комментатором аятов или хадисов Корана), а также о некоем Хасане Кяйтибе, сыне Шабана, который вызвал на заседание суда сына высокочтимого болюк баши янычар (болюк баши в данном случае – командир роты янычар) Реджеба Сефера Али [Рустемов, 2017а, с. 230–231]. Численность сейменов также не была очень высокой. Эвлия Челеби хоть и приводит сведения, что хан Адиль Герай (из ветви Чобан Гераев) собрал со своими приближенными более четырех тысяч стрелков, тут же сообщает слова беев Ширинов, которые сомневались, что ханы хоть когда-то собирали более пятисот стрелков. Несмотря на то, что и секбаны и тюфенкджи были пешими воинами, вооруженными огнестрельным оружием, в источниках их упоминают одновременно и не смешивают.

Известно также, что в ханской гвардии были должности оружейников – джебеджи [Рустемов,

2017а, с. 207], оруженосца – сияхдар. При хане также состояла дворцовая стража – капыджи, в посольских книгах встречаем упоминания о некоем «Урузван-капучее» [Посольская книга, 2016а, с. 65]. Кроме того, эти подразделения также осуществляли курьерские функции и охрану иностранных послов [Посольская книга, 2016а, с. 301].

Артиллерийские части в крымской армии изначально были представлены турками. Существует предположение, что Саадет Герай I прибыл в Крым в сопровождении не только воинов-стрелков, но и артиллеристов. В. В. Пенской приводит данные о наличии у хана «по меньшей мере, 8 орудий» [Пенской, 2014, с. 704]. О пушках в войсках крымского хана пишут и европейские авторы. Так Мартин Броневский сообщает: «Все татарское войско хана состоит из конницы, за исключением нескольких сотен пеших вооруженных ружьями янычар, которых хан получает в виде вспомогательного отряда от турок и содержит на свой счет; кроме того берет с собою в поход несколько небольших пушек» [Броневский, 1867]. Об пушкарях в армии хана Сахиба Герая I упоминают также крымские источники [Смирнов, 2005, с. 307]. Абдулгаффар Кырыми, повествуя о черкесском походе Сахиба Герая, пишет, что хан связал цепями пушки с телегами, он же сообщает, что Астрахань была взята ханом, поскольку Ягмурчи и его воины были ошеломлены из-за стрельбы из ружей и пушек и бежали. Сообщает Кырыми и количество пушек – 20 [Кырыми, 2018, с. 95–97]. Вероятно, в таких походах количество пушек и было небольшим, к сожалению, точными данными об артиллерийском парке у крымских ханов мы не располагаем. В то же время обслуживающий персонал – пушкари в Крыму со временем появились свои, об этом говорят топонимы – село Топчикой («село пушкарей?») совр. Долинное Бахчисарайского района) и фамилия «Топчи» («пушкарь»), распространенная среди крымских татар. По мнению Л. А. Боброва, в середине XVII в. в Крыму насчитывалось около сотни пушек, размещенных по разным крепостям, а также тех, которые ханы могли брать с собой в походы [Бобров, 2016б, с. 297–298].

Как уже упоминалось, наиболее многочис-

ленным родом войск была конница. Она была представлена ханскими частями, дружинами крымских султанов, беев и мурз, а также ополчением простолудинов и служилой знати. Дружины крымской знати назывались нукерами и, как правило, содержались за счет своего господина. Эта военная свита могла рассчитывать на обеспечение лошадьми, вооружением, пропитанием, в ней также состояли повара, конюхи и прочая обслуга. Также в таких отрядах могли быть представители мусульманского духовенства. Количество свиты зависело от благосостояния знатного военачальника. В источниках упоминается, что патрона могли сопровождать от 50 до 500 воинов.

Естественно, эта часть армии Крыма не могла обеспечивать всю военную мощь государства, поэтому ханы были вынуждены часто прибегать к призыву ополченцев. Традиционно считается, что каждый крымский татарин в это время был воином. Нисколько не умаляя возможностей мужской части населения Крымского ханства, отметим, что призыву подлежало не все мужское население поголовно. В источниках приводятся данные о том, какое количество ополченцев могли выставить крымские татары. Есть сведения о том, что выставлялся один воин от нескольких домов, остальные же должны обеспечить его одеждой, снаряжением, оружием и лошадьми. Не исключено, что квоты на поставку воинов определял сам хан или калга. Таким образом в случае планирования похода или войны в Крыму происходила мобилизация, которой подлежало не все население, а лишь определенное количество, которое, впрочем, могло увеличиваться или уменьшаться в зависимости от масштаба и нужд военной кампании. Подтверждает эти данные и Эвлия Челеби, который прямо указывает, что не все военные отряды ведут в поход [Эвлия, 2008, с. 100]. Михалон Литвин, описывая нравы татар в XVI в., указывает, что они выставляли войско, «собранное принудительно, так как должны [идти] все как один, кто только способен сесть на коня, и [даже] пастухи и не владеющие оружием» [Литвин, 1994]. Такой же принцип представлен в наблюдениях Мартина Броневского: «Собираясь на войну, хан издает повеление чрез своих придворных сановников, чтобы все татары, ему подвластные, в течение трех или наиболее четырех

недель приготовились к войне и запаслись провиантом на три или четыре месяца» [Броневский, 1867]. Всеобщая мобилизация, если и производилась, то исключительно редко, и, вероятней всего, в таких случаях ополченцы были вооружены крайне плохо.

Важным вопросом, который до сих пор остается открытым, является организационная иерархия войск Крымского ханства. Минимальной единицей в армии крымских ханов был кош, который насчитывал около 10 человек. Гийом де Боплан упоминал, что татары «составляют сообщества по 10 человек» [Боплан, 2004, с. 233]. Жан де Люк также отмечал, что татары делятся на десятки и у каждого татарина есть котел (казан) для варки мяса [Крымские, 2005, с. 337]. Некоторые источники, а вслед за ними и исследователи, называют это маленькое подразделение – «казан». Таким образом, в основе деления ханского войска лежала десятичная система, хотя в коше могло быть и большее, и меньшее количество воинов. Из таких кошей, вероятно, и складывалось все войско, при этом в источниках нет четких упоминаний, как назывались более многочисленные отряды. Учитывая частое упоминание в источниках сотен воинов, вспомним двести, триста, пятьсот стрелков у Эвлии Челеби [Эвлия, 2008, с. 31, 233]. Вполне вероятно предположить, что существовали и более крупные отряды, названия которых нам не известны. Есть сведения лишь о неких отрядах, которые назывались «болюк» и «байрак». Командирами янычар и сейменов были те самые болюк баши, вероятно, они командовали отрядами количеством от 50 до 100 человек. Байрак, или санджак, в крымском войске также обозначало знамя, вполне вероятно, что подразделение, называвшееся «байрак» – это воины, идущие под одним знаменем хана, султана, бея или мурзы. Численность их в таком подразделении могла быть разной. Абдулгаффар Кырыми также приводит данные о родах войск, военных чинах, должностях и людях, которые их занимали. Так, неоднократно упоминаются начальники крепостей, гарнизонов, их чины и звания. Особенно важными являются, как нам кажется, сведения о наличии у того или иного военачальника бунчуков (штандартов) разного типа, соответствующих чину и его статусу, а

также упоминание военного оркестра. Так, подтверждаются данные о названиях подразделений, например отрядов – «кош», хотя это слово часто имеет более широкое значение. Мы также видим обозначение для отрядов янычар и других войск Крымского ханства, а также рода войск, например, пограничные войска: «И внутри крепости Ор было только два средних (*орта(?)*) – *легковооруженных или небольших*. – Э. С.) янычарских корпуса, их воинов было мало. Местных воинов было всего лишь 500 человек. Почтенный великий хан обещал отправить несколько взводов (*в оригинале «bayrak»*) пограничных войск (*в оригинале «sekban»*), находящихся рядом с ним» [Кырыми, 2018, с. 53, 92, 166]. Во главе большого похода, как правило, стоял хан, калга-султан либо нуреддин-султан; менее скромными военными операциями могли командовать «младшие» султаны или ханский визирь, бей или мурза. По-видимому, следует согласиться с Л. А. Бобровым в том, что организационная структура Крымского ханства «сочетала в себе элементы «десятичной», «родо-племенной» и «османской» модели организации вооруженных сил» [Бобров, 2016б, с. 216].

Тактика и стратегия крымских татар в эпоху Крымского ханства зависели от того, какая цель ставилась перед войсками. Нужно согласиться с мнением В. В. Пенского, что крымскотатарское войско отказалось от привычной ордынской модели ведения войны и боевых действий. Вооружение в значительной степени облегчилось, соответственно изменились и боевые традиции. Если воины Улуса Джучи наносили удар в три фазы – лучный бой, удар тяжелой конницы в копьё и добивание обращенного в бегство противника саблями, то теперь сохранились лишь первая и последняя фазы [Пенской, 2014, с. 706]. Это объясняется отсутствием у большинства воинов тяжелого доспеха и копий. Отказавшись от тяжеловооруженных воинов, крымские татары сделали акцент на быстроту и мобильность своих атак, выдвинув на передовую лучный бой. Ввиду этого, как правило, если крымскому войску навязывали тяжелый ближний бой с более основательным противником, то они старались его избежать. Крымские ханы не ставили себе задач присоединения новых территорий.

Как правило, все ограничивалось лишь небольшими быстрыми набегами вглубь территории противника, захватом добычи и быстрым отходом в степь, где крымские татары были неуловимы для тяжелой европейской конницы. Во время набегов средневековые кочевники всегда высылали вперед разведчиков, которые сообщали о силах врага, о его готовности отбить нападение, о возможности нападения врага с неожиданной стороны [Расовский, 2012, с. 87]. Мартин Броневский неоднократно упоминает, что в военном походе крымский хан посылает вперед лучших своих воинов, чтобы они разведали силы неприятеля и его расположение, и лишь после этого атакует [Броневский, 1867]. Кочевники всегда стремительно передвигались и нападали. Даже в долгих переходах их тяжелые повозки не были сдерживающим фактором [Плетнева, 1982, с. 56]. Позже похожее описание о боевых обычаях татар оставил Сигизмунд Герберштейн, он приводит один из основных приемов атаки стрелами в своих «Записках о Московии»: «Их оружие – лук и стрелы; сабля у них редка. Сражение с врагом они начинают издали и очень храбро, хотя долго его не выдерживают, а обращаются в притворное бегство. Когда враг начинает их преследовать, то [при первой возможности] татары пускают назад в них стрелы; затем, внезапно повернув лошадей, бросаются на расстроенные ряды врагов. Когда им приходится сражаться на открытой равнине, а враги находятся от них на расстоянии полета стрелы, то они вступают в бой не в строю, а изгибают войско и носятся по кругу, чтобы тем вернее и удобнее стрелять во врага. Среди таким образом (по кругу) наступающих и отступающих соблюдается удивительный порядок... Такой способ боя из-за сходства называют «пляской»...» [Герберштейн, 1988, с. 168]. Современник Герберштейна Михалон Литвин свидетельствует, что татары, «всегда первыми вступая в битву, стремятся захватить левый фланг войска противника с тем, чтобы сподручнее было обстреливать» [Литвин, 1994]. Их последователь Гийом де Боплан также приводит сведения об использовании татарами лука и стрел в начале сражения. Он говорит, что крымское войско таким образом атакует поляков, пока не изнурит их, и лишь тогда, чувствуя себя достаточно силь-

ными, чтобы «сражаться саблею», заставляют поляков отступить [Боплан, 2004, с. 243–245, 251]. Как видим, военное столкновение у кочевников происходило в два этапа: дистанционный с помощью лука и стрел и ближний бой с использованием древкового и клинкового оружия. М. В. Горелик предложил название для первого этапа «карусель» (или «хоровод») и приводит ссылку на использование таких приемов стрельбы с коня и у современных киргизов [Горелик, 1990, с. 157]. Этот прием требовал определенной выучки и дисциплины и имел высокую эффективность. При этом «карусель» была и уязвимой перед лицом быстрой контратаки кавалерии противника, в случае смерти вожака отряда, а также требовала особых условий на поле боя – оно должно было быть достаточно ровным и открытым. Л. А. Бобров отмечает, что хоровод также был малоэффективен перед «вагенбургом» (табор, составленный из телег со щитами) или «гуляй-городом», под прикрытием которых вооруженные огнестрельным оружием солдаты могли легко рассеять «хоровод» конных лучников. Вторым серьезным противником для «карусели» оказались калмыцкие копейщики, которые в XVII в. вторглись на территорию Крымского ханства. Вооруженные длинными пиками калмыки имели явное преимущество перед легковооруженными крымскими лучниками [Бобров, 2016б, с. 244–245]. Учитывая эти факторы, тактический прием «карусель» стал использоваться крымскими татарами все реже, но, как известно, прекрасно продемонстрировал себя ранее, особенно в условиях «малой войны», в которой крымские татары были непревзойденными мастерами. Они мастерски небольшими отрядами атаковали противника, отрезая его от обозов, подкреплений, тревожа отстающие отряды, фуражиров и отдельные части противника. Важным тактическим приемом был охват фланга или флангов противника. Л. А. Бобров предлагает для него название «тулгاما» (от тюрк. «тулгамак» – «окружить») [Бобров, 2016б, с. 247]. При таком приеме крымские татары также использовали массированную атаку стрелами. Охват противника мог вестись как с одного из флангов, так и с двух одновременно. Наиболее предпочтительным, конечно, считалось обойти противника справа, поскольку

ку в таком случае легче было обстреливать его из лука. Но если местность не позволяла обойти противника справа, или для использования эффекта неожиданности, крымские лучники могли применить охват с левого фланга. Противостоять такой атаке было крайне сложно, нужно было либо снабжать фланги дополнительными резервными конными отрядами или засадами, либо ставить укрепленный лагерь. И, наконец, еще одним излюбленным приемом крымских татар стало притворное отступление с последующей атакой и засадами. Подобные приемы применялись кочевниками с древности до нового времени. Применяя данный прием, воины обращались в притворное бегство, заманивая противника и стреляя в него на скаку, обернувшись назад. После того, как противник растягивался, преследуя крымскую конницу, теряя строй, крымские татары резко разворачивали коней и мощным контрударом опрокидывали врага. Иногда такое притворное бегство заводило противника в засаду, где контрудар наносился и отступающими и сидящими в засаде воинами.

После атаки лучников, с применением перечисленных тактических приемов, войско Крымского хана могло применить так называемый сабельный бой. Как правило, он применялся лишь в исключительных случаях, чаще всего исход боя старались решить луком и стрелами. Лучше всего техникой сабельного боя, конечно, владели ханские гвардейцы, дружина знати, то есть богатые и обеспеченные качественным вооружением и снаряжением солдаты. Ближний бой саблями и древковым оружием крымские татары вели в рассыпном строю. Постепенное внедрение огнестрельного оружия в армии потенциальных противников Крымского ханства, влияние османской армии привели к тому, что в крымскотатарском войске ружья и пистолеты стали использоваться все чаще.

В крымскотатарском войске при этом не было осадной техники, поэтому они редко осаждали города и крепости. Тем не менее есть сообщение, что в 1580 г. крымские войска подступили к Астрахани и решили взять крепость и город приступом и заготовили вязанки тростника для этих целей [Ищенко, 1989, с. 142]. Есть упоминания и о неоднократных походах на Москву; как

пишет В. Д. Смирнов, во время одного из них, в 1571 г., осада и опустошение города длились 40 дней. В то же время источниками и исследователями отмечается и использование крымскими татарами легкой артиллерии и пушек, с оговоркой, что пушки эти могли быть турецкими [Пенской, 2010а, с. 61]. Вагенбург, используемый противниками крымских татар, по мнению ряда исследователей, был также перенят последними у османской армии. Турки использовали особый боевой порядок «Дестур-и-Руми», в основе которого лежал табор из повозок – «зарбузан арабалары». В то же время лагеря-таборы из связанных повозок применяли и кочевники Дешт-и-Кипчака в более раннее время [Сейдалиев, 2016]. Упоминания о повозках у крымских татар встречаются и у авторов XVI–XVII вв. Михалон Литвин приводит сведения, что татары имеют «переносные шатры, сделанные из лозы и тростника, крытые козьим войлоком, защищенные плетеными рогожками и циновками, они везут их с собой на повозках вместе с женами и детьми» [Литвин, 1994]. Мартин Броневский пишет, что татары кочуют вместе с кибитками, которые «круглы и покрыты войлоками; но едва могут вмещать в себе от четырех до пяти человек. Татары укладывают все на двухколесные возы, запряженные одним или двумя верблюдами, иногда волами» [Броневский, 1867]. Гийом де Боплан приводит иное название этим средствам передвижения – «котарга», и дает рисунок этого приспособления (рис. 2.4) [Боплан, 2004, с. 215, 217, 453].

Михалон Литвин приводит сведения: «В еде татары неприхотливы... Они отличаются на войне умением переносить жажду, голод, труд, бессонницу, жару, холод и вообще все лишения и невзгоды климата» [Литвин, 1994]. Он же и Гийом де Боплан описывают, что кочевники XVI–XVII вв. ведут с собой около 5 сменных коней и быстро передвигаются [Литвин, 1994; Боплан, 2004, с. 229–231]. О лошадях источники сообщают, что они были низкорослой породы, но очень выносливые и неприхотливые, они не боятся ни холода, ни жара и всегда бегают рысью, остановить их не могут ни реки, ни болота [Ищенко, 1989, с. 141]. О способах преодоления водных препятствий крымскими татарами и ногами рассказывают авторы XVI и XVII вв. Михалон

Литвин пишет: «Быстрые полноводные реки, которые в суровое зимнее время на севере к тому же страшно трещат от лопающегося льда и трудны для переправы, они, однако, преодолевают без судов, но только на конях; сами они держатся за гривы, а к хвостам привязывают мешки, [положив их] на деревянные брусья или на связки камыша, чтобы переплыть без промедления, легко и быстро» [Литвин, 1994]. Ему вторит Гийом де Боплан, описывая переправу татар через Днепр [Боплан, 2004, с. 251–255], есть подобные упоминания и у других авторов [Ищенко, 1989, с. 142]. Вероятно, во время похода Сахиба Герая I на черкесов для переправы через Керченский пролив использовались «пontonные корабли», о чем пишет Абдулгаффар Кырыми: «И бегу Кефе был написан ярлык, чтобы на берегу Тамани подготовил корабли (*в оригинале применяется название «tonbaz gemi».* – Э. С.). Затем пошел с вооруженным 40-тысячным войском. Сошел в городе Керчь. Крымские войска, состоящие из ширинских, барынских, аргунских, кыпчакских, мангытских и куянских бегов, прошли через проход. Прошли через Темрюк и высадились на местности под названием Кыйдымит» [Кырыми, 2018, с. 93].

После долгих переходов крымские татары разбивали лагерь. Если лагерь ставился во время военного похода, то его окружали скрепленными между собой повозками, а внутри круга устанавливали переносные юрты. К сожалению, данных письменных источников недостаточно для реконструкции лагеря крымского войска. Тем не менее мы можем с уверенностью утверждать, что таковой лагерь у крымских татар был. Например, в 1555 г., как сообщается в Никоновской летописи, московские войска захватили лагерь Девлета Герая с обозом и 60 тыс. лошадей [Пенской, 2010, с. 58].

В отличие от регулярных армий европейских держав в армии Крымского ханства не было как таковых военных учений и муштры. В то же время частое участие в сражениях, набегах и походах с лихвой компенсировало этот аспект подготовки солдат. Разве что стрелки-секбань, тюфенкджи и богатые воины из состава крымской знати обучались военному ремеслу специально. В тексте «Умдет ал-ахбар» приводятся сведения о «kulic osagi» – военной школе, выходец из которой был

назначен «казаскером» [Кырыми, 2018, с. 155]. Обучение военному искусству всегда занимало особое место в воспитании будущих воинов любых народов и государств. Сведения о подготовке и тренировке бойцов содержатся как в письменных источниках, так и в этнографических данных. Гийом де Боплан отмечал, что татары начинают обучать своих детей стрельбе из лука с семи лет, а уже с 12 лет посылают воевать. Уделяет он внимание и вопросам закалки и выносливости, которые прививались татарским воинам также с детства [Боплан, 2004, с. 215]. Представления об обучении военному делу у кочевников-тюрок дают материалы современной этнографии. Л. Н. Ермоленко, характеризуя представления древних тюрок о войне, приводит сведения о конных состязаниях у народов Центральной Азии: казахов, киргизов, узбеков, туркменов и других. Во время праздников, свадеб, похорон проводилось так называемое «козлодранье» – кукбури. Тушу барана или козла бросали в толпу всадников. Побеждал тот из них, кто овладевал животным и довозил эту тушу до назначенного места, оторвавшись от соперников. Нередко такие состязания приводили к увечьям и убийствам. Подобная игра бытовала и среди мальчиков и юношей. Называлась она «ок сунак» (белая кость) или «сунак отди» (бросание кости). В лунную ночь среди игроков бросали кость. Тот, кто первым находил ее, оповещал об этом криком. Все остальные должны были наброситься на нашедшего, отобрать кость и отнести «старшему» в определенное место. В этих играх отображена невооруженная борьба за животное. Исследователи считают, что в этих состязаниях игроки отождествляются с волками, а туша животного или кость с их жертвой [Ермоленко, 2011, с. 26–27]. И в детском, и во взрослом состязаниях имитировалось поведение волка, на которого хотели быть похожи все воины племени. Одной из особенностей тюркских «волчьих мужских союзов», направленных на тренировки воинов, мог быть обычай «барымты», нападение с целью угона скота. Это не было воровством или грабежом. Часто о нападении предупреждали за три дня. Такой набег мог быть осуществлен при дневном свете или ночью [Ермоленко, 2011, с. 28–29]. Эти традиции и особенности относятся

к современным тюркским народам, предками которых были средневековые кочевники Евразии, по ним мы можем судить и о традициях обучения молодежи воинскому делу в Крымском ханстве. В XIII в. отображение традиции мужских союзов среди тюркских племен сельджуков нашли и мужские союзы «футувва», возникшие в XI в. как внесударственное объединение в городах Ирака и Хорасана, и впоследствии использовались халифом ан-Насиром для распространения влияния халифата в странах ислама за пределами Ирака. С момента захвата монголами Багдада этот союз при дворе халифа исчезает, но традиции его сохраняются в других исламских государствах, каковым и стал Сельджукский Рум. Сюда идеи этих братств проникают при султанине Изз ад-Дине Кейкавусе I, который приходился халифу тестем. М. Г. Крамаровский отмечает, что эта традиция нашла в Малой Азии отображение в народной линии, возможно, среди ремесленников – братства «ахи». Из Малой Азии футувва проникают и в Крым, что находит подтверждение в появлении керамических сосудов, изображающих пирующих юношей в гранатовом саду. Подтверждают эту гипотезу и слова Ибн Батутты. Этим же временем датируется проникновение большой группы сельджукских переселенцев в Крым. Остановимся также на одном из сюжетов на чаше с пиром в гранатовом саду. Несомненно относящаяся к кругу сельджукской керамики и произведенная в Крыму, чаша иллюстрирует нам жизнь вечернюю или ночную молодых людей, объединенных в мужское братство, исповедующее благородство, удачу, благодушие и прочие качества, во все времена привлекавшие лучших людей из числа юношей. Один из участников пирушки стоит в позе мостика и, видимо, движениями мышц передвигает по животу и груди три чаши с вином, которые последовательно выпивает [Крамаровский, 2012, с. 164–205]. В традиционной культуре современных крымских татар сохранились народные танцы «Чобан оюну» (танец пастуха) и «Явлук» (платок), в ходе которого группа молодых ребят, танцует, соревнуется, поднимая с земли из позы в «мостике» платок, который иногда, впрочем, заменяется чашей с водой.

Такие состязания одновременно были трени-

ровками боевых качеств подрастающего поколения воинов и охотников. Охота также могла рассматриваться не только как средство получения пищи или других продуктов, но и как набег. С. А. Плетнева справедливо отмечала, что «второй важной функцией охоты было обучение военному делу всех – от хана до простого воина...». На охоте определялись самые удалые воины, меткие стрелки, ловкие наездники и умелые предводители [Плетнева, 1990, с. 137]. Военные действия и охота определяли самых сильных, способных членов общества, а следовательно, и определяли иерархические отношения в кочевой среде. Описание неких соревнований приводит Иосафат Барбаро [Барбаро, 1971, с. 155–156]. Благодаря записям венецианского путешественника, мы имеем сведения не только об умениях татарских воинов, но и об их храбрости: «военные люди в высшей степени храбры и отважны, причем настолько, что некоторые из них... именуется «талубагатер», что значит безумный храбрец». Он же приводит сведения о том, как пятеро ордынских воинов разогнали сотню черкесов [Барбаро, 1971, с. 146–147]. Эти сведения могут относиться к ранним сведениям о военном деле в том числе и крымских татар. М. Е. Шалак приводит сведения, со ссылкой на французского путешественника Жака Маржарета, что татары с малых лет приучают к стрельбе из лука своих детей, не давая им есть, если они не попадут в цель [Шалак, 2016а, с. 54].

Другие традиционные соревнования: «джигитовка» – состязания на коне и «куреш» национальная борьба, известная среди большинства тюркских народов, также воспитывали боевой дух и бойцовские умения у крымских татар. Что касается конных состязаний, то они очень подробно описаны очевидцами XVIII–XIX вв., посетившими и родившимися в Крыму. Например, в описаниях В. Х. Кондараки присутствует сюжет, где говорится о соревнованиях на лошадях, когда участники должны вырвать друг у друга платок, он же приводит описание борьбы «куреш». Заканчивается описание празднеств охотой, которая проявляется в различных видах – с ружьями, капканами, с собаками [Кондараки, 2005, с. 260–270]. Гийом де Боплан отмечал, что татары начинают обучать своих детей стрельбе

из лука с семи лет, а уже с 12 лет посылают воевать, уделяет он внимание и вопросам закалки и выносливости, которые прививались татарским воинам также с детства [Боплан, 2004, с. 215].

Кроме приведенных выше элементов полевой фортификации, известна была крымским татарам и фортификация крепостная. Конечно, основные города и поселения Крымского ханства, в том числе столичный Бахчисарай, были не защищены стенами, в то же время в судебных сиджиях некоторые из них названы укрепленными. Другие действительно были защищены крепостными сооружениями. Например, Солхат/Крым (совр. Старый Крым) был обнесен крепостной стеной еще в XIV в., и эти стены вокруг города сохранялись вплоть до конца XVIII века [Сейдалиев, 2016]. Их видели путешественники, в том числе Эвлия Челеби оставил их описание [Эвлия, 2008, с. 162], а также они были нанесены на план города русским военным топографом Иваном Лютковым в 1783 году. Крымские ханы также ремонтировали и укрепляли крепостные сооружения городов, построенных в более ранние эпохи. После утверждения на престоле первый хан Крыма Хаджи Герай перенес столицу в юго-западную часть полуострова. Новым центром ханства стал пещерный город Кырк-Ер (совр. Чуфут-Кале в окрестностях Бахчисарая). Первые укрепления на Чуфут-Кале появляются еще в византийское время, и ко времени воцарения Хаджи Герая город уже обладал серьезными фортификационными сооружениями. Данные археологии свидетельствуют, что в XV–XVI вв. многие части кладки крепостных стен ремонтируются и перестраиваются [Герцен, Могаричев, 1993, с. 70]. Был обнесен крепостной стеной с башнями и город-порт Гезлев (совр. Евпатория). Известно, что в строительстве города и его крепостных стен принимал участие хан Сахиб Герай I [Эвлия, 2008, с. 49]. Абдулгаффар Кыры-

ми сообщает, что именно Сахибом Гераем была построена крепость Ор (Перекоп): «Чтобы прорыть канал Ор между двумя морями для обороны Крыма, всему крымскому населению было приказано приносить камень, известь и палки. Быстро принялись к подготовке канала и постройке нового города. Таким образом за 45 дней завершили строительство города и канала» [Кырыми, 2018, с. 91]. Другие укрепленные города полуострова периода Крымского ханства находились под юрисдикцией турецкой администрации, это Кефе, Мангуп, Ени-Кале, Судак и другие пункты, расположенные преимущественно на побережье Черного и Азовского морей.

Таково далеко не полное описание военного искусства крымских татар эпохи Крымского ханства. Развитие военного дела в Крыму в этот период прошло ряд этапов. Изначально, как наследника Улуса Джучи, военное дело Крымского ханства представляло собой модель ордынской военной машины. Впоследствии ханы Крыма, находясь под сильным влиянием султанского двора, реформировали военную систему государства, в результате чего она стала сочетать в организационно-иерархическом плане старые ордынские традиции с новыми османскими, с сильным влиянием родо-племенной структуры общества. Вооружение и снаряжение крымскотатарских воинов также претерпевали изменения, количественный и качественный состав войск определили набор вооружения и тактические приемы ведения войны. Усиление военной мощи соседних государств, увеличение роли огнестрельного оружия незамедлительно сказались и на военном деле Крыма. К сожалению, военная машина крымского государства была не готова к масштабным преобразованиям, произошедшим в Европе и в России в XVIII в., что в итоге и определило судьбу Крымского ханства на международной военно-политической арене.

15.2. Набеги крымских татар

А. А. Шейхумеров

Набеговая (или, по определению А. Гливы, «военно-предпринимательская» [Gliwa, 2019, с. 125]) деятельность крымских татар являлась важной стороной жизни в Крымском ханстве и в то же время стала краеугольным камнем «черной легенды» об этом государстве. Украинский историк В. В. Грибовский отмечал, что российская историография XVIII в. привнесла в историческую литературу тезис о татарских набегах как неизменной военно-грабительской деятельности, непрерывно ведущейся против России, используемый для оправдания ликвидации Крымского ханства в 1783 г. [Грибовский, 2016а, с. 33–34]. Также и «советские исследования, появившиеся после Второй мировой войны, оправдывая депортации крымских татар и чеченцев, сгущали краски, говоря о рабстве. При этом порабощение людей в ранней России из финских, белорусских, кавказских и кочевнических окраин обходили молчанием» [Witzenrath, 2016, с. 2]. Однако работы современных историков позволяют охарактеризовать набеги (чапулы) как великолепно спланированные военные операции, характеризующиеся умелым использованием наличных ресурсов и грамотным исполнением. Жестокость же была совершенно обычным явлением в войнах XV–XVIII вв.

Набеги крымских и ногайских татар наносили крупные потери населению Восточной Европы. Их пытались оценить уже современники. Польский публицист XVI в. П. Грабовский называл их «бесчисленными» [Дашкевич, 1993, с. 46]. Князь К. И. Острожский в 1579 г. писал, что «можно насчитать 900 тысяч или даже миллион людей, которых вырезала татарская сабля или были угнаны в неволю бусурманскую» [Ульяновский, 2012, с. 576]. В 1474–1569 гг., по подсчетам Е. Охманьского, Великое княжество Литовское потеряло от татарских, турецких и молдавских нападений 100–150 тыс. жителей убитыми и пленными [Ochmański, 1960, с. 367], хотя эти данные кажутся нам заниженными. По мнению Я. Р. Дашкевича, одно лишь Подолье во второй половине XVI в. лишилось 150–200 тыс. жителей, общие потери населения украинских земель

за все время набегов он оценивал в 2–2,5 млн. [Дашкевич, 1993, с. 45–46]. М. Хорн оценивал потери Речи Посполитой в 1605–1633 гг. в 200 тыс., то есть около 7 тыс. ежегодно [Kołodziejczyk, 2006, с. 150–151]. А. А. Новосельский писал о 150–200 тыс. жителей Московского государства, уведённых в плен крымскими и ногайскими татарами в первой половине XVII в. [Новосельский, 1948, с. 436], однако эта величина представляется завышенной. На одной только Перемышльщине в XVII в. татары схватили 20 тыс. ясырей [Gliwa, 2017, с. 436]. И. О. Ворончук определяла демографические потери Волыни в XV – первой половине XVII вв. в 500 тыс. [Ворончук, 2012, с. 417]. По мнению А. Гливы, с конца XV и до начала XVII вв. польско-литовские земли потеряли от набегов 1–1,2 млн. жителей [Gliwa, 2019, с. 128–129]. Общая величина ясыря, уведённого в Крымское ханство в XV–XVIII вв., доходила, вероятно, до 3 млн.

Вместе с тем симптоматично отсутствие каких-либо обобщенных расчетов по численности невольников-мусульман, захваченных казаками и калмыками, при наличии большого числа расчетов о численности христианского ясыря, выведенного крымскими татарами. Однако можно предпринять попытку подсчитать их число, основываясь на данных о демографических потерях в отдельные годы. По мнению С. Лепьявко, во время набегов в 1570–1580-е гг. запорожцы захватили в плен 1 тыс. татар и турок [Леп'явко, 2000]. Вероятно, потери были намного выше, так как в 1571 г. Девлет Герай I возмущенно писал польскому королю Сигизмунду I, что казаки напали на Крымское ханство, забрав в плен жителей 500 татарских домов. Король не отрицал правдивости этого сообщения, признавая, что упомянутые ханом полоняники действительно пребывают на Поднепровье [Ерусалимский, 2017, с. 881–882, 901]. В 1575 г. днепровские казаки совершили как минимум 8 нападений на крымские улусы, только в одном из них захватив 700 домов («изб»), убивая взрослых мужчин и порабощая женщин и детей [Посольская книга, 2016а, с. 201]. Таким образом, общий урон населения в 1570-е гг. дол-

жен был бы составлять несколько тысяч или даже более 10 тыс. человек. В 1594 г. гетман С. Наливайко хвастал, что его отряды обратили в неволю 4 тыс. жителей Буджака [Антонович, 1941, с. 28]. В 1624 г. только в одном набеге запорожцев на Стамбул в Еникое была захвачена 1 тыс. пленников [Королев, 2013, с. 201]. В 1634–1635 гг. в четырех нападениях на подданных крымскому хану ногайцев донские казаки пленили около 3600 человек, преимущественно женщин и детей, не считая тысяч убитых мужчин [Новосельский, 1948, с. 238–239]. В 1646 г. русскими и казаками было захвачено в плен еще 7 тыс. ногайцев [Новосельский, 1948, с. 381]. С 1649 по 1657 гг. донцами в их морских рейдах были захвачено 2300 турецких и татарских ясырей в тех случаях, когда сохранились данные о числе захваченных пленников [Куц, 2009, с. 298–304], с другими походами – вероятно, до 4 тыс. Подобное предположение вряд ли является преувеличением, так как после набегов донские «казаки привозили порой до 500–600 пленников, взятых в ходе нападений на побережье Черного моря» [Куц, 2001, с. 50]. В 1667 г. запорожцы в ходе сухопутного вторжения в Северный Крым поработили 3,5 тыс. крымских татар [Акты, 1872, с. 1]. В 1675 г. в результате нападения сборного отряда русских, калмыков и казаков в Крыму было схвачено 400 крымских «малых робят» [Великанов, Нечитайлов, 2019, с. 39]. В одном только 1694 г. украинские и запорожские казаки совершили три крупных набега: один под Очаков, откуда «ясыру сот на три живцем пригнали до Батурина», другой – в Буджак, где «много ясыру набрали» и под Перекопскую линию, в которой «армат штук осм узяли и иные речи и ясыру» [Летопись, 1846, с. 83–84].

Население Крымского ханства несло большие потери и в XVIII в. Так, в походе русско-калмыцких войск на Кубань в 1711 г., по, возможно, преувеличенному данным, было пленено 22 тыс. ногайцев, в том числе более 21 тыс. женщин и детей [Бранденбург, 1867, с. 38, 40]. Особенно большие потери были понесены во время войны 1735–1739 гг. Более 1 тыс. человек было захвачено и угнано в неволю в русском вторжении в Крым в 1737 г. всего за два дня набеговой деятельности [Баиов, 1906, с. 432]. В намного большем числе пленников захватывали на Кубани: в

1736 г. – более 20 тыс., в 1737 – 1 тыс., 1738 г. – 7 тыс. [Цюрюмов, Батыров, 2006, с. 56, 59, 60; Баиов, 1906, с. 440]. И все это – не считая многих тысяч убитых.

Частота казацких и калмыцких набегов варьировалась. Демографические потери крымскотатарского, ногайского и турецкого населения росли с течением времени. В XVIII в. число ясыря, захваченного иррегулярными войсками Российской империи на территории Крымского ханства, было, пожалуй, сравнимо с числом ясыря, захваченного самими татарами. Ввиду изменения общей стратегической ситуации глубинные районы России были уже почти недоступны для крымцев (за исключением отдельных рейдов), тогда как само Крымское ханство практически целиком превратилось в арену боевых действий, теряя десятки тысяч жителей из-за неприятельских вторжений.

Вероятно, общая численность захваченного донскими казаками полона составляла не менее 30 тыс., еще большим должно было быть число полоняников, захваченных сечевиками (ввиду более широкого масштаба их сухопутных операций). Кубань в XVIII в. потеряла, по официальным русским оценкам (вероятно, завышенным), около 50 тыс. пленными. Общие потери мусульманского и христианского¹ населения Черноморского побережья и Приазовья убитыми и пленными составляли, вероятно, не менее 150 тыс. в XVI–XVIII вв. Эти величины значительно меньше, чем потери, наносимые татарскими набегами, однако от того не менее заслуживающие изучения. Вышеприведенные расчеты позволяют не согласиться с мнением Я. Р. Дашкевича, считавшего верной оценку польского посла в Стамбуле Л. Пясечиньского, утверждавшего, что казацкие набеги наносили в тысячу раз меньший урон, чем татарские [Дашкевич, 1993, с. 46].

Причины. Набеговая активность крымских татар имела множество причин.

Политические. С точки зрения крымских элит, разрушительное вторжение было справедливым ответом на задержки в принятии выгодных Гераям решений, таких как выплата дани, внешнеполитический курс и т. д. Чапулы также служили

¹ Казаки поработали и убивали христиан на территории Крыма и Турции так же, как и мусульман.

действенным инструментом сдерживания русской и украинской колонизации Дикого Поля. Крымские ханы рассматривали полосу степей между Крымом и своими северными соседями как буферную зону. Отсутствие на ней неподконтрольного Бахчисараю населения служило залогом того, что неприятельские армии не смогут преодолеть логистические трудности, связанные с продолжительным маршем через степь. Таким образом, мнение, что ханство существовало так долго благодаря широкой полосе степных земель, отделявшей его от врагов, следует дополнить. Не только Крымское ханство существовало благодаря Дикому Полю, но и Дикое Поле существовало благодаря Крымскому ханству.

Тем не менее в вопросе о политических мотивах некоторые историки предпочитали сводить все к «турецко-татарской агрессии», возлагая вину за активизацию набеговой деятельности на Османское государство. Так, В. А. Крот и Н. С. Рашба писали, что после того, как Крымское ханство стало зависимым от Стамбула, «настал период систематических опустошительных набегов татар на украинские земли. Они поощрялись турецкими султанами и часто организовывались по их непосредственной указке» [Крот, Рашба, 1983, с. 102]. Одним из упоминаемых этими историками набегов было нападение зимой 1492/93 г. 500 крымцев на Левобережье, когда они дошли до Чернигова и Киева. Однако обращение к источникам показывает, что мотивы данного нападения были иными. В августе 1492 г., отправляя в Крым своего посла К. Заболоцкого, великий князь московский Иван III требовал, чтобы тот побуждал хана Менгли Герая I к нападению на Литву. Ввиду настойчивых требований хан (занятый строительством Ислам-Кермана) отправил 500 всадников к Чернигову. Другой мурза действовал под Киевом [Сборник РИО, 1884, с. 182–183]. На Ивана III эти действия впечатления не произвели. Отправляя грамоту Заболоцкому в июне 1493 г., великий князь вновь требовал от Менгли Герая похода на Литву [Сборник РИО, 1884, с. 187]. Иван был недоволен действиями своего крымского союзника – «пишет мне царь (т. е. хан. – Прим. А. Ш.), что его люди постоянно воюют в Литовской земле, а мы здесь слышали, что мало людей приходили

этой зимой в Литовскую землю и не сделали ничего» [Сборник РИО, 1884, с. 191]. Князь спрашивал, какая, мол, война будет Литовской земле от пяти сотен людей? Таким образом, набег, проведенный для демонстрации верности альянсу с московским союзником, советскими историками представлялся как пример турецко-татарской экспансии против Украины.

Социальные. Для крымцев вторжения на территорию соседних стран являлись позитивным явлением, способствующим консолидации общества, повышению статуса и благосостояния его членов и направлению энергии на врагов. Подобно тому, как в современном обществе кумирами молодежи становятся спортсмены или деятели искусств, в ханское время образцом для подражания были удачливые чапулбаши (руководители рейдов) и другие храбрецы, обретавшие себе славу и почет в обществе опустошительными рейдами на соседние государства. Характерной в связи с этим представляется история именитых братьев Шахина и Мехмеда Гераев, которые проводили набеги на польские земли с целью приобретения популярности среди населения [Смирнов, 1887, с. 476]. Предполагаемое участие в очередном набеге прославившихся во время прошлых рейдов наездников должно было стать для рядовых участников залогом успеха и способствовало проведению действий по привлечению добровольцев [Скальковский, 1846, с. 42]. Мы согласны с мнением Д. И. Хайдарлы, писавшего, что «любое вооруженное действие татаро-ногайской кавалерии на территории любой из соседних стран представлялось в сознании ее участников как акт удалства» [Хайдарлы, 1998, с. 73–74].

Образ идеальных мусульман, проводящих свободное время в набегах на неверных, мы видим в «Тарих-и Сахиб Герай-хан». Автор данного произведения Реммаль-Ходжа приписывает хану Сахибу Гераю I следующие слова, сказанные пленным ногайцам: «Когда есть страны неверных, почему же много мусульман совершают набеги на мусульманские вилайеты?» [Абдужемилев, 2018, с. 190]. Впрочем, и сам этот хан в начале своего правления подвергался критике со стороны беев за излишнее миролюбие: «Со времен наших отцов и дедов в нашей стране

[был] порядок, совершались налеты и набеги [за добычей], и мы непрерывно возносили молитвы за благоденствие могущественного как небо худавендигяра. [Прежние] ханы соблюдали [заповеданные им] законы и древние обычаи, [вследствие чего] все подданные благоденствовали, постоянно совершали походы и набеги на неверных (буквально: «вели священные войны»), а наша страна была переполнена полоном» [Документы, 2008, с. 79].

В глазах крымских мужчин немаловажное место занимал захват чужих женщин. Крымские татары, по словам одной из жен хана Мехмеда Герая I, шли в набеги, чтобы «чужих жен добывать» [Сборник РИО, 1895, с. 364]. Привезенная из далекой страны чужеземная жена было живым свидетельством мужественности и отваги. Рейдовая активность приводила к формированию новых семей и расширению уже существующих (учитывая включение в них невольниц). Набеги воспринимались родственниками воинов как положительное явление: «Лишь надежда на добычу заставляет их действовать и выступать в поход, они надеются на малейшую новость о каком-либо набеге, заранее радуясь благам, которые он им принесет. В этом случае они совершают домашнюю молитву, прося у бога побольше молодых рабов, юношей и девушек для продажи, одним словом, всяческой добычи. После каждого отрывка молитвы их жены, дети, отцы или матери, братья или сестры, которые остаются дома, чтобы смотреть за скотом и т. д., отвечают «Аминь» [Путешествие, 2006, с. 192].

Подытоживая вышесказанное, отметим, что названные причины переплетались в мотивации ханских подданных в единое целое. По замечанию В. Остапчука, «если экспедиция была неудачной с военной точки зрения, вероятно, в мыслях татарских воинов она могла бы быть скомпенсирована захватом достаточного ясыря; наоборот, без достаточного ясыря победа могла казаться неполной» [Остапчук, 2001, с. 411].

Экономические. Массовое поступление рабов способствовало оздоровлению экономики, помогало справиться с последствиями голода, неурожая и т. д. Здоровые и красивые рабы – особенно молодые девушки – высоко ценились на невольничьих рынках, использовали их и в хозяйстве.

Продажа рабов и их выкуп приносили ощутимую материальную выгоду. Трудовая эксплуатация способствовала повышению благосостояния хозяев. Вместе с тем следует отметить, что данных о реальном вкладе доходов от продажи рабов в экономическое развитие в нашем распоряжении немного. Однако следует оговориться, что популярный тезис о работорговле как основе существования крымских татар не имеет под собой научной базы. Это утверждение никогда не сопровождается пояснениями, позволяющими понять, каким образом исследователь пришел к соответствующему выводу. К примеру, Д. И. Прохоров без ссылок на источники пишет, что «наибольший доход за всю историю существования Крымского ханства приносила торговля рабами» [Прохоров, 2001, с. 397]. Аналогично – одной фразой без каких-либо расчетов экономического характера – определяет роль набегов М. Б. Кизилов: «работорговля была краеугольным камнем крымской экономики в Раннее Новое время» [Kizilov, 2007, p. 5–6]. Однако, сопоставляя цены на невольников [Kılınc, 2019] и данные о стоимости продуктов питания в Крымском ханстве (приведенные Ф. Яша за период 1665–1675 гг. [Yaşa, 2019, p. 141–143]), мы не можем согласиться с вышеприведенными мнениями. Для обеспечения продовольствием одной семьи из пяти человек (муж, жена, трое детей) в этот период требовалось в год 8550 акче [Yaşa, 2019, p. 144–145]. Ф. Яша считает, что за эти деньги обычная крымская семья могла позволить себе ежедневно зернобобовые (нут, чечевица и бобы), мясо (баранину и ягнятину) и фрукты (яблоки и груши), а также хлеб (более дорогие продукты, такие как масло и мед, чаще потребляли богатые). Таким образом, если бы основой благосостояния крымских татар была работорговля, то глава обычного семейства должен был приводить ежегодно на продажу 2–3 рабов. Это давало бы 3600–9000 акче его семье. Всего в Крым должно было поставляться на последующую продажу 80–120 тыс. рабов ежегодно в XVII в. (если оценить число семей в 40 тыс.), не считая умерших в дороге и сбежавших (то есть захватывать должны были еще больше). Это в несколько раз выше, чем существующие в историографии оценки числа уводимых невольников. Таким образом,

доход от импорта считанных сотен и тысяч рабов не мог обеспечить даже элементарных потребностей в продовольствии основной массы крымских татар.

В первые годы существования ханства, в период между 1446 и 1460 гг., через Каффу было продано лишь 404 раба. Стоит согласиться с В. П. Гулевичем, считавшим, что «такие цифры не подтверждают главенство работорговли в хозяйстве татар Крымского улуса/ханства в исследуемое время» [Гулевич, 2018, с. 104]. В 1474–1477 гг. таможенные сборы от продажи рабов и лошадей составили 360 тыс. акче, при этом таможенные сборы в 1487 г. в Кефе составили 1 млн. акче [Хорошкевич, 2001, с. 103–104, 210], то есть вклад работорговли в формировании бюджета Кефинского санджака был значительным, но не решающим. В 1520 г. на содержание османских гарнизонов в Крыму и Приазовье (1 тыс. человек) тратилось 1,7 млн. акче [Хорошкевич, 2001, с. 103], а доход султанской казны от продажи невольников в Кефе в том же году составлял 650 тыс. акче [Fisher, 1981, p. 143]. Иными словами, во второй половине XV – начале XVI вв. доход от работорговли не был «бюджетообразующим» для турецкой части полуострова. Что же касается количества продаваемых ясырей, то, по подсчетам Ю. Озтюрка, использовавшего документальные сведения о тамге (пошлине, получаемой с каждого акта купли-продажи) и общих поступлениях от продажи рабов, в 1520 г. в Кефинском санджаке было продано 2695 рабов. Используя данные по XVI в., исследователь полагает, что ежегодно в Кефе продавалось около 750 рабов, а в целом в Крыму и турецких городах Северного Причерноморья – около 3 тыс. [Öztürk, 2017, с. 45–46, 56].

Согласно Э. Д. д'Асколи, на 1634 г. доходы хана от портовых сборов, налогов и продажи соли составляли до 100 тыс. реалов. Еще 55 тыс. он получал в виде дани от Польши и России (хотя д'Асколи считал, что к тому времени поляки не платили ее уже 30 лет), не считая десятины с урожая и прибыли от продажи невольников. Учитывая данные о ценах в Крыму [Описание, 1902, с. 153–154; Рустемов, 2017, с. 194–195], а также подсчеты сравнительной стоимости монетных номиналов в ханстве [Бертье-Делагард, 1914,

с. 158], полагаем возможным вывести следующие расчеты. Если мы примем поступления в ханскую казну в первой трети XVII в. в 130–160 тыс. реалов, то получим 10 млн. 400 тыс. – 12 млн. 800 тыс. крымских акче. Внутрикрымская стоимость раба по кадиаскерским книгам 1608–1613 гг. составляла 1800–3000 акче, таким образом, ежегодный доход хана был эквивалентен стоимости 3–7 тыс. рабов. Согласно популярной в историографии оценке, крымские татары ежегодно захватывали в России и Речи Посполитой около 10 тыс. рабов. Принимая во внимание, что доля хана составляла 10%, получим 1 тыс. рабов; учитывая, что часть невольников гибла в дороге, полагаем, что до Крыма доходило около 0,8 тыс. новых ханских рабов, что соответствует в материальном отношении 1,4–2,4 млн. акче. Однако значительную часть ясырей крымский монарх дарил своим приближенным и гвардии, некоторых отсылали в Стамбул в подарок османским властям, а других вообще не продавали, а оставляли работать в домашнем хозяйстве. Поэтому полагаем, что прибыль крымского хана от работорговли в первой трети XVII в. не превышала 10% от его доходов. Однако эта величина сильно вырастет, если учитывать, что цены пленников, продаваемых за море и отдаваемых на выкуп, существенно превосходили внутрикрымские.

Схожие данные имеются по Кефинскому санджаку. В 1520 г. налоговые поступления от продажи рабов составили в нем 23,5% всех доходов [Fisher, 1981, p. 143], в 1577–1578 гг. – 29% [Inalcik, Quataert, 1994, p. 283–284]: величины, без сомнения, внушительные, но вряд ли способные подтвердить тезис о «набегах как основе существования крымских татар». В то же время, учитывая цены в Крыму, можно прийти к выводу, что для простых крымцев удачный набег был реальной возможностью обогатиться и обеспечить свою семью едой на 1–2 года. Однако следует учитывать, что не все набеги были успешны и в них, как правило, участвовала незначительная часть населения.

Говоря о зависимости экономики ханства от набегов, стоит обратить внимание на то, что постоянными нападения стали не с воцарения Хаджи Герая I на крымском престоле, а лишь с 1470-х гг. В XVIII в. масштаб и эффективность чапулов

снизились по сравнению с предыдущими веками [Грибовский, 2000, с. 209–210], тем не менее нам неизвестны доказательства того, что уровень жизни крымскотатарского населения в этом столетии сколь-нибудь существенно снизился.

Что же касается популярного мнения (существовавшего и в эпоху ханства, и поддерживавшегося самими крымцами), что голод был причиной набегов, то «аргумент голода» в некоторых случаях использовался, напротив, как пояснение, почему крымские татары удерживаются от набегов. Так, в 1575 г. хан Девлет Герай I отказывался выполнять султанский приказ об отправке своих подданных в набег на Речь Посполитую: «царь крымской писал к турецкому царю, что ему итти на литовского не на чем, – что конми опали и голод в Крыме великой. Потому на весне и не пошел в Литву» [Посольская книга, 2016а, с. 204]. Перебежавший к русским в июне 1634 г. сын Муртазы-мурзы Байбулат сообщил, что «татары летом войной на украинные города не собираются потому, что в Крыму третий год хлебный неурожай, большой конский падёж, крымские люди с голода разошлись по иным землям» [Чепухин, 2014, с. 223].

При этом не следует забывать, что степное население проживало в Крыму задолго до начала эпохи набегов. В течение двух столетий, с XIII по XV вв., во время пребывания в составе Золотой Орды, крымчане не знали массовых ежегодных набегов на славянские земли (без учета походов с военно-политическими целями и отдельных чапулов местных удальцов). Более того, с 1530-х гг., с правления Сахиба Герая I, в Крыму активизируются процессы седентаризации (оседания на землю), в то же время интенсивность нападений неуклонно росла. Складывается на первый взгляд парадоксальная ситуация – чем больше в ханстве было кочевого населения, тем меньше было набегов. Чем больше население оседало на землю, тем более частыми становились набеги. К примеру, по подсчетам И. О. Ворончук, на протяжении XV–XVI вв. крупное нападение татар на Волынь происходило раз в три года, в первой половине XVII в. – раз в два года [Ворончук, 2012, с. 415]. Аналогично обстояли дела и в случае с Россией: во второй половине XVI в. набегов на нее обрушилось значительно больше, чем в первой

половине этого же столетия, что было связано в первую очередь с причинами политического характера. Таким образом, утверждение, что интенсивность чапулов была вызвана особенностями скотоводческого хозяйствования, не представляется нам верным. Не стоит забывать, что не все набеги были удачными: по расчетам Е. Охманьского, в 1474–1569 гг. польским и литовским войскам удалось отразить 45% набегов [Ochmański, 1960, с. 366]. Хотя далеко не все набеги были успешны, траты на их проведение приходилось нести всегда.

Проведение набега. Татарские набеги представляли собой детально спланированные, тщательно разработанные акции, многие из которых достойны изучения как образцы военного искусства крымских татар. Заранее учитывались данные разведки, просчитывались вероятные действия противника, принимались в расчет характер местности, населенность той или иной земли и ее экономическое состояние.

Удары наносились преимущественно по наиболее населенным регионам, способным обеспечить войско максимально крупной добычей. Практиковалось попеременное разрушение то одних, то других районов: крымцы оставляли на какое-то время в покое опустошенный край, позволяя жителям вновь заселить его и восстановить хозяйство, а затем повторно приходили туда. Комментируя продуманную стратегию уничтожения Перемышльщины в XVII в., А. Глива отмечал, что «зоны наибольших опустошений постоянно смещались с юго-востока на северо-запад с кульминацией в 1624 году, чтобы во второй половине 1620-х годов повернуться в обратном направлении. Детальный пространственный анализ распределения ущерба показал, что вторжения татарских орд приходились на пояс от Ярослава через Пшемьсль до Самбора, на пространстве с наибольшей плотностью населения, достигающей здесь около 40 человек на квадратный километр и имеющей наибольший экономический потенциал» [Gliwa, 2016, с. 727]. В 1571 г. мурзы советовали Девлету Гераю I идти на Козельск, так как его окрестности уже давно не подвергались разорению [Пенской, Пенская, 2013, с. 196–197]. В 1640-е гг. крымцы совершили ряд нападений на Левобережье, реагируя на

колониционную политику польских магнатов [Tomkiewicz, 1933, с. 38] (при этом ранее набеги на эти малонаселенные земли были редкими, о чем говорит хотя бы отсутствие каких-либо шляхов, идущих через Левобережье). В целом в первой половине XVII в. лишь 4 набега пришлось на малолюдные Запорожье и Левобережье и 66 – на густонаселенную Червонную Русь (Галичину) [Horn, 1962, с. 68].

Набеги детально описывались иностранными наблюдателями. Одним из наиболее подробных и популярных является описание Боплана [Боплан, 2004, с. 227–249]. Соблюдая осторожность и избегая обнаружения противником, татары переходили границу и затем быстро продвигались вглубь вражеской земли. Действия в населенных областях отличались быстротой и слаженностью. «Татарская тактика в таких случаях обычно заключалась в том, чтобы разбиться на небольшие группы и атаковать сразу во многих направлениях. Такой группе можно было оказать сопротивление, но не всегда это оказывалось успешным. Татарские отряды были очень мобильными и тщательно согласовывали свои действия. Им было важно создать иллюзию их небольшой численности, чтобы захваченное врасплох мужское разрозненное население рискнуло оказать сопротивление в отдельных, локальных местах» [Ляпин, Гайтерова, 2018, с. 92]. Практиковалось подавление воли жителей к сопротивлению посредством террора. Так, одолев жителей села Улично Дрогобычского повета, татары демонстративно убили большую их часть [Gliwa, 2017, с. 438]: чтобы зрелище усеянного трупами поля служило грозным предупреждением тем, кто также захочет сражаться с ханской конницей.

Определенная «вездеходность» татарской конницы означала, что она могла напасть почти на любой населенный пункт. Таким образом, «представление о том, что лес был надежным средством предотвращения татарских набегов для сельского поселения, не верное. Конечно, крупный лесной массив вносил свои коррективы в продвижение крупной татарской армии, но не был защитой от мелких татарских отрядов. Скорее всего, никакого точно определяющего фактора, способного предотвратить татарский набег на село или деревню, не существовало. Вопрос был

только в возможностях жителей спастись, возле лесного массива или на небольшом удалении от крепости это было более вероятно, хотя не давало никаких больших гарантий» [Ляпин, Гайтерова, 2018, с. 93].

Быстрота, с которой татары рассеивались по вражеским землям, сама по себе парализовала оборону. Случалось, что неприятельские воины, призываемые из различных мест к определенному пункту сбора для противостояния татарам, не спешили этого делать из-за боязни оставить свои дома без защиты [Вирьский, 2016, с. 16].

Татары не только стремились нанести возможно больший вред атакованному региону, но также и затруднить восстановление края после набега. Стоит обратить внимание на факты массового уничтожения татарами юридических и имущественных документов. Лишение землевладельцев документов, подтверждающих право собственности на землю, было одним из проявлений протестов, поданных против своих панов [Сухих, Страшно, 2011, с. 130–131]. Таким образом, татары намеренно затрудняли возобновление мирной жизни на разоряемых землях, опосредованно провоцируя социальное напряжение между крестьянами и шляхтой. К подобным действиям можно отнести и стремление вызвать конфликт между элитами вражеских стран. Во время знаменитого набега на Польшу в 1575 году «татары использовали уже опробованную в 1574 г. на Ежи Язловецком тактику компрометации в глазах соотечественников главных защитников края – они обходили стороной маестности Мелецкого и Острожского» [Вирьский, 2016, с. 89]. Напротив, в 1680–1690-е гг. особый урон наносился владениям польского короля Яна III и гетмана великого коронного С. Я. Яблоновского – с целью сделать их более сговорчивыми в процессе мирного урегулирования [Wagner, 2002, с. 82].

Охотники и жертвы. В литературе утвердилось представление о том, что в своих набегам татары будто бы неизменно сталкивались с «героическим сопротивлением» славянского населения. На территориях, подвергавшихся набегам, проживали десятки и сотни тысяч человек, и если бы все они каждый раз оборонялись, вероятно, татары просто прекратили бы нападения из-за чрезмерных потерь. В действительности,

как об этом можно судить из источников, подавляющее большинство жителей во время вторжений крымских татар разбежалось или сдавалось в плен. К примеру, в набеге на Подолье в 1574 г. татары настолько не боялись опасности, что нападали на целые села группами всего по 5–7 человек [Orzelski, 1856, с. 50], – показатель того, как невысоко они оценивали эффективность народного сопротивления. Можно согласиться с А. Гливой, подвергавшим сомнению популярный взгляд на «героический характер борьбы» народных масс с татарами как противоречащий материалам источников [Gliwa, 2017, с. 423–424].

Более того, соотношение между убитыми и пленными жителями показывает, что о массовом сопротивлении, как правило, не было и речи. В 1659 г., во время своего набега на Россию, татары захватили 25,5 тыс. ясырей и всего 379 человек убили (1,46% от общего числа потерь) [Новосельский, 1994, с. 70]. Соотношение, впрочем, могло быть иным: так, в Кременецком повете Волынского воеводства в набеге 1618 г. было убито как минимум 213 жителей и 2008 попало в плен [Ворончук, 2012, с. 611–612]. Таким образом, лишь считанные проценты потерь приходились на убитых. Стоит также учесть, что убитые – это не только мужчины, погибшие в бою с нападавшими, но и старики, транспортировка которых была излишней ввиду их слабости и низкой цены при последующей продаже [Сухих, Страшно, 2011, с. 129]. При этом нельзя называть набеги «геноцидом», так как в плен попадали, как правило, вообще все, даже литовские татары-липки. Исключение, впрочем, делалось для евреев, в эпоху Хмельниччины поголовно истребляемых в зоне продвижения крымскотатарских войск [Владимирский-Буданов, 1888, с. 14–15].

Однако не стоит изображать чапулы как трафаретное и шаблонное явление. Взаимоотношения, складывающиеся между нападающей стороной и жертвами агрессии, всякий раз зависели от частных факторов. В большинстве случаев дело сводилось к убийствам и угону в неволю. Однако так было далеко не всегда. Каждый крымский татарин был личностью, со своими взглядами на жизнь и других людей, с собственными симпатиями и антипатиями. Известен случай, когда перед набегом на Снятин в 1617 г. некоторые татары,

имевшие побратимов среди снятинцев, сумели заранее предупредить их о грозившей опасности, благодаря чему большая часть жителей успела спастись [Сас, 2014, с. 62].

Примеры договорных отношений между татарами и населением А. Глива разделил на три вида: соглашения муниципальных властей с татарами (в форме откупа либо помощи); тактическая договоренность (например, просьбы о милосердии); сотрудничество отдельных лиц или групп населения [Gliwa, 2017, с. 441–445].

Крымские татары в своих набегах широко использовали в качестве шпионов, проводников и разведчиков уроженцев тех мест, через которые двигались их войска. Потому можно было избежать рабства, оказывая активное содействие татарами. Некоторые крестьяне покупали себе свободу тем, что выдавали противнику места, где прятались их односельчане [Паньків, 2012, с. 99]. В некоторых случаях это была помощь поневоле: будучи словленным, крестьянин был вынужден показывать, куда ушли остальные [Sarnicki, 2015, с. 436]. Один из наиболее трагических примеров вынужденной помощи невольников имел место во время прорыва крымской конницы через Карпаты в июле 1594 г., во время марша Гази Герая II в Венгрию. По приказу хана перед переходом гор крымские татары перебили захваченных ими по дороге ясырей, жизнь сохранили лишь тем, кто участвовал в работах по расчистке завалов на Торуньском перевале и после был отпущен на волю [Kocowski, 1948, с. 53].

Помощь предоставлялась не только на индивидуальном уровне. Городские власти в некоторых случаях пытались договориться с проходящими неподалеку татарскими отрядами. Во время отступления буджакцев после проведенного ими набега на Червонную Русь зимой 1692 г. власти Снятина и Городенки заключили соглашение с татарами, предоставив им еду и лекарства взамен на гарантии неприкосновенности [Gliwa, 2017, с. 441–442].

Еще один вопрос, связанный с набеговыми практиками, – это продовольственное обеспечение пленников. Вероятно, число ясырей, доведенных до Крыма и Буджака, естественным образом ограничивалось числом скота, захваченного вместе с ними и пускаемого под нож для

прокорма невольников. Л. Горецкий писал о набегах на Речь Посполитую 1575 г.: «угнаны были огромные стада быков, овец и лошадей, тем животным, которые изнемогли на пути, татары подрезывали мышцы на ногах и, сдирая с животных кожу, предоставляли их в пищу пленникам» [Горецкий, 1890, с. 135]. Целые груды костей животных (занемогших коней и угнанного скота), съеденных татарами и невольниками, отмечали их путь. Литовские войска, преследуя татар зимой 1526/27 гг., обнаруживали целые кучи костей, тех лошадей, мясом которых «подкреплялись как сами татары, так и бедный плененный люд» [Вирський, 2016, с. 17]. Бывало так, что ясырям не хватало еды, и тогда до пункта назначения некоторые из них не доходили. Литовский полоняник рассказывал русским посланникам в Крыму о набегах 1615 г.: «как, де, пригнали нас к Днепру, и у татар, де, не стало на полон корму, и оне, деи, нашей братьи у Днепра посекали многих, а нас в Крым пригнали шесть стад» [Документи, 1998, с. 84]. Это свидетельствует о том, что между числом угнанных и дошедших до Крыма существовала некоторая (и, судя по всему, часто немалая) разница. Таким образом, при изучении того или иного набега важно знать о числе забранного скота. Также на соотношение числа выживших и погибших невольников влияли атмосферные условия: зимние набеги сопровождались массовой гибелью ясырей от холода, впрочем, потери в таком случае несли и сами татары, и их кони.

Что делали и как вели себя захваченные люди? М. А. Алекберли считал, что «трудно, даже невозможно представить себе, чтобы толпа татар в 20–25 тысяч человек успела забрать равное себе число, а иногда и больше, а затем угнать по его же родным землям, через города и села, леса и болота, горы и реки. В этом случае «покорность» христианского «ясыря» кажется фантастичной [Алекберли, 1969, с. 109]. Однако А. Глива отмечал, что татары вольно или невольно подвергали своих жертв посттравматическому синдрому – спешка, скорость, усталость и стресс лишали людей воли к сопротивлению. Таким образом, ничего «фантастического» в поведении невольников не было. Ясыри были запуганы и уstraшены и, как правило, безропотно следовали в неволю [Gliwa, 2019, с. 144–152].

Последствия. Веками разоряя соседние страны, крымцы и ногайцы стали настоящим пугалом для своих врагов. В определенной степени это было следствием целенаправленной политики, проводимой крымскими командирами. «Во время набегов татарские войска использовали разные методы и дестабилизационные приемы для влияния на психику атакованного населения, что непосредственно отражалось на результативности проведенных операций. Использование страха как эффективного инструмента влияния на жертв ордынских набегов занимало не только ключевое место в татарском военном искусстве, но также играло важную роль в политическом и религиозном аспектах. Последнее заключалось в том, что страх «неверных» перед законным применением военной мощи властителей-ордынцев был неотъемлемой составляющей в идеологии крымских ханов» [Глива, 2018, с. 62]. Неудивительно, что образ татар в украинском фольклоре связан с опасностью и тревогой. Страх перед ними впечатывался в сознание людей на протяжении целых поколений, что оказывало свое влияние на поведенческие нормы. В украинской народной песне «Злой татарин, адский сын» первые четверостишия заканчиваются словами «утекати треба». Ответ на действия нападающих указан в ней простой: «А мы будем утекати» [Українська, 1992, с. 383]. В другой украинской песне поется:

«А сили нерівні, бо що прості люди
Озброєні вилами, косами. Що?..
Супроти татар, котрі бачили всюди.
За що убивали? Хто знає за що...»

[Паньків, 2013, с. 97].

Возможно, ужас перед страшным врагом, в прямом смысле слова живым олицетворением ночных кошмаров, приводил к тому, что «даже закаленные в боях воины, подобно крестьянам, по ночам переживали чувство страха, вызванного глубоко запечатленным в памяти образом ясного лунного света, сопровождавшего татарские набеги» [Глива, 2018, с. 63].

Любопытно отметить, что тезис о «варварстве» коренного населения Америки, Азии и Африки использовался европейскими завоевателями для оправдания колонизации и эксплуатации. Однако в случае с Крымским ханством имело место парадоксальное отзеркаливание: сами ев-

ропейцы становились объектом порабощения и работорговли, продолжая при этом противопоставлять «цивилизацию» и «варварство» [Gliwa, 2015, с. 117].

Одновременно с этим чапулы формировали положительный имидж крымских татар в глазах остальных мусульман, считавших их героями Дар ас-салам. В Османском государстве ханство воспринималось как северный форпост исламского мира, защищающий его от внешних угроз. Слова Эвлии Челеби могут служить подтверждением того, что слава крымских татар как героев исламского мира была напрямую связана с постоянными нападениями на немусульман: «слава Богу, на народ татарский этого Крымского острова Величайший Творец обратил благосклонный взор. В какую бы сторону они ни обратились, они всегда выходят победителями и приносят в землю неверных беспокорство и суматоху. Все неверные Кяфиристана в страхе и ужасе перед татарами теряют надежду и остаются в безверии. Слава Богу, этот народ татарский – правоверные единобожники, сунниты. Их община подобна полку муджахидов-газиев... С помощью Бога они стали мощной защитой рода Османов, и со всеми неверными они ведут битвы, сражения, войны и смертоубийства» [Эвлия, 2008, с. 25–26]. Акцентируя внимание на отрицательном отношении христианского мира к набегам, не следует забывать, что последователи другой мировой религии – ислама – считали совершенно иначе.

Отметим также экологические последствия татарских нападений. «Косвенные воздействия

татарских шляхов на окружающую среду нашли отражение в практике поджогов степей как оборонительной меры против набегов татар, в формировании каркаса расселения в XVII веке, в разновременности освоения территории и производных от этого различий по степени эродированности почвенного покрова и содержания в нём органического вещества. Прямые воздействия татарских шляхов заключались в развитии негативных почвенных процессов таких, как уплотнение, распыление структуры, развевание, дегумификация непосредственно в зонах их прохождения» [Чендев и др., 2015, с. 148].

Вывод. Чапулы крымских татар привели к многочисленным страданиям населения, подвергнувшегося нападению, и повлияли на укрепление негативного имиджа крымцев в христианской Европе. Но не следует забывать о позитивном эффекте набегов для крымскотатарской истории и лояльное отношение к ним мусульманского мира. Для Крымского ханства набег были эффективным средством сдерживания славянской колонизации, помогали добиться политических выгод, способствовали развитию экономики. Стоит согласиться с В. Остапчуком, писавшим: «Есть надежда, что дни, когда историки могли полностью осуждать и искажать историческое существование крымских татар из-за их деятельности набегов, навсегда ушли и мы можем представить реалии прошлого не со злым умыслом, а просто с целью понять их» [Остапчук, 2001, с. 411].

Глава 16. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЩИНЫ В КРЫМСКОМ ХАНСТВЕ

16.1. Этногенез крымских татар в эпоху Крымского ханства. Субэтносы крымскотатарского народа

Брайн Глин Вильямс, А. А. Шейхумеров*

Крымский полуостров издавна был родиной для многочисленных племен и этнических общностей. Степи, горы и побережье населялись, как правило, представителями разных племен. Крымское ханство занимает ключевое место в этногенезе крымских татар – именно в период существования собственной государственности они стали осознавать себя отдельным народом. В исторической науке преобладает точка зрения, согласно которой предками крымских татар являлись также народы, населявшие Крымский полуостров с домонгольских времен [Айбабин, Герцен, Храпунов, 1993, с. 216–217; Войтович, 2009; Сидоренко, 2003; Герцен, 2005; Зайцев, 2014; Ивангородский, 2014; Ивангородский, 2014–2015]. Это мнение подтверждается исследованиями генетиков и антропологов [Носов, 1929; Балановская и др., 2016; Агджоян, 2018]. Тем не менее в некоторых современных работах все еще встречается мнение о миграции крымцев на полуостров. Так, по мнению Д. А. Прохорова и Н. И. Храпунова, «главным занятием крымских татар с момента их прихода в Крым и до середины XVIII в. являлась война» [Прохоров, Храпунов, 2013, с. 239]. К сожалению, авторы не поясняют, почему в таком случае татары назывались крымскими еще до их «прихода» в Крым.

В эпоху Золотой Орды, в XIII–XV вв., на территории полуострова проживали татары (в массе своей – турки по происхождению), армяне, греки, караимы, крымчаки, аланы, готы, черкесы и евреи [Гулевич, 2018а, с. 117–119]. В последующие три века в ханстве шли процессы ассимиляции как нетатарского (преимущественно

христианского) населения¹, так и невольников², их смешения с крымцами, что оказало огромное влияние на культуру, антропологический облик и генофонд последних.

Параллельно идущие процессы тюркизации и исламизации этнически разнообразного населения Крыма ускорились с установлением тюрко-татарского правления на этой земле. Впервые в истории чувство политического объединения стало превалирующим на разрозненных землях Крымского полуострова в то время, когда турки-мусульмане распространили свою власть над северными равнинами, горами и южным побережьем. Как и в завоёванных османских провинциях, населённых балканскими христианами, такими как сербы и болгары, со стороны властей было оказано незначительное влияние на христианское население Крыма: армян, греков, готов, чтобы обратить их в ислам. В последующие века целые деревни в Крымских горах и османских прибрежных провинциях по ряду причин приняли ислам. В своём обзоре демографии османских владений в Крыму А. Фишер пишет: «Так как не существует указания на тенденцию насильственного обращения (фактически в XVI в. Османы выявили отсутствие необходимости насильственного привлечения в ислам, поскольку мусульмане платили более лёгкие налоги, чем немусульмане), можно предположить, что сочетание экономического и социального факторов сделало обращение в ислам более привлекательным» [Fisher, 1981, с. 141].

¹ О христианах – см. параграф 16.3. «Христианское население Крымского ханства». (И. В. Зайцев, А. А. Шейхумеров).

² Об ассимиляции ясырей см. параграф 12.6. «Рабство и работорговля в Крымском ханстве». (В. Д. Жуков, О. Д. Рустемов, А. А. Шейхумеров)

* Перевод английской части текста выполнен Лейлой Сейтхалиловой.

Османские дефтеры (defters – бюрократические, чиновничьи записи) указывают на увеличение мусульманского населения Крыма в течение XVI в. Согласно Ж. Вайнштейну, процент мусульман в санджаке Кефе увеличился с 20% до 47% с начала правления османского султана Селима I и до его правления наследника Сулеймана (первая половина XVI в.) [Veinstein, 1986]. Увеличение мусульманского населения на южном побережье частично отражает миграцию мусульман из Анатолии в новую провинцию Османской империи (процесс, который действительно начался в эпоху сельджуков), но это также указывает и на рост обращения в ислам местного греческого и армянского населения [Kafesoglu, 1988, с. 73]. Увеличение количества армян, обращённых и записанных как «сыновья Абдуллы» (Абдуллах означает слугу или обращённого в веру Аллаха), было особенно отмечено в этот период [Veinstein, 1996, с. 150].

Этот процесс сравнивался с более ранним обращением в ислам готов в Крымских горах, которые обратились в ислам и стали «татарами», когда татары начали селиться в Крымском нагорье. В своём рассказе о крымских готах А. Васильев пишет: «К концу XIII века многие народы Крыма, включая готов, татаризировались». Историк продолжает констатировать, что ещё в середине XIII в. «готы так татаризировались, что их нельзя было отличить от татар» [Vasiliev, 1936, с. 255]. Ко времени завоевания Османами в 1475 г. цитадели готов на Мангупе многие ранее православные горные готы сменили свою этничность, вступив в этнорелигиозную общину татар. Таким образом, готы влились в ряды нового крымского народа, исповедующего ислам и который формировался в период Крымского ханства.

На Крымском полуострове возник отчётливо крымский вариант «татарской» этнической группы, который во многих отношениях отличался от татарского населения татарских ханств Казани, Астрахани и татарских кочевников степей Украины и Северного Кавказа, известных как ногаи. Так же, как босняки и помаки формировались на Балканах, когда местные славяне в течение четырёх столетий османского правления приняли ислам, новая этничность сформировалась на земле Крыма, когда часть греков, готов, армян

и итальянцев приняла ислам и стала татарами [Murvar, 1989, с. 12].

Не надо, однако, заблуждаться, видя в татарах, сформировавшихся на Крымском полуострове, гомогенную этническую группу. Субэтнические различия в образе жизни, диалекте, внешности и экономической деятельности между татами побережья, гор и татарами равнин сохранялись и в XX в. В интервью Брайна Глина Вильямса с крымскими татарами в Крыму и Узбекистане в 1997 г. несколько крымских татар говорили, что татам с Южного берега часто запрещали жениться или выходить замуж за ногаев вплоть до тотальной депортации народа в 1944 г.

Светлокожие, имеющие европейскую внешность, с экономикой, основанной на горном ступенчато-террасном земледелии и отгонном овцеводстве, горные таты вели образ жизни, который значительно отличался от кочевых пастухов-ногаев, которые кочевали по открытым равнинам северных степных земель Крыма. Ногаи северных крымских равнин и степей Южной Украины могли быть представлены (в отличие от татов-ножан) как другой этнос.

Принявшие ислам жители побережья придерживались многих своих древних греческих и армянских традиций и сельскохозяйственных навыков, постепенно они стали известны горным татам и кочевым ногаем как ялыбою (Yaliboyu – жители побережья), термин, который отличал их от соседних групп татар. Хотя ялыбою-татары действительно оказали влияние на развитие и складывание крымскотатарского народа, они тем не менее сохраняли греческий, итальянский и армянский тип внешности и многое из культуры своих предков-мореплавателей.

Большое значение в этногенезе крымских татар занимал ислам, консолидировавший разнородное крымское население, а также формирование государства Гераев. Стоит согласиться с исследователем, считавшим, что «заметными факторами крымскотатарского этносоциогенеза стали религиозные процессы (усиление роли ислама как государственной идеологии), формирование единого лингвистического пространства – крымскотатарского языка, заметное оседание бывших кочевников и усиление тенденции земледелия в экономическом пространстве государства» [Ивангородский, 2014–2015, с. 120].

Ногаи.

Использование названия «ногаи» для обозначения степного населения Крымского полуострова является достаточно поздним явлением. С точки зрения обитателей юрта, в ранний период его истории ногаи представлялись скорее как враждебная или, по крайней мере, нейтральная сила, обитающая далеко к северу и востоку от Крыма. Как и другие современные названия субэтносов крымских татар, слово «ногаи» было экзоэтнонимом: «...степные татары называют горных «татами», горные степных – «ногаями», сами же себя и те, и другие считают настоящими татарами» [Бонч-Осмоловский, 2005, с. 84]. Точно так же с течением времени ногаями стали называть буджакских татар.

Ногаями, как правило, называли «заперекопских» подданных крымских ханов. Иностранцы отличали ногаев от крымцев. Так, польский участник боевых действий против крымско-казацких войск в 1648 г., наблюдая переправу крымских татар через Днепр, писал, что это была «виднейшая орда, хотя и не панцирная, но и не такая отвратительная, как ногаи» [Nagielski, 1998, с. 106]. В «Книге Большому чертежу» сообщается, что к северу от Крыма «кочуют нагаи», а у крымских татар «во всех деревнях пашни пагут» [Книга, 1950, с. 65–66]. В «Записке о татарах» (1770) Н. И. Панин писал: «Крымские татары народ поселенной, живущий домами и, по удобному положению своего полуострова и плодородию земли, упражняется в домостроительстве, в торговле, скотоводстве и хлебопашестве, в чем находя корысть свою, обык³ безропотно повиноваться всем налогам правительства, за что от прочих ногайских татар презирается» [Бартенев, 1878, с. 453].

Нуждаясь в приращении числа подданных, крымские власти проводили политику заселения полуострова ногайским населением. При этом его старались распределить среди крымчан. Так, в 1571 г. «пришли де из Нагай Тенехматова улусу и нагайских мурз ко царю в Крым на царево имя казаков человек с тысячу, и царь де им не поверил, а велел их роздати за Перекопью по всем улусом крымским и по нагайским» [Посольская книга, 2016, с. 65]. В 1636 г. ногаи из улусов Ур-

маметовых расселялись ханскими властями по Крыму по 5 человек на деревню [Новосельский, 1948, с. 241]. После битвы с ногаями в 1666 г. хан Мехмед Герай IV «привел из Ак-Кермана ногайский народ, и их, вместе с крымскими подданными и пленниками, заставили очистить ров и возобновить крепостные стены, сделав их подобными валу Искендера. Всему крымскому народу он издал указ, чтобы они допустили поселение в Крыму прибывших из Ак-Кермана ногаев. Ногаев записали в так называемые беш-эвли и разместили по деревням на земле Крыма» [Эвлия, 2008, с. 39]. В 1736 г., по сообщанию французского консула в Крыму А. Яворки, ногайцев в Крыму «40 тыс. семей, и они живут в деревнях этого полуострова разделенными и размещенными, с тем чтобы не могли объединиться» [Аваков, Беспятых, 2020, с. 138].

Постоянный наплыв кочевников в крымские степи изменил само их название. По словам священника Иакова, в 1634 г. «Старой-Крым стоит пуст, в степь подався гораздо далеко, в Нагайское кочевье» [Оболенский, 1848, с. 692]. То есть даже окрестности бывшей столицы Крымского улуса уже именовались ногайскими, а ведь лишь немногим более ста лет назад представить такое было бы почти невозможно! Напомним, что в первой половине XVI в. Крым и Ногайская Орда неоднократно вступали в вооруженные конфликты и само слово «ногай» не использовалось для обозначения степных крымских татар (исключением были разве что Мангыты).

Полагаем, что переселение в пределы юрта большого количества ногайского населения стало одним из факторов дальнейшего обособления крымских татар от остальных татар. Другим таким фактором было оседание крымских степняков на землю, в чем, согласно традиции, особенно преуспел хан Сахиб Герай I, что усилило разницу между крымцами и кочевыми ногаями. По замечанию В. В. Трепавлова, «элита ханства четко различала собственно крымских татар и кочевников северных степей. Напомню цитированные выше слова крымского царевича (1633 г.) с угрозой «стоптати» Московское государство силами ста тысяч татар и сорока тысяч ногаев. В ханском титуле Гиреев понятие «татары» появилось только с начала XVII в. и ставилось в один

³ Т. е. привык.

ряд с ногаями и черкесами как равновеликими понятиями, хотя и первым в перечне подданных народов» [Трепавлов, 2019, с. 117]. В крымских хрониках ногаи также упоминались отдельно от крымских татар. К примеру, Абдулгаффар Кырми, описывая сборы армии для похода на Иран в 1735 г., отмечал: «...собрали 80 тысячное войско и кровожадное войско из калмукских «плохих творений», и черкесов и смелых ногайцев, и верных крымских многочисленных воинов» [Кырми, 2018, с. 161].

Впрочем, ранее, в XVI в., осознания «триединства» населения Крымского ханства, по всей видимости, еще не было. Когда хан Девлет Герай I хотел показать царю Ивану IV Грозному, насколько он считает важными переговоры с царем, то указал, что отправил крымца Девлет-Кельды: «...тот де наш холоп ни нагаец, ни черкашенин, уроженец Крымского юрта, чтоб деи межю нас правду делал, а смуты не чинил» [Посольская книга, 2016, с. 185].

Практически не поддерживая контактов с далекими оседлыми поволжскими татарами, и окруженные ногаями, крымские татары по умолчанию именовали татарами в первую очередь самих себя. «Ногайские миграции существенно повлияли на экономику ханства. Заселение причерноморских степей восточными кочевниками привело к формированию резких отличий двух его частей – земледельческо-садоводческой к югу от Перекопа и скотоводческой к северу. Такое разделение сохранялось потом в течение столетий, и еще в XIX в. крымца-садовода и хлебопашца называли татаринном, а заперекопского чабана – ногаем» [Трепавлов, 2019, с. 111].

Бадраки.

Ряд источников сообщает, что, помимо крымских степняков-ногаев, на полуострове во владениях Гераев проживали бадраки. В некоторых случаях так называли всех крымских татар [Зайцев, 2004, с. 164–165]. Происхождение слова «бадрак» неизвестно. Род с таким названием встречается у ряда тюркских народов Поволжья и Средней Азии [Бушаков, 1995–1996, с. 95–96].

Наиболее подробно сравнивал ногаев и бадраков Э. Д. д'Асколи: «Татары двух видов или ветвей: крымские татары местные, старожилы и

татары-ногайцы, пришедшие сюда, около 200 лет тому назад, из Скифии, под предводительством 12-ти мурз и под верховным начальством хана. Крымские татары называются патрак, по имени реки (Бодрак), протекающей в Татарию, оба берега которой покрыты множеством селений, ими обитаемых, откуда они потом расселились по всей Татарию. В настоящее время татары-ногайцы считаются главнейшими, не по численности, а по богатству и знатности рода...

Между этими двумя племенами татар есть разница в обычаях. Крымские татары или татары патраки по наружности походят на прочих людей, белого цвета кожи или пшеничного; они не отличаются и нравами. Ногайцы же как бы оливкового цвета, впадающего в черноватый. Лицо у них короткое, виски большие и широкие, глаза маленькие, круглые и впалые, так что едва заметны» [Описание, 1902, с. 129–130]. По мнению Эвлии Челеби, велики были языковые различия: «Крымские татары-бадраки не могут понять ни единого выражения разных ногайских языков» [Эвлия., 2008, с. 143].

Важно отметить, что современниками бадраки считались мощной силой, существующей параллельно с крымской знатью. Так, описывая марш Шахина Герая на Кефе в 1628 г., польский автор «Реляции о неприязни между Джанибег Гираем и Мухаммед Гираем и Шахин Гираем, перекопскими царями» писал, что на сторону калга-султана перешли «бадраки и ширинские мурзы» («Badraccy i Szremscy Murzowie») [Przyłęcki, 1842, с. 8]. Перечисляя подкрепления, прибывавшие к крымскому войску в Чудновской кампании 1660 г., Эвлия Челеби сообщал, что «подшло колоннами и рядами десять тысяч человек из карачеев и из племени бадрак» [Эвлия, 1961, с. 223]. В другом месте Эвлия-эфенди указывал: «В один из дней все дома юрта, старейшины древних родов – хозяев Крыма, а также казакдаши, имильдеши, аталыки, ширинли и мансурлу, седжевуты и народ бадраков, а также уланы, то есть члены ханской семьи, собравшись вместе, устроили кенгеш, то есть совет» [Эвлия, 2008, с. 39–40]. Обсуждая решение султана свергнуть хана, «карачи, бадраки и ногаи, Ширины и Мансуры взволновались и предлагали тысячи вещей» [Эвлия, 2008, с. 205]. Обратим внимание на ре-

гулярно встречающееся раздельное упоминание карачи и бадраков.

В другом месте своей «Книги путешествия» османский путешественник делил крымских татар на «крымских ногаев и бадраков» [Эвлия, 2008, с. 227]. Иногда между бадраками и крымскими татарами ставили знак равенства. Э. Д. д'Асколи, описывая бои у Перекопа в 1629 г., писал, что Мехмед Герай «сразу увидел, что это не друзья патраки (Patracchi), пришедшие на помощь, а враги ногайцы, хотевшие предать его» [Описание, 1902, с. 112–113]. В конце XVIII в. турецкий автор Мухаммед Неджати эфенди перечислял 12 татарских племен, называя в числе прочих племя «бадарак, которое есть крымские татары» [Записки, 1894, с. 190].

Для того чтобы понять, кем были загадочные крымские бадраки, еще раз обратимся к цитатам из источников. Полагаем, что следует заострить внимание на то, что бадраки упоминаются параллельно с крымской знатью, как часть населения, существующая одновременно с ними, но не подчиненная им. Автор польской реляции не писал о «ширинских мурзах-бардаках» или «бадраках, подчиненных ширинским мурзам». И, что не менее важно, не о «бадракских и ширинских мурзах». То есть он явно считал бадраков некоей отдельной частью крымского населения. В известных нам источниках не упоминаются мурзы или беи бадраков, хотя одновременно с этим упоминаются ширинские и прочие аристократы, то есть бадраки фигурируют как некая обезличенная, хотя и важная сила. Аналогично Эвлия Челеби упоминал бадраков наряду со старинными родами аристократии ханства. А так как географически можно локализовать (хотя бы приблизительно) места расселения племен, составлявших «четыре правящих клана», то место обитания бадраков следует искать вне этих бейликов. Ширинцы занимали Восточный Крым, Мангыты – степи северо-западной части полуострова. Седжеуты, Аргыны и Барыны располагались между владениями Ширинов и ханским доменом. Однако юго-западная часть ханского Крыма не находилась во власти какого-либо бейлика (исключение составлял небольшой бейлик Яшлавов), и эта часть полуострова являлась резервом земель для раздачи служилой аристократии. Одновременно имен-

но на юго-западе, в предгорьях и горах, сохранялось население, проживавшее на полуострове в дозолотоордынское время. Это население представляло собой серьезную силу во внутрикрымских потрясениях, поддерживая наряду со степной знатью тех или иных претендентов на трон.

Однако почему термин «бадрак» был перенесен рядом источников на всех крымских татар? Возможно, сыграли свою роль те же обстоятельства, что и в случае с крымскими ногаями. Ведь степные крымские татары не называли себя ногаями, не назывались они так и в ханских документах (в которых ногайским именуется заперекопское, а не крымское население). Однако с точки зрения земледельческого южнокрымского населения и крымские степняки, и ногаи имели схожие культуру, хозяйство и даже внешность. Поэтому, чтобы отличить их от прочего крымского населения, соседи по полуострову перенесли на них имя заперекопских ногаев. В свою очередь, так как крымскотатарское население по ряду причин все же отличалось от иных, некрымских ханских подданных, на него распространяли этноним «бадрак», применяемый первоначально лишь к жителям Юго-Западного Крыма. Само же слово «бадрак», вероятно, первоначально обозначало определенный род и встречается также у ногайцев, башкир, казахов, узбеков, туркмен и т. д.

Так как степные крымцы смешивались с остальным крымским населением, заперекопские ногаи называли бадраками и их. По словам Ф. Домбровского, ногайцы «вообще никогда не питали особенной любви к татарам крымским. Эта нелюбовь продолжает существовать доселе, вызывая с обеих сторон множество насмешек, забавных и, нередко, не лишенных остроумия выходов и анекдотов, несмотря на то, что многие ногайцы, поженившись на татарках, находятся в родстве с крымскими, преимущественно степными, татарами. Крымский татарин обыкновенно, в насмешку, называет ногайца торсук-ногой (торсук значит мех или ушат, в котором держат ногайцы кумысь); а ногайцы, платя за эту насмешку, называют крымцев бадрак («батрак» – работник), понимая это слово в низшем его значении, т. е. такой батрак ленивый и бестолковый, который может работать только из-под палки, и по этому случаю у ногайцев существует следу-

ющая поговорка: «бадрагын барса айтар, барса сёзюн джарты айтар; камчилён бир тартсан, – калган сёзин дага айтар»; т. е. «батрака (татарина) пошлешь сказать (что-либо); он пойдет, (но) скажет вполовину; а когда потянешь его кнутом, тогда (только) скажет он и остальные слова» [Домбровский, 1853, с. 3].

Таким образом, полагаем, что бадраками называли горное и предгорное население юго-западной части Крымского полуострова, затем это название было перенесено на всех крымских татар вообще. Вероятно, впоследствии бадраки слились с татами.

Таты.

В XIX–XX вв. татами называли горный субэтнос крымских татар, но в эпоху Крымского ханства так именовали население Южного (т. е. южнобережного и горного) Крыма, бывшее преимущественно немусульманским. В эпоху Гераев разделения тамошних жителей на собственно горцев-татов и южнобережных ялыбоев в юрте еще не было. По мнению Ф. Хартахая, под татами в ханских ярлыках следует понимать «...армян, греков, грузин и вообще христиан» [Хартахай, 1866, с. 224] (помимо перечисленных народов стоит упомянуть готов).

Местом проживания татов была «страна татов» (Татский иль) – османские владения в Южном Крыму. «Так как область Татского иля находится в кыбловой стороне Крымского острова, на краю мыса, там есть своего рода трудные слова. Это не греческий, не чагатайский и не лазский язык. Это какой-то другой язык. Когда они говорят между собой, человек удивляется», – писал Эвлия Челеби, вероятно, имея в виду крымско-готский язык [Эвлия, 2008, с. 160]. Согласно данным крымского армянского хрониста Хачатура Кафаеци, «...страна татов» становилась жертвой набегов казаков в начале XVII в. [Schütz, 1977, с. 83–84].

Таты были не только мирными землепашцами и виноградарями, но и активно участвовали в функционировании военных машин Османского государства и Крымского ханства, формируя отряды пеших стрелков в армиях ханов и султанов. Уже во времена хана Сахиба Герая I в источниках упоминаются тат тюфенкджи (татские стрелки из ружей) [Абдужемилев, 2019а, с. 163]. Таты сни-

скали репутацию умелых воинов, в пользу чего говорит план азакского санджакбея Мухаммеда о переселении 150 татских семей из Крыма в Азак для несения гарнизонной службы в качестве аркебузирова, получивший в 1576 г. одобрение султана Селима II [Мустакимов, 2017, с. 188]. Эвлия Челеби называл татов «стрелками из ружей»: «Весь народ здесь – греки и лазы, говорящие по-гречески. Всего их до пятнадцати тысяч, татского народа, стрелков из ружей» [Эвлия, 2008, с. 160].

С 1624 г. таты (а также загадочный народ тавгачи) начинают фигурировать в ханской титулатуре наряду с татарами, ногаями и черкесами [Колодзейчик, 2015, с. 95]. Вероятно, это было связано с военной кампанией, в ходе которой хан Мехмед Герай III и его брат Шахин Герай нанесли поражение османским войскам неподалеку от Карасубазара. За этим последовала временная оккупация Татского иля войсками Гераев, а в Кефе вместо султанского «был назначен крымский паша» [Новосельский, 1948, с. 113]. Возможно, это дало повод Мехмеду Гераю III называть татов своими подданными, однако после свержения этого хана и восстановления турецкого сюзеренитета над юртом таты по-прежнему оставались в официальном перечне народов ханства. Даже хан Джанибек Герай I, потерпевший неудачу в борьбе за трон в 1624 г. и ставший (при поддержке турок) ханом вместо Мехмеда Герая III в 1628 г., продолжал именовать себя ханом татар, ногаев, черкесов, татов и тавгачей. Эта традиция сохранялась и впоследствии [Kołodziejczyk, 2011, с. 353–358].

В XVII–XVIII вв. иностранцы неоднократно называли татами южнокрымских христиан. На русской карте Крыма 1685 г. в южной части полуострова изображены «горы, между ими леса и деревни и села тацкие, веры греческого закона» [Кизилов, 2015, с. 192]. В 1704 г. посол украинского гетмана И. Мазепы И. Быховец писал: «Был я в селе Мангушитах, живут христиане, еще от френков (т. е. генуэзцев) зосталые, зовутся таты; ибо прежде в Крыме и Бакчисарае френки мешкали; и ныне их муры и фунтаны стоят» [Окиншевич, 1930, с. 205]. Отметим, что русские дипломаты в Крыму В. Тяпкин и Н. Зотов в 1680 г. писали, что Мангуш населен православными греками [Статейный, 1850, с. 91].

Параллельно в Южном Крыму в эпоху ханства шла постепенная исламизация населения. Однако в представлении степных и предгорных крымских татар южные крымчане все равно называлось татами. Можно согласиться с мнением О. Б. Бубенка, считавшего, что «степные крымские татары и турки-османы в османский период называли “татами” оседлое земледельческое население как Юго-Западного, так и Восточного Крыма, вне зависимости от их происхождения и религии. В данном случае под татами можно также подразумевать просто жителей “Татского иля”» [Бубенок, 2013, с. 8]. В пользу того, что принимавшие ислам таты продолжали называться таковыми, говорят источники. Московский дипломат В. Айтемиров в своем статейном списке в 1692 г. упоминал нападение казаков на находившиеся у Арабата «деревни татцкие, да в полон взяли мужеска и женска полу христиан и бусурман душ с пятьдесят» [Військові, 2009, с. 184].

Первое известное нам упоминание татов как составной части крымскотатарского народа относится к 1785 г.: французский автор А.-Ф. Леклерк писал, что татары крымских степей и внутренней части Крыма отличаются от южнобережных соотечественников. Он считал, что «отличие, которое можно увидеть в их чертах и их характере, указывает на их происхождение». Более того, «остальные татары отделяют их под именем «тоты» (Totes). Последние более образованы и любезны, чем татары внутренней области и степи. Несколько путешественников уверяли меня, что они очень похожи на греков, на языке которых все они говорят» [Лунык, 2016, с. 60]. Применительно к мусульманам Горного Крыма термин «тат» являлся экзотонимом, и лишь «в XX в. исследователи стали отмечать, что татары Южного Крыма в качестве самоназвания начали использовать термин «тат» [Бубенок, 2013, с. 9]. Полагаем, что те таты, что принимали ислам, называли себя мусульманами и татарами. После 1783 г. процесс разделения южан на горных татов и прибрежных ялыбоев обращает на себя внимание современников.

Самосознание и взгляд извне.

Исследователи высказывают различные мнения в вопросе о том, когда начал формироваться крымскотатарский народ. А. Г. Герцен полагает,

что о крымских татарах как отдельной общности можно говорить уже в XVI в. [Герцен, 2005, с. 18–19]. Одним из показателей того, что крымские татары считали себя отдельным народом, является их восприятие иного постзолотоордынского населения. О самосознании простых крымцев трудно судить ввиду характера источников (оставленных преимущественно представителями элит). Однако сами крымские ханы, как мы считаем, определенно отличали своих крымских подданных от прочих татар.

Весьма показательны наличие (этно-) стереотипов в крымском восприятии казанцев. Один из приближенных хана Девлета Герая I Ак Мухаммед-оглан (улан) считал, что «казанские люди своевольны и лихи, правды в них никако нет» [Посольская книга, 2016, с. 79] (хотя Ак Мухаммед и начал карьеру политического деятеля в Казани, однако он сам был, вероятно, крымского происхождения [Зайцев, 2013в, с. 154]). Хан Девлет Герай IV, обращаясь к кубанцам, писал, «что Шагин-Гиреевы прошлогодня в бытность его на Кубани разглашения, слова и дела все были лесьть и что намерение его сделать вас такими, каковы казанские татары... отторгнув вас от блистательной Порты, сделать московскими рабами и подданными» [Дубровин, 1887, с. 195–196]. Таким образом, казанский татарин в крымском восприятии – это поработанный и угнетенный раб московского царя. Казанские татары, хотя и считались единоверцами, однако были довольно не похожими на крымских татар.

Так и казанские татары не считали себя одним народом с крымскими. В послании казанца Рахман-Кола в Крымское ханство в 1635 г. автор просит о помощи, апеллируя к религиозному единству. Обращаясь к крымскому муфтию, Рахман-Кола писал: «детально описав сказанное, [Вы] сможете распорядиться, предложив господину Хану [оказать] великую помощь [в деле] избавления одной группы уммы Мухаммеда от богохульствующих кяфиров» [Исхаков, 2014, с. 51]. Согласно донесению киевского вице-губернатора И. И. Костюрина 8 мая 1755 г., «в Крыму, городе Карасеве, живет Казанской губернии беглой татарин, и некоторым открылся, что он зашел туда ис Казанской губернии не один, но и протчих де уже немалое число для разведывания

в тамошних крымских местах порозжей к поселению земли тамо имеется, об[ъ]являя причину, что якобы почти все их татар в той Казанской губернии перебрали в солдат и силуют де креститца, а в Крыму де жить им поволнее, да и вера де у них такая ж» [Документы, 2014, с. 941]. И так, мотивом для миграции казанских татар в Крым являлись единая религия – Ислам и «вольная жизнь», но не этническое родство, о котором не упоминалось вовсе. Более того, некоторые из переселенцев-мухаджиров вообще называли себя булгарами: «казанские татары в тех местах, где булгары наперед сего жителство имели, поселили[сь] и звание их приняли» [Документы, 2014, с. 940].

Воспоминания турецкого автора Мухаммеда Неджати-эфенди (попавшего в русский плен в 1771 г.), описывающие восприятие крымских татар казанцами, также не выявляют наличия у казанских татар представлений о принадлежности к одному с крымцами народу. Напротив, Крым воспринимался лишь как частью обширного исламского мира (наряду с Турцией или Средней Азией) [Записки, 1894, с. 199].

Можно согласиться с исследователем, считавшим, что «этнополитическое обособление крымских татар в условиях существования особого государства не осталось незамеченным для внешних наблюдателей» [Герцен, 2005, с. 18]. Эвлия Челеби, перечисляя «татарские народы», писал: «Крымский народ называют народом Сулаат. После того, как говорится, что татарская страна – это Сулаат, [там утверждается], что народы стран Хинд и Синд... мусульманский народ липков, народ мадьяр и крымский народ, а всего семьдесят семь разных народов, – все они татары, народ Сулаата» [Эвлия, 2008, с. 24]. Таким образом, Эвлия Челеби выделяет крымских татар (крымский народ – *kavm-i Kirim*) как один из татарских народов. Он также употребляет словосочетание «крымский народ» (*Kirim halk*). Упоминая их отдельно от татар-липков, ногаев, калмыков и т. д., Эвлия Челеби показывал этим, что считал крымцев отдельным народом.

Этногенез по данным генетики и антропологии.

Для реконструкции этногенеза крымскотатарского народа большое значение имеют науч-

ные исследования генофонда и антропологического облика крымских татар. Они показывают связь крымскотатарского народа с древними обитателями региона. Так, «по данным полного секвенирования Y-хромосом гаплогрупп G1, R1b и N3, в генофонде крымских татар обнаружены вероятные следы миграций носителей индо-иранских языков, носителей ямной археологической культуры бронзового века, носителей «восточно-европейского» (N3a3) и «центрально-азиатского» (N3a5) вариантов гаплогруппы N3» [Агджоян, 2018, с. 7]. Субэтноты крымских татар имеют различное генетическое происхождение: «крымские греки, горные и южнобережные крымские татары наиболее близки к грекам островов и Балкан, туркам, итальянцам и болгарам. Генетическая изменчивость популяций Центральноазиатского кластера ещё шире: он включает в себя ногайцев, туркмен, узбеков, каракалпаков, киргизов, казахов и монголов. В этом обширном круге популяций степные крымские татары наиболее близки снова западным группам – ногайцам, туркменам и узбекам» [Агджоян, 2018, с. 57].

По мнению современных генетиков, «генофонд крымских татар выделяется вкладом двух контрастных генетических компонентов: «южного», принесенного в Крым из Восточного Средиземноморья предположительно в античные и средние века, и «восточного», появившегося на полуострове с кочевниками из степной полосы Евразии» [Балановская и др., 2016, с. 81]. По мнению антрополога А. Носова, крымскотатарский народ «является очень смешанной группой», и «тут перемешаны самые разнообразные признаки и даже в разных способах и комбинациях» [Носов, 1929]. Современные исследования показывают, что крымские татары Бахчисарая антропологически близки средневековому населению Крыма (VIII–IX вв.) [Иванов, 1997, с. 362]. Крымские греки Мангуша и крымские татары Бахчисарая обладали схожими антропологическими характеристиками [Иванов, 2020, с. 218]. Европеоидные черты лица были характерны не только для южнобережных или горных крымских татар, но и для степняков Керченского полуострова [Васильев, Боруцкая, 2020, с. 274].

Выводы.

На основе вышеприведенных данных считаем возможным предложить следующую реконструкцию этногенеза крымскотатарского народа в эпоху Крымского ханства. Степное население, представляющее собой прежних кочевников (в первую очередь кыпчаков) и «монголо-татар», первоначально называлось просто «татарами», в то время как «ногаями» назывались «заперекопские» жители. В XVII в. на крымских степняках также переносят название «ногаи» (крымские ногаи). «Дотатарское» население ханских владений в Горном и Предгорном Крыму сохраняло свое обособленное положение и отличало себя от ногаев. Оно было известно под именем бадраков, и с течением времени это название было перенесено ногаями вообще на всех крымских татар. Оседлое население султанских владений в южной части полуострова называлось татами.

Состав крымских татар пополнялся представители других народов посредством как смешанных браков, так и принятия ислама (либо и того и другого одновременно). Важно подчеркнуть, что находившееся под турецкой властью смешанное южнокрымское население не отуречилось, а отатарилось. «Процесс этнической консолидации крымскотатарского народа продолжался вплоть до конца XVIII в., когда в его состав включаются ассимилированные группы населения Южного берега (после 1774 г.)» [Зайцев, 2014а, с. 789]. Общим фундаментом для крымских татар стал Ислам, распространение которого среди населения

содействовало развитию этноконфессионального самосознания.

Полагаем, что ввиду ряда факторов (в том числе исповедования одной религии и проживания в одном государстве), действующих на протяжении XV–XVI вв., уже с начала XVII в. «татары Крыма» стали «крымскими татарами». Вплоть до середины XVI в. знать Крымского ханства поддерживала тесные контакты со знатью Казанского и Астраханского ханств, в этих государствах у власти находились в основном представители одних и тех же родов, что способствовало сохранению общетатарского самосознания. Однако гибель поволжских татарских государств в 1550-е гг. привела к уменьшению контактов между крымскими и поволжскими татарами и обособлению крымскотатарского народа.

Как отмечал Д. Колодзейчик, «национальная идентичность крымских татар, развивавшаяся в XIX веке в Российской империи, восходила к традициям ханства Гераев, основанного за четыре века до того. Существование крымскотатарского народа сегодня, несмотря на изгнания XIX века и депортации XX века, является лучшим доказательством долговечности этого государственного проекта» [Kołodziejczyk, 2011, с. 63].

Окончательное складывание трех современных субэтносов крымских татар – ногаев, татов и ялыбоев – имело место уже в XIX–XX вв. Процесс разрыва старых географических идентичностей среди крымских татар ещё не был завершён, когда они были оторваны от своей родины в 1944 г., но основа крымскотатарской идентичности была заложена в XVI в.

16.2. Иудейское население Крымского ханства

Д. А. Прохоров

Основную часть населения Крымского ханства в эпоху средневековья и Новое время составляли *райи* (*райя*) – крестьяне и горожане, которые имели низкий социальный статус и подлежали высокому налогообложению, а также *зимми*¹ (к

¹ Термин «зимми», подразумевавший исключительно немусульманских резидентов преимущественно исламских государств, следует отличать от понятия «райя» – низших классов общества (которые, хотя и состояли в основном из немусульман, однако включали в себя и низшие сословия мусульман).

этой категории относились греки, армяне, караимы и евреи-раввинисты, или крымчаки). Появление на Крымском полуострове раввинистической общины относится ко второй половине XIII в., и формируется она из эмигрантов, прибывших из Европы, Византии и, мусульманского Востока. Самоназвание евреев-раввинистов Крыма средневекового периода – *иехуди*; в более позднее время, а именно в конце XIX – начале XX вв. – *кьрымчах* (крымчаки). За столетия существо-

вания Крымского ханства крымские евреи подверглись значительной тюркизации и переняли язык, многие обычаи и нравы крымских татар. Верующие крымчаки – иудеи, однако их литургия отличалась и от сефардского, и от ашкеназского ритуалов. Смешение в Крыму выходцев из разных общин привело к возникновению особой формы обряда, включающего элементы, характерные для различных толков. В начале XVI в. была создана собственно крымская литургия, т. н. «Ритуал Кафы» (разработанная рабби Моше га-Голе, который был взят в плен татарами и привезен в Крым в 1506 г.). Это позволило объединить представителей разноэтничных иудейских общин полуострова на основе старожильческой тюркоязычной иудейской общины [Шапира, 2010, с. 24]. Языком общения внутри общины стал крымчакский этнолект крымскотатарского языка, а языком богослужения, деловой переписки, научных и теософских трудов вплоть до начала XX в. оставался библейский иврит. Свои религиозные службы крымчаки проводили в молитвенных домах – *кьаалах*.

Судя по дошедшим до нас письменным источникам, первые свидетельства о пребывании караимов на Крымском полуострове датированы серединой XIII в. [Описание, 1902, с. 118; Кругосветное странствие, 2004, с. 266, 267; Шапира, 2010, с. 19–21; Ankorı, 1959, р. 61–64]. Данные о присутствии в Каффе еврейского населения фиксируются в документах последней четверти XIII в. В конце XV – начале XVI вв. кварталы уже османской Кафы/Кефе, где проживали евреи-раввинисты и караимы, упоминались в *дефтерах* – особых тетрадах записей дел как религиозного, так и светского характера кефинского *тудуна* (особого чиновника ханской администрации, заместника хана, выполнявшего надзорные и организационные функции). В Кафе пребывание *тудуна* регламентировалось заключенным между ханом и генуэзцами договором, при этом хан контролировал сбор таможенной пошлины, являвшейся официальной выплатой за полученные генуэзцами территории. Кварталы, в которых жили представители еврейской и караимской общин, именовались, как правило, по имени сотника или же *папаса* (духовного руководителя той или иной общины). Например, в указанный период в городе существовали кварталы

сотника Исаака и папаса Авраама, причем караимский *джемаат* (община) в этот период (1542 г.) являлся главенствующей иудейской общиной в Кафе [Кизилов, 2003, с. 126]. К началу XVII в., по свидетельству многих путешественников (например, Ж. Бордые), эти кварталы приобретают все более замкнутый территориальный характер в связи с политикой, приводившейся османской администрацией в отношении немусульман, что позволяет сделать вывод о том, что кефинские караимы на протяжении почти 200 лет проживали в строго определенном районе города, лишь изредка оседая за его пределами [Balard, Veinstein, 1980, р. 102].

Помимо такого крупного торгового и ремесленного центра Юго-Восточного Крыма, как Кафа, присутствие караимских общин зафиксировано в Солхате (после 1475 г. – Эски-Къырым), Кырк-Оре (Кырк-Йере/Кирк-Ере/Чуфут-Кале; появление там общины происходит между 1342 и 1357 гг.), Карасубазаре, Мангупе (со второй половины XV в.), Гёзлёве (конец XVII – начало XVIII вв.), а также в некоторых менее крупных населенных пунктах полуострова [Кёппен, 1837, с. 289, 290; Кизилов, 2002, с. 113–122; Кизилов, 2003, с. 127]. Необходимо заметить, что в Чуфут-Кале проживало некоторое число крымчаков: по утверждению М. Б. Кизилова, несколько семейств с типичными крымчакскими фамилиями обитали на Чуфут-Кале в конце XVIII – начале XIX вв. [Кизилов, 2009, с. 9–10]. Присутствие крымчаков на Мангупе зафиксировано и архивными документами. Так, например, в фискальных ведомостях по Бахчисараю за 1801–1809 гг. фигурирует несколько фамилий, указывающих на то, что их обладатели являлись крымчаками – выходцами из Мангупа [ГАРК. Ф. 489. Оп. 1. Д. 168. Л. 9 об.].

В различных источниках XV–XVIII вв. встречается несколько форм экзоэтнонимов караимов. Известно, что в официальных документах Крымского ханства всех представителей иудейских общин именовали *иехуди*, или *яхуди* (*ягуди*, *яхудилер*). При этом подчеркнем, что под термином «иудеи» могли подразумеваться как собственно караимы, так и евреи-раввинисты, поскольку различия между ними в Крымском ханстве не делали. Помимо этого, большинство источников XIII–XVIII вв. также не отличало караимов

от приверженцев талмудического иудаизма, что в определенной степени создает для исследователя проблему терминологического характера. Прежде всего это относится и к документам ханской администрации, а также непосредственно к ханским ярлыкам, в текстах которых ряд исследователей (В. В. Григорьев, В. Д. Смирнов, С. М. Шапшал и др.) упоминание об иудеях однозначно трактовали в пользу караимов.

О правовом положении караимской общины можно судить прежде всего по официальным документам ханской администрации – ярлыкам, выдававшимся ханами представителям караимской общины Чуфут-Кале, наиболее значительной среди других общин полуострова. Отом, что многие крымские правители лояльно относились к караимам, красноречиво демонстрирует ярлык, выданный ханом Селямет Гераем I населению Чуфут-Кале в сентябре 1608 г. Этим документом подтверждались льготы караимов, ранее полученные от прежних ханов. Члены караимской общины освобождались от некоторых налогов, пошлин и повинностей, им гарантировалась защита от внешнего вмешательства. Подтверждение права караимов Чуфут-Кале на выгон скота в границах, установленных прежними ханами, выдал в 1610 г. хан Джанибек Герай I (в связи с конфликтом, возникшем относительно территорий, занятых членами греческой общины под посевами), в 1635 г. – хан Инайет Герай; в 1642 г. – хан Мухаммед Герай IV и др. По заключению В. Д. Смирнова, «караимы в Крыму не просто только были терпимы татарско-ханским правительством, но состояли как бы под особым его покровительством, гарантировавшим их от произвола и насилий татарских беков, которые, как известно, не особенно были лояльны в своем обращении с прочими непривилегированными жителями Крымского ханства» [Смирнов, 1890, с. XVII, XVIII].

В период существования Крымского ханства близкое соседство с крымскими татарами не могло не оказать воздействия на быт и повседневную жизнь караимов, которые вскоре переняли их язык в качестве разговорного (в обиходе пользовались караимским этнолектом крымскотатарского языка), однако сохранив при этом иврит, или «лашон а-кодеш» («святой язык»), в качестве языка, на котором велось богослужение, осуществлялась деловая переписка, составлялись

научные, теософские труды и поэтические произведения, а также надгробные эпитафии.

Средневековый период существования крымских караимских общин характеризуется развитием у них торговли и ремесел. Уже в начале XVI в. представители караимского населения Крыма занимают ряд ответственных постов в ханской администрации, распоряжаются финансами, чеканят монету, направляются в Россию в качестве послов и т. п. Наиболее распространенным среди караимов являлось крупное и мелкое скотоводство, а также отрасли, с ним связанные – ремесло (особенно кожевенное) и торговля. Многие путешественники сообщали о караимах как о торговцах и искусных ремесленниках (среди них можно было встретить ювелиров, оружейников, каменщиков). О том, что в хозяйстве у караимов превалировало кожевенное ремесло, обработка телячьих и козьих шкур, свидетельствовали путешественники, в разное время побывавшие на полуострове, – турецкий автор Э. Челеби, французский глава миссии доминиканских монахов в Кафе Э. Дортелли д'Асколи, Ш.-Ж. Ромм, Ш. де Пейссонель [Эвлия, 2008, с. 79, 80; Описание, 1902, с. 121; Петрова, Прохорова, 2009, с. 93, 119]. Наиболее распространенными в караимских общинах являлись винодельческий промысел, а также пчеловодство и добыча соли, приносявшие значительный доход. В ярлыках крымских ханов содержатся сведения, которые дают основание утверждать, что уже в средневековье среди караимов насчитывалось немало садоводов [Лехно, 1848, с. 80].

Проживали караимы преимущественно в городах, а небольшая их часть селилась в сельской местности. Кварталы, где располагались караимские дома, отличались высокой плотностью застройки. Жилые здания караимов возводились наподобие домов крымских татар. Многие из них были обнесены глухими стенами; значительная часть зданий являлись двухэтажными. Уже в XIX в. караимы переняли европейские строительные и архитектурные традиции, что придавало их постройкам ярко выраженный эклектизм, и это особенно отразилось на стиле зданий молитвенных домов караимов – синагог, или *кенас* [Прохоров, 2015, с. 237–278].

Важные сведения о правовом статусе караимов

относятся к такой сфере социально-экономических отношений, как землевладение в Крымском ханстве. В некоторых выписках из сохранившихся кадиаскерских *сакков* (книг судебных решений, *худжетов*) XVII в. имеются данные о том, что представители караимских общин нередко выступали в качестве истцов в судебных тяжбах, касающихся спорных земельных участков, расположенных в долинах рек Альмы, Качи, Салгира, в окрестностях Бахчисарая, Ак-Мечети. Так, например, в дефтерах кадиаскера Мустафы, датированных 1608–1613 гг., сообщалось о том, что в 1612 г. караимы Чуфут-Кале обратились в суд с иском к жителям дер. Майрум по вопросу о неправильном, по их мнению, размежевании спорного участка пастбищной земли (решение по данному судебному разбирательству, кстати, приняли в пользу крымскотатарской общины, сумевшей доказать правомочность своих претензий). С XVIII в. в категорию райи включались немусульманские подданные, независимо от своего социального статуса. Райя должна была платить особый подушный налог – *харадж*, или *джезие* (*джизью*). По свидетельству караимского хрониста XVIII в. рабби Азарьи бен-Ильягу, евреи, караимы и христиане ежегодно платили подушной подати соответственно по 88 акче в год с каждого; для новых переселенцев подать устанавливалась в 48 акче ежегодно. Крымский хан Сахиб Герай I просил турецкого султана разрешения установить для торговцев-немусульман следующий размер подати: с каждого продаваемого горшка масла – по 1 акче; с каждого дома – по 2 акче и за каждый ярлык – по 4 акче [Смирнов, 2005а, с. 313]. Кроме того, с представителей немусульманского населения взималась т. н. «брачная подать» (ее выплачивали лица, вступавшие в брак). Существовал также и налог на «резничество скота», на продажу вина, льна, фруктов, кож и пр.

В 1777 г., с приходом к власти хана Шагин Герая, денежный оброк, налагавшийся на все население ханства, «не выключая никаких народов», был повышен и заключался в выплате по 340 акче с каждого поля, которое можно обработать за один день, по два пара за каждую овцу и по шесть пара – за единицу рогатого скота (этот налог платили не только представители немусульманского населения, но и сами крымские

татары). В 70-х гг. XVIII в. ввели и новый «подушный» налог с иудеев и цыган, проживавших на полуострове. Вместо прежних 60 коп. (серебром) они должны были выплачивать каждый: зажиточные – по 7 руб. 20 коп., «середовые» – по 3 руб. 60 коп. и бедные – по 1 руб. 80 коп. ежегодно [Лашков, 1897в, с. 27, 28]. Всего же караимами и крымчаками выплачивалось в ханскую казну до 3 тыс. руб. «хараджа» ежегодно (цыгане платили до 1 тыс. руб. в год) [Лашков, 1897б, с. 37, 40].

Как замечал немецкий историк XVIII в. И. Э. Тунманн, крымские татары «не преследуют никого за его религию. <...> Христианам и иудеям они предоставляют много религиозной свободы» [Тунманн, 1991, с. 28]. Однако, помимо свидетельств о внешне вполне благополучных взаимоотношениях между ханской администрацией и караимами Крыма, в источниках встречаются сведения о проявлениях нетерпимости и притеснениях представителей иудейских общин полуострова.

По словам русского посла в Крыму С. И. Тарбеева, хан Джанибек Герай в 1628 г. «збирал полон у мурз, и у татар и у жидов, давал турецким людям» [Савелов, 1906, с. 11, 74]. В хронике «Девар Сефасаим» («Устное повествование») Давида бен Элиезера Лехно (?–1735), возглавлявшего в XVIII в. карасубазарскую общину евреев-раввинистов, описаны события, имевшие место в Крыму в период с 1681 г. по 1731 г. В хронике сообщалось, что крымский хан Селим Герай I в январе 1697 г. распорядился разрушить пристройки к зданиям синагоги, принадлежавшей крымчакам, и христианской церкви в Карасубазаре, возведенные ранее местными жителями (что противоречило одному из постановлений сподвижника пророка Мухаммада, праведного халифа Омара ибн-Хаттаба I, согласно которому к молитвенным домам «неверных» нельзя пристраивать дополнительные здания) [Лехно, 1848, с. 696; Гаркави, 1881, с. 342, 343]. Подобным же образом поступил хан Селим Герай I и в отношении здания храма, выстроенного в Бахчисарае монахами-иезуитами, прибывшими в Крым в начале XVIII в.: он «пришел в неистовство, когда увидел над церковью иезуитов нечто вроде колокольни, колокол и окна, выкрашенные зеленою краскою» [Маркевич, 1910, с. 49; Мурзакевич, 1858, с. 467]. Хан

приказал разрушить здание этой церкви, а также здания греческой и армянской церквей; «много богатых армян и греков были заключены в оковы и получили свободу только за большой выкуп». Из донесения резидента в Крыму А. Никифорова становится известно, что хан Крым Герай, правивший в 1768–1769 гг., осуществлял «насильно через разные приметки от греков, армян и жидов вымогательствы денег немалых сумм <...> по всяк день в работу от греков, армян и жидов употреблял по двести, по семьдесят и по триста человек, а заработочих денег ни единой аспры не давал» [Донесение Никифорова, 1844, с. 377].

Отношения между различными этническими и конфессиональными группами в Крыму обострились во второй половине XVIII в. С началом экспансии России в этом регионе, приходом к власти последнего крымского хана Шагин Герая, а также после выселения из Крыма в 1778 г. христианского населения, осуществленного А. В. Суворовым по указанию Екатерины II, представители иудейских общин полуострова оказались в весьма непростом положении, что нашло отражение в хронике караимского автора рабби Азарьи бен-Ильягу. В частности, он сообщал, что караимы испытывали серьезные притеснения как со стороны хана Шагин Герая, так и от его предшественника Девлет Герая III [Akhiezer, 2003, p. 729–757; Ахиезер, 2015, с. 132, 133].

Например, рабби Азарьи бен-Ильягу сообщал, что армяне и греки-арнауты, находившиеся в войске Шагин Герая, сообщили хану, будто бы караимы хотели выступить против ханского войска с оружием в руках и с военными флагами. В подтверждение своих слов заговорщики указали на белое покрывало (*талит* – ритуальное покрывало для священнослужителя, одно из захваченных в качестве добычи), которое использовали еврей-рабаниты во время проведения обрядов богослужения. Именно обнаруженный талит (края которого были обшиты красным шелком, а сам он – закреплен на большой рукояти) якобы и был тем флагом, с которым караимы хотели восстать против хана, поэтому заговорщики просили у Шагин Герая разрешения уничтожить всех представителей караимской общины Чуфут-Кале. Однако крымчакам удалось доказать

принадлежность ритуального покрывала их общине, и «даже сам Хан удостоверился в правдивости свидетельства [евреев] как по словам, вышитым на этом талите, и по подложной обшивке красным шелком» [Ахиезер, 2015, с. 149]. В это же время из Гезлева в Карасубазар вынуждены были уехать члены местной караимской общины, пытавшиеся спастись от угрожающей им опасности. По свидетельству хрониста, в Бахчисарай бежали армяне и православные греки, а крымские татары, жившие в деревнях, спасались в окрестностях Бахчисарая, р. Качи, дер. Альмы или бежали в Экчияк (Экчияк, или Ички-Иль – крымскотатарское название территории Горного Крыма и Южного берега Крыма) [Ахиезер, 2015, с. 151].

«События, случившиеся в Крыму в царствование Шагин-Гирей-хана» рабби Азарьи бен Ильягу дополняют синхронные с ней хроники, составленные другими караимскими авторами. Например, в анонимном сочинении, описывающем перипетии гонений на караимов, выразившихся в ложном обвинении членов караимской общины Чуфут-Кале (впоследствии все же казненных в Бахчисарае), сообщается, что в 1778 г. во время войны «между Московией и крымскими людьми» по приказу Шагин Герая были повешены караимы Эзра Бебеш и Эзра Кискачи [Ахиезер, 2015, с. 191]. Данная версия событий несколько отличается от представленных в хронике Азарьи бен Ильягу, но, судя по ее содержанию, написана она также членом караимской общины Чуфут-Кале. Что касается хроники рабби Гилеля бен Ицхака Кирими (1778 г.), еще одного представителя чуфут-кальской общины, этот документ является письмом автора брату Сар-Шалому и матери в общину Кафы. В документе сообщаются некоторые подробности бегства караимов Гезлева и Чуфут-Кале в дер. Узен-Баш в ожидании прихода русских войск, нападения албанцев, ограбления и убийства 30 караимов и пленения восьми [Ахиезер, 2015, с. 115, 116, 195]. При этом, по заключению Г. Ахиезера, большинство членов крымской караимской общины подчинялись призывам своих лидеров занимать пассивную позицию в ходе кризисных общественно-политических событий в Крымском ханстве. Этот тезис подтверждается и ответом одного из представителей караимской диаспоры пытавшимся ворваться в его дом грекам-арнаутам:

«Мы евреи, и подчиняемся тем, кто будет править нами» [Ахиезер, 2015, с. 118].

Таким образом, можно утверждать, что положение караимов в эпоху существования Крымского ханства носило на себе отпечаток той политики, которую проводили его правители. В периоды относительного мира караимы могли пользоваться рядом привилегий, которых были лишены остальные «райи». Отдельные представители караимских общин даже занимали при дворах крымских ханов высокие должности. Однако в особенно кризисные моменты (во время восстаний, бунтов или в момент ведения военных действий на территории Крымского полуострова) караимские и еврейские общины подвергались притеснениям и жестоким гонениям.

16.3. Христианское население Крымского ханства

Многочисленное христианское население Крымского полуострова и «заперекопских» владений Гераев сыграло большую роль в истории юрта. За более чем три столетия христианские общины пережили бурные трансформации. Подобно многим другим аспектам истории Крымского ханства, история христиан подвергалась ряду серьезных искажений. Например, некоторые современные авторы пишут о том, что крымские татары совершали набеги на крымских же христиан. «Физическое уничтожение местного населения на начальном этапе набегов, продажа детей-христиан в рабство, смешанные браки, правовые отношения шариата, ненависть и неприязнь к гяурам и иноверцам, пронизывающие содержание Корана, доминирующий язык, религиозные и экономические притеснения греческого православного населения» – так В. Г. Тур описывал положение христиан в Крымском ханстве [Тур, 2006]. Впрочем, есть и противоположная точка зрения: «Плачевное состояние христиан в Крыму, под гнетом татар, вообще преувеличено в рассказах духовенства, которое старалось возбудить сострадание путешественников и ревнителей христианства. Таким образом, рассказывали, что окаянные резали языки христианам,

С присоединением Крыма к России в 1783 г. караимы смогли добиться от российской администрации ряда экономических и правовых привилегий – в отличие от евреев-раввинистов, испытывавших на себе все тяготы принятого в начале XIX в. российским правительством антиеврейского внутривосточного курса (введение двойного налогообложения, «черты оседлости» и т. п.). В конечном итоге это привело не только к усилению социальных противоречий между еврейской и караимской общинами, но и, в конечном итоге, к формированию новой лингвистическо-этническо-тюркской идентичности караимов, не ориентированной на их религиозную принадлежность.

И. В. Зайцев, А. А. Шейхумеров

говорившим на своем наречии, жгли их храмы и книги церковные, для того чтобы уничтожить их религию. В действительности ничего подобного не было» [Хартахай, 1866, с. 151]. Другим распространенным заблуждением является мнение о том, что экономика ханства держалась не то на работоторговле, не то на христианах. Так, Л. Л. Кузьмина пишет, что «земледелие в Крыму было сферой деятельности преимущественно христиан, чьи традиции и знания в этой области были глубоки» [Кузьмина, 2016]. Между тем, согласно подсчетам Р. Т. Дейникова, в последние годы существования ханства христиане давали всего 12% производства зерновых в Крыму [Дейников, 2014, с. 162–163], а основным производителем земледельческой продукции являлась наиболее многочисленная часть населения – крымские татары.

Жизнь и имущественное положение крымских христиан зависели от тех же шариатских установлений, которыми была определена вообще жизнь немусульман в средневековых исламских землях. Поначалу проживавшие в *Дар уль-ислам* немусульмане должны были либо покинуть страну, либо заключить с властью договор – *зиммет*. Заключившие договор становились *зимми*: обязывались платить подушный налог *джизью*

(взамен несения военной службы, впрочем, в ханстве в некоторых случаях зимми призывались в войско) и подчинялись в целом исламскому праву [Гиргас, 1865, с. 9, 17]. Государство в ответ брало под защиту их имущество и жизнь и позволяло жить в соответствии с их верой, предоставляя внутреннюю правовую автономию. Пределы этой автономии постоянно колебались, в целом неуклонно двигаясь в сторону сокращения. Иногда христиан призывали в войско. Так, в 1661 г., ввиду угрозы калмыцкого нападения, хан Мехмед Герай IV приказал «переписать во всех крымских городах гречан, тарханов, армян и «жидов» и велел им всем иметь пищажи» [Новосельский, 1994, с. 96]. При сборе всеобщего ополчения (созываемого на случай вражеского вторжения) должны были призываться как крымские татары, так и христиане. В 1657 г., когда возникла угроза нападения казаков, калга-султан Гази Герай приказал наместнику Бахчисарая Муртазе-аге собрать крымских татар, армян и караимов и отправить их к Перекопу. Для этой цели Муртаза-ага отправил капыджи (дворцовую стражу) по селам для проведения мобилизационных мероприятий [Санин, 1987, с. 226].

В политическом отношении христиане Крыма в зависимости от места жительства подчинялись разным управленческим структурам двух государств: жители Степного и Предгорного Крыма были подданными ханов, жители Южного берега (*эялета* Кефе) входили в юрисдикцию османских падишахов. Граница между этими землями была весьма прозрачной. Совершенно очевидно, что между османской землей и владениями крымских ханов постоянно осуществлялся обмен населением, и существенную долю в этом обмене составляли христиане. Например, согласно налоговой переписи немусульман ливы Кефе за 1044/1634–35 гг., в которой дана детальная картина перемещений крымских немусульман – османских подданных на полуострове и их выходе в границы Крымского ханства, село Качи-Калиан под Бахчисараем имело 10 иноверческих дворов, из которых 9 принадлежали переселившимся из Мангупского кадылыка ливы Кефе. Эти переселенцы ранее жили в селе Йени-Сала, ханском селе Керменчик, селах Черкез-Кермен, Папа Никола и Отар [Ефимов, 2013б, с. 141].

В Крымском ханстве доходы с отдельных христианских селений были расписаны вполне определенным лицам из ханского окружения. Так, со слов Клода-Шарля Пейссоннеля нам известно, что подушная подать, собиравшаяся с бахчисарайских христиан, а также с пяти христианских деревень (и иудеев «Замка», т. е. Чуфут-Кале), составляла доход Улу-Хани (т. е. старшей сестры или старшей дочери хана) [Peyssonnel, 1787б, р. 259; Кёппен, 1837, с. 74]. Порядок этот был установлен, видимо, в эпоху создания ханства.

Действительный объем прав крымских христиан определялся документами османских падишахов и крымских ханов. Исследователи давно заметили, что значение христианской церкви в рамках османской феодальной структуры «стояло прежде всего в ее административных функциях. Управление церковью османская администрация рассматривала как часть тимарного деления территорий Османской империи» [Весела, 1990, с. 124]. Так, книги епископов носили то же название, что и дефтеры, в которых регистрировали тимарные владения, а высшее православное духовенство считалось «владельцем налогов», как бы получившим их в откуп (*ильтизам*). Однако в турецком Крыму тимарное землевладение отсутствовало. Отличалось ли положение церкви в административной структуре на землях, управляемых в рамках тимарной системы, от положения церкви, находившейся на территории, управляемой иначе, например, по системе *хассов* или *сальяне*? Этот вопрос давно задавали себе многие османисты.

Упомянутые шариатские нормы служили основанием существования христиан и в османских казах Южного берега и в областях Крымского ханства – законом, на основании которого был определен их юридический статус. Эти нормы воплощались в государственных постановлениях – указах османского падишаха крымскому митрополиту. В Крыму, как писал некогда Ф. Хартахай, в лице митрополита были сосредоточены гражданская и духовная власти: «Как в Византии патриарх есть полноправный властелин христиан, так точно и митрополит в Крыму, с той разницей, что митрополит крымский состоит под контролем патриарха» [Хартахай, 2003, с. 35]. Именно поэтому основанием для выда-

чи такого указа верховной власти митрополиту было обычно ходатайство константинопольского патриарха (речь здесь идет о православных и прежде всего греках. На полуострове проживали и весьма многочисленные армянские общины, не имевшие отношения к константинопольскому патриарху).

В нашем распоряжении есть несколько указов османских падишахов, касающихся положения общины крымских христиан.

1. Фирман султана Мухаммеда IV кадиям Тат-Эли, Карасу, Балаклавы и Гёзлеве по жалобе митрополита Давида. Дата выдачи – 26 зулькаада 1062 г. х. (29 октября 1652 г.). Текст сохранился в копии кадиаскерского *сакка* 1061–1063 г. х. кадиаскера Муртазы б. Музаффара [Фирман, 1889, с. 81].

2. Указ Ахмеда III, датированный 7 Раби II 1119 г. х. (7 июля 1707 г.), выданный кадиям Кефе, Бахчисарая, Керчи, Согдака, Гёзлеве, Тамани и Мангупа по прошению (арзухал) константинопольского патриарха Гавриила III (занимал престол с 29 августа 1702 г. по 25 октября 1707 г.). Текст был извлечен В. Д. Смирновым из кадиаскерских книг Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге и опубликован в 1903 г. [Смирнов, 1903, с. 204–206].

3. Фирман султана Мустафы II митрополиту Гедону, датированный 11 сефера 1171 г. х. (24 октября 1757 г.) [Негри, 1848]. Выдан по прошению константинопольского патриарха Се-рафима (занимал престол с 22 июля 1757 г. по 26 марта 1761 г.).

Указы кадиям касались судьбы всех крымских христиан, как живущих на османской территории (Кефе, Керчь, Судак, Мангуп), так и Крымского ханства (Бахчисарай, Гёзлеве, Карасу). Фирман Гедону касается только христиан на османской территории (в Кефе, Мангупе, Балаклаве, Судаке и Азове). Это было вызвано тем, что кадии в крымских городах были представителями общеимперской системы судебной власти, вне зависимости от того, были ли эти города османскими или ханскими.

Православные христиане Крыма с точки зрения церковной иерархии подчинялись митрополиту Кафскому и Готскому и представляли собой единую общину, но, как уже указывалось, разде-

ленную между двумя государствами. Объем прав православных христиан на османских землях Крыма и в ханских владениях в целом совпадал, несмотря на разницу в государственном и земельном устройстве этих территорий. Причина крылась в том, что единым был источник права, а все эти христиане входили в одну митрополию.

Казалось бы, что на землях Крымского ханства шариатское право по отношению к христианам должно было находить отражение в ханских актах, которые по старой, еще золотоордынской традиции именовались ярлыками. Однако ярлыков, которые подтверждали бы обычные (неисключительные) права немусульманских общин, мы в Крымском ханстве как будто бы не знаем. В эту эпоху ханство, возможно, и не знало особых указов, адресованных христианам и касающихся их прав.

Юридическая автономия, признаваемая за крымскими христианами (*зимми*) Османским государством и Крымским ханством, была результатом внутреннего правового порядка страны, но никак не следствием обязательств по международным договорам. Первым таким документом стал Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г., по которому Османы обязались соблюдать свободу вероисповедания своих православных подданных перед Россией. В седьмой статье этого документа было сказано: «Блистательная Порты обещает твердую защиту христианскому закону и церквям оног...». Это был перелом в правовом характере отношений христиан и мусульманской власти. Хрупкие, но гарантированные шариатом права христиан в Крыму Российская империя сочла лучшим обеспечить силой международного (европейского) права, мало понятного крымской власти. Именно в этот время в юрте появляются особые ханские документы с гарантиями прав православных христиан, например, указ, выданный 13 ноября 1772 г. (17 шабана 1186 г. х.) по просьбе митрополита Готского и Кафского Игнатия ханом Сахибом Гераем II крымским христианам. 1 (11) ноября 1772 года послом России в Крымском ханстве Е. А. Щербининым и ханом Крыма Сахибом Гераем II был подписан т. н. Карасубазарский трактат – мирный договор между Российской империей и Крымским ханством. Российской стороной этот договор был

ратифицирован в Санкт-Петербурге 29 января 1773 г. Российская сторона первоначально попыталась включить в текст соглашения особую (четвертую) статью о гарантиях христианскому населению: «Закон магометанской всегда господствующею верою татарской области быть имеет, однако же и христианам свободное отправление их веры по городам сей области дозволится». Однако этот пункт из конечного текста был исключен ханскими переговорицами. Крымская сторона не считала нужным включать в договор особую статью о гарантиях христианам, считая это само собой разумеющимся, но вместо того готова была «особое дать на высочайшее Ея Величества имя письменное уверение» (т. е. письмо на имя Екатерины II), «и каждой нации живущим в Крыму христианам грамоты, что всем тем христианам свободное отправление их веры позволяется бесрекословно» (т. е. ярлыки с гарантиями прав). Крымская сторона выполнила эти условия, и оба документа сохранились: 13 ноября 1772 г. был выдан указ, а через несколько дней после этого, 18 ноября, Сахиб Герай II направил Екатерине II письмо, в котором гарантировал крымским христианам безопасность.

Наиболее известными этническими группами являются греки и армяне, однако кроме них на территории ханства проживали итальянцы, славяне, волохи (предки современных румын и молдаван) и грузины.

Армяне являлись верными подданными крымских ханов. В период существования юрта «мы не видим у крымских армян активного противопоставления себя туркам и татарам, не находим у них действенных признаков национального самосознания» [Домбровский, Сидоренко, 1978, с. 65]. Более того, ханский Крым воспринимался армянами как привлекательный для миграции регион. «Массовое переселение армян из Анатолии в Крым и далее в городские центры западной Украины, Польши и Молдавии было вызвано бунтами и голодом, охватившими Анатолию в XVI–XVII вв., а также непрерывными войнами в Закавказье между османами и персами. Автор памятной записи 1602 г., оставленной на полях армянской рукописи, прямо указывал «опустошение джелаллиев в стране персов» как причину массового переселения армян в Крым» [Джанов,

2016, с. 220]. Крымские армянские епископы распространяли свое влияние далеко за пределы полуострова. И. Тунманн писал: «Христианам и иудеям они [т. е. крымские татары] предоставляют много религиозной свободы; армяне и греки имеют в городах и деревнях свои церкви. Есть здесь также два армянских епископа; один имеет местопребывание в монастыре Сурп-ац-вацацин, или св. Девы, в Каффе, и его епархия простирается на восток от Каффы до Кабарды. Второй находится в монастыре Сурп-Хач, или св. Креста, приблизительно в трех географических милях западнее Каффы; его епархия простирается на западную половину Крыма и на остальные владения хана в Европе, до Каушан в Бессарабии» [Тунманн, 1936, с. 28].

Крымские ханы активно использовали своих подданных-армян в военных, дипломатических и разведывательных целях. «Когда должны вторгнуться в [наши] земли, узнают от шпионов, от побратимов цыган, евреев и армян (ибо с ними советуются), что у нас в земле происходит» – так польский военный писатель XVI в. С. Сарницкий описывал приготовления татар к набегам [Sarnicki, 2015, с. 430]. Сарницкий писал об использовании армян в качестве шпионов, как об обычной практике крымского руководства. Судя по всему, это действительно было так. В 1574 г. в Крым отправился русский гонец И. Т. Мясоедов. В числе прочих вопросов, на которые ему следовало давать ответ крымским властям, была казнь в Москве армянина Т. Абакумова, обвиненного русскими в шпионаже [Посольская книга, 2016, с. 176]. Практика использования Гераями армян-разведчиков сохранялась вплоть до последних десятилетий истории ханства. Так, 14 мая 1749 г. русский консул в Крыму А. Никифоров писал из Сечи: «Пребывающие здесь крымские армяне, коих числом до десяти человек под претекстом купечества, у коих, как мне довольно известно, товару самой мелочи не более будет как на триста рублей и оные армяне, о всем происходящем здесь и в Малой России разведав, в Крым к хану дают знать и помянутым депутатам ночным временем сообщают» (имелись в виду татарские депутаты, прибывшие в Сечь по поводу взаимных претензий татар и запорожцев) [Андриевский, 1893, с. 178]. Полагаем, что армя-

не вели разведку вполне добровольно. В противном случае при пересечении границы они могли тут же сдать русским или польским властям. Гераи, в свою очередь, доверяли своим христианам: в случае отсутствия доверия посылать их добывать сведения, которые будут учитываться в политике и на войне, было бы бессмысленно.

Лояльность ханам армяне сохраняли вплоть до последних лет существования Крымского юрта. Как писал П. А. Аваков, «подавляющее большинство крымских армян до начала организации массового переселения в Россию, несмотря на свое специфическое положение в социальной структуре мусульманского государства, не были склонны к коллаборационизму, оставались верными подданными крымского хана и не связывали свое будущее с соседней империей» [Аваков, 2018, с. 7].

Готы, таты, греки. Источники XV в. сообщали, что в Южном Крыму продолжает обитать готское население, проживавшее на этой территории еще с позднеантичных времен. Так, Иоанн III Галонифонтибус, епископ города Султание, писал в 1404 г.: «Вокруг и подле Большого [т. е. Черного] моря находятся два малых народа, а именно таты и немногочисленные готы. Они следуют грекам в религии и пользуются греческими буквами. Готы ведут происхождение от шотландцев и говорят словно англичане. Они живут вдоль побережья близ Каффы и в Татарию, или Команию... В этой стране много христиан, как латинян, или католиков, [так] и греков, многочисленных армян, зихов, готов, татов... почти все они сообща говорят на татарском языке» [Кизилов, 2015, с. 111]. Как отмечал М. Б. Кизилов, «уже к началу XV века в глазах иностранных наблюдателей готы стали ассоциироваться с понятием «таты». Это явление свидетельствовало о том, что внутри греко-христианской (православной) общины Крыма набирали силу интеграционные процессы, в ходе которых местное готское население смешивалось с греческим (византийским) и аланским» [Кизилов, 2015, с. 116]. «И ныне на Таврическом полуострове многие тысячи отцов [семейств] пользуются вне дома греческим и татарским языком, а дома немецким», – писал около 1520 г. немецкий гуманист и географ Якоб Циглер [Кизилов, 2015, с. 149–150].

Южнокрымские христиане принимали участие в военных кампаниях ханов в качестве ружейных стрелков, известных в источниках как тат тюфенкджи. Первое известное нам упоминание татских стрелков относится ко второй черкесской кампании 1545 г. [Абдуземилев, 2019а, с. 163]. Они выступали в походы с согласия турецких властей. При этом задача обеспечения солдат конским составом и одеждой возлагалась на оставшихся жителей [Абдуземилев, 2016, с. 219]. В некоторых случаях специально оговаривалось, что в поход пойдут добровольцы-христиане, как, например, в 1552 г. [Документы, 2008, с. 124]. Количество тат тюфенкджи составляло обычно всего несколько сотен бойцов. В 1567 г. Девлет Герай I запросил у османского правительства 200 стрелков, но в Стамбуле решили набрать для хана 500 пехотинцев. Возможно, число тат тюфенкджи в отдельных походах было еще большим – германский посол в Стамбуле О. де Бусбек около 1560 г. записал, что из крымских готов «царёк татар, когда выступает в поход, набирает восемьсот мушкетёров-пехотинцев, главнейшую опору своих войск» [Байер, 2001, с. 245]. Однако следует учитывать, что общая численность татских зимми была небольшой, и можно согласиться с М. Б. Кизиловым, предполагавшим серьезное напряжение мобилизационных усилий готов на военной службе крымских ханов (10% населения) [Кизилов, 2015, с. 178–179]. Согласно Эвлие Челеби, еще в 1666 г. таты выставили в помощь Адилю Гераю I 2 тыс. бойцов. По мнению М. Б. Кизилова, это означало, что «во второй половине XVII века готы продолжали поставлять крымским ханам пешее ополчение, снабженное огнестрельным оружием» [Кизилов, 2015, с. 183]. Готское население эллинизировалось, а затем татаризовалось, включившись в процесс формирования татского субэтнуса крымскотатарского народа.

Подобно армянам, греки лояльно относились к крымским татарам. А. А. Прозоровский сообщал, что «греки татарам так подобострастны, что без их позволения ничего сделать не имеют» [Прозоровский, 2004, с. 414]. Ханство воспринималось ими как безопасное и благоприятное для проживания государство. Подтверждением этому может служить массовая эмиграция христи-

ан из Кефинского эялета в 1630-х гг., вызванная казацкими набегами и тяжелыми поборами османских властей. В этот период «каждая третья семья немусульман, проживавшая в Судакском и Мангупском кадылыках, покинула места своего исторического проживания, половина из ушедших осела в селах Крымского ханства» [Ефимов, 2013б, с. 136]. Известны случаи, когда греки участвовали сообща с татарами в нападениях на казаков. Так, жители Карасу татарин Исмаил и грек Петр осенью 1754 г. ограбили запорожца С. Горкушу [Андриевский, 1893, с. 248].

В середине XVIII в. «греки Южного Крыма традиционно занимались: земледелием (культивировались рожь, ячмень, пшеница, просо, сеяли также фасоль, большие посевные площади были заняты льном), садоводством (выращивали яблоки, груши, айву, сливы, вишню, черешню, персики, абрикосы, садовую рябину, мушмулу, шелковицу, грецкий орех; реже – хурму, гранат, кизил), виноградарством (но в значительно меньших объемах, чем в XVIII в.). Другим традиционным занятием греков являлось отгонно-пастбищное скотоводство: особое развитие получило овцеводство, гораздо меньше греки занимались крупным рогатым скотом и совсем мало – коневодством и свиноводством (есть данные лишь по горным селам)» [Араджиони, 2003].

Итальянцы. Первым главой итальянских поселенцев в пределах юрта стал знаменитый авантюрист Захария де Гризольфи, после захвата турками Каффы признавший власть хана Менгли Герая I. К 1482 г. он сумел собрать вокруг себя 180 генуэзских семейств, однако сколько из них последовало за ним в ханство, не известно. Де Гризольфи поселился со своими людьми в селе Сююр-Таш, получив титул сююр-таш бея. В 1506 г. этот титул унаследовал его сын Винцент [Шумкин, 2018, с. 160–163]. Крымские ханы ценили генуэзцев как посредников в европейской политике. В работах по истории крымско-польско-литовских отношений регулярно упоминаются крымские дипломаты итальянского происхождения. Например, польский историк Казимеж Пулаский сообщал о переговорах 1519–1520 гг.: «Прибыли из Крыма татарские послы Августин Гарибальди и Мехмет-мурза» [Pulaski, 1887б, с. 1106]. Августин Гарибальди, приехавший к ко-

ролю за поминками, был далеко не единственным представителем древней итальянской аристократии, после падения Каффы оказавшейся на службе Гераев. Д. Колодзейчик указывал на широкое распространение этого явления [Kołodziejczyk, 2011, с. 458]. Среди татарских послов, приезжавших в Польшу в середине XVI в., известен также «итальянец Симон Гарибальди» [Podhorodecki, 1987, с. 108]. М. Броневский отмечал, что в Сююр-Таше (Sortass) живут генуэзцы, и он сам видел и читал их документы на право собственности, выданные им ханами [Broniewski, 2011, с. 50]. О роли генуэзцев в крымской дипломатии говорят использование ханской канцелярией латинского языка и влияние латинских традиций на оформление официальных документов в эпоху Менгли Герая I [Зайцев, 2006г, с. 87]. По мнению С. Х. Хотко, итальянцы (ввиду их тесных матримонийных связей с черкесами) использовались крымскими ханами для усиления своего влияния на Кавказ [Хотко, 2016а, с. 83]. Довольно подробно жизнь потомков генуэзцев в ханстве в начале XVII в. описал Э. Д. д'Асколи, указывавший, что ок. 1600 г. итальянцы переселились из Сююр-Таша в Фоти-Салу, при этом католиков из них осталось всего 12 домов (остальные приняли ислам) [Описание, 1902, с. 128]. Боплан писал про Фоти-Салу: «Деревня, в которой имеется католическая церковь святого Иоанна; там может быть около 50 очагов» [Боплан, 2004, с. 208]. Тунманн сообщал про Сююр-Таш: «Большая деревня, в расстоянии одной мили от Багчасарая к юго-западу, где еще находятся потомки различных генуэзских родов, как Дория, Гримальди, Спинола и т. д., которым здесь после завоевания османами Каффы были предоставлены татарами места для поселения с большими привилегиями» [Тунманн, 1936, с. 36]. Генуэзцы оставили по себе материальные следы. «В урочище Аян-Су, неподалеку от Фоти-Салы, располагалось старое кладбище, которое жители села еще в начале XX в. называли Френк-Мезарлык – «Франкское (т. е. «европейское», «католическое») кладбище». В 1914 г. там было найдено четыре надгробные плиты с монограммами Иисуса Христа, надписями латинскими буквами и высеченными в камне датами: 1613, 1631, 1635 и 1685. Памятник точно такого же типа был обнаружен и на

другом кладбище в округе Фоти-Салы – том, что располагалось у стен старой греческой церкви на холме Кильсе-Баир. На плите с Кильсе-Баира были изображены латинский крест и дата: 1624 г. Плита 1685 г. и стала последним известным памятником, что оставили после себя потомки генуэзских переселенцев» [Гайворонский, 2008, с. 12]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что итальянцы, переселившиеся в ханство после 1475 г., внесли свой вклад, пусть и небольшой, в этногенез крымских татар.

Христиане в приднестровских владениях ханства. Крымским ханам принадлежали владения к западу от Днестра. На этих территориях жили преимущественно волохи (молдаване), русины и армяне. Это был второй по численности христианского населения регион юрта после самого Крыма. «Крымское Приднестровье» можно разделить на два района. Первый составляли села с преимущественно молдавским населением в окрестностях Бендер («семь ханских сел»). Второй, известный как «Ханская Украина», располагался первоначально у Ягорлыка и впоследствии растянулся вдоль границы с Польшей от Днестра до Южного Буга.

Важной вехой в истории молдавского населения ханства стало заключение Цецорского мира 1595 г. Согласно нему Иеремя Мовилэ (Могила) уступал хану Гази Гераю II семь молдавских сел, расположенных у Днестра, в обмен на признание его молдавским господарем [Костин, 2014, с. 17]. Эти населенные пункты, известные в источниках как «ханские села», использовались для расквартирования в них военных отрядов. Так, пленный казак поведал полякам, что после набега на Польшу (январь – февраль 1626 г.) хан Мехмед Герай III «под Белгородом оставил агу с пятью сотнями человек в тех своих селах, которых имеет там девять¹, сообщая, что и волохов там же немало» [Брехуненко, 2007, с. 92]. В этих населенных пунктах оседали и татары. Во время военной кампании 1651 г. в польский плен попал «белгородец из ханского села, которых [хан] имеет семь над Днестром» [Мицик, 2012, с. 137]. В апреле 1695 г. бежавший в Крым претендент на гетманскую булаву П. Иваненко в «белгородских селах блиско Тягин обретаецца и с волохов тамошних

по приказу ханскому месячной корм себе берет» [Грибовский, 2018, с. 271].

Молдаване не только проживали в селах, которые были уступлены ханству, но и сами переселялись в крымские владения. Одной из причин этого была более мягкая налоговая политика Бахчисарая. Турецкий автор трактата о крепостях в Северном Причерноморье начала XVIII в. писал о том, что в предместье Озю (Очакова) «прежде обитало около двух тысяч пятисот неимущих кяфиров из реайи Молдавии и Валахии... Однако после того как были посланы письменные требования об уплате джизье и сборщики потребовали с них джизье по самой низкой ставке, жители разбежались и переселились в прибрежные деревни, которые находились под властью крымского хана. А эти деревни платили джизье в размере одного гуруша, и, кроме этого, от них ничего не требовали» [Весела, 1969, с. 122].

Политические события второй половины XVII – начала XVIII вв. привели к росту населения ханских приднестровских владений. Под власть Бахчисарая перешел небольшой регион вокруг города Ягорлык, населенный преимущественно украинцами. По мнению В. В. Грибовского, «речь идет о включении в османо-крымскую владельческую систему островка украинского казачьего строя, а не его воспроизводстве украинской эмиграцией на чужой территории. Это является принципиально важным для понимания «Ханской Украины» как отдельного украинского казачьего района Крымского ханства» [Грибовский, 2018, с. 268]. Бахчисарай проводил политику привлечения на эти земли украинского и молдавского крестьянства, что позволило заселить Ханскую Украину христианским населением [Середа, 2015, с. 102]. На ее территории располагалось до тридцати сел [Середа, 2008]. Дореволюционный российский исследователь А. Г. Лебединцев считал, что Ханская Украина была населена преимущественно волохами [Лебединцев, 1913, с. 8]. Посетивший ее в 1766 г. запорожский переводчик А. Константинов писал: «Нигде я российских подданных в татарских слободах не видел, но они заселены волохами, армянами, польскими украинцами и жидами» [Андриевский, 1894б, с. 95]. П. А. Румянцев в письме Н. И. Панину 27 июня 1765 г. писал: «Та-

¹ В источнике допущена ошибка: сел было семь.

тары по самому Бугу и противу наших селений свои колонии населяют, но из христиан» [Сапожников, 2007, с. 243].

Славянская эмиграция в XVIII в. История славянского населения Крымского ханства, как правило, изучается через призму набегов и рабовладения. Однако многочисленные источники показывают, что юрт веками принимал славянских мигрантов из русских, украинских и польских земель. Особенно масштабным был наплыв христиан из северных стран в XVIII в. «Российский двор имеет на ханов крымских многие претензии в приеме перебежчиков российских подданных, которых ханы, а особливо содержащих магометанскую веру, выдать уклоняются в противность мирным трактатам», – писал президент Коллегии иностранных дел М. И. Воронцов в своей «Записке о Малой Татарии» (1762) [Крым, 2018, с. 51]. Иногда стремление переселиться в Крымское ханство выказывало население целых городов и сел. Так, жители украинского местечка Вольное в 1711 г. просили хана принять их в свое подданство [Мильчев, 2005, с. 468].

Первой массовой миграцией был переход казаков-некрасовцев в крымское подданство. После подавления восстания К. Булавина (1707–1708) уцелевшие мятежники во главе с атаманом И. Некрасовым бежали на Кубань, положив начало Кубанскому казачьему войску Игнатовому. Некрасовцы получали жалование из ханской казны, принимали участие в походах на Кавказ и русско-турецких войнах XVIII в. на стороне Крымского ханства и Османской империи, «при случаях при [кубанском] сераскере в поход из оных наряжается 400 человек» [КРО, 1957, с. 281]. При хане Менгли Герае II (1737–1740) в Бахчисарае на постоянной основе находилась сотня некрасовцев. Можно согласиться с Д. В. Сенем, считавшим, что некрасовские «казаки в полной мере воспользовались всеми преимуществами нового подданства, в массе своей верой и правдой служа правящим династиями Гиреев и Османов» [Сень, 2002, с. 37].

После поражения шведского короля Карла XII под Полтавой и уничтожения Сечи русскими войсками в 1709 г. тысячи уцелевших казаков бежали в низовья Днепра, где они основали Олешковскую Сечь и в качестве султанских под-

данных участвовали в боевых действиях против российских войск в 1711 г. В том же году сечевики перебрались в крымские владения, при этом «за участие в военных походах крымских ханов запорожцам было обещано невмешательство в их внутренние дела, дарованы налоговые льготы и право заниматься их традиционными промыслами на всей территории Крымского ханства» [Мильчев, 2005, с. 588]. В 1714–1732 гг. они принимали участие в крымских кампаниях на Кавказе. В 1731 г. для похода на черкесов Сечь выделила 391 казака (по 10 с каждого из 38 куреней плюс старшина), в 1732 г. – 1 тыс. (каждый седьмой) [Мильчев, 2005, с. 597]. В 1734 г. запорожцы вернулись в российское подданство, хотя часть сечевиков предпочла остаться в Крыму, осев на полуострове. «На протяжении 1709–1734 гг. благоприятные климатические и ландшафтные условия горного и южнобережного Крыма привлекли немало запорожцев, склонных больше к хозяйственным занятиям, а не к военным походам. На вторую декаду XVIII в. приходится скупка ими земель и хуторов в окрестностях Гезлева, Кафы и Бахчисарая. Особенно охотно казаки оседали в греческих (румейских и татских) селах, обзаводились мельницами, садами, виноградниками. После 1734 г. немало хуторян осталось на нажитых местах, не желая в очередной раз начинать все с нуля» [Мильчев, 2009, с. 28]. Некоторые казаки поступали в частном порядке на службу к представителям крымской знати. Например, некий Иван Вовк в середине XVIII в. жил «в услужении» у Мехмеда-бея в селе Яшлав [Синяк, 2013, с. 150].

В XV–XVII вв. украинские земли часто подвергались разорительным набегам крымских татар, уводивших украинцев в неволю и принуждавших к работе на новых хозяев. В XVIII в. масштаб набегов существенно снизился, тем не менее потребность в рабочей силе частично компенсировалась за счет добровольной трудовой миграции из Украины. Аргаты (наемные работники) с обоих берегов Днепра являлись одним из наиболее интересных феноменов в истории татарско-украинских отношений.

Причиной трудовой миграции было обезземливание широких масс украинского населения в XVIII в. Крымские татары и ногайцы часто ис-

пользовали труд наемных работников-запорожцев, которым хорошо платили [Андреева, 2010а, с. 134]. Отток рабочей силы в мусульманское Причерноморье вызывал недовольство российских властей. Проблемой аргатов занимался упомянутый выше А. Никифоров, который в 1744 г. сумел вывезти из Бахчисарая в Россию 35 человек, причем тех, кто не хотел уезжать, вывозили насильно. Консул признавал, что многих депортировать так и не удалось, в том числе тех, кто женился на гречанках. Среди вывезенных оказывались интересные личности вроде бывшего гренадера Псковского пехотного полка И. Новгородцева, дезертировавшего из царской армии и осевшего в Крыму [Андреева, 2005, с. 389]. Характерно, что крымская сторона бравировала фактом одностороннего направления миграции. Ханский везирь говорил Никифорову: «Наши какие бедные, но ни один в наймы в Россию не идет» [Андреева, 2005, с. 389]. Вместе с аргатами увозили невольников, причем некоторых «освобождали» силой: так, украинка Мария жила у некоего еврея (караима?) в Бахчисарае и возвращаться не хотела, ее вывезли насильно [Андреева, 2005, с. 389–390]. Несмотря на деятельность Никофорова, в 1746 г. российский резидент в Стамбуле И. Неплюев жаловался османскому рейс-эфенди, что хан не высылает из Крыма «казаков, называемых аргатами» [Андреева, 2010а, с. 135]. Императрица Елизавета писала гетману К. Г. Разумовскому 31 июля 1753 г., что «у турок и татар многие наши поданныя беглые солдаты и крестьяне также малороссияне донские и запорожские казаки аргатуют» [Горбань, 1928, с. 311]. Из Киева в Бахчисарай и Очаков

был отправлен поручик В. Климовский, который к лету 1754 г. сумел вывести 80 бывших работников, собранных в Глухове [Горбань, 1928, с. 312]. Вероятно, «из Крыма была выведена небольшая часть наймитов. Это, очевидно, потому что ни сами наймиты не хотели возвращаться, ни хозяева не выдавали их» [Горбань, 1928, с. 314]. Императрица приказывала держать вывезенных в Глухов аргатов под охраной, так как «ежели не отдалены будут, то паки в крымские места уйдут и других с собой подговорят» [Андреева, 2010а, с. 135–136]. Весьма показательны опасения властей, что оставшиеся без охраны аргаты уйдут обратно в Крымское ханство. Нам известно и о случаях бегства в Крымское ханство солдат российской армии, большинство из которых, правда, принимали там ислам (Зайцев, 2014б).

Вывод. Несмотря на то, что ислам оставался господствующей религией Крымского ханства на протяжении всей его истории, христиане массово мигрировали на территорию юрта. Армяне переселялись в Крым из Армении и Анатолии, молдаване заселяли «ханские слободы» вдоль Днестра, украинцы и русские, будь то казаки или крестьяне, бежали в пределы ханства, греки переходили из Кефинского эялета в ханскую часть Крыма. Спасшиеся после падения Каффы генуэзцы также осели в юрте. История Крымского ханства не показывает каких-либо примеров национально-освободительных восстаний христиан против мусульманских монархов. Христиане активно проявляли себя в самых разных сторонах жизни юрта, в большинстве своем демонстрируя лояльное отношение к Крымскому ханству.

Глава 17. «КРЫМСКОЕ ХАНСТВО» ЗА ПРЕДЕЛАМИ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА

17.1. Представления о Крымском ханстве в Западной и Центральной Европе в середине XV – третьей четверти XVIII вв.

Н. И. Храпунов

Европейские путешественники и кабинетные писатели описывали и интерпретировали Крымское ханство и крымских татар, используя характерный набор познавательных практик, в науке именуемый «ориентализмом» [см.: Саид, 2006]. Крым представлялся им частью Востока, протянувшегося от Северной Африки до Индии и Китая. В их трудах эмпирические наблюдения органично соединялись с фобиями и стереотипами. Цивилизационная дистанция между Западом и Востоком считалась непреодолимой. Изучение восточных народов, помимо всего прочего, позволяло лучше понять собственную культуру и найти ответы на актуальные вопросы бытия. Зачастую путешественники не описывали узнаваемую эмпирически реальность, но припоминали усвоенное из книг, иначе говоря, искали практическое подтверждение своим предрассудкам и стереотипам. Стойкость стереотипов вела к тому, что образ Крымского ханства был почти неизменным на протяжении исследуемого периода.

Прямой зависимости между подробностью и достоверностью текста и его влиянием на последующую историографию не было: например, хотя Вольтер никогда не был в Крыму, рассказывая о нем по материалам путевых записок Обри де ля Мотре и других источников, читателей у него было гораздо больше, чем у настоящих путешественников. Авторы описаний Крымского ханства основное место уделяли татарскому населению, очевидно, потому, что сведения о других народах – греках, армянах, евреях – представлялись им куда менее интересными. Татарскому миру приписывали качества, противоположные идеализированному Западу – дикость, жестокость, деспотизм, особые хозяйственные,

пищевые и сексуальные предпочтения. Отчасти это объясняется тем, что татарский мир был совершенно чужд повседневному опыту людей Запада. Сказывался и страх, охвативший Европу в результате монгольских завоеваний XIII в.

В грозных войнах увидели предсказанных пророчествами предвестников конца света, выходцев из ада. Потому в название народа и страны добавили лишнюю букву, получив «тартар» и «Тартарию», имена, напоминавшие о Тартаре – преисподней древнегреческих мифов. Француз Жан Шарден, посетивший Каффу (Кефе) по пути в Персию, куда он должен был доставить заказанные шахом ювелирные украшения (1672), писал: *«Относительно слова “тартары” нужно отметить, что на Востоке говорят и пишут “татары”, а не “тартары”, как у нас»* [Char-din, 1711, p. 34]. Само название указывало, что татары были экзистенциальными врагами цивилизации Запада [Филлюшкин, 2011, с. 13, 39, прим. 16]. Интересно, что даже те немногие, кто отказался от этой этимологии, предлагали альтернативы, также связывавшие имя татар с войнами и грабежом. Побывавший в Каффе итальянец Эмиддио Портелли д'Асколи (1620-е гг.) писал: *«К ним вполне подходит название татар, так как оно происходит от греческого глагола “таратто”, т. е. я тревожу; говоря по правде, никто, скажем мы, так не тревожит людей, как татары»* [Описание, 1902, с. 124].

Эта фобия оказалась исключительно стойкой. Жан-Жак Руссо в трактате «Общественный договор» (1762) рассуждал о том, что всякий народ подобен человеку и проходит стадии молодости, зрелости и старения, когда уже не может противостоять врагам. Философ писал: *«Российская*

держава пожелает покорить Европу и сама окажется покоренной, ее подданные – татары – и ее соседи станут сначала ее хозяевами, а потом нашими: этот переворот мне кажется неизбежным» [Руссо, 2016, с. 154]. Он имел в виду, разумеется, татар не крымских, а поволжских и сибирских. Но в том-то и дело, что людям, мыслившим под влиянием ориентализма, Восток казался неизменным во времени и пространстве, и различия между разными народами казались несущественными. Так, английский авантюрист Джон Смит, оказавшийся рабом в Приазовье (1603), описывал татар, черпая сведения из сочинений европейцев, рассказавших о Сирии и Поволжье [Храпунов, Храпунова, 2015, с. 155–156].

Со временем параллель между Крымом и преисподней стала казаться не столь уместной. Осматривавшая российский Бахчисарай британка Элизабет Крейвен (1786) почувствовала неловкость, когда некий офицер назвал знатного татарина «сливками Тартара». К счастью, остроумная дама ловко превратила эту фразу в «сливки татар», а сравнение с лучшими представителями своего народа ее знакомого полностью устроило [Craven, 1789, p. 178, n. *]. По мере того, как Причерноморье становилось известным на Западе, Тартар на воображаемых «картах цивилизации» смещался дальше к востоку, в незнакомый край Земли. В 1843 г. знаменитый французский живописец Орас Верне, получив в подарок от Николая I упряжку великолепных лошадей, писал жене, что справиться с ними мог только кучер-татарин, родившийся «в глубинах Тартара, неподалеку от Китая» [Верне, 2008, с. 70].

Предполагалось, что время застыло в евразийских степях, а потому здесь легко можно обнаружить представителей разных народов, известных античным и византийским авторам. «Татария и Скифия, – писал Джон Смит, – суть одно и то же, но она так велика и разнообразна, что немногим, а быть может и вообще никому никогда не удастся точно описать ни её, ни все те различные типы самых варварских народов, что её населяют» [Smith, 1986, p. 191]. Смещение современной и древней этнографии – характерная черта ученых трудов Нового времени, когда историки и географы искали и находили скифов,

воплощавших варварство, по всей Восточной Европе, тем более что древние авторы могли называть «скифами» любые северные народы. По словам английского посланника в Москву Джайлса Флетчера (1588), татары побеждали персидских владык Кира и Дария Гистаспа [Fletcher, 1856, p. 93]. Это отсылка к рассказу Геродота о героической истории скифов, призванная «прояснить» историю татар. Французский востоковед Жозеф Дегинь считал предками татар гуннов – еще одних архетипичных кочевников, которых позднеримские авторы описывали с ужасом и отвращением [Deguignes, 1756–1758].

Европейские писатели Нового времени усвоили античную традицию, согласно которой граница между Европой (Западом, цивилизацией) и Азией (Востоком, варварством) проходила по Керченскому проливу и Дону. Поэтому Крымское ханство оказывалось в двойственном положении – географически в Европе, а культурно в Азии (рис. 1). Характерна немецкая карта Европы конца XVI в. (рис. 2), построенная по оси запад – восток и представляющая континент в виде женской фигуры, голова которой Испания, на подоле платья Болгария, Московия и Скифия (с Крымом), Тартария же перенесена за Дунай, а ногами «королева-Европа» попирает Азию [Филюшкин, 2011, с. 21–23, илл. 2]. Таким образом, Крым (прямо не названный и отделенный от Тартарии) оказался на окраине цивилизации. На многих европейских картах в Крыму помещали изображения диких всадников в варварских одеждах, вооруженных луками и стрелами (рис. 3).

Иностранцев удивлял физический облик монголоидных племен. Французский инженер на польской службе Гийом де Боплан (1630-е гг.) писал: «Несколько дней после рождения татары не могут открыть глаза, как это бывает у собак и других животных [...] они скорее мало, чем высокого роста, но коренасты, с крупными членами, с высоким и толстым животом; плечи широкие, шея короткая, голова большая; лицо у них почти круглое, лоб широкий, глаза мало открытые, но совершенно черные с длинным разрезом [...] кожа смуглая, волосы очень черны и жестки, как конская грива. Вообще, они выглядят совершенно иначе, нежели христиане»

[Боплан, 2004, с. 213]. Эти особенности, наряду с упражнениями, которыми родители подвергали детей с раннего детства, делали татар отличными воинами – искусными в обращении с луками, неприхотливыми и очень выносливыми [там же, с. 215]. По словам Джона Смита, характер татар закалила суровая жизнь. *«При всех тех жалких знаниях, оружии и упряжи удивителен ущерб, который они наносят христианству, причиной чему – тяготы их жизни и крепость характера, смирение, сообразительность, а также дары, почести, милости и титулы, которыми их император (т. е. крымский хан. – Н. Х.) всегда осыпает тех, кто оказал ему всякую достойную упоминания услугу перед лицом врагов»* [Smith, 1986, p. 199].

Джайлс Флетчер был одним из тех, кто описал вооружение и снаряжение татар: *«все они – всадники, и не имеют ничего, кроме лука, колчана со стрелами и кривой сабли на турецкий манер. Они очень искусные всадники, и так же ловко стреляют назад, как и вперед [...] У простого воина нет других доспехов, кроме его обычного платья, то есть черной овечьей шкуры, [надетой] шерстью наружу днем и [шерстью] внутрь в ночное время, и такой же шапки»* [Fletcher, 1856, p. 87]. Этот образ радикально отличался от снаряжения западноевропейских армий Нового времени.

Считалось, что татары привыкли нарушать обычай войны. По словам австрийского дипломата Сигизмунда фон Герберштейна, собравше-

го сведения о татарах во время своих миссий в Москве (1516–1517 и 1525–1526), великий князь Василий III обвинил хана Мухаммад Герая в том, что *«подвергся нападению без объявления войны, из засады, по обычаю воров и разбойников»* [Герберштейн, 2008, с. 425]. Полностью противоположен европейскому был и татарский способ сражения. Английский авантюрист и купец Уильям Итон (1770-е гг.) отметил: *«Попеременно убегая и нападая отдельными отрядами, они одновременно сражаются разными способами – пуская в дело сабли, копы и огнестрельное оружие, они бьются одинаково как верхом, так и спешившись, хотя первое это самое привычное для них дело [...] но эта беспорядочная борьба давала волю страстям каждого индивидуума, личная ярость усиливала дикий ужас этой сцены, и врага никогда не щадят, кроме тех случаев, когда он не пострадал от ран и потому представляет ценность в качестве раба»* [Eton, 1798, p. 331–332]. Джайлс Флетчер обличал татарское вероломство: когда те *«осаждают город или крепость, они вступают в долгие переговоры и посылают многие льстивые послания, чтобы убедить [осажденных] сдаться, обещая [выполнить] все, что потребуют горожане; но захватив то место, они предаются всяческому жестокостям и безжалостности [...] Когда идут в набег в небольшом числе, то сажают на коней чучела в виде людей, чтобы их число казалось большим»* [Fletcher, 1856, p. 89].

Вольтер, изучавший Крым по книгам, сделал следующий вывод: *«Татары всегда хотели войны, подобно ремесленникам, жаждущим прибыли...»* [Вольтер, 2012, с. 209]. Европейцев шокировало как то, что основным трофеем татарского войска был «живой товар», так и отношение к рабам. Польский посланник к крымскому хану Мартин Броневский (1578) писал: *«Положение пленных у татар очень печально; их мучают голодом, наготой, а простого звания людей сильно бьют плетью так, что несчастные сами желают себе смерти»* [Броневский, 1867, с. 363]. Джон Смит, знавший жизнь рабов по собственному опыту, писал: *«Ведь и тем [рабам], кому было легче всего, было так скверно, что жизнь эту вряд ли бы вынесла и собака; и к тому же,*

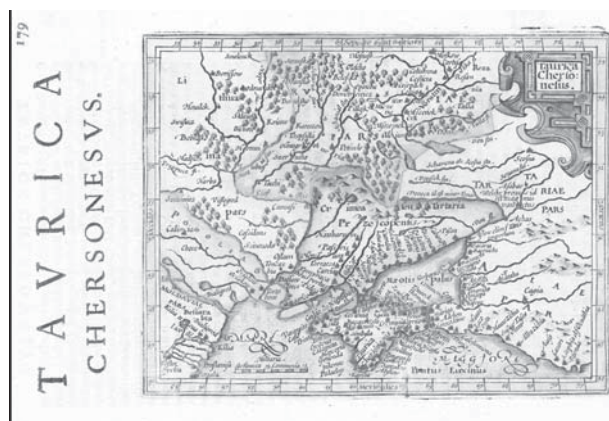

Рис. 1. Херсонес Таврический (то есть Крымский полуостров). Из «Атласа» Герарда Меркатора и Йодока Хондия (1630).

несмотря на все их тяготы и труды, относились [к ним] не лучше, чем к животным» [Smith, 1986, р. 189]. Шокировало и отношение к пленным, которые не могли трудиться. Сигизмунд фон Герберштейн сообщал, что «старики и немощные, за которых невозможно выручить больших денег, отдаются татарами молодёжи, как зайцы щенкам, для первых военных опытов» [Герберштейн, 2008, с. 421]. Побывавший в Крыму монах-доминиканец Джованни да Лукка (1620-е гг.) отметил, что рядовые татары могут продавать в рабство даже собственных детей, если те рождены не законными женами, а рабынями-наложницами [Описание, 1879, с. 479]. Подобная бесчеловечность доказывала, что татары были полной противоположностью европейцам.

В европейской культуре Восток воспринимался как место особых сексуальных практик. По словам Гийома де Боплана, захваченные в плен татарами женщины сразу же становились жертвами татарской похоти [Боплан, 2004, с. 237]. Француз Антуан Грамон, наблюдавший действия татарского войска во время русско-польской войны (1663–1664), отметил, что те делят пленных, причем «молодые мальчики [предназначаются] для их наслаждений, девушки и женщины – для продолжения их рода и продажи затем» [Грамон, 1929, с. 27]. Знаменитый авантюрист барон Франсуа де Тотт, бывший французским консулом при ханском дворе, рассказывал, что после удачного набега Крым Герая на российскую провинцию Новая Сербия (1769) хан решил подарить ему шесть мальчиков, способных скрасить жизнь того, кто оказался «вдали от своего гарема». Барон, ссылаясь на религиозные запреты, попытался узнать, нельзя ли заменить юношей на девушек, что позволило бы ему «забыть обо всех своих принципах». Хан, однако, не согласился, ссылаясь на правила своей религии, позволявшей дарить христианам лишь мужчин, ведь женщин, как более слабых, можно обратить в ислам [Tott, 1785, р. 171–174]. Даже если этот диалог полностью выдуман, его автор явно рассчитывал на успех у публики, рассказывая о «восточной экзотике».

По словам путешественников, татарам было свойственно своеобразное представление о пре-

Рис. 2. Европа – первая из частей земли, в форме Девы (немецкая карта конца XVI в.).

красном. Выходец из семьи французских гугенотов Обри де ля Мотре, подданный британской короны, ездивший в Крым, вероятно, по поручению шведского короля Карла XII (1711), писал, что, по представлениям татар, «красота заключается в маленьких, глубоко посаженных глазах,

Рис. 3. Россия, Московия и Тартария. Из атласа «Зрелище круга земного» Авраама Ортелиуса (1570).

густых черных бровях, большом плоском носе и лице, и низкой плотной фигуре, особенно у женщин». Наоборот, большие глаза, правильные черты лица и изящество черкесов показались ему больше соответствующими европейскому вкусу [Motraye, 1723, p. 25].

Двойственное отношение к брачным нормам, принятым в крымском обществе, выражают записки литовского посланника в Крым, взявшего псевдоним Михалон Литвин (1543). Рассказывая об ужасной судьбе татарских пленников, он писал, что «женщин самых юных они (татары. – Н. Х.) держат для разврата», однако их отношение к женщинам во многом куда более правильно, чем у христиан. «Они следуют указаниям природы и достойному похвалы обычаю древних, о которых [говорится] в Библии, – они все, как один, имеют многих жен». Идеализируя это обстоятельство, дипломат считал, что многоженство предотвращает разврат и помогает реализовать божественную заповедь – «заполнить людьми Землю». Оно же позволяет татарам легко восстанавливать численность племени после поражения в войне. Наконец, бесправное положение татарских женщин он счел куда более соответствующим сказанному в Священном писании, чем европейские нормы [Литвин, 1994, с. 72, 89–91]. Путешественник идеализировал татар, считая, что они избежали многих пороков, свойственных его соотечественникам.

В записках европейских авторов можно отыскать иногда более, иногда менее подробные описания государственной и сословной структуры ханства, его финансовой системы, налогов и податей, принципов правосудия, городов и торговли, особенностей повседневной жизни и быта. Европейцы не сомневались, что крымский хан является вассалом Стамбула. «Подданные именуют хана императором, однако, несмотря на пышный сей титул, он, как и все прочие, лишь раб Порты», – писал Вольтер (1732). Турки внимательно следили за действиями ханов и могли сместить как непопулярных, так и излишне любимых народом правителей [Вольтер, 2013, с. 188]. Рассматривая государственное устройство Крыма, они пытались пояснить постзолотоордынские институты и отношения, находя

им параллели в реалиях собственного общества. Итальянский наемник на польской службе Александр Гваньини (1578/1611) «переводил» государственную и социальную структуру ханства, подбирая аналогии в реалиях Речи Посполитой: «Хан означает царь. Султан – сын царский; бей означает гетман. Мурза – сын гетманский, олбоут – пан советник, олбоаду – знатный шляхтич, олбоадулу – шляхетский сын...» [Гваньини, 2007, с. 728–729]. Обри де ля Мотре подбирал аналогии во Франции: «Татары величают своего князя (т. е. хана. – Н. Х.) титулом “императора” [...] Его старший сын называется султан-калга, что соответствует слову “дофин” во Франции [...] Главы четырех (наиболее знатных. – Н. Х.) семейств являются своего рода герцогами и называются ширимбеями [...] Другие мурзы, которые весьма многочисленны, являются как будто бы графами и маркизами...» [Motraye, 1723, p. 25].

Поскольку в крымских татарах видели врагов цивилизации и архетипичных варваров, неудивительно, что описания быта и нравов акцентировали внимание на том, что казалось странным, нелогичным или отличным от «нормы». Иногда отмечали, что жестокость в битве сочеталась с радушным отношением к приезжим. По словам Вольтера, «крымские татары – это самое разбойничье в свете племя и в то же время, как сие ни поразительно, самое гостеприимное» [Вольтер, 2013, с. 189]. Как и в случае с описанными Михалоном Литвином брачными обычаями, гостеприимство свидетельствовало о патриархальности крымского общества.

Рацион кочевников, идеально приспособленный к условиям жизни в степи, вызывал у европейцев изумление, смешанное с отвращением. Обри де ля Мотре отметил: «Я не смог найти здесь хлеба, хотя бы и за деньги, ведь татары едят его очень редко, но питаются сыром, молоком и чорбой, которая представляет собой мясо, сваренное с пшеницей, ячменем или тмином, к которым богатые добавляют пряности и масло...» [Motraye, 1723, p. 23]. Удивлял обычай употреблять в пищу конину. По словам Итона, «турецкие муфтии благоразумно решили, что конину нельзя есть всем мусульманам, кроме та-

тар, поскольку те к ней привыкли, а потому это не считается грехом» [Eton, 1798, p. 317].

Еще более дикой казалась типичная для кочевников привычка употреблять в пищу кровь и кумыс. Александр Гваньини писал: «У всякой скотины, большой и малой, особенно жеребцов и кобыл, [татары] выпускают кровь и пожирают ее, словно псы, считая самой лучшей пищей и питьем. Они пьют также кобылье молоко, считая его самым лучшим лекарством после всякой работы, ведь от него они толстеют, как кабаны; часто они смешивают кобылье молоко с водкой и пиваются этим напитком» [Гваньини, 2007, с. 698–699]. Люди Запада воспринимали пищевые предпочтения татар как варварские и малопривлекательные, видя в этом очередное подтверждение того, что их носители были полной противоположностью «цивилизованным» людям.

Некоторые отмечали, что крымские татары, несмотря на приверженность исламу, сохранили ряд языческих предрассудков. По словам Джайлса Флетчера, они прикрепляли к дверям кибиток сделанных из ткани человекоподобных идолов, служивших хранителями дома [Fletcher, 1856, p. 90]. Джон Смит отметил, что подобных кукол было несколько: они считались защитниками разных членов семьи, причем ежедневно их окропляли кумысом или другим напитком [Smith, 1986, p. 192]. Читателям подобные верования, несомненно, казались пережитками глубокого прошлого.

В XVIII в., когда контакты с ханством стали куда более тесными, европейские тексты постепенно стали описывать татар в более толерантных выражениях. Примером могут быть записки де Тотта, по словам которого «цивилизации» постепенно воспринимались верхушкой крымского общества, например, Максуд Герай любил литературу. Француз развлекал хана фейерверком и опытами с электричеством (последнее впоследствии пришлось повторить по просьбе черкесских мурз). Следующего хана, Крым Герая, де Тотт вылечил с помощью европейской хирургии. Кроме того, дипломат объяснил хану принципы европейского театра, а его секретарь Пьер Руффен занялся переводом мольеровского

«Тартюфа» для развлечения крымского правителя.¹ Суждения же Крым Герая о климате, свободе, принципах правления и пр. сделали бы, по мнению де Тотта, честь самому Монтескье [Tott, 1785, p. 75, 77–80, 120–121, 139, 147]. Однако нет сомнений, что читатель книги увидел бы, что перемены в татарском обществе оставались поверхностными. Хотя, по словам де Тотта, Крым Герай испытывал отвращение к турецкому обычаю подносить вождю головы убитых в сражении врагов, он однажды подшутил над французами, прислав им в подарок некий пакет. Оголодавшие в походе на Новую Сербию, они рассчитывали найти там провизию, а получили – человеческую голову [Там же, p. 155–156]. Описал де Тотт и захват войском Крым Герая «живого товара» [Там же, p. 159].

Части европейских интеллектуалов не чужда была мысль о необходимости завоевания Крыма Россией, что обосновывалось борьбой с экзистенциальной угрозой с Востока. Великий коронный гетман (главнокомандующий) Речи Посполитой Станислав Конецпольский в 1645 г. разработал проект покорения Крыма, изгнания татар и передачи полуострова Москве для колонизации христианами, который представил польскому королю [Кулиш, 1888, с. 5, 31–34]. Похожий план изложил хорватский ученый Юрий Крижанич, который поступил на службу к царю Алексею Михайловичу, но был сослан в Тобольск. В трактате «Политика» (1663) он предложил России завоевать полуостров в союзе с поляками, ведь «*Крымска держава есть многими Божьими дарами украшена и богата*», и даже перенести туда столицу Московского царства. Со временем покоренных татар предстояло крестить или изгнать из страны [Крижанич, 1860, с. 117–120, 129–131]. Дошло ли это сочинение до царственного адресата, осталось неизвестным.

Значительно более популярными оказались другие трактаты. В «Истории Российской империи при Петре Великом» (1759) Вольтер, реконструируя логику Петра I в Азовском походе

¹ Значение этого эпизода в том, что по представлениям эпохи Просвещения любовь к театру отличала человека современного от варвара. Не случайно Вольтер, обличая турецкого султана, заметил, что тот «*лишен рассудка, не любит стихов, никогда не смотрел комедии и не понимает по-французски*» [Reddaway, 1931, p. 20].

1596 г., заметил, что «*намерение состояло в том, чтобы выгнать навсегда татар и турок из Крыма, после чего восстановить обильную торговлю, которую бы можно удобно и свободно отправлять с Персией через Грузию*» [Вольтер, 2012, с. 99]. Быть может, француз вспоминал об этом через несколько лет, когда подталкивал Екатерину II к войне с Османской империей [см.: Зорин, 1999, с. 108–114]. Итальянский авантюрист Франческо Альгаротти опубликовал книгу о поездке в Россию, где, в частности, подарил русской культуре образ Петербурга как «окна в Европу» (1760). Рассказывая о русско-турецкой войне 1735–1739 гг., Альгаротти писал: «*В Крыму им (русским. – Н. Х.) следует завладеть Керчью, отличным портом, господствующим над проливом, Босфором Киммерийским. Русские могли бы завести тут флот [...] для сдерживания татар и даже в пику самому Константинополю...*» [Альгаротти, 2006, с. 96].

Призывы завоевать Крым были не только публичными. Граф Сигизмунд фон Редерн, немец по происхождению, представил Екатерине II проект присоединения Крыма (1769), что должно было стать первым шагом для реализации его грандиозного замысла – компании для торговли с Востоком [Строев, 1998, с. 222–224]. А британский путешественник Реджинальд Поул-Кару, изучив обстановку в Крыму (1781), писал Григорию Потемкину о том, что присоединение к России было бы благом для полуострова [Кросс, 2005, с. 380].

Таким образом, европейские авторы были склонны воспринимать Крымское ханство как полную противоположность европейской цивилизации, наделяя его рядом непривлекательных черт и характеризуя как вечного врага. Лишь после 1783 г. на Западе возникнет представление о ханской эпохе как «золотом веке» в истории Крыма, безжалостно разрушенном российскими завоевателями.

17.2. Выходцы из Крымского ханства в Московской Руси

А. В. Беляков

Крымские выходцы разными путями регулярно попадали в Россию с конца XV в. по XVII в. Это были как добровольные выезды, так и пленения на поле боя. Всех, кто оказывался в Московском государстве можно разделить на три условные категории: 1) Чингизиды, Гераи по преимуществу, хотя среди них имелись представители и иных династий; 2) верхушка родоплеменной знати не имеющей отношения к потомкам Чингисхана; 3) рядовые представители тех или иных родоплеменных образований.

Гераи в России впервые появились в 1479 г., когда в Москву выехали из Литвы два свергнутых крымских царя – Нур-Девлет (Нурдовлат) (? – 1503 (?) г.) и Айдер (Хайдар) (? – после 1486 г.), дети Хаджи Герая, а также сын Нур-Девлета Бир-Девлет (? – 1480 г.). Скорее всего, тогда же выехали, а не родились уже в России, другие дети Нур-Девлета – Сатылган и Джанай. Также в источниках единожды упоминается дочь Нур-Даулета, к которой в 1508 г. безуспешно сватался некий ногайский мирза Абул-Хайр б. Мухаммед-Али [Посольские, 1995, с. 71–72]. Русская сторона

оставила эту просьбу без внимания. Бир-Даулета в 1480 г. зарезал некий татарин. Айдера сослали в Вологду, скорее всего, из-за попытки вести самостоятельную внешнеполитическую игру или за попытку самовольного отъезда. Нур-Девлет с семьей, похоже, первоначально жил в Москве. Однако между 1484 и 1486 гг. ему передали доходы с г. Каширы, куда он, по-видимому, и переехал [Сборник РИО, 1884, с. 151]. В 1486 г. царь с детьми уже упоминается как получатель доходов с г. Касимова¹. Нур-Девлет оставался в городе до своей смерти в 1491 или же 1503 г. За ним Касимом на праве своеобразного пожизненного кормления владели поочередно его сыновья – царевичи Сатылган (? – ранее 1506 г.) и Джанай (? – около 1512 г.) [Вельяминов-Зернов, 1863, с. 91–216]. Имеется единичное упоминание о том, что в августе 1508 г. Джанай «владел» Андреевым городком Каменным (ныне с. Темгенево Сасовского района Рязанской области). Этот источник со-

¹ Название Касимов закрепилось за городом не ранее середины XVI в. Тогда же он назывался Городком Мещерским и, возможно, Новым Низовым Городком.

держания царевич получил не ранее 1503 г. Сохранил ли он его после «пожалования» Касимова не известно [Беляков, 2019]. У Сатылгана и Джаная не было детей. По крайней мере, они нам не известны. Поэтому род в России пресекался. В 1504 г. «кость» Нур-Даулета перевезли в Крым и захоронили в Салачике в тюрбе (мавзоле) Хаджи Герая. В настоящее время его останки условно отождествляются с захоронением № 17 [Гаврилюк, Ибрагимова, 2010, с. 94]. Ниже мы увидим, что это не единственный пример, когда прах крымских Чингизидов перевозился для погребения на родовых некрополях. Поэтому мы можем предположить, что прах большинства Гераев перевозился для погребения в Крым.

Приехавших в Россию Гераев сопровождал значительный военный отряд, активно использовавшийся Москвой в первую очередь при борьбе с Большой Ордою. Потомков этих людей следует искать среди касимовских и шацких (цненских) татар. Потомки выехавшего тогда же сеида Шах-Кула оставили заметный след в последующей истории Касимова и России в целом [Беляков, Енгальчева, 2015]. Также в Россию из Крыма попадали представители родоплеменной верхушки. Так, с Нур-Девлетом или же вскоре после его выезда в Москву оказался брат (?) его жены, царицы Куратай Сивиндюков (Сивиндук) мирза Юмадыков (князь Мадыков сын Сивиндук-мирза) со значительным военным отрядом. Он примет участие в очередной русско-литовской войне и будет пленен со своими людьми в битве под Оршей 8 сентября 1514 г. [Антонов, Кром, 2002, с. 156; Лобин, 2011, с. 155]. В настоящее время нам ничего не известно о происхождении этого человека.

Имеется упоминание о пребывании в это же время в России некоего царевича Мамышека, сына царя Мустафы и брата царевича Мухаммеда (Мамеда), жившего в Крыму. Менгли Герай I предлагал Ивану III обмен царевичами с испомещением нововыехавшего в Кашире, где некогда сидел Нур-Девлет [Моисеев, 2006, с. 489]. Вряд ли данного царевича можно отнести к Гераям. Скорее всего, это один из астраханских (правильнее, большеордынских) царевичей Тука-Тимуридов, обосновавшихся в Крыму после падения Большой Орды. Упоминания о нем в России встречаются с 1489 по 1492 гг. [Сборник РИО, 1884, с. 76, 79, 151, 167, 209, 230; Зайцев, 2013б, с. 23–24]. Царевич был захвачен

людьми великого князя и через некоторое время благополучно отпущен восвояси, пусть и не без участия крымского хана. Несколько позднее (1502–1504 гг.) в Москве в плену находился некий Мамышек-улан, брат Абагы-улана, взятый в плен людьми московского князя вместе с астраханскими людьми. Менгли Герай утверждал, что это его человек и просил отпустить его в Крым [Сборник РИО, 1884, с. 446–447, 461, 491, 532].

Уланами в рассматриваемое время называли Чингизидов из тех ветвей общего рода, что потережали возможность занять престол в государствах осколках Золотой Орды, в которых к этому времени закрепилась традиция наследования власти по семейному принципу – от отца к сыну. До середины XVI в. они сохраняли возможность свободного передвижения между Крымским, Астраханским, Казанским ханствами и Московским государством [Беляков, 2014б]. В Крыму уланы сохраняли высокое положение, хотя их статус в общей иерархии установить сложно.

В Москве в 1480 г. оказался крымский хан Джанибек (Зенебек), до этого на непродолжительное время захвативший власть в Крыму. Его происхождение окончательно не установлено. Еще в 1475 г. он просился на службу к великому князю, тогда ему отказали. Сделавшись крымским ханом около 1477 г., он посылал в Россию своего человека, узнать: может ли он в случае нужды найти здесь убежище. Иван III не возражал [Вельяминов-Зернов, 1863, с. 123]. В. Д. Смирнов даже делает осторожное предположение о том, что хан не принадлежал к Чингизидам [Смирнов, 2005, с. 224]. Некоторые исследователи считают что Джанибек – племянник Ахмеда, сын Махмуда б. Кучук-Мухаммеда [Смирнов, 2005, с. 223]. И. Вашари полагает, что это сын хана Ахмеда б. Кучук-Мухаммеда [Vasary, 1982, с. 297].

Также известны многочисленные несостоявшиеся выезды. В 1480 г. убежище в Москве предлагалось Менгли Гераю I [Собрание, 1896, № 3, с. 2]. В 1490 г. крымский хан Менгли Герай I сообщал Ивану III, что из Турции бежали его брат и племянник Издемир (Уздемир) и Девлеш. Хан предпочитал, чтобы они лучше оказались в Москве, нежели у «извечного врага» в Большой Орде. Царевичи, однако, решили остаться в Литве [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 1. Л. 100–100об.;

Моисеев, 2006, с. 484]. В посольских книгах имеется упоминание о том, что Девлеша поляки перехватили, и этот шаг не был по-настоящему добровольным [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 1. Л. 115, 127]. В 1518/19 г. в Москву безуспешно зывали двух крымских царевичей – Юсуфа и Геммета, детей Ахмеда б. Менгли Герая I. При этом Геммету обещали дать Мещеру (Елатьма ?) или Каширу, или «где пригоже будет» [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. Л. 111–120; Собрание, 1896, № 88, с. 82]. В 1521 г. опасная грамота посылалась Саадет Гераю б. Менгли Гераю I [Собрание, 1896, № 94. с. 86; Лашков, 1890; Сборник РИО, 1884]. В 1532 г. царевич Ислам Герай бин Мехмед Герай просился в служилые царевичи к Василию III. Но выезд не состоялся. В Крыму на смену хану Саадет Гераю б. Менгли Гераю пришел Ислам Герай б. Менгли Герай. Вскоре его сменил Сахиб Герай бин Менгли Герай I, бывший казанский хан. Он назначил Ислам Герая калгой (должность наследника в Крымском ханстве) [ПСРЛ, 2000, с. 60–61, 69]. В 1567 г. Иван IV предлагал крымскому хану Девлет Гераю I женить сына или внука на родственнице касимовского царя Шах-Али Маги-салтан и взять «в приданое» Касимов [Худяков, 1991, с. 172]. В 1572 г. крымской стороне для частичного решения спора о Казани и Астрахани предлагалось поместить в Астрахани царевича – Герая [Виноградов, Малов, 2011, с. 205].

К Гераям также следует отнести и казанского хана Утямиш Герая бин Сафа Герая (Александр Сафакиреевич) (1549–1566 гг.). Его вместе с матерью, царицей Сююн-бике, в 1551 г. казанцы отдали русским полкам. Вскоре юного хана крестили в Москве. Здесь он занял высокое положение и воспитывался при дворе московского царя.

В 1585 г. в России в результате династических распрей оказалась большая группа Гераев: сыновья хана Мехмед Герая II хан Саадет Герай, русская сторона признавала за Гераем, удержавшимся на престоле чуть более двух месяцев, царский титул (? – 1588 г.), царевичи калга Мурад Герай (? – 1591 г.), Сафа Герай, а также сыновья Саадет Герая Кумо (? – 1591 г.), Бибадша, Девлет, Бахты, Мехмед и Сала мет. При этом Мурад Герай, Кумо Герай и эпизодически Саадет Герай проживали непосредственно в русских городах (Астрахань и Москва). Торжественный въезд Мурад Герая в

Москву произошел 26 июля 1585 г. «до полудня». Первая встреча была организована «за милю» до города [Мартин Груневег, 2013, с. 235]. Осенью 1586 г. в сопровождении большого военного отряда с почестями царевич был отправлен в Астрахань. Остальные братья и племянники кочевали в астраханских степях и на Северном Кавказе. Скорее всего, вместе с Саадет Гераем здесь же до 1588 г. находились его сыновья Девлет, Бахты, Мехмед и Саламет. Следует отметить, что они упоминаются всегда по трое: Девлет Герай, Бахты Герай и Мехмед Герай; в другом месте Девлет Герай, Мехмед Герай и Саламет Герай [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1590 г. Д. 5. Л. 19, 21; Кн. 18. Л. 111об. – 113]. Кумо Герай, вероятно, находился на положении заложника в Москве. Москва пыталась активно использовать Гераев в своей внешнеполитической игре как на восточном направлении (Большие и Малые Ногаи, Крым, Персия, Турция), так и на западном (Литва). Братья же изначально рассчитывали при помощи Москвы захватить власть в Крыму. В 1588 г. Сафа Герай стал пасынком нового крымского хана Газы Герая II, сына Девлет Герая I, и вернулся в Крым [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 17. Л. 47об.–48.]. В 1591 г. в Астрахани умерли царевичи Мурад Герай, Кумо Герай и одна из жен Мурад Герая [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 19. Л. 93; Зайцев, 2004, с. 191]. Данный факт послужил поводом для очередной эскалации русско-крымского конфликта и похода на Москву 1591 г. У Саадет Герая (впоследствии Мурад Герая) известна жена царица Ертуган, дочь бия Малой Ногайской Орды. Она смогла вернуться в Крым в конце 1593 г. [Беляков, Виноградов, 2013]. Между 1591 и 1593 гг. в России умерла дочь Мурад Герая и Ертуган, царевна Долга (Волга?). Все тела после длительных переговоров разрешили вывезти из Астрахани для перезахоронения в Крыму осенью 1593 г. [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 21]. Их могилы следует искать непосредственно в тюрбе их отца и деда Мехмед Герая II или же среди захоронений, прилегающих к нему. Помимо этого, единожды в 1588 г. в документах упоминается «Алди-Гиреева царевна» [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 18. Л. 284об.]. Но причина ее выезда и дальнейшая судьба неизвестны.

Имеются сведения о несостоявшемся выезде крымского царевича калги Шан Герая бин

Саадет Герай II в первой половине XVII в. В результате очередного династического спора в 1627 г. к власти в Крыму вновь пришел Джанибек Герай бин Мубарек Герай (1610–1623 гг., 1628–1635 гг.), сместив Мехмед Герая III (1610 г., 1623–1628 гг.). Последний решил вернуть власть, опираясь на запорожских черкас и ногаев Казыева улуса с Аллакуват-мирзою бин Азаматом во главе, но они потерпели поражение в мае 1629 (1628?) г. между Днепром и Перекопом. Сибирский царевич Хансюер бин Али, находившийся в то время в окружении свергнутых Гераев, предложил калге, направлявшемуся к родственникам своей матери на Северный Кавказ, отправиться в Астрахань. Но в это время на них напали донские казаки и захватили в плен Кучумовича. Шан Герай ушел с поля боя [РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1635 г. Д. 1; 1638 г. Д. 4; Савелов, 1906, с. 69–71, 94–96, 101; Гайворонский, 2009, с. 159–166].

Ранние выезды в Москву Гераев первоначально предварялись своеобразными приглашениями, «крепкими» или «крепостными» грамотами, в которых великий князь гарантировал чингизиду безопасность и соответствующий социальный статус. Первоначально инициатива выезда исходила от крымцев. При этом они же порой составляли и присылали образцы грамот, смысл которых заключался в обещании предоставить убежище («опочив») и средства к существованию. В начале XVI в. «крепкие» грамоты заменяются «опасными». Они лишены термина «опочива», зато указывают конкретную форму содержания («и мы тебе... в своей земле место дадим»), указывающую на «держание» города. Появляется указание круга лиц, который может выехать с царевичем. Тогда же возникает новый пункт. Василий III обещает «лиха и нечти и силе никоторой никак не быти». Ранее данный пункт встречался в ханских ярлыках, требовавших от представителей своей администрации воздерживаться от подобных действий по отношению к русской церкви, и только к ней. Тем самым постепенно образ хана стал подменяться образом великого князя, затем царя. Но для того, чтобы данная перемена произошла окончательно, должно было пройти еще немало времени [Хорошкевич, 2001, с. 275–307].

Следует отметить, что положение Гераев в Рос-

сии было несколько отличным от остальных служилых Чингизидов. В частности, они пользовались (точнее, многие из них) несколько большим уровнем свободы. Можно предположить, что это было связано с особенностями русско-крымских взаимоотношений того периода. Нельзя не сказать и о том, что Гераи рассматривали Россию в первую очередь как место возможной политической ссылки своих конкурентов, а также как плацдарм для дальнейшей борьбы за крымский престол.

В начале XVI в. в Россию из Крыма попадают мангыты, потомки Мансура бин Эдиге. В родословной книге по списку князя М. А. Оболенского упомянуты мирза Бибей, в крещении (князь?)² Владимир, сын князя Ибрагима (Бреим), внук князя Дин-Суфи (Тенсубуй). В свою очередь у Бибей упомянут сын Доахия (Симеон). У Владимира отмечены две сестры: Борнуша – за шибанским царевичем, другая – Оша-солтана – за Шиговляром-царевичем [Родословная, 2011, с. 76].

Дин-Суфи бин Мансур являлся золотоордынским и крымским беком. Ибрагим бин Дин-Суфи в родословной также именуется князем, поэтому должен был возглавлять крымских мангытов. На высокий статус мирзы Бибей косвенно указывает и выбор брачных партнеров для его сестер. Так как женщины отмечены в родословной книге, то они, скорее всего, также попали в Россию. Шибанский царевич – это сибирский царевич Ак-Девлет бин Ак-Курт, упоминается в Москве с 1518/19 по 1532/33 гг. Тогда Борнуша могла быть матерью его сына Шах-Али. А Шиговляр-царевич – это астраханский царевича Шейх-Аулеар бин Бахтияра, известный в России с 1502 по 1516 гг. [Беляков, 2011, с. 60]. Тогда Оша-солтана приходится матерью или же мачехой касимовскому и казанскому царю Шах-Али бин Шейх-Аулеару. В таком случае Шах-Али бин Шейх-Аулеар и Шах-Али бин Ак-Даулет по матерям с высокой долей вероятности являются двоюродными братьями. Это объясняет выбор одинаковых имен и почему Шибаниды Ак-Курт и Шах-Али одно время были очень близки к Касимову (Городец Мещерский) и ходили в походы во главе касимовских (городецких) татар [Беляков, 2011, 183–186].

² В книге нет упоминания о княжеском достоинстве. Но все ногайские мирзы после принятия православия становились потомственными князьями.

Упоминается в родословной книге еще один мангыт – новокрещен Иван, сын Мавлеша (Мердеша), внук Тевшина (Тениша) [Родословная, 2011, с. 76]. В родословной имеется пропуск, не отмечен отец Тевшина – Джанкуват бин Дин-Суфи, крымский бек. Его сын Тениш также был крымским и астраханским беком. Он, похоже, был причастен к убийству астраханского хана Мехмед Герая [Трепавлов, 2016, с. 151; Беннигсен, Лемерсье-Келькеже, 2009, с. 82]. В сентябре 1517 г. участвовал в крымском набеге на тульские места [Сборник РИО, 1895, с. 477, 480, 484, 490, 492]. Мердеш бин Тениш, по сведениям В. В. Трепавлова, проживал в Крыму [Трепавлов, 2016, с. 164]. Причина по которой внук Тениша попал в Москву и принял православие, не известна. Предположим, что это могло быть последствие пленения мирзы во время очередного набега.

Попадали в Россию и иные мангыты. В октябре 1505 г. Канбар-мирза Мамалеев (Мамалаев) сын отмечен в Муроме по казанским вестям: «у передовова же полку на праве Дзенай (Джанай бин Нур-Девлет. – А. Б.) царевич з городецкими татара да Канбар мурза» [Разрядная, 1966, с. 37]. Данное сообщение не позволяет однозначно определить статус мирзы. По нему он мог быть как членом двора касимовского царевича, так и являлся одним из служилых татар московского князя со своим собственным военным отрядом. В пользу последнего говорит следующее известие о мирзе. В июле 1507 г. «ис Северы (Новгород-Северский. – А. Б.) от князей посылал государь воевод своих на Литву». Канбар значится во главе передового полка с воеводою удельного князя Юрия Ивановича князем Василием Федоровичем Охлябиным [Разрядная, 1966, с. 38; Разрядная, 1977, л. 53, с. 94]. Это, скорее, указывает на статус мирзы как служилого князя. В сентябре этого же года мирза вновь отмечен в походе на литовские места. На этот раз он упоминается с астраханским царевичем Шейх-Аулеяром [Разрядная, 1966, с. 38; Разрядная, 1977, л. 59, с. 104]. На смоленские места из Дорогобужа он уже ходил во главе передового полка, без сопровождения воевод великого князя [Разрядная, 1966, с. 41; Разрядная, 1977, л. 60, с. 105].

В. В. Трепавлов предполагает следующую его родословную: Канбар бин Мамалай бин Дин-Су-

фи бин Мансур бин Эдиге [Трепавлов, 2003, с. 323–324]. Канбар приходился племянником большеордынскому и крымскому беку Хаджике (Азик) бин Дин-Суфи и в конце XV в. посылался им с посольством к Ивану III в 1502 г. Камбар просил за себя, дядю и астраханского царя Сеид-Ахмета, чтоб великий князь Иван III взял их к себе. Азик великокняжеским жалованием хотел «достать свой юрт». Иван III отпустил Канбара к Азику и Сеид-Ахмеду с приказанием ехать к себе [Сборник РИО, 1884, с. 385]. Приехал назад один Канбар Мамалаев. В России отмечают потомки мирзы. Со временем они приняли православие и стали князьями Камбаровыми и Тевекелевыми [Беляков, 2017]. По версии В. В. Трепавлова, однако, Тевекелевы потомки крымского бека Таввакула бин Тимура бин Мансура бин Эдиге [Трепавлов, 2003, с. 332]. Они стали членами государева двора и назначались полковыми и городовыми воеводами.

Следует указать на одно совпадение. Среди Канбаровых имеется Иван Мавкошевич Тевекелев (Деветелев, Теукечев, Теукелев, Теукчеев, Тевекелевич). Также мы знаем новокрещена Ивана, сын Мавлеша (Мердеш), внук Тевшина (Тениш). Не являются ли эти лица одним человеком? По крайней мере это бы частично объясняло молчание русских источников о новокрещенных князьях Владимире, Симеоне и Иване. Информация о них могла быть записана со слов их родственников, скорее всего, русских, которые не знали или же не помнили их точной генеалогии.

Мансурь занимали в Москве XVI в. заметное положение. Следует остановиться на нескольких моментах, которые еще ждут своего осмысления: 1) по-видимому, все мирзы в той или иной степени оказались связаны со служилыми астраханскими и сибирскими царевичами. Причину этого следует искать не только в генеалогических связях; 2) Мансурь в Московском государстве успешно адаптировались и органично встраивались в систему служилой титулованной элиты. Окончательно это происходило после принятия ими православия; 3) крещение мирз каким-то образом связано с касимовскими событиями. Они начинаются вскоре после смерти касимовского царя Шах-Али бин Шейх-Аулеара.

Уже в XVII в. в России оказывались и иные

потомки Мансура. Но об их генеалогии и жизни наши знания более чем отрывочны. В 1643/44 г. в Астрахани крестили крымского выходца Адил-мирзу Мансурова. На следующий год его отправили в Москву [РГАДА. Ф. 131. 1. 1644 г. Д. 4. Л. 13–14]. Известно, что он выехал из Крыма в Азов «под царскую высокую руку» еще в 1639 г. Тогда же его отправили в Москву. Там же ему велели ехать в Астрахань [Русская, 1898, стб. 950–934]. В 1671/72 г. (по другим сведениям в 1670/71 г. [РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1668 г. Д. 22. Л. 40]) крестили белгородского мирзу Антемира (Байтемира, Аббанта) Мансурова. Теперь он стал князем Федором [РГАДА. Ф. 131. 1. 1688 г. Д. 3. Л. 7]. Он был взят в плен «на бою под Севском» в 1667/68 г. Или же, что менее вероятно, в 1647/48 г. [РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1668 г. Д. 22. Л. 40, 50, 50 об.] На сомом деле плененных мирз в XVII в. было значительно больше. Но об их пребывании в России следов не осталось или же они еще не обнаружены.

Отдельно следует упомянуть еще одного Мансура в России XVI в. Дивей бин Хасан возглавлял ногайские племенные объединения Крымского ханства и обладал высоким влиянием при дворе хана Девлет Герая. 30 июля 1572 г. его пленили русские войска в битве при Молодах. В августе этого же года Дивей был привезен в Новгород и дан «на бережение» князю Б. Д. Тулупову. После многочисленных просьб об обмене мирзы русская сторона заявила о его смерти около 1575 г. [Трепавлов, 2016, с. 325–326].

Значительная группа крымских выходцев попала в Россию в результате династического кризиса 1580-х гг. Именно тогда решил остаться в Москве исполнявший роль посла мирза Янша (Янша-Паша) Сулешев. Он принадлежал к клану мирз Яшлавских, на протяжении XVI–XVII вв. являвшихся одним из наиболее влиятельных крымских родов и постоянными русскими амиатами (доверенные лица среди крымской знати по связям с Москвой) [Виноградов, 2006]. Его родословная выглядит следующим образом: Янша-паша – Сулеш (Сулейман-ишан) – Магмедша (Мухаммед-ишан) [Разрядная, 1966, с. 460]. Его интеграция в служилую элиту русского государства прошла очень быстро. Осенью 1591 г. мирзу послали в Новгород

для участия в шведской кампании. Замечателен тот факт, что его имя стоит сразу же за служилыми царевичами. Как и им Янше полагался пристав [Разрядная, 1966, с. 460]. Известны два его сына Юрий и Василий, а также дочь.

Юрий Яншеевич Сулешов, по-видимому, крестился еще в XVI в. Тогда же его женой стала кабардинская княжна Мария Мамстрюковна Черкасская. После принятия православия вчерашний мирза стал князем и, судя по всему, получил чин стольника. Однако первое упоминание о его службах относится только к январю 1605 г. В Смуту князь вначале поддерживал Василия Шуйского, затем входил в состав I и II ополчений, принимал непосредственное участие в ликвидации последствий Смутного времени. Его происхождение, родственные связи и факт принятия православия позволили ему сделать успешную карьеру и удачно местничать с представителями московского боярства [Эскин, 1994, № 995, 996, 1117, 1140, 11, 41, 1142, 1326]. В феврале 1615 г. Ю. Я. Сулешов пожалован из чашников в бояре [Правящая, 2006, с. 312]. В 1618/19–1622/23, 1625/26, 1627/28–1629/30 гг. он возглавлял Сыскной, в 1627/28–1629/30, 1632/33–1633/34 гг. Разбойный, в 1632/33–1633/34 гг. Сбора даточных людей приказы [Богоявленский, 1946, с. 299]. В 1623–1625 гг. выполнял обязанности тобольского воеводы, тем самым возглавлял управление всей Сибирью. Неоднократно становился участником многочисленных дворцовых церемоний. Так, в 1634 г. во время поставления патриарха Иосафа Сулешов «водил осляти» под новопоставленным владыкой [Таценко, Шокорев, 2002, с. 39–49].

Василий Яншеевич Сулешов принял православие уже в правление Михаила Романова. До этого он, по-видимому, носил имя Маметша (Мухаммед-ишан), как и его прадед. После этого он стал князем и комнатным стольником. В 1625/26 г. он жалуются в кравчие [Правящая, 2006, с. 315]. С этого момента мы видим Василия, в отличие от брата, имевшего богатый военный и административный опыт, исключительно на придворных должностях. От брака с дочерью Ивана Федоровича Басманова, Фетиньей, у Василия известно двое сыновей – Иван и Илья Васильевичи, умершие в младенчестве. На этом род пресекался.

Их сестра вышла замуж за служилого ногай-

ского мирзу Чина бин Эля (Юсупова), приходившегося племянником сибирскому хану Кучуму [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1586 г. Д. 1. Л. 15–16].

Параллельно с этим развивался еще один сюжет с семейством Яшлавских. В 1580-х гг. в Россию неизвестным путем попал Ибрагим-паша Сулешев, брат Янши. Его посадили в особую тюрьму в Новгороде, где он фиксируется уже в октябре 1588 г. [РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1588 г. Д. 3]. Но в октябре 1593 г. по настоятельному требованию, более походившему на шантаж, еще одного их брата, разменного посла Ахмед-паши Сулешова, Ибрагима отпустили в Крым [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 20. Л. 281об. –282].

Другим знатным татарским выходцем, попавшим в Россию в 1585 г., стал представитель еще одного влиятельного крымского рода – Кулюковых – Пашай-мирза Куликов. В 1591 г. за него выдали дочь астраханского царевича Абдулы (Кайбулы) бин Ак-Кобека [РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. 1630 г. Д. 1. л. 433–434; Беляков, 2011, 98–99]. Тогда же на настоятельные требования родственников и крымского хана Газы Герая он ответил, что ему «от царского жалованья в Крым не ехать, здесь он пожалован великим государевым жалованьем, вотчинами и поместьями большими, селами и деньгами, чего всему родству его в Крыму у хана не видать» [Соловьев, 1989, с. 261]. В России известен его сын Аблай-мирза. В 1619/20 г. Аблай добровольно принял крещение. Теперь он стал стольником, князем Борисом Пашаевичем (Пашай мурзин) Куликовым [РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1619 г. Д. 4, 7; 1621 г. Д. 12; Ф. 134. Оп. 1. 1622 г. Д. 1. л. 92; 10; 134]. О его жизни нам почти ничего не известно. Вскоре после крещения он женился [РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1633 г. Д. 2. Л. 2–3]. В Дворцовых разрядах он встречается только один раз. 17 мая 1624 г. князь участвует в приеме послов кизылбашского (персидского) шаха Аббаса Русан-бека (Урусан-бек) с товарищами. Находился среди государевых стольников в «белом» платье в малой Золотой палате. Позднее, на пиру, данном в честь послов в Грановитой палате, князь подавал еду на царский стол [Дворцовые, 1851, с. 685, 691]. Если бы не ранняя смерть, то Бориса Куликова ждала приблизительно такая же карьера, как и братьев Сулешовых.

Мы можем привести довольно полный список

лиц, оказавшихся в России с Мурад Гераем. Многие из них в 1593 г. с вдовой царевича, царицей Ертуган, были отпущены в Крым, некоторые навсегда остались на новой родине.

Зимой-весной 1585 г. в Москву царевичи посылали Кошум-мирзу Сеферева, сына Сулешева, племянника Янши [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 16. Л. 18об.–19]. Другой раз он упоминается в мае 1587 г. [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 16. Л. 134] Его родословная выглядит следующим образом: Кошум – Сефер – Сулеш – Магмедша [Виноградов, 2007]. В январе 1586 г. в Москву приехали послы от Саадет Герая и Сафа Герая – Магмет-ага с товарищами [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 2. Л. 1–2]. 25 января отмечено имя татарина Асанака (Асана) [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 2. Л. 13]. 15 марта упоминается служилый татарин Кадыш Кудинов, которого также предположительно можно считать человеком царевичей [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 6. Л. 2]. 6 июня в Москву приехал человек Саадет Герая Тезик-улу-ага [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 2. Л. 9–11]. 29 октября в Астрахани известен некий Текей-аталык [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1586 г. Д. 1. Л. 51]. В 1588 г. в Москву из Астрахани приехал от Мурада Герая Кошум-мирза Былденов со своими людьми [РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1588 г. Д. 2. Л. 6об., 7об.]. В 1588 г., после смерти старшего брата, в России остались: «Саадет-Киреева царица да брата нашего Алди-Гиреева царевна и их люди Ильш мирза да Юлмагмет-аталык, Магмет Паша-мирза, Момай имилдеш, Янтемир Телдиви, Касым, Магмет-ага, Доюкчюра Козман, Солтангул Мамгай» [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 18. Л. 284об.]. С Сафа Гераем в Крым отъехали Арасланай Дивеев с сыном, князь Кутлу Ширинский, князь Сулеш Перекопский. В 1593 г. с царицей в Крым отправили: ее брата Шабана, Сарын (Салым?) мирзу, Ишеней мирзу, Кузна-дувана, Мамлюзара, Халила, Магмет-Али-улана, Алкаса, Искиндера, Шахсувара, Данак абыза, Кара, Байбулата, Такбулата, Девлеткилдея, Ромозана слепого, Мурата, Утемиша, Курмана, Ишалея, Ишеналея, Хозя Агмет, Яфер, Аширгул, Дервишек, Аллабердей, Сефер-Газы, Баграм, Илдибая, Баранчи, Алейко, Камберди-Али, Ибрагима, Бярбедея, Шабкая, Назеника и его сына. Также упоминаются женщины: боярыни, женки и девки (мамка Назенин; девка Алтын-тап;

Салтангуловы две жены – Ак-беке и Орке, их муж, скорее всего, к этому времени умер; Халимова жена Кутлуби; Алкасова жена Ференаз; девка Гулбегар; Шахсурова жена; девка Семенсима; девка Гулзар; жонка Шигарфонка; Майхайлова жонка; задворные (Магмет-Али уланова жена Авни-салтан, Муратова жена Исен, Кузман дуванова девка Казы, Такай абызова жена Сымикей [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 20. Л. 88, 219об.–222.]). Помимо этого, в России остались во Владимире Илыш-мирза и Тохтар улан [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 20. Л. 88 об.], а также Елмамет-аталык и Янтемир князь [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 21. Л. 78об., 113]. В 1594 г. в России отмечен аталык Шибана мирзы, брата царицы Ертуган [Зайцев, 2009, с. 40]. В 1598/99 и 1600/01 гг. упоминаются некие тюремные сидельцы, люди царевича Мурад Герая. На их содержание шли деньги вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря [Акты, 1838, с. 231–231]. Известны также «новокрещены царевичевские Мурат-Киреевы и крымские и нагайские выездные, что посланы в Новгород ис Посольского приказа». В августе 1602 г. они принимали участие во встрече датского королевича, предполагаемого зятя Бориса Годунова. Вот их имена: Иван Обреимов, Семен Багридов, Акинфей Кадышев, Ивашко Колышев, Пахом Алабедеев, Иванко Яндевлетев, Исак Койжаров [Архив СПбИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 38. Л. 54, 56.]. В ту же новгородскую тюрьму, где сидел Ибрагим Сулешев, отправили неких крымских языков Алея-мирзу и мирзу Алея. Но имели ли они какое-либо отношение к крымским царевичам в России, нам не известно. Вскоре они приняли решение принять православие и вступить на государеву службу [РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1588 г. Д. 3]. Уже после Смуты, в первой половине XVII в., ведались в Посольском приказе и проживали в Ярославле «Мураткиреевские тотары»: мирзы Шантемир и Казтемир Хотеевы и Тихон Тимофеев, сын Килеев, его отец умер на государевой службе в Тифине (Тихвине), а также Василий Маметев [РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1628 г. Д. 3]. Также следует отметить Муслы-аталыка, выполнявшего посреднические функции при переговорах между Бахчисараем, Астраханью и Москвой. Его как носителя ценной информации решили изолировать и поместили в одну из особых тюрем на русском Севере. Постоянные

просьбы крымской стороны об его освобождении не смогли изменить его судьбу [Беляков, Виноградов, 2014].

Сын темрюкского князя Бажука, Мундар-мирза, был одной из последних знаковых фигур, попавших в Россию. Его пленили в битве на р. Кагальник 4 августа 1646 г. В Москву пленника привезли атаман Наум Васнев с товарищами. Черкесский мирза рассматривался как ценный военный трофей. Его статус в общей иерархии выходцев с Востока был определен даже несколько выше князя Василия Яншеевича Сулешева. Решившего креститься мирзу 28 февраля 1647 г. отправили под начало в Кремлевский Чудов монастырь. Обряд крещения состоялся в Великий пост, в Лазарево воскресенье (9 апреля 1647 г.). После принятия православия он стал князем Василием Черкасским. Князь не был помещен, и ему полагался поденный корм в 50 копеек. Однако вскоре, по его челобитью, была дана прибавка на содержание людей князя Василия. Теперь он стал получать рубль в день [РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1647 г. Д. 2, 12].

Дополнительную информацию о новокрещенном князе нам дают сведения боярских списков. Здесь он отмечен уже как стольник князь Василий Григорьевич Темрюцкий, умерший в 1654/55 г. [Белоусов, 2008, с. 307; Беляков, 2014a]. Смена родового прозвища, судя по всему, произошла из-за князей Черкасских, стремившихся обезопасить свое положение при дворе от возможных посягательств «однофамильцев» в будущем. Причиной смерти стал мор, свирепствовавший в это время в столице.

Приведенные примеры показывают, что крымские выходцы в ряде случаев легко встраивались в структуру служилых людей Московского государства. А в случае принятия православия они могли сделать заметную карьеру.

В XVII в. количество добровольных выездов значительно сокращается. Среди крымских выходцев фиксируются почти исключительно неродовитые люди. Они растворялись среди основной массы служилых людей Русского государства и не оказывали какого-нибудь заметного влияния на его состав. А вот пленные крымские татары фиксируются регулярно. Так, в 1657/58 г. в Москве, Галиче и сибирских городах насчитывалось

в общей сложности 94 пленных татарина, в том числе 4 мирзы [РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 478]. Однако нужно учитывать, что в это число помимо крымских и белгородских татар попадали ногаи и литовские татары. В 1673/74 г. в Москве по тюрьмам находилось 225 «взятых татар» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. 1160. Л. 8, 25]. Таким образом, одновременно количество крымских пленных татар из числа московских тюремных сидельцев могло достигать 25%. В своем большинстве они были предназначены для размена (выкупа) русских пленных в Крыму. Мирзы как более ценный трофей, по-видимому, содержались в особых тюрьмах с несколько улучшенными условиями. Похоже, при пленении их первоначально помещали в тюрьмы пограничных городов. В дальнейшем пленных отправляли в столицу. В случае переполнения московских тюрем их частично распределяли по иным городам. Когда достигалась договоренность

об обмене пленными с Крымом, пленных татар вновь привозили в столицу. При этом пределы России покидали далеко не все. Часть из них принимала крещение, другие, по непонятным для нас причинам, отправлялись в Сибирь.

Об организации тюремного заключения пленных крымских татар мы обладаем сведениями исключительно по XVII в. Однако логично предположить, что в XVI в. действовали те же правила.

Таким образом, на протяжении более чем двух веков крымские выходцы регулярно попадали на территорию Московского государства. Однако оставить свой след в формировании русской нации смогли почти исключительно неродовитые люди. Они пополняли ряды служилых людей или же попадали в категорию зависимого населения. Представители знати успешно интегрировались и занимали видное положение. Однако через 2–4 поколения их роды пресекались.

17.3. Татары Добруджи и Буджака*

Тасин Джемиль

Располагающиеся сегодня на юго-востоке Румынии Добруджа и на юго-западе Украины Буджак могут быть охарактеризованы как своего рода продолжение широких равнин, которые раньше называли Кипчакскими степями. Возможно, по этой причине на добруджских и буджакских землях на протяжении 1500 лет основывали свои поселения и безраздельно господствовали тюркские народы и государства. Добруджа и Буджак неотделимы друг от друга как с географической точки зрения, так и с исторической. Татары, являющиеся наследниками древних тюрок, а точнее кыпчаков, воспитывают в сознании свою коренную принадлежность к этим территориям [Gemil, 2010, s. 9–22]. В восточных и южных частях нынешней Румынии, включая области Добруджи и Буджака, татары продолжали господствовать до конца XIV в. В опиравшемся на надежные источники труде «История сельджуков», законченном в 1424 г., о северной Добрудже, которая со второй половины XIII в. находилась под вла-

стью Золотой Орды, Али Языджиаде писал следующее: «Большую часть времени в иле Добруджа было 2–3 мусульманских города и 30–40 тюркских кочевий» [Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi – Istanbul, R–1390/91, у. 234]. Тот же автор сообщил очень интересную информацию о периоде правления Берке (1257–1266), касающуюся Буджака и территорий, расположенных восточнее: «Долгое время земли от Крыма и Черной Богдании до вилайета были территорией ислама. В Черной Богдании стоит мечеть <Берке Хана>, которую позже неверные превратили в хлев для свиней» [Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi – Istanbul, R–1390/91, у. 235]. Территория между реками Прут и Днестр, включая Буджак, примерно в 1370 г. была отделена Молдавским государством (Кара Богдан) от Золотой Орды.

Посетивший Добруджу в 1330 г. знаменитый арабский путешественник Ибн Баттута называл татар Золотой Орды тюрками и писал следующее: «Наконец добрались до небольшого города, известного по имени Баба Салтука, где заканчивалась земля тюрок... Между Баба Салтуком и первым византийским вилайетом простирается совершен-

* Перевод с турецкого языка Л. Б. Болтаевой, И. М. Миргалеева. Сокращенный вариант статьи опубликованной в журнале «Золотоордынское обозрение». № 1. 2013.

но пустая степь, преодоление которой занимает 18 дней пешего пути» [İbn Battuta, 2005, s. 331]. Городок Баба Салтука сегодня известен как село Баба-Даг, располагающееся на севере Добруджи. В XIII–XIV веках, в эпоху Золотой Орды, Добруджа в действительности не была пустыющей землей [Decei, 1978, s. 191; Inalçik, 1986a, s. 610]. В конце XIII в. Ногай, основавший независимое государство, поселился в Добрудже, в городе Исакчы [Oberlander-Târnoveanu, 1997, s. 49–63]. В середине XIV в. в Добрудже, в крепости Ени-Сала расположился центр другого государства татар¹. Присутствие татар на землях Добруджи и Буджака в XIV веке подтверждают различные письменные источники и археологические находки. С 80-х годов XIII века в европейских источниках упоминаются «дунайские скифы» «paristrion skitleri» [Fontes, 1975, s. 510–511; Gonța, 1983, s. 98]. Должно быть, эти татары не были малочисленными, поскольку их войско успешно вмешивалось в междоусобицы и беспорядки, происходившие в Болгарском государстве, а также защищало границы Золотой Орды от любых вторжений с Балкан [Spinei, 1982, s. 176–177]. В середине XIII в., во времена правления Берке-хана, миссионеры из Средней Азии принесли на территорию Добруджи ислам. Имена этих мусульманских миссионеров сохранились до наших дней в названиях некоторых городов Добруджи: Баба-Даг (Баба Салтук / Мухаммад аль-Бухари), Мачин (Баба Мачин), Исакча (Баба Исхак), Тулча (Баба Тулчи/Кулчи). Распространение ислама в Добрудже окончательно доказал арабский географ Абу-ль-Феда (1273–1323) [Decei, 1945, s. 632–633].

В конце XIV в., когда османы впервые посетили Добруджу, они обнаружили здесь одну мусульманскую общину татар. После разрушительного нашествия Амира Тимура в Поволжье в 1395 г. многие татары бежали в Добруджу и Румелию [Gresov, Iacobovschi, 1953, s. 342–344]. Следовательно, между татарами Волги и Дуная существует достаточно сильная связь. Актау, один из главных эмиров Токтамыш-хана, вместе с воинами участвовал в сра-

жениях на службе Османского государства и Валахии. Судя по сведениям османских и византийских историков XV века, численность этих татар составляла 35 000. В битве при Никополе (1396) они сражались на стороне османского войска, чем сильно повлияли на исход сражения [Cronici, 1966, s. 40, 50; Chalcocondil, 1958, s. 75; Gonța, 1983, s. 158]. В XVI в. «татары Актава» снова фигурируют в официальных документах в качестве воинов на службе Османского государства [Gökbilgin, 1957, s. 87]. Во времена правления султана Мехмеда I (1413–1421) татары из Анатолии были перевезены в Румелию [Orudj, 1925, s. 110]. Вполне вероятно, что часть из них расположилась в Добрудже.

В 1417 г. на долгий 460-летний период Добруджа полностью перешла под власть османов. До сих пор не найдено никаких значимых сведений о татарах Добруджи, относящихся к XV в. Область, называемая Буджак, в этот период, то есть в XV в., находилась в пределах границ Молдавского государства, однако численность татар там была совсем незначительной. В XV в. в собственности Молдавского государства находились «татарские рабы» [Beldiceanu, Beldiceanu-Steinherr, 1986, s. 7–14.]. С конца того же века это выражение убирал из официальных бумаг.

Примерно в 1370 г. при поддержке Польши и Литвы Молдова положила конец господству Золотой Орды на территории между Прутом и Днестром. В течение этих войн город современной Республики Молдова Оргеев, деревня Костешти и два близлежащих развитых татарских города были разрушены, а жители уничтожены или забраны в рабство [Nicolae, 1995, s. 197–200; Postică, Vecchi, 2006]. Вероятно, выражение «татарские рабы» осталось с тех времен. Однако, на мой взгляд, этими рабами должны были быть цыгане, приведенные татаро-монголами. В любом случае эти «татарские рабы», большинство которых находилось в Молдове, исчезли, смешавшись с «цыганскими рабами».

С конца XV в. татары снова начали приходить на территорию Буджака, заранее зная, что там уже проживают их земляки. Хотя они здесь и не были очень многочисленными, тем не менее они оставили след в европейских источниках как храбрые воины на службе польского короля и молдавского воеводы [Iorga, 1899, s. 73]. В 1484 г. в результате политического и военного сотрудничества между

¹ 22 июня 1368 года король Венгрии Людовик I предоставил документ татарскому купцу, где написано: “dominus Demetrius princeps Tartarorum” [Documenta, 1977]. Румынский историк Н. Йорга перевел это как «Хан татар Те<й>мур» [Iorga, 1937, s. 264]. Другие румынские историки это татарское государство размещали в Буджаке [Spinei, 1982, s. 274–278].

османским султаном Баязидом II и крымским ханом Менгли Гераем I юго-восточная область Молдовы, то есть Буджак, перешла под власть Османского и Крымского государств. Османский султан захватил крепости Килия и Аккерман с прилежащими территориями, а крымскому хану отошли города Каушаны, Дубоссары и их окрестности [Inalçık, 1960, s. 1253; Gemil, 1983, s. 225–238]. Здесь расселились татары. О том, что на земле между перешедшими под власть Муртазы Хана крепостями Килия и Аккерман проживало «много татар», мы узнаем из источника этого периода [Orudj, 1925, s. 132]. Поселившиеся в Буджаке татары были подчинены крымскому хану.

То есть в отличие от Добруджи Буджак стал совместным осmano-крымским владением (кондоминиумом). Как сообщается в польском источнике 1502 г., османский султан позвал волжских татар в Буджак и пообещал крымскому хану вместе с пошлиной крепости Аккерман и пошлины от работорговли. Этот факт можно расценивать как показатель роста стратегической значимости Буджака. По мере ослабления и после окончательного исчезновения Золотой Орды часть волжских татар была вовлечена в миграционные потоки. Буджак и Добруджа стали привлекательными территориями для ногайских татар, кочующих между рекой Яик (нынешний Урал) и Доном, ввиду того, что эти территории были давно населены татарами. С 1512–1514 гг. в европейских источниках, в первую очередь польских, с тревогой отмечается постоянный рост численности татар в Добрудже. В 1521 г. 20-тысячное войско добруджанских татар под командованием ханзаде (ханских сыновей) Саадет и Химмет² Гераев было отправлено в османскую армию, собранную недалеко от Эдирне [Sroeckovsky, 1979, s. 175].

В 1538 г. снова в результате сотрудничества османского султана и крымского хана совместное осmano-крымское владение в Буджаке расширилось (была взята Тигинская/Бендерская крепость и окрестность)³ и усиливалось. В это время название Буджак начинает становиться известным.

² Геммет Герай.

³ Название «Переправа Тигиня» известна в молдавских документах XIV–XV вв. На наш взгляд, это название осталось от золотоордынских татар. Румыны эту крепость называли Тигиня (Tighina), а османы называли Бендери [Costăchescu, 1932, s. 630–631].

Вероятно, это название может принадлежать и крымскому хану Менгли Гераю. Буджак, расположенный между устьями Дуная и Днестра, протяженностью в длину 70 и в ширину 34 часа пешего пути, возник на местности, имеющей форму угла [Uzunçarşılı, 1954, s. 41]. Судя по официальным османским документам, находившиеся в XVI–XVIII вв. под османской властью Буджак и Добруджа вместе с Дунайским районом относились к санджаку Силистра, который с конца XVI в. упоминается как санджак Силистра-Очаков. В Буджаке в течение долгого времени существовали следующие области: Аккерман (затем стал санджаком), Бендер, Килия, Переправа Исмаиля, Сарата/Татарбунары; в XVIII в. возникли Томарова или Тимурабад (Рени), Дубоссары, район Картал; со временем названия и границы некоторых районов были изменены. Известные районы Добруджи: Силистра, Добрич, Хаджиоглу (Назарджик) Балчик, Мангалия, Карасу/Сакарья, Баба-Даг, Хырсово, Мэчин, Исакча, Тулча [Gemil, 2004, s. 53; Gemil, 1984; Veliman, 1984; Sereda, 2009].

С середины XVI в. много кочевых или полукочевых татарских (ногайских) племен было собрано в Буджаке и Добрудже. Крымский хан Сахиб Герай (1532–1551) начиная с 1546 г. предпринимает суровые меры против ногайских племен, кочующих в степях. Он принудил их к повиновению и переселил в Буджак и частично в Добруджу [Gökbilgin, 1973a, s. 72]. В то же время, по мере постоянного расширения границ Московии, ногайцы вытеснялись со своих прежних территорий [Kurat, 1972, s. 280–289], и вплоть до второй половины XVIII в. их племена были вынуждены постоянно переселяться все западнее, в особенности на территорию Буджака и Добруджи. Основными этими племенами были следующие: Мансур, Орак, Кассай, Мамай, Ор-Мамбет (Мехмет), Джембойлык, Эдисан, Джетишкул, Кунгат и другие [Inalçık, 1986, s. 1287; Enver, 1964, s. 326–327; Cossuto, 2001, s. 71]. Переселяя татарские племена в Буджак и Добруджу, османское правительство преследовало свои политические и экономические цели. Буджак и Добруджа были окраинными территориями империи и должны были экономически укрепить ввиду переселения сюда новых кочевников. В то же время размещенные здесь татарские войска могли быть использованы как политическое и во-

енное оружие против румынских княжеств, Польши и даже Крымского ханства. Крымский хан также считал полезным переселение многочисленных ногайских племен с полуострова на более удаленные территории.

Имевший татарские корни молдавский князь и ученый Дмитрий Кантемир сообщает, что в 1568 г. в Буджаке проживало 30 000 татар [Cantemir, 1876, s. 326]. В указе султана Ахмеда I от 1608 г. написано следующее: «Вот уже несколько лет как крымские и ногайские татары, перейдя Очаков и Днестр, пять-десять тысяч татар Аккермана, Бендера и Килии в своих степях обрели Родину» [Gemil, 1984, s. 123–124]. В дипломатическом отчете 1618 г., отправленном из Стамбула в Париж, сообщалось, что на западном берегу Днестра с недавних пор проживает 15 000 татар [Iorga, 1899, s. 220]. Итальянский путешественник Марко Бандини в середине XVII в. нашел здесь 60 татарских деревень [Iorga, 1899, s. 260], а побывавший в те же годы и в той же области османский путешественник Эвлия Челеби сообщает о 200 процветающих татарских деревнях [Inalçık, 1986, s. 1287]. В 1691 г. известный инженер-генерал и шпион Л. Ф. Марсильи насчитал в Буджаке 300 татарских деревень. В середине XVIII в. консул Ш. де Пейссонель, отправленный французским королем в Бахчисарай, на той же территории обнаружил уже 500 татарских сел [Peyssonnel, 17876, s. 258].

Судя по рузنامه, написанному во время похода Сулеймана Кануни на Кара-Богдан в 1538 г., в этот период турецко-татарские деревни и небольшие города были почти заполнены [Desei, 1945, s. 636]. Находившийся в Добрудже в конце XVI в. венецианец Марко Вениер сообщил, что ханзаде с 40 000 татар недавно обосновался в Добрудже [Călători, 1971, s. 392]. В середине XVII в., будучи в Добрудже, Халепли Пауль писал, что здесь «народ целиком состоит из татар-мусульман» [Călători, 1976, s. 22–23]. В XVI–XVIII вв. Добруджу и Буджак называли «Тартариа», «Татарская равнина», «Татарская земля/местность» и т. д. [Andreescu, 2005, s. 98–99].

Начиная с XVII в. Буджак становится тесным для постоянно прибывающих татар, тогда буджакцы начали пасти скот на окрестных территориях, особенно на молдавских землях. В связи с этим в османском архиве обнаруживается большое коли-

чество жалоб. Однако до второй половины XVII в. и крымский хан, и османский падишах игнорировали такого рода жалобы. В этот период османский султан использовал буджакских татар как противопоставление запорожским казакам. Даже мирза Кантемир, предводитель племени Мансур, сначала был санджакбеем Силистры, а затем в 1620 г. назначен на должность бейлербея Очакова. Армия Кантемира Паши, состоявшая в своем большинстве из добруджанских и буджакских татар, была настолько сильной, что смогла победить крымскую армию в 1624 г., и до того как он был казнен в Стамбуле в 1624 г., держала в страхе Польшу, Валахию и Молдову [Gemil, 1979, s. 50–99]. Во второй половине XVII в. Буджак был перенаселен до предела. В ответ на настойчивые жалобы беев Молдавии и Валахии крымский хан Мехмед Герай IV Суфий (1641–1644; 1654–1666) в 1665 г. решил переселить часть ногайских татар из Буджака на восточный берег Днестра. Но ногайцы оказали сопротивление и попросили помощи у османского султана. В сентябре 1666 г. присланный из Стамбула Ал-Хадж Халил-ага официально предложил буджакским татарам перейти в османское подданство (стать райа) и расселиться по территории Аккермана, Килии, Измаила, Бендер и Сарата. Другими словами, татары Буджака выводились из-под власти крымского хана и становились подданными Османской империи. Еще точнее, буджакские татары переходили под власть бейлербея Очакова. Возражения крымского хана завершились его отдалением от трона. Проблема, получившая название «юрт Халила-паши»⁴, очень занимала Молдавию и Крымское ханство. Для перехода под покровительство османов у ногайских татар была очень значимая причина: перенаселение Буджака. Буджакские татары стали даже одной из тем обсуждения в Карловице. Шестой пункт османо-польского договора, подписанного 24 ноября 1698 г., требовал возвращения на прежние земли татар, перешедших границу «юрта Халила-паши». Воспользовавшись войной 1710–1711 гг., ногайцы перешли границы Буджака и официально расположились на новой местности на молдавских землях. Но вскоре и этой территории стало не хватать. Под влиянием русской пропаганды во время и после войны 1768–1774 гг.

⁴ Северо-западная часть Буджака, перешедшая под власть крымского хана и населенная ногайцами.

некоторые ногайцы мигрировали на восточный берег Днестра, в Россию, некоторые из них – на юг Дуная, в Добруджу [Iorga, 1899, s. 251]. Но Буджак так и остался густонаселен татарами. Уклад жизни в XVIII в. сильно изменился по сравнению с XVI в. Буджакцы хотя и приняли оседлый образ жизни и начали заниматься земледелием, не могли отказаться от скотоводства. Для бесчисленного количества стад лошадей, овец и крупного рогатого скота требовались обширные пастбища с сочной травой. По этой причине стали возникать конфликты с соседями и в первую очередь с молдаванами [Gemil, 1996, s. 149–152; Gemil, 2009, s. 93–100]. Несмотря на это, буджакские ногайцы налаживали дружественные отношения с румынами Молдовы и Валахии и даже помогали им зерном в неурожайное время [Gemil, 2008]. Многие европейские путешественники и дипломаты (Kleeman, Bruce, Peyssonnel, Tott, Sestrencevicz и др.) отмечали такие особенности буджакских татар, как гостеприимство, дружелюбие и трудолюбие [Iorga, 1899, s. 263].

Миграция, начавшаяся после присоединения в 1783 г. Крыма, несомненно, отразилась на Буджаке и особенно на Добрудже. Так как после подписания Ясского мирного договора (1792 г.) не оставалось надежды избежать русской оккупации, миграция татар усилилась. Судя по цифрам, в этот год в Османской империи нашли убежище от 30 000 до 100 000 крымских переселенцев [Fisher, 1987, s. 78]. Сколько из них пришли в Буджак и Добруджу, до сих пор не известно, в любом случае их должно было быть много, так как эти территории привлекали своей непосредственной близостью к Крыму всех тех, кто сохранял надежду вернуться домой.

В период с 1417 по 1878 гг. Добруджа находилась под властью Османской империи. Живущие здесь татары, как османские подданные, были вынуждены подчиняться существующему порядку и законам. Однако особенностью являлось то, что добруджанские татары и особенно ногайцы участвовали в войнах под руководством своего командующего. В то же время было немало татар, которые извлекли пользу из установленной в Добрудже тимарной системы. Это можно отследить по использованию титула «мирза» или по именам и названиям деревень, напоминающим золотоордынские или крымские [Gemil, 2004].

Несмотря на то что со стороны Османской империи не предпринималось никаких дискриминационных мер, до недавних пор татарские деревни Добруджи отличались от турецких ввиду того, что, хотя татары и турки Добруджи относились друг к другу как к братским народам, веками и те, и другие продолжали сохранять собственный уклад жизни. Отличия в быту годами сохранялись даже между оседлыми татарами (крымскими) и татарами-кочевниками (ногайцами). Кроме того, имели место и чисто ногайские деревни [Ülküsal, 1966].

В 1484 и 1538 гг. османский правитель принял походы на Молдову, в которых участвовали также и крымские ханы со своими войсками. В результате этих походов юго-восточная область молдавского воеводства отошла к османам и Крыму. На этой территории, названной Буджаком, пять районов находились в подчинении османского падишаха, а крымский хан овладел некоторыми областями на правом берегу Днестра. Важнейшими из них были Дубоссары, Каушан и Ханкышлясы. Однако проживающие в Буджаке десятки тысяч татар, будучи подданными крымского хана, находились под его властью. Для того чтобы осуществлять правление, крымский хан назначил в Буджак своего сераскера. Самый высший представитель хана, сераскер, выбирался из правящего рода Гераев, обычно это был сын или брат хана. Сераскер Буджака был членом Дивана крымского хана и обладал большим авторитетом. Будучи предводителем армии Буджака, сераскер сосредоточивал в своих руках большую мощь. Он управлял Буджаком почти как хан, ставка его располагалась в городке Каушан, недалеко от Днестра. У сераскера был собственный диван, везирь, дефтердар, секретарь и др. За пределами османских ильче буджакские татары подчинялись сераскеру и кадиям. Диван сераскера для истцов в Буджаке был судом последней инстанции, в том числе здесь выносились и смертные приговоры. Для государственных же дел функции суда последней инстанции носил диван хана. Буджакские татары были обязаны ежегодно давать сераскеру с каждого дома куруш, с каждой деревни по одному барану. Когда сераскер вступал в должность, необходимо было преподнести ему в подарок 500 голов рогатого скота. Сераскер в свою очередь должен был советоваться с местным главным мирзой. Крымский хан держал буджакских татар под кон-

тролем посредством высокого чиновника – ялы-ага [начальника береговой охраны]. Ялы-ага смотрел за областью Днестра, сам он жил в Ханкышласы. В одном ряду с крымским ханом, сераскером Буджака и ялы-агой стоял представитель от молдавского воеводы. В то же время рядом с молдавским воеводой находились и представители татарской знати. Они занимались проблемами молдаван, живущих в Крыму и Буджаке, и татар, живущих в Молдове [Peyssonnel, 17876, s. 240–241, 254, 262, 308; Iorga, 1899, s. 260; Iorga, 1904, s. 237, 302, 342, 375, 408; İnalçık, 1986, s. 1287; Sereda, 2009, s. 76.].

С целью уничтожения самостоятельности, которая заметно усилилась у ногайцев Буджака, Менгли Герая II (1724–1730; 1737–1740) хотел силой насадить здесь крымские порядки. То есть он считал крымский жизненный уклад подходящим и для татар Буджака. Хан хотел, чтобы вместо шатров были построены дома, а также чтобы они перестали кочевать вслед за своими стадами, поэтому он посоветовал в первую очередь заниматься земледелием. Буджакские мирзы же предприни-

мали необходимые меры, чтобы владеть землей в форме суюргал. Чтобы положить конец конфликтам с Молдовой, были налажены отношения с воеводой (господарем) Григорием Гика, и объявлено, что все территории, захваченные ногайцами, кроме «юрта Халила-паши», возвращаются Молдове, вышедшим из этой территории ногайцам выделялась территория Аккермана и Измаила, а те, кто пожелал остаться там, должны были платить дань владельцам земли. Причиной попытки осуществления этих реформ в Буджаке стало мощное восстание 1727–1728 гг. Совместными силами Крыма, Османской империи, Молдовы и Валахии это ногайское восстание было подавлено. Хотя планы Менгли Герая II и не были всегда успешными, после этого восстания самостоятельность Буджака сильно пошатнулась, и этот регион потерял свою военную и политическую значимость. Однако вместе с тем после этих событий начался серьезный экономический рост Буджака [Peyssonnel, 17876, s. 339; Mihordea, 1979, s. 1087; Gemil, 2008; Haidarlı, 2003, s. 165–170].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

И. В. Зайцев

Крымское ханство было одним из государств, образовавшихся в результате развала Золотой Орды. Однако, в отличие от других золотоордынских государств (Астраханского, Казанского и Сибирского ханств, Ногайской Орды), которые прекратили существование в середине-конце XVI в., Крымскому ханству было уготовано почти три с половиной века истории. Причин этому было несколько.

Во-первых, огромное влияние на дальнейшую судьбу ханства оказало османское завоевание Южного берега Крыма в 1475 г. После завоевания земли южного берега полуострова находились под прямым управлением падишаха. Крымское ханство вплоть до Кючук-Кайнарджийского мира (1774 г.) оказалось по отношению к Османской империи в сложном положении, которое нельзя однозначно трактовать ни как полный вассалитет, ни как полную независимость. Вхождение ханства в политическую орбиту Османской империи не могло не повлиять на развитие крымских политических институтов: государственное устройство ханства характеризовалось сочетанием золотоордынской и османской структур государственной власти. Ханство на пике своего развития, вне всякого сомнения, являло собой пример высокоразвитого исламского государства, где на государственном уровне действовал шариат.

Во-вторых, вопреки сложившемуся стереотипу, ханство не было паразитическим государством, где отсутствовали земледелие и ремесло, а все доходы сводились к транзитной торговле рабами, захваченными в грабительских походах на русские, польские и кавказские земли. Основой экономики были сельское хозяйство и крестьянская община (джемаат), а также развитая торговля.

В-третьих, трудно переоценить роль ханского периода в истории крымскотатарского народа как с точки зрения этногенеза, так и с точки зрения этнического самосознания и культуры. Процесс этнической консолидации крымских татар продолжался вплоть до конца XVIII в. и фактически совпал по длительности с периодом существования ханства.

Вместе с тем Крымское ханство на всем протяжении его истории не было моноэтническим и моноконфессиональным государством. Его населяли народы, говорившие на тюркских языках, греческом, армянском и итальянском, которые исповедовали ислам, различные формы христианства и иудаизма. Чрезвычайно велика была роль христиан различных исповеданий (греков, католиков и армян), а также иудеев (караимов и раббанитов) в экономической жизни ханства.

Создание в XIII в. в евразийских степях мультинациональной и мультикультурной монгольской империи, основанной на принципах чингизидской толерантности (экономической, этнической и религиозной), создавало уникальные условия для языковых и культурных контактов. Не будет преувеличением утверждать, что расцвет золотоордынской культуры был во многом обязан именно этому обстоятельству.

Крымское ханство стало наследником многих золотоордынских традиций. Его роль в развитии цивилизационного взаимодействия в Евразии в XV–XVII вв. еще не получила должной оценки.

Независимое государство (ханство) в Крыму было основано в начале 40-х годов XV в. Хаджи Гераем – одним из потомков младшего сына Джучи Тукай-Тимура. Его сыновья и внуки использовали имя Герай (происхождение которого до конца не выяснено) в качестве династийной приставки. Столицей государства первоначально был Солхат (Старый Крым), но вскоре Хаджи Герай перенес столицу ханства в Кырк-Йер (в 1530-х годах политический центр ханства переместился в основанный Сахиб Гераем Бахчисарай). Особую роль в деле становления ханства было суждено сыграть сыну Хаджи Герая – хану Менгли Гераю, правление которого (1469–1475, 1478–1515) можно охарактеризовать как период создания Крымского государства в том виде, в котором оно просуществовало на протяжении всего XVI в. Именно в годы его правления были заложены основы крымской политики, осуществлявшейся на протяжении большей части этого века.

Главным соперником крымских ханов на заре существования ханства являлась Большая Орда. В 1480-е – начале 1490-х гг. внешняя политика Менгли Герая определялась противостоянием с этим государством, а также сближением с Москвой с целью создания коалиции против Большой Орды и Ягеллонов. В 1490-х гг. между Крымом и большеордынскими Чингизидами не утихла война, которая завершилась разгромом Орды в 1502 г. В результате этой победы крымские ханы включают титул ханов Большой Орды в свою титулатуру и начинают выступать как преемники былого могущества Золотой Орды. Следствием этой преемственности стали претензии на постзолотоордынские престолы Астрахани и Казани (причина крылась не только в абстрактной борьбе за гегемонию на этом пространстве, но и в родственных связях: один из крымских ханов стал основателем Казанского ханства, а брат Хаджи Герая занимал некоторое время астраханский престол).

Именно в эпоху Менгли Герая I проявилась важная роль Крыма в международных отношениях в Восточной Европе. При Менгли Герае устанавливается регулярный дипломатический обмен ханства с Москвой, Краковом, Вильно и рядом других европейских столиц, вырабатывается практика заключения межгосударственных союзных договоров (шертей). Крымские ханы вырабатывают во внешней политике собственную линию, сознательно не нарушая восточно-европейское политическое равновесие и последовательно поддерживая союз со слабейшим из пары: Москва – Речь Посполитая. В XVII в., когда украинское казачество становится активной политической силой, крымцы предпочитают налаживать союзы с ним против Москвы, Варшавы или обеих столиц.

В начале XVI в. после краха польско-литовско-ордынского союза и разгрома Большой Орды происходит медленное усиление враждебности Крыма по отношению к Москве, а в 1510-х гг. сложился союз ханства с Великим княжеством литовским, отмеченный договорами 1516 и 1518 гг.

После присоединения Нижнего и Среднего Поволжья к Русскому государству начинается новый период русско-крымских отношений, приобретающий формы открытой военной кон-

фронтации (вторжения 1571, 1572, 1592 гг.). Однако династический кризис в Крыму 1577–1588 годов позволил Русскому государству усилить свои позиции в Дешт-и-Кипчаке и на Кавказе и создавать непосредственную угрозу Крымскому ханству, что нашло свое отражение в пребывании претендентов на крымский престол в Русском государстве. В этих условиях после завершения династического кризиса в Крыму хан Газигерай II вынужден был перейти к курсу на мирное соглашение с Москвой, что было закреплено в договоре 1594 г.

Для Русского государства Крым являлся фактором перманентной военной угрозы. Крымское ханство на протяжении всего XVI столетия проводило в отношении Русского государства политику так называемой «набеговой агрессии». Это выражалось в практически ежегодных крымских нападениях на южные территории Русского государства. Для борьбы с крымскими нападениями правительство Ивана Грозного с 60-х гг. XVI века помимо традиционного ежегодного сбора войск на рубежах реки Оки начинает строительство т. н. «засечных черт» – фортификационных сооружений в местах традиционного движения крымцев в центральные области Русского государства. Кроме того, Москва сама начинает политику военно-политического давления на Крым. В 1556–1559 гг. осуществляются скоординированные наступательные действия против Крымского ханства приднепровских казаков и русских военных отрядов, главным образом со стороны Днепра. К началу XVII в. отношения между Москвой и Бахчисараем стабилизировались, набеги татар на русские рубежи почти прекратились.

После Смуты одной из главных задач московского правительства стало обеспечение безопасности южных границ от крымских набегов и восстановление оборонительной системы на южных рубежах. Не проходило года, который не был бы отмечен нападениями крымцев на русские укреплённые пункты.

В 1684 г. для борьбы с Османской империей ряд европейских государств создает так называемую «Священную лигу», в которую вошли Австрия, Речь Посполитая и Венеция. Российское государство, для которого и Османская империя и Крымское ханство являлись серьезной угрозой

с юга, присоединилось к странам Лиги. В 1687 и 1689 гг. в рамках крупной коалиционной войны европейских держав против Османского государства (1684–1699) Московское государство предпринимает два похода на Крым, завершившиеся неудачей.

В XVIII в. ханство вступило в состоянии нарастающего кризиса. Росло и военно-техническое отставание от европейских стран и России, что в полной мере проявилось в успехах русских войск в Крыму в 1736–1737 гг. К середине XVIII столетия для Крымского ханства фактор давления с севера существенно усилился. С 40-х гг. XVIII в. Россия начала активные мероприятия по заселению так называемых Заднепровских мест (территорий, расположенных южнее Днепровских порогов). С окончанием строительства Украинской оборонительной линии, которое велось с 1731 г. на границе Малороссии и запорожских земель, Крымское ханство становилось все более уязвимым для российских войск. К середине XVIII в. ханство перестало играть самостоятельную роль и стратегически превратилось для Российской и Османской империй в буферную территорию, судьба которой была предрешена. В Петербурге и у части крымской элиты возникает идея о российском протекторате над ханством.

1 августа 1772 г. Российская империя официально признала крымского хана независимым владетелем, а ханство – самостоятельным государством. 1 ноября 1772 г. в Карасубазаре был заключен союзный договор России с Крымским ханством (ратифицирован 29 января 1773 г.). Крымское ханство оказалось оторвано от Османской империи политически, начали складываться новые условия существования крымскотатарской государственности – как самостоятельного государства, находящегося в сфере влияния Российской империи. Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г. закрепил статус Крымского ханства как союзного государства на границе с Османской империей, находящегося под влиянием России. Попытка реставрации османской власти в ханстве закончилась утверждением на крымском престоле российского ставленника – хана Шагин Герая, воспитанного отчасти в западноевропейских традициях. В новых геополитических условиях хан решился на модернизацию крымскотатарской государственности, однако радикальные реформы хана, как и идея независимости, провалились. Манифест Екатерины II от 8 апреля 1783 г. ликвидировал Крымское ханство путем включения его в состав Российской империи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

РУКОПИСИ

- Ал-сукук...*, 1674 – 1675 – Ал-сукук аш-шарият ва с-сиджилят аль-марийят 1674 – 1675, Т. 20. 90 л.
- Ал-сукук...*, 1750–1751 – Ал-сукук аш-шарийят ва с-сиджилят аль-марийят 1750–1751, Т. 72. 82 л.
- Аль-Аккирмани, Ахмад* – Аль-Аккирмани, Ахмад. ‘Умдату ль-Анхар фи Шарх Мултака аль-Абхар № 2574. 396 л.
- Аль-Аккирмани, Мухаммад (а)* – Аль-Аккирмани, Мухаммад бин Мустафа. Аф’аль ‘ибадат уа ирадат джузий. Kabinet rukopisov, starých a vzácných tlačí. Univerzitna knižnica v Bratislave. № 412. 29 л.
- Аль-Аккирмани, Мухаммад (б)* – Аль-Аккирмани, Мухаммад. ‘Икд аль-Каляид фи Тахкик аль-’Акаид. Princeton University Library. Robert Garrett Collection. 4214Y. 216 л.
- Аль-Аккирмани, Мухаммад (в)* – Аль-Аккирмани, Мухаммад. Аль-’Икд аль-Ла’али фи байн ‘ан ‘ильмихи Та’алья би гайра ль-мутанахи. Мактаба Джамиа Малик Сауд. Кисм аль-Махтутат № 2301. 10 л.
- Аль-Аккирмани, Мухаммад (г)* – Аль-Аккирмани, Мухаммад. Аль-’Икд аль-Ла’али фи байн ‘ан ‘ильмихи Та’алья би гайра ль-мутанахи. Мактаба аль-Масджид ан-Набауви № 3636. 13 л.
- Аль-Аккирмани, Мухаммад (д)* – Аль-Аккирмани, Мухаммад. Рисала фи Ираде Джузийе. Princeton University Library: New ser. № 174. Л. 112–127.
- Аль-Аккирмани, Мухаммад (е)* – Аль-Аккирмани, Мухаммад. Шарх ‘аля р-Рисала ль-’Ассам фи ль-Исти’ара. Мактаба Джамиа Малик Сауд. Кисм аль-Махтутат № 2–1131. 76 л.
- Аль-Аккирмани, Мухаммад (ж)* – Аль-Аккирмани, Мухаммад. Шарх ад-Димйатийя. Princeton University Library. R. Garrett Collection. 515y. Л. 54–73.
- Аль-Аккирмани* – Фетава аль-Аккирмани. Коғ Ўниверситети Сунa Кирағ Күтүphanesi. MS 65. 650 л.
- Аль-Бурусави* – Шарх аль-Бурусави. Львівський музей історії релігії. № 6493. 195 л.
- Аль-Кафауви, Абдалла* – Аль-Кафауви, Абдалла. Рисала фи Фунун ас-Ситта. Manisa İl Halk Kütüphanesi № 2982/1. Л. 7а–11b.
- Аль-Кафауви, Абу Бакр* – Аль-Кафауви, Абу Бакр бин Расуль. Рисала фи Хакаик аль-Алийя. Staatsbibliothek zu Berlin. Mss. Petermann, № II–441. Л. 2–30.
- Аль-Кафауви, Абу ль-Бака’* – Аль-Кафауви, Абу ль-Бака’. Шарх аль-Бурда. Мактаба аль-Асад аль-Ватанийя № 8314. 116 л.
- Аль-Кафауви, Абу ль-Файд* – Аль-Кафауви, Абу ль-Файд. Рисала фи Деврани с-Суфие. Milli Kütüphane – Ankara № A 3978/1. 16 л.
- Аль-Кафауви, Ахмад (а)* – Аль-Кафауви, Ахмад. Иказу ль-Гафилин. Diyarbakır İl Halk Kütüphanesi. 1700/3. Л. 72–93.
- Аль-Кафауви, Ахмад (б)* – Аль-Кафауви, Ахмад. Мифтаху с-Сааде уе Мисбаху с-Сияде. Diyarbakır İl Halk Kütüphanesi. 1700/2. Л. 51–57.
- Аль-Кафауви, Ахмад (в)* – Аль-Кафауви, Ахмад. Рисала фи кайфийят аль-уахи. Princeton University Library. Robert Garrett Collection. 1019y. 6 л.
- Аль-Кафауви, Ахмад (г)* – Аль-Кафауви, Ахмад. Шарх мукаддимату с-саят. Diyarbakır İl Halk Kütüphanesi. 1700/1. Л. 1–5;
- Аль-Кафауви, Мухаммад (а)* – Аль-Кафауви, Мухаммад. Рисала фи исбат аль-бахс. Princeton University Library. Robert Garrett Collection. 2978y. Л. 25–27.
- Аль-Кафауви, Мухаммад (б)* – Аль-Кафауви, Мухаммад. Рисала фи Исбат аль-Ваджиб. Princeton University Library. Robert Garrett Collection. ELS 3409. Л. 1–3.
- Аль-Кафауви, Мухаммад (в)* – Аль-Кафауви, Мухаммад. Та’лика ‘аля шархи ‘акаид аль-адудийя. Milli Kütüphane – Ankara. № A 2609. 99 л.
- Аль-Кафауви, Мухаммад (г)* – Аль-Кафауви, Мухаммад. Хашийя ‘аля исбат аль-ваджиб. Princeton

- University Library. R. Garrett Collection. 5330y. Л. 31–45.
- Аль-Кафауви, Мухаммад (д)* – Аль-Кафауви, Мухаммад. Хашийя ‘аля л-Лари. Стамбул: Матбаа Султана, 1867. 356 с.
- Аль-Кафауви, Мухаммад (е)* – Аль-Кафауви, Мухаммад. Хашийя ‘аля ль-Хайяли. Мактаба Джамиа Умм аль-Кура’. Кисм аль-Махтутат. № 20707. 9 л.
- Аль-Кафауви, Мухаммад (ж)* – Аль-Кафауви, Мухаммад. Хашийя ‘аля Шарх ‘Акаид ан-Насафийя. Milli Kütüphane – Ankara. № А 388/4. Л. 63–112;
- Аль-Кафауви, Мухаммад (з)* – Аль-Кафауви, Мухаммад. Шарх калимат лагзийя. Princeton University Library. R. Garrett Collection. 4212y. Л. 42–43.
- Аль-Кырыми* – Аль-Кырыми. Хашийя ‘аля тальвих. Süleymaniye Kütüphanesi № Fe. 592. 289 л.
- Аль-Кырыми, Ахмад (а)* – Аль-Кырыми, Ахмад. Аль-Му’авваль фи хауваши аш-Шарх аль-Мутавваль. Princeton University Library. R. Garrett Collection. 2958Y. 505 л.
- Аль-Кырыми, Ахмад (б)* – Аль-Кырыми, Ахмад. Мисбах ат-Тадил фи Шарх Анвар ат-Танзил. Süleymaniye Kütüphanesi № Fe. 591. 291 ф;
- Аль-Кырыми, Ахмад (в)* – Аль-Кырыми, Ахмад. Насиха аль-га’имин уа фатиха аль-хатимин. Basel University Library. М III 25. 222 л.
- Аль-Кырыми, Ахмад (г)* – Аль-Кырыми, Ахмад. Хашийя ‘аля т-Тальвих. Princeton University Library. Robert Garrett Collection. 5405 Y. 160 л.
- Аль-Кырыми, Ахмад (д)* – Аль-Кырыми, Ахмад. Хашийя ‘аля т-Тальвих. Мактаба аль-Асад аль-Ватанийя № 12629. 233 л.
- Аль-Кырыми, Ахмад (е)* – Аль-Кырыми, Ахмад. Хашийя ‘аля шарх аль-Ака’ид ан-Насафийя. Diyarbakır İl Halk Kütüphanesi. 230/2. FF. 101–192.
- Аль-Кырыми, Ибрагим (а)* – Аль-Кырыми, Ибрагим. Мавагиб ар-Рахман фи Байан Маратиб аль-Акван. Kastamonu İl Halk Kütüphanesi. 3649. 236 л.
- Аль-Кырыми, Ибрагим (б)* – Аль-Кырыми, Ибрагим. Расайл // Biblioteca Apostolica Vaticana № 1470/1–2.
- Аль-Кырыми, Кутб ад-Дин* – Аль-Кырыми, Кутб ад-Дин. Рахату ль-Умма фи Дар аль-Му’мина. Milli Kütüphane – Ankara № А 3577/1. 13 л.
- Аль-Кырыми, Шараф бин Камаль* – Аль-Кырыми, Шараф бин Камаль. Шарх Манар аль-Анвар. Princeton University Library. R. Garrett Collection. 5738y. 361 л.
- Аль-Кырыми, Шараф бин Камаль (а)* – Аль-Кырыми, Шараф бин Камаль. Шарх Манар аль-Анвар. The Ghazi Khusrew Beg Library. № 304. 137 л.
- Ар-Руми* – Ар-Руми, Ахмад. Маджалис аль-Абрар. Львівський музей історії релігій. № 6494. 320 л.
- Боданинский* – Боданинский У. Народное искусство и производство крымских татар. АРАН, ф. 677. Институт языка и письменности народов СССР Академии наук СССР (Научно-исследовательский институт национальностей при ЦИК СССР), оп. 5, д. 111.
- Ведомость Суворова, 1778* – Ведомость А. В. Суворова о выведенных христианах из Крымского ханства в Российскую империю, от 18. 09. 1778 г. Российский государственный военно-исторический архив, ф. ВУА, д. 208.
- Выписки* – Выписки из материалов Симферопольского архива о происхождении рода беев Ширинских. Архив востоковедов Санкт-Петербургского ИВР РАН, ф. 50, оп. 1, ед. хр. 89.
- Джамаль аль-Аксарай* – Джамаль аль-Аксарай. Рисала фи Атвар ас-Сабаа. Manisa İl Halk Kütüphanesi. 2963/6. Л. 173b–180b.
- Диван Хурреми, рук.* – Диван Хурреми Челеби / Книга рукописная на турецком языке. БГИКЗ КП/К–783. Л. 32об. 62.
- Дмитревский*, – Дмитревский М. Картина Крыма или краткое описание татар и других народов, в Таврии живущих... / Собрание рукописей Н. М. Михайлова (шифр Q393) в РО РНБ.
- Кадияскерские тетради* – [Кадияскерские тетради] Ал-сукук аш-шарийят ва с-сиджилят аль-марийят. Отдел редких книг, рукописных и архивных материалов, ГБУК РК «Республиканская крымскотатарская библиотека им. И. Гаспринского».
- Каландар-наме, рук.* Абу Бакр Каландар. Каландар-наме. Рукописный фонд И-та Востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР (Ташкент), инв. № 11668.
- Кирими, Абдульгаффар* – Кирими, Абдульгаффар Ефенди. Муршид аль-Ан’ам иля шираат аль-ислям. Princeton University Library: New er. 1674. 166 s.
- Манзума аль-Кафауви фи ль-’Акаид* – Манзума аль-Кафауви фи ль-’Акаид. Kıbrıs Kütüphanelerinde bulunan Türkçe Yazmalar № 1805/8. Л. 257–258.
- Мустафа Али-эфенди. б. г.* – Рукопись Восточного

факультета Санкт-Петербургского государственного университета, MS 454.

Олесницкий – Письмо А. А. Олесницкого С. М. Шапшалу от 10 декабря 1929 г. Библиотека Литовской АН. Рукописный отдел, ф. 143 (С. М. Шапшал), д. 522, л. 5–7об.

Саид Герай султан – Саид Герай султан, «Тарих-и Саид Герай». Государственная библиотека Берлина, рукописи. С. 91а – 91б.

Тарих-и Мехмед – Тарих-и Мехмед. Копия рукописи Österreichische Nationalbibliothek (Вена, Австрия), шифр Н. О. 86.

Татар-Заде – Татар-Заде, Абдалла. Шарх аль-Аруд. Universitätsbibliothek Leipzig. Cod. Arab. 089 – 01. 51 л.

Хашийя аля айат – Хашийя аля айат йаум йати ба'д айат раббука. Мактаба аль-Имам аль-Хаким аль-Амма. Mss. 111/2. 10 л.

Хиджаби 'Абд аль-Баки (а) – Хиджаби 'Абд аль-Баки. Аль-Абкрату ль-Мухталифа фи Шарх Амсаль аль-Мухталифа. Çorum Hasan Paşa İl Halk Kütüphanesi. 3150/1. Л. 1–7;

Хиджаби 'Абд аль-Баки (б) – Хиджаби 'Абд аль-Баки. Рисала фи т-Таква. Çorum Hasan Paşa İl Halk Kütüphanesi. 887/3. Л. 29–32;

Хиджаби 'Абд аль-Баки (в) – Хиджаби 'Абд аль-Баки. Рисале-и Хиджаби. Çorum Hasan Paşa İl Halk Kütüphanesi. 778/5. С. 50–53.

Хурремий Къырымий – Хурремий Къырымий. Диван. Государственная библиотека Берлина, рукописи. С. 66б, 67б, 69а, 73б, 76б, 78а, 80б, 82а.

Хюсейн Хезарфенн – Хюсейн Хезарфенн. Тенких-и теварих-и мулюк («Исправление истории царей»). Рукопись. МГИМО(У) МИД (№ 257).

Якобсон, Зеест, 1963 – Якобсон А. Л., Зеест И. Б. Отчет о раскопках на Рыночной площади в Керчи в 1963 г. Научный архив Института археологии НАН Украины. №1963/21. 17 л.

Biblioteka, Rps 617 – Biblioteka Czartoryskich. Akta i listy dotyczące spraw polsko-tureckich, 1699–1756. T. 1. Cz. 2. Rps 617.

Biblioteka, Rps 617 – Biblioteka Czartoryskich. Akta i listy dotyczące spraw polsko-tureckich, 1699–1756. T. 1. Cz. 2. Rps 617.

Bordier, 1607 – Relation d'un voyage en Orient, par Julien Bordier, écuyer de Jean de Gontaut, baron de Salagnac, ambassadeur à Constantinople // Bibliothèque nationale de France. Ms. Fr. 18076.

Dîvân-ı Hurremî, *рук.* Dîvân-ı Hurremî-i Qırımı. Staatsbibliothek zu Berlin. Preussischer Kulturbesitz. Türkische Handschriften. Hs. or. oct. 923, Teil 2. Blatt 62a – 85a.

Fakrî, *рук.* Mehmed Fakrî b. Hamid b. Ahmed Kırımî. Terceme-i Menâzilü's-Sâirîn / İstanbul Büyükşehir Belediyesi Atatürk Kitaplığı. Osman Ergin Türkçe Yazmaları. Arşiv numarası. № 511.

GStAPK – Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, Hauptabteilung (Königsberger Archiv), Ordensbriefarchiv 10789. T. XX.

Khalfa, I – Lexicon bibliographicum et encyclopædicum a Mustafa ben Abdallah Katib Jelebi dicto et nomibe Haji Khalfa compositum. Ad codicum vindobonensium parisiensium et berlinensis fidem primumedidit latine vertit et commentario indicibusque instruxit Gustavus Fluegel. L., MDCCCXXXV. T. 1.

Khalfa, II – Lexicon bibliographicum et encyclopædicum a Mustafa ben Abdallah Katib Jelebi dicto et nomibe Haji Khalfa compositum. Ad codicum vindobonensium parisiensium et berlinensis fidem primumedidit latine vertit et commentario indicibusque instruxit Gustavus Fluegel. L., MDCCCXXXVII. T. 2.

Peçevi – Peçevi İbrahim Tarih-i Peçevi. Cild I. İstanbul, [t. s.] (араб. шрифт). С. 171.

Tarih-i Said Giray – [Said Giray b. Saadet Giray Han.] Tarih-i Said Giray. Staatsbibliothek zu Berlin. Preussischer Kulturbesitz. Türkische Handschriften. Hs. or. oct. 923, Teil 3. Blatt 87a – 135a.

Tarih-i Said, *рук.* [Said Giray b. Saadet Giray Han.] Tarih-i Said Giray. Staatsbibliothek zu Berlin. Preussischer Kulturbesitz. Türkische Handschriften. Hs. or. oct. 923, Teil 3. Blatt 87a – 135a.

Trattato, 1380 – Trattato dei genovesi con i tatarı. 1380. Archivio di Stato di Genova, Archivio Segreto, Negoziationsi e Trattati, busta 2728, doc. 23.

Trattato, 1381 – Trattato dei genovesi con i tatarı. 1380. Archivio di Stato di Genova, Archivio Segreto, Negoziationsi e Trattati, busta 2728, doc. 24.

ЛИТЕРАТУРА

- Абашин, 2003* – Абашин С. Н. Ислам в бюрократической практике царской администрации Туркестана (Вакуфное дело дахбитского медресе. 1892–1900 гг.) // Сборник Русского исторического общества. М., 2003. Т. 7(155): Россия и мусульманский мир.
- Абд ал-Гаффар Кырыми, 1343* – Абд ал-Гаффар Кырыми. Умдет ат-теварих. Стамбул, 1343. (араб. шрифт).
- Абдужемилев, 2014* – Абдужемилев Р. Предпосылки становления языка переписки Крымского ханства в золотоордынских ярлыках // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Филология. Социальные коммуникации. 2014. Т. 27(66). № 3. С. 212–220.
- Абдужемилев, 2015* – Абдужемилев Р. Этнотерриториальные наименования в контексте документации Крымского ханства // Крымское историческое обозрение. 2015. № 1. С. 8–21.
- Абдужемилев, 2016а* – Абдужемилев Р. Osmanlı belgelerinde Kırım hanlığı / Крымское ханство в записях Османских документов // Крымское историческое обозрение. 2016. № 1. С. 216–223.
- Абдужемилев, 2016б* – Абдужемилев Р. Хроника «Тарих-и Сахиб Герай-хан» // Крымское историческое обозрение. 2018. № 1. С. 179–195.
- Абдужемилев, 2016в* – Абдужемилев Р. Развитие языка государственной переписки Крымского ханства // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 4. С. 803–813.
- Абдужемилев, 2016г* – Абдужемилев Р. Р. Хроника Мехмеда Сенаи как памятник крымскотатарской художественной литературы XVII в. / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань, 2016. 388 с.
- Абдужемилев, 2016д* – Абдужемилев Р. Ярлыки Крымского ханства // Крымское историческое обозрение. 2016. № 2. С. 208–227.
- Абдужемилев, 2016е* – Абдужемилев Р. Р. Панегрик крымскому хану Сахиб Гераю в литературном наследии Нидаи-эфенди / Р. Р. Абдужемилев // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2016. Вып. 2.
- Абдужемилев, 2018а* – Абдужемилев Р. Письмо хана Селямета Герая королю Швеции за 1741 г. // Крымское историческое обозрение. 2018. № 1. С. 172–178.
- Абдужемилев, 2018б* – Абдужемилев Р. Хроника «Тарих-и Сахиб Герай хан» // Крымское историческое обозрение. 2018. № 1. С. 179–195.
- Абдужемилев, 2018в* – Абдужемилев Р. Хроника «Тарих-и Сахиб Герай хан» // Крымское историческое обозрение. 2018. № 2. С. 193–233.
- Абдужемилев, 2019а* – Абдужемилев Р. Реммалъ Ходжа. Хроника «Тарих-и Сахиб Герай хан» («История о хане Сахиб Герае»). Ч. 3 // Крымское историческое обозрение. Бахчисарай-Казань, 2019. № 1. С. 147–174.
- Абдужемилев, 2019б* – Абдужемилев Р. Р. Реммалъ Ходжа. Хроника «Тарих-и Сахиб Герай хан» («История о хане Сахиб Герае»). Ч. 4 // Крымское историческое обозрение. 2019. № 2. С. 203–233.
- Абдужемилев, 2020* – Абдужемилев Р. Р. Реммалъ Ходжа. Хроника «Тарих-и Сахиб Герай хан» («История о хане Сахиб Герае»). Часть 5. Завершение // Крымское историческое обозрение. 2020. № 1. С. 211–224.
- Абдужемилев, 2020а* – Абдужемилев Р. Р. Историковедческо-композиционный обзор «Семи планет» Сейид-Мухаммеда Ризы // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 2.
- Абдулаева, 2012* – Абдулаева Г. Золотая эпоха Крымского ханства. Симферополь: Крымучпедгиз, 2012. 216 с.
- Абдуллаева, 1997* – Абдуллаева З. З. Частное вакуфное землевладение в Таврической губернии // Культура народов Причерноморья. 1997. № 2.
- Абдульваап, 1996* – Абдульваап Н. «Всё – сердца труд, молитва до рассвета». Штрихи к творческому портрету крымского хана Хаджи Селим Герая // Къасевет. 1996. № 1(25). С. 15–19;
- Абдульваап, 2001* – Абдульваап Н. Крымские татары в составе политической и культурной элиты Османской империи на рубеже XVIII – XIX вв. // Репрессированное поколение крымскотатарских общественно-политических деятелей, подвижников науки и культуры: матер. Междунар. конф. 28–29 мая 1999 года. Симферополь, 2001. С. 74–81.
- Абдульваап, 2004* – Абдульваап Н. Кримськи татари у суспільно-політичному і культурному житті Османської імперії / Україна – Туреччина: минуле, сучасне та майбутнє: зб. наук. пр. / Упор. Ф. Г. Туранли. Київ: Денеб, 2004. С. 213–220.

- Абдульваап, 2007а* – Абдульваап Н. Шахин Герай ве кьальп шеклиндеки гъазели // Ыылдыз. 2007. № 1. С. 127–141.
- Абдульваап, 2007б* – Абдульваап Н. Предисловие // Крымскотатарская инструментальная музыка Ханского периода / Сост. Дж. Кариков. Симферополь: ДОЛЯ, 2007. С. 5–10
- Абдульваап, 2007в* – Абдульваап Н. Поэтическая загадка «Фонтана слёз» // Qasevet. 2007. № 32. С. 48–49.
- Абдульваап, 2014* – Абдульваап Н. К истории науки, образования и литературы в Крыму в период Золотой Орды // Qasevet. 2014. № 42.
- Абдульвапов, 1996а* – Абдульвапов Н. Р. Османские тезкире // Крымский музей, 1995–1996 гг. Симферополь: Таврия, 1996.
- Абдульвапов, 2005* – Абдульвапов Н. Художественные произведения религиозно-суфийского содержания в Собрании рукописных и старопечатных книг Ханского дворца-музея в Бахчисарае // Культура народов Причерноморья. 2005. № 57, т. 2. С. 92–98.
- Абдульвапов, 2005а* – Абдульвапов, Н. Актуальные проблемы изучения истории суфизма в Крыму // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Филология. 2005. Т. 18(57). № 3. С. 179–192.
- Абдульвапов, 2006* – Абдульвапов, Н. Суфизм и начальный этап активного распространения ислама в Крыму // Культура народов Причерноморья, 2006. № 79. С. 140–149.
- Абдульвапов, 2008* Абдульвапов, Н. XVIII асыр мешур Къырым шейхлеринден Мехмед Факъри (о. 1764 [?]) ве иляхилери // Ыылдыз. 2008. № 3. С. 99–146;
- Абдульвапов, 2011* – Абдульваап, Н. Мусульманские ученые Крыма // Qasevet. 2011. № 38. С. 44–48.
- Абдульвапов, 2013* – Абдульвапов Н. Р. О некоторых эпиграфических находках последнего времени в Крыму, касающихся периода Золотой Орды и Крымского ханства // V Научные чтения памяти У. Боданинского, 23–27 окт. 2013 г.: Междунар. науч. конф.: тез. докл. и сообщ. / Бахчисарайский ист.-культ. заповед. Симферополь: Антиква, 2013. С. 7–8;
- Абдульвапов, 2014* – Абдульвапов, Н. Литература в Крымском ханстве // История татар с древнейших времен: В 7 т. Казань, 2014. Т. IV: Татарские государства XV – XVIII вв. С. 549–575.
- Абдульвапов, 2014а* – Абдульвапов, Н. К истории науки, образования и литературы в Крыму в период Золотой Орды // Сборник матер. Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма», посв. 700-летию мечети хан Узбека (г. Старый Крым). Симферополь, 14–18 окт. 2014 г. Симферополь, 2014. С. 59–87.
- Абдульвапов, 2015* – Абдульвапов Н. Къырымтатар эдебиятында тарих тышюрме санаты // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2015. Вып. II. С. 30–45.
- Абдульвапов, 2015а* – Абдульвапов Н. К истории науки, образования и литературы в Крыму в период Золотой Орды // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2015. Вып. I.
- Абдульвапов, 2017* – Абдульвапов Н. Р. О поэтической хронограмме (*тарих*) во «Фруктовой комнате» («Золотом кабинете») Крым Герая // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2017. Вып. 1(4). С. 67–73.
- Абдульвапов, Кондратюк, 2018* – Абдульвапов Н. Р., Кондратюк Г. Н. Соборная мечеть Кебир-джами // Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Симферополь; Белгород, 2018. Т. 3.
- Абдульвапов, 2019* – Абдульвапов Н. Р. XVIII а. Къырымлы тарихчы ве шаири Саид Герайнынъ шахсиети ве «Диван»ы иле алякялы базы къайдлар // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2019. Вып. 8.
- Абдульвапов, 2019а* – Абдульвапов Н. Р. Шейхшаир Фейзи Кефевининъ аяты иле эсерлерине даир тедкъикъатларнынъ историографик талили // Крымскотатарская филология: проблемы изучения и преподавания. 2019. № 1(3).
- Абдульвапов, 2020* – Абдульвапов Н. Р. Саид Герайнынъ «Диван»ында Къырымлы шаирлерининъ эсерлерине язылган назирелер // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2020. Вып. 9.
- Абибуллаева, Эмруллаев, 2012* – Абибуллаева Э. Э., Эмруллаев Ш. А. Символика надгробных камней: сравнительный анализ материалов мусульманских кладбищ Бахчисарая и Турции XVII – XIX вв. // Ученые записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Исторические науки. 2012. Т. 25(64). № 2. С. 3–11.
- Абибуллаева, 2015* – Абибуллаева Э. Махалле – территориальная единица средневекового Бахчисарая по материалам кадиаскерских тетрадей // Золотоордынское обозрение. 2015. № 2. С. 163–186.

- Абибуллаева, 2016а* – Абибуллаева Э. Э. К истории судебных реестров Крымского ханства // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 214–220.
- Абибуллаева, 2016б* – Абибуллаева Э. Э. Некоторые аспекты повседневной жизни в городах Крымского ханства // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2016. № 5. С. 85–90.
- Абибуллаева, 2017* – Абибуллаева Э. Э. К истории квартала Маалиш Ага (по материалам средневековых письменных источников периода Крымского ханства, метрическим книгам первой половины XIX в.) // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 420–426.
- АБКИЕА, 1974* – Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв. Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В. К. Гарданова. Нальчик, 1974.
- Абу Бакр Каландар Руми, 2015* – Абу Бакр Каландар Руми. Каландар-наме : Факсимиле / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань, 2015.
- Абу Бакр Каландар Руми, 2017* – Абу Бакр Каландар Руми. Каландар-наме: избранное / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ; Пер. с перс. И. Р. Гибадуллина, М. Р. Шамсимухаметовой / Под ред., предисл., комм. И. Р. Гибадуллина. Казань, 2017. 1044 с.
- Абуль-Гази, 1905* – Родословное древо Тюрков хивинского хана Абуль-Гази / Пер. Г. С. Саблукова, прим. Н. Ф. Катанова // Известия Общества археологии, истории и этнографии при имп. Казанском университете. Казань, 1905. Т. XXI, вып. 5–6.
- Аваков, 2011* – Аваков П. А. Северо-Восточное Приазовье в составе Российской империи в конце XVII – начале XVIII в.: завоевание, колонизация и управление: Дис.... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 380 с.
- Аваков, 2014а* – Аваков П. А. Жизнь казаков-некрасовцев на Кубани в 1710–1711 гг. в свете новых данных // Научное наследие профессора А. П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки (к 95-летию со дня рождения выдающегося российского ученого): матер. Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. (г. Ростов-на-Дону, 4–5 апреля 2014 г.) / Отв. ред. М. Д. Розин, Д. В. Сень, Н. А. Трапш. Ростов-на-Дону, 2014. С. 12–18.
- Аваков, 2014б* – Аваков П. А. У истоков российской пограничной дипломатии в Крыму: миссия подьячего Алексея Рудеева в Кафе 1701 г. // Границы и пограничье в южнороссийской истории: матер. Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 26–27 сент. 2014 г.). Ростов-на-Дону, 2014. С. 3–20.
- Аваков, 2015* – Аваков П. А. «...И живут во всяком непорядке»: документы РГА ВМФ о жизни казаков-некрасовцев в Крымском ханстве, 1711 г. // Исторический архив. 2015. № 4. С. 26–34.
- Аваков, 2018* – Аваков П. А. О групповом переезде крымских армян в российское подданство до переселения в Азовскую губернию // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: матер. III Междунар. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 30–31 мая 2018 г.). Ростов-на-Дону, 2018. С. 5–8.
- Аваков, 2018а* – Аваков П. А. Оборона Крымской слободы в 1711 г. (эпизод из истории русско-турецкой войны 1710–1713 гг.) // VII Токаревские чтения: Война и воинские традиции в культурах народов Юга России: матер. Всерос. науч.-практ. конф. (Ростов-на-Дону, 11–12 мая 2018 г.) Ростов-на-Дону, 2018. С. 95–105.
- Аваков, 2018б* – Аваков П. А. Крымское ханство в военно-политических планах Российской империи 1735 г. // Крымское историческое обозрение. 2018. № 2. С. 8–42.
- Аваков, Беспярых, 2020* – Аваков П. А., Беспярых Ю. Н. Крымское ханство в 1736 г. по известию французского консула Адама Яворки // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8. № 1. С. 127–146.
- Аваков, Сень 2016* – Аваков П. А., Сень Д. В. После взятия Азова: российско-османское пограничье и его население в 1696–1697 гг. (на материале распросных речей) // Взаимодействия и конфликты на конфессионально и этнически смешанных территориях Центральной и Восточной Европы, 1517–1918 гг. М.; СПб., 2016. С. 153–168.
- Агджоян, 2018* – Агджоян А. Т. Генофонд коренных народов Крыма по маркерам Y-хромосомы, мтДНК и полногеномных панелей аутосомных SNP: диссертация ... кандидата биологических наук: 03. 02. 07; [Место защиты: ФГБУН Ин-т общей генетики им. Н. И. Вавилова РАН], 2018.
- Агеев, 2014* – Агеев В. В. Погребения Гераев в архитектурном комплексе Мурад Рейса // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Севастополь; Тюмень, 2014. Вып. 6. С. 242–257.
- Адаксина, Алексеенко, Гинькут, Мыц, 2018* – Адаксина С. Б., Алексеенко Н. А., Гинькут Н. В., Мыц В. Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2017 г. СПб.; Симферополь, 2018. 217 с.
- Адаксина, Кирилко, Мыц, 2004* – Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л. Отчет об археологических

исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2003 г. СПб.; Симферополь, 2004. 253 с.

Адаксина, Мыц, 2016 – Адаксина С. Б., Мыц В. Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2015 г. СПб.; Симферополь, 2016. 166 с.

Адаксина, Мыц, 2017 – Адаксина С. Б., Мыц В. Л. Генуэзская крепость Чембало: этапы формирования оборонительной системы и инфраструктуры города в XIV – XV вв. // Труды Государственного Эрмитажа. СПб., 2017. Т. LXXXIX: Византия в контексте мировой культуры: матер. конф., посв. памяти А. В. Банк. С. 103–139.

Адаксина, Мыц, Ушаков, 2012 – Адаксина С. Б., Мыц В. Л., Ушаков С. В. Некоторые итоги архитектурно-археологических исследований крепости Чембало в 2002–2011 гг. // Адаксина С. Б., Мыц В. Л., Ушаков С. В. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2011 г. СПб.; Симферополь, 2012. С. 58–98.

Административно-территориальные, 1999 – Административно-территориальные преобразования в Крыму, 1783–1998 гг.: справочник / Гос. архив Автономной Республики Крым; Сост. Л. П. Кравцова и др. – Симферополь: Таврия-Плюс, 1999. – 464 с.

Аз-За'би, 2010 – Аз-За'би, Халид. Шарх Манар аль-Анвар ли-Шараф бин Камаль аль-Курайми. Мин бидайя аль-китаб хатта нихайя аль-истидляят ас-сахиха, дирасатан уа тахкикан. Ер-Рияд: Джа'мия Мухаммад Са'уд аль-Ислямийя, 1431/2010. (араб. шрифт).

Айбабин, Герцен, Храпунов, 1993 – Айбабин А. И., Герцен А. Г., Храпунов И. Н. Основные проблемы этнической истории Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1993. Вып. III. С. 211–222.

Айбабина, Бочаров, 1998 – Айбабина Е. А., Бочаров С. Г. Керамические подсвечники и светильники XV – XVIII вв. из Каффы // Херсонесский сборник. 1998. Вып. IX. С. 195–208.

Айдын, 2006 – Айдын М. А. Право в Османском государстве // История Османского государства, общества и цивилизации. М.: Восточная лит-ра, 2006. Т. I. С. 323–370.

Айналов, 1927 – *Айналов Д. В.* Живопись Бахчисарайского дворца // Известия таврисеского общества истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1927. Т. 1(58).

Акеров и др., 2017 – Акеров Т. А. Сабитов Ж. М. Военно-политическая деятельность золотоордынского Пулат-хана // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. матер. III Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Курган, 2017. С. 21–25.

Акимушкин, 1991 – Акимушкин О. Ф. Халватийа // Ислам: энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 267.

Акманов, 1993 – Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII – начала XVIII вв. Уфа: Китап, 1993. 224 с.

Аксанов, 2018 – Аксанов А. В. Сыновья Улуг Мухаммада на казанском престоле // Золотоордынское обозрение. Казань, 2018. Т. 6. № 3. С. 551–568.

Акты Лишина, 1891 – Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным. Новочеркасск, 1891. Т. 1. 321, XXIII с.

Акты, 1838 – Акты юридические или собрания форм старинного делопроизводства. СПб., 1838.

Акты, 1848a – Акты Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1848. Т. 1: 1340–1506.

Акты, 1848б – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1848. Т. 2. 1506–1544.

Акты, 1872 – Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб, 1872. Т. 7. 1657–1663, 1668–1669. СПб: Типография В.В. Пратц, 1872. VI + 398 с.

Акты, 1877 – Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1877. Т. 9. 1668–1672. [3 с.], 988 стб., 24 с.

Акты, 1879 – Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 11: 1672–1674. СПб., 1879. [6 с.], 820 стб., 22 с.

Акты, 1882 – Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб, 1882. Т. 12. 874 с.

Акты, 1884 – Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1884. Т. 13: 1677–1678. [4 с.], 776 стб., 18 с.

Акты, 1890 – Акты Московского государства, изданные императорской академией наук / Под ред.

Н. А. Попова. Т. I: Разрядный приказ. Московский стол, 1571–1634. СПб., 1890.

Акты, 1918 – Акты времени Лжедмитрия I (1603–1606 гг.) // Смутное время Московского государства (1604–1613 гг.): матер., изд. имп. Обществом истории и древностей российских при Московском университете. М., 1918.

Акчокраклы, 1928 – Акчокраклы О. Про перший проект споруди Волго-Донського каналу у XVI сторіччі.: проект турецької влади 1569 р.: за даними кримського татарського ученого та історика Хурремі-Челебі XVIII в. // Східний світ. 1928. № 2. С. 188–192.

Акчокраклы, 1930 – Татарська поема Джан-Мухаммедова про похід Іслям-Гірея II спільно з Богданом Хмельницьким на Польщу 1648–1649 р.р. // Східний Світ. 1930. № 12(3). С. 163–170.

Акчокраклы, 1927 – Акчокраклы, О. Старо-крымские и Отузские надписи XIII – XV вв. Симферополь, 1927. 15 с.

Акчокраклы, 1928 – Акчокраклы О. Н. Новое из истории Чуфут-Кале // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1928. Т. 2(59). С. 158–172.

Акчокраклы, 1929 – Акчокраклы О. Н. Эпиграфические находки // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1929. Т. 3(60). С. 183–187.

Акчокраклы, 1929а – Акчокраклы, О. Старо-крымские надписи: по раскопкам 1928 г. Симферополь, 1929. 8 с.

Акчокраклы, 1931 – Акчокраклы О. Татарские документы XV – XIX вв., хранящиеся в Центральном архивном управлении Крым. АССР // Бюллетень Центрального архивного управления Крым. АССР. 1931. № 3(6). С. 13–19.

Акчокраклы, 1932 – Акчокраклы О. Крымско-татарские и турецкие исторические документы XVI – XIX вв., вновь поступившие в Кр. Центральном архивном управлении Крым. АССР. 1932. № 2(8). С. 12–18.

Акчокраклы, 2016 – Акчокраклы О. Н. Избранные исследования по истории, археологии, этнографии. Симферополь, 2016. 216 с.

Акчурин, 2013 – Акчурин М. М. Легенда о ширинском князе Бахмете Усейнове // Тюркологический сборник, 2011–2012: Политическая и этнокультурная истории тюркских народов и государств. М., 2013.

Акчурин, Ишеев, 2014 – Акчурин М., Ишеев М. Институт власти татарских князей в Российском

государстве // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: сб. ст. / Ин-т истории АН РТ. Казань, 2014. Вып. 4. С. 5–27.

Акчурина-Муфтиева, 2008 – Акчурина-Муфтиева Н. М. Декоративно-прикладное искусство крымских татар XV – первой половины XX вв. Симферополь, 2008. 392 с.

Акчурина-Муфтиева, 2016 – Акчурина-Муфтиева Н. М. Влияние ислама на крымскотатарское народное жилище // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней): сб. науч. ст. / Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана АН Казахстана; Отв. ред. Б. А. Байтанаев. Алматы, 2016. С. 687–697.

Акчурина-Муфтиева, 2017 – Акчурина-Муфтиева Н. М. Художественный металл в контексте национального наследия средневекового Крыма // Крымские диалоги. 2017. № 3(11). С. 14–18.

Акчурина-Муфтиева, 2018 б – Акчурина-Муфтиева Н. М. Традиционное крымскотатарское килимарство // Крымское историческое обозрение. 2018. № 2(11). С. 184–195.

Акчурина-Муфтиева, 2018а – Акчурина-Муфтиева Н. М. Каменная пластика мусульманских мемориальных памятников Крыма XIII – XIX веков // Сб. научных трудов АН ЧР и КНИИ РАН / Под ред. Ш. А. Гапурова, Д. К.-С. Батаева. Грозный: Изд-во АН ЧР, 2018. № 7. С. 300–316.

Акчурина-Муфтиева, 2006 – Акчурина-Муфтиева Н. М. Кримськотатарське мистецтво візерункового шитва // Художня культура: актуальні проблеми: наук. вісник / Ін-т проблем сучасного мистецтва Академії мистецтв України. Київ: Вид. дім «А+С», 2006. Вип. 3. С. 145–164.

Акчокраклы, 1919–1920 – Акчокраклы О. Къырым тюрк-татар эдебиятынынъ къыскаджа тарихеси // Миллет. 1919. Декабрь (№ 50); 1920. Январь 13 (№ 57) 15 (№ 58), 20 (№ 60), 23 (№ 61) 27 (№ 63) 29 (№ 64), февраль 1 (65).

Акчокраклы О. 1928 – Акчокраклы О. сени ичинде Къырымда фенний ве тарихий экспедициялар // Окъув ишлери. 1928. № 2(30). С. 45–47;

Акчокраклы, 1926 – Акчокраклы О. Къырым генч муаллимлерининъ энъ къартларындан Ахмет Нуредин (1861–1926) // Окъув ишлери. 1926. № 6–7 (араб. графика).

Акчокраклы, 1927 – Акчокраклы О. XVI-нджы асырда Волго-Дон каналы ачылмакъ меселеси (тарихтен бир сахифе) // Илери. 1927. № 2(10).

Акчокраклы, 2006 – Акчокраклы О. Эсер-

лер топламы / [Тертип эткен ве неширге азырлагъан И. А. Керим]. Акъмесджит, 2006. 320 с.

Алекберли, 1969 – Алекберли М. А. Борьба украинского народа против турецко-татарской агрессии во второй половине XVI – первой половине XVII веков. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1969.

Александров, 1979 – Александров В. А. Организация обороны южной границы Русского государства во второй половине XVI – XVII в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV – XVIII вв. М.: Наука, 1979. С. 159–173.

Алексеев, 1914 – Алексеев В. А. Шагин-Гирей, последний хан крымский // Наша старина. 1914. Май. С. 440–453.

Алексеев и др., 2019 – Алексеев Н. А., Дьячков С. В., Неделькин Е. В., Ступко М. В. Османский гарнизон Балыклагу в начале XVI в. (по письменным источникам и археологическим данным) // Причерноморье: история, политика, география, культура: сб. матер. XVII Междунар. науч. конф. «Лазаревские чтения». Севастополь, 2019. С. 38–40.

Алпашкина, 2017 – Алпашкина О. Н. Предметы утвари Ханского дворца в собрании Бахчисарайского музея-заповедника: каталог / Предисл. В. Мартынюка. Симферополь: Антиква, 2017. 220 с. (Серия: «Бахчисарайская коллекция»).

Алпашкина, 2019 – Алпашкина О. Н. Восточный художественный металл XVIII – начала XX в. в собрании Бахчисарайского музея-заповедника: [каталог]. Белгород: Константа, 2019. Т. 1. 168 с.

ал-Холи, 1962 – ал-Холи Амин. Связи между Нилом и Волгой в XIII—XIV вв., М., 1962.

Аль-Арбаин, 1905 – Шарх Ахадис аль-Арбаин. Стамбул : Акдам Матбаи, 1905. 350 с. (араб. шрифт).

Альбрехт, 2019 – Альбрехт Шт. «Καθρέπτης γυναικῶν» Константина Дапонте путешествие в Крым в политических стихах (1746) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. М.; Тюмень; Н. Новгород, 2019. Вып. 11.

аль-Бухари, 2002 – аль-Бухари. Сахих / Пер. В. Аб. Нирша. 1-е изд. М., 2002. Т. 2.

Альгаротти, 2006 – Альгаротти Ф. Русские путешествия. Письма о России / Пер. с ит. М. Г. Талалая. СПб., 2006.

Аль-Кафауви, 1842 – Аль-Кафауви. Тухфату ш-Шаган. Стамбул: Матбаа-е Амуре, 1842. 315 с. (араб. шрифт).

Аль-Кафауви, 1867 – Аль-Кафауви, Мухаммад. Хашийя ‘аля л-Лари. Стамбул: Матбаа Султана, 1867. 356 с.

Аль-Кафауви, 1998 – Аль-Кафауви. Аль-Куллийят / Ред. ‘А. Дарвиш, М. аль-Масри. Бейрут: Му‘аса ар-Рисала, 1419/1998. 1228 с. (араб. шрифт).

Аль-Кафауви, 2017 – Аль-Кафауви, Махмуд. Катаиб ‘Аллям аль-Ахйар. Стамбул: Мактаба аль-Иршад, 2017. Т. 1–2.

Аль-Маш’ари, 2010 – Аль-Маш’ари, Салих. Шарх Манар аль-Анвар ли-Шараф бин Камаль Аль-Кырыми. Мин аль-истидляят аль-фасида иля нихайя аль-китаб, дирасатан уа тахкикан. Ер-Рияд: Джа’мия Мухаммад Са’уд аль-Исламийя, 1431/2010. 612 л. (араб. шрифт).

Алядинова, 2012 – Алядинова Д. Ю. Неглазуванная керамика позднесредневекового Судака: по материалам раскопок 2008–2010 гг. // Археологический альманах. Донецк, 2012. № 28: Древняя и средневековая Таврика: сб. ст., посв. 1800-летию города Судака / Отв. ред. В. В. Майко. С. 247–257.

Алядинова, 2015 – Алядинова Д. Ю. Керамика османского времени из раскопок Партенита // Археологический альманах. Киев, 2015. № 33: Древняя и средневековая Таврика. Сб. ст., посв. юбилею Е. А. Паршиной / Ред.-сост. И. Б. Тесленко. С. 451–481.

Алядинова, Красножон, 2012 – Алядинова Д. Ю., Красножон А. В. Чаша с арабской надписью из Судака // Stratum plus. 2012. № 6. С. 347–356.

Алядинова, Тесленко, 2015 – Алядинова Д. Ю., Тесленко И. Б. Некоторые древности османского периода из селения Алушта // Terra Alustiana MMXI: сб. науч. тр. / Ред.-сост. В. Г. Рудницкая, И. Б. Тесленко. Симферополь, 2015. С. 157–199.

Алядинова, Тесленко, Майко, 2015 – Алядинова Д. Ю., Тесленко И. Б., Майко В. В. Керамика из раскопок зольника османского периода в портовой части Сугдеи (по материалам исследований 2010 г.) // Археологический альманах, Киев, 2015. № 33: Древняя и средневековая Таврика: сб. ст., посв. юбилею Е. А. Паршиной / Ред.-сост. И. Б. Тесленко. С. 482–511.

АМГ, 1890 – Акты Московского государства. Т. 1: Разрядный приказ. Московский стол. 1571 – 1634. СПб, 1890.

Аметка, 2003 – Аметка Ф. А. Кримське ханство: становлення і розвиток державності та права. Автореф. ... канд. юрид. наук. Харків, 2003.

Аметка, 2004 – Аметка Ф. А. Судебная власть в Крымском ханстве в конце XV – середине

XVIII вв. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: матер. II Судакской междунар. конф. (12–16 сент. 2004 г.). Киев; Судак: Академперіодика, 2004. Ч. II. С. 6–15.

Андреева, 2014 – Андреева С. С. Комиссии по рассмотрению взаимных претензий как феномен запорожского-крымского пограничья середины XVIII в. // Границы и пограничье в южнороссийской истории: матер. Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сент. 2014 г.). Ростов-на-Дону, 2014. С. 44–53.

Андреева, 1998 – Андреева С. С. До питання про запорозько-татарські взаємини періоду Нової Січі // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Запоріжжя, 1998. Вип. IV. С. 100–109.

Андреева, 1999 – Андреева С. С. До питання про етнокультурні аспекти запорозько-татарських взаємин часів Нової Січі // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Запоріжжя, 1999. Вип. VI. С. 10–18.

Андреева, 2005 – Андреева С. С. Журнали подорожей до Криму Олександра Никифорова 1744 р. та 1763 р. як джерело до вивчення історії Півдня України // Наукові записки. Зб. пр. молодих вчених та аспірантів / Ін-т української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України. Київ, 2005. Т. 10. С. 385–397.

Андреева, 2010 – Андреева С. «Кримський» вектор зовнішньої політики Коша Нової Запорозької січі в період між російсько-турецькими війнами 1734–1739 рр. та 1768–1774 рр. // Український історичний збірник. 2010. Вип. 13. Ч. 1. С. 98–108.

Андреева, 2010a – Андреева С. С. Лихварство, обіг капіталів та робочої сили між Запорожжям та Кримом у період Нової Січі (1734–1775 рр.) // Південний архів: історичні науки: зб. наук. праць. 2010. Вип. 31–32. С. 130–138.

Андрієвський, 1893 – Андрієвський А. А. Матеріали по історії Запорожжя і пограничних отношений (1743–1767) // Записки Одесского общества истории и древностей. 1893. Т. 16. С. 117–266.

Андрієвський, 1894a – Андрієвський А. А. Русские конфиденты в Турции и Крыму в 1765–68 гг. // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1894. Кн. VIII. Отд. III. С. 39–108.

Андрієвський, 1894b – Андрієвський А. А. Матеріали по історії Запорожжя і пограничних отношений (1743–1767) // Записки Одесского общества истории и древностей. 1894. Т. 17. С. 85–154.

Андрусак, 1929 – Андрусак М. До історії боротьби між П. Дорошенком та П. Суховієм в 1668–1669 р. // Записки Наукового товариства Шевченка. Львів, 1929. Т. 150. С. 197–227.

Аникеева, Зайцев, 2020 – Аникеева Т. А., Зайцев И. В. Тюркские, арабские и персидские рукописи, литографии и книги Лазаревского института восточных языков в собрании Научной библиотеки МГИМО(У) МИД РФ. М.: Наука; Вост. лит-ра, 2020.

Антонов, Кром, 2002 – Антонов А. В. Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. 2002. Вып. 7. С. 149–196.

Антонович, 1941 – Антонович М. Студії з часів Наливайка. Прага, 1941. 86 с.

Анчабадзе, 1959 – Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). Сухуми: Абхазское гос. изд-во, 1959. 306 с.

Анчабадзе, 1978 – Анчабадзе Г. З. Эвлия Челеби о закубанских ногайцах // Тюркологический сборник. М., 1978.

Апанович, 1961 – Апанович О. М. Запорізька Січ у боротьбі проти турецько-татарської агресії, 50–70-і роки XVII ст. Київ: Вид-во АН Української РСР, 1961.

Арабские рукописи, 1986 – Арабские рукописи Института востоковедения АН СССР: краткий каталог. М., 1986. Ч. 1.

Араджиони, 2003 – Араджиони М. А. К вопросу об основных и подсобных занятиях греков Южного Крыма в середине XVIII в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2003. Вып. 10. С. 667–682.

Артамонов, 1985 – Артамонов В. А. О русско-крымских отношениях конца XVII – начала XVIII вв. // Общественно-политическое развитие феодальной России: сб. ст. М., 1985. С. 71–88.

Артамонов, 1990 – Артамонов В. А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714). М., 1990. 208 с.

Артамонов, 2001a – Артамонов В. А. Османы в Европе. Начало отката // Славяне и их соседи. М., 2001. Вып. 10. С. 291–295. Рец. на кн.: Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в.: главные тенденции политических взаимоотношений. М., 1998. 288 с.

Артамонов, 2001b – Артамонов В. А. Страны Восточной Европы в войне с Османской империей (1683–1699 гг.) // Османская империя и страны

Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 2001. Ч. II. С. 295–328. (Серия: «Памятники исторической мысли»).

Артамонов, 2001в – Артамонов В. А. Переговоры о переходе Крымского ханства в русское подданство при Петре Великом // Славяне и их соседи. М., 2001. Вып. 10. С. 269–286.

Артамонов, 2015 – Артамонов В. А. Дунайский поход Петра I: Русская армия в 1711 г. не была побеждена. М., 2015. 96 с. (Серия: «Ратное дело»).

Артеменко, 1984 – Артеменко А. А. Крымская область // Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. Киев: Будивельник, 1984. Т. 2.

Артеменко, Желтикова, 2014 – Артеменко Е. Д., Желтикова А. Л. Гончарные светильники XIV – XVIII вв. из фондов Керченского заповедника // Научный сборник Керченского заповедника. Симферополь, 2014. Вып. 4. С. 144–174.

Архив, 1869 – Архив Государственного Совета. СПб., 1869. Т. 1. Ч. 1. 1036 с.

Архів Коша, 1998 – Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. 1734–1775. Київ, 1998. Т. 1.

Архів, 2000 – Архів Коша Нової Запорозької Січі. 1734–1775. Корпус документів. Київ, 2000. Т. 2. 752 с.

Асеев, Лебедев, 1961 – Асеев Ю. С., Лебедев Г. А. Архитектура Крыма. Киев: Госстройиздат УССР, 1961.

ас-Сахави, 1353–1355 – ас-Сахави, Мухаммад. Дав` ал-лями`. Дж. I–XII. Каире, 1353–1355 (араб. шрифт)

Аствацатурян, 2002 – Аствацатурян Э. Г. Турецкое оружие. СПб., 2002.

Атаи, Невеи-Заде, 1851 – Атаи, Невеи-Заде. Хадаик аль-Хакаик. Стамбул: Матбаа е-Амире, 1268/1851. 771 с. (араб. шрифт).

Аталиков, 1987 – Аталиков В. М. Страницы истории. Нальчик, 1987.

Ахиезер, 2015 – Ахиезер Г. Завоевание Крыма Российской империей глазами караимских хронистов. Иерусалим; М.: Гешарим: Мосты культуры, 2015. 240 с.

Ашурбейли, 1979 – Ашурбейли С. Б. Феодальные пожалования в Ширване в XV – XVII вв. // Бартольдские чтения, 1975: Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке / Ин-т востоковедения АН СССР. М., 1979.

АЮЗР, 1879 – Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1879. Т. XI.

АЮЗР, 1884 – Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1884. Т. 13: 1677–1678.

Бабенко, Дюличев, 2008 – Бабенко Г. А., Дюличев В. П. Шедевры мусульманской архитектуры Крыма. Симферополь: гор. тип, 2008.

Бабич, 2002 – Бабич М. В. «Мир» на русско-турецкой границе в преддверии войны 1735–1739 гг. // Кровь. Порох. Лавры: войны России в эпоху барокко (1700–1762): сб. матер. Всерос. науч. конф. СПб., 2002. Вып. 1. С. 13–16.

Бабулин, 2015а – Бабулин И. Б. Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.). М.: Русские витязи, 2015.

Бабулин, 2015б – Бабулин И. Б. Каневская битва 16 июля 1662 г. М.: Русские витязи, 2015.

Бабушкина, 1950 – Бабушкина Г. К. Международное значение крымских походов 1687 и 1689 гг. // Исторические записки. М., 1950. Т. 33.

Багров, 2005 – Багров Л. История русской картографии. М., 2005.

Багрянородный, 1989 – Багрянородный К. Об управлении империей / Пер. под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М.: Наука, 1989.

Базарова, 2009 – Базарова Т. А. Вице-канцлер П. П. Шафиров и разграничение земель между Россией и Османской империей в 1714 г. // Империи и империализм Нового и Новейшего времени: сб. ст. СПб., 2009. С. 184–188.

Базарова, 2019 – Базарова Т. А. Две поездки майора Иеронима Натали в Стамбул: дипломатические контакты России и Османской империи в 1715–1718 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История, регионаловедение, международные отношения. 2019. Т. 24. № 1. С. 84–97.

Базилевич, 1914 – Базилевич В. М. Из истории московско-крымских отношений в первой половине XVII века. Посольство Т. Я. Анисимова и К. Акинфиева в Крым, 1633–1634 гг. Киев, 1914. 23 с.

Байер, 2001 – Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001.

Баиов, 1906 – Баиов А. К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны: Война с Турцией в 1736–1739 гг. СПб., 1906. [Т. 1]. XLIX, 556, 192 с.

Бакунина, 1898 – Бакунина Е. М. Воспоминания

- сестры милосердия Крестовоздвиженской общины (1854–1860) // Вестник Европы. 1898. Т. 2. Кн. 3–4. С. 511–556.
- Балановская и др., 2016* – Балановская Е. В., Агджоян А. Т., Жабагин М. К. и др. Татары Евразии: своеобразие генофондов крымских, поволжских и сибирских татар // Вестник Московского университета. Сер. XXIII: «Антропология». 2016. № 2. С. 75–85.
- Балар, 2016* – Балар М. Генуэзцы и Золотая Орда // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016.
- Бантыш-Каменский, 1893* – Бантыш-Каменский Н. Н. Реестр делам крымского двора с 1474 по 1779 года. Симферополь: Тип. Таврического губернского правления, 1893. 228 с.
- Бантыш-Каменский, 1993* – Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России от водворения славян в сей стране до уничтожения гетманства. Киев, 1993.
- Барабанов, 1995* – Барабанов О. Н. Судебное дело Бруноро Сальваиго (Каффа, 1454 г.). Опыт историко-юридического исследования // Причерноморье в средние века. М., 1995. Вып. 2. С. 20–36.
- Баранов, 1988* – Баранов И. А. Главные ворота средневековой Солдаи // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 81–97.
- Баранов, 2005* – Баранов И. А. Зальное купольное здание Судакской крепости // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2005. Вып. II.
- Баранов, Карлов, 2013* – Баранов В. И., Карлов С. В. Археологическое изучение поселения Мариамполис: предварительные итоги // II Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна: тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. Симферополь, 2013. С. 8.
- Барбаро, 1971* – Барбаро Иосафат. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. ст., подг. текста, пер. и комм. Е. Ч. Скржинской. М.: Наука, 1971. С. 113–161.
- Барсуков, 1892* – Барсуков А. Род Шереметевых. СПб, 1892. Кн. 6.
- Бартенев, 1878* – Бартенев П. И. Из бумаг графа Никиты Ивановича Панина // Русский архив. 1878. № 9.
- Бартольд, 1963* – Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1963. Т. I.
- Бартольд, 1964* – Бартольд В. В. Улугбек и его время // Бартольд В. В. Соч. М.: Наука, 1964. Т. II. Ч. 2: Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. С. 22–196.
- Бартольд, 1966* – Бартольд В. В. Халиф и Султан // Бартольд В. В. Соч. М., 1966. Т. VI. Работы по истории Ислама и Арабского халифата.
- Бартольд, 1966а* – Бартольд В. В. Ислам на Черном море // Бартольд В. В. Соч. М., 1966. Т. VI. Работы по истории ислама и Арабского халифата.
- Бартольд, 1973* – Бартольд В. В. Хранение документов в государствах мусульманского Востока // Бартольд В. В. Соч. М., 1973. Т. VIII: Работы по источниковедению.
- Бартольд, 2002* – Бартольд В. В. Халиф Омар II и противоречивые известия о его личности // Бартольд В. В. Работы по истории ислама и Арабского халифата. М., 2002.
- Батмаев, 1993* – Батмаев М. М. Калмыки в XVII – XVIII вв. Люди. События. Быт. Элиста, 1993.
- Бахревский, 1996* – Бахревский Е. В. Отрывок из «Книги Путешествия» Эвлии Челеби. Перевод и комментарии // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1996. Вып. V. С. 193–194.
- Бахрушин, 1993* – Бахрушин С. В. Основные моменты истории Крымского ханства // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1993. Вып. III. С. 320–339.
- Бахчисарайская, 2007* – Бахчисарайская книжная коллекция в Российской национальной библиотеке: указатель рукописных и старопечатных книг, переданных в 1976 г. из Бахчисарайского историко-археологического музея в Государственную Публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина / Сост., вступ. ст., комм. Н. Абдульваап. Симферополь: Доля, 2007. 160 с.
- Бахчисарайские, 1850* – Бахчисарайские арабские и турецкие надписи Подг. А. Борзенко, А. Негри, Ф. Домбровский // Записки Одесского общества истории и древностей. 1850. Т. II. С. 489–528.
- Бахчисарайский дворец, 1910* – Бахчисарайский дворец. Протоколы реставрационных заседаний имп. Археологической комиссии за вторую половину 1909 г.: заседание 2 декабря // Известия имп. Археологической комиссии. 1910. Вып. 34. С. 43–50.
- Башкиров, 1927* – Башкиров А. С. Художественные памятники Солхата // Крым. 1927. №1(3). С. 122–144.
- Бгажноков, 2008* – Бгажноков Б. Х. Историческое значение Канжальской битвы // Канжальская

битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII века: иссл. и матер. / Ред. Б. Х. Бгажников. Нальчик, 2008.

Беккин, 2008 – Беккин Р. И. Институт ваффа в социально-экономической и политической жизни мусульманских стран // Вестник СПбГУ. Сер. 5. 2008. Вып. 3.

Белик, 2016 – Белик Ю. Л. Османские оборонительные сооружения на Керченском полуострове (XVII – XVIII вв.). Казань, 2016. 236 с.

Белов, 2018 – Открытие «братьев-славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века / Сост. М. В. Белов. СПб., 2018.

Белокуров, 1907 – Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907.

Белоусов, 2008 – Белоусов М. Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник. Казань, 2008. Т. I.

Белый и др., 1993 – Белый А. В., Белый О. Б., Лобода И. И. Позднесредневековые плитовые могильники Юго-Западного Крыма // История и археология Юго-Западного Крыма: сб. науч. тр. / Бахчисарайский гос. ист.-культ. заповед. / Сост. Ю. М. Могаричев. Симферополь, 1993. С. 160–174.

Беляева, 2012 – Беляева С. А. Славянские и тюркские миры в Украине (из истории взаимоотношений в XIII – XVIII вв.). Киев, 2012. 524 с.

Беляева, Фиалко, 2017 – Беляева С. А., Фиалко Е. Е. Керамика Изника конца XV – XVI вв. из раскопок Нижнего двора Аккерманской крепости // Поливная керамика Причерноморья и Средиземноморья X – XVIII вв. / Под ред. С. Г. Бочарова, В. Франсуа, А. Г. Ситдикова. Казань; Кишинев, 2017. Т. 2. С. 561–580.

Беляков и др., 2017 – Беляков, А. В., Виноградов, А. В., Моисеев, М. В. Институт аталычества в пост-золотоордынском мире // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. № 2. С. 412–436.

Беляков, 2011 – Беляков А. В. Чингисиды в России XV – XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: Мир, 2011. 512 с.

Беляков, 2014a – Беляков А. В. Азовские выходцы 1647 г. (свои среди чужих?) // Границы и пограничье в южнороссийской истории. Ростов-на-Дону, 2014. С. 96–104.

Беляков, 2014б – Беляков А. В. Огланы (уланы) в России второй половине XV – XVI века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: «История, филология». 2014 Т. 13. Вып. 8: История. С. 51–56.

Беляков, 2017 – Беляков А. В. Канбаровы (Камбаровы) в Московском государстве XVI–XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. С. 15–20.

Беляков, 2019 – Беляков А. В. Историческая география Мещеры XIV – XVII вв. // Российская история. 2019. № 1. С. 72–85.

Беляков, Виноградов, 2013 – Беляков А. В., Виноградов А. В. Мурад-Гирей: служилый Чингисид в России или претендент на крымский престол? // Тюркологический сборник, 2011–2012. М., 2013. С. 11–59.

Беляков, Виноградов, 2014 – Беляков А. В., Виноградов А. В. «Дело Муслы аталыка»: к истории военно-политического противостояния Речи Посполитой, Русского государства и Порты в период династического кризиса в Крыму 1584–1588 гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2014. Т. 6. С. 51–62.

Беляков, Енгальчева, 2015 – Беляков А. В. Енгальчева Г. А. Крымские выходцы в Касимове – сиды Шакуловы и их архив // Средневековые тюрко-татарские государства. 2015. Т. 7. С. 46–53.

Бенешевич, 1905 – Бенешевич В. Черкасский, князь Яков Куденетович // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 22.

Беннигсен, Лемерьсе-Келькеже, 2009 – Беннигсен А., Лемерьсе-Келькеже Ш. Крымское ханство начале XVI века: от монгольской традиции к османскому сюзеренитету по неопубликованному документу из Османского архива // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: сб. ст. / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань, 2009. С. 68–85.

Бережинский, Черкес, 2014 – Бережинский В., Черкес Н. Огнестрельное оружие Османской империи и Крымского ханства // История давньої зброї: досл., 2014: зб. наук. пр. / Ін-т історії України НАН України. Київ, 2014. С. 290–296.

Бережков, 1888 – Бережков М. Русские пленники и невольники в Крыму // Труды VI археологического съезда в Одессе (1884 г.). Одесса, 1888. Т. 2. С. 342–372.

Бережков, 1891 – Бережков М. Н. План завоевания Крыма, составленный в царствование Алексея Михайловича ученым славянином Юрием Крижаничем. СПб, 1891.

Бережков, 1893 – Бережков М. Н. Крымские дела в старом царском архиве XVI-го века, на основании современной архивной описи // Известия

Таврической ученой архивной комиссии. 1893. Вып. 19. С. 90–100.

Бережков, 1894a – Бережков М. Н. Древнейшая книга Крымских посольских дел (1474–1505 гг.) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1894. Вып. 21. С. 27–55.

Бережков, 1894b – Бережков М. Н. Крымские шертные грамоты // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1894. Кн. 8.

Бережков, 1897 – Бережков М. Н. Нур-Салтан, царица крымская (Историко-биографический очерк) // Известия Таврической учёной архивной комиссии. Симферополь, 1897. Вып. 27. С. 1–17.

Березин, 1872 – Березин И. Н. Тарханные ярлыки крымских ханов Менгли-Гирея и Мухаммед-Гирея // Записки Одесского общества истории древностей. 1872. Т. 8. Приб. С. 10–23.

Бертъе-Делагард, 1886 – Бертъе-Делагард А. Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // Записки Одесского общества истории и древностей. 1886. Т. XIV. С. 166–279.

Бертъе-Делагард, 1914 – Бертъе-Делагард А. Л. Ценность монетных номиналов в Крымском ханстве // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1914. Вып. 51. С. 153–185.

Бертъе-Делагард, 1920 – Бертъе-Делагард А. Исследования некоторых недоумённых вопросов средневековья в Тавриде // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1920. Вып. 57.

Беспалов, 2005 – Беспалов Р. А. Белёвское побоище 1437 г. в истории Северо-Восточной Руси первой половины XV в. // Белёвские чтения. М., 2005. Вып. V. С. 31–55.

Биярсланов, 2005 – Выписи из кадиаскерского сакка (книги) 1017–1022 гг. Хиджры (1608/9–1631 гг.) // Крымские татары: хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре. Симферополь: Доля, 2005.

Биярсланов, 1889 – Биярсланов М. Выписи из кадиаскерского сакка (книги) 1017–1022 хиджры (1608/9–1613 г. хр. лет.), хранящегося в архиве Таврического губернского Правления // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1889. № 8. С. 41–51.

Биярсланов, 1890a – Биярсланов М. Выписи из кадиаскерского сакка (книги) 1017–1022 (1608/9–1614 хр. лет.), хранящегося в архиве Таврического губернского правления хиджры // Известия Тав-

рической учёной архивной комиссии. 1890. № 9. С. 68–70.

Биярсланов, 1890b – Биярсланов М. Выписи из кадиаскерского сакка (книги) 1017–1022 (1608/9–1614 хр. лет.), хранящегося в архиве Таврического губернского правления хиджры // Известия Таврической учёной архивной комиссии. Симферополь, 1890. № 10. С. 74–78.

Близнюк, 2016 – Близнюк С. В. Королевство Кипр и итальянские морские республики в XIII – XV вв. Дисс. на соиск. уч. ст. док. ист. наук. М., 2016. 381 с.

Блінец, 2015 – Блінец А. Клецкія бітвы: 1506 і 1706 гады. Мінск: А. М. Янушкевіч, 2015.

Блюменфельд, 2011 – Блюменфельд Г. Ф. Крымско-татарское землевладение // Блюменфельд Г. Ф. Крымско-татарское землевладение; Лашков Ф. Ф. Сельская община в Крымском ханстве; Лашков Ф. Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. Симферополь: Салта, 2011.

Бобров и др., 2019 – Бобров Л. А., Каинов С. Ю., Веселитская В. В., Сальников А. В. Наконечник копья крымскотатарского султана Тохтамышша из собрания Государственного исторического музея // Былые годы. 2019. № 52(2). С. 542–558.

Бобров, 2014 – Бобров Л. А. «Воронья стая» над Крымом. Татарско-калмыцкое противоборство в степях Северного Причерноморья (сентябрь 1661 – январь 1663 гг.) // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. № 6. С. 238–246.

Бобров, 2016a – Бобров Л. А. Тактический прием «хоровод» конных лучников в военном искусстве кочевников Великой Степи XIII – XVI вв. // Тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 73–83.

Бобров, 2016b – Бобров Л. А. Тактическое искусство крымских татар и ногаев конца XV – середины XVII вв. // История военного дела: исследования и источники. 2016. Спец. вып. V: Стояние на реке Угре, 1480–2015. Ч. II. С. 210–388

Бобров, Рюмшин, 2015 – Бобров Л. А., Рюмшин М. А. «...И против них не ставали они нигде и биться с ними не умеют»: оружейный и военно-тактический аспект калмыцко-ногайских и калмыцко-татарских войн первой половины – середины XVII в. // Золотоордынская цивилизация. 2015. № 8. С. 357–378.

Бобров, Сальников, 2016 – Бобров Л. А., Сальников А. В. Северокавказские шлемы крымско-татарской знати из Музея дворца Топкапы (г. Стамбул, Турецкая Республика). Особенности конструкции,

оформления и боевого применения // Былые годы. 2016. Т. 40. № 2. С. 323–334.

Бобров, Сальников, Шейхумеров, 2018 – Бобров Л. А., Сальников А. В., Шейхумеров А. А. Колушное длиннодревковое оружие крымских татар и ногаев 1440–1650-х гг. (по материалам письменных источников) // Былые годы. 2018. Т. 49. № 3. С. 884–914.

Бобровников, 2006 – Бобровников В. О. [Рецензия] // Восток. 2006. № 4. Рец. на кн.: Handschriften der Max Freiherr von Oppenheim Stiftung (Köln).

Бобровский, Чуева, 2008 – Бобровский Т. А., Чуева Е. Е. Спелео-археологические исследования 2006 года на территории Бахчисарайского Свято-Успенского монастыря // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2008. Вып. III. С. 281–295.

Богданов, 1990 – Богданов А. П. Источники «Скифской истории» // Лызлов А. Скифская история. М., 1990.

Богоявленский, 1946 – Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946.

Богуш-Сестренцевич, 1806 – Богуш-Сестренцевич С. История о Таврии. СПб., 1806. Т. 2.

Боданинский, 1917 – Боданинский У. А. Бахчисарайские памятники // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. Симферополь, 1917. Т. 6. С. 125–129.

Боданинский, 1927 – Боданинский У. А. Татарские «дурбе»-мавзолеи в Крыму. Из истории искусства крымских татар // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1927. Т. 1(58). С. 195–201.

Боданинский, 1928 – Боданинский У. Производство из шерсти у крымских татар // Крым. 1928. № 1(6). Вып. 2. С. 67–75.

Боданинский, 1930 – Боданинский У. Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму // Реконструкция народного хозяйства в Крыму. Симферополь, 1930. Вып. 2. С. 1–31.

Боданинский, 2018 – Боданинский У. Собр. соч. Т. II: Дневники, 1923–1926 гг. / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань; Симферополь, 2018. 264 с.

Боданинский, 2018 – Боданинский У. Собр. соч. Том II. Дневники: 1923–1926 гг. / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань; Симферополь, 2018.

Боданинский, Засыпкин, 1929 – Боданинский У. А., Засыпкин Б. Н. Чуфут-Кале (по материалам раскопок 1928–1929 гг.) // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1929. Т. 3(60). С. 170–183.

Бойцова, 2004 – Бойцова, Е. Е. Ислам в Крымском ханстве. Севастополь: НПЦ «ЭКОСИ-Гидрофизика», 2004. 160 с.

Болонкина, 1999 – Болонкина Е. В. Турецкая керамика XVI – XVIII веков из Керчи // Археология и история Боспора. Керчь, 1999. Т. III. С. 219–226.

Бонч-Осмоловский, 2005 – Бонч-Осмоловский Г. А. Крымские татары // Крымские татары: хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре. Симферополь: Доля, 2005. С. 82–97.

Боплан, 2004 – Боплан Г. Л. де. Описание Украины / Пер. с фр. З. П. Борисюк; ред. перпод ред. А. Л. Хорошкевич, Е. Н. Ющенко. М.: Древлехранилище, 2004. 576 с.

Бордые, 2021 – Бордые Ж. Путешествие в Крым в 1607 г. / Пер. с фр. М. С. Мейера. М.: Квадрига, 2021. (в печати)

Борисов, 1999 – Борисов Д. А., Борисова Н. Л. Этнографические наблюдения в Крыму В. Ф. Зуева, русского путешественника второй половины XVIII века // Культура народов Причерноморья. 1999. № 6.

Боровков, 1959 – Боровков А. К. Краткий очерк грамматики узбекского языка // Узбекско-русский словарь. М.: 1959. С. 679–727.

Боровой, 1941 – Боровой С. Я. Давид Лехно и его история Крымского ханства // Исторические записки. 1941. Т. 10.

Боровой, 1997 – Боровой С. Я. Еврейские хроники XVII столетия. (Эпоха «Хмельниччины»). Иерусалим: Гешарим, 1997. 355 с.

Бороздин, 1926 – Бороздин И. Н. Солхат. Предварительный отчет о работах археологической экспедиции Крымсовнаркома, КрымЦИКА и Научной ассоциации востоковедения Союза ССР в 1925 г. // Новый Восток. 1926. Кн. 13–14. С. 271–301.

Бороздин, 1927 – Бороздин И. Н. Новые данные по золотоордынской культуре в Крыму: работы археологической экспедиции 1926 года // Новый Восток. 1927. Кн. 16–17. С. 256–274.

Борщак, 1928 – Борщак І. Шведчина і французька дипломатія: за невиданими документами // Записки Українського наукового товариства в Києві. 1928. Т. 28.

Боук, 2001 – Боук Б. Фронтир или пограничье? Роль зыбких границ в истории донского казачества // Социальная организация и обычное право: матер. науч. конф. Краснодар, 2001. С. 147–161.

Бочаров, 1998 – Бочаров С. Г. Фортификационные сооружения Кафы (конец XIII – вторая поло-

вина XV вв.) // Причерноморье в средние века. М.; СПб., 1998. Вып. 3. С. 82–116.

Бочаров, 2000 – Бочаров С. Г. Историческая топография Каффы (конец XIII в. 1774 г.). Фортификация, культовые памятники, система водоснабжения. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2000. 21 с.

Бочаров, 2005 – Бочаров С. Г. Топография города Керчи XVI – XVIII вв. // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2005. Вып. 4. С. 145–150.

Бочаров, 2008 – Бочаров С. Г. Картографические источники по топографии турецкого города Мангуп // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2008. Вып. 3. С. 191–211.

Бочаров, 2013 – Бочаров С. Г. Историческая топография городов Крымского ханства // V Международный Болгарский форум «Политическое и этнокультурное взаимодействие государств и народов в постзолотоордынском пространстве (XV – XVI вв.): тез. докл. Симферополь, 2013. С. 13–15.

Бочаров, 2015a – Бочаров С. Г. Ак-Мечеть: историческая топография города Крымского ханства // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2015. № 7. С. 5–10.

Бочаров, 2015б – Бочаров С. Г. Заметки путешественников о городе Каффа // Поволжская археология. 2015. № 4.

Бочаров, 2016a – Бочаров С. Г. Мечети города Каффа (Кефе) в 1340–1779 годах // Поволжская археология. 2016. №2(16). С. 120–137.

Бочаров, 2016б – Бочаров С. Г. Позднесредневековый могильник у античного городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму // Очерки археологии Северо-Западного Крыма (по материалам городища «Чайка» и некрополя у поселка Заозерное): сб. науч. ст. М., 2016. С. 42–121.

Бочаров, 2019 – Бочаров С. Г. Балаклава: введение в историческую топографию османского города 1475–1774 годов на Крымском полуострове // Stratum plus. 2019. № 6. С. 321–328.

Бочаров, Кирилко, 2016 – Бочаров С. Г., Кирилко В. П. Исторические и архитектурные метаморфозы Шейх-Коя // Stratum plus. 2016. № 6. С. 371–392.

Бочаров, Кирилко, 2017 – Бочаров С. Г., Кирилко В. П. Мечеть в Шейх-Кой: интерпретационные возможности научных источников в исследовании памятника // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: «История. Политология». 2017. № 15(264). Вып. 43. С. 64–69.

Бочаров, Сейтумеров, 2012 – Бочаров С. Г., Сейтумеров Ш. С. Топография города Бахчисарая в XVI – XVIII вв. // IV Научные чтения памяти У. Боданинского: тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. (Бахчисарай, 17–19 окт. 2012 г.). Бахчисарай, 2012. С. 15–16.

Бочаров, Сейтумеров, 2017 – Бочаров С. Г., Сейтумеров Ш. С. Бахчисарай – введение в историческую топографию столицы Крымского ханства // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2017. № 9. С. 21–30.

Бочаров, Ситдииков, 2017 – Бочаров С. Г., Ситдииков А. Г. Загородный дворец крымских ханов Ашлама-Сарай. Комплексное исследование памятника археологии // Реставрация и сохранение археологических объектов культурного наследия: V Бахчисарайские науч. чтения памяти Е. В. Веймарна, посв. 100-летию со дня основания Бахчисарайского музея: тез. докл. Бахчисарай, 2017.

Бочаров, Ситдииков, Бездудный, 2017 – Бочаров С. Г., Ситдииков А. Г., Бездудный В. Г. Поиски загородного дворца крымских ханов Ашлама-Сарай. Археологические и геофизические исследования // Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири: матер. Междунар. науч. конф., посв. 125-летию ученого и общественного деятеля Н. К. Ауэрбаха. Красноярск, 2017. С. 127–134.

Бранденбург, 1867 – Бранденбург Н. Кубанский поход 1711 // Военный сборник. 1867. № 3. С. 29–42.

Брехуненко и др., 2018 – Брехуненко В., Грибовський В., Мицик Ю., Піскун В., Синяк І., Тарасенко І. Між конфронтацією та взаємодією: українсько-кримські та українсько-ногайські стосунки в XVII – першій половині XX ст. / За ред. В. Брехуненка. Київ, 2018. 344 с.

Брехуненко, 2007 – Брехуненко В. «Я бусурманин, але своєї присяги дотримуюсь»: про стереотипи взаємсприйняття українських козаків і татар у середині 1620-х рр. // Terra cossacorum: студії з давньої історії України: наук. зб. на пошану доктора історичних наук, професора Валерія Степановича Степанкова. Київ, 2007. С. 84–92.

Брехуненко, 2009 – Брехуненко В. А. Кримський ханат і Зборів 1649: генеза козацьких планів Іслам-Гірея // Od Zborowa do NATO: stosunki polsko-ukraińskie od XVII do XXI wieku. Poznań, 2009. S. 110–134.

Брехуненко, 2011 – Брехуненко В. Козаки на

Степовому Кордоні Європи: типологія козацьких спільнот XVI – першої половини XVII ст. Київ: Віпол, 2011. 504 с.

Брехуненко, 2013 – Брехуненко В. Програма битва виграної війни. Битва під Берестечком 1651 року. Київ: Темпора, 2013.

Брехуненко, 2016 – Брехуненко В. А. Кримський ханат і проблема міжнародного визнання Ранньомодерної Української держави та суб'єктивації Війська Запорозького Низового // Проблеми історії країн Центральної та Східної Європи. 2016. Вип. 5. С. 93–103.

Броневский, 1867 – Броневский М. Описание Татари / Пер. И. Г. Шершеневича // Записки Одесского общества истории и древностей. 1867. Т. VI.

Броневский, 2005 – Броневский М. Описание Крыма // Историческое наследие Крыма. 2005. № 10.

Бронштейн, 1997 – Бронштейн А. И. Трансформация легенды Фонтана слез // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 1997. Вып. I.

Брун, 1853 – Брун Ф. К. [Рецензия, комментарии, перевод] // Записки Одесского общества истории древностей. 1853. Т. 3, отд. 2. С. 433–465. Рец. на кн.: Voyages et ambassades de Messir Guillebert de Lannoy. Mons, 1840.

Брун, 1867 – Брун Ф. Крым в половине XVIII столетия. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1867. 36 с.

Брун, 1877 – Брун В. Арабская надпись Феодосийского музея // Записки Одесского общества истории и древностей. 1877. Т. X.

Брусалы, 1335 – Брусалы Мехмед Тахир. Идаре-йи османийе заманында етишен Кырым муэллифлери. Стамбул, 1335 (араб. шрифт).

Бубенок, 2013 – Бубенок О. Б. Ранние известия о татах в Крыму // Східний світ. 2013. № 4. С. 5–15.

Будагов, 1871 – Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык. СПб., Тип. имп. АН, 1871. Т. 1 827 с. Т. 2. 415 с.

Буйських и др., 1991 – Буйських С. Б., Ієвлев М. М. Про осіле населення Понизь Дніпра та Південного Бугу у X – XIII ст. // Археологія. 1991. № 4. С. 89–104.

Булатов, 1840 – Булатов Е. Реван или торжественный обряд татар ремесленников в Крыму // Пассек В. Очерки России. М.: Тип. Н. Степанова, 1840. Кн. III.

Бураков, 1991 – Бураков А. В. Полив'яний посуд

з городища Дніпровське-2 // // Археологія. 1991. № 4. С. 105–109.

Бурдей, 1963 – Бурдей Г. Д. Молодинская битва 1572 г. // Из истории межславянских культурных связей: к семидесятилетию академика М. Н. Тихомирова // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. М., 1963. Т. XXVI.

Бурьянов, 1837 – Бурьянов В. Прогулка с детьми по России. СПб.: Тип. имп. РАН, 1837. Ч. 2. 526 с.

Бутков, 2001 – Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год: извлечения. Нальчик, 2001.

Бутурлин, 1871 – Бутурлин М. Д. Бумаги Флорентинского центрального архива, касающиеся до России: В 2-х ч. М., 1871. Ч. II.

Бушаков, 1991 – Бушаков В. А. Тюркская этнонимия Крыма. Диссертация канд. филолог. наук, на правах рукописи / Ин-т языкознания АН СССР. М., 1991. 265, 104 с.

Бушаков, 1995–1996 – Бушаков В. Етноніми Бодрак і Буртас: до питання про історичну долю буртасів // Східний світ. 1995. № 2; 1996. №1. С. 94–103.

Бушаков, 1996 – Бушаков В. А. Що означає кримський хоронім Чонгар // Мappa Mundi: зб. наук. пр. на пошану Ярослава Дашкевича з нагоди його 70-річчя. Львів; Київ; Нью-Йорк: Вид-во М. П. Коць, 1996. С. 287–298.

Бушаков, 1998 – Бушаков В. Кадиліки і каймакства в Кримському ханстві (XVIII ст.) // Східний світ. 1998. № 1–2. С. 33–64.

Бушаков, 2003 – Бушаков В. А. Лексичний склад історичної топонімії Криму / Ін-т сходознавства ім. А. Ю. Кримського НАН України. Київ, 2003. 226 с.

Бэкон, 1962 – Бэкон Ф. Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические / Пер. с англ. З. Е. Александровой. 2-е изд. М., 1962.

В поисках утраченного, 2014 – В поисках утраченного Востока. Ю. Н. Завадовский: очерк жизни и творчества. Автобиографический роман. М.: Викмо-М., 2014.

Валиханов, 1904 – Валиханов Ч. Ч. Эдигей // Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова / Под ред. Н. И. Веселовского / Записки имп. Русского географического общества по отделению этнографии. 1904. Т. XXIX. С. 265–273.

Валиханов, 1984a – Валиханов Ч. Ч. [Заметки при чтении книги] проф. И. Н. Березина «Ханские ярлыки» // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: в 5 т. Алма-Ата: Гл. ред. «Казахской советской энциклопедии», 1984. Т. 1. С. 104–114.

- Валиханов, 1984б* – Валиханов Ч. Ч. Извлечения из Джамии ат-таварих. Сборник летописей // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: в 5 т. Алма-Ата: Гл. ред. «Казахской советской энциклопедии», 1984. Т. I. С. 228–254.
- Ван ден Берг, 2005* – Ван ден Берг Л. В. С. Основные начала мусульманского права согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии. М., 2005.
- Варьяш, 2016* – Варьяш И. И. Становление мусульманского права: размышления медиевиста // Исторический журнал. 2016. № 5(35). С. 503–511.
- Васильев, 2010* – Васильев А. Д. Хранение документов и архивное дело в Османской империи // Восток: Афро-азиатские общества: история и современность. 2010. № 5. С. 35–48.
- Васильев, Боруцкая, 2020* – Васильев С. В., Боруцкая С. Б. Реконструкция физического типа позднесредневековых крымских татар Керченского полуострова // Вестник антропологии. 2020. № 4(52). С. 269–281.
- Васильева, 1986* – Васильева О. В. Турецкие рукописи в фондах Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (художественная литература) // Turcologica, 1986: К 80-летию академика А. Н. Кононова. Л., 1986.
- Васильева, 1993* – Васильева О. В. Крымско-татарские рукописные материалы в Отделе рукописей // Восточный сборник / Российская нац. б-ка. СПб., 1993. Вып. 5. С. 37–45.
- Васильева, 2005* – Васильева О. В. Восточные рукописные фонды Российской национальной библиотеки // Письменные памятники Востока. 2005. № 1(2).
- Васильева, Лебедев, 1983* – Васильева О. В., Лебедев В. В. Бахчисарайское собрание восточных рукописей // Источники по истории отечественной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг. Л., 1983.
- Васильева, Лебедев, 1984* – Васильева О. В., Лебедев В. В. Арабские, тюркские и персидско-таджикские документы в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры. Л., 1984.
- Васильевский, 1909* – Васильевский В. Г. Хождение апостола Андрея в стране мирмидонян // Васильевский В. Г. Труды. СПб. 1909. Т. 2.
- Веймарн, 1953* – Веймарн Е. В. Разведки оборонительных стен и некрополя // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1953. № 34: Матер. по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). С. 419–429.
- Веймарн, 1963* – Веймарн Е. В. Середньовічний комплекс фортеці Каламіта // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1963. Т. XIII: Стародавні пам'ятки Інкерманської долини. С. 74–89.
- Вейси, 1976* – Вейси. Хаб-наме («Книга сновидения») критический текст / пер. с тур., введ. и прим. Ф. А. Салимзяновой. М., 1976.
- Великанов, 2019* – Великанов В. С. Мероприятия по обеспечению безопасности восточного участка Белгородской черты в 1680 году // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: «История. Политология. Социология». 2019. № 1. С. 40–42.
- Великанов, Нечитайлов, 2019* – Великанов В. С., Нечитайлов М. В. «Азиатский дракон перед Чигирином...». Чигиринская кампания 1677 г. М.: Русские витязи, 2019.
- Вельяминов-Зернов, 1863* – Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Ч. I.
- Вельяминов-Зернов, 1864* – Вельяминов-Зернов В. В. Материалы для изучения Крымского ханства, извлеченные по распоряжению имп. АН из Московского главного архива Министерства иностранных дел. СПб., 1864.
- Вернадский, 1920* – Вернадский Г. В. К истории колонизации Азовского побережья. Азовские дела по сношениям с Крымом и Кубанью архива Таврической Ученой Архивной Комиссии // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1920. Т. 57.
- Верне, 2008* – Верне О. При дворе Николая I. Письма из Петербурга / Пер. с франц. Д. Соловьева. 1842–1843. М., 2008.
- Весела, 1969* – Весела З. Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья в начале XVIII в. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы: сб. / ред. А. С. Тверитиновой. М., 1969. Ч. 2. С. 98–133.
- Весела, 1990* – Весела З. К вопросу о положении христианской церкви в Османском государстве // Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М.: Наука, 1990.
- Веселовский, 1889* – Веселовский Н. И. [Рецензия] // Журнал Министерства народного просвещения. 1889. № 1. Рец. на кн.: Смирнов В. Д. Крымское

ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887

Веселовский, 1918 – Веселовский Н. И. Об издании кадиаскерского сакка // Известия Таврической учёной архивной комиссии. № 54. 1918. С. 276–278.

Веселовский, 1922 – Веселовский Н. И. Хан из темников Золотой Орды. Ногай и его время // Записки Российской академии наук по отделению исторических наук и филологии. Сер. VIII. 1922. Т. 13. № 6. 58 с.

ВИА, 1969 – Всеобщая история архитектуры / Под ред. Ю. С. Яралова. М.: Из-во строительства и архитектуры, 1969. Т. 8.

Видекинд, 2000 – Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000.

Вильямс, 2019 – Сейтхалилова Л. С. Этногенез крымских татар. Реинтерпретация истории. (Brian Glynn Williams) // Крымское историческое обозрение. 2019. № 1. С. 18–44.

Виноградов, 1999 – Виноградов А. В. Крымские ханы в XVI веке // Отечественная история. 1999. № 2.

Виноградов, 2006 – Виноградов А. В. Род Сулеша во внешней политике Крымского ханства второй половины XVI в. // Тюркологический сборник, 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М.: Восточная лит-ра, 2006. С. 26–73.

Виноградов, 2007a – Виноградов А. В. Русско-крымские отношения. 50-е – вторая половина 70-х гг. XVI века. М., 2007. Т. 1.

Виноградов, 2007б – Виноградов А. В. Русско-крымские отношения. 50-е – вторая половина 70-х гг. XVI века. М., 2007. Т. 2.

Виноградов, 2009 – Виноградов А. В. Русские и крымские служилые люди глазами друг друга (вторая половина XVI века) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия: сб. ст. / Ин-т российской истории РАН М., 2009. Вып. 5.

Виноградов, 2014 – Виноградов А. В. Русско-крымские отношения 1591–1593 годов: от конфронтации к поискам мирных решений // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. С. 18–50.

Виноградов, 2015 – Виноградов А. В. Русско-крымский посольский съезд под Ливнами осенью 1593 года // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2015. Вып. 7. С. 62–77.

Виноградов, 2016 – Виноградов А. В. Состав политической элиты Крымского ханства в 1560–1590-х гг. по материалам русской и польско-литовской посольской документации // Восток. Афроазиатские общества: история и современность. 2016. № 5. С. 25–41.

Виноградов, 2017 – Виноградов А. В. Дипломатическая деятельность Богдана Бельского в 90-е гг. XVI в. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 2. С. 32–45.

Виноградов, 2019a – Виноградов А. В. Русско-крымские отношения в период второго правления хана Гази-Гирея II 1597–1607 гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2019. Вып. 11. С. 16–42

Виноградов, 2019б – Виноградов А. В. Посольство князя Григория Константиновича Волконского в Крым 1614–1615 годов // Вестник ВолГУ. Серия 4: «История. Регионоведение. Международные отношения». 2019. Т. 24. № 2. С. 158–174.

Виноградов, 2020 – Виноградов А. В. Состав политической элиты Крымского ханства по материалам донесений русских посольств в Крыму в 1613–1616 гг. // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8. № 2. С. 293–315.

Виноградов, Малов, 2011 – Виноградов А. В., Малов А. В. «Сошлись с ними у Воскресенья в Молодех». Материалы о походе Девлет-Гирея I на Москву 1572 г. в Крымской посольской книге 1571–1578 гг. // Единорогъ: матер. по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2011. Вып. 2. С. 202–253.

Виноградов, Малов, 2016 – Виноградов А. В. Малов А. В. Четырнадцатая крымская посольская книга в русско-крымских отношениях 1571 – 1577 гг. // Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1571–1577 гг. / Отв. ред. И. В. Зайцев; подг. А. В. Малов, О. С. Смирнова; Г. А. Тарасова; ст., комм.: А. В. Виноградов, И. В. Зайцев, О. С. Смирнова, В. Н. Сокуров; прил. А. И. Галенко, И. А. Мустакимов. М., 2016.

Виноградов, Санин, 2010 – Виноградов А. А., Санин Г. А. Крымских ханов набеги // Большая российская энциклопедия. М., 2010. Т. 16. С. 163–165.

Вирський, 2008 – Вирський Д. С. Татарська війна взимку: опис битви під Ольшаницею 1527 р. Й. Л. Деція // Український історичний журнал. 2008. № 5. С. 210–216.

Вирський, 2010 – Вирський Д. С. Битва під Білою Церквою 1626 р. та «Реляція правдива...» Яна Доброцького // Український історичний журнал. 2010. № 6. С. 150–160.

Вирський, 2015 – Вирський Д. Вишневещина: перші перемоги і перші соратники (1555–

- 1595 pp.) // Україна в Центрально-Східній Європі. 2015. Вип. 15. С. 108–124.
- Вирський, 2015a* – Вирський Д. С. Виправа князя С. К. Корецького у Степове Побужжя (серпень – жовтень 1644 р.) // Український історичний журнал. 2015. № 1. С. 26–38.
- Вирський, 2016* – Вирський Д. Війни українні: хроніки татарського прикордоння України (XVI – середина XVII ст.) / Ін-т історії України НАН України. Київ, 2016. 299 с.
- Вирський, 2016a* – Вирський Д. Кримськотатарське військо в поході 1575 р. (за Б. Папроцького «Історією жалісною...») // Проблеми історії країн Центральної та Східної Європи. 2016. № 5. С. 65–92.
- Висотін, 2013* – Висотін М. Способи та умови повернення з кримсько-татарського полону // Воєнна історія. 2013. № 1(67). С. 47–59.
- Виткалов и др., 2005* – Виткалов В. Г., Пономарьова Т. О. Берестецька битва 1651 року мовою документів. Рівне, 2005.
- Витсен, 2010* – Витсен Н. Северная и Восточная Тартария / Пер. с гол. В. Г. Трисман. Амстердам, 2010. Т. II.
- Вишневский, 1930* – Вишневский В. А. Феодализм в Крымском ханстве / Науч.-иссл. ассоциация по изучению национальных и колониальных проблем; Коммунистический ун-т трудящихся Востока им. И. В. Сталина.– М.: Наука и просвещение, 1930.– 26 с.
- Військові, 2009* – Військові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи в документах. Упорядник С. Павленко. Київ: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2009.
- Владимирский-Буданов, 1888* – Владимирский-Буданов М. Ф. Передвижение южно-русского населения в эпоху Богдана Хмельницкого. Киев, 1888. 38 с.
- Возгрин, 1978* – Возгрин В. Е. Материалы по шведско-крымским отношениям в XVI – XVIII вв. в Архиве ЛОИИ СССР АН СССР // Вестник древней истории. 1978. Вып. IX.
- Возгрин, 1985* – Возгрин В. Е. Дипломатические связи Швеции и Крыма накануне и после Полтавы // Скандинавский сборник. 1985. Т. XXIX.
- Возгрин, 1992* – Возгрин В. Е. Исторические судьбы крымских татар. М.: Мысль, 1992. 446 с.
- Возгрин, 1996* – Возгрин В. Е. Сицилия и Крым – два очага предвозрождения // Qasevet. 1996. № 1(25). С. 28–39.
- Возгрин, 2010a* – Возгрин В. Е. Политические отношения Карла XII с крымскими ханами и турецким султаном в годы Северной войны // Скандинавские чтения 2008 года: этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2010.
- Возгрин, 2010б* – Возгрин В. Е. Крым-Гирей – первый хан Нового времени // Личность в истории в эпоху нового и новейшего времени (памяти профессора С. И. Ворошилова). СПб., 2010.
- Возгрин, 2013* – Возгрин В. Е. История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма: в 4 т. 3-е изд., стер. Симферополь, 2013. Т. 1. 872 с.
- Возгрин, 2013a* – Возгрин В. Е. История крымских татар: Очерки этнической истории коренного народа Крыма: в 4 т. 3-е изд., стер. Симферополь, 2013. Т. 2. 940 с.
- Войтович, 2009* – Войтович Л. В. Формування кримськотатарського народу: вступ до етногенезу. Біла Церква: Вид. О.Пшонківський, 2009. 214 с.
- Волков, 1872* – Волков М. Четыре года города Кафы (1453, 1454, 1455 и 1456) // Записки Одесского общества истории древностей. 1872. Т. 8. С. 109–144.
- Волков, 1992* – Волков И. В. Керамика Азова XIV – XVIII вв. (классификация и датировка). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1992. 24 с.
- Волков, 2005* – Волков И. В. Крепость Лютик – Сед-Ислам (предварительное сообщение и керамический комплекс) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X – XVIII вв.: сб. науч. тр. / под ред. С. Г. Бочарова, В. Л. Мыца. Киев, 2005. Т. I. С. 482–492.
- Вольней, 1791* – Вольней К. Ф. Путешествие в Сирию и Египет, бывшее в 1783, 1784 и 1785 годах. М., 1791.
- Вольтер, 2012* – Вольтер. История Российской империи в царствование Петра Великого / Пер. с франц. Л., 212.
- Вольтер, 2013* – Вольтер. История Карла XII, короля Швеции / Пер. с франц. Д. В. Соловьева. Л., 2013.
- Вормс, 1912* – Вормс А. Вакуфы // Энциклопедический словарь Гранат. М., 1912. Т. VII.
- Воронин, 2016* – Воронин В. А. Князя Олельковичи – претенденты на власть в Великом княжестве Литовском // Studia historica Europe Orientalis: исследования по истории Восточной Европы. Минск, 2016. Вып. 9. С. 96–126.
- Ворончук, 2012* – Ворончук І. О. Населення Во-

лині в XVI – першій половині XVII ст.: родина, домогосподарство, демографічні чинники. Київ, 2012. 712 с.

Воропонов, 1992 – Воропонов О. Среди крымских татар // Забвению не подлежит: из истории крымско-татарской государственности и Крыма. Казань, 1992. С. 192.

Воскресенский, 1907 – Воскресенский А. Татары и землеустроительные комиссии в Крыму (окончание) // Вестник Таврического земства. 1907. № 7–8.

Воспоминания, 1848 – Воспоминания крымского ветерана о Суворове // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1848. Т. 71. № 281. С. 74–83.

Воссоединение, 1953a – Воссоединение Украины с Россией: документы и материалы в трех томах. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. II: 1648–1651 годы.

Воссоединение, 1953b – Воссоединение Украины с Россией: документы и материалы в трех томах. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. III: 1651–1654 годы.

Воссоединение, 2019 – Воссоединение Киевской митрополии с Русской Православной Церковью, 1676–1686 гг.: иссл. и док. М., 2019. 912 с.

Восточная, 2009 – Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: сб. ст. / Отв. ред. И. А. Мустакимов, А. Г. Ситдилов; науч. ред. И. В. Зайцев, Д. А. Мустафина; вст. ст. В. В. Трепавлов. Казань, 2009.

Всеволодский-Гернгросс, 1912 – Всеволодский-Гернгросс В. Н. Ханский дворец в Бахчисарае. СПб., 1912.

Всепопданнейшие донесения, 1897 – Всепопданнейшие донесения гр. Миниха. Ч. 1 // Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1897. Вып. 10. [4], VI, 331 с.

Высочайшие рескрипты, 1872 – Высочайшие рескрипты императрицы Екатерины II и министерская переписка по делам крымским из семейного архива графа В. Н. Панина. М., 1872. Т. 1. [2], 168 с.

Гаврилов, Майко, 2014 – Гаврилов А. В., Майко В. В. Средневековое городище Солхат-Крым: матер. к археологической карте города Старый Крым. Симферополь, 2014. 212 с.

Гаврилюк, 2019 – Гаврилюк І. В. Військове мистецтво Богдана Хмельницького та інших козацьких командувачів протягом 1648–1651 рр.: досягнення, недоліки і невтішний фінал // Наукові записки НАУКМА: Історичні науки. 2019. Т. 2. С. 67–73.

Гаврилюк, Ибрагимова, 2010 – Гаврилюк Н. А.,

Ибрагимова А. М. Тюрбе хана Хаджи Герая: по материалам археологических исследований 2003–2008 гг. Киев; Запорожье, 2010. 176 с.

Гагуа, 2012 – Гагуа Р. Б. Участие татар в 1410 году в прусской кампании объединенных войск Польши и Великого княжества Литовского в западноевропейском летописании XV столетия // Золотоордынская цивилизация: сб. ст. / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань, 2012. Вып. 5. С. 91–99.

Газін, 2001 – Газін В. Крим – Україна: політичні стосунки періоду гетьманування Павла Тетері (1663 – 1665) // Український історичний журнал. 2001. № 1. С. 63–73.

Газін, 2017 – Газін В. В. Кримський ханат в умовах московсько-польського протистояння в 1654–1667 рр. // Вісник Кам'янець-Подільського національного університету ім. Івана Огієнка: Історичні науки. 2017. Вип. 10. С. 428–438.

Газін, 2019 – Газін В. В. Між Москвою та Варшавою. «Українське питання» у 1654 – 1667 рр. Кам'янець-Подільський: Рута, 2019.

Газін, 2020 – Газін В. В. Політика Кримського ханства щодо України та її вплив на розвиток московсько-польського військово-політичного протистояння в 1654–1667 рр. // Вісник Кам'янець-Подільського національного університету ім. Івана Огієнка: Історичні науки. 2020. Т. 30. С. 197–216.

Гайворонский, 1998 – Гайворонский А. Е. К вопросу об отношениях Крымского ханства и генуэзской Кафы в правление Хаджи Герая // Культура народов Причерноморья. 1998. № 3. С. 116–122.

Гайворонский, 2001 – Гайворонский А. Е. К вопросу о христианских подразделениях в армии Крымского ханства // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 2001. Вып. 2. С. 435–443.

Гайворонский, 2002 – Гайворонский А. Е. К дискуссии о дате основания Бахчисарая // Сборник материалов II Таврических науч. чтений, посв. 80-летию Центрального музея Тариды. Симферополь, 2002. С. 44–46.

Гайворонский, 2003 – Гайворонский А. Созвездие Гераев. Краткие биографии крымских ханов. Симферополь, 2003.

Гайворонский, 2006 – Гайворонский О. Ханское кладбище в Бахчисарайском дворце. Симферополь, 2006. 64 с.

Гайворонский, 2007 – Гайворонский О. Повелители двух материков. Том. I: Крымские ханы

XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. Киев; Бахчисарай, 2007. 368 с.

Гайворонский, 2008 – Гайворонский О. Генуэзцы в Крымском ханстве // *Qasevet*. 2008. № 33. С. 8–13.

Гайворонский, 2009 – Гайворонский О. Повелители двух материков. Киев; Бахчисарай, 2009. Т. 2: Крымские ханы первой половины XVII столетия в борьбе за самостоятельность и единовластие.

Гайворонский, 2010 – Гайворонский О. Повелители двух материков. Т. 1: Крымские ханы XV – XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. 2-е изд. Киев; Бахчисарай, 2010.

Гайворонский, 2016 – Гайворонский Олекса. Страна Крым. Хансарай. Ч. 4: Бая Сары-Гузель. 26. 01. 2016. URL: <https://avdet.org/ru/2016/01/26/hansaraj-chast-4-banya-sary-guzel/> (дата обращения 27. 08. 2018)

Гайворонський, 2006 – Гайворонський О. І. Мотив «Битви двох драконів» на в'їзній брамі Бахчисарайського ханського палацу // *Східний Світ*. 2006. № 3.

Гайворонський, 2019 – Гайворонський О. «Гетьман, що загинув за хана»: огляд подій кримського походу гетьмана Михайла Дорошенка у 1628 році // *Гетьманська Україна між Польщею, Росією та Туреччиною / Ніжинський держ. ун-т ім. Миколи Гоголя; упор. І. І. Кривошея, Є. М. Луняк. Ніжин, 2019. С. 125–154.*

Галенко, 2001 – Галенко О. І. Дипломатія Кримського Ханату (середина XV століття–1783) // *Нариси з історії дипломатії України*. Київ: Альтернативи, 2001. С. 208–263.

Галенко, 2003 – Галенко О. І. Про татарські набіги на українські землі // *Український історичний журнал*. 2003. № 6. С. 52–68.

Галенко, 2004 – Галенко О. І. Нікіта/Сікіта османського часу // *Историческое наследие Крыма*. Симферополь, 2004. № 8. С. 79–91.

Галенко, 2005 – Галенко А. И. Гончарное производство и торговля в османской провинции Кефе // *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X – XVIII вв.: сб. науч. тр. / ред. С. Г. Бочаров, В. Л. Мыц. Киев, 2005. Т. I. С. 493–504.*

Галенко, 2011 – Галенко О. Монгольський перелам // *Економічна історія України: істор.-економ. досл.: У 2-х т.* Київ: Ніка-Центр, 2011. С. 236–288.

Галушка, 2016 – Галушка А. Військова справа та війни доби Кримського ханату // *Поле битви – Україна*. Харків, 2016. С. 187–229.

Галушка, 2016а – Галушка А. Військо та військова

справа Кримського ханату (XV – перша половина XVII століть) // *Історія українського війська*. Харків., 2016. С. 154–187.

Гальперин, 2019 – Гальперин Ч. Дж. Хан и элита: московское восприятие политической культуры Крымского ханства в период правления Ивана IV // *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. 2019. № 1(75). С. 18–22.

Гальцов, 1999 – Гальцов В. И. Переписная книга архива Посольского приказа 1632 года как исторический источник // *Проблемы источниковедения и историографии: сб. науч. тр.* Калининград, 1999. С. 14–21.

Ганкевич 1998 – Ганкевич, В. Ю. Очерки истории крымскотатарского народного образования: реформирование этноконфессиональных учебных заведений мусульман в Таврической губернии в XIX – начале XX века. Симферополь: Таврия, 1998. 164 с.

Ганкевич 2001 – Ганкевич, В. Ю. Крымскотатарские медресе: курс лекций. Симферополь: Доля, 2001. 76 с.

ГАР, 1978 – Государственный архив России XVI столетия: опыт реконструкции / Подг., комм. А. А. Зиминая; Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1978. Ч. 1–3.

Гаркавец, 2012 – Гаркавец А. Н. Откуда есть пошли кимаки и кыпчаки // *Золотоордынская цивилизация / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ*. Казань: Фолиант, 2012. Вып. 5.

Гаркави, 1881 – Гаркави А. Я. Радостный пост Эсфири в Карасубазаре в 1697 году // *Русский еврей*. 1881. № 9. С. 342–343.

Гаркави, 1884 – Гаркави А. Я. Отрывки из исторического сочинения Давида Лехно // *Отчёт имп. Публичной библиотеки за 1882 год*. СПб., 1884.

Гаспринский, 1894 – Гаспринский И. Из нашей жизни. Цеховые праздники в Бахчисарае // *Переводчик*. 1894. 26 мая.

Гаспринский, 1913 – Г[аспринск]ий И. Крымские Азизы // *Восточный сборник / Общество русских ориенталистов*. СПб., 1913. Кн. 1.

Гафуров, 1987 – Гафуров А. Имя и история. Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков: словарь. М., 1987.

Гваньїні, 2007 – Гваньїні О. Хроніка європейської Сарматії / Пер. з пол. Ю. А. Мицика. Київ: Вид. дїм «Кієво-Могилянська академія», 2007.

Гейд, 1915 – Гейд В. Итальянские колонии на побережье Черного и Азовского морей. Извлечение

из сочинения В. Гейда: «История торговли Востока в средние века» / Пер. Л. П. Колли // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1915. № 52. С. 68–185.

Георги, 1779 – Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. СПб.: При Императорской Академии наук, 1779. Ч. 2: О народах татарского племени и других нерешенного еще происхождения северных сибирских.

Герайбай, 1935 – Герайбай А. Къырым эдебиятына бир бакъыш // Къырым шиирлери. Косътендже, 1935 (араб. графика).

Герайбай, 1995 – Герайбай А. Къырым эдебиятына бир бакъыш // Ыылдыз. 1995. № 3. С. 8–20.

Герасимов, Ткаченко, 2015 – Герасимов В. Е., Ткаченко В. В. Разведки в районе поля Шумского сражения 1774 года на территории Изобильненского сельсовета Алуштинского горсовета // Terra Alustiana MMXI: сб. науч. тр. / Ред.-сост. В. Г. Рудницкая, И. Б. Тесленко. Симферополь, 2015. С. 200–233.

Герасимова, Тур, 2004 – Герасимова В. С., Тур В. Г. Система налогообложения, пошлин и повинностей в Крыму (XVII – начало XVIII вв.) // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2004. С. 36–44.

Герасимчук, 1913 – Герасимчук В. Чуднівська кампанія 1660 р. Львів, 1913.

Герберштейн, 1988 – Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.

Герберштейн, 2008 – Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. Т. I: Латинский и немецкий тексты / Пер. с лат. А. И. Малеина, А. В. Назаренко; пер. с ранненововерхненем. А. В. Назаренко. М., 2008.

Герман, Муронец, 2010 – Герман Ю. В., Муронец И. И. Архитектура.: иллюстрированный толковый словарь. М.: Астрель, 2010.

Гернгросс, 1912 – Гернгросс В. Ханский дворец в Бахчисарае // Старые годы. 1912. № 4.

Геровский, 1979 – Геровский Ю. Отношение Польши к Турции и Крыму в период персональной унии с Саксонией // Россия, Польша и Причерноморье в XV – XVIII вв. М.: Наука, 1979. С. 344–367.

Герцен, 1990 – Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1990. Вып. I. С. 87–166.

Герцен, 2001 – Герцен А. Г. По поводу новой пу-

бликации турецкого источника о завоевании Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2001. Вып. VIII. С. 366–387.

Герцен, 2001a – Герцен А. Г. К вопросу о времени основания Бахчисарая // Слава труду. Бахчисарай, 2001. 10 окт. С. 3.

Герцен, 2003 – Герцен А. Г. У истоков иудейской общины Мангупа // IV Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья»: матер. Междунар. науч. конф. Керчь, 2003. С. 69–79.

Герцен, 2005 – Герцен А. Г. Крымские татары // Крымские татары: хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре. Симферополь: Доля, 2005. С. 8–22.

Герцен, 2008 – Герцен А. Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI – начало XX вв.) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2008. Вып. 3. С. 212–256.

Герцен, Землякова, Науменко, Смокотина, 2006 – Герцен А. Г., Землякова А. Ю., Науменко В. Е., Смокотина А. В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2006. Вып. XII. С. 371–494.

Герцен, Иванова, Науменко, Смокотина, 2007 – Герцен А. Г., Иванова О. С., Науменко В. Е., Смокотина А. В. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки (XVI – XVIII вв.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2007. Вып. XIII. С. 233–298.

Герцен, Колтухов, 2009 – Герцен А. Г., Колтухов С. Г. Археологические работы в Арабатской крепости // Северное и Западное Причерноморье в античную эпоху и средневековье / Под ред. С. Г. Бочарова, В. Кожокару. Симферополь, 2009. С. 144–172.

Герцен, Могаричев, 1993 – Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Крепость драгоценностей. Кырк-Ор. Чуфут-Кале. Симферополь, 1993. 128 с.

Герцен, Могаричев, 2001 – Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Восточная оборонительная стена Чуфут-Кале // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 2. С. 279–319.

Герцен, Могаричев, 2016a – Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Кырк-Ер – Чуфут-Кале. Крепость на краю седьмого климата: исследование, путеводитель, альбом. Симферополь: Антиква, 2016.

- Герцен, Могаричев, 2016б* – Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Мусульманский период в истории Чуфут-Кале // Материалы Конгресса исламской археологии России и стран СНГ. Казань 2016. С. 95–102.
- Герцен, Науменко, 2005* – Герцен А. Г., Науменко В. Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X – XVIII вв.: сб. науч. тр. / под ред. С. Г. Бочарова, В. Л. Мыца. Киев, 2005. Т. I. С. 257–287.
- Герцен, Науменко, 2010* – Герцен А. Г., Науменко В. Е. Октагональная церковь цитадели Мангупа (Крым): вопросы хронологии // Труды Государственного Эрмитажа. СПб., 2010. Т. LIII: Архитектура Византии и Древней Руси IX–XIII вв.: матер. Междунар. сем. С. 227–253.
- Герцен, Науменко, 2015а* – Герцен А. Г., Науменко В. Е. Стратиграфия Мангупского городища: антропогенный и природно-географический контекст // XVI Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум»: матер. Междунар. науч. конф. Керчь, 2015. С. 88–100.
- Герцен, Науменко, 2015б* – Герцен А. Г., Науменко В. Е. К изучению исторической топографии Мангупа: церковь Святого Константина // II Свято-Владимирские чтения: тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф., посв. 1000-летию представления Святого равноапостольного князя Владимира. Севастополь, 2015. С. 16–18.
- Герцен, Науменко, 2017* – Герцен А. Г., Науменко В. Е. К дискуссии о ранней этнической истории крымских караимов: археологический аспект // Этнография Крыма XIX – XXI вв. и современные этнокультурные процессы: тез. IV Междунар. науч.-практ. конф. Симферополь, 2017. С. 21–23.
- Герцен, Науменко, 2018* – Герцен А. Г., Науменко В. Е. Церковь Святого Георгия Мангупского городища. Общие итоги археологических исследований 2015–2016 гг. // Археология античного и средневекового города: сб. ст. в честь С. Г. Рыжова. Севастополь; Калининград, 2018. С. 12–44.
- Герцен, Науменко, 2019* – Герцен А. Г., Науменко В. Е. Сакральная топография Мангупа: история изучения, каталог и периодизация культовых памятников городища // *Χερσωνος θεματα* / Отв. ред. Н. А. Алексеенко. Симферополь, 2019. Вып. 2: Миры Византии. сб. науч. тр. С. 115–176.
- Герцен, Науменко, Душенко, 2018* – Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А. Княжеский дворец Мангупского городища. Стратиграфия участ-ка исследований 2006–2017 гг. (предварительное сообщение) // *Χερσωνος θεματα*: империя и полис: матер. X Междунар. византийского семинара. Севастополь; Симферополь. 2018. С. 53–58.
- Герцен, Руев, 2008* – Герцен А. Г., Руев В. Л. Свинцовые пули из раскопок Мангупа // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2008. Вып. XIV. С. 385–416.
- Гизер, 2001* – Гизер С. Н. Турецкий источник по истории буджакских ногайцев // *Південна Україна*. Запоріжжя: Тандем-У, 2001. Вып. 6. С. 212–215.
- Гизер, 2009* – Гизер С. Н. Кантемир-мурза – предводитель Буджакской Орды. Страницы биографии // Лукомор'я: археологія, етнологія, історія Північно-Західного Причорномор'я. Одесса: Паллада, 2009. Вып. 3. С. 214–235.
- Гиляревский, Старостин, 1985* – Гиляревский Р. С., Старостин Б. А. Иностранные имена и названия в русском тексте: справочник. 3-е изд. М., 1985.
- Гинзбург, 1992а* – Гинзбург М. Омер-придворный живописец и декоратор крымских ханов Селямет и Крым-Гиреев // Забвению не подлежит (Из истории крымскотатарской государственности и Крыма). Казань, 1992. С. 217–223.
- Гинзбург, 1992б* – Гинзбург М. Татарское искусство в Крыму // Забвению не подлежит: (Из истории крымско-татарской государственности и Крыма). Казань, 1992. С. 209–217.
- Гиргас, 1865* – Гиргас В. Права христиан на Востоке по мусульманским законам. Диссертация кандидата факультета восточных языков Владимира Гиргаса на степень магистра арабской словесности. СПб., 1865.
- Гистория Свейской войны, 2004* – Гистория Свейской войны: (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т. С. Майкова; Под ред. А. А. Преображенского. М., 2004. Вып. 2. 656 с.
- Голобуцкий, 1957* – Голобуцкий В. А. Запорожское казачество. Киев: Госполитиздат, 1957.
- Гончаров, 2004* – Гончаров Е. Ю. Поход Тимура на Золотую Орду (нумизматический аспект) // Восточное историческое востоковедение и специальные исторические дисциплины / Ин-т востоковедения РАН; Рекол.: Е. А. Давидович и др. М.: Восточная лит-ра, 2004. Вып. 6. С. 187–195.
- Гончарова, 1987* – Гончарова Н. Н. Е. М. Корнеев: из истории русской графики начала XIX века. М.: Искусство, 1987.
- Гончарова, 2008* – Гончарова Л. Л. Бахчисарай в годы Крымской войны 1854–1856 годов // Бахчисарай

райский историко-археологический сборник. Симферополь: Анктива, 2008. Вып. 3.

Горбань, 1928 – Горбань М. Аргати й ренджипери 1753 р. // Східний світ. 1928. № 3–4. С. 310–314.

Гордлевский, 1927 – Гордлевский В. А. Рукописи Восточного Музея г. Ялты // Доклады Академии наук СССР.– Л., 1927.– № 10.– С. 219–224.

Гордлевский, 1928 – Гордлевский, В. А. Организация цехов у крымских татар: из поездки в Карасубазар // Труды Этнографо-археологического музея этнологического факультета Первого московского гос. университета.– М., 1928.– Вып. 4: Быт.– С. 58–65.

Гордлевский, 1968 – Гордлевский В. А. Рукописи восточного музея г. Ялты // *Гордлевский В. А.* Избр. соч. Т. IV: Этнография, история востоковедения, рецензии. М.: Наука, 1968.

Гордлевский, 2005 – Гордлевский В. А. Организация цехов у крымских татар (Из поездки в Карасубазар) // Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма. Симферополь: Магистр, 2005. Ч. 1: Мусульмане. Крымские татары. Крымские цыгане.

Гордон, 2003 – Гордон П. Дневник 1659–1667. М.: Наука, 2003.

Гордон, 2005 – Гордон П. Дневник 1677–1678. М.: Наука, 2005.

Гордон, 2009 – Гордон П. Дневник 1684–1689. М.: Наука, 2009.

Горелик, 1990 – Горелик М. В. Степной бой: из истории военного дела татаро-монголов: военное дело древнего и средневекового населения северной и центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 155–160.

Горецкий, 1890 – Горецкий Л. История войны Ивонии // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Киев, 1890. С. 89–136. Вып. I (XVI ст.).

Горобець, 2000 – Горобець В. Між Кам'янцем і Озерною: українська зовнішня політика другої половини 1655 року в контексті геополітичних перегруповань у Центрально-Східній Європі // Україна в Центрально-Східній Європі. 2000. Вип. 1. С. 245–271.

Горобець, 2011 – Горобець В. М. Союз гетьмана Хмельницького з Кримом початку 1660-х років: чому не реалізувався проект? // Українська орієнталістика. 2011. Вип. 6. С. 17–28.

Городцов, 1913 – Городцов В. А. Описание холодного оружия Исторического музея // Труды Исторического музея. М.: Синодальная типография, 1913. 38 с.

Горский, 2000 – Горский А. А. Москва и Орда. М.: Наука, 2000. 214 с.

Горский, 2012 – Горский А. А. Ярлык Ахмата Ивану III // Древняя Русь: вопросы медиевистики. М., 2012. № 2(48). С. 104–113.

Горчакова, 2008 – Горчакова Е. С. Воспоминания о Крыме. Симферополь, 2008.

Грабовский, 1876 – Грабовский Н. Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. 9.

Грамон, 1929 – Грамон А. Из истории московского похода Яна Казимира (1663–1664 гг.). Юрьев, 1929.

Грёзы, 1999 – Грёзы розового сада: из средневековой крымскотатарской классической поэзии / Сост. Н. Абдульваап, пер.: С. Дружинин. Симферополь: Сонат, 1999.

Грёзы, 2003 – Грёзы любви: поэзия крымских ханов и поэтов их круга / Пер. С. Дружинина, сост., комм. и послесл. Н. Абдульвапа. Симферополь, 2003. 71 с.

Греков, 1963 – Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV – XVI вв. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963.

Грибовский, 2007 – Грибовский В. В. К вопросу о принятии причерноморскими ногайцами подданства России и переселении их на Кубань в 1770–1771 гг. // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2006 год: Дикаревские чтения (13): матер. Северокавказской науч. конф., Краснодар, 16–18 нояб. 2007 г. Краснодар, 2007. С. 448–467.

Грибовский, 2009 – Грибовский В. В. Управление ногайцами Северного Причерноморья в Крымском ханстве (40–60-е годы XVIII в.) // Тюркологический сборник. 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М.: Восточная лит-ра, 2009. С. 67–97.

Грибовский, 2014а – Грибовский В. В. От фронта к линейной границе: Разграничение степных владений Турции и России в 1704 и 1705 гг. // Границы и пограничье в южнороссийской истории: матер. Всерос. науч. конф. (26–27 сент. 2014 г.). Ростов-на-Дону, 2014. С. 187–199.

Грибовский, 2014б – Грибовский В. В. Формирование приставской администрации в междуречье Кубани и Еи в 1771–1790 гг. // Ногайцы XXI век. История. Язык. Культура: от истоков к грядущему. Черкесск, 2014.

- Грибовский, 2016a* – Грибовский В. В. Крымское ханство на начальном этапе войны Османской и Российской империй 1768–1774 гг.: к вопросу о «последнем татарском набеге» // Мемлекет тарихы. 2016. № 1. С. 33–57.
- Грибовский, 2016b* – Грибовский В. В. Последние «татарские набеги» 1769 г. // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (V Токаревские чтения): матер. Всерос. науч.-практ. конф. (г. Ростов-на-Дону, 6–7 мая 2016 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во Альтаир, 2016. С. 76–82.
- Грибовский, 2018* – Грибовский В. В. «Ханская Украина» // Казачество в тюркском и славянском мирах: коллективная монография / отв. ред. В. В. Грибовский, В. В. Трепавлов; Ин-т археологии им. А. Х. Халикова АН РТ. Казань, 2018. С. 258–281.
- Грибовский, 2019* – Грибовский В. В. Буза, вода и кофе в мужском пространстве крымскотатарского города (конец XVIII–XIX вв.) // Средневековые тюрко-татарские государства / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань, 2019. № 11. С. 43–59.
- Грибовский, Сень, 2013* – Грибовский В. В., Сень Д. В. Кубанский султан Бахты-Гирей: феномен нелегитимной власти в Крымском ханстве первой трети XVIII в. // Тюркологический сборник, 2011–2012: Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М.: Наука; Восточная лит-ра, 2013. С. 92–137.
- Грибовский, Сень, 2014a* – Грибовский В., Сень Д. Опрометчивый полет сокола: закат крымско-татарского государства и реформы Шагин-Гирея // Родина. 2014. № 7. С. 130–134.
- Грибовский, Сень, 2014b* – Грибовский В. В., Сень Д. В. Крымское ханство в период 1772–1783 гг. и судьба крымско-татарской государственности // История татар с древнейших времен: В 7 т. Казань, 2014. Т. 4: Татарские государства XV – XVIII вв. С. 266–276.
- Грибовський, 1999* – Грибовський В. В. Стан степового порубіжжя та особливості військової діяльності причорноморських татар кінця XV – першої половини XVII ст. // Наукові записки: зб. пр. молодих вчених та аспірантів / Ін-т української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України. Київ, 1999. Т. 5. С. 33–44.
- Грибовський, 2000* – Грибовський В. В. Типологія татарських набігів у XVIII ст. // Південна Україна XVIII – XIX ст.: записки Науково-дослідної лабораторії історії Південної України Запорізького державного університету. Запоріжжя: Тандем-У, 2000. Вип. 5. С. 206–211.
- Грибовський, 2004* – Грибовський В. Формування локальної групи причорноморських ногайців у XVI-XVII ст. // Україна в Центрально-Східній Європі. 2004. Вип. 4. С. 279–306.
- Грибовський, 2005* – Грибовський В. В. Територія розселення і характер відносин причорноморських ногайців із землеробським населенням українського степового порубіжжя у період 1739–1768 років // Козацька спадщина. 2005. Вип. 2. С. 60–76.
- Грибовський, 2008* – Грибовський В. Ногайські орди у політичній системі Кримського ханства // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). Київ, 2008. Вип. 8. С. 139–171.
- Грибовський, 2008a* – Грибовський В. В. Ногайські орди в політичній системі Кримського ханства // Південна Україна XVIII–XIX століття: Записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України Запорізького державного університету. Запоріжжя, 2008. Вип. 9. С. 113–129.
- Грибовський, 2010* – Грибовський В. В. Буджак у системі політичної адміністрації Кримського ханства в 1739–1769 роках // Гуманітарний журнал. 2010. № 3–4. С. 39–45.
- Грибовський, 2011* – Грибовський В. Землеробство і седентаризація в кочівницькому соціумі: випадок причорноморських ногайців // Україна в Центрально-Східній Європі. 2011. Вип. 11. С. 167–190.
- Грибовський, 2012* – Грибовський В. В. Військова система Ногайської орди та її реститути у причорноморських ногайців // Історія і культура Придніпров'я: невідомі та маловідомі сторінки. 2012. Вип. 9. С. 127–146.
- Грибовський, 2014* – Грибовський В. Запорозці і російське завоювання Криму в 1771–1774 рр. // Крим від античності до сьогодення: історичні студії / Ін-т історії України НАН України. Київ, 2014. С. 292–301.
- Грибовський, 2019a* – Грибовський В. Коші кримських чабанів у XVI – XIX ст.: риси подібності до запорозького козацтва // Гетьманська Україна між Польщею, Росією та Туреччиною / Ніжинський держ. ун-т ім. Миколи Гоголя; Упор. І. І. Кривошея, Є. М. Луняк. Ніжин, 2019. С. 255–272.
- Грибовський, Сень, 2012* – Грибовський В., Сень Д. Бахты Гирей и проблема стабилизации границ Российской и Османской империй в первой трети

XVIII века // *Wschodni Rocznik Humanistyczny*. Люблин, 2012. С. 85–115.

Григора, 2014 – Никифор Григора. История ромеев / Пер. Р. В. Яшунского. СПб.: Квадривиум, 2014. Т. II.

Григорьев, 1974 – Григорьев А. П. «Книга путешествий» Эвлии Челеби – источник по истории Крыма XII – XVII вв. // *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*. 1974. Вып. 3.

Григорьев, 1984 – Григорьев А. П. Пожалование в ярлыке Тимур-Кутлука // *Ученые записки Ленинградского гос. университета им. А. А. Жданова*. № 412. Сер. востоковедческих наук. Востоковедение. 1984. Вып. 9: Филологические исследования. № 25. С. 124–142.

Григорьев, 1987 – Григорьев А. П. Письмо Менгли-Гирея Баязиду II (1486 г.) // *Ученые записки Ленинградского гос. университета им. А. А. Жданова*. № 419. Сер. востоковедческих наук. Востоковедение. 1987. Вып. 29: Филологические исследования. № 13.

Григорьев, 2006 – Григорьев А. П. Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация // *Тюркологический сборник, 2005: Тюркские народы России и Великой Степи*. М., 2006.

Григорьев, 2015 – Григорьев С. И. «... Кафир весьма крутого нрава»: А. В. Суворов и Крымское ханство (1771–1779). СПб., 2015. 552 с.

Григорьев, Ярцов, 1844 – Григорьев В. В., Ярцов Я. О. Ярлыки Тохтамышы и Сеадет-Гирея // *Записки Одесского общества истории и древностей*. 1844. Т. 1. С. 337–346.

Грушевський, 1956 – Грушевський М. *Історія України-Руси*. Нью-Йорк: Книгоспілка, 1956. Т. VIII.

Грушевський, 1995 – Грушевський М. С. *Історія України-Руси*. Київ, 1995. Т. VII: Козацькі часи – до року 1625. 628 с.

Грушевський, 1996 – Грушевський М. *Історія України-Руси*. Київ: Наукова думка, 1996. Т. IX. Кн. 1.

Губоглу, 1964 – Губоглу М. Турецкий источник 1740 г. о Валахии, Молдавии и Украине // *Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы*. М., 1964. Т. 1.

Гузев, 1972 – Гузев В. Г. О ярлыке Мехмеда II // *Тюркологический сборник, 1971*. М.: Наука, 1972. С. 227–243.

Гузев, 1979 – Гузев В. Г. Староосманский язык М., Наука, 1979. 95 с.

Гулевич, 2013 – Гулевич, В. П. Казимир Ягайлович і Менгли Гірей: від друзів до ворогів // *Український історичний журнал*. 2013. № 1. С. 40–66.

Гулевич, 2013a – Гулевич В. П. «Київська трагедія» 1482 р.: міфи й факти // *Український історичний журнал*. 2013. № 5. С. 88–99.

Гулевич, 2013б – Гулевич В. П. Северное Причерноморье в 1400–1442 г. и возникновение Крымского ханства // *Золотоордынское обозрение*. 2013. № 1. С. 110–146.

Гулевич, 2014 – Гулевич В. П. О хронологии правлений и личностях правителей Крымского ханства в 1475–1478 гг. // *Золотоордынское обозрение*. 2014. № 2(4). С. 172–190.

Гулевич, 2014a – Гулевич В. П. Крым и «Императоры Солхата» в 1400–1430 гг.: Хронология правления и статус правителей // *Золотоордынское обозрение*. 2014. № 4. С. 166–197.

Гулевич, 2014б – Гулевич В. П. Кримське ханство й Північне Причорномор'я в період правління Хаджи Гірея (1442–1466) // *Український історичний журнал*. 2014. № 6. С. 4–28.

Гулевич, 2016 – Гулевич В. П. К вопросу о причинах нападения крымского хана Менгли Гирея на Киев (1482 г.) и разрыва мира с польским королем Казимиром Ягайловичем (по генуэзским документам) // *Золотоордынское обозрение*. 2016. Т. 4, № 2. С. 347–359.

Гулевич, 2016a – Гулевич В. Улуг Улус (Крымское ханство) // *Золотая Орда в мировой истории / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань*, 2016. С. 761–777.

Гулевич, 2017 – Гулевич В. П. Загадковий правитель Кримського ханства Джанібек Султан (1476–1477 рр.) // *Український історичний журнал*. 2017. № 1. С. 4–11.

Гулевич, 2017a – Гулевич В. Несколько наблюдений относительно проблемы «пожалования» русских земель Казимиру IV в ярлыках крымских ханов Хаджи Гирея 1461 г. и Менгли Гирея 1472 г. // *Colloquia Russica: Ser. I, Краков, 2017*. Т. 7: Русь и мир кочевников (вторая половина IX – XVI вв.). С. 369–378.

Гулевич, 2017б – Гулевич В. П. Татары в кругу высокой европейской политики на церковном соборе в Констанце // *Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. Минск, 2017*. Вып. 10. С. 60–75.

Гулевич, 2018 – Гулевич В. П. Место татарского населения в экономике Крыма в конце XIV – 70-х

- годах XV в. // Тюркологический сборник, 2015–2016: Тюркский мир Евразии. М.: Наука; Восточная лит-ра, 2018. С. 4–33.
- Гулевич, 2018a* – Гулевич В. П. От ордынско-го Улуса к ханству Гиреев: Крым в 1399–1502 гг. / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань, 2018. 492 с.
- Гулевич, 2018б* – Гулевич В. Проблема исламизации кочевого населения Крымского Улуса в XIV–XV вв. // Аль-Калям. 2018. Вип. № 8. С. 74–83.
- Гулевич, 2019* – Гулевич В. П. Османское завоевание Каффы (1475 г.), Килии и Белгорода (1484 г.) в «Хронике турок» испанского историка Антонио Эррера де Тордесильяс // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 3. С. 568–592.
- Гулевич, Джанов, 2019* – Гулевич В. П., Джанов А. В. Письмо крымского хана Менгли Гирея генуэзским эмиссарам Бартоломео Кампофрегозо и Лодизио Фьески от 30 декабря 1481 года // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 2.
- Гусарова, 2001* – Гусарова Т. П. Австрийские Габсбурги в войне с османами в 1683–1699 гг. (от осады Вены до Карловицкого мира) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII веке. М., 2001. Ч. 2. С. 238–295.
- Гусач, 2005* – Гусач И. Р. Турецкие полуфаянсы XVIII века из Азова // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X – XVIII вв.: сб. науч. тр. / Под ред. С. Г. Бочарова, В. Л. Мыца. Киев, 2005. Т. I. С. 476–481.
- Гусач, 2006* – Гусач И. Р. Керамика с росписью в стиле «Милет» из турецкого Азака // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Азов, 2006. Вып. 22. С. 300–322.
- Гусач, 2012* – Гусач И. Р. Кютахийские кофейные чашечки из раскопок крепости Лютик (Сед-Ислам) // Вестник Танаиса. Азов, 2012. Вып. 3. С. 114–139.
- Гусач, 2015* – Гусач И. Р. Поливная керамика Юго-Восточного Крыма из турецкой крепости Сед-Ислам (Лютик) // Археологический альманах. Киев, 2015. №33: Древняя и средневековая Таврика: сб. ст., посв. юбилею Е. А. Паршиной / Ред.-сост. И. Б. Тесленко. С. 512–527.
- Гусач, 2016* – Гусач И. Р. Курительные трубки из раскопок османской крепости Азак (по материалам фонда археологии Азовского музея-заповедника): каталог коллекции. М.; Азов, 2016. 360 с.
- Гусач, 2017* – Гусач И. Р. Малоазийская полив-
- ная керамика XV – XVIII вв. из раскопок в турецкой крепости Азак // Поливная керамика Причерноморья и Средиземноморья X – XVIII вв. / Под ред. С. Г. Бочарова, В. Франсуа, А. Г. Ситдикова. Казань; Кишинев, 2017. Т. 2. С. 581–600.
- Гусач, Моисеев, 2017* – Гусач И. Р., Моисеев Д. А. Типология производства крымской черепицы – «татарки» в позднесредневековое и Новое время: предварительные выводы // V Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна: тез. докл. и сообщ. Бахчисарай, 2017. С. 16–18.
- Гюббенет, 2016* – Гюббенет Х. Я. Очерк медицинской и госпитальной части русских войск в Крыму в 1854–1856 годах: Прил. к «Описанию Севастополя». М.: Principum, 2016.
- Гліва, 2018* – Гліва А. Асиметричний аспект татарського військового мистецтва (XVII ст.) // Український історичний журнал. 2018. № 3. С. 46–72.
- Давидович, 1979* – Давидович Е. А. Феодальный земельный милк в Средней Азии XV–XVIII вв.: сущность и трансформация // Бартольдские чтения, 1975 г.: Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1979.
- Далгат, 2001* – Далгат Э. М. Ислам и формы земельной собственности в Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане. М., 2001.
- Данилова, 1974* – Данилова Э. В. Каффа в начале второй половины XV в. (по документам Codice) // Феодальная Таврика: матер. по истории и археологии Крыма. Киев, 1974. С. 174–214.
- Дафтари, 2004* – Дафтари Ф. Краткая история исмаилизма: традиции мусульманской общины. М., 2004.
- Дашевская, 1991* – Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму: Список позднескифских поселений Крыма [Электронный ресурс] / Дашевская О. Д. 1991. Режим доступа: <http://Annales.info/skif/skifkrim/cover.htm>.
- Дашкевич, 1891* – Дашкевич Н. П. Описание Черноморья, составленное Эмидием д’Асколи в 1634 г. // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. 1891. Кн. 5.
- Дашкевич, 1993* – Дашкевич Я. Р. Ясир з України (XV – перша половина XVII ст.) як історико-демографічна проблема // Український археографічний щорічник: Нова сер. Київ, 1993. Вип. 2. С. 40–47.
- Дворцовые, 1851* – Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. II.

- Дедкова, 2017* – Дедкова Г. Р. Особенности функционирования мечетей в Крыму в 20-х годах XX века // Причерноморье: история, политика, культура. Сер. Б. Севастополь, 2017. Вып. XX(IX). С. 36 – 40.
- Дейников, 1999* – Дейников Р. Т. От вассального ханства Османской империи до Таврической губернии в составе России // Отечественная история. 1999. № 2. С. 80–88.
- Дейников, 2000* – Дейников Р. Т. [Рецензия] // Отечественная история. 2000. № 3. С. 183–187. Рец. на кн.: М. В. Масаев. Присоединение Крыма к России. Симферополь: Таврия, 1997. 204 с.
- Дейников, 2002* – Дейников Р. Т. Российские военные и дипломаты о статусе Крыма в период правления Шагин-Гирея // Москва – Крым: историко-публицистический альманах. 2002. Вып. 4. С. 50–59.
- Дейников, 2012* – Дейников Р. Т. Основные этапы и хронологические рамки истории присоединения Крымского ханства к России // Путь на пользу: к 225-летию путешествия Екатерины Великой в Новороссию и Крым. М., 2012. С. 8–54.
- Дейников, 2012a* – Дейников Р. Т. Россия, Турция и Крымское ханство: геополитическая ситуация в Северном Причерноморье в период с 30-х гг. XVIII в. по 1783 г. Автореф. ... канд. ист. наук. М., 2012. 30 с.
- Дейников, 2014* – Дейников Р. Т. К вопросу о выводе христиан из Крымского ханства в 1778 г. // Вопросы истории. 2014. № 4. С. 153–168.
- Дейников, 2017* – Дейников Р. Т. Крымское ханство от Константинопольского мира до присоединения к России // История Крыма: В 2-х т. / Ин-т российской истории РАН. М., 2017. Т. 1. С. 485–538.
- Дементьев, 1872* – Возмущение татар // Записки Одесского общества истории и древностей. 1872. Т. VIII. С. 188–190.
- Демидов, 1853* – Демидов А. Н. Путешествие в южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдовию, совершенное в 1837 г. М.: Тип. А. Семена, 1853. 543 с.
- Джанов, 2005* – Джанов А. В. «Храм с аркадой» в Судак // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2005. Вып. II. С. 654–669.
- Джанов, 2008* – Джанов А. В. Походы сельджукских войск на Сугдак и в Киликию в правление Ала ал-Дина Кайкубада I // Сугдейский сборник. Киев-Судак, 2008. Вып. III.
- Джанов, 2016* – Джанов О. Козацький фактор? Вихід християнського населення з Південно-Східного Криму в XVII ст. // Наш Крим. Київ, 2016. Вип. II: Зб. ст. за матер. Другої Міжнар. наук. конф. «Крим в історії України». С. 211–224.
- Джанов, 2017* – Джанов О. Нарис освоєння генуезцями Східної Європи на північ від Криму та Тани. Історичні відомості та матеріальні залишки XIII–XV ст. // Наш Крим / ред. кол. Г. Папакін (гол.) та ін. Київ, 2017. Вип. III: До 700-річчя проголошення Кафи головною генуезькою колонією в Криму. С. 10–38.
- Джанов, 2018* – Джанов А. В. Каффа и Крым во второй половине XIV в. (преимущественно по данным книг массарии Каффы) // Сугдейський збірник. Київ, 2018. Вип. 1(VII). Прил. 2: Книги массарии Каффы 1381 г. (МС 1381). С. 175–283.
- Джанов, 2019a* – Джанов О. Фрагмент бухгалтерської книги казначейства Кафи 1472–1473 рр. з кодексу ASG, San Giorgio, Sala 34, 590, № 1228 // Ucrainica Mediaevalia. Київ, 2019. Vol. II.
- Джанов, 2019b* – Джанов А. В. Каффа, Крым и османы в 1454–1456 гг. по данным книг массарии Каффы // Сугдейський збірник. Київ, 2019. Вип. 2(VIII).
- Джанов, 2020* – Джанов А. В. Татаро-генуезские договоры 1380 и 1381 годов // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8. № 4. С. 676–713.
- Джанов, Якушечкин, 2018* – Джанов А. В., Якушечкин А. В. Новые данные к биографии Хаджи-Гирея // Тюркологический сборник, 2015–2016: Тюркский мир Евразии. М.: Восточная лит-ра, 2018. С. 57–100.
- Джевет-паша, 1307* – Джевет-паша. Кырым ве Кафкас тарихчеси. Стамбул, 1307 (1889/90). (араб. шрифт).
- Джерела, 2012* – Джерела з історії Національно-визвольної війни українського народу 1648 – 1658 рр. Київ, 2012. Т. 1 (1648–1649 рр.).
- Джерела, 2013* – Джерела з історії Національно-визвольної війни українського народу 1648 – 1658 рр. Київ, 2013. Т. 2 (1650–1651 рр.).
- Джерела, 2014* – Джерела з історії Національно-визвольної війни українського народу 1648 – 1658 рр. Київ, 2014. Т. 3 (165 –1654 рр.).
- Дзамихов, 1994* – Дзамихов К. Ф. Адыги: веги истории. Нальчик, 1994.
- Дмитревский, 2005* – Дмитревский М. Картина Крыма или краткое описание татар и других народов, в Таврии живущих... // Крымские татары: хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре. Симферополь: Доля, 2005. С. 208–221.
- Дмитриев, 2003* – Дмитриев С. В. Крымское хан-

- ство в военном отношении (XVI – XVIII вв.) // Тюркологический сборник, 2002: Россия и тюркский мир. М.: Восточная лит-ра, 2003. С. 210–228.
- Дмитриева, 1987* – Дмитриева Л. В. Тюркоязычная арабописьменная рукописная книга по ее ареалам // Рукописная книга в культуре народов Востока. Очерки. М., 1987. Кн. 1.
- Дмитриева, 2002* – Дмитриева Л. В. Каталог тюркских рукописей Института востоковедения Российской академии наук. М., 2002.
- Дмитриева, Мугинов, Муратов, 1965* – Дмитриева Л. В., Мугинов А. М., Муратов С. Н. Описание тюркских рукописей Института народов Азии. М., 1965. Т. I: История.
- Доба, 2007* – Доба гетьмана Івана Мазепи в документах / Відп. ред. І. Ситий; Упорядн. С. Павленко; Чернігівський історичний музей ім. В. В. Тарновського; Канадський ін-т українських студій Альбертського університету; Ін-т рукопису Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського. Київ: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2007.
- Довнар-Запольский, 1897* – Довнар-Запольский М. В. Заметка о крымских делах в Метрике Литовской // Известия Таврической учёной архивной комиссии. 1897. № 26. С. 11–23.
- Довнар-Запольский, 1898* – Довнар-Запольский М. Литовские упоминки татарским ордам. Скарбовая книга Метрики Литовской 1502–1509 гг. Симферополь, 1898. 99 с.
- Договоры, 1869* – Договоры России с Востоком. Политические и торговые / Подг. Т. Юзефович. СПб., 1869.
- Документи, 1961* – Документи Богдана Хмельницького 1648–1657. Київ: Вид-во АН Української РСР, 1961. 760 с.
- Документи, 1998* – Документи російських архівів з історії України. Львів, 1998. Т. I: Документи до історії запорозького козацтва 1613–1620 рр.
- Документы, 1954* – Документы об освободительной войне украинского народа 1648–1654 гг. Киев: Наукова думка, 1954.
- Документы, 1965* – Документы об освободительной войне украинского народа 1648–1654 гг. Киев: Наукова думка, 1965.
- Документы, 2008* – Документы по истории Волго-Уральского региона XVI – XIX веков из древлехранилищ Турции: сб. док. / Сост. И. А. Мустакимов; науч. ред. Д. А. Мустафина. Казань, 2008. 464 с.
- Документы, 2014* – Документы Астраханской губернской канцелярии о миграции казанских татар из Российской империи в Крымское ханство, 1754–1755 гг. // История татар с древнейших времен: В 7 т. / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань, 2014. Т. V: Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI – XVIII вв.). С. 940–943.
- Документы, 2017* – Документы Крымского ханства из собрания Хусейна Фейзханова / сост. и транслит. Р. Р. Абдужемилев. Симферополь: Константа, 2017. 816 с.
- Долгоруков, 1872* – Поденная записка путешествия его сиятельства князя Василья Михайловича Долгорукова в Крымский полуостров, во время кампании 1773 года // Записки Одесского общества истории и древностей. 1872. Т. VIII. С. 182–187.
- Домбровский, 1848* – Домбровский Ф. Ашык Умэр // Современник журнал. 1848. Т. 9. № 5.
- Домбровский, 1848a* – Домбровский Ф. Историко-статистический очерк г. Бахчисарая. // Новороссийский календарь на 1849 год / Ришильевский лицей. Одесса, 1848.
- Домбровский, 1853* – Домбровский Ф. Кара-кади: ногайский массал // Москвитянин. 1853. Т. 2. № 5. С. 1–7.
- Домбровский, 1863* – Домбровский Ф. Дворец Крымских ханов в Бахчисарае. Симферополь. 1863. 76 с.
- Домбровский, 2005* – Домбровский Ф. М. О разведении Верблюдов в Крыму // Крымские татары: хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре. Симферополь: Доля, 2005.
- Домбровский, Сидоренко, 1978* – Домбровский О., Сидоренко В. Солхат и Сурб-хач. Симферополь, 1978.
- Донелли, 1995* – Донелли А. С. Завоевание Башкирии Россией, 1552–1740: Страницы истории империализма. Уфа: Ватан, 1995. 285 с.
- Донесение Никифорова, 1844* – Донесение российского резидента при крымском хане Никифорова о низложении Крым-Гирея // Записки Одесского общества истории и древностей. 1844. Т. 1. С. 375–378.
- Донские дела, 1913* – Донские дела // Русская историческая библиотека. СПб., 1913. Т. XXIX. Кн. 4. 974 стб.
- Донские дела, 1917* – Донские дела // Русская историческая библиотека. Пг., 1917. Т. XXXIV. Кн. 5. 1038 стб.
- Дополнения, 1872* – Дополнения к Актам исто-

рическим, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1872. Т. 12. 423 с.+указатели [24 с.].

Дружинин, 1889 – Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889. 335 с.

Дружинина, 1955 – Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (подготовка и заключение). М.: Изд-во АН СССР, 1955. 368 с.

Дубровин, 1885а – Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. СПб.: Тип. Имп. АН, 1885. Т. I: 1775–1777 гг. 872 с.

Дубровин, 1885б – Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. СПб.: Тип. Имп. АН, 1885. Т. II: 1778 г. 924 с.

Дубровин, 1887 – Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. СПб.: Тип. Имп. АН, Т. III: 1779–1780 гг. 1887. 739 с.

Дубровин, 1889 – Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. СПб.: Тип. Имп. АН, 1889. Т. IV: 1781–1782 гг. 1003 с.

Дунаев, 1916 – Дунаев Б. И. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке. М., 1916.

Духовные, 1950 – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XV вв. / Под. Л. В. Черепнин. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 586 с.: таб.

Душенко, 2020 – Душенко А. А. Нумизматический комплекс Мангупского княжеского дворца (раскопки 2006–2018 гг.): статистический обзор // XII Международный Византийский семинар «Χερσωνος θρατια: империя и полис»: матер. науч. конф. Симферополь, 2020. С. 91–98.

Дьячков, 2019 – Дьячков С. В. Консульский замок генуэзской крепости Чембало XIV – XV вв. (по материалам археологических раскопок 1999–2008 гг.) // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Под ред. С. Г. Бочарова, А. Г. Ситдикова. Казань; Кишинев, 2019. Т. 2. С. 771–789.

Дюбуа де Монпере, 2009 – Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие в Крым [Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. В 6 томах. Париж, 1843. Т. 5, 6]. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009.

Евстигнеев, 2012 – Евстигнеев Ю. А. Куманы / куны: кто они? // Антропология и этнология в XXI веке. 2012. С. 91–97.

Ельников, 2013 – Ельников М. В. Охоронні до-

слідження золотоордынского міста «Кінські Води» // Старожитності лівобережного Подніпро'я. Київ; Полтава, 2013.

Емыкі, 2012 – Емыкі Н. Темыркѡпэ иорэд // Псаль. Мыекѡупэ, 2012. № 9(12).

Ермоленко, 2011 – Ермоленко Л. Н. Представления древних тюрков о войне // Батыр. Традиционная военная культура Евразии. М., 2011. № 2.

Ермолин, Бонин, 2018 – Ермолин С. А., Бонин А. В. Поселение Батальное 1, могильник Батальное и Северо-Западный могильник Батальное 1 // Города, селища, могильники. Раскопки 2017: матер. спасательных археологических исследований. М., 2018. Т. 25. С. 106–111.

Ермолин, Бонин, 2019 – Ермолин С. А., Бонин А. В. Археологические исследования поселения Батальное 1 и могильников Батальное и Батальное 1 // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. в 2-х т. / Ин-т археологии РАН. М., 2019. Т. 1.

Ерофеев, 1908 – Ерофеев И. Крым в малорусской народной поэзии XVI – XVII веков // Известия Таврической учетной архивной комиссии. Симферополь, 1908. Вып. 42.

Ерусалимский, 2004 – Ерусалимский К. Ю. Как сделана «История» А. М. Курбского: проблемы хронологии текста // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2004. Вып. 11.

Ерусалимский, 2015 – Ерусалимский К. Ю. Назначение «Истории» // Курбский А. История о делах великого князя московского / подг. К. Ю. Ерусалимский: пер. А. А. Алексеев. М., 2015.

Ерусалимский, 2017 – Ерусалимский К. Ю. Крымское ханство, Речь Посполитая и Российское государство в 1524–1571 гг.: посольская переписка из архива Великого княжества Литовского // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. № 4. С. 866–920.

Ефимов, 2000 – Ефимов А. В. Из османской налоговой ведомости. XVII век // Греки в истории Крыма: краткий биограф. справ. Симферополь, 2000. С. 283–290.

Ефимов, 2013а – Ефимов А. В. Джизйе–дефтерлива–и Кефе 1634 года как источник по истории Крыма // Греки Балаклавы и Севастополя. М.: Индрик, 2013.

Ефимов, 2013б – Ефимов А. В. Христианское население Крыма в 1630-е годы по османским источникам // Вестник РГГУ. Сер.: «Исторические науки. Региональная история. Краеведение». 2013. № 9(110). С. 134–143.

- Ефимов, Белоглазов, 2002* – «Изыскать пути к парализованию...»: документы карательных органов Вооруженных сил Юга России и Крымской АССР о крымско-татарском движении (1920–1923) / Публ. А. В. Ефимова, Р. Н. Белоглазова // Москва – Крым: историко-публицистический альманах. М., 2002. Вып. 4.
- Ефремов, 1992* – Ефремов Ю. М. Лицом к лицу с огненным смерчем Востока: борьба украинского казачества с Крымским ханством и Османской империей. Киев, 1992.
- Жадовский, 1859* – Жадовский П. Отрывки из воспоминаний о Крыме 1855 и 1856 годов // Сборник литературных статей, посвященных русскими писателями памяти покойного книгопродавца-издателя Александра Филипповича Смирдина. СПб., 1859. Т. 4.
- Желтухина, 2018* – Желтухина О. А. Часовня над прахом героев // Бахчисарай: история, археология, этнография. Бахчисарай; Белгород: Константа, 2018.
- Жерела, 1913* – Жерела до історії України-Руси. Львів, 1913. Т. 6.
- Живков, 2010* – Живков Б. Хазария през IX и X век. София, 2010. 377 с.
- Жирмунский, 1974* – Жирмунский В. М. Избранные труды: Тюркский героический эпос. Л., 1974.
- Жирнов 1888* – Жирнов В. И. О татарских училищах // Вторая учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии в Бахчисарай и его окрестности / Сост. А. Н. Попов. Симферополь, 1888. С. 60–64.
- Жуков, 2014* – Жуков В. Д. Общая милостыня: выкуп пленных Московским государством из Крыма в середине XVII в. // Родина. 2014. № 11.
- Жуков, 2017* – Жуков В. Д. «Памяти о полоняниках» как источник по истории государственного выкупа пленных из Крыма (1620–1630-е гг.) // Русь, Россия: Средневековье, Новое время: чтения памяти акад. Л. В. Милова. Москва, 9–10 нояб. 2017 г.: матер. к конф. М., 2017. Вып. 5.
- Жуковский, 2002* – Жуковский В. Поездка в Крым: путевые заметки. Год 1837-й // Крымский альбом 2001: историко-краеведческий и литературно-художественный альманах. Феодосия; М., 2002. С. 43–49.
- Журналы, 2017* – Журналы крымских походов российской армии 1735 – 1738 гг.: сб. док. / Сост. П. А. Аваков; отв. ред. И. О. Тюменцев. Ростов-на-Дону, 2017.
- Заатов, 2003* – Заатов И. Истоки и становление традиций крымскотатарского сценического театрального искусства. URL: <http://dspace.nbuiv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/76089/29-Zaatov.pdf?sequence=1> (дата обращения 20. 06. 2018)
- Заатов, 2011* – Заатов И. А. Чокан Валиханов и Крым // Труды НИЦ крымскотатарского языка и литературы Крымского инженерно-пед. университета. Симферополь, 2011. Т. 1.
- Заборовский, 2001* – Заборовский Л. В. Порта, Крымское ханство и государства Центральной и Восточной Европы в 1648–1654 гг. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 2001. Ч. I. С. 190–225. (Серия: «Памятники исторической мысли»).
- Завадовский, 1884* – Завадовский А. Материалы о гражданском благоустройстве в Крыму // Таврические губернские ведомости. 1884. № 64. 9 авг.
- Загидуллин, 2018* – Загидуллин И. К. Особенности формирования мусульманского «наследственного» духовенства в Тавриде в 1783–1831 годах // Minbar. Islamic Studies. 2018. Vol. 11, № 4. С. 735.
- Загоровский, 1957* – Загоровский В. П. Попытка создания русского военно-морского флота на верхнем Дону в 60-х годах XVII века // Труды Воронежского государственного университета. Воронеж, 1957. Т. 60. Вып. 2. С. 21–26.
- Загоровский, 1969* – Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1969.
- Загоровский, 1980* – Загоровский В. П. Изюмская черта. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1980.
- Загоровский, 1991* – Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991.
- Зайончковский, 1969* – Зайончковский А. «Летопись Кипчакской степи» («Тев арих-и Дешт-и Кипчак») как источник по истории Крыма // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1969. Т. П.
- Зайончковський, 2013* – Зайончковський Ю. В. Правління джучидського хана Дервіша (1416–1419 рр.) за даними письмових джерел і нумізматики // Збірник наукових праць Харківського нац. пед. університету ім. Г. С. Сковороди. Сер.: «Історія та географія». Харків, 2013. Вип. 49. С. 193–196.
- Зайретдинова, Сеферова, 2018* – Зайретдинова Н. А., Сеферова Ф. А. Османлы тезкирелеринде

Къырымлы шаирлерине даир бильгилер // *Vonum Initium*. 2018. Вып. 8(16). С. 46–52.

Зайцев, 2003 – Зайцев И. В. «Вольная грамота» турецкого султана некоему русину // *Тюркологический сборник, 2002: Россия и тюркский мир*. М.: Восточная лит-ра, 2003. С. 231–232.

Зайцев, 2003a – Зайцев И. В. Шейх-Ахмад – последний хан Золотой Орды (Орда, Крымское ханство, Османская империя и польско-Литовское государство в начале XVI в.) // *От Стамбула до Москвы: сб. ст. честь 100-летия проф. А. Ф. Миллера*. М.: Муравей, 2003. С. 31 – 52.

Зайцев, 2003б – Зайцев И. Крымские ханы: портреты и сюжеты // *Восточная коллекция*. 2003. Весна.

Зайцев, 2004 – Зайцев И. В. Астраханское ханство. М.: Восточная лит-ра, 2004. 303 с.

Зайцев, 2004a – Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI вв.). М.: Рудомино, 2004.

Зайцев, 2005 – Зайцев И. В. Ad Fontes: Крымская историография эпохи Средневековья и Нового времени // *Тюркологический сборник, 2003–2004: Тюркские народы в древности и средневековье / редкол.: С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов, В. В. Трепавлов*. М., 2005. С. 48–85.

Зайцев, 2006a – Зайцев И. В. Арабские, персидские и тюркские рукописи Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского государственного университета. М., 2006.

Зайцев, 2006б – Зайцев И. В. Астраханское ханство. 2-е изд., испр. М.: Восточная лит-ра, 2006.

Зайцев, 2006в – Зайцев И. В. К истории дипломатических связей Крымского ханства и доосманского Египта (вторая половина XV – начало XVI века) // *Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в X – первой трети XVIII века: Третья Междунар. науч. конф. цикла «Иноземцы в Московском государстве», посв. 200-летию Музеев Московского Кремля*. Москва, 19–21 окт. 2006 г.: тез. докл. М., 2006. С. 49–50.

Зайцев, 2006г – Зайцев И. В. Письменная культура Крымского ханства // *Восточный архив*. 2006. № 14–15. С. 87–90.

Зайцев, 2007 – Зайцев И. В. Семья Хаджи-Гирея // *Altaica*. М., 2007. Т. XII.

Зайцев, 2007a – Зайцев И. В. «Пропавшая грамота» (ярлык крымского хана Селим-Гирея Мустафе-аге 1693 г.) // *Тюркологический сборник, 2006*. М.: Восточная лит-ра, 2007. С. 174–182.

Зайцев, 2008 – Зайцев И. В. Крымское ханство в XV–XVI веках // *Очерки истории исламской цивилизации*. М., 2008. Т. 2.

Зайцев, 2008a – Зайцев И. В. Записи генеалогий и правлений крымских ханов и крымские средневековые исторические хроники // *Восток*. 2008. № 4.

Зайцев, 2008б – Зайцев И. В. Три заметки к эпиграфике крымских Гиреев // *Эпиграфика Востока XXVII*. М., 2008. С. 147–154.

Зайцев, 2009 – Зайцев И. В. Крымская историографическая традиция XV – XIX веков. Пути развития. Рукописи, тексты и источники. М.: Восточная лит-ра, 2009.

Зайцев, 2010 – Зайцев И. В. Крымское ханство: вассалитет или независимость? // *Османский мир и османистика: сб. ст. к столетию со дня рождения А. С. Тверитиновой (1910–1973)*. М., 2010. С. 288–296.

Зайцев, 2011 – Зайцев И. В. Табак и курение в Крыму (XVII – XVIII вв.) // *История и современность*. 2011. № 2. С. 13–33.

Зайцев, 2012 – Зайцев И. В. Гази-Мансур // *Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь*. М., 2012. Вып. 5. С. 61–62.

Зайцев, 2012a – Зайцев И. В. К истории библиотеки Большой мечети Бахчисарайского дворца // *IV Научные чтения памяти Усейна Боданинского*. 17–19 окт. 2012 г.: тез. докл. и сообщ. Бахчисарай, 2012. С. 17.

Зайцев, 2012б – Зайцев И. В. Кырк-Йер / Кырккор (Чуфут-Кале) и ранняя история Крымского ханства // *Восточная Европа в древности и Средневековье. Миграции, расселение, война как фактор политогенеза: XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто*. Москва, 18–20 апр. 2012 г.: матер. конф. М., 2012. С. 97–102.

Зайцев, 2013a – Зайцев И. В. Кырк-Йер/Кырккор (Чуфут-Кале) и ранняя история Крымского ханства // *От Онона к Темзе: Чингисиды и их западные соседи*. М., 2013. С. 494–505.

Зайцев, 2013б – Зайцев И. В. Потомки Чингисхана в Москве и Стамбуле: сравнительный анализ / *Чингисиды в России: «золотой род» после падения Золотой орды* // *Российская история*. 2013 № 3 С. 23–24.

Зайцев, 2013в – Зайцев И. В. Судьба аристократа. Ак-Мухаммад-оглан и сын его Федор // *Золотоордынское обозрение*. 2013. № 2. С. 146–157.

Зайцев, 2013г – Зайцев И. В. Хроника Давида б. Элизера Лехно из Карасубузара и ее источники

- // Мир Бекира Чобан-Заде.: сб. матер. 1 Крымской междунар. тюркол. конф. Белогорск, 23–25 мая 2012 г. Симферополь, 2013.
- Зайцев, 2014* – Зайцев И. В. Кремук – Кермук и «Татарский угол» (к пониманию двух средневековых этно-топонимов) // Книга картины земли: сб. ст. в честь Ирины Геннадиевны Коноваловой / Под ред. Т. Н. Джаксон и А. В. Подосинова. М., 2014.
- Зайцев, 2014a* – Зайцев И. В. Крымские татары // История татар с древнейших времен: В 7 т. / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань, 2014. Т. IV: Татарские государства XV – XVIII вв. С. 787–789.
- Зайцев, 2014б* – Зайцев И. В. «Русский» ислам до XIX в.: исторический экскурс о принятии ислама «этническими» русскими // Вера. Мысль. Выбор: по материалам Зёрновских конференций 2012–2013 гг.: «Философская мысль и религиозный опыт» и «Свобода и выбор в истории мировых религий». М., 2014.
- Зайцев, 2016* – Зайцев И. В. Бахчисарайские эснафы (цехи) по материалам «Селеф-наме» и «Дневника» У. А. Боданинского // Проблемы сохранения культурного и исторического наследия крымских татар? тез. докл. науч. конф, посв. 20-летию возрождения Музея истории и культуры крымских татар в Ханском дворце. Бахчисарай, 28 апреля 2016 г. Бахчисарай, 2016.
- Зайцев, 2016a* – Зайцев И. В. К истории золотоордынских кунгратов в Хорезме и в Крыму: эмир Нангутай // Тюркологический сборник, 2013–2014: Памяти Сергея Григорьевича Кляшторного (1928–2014). М.: Наука; Восточная лит-ра, 2016.
- Зайцев, 2016б* – Зайцев И. В. О правах христиан в Крымском ханстве. Ярлык хана Сахиб-Гирея крымским христианам (1772 г.) // Крым: проблемы истории: сб. ст. / Ин-т российской истории РАН. М.: Индрик, 2016. С. 63–82.
- Зайцев, 2016в* – Зайцев И. В. Рец. на: В. Л. Руев. Турецкое вторжение в Крым в 1475 году. Симферополь: Антиква, 2014. 308 с., ил. // Восток. 2016. № 2.
- Зайцев, 2016г* – Зайцев И. В. Рукописи медресе Зынджырлы и его первоначальное название // Сборник матер. Междунар. науч.-практ. конф. «Исламское образование в Крыму: исторические вехи и пути возрождения», посв. 515-летию Зынджырлы медресе и памяти его основателя Менгли Герая хана. 10–12 окт. 2015 г., г. Ялта. Симферополь: Терджиман, 2016. С. 36–42.
- Зайцев, Эминов, 2017* – Зайцев И. В., Эминов Р. Р. Два ружья Крымских ханов // Археология евразийских степей. 2017. № 5: Военная археология: древнее и средневековое вооружение Евразии. Казань, 2017.
- Зайцев, 2018* – Зайцев И. В. Османская надпись на портрете С. Л. Лашкарева кисти В. Л. Боровиковского // Восточный архив. 2018. № 1(37). С. 8–10.
- Зайцев, Эминов, 2018* – Зайцев И. В., Эминов Р. Р. Юрий Николаевич Завадовский в Бахчисарае // Крымское историческое обозрение. 2018. № 2(11). С. 43–51.
- Зайцев, 2019a* – Зайцев И. В. Образование Крымского ханства // История Крыма: В 2-х т. / Ин-т российской истории РАН. М.: Кучково поле, 2019. Т. I.
- Зайцев, 2019б* – Зайцев И. В. Крымское ханство во второй половине XV – XVII вв. Политическая история и международные отношения // История Крыма: В 2-х т. / Ин-т российской истории РАН. М.: Кучково поле, 2019. Т. I.
- Зайцев, 2019в* – Зайцев И. В. Государственный строй, общественные институты, экономика // История Крыма: В 2-х т. / Ин-т российской истории РАН. М.: Кучково поле, 2019. Т. I.
- Зайцев, 2019г* – Зайцев И. В. Народы и религии, культура // История Крыма: В 2-х т. / Ин-т российской истории РАН. М.: Кучково поле, 2019. Т. I.
- Зайцев, Чхаидзе, 2019* – В. Н. Зайцев И. В., Чхаидзе В. Н. Османская эпиграфика Тамани // Вопросы эпиграфики. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2019. Вып. X. С. 40–56.
- Зайцев, 2020* – Зайцев И. В. Золотоордынские и османские эпитафии из собрания Ялтинского историко-литературного Музея // Эпиграфика Востока. М., 2020. Вып. XXXV. С. 42–51.
- Зайцев, Алиев, 2020* – Зайцев И. В., Алиев Р. Д. Фрагмент ярлыка (мюльк-наме) крымского хана Сахиб-Гирея // Ottomans-Crimea-Jochids: Studies in Honour of Mária Ivanics. Szeged, Hungary: University of Szeged, Department of Altaic Studies. 2020. С. 355–362.
- Зайцев, 2021* – Зайцев И. В. Сокровищница тайн: крымскотатарские рукописи и документы в собрании Ялтинского историко-литературного музея / Сос., вступ. ст. И. В. Зайцева. Симферополь: Н. Орианда, 2021. 80 с., ил.
- Закиров, 1966* – Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом. М., 1966.
- Занкин, 1991* – Занкин А. Б. Исследования средневекового Корчева // Археологічні дослідження на Україні у 1990 р. Київ, 1991. С. 21–22.

- Записки Манштейна, 1875* – Записки Манштейна о России, 1727–1744. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1875.
- Записки, 1883* – Записки барона Тотта о татарском набеге 1769 г. на Ново-Сербию / с предисл. и послесл. С. Е.) // Киевская старина. 1883. № 9–10. С. 135–198.
- Записки, 1894* – Записки Мухаммеда Неджати-эфенди, турецкого пленного в России в 1771–1775 гг. // Русская старина. 1894. № 4. С. 179–208.
- Записки, 1988* – Записки русских путешественников XVI–XVII вв. М., 1988.
- Записки, 2003* – Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского (1756–1776). М., 2003. 784 с.
- Заруба, 1992* – Заруба В. Н. Походи російських та українських військ на Крим у 1687 й 1689 рр. // Український історичний журнал. 1992. № 9. С. 65–75.
- Заруба, 2003* – Заруба В. Українське козацьке військо в російсько-турецьких війнах останньої чверті XVII століття. Дніпропетровськ: Ліра ЛТД, 2003.
- Заседание 15 ноября 1899 года, 1899* – Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной комиссии. Заседание 15 ноября 1899 года // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1899. Вып. 30. С. 118–125.
- Заседание 20 апреля 1898 года, 1899* – Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной комиссии. Заседание 20 апреля 1898 года // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1899. Вып. 29. С. 79–87.
- Засыпкин, 1927* – Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. №2(4). С. 113–168.
- Захарьина, 1980* – Захарьина Н. С. Русско-крымские отношения в годы правления Василия Шуйского (1607 – 1610 гг.) // Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы (до середины XIX века). Кишинёв, 1980.
- Збірник, 2006* – Збірник козацьких літописів: Густинський літопис. Літопис Самійла Величка. Літопис Грабянки. Київ: Дніпро, 2006.
- Зеест, Якобсон, 1965* – Зеест И. Б., Якобсон А. Л. Раскопки в Керчи в 1963 г. // Краткие сообщения Института археологии / АН СССР. 1965. Вып. 104. С. 62–69.
- Зиливинская, 2009* – Зиливинская Э. Д. Золотая Орда, как архитектурная провинция ислама: мечети Среднего и Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и Крыма // *Archeologia abrahamica*. М., 2009.
- Зиливинская, 2014a* – Зиливинская Э. Архитектура Золотой Орды. Культурное зодчество. М.; Казань: Отечество, 2014. Ч. I. 228 с.
- Зиливинская, 2014б* – Зиливинская Э. Мавзолеи западных районов Золотой Орды // Крымское историческое обозрение. 2014. № 1. С. 256–281.
- Зиливинская, 2014в* – Зиливинская Э. Мечети Крыма и их место в культовой архитектуре Золотой Орды // Сборник матер. Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма, посв. 700-летию мечети Хана Узбека (г. Старый Крым). 14–18 окт. 2014 года. Симферополь, 2014.
- Зиливинская, 2020* – Зиливинская Э. Д. Мечети Крымского ханства: опыт первичной классификации // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма: матер. VII Всерос. науч.-практ. конф. Симферополь, 2020. С. 66–71.
- Зорин, 1999* – Зорин А. Л. Вольтер и восточная политика Екатерины II // Вольтер и Россия. М., 1999.
- Зуев, 1790* – Зуев В. Ф. Выписка из путешественных записок Василья Зуева, касающихся до полуострова Крыма. 1782 года // Собр. соч., выбранных из месяцесловов на разные годы. СПб., 1790. Ч. 5. С. 265–303.
- Иаков, 1848* – Сказание священника Иакова // Записки Одесского общества истории и древностей. 1848. Т. 2.
- Ибн аль-Ханбали, 1972* – Ибн аль-Ханбали. Дурр аль-Хаббаб фи Тарих Айан Халаб. Ред. М. аль-Фахури, Йа. Закарийя. Дамаск: Вазирату с-Сакафа, 1972. Т. 1–4. (араб. шрифт).
- Ибн Баттута, 1841* – Ибн Баттута. Путешествие шейха ибн Баттуты в Золотую Орду в половине XIV века // Русский вестник. 1841. Т. 2.
- Ибн Джубайр, 1984* – Путешествие просвещенного писателя, добродетельного, проникательного Абу-л-Хусайна Мухаммада ибн Ахмада ибн Джубайра ал-Кинани ал-Андалуси ал-Баланси да будет милосерден к нему Аллах! Аминь. М., 1984.
- Ибрагимова, 2010* – Ибрагимова А. М. Архитектурный комплекс Зынджырлы-медресе и Дюрбе хана Хаджи-Герая в свете новейших исследований // Откровения древнего Солхата: матер. Междунар. науч.-практ. конф. «Сохранение культурного и исторического наследия Крыма». Керчь, 2010. С. 106–116.
- Ибрагимова, 2015* – Ибрагимова А. М. Бахчисарайский Ханский дворец XVI – XVIII вв. Киев, 2015. 360 с.

- Ивангородский, 2014* – Ивангородский К. В. Етногенез кримських татар та етносоціальний вимір становлення Кримського ханства (XIII – XV ст.) // Восьмі Богданівські чит.: Матер. Всеукр. наук. конф.: зб. наук. пр. / Редкол.: О. Драч, К. Ивангородський, А. Котиченко та ін. Черкаси: Вид. Чабаненко Ю. А., 2014. С. 126–137.
- Ивангородский, 2014–2015* – Ивангородский К. В. Етносоціальна основа становлення Кримського ханства // Гуржіївські історичні чит.: зб. наук. пр. / Ред. кол. В. А. Смолій, О. І. Гуржій, А. Г. Морозов та ін. Черкаси: Вид. Чабаненко Ю. А., 2014–2015. Вип. 8–9. С. 116–121.
- Иванич, 2004* – Иванич М. Крымскотатарско-иранские связи в XVI – XVII вв. // Великий Волжский путь: матер. III этапа Междунар. науч.-практ. конф. «Великий Волжский путь». Казань, 3–14 авг. 2003 г. Казань, 2004. Ч. II.
- Иванич, 2006* – Иванич М. Удостоверительные знаки крымских ярлыков XVII века // Источники и исследования по истории татарского народа: матер. к учебным курсам в честь юбилея академика АН РТ М. А. Усманова. Казань, 2006.
- Иванов, 1990* – Иванов Н. А. Арабо-османский цех в XVI – XVII вв. // Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М.: Наука, 1990.
- Иванов, 1997* – Иванов А. В. Антропологический материал из мусульманского некрополя в 6-м микрорайоне г. Бахчисарая // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь: Таврия, 1997. Вып. 1. С. 360–366.
- Из «Та'рих-и арба' улус», 2007* – Из «Та'рих-и арба' улус» Мирза Улугбека // История Казахстана в персидских источниках. Алматы: «Дайк-Пресс», 2007. Т. V: Извлечения из сочинений XIII – XIX веков. С. 88–112.
- Из сбирките, 1999* – Из сбирките на османските библиотеки в България XVIII – XIX век: каталог на изложба от ръкописи и старопечатни книги. София, май 1999 / Съст. С. Кендерова и З. Иванова. София, 1999.
- Извлечения, 1884* – Извлечения из описания путешествий Ибн Баттуты // Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. С. 278–314.
- Измайлов, 2014* – Измайлов И. Татарское военное искусство // История татар с древнейших времен: В 7 т. / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань, 2014. Т. IV: Татарские государства XV – XVIII вв. С. 686–690.
- Измайлов, Исхаков, 2013* – Измайлов И. Л., Исхаков Д. М. Татарские кланы Улуса Джучи: происхождение и место в системе власти // От Онона к Темзе: Чингисиды и их западные соседи: к 70-летию М. Крамаровского. М.: Изд. Дом Марджани, 2013. С. 178–201.
- Иналджик, 1995* – Иналчик Х. Хан и племенная аристократия: Крымское ханство под управлением Сахиб Гирея // Панорама-Форум. 1995. № 3. С. 73–94.
- Иналджик, 2013а* – Иналджик Х. Крым под властью османов и спор о заключении соглашения: по материалам новых документов (1) // Золотоордынское обозрение. 2013. № 1. С. 147–163.
- Иналджик, 2013б* – Иналджик Х. Крым под властью османов и спор о заключении соглашения: по материалам новых документов (2) // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 117–127.
- Иналджик, 2014* – Иналджик Х. Крым под властью османов и спор о заключении соглашения: по материалам новых документов (3) // Золотоордынское обозрение. 2014. № 1(3). С. 163–173.
- Инвентарная книга* – Инвентарная книга государственного дворца и музея Турко-Татарской культуры (БИКАМЗ н/в 10307). Автограф У. Боданинского (?), 1920-е годы.
- Исин, 1985* – Исин А. И. Казахско-ногайское соперничество в первой половине XVI века // Вопросы истории Казахстана в русской дворянско-буржуазной и современной историографии советологов. Алма-Ата, 1985. С. 43–44.
- Ислам в истории, 2013* – Ислам в истории и культуре Крыма / Под ред. А. Исмаилова, Э. Муратовой. Симферополь: Таврида, 2013. 388 с.
- Ислам в Крыму, 2009* – Ислам в Крыму: очерки истории функционирования мусульманских институтов / Авт.-сост. Ганкевич В. Ю., Муратова Э. С. и др. Симферополь, 2009. 433 с.
- Ислам. Энциклопедический словарь, 1991* – Ислам: энциклопедический словарь. М., 1991.
- Исмаилова, 2012* – Исмаилова А. И. Статус крымскотатарской женщины в крымском обществе // Культура народов Причерноморья. 2012. № 228. С. 41–45.
- Исторические, 1970* – Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII вв. М.: Наука. 1970. Т. III: 1673–1711.
- Исторический атлас Республики Крым, 2015* – Исторический атлас Республики Крым / Авт.-сост. Ш. А. Эмруллаев, А. Ю. Полканова, И. Р. Каримов и др.; под ред. С. Г. Бочарова. Казань, 2015. 276 с.

- История Крыма, 2015* – История Крыма / Российское военно-ист. об-во; Е. Е. Бойцова, Я. В. Вишняков, А. А. Непомнящий и др. М.: Олма, 2015. 464 с.
- История Крыма, 2017* – История Крыма: В 2-х т. / Ин-т российской истории РАН. М.: Кучково поле, 2017. Т. I.
- История Османского государства, 2006* – История Османского государства, общества и цивилизации: в 2 т. / Под ред. Э. Ихсаноглу; Исслед. центр исламской истории, культуры и культуры; пер. В. Б. Феоновой, под ред. М. С. Мейера. М., 2006. Т. 1: История Османского государства и общества.
- История татар, 2009* – История татар с древнейших времен: В 7 т. / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань, 2009. Том III: Улус Джучи (Золотая Орда), XIII – середина XV в.
- История, 1872* – История о приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань // Записки Одесского общества истории и древностей, 1872. т. VIII.
- История, 1967a* – История Дагестана. М., 1967. Т. I.
- История, 1967b* – История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 1.
- История, 1987* – История Северо-Осетинской АССР. С древнейших времен до наших дней: В 2-х т. Орджоникидзе, 1987. Т. I.
- История, 2014* – История татар с древнейших времен / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ: В 7 т. Казань, 2014. 1080 с. Т. IV: Татарские государства XV – XVIII вв.
- Исхаков, 2002* – Исхаков Д. М. О родословной хана Улуг-Мухаммеда // Тюркологический сборник, 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.
- Исхаков, 2009* – Исхаков Д. М. Тюрко-татарские государства XV – XVI вв. Казань: Татарское книжное изд-во, 2009. 142 с.
- Исхаков, 2011* – Исхаков Д. М. Институт сейидов в Улусе Джучи и позднезолотоордынских тюрко-татарских государствах. Казань: Фэн, 2011. 228 с.
- Исхаков, 2012* – Исхаков Д. М. Рец. на книгу: Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century): A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden; Boston, 2011 // Золотоордынская цивилизация: сб. ст. / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань, 2012. Вып. 5. С. 416–417.
- Исхаков, 2014* – Исхаков Д. Об одном послании из Поволжья в Крымское ханство 1635 г. // Крымское историческое обозрение. 2014. №2. С. 50–62.
- Исхаков, 2018* – Исхаков Д. М. Интронизация Ураз-Мухаммеда в Касимовском ханстве в 1600 г.: неисследованные аспекты // Тюркологический сборник, 2015–2016: Тюркский мир Евразии. М.: Наука – Восточная лит-ра, 2018. С. 101–117.
- Ихсаноглу, 2006* – История Османского государства, общества и цивилизации / Под ред. Э. Ихсаноглу. М., 2006. Т. 1.
- Ичли, 2018* – Ичли А. Неизвестные произведения Бора Гази Гирея // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2018. № 5. С. 75–83.
- Ищенко, 1989* – Ищенко С. А. Война и военное дело у крымских татар XVI – XVIII вв.: по запискам иностранных путешественников и дипломатов // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII – XVI веках. Ростов-на-Дону, 1989. С. 136–145.
- Иналджик, 1995* – Иналджик Г. Боротьба за Східно-Європейську імперію, 1400–1700 рр. Кримський ханат, Османи та піднесення Російської імперії / пер. О. Галенко // Кримські татари: історія і сучасність (до 50-річчя депортації кримськотатарського народу): матер. Міжнар. наук. конф. (Київ, 13–14 трав. 1994 р.). Київ, 1995. С. 116–129.
- Історія, 2003* – Історія української культури: У 5 т. / Ред. В. А. Смолій. Київ: Наукова думка, 2003. Т. 3: Українська культура другої половини XVII – XVIII століть.
- Історія, 2006* – Історія українського козацтва: нариси: У 2-х т. / Відп. ред. В. А. Смолій. Київ, 2006. Т. 1. 800 с.
- Кабардино-руссіє, 1957* – Кабардино-руссіє отношенія в XVI – XVIII вв.: док. и матер.: в 2-х т. / Сост. В. М. Букалова; ред. Н. А. Смирнов, У. А. Улигов. М., 1957. Т. 2. VII, 424 с.
- Кабузан, 1976* – Кабузан В. М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII – первой половине XIX века (1719–1858 гг.). М., 1976.
- Кавагучи, Нагаминэ, 2010* – Кавагучи Т., Нагаминэ Х. Некоторые новые данные о «Чингиз-нама» Утемиша-хаджи: в системе историографии в Дашт-и Кипчаке // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2010. Вып. 3.
- Кавказ, 2010* – Кавказ: Европейские дневники XIII – XVIII веков / Сост. В. Аталиков. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. 304 с.

- Кадыров, 1999 – Кадыров Р. М. Источники по истории старотатарской письменности (XIII – XVIII вв.) и их палеографические особенности. АКД. Казань, 1999.
- Казаров, Студицкий, Рева, 2013* – Казаров А. А., Студицкий Я. В., Рева Р. Ю. Монеты хана Муртазы, сына Ахмада (80–90-е годы XV в.) // От Онона к Темзе: Чингисиды и их западные соседи: к 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского. М., 2013.
- Калашников, 2013* – Калашников В. М. Британский взгляд на Крым (хроники, мемуары, дневники XVII – первой четверти XIX столетия). Днепрпетровск, 2013. 349 с.
- Калмыков и др., 2008* – Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И.-М. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1988.
- Канакерци, 1969* – Канакерци З. Хроника / Пер. с армян., предисл., комм. М. О. Дарбинян-Меликян. М., 1969.
- Кангиева, 2007* – Кангиева Э. Крымоведение на страницах тюркоязычных периодических изданий крымскотатарской диаспоры / Под ред. А. А. Непомнящего. Киев; Симферополь: СГТ, 2007. 424 с. (Серия «Библиография крымоведения»; вып. 10).
- Кангиева, 2013* – Кангиева А. Художественные образы Селима Диване как средство приближения читателя к Богу // Культура народов Причерноморья. 2013. № 264. С. 28–30.
- Кангиева, 2019* – Кангиева А. М. Теория смысла в суфийской коммуникативистике // Философия и культура. 2019. № 12.
- Кантемир, 1973* – Кантемир Д. Описание Молдавии / Пер. с лат. Л. Панкратьева. Кишинев: Штиинца, 1973.
- Каппелер, 2005* – Каппелер А. Росія як поліетнічна імперія. Львів: Вид-во Українського католицького ун-ту, 2005.
- Каракаш, 1917* – Каракаш Н. И. Естественно-историческая хроника Крыма // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. 1917. Т. VI. С. 130–194.
- Каралюс, 2011* – Каралюс Л. Несколько замечаний по поводу исламской терминологии в книгах Литовской Метрики XV – XVI в.: русское сеит, литовское *sajidas*, английское *sauid*, польское *sejjid*, русское сейид (саййид) – «потомки Мухаммеда и семьи халифа Али» // Новости Литовской Метрики, 2010. Vilnius, 2011. № 12.
- Карасубазарский трактат, 2015* – Карасубазарский трактат 1772 года: сб. док. / Сост., ред. А. В. Мальгин, И. В. Зайцев. Симферополь, 2015. 120 с. (Серия: «Проблемы истории Крыма»; вып. 2).
- Карачай, 2011* – Карачай – страна на вершине Кавказа: очерки истории и культуры Карачая / Сост., вступ. ст., комм. С. Х. Хотко. Майкоп, 2001.
- Каргалов, 1974* – Каргалов В. В. На степной границе: оборона «Крымской Украины» Русского государства в первой половине XVI столетия. М.: Наука, 1974.
- Каргин, 2019* – Каргин Ю. Ю. К вопросу о локализации казачьих селений на Кубани в 1690–1770-е гг. // Proceeding of the International Conference «Danubian Cossacks – Origins and Cohabitation in Northern Dobrudja». Tulcea, April 6, 2019 / Coord. M. Tiuliumeanu. Tulcea: Revista Misterele Dunării, 2019. С. 151–170.
- Карпов, 1873* – Карпов Г. Ф. Начало исторической деятельности Богдана Хмельницкого. М., 1873.
- Карпов, 1998* – Карпов С. П. Регесты документов фонда Diversorum Filze секретного архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья // Причерноморье в средние века. М.; СПб.: Алетейя, 1998. Вып. 3. С. 9–81.
- Карпов, 2007* – Карпов С. П. История Трапезундской империи. СПб., 2007. 624 с.
- Карпов, 2015* – Карпов С. П. Итальянские морские республики и Золотая Орда. Кризис 1343–1349 гг. // Причерноморье в средние века. СПб.; М.: Алетейя, 2015. Вып. IX.
- Карпов, 2016* – Карпов С. П. Тана – колыбель Кризиса середины XIV века // Stratum plus. 2016. № 6: *Rex Mongolica* и европейские потрясения XIII – XIV веков.
- Карпов, 2017* – Карпов С. П. Генуэзские и венецианские фактории в Крыму // История Крыма: В 2-х / Ин-т российской истории РАН. М.: Кучково поле, 2017.
- Каталог, 1969* – Каталог арабских, тюркских и персидских рукописей Института рукописей им. К. С. Кекелидзе (коллекция К) / Сост. Ц. А. Абуладзе, Р. В. Гварамия, М. Г. Мамацашвили; Предисл. Г. В. Церетели. Тбилиси, 1969 (на груз. яз.).
- Кашовская, 2013* – Кашовская Н. В. Корпус эпитафий иудейского кладбища Мангуп-Кале как исторический источник: завершение систематизации эпитафий и обобщение результатов исследования // Труды Государственного Музея истории религий. СПб., 2013. Вып. 13. С. 250–334.

Кашовская, 2017 – Кашовская Н. В. К итогам изучения караимского некрополя в ущелье Табана-дере (Мангуп): проблемы хронологии и периодизации // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Симферополь, 2017. Вып. XXII. С. 239–277.

Кемалова, 2014 – Кемалова А. Р. Тюркские топонимы на карте Тарханкута // *История и археология Северо-Западного Крыма*. Симферополь, 2014.

Кёппен, 1837 – Кёппен П. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837. 366, [2] с. Назв. обл.: Крымский сборник.

Кессельбреннер, 1987 – Кессельбреннер Г. Л. Хроника одной дипломатической карьеры: дипломат-востоковед С. Л. Лашкарев. М.: Наука, 1987. 280 с.

Кессельбреннер, 1994 – Кессельбреннер Г. А. Крым: страницы истории. М., 1994.

Кизилов, 2002 – Кизилов М. Б. К истории караимской общины Мангупа // *Вестник Еврейского университета*. 2002. № 7(25). С. 113–122.

Кизилов, 2003 – Кизилов М. Б. К истории малоизвестных караимских общин Крымского полуострова // *Тирош: труды по иудаике*. М., 2003. Вып. 6. С. 127–140.

Кизилов, 2009 – Кизилов М. Гурджи и Ашкенази, или к вопросу о пребывании крымчаков в городе Чуфут-Кале // *Saraimica. Quarterly Review / International In-te Of The Crimean Karaites*. 2009. Vol. IX. С. 9–10.

Кизилов, 2015 – Кизилов М. Б. Крымская Готия: история и судьба. Симферополь, 2015.

Кизилов, 2016 – Кизилов М. Б. Письмо польских пленников 1660 года из Бахчисарая как источник по истории работоторговли в Крымском ханстве в раннее новое время // *Историческое наследие Крыма*. 2016. № 37. С. 124–131.

Киреевский, 1868 – Киреевский П. В. Песни, собранные П. В. Киреевским. Часть II: Песни былевые, исторические. М., 1868.

Кирилко, 2009 – Кирилко В. П. Археологическое исследование мусульманских мавзолеев-дюрбе Бахчисарая // *Stratum plus*. 2005–2009. № 6.

Кирилко, 2012 – Кирилко В. П. Мечеть в Эски-Сарае (Пионерское) // *Stratum plus*. 2012. № 6.

Кирилко, 2012a – Кирилко В. П. [Рецензия] // *Российская археология*. 2012. № 3. С. 180–183. Рец. на кн.: Гаврилюк Н. А., Ибрагимова А. М. Тюрбе хана Хаджи Герая: по материалам археологических исследований 2003–2008 гг. Киев; Запорожье: Дикое поле, 2010. 176 с.

Кирилко, 2014 – Кирилко В. П. Архитектура Крымского ханства // *История татар с древнейших времен: В 7 т. / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ*. Казань, 2014. Том IV: Татарские государства XV – XVIII вв. С. 644–672.

Кирилко, 2015 – Кирилко В. П. Строительная периодизация т. н. мечети Узбека в Старом Крыму // *Генуэзская Газария и Золотая Орда / Под ред. С. Г. Бочарова, А. Г. Ситдикова*. Казань; Симферополь; Кишинев, 2015. С. 509–558.

Кирилко, 2016a – Кирилко В. П. Михраб мечети в Шейх-Кой // *Поволжская археология*. 2016. №2(16). С. 138–150.

Кирилко, 2016b – Кирилко В. П. Сполии в архитектуре Крымского ханства // *Материалы Конгресса исламской археологии России и стран СНГ / Ин-т археологии им. А. Х. Халикова АН РТ; Отв. ред. Х. М. Абдуллин, А. Г. Ситдииков*. Казань, 2016.

Кирилко, 2018 – Кирилко В. П. Архитектура мечетей османского города Кефе (по материалам письменных и графических источников) // *Вопросы всеобщей истории архитектуры*. 2018. Вып. 10(1).

Кирилко, 2019 – Кирилко В. П. О башенных мавзолеях золотоордынского Крыма и некоторых исследовательских выводах // *Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: IV Междунар. конгресс средневековой археологии евразийских степей, посв. 100-летию российской академической археологии*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. Кн. 1.

Кирилко, Бочаров, 2015 – Кирилко В. П., Бочаров С. Г. Малоизвестная средневековая мечеть в Центральном Крыму (Шейх-Кой) // *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств*. 2015. № 4/2.

Кистерев, 1998 – Кистерев С. Н. Абдыл-Летиф и Мухаммед-Эмин на Руси рубежа XV – XVI столетий // *Звенигород за шесть столетий*. М., 1998. С. 65–88.

Клавихо, 1990 – Клавихо Руи Гонсалес де. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406) / Пер., предисл. и комм. И. С. Мироковой. М.: Наука. 1990.

Клапрот, 2008 – Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Нальчик, 2008.

Клеман, 1783 – Клеман Н. Клееманово путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, також в земли буджатских и нагайских татар и во весь Крым, с возвратом чрез Константинополь, Смирну

и Триест в Австрию в 1768, 1769 и 1770 годах, с приобщением достопамятностей Крыма. СПб.: Гос. военная коллегия, 1783. 250 с.

Кляшторный, Султанов, 1992 – Кляшторный С. Г. Султанов Т. И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992.

Книга посольская, 1843 – Книга посольская Метрики Великого Княжества Литовского. Т. 1. М., 1843.

Книга посольская, 1845 – Книга посольская Метрики Великого Княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государственование короля Сигизмунда Августа (с 1545 по 1572 г.) / Московское общество истории и древностей российских; подг. М. Оболенский, И. Данилович. М., 1845.

Книга, 1950 – Книга Большому чертежу. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Книги, 1914 – Книги польской коронной метрики XV столетия. Варшава: Тип. П. Ляскауэра, 1914. Т. 1: Книга № 10. 1447–1454 гг. XVIII, 283 с.

Коваль, Волошинов, 2005 – Коваль В. Ю., Волошинов А. А. Псевдо-селадон из Бахчисарая // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X – XVIII вв.: сб. науч. тр. / под ред. С. Г. Бочарова, В. Л. Мыща. Киев, 2005. Т. I. С. 457–461.

Козинцев, 2020 – Козинцев М. А. Аталычество в Крыму (по материалам рукописи анонимного сборника из собрания Института восточных рукописей РАН) // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 2. С. 284–292.

Колли, 1911 – Колли Л. П. Исторические документы о падении Кафы // Известия Таврической учёной архивной комиссии. Симферополь. 1911. Вып. 45. С. 1–18.

Колли, 1913 – Колли Л. Хаджи-Гирей-хан и его политика (по генуэзским источникам). Взгляд на политические сношения Кафы с татарами в XV веке // Известия Таврической учёной архивной комиссии. Симферополь, 1913. Вып. 50.

Колли, 1918 – Колли Л. П. Падение Каффы: по генуэзским и другим современным источникам // Известия Таврической учёной архивной комиссии. Симферополь. 1918. Вып. 55. С. 145–174.

Колодзейчик, 2013 – Колодзейчик Д. Языки канцелярии Крымского ханства: между монгольской, османской, православной и латинской традицией // Мир Бекира Чобан-заде: сб. матер. I Крымской междунар. тюркологической конф. Белогорск 23–25 мая 2012 г. Симферополь: Ната, 2013. С. 70–75.

Колодзейчик, 2004 – Колодзейчик Д. Крымское ханство как фактор стабилизации на геополитической карте Восточной Европы // Украина и соседние государства в XVII веке: матер. Междунар. конф., (27–29 мая 2004 г.). С. 83–89.

Колодзейчик, 2014 – Колодзейчик Д. Отношения татарских государств с Польшей-Литвой // История татар с древнейших времен: В 7 т. / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань, 2014. Том IV: Татарские государства XV – XVIII вв. С. 160–165.

Колодзейчик, 2015 – Колодзейчик Д. Попытки восстановления монгольской традиции в Крымском ханстве начала XVII века: байса, Тат ве Тавгач // Золотоордынское обозрение. 2015. № 3. С. 91–101.

Комиссаренко, Моисеев, 2004 – Комиссаренко А. И., Моисеев М. В. Астраханское ханство по документам ногайской посольской книги за 1551 – 1556 гг. // Исторический архив. 2004. № 2. С. 199–209.

Кондаков, 1899 – Кондаков Н. П. О Бахчисарайском дворце и его реставрации // Искусство и художественная промышленность. 1899. № 6. С. 435–452.

Кондараки, 1873 – Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. Николаев, 1873. Ч. 1.

Кондараки, 1875 – Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. СПб, 1875. Ч. 13.

Кондараки, 1883 – Кондараки В. Х. В память столетия Крыма. М., 1883. Т. I. (каждый том имеет не номер, а название. - А.Н.)

Кондараки, 1883а – Кондараки В. Х. В память столетия Крыма: Этнография Тавриды: В 2-х т. М., 1883. Т. 2.

Кондараки, 1883б – Кондараки В. Х. В память столетия Крыма: Легенды Крыма. М., 1883.

Кондараки, 2005 – Кондараки В. Х. Религиозные правила, догматы и обычаи крымских татар // Крымские татары: хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре. Симферополь, 2005.

Кононенко, 2017а – Кононенко Е. И. Анатолийская мечеть XI – XV вв.: очерки истории архитектуры. М., 2017.

Кононенко, 2017б – Кононенко Е. И. Турецкая мечеть: образ и бренд // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 1.

Кононенко, 2018 – Кононенко Е. И. Большая османская мечеть // Культура Востока. М., 2018. Вып. 3: Визитные карточки» восточных культур.

Кононов, 1958 – Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази, хана хивинского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 112 с.

Конурат, 1996 – Конурат К. К истокам крымскотатарской литературы // *Qasevet*. 1996. № 1(25). С. 8–14.

Копия с письма, 1736 – Копия с письма, отправленного по указу Ея императорского величества, самодержицы всероссийской от кабинетного министра, вице-канцлера и орденов всероссийских кавалера графа Остермана к турецкому верховному везиру, апреля 12 дня 1736 года // Прил. к Санкт-Петербургским ведомостям. 1736. С. 5–36.

Коран, 1991 – Коран / Пер. И. Ю. Крачковского. М.: Вектор, 1991. 400 с.

Корецкий, 1986 – Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI – начала XVII вв. М., 1986.

Корженков и др., 2016 – Корженков А. М., Моисеев Д. А., Овсученко А. Н., Ларьков А. С., Мараханов А. В., Рогожин Е. А., Эмруллаев Ш. А. Археосейсмологические исследования в древней столице Крымских ханов в Салачике // *Вопросы инженерной сейсмологии*. 2016. Т. 43. № 3. С. 30 – 47.

Корнис, 1836 – Корнис П. Краткий обзор положения ногайских татар, водворенных в Мелитопольском уезде Таврической губернии // *Телескоп*. 1836. Т. 33.

Королев, 2002 – Королев В. Н. Босфорская война. 2002. 704 с.

Королев, 2013 – Королев В. Н. Босфорская война. М.: Вече, 2013. 640 с.

Костин, 2014 – Костин М. Летопись земли Молдавской. Кишинёв, 2014.

Костомаров, 1905 – Костомаров Н. И. Руина // Костомаров Н. И. Собр. соч.: Исторические монографии и исследования. СПб., 1905. Кн. 6. Т. 15.

Костомаров, 1995 – Костомаров Н. И. Руина, Мазепа, Мазепинцы: исторические монографии и исследования. М.: Чарли, 1995. 800 с.

Костомаров, 2004 – Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. Дніпропетровськ: Січ, 2004.

Котов, 1896 – Котов Г. Бахчисарайский дворец // *Зодчий*. 1896. Вып. 1. С. 1–5.

Кофейни и бузахане..., 2018 – Кофейни и бузахане в Крымском ханстве – утраченный колорит. URL: <http://islam.in.ua/ru/istoriya/kofeyni-i-buzahane-v-krumskom-hanstve-utrachennuu-kolorit> (дата обращения 20. 08. 2018).

Кочегаров, 2005 – Кочегаров К. А. Участие украинского казачества в кампании 1683 года против Османской империи // *Україна в Центрально-Східній Європі: зб. наук. пр. / Ін-т історії України НАН України*. Київ, 2005. Вип. 5. С. 623–664.

Кочегаров, 2008 – Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах: заключение договора о Вечном мире. М.: Индрик, 2008. 504 с.

Кочегаров, 2014 – Кочегаров К. А. Казачье посольство М. Родкевича-Портянки к турецкому султану в 1667 году // *Славяноведение*. 2014. № 4. С. 65–71.

Кочегаров, 2019 – Кочегаров К. А. «Все наши вольности в арендах». «Остерегательное письмо» против украинского гетмана Ивана Самойловича 1684 г. // *Сборник статей по русской истории в честь Александра Ивановича Гамаюнова к его 60-летию от друзей и коллег*. М., 2019. С. 178–202.

Кочегаров, 2019a – Кочегаров К. А. Запорожская Сечь и государства Восточной Европы в последние годы жизни кошевого атамана Ивана Серко // *Кочегаров К. А. Украина и Россия во второй половине XVII века: политика, дипломатия, культура: очерки*. М., 2019. С. 54–149.

Кочегаров, 2019б – Кочегаров К. А. Правление молдавского господаря Г. Дуки на землях Правобережной Украины и его отношения с Россией и левобережным гетманом И. Самойловичем, 1681–1683 // *Кочегаров К. А. Украина и Россия во второй половине XVII века: политика, дипломатия, культура: очерки*. М., 2019. С. 150–204.

Кочегаров, Сень, 2015 – Кочегаров К. А., Сень Д. В. «Крым не помнит столь крупного поражения...»: поход крымских татар на Кабарду и Канжальская битва 1708 г. в польских и украинских источниках начала XVIII в. // *Исторический архив*. 2015. № 4. С. 12–25.

Кравен, 1795 – Кравен Э. Путешествие в Крым и Константинополь в 1786 г. / Пер. с фр. и предисл. Д. Рунич. М.: Университет. тип., 1795.

Кравець, 1991 – Кравець М. В. Невідомий лист кримського хана Адиль-Гірея до Степана Разіна // *Дослідження з історії Придніпров'я: соціальні відносини та суспільна думка: зб. наук. пр. Дніпропетровськ*, 1991. С. 21–25.

Кравець, 2010 – Кравець М. Африканські євнухи в Кримському ханаті // *Покликання II: зб. праць на пошану професора о. Юрія Мицика / під ред. П. Соханя та ін. / Ін-т укр. археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України*. Київ, 2010. С. 7–23.

Крамаровский, 1990 – Крамаровский М. Г. Солхат и Амасья в XIV в.: к итогам археологического изучения архитектурного комплекса медресе и мечети Узбека в г. Крым (Старый Крым) // *Проблемы*

- истории архитектуры: тез. докл. Всесоюз. конф. Суздаль, 1991. М., 1990.
- Крамаровский, 1997* – Крамаровский М. Г. Гуланшаро и Солхат: население золотоордынского города по результатам раскопок 1994–1996 гг. и кладовым материалам // Отчетная археологическая сессия за 1996 год: тез. докл. / Гос. Эрмитаж. СПб, 1997. 66 с.
- Крамаровский, 1997а* – Крамаровский М. Г. Золотоордынский город Солхат-Крым: к проблеме формирования городской культуры (новые материалы) // Татарская археология. 1997. № 1. С. 101–106.
- Крамаровский, 2001* – Крамаровский М. Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия, 2001.
- Крамаровский, 2005* – Крамаровский М. Г. Золотая Орда как цивилизация // Золотая Орда. История и культура. СПб., 2005.
- Крамаровский, 2005а* – Крамаровский М. Г. Где могила Мамая? // Родина. 2005. № 9.
- Крамаровский, 2012* – Крамаровский М. Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб., 2012. 496 с.
- Крамаровский, 2014* – Крамаровский М. Г. Комплекс мечети и медресе Солхата: актуальные проблемы изучения и сохранения // Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма: сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф., посв. 700-летию мечети хана Узбека (г. Старый Крым). Симферополь, 2014. С. 205–213.
- Крамаровский, 2016* – Крамаровский М. Г. Крым и Румский султанат в XIII–XIV столетиях // Крым в золотоордынский период: каталог выставки «Крымский юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи». Симферополь 2016.
- Краснова, 1994* – Краснова Т. Н. Коллекция керамических курительных трубок из фондов БГИКЗ // Проблемы истории и археологии Крыма: сб. науч. тр. / Бахчисарайский гос. истор.-культ. заповедн.; ред.-сост. Ю. М. Могаричев. Симферополь, 1994. С. 267–271.
- Крачковский, 1924* – Крачковский И. Отчет о командировке в Крым летом 1924 года // Известия Российской академии наук. Сер. 6. 1924. Т. 18, ч. 2. № 12–18. С. 662–670.
- Крачковский, 1957* – Крачковский Ю. Избр. соч. Т. IV: Арабская географическая литература. М.; Л., 1957. 920 с.
- Крестьянская война, 1959* – Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сб. док. / Сост. Е. А. Швецова; под ред. А. А. Новосельского. М., 1959. Т. II, ч. 2. 243 с.
- Крестьянская война, 1962* – Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сб. док. / Сост. Е. А. Швецова; под ред. А. А. Новосельского. М., 1962. Т. III. 324 с.
- Крестьянская война, 1976* – Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сб. док. / Сост. Е. А. Швецова, под ред. Л. В. Черепнина, А. Г. Манькова. М., 1976. Т. IV (дополнительный). 280 с.
- Кривошея, 2008* – Кривошея В. В. Козацька еліта Гетьманщини. Київ, 2008. 452 с.
- Кривцов, 2015* – Кривцов Д. Ю. Легенда о происхождении крымских «поминков» // Труды Института российской истории РАН. 2015. № 13. С. 70–86.
- Крижанич, 1860* – Крижанич Ю. Русское государство в половине XVII века: рукопись времен царя Алексея Михайловича. М., 1860. Ч. II.
- Крикун, 1998* – Крикун Е. В. Памятники крымскотатарской архитектуры (XIII – XX вв.) Симферополь: Крымучпедгиз, 1998. 112 с.
- Крикун, 2012* – Крикун М. *Воеводства Правобережної України у XVI – XVIII століттях: статті і матер.* Львів, 2012.
- Крим, 1996* – Крим у 1438 р.: подорожні нотатки Перо Тафура) / Перекл. і вступ. ст. О. Галенка // Україна в минулому. Київ; Львів, 1996. Вип. VIII. С. 178–185.
- Кримський, 1930* – Кримський А. Література кримських татар // Збірник Історично-філологічного відділу Всеукраїнської академії наук. Київ, 1930. № 89: Філологічна катедра під керуванням А. Е. Кримського, тюркологічна комісія, № 2: Студії з Криму, I–IX. С. 165–198.
- Кримський, 1930* – Кримський А. Сторінки з історії Крима та кримських татар: а) «Татари»; б) Кримське ханство; в) Хронологічна таблиця кримських ханів; г) Чуфут-Кале; д) Про долю українських полонянників у Кримському ханстві // Збірник Історично-філологічного відділу Всеукраїнської академії наук. Київ, 1930. № 89: Філологічна катедра під керуванням А. Е. Кримського, тюркологічна комісія, № 2: Студії з Криму, I–IX. С. 1–17.
- Кримський, 2003* – Кримський А. Література кримських татар / Респ. кримськотатарська б-ка ім. І. Гаспринського; упор., вступ. ст., перекладач з укр. мови О. І. Губар; прим. І. А. Керімов; перекл. Н. С. Сейтяг'яев. Симферополь: Доля, 2003.
- Крип'якевич, 1936* – Крип'якевич І. П. Історія українського війська. Львів, 1936.

- КРО, 1957* – Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв. / Под ред. Т. Х. Кумыкова, Е. Н. Кушевой: В 2-х т. М., 1957.
- Кром, 2010* – Кром М. М. Меж Русью и Литвой: пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. 2-е изд.: исправ. и доп. М.: Квадрига, 2010. 320 с.
- Кросс, 2005* – Кросс Э. Британцы в Петербурге. XVIII век / Пер. с англ. Ю. Беспятых, Н. Беспятых. СПб., 2005.
- Крот, Раиба, 1983* – Крот В. А., Раиба Н. С. Борьба населения Украины проти турецько-кримських завойовників // Український історичний журнал. 1983. № 5. С. 101–110.
- Кругосветное странствие, 2004* – Кругосветное странствие Рабби Петахии Регенсбургского / Пер. П. В. Марголина // Три еврейских путешественника. М.: Мосты культуры, 2004. С. 263–330.
- Крылова, 1961* – Крылова Т. К. Статейные списки петровских дипломатов (1700–1714) // Проблемы источниковедения. М., 1961. Вып. 9. С. 163–181.
- Крым в развитии России, 2018* – Крым в развитии России: история, политика, дипломатия: документы архивов МИД России. Ижевск, 2018. 600 с.
- Крым, 2018* – Крым в развитии России: история, политика, дипломатия: документы Архивов МИД России / МИД РФ. Ижевск, 2018.
- Крымские, 2005* – Крымские татары: хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре. Симферополь, 2005. 576 с.
- Крымский, 1971* – Крымский А. Е. История новой арабской литературы (XIX – начало XX в.). М., 1971.
- Крымскотатарская, 2007* – Крымскотатарская инструментальная музыка Ханского периода / Сост. Дж. Кариков, предисл. Н. Абдульваапа. Симферополь: Доля, 2007. 94 с.
- Крючков, 2009* – Крючков А. В. Присоединение Крыма к России: последняя треть XVIII – начало XIX вв. Саратов, 2009. 172 с.
- Кузнецов, 1979* – Кузнецов А. Б. Россия и политика Крыма в Восточной Европе в первой трети XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV – XVIII вв. М.: Наука, 1979. С. 62–70.
- Кузнецов, 1986* – Кузнецов А. Б. Дипломатическая борьба России за безопасность южных границ (первая половина XVI в.). Минск: Изд-во «Университетское», 1986.
- Кузьмина, 2016* – Кузьмина Л. Л. Основные отрасли сельскохозяйственного производства в Крыму в конце XVIII в. // Таврический научный обозреватель. 2016. №11(16).
- Кузьмич и др., 2010* – Кузьмич С., Липа К., Писарев О., Руденко О. Союзники і супротивники: армії сусідів України у XVII столітті. Київ: Наш час, 2010.
- Куликов и др., 2017* – Куликов А. В., Смекалов С. Л., Янишевский Б. Е., Мокробородов В. В., Плеханов Ю. В. Позднесредневековые земляные гидротехнические сооружения в Восточном Крыму (Республика Крым) // Города, селища, могильники. Раскопки 2016: матер. спасательных археол. иссл. М., 2017. Т. 19. С. 108–119.
- Куликов, 2018* – Куликов А. В. Поселение Кош-Кую (Республика Крым, Ленинский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017: матер. спасательных археол. иссл. М., 2018. Том 25. С. 164–173.
- Кулиш, 1888* – Кулиш П. А. Отпадение Малороссии от Польши (1340–1654). М., 1888. Т. 2.
- Культурные ценности, 2015* – Культурные ценности из собрания Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника, утраченные или перемещенные в результате Великой Отечественной войны / Подг., сост. И. В. Зайцев, Р. Р. Эминов; Вступ. ст., пер., указ. И. В. Зайцев. М.: Кучково поле, 2015. 192 с.
- Купели, 2014* – Купели О. Походы крымских татар и турок-осман против Ирана // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2. С. 226–242.
- Куприянов, 2004* – Куприянов П. С. Представления о народах у российских путешественников начала XIX в. // Этнографическое обозрение. 2004. № 2.
- Курат, 2014* – Курат А. Н. Собр. соч. Кн. 1: Ярлыки и битики ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана в архиве музея дворца Топкапы / Пер. с тур. Р. Р. Галеева; отв. ред. Л. И. Шахин / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань, 2014. 256 с.
- Курат, 2015* – Курат А. Н. Собр. соч. Кн. 2: Тюркские племена и государства в Поволжье и Северном Причерноморье в IV – XVIII вв. Казань, 2015.
- Курбский, 2015* – Курбский А. История о делах великого князя московского / подг. К. Ю. Ерусалимский; пер. А. А. Алексеев. М., 2015.
- Курникова, 2020* – Курникова О. М. Город Кефе в письменных свидетельствах путешественников XVI – XVII вв. // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. №2. С. 209–217.

- Кусаинова, 2005* – Кусаинова Е. В. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV – XVII веков. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005.
- Кусаинова, Сень, 2020* – Кусаинова Е. В., Сень Д. В. Донское казачество и тюрко-татарский мир // История донского казачества: В 3-х т. / Отв. ред. А. И. Агафонов. Ростов на Дону: Омега Паблицер, 2020. Т. I: Донское казачество в середине XVI – XVIII в. 288 с.
- Кутайсов, 2004* – Кутайсов В. А. Гезлев в XV – XVIII вв. // Историческое наследие Крыма. 2004. № 8. С. 92–99.
- Кутайсов, Кутайсова, 2007* – Кутайсов В. А., Кутайсова М. В. Евпатория: Древний мир. Средние века. Новое время. Киев, 2007. 284 с.
- Куфтин, 1925* – Куфтин Б. А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова: материалы и вопросы // Мемуары Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. – М., 1925. – Вып. 1. – С. 1–58, XIX табл.
- Куц, 2001* – Куц О. Ю. Цены на ясырь на Дону в конце 20-начале 30-х гг. XVII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI – XVIII вв.: сб. матер. Междунар. науч. конф. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2001. С. 50–56
- Куц, 2009* – Куц О. Ю. Донское казачество в период взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб., Дмитрий Буланин, 2009. 456 с.
- Кучук-Иоаннесов, 1915* – Кучук-Иоаннесов Х. Армянские надписи из Крыма // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1915. № 52. С. 213–215.
- Кушева, 1963* – Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII в.). М., 1963.
- Къырымлы, 2013* – Къырымлы М. Юсуф ве Зулейха: тарихий дестан; [арап уруфатындан латинге транслитерация япкъан Кемал Къонъуратлы; латинден кириллицагъ чевирип, неширге азырлагъан Р. Фазыл]. Симферополь : Къырымдевокъувпеднешир, 2013. 219 с.
- Кырыми, 2014* – Кырыми А. Умдет ал-ахбар. Книга 1: Транскрипция, факсимиле. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Вып. 1 / Транскр. Д. Д. Пашаоглу / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань, 2014. 420 с.
- Кырыми, 2015* – Кырыми А. Умдет ал-Ахбар / Пер. с османско-турецкого языка Н. С. Сейтягъева // Золотоордынское обозрение. 2015. № 4.
- Кырыми, 2018* – Кырыми А. Умдет ал-ахбар. Книга 2: Перевод. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Вып. 5 / Пер. с османского Ю. Н. Каримовой и др. / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань, 2018. 200 с.
- Лавринова, 1991* – Лавринова Т. И. Татарский набег 1717 г. на юго-восток России // Вопросы краеведения. Волгоград, 1991. Вып. 1. С. 34–37.
- Лавринова, 2012* – Лавринова Т. И. Царицынская линия: история строительства в 1718–1720 гг. и первые годы существования. Волгоград, 2012. 96 с.
- Лавров, 1966* – Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. I. Надписи X – XVII вв. М., 1966. 261 с.
- Лавров, 1999* – Лавров А. С. Регентство царевны Софьи Алексеевны: служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. / Археографический центр РАН. М., 1999. 304 с.
- Лавров, 2019* – Лавров А. С. Сколько пленников из Московского государства находилось в Крымском ханстве в XVII веке? // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2019. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова: матер. к Междунар. научн. конф. Москва, 21–22 нояб. 2019 г. С. 636–640.
- Лавров, 2019а* – Лавров В. В. Разведки мечети Шейх-Кой в 2018 г. // История и археология Крыма. Симферополь, 2019. Вып. XI. С. 161–174.
- Лавров, 2019б* – Лавров В. В. Альтернативный подход к типологии курительных трубок // Новые материалы и методы археологического исследования: от критики источника к обобщению и интерпретации данных: матер. V Междунар. конф. молодых ученых. М., 2019. С. 165–166.
- Ласковский, 1865* – Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1865. Ч. 3. 1016, [4] с.
- Ластовський, 1999* – Ластовський В. В. Облога Черкаського замку у 1532 р.: із історії міжнародних відносин у Східній Європі в 30-х роках XVI ст. // Наукові записки Інституту української археології та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України. 1999. Т. 3. С. 76–96.
- Латышев, 1896* – Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896.
- Лашкарев, 1884* – С. Л. Лашкарев: дипломат екатерининского времени. Биографический очерк с

письмами князя Потемкина // Русский архив. 1884. № 5. С. 5–32.

Лашков, 1886 – Лашков Ф. Шагин-Гирей, последний крымский хан: истор. очерк // Киевская старина. 1886. № 9. С. 37–80.

Лашков, 1887 – Лашков Ф. Камеральное описание Крыма // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1887. № 2. С. 20–31

Лашков, 1887a – Лашков Ф. Ф. Сельская община в Крымском ханстве. Симферополь, 1887. 64 с.

Лашков, 1888 – Лашков Ф. Ф. Камеральное описание Крыма (продолжение) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1888. № 6. С. 36–63.

Лашков, 1889 – Лашков Ф. Ф. Архивные данные о бейликах в Крымском ханстве // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). Одесса: Тип. А. Шульце, 1889. Т. IV. С. 96–110.

Лашков, 1889a – Лашков Ф. Ф. Камеральное описание Крыма, 1784 г. (продолжение) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1889. № 8. С. 12–40.

Лашков, 1890 – Лашков Ф. Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI – XVII вв., хранящихся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1890. № 9. С. 1–47.

Лашков, 1891 – Лашков Ф. Ф. Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судачкова в 1587–1588 гг. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1891. № 14. С. 43–80.

Лашков, 1892 – Лашков Ф. Ф. Статейный список московского посланника в Крым Семена Безобразова в 1593 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1892. № 15. С. 70–94.

Лашков, 1894 – Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1894. № 21. С. 59–89.

Лашков, 1895a – Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1895. № 22. С. 35–81.

Лашков, 1895b – Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1895. № 23. С. 71–118.

Лашков, 1895в – Лашков Ф. Ф. Крымские дела 1775–1776 г. Московское отделение Общего архива Главного штаба // Записки Одесского общества истории и древностей. 1895. Т. 18. Ч. 2. С. 87–118.

Лашков, 1895г – Лашков Ф. Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1895. № 22. С. 82–115.

Лашков, 1895д – Лашков Ф. Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1895. № 23. С. 118–129.

Лашков, 1896 – Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1896. № 24. С. 35–71.

Лашков, 1896a – Лашков Ф. Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1896. № 24. С. 72–137.

Лашков, 1896б – Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1896. № 25. С. 29–88.

Лашков, 1896в – Лашков Ф. Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1896. № 25. С. 89–158.

Лашков, 1897a – Лашков Ф. Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1897. № 26. С. 24–154.

Лашков, 1897б – [Лашков Ф. Ф.] Камеральное описание Крыма. (Сообщение члена Комиссии Ф. Ф. Лашкова) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 2-е изд. Симферополь, 1897. № 3. С. 36–64.

Лашков, 1897в – [Лашков Ф. Ф.] О камеральном описании Крыма. (Сообщение члена Комиссии Ф. Ф. Лашкова) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 2-е изд. Симферополь, 1897. № 2. С. 20–30.

Лашков, 1918 – Лашков Ф. Ф. Материалы из собрания документов Таврической ученой архивной комиссии // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1918. № 55. С. 177–180.

Лашков, 1991 – Лашков Ф. Ф. Шагин-Гирей, последний крымский хан: исторический очерк. Симферополь, 1991. 48 с.

Лебедев и др., 2004 – Лебедев В. П., Клоков В. Б.

Денежное обращение Сарая и его округи после 1395 г. // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V. Нумизматический сб. Т. 4: Сб. ст. по нумизматике: посв. 80-летию Елены Абрамовны Давыдович. М.; Нижний Новгород, 2004. С. 23–75.

Лебедев, 1990 – Лебедев В. П. Символика и язык монет Крыма золотоордынского периода // Нумизматические исследования по истории Юго-восточной Европы. Кишинёв, 1990.

Лебедев, 1992 – Лебедев В. П. Неизданные медные монеты крымского хана Шахин Герая // Нумизматический сборник / Московское нумизматич. об-во. М., 1992. Вып. 2. С. 58–61.

Лебедев, 1997 – Лебедев В. П. К нумизматике Гиреев. Монеты Са'адата I (929–930?/1523–1524?) // Древности Нижегородского Поволжья. Новгород, 1997. Вып. 2. С. 87–96.

Лебедев, 1998 – Лебедев В. П. Несколько примеров неизданных монет Крымского ханства XV–XVII вв. // Нумизматика и фалеристика. Киев, 1998. №3(7). С. 18–19.

Лебедев, 1999 – Лебедев В. П. Уточнение системы номиналов монет Шахин Герая // Нумизматика и фалеристика. Киев, 1999. №2. С. 14–17.

Лебедев, 2000 – Лебедев В. П. Корпус монет Крыма в составе Золотой Орды. III. Монеты времени Токтамыша, его соперников и преемников (1375–1430) // Нумизматика и фалеристика. Київ, 2000. № 3. С. 10–14.

Лебедев, 2000 – Лебедев В. П. Семь неизданных монет Крымского ханства XV – XVII вв. // Древности Поволжья и других регионов. Н. Новгород, 2000. Вып. IV. С. 162–170.

Лебедев, 2002 – Лебедев В. П. К нумизматике Крыма золотоордынского периода. 5. «Да сохранится Крым от бедствий» (монеты конца XIV – начала XV в.) // Нумизматический сборник / Московское нумизматическое об-во. М., 2002. Вып. 9. С. 137–149.

Лебединцев, 1913 – Лебединцев А. Г. Ханская Украина // Записки Одесского общества истории и древностей. 1913. Т. 31. С. 1–22.

Лезина, 1985 – Лезина И. Н. Тюркские топонимы Крыма // Ономастика Киргизии. Фрунзе, 1985. Вып. 1. С. 84–96

Лемерсье-Келькеже, 2009a – Лемерсье-Келькеже Ш. Один неопубликованный источник по истории России XVI века // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: сб. ст. / ред. И. А. Мустакимов и др. Казань, 2009.

Лемерсье-Келькеже, 2009б – Лемерсье-Келькеже Ш. Казанское и Крымское ханства и Московия в 1521 г. по неопубликованному документу из архива дворца «Топкапы» // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: сб. ст. / Ред. И. А. Мустакимов и др. Казань, 2009.

Леп'явко, 2000 – Леп'явко С. А. Козацькі походи на татар у 1570–1580-х роках // Південна Україна XVIII – XIX ст. Запоріжжя, 2000. Вип. 5. С. 191–199.

Леп'явко, 2009 – Леп'явко С. Проблема захисту українських земель від татарських нападів і становлення козацтва // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2009. Вип. XXVI. С. 147–153.

Лёпер, Моисеев, 1918 – Лёпер Р. Х., Моисеев Л. А. Раскопки в Мангупе // Отчет Археологической комиссии за 1913–1915 гг. СПб., 1918. С. 72–84.

Летописец русский, 1895 – Летописец русский // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1895. Кн. 3.

Летопись, 1846 – Летопись Самовидца о войнах Хмельницкого. Москва, 1846.

Лехно, 1848 – Лехно Д. Девар Сефатаим / Пер. И. Финкель // Записки Одесского общества истории и древностей. 1848. Т. 2, отд. 2: Материалы. С. 693–704.

Лисейцев, 2002 – Лисейцев Д. В. Русско-ногайские отношения в эпоху Смуты // *Orientalistica Juvenile*: сб. работ молодых сотрудников и аспирантов. М., 2002. Вып. 3. С. 131–134.

Лисейцев, 2003 – Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. С. 333–341.

Лисейцев, 2006 – Лисейцев Д. В. Русско-крымские дипломатические контакты в начале XVII столетия // Тюркологический сборник, 2005. М., 2006.

Лисейцев, 2015 – Лисейцев Д. В. Северное Причерноморье в геостратегических планах Московского государства начала XVII в.: собирался ли Дмитрий Самозванец завоёвывать Крым? // Проблемы истории Новороссии. М., 2015. С. 40–44.

Лисейцев, 2017 – Лисейцев Д. В. Неизвестная российская миссия в Крым эпохи Смуты начала XVII в. // Актуальные проблемы междисциплинарных исследований в изучении истории, культуры и экономики Крыма: матер. Всерос. науч.-практ. конф. Симферополь, 2017. С. 152–153.

Литвин, 1994 – Литвин М. О нравах татар, ли-

товцев и москвитян / Пер. В. И. Магузовой; Отв. ред. А. Л. Хорошкевич. М.: Изд-во МГУ, 1994. 151 с.

Лихачев, 1894 – Лихачев Н. П. Библиотека и архив московских государей в XVI столетий. СПб., 1894.

Літопис, 1971 – Літопис Самовидця / Підг. Я. І. Дзира. Київ, 1971. 208 с. *Лобин, 2010* – Лобин А. Н. Подготовка похода на Азов: малоизвестный эпизод Русско-турецкой войны 1672–1681 годов // Война и оружие: новые иссл. и матер.: науч.-практ. конф. 12–14 мая 2010 г.: в 2-х ч. СПб., 2010. Ч. 2. С. 29–42.

Лобин, 2011 – Лобин А. Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 года / Общество памяти игумении Таисии. СПб., 2011.

Ломакин, 2017 – Ломакин Д. А. «Обширная мечеть, развалины коей заметны и донныне»: отечественная историография последней четверти XVIII – начала XXI вв. о мечети средневековой крепости Кырк-Ер (Чуфут-кале) // Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. Симферополь, 2017. Вып. XXII. С. 535–551.

Луняк, 2016 – Луняк Е. Масові переселення кримських татар у межі Османської імперії наприкінці XVIII ст.: за свідченнями французьких сучасників // Крымское историческое обозрение. 2016. № 2. С. 52–70.

Лызлов, 1990 – Лызлов А. И. Скифская история. М., 1990.

Львов, 1895 – Львов Л. Отношения между Запорожьем и Крымом. Одесса, 1895. 60 с.

Любая, 2008 – Любая А. Татарские «поминки» в контексте взаимоотношений Польского королевства и Великого княжества Литовского с Крымским ханством в XVI в. // Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. / Беларусский гос. ун-т. Минск: изд-во БГУ, 2008. Вып 1. С. 239–267.

Людольф, 1892 – Людольф де. Письма о Крыме // Русское обозрение. 1892. Том 2. Март. С. 155–201.

Люлье, 1857 – Люлье Л. Я. Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами, называемыми: Черкесами (Адиге), Абхазцами (Азеге) и другими смежными с ними // Записки Кавказского отд. Имп. Русского географического общества. Тифлис, 1857. Кн. IV.

Ляпин, Гайтерова, 2018 – Ляпин Д. А., Гайтерова К. Ю. Влияние военного фактора на хозяйственное освоение юга России в XVII в. (на материалах Елецкого уезда) // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 2. С. 89–97.

Мільчев, 2006 – Мільчев В. Військо Запорозь-

ке Низове під кримською протекцією // Історія українського козацтва: нариси: У 2-х т. / Відп. ред. В. А. Смолій. Київ, 2006. Т. 1. С. 587–603.

Маврина, 2014 – Маврина О. С. Мурзы рода Аратук в Крыму в первой половине XIX века // Боспорские исследования. 2014. Вып. XXX. С. 344–351.

Маврина, 2004 – Маврина О. С. До проблеми дослідження історії Кримського ханату кінця XV – XVI ст.: за матеріалами Harvard Ukrainian Studies // Східний світ. 2004. № 1. С. 86 – 92.

Маврина, 2007 – Маврина О. С. Взаємовідносини черкесів з Кримським ханством у період пізнього середньовіччя // Сходознавство. 2007. № 37. С. 71–79.

Маврина, 2009 – Маврина О. С. Документи родової аристократії і служилої знати Кримського ханства в документах ГААРК // Східний світ. 2009. № 3. С. 51–56.

Маврина, 2009a – Маврина О. С. Ширіні в ранній історії Кримського ханату (карачі-беї Мамак і Емінек) // Сходознавство. 2009. № 47. С. 53–65.

Маврина, 2010 – Маврина О. С. До питання про походження роду Ширінів та його ролі в Кримському ханаті (за матеріалами ДААРК) // Пам'ятки східного походження в архівах та музейних зібраннях України: зб. наук. ст. / Ін-т сходознавства ім. А. Ю. Кримського НАН України. Київ, 2010. С. 103–112.

Маврина, 2011 – Маврина О. С. Матеріали щодо дворянства ногайців у фонді Таврійського Губернського Дворянського Депутатського Зібрання Державного архіву АР Крим // Сходознавство. 2011. № 55–56. С. 93–104.

Маврина, 2011a – Маврина О. С. Туркмени у складі служилої знаті Кримського ханату // Східний світ. 2011. №1. С. 70–73.

Маврина, 2012 – Маврина О. С. Кримський рід мурз Меркітських у XIX столітті // Сходознавство. 2012. № 60. С. 76–88.

Маврина, 2013 – Маврина О. С. Вихідці з «капихалків» – кримський рід мурз Аїрчинських у XIX столітті // Сходознавство. 2013. № 62–63. С. 48–66.

Маврина, 2013a – Маврина О. С. Служилая знать турецкого происхождения в Крыму в XVI – XIX веках: семейство Мачинских // Боспорские исследования. 2013. Выпуск XXVIII. С. 376–384.

Маврина, 2016 – Маврина О. С. Туркмени на юге Украины в конце XVIII – середине XIX вв.: по архивным источникам // Сходознавство. 2016. № 75–76. С. 73–86.

- Магомаев, Кидирниязов, 2018* – Магомаев В. Х., Кидирниязов Д. С. Кавказская политика России в 40-е гг. XVIII в. // Кавказский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории и религии: матер. Междунар. науч.-практ. конф., посв. 80-летию ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», Грозный, 25–26 сент. 2018 года. Махачкала, 2018. С. 227–236.
- Майко, 2007* – Майко В. В. Кырк-Ерский клад городища Чуфут-Кале в Юго-Западном Крыму. Киев, 2007. 190 с.
- Майко, 2012* – Майко В. В. Некрополь храма св. Параскевы на посаде средневековой Сугдеи // *Sacrum et Profanum*. 2012. Вып. V. С. 85–98.
- Майко, Алядинова, 2011* – Майко В. В., Алядинова Д. Ю. Турецкая поливная керамика из материалов раскопа VI в портовой части Сугдеи // XII Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияния культур»: матер. Междунар. науч. конф. Керчь, 2011. С. 232–235.
- Майко, Власов, 2018* – Майко В. В., Власов В. П. Археологические раскопки средневековых поселений Батальное Западное и Батальное Западное I на территории Керченского полуострова // Таврические студии. 2018. №16. С. 89–99.
- Майко, Джанов, 2015* – Майко В. В., Джанов А. В. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым. Симферополь, 2015. 448 с.
- Майко, Джанов, 2016* – Майко В. В., Джанов А. В. Судак в период османского господства и некоторые вопросы исторической топографии (мечеть (?) Хаджи-бея) // Сугдейский сборник. 2016. Вып. VI. С. 14–43.
- Макарова, 1998* – Макарова Т. И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1998. Вып. VI. С. 344–393.
- Макидонов, 2002* – Макидонов А. В. Константин Андрей Дмитриевич: к биографии дипломата // Культура народов Причерноморья. 2002. Т. 35. С. 53–55.
- Максимов, 1993* – Максимов Н. Н. Планы русского наступления на Крым // в годы польско-турецкой войны (1672–1676) // Славянский сборник. Саратов, 1993. Вып. 5. С. 77–90.
- Малиновская, 1993* – Малиновская А. Н. Семантическое поле бахчисарайского фонтана («слез») в контексте исламской традиции // История и археология юго-западного Крыма. Симферополь, 1993. С. 175–176.
- Малицкий, 1933* – Малицкий Н. В. Заметки по эпиграфике Мангупа // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Л., 1933. Вып. 71. С. 5–47.
- Малов, 1953* – Малов С. Е. Изучение ярлыков и восточных грамот // Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятилетию: сб. ст. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 187–195.
- Малов, 2006* – Малов А. В. Русско-польская война 1654–1667 гг. М.: Цейхгауз, 2006.
- Малов, 2016* – Малов А. В. Четырнадцатая крымская посольская книга в делопроизводстве Посольского приказа: состав, структура, формирование // Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1571–1577 гг. / Отв. ред. И. В. Зайцев; подг. текста А. В. Малов, О. С. Смирнова; Г. А. Тарасова; ст., комм.: А. В. Виноградов, И. В. Зайцев, О. С. Смирнова, В. Н. Сокуров; прил. А. И. Галенко, И. А. Мустакимов. М., 2016.
- Мальгин, Кротов, 2009* – Мальгин А. В., Кротов А. И. Война после войны. Забытый эпизод русско-турецкой кампании 1768–1774 годов // Историческое наследие Крыма. 2009. № 24. С. 78–105.
- Мальгин, 2013* – Мальгин А. В. Присоединение Крыма к России в конце XVIII в. свете мотивов имперской экспансии // История и современность. 2013. № 1 (март). С. 45–68.
- Мальгин, 2016* – Мальгин А. В. Завоевание Крыма войсками 2-й армии князя В. М. Долгорукова в 1771 году // Историческое наследие Крыма: сб. ст. / Гос. комитет по охране культурного наследия Республики Крым. Симферополь, 2016. С. 98–116.
- Мальгин, 2016а* – Мальгин А. В. Карасубазарский мирный договор 1772 г.: Заключение и итоги // Крым: проблемы истории: сб. ст. / Ин-т российской истории РАН. М.: Индрик, 2016. С. 83–100.
- Мальгин, 2018* – Мальгин П. Д. Западноевропейские авторы XV–XVII вв. о России: матер. к библиограф. словарю. М., 2018.
- Мальченко, 2003* – Мальченко О. Є. Татарські замки на Дніпрі наприкінці XV – на початку XVI ст. // Історично-географічний збірник. 2003. Вип. 6. С. 57–78.
- Мамут, 2012* – Мамут Зера. Хаджи Кокей, Туз Базар, Сырлы Чешме ... / *Qırım*, 29. 09. 2012. С. 4.
- Манштейн, 1998* – Манштейн Х. Г. Записки о России генерала Манштейна. М., 1998.
- Маргинани, 2010* – Маргинани, Бурхануддин.

- Хидоя. Комментарии мусульманского права: в 2 ч. / Пер. с англ.; под ред. Н. И. Гродекова; отв. ред., авт. предисл., вступ. ст. и научн. комм. проф. А. Х. Саидов. М., 2010.
- Марголин, 1948* – Марголин С. Л. Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI века // Военно-исторический сборник. 1948. Вып. XX. С. 3–17.
- Маржерет, 2007* – Маржерет Ж. Состояние российской империи. М.: Языки славянских культур, 2007.
- Марзей, 2004* – Марзей А. С. Черкесское наездничество – «ЗекIуе». Нальчик, 2004.
- Маркевич, 1888* – Маркевич А. Поездка в г. Старый Крым // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1888. Вып. 6. С. 71–72.
- Маркевич, 1894/1902* – Маркевич А. И. «TAURICA»: Опыт указателя книг и статей, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1894. № 20. С. 1–395; 1898. № 28. С. 92–185; 1902. № 32/33. С. 47–128.
- Маркевич, 1895* – [Маркевич А. И.] Список со статейного списка подьячего Василия Айтемирева, посланного в Крым с предложением мирных договоров // Записки Одесского общества истории и древностей. 1895. Т. XVIII, отд. II. С. 1–80.
- Маркевич, 1895a* – Маркевич А. И. К истории ханского Бахчисарайского дворца // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1895, № 23.
- Маркевич, 1896* – [Маркевич А. И.] Список со статейного списка подьячего Василия Айтемирева, посланного в Крым с предложением мирных договоров // Записки Одесского общества истории и древностей. 1896. Т. XIX. Отд. II. С. 1–58.
- Маркевич, 1899* – Маркевич А. И. Отчет о деятельности Таврической Ученой Архивной комиссии за 1898 год // Известия Таврической Ученой Архивной комиссии. Симферополь, 1899. №30. С. 87–93.
- Маркевич, 1910* – Маркевич А. И. К вопросу о положении христиан в Крыму во время татарского владычества (историческая справка) // Таврический церковно-общественный вестник. 1910. № 11. С. 442–543.
- Маркевич, 1928* – Маркевич А. И. Географическая номенклатура Крыма, как исторический материал: топонимические данные крымских архивов // Известия Таврического Общества истории археологии и этнографии. Симферополь, 1928. Т. 2(59). С. 17–32.
- Маркон, 1910* – Маркон И. Давид Лехно // Еврейская старина. 1910. Вып. III.
- Маркон, 1916* – Маркон И. Ю. Давид Лехно и его хроника истории Крыма Дебар Сефатаим // Записки Восточного отд. имп. Русского археологического общества. 1916. Т. 23.
- Марсылы, 1737* – Марсылы Л. Ф. Военное состояние Оттоманския империи с ея приращением и упадком / пер. В. К. Тредиаковский. СПб., 1737. Т. 1.
- Мартин Груневег, 2013* – Груневег М. (отец Венцеслав): духовник Марины Мнишек: записки о торговой поездке в Москву в 1584–1585 гг. М., 2013.
- Масаев, 1997* – Масаев М. В. Присоединение Крыма к России. Симферополь, 1997. 202 с.
- Маслійчук, Мицик, 2007* – Маслійчук В. Л., Мицик Ю. А. Кошовий отаман Іван Сірко. Київ, 2007. 73 с.
- Маслюженко, 2016* – Маслюженко Д. Н. Тюменский и Сибирский юрты // Золотая орда в мировой истории. Казань, 2016.
- Мастыкова и др., 2019* – Мастыкова А. В., Решетова И. К., Чаукин С. Н., Ганичев К. А. Исследования средневекового поселения и могильника Су-Баш 1 в Юго-Восточном Крыму // Крым – Таврида: археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. в 2 т. / Ин-т археологии РАН. М., 2019. Т. 1.
- Мастыкова, Сейдалиев, 2019* – Мастыкова А. В., Сейдалиев Э. И. Предметы средневекового вооружения из раскопок поселения и могильника Су-Баш-1 в Восточном Крыму // Stratum plus. 2019. № 5.
- Матвей Меховский, 1936* – Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях / Известия иностранцев о народах России. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. X, 288 с.
- Материалы, 1864* – Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные, по распоряжению Императорской академии наук, из Московского главного архива Министерства иностранных дел / Подг. В. В. Вельяминов-Зернов. СПб., 1864.
- Материалы, 1871* – Материалы Военно-ученого архива Главного штаба / Под ред. А. Ф. Бычкова. Т. 1. СПб., 1871.
- Материалы, 1969* – Материалы по истории казахских ханств XV – XVIII веков: извлечения из персидских и тюркских сочинений / Сост. С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. Алма-Ата, 1969.

- Матузова, 1994* – Матузова В. И. Михалон Литвин и его трактат. [Электронный ресурс]. Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. М.: МГУ, 1994. Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Litvin/framepred.htm>
- Махмуд, 2005* – Махмуд ал-Кашгарй Диван Лугат ат-Турк / Пер., предисл. и комм. З.-А. М. Ауэзовой. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.
- Махмудов, 1991* – Махмудов Я. М. Взаимоотношения государств Аккоюнлу и Сефевидов с западноевропейскими странами (II половина XV – начало XVII вв.). Баку. 1991. 264 с.
- Махмудова, 2013* – Махмудова К. З. Северо-Восточный Кавказ в политике России, Ирана и Турции в XVIII – 20-е годы XIX в.: Дис. ... докт. ист. наук. Владикавказ, 2013. 497 с.
- Мацьков, 2017* – Мацьков О. Роль і місце кримського чинника у Чуднівській кампанії 1660 року: постановка проблеми // Проблеми історії країн Центральної та Східної Європи. 2017. Вип. 6. С. 154–161.
- Маштакова, 1984* – Маштакова Е. И. Турецкая литература конца XVII – начала XIX в. М., 1984.
- Меметов, Меметов, 2017* – Меметов А. М., Меметов И. А. Этническая история крымских татар: лингво-социокультурный анализ. Ч. 1. / А. Меметов; И. Меметов. Симферополь: Эльиньо, 2017. 156 с.
- Меньшиков, Юнкин, 2019* – Меньшиков М. Ю., Юнкин Ж. А. Исследования позднесредневекового мусульманского могильника Живописное I в Симферопольском районе // Крым – Таврида: археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. М., 2019. Т. II. С. 161–171.
- Мечети..., 2016* – Мечети Крыма на старых фотографиях: из фондов Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника. М., 2016.
- Миллер, 1983* – *Миллер А. Ф.* Турция. Актуальные проблемы Новой и Новейшей истории. М., 1983.
- Мининков, 1998* – Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1998. 512 с.
- Мининков, 2001* – Мининков Н. А. [Рецензия] // Отечественная история. 2001. № 5. С. 195–197. Рец. на кн.: Сень Д. В. Войско Кубанское Игнатово Кавказское: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). Краснодар, 2001.
- Мининков, 2006* – Мининков Н. А. Основы взаимоотношений Русского государства и донского казачества в XVI – начале XVIII вв. // Казачество России: прошлое и настоящее: сб. науч. ст. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006. Вып. 1. С. 25–37.
- Мининков, 2008* – Мининков Н. А. Войско Донское и Запорожская Сечь к характеру взаимоотношений в первой половине XVII в. // 350-letcie unii hadziackiej (1658–2008) / Pod. red. T. Chynczewskiej-Hennel, P. Krolla, M. Nagielskiego. Warszawa, 2008. S. 425–438.
- Миннегулов, 2003* – Миннегулов Х. Ю. Татарская литература и восточная классика: вопросы взаимосвязей и поэтики. Казань, 1993. 384 с.
- Миранда, 2001* – Миранда де Ф. Путешествие по Российской Империи. / Пер. с исп. В. А. Капанадзе, Е. Ф. Толстой. М.: Наука; Интерпериодика, 2001.
- Мирас..., т. 1, 2016* – Мирас – наследие. Т. 1. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах / сост. и отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдииков. Казань, 2016.
- Мирас..., т. 2, 2016* – Мирас – наследие. Т. 2. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах / сост. и отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдииков. Казань, 2016.
- Мирас..., т. 3, 2016* – Мирас – наследие. Т. 3. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах / сост. и отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдииков. Казань, 2016.
- Миргалеев, 2010* – Миргалеев И. М. К вопросу о клановой системе в золотоордынском государстве // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: сб. ст. Вып. 1: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. «Исторические судьбы народов Среднего Поволжья в XV – XIX вв.», посв. 80-летнему юбилею доктора исторических наук С. Х. Алишева (г. Казань, 24 марта 2009 г.) / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань, 2010. С. 132–136.
- Мирошниченко, 2002* – Мирошниченко М. М. 3 поезії Ханської доби // Східний світ. 2002. № 2. С. 172–175.
- Михайлов, 2008* – Михайлов А. А. Кабарда в военной истории России первой половины XVIII века // Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII века: иссл. и матер. / ред. Б. Х. Бгажноков. Нальчик, 2008.
- Михалон Литвин, 1890* – Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян // Мемуары,

относящиеся к истории Южной Руси. Киев. 1890. Вып. I (XVI ст.).

Михнева, 1985 – Михнева Р. Россия и Османская империя в международных отношениях в середине XVIII века (1739–1756). М., 1985.

Михневич, 1848 – Михневич И. О еврейских манускриптах, хранящихся в Музее Одесского общества истории и древностей // ЗООИД. 1848, т. II.

Мицик, 1998 – Мицик Ю. А. Кілька документів до історії козацько-татарського союзу 1625 року та православної церкви в Україні // Рукописна та книжкова спадщина України. 1998. Вип. 4. С. 139–146.

Мицик, 2000 – Мицик Ю. А. З дипломатичного листування уряду Кримського ханства (друга половина XVI – початок XVIII століть) // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів, 2000. Т. ССXL: Праці Комісії спеціальних (допоміжних) історичних дисциплін. С. 473–502.

Мицик, 2012 – Мицик Ю. Нові документи з історії Берестецької битви 1651 р. // Український історичний журнал. 2012. № 1. С. 135–142.

Мицик, 2019 – Мицик Ю. Гетьманат Петра Дорошенка у висвітленні тогочасних польських листів (дещо з польських архівосховищ) // Гетьманська Україна між Польщею, Росією та Туреччиною / Ніжинський держ. ун-т ім. Миколи Гоголя; упор. І. І. Кривошея, Є. М. Луняк. Ніжин, 2019. С. 125–154.

Мицик, 2020 – Мицик Ю. З нововідкритого листування гетьмана Івана Мазепи // Сіверянський літопис. 2020. № 2(152). С. 9–26.

Між конфронтацією, 2018 – Брехуненко В., Грибовський В., Мицик Ю., Піскун В., Синяк І., Тарасенко І. Між конфронтацією та взаємодією: українсько-кримські та українсько-ногайські стосунки в XVII – першій половині XX ст. / За ред. В. Брехуненка. Київ, 2018. 344 с.

Мільчев, 2004 – Мільчев В. І. Від урядника // Кордони Війська Запорозького та діяльність російсько-турецької межової комісії 1705 р. (за документами РДАДА) / упор. В. І. Мільчев. Запоріжжя, 2004. С. 3–26.

Мільчев, 2005 – Мільчев В. Запорозький гарнізон Новосергіївської фортеці: сторінка кампанії 1711 року // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.) / Ін-т історії України НАН України Київ, 2005. Вип. 5. С. 462–470.

Мільчев, 2006 – Мільчев В. І. Військо Запорозьке Низове під кримською протекцією // Історія україн-

ського козацтва: нариси: У 2-х т. Київ, 2006. Т. I. С. 587–603.

Мільчев, 2009 – Мільчев В. Нариси з історії запорозького козацтва XVIII століття: спроба історичної реконструкції на основі писемних джерел. Запоріжжя: Тандем-У, 2009.

Мільчев, 2009a – Мільчев В. І. Запорозьке козацтво у підданстві Гіреїв (1709/1711–1734 рр.) // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. Запоріжжя, 2009. Вип. 26. С. 170–178.

Моисеев и др., 2018 – Моисеев Д. А., Эмруллаев Ш. А., Корженков А. М., Овсяченко А. Н., Ларьков А. С., Мараханов А. В., Рогожин Е. А. Следы сильных сейсмических воздействий в Салачике – древней столице крымских ханов (Бахчисарай, Крым) // Бахчисарай: история, археология, этнография. Бахчисарай; Белгород, 2018. С. 112–128.

Моисеев, 2006 – Моисеев М. В. Выезды «татар» и восточная политика России в XVI веке // Иноземцы в России в XV – XVII веках. М., 2006. С. 484–504.

Моисеев, 2010 – Моисеев М. В. Обоснование прав на Казанское ханство в русском средневеком нарративе // Мининские чтения: труды участников Междунар. науч. конф. (24 – 25 октября 2008 г.) / Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2010.

Моисеев, 2012 – Моисеев М. В. Некоторые аспекты взаимоотношений Московского государства с постордынскими государственными образованиями // Средневековые тюрко-татарские государства: сб. ст. 2012. Вип. 4. С. 204–213.

Моисеев, 2015 – Моисеев М. В. Степные войны от Угры до ногайского погрома Крыма (1480 – 1522 гг.) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2015. Спец. вып. V: Стояние на реке Угре, 1480–2015. Ч. I. С. 155–162.

Моисеев, 2016 – Моисеев М. В. Посольские дары-«поминки» в контексте взаимоотношений России с постордынскими государствами: проблемы изучения // От Смуты к империи: новые открытия в области археологии и истории России XVI – XVIII вв. М.; Вологда: Древности Севера, 2016. С. 163 – 171.

Моисеев, 2018 – Моисеев М. В. Исторические примеры в царских посланиях в Крымское ханство и Ногайскую Орду // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 283–303.

- Моисеев, 2019* – Моисеев М. В. Московские послы в Бахчисарае и Сарайчуке: между требованиями русского протокола и реальностью (эпоха Ивана Грозного) // Церемония и ритуал в европейской истории / РГГУ. М., 2019. С. 143–153.
- Монастырлы, 1890* – Монастырлы Х. А. Мечети, тэкэ (монастыри), духовные лица и праздники у крымских татар // Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии: отчет / Сост. Ф. Лашков. Симферополь: Тип. И. Т. Гордиевского, 1890. С. 68–73.
- Монтандон, 2011* – Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым / Пер. с франц. Киев: Стилос, 2011.
- Морозов, 1996* – Краткий каталог арабских рукописей и документов Российского государственного архива древних актов / Сост. Д. А. Морозов. М., 1996.
- Морозов, 2015* – Морозов А. А., Монетное дело в Крымском ханстве при Мухаммеде I Гирее и денежная реформа 922 г. х. // Расмир: Восточная нумизматика: Вторая междунар. науч. конф. Одесса; Киев. 2015. С. 175–215.
- Морозов, 2017* – Морозов А. А. Исследования состава металла методом РФА и реконструкция структуры чекана в Крымском ханстве при Сахиб Гирае I // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. 2017. № 4. С. 347–376.
- Морозов, 2019* – Морозов А. А. К вопросу о выделении Отдельных Эмиссий Монет Девлет-Герая I (1550–1577) по маркерам // Нумизматические чтения ГИМ: тез. М., 2019. С. 99–103.
- Мошкова, 2017* – Мошкова Л. В. Русские посольские книги: начало формирования // Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты: матер. Всерос. с междунар. участием науч. конф. (30 марта – 1 апр. 2017 г.). Калуга, 2017.
- Му'изз ал-ансāб, 2006* – Му'изз ал-ансāб (Прославляющие генеалогии) // История Казахстана в персидских источниках. Алматы: Джайк-Пресс, 2006. Т. III. 672 с.
- Муминов, 2006* – Муминов У. А. Извлечения из сочинений XII – XVI веков // История Казахстана в арабских источниках. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. Т. III.
- Муминов, 2013* – Муминов А. Махмуд ибн Сулейман ал-Кафави и его сведения по истории Золотой Орды // Кипчаки Евразии: история, язык и письменные памятники. Астана, 2013. С. 226–247.
- Мундт, 1909* – Мундт Т. Крым-Гирей, союзник Фридриха Великого. Пролог столкновений между Россией и Турцией // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1909. Вып. 43.
- Муравьев-Апостол, 1823* – Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб.: Печ. МВД, 1823.
- Муралевич, 1928* – Муралевич В. С. К нумизматике Гиреев: заметка о монетах Девлет-Гирея I, Мухаммед-Гирея IV и Адиль-Гирея из Феодосийского археологического музея // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1928. Вып. 2(59).
- Мурзакевич, 1837* – Мурзакевич Н. Н. История генуэзских поселений в Крыму. Одесса. 1837. 91 с.
- Мурзакевич, 1858* – Мурзакевич Н. Пребывание иезуитов в Крыму // Записки Одесского общества истории и древностей. 1858. Т. 4, отд. 3. С. 466–467.
- Мурзакевич, 1883* – Мурзакевич Н. Выезд последнего Крымского Хана Шагин-Гирея из России в Турцию в 1787 году // Записки Одесского общества истории и древностей. 1883. Т. 13. С. 132–155.
- Мустакимов, 2008* – Мустакимов И. А. Введение // Документы по истории Волго-Уральского региона XVI – XIX веков из древлехранилищ Турции. Казань, 2008.
- Мустакимов, 2009* – Мустакимов И. А. Об одном списке «Дафтар-и Чингиз-наме» // Средневековые тюрко-татарские государства. 2009. Вып. 1.
- Мустакимов, 2013* – Мустакимов И. А. Джучи и Джучиды в «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» (некоторые проблемы перевода и интерпретации хроники) // Тюркологический сборник, 2011–2012: Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М., 2013.
- Мустакимов, 2017* – Мустакимов И. А. Из истории азовских (татарских) казаков второй половины XVI века // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. С. 184–189.
- Мустакимов, Мустафина, 2018* – Мустакимов И. А., Мустафина Д. А. Астраханский поход в русско-османской дипломатической переписке 1569–1570 гг. // Тюркологический сборник, 2015–2016: Тюркский мир Евразии. М., 2018.
- Мустакимов, Сень, 2010* – Мустакимов И., Сень Д. Три османских документа XVI в. о ранней исто-

рии донских казаков // Украина в Центрально-Східній Європі. Київ, 2010. Вип. 9–10. С. 307–326.

Мустакимов, Сень, 2012 – Мустакимов И. А., Сень Д. В. Азов и донские казаки по османским документам 1560–1570-х гг. // Вестник Танаиса. Недвиговка, 2012. Вып. 3. С. 172–189.

Мустафина, 2006 – Мустафина Д. А. «... желает-де она, чтоб ей жить вовсе на Москве» (штрих к судьбе полонянки-мусульманки в России XVII в.). // Эхо веков. 2006. № 1.

Муфтийзаде, 1899 – Муфтийзаде И. Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1899 год: по архивным материалам // Известия Таврической ученой комиссии. Симферополь, 1899. № 30. С. 1–24.

Муфтийзаде, 1899 – Муфтийзаде Измаил Мурза. Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1899 год // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1899. № 30.

Мухин, 1898 – Мухин В. Ф. Очерк магометанского права наследования. СПб., 1898.

Мыц, 1990 – Мыц В. Л. Крестообразный храм Мангупа // Советская археология. 1990. №1. С. 224–242.

Мыц, 1991 – Мыц В. Л. Укрепления Таврики X – XV вв. Киев. 1991. 164 с.

Мыц, 2005 – Мыц В. Л. Начальный этап правления господина Готии Алексея и первый вооруженный конфликт между Кафкой и Феодоро в 1422–1423 гг. // Херсонесский сборник: сб. науч. ст. Севастополь: Максим, 2005. Вып. XIV. С. 257–268.

Мыц, 2009 – Мыц В. Л. Каффа и Феодоро в XV веке: контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 527 с.

Мыц, 2018 – Мыц В. Л. Сарымамбаш-Кермен – укрепленная резиденция XIV – XVIII вв. беков Яшлавских-Сулешевых // Поволжская археология. 2018. №2(24). С. 190–203.

Мышецкий, 1851 – [Мышецкий С. И.]. История о казаках запорожских: как оные издревле зачалися, и откуда свое происхождение имеют, и в каком состоянии ныне находятся, сочиненная от инженерной команды. Одесса, 1851. [2], VI, 92 с.

Мюллер, 2004 – Мюллер А. История ислама: от мусульманской Персии до падения мусульманской Испании. М.: АСТ, 2004. 893 с.

Мясников, 1987 – Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1987. 512 с.

Навширванов, 1929 – Навширванов З. Ш.

Предварительные заметки о племенном составе тюркских племен, пребывавших на юге Руси и в Крыму. // Известия Таврического общества истории археологии и этнографии. Симферополь, 1929. Т. 3(60). С. 78–99.

Наджип, 1989 – Наджип Э. Н. Исследования по истории тюркских языков XI – XIV вв. М., 1989.

Надинский, 1951 – Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма. Симферополь: Крымиздат, 1951. Ч. 1.

Назаров, Флоря, 1974 – Назаров В. Д., Флоря Б. Н. Крестьянское восстание под предводительством И. И. Болотникова и Речь Посполитая // Крестьянские войны в России в XVII – XVIII вв. М., 1974.

Наїма, 2016 – Наїма М. Гюсейнові городи у витягу історій із заходу та сходу: повідомлення про Україну / Пер. з осман.-тур. О. Галенка, О. Кульчинського. Київ: Вид-во Жупанського, 2016.

Налоева, 2015 – Налоева Е. Д. Кабарда в первой половине XVIII в.: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории. Нальчик, 2015. 368 с.

Нарожный, Соков, Соколов, 2019 – Нарожный Е. И., Соков П. В., Соколов П. М. Охранно-спасательные археологические исследования «Комплекса поселений Биели» (Ленинский район Республики Крым) в 2018 г. // История и археология Крыма. Симферополь, 2019. Вып. XI. С. 215–226.

Науменко, Герцен, Ганцев, 2020 – Науменко В. Е., Герцен А. Г., Ганцев В. К. Бахчисарайский Ханский дворе как объект культурного (археологического) наследия (по материалам раскопок 2018–2019 гг.) // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма: матер. VII Всерос. науч.-практ. конф. Симферополь, 2020. С. 104–117

Науменко, Пономарев, 2018 – Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю. Историческая топография Керчи конца XV – XVIII вв.: состояние источниковой базы и перспективы исследований // XIX Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации»: матер. Междунар. науч. конф. Симферополь; Керчь, 2018. С. 348–358.

Науменко, Сейдалиев, Сейдалиева, 2016 – Науменко В. Е., Сейдалиев Э. И., Сейдалиева Д. Э. Новые материалы к изучению исторической топографии средневекового Бахчисарая: по результатам археологических исследований 2012–2013 гг. // Материалы Конгресса исламской археологии России и стран СНГ. Казань, 2016. С. 228–239.

Невилль, 1996 – Невилль, де ла. Записки о Московии / Отв. ред. В. Д. Назаров, Ю. П. Малинин; предисл., подг., пер. и комм. А. С. Лаврова. М.; Долгопрудный, 1996. 322 с.

Негри, 1844 – Негри А. Извлечение из турецкой рукописи общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского общества истории древностей. 1844. Т. 1. С. 379–392.

Негри, 1848 – Негри А. Фирман, данный турецким султаном Мустафою, по прошению Константинопольского патриарха Серафима, митрополиту Гедону на Крымскую епархию / Пер. с тур. // Записки Одесского общества истории древностей. 1848. Т. II С. 680–684.

Неделькин, 2017 – Неделькин Е. В. Город-крепость Инкерман в первой половине XVI в. // VII Научные чтения памяти Усеина Боданинского: к 100-летию со дня основания Бахчисарайского музея и 140-летию со дня рождения У. Боданинского: тез. докл. науч. конф. Бахчисарай, 2017. С. 28–29.

Неделькин, Бойцова, 2021 – Неделькин Е. В., Бойцова Е. Е. История Севастополя: В 3-х т., М., 2021. Т. I: Юго-западный Крым с древнейших времён до 1774 г

Некрасов, 1990 – Некрасов А. М. Международные отношения и народы Западного Кавказа, последняя четверть XV – первая половина XVI в. М., 1990.

Некрасов, 1998 – Некрасов А. М. Женщины ханского дома Гиреев в XV – XVI веках // Некрасов А. М. Избр. труды. Нальчик, 2015.

Некрасов, 1999 – Некрасов А. М. Возникновение и эволюция Крымского государства в XV – XVI веках // Отечественная история. 1999. № 2.

Некрасов, 2000 – Некрасов А. М. Женщины ханского дома Гиреев в XV–XVI вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М.: Восточная лит-ра, 2000. С. 213–221.

Некрасов, 2015 – Некрасов А. М. Избранные труды / сост. К. Ф. Дзамихов, Дж. Я. Рахаев; под ред. К. Ф. Дзамихова. Нальчик: Издат. отдел КБИГИ, 2015. 255 с.

Немет, 1963 – Немет Ю. Специальные проблемы тюркского языкознания в Венгрии // ВЯ. 1963. № 6.

Непомнящий, 2001 – Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (конец XVIII – начало XX века) / Отв. ред. Л. А. Дубровина; вступ. ст. В. Ф. Шарапы.– Симферополь: Доля, 2001.– 816 с.

Непомнящий, 2015 – Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945) / Вступ. ст. В. Аксенова.– Симферополь: Антиква, 2015.– 936 с.– (Серии: «Крым в истории, культуре и экономике России»; «Библиография крымоведения»; вып. 25).

Непомнящий, 2018 – Непомнящий, А. А., Грушецкая, В. А. Ремесленная культура цехового крымско-татарского мастера по изготовлению традиционной кожаной обуви (по рукописным и опубликованным материалам В. А. Гордлевского) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: «История России». 2018. Т. 17, № 3. С. 581–607.

Никандров, 2005 – Никандров, Н. И. О военной судьбе сокровищ Бахчисарая // Культурні цінності кримськотатарського народу: Втрати. Шляхи повернення // Матер. Міжнар. наук.-практ. конф. (Бахчисарай, 30 бер. – 2 квіт. 2005 р.). Бахчисарай, 2005. С. 87–93.

Никольский, 1924 – Никольский П. В. Бахчисарай: культурно-исторические экскурсии / Крымский обл. комитет по делам музеев и охране памятников старины, искусства и народного быта. Симферополь, 1924. 62 с.

Никольский, 1929 – Никольский П. [В.] Крым от Крымского ханства до наших дней. [Симферополь]: Крымгосиздат, 1929. 40 с. На обл. ошибочно: Никольский П. А.

Новосельский, 1948 – Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. 448 с.

Новосельский, 1994 – Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами во второй половине XVII в. // Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. 223 с.

Носов, 1929 – Носов А. До антропології кримських татар. Київ, 1929.

Нофаль, 1886 – Нофаль И. Г. Курс мусульманского права: о собственности, читанный в 1884/85 г. в учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте / Пер. с фр. СПб., 1886. Вып. 1.

Оболенский, 1848 – Оболенский М. Сказание священника Иакова // ЗООИД. 1848. Т. 2. С. 685–692.

Оглоблин Н., 1885 – Оглоблин Н. Воеводские «востовые отписки» XVII в., как материал для истории Малороссии // Киевская старина. 1885. Т. 12. Июль. С. 365–416.

Оглоблин О., 2001 – Оглоблин О. Гетьман Иван

Мазепа та його доба. Нью-Йорк; Київ; Львів; Париж; Торонто, 2001. 464 с.

Озенбашлы, 2007 – Озенбашлы А. С. Трагедия Крыма при царизме или татарские эмиграции // Озенбашлы А. С. Трагедия Крыма: воспоминания и документы / Пер. К. Усеинова. Симферополь, 2007.

Окиншевич, 1930 – Окиншевич Л. Діаріуш Івана Бихівця р. 1704 про відрядження до Криму // Збірник Історично-філологічного відділу Всеукраїнської академії наук. Київ, 1930. № 89: Філологічна катедра під керуванням А. Е. Кримського, тюркологічна комісія, № 2: Студії з Криму, I–IX. С. 105–109.

Окрушина, 2003 – Окрушина сонця. Антологія кримськотатарської поезії XIII – XX століть / Упор. М. Мірошниченко, Ю. Кандим. Київ, 2003. 792 с.

Олесницький, 1910 – *Олесницький А.* Песни Крымских турок: текст, перевод и музыка / Под ред. В. А. Горджевского // Труды по востоковедению, изд. Лазаревским институтом восточных языков. М., 1910 Вып. 32. XII, 150, 10 с.

Описание, 1781 – Описание дорог от Киева до Царьграда, сочиненное в 1714 г. // Академические известия. 1781. Ч. 7. Март.

Описание, 1791 – Описание Кубани // Соб. соч., выбранных из «Месяцесловов» за разные годы. СПб., 1791. Ч. 7.

Описание, 1879 – Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де-Люка, монаха Доминиканского ордена (1625 г.) / Пер. с франц. И. Юрченко // Записки Одесского общества истории и древностей. 1879. Т. 11. С. 473–493.

Описание, 1902 – Описание Черного моря и Татари составил доминиканец Эмиддио [П]ортелли д'Асколи, префект Каффы, Татари и проч. 1634 1634 / Пер. с ит. Н. Н. Пименова // Записки Одесского общества истории и древностей. 1902. Т. 24, ч. II. С. 89–190.

Описи и ведомости частным вакуфам, 1892 – Описи и ведомости частным вакуфам Таврического полуострова. Симферополь, 1892.

Описи, 1960 – Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960.

Опись 1626 г. – Опись архива Посольского приказа 1626 г. / Подг. В. И. Гальцов; под ред. С. О. Шмидта. М., 1977. Ч. 1.

Опись, 1673 – Опись архива Посольского приказа 1673 года / Подг. к печати В. И. Гальцов; под ред. С. О. Шмидта. 1990. Ч. 1. М.,

Опись, 1975 – Опись государственного ар-

хива конца XVI / Предисл. С. О. Шмидта, подг. И. А. Балакаева // Археографический ежегодник за 1974. М., 1975.

Опись, 1977 – Опись архива Посольского приказа за 1626 года М., 1977. Ч. 1.

Орешкова, 1971 – Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М.: Наука, 1971. 205 с.

Орешкова, 1990 – Орешкова С. Ф. Османский источник второй половины XVII в. о султанской власти и некоторых особенностях социальной структуры османского общества // Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М.: Наука, 1990. С. 228–305.

Орешкова, 2001 – Орешкова С. Ф. Османская империя во второй половине XVII в.: внутренние проблемы и внешнеполитические трудности // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М.: Наука, 2001. Ч. 2.

Орешкова, 2008 – Орешкова С. Ф. Крымское ханство в 70-е годы XVIII в. // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 121–127.

Орешкова, 2015 – Орешкова С. Ф. Немировский конгресс: от двусторонних осmano-российских отношений к Восточному вопросу. М., 2015.

Османов, 2013 – Османов Э. Э. Мечеть «Ешиль-Джами» в Бахчисарае // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. 2013. Т. 26(65), № 1.

Османов, 2014 – Османов Э. Э. Мечети Биюк Хан-Джами и Тахталы-Джами в Бахчисарае // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. 2014. Т. 27(66), № 4.

Османов, 2014a – Османов Э. Э. Зарождение Бахчисарая: основные теории и принципы // Евразийский Союз Ученых. VII. Исторические науки. 2014. С. 132–135.

Османов, 2016 – Османов Э. Э. Махалле Салачик // Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Т. 1: г. Бахчисарай / Крымский научный центр Ин-та истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан; гл. ред. Р. С. Хакимов. Симферополь, 2016.– С. 16–17.

Османская империя, 1984 – Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV – XVI вв.: главные тенденции политических взаимоотношений. М.: Наука, 1984.

Османская, 1984 – Османская империя в первой четверти XVII века. М.: Наука, 1984.

Османский реестр, 2020a – Османский реестр земельных владений Южного Крыма 1680-х годов. М., 2020. Вып. 1.

Османский реестр, 2020b – Османский реестр земельных владений Южного Крыма 1680-х годов. М., 2020. Вып. 2.

Османский реестр, 2021 – Османский реестр земельных владений Южного Крыма 1680-х годов. М., 2021. Вып. 3.

Остапчук, 2001 – Остапчук В. Хроника Реммаля Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымско-татарским походам // Источниковедение истории Улуча Джучи: от Калки до Астрахани 1223–1556. Казань, 2001. С. 391–421.

Остерман, 1909 – Остерман В. Крым-Гирей, союзник Фридриха Великого. Пролог столкновений между Россией и Турцией. Теодора Мундта // Известия Тарической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1909. Вып. 43. С. 1–87.

От царства к империи, 2015 – От царства к империи. Россия в системе международных отношений. Вторая половина XVI – начало XX века. М.; СПб., 2015.

Отчет о восстании, 2013 – Отчет о восстании Иедсана, послужившего причиной свержения Алим-Герей-хана и восшествия на престол Крим-Герей-хана в 1758 г., посланный в 1759 г. министрам короля господином де Пейсоннель // Пейсоннель Ш.-К. де. Записка о Малой Татарии / Пер. с фр. В. Х. Лотошниковой; вступ. ст., прим. и комм. В. В. Грибовского. 2-е изд.: испр. и доп. Киев, 2013. С. 73–89.

Отчет, 1883 – Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1881 г. СПб., 1883.

Отчет, 1889 – Отчет о деятельности Таврической ученой архивной комиссии за 1887–1888 гг. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1889. № 7.

Отчет, 1912 – Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1905 г. СПб., 1912.

ОЦАПП – Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960.

Павленко, 1976 – Павленко Н. И. Петр I. М., 1976.

Паллас, 1881 – Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах // Записки Одесского общества истории и древностей. 1881. Т. 12.

Паллас, 1999 – Паллас П. С. Наблюдения, сде-

ланные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / Отв. ред. Левшин Б. В.; сост. Н. К. Ткачева – М.: Наука, 1999. 246 с, ил. (Серия: «Науч. наследство»; Т. 27)

Паллас, 2005 – Паллас П. С. Общие замечания о полуострове Крыме // Крымские татары: Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре. Симферополь: Доля, 2005. С. 342–363.

Пальмов, 1992 – Пальмов Н. Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. 2-е изд. Элиста, 1992.

Памятники дипломатических, 1884 – Памятники дипломатических отношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и Турцией. Т. I / Под ред. Г. О. Карпова // Сборник имп. Русского исторического общества. 1884. Т. 41 (1474–1505 гг.).

Памятники литературы Древней Руси, 1985 – Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1985.

Памятники, 1852 – Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Том 2. С 1594 по 1621 год. СПб., 1852.

Паньків, 2012 – Паньків М. Топоніми, мікротопоніми, легенди як вияв етнокультурної пам'яті про татаро-турські набіги на Прикарпаття (XV – XVII ст.) // Карпати: людина, етнос, цивілізація. 2012. Вип. 4. С. 91–102.

Паньків, 2013 – Паньків М. І. Текла кровця по Україні (топоніми, легенди, перекази і пісні про татарські напади на Прикарпаття з середини XV до початку XVIII ст.). Івано-Франківськ: Вид-во Прикарпат. нац. ун-ту ім. В. Стефаніка, 2013. 222 с.

Папков, 2014 – Папков А. И. Днепро-Донская лесостепь как этноконтактная зона: Россия, Речь Посполитая и Крымское ханство // Tractus Aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. 2014. Т. 1, № 1. С. 106–126.

Паршина, 2002 – Паршина Е. А. Древний Партеит (по материалам раскопок 1985–1988 гг.) // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев, 2002. С. 89–109.

Пейсонель, 1927 – Пейсонель М. Исследование торговли на Черкесско-Абхазском берегу Черного моря в 1750 – 1762 г. / В изл. Е. Д. Фелицина; предисл. Е. Фелицин; Об-во изучения Адыгейск. автономной области. Краснодар, 1927.

Пейсонель, 1974 – Пейсонель К. Трактат о торговле на Черном море // Адыги, балкарцы, кара-

чаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв. / Сост. В. К. Гарданов. Нальчик, 1974.

Пейссонель, 2012 – Пейссонель Ш. Записка о состоянии гражданском, политическом и военном Малой Татарии, посланная в 1755 году министрам Короля – господином де Пейссонель // *Qigit*. 2012. № 24.

Пейссонель, 2009 – Пейссонель Ш. де. Записка о Малой Татарии / Пер. с фр. В. Лотошниковой. Днепрпетровск: Герда, 2009. 78 с.

Пейссонель, 2013 – Пейссонель Ш.-К. де. Записка о Малой Татарии / Ин-т украинской археологии и источниковедения им. М. С. Грушевского НАН Украины; пер. с фр. В. Х. Лотошниковой; вступ. ст., прим. и комм. В. В. Грибовского. Киев, 2013. 110 с.

Пенской, 2009a – Пенской В. В. Сражение при Судьбищах 3–4 июля 1555 г. эпизод русско-крымского противостояния // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: «История. Политология». 2009. № 7(62). С. 87–95.

Пенской, 2009б – Пенской В. В. Русско-крымская война 1568–1574 гг. Белгород: Политерра, 2009.

Пенской, 2010a – Пенской В. В. Военный потенциал Крымского ханства в конце XV – начале XVII в. // Восток. 2010. № 2. С. 56–66.

Пенской, 2010б – Пенской В. В. Вооруженные силы Крымского ханства в конце XV – начале XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2010. № 2. С. 208–216.

Пенской, 2011 – Пенской, В. В. «Царь Крымский пришел ко берегу Оки-реки с великою похвалою и с множеством вьиньства своего...»: стояние на Оке в 1541 году // Военно-исторический журнал. 2011. №12.

Пенской, 2012 – Пенской В. В. Иван Грозный и Девлет-Гирей. М., 2012.

Пенской, 2012a – Пенской В. В. Сражение при Молодях 28 июля – 3 августа 1572 г. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. II. С. 127–236. Режим доступа: http://www.milhist.info/2012/08/23/penskoj_1 (23. 08. 2012)

Пенской, 2012б – Пенской В. В. Иван Грозный и Девлет-Гирей. М.: Вече, 2012.

Пенской, Пенская, 2013 – Пенской В. В., Пенская Т. М. «Яз деи деда своего и прадеда ныне зделал лутчи...»: Поход Девлет-Гирея I и сожжение Москвы в мае 1571 г. [Электронный ресурс] //

История военного дела: исследования и источники. 2013. Т. IV. С. 183–206.

Пенской, 2014 – Пенской В. Военное дело Крымского ханства в конце XV – начале XVII в. // История татар с древнейших времен: В 7 т. Казань, 2014. Т. IV: Татарские государства XV – XVIII вв. С. 700–709.

Пенской, Пенская, 2015 – Пенской В. В., Пенская Т. М. «Исланова стравка» // Золотоордынская цивилизация. 2015. № 8. С. 345–356.

Пенской, 2016a – Пенской В. В. Война за Ордынское наследство [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2016. Спец. вып. V: Стояние на реке Угре, 1480–2015. Ч. II. С. 450–480

Пенской, 2016б – Пенской В. В. Черкасское «сидение» // Война и оружие: новые иссл. и матер.: труды Седьмой Междунар. науч.-практ. конф. 18–20 мая 2016 года. СПб., 2016. Ч. IV. С. 305–315.

Пенской, Пенская, 2016 – Пенской В. В., Пенская Т. М. Набег Ислам-Гирея и Сафа-Гирея на «берег» летом 1533 г. // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 3. С. 552–569.

Пенской, Пенская, 2017 – Пенской В. В., Пенская Т. М. Русско-крымское противостояние в XVI в. // Научные ведомости БелГУ. Сер. «История. Политология». 2017. №15(264). Вып. 43. С. 84–94.

Пенской, 2019 – Пенской В. В. «Большая Игра» в Восточной Европе и проблема «ливонского наследства» в контексте глобального переустройства мира в раннее Новое время // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2019. № 2. С. 207–220.

Пенской, Пенская, 2019 – Пенской В. В., Пенская Т. М. «Большая игра» в Восточной Европе: тульская экспедиция Девлет-Гирея I летом 1552 г. и начало «Войны двух царей» // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. № 3. С. 524–544.

Перепелкина, 2001 – Перепелкина Н. В. Коллекция глиняных курительных трубок из фондов Керченского Государственного историко-культурного заповедника // 175 лет Керченскому Музею древностей: матер. Междунар. конф. Керчь, 2001. С. 126–131.

Периханян, 1973 – Периханян А. Г. Частные целевые фонды в древнем Иране и проблема происхождения вакфа // Вестник древней истории. 1973. № 1.

Периханян, 1983 – Периханян А. Г. Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М., 1983.

- Петкевич, 2006* – Петкевич К. Казацкое государство // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: сб. ст. / Под ред. Л. Е. Гринина и др. Волгоград: Учитель, 2006. С. 280–303.
- Петров, 1866* – Петров А. Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами (с 1769–1774 год). СПб., 1866. Т. 2. [4], III, 267, [36], 269–485, [30] с.
- Петров, 1874* – Петров А. Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами (с 1769–1774 год). СПб., 1874. Т. 3. [2], IV, 234, [2], 157 с.
- Петров, Ускенбай, 2013* – Петров П. Н., Ускенбай К. З. Султан справедливый, величие мира и веры Токтогу хан» (690/1291–712/1312–1313 гг.). Нумизматический источник о распространении ислама в Улусе Джучидов // От Онона к Темзе: чингисиды и их западные соседи: к 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского. М., 2013. С. 273–332.
- Петрова, 2015* – Петрова Э. Б. Исторический и художественный альбом Тавриды Евгения де Вильнёва и Викентия Руссена. Феодосия; Симферополь, 2015.
- Петрова, Прохорова, 2009* – Петрова Э. Б., Прохорова Т. А. Крымские путешествия: Шарль Жильбер Ромм. «Путешествие в Крым в 1786 г.» Симферополь: Бизнес-информ, 2009. 168 с.
- Петрухинцев, 2014* – Петрухинцев Н. Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М., 2014. 1063 с.
- Петрухинцев, Вишняков, 2015* – Петрухинцев Н. Н., Вишняков Я. В. Путь к Тавриде: Борьба России за выход к Черному морю и присоединение Крыма к России (1687–1783) // История Крыма / Российское военно-ист. об-во; Е. Е. Бойцова, Я. В. Вишняков, А. А. Непомнящий и др. М., 2015. С. 113–165.
- Петрушевский, 1949* – Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении. Л., 1949.
- Петрушевский, 1960* – Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII – XIV веков. М.; Л., 1960.
- Петухов, 2013* – Петухов А. В. У истоков многонационального государства: восточная политика России XVI века в освещении англо-американской историографии. Чебоксары: Новое время, 2013. 168 с.
- Печеви, 1988* – Печеви И. История / Пер. и прим. З. М. Буниятова. Баку, 1988.
- ПиБ, 1887* – Письма и бумаги императора Петра Великого / Под ред. А. Ф. Бычкова. СПб., 1887. Т. 1. XXII, XXXII, 888, LI с.
- ПиБ, 1889* – Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2. СПб., 1889.
- ПиБ, 1900* – Письма и бумаги императора Петра Великого / Под ред. А. Ф. Бычкова. СПб., 1900. Т. 4. 519, XXXII с.
- ПиБ, 1962* – Письма и бумаги императора Петра Великого / Под ред. Б. Б. Кафенгауза, А. И. Андреева, Л. А. Никифорова. М., 1962. Т. 11. Вып. 1. 605, [1] с.
- ПиБ, 1964* – Письма и бумаги императора Петра Великого / Под ред. Б. Б. Кафенгауза, А. И. Андреева, Л. А. Никифорова. М., 1964. Т. 11. Вып. 2. 742, [1] с.
- ПиБ, 1992* – Письма и бумаги императора Петра Великого / Отв. ред. А. А. Преображенский. М., 1992. Т. 13. Вып. 1. 479, [1] с.
- ПиБ, 2003* – Письма и бумаги императора Петра Великого / Отв. ред. А. А. Преображенский. М., 2003. Т. 13. Вып. 2. 677, [2] с.
- Пиворович, 2008* – Пиворович В. Б. Монеты и клады Юга Украины. Херсон, 2008. Ч. 1. 196 с.
- Пиворович, 2013* – Пиворович В. Б. К вопросу о чеканке монет Менгли Гирея на территории крепости Балыкля на реке Южный Буг // Восточная нумизматика в Украине. Киев, 2013. Ч. III. С. 76–78.
- Пигулевская, 2000* – Пигулевская Н. В. Сирийская средневековая историография: исследования и переводы. СПб., 2000.
- Пилипенко, 2014* – Пилипенко В. Перед лицом врага: польська антитурецька література середини XVI ст. середини XVII ст. / Ін-т української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України. Київ, 2014. 232 с.
- Пилипчук, 2014* – Пилипчук Я. В. Новая татарская политика ВКЛ. Сигизмунд и татары, 1506–1516 // Крымское историческое обозрение. 2014. № 2. С. 98–124.
- Пилипчук, 2015* – Пилипчук Я. В. Гедиминовичи и Джучиды в 1380–1480 гг. // Крымское историческое обозрение. 2015. № 1. С. 58–90.
- Пилипчук, 2015a* – Пилипчук Я. В. Татарская политика Казимира IV, 1480–1492 // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2015. Вып. 8. С. 312–325.
- Пилипчук, 2016* – Пилипчук Я. В. Кем были кыпчаки и кимаки? // Диалог цивилизаций: культурно-цивилизационные мосты истории и современность. 2016. № 22–23. С. 84–96.
- Пилипчук, 2016a* – Пилипчук Я. В. Крымское ханство в скандинавских и австрийских источниках // Эпохи. 2016. Т. 24. Кн. 2.

- Пилипчук, 2016б* – Пилипчук Я. В. Политика Крымского ханства на Северном Кавказе (1475–1769 гг.) // История военного дела: исследования и источники. СПб., 2016. Т. VIII.
- Пилипчук, 2017* – Пилипчук Я. В. Крымское ханство глазами западноевропейских историков, географов и путешественников // Научный Татарстан. 2017. № 4.
- Пилипчук, 2017а* – Пилипчук Я. В. Крымское ханство, Швеция и Речь Посполита в 1700–1772 гг. // Научный Татарстан. 2017. № 1.
- Пилипчук, 2017б* – Пилипчук Я. В. Взаимоотношения Крымского ханства с тюрко-татарскими государствами Северного Кавказа, Астраханским ханством и Ираном // Известия национального центра археографии и источниковедения. Астана, 2017. Вып. 1. С. 57–73.
- Пилипчук, 2018* – Пилипчук Я. В. Лев Лехистана против Гиреев: противостояние между Крымским ханством и Речью Посполитой в эпоху Яна III Собесского // Научный Татарстан. 2018. № 1. С. 13–44.
- Пилипчук, 2018а* – Пилипчук Я. Військові аспекти союзу між Річчю Посполитою і Кримським ханством у 1654–1657 рр. // Сіверянський літопис. 2018. № 5(143). С. 3–20.
- Пилипчук, 2019* – Пилипчук Я. В. Военный аспект союза между Речью Посполитой и Крымским ханством в 1654–1657 гг. // *Tatarica*. 2019. № 12. С. 70–100.
- Пилипчук, 2019а* – Пилипчук Я. В. Крымско-татарский фактор в истории Кабарды // Научный Татарстан. 2019. № 2. С. 5–23.
- Пилипчук, 2020* – Пилипчук Я. Добруджанская орда: дискуссионные вопросы // Калям. 2020. Вип. 9. С. 63–75.
- Пилипчук, 2020а* – Пилипчук Я. В. Крымские татары и княжества Центрально-Восточной Европы (1538–1713) // *Elmi İş*. 2020. № 8(57). S. 4–21.
- Пилипчук, Несин, 2016* – Пилипчук Я. В., Несин М. А. Великое Княжество Литовское и татары в период правления Александра Казимировича (1492–1506 гг.) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2016. Спец. вып. V: Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. II. С. 390–448 <<http://www.milhist.info/2016/04/21/pilipchuk-nesin>> (21. 04. 2016).
- Письма, 1904* – Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. СПб., 1904.
- Пичета, 1941* – История СССР. Том 1. Пичета В. И. (ред.). М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1941.
- ПКМГК, 1567–1572* – Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1567–1572 гг. / Отв. ред. М. М. Моисеев; подг. А. В. Малов, О. С. Смирнова; ст., комм. А. В. Виноградов, И. В. Зайцев, А. В. Малов, М. В. Моисеев. М., 2016.
- ПКМГК, 1571–1577* – Посольская книга по связям Московского государства с Крымом, 1571–1577 гг. / Отв. ред. И. В. Зайцев; подг. А. В. Малов, О. С. Смирнова; Г. А. Тарасова; ст., комм. А. В. Виноградов, И. В. Зайцев, О. С. Смирнова, В. Н. Сокуров; прил. А. И. Галенко, И. А. Мустакимов. М., 2016.
- Плетнева, 1982* – Плетнева С. А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982. 188 с.
- Плетнева, 1990* – Плетнева С. А. Половцы. М., 1990.
- Полехов, 2015* – Полехов С. В. Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М.: Индрик, 2015. 712 с., ил.
- Полехов, 2019* – Полехов С. В. Лугвень, Новгород и восточная политика Витовта (1411–1414) в свете малоизвестных источников Кёнигсбергского архива // Мсціслаў і Мсцілаўскі край: зб. нав. артыкулаў / уклад. А. А. Мяцельскі; рэдкал. В. В. Даніловіч [і інш.]. Мінск: Беларуская навука, 2019. С. 58–78. Приложение. № 1–2. С. 73–78.
- Полехов, Зайцев, 2019* – Полехов С. В., Зайцев И. В. Два послания Менгли-Гирея I киевскому воеводе Юрию Николаевичу Радивилу (1512–1513 гг.) // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. № 4. С. 720–732.
- Поликарпов, 1914* – Поликарпов Н. Н. Из дел Московского Отделения Общего Архива Главного Штаба. Письма кн. В. М. Долгорукова-Крымского кн. Г. А. Потемкину и др. / Предисл. Ф. Ф. Лашкова // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1914. Вып. 51.
- Пономарев, 2000* – Пономарев А. Л. Население и топография Каффы по данным бухгалтерской книги массарии – казначейства за 1381–1382 гг. // Причерноморье в Средние века. М.; СПб.: Алетей, 2000. Вып. 4. С. 391.
- Пономарев, 2005* – Пономарев А. Л. Путеводитель по рукописям массарии Каффы 1374 // Причерноморье в средние века. СПб., 2005. Вып. 6. С. 43–138.
- Пономарев, 2011* – Пономарев А. Л. «Солхатская война» и «император» Бек Булат // Золотоордынское наследие. 2011. Вып. 2. С. 18–21.

- Пономарев, 2013* – Пономарев А. Л. Крамольное золото генуэзской Каффы // Всероссийская 17-я нумизматическая конф., Пушино, 22–26 апр. 2013. М., 2013.
- Пономарев, 2013а* – Пономарев А. Л. Первые ханы Крыма: хронология смуты 1420-х годов в счетах генуэзского казначейства Кафы // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 158–190.
- Пономарев, 2013б* – Пономарев А. Л. Хан Крыма Бек-Суфи, его законные данги и Лже-Едигей // Нумизматические чтения 2013 года. Москва, 19–20 нояб. 2013 г.: матер. докл. и сообщ. / Гос. исторический музей. М.: Триумф принт, 2013. С. 76–84.
- Пономарев, 2014а* – Пономарев А. Л. Ибрагим, сын Махмудека: вхождение во власть и кошельки (1) // Золотоордынское обозрение. 2014. № 1. С. 128–162.
- Пономарев, 2014б* – Пономарев А. Л. Ибрагим, сын Махмудека: вхождение во власть и кошельки (2) // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2. С. 191–225.
- Пономарев, 2019* – Пономарев Л. Ю. Керченская церковь Иоанна Предтечи в генуэзский и османский период (краткий обзор источников по дискуссионным вопросам) // XX Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований»: матер. Междунар. науч. конф. Симферополь; Керчь, 2019. С. 470–478.
- Пономарьов, 2015* – Пономарьов О. М. Ногайський заколот 1758 року та сходження Крим-Гірея на ханський престол (за документами Архіву Коша Нової Запорозької Січі) // Архіви України. 2015. № 2. С. 157–168.
- Пономарьов, 2019* – Пономарьов О. М. Донесення запорозької розвідки про події у Кримському ханаті середини XVIII століття // Архіви України. 2019. № 2. С. 224–241.
- Посольская книга, 2003* – Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). М., 2003.
- Посольская книга, 2016* – Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. / Отв. ред. М. В. Моисеев. М.: Русские визиты, 2016.
- Посольская книга, 2016а* – Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1571–1577 гг. М.: Издат. дом Марджани, 2016.
- Посольские, 1995* – Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. Махачкала, 1995.
- Посольские, 2003* – Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством. 1672–1675 гг. / Сост. И. М. Рогожин, М. М. Батмаев. Элиста, 2003.
- Посольские, 2006* – Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг.: публикация текста / Сост. Д. А. Мустафина, В. В. Трепавлов. Казань, 2006.
- Посольские, 2018* – Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1561 – 1566 гг.: публикация текста / Сост. Д. А. Мустафина; предисл. В. В. Трепавлов. Казань, 2018.
- Посольство, 1928* – Посольство князя Мышецкого и дьяка Ивана Ключарева в Кахетию: 1640 – 1643 гг. Тифлис, 1928.
- Посольство, 1988* – Посольство Ивана Новосильцева в Турцию // Записки русских путешественников XVI – XVII вв. М., 1988.
- Потанин, 1883* – Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 г. по поручению имп. Русского географического общества. СПб., 1883. Вып. 4.
- Походная канцелярия, 2011* – Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафировова / подг. Т. А. Базарова, Ю. Б. Фомина; сост., вступ. ст., коммент. Т. А. Базаровой. СПб., 2011. Ч. 2. 454 с.
- Почекаев, 2016* – Почекаев Р. Ю. Нюансы посольского права в московско-крымских отношениях середины XVII в. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. 2016. Т. 2. № 4. С. 47–52.
- Почекаев, 2016а* – Почекаев Р. Ю. Чингизово право: правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии. Казань: Татарское книжное изд-во, 2016. 311 с.
- Почекаев, 2017* – Почекаев Р. Ю. Из вассалов в сюзерены. Российское государство и наследники Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2017.
- Почекаев, 2018* – Почекаев Р. Ю. Эволюция правового статуса российского дипломатического представительства в Крымском ханстве (1750-е – начало 1780-х гг.) // Крымское историческое обозрение. 2018. № 2. С. 70–86.
- Почекаев, 2019* – Почекаев Р. Ю. Особенности правового статуса представительниц ханского рода в татарских государствах XVI – XVII веков // Казанская царица Сююн-бике в истории народов России: сб. ст. М.: Квадрига, 2019. С. 111–119.
- Прицак, 2003* – Прицак Л. Основні міжнародні договори Богдана Хмельницького, 1648–1657 рр. Харків: Акта, 2003.

Правящая, 2006 – Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: очерки истории. СПб., 2006.

Приднев, 1997 – Приднев С. В. Турецкие бани в Евпатории // Археология Крыма. Симферополь, 1997. №1. С. 129–136.

Приймак, 2009 – Приймак Ю. В. Константинопольский трактат 1700 года и крымско-османороссийские противоречия в Северо-Восточном Причерноморье // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 3. С. 59–61.

Приймак, 2009а – Приймак Ю. В. Крымско-османороссийские противоречия в контексте обострения «калмыцкого», «ногайского» (кубанского) и «черкесского» вопросов 1722–1730 гг. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 8.

Приймак, 2011 – Приймак Ю. В. Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.). Армавир, 2011. 359 с.

Приселков, 1950 – Приселков М. Д. Троицкая летопись: реконструкция текста. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 517 с.

Присоединение Крыма к России, 2019 – Присоединение Крыма к России, 1783–1796: сб. док. / Сост. Н. Ю. Болотина. М.: Кучково поле, 2019.

Проблемы интеграции Крыма, 2017 – Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / Крымский федерал. ун-т им. В. И. Вернадского. Севастополь, 2017. 424 с.

Продолжение, 1801 – Продолжение древней российской вивлиофики. СПб., 1801. Ч. 11.

Прозоровский, 2004 – Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского / Российский фонд культуры. М., 2004.

Протоколы, 1897 – Протоколы заседаний Таврической ученой архивной комиссии // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 2-е изд. 1897. № 4.

Протоколы, 1899 – Протоколы заседаний Таврической ученой архивной комиссии // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1899. № 29. С. 91.

Прохоров, 2001 – Прохоров Д. А. Крымское ханство в контексте черноморской торговли (XV – XVIII вв.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2001. Вып. 8. С. 388–403

Прохоров, 2015 – Прохоров Д. А. Историко-архитектурные объекты и особенности застройки

городов Крымского полуострова в контексте истории караимов // МАИАСК / Ред.-сост. М. М. Чореф. Севастополь; Тюмень; Нижневартовск, 2015. С. 237–278.

Прохоров, Храпунов, 2013 – Прохоров Д., Храпунов Н. Краткая история Крыма. Симферополь: Доля, 2013.

ПСЗРИ, 1830 – Полное собрание законов Российской империи. Изд. 1-е. СПб., 1830.

ПСЗРИ, 1830 – Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. X. [1], 997 с.

ПСЗРИ, 1830а – Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб.: Тип. II отд. ЕИВ канцелярии, 1830. Т. XIX: 1770–1774. 1081 с.

ПСЗРИ, 1830б – Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отд. ЕИВ канцелярии, 1830. Т. XXI: 1781–1783. 1083 с.

ПСЗРИ, 1830в – Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. I.

ПСЗРИ, 1830г – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. II. 1676–1688. 973 + 2 с.

ПСЗРИ, 1830д – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. IV. 1700–1712. 881 + 3 с.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 1. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб., 1904; т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1959; т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968; т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М., 1978.

ПСРЛ, 1851 – Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. Э. Праца, 1851. Т. 5: Псковские и Софийские летописи. VI, 283 с.

ПСРЛ, 1853 – Полное собрание русских летописей. СПб., 1853. Т. 6: Софийские летописи. 360 с.

ПСРЛ, 1859 – Полное собрание русских летописей. СПб., 1859. Т. 8: Продолжение летописи по Воскресенскому списку. 303 с.

ПСРЛ, 1889 – Полное собрание русских летописей. СПб., 1889. Т. 16: Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. 5, 160, 69 с.

ПСРЛ, 1897 – Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1897. Т. 11: VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. 254 с.

ПСРЛ, 1901 – Полное собрание русских летописей. СПб., 1901. Т. 12: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. 266 с.

- ПСРЛ, 1904* – Полное собрание русских летописей. СПб., 1904. Т. 13. Ч. 1.
- ПСРЛ, 1906* – Полное собрание русских летописей. СПб., 1906. Т. 13. Ч. 2.
- ПСРЛ, 1910* – Полное собрание русских летописей. СПб., 1910. Т. 14.
- ПСРЛ, 1910* – Полное собрание русских летописей. СПб., 1910. Т. XIV. Ч. 1.
- ПСРЛ, 1910* – Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1910. Т. 20: Первая половина. Львовская летопись. Ч. 1. 418 с.
- ПСРЛ, 1921* – Полное собрание русских летописей. Пг.: 2-я Гос. тип., 1921. Т. 24: Типографская летопись. 272 с.
- ПСРЛ, 1949* – Полное собрание русских летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. 470 с.
- ПСРЛ, 1965* – Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1965. Т. 30: Владимирский летописец. 239 с.
- ПСРЛ, 1968* – Полное собрание русских летописей. М., 1968. Т. XXXI.
- ПСРЛ, 1975* – Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1975. Т. 32: Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. 235 с.
- ПСРЛ, 1980* – Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1980. Т. 35: Летописи белорусско-литовские. 306 с.
- ПСРЛ, 2000* – Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 13.
- ПСРЛ, 2000а* – Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 24.
- ПСРЛ, 2007* – Полное собрание русских летописей. Т. 18: Симеоновская летопись. М.: Знак, 2007. 328 с.
- Путеводитель, 1932* – Путеводитель. Крымгосиздат. Симферополь, 1932. С. 90.
- Путешествие, 1902* – Путешествие кавалера Шардена по Закавказью в 1672–1673 гг. Тифлис, 1902.
- Путешествие, 2006* – Путешествие г-на О. де ля Мотре по Европе, Азии и Африке; географические, исторические и политические исследования в Италии, Греции, Турции, в Тартарии (Крым) и т. д. / пер. Н. Н. Хлебко, Н. Ш. Шульгиной; предисл. И. И. Вдовиченко // Историческое наследие Крыма. 2006. № 12–13. С. 184–207.
- Путешествия, 1867* – Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке, с 1394 года по 1427 год / Пер. с нем. и прим. Ф. Брун // Записки имп. Новороссийского университета. Одесса, 1867. Т. 1. 157 с.
- Путешествия, 1954* – Путешествия русских послов XVI – XVII вв.: статейные списки. М.; Л., 1954.
- Пушкарев, 2009* – Пушкарев О. В. О второй монетной реформе крымского хана Шахин Герая. М.: Бета-Фрейм, 2009.
- Пушкарев, 2013* – Пушкарев О. В. О второй монетной реформе крымского хана Шахин Герая // Восточная нумизматика в Украине. Киев, 2013. Ч. III. С. 95–106.
- Рабби Азарья, 1856* – [Рабби-Азарья] События, случавшиеся в Крыму в царствование Шагин-Гирей-хана // Временник имп. Общества истории и древностей российских. 1856. Кн. 24. Отд. 2. С. 101–134.
- Радде, 1856–1857* – Радде Г. Крымские татары // Вестник имп. Русского географического общества. 1856–1857. Т. 18–19. 330 с.
- Радлов, 1896* – Радлов В. В. Образцы народной литературы северных тюркских племен. СПб., Тип. имп. АН, 1896. Ч. VII: Наречия Крымского полуострова. 408 с.
- Радочин, 2009* – Радочин В. Ю. Палеоантропологический материал из могильника позднесредневекового Боспора // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2009. Вып. XV. С. 481–500.
- Разрядная, 1966* – Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.
- Разрядная, 1976* – Разрядная книга 1550–1636 г. М., 1976.
- Разрядная, 1977* – Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. 1.
- Рамазанова, 2016* – Рамазанова У. Н. Рукописные и старопечатные Кораны в собрании Бахчисарайского музея-заповедника: каталог. Белгород: Константа, 2016.
- Раскопки в Бахчисарае, 1902* – Раскопки в Бахчисарае // Отчет Императорской Археологической комиссии за 1899 год. СПб., 1902. С. 37–38.
- Расовский, 2012* – Расовский Д. А. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии: исследования по истории кочевников Восточноевропейских степей. М., 2012. Т. I. С. 39–112. Серия «Материалы и исследования».
- Распоряжения, 1881* – Распоряжения светлейшего князя Григория Александровича Потемки-

на-Таврического касательно устройства Таврической области с 1781 по 1786 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. 1881. Т. 12.

Рахаев, 2008 – Рахаев Дж. Я. Кабарда в 20-е годы XVIII века: кризис легитимности и распад государства // Архивы и общество. № 4. 2008.

Рахимзянов, 2016 – Рахимзянов Б. Р. Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV – XVI вв. СПб.: Евразия, 2016.

Рашид-ад-Дин, 1960 – Рашид-ад-Дин. Сборник летописей / Перев. и примеч. Ю. П. Верховского, примеч. Б. И. Панкратова, ред. И. П. Петрушевского. М.: Л. 1960. Т. II.

Рева и др., 2009 – Рева Р. Ю., Казаров А. А., Клоков В. Б. Новые нумизматические данные для реконструкции истории Золотой Орды 817–819 гг. х. // Пятнадцатая всероссийская нумизматическая конф.: тез. докл. и сообщ. Ростов-на-Дону, 20–25 апр. 2009. М., 2009. С. 78–80.

Рева и др., 2018 – Рева Р. Ю., Леонов Б. И. Бикбазарская монета с именем Идегея и вопрос о локализации монетного двора «Бик-Базар» // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2018 года. Москва, 27 и 28 нояб. 2018 года: матер. докл. и сообщ.: К 100-летию отдела нумизматики Гос. исторического музея. М., 2018. С. 78–83.

Рева, 2005 – Рева Р. Ю. Монеты хана Дервиша // Труды II Международной нумизматической конф. «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII – XV веков». Муром, 6–12 апр. 2003. М., 2005. С. 159–164.

Редкие, 1977 – Редкие источники по истории России / Сост. З. Н. Бочкарева, М. Е. Бычкова; Под ред. А. А. Новосельского и Л. Н. Пушкарева. М., 1977. 186 с.

Реестр, 1893 – Реестр по делам Крымского двора с 1474 по 1779 г., учиненный Н. Н. Бантыш-Камеским в 1808 г. / предисл. Ф. Ф. Лашкова. Симферополь, 1893.

Резюме, 2002 – Резюме «Истории» Тохта Бая / Транск., пер. Н. Сейитяхья // Научный бюллетень / НИЦ Крымского инж.-пед ун-та. 2002. № 2. С. 3–8.

Реммаль Ходжа, 2019 – Реммаль Ходжа. Хроника «Тарих-и Сахиб Герай хан» («История о хане Сахиб Герае»). Ч. 4 / Пер. Р. Абдулджемилев // Крымское историческое обозрение. 2019. № 2. С. 203–233.

Ретовский, 1889 – Ретовский О. Монеты Гази-Герая Хана II, бен Девлет // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1889. № 8.

Ретовский, 1893 – Ретовский О. Ф. К нумизматике Гиреев (с 4 таблицами) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1893. № 18. С. 73–118, IV табл.

Ретовский, 1893a – Ретовский О. Ф. К нумизматике Гиреев. V. Монеты Менги-Герая I. Первое дополнение (с рисунком) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1893. № 19. С. 79–89

Ретовский, 1897 – Ретовский О. Генуэзско-татарские монеты города Каффы (с 4 таблицами) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1897. № 27. С. 49–104.

Решидов, 1939 – Решидов К. Тогъайбей акъкында поэма // Къызыл Къырым. 1939. 24 апр.

Риза, 1832 – Риза Сейид Мухаммед. Ассеб ос-сейяр, или Семь планет, содержащий историю крымских ханов. Казань, 1832.

Риза, 2019 – Риза Сейид-Мухаммед. Семь планет в известиях о царях татарских. Книга 1: Транслитерация / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ; предисл., транслит., подг. Р. Р. Абдужемилев. Казань, 2019. 364 с.

Рогожин, 1990 – Рогожин Н. М. Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV – начало XVIII в.). М., 1990.

Рогожин, 1994 – Рогожин Н. М. Посольские книги России конца XV – XVII вв. М., 1994.

Рогожин, 1999 – Рогожин Н. М. Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в РГАДА М., 1999.

Рогожин, 2003 – Рогожин Н. М. Посольский приказ: колыбель российской дипломатии. М., 2003.

Родословная, 2011 – Родословная книга по списку князя М. А. Оболенского // Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С. 10–226.

Розыскные дела, 1888 – Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 3. СПб., 1888. VIII с.+1472 стб.

Романова, 1986 – Романова Г. П. Демографический анализ палеоантропологических материалов могильника Лебеди III // Археологические открытия на новостройках // Материалы работ Северокавказской экспедиции. М., 1986. Вып. I: Древности Северного Кавказа / Отв. ред. И. С. Каменецкий.

Ромм, 1941 – Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 году / Пер., вступ. ст., прим. К. И. Раткевич. Л., 1941.

Российско-северокавказские..., 2011 – Российско-северокавказские отношения в XVIII веке: сб.

док. / Сост., предисл., комм. И. И. Якубова. Нальчик, 2011.

Ростунов и др., 1987 – Ростунов И. И., Авдеев В. А., Осипова М. Н., Соколов Ю. Ф. История Северной войны, 1700–1721 гг. М., 1987.

Рубан, 1773 – Рубан В. Поход боярина и большого полка воеводы Алексея Семеновича Шейна к Азову. СПб., 1773.

Руев, 2008 – Руев В. Л. К вопросу о применении турками военной хитрости в период осады Мангупа в 1475 г. // Культура народов Причерноморья. 2008. № 128. С. 127–131.

Руев, 2013 – Руев В. Л. Захват Солдайи турками в 1475 г. // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. 2013. Т. 26(65), №2. С. 141–151.

Руев, 2014 – Руев В. Л. Турецкое вторжение в Крым в 1475 г. Симферополь, 2014. 308 с.

Руев, 2011 – Руев В. Л. Османський експедиційний корпус у захопленні Криму у 1475 р. // Гілея: наук. вісник: зб. наук. пр. Київ, 2011. Вип. 50(8). С. 19–24.

Румянцев, 1953 – Румянцев П. А. Сборник документов и материалов / под ред. П. К. Фортунатова. М.: Военное изд-во, 1953. Т. 2: 1768–1775. 864 с.

Румянцев, 1959 – Румянцев П. А. Сборник документов. М.: Воениздат, 1959. Т. 3: 1775–1796. 656 с.

Русина, 1998 – Русина О. В. Україна під татарами і Литвою. Київ: Альтернативи, 1998.

Русская, 1898 – Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб., 1898. Т. 18: Донские дела. Кн. 1.

Руссо, 2016 – Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения / Пер. с франц. С. В. Занина, В. В. Некрасова. СПб., 2013.

Рустемов, 2013 – Рустемов О. Д. Внутренняя стилистика бахчисарайских сиджильей // Сходознавство. Київ, 2013. № 64. С. 108 – 116.

Рустемов, 2013a – Рустемов О. Д. Источники по изучению становления официально-делового стиля крымскотатарского языка эпохи Крымского Ханства // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Филология. 2013. Т. 2 (65). № 2. С. 232–238.

Рустемов, 2014 – Рустемов О. Д. Вопросы стилистических соответствий при переводе текстов судебных решений бахчисарайского сакка на русский язык. // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Филология. 2014. Т. 27(66). № 3. С. 181–187.

Рустемов, 2015 – Рустемов О. Д. Актуальные вопросы лингвокультурного анализа судебных книг Крымского Ханства XVII – XVIII вв. // Мова: науково-теоретичний часопис з мовознавства / Одеський нац. ун-т ім. І. І. Мечникова. Одеса, 2015. № 24. С. 136–145.

Рустемов, 2015a – Рустемов О. Д. Крымские сиджили XVII – XVIII вв.: жанровая структура юридического документа «хукм». // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13: «Востоковедение. Африканистика». 2015. Вып. 1.

Рустемов, 2015b – Рустемов О. Д. Образцы судебных решений (хукем) из судебных сборников Крымского ханства: особенности структуры и стиля // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13: «Востоковедение. Африканистика». 2015. Вып. 1.

Рустемов, 2015в – Рустемов О. Д. Словесные портреты и описания людей в крымских судебных книгах XVII – XVIII вв. // Золотоордынское обозрение. 2015. № 2. С. 37–42.

Рустемов, 2015г – Рустемов О. Д. Языковые параллели русского и крымскотатарского делового письма в юридических документах XVI – XVII вв. // Восток. 2015. № 4. С. 168–175.

Рустемов, 2016a – Рустемов О. Д. Лингвистическая составляющая в идентификации сословных титулов, званий, должностей населения Крымского ханства по материалам судебных реестров судов шариата XVII – XVIII вв. // Ученые записки Крымского федерального университета. Исторические науки. 2016. Т. 2(68). № 4. С. 63–79.

Рустемов, 2016b – Рустемов О. Д. Проблемы в изучении крымских судебных реестров XVII–XVIII вв. // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 3. С. 602–615.

Рустемов, 2016в – Рустемов О. Д. Судебные реестры бахчисарайского кадылыка XVII–XIX вв.: язык и структура документов «Кысмет-и меварис» («Доля наследников») // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 4. С. 814–831.

Рустемов, 2017a – Рустемов О. Кадискерские книги Крымского ханства: исследования, тексты и переводы. Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2017. 280 с.

Рустемов, 2017b – Рустемов О. Д. Лингвокультурологический феномен крымских ханских ярлыков на фоне языковой ситуации в Крымском ханстве XV – XVIII вв. // Лінгвістика. Лінгвокультурологія. 2017. № 11.

- Рустемов, 2017в* – Рустемов О. Топонимы Крыма в судебных реестрах XVII – XVIII вв. и вопрос о племенном составе крымских тюрок // Крымское историческое обозрение. 2017. № 1. С. 131–158.
- Русь, 2016* – Русь «після Русі»: між короною і булавою: українські землі від королівства Русі до Війська Запорозького / В. М. Горобець, М. М. Волощук, А. Г. Плахонін, Б. В. Черкас, К. Ю. Галушко. Харків, 2016. 352 с.
- РФА, 1986* – Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века / Ин-т истории СССР АН СССР; Подг. А. И. Плигузова, Г. В. Семенченко, Л. Ф. Кузьминой. Предисл. А. И. Плигузова; Под ред. В. И. Буганова. М., 1986. 219 с.
- Рыбаков, 1974* – Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV – начало XVI века. М., 1974.
- Рыбалкин, 1984* – Рыбалкин В. С. Собрание арабских рукописей Центральной научной библиотеки (ЦНБ) АН УССР // Письменные памятники Востока, 1976–1977. М., 1984.
- Рыбалкин, 2001* – Рыбалкин В. Религиозно-правовое регулирование собственности в исламе: вакф // Сходознавство. Киев, 2001. № 15.
- Рябов, 1992* – Рябов С. И. Донская земля в XVII веке. Волгоград, 1992. 224 с.
- Сабилов, 1990* – Ханнунъ табиби. Р. Сабилов, фармацевтика илими намзети. Озбекистанда чыкъкъан «Фан ва турмуш» журналындан // Ленин байрагы. 1990. Июль. С. 4.
- Савелов, 1906* – Савелов Л. М. Из истории сношений Москвы с Крымом при царе Михаиле Федоровиче; посольство С. И. Тарбеева в Крым в 1626 – 1628 гг. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1906. Т. 39. С. 1–105.
- Савельев 1857* – Савельев П. С. Монеты джучидов, джагатаидов, джелаиридов, и другие, обращавшиеся в Золотой орде в эпоху Тохтамыша: монография. СПб., 1857. Вып. 1
- Садиков, 1947* – Садиков П. А. Поход татар и тюрок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. 1947. Т. 22.
- Сайар, 1973* – Сайар Джемшид. Опис на персийските ръкописи в Народната библиотека Кирилл и Методий. София, 1973.
- Саид, 2006* – Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока Востока / Пер. с англ. А. В. Говорунова. М., 2006.
- Сакович, 1858* – Сакович П. Исторический обзор деятельности графа Румянцева-Задунайского и его сотрудников: князя Прозоровского, Суворова и Бринкаса 1775 по 1780 год // Русская беседа. 1858. Кн. 12.
- Саламова, 2007* – Саламова Н. А. Кавказ и Причерноморье в русско-турецких отношениях: от Каспийского похода Петра I до присоединения Крыма к России (1722–1783 гг.). Дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 2007.
- Самойлович, 1910* – Самойлович А. Новое о туркменах // Живая старина. 1910. Вып. III.
- Самойлович, 1913* – Самойлович А. Н. Предварительное сообщение о новом списке сокращения «Семи планет» Мухаммеда Ризы // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1913. № 49.
- Самойлович, 1913а* – Самойлович А. Н. Бахчисарайский певец, поэт, летописец и метеоролог Хабибулла-Керем // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1913. № 50.
- Самойлович, 1917* – Самойлович А. Н. Тийишь (тишь) и другие термины крымско-татарских ярлыков // Известия российской академии наук. Сер. 6, 1917. Т. 6, № 15. С. 1277–1278.
- Самойлович, 1932* – Самойлович А. Н. Некоторые данные о пчеловодстве в Крыму в XIV–XVII веках // Записки Института востоковедения АН СССР. 1932. Т. 1. С. 123–128.
- Самойлович, 2005* – Самойлович А. Н. Пережиток рабства у степных татар // Крымские татары: хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре. Симферополь: Доля, 2005.
- Санин, 1978* – Санин Г. А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987.
- Санин, 1987* – Санин Г. А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М.: Наука, 1987.
- Санин, 1993* – Санин Г. А. Некоторые проблемы истории Крымского ханства в XVII в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1993. Вып. III. С. 222–228.
- Санин, 1993а* – Санин О. Г. Антисултанская борьба в Крыму в начале XVIII в. и ее влияние на русско-крымские отношения // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1993. Вып. III. С. 275–279.
- Санин, 1996* – Санин О. Г. Отношения России и Украины с Крымским ханством в первой четверти XVIII в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. 454 с.
- Санин, 2000* – Санин О. Г. Крымское ханство в Русско-турецкой войне 1710–1711 гг. // Москва – Крым: ист.-публ. альманах. М., 2000. Вып. 2. С. 76–87.

- Санин, 2001* – Санин Г. А. Порты, Крым и страны Восточной Европы в 50–60-х гг. XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. II / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 2001. С. 29–76. (Серия: «Памятники исторической мысли»).
- Санин, 2005* – Санин О. Г. Статейный список В. Блэклого о дипломатической миссии в Крымское ханство (май – июнь 1709 г.) // Вестник архивиста. 2005. № 5–6. С. 269–283.
- Санин, 2009* – Санин О. Г. Россия и Крымское ханство накануне Полтавской битвы // Северная война и Приднестровье: история и современность. Тирасполь, 2009. С. 18–29.
- Санин, 2013* – Санин О. Г. Набеги Крымских татар на Россию и Украину в контексте внешней политики России 1-й четверти XVIII века // Крым: илл. ист.-краев. альманах. М., 2013. Вып. 2. С. 184–215.
- Сапожников, 2007* – Сапожников І. В. Запорозці в Очаківській області та Україні Ханській під час «кримської протекції» (1711–1734 роки) // Записки Науково-дослідної лабораторії історії Південної України ЗДУ: Південна Україна XVIII – XIX століття. Запоріжжя: ТанDEM-У, 2003. Вип. 7. С. 240–244.
- Сариев, 2015* – Сариев, В. Каталог монет последнего крымского хана Шахин-Герая (1777–1783). Одесса, 2015.
- Сас, 2011* – Сас П. М. Хотинська війна 1621 року / Ін-т історії України НАН України. Київ, 2011. 520 с.
- Сас, 2014* – Сас П. Шлях армії султана Османа II до Хотина 1621 р. // Україна в Центрально-Східній Європі. 2014. Вип. 14. С. 56–70.
- Сафонов, 1840* – Сафонов С. В. Описание пребывания императорской фамилии в Крыму в сентябре 1837 года. Одесса: Гор. тип., 1840.
- Сборник РИО, 1880* – Сборник имп. Русского исторического общества. СПб., 1880. Т. XXVII. 600 с.
- Сборник РИО, 1882* – Сборник Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Ч. 1: 1487–1533 гг.
- Сборник РИО, 1884* – Сборник имп. Русского исторического общества. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1884. Т. 41: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. Ч. 1: С 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России.
- Сборник РИО, 1885* – Сборник имп. Русского исторического общества. 1885. Т. XLVIII. 660 с.
- Сборник РИО, 1886* – Сборник имп. Русского исторического общества. 534 с. Т. LI. 1886.
- Сборник РИО, 1887* – Сборник имп. Русского исторического общества. 1887. 574 с. Т. LVII.
- Сборник РИО, 1889* – Сборник имп. Русского исторического общества. СПб, 1889. Т. 66: Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 1728 по 1733 год.
- Сборник РИО, 1895* – Сборник Имп. Русского исторического общества. СПб, 1895. Т. 95: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Ногаями и Турцией. Ч. 2: 1508–1521.
- Сборник, 1879* – Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.
- Сборник, 1881* – Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма / Подг. В. Д. Смирнов. СПб., 1881.
- Сванидзе, 1985* – Сванидзе М. Х. Из хронологии Вахушти Багратиони (Первое вторжение турок на Черноморское побережье Грузии) // Источниковедческие изыскания, 1982. Тбилиси: Мецниереба, 1985. С. 107–111.
- Сванидзе, 1989* – Сванидзе М. Х. Османские дефтеры (переписи) // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. М., 1989. Вып. 1. С. 159–172.
- Светличный, 2013* – Светличный В. Краткий очерк истории российского дипломатического представительства в Крымском ханстве // Международная жизнь. 2013. № 12. С. 165–174.
- Свешников, 1992* – Свешников І. К. Битва під Берестечком. Львів: Слово, 1992.
- Свиньин, 1827* – Свиньин П. Бакчисарайский дворец (Из Путевых записок издателя От. Зап. 1825 года) // Отечественные записки. 1827. № 81. Янв.
- Свод, 2010* – Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV – XV вв.) / Сост., пер., введ. и прим. Т. Э. Саргсян. Симферополь: Сонат, 2010. 312 с.
- Свод, 2016a* – Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Т. I. Бахчисарай. Симферополь, 2016. 168 с.
- Свод, 2016b* – Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Т. II. Бахчисарайский район. Симферополь, 2016. 183 с.
- Свод, 2018* – Свод памятников истории, архитек-

туры и культуры крымских татар. Т. III. Симферополь. Симферополь, 2018. 392 с.

Святнюк, 2017 – Святнюк К. Литовско-польские упоминки Крымскому ханству в 1500–1540 гг.: к проблеме изучения механизма выплат // *Colloquia Russica. Ser. I. Краков, 2017. Vol. 7: Русь и мир кочевников (вторая половина IX – XVI вв.). С. 379–384.*

Северова, 1994 – Северова М. Б. Об имени золотоордынского хана на монетах Крыма 822 и 823 гг. хиджры (1419, 1420 гг. н. э.) // Вторая Всероссийская нумизматическая конф. 6–8 апр. 1994 г.: тез. докл. СПб., 1994. С. 98–100.

Севортыан, 1980 – Севортыан Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г», «Д». М., 1980.

Сегюр де Л., 1997 – Сегюр де Л. «Путь на пользу»: путешествие Екатерины II в Крым // Крымский альбом / Сост., Д. Лосев. Феодосия; М.: Коктебель, 1997.

Сейдалиев, 2014 – Сейдалиев Э. Мусульманские культовые памятники Крыма периода Золотой Орды. Современное состояние проблемы // Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия в Крыму / Ред. А. Исмаилов, Э. Муратова, С. Эминова. Симферополь, СПД Музафаров Г. Н., 2014.

Сейдалиев, Халилова, 2014 – Сейдалиев Э. И., Халилова Д. Э. Сельджукские мотивы в орнаменте Бахчисарайских дюрбе // Крымское историческое обозрение. Казань–Бахчисарай, 2014.

Сейдалиев, 2016 – Сейдалиев Э. И. К вопросу о «Мечети Менгли Гирея» в Салачике: источники, перспективы исследования и реставрации // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 266 – 270.

Сейдалиев, Сейдалиева, 2017 – Сейдалиев Э. И., Сейдалиева Д. Э. Мавзолей Эски-Дюрбе в Бахчисарае: проблемы изучения, хронологии и реставрации // Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии // XIII Фаисхановские чтения: матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 4–6 мая 2016 г.). М.: Медина, 2017.

Сейдалиев, 2018 – Сейдалиев Э. И. Разведки на месте предполагаемого местонахождения дворца калги-султана в Симферополе // История и археология Крыма. Симферополь, 2018. Вып. VIII. С. 110–113.

Сейдалиев, Кадыров, 2018 – Сейдалиев Э. И.,

Кадыров Р. Р. Седентеризация традиционного кочевого населения Крымского ханства в контексте историко-археологического изучения // *Genesis: исторические исследования. 2018. № 10. С. 7–13.*

Сейдалиев и др., 2018 – Сейдалиев Э. И., Нарожный Е. И., Соков П. В. Охранно-спасательные исследования на поселении Кош-Кую (предварительные итоги) // История и археология Крыма. сб. ст. / Отв. ред. В. В. Майко. Севастополь: Колорит, 2018. Вып. VIII.

Сейдаметов, Муйдинова, 2019 – Сейдаметов Э. Х., Муйдинова Ф. А. Из истории реставрации Хан-Джами в г. Евпатории // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2019. № 1.

Сейтиягья, 2003 – Сейтиягья Нариман. «Тарих», «Теварих»... Краткий обзор истории изучения крымтатарских исторических сочинений // *Qasevet. 2003. № 2(30). С. 12–17.*

Сейтияхья, 2004 – Сейтияхья, Н. Къырым диван эдебиятынынъ муэллифлери ве эсас хусусиетлери: умумий бакъыш // *Йылдыз. 2004. № 4. С. 65–105.*

Сейтияхья, 2004a – Сейтияхья Н. Къырым диван эдебиятынынъ муэллифлери ве эсас хусусиетлери : умумий бакъыш. Иляве // *Йылдыз. 2004. № 5. С. 83–108.*

Сейт-Маметов, 2013 – Сейт-Маметов Ш. Э. Переписка крымских беев с турецким правительством как источник по истории Крымского ханства (по материалам архива Торкарі) // *Праці Центру пам'яткознавства: / УТОПК. Київ, 2013. Вып. 23. С. 206–215.*

Сейт-Маметов, 2014 – Сейт-Маметов Ш. Э. Акдес Нимет Курат – исследователь источников по истории Крымского ханства в османских архивах // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Филология. 2014. Т. 27(66). № 1.

Сейтяг'яев, 2005 – Сейтяг'яев Н. С. Исторична проза в кримськотатарській літературі XV–XVIII ст. Київ, 2005.

Сейтяг'яев, 2008 – Сейтяг'яев Н. С. Короткий нарис історії кримської придворної літератури (XV – XVIII ст.) // *Агора: перспективи соціального розвитку регіонів. Київ: Стило, 2008. Вип. 7.*

Сейтяг'яев, 2009 – Сейтяг'яев Н. С. Исторична проза в кримськотатарській літературі XV – XVIII ст. Київ, 2005.

Сейтяг'яев, 2017 – Сейтяг'яев Н. С. Новый рукопис «Історії Челебі Акая» // *Слово і час. 2017. № 1.*

Сейтягьяев, 2003 – Сейтягьяев Н. Происхождение Сейида Мухаммеда Ризы. (К вопросу о месте

его «Семи планет» среди произведений крымской исторической прозы XVIII века) // Культура народов Причерноморья. 2003. № 44 С. 35–41.

Сейтягьяев, 2005 – Сейтягьяев Н. Художественный мир произведений крымскотатарской исторической прозы XV – XVIII вв. // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Филология. 2005. Т. 18(57). № 3. С. 171–178

Сейтягьяев, 2009 – Сейтягьяев Н. С. Крымскотатарская историческая проза XV – XVIII вв. Симферополь, 2009. 203 с

Сейтягьяев, 2005 – Сейтягьяев, Н. С. Художественный мир произведений крымскотатарской исторической прозы XV – XVIII вв. // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Филология. 2005. Т. 18(57). № 3. С. 171–178.

Сейтягьяев, 2009 – Сейтягьяев Н. С. Крымскотатарская историческая проза XV – XVIII вв. Симферополь, 2009. 204 с.

Сейтягьяев, 2011 – Сейтягьяев Н. С. В. Вернадский адына миллий ильмий китапханенинъ эльязма болюгинде булунган кырымтатар ве тюрк тарихлары, тиллери ве эдебиятлары боюнджа мальземелер // Труды НИЦ крымскотатарского языка и литературы КИПУ. Симферополь, 2011. Т. 1.

Сейтягьяев, 2011а – Сейтягьяев Н. С. Штрихи к творческой биографии крымского автора середины XVIII в. Хурреми Челеби Акая (в свете сведений «Истории» Саид Гирая) // Культура народов Причерноморья. 2011. № 202. С. 176–179.

Сейтягьяев, 2011б – Сейтягьяев Н. С. Новые сведения об «Истории крымских ханов» Хурреми Челеби Акая // Культура народов Причерноморья. 2011. № 211.

Сейтягьяев, 2012 – Сейтягьяев Н. С. Особенности петербургского и киевского списков исторического произведения Хурреми Челеби Акая: текстологический аспект // Культура народов Причерноморья. 2012. № 237.

Сейтягьяев, 2012а – Сейтягьяев Н. С. Особенности кайрского списка исторического произведения Хурреми Челеби Акая: текстологический аспект / Н. С. Сейтягьяев // Культура народов Причерноморья. 2012. № 238.

Сейтягьяев, 2012б – Сейтягьяев Н. С. Особенности бахчисарайской рукописи сочинения Хурреми Челеби Акая: текстологический аспект // Культура народов Причерноморья. 2012. № 239.

Сейтягьяев, 2012в – Сейтягьяев Н. С. Изучение литературного наследия Хурреми Челеби в досоветский период // Культура народов Причерноморья. 2012. № 240.

Сейтягьяев, 2012г – Сейтягьяев Н. С. Изучение литературного наследия Хурреми Челеби в 1920-х – первом десятилетии 2000-х гг. // Культура народов Причерноморья. 2012. № 242.

Сейтягьяев, 2013 – Сейтягьяев Н. С. Ученый из Карасу Абдульгаффар Кырыми и его историческое сочинение // Мир Бекира Чобан-заде: сб. матер. I Крымской междунар. конф. Белогорск (Карасубазар). 23–25 мая 2012 г. Симферополь, 2013. С. 222–242.

Селезнев, 2010 – Селезнев Ю. В. Деятельность хана Джелаль-ад-дина в контексте международных отношений эпохи Грюнвальдской битвы // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Петербургские славянские и балканские исследования. СПб., 2010. № 2. С. 46–52.

Селеф-наме, 1866 – Селеф-наме (21 Джумада II, 1283 г. х.) // Ялтинский историко-литературный музей, фонды, № 12157.

Селеф-наме, 1881 – Селеф-наме сапожников (سلف ديکچيا) 1881 Рукопись. // Архив БИКАМЗ. Кп. 11028–417.

Семенова, 1972 – Семенова Л. Е. Некоторые аспекты международного положения Молдавии во второй половине XV в. // Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев. 1972. Вып. 1. С. 207–234.

Семенова, 1987 – Семенова Л. Е. Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV – начало XIX вв.). Кишинев. 464 с.

Семенова, 2006 – Семенова Л. Е. Княжества Валахия и Молдавия, конец XIV – начало XIX вв.: очерки внешнеполитической истории. М. 2006. 400 с.

Сенаи, 1998 – Сенаи, Кырымлы Хаджи Мехмед. Книга походов: история хана Ислям Гирая Третьего / Пер. с осман.-тур. К. Конгурат. Симферополь, 1998. 72 с.

Сень, 2002 – Сень Д. В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). Краснодар: Кубанькино, 2002.

Сень, 2006а – Сень Д. В. Казаки Крымского ханства: малоизученные аспекты расселения (конец XVII в. 1770-е гг.) // Сборник Русского исторического общества. 2006. Т. 10. С. 167–174.

Сень, 2006б – Сень Д. В. Казаки Крымского ханства: от первых вагаг к казачьему войску (Некоторые дискуссионные аспекты оценки роли крымско-османского государственного фактора в становлении и развитии кубанского казачества) // Казачество России: прошлое и настоящее: сб. науч. ст. Ростов-на-Дону, 2006. С. 169–187.

Сень, 2008а – Сень Д. В. Казачество Кубани в конце XVII в.: новые свидетельства об участии в кампаниях Крымского ханства и турецкого Азова // Полиэтнический макрорегион: язык, культура, политика, экономика: тез. Всерос. науч. конф. (9–10 окт. 2008 г.). Ростов-на-Дону, 2008. С. 278–281.

Сень, 2008б – Сень Д. В. Крымское ханство и казачество в последней четверти XVII – начале XVIII века: отношения в контексте международной политики (на примере донских и запорожских казаков) // 350 – lecie Unii Hadziackiej (1658 – 2008) / Red. T. Chynczewska-Hennel, P. Kroll, M. Nagielski. Warszawa, 2008. С. 531–550.

Сень, 2008в – Сень Д. В. Начальный этап адаптации донских казаков на территории Крымского ханства (1708–1712 гг.) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2008. № 4. С. 78–83.

Сень, 2009 – Сень Д. В. Донское казачество после Бахчисарайского договора 1681 г.: некоторые аспекты политического положения // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. Запоріжжя, 2009. Вип. XXVI. С. 138–142.

Сень, 2009а – Сень Д. В. Казаки Крымского ханства в начальный период своей истории (1690-е гг. начало XVIII в.) // Липоване. История и культура русских старообрядцев. 2009. Вып. VI. С. 13–26.

Сень, 2009б – Сень Д. В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. начало XVIII в.). Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2009.

Сень, 2009в – Сень Д. В. Отношения булавинцев с Крымским ханством и кубанскими казаками, XVII – XVIII вв. // Вопросы истории. 2009. № 4. С. 89–96.

Сень, 2010 – Сень Д. В. Православие на территории Крымского ханства: Кубань в системе старообрядческих центров (конец XVII – XVIII вв.) // Конфессиональное пространство Северного Кавказа (конец XVIII в. начало XXI в.): Матер. круглого стола (г. Краснодар, 17 мая 2010 г.). Краснодар: Вика-Принт, 2010. С. 115–136.

Сень, 2010а – Сень Д. В. Донское казачество и османский Азов: проблемы пограничного сотрудничества и «обмена» населением (вторая половина XVII в.) // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы России (Ростов-на-Дону, 28–29 сентября 2010 г.): тез. Всерос. конф. Ростов-на-ДонуД., 2010. С. 250–254.

Сень, 2010б – Сень Д. В. Кубанское (ханское) казачье войско. Актуальные проблемы истории казачества на территории Крымского ханства (XVIII в.) // Средневековые тюрко-татарские государства: сб. ст. Казань, 2010. Вып. 2. С. 216–236.

Сень, 2010в – Сень Д. В. Казаки-перелеты // Родина. 2010. № 3. С. 63–65.

Сень, 2010д – Сень Д. Отношения донского казачества с Крымским ханством в начале XVIII в. // Україна крізь віки: зб. наук. праць на пошану академіка НАН України, професора Валерія Смоля / Ін-т історії України НАН України. Київ, 2010. С. 536–556.

Сень, 2011а – Сень Д. В. Из «вольных» казаков – в подданные крымских ханов: казачьи сообщества Дона и Кавказа в конце XVII – начале XVIII вв. // Восток. 2011. № 5. С. 46–54.

Сень, 2011б – Сень Д. В. Казаки Крымского ханства: начальный этап складывания войсковой организации и освоения пространства (1690-е гг. начало XVIII в.) // Тюркологический сборник, 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье / Ред. кол. С. Г. Кляшторный и др. М., 2011. С. 289–320.

Сень, 2012 – Сень Д. В. Управленческие практики Российской империи в Северном Причерноморье и судьба Крымского ханства: проблемы историографии // Национальная политика и модернизация системы управления на юге России: исторический опыт и современные вызовы: матер. Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 27–28 сентября 2012 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 130–137.

Сень, 2012а – Сень Д. В. Верность, вера и война: начало жизни и служения казаков-некрасовцев на Кубани // Казарла. 2012. № 4(12). С. 10–18.

Сень, 2012б – Сень Д. В. Казаки-некрасовцы в Крымском ханстве: актуальные вопросы изучения // Казаки-некрасовцы: язык, история, культура. сб. науч. ст. / Отв. ред. Г. Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 226–243.

Сень, 2013 – Сень Д. В. Дипломатические отно-

- шения Крымского ханства и Войска Донского: переписка Гиреев с агаманом С. Т. Разиным // Средневековые тюрко-татарские государства: сб. ст. Казань, 2013. Вып. 5: Вопросы источниковедения и историография истории средневековых тюрко-татарских государств. С. 90–98.
- Сень, 2014* – Сень Д. В. Османская империя и Крымское ханство во второй половине XVII в. начале XVIII в.: управление пограничными процессами и характер взаимоотношений // Границы и пограничье в южнороссийской истории: матер. Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сент. 2014 г.). Ростов-на-Дону, 2014. С. 512–522.
- Сень, 2015a* – Сень Д. В. Донское казачество в военно-политической истории Крымского ханства (XVII век) // Крым в войнах России: матер. Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 19–21 окт. 2015 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. С. 61–66.
- Сень, 2015b* – Сень Д. В. «По приказу превысокова хана дан сей указ»: Крымское ханство и казачество // История: факты и символы. 2015. №3(2). С. 72–89.
- Сень, 2016* – Сень Д. В. Азовские походы и их последствия в истории Крымского ханства: Рубеж XVII–XVIII вв. (на примере ногайской Кубани) // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему: Матер. Второй междунар. науч.-практ. конф. (г. Черкесск, 12–13 окт. 2016 г.). Черкесск, 2016. С. 87–92.
- Сень, 2016a* – Сень Д. В. Биографические данные об элитах Крымского ханства: проблемы источниковедческого изучения (случай султана Бахты-Гирея) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. 2016. Т. 2(68). № 4. С. 105–117.
- Сень, 2016b* – Сень Д. В. Международное положение Османской империи и эволюция крымско-османских отношений на рубеже XVII–XVIII вв. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2016. № 2(191). С. 54–59.
- Сень, 2017* – Сень Д. В. Информационное пространство Булавинского выступления и повстанческая переписка 1708 г. с Кубанью // Казачество России в бунтах, смутах и революциях (к столетию событий 1917 года): матер. Всерос. науч. конф. / отв. ред. Г. Г. Матишов. Ростов н/Д., 2017. С. 89–97.
- Сень, 2018* – Сень Д. В. Донское казачество и османский Азов: культура пограничных отношений в условиях вынужденного соседства // Казачество в тюркском и славянском мирах: колл. монография / Отв. ред. В. В. Грибовский, В. В. Трепавлов. Казань, 2018. С. 225–235.
- Сень, 2018a* – Сень Д. В. Крымское ханство в конце XVII – начале XVIII века: внешняя и внутренняя политика в условиях новых исторических «вызовов» // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2018. №3(198). С. 88–95.
- Сень, 2019* – Сень Д. В. Взаимоотношения калмыков и кубанского султана Бахты-Гирея: тактика и стратегия пограничного сотрудничества (середина – вторая половина 1720-х гг.) // Magna adsurgit: historia studiorum. Великая степь: исторические исследования. 2019. № 1. С. 3–38.
- Сень, 2019a* – Сень Д. В. Русско-крымские отношения в условиях нового «пограничного порядка» (конец XVII – начало XVIII вв.) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М.: Изд-во Московского ун-та, 2019. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова: матер. к Междунар. науч. конф. Москва, 21–22 нояб. 2019 г. С. 655–659.
- Сень, 2019b* – Сень Д. В. Толмачи и переводчики в деятельности воеводской администрации Азова (конец XVII – начало XVIII вв.) // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетий: матер. Междунар. науч. конф. (г. Москва, 12–13 сент. 2019 г.). М., 2019. С. 134–143.
- Сень, 2020* – Сень Д. В. Кубанский султан Бахты-Гирей: историческое пространство индивидуальной биографии и его реконструкция // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: матер. XXXIII Междунар. науч. конф. / ИВИ РАН. М., 2020. С. 355–358.
- Сергеев, 1913* – Сергеев А. А. Наказ, данный отправленным в Крым посланникам Амбросию Лодыженскому и подьячему Петру Данилову, с объявлением об избрании на Российское царство государя Михаила Федоровича. С отписками их и статейным списком бытности их в Крыму // Известия Таврической Архивной Ученой Комиссии. Симферополь, 1913. Т. 50.
- Серебренников, Гаджиева, 1979* – Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979.
- Середа, 2008* – Середа О. Ханська Україна в адміністративній структурі Сілістринсько-Очаківського єялету // Чорноморська минувшина: записки Відділу історії козацтва на Півдні України Науково-дослідного інституту козацтва Інституту історії України НАН України: зб. наук. пр. Одеса: Фенікс, 2008. Вип. 3.

- Середа, 2015* – Середа О. Османсько-українське степове порубіжжя в османсько-турецьких джерелах XVIII ст. Одеса: Астропринт, 2015.
- Сигаева, 2005* – Сигаева Г. В. Правовое положение крымских караймов (середина XIV – начало XX вв.) // Культура народов Причерноморья. 2005. № 57, т. 2. С. 82–88.
- Сидоренко, 2003* – Сидоренко В. А. Формирование крымскотатарского народа // Тюркские народы Крыма: народы и культуры. М., 2003. С. 143–147.
- Сидоренко, 2008* – Сидоренко В. А. Номиналы в монетном обращении Крымского ханства по кадиаскерским записям 1608/9 г. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2008. Вып. XIV. С. 425–433.
- Сидоренко, 2015* – Сидоренко В. А. Монетная чеканка Кырк Йера и Каффы в истории Крымского ханства (1442 – 1475) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2015. Вып. XX. С. 263 – 302.
- Сидоренко, 2016* – Сидоренко В. А. Монетная чеканка Крымского ханства (1442–1475 гг.). Симферополь, 2016.
- Сикалиев, 1994* – Сикалиев А. И.-М. Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994.
- Симанская, 2011* – Симанская Е. Э. Гендерные оппозиции в лексической системе крымско-татарского языка // Мова і культура. 2011. Вип. 14. Том 6. С. 223–226.
- Синугыл, 2001* – Синугыл А. Последний крымский хан – Шагин-Гирей // Эхо веков. 2001. № 3/4. С. 38–42.
- Синяк, 2013* – Синяк І. З кореспонденції кошового отамана Якіма Гнатовича Малого (декілька документів з фондів ІР НБУ ім. В. І. Вернадського) // Наукові записки: зб. пр. молодих вчених та аспірантів. Київ, 2013. Т. 26. С. 143–158.
- Ситдигов, Измайлов, 2016* – Ситдигов А. Г., Измайлов И. Л. Мусульманская археология: объем и содержание понятия // Поволжская археология. 2016. № 2(16). С. 8–17.
- Сичаева, 2012* – Сичаева Г. А. Некоторые сведения из истории крымскотатарского дворянства // Культура народов Причерноморья. 2012. № 228. С. 118–121.
- Сичаева, 2013* – Сичаева Г. А. Процесс инкорпорации крымскотатарской знати в состав российского дворянства // Культура народов Причерноморья. 2013. № 261. С. 79–81.
- Сичаева, 2015* – Сичаева Г. А. Формирование и становление крымско-татарского дворянства // Приволжский научный вестник. 2015. № 6–1(46). С. 53–57.
- Сінкевич, 2016* – Сінкевич Н. Домініканська місія в Криму в XIV–XVII ст. // Наш Крим Київ, 2016. Вип. II. С. 188–201.
- Скальковский, 1841* – Скальковский А. Занятие Крыма в 1783 году: матер. для истории Новороссийского края // Журнал Министерства народного просвещения. 1841. № 4, отд. 2. С. 1–44.
- Скальковский, 1846* – Скальковский А. А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. Одесса, 1846. Ч. III. 330 с.
- Скальковский, 1886* – Скальковский А. Секретная переписка Коша Запорожского (1734–1763). // Киевская Старина. 1886. № 2.
- Скальковский, 1893* – Скальковский А. Русское посольство к хану крымскому в конце XVIII столетия // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XVI. 1893. С. 267–271.
- Скальковский, 1994* – Скальковский А. О. Історія Нової Січі, або останнього Коша Запорозького. Дніпропетровськ, 1994.
- Скржинская, 1947* – Скржинская Е. Ч. Генуэзцы в Константинополе в XIV в. // Византийский временник. 1947. № 1. С. 215–234
- СМИЗО, 1884* – Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды В. Тизенгаузена. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Тип. Санкт-Петербургской АН, 1884. 564 с.
- СМИЗО, 1941* – Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / Извлечения из сочинений персидских, собранные В. Г. Тизенгаузенем и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. II. 308 с.
- Смирнов, 1886* – Смирнов В. Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 г. // Записки Восточного отд. имп. Русского археологического общества. 1886. Т. I. Вып. IV. С. 278–279.
- Смирнов, 1887* – Смирнов В. Д. Крымское Ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. Казань, Изд-во Казанского ун-та, 1887. 768 с.
- Смирнов, 1889* – Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII веке. Одесса, 1889.
- Смирнов, 1889a* – Смирнов В. Д. Джамиу-т-тэварих // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1889. № 8.
- Смирнов, 1890* – Смирнов В. Д. Предисловие

- // Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русско-подданных караймов / Сост. З. А. Фиркович. СПб.: Лештуковская Паровая Скоропечатня П. О. Яблонского, 1890. С. VII–XXXVI.
- Смирнов, 1894* – Смирнов В. Д. Записки Мухаммеда-Наджати-эфенди, турецкого пленного в России в 1771–1775 гг. // Русская старина. 1894. Март – май.
- Смирнов, 1903* – Смирнов В. Д. Образцовые произведения османской литературы в извлечениях и отрывках. СПб., 1903.
- Смирнов, 1913* – Смирнов В. Д. Крымско-ханские грамоты // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1913. № 50.
- Смирнов, 1918* – Смирнов В. Д. Татарско-ханские ярлыки из собрания Таврической учёной архивной комиссии // Известия Таврической учёной архивной комиссии. 1918. Вып. 54. С. 1–19.
- Смирнов, 1946а* – Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI – XVII вв. М.: МГУ, 1946. Т. I.
- Смирнов, 1946б* – Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI – XVII вв. М.: МГУ, 1946. Т. II.
- Смирнов, 1948* – Смирнов И. И. Восточная политика Василия III // Исторические записки. М.; Л, 1948. Т. 27.
- Смирнов, 1951* – Смирнов И. И. Восстание Болотникова, 1606–1607 гг. Л., 1951. С. 371.
- Смирнов, 1958* – Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI – XIX веках. М., 1958.
- Смирнов В. Д., 2005* – Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. В 2-х т. / Отв. ред. С. Ф. Орешкова. М., Издательский дом «Рубежи XXI», 2005. Т. 1. До начала XVIII. 542 с.
- Смирнов, 2005а* – Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты: В 2-х т. / Отв. ред. С. Ф. Орешкова. М.: Рубежи XXI, 2005. Т. 2. В XVIII в. до присоединения его к России. 314 с.
- Смолий, Степанков, 1993* – Смолий В. А., Степанков В. С. Богдан Хмельницкий: социаль-но-политичний портрет. Київ: Либідь, 1993.
- Собрание, 1828* – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. СПб.: В типографии С. Селивановского, 1828. Ч. 4. 656 с.
- Собрание, 1894* – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1894. Ч. 5. XLVI, 202 с.
- Собрание, 1896* – Собрание государственных грамот и договоров. М., 1896. Т. V.
- Сокирко, 2008* – Сокирко О. Тріумф в час Руїни. Конотопська битва 1659 р. Київ: Темпора, 2008.
- Сокуров, 1976* – Сокуров В. Н. Из истории взаимоотношений Кабарды и Крыма в конце XVII – начале XVIII века // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1976. Вып. 10.
- Сокуров, 1980* – Сокуров В. Н. Кабардинские грамоты XVI–XVIII вв. // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980.
- Соловьев* – Соловьев С. М. История России с древнейших времен / 2-е изд. Кн. VI. Т. XXVI–XXIX. СПб.: Тов-во «Общественная польза», б. д. 1178 стб.
- Соловьев* – Соловьев С. М. История России с древнейших времен / 2-е изд. Кн. VI. Т. XXVI–XXIX. СПб.: Тов-во «Общественная польза», б. д. 1178 стб.
- Соловьев, 1879* – Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Книга 6. Том XXVI–XXIX. СПб, 1879.
- Соловьев, 1963* – *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. X (тома 19–20). М.: Изд-во социально-экономической лит-ры, 1963.
- Соловьев, 1989* – Соловьев С. М. Соч.. М., 1989. Кн. 4.
- Соловьев, 1991* – Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Книга VII. Т. 13–14. М., 1991.
- Соловьев, 1993* – Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 19 // Соловьев С. М. Соч.: В 18-ти кн. М., 1993. Кн. 10. С. 5–320.
- Соловьев, 1993а* – Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 20 // Соловьев С. М. Соч.: В 18-ти кн. М., 1993. Кн. 10. С. 321–705.
- Соловьев, 1994* – Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 28 // Соловьев С. М. Соч.: В 18-ти кн. М., 1994. Кн. 14. С. 263–597.
- Сотавов, 2010* – Сотавов М. Н. Крымское ханство в русско-турецких отношениях 1700–1783 гг.: в свете влияния их на Дагестан. Дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 2010.
- Сотавов, 2013* – Сотавов Н. А. Крах «Грозы Вселенной» в Дагестане. 2-е изд., расш. и доп. Махачкала, 2013. 304 с.
- Сочинения, 1914* – Сочинения князя Курбского. СПб., 1914. Т. 1. Стб. 238–240.
- Список с статейного списка, 1848* – Список с статейного списка великого государя его царского

величества посланников: стольника и полковника и наместника Переяславского Василья Михайлова сына Тяпкина, дьяка Никиты Зотова // Записки Одесского общества истории и древностей. 1848. Т. 2.

СРК, 1889 – Сношения России с Кавказом: матер., извлеченные из Московского Главного архива Министерства иностранных дел / Подг. С. А. Белокуров. М., 1889. Вып. 1: 1578–1613 гг.

Сталь, 1900 – Этнографический очерк черкесского народа. Составил генерального штаба подполковник барон Сталь в 1852 году // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. XXI.

Станіславський, 1995 – Станіславський В. В. Запорозька Січ у політичних відносинах з Кримським ханством (початок XVIII ст.) // Український історичний журнал. 1995. № 6. С. 3–21.

Станіславський, 1998 – Станіславський В. В. Політичні відносини Запорозької Січі і Кримського ханства напередодні Полтавської битви // Український історичний журнал. 1998. № 1. С. 76–86.

Станіславський, 2000 – Станіславський В. В. Поїздка «товмача» гетьмана Андрія Могили до Білгородчини та Криму (1688 р.) // Український історичний збірник. 2000. Вип. 2. С. 305–310.

Станіславський, 2004 – Станіславський В. В. Запорозька Січ та Річ Посполита. 1686–1699. Київ, 2004.

Станіславський, 2006 – Станіславський В. В. Запорозька Січ у другій половині XVII – на початку XVIII ст. // Історія українського козацтва: нариси: У 2-х т. / Відп. ред. В. А. Смолій. Київ, 2006. Т. 1. С. 558–587.

Станіславський, 2008 – Станіславський В. В. До історії взаємин Війська Запорозького з Буджацькою Ордою в 1699–1700 рр. // Надчорномор'я: студії з історії та археології (з IX ст. до н. е. по XIX ст. н. е.). Київ, 2008. С. 157–162.

Станіславський, 2016 – Станіславський В. В. Гетьманщина та Туреччина в період Великої Північної війни: торгівля полоненими з Прибалтики // Східний світ. 2016. № 4. С. 91–103.

Стародуб, 1989 – Стародуб Т. Х. Средневековая архитектура, связанная с суфизмом: ханака, завия, такія // Суфизм в контексте мусульманской культуры. М., 1989.

Стародуб, 2004 – Стародуб Т. Х. Рибат и ханака: термин и архитектурный тип // Культурные ценности. СПб., 2004.

Статейный, 1850 – Статейный список столь-

ника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова, посольства в Крым в 1680 году, для заключения Бакчисарайского договора. Одесса, 1850.

Статейный, 1891 – Статейный список московского посланника в Крыму Ивана Судакова в 1587–1588 году // Известия Таврической учетной архивной комиссии. Симферополь, 1891. Вып. 14. С. 43–80.

Статейный, 1892 – Статейный список московского посланника в Крым Семена Безобразова в 1593 году // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1892. Вып. 15. С. 81.

Статейный, 2016 – Статейный список П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева 1712 г. // Базарова Т. А. Русские дипломаты при османском дворе: Статейные списки П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева 1711 и 1712 гг.: Исследование и тексты. СПб., 2016. С. 282–760.

Статистические сведения, 1887 – Статистические сведения о Крыме, сообщенные каймаканами в 1783 году // Записки Одесского общества истории и древностей. 1887. Т. 14.

Степанков, 2004 – Степанков В. С. Переяслав 1654 року в історії України: міфи і дійсність // Наукові праці Кам'янець-Подільського державного університету: Історичні науки. Кам'янець-Подільський: Оіюм, 2004. Т. 12. С. 88–100.

Степанков, 2016 – Степанков В. «Світло» й «тіні» українсько-кримських політичних відносин у роки Національної революції XVII ст. (1648–1676) // Проблеми історії країн Центральної та Східної Європи. 2016. Вип. 5. С. 103–112.

Стороженко, 1904 – Стороженко А. В. Стефан Баторий и днепровские казаки: иссл., памятники, док. и заметки. Киев: Тип. Г. Л. Францкевича, 1904. 327 с.

Стороженко, 1996 – Стороженко І. С. Богдан Хмельницький і воєнне мистецтво у Визвольній війні українського народу середини XVII століття. Дніпропетровськ: Вид-во Дніпропетр. держ. ун-ту, 1996. Кн. 1: Воєнні дії 1648–1652 рр.

Стороженко, 2004 – Стороженко І. Воєнна доктрина Кримського ханства кінця XV – середини XVII ст. // Україна – Туреччина: минуле, сучасне та майбутнє: зб. наук. пр. Київ: Денеб, 2004. С. 99–103.

Стрийковський, 2011 – Стрийковський М. Літопис польський, литовський, жмудський і всієї Руси. Львів, 2011.

Строев, 1998 – Строев А. «Те, кто поправляет Фортуну»: авантюристы Просвещения. М.: НЛО, 1998.

- Султан Хан-Гирей, 2009* – Султан Хан-Гирей. Избранные труды и документы / Сост., подг., ред., комм. М. Н. Губжокова. Майкоп, 2009.
- Султанов, 1975* – Султанов Т. И. Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммада турецкому султану Мураду II // Тюркологический сборник, 1973. М., 1975. С. 53–61.
- Султанов, 1978* – Султанов Т. И. Письма золотоордынских ханов // Тюркологический сборник, 1975. М.: Наука, 1978. С. 234–251.
- Султанов, 2001* – Султанов Т. И. Поднятые на белой кошме: потомки Чингиз-хана. Алматы, 2001.
- Султанов, 2006* – Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды: судьба и власть. М., 2006.
- Султанов, 2017* – Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды: судьба и власть. 2-е изд. СПб.: Евразия, 2017. 448 с.
- Сумароков, 1800* – Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году, с историческим и топографическим описанием всех тех мест. М., 1800.
- Сумароков, 1803* – Сумароков П. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. СПб., 1803. Т. I.
- Сумароков, 1805a* – Сумароков П. И. Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду: В 2-х т. СПб, 1805. Т. II.
- Сухих, Страшно, 2011* – Сухих Л. А., Страшно В. В. Татарський напад на Волинь 13–15 вересня 1621 року: до 390-річчя Хотинської війни // Архіви України. 2011. № 5(275). С. 125–136.
- Сухоруков, 1869* – Сухоруков В. Д. Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск, 1869.
- Сухоруков, 2001* – Сухоруков В. Историческое описание Земли Войска Донского / Комм., доп., вступ. ст. Н. С. Коршикова, В. Н. Королева. Ростов-на-Дону., 2001. 514 с.
- Сыроечковский, 1940* – Сыроечковский В. Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Вып. 61: История. Т. 2. М.: Изд-во МГУ, 1940.
- Таварих-и, 1969* – Таварих-и гузида-йи нусрат-наме // Материалы по истории казахских ханств XV – XVIII вв.: извлечения из персидских и тюркских сочинений. Алма-Ата: Наука, 1969. С. 9–43.
- Тарих-и Джевдет, 1309* – Тарих-и Джевдет. Т. I. Стамбул, 1309 (1891/92). (араб. шрифт)
- Таценко, Шокорев, 2002* – Таценко С. Н., Шокорев С. Ю. Князя Сулешовы: крымские мурзы на службе у московского государя // Москва – Крым. ист.-публ. альманах. М, 2002. Вып. 4. С. 39–49.
- Ташкубри-Заде, 1975* – Ташкубри-Заде. Аш-Шакайк ан-Ну’манійя фі ‘Улама ад-Дауля аль-’Усманійя. Бейрут: Дар аль-Кутуб аль-’Ильмія, 1395/1975. 503 с.
- Тепкеев, 2005* – Похід Пилипа Орлика в Україну 1711 р. (Кримськотатарський та шведський аспекти) / упор. та ком. О. Дубина, пер. з лат. О. Циганок // Сіверянський літопис. 2011. № 3.
- Тепкеев, 2005* – Тепкеев В. Т. Калмыцко-крымские отношения в XVIII веке (1700–1771 гг.): Дис. канд. ист. наук. М., 2005.
- Тепкеев, 2012* – Тепкеев В. Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII в. Элиста, 2012.
- Тепкеев, 2013* – Тепкеев В. Т. «От него, крымского хана, правды и постоянства нет»: набег калмыцких отрядов на Крым во время Русско-польской войны 1654–1667 гг. // Новый исторический вестник. 2013. № 4(38). С. 9–28.
- Тепкеев, 2014* – Тепкеев В. Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII в.: проблемы политических взаимоотношений. Элиста, 2014.
- Тепкеев, 2018* – Тепкеев В. Т. Аюка-хан и его время. Элиста, 2018.
- Теплякова, 2016* – Теплякова А. Н. Фрагменты бархата из мавзолея в Ханлы-дере (Бахчисарай) // Восток. 2016. № 5. С. 137–152.
- Тесленко, 2005* – Тесленко И. Б. Турецкая керамика с росписью кобальтом в Крыму // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X – XVIII вв.: сб. науч. тр. Том I / Ред. С. Г. Бочаров, В. Л. Мыц. Киев, 2005. С. 385–410.
- Тесленко, 2012* – Тесленко И. Б. Керамика из раскопок христианского храма с некрополем в с. Малый Маяк (бывш. Биюк-Ламбат, Южный берег Крыма) // Археологический альманах. Донецк, 2012. № 28: Древняя и средневековая Таврика: сб. ст., посв. 1800-летию города Судака / отв. ред. В. В. Майко С. 225–246.
- Тесленко, 2015* – Тесленко И. Б. Одна из групп неполивной керамики Крыма XV в.: хронология и эволюция // История и археология Крыма. Симферополь, 2015. Вып. II. С. 428–436.
- Тесленко, Алядинова, 2019* – Тесленко И. Б., Алядинова Д. Ю. Влияние османского завоевания 1475 г. на культуру жителей Южного Крыма (по матери-

алам керамических комплексов конца XV – XVI в.) // *Stratum plus*. 2019. № 6. С. 295–320.

Тесленко, Лысенко, 2004 – Тесленко И. Б., Лысенко А. В. Средневековый христианский храм на южной окраине с. Малый Маяк и его археологическое окружение // «О древностях Южного берега и гор Таврических»: сб. науч. тр. по матер. конф. в честь 210-летия со дня рождения П. И. Кёппена. Киев, 2004. С. 260–296.

Тесленко, Лысенко, 2015 – Тесленко И. Б., Лысенко А. В. Нижняя мечеть в Алуште. Итоги историко-археологических исследований // *Terra Alustiana* ММХІ: сб. науч. тр. / Ред.-сост. В. Г. Рудницкая, И. Б. Тесленко. Симферополь, 2015. С. 234–278.

Тесленко, Майко, 2020 – Тесленко И. Б., Майко В. В. Керамический комплекс позднесредневековых усадеб в портовой части Судака (по материалам раскопа VI, 2006–2010 гг.) // *История и археология Крыма*. Симферополь, 2020. Вып. XII. С. 291–332.

Тизенгаузен, 1884 – Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. I: Извлечение из сочинений арабских.

Тизенгаузен, 2005 – Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды // *История Казахстана в арабских источниках*. Алматы: Дайк-Пресс. 2005. Т. I: Извлечения из сочинений арабских

Тимів, 2012 – Тимів І. Розгром гетьманом Яном Собеським татарських військ на Калущині у жовтні 1672 року: джерела, хронологія подій, наслідки // *Краєзнавство*. 2012. № 4. С. 156–163.

Тимів, 2013 – Тимів І. М. Битва князя Костянтина Острозького з татарами під Сокалем (1519 р.) // *Історичний архів: наукові студії: зб. наук. пр.* 2013. Вип. 10. С. 83–94.

Тимів, 2013a – Тимів І. М. Хронологія перших татарських і турецьких набігів на землі Руського воеводства у XV ст. // *Чорноморський літопис*. 2013. Вип. 7. С. 60–71.

Тимів, 2014 – Тимів І. Битва князя Костянтина Острозького з татарами під Вишневецом у 1512 році // *Воєнна історія*. 2014. № 5–6(77–78). С. 52–74.

Тимів, 2016 – Тимів І. Битва з татарами під Мартиновим 1624 р. // *Сіверянський літопис*. 2016. № 1. С. 29–42.

Тимченко, 2005 – Тимченко В. Н. Арабографические надписи из керченского лапидария (надгробия XVIII в.) // *Боспорские исследования*. 2005. Вып. 10. С. 384–395.

Тимченко, 2006 – Тимченко В. Н. Арабографические надписи кладбища Газы-Мансур и других памятников Бахчисарая // *Археологические исследования в Украине, 2004–2005*. Киев, 2006. Вып. 8. С. 56–78.

Тис-Крохмалюк, 1954 – Тис-Крохмалюк Ю. Бої Хмельницького. Мюнхен, 1954.

Тиханова, 1953 – Тиханова М. А. Базилика // *Материалы и исследования по археологии СССР*. М.; Л., 1953. № 34: Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). С. 334–389.

Тихомиров, Епифанов, 1961 – Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное Уложение 1649 года. М., 1961.

Толочко, 2012 – Толочко А. П. Киевская Русь и Малороссия в XIX в. Киев, 2012.

Топографическое описание – Топографическое описание доставшимся по мирному трактату от Оттоманской Порты во владение Российской Империи землям, 1774 года // *Записки Одесского общества истории и древностей*. 1868, Т. VII. С. 165–198.

Торнау, 1880 – Торнау Н. Е. Особенности мусульманского права. Дрезден, 1880.

Торнау, 1882 – Торнау Н. Е. О праве собственности по мусульманскому законодательству. СПб., 1882.

Трактат Али Чауша, 1963 – Трактат Али Чауша из Софии о тимариотской организации в Османской империи // *Аграрный строй Османской империи XV – XVII вв.: док. и матер. / Сост., пер. и комм.* А. С. Тверитиновой. М.: Восточной лит-ра, 1963.

Трактат, 2004 – Трактат Михалона Литвина о нравах татар, литовцев и москвитян. Десять фрагментов, содержащих различные истории. Фрагмент первый. // *Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма*. Симферополь: Таврия-плюс, Ч. 1. 2004.

Трепавлов, 2000 – Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2000.

Трепавлов, 2001 – Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2001.

Трепавлов, 2002 – Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2002.

Трепавлов, 2003 – Трепавлов В. В. Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) // *Тюркологический сборник*, 2002. М., 2003. С. 320–353.

Трепавлов, 2004 – Трепавлов В. В. «Казыев улус»: тюрки Северного Кавказа в позднем средневековье // *История народов России в исследованиях и документах*. М., 2004. Вып. 1. С. 6–49.

- Трепавлов, 2009* – Трепавлов В. В. Джучиев улус в XV–XVI вв.: инерция единства // Золотоордынское наследие: матер. Междунар. науч. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII – XV вв.)», 17 марта 2009 г.: сб. ст. Казань, 2009. Вып. 1. С. 11–15.
- Трепавлов, 2010* – Трепавлов В. В. Золотая Орда в XIV столетии. М., 2010.
- Трепавлов, 2011* – Трепавлов В. В. Золотая Орда после распада: воспоминания и единстве // Тюркологический сборник, 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М., 2011.
- Трепавлов, 2011a* – Трепавлов В. В. Малая Ногайская орда: очерк истории // Трепавлов В. В. Тюркские народы средневековой Евразии: избранные труды. Казань, 2011.
- Трепавлов, 2012* – Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Восточная лит-ра, 2012. 231 с.
- Трепавлов, 2016* – Трепавлов В. В. История Ногайской Орды / Отв. ред. М. А. Усманов. 2-е изд.: испр. и доп. Казань, 2016.
- Трепавлов, 2019* – *Трепавлов В. В.* Степной щит Юрта: формирование ногайского населения Крымского ханства (XVI – первая половина XVII в.) // Крымское историческое обозрение. 2019. № 2. С. 108–125.
- Третья учебная экскурсия, 1890* – Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии: отчет / Сост. Ф. Ф. Лашков. Симферополь, 1890. 255 с.
- Туймова, 2009* – Туймова Г. Традиция исполнения «Мавлида» в культовой практике крымских татар // Мавлид ан-Набий: ежегодный научно-культурологический альманах. Москва; Нижний Новгород. 2009.
- Тункина, 2011* – Тункина И. В. Открытие Феодосии: страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей, 1771–1871. Киев: Болеро, 2011.
- Тунманн, 1936* – Тунманн. Крымское ханство / Пер. с нем. Н. Л. Эрнста и С. Л. Белявской. Симферополь: Гос. изд-во КрымАССР, 1936. 107 с.
- Тунманн, 1991* – Тунманн. Крымское ханство / Пер. с нем. Н. Л. Эрнста и С. Л. Белявской. Симферополь: Таврия, 1991. 96 с.
- Тур, 2006* – Тур В. Г. Православные монастыри Крыма в XIX – начале XX вв. Киев: Стилос, 2006.
- Тур, 2008* – Тур В. Г. Археологические исследования вентрального квартала в Судакской крепости // Херсонесский колокол: сб. науч. ст., посв. 70-летию со дня рожд. и 50-летию научной деятельности В. Н. Даниленко. Симферополь, 2008. С. 352–361.
- Тур, Дьяков, 2019* – Тур А. В., Дьяков А. И. Система налогообложения и фискальных сборов в Кефинском вилайет // Тенденции развития науки и образования. 2019. С. 27 – 31.
- Туран, 2002* – Туран А. Н. Судебные реестры Крымского ханства (после их обнаружения) // Культура народов Причерноморья. 2002. № 30.
- Туран, 2003* – Туран А. Н. Черты повседневного быта народа Крыма (XVII – XVIII вв.) // Культура народов Причерноморья. 2003. № 43.
- Туран, 2004* — Туран А. Релігійні судді періоду Кримського каганату // Україна – Туреччина: минуле, сучасне та майбутнє / Ukraina – Türkiye: Geçmiş, Günümüz ve Gelecek / Ukraine and Turkey: Past, Present and Future. Київ, 2004.
- Туранли, 2010* – Туранли Ф. Тюркські джерела до історії України. Київ, 2010.
- Туранли, 2000* – Туранли Ф. Літописні твори М. Сенаї та Г. Султана як історичні джерела. Київ, 2000. 323 с.
- Турецкая, 1983* – Турецкая ашыкская поэзия / Пер. с тур. М., 1983. 192 с.
- Туркменско-русский, 1968* – Туркменско-русский словарь / Под ред. Н. А. Баскакова, Б. А. Карыева, М. Я. Хамзаева. М., Советская энциклопедия, 1968. 832 с.
- Турция, 1977* – Турция накануне и после Полтавской победы (глазами австрийского дипломата) / пер., вст. ст., прим. В. Е. Шутого. М., 1977.
- Тяпкин, Зотов, 1850* – Статейный список стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова, посольства в Крым 1680 году для заключения Бакчисарайского договора. Одесса, 1850. 284 с.
- Українська, 1992* – Українська поезія. Середина XVII ст. Київ: Наукова думка, 1992. 680 с.
- Українські, 2009* – Українські народні думи. У 5 т. Том 1: Думи раннього козацького періоду / ІМФЕ НАН України. Київ, 2009.
- Ульяновський, 2012* – Ульяновський В. Князь Василь-Константин Острозький історичний портрет у галереї предків та нащадків. Київ: Простір, 2012. 1370 с.
- Уляницький, 1883* – Уляницький В. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М.: Тип. А. Гатцула, 1883. 484, CCLX с.
- Уляницький, 1899a* – Уляницький В. А. Русские консульства за границей в XVIII веке. М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1899. Ч. I. 678 с.

- Уляницкий, 1899б* – Уляницкий В. А. Русские консульства за границей в XVIII веке. М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1899. Ч. II. 201+DCLXXI с.
- Усеинов, 2001* – Усеинов Т. Б. Религиозно-суфийская литература Крымского ханства // Культура народов Причерноморья. 2001. № 26. С. 289–291.
- Усеинов, 2005* – Усеинов Т. Б. Размышления о поэзии Крымского ханства: сб. ст. Симферополь: Оджакъ, 2005. 164 с.
- Усеинов, 2008* – Усеинов Т. Б. Семантический аспект поэзии Газаи (газельное наследие крымского хана). Симферополь, 2008.
- Усеинов, 2019* – Усеинов Т. Б. Гендерные стереотипы и гендерное неравенство в пословицах степных крымских татар рубежа XIX – XX вв., отражающих семейные отношения // Филология: научные исследования. 2019. № 6.
- Ускенбай, 2013* – Ускенбай К. З. Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи. Казань: Фэн, 2013. 288 с.
- Усманов, 1972* – Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII – XVIII веков. Казань: Изд-во КНУ, 1972. 233 с.
- Усманов, 1979* – Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV – XVI вв. Казань: Изд-во КазГУ, 1979. 317 с.
- Усманов, 1991* – Усманов М. А. «Книги-путешественники» как источник по истории культурных связей между народами // Восток: прошлое и будущее народов. IV Всесоюз. конф. востоковедов. Тез. докл. и сообщ. М., 1991. Т. II.
- Усманов, 1993* – Усманов М. А. Археографические экспедиции 1961–1992 гг. и расширение источниковой базы историко-культурных исследований // Бартольдские чтения. 1993: тез. докл. и сообщ. М., 1993.
- Успенский, 1997* – Успенский Ф. И. История Византийской империи: Отдел 6. Комнины; Отдел 7. Расчленение империи; Отдел 8. Ласкари и Палеологи. Восточный вопрос. М. 1997. 829 с.
- Устрялов, 1858* – Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 1. Господство царевны Софьи. 406 с.
- Утемиш-хаджи, 1992* – Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В. П. Юдина. Подг. Ю. Г. Баранова. Комм. и указ. М. Х. Абусейтовой. Алма-Ата, 1992.
- Утемиш-хаджи, 2017* – Утемиш-хаджи. Кара таварих / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань, 2017. 312 с.
- Уиницкий, 2011* – Уиницкий В. В. Исторический диспут об этнической принадлежности найманов и керейтов // Проблемы востоковедения. Уфа, 2011. № 2(52).
- Фадеева, 2007* – Фадеева Т. Соколиная башня в Бахчисарае или ловчие птицы в торговле Московского княжества и Крымского ханства в XIII – XIV вв. // Київська старовина. 2007. № 1(373).
- Фадеева, Соколова, 2000* – Фадеева Т. М., Соколова М. В. Бахчисарай и окрестности: путеводитель. Симферополь: Бизнес-Информ, 2000. 207 с.
- Фаизов, 1991* – Фаизов С. Ф. Статейный список подьячего Посольского приказа Гаврилы Михайлова – уникальный памятник дипломатической документации XVII столетия // Советские архивы. 1991. № 1. С. 65–69.
- Фаизов, 1993* – Фаизов С. Ф. Участие России и Крымского ханства в польско-турецкой войне 1672–1676 гг. (обзор боевых действий) // Славянский сборник. Саратов, 1993. Вып. 5. С. 96–116.
- Фаизов, 1994* – Фаизов С. Ф. Поминки – «тыш» в контексте взаимоотношений Руси-России с Золотой Ордой и Крымским юртом // Отечественные архивы. 1994. № 3.
- Фаизов, 2000* – Фаизов С. Ф. Послание хана Мухаммеда-Гирея царю Алексею Михайловичу о своем восшествии на крымский престол в контексте русско-крымских отношений 1654 г. (перевод и комментарии) // Русская и украинская дипломатия в Евразии, 50-е годы XVII века. М., 2000.
- Фаизов, 2002* – Фаизов С. Ф. Тугра и Вселенная. Мохаббат-наме и шерт-наме крымских ханов и принцев в орнаментальном, сакральном и дипломатическом контекстах. М.; Бахчисарай, 2002. 99 с.
- Фаизов, 2003* – Фаизов С. Ф. Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру, 1654–1658. М.: Гуманитарий, 2003. 168 с.
- Фаизов, 2005* – Фаизов С. Ф. Первый крымско-запорожский военный союз в статейном списке русских посланников Осипа Прончищева и Рахманина Болдырева (1625 г.) // Україна в Центральній Європі. Київ, 2005. Вип. 5. С. 197–209.
- Фалёв, 1925* – Фалёв П. Старо-османский перевод «крымской» поэмы // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее РАН. Л., 1925. Т. 1.
- Фарзалиев, 2002* – Фарзалиев А. Южный Кавказ в конце XVI в. Осmano-сефевидское соперничество. СПб., 2002.

- Федорук, 1993* – Федорук Я. Туреччина, Крим і політика Богдана Хмельницького: перші місяці повстання // Українська козацька держава: витоки та шляхи історичного розвитку: матер. респ. іст. читань / Ін-т історії України НАН України; Відп. ред. В. А. Смолій. Київ, 1993. Вип. 3.
- Федорук, 2010* – Федорук Я. О. Посольства кримського хана Мегмеда Гірея IV до Швеції, Данії та Австрії у 1655 р. // Український історичний журнал. 2010. № 5. С. 37–49.
- Федорук, 2011* – Федорук Я. О. Українсько-польська війна в політиці Кримського ханства, Росії і придунайських князівств (кінець 1654 – початок 1655 років) // Проблеми історії країн Центральної та Східної Європи: зб. наук. пр. 2011. Вип. 2.
- Федорук, 2012* – Федорук Я. Політика Кримського ханства в Охматівській кампанії 1654–1655 рр. // Чорноморська минувшина. 2012. № 7. С. 3–11.
- Федосеев, Куликов, Бейлин, Куликова, 2019* – Федосеев Н. Ф., Куликов А. В., Бейлин Д. В., Куликова Е. В. Охранно-спасательные работы на железнодорожных подходах к Крымскому мосту: «Комплекс поселений Биели» // История и археология Крыма. Симферополь, 2019. Вып. XI. С. 301–322.
- Фелицын, 1891* – Фелицын Е. Д. Западно-Кавказские горцы и ногайцы в XVII столетии по Пейсонелю: материалы для истории Западно-Кавказских горцев // Кубанский сборник. 1891. Т. 2. С. 3–35.
- Феридун, 1857* – Феридун. Мюншеат-и селатин. Стамбул, 1274/1857.
- Ферран, 1842* – Путешествие из Крыма в Черкесию через земли ногайских татар в 1709 г. доктора Феррана / Пер. П. Хицунова // Русский вестник. 1842. Т. 6. № 4, отд. 2. С. 41–56.
- Фетислямов, 1939* – Фетислямов А. Тогъай-бейнинъ Богдан Хмельницкийнен бирликде Польшагъа походы хусусындаки поэма акъкъында // Эдебият ве культура. 1939. № 6(27). С. 32–41.
- Филиппенко, 1996* – Филиппенко В. Ф. Новое в истории и археологии крепости Каламиты-Инкермана // Херсонесский сборник. 1996. Вып. VII. С. 143–152.
- Филлюшкин, 2008* – Филлюшкин А. И. Проекты русско-крымского военного союза в годы Ливонской войны // «В кратких словесах многой разум замыкающе...» / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2008.
- Филлюшкин, 2011* – Филлюшкин А. Как Россия стала для Европы Азией? // Изобретение империи: языки и практики. М., 2011.
- Финкель, 1848* – Финкель И. Девар-Сафафаим // Записки Одесского общества истории и древностей. 1848. Т. II.
- Фират, 2018* – Фират Я. Типология бахчисарайских осель та кварталів (1650–1675pp) // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 18. Київ, 2018.
- Фиркович, 1856* – События, случившиеся в Крыму в царствование Шагин-Гирей-хана (перевод с еврейской современной рукописи, сочиненной караимом Рабби-Азарья сыном Илии). Пер. А. С. Фирковича // Временник имп. Московского общества истории и древностей российских. 1856. Кн. 24.
- Фиркович, 1890* – Фиркович З. А. Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русско-подданных караимов. СПб.: Дешгуковская скоропечатня П. О. Яблонского. 1890. XXXVI. 223 с.
- Фирман, 1889* – Фирман Мухаммеда IV Митрополиту (Крымскому) Давиду, последовавший в 1062 году от хиджры (в 1652 году Христианского летоисчисления) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1889. № 7.
- Флоря, 1975* – Флоря Б. Н. Россия и походы запорожцев в Молдавию в 70-х гг. XVI в. // Карпато-Дунайские земли в Средние века. Кишинев, 1975. С. 215–225.
- Флоря, 1989* – Флоря Б. Н. К истории переговоров о русско-польском антиосманском союзе в середине 40-х гг. XVII в. // Славяне и их соседи. Вып. 1: Международные отношения в эпоху феодализма. М., 1989. С. 124–139.
- Флоря, 1995* – Флоря Б. Н. Запорожское казачество и Крым перед восстанием Хмельницкого // Исследования по истории Украины и Белоруссии. М., 1995. Вып. 1. С. 51–61.
- Флоря, 1998* – Флоря Б. Н. Османская империя, Крым и страны Восточной Европы в 20-х – начале 30-х гг. XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. I. / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.: Наука, 1998. С. 96–115. (Серия: «Памятники исторической мысли»).
- Флоря, 2001* – Флоря Б. Н. Начало открытой османской экспансии в Восточной Европе (1667–1671 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. II / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.: Наука, 2001. С. 76–108. (Серия: «Памятники исторической мысли»).

- Флоря, 2001a* – Флоря Б. Н. Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. II / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.: Наука, 2001. С. 108–148. (Серия: «Памятники исторической мысли»).
- Флоря, 2002* – Флоря Б. Н. Отношение украинского казачества к Речи Посполитой во время казацких восстаний 20–30-х гг. XVII в. и на начальном этапе народно-освободительной войны // Славяноведение. 2002. № 2. С. 36–51.
- Флоря, 2010* – Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661). М.: Индрик, 2010.
- Флоря, 2013* – Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М.: Индрик, 2013.
- Флоря, 2016* – Флоря Б. Н. Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина в последние годы гетманства П. Дорошенко (1673–1677) // Древняя Русь: вопросы медиевистики. М., 2016. № 3(65).
- Флоря, 2018* – Флоря Б. Н. Поход османов на Речь Посполитую в 1672 г. и Россия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2018. № 1(71).
- Флоря, 2019* – Флоря Б. Н. О русских проектах антиосманской коалиции (1679–1680) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2019. № 2(76).
- Фоменко, 2011* – Фоменко И. К. Образ мира на старинных портоланах. М., 2011.
- Франк, 2008* – Франк А. Исламская историография и «булгарская» идентичность татар и башкир в России. Казань, 2008.
- Франко, 1941* – Франко І. Кримський хан Гази Гірей (1588–1607) і дещо з його віршів // Радянська Україна. 1941. № 2.
- Фронжуло, 2005* – Фронжуло М. А. Раскопки «Храма с аркадой» Судакской крепости (1969–1975 гг.) // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2005. Вып. II. С. 621–631.
- Хабибуллин, 2009* – Хабибуллин А. Н. К вопросу о типологии оборонительных сооружений Крымского ханства XV – XVIII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань, 2009. Вып. 1. С. 189–207.
- Хайбуллаева, 2001* – Хайбуллаева Ф. Х. Новый турецкий источник по истории Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь. 2001. Вып. VIII. С. 362–365.
- Хайдарлы, 1998* – Хайдарлы Д. И. Политические взаимоотношения между Молдавией и Крымским ханством в XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Кишинев, 1998. 163 с.
- Хайдарлы, 2005* – Хайдарлы Д. И. Молдавия и Крымское ханство (1718–1774 гг.) // Stratum plus. № 6. 2004.
- Хайрединова, 2015* – Хайрединова З. З. Крымскотатарские мурзы и беи на страницах дворянских родословных книг Таврической губернии // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2015. Т. 1(67). № 3. С. 163–171.
- Хайруддинова, 2013* – Хайруддинова Э. Ликвидация мусульманских религиозных учреждений в бахчисарайском районе в 1920 – 1930 гг. Электронный ресурс. Режим доступа: http://nbuv.gov.ua/UJRN/gileya_2013_75_32
- Халилова, 1999* – Халилова Д. Э. Документы XIX в. о вакуфах из собрания Госархива АРК, как источник по истории землепользования и мусульманского права в Крыму // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. Симферополь, 1999. С. 158–161.
- Халим-Гирей, 1327* – Халим-Гирей-султан. Гюльбун-и ханан. Стамбул, 1327. С. 40 (араб. шрифт).
- Халим Гирай, 2004* – Халим Гирай Султан. Розовый куст ханов, или История Крыма / Пер. А. Ильми; поясн. К. Усеинова. Симферополь: Доля, 2004. 288 с.
- Халим Гирай, 2008* – Халим Гирай-султан. Розовый куст ханов или История Крыма. Симферополь: РИА «Аян»; Киев: Стилоос, 2008.
- Халимов, 1988* – Халимов Н.Б. Каталог арабских рукописей АН ТССР. Ашхабад, 1988.
- Хамид-и Би-нува, 1871* – Рисале-и Шейх Хамид-и Би-нува. Стамбул: Шейх Ях'я Ефенди Матбааси, 1288/1871. 23 с.
- Хамидуллин, 2018* – Хамидуллин Б. Л. «...Окаянная дочь Златой орды...». Очерки и историографические заметки по истории Золотой Орды и Казанского ханства. Казань: Татарское книжное изд-во, 2018.
- Хартахай, 1866* – Хартахай Ф. Историческая судьба крымских татар // Вестник Европы. СПб, 1866. Т. II. Июнь. С. 182–236.
- Хартахай, 1867* – Хартахай Ф. Историческая судьба крымских татар (статья вторая) // Вестник Европы. 1867. Т. II. С. 140–174.
- Хартахай, 2003* – Хартахай Ф. Христианство в Крыму. М., 2003.

- Харузин, 1896* – Харузин Н. Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых народов тюркских и монгольских народностей России / Н. Н. Харузин. М.: Т-во скоропечатни А. А. Левенсон. 1896.
- Хаутала, Гулевич, 2018* – Хаутала Р., Гулевич В. П. Письмо тосканского анонима о взятии Кафы в 1475 году из кодекса Q 116 sup Амброзианской библиотеки // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 4. С. 829–854.
- Ходарковский, 2019* – Ходарковский М. Степные рубежи России. Как создавалась колониальная империя. 1500–1800 / Пер. с англ. А. Терещенко. М.: НЛО, 2019. 352 с.
- Ходырева, 2001* – Ходырева Г. В. Взаимоотношения России и гетманов Украины с Турцией в 1666–1681 гг.: дисс. к. и. н. М., 2001.
- Хорошкевич, 1980* – Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980.
- Хорошкевич, 1999* – Хорошкевич А. Л. Русь и Крым после падения ордынского ига: динамика трибутарных отношений // Отечественная история. 1999. № 2. С. 69–79.
- Хорошкевич, 2001* – Хорошкевич А. Л. Русь и Крым от союза к противостоянию, конец XV – начало XVI века. М., 2001.
- Хотко, 2008* – Хотко С. Х. Цивилизация Кабарды. СПб., 2008.
- Хотко, 2014* – Хотко С. Х. Черкесия и княжество Кремуки на «Карте мира» (Marramondo) Фра Мауро, 1459 г. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». Майкоп, 2014. Вып. 3(144).
- Хотко, 2016* – Хотко С. Х. Топоним «Черкесский бан» на карте Дж. Гастальдо 1551 г. в контексте черкесского присутствия в Крыму // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 4(54). С. 116–127.
- Хотко, 2016а* – Хотко С. Х. Черкесо-франки: этнокультурная общность на стыке цивилизаций // Научная мысль Кавказа. 2016. № 1. С. 79–85.
- Хотко, 2017* – Хотко С. Х. Крымский аукцион и судьба русско-черкесского альянса в первой половине 60-х гг. XVI в. // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2017. № 4(35).
- Хотко, 2019* – Хотко С. Х. Противостояние военно-политических коалиций в Черкесии: на основе сообщений Елизара Ржевского (1578 г.) // Клио. 2019. № 7(151). С. 77–83.
- Храпунов, 2015* – Храпунов Н. Взгляд извне: британский поэт и путешественник Реджинальд Хебер о состоянии Крыма в 1806 г. // Крымское историческое обозрение. 2015. № 3. С. 252–274.
- Храпунов, 2017* – Храпунов Н. И. Мангупское городище в трудах путешественников конца XVIII – начала XIX в.: исследования и иллюзии // Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. Симфероль, 2017. Вып. XXII.
- Храпунов, 2017а* – Храпунов Н. И. Культурное наследие Крыма эпохи Золотой орды и Крымского ханства // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 4.
- Храпунов, 2019* – Храпунов Н. И. Археологические памятники Крыма в описаниях и на рисунках Реджинальда Хебера и Роберта-Уильяма Хейя // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. Империя и полис. Симферополь, 2019. Вып. XI.
- Храпунов, Гинькут, 2015* – Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара // Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. Симфероль, 2015. Вып. XX.
- Храпунов, Гинькут, 2016* – Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Бахчисарай и его памятники глазами Эдварда-Даньела Кларка // Материалы к истории Причерноморья в Новое время / Крымский федерал. ун-т им. В. И. Вернадского. Симферополь, 2016.
- Храпунов, Храпунова, 2015* – Храпунов Н. И., Храпунова С. Н. Записки Джона Смита как источник по истории Крымского ханства в начале XVII в. // Золотоордынское обозрение. 2015. № 4. С. 151–168.
- Храпунов, Храпунова, 2017* – Храпунов Н. И., Храпунова С. Н. Известия о Крыме у Франческо Альгаротти // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 3. С. 612–628.
- Храпунов, Мульд, Столба, Стоянова, 2017* – Храпунов И. Н., Мульд С. А., Столба В. Ф., Стоянова А. А. Исследования 2015 года в западной части Керченского полуострова // Боспорские исследования. Керчь, 2017. Вып. XXXV. С. 305–336.
- Хрестоматия, 2004* – Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма / Ред.-сост. М. А. Араджиони, А. Г. Герцен. Симферополь: Таврия-Плюс, 2004. Ч. 1: Мусульмане: крымские татары, крымские цыгане. 768 с.

- Хромов, 1997* – Хромов К. Медные монеты Ходжи-Герая // Нумизматика и Фалеристика. Киев, 1997. №3.
- Хромов, 1997a* – Хромов К. К. Монетный двор второй четверти XV века «Орда Базар» в нижнеднепровском регионе // Хромов К. К. Восточная нумизматика в Украине: сб. публикаций. Киев, 2004. Ч. I.: Монеты Джучидов XIII – XV вв. С. 34–66.
- Хромов, 2006* – Хромов К. К. Правления ханов в Крымском улусе Золотой Орды в 1419–1422 гг. по нумизматическим данным // Историко-географічні дослідження в Україні: зб. наук. пр. / Ін-т історії України НАН України. Київ, 2006. Ч. 9. С. 366–372.
- Хромов, 2007* – Хромов К. К. Монеты западной части Улуса Джучи // Восточная нумизматика в Украине. Киев, 2007.
- Хромов, 2013* – Хромов К. К. О хронологии правления Давлат Берди хана в Крымском улусе по нумизматическим данным (последние джучидские серебряные монеты Крыма) // От Онона к Темзе: Чингисиды и их западные соседи: к 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского. М.: Издат. дом Марджани, 2013. С. 378–416.
- Худяков, 1923* – Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань: Гос. изд-во, 1923. 302 с.
- Худяков, 1991* – Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991.
- Цеева, 2004* – Цеева З. А. Отношения Черкесии с Османской империей и Крымским ханством: военный и социокультурный аспекты. Дисс... канд. ист. наук. Майкоп, 2004.
- Цыбикдоржиев, 2004* – Цыбикдоржиев Д. В. Мужской союз, дружина и гвардия у монголов: преемственность и конфликты // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004.
- Цюрюмов, Батыров, 2006* – Цюрюмов А. В., Батыров В. В. Калмыцкое ханство в российско-крымских отношениях (XVIII в.). Элиста: Джангар, 2006.
- Частно-вакуфное владение в Крыму, 1892* – Частно-вакуфное владение в Крыму. Симферополь, 1892.
- Чендев и др., 2015* – Чендев Ю. Г., Геннадиев А. Н., Белеванцев Е. Г., Жидкин А. П. Татарские шляхи в географическом ландшафте Белгородской области // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: «Естественные науки». 2015. № 3(200). Вып. 30. С. 141–149.
- Чепурина, 1929* – Чепурина П. Я. Орнаментальное тканье крымских татар // Известия таврического общества истории, археологии и этнографии. 1929. Т. 3. С. 72–77.
- Чепухин, 2014* – Чепухин А. Г. Волуйка: крепость на южнорусской окраине (судьбы служилых и жилецких людей XVII века) // История военного дела: исследования и источники. 2014. Т. V. С. 156–416.
- Червоная, 1994* – Червоная С. М. Искусство татарского Крыма. М., 1994. 362 с.
- Червоная, 2016* – Червоная С. М. Современная мечеть. Отечественный и мировой опыт Новейшего времени. Торунь, 2016.
- Черкас, 2000* – Черкас Б. Політична криза в Кримському ханстві і боротьба Іслам-Гірея за владу в 20–30-х роках XVI ст. // Україна в Центрально-Східній Європі. 2000. Вип. 1. С. 97–118.
- Черкас, 2002* – Черкас Б. Военная кампания Великого князівства Литовського та Корони Польської 1524 р. на українських землях // Україна в Центрально-Східній Європі. 2002. Вип. 2. С. 200–209.
- Черкас, 2006* – Черкас Б. Україна в політичних відносинах Великого князівства Литовського з Кримським ханатом (1515–1540) / Ін-т історії України НАН України. Київ, 2006.
- Черкас, 2007* – Черкас Б. Боротьба за Україну між Великим князівством Литовським і Кримським ханатом на переломі XV – XVI ст.: причини, передумови, наслідки // Terra cossacorum: студії з давньої історії України. наук. зб. на пошану доктора історичних наук, професора Валерія Степановича Степанкова. Київ, 2007. С. 404–414.
- Черкас, 2008* – Черкас Б. Ольшаницька битва 1527 р. // Україна в Центрально-Східній Європі. 2008. Вип. 8. С. 53–59.
- Черкас, 2011* – Черкас Б. Степовий щит Литви. Українське військо Гедиміновичів (XIV–XVI ст.). Київ: Темпора, 2011.
- Черкас, 2017* – Черкас Б. В. Венгерський сюжет в литовсько-крымських переговорах 1522 г. // Золотоордынська цивілізація. 2017. № 10. С. 338–339.
- Черкас, 2017a* – Черкас Б. Крымско-османская осада Черкасс в марте 1532 года // Colloquia Russica. Ser. I. Краков, 2017. Vol. 7: Русь и мир кочевников (вторая половина IX – XVI вв.). С. 397–404.
- Черкасов, 2010* – Черкасов П. П. Елизавета Петровна и Людовик XV: русско-французские отношения, 1741–1762. М., 2010.
- Чернявский, 2016* – Чернявский С. Н. Крымская империя: от ханства к Новороссии. М., 2016.
- Чобан-заде, 1925* – Чобан-заде Б. Ленинградда

Къырым хатирелери // Окъув ишлери. 1925. № 4–5 (араб. графика)

Чобан-заде, 2003 – Чобан-заде Б. Къырымтатар ильмий сарфы / Научная грамматика крымскотатарского языка. Транслитерация с арабской графики издания 1925 г. // Бекир Чобан-заде. Симферополь: Доля, 2003. 240 с.

Чореф, 2007 – Чореф М. М. К вопросу о периоде функционирования монетного двора г. Кырк-Йера // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2007. Вып. XIII. С. 375–382.

Чореф, 2008 – Чореф М. М. К вопросу о возможности медного чекана в Крымском ханстве в XV веке // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2008. Вып. 3. С. 265–281

Чухлиб, 2004 – Чухлиб Т. В. Наймолодший з усіх гетьманів, обраних на Запорозькій Січі (Петро Суховієнко. 1668–1669) // Чухлиб Т. В. Гетьмани Правобережної України в історії Центрально-Східної Європи (1663–1713). Київ, 2004. С. 93–102.

Чухлиб, 2004 – Чухлиб Т. Гетьмани Правобережної України в історії Центрально-Східної Європи (1663–1713). Київ: Вид. дім Києво-Могилянська Академія, 2004.

Чухлиб, 2005 – Чухлиб Т. В. Гетьмани і монархи. Українська держава в міжнародних відносинах 1648–1714 рр. Київ, 2005. 640 с.

Чухлиб, 2007 – Чухлиб Т. В. Зимовий похід 1683/1684 рр. українського козацтва проти Османів до причорноморського Степу // Надчорномор'я у IX ст. до н. е. на початку XIX ст.: студії з історії та археології. 2007. № 1. С. 163–180.

Чухлиб, 2008 – Чухлиб Т. Ідея відмови кошового отамана Запорозької Січі К. Гордієнка від протекції Москви в умовах північної війни, 1700–1721 рр. // Чорноморська минувшина. 2008. Вип. 4. С. 18–24.

Чухлиб, 2009 – Чухлиб Т. Козаки і монархи. Міжнародні відносини ранньомодерної Української держави 1648–1721 рр. Київ: Вид-во ім. Олени Теліги, 2009.

Чухлиб, 2010 – Чухлиб Т. Козаки та яничари: Україна в християнськомусульманських війнах, 1500–1700 рр. Київ: Видав. дім Києво-Могилянська академія, 2010.

Чухлиб, 2015 – Чухлиб Т. Іван Мазепа як полководець: військові походи до Хаджибею, Північного Причорномор'я та Криму у 1687–1699 рр. // Чорноморська минувшина. 2015. Вип. 10. С. 3–16.

Чухлиб, 2015a – Чухлиб Т. Поняття «Україна» та «Українний» в офіційному дискурсі Війська За-

порозького: 1649–1659 рр. // Україна в Центрально-Східній Європі. 2015. Вип. 15. С. 13–41.

Чухлиб, 2015b – Чухлиб Т. Чому московські царі перестали платити данину Кримському ханату на початку XVIII ст.? // Історія Криму в запитаннях та відповідях. Київ, 2015. С. 195–197.

Чухлиб, 2016 – Чухлиб Т. «А буде Черкаська земля Нам Великій Аділ-Гіреєвій Царській Величності учиниться в підданство...»: спроби протекції Криму над Україною (1660 – поч. 1680-х рр.) // Проблеми історії країн Центральної та Східної Європи. Кам'янець-Подільський. 2016. Вип. 5. С. 112–126.

Чухлиб, 2016a – Чухлиб Т. Поняття «Україна», «Українний» та «Українська держава» в офіційному дискурсі Війська Запорозького (1659–1665 рр.) / Т. Чухлиб // Україна в Центрально-Східній Європі. 2016. Вип. 16. С. 13–43.

Чухлиб, 2017 – Чухлиб Т. Козаки і татари: українсько-кримські союзи 1500–1700-х років. Київ: Видав. дім Києво-Могилянська академія, 2017. 274 с.

Чухлиб, 2017a – Чухлиб Т. Поняття «Україна», «Українці», «Отчизна», «Народ» в офіційному дискурсі Війська Запорозького, 1666–1672 рр. // Україна в Центрально-Східній Європі. Київ, 2017. Вип. 17. С. 41–79.

Чухлиб, 2020 – Чухлиб Т. Спроби протекції Криму над Україною (1660 – поч. 1680-х рр.) // Вісник Кам'янець-Подільського національного університету ім. Івана Огієнка. Історичні науки. 2020. Т. 30. С. 217–231.

Шалак, 2016a – Шалак М. Е. Записки иностранцев как источник по истории военного дела крымских татар в конце XVI – начале XVII вв. // V Токаревские чтения: Война и воинские традиции в культурах народов Юга России: матер. Всерос. науч.-практ. конф. (г. Ростов-на-Дону, 6–7 мая 2016 г.). Ростов-на-Дону: Альтаир, 2016. С. 51–58.

Шалак, 2016b – Шалак М. Е. Война и воинские традиции крымских татар в произведениях иностранцев в конце XVI – начале XVII вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 2. С. 157–162.

Шалак, 2016в – Шалак М. Е. Крымское ханство и его население глазами иностранцев, посетивших Московское царство в конце XVI – начале XVII вв. // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. 2016. № 4. Т. 2(68). С. 133–139.

Шалак, 2016г – Шалак М. Е. Свидетельства иностранцев о военном деле в Крымском ханстве

(конец XVI – нач. XVII вв.) // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие: матер. II Междунар. науч. конф. 2016. С. 65.

Шалак, 2016d – Шалак М. Е. Военное дело в Крымском ханстве по материалам из произведений иностранцев конца XVI – начала XVII вв. // Краеведческие записки: сб. науч. тр. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2016. С. 5–16.

Шалак, 2018 – Шалак М. Историко-географический анализ сочинения Мухаммеда Нидаи Кайсуни-заде «История хана Сахиб Гирея» // Крымское историческое обозрение. 2018. №2. С. 146–169.

Шалак, 2019 – Шалак М. Е. К постановке проблемы идентификации «Ахматовых гор» // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: матер. XXXII Междунар. науч. конф. Москва, 11–12 апр. 2019 г. М., 2019.

Шалак, 2020 – Шалак М. Е. «Теварих-и Дешт-и Кыпчак» как источник по исторической географии Крымского ханства и сопредельных территорий // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8. № 2. С. 345–365.

Шалак, Логвинова, 2016 – Шалак М. Е., Логвинова И. К. Историческая география Крымского ханства в произведениях иностранцев конца XVI – начала XVII вв. // История: факты и символы. 2017. № 1(10). С. 33–39.

Шалак, Логвинова, 2017 – Шалак М. Е., Логвинова И. К. Историческая география Крымского ханства в произведениях иностранцев конца XVI – начала XVII вв. // История: факты и символы. 2017. №1(10).

Шамильоглу, 2019 – Шамильоглу Ю. Племенная политика и социальное устройство в Золотой Орде: монография / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ; Пер. с англ. яз. Ч. И. Хамидовой, Р. Хаутала. Казань, 2019. 260 с.

Шангин, 1938 – Шангин М. А. Новый географический текст // Вестник древней истории. 1938. № 4(5).

Шатира, 2010 – Шапира Д. Евреи в Северном Причерноморье от древности до раннего Средневековья // История еврейского народа в России: от древности до раннего Нового времени. Т. 1: От Древности до раннего Нового времени / Под ред. А. Кулика. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2010. С. 13–43.

Шатшал, 1953 – Шатшал С. М. К вопросу о тарханных ярлыках // Академику В. А. Гордлевскому к

его семидесятилетию: сб. ст. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 304–316.

Шарапа, Белов, 2019 – Шарапа А. В., Белов М. А. Предварительные результаты археологических раскопок поселения Кегенез Восточное в 2017 г. // Крым – Таврида: археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. М., 2019. Т. 1. С. 333–341.

Шарден, 1902 – Путешествие Шардена по Закавказью в 1672–1673 гг. / Пер. с франц. Е. В. Бахутовой, Д. П. Носовича. Тифлис, 1902.

Шарль, 1959 – Шарль Р. Мусульманское право. М., 1959.

Шармуа, 1834 – Шармуа Ф. Набег крымских татар на Польшу // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. № 10.

Шевалье, 1993 – Шевалье П. Історія війни козаків проти Польщі / Пер. з фр. Ю. Назаренко. Київ: Томіріс, 1993.

Шевчук, 2004 – Шевчук В. Муза роксоланська // Українська література XVI–XVIII століть: У 2-х кн. Київ: Либідь, 2004. Кн. 1: Ренесанс. Раннє бароко. 401 с.

Шейх-Заде, 1995 – Шейх-Заде И. Сакральные мотивы в крымском искусстве // Qasevet. 1995. № 1.

Шейхи, 1920 – Шейхи А. Мефтуха-и эдебийе, яки Кырымда ислям кьалемийле язылмышлара бир назар // Миллет. 1920. 19, 21 фев.

Шейхумеров, 2019 – Шейхумеров А. Армия Крымского ханства: организация и тактика (XV – XVIII вв.) / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань; Симферополь, 2019. 304 с.

Шемьи-заде, 1969 – Шемьи-заде Э. Ашыкъ Умер (Умер Абдулла огьлу) / Унутылгъан эдебий мирасымыздан // Ленин байрагы. 1969. 11, 14, 16 янв.; 8 фев.

Шемьи-заде, 1974 – Шемьи-заде Э. Шаир Ашыкъ Умер ве онынъ классик эдебиятымыздаки ери // Омюр ве яратыджылыкь. (Эдебий макъалелер). Ташкент, 1974. С. 93–136.

Шильтбергер, 1867 – Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке, с 1394 года по 1427 год / Пер., ком. Ф. Брун // Записки имп. Новороссийского университета. 1867. Т. I.

Шильтбергер, 1984 – Шильтбергер Иоганн. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. Баку, 1984.

Шихсаидов, 2001 – Шихсаидов А. Р. Ислам и становление дагестанской исторической традиции // Ислам и исламская культура в Дагестане. М., 2001.

Шкорпил, 1914 – Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г.

- // Известия имп. Археологической комиссии. 1914. Вып. 56. С. 1–74.
- Шлыков, 2011* – Шлыков П. В. Вакфы в Турции: трансформация традиционного института. М., 2011.
- Шмидт, 1957* – Шмидт С. О. Царский архив середины XVI в. и архивы правительственных учреждений (Опыт изучения Описи Царского архива) // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1957. Т. 8.
- Шмидт, 1958* – Шмидт С. О. К истории царского архива середины XVI в. // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1958. Т. 11.
- Шмидт, 1960* – Шмидт С. О. К истории составления описей Царского архива XVI в. // Археологический ежегодник за 1958. М., 1960.
- Шмидт, 1961* – Шмидт С. О. Русские полоняники в Крыму и система их выкупа в середине XVI в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961.
- Шмидт, 1999* – Шмидт С. О. Россия Ивана Грозного. М.: Наука, 1999.
- Шпулер, 2016* – Шпулер Б. Золотая Орда. Монголы в России, 1223–1502 гг. / Пер. с нем. М. С. Гатина. Казань, 2016. 500 с.
- Штаден, 1925* – Штаден Г. О Москве Ивана Грозного: записки немца-опричника. Л., 1925.
- Штерн, 1906* – Штерн фон Э. Р. Феодосия и ее керамика. Одесса, 1906. 92 с.
- Шуази, 2008* – Шуази О. Всеобщая история архитектуры. М.: ЭКСМО, 2008.
- Шульман, 1973* – Шульман Е. Б. О позиции России в конфликте с Турцией в 1735–1736 гг. // Балканский исторический сборник. Кишинев, 1973. Вып. 3. С. 5–61.
- Шумкин, 2018* – Шумкин А. В. Захария де Гризольфи – князь Таманский, вождь «франков», Сююрташ-бей // Тюркологический сборник, 2015–2016: Тюркский мир Евразии. М.: Наука; Восточная литература, 2018. С. 150–178.
- Щепинский, Черепанова, 1969* – Щепинский А. А., Черепанова Е. Н. Северное Присивашье в V – I тысячелетиях до нашей эры. Симферополь, 1969.
- Щербак, 1997* – Щербак А. М. Печенежский язык // Языки мира: Тюркские языки / Под ред. Э. Р. Тенишева. Бишкек, Кыргызстан, 1997.
- Эварницкий, 1897* – Эварницкий Д. И. История запорожских казаков. СПб., 1897. Т. 3. 646 с.
- Эварницкий, 1903a* – Эварницкий Д. И. Источники для истории запорожских казаков. Владимир, 1903. Т. 1. 1072 с.
- Эварницкий, 1903b* – Эварницкий Д. И. Источники для истории запорожских казаков. Владимир, 1903. Т. 2. 1022, 122 с.
- Эварницкий, 1908* – Эварницкий Д. И. Источники для истории запорожских казаков. Владимир, 1908. Т. 1. 1072 с.
- Эвлия, 1961* – Челеби Эвлия. Книга путешествия: Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века. М.: Изд-во Вост. лит-ры, 1961.
- Эвлия, 1979* – Челеби Э. Книга путешествия (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979.
- Эвлия, 1999* – Челеби Эвлия. Книга путешествия Эвлия Челеби (1666–1667 гг.) / Пер. Е. В. Бахревского. Симферополь: Дар, 1999. 240 с.
- Эвлия, 2008* – Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области: Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века / Пер. и ком. Е. В. Бахревского. 2-е изд.: испр. и доп. Симферополь: Доля, 2008. 185 с.
- Эвлия, 2017* – Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области: извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII века. 3-е изд.: испр. / Э. Челеби. Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2017.
- Эдебият хрестоматиясы, 1971* – Эдебият хрестоматиясы / тертип эткенлер : А. Дерменджи, А. Балич, Дж. Бекиров. Ташкент: Укитувчи, 1971.
- Эминов, 2017* – Эминов Р. Р. Бахчисарайский дворец-музей: история создания и формирования коллекций (1917–1945 гг.). М., 2017. 368 с.
- Эмиров, 2013* – Эмиров Р. С. Текие дервишей в Крыму как отражение истории суфизма // Культура народов Причерноморья. 2013. № 261.
- Эскин, 1994* – Эскин Ю. М. Местничество в России XVI–XVII вв. хронологический реестр / Археологический центр РАН. М., 1994.
- Эссад, 1919* – Эссад Д. Константинополь. М., 1919.
- Югош, 1998* – Югош Р. Н. К вопросу о прусско-крымских переговорах 1761–1762 гг. // Культура народов Причерноморья. 1998. № 3. С. 296–300.
- Юзеев, 2003* – Юзеев А. Очерки Марджани о восточных народах. Казань : Татарское книжное изд-во, 2003. 175 с.

Юргевич, 1863 – Юргевич В. Н. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. Латинский текст с переводом и примечаниями // Записки Одесского общества истории древностей. Одесса, 1863. Т. 5. С. 629–837.

Юргевич, 1894 – Юргевич В. Н. Письмо настоятеля церкви в Alba-lulia Доминика, протонотария папского, с донесением в 1475 году, что Каффа взята турками и воеводы Стефан Молдавский и Боторад Валахский принесли присягу на верность королю Венгерскому // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1894. Т. 17, отд. 4. С. 1–2.

Яворницкий, 1993 – Яворницкий Д. И. История запорожский казаков: В 3-х т. Киев, 1993. Т. 3. 560 с.

Якобсон, 1953 – Якобсон А. Л. Дворец // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1953. №34: Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). С. 390–418.

Якобсон, 1964 – Якобсон А. Л. Средневековый Крым: очерки истории и истории материальной культуры. М.; Л.: Наука, 1964. 230 с.

Якобсон, 1973 – Якобсон А. Л. Крым в средние века. М.: Наука: Наука, 1973.

Яковлев, 1916 – Яковлев А. И. Засечная черта Московского государства в XVII веке: очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М., 1916. 321 с.

Яковлева, 2003 – Яковлева Т. Кримсько-турецький фактор у політиці гетьманів України у 60-ті рр. XVII ст. // УІЖ. 2003. № 2. С. 14–24.

Якуб-Кемаль, 1930а – Якуб-Кемаль [Я. М.] Арабський суфійський рукопис XIII віку в Криму знайдений і чи не в Криму й писаний // Збірник Історично-філологічного відділу Всеукраїнської академії наук. Київ, 1930. № 89: Філологічна кафедра під керуванням А. Е. Кримського, Тюркологічна комісія, № 2: Студії з Криму, I – IX. С. 159–165, іл.

Якуб-Кемаль, 1930б – [Якуб-Кемаль Я. М.] Тюрко-татарская рукопись XIV века «Нехджуль-ферадис» / Предисл. А. Н. Самойловича; Ялтинский объединенный краеведческий музей. Симферополь: Крымгосиздат, 1930. 58 с. Подп.: Кемаль Я.

Якубович, 2016 – Якубович М. М. Кадизаделизм в Крымском ханстве по данным Мухаммада аль-Кафауви // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2016. №5. С. 64–71.

Якубович, 2016а – Якубович М. М. Філософська думка Кримського ханства. Київ: Комора, 2016. 448 с.

Якубович, 2018 – Якубович М. М. Исламська спадщина Кримського ханства: біографічний словник і каталог рукописів. Дніпро: изд. Т. К. Середняк, 2018. 192 с.

Якушечкин и др., 2015 – Якушечкин А., Сабитов Ж. Кто был ханом в Крыму в 1456 г.? // Крымское историческое обозрение. 2015. № 2. С. 175–185.

Якушечкин, 2012 – Якушечкин А. В. Монетная стопа Крымского ханства в середине XVIII в.: по письменным источникам // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Севастополь; Тюмень, 2012. Вып. IV. С. 274–290.

Якушечкин, 2012а – Якушечкин А. В. К вопросу о монетном деле Джанибека Герая (1628–1635 гг.) в период его второго правления // Причерноморье. История, политика, культура. Сер. А. Севастополь. 2012. Вып. VIII(III). С. 177–182.

Якушечкин, 2013 – Якушечкин А. В. Сведения о денежном деле Крымского ханства в работе Н. Э. Клеемана // Причерноморье. История, политика, культура: матер. конф. Сер. А. Севастополь. 2013. Вып. XI(IV). С. 141–145.

Якушечкин, 2016 – Якушечкин А. В. Новый эмитент Крымского ханства – Хаджи Гирей II (1094–1095 / 1683–1684 гг.) // Нумизматика Золотой Орды. Казань, 2016. № 6. С. 103–105.

Якушечкин, 2018 – Якушечкин А. В. К вопросу о монетном деле Ислама Гирея II (1584–1588 гг. н. э.). // V Международный нумизматический симпозиум «ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка»: матер. науч. конф. Симферополь, М. 2018. С. 151–154.

Якушечкин, 2019 – Якушечкин А. В. К вопросу о монетном обращении Крыма в первой трети XVII в. (от Селямета Герая I до второго правления Джанибека Герая). // VI Международный нумизматический симпозиум «ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка»: матер. науч. конф. Симферополь, 2019. С. 141–149.

Янина, 1965 – Янина С. А. О монетах, приписываемых чекану хана Ногай // Материалы Сессии, посв. итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР: тез. докл. Баку, 1965. С. 169.

Яновский, 1891 – Яновский А. Е. Вакуф // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1891. Т. 5.

Яровая, 2010 – Яровая Е. Геральдика генуэзского Крыма / Гос. Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010. 208 с.

Ярцов, 1848 – Ярцов Я. О. Ярлыки крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей. 1848. Т. 2. С. 675–679.

Ясинский, 1889 – Ясинский А. Н. Московский государственный архив в XVI веке. Киев, 1894.

Яфарова, 2017 – Яфарова М. Р. Русско-османское противостояние в 1677–1681 гг. Дисс. к. и. н. М., 2017.

Ящуржинский, 1912 – Ящуржинский Х. П. Южнорусские пленники в Крымском ханстве // Известия Таврической учетной архивной комиссии. Симферополь, 1912. Вып. 47.

12 Numaralı, 1996 – 12 Numaralı Mühimme Defteri (978–979/1570–1572): Tıpkıbasım. Ankara, 1996.

12 Numaralı, 1996a – 12 Numaralı Mühimme Defteri (978–979/1570–1572): Özet, transkripsiyon ve indeks I. Ankara, 1996.

12 Numaralı, 1996b – 12 Numaralı Mühimme Defteri (978–979/1570–1572): Özet – transkripsiyon – indeks II. Ankara, 1996.

3 Numaralı, 1993 – 3 Numaralı Mühimme Defteri (966–968/1558–1560): Tıpkıbasım. Ankara, 1993.

3 Numaralı, 1993a – 3 Numaralı Mühimme Defteri (966–968/1558–1560): Özet ve transkripsiyon. Ankara, 1993.

370 Numaralı, 2001 – 370 Numaralı Muhâsebe-i Vilâyet-i Rûm-İli Defteri (937/1530): Dizin ve Tıpkıbasım. Ankara: Başbakanlık Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü Osmanlı Arşivi Daire Başkanlığı, 2001. Cilt I.

370 Numaralı, 2002 – 370 Numaralı Muhâsebe-i Vilâyet-i Rûm-İli Defteri (937/1530): Dizin ve Tıpkıbasım. Ankara: Başbakanlık Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü Osmanlı Arşivi Daire Başkanlığı, 2002. Cilt II.

5 Numaralı, 1994 – 5 Numaralı Mühimme Defteri (973/1565–1566). Tıpkıbasım. Ankara, 1994.

5 Numaralı, 1994a – 5 Numaralı Mühimme Defteri (973/1565–1566). Özet ve indeks. Ankara, 1994.

6 Numaralı, 1995 – 6 Numaralı Mühimme Defteri (972/1564–1565): Tıpkıbasım. Ankara, 1995.

6 Numaralı, 1995a – 6 Numaralı Mühimme Defteri (972/1564–1565). Özet – transkripsiyon. İndeks I. Ankara, 1995.

6 Numaralı, 1995b – 6 Numaralı Mühimme Defteri № 6 (972/1564–1565). Özet – transkripsiyon. İndeks II. Ankara, 1995.

7 Numaralı, 1997 – 7 Numaralı Mühimme Defteri (975–976/1567–1569): Tıpkıbasım I. Ankara, 1997.

7 Numaralı, 1997a – 7 Numaralı Mühimme Defteri (975–976/1567–1569): Tıpkıbasım II. Ankara, 1997.

7 Numaralı, 1998 – 7 Numaralı Mühimme Defteri (975–976/1567–1569): Özet – transkripsiyon. İndeks I. Ankara, 1998.

7 Numaralı, 1998a – 7 Numaralı Mühimme Defteri (975–976/1567–1569): Özet – transkripsiyon. İndeks II. Ankara, 1998.

7 Numaralı, 1999 – 7 Numaralı Mühimme Defteri (975–976/1567–1569): Özet – transkripsiyon. İndeks III. Ankara, 1999.

7 Numaralı, 1999a – 7 Numaralı Mühimme Defteri (975–976/1567–1569): Özet – transkripsiyon. İndeks IV. Ankara, 1999.

82 Numaralı, 2000 – 82 Numaralı Mühimme Defteri (1026–1027/1617–1618): Özet – transkripsiyon – indeks ve tıpkıbasım. Ankara, 2000.

83 Numaralı, 2001 – 83 Numaralı Mühimme Defteri (1036–1037/1626–1628): Özet – transkripsiyon – indeks ve tıpkıbasım. Ankara, 2001.

85 Numaralı, 2001 – 85 Numaralı Mühimme Defteri (1040–1041 (1042)/1630–1631 (1632)): Tıpkıbasım. Ankara, 2001.

85 Numaralı, 2002 – 85 Numaralı Mühimme Defteri (1026–1027/1617–1618): Özet – transkripsiyon – indeks. Ankara, 2002.

Abalı, 2006 – Abalı Murat. Saîd Giray Divânı Tahlili / Yüksek Lisans Tezi / Pamukkale Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Türk Dili ve Edebiyatı Anabilim Dalı. Danışman Yrd. Doç. Dr. Saadet Karaköse / M. Abalı. Denizli, 2006. 245 s.

Abdullah İbn Rıdvan, 2012 – Abdullah İbn Rıdvan, Tevârîh-i Deş-i Kıpçak ‘An Hıttâ-i Kırım Veya Tevârîh-i Tatar Hânân-ı Kadîm Ve Ahvâl-i Deşt-i Kıpçak / Hazırlayanlar: Akif Erdoğan, Selçuk Uysal. İzmir, 2012. 51 s.+tıpkıbasım.

Abdullahoglu, 1934 – Abdullahoglu H. Birinci Mengili Giray Han yarlığı // Turkat mecmuasi. Gilt IV. İstanbul, 1934. S. 99–109.

Abdullahoğlu, 1932 – Abdullahoğlu Hasan Bey. Kırım Tarihine Ait Notlar ve Vesikalar – Gazi Giray’ın Mektupları // Azerbaycan Yurt Bilgisi Mecmuası. 1932. № 3–7.

Abdülvahap, 1999 – Abdülvahap N. Osman Murasov : Şair İsmetiy ve «Özü Vaqıası Destanı» eseri // Günsel. 1999. № 3.

Abduvaliyeva, 2014 – Abduvaliyeva E. Kırım Hanı Bora Gâzî Giray Han’ın Kefevî Hüseyin Efendiye Yazdığı 1594 Tarihli Mektubu // Modern Türklük Araştırmaları. 2014. Cilt. 11. Sa. 1. S. 7–26.

- Abduvaliyeva-Er, 2011* – Abduvaliyeva E., Er. Bora Gazi Giray Han: Hayatı ve Eserleri / Doktora Tezi. Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Çağdaş Türk Lehceleri ve Edebiyatları Anabilim Dalı. Ankara, 2011.
- Abrahamowicz, 1954* – Abrahamowicz Z. Dokumenty tatarskie i tureckie w zbiorach polskich // Przegląd Orientalistyczny. 1954. № 2(10).
- Acar, 2010* – Acar S. St. Petersburg Devlet Üniversitesi Şarkiyat Fakültesi Kütüphanesinde Bulunan Kırım Tarihi ile İlgili Eserlerin Bibliyografyası // Türk Dünyası İncelemeleri Dergisi. 2010. T. X/2.
- Acar, 2013a* – Acar S. Astarhan Hanlığı (1502–1556) // Doğu Avrupa Türk Tarihi. İstanbul, 2013.
- Acar, 2013b* – Acar S. Kazan Hanlığı (1437–1552) // Doğu Avrupa Türk Tarihi. İstanbul, 2013.
- Acar, 2013c* – Acar S. Kâsım Hanlığı (1445–1681) // Doğu Avrupa Türk Tarihi. İstanbul, 2013.
- Acar, 2013d* – Acar S. Sibir Hanlığı (1464–1589) // Doğu Avrupa Türk Tarihi. İstanbul, 2013.
- Acar, 2013e* – Acar, S. Kırım Hanı Devlet Giray'ın 1571 Rusya Seferi ve Moskova Yangını // Karadeniz Araştırmaları Dergisi. 2013. Sayı 39.
- Acar, 2015* – Acar S. Kırım Hanı Mehmed Giray'ın Sebeb-i Mevtti // Doğu Avrupa Türk Mirasının Son Kalesi: Kırım. İstanbul: Çamlıca Basım Yayın, 2015.
- Acıduman, 2013* – Acıduman A. Ankaralı Hekim Nidâ'î ve ünlü eseri Menâfi'ü'n-Nâs: XVI. Yüzyıldan çocuk hastalıkları ve tıbbî deontolojiye bir bakış // Çocuk Sağlığı ve Hastalıkları Dergisi, 2013. C. 151–167.
- Acte, 1897* – Acte şi fragmente cu privire la istoria românilor adunate din depozitele de manuscise ale Apusului / Niculaï Iorga şi publicate cu sprijinul Ministeriului de instrucție publică. Bucureşti: Imprimeria statului, 1897. Vol. III. 107, V p.
- Actes des notaires, 1927* – Actes des notaires génois de Péra et de Caffa de la fin du treizième siècle (1281–1290) / Ed. G. I. Brătianu // Études et Recherches / Academia Română. Bucarest: Cultura Națională. 1927. T. 2.
- Adana, 1985* – Türkiye Yazmaları Toplu Kataloğu. The Union Catalogue of the Manuscripts in Turkey. 01. I. Adana İl ve Halk Kütüphanesi ve Müzesi. Ankara, 1985.
- Adana, 1986* – Türkiye Yazmaları Toplu Kataloğu. The Union Catalogue of the Manuscripts in Turkey. 01. II. Adana İl ve Halk Kütüphanesi ve Müzesi. Ankara, 1986.
- Agat, 1962* – Ağat N. Bağimsız Kırım hanları. Hacı Giray Han (Melek) // Emel. Sayı 11. İstanbul, 1962.
- Agat, 1976* – Ağat N. Altınordu (Cuçi Oğulları) paraları kataloğu, 1250–1502. Edebiyat Fakültesi matbaası, 1976.
- Agosto, 1977* – Agosto A. Due lettere inedite sugli eventi del Cembalo e di Sorcati in Crimea nel 1434 // Atti della Società Ligure di Storia Patria: Nuova serie. Genova, 1977. Vol. XVII(91), fasc. II, № 2. P. 507–517.
- Ağat, 1976* – Ağat N. Altın Orda (Cücioğulları) Para Kataloğu (1250–1502), İstanbul: Edebiyat Fakültesi Yayınları, 1976.
- Airaldi, 1974* – Airaldi G. *Studi e documenti su Genova e l'Oltremare* // Collana Storica di Fonti e Studii. Genova. 1974. № 19.
- Akchurina-Muftieva, 2019* – Akchurina-Muftieva N. M. Islamic Traditions of Water-Supply Construction in Crimea // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. № 4. С. 663–673.
- Akdeniz, 2016* – Akdeniz M. Ta'bi'nin Mecmûa-i Eşâri (İnceleme–Metin) / Pamukkale Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü. Yüksek Lisans Tezi. Türk Dili ve Edebiyatı Anabilim Dalı Eski Türk Edebiyatı Programı. Danışman: S. Karaköse. Denizli, 2016.
- Akgül, 2018* – Akgül, A. 18. Yüzyıl Şairlerinden Abdullâh Sıdkî ve Divan'ının Şekil Özellikleri // Dil ve Edebiyat Araştırmaları. 2018. № 18.
- Akgündüz, Oğuz, 1998* – Akgündüz A., Oğuz M. Hücet // İslam Ansiklopedisi, TDV, 1998. C. 18. S. 446–450.
- Akhiezer, 2003* – Akhiezer G. The History of the Crimean Karaites During the Sixteenth to the Eighteenth Centuries // Karaite Judaism: A Guide to Its History and Literary Sources / Ed. by M. Polliack. Boston: Brill, 2003. P. 729–757.
- Akkaya, 1959* – Akkaya Z. Vecihî ve Eseri // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. 1959. Cilt XVII. Sayı 3–4.
- Akpınar, 2002* – Akpınar, C. Kefevi Hüseyin Efendi // İslam Ansiklopedisi. Ankara, 2002. C. 25. S. 186–188.
- Akpınar, Cemil. Kefevi Hüseyin Efendi* // IA. Ankara, 2002. C. 25. S. 186–188.
- Akpınarlı, 2004* – Akpınarlı H. Feriha. Kırım El Sanatlarının Dünü Ve Bugünü. Ankara: Atatürk Yüksek Kurumu Atatürk Kültür Merkezi Yay, 2004.
- Akta, 1870* – Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tak zwanego bernardynskiego we Lwowie. Lwów: Z drukarni zakładu narodowego imienia Ossolińskich, 1870. T. 2. VII, 285 s.
- Akta, 1876* – Akta grodzkie i ziemskie z czasów

- Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tak zwanego bernardynskiego we Lwowie. Lwów: Z drukarni narodowej W. Manieckiego, 1876. T. 6. VI, 302 s.
- Akta, 1889* – Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tak zwanego bernardynskiego we Lwowie. Lwów: Z związkowej drukarni, 1889. T. 14. № XVII, 635 s.
- Aktaş, 2016* – Aktaş S. S. 1648–1679 Tarihli 3a ve 3b Numaralı Kırım Kadıasker Defterlerinin Tanıtımı // PESA Uluslararası Sosyal Araştırmalar Dergisi. 2016. Cilt 2. Sayı 2.
- Akün, 1994* – Akün Ö. F. Divân edebiyatı // TDV İslam Ansiklopedisi. İstanbul, 1994. C. 9.
- Albayrak, 1991* – Albayrak N. Âşık // TDV İslam Ansiklopedisi. İstanbul, 1991. C. 3.
- Allen, 1963* – Allen W. E. D. Problems of Turkish Power in the Sixteenth Century. L., 1963.
- Altuner, 1989* – Altuner Nuran. Safâyî ve Tezkiresi : İnceleme-Tenkitleti Metin-İndeks. I–III / Doktora Tezi / İÜ Sosyal Bilimler Enstitüsü / Danışman: A. Alparşlan. İstanbul, 1989.
- Amitai, 2008* – Amitai R. Diplomacy and the Slave Trade in the Eastern Mediterranean: A Re-examination of the Mamluk–Byzantine–Genoese Triangle in the late thirteenth century in Light of the Existing Early Correspondence // Oriente Moderno. 2008. T. 88. № 2: Les relations diplomatiques entre le Monde musulman et l'Occident latin (XIIIe – XVIe Siècle).
- An Economic and Social, 1994* – An Economic and Social History of The Ottoman Empire 1300–1914 / İnalçık H., Quataert D. Cambridge, 1994.
- Andreescu, 2003* – Andreescu Şt. Un act genovez din 1453 sau despre limitele metodei cantitative // Studii şi materiale de Istorie Medie / Academia Română; Institutul de istorie «Nicolae Iorga»; Muzeul Brăilei. Brăila: Editura Istros, 2003. Vol. XXI. Anexe № II. P. 146–148.
- Andreescu, 2005* – Gabriel Andreescu (ed.), Ernest Oberlander-Târnoveanu, Volker Adam. Tartars in Romania. Problems of identity. Bucharest, 2005.
- Andreescu, 2007* – Andreescu Şt. Caffa, the Crimean khan Hadji Giray and Moldavia: new information from a Genoese source // Revue des Études Sud-Est Européennes. T. XLV. № 1–4, Janvier–Décembre. Bucarest, 2007. P. 39–43.
- Andrusiewicz, 1999* – Andrusiewicz A. Dzieje wielkiej smuty. Katowice, 1999. C. 288.
- Anıl, 1993* – Anıl Y. Ş. Osmanlı'da Kadılık. İstanbul: İletişim Yayınları, 1993. 109 s.
- Ankori, 1959* – Ankori Z. Karaites in Byzantium: The Formative Years, 970–1100. New York; Jerusalem, 1959. 546 p.
- Arpacı, Özyetgin, 2018* – Arpacı M., Özyetgin A. Melek. Kırım Hanlığına Ait Yarıklarda Geçen Para Birimleri Üzerine Bir Değerlendirme // 5. Yıldız Sosyal Bilimler Kongresi. 2018.
- Arpacı, Özyetgin, 2019* – Arpacı M., Özyetgin A. Melek. Kırım Hanlığında Saray Protokolü // Karadeniz Araştırmaları. XVI/62. 2019.
- Arşlan, 2008* – F. Arşlan. Gazi Giray Han II Ve Müsikişinaslığı // Uluslararası II. Türkoloji Kongresi Bildirileri. 22–24 Mayıs 2008 Kırım – Ukrayna.
- Arşlangiray, 1959* – Arşlangiray A. Kırım Hanlığının Mense-i, Kuruluşu ve Osmanlı İmparatorluğuna Bağlanması. İstanbul: Kırım Türk Kultur Derneği Neşriyatı, 1959.
- Aslanapa, 1971* – Aslanapa O. Turkish Art and Architecture. New York: Praeger Publisher, 1971.
- Aslanapa, 1979* – Aslanapa Oktay. Kırım ve Kuzey Azerbaycan'da Türk Eserleri. İstanbul: Baha Matbaası, 1979.
- Assini, 1999* – Assini A. Una «filza» ritrovata. La riscoperta di importanti documenti genovesi su Constantinopoli e il Mar Nero // România Orientale. 1999. T. 12. P. 13–36.
- Aşık Ömer, 2010* – Aşık Ömer Divanı / Haz. Y. Karasoy, O. Yavuz. Konya, 2010.
- Aşıkpasaoğlu, 1992* – Aşıkpasaoğlu Tarihi / Tarih Dizisi. İstanbul, 1992. 173 s.
- Augusiewicz, 2018* – Augusiewicz S. Rejestr jeńców polskich na Krymie z 1649 roku // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne. 2018. № 145. Z. 1. P. 157–180.
- Avcı, 2016* – Avcı, İ. Fatih'in Musahiplerinden Âlim ve Şair Molla Kırımî ve Bir Şiiri // Osmanlı Tarihi Araştırma ve Uygulama Merkezi Dergisi. 2016 (Güz). № 40. S. 111–127.
- Avşar, 2007* – Avşar B. Zakir. Ombudsman İyi Yönetilen Türkiye için Kamu Hakemi. Ankara: Asil Yayın Dağıtım, 2007. 218 s.
- Aykut, 1997* – Aykut N. Hasanbeyzade Ahmed Paşa // TDV İslam Ansiklopedisi. C. 16. İstanbul, 1997.
- Aziz, 1938* – Aziz Ö. Kırım hakkında coğrafi, iktisadi, siyasi malumat // Kırım Mecmuası. 1938. Sayı 2.
- Baba, 2013* – Hicâbî Baba (Abdülbaki Bahçesarayı Hazretleri). Zübdetü'l – İslam (İslamın özü) / Sadeleştiren Ramazan Yıldız. Ankara: T. C: Ziyaret Belediyesi, 2013. 57, 69 s.
- Babacan, 2007* – Babacan, İsrail. 16. Asırda

Osmanlı Sahası Şâirleri Hakkında Yazılmış «Tezkire-i Mecâlis-i Şu'arâ-yı Rûm» Adlı Tanınmayan Bir Tezkire // Bilig. 2007 (Kış). Sayı 40.

Babinger, 1978 – Babinger F. Mehmed the Conqueror and his Time / Transl. by R. Manheim // Bollingen Series. XCVI. Princeton: Princeton University Press, 1978.

Babinger, 1992 – Babinger F. Osmanlı Tarih Yazarları ve Eserleri / Cev. C. Uçok. Ankara, 1992.

Badecki, 1927 – Badecki K. Zaginionie księgi średniowiecznego Lwowa // Kwartalnik Historyczny. Lwów, 1927. R. 41. S. 519–579.

Bakırcı, 2015 – Bakırcı F. Gazi Giray Han'ın Gül ü Bülbül'üne Atfedilen Leningrad Nüshası Salahi'ye mi Ait? // Modern Türklük Araştırmaları Dergisi. 2015. Cilt 12, sayı 2.

Baktır, 1998 – Baktır M. Hutbe // Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi. Cilt 18. İstanbul, 1998.

Balard, 1973 – Balard M. Gênes et l'outre-mer. Tome I: Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto, 1289–1290 // Documents et Recherches sur l'Économie des Pays Byzantins, Islamiques et Slaves et leurs Relations commerciales au Moyen Age. Paris: Mouton 1973. T. XII.

Balard, 1978 – Balard M. La Romanie Génoise (XIIe – début du XVe siècle). T. I–II // Atti della Società Ligure di Storia Patria. Nuova Serie – Vol. XVIII (XCII), Fasc. I, II // Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Rome. Genova–Rome. 1978. Fasc. 235.

Balard, 1979 – Balard M. *Les Genoïs en Crimée aux XIIIe–XIVe*. // Αρχαιον Ποντου. T. 35. 1979. P. 204–205.

Balard, 1993 – Balard M. Caffa «Ianuensis civitas in extremo Europe» // Rivista di Bizantinistica. 1993. № 3.

Balard, 1995 – Balard M. Notes sur la fiscalité génoise à Caffa au XVe siècle // Bulletin de la Société Nationale des Antiquaires de France, 1993. 1995. P. 224–241.

Balard, 2017 – Balard M. 1261. Genova nel mondo: il trattato di Ninfeo // Gênes et la mer // Quaderni della Società Ligure di Storia Patria. Genova. 2017. № 3.

Balard, Veinstein, 1980 – Balard M., Veinstein G. Continuité ou changement d'un paysage urbain? Caffa génoise et ottomane // Actes des congrès de la Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public. 11-e congrès. Lyon, 1981. P. 79–181.

Balletto, 2000 – Balletto L. Liber Officii Provisionis Romaniae (Genova, 1424–1428). Genova, 2000. LXXX, 517 p.

Baltacı, 2005 – Baltacı, C. XV–XVI. Yüzyıllarda Osmanlı Medreseleri. İstanbul, 2005. 1014 s.

Bandtkie, 1835 – Bandtkie J. Dzieje narodu polskiego. Wrocław, 1835. T. II.

Bănescu, 1966 – Bănescu N. Archives d'Etat de Gênes. Officium provisionis Romaniae. I // Revue des Études Sud-Est Européennes. T. 4. № 3–4. Bucareşti: Édition de l'Académie de la République socialiste de Roumanie, 1966. P. 575–591.

Baram, 1999 – Baram U. Clay Tobacco Pipes and Coffee Cup Sherds in the Archaeology of the Middle East: Artifacts in Social Tensions from the Ottoman Past // International Journal of Historical Archaeology. 1999. Vol. 3, № 3. P. 137–151.

Baram, Carroll, 2002 – Baram U., Carroll L. The Future of the Ottoman Past // A Historical Archaeology of the Ottoman Empire / eds. U. Baram, L. Carroll. New York; Boston; Dordrecht; London; Moscow, 2002. P. 3–32.

Baranowski, 1948 – Baranowski B. Geneza sojuszu kozacko-tatarskiego z 1648 r. // Przegląd Historyczny. 1948. № 37. S. 276–287.

Baranowski, 1948a – Baranowski B. Polska a Tatarszczyzna w latach 1624–1629. Łódź, 1948. 134 s.

Baranowski, 1949 – Baranowski B. Stosunki polsko-tatarskie w latach 1632–1648. Łódź, 1949. 210 s.

Baranowski, 1957 – Baranowski B. Tatarszczyzna wobec wojny polsko-szwedzkiej w latach 1655–1660 // Polska w okresie Drugiej Wojny Polnocnej 1655–1660. Warszawa: Państwowe wyd-wo naukowe, 1957. T. I. S. 453–490.

Barişta, 1993 – Barişta H. Örcün. İstanbul Çeşmeleri. Kabataş Hekimoğlu Ali Paşa Veydan Çeşmesi – Acar Matbaacılık A. Ş. İstanbul, 1993.

Barişta, 1998 – Barişta H. Örcün. Türk el sanatları / H. Örcün Barişta. İlaveli 2. bsk. Ankara, 1998.

Barkan, 1964 – Barkan Ö. 894 (1488/1489) yılı Cizyesinin Tahsilâtına âit Muhasebe Bilançoları // Belgeler. Ocak. 1964. Cilt: 1. Sayı 1

Barkan, 1979 – Barkan O. L. İstanbul Saraylarına ait Muhasebe Defterleri // Belgeler. Ankara, 1979. Cilt IX, Sayı 13.

Barthold, 1911 – Barthold W. Bağhçe Sarâi // Enzyklopaedie des Islâm. Geographisches, ethnographisches und biographisches Wörterbuch der muhammedanischen Völker. Herausgegeben von M. Th. Houtsma und R. Hartmann. 10e Lieferung. Leiden; Leipzig, 1911.

Bartoszewicz, 1860 – Bartoszewicz J. Pogląd na

stosunki Polski z Turczyą i Tatarami, na dzieje Tatarów w Polsce osiadłych, na przywileje tu im nadane, jako też wspomnienia o znakomitych Tatarach polskich. Warszawa, 1860.

Baski, 1986 – Baski I. A Crimean Turkic-Tatar Glossary from the 17th Century // AO. 1986. T. XL.

Basso, 1991 – Basso E. Il «bellum de Sorcati» ed I trattati del 1380–87 tra Genova e l'Orda d'Oro // Studi Genuesi: Nuova ser. Cenova. 1991. Vol. 8(1990).

Basso, 1995 – Basso E. Genova: un impero sul mare // Collana di studii italo-iberici. Calgari. 1994. Vol. 20.

Başbakanlık, 2000 – Başbakanlık Osmanlı Arşivi Rehberi. İstanbul, 2000.

Başer, 2011 – Başer, Alper. Kırım Hanlığı Tarihini Konu Alan Müstakil Eserler ve Yeni Bir Kaynak Tarih-i Mevkûfati // Turkish Studies International Periodical for The Languages Literature and History of Turkish or Turkic. 2011. Vol. 6/1.

Başer, 2015 – Başer A. Kırım Hanlığı Tarihinde Mangıt Kabilesi // Doğu Avrupa Türk Mirasının Son Kalesi: Kırım. İstanbul: Çamlıca Basım Yayın, 2015.

Başer, Çınar, 2012 – Alper Başer, Gülay Karadağ Çınar. Kırım'dan İran'a Bir Cengizli Hanzadesi: Adil Giray Sultan // Alevilik Araştırmaları Dergisi. 2012. Sayı 4.

Battal-Taymas, 1964 – Battal-Taymas A. La Litterature Des Tatars Dr Crimee // Philologiae Turcicae Fundamenta. Tomum Secundum (German) Hardcover. Wiesbaden, Steiner, 1964.

Bektaş, 2011 – Bektaş E. Nisârî ve Fihrist-i Şâhân'ı // Selçuk Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi. 2011. Sayı 26.

Beldiceanu, Beldiceanu-Steinherr, 1986 – Beldiceanu N., Beldiceanu-Steinherr I. Notes sur le «bir», les esclaves tatars et quelques charges dans les Pays Roumains. Journal of Turkish Studies. 1986. № 10.

Belgelerle, 2004 – Belgelerle Osmanlı-Türkistan ilişkileri (XVI – XX. Yüzyıllar). Ankara, 2004.

Belgrano, 1877 – Belgrano L. T. Prima serie di documenti riguardanti la colonia di Pera adunati dal socio // Atti della Società Ligure di Storia Patria. Genova, 1877. Vol. XIII. P. 99–336.

Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay, 1972 – Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch. Le Khanat de Crimée au Début du XVI Siècle. De la Tradition Mongole a la Suzeraineté Ottomane d'après un document inédit des Archives ottomanes // Cahiers du monde russe et soviétique. Paris: La Haye, 1972. Vol. XIII, № 3.

Bennigsen, 1967 – Bennigsen A. L'expédition turque contre Astrakhan en 1569 // Cahiers du monde russe et soviétique. 1967. Vol. 8. № 3.

Bennigsen, 1967 – Bennigsen A. L'expédition turque contre Astrakhan en 1569 // CMRS. Paris, 1967. Vol. VIII. № 3.

Bennigsen, 1972 – Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch. Le khanat de Crimee au debut du XVI siecle. De la tradition Mongole a la suzerainete ottomane // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. Paris, 1972. Vol. XIII, № 3.

Bennigsen, 1973 – Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch. La Moscovie, l'empire ottoman et la crise successorale de 1577 – 1588 dans le Khanat de Crimée // Cahiers du monde russe et soviétique. 1973. Vol. 14. № 4.

Bennigsen, 1978 – [Bennigsen A.] Le Khanate de Crimee dans les archives du Musee du Palais de Topkapi. Paris, 1978.

Berindei, Veinstein, 1975 – Berindei M., Veinstein G. Règlements de Süleymân Ier concernant le livâ` de Kefe // Cahiers du monde russe et soviétique. 1975. Vol. 16. № 1.

Berindei, Veinstein, 1976 – Berindei M., Veinstein G. La Tana-Azaq De La Presence Italienne a L'Emprise Ottomane // Turcica. Paris; Strasbourg, 1976. T. VIII. № 2. P. 110–201.

Berindei, Veinstein, 1979 – Berindei M., Veinstein G. La presence Ottomane au Sud de la Crimée et en Mér d'Azov dans la première moitié du XVI siècle // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1979. Vol. XX. № 3–4. P. 289–465.

Beşli, 2007 – Beşli Z. Ömer Besîm Divânı. Hayatı, Edebî Şahsiyeti, Eseri ve Divânı'nın İncelemesi / Afyon Kocatepe Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Türk Dili ve Edebiyatı Anabilim Dalı. Yüksek Lisans Tezi. Danışman A. İ. Aypay. Afyonkarahisar, 2007.

Beydilli, 2013 – Beydilli Kemal. Osmanlı'da İmamlar ve Bir İmamın Günlüğü. İstanbul: Yitik Hazine, 2013.

Bıyık, 2014 – Bıyık, Ö. Kırım'ın İdarî ve Sosyo-Ekonomik Tarihi (1600–1774). İstanbul: Ötüken Neşriyat, 2014.

Bielski, 1856 – Bielski M. Kronika polska Marcina Bielskiego. T. 2. Sanok, 1856.

Biernacki, 2008 – Biernacki W. Żółte Wody-Korsuń 1648. Warszawa: Bellona, 2008.

Bilgin, 2011 – Bilgin, A. Azmi. Tekke Edebiyatı // TDV İslam Ansiklopedisi. İstanbul, 2011. C. 40.

Bintliff, 2008 – Bintliff J. Medieval and Post-

Medieval // Encyclopedia of Archaeology / ed. D. M. Pearsall. New York, 2008. P. 1280–1298.

Bir, 2008 – Bir, A., Kaçar, M. Rubu' tahtası // İslâm Ansiklopedisi. İstanbul, 2008. C. 35. S. 179–184.

Biyik, 2007 – Biyik Ö. Osmanlı Yönetiminde Kırım (1600–1774). Doktora Tezi. İzmir, 2007.

Bocharov, 2021 – Bocharov Sergei G. Karasubazar: historical topography of the city of the Crimean Khanate in the 16th – 18th centuries // Journal of Siberian Federal University: Humanities & Social Sciences. 2021. № 14(1). P. 4–16.

Boeck, 2009 – Boeck B. J. Imperial Boundaries: Cossack Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great. New York, 2009. 255 p.

Boratyński, 1903 – Boratyński L. Stefan Batory i plan ligi przeciw Turkom (1576–1584). Kraków, 1903.

Borowiak, 2010 – Borowiak A. Powstanie kozackie 1638. Zabrze: Inforteditons, 2010.

Boscamp-Lasopolski, 1963 – Boscamp-Lasopolski K. Moje przelotne miłości z młoda Bitynką. Kraków, 1963.

Bozatay, Demir, 2014 – Bozatay Şeniz Anbarlı, Demir Konur Alp. Osmanlı Adli ve İdari Sisteminde Kadılık: Kurumsal Bir Değerlendirme (Кадийство/кадылык в системе османского правосудия и управления: анализ института) // Mehmet Akif Ersoy Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. Haziran 2014. Cilt 6 Sayı 10 S. 71–89.

Bratianu, 1929 – Bratianu G. I. Recherches sur le commerce génois dans la mer Noire au XIIIe siècle. Paris: Geuthner. 1929.

Bratianu, 1969 – Bratianu G. La mer Noire des origines à la conquête ottomane. München, 1969.

Bratislava, 1961 – Arabische, türkische und persische Handschriften der Universitäts-bibliothek in Bratislava. Bratislava, 1961.

Bronevskiy, 1970 – M. Bronevskiy, Kırım / Çev. K. Ortaylı. Ankara: Ege Matbaası, 1970.

Broniewski, 2011 – Broniewski M. Tartariae Descriptio. Opis Tatarii, przekład: Ewa Śnieżewska, red. Magdalena Maćzyńska. Łódź, 2011.

Bursalı, 1919/20 – Bursalı M. T. İdâre-i Osmâniyye Zamânında Yetişen Kırım Mü'ellifleri. İst.: Matbaa-yı Orhaniyye, 1335 (1919/20).

Bursalı, 1975 – Bursalı Mehmed Tahir Bey. Osmanlı Müellifleri. 3. Cild. Hazırlayan İ. Özen. İstanbul, 1975.

Bursalı, 1982 – Bursalı M. T. Kırımli Meşâyih, Ulemâ, Müverrihîn, Etibba ve Riyâziyyûnun Terâcim-i Ahvâl ve Âsarı / Neşre Hazırlayan : Hasan Aksoy // İslâm Medeniyeti Mecmuası. 1982 (Ekim). Cilt 6 V. Sayı 4.

Bursalı, 1990 – Bursalı, Mehmet Tahir. Osmanlılar Zamanında Yetişen Kırım Mü'ellifleri / Haz.: Mehmet Sarı. Ankara, 1990.

Caffaro, 1929 – Annali Genovesi di Caffaro e de suoi continuatori / A cura di Cesare Imperiali. Vol. 5: Dal 1280 al 1293 (Iacobi Aurie annales). Serie: Fonti per la Storia d'Italia. Roma. 1929.

Călători, 1971 – Călători străini despre țările române. București, 1971 Vol. III.

Călători, 1976 – Călători străini despre țările române. 1976. Vol. VI.

Cambridge Companion, 2002 – The Cambridge Companion to Travel Writing, Cambridge, 2002.

Canale, 1855 – Canale M. G. Della Crimea del suo commercio e dei suoi dominatori dalle origini fino di nostri. Genova. 1855. Vol. II.

Canale, 1855a – Canale M. G. Della Crimea del suo commercio e dei suoi dominatori dalle origini fino ai di nostri commentari storici: In 3 t. Genova. 1855. Vol. 3. 492 p.

Cantemir, 1743 – Cantemir D. Histoire de l'empire Othoman, où se voyent les causes de son aggrandissement et de sa decadence: Avec des notes très-instructives / Par D. Cantimir; Trad. en franç. par m. de Jonquieres. Paris, 1743.

Cantemir, 1876 – Cantemir D. Istoria Imperiului Otoman. / Ed. I. Hodosiu, București, 1876.

Cantimir, 1743 – Cantimir D. Histoire de l'Empire Othoman, où se voyent les causes de son agrandissement et de sa decadence / Trad. en françois par M. de Jonquières. T. I. Paris, 1743.

Castelnau, 1827 – Castelnau Gabriel de. Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie. 1827. T. 3: Chez Rey et Gravier, Libraires.

Cazacu, Kévonian, 1976 – Cazacu M., Kévonian K. La chute de Caffa en 1475 a la lumière de nouveaux documents // Cahiers du monde russe et soviétique. Paris, 1976. Vol. XVII, № 4. P. 495–538.

Cazacu, Nasturkl, 1978 – Cazacu M. S., Nasturkl P. S. Une démonstration navale des Turcs devant Constantinople et la bataille de Kilia (1448) // Journal des savants. 1978. Vol. 3. № 1. P. 197–210.

Cebeci, 1988 – Cebeci A. Silistre Sancağı Vakıfları ve H. 1006 (1597–1598) Tarihli Silistre Livası Vakıf Defteri (№ 561) // Vakıflar Dergisi. Ankara, 1988, cilt XX.

Cebecioğlu M. vd., 2013 – Cebecioğlu M., Satar S., Gurulkan K. vd. Kırım Hanlarına Name-i Hümâyûn (2 Numaralı Name Defteri). Başbakanlık Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü, İstanbul, 2013.

- Ceruti, 1885* – Ceruti A. L'Ogdoas di Alberto Alfieri. Episodii di storia genovese nei primordii del secolo XV // Atti della Società Ligure di Storia Patria. Genova, 1885. Vol. XVII. P. 253–320.
- Cevdet, 1997* – Ahmet Cevdet Paşa, «Kırım ve Kafkas Tarihi» / Haz. A. Özyayın // Emel. Ankara, 1997. Temmuz-Ağustos. Sayı 221,
- Chalcocondil, 1958* – Laonic Chalcocondil. Expuneri istorice... / ed. V. Grecu; Editura Academiei, 1958.
- Chamańska, 1996* – Chamańska I. Mołdawia i Wołoszczyzna wobec Polski, Węgier i Turcji w XIV i XV wieku. Poznań. 1996. 396 s.
- Chardin, 1711* – Voyages de Monsieur le chevalier Chardin, en Perse, et autres lieux de l'Orient. Amsterdam, 1711. T. 1.
- Chowaniec, 1928* – Chowaniec Cz. Sobieski wobec Tatarszczyzny 1683–85 // Kwartalnik Historyczny. 1928. R. 42.
- Ciampi, 1839* – Ciampi S. Bibliographia critica delle antiche reciproche corrispondenze politiche, ecclesiastiche, scientifiche, letterarie, artistiche dell'Italia colla Russia colla Polonia ed altri parti settentrionali. Firenze, 1839. T. II.
- Ciesielski, 2005* – Ciesielski T. Kampania Żwaniicka // Studia i materiały do historii wojskowości. 2005. T. 41. S. 27–59;
- Ciesielski, 2007* – Ciesielski T. Od Batohu do Żwańca. Wojna na Ukrainie i w księstwach naddunajskich 1652–1653. Zabrze: Inforteditions, 2007.
- Cihan, Yılmaz, 2004* – Cihan A., Yılmaz F. Kırım Kadi Sicilleri // İslâm Araştırmaları Dergisi: Turkish Journal of Islamic Studies. İstanbul, 2004. Sayı 11.
- Ciociltan, 2012* – Ciociltan V. The Mongols and the Black Sea trade in the thirteenth and fourteenth centuries / Transl. S. Willcocks. Leiden; Boston: Brill. 2012.
- Codex, 1876* – Codex epistolaris seculi decimi quinti. T. I: 1384–1492: ex antiquis libris formularum corpore Naruszeviciano, autographis archivistiche plurimis collectus opera A. Sokołowski, J. Szujski. Pars 2: Ab anno 1444 ad annum 1492 / Cura J. Szujski // Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. Kraków, 1876. T. 2. LXXII, 368 p.
- Codex, 1882* – Codex epistolaris Vitoldi magni ducis Lithuaniae 1376–1430 / Coll. opera A. Prochaska // Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. Kraków, 1882. T. VI. CXVI, 1113 p.
- Codex, 1894* – Codex epistolaris seculi decimi quinti. T. III: 1392–1501 / Coll. opera A. Lewicki // Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. Kraków, 1894. T. 14. LXXXII, 666 p.
- Codice diplomatico, 1868–1870* – Codice diplomatico delle colonie Tauro–Liguri (1453–1475) / Ed. et com. A. Vigna // Atti della Società Ligure di Storia Patria. T. I: 1453–1459. 1868–1870. T. VI.
- Codice diplomatico, 1871–1874* – Codice diplomatico delle colonie Tauro–Liguri (1453–1475). T. II. Parte I: 1460–1472 / Ed. et com. A. Vigna // Atti della Società Ligure di Storia Patria. 1871–1874. Vol. VII. Pt. I.
- Codice diplomatico, 1879–1881* – Codice diplomatico delle colonie Tauro–Liguri (1453–1475). T. II. Parte II: 1473–1475 / Ed.: et com. A. Vigna // Atti della Società Ligure di Storia Patria. Vol. VII. Parte II. 1879–1881.
- Codice diplomatico, 1942* – Codice diplomatico della Repubblica di Genova / Ed. C. Imperiale di Sant Angelo. Serie: Fonti per la Storia d'Italia. Roma. 1942. Vol. III: 1191–1202.
- Codice, 1868* – Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri durante la signoria dell' ufficio di S. Giorgio (MCCCCLIII–MCCCCLXXV). Tomo primo // Atti della società Ligure di Storia Patria. / Ord. et illustr. dal P. Amedeo Vigna. Genova: Tipografia del r. I. De' sordo-muti, Vol. VI. Fasc. I 1868. XV, 402 p.
- Codice, 1869* – Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri durante la signoria dell' ufficio di S. Giorgio (MCCCCLIII–MCCCCLXXV). Tomo primo // Atti della società Ligure di Storia Patria. / Ord. et illustr. dal P. Amedeo Vigna. Genova: Tipografia del r. I. De' sordo-muti, 1869. Vol. VI. Fasc. II P. 403–673
- Codice, 1870* – Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri durante la signoria dell' ufficio di S. Giorgio (MCCCCLIII–MCCCCLXXV). Tomo primo // Atti della società Ligure di Storia Patria. / Ord. et illustr. dal P. Amedeo Vigna. Genova: Tipografia del r. I. De' sordo-muti, 1870. Vol. VI. Fasc. III P. 677–968.
- Codice, 1872* – Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri durante la signoria dell' ufficio di S. Giorgio (MCCCCLIII–MCCCCLXXV). // Atti della società Ligure di Storia Patria. Vol. VII. Parte I. Fasc. II / Ordinato et illustrato dal socio P. Amedeo Vigna. Genova: Tipografia del r. I. De' sordo-muti, 1872. T. II. Pt. I. P. 316–565.
- Codice, 1881* – Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri durante la signoria dell' ufficio di S. Giorgio (MCCCCLIII–MCCCCLXXV). // Atti della società Ligure di Storia Patria. Genova: Tipografia del

- r. I. De' sordo-muti, 1881. Vol. VII. Pt. II. Fasc. II. P. 445–491.
- Collins, 1991* – Collins L. On the Alleged «Destruction» of the Great Horde in 1502 // *Manzikert to Lepanto: The Byzantine World and the Turks, 1071–1571* / Ed. by A. Bryer and M. Ursinus. Amsterdam: A. M. Hakkert, 1991. P. 361–399.
- Cossuto, 2001* – Giuseppe Cossuto. *Storia dei Turchi di Dobrugia*. Istanbul, 2001.
- Costăchescu, 1932* – Costăchescu N. *Documente moldovenești înainte de Ștefan cel Mare II*. Iași, 1932.
- Costantine, 1967* – *Costantine Porphyrogenitus*. *De Admenistrando Imperio*. / Greek text edited by Gy. Moravcsik. English translation by R. J. H. Jenkins. Center of Byzantine Studies. Trustees for Harward University. Washington, 1967. 345 p.
- Craven, 1789* – Craven E. *A Journey through the Crimea to Constantinople in a Series of Letters*. London, 1789.
- Cronici, 1966* – Cronici turcești privind țările române. Extrase. Sec. XV – mijlocul sec. XVII / Ed. M. Guboglu și M. A. Mehmet; Ed. Academiei. București, 1966.
- Croskey, 1984* – Croskey R. The Diplomatic Forms of Ivan III's Relationship with the Crimean Khan // *Slavic Review*. 1984. Vol. 43, № 2. P. 257–269.
- Croskey, 1987* – Croskey R. *Muscovite Diplomatic Practice in the Reign of Ivan III*. New York: Garland, 1987. VIII, 332 p.
- Czamańska, 1996* – Czamańska I. *Mołdawia i Wołoszczyzna wobec Polski, Węgier i Turcji w XIV i XV wieku* / Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Poznań, 1996. 369 p.: tabl. (Seria: «Historica». № 186).
- Czapliński, 1963* – Czapliński W. *Sprawa najazdów tatarskich na Polskę w pierwszej połowie XVII w.* // *Kwartalnik Historyczny*. 1963. T. 70. № 3. S. 713–720.
- Czermak, 1973* – Czermak W. *Plany wojny antytureckiej Władysława IV*. Kraków 1895. 403 s.
- Czołowski, 1892* – Czołowski A. *Relacja o oblężeniu Lwowa przez Bogdana Chmielnickiego* // *Kwartalnik Historyczny*. 1892. № 6. S. 543–550.
- Czołowski, 1892a* – *Rozprawa szczęśliwa z Tatory Imci Pana Stanisława Konięcpolskiego, hetmana polnego koronnego na Podolu pod Szymańkowcami w roku 1624*. 6-ta februarii. wyd. A. Czołowski // *Kwartalnik historyczny*. 1892. R. 6.
- Çabuk, 1996* – Çabuk Vahid. *Osmanlı teşkilat ve siyaset kültürü*. İstanbul, 1996.
- Çağlar, 2017* – Çağlar F. T. *The Historiography of Ottoman Archaeology: A Terra Incognita for Turkish Archaeologists* // *Cihannüma: Tarih ve Coğrafya Araştırmaları Dergisi*. 2017. Sayı III/1. S. 109–122.
- Çelikkol 1992* – Çelikkol, Zeki. *Rodos'taki Türk Eserleri ve Tarihçe*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1992. 176 s., ill.
- Çetin, 1994* – Osman Çetin, *Sicillere Göre Bursa'da İhtida Hareketleri Ve Sosyal Sonuçları (1472–1909)*. Ankara; T. T. K. Yay, 1994.
- Çınar, 2007* – Çınar, H. Arslan Giray Han ve Kırım'ın Yeniden İmârında Vakıfların Rolü // *Vakıflar Dergisi*. 2007. № 30. S. 117–138.
- Danduli, 1728* – Danduli Andreae. *Chronicon Venetum* // *Rerum italicarum scriptores*. Mediolani, 1728. T. 12.
- Danişmend, 1971* – Danişmend İsmail Hami. *İzahlı Osmanlı Tarihi Kronolojisi*. İstanbul, 1971. C. I.
- Decei, 1944–Decei A.* Boğdan // *İslâm Ansiklopedisi*. *İslâm Âlemi Tarih, Coğrafya, Etnografya ve Biyografya Lûgati*. 'Atbara-Büzürgümmîd. İstanbul, 1944. Cilt 2.
- Decei, 1945* – Decei A. *Dobruca*. *İslam Ansiklopedisi*. İstanbul, 1945. Cilt 3.
- Decei, 1978* – Decei A. *Problema colonizării turcilor selgiucizi în Dobrogea secolului al XIII-lea. Relații româno-orientale*. Culegere de studii. București, 1978.
- Deguignes, 1756–1758* – Deguignes. *Histoire générale des Huns, des Mongoles, des Turcs et des autres Tartares occidentaux*. Paris, 1756–1758. T. 1–4.
- Deguilhém, 2002* – Deguilhém R. [Wakf] *In the Ottoman empire to 1914* // *The Encyclopaedia of Islam*. Leiden, 2002. Vol. XI.
- Dembski, 1964* – *Katalog rękopisów arabskich / Oprac. W. Dembski*. // *Katalog rękopisów orientalnych ze zbiorów polskich*. Warszawa, 1964. T. V, część 1.
- Demir, 2006* – Demir U. Mehmed Giray. İstanbul. Marmara Üniversitesi. 2006. 190 s.
- Demir, 2017* – Demir U. *İhmal Edilen Bir Kırım Hanlığı Kaynağı: Çelebi Akay Tarihi* // *Крымское историческое обозрение*. 2017. № 1. С. 8–31.
- Depta, 2017* – Depta M. *Uwarunkowania, przebieg i skutki jesiennego najazdu 1626 roku* // *Przegląd Historyczno-Wojskowy*. 2017. R. 18(79). № 4(262). S. 9–43.
- Derin, 2003* – Derin, D. *Abdülğaffar Kırımî'nin Ümdetü'l-Ahbar'ına (Ümdetü't-Tevarih) göre Kırım Tarihi / Basılmamış Yüksek Lisans Tezi*. Tez Danışmanı: A. Gündoğdu. Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Tarih Bölümü-Genel Türk Tarihi Anabilim Dalı. Ankara, 2003.
- Desaive, 1972* – Desaive D. *Le khanat de Crimée*

dans les Archives ottomanes [Correspondance entre khans de Crimée et padichahs ottomans dans les registres des *nâme-i hümayûn*] // Cahiers du monde russe et soviétique. 1972. Vol. 13, № 4. Octobre-décembre.

Desimoni, 1877–1884 – Desimoni C. Intorno alla impresa di Megollo Lercari in Trebisonda // Atti della Società Ligure di Storia Patria. 1877–1884. T. XIII.

Desimoni, 1887 – Desimoni C. Trattato dei genovesi col chan dei tartari nel 1380–1381 scritto in lingua volgare // Archivio storico italiano. Torino, 1887. Vol. XX.

Desimoni, 1888 – Desimoni C. *Le prime monete d'argento della zecca di Genova ed il loro valore (1139–1493)* // Atti Della Società Ligure di Storia Patria. 1888. Vol. XIX, fasc. I.

Develioğlu, 2009 – Develioğlu Ferit. Osmanlica-Türkçe Ansiklopedik Lugat eski ve yeni harflerle. Ankara, 2009. 1195 s.

Diario, 1885 – Diario del Consilio di Basilio di Andrea Gatari // Studien und Quellen zur Geschichte des Konzil von Basel. Basel, 1885. Vol. V. S. 376–423.

Die Frühosmanischen Jahrbücher des Urudsch, 1925 – Die Frühosmanischen Jahrbücher des Urudsch. Nach den Handschriften zu Oxford und Cambridge erstmals herausgegeben und eingeleitet von Franz Babinger. Hannover: Orient-Buchhandlung Neinz Die Lafaire, 1925.

Divane, 2004 – Kıvrımlı Selim Divane. Ariflerin Delili Müşkillerin Anahtarı / Haz.: M. Tatçı, H. Çeltik. Ankara, 2004. 167 s.

Divane, 2014 – Divane Selim. Vahdet-i Vücuda Dair Ariflerin Delili ve Müşkillerin Anahtarı / H. Halil Çelik, Mustafa Tatçı. İstanbul: H. Yayınları, 2014. 170 s.

Divan-ı Halim, 1991 – Divan-ı Halim Giray / Haz.: R. Toparlı, M. Sadi Çöğenli. Erzurum, 1991.

Długosz, 1869 – Jana Długosza Dziejów Polskich księg dwanaście. T. IV. Ks. XI–XII / Przekł. K. Mecherzyńskiego. Kraków, 1869. 678, XXIII s.

Długosz, 1870 – J. Jana Długosza kanonika krakowskiego Dziejów polskich księg dwanaście. Tom 5, ks. 11 (1445–1480). Kraków, 1870.

Długosz, 1870a – Jana Długosza Dziejów Polskich księg dwanaście. / Przekł. K. Mecherzyńskiego. Kraków, 1870. T. V, ks. XII. 662, XXIV s.

Documenta, 1977 – Documenta Romaniae Historica. București, 1977. D. I, № 49.

Documente, 1891 – Documente privitoare la istoria românilor culese de Eudoxiu de Hurmuzaki / Publicate

sub auspiciile Academiei Române și ale Ministeriului Cultelor și Instrucțiunii publice. București, 1891. Vol. II, par. 2. XLVII, 729 p.

Doğan, 2015 – Doğan Osman. Evliya Çelebi Seyahatname'sinde Kırım // Doğu Avrupa Türk Mirasının Son Kalesi: Kırım, İstanbul: Çamlıca Basım Yayın, 2015.

Domagała, 2007 – Domagała M. Biała Cerkiew 23–25 IX 1651. Zabrze: Inforteditions, 2007.

Dölger, 1932 – Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565–1453. Tl. 3: Regesten von 1204–1282 // Corpus der griechischen Urkunden des Mittelalters und der neueren Zeit. Reihe A: Regesten. Abt. 1. München, 1932.

Dölger, 1995 – Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565–1453. Tl. 2, Fsc. 3: Regesten von 1025–1204 / Ed. P. Wirth // Corpus der griechischen Urkunden des Mittelalters und der neueren Zeit. Reihe A: Regesten. Abt. 1. München, 1995.

Druszkiewicz, 2001 – Druszkiewicz S. Z. Pamiętniki 1648–1697. Siedlce, 2001.

Ducaea, 1958 – Ducaea. Historia Turcobizantina (1341–1462) / Ex recensione Basilii Grecu. București: Editio Academiae Reipublicae Popularis Romanicae, 1958. 503 p.

Duda, 1959 – Duda H. W. Die Seltschukengeschichte des Ibn Bibi. Kopenhagen: Munksgaard, 1959

Dziubiński, 1995 – Dziubiński A. Poturczeńcy polscy. Przyczynek do historii nawróceń na islam w XVI – XVIII w. // Kwartalnik Historyczny. 1995. Rocznik 102. № 1. C. 19–37.

Dziubiński, 1996 – Dziubiński A. Polsko-litewskie napady na tureckie pogranicze czarnomorskie w epoce dwu ostatnich Jagiellonów // Kwartalnik Historyczny. 1996. T. 103, № 3. S. 53–87.

Ebülgazi, 1996 – *Ebülgazi Bahadır Han. Şecere-i Terakime* (Türkmenlerin söy kütüğü / Родословная туркмен) / Hazırlayan Zuhâl Kargı Ölmez. / Tercüman 1001 Temel Eser serisi. Ankara, Simurg, 1996. 559 s.

Ebül-Hayri-Rumi, 2007 – Ebül-Hayri-Rumi. Saltukname, I Cild. Toplayan və tərtib edən Ş. Haluk Akalın. Bakı: Əli Neşriyyat Evi, 2007. C. 111–125.

Eflatun, 2003 – Eflatun, M. Feyzi-i Kefevî Divanı : Tahlil-Metin. Gazi Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü. (Basılmamış Doktora Tezi) / Muvaffak Eflatun. Ankara, 2003. XI, 765 s.)

Eisner, 1993 – Eisner R. Travelers to an Antique Land: the History and Literature of Travel to Greece. Ann Arbor, 1993.

- Elçin, 1987* – Aşık Ömer / Haz.: Şükrü Elçin. Ankara, 1987. 123 s.
- Eldem, 1999* – Eldem E. French Trade in Istanbul in the Eighteenth Century. Leiden; Boston; Köln, 1999.
- Elmas, 1997* – Elmas (Öztürk) S. *Rahmî (Kırımlı Mustafa). Hayatı, Edebî Şahsiyeti, Eserleri ve Divanı'nın Tenkidli Metni / Basılmamış Yüksek Lisans Tezi. Danışman: Kâşif Yılmaz.* Trakya Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü. Türk Dili ve Edebiyatı Anabilim Dalı. Edirne, 1997.
- Emîn Efendi, 1877* – Emîn E. Kethudâ-zâde Efendi'nin Tercüme-i Hâline Zeyl-i Âcizânemdir. İstanbul, 1877.
- Emiri, 1995* – Emiri A. Kırım Edebiyatı ve Fatih Sultan Mehmed Han Hazretleriyle Vükelâ ve Vüzerâ ve Ulemâ ve Şuarâsının Mevlâna-yı Kırımı Hazretleriyle Müşaareleri / Haz.: I. Akçay // Emel. 1995 (Kasım-Aralık). Sayı 211. S. 11–14.
- Enver, 1964* – Enver M. Nogaii dobrogeni şi dialectul lor // Analele Universităţii Bucureşti. Seria Ştiinţe Sociale: Filologie. 1964. An. XIII.
- Er, 2014* – Er E. Kırım Hanı Bora Gazi Giray Han'ın Kefevi Hüseyin Efendi'ye Yazdığı 1594 Tarihli Mektubu // Modern Türklük Araştırmaları. 2014. Vol. 11.
- Ergenç, 1981* – Ergenç Ö. Osmanlı Şehirlerindeki Yönetim Kurumlarının Niteliği Üzerine Bazı Düşünceler // VIII Türk Tarih Kongresi (Ankara, 11–15 Ekim 1976) Kongreye Sunulan Bildiriler. Ankara, 1981. T. II.
- Ergin, 1935* – Ergin O. N. Beledi Bilgiler / Hamit Bey Matbaası. İstanbul, 1932. 260 s.
- Ergun, 1936* – Ergun S. N. Aşık Ömer. Hayatı ve Şiirleri. İstanbul, 1936.
- Erim, 1953* – Erim N. Devletlerarası Hukuku Ve Siyasi Tarih Metinleri, Ankara: Ankara Üniv. Hukuk Fak. Yayınları, 1953. C. I.
- Ernst, 1911* – Ernst N. Die Beziehungen Moskaus zu den Tataren der Krym unter Iwan III. und Vasilij III, 1474–1519. Berlin, 1911.
- Ernst, 1912* – Ernst N. Die ersten Einfälle der Krymtataren in Südrussland // Zietschrift für Osteuropäische Geschichte. Berlin, 1912. Bd. 3, h. 1. S. 1–58.
- Ertaylan, 1958* – Ertaylan İ. H. Gazi Geray Han. Hayatı ve Eserleri. İstanbul, 1958.
- Ertaylan, 1960* – Ertaylan İ. H. Türk Dilinde Yazılan «İlk Yusuf ve Züleyha / Kırımlı. Y. ile Züleyha; Haz. I. H. Ertaylan. İstanbul, 1960. S. 2–19.
- Erten, 2001* – Erten H. Konya Şer'iyye Sicilleri Işığında *Erim, 1953* – Nihat Erim, Devletlerarası Hukuku Ve Siyasi Tarih Metinleri, Ankara: Ankara Üniv. Hukuk Fak. Yayınları, 1953. C. I.
- Es-Seb'ü's-Seyyar, 2020* – Seyyid Mehmed Rızâ. *Es-Seb'ü's-Seyyar fi-Ahbar-ı Mülûki't-Tatar (İnceleme-Tenkitledir Metin) / Hazırlayan: Yavuz Söylemez.* İstanbul: Türk Tarih Kurumu, 2020.
- Etem, 2002* – Etem Ruhi Üngör. Bir Türk Soy Olan Kırımlı Tatarların Musikisi // Sanatı, Tarihi, Edebiyatı ve Musikisiyle Kırım. Editör Prof. Dr. Oktay Aslanapa, Yeni Türkiye Yay. Ankara, 2002. 198 s.
- Eton, 1798* – Eton W. A Survey of the Turkish Empire. London, 1798.
- Evliya, 1928* – Evliya Celebi. Seyahatnamesi. İstanbul, 1928. Cilt 7. (arab. şriфт).
- Evliya, 1984* – Evliya Çelebi Seyahatnamesi. Cilt 9–10. İstanbul, 1984.
- Evliya, 2001* – Evliya Çelebi Seyehatnâmesi, İstanbul, 2001. C. 7: Haz Yücel Dağlı-Seyit Kahraman-Robert Dankoff.
- Evliya, 2003* – Evliya Çelebi b. Derviş Mehmed Zillî. Evliya Çelebi Seyahatnamesi. Topkapı Sarayı Kütüphanesi Bağdat 308 Numaralı Yazmanın Transkripsiyonu-Dizini, 7. Kitap / Haz. Yücel Dağlı – Seyit Ali Kahraman – Robert Dankoff. İstanbul, 2003.
- Faroqhi, 2004* – Faroqhi Suraiya. The Ottoman Empire and the World Around It. New York, 2004.
- Fazlıoğlu, 2008* – Fazlıoğlu, İ. Altın-Orda Ülkesi'nde İlk Matematik Kitabı: Hesap Biliminde Şaheser [et-Tuhfe fi ilmi'l-hisâb] / Teoman Duralı'ya Armağan [Bir Felsefe-Bilim Çağırısı]. İstanbul, 2008. S. 224–259.
- Findeisen, 1935* – Findeisen N. Bei den Krimtataren // Baessler-Archiv. 1935. T. 18.
- Fisher, 1967* – Fisher A. W. Şahin Girey, the Reformer Khan, and the Russian Annexation of the Crimea // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas: Neue Folge. 1967. Bd. 15, h. 3. P. 341–364.
- Fisher, 1977* – Fisher A. Crimean Separatism in the Ottoman Empire // Nationalism in a non-national state. The Dissolution of the Ottoman Empire / Ed. by W. W. Haddad and W. Ochsenswald. Ohio, 1977.
- Fisher, 1978* – Fisher A. Ottoman Sources for a Study of Kefe Vilayet: The Mahiyeden Müdevver Fond in the Başbakanlık Arşivi in İstanbul // CMRS. 1978. Vol. XIX. № 1–2.
- Fisher, 1978a* – Fisher A. The Crimean Tatars. Stanford: Hoover Institution Press, 1978.
- Fisher, 1980* – Fisher A. The Ottoman Crimea in the Mid-Seventeenth Century: Some Problems and Preliminary Considerations // Harvard Ukrainian

- Studies. Cambridge, 1980. Vol. III–IV, part 1 (1979–1980).
- Fisher, 1981* – Fisher A. The Ottoman Crimea in the Sixteenth Century // Harvard Ukrainian Studies. 1981. Vol. V, № 2. P. 135–170.
- Fisher, 1987* – Fisher A. W. The Crimean Tatars. Stanford, 1987.
- Fletcher, 1856* – Russia at the Close of the Sixteenth Century. Comprising the Treatise «Of the Russe Common Wealth» by G. Fletcher. London, 1856.
- Floria, 1992* – Floria B. N. New Evidence on the 1630 Zaporozhian Cossack Uprising // Harvard Ukrainian studies. 1992. Vol. XVI, №1–2. P. 167–173.
- Flügel, 1977* – Flügel G. Die arabischen, persischen, türkischen Handschriften der Kaiserlichen und Königlichen Hofbibliothek zu Wien. Hildesheim – New York, 1977. Bd. III.
- Fontes, 1975* – Fontes Historiae Daco-Romanae. III. București, 1975.
- Franz, 2004* – Franz M. Wojskowość Kozaczyzny Zaporoskiej w XVI – XVII wieku. Geneza i charakter. Toruń: A. Marszałek, 2004.
- Friedrich, 1790* – Oeuvres complètes de Frédéric II, roi de Prusse. Potsdam, 1790. T. 12: Correspondance.
- Friedrich, 1805* – Oeuvres posthumes de Frédéric II, roi de Prusse. 6-me éd. Potsdam, 1805. T. IV: Histoire de la Guerre de sept ans, № 2.
- Gawęda, 2009* – Gawęda M. Wojskowość tatarska w XVII wieku – wymiar taktyczny // Rocznik Przemyski. 2009. T. 45. Zeszyt 1: Historia wojskowości. S. 121–144.
- Gemil, 1979* – Tasin Gemil. Țările Române în contextul politic internațional (1621–1672). Editura Academiei, București, 1979.
- Gemil, 1983* – Tahsin Gemil. Quelques observations concernant la conclusion de paix entre la Moldavie et l'Empire Ottoman (1486) et la délimitation de leur frontier. Revue Roumaine d'Histoire, № 3, 1983.
- Gemil, 1984* – Tahsin Gemil. Relațiile Țărilor Române cu Poarta otomană în documente turcești (1601–1712). București, 1984.
- Gemil, 1996* – Tahsin Gemil. L'évolution des limites de l'habitat des Tatars Nogai au sud-est de la Moldavie // Revue Roumaine d'Histoire. 1996. T. XXXV. № 3–4. S. 149–152.
- Gemil, 2004* – Tahsin Gemil. Regimul timariot și aplicarea lui în ținuturile românești administrate de Poarta otomană. Constanța: Ovidius University Press 2004.
- Gemil, 2008* – Gemil T. Relații comerciale moldo-tătare în secolul al XVIII-lea, // Români în Europa medievală (Intre Orientul bizantin și Occidentul latin): Studii în onoarea profesorului V. Spinei, ed. D. Țeicu, I. Câdea. Brăila, 2008. P. 677–685.
- Gemil, 2009* – Gemil T. Relațiile româno-otomano-tătare și problema «Hotarului lui Halil Pașa». Politică, diplomație și război. Profesorului Gh. Buzatu la 70 de ani, coord. S. Damean, M. Cîrstea, Craiova, 2009.
- Gemil, 2010* – Gemil T. Peste un mileniu de existență a populației turco-tătare pe teritoriul României. Moștenirea istorică a tătarilor / Ed. T. Gemil, N. Pienaru. București, 2010. Vol. I.
- Gemil, 2012* – Gemil T. Osmanlı öncesi Romanya topraklarında Türk varlığı. Moștenirea istorică a tătarilor / Ed. T. Gemil, N. Pienaru; Ed. Academiei Române. București, 2012. Vol. II,
- Geç Y. vd., 1992* – Geç Y., Yıldırım O., Demirbaş U. Osmanlı devleti ile Kafkasya, Türkistan ve Kırım hanlıkları arasındaki münâsebetlere dâir arşiv belgeleri: 1687–1908 yılları arası. Ankara: T. C. Başbakanlık, Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü, 1992.
- Georgii et Iohannis Stellae, 1975* – Georgii et Iohannis Stellae Annales Genuenses / Ed. Giovanna Petti Balbi // Rerum italicarum scriptores (Raccolta degli storici italiani. Nuova edizione riveduta, ampliata e corretta). Bologna: Zanichelli, 1975. T. 17, pt. 2.
- Gibb, 1999* – Gibb E. J. W. Osmanlı Şiir Tarihi. Ankara, 1999. C. I–II.
- Giustiniani, 1854* – Giustiniani A. Annali della republica di Genova / Illustrati con note G. B. Spotorno. Genova: Canepa, 1854. Vol. II.
- Gliwa, 1997* – Gliwa A. Chronologia i zasięg terytorialny napadów tatarskich na ziemię przemyską i sanocką w latach 1620–1629 // Rocznik Przemyski. 1997. T. 33. Z. 3: Historia. S. 23–39.
- Gliwa, 2000* – Gliwa A. Ostatni napad tatarski na ziemię przemyską z 1699 r. // Studia Historyczne: kwartalnik. 2000. Rok 43. Z. 4(171). S. 569–590.
- Gliwa, 2000a* – Gliwa A. Straty materialne i demograficzne na terenie ziemi przemyskiej po ostatniem napadzie tatarskim w 1699 r. // Prace Historyczno-Archiwalne. Rzeszów, 2000. T. 9. S. 59–85.
- Gliwa, 2003* – Gliwa A. Wykaz zniszczeń we wsiach i miastach ziemi przemyskiej po najeździe tatarskim z 1672 roku (Cz. I) // Prace Historyczno-Archiwalne. Rzeszów, 2003. T. 13. S. 129–184.
- Gliwa, 2003a* – Gliwa A. Najazd tatarski na ziemię przemyską podczas wojny polsko-tureckiej w 1672 r. // Rocznik Przemyski. 2003. T. 39. Z. 4: Historia. S. 37–64.

Gliwa, 2004 – Gliwa A. Wykaz zniszczeń we wsiach i miastach ziemi przemyskiej po najeździe tatarskim z 1672 roku (część II) // *Prace Historyczno-Archiwalne. Rzeczów, 2004. T. 14. S. 109–153.*

Gliwa, 2005 – Gliwa A. Najazd tatarski na ziemię przemyską w 1624 r. // *Rocznik Przemyski. 2005. T. 41, z. 1: Historia wojskowości. S. 27–80.*

Gliwa, 2007 – Gliwa A. Jesienny najazd tatarów krymskich i budżackich na Rzeczpospolitą w 1629 r. i jego skutki na terenie ziemi Przemyskiej // *Rocznik Przemyski. 2007. T. 43, z. 2: Historia wojskowości. S. 105–155.*

Gliwa, 2009 – Gliwa A. Najazd tatarsko-kozacki na Ruś Czerwoną w 1648 r. Straty materialne i demograficzne na terenie ziemi przemyskiej // *Rocznik Przemyski. 2009. T. 45, z. 1: Historia wojskowości. S. 3–120.*

Gliwa, 2009a – Gliwa A. Dwa najazdy tatarskie na Ruś Czerwoną podczas wojny Rzeczypospolitej z Imperium Osmańskim w 1621 r. Zniszczenia i straty demograficzne na obszarze ziemi przemyskiej // *Rocznik Przemyski. 2009. T. 47, z. 1.: Historia wojskowości. S. 3–57.*

Gliwa, 2015 – Gliwa A. O wojskowości tatarskiej w epoce nowożytnej i oddziaływaniu koczowników na osiadłe społeczności Rzeczypospolitej // *Spółczesność Staropolskie. Seria nowa, Warszawa, 2015. T. IV: Społeczeństwo a wojsko. S. 89–133.*

Gliwa, 2016 – Gliwa A. Działania asymetryczne w wojskowości tatarskiej we wczesnej epoce nowożytnej // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego: Prace Historyczne. 2016. № 143(4). S. 703–735.*

Gliwa, 2016a – Gliwa A. The Tatar Military Art of War in the Early Modern Period: An Example of Asymmetric Warfare // *Acta Poloniae Historica. 2016. № 114. S. 191–229.*

Gliwa, 2017 – Gliwa A. Strategie przetrwania ludności ziem południowo-wschodnich Rzeczypospolitej podczas najazdów tatarskich w XVII wieku // *Hortus bellicus: studia z dziejów wojskowości nowożytnej: prace ofiarowane profesorowi Mirosławowi Nagielskiemu. Warszawa, 2017. S. 421–448.*

Gliwa, 2019 – Gliwa A. Niewola brańców tatarskich z ziem południowo-wschodnich Rzeczypospolitej w XVII wieku: doświadczenie przemocy i jego konsekwencje w postaci zespołu stresu pourazowego // *W niewoli. Doświadczenie jenieckie i jego konteksty na przestrzeni dziejów, red. M. Jarzabek, M. Stachura, P. Szlanta, Kraków, 2019. S. 125–160.*

Gokbilgin, 1970 – Gokbilgin Ö. Quelques sources manuscrites sur Tepoque de Sahib Giray, khan de Crimee (1532–1551) a Istanbul, Paris et Leningrad // *Cahiers du monde russe et sovietique. 1970. T. 11, № 3.*

Gokbilgin, 1970b – Gokbilgin Ö. Tarih-i Sahib Giray Han (Histoire de Sahib Giray, khan de Crimee de 1532 a 1551) / haz. Ö. Gokbilgin. Ankara, 1973.

Gokbilgin, 1973a – Gokbilgin Ö. 1532–1577 Yıllar Arasında Kirim Hanlığı'nın Siyasi Durumu. Ankara, 1973.

Golebiowski, 1852 – Golebiowski S. Szahin Giraj i kozacy // *Biblioteka warszawska. 1852. T. II. S. 1–27.*

Gonța, 1983 – Alexandru Gonța. Români și Hoarda de Aur, 1241–1502. München, 1983.

Goodwin, 2003 – Goodwin G. A History of Ottoman Architecture. L.: Thames & Hudson, 2003.

Górka, 1932 – Górka O. Uwagi orjentacyjne o tatarach polskich i obcych // *Rocznik tatarski. 1932. T. 2. S. 145–195.*

Górka, 1933 – Górka O. Dziejowa rzeczywistość a racja stanu Polski na południowym Wschodzie // *Polityka Narodów. T. 1, pół. 1, z. 1–2 (styczeń–luty 1933). S. 6–33.*

Górka, 1934 – Górka O. «Ogniem i mieczem» a rzeczywistość historyczna. Warszawa, 1934.

Górka, 1935 – Górka O. Liczebność Tatarów krymskich i ich wojsk // *Przegląd Historyczno-Wojskowy. 1935. T. 8, z. 2. S. 185–295.*

Górka, 1955 – Górka O. Legenda a rzeczywistość obrony Częstochowy w roku 1655. Warszawa, 1955. 167 s.

Górski, 2005 – Górski T. Wojskowość Gerejów w czasach Zygmunta III Wazy // *Rocznik Tatarów Polskich. 2005. T. X. S. 105–116.*

Gök, 2018 – Gök, Taner. Sûdî-i Bosnevî'ye Reddiyeler // *Divan Edebiyatı Araştırmaları Dergisi. 2018. № 21.*

Gökbilgin, 1957 – M. Tayyib Gökbilgin. Rumeli'de Yürükler. Tatarlar ve Evlâd-i Fâtihân. Istanbul, 1957.

Gökbilgin, 1973 – Gökbilgin O. 1532–1577 yılları arasında Kırım hanlığının siyasi durumu. Ankara, 1973.

Gökbilgin, 1973a – Gokbilgin Ö. Tevarih-i Sahib Giray Han, ed. Özalp Gökbilgin. Ankara, 1973. Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi. Istanbul, R-1390/91, y. 234.

Gökyay, 2002 – Gökyay, O. Ş. Kâtib Çelebi // *İslâm Ansiklopedisi. Ankara, 2002. C. 25. S. 36–40.*

Grasso, 1879 – Grasso G. Documenti riguardanti la costituzione di una lega contro il turco nel 1481 //

Giornale ligustico di archeologia, storia e belle arti. 1879. Anno 6.

Grecov, Iacobovschi, 1953 – B. D. Grecov și A. I. Iacobovschi. Hoarda de Aur și decăderea ei. București, 1953.

Gregoras, 1988 – Nikephoros Gregoras. Rhomäische Geschichte (Historia Rhomäische) / Transl. J.-L. Van Dieten // Bibliothek der griechischen Literatur. Stuttgart, 1988. Bd. 24: Abteilung Byzantinistik. Teil 3.

Gurski, 1891 – Gurski K. Obrona granic Rzeczpospolitej od Tatarów // Biblioteka Warszawska. 1891. T. 2. S. 439–461.

Gurulkan K. vd., 2013 – Gurulkan K., Genç Y., Demirbaş U., Özekici T. Osmanlı Belgelerinde Kırım Hanlığı // Crimean Khanate in Ottoman Documents. Başbakanlık Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü, İstanbul, 2013.

Gurulkan, 2015 – Kemal Gurulkan. Kırım Şer'iyye Sicilleri ve Yer İsimleri Bakımından Önemi // Doğu Avrupa Türk Mirasının Son Kalesi: Kırım, İstanbul: Çamlıca Basım Yayın, 2015.

Gutowski, 1997 – Gutowski J. Broń i uzbrojenie Tatarów. Seria: Katalog zabytków tatarskich. Warszawa, 1997. T. 1.

Gülbün, 1990 – Halim Giray Sultan. Gülbün-i Hanan / Haz. M. Sadi Çögenli, R. Toparlı. Erzurum, 1990.

Gülistan, 1989 – Seyf-i Sarâyi. Gülistan Tercümesi (Kitab Gülistan bi't-Türki) / Haz. A. Karamanoğlu. Ankara, 1989. 408, 188 s.

Günay, 2012 – Günay Ramazan. Şer'iyye Sicillerinde Mülk Alışverişleri: Kullanılan Usul ve Dil (Сиджили судов Шариата по куплям-продажам: употребляемый стиль и язык) / SDÜ Fen Edebiyat Fakültesi Sosyal Bilimler Dergisi. Aralık 2012, S. 27. S. 15–24.

Güneş, 2006 – Güneş, H. H. Bahçesaray Câmî-i Kebir Mahallesi : İnsanlar ve Kurumlar // Karadeniz Araştırmaları. 2006 (Güz). Sayı 11. S. 91–99.

Güneş, 2011 – Güneş Hasan Huseyin. Bahcesaray Cami-i Kebir mahallesi insanlar ve kurumlar // Karadeniz Araştırmaları. 2006. № 11.

Güngör, 1999 – Güngör, Şeyma. Ömer (Aşık) // YYOA. İstanbul, 1999. C. II. S. 419–420.

Gür 2019a – Gür S. Osmanlı Döneminde Yetişen «Kefevî» Nisbeli Müfessirler ve Eserleri : Bir Literatür İncelemesi // Dinbilimleri Akademik Araştırma Dergisi. 2019. Cilt 19. Sayı 2.

Gür, 2019 – Gür S. Osmanlı Döneminde Yetişen «Kırımî» Nisbeli Müfessirler ve Eserleri : Bir Literatür İncelemesi // Amasya İlahiyat Dergisi. 2019. № 13.

Hadîdî, 1991 – Hadîdî. Tevârih-i Âli-i Osman (1299–1523). Hazırlayan N. Öztürk. İstanbul: Marmara Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Basınevi, 1991.

Haidarlı, 2003 – Dan Ion Haidarlı. Relațiile Moldovei cu Hanatul din Crimeea și nogaii în anii 1699–1783 (Rebeliunea nogailor din Bugeac în anii 1727–1728). Tătarii în istorie și înlume, ed. Tahsin Gemil, București, 2003.

Halecki, 1919 – Halecki O. Z Jana Zamojskiego inwętarza Archiwum koronnego // Archiwum komisji historycznej. Kraków, 1919. T. XII. Cz. 1. S. 146–218.

Halim Giray, 1909 – Halim Giray Sultan. Gülbün-i Hânân yahud Kırım Tarihi / Haz.: Kırımlı Arifzade A. Hilmi. İstanbul, 1327/1909.

Halim Giray, 2013 – Halim Giray. Gülbün-ü Hânân (Kırım Hanları Tarihi) (Değerlendirme, Metin ve Tıpkıbasım) / Editör: Bekir Günay, Hazırlayanlar: Apler Başer, Alper Günaydın / Halim Giray. İstanbul, 2013. 121 s. + tıpkıbasım.

Halim-Geray, 1870 – Halim-Geray Sultan. Gülbün-i Hanan yahud Kırım tarihi. İstanbul, 1287/1870 (араб. шрифт).

Halim-Geray, 1909 – Halim-Geray Sultan Gülbün-i Hanan yahud Kırım tarihi. İstanbul, 1327/1909. 2-e изд. (араб. шрифт).

Hammer, 1839 – Hammer J. de. Histoire de l'empire Ottoman depuis son origine jusqu'a nos jours. Paris, 1839. T. 13.

Hammer-Purgstall, 1834 – Hammer-Purgstall J. von Geschichte des osmanischen Reiches Pest, 1834. Bd. 1: Bon der Gründung des osmanischen Reiches bis zum Selim's I: 1300–1520. 824 s.

Hammer-Purgstall, 1840 – Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth, 1840.

Hammer-Purgstall, 1856 – Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der Chane der Krim unter Osmanischer Herrschaft. Aus Türkischen Quellen zusammengetragen mit der Zugabe eines Gasels Schahingerais. Wien, 1856.

Handbuch, 1982 – Handbuch der Geschichte Russlands. Hrsg. von M. Hellmann, K. Zernack, G. Schramm. Stuttgart, 1982. Bd. 1.

Handschriften, 2005 – Handschriften der Max Freiherr von Oppenheim Stiftung (Köln) beschrieben von Beate Wiesmüller. Stuttgart, 2005.

Hanlık Dönemi, 1999 – Hanlık Dönemi Yazılı Edebiyatı / Haz. C. Kurnaz, H. Çeltik / Kırım Türk-Tatar Edebiyatı / Türkiye Dışındaki Türk Edebiyatları Antolojisi. Ankara, 1999. C. 13.

- Hanlıq, 2007* – Hanlıq Devri Qırımtatar İstrumental Muzıkası. Muharrir-tertip etici C. Karikov. Kiriş söz N. Abdulvahap. Bağçasaray. Qırım. 2007.
- Hasan, 1932* – Hasan A. Ceneviz menbalarına göre XV. asır Kırım Hanlığı // Azərbaycan Yurt Bilgisi. İstanbul, 1932. Cilt X, XI.
- Hayes, 1992* – Hayes J. W. Excavations at Saraçhane in Istanbul. Washington, 1992. 445 p. Vol. 2: The Pottery.
- Hayes, 2015* – Hayes K. The Wooden Hypostyle Mosques of Anatolia: Mosque– and State-Building under Mongol Suzerainty. Ankara: Middle East Technical University, 2015.
- Hayri, 1956* – Hayri Y. «Gazi Giray» // Musiki Mecmuası. Aralık, 1956. № 106.
- Hennigan, 2004* – Hennigan P. The birth of a legal institution: the formation of the waqf in third century A. H. Hanafi legal discourse // Studies in Islamic law and society). Leiden; Boston, 2004. Vol. 18.
- Henzel, 1968* – Henzel W. Index pour la Chronique des Stepes Kiptchak d' 'Abdullah ibn Riḏvān // RO. 1968, T. XXXII, z. I.
- Herbst, 1934* – Herbst S. Kleck 1506 // Przegląd Historyczno-Wojskowy. 1934. T. 7, zeszyt 1. S. 21–38.
- Herbst, 1948* – Herbst S. Najazd tatarski 1512 // Przegląd Historyczny. 1948. № 37. S. 218–226.
- Herlitz, 1916* – Herlitz N. Från Thorn till Altranstädt. Stockholm. 1916.
- Heyd, 1960* – Heyd U. Ottoman Documents on Palestine 1552–1615: a Study of the Firmans according to the Mühimme Defteri. Oxford, 1960.
- Hızlı, 2008* – Hızlı, M. Osmanlı Medreselerinde Okutulan Dersler ve Eserler Uludağ Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi. Cilt 17, Sayı 1. 2008. S. 25–46.
- Higgins, 1987* – Higgins D. Pattern Poetry: guide to an Unknown Literature. New York, 1987.
- Hillenbrand, 1994* – Hillenbrand R. Islamic Architecture. New York: Columbia University Press, 1994.
- Histoire, 1871* – Histoire des Mongols et des Tatares par Aboul-Ghazi Behadour Khan. St.-Pbg., 1871. T. I: Texte.
- Histoire, 1874* – Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghasi Behadour Khan / Ed., transl. P. Desmaisons. St.-Pbg., 1874. T. II: Traduction.
- Hocendi 1997* – Hocendi // İslam Alimleri Ansiklopedisi. İstanbul, 1997. C. 12. S. 96.
- Holt, 1995* – Holt P. M. Early Mamluk diplomacy (1260–1290). Treaties of Baybars and Qalāwūn with christian rulers // Islamic history and civilization. Leiden–New York–Köln: Brill, 1995. Vol. 12.
- Homann, 2013* – Homann A. Battlefield Archaeology of Central Europe – With a Focus on Early Modern Battlefields // Historical Archaeology in Central Europe / ed. N. Mehler. Rockville, 2013. P. 203–230.
- Horata, 2006* – Horata, Osman. Klassik zevkte hikmet ufukları: Hikemi söylem veya Nabi takipçileri // Türk Edebiyatı Tarihi. Ankara, 2006. C. 2. S. 490–509.
- Horn, 1962* – Horn M. Chronologia i zasięg najazdów tatarskich w latach 1600–1647 // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. 1962. T. 8. S. 3–71.
- Horn, 1964* – Horn M. Skutki ekonomiczne najazdów tatarskich z lat 1605 – 1633 na Ruś Czerwoną. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1964. 234 s.
- Hotopp-Riecke, 2017* – Hotopp-Riecke M. Tatarisch-preußische Interferenzen im 17. und 18. Jahrhundert. Eine Beziehungsgeschichte // Österreichische Zeitschrift für Geschichtswissenschaften. 2017. № 28(1).
- Hulusi, 1994* – Hulusi K. Ebûl-Bekâ el-Kefevi // İslâm Ansiklopedisi.. İstanbul: Türkiye Diyanet Vakfı, 1994. Cilt 10. S. 560.
- I libri iurium, 1998* – I libri iurium della Repubblica di Genova. I. Parte 4 / a cura di S. Dellacasa // Fonti per la storia della Liguria. 1998. T. XI.
- Iacopo da Varagine, 1941* – Iacopo da Varagine. Cronaca di Genova / Intr., ed., com. G. Monleone. Roma, 1941. Vol. I.
- Ibn Batuta, 1986* – Ibn Batuta «Seyahatnamesi»nden Seçmeler / Haz. I. Parmaksızoğlu. İstanbul, 1986. 136 s.
- Imposicio Officii, 1838* – Imposicio Officii Gazarie / Ed. L. Sauli // Historiae Patriae Monumenta. 1838. T. II: Leges Municipales Torino, № I.
- Inalcik, 1944* – İncalcık H. Yeni Vesikalara Göre Kırım Hanlığının Osmanlı Tabiliğine Girmesi ve Ahidname Meselesi // Türk Tarih Kurumu. Belleten. Ankara, 1944. Cilt VIII. Sayı 30.
- Inalcik, 1945* – Inalcik H. Ottoman Methods of Conquest // Studia Islamica. 1945. № 2. P. 110–111.
- Inalcik, 1962* – Inalcik H. The Rise of Ottoman Historiography // Historians of the Middle East. Oxford, 1962.
- Inalcik, 1965* – Inalcik H. Çerkes. iii. Ottoman period // The Encyclopaedia of Islam. Leiden: E. J. Brill, London: Luzac & CO, 1965. Vol. II. P. 24–25.
- Inalcik, 1967* – İncalcık H. Giray // Emel. 1967. № 41. Temmuz – Ağustos.

- Inalcik, 1978* – İnalçık H. The Ottoman Economic Mind and Aspects of the Ottoman Economy // The Ottoman Empire, Conquest, Organization and Economy (Variorum Reprint). London, 1978, X.
- Inalcik, 1979–1980* – Inalcik H. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray // Eucharisterion: Essays presented to Omeljan Pritsak on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students. Harvard Ukrainian Studies. 1979–1980. Vol. 3–4.
- Inalcik, 1983* – İnalçık H. Han ve Kabile Aristokrasisi: I. Sahib Giray döneminde Kırım Hanlığı // Emel (Özel). İstanbul, 1983. Sayı 135,
- Inalcik, 1985* – İnalçık Halil. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray // Studies in Ottoman Social and Economic History. L., 1985.
- Inalcik, 1986* – İnalçık H. Power Relationships between Russia, the Crimea and the Ottoman Empire as Reflected in Titulatur // Passe Turco-tatar, present soviétique. Etudes offertes a Alexandre Bennigsen = Turco-Tatar Past, Soviet Present. Studies Presented to Alexandre Bennigsen. P., 1986.
- Inalcik, 1995* – Inalcik H. Sources and studies on the Ottoman Black Sea. I. The customs register of Caffa, 1487–1490 // Studies in Ottoman Documents Pertaining to Ukraine and the Black Sea Countries. Cambridge, Mass.: Harvard Univ., 1995. T. 2.
- Inalcik, 1995a* – Inalcik H. İstanbul: Bir İslam şehri // İslam Tetkikleri Dergisi (Deview of Islamic studies). İstanbul, 1995. C. 243–268.
- Inalcik, 1996* – Inalcik H. Sources and Studies on the Ottoman Black Sea. Vol. I: The Customs Register of Caffa, 1487–1490. Cambridge, 1996 (Osmanlı Karadeniz'i üzerinde kaynaklar ve araştırmalar. 1. Cilt: Kefe gümrük beğâyâ defteri, 1487–1490).
- Inalcik, 1996a* – Inalcik H. Kırım Hanlığı Kadı Sicilleri Bulundu // Belleten, Cilt: LX – Sayı 227 – Yıl 1996 Nisan, S. 166–191.
- Inalcik, 2016* – İnalçık H. Seçme Eserleri İslamiyet ve Devlet / Ed. E. Yalçın. İstanbul, 2016.
- Inalcik, Quataert, 1994* – Inalcik H., Economic and Social History of the Ottoman Empire, 1300–1914 / Ed. D. Quataert. Cambridge, 1994. 1026 p.
- Inalçık, 1960* – Inalçık H. Boghdan // The Encyclopaedia of Islam: New ed. / E. J. Brill. Leiden, 1960. Vol. I.
- Inalçık, 1986* – Inalçık H. Budjak // The Encyclopaedia of Islam: New ed. / E. J. Brill. Leiden, 1986. T. I.
- Inalçık, 1986a* – Inalçık H. Dobrudja // The Encyclopaedia of Islam: New ed. / E. J. Brill. Leiden, 1986. T. II,
- Index, 1833* – Index corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae oder Kurzer Auszug aus derjenigen Urkunden-Sammlung, welche für die Geschichte und das alte Staatsrecht Liv-, Ehst- und Kurlands. Tl. 1, Vom Jahre 1198 bis zum Jahre 1449 incl. Riga; Dorpat, 1833. XVI, 375 p.
- Index, 1835* – Index corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae oder Kurzer Auszug aus derjenigen Urkunden-Sammlung, welche für die Geschichte und das alte Staatsrecht Liv-, Ehst- und Kurlands. Tl. 2, Vom Jahre 1450 bis zum Jahre 1631 incl. Riga; Dorpat, 1835. 414 p.
- Insoll, 1998* – Insoll T. The Archaeology of Islam. Oxford, 1998. 274 p.
- Insoll, 2001* – Insoll T. The Archaeology of Islam // Archaeology and World Religion / ed. T. Insoll. London; New York, 2001. P. 123–147.
- Iorga, 1899* – N. Iorga. Studii istorice privind Chilia și Cetatea Albă. București, 1899.
- Iorga, 1904* – Iorga N. Studii și documente cu privire la istoria românilor. București, 1904. T. VI–2,
- Iorga, 1937* – Iorga N. Histoire des Roumains et de la romanité orientale. București, 1937. T. III.
- İslam Ansiklopedisi, 2012* – İslam Ansiklopedisi. TDV. C. 42. 2012.
- Ivanics, 2012* – Ivanics M. Рассуждения о династическом имени Гиреев // Moștenirea istorică a Tătarilor. București, 2012. T. II.
- Ivanicz, 2007* – Ivanicz M. Enslavement, Slave Labour And Treatment Of Captives In The Crimean Khanate // Ransom Slavery along the Ottoman Borders (Early Fifteenth-Early Eighteenth Centuries) / Ed. by D. Géza, F. Pál. Leiden; Boston: Brill, 2007. P. 193–219.
- Іналджик, 1996* – Іналджик Г. Знахідка Кадійських сіджілів (судових книг) Кримського ханату. // Мappa Mundi: зб. наук. пр. на пошану Ярослава Дашкевича з нагоди його 70-річчя. Львів; Київ; Нью-Йорк. 1996. С. 308–329.
- İbn Battuta, 2005* – İbn Battuta Seyahatnamesi, çeviri ve kısa notlar A. Sait Aykut, YKY. İstanbul, 2005.
- İbn Bibi, 1956* – İbn Bibî. El-Evâmirü'l-'Alâ'iyye Fi'l-Umûri'l-'Alâ'iye / Ed. A. S. Erzi. Ankara, 1956
- İbn Bibi, 1996* – İbn Bibî. El Evâmirü'l-'Ala'ıye Fi'l-Umuri'l 'Alâa'ıye (Selçuk Name) / Ed. M. Öztürk. Ankara, 1996

- İbn Kemal, 1991* – İbn Kemal. *Tevârih-i Âli-i Osman* (Tenkidli transkripsiyon). Hazırlayan Şerefettin turan. ankar: tK Basımevi, 1991
- İhsanoğlu, 1990* – Ekmeleddin İhsanoğlu, *Osmanlı Devleti Tarihi*, c. I, İstanbul, Feza Gazetecilik, 1999.
- İnalcık, 1948* – İnalcık H. Giray // *İslâm Ansiklopedisi*. İstanbul, 1948. Cüz 38.
- İnalcık, 2000* – *İnalcık Halil*. *Osmanlı da Devlet, Hukuk, Adalet*. İstanbul: Eren, 2000. 208 s.
- İnalcık, 2000a* – İnalcık H. *Osmanlı İmparatorluğu'nun Ekonomik ve Sosyal Tarihi 1300–1600*, Çev. Halil Berktaş, İstanbul, Eren Yayıncılık, 2000. C. I.
- İnbaşı, 2003* – İnbaşı M. *Ukrayna'da Osmanlılar: Kamanıçe seferi ve organizasyonu (1672)*. İstanbul, 2003.
- İpşirli, 1982* – İpşirli M. XVI. asrın ikinci yarısında kürek cezası ile ilgili hükümler // *İÜE F. Tarih Enstitüsü Dergisi*, XII, 1981–1982'den ayrı basım. İstanbul, 1982.
- İpşirli, 2002* – İpşirli M. «Kazasker» // *Türkiye Diyanet Vakfı İslam Araştırmaları*. Ankara: 2002. C. 25. S. 140–143.
- İsen, 2000* – İsen, Mustafa. *Kırım hanedanının şairliği* // *Bilig*. 2000 (Güz). Sayı 15.
- İstanbul Üniversitesi, 1984* – İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Tarih Bölümü Tezleri (Lisans – Doktora) / Hazırlayan Abdülkadir Özcan. İst., 1984.
- İzgi, 1996* – İzgi, C. *Canı Bek Devrinde (1342–1357) Altınordu Hanlığında Bilim Hayatı* // *Divan*. 1996. Sayı 2. S. 147–172.
- İzgi, 1998* – İzgi, C. *Hayâtü'l-hayevân* // *İslam Ansiklopedisi*. İstanbul, 1998. C. 17. S. 18–20.
- İzzetova, 2000* – İzzetova L. *Qırımiy İbrahim bin Haqmehmed efendi (ö. 1593)* // *Günsel*. 2000. № 7. S. 34–37.
- Jasnowski, 1938* – Jasnowski J. *Dwie relacje z wyprawy Zamoyskiego pod Cecorę w r. 1595* // *Przegląd Historyczno-Wojskowy*. 1938. T. 10. № 2. S. 240–250.
- Jerlicz, 1853* – Jerlicz J. *Latopisiec albo Kroniczka Joachima Jerlicza*. Tom 1. Warszawa, 1853
- Jong, 1986* – Frederick De Jong. *The Turks and Tatars in Romania, Turcica*, 18, 1986.
- Kafesoglu, 1988* – Kafesoglu I. *A History of the Seljuks*, ed. Gary Leiser. Carbondale, 1988.
- Kançal-Ferrari, 1997* – Kançal-Ferrari, Nicole N. *Kırım Hanları'nın İmar Faaliyeti ve Mezar Taşları / İstanbul Üniversitesi, Edebiyat Fakültesi, Sanat Tarihi Bölümü Yüksek Lisans Tezi*. Danışman : Ara Altun. İstanbul, 1997. 193 s., ill.
- Kançal-Ferrari, 1998* – Kançal-Ferrari, Nicole N. *Kırım Hanlarının Trakya'daki Mezar Taşları* // *Emel Dergisi*. 1998. Sayı 226. S. 7–12.
- Kançal-Ferrari, 2003* – Kançal-Ferrari, Nicole. *Saray'a bağlı bir cami ve haziresi : Kırım Hanlığı'nın payitahtı Bahçesaray'daki Hansaray'ın haziresi* // *Belleten / Nicole Kançal-Ferrari*. Ankara: 2003. Cilt LXVI. Ağustos 2002, Sayı 246'dan ayrıbasım. S. 371 – 420.
- Kançal-Ferrari, 2005* – Kançal-Ferrari, Nicole. *Kırım'dan Kalan Miras: Hansaray / Nicole Kançal-Ferrari*. İstanbul: Klasik, 2005. 320 s.
- Kançal-Ferrari, 2017* – Kançal-Ferrari N. *An Italian Renaissance Gate for the Khan: Visual Culture in Early Modern Crimea* // *Muqarnas*. 2017. Vol. 34.
- Kançal-Ferrari, 2018* – Kançal-Ferrari N. *An Overview on Mosque Architecture of the Golden Horde Period in Crimea* // *15th International Congress of Turkish Art. Proceedings*. Ankara, 2018.
- Karahan, 1991* – Karahan A. *Aşık Edebiyatı* // *TDV İslam Ansiklopedisi*. İstanbul, 1991. C. 3.
- Karahan, 1992* – Nef'i Divânı'ndan Seçmeler / Haz. A. Karahan. Ankara, 1992. 210 s.
- Karaköse, 2001* – Karaköse, Saadet. *Sa'id Giray Divanı*. Denizli, 2001.
- Karpat, 2003* – Kemal H. *Karpat. Urbanismul otoman: Emigrația din Crimeea spre Dobrogea și întemeierea orașului Medgidia (1856–1878)*. *Tătarii în istorie și în lume*, ed. Tahsin Gemil. București, 2003.
- Kartal, 2015* – Kartal, A. *Tasavvufun Bir İlim Olarak İnşâ Süreci: Şer'î ve Metafizik Bir İlim Olarak Tasavvuf* // *Uludağ Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi*. 2015. № 2(24). S. 149–175.
- Kastritsis, 2013* – Kastritsis D. *Ferîdün Beg's Münşe'âtü's-Selâtin ('Correspondence of Sultans') and Late Sixteenth-Century Ottoman Views of the Political World* // *Imperial Geographies in Byzantine and Ottoman Space*. Bazzaz, S., Batsaki, Y. & Angelov, D. (eds.). Washington, 2013.
- Kaşğari, Mahmud Kaşğari*. *Divanü Lûğati-t-Türk / Çeviren: Besim Atalay*. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1991 s.
- Katalog, 1998* – Gazi Husrev-begova biblioteka u Sarajevu. *Katalog arapskih, turskih, perzijskih i bosanskih rukopisa*. Svezak četvrti. Obradio F. Nametak. London–Sarajevo, 1998.
- Katalog, 2000* – Gazi Husrev-begova biblioteka u Sarajevu. *Katalog arapskih, turskih, perzijskih i bosanskih rukopisa*. Svezak prvi. Obradio K. Dobrača. Drugo izdanje. London–Sarajevo, 1421/2000.

- Katalog, 2000a* – Gazi Husrev-begova biblioteka u Sarajevu. Katalog arapskih, turskih, perzijskih i bosanskih rukopisa. Svezak osmi. Obradio M. Jahić. London–Sarajevo, 1421/2000.
- Katić, 2012* – Katić T. Tursko osvajanje Srbije 1690. godine / The Ottoman Conquest of Serbia in 1690. Beograd, 2012. 175 p.
- Katip Çelebi, 1971–1972* – Katip Çelebi. Keşf el-Zünûn. C. I–II / Haz. : Şerefettin Yaltkaya, Rifat Bilge. İst., 1971–1972.
- Kavak, 2010* – Kavak, N. Kırım Hanlığı Şeriyeye Sicilleri'ne Yansıyan Kitaplar // Osmanlı Araştırmaları. 2010. Sayı XXXV. S. 275–286.
- Kavak, 2012* – Nuri Kavak. Kırım Hanlığı Şer'iyye Sicillerinde Yer Alan Avariz ve Para Vakıfları Üzerine // Eskişehir Osmangazi Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. 2012. № 10(1). S. 273–287.
- Kavak, 2014* – Nuri Kavak. Karasu Kazası (1683–1744). Kırım Hanlığı'nda bir yerleşme örneği (District Karasu (1683–1744). Example of settlement of the Crimean Khanate). Bursa, On-Mat Öner Matbaacılık, 2014. 271 s.
- Kavak, 2015* – Kavak N. Kırım Tatarları'nda Gündelik Hayat (XVII – XVIII. Asır) // Doğu Avrupa Türk Mirasının Son Kalesi: Kırım. İstanbul: Çamlıca Basım Yayın, 2015.
- Kavak, 2019* – Kavak N. Karasu Kazası'nda sosyo-ekonomik hayat (I) // Крымское историческое обозрение. 2019. № 2. С. 8–42.
- Kavak, 2019a* – Kırım Hanlığı'nda Evlenme ve Sonuçları Üzerine Bir Tahlil // Al-Farabi Uluslararası Sosyal Bilimler Dergisi. 2019. № 3(3). P. 131–140.
- Keenan, 1964–1968* – Keenan E. Coming to Grips with the Kazanskaya Istoriya: Some Observations on Old Answers and New Questions' // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the United States. 1964–1968. Vol. 9. № 1–2 [31–32]. P. 143–183.
- Keenan, 1965* – Keenan E. Muscovy and Kazan, 1445–1552: a study in steppe politics. Harvard, 1965. 7, XIII, 429 leaves.
- Keenan, 1967* – Keenan E. Muscovy and Kazan: Some Introductory Remarks on the Patterns of Steppe Diplomacy // Slavic Review. 1967. Vol. 26. № 4. P. 548–558.
- Keenan, 1969* – Keenan E. The Yarlyk of Akhmad-xan to Ivan III: A New Reading // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1969. Vol. 12. P. 33–47.
- Keenan, 1986* – Keenan E. Muscovite Political Folkways // Russian Review. 1986. Vol. 45. P. 115–181.
- Kefeli, 2004* – Kefeli Hüseyin. Râznâme (Süleymaniye, Hekimoğlu Ali Paşa № 539) / Trans. Kefeli Hüseyin and Facsimile Prepared by İ. Hakkı Aksoyak; Sources of Oriental Languages and Literatures 62. Harvard University. The Department of Near Eastern Languages and Civilizations, 2004.
- Kellner-Heinkele, 1975* – Kellner-Heinkele B. Aus den Aufzeichnungen des Sa'id Giray Sultân. Eine zeitgenössische Quelle zur Geschichte des Chanats der Krim um die Mitte des 18. Jahrhunderts. Freiburg im Breisgau, 1975. 330 p.
- Kellner-Heinkele, 1982* – Kellner-Heinkele, Barbara. 18. Yüzyılda Nogayların Durumu ile ilgili bir Kırım Tatar Kaynağı / Türkçeye çeviren E. Özbilen // Emel. 1982. Sayı 132 (Eylül–Ekim). S. 32–34.
- Kellner-Heinkele, 1995* – Kellner-Heinkele B. Şâhib Girây Khân I // Encyclopaedia of Islam. 2 ed. 1995. Vol. VIII.
- Kellner-Heinkele, 1996* – Kellner-Heinkele B. Crimean Tatar and Nogay Scholars of the 18th Century // Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries. Hrsg. von M. Kemper, A. von Kügelgen, D. Yermakov. B., 1996.
- Kellner-Heinkele, 2001* – Kellner-Heinkele B. A Chinggisid and Ottoman: Halim Gerey Sultan // Altaica. M., 2001. Вып. V.
- Kennedy, 1994* – Kennedy C. The Juchids of Muscovy: a study of personal ties between émigré Tatar dynasts and the Muscovite grand princes in the fifteenth and sixteenth centuries / Ph. D. dissertation by Craig Gayen Kennedy. Harvard, 1994.
- Kennedy, 1995* – Kennedy C. Fathers, Sons, and Brothers: Ties of Metaphorical Kinship Between the Muscovite Grand Princes and the Tatar Elite // Harvard Ukrainian Studies. 1995. Vol. 19. P. 292–301.
- Khodarkovsky, 1992* – Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met: The Russian State and The Kalmyk Nomad, 1600–1771. Ythaka; New York, 1992.
- Khodarkovsky, 1999* – Khodarkovsky M. Taming the 'Wild Steppe': Muscovy's Southern Frontier, 1480–1600 // Russian History/Histoire Russe. 1999. Vol. 26. Issue 3. P. 241–297.
- Khodarkovsky, 2002* – Khodarkovsky M. Russia's steppe frontier: the making of a colonial empire, 1500–1800. Bloomington: Indiana University Press, 2002. XII, 290 p.
- Khodarkovsky, 2009* – Khodarkovsky M. Na granicach Rosji / pr. B. Malarecka. Warszawa, 2009.
- Kılıç 1994* – Kılıç, H. Ebü'l-Bekâ el-Kefevi // İslam ansiklopedisi. İstanbul, 1994. C. 10. S. 298.

- Kılınc, 2019* – Kılınc Ş. Kırım Hanlığında Köle Kaynak Noktaları, İstihdam Alanları ve Köle Azat Etme Yöntemleri // Journal of International Eastern European Studies 2019. Vol. 1. № 2. P. 293–314.
- Kırım, 2013* – Kırım Hanlarına Nâme-i Hümâyûn (2 Numaralı Name Defteri) / yayına haz-ırlayanlar M. Cebecioğlu et al. İstanbul: T. C. Başbakanlık Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü, 2013.
- Kırım'daki Kırım Tatar 2016* – Kırım'daki Kırım Tatar (Türk-İslâm) Mimarî Yedigârları / Proje yöneticileri : Hakan Kırımlı, Nicole Kañçal-Ferrari. Yazarlar : Hakan Kırımlı, Nicole Kañçal-Ferrari Gökçe Günel, İbrahim Abdulla, Nariman Abdülvaav, Safiye Eminova, Gülşen Dişli. Ankara: T. C. Başbakanlık Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı Yayınları, 2016. 880 s.
- Kırımî, 1343* – Умдет ал-ахбар (Neşr. Necib Asım; Türk Tarih Encümeni Mecmuası İlâvesi). İstanbul, 1343.
- Kırımlı, 1960* – Kırımlı. Yusuf ile Züleyha / Haz. I. H. Ertaylan. İstanbul, 1960.
- Kırımlı, 2001* – Kırımlı H. Karasubazar. Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi. İstanbul, 2001. C. 24. S. 472–473
- Kırzioğlu, 1998* – Kırzioğlu M. F. Osmanlılar'ın Kafkas–Elleri'ni Fethi (1451–1590). Ankara, 1998.
- Kizilov, 2007* – Kizilov M. B. Slave Trade in the Early Modern Crimea From the Perspective of Christian, Muslim, and Jewish Sources // Journal of Early Modern History. 2007. Vol. 11. № 1–2. P. 1–31.
- Kizilov, 2017* – Kizilov M. B. Reports of Dominican Missionaries as a Source of Information about the Slave Trade in the Ottoman and Tatar Crimea in the 1660s // Osmanlı Devletinde Kölelik: Ticaret–Esaret–Yaşam. Eds. Zübeyde Güneş Yağcı, Fırat Yaşa, and Dilek İnan. İstanbul, 2017. P. 103–116.
- Kizilov, 2020* – Kizilov M. Polish Slaves and Captives in the Crimea in the Seventeenth Century // Acta Orientalia Hungaricae. 2020. № 73(2). P. 251–265.
- Kleeman, 1773* – Kleeman N. E. Reisen von Wien ueber Belgrad bis Kilianowa. Leipzig, 1773.
- Kluczycki, 1880* – Kluczycki F. Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego. T. 1. Cz. 1. 1629–1671. Kraków, 1880. 750 s.
- Kluczycki, 1881* – Kluczycki F. K. Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego. Kraków, 1881. T. 1, cz. 2.
- Koçegarov, 2012* – Koçegarov K. The Moscow Uprising of 1682. Relations between Russia, the Crimean Khanate, and the Polish-Lithuanian Commonwealth // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Wiesbaden, 2012. Bd. 78: The Crimean Khanate between East and West. P. 59–73.
- Kochowski, 1859* – Kochowski W. Historia panowania Jana Kazimierza z klimakterów Wespazyana Kochowskiego. Poznań, 1859. T. I.
- Kochowski, 1859a* – Kochowski W. Historia panowania Jana Kazimierza z klimakterów Wespazyana Kochowskiego. Poznań, 1859. T. II.
- Kochowski, 1859b* – Kochowski W. Historia panowania Jana Kazimierza z klimakterów Wespazyana Kochowskiego. Poznań, 1859. T. III.
- Kocowski, 1948* – Kocowski B. Wyprawa Tatarów na Węgry przez Polskę w 1594 r. Lublin, 1948. 70 p.
- Kol, 2007* – Kol N. Kefeli Mustafa Müdâmî Divanı (16. yüzyıl) : Tahlil-Metin. Boğaziçi University. Basılmamış Yüksek Lisans Tezi. İstanbul, 2007.
- Kolankowski, 1930* – Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. T. 1: 1377–1499. Warszawa, 1930. 451 s.
- Kolankowski, 1935* – Kolankowski L. Problem Krymu w dziejach Iagiellonskich // Kwartalnik Historyczny. 1935. Roczn. XLIX. Zes. 1–2. S. 279–300.
- Kołodziejczyk, 1994* – Kołodziejczyk D. Podole pod panowaniem tureckim: Ejalet Kamieniecki 1672–1699. Warszawa, 1994.
- Kołodziejczyk, 2000* – Kołodziejczyk D. Ottoman-Polish Diplomatic Relations (15th – 18th Century): An Annotated Edition of 'Ahdnames and Other Documents. Leiden; Boston, 2000.
- Kołodziejczyk, 2006* – Kołodziejczyk D. Slave hunting and slave redemption as a business enterprise: the northern Black Sea region in the sixteenth to seventeenth centuries. In: E. Boyar and K. Fleet (Eds), Oriente Moderno, XXV nuova serie (LXXXVI), 1 = The Ottomans and Trade (Rome: Istituto per l'Oriente C. A. Nallino), 2006. P. 149–159.
- Kołodziejczyk, 2011* – Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden; Boston: Brill, 2011.
- Kołodziejczyk, 2012* – Kołodziejczyk D. Divided Sovereignty in the Genghisid States as Exemplified by the Crimean Khanate: 'Oriental Despotism' à rebours? // Acta Slavica Iaponica. 2012. № 32. P. 1–21.
- Kołodziejczyk, 2012a* – Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th – 18th century): a study of peace treaties followed by

annotated documents / by D. Kołodziejczyk. Leiden; Boston, 2012.

Kołodziejczyk, 2013 – Kołodziejczyk D. Zaproszenie do osmanistyki. Typologia i charakterystyka źródeł mużulmańskich sąsiadów dawnej Rzeczypospolitej: Imperium Osmańskiego i Chanatu Krymskiego. Warszawa: DiG, 2013.

Kołodziejczyk, 2013a – Kołodziejczyk D. What is Inside and What is Outside? Tributary States in Ottoman Politics // *The European Tributary States of the Ottoman Empire in the Sixteenth and Seventeenth Centuries*. Gábor Kármán and Lovro Kunčević (Eds.). Leiden, Boston: Brill, 2013. C. 421–432.

Kołodziejczyk, 2014 – Kołodziejczyk D. Na tropach Salomei Reginy Pilsztynowej: glosa do życiorysu // *W cieniu wojen i rozbiorów. Studia z dziejów Rzeczypospolitej XVIII i początków XIX wieku*, ed. by U. Kosińska, D. Dukwicz and A. Danilczyk. Warszawa, 2014. P. 215–229.

Kołodziejczyk, 2017 – Kołodziejczyk D. Permeable Frontiers: Contacts between Polish and Turkish-Tatar Elites in the Early Modern Era // *Foreign Drums Beating. Transnational Experiences in Early Modern Europe* / Ed. by B. Forsén, M. Hakkarainen. Helsinki, 2017. P. 153–168.

Kołodziejczyk, 2017a – Kołodziejczyk D. Stosunki dawnej Rzeczypospolitej z Turcją i Tatarami: Czy naprawdę byliśmy przedmurzem Europy? // *Praktyka Teoretyczna*. 2017. № 4(26): Islamofobia. Konteksty. P. 16–36.

Komaszyński, 1992 – Komaszyński M. Ostatnia kampania wojenna Jana III (1691) // *Studia i materiały z czasów Jana III Sobieskiego*. Wrocław, 1992.

Komuda, 2002 – Komuda J. Wyprawa łojowska Janusza Radziwiłła w 1649 r. // *Staropolska sztuka wojenna XVI – XVII wieku*. Warszawa, 2002. S. 115–130.

Koneczny, 1923 – Koneczny F. Rzekoma Koalicja Litwy z Tatarami przeciwko Moskwie w r. 1480 // *Ateneum Wileńskie*. 1923. T. 1. № 2. S. 140–204.

Koneczny, 1923a – Koneczny F. Rzekoma Koalicja Litwy z Tatarami przeciwko Moskwie w r. 1480 // *Ateneum Wileńskie*. 1923. T. 1. № 3–4. S. 352–397.

Koneczny, 1927 – Koneczny F. Sprawy z Mengli Gijreem 1473–1504 // *Ateneum Wilenskie*. 1927. Tom 4. Konopczyński W. Karol Boscamp-Lasopolski // *Polski Słownik Biograficzny*. Kraków, 1936. T. 2.

Koneczny, 1927a – Koneczny F. Sprawy z Mengli Gijreem 1473–1504 // *Ateneum Wilenskie*. 1927. T. 4. № 12. C. 138–189.

Koneczny, 1927b – Koneczny F. Sprawy z Mengli Gijreem 1473–1504 // *Ateneum Wilenskie*. 1927. T. 4. № 13. C. 287–348.

Konopczyński, 1936a – Konopczyński W. Polska a Turcja, 1683–1792. Warszawa, 1936. 316 s.

Konopczyński, 1936b – Konopczyński W. Karol Boscamp-Lasopolski // *Polski słownik biograficzny*. Kraków, 1936. T. 2.

Konuk, 2010 – Konuk N. Yunanistan'da Osmanlı Mimarisi. Ottoman Architecture in Greece. Η Οθωμανική Αρχιτεκτονική στην Ελλάδα. Ankara: SAM, 2010.

Kopystiański, 1906 – Kopystiański A. Księżę Michał Zygmuntowycz // *Kwartalnik Historyczny*. Rocznik XX. Lwów, 1906. S. 74–165.

Korczak, 2008 – Korczak L. Monarchia i poddani. System władzy w Wielkim Księstwie Litewskim w okresie wczesnojagiellońskim. Kraków, 2008. 208 s.

Korzon, 1898 – Korzon T. Dola i niedola Jana Sobieskiego 1629–1674. Kraków, 1898. T. 1.

Korzon, 1898a – Korzon T. Dola i niedola Jana Sobieskiego 1629–1674. Kraków, 1898. T. 2.

Korzon, 1898b – Korzon T. Dola i niedola Jana Sobieskiego 1629–1674. Kraków, 1898. T. 3.

Korzon, 1912 – Korzon T. Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. Kraków, 1912. T. 2.

Korzon, 1923 – Korzon T. Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. Kraków, 1923. T. 3.

Kowalski, 1925 – Kowalski T., Dutkiewicz J. Jarlyk tatarski z r. 1177 // *Rocznik orientalistyczny*. 1925.

Köhbach, 1983 – Köhbach M. Der Tarih-i Mehemmed Giray – eine osmanische Quelle zur Belagerung Wiens durch die Türken im Jahre 1683 // *Studia Austro-Polonica*. III. Warszawa-Kraków, 1983. S. 137–164.

Köprülü 1914 – Köprülü M. F. Sazşairleri : I–XI // *İkdam*. 1914. 3 Nisan – 6 Haziran.

Köprülü, 1915 – Köprülü F. Türk Edebiyatında Âşık Tarzı'nın Menşe'i ve Tekâmülü Hakkında Bir Tecrübe / F. Köprülü // *Milli Tettebbular Mecmuası*. 1331 (1915). Sayı: 1. S. 5–46

Köprülü, 1927 – Köprülü M. F. Aşık Ömer'e âid Bâzı Notlar // *Hayat Mecmuası*. 1927. Sayı 24.

Köprülü, 1929 – Köprülü M. F. XVII. Asır Saz Şairlerimizden Kamil Kırım Hanı IV. Mehmed Giray // *Hayat Mecmuası*. 1929. Sayı 134.

Köprülü 1940 – Köprülü M. F. Türk Sazşairleri. II. Antoloji. XVI–XVIII. Asırlar. Ist., 1940. 447 s.

Köprülü, 1962 – Köprülü F. Türk Saz Şairleri. II. Ankara, 1962.

Köprülü, 1962a – Köprülü M. F. Türk Dili ve

Edebiyatı Ansiklopedisi. Devirler. İsimler. Eserler. Terimler. C. V. Dergâh yayınları A. Ş. S. 1962.

Köprülü, 1981 – Köprülü F. Türk Edebiyatında İlk Mutasavvıflar. Ankara, 1981. 415 s.

Köprülü, 2006 – Köprülü F. XVII. Asır Saz Şairlerimizden Kâmil Kırım Hanı IV. Mehmed Giray // Emelimiz Kırım. 2006. Sayı 54. S. 79–80.

Köse, 2015 – Köse Ensar. Kefe Limanı ve Karadeniz Ticareti (18. Yüzyılın İlk Yarısı) // Ordu Üniversitesi Sosyal Bilimler Araştırmaları Dergisi. Ordu, 2015.

Krajewski, 1846 – Krajewski M. D. Dzieje panowania Jana Kazimierza. Warszawa 1846. T. I.

Kraszewski, 1860 – Kraszewski J. I. Podróże i poselstwa polskie do Turcji a mianowicie: Podróż E. Otwinowskiego 1557, Jędrzeja Tarnowskiego komornika j. k. m. 1569, i Poselstwo Piotra Zborowskiego 1568. Kraków, 1860.

Kravets, 2009 – Kravets M. Blacks beyond the Black Sea: Eunuchs in the Crimean Khanate // Slavery, Islam and Diaspora, edited by Behnaz A. Mirzai, Ismael M. Montana, P. E. Lovejoy: Harriet Tubman ser. Trenton; New York: Africa World Press, 2009. P. 21–36.

Królikowska, 2007 – Królikowska N. Dzieje Chanatu Krymskiego według kroniki «Esencja historii» Abdulgaffariego el-Kyrymiego (1699–1724): praca magisterska. Warszawa, 2007.

Królikowska, 2012 – Królikowska N. Crimean Crime Stories: Cases of Homicide and Bodily Harm during the Reign of Murad Giray (1678–1683) // The Crimean Khanate between East and West. (15th – 18th Century) / Ed. by D. Klein. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2012. P. 109–124.

Królikowska, 2013 – Królikowska N. The Law Factor in Ottoman-Crimean Tatar Relations in the Early Modern Period // Law and Empire: Ideas, Practices, Actors / Ed. by J. Duindam, J. Harries, C. Humfress and N. Hurvitz. Leiden; Boston: Brill, 2013. P. 177–195.

Królikowska, 2013a – Królikowska N. Sovereignty and Subordination in Crimean-Ottoman Relations (Sixteenth-Eighteenth Centuries) // The European Tributary States of the Ottoman Empire in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Gábor Kármán and Lovro Kunčević (Eds.). Leiden, Boston: Brill, 2013. P. 43–66.

Królikowska, 2013b – Królikowska N. Praworządny jak Tatarzyn? Stosunki prawne w Chanacie Krymskim na podstawie miejscowych ksiąg sądowych z XVII wieku // Czasopismo Prawno-Historyczne. 2013. T. LXV. Zes. 1. S. 121–142.

Królikowska, 2013c – Królikowska N. Sąd rady

chańskiej w czasach Murata Gireja (1678–1683) // *Studia z dziejów i kultury ludów tureckich. Badania polskich turkologów prezentowane podczas I i II Konferencji Turkologicznej: Poznań 2007 i Warszawa 2008*. Warszawa: Wyd-wo Dialog, 2013. P. 165–176.

Królikowska, 2014 – Królikowska N. Status społeczny, warunki życia i religijność niewolników z ziem Rzeczypospolitej na Krymie w XVII wieku // *Przegląd Historyczny*. 2014. № 104. z. 4.

Królikowska, 2017 – Królikowska N. Social status, Living Conditions, and Religiosity of Slaves from the Lands of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the Crimean Khanate in the 17th Century in: Osmanlı Devletinde Kolelik. Ticaret, Esaret, Yasam, eds. Z. G. Yağcı, F. Yaşa, Istanbul 2017. P. 269–296.

Królikowska-Jedlińska, 2015 – Królikowska-Jedlińska N. Foreigners in front of the Crimean Khan's Courts in the Seventeenth and Eighteenth Centuries // *Uluslararası Suçlar ve Tarih / International Crimes and History*. 2015. № 16. P. 139–154.

Królikowska-Jedlińska, 2018 – Królikowska-Jedlińska N. Law and Division of Power in the Crimean Khanate (1532–1774) With Special Reference to the Reign of Murad Giray (1678–1683). Leiden; Boston: Brill, 2018. XXIV+287 p.

Królikowska-Jedlińska, 2019 – Królikowska-Jedlińska N. W poszukiwaniu sojuszników? Rola Chanatu Krymskiego i Persji w polityce Jana III Sobieskiego wobec Imperium Osmańskiego (1674–1696) // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne*. 2019. № 146. Z. 2. P. 331–345.

Królikowska-Jedlińska, 2019 – Królikowska-Jedlińska Natalia. Law and division of power in the Crimean Khanate (1532–1774): with special reference by the Murad Giray (1678–1683). Leiden; Boston: Brill, 2019. 286 p.

Kroll, 2008 – Kroll P. Od ugody hadziackiej do Cudnowa. Kozaczyzna między Rzeczpospolitą a Moskwą w latach 1658–1660. Warszawa: Wyd-wo Uniwersytetu Warszawskiego, 2008.

Kroll, 2012 – Kroll P. The military cooperation between the Commonwealth, Zaporizhian Cossacks and Crimean Tatars in the period of the Hadyach Union and the battle of Konotop, [w:] *The Battle of Konotop 1659. Exploring alternatives in East European history*, eds. Oleg Rumyantsev and Giovanna Brogi Bercoff. Milano, 2012. S. 59–84.

Kronika Bielskiego, 1856 – Kronika Marcina Bielskiego. T. 3 (Księga 6 wraz z kontynuacją). Sanok, 1856.

- Kubala, 1880* – Kubala L. Szkice historyczne, serya pierwsza. Lwów, 1880.
- Kubala, 1880a* – Kubala L. Szkice historyczne, serya druga. Lwów, 1880.
- Kubala, 1910* – Kubala L. Wojna moskiewska roku 1654–1655. Warszawa, 1910.
- Kubala, 1910a* – Kubala L. Wojna Brandenburska i najazd Rakoczego w roku 1656–1657. Lwów: Ossolineum, 1910.
- Kucharski, 2016* – Kucharski W. Wyprawa zborowska króla Jana II Kazimierza // *Studia z Dziejów Wojskowości*. 2016. T. 5. S. 99–137.
- Kuczyński, 1935* – Kuczyński S. M. Tatarzy pod Zbarażem // *Przegląd Historyczno-Wojskowy*. 1935. T. 8. Zes. 1. S. 121–145.
- Kunt, 1995* – Kunt Metin ve diğerleri. Türkiye Tarihi III. Osmanlı Devleti 1600–1908. Bsk. 4. İstanbul, 1995.
- Kuran, 1968* – Kuran A. The Mosque in Early Ottoman architecture. Chicago: University of Chicago Press, 1968.
- Kurat, 1940* – Kurat Akdes N. Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına ait yarlık ve bitikler. İstanbul, 1940. 212 c.
- Kurat, 1961* – Kurat A. N. The Turkish Expedition to Astrakhan' in 1569 and the Problem of the Don-Volga Canal // *The Slavonic and East European Review*. 1961. Vol. 40, № 94.
- Kurat, 1966* – Kurat Akdes Nimet, Türkiye ve İdil Boyu, Ankara Üniversitesi Basımevi, 1966. 276 s.
- Kurat, 1972* – Kurat A. N. IV – XVIII Yüzyıllarda Karadeniz Kuzeyindeki Turk Kavimleri ve Devletleri. Ankara, 1972.
- Kurdoğlu, 1937* – Kurdoğlu F. İlk Kırım Hanlarının mektupları // *Türk Tarih Kurumu. Belleten*. 1937. Cilt 1. Sayı 3–4.
- Kurnaz, 2000* – Kurnaz, Cemal. Osmanlı dönemi Kırım edebiyatı / Cemal Kurnaz, Halil Çeltik. Ankara: Kültür bakanlığı, 2000.
- Küskü, 2018* – Küskü A. Ketâibü a'lâmi'l-ahyâr min fukahâi mezhebi'n-Nu'mâni'l-muhtâr, Mahmûd b. Süleyman el-Kefevî // *Tahkik*. 2018 (Aralık). Cilt 1. Sayı 2.
- La Chronique de Damas, 1949* – La Chronique de Damas D'al-Jazari (annes 689–698 H.) / Trad. J. Sauvaget. Paris, 1949.
- Laonici, 1843* – Laonici Chalcocondilae atheniensis. Historiarum libri decim // *Corpus scriptorum historiae Byzantinae* / Ex rec. I. Bekkeri. Bonne: Impensis ed. Weberi, 1843. VIII, 590 p.
- Laskowski, 1935* – Laskowski O. Odrębność staropolskiej sztuki wojennej. Warszawa, 1935.
- Laszlovszky, Rasson, 2003* – Laszlovszky J., Rasson J. Post-Medieval or Historical Archaeology: Terminology and Discourses in the Archaeology of the Ottoman Period // *Archaeology of the Ottoman Period in Hungary* / Ed. I. Gerelyes, G. Kovács. Budapest, 2003. P. 377–382.
- Latifi, 1990* – Latifi Tezkiresi / Haz. M. Isen. Ankara, 1990. 531 s.
- Lavrov, 2015* – Lavrov A. Captivity, Slavery and Gender: Muscovite Female Captives in the Crimean Khanate and in the Ottoman Empire // *Eurasian Slavery, Ransom and Abolition in World History, 1200–1860*. London; New York, 2015. S. 309–319.
- Le Khanat, 1978* – Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı, présenté par A. Bennigsen, P. N. Boratav, D. Desai, Ch. Lemerrier-Quellejay. Paris; Den Haag, 1978.
- LEC, 1867* – Liv-, esth- und curländisches Urkundenbuch nebst Regesten / Hrsg. von F. G. v. Bunge. Abteilung 1. Bd. 5: 1414–1423. Riga: Im Verlage von Nikolai Kymmell, 1867. 80, 252, 62 p.
- LEC, 1896* – Liv-, esth- und curländisches Urkundenbuch nebst Regesten / Begr. von F. G. v. Bunge ... fortgesetzt von H. Hildebrand. Abteilung 1. Bd. 10: 1444–1449. Riga-Moskau: Verlag von J. Deubner, 1896. XLVIII, 576 p.
- LEC, 1905* – Liv-, esth- und curländisches Urkundenbuch nebst Regesten / Begr. von F. G. v. Bunge ... fortgesetzt von H. Hildebrand, P. Schwartz und L. Arbusow. Riga; Moskau: Kommission Verlag von J. Deubner, 1905. Abt. 1. Bd. 11: 1450–1459. XXIV, 783 p.
- Lees, Burke, Orser, 2008* – Lees W. B., Burke H., Orser Ch. E. Historical Archaeology // *Encyclopedia of Archaeology* / Ed. in-chief D. M. Pearsall. New York, 2008. P. 1438–1447.
- Leges genuenses, 1901* – Leges genuenses / Ed. C. Desimoni, A. Belgrango, V. Poggi // *Historiae patriae monumenta*. Torino, 1901. T. XVIII: Augustae Taurinorum.
- Lemerrier-Quellejay, 1971* – Lemerrier-Quellejay Ch. Les khanats de Kazan et de Crimée face a la Moscovie en 1521 // *CMRS*. 1971. Vol. XII, № 4. C. 489.
- Lemerrier-Quellejay, 1972* – Lemerrier-Quellejay Ch. Les Expéditions de Devlet Girây contre Moscou en 1571 et 1572 d'après les documents des Archives ottomanes // *CMRS*. 1972. Vol. XIII, № 4. C. 556–558.

- Lemercier-Quelquejay, Bennigsen, 1972* – Lemercier-Quelquejay Ch., Bennigsen A. Le khanat de Crimée au début du XVIe siècle: De la tradition mongole à la suzeraineté ottomane // Cahiers du monde russe et soviétique. 1972. Vol. 13. № 3. Paris, P. 321–337.
- Lewis, 1962* – Lewis G. L. The Utility of Ottoman Fethnāmes // Historians of the Middle East. Oxford, 1962.
- Li Guo, 1998* – Li Guo. Early Mamluk Syrian Historiography: Al-Yunini's Dhayl Mir'at al-Zaman. T. I. Leiden: E. J. Brill, 1998.
- Lietuvos, 2012* – Lietuvos Metrika. Kn. nr. 5 (1427–1506): Užrašymų knyga 5 / Parengė Algirdas Baliulis, Artūras Dubonis, Darius Antanavičius (tekstai lotynų kalba). Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2012. 586 p.
- Listy, 1861* – Listy genuieńczyków z Kaffy do Kazimierza Jagiellończyka 1462 r. // Pamiętniki historyczne / Wyd. L. Hubert. Warszawa, 1861. T. 1. S. 1–13.
- Listy, 1983* – Maria Kazimiera i Jan Sobiescy: Listy okresu odsieczy wiedeńskiej. Warszawa, 1983. 172 s.
- LM, 2011* – Lietuvos Metrika Knyga № 7 (1505–1539): Užrašymų knyga 7 / Parengė I. Ilariente, L. Karalius, D. Antanavicius. Vilnius, 2011.
- Mączak, 2000* – Mączak A. Klientela. Nieformalne systemy władzy w Polsce i Europie XVI – XVIII w. Warszawa, 2000.
- Majewski, 1960* – Majewski W. Podhajce – letnia i jesienna kampania 1667 r. // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. 1960. T. 4. Cz. 1.
- Majewski, 1963* – Majewski W. Najazd Tatarów w lutym 1695 r. // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. 1963. T. 1. S. 125–178.
- Majewski, 1970* – Majewski R. Cecora – rok 1620. Warszawa: MON, 1970.
- Majewski, 1973* – Majewski W. Plany wojny tureckiej Władysława IV a rzekome przymierze kozacko-tatarskie z 1645 r. // Przegląd Historyczny. 1973. № 2(64). S. 267–282.
- Majewski, 1975* – Majewski R. Z problematyki walk z Tatarami w pierwszej połowie XVII wieku // Śląski kwartalnik historyczny «Sobótka». 1975. № 2. S. 231–241.
- Majewski, 1997* – Majewski W. Działania wojenne w Prusach Książęcych (wrzesień 1656 – luty 1657) // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 1997. № 4. S. 579–598.
- Małowist, 1947* – Małowist M. Kaffa, kolonia genuieńska na Krymie i problem wschodni w latach 1453–1475 / Prace Instytutu historycznego uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa: Makładem Towarzystwa Miłośników Historii z zasiłku Ministerstwa Oświaty, 1947. T. II. 361 s.
- Mamay, 2010* – Mamay. Nogay Türklerinin Kahramanlık Destanı / H. Kalenderoğlu. Ankara, 2010.
- Manfroni, 1904* – Manfroni C. Due nuovi documenti per la storia della marineria genovese // Giornale storico e letterario della Liguria. Gennaio–Febbraio / Società d'Incoraggiamento editrice, 1904. Anno V. Fasc. 1–2. P. 38–39.
- Manuel, 2000* – Manuel de codicologie des manuscrits en écriture arabe. P., 2000.
- Manz, 1978* – Manz B. F. The clans of the Crimean Khanate, 1466–1532 // Harvard Ukrainian Studies. 1978. Vol. 2. P. 282–309.
- Markon, 1938* – Markon I. Die Chronik der Krim'schen Chane von David Lechno «Debar Sephatajim» // 19 Congresso internazionale degli orientalisti (1935): atti. Roma, 1938.
- Martin, 1983* – Martin J. Muscovite Relations with the Khanates of Kazan' and the Crimea (1460s to 1521) // Canadian-American Slavic Studies. 1983. Vol. 17. № 4. P. 435–453.
- Martin, 1992* – Martin J. Muscovite Frontier Policy: the Case of the Khanate of Kasimov // Russian History/ Histoire Russe. 1992. Vol. 19. № 1–4. P. 169–179.
- Martin, 1995* – Martin J. Medieval Russia, 980–1584. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. XXV, 450 p.
- Mas-Latrie, 1868* – Mas-Latrie L. Privilèges commerciaux accordés à la république de Venise par les princes de Crimée et les empereurs mongols du Kiptchak // Bibliothèque de l'école des chartes. 1868. T. 29.
- Massaria, 1420* – Archivio di Stato di Genova. San Giorgio. Massaria Caffae 1420.
- Massaria, 1441* – Archivio di Stato di Genova. San Giorgio. Massaria Caffae 1441.
- Massaria, 1456* – Archivio di Stato di Genova. San Giorgio. Massaria Caffae 1456.
- Matériaux, 1864* – Matériaux pour servir à l'histoire du Khanate de Crimée... Par V. Véliaminof-Zernof. SPb., 1864 (араб. шриффт).
- Matricularum, 1905* – Matricularum Regni Poloniae summaria, excussis codicibus, qui in Chartophylacio Maximo Varsoviensi asservantur. Pars I: Casimiri IV Regis tempora complectens (1447–1492) / Ed. Th. Wierzbowski. Warszawa, 1905. T. IV, 191 p.
- Matuz, 1988* – Matuz J. Les Relation étrangères

- du Khanat de Crimée (XVe-XVIIIe siècles) // *Revue d'Histoire Diplomatique*. 1988. № 3–4.
- MC, 1381–82* – Massaria Caffae 1381–1382 // *Archivio di Stato di Genova*. San Giorgio. Sala 34. № 590. 1226.
- MC, 1386–87* – Massaria Caffae 1386–1387 // *Archivio di Stato di Genova*. San Giorgio. Sala 34. № 590. 1226 bis.
- MC, 1410–11* – Massaria Caffae 1410–1411 // *Archivio di Stato di Genova*. San Giorgio. Sala 34. № 590. 1227.
- MC, 1454–56* – Massaria Caffae 1454–1455 // *Archivio di Stato di Genova*. San Giorgio. Sala 34. № 590. 1236.
- MC, 1456–57* – Massaria Caffae 1456–1457 // *Archivio di Stato di Genova*. San Giorgio. Sala 34. № 590. 1238.
- MC, 1459–60* – Massaria Caffae 1459–1460 // *Archivio di Stato di Genova*. San Giorgio. Sala 34. № 590. 1228.
- MC, 1465–66* – Massaria Caffae 1465–1466 // *Archivio di Stato di Genova*. San Giorgio. Sala 34. № 590. 1247.
- MC, 1468–69* – Massaria Caffae 1468–1469 // *Archivio di Stato di Genova*. San Giorgio. Sala 34. № 590. 1251.
- McNiel, 1964* – McNiel William H. *Europe's steppe Frontier. 1500–1800*. Chicago; London, 1964.
- Mecdi, 1989* – Mecdi Mehmed. *Hadaiku`ş-Şakaik / Şakaik-ı Nu`mâniye ve Zeyilleri*. Neşre Hazırlayan: Abdülkadir Özcan. C. I. İstanbul, 1989.
- Mecmûa, 1264* – *Mecmûa-i Münşeâtü's-selâtin*. Cilt: I. İstanbul, 1264.
- Mecmûa, 1265* – *Mecmûa-i Münşeâtü's-selâtin*. Cilt: II. İstanbul, 1265.
- Mecmûa, 1274* – *Mecmûa-i Münşeâtü's-selâtin*. Cilt: I. İstanbul, 1274.
- Mecmûa, 1275* – *Mecmûa-i Münşeâtü's-selâtin*. Cilt: II. İstanbul, 1275.
- Mehmet, 1986* – Mustafa A. Mehmet. *Documente turceşti privind istoria României / Ed. Academiei*. Bucureşti, 1986. Vol. III.
- Memetov, 2018* – Memetov, R. *Kırım Hanlığı döneminde (1441–1783) Arap dili ve edebiyatı alanında yapılan çalışmalar*. Danışman: Doç. Dr. Muhammet Vehbi Dereli / Necmettin Erbakan Üniversitesi; Sosyal Bilimler Enstitüsü; Temel İslam Bilimleri Anabilim Dalı. Doktora. 2018. 197 s.
- Mete, 1999* – Mete Z. *Osmanlı Taşrasında Bürokratik Muamelat: Sancakbeyi Belge ve Defterleri // Osmanlı Araştırmaları*. 1999. T. XIX.
- Mézin, 1998* – Mézin A. *Les consuls de France au siècle des lumières (1715–1792)*. Paris, 1998.
- Mihordea, 1979* – V. Mihordea. *Raporturile Moldovei și Țării Românești cu Tătarii în secolele XVI – XVIII // Revista de istorie*. 1979. T. 32. № 6.
- Miklošich, Müller, 1865* – Miklošich F., Müller J. *Acta et diplomata Graeca medii aevi sacra et profana. Vindobonae, 1865*. Vol. III.
- Milewski, 2014* – Milewski D. *Mołdawia między Polską a Turcją. Gospodar Miron Barnowski i jego polityka (1626–1629)*. Oświęcim, 2014. T. V.
- Millî, 1987* – Millî Kütüphane Yazmalar Kataloğu. Ankara, 1987. T. I.
- Moll, 1714* – Moll H. *The Turkish Empire in Europe, Asia and Africa, Divided into all its Governments, together with the other Territories that are Tributary to it*. London, 1730. URL: <https://www.raremaps.com/gallery/detail/54626/the-turkish-empire-in-europe-asia-and-africa-divided-into-moll> (data посещения – 19. 05. 2019).
- Montpereux, 1843* – Montpereux Dubois de. *Voyage autor du Caucase chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Armenie et en Crimée*. Paris, 1843.
- Morawski, 1876* – Morawski T. *Dzieje narodu polskiego w krótkości zebrane*. Poznań, 1876. T. II.
- Morozzo Della Rocca, 1940* – Morozzo della Rocca R., Lombardo A. *Documenti del commercio veneziano nei secoli XI – XIII*. Torino, 1940. Vol. 1–2.
- Morozzo Della Rocca, 1962* – Morozzo Della Rocca R. *Notizie da Caffa // Studi in onore di A. Fanfani*. Milano, 1962. Vol. 3.
- Motraye, 1723* – A. de la Motraye's travels through Europe, Asia, and into part of Africa. London, 1723. Vol. II.
- Muallim, 1986* – Muallim Naci. *Osmanlı Şairleri / Haz. C. Kurnaz*. Ankara, 1986. 343 s.
- Mundt, 1855a* – *Mundt T. Der Kampf um das Schwarze Meer. Historische Darstellungen aus der Geschichte Russlands*. Braunschweig, 1855.
- Mundt, 1855b* – *Mundt T. Krim-Girai, ein Bundesgenosse Friedrichs des Großen: ein Vorspiel der russisch-türkischen Kämpfe*. Berlin, 1855.
- Murvar, 1989* – Vatro Murvar, *Nation and Religion in Central Europe and the Western Balkans; the Muslims in Bosnia, Hercegovina and Sandzak: A Sociological Analysis*. Brookfield, 1989.
- Musso, 1965* – Musso G. G. *Russia e Genovesi nel Levante nel quattrocento*. Note su documenti //

Rassegna degli Archivi di Stato. Roma, 1965. P. 227–244. T. XXV.

Musso, 1966 – Musso G. G. Il tramonto di Caffa genovese // Miscellanea di storia ligure in memoria di Giorgio Falco. Genova, 1966. P. 311–339.

Musso, 1968 – Musso G. G. Note d'archivio sulla Massarià di Caffa // Studi Genuensi. Genova, 1968. P. 62–98. Vol. V: 1964/65.

Nagielski, 1998 – Nagielski M. Relacje wojenne z pierwszych lat walk polsko-kozackich powstania Bohdana Chmielnickiego okresu «Ogniem i Mieczem» (1648–1651). Warszawa, 1998.

Nalbandova, 2000 – Nalbandova G. Evliya Çelebiniñ «Seyahatname»sinde qırımtatar divan edebiyatına dair bilgiler // Günsel. 2000. № 7 (İyül-Ağustos). S. 18–20.

Narbutt, 1839 – Narbutt T. Dzieje narodu litewskiego. T. VI. Wilno: Nakładem i drukiem Antoniego Marcinowskiego, 1839.

Naruszewicz, 1805 – Naruszewicz A. Tauryka czyli Wiadomości starożytne i późniejsze o stanie i mieszkańcach Krymu do naszych czasów. Warszawa, 1805.

Navagiero, 1733 – Navagiero Andrea. Storia della republica veneziana // Rerum italicarum scriptores. Mediolani. 1733. T. 23.

Nemeth, 1965 – Nemeth J. Kereit, Kérey, Giray // UAJ. 1965. Vol. 36.

Nicolae, 1995 – Eugen N. Quelques considérations sur les monnaies tatars de «la Ville Neuve» (Yangı-şehir/Şehir al-cedid) // Studii și Cercetări de Numismatică. 1995. Vol. XI.

Niedźwiedzki, 1910 – Niedźwiedzki M. Z walk tatarskich. Lwow, 1910.

Nilsson, 1953–1954 – Nilsson S. A. De svensk-turkiska förbindelserna före Poltava // Scandia. Stockholm; Kobenhavn; Oslo, 1953–1954. Bd. XXII, h. 2.

Northedge, 1999 – Northedge A. Archaeology and Islam // Companion Encyclopedia of Archaeology / ed. G. Barker. London; New York, 1999. Vol. 2. P. 1077–1106.

Notes, 1899 – Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. / Publ. par N. Jorga. Paris: Ernest Leroux, 1899. T. I. 581 p.

Notes, 1902 – Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. Troisième série / Publ. par N. Jorga. Paris: Ernest Leroux, 1902. 394 p.

Notes, 1915 – Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. Quatrième série (1453–1476) / Publ. par N. Jorga. Bucarest; Éd. de l'Académie Roumaine, 1915. VI, 378 p.

Nowak, 1990 – Nowak T. M. Walki z najazdami na Rzeczpospolitą organizowanymi przez Chanat Krymski w pierwszej połowie XVI w. // Polskie tradycje wojskowe: tradycje walk obronnych z najazdami Niemców, Krzyżaków, Szwedów, Turków i Tatarów. Warszawa: Wyd-wo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1990. T. 1. S. 168–182.

Nowak, 2006 – Nowak T. M. Dawne wojsko polskie: od Piastów do Jagiellonów. Warszawa: Bellona, 2006.

Nykiel, 2006 – Nykiel Beata K. Zdrada Bogdana Słupicza w 1551 r. (okoliczności zdobycia Braclawia przez Tatarów) // Соціум: альманах соціальної історії. 2006. Вип. 6. С. 29–59.

Oberlander-Târnoveanu, 1997 – Ernest Oberlander-Târnoveanu. Inceputurile prezenței tătarilor în zona gurilor Dunării în lumina documentelor numismatice. Originea Tătarilor. Locul lor în România și în lumea turcă, ed. Ta(h)sin Gemil, Editura Kriterion, București, 1997.

Ochmański, 1960 – Ochmański J. Organizacja obrony w Wielkim Księstwie Litewskim przed napadami Tatarów Krymskich w XV-XVI wieku // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. 1960. T. 5. S. 349–398.

ODKE, 2000 – Osmanlı Dönemi Kırım Edebiyatı / Haz. C. Kurnaz, H. Çeltik. Ankara, 2000. 413 s.

Ortaylı, 1975 – Ortaylı İlber. Osmanlı Kadısı: Tarihi Temeli ve Yargı Görevi (Osmanский кадий: Историческая Основа и Судейские Функции) // Ankara Üniversitesi Siyasal Bilgiler Fakültesi Dergisi. 1975, Cilt 30, S. 117–128.

Ortekin, 1938 – Ortekin H. Kırım Hanlarının Şeceresi. İstanbul: Bürhaneddin matbaası, 1938.

Orudj, 1925 – Orudj bin Adil. Tevarih-i al-i Osman / Ed. F. Babinger. Hannover, 1925.

Orzelski, 1856 – Orzelski Ś. Bezkrólewia ksiąg ośmioro czyli Dzieje Polski od zgonu Zygmunta Augusta r. 1572 aż do r. 1576. Skreślone przez Świątosława z Borzejowic Orzelskiego starostę Radziejowskiego. Petersburg; Mohilew, 1856. T. 2.

Osmanlı, 1992 – Osmanlı Devleti ile Kafkasya, Türkistan ve Kırım Hanlıkları Arasındaki Münâsebetlere Dâir Arşiv Belgeleri (1687–1908 yılları arası). Ankara, 1992.

Osmanlı, 2005 – Osmanlı Belgelerinde Kazan. Ankara, 2005.

Osmanlı, 2013 – Osmanlı Belgelerinde Kırım Hanlığı / Crimean Khanate in Ottoman Documents. İstanbul: T. C. Başbakanlık Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü, 2013.

- Ostapchuk, 1987* – Ostapchuk V. The Publication of Documents on the Crimean Khanate in the Topkapı Sarayı. The Documentary Legacy of Crimean-Ottoman Relations // Turcica: revue d'études turques. 1987. T. 19.
- Ostrowski, 1990* – Ostrowski D. The Mongol Origins of Muscovite Political Institutions // Slavic Review. 1990. Vol. 49. № 4. P. 525–542.
- Ostrowski, 1998* – Ostrowski D. Muscovy and the Mongols: Cross-cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. XVI, 329 p.
- Ozcan, 1988* – Ozcan A. Historiography in the Reign of Suleyman the Magnificent / The Ottoman Empire in the Reign of Suleyman the Magnificent. Ankara, 1988. Vol. II.
- Ozturk, 2006* – Ozturk Said. Osmanli arshiv belgelerinde Istanbulun tarihi su yollari. Cilt 1 / Istanbul Buyuk sehir Belediyesi, Istanbul Su ve Kanalizasyon idaresi genel mudurlugu yayinlari. Istanbul, 2006. 463 s.
- Ölker, Derekeçi, 2009* – Ölker Perihan, Derekeçi Bekir. Hekim Mehmed Nidâi'nin Manzum Tıp Risâlesi Keyf-i Kitâb-ı Nidâi // Selçuk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. 2009. №22.
- Ötämiş Hâjî, 2008* – Ötämiş Hâjî. Čingiz-näma / حاجی جنکیزنامه اوتمیش. Introduction, annotated translation, transcription and critical text by T. Kawaguchi, H. Nagamine. Supervision M. Sugahara. Tokyo, 2008.
- ÖZALP, 2000* – ÖZALP, Nazmi, Türk Müsıkisi Tarihi, C. I, İstanbul, 2000.
- Özcan, 1994* – Özcan N. Derviş Abdi, Kefeli // TDV İslam Ansiklopedisi. İstanbul, 1994. Cilt 9.
- Özcan, 2000* – Özcan A. Münşeâtü's-selâtîn // Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi. İstanbul, 2000. Cilt 32.
- Özdem, 2006* – Özdem Z. Kırım Karasubazar'da Sosyo-Ekonomik Hayat (17. Yüzyıl sonlarından 18. Yüzyıl ortalarına Kadar). Yüksek Lisans Tezi. Kirikkale, 2006.
- Özdem, 2010* – Özdem Zeynep. Kırım Karasubazar'da Sosyo-Ekonomik Hayat (17. Yüzyıl Sonlarından 18. Yüzyıl Ortalarına Kadar). Ankara: TTK Yayınları, 2010. 197 s.
- Özel, 1982* – Ahmet Özel, İslâm Hukukunda Milletlerarası Münasebetler Ve Ülke Kavramı, İstanbul, İklim Yayınları, 1982.
- Özel, 1992* – Özel, A. Bezzazi // İslam Ansiklopedisi. İstanbul, 1992. C. 6. S. 113–114
- Özel, 2002* – Özel, A. Kefevi Mahmud b. Süleyman // İslam Ansiklopedisi. Ankara, 2002. C. 25. S. 185–186.
- Özkan, 2015* – Özkan Ö. Osmanlı Şiirinde Bir Edebî Muhit Olarak Kefe (Feodosia) // Uluslararası Sosyal Araştırmalar Dergisi. 2015. Sayı 38. Cilt: 8.
- Öztuna, 1989* – Öztuna Y. Devletler ve Hanedanlar. Türkiye (1074–1990). Cilt II. Ankara, 1989.
- Öztuna, 1990* – Öztuna, Yılmaz, Büyük Türk Müsıkî Ansiklopedisi. Ankara, 1990. C. II.
- Öztuna, 1996* – Öztuna, Y. Devletler ve Hanedanlar. Türkiye (1074–1990). Cilt II. Ankara, 1996. 1224 s.
- Öztuna, 2005a* – Öztuna Yılmaz. Devletler ve Hanedanlar. İslam Devletleri, Cilt 1. Kültür ve turizm Bakanlığı Yayınları, Ankara, 2005.
- Öztuna, 2005b* – Öztuna Yılmaz . Devletler ve Hanedanlar. Türkiye (1074–1990) // Kültür Bakanlığı Yayınları, Ankara, 2005. Cilt 2.
- Öztürk, 1989* – Öztürk N. XVII. Yüzyıl Osmanlı Tarihçileri ve Eserleri. II // Türk Dünyası Tarih Dergisi. 1989 (Eylül). № 33. S. 35–40.
- Öztürk, 2000* – Öztürk, Y. Osmanlı Hakimiyetinde Kefe, 1475–1600. Ankara : Kültür Bakanlığı, 2000. 570 s.
- Öztürk, 2002* – Öztürk Yücel. Kırım Hanlığı // Türkler, Ankara: Yeni Türkiye Yayınları, 2002. C. VIII.
- Öztürk, 2012* – Öztürk S. *Kırımlı Rahmî ve Divanı* // Trakya Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. 2012 (Haziran). Cilt 14. Sayı 1.
- Öztürk, 2013* – Öztürk Yücel. XVI. Yüzyılda Kefe'nin Yakın ve Uzak Hinterlandı ile Ticareti. Tarih Boyunca Karadeniz Ticareti ve Canik / Ed. O. Köse; Canik Belediyesi Kültür Yayınları. Samsun, 2013.
- Öztürk, 2014* – Öztürk Y. Osmanlı Hakimiyetinde Kefe (1475–1600). İstanbul, 2014.
- Öztürk, 2015* – Öztürk Yücel. Kırım Hanlığı. Doğu Avrupa Türk Mirasının Son Kalesi: Kırım, İstanbul: Çamlıca Basım Yayın, 2015.
- Öztürk, 2017* – Öztürk Y. Osmanlı İmparatorluğu'nda Köle Emeginin Rolü ve Hacmi // Osmanlı Devleti'nde Kölelik: Ticaret–Esaret–Yaşam / Ed. Z. Güneş Yağcı, F. Yaşa, D. İnan. İstanbul, 2017. C. 31–56.
- Öztürk, 2017a* – Öztürk Y. Karadeniz Ticari Ağları ve Kefe XIV – XVI. Yüzyıllar // Archivum Ottomanicum. 2017. № 34.
- Öztürk, 2017b* – Öztürk Y. Osmanlı İmparatorluğu'nda Köle Emeginin Rolü ve Hacmi // Osmanlı Devleti'nde Kölelik Ticaret, Esaret, Yaşam. İstanbul, 2017.
- Öztürk, 2018* – Öztürk Y. Relations between the Turkish Empire, Zaporozhian Cossacks and Crimean Khanate in the First Half of the 17th Century // Вісник Київського національного університету ім. Тараса Шевченка. 2018. № 2(137).
- Özünlü, 2010* – Özünlü Emine Erdoğan. Mühimme

Defterlerine göre XVI. Yüzyılım ikinci yarısında Osmanlı-Kırım hanlığı ilişkileri // Selçuk Üniversitesi Türkiyat araştırmaları dergisi. 2010. Sayı 27.

Paić-Vukić, 2007 – Paić-Vukić T. Svijet Mustafa Muhibbija, sarajevskoga kadije. Zagreb, 2007.

Pajewski, 1978 – Pajewski J. Buńczuk i koncerz. Z dziejów wojen polsko-tureckich. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1978.

Pamiętniki, 1961 – Pamiętniki Samuela i Bogusława Kazimierza Maskiewiczów (wiek XVII). Wrocław, 1961.

Pamuk, 2000 – Pamuk S. A Monetary History of the Ottoman Empire. Cambridge: University Press, 2000.

Papacostea, 1979 – Papacostea Ş. «Quod non iretur ad Tanam»: un aspect fondamental de la politique génoise dans la Mer Noire au 14 siècle // Revue des études sud-est européennes. 1979. T. 17, № 2.

Papanikola-Bakirtzi, 1999 – Papanikola-Bakirtzi D. Byzantine Glazed Ceramics. The Art of Sgraffito. Athens, 1999. 270 p.

Pariado, 1905 – C. D. Pariado. Dobrogea și dobrogenii. Constanța, 1905.

Paşaoğlu, 2015 – Paşaoğlu D. D. Kırım Hanlığı'nda Umdetü'l-Ahbar Örneğinde Tarih Yazıcılığı / I. Uluslararası Türklerde Tarih Bilinci ve Tarih Yazıcılığı Sempozyumu, Zonguldak, Türkiye, 23–25 Ekim 2014. Zonguldak, 2015.

Paşaoğlu, 2016 – Paşaoğlu, D. D. Kırım Yerli Kaynaklarına Göre XVIII. Yüzyılda Kırım Hanlığı'nda Meşâyih Makamı // Uluslararası Karadeniz İncelemeleri Dergisi. 2016. Sayı 20. S. 89–116.

Paşaoğlu, 2016a – Paşaoğlu, D. D. Tarih-i Said Giray'a göre 18. Yüzyıl Kırım Hanlığında Noğay Uleması // Сборник матер. Междунар. науч.-практ. конф. «Исламское образование в Крыму: исторические вехи и пути возрождения», посв. 515-летию Зынджырлы медресе и памяти его основателя Менгли Герай хана, 10–12 октября 2015 г. Симферополь, 2016.

Peacock, 2006 – Peacock A. C. S. The Saljūq Campaign against the Crimea and the Expansionist Policy of the Early Reign of 'Alā' al-Dīn Kayqubād // Journal Asiatic Society. Series 3, Vol. 16, № 2. 2006.

Peçevi, 1982 – Peçevi İbrahim Efendi. Pecevi Tarihi / Haz. B. S. Baykal. Ankara, 1981–1982. C. I–II.

Perdenia, 2004 – Perdenia J. Hetman Piotr Doroszenko a Polska. Kraków, 2004. 504 s.

Peters, 2002 – Peters R. [Wakf] In Classical Islamic law // The Encyclopaedia of Islam. Leiden, 2002. Vol. XI.

Petti Balbi, 1978 – Petti Balbi G. Cafa e Pera a metà del Trecento // Revue des études Sud–Est Européennes. 1978. T. XVI, № 2. P. 172–185.

Peyssonnel, 1785 – Peyssonnel de. Observations critiques sur les mémoires de M. le baron de Tott. Maestricht, 1785.

Peyssonnel, 1787a – Peyssonnel de. Traite sur le commerce de la Mer Noire. 1787. T. 1.

Peyssonnel, 1787b – Peyssonnel de. Traite sur le commerce de la Mer Noire. 1787. T. 2.

Pienaru, 2002 – Pienaru N. Otomanii și Hoarda de Aur. Relatiile lui Murad II cu Uluğ Mehmed // Studii și materiale de Istorie Medie / Academia Română; Institutul de istorie «Nicolae Iorga»; Muzeul Brăilei. Brăila: Editura Istros. 2002. Vol. XX. P. 161–180.

Pienaru, 2012 – Pienaru N. Hacı Giray (1438–1466). Han și negustor // Moștenirea istorică a tătarilor. II. București: Editura Academiei Române, 2012. P. 135–149.

Pistarino, 1990 – Pistarino G. La caduta di Caffa diaspora in Oriente // Civico istituto Colombiano. Studi e testi. Genova. 1990. № 14. P. 477–518.

Piwariski, 1958 – Piwariski K. Sprawa pośrednictwa tatarskiego w wojnie polsko-tureckiej (1692–1693) // Studia historica w 35-lecie pracy naukowej Henryka Łowmiańskiego. Warszawa, 1958.

Plewczyński, 2002 – Plewczyński M. Wojny Jagiellonów z wschodnimi i południowymi sasiadami Krolestwa Polskiego. Siedlce: Wyd-wo Akademii Podlaskiej, 2002.

Plewczyński, 2011 – Plewczyński M. Wojny i wojskowość polska XVI w. T. I. Lata 1500–1548. Zabrze: Inforteditions, 2011.

Plewczyński, 2012 – Plewczyński M. Wojny i wojskowość polska XVI w. T. II. Lata 1548–1575. Zabrze – Tarnowskie Góry: Inforteditions, 2012.

Plewczyński, 2012a – Plewczyński M. Wojny i wojskowość polska XVI w. Tom III. Lata 1576–1599. Zabrze – Tarnowskie Góry: Inforteditions, 2012.

Podhorodecki, 1987 – Podhorodecki L. Chanat Krymski i jego stosunki z Polską w XV–XVIII wieku. Warszawa: Książka i Wiedza, 1987.

Podhorodecki, 2012 – Podhorodecki L. Chanat Krymski. Państwo koczowników na kresach Europy. Warszawa: Bellona, 2012.

Podhorodecki, Raszba, 1979 – Podhorodecki L., Raszba N. Wojna chocimska 1621 roku. Kraków, 1979.

Polak, 1995 – Polak W. O Kreml i Smolenszyne. Polityka Rzeczypospolitej wobec Moskwy w latach 1607–1612. Torun, 1995.

- Polechow, 2018* – Polechow S. Książę Michał Zygmunto wicz – walka o spadek po ojcu // Ojcowie i synowie. O tron, władzę, dziedzictwo. W 700 rocznicę narodzin Karola IV Luksemburskiego króla czeskiego i cesarza (1316–1378). Gdańsk, 2018. S. 199–243.
- Poloneutichia, 1843* – Poloneutichia Andrzeja Lubienieckiego, wydał Aleksander Batowski. Lwów, 1843.
- Poselstwo, 1998* – Poselstwo Rafała Leszczyńskiego do Turcji w 1700 roku. Diariusze i inne materiały / Przyg. I. Czamańska. Leszno, 1998.
- Posilge, 1866* – Johann von Posilge. Chronik des Landes Preussen // Scriptorum Rerum Prussicarum / Hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Bd. 3. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1866. P. 79–388.
- Postică, Vechi, 2006* – Gheorghe Postică, Orheiul Vechi. Cercetări arheologice 1996–2001. Iași, 2006.
- Précis, 1833* – Précis de l'histoire des khans de Crimée, depuis l'an 880 jusqu'à l'an 1198 de l'hégire // Nouveau journal asiatique. 1833. T. 12.
- Pritsak, 1967* – Pritsak O. Moscow, the Golden Horde, and the Kazan Khanate from a Polycultural Point of View // Slavic Review. 1967. Vol. 26. № 4. P. 577–583.
- Promis, 1874* – Promis V. Continuazione della Cronaca di Iacopo da Varagine dal 1297 al 1332 // Atti della Società Ligure di Storia Patria. 1874. T. X.
- Proski, 1907* – Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawy pod Czehryń // Źródła do poselstwa Jana Gnińskiego, wojewody chehnirskiego, do Turcji w latach 1677–1678. Warszawa, 1907. T. XX.
- Przyłęcki, 1842* – Przyłęcki S. Ukrainne sprawy. Przyczynek do dziejów polskich, tatarskich i tureckich XVII wieku. Lwów, 1842.
- Pułaski, 1881* – Pułaski K. Stosunki z Mendli-Girejem chanem Tatarów przekopskich (1469–1515): akta i listy. Warszawa, 1881.
- Pułaski, 1887* – Pułaski K. Sprawy tatarskie w Polsce. Stosunki Zygmunta I z Machmet Girejem, chanem perekopskim (1515–1523) // Przewodnik Naukowy i Literacki. 1887. Zesz. 10. S. 888–898.
- Pułaski, 1887a* – Pułaski K. Sprawy tatarskie w Polsce. Stosunki Zygmunta I z Machmet Girejem, chanem perekopskim (1515–1523) // Przewodnik Naukowy i Literacki. 1887. Zesz. 11. S. 983–999.
- Pułaski, 1887b* – Pułaski K. Sprawy tatarskie w Polsce. Stosunki Zygmunta I z Machmet Girejem, chanem perekopskim (1515–1523) // Przewodnik Naukowy i Literacki. 1887. Zesz. 12. S. 1002–1028.
- Pułaski, 1911* – Pułaski K. Trzy poselstwa Lawryna Piaseczynskiego do Kazi Gireja, hana Tatarów perekopskich (1601–1603) // Przewodnik Naukowy i Literacki. 1911. Zesz. 9.
- Quirini-Popławska, 1995* – Quirini-Popławska D. Z powiązań Polski z Kaffą, kolonią geneueńską na Krymie w drugiej połowie XV wieku // Cracovia, Polonia, Europa. Studia z dziejów średniowiecza ofiarowane prof. Jerzemu Wyrozumskiemu w 65. rocznicę urodzin i 40-lecie pracy naukowej. Kraków. 1995. S. 545–561.
- Radloff, 1887* – Radloff V. Das Türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus. Manuscript der Bibliothek der Marcus-Kirche in Venedig. Nach der Ausgabe des Grafen Kuun. Ser. VII. St.-Pbg., 1887. T. XXXV, № 6.
- Rashiduddin, 1999* – Rashiduddin Fazlullah's. Jami'u't-tawarikh: Compendium of chronicles. A history of the Mongols / Transl. et com. by W. M. Thackston // Sources of Oriental languages and literatures. 45 // Central Asian sources. Harvard: Harvard University, 1999. T. IV. Pt. 2.
- Rawita-Gawroński, 1922* – Rawita-Gawroński F. Kozaczyzna ukraińska w Rzeczypospolitej Polskiej do końca XVIII-go wieku. Zarys polityczno-historyczny. Warszawa, 1922.
- Reddaway, 1931* – Documents of Catherine the Great / Ed. W. F. Reddaway. Cambridge, 1931.
- Redhouse, 1861* – Redhouse J. W. A Turkish Circle Ode by Shahin-Ghiray, Khan of the Crimea // Journal of the Royal Asiatic Society. 1861. № 18. P. 400–415.
- Regesta, 1859* – Regesta chronologico-diplomatica Friderici III romanorum imperatoris (regis IV). Reichsregistraturbüchern vom Jahre 1440–1493. Nebst Auszügen aus Original-Urkunden, Manuskripten und Büchern. Von Joseph Chmel. Wien: Druck und Verlag von Carl Gerold's Sohn, 1859. T. VII. CLXXIX, 802 s.
- Retowski, 1901* – Retowski O. Die Münzen der Girei // Труды Московского нумизматического общества. М., 1901. Т. 2. Вып. 3. С. 241–308, VI taf.
- Retowski, 1904* – Retowski O. Die Münzen der Girei // Труды Московского нумизматического общества. М., 1903. Т. 3. Вып. 1.
- Retowski, 1905* – Retowski O. Die Münzen der Girei // Труды Московского нумизматического общества. М., 1905. Т. 3. Вып. 3.
- Reychman, 1973* – Reychman J. Historia Turcji. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1973.
- Reychman, Zajączkowski, 1968* – Handbook of Ottoman-Turkish Diplomacy, by Jan Reychman and Ananiasz Zajączkowski. Hague; Paris, 1968.
- Richard, 1981* – Richard Fr. Un Lictionnaire

Persan des Évangiles copié en Crimée en 776 H. /1374 // *Studia Iranica*. Leiden. 1981. T. 10, fasc. 2.

Richard, 1989 – Bibliothèque Nationale. Département des Manuscrits. Catalogue des Manuscrits Persans. I. Ancien Fonds. Par Francis Richard. P., 1989.

Rieu, 1888 – Catalogue of the Turkish Manuscripts in the British Museum. L., 1988.

Riyâzî, 2017 – Riyâzî Muhammed Efendi. Riyazü’ş-Şuara (Tezkiretü’ş-Şu’ara) / Haz. N. Açıkgöz. Ankara, 2017.

Rogowicz, 2018 – Rogowicz M. Bitwa pod Zbarażem 1649. Konin: Wyd-wo Psychoskok, 2018.

Romański, 1994 – Romański R. Beresteczko 1651. Warszawa: Bellona, 1994.

Roncière, 1925 – Roncière De La C. La découverte de l’ Afrique au Moyen âge. Cartographes et explorateurs. Le Caire, 1925. № 1–2.

Rubiés, 2007 – Rubiés J.-P. Travellers and Cosmographers. Studies in the History of Early Modern Travel and Ethnology. Aldershot, 2007.

Ruffin, 1785 – Observations de M. Ruffin sur la critique des Mémoires du baron de Tott, par M. Peyssonel // Mémoires du baron de Tott, sur les Turcs et les Tartares. T. 2. Pt. 4. Amsterdam, 1785.

Rustemov, 2015 – *Rustemov O. D.* History of discovering and problems in Studying Crimean Court Books of the 17th – 18th centuries. // *Manuscripta Orientalia*. International journal for Oriental Manuscript research. 2015. Vol. 21. №. 2.

Rutkowska, 2014 – Rutkowska G. Itinerarium króla Kazimierza Jagiellończyka 1440–1492 / In-t historii PAN; Polskie Tow-wo historyczne. Warszawa, Wyd-wo Neriton 2014. 422 s.

Rybarski, 1939 – Rybarski R. Skarb i peiniądz za Jana Kazimierza, Michała Korybuta i Jana III. Warszawa, 1939.

Rycault, 1670 – Rycault P. The Present State of the Ottoman Empire. London, 1670.

Sabit, 1934 – Sabit B. Kırımın Osmanlı İmparatorluğuna Eklenmesi Meselesi. İstanbul, [1934].

Salim, 2018 – Sâlim Efendi, Mîrzâ-Zâde Mehmed. Tezkiretü’ş-Şu’arâ: İnceleme–Metin / Haz. A. İnce. Ankara, 2018. 474 s.

Sanuto, 1733 – Sanuto M. Vitae ducum venetorum // *Rerum Italicarum scriptores ab anno aerae christianae quingentesimo ad millesimum quingentesimum*. Mediolani: ex typographia Societatis Palatinae in Regia Curia, 1733. T. 22. Col. 399–1252.

Sanuto, 1733a – Sanuto Marino. Vite Duchi di Venezia // *Rerum italicarum scriptores*. Mediolani. 1733. T. 22.

Sarkissjanz, 1961 – Sarkissjanz E. Geschichte der orientalischen Völker Russlands bis 1917. Eine Ergänzung zur ostslawischen Geschichte Russlands. München, 1961.

Sarnicki, 2015 – Sarnicki S. Księgi hetmańskie. Kraków: lagellonica, 2015.

Schäfer, 1971 – Schäfer B. Beiträge zur mamlukischen Historiographie nach dem Tode al-Malik an-Nāşirs. Mit e. Teiled. d. Chronik Şams ad-Dīn aş-Şuğā’is // *Islamkundliche Untersuchungen*. Freiburg: Schwarz, 1971. Bd. 15.

Schiltberger, 1879 – The Bondage and Travels of Johann Schiltberger, a Native of Bavaria, in Europe, Asia, and Africa, 1396–1427 / Transl. by J. B. Telfer, notes by P. Bruun. London: Hakluyt society, 1879.

Schmidt, 1991 – *Schmidt J.* Pure Water for Thirsty Muslims. A Study of Mustafā ‘Ālī of Gallipoli’s Kühū l-Ahbār. Leiden, 1991.

Schmidt, 2002 – Catalogue of the Turkish Manuscripts in the Library of Leiden University and other Collections in the Netherlands / Compl. by J. Schmidt. Leiden, 2002. Vol. II: Comprising the acquisitions of Turkish manuscripts in Leiden University Library between 1800 and 1970.

Schubert, 1994 – Schubert G. Ahmad b. Abdallah al-Qrimi, ein Verteidiger Ibn al-Arabis gegen die Orthodoxie // *Asiatische Studien*. 1994. № 48. S. 1379–1381.

Schuckelt, 2017 – Schuckelt H. Relations between Saxony and the Crimean Tatars in the 17th and early 18th centuries // «По ту сторону Тартара»: мусульманский мир в сердце Европы между Эльбой, Бугом и Камой. сб. науч. тр. / Отв. ред. М. Гибагдинов, М. Хотопп-Рике, Ш. Тайлиг; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ; Ин-т кавказских, татарских и туркестанских исследований. Казань, 2017. С. 311–331.

Schurtz, 1902 – Schurtz H. Altersklassen und Männerbünde. Eine Darstellung der Grundformen der Gesellschaft. Berlin, 1902.

Schuselka, 1854 – *Schuselka F.* Russland im Joche der Tataren, im Kampf gegen und um die Krim in Demüthigung und Übermuth gegen die Türkei. Dresden, 1854.

Schütz, 1975 – Schütz E. Eine Armenische Chronik von Kaffa aus der Ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts // *AO*. Budapest, 1975. T. XXIX. № 2.

Schütz, 1977 – Schütz E. The Tat People in the Crimea // *Acta Orientalia Academia Scientiarum Hungaricae*. Budapest, 1977. T. XXXI. C. 77–106.

- Senai, 1971* – Senai Hadży Mehmed z Krymu. Historia Chana Islam Gereja III / Przeł. i opr. Z. Abrahamowicz; kom. hist. O. Górka, Z. Wójcik; pod red. Z. Wójcika. Warszawa: PWN, 1971.
- Serczyk, 1984* – Serczyk W. A. Na dalekiej Ukrainie. Dzieje Kozaczyzny do 1648 roku. Warszawa: Wyd-wo Literackie, 1984.
- Sereda, 2009* – Aleksandr Sereda. Silistrensko-Ochakovskijaj ejalet prez XVIII – nach. na XIX v. Sofia, 2009.
- Seyit Yahya 2009* – Seyit Yahya, N. Hurremi Kırımî ve Yedisanname’si / IV. Uluslararası Büyük Türk Dili Kurultayı (Kırım Mühendislik ve Pedagoji Üniversitesi, 26–28 Eylül 2009). Bildiri kitabı. Simferopol, 2009.
- Shapira, 2011* – Shapira D. The Crimean Tatars and the Austro-Ottoman Wars // The Peace of Passarowitz, 1718. Edition Charles Ingrao, Nikola Samardžić, Jovan Pešalj Series: Central European Studies. 2011. P. 131–140.
- Shorokhov, Slesarev, 2020* – Shorokhov V. A., Slesarev T. A. Archive Files on the Şahin Geray’s Contribution to the Russo-Persian Relations // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 2. С. 618–632.
- Sikorski, 2007* – Sikorski M. Wyprawa Sobieskiego na czambuły tatarskie 1672. Zabrze, 2007.
- Silahdar, 1962–1963* – Silahdar Fındıklılı Mehmet Ağa. Nusretname. Sad. İsmet Parmaksızoğlu. İstanbul, 1962–1963. C. II.
- Skarbiec, 1862* – Skarbiec dyplomatów papieżkich, cesarskich, królewskich, księzecznych, uchwał narodowych, postanowień różnych wład i urzędów posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów. / Zebrał i w treści opisał I. Daniłowicz. Wilno: druk. A. H. Kirkora, 1862. T. II. 370 p.
- Skorupa, 2004* – Skorupa D. Stosunki polsko-tatarskie 1595–1623. Warszawa: Wyd-wo Neriton. PAN, 2004.
- Skrżinska, 1928* – Skrzinska E. Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée // Atti Della Società Ligure di Storia Patria. Serie del Risorgimento, 1928. Vol. LVI.
- Slater, 2006* – Slater E. Early Western Expansion in the Late Medieval World, 1261–1475 // Review (Fernand Braudel Center), 2006. Vol. 29. № 3.
- Smith, 1986* – The Complete Works of Captain John Smith. Chapel Hill; London, 1986. Vol. III
- SO, 1996* – Süreyya M. Sicill-i Osmânî. Osmanlı Ünlüleri. C. I–VI / Yayına hazırlayan : N. Akbayar; Eski Yazıdan Aktaran : S. A. Kahraman. İstanbul, 1996.
- Soisał, 1939* – Soisał A. Z. Jarłyki krymskie z czasów Jana Kazimierza. Warszawa, 1939.
- Soysal, 1961* – Soysal A. Hacı Abdulgafar Efendi bin Hasan Efendi // Emel. 1961. № 5. S. 21–23.
- Soysal, 1961b* – Soysal A. Z. Kırımında Yetişen Büyükler. Seydahmet bin Abdullah Efendi (Kırımı) // Emel. 1961. Sayı 6. S. 20–22.
- Soysal, 1961a* – Soysal A. Z. Kırımında Yetişen Büyükler. Seyyid Musa Efendi Kefevi // Emel. 1961. Sayı 2. S. 17–18.
- Soysal, 1964* – Soysal A. Z. Kırımında Yetişen Büyükler. Kırımı İbrahim Efendi // Emel. 1964. Sayı 23. S. 5–7.
- Soysal, 1964a* – Soysal A. Kırımı İbrahim Efendi // Emel. 1964. № 24. S. 5.
- Soysal, 1969* – Soysal A. Habibullah bin Devletsah Kırımı // Emel. 1969. № 50. S. 13–14.
- Söylemez, 2017* – Söylemez Y. I. Bahadır Giray: Han ve Şair (d. 1601? – ö. 1641) // Türk Tarihi Araştırmaları Dergisi. 2017. Yıl 2. Sayı 2.
- Spinei, 1982* – Spinei V. Moldova în secolele XI – XIV. Bucureşti, 1982.
- Spuler, 1939* – Spuler B. Die Mongolen in Iran: Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit, 1220–1350. Lpz., 1939.
- Spuler, 1943* – Spuler B. Die Goldene Horde: die Mongolen in Rußland. 1223–1502. Leipzig, 1943.
- Spuler, 1965* – Spuler B. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland, 1223–1502. 2., erweiterte Auflage. Wiesbaden, 1965.
- Sroeckovsky, 1979* – Sroeckovsky V. E. Muhammed Geray Han ve vasalları. Kırım Tarihi, terc. Kemal Ortaylı, İstanbul, 1979.
- Sroekovski, 1979* – V. E. Sroekovski, Muhammed Geray Han ve Vasalları «Kırım Tarihi», Çev. Kemal Ortaylı, Su Yayınları, İstanbul, 1979.
- Statuti, 1871* – Statuti della colonia genovese di Pera / Ed. V. Promis // Miscellanea di Storia Italiana. Torino, 1871. T. XI.
- Stello, 2011* – Stello A. Grenzerfahrung Interaktion und Kooperation im spätmittelalterlichen Schwarzmeerraum. Doktorarbeit. Trier, 2011. 251 s.
- Stierlin, 1998* – Stierlin H. Turkey from the Selçuks to the Ottomans. Köln: Tashen, 1998.
- Strykowski, 1846* – Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. Warszawa: Nakład G. L. Glüksberga. Księgarza, 1846. T. 2. 572 s.
- Süreyya, 1996* – Süreyya M. Sicill-i Osmani. Osmanlı Ünlüleri. C. I–VI / Yayına hazırlayan: Nuri Akbayar; Eski Yazıdan Aktaran: Seyit Ali Kahraman. İstanbul, 1996. 2068.

- Süreyya, 1996a* – Süreyya M. Sicill-i Osmanî. Osmanlı Ünlüleri (Eski Yazıdan Yeni Yazıya). İstanbul, 1996. Cilt 4.
- Szweda, 2006* – Szweda A. Listy króla Kazimierza Jagiellończyka do wielkich mistrzów 1447–1454 // Bitwa pod Chojnicami 18 IX 1454 r. W tradycji historycznej i regionalnej. Chojnice, 2006. S. 14–32.
- Şanal, 2003* – Şanal, M. Osmanlı Devleti'nde Medreselere Ders Programları, Öğretim Metodu, Ölçme ve Değerlendirme, Öğretimde İhtisaslaşma Bakımından Genel Bir Bakış // Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. 2003. Sayı 14. S. 149–168.
- Şen, 2013* – Şen F. M. Nidâi ve Kırım Tarihi Hakkında Yeni Bir Eseri: Nusret-i Gazâ-yi Sâhib Gerây Hân, Hikâyet-i Boğdan // Türkiyat Mecmuası. İstanbul, 2013. Cilt 23/Güz.
- Şentürk, 1999* – Şentürk A. // Yaşamaları ve Yapılarıyla Osmanlılar Ansiklopedisi. C. I–II. İstanbul: Yapı Kredi Kültür Sanat Yayıncılık, 1999. C. II.
- Şerafeddin, 1994* – Şerafeddin. Kırımdan yetişen türk alimleri / Haz.: İsmail Akçay // Emel. Sayı: 203. 1994 (Temmuz–Ağustos).
- Şeyhi, 2018* – Şeyhi Mehmed Efendi. Vekâyi'ü'l-Fuzalâ : Şeyhî'nin Şakâ'ik Zeyli / Yayına Hazırlayan R. Ekinci, C. Bayar. 1. Cilt. İstanbul, 2018.
- Tabakoğlu, 1997* – Ahmet Tabakoğlu, Türk İktisat Tarihi, 3. İstanbul, Dergay Yayınları, 1997.
- Taghri Birdi, 1954* – History of Egypt 1382–1469 / Transl. from the Arabic Annals of Abu l-Maḥāsīn Ibn Taghrī Birdī by William Popper. Berkeley 1954–1963.
- Tahir'ül-Mevlevi, 1994* – Tahir'ül-Mevlevi. Edebiyat Lügatı / Neşre hazırlayan: K. E. Kürçüoğlu. İstanbul, 1994.
- Tahsin, 1984* – Tahsin G. Relațiile țarilor Române cu Poarta Otomană în documente turcești (1601–1712). București, 1984.
- Tansel, 1967* – Tansel F. A. Kırım Hanı Mehmed Giray IV. 'ın Kâmili Takma Adı ile Yazmış Olduğu Koşma ve Türküler // Türk Tarihi Kurumu Belleteni. 1967. C. XXXI/124. S. 647–665.
- Tansel, 1970* – Tansel F. A. Cümcüme Sultân. Ottoman Translation of the Fourteenth Century Kipchak Turkic Story // Archivum Ottomanicum. 1970. T. II.
- Tansel, 1971* – Tansel F. A. Kırım Hanı IV. Mehmed Giray'ın Elimize Geçen Yeni Bir Koşması / F. A Tansel // Türk Kültürü. 1971. Sayı 109.
- Tarih, 1973* – Tarih-i Sahib Giray Han (Histoire de Sahib Giray, khan de Crimée de 1532 à 1551). Ankara, 1973.
- Tarih, 1975* – Tarih-İ Sahib Giray Han. Dr. Özalp Gökbilgin. Baylan Matbaası. Ankara. 1975.
- Tarih-i Mehmed, 1973* – Wyprawa wiedeńska i późniejsze wydarzenia w państwie osmańskim i na Krymie do czerwca 1684 t. (Wyjątek z «Historii Mehmed Ge-reja») // Kara Mustafa pod Wiedniem. Źródła muzulmańskie do dziejów wyprawy wiedeńskiej 1683 roku / przeł. i opr. Z. Abrahamowicz. Kraków, 1973.
- Taşkın, 2008* – Taşkın, Ünal. Klâsik Dönem Osmanlı Eğitim Kurumları // Uluslararası Sosyal Araştırmalar Dergisi. 2008. № 1–3. S. 343–366.
- Taşköprülüzâde, 2007* – Taşköprülüzâde, İsmâmeddin Ahmed Efendi. Osmanlı Bilginleri: Eş-Şekâiku'n-Nu'mâniyye fi Ulemâi'd-Devleti'l-Osmâniyye / Çev. M. Tan. İstanbul: İz Yayıncılık, 2007. 408 s.
- Tatar Materials, 2016* – Tatar Materials in German Archives. Issue 1 = Документы по истории татар в архивохранилищах Германии / Отв. ред. М. М. Гибаудинов, III. Тайлиг, М. Хотопп-Рике. Казань, 2016. Кн. 1. (Серия: «Письменное наследие»; вып. 3).
- Tatlı, 2006* – Tatlı B. Şeytanın Hileleri ve Korunma Yolları Hakkında Bir Çalışma: Risâle-i Teavvüz – Kaynak Tahlil ve Tahkiki // Çukurova Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi. 2006. № 2(6). P. 123–169.
- Tavukçu, 2009* – Tavukçu, Kemal. XVIII. Yüzyıl Sebki-hindi şairlerinden Sa'id Giray'ın üslup özellikleri // II Türkoloji Kongresi «Kırım Tatarlarının Dünü-Bugünü-Yarını» (Kırım Mühendislik ve Pedagoji Üniversitesi, 22–24 Mayıs 2008). Simferopol, 2009.
- Teodorczyk, 1965* – Teodorczyk J. Walki z Tatarami w pierwszej połowie XVII wieku // Zarys dziejów wojskowości polskiej do roku 1864. Wyd-wo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1965. T. 1. S. 466–468.
- Teslenko, 2007* – Teslenko I. Turkish Ceramics in the Crimea on the Eve of the Porta Invasion (Problems of Chronology of a Certain Group of Vessels) // Archaeometric and Archaeological Approaches to Ceramics: Papers presented at EMAC'05, 8th European Meeting on Ancient Ceramics, Lyon 2005 / ed. by S. Y. Waksman. Oxford, 2007. P. 187–193. (BAR International Series 1691).
- Teslenko, 2012* – Teslenko I. The Italian Majolica in the Crimea of the Turkish Supremacy Period (1475 – the Last Quarter of the 18th Century) // Atti del IX Congresso Internazionale sulla Ceramica Medievale nel Mediterraneo / a Cura di S. Gelichi. Venezia, 2012. P. 212–214.

- Tevârih-i Deşt-i Kıpçak, 2012* – Abdullah İbn Rıdvan. Tevârih-i Deş-i Kıpçak ‘an Hıttâ-i Kırım veya Tevârih-i Tatar Hânân-ı Kadîm ve Ahvâl-i Deşt-i Kıpçak / Haz. A. Erdoğan, S. Uysal. İzmir, 2012.
- Tevârih-i Deşt-i Kıpçak, 2016* – Abdullah İbn Rıdvan. Tevârih-i Deş-i Kıpçak / Hazırlayan: Selçuk Uysal. İzmir, 2016
- Thiriet, 1959* – Thiriet F. La Roumanie vénitienne au Moyen Âge. Le développement et l’exploitation du domaine colonial vénitien (XIIe–XVe siècles) // Bibliothèque des Écoles françaises d’Athènes et de Rome. 1959. Fasc. 193.
- Togan, 1981* – Togan A. Z. V. Umumi Türk Tarihi’ne Giriş. İstanbul, 1981.
- Togral, 2018* – Togral Ö. Akdeniz Adalarına Sürgün Edilen Kırım Hanları // Akdeniz İnsani Bilimler Dergisi. 2018. T. VIII. № 1.
- Tomkiewicz, 1933* – Tomkiewicz W. Jeremi Wiśniowiecki, 1612–1651. Warszawa, 1933.
- Tooke, 1786* – Original Correspondence from Russia // The Gentleman’s Magazine: and Historical Chronicle. 1786. Vol. 56. № 2.
- Topkapı, 2002* – Topkapı Sarayı Arşivi H. 951–952 Tarihli ve E-12321 Numaralı Mühimme Defteri / Yay. haz. H. Sahillioğlu. İstanbul, 2002.
- Toptaş, 2014* – Toptaş, Emine Sıdika. Süleymaniye kütüphanesi Ali Nihat Tarlan koleksiyonu 80/5 numarada kayıtlı bir şiir mecmuası : Mecmû’a-i eş’âr ve fevâ’id (52a–128b) (İnceleme-Metin) / Hacettepe Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, Türk Dili ve Edebiyatı Anabilim Dalı, Eski Türk Edebiyatı Bilim Dalı / Yüksek lisans tezi. Ankara, 2014. 544 s.
- Tott, 1785* – Mémoires du baron de Tott, sur les Turcs et les Tartares. Maestricht, 1785. T. 1. Pt. 2.
- Tott, 1994* – Baron de Tott. Onsekizinci yüzyılda Türkler. Kervan kitapçılık Anonim Şirketi. İstanbul. 1994.
- Tott, 2014* – La correspondance consulaire de Crimée du baron de Tott (1767–1770). İstanbul, 2014.
- Travels in Russia, 1825* – Travels in Russia, the Crimea, the Caucasus, and Georgia, by Robert Lyall. L.: Printed for T. Cadeli in the Strand and W. Blackwood, Edinburgh, 1825. Vol. 1.
- Turan, 2003* – Turan Ahmet Nezihî. Kırım Hanlığı Kadı Sicilleri Hakkında Notlar // Türk Kültürü İncelemeleri Dergisi, Sayı 9. İstanbul, 2003.
- Tursun Beg, 1978* – Tursun Beg. The History of Mehmed the Conqueror. (tarih-i Ebülfeth), trans. by Halil Inalcik and Rhoads Murphey. Minneapolis, 1978. (Bibliotheca Islamica).
- Tursun, 1912* – Tursun-Bey. Târîh-i Ebül-Feth. Ed. Mehmed arif. tarih-i Osmani Encümeni Mecmû’ası İlavesi. İstanbul, 1330/1912.
- Tursun, 1977* – Tursun-Bey. Târîh-i Ebül-Feth. Ed. a. Mertol tulum. İstanbul, 1977.
- Türk, 2004* – Türk Halk Edebiyatı El Kitabı / O. Oguz Ankara: Grafiker yayıncılık, 2004.
- Türk, 2015* – Türk Ahmet. Kırım Hanlığı’nda İslamiyet // Doğu Avrupa Türk Mirasının Son Kalesi: Kırım, İstanbul: Çamlıca Basım Yayın, 2015.
- Tyszkiewicz, 1989* – Tyszkiewicz J. Tatarzy na Litwie i w Polsce. Studia z dziejów XIII – XVIII w. Warszawa: Państwowe Wyd-wo Naukowe, 1989.
- Umdetü’t-Tevârih, 1343* – Abdülğaffar Kırımı. Umdetü’t-Tevârih / Neşr.: Necib Asım // Türk Tarih Encümeni Mecmuası ilavesi. İst., 1343 (arab. şriфт).
- Uzunçarşılı, 1954* – İsmail Hakkı Uzunçarşılı. Osmanlı Tarihi. Ankara, 1954. T. III № 2.
- Uzunçarşılı, 1988* – Uzunçarşılı İsmail. Osmanlı Tarihi. Ankara, 1988. C. III, Kis. II, № 4.
- Ülküsal, 1966* – Müstecib Ülküsal. Dobruca ve Türkler. Ankara, 1966.
- Ülküsal, 1976* – Ülküsal M. Türkiye’de Kırımlı Aydınlar. Ankara, 1976.
- Ülküsal, 1980* – Ülküsal Müstecib. Kırım Türk-Tatarları (Dünü-Bugünü-Yarını). İstanbul: Baha matbaası, 1980.
- Ünver, 1972* – Ünver İ. Türk Dili ve Edebiyatı Bölümü Çalışmaları // Türkoloji Dergisi. 1972. Cilt 4. Sayı 1.
- Ürekli, 1989* – Ürekli Muzaffer. Kırım Hanlığı’nın Kuruluşu ve Osmanlı Himayesinde Yükselişi (1441–1569), Ankara, 1989.
- Van Bruinessen, 1998* – Van Bruinessen, Martin. Kurdish ‘Ulama and their Indonesian disciples // Les annales de l’autre islam. 1998. № 5. P. 83–106.
- Vásáry, 1982* – Vásáry I. A contract of Crimean Khan Mangli Giray and the inhabitants of Qırq-yer from 1478/79 // Central Asiatic Journal. 1982. T. 26. № 3–4. P. 289–301.
- Vásáry, 1995* – Vásáry I. Russian and Tatar Genealogical Sources on the Origin of the Iusupov Family // HUS. 1995. Vol. XIX.
- Vásáry, 2008* – Vásáry I. The Tatar Ruling Houses in Russian Genealogical Sources // AO. 2008. Vol. 61 № 3.
- Vasiliev, 1936* – Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. Cambridge. Massachusetts. 1936. 293 p.
- Vecihi Tarihi, 2016* – Vecihi Tarihi / Haz. Buğra Atsız. İstanbul: Post Yayınları, 2016.
- Veinstein, 1969* – Veinstein G. Missionnaires

jésuites et agents français en Crimée au début du XVIIIe siècle // Cahiers du monde russe et soviétique. 1969. Vol. 10. № 3–4.

Veinstein, 1980 – Veinstein G. La population du Sud de la Crimée au début de la domination ottomane // Mémorial Ömer Lûtfi Barkan. Paris: Libr. d'Amérique et d'Orient Adrien Maisonneuve, 1980. Vol. XXVIII.

Veinstein, 1985 – Veinstein G. Les «çiftlik» de colonisation dans les steppes de nord de la mer Noire au XVIe siècle // Istanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası. 1985. № 1–4(41).

Veinstein, 1986 – Veinstein G. From the Italians to the Ottomans: The Case of the Northern Black Sea Coast in the Sixteenth Century // Mediterranean Historical Review. 1986. Vol. 1. № 2.

Veinstein, 1996 – Veinstein G. La Population du sud de la Crimée au début de la domination Ottomane, Sources and Studies on the Ottoman Black Sea. The Customs Register of Caffa, 1487–1490 / ed. H. Inalcik. Cambridge, 1996. Vol. 1.

Veliman, 1984 – Valeriu Veliman. Relațiile româno-otomane (1711–1821). Documente turcești. București, 1984.

Velyaminov, 2009 – Velyaminov-Zernov V. V. Kırım yurtuna ve ol taraflarga dair bolgan yarlıklar ve hatlar (St. Perersburg, 1864). Hazırlayanlar A. Melekozyetgin, İlyas Kamalov. Ankara: Turk Tarih Kurumu Basimevi, 2009.

Verzeichnis, 1968 – Verzeichnis der orientalischen Handschriften in Deutschland. Wiesbaden, 1968. Bd. XIII. T. 1.

Veszprémy, 2010 – Veszprémy L. The state and military affairs in east-central Europe, 1380–1520 // European Warfare, 1350–1750. Cambridge, 2010.

Vigna, 1879 – Vigna A. Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio, 1453–1475 // Atti della Società Ligure di storia patria. Genova. 1879. Vol. 7. Pt. 2. 1014 s.

Vroom, 1996 – Vroom J. Coffee and Archaeology. A Note on a Kütahya Ware Find in Boetia, Greece // Pharos. Journal of the Netherlands Institute in Athens. 1996. Vol. IV. P. 6–18.

Vroom, 2005 – Vroom J. Byzantine to Modern Pottery in the Aegean: an Introduction and Field Guide. Bijleveld, 2005. 223 p.

Vuslatī, 2003 – Vuslatī Alī Bey. Ġazā-nāme-i Ćehrīn. Ankara, 2003.

Wagner, 2002 – Wagner M. Chronologia i zasięg najazdów tatarskich na ziemie polskie w latach 1684–1696 // Wagner M. W cieniu szukamy jasności chwały.

Studia z dziejów panowania Jana III Sobieskiego (1684–1696). Siedlce: Wyd-wo Akademii Podlaskiej, 2002. S. 77–88.

Wagner, 2002a – Wagner M. Tatarskie elity władzy w latach 1684–1699 // Wagner M. W cieniu szukamy jasności chwały. Studia z dziejów panowania Jana III Sobieskiego (1684–1696). Siedlce: Wyd-wo Akademii Podlaskiej, 2002. S. 97–109.

Wagner, 2009 – Wagner M. Wojna polsko-turecka w latach 1672–1676. Zabrze: Inforteditions, 2009. T. I.

Wensinck, 1987 – Wensinck A. J. Khutba // E. J. Brill's First Encyclopaedia of Islam. 1913–1936. Vol. IV ('Itk–Kwatṭa). Leiden; New York; København; Köln, 1987.

Williams, 2001 – Williams B. G. The Crimean Tatars: the diaspora experience and the forging of a nation. Leiden; Boston; Köln, 2001.

Wimmer, 2006 – Wimmer J. Dawne wojsko polskie XVII – XVIII w. Warszawa: Bellona, 2006.

Witzenrath, 2016 – Eurasian Slavery, Ransom and Abolition in World History, 1200–1860. Ed. C. Witzenrath. London; New York, 2016.

Wójcicki, 1842 – Wójcicki K. W. Tatarzy // Biblioteka Warszawska. 1842. T. 1. S. 153–183.

Wójcicki, 1843 – Wójcicki K. W. Obrazy starodawne. Warszawa, 1843. T. 2.

Wójcik, 1954 – Wójcik Z. Feudalna Rzeczpospolita wobec umowy w Perejasławiu // Kwartalnik historyczny. 1954. № 3. S. 97–108.

Wójcik, 1954a – Wójcik Z. Rywalizacja polsko-tatarska o Ukrainę na przełomie lat 1660–1661 // Przegląd historyczny. 1954. № 4(45). S. 627–633.

Wójcik, 1959 – Wójcik Z. Traktat andruszowski 1667 roku i jego geneza. Warszawa: Państwowe Wyd-wo Naukowe, 1959.

Wójcik, 1962 – Wójcik Z. Mediacja tatarska między Polską a Turcją w roku 1672 // Przegląd Historyczny. 1962. № 53. Z. 1. S. 32–50.

Wójcik, 1965 – Wójcik Z. Aspekty finansowe przymierza polsko-tatarskiego w latach 1654–1666 // O naprawę Rzeczypospolitej XVII – XVIII. Prace ofarowane Władysławowi Czaplińskiemu w 60 rocznicę urodzin. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1965. 328 s.

Wójcik, 1966 – Wójcik Z. Some Problems of Polish-Tatar Relations in the Seventeenth Century. The Financial Aspects of the Polish-Tatar Alliance in the Years 1654–1666 // Acta Poloniae Historica. 1966. № 13. S. 87–102.

- Wójcik, 1968* – Wójcik Z. Między traktatem Andruszowskim a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie 1667–1672. Warszawa, 1968.
- Wójcik, 1991* – Wójcik Z. Historia powszechna XVI – XVII wieku. Warszawa: Państwowe Wyd-wo Naukowe, 1991.
- Wójcik, 1991a* – Wójcik Z. Jan III Sobieski. Warszawa: Zamek Królewski, 1991.
- Wojtasik, 1970* – Wojtasik J. W przededniu traktatu karłowickiego. Stosunek Rzeczypospolitej i Augusta II do pokoju z Turkami // Kwartalnik Historyczny. 1970. R. 77. Z. 2.
- Wojtasik, 1971* – Wojtasik J. Kampania podhajecka 1698. Warszawa, 1971. 161 s.
- Woliński, 1932* – Woliński J. Sobieszciana z 1675 r. // Przegląd Historyczno-Wojskowy. 1932. T. 5. Zesz. 2. S. 223–242.
- Woliński, 1960* – Woliński J. Z dziejów wojny i polityki w dobie Jana Sobieskiego. Warszawa: Wyd-wo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1960. P. 139–154.
- Woliński, 1983* – Woliński J. Z dziejów wojen polsko-tureckich. Dobór tekstów Jan Wimmer. Warszawa: Wyd-wo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1983.
- Woliński, 1983a* – Woliński J. Pośrednictwo tatarskie w wojnie polsko-tureckiej 1674–1675 // Idem. Z dziejów wojen polsko-tureckich. Warszawa, 1983.
- Woliński, 1983b* – Woliński J. Żórawno // Idem: z dziejów wojen polsko-tureckich. Warszawa, 1983. S. 163–181.
- Woliński, 1983c* – Woliński J. Bitwa pod Lwowem 1675 roku // Idem: z dziejów wojen polsko-tureckich. Warszawa, 1983. S. 148–162.
- Yakubovych, 2017* – Yakubovych M. Crimean Scholars and the Kadizadeli Tradition in the 18th Century // The Journal of Ottoman Studies. 2017. Vol. 49. P. 155–170.
- Yankowski, 2006* – Yankowski Henryk. Historical-Etymological dictionary of pre-Russian habitation names of the Crimea. Leiden; Boston: Brill, 2006. 1283 p.
- Yaşa, 2014* – Yaşa F. The Social and Financial Dimensions of Slavery in Crimea // Gaziantep University Journal of Social Sciences. 2014. T. 13(3).
- Yaşa, 2015* – Yaşa F. Kırım Hanlığı Tarihi Kaynakları // Doğu Avrupa Türk Mirasının Son Kalesi: Kırım. İstanbul: Çamlıca Basım Yayın, 2015.
- Yaşa, 2017* – Yaşa F. Bahçesaray (1650–1675) / «Бахчисарай (1650–1675)». Диссертация на искание степени доктора философии. Sakarya Üniversitesi, Sakarya, 2017. 228 s.
- Yaşa, 2018* – Yaşa, F. Efendi-Köle İlişkisi Bağlamında Şeyhülislam Fetvaları // Osmanlı Devleti'nde Kölelik, Ticaret, Esaret Yaşam, ed. Zübeyde Güneş Yağcı, Fırat Yaşa, Dilek İnan. İstanbul: Tezkire Yayınları, 2017. S. 209–226.
- Yaşa, 2018a* – Fırat Yaşa. Mahalle ve Konut Tipolojisi Açısından Bahçesaray (1650–1675) // Selçuk Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi (SEFAD). S. 39. 2018. S. 389–402.
- Yaşa, 2018b* – Yaşa F. Did Kirazuy Have to Divorce Her Non-Muslim Husband? A Controversial Case of Apostasy and Conversion to Islam in the Bahçesaray Court // Аль-Калям. 2018. № 8. С. 159–167.
- Yaşa, 2019* – Yaşa F. 17. Yüzyılın İkinci Yarısında Kırım Hanlığı'nda İaşe, Değişen Fiyatlar ve Topluma Etkisi // Üçüncü İktisat Tarihi Kongresi Bildiriler-1 (İzmir, 25–27 Nisan 2019) / ed. M. Öztürk, A. Değerli; İzmir Demokrasi Üniversitesi Yayınları, İzmir 2019. T. 1. P. 139–150.
- Yaşa, 2019a* – Yaşa F. Between life and death: slaves and violence in Crimean society in the last quarter of 17th century // Selçuk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi. Aralık 2019. Sayı 47. P. 433–443.
- Yavuz, 1998* – Yavuz Şevki Yusuf. Hücet (Худжет) / İslam Ansiklopedisi. TDV, 1998. C. 18. S. 444–446.
- Yenipazarlı, 2003* – Yenipazarlı Vâli. Hüsn-ü Dil / Haz. M. Fatih Köksal. İstanbul, 2003.
- Yıldırım, 2018* – Yıldırım, S., Kılıç, Ü. Klasik Dönem Osmanlı Devleti'nde Eğitim ve Öğretim // Atatürk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. 2018 (Nisan). Sayı 22 (Özel Sayı). S. 603–627.
- Yılmaz, 2015* – Yılmaz Fehmi. XVIII. Asırda Hanlık Başkenti Bahçesaray // Doğu Avrupa Türk Mirasının Son Kalesi: Kırım, İstanbul: Çamlıca Basım Yayın, 2015.
- Yoluk, 2010* – Yoluk, M. E. XVIII Yüzyılda Osmanlı Devletinde Eğitim ve Öğretim Faaliyetleri / Yüksek Lisans Tezi / Danışman M. Gülcan / Selçuk Üniversitesi Eğitim Bilimler Enstitüsü İlköğretim Anabilim Dalı Sosyal Bilgiler Öğretmenliği Bilim Dalı. Konya, 2010. 130 s.
- Yuvalı, 1999* – Yuvalı, A. Ibn Arabşah, Şehabeddin // İslam Ansiklopedisi. İstanbul, 1999. C. 19. S. 314–315.
- Yücel, Sevim, 1995* – Yücel Y., Sevim A. Türkiye Tarihi. Ankara, 1995. C. II: Türk Tarih Kurumu Bas.
- Zafernâme, 1311* – Zafernâme-i Sabit. Selim Giray'ın bir gazâsıdır. İstanbul, 1311 (ar. şrift).

Zajackowski, 1965 – Zajackowski A. Turecka wersja *Şah-name* z Egiptu Mameluckiego. Warszawa, 1966. 486 s.

Zajackowski, 1966 – Zajackowski A. La Cronique des Steppes Kiptchak *Tevarih-i Dest-i Kipcak* du XVII siecle, edition critique. Warszawa, 1966.

Zaytsev, 2010 – Zaytsev I. The Crimean Khanate between Empires: Independence or Submission // Empires and Peninsulas. Souteastern Europe between Karlowitz and the Peace of Adrianople, 1699–1829. P. Mitev, M. Baramova, V. Racheva (eds.). Münster, 2010.

Zekiyev, 2002 – Zekiyev M. Z. Bolğar-Tatarların Etnogenezi ve Genel Gelişme Aşamaları // Türkler Ankara, Yeni Türk Yayınları, 2002. C. 2. S. 755–780.

Zetterstéen, 1930 – Zetterstéen K. V. Die arabischen, persischen und türkischen Handschriften der Universitätsbibliothek zu Uppsala. Uppsala, 1930. T. I.

Zetterstéen, 1935 – Zetterstéen K. V. Die arabischen, persischen und türkischen Handschriften der Universitätsbibliothek zu Uppsala. Uppsala, 1935. T. II.

Zetterstéen, 1945 – Türkische, tatarische und persische Urkunden im schwedischen Reichsarchiv verzeichnet und beschrieben von K. V. Zetterstéen. Uppsala, 1945.

Zimnicki, 1934 – Zimnicki W. Jarlyk Maksud ben Selamet Girej chana z r. 1767. // Rocznik orientalistyczny. 1934. T. 8.

Żółkiewski, 1861 – Żółkiewski S. Pisma Stanisława Żółkiewskiego. Lwów, 1861.

Żółkiewski, 1998 – Żółkiewski S. Początek i progres wojny moskiewskiej. Kraków, 1998. C. 67.

Źródła, 1876 – Źródła dziejowe. T. 10: Sprawy wołoskie za Jagiellonów. Akta i listy / Wyd. A. Jabłonowski. Warszawa, 1876. III, CLXIV, 163 s.

Zülfe, 2009 – Zülfe Ö. On Altıncı Yüzyıl Şairi Seliki ve Şiirleri. Ankara, 2009. T. 2.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- 'Абд Аллах аль-Кафауви 30
 'Абд аль-Баки Хиджаби 30, 34
 'Абдалла бин Усман аль-Кырыми «Татар-заде» 32
 'Аднан Дарвиш 34
 'Умар бин Мухаммад ан-Насафи 637
 Абагы-улан 829
 Абак (Абак-бей) 295, 296
 Абак-бей Кудалак 46, 47
 Абакумов 816
 Абалы 570, 597
 Аббас I 253
 Аббасиды 20, 167, 451
 Абд ал-Гафур ал-Лари 618
 Абд ал-Гаффар 20, 617
 Абд ал-Гаффар Кырыми (Абд ул-Гаффар Кырыми,
 'Абд аль-Гафар аль-Къырыми, Абдуль-Гаффар
 Кырыми, Абдульгаффар б. Хасан Кырыми,
 ал-Хадж Абд ал-Гаффар б. ал-Хадж Хасан б.
 ал-Хадж Махмуд б. ал-Хадж Абд ал-Ваххаб
 ал-Кырымы, Абдулгаффар Кырыми, Абдуль-
 гаффар Кырыми, Гафури) 19, 20, 22, 31, 46, 48,
 128-130, 293, 305, 397, 448, 563, 565, 568, 570,
 580, 595-596, 599, 600-603, 632, 633, 662, 778,
 783, 784, 787, 789, 803
 Абд ал-Кахир ал-Джурджани 608
 Абд ал-Керим-хан 204, 205, 215
 Абд ал-Летиф 211, 212
 Абд ал-Халим-эфенди Кефеве 620
 Абд аль-Азиз 33
 'Абд аль-Гаффар бин Багадиршах 33
 Абд ар-Рахим-эфенди 610, 632
 Абд ар-Рахман 209, 770
 Абд ар-Рахман б. Мустафа 621
 Абд ар-Рахман б. Умар ал-Кырыми 613
 Абд ар-Рахман Джами 616, 617
 Абд ар-Рахман-бей (Абд ар-Рахмана бей) 209, 244,
 426, 700
 Абдалла 30, 31
 Абдалла ал-Асвад 495
 Абдалла аль-Байдауви 639
 Абдаррахман-бей 628
 Абди-челеби, Бейзаде 15, 595
 Абди Эфенди 552, 575
 Абдувалиева-Эр 570, 573, 574
 Абдужемилев 7, 20, 139, 210, 268, 410-411, 415,
 416, 420, 440-442, 445, 477, 570, 578, 592, 600,
 776, 782, 792, 805, 817
 Абдул Азиз Афиф-заде 622
 Абдул Азис-эфенди 753
 Абдула (Кайбула) бин Ак-Кобек 834
 Абдулали Эфенди 764
 Абдулвели-эфенди 753
 Абдулкадыр Гиляни 616
 Абдулкадыр Мараги 764
 Абдулла Афиф ад-Дин-эфенди 616, 622
 Абдулла б. Махмуд 606
 Абдулла б. Ризван (Абдуллах б. Ридван) 10, 129,
 154, 166, 167, 186, 569, 589-591, 620, 634
 Абдулла-Оглан Абланские 45
 Абдул-Латиф б. Омар (судья) 448
 Абдуллах Ансари ал-Харави 603
 Абдуллах б. Али Кефеве (Дервиш Абди, Мути)
 595
 Абдуллах б. Мухаммед эль-Кырыми 541
 Абдуллах Сыдки 604
 Абдуллах Эфенди 554
 Абдуллахоглу 127, 440
 Абдуллахоглу Кырымлы Хасан 127, 573
 Абдулла-эфенди б. Хадж Ахмед-эфенди 615
 Абдулла-эфенди Сейид Омер-челеби 496
 Абдул-Хамид I 65
 Абдул-Хамид-ага 380
 Абдуль Рахим (Абдуррахим) Эфенди 558
 Абдульазиз 565, 584
 Абдульазиз (Иззи) 601
 Абдульазиз Челеби 457
 Абдульазиз эфенди Кази Кёзлеве 458
 Абдульбаки Кефеве (Бекаи) 577
 Абдульваап (Абдульвапов) 2, 72, 76, 539, 546,
 562-564, 570-571, 574-576, 583, 585, 597, 599,
 605, 607, 611, 619-621, 623, 634, 635, 649, 650,
 705, 729, 770

- Абдильвели Эфенди 593, 594, 599
 Абдильвели-паша 80
 Абдильджеббар Челеби ибни Захмак Эфенди 457
 Абдилькадыр Эфенди 457
 Абдилькерим Эфенди (Абдилькерим-эфенди) 554, 555, 612
 Абдильлатиф-ага 477
 Абдильмеджид Кырыми (Абдильмеджид эль-Кырыми) 541, 568, 571
 Абдильфеттах 80
 Абдильфеттах Шефкат 604
 Абдильхалим б. Али б. Сулейман б. Абдурешид эль-Кырыми 559–560
 Абдильхалим б. Ахмед 561
 Абдильхалим Эфенди 561
 Абдуннафи б. Абдильвели 561
 Абдураззак-шейх 634
 Абдурахман-шейх 598, 601, 608, 634
 Абдураззак Эфенди 554, 596
 Абдуррахман Бабакуш 561
 Абдуррахман Бек 80
 Абдуррахман Эфенди 130, 552
 Абдуссамед 599
 Аби ал-Фаттах Музаффар б. Ибрахим б. Мансур ал-Хатиб 616
 Абибуллаева 409, 425, 429, 431, 441, 539, 769
 Абид-эфенди б. Али-джан-эфенди б. аш-Шейх Абд ал-Карим 617
 Аблай мирза (Борис Пашаевич (Пашай мурзин) Куликов) 834
 Абляз Бахши 762
 Абляким-эфенди Куламет-оглу 624, 629
 Абрахамович 12, 19, 569, 593, 600
 Абу Али ибн Сина (Авиценна) 773
 Абу аль-Фида 20, 70
 Абу Ахмет ага 437
 Абу Бакр 15, 32, 621, 626, 770
 Абу Бакр аль-Васити, Абу Бакр Юсуф б. ал-Хасан ал-Васыты 606, 635
 Абу Бакр бин Расуль аль-Кырыми 32
 Абу Бакр Каландар (Эбубекр Календер) 540, 571, 636
 Абу Бакр Шибли 636
 Абу Бакр-эфенди Кефеве (Кум-Бекир-кальфы, Таки ад-Дин Абу Бакр ал-Кефеве) 14, 15, 633
 Абу Бекр 167, 633
 Абу Дарда 451
 Абу Йакуб ас-Саккаки 618
 Абу Йусуф б. Ибрахим ал-Ансари ал-Куфи 608
 Абу ль-Бака 'Айуб бин Муса аль-Кафауви аль-Ху-сайни 641
 Абу ль-Бака 'аль-Кафауви 31, 32, 34, 640, 641, 644
 Абу ль-Баракат АбдАллах ан-Насафи (Абу ль-Баракат ан-Насафи) 637, 638
 Абу ль-Файд аль-Кафауви 29
 Абу ль-Хасан Ахмад аль-Кадури 637
 Абу Мансур аль-Матуриди 638
 Абу Муса аль-Ашари 451
 Абу Мухаммад аль-Хусайн аль-Багауви 638
 Абу Наср Аднан Айназарби 608
 Абу Райхан Беруни 540
 Абу Са'ид 153
 Абу Хайан аль-Андалуси 641
 Абу Ханифа (Нуман ибн Сабит Абу Ханифа, Абу-Ханифа Ан-Нуман, Абу-Ханифа) 485, 491, 559, 637, 638
 Абу Хафс ас-Сухраварди 635
 Абу-л-Гази 154–156
 Абул-Гази Бахадур-хан 128
 Абу-л-Касим Замахшари 608
 Абу-л-Фид 20
 Абул-Хайр б. Мухаммед-Али 828
 Абу-ль-Гази 169
 Абу-ль-Феда 837
 Абу-с-Сууд (Абу-с-сууд, Абу-с-Сууд эфенди) 44, 448, 607, 608, 616, 621, 624
 Абу-с-Самад 448
 Абу-Юсуф Яукуб (Абу-Юсуф) 485, 491
 Авагян 86, 89
 Аваков 802, 817, 340, 354, 386, 390–394, 397, 528
 Август II 284
 Августин Гарибальди 818
 Авни 597
 Авни-салтан 835
 Авраам 809, 825
 Авраамов 210
 Аврементьевы дети 294
 Агиш (Агиш б. Ямгурчи) 205, 206, 215–217
 Агиш-бек 205, 209
 Адам Кисель 319
 Адашев 201
 Аджи Бекир бей Болатин оглу (Аджи Бекир-бей Болатин-оглу) 304, 477
 Адиль Герай I 256, 266, 322, 323, 477, 817
 Адиль мирза Мансуров 286, 290
 Адиль-бей Балатуков 303, 304
 Аднан Отюкен 34, 597
 Аду 536
 Азамат Герай 78, 79, 446, 775
 Азамат мурза 775
 Азарья бен-Ильягу 811, 812

- аз-Замахшари 641
 аз-Захир Байбарс 635
 аз-Захир Баркук 248
 Ази Фергана 26
 Азика-бек 205
 Азирфергад 26
 Азми-заде Халети Челеби 766
 Айбабин 90, 91, 800
 Айдар (Хайдар) б. Хаджи-Гирей 630, 828
 Айдер Кунграт 136, 141
 Айналов 675
 Айтемиров 478, 806
 Айтимур-бей 314
 Айше 463
 Айше Фатма-султан (Айше-Фатъма-Султан) 305, 535
 Ак б. Шейх-Мамай 225
 Ак б. Юсуф 309
 Ак-мурза 477
 Ак Мухаммед оглан (улан) 806
 Ак-беке 835
 Ак-Берди 135
 Акбога 145
 Ак-Девлет бин Ак-Курт 831
 Акдениз 564, 583
 Акдес Нимет (Нигмет) Курат 128, 204
 Акинфей Кадышев 835
 Акинчей 26, 27
 Аккай 594
 Ак-Кобек 204, 210, 834
 Ак-Мамбет-Оглинские 45
 Ак-Мехмед 584, 616
 Ак-Сеит 26
 Аксож 570, 576
 Актаджы бег (Агаш Ага) 780
 Актау 837
 Ак-Чибукбег 303
 Акчокраклы 72, 76, 85, 142, 381, 441, 540, 542, 545, 550, 567, 568, 571, 587, 588, 596, 601, 602, 608, 611, 627, 628, 634, 692, 705, 741, 768
 Акчурун 154, 472, 473
 Акчурина-Муфтиева 687, 750, 754, 756, 757, 759, 760
 Акшама-мирза 291
 Ала ад-Даула 17
 Ала ад-Дин Кейкубад 627
 Алан Фишер 8, 22, 178, 494, 800
 ал-Ашраф Кансух ал-Гури 250
 ал-Ашраф Сейф ад-Дин Каит-бай 249
 ал-Бай-дави 614, 621
 ал-Бухари 606, 611
 Алевиз Новый 674
 Аледжук 296
 Алей-мирза 835
 Алейко 834
 Алекберли 116, 798
 Александр 158, 160
 Александр I (Александр Благословенный) 620, 663, 670, 675, 681, 682
 Александр Гваньини 827
 Александр Казимирович 240
 Александра 686, 671, 678
 Александров 116
 Алексеев Н. 349
 Алексеев Ф. Я. 667, 677, 679
 Алексей Михайлович 260, 265, 286, 302, 327, 331, 334, 335, 342, 446, 827
 Алексэндрел 144
 Алем-бей 295
 Алемшах 437
 Али 211
 Али (Али б. Ибрахим) 257
 Али (сын Усеин Хаджи) 478
 Али-ага 477
 Али б. Ахмед 621
 Али б. Инак ал-хадж б. [Кырым]суфи 618
 Али б. Исхак ан-Ногави 615
 Али б. Мухаммед эл-Кырыми 541
 Али б. Осман ал-Уши ал-Фаргани Сираджуддин Абу-л-Хасан 613
 Али б. Ферхад а-Калканделани 611, 619
 Али б. Юсуф 219
 Али Мурза Эмиров 621
 Али сын Хашима 458
 Али Хаджи 245
 Али Чауш 7, 162
 Али Эфенди 154, 431, 436, 548, 554, 616
 Али Эфенди Аккормани 34
 Али Языджизаде 836
 Али-бай 615
 Али-бей 660
 Алиджан Бей (Кырымлы Али, Али) 594
 ал-Иджи 606
 Алиме 458
 Али-мурза 277
 Али-паша 610
 Алиш 429
 Алиша-мирза 560, 769
 Алиш-ага 283
 Алишер Навои 14, 586

- Али-эфенди 154, 616
Али-эфенди б. Эмрулла б. Хинаи б. Кинализаве 620
Алкас 834, 835
Аллабердей 238, 834
Аллакуват мирза бин Азамат 831
Аллахахмар 782
Аллахвердия 524
Аллаш-батыр 238
ал-Малик ал-Ашраф Барсбай 248
ал-Масуди 20
Алп 202, 207
Алпашкина 72, 73
Алп-Герай (Алп Герай) 202, 222, 224, 233, 241, 414
Алтын-тап 834
ал-Хадж б. ал-Хадж Осман-эфенди 617
ал-Хадж Джан-Тимур-бек 20
Ал-Хадж Халил-ага 839
ал-Хаджи Исмаил ал-Кырыми ал-Гёзлёви 614
Алчагир-мирза (Алчагир-бий) 204, 206, 207, 211, 216, 218
Алыбай-дархан 288
Аль-Багави 557
аль-Байдави (аль-Байдауви) 32, 641
Альбино де Канепа 49, 50
Альбрехт Станислав Радзивилл 264
аль-Джурджани 556, 557
аль-Иджи 30, 557
аль-Кауваши 641
аль-Кирмани 641
аль-Кунави 32
аль-Куртуби (Мухаммад б. Ахмад ал-Куртуби) 641
аль-Масри 34, 641
Альминские 45
Альп акай 560, 769
Альпер Башер 129
Алядинова 86, 92, 93, 105, 109–112
Аляэддин 540
Аляэддин Али Сабит 595
Аляэддин Ахмед Сейрами 541
Аляэддин Эфенди 552
Амброджио Контарини 482
Аметка 416, 441
Анджей Любенецкий 245
Андреева 133, 398
Андрей Старицкий 213
Анна Иоанновна 62, 397
ан-Насафи 637, 638, 641
ан-Насир 788
Антемир (Байтемир, Аббант) Мансуров (Федор) 833
Антонак 299
Антоний Вид 52
Антонио Дзатта 64
Антониотто ди Кабелла 159
Антуан Грамон 825
Апанович 131, 314, 325, 326, 328, 329, 334–337
Апоракские 45
Аппак 27, 197
Апраксин 364
Арабские (род служилой знати) 475
Арасланай Дивеев 834
Аратук (Аратук-Едилер, Аратун) 476, 478
Аратунские 45
Аргыны 379, 414, 420, 421, 423, 424, 473, 475, 477, 480, 804
Ард 569
Ариф Кефеви 564
Ариф Мехмед-челеби б. Хасан-эфенди 618
Арифзаде А. Хильми Кырыми 22
Арслан 78, 295
Арслан Ага (Арслан ага) 431, 436, 477, 548
Арслан Ага Абдулкадыр 73
Арслан Герай (Арслан-Герай) 21, 92, 355–357, 368, 381, 383, 384, 399, 436, 487–489, 496, 546, 548–551, 598, 599, 601, 602, 614, 615, 617, 706
Арслан Эфенди мудеррис 430
Арслан-мурза Сулешев 237
Артамонов 261, 268, 389, 393, 394, 404
Артемий Шеншин 237
Асанак (Асан) 251, 834
Асан-мурза 490
Асланапа 694, 716
Асланбек Кайтукин 295
Асланташ 594
Асран Болотоко 296
ас-Саляби 641
ас-Сейид Рахматулла б. ас-Сейид Мухаммед б. ас-Сейид Биляль ал-Кырыми 618
ас-Суйути 35, 641
Асым 568, 601
Атман-Дуван 211
Атсыз 594
ат-Табари 641
Аттар Абдуллатиф 771
Аттар Саркиз 770
ат-Тафтазани 556, 557, 606, 618, 639
Афанасий Мелентьев-Курлаков 235
Афендиче 170
Афиф ад-Дин Абдулла-эфенди 622
Афифеддин Абдулла (Афифи) 584, 600, 601

- Афифеддин Эфенди 561
 Ахи Эврен Вели 494, 495
 Ах-Кула Татарин 309
 Ахмад 30–32, 34, 119
 Ахмад ад-Дардир 33
 Ахмад аль-Аккирмани 34
 Ахмад аль-Кафауви 30, 31
 Ахмад аль-Къырыми 30, 32, 637, 639, 642
 Ахмад ар-Руми аль-Ханафи 33
 Ахмад б. Махмуд (Барджинлыгы) 627
 Ахмад бин 'Абд Аллах аль-Кырыми 638
 Ахмад Ташкопри-Заде 35
 Ахматовы дети (Ахматовичи) 215
 Ахмед 155, 164, 215, 227, 496, 604, 829
 Ахмед I 299, 587, 839
 Ахмед III 363, 393, 394, 616, 815
 Ахмед Ага (Ахмед-ага) 432, 436, 545, 550, 551, 575, 580
 Ахмед б. Кучук-Мухаммед 829
 Ахмед б. Мухаммед ал-Кырыми 611
 Ахмед б. Хасан ал-Кефеве 606
 Ахмед бин Али 556
 Ахмед Буйрук 541
 Ахмед Вефик-паша 151
 Ахмед Гедик-паша (Гедик Ахмед паша) 10–12, 158–160, 162
 Ахмед Герай (Ахмат Хромой) 272, 544, 610
 Ахмед Герай султан (Ахмед Герай-султан) 19, 73, 75, 367
 Ахмед Дюрри 595
 Ахмед Йасави 608
 Ахмед Незихи Туран (Незихи Туран) 130, 619
 Ахмед Нуреддин 567
 Ахмед Ресми-эфенди 365
 Ахмед Синопский 584
 Ахмед Суха Арслангирай 128
 Ахмед Таиб Османзаде 22
 Ахмед Ходженди 541
 Ахмед Эфенди 429, 552, 772
 Ахмед-ага 327, 428, 612
 Ахмед-ага наккаш-заде 612
 Ахмед-бей 42, 295, 739
 Ахмеди 610
 Ахмед-каймакам 369
 Ахмед-паша Яшлавский 234
 Ахмед-эфенди 9, 618, 633
 Ахмет-бей Хункалов 303, 476
 Ахмет Джихан 9, 559
 Ахмет Тюрк 130
 Ахмет-ага 437
 Ахмет-Аспат Черкасский 305
 Ахмет-Гирей-султан 373
 Ахмет-халиф 235, 236
 Ашик паша заде (Ашик-паша-заде) 10, 11, 159
 Аширгул 834
 аш-Шихн 20
 ашык Али 761
 Ашык Умер (Ашик Умер) 565–569, 581–583, 588, 589, 767
 Аюка 290–292, 366
 Баба Герай (Бибей) 198, 831
 Баба Исхак 837
 Баба Мачин 837
 Баба Мухаммед Мир Гийас 621
 Баба Салтук (Мухаммад аль-Бухари) 634, 836, 837
 Баба Тулчи/Кулчи 837
 Баба-Али-бий 204
 Бабай-эфенди-заде 614, 629
 Баба-Куши Шейх Абд ар-Рахман б. Мустафа 621
 Баба-шейх 206
 Бабович Сима (Бобович Сима) 663
 Бабулин 118, 265, 266, 279, 314, 315, 321
 Багаутдин 249, 250
 Баграм 834
 Бажук 835
 Базарган Моши 470
 Бай Акай Эфенди 554
 Байазид Бистами 636
 Байбаков 288
 Байбулат 795, 834
 Байгельдий 524
 Байдарские 475
 Байрам Али бин Джанали 457
 Байрам Ходжа 456, 464
 Бакайи 622
 Баки 218, 219, 574, 580, 583, 596, 605
 Баки-бек (Баки-бег, Баки, Бақы бей, Бақы б. Хасан) 200, 211, 218, 245, 416
 Бақы б. Ак-Кобек 210, 211
 Бакырджы 574
 Балар 169, 181
 Балтаджи Мехмед-паша 393, 552
 Балтаджы 539, 552
 Бандтке 124
 Бантыш-Каменский 23, 114, 344, 362, 372, 383, 414
 Барак 139, 140
 Баран-Гази б. Саид-Ахмед (Баран-Гази) 311, 312
 Баранов 86, 92, 104, 105, 694
 Барановский 125
 Баранча 834

- Баркан 44
Бартольд 8, 116, 140, 165, 167, 493, 607, 627
Бартошевич 124
Барщевский 678
Барын 47, 71, 137, 142, 420, 423, 460
Барыны 48, 414, 420, 473, 480, 767, 787, 804
Басманов 833
Батист 661
Батгал-Таймас 569
Баттист Аньезе 52
Баттисто д'Алегро 159
Бату (Саин) 154, 155, 177
Батыр ага Тамагулы Крымтай 477
Батыр Герай 364
Батыр-ага 326
Батыр-Шах 306
Бахадур-хан 155, 450
Бахадыр Герай I (Бахадыр Гирай I, Бахадыр Герай, Бахадур-Герай, Бегадыр Герай-хан, Бегадыр-Гирей I, Резми) 19, 78, 188, 198, 229, 244, 255, 257, 298, 299, 370, 381, 382, 384, 401, 413, 436, 442, 443, 535, 543, 548, 564, 583, 591, 597, 601, 612, 769
Бахадыр-Герай б. Мухаммед-Герай (Багатырь-султан) 216
Бахрушин 116
Бахт-Гирей 22
Бахти 76
Бахты Герай 73, 117, 353, 363, 364, 366, 367, 370, 395, 396, 537, 780, 830
Бахты Герай (Бахты-Герай (Бахты), «Дели-султан», Бахты-Герай-султан) 73, 306, 366, 417
Башил (Башир) 295
Башкиров 84, 85, 692, 693
Баязид 162, 194, 204, 248, 250, 632
Баязид (Йылдырым Баязид) 248, 606, 610
Баязид II 97, 449, 629, 838
Баязид Ушшак Самрани 636
Бегум Хайр ун-Ниса 252
Бедрие Сабит 44
Беемин-ага 380
Безобразов 202
Бейберды велед-и Папаг 70
Бейберей 26
Бейлик Даиров 477
Бей-Юде-Султан 101
Бекир б. Хасан 615
Бекиш-джирав 763
Беклемишев 762
Бек-Магмет 237
Бекр-эфенди Кефеви 633
Бек-Суфи 137, 138, 141, 180
Бек-Суфи (оглан) 171
Бек-Темир-мурза 237
Бекхан Султан ханым (Бек-хан-Султан-ханум) 74, 433, 628
Белек-Пулад 221
Белиг 585
Белик 87, 91
Белоскорский 530
Белый 102, 108
Бельский 18, 124, 206, 234
Беляков 117, 233, 409, 415, 546, 771, 828–832, 834, 835
Бенкендорф 663
Беннигсен 164, 360, 409, 413, 414, 440, 832
Бергер 63, 64
Бердниченко 331
Бережинский 132
Бережков 24, 25, 114, 212, 329, 410, 529, 533, 535, 762
Березин 114, 440, 442
Берекет Хан 539
Берке 130, 155, 180, 435, 539, 635, 836
Бернард Претвич 241
Бернардо ди Амико 92
Бертье-Делагард (Бертье Делагард) 66, 93, 794
Бестужев-Рюмин 399
Бечи-мурза Биерючева мурзина сын 294
Бешлей Сеин-ага 291
Беяни 576
Бибадша-Гирей (Бибадша) 830
Бибей (Владимир) 198, 831
Биберди 149
Биби Герай 209
Бидал-мурза 26
Бидзинский 281
Бийтак 245
Билецкий 242, 530
Бильгин 573
Бир-Девлет (Бир-Даулет) 828
Битакские 45
Биярсланов 41, 68, 441, 442, 446, 490, 523, 524
Благова 115
Блэкльый 389, 391
Блюменфельд 531
Бобров 118, 289, 779, 780, 783–785
Бобровский 104
Богаевский 694–697, 721
Богатырь-Герай Дивеев (Богатырь Герай Дивеев) 236

- Богданов Григорий 113, 343
Богуш-Сестренцевич 124, 158, 183
Боданинский 84, 85, 104, 495, 497, 557, 605, 612, 678, 692, 693, 721, 722, 726, 729–731, 737, 741, 748, 749, 756, 759, 770
Бозоклу Мустафа-паша 273
Бозук 295
Бойцова 195, 415, 446, 450, 539
Болдырев 332, 671, 678
Болотоковы 296, 298, 304, 305
Боплан (Гийом Левассер де Боплан, Гийом де Боплан, Г. де Боплан Левассер) 38, 56–58, 186, 193, 209, 410, 417, 447, 651, 654, 744, 778, 779, 784–789, 796, 818, 823–825
Бораганские 475
Борган бей (Борган-бей) 477
Борзенко 72, 565
Борис Федорович Годунов (Борис Годунов) 54–56, 233–235, 625, 835
Борнуша 831
Бороздин 84, 85, 692
Боруэле Гримальди 145
Боскамп-Ласопольский (Боскамп) 405, 406
Босняк Гусейн-паша 273
Босняк-Реджеб-паша 353
Босоли 665, 670, 728
Ботал-бей 139
Бочаров 87, 88, 90, 94, 101, 106, 107, 159, 174, 425–427, 646–650, 652, 692, 697, 698, 703, 705, 709, 712, 720
Брайн Глин Вильямс 494, 800, 801
Браун 95
Бредихин 238
Брехуненко 132, 314, 324, 325, 328–330, 819
Брусалы 611, 618, 621
Брюховецкий 266
Бубенок 806
Будагов 70, 116, 249, 421
Булавин 340, 341, 351, 366, 820
Булатов 495
Булат-улан 238
Булгаковы 477
Булганские 45
Бурнаш Герай 243
Бурсали 641
Бурсалы 431, 566, 569, 591, 643
Бурхан ад-Дин аль-Маргинани 557, 637, 638
Бурхан ад-Дина Ахмад 248
Бурхан аш-Шериа Махмуд 557
Бурхануддин Маргинани 488
Бурьлин 780
Бухари 557, 769
Бушаков 67, 412, 475, 477, 803
Быйик 493
Быховец 805
Бярбедей 834
Вагнер 127
Вайнштейн 8, 176, 801
Валиханов 136, 137, 153, 440, 442
Ван Кейлен 61
Василей Семенович Одоевский 26
Василий II 144
Василий III (Василий III Иванович, Василий Иванович) 24, 196, 197, 199, 201, 205, 206, 208, 212–214, 243, 244, 250, 473, 477, 824, 831
Василий Васильевич Московский 148
Василий Маметев 835
Василий Шуйский 235–237, 833
Вахидов (Вахиди) 615
Веймарн 87, 93, 95
Вели Эфенди 552
Величко 531
Вельяминов-Зернов 7, 41, 114, 116, 131, 270, 271, 454, 828
Венцлав Николаевич 777
Венявский 279
Верхуша Черкасский 305
Веселитская 118
Веселицкий 376, 378, 381–384, 520
Веселовский 5, 137, 151, 441, 630, 678, 682
Весконте де Маджоло 50
Веспасиан Коховский 124
Виллем Блау 57
Виллем Хондиус 56, 58
Виммер 127
Виноградов 23, 47, 113, 117, 196, 227, 228, 233, 234, 294, 409, 414, 474, 476, 830, 833, 834
Вырский 133
Витовт 135–138, 140, 236
Виценцо 538
Вишневецкие 241
Вишневецкий Михаил 241
Вишневецкий Д. 56, 221, 246, 302, 331
Вишневский 116
Вишняков 388, 396
Владислав 238
Владислав III 142, 143
Владислав IV 56, 276, 587, 588
Вовк 820

- Возгрин 118, 351–354, 387, 388, 390–394, 396, 403–406, 423
Возницын 348
Вокшерин 26
Волжинский 329
Волиньский 125, 269, 280, 281
Волков 86, 87, 109, 148
Волконский 312
Волконский Г. К. 236, 238
Вольней 303
Вольтер 39, 406, 822, 824, 826–828
Воронихин 711
Воронцов 663
Воронцов М. И. 820
Ворончук 132, 790, 795, 797
Воротынский 236
Врангель 404
Врум 86
Вуйчик 274, 276, 280
Вуйчицкий 124
Выговский 261, 315, 321, 322, 334, 335
Выродков 221
Габриэль Кастельне 663, 673
Габсбурги 231, 234, 235, 247, 251, 256, 353, 356, 357, 403
Гавенда 127
Гавриил III 815
Гаврилов 98, 420
Гаврилюк 103, 107, 315, 648, 656, 734, 735, 741, 829
Гази 11, 202, 209, 223, 296, 297, 307–310
Гази Герай II (Казы Герай, Газай) 19, 38, 44, 117, 233–236, 241, 242, 247, 254, 255, 257, 270, 271, 306, 310, 311, 411, 446, 450, 476, 502, 510, 523, 543, 555, 565, 566, 568, 569, 572, 573, 575–577, 580, 582, 583, 587, 601, 764, 797, 819, 843
Гази Герай III (Гази Гирай III, Гази-Гирей III) 258, 351, 403, 407, 439, 618, 773
Гази б. Урак (Гази, Гази мирза, Казы мирза Ураков, Казый мура, Казы мурза) 221, 223, 296, 307–311
Гази Герай 14, 16, 167, 198, 202, 209, 226, 233, 235, 236, 252, 258, 285, 294, 296, 306, 311, 350, 351, 362, 377, 383, 391, 510, 573, 574, 580, 608, 616, 625, 632, 651, 769, 814
Гази Мансур 729
Гази Мансур Медини 629
Газин 133, 317, 319
Гайворонский 72, 78, 83, 132, 146, 150, 152, 213, 238, 306, 426, 666, 819, 831
Гайслер 711, 712, 736, 737
Гален 560, 769, 773
Галенко 105, 109, 132, 140, 268, 592
Галушка 132
Гальперин 535
Ганкевич 539
Гариби 563, 577
Гаркави 116, 153, 391
Гаррет 30
Гаррингтон 776
Гаспринский 128, 434, 495, 496, 555, 567, 628, 767, 770
Гатин 122
Гафуров 152
Гедеон 815
Гёз Мухаммед 616
Гёкбилъгин 15, 569, 578
Геккер 714
Гелдыш-хан 153
Гендже Эфенди 564
Генрих Прусский 63
Георгий Дука 348
Герай 21, 212, 228, 233, 240, 259, 306, 403, 416, 418, 546, 576, 774, 817, 828, 831
Герай (Гирей, Гирай) 151–153
Герайбай 567, 573, 591
Герард Меркатор 53–55, 824
Герасимов 52, 108, 443
Гёрке 123
Геровский 125
Герцен 81, 83–88, 91, 94–97, 99, 100, 102, 108, 111, 158, 160, 161, 425, 426, 628, 692, 706, 741, 789, 800, 806, 807
Гессель Герритс 54, 56, 57
Гесте 667, 677, 680, 685, 686, 711, 713, 718, 719
Гизер 254, 409, 417
Гийас ад-Дин 152, 155, 156, 498, 621
Гилель бен Ицхак Кирими 812
Гинзбург 612, 689, 722
Гирай-бай 153
Гитлер 122
Гиясаддин 142
Глазов 8
Глива 126, 127, 280, 284, 795, 797, 798
Глинские 243
Глинский 240, 243
Глистин 329
Гоксук 296
Голембиовский 124
Голицын 267, 268

- Голицын В. В. 267, 291, 338
 Голландский 84, 673, 678, 722
 Голобуцкий 131
 Головкин 393
 Голохвастый 207
 Голчевский 283, 284
 Гордиенко 340, 364
 Гордлевский 8, 9, 495, 546, 575, 605, 606, 611, 614, 615, 619–623
 Горецкий 798
 Горностай 244
 Горчакова 676
 Грабовский 355, 790
 Гребен 281
 Грегорио Росси 159
 Грегорио Туррилья 145
 Греков 63, 153, 169, 176, 192, 533, 812, 818
 Грибовский 132, 339, 357, 362, 363, 366–371, 381, 390, 395, 396, 399, 400, 401, 409, 417, 418, 527, 536, 652, 790, 819
 Григорие Гика 365, 841
 Григорьев 41, 137, 155, 156, 401, 440, 442, 450, 632, 709
 Григорьев А. П. 156
 Григорьев Иван 327
 Гризольфи Винцент де 818
 Гризольфи Захария де 818
 Гримальди 145, 426, 818
 Грушевский 131, 279, 312, 315, 332
 Гудрун Шуберт 32
 Гулбегар 835
 Гулевич 133, 135, 136, 142, 159, 172, 173, 425, 535, 794, 800
 Гулзар 835
 Гулюм-Тотай 490
 Гумилев 387
 Гурка 125
 Гурский Константин 124
 Гурский Тадеуш 127
 Гусач 87, 100, 101, 109, 111
 Гусейн 273
 Гусенко 329
 Гутовский 126
 Гыяседдин 76
 Гюнеш 559
 Гюр 563, 570
 Д'Аббевилль 59
 Давуд 165
 Давуд Эфенди (Дауд Эфенди) 554
 Давуд-бей 295
 Давыденко 394
 Дагистани Мехмед Эфенди 554
 Даиры (Даирские) 477
 Дайчин 287–289
 Далтабан-Мустафа-паша 351
 Данак абыз 834
 Дангы бей 45, 46
 Данило 326
 Даниэль Бергер 63, 64
 Данкерте 57, 59
 Дапонте 152
 Дарати Челеби 582, 766
 Дарий (Дарий Гистасп) 823
 Даудов 336
 Дашкевич 178, 241, 242, 244, 790, 791
 Дашков 659
 Де Бальмен 384, 660
 Де Бар 660
 де Бассиньяно 139
 де Бусбек 817
 де Ланнуа 137
 де Лет 62
 Де Людольф 536
 де Миранда 692, 712
 Де Рибас 665
 де Фер 59, 60
 Деб'и Челеби (Кефели Хусейин) 594
 Деббаг эльхадж Шах Гази Ага 436, 548
 Девлет Герай I (Тахт Алган Девлет Гирай) 19, 43, 44, 47, 92, 105, 117, 203, 230–233, 236, 245–247, 254, 261, 295, 305, 355, 410, 476, 477, 506, 508, 509, 524, 528, 535, 572, 576, 713, 735, 777, 790, 795, 803, 806, 817, 830
 Девлет Герай II (Давлет-Гирей II) 20, 78, 340, 350, 352, 355, 362, 389, 390–394, 403, 404, 417, 448, 615, 616, 639
 Девлет Герай IV 74, 376–378, 383, 478
 Девлет Мехмед бин Хаджи Байрам 458
 Девлет-Бахты-бек (Девлет-Бахты) 199, 205, 209, 217
 Девлет-Берди 138–141
 Девлет-Герай (Девлет), сын Саадета Герая 18, 27, 43, 129, 152, 201, 202, 211, 214, 220–225, 256, 257, 278, 290, 294, 297, 305–312, 350–353, 362–364, 366, 369, 378, 475, 508–510, 522, 551, 608, 610, 614–616, 619, 629, 634, 645, 765, 769, 787, 830
 Девлетек б. Эминек 631
 Девлет-Кельды 803
 Девлет-султан 630

- Девлет-Хозя Усейнов 26
Девлеш 829, 830
Деде Герай-султан 543, 545
Деде Масум 560, 769
Деде Эфенди ибни Абдулькадыр Эфенди 457
Дедеш-ага 317, 279
Дей Витофтов 236
Дейников 350, 371, 382, 386, 387, 398, 813
Демидов 757
Демидов А. Н. 707, 692, 757
Демир 130, 570, 593
Дервиш 136, 137, 211
Дервиш А. 595, 641
Дервиш Казы мурза 284
Дервиш Мехмед 430, 438
Дервиш Мехмед Челеби 580
Дервиш Мехмед-Герай б. Мюбарек-Герай 593, 611
Дервиш Мирза 596
Дервиш Фасих 585
Дервиш Хафиз б. Фахр ад-Дин Каши 621
Дервиш Эфенди 604, 772
Дервиш-Али 201, 211, 214
Дервишек 836
Дерди 596
Джаббар-Берди 136
Джаббар-Мухаммед 227
Джаггартук-бей 295
Джайлс Флетчер 823, 824, 827
Джакомо Маджоло 51
Джакомо Тромбаро 667, 676, 680, 683, 685, 686, 718, 719
Джакопо Маджоло 51
Джалал ад-Дин ар-Руми (Джеляледдин Руми) 621, 635, 636
Джалал-ад-Дин 171
Джалаль ад-Дин аль-Хаббази 637
Джалаль ад-Дин ас-Суйути 35
Джалаль ад-Дин Ахмад аль-Худжанди 636
Джамаль аль-Аксарай 30
Джаминские 475
Джан Герай Султан (Джан-Гирей-султан) 142, 145, 146, 153, 154
Джан Мамбет-бей 400
Джан Тимур мурза 476
Джанай 828, 832
Джанбек велед-и Йорги 70
Джанболат-оглы 271
Джанибек (Зенебек) 829
Джанибек (хан Золотой Орды) 154, 169, 170, 198, 206–209, 254, 255, 313, 327, 417, 459, 492, 510
Джанибек Герай I (Джанибек Гирей хан) 254, 255, 262, 263, 270, 583, 595, 612, 805, 810, 811
Джанибек б. Махмуд (Джанибек, Джанибек-хан) 206
Джанибек-Герай 9, 44, 74, 154, 178, 226, 237, 238, 254, 270, 312, 333, 446, 448, 506, 511, 512, 514, 515, 543, 590, 630
Джанике-ханым 102, 740, 741
Джанклычевы (Джанклычевые) 475
Джанкуват бин Дин-Суфи 832
Джанмамбет-бий 377
Джанмухаммед 563, 568, 587, 592
Джан-Мухаммед (Ян Магметъ) 26
Джанов 87, 92, 137, 141, 145, 168, 170–173, 177, 181, 498, 499, 694, 816
Джан-Темир Ширинский 367, 476
Джан-Темир-бей 354
Джафар ибн Абу Талиб ат-Тайяр 496
Джафер 424, 432, 524
Джевдет-паша 21, 164, 166
Джеври 80, 595, 623
Джевхери 622, 767
Джелаладин 135, 136
Джелилова 526
Джелял-мурза 477
Джем 250
Джемшид 658, 765, 781
Дженаби 128
Дженкинсон 54
Джефан 128
Джиджик 641
Джилъве Чауш 766
Джилъс Флетчер 38
Джихан Ахмед 9, 559
Джихан-Герай 292, 305
Джиханшах бинти Джантемир Ага 453
Джованни да Лукка (Д. да Лукка, Жан де Люк, Ж. де Люк) 38, 825
Джованни да Мурта 170
Джованни Джустиниани Лонго 144
Джон Смит (Д. Смит) 38, 823, 824, 827
Джорджо Сидери Каллапода 51
Джорджо Стела 170
Джулиан дел Фиеско 159
Джулиано ди Гвизальди 145
Джуллиани 64
Джунайд аль-Багдади 636
Джучи 3, 13, 120, 121, 128, 135, 137–139, 141, 151, 154, 155, 169, 196, 198, 209, 440, 482, 600, 625, 647, 777, 779, 784, 789

- Джучиды 3, 120, 128, 151, 410, 505
 Джучи-Тогай-Тимур 128, 151, 842
 Дзенай (Джанай бин Нур-Девлет) 832
 Дзюбиньский 245
 Дзян Антон 277
 Дивей мирза (Дивей-мурза, Дивей бин Хасан) 47, 308, 416, 833
 Дик Хиггенс 585
 Диляра Бикеч 99, 357, 405, 699, 721, 736, 742
 Дин-Ахмед (Тинахмат, Тенехмат князь) 221–225
 Динбай 225
 Дин-Суфи (Дин-Суфи бин Мансур, Тенсубуй) 227, 630, 831, 832
 Диогу Хомем 51, 52
 Дмитриев 117, 163, 605, 610, 611, 613, 615, 622, 623, 626
 Дмитриева 613
 Дмитрий Кантемир 248, 297, 303, 365, 839
 Дмитровский 213
 Доахие (Симеон) 263, 831
 Добролюбский 102
 Довнар-Запольский 240, 243, 443
 Догъан Осман 130
 Долгоруков 63, 256, 372, 382, 401
 Домбровский 72, 431, 438, 483, 565, 665, 676, 681, 682, 684, 686, 767, 804, 805, 816
 Доналд Островски 121
 Дондук-Даши 399
 Дория 169, 818
 Дорофеев 675
 Дорошенко Михаил 255
 Дорошенко П. 256, 267, 269, 272, 273, 275, 280, 281, 290, 315, 322, 323, 334, 336, 342, 343
 Доюкчюра Козман 834
 Дружинина 165, 371, 376, 377
 Друшкевич 531
 Дудус ата 560, 769
 Дурбико 305
 Дуси 538
 Дьердь II Ракоци 272
 Дэниел Во 120
 Дюбан Клод 406, 407
 Дюбан Ф. 528
 Дюбуа де Монпере 692, 694–696, 698, 702, 704, 710, 711
 Дюрри 76, 595
 Евгаший б. Саид Ахмед (Евгаший) 207
 Евстафий Дашкевич (Евстафий Дашкович) 199, 241, 244
 Екатерина II 3, 65, 165, 186, 372, 373, 382–384, 386, 400–402, 519, 663, 665, 666, 672, 677, 680, 685, 812, 816, 828
 Елизавета (Елизавета Петровна) 405, 821
 Елмамет агалык 835
 Емгурчей Кожухов 26
 Енипазарлы Вали 576
 Епифаний 173
 Ерлич 319
 Ермоленко 787
 Ерофеев 533
 Ертуган 311, 625, 830, 834, 835
 Есеней 390
 Ес-Сейид Осман Челеби бин Эс-Сейид Меми 458
 Еtimi 604
 Ефремов 132
 Ефремов Д. Е. 399
 Ефремов С. Д. 399
 Жак Маржерет 118, 261
 Жан Шарден 38, 186, 822
 Жан-Жак Руссо 822, 823
 Жан-Мишель Вентюр де Паради 405
 Жевуский 284
 Жигимонт 141, 143
 Жильбер Ромм 607, 746
 Жобер 115
 Жозеф Дегинь 823
 Жолкевский 247, 776
 Жуков 260
 Жуков В. Д. 527, 529, 800
 Жуков И. 713, 714
 Жуковский 623
 Жульен Бордые 175, 180, 657, 661, 662, 809
 Заатов 153, 761
 Заболоцкий 204, 792
 Завадовский 47, 605
 Загоровский 116, 335, 343, 348
 Загряжский 26, 27
 Зайончковский 10, 167, 186, 302, 569, 590, 620, 634
 Зайцев 2, 5, 45, 117, 165, 204, 205, 209, 214, 387, 440, 553, 600
 Закария 44
 Зал-ага 287
 Занкин 91
 Засыпкин 692, 694, 703, 704, 709, 716, 717, 728–730, 737, 739, 741
 Зати 574
 Зауэр 46
 Захария Гизольфи 149, 818
 Збаражский 127
 Звягин 236

- Згода 532
Зеест 86, 91
Зейн ал-Абидин 495
Зейнеб Оздем 68, 130, 747
Зейнель Паша (Зейни) 580
Зиливинская 101, 692, 693, 737, 741
Зихни (Абдудделиль, Неджефзаде, Зихни-и ка-
дим) 580
Зихни Челеби 580
Зияэддин б. Садуллах Кырыми 541
Злобин 230
Зор-бей 295, 296
Зотов 346, 347, 410, 411, 414, 415, 805
Зудов 198, 208
Зув 40, 372
Иаков 40, 802
ибн Абу Усайба 641
Ибн ал-Хаджиб 606
Ибн аль-Ханбали 35
Ибн Араби 640, 643
Ибн Арабшах 541
Ибн Батгута (Ибн Батута, Мухаммад Ибн Батутта)
435, 636
Ибн Джубайр 167
Ибн Исхак Эфенди 552
Ибн Кади Шузба 35
Ибн Кемаль 12
Ибн Кясир (Абу Ма'бад Абдуллах б. Кесир б. Амр
ад-Дари) 555
Ибн Тагри Берди 35
Ибн Хаджар аль-Аскаляни 35
Ибн Хаджиб 556, 608
Ибрагим 242, 448, 630, 742, 834, 835
Ибрагим (Ибрагим бин Дин-Суфи, Бреим) 831
Ибрагим аль-Кырыми (Ибрагим аль-Къырым) 30,
32, 639
Ибрагим Муттафарик 650
Ибрагим-эфенди 129, 475, 632
Ибрагимова 16, 87, 99, 100, 103, 107, 648, 656, 692,
719, 734, 735, 741, 829
Ибрагим-паша 273, 281, 537, 834
Ибрагим-паша-мурза 238
Ибрахим 47, 200, 257, 577, 584, 620, 630
Ибрахим (Ибрахим-хан) 47, 211
Ибрахим ал-Кырыми-эфенди 31, 615, 639, 640,
644
Ибрахим аль-Халабби 34
Ибрахим б. Акмехмед 577
Ибрахим б. Ахмад ал-Кудси 606
Ибрахим б. Мансур 611
Ибрахим б. Мухаммад ан-Наджи аш-Шафи'и 606
Ибрахим б. Мухаммад б. Ибрахим ал-Халаби 616
Ибрахим бин Акмехмед Кырыми 558
Ибрахим бин Хакк бин Мухаммад аль-Кырыми
639
Ибрахим Гульшени 577, 613
Ибрахим Джеври 582, 595, 623
Ибрахим Курбанов 771
Ибрахим Кырыми 558, 561
Ибрахим Эфенди 552, 575
Ибрахим Эфенди эль-кади 457
Ибрахим-бей Челеби 606, 610
Ибрахим-эфенди (Татар-шейх) 616, 618
Ибраш бин Байкельды 458
Иваз бин Бахши 765
Иван (Сулешов) 833
Иван III (Иван III Васильевич) 120, 199, 204, 205,
208, 211, 212, 213, 214, 215, 249, 251, 630, 634,
674, 752, 762, 792, 829, 832
Иван IV (Иван Грозный) 25, 27, 28, 42, 200, 201,
212, 214, 218, 219, 220, 221, 222, 225, 230, 231,
232, 246, 261, 295, 297, 302, 308, 309, 310, 609,
625, 803, 830, 843
Иван V (Иван Алексеевич) 269
Иван Иванович Щетина 26
Иван Калита 452
Иван Ляцкий 52
Иван Обреимов 835
Иван Федорович Басманов 833
Иван Федорович Овчина 26
Иван Чарторыйский 144
Иван, сын Мавлеша (Мердеша) 832
Иваненко (Петрик) 323, 339
Иванко Яндевлетев 835
Иванов 97, 494
Иванов М. М. 550, 711, 712, 740
Ивашко Колышев 835
Игельстром 494, 547, 646, 649, 650, 658–660
Иджана 155
Идигей (Эдиге, Идегей) 47, 171, 135–137, 141,
227, 358, 474, 477
Идилбай 609
Идрис б. Хаджи-Яхья б. Мухаммед Ираки 624
Иеремия Мовилэ (Иеремия Могила, Могила) 819
Изва Герай 290
Издемир (Уздемир) 829
Изз ад-Дин Кейкавус I 788
Иззи 556, 564, 584, 585, 601
Измаил Мурза Муфтийзаде 303
Измайлов 81, 118, 472, 474

- Измайлов А. В. 237
 Иисус (Иисус Христос) 14, 633, 818
 Икбала-ага 335
 Илдебол 307
 Илдибая 834
 Илыш-мирза 834, 835
 Ильми 566
 Ильчи хатун 436, 550
 Илья Васильевич (Сулешов) 833
 Илья сын Давида 429
 Ильяс Борагаский 477
 Ильяс Эфенди 554
 Ильяс-мурза 490
 Имам аль-Хаким 33
 Имам Бусири 683
 Имам Газали 608
 имам Мехмед-эфенди 614, 629
 Имам Хиджази 608
 Иман Герай 309
 Инает Герай I (Инаят-Герай, Инайет Герай) 255, 272, 313, 331, 333, 433, 515, 810
 Инайет-шах 479
 Инджи-бей-хатун 550
 Инджибек хатун 436, 540, 550, 647, 706
 Интериано 298, 301
 Иоанн III Галонифонтибус 817
 Иоганн Готлиб Георги 745
 Ион Вода 309
 Иосаф 102, 833
 Иософат Барбаро (И. Барбаро) 788
 Иса Эфенди 552
 Исаак 54, 158
 Исаак (сотник) 809
 Исак Койжаров 835
 Исен 570, 835
 Исенгилдей Девлекозин Резанов 238
 Искандер 153, 614, 629
 Искандер Абу Саид 153
 Ислам-ага 432, 434
 Ислам Герай II 166, 233, 310, 449, 450, 543
 Ислам-бей 79
 Ислам-Гази б. Саид-Ахмед 308
 Ислам-Гирей бин Мехмед-Герай 830
 Ислампаша-задэ 296
 Ислям Герай II (Ислям-Герай, Ислам-Гирей II) 48, 57, 166, 265, 310, 506, 508, 509, 775
 Ислям Герай III (Ислам Герай-хан) 19, 48, 80, 125, 132, 299, 263, 286, 317, 318, 320, 569, 592, 736
 Ислям Герай (калга) 241, 400
 Ислям-Герай (Ислам солтан) 146
 Исмаил 154, 211, 218, 220–222, 226, 250, 297, 307, 308, 310, 458, 818
 Исмаил ал-Кырыми 542, 621
 Исмаил б. Муса (Исмаил) 218
 Исмаил Мирза 596
 Исмаил-паша 352
 Исмихан 463
 Исмихан Бийим 433, 436, 548
 Исмихан Кадын 433
 Исуп-мурза 327
 Исфендиар б. Баязид-хан (Йылдырым) 248, 606, 610
 Исхаков 154, 155, 409, 415, 426, 445, 472, 474, 806
 Итри 766
 Ичкиле Хасан (Ичкеле Хасан) 137, 138
 Ичли 574
 Ишалей 834
 Ишеев 472, 473
 Ишеналей 834
 Иштван Вашари 48
 Иштван Самошкёзи 608
 Иштерек 226, 237, 311, 365
 Ищенко 116
 Йакуб абин 'Али аль-Бурусави 33
 Йодокус Хондиус 55
 Йорга 837
 Йунус б. Мухаммад ал-Аджлуни 606
 Йусуф б. Абу Бакр ас-Саккаки 618
 Йусуф бин Джунайд ат-Тукати 639
 Йылмаз Озтуна 129
 Кавотули 538
 Кади Аббас Эфенди 554
 Кади Байдави 557
 кадий Мехмед-эфенди 614, 629
 Кадри 582
 Кадыр эфенди 431
 Кадыр-Али-бек 48, 153
 Кадыр-Берди 46, 136, 137
 Кадыр-берди 154
 Кадыров 105, 625, 626, 645, 654
 Кадыш 26
 Кадыш Кудинов 834
 Казбек-джирав 763
 Казембек А.К. 114
 Казембек М. 19, 600
 Казимеж Пулаский 124, 818
 Казимир IV 143–147, 149, 150
 Казимирский 115
 Казтемир Хотеев 835
 Казук 296

- Казы 198, 222–224, 236, 277, 281, 284, 296, 297, 309, 421, 835
Казый Пшеапшоков 306
Казы-Туган 292
Каинов 118
Кайкубатские 45
Кайтаз Ага 431, 432
Кайтазовые 475
Кайтуковичи 295
Калина 143
Калиновский 538
Калоккио Гизольфи 149
Камаль ад-дин ад-Дамири 559
Камбаровы 832
Камберди-Али 834
Камболет 296
Камбулат Идаров 295
Каменский 530
Камиль Кепеджи 43
Кан Мембет Эфенди 554
Кан Мухаммед 782
Канбар ибн Хамдан 496
Канбар-мирза Мамалеев (Мамалаев) 832
Канбулат 299
Кангиева 604, 644
Канкрин 663
Каноко 297, 305
Кантемир (Кантемир-мурза, Кантемир-паша) 278, 288, 298, 299, 312, 417, 478, 839
Кантемир мурза Кая беев сын Аргинский 478
Кантемироглу 764
Канчал-Феррари 72, 74
Каншук-бей 296
Каплан 295, 363, 364
Каплан Герай I 20, 74, 78, 353, 354, 394–397, 403, 411, 477, 553
Каплан Герай 10, 73, 152, 304, 340, 351–354, 363, 364, 366, 367, 390, 615, 616, 618, 756, 781
Каплан Герай II 73, 74, 400, 517
Каппелер 269
Кара 834
Кара Кады-заде (Медхи) 580
Кара Кель-Мухаммед 226
Кара Мустафа-паша (Кара-Мустафа Паша) 266, 273, 342, 345, 346, 348, 349, 641
Кара-Дауд 634
Кара-Девлет-Герай (Девлет Герай III) 353
Караджан 27
Караджаоглан 767
Каракаш 428, 598, 771
Каракаш Мехмед-эфенди 20
Каракёсе 570, 597
Карамзин 114
Кара-Мурза 142, 158
Карамышев-Курбский 213
Караш-ага 320
Караш-бей 279, 280
Карашеим 286
Караш-мирза Аталык 287
Карвовский 280
Каргалов 116
Каримова 292, 601
Карл XII 39, 340, 352, 353, 363, 364, 391, 392, 403, 404, 820, 825
Карл IX 237
Карл-Александр фон дер Гольц 405
Карлов 102, 104, 405
Карпенков 664
Карпош 267, 273
Картбийские 475
Карча 304
Карчевский 281
Касим 216, 223, 312, 313
Касим (Касим-паша) (кефинский санджакбей) 223, 709
Касим (сын Улуг Мухаммада) 171, 172
Касим (ширинский мурза) 289
Касим ага Аратук 476
Касим б. Ислам 312
Касим б. Шейх-Мамай 220
Кастамони Абдульмумин 582
Кастамони Абдульмумин Эфенди (Кастамони Абдульмумин, Кастамони Абд-эль-Мумин-эфенди) 582
Кастельнау 676
Кастук-бей 295
Касым 142, 148, 250, 456, 457
Касым (сын Улуг Мухаммада) 142
Касым бин Тенгриверди 458
Качоровский 281
Кашин-Оболенский 26
Кашпар 83
Каштанов 24
Кая-бей 478
Кая бей Балатуков 476, 477
Кваренги 667, 683
Кебек-хан 465
Келими 564, 584
Келлнер-Хайнкеле 21, 608
Келмай б. Саид-Ахмед (Келмай) 207

- Кельди-бай (Кельдыш) 156
 Кельдыш 172
 Кельмамет Куденетов 300
 Кель-Мухаммед б. Алчагир (Кель-Мухаммед) 217, 218
 Кемаледдин Дамири 596
 Кемалова 653
 Кемалуддин Мухаммед эт-Тюркмани эль-Мардини 540
 Кемаль Гурулкан 130
 Кемаль-ата (Кемаль-баба) 590, 634, 729
 Кемаль-паша-заде 611, 618
 Кемани Реджеб 767
 Кемани Хусейин 766
 Кенан ибн Абдуллах 430
 Кёнбах 569, 593
 Кепек 136
 Кеппен 379, 380, 412, 629
 Керим-Берди 136
 Керимова 743
 Кесби-эфенди 21
 Кетхуда-заде эль-Хадж Мехмед Ариф 589
 Кефеве 181, 564, 572, 577
 Кефеве Абдулькерим Шерифи 583
 Кефеве Ибрагим эфенди 129
 Кизеветгер 670, 677, 678, 681, 684, 686, 736
 Кизилов 528, 805, 809, 817
 Кизылбашенин 338
 Кинан 119–121
 Кинсберген 63
 Кипчак (Кипчакские) 45, 48, 414, 420, 473, 474, 569, 589–591, 616, 636, 836
 Кир II Великий (Кир) 152
 Киразуй 537
 Кирилко 103, 701, 705, 706, 712, 737
 Кирстен-Пассек 681
 Кистерев 212
 Кияты 474
 Клавдий Птолемей 52
 Кладо 675, 677
 Кларк 680
 Клееман 38, 410, 415, 416, 418, 424, 441, 479, 517, 526, 665, 668, 672, 676, 680, 683, 685, 744
 Клемент VI 174
 Климовский 821
 Клинковштрём 404
 Кнакштедт 123
 Кобылецкий 280
 Коллинз 120
 Колодзейчик (Колоджейчик) 24, 44, 126, 164, 243, 247, 275, 317, 645, 805, 808, 818
 Колодин 99, 663, 665, 667, 669, 670, 677, 678, 681, 683–686
 Колтухов 86, 87, 91, 706
 Колычев 209
 Колянковский 125
 Комиссаренко 211
 Комнины 168, 261
 Комстадиус 664
 Комуда 315
 Конград (Кунград, Кунграды, Конградские) 71, 141, 153, 475, 771, 838
 Конгур оглу 71
 Кондаков 83, 671, 674, 683
 Кондараки 271, 360, 372, 534, 537, 622, 623, 706, 776, 788
 Кондильские 475
 Концепольский 57, 278, 827
 Конечный 124
 Конкин 387, 485
 Кононенко 740
 Конрат 653
 Константин Багрянородный 69, 173
 Константин Гордиенко 340, 364
 Константин Острожский 242, 790, 796
 Константинов А. 819
 Константинов А. Д. 379, 380, 382, 383
 Конте ди Оттомане Фредуччи 49, 51
 Копрюлю Ф. 567, 586, 588
 Корженков 104, 426
 Корзон 124
 Корицынский 242
 Королев 331, 335, 528, 791
 Косагов 335, 337
 Костанецкий 276, 282
 Костюрин 806
 Котов Г. 666, 674, 677, 682, 683, 749, 750
 Коховский 124, 665
 Кочегаров 247, 267, 272, 274, 282–284, 313, 315, 323–326, 328, 332, 334, 337, 349
 Кошум 199
 Кошум мирза Былденов 834
 Кошум мирза Сеферев сын Сулешев 834
 Кравец 327, 527
 Краевский 124
 Крамаровский 98, 435, 482, 540, 634, 693, 698, 788
 Краснов 111
 Краснов Н. П. 83, 84
 Крачковский 72, 604, 605, 612

- Крейг Кеннеди 120
Кривошея 316
Кривцов 260
Крипякевич 131
Кроль 127
Крот 376, 792
Круликовская-Едлиньская (Кроликовская) 126, 268, 409, 441, 474, 536
Крым Герай (Крым-Герай) 356, 357, 368, 369, 398, 399, 405, 406, 408, 418, 442, 477, 517, 524, 544, 545, 658, 660, 719, 780, 812, 825, 827
Крым Герай-султан (Крым Герай) (калга-султан) 19, 34
Ксаверио Главани 407
Кубаля 124
Кубек 390
Кузман дуван 835
Кузна-дуван 834
Кузнецов 116, 209
Кузьмин 565
Кузьмина 835
Кулдай Шукур 199
Кулиев 642
Кулюковы 834
Кумо-Гирей (Кумо) 830
Куран 694, 708
Куратай Сивиндюков (Сивиндук) мирза Юмады-ков (Мадыков сын Сивиндук мирза) 829
Курбский (Андрей Курбский) 27, 28
Курман 834
Курназ 570
Курт мурза Ойрат бей 477
Кусаинова 209, 324
Кутайсов 88, 98, 651, 713, 714, 730
Кутб ад-Дин аль-Кырыми 29
Кутб ад-Дин ар-Рази 636
Кутлу Ширинский 834
Кутлуби 835
Кутлугбай 221
Кутлуг-Пулат 139
Кутлуг-Темур-бек 705
Кутлушах (сын Усеин Хаджи) 478
Кутлу-шах мурза 477
Куфтин 743
Кучак-оглан 214
Кучелек 26
Кученей (Мария) 308
Кучук Лутфизаде Мехмед (Нейли) 580
Кучук-Мухаммед-хан 212, 214
Кучум 262, 834
Кучумовичи 262
Кучюк Абдуллах Эфенди 554
Кучюк Мехмед Эфенди 436, 551, 829
Кушева 201, 294, 296, 305, 307
Куюджу Мурад паша 271
Кыбти Челеби 582, 766
Кыл-Бурун 550
Кыналы-заде (Кыналызаде) 563, 576, 577
Кырыми Селим Диване (Селим Баба) 603
Кырыми Хафыз Мехмед (Ляйых) 561, 604
Кырымлы Хамзы 577
Кышлык Хаджи 767
Кюгельхен 696–698, 711, 712
Кяттип Челеби 561, 564
Лавринов 395
Лавров 106, 111, 267, 528, 532, 534
Лагерберг 404
Лайота Басараб 157
Лайэлл 676
Лала Мустафа-паша 295
Ламбердо ди Сабучето 177
Лари 34, 618
Лашкарев 384
Лашков 8, 23, 41, 45–48, 65, 66, 68, 114, 154, 167, 186, 191, 192, 253, 372, 373, 376–384, 409, 413–416, 419, 420, 422–424, 427, 428, 440, 441, 443, 446, 448, 450, 474–480, 486–488, 490–492, 520, 533, 538, 545, 547, 549, 558, 610, 632, 645, 646, 649–653, 658, 660, 768, 811, 830
Лебедев 8, 137, 150, 156, 507, 518, 606, 609, 618, 700
Лебединцев 819
Лезина 67
Леклерк 806
Лемерсье-Келькеже 359, 360, 409, 413, 414
Лемии Челеби 766
Лемьи Челеби 582
Леонтьев И. Ю. 290
Лепер 84, 95
Лепьявко (Лепявко) 132, 247, 790
Лжедмитрий I (Димитрий Иванович) 234–236, 277
Лжедмитрий II 236, 237
Лже-Ивашка II (И. Вергуненок) 263, 530
Лже-Симеон Алексеевич 263
Лисейцев 23, 235, 237, 238
Лобан-Колычев 630
Лобода 99
Ловчиков 392
Логвинова 118
Лоде 664

- Лодыженский 238
 Лопушинская 86, 92, 704
 Лудовико да Болонья 150
 Лузан 286
 Луи-Филипп де Сегюр 665, 672
 Лука Барка 393
 Лукас Дутекум 52
 Лутфи 574
 Лутфуллах (Абдуллатиф) Эфенди (Татар Лутфи) 561
 Лутфуллах (Татар Лутфи, Лутфи) 594
 Лызлов 40, 113
 Лыков 236
 Львов 710–712
 Людовик I 837
 Людовик XV 407
 Лютов 647, 789
 Лютteman 404
 Лютфи-паша 18, 20
 Ля Крустад 534
 Ляйых Мехмед Эфенди 561
 Лянцкоронский 241
 Лясковский 125
 Лятифи 577
 Маашук-князь Канунов 294
 Мавлеш (Мердеш) 832
 Мавля Хосров 639
 Маврина 133, 476, 477
 Мавроени 401
 Маги-салтан 830
 Магмеджар-мурза 26
 Магмедша (Мухаммед-ишан) 833, 834
 Магмет Паша мирза 834
 Магмет-ага 238, 834
 Магмет-Али улан 834, 835
 Магмет-челиби 238
 Магметша-бей 658
 Маевский Веслав 126
 Маевский Ришард 125
 Мазан-Батыр 290
 Мазепа 262, 268, 291, 292, 340, 352, 362–364, 390, 404, 527, 805
 Мазовша 144
 Майами Джанет Мартин 119
 Майко 87, 91–93, 98, 102, 105, 109, 136
 Майхайлов 835
 Майыс Софу 429
 Макарова 86, 91
 МакНил 361
 Маковский 55
 Максимов 290, 343
 Максуд Ага 79
 Максуд Герай (Максуд Гирай, Максуд-Герай, Максуд-Герай) 78, 375, 407, 442, 662, 827
 Мали 458, 491, 493
 Малик Аштер 629
 Малиновский 114
 Малов 23, 24, 233, 318, 442, 499, 500, 830
 Малов С. Е. 440
 Мальгин 371, 376, 387, 399–402
 Мамаевы 311, 312
 Мамай б. Алчагир (Мамай) 206
 Мамай б. Му-са (Мумай-бей) 216
 Мамай-мирза 206, 209, 213
 Мамак 148, 158, 172
 Маман бей 46
 Мамашай б. Агиш 221
 Маметкул Бутаков 309
 Маметша мурза 833
 Мамлюзар 834
 Мамонов 196, 197
 Мамстрюк Темрюкович 309
 Мамышек 829
 Мамышек улан 829
 Мангыт 71, 117, 130, 141, 198, 208, 209, 215, 216, 218, 227, 230, 308, 358, 370, 414, 473–475, 477, 480, 652, 787, 802, 804, 831, 832
 Мангыт-бей 420
 Мансур 47, 71, 140, 227, 290, 379, 414, 416, 428, 450, 460, 473, 480, 832, 838, 839
 Мансур бей 47, 474, 477
 Мансур бин Эдиге 831
 Мансур мурза 286, 290, 474
 Мансур-улан 27
 Мансур-улы 218, 227, 767
 Мансуры (Мансур-оглу, Мансуроглу) 153, 474, 652, 653
 Манфред де Саули 180
 Манштейн 40, 665, 671, 672, 674, 684
 Марголин 116
 Маржарет 788
 Мария 821
 Мария Иванич 151–153
 Мария Мамстрюковна Черкасская 833
 Мария Потоцкая 405
 Маркевич (Арсений Маркевич) 36, 66, 67, 83, 410, 415, 416, 634, 665, 668–670, 677, 680, 681, 683–686
 Марко Бондини 839
 Марко Вениер 839

- Марсилы 358, 362, 839
Мартин Броневский 37, 186, 482, 521, 526, 647, 648, 652, 745, 764, 777, 783, 785, 824
Мартин Вальдземюллер 52, 53
Марцин Бельский (Мартин Бельский) 206
Марьям 93
Маскевич 534
Масса 54, 118
Масуд б. Умар ат-Тафтазани 618
Матвей Меховский 147, 227, 656
Матиаш Корвин 157, 159
Махидевран 297
Махмуд (мутевелли) 619
Махмуд I 20, 354, 397, 558, 605, 609, 628
Махмуд II 165, 632
Махмуд ал-Кефеве 15
Махмуд аль-Кафауви 148, 638
Махмуд аль-Хорезми 772
Махмуд аль-Чагмини 540
Махмуд б. Омер эль-Кырыми 541
Махмуд б. Сулейман Кефеве 577
Махмуд бен Кичи Мухаммад 148, 150
Махмуд бин Сулайман аль-Кафауви 637
Махмуд бин Сулейман Кефеве 561, 579
Махмуд Замахшари 557
Махмуд ибн Вали (Махмуд б. Вали) 155
Махмуд Кашгарлы 761
Махмуд Къырыми (Махмуд Кырымлы) 635
Махмуд Кырымлы 568, 571
Махмуд Мехмед ибни Ярбулды 457
Махмуд Челеби 576, 639, 762
Махмуд эль-Мухзыр 457, 458
Махмуд-ага 612
Махмудек (Махмутаг) (сын Улуг Мухаммада) 148
Маховский 280
Мачей Стрыйковский 124, 242
Маштакова 13, 14
Машук Каноков 297
Маяцкий 323
Меали Кырыми 596, 598
Мебарек Герай 254
Мевкувати Мехмед Эфенди 129
Мевлюд Али Эфенди 430
Мевляна Махмуд эль-Булгари 541
Мевляна Реджеб б. Ибрахим 541
Мевляна Рукнеддин Ахмед б. Мухаммед б. Аб-дульмумин эль-Кырыми 541
Мевляна Шерифеддин 541
Мевляна Шерифеддин б. Кемаль эль-Кырыми 541
Мегляша-мурза 477
Мегмет-Ага-Касым-Паша-Оглу 660
Мегмет-Гирей 266
Медади 596
Мелек Бикеч 483
Мелецкий 333, 796
Мелик 242
Мемеш-бек (Мемеш) 199, 209, 217
Мемиш 458
Менгли Герай I (Менгли-Герай, Менгли-Гирей, Менли Герай царь, Менгли Герай-хан. Менглы-Герай, Бенглы-Герай-султан) 14, 19, 20, 41, 43, 44, 46, 47, 76–78, 103, 107, 127, 128, 153, 156, 158, 159, 162, 166, 172, 196, 199, 201–207, 211, 212, 214, 215, 217, 219, 240, 243–245, 249–252, 257, 293, 303, 351, 354, 365, 410, 426, 434, 436–438, 443, 449, 452, 475, 487, 499, 500, 503–508, 543, 549, 550, 551, 568, 607, 608, 610, 629, 630, 632, 634, 647, 648, 650, 656, 662, 700, 720, 752, 753, 765, 777, 779, 792, 818, 829, 830, 838, 842, 843
Менгли Герай II (Менгли-Герай II, Менгли-Гирей II) 19, 20, 73, 75, 354, 428, 568, 600, 604, 607, 612, 739, 779, 841
Менгли Али Эфенди 554
Менгу 151
Менгу-Темур 155, 169
Мерги 483
Мердеш бин Тениш 232
Меркитские 475
Меркиты 71, 155, 477
Месуд Эфенди 593, 594, 599
Мехмед I 837
Мехмед II (Мехмед II Фатих, Мехмед Фатих) 11, 12, 101, 127, 128, 146, 149, 150, 157, 158, 161, 164, 171, 172, 310, 442, 447, 508, 541, 542, 571, 576
Мехмед Герай III 102, 238, 254, 255, 262, 263, 278, 298, 312, 512–514, 590, 618, 765, 805, 819, 831
Мехмед IV Авджи (Мехмед IV) 77, 322, 342, 344, 543, 544, 548, 586, 601
Мехмед Герай IV (Мехмед Герай IV, Хани, Камиль) 12, 19, 75, 77, 255, 256, 260, 262, 270, 272, 286–300, 305, 306, 320–322, 516, 517, 525, 567, 569, 582, 585, 586, 595, 729, 802, 814, 839
Мехмед Али бин Уста Дервиш 766
Мехмед Бег 595
Мехмед бей 820
Мехмед Джан-эфенди 612
Мехмед Казы-ага 281
Мехмед Кул б. Саид-Ахмед 308

- Мехмед Кырыми 595
 Мехмед Неджати (Мухаммед Неджати эфенди) 115
 Мехмед Нешри 10
 Мехмед Паша 162, 393, 395, 782
 Мехмед Сенаи (Хаджи Мехмед Сенаи, Кырымлы Хаджи Мехмед Сенаи, Хаджи Мухаммед Сенаи Кырымлы) 19, 48, 129, 165, 299, 441, 473, 478, 569, 591, 592, 781
 Мехмед Сюреййа 561
 Мехмед Тахир Брусалы 618
 Мехмед Факри 599, 603
 Мехмед Факри эль-Кырыми эль-Карасуйи 560, 599
 Мехмед Хайдерзаде Фейзи Кефеви 560, 575, 591
 Мехмед Чингизи (Дервиш Мухаммед Герай б. Мубарек Герай Чингизи) 544, 569, 593
 Мехмед Шах-мурза 488
 Мехмед Шах-бей 394
 Мехмед Эфенди (Мехмед-эфенди) 129, 436, 459, 551, 552, 554, 559, 607, 614, 617, 624, 629, 633
 Мехмед Эфенди эль Мугани бин Тевеккуль Хаджи 764
 Мехмед-бей 295, 820
 Мехмед-Герай 9, 77, 129, 162, 166, 202, 252, 253, 254, 256, 271, 279, 287, 294, 296, 298, 299, 305, 306, 309, 310, 312, 359, 364, 368, 436, 506, 507, 516, 543, 548, 593, 599, 606, 610, 611, 792, 804, 830, 832
 Мехмед-Герай (Мехмед), сын Саадета Герая 830
 Мехмед-Мирза 296
 Мехмед-паша Кёпрюлю 342
 Мехмед-Шариф б. Сулейман ал-Кырыми 621
 Мехмед-эфенди (казыаскер) 614, 629, 633
 Мехмед-эфенди Ускюби 616
 Мехмет 250, 774
 Мехмет ага 476
 Мехмет Арпаджи 131
 Мехмет Кадизаде 33
 Мехмет мурза 818
 Мехмет-шах-бей 282
 Мивилль 667, 668
 Милевский 274
 Мильчев 133, 340
 Минаев 336, 338
 Мининков 328, 329, 331, 332, 335, 339
 Миних 395, 397, 607
 Миргалеев 2, 292, 472, 601, 836
 Мирза (сын Тегене) 46, 135–137, 139, 141, 148, 154
 Мирза Казембек 19, 600
 Мирхонд 20
 Мисризаде Ахмед Эфенди 429
 Михаил (архистратиг) 326
 Михаил (сын Жигимонта) 141, 143
 Михаил VIII Палеолог 168
 Михаил Вишневецкий 241, 242
 Михаил Раковицэ 365
 Михаил Романов 238, 833
 Михаил Тышкевич 777
 Михаил Федорович (Михаил Фёдорович Романов) 165, 234, 270, 271, 285, 331
 Михалон Литвин 37, 186, 194, 242, 441, 483, 536, 763, 777, 778, 783, 785, 786, 826
 Могаричев 81, 85, 86, 88, 102, 425, 628, 741, 789
 Могатук-бей 295
 Могила 819
 Моисеев 23, 27, 84, 100, 101, 104, 113, 118, 203, 211, 214, 240, 409, 829, 830
 Мойше 380
 Молл 301
 Мольер 544, 768
 Момай имилдеш 834
 Монла Кырыми 763
 Монтандон 676
 Монтескьё (Монтескье) 405, 545, 827
 Мончак 288, 289
 Моравский Теодор 124
 Моравский Хуссейн 281
 Морозов 205, 506, 517, 613, 614, 620
 Мохаммад I Худабенде 764
 Моше га-Голе 809
 Мошкова 24
 Муавия I 454
 Мубарек Герай 257, 264, 298, 306, 312, 511, 512, 514, 515, 775, 831
 Мубарек Султан Бике 436, 550, 551
 Мудами 622
 Муджеми 76
 Музаффер Урекли 129
 Музаффереддин 540
 Муззофар-султан 208
 Музхиреддин 540
 Мулла Адкульвахид 80
 мулла Бахауддин 634
 мулла Идрис 624
 Мулла Хосров 605
 Мулла Хусейн 617
 Мумин Эфенди 582, 766
 Мундар-мирза (Василий Черкасский, Василий Григорьевич Темрюцкий) 835

- Муравьев-Апостол 676, 681, 758
Мурад 253, 308, 310
Мурад I 453
Мурад I Герай 126, 257, 259, 267, 273, 316, 532, 536, 537
Мурад II 141, 639, 763
Мурад III 42, 43, 296, 610, 764
Мурад IV 10, 186, 590
Мурад Ага 457
Мурад Рамзи 639
Мурадасыл Муслим 749
Мурад-Герай 117, 226, 233, 234, 257, 282, 283, 288, 289, 308–310, 324, 327, 345, 360, 411, 444, 448, 450, 611, 618, 625, 860, 834, 835
Мурасов 599
Мурат 834
Мурат бей Биарсланов 483, 610
Муртаза 155
Муртаза Ага 423
Муртаза-ага 814
Муртаза Али Эфенди 436, 550, 551
Муртаза б. Музаффар 815
Муртаза Кятиб 484
Муртаза Мирза 596
Муртаза-мурза 795
Муртаза Хан 838
Муртаза Эфенди 545
Муртаза-паша 366
Муртаза-эфенди 608
Муртоза-хан б. Ахмед 206
Муса 215
Муса Челеби 489
Муса Шариф Эфенди 641
Муселим 206
Муселли бин Музаффер 457
Мусин-Пушкин 108
Мусла аталык 835
Муслим 557
Муслим ад-дин Нуреддин-Заде (Ибн Нур ад-дин ар-Руми) 639
Муслих ад-Дин аль-Кафави 35
Муслихиддин Саади 597
Муслихиддин Эфенди 552
Мустакимов 40, 42, 43, 153, 154, 330, 773, 805
Мустафа 305, 406, 621, 632, 765
Мустафа (судья) 448
Мустафа II 361, 815
Мустафа III 165, 632, 620
Мустафа ага 450
Мустафа Ага 471
Мустафа Али 20, 154
Мустафа Али Гелиболулу 154, 162
Мустафа Али-эфенди 154
Мустафа б. Мавлюд 620
Мустафа б. Омер (Кара Языджи) 19
Мустафа бен Бахи 33
Мустафа бин Исмаил эфенди 772
Мустафа Мухиббич 613
Мустафа Мюдами (Мустафа бин Ахмед эл-Кырым-и сюмме эл-Кефеве) 572
Мустафа Нуреддин-заде Филибеви 558
Мустафа Рахми (Кырымлы, Татар) 603, 611
Мустафа, кадиаскер 811
Мустафа-ага 327, 406
Мустафа-бий 289
Мустафа-мурза 238, 239, 488
Мустафа-паша 289, 335
Мустеджип Улькюсал 129
Мустофар-султан 206, 207
Мутарриз (Бурхан ад-Дин Абу-л-Фатх Насир б. аби-л-Макарим Абд ас-Сайид б. Али ал-Хорезми) 608
Мутаххар Эфенди 457
Мухаммад (хан) 137–139, 446
Мухаммад ал-Махди 495
Мухаммад аль-Аккирмани 30–32, 34, 35
Мухаммад аль-Кафауви 29–31, 34, 35, 642–644
Мухаммад аль-Масри 34, 641
Мухаммад аль-Сагани 557
Мухаммад ас-Сахави 541
Мухаммад б. Али Ризаи 614
Мухаммад б. Ахмад 613, 614
Мухаммад б. Ахмад Кефеве 613
Мухаммад б. Касим б. Якуб ал-Амаси ар-Руми ал-Ханафи Мухьяаддин б. ал-Хатиб 613
Мухаммад бин аль-Хаджи Хамид аль-Кафауви 642
Мухаммад ибн Муслихуддин (Шейх-заде) 609
Мухаммад Рахимхан (Ферузи) 771
Мухаммед (азакский санджакбей) 805
Мухаммед (Мамед) (царевич) 829
Мухаммед (Пророк) 129, 326, 429, 451, 453, 485, 486, 494, 547, 573, 575, 579, 600, 619, 633, 634, 641, 642, 769, 770, 771, 811
Мухаммед Герай I (Мухаммед-Герай, Мухаммед Герай, Магмед Кирей царь) 213, 216, 217, 227, 229, 230
Мухаммед Герай II 117, 225, 233, 745, 764
Мухаммед IV 285, 331, 334, 335, 473, 591, 765, 810, 815

- Мухаммед ал-Хорезми 540
 Мухаммед б. Абд ар-Рахим б. Ибрахим ал-Кырыми 618
 Мухаммед б. ал-Хадж Хайдар ал-Кефев (Фейзи-эфенди) 615
 Мухаммед б. Дервиш Ибрахим ал-Калшани (Гульшени) 613
 Мухаммед б. Мустафа ал-Аккормани ал-Кефев 615
 Мухаммед б. Хасан аш-Шайбани (Мухаммед) 485
 Мухаммед б. Хумайд ал-Кефев 618
 Мухаммед б. Юсуф б. Мухаммед 618
 Мухаммед Биргиви 556
 Мухаммед Ташкенди 154
 Мухаммед Фазил б. Мустафа Нуруддин б. Сайид Мухаммед Хашим б. Шариф Ахмад ал-Хусайни ал-Кырыми ал-Кефев 614
 Мухаммед Хакани 619
 Мухаммед эль-Хальвети (Каракаш) 598
 Мухаммед-Амин 197
 Мухаммед-бей 101
 Мухаммед-Герай 180, 25, 164, 167, 178, 196–199, 206–209, 213–217, 221, 225, 244, 250, 252, 270, 436–438, 550, 609, 625, 630, 634, 658, 777, 803
 Мухаммед-Гирай II Жирный 737
 Мухаммед-Гирей 154
 Мухаммед-Кальфа 165, 632
 Мухаммед-хан 153
 Мухаммед-шах, сын Бахадыра 621
 Мухаммед-Шах-бей 101, 106, 737
 Мухаммед-Эмин 211, 212, 250
 Мухаммед-эфенди 15, 739
 Мухи д-Дин ибн 'Араби 32
 Мухйиддин Эфенди 552
 Мыкоджуко Падис 296
 Мыц 93, 94, 97, 103, 106, 138, 148, 158, 172
 Мышлишевский 281
 Мэджаджук Тутчерий 296
 Мэнц (Манц) 473
 Мюбарек Герай 201, 294, 611
 Мюнедджим-баши 128, 151
 Мясной 199
 Мясоедов 246
 Наби 597
 Навширванов 66–68, 70, 71
 Нагой 305
 Наджи Ахмед Деде 595
 Надинский 116
 Назеник 834
 Назир бин Абдуллах 458
 Наиб 429, 597
 Наим 582
 Наима 594
 Найман 71, 653
 Наливайко 791
 Нарбутт 152
 Нарушевич 124
 Нарышкин Л. К. 268
 Насими 624
 Насир ад-Дин ат-Туси 556
 Насух Халифе 555
 Насыр Али 597
 Наум Васнев 835
 Науменко 81, 84, 86–88, 90, 94–97, 99, 100, 102, 104, 111
 Науруз бен Идегей (Науруз) 141
 Нев'и 584
 Невизаде Атаи 35
 Негри 72, 149, 200, 201, 565, 601, 815
 Неджати 624
 Неджати Челеби (Кятиби) 582, 766
 Неджмеддин Исхак б. Исмаил эл-Кырыми 542
 Недзвецкий 124
 Недим Челеби 582, 766
 Некрасов 23, 115, 117, 151, 155, 162, 164, 200, 294, 302, 311, 350, 414, 535, 537
 Некрасов (А. М.) 117, 305, 409, 535
 Некрасов И. 340, 820
 Некрасов С. 665, 678, 721, 723, 749
 Немет 151
 Неплюев 821
 Несими 574
 Нефи 595, 597
 Нешри 10, 11, 20
 Никифор Григора 169
 Никифоров 398, 658, 812, 821
 Николай Потоцкий 587, 588
 Николай Радзивилл («Малютка») 55
 Николас Витсен (Николаус Витсен, Николас Корнелизон Витсен) 38, 61, 612, 657
 Николе 534
 Никольский 116, 494–497, 754
 Ниматаллах Руми 611, 618
 Нима-Церен 286
 Новак 126, 127
 Новгородцев 821
 Новосельский 116, 117, 239, 255, 260, 262, 263, 265, 270, 271, 278, 289, 307, 309, 311, 312, 332–334, 343, 348, 357, 403, 476, 666, 774, 790, 791, 802, 805

- Новосильцев 223, 309
Ногай 64, 118, 119, 169, 193, 196–200, 202–213, 215–227, 229, 230, 237, 254, 258, 262, 265, 268, 270, 271, 274, 282, 285–292, 296–300, 302, 304, 305, 307–313, 316, 327, 332–335, 339, 340, 345, 350, 351, 353–371, 373–375, 377, 378, 381, 383, 384, 387, 388, 390–392, 395, 396, 398–404, 407–409, 412, 417–420, 424, 425, 438, 445, 450, 460, 527, 528, 553, 596, 598, 601, 602, 623–625, 627, 645, 652–654, 744, 745, 748, 761–763, 765, 776, 786, 790–792, 798, 801–805, 807, 808, 823, 828, 830, 831, 833, 837–841
Ногай оглу (Ногайские) 477
Номан Герай султан 79
Нуман Эбу Сехль Салихзаде 604
Нурадин оглу 45, 154, 220, 223–225, 227, 266, 358, 364–368, 370, 391, 401
Нурдевлет 164
Нур-Девлет (Нур-Довлат, Нур-Даулет) 153, 172, 305, 502, 503, 505, 828, 829, 832
Нур-Джихан 623
Нуреттин Агай 128
Нури Кавак 68, 130, 268, 423, 460, 537, 539, 548, 551, 559, 620, 683
Нури Эфенди (Кырымлыоглу) 554
Нурмамет 262
Нур-Султан 114
Нур-Султан (Нур-Султан Хани), дочь Сахиба Герая 15, 47, 211–214, 535, 577
Нурузан Осман Челеби 766
Нух (Ной) 603
Оболенский 802, 831
Обри де ля Мотрэ (Обри де ля Мотре, Абри де ла Мотрэ) 302, 479
Ованис 462
Одровонж 147
Озалп Гокбильгин 128, 129
Озге Тограл 130
Оздемир-оглу Осман-паша (Осман-паша Оздемироглу) 296
Озенбашлы 494
Озетгин Айше Мелек 131
Озтюрк 8, 129, 432, 794
Окас-мурза (Ваккас-мурза) 227
Олельк Владимирович 147
Олесницкий 248, 619
Олешко 528
Олифер 333
Олобей 147, 148
Омар 451, 621, 626
Омар II 493
Омар ибн-Хаттаб I 811
Омар Хайям 597
Омейяды 20, 606
Омейяды 451, 454
Омер 453, 612, 722
Омер Бесим Кырыми 604
Омер Быйык 68, 130, 431, 432, 435, 653
Омер Накши 75
Омер Нефи 595
Омер Эфенди 561
Омера Бийик (Омер Быйык) 747
Опара 322
Ордин-Нащокин 261
Орешкова 166, 298, 300, 341, 342, 349, 371, 373, 385, 387, 388, 393, 394, 400, 404, 416, 418, 441, 442, 448
Орке 835
Ор-Мембет-оглу 554
Ортекин 128, 257
Ортелий 53, 54, 825
Осман 78, 128, 166
Осман I (Султан Осман Гази) 42
Осман II 254
Осман III 356, 610
Осман Гази 587
Осман Куркчи 495, 497
Осман Кюнхи 604
Осман Шехди 613
Осман Эфенди 561, 596
Османов 426, 726
Османы 11, 18, 38, 49, 65, 66, 146, 147, 160, 161, 166, 167, 176, 183, 187, 191, 192, 195, 198, 202, 223, 251–253, 274, 285, 303, 332, 345, 346, 348, 349, 358, 362, 376, 378, 391, 393, 403–405, 409, 412, 418, 435, 449, 450, 586, 799, 800, 815, 820, 837, 838
Оссолинский 276, 315
Остапчук 16, 18, 578, 626, 793, 799
Остерман 395, 439, 768, 773
Острожский 242, 796
Острожский К. И. 790
Отай бин Юнус 458
Оттенс Йошуа 61
Оттенс Ренье 61
Охлябин 832
Охманьский 126, 790
Оша-солтан 831
Ошерин 215
Павел I 620

- Павел Алеппский (Халепли Пауль) 839
 Павел Юстен 260
 Паевский 126
 Палдо 711, 712
 Палей 339
 Паллас 304, 359, 437, 439, 477, 478, 536, 549, 645, 647, 649, 650, 651, 673, 675, 676, 680, 692, 706, 710–713, 737, 746, 758
 Панин 382, 802, 819
 Паньков 538
 Паолино Дория 169
 Паоло Джовио 52
 Патрик Гордон 261
 Патрон Халил 479
 Пахом Алабедеев 835
 Пашай мирза Куликов 105, 834
 Пашаоглу (Дерин) 601, 539, 553
 Пащенко 380
 Пейсонель (де Пейссоннель) 354, 421, 422, 744, 746
 Пенской 118, 309, 777, 778, 780, 783, 784, 786, 787, 795
 Первиз эль-мухзыр 459
 Первиз эль-Мухзыр 457
 Периханян 486
 Периш ага 314
 Перхуров 325
 Петкевич 315
 Петр 248
 Петр (Лжепетр) (царевич-самозванец) 235, 236
 Петр I (Петр Алексеевич) 38, 60, 61, 248, 267, 269, 282, 352, 353, 362–364, 366, 393, 403, 404, 407, 827
 Петр II (молдавский господарь) 143, 144
 Петр III 406
 Пётр Петрей 237
 Петров 328, 400, 401, 505, 692, 694, 810
 Петров В. 677, 685
 Петру III Арон 147, 149
 Петру Рареш (Петр Рареш) 17, 18, 245
 Петрухинцев 388, 396, 397
 Петухов 121
 Печеви 186, 200, 298
 Пиворович 505, 507
 Пилипчук 36, 133, 240, 308, 352, 406
 Пири 76, 596
 Пири Реис 50
 Пир-Мехмед Ага (Пири, Куфри) 596
 Писемский 231
 Питтери 64
 Питц 389
 Пичета 116
 Плевчинский 127
 Плетнева 788
 Погосский 664
 Подхородецкий 126, 239, 246, 474, 530, 532, 538
 Поздышев 327
 Покрышкин 84
 Пономарев 86, 87, 90, 135–140, 145, 150, 171, 180
 Попов 665
 Посников 348
 Потемкин 382, 384, 385, 547, 657–660
 Потемкин-Таврический (Потемкин) 186, 372
 Потоцкий 314, 381
 Потоцкий Стефан 588
 Почекаев 203, 260, 371, 398, 409, 414, 440, 444
 Пражмовский 322
 Приклонский 305
 Прицак 119, 318
 Прозоровский 378, 383, 538, 774, 775, 817
 Прончищев 332
 Прохоров 427, 793, 800, 808, 810
 Психея 152
 Пулад 135, 155
 Пулаский 124, 818
 Пургасов 237, 238
 Пурсоньяк 544
 Пушкарев 398, 518
 Пшеапшока Кайтукин (Пшеапшоко Кайтукин) 295, 297, 308
 Пьер Делонэ 590
 Пьер Руффен 39, 827
 Пьер Шевалье 533
 Пьер-Люк Форнетти 408
 Пясечинский 791
 Рабби Азария 372, 379, 380–382, 811, 812
 Рабие 536
 Равита-Гавроньский 124
 Рагыб-Ассеид-Мохаммед-паша 21
 Рагыб-паша 624
 Раджаб 620, 625
 Раджаб аль-Буркаи 635
 Радзивилл Остикевич 55, 142, 146, 147, 264
 Радлов 71, 137
 Радцов 238
 Разие бинти Алынды 458
 Разин 327
 Разумовский 821
 Ракович 346
 Рамазан-ага 255

- Рафаэле де Монтероссо (Монтерубро) 149
Рахим 153
Рахимзянов 119, 203
Рахман-кола 806
Рахми Мустафа-эфенди 603
Рашба 792
Рашид 594
Реденс 153
Реджеб-бек 453
Реджеб Деде 559
Реджеб Сефер Али 782
Реджеб Суфи 457
Реджеб Челеби 766
Реджеб Эфенди 551
Реджинальд Поул-Кару 828
Реджинальд Хебер 680
Редхаус 566
Редько 675
Резми 257, 564, 583, 597
Рейхман 125
Ремал-ходжа (Нидаи Реммал-ходжа, Кай-суни-заде Нидаи, Реммаль Ходжа, Реммаль-Ходжа, Кайсунизаде Ремаль Ходжа, Бадр ад-Дин Мухаммед б. Мухаммед Кайсуни-заде Нидаи-эфенди, Нидаи-эфенди, Хеким Мехмед Недаи) 14–20, 22, 115, 128, 129, 165, 166, 176, 200, 210, 441, 473, 528, 543, 552, 566, 577–579, 601, 602, 613, 629, 633, 657, 661, 753, 792
Ретовский 142, 144, 145, 167, 498, 518
Решидов (Джаманаклы) 568, 587
Ридван-паша 590, 595
Риза 19, 20, 44, 166, 216, 565, 571, 584, 585, 594, 600, 601, 632, 634
Ризван 775
Ризван-паша 10, 167
Ризы 44, 564, 565, 583, 591, 593, 594, 601, 602
Рязи 576
Роберт Кроски 120
Робинсон 660
Рогович 127
Рогожин 23–25, 186
Романовы 259, 263, 265, 662
Ромодановский 326, 343
Ромозан слепой 834
Рондо 776
Рукн ад-Дин ал-Хасан б. Мухаммад ал-Астарабанди 618
Руктемир-бей 45, 46
Румянцев-Задунайский (Румянцев) 372, 378, 379, 383, 819
Русан-бек (Урусан-бек) 834
Русина 242
Русланов 259
Руссен 694–696, 702
Рустемов 9, 41, 65, 68, 419, 440–442, 446, 451, 456, 482–484, 488, 489, 491, 492, 527, 530, 536, 765, 775, 778, 779, 781, 782, 794, 800
Руффин 768
Рыбалкин 485, 492, 617
Рыза 576, 597
Рызайи 582
Рюмшин 118
Рюсс 123
Саадет Герай I (Сеадет-Гирей I, Саидет Кирей царь, Саадет Герай-султан) 209, 240, 242, 535, 543, 572, 783
Саадет Герай II 310, 831
Саадет Герай 30, 44, 78, 198–200, 209, 213, 217, 309, 311, 353, 363, 367, 369, 583, 611, 617, 619, 623, 630, 830, 834
Саадет Герай (Ариф) 583
Саадет Герай IV 353, 596, 597, 602
Саадет-Гирей III 553, 611
Саади 577, 590, 620, 622
Саади Кырыми 564
Саади-и Кырыми 583
Сабиров 771, 772
Сагайдачный 239, 263
Са'д ад-Дин ат-Тафтазани 639
Садеддин 540, 616
Садиков 224, 309
Садр ад-Дин аль-Кунави 32
Садр аш-Шариа 556, 557, 608
Садр аш-Шехид Хюсам ад-Дин Омер б. Абд ал-Азиз ал-Бухари 606
Садык-ага 346
Саиб 597
Саид б. Реджеб эль-Кырыми 540
Саид Герай (Саид Герай султан) 129, 544, 552–554, 559, 561, 565, 569, 574, 595–599, 602, 603, 607, 608, 612, 617, 767
Саид Риза 292
Саид-Ахмед 207, 216, 218, 308, 310, 311
Саид-Ахмед (Саид-Ахмед, Саид-Ахмед-мирза, Саид-Ахмед б. Муса, Саид-Ахмед-бий) 206, 208, 215, 218, 221
Саид-Мухаммед Риза (Мухаммед Риза) 216
Сайдар-паша 311
Сайид-Ахмат I 136
Сайид-Ахмат II 141–149

- Сайф ад-Дин аль-Кашиф 636
 Сакиб Деде 585
 Саламет-Гирей (Саламет), сын Саадет-Гирея 830
 Салах ад-Дин 167
 Салгирские (Салгир) 45, 69, 90, 167, 304, 421, 422, 476, 477, 480, 598, 649, 699, 811
 Салим 564
 Салих Герай 611, 619
 Салих Кефеве 564
 Салман Фариси 495
 Салмаш 298
 Салтангул 835
 Салтыков 390
 Салтыков Л. А. 230
 Сальников 118
 Сами Эфенди (Сами-эфенди) 558
 Самойлович 115, 116, 315, 343, 346, 496, 533, 622
 Самусь 339
 Санин 116, 164, 165, 228, 260, 279, 280, 287, 319, 350, 362, 387, 389, 391, 392, 393, 395, 396, 403, 814
 Сантури Али Бей 766
 Сари Салтук 634, 635
 Саркисьянц 123
 Сарницкий 816
 Сар-Шалом 812
 Сары Мехмед-эфенди 617
 Сарыджа 128
 Сарын (Салым?) мирза 834
 Сары-Салтук 634
 Сатук 296
 Саты 226
 Сатылган 828, 829
 Сауд 31, 34
 Сафа Герай I (Сафа Герай-султан) 257, 476, 544
 Сафа Герай 18, 213, 214, 230, 233, 284, 310, 478, 544, 585, 593, 629, 737, 830, 834
 Сафаи 564
 Сафайи 583, 585
 Сахиб Герай I (Сахиб Герай, Сахиб-Герай, Сахиб-Герай-хан) 6, 14–19, 22, 44, 77, 79, 92, 98, 115, 128, 129, 164–166, 176, 197–201, 208, 210, 212–214, 218–220, 229, 230, 244–246, 250, 295, 302, 303, 305, 309, 372–373, 375–378, 401, 416, 426, 436, 438, 439, 441, 472–476, 489, 507, 508, 524, 528, 535, 549, 550–552, 566, 569, 572, 576–579, 591, 592, 602, 607, 608, 610, 614, 629, 631, 633, 614, 651, 652, 654, 656, 657, 661, 662, 666, 718, 725, 751, 753, 763, 765, 771, 775, 780–783, 787, 789, 792, 795, 802, 805, 811, 830, 838, 842
 Сахиб Герай II (Сахиб Герай II) 73, 75, 117, 373, 376–378, 381–383, 401, 402, 448, 477, 781, 815, 816
 Свешников 320
 Свидерский 530
 Свидригайло 141
 Свиньин 676, 677, 685
 Сеадет Герай I 229, 230, 475
 Сеадет-Гирей II 233
 Себастьян Мюнстер 52, 53
 Себок-князь Кансауков 294
 Седжеут (Сиджиут, Седжеуты, Сиджувут, Седжиуты, Сиджеуты) 47, 48, 414, 460, 473, 475, 480, 481, 804,
 Сеит Джемилъ 632
 Сеит Оглан Карасубашинские 45
 Сеит-Гази 235, 236
 Сейдалиев 2, 81, 88, 98, 102–105, 426, 480, 645, 655, 692, 737, 739, 741, 777–779, 786
 Сейдамет 750
 Сейид Абдулла Рамиз-эфенди 611
 Сейид Ахмед 292, 542, 832
 Сейид Ахмед б. Сейид Абдулла Кырыми 541, 611
 Сейид Ахмед-челеби 496
 Сейид Муса Келими 583
 Сейид Мухаммед Риза (Сейид Мухаммед Риза, Мухаммад Риза) 20, 22, 115, 129, 130, 152, 153, 166, 397, 403, 473, 565, 569, 580, 584–586, 600–602
 Сейид Осман 620
 Сейид Осман (Сейид Осман Куркчи) 497
 Сейид Хафиз Осман Рушди бин Хидает эль-Анкарави 772
 Сейид Шериф 619
 Сейид Ахмед-эфенди 9
 Сейид Абдуннафи Челеби 559
 Сейид Ахмед Кырыми 542, 561, 571
 Сейид Дервиш Мехмед(-Деде) Кефеве (Шефии) 594
 Сейтак 158
 Сейт-Маметов 127, 128, 409, 417
 Сейтумеров 72, 88, 101, 425, 649, 743
 Сейтхалилова 800
 Сейтягьяев 10, 12, 13, 48, 153, 552, 561, 563, 567, 570, 578, 579, 590–594, 599–603, 611, 616
 Секкаки 556, 557
 Селамет-Герай 233
 Селим 14, 167, 257, 543–545, 709–713
 Селим Герай I (Хаджи Селим Герай, Хаджи Селим Гирай, Эль-хадж Селим Гирай хан, Хаджи Се-

- лим-Гирей хан) 74, 256, 257, 259, 263, 266, 267, 273, 281, 284, 290, 291, 306, 316, 323, 325, 327, 328, 339, 351, 353, 355, 410, 433, 439, 448, 528, 534, 537, 582, 583, 585, 594, 595, 609, 614, 628, 629, 662, 675, 766, 773, 811
- Селим I Явуз (Селим Явуз, Селим I) 165, 166, 173, 250, 595
- Селим II 14, 42, 78, 202, 716, 771, 805
- Селим Герай III (Селим-Гирей III) 73, 284, 357, 372, 378, 381, 383, 399–401, 418, 488, 544, 602, 780
- Селим Диване Кыргызлы 29, 34, 603, 604
- Селим III 32, 543
- Селим Эфенди 482, 552
- Селим Герай II (Селим II Гирай) 74, 79, 102, 398, 399, 616
- Сельджуки 452
- Сельджукиды 20, 165
- Семямет Герай I (Семямет Гирай, Семямет Герай-хан, Саламат-Гирей) 20, 99, 116, 236, 237, 254, 255, 299, 355, 510, 515, 516, 548, 587, 605, 609, 612, 628, 675, 707, 719, 750, 775, 810
- Семямет Герай II (Семямет Гирей II, Семямет-Гирей II) 73, 78, 79, 354, 405, 558, 601, 609, 628, 674, 767, 768
- Семямет-бей 79
- Семямет-Эфенди Шейхзаде 495
- Сеями 582
- Семен (посол) 140
- Семен (сын Олелька Владимировича) 147
- Семен (толмач) 326
- Семен Багридов 835
- Семен Бельский 18
- Семен Олелькович 146
- Семенов 157, 158
- Семенсима 835
- Сенгерей Актусеренов 291
- Сенестрари 146
- Сенко Тутаев 26
- Сенчюра Байкешев 775
- Сень 2, 118, 306, 313, 324, 325, 327, 329, 330, 335, 338–340, 354, 363, 366, 367, 371, 372, 381, 383, 385, 386, 391, 395, 396, 400, 401, 409, 417, 418, 446, 447, 537, 820
- Серафим 815
- Серкан Аджар 129
- Серко (Сирко) 290, 316, 326, 334–337, 343, 531
- Серчик 125, 126
- Сефевиды 251, 253, 452
- Сефер Гази-ага (Сефер Гази Ага, Субхан-Газа Ага, Сефер-Газы ага) 19, 80, 255, 260, 262, 265, 279, 280, 288, 415, 432, 434, 437, 438, 591, 592, 596
- Сефер Гази Ага Заде Мехеммед Мирза 469
- Сефер Халифе ибни Бешир 457
- Сефер-ага 360
- Сефер-Газы 834
- Сеферь 236
- Сеядет-Герай 351
- Сигизмунд I 215, 243, 245, 246, 790
- Сигизмунд II Август 245
- Сигизмунд Герберштейн (Сигизмунд фон Герберштейн, С. Герберштейн) 38, 777, 778, 785, 824, 825
- Сигизмунд III 56, 237, 238, 278
- Сидоренко 425, 499, 500, 508, 647, 800, 816
- Силахдар Мехмед-паша 395
- Сияхдар Мехмед Ага 594
- Симон Гарибальди 818
- Синан (Ходжа Синан, Ходжа Мимар Синан, Коджа Мимар Синан-ага ибн Абд ал-Миннан, Коджи Мимар Синан) 80, 431, 432, 551, 573, 616, 628, 694, 709, 713, 742, 751
- Синан Эфенди 615
- Сирадж ад-Дин аль-Кырыми 637
- Сирадж ад-Дин аль-Хаджи Тархани 32
- Сирополо 439, 773
- Систо Чентурионе 159
- Сиявуш-паша 299
- Скадер 404
- Скорупа 277
- Смирнов В. Д. (Василий Дмитриевич Смирнов) 9, 10, 18–21, 47, 68, 114–116, 138, 145, 151–153, 155, 158, 162–164, 166, 167, 197, 198, 235, 256, 257, 270, 283, 285, 286, 291, 296, 299, 300, 303, 306, 331, 344, 345, 351–355, 357, 359, 360, 371, 373, 376–382, 384, 387, 395, 397, 403, 404, 409, 412–414, 418, 426, 438, 440–444, 447, 448, 450, 476, 566, 573, 591, 593, 600, 601, 609, 610, 614, 616, 623, 624, 629, 632–634, 763, 786, 792, 810, 811, 815, 829
- Смирнов И. И. 198
- Смирнов Н. А. 116
- Сойсал 7, 569
- Сокирко 132
- Соловьев 114, 228, 348, 375, 396, 397, 400, 401, 528, 657, 665, 671, 684, 834
- Солом-Церен 291
- Солтан (сын Сайид-Ахмата II) 146
- Солтангул Мамгай 834
- Сотцманн 64

- София Потоцкая (Витт) 406
Софья (Софья Алексеевна) 269
Сохраб эфенди 436
Сохраба Эфенди 548
Спешнёв Исаак 238
Спинола 140, 818
Сталь 296
Станислав Лещинский (Станислав I Лещинский) 352, 353, 391
Станислав-Август (Станислав-Август Понятовский) 406, 442
Стефан Баторий 247, 648, 745, 764, 777
Стороженко 132, 242, 315
Студицкий 155
Суворов 372, 382, 384, 624, 812
Судаков 775
Сулайман ал-Амаш ал-Куфи 495–496
Сулейма б. Итре б. Селеме 454
Сулейман I (Шехзаде Сулейман, Сулейман Великолепный, Сулейман Кануни, Мухибби) 18, 164, 184, 185, 203, 208, 246, 522, 542, 543, 639, 709, 742, 839
Сулейман I Кануни 173, 447, 543
Сулейман ага 279
Сулейман Эфенди 554
Сулейман-паша 666
Сулеш (Сулейман-ишан) 833
Сулеш Перекопский 834
Сулеш Яшлавский (Сулеш-мурза Яшлавский) 26
Сулешев Ибрагим паша 834
Сулешев Янша (Янша-Паша) 833
Сулешевы 414
Сулешов Ахмед паша 834
Сулешов Василий Яншеевич (Маметша) 833, 835
Сулешов Ибрагим 835
Сулешов Юрий Яншеевич 833
Сулименко (Сулимка) 339
Султан-Ахмед-мирза 204
Султан-Гельди Мурза 588
Султан-Мамбет 367, 368
Сумароков 194, 195, 360, 613, 667, 683, 692, 711, 748
Суперанская 653
Сурайи 641
Сурб Ахмеда Челеби 766
Сургаи аталык 307
Суховий (Ашпат-мурза, Шамай) 272, 322, 326, 328, 329, 336, 339
Сухотин 346
Сухраб бек ибни Абдуллах 458
Сымикей 835
Сыроечковский 116, 145, 196, 197, 409, 414–416, 474, 628, 630, 656
Сюрури 622
Сююн-бике 830
Сююндюк Тулусупов 27
Таб'и 583
Табанаджи Ахмед Ага 545
Таби 564
Таввакул бин Тимур бин Мансур бин Эдиге 832
Тавукчу 597
Тагрибирди 248
Тазартуковы 297
Таикбелди 210
Тайбугиды 445
Тайганские 45, 475
Такай абыз 835
Такбулат 834
Таки ад-Дин аль-Макризи 35
Талиб 597
Талиби Кефеви 577, 586
Талышман аталык 26
Тамагулы Крымтай 477
Танбури Мехмед 766
Танбури Рамазан Ага 437
Тансель 569
Тарас Федорович 333
Тарас Черный 333
Тарасов 348
Тарзатык 305
Тарзатык-мирза 294
Таркан 560, 769
Тарсини 594
Тартюфф 544
Тасин Джемиль 836
Татар-мурза Черкасский 305
Татаров 219
Тахир б. Ислам ал-Хварезми 616
Ташкёпрюлюзаде 564
Таш-Тимур 128, 137, 138, 140, 142, 152
Тверитинова 605
Тевекелев (Деветелев, Теукечев, Теукелев, Теукчев, Тевекелевич) 832
Тевекелевы 832
Тевшин (Тениш) 832
Тегене (Тегене Ширин) 46, 135–137, 139, 141, 142, 148, 154
Тезик-улу-ага 834
Текей аталык 834
Текей-ага 288

- Тельмач 524
Темир 47, 117
Темир б. Дин-суфи 630
Темир-ага 477
Темир-Ходжи 146, 171
Темрюк Идаров 231, 295, 297, 308
Темур Гази бин АбдуЛлах 537
Тенилов 685, 686
Теодор Мундт 405
Теодорик Бучацкий 143
Теодорчук 126
Терсенис 404
Тесленко 86, 87, 92, 105, 108–112
Тетеря 322
Тимм 686
Тымив 132
Тимофеев 835
Тимофей Анкудинов 263
Тимур (Темир) 47, 248, 778
Тимур (Тимурленк) 248
Тимур б. Мансур 227, 832
Тимуриды 445
Тимур-Кутлуг 135
Тимур-хан 135, 136
Тимченко 72, 434
Тинмамметевы 226
Тирьяки Хаджи Мехмед-паша 399
Тис-Крохмалюк 131
Тиханова 95
Тихой 269
Тихон Тимофеев сын Килеев 835
Тогай-бек (Тугай бей) 545, 592
Тогалдый мырза Аппаков 27
Тогалды-мурза Яшлавский 26
Тоган 44
Тогрул 165, 452
Тоишев 26
Токта 625
Токтамыш Герай (Тохтамыш Герай, Токтамыш-Герай, Тохтамыш-Герай) 78, 118, 236, 271, 282, 378, 582, 779
Токтамыш Герай султан 73, 585
Токтамышевичи 136
Токсаба-улы 763
Толбулдук Черкасский 305
Толстой 340, 389, 392
Толун 594
Томач 26
Тохта-мурза 294
Тохтамыш (Тохтамыш-хан, Токтамыш, Тактамыш) 45, 46, 135–137, 151, 153–155, 171, 248, 365, 427, 501, 587, 625, 651
Тохтамыш Герай I 254
Тохтамыш б. Шейх-Аулиар 221
Тохтар улан 835
Трепавлов 2, 47, 117, 151, 208, 209, 215, 262, 278, 297, 307–312, 357, 409, 445, 656, 802, 803, 832
Трофим Волошенин 327
Тугаринов 383
Туглу-бей 137, 138
Тукай-Тимур (Тука-Тимур) 154, 155, 169, 842
Тукай-Тимуриды (Тука-Тимуриды) 137, 154, 829
Тук-Буга 155
Тулупов 833
Туманский 726
Тунманн 192–194, 409, 415, 422, 424, 426–428, 478, 479, 632, 645, 647, 648, 650, 651, 654, 780, 811, 816
Тур 813
Тургенев 211
Туренин 312
Турсун-бей (Турсун-бей б. Хамза-бей) 10, 11
Тутай Черкашенин 27
Тюлек Тимур (Тюлек-Тимур) 128, 540
Тюлек-Тимур-Бек 705
Тяпкин 346, 347, 410, 411, 414, 415, 805
Убайдаллах Садр аш-Шариа 608
Уваров 95
Удем-бек 209
Узбек 52, 85, 98, 106, 154, 435, 452, 540, 550, 635, 647, 693, 698, 699, 706, 740
Узденниковы 477
Уздень Черик бей 477
Узун Шемс Эфенди 552
Узунчаршилы 130
Уильям Итон 39, 824
Уйсал 570
Уйсала 590
Уколов 338
Улановы 475
Улуг Мухаммад (Улуг-Мухаммад, Улуг-Мухаммед-хан) 137–144, 148, 154–156, 172, 212, 248
Улуг Мухаммад бен Ичкиле Хасан 138
Улу-Мухаммед 171
Уляницкий 371, 372
Умар ан-Насафи 638
Умарек Герай 290
Умму-Гульсум 433
Унковский 314
Уразлыевы дети 221

- Ураз-Мухаммед 224
 Урак 207, 390
 Урак б. Алчагир (Урак) 218
 Ураковы 288, 296, 311, 312
 Уран-Тимур (Оран-Тимур) 151, 155, 169
 Урмави 556
 Урмаметовы (Урмаметевы) 226, 227, 286, 288
 Урудж 10, 11
 Урузван-капучей 783
 Урус 221, 223–226, 310, 311
 Урус-мирза 223
 Урфи 597
 Усам ад-Дин Ибрахим б. Арабшах Исфараини 617
 Усеин Хаджи 478
 Усеин Ширин 148
 Усеинов (Конуратлы) 570, 592
 Усеинов Т. 537, 570, 573, 619, 622, 636, 644
 Усек 218
 Усманов 2, 6, 41, 42, 69, 120, 137, 145, 441, 442, 446, 608, 609, 624, 625, 771
 Усму Ахмед хан 782
 Утемиш 221, 834
 Утемиш-Герай (Утямиш-Гирей бин Сафа-Гирей, Александр Сафакиреевич) 221
 Утемиш-хаджи 135, 136, 141, 154, 155, 227, 249, 292, 293
 Утемиш-хаджи б. мауланы Мухаммеда Досты 20
 Ушаков 93, 235, 236
 Фадеева 676, 754
 Фазлы Челеби 766
 Фазлыоглу 540
 Фазыл Ахмед паша (Фазыл Ахмет-паша) 272, 342
 Фаизов 201, 259, 331, 332, 334, 337, 375, 410, 415, 417, 440, 531, 626, 755
 Фаизханов 7, 41, 114
 Фарид ад-Дин аль-Аттар 621, 636
 Фататри 618
 Фатима 623
 Фатима (дочь Пророка Мухаммада) 619
 Фатиме 497
 Фатин 564
 Фатма 305, 464, 535
 Фахр ад-Дин ал-Хасан б. Мансур ал-Фаргани Казихан 615
 Фахр ад-Дин аль-Хуризми 637
 Фахр ад-Дин Рази 608
 Февзи Курдоглу 127
 Феври 616
 Федерико Пьяццалунга 168
 Федор Алексеевич 360
 Федор Васильевич Лопата 26
 Федор Иоанович 55, 233, 234
 Федор Ильин сын Челищев 26
 Федор Михалович Мстиславский 26
 Федор Нагой 307
 Федорук 133
 Федцов 26, 27, 230
 Фезла ага 476
 Фейзи Кефевы (Хайдер-заде Мехмед Фейзи Кефевы) 560, 561, 574–577, 580, 591, 597, 601
 Фейзула-эфенди 448, 611
 Фейзуллах ибн Дервиш Эфенди ибн эль-Хадж Ахмед Эфенди 772
 Фейзулла-Эфенди 29
 Феми Йылмаз 130
 Фенари 556
 Фенди (Канди) 577
 Ференаз 835
 Феридун Ахмед-бей 42
 Феридун-бей 17
 Фернан Дурадо 51
 Ферран 407, 410, 417, 439, 441, 449, 744, 773
 Фетинья (Басманова) 833
 Фетислямов 568, 587
 Фетх Герай I (Фетх Герай б. Девлет Герай, Фетих Герай, Фетх Герай, Фатх-Герай) 20, 73, 167, 202, 234, 241, 243, 254, 256, 309, 446, 450, 765, 780, 781
 Фетх-Гирей II 20
 Фетхи 80, 582
 Фехми Йылмаз 9
 Физули 624
 Филипп Орлик 364
 Филиппенко 93
 Филиппо Мария Висконти 141
 Финдайзен Ната 46
 Финдайзен Ханс 46
 Фирдоуси 20, 592, 610
 Фиркович 145, 257, 440, 442
 Флоря 235, 237, 238, 262, 264, 266, 269, 272, 278, 318, 322, 330, 333, 336, 337, 341–344, 346
 Фок 657
 Фома Кречнев 531
 Фомин 83, 84, 99
 фон Редерн 828
 фон Штерн 84, 90
 Фон-дер-Гольц 768
 Фра Мауро 50
 Франко 566, 573
 Франсуа де Тотт 39, 406–408, 441, 444, 544, 768, 825, 827

- Франц Хогенбергер 52
Франческо Альгаротти 39, 646, 828
Франческо Балдуччи Пеголотти 182
Фредерико Спинола 140
Фридрих II Великий 405
Фридрих III 143
Фридрих II 369, 405, 406
Фролов 610
Фуад Кёпрюлю 607
Фуад Кёпрюлю-заде 767
Физули 624
Фундуклулу 291
Фуруги Челеби 604
Хабибулла Керем 622
Хабибуллин 117
Хабине 128
Хадже Ахмед Садык Ташкенди 576
Хаджи 76, 152, 705
Хаджи Герай II 257, 273, 429, 517
Хаджи Абдулла б. Курман Али Хаджи 616
Хаджи Абибулла Эфенди 555
Хаджи Али-паши 78, 79
Хаджи Байрам 464, 483
Хаджи Бекир 78
Хаджи Гази 436, 548
Хаджи Гази (Деббаг эль-Хадж Шах Гази Ага) 548
Хаджи Герай (Хаджи Гирай) 10, 16, 22, 46, 76, 85, 103, 104, 106, 107, 127–129, 138, 141–150, 171, 172, 249, 257, 283, 292, 293, 305, 309, 398, 399, 410, 425, 426, 498–502, 504, 505, 584, 608, 628, 647, 648, 721, 734, 735, 740, 741, 752, 789, 828, 829, 842, 843
Хаджи Дервиш Мехмед Ага 438
Хаджи Казак 458
Хаджи Казы-ага 658
Хаджи Кенан 78
Хаджи Курман Эфенди 554
Хаджи Мехмед Эфенди 554
Хаджи Мусалли 775
Хаджи Муселли Ага 453
Хаджи Осман Акай 664
Хаджи Садэдин 161
Хаджи Салих 75, 431
Хаджи Сефер 484
Хаджи Хайрулла б. Мухаммед Садык ал-Хисари 620, 625
Хаджи Халил 75
Хаджи Хальфа 620, 621
Хаджи Хамид 642
Хаджи Хасан 493
Хаджи Юсуф 489, 619
Хаджи-Али-бей 376
Хаджибай Эфенди 245? 554
Хаджи-бек Ширин 448
Хаджике (Азик) бин Дин-Суфи 832
Хаджике-султан 206
Хаджи-Мухаммед 19
Хаджи-Мухаммед (Хаджи-Мухаммед-мирза) 209
Хаджи-Мухаммед б. Муса 217–219
Хаджи-Нияз 204
Хаджи-султан 630
Хадиджа 629
Хадиди 10–12, 165
Хадым-Ибрахим-паша 21
Хайдар (Хайдер) 153, 158, 159, 524, 828
Хайдар-заде 591
Хайдарлы 365, 377, 418, 792
Хайдер Халифе бин Абдуллах 458
Хайдер-заде Фейзи Кефеве 561, 577, 601
Хайме (Жауме) Бертран 48
Хайреддин-эфенди 15
Хайруддин-заде Мехмед аш-Ширини 599
Хакечя 305
Хаким 93
Хаким-хутун (Хаким-хатун) 614
Хакк бин Мухаммад 639
Хакчумук (Хакшумак, Хакушмук) 299
Халил 47
Халил Иналджик (Иналджык, Халил Инальчик, Иналджик) 68, 128, 130, 430
Халил-ага 371, 839
Халилоглу Али 571
Халиль 47
Халиль б. Али Кырыми 613
Халиль Эфенди 555
Халим Герай I 535, 776
Халим Герай (Халим Гирай) 19, 21, 22, 128, 129, 166, 256, 258, 356, 363, 366, 369, 376–378, 381, 382, 397, 398, 410, 418, 436, 441, 444, 446, 450, 476, 487, 524, 543, 544, 566, 583, 586, 591, 594, 596, 597, 612, 632, 769
Хамад-эфенди 612
Хамди 76, 78, 596, 612
Хамди Хусейин 603
Хамза б. Закарийя б. Али б. Хабиб б. Алишир б. Иса б. Муса 619
Хамза Эфенди 552
Хамза-мирза 252
Хамзе 765
Хамид «Би-Нува» Кырыми 34, 35

- Хамид Бинева 604
 Хамид Эфенди (Хамди) 431?, 596
 Хамидуллин 214
 Хамид-эфенди (Хамди) 612
 Хаммер-Пургшталь (Й. фон Хаммер, Хаммер Пургшталь, Йозеф Хаммер) 122, 561, 566, 573, 585
 Хан (Хан б. Гази) 311
 Хан Бай б. Исмаил 310
 Хан-Гирей 297, 299
 Ханенко 336
 Хан-заде Етима 582
 Хан-заде Хани 257
 Хан-заде Ханым 583, 601
 Ханкулы Хаджы 482
 Хан-сугра 305
 Хансюер (Хансюер бин Али) 262, 831
 Хан-Токтай 625
 Харитон 152
 Хартахай 47, 115, 152, 192, 412, 416, 444, 494, 565, 566, 805, 813, 814
 Хасан 207, 496, 522, 833
 Хасан Абдуллахоглу 127
 Хасан Акай Эфенди (Хасан Акай-эфенди) 766
 Хасан ал-Басри 636
 Хасан ал-Хусайни ал-Катиб аш-Ширази 610
 Хасан б. Абд ал-Джемилъ ал-Кырыми 626
 Хасан Беше 429
 Хасан бин Мухаммад ас-Саггани 637
 Хасан Веджихи 594
 Хасан Кятиб сыне Шабана 782
 Хасан Сейзайи 599
 Хасан эфенди 618
 Хасана аль-Басри 496
 Хасан-баша б. Ала ад-Дина ал-Асвад 618
 Хасанбейзаде 594
 Хасан-бий (Хасанбай) 218
 Хафиз (Хафиз Ширази) 624
 Хафиз ад-Дин ибн аль-Баззази (Хафиз ад-Дин ибн аль-Баззаз) 32, 638
 Хафиз Асад 32
 Хафиз Масуд б. ал-Хадж Али б. ал-Хадж Абд ар-Рахман ал-Кырыми 614
 Хафиз Пост 766
 Хафиз Хусейн б. Исмаил Эйвансарайи 626
 Хафиза Ширази 577
 Хафыз Мехмед Эфенди 551
 Хафыз Сейид Атауллах Челеби 558
 Хафыз Хусейин Айвансарайлы 589
 Хафызуддин Беззази (Хафызуддин Мухаммед Беззази) 541
 Хафызуддин эн-Несефи 541
 Хачатур Кафаеци (Хачатур) 171, 175, 629
 Хаяли 574
 Хаяли-и Чагатаи 574
 Хворостинин 233
 Хедир-улан 236
 Хей 677, 686
 Хейр-заде-эфенди 753
 Хейри-заде (Таквим) 591
 Хензель 10
 Хенрик Янковский 67
 Хильми Эфенди 559, 596, 601
 Химмет (Геммет) Гераей 838
 Химмет Эфенди 552
 Хитрово 335, 337
 Хифзи (Хыфзи) 76, 78, 596
 Хлопов 348
 Хмельницкий Богдан (Б. Хмельницкий) 131, 255, 265, 275, 276, 278–280, 313–315, 317–320, 333, 334, 337, 341, 344, 360, 587, 588, 591
 Хмельницкий Юрий 261, 264, 279, 280, 321–323, 334, 344–346, 348
 Хованец 125
 Хованский 337
 Ходарковский 121, 292, 362
 Ходжа Кокос 177
 Ходжа Мехмед 251
 Ходжа Саадеддин 44
 Ходжи-Садеддин 616
 Хозя Агмет 834
 Хозяк 215
 Холодков 86, 91
 Хоманн 60, 61
 Хорасанизаде 540
 Хорн 126, 790
 Хорошкевич 163, 215, 250, 361, 389, 794, 831
 Хосров 605, 616
 Хотко 292, 295, 298, 300, 302, 476, 477, 818
 Хо-Урлюк 286
 Хохлов 380
 Храпунов 36, 39, 105, 387, 403, 410, 413, 441, 645, 646, 650, 660, 677, 680, 710, 711, 800, 822, 823
 Хрущов 238
 Худяков 211, 830
 Хулагу
 Хурреми-челеби Акай-эфенди (Абдуррахман, Хурреми Челеби, Хурреми Челеби Акай, Хурреми Абдурахман Эфенди, Челеби Акай, Хурремий Кырымий) 20, 22, 130, 552, 561, 567, 568, 594, 598, 601, 602, 767

- Хусайн б. Атанас ал-Хунзахи 609
Хусам Герай (Хусам-Герай, Хюсам Герай, Сейфи) 227, 257, 271
Хусейн Ага 79
Хусейн Кефеве (Хусейн Кефеве) 560, 561?, 568, 576, 577
Хусейн Эфенди 552, 558, 559
Хусейн 451, 496
Хусейн Ага ибни Джанибек 457
Хусейн ал-Карави б. Фейзулла б. Абд ал-Карим 617
Хусейн б. Джанибек (Хусейн) 209, 216
Хусейн б. Исмаил 626
Хусейн б. Рустам-паша 620
Хусейн б. Ибрахим 620
Хусейн Байкара 14
Хусейн Халифе 662
Хусейн Эфенди дефтердар 457
Хусейн-эфенди (Хусейн Эфенди) 617, 624, 633, 739
Хуссам ад-Дин аль-Ахсикаси 637
Хуссам ад-Дин аль-Кырыми 30
Хушенк 781
Хызр Шах-эфенди 633, 739
Хызыр 540
Хызыр бин Юнус 457
Хыфзи 78, 596
Хэйс 86
Хюсам (кади) 632
Хюсам Кятиб 579, 607
Хюсейн Хезарфенн 154, 166, 167, 298, 441, 442
Цегельский 530
Цесельский 315
Чадуев 326
Чакман Челеби 766
Чакырганбай 153
Чаплинский 126
Чаркасс-бей 170
Чахотин 115
Чебановы 288
Чегилек-бек 211
Чекре 136, 155
Чельтик 570
Челюсткин 238
Чергеевы 477
Чериковы 477
Черкас 133, 240, 241, 244, 538?
Черкасский Г. С. 288
Черкасский К. М. 290, 343
Черкасский Каспулат 290
Черкасский Яков (Урускан) Куденетович 300
Черкашенин 330
Черкес 132
Черкес Касым-бей 296
Черкес Хайдар-паша 296
Черный 653
Чернявский 352, 353
Чин бин Эль (Юсупов) 834
Чингисхан (Чингис-хан, Чингиз-хан) 128, 151, 154, 155, 166, 314, 360, 361, 376, 435, 442, 445, 452?, 473, 537, 600, 657, 828
Чобан Гераи (Чобаниды) 74, 256, 306, 782
Чобан-султан 209
Чобан Мустафа 256
Чобан Мустафа Ахмед Герай 765
Чобан-ата 634, 729
Чобан-заде 71, 568
Чобаниды 256
Чомлекчи-заде Реджеп Эфенди 766
Чореф 502, 508
Чорлулу Али-паша 352
Чуева 104
Чухлиб 132, 133, 322, 336
Чюгук-мурза 294
Чюрносов 338
Шабан 782, 834
Шабан Беше 467
Шабан Селики 580
Шабан-мирза 625
Шабкай 834
Шагин Герай б. Саадет Герай 311
Шагмансыр-улан 26
Шаг-Мансыр-улан 27
Шаддад 666
Шадибек 135, 137
Шайтан Ибрагим паша 273
Шалак 118, 307, 788
Шал-Кийиз Тиленши-улы 227
Шамеко 304
Шамс ад-Дин аль-Казвини 639
Шантемир Хотеев 835
Шапшал 441, 810
Шараф ад-Дин аль-Кырыми (Шараф ад-Дин аль-Кырым) 30, 32, 33, 644
Шараф ад-Дин Йезди 20
Шариф-челеби б. Монла Усман 617
Шарих 451
Шарль де Ферриоль 406
Шарль-Жильбер Ромм 746
Шафиров 394

- Шах Болат Ага 431
 Шах-Али 197, 212, 213, 831
 Шах-Али бин Ак-Даулет 831
 Шах-Али бин Шейх-Аулеар (казанский хан) 831, 832
 Шахбаз Герай 21, 304, 363, 375, 391
 Шахбаз Эфенди имам 429
 Шахбаз Эфенди мударрис 430
 Шахбуле 458
 Шахин Герай (Шагин-Герай) 9, 45, 74, 114, 124, 129, 163, 201, 226, 252, 253, 255, 256, 262, 263, 270, 271, 274, 372, 373, 401, 476, 477, 512, 517–520, 537, 545, 566, 582, 585, 601, 610, 632, 775, 776, 792, 803, 805
 Шахин Герай султан (Шахи) 544, 585
 Шахин-Герай (Шан-Гирей бин Саадет II Гирей) (калга-султан) 254, 314, 401
 Шах-Кул 829
 Шахсувар 834
 Шахсур 835
 Шварт 268
 Швачка 323
 Шебан-ага 238, 239
 Шебриз Ага 457
 Шевки Юсуф Челеби 550
 Шейдяковы 311, 312
 Шейма Гюнгёр 767
 Шейтан Бакы Челеби 428
 шейх Абу Сайид 622
 Шейх Ак-Мехмед-эфенди 616
 Шейх-Ахмед 203, 204, 206–208
 Шейх Ибрахим 584
 Шейх Иса Кырыми 561
 Шейх Мухаммад 613
 Шейх Селями 629
 Шейх Синан 573, 616
 шейх Синан-эфенди (Синан ад-Дин Йусуф ал-Макки) 615
 Шейх Сулейман 573
 Шейх Экбер Мухьяэддин 616
 шейх Якуб Конийский (эль-Конев) 627
 Шейх-Ахмад 6
 Шейх-Ахмед 6, 203, 204, 656
 Шейхи 596
 Шейхи А. 567
 Шейхи Кырыми 564
 Шейх-Мамай 219, 220, 225
 Шейх-Мухаммед 206–208, 216, 494, 495
 Шейх-Мухаммед (знаменосец Али) 494
 Шейх-Мухаммед-бий 218
 Шейхумеров 239, 254, 259, 268, 272, 313, 334, 472, 527, 535, 774, 790, 800, 813
 Шейх-Хайдар 209, 217
 Шейх-Хайдар б. Шейх-Ахмед 209
 Шеми 621
 Шемс ад-Дин Ахмед б. Сулейман Кемаль-паша-заде 609–610
 Шемседдин Саили 540
 Шемседдин Челеби 580
 Шемьи-заде 568, 570, 587
 Шемякин-Пронский 211
 Шенетие 380
 Шенк младший 62
 Шереметев В. Б. 259, 279, 473
 Шереметев И. В. 230
 Шереметев-Беззубцов 213
 Шерифеддин Муса 540
 Шерифетдин 611
 Шериф Кырыми 604
 Шерифи Кефеви 564
 Шериф-эфенди 21
 Шестаков 326
 Шехбаз-эфенди 612
 Шехзаде Мехмед 580, 742
 Шехр-биким бинт ал-Хадж Абд ар-Рахим 623
 Шибан (Шибан-хан) 154, 155
 Шибаниды 154, 831
 Шигаб ад-Дин ибн 'Арабшах 636
 Шигай-богатырь Ангулов 307
 Шигарфонка 835
 Шиг-Ахмет 215
 Шиговлеяр царевич (Шейх-Аулеар бин Бахтияр) 831
 Шидяковы 288
 Шильтбергер 177, 248
 Ширин (Ширини, Ширинские) 20, 42, 45–48, 71, 148, 199, 208, 414, 473, 477, 651, 803, 804
 Ширин-бей 428, 473, 478
 Ших Мамай князь 219
 Шихсаидов 14
 Шкорпил 90
 Шмелинг 279, 280
 Шмидт 25, 529, 532, 653
 Шолох Тапсаруков (Солух) 296
 Шостак 664
 Шпулер 123
 Штаден 224
 Штёкль 123
 Штефан (Штефан Великий, Стефан Великий) 143, 149, 157–160

- Шуази 692
Шуайб Челеби 599
Шуберт 32, 639
Шуйский Василий 235–237, 833
Шукруллах Эфенди 431, 552
Щеголев 326
Щербак 69
Щербан Кантакузино 269
Щербатов 234
Щербинин 165, 376, 402, 815
Эбу Бекир Чавуш 552
Эбубекир Сыдки 561
Эбу-Бекр 540
Эбул-л-бек Эйуб б. Муса ал-Хусейни ал-Кафави 611
Эбульбека Мухибуддин Эййуб Кефев (Эбульбека Мухибуддин Эйюб Кефев) 561, 583–584
Эбуль-Хайр Руми 634
Эбу-с-Сууд 73
Эбуссууд Челеби (Эбу-с-сууд-челеби) 554, 612
Эбуссууд Эфенди 554, 559
Эварницкий 259, 262, 325, 327
Эвлия Челеби 73, 75–77, 87, 91, 96, 98, 142, 148, 160, 166, 176, 191–193, 195, 256, 270, 289, 290, 295, 297–299, 302–305, 309, 334, 358, 360, 361, 366, 415, 417, 426–429, 431, 432, 434–439, 441, 449, 473, 474, 476–478, 483, 495, 525, 536, 538, 544, 548–551, 553, 555, 560, 565, 575, 577, 580, 582, 583, 585, 586, 595, 627, 628, 633, 634, 641, 647–654, 658, 661, 664, 666, 692, 698, 700, 703, 706, 709, 710, 713, 718, 726, 729, 732, 737, 739, 745, 746, 756, 765, 766, 769, 771, 774, 778–784, 789, 799, 802–805, 807, 810, 839
Эдиб 76, 78, 596
Эдига-мурза 153
Эдирнели Нейзен Дервиш 766
Эдуард VII 671, 678, 684, 686
Эзра Бебеш 812
Эзра Кискачи 812
Эйваз Герай 438
Элизабет Крейвен 823
Эль-Айни 248
Эльбасар 169
Эльбулад-бей 295
Эльсон 99, 663, 670, 678, 686
Эльхадж Али-паша 258
Эль-Хадж Бекир бин Пиреш 429
Эльхадж Махмуд бей 436
эль-Хадж Махмуд Бек 548
эль-Хадж Субхан-Кулу Гази Ага 437, 545, 551
Эльхадж Сулейман 436
эль-Хадж Сулейман 548
Эль-Хаджи Хамза 771
Эльчи Ибрахим-паша 620
Эльчин 569, 588
Эми Динмахаммед 458
Эмидио Портелли д'Асколи (Эмиддио де Асколи, Э. П. д'Асколи, Э. д'Асколли) 38, 186, 297, 302, 765, 822
Эмин-Герай 18, 200, 608
Эмине 458
Эмине Озьунлу 129
Эминек (Эменек бей, Эминек Ширин) 46, 148, 158, 159, 172
Эминов 72, 73, 83, 117, 780
Эмир б. Осман Суфи 541
Эмир Джелал б. Эмир Шабан 555
Эмир Мехди Челеби 582, 766
Эмир Мухаммед аз-Заим 610
Эмир Омер ибни Эмир Меми 457
Эмир Султан 573
Эмировы 475
Эмруллах Эфенди 552
Эндерун Эмин Эфенди 589
Эравджи 130
Эрани Челеби (Дарати Челеби) 582
Эргун 568, 589
Эрдогру 570, 590
Эрмирза Ага (Эр мирза ага) 553
Эрнст 84, 674, 692
Эрнст Н. 122
Эртайлан 569, 573, 574, 587
Эртугрул Юктен 639
эс-Сейид Атауллах Челеби 558?, 608
Этьен де Шуазель 408
Эфлятун 570, 575
Эш Мехмед бин Хамзе 457
Юджель Озтюрк 8, 129, 432, 794
Юзеф Потоцкий 364
Юларсуз 493
Юлмагмет аталык 834
Юнус Эмре 567, 588, 599
Юрий Иванович 832
Юрий Крижанич 827
Юсуповы 48
Юсуф 209, 220, 221, 307, 830
Юсуф б. Хусейин эль-Кырыми 541
Юсуф-мирза 209
Юсуф-паша 351, 352
Юсюп царевич Епанчин сын 25

- Юшко Мошков 27
Ябалах III 493
Яблоновский 275, 282, 284, 796
Ягеллоны 125, 239, 240, 244, 843
Ягмурчи хаджи 475
Язвецов 236
Язловецкий 241, 796
Языджиоглу 619
Языков Андрей Матвеевич 235
Языков Захарий 235
Якобсон 86, 91, 95, 116, 426, 700
Яковлев 682
Якуб 12, 144, 251
Якуб б. Узун-Хасан 251
Якуб Кемаль (Я. Кемаль) 605, 621, 625, 635
Якуб Собеский 273
Якуб-бей 12
Якубинский 713, 714
Якуб-мирза 26
Якубович 28, 32, 133, 134, 539, 541, 543, 558, 563, 570, 571, 577, 635–639, 642, 644
Якуб-эфенди 633
Якушечкин 141, 149, 171, 498, 511, 512, 514, 517, 519, 523, 524
Якши Факих 11
Якшисаат б. Мамай б. Саид-Ахмед 310
Ямалы Абди Эфенди 552
Яман Герай 297
Ямгурчей-агалык 234
Ямгурчи (Ямгурджи) 18, 200, 205, 210, 211, 214, 215, 219, 221, 249, 250, 307, 630
Ямгурчи (агалык) 202
Ямгурчи (Емгурчей) 204
Ямгурчи-хан (Ямгурчи б. Бирдибек) 210, 211
Ян II Казимир 262, 320
Ян III 273, 283, 796
Ян III (Ян Собеский) 125, 280–284, 538, 782
Ян Антонович 242
Ян Гаштовт 146, 147
Ян Длугош 124, 150
Ян Дутекум 52
Ян Замойский 247, 277
Ян-мирза 307
Янглич-мурза 26
Яненко 269
Янов 26
Янтемир 201
Янтемир Телдиви 834
Ярцов 440, 442
Ясеви 634
Якульский 276, 279
Яфер 834
Яхья Назим Челеби 766
Яхья Эфенди 589
Яхья-челеби 622
Яхья-эфенди 438, 623
Яша 130, 430, 537, 747, 793
Яшлавские 45–48, 106, 480, 481, 834

ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абди Олан кадылык 421
 Абхазия 147, 193
 Австрийская империя 346, 361
 Австрия 164, 356, 605
 Агра, г. 772
 Аграхань, р. 339
 Агырмак Эли, поселение 655
 Адамий 252, 293, 305
 Эдирне (Адрианополь), г. 18, 257, 270, 273, 541, 561, 571, 599, 620, 628, 639, 709, 838
 Адым-Чокрак, д. 95
 Азаб Хани, местечко 457
 Азак (Азов, Тана), г. 74, 86, 255, 619, 762
 Азберди, д. 423
 Азербайджан 116, 251, 570, 762
 Азиз (Эски-Юрт, Эски Юрт) 85, 101, 727, 729, 730, 736–739, 742
 Азис, д. 624
 Азия 625, 627
 Азово-Черноморский бассейн 330, 388, 391, 394, 398
 Азовская губерния 395
 Азовское море 64, 303, 330, 336, 645, 650, 706, 789
 Аиргуль, с. 495
 Айдын, г. 448, 572
 Айланма, д. 423, 424
 Айлянма, поселение 420
 Айтоган, д. 423
 Айтудан, д. 423
 Ак Керман 68, 802
 Ак Месджит (Ак-Месджид, Акмесджит, Акмечеть, Ак-Мечеть, Симферополь), г. 729, 732
 Ак-Кая, д. 423
 Ак-Кая, скала 551
 Аккерман (Монкастро, Белгород, Аккирман, Аккермен), г. 17, 34, 43, 74, 109, 146, 245, 246, 278, 330, 335, 424, 462, 466, 469, 553, 616, 645, 838, 839, 841
 Ак-Коюнлу (Ак-Куюнлу, Аккоюнлу) 157, 251, 253
 Акмесджид кадылык (Ак-мечетский, Акмечетский кадылык) 421
 Акмесчит 438
 Акмечетское каймаканство 422
 Ак-Орда 155
 Ак-Сарай, д. 424
 Актачи, д. 429
 Ак-Чора, поселение 420
 Акшехитр 708
 Аламут, г. 252, 764
 Алашехир, г. 572
 Алджулар, д. 424
 Александровка, г. 497
 Алжир 493
 Алитаи, д. 424
 Алматай 69
 Алтай 360
 Алупка 188
 Алустон (Луста, Алушта) 85, 86, 168
 Алчин, д. 424
 Альма, р. 189, 480, 552, 558, 657
 Амастрида, г. 157
 Амастья, г. 30
 Америка 798
 Амстердам, г. 55–57, 59, 62
 Анатолия 29, 51, 61, 184, 194, 330, 453, 469, 494, 572, 577, 695, 751, 766, 775, 801, 816, 821, 837
 Андалусия 690
 Андреев городок Каменный 828
 Анкара, г. 14, 29, 34, 248, 570, 575, 578, 597, 725, 742, 771, 772
 Анкона, г. 49
 Антхир, р. 296
 Арабат, г. 87, 88, 91, 355, 401, 422, 652, 706, 707, 806
 Арабатская коса 706
 Арабатский кадылык (Рибат) кадылык 421, 422
 Аравия 15

- Аратук, с. 476, 477
 Аргъын (Arğın) 71
 Аргын кадылык (Аргинский кадылык, Аргынский кадылык) 421, 423, 475
 Аргын, д. 421, 423
 Аргынчик, д. 424
 Армянский Базар 405
 Артек 67
 Астраханский юрт 220, 230
 Астраханское ханство 203, 204, 206, 208, 210, 214
 Астрахань (Асторохань, Азторохань) 14, 18, 64, 173, 196–200, 202–211, 213, 214, 216, 219–224, 230, 232, 233, 263, 279, 287, 288, 302, 307 – 309, 633, 783, 830, 831, 833, 835
 Африка 82, 301
 Афьон, г. 725, 726
 Ахлат, г. 740, 742, 627
 Ахматов (Дрижиполе) 279
 Ахматовые горы 307
 Ахуспа, р. 232
 Ачурев, г. 365, 392
 Ашагы Бешаран, д. 423
 Ашагы Осма, д. 423
 Ашагы Чоту, д. 424
 Ашагы-Ичкийский кадылык 422
 Ашлама-дере 85, 102, 104
 Аюдаг, гора 67
 Б. Зеленчук, р. 304
 Баба-Даг 20, 837, 838
 Баворов, г. 242
 Багадыра Бий-Эли, д. 424
 Багдад, г. 10, 271, 580, 594, 604, 636
 Базавлу, р. 331
 Базавлук, р. 331
 Байбурт, г. 725
 Бакал (Славное), с. 475
 Баксан, р. 304
 Балаклава (Балыклея) 89, 93, 162, 173, 187–189, 427, 645, 646, 652, 774
 Балаклавская бухта 160
 Балат 708
 Балканы 146, 183, 202, 235, 273, 366, 453, 603, 613, 766, 801, 807, 837
 Балта Чокъракъ (Balta Çoqraq, Болта Чекрак), д. 66
 Балх 539
 Балчик 838
 Барджинлык, г. 627
 Барчкенд 627
 Барын (Barın) 71
 Барын, д. 423, 475
 Басра, г. 451
 Батальное 1, поселение 105, 484, 654, 655
 Батальное Западное, поселение 105
 Батог 320
 Батурин, г. 791
 Бахадыр, с. 188, 725
 Бахчисарай, г. 17, 58, 74, 76, 77, 84, 214, 215, 219, 222, 223, 225, 233, 235–239, 259, 262, 264, 268, 279–281, 286, 310, 313, 318, 320–322, 324, 332–334, 339, 342, 351, 361, 366, 389, 392, 395, 399, 400–402, 405, 406, 419, 425, 426, 430, 433, 435, 440, 483, 505, 511 519, 530, 549, 563, 572, 587, 598, 607, 648, 656, 663, 666, 672, 678, 680, 681, 718, 726, 727, 749, 751, 756, 763, 769, 780, 789, 815, 819, 821, 823, 839
 Бахчисарайский кадылык (Багчесарай кадылык, Бахчисарайский кадылык) 453, 456, 649
 Бахчисарайский район 72, 80, 108, 436, 596, 725, 783
 Бахчисарайское каймаканство 428, 547, 549
 Бахчи-Эли, д. 423
 Баши, д. 424
 Баш-Кабальский кадылык 422
 Башкирия 262
 Баявут (Bayavut) 71
 Баяликёй, с. 732
 Бейлик Мангытов (Мансуров) 475, 480
 Бейлик Ширинов 475
 Бейшехир, г. 725, 726
 Белая Церковь, г. 315, 361
 Белгород, г. 146, 234
 Белград, г. 273
 Белев (Белёв), г. 229, 310
 Белед-Кеви 370
 Белзская земля 144
 Белогорский район 423, 424
 Белоозеро, г. 212
 Бельбек, р. 189
 Бельбекская долина 486
 Бендер 356, 553, 838, 839
 Бендеры (Тигиня, Бендери), г. 39, 74, 278, 352, 353, 371, 389, 392, 404, 424, 553, 554, 645, 819, 838
 Берамкале 708
 Берекети, ур. 288
 Берестечко, г. 132, 319, 320
 Берлин, г. 32, 63, 64, 123, 563, 598, 602
 Бесленей 287, 306, 312
 Бессарабия 424

- Беш Кабак кадылык 421
 Бешевле, д. 424
 Бешуй, д. 423
 Беярга, д. 424
 Биели, поселение 105
 Билеждик 708
 Биюк-Ламбат, д. 623
 Ближний Восток 14, 32, 81, 168, 627, 751
 Богасала, с. 475
 Богатырь, с. 108
 Бойнак кадылык (Бойнакский кадылык) 421, 422
 Болгария 605, 611, 641, 823
 Болгарское государство 837
 Болеттекой 298
 Большая Кабарда (Казыева Кабарда) 297
 Большая Орда 3, 203, 205, 843
 Бора, с. 490
 Бораган, с. 475, 477
 Борасхан, д. 423
 Борлуджа, д. 69
 Боровский уезд 237
 Борульчанский кадылык 421
 Борус, д. 423
 Босния 32, 603
 Босния и Герцеговина 32
 Босфор 149, 157, 171, 182, 330
 Бочалатский кадылык 423
 Браилов, г. 280, 315, 322
 Брацлав, г. 245, 280, 319, 361
 Брацлавское воеводство 313
 Брацлавщина 275, 278, 342
 Броды, г. 534
 Брянск, г. 229
 Буджак 28, 254, 255, 258, 261, 268, 272, 275, 284, 323, 350, 351, 355, 357, 358, 360, 362, 364–366, 369, 377, 397, 424, 553, 554, 561, 565, 596, 602, 612, 645, 652, 774, 791, 797, 836–841
 Буджакская орда (Белгородская орда) 278, 312, 333, 355, 356, 390, 394, 398, 405, 417, 553, 596, 602
 Буджакъ, д. 423
 Бужин, г. 266, 322
 Буз-Ангари, д. 618
 Булгак, 477
 Буран-Кары, д. 553
 Бургас, г. 256, 466
 Бурлюк, д. 69, 70
 Бурса, г. 541, 571–573, 595
 Бурульча кадылык (Бурулчанский кадылык) 421, 423
 Бурульча, д. 423
 Бурундук, д. 420, 424
 Бурунчак, мыс 648
 Бурунчак, плато 656
 Бустурча, д. 423
 Бухара 385, 539, 557, 620, 627
 Бухарский эмират 385
 Бучач, г. 342
 Бучла (Почла) кадылык 421
 Буюк (Бие сала, Būyūk, Biye sala, Бьесала), д. 66
 Буюк Тайган, д. 424
 Бык, р. 358
 Бюрюльча (Bürülça), р. 69
 Валахия 157
 Валуйки, г. 235
 Варадин, г. 776
 Варна, г. 68
 Варшава, г. 264, 332, 341
 Василков (Васильков), г. 347
 Васильсурск, г. 213
 Вейраг, д. 71, 552, 598
 Великий Новгород, г. 148
 Великий Устюг, г. 613
 Великобритания 573
 Великое княжество Литовское 240, 248, 790
 Великое княжество Московское 248
 Великое княжество Руськое 321
 Вена, г. 563, 593
 Венгерское королевство 251
 Венгрия (Маджар) 53, 164, 247, 267, 282, 283, 776, 797
 Венецианская республика 361
 Венеция 64, 164, 251, 843
 Верхний Троянов вал 358
 Верхняя Кутузовка, с. 108
 Верхососенский уезд 343
 Видин, г. 273
 Византия 102
 Визе, г. 8, 21, 185, 256
 Вильно, г. 24, 145, 147, 215, 240–242, 244, 245, 843
 Владимир, г. 835
 Войнилов, г. 282
 Войско Донское 337, 338
 Войско Запорожское 265, 313
 Войско Запорожское Городовое 334
 Войско Запорожское Низовое 324, 390
 Волга, р. 45–47, 55, 64, 150, 196, 197, 202, 204–207, 215, 216, 219, 221–227, 230, 232, 282, 286, 288, 292, 297, 307, 335, 366, 395, 627, 837

- Волго-Донское междуречье 395
 Волго-Уральский регион 48
 Вологда, г. 828
 Волок Ламский, г. 213
 Волыньское воеводство 797
 Воынь 52, 132, 144, 146, 240, 275, 280, 790, 795
 Вольное, местечко 820
 Воронеж, г. 364
 Воротынский, г. 229
 Ворскла, р. 135
 Восточная Европа 123
 Восточное Подолье 144
 Восточное Приазовье 371
 Восточный Азербайджан 251
 Восточный Крым 804
 Восточный Ногай (Крымская степь) 645, 654
 Восточный Туркестан 445
 Вроцлав, г. 276
 Газария 49
 Газария (Gatzar, Хазария) 49
 Газикермен 769
 Газневиды 452
 Галич, г. 835
 Галичина 143, 144, 177, 319, 333, 796
 Гамам-дере, балка 94, 95, 97, 108
 Гебзе 708
 Гёзлев (Гозылев, Гёзлеве, Кёзлев, Евпатория, Козлов), г. 20, 74, 80, 167, 226, 438, 451, 452, 459, 487, 547, 548, 549, 550, 551, 555, 572, 589, 595, 614, 621, 623, 628, 632, 689, 694, 709, 713, 716, 728, 729, 731, 732, 753, 769, 815).
 Гёзлеве кадылык (Гезлевский кадылык, Гёзлевский округ, Гёзлевский кадалык 9, 421, 422, 486
 Генуя 139, 143, 149
 Германия 32, 58, 122, 123, 482, 772
 Гетманская Украина (Малая Россия) 324, 344
 Гетманщина 269, 313, 321
 Глухов, г. 821
 Гольштейн 406
 Горзувиты (Горзови, Гурзуф, Урзуф) 159, 160, 168
 Горная Чечня 609
 Городенка, г. 797
 Городовая Украина 361
 Государство ильханов 445
 Готия 146, 158–170
 Греция 68, 162, 603
 Гродно, г. 284
 Грузия 146, 397, 828
 Гулистан, г. – 540, 577
 Гюлистан 458, 620, 621
 Дагестан 14, 295, 300, 312, 397, 493, 586, 606, 782
 Даир кадылык (Даирский кадылык) 477
 Дамаск, г. 248, 249, 541, 577, 606, 636
 Дания 164
 Данциг, г. 52, 56, 58, 303
 Дарданеллы 149, 157, 171, 182
 Дашев 323
 Демерджи 67
 Держава Малорусская 364
 Дешт 11, 154, 179, 204,
 Дешт-и Кипчак 3, 10, 117, 140, 152, 167, 168, 186, 215, 226–228, 234, 241, 569, 572, 590, 620, 639, 761, 786, 843
 Джабу, д. 424
 Джане (Джанкой) 303
 Джанкой, д. 423
 Джанкойский район 423
 Джаулуш, д. 424
 Джелаир Чоту, д. 424
 Джелаирли 745
 Джембуйлуцкая орда 370
 Джемрек, д. 423
 Джемрик, д. 424
 Дженд 627
 Джунгария 71, 400
 Диб Тархан кадылык 421
 Диб Чонгар кадылык (Дип Чонгарский кадылык) 421
 Дивеев улус 237
 Дивриги, г. 693, 725
 Дикое Поле 56, 792
 Диярбакыр, г. 30, 606, 732
 Днепр (Özü, Борисфен) 17, 48, 49, 52, 53, 55–57, 59, 60, 62, 68, 69, 210, 219, 221, 231, 250, 262, 266 – 268, 273, 286, 316, 318, 322, 324–326, 328–332, 336–338, 341, 343, 344–349, 356, 361, 362, 364, 367, 369, 388, 390, 391, 394, 396, 425, 645, 775, 776, 787, 798, 802, 819, 820, 831
 Днепро-Бугский лиман 145
 Днепровские лиманы 325, 424
 Днепровский уезд 425
 Днепровское-2, городище 145
 Днепро-Донский регион 326
 Днепро-Донское междуречье 141
 Днепропетровская обл. 331
 Днестр (Турла), р. 69, 282, 285, 330, 339, 344, 358, 361, 365, 368, 424, 819, 821, 838–841
 Добрич 838

- Добруджа 836, 838, 840
 Дон (Танаис), р. 58, 150, 217, 327, 332, 336–390
 Донецкий князь 307
 Дорогобуж, г. 832
 Дрогобыч 285
 Дрогобычский повет 796
 Дубоссары, г. 838, 840
 Дунай (Дануб), р. 351, 424, 823
 Дунайские княжества 272, 274, 342, 407
 Дунайский район 838
 Дхабай, с. 493
 Дьер, г. 273
 Дюнабург, г. 137
 Евпаторийский район 697
 Евпаторийский уезд 477, 771
 Европа 825
 Египет (Миср, Мыср, Мисюрь) 15, 140, 248, 249, 250, 605, 634
 Эдисан 28, 350, 424, 553, 554, 561, 565, 598, 838
 Эдисан (Западный Ногай) 424, 645
 Эдисанская орда 356, 368–370, 383, 398, 400, 417, 424, 553, 602
 Едичкульская орда 369
 Ейское укрепление 371
 Елатьма 830
 Елец, г. 234
 Ени-Базар (Армянский городок), д. 422
 Еникале (Ени-кале, Йени Кале, Еникуль, Яникале, Яникол) 351, 376, 401, 402
 Еникой 791
 Ени-Копыл (г. Славянск-на-Кубани) 369
 Енисала (Ени-Сала, Йени-Сала), д. 188, 424
 Ереван, г. 253
 Еркуки, крепость 258
 Эрлешме, д. 458
 Ея, р. 362
 Жаней 295, 297
 Жванец, г. 278
 Желтые Воды (Сары-Су), р. 319, 333, 587
 Жмудь 241
 Жолква, г. 283, 284
 Журавно, с. 282
 Завие Кыпчак кадылык 421, 422
 Загреб, г. 613
 Заднепровские места 356, 844
 Закавказье 54, 253, 397, 816
 Закубанье 298
 Зангиды 452, 453
 Заозерное, поселок 107
 Западная Германия (ФРГ) 123
 Западная Сибирь 609
 Западная Черкесия (Жане) 293
 Запорожские земли 261, 265, 319
 Западный Дешт 234
 Западный Кавказ 169, 252, 293, 294
 Западный Казахстан 197
 Запорожская Сечь (Сечь) 62, 313, 330, 336, 339
 Чертомлыкская Сечь 340, 391
 Запорожье 255, 273, 331, 339, 347, 364, 796
 Зборов 276, 278, 319, 320, 781
 Звенигород 136, 212
 Земля Халдеев 50
 Зиврихисар, г. 725
 Зихия 48, 147
 Золотая Орда (Орда) 102, 121, 123, 302, 445, 542
 Зуинский кадылык 422
 Зуйский кадылык 421, 424
 Зэрнешти 273
 Иван-озеро 54
 Идарова Кабарда 297
 Иерусалим (Кудус), г. 641, 642
 Иерусалимские горы 14
 Измаильский кадылык 554
 Измир, г. 30, 34, 38
 Изник, г. 708
 Илличе 145
 Империя Габсбургов 353, 356, 357
 Ингул, р. 57, 344
 Ингулец, р. 346
 Индия 50, 636, 638, 822
 Индонезия 35
 Инёню, г. 708
 Инкерман, г. 11, 12, 74, 87, 88, 93, 172, 183, 187–189, 195, 425, 549, 550, 646
 Ирак 33, 451, 453, 627, 788
 Иран (Аджем, Персия) 202, 252, 253, 255, 486, 593, 803
 Ирден, р. 346
 Исакача (Исакчы), г. 361, 838
 Ислам-Керман (Исламкермен), г. 792
 Испания 823
 Ичкийский кадалык 490
 Йайджиляр, с. 767
 Кабарда (Восточная Черкесия) 297, 299, 354, 355
 Каварлык, р. 356
 Кавказ 38, 66, 161, 169, 182, 194, 220, 231–233, 238, 244, 245, 248, 252, 254, 256, 293, 294, 301, 304, 306, 310, 330, 354, 369, 370, 396, 415, 472, 528, 546, 660, 766, 818, 843

- Кагальник, р. 835
 Каджанбак 438
 Кадыкой, д. 553
 Кадырша-Сарай, с. 475
 Казакъ (Qazaq) 71
 Казанлы, д. 423
 Казанская губерния 395, 806, 807
 Казанская земля 198, 213, 214, 222
 Казанский юрт 214
 Казанское ханство 3, 12, 113, 119, 120, 129, 153, 208, 212–214, 229, 230, 246, 248, 631, 808, 829, 842, 843
 Казань 18, 27, 141, 197–199, 202–205, 207, 209, 211–214, 219, 222, 228, 232, 263, 279, 282, 287, 288
 Казахстан 71
 Казачий ерик 335
 Газикерман (Казыкермен, Казыкермень, Кизикермен) 388
 Каир, г. 249, 541, 542, 571, 577, 602, 620
 Каймак, с. 696, 697
 Кайсери, г. 693, 725, 727, 728, 733, 740, 742
 Кайто, с. 146
 Кайтукина Кабарда 297
 Каламита (Инкерман) 425, 426, 646, 774
 Калитра 170
 Калпак, д. 430
 Кальмиус, р. 196, 361
 Кальник, г. 280
 Каменец (Каманиче) 273
 Каменецкий замок (Каменецкая крепость) 281, 344
 Каменец-Подольский эялет 345, 348
 Каменка, р. 356
 Каменный бугор, городище 150
 Каменный Затон, крепость 362, 391, 393
 Камыш Бурну, м. 293
 Канглы 69
 Кандия, г. 51
 Канев, г. 244, 361
 Капитанство Готия 158
 Каплу 438
 Капуловка, с. 331
 Карабай, д. 423, 424
 Карагёз, с. 422, 695, 697, 728
 Карадиль кадылык 421
 Каракоюнлу 452
 Кара-Курд (округ) 594
 Каракурт кадылык (Каракуртский кадилык, Каракуртский кадылык) 421, 422
 Караман (бейлик) 726
 Караман, г. 733
 Карасу кадылык 421
 Карасу Тамак кадылык 421
 Карасу/Сакаръя 838
 Карасубазар (Карасу-базар, Карасев, Карасу, Белогорск), г. 10, 74, 80, 88, 98, 271, 303, 379, 380, 384, 401, 402, 420, 423, 425–427, 429, 431, 433–436, 438, 451, 474, 487–489, 493, 528, 545, 547–551, 555, 559, 572, 594, 596, 601, 617, 628, 650, 687, 689, 717, 718, 727–729, 731, 732, 746, 747, 758, 759, 766, 767, 805, 809, 811, 812, 844
 Карасубазарский кадылык 10, 421, 422, 423
 Карасубазарский округ 9
 Карасубазарский район 303, 425
 Карасубазарское каймаканство 422, 423, 428, 549, 646, 650
 Карасубаши, д. 423
 Каратук 304
 Караульский кадылык 422
 Караханиды 452
 Каринабад (Карнобад) 256
 Карловцы 284, 361
 Карлополис 393
 Карпаты 247
 Карс, г. 10
 Каргал, крепость 20, 838
 Касабакёй, с. 725
 касай-улу 365, 370
 Касимов (Городец Мещерский, Новый Низовый Городок), г. 48, 288, 307, 771, 828–831
 Касимовское ханство 12, 119, 120, 129, 163, 267
 Каспийское море 50
 каспулат-улу 370
 Кастамону 627, 708
 Катырша-Сарай, д. 423, 424
 Каушаны, г. 356, 369, 553
 Кахкаха (Аламут) 252
 Каховка, г. 497
 Кача, г. 70
 Кача, р. 189, 480, 664
 Качаник 267, 273
 Качи Беш Пересы кадилык (Кача-Беш-Пареси кадылык) 422
 Качи, д. 422
 Качи-Калйан (Качы Кальон), д. 814
 Кашира, г. 828–830
 Кашкатау (Кашкатав)
 Кая, д. 424
 Кая-Алты, с. 491

- Каяли-Берт (каменистый Берт, Большая Берда), р. 645
 Кая-Эли, д. 424
 Кегенез Восточное, поселение 105
 Кезлевский кадылык 421, 422
 Кезлевское каймаканство 422
 Кёк козь (Kökköz, Коккоз, Кёккёз, Кок-Козь, Кокос, Соколиное), д. 66
 Келечи (Keleşi) 71
 Кельян, д. 70
 Кемах, крепость 17
 Кенегез Восточное, поселение 484, 654
 Керменчик (Высокое), д. 80, 814
 Керченский полуостров 183, 189
 Керченский пролив 330
 Керчь (Керш, Воспоро) 8, 61, 62, 67, 90, 162, 173, 183, 186, 187, 189, 190–195, 303, 305, 328, 330, 374, 376, 401, 402, 425, 549, 646, 652, 815, 828
 Кершени-Кале 438
 Кесрие (Кастория), г. 603
 Кефе (Каффа, Кафа, Феодосия), г. 15, 38, 66, 70, 74, 87, 89, 109, 110, 159, 168, 173, 175–179, 181–195, 245, 256, 271, 296, 379, 381, 413, 420, 425, 427, 428, 432, 433, 435, 436, 646, 652
 Кефинский кадылык (Кефинский кадылык) 421
 Кефинский санджак 87, 95, 173, 184, 185, 187, 191, 794
 Кефинский эйялет (Кефинский эялет) - 183, 435
 Кефинское каймаканство 428
 Киев, г. 114, 136, 144, 147, 166, 204, 240, 243, 245, 261, 267, 273, 319, 345–348, 361, 393, 563, 587, 617, 792, 821
 Киевское воеводство 313, 319
 Киевщина 240, 241, 275, 342
 Кизляр, г. 354
 Килия (Кили), г. 146, 149, 157, 158, 278, 351, 554, 612, 838, 839
 Кильсе-Баир, холм 819
 Кинбурн, г. 62, 186, 776
 Кипрское королевство 141
 Кипчакское ханство 121
 Кировский район 584
 Китай 259
 Клецк, г. 144, 242, 243
 Кобаз 304
 Ковно, г. 147
 Кодак, крепость 57, 534
 Кодацкий порог 367
 Коджамак, с. 745
 Кодыма, р. 361, 362, 424
 Кожункул, д. 424
 Козельск, г. 310, 795
 Козловский уезд 333
 Коккоз (Соколиное), д. 80
 Кокташ, поселение 420, 424
 Колечский кадылык 422
 Колечь-мечеть (Коледж, Колеч, Новопокровка), с. 633, 697, 699, 702, 703, 706, 728, 729, 739, 740
 Коломенское, с. 234
 Коломна, г. 229
 Комания 817
 Комарно, г. 273
 Конка, р. 367
 Кононча, д. 322
 Конотоп, г. 531
 Конские воды, городище 337, 741
 Констанц, г. 136
 Конърат (Qoŋrat) 71
 Конья, г. 595, 627
 Копрюлю (Велес), г. 603
 Копыл (Эски-Копыл) 366, 369
 Королево 3, поселение 105
 Корсунь, г. 319, 587
 Коруалан (Гезлеви), д. 589
 Корулу-Кипчак, с. 696, 697
 Костешти, дер. 837
 Кош-Кую, поселение 105, 655
 Краков, г. 24, 240–242, 276, 843
 Красногвардейский район 423
 Кременецкий повет 797
 Крепость Св. Елизаветы (крепость Святой Елизаветы) 356, 369
 Креховка, р. - 282
 Крым (Крымский остров) 60, 61
 Крым (Солхат, Шахр-и Крым, Старо-Крымская крепость, Эски Кырым, Эски-Къырым, Эски-Кырым, Старый Крым) 3, 8–10, 12, 14, 17, 20, 21, 24, 26, 27, 29, 32, 33, 35, 36–40, 42, 43, 45–54, 58, 62–71, 80, 81, 83, 85–89, 91, 95, 97, 99, 101, 102, 103, 105–112, 114–117, 121, 123, 127–134, 136–150, 152–165, 167–169, 172, 173, 178, 180, 183, 185–187, 189–205, 207–213, 215–221, 223, 226–235, 237–249, 251, 252, 254–256, 258, 259–269, 271, 273–293, 299
 Крымская орда 289
 Крымская сторона Волги 206, 225, 226, 307
 Крымские горы 530
 Крымский остров (см. Крымский полуостров) 60, 61

- Крымский полуостров 52, 183, 192, 229, 257, 292, 343, 374, 397, 422, 527, 645, 654, 743, 800
- Крымский улус 141, 361, 762
- Крымский юрт 53, 56, 266
- Крымское Приднестровье - 819
- Крымское ханство (Крымское государство) 2–4, 41, 49, 77, 114, 121, 125, 130, 131, 133, 134, 162, 193, 203, 205, 207, 209, 211, 213, 215, 217, 219, 221, 223, 225, 227, 242, 247, 263, 268, 270, 277, 278, 289, 306, 307, 309, 311, 319, 331, 340, 350, 351, 353, 355, 356, 371, 373, 375, 377, 379, 381, 383, 384, 385, 390, 392, 393, 394, 400, 402, 416, 435, 470, 527, 566, 595, 645, 694, 774, 777, 790, 792, 820, 821, 822, 842, 843, 844
- Кубанская орда 397
- Кубанское казачье войско Игнатово 820
- Кубанское ханство 363
- Кубань 3, 20–22, 61, 74, 261, 268, 286, 288, 292, 293, 312, 328, 339, 340, 341, 353, 354, 357–367, 369–371, 378, 390, 392, 395, 397, 399–401, 424, 531, 533, 554, 611, 645, 774, 791, 806, 820
- Кули-Оба, д. 424
- Кума, р. 339
- Кумания 49
- Кремук (Кумрук, Кемрюк) 149, 298
- Куртлук, д. 424
- Кучюк Карасу кадылык 421–423
- Кучюк Янкой, д. 423
- Кучюк-Карасувский кадылык 421–423
- Кучюк-Озенбаш (Многоречье), д. 80
- Куяльник, р. 369
- Кьалмуькь (Qalmaq) 71
- Къыят (Qıyat) 71
- Кыйдымит 787
- Кыпчак (Кыфджак) 70, 248
- Кыпчакские степи 186
- Кыргыз (Qırğız) 71
- Кырда-Эли, д. 423
- Кырк-Баульский кадылык 422
- Кырк-Йер (Кырк-Ер, Кырк-Ор, Кале, Кырк, Кырк-ер, Керки, Кыркйер, Кирк-Ер, Киркор, Гевхер Кермен, Чуфут-Кале, Киркель) 145, 147, 425, 500, 503, 628, 656, 842
- Кырккилисе 8, 185
- Кырым кадылык 421
- Кышлав баши, д. 424
- Кюстендил, г. 611
- Ладижин, г. 323
- Ларга, р. 371, 400
- Левобережная Украина 15, 280, 282, 323, 326, 334, 342, 367, 392, 396
- Левобережье 261, 266, 323, 345, 346, 348, 367, 792, 795, 796
- Левобережье Днепра 390
- Левый берег Волги 297
- Лейден, г. 594
- Ленинский район 655, 697
- Лива Кефе 8
- Ливны, г. 202
- Ливония 137, 232, 246
- Лида, г. 142
- Лисянка, г. 322
- Литва 18, 135, 143, 239, 240, 243, 246, 830
- Литовская земля 238, 240, 241, 245, 792
- Литовская сторона (Днепра) 240
- Лоев, г. 315
- Лопушна 243
- Луцкая земля 146
- Львов, г. 33, 144, 177, 276, 282, 320, 342
- Лютик, крепость 338
- Мазар-тепе, холм 95, 97, 108
- Майрум, д. 811
- Малая Азия 627
- Малая Кабарда 402
- Малая Ногайская Орда (Казыев улус) 297, 307, 311
- Малая Тартария (Tartaria Minor) 48, 52
- Малая Хортица, о. 331
- Малка, р. 299
- Малый Ламбат, с. 746
- Малый Маяк, с. 108
- Малый Ногай 286
- Мамбет-Улан, д. 424
- Мамлюкский султанат 157
- Мангубский кадылык 629
- Мангуп (Мангуб) 68, 74, 165, 632,
- Мангупский кадылык (Мангупский кадылык) 162, 188, 422, 814, 818
- Мангупское плато 95
- Мангуш, с. 805
- Мангыт (Manğit) 71
- Мангыт кадылык (Мангытский кадылык) 421, 422
- Мангытский юрт 215, 216
- Мангышлак 155
- Манис, г. 30, 712, 713, 742
- Маниса, г. 30, 712, 713, 742
- Мансур (Mansur) 71
- Маньч, р. 365
- Марганец, г. 331

- Мариамполь, д. 104
 Мартинов 285
 Мачин (Мэчин) 837
 Маяцкий городок 348
 Медина, г. 14, 31, 33, 561, 633, 636, 642
 межа Халил-паши 358, 365
 Мекка, г. 30, 31, 167, 209, 456, 458, 459, 535, 561, 584, 615, 627, 62–631, 633, 642, 660, 762
 Мелитопольский уезд 425
 Мерзифон, г. 542, 639
 Мериленд 781
 Меркит (Merkit) 71
 Мертвый Донец 334
 Мерьем-дере, ущелье 648
 Месопотамия 50
 Мечетная, р. 741
 Мидия 50
 Митридат, гора 91, 688
 Миус, р. 196, 286, 330, 388
 Могулбай, д. 424
 Молбай, д. 423
 Молдавия (Богдан, Кара-Богдан, Черная Богдания) 18, 68, 102, 143, 157, 158, 161, 164, 166, 219, 247, 255, 258, 265, 267, 269, 271, 272, 277, 278, 283, 284, 321, 322, 342, 377, 393, 400, 411, 413, 645, 816, 819, 839
 Молдавское княжество (Молдавское государство) 358, 837
 Молла-Эли, д. 423, 424
 Молоди, с. 47, 233, 833
 Молочные Воды, р. 367
 Монгольская империя 168, 380, 411, 441, 443, 445, 472
 Московия 52, 54, 59, 68, 119–121, 203, 838
 Московская держава 235, 275
 Московская Русь 240, 828
 Московское государство 24, 54, 116, 119–121, 133, 163, 196, 203, 207, 208, 211, 212, 214, 222, 224, 230, 232, 235–239, 242, 249, 262, 263, 270, 271, 292, 310, 312, 328, 334, 346, 348, 361, 530, 620, 790, 828, 829, 835, 836, 844
 Московское княжество 177, 199, 248
 Мудурну 708
 Муин, д. 424
 Мурзакой, д. 423, 424
 Муром, г. 832
 Мусабей, д. 424
 Муфти Арпалыкский кадылык (Муфти-Арпалытский кадылык) 422
 Мухалатка, д. 128
 Мюнхен, г. 594, 772
 Навруз-кала 304
 навруз-улу 365
 Найман (Nauman) 71
 Насаф 637, 638
 Насынский кадылык 422
 Нахшуванский иль 473
 Неджеф, г. 33
 Немиров, г. 345
 Нехр-и Алма кадылык 421
 Нехр-и Бештерек кадылык 421
 Нехр-и Булганак кадылык 421
 Нехр-и Кабартай кадылык 421
 Нехри Качи 429, 430
 Нехр-и Качы кадылык 421
 Нехр-и Салгыр кадылык 421
 Нигболу, г. 8, 185
 Нигде, г. 693, 725, 740
 Нижнегорский район 423
 Нижнее Поволжье 205, 206, 210, 222, 223, 228, 843
 Нижнее Приднепровье 367, 368, 397
 Нижний Днепр 173, 330, 341, 357
 Нижний Дон 392, 396
 Нижний Новгород 11, 288
 Нижняя Волга 362
 Николаев, г. 497
 Никополь, г. 837
 Никопольский р-н 331
 Ниш, г. 273, 365
 Новгород, г. 240, 261, 833–835
 Новгород-Северский, г. 832
 Новобородицк, г. 327, 338
 Новооскольский уезд 343
 Новосергиевск, крепость 338
 Ногайская Орда (Большая Ногайская орда) 215, 221, 222, 262, 297, 424, 802
 Ногъай (Noğay) 71
 Носаковка, р. 346
 Нысф Карасу кадылык 421
 Нысф Тамак кадылык 421
 Нысф Чонгар (Нысфский кадылык) 653
 Нью-Джерси, штат 30
 Нюрнберг, г. 61
 Область асов 155
 Овечьи Воды, р. 338
 Одесса, г. 245, 518
 Одесская область 358
 Одоев, г. 229

- Озерная, г. 265, 320
 Озбек (Özbek) 71
 Ойрат (Вейрат) (Oyrat / Veyrat) 71, 552, 598
 Ойрат, д. 20
 Ока, р. 26
 Окупной Яр 328
 Окчу Хаджылар, д. 424
 Олан-Эли кадылык 421
 Олеско, г. 146
 Олешковская Сечь 340
 Ольвия, г. 145
 Ольховец 336
 Омельник, р. 356
 Оргеев, г. 837
 Орден 136, 145
 Орду-Базар 155, 499, 504
 Орель, р. 352, 776
 Ор-Капы (Оркъапы, Ор, Ор-капу, Феррахкерман, Феррах-Кермен, Ор Капы, Ферах Керман, Ферах Керман, Фарах-Керман, Ор Къапы, Перекоп), г. 355, 423, 426, 432, 434, 588, 706
 Орский кадылык (Ферахкерман кадылык, Перекопский кадылык) 422
 Орское (Перекопское) каймаканство 423, 427, 428, 547, 549, 654
 Орский иль (Перекопский округ) 475
 Орта Чонгар кадылык 421, 552
 Орта Чонгарский кадылык 421–423
 Орта-Керчинский кадылык 422
 Орталан, д. 420
 Орталан, поселение 420
 Орта-Чонгарский кадылык 421
 Орша, г. 829
 Оскол (Старый Оскол), г. 234
 Османская империя (Османская Турция, Османское государство, Порта, Блистательная Порта, Оттоманская Порта) 3, 4, 21, 22, 23, 33–35, 38–42, 44, 68, 81–83, 88, 89, 92, 93, 95, 129, 131, 132, 157, 161, 162, 165, 182–184, 186, 192–195, 201, 203, 209, 228, 235, 251, 252, 257, 269, 283, 292, 295, 324, 325, 335, 337, 341, 342, 344–346, 348–350, 352, 353–358, 361–365, 368, 371 379, 381, 384, 388–403, 405, 412, 413, 417, 427, 429, 432, 435, 439, 440, 443, 444, 448, 449, 452, 453, 460, 461, 465, 466, 470, 494, 505, 506, 510, 518, 519, 523, 525, 527, 541, 546, 554, 556, 557, 561, 571, 583, 609, 610, 616, 617, 624, 625, 627, 629, 633, 639–643, 645, 646, 652, 694, 709, 726, 750, 754, 762, 768, 771, 775, 814, 820, 839, 840–844
 Острог, г. 242
 Отар, д. 814
 Отузы, с. 727
 Очаков (Джанкерман, Джанкермен, Озю), г. 43, 56, 58, 60, 64, 65, 199, 209, 245–247, 326, 330, 331, 350, 351, 356–358, 367, 371, 400, 406, 416, 424, 438, 507, 554, 645, 775, 776, 791, 819, 821, 839
 Очаковская степь 357
 Павловск, г. 350
 Палестина 690
 Папа Никола, д. 814
 Париж, г. 21, 59, 60, 403, 563, 577, 590, 839
 Парканы, г. 273, 283
 Партеит, д. 86, 105, 109, 110, 111, 159, 160, 170, 188, 727, 728, 775
 Паша-Депеси, гора. 176
 Пекин, г. 259
 Пензенский уезд 366
 Переволочна, г. 325
 Перекопская крепость 358
 Перекопская степь 357, 367, 370, 400
 Перекопские укрепления 217, 219
 Перекопский перешеек 388
 Перекопский уезд 425
 Перекопское каймаканство 370, 422, 423, 427, 547, 549
 Перемышльщина 790, 795
 Переправа Исмаила 838
 Переяслав, г. 265, 343
 Переяславль-Рязанский, г. 229
 Перкара 767
 Персидская империя 354
 Петронелль, г. 273
 Пиза, г. 168
 Пилявцы 319
 Пионерское (Монетное), с. 106, 699, 701–703
 Пиренеи 51
 Пловдин (Филибе), г. 639, 641
 Поволжье 23, 138, 197, 245, 246, 366, 392, 609, 622, 625–627, 635, 837
 Подгайцы, г. 284
 Поднепровье 38, 318, 319, 790
 Подолье 143, 144, 146, 258, 267, 272, 323, 790, 797
 Подольское воеводство 344
 Полоцк, г. 246
 Полтава, г. 39, 317, 340, 352, 392, 820
 Польско-литовские земли 124, 241, 243, 245, 790
 Польско-Литовское государство 228, 442
 Польша (Корона, Польское королевство, Корель,

- Körel) 239, 246, 247, 275, 284, 317, 319, 323
- Померания 404
- Португалия 405
- Правобережная Украина (Правобережье) 57, 275, 280, 282, 284, 290, 316, 321, 322, 336, 337, 344, 346, 348, 349, 364, 369, 393,
- Правобережное гетманство 266, 281, 342, 346, 348
- Правобережная Кубань 357, 364, 369, 400
- Правобережье 266, 321–323, 345, 346, 348
- Правобережье Волги 141
- Правобережье Днепра 141, 336
- Предкавказье 312, 389
- Престольная держава (Престольное владение) 203
- Приазовье 89, 109, 111, 191, 267, 269, 328, 350, 371, 388–390, 405, 425, 791, 794, 823
- Прибалтика 754
- Приднестровье 355
- Прикубанье 397
- Принстон, г. 30
- Припять, р. 241
- Притеречье 392
- Приуралье 625, 626
- Причерноморский регион 74, 128
- Причерноморье 3, 28, 86, 100, 109, 111, 124, 132, 226, 240, 244–246, 255, 267, 269, 272, 285, 323, 328, 330, 405, 407, 408, 821, 823
- Приэльбрусье 352
- Провадия 270
- Проватро 170
- Пролом, поселение 420
- Прохладное, с. 108
- Пруссия 41, 164, 356, 357, 369, 403, 405, 406, 407, 411
- Прут, р. 358, 364, 365, 393, 836, 837
- Псков, г. 245
- Путивль, г. 229, 235
- Пшемысль, г. 795
- Пятигоры 144, 302
- Раба, р. 273
- Республика Молдова 837
- Речь Посполитая 164, 228, 237, 246, 274, 276, 277, 280–284, 341, 342, 344, 843
- Ров, замок 144
- Родос, о. 74, 255, 345
- Романия 61, 658
- Российская Федерация 44, 123
- Российское царство 211, 388
- Россия 4, 5, 20, 21, 38–40, 50, 54, 56, 58–60, 63, 64, 66, 114, 116–119, 121–123, 163, 186, 191, 201, 211, 218, 220–226, 228, 235, 243, 245, 246, 248, 256, 259–267, 270, 273–277, 279–282, 284, 285, 287–291, 307, 308, 313, 316–321, 323, 324, 327, 331, 333–335, 337, 340–343, 345 – 357, 359, 361–366, 369, 371–378, 382–385, 387, 388–408, 423, 425, 450, 494, 520, 529, 530, 532, 534, 558, 577, 605, 613, 624, 625, 645, 659, 660, 685, 755, 761, 768, 771, 775, 777, 789–791, 794, 795, 810, 812, 813, 815, 817, 821, 825, 827–835, 840, 844
- Рось, р. 346
- Рум 249, 431
- Румелийский эйалет 173
- Румели-хисары, крепость 11
- Румелия 22, 44, 256, 296, 330, 368, 597, 766, 837
- Румыния 836
- Русское воеводство 285
- Русское государство 208, 214, 228–233, 275, 276, 287
- Русь 113, 121, 197, 200, 202, 207, 216, 218, 220, 221, 223, 225, 264, 280, 287, 311, 312, 319
- Рязанская область 828
- Рязанские места 229
- Рязанское княжество 102
- Рязань, г. 229
- Сабах-Эли, д. 423
- Саврань, г. 527
- Сакал кадылык (Сакальский кадылык) 421, 422
- Сакский район 594
- Сала, д. 420
- Салачик (Эски Саладжик) 14, 16, 72, 75–77, 83, 84, 102–104, 107, 150, 426, 430, 431, 434–436, 436, 438, 542, 545, 549, 550, 551, 555, 578, 648, 664, 689, 720, 722, 727, 728, 732, 734, 746, 751, 762
- Салгир (Салгъыр) 69
- Салгир (Салгър), р. 423
- Салгирская долина 699
- Салгирский 2-й кадылык 422
- Салгирский кадылык (Салгирский кадылык) 421, 422
- Салоники (Селяник) 68, 270
- Салтаба, с. 491
- Самара, р. 352, 367
- Самарканд, г. 637
- Самарчык кадылык (Самарчикский кадылык) 421
- Самастро (Амасра) 182
- Самбор, г. 795
- Самборский повет 795
- санджак Силистра (санджак Силистра-Очаков) 838
- Санкт-Петербург (Петербург), г. 369, 373, 381, 394
- Сарабуз (Сары Абыз), д. 70

- Сараево, г. 32, 613, 614
 Сарай, г. 3, 121, 136, 141
 Сарай аль-Джадид, г. 141
 Сарай-Визе, селение 74
 Сарайчук, г. 220, 222, 224, 225
 Саранский уезд 395
 Саратов 839
 Сарата/Татарбунары 838
 Саратов, г. 392
 Саркел, г. 69
 Сартана, д. 420
 Сары Кыпчак 70
 Сары-Болат (Портовое), д. 774
 Сарылар 70
 Сарымамбаш-Кермен 105
 Сасовский район 828
 Саудовская Аравия 31, 33
 Сахъ (Сакъ, Саки), д. 439, 773
 Свяжск, г. 214
 Священная лига 284, 323, 349, 361, 843
 Священная Римская империя (Империя) 149, 274, 349, 361, 523
 Севастополис (Сухуми) 146, 193
 Севастопольская бухта 12
 Северка 213
 Северная Африка 453, 485, 822
 Северная Македония 603
 Северное Приазовье 367, 371, 394
 Северное Присивашье 654
 Северное Причерноморье 43, 49, 51, 52, 57, 62, 158, 159, 235, 248, 249, 285, 365, 386, 400, 531, 644, 819
 Северный Кавказ 116, 141, 149, 202, 230, 231, 248, 286, 289, 297, 301, 302, 307, 308, 310, 311, 339, 351, 354, 358, 396–398, 417, 418, 830, 831
 Северный Кипр 29, 615
 Северный Прикаспий 285
 Северо-Восточное Приазовье 393, 389
 Северо-Восточное Причерноморье 173
 Северо-Восточный Кавказ 339
 Северо-Западное Предкавказье 312
 Северо-Западное Причерноморье 328, 365, 371
 Северо-Западный Иран 633
 Северо-Западный Кавказ 292, 301, 357, 360
 Северо-Кавказский регион 307
 Северорусские княжества 141
 Северская земля 244
 Северский Донец, р. 54, 59, 307, 364, 396
 Севск, г. 833
 Сед-Ислам (Люттик) 109
 Сейид-Эли (Журавки), д. 584
 Сейм, р. 53
 Секиен, д. 424
 Сельджуки 452
 Сельджукский Рум 788
 Сельджукский султанат 168
 Сенizeк, д. 423
 Сенява, г. 538
 Сербия 267, 273
 Серпухов, г. 237
 Сефевидский Иран 202, 252, 254
 Сефевиды 251, 452
 Сибирское ханство 129, 842
 Сибирь 263, 336, 836
 Сивас, г. 627, 633, 733, 742
 Сиваш 290, 337, 355, 423
 Сиджевут (Secevüt) 71
 Силистра (Силистре, Силистрия), г. 838
 Симбирский уезд 366
 Симферопольский район 107
 Симферопольский уезд 425, 533, 618, 700
 Синд 807
 Синоп, г. 194, 330, 384, 460, 584, 588
 Сирия 15, 32, 50, 177, 249, 452, 541, 606, 636, 690, 823
 Сизьтл, г. 120
 Слободище 321
 Слободская Украина 393, 404
 Слован, г. 270
 Смирна (Измир), г. 38
 Снятин, г. 797
 Собай 298
 Советский район 423
 Совуджук (Совугус, Согус), селение 295
 Солёное озеро 209
 Соллар, д. 424
 Сосна, р. 52, 234
 София, г. – 611, 619
 Средиземноморье 86, 149, 168, 174, 807
 Среднее Поволжье 214, 228
 Нижнее Поволжье 205, 206, 210, 222, 223, 228
 Среднее Поднепровье («волость») 330
 Средняя Азия 625
 СССР (Советский Союз) 116, 117, 123, 131, 567, 569, 570, 573
 Стайки, г. 347
 Стамбул (Константиние, Кустантиния, Константинополь, Исламбул, İslambolu (Исламболу),

- İstanbul (Истанбул), Kostaniye (Костание), Царьгород), г. 7, 11, 12, 14, 15, 16, 18–22, 29, 32, 34, 41, 42, 68, 86, 128, 158, 159, 162, 164, 177, 183, 184, 187, 192–194, 195, 198–203, 209, 217, 222, 223, 233–236, 252, 254, 255, 263, 268–272, 274, 280–283, 285, 296, 299, 306, 316, 322, 324, 332, 335, 337, 339, 340–342, 345, 347–357, 360–362, 365, 366, 372, 378, 379, 383, 388, 389–393, 395, 401, 412, 417, 435, 444, 450, 453, 456, 466, 467, 469, 476, 506, 521, 522, 528, 542, 543, 554, 557, 561, 563, 568, 571, 575, 576, 583, 584, 588–590, 594, 596, 597, 599–601, 603, 604, 609, 610, 616, 626, 628, 630, 639, 641, 661, 688, 694, 709, 713, 716, 742, 751, 764, 767, 771, 774, 791, 792, 794, 817, 821, 826, 839
- Стародуб, г. 229
- Стрый, г. 285
- Су-Баш 1, поселение 484, 654, 655
- Су-Баш, поселение 105, 107
- Субаши, селение 74
- Сугдея (Судак, Сугдак, Солдайя), г. 168
- Судакский кадылык 421, 422, 818
- Судьбищи 230
- Суин-Эли, с. 696, 697
- Сулаат 807
- Султан кадылык 421, 423
- Султан, д. 423
- Султание, г. 817
- Султан-Сарай, д. 424, 650
- Сумпанджи, д. 424
- Сунжа, р. 231
- США 30, 563, 606, 781
- Сырдарья, р. 627
- Сыр-Каир, местность 555
- Сююри-Таш, с. 725
- Сююрташ (Белокаменное), с. 80
- Сююр-Таш, д. 818
- Сююрташ, с. 80, 725, 765
- Табана-дере, балка 94, 97
- Таванский о-в 337
- Таврика – 49
- Таврический полуостров 521, 817
- Таганрог, крепость 350, 352, 362
- Тайган, д. 424
- Таймас, д. 424
- Тама, д. 423
- Тамакский кадылык 422, 423
- Таманская крепость (Хункала) 304
- Таманский кадылык 421
- Таманский остров 183, 402
- Тамань (Матрега), г. 157
- Тамбов, г. 288, 333
- Танагельди, д. 420, 423, 424
- Тартария 839
- Тархан кадылык (Тарханский кадылык) 421, 422
- Тарханкутский полуостров (Тарханкут) 475
- Тат, крепость 162
- Татария 823
- Татар-Пынары (Татарбунары), местечко 553
- Татарская земля/местность 839
- Татарская область 373, 374
- Татарская равнина 839
- Татский иль 805
- Тат-эли 815
- Ташкент, г. 540, 568, 739
- Ташлы Булга кадылык 421
- Ташлы кадылык (Ташлынский кадылык) 421
- Ташлы-Шейх-Бешпареси кадылык 422
- Таш-Ярган, с. 475
- Тверь, г. 261
- Тёбен-Сарай, д. 423
- Тёбен-Эли, д. 423
- Тебриз, г. 177, 251, 627
- Текие, д. 420
- Темгенево, с. 828
- Темешварский эялет 353
- Темиргой (Кемиргой, Камюркой) 287, 298
- Темиркапы 296
- Темишлык, д. 424
- Темрюк, г. 18, 162, 194, 287, 306, 358, 365, 366, 652
- Тенехматов улус 802
- Тепе Чокрак кадылык 421
- Тепе-Керчинский кадылык 422
- Тепе-Чонгарский кадылык 422
- Тербет 304
- Терек, р. 210, 232
- Терекли Шейх-Эли, д. 423
- Терса, р. 367
- Тешкли-бурун, мыс 95, 96
- Тигинская/Бендерская крепость 838
- Тифине (Тихвин), г. 835
- Тифлис, г. 296
- Тобольск, г. 827
- Тогай, д. 423
- Токат, г. 469, 627, 733, 742
- Токмак, ур. 367
- Толга, д. 423
- Томаковка, о. 331

- Рени (Томарова, Тимурабад), г. 838
Топлы, д. 420
Топчукой (Долинное), с. 771
Торские соляные озера 348
Торуньский перевал 797
Трансильвания 353
Трабзон (Трапезунд) 68, 193, 330, 460, 469
Триполье, г. 347
Троицкий, крепость 362
Троки, г. 142
Тростянец, г. 316
Тула, г. 214, 220, 229, 236, 239
Тулча, г. 838
Тунис 493, 250
Тура, р. 356
Туран 66, 539, 781
Туркестан 539
Туркмен (Türkmen) 71, 423, 804, 807
Туркмения 807
Турнадаг 17
Турция 8, 20, 21, 29, 30, 34, 42, 64, 74, 186, 199, 201, 207, 209, 211, 241, 247–249, 266–274, 277, 278, 280, 281, 284, 290, 291, 311, 317, 318, 319, 322, 323, 336, 342, 345, 347, 349, 355, 364, 366, 376, 377, 405, 407, 438, 450, 453, 460, 472, 477, 479, 486, 488, 491, 493, 532, 558, 564, 568–570, 573, 575, 577, 579, 589, 590, 597, 604–606, 611, 622, 690, 694, 709, 725, 727, 728, 733, 754, 762, 767, 768, 772, 774, 775, 791, 807, 829, 830
Тушино 236
Тюмень 206, 210
Тюрке II, поселение 105
Тягинь 819
Тясмин, р. 241
Узбекистан (Республика Узбекистан) 540, 570, 636–638, 801
Узен-Баш, д. 812
Украина 33, 55, 166, 269, 313, 319, 322, 358, 605
Украинское гетманство 319
Улаклы (Глубокий Яр), с. 552, 618, 657
Улично, с. 796
Улуг-Кул, местность 555
Улуклукарам 438
Улукул, д. 632
улу-ногаи 365, 553
Улус Джучи 3, 13, 120, 135, 137 138, 141, 196, 198, 209, 440, 482, 647, 660, 777, 779, 784, 789
Унгъут (Ungüt) 71
Усердский уезд 343
Ускюп (Скопье), г. 603
Ускют, д. 9
Уч-Оба 355
Феодоро 95, 97, 138, 146–148, 158, 160, 161, 170, 251, 425, 646, 774
Феодосийская бухта 711
Феодосийский район 694
Феодосийский уезд 425
Ферганская долина 637
Фефгур 539
Финляндия 527
Фонтан 6, поселение 105
Фоти сала (Фоти-Сала, Фетгах сала, Фетх сала), д. 66
Франция 403, 407, 408, 605
Фуна 160
Хаджибей, г. 245
Хаджиоглу Назарджик 838
Хаджи-Тархан, г. 141, 155, 197, 198, 203, 206, 207–210, 216, 219, 229, 637
Хаджылар, д. 423, 424
Хайман, д. 423
Халеб, г. 627
Халифат 165, 167, 424, 451, 487, 788
Ханка (район) 771
Ханкишла (Хан кышлясы, с. Удобное) 358, 365, 368
Ханлы-дере 83, 84, 101
Ханская Украина 339, 819
Хан-Тепе (Хан-тепе) 351, 366
Хан-Эли, д. 19, 561
Харьков, г. 364, 393, 587
Хасанбай, д. 554
Хата 85
Хатан 539
Хатукаевское княжество 298
Хатукай 304
Хелмское воеводство 278
Херсонес 168, 173
Херсонщина 355
Хива, г. 70
Хивинское ханство 71
Хиджаз 584, 636
Хинд 807
Хисар 620
Хнов, с. 493
Хорасан 788
Хорезм, г. 135, 637
Хорезмская область 771
Хорезмшахи 452

- Хортица, о. 56, 331
 Хотин, г. 21, 3656 371
 Хунзах, г. 609
 Хунчор 70
 Хуррем, д. 20, 598
 Хызр-Бали, д. 594
 Хырсово 838
 Царёва-Борисов 234
 Царичанка 527
 Центральная Европа 39, 41, 82, 183, 234, 342, 349, 361
 Центрально-Восточная Европа 133, 342, 361, 528
 Центральное Черноземье 395
 Цецора, д. 241, 254, 271, 277, 278, 332
 Чагатайский улус 445
 Чамну-бурун, мыс 95
 Чардаклы, д. 423
 Чаталджа 21
 Чатырдаг (Чатыр-даг) 473, 480
 Челеби-Эли, д. 423
 Чембало, г. 89, 159, 160, 170, 175, 425, 646
 Чемерлыкский кадылык 422
 Червонная Русь (Галичина) 796, 797
 Черкасск, г. 325, 390, 399
 Черкасы, г. 331, 361
 Черкез (Çerkez) 71
 Черкез-Кермен, д. 814
 Черкес, д. 249
 Черкесия 292, 295, 297–306, 312, 321
 Черкесский вилайет 292
 Черная (Чоргуна, или Казыклы-Озен), р. 12
 Черная Долина 267
 Чернигов, г. 319, 792
 Чернигово-Северщина 144
 Черниговское воеводство 313
 Черное море (Большое море) 182, 331, 335, 336, 400, 527, 627, 658, 775, 776
 Черноморский бассейн 157, 168, 169, 182, 192, 330, 435
 Черноморский регион 128, 171, 183
 Черноморское побережье 161, 169, 241, 277, 278, 329, 651, 652
 Четерлик кадылык 421
 Чигирин, г. 257, 266, 267, 270, 273, 281, 313, 314, 316, 322, 323, 336, 337, 345
 Чикаго, г. 121
 Чингизиды 445, 828
 Чин-Мачин 539
 Чирмен 8, 185
 Чобан-кала 304
 Чобан-Куле 159
 Чокрак, местечко 188
 Чонбай, д. 424
 Чонгар 355, 421, 422, 653
 Чонгар (Джунгар) (Çoᅅgar / Cunᅅar) 71
 Чонгар кадылык (Чонгарский округ) 9, 421
 Чорум, г. 30, 34, 431, 548
 Чоту, д. 424
 Чоюнчу, д. 633
 Чуваш (Çuvaş) 71
 Чугуев, г. 333
 Чуднов, г. 287, 288, 321
 Чуйинчи кадылык - 421
 Чурук-су (Чурюк-су, Чурук-Су), р. 99, 435, 664–666, 718, 751
 Чута, р. 346
 Чуфут-Чеарган-бурун, мыс 95
 Чуюнджы, д. 553
 Чуюнчик-Бешпареси кадылык 422
 Шад-Керман, крепость 304
 Шацк 288
 Швеция 354, 404
 Шейх Музаффер, д. 457
 Шейх-Кой (Шейх-кой, Давыдово), д. 106, 545, 705, 706, 728, 729
 Шейх-Эли кадылык 421, 423
 Шейх-Эли, д. 422, 424
 Шейхэльский кадылык 422
 Шилки-Су (Конские Воды), р. 645
 Шираз, г. 610
 Ширван 135, 252, 295
 Ширин (Şirin) 71
 Ширин кадылык (Ширинский кадылык) 424
 Ширинское княжество 45, 46, 154, 158, 199, 208, 221, 422, 426, 473
 Штуттгарт, г. 123
 Шыбан (Şıban) 71
 Экчияк (Ички-Иль) 812
 Эрзерум (Эрзурум), г. 693, 725, 733
 Эр-Рияд (Эр-Рийяд), г. 31, 33
 Эски Крым кадылык (Эски-Крымский кадылык) 421
 Эски-Сарай (Пионерское), д. 106, 702
 Эфендикой (Айвовое), с. 739
 Эшкен, д. 424
 Юань 445
 Юго-Западный Крым 97, 106, 160, 183, 189, 195, 427, 475, 502, 647, 789, 804, 806

- Югославия 619
Южное Причерноморье 157
Южный берег Крыма (Южнобережье, Южное побережье Крыма) 183, 774
Южный Буг, р. 361
Южный Крым 189, 645
Юкары Бешаран, д. 423
Юкары Тайган, д. 423, 424
Юкары-Ичкийский кадылык 422
юрт Халила паши 839
Юрьев, г. 212
Ягорлык, г. 339, 819
Ягорлык, р. 361, 362
Яик (Урал), р. 609, 838
Ялта (Яллита), д. 170
Яман Чель Шейх-Эли, д. 423
Ямболу, г. 256
Янболи 270
Янджу Коклуз, с. 725
Ярослав, г. 795
Ярославль, г. 835
Яссы, г. 18
Яшдаг кадылык 421
Яшдаг, д. 47, 475
Яшлав (Yaşlav) 71
Яшлав, д. 820
İlgeri Qırçaq 70
Kör Qırçaq 70
Qara (Qaralar) Qırçaq 70
Qullar Qırçaq 70
Qurulu Qırçaq 70
Sarı Qırçaq 70
Swyna horda, замок 136
Taşlı Qırçaq 70
Üç Quyu Qırçaq 70
Yañı Qırçaq 70
Yuqarı Qırçaq 70

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИТОИАЭ – Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии.

ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии.

КНП – Культура народов Причерноморья.

КрАССР – Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика.

КРО – Кабардино-русские отношения.

КрымОХРИС – Крымский отдел по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, природы и народного быта.

КФ ИА НАНУ – Крымский филиал Института археологии Национальной академии наук Украины.

ЛМ – Литовская метрика.

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.

МИД – Министерство иностранных дел.

НАРК – Национальный архив Республики Калмыкия.

НИА СПбИИ РАН – Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук.

НБ МГУ – Научная библиотека Московского государственного университета.

НИИ – Научно-исследовательский институт.

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи.

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

РНБ – Российская национальная библиотека.

СИРИО – Сборник Императорского русского исторического общества.

СМ АРК – Совет министров Автономной республики Крым.

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет.

СПбФ ИВ РАН – Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения Российской академии наук.

СРК – Сношения России с Кавказом.

ЦГАЛИ – Центральный государственный архив литературы и искусства.

ЦГРМ – Центральные государственные реставрационные мастерские.

ЮБК – Южный берег Крыма.

AGAD – Archiwum Główne Akt Dawnych.

BOA – Başbakanlık Osmanlı Arşivi.

İMMA – İstanbul Müftülüğü Meşihat Arşivi.

MD – Mühimme Defteri.

ODKE – Osmanlı Dönemi Kırım Edebiyatı.

TTD – Tahrir Defteri.

VEK – Veliyüddin Efendi Kitaplığı.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдужемилев Рефат Рустем огълы – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории имени Ш. Марджани АН РТ; старший научный сотрудник НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»

Абдульваапов Нариман Ремзиевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры крымскотатарской литературы и журналистики ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»

Абибуллаева Эльмира Эбазеровна – заведующая Мемориальным музеем Исмаила Гаспринского ГБУ РК БИКАМЗ; младший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ

Аваков Пётр Ашотович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук»

Акчурина-Муфтиева Нурия Мунировна – доктор искусствоведения, профессор кафедры декоративного искусства ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»

Беляков Андрей Васильевич – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Центра русского феодализма Института российской истории Российской академии наук

Брайан Глин Вильямс – Ph. D., профессор кафедры истории Университета Массачусетса в Дартмуте

Виноградов Александр Вадимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Российской истории РАН

Гатин Марат Салаватович – кандидат исторических наук, доцент, Казанский федеральный университет

Грибовский Владислав Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института украинской археологии и источниковедения им. М. С. Грушевского Национальной академии наук Украины

Гулевич Владислав Петрович – главный консультант управления по связям с местными органами власти и органами местного самоуправления Аппарата Верховной Рады Украины

Дейников Равиль Тагирович – кандидат исторических наук, начальник Центра Банка ГПБ (АО)

Джанов Александр Витальевич – старший научный сотрудник Национального заповедника «София Киевская»

Джемил Тасин – доктор исторических наук, профессор, академик Академии наук Румынии

Жуков Вячеслав Дмитриевич – Российский государственный архив древних актов

Заатов Исмет Аблятифович – ведущий научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ

Зайцев Илья Владимирович – доктор исторических наук, профессор РАН, заместитель генерального директора Государственного музея искусства народов Востока

Зиливинская Эмма Давидовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН

Кавак Нури – Prof. Dr., профессор факультета языка и литературы университета Османгази, г. Эскишехир

Кадыров Расим Решатович – заведующий Музеем истории и археологии (г. Старый Крым) на правах отдела ГБУ РК «Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия»

Керимова Алие Талъатовна – научный сотрудник ГБУ РК «Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия»

Конкин Денис Валериевич – кандидат исторических наук, заведующий отделом новой истории Крыма, Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма (структурное подразделение) Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

Кочегаров Кирилл Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

Курникова Оксана Михайловна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института Востоковедения РАН

Лисейцев Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Моисеев Максим Владимирович – кандидат исторических наук, заведующий экспозиционно-выставочным сектором ГБУК г. Москвы «Музейное объединение «Музей Москвы» – «Музей археологии Москвы»

Мустакимов Ильяс Альфредович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Национальной библиотеки Республики Татарстан

Науменко Валерий Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Почекаев Роман Юлианович – доктор исторических наук, профессор, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Прохоров Дмитрий Анатольевич – доктор исторических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры документоведения и архивоведения, исторического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Рахимзянов Булат Раимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани Академии Наук Республики Татарстан

Руев Владимир Леонидович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Таврической академии (сп) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

Рустемов Олег Диляверович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»

Сейдалиев Эмиль Исаевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории ГБОУ ВО РК Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова; старший научный сотрудник Института истории имени Ш. Марджани АН РТ; старший научный сотрудник ФГБУН Институт археологии Крыма РАН

Сейт-Маметов Шукри Энверович – младший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ

Сейтумеров Шукри Сейтмететович – старший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории имени Ш. Марджани АН РТ

Сень Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор Института истории и международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южный федеральный университет»

Темушев Степан Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Белорусского государственного университета

Тепкеев Владимир Толтаевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом истории Калмыцкого научного центра РАН

Трепавлов Вадим Винцерович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений

Фоменко Игорь Константинович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, ЦНИ «Актуальная история» АИРО-XXI

Хотко Самир Хамидович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела этнологии и народного искусства Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева

Храпунов Никита Игоревич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского

Шалак Максим Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент Ростовского государственного университета путей сообщения, Южный федеральный университет

Шейхумеров Амет-хан Азизович – младший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ

Якубович Михайло Михайлович – кандидат исторических наук, доцент НУ «Острожская академия»

Якушечкин Александр Валентинович – внештатный научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ

Яфарова Мадина Рашидовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центр источниковедения истории России Института российской истории РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (<i>Р. С. Хакимов</i>)	3
Введение (<i>И. В. Зайцев</i>).....	4
ГЛАВА 1. ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КРЫМСКОГО ХАНСТВА	6
1.1. Письменные арабографические источники (<i>И. В. Зайцев</i>)	6
1.2. Кириллические источники (<i>А. В. Виноградов, М. В. Мусеев</i>).....	23
1.3. Мусульманские религиозные источники (<i>М. М. Якубович</i>).....	28
1.4. Записки путешественников (<i>Н. И. Храпунов</i>)	36
1.5. Арабографичные документальные источники по истории Крымского ханства (<i>И. А. Мустахимов</i>)	40
1.6. Татарские родословные (шеджере) (<i>И. В. Зайцев</i>)	45
1.7. Европейские картографические источники (<i>И. К. Фоменко</i>)	48
1.8. Топонимическая номенклатура Крыма (<i>О. Д. Рустемов</i>).....	65
1.9. Крымскотатарские эпиграфические памятники периода Крымского ханства (<i>Н. Р. Абдульвапов, Ш. С. Сейтумеров</i>).....	72
1.10. Османская археология в Крыму (<i>В. Е. Науменко, Э. И. Сейдалиев</i>)	81
ГЛАВА 2. ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ КРЫМСКОГО ХАНСТВА	113
2.1. Российская историография (<i>А. В. Виноградов, И. В. Зайцев, М. Г. Мусеев, А. А. Шейхумеров</i>)	113
2.2. Англо-американская историография (<i>Б. Р. Рахимзянов</i>).....	119
2.3. Немецкая историография (<i>М. С. Гатин</i>).....	122
2.4. Польская историография (<i>А. А. Шейхумеров</i>)	124
2.5. Турецкая историография (<i>Ш. Э. Сейт-Маметов</i>).....	127
2.6. Украинская историография (<i>А. А. Шейхумеров</i>).....	131
ГЛАВА 3. ОБРАЗОВАНИЕ КРЫМСКОГО ХАНСТВА И РАННИЙ ПЕРИОД ЕГО ИСТОРИИ	135
3.1. Борьба за политическое наследие Улуса Джучи (1399–1441 г.) (<i>В. П. Гулевич</i>)	135
3.2. Приход к власти в Крыму Хаджи Герая и формирование крымскотатарской государственности (1442–1466 г.) (<i>В. П. Гулевич</i>)	142
3.3. Происхождение династийного имени Гераев (<i>И. В. Зайцев</i>)	151
ГЛАВА 4. ОСМАНСКИЙ КРЫМ	157
4.1. Турецкое вторжение в Крым (1475 г.) (<i>В. Л. Рувев</i>)	157

4.2. Османский протекторат над Крымом (<i>И. В. Зайцев</i>).....	162
4.3. Генуэзская Каффа – османская Кефе (<i>А. В. Джанов</i>).....	162
4.4. Кефинский эялет (<i>О. М. Курникова</i>)	183
ГЛАВА 5. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ	
КРЫМСКОГО ХАНСТВА В XVI – НАЧАЛЕ XVII вв.	196
5.1. Внутриполитическое развитие Крымского ханства в XVI – начале XVII в. (<i>И. В. Зайцев, А. В. Виноградов</i>)	196
ГЛАВА 6. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КРЫМСКОГО ХАНСТВА	
В XVI – НАЧАЛЕ XVII в.	203
6.1. Крымское ханство в постзолотоордынском пространстве (Казань и Астрахань) (<i>М. В. Моисеев</i>).....	203
6.2. Крымское ханство и Ногайская Орда в XVI – начале XVII в. (<i>В. В. Трепавлов</i>).....	215
6.3. Крымско-русские отношения в XVI в. (<i>А. В. Виноградов</i>)	227
6.4. Русско-крымские отношения в эпоху Смуты (<i>Д. В. Лисейцев</i>).....	235
6.5. Отношения между Крымом, Польшей и Литвой в XVI в. (<i>А. А. Шейхумеров</i>)	239
6.6. Дипломатические отношения Крыма с Египтом в конце XV–XVI вв. (<i>И. В. Зайцев</i>).....	248
6.7. Взаимоотношения Крымского ханства с Ираном (Ак-Коюнлу и Сефевиды) (<i>И. В. Зайцев</i>)	251
ГЛАВА 7. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ	
КРЫМСКОГО ХАНСТВА В XVII в.	254
7.1. Внутриполитическое развитие Крымского ханства в XVII в. (<i>И. В. Зайцев, А. А. Шейхумеров</i>).....	254
ГЛАВА 8. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КРЫМСКОГО ХАНСТВА В XVII в.	
8.1. Крымско-русские отношения в XVII в. (<i>А. А. Шейхумеров</i>)	259
8.2. Крымско-османские отношения в XVII в. (<i>Н. Кавак, Р. Р. Абдужемилев,</i> <i>Ш. Э. Сейт-Меметов, А. А. Шейхумеров</i>).....	268
8.3. Дипломатические отношения Крыма с Речью Посполитой в XVII в. (<i>К. А. Кочегаров</i>)	274
8.4. Отношения Крымского ханства с Калмыцким ханством в XVII в. (<i>В. Т. Тепкеев</i>)	285
8.5. Отношения крымского ханства с черкесами во второй половине XVI–XVII вв. (<i>И. В. Зайцев, С. Х. Хотко</i>)	292
8.6. Крымское ханство и Малая Ногайская орда. (<i>М. Е. Шалак</i>)	307
8.7. Крымско-украинские отношения в XVII веке (<i>А. А. Шейхумеров</i>).....	313
8.8. Казачество во внешней политике Крымского ханства (XVII век) (<i>К. А. Кочегаров, Д. В. Сень</i>)	324
8.9. Крымское ханство, Россия и Османское государство в последней трети XVII в. (<i>М. Р. Яфарова</i>)	341

ГЛАВА 9. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КРЫМСКОГО ХАНСТВА В XVIII в.	350
9.1. Крымское ханство в первой трети XVIII в. (<i>Р. Т. Дейников</i>).....	350
9.2. Владения Крымского ханства от Кубани до Буджака в XVIII в. (<i>В. В. Грибовский</i>)	357
9.3. Крымское ханство в 1771–1783 гг. и судьба крымскотатарской государственности (<i>Р. Ю. Почекаев</i>)	371
ГЛАВА 10. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КРЫМСКОГО ХАНСТВА В XVIII в.	386
10.1. Крымско-российские отношения и новая система международных договоров (1700–1772 гг.) (<i>П. А. Аваков, Д. В. Сень</i>)	386
10.2. Дипломатические отношения Крыма с Францией, Пруссией, Швецией в XVIII в. (<i>Н. И. Храпунов</i>)	403
ГЛАВА 11. ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КРЫМСКОГО ХАНСТВА. АДМИНИСТРАТИВНОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО	409
11.1. Система власти и управления в Крымском ханстве (<i>Р. Ю. Почекаев</i>)...	409
11.2. Административно-территориальное деление Крымского ханства (<i>Р. Р. Абдужемилев</i>)	420
11.3. Средневековый крымскотатарский город и его инфраструктура. Кадылык, город, махалле (<i>Э. Э. Абибуллаева</i>)	425
11.4. Правовая культура Крымского ханства (<i>Р. Ю. Почекаев</i>)	440
11.5. Институт судий (кадиев) и судопроизводство. Виды судебных тяжб (<i>О. Д. Рустемов</i>)	451
11.6. Социально-экономическая жизнь уезда Карасу. (<i>Нури Кавак</i>)	460
ГЛАВА 12. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КРЫМСКОМ ХАНСТВЕ	472
12.1. Аристократия в Крымском ханстве (<i>А. А. Шейхумеров</i>).....	472
12.2. Земледелие и земельные отношения. Крестьянская община. Скотоводство (<i>И. В. Зайцев, Э. И. Сейдалиев</i>)	480
12.3. Вакуфы (разновидности, процедура назначения и механизмы функционирования) (<i>Д. В. Конкин</i>)	485
12.4. Развитие традиционных ремесел и промыслов. Эснафы (<i>И. В. Зайцев</i>).....	494
12.5. Монетное обращение, торговля и денежно-весовая система (<i>А. В. Якушечкин</i>)	498
12.6. Рабы и работорговля в Крымском ханстве (<i>В. Д. Жуков, О. Д. Рустемов, А. А. Шейхумеров</i>)	527
12.7. Положение женщины в Крымском ханстве (<i>А. А. Шейхумеров</i>)	535
ГЛАВА 13. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА КРЫМСКОГО ХАНСТВА.....	539
13.1. Система образования в Крымском ханстве (<i>Н. Р. Абдульвапов</i>).....	539
13.2. Крымскотатарская литература периода Крымского ханства (<i>Н. Р. Абдульвапов</i>).....	562
13.3. Письменная культура Крымского ханства (<i>И. В. Зайцев</i>)	605

13.4. Исламская культура Крымского ханства. Исламская организация (<i>И. В. Зайцев</i>)	627
13.5. Философская мысль в крымском ханстве (<i>М. М. Якубович</i>).....	635
ГЛАВА 14. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА, АРХИТЕКТУРА И ИСКУССТВО В КРЫМСКОМ ХАНСТВЕ.....	
14.1. Города и поселения Крымского ханства (<i>Э. И. Сейдалиев, Р. Р. Кадыров</i>)	645
14.2. Дворцовая архитектура Крымского ханства (<i>И. В. Зайцев</i>)	656
14.3. Водные источники и фонтаны Крыма в контексте исламских традиций (<i>Н. М. Акчурина-Муфтиева</i>)	687
14.4. Культовая архитектура крымского ханства (<i>Э. Д. Зиливинская</i>)	692
14.5. Традиционные жилища крымских татар в период Крымского ханства (<i>А. Т. Керимова, Ш. С. Сейтумеров</i>)	743
14.6. Изобразительное и декоративно-прикладное искусство (<i>Н. М. Акчурина-Муфтиева</i>)	750
14.7. Музыкальная культура Крымского ханства (<i>И. А. Заатов</i>)	761
14.8. Медицина Крымского ханства сквозь призму повседневной жизни (<i>Э. Э. Абибуллаева</i>)	769
14.9. Кораблестроение и судоходство в Крыму (<i>А. А. Шейхумеров</i>).....	774
ГЛАВА 15. ВОЕННОЕ ДЕЛО И ВОЕННАЯ КУЛЬТУРА КРЫМСКОГО ХАНСТВА.....	
15.1. Вооружение и военное дело Крымского ханства (<i>Э. И. Сейдалиев</i>)	777
15.2. Набеги крымских татар (<i>А. А. Шейхумеров</i>).....	790
ГЛАВА 16. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЩИНЫ В КРЫМСКОМ ХАНСТВЕ.....	
16.1. Этногенез крымских татар в эпоху Крымского ханства. Субэтноты крымскотатарского народа (<i>Брайн Глин Вильямс, А. А. Шейхумеров</i>) ..	800
16.2. Иудейское население Крымского ханства (<i>Д. А. Прохоров</i>)	808
16.3. Христианское население Крымского ханства (<i>И. В. Зайцев, А. А. Шейхумеров</i>).....	813
ГЛАВА 17. «КРЫМСКОЕ ХАНСТВО» ЗА ПРЕДЕЛАМИ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА.....	
17.1. Представления о Крымском ханстве в Западной и Центральной Европе в середине XV – третьей четверти XVIII в. (<i>Н. И. Храпунов</i>)	822
17.2. Выходцы из Крымского ханства в Московской Руси (<i>А. В. Беляков</i>)	828
17.3. Татары Добруджи и Буджака (<i>Тасин Джемил</i>).....	836
ЗАКЛЮЧЕНИЕ (<i>И. В. Зайцев</i>).....	842
Список источников и литературы.....	845
Именной указатель.....	964
Политико-географический указатель	999
Список сокращений.....	1015
Сведения об авторах	1016

Научное издание

ИСТОРИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР

В ПЯТИ ТОМАХ

ТОМ III
Крымское ханство
(XV – XVIII вв.)

*На обложке использована тугра
хана Сахиба Герая I. 1549 г.*

С текстом: «Отец победы и борец за веру, хан Сахиб Герай, слово мое...»

Подготовка указателей

Э. Р. Аджалимова, А. А. Шейхумеров

Подготовка карт

С. Н. Темушев, Р. Р. Абдужемилев

Корректор

В. М. Красиков

Подготовка макета

М. А. Усеинов

Подписано в печать 15.12.2021.

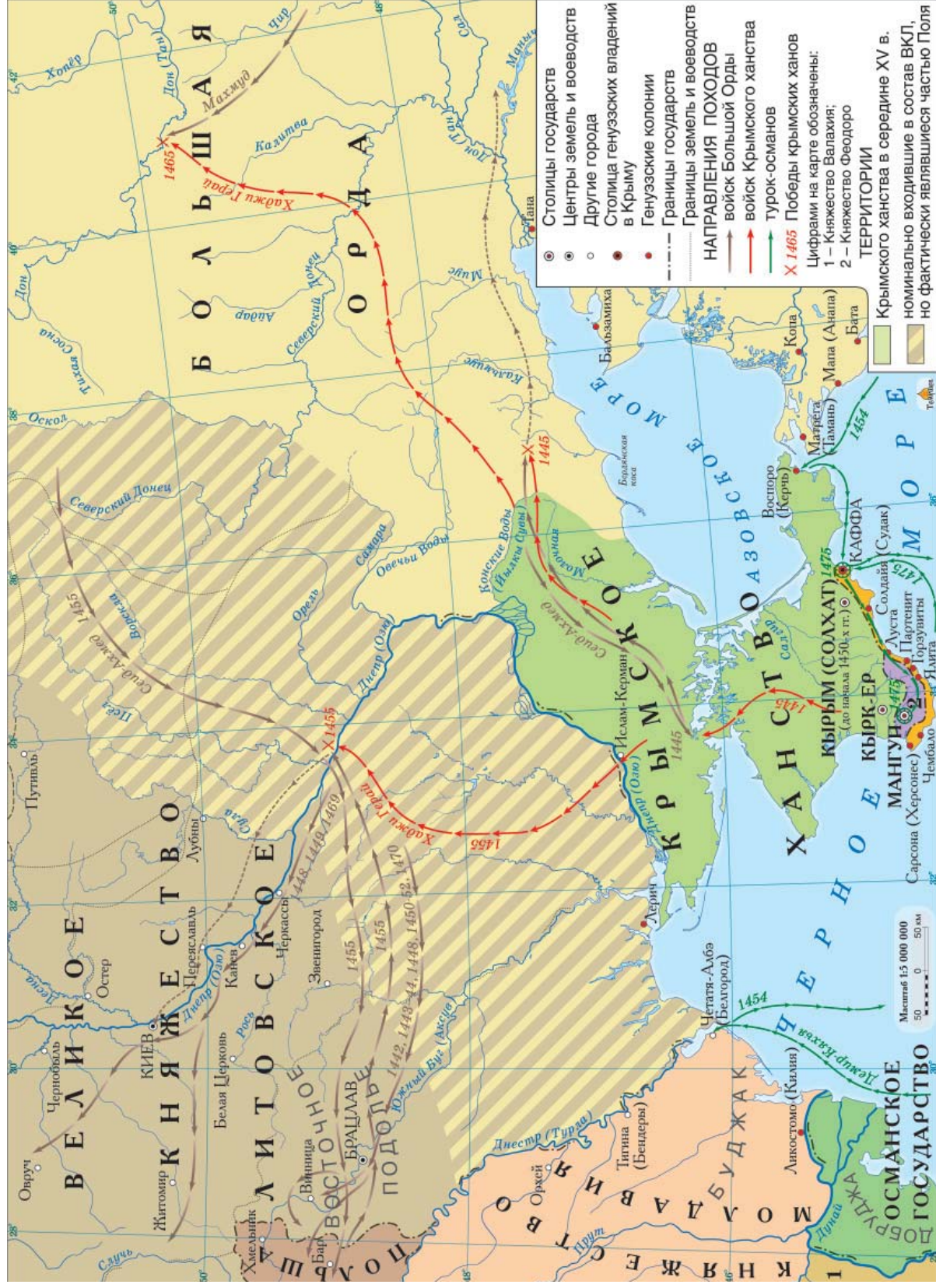
Формат 84x108 1/16.

Гарнитура Times. Печать офсетная. Усл. печ. л. 107,52.

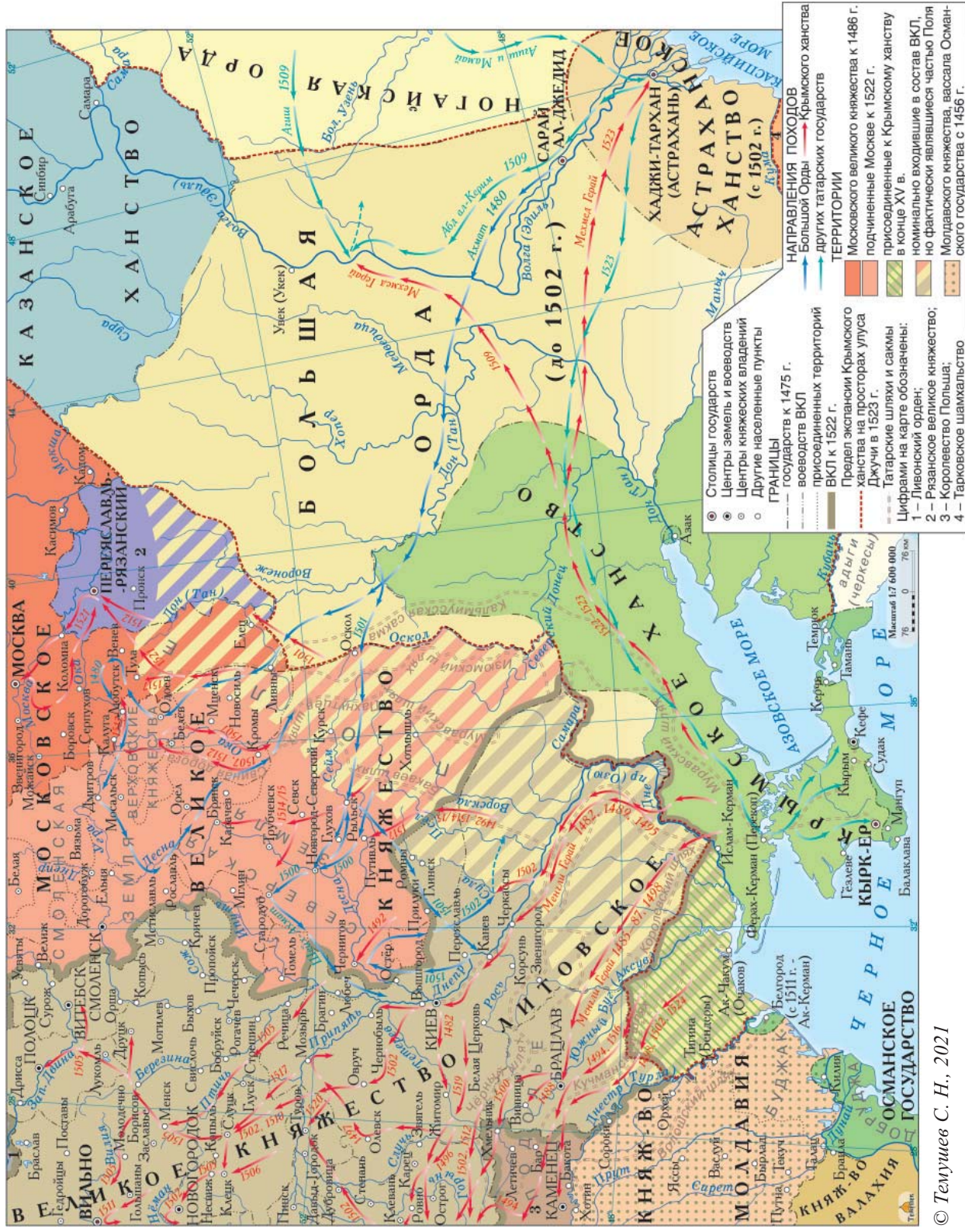
Тираж 1000 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Фолиант»
г. Казань, ул. Профсоюзная, 17в
Тел.: (843) 212-52-25; e-mail: foliantkazan@mail.ru

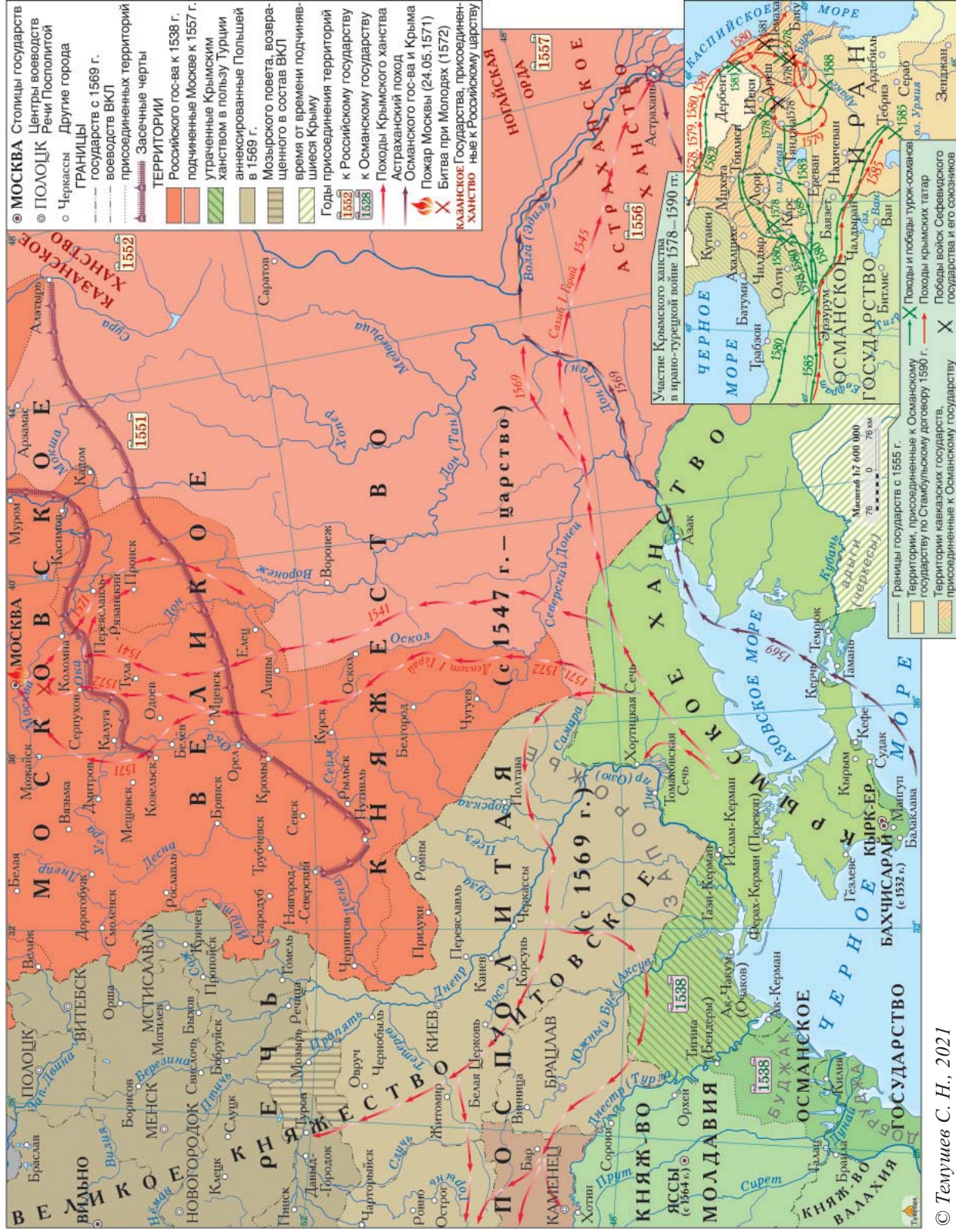
Крымское ханство в 1441–1475 гг.

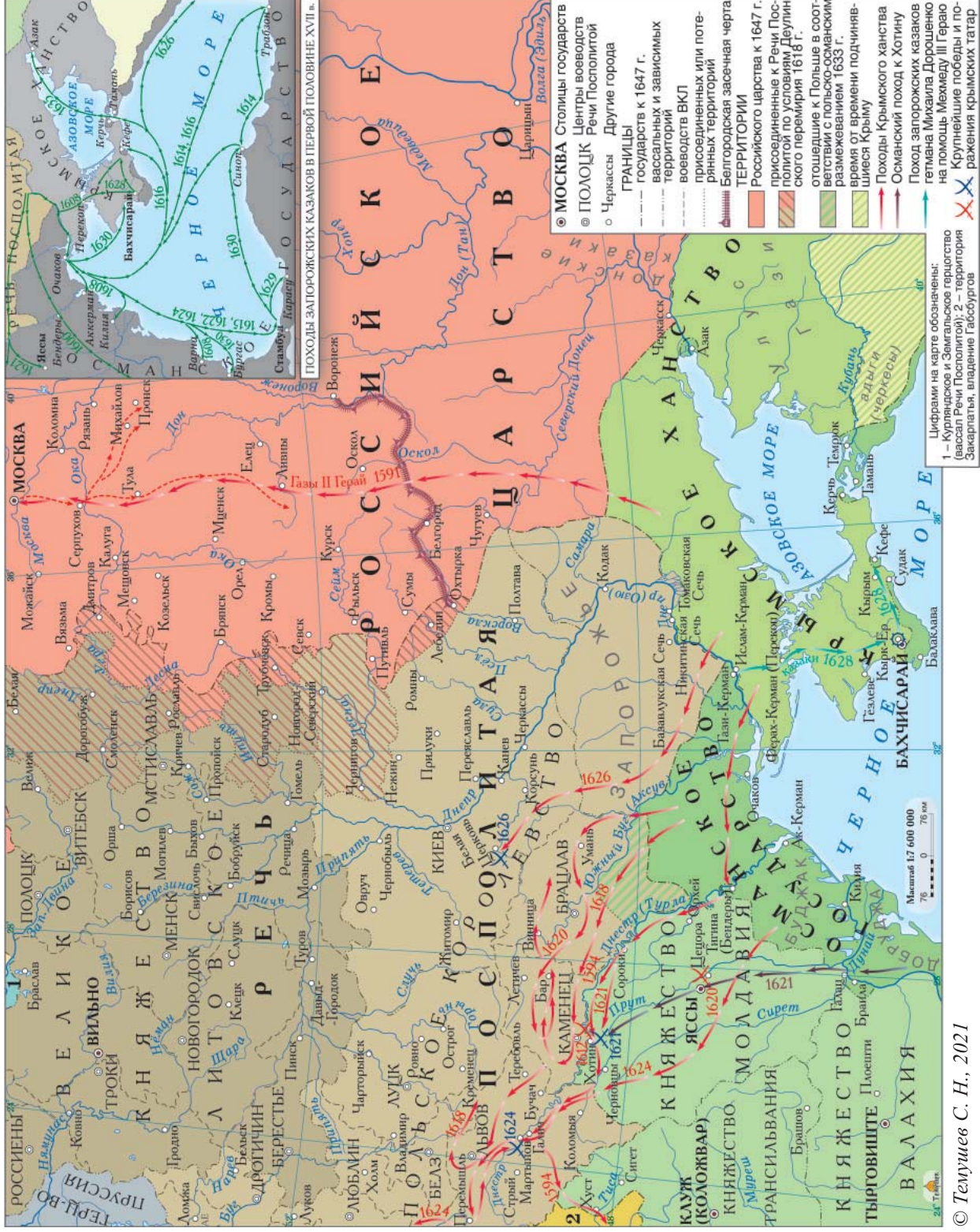
Крымское ханство в 1475–1523 гг.

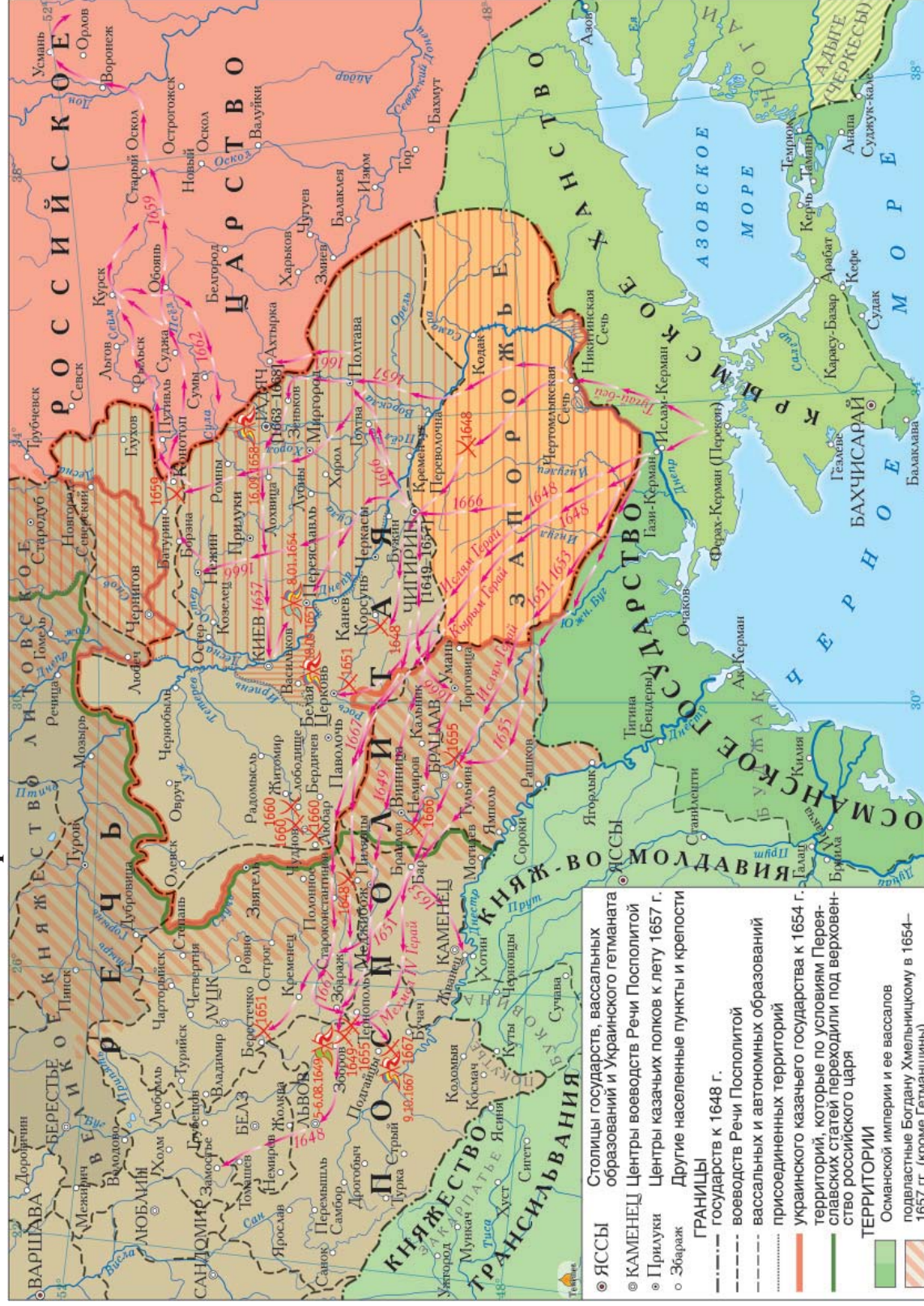
Крымское ханство в 1523–1588 гг.

Крымское ханство в 1588–1647 гг.

Крымское ханство в 1648–1667 гг.

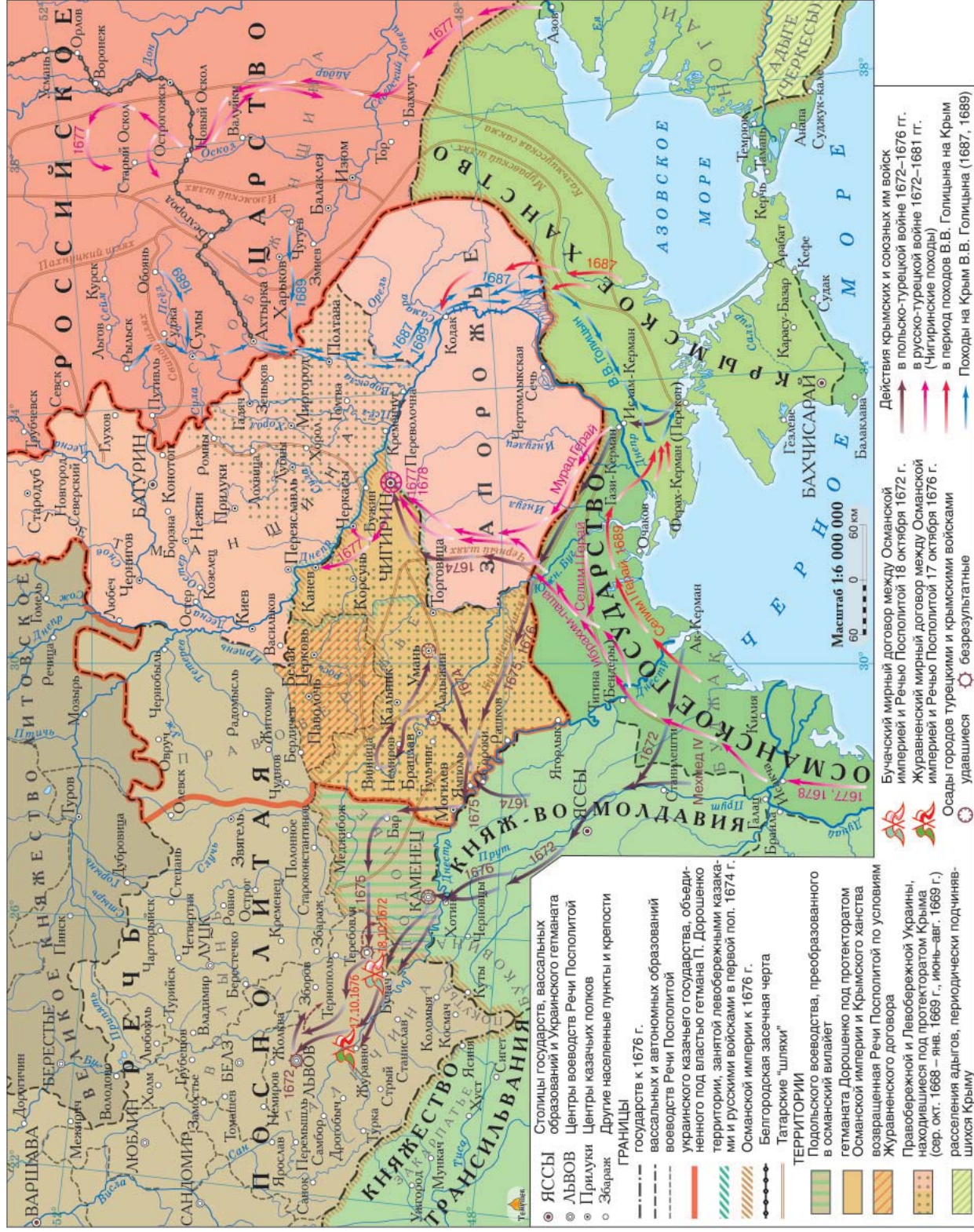
© Темушев С. Н., 2021

Масштаб 1:6 000 000
60 0 60 км

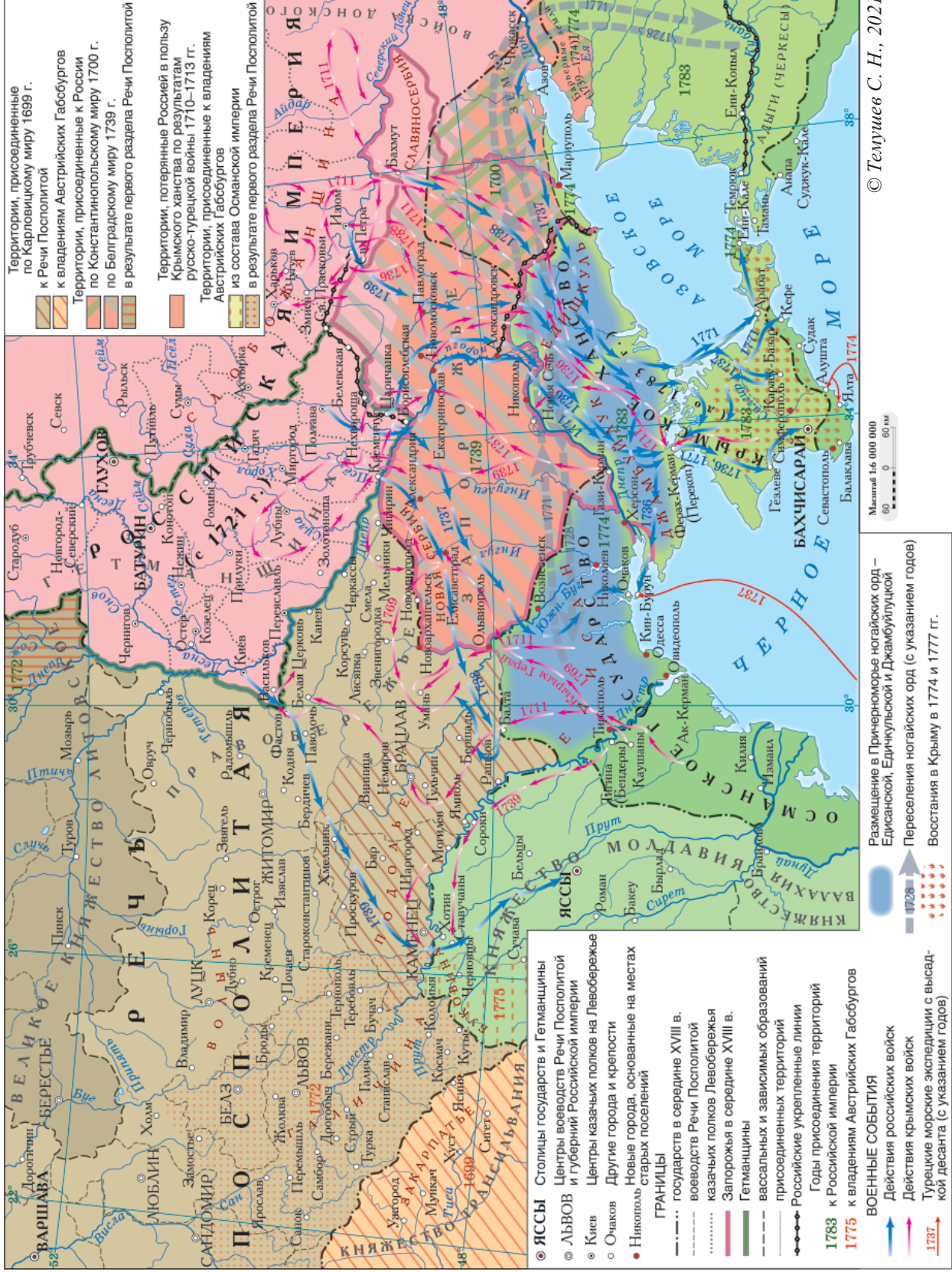
- ЯССЫ Столицы государств, вассальных образований и Украинского гетманата
- КАМЕНЕЦ Центры воеводств Речи Посполитой
- Прилуки Центры казачьих полков к лету 1657 г.
- Забражк Другие населенные пункты и крепости
- ГРАНИЦЫ
 - государств к 1648 г.
 - воеводств Речи Посполитой
 - вассальных и автономных образований
 - присоединенных территорий
 - украинского казачьего государства к 1654 г.
 - территорий, которые по условиям Переяславских статей переходили под верховенство российского царя
- ТЕРРИТОРИИ
 - Османской империи и ее вассалов
 - подвластные Богдану Хмельницкому в 1654–1657 гг. (кроме Гетманщины)
 - присоединенные к России по условиям Андрусовского перемирия
 - района Киева, окончательно присоединенного к России в 1686 г.
 - расселения адыгов, периодически подчинившихся Крыму

- Важнейшие межгосударственные соглашения
- Крупнейшие сражения с участием крымских татар
- Направления походов и набегов крымских татар

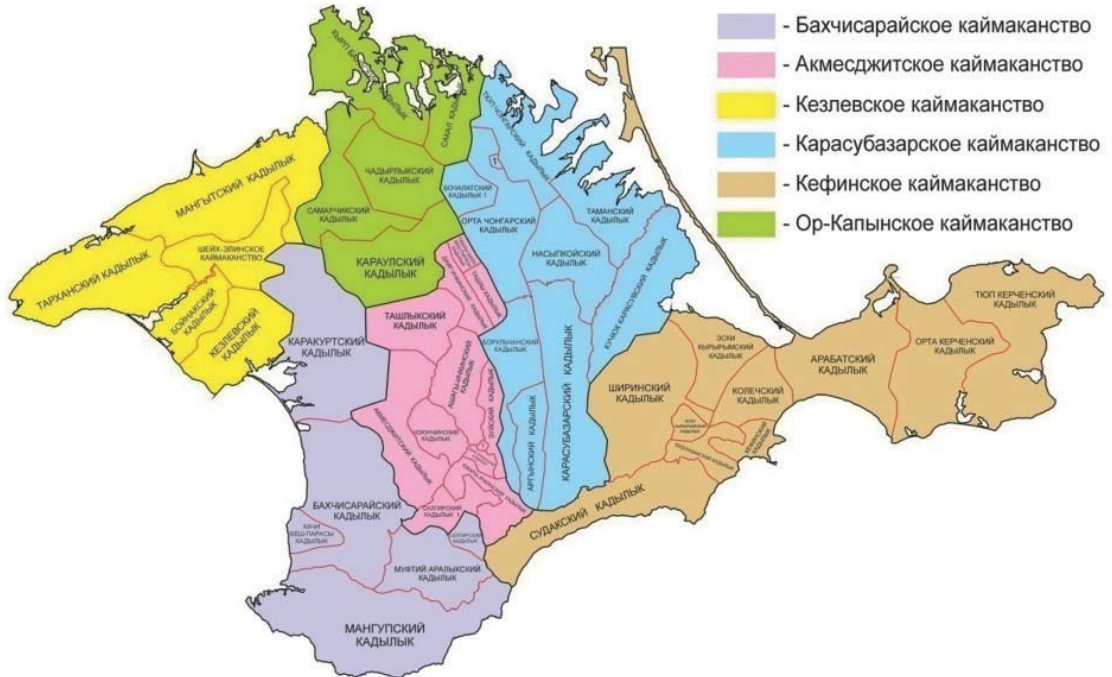
Крымское ханство в 1668–1689 гг.

Крымское ханство в 1700–1783 гг.

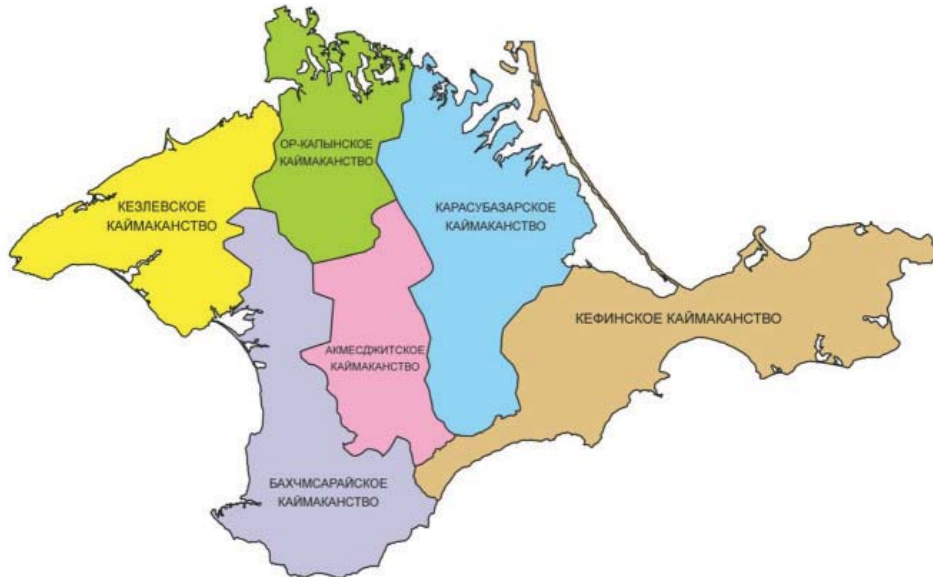

Административно-территориальное деление Крыма (1784 г.): каймаканства и кадылыки по данным Камерального описания Крыма (Ф. Лашков)

Карта каймаканств и кадылыков за 1784 г.: по данным Камерального описания Крыма (Ф. Лашков), составитель – Риза Абдужемилев

Административно-территориальное деление Крыма (1784 г.): каймаканства по данным Камерального описания Крыма (Ф. Лашков)

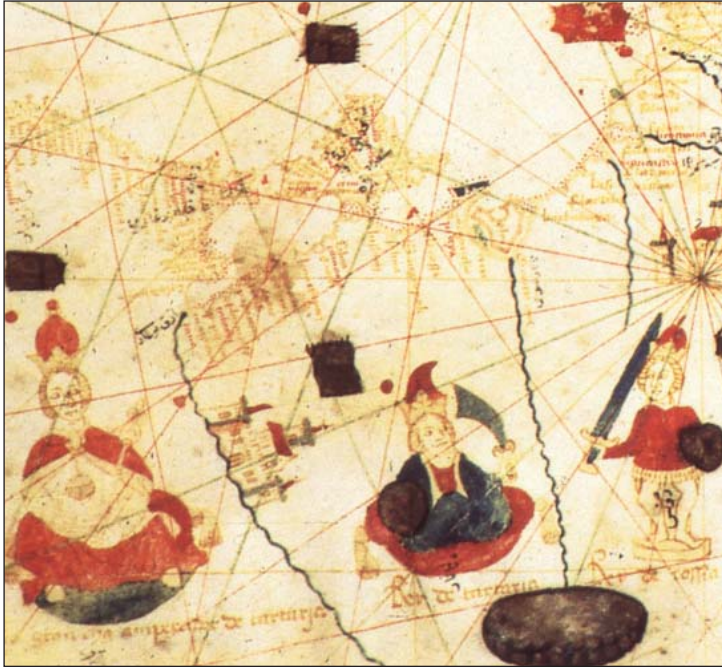
Карта каймаканств за 1784 г.: по данным Камерального описания Крыма (Ф. Лашков), составитель – Риза Абдужемилев

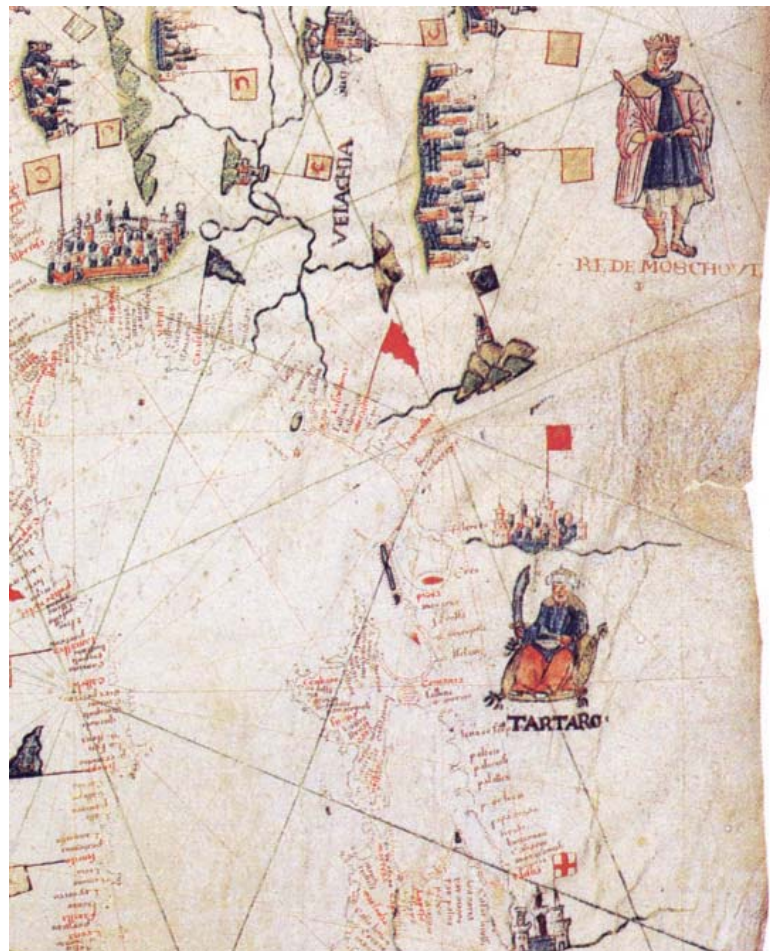
Карта Карасубазарского каймаканства за 1784 г.: по данным Камерального описания Крыма (Ф. Лашков), составитель – Риза Абдужемилев

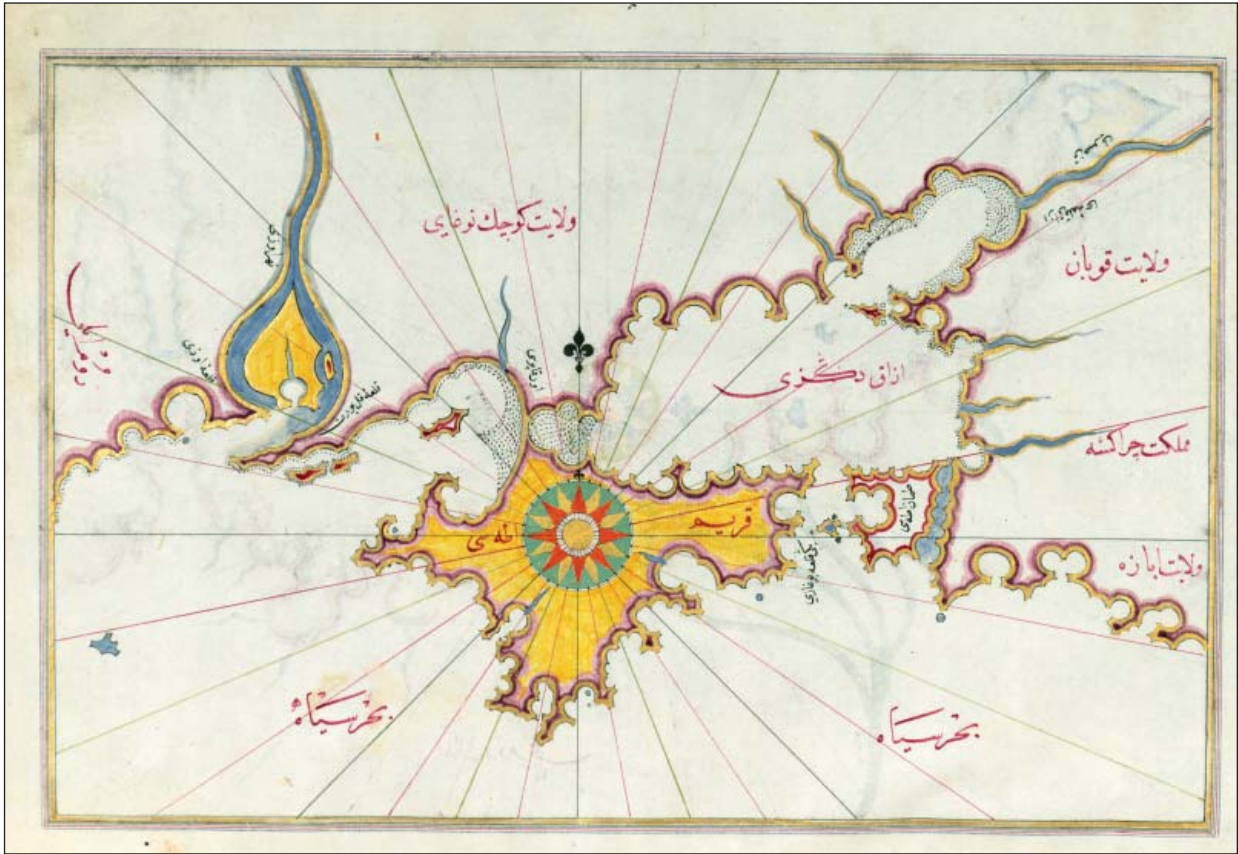
Карта каддылков Карасубазарского каймаканства за 1784 г.: по данным Камерального описания Крыма (Ф. Лашков), составитель – Риза Абдужемилев

Фрагмент морской
карты-портолана 1482 г.
Хайме Бертрана.

Фрагмент портолана
Джакомо де Маджоло
(третья четверть XVI в.)

Карта Крыма и части Северного Причерноморья из морского атласа Бахрие.
Пири Реис, около 1520 г.

Фрагмент «Новейшей и наиболее верной карты Всей России, называемой также всюду Московией». Юст Данкертс. Амстердам. 1680 г.

«Таврика Херсонесская...». Герард Меркатор, 1595 г.

«Карта, изготовленная на научной основе, демонстрирует страны, населённые такими народами, как Турки, Тартары, Венгры, Поляки, Шведы и Московиты... Никола де Фер, в Париже в 1711 г.»

Морская карта
Понта Эвксинского.
Отпечатана у Ренье
и Йошуа Оттенсов
в Амстердаме в 1745 г.
Основой данной карты
послужила морская
карта Ван Кейлена.

«Карта Крыма,
изготовленная во время
войны 1772 г. Посвящена
карта его Королевско-
му Высочеству принцу
Генриху Прусскому,
брату Короля. Ян-Ген-
рих Кинсберген, кавалер
ордена Святого Георгия
de Russie. Гравер Даниэль
Бергер. Берлин.
18 января 1776».

Баязид II принимает крымского хана Менгли Герая в 1484 г.
Миниатюра «Хюнер-наме» Сейида Локмана

*Хан Менгли Герай и крымскотатарская свита во дворце Топкапы в 1484 г.
Миниатюра «Хюнер-наме» Сейида Локмана*

Сулейман Кануни принимает крымского хана Девлет Герая (1551-1577).
Миниатюра «Сулейман-наме»

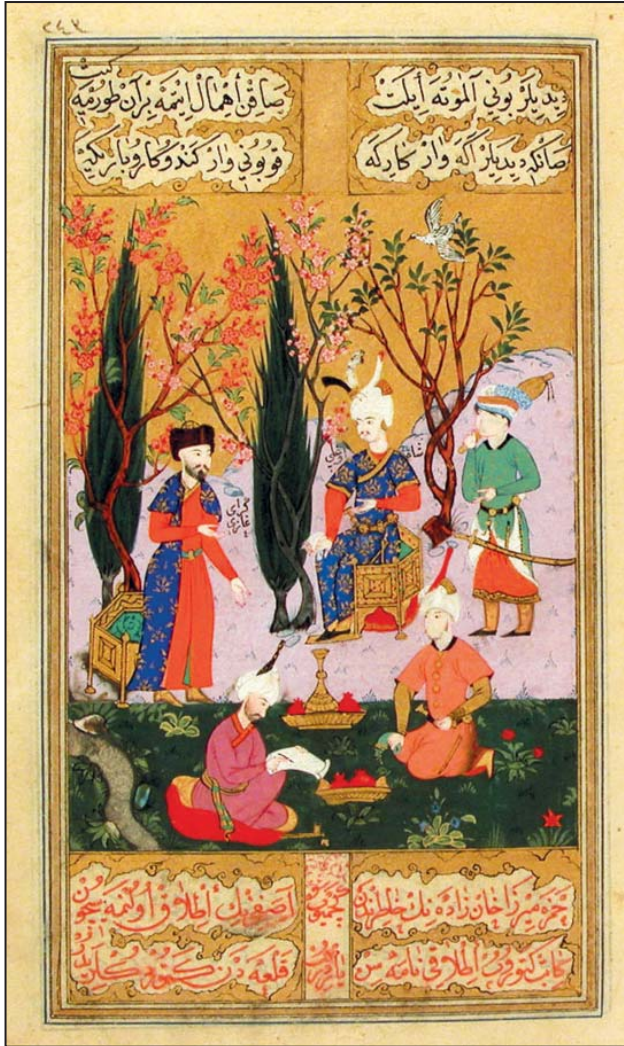
Мухаммед Герай II переправляется с крымскими и османскими войсками через Дунай в 1566 г.
Миниатюра «Сулейман-наме» Локмана ал-Ашури (1579 г.)

*Гази Герай и османское войско Мехмеда III.
Миниатюра «Шах-наме» Субхи-челеби Талики-заде*

*Гази Герай и османское войско Мехмеда III.
Миниатюра «Шах-наме» Субхи-челеби Талики-заде*

Гази Герай и шах-оглу.
 Миниатюра из «Шеджаат-наме»
 Асафи Дал Мехмеда-челеби (1586)

Ислам Герай принимает
 Оздемироглу Османа-пашу и капудан-пашу
 Миниатюра из «Шеджаат-наме»
 Асафи Дал Мехмеда-челеби (1586)

Алт Герай и Осман-паша Оздемироглу.
 Миниатюра из «Шеджаат-наме» Асафи
 Дал Мехмеда-челеби (1586)

Гази Герай и шах-оглу.
 Миниатюра из «Шеджаат-наме»
 Асафи Дал Мехмеда-челеби (1586)

Гази Герай. Миниатюра из «Шеджаат-наме» Асафи Дал Мехмеда-челеби (1586)

Tartarorum Rex a 1599 Alhierius Sultan. Европейская гравюра фламандца Доминикуса Кустоса (1560-1612).

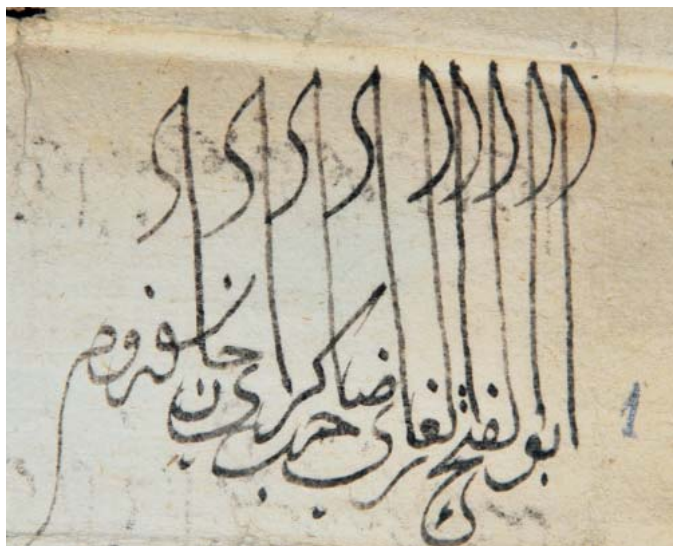
Хан Адиль Герай. Гравированный портрет австрийца Морица (Маурица) Ланга (1670-80-е гг.).

*Хан Адиль Герай. Портрет
из «Царского титулярника» (1672 г.).*

*Хан Шагин Герай. Портрет,
находившийся в Одесском музее
истории и древностей.*

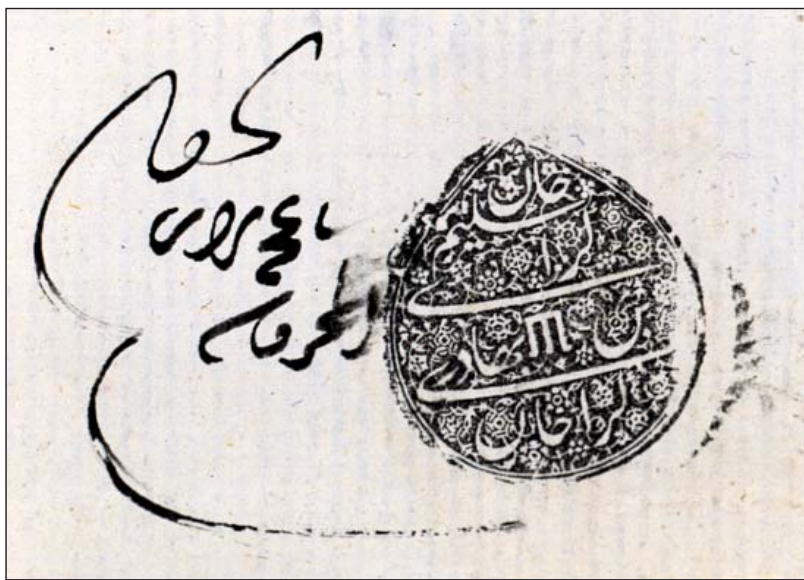
Тугра хана Сахиб-Герая (1549)

Тугра хана Шахин-Герая (1770-е годы)

Печать на известительном ярлыке хана Гази Герая к Борису, Бахчисарай, 1590 г. [Документы, 2017]

Печать на ярлыке-мухаббетнаме хана Селима Герая Алексею Михайловичу, Бахчисарай, 1672 г. [Документы, 2017]

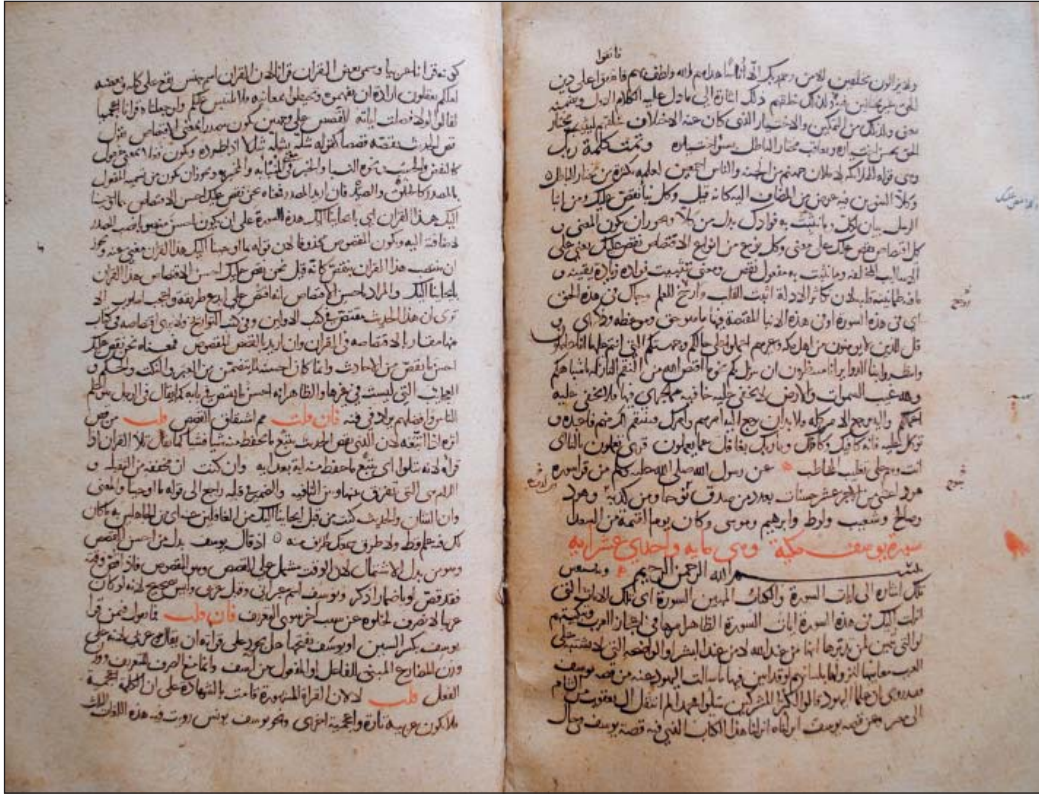
Фрагмент ярлыка-шертнаме хана Мурада Герая Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу, Бахчисарай, 1682 г. [Документы, 2017]

Коран,
переписанный
в память о
Хакиме-хатун,
1737 г.
(БИКАМЗ,
шифр К-103)

Коран.
Переписан
в Бахчисарае
в 1166/1753 г.
Масудом б. Хаджи
Али ю. Хаджи
Абдурахман
Кырьми
(БИКАМЗ,
шифр К-68)

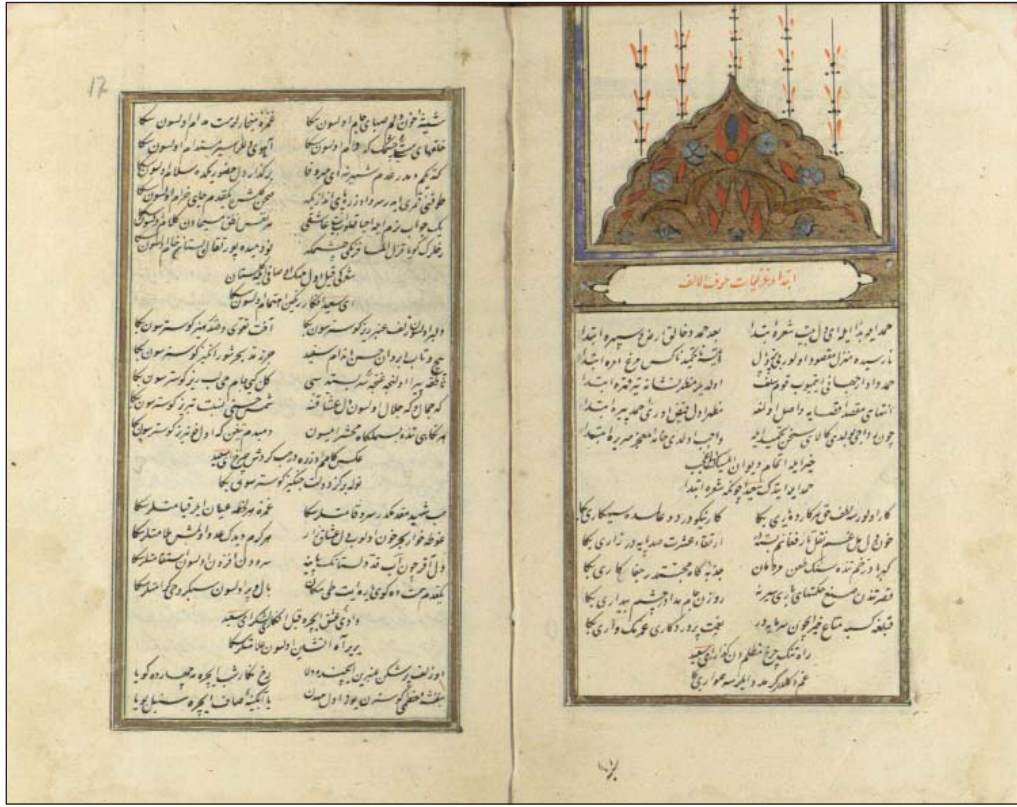
Тафсир Замахшари, переписанный зуль-хидджа 653 г. х. (январь 1253 г.).
Рукопись из собрания медресе Зынджирлы (БИКАМЗ, шифр К-42)

بِوَأْتِ الْأَرْضَ بِكَ كَيْدًا أَنْعَمَ رَبِّي بِمَا كُنْتَ فِيهِ سَيِّئًا
إِنَّمَا اسْتَكْبَرُوا بِنبي أوتيه بادشاها غلغله دايكر كدر فاسم آيتي ديت سيلا
اليدوك بيه آيت تمام بيك آي بادشاها خلق سوش جوقد بر فخم
مفسر آيت بل بويانك معني اولدركم قدر و ننه بر ابو عمل
بيك ايوه بركدر كم آنده قدر و ديف اولد بجا ايتد اولدو
اجنه فرشته سكا سلام و برد و ج بيك ايجن سكا سلام و برد
كند بركدر نتك ايتد **سُرُّدُ اللّٰهِ تَلَاةٌ وَالرَّحْمٰنُ فِيهَا بَايُزُنْ رَقِيْمٌ**
سُبْحٰنَكَ اَيُّهَا الَّذِي سَمِعَ نَجْوٰى ابْنِ مَرْيَمَ عِنْدَ الصَّلٰوةِ لِيَسْمِعَ مِنْهَا مَن يَشَاءُ
فَمَا يَشَاءُ اِلَّا عِلْمٌ عِنْدَ رَبِّهِ قدر و ديف اجنه قومو فرشته
فرشته و نجي رنج بويوز بيه انر تكرب دستو بيلم هر بر اش
ايش اجوه موشن سلام و بيه لر اخشامره فارته كوه دوشنجه
اولد ايش اورز رينه اولو السَّلَامُ عَلَيْكَ يَا مَوْصِيْعُ دِر لِر تَتَمَّ فَعَم
تمت الكتاب بحون الله الملك الوهاب في ماه رمضان في يوم پرشبه في و شهر
في و منه فرتم كراي خاه كتبه المحفور الفقير اليه ابوبن احمد خديعة غفر الله
سنة ثلث و شامون و ما و اولف ناريسه سنه ١١٧٤
النجوه جكسر بويولد زمت ديه كرم بويوز باناه حوت
هكر ديه لر سرت سوت فازنه فاتحه اوقويه بويوز بازانف
بازيه بازيه حط بوزم روزگار بوع اولوكم بازيه قلسه با دكار

Рукопись тафсира Абу-л-Бека Кефези (ум. в 1095/1684 г.) «Подарок шахов». Переписчик Эйуб б. Ахмед. Дата переписки рамазан 1173 г.х. (апрель-май 1760 г.) «во время хана Кырым-Гирея» (ЯИЛМ, КП 12079)

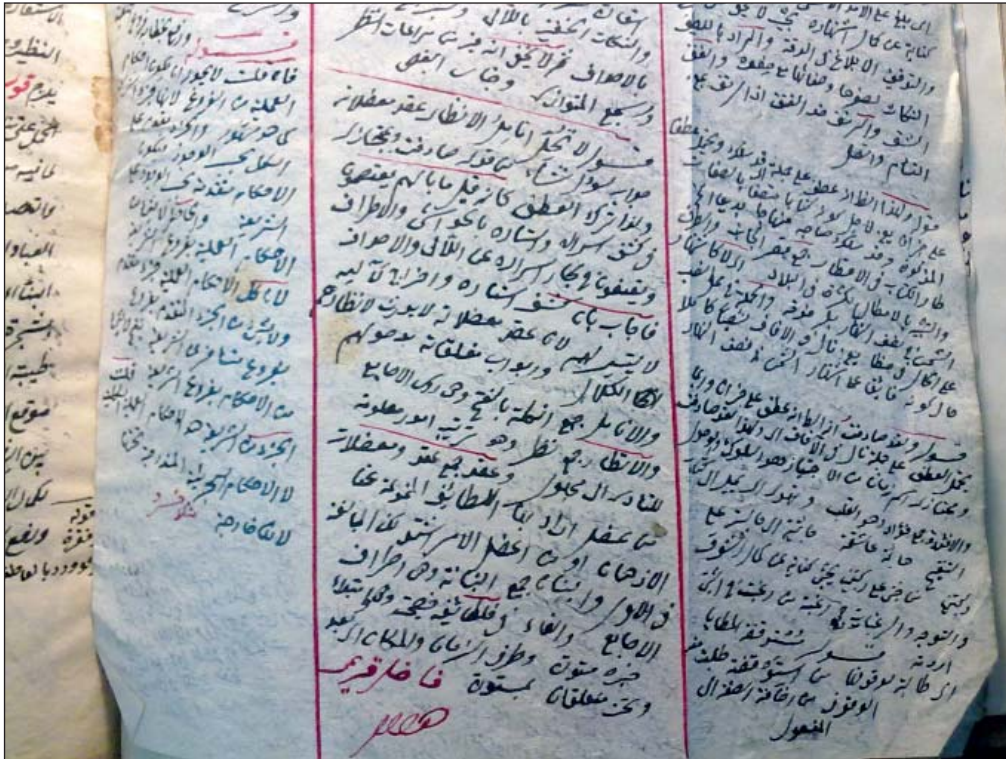

Мустафа Мюдами
(XVI в). Диван. – İstanbul
Üniversitesi Nadir Eserler
Kütüphanesi. No.: T-5520.

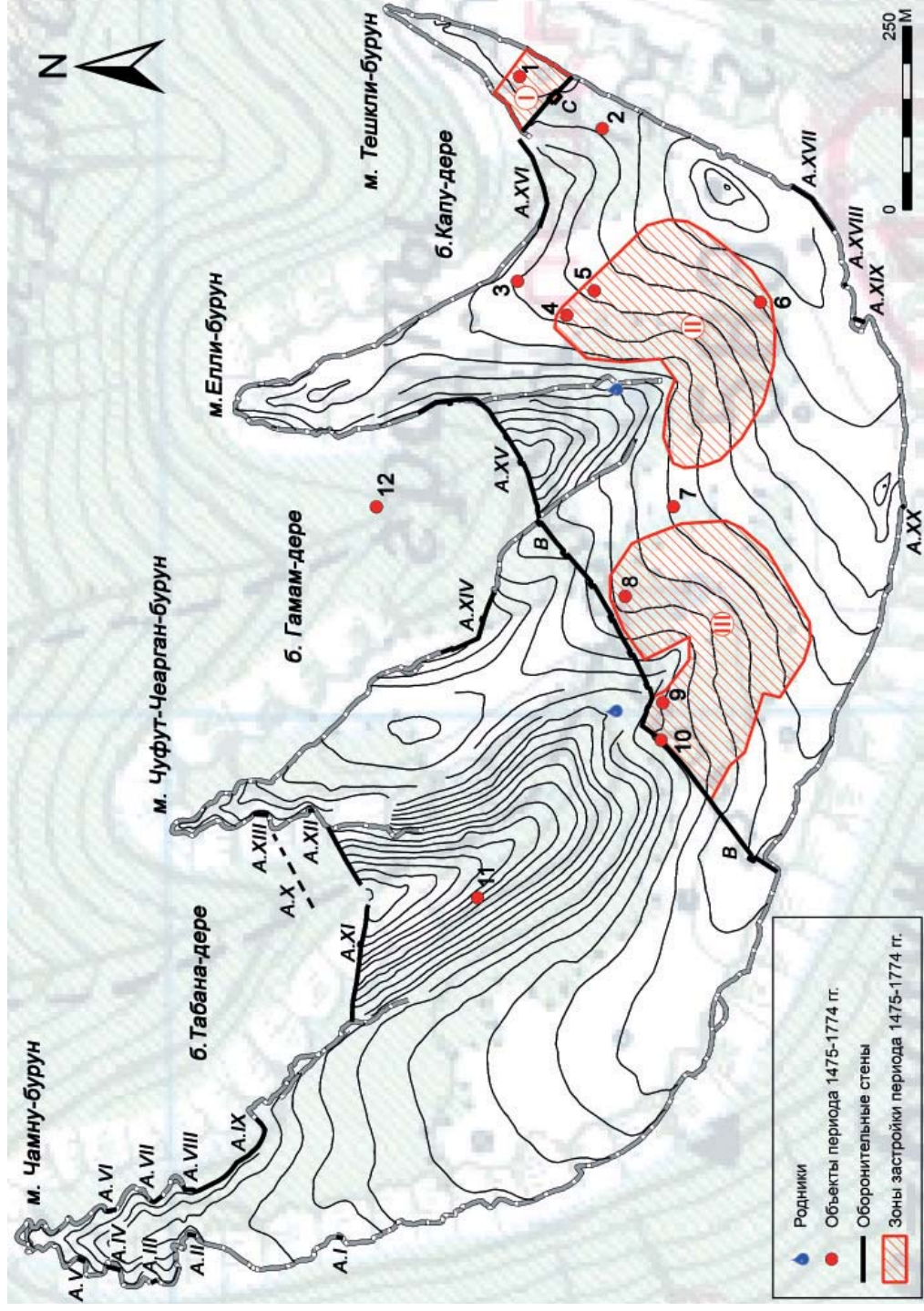

Саид Герай.
Диван. – [Saïd
Giray b. Saadet
Giray Han.] Divan.
Ankara İl Halk Kth.
Eski Eserler Kısmı.
№ 933.

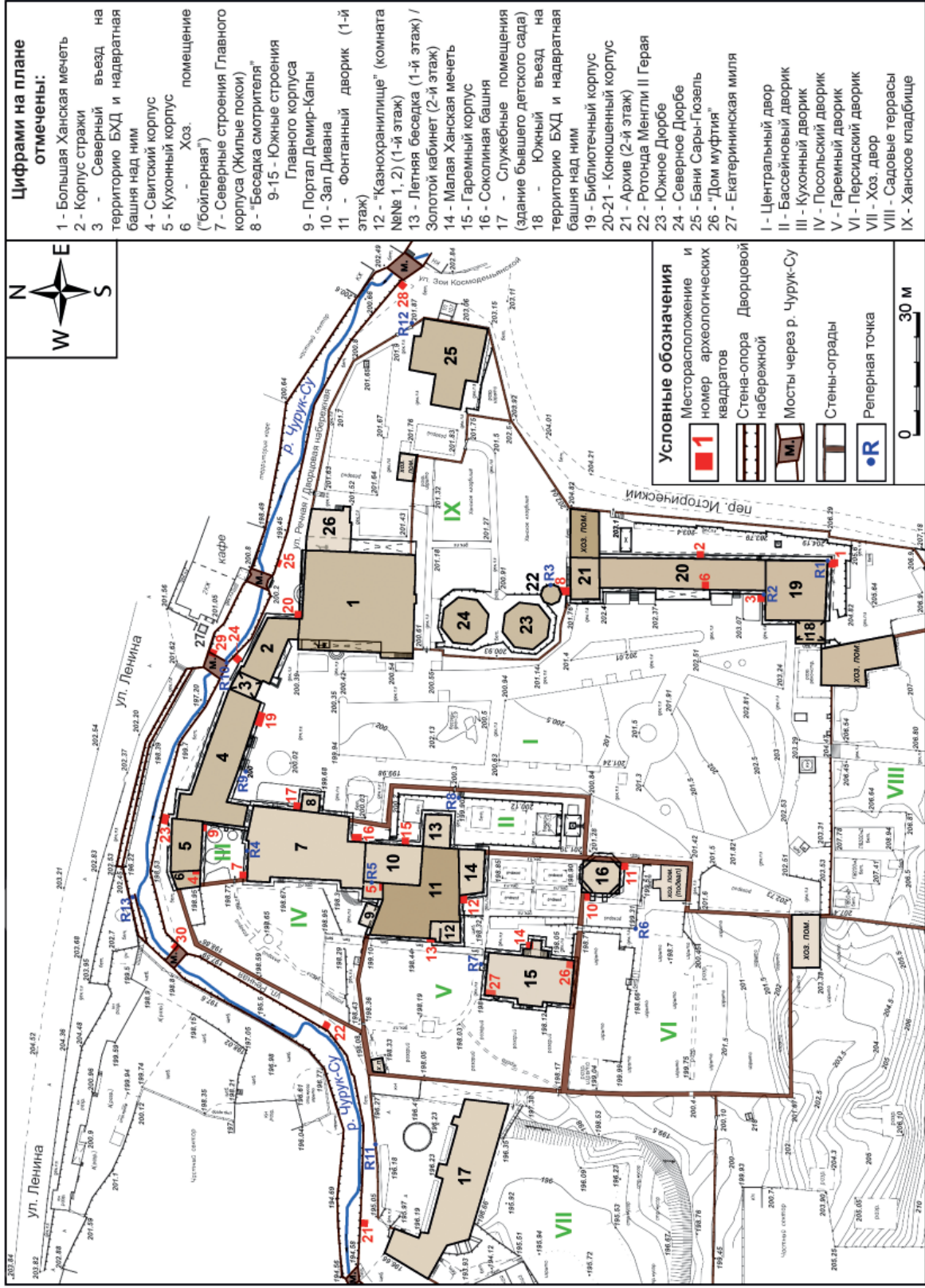
Полемика между
Ахмадом
аль-Кырыми
и Муллою
Хосровым
(коллекция
Принстонского
университета)

Шарх
на «Мифтах
аль-Гайб»
Ахмада
аль-Кырыми

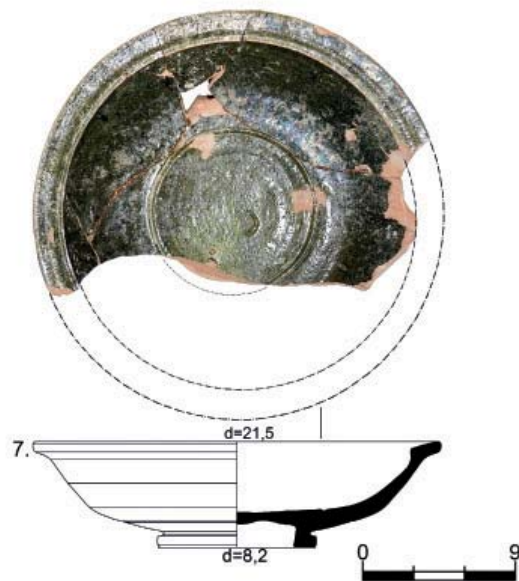
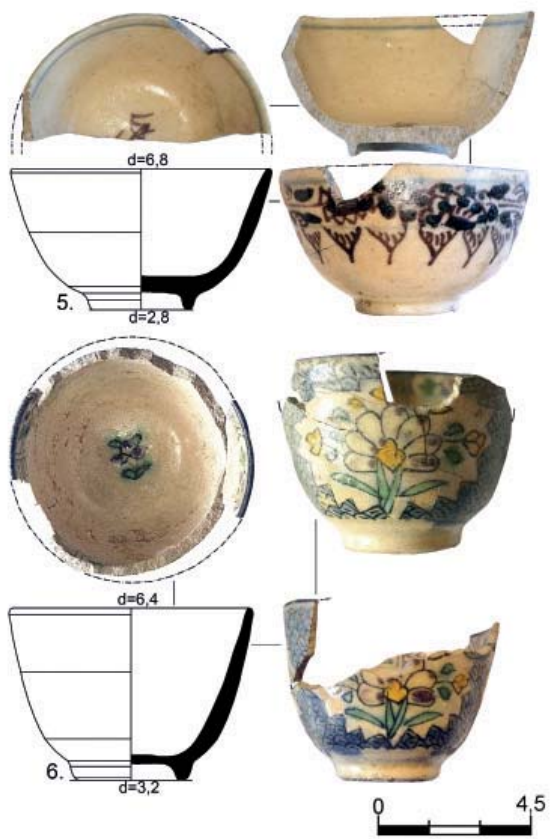
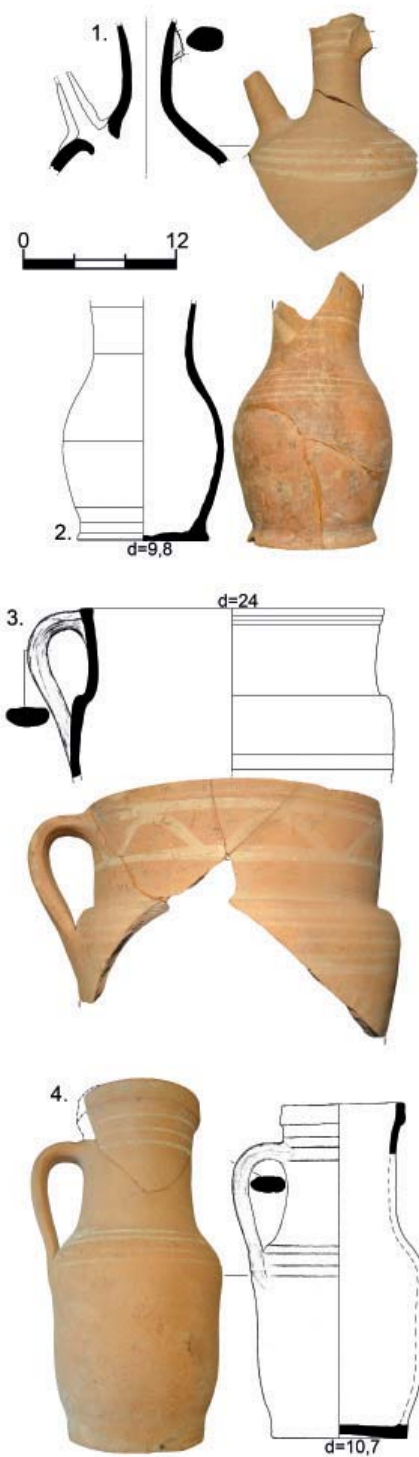
Археологическая карта Мангунского городища периода 1475–1774 г.г.: А. I–XX – укрепления Главной (Внешней) линии обороны крепости; В – Вторая (Внутренняя) линия обороны; С – цитадель; Г – мусульманский квартал XVI–XVII вв. у тыльной стороны цитадели; II – мусульманский квартал XVII–XVIII вв. в верховьях балки Гамам-Дере; III – иудейский квартал XVI–XVIII вв. в верховьях балки Табана-Дере; 1 – мечеть на месте октагонального христианского храма XV в.; 2 – Главная (Джами) мечеть крепости; 3 – церковь св. Георгия; 4 – мусульманский некрополь XVII–XVIII вв.; 5 – мечеть (?) на месте «церкви 1969 г.»; 6 – церковь св. Константина; 7 – дворец 1425–1475 г.г.; 8 – Большая трехнефная базилика; 9 – мечеть (?); 9 – Большая (Джами) мечеть крепости; 3 – церковь – начала XVIII вв.; 11 – караимский некрополь; 10 – «городская свалка» второй половины XVIII в. Е. Науменко и А. А. Душенко).

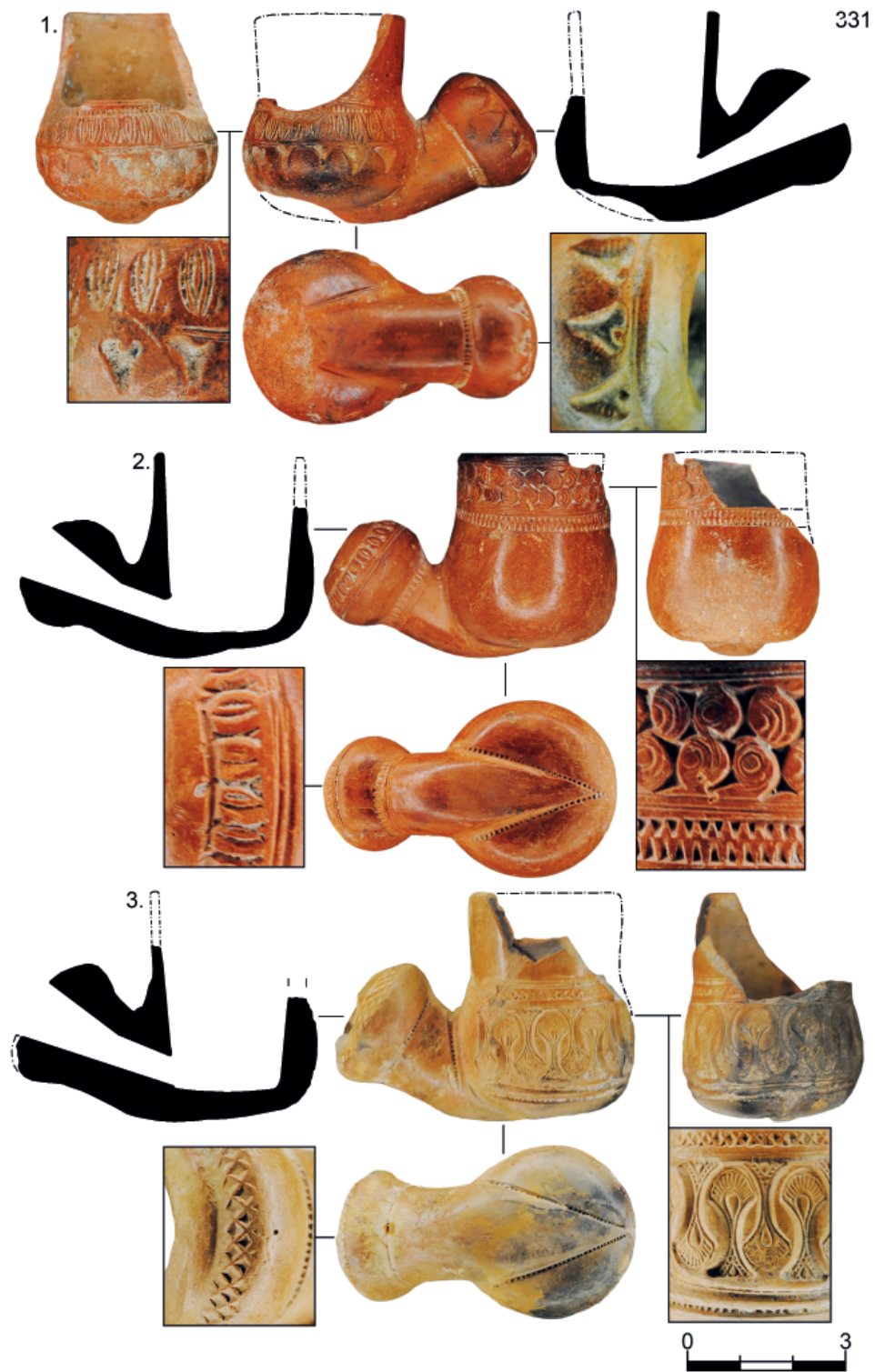
Общий план Бахчисарайского Ханского дворца с указанием объектов археологических исследований 2018–2019 гг. (по: Науменко, Герцен, Ганцев, 2020, с. 106, рис. 1).

Бахчисарайский Ханский дворец. Раскопки 2018–2019 гг. Османский фаянс группы «Iznik Ware» из археологического комплекса второй половины XVI – первой половины XVII вв. на месте современного Гаремного корпуса (публикуется впервые).

Бахчисарайский Ханский дворец. Раскопки 2018–2019 гг. Светский корпус. Хозяйственная яма № 5 (около 1750–1775 гг.). Заполнение. Образцы бытовой керамики с росписью линиями светлого ангоба (1–4), османского фаянса группы «Kütahya Ware» (5–6), глазурированной посуды группы «Monochrome (Green) Glazed Ware» (группа «Крым») (7) (публикуются впервые).

Бахчисарайский Ханский дворец. Раскопки 2018–2019 гг. Свитский корпус. Хозяйственная яма № 5 (около 1750–1775 гг.). Заполнение. Образцы османских курительных трубок (публикуются впервые).

Бахчисарайский Ханский дворец. Раскопки 2018–2019 гг. Золотой перстень с именем «Кая (или Кыйа)-султан», дочери хана Селим Герая II (1743–1748), из слоя разрушения постройки конца XVII – начала XVIII вв. на месте Соколиной башни (чтение надписи И. В. Зайцева; публикуется впервые).

Монета Хаджи Герая, монетный двор Крым. 845 г. х. Акче

Монета Менгли Герая, монетный двор Кырк-Йер. 882 г. х.

Монета Хаджи Герая, монетный двор Кырк-Йер. 867 г. х.

Монета Сахиба Герая I, монетный двор Кырк-Йер. 941 г. х.

*Алтын хороз – Золотой петушок.
Знак матери хана, распорядительницы гарема.
Из Фондов БИКАМЗ. (Предмет утрачен
в годы ВОВ).*

Блюдо с именем Каплан Герая. Из Фондов БИКАМЗ.

*Алтын чичек – Золотой цветок.
Ювелирное украшение ханской дочери
или первой жены. Из Фондов БИКАМЗ.
(Предмет утрачен в годы ВОВ).*

Шлем, кольчуга, рукавицы и нарукавники Сахиб Герая II сына Ахмед Герая (1771–1775 гг.)
(Из частной коллекции <<https://www.icollector.com/item.aspx?i=15525520>>)

Татарский Хан / Tartar-Cham
 Jakob Koppmayer, [Augsburg] 1669, Einbl. XI, 789
 [Münchener Digitalisierungs Zentrum Digitale Bibliothek]

Кремневое ружье с надписью:
«Владелец хан Бахт(ы) Герай
сын хана Кырыма Герая». XVIII в.
(БИКАМЗ № КП 1157/080)

Копье (дротик) Тохтамыш-Герая
сына Менгли Герая II, 20-е–40-е гг. XVIII в.,
(ГИМ, Москва)

*Колчан. Подарен ханом Джанибек
Гераем царю Михаилу Федоровичу.
Нач. XVII в.
(сафьян, бархат, золотое шитье)
Музеи Московского Кремля,
инв. № ОР-4479/1-2*

MYRSA ALIGERI FILL MAG CHAN TARTAR CRIMENS EORUO IN HUNGAR DUCTOR.

Dieser Junge Tartar Chan thut die besten Commandiren die mit mensche Wolkes mit unter Menschenstürmen fuhren
 fressen Fleisch von Schindergäulen Ras des Diebes so verrecht Und verchre Leute metlen Kinder wie Obli eingesagt
 Weibes bilder schleiffen fort Rauben Dramen Land verheeren Sichen wie das scheue Wild wo sie Pulwei knallen hören
 sende Chuten Mahren zaiget so verubt die wüste Rott! Auf O Land volck werde munder! Schmeiß die tammnen Hände todt!

Zu finden in Nurnberg bei Jacob Sandrart Kupfferscheider

Мырза Али Герай / Myrsa Aligeri
 Sigmund von Birken & Sandrart, Jakob von [k.], Nurnberg 1664, Einbl. V,9 da
 [Münchener Digitalisierungs Zentrum Digitale Bibliothek]

Схематичный план Бахчисарайского дворца. Клеман (1769 г.)

Дж. Кваренги. Бахчисарайский дворец (ок.1779 г.)

В.Петров. Бахчисарайский дворец (1790-е гг.)

Жак-Кристоф Мивиль. Крым. Бахчисарай. Ханский дворец (1816–1818)

*Северные ворота
и надвратная башня
в Ханском дворце.
г. Бахчисарай*

*Посольский дворик
в Ханском дворце. Бахчисарай*

*Портал Демир-Капу (Алевиза)
в Ханском дворце. г. Бахчисарай*

*Большая Ханская мечеть
в Ханском дворце.
г. Бахчисарай*

*Интерьер Гаремного корпуса
в Ханском дворце. г. Бахчисарай*

*Вид на Золотой кабинет.
Ханский дворец. г. Бахчисарай*

*Зал Дивана
в Ханском
дворце.
г. Бахчисарай*

*Дворцовая площадь
в Ханском дворце.
г. Бахчисарай*

*Фонтан во дворе
Бахчисарайского дворца*

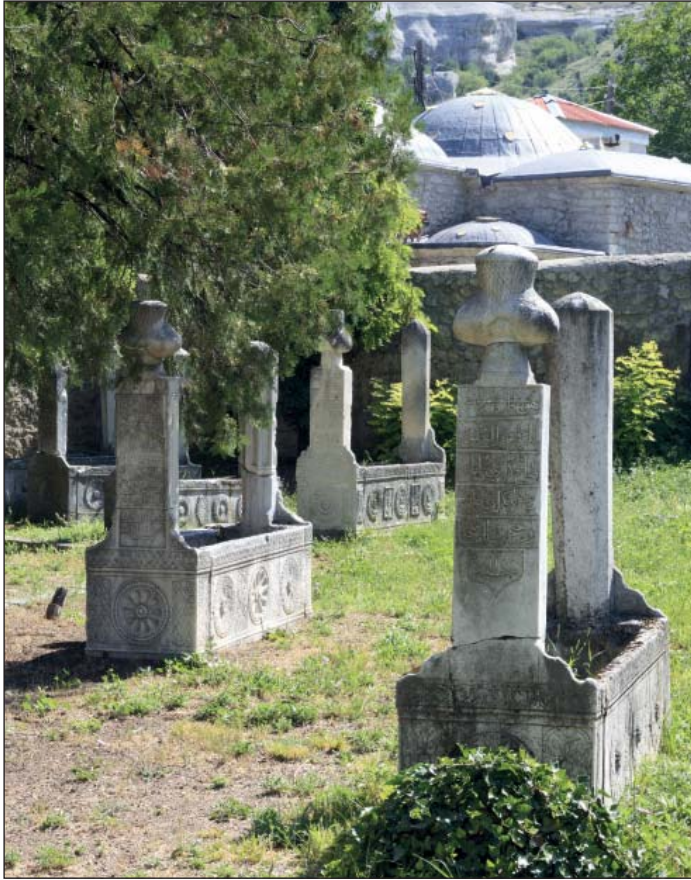
*Фонтан слез в Ханском дворце.
г. Бахчисарай*

Баня Сары-Гузель в Бахчисарае

*Фонтан XVII–XVIII вв. в Летней беседке
(Альгамбре) Бахчисарайского дворца*

Надмогильные памятники и дюрбе на кладбище при Бахчисарайском ханском дворце

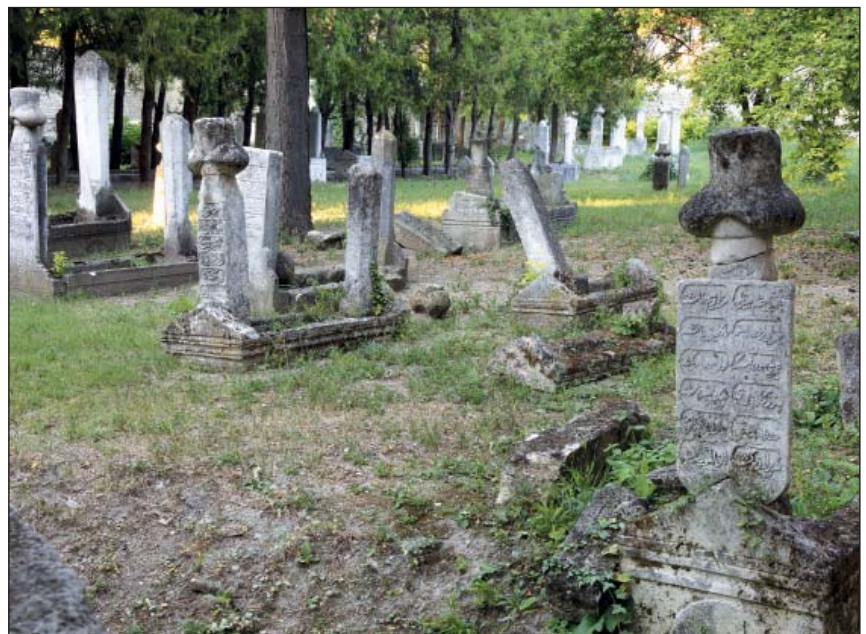
Поэтическая эпитафия на надмогильном памятнике крымскому хану Кырым Гераю. 1183/ 1769 г. Ханское кладбище при Бахчисарайском ханском дворце

Надпись на надмогильном памятнике крымскому хану Селиму Гераю II. 1161/1748 г. Ханское кладбище при Бахчисарайском ханском дворце

Поэтическая эпитафия на надмогильном памятнике нуреддину Азамату Гераю. 1102/ 1690-91 г. Мавзолей на территории Ханского кладбища при Бахчисарайском ханском дворце

Каллиграфическое панно на внешней стороне западной стены Большой Ханской мечети. XVIII в. Бахчисарайский ханский дворец

Надписи на портале «Демир-Капы». 909/1503-04 г.
Бахчисарайский ханский дворец

Фрагмент оформления
внутренних покоев дворца

Витражи Хан-Джами

Фрагмент надписи, датированной 942/1535-36 г.
и находившейся над входом во дворец Менгли Герая I
в Салачике («Девлет-Сарай»). Ныне располагается
в арке внутреннего дворика Зынджирлы
медресе (Медресе Менгли Герая I) (Бахчисарай)

Табличка со стихотворной надписью над входом
в постоялый двор «Буюк таи-хан».
1065/1654-55 г., г. Карасубазар (Белогорск)

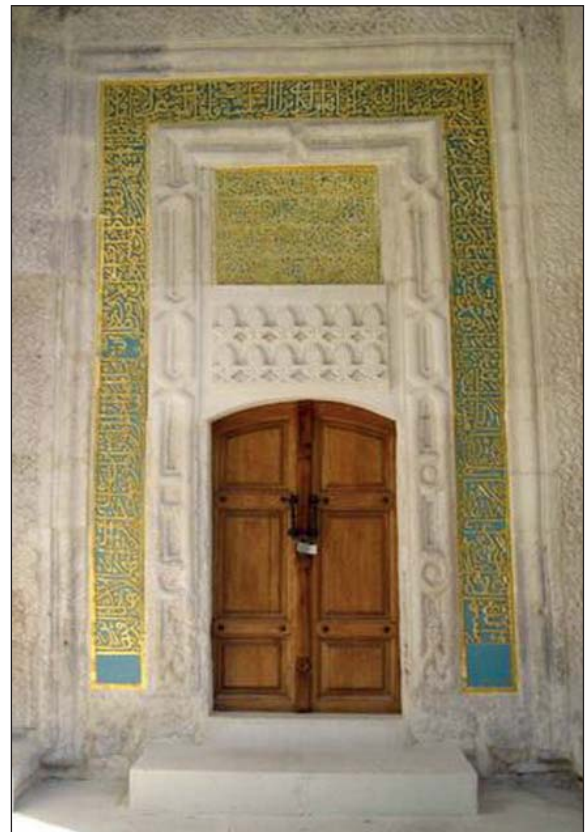
Табличка с надписью о воссоздании соборной мечети
«Кебир-Джами» в Акмесджите,
датированная 1153/ 1740-41 г.

*Мавзолей первых крымских ханов в Салачике.
г. Бахчисарай*

*Надпись над входом в мавзолей первых крымских ханов в Салачике (Бахчисарай). Месяц шевваль 907/
апрель-май 1502 г.*

Надпись над входом в Зынджирлы-медресе (Медресе Менгли Герая I). 906/1500-01 г.

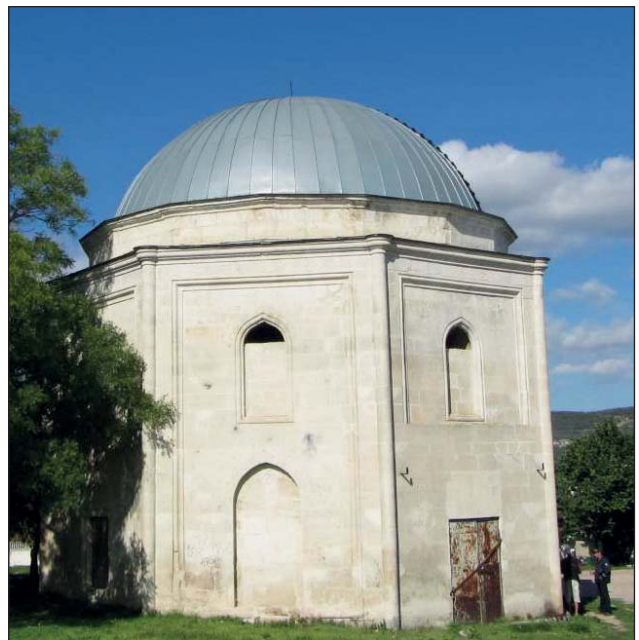
Зынджирлы-медресе. Салачик, Бахчисарай

Эски-дюрбе в Бахчисарае

Дюрбе Дильяры-бикеч в Бахчисарае

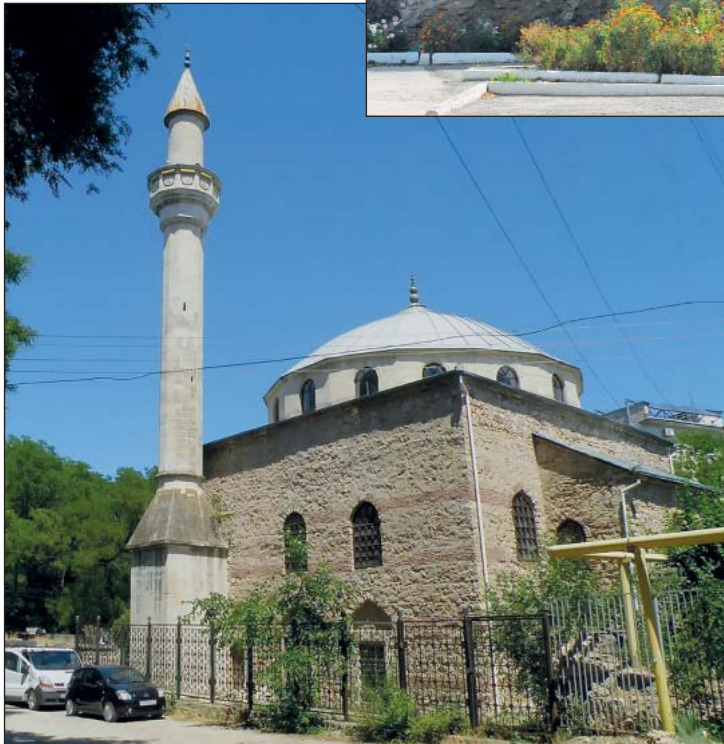
Дюрбе Мухаммед Герая II в Бахчисарае

*Мечеть Эски-Сарай
в с. Пионерское
Симферопольского
района*

*Караван-сарай "Таш-хан"
в г. Белогорск*

*Мечеть Муфти-джами
в г. Феодосия*

Мечеть Джума-джами в г. Евпатория

*Интерьер
мечети
Джума-джами
в Евпатории*